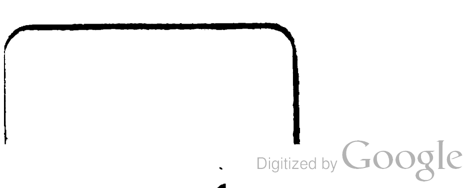
NYPL RESEARCH LIBRARIES
3 3433 07855438 7



ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ-ТРЕТІЙ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ

ЗАПИСКИ,

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

АНДРЕЕМЪ КРАЕВСКИМЪ

И

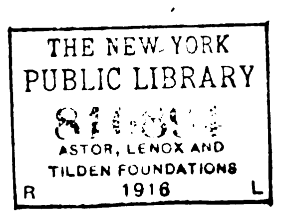
СТЕПАНОМЪ ДУДЫШКИНЫМЪ.

ТОМЪ CXXXV.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ И. И. ГЛАЗУНОВА И КОМП.

1861.



Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобъ по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 15 марта 1861 года.

Ценсоры П. Новосильскій и Ѳ. Рахманиновъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

СТО ТРИДЦАТЬ-ПЯТАГО ТОМА

ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

КРИТИКА.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

стр.

ОБЗОРЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА РОССІИ.

стр.

СМѢСЬ.

ПРИЛАГАЮТСЯ: *Три* парижскія картинки дамскихъ и мужскихъ модъ и объявленія 1) о новыхъ русскихъ книгахъ, продающихся въ книжномъ магазинѣ *Д. Е. Кожанчикова;* 2) о новыхъ французскихъ книгахъ, продающихся въ книжномъ магазинѣ г. *Дюфура;* 3) о вовыхъ музыкальныхъ сочиненіяхъ, продающихся въ музыкальномъ магазинѣ г. *Бернарда*, и 4) о новыхъ музыкальныхъ сочиненіяхъ, продающихся въ музыкальномъ магазинѣ г. *Битнера.*

Ki

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

1861.

МАРТЪ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

СТР.

КРИТИКА.

ПРИЛАГАЮТСЯ: *Двѣ* парижскія картинки дамскихъ и мужскихъ модъ и объявленія 1) о новыхъ русскихъ книгахъ, продающихся въ книжномъ магазинѣ *Д. Е. Кожанчикова;* 2) о новыхъ музыкальныхъ сочиненіяхъ, продающихся въ музыкальномъ магазинѣ г. *Дюфура;* 3) о вовыхъ музыкальныхъ сочиненіяхъ, продающихся въ музыкальномъ магазинѣ г. *Бернарда,* и 4) о новыхъ музыкальныхъ сочиненіяхъ, продающихся въ музыкальномъ магазинѣ г. *Битнера.*

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССІЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ.

Объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрноподданнымъ.

Божіимъ Провидѣніемъ и священнымъ закономъ престолонаслѣдія бывъ призваны на прародительскій Всероссійскій Престолъ, въ соотвѣтствіе сему призванію Мы положили въ сердцѣ Своемъ обѣтъ обнимать Нашею Царскою любовію и попеченіемъ всѣхъ Нашихъ вѣрноподданныхъ всякаго званія и состоянія, отъ благородно владѣющаго мечемъ на защиту Отечества до скромно работающаго ремесленнымъ орудіемъ, отъ проходящаго высшую службу государственную до проводящаго на полѣ борозду сохою или плугомъ.

Вникая въ положеніе званій и состояній въ составѣ Государства, Мы усмотрѣли, что Государственное законодательство, дѣятельно благоустрояя высшія и среднія сословія, опредѣляя ихъ обязанности, права и преимущества, не достигло равномѣрной дѣятельности въ отношеніи къ людямъ крѣпостнымъ, такъ названнымъ потому, что они, частію старыми законами, частію обычаемъ, потомственно укрѣплены подъ властію помѣщиковъ, на ко-

торыхъ съ тѣмъ вмѣстѣ лежитъ обязанность устроять ихъ благосостояніе. Права помѣщиковъ были донынѣ обширны и не опредѣлены съ точностію закономъ, мѣсто котораго заступали преданіе, обычай и добрая воля помѣщика. Въ лучшихъ случаяхъ изъ сего происходили добрыя патріархальныя отношенія искренней правдивой попечительности и благотворительности помѣщика и добродушнаго повиновенія крестьянъ. Но, при уменьшеніи простоты нравовъ, при умноженіи разнообразія отношеній, при уменьшеніи непосредственныхъ отеческихъ отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ, при впаденіи иногда помѣщичьихъ правъ въ руки людей, ищущихъ только собственной выгоды, добрыя отношенія ослабѣвали и открывался путь произволу, отяготительному для крестьянъ и неблагопріятному для ихъ благосостоянія, чему въ крестьянахъ отвѣчала неподвижность къ улучшеніямъ въ собственномъ бытѣ.

Усматривали сіе и приснопамятные Предшественники Наши принимали мѣры къ измѣненію на лучшее положеніе крестьянъ; но это были мѣры, частію нерѣшительныя, предложенныя добровольному, свободолюбивому дѣйствованію помѣщиковъ, частію рѣшительныя только для нѣкоторыхъ мѣстностей, по требованію особенныхъ обстоятельствъ, или въ видѣ опыта. Такъ Императоръ Александръ I-й издалъ постановленіе о свободныхъ хлѣбопашцахъ, и въ Бозѣ почившій Родитель Нашъ Николай I-й постановленіе о обязанныхъ крестьянахъ. Въ губерніяхъ западныхъ инвентарными правилами опредѣлены надѣленіе крестьянъ землею и ихъ повинности. Но постановленія о свободныхъ хлѣбопашцахъ и обязанныхъ крестьянахъ приведены въ дѣйствіе въ весьма малыхъ размѣрахъ.

Такимъ образомъ Мы убѣдились, что дѣло измѣненія положенія крѣпостныхъ людей на лучшее есть для Насъ завѣщаніе Предшественниковъ Нашихъ и жребій, чрезъ теченіе событій, поданный Намъ рукою Провидѣнія.

Мы начали сіе дѣло актомъ Нашего довѣрія къ Россійскому Дворянству, къ извѣданной великими опытами преданности

его Престолу и готовности его къ пожертвованіямъ на пользу Отечества. Самому Дворянству предоставили Мы, по собственному вызову его, составить предположенія о новомъ утройствѣ быта крестьянъ, причемъ Дворянамъ предлежало ограничить свои права на крестьянъ и подъять трудности преобразованія, не безъ уменьшенія своихъ выгодъ. И довѣріе Наше оправдалось. Въ Губернскихъ Комитетахъ, въ лицѣ членовъ ихъ, облеченныхъ довѣріемъ всего Дворянскаго общества каждой губерніи, Дворянство добровольно отказалось отъ права на личность крѣпостныхъ людей. Въ сихъ Комитетахъ, по собраніи потребныхъ свѣдѣній, составлены предположенія о новомъ устройствѣ быта находящихся въ крѣпостномъ состояніи людей, и о ихъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ.

Сіи предположенія, оказавшіяся, какъ и можно было ожидать по свойству дѣла, разнообразными, сличены, соглашены, сведены въ правильный составъ, исправлены и дополнены въ Главномъ по сему дѣлу Комитетѣ; и составленныя такимъ образомъ новыя положенія о помѣщичьихъ крестьянахъ и дворовыхъ людяхъ разсмотрѣны въ Государственномъ Совѣтѣ.

Призвавъ Бога въ помощь, Мы рѣшились дать сему дѣлу исполнительное движеніе.

Въ силу означенныхъ новыхъ положеній, крѣпостные люди получатъ въ свое время полныя права свободныхъ сельскихъ обывателей.

Помѣщики, сохраняя право собственности на всѣ принадлежащія имъ земли, предоставляютъ крестьянамъ, за установленныя повинности, въ постоянное пользованіе усадебную ихъ осѣдлость, и сверхъ того, для обезпеченія быта ихъ и исполненія обязанностей ихъ предъ Правительствомъ, опредѣленное въ положеніяхъ количество полевой земли и другихъ угодій.

Пользуясь симъ поземельнымъ надѣломъ, крестьяне за сіе обязаны исполнять въ пользу помѣщиковъ опредѣленныя въ положеніяхъ повинности. Въ семъ состояніи, которое есть переходное, крестьяне именуются временно-обязанными.

Вмѣстѣ съ тѣмъ имъ дается право выкупать усадебную ихъ осѣдлость, а съ согласія помѣщиковъ они могутъ пріобрѣтать въ собственность полевыя земли и другія угодья, отведенныя имъ въ постоянное пользованіе. Съ таковымъ пріобрѣтеніемъ въ собственность опредѣленнаго количества земли, крестьяне освободятся отъ обязанностей къ помѣщикамъ по выкупленной землѣ и вступятъ въ рѣшительное состояніе свободныхъ крестьянъ-собственниковъ.

Особымъ положеніемъ о дворовыхъ людяхъ опредѣляется для нихъ переходное состояніе, приспособленное къ ихъ занятіямъ и потребностямъ; по истеченіи двухлѣтняго срока отъ дня изданія сего пололоженія, они получатъ полное освобожденіе и срочныя льготы.

На сихъ главныхъ началахъ составленными положеніями опредѣляется будущее устройство крестьянъ и дворовыхъ людей, устанавливается порядокъ общественнаго крестьянскаго управленія и указываются подробно даруемыя крестьянамъ и дворовымъ людямъ права и возлагаемыя на нихъ обязанности въ отношеніи къ Правительству и къ помѣщикамъ.

Хотя же сіи положенія, общія, мѣстныя, и особыя дополнительныя правила для нѣкоторыхъ особыхъ мѣстностей, для имѣній мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ и для крестьянъ, работающихъ на помѣщичьихъ фабрикахъ и заводахъ, по возможности приспособлены къ мѣстнымъ хозяйственнымъ потребностямъ и обычаямъ: впрочемъ, дабы сохранить обычный порядокъ тамъ, гдѣ онъ представляетъ обоюдныя выгоды, мы предоставляемъ помѣщикамъ дѣлать съ крестьянами добровольныя соглашенія, и заключать условія о размѣрѣ поземельнаго надѣла крестьянъ и о слѣдующихъ за оный повинностяхъ, соблюденіемъ правилъ, постановленныхъ для огражденія ненарушимости таковыхъ договоровъ.

Какъ новое устройство, по неизбѣжной многосложности требуемыхъ онымъ перемѣнъ, не можетъ быть произведено вдругъ, а потребуется для сего время, примѣрно, не менѣе двухъ лѣтъ;

то въ теченіе сего времени, въ отвращеніе замѣшательства и для соблюденія общественной и частной пользы, существующій донынѣ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ порядокъ долженъ быть сохраненъ дотолѣ, когда, по совершеніи надлежащихъ приготовленій, открытъ будетъ новый порядокъ.

Для правильнаго достиженія сего, Мы признали за благо повелѣть:

1) Открыть въ каждой губерніи Губернское по крестьянскимъ дѣламъ Присутствіе, которому ввѣряется высшее завѣдываніе дѣлами крестьянскихъ обществъ, водворенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ.

2) Для разсмотрѣнія на мѣстахъ недоразумѣній и споровъ, могущихъ возникнуть при исполненіи новыхъ положеній, назначить въ уѣздахъ Мировыхъ Посредниковъ, и образовать изъ нихъ Уѣздные Мировые Съѣзды.

3) Затѣмъ образовать въ помѣщичьихъ имѣніяхъ мірскія управленія, для чего, оставляя сельскія общества въ нынѣшнемъ ихъ составѣ, открыть въ значительныхъ селеніяхъ волостныя управленія, а мелкія сельскія общества соединить подъ одно волостное управленіе.

4) Составить, повѣрить и утвердить по каждому сельскому обществу или имѣнію уставную грамоту, въ которой будетъ исчислено, на основаніи мѣстнаго положенія, количество земли, предоставляемой крестьянамъ въ постоянное пользованіе, и размѣръ повинностей, причитающихся съ нихъ въ пользу помѣщика, какъ за землю, такъ и за другія отъ него выгоды.

5) Сіи уставныя грамоты приводить въ исполненіе по мѣрѣ утвержденія ихъ для каждаго имѣнія, а окончательно по всѣмъ имѣніямъ ввести въ дѣйствіе въ-теченіе двухъ лѣтъ, со дня изданія настоящаго Манифеста.

6) До истеченія сего срока, крестьянамъ и дворовымъ людямъ пребывать въ прежнемъ повиновеніи помѣщикамъ, и безпрекословно исполнять прежнія ихъ обязанности.

7) Помѣщикамъ сохранить наблюденіе за порядкомъ въ ихъ

имѣніяхъ, съ правомъ суда и расправы, впредь до образованія волостей и открытія волостныхъ судовъ.

Обращая вниманіе на неизбѣжныя трудности предпріемлемаго преобразованія, Мы первѣе всего возлагаемъ упованіе на всеблагое Провидѣніе Божіе, покровительствующее Россіи.

За симъ полагаемся на доблестную о благѣ общемъ ревность Благороднаго Дворянскаго сословія, которому не можемъ не изъявить отъ Насъ и отъ всего Отечества заслуженной признательности за безкорыстное дѣйствованіе къ осуществленію Нашихъ предначертаній. Россія не забудетъ, что оно добровольно, побуждаясь только уваженіемъ къ достоинству человѣка и христіанскою любовію къ ближнимъ, отказалось отъ упраздняемаго нынѣ крѣпостнаго права и положило основаніе новой хозяйственной будущности крестьянъ. Ожидаемъ несомнѣнно, что оно также благородно употребитъ дальнѣйшее тщаніе къ приведенію въ исполненіе новыхъ положеній въ добромъ порядкѣ, въ духѣ мира и доброжелательства; и что каждый владѣлецъ довершитъ въ предѣлахъ своего имѣнія великій гражданскій подвигъ всего сословія, устроивъ бытъ водворенныхъ на его землѣ крестьянъ и его дворовыхъ людей на выгодныхъ для обѣихъ сторонъ условіяхъ и тѣмъ дастъ сельскому населенію добрый примѣръ и поощреніе къ точному и добросовѣстному исполненію Государственныхъ постановленій.

Имѣющіеся въ виду примѣры щедрой попечительности владѣльцевъ о благѣ крестьянъ, и признательности крестьянъ къ благодѣтельной попечительности владѣльцевъ, утверждаютъ Нашу надежду, что взаимными добровольными соглашеніями разрѣшится бо́льшая часть затрудненій, неизбѣжныхъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ примѣненія общихъ правилъ къ разнообразнымъ обстоятельствамъ отдѣльныхъ имѣній, и что симъ способомъ облегчится переходъ отъ стараго порядка къ новому и на будущее время упрочится взаимное довѣріе, доброе согласіе и единодушное стремленіе къ общей пользѣ.

Для удобнѣйшаго же приведенія въ дѣйствіе тѣхъ соглашеній между владѣльцами и крестьянами, по которымъ сіи будутъ пріобрѣтать въ собственность, вмѣстѣ съ усадьбами, и полевыя угодья, отъ Правительства будутъ оказаны пособія, на основаніи особыхъ правилъ, выдачею ссудъ и переводомъ лежащихъ на имѣніяхъ долговъ.

Полагаемся и на здравый смыслъ Нашего народа.

Когда мысль Правительства о упраздненіи крѣпостнаго права распространилась между неприготовленными къ ней крестьянами: возникали было частныя недоразумѣнія. Нѣкоторые думали о свободѣ и забывали объ обязанностяхъ. Но общій здравый смыслъ не поколебался въ томъ убѣжденіи, что и по естественному разсужденію, свободно пользующійся благами общества взаимно долженъ служить благу общества исполненіемъ нѣкоторыхъ обязанностей, и по закону христіанскому, *всякая душа* должна *повиноваться властямъ предержащимъ* (Рим. XIII. 1), *воздавать всѣмъ должное*, и въ особенности кому должно, *урокъ, дань, страхъ, честь* (7); что законно пріобрѣтенныя помѣщиками права не могутъ быть взяты отъ нихъ безъ приличнаго вознагражденія или добровольной уступки; что было бы противно всякой справедливости пользоваться отъ помѣщиковъ землею и не нести за сіе соотвѣтственной повинности.

И теперь съ надеждою ожидаемъ, что крѣпостные люди, при открывающейся для нихъ новой будущности, поймутъ и съ благодарностью примутъ важное пожертвованіе, сдѣланное Благороднымъ Дворянствомъ для улучшенія ихъ быта.

Они вразумятся, что, получая для себя болѣе твердое основаніе собственности и большую свободу располагать своимъ хозяйствомъ, они становятся обязанными, предъ обществомъ и предъ самими собою, благотворность новаго закона дополнить вѣрнымъ, благонамѣреннымъ и прилежнымъ употребленіемъ въ дѣло дарованныхъ имъ правъ. Самый благотворный законъ не можетъ людей сдѣлать благополучными, если они не потрудятся сами устроить свое благополучіе подъ покровительствомъ закона. До-

вольство пріобрѣтается и увеличивается не иначе, какъ неослабнымъ трудомъ, благоразумнымъ употребленіемъ силъ и средствъ, строгою бережливостью, и вообще честною въ страхѣ Божіемъ жизнію.

Исполнители приготовительныхъ дѣйствій къ новому устройству крестьянскаго быта и самаго введенія въ сіе устройство употребятъ бдительное попеченіе, чтобы сіе совершалось правильнымъ, спокойнымъ движеніемъ, съ наблюденіемъ удобности временъ, дабы вниманіе земледѣльцевъ не было отвлечено отъ ихъ необходимыхъ земледѣльческихъ занятій. Пусть они тщательно воздѣлываютъ землю и собираютъ плоды ея, чтобы потомъ изъ хорошо наполненной житницы взять сѣмена для посѣва на землѣ постояннаго пользованія или на землѣ, пріобрѣтенной въ собственность.

Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ Нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго.

Данъ въ Санктпетербургѣ, въ девятнадцатый день февраля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ шестьдесятъ первое, Царствованія же Нашего въ седьмое.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано:

«АЛЕКСАНДРЪ.»

ПОГОСТЪ.

Глубина небесъ синѣетъ,
Свѣтитъ яркая луна.
Церковь въ сумракѣ бѣлѣетъ,
На погостѣ тишина.

Тишина — не слышно звука.
Не горитъ огня въ селѣ.
Безпробудно скорбь и мука
Спятъ въ кормилицѣ-землѣ.

Спитъ въ землѣ нужда-неволя,
Спитъ кручина бѣдняковъ,
Спитъ безвыходная доля.
Миръ вамъ, кости мужичковъ!

Догорѣли ваши силы
Тише свѣчки восковой.
Донесли вы до могилы
Крестъ свой, кровью облитой...

Миръ вамъ, старыя невзгоды!
Память вѣчная слезамъ!

Вѣетъ воздухомъ свободы
По трущобамъ и лѣсамъ.

Золотыя искры свѣта
Проникаютъ въ глушь и дичь,
Слышенъ въ полѣ кличъ привѣта,
По степямъ веселый кличъ.

И. Никитинъ.

ПАНСІОНЕРКА.

I.

Часу въ шестомъ вечера, въ началѣ мая, двое молодыхъ людей бродили по саду, окружавшему одинъ изъ домовъ города N. Вечеръ былъ очень-хорошъ. Садъ, хотя невеликъ, былъ запущенъ. Пріятели долго шагали все по одной дорожкѣ, часто цѣпляясь головами за нависшія вѣтки сирени. Одинъ изъ нихъ былъ гость; его костюмъ, изысканный, изящный, носилъ отпечатокъ Петербурга и казался даже страннымъ среди неубраннаго пустыря, какимъ можно было назвать этотъ провинціальный садъ. Молодой человѣкъ былъ недуренъ собою, держался чинно, прямо; прекрасныя черныя баки придавали ему еще болѣе серьёзный видъ. Онъ былъ въ шляпѣ и не снималъ перчатокъ. Хозяинъ былъ меньше ростомъ, бѣлокуръ, въ старенькомъ сѣромъ пальто, безъ фуражки. Онъ хотя былъ моложе, но казался однихъ лѣтъ съ гостемъ; его черты были очень-красивы, но какъ-то смяты, лицо не блѣдно; но болѣзненно-неровная, нетерпѣливая походка довершала его несходство съ гостемъ. Гостя звали Ибраевъ; онъ только недавно пріѣхалъ въ N. на очень-видное мѣсто. Хозяинъ назывался Веретицынъ, и уже болѣе года тоже занималъ въ N. мѣсто, но очень-невидное. Воспитывались они не вмѣстѣ, познакомились давно, и въ этомъ вечеръ видѣлись въ первый разъ послѣ трехъ лѣтъ.

Ибраевъ разсказывалъ, какъ получилъ свое мѣсто, разсказывалъ съ подробностями и, казалось, умножалъ ихъ, чтобъ продолжить разговоръ, для котораго, кромѣ этого, не находилъ предмета. Веретицынъ слушалъ, казалось, внимательно, но безъ участія. Оба точно исполняли обязанность, празднуя вопросами и разсказами встрѣчу послѣ долгой разлуки.

— Ты не усталъ ходить? спросилъ Веретицынъ, когда тотъ замолчалъ.

Ибраевъ усталъ давно, но не говорилъ этого изъ учтивости, или потому, что не надѣялся найти на чемъ сѣсть въ этомъ саду.

— Нѣтъ... да̀... Но въ домѣ жарко, сказалъ онъ, думая о тѣсной комнатѣ, въ которой, придя за полчаса назадъ предъ этимъ, нашелъ своего пріятеля.

Веретицынъ отгадалъ его думу.

— Садись здѣсь, сказалъ онъ, выводя его изъ-подъ сиреней на маленькую площадку, гдѣ стояла простая деревянная скамейка. Вокругъ нея былъ насаженъ хмѣль, поднявшійся ужь высоко по жердямъ; по землѣ стлалось множество лебеды и павители.

— Садись ближе къ срединѣ, прибавилъ Веретицынъ:—ножки вывертываются.

— Хочешь? спросилъ Ибраевъ, доставая сигары.

— Я не курю.

— Давно ли? Ты былъ охотникъ.

— Отсталъ.

Ибраевъ закурилъ; Веретицынъ стегалъ по травѣ тоненькой вѣткой, которую сломалъ съ сирени; оба молчали. Это была одна изъ такихъ минутъ, когда припоминается и передумывается живѣе все, что̀ сейчасъ слышалось или было передъ глазами, припоминается и сравнивается съ настоящимъ далекое прошлое, проходитъ натянутость, холодность первой встрѣчи, узнается прошлый человѣкъ въ постороннемъ, съ которымъ сейчасъ, казалось, говорить было нѐ о чемъ, котораго разспрашивать было неловко... Ибраевъ смотрѣлъ на наклоненную голову пріятеля; ему припомнился голубой околышъ фуражки на этихъ волосахъ; послѣднія, пустыя, односложныя слова шевельнули въ душѣ что̀-то далекое; показалось какъ-то совѣстно вести посторонній разговоръ...

— Ну, а ты что̀ же, Саша? спросилъ Ибраевъ уже не тѣмъ ровнымъ, мягкимъ голосомъ, какимъ разсказывалъ свои успѣхи въ свѣтѣ и по службѣ.

— Я что̀? Да ничего, отвѣчалъ Веретицынъ, оглядываясь и подъ вліяніемъ того же раздумья.—Вотъ, живу здѣсь другой годъ. Тебѣ повезло... Ну, и мнѣ было недурно сначала. Конечно, не то́, что̀ тебѣ; вы—счастливчики: что́ вылетѣли—устроены, ка́къ намъ, грѣшнымъ, и не снится.

— Ты чѣмъ вышелъ? кандидатомъ?

— Съ медалью, мой милый. Два года былъ учителемъ въ Москвѣ, потомъ прислали сюда.

— Учителемъ тоже?

— Писаремъ въ губернское правленіе, отвѣчалъ Веретицынъ.—Я «подъ началомъ», договорилъ онъ, замѣтя небольшое смущеніе пріятеля и засмѣявшись.

— Я не зналъ... сказалъ Ибраевъ.

— Напрасно не навелъ справокъ. Мое знакомство не очень-лестно, особенно для такой важной особы, какъ ты. Не обижайся. Я знаю, ты малый хорошій, но моя репутація потеряна, и тебѣ нéчѐго со мной связываться. Ты здѣсь ужь цѣлый мѣсяцъ— я это зналъ, и не шелъ къ тебѣ; не встрѣться мы нечаянно, не приди ты самъ...

— И тебѣ не совѣстно?

— Ничего не совѣстно, возразилъ серьёзно Веретицынъ:—на что̀ я тебѣ нуженъ? Ты человѣкъ свѣтскій, за тобой уже ухаживаютъ маменьки, по тебѣ вздыхаютъ дѣвицы; ты человѣкъ солидный, «власти» наши предъ тобой съ уваженіемъ—какое тебѣ дѣло до мелкой мошки, которая пригодилась міру на переписыванье бумагъ и ни на что̀ больше? Ты пишешь протесты, а я не смѣю вычеркнуть запятой; ты—царское око, а я аттестованъ «вреднымъ направленіемъ!» Гдѣ же была бы у меня совѣсть, еслибъ я сталъ тебѣ навязываться? Мы пошли такъ розно, что намъ во вѣки не встрѣчаться... Ну, и прощай!

— Ты ожесточенъ, сказалъ Ибраевъ и замолчалъ.

Нѣсколько минутъ они молчали оба. Веретицынъ опять принялся сбиватъ лебеду, улыбаясь насмѣшливо и какъ-будто съ ожиданіемъ.

— Что̀ же ты не спросишь, за что̀ со мной это приключилось? спросилъ онъ наконецъ.

— Ахъ, да̀! въ-самомъ-дѣлѣ, за что̀? сказалъ Ибраевъ.

Веретицынъ засмѣялся громко.

— Да я и самъ не знаю, отвѣчалъ онъ, бросивъ вѣтку, которою игралъ. — Ты на годъ нанялъ себѣ квартиру? напрасно: тотъ домъ холоденъ.

— Въ-самомъ-дѣлѣ? Это досадно... А ты живешь у своей сестры? спросилъ Ибраевъ.

— Да, у зятя.

— Хорошіе люди?

— Да... Дурныхъ людей нѣтъ. Зло есть только отвлеченное

понятіе; въ дѣйствительности его нѣтъ. О немъ говорятъ та́къ только, чтобы о чемъ-нибудь говорить. На свѣтѣ все прекрасно, люди всѣ добры... Они шалятъ иногда... ну, тогда на нихъ есть управа. Вотъ, важные господа, какъ ты, напримѣръ...

— Послушай, Саша, прервалъ Ибраевъ, которому стало совѣстно:—я еще не такой важный господинъ, чтобъ ужь со мной было говорить нельзя. Будь откровененъ, сдѣлай милость.

— Да что̀ же, откровененъ... Скучно! сказалъ вдругъ Веретицынъ, не удержавшись больше, потому ли, что былъ не въ силахъ, или потому, что голосъ стараго знакомаго вызывалъ высказаться. Зять — чиновникъ; былъ бѣденъ, теперь нажился. Сестра—была бѣдная дѣвушка, только потому не страдала обѣда, что считалась «барышней»: теперь барыня, въ бархатѣ, въ перьяхъ; куча дѣтей... вотъ, они во дворѣ змѣя пускаютъ.

Ибраевъ давно слышалъ во дворѣ крики и даже драку; онъ поморщился.

— Я бы могъ, конечно, вступиться, унять, продолжалъ Веретицынъ:—но вѣдь я не авторитетъ. Мой зять, ихъ батюшка, упражнялся въ этомъ до семнадцатаго года житія своего и нынѣ губернскій казначей; я на семнадцатомъ году выдержалъ университетскій экзаменъ — а что́ же я?...

— Что̀ же ты дѣлаешь? занимаешься чѣмъ-нибудь, читаешь?

— Не́когда, не́гдѣ, не́чего; я обязанъ быть въ должности всякій день; мой уголъ ты видѣлъ: книгъ у меня нѣтъ.

— Но, вѣдь, день великъ; послѣ должности?

— Сплю. Вотъ, здѣсь шатаюсь...

— Но ка̀къ же такъ...

— Охъ, вы, дѣятели! прервалъ Веретицынъ.—Ну, найди мнѣ дѣло; скажи мнѣ, что̀ можно дѣлать, но разумно, что бъ это не было, что̀ называется, воду толочь? Писать замѣтки, скажешь ты, благо я преподавалъ исторію и статистику? На это еще и свободное время нужно, и средства нужны... Ну, да такъ и быть, положимъ, нашелъ бы я это какъ-нибудь; изволь. Что̀ разбирать, чѣмъ заняться? Здѣсь ни памятниковъ, ни достопамятностей, ни источниковъ днемъ со свѣчкой не отыщешь. Былъ въ одномъ монастырѣ костыль Пересвѣта, палка въ сажень вышины—и ту монахи перехватили пополамъ топоромъ: не помѣстилась въ нишѣ, въ новой церкви... Вотъ тебѣ и все та̀къ. Статистика... О ней оффиціально десять тысячъ разъ писано; а тронуть что̀-нибудь неоффиціальное, какую-нибудь живую и больную

сторону... Покорно благодарю! еще пошлютъ подальше, а мнѣ и здѣсь скверно!

— Это отговорки; послушай, это недостатокъ силы воли...

— Еще скажи: недостатокъ самоотверженія! Еще что̀? Право, вы мнѣ нравитесь, счастливчики! Вы понятія не имѣете о настоящемъ трудѣ, а кричите другимъ, чтобъ трудились. Не безпокойтесь, мы и безъ вашего приказа трудимся, сколько есть нашихъ силъ, трудимся больше вашего, хотя, съ вида, мы только спимъ, да гуляемъ въ бурьянѣ: мы думаемъ, мы бережемъ печаль и горечь мысли, то̀, изъ чего выработывается благо—а у васъ только дѣло, какое оно ни будь, съ плеча, лишь бы дѣло! Васъ, если что̀ затруднитъ, если что̀ мало не по васъ, вы тутъ кричите и о благородномъ честолюбіи, и о людской неправдѣ, громите, разите — и правы. А изъ насъ, мелкаго народа, если кто не умѣлъ пробить стѣны головою, тотъ, по-вашему, и лѣнивецъ, и безъ силы воли, и несамоотверженъ... Все, говорите вы, возможно. Что̀ же возможно-то? Дѣла ты мнѣ не найдешь, а какое нашлось бы, того дѣлать нельзя, съ тѣмъ пріютиться здѣсь нѐ къ кому. Вы привыкли судить о затрудненіяхъ съ высоты вашего величія: сдѣлайте милость, загляните пониже!... Для тебя, напримѣръ, здѣсь общество—для меня нѣтъ его. Я не пойду къ моимъ товарищамъ-писарямъ, а твой кругъ меня не приметъ.

Ибраевъ не возразилъ на это. Онъ спросилъ, помолчавъ:

— Но все же ты знакомъ съ кѣмъ-нибудь?

— Да̀, встрѣчаюсь—кланяюсь.

— Почему же не бываешь ни у кого? Я здѣсь мѣсяцъ и нигдѣ тебя не встрѣчалъ.

— Я не пойду въ домъ, когда не могу принять у себя дома, возразилъ Веретицынъ.—Впрочемъ, я знаю всѣхъ здѣшнихъ, и стариковъ, и молодыхъ, даже дамъ. Прошлую осень и зиму скука меня одолѣла: я записался въ собраніе, ходилъ туда читать журналы, иногда поглядѣть на танцы.

— Танцовалъ?

— Съ кѣмъ? Къ знакомымъ моей сестры я не подхожу, другимъ я не представленъ. Мною заинтересовалась царица ваша, madame la princesse. Вѣдь у нея на умѣ все балы съ переодѣваньями да благотворительные спектакли. Увидѣла меня—новое лицо — приказала моему непосредственному начальнику представить меня ей и освѣдомлялась, нѣтъ ли за мною какихъ талантовъ: не пою ли я, не играю ли хоть на гудкѣ, нѣтъ ли способ-

ностей къ декламаціи. Ничего этого нѣтъ; но будь я даже безграмотный, все бы годился на роли безъ рѣчей, да меня, къ счастью, «принимать неловко». Я и остался на однихъ поклонахъ, потому-что все-таки меня подводили къ этой дамѣ. Потомъ, мнѣ разсказывали, говорить ей больше нѣчего, вся переговорилась. Она произноситъ монологи обо мнѣ передъ своимъ кружкомъ, нарекла меня, «le jeune malheureux». Меня взорвало. Глупо это до нельзя. Я пересталъ ходить на танцовальные вечера. Оно, впрочемъ, было и не по средствамъ: перчатки дороги.

— Послушай, сказалъ Ибраевъ нерѣшительно:—а твои средства какъ же?

— Конечно, безъ гроша. Что оставалось отъ экономіи учительскаго жалованья, что далъ, при выпускѣ, покойникъ дядя, я все отдалъ «въ домъ»: не жить же Христа ради! Ну, я и здѣсь получаю жалованье, до шести рублей въ мѣсяцъ; это, говорятъ, очень-хорошо... Да что мнѣ нужно! Я счелъ бы себя, не знаю какимъ счастливцемъ, еслибъ была возможность нанять какой-нибудь чердакъ и дожить одному. Больше, право, кажется, мнѣ и ненадо. Я ужь пріучился себя ограничивать, ни къ чему не привыкать, отъ всего отвыкать, все выносить... Знаешь, для того, чтобы прошлой зимой записаться и бывать въ собраніи, я давалъ уроки?

— Что же, сказалъ Ибраевъ:—прекрасно! Это занятіе и небезвыгодное, я думаю.

— Да. Я училъ читать, писать пофранцузски за десять копеекъ въ часъ, десять часовъ въ недѣлю—это очень-занимательно и очень-выгодно. Я продолжалъ бы эти уроки, да захворалъ съ начала весны, пролежалъ недѣль шесть и до-сихъ-поръ не поправляюсь... словомъ сказать, очень-весело! заключилъ Веретицынъ, зажавъ руки въ колѣни, покачиваясь и не глядя на пріятеля.

— Но не-уже-ли же ничего, такъ-таки ничего отраднаго въ жизни? спросилъ Ибраевъ.

— То-есть чего же отраднаго? влюбиться? У меня, мой милый, барскія замашки: я если что люблю, то люблю хорошее. Хорошее очень-рѣдко. Да хоть бы и встрѣтилось, оно не про насъ. Впрочемъ, я не отказываю себѣ въ удовольствіи... пожалуй, дурачиться.

— Ахъ, Саша, нехорошо!... сказалъ Ибраевъ, посматривая на него и не находя сказать ничего болѣе задушевнаго.

— Хорошо-то что? возразилъ Веретицынъ.

— Хорошаго на свѣтѣ много; но или оно не дается, или люди его не видятъ, или сами его портятъ...

— Къ какому же разряду я долженъ быть причисленъ: къ несчастнымъ, къ дуракамъ, или къ негодяямъ? спросилъ спокойно Веретицынъ, выслушавъ очень-прилежно.

— Ты слишкомъ-рѣзокъ, ты ожесточенъ, продолжалъ Ибраевъ, не отвѣчая: — собственныя неудачи мѣшаютъ тебѣ смотрѣть на вещи безпристрастно. Согласись... не обижайся! согласись, въ твоемъ чувствѣ много эгоизма, а людямъ, которые не знаютъ тебя коротко, этотъ эгоизмъ можетъ показаться даже, просто... мелкой завистью...

Ибраевъ осторожно остановился.

— Продолжай, продолжай! сказалъ спокойно Веретицынъ:—я, вѣдь, не обижаюсь.

— Какъ, не обижаешься? да этотъ одинъ отвѣтъ...

— Ничего. Что же мой отвѣтъ? Развѣ ты первый мнѣ это проповѣдуешь? Ты говоришь учтиво, другіе говорили неучтиво; ты стараешься вразумлять, другіе на-просто меня выгнали; ты соболѣзнуешь, другіе презираютъ. Я ко всему привыкъ и могу все слушать, даже не удивляясь. Знаю, я смѣшонъ: падшій духъ на хлѣбахъ у своего зятюшки, губернскаго казначея; но я не вижу нигдѣ, ни у кого, ни въ чемъ благополучія, которому могъ бы завидовать... Мнѣ прескверно — я, кажется, разсказалъ объ этомъ даже слишкомъ-подробно — но тоже ни за какія благополучія не желалъ бы я умѣть читать вотъ такую мораль, будто люди эгоисты, когда оскорблены, будто они слѣпы и не видятъ своихъ радостей, когда имъ становится жить не подъ-силу... Если чего я никогда терпѣть не могъ, такъ это разныхъ сладенькихъ или премудрыхъ готовыхъ сентенцій, на которыхъ люди очень-легко устроиваютъ свою жизнь...

— Да, вѣдь, *легко*, да вѣдь *устроиваютъ*... возразилъ Ибраевъ.

— Ты нисколько не эгоистъ! прервалъ Веретицынъ, засмѣявшись. Да̀, легко, да̀, устроиваютъ; но сладенькая или премудрая сентенція одного устроитъ, а другаго гдѣ-нибудь непремѣнно бьетъ или гнетъ... А знаешь ли, что, если раздуматься объ этомъ, такъ не очень-крѣпко заснется? Спокойствіе, конечно, первое благо... да ну его!

Ибраевъ докурилъ, бросилъ сигару и, пользуясь тѣмъ, что пріятель отвернулся, взглянулъ на часы. Веретицынъ это видѣлъ,

— Сколько? спросилъ онъ равнодушно.

— Семь.

— Ты спѣшишь куда-нибудь?

— Нѣтъ, еще рано, отвѣчалъ Ибраевъ, сконфуженный.—Вечеръ славный! прибавилъ онъ, оглядываясь по сторонамъ.

Веретицынъ смотрѣлъ тоже, но выше, въ просвѣтъ молодаго клена, за которымъ пряталось солнце. Широкіе листья падали тяжело и темнѣли, а кисти желтозеленыхъ цвѣтовъ блестѣли будто подъ лакомъ. Веретицынъ покачивалъ головою и тихонько стучалъ пальцами одной руки о другую, будто въ тактъ пѣсни, которую напѣвалъ мысленно. Вдругъ онъ хлопнулъ руками громко, поднявъ этимъ неожиданнымъ звукомъ тучу воробьевъ, которые засѣли-было и въ кленѣ, и въ хмѣлѣ, а теперь закружились по саду, не находя мѣста.

— Чтó тебѣ вздумалось? спросилъ, смѣясь, Ибраевъ.

— Да тàкъ? чтò они! спать имъ еще рано.

— Кто у васъ сосѣди? продолжалъ Ибраевъ, слѣдя за воробьями, которые понеслись черезъ плетень въ сосѣдній садъ.

— Не знаю. Тутъ много дѣтей: я часто слышу, какъ они жужжатъ, уроки учатъ.

— Тамъ и теперь кто-то учится; слышишь? жужжитъ.

Веретицынъ оглянулся; хмѣль закрывалъ его, и черезъ плетень онъ могъ видѣть всю дорожку сосѣдняго сада, такого же запущеннаго. Тамъ прохаживалась молоденькая дѣвушка съ книгой въ рукахъ; посмотрѣвъ въ книгу, она закрывала ее и въ полголоса твердила прочитанное наизустъ. До слушавшихъ долетали собственныя историческія имена, числа годовъ, въ которыхъ дѣвушка постоянно сбивалась, и книжные періоды о доблестяхъ, о побѣдахъ, о добродѣтеляхъ, которые она прочитывала бойко; у нея была хорошая память. На дѣвушкѣ было темное шерстяное платье, очевидно, пансіонское форменное; но, вмѣсто форменной бѣлой пелеринки, она накинула себѣ на шею что-то черное, прозрачное, и изъ-подъ тюля бѣлѣли ея плечики. Ей казалось лѣтъ пятнадцать. Она была невысока ростомъ, неочень-стройна, полненькая. Возвращаясь по дорожкѣ, она обратилась лицомъ къ наблюдавшимъ за нею молодымъ людямъ. Она была свѣжа, хотя немного-блѣдна, но прелестной перламутровой блѣдностью; цвѣтъ глазъ, которые она подняла, шепча свой урокъ, былъ великолѣпенъ: темнокаріе, съ голубоватыми бѣлками, прекрасно очерненные, они глядѣли особенно ясно и прямо.

— Хорошенькая... сказалъ Ибраевъ.

— И какъ счастлива! прибавилъ Веретицынъ, глядя на нее:— твердитъ чепуху: «Лудовикъ-Великій» да «Лудовикъ-Вселюбезнѣйшій», и воображаетъ, что дѣло дѣлаетъ!

— Тебѣ-то что? сказалъ Ибраевъ, смѣясь.

— Досадно, глупо! Довольна собою, довольна всѣмъ, вѣритъ вздору...

— Педантъ! что жь ей дѣлать, когда у нихъ преподаютъ еще по старымъ учебникамъ? Ей, можетъ-быть, объяснить некому...

— Что мнѣ за дѣло, хоть она ничего не знай; еще бы лучше было! А вотъ, довольство это, гляди, на лицѣ написано: подвизается, трудится, извращаетъ себя. Вечеръ такой, что только дыши, бѣгай, въ куклы играй, а она носъ въ книгу—и рада!

— Почему ты знаешь? можетъ-быть, вовсе не рада.

— А не рада, насильно заставили, такъ что за глупая покорность? гдѣ же въ ней жизнь?

— Она, можетъ-быть, и понятія не имѣетъ, что такое жизнь.

— Такъ я ей растолкую сейчасъ, сказалъ Веретицынъ, вставая:—чтобъ она не воображала, будто это великое, полезное дѣло твердить Лудовика-Вселюбезнѣйшаго. Весело ей съ нимъ, такъ пусть скучно будетъ.

— Полно! что за шалость! сказалъ Ибраевъ, удерживая его.

— Найди мнѣ, пожалуйста, что-нибудь вмѣсто этой шалости, возразилъ Веретицынъ:—мнѣ ровно дѣлать нечего. Впрочемъ, успокойся, человѣкъ моральный: я не стану волновать ея воображеніе, «развивать» ее... Это такъ же старо, какъ ея Лудовики.

— Но что же ты хочешь? спросилъ Ибраевъ, идя за нимъ.

— Я не хочу, чтобъ ей было весело! сказалъ рѣзко Веретицынъ:—тутъ сидишь рядомъ, умираешь съ тоски, а эта дѣвчонка...

Они были ужь у плетня. Ибраевъ отошелъ нѣсколько въ сторону, какъ человѣкъ серьёзный, протестующій, но любопытный. Веретицынъ облокотился на плетень, положилъ бороду на руки и ждалъ. Дѣвушка подходила, читая и не видя его.

— Что, скучно учиться? спросилъ онъ, когда она была рядомъ.

Дѣвушка подняла глаза, чуть-чуть вздрогнула и чуть-чуть покраснѣла; она не бѣжала, однако, а напротивъ, остановилась, прижала къ себѣ раскрытую книгу и посмотрѣла прямо на Веретицына:

— Напротивъ, очень-весело, отвѣчала она.

Ея голосъ былъ такъ же увѣренъ, какъ ея взглядъ, какъ ея движенія; она не только не потерялась, не смутилась—она даже не удивилась, и послѣ легкой краски, пробѣжавшей по ея лицу, отъ нечаянности, когда вдругъ раздался подлѣ нея чужой голосъ, дѣвушка не краснѣла больше, но стояла и ждала, чтó еще ей скажутъ. Это было не кокетство: ея спокойный взглядъ не вызывалъ, не заискивалъ разговора; она не закрывала своей книги.

— Вы очень-прилежны, любите занятіе, продолжалъ Веретицынъ, въ наблюденіяхъ за нею забывая цѣль своего разговора.

— Очень.

— Это очень-похвально. Вы даже въ воскресный день, въ такой прекрасный вечеръ за книгой.

— Мнѣ надо твердить уроки.

— Вы воспитываетесь въ пансіонѣ?

— Да, у Шабичевой.

— Тамъ строго?

— Нѣтъ, отвѣчала она, опять спокойно взглянувъ на него:—но скоро экзамены.

— Вы желаете отличиться?

— Непремѣнно.

— И надѣетесь успѣть?

— Конечно, успѣю.

Веретицыну показалась глупа эта игра въ вопросы и свое положеніе. Онъ поклонился и, проговоривъ «извините», отошелъ отъ плетня. Дѣвушка взглянула ему въ слѣдъ и пошла по дорожкѣ, опять взявшись за книгу. Ибраевъ смѣялся.

— Ну, чтò? сказалъ онъ:—ты сбирался внести тоску въ юную душу и не удалось? «И прочь бѣгутъ враги, не совершивъ ловитвы»... Пансіонерка какъ пансіонерка: «да, нѣтъ»... она и тосковать не умѣетъ!

— Выучится, отвѣчалъ Веретицынъ, которому стало досадно... неизвѣстно на чтò.

Одна изъ его племянницъ, дѣвочка лѣтъ десяти, очевидно сейчасъ только умытая и наряженная въ очень-накрахмаленное и очень-коротенькое платьеце, явилась съ порученіемъ маменьки, звать гостя кушать чай. Ибраевъ испугался: посѣтивъ стараго знакомаго, онъ, совершенно-неожиданно, нашелъ его въ бѣдѣ, и тѣмъ менѣе намѣревался, вслѣдствіе такого компрометирующаго знакомства, входить въ интимность съ семействомъ господина

казначея. Онъ искалъ предлога отказаться. Верстицынъ видѣлъ это и самъ помогъ ему.

— Теперь ужь восемь часовъ, сказалъ онъ: — а ты куда-то сбирался; не опоздай. Мое правило: не задерживать.

— О, въ-самомъ-дѣлѣ, восемь! Спасибо, что напомнилъ, сказалъ Ибраевъ.—Благодарите вашу маменьку, миленькая... Когда же увидимся, Саша?

— Когда тебѣ вздумается быть у меня. Я къ тебѣ не приду.

— Ты неисправимъ! сказалъ Ибраевъ, пожавъ ему руку, съ чувствомъ, потому-что на прощанье.

Веретицынъ, смѣясь, отворилъ ему калитку, кивнулъ головой и воротился въ садъ.

II.

Случилось сряду нѣсколько праздничныхъ дней. Веретицынъ не ходилъ въ должность и неочень скучалъ, потому-что на другой день свиданія съ нимъ Ибраевъ прислалъ ему много книгъ. Но чтеніе еще рѣзче заставляло чувствовать, что кругомъ нѣкому сказать слова, и даже не приносило своего полнаго наслажденія. Слишкомъ въ годъ такой затерянной жизни Веретицынъ конечно, не лишился ни привязанности къ наукѣ, ни способности цѣнить прекрасное, но какъ-то разучился принимать съ разу впечатлѣнія науки и прекраснаго и забываться въ нихъ. Они были ужь слишкомъ-несходны съ впечатлѣніями его собственной жизни, о которой онъ слишкомъ-много надумался. Не то, чтобы онъ погрязъ въ своихъ мелкихъ работахъ: напротивъ, онъ старался и успѣвалъ выносить эти работы какъ тяжелый сонъ, не размышляя о нихъ, но онѣ примѣшивали ко всѣмъ его ощущеніямъ тупую тоску, болѣзненную тяжесть, отчаяніе. Чтеніе было для него то же, что̀ свиданіе съ дорогимъ человѣкомъ, съ которымъ мы должны сейчасъ разстаться, и помнимъ это... Веретицынъ скучалъ. Дѣльные люди, зная его за человѣка способнаго, не предложили бы на его скуку другаго лекарства, какъ занятіе и мужество. Они были бы правы, конечно; но часто и самые дѣльные люди опредѣляютъ занятіе только словомъ «что-нибудь» и почти обижаются, если ихъ просятъ вникнуть и придать какой-нибудь образъ этому невещественному «что-нибудь». Веретицынъ еще разъ въ жизни услышалъ это отъ Ибраева. Что̀ же касается мужества, то точно такъ же, какъ истинные храбрецы, бы-

вавшіе на войнѣ, откровенно признаются, что бывали минуты, когда у нихъ шевелилась фуражка, потому-что волосы поднимались дыбомъ, точно такъ же люди, перенесшіе въ-самомъ-дѣлѣ много, откровенно говорятъ, что сами не знаютъ, какъ перенесли—должно-быть, забывшись. Мужества нѣтъ; оно—черствость сердца или безпечность, безпечность благородная, высокая, добродѣтель, но добродѣтель, сложившаяся изъ дѣтской забывчивости и молодой отваги... А у кого горькая дѣйствительность и размышленіе давно прогнали дѣтство, кому всякую минуту памятно, что его молодость тратится и убивается даромъ, тому мудрено безъ злости и желчи слушать проповѣди о мужествѣ отъ людей, которые не нуждались въ этой добродѣтели...

Съ вида, конечно, самая законная тоска и скука выражаются вялой тратой ума и времени на бездѣйствіе, лихорадочной тратой сердца часто на невозможное, еще чаще на пустяки. Нехорошо, но и осудить это жестоко.

Ибраевъ скучалъ тоже, и тоже очень-законно: городъ N. не удовлетворялъ человѣка, привычнаго къ удовольствіямъ столицы. Однажды, чтобы разсѣяться, Ибраевъ рѣшился на эксцентричность, на длинную прогулку за городъ пѣшкомъ, и уставъ, довольно-поздно вечеромъ зашелъ по дорогѣ отдохнуть къ Веретицыну.

Въ прихожей Ибраевъ встрѣтилъ двухъ дамъ, которыя уже уходили; въ сумеркахъ онъ успѣлъ замѣтить только, что одна—старуха, другая молодая. Веретицынъ провожалъ ихъ, такъ же, какъ его сестра, очень обрадовавшаяся посѣщенію Ибраева; она встрѣтила его очень-громкимъ привѣтствіемъ и назвала по имени, чтобы обратить вниманіе своихъ посѣтительницъ. Но посѣтительницы не обратили вниманія, какой важный человѣкъ вошелъ въ домъ госпожи казначейши, и ушли, а Веретицынъ увелъ Ибраева въ свою комнату.

— Спасибо, что зашелъ, сказалъ онъ, зажигая свѣчу и растворяя окно, выходившее въ садъ:—спасибо, что вспомнилъ.

Онъ былъ замѣтно взволнованъ, блѣднѣе обыкновеннаго; когда съ какой-то особенной пріязнью онъ подалъ обѣ руки Ибраеву, Ибраевъ замѣтилъ, что эти руки холодны.

— Кто это былъ у васъ? спросилъ онъ.

— Хмѣлевская съ дочерью.

— Ты влюбленъ въ нее? продолжалъ Ибраевъ, самъ не зная, шутя, или догадываясь.

— Отъ кого ты слышалъ? спросилъ Веретицынъ поспѣшно, не смутясь, но пораженный.

— Ни отъ кого ничего не слыхалъ; мнѣ сейчасъ показалось.— Чтò же?

— Дà, отвѣчалъ Веретицынъ, сѣлъ напротивѣ пріятеля, положилъ руки и локти на столъ, а на нихъ голову. Онъ былъ чѣмъ-то сильно измученъ. Ибраевъ никогда не бралъ и не любилъ брать на себя утѣшать; но исповѣдь влюбленнаго показалась ему развлеченіемъ.

— Чтó же? повторилъ онъ:—разсказывай.

Веретицынъ оглянулся, выдернулъ сигару изъ открытой сигарочницы пріятеля, зажегъ ее и, одуряясь дымомъ, отъ котораго отвыкъ, сказалъ, засмѣявшись:

— Славная вещь сигара!

— Нѣтъ, твоя-то исторія?

— Моя исторія... Да ты самъ бывалъ влюбленъ?

— Никогда.

— Ну, это пусть послужитъ тебѣ урокомъ... Впрочемъ, *вамъ* этихъ уроковъ ненадо! Сдѣлай милость, познакомься съ Хмѣлевскими: это тебѣ можно, прилично: онѣ—порядочное общество. Старуха-аристократка — обветшалая, правда, но аристократка; живетъ скромно, принимаетъ рѣдко, но въ большой чести...

— Я знаю, слышалъ.

— Ну, вотъ, познакомься. У нея двѣ дочери: одна старшая, а вотъ эта, Софья Александровна... ты увидишь. Онѣ знакомы съ моей сестрой—это онѣ снисхожденіе дѣлаютъ. Сестра крестикомъ на стѣнкѣ отмѣтитъ такой торжественный день, что онѣ пожаловали, да еще ты вслѣдъ за ними. Познакомься. Вы—пара, вы—ровня. Передъ тобой, можетъ-быть, растаетъ этотъ ледъ приличія и добродѣтели... Я два года не могу добиться...

— Такъ ты ужь давно знакомъ?

— Съ Софьей Александровной? Съ Москвы. Тамъ, когда еще не были для меня заперты двери порядочныхъ домовъ, когда на меня еще пальцемъ не указывали, не сторонились отъ меня, я хаживалъ къ ея роднымъ. Она у нихъ цѣлый годъ гостила; онѣ не отпускали ее къ матери. Да съ ней разстаться скоро нельзя. Такія существа, какъ она, посылаются на свѣтъ въ рѣдкія, особенно-щедрыя минуты. Красавица, мила какъ ребенокъ, думаетъ, чувствуетъ за всѣхъ, кроткая, съ отвѣтомъ на всякую мысль, съ слезами на всякое страданіе... Я, бывало, изъ себя выхожу:

кàкъ смѣютъ говорить съ ней, смотрѣть на нее другіе? Понимаютъ ли они, чтó дѣлаютъ? Кàкъ въ голову можетъ приходить, что къ ней можно обратиться, какъ къ другой дѣвушкѣ, съ комплиментами, съ любезностями: развѣ она то, чтó другія? Любить ее... Надо сперва понять, кàкъ должно ее любить! Совершенству надо давать совершенное! Мы привыкли къ тому, чтò намъ по плечу; мы погрязли въ посредственности; мы не понимаемъ, сколько высокое выше насъ; мы идемъ къ нему не задумываясь... вотъ, какъ старухи, пò привычкѣ, въ церковь ходятъ!... Она не отгонитъ, конечно; но вѣдь надо понять, кàкъ она добра, кáкъ боится оскорбить...

— Такъ у нея было много...

Ибраевъ хотѣлъ сказать «вздыхателей», но удержался и поправился.

— Такъ она никого не выбрала, не любила?

— Вообрази мое счастье—никого! отвѣчалъ Веретицынъ. Я ревновалъ, подмѣчалъ, наконецъ, какъ сумасшедшій, рѣшился самъ спросить ее. Я былъ короткій знакомый, почти на правахъ друга; договорился и спросилъ. Она всегда искренна: «никого»...

— Ну, чего же ты ждалъ? Тутъ бы и признаться.

— Тутъ и признаться? Но пойми: «никого», стало-быть, и не меня? Я сказалъ себѣ: «подожду; она полюбитъ меня». Мнѣ показалось даже хорошо дожидаться, видѣть ее часто. Этотъ откровенный разговоръ еще сблизилъ насъ. Я самъ сталъ во всемъ откровеннѣе; я даваль ей лучше узнавать себя; я съ ума сходилъ и холодно разсчитывалъ... Ты не можешь понять, кàкъ это дѣлается!

— Не могу, не могу. Вотъ, я и учусь.

— Учись!... Ты не знаешь, чтò такое роковая любовь. Не первая она, никогда не первая—такъ случилось со мной—а вотъ, такая, какъ эта, когда говоришь себѣ, что все найдено въ этой женщинѣ, все, чего душа просила, когда видишь, что жизнь освѣтилась...

Веретицынъ бросилъ сигару, которую десять разъ гасилъ и зажигалъ.

— Ну, чтò же? сказалъ Ибраевъ.

— Ну, чрезъ нѣсколько мысяцевъ меня выслали изъ Москвы сюда—вотъ и все. Я даже съ ней не успѣлъ проститься.

— И вы встрѣтились здѣсь?

— Я рѣшился... Ты это поймешь. Я, какъ пріѣхалъ сюда, умиралъ съ тоски; нѣкуда дѣваться; дома... ну, ты видишь! Узналъ

я, что Хмѣлевская мать бываетъ у сестры, и когда она однажды пріѣхала, рѣшился ей показаться. Она позвала меня къ себѣ. «Вы мою Сонечку знаете». Видите, это дало мнѣ право! Мать Богу молится на свою Сонечку. Ея еще тогда здѣсь не было: все гостила въ Москвѣ; но и безъ нея, мнѣ было у нихъ подушѣ. Хорошая старуха; другая дочь—добрая дѣвушка, говорить можно съ ними. Я сталъ ходить къ нимъ часто. Но—ты меня знаешь, или не знаешь — все-равно, мнѣ скоро стало тяжело тамъ быть. Кто, какъ я, въ ложномъ положеніи, тому нигдѣ не можетъ быть легко. Онѣ, Хмѣлевскія, знали мою исторію, знали, что я правъ, понимали это ясно, но—женщины! робко, какъ-будто и предъ собой боялись выговорить громко, что я правъ... Да что я на женщинъ! и мужчины то же дѣлаютъ. Ну, мнѣ это было тяжело: эти оглядки, особенно, когда посторонніе бывали у нихъ, заставали меня, посматривали на меня, какъ-будто удивляясь, зачѣмъ я тутъ. Мое знакомство компрометировало; особенно я изъ всего города только и бывалъ, что у однихъ Хмѣлевскихъ... Я подумалъ, что мнѣ не слѣдуетъ ихъ стѣснять собою, сталъ ходить рѣже, въ такіе часы, когда зналъ, что постороннихъ не застану. Онѣ этого будто не замѣтили, но сдѣлались какъ-то еще привѣтливѣе, то-есть онѣ поняли и косвенно благодарили. Это, какъ ты, надѣюсь, понимаешь, можетъ взорвать. Меня и взорвало, но я не отсталъ. Это было прошлой осенью; онѣ ждали Софью: она должна была пріѣхать наконецъ. Почтовыя кареты приходятъ сюда изъ Москвы вечеромъ поздно. Мать не могла идти въ почтамтъ встрѣчать Софью; сестрѣ было неудобно идти почти ночью одной. На встрѣчу Софьѣ въ назначенный ею день рѣшили послать одного лакея, чтобы помочь ей взять вещи. Я слышалъ эти распоряженія. Я ждалъ больше, чѣмъ мать и сестра. Въ полгода знакомства въ ея домѣ, въ ея семьѣ, гдѣ ее любили, гдѣ говорили о ней безпрестанно, я полюбилъ ее, кажется, еще больше, чѣмъ любилъ прежде. Я ждалъ ее... не знаю какъ, съ замираніемъ сердца. До ея пріѣзда оставался еще цѣлый мѣсяцъ. Мнѣ вообразилось, что она пріѣдетъ раньше назначеннаго срока, и нѣсколько почтовыхъ дней я торчалъ одинъ въ залѣ почтамта, пока приходила карета, пока пріѣзжіе выбирались, разбирались, пока расходились всѣ, даже сторожа. Меня признали тамъ; почтальйоны начали посматривать на меня и смѣяться. Мнѣ стало совѣстно; я началъ ходить на встрѣчу каретѣ за заставу...

— Въ октябрскіе вечера? прервалъ Ибраевъ.

— Въ октябрскіе вечера, два раза въ недѣлю, то въ слякоть, то въ заморозки, отвѣчалъ Веретицынъ съ какой-то настойчивой насмѣшкой. — Прибавь, что я кашлялъ не отводя голоса, что я прибѣгалъ иногда съ края свѣта, съ урока; что когда я ни съ чѣмъ возвращался домой часовъ въ десять, здѣсь уже всѣ полегли спать, и у меня не было стакана горячей воды, чтобъ согрѣться. Ну, это все вздоръ, ничего! Я все ждалъ. Я довелъ себя до того, что зябнуть мнѣ было наслажденіе, при одной мысли только, что я выну ее, Софью, сонную, тепленькую изъ кареты, что ея бѣленькое личико блеснетъ мнѣ при фонаряхъ, подъ дождемъ, подъ вѣтромъ, въ темнотѣ, въ толкотнѣ этой глупой, что̀ *тамъ* всегда. Такъ и случилось. Въ тотъ день карета еще запоздала; я продежурилъ то у заставы, то на подъѣздѣ почтамта, то въ залѣ, до полуночи. Лакей Хмѣлевскихъ приходилъ, ушелъ не дождавшись, вѣрно, заснулъ дома и не пришелъ вовсе. Когда я заслышалъ вдали, на площади, трубу кондуктора... ты не знаешь, что̀ чувствуется въ такія минуты!

— Не знаю; разскажи.

— Разсказать нельзя. Я кинулся какъ угорѣлый. Лошади еще не остановились, какъ я ужь отворилъ дверцу. Мнѣ прямо на руки свалилась толстая барыня и, съ просонка, кричитъ: «подержи, любезный, сундучокъ!» и суетъ мнѣ узлы, подушки какія-то. Я все это, и съ барыней, толкнулъ на троттуаръ: я заслышалъ въ каретѣ голосъ Софьи; она съ другой стороны тоже отдавала что-то кондуктору; я толкнулъ кондуктора...

— Ну, и высадилъ ее? Вѣдь главное состояло въ томъ, чтобъ ее высадить? прервалъ Ибраевъ.

Веретицынъ посмотрѣлъ на него.

— Да́, сказалъ онъ, послѣ секунды молчанія, взявъ брошенную сигару и опять стараясь зажечь ее:—взялъ ея вещи, кликнулъ ей крытыя дрожки, присѣлъ самъ съ извощикомъ и проводилъ ее къ маменькѣ. Онѣ цаловались цѣлые полчаса въ прихожей, а я стоялъ въ своемъ мокромъ пальто и любовался. Софья очнулась, наконецъ. «Вотъ кто меня проводилъ». Стали благодарить, приглашали отдохнуть, напиться чаю.—Что̀ за чай въ полночь! а онѣ годъ цѣлый не видались. Я не осмѣлился безпокоить и ушелъ, а между-тѣмъ вспомнилъ, что столоначальникъ задалъ мнѣ гору переписки къ утру. Она пришлась кстати, потому-что не спалось.

— Отчего же не спалось?

— Съ холоду, должно быть, отвѣчалъ Веретицынъ.

Онъ откинулся на стѣнку стула и курилъ еще равнодушнѣе своего пріятеля, который, чутко понявъ, что разговоръ упадаетъ, почувствовалъ себя неловко.

— Ну, потомъ ты бывалъ опять у нихъ, видѣлъ ее? спросилъ онъ, стараясь выказать даже нѣкоторое волненіе.

— Бывалъ, видалъ, бываю и вижу, отвѣчалъ Веретицынъ.

— И она?

— Чтò?

— Нѣтъ, но... кáкъ же... Какія же ваши отношенія съ ней?

— Я принятъ какъ прежде; стараюсь не наскучать. Ко мнѣ въ высшей степени внимательны. Вотъ, я недавно, весной, былъ боленъ: ея мать и она меня навѣстили.

— А, прекрасно! Это много значитъ...

— Ровно ничего не значитъ: онѣ навѣщаютъ и на чердакахъ.

— Дá, но не молодыхъ людей изъ общества.

— Я не молодой человѣкъ, я не принадлежу къ обществу, возразилъ Веретицынъ болѣе-рѣзко, чѣмъ хотѣлъ, и потому засмѣялся.

— Но... Но, надѣюсь, если она хорошо воспитана, то не даетъ этого замѣтить? сказалъ Ибраевъ, придавъ себѣ видъ озабоченнаго участія.

Веретицынъ расхохотался громко.

— Она прекрасно воспитана, отвѣчалъ онъ.

— Ну, чтò же? кàкъ же вы встрѣтились? продолжалъ Ибраевъ, стѣсняясь и ища словъ: — она не перемѣнилась?

— Похорошѣла, сказалъ Веретицынъ, вдругъ прервавъ свой смѣхъ. — Да сдѣлай милость, познакомься—увѣряю тебя, не раскаешься. Красавица, образована, умна... Я, хотя и маленькій человѣкъ, потерялъ право имѣть свое мнѣніе, но вкусъ у меня былъ когда-то. И такъ-какъ ты удостоиваешь меня своего расположенія, то я не смѣю оболгать ваше высокородіе. Пріятный домъ-съ, имѣю честь рекомендовать.

— Ты шутишь, прервалъ серьёзно Ибраевъ.—Пожалуй, чтобъ доставить тебѣ удовольствіе, взглянуть, я сдѣлаю визитъ, буду разъ, два; а больше мнѣ, право, некогда. И согласись, въ домѣ у Хмѣлевскихъ мое положеніе будетъ неловко, непріятнѣе твоего. Я жениться, по-крайней-мѣрѣ на m-lle Sophie, не намѣренъ,

будь она тысячу разъ красавица. Ты меня не упрекнешь и не заподозришь въ разсчетѣ, но ты самъ знаешь, что у Хмѣлевскихъ состоянія нѣтъ, а мнѣ оно нужно. Ка̀къ ни вертись, ка̀къ ни проповѣдуй, безъ денегъ жить нельзя. А покажись я только въ ихъ домъ, да бывай почаще... не то, что то̀лки—я къ провинціальнымъ глупостямъ заранѣе себя приготовилъ — но сами онѣ, старуха, дочери, просто, станутъ ловить какъ жениха. Mademoiselle Sophie и умна, и на чердакахъ навѣщаетъ, но отъ выгодной партіи, конечно, не прочь. Какъ ты думаешь?

— Всеконечно-съ... отвѣчалъ протяжно Веретицынъ. — А я вотъ еще что̀ думаю: одиннадцать часовъ ночи и вездѣ собакъ спускаютъ; если ваше высокородіе еще замѣшкаетесь, такъ онѣ вамъ полы оборвутъ, а, можетъ, и ногамъ достанется. Въ вашемъ званіи это приключеніе еще непріятнѣе, чѣмъ въ нашемъ, въ писарскомъ.

— Ты проказникъ! сказалъ Ибраевъ, смѣясь, вставая и взявъ свое пальто.

Оно свѣсилось рукавами книзу, но Веретицынъ не вставалъ и не помогалъ другу.

— Ну, прощай, сказалъ Ибраевъ, справившись одинъ: — хочешь еще сигару?

— Спасибо; я и ту не кончилъ.

— Вотъ что̀ значитъ отвыкнуть!

— Да̀.

— И не привыкай больше; что̀! вздоръ!... Какая ночь чудесная! Ты, вѣрно, пойдешь мечтать въ свой...

— Огородъ. Нѣтъ, спать хочу.

— Да, кстати, что̀ твоя садовая знакомка?

— Не знаю, я не видалъ ее больше.

— До свиданья.

Ибраевъ ушелъ.

III.

Вечера этого лѣта проводились очень-пріятно N—скими жителями. Командиръ стоявшаго въ N* полка давалъ *своихъ* музыкантовъ и они два раза въ недѣлю съ шести до десяти часовъ играли въ городскомъ саду. Городской садъ оживился; онъ наполнился такъ, что ходить въ немъ не было возможности. Модные магазины продали невѣроятное множество шляпокъ,

бурнусовъ и прочихъ нарядовъ, и благословляли полкъ и пріязнь его начальника къ старшинамъ благороднаго собранія, которые перевели на лѣто помѣщеніе клуба въ маленькій домъ, выходившій балкономъ въ садъ. Предъ самымъ этимъ балкономъ, на лужайкѣ, располагался оркестръ. Дамы-аристократки, уставая бродить въ тѣснотѣ, располагались на скамейкахъ вокругъ балкона, и къ нимъ выходили бесѣдовать господа, кончавшіе или еще неначавшіе своихъ партій въ клубѣ. Остальное народонаселеніе пестрѣло по дорожкамъ; поговаривали даже, что въ единственной большой бесѣдкѣ поправятъ полъ и устроятъ танцы. Хотя лѣтнія увеселенія начались довольно-рано, съ половины мая, но публика не охладѣвала къ нимъ, и можно было надѣяться, что не охладѣетъ до осени, если простоитъ хорошая погода и дружелюбіе статскаго и военнаго начальства.

Едва-ли не одинъ изъ всѣхъ N — скихъ молодымъ людей въ садъ не заглядывалъ Веретицынъ. Онъ слышалъ издали, изъ своего огорода, трубы и литавры оркестра; сначала эти отрывочные звуки тревожили его досадно, какъ что-то лишнее, что-то напоминавшее, приходившее напрасно возмущать тишину, къ которой молодой человѣкъ старался пріучить себя и почти привыкъ. Ничего нѣтъ досаднѣе, какъ шумъ при безлюдьи. Людей, пожалуй, было довольно кругомъ, но для Веретицына ихъ не было; когда темнѣлъ вечеръ, Веретицынъ на своей шаткой скамейкѣ, подъ хмѣлемъ, начиналъ находить наслажденіе въ замираніи всякаго движенія и шопота, въ холодноватомъ примерканіи свѣта. Чувство тоже становилось тихо, безъ порывовъ; прошедшее уходило какъ-то еще дальше; печаль дѣлалась не тупа, не покорна, но глубока и спокойна до торжественности. Въ ней была своя нѣга, свое наслажденіе. И вдругъ это наслажденіе нарушено нелѣпымъ стукомъ и громомъ издали, стукомъ и громомъ на потѣху людямъ, которые, ничего не дѣлая цѣлый вѣкъ, вздумали разнообразить свою праздность.

Веретицынъ разсердился на музыку, когда она, раздавшись въ первый разъ, выгнала его изъ сада. Въ другой разъ онъ повернулъ-было, чтобъ опять уйти, но раздумалъ: стало жаль потерять вечеръ. Въ третій разъ онъ сталъ прислушиваться. Оркестръ игралъ финалъ изъ «Лучіи»; Веретицынъ узналъ его изъ нѣсколькихъ нотъ, принесенныхъ по вѣтру. Онъ самъ не могъ опредѣлить чувства, которое заставило его приподняться на скамейкѣ и, почти съ біеніемъ сердца, ждать другаго отрывка.

Онъ ни за что бы не захотѣлъ быть тамъ, въ саду, у оркестра, но ни за что не промѣнялъ бы ощущенія, которое охватило въ эти минуты его душу. Черныя деревья, роса, отъ которой темнѣла дорожка, стрекотанье кузнечиковъ въ промежуткахъ мелодіи, блѣдныя, чуть-видныя звѣзды въ глубокихъ голубыхъ впадинахъ между бѣлѣвшими облаками, огни въ окнахъ сосѣдей, маленькіе, но яркіе, съ дрожащими розовыми лучами, пустота кругомъ и больное чувство въ груди—все это было хорошо вмѣстѣ, шло одно къ другому. Дворняшка вбѣжала въ плохо-затворенную калитку. Веретицынъ спросилъ кусокъ хлѣба подъ окномъ кухни, воротился на скамейку, кормилъ собаку и слушалъ «Лучію».

Его расположеніе духа, конечно, не повторилось больше. Въ слѣдующій вечеръ, онъ еще приподнялъ голову, услыша трубы, но онѣ гремѣли какой-то вальсъ и продолжали вальсы и польки во весь вечеръ: это было больше по вкусу публики. Веретицынъ нашелъ, что прислушиваться глупо, что это ребячество, тѣмъ болѣе, что въ сосѣднемъ саду дѣти слушали тоже. Онъ подошелъ къ плетню и машинально заглянулъ черезъ него.

Дѣти, игравшія въ кустахъ, не замѣтили Веретицына; но молоденькая дѣвушка, съ которой, недѣлю назадъ, онъ вздумалъ свести знакомство, увидѣла его. Ихъ взгляды встрѣтились. Веретицынъ поклонился. Дѣвушка, какъ-будто съ недоумѣніемъ, но спокойно отвѣчала тѣмъ же.

Впрочемъ, на этотъ разъ спокойствіе было больше наружное; правда, она не убѣжала, не отвернулась, не потупилась, но ей стало неловко отъ пристальнаго взгляда, который былъ обращенъ на нее; ей стало неловко перебрасывать мячикъ съ мальчикомъ моложе ея — занятіе, которое до этой минуты ей очень нравилось; она закинула мячикъ въ траву и сказала:

— Довольно, Коля, я устала; не хочу больше.

Коля разсердился, что забросили его мячикъ, и принялся отъискивать. Дѣвушка взглянула въ сторону Веретицына и, видя, что онъ все на нее смотритъ, смутилась уже замѣтно. Она отошла отъ дѣтей; ей видимо казалось неловко оставаться на мѣстѣ; но, отходя, она не могла не пройти мимо плетня, подлѣ Веретицына. Замѣтя это, она торопилась пройти скорѣе.

Ему хотѣлось смѣяться.

— Что жь вы не гуляете въ городскомъ саду? спросилъ онъ, когда она поровнялась съ нимъ.

Она покраснѣла и остановилась. Веретицынъ повторилъ вопросъ.

— Такъ, не хочу, отвѣчала она.

— Будто не хотите? Вѣдь, вы не отъ себя зависите, конечно? Васъ, вѣрно, не отпустили, или не взяли?

— Кто это? спросила она, немного обидясь.

— Не знаю, кто-нибудь; ваша маменька, вашъ папенька. Они, вѣрно, ушли, а васъ оставили дома.

Она хотѣла отойти, не отошла, и отвѣчала:

— Надо съ дѣтьми остаться.

— Какая скука!

— Тамъ скучнѣе, возразила она.

— Кто это сказалъ?

— Никто не говорилъ, я сама знаю, продолжала она твердо, поднявъ голову и глядя на него. — Тамъ тѣснота, надо быть нарядной, ходить шагъ за шагомъ, молча—вотъ и все удовольствіе.

— Точно такъ, отвѣчалъ Веретицынъ. — Удивительно только, зачѣмъ же всѣ туда идутъ?

— Я еще успѣю быть на гуляньяхъ, возразила она, помолчавъ, и уже не такъ рѣшительно.

— Успѣете? Кто вамъ сказалъ?

— Она взглянула на него, удивленная.

— Кто вамъ сказалъ, что успѣете? продолжалъ Веретицынъ:— кто за одинъ день, за одинъ часъ поручится?

— Я умирать не сбираюсь, отвѣчала она, улыбнувшись.

— Я и не пророчу вамъ смерть, не безпокойтесь. Но кто поручится, что когда васъ поведутъ на гулянье, вы ужь сами не захотите?

— О, всегда захочу! сказала она.

— Это еще не навѣрное. Вотъ вы уже и теперь говорите, что тамъ скучно, а чрезъ годъ, чрезъ два... воды много утечетъ. У васъ до-тѣхъ-поръ могутъ случиться и огорченія, которыя перемѣнятъ вашъ характеръ, и пройдетъ желаніе видѣть что-нибудь, или придетъ желаніе чего-нибудь получше того, что̀ вамъ предложатъ. Лучше бы давали теперь, право, покуда всѣ эти пустяки еще имѣютъ для васъ какую-нибудь цѣну.

— Вотъ, вы сами говорите, что это пустяки.

— Да я-то говорю, мнѣ можно говорить, возразилъ Веретицынъ: — я видѣлъ, потому и говорю. Я знаю, какими кажутся

вещи, когда разглядишь ихъ: потому и надо брать ихъ, покуда еще не разглядѣлъ. Закрыть глаза, веселиться, пользоваться — вотъ молодость! А то что? Вы сами ребенокъ, а за дѣтьми вамъ велѣно присматривать, покуда тамъ папенька съ маменькой Ланнера слушаютъ.., Вотъ, это Ланнера вальсъ играютъ, Hoffnung Strahlen, прислушайтесь: славный вальсъ! Вы музыкѣ учитесь?

— Да́... Ка̀къ вы назвали этотъ вальсъ?

— Hoffnung Strahlen. Вамъ нравится названіе?

— Да... Какое странное! Почему онъ такъ названъ?

— Не знаю. Можетъ-быть, и есть какая-нибудь исторія у этого вальса. У всего есть своя исторія. Была какая-нибудь хорошая минута у человѣка—онъ въ память ей и назвалъ свое произведеніе. Могла быть и дурная минута.

— Ну, ужь въ память дурныхъ минутъ не сочиняютъ вальсовъ!

— Почему же нѣтъ? Добрые люди все-равно будутъ прыгать.

— Да̀, если не знать, что́ значитъ эта музыка; но если знать...

— Все-равно! Развѣ только музыка можетъ напоминать печальное? развѣ каждый изъ насъ не знаетъ чьего-нибудь горя, да не одно чье-нибудь горе, а горе многихъ—что жь? это насъ не безпокоитъ. Мы не подъ вальсъ вертимся, а все-равно, вертимся на свѣтѣ—веселы; другимъ хоть въ петлю, а намъ нѣтъ дѣла.

Дѣвушка задумалась и взглянула на него. Веретицынъ улыбнулся.

— Вы попрежнему много занимаетесь? спросилъ онъ, помолчавъ.

— Да̀, много.

— Все къ экзамену?

— Почему вы знаете?

— Вы сами сказали, тогда.

Она вспыхнула.

— Право, я вамъ позавидовалъ: такъ прилежны! Воскресный день, вечеръ чудесный, а вы, не поднимая головы, твердите, твердите. Не-уже-ли всегда такъ?

— Да... Нѣтъ... Нѣтъ, знаете, это къ экзамену. Насъ сорокъ-двѣ воспитанницы въ пансіонѣ...

— Вы — которая по классамъ?

— Я?... я шестая. Но я въ-младшемъ классѣ... Такъ видите (она еще покраснѣла), папенькѣ и маменькѣ очень хочется, чтобъ

меня перевели въ старшій классъ, наградили и повысили. Я изъ всѣхъ силъ стараюсь. Я знаю, имъ будетъ такое удовольствіе, если я всѣхъ перегоню...

— И тогда папенька и маменька купятъ вамъ соломенную шляпку съ розаномъ, бѣленькій бурнусъ и поведутъ васъ на гулянье?

Ея прекрасные глаза загорѣлись отъ негодованія.

— Съ чего вы взяли, что̀ я изъ этого хлопочу? прервала она. — Какъ вы смѣете надо мной насмѣхаться?

— Помилуйте, ни мало! возразилъ равнодушно Веретицынъ:— я сказалъ это потому, что, предполагаю, вашему папенькѣ и маменькѣ будетъ очень-пріятно показать всѣмъ свою милую дочь, которая доставила имъ такое удовольствіе; они сдѣлаютъ это для самихъ себя, а не для васъ.

Она смотрѣла на него.

— Для самихъ себя, повторилъ Веретицынъ:—какъ же иначе? Вотъ теперь вы замѣняете ихъ для меньшихъ дѣтей; вы для нихъ учитель; вы для нихъ будете хороши, для нихъ будете веселы: все это для удовольствія вашего папеньки и маменьки. Я это та̀къ понимаю, что не дѣлаю вамъ даже комплимента, что вы прекрасная, покорная, нѣжная дочь: вы только исполняете вашъ долгъ. Поступайте всегда такъ. Живите всегда такъ. Живите всегда вполнѣ для вашихъ папеньки и маменьки. Скучайте, когда это имъ угодно; морите себя надъ книгой, надъ работой, надъ чѣмъ случится; выставляйтесь на-показъ, когда они васъ выставятъ—это ихъ воля, это имъ пріятно: вы—ихъ собственность. Вы не просили у нихъ родиться, вы не въ правѣ просить жить та̀къ, какъ вамъ самимъ вздумается. Когда я говорилъ о новой шляпкѣ, я думалъ только, ка́къ ваша маменька будетъ по своему вкусу выбирать ее для васъ, и хотѣлъ замѣтить вамъ, чтобъ вы не спорили при выборѣ: это радость маменьки — не мѣшайте ей. А что васъ поведутъ въ публику, то, конечно, для того, чтобъ папеньки и маменьки тѣхъ подругъ вашихъ, которыхъ вы перегоните, смотрѣли и казнились, зачѣмъ Господь не послалъ и имъ такихъ же дочерей. Если вамъ тогда встрѣтятся эти подруги, вы не давайте имъ замѣтить, что вы огорчены за нихъ вашимъ торжествомъ... Что̀ я! и въ-самомъ-дѣлѣ не огорчайтесь: вы исполнили вашъ долгъ, доставили удовольствіе...

Дѣвушка была блѣдна и не сводила глазъ съ Веретицына, обламывая сухія вѣтки плетня. Веретицынъ засмѣялся.

— Я шучу, сказалъ онъ. — Учитесь, старайтесь, если вамъ это пріятно. Право, я шучу. Извините... Вы любите занятіе?

— Да́, люблю, отвѣчала она.

— Что́ для васъ въ немъ особенно-пріятно?

— То̀, что какъ-то совсѣмъ забываешь, что́ вокругъ насъ дѣлается.

— Для чего жь вамъ это? спросилъ Веретицынъ:—развѣ вокругъ васъ нехорошо?

— Нѣтъ, хорошо; но такъ лучше. Я возьму книгу и часто, просто, не чувствую, гдѣ я. Такъ, уходишь будто въ другой міръ совсѣмъ...

— И это, напримѣръ, твердя о Лудовикѣ...

— Лёленька, гдѣ ты? послышались голоса дѣтей.—Папенька съ маменькой воротились.

Веретицынъ замѣчалъ, но дѣвушка не замѣтила, что стемнѣло. Она оглянулась, какъ-будто испугалась, и побѣжала.

— Прощайте, Лёленька! сказалъ ей вслѣдъ Веретицынъ.

Она обратилась бы на его прощанье, но оно показалось ей неучтиво...

IV.

Веретицыну понравилась эта забава. Когда въ жизни нѣтъ цѣли, къ ней идутъ забавы, у которыхъ тоже нѣтъ цѣли: между ними есть что-то общее. Жизнь проходитъ точно въ забытьѣ; ея забавы и огорченія должны быть неуловимы, какъ сны, а между-тѣмъ, у нихъ есть своя занимательность. На другой день утромъ Веретицынъ, чувствуя себя нездоровымъ, рѣшился не идти въ должность, взялъ книгу и пошелъ въ садъ. Отворяя калитку, онъ подумалъ о Лёленькѣ.

Ей еще больше хотѣлось видѣть «сосѣда». Лёленька была дочь очень-небогатаго господина, изъ N-скихъ чиновниковъ. Семья была огромная, воспитывалась въ страхѣ; для дѣвочки, знавшей только дорогу въ свой пансіонъ, и то подъ надзоромъ работницы, которая посылалась провожать—для примѣрной ученицы пансіона, несмѣвшей взглянуть иначе, какъ съ почтеніемъ, на лица учителей, и потому незнавшей, молоды они или стары; для барышни строго-держанной, которая и въ церковь не ходила иначе, какъ съ матерью или пожилой родственницей, было великимъ событіемъ — разговоръ черезъ плетень съ молодымъ и «хоро-

шенькимъ» сосѣдомъ. Лёленька замѣтила, что Веретицынъ хорошенькій.

Но ее заняло еще другое: Веретицынъ говорилъ какъ-то странно. Дома, въ семьѣ, она, конечно, не слышала не только ничего подобнаго, но тамъ не только не бывали, тамъ и по имени не назывались никакіе молодые люди. Въ пансіонѣ о молодыхъ людяхъ говорили подруги; но то, что онѣ разсказывали подъ большимъ секретомъ, было опять не похоже на разговоръ Веретицына: секреты состояли въ пожатіи ручки, въ комплиментахъ. Лёленькѣ это какъ-то не нравилось, можетъ-быть, потому, что было чрезвычайно-однообразно. Она даже не любила слушать эти секреты, и потому рѣдко попадала въ повѣренныя. Она была скучная повѣренная, не умѣла ни сочинить, ни передать записочки, ни скрыть ничего, ни вывернуться изъ бѣды: по ея лицу можно было сейчасъ обо всемъ догадаться. Ей все казалось то неловко, то невозможно; ей было жаль обманутыхъ, стыдно старшихъ. И тѣмъ досаднѣе бывали ея отговорки, что Лёленька была вовсе не робка.

Она это доказывала этимъ утромъ, уйдя въ садъ твердить свои уроки и выбравъ себѣ мѣсто недалеко отъ плетня. Она была увѣрена, что не увидитъ сосѣда: онъ служитъ и съ утра въ должности; но ей казалось какъ-то лучше сидѣть тутъ, поближе, въ тѣни большой липы, и, заглядывая въ риторику Кошанскаго, заглядывать издали, какъ между щелями плетня блеститъ на солнцѣ дорожка сосѣдняго сада; она не усыпана пескомъ, не убита щебнемъ, но, должно-быть, сосѣдъ утопталъ ее ходя взадъ и впередъ. Сосѣдъ очень-странный человѣкъ. Папенька какъ-то говорилъ, что его за что-то сюда прислали. Сестра его, казначейша, какая смѣшная! Зачѣмъ онъ какъ-то нехорошо смѣется?

Лёленька опускала глаза въ книгу и старалась взять въ толкъ объясненіе метафоры, метониміи, синекдохи и ироніи, но это ей никакъ не удавалось. Она подумала, между-прочимъ, что на чернобыльникѣ всегда водятся прехорошенькія зеленыя букашки, блестящія, и посмотрѣла въ ту сторону, гдѣ разрослись огромные кусты чернобыльника, около плетня.

«На что ему нужно, что я учу, чѣмъ занимаюсь?» спросила себя Лёленька. «Онъ надо мной смѣется: я этого ему не позволю. И какъ-то странно смѣется, не такъ, какъ другіе; отъ его

смѣха скучно на душѣ. Ему, должно-быть, скучно здѣсь; ни съ кѣмъ, говорятъ, незнакомъ... А я съ нимъ знакома!»

Лёленька засмѣялась, бросила Кошанскаго, прилегла на траву, щипала ее полныя горсти и бросала кругомъ себя. Наконецъ, она сказала почти-громко:

«Надо, однако, выучить», и принялась твердить наизусть, въ особенной тетрадкѣ, въ числѣ примѣровъ:

Речешь — и двигнется полсвѣта,
Различный образъ и языкъ...

Просвѣтъ въ плетнѣ потемнѣлъ, по дорожкѣ мелькала тѣнь; Лёленька услышала неровные шаги, легкое покашливанье и мурчанье подъ-носъ, которое издававшій его считалъ, конечно, за пѣніе.

«Однако, онъ не очень прилежно читаетъ», успѣла подумать Лёлинька, пока еще у нея не совсѣмъ упало сердце.

Но оно упало совсѣмъ, и перепуганная дѣвочка поспѣшила поднять Кошанскаго, чтобъ потихоньку пробраться домой, пока еще не увидѣлъ ее сосѣдъ. Онъ еще что-нибудь выдумаетъ...

«Но что онъ выдумаетъ? Чтó жь такое?... я въ своемъ саду урокъ учу.»

И она продолжала:

Различный образъ и языкъ,
Тавридецъ, чтитель Магомета,
Поклонникъ идоловъ, калмыкъ...

Послѣдній стихъ ни за чтò не шелъ ей на память. Веретицынъ ходилъ по своей дорожкѣ, читалъ свою книгу, мурчалъ свою пѣсню и не оглядывался. Лёленькѣ стало почему-то скучно; солнце показалось ей какое-то досадно-свѣтлое, трава какая-то досадно-густая, липа какая-то досадно-черная — все не такъ! Въ Лёленьку, какъ ребенка, влетѣлъ капризъ, и она почему-то дала себѣ клятву никогда не приходить сюда учить уроки.

Веретицынъ подошелъ къ плетню и поклонился.

— Чѣмъ вы занимаетесь? спросилъ онъ.

Лёленька хотя положительно не имѣла этого намѣренія, но встала и показала ему книгу. Правда, ей было бы немного неловко говорить; несмотря на то, что солнце было слишкомъ жарко, у дѣвочки даже слегка побѣлѣли и похолодѣли губы.

Веретицынъ взглянулъ въ книгу и отдалъ ее назадъ.

— Прекрасно! сказалъ онъ.

— Вы это знаете? выговорила Лёленька.

— Нѣтъ-съ, не знаю. Но все-равно, прекрасно.

— А я ничего не понимаю.

— То и хорошо. Вы тàкъ и выучите—крѣпче будете помнить.

— Кàкъ же это?

— Такъ. А то, если поймете, станете думать, у васъ умъ за разумъ зайдетъ — вы ничего и не вытвердите.

— Вы все смѣетесь! сказала Лёленька и бросила книгу.

Веретицынъ засмѣялся.

— Зачѣмъ же вы ее бросаете? спросилъ онъ.

— Надоѣла.

— Какъ же вы говорили, что любите забываться въ чтеніи, что жизнь для васъ идетъ лучше, и еще не знаю чтó? продолжалъ онъ, смѣясь.—Вчера только говорили.

— Зачѣмъ вы все смѣетесь? повторила Лёленька.

— Для чего жь скучать? возразилъ Веретицынъ, все смѣясь. —Ну, поговоримте серьёзно. Какъ подвигаются ваши приготовленія къ экзамену?

— Такъ... Я, вотъ, твержу и ничего не понимаю.

— Это со всякимъ можетъ случиться.

— И съ вами случалось?

— Когда я былъ маленькій? конечно.

— Я не маленькая, сказала Лёленька тихо, обидясь.

Ей показалось еще обиднѣе, что Веретицынъ не улыбнулся на это.

— Вы бы лучше растолковали мнѣ, чѣмъ все насмѣшничать, продолжала она, конфузясь по мѣрѣ того, какъ говорила: — вы все знаете.

— Вопервыхъ, я не насмѣшничаю, вовторыхъ, я ничего не знаю, возразилъ Веретицынъ.

— Но вѣдь васъ учили?

— Маленькаго. Съ-тѣхъ-поръ я все перезабылъ.

— А потомъ какъ же?

— Выучился кое-чему съизнова.

Она посмотрѣла на него въ раздумьи, поднявъ свои большіе глаза.

— Должно-быть, вамъ было очень-трудно, замѣтила она.

— Легче, чѣмъ вамъ твердить Кошанскаго, отвѣчалъ онъ:—

или, вотъ еще о тѣхъ великихъ людяхъ, съ которыми вы тогда... прошлый разъ прохаживались.

Лёленька вспыхнула.

— Я потому и удивился, продолжалъ Веретицынъ:—когда вы сказали, что занятія васъ переносятъ въ другой, лучшій міръ. Какой міръ, думаю, съ разными вселюбезнѣйшими, да, вотъ, съ этакой поэзіей: «Въ горохѣ воробей, гони и вора бей...» Вотъ, тутъ, позвольте, это есть...

— Вы сказали, что перезабыли, не знаете, возразила Лёленька съ досадой, не давая ему книгу.

— Такія диковинки поневолѣ помнятся, отвѣчалъ Веретицынъ, засмѣявшись. — Извините, впрочемъ, вы не любите смѣха, вы, сколько я замѣтилъ, особа серьёзная, хлопочете научиться. Можетъ-быть, и это отъ чего-нибудь полезно.

Онъ указалъ на несчастную риторику.

— Я, точно, самъ когда-то твердилъ это, видѣлъ какъ твердили другіе, не случалось еще замѣтить, чтобъ это на что-нибудь пригодилось; но вѣдь я могу и ошибиться. Скука сама-по-себѣ вещь полезная: человѣкъ тупѣетъ и дѣлается тихъ — это хорошо. Въ прописяхъ написано: «Будь кротокъ, тихъ, скроменъ и меньше говори...» дальше не помню, но мораль отличная, покойная: все тишь да гладь — божья благодать... Вы учите наизустъ чепуху; не брезгайте; та́къ надо. Въ другой книжкѣ у васъ написано, что такой-то и такой-то былъ великій человѣкъ— и вѣрьте, не смѣйте соображать ничего, а то неравно поймете, что одинъ великій былъ самодуръ, другой негодяй, третій потому безгрѣшенъ, что согрѣшить не подвернулось случая. Васъ учатъ, что всѣ на свѣтѣ были ангелы — ну, и тѣмъ лучше для васъ. Въ головѣ у васъ, вмѣсто настоящаго дѣла, носится легкій чадъ, но не безпокойтесь, и онъ скоро пройдетъ: вѣдь вы обогащаете себя познаніями въ угоду вашимъ родителямъ; а какъ только исполните этотъ долгъ, угодите имъ, то будете свободны забыть все, что̀ выучили. Что̀ бъ тамъ ни выучили, изъ чего хлопотать, все годится: вѣдь не надолго?

Лёленька обрывала углы своей книги и молчала. Веретицынъ замолчалъ тоже и, положивъ голову на плетень, смотрѣлъ на дѣвочку. Она вдругъ оглянулась.

— Стало-быть, я учусь вздору? спросила она довольно-рѣзко, отчего дрогнулъ ея голосъ.

Веретицынъ засмѣялся.

— Я не говорю этого, отвѣчалъ онъ: — то̀, что для меня вздоръ, можетъ другимъ казаться не вздоромъ. Ваши книжки люди писали; эти люди о чемъ-нибудь думали.

— А умно они думали, или нѣтъ? продолжала она.

— Почему жь я знаю? возразилъ, смѣясь, Веретицынъ.—Вы говорили, что съ этими книжками вы весь міръ забывали.

Лёленька отвернулась и смотрѣла подъ тѣнь липы, гдѣ, за полчаса предъ тѣмъ, учила свой урокъ. Ей было неловко и какъ-то жаль чего-то, что̀ было за полчаса. Тѣнь была ужь короче; Лёленькѣ казалось, какъ-будто ушло что-то. Трава, которую она нарвала и разбросала, завядала на солнцѣ. Длинная, голубая стрекоза сверкнула и скрылась; Лёленька еще встрепенулась посмотрѣть куда она полетѣла, но вдругъ одумалась и обратилась къ Веретицыну:

— Какую книжку вы читали?

Веретицынъ подалъ ей свою книгу и взялъ, взамѣнъ ея, Кошанскаго; она уступила, не обращая вниманія, но, заглянувъ въ его книгу, возвратила ее тотчасъ.

— Не понимаю, сказала она.

— Это поанглійски; Шекспиръ.

Лёленька была сконфужена, какъ конфузятся иногда люди, даже невиноватые въ своемъ невѣжествѣ, и сказала, чтобъ поправиться:

— Вѣдь это писатель конца шестнадцатаго столѣтія?

— Такъ точно, отвѣчалъ Веретицынъ.

— Какая старина! Къ-тому жь, онъ писалъ для народа... Конечно, королева удостоивала его своей благосклонности, но въ его пьесахъ языкъ самый грубый...

— Вы читали его что-нибудь? прервалъ Веретицынъ, которому стало жаль, какъ она конфузилась.

— Нѣтъ.

— Хотите прочесть?

— Я не знаю поанглійски.

— У меня, кажется, есть нѣкоторыя его вещи во французскомъ переводѣ, я поищу и дамъ вамъ. Переводъ, конечно; но все-таки вы познакомитесь.

Лёленька покраснѣла отъ страха, отъ радости, сама не зная отъ чего. У нея мелькнуло въ головѣ: какъ же это она возьметъ книгу отъ сосѣда, и что̀ за книга? и если узнаютъ? Надо

будетъ прятать, а прятать она ничего не умѣетъ... Она хотѣла отказаться и между-тѣмъ спросила:

— А хорошо это?

— Увидите.

— Нѣтъ... но можно читать?

— Я, вотъ, читаю въ двадцатый разъ.

— Нѣтъ... но, можетъ-быть, это дурная книга, продолжала дѣвочка, почти задыхаясь и краснѣя отъ смущенія.

Веретицыну хотѣлось засмѣяться; но она взглянула на него такъ прямо и довѣрчиво, что онъ удержался. Дѣвочка не имѣла понятія о дурныхъ книгахъ, развращающихъ воображеніе, слѣдовательно, не подозрѣвала, чтобъ молодому человѣку могла придти дерзкая мысль пошутить и дать ей подобную книгу; но она слышала, что есть зло, и въ ея чистомъ взглядѣ выразился страхъ узнать его.

Веретицынъ помедлилъ отвѣтомъ.

— Нѣтъ, сказалъ онъ наконецъ: — книга недурная, но въ ней люди какъ люди—не ангелы, даже не великіе люди; и дурныхъ довольно.

Ея прекрасные глазки отуманились.

— Тамъ жизнь, продолжалъ Веретицынъ: — не розовая, потому-что розовой нѣтъ. Слезы такъ слезы, вражда такъ вражда, и ненависть и измѣна, дружба ложная, любовь глупая...

— На что жь это писать? прервала она.

— На что? возразилъ онъ съ злостью, потому-что послѣднія собственныя слова повернули ему сердце: — на то, чтобъ люди читали да пораньше умнѣли.

— Умнѣли, повторила она:—на что?

— Будьте покойны, сказалъ онъ:—кто не захочетъ, тотъ насильно не поумнѣетъ. Живите-себѣ счастливо; люди будутъ кричать—вы не слушайте, будутъ умирать—не смотрите. Все ангелы, все идеалы. Хорошо вамъ—ну, и Богъ съ вами!

Онъ замолчалъ и смотрѣлъ въ садъ. Лёленька не отходила.

— Принесите же мнѣ Шекспира, выговорила она чрезъ минуту.

— Хорошо, поищу, отвѣчалъ онъ равнодушно.—Что это, все вашъ садъ?

— Нашъ.

— Вишень много у васъ?

— Нынѣшнюю весну цвѣли хорошо.

— Вы до нихъ охотница?

— Да̀, люблю, отвѣчала Лёленька, съ неопредѣленнымъ желаніемъ заплакать.

— Ваши братья ходятъ куда-нибудь учиться?

— Нѣтъ еще; никуда.

Веретицынъ посматривалъ по сторонамъ. Было близко полдня и солнце жарко свѣтило ему въ глаза, когда онъ поднялъ голову.

— Пора домой, сказалъ онъ, жмурясь и отирая лобъ.—Славный день какой! Вы что̀ будете дѣлать?

Лёленька взглянула на свою книгу, которая оставалась у него въ рукахъ, но не осмѣлилась попросить ее.

— Пойду шить въ пяльцахъ, отвѣчала она.

— Ну, прощайте. А весело шить?

— Весело... ничего, отвѣчала она съ какимъ-то отвращеніемъ, вспомнивъ въ эту минуту свои пяльцы.

— Ничего? повторилъ Веретицынъ и разсмѣялся. — Вѣрно, шьете манишку для маменьки?

— Да̀.

— Прекрасно! Прощайте.

Придя домой, Веретицынъ отыскалъ въ своихъ связкахъ нѣсколько тетрадокъ французскаго изданія Шекспира въ двѣ колонны, съ маленькимъ, плохимъ политипажемъ вверху каждой пьесы. Тетрадки были довольно-ветхи—память далекихъ годовъ, какъ-то уцѣлѣвшая въ позднѣйшее, болѣе-занятое, болѣе-смутное время. Эти тетрадки — пріобрѣтеніе на экономіи студента, начало библіотеки, первое осуществленіе любимой мечты—болѣе нежели что-нибудь напоминали всѣ неудачи, всю напрасную растрату жизни, всю несбывчивость веселыхъ надеждъ; онѣ какъ-то яснѣе всего говорили, что все умерло. Желтоватыя, отмѣченныя на поляхъ ногтемъ и карандашомъ, съ листками замѣтокъ и попытокъ перевода, вложенными между страницъ, онѣ казались какимъ-то наслѣдствомъ отъ покойника, между-тѣмъ, какъ владѣлецъ ихъ, живой, смотрѣлъ, не узнавая своего измѣнившагося почерка, не узнавая своей души въ этихъ замѣткахъ.

Веретицынъ собралъ ихъ опять и сунулъ въ ящикъ. Онъ отбросилъ въ сторону только одну: «Ромео и Джульетта».

«Вотъ ей! пусть просвѣщается!» сказалъ онъ самъ себѣ, улыбаясь и возвращаясь насильной шуткой къ дѣйствительности, изъ которой былъ вызванъ на минуту.

V.

Лёленька сама не знала, какъ проводила свой день. Она пришла изъ сада смутная и въ-самомъ-дѣлѣ сѣла за пяльцы. Мать напомнила ей, что завтра начинается экзаменъ, и что лучше бы она твердила.

— Я все вытвердила, отвѣчала Лёленька.

Ей было на кого-то досадно, можетъ-быть, и на мать, которая напоминаетъ объ ученьи, объ этомъ вздорѣ... А кстати, книжка Кошанскаго такъ и осталась у сосѣда. Да она ненужна завтра, а покуда понадобится, можно успѣть ее взять у него.

Лёленькѣ стало какъ-то страшно при этой мысли; ей хотѣлось заплакать. Она успокоила себя, сказавъ мысленно, что она не маленькая.

Она шила, отодвигая пяльцы отъ окна, по мѣрѣ того, какъ входило и мѣшало ей солнце: занавѣсокъ не было. Эти хлопоты мѣшали ей задумываться за работой; но скучнѣе отъ нихъ становилось вдвое. Наконецъ, дѣвочка рѣшилась укрѣпить на окнѣ булавками большой ковровый платокъ и усѣлась покойно.

— Темь какая! сказала мать, входя изъ кухни: — что это ты за новости выдумала?

— Въ глазахъ рябитъ, возразила Лёленька.

— Видишь, какія нѣжности! Завѣсила окно, на улицу ничего не видно; сейчасъ Марина съ улицы Колю съ Васей привела, они тамъ бунтъ подняли за свинчатки. Тебѣ все ничего и не заглянешь, хоть братья носы себѣ перекусай—не вступишься. А большая считается, старшая, говорятъ! Вотъ французскому языку васъ учатъ, а чего дѣльнаго вы и знать не хотите. Сидитъ, шьетъ, важничаетъ...

Лёленька молчала; ее продолжали бранить. Мать сдернула платокъ, причемъ оторвала лоскутъ обоевъ.

— Позвольте, сказала Лёленька.

— Чего еще?

— Какъ же, обои...

— Еще тебѣ вздора жалко, дряни жалко, продолжала мать, волнуясь, и испортивъ одно, желая испортить еще что-нибудь.— Сама надѣлала бѣдъ да и плачется! Много ты въ потьмахъ хорошаго нашьешь! Вотъ, гляди, куда у тебя узоръ пошелъ: криво, косо...

Въ эту минуту папенька воротился изъ должности. Онъ былъ распеченъ, и потому сердитъ, и кричалъ на работницу еще съ крыльца.

Собрали дѣтей изъ сада, со двора, съ улицы, подали обѣдъ. Лёленькѣ почему-то казалось, когда она садилась за столъ среди бѣготни и шума, что все это происходитъ съ нею въ первый разъ въ жизни; но, странно, это не столько огорчало ее, сколько удивляло. Ей казалось все это будто во снѣ. Вѣроятно, это было написано на ея лицѣ, потому-что папенька замѣтилъ.

— Кто тебя побилъ?

Коля и Вася, вспомня свою ссору за свинчатки, поссорились за куриную ногу въ лапшѣ и были тутъ же побиты. Работница, испугавшись погрому, придавила хвостъ вертѣвшемуся кругомъ котенку, котораго, вслѣдъ за тѣмъ, папенька отправилъ въ окно. Маленькая Маша, которой принадлежалъ котенокъ, заплакала тихонько. Лёленька посмотрѣла на нее и сказала себѣ, что ни за что не заплачетъ. Петя и Вася стали поддразнивать Машу. Лёленька почувствовала, что ее что-то схватило за горло, и сказала имъ, чтобъ они замолчали.

— Что ты распоряжаешься? крикнулъ на нее папенька:—дѣтямъ слова сказать нельзя!

Она оробѣла. Мать въ эту минуту положила ей на тарелку кусокъ свинины съ какой-то вонючей и ѣдкой приправой. Лёленька ненавидѣла это кушанье.

— Покорно благодарю, я не хочу, выговорила она.

— Ѣшь! закричалъ отецъ.

Онъ былъ такъ страшенъ съ щетинистымъ хохломъ своихъ сѣдоватыхъ волосъ, въ разстегнутомъ вицмундирѣ, безъ галстуха, въ крахмаленной манишкѣ, которая торчала вверхъ воротничками; на столѣ такъ запрыгали горшки и кувшинъ съ квасомъ, что Лёленька опустила глаза и ѣла не чувствуя, что глотаетъ.

— Что, не умерла, модница? проговорилъ папенька.

Онъ всталъ изъ-за обѣда прежде всѣхъ и пошелъ почивать. Дѣти вырвались во дворъ, мать съ работницей отправилась въ кухню. Лёленька пошла къ своимъ пяльцамъ. Мать надѣлала на нихъ довольно безпорядка, осматривая утромъ работу. На дворѣ было жарко, и всего три часа. Лёленька сѣла, вдѣла иголку, сложила руки на колѣняхъ и смотрѣла передъ собой. Она была одна; ей хотѣлось сообразить что-то, и какъ-то ничего не думалось. Она только спросила себя, почему ей сегодня все это такъ

въ диковинку? отчего прежде бывало и скучнѣе, но никогда не хотѣлось уйти куда-нибудь?

Мать воротилась, взяла чулокъ и сѣла вязать къ другому окну, напротивъ Лёленьки. Надо было работать.

— Шей, шей, либо книжку возьми, сказала мать:—не зѣвай по сторонамъ, да не дремли.

Однако сама она слегка дремала, а потомъ, открывъ окно, стала смотрѣть на улицу... точнѣе на переулокъ, перерѣзанный двумя оврагами съ двумя дрожавшими мостами, кончавшійся крутымъ спускомъ подъ гору, къ рѣкѣ, на которой стоитъ городъ N*. Строенія переулка состояли изъ заборовъ, изъ-за которыхъ выглядывали садики; мостовой не было; на высохшей грязи, между колеями росло много травы, бѣгало много собакъ и возилось много дѣтей.

— Вотъ, папенька скоро мѣста лишится, сказала вдругъ мать, не прерывая своихъ наблюденій и не обращаясь къ дочери:—куда васъ всѣхъ дѣвать тогда?

Лёленька подняла голову.

— Совѣтникъ совсѣмъ взъѣлся, продолжала мать: — съ-тѣхъ-поръ, какъ новаго посадили, папенька говоритъ: «хоть не живи на свѣтѣ». Такъ я тебѣ и говорю, Алёна, если ты только—Боже тебя сохрани!—на высшій классъ не перейдешь, и матерью меня не зови. Нечего эти пустяки тогда дѣлать: еще тебя учить. Я тебя изъ пансіона возьму. Перейдешь ты—такъ и быть, можно будетъ тебя еще годикъ содержать тамъ, а нѣтъ—не прогнѣвайся, сиди дома. Такъ дурой и оставайся.

«Чему я учусь въ пансіонѣ?» вдругъ подумала Лёленька.

Ей припомнились какъ-то разомъ и скамейки классовъ, и учители, и книжки съ мудреными словами, и хронологическія цифры, которыхъ никогда нельзя запомнить, и великіе люди, которые, говорятъ, вовсе невеликіе люди... передъ ея глазами, казалось, былъ уже не пустой переулокъ, а заглохшій садъ съ большими липами и вязами, плетень, къ которому переплетались бѣлые цвѣточки павилики... Лёленька уже не слушала матери, но и мать не занималась больше своимъ семейнымъ положеніемъ.

— Никакъ это Пелагея Семеновна идетъ? сказала она, высунувшись въ окно и глядя въ переулокъ.

Лёленька думала, что завтра экзаменъ, и видѣла передъ собой лицо Веретицына.

— Посмотри, она, что ли? продолжала мать.

«Онъ обѣщалъ книжку: должно быть, принесетъ вечеромъ», сказала себѣ Лёленька.

— Посмотри, сюда она, или мимо? говорила мать: — да что ты ничего не слушаешь? Не хочешь слушать, что ли? Тебѣ говорятъ!

Лёленька оглянулась.

— Поди, отопри калитку, да проводи отъ собаки. Палагея Семеновна пришла, рыботницы нѣтъ, на рѣчкѣ.

Но Палагея Семеновна, вдова, чиновница и мать двухъ юныхъ чиновниковъ уже входила на крыльцо, благополучно избѣжавъ собаки, прикованной недалеко отъ воротъ. Чрезъ минуту она была въ комнатѣ и целовалась съ хозяйкой.

Лёленька терпѣть не могла эту гостью: гостья была сплетница и, уже не разъ случалось, ссорила маменьку Лёленьки съ ея знакомыми. Все это, конечно, обходилось потомъ, всѣ мирились и оставались попрежнему; но слушать ее бывало ужасно-скучно. И теперь она, что вошла, то начала разсказывать пренепріятную исторію.

«Охота маменькѣ говорить съ нею!» подумала Лёленька.

Гостья обратилась и къ ней, похвалила ея работу, назвала ангеломъ и рукодѣльницей. Лёленька такъ лѣнилась весь этотъ день, что разсердилась за похвалы.

«Хорошъ я ангелъ!» подумала она, вся вспыхнувъ отъ досады.

— Умница у меня дѣвка, сказала маменька: — ка̀къ учится, когда бы вы знали, и пофранцузски и разнымъ наукамъ!

— А вѣдь, подите, ка̀къ я думаю трудно! замѣтила гостья.

— И трудно, Палагея Семеновна, и дорого очень, не по состоянію нашему, да ужь нельзя. Одно у меня утѣшеніе—дочка моя.

Мать погладила Лёленьку по головкѣ, вздохнувъ печально.

— Супругъ-то вашъ почиваетъ? спросила гостья.

— Да̀, отвѣчала еще печальнѣе маменька:—онъ, ужь знаете, лучше какъ спитъ.

Маменька стала жаловаться на свою горестную участь, разсказывать разныя обстоятельства. Лёленькѣ показалось, что можно было бы и не разсказывать ихъ. Это случилось не въ первый разъ; но никогда такъ не кололо ей глазъ присутствіе Палагеи Семеновны, никогда не казались ей такъ рѣзки эти разсказы, какъ теперь. Къ-чему толковать, что все дорого, что нѐ на что̀ учить дочь, а между-тѣмъ намекать на какое-то небывалое

богатство и какъ-то важничать? Лёленькѣ было неловко. Маменька, говоря о домашнихъ дѣлахъ, о непріятностяхъ по мелочи, кстати помянула недобромъ покойную свекровь и двухъ живыхъ сестеръ мужа, которыя, хотя никогда не жили съ маменькой, но все чѣмъ-то мѣшали. Лёленька не знала бабушки, но помнила, что обѣ тётки предобрыя.

— Замужемъ онѣ? спросила гостья.

— Одна замужемъ, куча дѣтей, отвѣчала мать.—Другая съ годъ овдовѣла; дѣтей нѣтъ; въ Петербургѣ живетъ. Это Алена Гавриловна, вотъ, Алёнина крестная мать.

— Зачѣмъ же она въ Петербургѣ живетъ?

— Да она здѣсь за чиновника тоже была отдана; чиновникъ этотъ бывшему губернатору понравился... кàкъ его, губернатора-то звали? Вотъ передъ прошлымъ былъ... все-равно! Десять лѣтъ ужъ тому, какъ губернатора этого въ Петербургъ перевели: мѣсто онъ тамъ важное получилъ—ну, и мужа Алёны Гавриловны съ собою взялъ. А какъ мужъ умеръ, она тамъ и осталась жить, привыкла, говоритъ, къ Петербургу. Все проситъ, чтобъ я Алёну мою къ ней отпустила, хоть погостить.

— И, матушка, на что̀? развѣ состояніе какое предоставитъ?

— Кàкъ же, кàкъ бы только захотѣла! Капиталъ она отъ мужа получила, не великъ, да и то хорошо; небось, не очень съ нимъ разступится. Какъ бы надежда какая, я бы, пожалуй, отпустила къ ней Алёну.

— Пусть къ тётенькѣ хорошенько приласкается, къ крестной мамашенькѣ, договорила гостья, съ какой-то нѣжностью посмотрѣвъ на Лёленьку.

Лёленька краснѣла и шила.

— А то что̀? барышня такая красавица—и ненарядная, все кое въ чемъ. Вы бы ихъ, матушка, на гулянье когда...

— Вотъ экзаменъ свой выдержитъ, такъ салопъ сошью, отвѣчала мать:—я ужь такъ и Василью Гаврилычу сказала.

— А онъ на то согласенъ? спросила гостья таинственно.

— Согласенъ, ничего.

У Лёленьки задрожали руки и потемнѣло въ глазахъ.

— Не надо, маменька, покорно благодарю, выговорила она:— я ни за что̀ не хочу ни нарядовъ, ни гулянья.

— Да какъ же ты смѣешь не хотѣть, когда отецъ твой съ матерью хотятъ? вскричала маменька:—гдѣ ты это отвѣчать вы-

училась? Пошла; работница воротилась, вели намъ самоваръ согрѣть.

Лёленька вышла, приказала, что ей было приказано и, воротясь; стала убирать свои пяльцы.

— Что ты? или перестаешь работать? спросила мать.

— Да, я въ садъ пойду, отвѣчала Лёленька.

— Устала очень, много дѣла надѣлала! продолжала съ насмѣшкой мать.—Что на тебя сегодня? Изъ всѣхъ дней день—ни на мѣстѣ не посидитъ, ни толкомъ слово скажетъ...

— Вы ихъ не конфузьте, вступилась гостья, между-тѣмъ, какъ Лёленька уже не знала, что ей и дѣлать.—Пусть барышня себѣ разгуляется, мы съ вами кое-о-чемъ перемолвимъ.

— Развѣ что секретное есть? спросила маменька.

Гостья сдѣлала ей таинственный знакъ. Лёленька взяла книжку съ крошечнаго стола въ углу, гдѣ лежали ея тетради и классныя принадлежности, и ушла.

Она шла тихо, будто не рѣшаясь; ее брало какое-то раздумье. Она знала, что не урокъ учить идетъ она въ садъ: ей было не до урока. Ей казалось, что она дѣлаетъ что-то дурное, но все-таки ничего другаго дѣлать невозможно. Въ домѣ оставаться нельзя. Да и жить нельзя...

Тѣни были уже длинныя; въ воздухѣ тепло, какъ-то мягко. На деревьяхъ, на травѣ еще много солнца, точно золотое; небо такое нѣжное, голубое; за черной крышей сарая, по которой въ эту минуту лазилъ Коля, разоряя галочьи гнѣзда, виднѣлось большое сизое облако съ розовымъ рыжеватымъ краемъ; это облако отсвѣчивало розовымъ на дорожку сада. Въ сосѣднемъ саду изъ-за плетня, подымалась высокая красная мальфа; она, должно-быть, расцвѣла этимъ днемъ, прежде ея не было видно. И какъ она рано зацвѣла нынѣшній годъ! Кто ее посадилъ? Казначейша до цвѣтовъ неохотница, да и никто у нихъ не охотникъ, кажется...

Лёленька ходила все по одной, прямой дорожкѣ, воображая, что хорошо было бы посадить цвѣтовъ и ходить за ними. У нея какъ-то кружилась голова; книжка, которую она держала, утомляла ей руки.

«Зачѣмъ я убрала пяльцы?» подумала она: «лучше бы, въ-самомъ-дѣлѣ, сидѣла да шила.»

Она начала ходить скоро; ей хотѣлось бѣгать, хотѣлось пѣть; минутами ей хотѣлось плакать. Она не доходила до плетня и

все сокращала свой переходъ; наконецъ, оставила себѣ всего шаговъ двадцать, закружилась на нихъ, устала и вздумала сѣсть отдохнуть.

«Нѣтъ. Еще скажетъ, я дожидаюсь...»

Дѣти прибѣжали въ садъ и подняли шумъ. Лёленька вспомнила, что ее назвали ангеломъ, и разбранила ихъ.

«Теперь нельзя будетъ и слова сказать», подумала она, оглянувшись въ сосѣдній садъ.

— А тамъ цвѣты цвѣтутъ! вскричали дѣти, замѣтя ея движеніе.

Въ одинъ мигъ Ваня былъ на плетнѣ, перевѣсился и смотрѣлъ, держась за колья. Вася стащилъ его за ноги, оспоривая мѣсто, а Коля, укрѣпясь ловчѣе ихъ, схватилъ мальфу; вѣтка была крѣпкая; чтобъ сломить ее, мальчикъ употребилъ свои зубы.

— Ахъ, какія вы негодныя дѣти! закричала Лёленька.

Коля отхлесталъ мальфой своихъ братьевъ, потомъ сѣлъ на нее верхомъ и, погоняя, подмелъ ею весь садъ. Лёленька ушла отъ дѣтей въ чащу, въ глушь, подъ вишни и яблони, и проплакала весь вечеръ.

Веретицынъ не приходилъ.

VI.

Экзаменъ начинался съ закона Божія. Лёленька рано проснулась и стала сбираться. Она удивилась, что мать особенно хлопотала нарядить ее, хотя во все то же форменное платье, и особенно тщательно выгладила ея бѣлые рукава и пелеринку, Мать повторила нѣсколько разъ:

— Ты у меня, красавица, смотри, учись какъ должно; я папенькѣ говорила: онъ фортепьяны купитъ, играть будешь.

Лёленька не замѣтила, что эта особенная милость къ ней началась еще съ вечера наканунѣ. Но вечеръ наканунѣ она совсѣмъ не помнила, и даже старалась не вспоминать его. Она точно будто устала. Она положила три земные поклона передъ образомъ, прочитала молитву *предъ началомъ ученія* и пошла въ пансіонъ, сопровождаемая работницей.

Дорóгой ей пришло въ голову, что, недѣли двѣ-три назадъ, она бы веселѣе шла на экзаменъ.

«Я, кажется, все помню» думала она: «ничего не боюсь, а скучно... Да чтò помнить-то?...

Подруги смотрѣли на нее съ досаднымъ любопытствомъ: Лёленька была ужь слишкомъ-серьёзна, слишкомъ-крѣпко молчала. До прихода законоучителя и начальницы, въ залѣ слышался шопотъ и смѣхъ; Лёленька не обращала вниманія, хотя не занималась и книгой, которую открыла у себя на пюпитрѣ. Она только однажды оглянулась и подумала, что хорошо было бы или твердить, или бояться, или смѣяться какъ другія... Классная дама постучала линейкой и велѣла молчать. Лёленька услышала свое имя.

— Возьмите примѣръ съ m-lle Hélène Гостевой, какъ она держится.

— Ужь m-lle Hélène всегда примѣрная! сказали недалеко отъ нея.

— Посмотри, какъ она сегодня распомажена!

— Во всемъ отличается.

— Какъ же, непремѣнно!

Сосѣдка Лёленьки наклонилась къ своему пюпитру и твердила усердно; ея полное личико почти прижалось къ книгѣ, и подруги могли видѣть только бѣленькій затылокъ съ густой русой косой. Лёленька замѣтила, какъ подъ пюпитромъ безпрестанно крестились ея розовыя толстенькія ручки.

— Вы еще не выучили? спросила ее Лёленька.

— Нѣтъ... вотъ этого никакъ не могу... все сбиваюсь, отвѣчала подруга.

— Если вамъ достанется говорить, я подскажу: я это знаю.

Подруга была врагъ, соперница. Она, до прихода Лёленьки, смѣялась надъ нею и давно дала обѣщаніе не допустить Лёленьку получить награду и «пересѣсть» выше. Тѣ, которыя слышали, что̀ сказала Лёленька, переглянулись въ удивленіи. Но всѣмъ этимъ маленькимъ волненіямъ насталъ конецъ: пришелъ законоучитель, пришла начальница—начался экзаменъ.

Очередь долго не доходила до Лёленьки. Она разсѣянно слушала, что̀ происходило кругомъ, и сама не зная отчего, стала думать совсѣмъ-постороннія вещи. Ей показалось, что въ эту минуту въ этой залѣ, никто не любитъ другъ друга: учитель будто нарочно затрудняетъ вопросами, сбиваетъ съ толку, будто съ радостью ждетъ, чтобъ соврали, и вовсе не радуется, когда отвѣтятъ хорошо. Начальница тоже: она глядитъ въ глаза съ какимъ-то злобнымъ ожиданіемъ, бранитъ, когда недоволенъ учитель, а когда онъ доволенъ — не хвалитъ, но только отворачивается, успокоиваясь, будто съ презрѣніемъ. Дѣвицы—тѣ и вовсе точно всѣ перессорились; у всѣхъ на лицѣ страхъ только за

себя. Сейчасъ двѣ маленькія Богъ-знаетъ чтó путали: старшія только смѣялись. И старшія! Сейчасъ Вареньку Ольхину до слезъ сконфузили, а Машенька Полосова—кажется, ей лучшій другъ, всегда вмѣстѣ, всѣ секреты вмѣстѣ — Машенька хоть-бы покраснѣла... Чтò же это такое? Кто хорошо отвѣтитъ—другія смотрятъ точно съ досадой? Чѣмъ кто другаго обидѣлъ, если выучилъ лучше? Зависть это, или онѣ боятся?

— Госпожа Бѣляева! произнесъ учитель.

Сосѣдка Лёленьки встала на своемъ мѣстѣ и, вставая, дернула Лёленьку за рукавъ. Лёленька приняла это за просьбу подсказать, но подруга обманула ее: она отлично знала и вопросъ и текстъ, и отвѣчая, стала путать нарочно.

— Чтò вы такое говорите? замѣтилъ учитель, кроткій съ одной изъ старшихъ ученицъ.

— Да я не могу, отвѣчала m-lle Бѣляева: — меня Гостева сбиваетъ.

Она показала на Лёленьку.

Лёленька не ждала такого предательства и вся вспыхнула, какъ виноватая. Поднялась гроза.

— Какъ вы смѣете? извольте выйдти! закричала на нее начальница.

— Извольте сами отвѣчать, сказалъ законоучитель.

— Сейчасъ съ лавки, выйдте къ столу! продолжала начальница.

Лёленька встала и подошла къ учительскому столу; она была отуманена, обижена, испугана, но хорошо помнила весь мудреный текстъ и могла бы сказать и объяснить его не хуже m-lle Бѣляевой. Ей бы ничего не стоило и превзойти соперницу и обнаружить ея обманъ, но на Лёленьку всѣ смотрѣли; она подумала, что сейчасъ будутъ всѣ такъ же смотрѣть и кричать на m-lle Бѣляеву, что это будетъ Богъ-знаетъ чтò, что весь этотъ экзаменъ какая-то комедія, что ей будетъ не веселѣе, не легче если она останется правой... Ее схватило за сердце. Она, наконецъ, сама не знала, чтò думала, и отвѣчая, начала путать хуже самой лѣнивой изъ маленькихъ. Учитель качалъ головою; начальница бранилась. Учитель началъ читать мораль. Подруги смѣялись; Лёленька стояла среди залы. Кончивъ мораль, учитель, незлобивый сердцемъ, прибавилъ:

— Вы поправьтесь; скажите о чемъ-нибудь другомъ.

— Не спрашивайте, я ничего не знаю, отвѣчала Лёленька, твердо и громко, на скандалъ всего пансіона.

Она сама не знала почему и для чего сказала это. Учитель поставилъ ей нуль, а она пошла на свое мѣсто, подъ возгласами начальницы. Подруги заглядывали ей въ лицо, не плачетъ ли она. Лёленька была блѣдна, но не плакала. Она никакъ не могла разобрать, что̀ дѣлалось съ нею; ей было холодно; что-то стучало у нея въ груди. Она тосковала, или капризничала; но вдругъ ей показалось забавно, еслибъ въ спискѣ балловъ во весь экзаменъ у нея были все нули, да нули. Вѣдь Бѣляева и Полосова будутъ рады, и другія. А если бы у Бѣляевой былъ нуль, ея отецъ прибилъ бы ее. Ея отецъ тоже дерется. Это должно быть невесело, когда прибьютъ. Если Оленька Бѣляева изъ третьей по классу, да пересядетъ въ пятыя, ея отецъ не знаю, что̀ съ ней сдѣлаетъ, со двора сгонитъ. А вѣдь въ высшій классъ переведутъ только старшихъ четверыхъ. Такъ, пожалуй не переведутъ и Оленьку. Ей бѣда... На что̀ отцамъ, учены дочери или нѣтъ? Вѣдь отцы только попрекаютъ ученьемъ?

«А что̀ скажутъ папенька съ маменькой когда узнаютъ, что̀ сейчасъ было?...» Лёленька рѣшила, что уйдетъ въ садъ на весь день... ну, а тамъ что̀?...

Вокругъ нея зашумѣли, вставая, читая молитву: экзаменъ кончался. Начальница позвала ее, продержала передъ собой полчаса и все читала натаціи. Работница давно пришла за Лёленькой и слушала это, дожидаясь въ передней, съ зонтикомъ: шелъ дождь. Лёленька подумала только, что въ садъ нельзя будетъ уйти...

— Безчувственная дѣвчонка! сказала начальница, въ видѣ послѣдняго слова.

Оленька Бѣляева прошла мимо, потупившись. Когда Лёленька уже была въ передней и надѣвала съ работницей старенькій бурнусикъ, Оленька выбѣжала туда же.

— Прощай, Лёля! сказала она и обняла ее крѣпко.

— Прощай, сказала ей Лёленька безъ досады, безъ всякаго сильнаго чувства; ей только стало жаль чего-то немножко.

Дорогой, она разсудила, что поступила прекрасно, что Оленька милая дѣвочка, что смѣшно и стыдно выставляться съ своею ученостью, что она, Лёленька, все стерпитъ, а Оленькѣ лучше и на свѣтѣ не жить, если неблагополучно сойдетъ экзаменъ. Досадно только, что дождь идетъ...

Этотъ славный дождикъ, съ солнцемъ и громомъ, съ синими громадными тучами, которыя обрушивались за рѣку, захватилъ и Веретицына, когда онъ шелъ домой изъ должности. Дорога была

недальняя, и, переждавъ ливень въ сѣняхъ присутствія, Веретицынъ нашелъ, что на дворѣ такъ хорошо, что нѣчего торопиться подъ крышу. Домъ N-скихъ присутственныхъ мѣстъ стоитъ на пустой площади, которая оканчивается крутымъ обрывомъ къ рѣкѣ. Тамъ казалось особенно-хорошо: луга зеленѣли, даль вся свѣтилась. Веретицынъ пошелъ погулять къ берегу. Въ воздухѣ было тепло, влажно, душисто отъ луговъ; дышалось какъ-то легко и мягко.

Веретицынъ былъ спокоенъ, почти весе́лъ, что̀ съ нимъ рѣдко случалось. Это не было, конечно, удовольствіе чиновника, справившаго часы службы. Веретицынъ ничего не думалъ; ощущеніе тепла и физическаго довольства погружало въ забытье. Онъ совсѣмъ забылъ, что̀ это за городъ вокругъ, что̀ это за домъ, изъ котораго онъ вышелъ; онъ какъ-то и себя не помнилъ, не вспоминалъ ничего, не задумывалъ впередъ ничего. Вспоминаетъ и задумываетъ молодость—для Веретицына она прошла. Ея остатки сказывались тѣмъ, что самозабвеніе было еще не тупое, но съ какой-то нѣгой...

Наканунѣ вечеромъ Веретицынъ видѣлъ Софью Хмѣлевскую; онъ былъ у нихъ. Эти посѣщенія всегда стоили ему дорого; онъ бывалъ и счастливъ и измученъ, и, разбирая свои чувства, никогда не могъ опредѣлить, чего въ немъ было больше, счастья или мученія. И безъ того влюбленный, Веретицынъ влюблялся еще упрямѣе, давая себѣ полную волю. Только въ промежуткахъ разговора, когда онъ глядѣлъ на Софью, занятую съ другими, ему случалось задумываться, сказать себѣ, что ея привѣтливость все-таки не ведетъ ни къ чему, что ея красота только напрасно волнуетъ, что такія отношенія не перейдутъ въ любовь... Да любовь никогда и не подступаетъ такъ, потихоньку, постепенными переходами! Еслибъ даже и двигалась она потихоньку, то пора бы ей придти, право, пора... Веретицынъ дѣлался нетерпѣливъ; его брала злость на окружавшихъ его постороннихъ, злость на это чинное семейство, что-то похожее на ненависть къ самой Софьѣ. Онъ говорилъ себѣ, довершая несправедливой мелочностью свою досаду, что будь на его мѣстѣ кто-нибудь другой, а не онъ, не бѣдный малый, котораго принимаютъ изъ снисхожденія—его спросили бы, почему онъ молчитъ, почему онъ скученъ, или хоть, просто, о чемъ онъ задумался. Съ нимъ нецеремонны, откровенны; что̀ жь! вѣдь онъ не женихъ; онъ даже меньше чѣмъ другъ дома; его можно употреблять для порученій. Какъ это еще до-сихъ-поръ старая барыня этого не выдумала? Но

Веретицынъ встрѣчалъ взглядъ Софьи, и вдругъ ему становилось совѣстно, и нить размышленій запутывалась такъ, что ужъ нельзя было найти ей конца, и хотѣлось или бѣжать домой, какъ виноватому, или броситься передъ ней на колѣни и наговорить Богъ знаетъ чего... Хорошо, что подобныя намѣренія никогда не исполняются: одно исполнить какъ-то жалко, другое какъ-то неловко при свидѣтеляхъ...

Веретицынъ оставался, дѣлался разговорчивъ, веселъ отъ всего сердца, былъ счастливъ, убаюкивался до забытья, до полнѣйшаго забытья всего, кромѣ настоящей минуты. У этого настоящаго не было даже вчерашняго дня. Веретицынъ положительно не зналъ, гдѣ былъ онъ, и даже жилъ ли онъ вчера; когда наставало время уходить, онъ бралъ фуражку, чувствуя, что уходитъ, но что̀ дальше, за порогомъ этого дома, куда уйдетъ онъ, онъ не понималъ, не зналъ, какъ сумасшедшій... Сознаніе приходило къ нему дома, вмѣстѣ съ безсонной ночью.

Онъ былъ счастливъ наканунѣ; заставъ Софью одну, онъ просидѣлъ у нея вечеръ, и его какъ-то приласкала мысль, что Софья приняла его одна не изъ нецеремонности, а потому, что ей это пріятно. На ея лицѣ всегда было замѣтно, что̀ она чувствовала; но Веретицынъ отгадалъ бы все, еслибъ даже она притворилась; онъ такъ помнилъ ея черты и ихъ малѣйшее измѣненіе, ея движеніе, походку, привычки, что ему не было надобности смотрѣть на Софью, чтобы оживлять ея образъ въ своей памяти: онъ смотрѣлъ, чтобъ наслаждаться... Въ этотъ вечеръ она была печальна, вышивала что-то и спѣшила, и пожаловалась Веретицыну, что устала отъ длиннаго дня, проведеннаго за работой.

— А я усталъ отъ бездѣлья, сказалъ онъ.

— Развѣ я дѣлаю больше вашего? возразила она. — Часто даже совѣстно; собрать нѣсколько дней да оглянуться: только и найдешь въ нихъ что пяльцы, да визиты. Читать—это, говорятъ, не занятіе...

— Скучно на свѣтѣ! сказалъ Веретицынъ.

— Что дѣлать! Подождемъ, будетъ веселѣе.

— Когда?

— Скоро. Если что-нибудь доходитъ ужъ до крайности, значитъ, скоро кончится. Всѣ такъ заскучали, что непремѣнно скоро должны перестать. Это передъ концомъ.

— Передъ концомъ свѣта?

— Чего-нибудь. Только если вы къ концу общей скуки до-

ведете себя до того, что ужь не будете умѣть и радоваться, это нехорошо будетъ.

— А какъ прикажете убречься? возразилъ съ досадой Веретицынъ:—въ ожиданіи будущихъ благъ нужны если не утѣшенія, то хоть развлеченія.

Она кротко вынесла его неучтивую вспышку за свою мораль, которою искренно хотѣла ей утѣшить. Веретицынъ, какъ скучающій эгоистъ, не обратилъ вниманія, что ей самой было скучно, а онъ еще огорчилъ ее, не подумалъ о томъ, что она, по добротѣ сердца, въ-самомъ-дѣлѣ старалась развлечь его, а онъ принималъ это какъ должное, бралъ, не давая взамѣнъ ничего. Онъ только хмурился. Софья перемѣнила разговоръ, завела споръ, интересный для Веретицына, и, совершенно согласная съ нимъ внутренно, спорила нарочно, чтобы дать ему удовольствіе высказываться и убѣждать. Довольная тѣмъ, что онъ, торжествуя, оживился, она дополнила его наслажденіе: открыла рояль и играла классическія пьесы, слушая которыя живешь какой-то другой, лучшей жизнью. Она играла ихъ въ совершенствѣ. Веретицынъ слушалъ, обмирая, любя до безумія, и еслибъ Софья понимала, что̀ говорятъ ей въ тѣ минуты, когда она играла Моцарта, она оглянулась бы сама, что ея доброта заводитъ слишкомъ-далеко. Но къ концу пьесы воротились мать и сестра, и Веретицынъ, проклявъ ихъ возвращеніе, нашелъ, что лучше уйти скорѣе и не кончать этого вечера обыкновенно, по̀шло. Онъ самъ не годился вести связный разговоръ и, уйдя, поступилъ благоразумно.

Утромъ, онъ пошелъ въ должность, самъ не зная зачѣмъ. Онъ ужь привыкъ просиживать эти пять часовъ не обращая вниманія, что̀ дѣлалось кругомъ, испытавъ, что обращать вниманіе значитъ мучить себя еще на новый ладъ. Онъ молчалъ и писалъ, что̀ бы ни давали, испытавъ тоже, что вникать въ смыслъ написаннаго—еще новая мука. На кого-то рядомъ съ нимъ гнѣвался совѣтникъ; Веретицынъ не зналъ, за что̀, и не слушалъ. Его хладнокровіе не понравилось совѣтнику, который желалъ навести трепетъ въ большихъ размѣрахъ и сдѣлалъ несовсѣмъ-пріятное замѣчаніе о «господахъ ученыхъ выскочкахъ». Веретицынъ не поднялъ головы. Выйдя на крыльцо, онъ обрадовался сырому и теплому воздуху и пошелъ бродить безъ цѣли...

«А что̀, когда-нибудь буду я жить почеловѣчески?» вдругъ пришло ему на мысль, безъ всякаго особеннаго повода, покуда,

присѣвъ на лавку у церкви, стоявшей на берегу, онъ смотрѣлъ внизъ, на луга и на воду.

Ему захотѣлось курить—привычка, оставленная изъ экономіи, и по случаю сигары вспомнился Ибраевъ. Они не видались давно. Отъ своихъ товарищей, писарей губернскаго правленія, Веретицынъ слышалъ, что Ибраевъ очень-строгій начальникъ. Эти воспоминанія вызвали у Веретицына какое-то горькое желаніе смѣяться. Онъ вчера видѣлъ у Хмѣлевскихъ визитную карточку Ибраева, французскую, съ двумя игреками. Софья ничего о немъ не говорила...

«Ну, два года... ну, хоть годъ одинъ пожить», думалъ Веретицынъ: «какъ-нибудь выпустили бы хоть въ отставку. Чтобъ только опять быть самимъ собой, не зависѣть, быть съ людьми... Много людей не наберешь... да все-равно! Хоть имѣть право гнать отъ себя тѣхъ, кто противенъ, и то̀ хорошо»...

Туча, которыхъ много прошло въ этотъ день, поднялась опять; снова полилъ дождь и прогналъ Веретицына съ его прогулки. Одну минуту Веретицынъ подумалъ съ досады, что лучше мокнуть подъ дождемъ, чѣмъ возвращаться домой, но тутъ же засмѣялся этой ребяческой выходкѣ, разгибая усталую спину, которой стало и больно и холодно, и пошелъ, прибавляя шагу. На углу площади и улицы была страшнѣйшая лужа; Веретицынъ обходилъ ее, никакъ не усвоивъ ловкости своихъ товарищей, которые умѣли перепрыгивать по камешкамъ. Его обогнали отличныя закрытыя дрожки, запряженныя отличнымъ рысакомъ: Ибраевъ ѣхалъ изъ присутствія, но, обыкновенно, позже всѣхъ другихъ начальниковъ; онъ выглянулъ, конечно, узналъ пріятеля, потому-что между ними не было и двухъ шаговъ разстоянія, и не поклонился. Почти подходя къ своему дому, Веретицынъ встрѣтилъ Лёленьку, которая бѣжала подъ большимъ, но прорваннымъ зонтикомъ, держась за руку работницы; старенькій сѣрый бурнусикъ былъ весь въ черныхъ пятнахъ отъ дождя; мокрыя ленты шляпки изъ розовыхъ полиловѣли и хлестали дѣвочку по лицу; платьеце было подобрано. Лёленька, конечно, не могла быть довольна встрѣчей.

— А! мое почтеніе! сказалъ, пріостановясь, Веретицынъ: — путь науки труденъ, но пріятенъ.

— Ну, проходи, что ли, закричала на него сердито работница: — что пристаешь къ барышнѣ! Озорники эти приказные! ворчала она, идя дальше: — вотъ барину надо сказать. Это ка-

значейшинъ братъ. Такъ на улицѣ и норовитъ поймать; нашелъ мѣсто...

— Нѣтъ, ужь не говори папенькѣ, Богъ съ нимъ, сказала Лёленька.

— И то правда, Богъ съ нимъ. Крику у насъ и безъ того не мало.

Самые сильные характеры покоряются вліянію обстановки. Природа имѣетъ ужь несомнѣнное вліяніе на расположеніе духа. Дождь на улицѣ, возня дома до того отуманили Лёленьку, что она почти забыла, что̀ произошло на экзаменѣ, и на вопросъ маменьки: «Ну что̀, ка̀къ тамъ съ тобой?» отвѣчала:—«Ничего-съ».

Маменька удовольствовалась отвѣтомъ, а Лёленьки собралась съ мыслями только къ вечеру и, уйдя въ садъ, обдумывала свое положеніе. Было холодновато, сумрачно; сосѣдъ не приходилъ. Трое изъ четырехъ братьевъ Лёленьки были привязаны въ комнатѣ къ ножкамъ стола, съ букварями; четвертый былъ посаженъ подлѣ нихъ, для компаніи и наученія примѣромъ, и потому Лёленькѣ ничто не мѣшало размышлять и прогуливаться. Одна, она рѣшилась сдѣлать то же, что̀ дѣлалъ сосѣдъ: поглядѣть чрезъ плетень; но для этого, при ея ростѣ, ей надо было влѣзть на нижній рядъ плетня. Лёленька исполнила это успѣшно и цѣлый часъ наблюдала не только надъ пустой дорожкой сада, но надъ тѣмъ, что̀ дѣлалось дальше, во дворѣ сосѣдей. Въ домѣ ихъ зажглись огни и замелькали, переходя изъ одного окна въ другое. Лёленька чуть не вскрикнула: единственное окно, примыкавшее къ саду, освѣтилось, отворилось; ей показалось, что его отворилъ Веретицынъ. Но ему, должно-быть, показалось холодно: окно заперлось почти въ ту же минуту; Лёленька услышала только стукъ рамы. Свѣча стояла такъ близко къ стекламъ, что ничего нельзя было разсмотрѣть въ глубину комнаты.

«Я глупости дѣла̀ю» сказала себѣ Лёленька, соскочивъ съ плетня, о который исцарапала руки.

Ее звали домой, гдѣ ждалъ ее ужинъ и брань, что она «баклуши бьетъ», бѣгаетъ...

VII.

На другой день Лёленька воротилась съ экзамена математики и географіи съ такимъ же успѣхомъ, ка̀къ наканунѣ. На этотъ разъ она сама не знала, ка̀къ это случилось: она не могла ни-

чего сообразить, а выученное наизусть позабыла. Подруги глядѣли на нее почти со страхомъ, спрашивали, не сглазилъ ли ее кто-нибудь, совѣтовали хорошенько помолиться, обѣщать свѣчку. Лёленькѣ казалось, что она больна; въ головѣ у нея было мутно. Дома, какъ нарочно, случились непріятность за непріятностью: одинъ братъ больно убился, упалъ съ чердака, другой перебилъ посуду; маменька не досчиталась бѣлья и разочла работницу; папенька получилъ выговоръ, и оттого все пошло еще хуже. Между-прочимъ, онъ сказалъ и Лёленькѣ:

— Ты смотри, модница, я сегодня отца Евсевія встрѣтилъ; ты, говорятъ, ничему не учишься—сохрани тебя Богъ! Ты у меня своихъ не узнаешь... И не смѣй мнѣ ничего отвѣчать! А еще замужъ сбирается...

Послѣднія слова были загадкой для Лёленьки. Замужъ? за кого же? И ей всего пятнадцать лѣтъ... Папенька, вѣрно, шутитъ.

Лёленькѣ вспомнились какъ-то всѣ подобныя шутки; на разстроенное сердце онѣ легли тяжеле; разгоряченная голова приняла ихъ иначе, чѣмъ прежде. Дѣвочка спросила себя: «за что̀ все это?»

«Чѣмъ я модница? Я не прошу нарядовъ. Я одѣваюсь во все, что̀ сошьютъ. Подруги не разъ говорили, что я одѣта дурно. Мнѣ никогда и на мысль не приходило пожелать чего-нибудь новенькаго, красиваго. Я знаю, что все дорого, что папенькѣ надо всѣхъ насъ содержать; я бережлива... За что̀ же меня попрекаютъ? Я не должна смѣть отвѣчать... Да вѣдь другія отвѣчаютъ! А со мной потому такъ говорятъ, что знаютъ меня, знаютъ, что я не то, что̀ другія — не отвѣчу...»

Маменька, узнавъ объ отзывѣ отца Евсевія, замѣтила тоже:

— Кто тебя, дуру, за себя замужъ возьметъ? Попробуй у меня только, не получи листа, или бо книги, не пересядь въ старшія, я тебя, какъ Богъ святъ, замѣсто работницы хлѣбы мѣсить заставлю!...

Лёленька взяла книгу и хотѣла твердить; но между строками у нея замелькало размышленіе:

«Зачѣмъ мнѣ твердить? я все знаю, и то знаю, что напутала *тамъ* и вчера и сегодня. Мнѣ-то самой все равно, ка̀къ бы я ни отвѣчала, хорошо или дурно: мое при мнѣ останется. Я учусь для себя, не для учителя, не для начальницы, не для листа, не для книги—для себя, длятого, чтобъ знать... И еще—вздоръ

какой! развѣ это ученье? это чепуха какая-то: «Помпадуръ, сія піявица Франціи...» Потѣха, право! Кто такая эта Помпадуръ? ничего не сказано — а тверди...»

Лёденька вся вспыхнула, сложила книгу и встала; изъ окна тянуло свѣжимъ вѣтромъ, запахомъ липы.

— Куда ты? спросила мать.

— Въ садъ пойду, жарко, отвѣчала дѣвочка.

— Въ садъ пойду! Книжку возьми, безсовѣстная! Я тебѣ дамъ садъ! Вотъ я завтра сама въ пансіонъ схожу, узнаю, что ты тамъ дѣлаешь. Барышней ее посадили, ничего на ней не спрашивается, а она еще вонъ что, лѣниться выдумала... Ужь помни мое слово, Алёна, будешь у корыта стирать...

Лёленька ушла поскорѣе: она услышала, что папенька проснулся отъ послѣобѣденнаго сна, а онъ просыпался всегда сердитый. Ей стало страшно.

«И въ-самомъ-дѣлѣ» подумала она, съ трудомъ отворяя калитку, потому-что дрожали руки: —«со мной могутъ, что хотятъ, сдѣлать...»

Вся взволнованная, она прошлась нѣсколько разъ по дорожкѣ; воздухъ казался ей тяжелъ надъ головою; грудь стѣснило; слезы нѣсколько разъ выступали на глазахъ и прятались. Она бросила книгу въ траву и выговорила громко:

«Что за несчастье!»

Она сама не знала, что называла несчастьемъ — все. Экзаменъ, пустота ученья, гнѣвъ папеньки и маменьки и, главное, что-то въ ней самой начинало казаться ей несчастьемъ, что-то въ ней самой мѣшало ей быть спокойной, какъ прежде... Вдругъ рѣшившись, она подошла къ плетню, привставъ, оперлась на него и заглянула. Веретицынъ былъ у себя въ саду, но далеко. Лёленька ждала нѣсколько минутъ, и когда онъ обратился въ ея сторону, закричала ему:

— Здравствуйте!

— Здравствуйте! отвѣчалъ издали Веретицынъ и прошелъ мимо.

Лёленька, совсѣмъ-безсознательно, осталась на своемъ мѣстѣ. Веретицынъ обошелъ весь кругъ своего сада, поровнявшись съ нею, оглянулся и засмѣялся.

— Какой вы птицей сидите на жердочкѣ! сказалъ онъ:—смотрите, не упадите!

Онъ опять опустилъ глаза въ книгу, которую читалъ. Лёленька боялась, что онъ уйдетъ, и поспѣшила спросить:

— А что же, вы обѣщали мнѣ книжку?

— Какую?

— Шекспира.

— Охъ, Лёленька! виноватъ, забылъ, сказалъ онъ, подходя.— Какъ вы вспомнили? Вамъ, я думаю, не до Шекспира?

— Почему же? спросила она, поблѣднѣвъ, когда онъ назвалъ ее по имени.

— Заучились, затрудились, заэкзаменовались. Ну, что, какъ баллы? четыре, пять?

— Меньше единицы, отвѣчала она и захохотала.

— Скромность есть украшеніе женщины, сказалъ серьёзно Веретицынъ: — тѣмъ болѣе дѣвицы, тѣмъ еще болѣе примѣрной дочери, трудящейся для утѣшенія родителей. Извините, что я спросилъ: я изъ участія.

— Нѣтъ, въ-самомъ-дѣлѣ, продолжала Лёленька, блѣдная и смѣясь, между-тѣмъ, какъ голосъ прерывался отъ дрожи: — я, вотъ, два экзамена все сбиваюсь, ни на одинъ вопросъ не отвѣчаю... Я не шучу, право, не скромничаю...

— Что жь это съ вами?

— Такъ, не знаю. Отвѣчать не хочется, скучно.

— Капризъ нашелъ?

— Капризъ! отвѣчала она, потупя голову.—Я для себя учусь. Пусть мнѣ ставятъ какіе хотятъ баллы: я знаю, что знаю—вотъ и все.

— Да-съ; но, вѣдь, учители-то этого не знаютъ, если вы все путаете.

— Ну, что жь?

— Ну, васъ и оставятъ въ послѣднихъ.

— Пожалуй... выговорила она, сдержавъ слезы.

— А какъ же маменька съ папенькой?

— Я имъ скажу, что знаю — это мое дѣло... Чему вы смѣетесь?

— Такъ. Хорошо, если папенька съ маменькой вамъ повѣрятъ.

— Я отъ-роду не лгала. Они должны мнѣ повѣрить.

— Охъ, должны! повторилъ Веретицынъ. — Еще отъ роду папеньки съ маменьками не считали, что «должны» что-нибудь предъ дѣтьми...

— Что вы сказали? Я не вслушалась.

— Ничего. Конечно, если вы такъ увѣрены въ вашихъ родныхъ, то можете не безпокоиться—это большое счастье. Только, будь я папенькой, я бы не потерпѣлъ такихъ вещей.

Лёленька смотрѣла ему въ глаза.

— Не потерпѣлъ бы, повторилъ Веретицынъ. — Сегодня вы не расположены экзаменоваться, завтра вы не расположены идти замужъ, за кого отцу угодно, что̀ вы за дочь? Что̀ это за отецъ, котораго въ грошъ не ставятъ?—«Ахъ, папенька, вы должны мнѣ вѣрить!» Отецъ хлопоталъ, трудился, выносилъ, можетъ-быть, не знаю что̀, можетъ-быть, до униженій, можетъ-быть, душой кривилъ и согрѣшилъ не разъ, чтобъ имѣть возможность дать дочери воспитаніе, а она даже не хочетъ его ничѣмъ потѣшить—капризъ нашелъ!—«Учусь для себя!» — Да дочь-то сама чья, не отцовская?... Стало-быть, она разсчитываетъ, что придетъ время, вотъ она заживетъ для себя, не будетъ папенькина и маменькина...

— Вы смѣетесь, или не шутя говорите? прервала Лёленька.

— Какая шутка, когда цѣлый свѣтъ такъ думаетъ! возразилъ Веретицынъ: — развѣ вы никогда этого не слыхали, ну, не отъ вашего папеньки съ маменькой, такъ отъ другихъ; ихъ, слава Богу, въ волю! Развѣ это самое никогда при васъ не говорилось?

Лёленька не отвѣчала.

— А что̀ всѣ говорятъ, то̀, стало-быть, правда, продолжалъ Веретицынъ: — нѣчего капризничать, нѣчего раздумывать. Кто выдумалъ, что такъ надо жить, тотъ былъ умнѣе насъ: всѣмъ покойно. Вы по себѣ можете судить: вы благополучно кончите вашъ экзаменъ, на актѣ... Актъ будетъ у васъ?

— Будетъ.

— На актѣ губернаторъ дастъ вамъ похвальный листъ, архіерей васъ благословитъ, вы его поцалуете въ ручку; такъ хорошо. Придете домой. Бѣленькое платьеце на васъ, алыя ленты, за обѣдомъ пирогъ. Папенька съ маменькой веселы. Дѣтямъ и въ руки не дадутъ вашего листа, чтобъ не запачкали, издали позволятъ посмотрѣть: съ золотомъ. И на цѣлую недѣлю разсказы, ка̀къ Лёленька отличилась.

— Вы говорите со мной какъ съ маленькой дѣвочкой, прервала она: — я не хочу ничего этого, ни награды, ни ласки... ничего!

Она была блѣдна и отвернулась, испугавшись слова, которое

сорвалось у нея. Веретицынъ улыбнулся, смотрѣлъ на нее и ждалъ.

— Я не хочу, чтобъ меня за вздоръ награждали, продолжала она: — я не хочу учиться вздору. Вы же сами сказали, что все это вздоръ; я не хочу его знать... Вонъ я въ крапиву закинула...

— Какъ, ужь и закинули! вскричалъ, хохоча, Веретицынъ.

— Кому кажутся умны эти Помпадуры, тотъ пусть ихъ и учитъ, говорила Лёленька, волнуясь и забываясь:—я изъ такихъ глупостей не стану обижать моихъ подругъ, перебивать у нихъ награды. Мнѣ ихъ дружба дороже всѣхъ наградъ... Кто труслив, кто боится, тотъ пусть старается, а я не боюсь: пусть меня сдѣлаютъ въ домѣ кухаркой, работницей... я не раба!...

Она вдругъ заплакала и убѣжала. Веретицынъ стоялъ на своемъ мѣстѣ и смотрѣлъ ей въ слѣдъ, догадываясь, что она не пойдетъ домой. Въ-самомъ-дѣлѣ, ея пелеринка бѣлѣла вдали, въ кустахъ. Веретицынъ пошелъ къ себѣ въ комнату, взялъ «Ромео и Джульетту» вмѣстѣ съ реторикой Кошанскаго, отложенныхъ рядомъ, и воротился къ плетню. Въ сосѣднемъ саду уже бѣгали дѣти; Лёленька бродила будто прячась и не оглядываясь.

— Подите сюда, сказалъ въ полголоса Веретицынъ, выждавъ, когда дѣти ушли подальше: — вотъ вамъ Шекспиръ.

Она подошла, взглянула ему въ глаза, застыдилась его взгляда полунасмѣшливаго, полуласковаго, и взяла тонкую тетрадку.

— Спрячьте въ карманъ, согните вчетверо, продолжалъ Веретицынъ: — а это — ваше.

Она протянула руку и за Кошанскимъ, покраснѣла и улыбнулась.

— Не прогнѣвайтесь, Лёленька, сказалъ Веретицынъ: — вы еще совсѣмъ маленькая дѣвочка, только хорошая дѣвочка.

Она была сконфужена, чему-то рада, наклонила голову, чтобъ спрятаться отъ Веретицына, а когда самой захотѣлось еще взглянуть на него, его уже не было ни за плетнемъ, ни въ саду.

VIII.

Слѣдующій день былъ праздникъ въ приходѣ, и маменька Лёленьки, къ большему ея удивленію, сказала ей еще съ вечера, чтобъ она на экзаменъ не ходила, а встала бы пораньше и собралась къ обѣднѣ. Утромъ маменька выгладила ленты и вы-

правила шляпку Лёленьки, прибавила подъ поля четыре розовые бутончика, хранившіеся издавна въ комодѣ. Нельзя сказать, чтобъ шляпка стала отъ того красивѣе; она какъ-то вздернулась кверху, но маменькѣ это очень правилось. Изъ комода же, тоже давно хранившуюся и потому получившую нѣсколько неотгладимыхъ складокъ, маменька достала мантилью свѣтло-голубую пу-де-суа и палевый галстучекъ, который долженъ былъ идти къ Лёленькѣ, потому-что Лёленька брюнетка. Все это было надѣто на Лёленьку, вмѣстѣ съ бѣлымъ кисейнымъ платьемъ, приготовленнымъ-было для акта. Маменька была встревожена и приказывала все надѣвать съ крестомъ и молитвою. Собрались такъ долго, что ужь къ часамъ отзвонили; папенька торопилъ; онъ былъ въ виц-мундирѣ и тоже шелъ къ обѣднѣ. Торопила и Палагея Семеновна, которая пришла, чтобъ идти молиться вмѣстѣ и подавала свои совѣты въ туалетѣ Лёленькѣ. Лёленьку такъ затормошили, что она успѣла только запрятать подъ свой тюфякъ тетрадку сосѣда. Грѣшница — она думала почти всю обѣдню, какъ бы дѣти не вытащили безъ нея этой тетрадки. Она думала еще, что теперь идетъ нѣмецкій экзаменъ, что вчера начальница говорила, надо кончить ихъ скорѣе, сегодня, и потому въ это утро назначено три предмета. Потомъ у нея вертѣлись въ головѣ имена собственныя — не примѣры грамматики, не историческія имена, а тѣ, которыя вчера, почти въ потемкахъ, прочла она, заглянувъ въ ту тетрадку. Тамъ что-то занимательно: дуэли, маски...

— Истуканъ-истуканомъ, замѣтила ей мать, уже на паперти. Папенька разговаривалъ съ какими-то господами — кажется, съ сыновьями Палагеи Семеновны. Лёленькѣ вздумалось посмотрѣть на нихъ, но она не удивилась, хотя бы и могла удивиться, что папенька говоритъ съ молодыми людьми, что трое этихъ молодыхъ людей идутъ съ ними до перекрестка. Какіе они что-то странные! говорятъ, какъ-то взвизгиваютъ; одинъ тросточкой играетъ, старуху прохожую задѣлъ; другой все часы вынимаетъ, смотритъ — тотъ, съ которымъ разговариваетъ папенька; всѣ такъ мелко завиты...

— Зѣвай еще по сторонамъ! опять шепнула маменька, которая шла рядомъ съ Палагеей Семеновной и въ молчаніи.

Перекрестокъ былъ близокъ. Старшій сынъ Палагеи Семеновны, тотъ, что съ тросточкой, давалъ это замѣтить молодому человѣку съ часами, толкая его подъ бокъ.

— Отвяжись, братецъ ты мой, возразилъ тотъ, занимаясь разговоромъ съ папенькой: — я тебя самого въ лужу столкну.

Онъ игриво разсмѣялся. Папенькѣ это, казалось, нравилось: онъ смѣялся тоже. Лёленька чего-то сконфузилась; ей стало скучно и, ужь конечно, безъ всякой причины, вдругъ вспомнился смѣхъ Веретицына, его тихій, какой-то полный голосъ, его худыя руки на плетнѣ, волосы, которые онъ всегда такъ мнетъ фуражкой, темносѣрые глаза, которые взглядываютъ пристально.—Какъ онъ сказалъ вчера: «хорошая дѣвочка»! Какъ же онъ смѣетъ говорить «Лёленька»?

Лёленька и не замѣтила, какъ простились молодые люди и Палагея Семеновна, и какъ папенька, маменька и она сама дошли домой. Маменька приказала ей переодѣться и идти кончить свои экзамены. Было всего одиннадцать часовъ. Лёленька была разсѣяна и своимъ туалетомъ, и разнообразіемъ впечатлѣній съ утра, и множествомъ народа, который видѣла. Ей было пріятно быть на открытомъ воздухѣ, пройдтись еще, хотя до пансіона; что̀ будетъ въ пенсіонѣ—представлялось ей смутно. Она два раза забывала, какія книги взять съ собой, и возвратилась за ними съ крыльца, но не забыла «Ромео» и унесла его въ карманѣ, какъ научилъ Веретицынъ; затѣмъ вдругъ вообразила, что ей надо зачѣмъ-то забѣжать къ себѣ въ садъ, примчалась туда бѣгомъ, къ плетню и заглянула: на дорожкѣ никого не было, но окно въ садъ, то, которое она примѣтила, было отворено; подъ окномъ сидѣлъ Веретицынъ и писалъ что-то. Новая работница кликала барышню провожать ее; маменька услышала, и когда Лёленька проходила черезъ дворъ, спросила, гдѣ была она. Лёленька какъ-то нечаянно, невольно отвѣчала, что ходила за карандашомъ, который оставила вчера въ саду. Ей стало такъ горько, такъ стыдно послѣ своихъ словъ, что она чуть не заплакала дорогой. Раскаяваясь, она, конечно, не могла ничего припомнить изъ того, что̀ было нужно для экзаменовъ; она еще застала нѣмецкій; ей пришлось сказать какіе-то стихи, которыхъ она никогда не понимала, а затвердила въ-долбяшку; едва придя, едва сѣвъ на мѣсто, не опомнясь, она перепутала рифмы—единственное, чѣмъ руководилась, а затѣмъ и все перепутала. Учитель-нѣмецъ пошутилъ очень-остроумно, но эта новая неудача еще болѣе сбила Лёленьку. Нѣмца смѣнилъ французъ, француза — учитель исторіи, ужасно-скоро одинъ за другимъ; французъ продиктовалъ на доскѣ такой примѣръ изъ какографіи о

participe passé, который и самъ затруднялся рѣшить, и потому только вышелъ изъ себя. Учитель исторіи сталъ спрашивать о какихъ-то войнахъ. За минуту передъ этимъ, пока перемѣнялись экзаменаторы, Лёленька посмотрѣла въ «Ромео», будто справляясь съ учебной книжкой, и нашла тамъ, почти на первой страницѣ о нелѣпости и грѣхѣ кровопролитія. Рядомъ, подруга Оленька Бѣляева, отвѣчала на вопросъ и называла великихъ людей.

«Какіе это великіе люди? — злодѣи», рѣшила Лёленька, вѣря тетрадкѣ Веретицына, думая о Веретицынѣ, о его смѣхѣ. Вдругъ помянули Лудовика-Вселюбезнѣйшаго, Лёленька не выдержала больше и засмѣялась громко. На нее «нашелъ стихъ» смѣяться; этотъ «стихъ», вслѣдъ за нимъ выговоръ, вопросъ ей самой, а затѣмъ упрямое, жаркое, вдругъ проснувшееся убѣжденіе, что *это* все вздоръ, что *это* ни на что́ не нужно — все перевернули ей, и мысли и сердце; она начала отвѣчать, сбиваясь; на замѣчаніе учителя возразила, что сбиться немудрено, когда въ книгѣ такъ не ясно; а когда ей сказали, чтобъ она не разсуждала, а говорила, что̀ выучила — сказала, увлекаясь, очень-смѣло, что этого и учить не сто̀итъ, развѣ длятого, чтобъ перезабыть да выучить вновь въ какихъ-нибудь другихъ книгахъ... Учитель былъ пораженъ: онъ преподавалъ двадцать-пять лѣтъ и дослуживался до пенсіона, а ничего такого съ нимъ еще не случалось.

Этотъ скандалъ заключилъ экзаменъ въ пансіонѣ. Нѣчего и говорить, что мадмуазель Бѣляева перешла въ старшій классъ съ наградой, а Лёленька была оставлена въ ме́ньшихъ и изъ пятой попала въ пятнадцатыя.

— За дерзость васъ бы исключить слѣдовало, сказала ей начальница.

Она не исключила ее, однако, потому-что лишняя ученица все-таки разсчетъ. Лёленька смотрѣла въ глаза подругамъ, думая найдти участіе; но подруги сторонились, не столько занятыя своимъ дѣломъ, сколько — Богъ ихъ знаетъ изъ какого чувства. Противъ Лёленьки было все начальство—какъ же идти противъ начальства? Неудача Лёленьки была неожиданна: невозможно, чтобъ она въ-самомъ-дѣлѣ перезабыла, не знала; но кто ее знаетъ? Она сказала что-то будто похожее на дѣло; но что̀—кому за надобность до этого дѣла? Для чего же еще отдаютъ въ пансіонъ и учатъ, какъ не длятого, чтобъ кончить курсъ и получить награду?

Лёленька ушла домой. Чрезъ два дня былъ актъ, и ея родители узнали, какую штуку она имъ приготовила. Ей пришлось и поплакать: маменька прибила ее, и не одинъ разъ.

Эти катастрофы, шумъ въ домѣ и потомъ молчаніе по цѣлымъ днямъ, среди тѣсноты, множества дѣтей, неприбора, сдѣлали съ Лёленькой то, что она точно отупѣла. Наплакавшись, она вдругъ перестала—не то отъ равнодушія, не то отъ отчаянности: она замѣтила, что съ ней обращались хуже, когда она плакала; но ея слезы прошли вдругъ, безъ всякаго разсчета; напротивъ, она подумала, что хоть бы и легче ей было отъ этого, но она слезы не выронитъ. Мать собрала цѣлый узелъ старыхъ дѣтскихъ чулокъ и рубашекъ, и бросила ихъ Лёленькѣ, заставила ее чинить; кромѣ-того, ей задавали уроки въ пяльцахъ. Лёленька работала отъ заутрени до темноты, вставая только для обѣда; но это доставалось ей такъ тяжело, что она охотно не пошла бы обѣдать, тѣмъ болѣе, что ничего не ѣла. Минутами, предъ вечеромъ особенно, когда вѣтеръ залеталъ въ окно и шелестилъ по пяльцамъ, она приподнимала голову, оглядываясь; что-то будто жгло ей глаза, и мелькала мысль уйдти куда-нибудь. Она была цѣлый день на глазахъ у отца, у матери, у дѣтей: спала въ одной комнатѣ съ дѣтьми; не было свободной минуты посидѣть спокойно и подумать, даже ночью, но ночью и нѣкогда: она засыпала скоро и крѣпко. Разъ, съ вечера, она вздумала-было поплакать въ постели—дѣти не дали, пристали, дразнили. Имъ сначала приказано было дразнить ее и не слушаться; потомъ это продолжалось безъ приказаній. Лёленькѣ одинъ разъ, такъ, внезапно, вошло въ голову:

«Если я вдругъ съ ума сойду?»

Она не придумывала дальше ни подробностей, ни приключеній—выдумки, какими успокоивается печаль и почти пріятно раздражаются нервы. Въ ней было что-то посильнѣе всѣхъ этихъ выдумокъ. Мать сказала ей одинъ разъ:

— Что̀ ты никому въ глаза прямо не смотришь?

Лёленька взглянула на нее и отвернулась: ей стало какъ-то страшно. Она сказала себѣ, что это грѣхъ ее мучитъ. Ей хотѣлось умереть...

Это продолжалось съ недѣлю. Палагея Семеновна зашла напиться чаю и застала, какъ всегда, маменьку у одного окна, Лёленьку у другаго.

— Рукодѣльница барышня! замѣтила она ласково.—Да что̀ же

это вы, матушка, все ее за работой держите? День сегодня воскресный; хоть бы на музыку, та́къ-то...

— Нѐ въ чемъ ей разгуливать идти, возразила маменька: — нарядовъ не нашили.

— Что́ же такъ?

— Не заслужила. Это, вотъ, ее сами спросите, безстыдницу, какъ мнѣ при всѣхъ ея мадама хвалила, что нѣтъ ея хуже, безграмотная...

— Вы ихъ очень нѐ конфузьте, прервала гостья, погладивъ Лёленьку по головкѣ: — дочка у васъ милая, хорошая. Ну, что́, грѣхъ да бѣда на̀ кого не живетъ? На что̀ онѣ, науки-то̀, мать моя? Хуже ли мы безъ нихъ съ вами? А, право, былъ бы достатокъ! Вотъ вы ихъ помаленьку къ хозяйству пріучайте, вы на то мастерица, да тамъ, что̀ надо музыки... Вы, красавица, умѣете что́ музыки съиграть? Вальсъ тамъ, или польку какую?

Лёленька молчала; ей все еще казалось, что Палагея Семеновна водитъ рукой по ея волосамъ.

— Или кадриль, что́ ли?

— Языкъ-то есть у тебя отвѣчать? вскричала маменька: — умѣешь, что̀ ли?

— Умѣю, отвѣчала Лёленька.

— Соври еще, какъ тогда! продолжала маменька.—Вотъ какъ до дѣла дойдетъ, ты опять ни тиль-тиль, все-равно какъ на экзаменѣ...

— Нѣтъ, это вы ужь, красавица, поучите, вступилась ласково гостья: — безъ этого ужь никакъ нельзя... Да что̀ вы зарукодѣльничались? Право, маменька, милая; вы отпустите ихъ, хоть въ свой садъ разгуляться, а мы тутъ съ вами... у меня къ вамъ дѣльцо...

— Ну, пошла! сказала маменька.

Лёленька встала, убрала пяльцы и вышла; у нея какъ-то подгибались колѣни; она нѣсколько дней не дѣлала и двадцати шаговъ по комнатамъ.

— Какое же дѣльцо? спросила маменька.

— Да все о женихѣ, родная моя, отвѣчала гостья...

Къ Лёленькѣ чрезъ Палагею Семеновну сватался женихъ, чиновникъ Фарфоровъ, тотъ самый франтъ при часахъ, пріятель сыновей Палагеи Семеновны, который приходилъ смотрѣть Лёленьку за обѣдней и потомъ былъ такъ «вѣжливъ» съ папенькой. Франтъ долженъ былъ получить этимъ годомъ чинъ: стало-

быть, пора была думать и о женѣ. Лёленькѣ этимъ годомъ исполнится шестнадцать: стало-быть, пора ее пристроить. Франтъ одинъ сынъ у матери; мать-старуха злющая, да за-то хворая, и деньги есть; Алёнѣ Васильевнѣ, можетъ, что пожалуетъ крестная маменька, тетушка Алёна Гавриловна, такъ, вотъ, и слава Богу! А *онъ* ея красотой прельстился: «только мнѣ, говоритъ, съ музыкой надобно; безъ этого ужь никакъ нельзя». Какъ чинъ получитъ, такъ и благословитъ.

— Ей, молоденькой, лестно будетъ за такого красавца выдти, заключила гостья:—а вы только къ сестрицѣ Алёнѣ Гавриловнѣ въ Петербургъ отпишете, насчетъ награжденія, да приданаго...

Маменька стала считать, вмѣстѣ съ гостьей, сколько и чего именно нужно для приданаго. Женихъ, кромѣ музыки, просилъ шесть шелковыхъ платьевъ; маменька почти соглашалась на четыре...

IX.

Дѣти, по случаю воскреснаго дня, были всѣ отпущены въ луга съ другими сосѣдними дѣтьми; Лёленька была одна въ своемъ саду. Она какъ-то ужь не радовалась и свободѣ: очень ли она засидѣлась и устала, или ея сердце, какъ все крѣпкое и сильно-измятое, не могло разомъ расправиться. Лёленька шла тихо и только старалась вздохнуть посильнѣе. Ей не пришло на мысль, по обыкновенію, что «Палагея Семеновна несносная и охота маменькѣ съ нею!» напротивъ, ей показалось, что «пусть онѣ-себѣ, имъ хорошо вмѣстѣ». Одну минуту, ей самой захотѣлось, чтобъ съ ней была которая-нибудь изъ подругъ... но которая же? Къ ней не ходила ни одна подруга. Имъ весело теперь, можетъ-быть; можетъ-быть, идутъ гулять; вотъ, въ городскомъ саду начинается музыка... И что жь, это всякій день такъ будетъ?... Ей захотѣлось броситься на траву и наплакаться; она удержалась, какъ-то невольно взглянувъ на сосѣдній садъ. Веретицынъ стоялъ, облокотясь на плетень.

Онъ давно стоялъ тамъ, еще до прихода Лёленьки, подойдя и облокотясь машинально, по привычкѣ. У него на душѣ было тяжеле обыкновеннаго, какъ случается, когда человѣкъ дастъ себѣ раздуматься и распустить нервы на волю. Въ далекой музыкѣ было что-то томящее, раздражающее; но музыка успокои-

ваетъ только или эгоиста или ребёнка, хотя бы этотъ ребёнокъ былъ давно взрослый...

Веретицынъ не слышалъ даже шороха платья Лёленьки и замѣтилъ ее, когда она его замѣтила.

— Что̀ васъ давно не видно? спросилъ онъ и протянулъ ей руку.

Лёленька дала свою, безъ удивленія, безъ всякаго чувства; ей только стало холодно.

— Не́когда было, отвѣчала она.

— Да!... Ну, что̀, ка́къ дѣла?

— Кончены.

— Поздравляю.

— Нѐ съ чѣмъ: я осталась въ маленькихъ и послѣдняя.

Веретицынъ покачалъ головой.

— Вы это нарочно сдѣлали?

— Нѣтъ, сама не знаю... Да̀, почти нарочно.

— Для чего жь?

— Вы знаете... Что̀ объ этомъ толковать! скучно. Вы лучше всѣхъ, лучше меня знаете.

— Я-то, Лёленька?

— Ну, да̀. Вѣдь, вы же говорили... Что́ вы тутъ говорили— вспомните.

— Помилуйте! Но что̀ бъ я ни говорилъ, я могъ и ошибиться, могъ и шутить...

— Вы не шутили; я всегда васъ спрашивала, шутите ли вы? вы говорили: нѣтъ. А что вы говорили правду... это ужь я знаю. Все правду, обо всемъ, обо всѣхъ правду!...

— Напримѣръ?

Она смутилась. Мысль объ отцѣ и матери заставила ее сжать губы, удерживать и слова и слезы. Веретицынъ посмотрѣлъ ей въ лицо и повторилъ, улыбаясь:

— Напримѣръ, какую жь правду я говорилъ?

— Хоть ту, что гордиться, выставляться напоказъ ду́рно.

— Я, Лёленька, не говорилъ этого.

— Я такъ поняла, отвѣчала она очень-твердо: — я та́къ и сдѣлала.

— Вамъ за это благодаренъ кто-нибудь? спросилъ онъ: — похвалили васъ? Подруги, для которыхъ вы принесли такую жертву, бросились вамъ на шею?... Что́? никто?

— Конечно, никто, отвѣчала она, чѣмъ-то обидясь: — но я хорошо сдѣлала.

— Вы романическая голова, Лёленька. Подайте мнѣ Шекспира назадъ. Вы начитаетесь — еще хуже будетъ.

— Чтó жь будетъ хуже? спросила она, стараясь разобрать, шутитъ ли онъ:—о, да вы смѣетесь!

— Смѣюсь, надъ вами. Сами разсудите: ваши папенька съ маменькой должны быть сердиты, не приведи Богъ кàкъ; подруги надъ вами смѣются; вы не знаете, чтó дѣлать; скучно вамъ до смерти, а вы твердите: «я хорошо сдѣлала». Упрямица вы—вотъ чтò!

— Побраните еще, сказала она, взглянувъ ему въ глаза.

Веретицынъ улыбнулся на ея взглядъ и опять подалъ ей руку; она захватила ее въ обѣ. Веретицынъ взялъ свою руку назадъ.

— Какъ же вы проживете на свѣтѣ? спросилъ онъ.

— Какъ-нибудь.

— Какъ-нибудь нельзя. Сантиментальничать, вольничать— послѣдствія невеселыя, да и неприличныя.

— Кáкъ это? что это неприличныя?

— Вотъ-чтò. Вы понимаете, что людямъ надо какъ-нибудь уживаться другъ съ другомъ; они всѣ на разный ладъ сотворены, и потому придуманы законы, правила, приличія, чтобъ склеиться между собою. Кàкъ въ такомъ и такомъ случаѣ поступаетъ одинъ, тàкъ непремѣнно должны поступать другіе; иначе, всякій потянетъ въ свою сторону. Чтó жь это выйдетъ? Не понравилась наукà — давай другую! Не понравилось у папеньки съ маменькой—давай бѣжать! Хорошо, слава Богу, что такихъ охотниковъ еще немного, а которые выскакиваютъ, на тѣхъ есть управа. Это вольничанье — безпорядокъ. Будьте довольны тѣмъ, чтó вамъ даютъ. А сантиментальность?... Зачѣмъ себѣ набивать голову, что должно любить подругъ какихъ-нибудь, не выставляться передъ ними и прочее? Вѣдь, подруги для васъ этого не сдѣлаютъ?

— Ну, такъ чтò жь? прервала она.

— Опять! возразилъ онъ: —да не годится, милая моя Лёленька! Послѣ этого, вы своё добро кому случится уступите, любимаго человѣка уступите—и вамъ никто спасибо не скажетъ!...

Онъ засмѣялся, потому-что она засмѣялась весело, но не глядя на него и краснѣя.

— Чтò жь вы будете дѣлать? продолжалъ Веретицынъ.

— Когда?

— Ну, вотъ, хоть скоро, этими днями. Въ пансіонъ больше не пойдете?

— Не пойду; меня совсѣмъ возьмутъ.

— Видите! Что жь сидѣть за пяльцами... Гости у васъ бываютъ?

— Бываютъ... дрянь какая-то.

— Лёленька! это что за гордость? Какъ вы смѣете называть ихъ дрянью? Вашъ папенька съ маменькой ихъ любятъ: вы старшая дочь, вы должны ихъ принимать, занимать.

Лёленька опустила голову.

— Я не шучу, продолжалъ Веретицынъ: — гости не по-васъ; можетъ-быть, и занятія въ домѣ не по-васъ? Чего жь вы хотите?

— Ничего не хочу, проговорила она тихо. — Сдѣлайте милость, не смѣйтесь надо мной.

— Тутъ не до смѣха, отвѣчалъ, хохоча, Веретицынъ: — дѣвица должна быть скромна, трудолюбива, почтительна къ родителямъ, всѣмъ довольна, къ хозяйству рачительна, съ посторонними любезна — а вы что?

— Не знаю... я, должно-быть, пропащая! отвѣчала она.

— Ну, не пропадете! сказалъ онъ, еще смѣясь, но ласково. — Да вы не плачьте, Лёленька.

— Я никогда этой глупости не дѣлаю.

— Слѣдовало бы иногда, о вашихъ другихъ глупостяхъ.

— Васъ не разберешь! возразила она, опять взглянувъ на него, и замолчала.

Веретицынъ тоже замолчалъ, поднявъ голову и прислушиваясь къ музыкѣ.

— Вы всегда будете здѣсь жить? спросила Лёленька.

Онъ оглянулся.

— Что?

— Нѣтъ... я спросила... Вы что дѣлаете весь день?

— Служу отечеству.

— Вамъ не скучно?

— Какъ можно!

— У васъ есть знакомые?

— Вотъ, я знакомъ съ вами.

Она вздохнула. Веретицынъ былъ разсѣянъ и слушалъ.

— Я еще не прочла вашу книжку. Когда прочту, дадите другую?

— Что?... Да, пожалуй.

— Я буду переучиваться, сказала она робко.

Веретицынъ смотрѣлъ въ даль; онъ слышалъ и не слышалъ, чтó говорила Лёленька, ея послѣдніе вопросы, звуки издали, вѣтеръ влажный, ласкающій, какой онъ бываетъ по вечерамъ, перевернулъ ему душу. Въ свѣтлые вечера бываютъ особенныя минуты, въ которыя сильнѣе вспоминается напрасный день, а за нимъ дальше, другіе напрасные дни, напрасныя желанія, все, чему измученное сердце, какъ догорающая заря неконченной работѣ говоритъ — поздно!

— Я все переучу съизнова, какъ вы, говорила Леленька.

— Похвальное намѣреніе! отвѣчалъ Веретицынъ, не обращаясь къ ней:—вашъ папенька съ маменькой будутъ за что-нибудь вздорить, а вы, покуда, сидите, размышляйте о новыхъ открытіяхъ въ астрономіи — очень-полезное развлеченіе и очень-спокойно: никто вамъ не помѣшаетъ. Гости придутъ; они вамъ начнутъ: «Слышали вы, дьяконъ на дьячка просьбу подалъ?» или «Ахъ, сударыня, у васъ глаза прелестные!» а вы имъ самый свѣженькій вопросецъ: «Какого вы мнѣнія о coup d'état президента Бонапарте?...» Это такъ пріятно, такъ кстати. Я вамъ совѣтую.

— Вы ничего не говорите толкомъ.

— Кáкъ же еще? И вамъ самимъ будетъ такъ легко съ людьми, которые такъ хорошо будутъ понимать васъ; сердцу отрадно. Вы, по вашему обычаю, весь міръ забудете съ книжкой — обернетесь, а этотъ міръ передъ вами, нечесаное чудище, и вы видите, что можно забыть его, съ книжкой, да спрятаться-то отъ него въ книжку нельзя... Совѣтую вамъ: учитесь. Еще сумасшедшей васъ не называли?

— Да чтò жь мнѣ дѣлать? спросила Лёленька.

— Право, не знаю, Лёленька, отвѣчалъ онъ тихо.

— Вамъ, вѣрно, самому очень-скучно? скажите правду.

— Чтò мнѣ дѣлается? Съ меня экзаменовъ не спрашиваютъ.

— Полноте все шутить. Вы кáкъ живете?

— Кáкъ видите.

— Это все не тò! возразила она нетерпѣливо.

— Ну, не знаю, чтó вамъ еще надо, отвѣчалъ онъ.

Они оба замолчали. Веретицынъ задумался. Лёленька не отходила.

— Чтò жь, вы просили прощенія у папеньки съ маменькой? спросилъ онъ, оглянувшись и потому вспомнивъ о ней.

— Зачѣмъ?

— Тàкъ, попробуйте. Вотъ, васъ простятъ, повеселятъ, гулять поведутъ.

— Здѣсь лучше, отвѣчала она.

Веретицынъ не сказалъ ни слова; онъ не думалъ о ней. Въ его саду стукнула калитка, и по дорожкѣ раздался шумъ походки особенно-изящной, производимой только изящной обувью. Веретицынъ оглянулся.

— Ибраевъ, здравствуй! сказалъ онъ и пошелъ къ нему на встрѣчу.

Ибраевъ казался взволнованъ.

— Я на минуту, ѣду въ клубъ, началъ онъ, едва они сошлись и поздоровались.

— Не смѣю и задерживать, отвѣчалъ Веретицынъ.

— Веретицынъ, такія вещи не дѣлаются!

— Какія вещи?

— Вы просились въ отпускъ?

— Просился.

— Почему?

— Надоѣло губернское правленіе и грудь болитъ.

— То-есть, Хмѣлёвскіе уѣхали въ деревню.

— И я хочу къ нимъ съѣздить. Это до васъ не касается.

— Но вы моимъ именемъ проситесь у вашего начальника?

— Съ чего вы взяли? И не воображалъ.

— Вы ссылаетесь на мое покровительство; я знаю васъ, но я вамъ не протежирую...

— Посмотрѣлъ бы я, кàкъ бы вы вздумали мнѣ протежировать, отвѣчалъ очень-тихо Веретицынъ:—я на васъ не ссылался.

— Вашъ старшій совѣтникъ говоритъ мнѣ: «я отпускаю Веретицына на свой страхъ, потому только, что вы съ нимъ пріятельски-знакомы...»

— Успокойтесь: я не хвалился вашимъ знакомствомъ.

— Изъ того, что я бывалъ у васъ, рискуя компрометироваться.

— Вотъ то-то, прервалъ Веретицынъ:—я васъ предупреждалъ, что это вамъ нездорово. Такъ потрудитесь больше не компрометироваться.

Онъ показалъ на калитку.

— Чтò жь это?... началъ Ибраевъ.

— Да ничего; я писарь подъ присмотромъ полиціи: со мной ссориться не стòитъ. Вы можете доказать, что вы мнѣ не про-

тежируете. Позаботьтесь, чтобъ не пустили меня въ отпускъ, чтобъ послали куда-нибудь попрохладнѣе... Уходи, я тебѣ сказалъ!

Ибраевъ ушелъ, чтобъ не дать ему разговориться громче. Веретицынъ воротился къ скамейкѣ подъ хмѣлемъ и просидѣлъ тамъ до темноты.

X.

Вліяніе Палагеи Семеновны на маменьку оказалось благодѣтельно для Лёленьки. Лёленькѣ давали отдыхъ; ее не сажали за починку рубашекъ; ей не задавали больше урока въ пяльцахъ.

— А то она у васъ совсѣмъ заморится, замѣтила Палагея Семеновна маменькѣ.

Потомъ, разсудивъ, что еще не Богъ-знаетъ какая бѣда не знать разныхъ наукъ и что и безъ нихъ барышня — все-таки барышня, рѣшили сдѣлать Лёленькѣ шляпку и повести ее въ люди. Случились именины какого-то чиновника; маменька была тамъ съ Лёленькой, чай пили; кромѣ нихъ, старой четы хозяевъ и другой старой четы гостей, никого больше не было.

Женихъ непремѣнно требовалъ музыки. Лёленькѣ ничего не говорили о женихѣ, ни о его требованіяхъ. Изъ шептаній маменьки съ пріятельницей, изъ таинственныхъ переговоровъ маменьки съ папенькой, Лёленька ничего не могла отгадать, нелюбопытная и ненаблюдательная отъ природы. Маменька ненапрасно часто называла ее истуканомъ. Вслѣдствіе требованій жениха, маменька постаралась достать у одной дамы, переселявшейся на покой въ монастырь, фортепьяно въ четыре съ половиной октавы, съ сурдинкой. Фортепьяно было взято «на подержаніе», покуда, можетъ, кому понравится и продастся. Лёленькѣ было приказано играть всякій день и какъ можно шибче. Собака всякій разъ начинала выть подъ окномъ, какъ начинала играть Лёленька.

Лёленька была рада тому, что выдавались свободные часы, въ которые можно было уходить въ садъ и читать. Маменька зашумѣла-было противъ этихъ книжекъ, но Палагея Семеновна успокоила ее:

Чтò жь, что барышня наклонность имѣетъ? пусть-себѣ и пофранцузскому...

Лёленька и читала только французское, единственное, что̀ имѣла—«Ромео и Джульетту». Ей пришла догадка, и стало стыдно этой догадки: можно не прятать книгу, когда никто не понимаетъ, что̀ въ ней, и никто не спрашиваетъ, откуда она.

«Но что̀ жь тутъ хорошаго?» спрашивала она сама себя, читая въ первый разъ.

Слова мудреныя, все такія запутанныя. Лёленька всему училась прилежно, пофранцузски особенно, потому-что, на счастье, былъ порядочный учитель. Учитель заставлялъ много читать и переводить въ классѣ, труднаго, изъ хрестоматіи, изъ Шатобріана; но все-таки Лёленька была недовольно-сильна, чтобъ понимать все безъ диксіонера. Но ей хотѣлось понимать—она догадывалась; чѣмъ дальше, тѣмъ шло легче... Содержаніе прелестное, что̀ говорить! Однако, оно только заинтересовало ее, а не поразило, когда она прочла въ первый разъ: этотъ первый разъ стоилъ слишкомъ-большаго труда. Она не плакала ни надъ сценами любви, ни надъ послѣдними. Кончивъ, она не раздумывала, но изъ ея памяти вставали неожиданно, отрывочно, подробности, слова. Подробности тревожили, заставляли улыбаться... царица Мабъ—что̀ за прелесть! Нѣтъ ли ея гдѣ-нибудь тутъ, въ травѣ, на колесницѣ изъ скорлупы и стрекозиныхъ крыльевъ!... Ночь, темный склепъ, разсвѣтъ, жаворонокъ—одно за другимъ точно мелькало предъ глазами...

«Роза все роза, какъ ни называй ее» повторила Лёленька, хотя и не учила наизустъ: «брось свое имя, и за него возьми всю меня... Моя единственная ненависть стала моей единственной любовью...»

И такъ же невольно почти схватила она тетрадку и стала отъискивать эти слова, перечитала, вертѣла страницы, опять перечитывала.

«Въ воздухѣ судьбы виситъ надо мной несчастье...»

Она уронила тетрадку на траву, легла на нее лицомъ и горько заплакала—не о Джульеттѣ, не о Ромео, не о себѣ, хоть передъ этимъ было тяжело на сердцѣ; это какъ-то совсѣмъ забылось; плакалось отъ того, что, вотъ, Богъ-знаетъ, что̀ дѣлается на свѣтѣ, и *это* та́къ хорошо, и Богъ-знаетъ чѣмъ хорошо...

— Тебя, матушка, заря вгонитъ, заря выгонитъ, сказала маменька, поймавъ на другой день Лёленьку, когда она, еще до заутрень, вскочила и бѣжала въ садъ.

Лёленька не старалась видѣть и сосѣда: ей было не до него въ этотъ день. Но сосѣдъ не приходилъ ни въ этотъ день, ни въ слѣдующіе два дня. Лёленьку это смутило и очень-странно обезпокоило, какъ-будто этого не случалось прежде. Но ей казалось непремѣнно нужно узнать, что съ нимъ. Какъ узнать? отъ кого? Ни души знакомой въ домѣ у сосѣдей, да и нигдѣ. До этой поры Лёленькѣ не было нужно ничье знакомство; оно, пожалуй, ненужно и теперь, лишь бы только узнать... Ей было нужно его видѣть, не для того, чтобъ сказать ему что-нибудь, а такъ, спросить его, что ей дѣлать, потому-что такъ жить нельзя; какая-то неладица кругомъ. Прежде то же было, правда, но теперь, Богъ-знаетъ почему, какъ-то все ближе къ сердцу. Люди живутъ иначе, то-есть, люди, не то, что, вотъ, Палагея Семеновна съ сыновьями, дочери протопопицы, Оленька Бѣляева. Мужики какъ-то лучше живутъ. Лёленька разспрашивала свою новую работницу; та пришла къ нимъ прямо изъ деревни и разсказывала: тамъ лучше; тамъ свое дѣло дѣлаютъ... Ну, зачѣмъ этотъ воротникъ вышивать? Маменькѣ его надѣть нéкуда, дома она въ недѣлю разъ причешется—онъ сгніетъ у нея въ комодѣ. Продать его—никто не купитъ. Купятъ если—на что эти деньги? все ѣда, все дрова, свѣчки... Трудиться для этого, конечно, надо, да зачѣмъ же все говорить объ этомъ одномъ? Будто нé о чемъ больше?

— Въ-самомъ-дѣлѣ, *имъ* нѐ о чемъ больше, заключила Лёленька, и сердце у нея повернулось.

Она была одна; было тихо; часы стучали — хоть заснуть. Вдругъ на дворѣ поднялся крикъ: маменька гнѣвалась на дѣтей; раздался плачъ: дѣтей били...

«Господи! и всякій день все то же!» выговорила Лёленька громко.

Она вскочила изъ-за пялецъ, побѣжала къ матери и, вся въ слезахъ, вступилась за братьевъ. Маменька была слишкомъ-разстроена и прогнала Лёленьку въ комнату.

— Видишь, какая умная родилась! вскричала маменька:—своихъ заведи, тогда и умничай! Выйди-ка замужъ, попробуй, каково!

«Не-уже-ли у меня будутъ когда-нибудь дѣти? не-уже-ли и я буду жить такъ же?» спрашивала себя Лёленька, глядя туманными глазами въ узоръ, послѣ того, какъ сильная рука маменьки нагнула ее къ пяльцамъ.

Папенька воротился спокойнѣе обыкновеннаго.

— Фарфорова къ чину представили, сказалъ онъ маменькѣ, садясь за столъ.

— Слава тебѣ, Господи! воскликнула съ восхищеніемъ маменька:—теперь, чтó Палагея Семеновна скажетъ...

— Чтó бы ни сказала, нѣчего при этой козѣ болтать (папенька указалъ на Лёленьку).—А вотъ, писать мнѣ надо къ сестрицѣ. Куда къ ней писать? Гдѣ ея письмо?

— Ахъ, батюшки! куда, въ-самомъ-дѣлѣ, къ ней писать-то? вскричала маменька: — Алёна, гдѣ тётеньки Алёны Гавриловны письмо? Батюшки! куда оно дѣвалось? Вѣдь, за зеркаломъ было заложено, съ самой святой лежало. Пострѣлы, должно-быть, утащили да изорвали, вотъ тебѣ — теперь и здравствуй! Куда теперь напишешь?

Дѣти божились, что не уносили и не рвали никакого письма. Начались поиски. Маменька была въ отчаяніи, металась, кляла жизнь свою, подозрѣвала, что письмо кѣмъ-нибудь украдено для какихъ-нибудь цѣлей. Отъ голоса папеньки дрожали переводины на чердакѣ. Папенька покушалъ и пошелъ почивать, объявивъ, чтобъ письмо было. Шумѣть было можно, несмотря на сонъ папеньки: его никакой шумъ не могъ потревожить. Маменька и не стѣснялась.

— Да, вѣдь, все изъ-за тебя толкъ, дура безчувственная! сказала она Лёленькѣ.

Лёленька была совсѣмъ какъ потерянная, до слезъ, и не понимала, почему это все изъ-за нея толкъ—развѣ потому, что тётушка Алёна Гавриловна ей крестная мать...

Маменька помчалась искать письмо по чуланамъ; сундукъ работницы былъ уже обысканъ. Оставшись одна, Лёленька нашла письмо: оно, просто, завалилось изъ-за зеркала, куда было заткнуто, за комодъ, стоявшій подъ зеркаломъ. Лёленька была рада минутной тишинѣ и не торопилась звать маменьку и объявить о находкѣ. Она открыла письмо, чтобъ убѣдиться, точно ли это, и кстати узнать, чтò важнаго въ немъ, кромѣ петербургскаго адреса тётки. Ничего; поздравленіе съ свѣтлымъ праздникомъ, увѣдомленіе о здоровьѣ, два слова о томъ, что писать больше нѣчего, и адресъ. Лёленька прочла два раза... «Какой хорошенькій почеркъ у тётушки, и всѣ точки на мѣстѣ!» подумала она, между-тѣмъ, какъ въ ушахъ у нея шумѣло и голова кружилась.

Папенька принялъ письмо безъ особенной радости и опять заткнулъ за зеркало; хотя завтра былъ почтовый день, но папенька раздумалъ, отложилъ отвѣтъ, когда будетъ свободнѣе, сказалъ маменькѣ, чтобъ не приставали, и ушелъ въ гости, пить чай. Маменька нѣсколько времени гнѣвалась на папеньку, что онъ ни о чемъ не заботится, и побѣжала къ Палагеѣ Семеновнѣ. Лёленька ушла въ садъ.

На нее нашелъ припадокъ веселости; вдругъ какъ-то забылись всѣ непріятности; ей хотѣлось бѣгать, кружиться; еслибъ было съ кѣмъ, она бы смѣялась всякому вздору. Она подбѣжала къ плетню и цѣлый часъ ждала сосѣда; онъ не приходилъ; его окно было заперто.

«Что жь съ нимъ сдѣлалось?» подумала Лёленька: «въ гости ушелъ? уѣхалъ? Къ нему приходилъ тогда господинъ какой-то... къ нему, можетъ-быть. Легко сказать, шесть дней не видала!»...

Калитка скрипнула; маменька воротилась.

«Да онъ, можетъ-быть, приходилъ, какъ меня не было», заключила Лёленька, убѣгая домой.

Ее звали. Маменька принесла отъ Палагеи Семеновны свертокъ холста и стала кроить мужскія рубашки. Одну изъ нихъ съ вечера она выдала Лёленькѣ, приказавъ ей встать пораньше и шить, чтобъ не видалъ папенька. Лёленька подумала, что это работа заказная, и маменька желаетъ скрыть отъ папеньки, что работаетъ для денегъ.

«Но почему же бы и не работать для денегъ?» спросила себя Лёленька: «другіе живутъ этимъ. Что жь, что папенька чиновникъ?»

Но вмѣсто этихъ соображеній, ей пришло другое: можно встать чѣмъ-свѣтъ и унести шитье съ собой въ садъ. Она такъ и сдѣлала. Маменька это видѣла и сказала ей, что она умница. Лёленька не подозрѣвала, что шьетъ приданое своему жениху, и маменька прячется съ нимъ, боясь гнѣва папеньки за то, что холстъ взятъ въ долгъ, за то, что принялась, еще не совсѣмъ порѣшивъ, за то, что папеньку не спросилась—за многія причины. Но работа шла плохо. Лёленька все прислушивалась, конечно, не къ шагамъ папеньки, который никогда не навѣщалъ своего сада, а къ малѣйшему шороху по дорожкѣ у сосѣда. Утро было славное, іюньское; въ монастырѣ отзвонили къ средней обѣднѣ—значитъ, ужь восемь часовъ. Еще немножко, и будетъ поздно: въ половинѣ девятаго служащіе идутъ въ должность; сосѣдъ уйдетъ тоже...

За плетнемъ послышались его шаги. Лёленька вскочила; полотно полетѣло въ траву, наперстокъ, ножницы очутились Богъ-знаетъ гдѣ; руки дѣвочки уцѣпились за колья, одна изъ нихъ была расцарапана въ кровь, но дѣвочка этого не чувствовала.

— А! Лёленька! сказалъ Веретицынъ, когда ея покраснѣвшее личико выглянуло изъ-за плетня.

— Я думала, вы уѣхали, сказала она.

— Куда? Я никуда не ѣду.

— Чтò же вы не приходили? Вѣдь шесть дней... Вы все дома были?

— Все дома; нездоровится.

— Вы больны?

Она съ первой секунды замѣтила, что онъ блѣденъ, и въ ту же секунду подумала, что это такъ только; въ эту секунду она ужь ничего не думала.

— Чтò жь это вы?... Чѣмъ вы больны?

— Тáкъ. А вы кáкъ поживаете?

— Ничего... Но вы, совсѣмъ такъ и не выходите? Вѣдь это нехорошо... (ей хотѣлось заплакать). Погода, смотрите, какая чудесная.

— Чтò жь дѣлать! Прощайте, Лёленька.

— Куда же вы?

— Домой; пойду, лягу.

Она смотрѣла ему въ слѣдъ, въ саду, во дворѣ, увидѣла его еще одну минуту, когда онъ отворилъ окно своей комнаты. Онъ не показался больше.

«Должно-быть, легъ» сказала себѣ Лёленька.

Она сѣла подъ липу и рыдала, заливаясь горькими слезами. Приди въ эту минуту маменька, папенька — ей было все-равно; сдѣлай они съ нею, чтó только имъ вздумается—ей было все-равно. Она подумала: не дать ли Богу какое-нибудь обѣщанiе и, не думая, надавала ихъ множество самыхъ неисполнимыхъ. Что-то, казалось ей, кончилось, и вся жизнь съ этимъ кончилась, потому-что до-этихъ-поръ можно было все сносить: и скуку, и обиды, и никого не было нужно; что-то другое было, не одинъ вздоръ, сплетни, ученье безъ толку... А вотъ теперь, онъ умретъ — и все кончено.

Лёленька такъ долго плакала, что забыла и время. Ее пришли звать обѣдать. Маменька ухаживала за папенькой, чтобъ поддержать его въ мирномъ расположенiи духа, а потому не обра-

тила вниманія на заплаканные глаза Лёленьки. Едва улегся папенька, Лёленька опять ушла въ садъ. Она вспомнила о своемъ дѣлѣ, отъискала ножницы и наперстокъ и стала шить. Ей пришло въ голову, что, можетъ-быть, сосѣдъ придетъ опять, вечеромъ.

Вечеръ пришелъ и прошелъ — Веретицынъ не былъ. Лёленька давно бросила работать и смотрѣла на огонь въ его окнѣ.

— Что ты тутъ, галокъ, что ли, считаешь? закричала маменька, вдругъ появившись сзади нея.

Наработано было мало, «барышню» застали у чужаго плетня... Лёленькѣ досталось за все. Въ заключеніе, такъ-какъ секретъ все еще сохранялся отъ папеньки, ей было приказано уходить шить не въ садъ, а въ людскую, къ работницѣ.

XI.

Прошло еще дня три. Въ воскресенье Лёленьку повели къ обѣднѣ, въ приходъ. Общее вниманіе всѣхъ, бывшихъ въ церкви, обратила на себя дама въ прекраснѣйшемъ гранатномъ бархатномъ бурнусѣ и соломенной шляпкѣ съ блондой и голубыми перьями: такіе роскошные туалеты были рѣдкостью для дальняго прихода. Дама пришла поздно и держалась модно, подвинула за плечи весьма-удивленную этимъ поступкомъ дѣвочку, закутанную въ ковровый платокъ, незнавшую потомъ, какъ посторониться отъ обезпокоенныхъ юбокъ дамы. Дама прислонилась къ рѣшеткѣ клироса, уставала, становясь на колѣни. Ей принесли двѣ просвиры, а въ концѣ обѣдни церковный староста съ большимъ поклономъ подалъ третью.

— Это—казначейша, сказала маменька Палагеѣ Семеновнѣ:— какъ это она не въ соборѣ?

Маменька была такъ заинтересована появленіемъ такой важной особы, что едва обратилась на поклонъ юнаго чиновника, Фарфорова; чиновникъ отвѣсилъ поклонъ еще глубже госпожѣ казначейшѣ, но этотъ остался ужь вовсе безъ отвѣта—подошелъ къ Лёленькѣ, но Лёленька тоже смотрѣла на казначейшу.

Казначейша въ это время удостоивала отвѣта знакомую даму, тоже въ бархатѣ, которая тоже спрашивала, какъ это она сюда вздумала, и почему она не въ соборѣ.

— Опоздала, говорила она, стараясь сохранить аристократическую неподвижность, отчего едва отворяла ротъ и только слегка покачивала головой сверху внизъ, чтобъ придать величавое колебаніе своимъ перьямъ: — встала поздно. Вчера очень поздно легла; обезпокоилась съ вечера.

— Чѣмъ же? спрашивала знакомая.

— Братъ у меня боленъ, отвѣчала казначейша неохотно: — и безъ того, такое неудовольствіе, что онъ тутъ, а тутъ ему еще хуже сдѣлалось...

— Это крестъ на васъ, замѣтила съ участіемъ другая дама, которая, хотя и не была знакома съ казначейшей, но не могла удержаться отъ искушенія подойти къ ея кружку.

Казначейша едва взглянула на нее и прошла.

Лёленька была блѣдна какъ смерть; чиновникъ Фарфоровъ приписывалъ ея молчаніе удовольствію, доставленному его присутствіемъ, и объяснилъ маменькѣ:

— Это, дѣйствительно, что это на нихъ крестъ. Я въ одномъ столѣ сижу съ ихъ братцемъ. Они здѣсь, знаете, на самомъ дурномъ замѣчаніи... за стихи сюда присланъ... самый вредный человѣкъ.

— Въ домѣ у нихъ, однако, не слышно, замѣтила маменька:— тихъ, должно быть.

— Матушка, еще бы не тихому быть! вступилась Палагея Семеновна: — на всемъ сестриномъ да зятниномъ живетъ.

— Мы полагали, продолжалъ Фарфоровъ: — они въ должность не ходятъ оттого, что разсердились, въ отпускѣ имъ отказали, а видно, въ-самомъ-дѣлѣ, хвораетъ.

— Э, ужь лучше прибралъ бы его Богъ! прибавила Палагея Семеновна.

— Развязалъ бы ихъ! заключила маменька.

Лёленька посмотрѣла на нихъ. Дома маменька поговорила еще объ этомъ съ работницей, потомъ съ папенькой. Лёленька ничего не ѣла весь день, не говорила ни слова. Папенька замѣтилъ ей:

— Что̀ ты, волчонокъ, по угламъ прячешься?

Цѣлую недѣлю, которая прошла за этими днями, Лёленька не помнила ничего, что̀ дѣлалось кругомъ, что̀ ей говорили, что̀ съ ней дѣлали. Она не знала, что̀ и сама она дѣлала; по какой-то привычкѣ, едва представлялась свободная минута, она бѣжала въ

садъ, къ плетню, возвращалась, чуть-дыша, за свою работу и шила молча, опять до свободной минуты. Вечера, когда папенька съ маменькой уходили со двора, или приходила Палагея Семеновна, Лёленька проводила всѣ у плетня. Окно было едва освѣщено; должно-быть, горѣлъ ночникъ.

Въ воскресенье маменька не сбиралась къ обѣднѣ; Лёленьку послали съ Палагеей Семеновной. Ее мучило такое нетерпѣніе, что она не могла больше вынести, убѣжала изъ-подъ глазъ маменьки, прилетѣла въ садъ, взглянула—Веретицынъ сидѣлъ у своего открытаго окна...

— Ну, ужь, милая, говорила этимъ вечеромъ Палагея Семеновна маменькѣ:—сегодня за обѣдней *его* мать была, дивилась на вашу дочку: «Вотъ, говоритъ, богомольница; ниже куда взглянетъ, оборотится. Въ придѣлъ пошла, къ чудотворному образу, ужь она поклоны клала, клала, смотрѣть хорошо». Я и говорю старухѣ: вотъ, говорю, какое сокровище сыну вашему Богъ посылаетъ. На что злющая, и та удивилась.

На другой день папенька былъ особенно-гнѣвенъ за то, что еще не написали сестрицѣ Аннѣ Гавриловнѣ, хотя писать сбирался онъ одинъ, чтó, наконецъ, и исполнилъ. Чтó было въ письмѣ его — никто не зналъ; онъ погналъ и маменьку, когда она вошла въ его «покой», гдѣ онъ занимался этимъ дѣломъ. Кончивъ, онъ позвалъ Лёленьку.

— Ты, небось, французженка, не умѣешь двухъ строкъ сложить. Ты когда-нибудь писала къ крестной матери—а? не писала? Садись, пиши вотъ здѣсь. Перо-то какъ слѣдуетъ возьми, руками. Пиши!

Папенька диктовалъ и все предлинными словами, было и «благоговѣніе» и «благоусмотрѣніе». Лёленькѣ казалось, что она списываетъ изъ Кошанскаго; почему-то ей было весело, хотя и подумалось одну секунду, что тетушка приметъ ее за полоумную. Когда она подписалась покорной, воспріемной дочерью и племянницей, папенька собственноручно вывелъ на этихъ словахъ два кудрявыя *ятя*.

— Батюшка мой, да это все не то! воскликнула маменька, слышавшая диктовку:—вѣдь тутъ о награжденіи ничего нѣтъ.

— Я писалъ! писалъ, слышишь? Я, отецъ, самъ писалъ! вскричалъ папенька: — не твое дѣло!

Онъ былъ такъ разгнѣванъ и разстроенъ, что испортилъ надпись на двухъ конвертахъ, приказалъ Лёленькѣ надписать тре-

тій, наблюдая, чтобъ это было сдѣлано чотко, безъ ошибокъ. Лёленька постаралась; ей пять разъ крикнули въ уши и Васильевскій Островъ, и проспектъ и линію. Папенька самъ унесъ письмо на почту.

Лёленька все это скоро забыла; она не слышала слезъ маменьки, что тамъ, въ письмѣ, можетъ-быть, Богъ-вѣсть чего напутано, а толкомъ не сказано; что Алена ни съ чѣмъ останется; что тётушка «съѣдетъ», можетъ-быть, на образѣ да на шляпкѣ какой-нибудь, которую шляпку, можетъ-быть, сама тётушка прежде таскала, а теперь только поновить дастъ. Лёленька шила прилежно и думала, улыбаясь... Наконецъ, когда солнышко подошло къ полдню, самый тепленькій, здоровый часъ, она встала и сказала:

— Я, маменька, въ садъ пойду работать.

Палагея Семеновна всходила на крыльцо и не одна, а съ торговкой и съ большимъ узломъ. Она и маменька ужь нѣсколько дней присматривались и приторговывались къ шубѣ, крытой сатендублемъ. Маменька только махнула рукой на Лёленьку.

Нѣсколько дней прошли для Лёленьки за работой въ саду; она нашла мѣстечко, съ котораго не сгоняло ее даже солнце, входившее въ полдень. Съ этого мѣстечка ей стоило поднять голову, чтобъ видѣть прямо окно Веретицына. Она стала примѣчать, въ какое время оно отворялось и затворялось; разъ она видѣла, какъ Веретицынъ обѣдалъ. Почему ей захотѣлось плакать, глядя на это, почему, потомъ, вдругъ стало на себя досадно за такую глупость, и смѣшно, и стыдно, опять до слезъ—Богъ-знаетъ. Ей, наконецъ, стало страшно, и приди сейчасъ Веретицынъ къ плетню, она бы убѣжала.

Въ одно утро, на окнѣ явились горшки съ цвѣтами. Лёленька разсмотрѣла: волькамерія и геліотропъ.

«Должно-быть, его любимые» подумала она: «еслибъ я знала... У Оленьки Бѣляевой давно цвѣтутъ геліотропы; когда онъ приходилъ сюда, я могла бы достать хоть вѣточку...»

Но цвѣты закрыли все окно, только изрѣдка просовывалась худая рука съ кружкой воды и поливала ихъ осторожно, подъ корень. Лёленька выдернула бы ихъ съ корнемъ.

Въ одно послѣ-обѣда, когда все почивало въ ея домѣ, когда, сколько она могла замѣтить, обыкновенно спалъ и сосѣдъ, Лёленька вспомнила его книжку, «Ромео», и сбѣгала за нею. Ей не хотѣлось читать сначала, и въ срединѣ были сцены, которыя

какъ-то не интересовали ее; но ей вдругъ вспомнились венци, которыя показалось необходимо перечитать. Она отъискивала ихъ нетерпѣливо, стала читать будто спѣша, и ей самой казалось странно, что языкъ и слогъ, которые прежде такъ затрудняли, теперь были понятны безъ всякаго труда; какъ-то переводились въ умѣ, въ сердцѣ, не словами, но какимъ-то ощущеніемъ яснѣе и полнѣе словъ. Когда Лёленька подняла голову отъ книги, ее испугали вѣтки липы, которыя темнѣли надъ нею; на окно она не осмѣлилась оглянуться и вдругъ убѣжала изъ сада.

Она не возвращалась туда до слѣдующаго вечера и то пошла съ дѣтьми, и то подальше, и не подошла къ плетню.

Маменька уже нѣсколько дней твердила, что надо насушить липоваго цвѣта на зиму, и наконецъ рѣшилась пойти за нимъ.

— Возьми платокъ, во что́ собрать, да стулъ, взлѣзешь, наломаешь, сказала она Лёленькѣ.

Маменька теребила нижнія вѣтки, между-тѣмъ, какъ Лёленька, стоя на стулѣ, старалась не портить хотя верхнихъ. Сзади ея, въ сосѣднемъ саду стукнула калитка.

— Видишь ты, казначейшинъ-то братъ не умеръ... сказала маменька.—Умница, ты не свались мнѣ на голову!

Лёленька удержалась за вѣтки; оглянувшись, она увидѣла только, что Веретицынъ уходилъ изъ сада: стало́-быть, онъ былъ тамъ давно, и онъ уже гуляетъ; стало-быть, онъ можетъ придти завтра, только не рано утромъ и не поздно вечеромъ.

Она дождалась этого завтра. Верстицынъ два раза обошелъ свой садъ; она была въ двухъ шагахъ отъ него, хотѣла позвать, заговорить, и оба раза, какъ онъ проходилъ близко, пряталась за плетень. Ей было страшно... Это повторилось и въ слѣдующіе дни: Веретицынъ приходилъ, ложился въ тѣни въ то самое время, какъ Лёленька сидѣла у себя въ тѣни и шила. Такъ проходилъ часъ, два. Лёленька видѣла его сѣрое пальто, слышала шелестъ его книги, хотѣла кликнуть, и все не могла. Ей было страшно... Она перестала спать, стала плакать по ночамъ.

Папенька, по случаю двухъ праздниковъ сряду, уѣхалъ за городъ. Маменька собралась пѣшкомъ на богомолье въ недалекій монастырь; ея спутница была Палагея Семеновна; воротиться должны были вечеромъ. Лёленька просилась съ ними: у нея на душѣ лежа́ло много обѣщаній, но, главное, она сама не знала, почему ей хотѣлось уйти куда-нибудь; ей было такъ тяжело, что не порадовала даже перспектива цѣлаго свободнаго дня; все было

не то, чтобъ немило, было бы даже горько до слезъ уйти на цѣлый день, безпокоиться, кáкъ тутъ все будетъ безъ нея, но хотѣлось попробовать, не лучше ли будетъ отъ этихъ слезъ и безпокойства... Маменька отказала подъ очень-дѣльнымъ предлогомъ: кто жь присмотритъ за дѣтьми? и ушла въ заутреню.

Лёленька дала себѣ слово не смотрѣть за дѣтьми, но дѣти сами, и не спрашивая ее, убѣжали къ сосѣдямъ, а трехъ меньшихъ, тоже не спрашивая ее, работница увела въ луга. Обѣдать не готовили: дѣтямъ довольно было холоднаго, вчерашняго. Лёленька заперла всѣ окна, сѣни, калитку, взяла шитье и ушла въ садъ.

«Если кто стукнетъ въ ворота, я услышу» сказала она себѣ и слушала.

Въ ворота ея дома не стукнулъ никто. Шаги сосѣда раздавались по дорожкѣ, но недолго: онъ ушелъ въ тѣнь, легъ и читалъ. Лёленька сосчитала, что около трехъ недѣль не говорила съ нимъ.

«И лучше: отвыкну» подумала она. «Чтò привыкать къ глупостямъ? Вѣдь, въ-самомъ-дѣлѣ, нельзя жить такъ, что только и думать, кáкъ бы повиснуть на плетнѣ да говорить Богъ-знаетъ чтò. Я ни къ чему толкомъ не пріучаюсь—ни къ хозяйству, ни къ дѣлу, а мнѣ шестнадцатый годъ. Люди добрые ходятъ, встрѣчаются, я не умѣю слова сказать. Училась — все перезабывать стала. Передъ папенькой и маменькой... это надо на-духу сказать. Все во мнѣ какъ-то перевернулось. Развѣ такъ живутъ въ мои годы? Вотъ, другія барышни...»

И вдругъ она сбросила съ колѣнъ работу, смяла ее въ комокъ, бросила о земь и заплакала горько, почти съ крикомъ.

— Чтò жь это за жизнь? Чтò жь это хозяйство—брань, пустяки, возня цѣлый день! Какіе это люди—Палагея Семеновна, Фарфоровъ этотъ, дуракъ? Ученье-долбленье безъ толку? Папенька, маменька... Господи, да кто же бы слово сказалъ, еслибъ не онъ, еслибъ не онъ...

Лёленька побѣжала къ плетню; она не успѣла выглянуть изъза него, какъ въ саду у сосѣда раздалось восклицаніе:

— Александръ Иванычъ, гдѣ вы?

Веретицинъ выскочилъ изъ-за кустовъ, очень-проворно для человѣка недавно-умиравшаго, и бросился на встрѣчу той, которая входила. Это была молодая особа въ бѣломъ платьѣ съ голубыми и розовыми цвѣточками; Лёленька разсмотрѣла какъ-то

все разомъ. Платье и просто, и пышно, волновалось особенно-красиво; соломенная шляпка, тоже очень-простая, но круглая и широкая, какихъ тогда и не видали въ N*. Гостья будто освѣтила садъ; отъ нея все кругомъ стало будто лучше.

— Софья Александровна, какъ это вы здѣсь однѣ? спросилъ Веретицынъ.

— Изъ деревни, одна, отвѣчала она.

Лёленька въ жизнь свою не слышала ничего милѣе этого голоса: что-то звонкое, нѣжное, ласковое, не то пѣніе птицы, не то голосъ ребенка.

— Пріѣхала въ городъ покупать разныя разности для работы, а къ знакомымъ—только къ вамъ, узнать, чтó вы. Вашей сестры, говорятъ, дома нѣтъ, вы — въ саду, я просила проводить меня въ садъ. Ну, чтò же? чтó съ вами?

— Ничего, теперь здоровъ.

— Вы такъ напугали... мы ждали васъ... Постойте, вотъ вамъ деревенскій гостинецъ.

Она осторожно развернула большой свертокъ бумаги, который держала, и вынула изъ него двѣ большія свѣжія розы.

— Первыя. Я такъ берегла, когда везла, боялась смять.

Веретицынъ смялъ ихъ, цалуя ея руки. Изъ-подъ полей шляпы были видны ея ротъ и щеки, свѣжѣе и восхитительнѣе цвѣтовъ.

— Жарко! сказала она, снимая шляпку:—сядемте гдѣ-нибудь.

На солнцѣ волосы ея отливали розовымъ золотомъ, такой же золотой отливъ былъ въ ея карихъ, почти черныхъ глазахъ, когда она подняла ихъ, оглядываясь кругомъ.

Веретицынъ тоже оглянулся, но съ досадой, на свою скамейку.

— Солнце! сказалъ онъ: — гдѣ сѣсть?

— А вотъ гдѣ, сказала она, садясь на траву недалеко отъ плетня:—достанетъ здѣсь тѣни на полчаса?

— И больше. Немного удобствъ я предлагаю вамъ въ моихъ... и даже не въ моихъ владѣніяхъ.

— Послушайте, когда же вы къ намъ? Маменька велѣла звать васъ непремѣнно.

— Никогда, я думаю.

— Почему?

— Не пускаютъ! отвѣчалъ Веретицынъ.

— Какъ же это? На прошлой недѣлѣ... На прошлой недѣлѣ были именины маменьки; у насъ былъ кое-кто изъ города, въ

томъ числѣ Ибраевъ. Я не знала, что вы съ нимъ знакомы. Вы дружны?

— Богъ миловалъ, отвѣчалъ Веретицынъ.

— Онъ спросилъ о васъ и жалѣлъ, что васъ нѣтъ. Я сказала, что вы больны. Онъ этого не зналъ. Онъ былъ увѣренъ, что вамъ дали отпускъ, самъ о немъ просилъ.

— То-есть, онъ вамъ солгалъ, чтобъ за одно выказать и чувствительность своего сердца, и свободу своихъ мнѣній. Вотъ, гдѣ неудобно этимъ кокетничать, такъ онъ поетъ другое. Этотъ другъ и либералъ наговорилъ на меня моему начальству такіе страхи, что начальство, полагаясь на слово такого человѣка, вообразило, что позволить мнѣ на двѣ недѣли выѣхать изъ города—все-равно, что спустить съ цѣпи бѣшеную собаку... Я его не пускаю къ себѣ на порогъ, этого друга. Онъ, вѣроятно, безъ свидѣтелей говорилъ обо мнѣ?

Софья не отвѣчала.

— Вы меня извините, продолжалъ чрезъ минуту Веретицынъ:— я такъ глупо привыкъ говорить вамъ все, чтò думаю, что и теперь выговорился, можетъ-быть, некстати.

— Чтò такое?

— Да вотъ, о Ибраевѣ. Можетъ-быть, слѣдовало и помолчать.

— Почему?

— Та́къ... Вы, можетъ-быть, понимаете его иначе; человѣкъ онъ порядочный, изъ общества... А я ужь до того одичалъ, одурѣлъ, сужу о людяхъ по ихъ отношеніямъ лично ко мнѣ; это такъ ограниченно, такъ жалко, мелко... Пожалуйста, извините. Я беру назадъ, если чтò сказалъ.

— Возьмите назадъ, вотъ тò, послѣднее, что вы сейчасъ сказали, тихо возразила Софья: — вамъ прощается потому только, что вы недавно были больны и всегда раздражены.

— То-то я и думаю: раздраженъ! прервалъ Веретицынъ: — изъ чего раздраженъ? Право-то гдѣ раздражаться? Вѣдь, въсамомъ-дѣлѣ, я не непризнанный великій человѣкъ. Въ 1852 году по Р. Х. нѣтъ такого урожая на великихъ людей, чтобъ и на мою долю выпало величіе. Положеніе мое, конечно, несовсѣмъ-пріятное, но я не заслужилъ такихъ почестей несчастія; я страдаю много за немногое—такъ ли? Вы вѣдь знаете мою исторію, Софья Александровна?

— Положимъ такъ, сказала она:—но...

— Но, позвольте! стало-быть, если я не непризнанное величіе, то ничего больше, какъ нашумѣвшая посредственность. Слѣдовательно, такіе люди, какъ господинъ Ибраевъ и компанія, совершенно правы, не знаясь со мною, отказываясь отъ меня: я даже не интересенъ, я глупъ для нихъ; я попался въ пустякахъ, какъ мелкій воришка. Они избрали себѣ путь и идутъ по немъ доблестно, съ ихъ точки зрѣнія. Я поступилъ, какъ мнѣ показалось, доблестно съ моей точки зрѣнія, прогналъ отъ себя Ибраева; но правъ ли я былъ въ-самомъ-дѣлѣ...

— Вы виноваты предъ самимъ собой, прервала Софья.

— Это новость. Сдѣлайте милость, объясните.

— Я вамъ почти сказала... Вы раздражаетесь за мелочи.

— Я вѣдь то же сказалъ, возразилъ Веретицынъ, вспыхнувъ и засмѣявшись:—я человѣкъ мелкій, такъ, заодно, срываю сердце, раздражаюсь мелочами.

— Не сердитесь, ради Бога, прервала она кротко:—скажите правду, признайтесь: вы горды, вы ваше достоинство понимаете; какъ же позволять себѣ — извините! унижаться до злости на какого-нибудь Ибраева, на человѣка, котораго вы презираете? За что себя портить? стоитъ ли волноваться? Полноте! На васъ смотрѣть тяжело: всякую мелочь къ сердцу! Возьмитесь за жизнь полегче.

— Дайте жизнь полегче! прервалъ Веретицынъ:—въ мелочахъ измельчаешь по-неволѣ. Развѣ одинъ Ибраевъ—извините, Софья Александровна—разсказывать, что я выношу по мелочи... это вслухъ не говорится, пощадите меня! Вотъ, вы въ гостяхъ у меня, а на землѣ сидите; еслибъ не ваши книги, я разучился бы грамотѣ... Еслибъ я былъ изъ такихъ, что пишутъ уложенія... такіе, вотъ, не мельчаютъ ни на понтонахъ, ни на каторгѣ, а я—съ меня довольно и этого! Если это когда-нибудь кончится, я знаю, что выйду не человѣкомъ, идіотомъ, животнымъ.

— Перестаньте! возразила Софья:—вѣдь это отчаяніе...

— А отчаяніе — смертный грѣхъ, продолжалъ онъ, засмѣявшись.—Ну, вы такъ добры, какъ-нибудь отмолите за меня. «Помяни грѣхи мои въ молитвахъ...» Я знаю, что я смѣшонъ—это ужь моя такая судьба: и несчастье глупое, и жалобы мелочныя, и выходъ изъ всего—ничтожество. Я себя такъ и готовлю. Вотъ, подождите, оперюсь: за благонадежное поведеніе и способности сдѣлаютъ меня помощникомъ столоначальника, и такъ далѣе,

далѣе, по этой карьерѣ; я, человѣкъ напуганный, съумѣю кланяться пониже; узналъ цѣну мѣднаго гроша—выучусь воровать, и все пойдетъ отлично! Книжки сгубили, ну, ихъ въ сторону! преферансъ съ сподвижниками по службѣ, по праздникамъ рекреаціи въ трактирѣ...

— Александръ Иванычъ, опомнитесь, прервала Софья: — вы ли это?

— Это я въ будущемъ, отвѣчалъ онъ, смѣясь, и отвернулся, разглядывая высокій кустъ травы, подлѣ котораго сидѣлъ.

— Помилуйте! сказала она чрезъ минуту, ласково и вмѣстѣ съ смущеніемъ, такъ-что задрожалъ ея голосъ: — нехорошо! за что вы себя напрасно мучите? ко всему горю—еще это!

Веретицынъ не оглядывался.

— Послушайте, продолжала Софья, слегка дотрогиваясь до его рукава своими тоненькими пальчиками: — вѣдь вы на себя Богъ-знаетъ чтò говорите? Вѣдь это не правда, и вы знаете, что неправда, такъ зачѣмъ же? Развѣ вамъ легче? вѣдь вамъ самому хуже отъ такихъ словъ.

— Все-равно, тихо выговорилъ Веретицынъ.

— Нѣтъ, не все-равно, возразила она.

Онъ обернулся, сильно взялъ ея руку и сталъ цаловать ее. Софья поцаловала его въ голову; у нея навернулись слезы.

— Право, вѣдь я не мораль вамъ читаю, сказала она тихо:— но что жь хорошаго? Вы какъ-нибудь потерпите, подождите.

— Чего ждать? прервалъ онъ, еще не поднимая лица отъ ея руки:—чтобъ вы меня полюбили?

Она не ахнула, не шевельнулась, только взглянула на него съ испугомъ. Ихъ взгляды встрѣтились.

— Я васъ люблю, я васъ два года люблю, сказалъ твердо Веретицынъ:—вѣдь вы меня не полюбите? никогда?

Софья молчала. Онъ смотрѣлъ ей въ глаза.

— Вотъ, тогда было бы для чего терпѣть, было бы для чего ждать... но вѣдь вы меня не полюбите?

Она все молчала. Онъ былъ блѣденъ какъ смерть, задыхался, но продолжалъ твердо и все глядя на нее:

— Я постарался бы остаться порядочнымъ человѣкомъ, не загрубѣть, не оглупѣть; я бы сберегалъ силы, чтобъ быть въ состояніи заработывать честный кусокъ хлѣба: вамъ, я знаю, такого куска довольно... я бы не морилъ себя физически, потому-что и до этого доходитъ.

— Я буду любить васъ, выговорила она, поблѣднѣвъ тоже.

— Изъ состраданія-то? изъ самоотверженія? вскричалъ онъ съ своимъ страннымъ смѣхомъ:—покорно васъ благодарю, не надо!

— Почему же вы думаете... начала она.

— Да вѣдь вы лгать не умѣете, прервалъ Веретицынъ: — я вѣдь цѣлый часъ смотрю вамъ въ глаза! Полноте, не принуждайте себя, ненадо: я самоотверженія боюсь; я человѣкъ дурной— я за него заплатить не съумѣю, я за него благодарить не умѣю! Пожалуйста, не воображайте, что ваша доброта обязываетъ васъ на жертву: я ужь понялъ, что это жертва — я ея не прошу, я знаю, что вы—совершенство... отъ совершенства намъ, грѣшнымъ, очень-тяжело!

Она встала.

— Послушайте...

— Что слушать! вскричалъ Веретицынъ:—вѣдь я васъ знаю! За что же я васъ люблю, какъ не за эту доброту, за это совершенство, за эту правду? Ну, скажите правду, прямо: вы меня не любите?

— Нѣтъ, отвѣчала она, наклоняя голову и со слезами.

— Вотъ такъ, прекрасно! И я не буду больше напрасно добиваться: насильно милъ не будешь. Чего нѣтъ, того нѣтъ... Простите все, что я наговорилъ и прощайте: вы, кажется, ужь хотите уйти?

Софья обернулась вдругъ и протянула ему руки.

— Еслибъ вы знали, сказала она въ слезахъ: — я не могу... мнѣ такъ больно.

— Не принуждайте себя: вѣдь вы не виноваты! отвѣчалъ Веретицынъ и засмѣялся.

— А вы жестоки! сказала она, рыдая.

— Такъ тѣмъ простительнѣе оставить меня на произволъ судьбы, возразилъ онъ.

— Послушайте, приходите къ намъ, пріѣзжайте къ намъ! Все, что въ моихъ силахъ, все, что можетъ васъ утѣшить попрежнему...

— Что же мнѣ дразнить себя, Софья Александровна? меня можетъ утѣшить только то, что не въ вашихъ силахъ. Не безпокойтесь обо мнѣ.

— Но что же это будетъ?

— А вы понимаете, что будетъ невесело? Ничего. Будетъ вотъ этотъ огородъ, вотъ этотъ домъ, губернское правленіе... Авось, не надолго!

— Я васъ люблю! вскричала она.

— Не лгите! возразилъ онъ.

Она зажала руками лицо и побѣжала къ калиткѣ. Веретицынъ не трогался съ мѣста.

— Еслибъ вы говорили правду, сказалъ онъ ей въ слѣдъ, смѣясь и громко: — вы бы не ушли отсюда!

XII.

Лёленька встала, держась за плетень, у котораго сидѣла на землѣ; у нея подгибались колѣни, стучало сердце, голова была сжата; ей было холодно.

«Я точно угорѣла» сказала она себѣ.

Ея губы, которыя шевельнулись, чтобъ выговорить это, сжались вдругъ судорожно; она вскрикнула и побѣжала въ домъ.

Два часа металась она на своей постелькѣ и рыдала не умолкая. Работница воротилась, не достучалась и была принуждена перелѣзть черезъ заборъ, чтобъ отворить калитку и впустить дѣтей, которыхъ собрала и привела обѣдать. Увидя слезы барышни, работница предположила, что барышня, оставшись одна, чего-нибудь испугалась, и потому наказала дѣтямъ, когда воротится папенька съ маменькой, не говорить имъ, что сестрица плакала: достанется, зачѣмъ всѣ уходили и домъ стоялъ пустой. Резонъ былъ дѣльный, и дѣтямъ, кромѣ-того, было мало дѣла до слезъ старшей сестры. Лёленька встала, слабая, какъ больная, къ вечеру убрала, что было нужно, чтобъ маменька, воротясь, не сердилась; сходила въ садъ, отъискала свою работу и сѣла съ нею въ комнатѣ у окна. Маменька воротилась съ Палагеей Семеновной; нанесли множество просвиръ; по случаю того, что папеньки не было дома, Палагея Семеновна осталась ночевать; очень-долго пили чай, ужинали, разговаривали, несмотря на усталость; эта усталость дала знать о себѣ часовъ въ десять вечера храпѣніемъ, которое раздалось по всему дому.

Лёленька легла и опять встала; все спало, конечно, только въ ихъ домѣ и переулкѣ. Вдали слышался еще шумъ: гулявшіе расходились по домамъ, городъ еще не затихъ. Нѣжный лунный свѣтъ сквозилъ въ щели ставень. Лёленька одѣлась въ полутемнотѣ, пробралась мимо сонныхъ дѣтей, отворила дверь на

крыльцо и вышла. Собака заворчала и, узнавъ ее, улеглась опять.

«Уйду куда-нибудь...» сказала Лёленька.

Она оглядывалась на пустой, узенькій дворъ, на запертую калитку. Мѣсяцъ свѣтилъ блѣдно, какъ всегда въ лѣтнія ночи; въ воздухѣ ничто не шелохнулось; понемногу затихалъ шумъ вдали; Лёленькѣ становилось страшно: никогда въ жизнь свою не была она такъ одна, безъ спроса, почью.

«Уйду куда-нибудь...» повторила она, вздрагивая и будто спрашивая себя, достанетъ ли у нея на это смѣлости. «Только куда уйти?»

Она зажала себѣ руками лицо, и вдругъ ей вспомнилось точно такое движеніе красавицы, которую она видѣла поутру, которая ушла точно въ такихъ же слезахъ... «Есть о чемъ ей плакать! Вотъ попробовала бы, вынесла...»

Лёленька хотѣла метаться, рыдать, кричать, не понимая, что дѣлаетъ; она побѣжала въ садъ—дорога знакомая. Въ головѣ ея закружились, одна за другой, самыя странныя мысли: ей хотѣлось умереть; ей хотѣлось, чтобъ умеръ кто-нибудь, чтобъ, вотъ, сейчасъ, все кончилось, потому-что такъ жить нельзя... Она бѣжала. Богъ-знаетъ почему, вдругъ вспомнились ей—а эти слова еще такъ ей нравились:

«Любовь летитъ къ предмету любви, какъ школьникъ бѣжитъ отъ книги...»

Проклятая книга, въ которой это написано! Эта книга смятая, сложенная вчетверо (такъ научили!) была тутъ, въ карманѣ, привыкла лежать въ немъ... Лёленька выхватила ее и, разбѣжавшись, бросила черезъ плетень въ сосѣдній садъ. Она точно оторвала свое сердце и бросила. Листы тетрадки едва зашелестили, легко падая на траву. Лёленька еще одну минуту взглянула, куда она упала, и схватилась за плетень, чтобъ не упасть самой; Веретицынъ ходилъ по своей дорожкѣ, потупя голову, не оглянувшись на шорохъ.

— Все по ней тоскуетъ! сказала Лёленька, глядя ему вслѣдъ, между-тѣмъ, какъ его фигура, удаляясь, сглаживалась въ полутьмѣ:—все по ней... А спросилъ бы, тутъ легко ли?... Кто это все надѣлалъ? Еслибъ не онъ, еслибъ онъ не говорилъ, не мутилъ... Вотъ же ему! Хорошо, что Богъ его наказалъ...

Ея слезы такъ и скатывались, одна за другою.

— Пусть на себѣ испытаетъ, каково, когда все отнимутъ! Все немило, вся жизнь немила — пусть и ему то же! Онъ всему

смѣется—вотъ, пусть эта красавица надъ нимъ посмѣется! Бывало... бывало, такъ всю душу перевернетъ, какъ что̀ скажетъ... Зачѣмъ онъ говорилъ? на что̀ ему было доводить бѣдную такую, заброшенную дѣвочку до горя? Ну, разговаривалъ бы съ своими красавицами! Какое ему дѣло, знаю я Кошанскаго или нѣтъ? развѣ... Господи, Боже мой! развѣ веселѣе ему стало, какъ онъ доказалъ, что я ничего не знаю? Характеръ мой испортилъ... вѣдь онъ долженъ былъ понимать, что всякое его слово всеравно, что̀ ножъ по сердцу, что послѣ него, я ужь ни на кого смотрѣть не могу... Кажется, умный человѣкъ, долженъ былъ понять. Нужно, вотъ, было... И пусть его Богъ наказываетъ, пусть ему еще хуже...

Она рыдала и вдругъ, замѣтивъ, что сосѣдъ остановился и какъ-будто прислушивался, стремглавъ убѣжала изъ сада домой и осторожно добралась до своей постели. Тамъ, въ темнотѣ, въ жаркой комнатѣ, ей не спалось, и пришла другая забота: что жь надѣлала она, бросивъ книжку? Ну, если онъ ее не найдетъ, собаки изорвутъ, а онъ пришлетъ за ней какъ-нибудь, или самъ спроситъ... Самъ-то не спроситъ, онъ въ садъ глазъ не покажетъ, ну, пришлетъ; папенька спроситъ, отъ кого...

Забота начинала принимать характеръ несбыточнаго; усталость и поздній часъ сдѣлали свое. Лёленька заснула.

Слѣдующій день былъ тотъ другой праздникъ, которому семейство было обязано отсутствіемъ папеньки. Отсутствіе папеньки дѣйствовало тоже какъ-то празднично, успокоительно. Палагея Семеновна осталась на весь день. Былъ петровъ-постъ, но, по случаю отсутствія папеньки и праздника, маменька рано утромъ сходила на базаръ за рыбой. Пока маменька занималась на кухнѣ, Палагея Семеновна изъявила желаніе побесѣдовать съ дочкой, экзаменовала ее въ хозяйствѣ.

— А вы, мой ангелъ, умѣете, какъ маменька, что̀ приготовить?

Лёленька могла что̀ умѣла и то̀ больше по теоріи; на практикѣ мать никогда не допускала ее ни къ чему притронуться, и теперь, маменька, услышавъ вопросъ, откликнулась:

— И, матушка! пустить эту модницу, да она того настряпаетъ, что собака ѣсть не станетъ.

— Какъ есть, барышня! возразила, пріятно улыбаясь, Палагея Семеновна.—Ну, а на музыкѣ вы, мой ангелъ, занимаетесь? Вы съиграйте полечку, я послушаю. Обѣдни-то ужь, никакъ, отошли: можно.

Лёленька стала играть, собака завыла.

— Что это она, песъ? сказала Палагея Семеновна и открыла окошко во дворъ, утѣшаясь бѣшенствомъ собаки: — въ-правду песъ какой у васъ блажной!

Она любовалась на него и слушала его во все время польки.

— А пофранцузскому, вы, мой ангелъ, читаете? Ну-ка, почитайте, я послушаю; я хоть и не пойму, а все лестно.

— Зачѣмъ же, если не понимаете, Палагея Семеновна?..

— Ну, разсуждай у меня! отозвалась маменька.

— Да у меня и книги нѣтъ...

— Ка́къ нѣтъ! врешь! какую же ты все читала? Сейчасъ читай!

У Лёленьки сдавило горло, уши горѣли отъ злости, отъ тоски; она сейчасъ бы, сейчасъ бы убѣжала куда-нибудь, силъ нѣтъ! хотѣлось не плакать, а кричать, рвать на себѣ волосы...

— Вы маменьку не безпокойте, сказала ей шопотомъ Палагея Семеновна:—эхъ, характеръ-то у васъ какой! отвыкайте вы, мой ангелъ, отвыкайте, сократите себя! Какъ въ семьѣ, да съ мужемъ жить придется... Вѣдь мужу подъ-руку не попадайся — ничто возьмешь. Отъ папеньки съ маменькой принять легко, а отъ мужа... охъ, куда тяжело! Сама знаю... Вы почитайте, та́къ строчки три, красавица.

Лёленька стала читать вслухъ французскую грамматику; слезы крупнымъ градомъ сыпались на книжку. Палагея Семеновна покачивала головой по направленію къ кухнѣ и забавлялась иностранными словами.

— Видишь, какъ катаетъ, умница! сказала она:—ну, вотъ и будетъ, раскрасавица моя; потѣшились. Только покоряться, покоряться надо, прибавила она шопотомъ.—А теперь мы съ вами въ садикъ, во зеленый садъ пойдемъ, грусть-тоску разгуляемъ.

— Я не пойду въ садъ, возразила Лёленька.

Палагея Семеновна увела ее за руку.

— Вишенья-то, вишенья что́ у васъ нынѣшній годъ будетъ! говорила она, таща за собой дѣвочку. — Запирать садъ надо, родная моя; вы тогда хоть на рыскало пса вашего тутъ привяжите, какъ поспѣвать станутъ. Заборъ-то у васъ какой; вотъ, тутъ какъ-ра́зъ казначейскіе перелѣзутъ, оборвутъ. И, головорѣзы, стоютъ вашихъ ребятъ!... Посмотрѣть къ нимъ. Вотъ, какой у васъ сосѣдъ-кавалеръ прогуливается. Ужь нечето сказать, рас-

прекрасный! Вы, я думаю, ангелъ мой, никогда его и не видали, брата-то казначейшина! Вонъ онъ, изъ-подъ дальки, никакъ, выглядываетъ. И смотрѣть на него нечего. Вамъ такого ли, душа моя, надобно? Вамъ надо, чтобъ былъ кровь съ молокомъ, хорошій, а это... и, прости Господи! посмотришь-то, согрѣшишь, вчера только Богу молиться ходила, на «дѣяніяхъ» такихъ-то пишутъ... У васъ тамъ, никакъ, красавица, горохъ сахарный посаженъ, гряды я видѣла? Да никакъ и поспѣвать сталъ? Хорошо, когда, позабавиться...

Палагея Семеновна пробиралась къ грядамъ; маменька позвала ее кушать пирогъ и приказала Алёнѣ оборвать и принести, что̀ поспѣло этого гороху.

Лёленька осталась одна и стояла опустя голову. Вокругъ нея было тихо, только пѣла какая-то птичка, но и она замолчала, и все явственнѣе стали слышаться шаги по сосѣдней дорожкѣ...

«Да что̀ жь я?» вдругъ сказала себѣ Лёленька: «мнѣ скучно, да вѣдь и ему скучно. Почему же мнѣ и не взглянуть на него?»

Она пошла къ плетню все тише и робче, по мѣрѣ того, какъ подходила, но подошла, однако. Веретицынъ подходилъ тоже. Лёленька испугалась: у него въ рукахъ былъ «Ромео», и убѣжать было уже невозможно.

— Здравствуйте, сказалъ Веретицынъ, своимъ обыкновеннымъ шутливымъ тономъ. Что̀, вы забросили это, по ошибкѣ, вмѣсто Кошанскаго?

— Упала... выговорала Лёленька и какъ-то невольно протянула руку за книгой.

— За десять шаговъ и въ сторону?

Веретицынъ тихо улыбался и качалъ головою.

«Пусть скажетъ *не лгите*, какъ вчера, той...» подумала Лёленька въ эту секунду...

Веретицынъ, вѣроятно, вспомнилъ тоже.

— Нужна она вамъ? спросилъ онъ серьёзно и рѣзко.

— Нѣтъ, отвѣчала тоже рѣзко Лёленька.

— Не понравилась? Принесть вамъ Бову-королевича?

— Вы все надо мной смѣетесь, все смѣетесь, съ перваго дня... Я ужь не знаю за что̀... сказала она, вдругъ огорчась до слезъ, такъ-что прошла вся досада.

— Виноватъ, отвѣчалъ Веретицынъ и повернулся, чтобъ идти.

— Нѣтъ, послушайте, послушайте, повторила она, протянувъ

даже руку, чтобъ остановить его.—Что́ вы со мной сдѣлали, со мной... до чего вы меня довели?..

— Васъ поймали съ этой книгой и въ уголъ поставили? спросилъ онъ.

— Господи Боже мой! да выслушайте толкомъ хоть одну минуту!... Я, по вашей милости, стала думать, стала понимать такія ужасныя вещи... мнѣ и домъ, и отецъ и мать... Вѣдь я несчастная! Еслибъ вы, вы, по-крайней-мѣрѣ... еслибъ отъ васъ я видѣла... а вы...

— Лёленька, мнѣ и безъ васъ скучно, полноте блажить, прервалъ Веретицынъ.

— А, слава-Богу, что вамъ скучно! вскричала она, зарыдавъ.

— Ну, вотъ и прекрасно, отвѣчалъ онъ: — та̀къ проживете. До свиданія.

Онъ ушелъ изъ сада, стукнувъ калиткой. Лёленька вспомнила стукъ молотка, который она слышала одинъ разъ въ жизни, бывъ на похоронахъ. Почему ей это вспомнилось, что̀ дѣлалось съ ней—она не знала; она хотѣла уйти—не могла, сѣла на землю, ничего не помня. Мать пришла за ней и, заставъ эти слезы, сама испугалась, сама повела ее въ комнаты.

— Ты чего? да что̀ съ тобой, Алёна—а? Алёнушка?

Палагея Семеновна замѣтила шопотомъ маменькѣ, что должно быть барышня узнала о женихѣ, услышала какъ-нибудь, и оттого—дѣло дѣвичье—убивается.

— И правда, сказала маменька. — Дурочка ты моя, ты поди сюда... ну, поди.

Лёленька вышла изъ-за перегородки, гдѣ лежала.

— Ты о Викторѣ Мартынычѣ слышала, что́ ли?

— Нѐчего, голубчикъ, плакать; какъ есть красавецъ-мужчина, примолвила гостья.

— И человѣкъ прекраснѣйшій, съ достаткомъ; поди, барыней жить будешь. Это надо Господа Бога благодарить, что такого сожителя посылаетъ. Сама-то ты что̀ такое? Вѣдь въ люди показать тебя совѣстно; это надъ тобой милосердіе Божіе. Чего ревѣть? Рано еще начала; дай вотъ успеньевъ-день пройдетъ, чинъ господинъ Фарфоровъ получитъ, а тебѣ шестнадцать сравняется, вотъ, тогда хоть цѣлый день кричи. А ты хоть кричи-некричи, а я все-таки отдамъ. Я, вотъ, отцу скажу; дай еще! коли ты сейчасъ у меня, духомъ, не замолчишь. Отецъ не пошутитъ; ты его еще не знаешь.

— А вотъ, къ тому сроку, крестная маменька изъ Санктпетербурга бурдесуа пришлетъ: мы тогда платье подвѣнечное сдѣлаемъ—ффа! съ оборками, вступилась гостья.

— Вы, маменька, можете меня убить на мѣстѣ, но я не пойду за Фарфорова! выговорила Лёленька очень-твердо...

XIII.

Этому прошло восемь лѣтъ.

Въ половинѣ послѣдняго августа, въ одинъ свѣтлый, теплый день, какіе случаются въ Петербургѣ предъ началомъ осени, въ залахъ эрмитажа было особенно-много посѣтителей. Нарядныя дамы, удивляющія шириной своихъ кринолинъ, спеленутыя въ круглыя мантильи, ничему-неудивляющіяся дѣвицы, стянутыя до неподвижности въ модныхъ казакахъ и подающія признакъ жизни только довольно-негармоничнымъ стукомъ каблуковъ по мрамору и паркету; блестящіе и довольно-шумные юноши, спутники этихъ дамъ и дѣвицъ; дамы, менѣе-нарядныя, но съ замѣтнымъ требованіемъ правъ на знаніе и пониманіе, съ громкимъ восторгомъ предъ именами; при нихъ дѣвицы, нѣсколько-грустныя, и дѣти, нѣсколько-запуганныя, и почти-всегда ихъ спутникъ, объясняющій предметы искусства съ видомъ знатока, съ увѣренностью авторитета, очень-пространно и не всегда понятно, провинціалы и провинціалки съ непритворнымъ умиленіемъ и запоздалыми туалетами; простые люди—мѣщане, лакеи, мастеровые, переходящіе отъ картины къ картинѣ и отъ статуи къ статуѣ, непремѣнно всей своей компаніей въ пять человѣкъ, нераздѣльно, довольные объясненіемъ камерлакея; господа очень-порядочные и очень-серьёзные, вдвоемъ, рѣдко втроемъ, неторопливые, смотрящіе долго на что-нибудь одно, возвращающіеся изъ дальнихъ залъ къ тому, что̀ обратило на себя ихъ вниманіе и говорящіе между собою такъ тихо, такъ оживленно и съ вида такъ дѣльно, что невольно заставляютъ оглядываться художниковъ, которые съ своими мольберами, табуретами и хозяйствами кистей и красокъ помѣстились около стѣнъ и прилежно трудятся, копируя великія произведенія. Художникамъ нерѣдко бѣда отъ посѣтителей: мольберъ предъ картиной вызываетъ любопытство даже самыхъ равнодушныхъ, въ-особенности дамъ; всѣ непре-

мѣнно хотятъ видѣть то, на что̀, не будь мольбера, можетъ-быть, и не взглянули бы. Учтивость требуетъ посторониться; если можно обойтись безъ этого, приходится выслушивать надъ своей головой замѣчанія, толки, подчасъ и забавные, всегда надоѣвшіе... Но все вмѣстѣ—и бродящіе, и толкующіе посѣтители, и трудящіеся художники—въ свѣтлый день оживляютъ эти прелестныя залы; чудеса искусства снисходительно смотрятъ съ темнокрасныхъ стѣнъ на посвященныхъ и непосвященныхъ; красота равно сіяетъ для всѣхъ своими вѣчными о̀бразами, какъ нѣчто-высшее, прощая и слово профана, и замѣтку умника, и отвагу ученика-копировщика.

Въ испанской залѣ бродилъ молодой человѣкъ; онъ былъ совсѣмъ одинъ и, казалось, не встрѣчалъ знакомыхъ, потому-что не заговорилъ ни съ кѣмъ, обойдя весь эрмитажъ... Становилось уже поздно; посѣтителей было все меньше; они уходили или въ галереи драгоцѣнностей, или внизъ, къ статуямъ. Скоро въ испанской залѣ остались только камерлакеи у двери, два-три художника за работой да̀ молодой человѣкъ; въ тишинѣ слышались шаги тѣхъ, кто проходилъ рядомъ по корридору, легкій шорохъ упавшей кисти, шуршанье костянаго ножа объ палитру; солнце особенно мягко свѣтило сквозь парусину въ стеклянный потолокъ и разсыпа̀ло искры на золотыя рамы, выдавало блѣдныя лица на темныхъ полотнахъ. Молодой человѣкъ прислонился къ вазѣ изъ lapis lazuli въ срединѣ залы, выбравъ мѣсто, съ котораго можно было лучше видѣть маленькаго «Іоанна съ агнцемъ» Мурильйо, картину, вѣчно-закрытую станками копирующихъ. И теперь противъ нея стоялъ станокъ, но, къ удовольствію зрителя, художника не было. Молодой человѣкъ переносилъ свой взглядъ съ этой картины на другую, почти рядомъ, тоже Мурильйо: «маленькій Христосъ и маленькій Іоаннъ», протягивающіе другъ другу ручки, чтобъ обняться. Видно было, что онъ сравниваетъ и изъ двухъ любимыхъ картинъ выбираетъ болѣе-любимую. Онъ, казалось, рѣшился, и перешелъ нѣсколько шаговъ налѣво, чтобъ видѣть ближе послѣднюю; противъ нея стоялъ тоже станокъ, но, къ-счастью, не закрывалъ ея. Божественныя лица дѣтей съ ихъ добротой, нѣжностью, лаской, кругленькія, веселыя головки ангеловъ въ облакѣ, рѣзвый ягненокъ въ углу картины вызывали уже не восторгъ, но болѣе—чувство какой-то примиряющей радости на лицо молодаго человѣка. Онъ смотрѣлъ, не замѣчая, что на него тоже смотрятъ и почти такъ же внимательно. За моль-

беромъ, предъ картиной, сидѣла художница; она уже нѣсколько разъ оглядывалась на молодаго человѣка, пока онъ проходилъ, стоялъ у вазы; но тутъ, когда, ставъ почти за ея плечами, онъ забылся, созерцая Мурильйо, она обернулась совсѣмъ и смотрѣла ему въ лицо.

— Monsieur Веретицынъ, если не ошибаюсь? сказала она.

Онъ отвелъ глаза отъ картины.

— Madame... mademoiselle...

— Лёленька, досказала она и протянула руку.

— Вы!... почти вскричалъ онъ.

— Не забыли?

— Помню, хорошо помню! но... не можетъ быть... Кàкъ же это вы здѣсь?...

— Кàкъ видите. Сядьте, пока я приберу палитру.

Она показывала на бархатный диванъ, подъ картиной.

— Это вы!... повторилъ изумленный Веретицынъ. — Но кàкъ же это случилось?... Но вы почти не перемѣнились... Сколько лѣтъ!..

— Восемь лѣтъ. Я восемь лѣтъ живу у тётки, здѣсь.

— Въ Петербургѣ? Я самъ уже два года здѣсь.

— Чтò дѣлаете?

— Служу, учу юношество.

— Прекрасно. А я учусь.

— И вотъ какіе успѣхи!

— Дà, этого, конечно, я не могла отъ себя ожидать тамъ, въ N*. Какъ вы оттуда избавились?

— Наконецъ, выпустили, съ годъ добивался мѣста—наконецъ, нашелъ. Но вамъ кàкъ вздумалось переселиться?

— Я думаю, возразила она улыбнувшись:—что N—скій воздухъ всякому нездоровъ, и всякій для себя долженъ стараться изъ него вырваться. Я, по-крайней-мѣрѣ, дала себѣ слово никогда больше туда не заглядывать.

Ея глаза засвѣтились и напомнили Веретицыну прежнюю Лёленьку, ея дѣтскій гнѣвъ, ихъ свиданія черезъ плетéнь. Лёленька, въ-самомъ-дѣлѣ, мало выросла, мало перемѣнилась лицомъ; ее скорѣе измѣнили нарядъ и граціозная прическа; но Веретицыну показалось неловко сказать прямо, чтò онъ подумалъ на ея послѣднія слова, и онъ спросилъ только:

— А вашъ отецъ и мать?

— Живы, тамъ. Вы женаты, Александръ Иванычъ?

— Нѣтъ. Вы, замужемъ, Елена...

— Васильевна. Нѣтъ, Какъ вы располагаете вашимъ днемъ сегодня? свободны вы?

— До вечера. Вечеромъ у меня публичная лекція.

— О, въ какой вы чести! Какъ же я не знала? Гдѣ это?

— Въ одномъ училищѣ, на Васильевскомъ Острову.

— А я живу на Васильевскомъ Острову; какъ же я не знала? Стало быть, недавно?

— Я начинаю сегодня.

— Теперь мнѣ пора домой. Пойдемте вмѣстѣ; обѣдайте у насъ и вечеромъ идите на вашу лекцію. Хотите?

— Очень-радъ.

Лёленька заперла свой ящикъ съ красками, взглянула на Веретицына и улыбнулась.

— Я много перемѣнился, Елена Васильевна?

— Постарѣли. Пойдемте... Охъ, вотъ это скучно нести!

Она подозвала камерлакея и поручила ему спрятать до завтра стклянки съ масломъ.

— Вы здѣсь привыкли, будто дома, замѣтилъ Веретицынъ.

— Я цѣлый годъ всякій день здѣсь.

— Изучаете?

— Да́, и копирую назаказъ. Я работаю, договорила она, пока Веретицынъ, на прощанье, заглянулъ на доменикиновскаго «Амура» въ дверяхъ итальянской залы у выхода въ корридоръ.

— Подержите, я пойду за шляпкой, сказала ему Лёленька, отдавъ ему ящикъ, когда они спустились съ лѣстницы, и ушла въ боковую комнату.

Веретицынъ, стоя въ сѣняхъ, смотрѣлъ на великолѣпную бѣлую мраморную лѣстницу, съ колоннадой вверху: въ отворенную верхнюю дверь виднѣлась красная стѣна итальянской залы и «Мадонна» Андреа-дель-Сарто. Печальная, она смотритъ прямо, междутѣмъ, какъ Младенецъ отвернулся, привсталъ на ея колѣняхъ; ея взглядъ провожаетъ тѣхъ, кто уходитъ...

— Вы любите искусство? сказала, воротясь, Лёленька: — почему же вы не бываете здѣсь чаще?

— Некогда.

— Весело, когда много дѣла! продолжала она, сбѣгая съ подъѣзда.—Какое прелестное время! Выйдемъ скорѣе на набережную, направо.

Веретицынъ шелъ молча. Чѣмъ больше онъ смотрѣлъ на Лёленьку, тѣмъ больше его удивляла—не неожиданность встрѣчи, не рѣзкая противоположность съ прошедшимъ, которое въ эти минуты такъ ясно вспомнилось ему, много-простившему въ прошедшемъ: его удивляла перемѣна этой дѣвушки, ловкой, смѣлой, увѣренной въ себѣ.

«Вотъ кáкъ выростаютъ!» подумалъ онъ, невольно наклоняя голову.

Лёленька облокотилась на гранитъ и смотрѣла въ воду; Веретицынъ сдѣлалъ то же.

— Такъ-то, бывало, у плетня, сказалъ онъ.

— Дá; но только мы никогда не стояли рядомъ! возразила она и засмѣялась.—Кàкъ давно, это ужасъ! чтó за дикое время! Помните, вы часто бывали не въ-духѣ. Этого теперь не бываетъ?

— Почему жь не быть?

— Теперь, когда у васъ занятія, работа, когда вы никому не обязаны, когда вы полезны, самостоятельны — я этого не понимаю!

— Чтó жь дѣлать! а такъ есть.

— Это почему же?

— Мнѣ тридцать-четыре, а не двадцать-четыре года, Елена Васильевна.

— Не резонъ, возразила она, покачавъ головой.

— Нѣтъ, резонъ. Въ молодости свернуло неожиданное, незаслуженное несчастье, и томило семь лѣтъ. Легко сказать: отнять у человѣка семь лѣтъ! Лучшіе годы жизни безъ дѣла, безъ книгъ, Богъ-знаетъ въ какомъ обществѣ, безъ права думать, не только говорить! Надо испытать, каково это, чтобъ судить легко ли, можно ли оправиться отъ этого... Вы сами сказали: дикое время! Я, должно-быть, еще изъ крѣпкихъ, потому-что вынесъ изъ него только желчь да хандру.

Она все качала головой и улыбалась.

— И въ правильно-прожитой жизни, продолжалъ Веретицынъ:— если съ половины оглянуться на молодость, наберется великій недочетъ въ осуществленіи разныхъ надеждъ, идеаловъ, а ужь въ такой-то жизни...

Онъ остановился.

— Вы смѣетесь, Елена Васильевна?

— Я этого окончательно не понимаю, возразила она, поднявъ снова на руки свой тяжелый ящикъ:—не безпокойтесь, я донесу: я не люблю одолжаться другими, когда могу сдѣлать сама...

— Старое правило говоритъ: «не дѣлай самъ того, что̀ можешь заставить сдѣлать другихъ», возразилъ, смѣясь, Веретицынъ: — отдайте мнѣ ящикъ.

— О, ваши старыя правила! прервала она уже безъ шутки и съ особеннымъ увлеченіемъ: — отъ нихъ все наше зло, все несчастье нашего поколѣнія! Вы ихъ поддерживали, вы имъ покорялись, вы довели до того, что мы принуждены биться, страдать, чтобъ вырваться изъ-подъ этого гнета и выработать себѣ какую-нибудь возможность жить полегче!... Вы говорите, что вамъ было тяжело, и теперь тяжело, что вы люди сломанные. А зачѣмъ вы допустили сломать себя? зачѣмъ вы не отказались отъ вашихъ предразсудковъ, не побѣдили вашей слабости, не трудились энергичнѣе? Вамъ скучно, у васъ желчь, хандра, потому-что вамъ все жаль чего-то, вспоминается что-то, хотѣлось бы сберечь что-нибудь старое, къ чему вы привыкли! Вы все тосковали да мечтали и облѣнились до невозможности трудиться...

— «Ты все пѣла, это дѣло»! прервалъ Веретицынъ: — и молодое поколѣніе посовѣтуетъ намъ плясать?

— Молодое поколѣніе не эгоисты, отвѣчала она, смутясь и обидясь, какъ прежняя Лёленька.

— Да вѣдь и старое не все только тосковало да мечтало, возразилъ Веретицынъ:—хорошо вамъ, свѣжимъ деревьямъ; но не браните надломленныхъ, которымъ больно во всякую погоду... Мы философствуемъ, Елена Васильевна.

— И даже пустились въ поэзію, прибавила она.

— О, время! у плетня этого не бывало: вы наслаждались, кажется, Херасковымъ...

— А, что̀ за пустяки! Не можетъ быть!... Нѣтъ, знаете, я очень-рада, что встрѣтила васъ; я васъ помню, но того времени я не хочу вспоминать. Передъ моими глазами представляется столько нелѣпости... Прошло—и кончено! я живу настоящимъ.

— Между прочимъ, въ настоящемъ, скажите мнѣ о вашей тётушкѣ; вы ведете меня знакомить.

— Моя тётушка добрая и умная женщина, была замужемъ за умнымъ, хорошо-образованнымъ человѣкомъ, пріѣхала съ нимъ сюда и для него постаралась образоваться. Я ставлю ей

это въ огромную заслугу. Она пріѣхала за мной въ N* и взяла меня къ себѣ въ то же лѣто, въ которое мы съ вами видались. Въ домѣ, гдѣ она живетъ, есть хорошій пансіонъ; она посылала меня учиться; у меня замѣтили способность къ живописи; я стала ходить въ рисовальную школу—и вотъ, видите, пишу въ эрмитажѣ. Я знаю три иностранные языка, перевожу и дѣлаю компиляціи. Этимъ я заработываю столько, что, могу сказать, я нелишняя тягость въ домѣ: моя тётка небогата. Наше общество—профессора пансіона, гдѣ я училась, ихъ семейства, художники, все люди занятые, и потому всякому дороги свободные часы и всѣ стараются провести ихъ пріятно. Разъ въ недѣлю собираются у меня. Приходите.

Веретицынъ поблагодарилъ поклономъ.

— Такъ вамъ живется легко? спросилъ онъ.

— Еще бы! Я свободна! отвѣчала Лёленька. Я никому ничѣмъ не обязана. Тётка, правда, дала мнѣ воспитаніе; но, имѣя средства, она должна была это сдѣлать, и я имѣла право принять. Но съ-тѣхъ-поръ, какъ я могу трудиться, я тружусь для себя: я ей ничего не стою. Я зарабатываю даже свои удовольствія; напримѣръ, я два года абонировалась на одно мѣсто въ галереѣ, въ оперу; на нынѣшній годъ тётка вздумала сдѣлать мнѣ сюрпризъ и заплатила за меня. Я ничего ей не сказала, но продала свою копію съ Грёза и взяла на другой абонементъ для нея и для себя, два мѣста въ ложѣ у знакомыхъ, подъ предлогомъ, что хочу слушать оперу два раза. Она, однако, поняла, что не должна стѣснять меня, даже думая сдѣлать мнѣ пріятное... Вы ходите въ оперу?

— Рѣдко. Нѣкогда.

— Если хорошенько разсчесть время, то его достанетъ, продолжала Лёленька. — Вотъ и наша квартира. Вы запомнили дорогу?

Она вошла и начала подниматься очень-высоко по лѣстницѣ одного изъ высочайшихъ домовъ Средняго Проспекта. Веретицынъ шелъ за нею. Этого восхожденія нельзя было не запомнить, и Веретицыну пришло на мысль, что Лёленькѣ лучше бы слѣдовало сказать:—«милости просимъ», и тѣмъ попросить хотя терпѣнія у гостя.

Лёленька позвонила. Горничная отворила имъ и взяла пальто Веретицына.

— Елены Гавриловны дома нѣтъ, сказала она.

— Давно?

— Давно. Она сказала, что обѣдаетъ въ гостяхъ, а вечеромъ въ театрѣ и чтобъ вы пріѣхали въ театръ, если угодно; тамъ она оставила записку.

— Мнѣ не угодно, отвѣчала Лёленька.—Давайте обѣдать.

Она пригласила Веретицына войти. Пріемная комната была мило убрана, со множествомъ зелени въ углахъ и на окнахъ, Лёленьку ждалъ накрытый столъ; горничная поставила приборъ для Веретицына.

— Садитесь; я очень-голодна, сказала ему Лёленька.

Обѣдая, она потянула съ ближняго стола листъ газеты и читала вслухъ, отрывками; завязался очень-живой разговоръ объ итальянской войнѣ и итальянской свободѣ. Лёленька знала и постоянно читала очень-много. Обѣдъ прошелъ незамѣтно въ этихъ толкахъ. Свѣтлый день къ вечеру выказался осеннимъ: кусочекъ неба надъ трубами сосѣдняго дома поблѣднѣлъ и примеркнулъ, окна затуманились.

— Пойдемте ко мнѣ, сказала Лёленька, вставая изъ-за стола:—я велю затопить каминъ; мы наговорились объ Италіи, а тамъ и зимой не холоднѣе этого.

Рядомъ съ пріемной была ея комната, гостиная, мастерская, кабинетъ—все вмѣстѣ. По стѣнамъ было нѣсколько картинъ въ рамахъ, на полу неконченные этюды и полотна, обернутыя изнанкой; на мольберѣ начатый портретъ, вѣроятно, тётки; палитра кокетливо висѣла на рѣзьбѣ зеркала; гипсовые бюсты, статуэтки, слѣпки съ античныхъ головъ были разставлены на полочкахъ и тумбахъ. Большой письменный столъ и двѣ этажерки въ углахъ были полны книгъ; къ камину уютно сдвинута кушетка и нѣсколько мягкихъ креселъ. Только одинъ этотъ уголокъ напоминалъ объ отдыхѣ; все остальное твердило объ усиленной, безпрерывной, по часамъ разсчитанной работѣ. Лёленька въ-самомъ-дѣлѣ взглянула на часы.

— Я вамъ дамъ чаю, сказала она Веретицыну на порогѣ и ушла, предоставивъ ему войти, если хочетъ.

Воротясь, она застала его среди комнаты: онъ осматривался кругомъ.

— Не правда ли, у меня недурно? спросила она: — хозяинъ дома былъ такъ любезенъ, что, по моему желанію, наклеилъ

здѣсь красные обои—слабое подражаніе заламъ эрмитажа! За-то, по вторникамъ, когда у меня *вечера* и я освѣщаю a giorno — выходитъ великолѣпно... Вы задумались, ка́къ это выходитъ великолѣпно?

— Скажите, вы ли это? прервалъ Веретицынъ:—право, минутами, я не вѣрю глазамъ! Это перерожденіе!

— Что̀ же тутъ особеннаго? возразила она съ удивленіемъ.

— Но вспомните только...

— Я ничего не вспоминаю, отвѣчала она:— я вамъ ужь сказала, кажется? Если ужь есть людямъ охота вспоминать, то пусть вспоминаютъ свой характеръ съ дѣтства, и тогда всѣмъ станетъ ясно, что иначе и быть не можетъ, какъ то̀, что̀ случается съ ними... Еслибы вы меня знали, вы бы не удивлялись, что я сбросила съ себя свое иго и не хочу о немъ помнить.

— Да̀, вамъ тяжело, трудно...

— Вы думаете о моей семьѣ? прервала она: — ничего не тяжело и нетрудно! Я не помню, чтобъ не обременять моей памяти, такъ же, какъ не помню вздоровъ, которые слышала, читала... Вамъ это странно?

— Не странно, но нѣсколько-рѣшительно.

— Нисколько! Это великодушно.

Веретицынъ глядѣлъ на нее, пока она поправляла уголь въ каминѣ; сумерки и огонь придавали странный свѣтъ красной комнатѣ; этотъ свѣтъ и рѣзкія тѣни шли къ оживленному лицу дѣвушки. Она сѣла, покойно сжавшись, въ кресло; въ ея движеніяхъ и взглядѣ было желаніе отдыхать, наслажденіе отдыха, но не раздумье.

— Ну, давайте вспоминать старое, сказала она, помолчавъ и улыбнувшись.—Что́ mademoiselle Sophie?

— Sophie? повторилъ Веретицынъ.

— Да́, Sophie, Софья... Александровна... а фамилія...

— Хмѣлевская, сказалъ Веретицынъ.—Почему вы ее знаете?

— Я ее видѣла, отвѣчала, смѣясь, Лёленька. — Но что̀ же особеннаго, что, живя въ N*, я знала о Хмѣлевской?... Я ее видѣла у васъ въ саду.

— А!... сказалъ Веретицынъ, глядя на огонь.

— Это, кажется, была замѣчательная дѣвушка, совершенство?

— Да̀.

— Образована, талантлива, умна? продолжала Лёленька. Скажите, гдѣ она теперь? Въ наше время, когда...

— И прочее, подсказалъ Веретицынъ.

— Да̀, подтвердила, не улыбнувшись, Лёленька: — въ наше время такая женщина много бы могла сдѣлать, дѣйствовать; женщина развитая, съ свѣтлымъ взглядомъ, съ этой правдой, которой надо было въ ней удивляться, съ неженской прямотой — не только ея примѣръ, одно ея слово... Она не здѣсь, не въ Петербургѣ?

— Нѣтъ, въ деревнѣ. Она замужемъ.

— Замужемъ! вскричала Лёленька.

— Замужемъ, повторилъ Веретицынъ.

— Кто жь этотъ счастливецъ, который удостоился владѣть этимъ совершенствомъ?

— Добрый малый, N-скій помѣщикъ.

Лёленька привстала съ мѣста.

— M-r Веретицынъ!... и это совершенство?...

— Болѣе нежели когда-нибудь, отвѣчалъ онъ тихо, не сводя глазъ съ огня.

— Совершенство—женщина, которая продала свою волю, бросилась въ пустоту...

— Не продала, а только отдала: ее умоляла мать, а уступить она могла: она никого не любила. Ея мужъ, человѣкъ честный, неглупый... ну, конечно, не передовой, не дѣятель... Да вѣдь что̀ жь все отдавать сокровища богачамъ: бѣднымъ они нужнѣе.

— Что жь она сдѣлала для этихъ бѣдныхъ?

— Она дала матери спокойный уголъ предъ смертью, помирила мужа съ его отцомъ, заставила старика жить болѣе-человѣческимъ образомъ, научила мужа заниматься, сколько въ его средствахъ, дала вздохнуть тѣмъ, кто отъ нихъ зависѣлъ...

— О, подвиги! прервала Лёленька:—и тратиться на это? На уборку спальни для маменьки, на семейныя примиренія, на укрощеніе побоевъ! учить мужа азбукѣ! И это, существу высшему...

— Кому жь, какъ не высшему? возразилъ Веретицынъ:—низшія или не умѣютъ, или брезгуютъ! Высшее то̀ и есть, которое жертвуетъ собой до конца, и только жертвы совершенствъ ведутъ къ чему-нибудь...

— Нѣсколько тысячъ лѣтъ продолжаются эти жертвы совершенствъ! сказала Лёленька.

— Оттого и стало полегче теперь, нежели за тысячу лѣтъ, отвѣчалъ Веретицынъ:—понемногу, понемногу, но остается вліяніе, память...

— Утѣшительное «понемногу»! возразила Лёленька. — Это, просто, отговорки, подвиги эгоистовъ, лѣнивыхъ, которымъ не хочется взять дѣло поважнѣе! Вотъ, увидите, когда въ нѣсколько лѣтъ Sophie, ваше совершенство, примирится, отупѣетъ...

— Скорѣе умретъ! вскричалъ Веретицынъ.

— А смерть къ чему-нибудь служитъ? Супругъ на другой женится, батюшка опять примется драться, оба вмѣстѣ будутъ смѣяться надъ нею...

— Умерла на работѣ, сказалъ Веретицынъ.

— А свободная, была бы жива, была бы счастлива!

— Какъ это?

— Вотъ, такъ! отвѣчала Лёленька, показавъ вокругъ себя рукою:—трудилась бы для всѣхъ—кругъ широкъ!

— Вы замѣчали, что на водѣ широкіе круги слабѣе меленькихъ?

— О, безъ поэтическихъ сравненій!

— Но развѣ это (онъ также показалъ вокругъ себя рукою), развѣ это трудъ для всѣхъ?

— Конечно, это не міровые труды, возразила Лёленька:—но смѣю думать, это тоже часть тѣхъ трудовъ; я все-таки приношу свой вкладъ, служу мысли...

— Софья учитъ своихъ дѣтей.

— Вы поэтизируете, потому-что все еще влюблены въ нее, прервала Лёленька, засмѣявшись.—«Ея бѣлокурая головка, ихъ кудрявыя головки...» А взглянуть съ настоящей точки зрѣнія, что это такое? Рабство, семья!... Женщина высшая подчинена какому-то доброму малому, пожертвовала собой для прихоти матери-эгоистки, примирила, то-есть, свела опять двухъ дурныхъ людей, чтобъ они вдвоемъ больше зла надѣлали! Какъ-нибудь, среди стѣсненій, изъ-подъ насмѣшекъ передаетъ что-нибудь человѣческое дѣтямъ... Но человѣческое ли, здравое ли? Она передаетъ имъ тѣ же несчастныя заповѣди самоотверженія, отъ которыхъ погибаетъ сама! Заповѣди покорности произволу!... Она виновата,

ваша Софья! Она служитъ злу, учитъ злу, она готовитъ страдалицъ! Она должна бы понимать это...

— Она и понимаетъ, что лучшая мать та, которая умѣетъ воспитать мучениковъ.

— Но вы ли это? я спрошу въ свою очередь, вскричала Лёленька.—Вы забыли, но я помню, вы первый сказали мнѣ первое слово свободы—вы ли это теперь?

— Я, отвѣчалъ Веретицынъ:—помню, точно, я говорилъ вамъ; но слово свободы, а не разъединенія...

— Разъединеній?

— Да́. Вы однѣ. Вы это понимаете?

— Знаю. Я одна́. Разумное существо должно умѣть быть одно.

— Когда приведется остаться одному, возразилъ Веретицынъ:—но когда есть еще люди...

— Для меня ихъ нѣтъ, прервала она, вспыхнувъ.—Вы не знали тогда, но догадываться могли, что̀ была моя жизнь, какіе люди были со мною. Вы заставили меня въ первый разъ понять ихъ. Я вамъ вѣрила... Вы не знаете, что я васъ любила? Да̀, какъ никогда потомъ! Я поняла, какое иго любовь, какъ она заставляетъ смотрѣть глазами другаго, исчезать предъ волей другаго. Я никогда не полюблю—некогда, глупо. Тогда хоть было еще кстати: у меня явилась сила освободиться. Несправедливости, гоненія надо мной дошли до крайности. Мнѣ предлагали даже мужа!.. Я рѣшилась бѣжать. Теперь я убѣжала бы на улицу,—тогда я еще искала пріюта. Я написала къ тёткѣ; у меня не было гривенника отдать на почту! никогда не забуду униженія, что я выпросила его, со слезами, чуть не съ земными поклонами, у работницы... Не въ-правѣ ли я была желать вырваться, возненавидѣть память прошедшаго?

— Никто не въ-правѣ осудить, что вы бѣжали. Вырваться вы въ-правѣ, ненавидѣть—никогда. Если вы поняли больше этихъ людей, вы должны умѣть простить...

— Вы не то говорили! прервала Лёленька: — вы проповѣдывали разъединеніе полнѣйшее! Это перерожденіе тоже! Вы ли это? я буду спрашивать тысячу разъ...

— Я, повторилъ Веретицынъ: — но, съ-тѣхъ-поръ, времени прошло довольно...

— И васъ года укротили?... старость?

— Дá, съ годами люди дѣлаются тише...

— Терпѣливѣе?

— Умнѣе.

— О! еслибъ только кто-нибудь, кто бъ нибудь сейчасъ повторилъ вамъ тò, чтò вы говорили тогда! вскричала Лёленька.

— Крайности? спросилъ онъ:—можетъ-быть. Но когда отпускается нѣсколько лѣтъ на размышленіе, можно разсмотрѣть, годятся ли крайности. Отъ нихъ человѣкъ отказывается невольно...

— И мирится?

— Прощаетъ.

— То-есть, шагъ назадъ, опять къ старому? вскричала Лёленька.

— Зачѣмъ? Простить, не упрекать, не помнить...

— Дà, можетъ-быть, это и очень-возвышенно, прервала она холодно:—но кто былъ оскорбленъ, кто понялъ, что самому-себѣ, только своему мужеству обязанъ тѣмъ, что не далъ погубить себя, тотъ не такъ легко забываетъ, не такъ легко прощаетъ... Но это личности: довольно обо мнѣ. Я поклялась, что не дамъ больше никому власти надъ собою, что не буду служить этому варварскому старому закону ни примѣромъ, ни словомъ... Напротивъ, я говорю всѣмъ: дѣлайте какъ я, освобождайтесь всѣ, у кого есть руки и твердая воля! Живите одни—вотъ жизнь—работа, знаніе и свобода...

— А на долю сердца чтó останется? спросилъ тихо Веретицынъ.

— Вы счастливы съ вашимъ сердцемъ? спросила она насмѣшливо.

— Да и вы неблагополучны, возразилъ онъ:—у насъ оно хоть и болитъ, но есть, а у васъ нѣтъ его.

— «У насъ?» повторила Лёленька:—у васъ и Sophie?

— Вы ее не понимаете, тихо возразилъ Веретицынъ: — не смѣйтесь. Вы зовете всѣхъ на свободу, и по вашимъ убѣжденіямъ, которыя точно достались вамъ нелегко, съ вашей точки зрѣнія во многомъ тоже вѣрной—вы правы. Но до совершенства Софьи вамъ далеко! Вы заработываете себѣ легко, безъ страданія, покойное житье-бытьё, удовольствіе, пріязнь вашего кружка; между этимъ дѣломъ вы служите и обществу очень-пріятно службой. Вашъ трудъ—еще въ половину трудъ—и меньше...

Софья взяла весь свой. Она пошла учить добру и правдѣ безъ увѣренности въ успѣхѣ—только съ вѣрой въ свое дѣло. Она пошла на грубость, эгоизмъ, полуобразованіе, оскорбленіе, жестокость, пошла, какъ шли мученицы на исповѣданіе и смерть! Это конечное исполненіе обязанности, которую налагаетъ сознаніе истины и жажда добра! Въ нашъ вѣкъ нѣтъ подвига выше. Онъ даже не образецъ: за него можетъ взяться только та женщина, которая захочетъ высшаго совершенства, которая почувствуетъ въ себѣ силу служить правдѣ, своему вѣрованію, служить во всей полнотѣ, охотно, радостно, забывая себя... Вы удивляетесь сестрамъ милосердія? Вы кричите въ восторгѣ предъ тѣми женщинами, которыя подаютъ мужьямъ и любезнымъ патроны во время сраженій? Это не легче, мужества надо не меньше; это не менѣе возмутительно; тутъ нѣтъ увлеченія, нѣтъ одобренія кругомъ, дѣло неблестящее съ вида, и долгое, долгое на всю жизнь.

— Вы ее очень любите? сказала Лёленька.

Веретицынъ не отвѣчалъ и всталъ. Часы били семь.

— Видите, сказалъ онъ, наконецъ:—вотъ она, хваленая свободная жизнь, потому-что теперь, въ настоящея время, она одинакова для васъ и для меня: пришло время—расходись, не кончивъ слова; чувствовать нѣкогда, вспоминать нѣкогда. Мы свободные—рабы дѣла, которое взяли себѣ на плечи... многіе, пожалуй, любя, но большая часть только увѣряя себя, что любятъ, и только избранные (къ нимъ причисляю себя) говорятъ откровенно, что дѣло- тотъ же пріемъ опіума и средство тянуть жизнь все для дѣла же... Радостей для насъ нѣтъ, любви ужь и вовсе быть не можетъ: нѣкогда... Вмѣсто ихъ берется такъ, что-нибудь, на-лету, неимѣющее ни цѣли, ни значенія... Это называется — состарѣться.

— Неправда! возразила Лёленька: — работа, знаніе не старѣютъ, потому-что они вѣчны.

— Пожалуй, если не замѣчать, что часть души—чувство—уже умерла или лежитъ въ апоплексическомъ ударѣ. Обманывать себя можно!

— Я не хочу себя обманывать. Что жь! пусть хоть такъ.

— Будьте счастливы!

— А вы счастливы?...

— Мнѣ пора идти, Елена Васильевна...

Она торопливо оглянулась на часы.

— Такъ до свиданія. Приходите во вторникъ; я познакомлю васъ съ тёткой, еще съ хорошими людьми. Придете?

— Некогда... Если успѣю.

Лёленька проводила его со свѣчой до лѣстницы, воротилась къ себѣ, и не останавливаясь ни минуты, придвинула кресло къ столу, достала тетради и диксіонеръ, и скоро въ комнатѣ слышалось только стукъ часовъ, паданіе догоравшаго угля въ каминѣ и шорохъ пера по бумагѣ...

В. КРЕСТОВСКІЙ.

1860.

СИРІЙСКІЙ ВОПРОСЪ.

Окончаніе.

III.

Жаркій защитникъ правленія Мегемета-Али, Тьеръ, сказалъ однажды, когда Сирію возвращали султану: «Сирію отдаютъ не султану, а анархіи». Къ-несчастію, слова знаменитаго историка оказались пророческими. Можно сказать безошибочно, что, начиная съ XVI столѣтія, Сирія не имѣла еще правленія въ томъ смыслѣ, какъ понимаютъ его европейцы.

Если предъидущій очеркъ положенія дѣлъ въ Сиріи вѣренъ, то нельзя не заключить изъ него, что неурядицы и анархія сдѣлались въ послѣднія двадцать лѣтъ нормальнымъ состояніемъ этой страны. Самой незначительной причины достаточно было, чтобъ взрывать по временамъ постоянно-разжигаемыя со всѣхъ сторонъ племенные элементы.

Въ послѣдній разъ взрывъ былъ такъ силенъ, что, несмотря на разъединеніе, всегда возникавшее между главными европейскими государствами, когда дѣло шло о Востокѣ, они признали единогласно необходимость вмѣшательства въ дѣла Сиріи и предоставили французскимъ солдатамъ высадиться на сирійскій берегъ для общей пользы; но, чтобъ ограничить по-возможности значеніе посылаемой на Востокъ французской дивизіи, европейскіе кабинеты опредѣлили цѣль вмѣшательства желаніемъ «возстановить авторитетъ султана въ Сиріи», и постановили срокъ для пребыванія французовъ въ Сиріи не болѣе полугода. Правда, что возстановить то, что̀ никогда не существовало, болѣе, чѣмъ трудно; но за фразой европейскихъ дипломатовъ скрывается только осторожность и желаніе, чтобъ вмѣшательство францу́з-

скихъ войскъ не перешло въ постоянное занятіе Сиріи. Вотъ настоящій смыслъ протоколовъ. Было бы, впрочемъ, желательно, чтобъ роль французскихъ солдатъ на Востокѣ была опредѣлена болѣе-точнымъ образомъ.

Но для чего же дѣйствительно посланы французы въ Сирію? Безъ всякаго сомнѣнія, они должны требовать вознагражденія за прошлое и утвердить тѣ средства, которыя обезпечили бы населеніе Сиріи отъ повторенія сценъ, недавно-исполнившихъ негодованіемъ всю Европу. Кромѣ-того, войска помогаютъ Фуаду-Пашѣ во всеобщемъ обезоруженіи.

Подъ словомъ «всеобщее обезоруженіе» здѣсь должно понимать полную выдачу оружія, безъ различія расъ и исповѣданій. Такое обезоруженіе было бы выгоднѣе всего для христіанъ, еслибъ дѣйствительно возможно было обезоружить вполнѣ все мусульманское населеніе въ Сиріи. Въ послѣднихъ событіяхъ оружіе не послужило для христіанъ защитой: двадцать-пять или тридцать тысячъ христіанскаго населенія Дамаска позволили грабить и рѣзать себя безъ сопротивленія въ то время, какъ горсть арабовъ Абдель-Кадера заставила турокъ смотрѣть на себя съ уваженіемъ. Можно сослаться, пожалуй, на примѣры, что такая мѣра, несмотря на множество трудностей, приводилась иногда въ исполненіе: Мегеметъ-Али обезоруживалъ друзовъ и маронитовъ, англичане въ Индіи обезоруживаютъ теперь нѣсколько мильйоновъ населенія. Вопросъ въ томъ: можно ли дѣйствительно обезоружить населеніе, которое не обезоружено пока нравственно?

Друзы, напримѣръ, ушли въ Гауранъ, ускользнувъ отъ всѣхъ стратегическихъ предосторожностей французовъ, и положили, въ случаѣ наступательнаго дѣйствія французскихъ войскъ, драться съ ними. Выдадутъ ли мусульмане все оружіе? Уменьшилось ли ихъ раздраженіе противъ христіанъ послѣ казней Фуада-Паши, и не могутъ ли они, послѣ удаленія французскихъ войскъ, отмстить гяурамъ за кровь своихъ родныхъ и друзей? Во всемъ этомъ очень-позволительно сомнѣваться.

Гораздо-выполнимѣе и дѣйствительнѣе второй пунктъ миссіи французскихъ войскъ — требованіе вознагражденія за прошлое. Казни, совершенныя Фуадъ-Пашею, не составляютъ полнаго возмездія. Большая часть казненныхъ властей, даже самыхъ важныхъ, была всегда чужда населенію; думаемъ даже, что оно неблагосклонно смотрѣло на своихъ номадовъ-администраторовъ, присылаемыхъ изъ столицы наживаться всѣми способами въ провинціи. Нѣтъ, кромѣ людей, имѣвшихъ

власть, все населеніе, остававшееся равнодушными зрителями кровавыхъ событій, обязано также вознаградить христіанъ. Въ Европѣ общины отвѣчаютъ за безпорядки и преступленія, которыя совершаются во время волненій на ихъ территоріи. Этотъ принципъ существуетъ въ Англіи, Франціи и нѣкоторыхъ другихъ государствахъ. Французы прилагали его съ успѣхомъ въ Алжирѣ, чтобъ оградить безопасность дорогъ въ странѣ; Мегеметъ-Али съ той же цѣлью и съ такимъ же результатомъ прилагалъ его въ самой Сиріи; онъ распространялъ его даже на подати: слѣдовательно, такое требованіе не новость для Сиріи и послужитъ справедливымъ воздаяніемъ и, въ нѣкоторомъ смыслѣ, обезпеченіемъ за будущее какъ для христіанъ, такъ и для султана.

Весьма-желательно было бы, чтобъ экспедиція французовъ въ Сирію не осталась пустой демонстраціей. Возстановить власть султана не значитъ только заставить враговъ вложить оружіе въ ножны; для достиженія такого результата достаточно было Фуада-Паши и напрасно было бы посылать французскую дивизію, если ея назначеніе заключается только въ томъ, чтобъ прекратить своимъ присутствіемъ рѣзню, грабежъ и пожары. Всѣ эти требованія должны быть настоятельнѣе для султана, чѣмъ для европейцевъ, потому-что онъ потерялъ больше всѣхъ и потерпитъ еще болѣе при возобновленіи такихъ событій. Онъ теряетъ уваженіе и довѣріе прочихъ державъ къ своему правительству во всякомъ дѣлѣ, подобномъ сирійскому.

Англія требуетъ въ настоящее время возвращенія французскихъ войскъ изъ Сиріи послѣ полугодоваго ихъ пребыванія тамъ. Занятіе Сиріи на такой короткій срокъ европейскими войсками врядъ-ли можетъ принести существенную пользу странѣ. Недавно сдѣлалось извѣстнымъ о намѣреніи европейскихъ державъ составить конгресъ для обсужденія сирійскаго вопроса. Приведенію въ исполненіе рѣшеній конгреса, безъ-сомнѣнія, прочнѣе всего помогла бы европейская коммиссія, спеціально-назначенная для Сиріи, съ извѣстнымъ полномочіемъ отъ султана, въ присутствіи французскихъ войскъ.

Мѣра вознагражденія за прошлое (деньгами) легко можетъ быть приведена въ исполненіе и въ то же время весьма-дѣйствительна. Что жь касается до выбора необходимой гарантіи въ будущемъ за прочное спокойствіе Сиріи, то здѣсь стоятъ на каждомъ шагу затрудненія.

Разбирая множество ипотезъ, предложенныхъ для рѣшенія сирійскаго вопроса, приходимъ къ двумъ заключеніямъ: вопервыхъ, невы-

ходя изъ области европейскаго государственнаго права и, признавая въ то же время верховныя права султана, до-сихъ-поръ еще не пришли къ удовлетворительному рѣшенію; вовторыхъ, смотря на вопросъ, выше правъ султана, Европа признаетъ необходимымъ, несмотря на множество затрудненій и неудобствъ, свое вмѣшательство въ дѣла Востока, въ болѣе-широкихъ размѣрахъ, чѣмъ когда-нибудь.

Положимъ, что Сирія будетъ покойна до-тѣхъ-поръ, пока тамъ будетъ Фуадъ-паша съ привезеннымъ имъ изъ Константинополя войскомъ; но потомъ? Развѣ оставятъ эти войска? А если придется замѣнить ихъ той недисциплированной, плохоуправляемой, неполучавшей около двухъ лѣтъ жалованья арміей, которая показала намъ уже свою нравственную силу и значеніе въ послѣднихъ событіяхъ — что̀ тогда будетъ?

Не должно забывать при этомъ, что Сирія находится въ одномъ изъ отдаленныхъ отъ столицы угловъ имперіи, въ которомъ, если чувствуется какая-нибудь правительственная власть, то лишь промежуточно, судорожно, невзначай. Сирія похожа на разбитый параличомъ членъ, который оставленъ разложенію; его магнитизируютъ иногда exprès и тогда въ своихъ судорожныхъ конвульсіяхъ онъ показываетъ признаки жизни. Въ Сиріи, повторяемъ, турецкое правительство играетъ роль помѣщика, проживающаго въ Петербургѣ и поручившаго управлять свое тамбовское имѣніе нѣмцу, который положилъ себѣ составить на черный день копейку. Въ европейскихъ провинціяхъ турки занимаютъ дѣйствительнымъ образомъ покоренную страну: они воздѣлываютъ почву, что̀ составляетъ во всѣхъ странахъ признакъ дѣйствительнаго обладанія; для этихъ провинцій существуютъ правительственныя преданія, хоть какія-нибудь. Въ Сиріи турки — иностранцы; они не занимаютъ, не воздѣлываютъ почвы и живутъ главнымъ образомъ въ трехъ или четырехъ городахъ вмѣстѣ съ прочими инородцами. Кромѣ своего гнёта, мусульмане, какъ господствующая до-сихъ-поръ народность, здѣсь не имѣютъ никакой живой связи съ другими племенами.

Предлагали образовать изъ племенъ Ливанскихъ Горъ родъ конфедераціи, похожей на швейцарскую, съ президентомъ, назначаемымъ султаномъ. Каждое племя составитъ свой кантонъ. Но для возможности существованія всякой конфедераціи необходимо, какъ доказала уже исторія, общее согласіе соединяющихся народностей и общее сознаніе необходимости взаимныхъ обязательствъ, взаимной поддержки и стремленіе всѣхъ къ одной цѣли. Всѣ же эти условія для прочной

конфедераціи могутъ быть вызваны только выработавшимся сознаніемъ необходимости въ нихъ, развитыми соціальными способностями и могутъ связаться крѣпко только узами общей цивилизаціи. Тогда-какъ въ Сиріи, кромѣ фанатической ненависти религіозной и племенной, не существуетъ до-сихъ-поръ никакихъ нравственныхъ отношеній между племенами, у нихъ нѣтъ ни общихъ интересовъ, ни цѣлей.

Вообще, для Сиріи пока невозможенъ никакой видъ правильнаго устройства, пока не разовьется между ея туземцами способность къ самоуправленію. Всѣ благонамѣренныя попытки англичанъ въ этомъ отношеніи всегда вводили ихъ въ такія смѣшныя ошибки, что, безъ-сомнѣнія, они не захотятъ ихъ повторить.

Еще предлагали сдѣлать Абд-ель-Кадера генерал-губернаторомъ Сиріи съ главнымъ авторитетомъ султана. Храбрость и великодушіе, только-что выказанныя эмиромъ, должны ручаться за нравственныя достоинства его намѣреній. Но Абд-ель-Кадеръ болѣе иностранецъ для Сиріи, чѣмъ любой турецкій паша; кромѣ славнаго имени, для него нѣтъ въ ней никакой правительственной почвы, нѣтъ корней. Только личный героизмъ и необыкновенная слабость турецкаго правительства позволили играть ему такую благородную и достойную уваженія роль въ дамасскихъ событіяхъ. Да и согласится ли арабъ Могреба, бывшій самъ султаномъ, и не безъ славы, сдѣлаться пашей Абдул-Меджида? Если не личная, справедливая, впрочемъ, гордость, то, можетъ-быть, просто здравый смыслъ и собственные интересы заставятъ его отказаться отъ управленія Сиріей. Онъ долго жилъ въ Турціи и знаетъ константинопольскія интриги; онъ знаетъ, что его первые помощники будутъ его же первыми врагами и, можетъ-быть, ему прежде пришлось бы усмирять своихъ турецкихъ чиновниковъ, чѣмъ друзовъ или маронитовъ?

Нѣкоторые думали рѣшить вопросъ, сдѣлавъ Абд-ель-Кадера вице-королемъ Сиріи, подъ верховнымъ правленіемъ султана, какимъ былъ Мегемет-Али въ 1840 году. При этомъ, конечно, забывали религіозную сторону вопроса, которая задерживала Мегемета-Али въ самомъ сильномъ блескѣ его могущества и силы. Наконецъ, Абд-эль-Кадеръ, въ глазахъ мусульманъ-турокъ все-таки побѣжденный, имѣющій лишь убѣжище на оттоманской территоріи, тогда-какъ Мегемет-Али былъ побѣдитель, происходившій самъ отъ османлисовъ. Когда Мегемет-Али принудилъ султана уступить ему управленія Сиріей, онъ имѣлъ сто тысячъ войска, хорошія финансовыя средства и цѣлую провинцію, могущую снабжать его и тѣмъ и другимъ. Всѣхъ этихъ, какъ бы то ни

было, необходимыхъ условій не достаетъ Абд-ель-Кадеру; ихъ не замѣнятъ ни инвеститура султана, ни протоколы европейскихъ державъ. Предположимъ даже, что Европа снабдила бы его и войскомъ и деньгами, но тогда, въ-сущности, Сирію займутъ европейцы; и въ этомъ случаѣ Абд-ель-Кадеръ не будетъ имѣть живой связи ни съ управляемой имъ страной, ни съ своими помощниками.

Точно также неразумно было бы поручить теперь управленіе Сиріей кому-нибудь изъ потомковъ Мегемета-Али. Такое рѣшеніе вопроса развѣ только можетъ удовлетворить самолюбію французовъ, и то отсталыхъ. Теперь врядъ ли даже Тьеръ согласился бы на такую попытку.

Когда Ибрагимъ-паша завладѣлъ Сиріей въ 1832 году, населеніе принимало его съ открытыми объятіями, какъ избавителя; но увлеченіе продолжалось недолго. Господство Мегемета-Али, несмотря на всѣ могущественныя средства, которыми онъ обладалъ, не принесло покоя и счастья Сиріи. Для самого же Мегемета-Али эта страна была болѣе источникомъ слабости, чѣмъ силы: Египетъ проигрывалъ вдвое болѣе того, сколько могла давать ему Сирія. Для обѣихъ странъ разстройство было неизбѣжно, еслибъ европейская политика не рѣшилась расторгнуть этой взаимно-вредной связи. Утомленная Сирія падала надъ страшными налогами Мегемета-Али, а бѣдные феллахи Египта проливали потъ и кровь, чтобъ поддержать побѣду своего честолюбиваго владыки. Вся Нильская Долина испытала въ эту несчастную для нея эпоху болѣе чѣмъ когда-нибудь, горя, бѣдности и слезъ. Современный феллахъ врядъ ли сдѣлался богаче, чѣмъ былъ въ 1840 г., но, по-крайней-мѣрѣ, его трудовая копейка идетъ на его же страну; у него не отнимаютъ ни отца, ни братьевъ, ни сыновей, для того, чтобъ сдѣлать ихъ пассивнымъ орудіемъ гнёта надъ побѣжденной страной, воинственное населеніе которой отвергало и презирало побѣдителей.

Многіе мечтаютъ о раздѣленіи Турецкой Имперіи и думаютъ, что при такомъ рѣшеніи восточнаго вопроса исчезнутъ всѣ затрудненія. Но пока фактически существуетъ власть султана, этимъ гаданіямъ въ политическихъ соображеніяхъ не должно быть мѣста. Епископъ Товія (*) проповѣдывалъ ex cathedra, не думая, безъ-сомнѣнія, ни объ

(*) Бейрутскій католическій епископъ, замѣчательный своимъ ревностнымъ участіемъ въ возбужденіи христіанъ противъ друзовъ и другими интригами. Вмѣстѣ съ Софроніемъ онъ можетъ считаться однимъ изъ главныхъ агитаторовъ послѣднихъ сирійскихъ событій. Предъ высадкою французскихъ войскъ онъ бѣжалъ изъ Сиріи.

измѣненіяхъ, ни о возраженіяхъ противъ своего воинственнаго проекта, что первымъ шагомъ къ устройству сирійскихъ дѣлъ будетъ изгнаніе турокъ. Онъ весьма убѣдительно представлялъ своимъ слушателямъ, что теперь настало едва-ли не самое удобное время порѣшить дѣло окончательно съ безпокойнымъ восточнымъ вопросомъ или, другими словами, раздѣлить Турецкую Имперію. Вѣроятно, почтенный епископъ считалъ за ничто тѣ жертвы людьми и деньгами, которыя принесли, пять лѣтъ назадъ, Франція и Англія, чтобъ только предупредить свершеніе его мысли. Обѣ эти страны, рѣшившись на такой актъ, громко противорѣчили бы тѣмъ политическимъ принципамъ, которые проводятся ими столько уже лѣтъ; нельзя предположить, что золото и кровь, лившіеся рѣками подъ Севастополемъ, были употреблены безъ убѣжденія, съ задней, грязной мыслью. Правда, что Турція, не оправдала пока законныхъ ожиданій ея союзниковъ, представляя до-сихъ-поръ только несчастный примѣръ самаго дурнаго управленія; но тѣмъ не менѣе весьма-хорошо извѣстно, что и европейскія государства нѣкоторыми дѣйствіями сами препятствовали султану осуществить ихъ законныя надежды. Не огласись берега Прута угрожающими военными кликами, заставившими султана придвинуть къ нимъ войска изъ другихъ провинцій, можетъ-быть, убійства и грабежи на Ливанѣ и въ Дамаскѣ никогда бы и не произошли? Совершенно ли увѣрены мы, что еслибъ епископъ Товій и другіе подобные ему удержались отъ воинственной пропаганды, то оставшихся въ Сиріи войскъ было бы недостаточно для поддержанія порядка?

Не всѣ средства оправдываютъ цѣль, какъ думалъ, очевидно, епископъ.

Предположимъ, наконецъ, что мысль воинственнаго пастыря исполнилась и Дамаскъ, Сидонъ, Бейрутъ съ ихъ провинціями сдѣлались независимыми отъ султана: кто займетъ его мѣсто и какой народъ въ Сиріи дастъ необходимые матеріалы для созданія новаго правительства, другими словами, какая раса будетъ господствующей: православная, мусульманская или языческая? При современномъ состояніи Сиріи было бы слишкомъ наивно думать о созданіи для нея такого правленія, которое сплавляло бы всѣ эти элементы; духовенство поставило бы въ этомъ случаѣ непереходимыя пока препятствія. Мусульмане составляютъ въ Сиріи все-таки большинство, и по тѣмъ принципамъ, которые признаются de facto многими изъ европейскихъ государствъ, имѣютъ въ этомъ отношеніи право на представительный классъ въ Сиріи. Но кто хотя немного знаетъ эту страну, ни на минуту не допуститъ предположенія, чтобъ христіане-греки или

марониты подчинились произвольно правленію мухаммеданъ; весьма естественно, эти послѣдніе всегда будутъ на дѣлѣ, при судѣ, болѣе или менѣе односторонни. Нужно было призвать не помощь весь блескъ и силу, соединяющіеся съ именемъ султана, чтобъ убѣдить дамасскихъ жителей принять чужеземныхъ христіанъ въ свой городъ и чтобъ принудить мусульманъ уступить христіанамъ признанныя гатти-гумманоюномъ за ними права. Дамасское возстаніе доказало намъ, какъ мусульмане смотрятъ до-сихъ-поръ на права христіанъ, и положеніе этихъ послѣднихъ въ Турціи ничѣмъ не лучше того, которое было сто лѣтъ назадъ. Но всякій грекъ въ Сиріи скорѣе рѣшится быть рабомъ мухаммеданина, чѣмъ быть либерально-управляемымъ маронитомъ, сиріяниномъ, армяниномъ, и наоборотъ. Только друзы и мухаммеданешіиты никогда не выносили безропотно господства турокъ и всегда были противъ нихъ. Наконецъ, кто будетъ защитникомъ отъ притѣсненія такихъ невоинственныхъ и безправныхъ въ сущности народностей, какъ евреи?

По этимъ и многимъ другимъ причинамъ, хорошо извѣстнымъ всякому, кто знаетъ Сирію, какъ непрактично было бы ввѣрить управленіе этой страной исключительно туземнымъ мухаммеданамъ, такъ еще хуже выбрать необходимые правительственные элементы между какимъ-нибудь изъ христіанскихъ племенъ.

Христіане въ Сиріи составляютъ меньшинство. Несостоятельность ихъ во многихъ другихъ отношеніяхъ еще ярче замѣтна. Европейскіе купцы, имѣющіе дѣла съ Левантомъ, утверждаютъ, что сирійскіе христіане лживы, нечестны въ дѣлахъ, исполнены фанатизма и нетерпимости (они не позволили, напримѣръ, протестантскимъ проповѣдникамъ открыть въ своихъ округахъ школы) и совершенно не имѣютъ пока тѣхъ свойствъ, какія необходимы въ народѣ для самоуправленія. При исключительномъ управленіи Сиріей туземныхъ христіанъ, безъ всякаго сомнѣнія, увеличилось бы и безъ того значительное число религіозныхъ учрежденій, бѣлаго духовенства и монаховъ; духовенство захватывало бы мало-по-малу въ свои руки всю оставшуюся еще у мірянъ почву. Противъ золъ, происходящихъ отъ расширенія помѣстій, а вмѣстѣ съ ними, и правъ и вліянія духовенства на дѣла въ ущербъ мірянамъ, Европа сама борется столько уже столѣтій. Въ Сиріи очень-хорошо извѣстно, что если кто-либо изъ греческаго духовенства отправится въ Европу собирать пособія своимъ бѣдствующимъ братіямъ, то эти послѣдніе не получаютъ обыкновенно и самой незначительной части изъ суммъ, пріобрѣтенныхъ милосердыми пастырями. Но представляются и еще возраженія на проектъ епископа То-

віи изгнать турокъ и поставить христіанъ во главѣ управленія страной. Туземные христіане не могутъ быть сильны безъ посторонней помощи. Въ послѣднюю войну приходилось пять христіанъ на одного друза и друзы всегда побѣждали. Ввѣреніе въ ихъ руки управленія поведетъ за собой занятіе страны на многіе годы иностранными войсками; кромѣ того, потребуются значительные иностранные капиталы для организаціи новой системы управленія. Но на занятіе Сиріи на неопредѣленный срокъ иностранными войсками не согласится Европа, а капиталисты не рѣшатся ввѣрить свои капиталы слабому правительству, которое можетъ быть свергнуто, какъ-скоро лишится помощи иностранныхъ войскъ. При управленіи Сиріи туземными христіанами более, чѣмъ когда-нибудь, можно опасаться за враждебное движеніе мусульманъ, потому-что на дѣлѣ христіане, можетъ-быть, болѣе нетерпимы, чѣмъ турки.

Еще въ ту пору, когда учреждались въ Сиріи два отдѣльные каймакама, противъ чего весьма справедливо возставала Франція, она предлагала предоставить управленіе Сиріей кому-нибудь изъ христіанскихъ принцевъ. Съ того времени религіозная и политическая пропаганда Франціи всегда стремилась къ осуществленію этой мысли. Весьма-недавно «Times» тоже предложилъ, для рѣшенія сирійскаго вопроса, отдать Сирію въ управленіе какому-нибудь принцу изъ царствующихъ въ Европѣ фамилій. Теоретическая сторона этого проекта во многихъ отношеніяхъ имѣетъ свои выгоды, но онъ вызываетъ, въ то же время, много практическихъ затрудненій. Съ одной стороны, стоятъ права султана надъ Сиріей, утвержденныя и признанныя всей Европой, съ другой, еслибъ и можно было обойти эти права по какимъ бы ни было уважительнымъ причинамъ — зависть, которая раздѣлитъ въ этомъ случаѣ европейскія правительства и не позволитъ имъ принести согласно посильныя, необходимыя для осуществленія проекта жертвы. Сама Сирія не представитъ, безъ-сомнѣнія, затрудненій и, вѣроятно, будетъ весьма-довольна измѣнить хоть какъ-нибудь то разорительное и истощающее ея силы положеніе, въ какомъ она находится.

Первое затрудненіе, именно, права султана, весьма-серьёзно; оно покоится на тѣхъ основахъ международнаго и государственнаго права, которыя до-сихъ-поръ признаются всей Европой и которыя не позволяютъ отнять у султана страну. Для этого нужны или счастливая война, которую теперь никто не можетъ справедливо объявить Портѣ, или же добровольное желаніе султана. Рѣшись же Европа признать

возможнымъ обойти права султана, она подыметъ въ себѣ самой много пока безмолвныхъ голосовъ, которые станутъ громко заявлять законность своихъ требованій. Согласится ли она на это?

Но, съ другой стороны, упомянутыя невыгоды предложеннаго рѣшенія болѣе ли тѣхъ, которыя происходятъ отъ statu quo, отъ возведенія на сирійскій престолъ Абд-ель-Кадера, отъ соединенія Сиріи и Египта подъ однимъ правленіемъ и, наконецъ, отъ множества другихъ проектовъ? Мы преслѣдуемъ, при рѣшеніи вопроса, прежде всего возможность прочно гарантировать на будущее время спокойствіе Сиріи.

Если можно будетъ вынудить султана на согласіе, какъ можно же было заставить его офиціально (въ протоколахъ) признать настоящую «поддержку французскими войсками» его авторитета въ Сиріи, то бо̀льшая половина трудности рѣшенія уничтожится; останется только условиться въ средствахъ. Но возможно ли, чтобъ Порта такъ легко поддалась краснорѣчивымъ совѣтамъ европейцевъ? Мы видимъ примѣры, какъ трудно государи, вслѣдствіе предлагаемыхъ имъ совѣтовъ, отказываются отъ своихъ провинцій! А если султанъ не послушаетъ совѣта? имѣетъ ли Европа право не обратить вниманія на его несогласіе? и сдѣлаетъ ли она въ такомъ случаѣ безусловную несправедливость?

Права султана надъ Сиріей, повторяемъ, совершенно законны. Есть только нѣсколько фактовъ противъ нихъ, на которые нельзя не обратить вниманія.

Когда, двадцать лѣтъ назадъ, европейская коалиція снимала иго Мегемета-Али надъ Сиріей, рискуя сама возжечь войну, былъ ли этотъ актъ съ ея стороны только выраженіемъ желанія сдѣлать султану любезный подарокъ? Европейцы пролили кровь, истратили деньги, перенесли всѣ тяжести и бѣдствія войны, но въ вознагражденіе за все это, безъ-сомнѣнія, поставили султана въ нравственное обязательство хорошо управлять возвращенной ему страной. Послѣ двадцати лѣтъ болѣзненнаго и безсильнаго правленія, породившаго въ Сиріи дѣйствительную анархію, послѣ безнравственнаго грабительства и вопіющей неспособности представителей турецкаго правительства въ Сиріи, не имѣетъ ли Европа право сказать, что нравственныя условія договора 1840 года не исполнены султаномъ?

Не имѣетъ ли она, поэтому, въ нѣкоторомъ отношеніи права взять назадъ то, что̀ могла бы и не отдавать, что̀ султанъ не въ-состояніи былъ покорить собственными средствами и что̀ онъ не имѣетъ силъ удержать за собой? Правда, что для государя болѣе чѣмъ грустно

отказаться добровольно отъ части своего государства; но, вѣдь, всѣ трактаты, гарантировавшіе неприкосновенность Турецкой Имперіи, основываются на томъ началѣ, что султанъ будетъ способенъ самъ управлять своимъ государствомъ. Тамъ, гдѣ оказывается недостатокъ его силы и власти, Европа могла бы, изъ выгодъ всеобщаго мира, восполнить пустоту. Можетъ-быть, для султана было бы даже весьма-раціонально отказаться отъ обладанія той страной, которою онъ, при всемъ своемъ добромъ желаніи, не могъ до-сихъ-поръ управлять въ дѣйствительномъ смыслѣ этого слова. Относительно Аравіи и Сиріи, султанъ пока игралъ роль тѣхъ династій, которыя до-сихъ-поръ присвоиваютъ титулы королей Кипра или Іерусалима. На Сирію идетъ весьма-значительная часть государственныхъ доходовъ Турціи, междутѣмъ, какъ доходы съ нея не покрываютъ издержекъ; она не снабжаетъ даже султана хорошимъ войскомъ, потому-что то̀, которое набирается въ Сиріи такъ-называемая аравійская армія, не имѣетъ нравственной силы въ странѣ и вовсе не содѣйствуетъ его цѣлямъ, какъ оно доказало своими дѣйствіями при послѣднемъ возмущеніи въ Дамаскѣ. И дѣйствительно, пока Сирія, съ какой стороны ни посмотришь на ея состояніе, была для султана только источникомъ слабости и стыда.

Есть примѣры, сохранившіеся въ исторіи политики и еще живые въ памяти современниковъ, которые, какъ совершившіеся и признанные всей Европой факты, не говорятъ за неприкосновенность нѣкоторыхъ правъ султана. Въ 1827 году, напримѣръ, Европа вмѣшалась въ дѣла султана съ одной изъ возставшихъ его провинцій и образовала существующее теперь Греческое Королевство; въ 1830 году Европа не соглашалась признать тотъ порядокъ вещей, который утверждали французы въ Тунисѣ, а ихъ права на Алжиръ теперь признаетъ; въ 1840 году, несмотря на сопротивленіе султана, она учредила въ Египтѣ наслѣдственное вице-королевство. Всѣ эти примѣры и нѣкоторые другіе, изъ области чисто-европейскихъ дѣлъ, поддерживаютъ нѣкоторую основательность предложеннаго рѣшенія.

Относительно разрѣшенія втораго затрудненія—завистливаго самолюбія главныхъ державъ, можно предварительно условиться, что выборъ принца можетъ падать на всѣ европейскія державы, исключая первостепенныхъ. Но избранному государю необходимы два основные правительственные элемента: войско и деньги.:. Гдѣ взять ихъ? Главныя европейскія державы, имѣющія вмѣстѣ около трехъ милліоновъ войска, могли бы безъ затрудненій снабдить новое правительство на пять или на шесть лѣтъ корпусомъ войскъ, въ двадцать-пять или въ

тридцать тысячъ; онъ былъ бы необходимъ для утвержденія новаго порядка дѣлъ въ безпокойной странѣ. Точно такъ же Европа не отказала бы, вѣроятно, удѣлить на сроки изъ своего бюджета (восходящаго до восьми мильярдовъ франковъ) мильйоновъ пятьдесятъ, которыхъ было бы достаточно для того, чтобъ новое правительство Сиріи могло привести въ нѣкоторый порядокъ дѣла страны.

Но за предположеніемъ, что всѣ эти условія были бы приняты Европой и Сирія отдѣлилась бы отъ управленія султана, выступаетъ весьма-ярко другой вопросъ, на который, если быть послѣдовательнымъ, нельзя не обратить вниманія: что̀ будетъ съ Аравіей? Аравія, которая зависитъ, точно такъ же, какъ и Сирія, отъ султана, но въ которой его правительство имѣетъ едва-ли не менѣе значенія, чѣмъ въ Сиріи, будетъ еще болѣе отчуждена отъ его власти; анархія сдѣлается въ ней, въ этомъ случаѣ, не только не рѣдкимъ явленіемъ, но и единственно-возможнымъ порядкомъ дѣлъ. Такое же состояніе дѣлъ въ Аравіи весьма-значительно повредитъ торговлѣ европейцевъ въ Чермномъ Морѣ. Если европейцы не считаютъ Константинополя на столько состоятельнымъ, чтобъ надѣяться на полное вознагражденіе своихъ убытковъ въ Чермномъ Морѣ, то вопросъ объ Аравіи долженъ уже давно занимать ихъ. Итакъ, нужно будетъ устроить и дѣла Аравіи? А Боснія, Сербія, Герцеговина и другія части Турецкой Имперіи, вѣдь и онѣ могутъ желать составить отдѣльный союзъ? Вотъ гдѣ слабыя стороны предложеннаго проекта. Можно положительно сказать, что, при современномъ состояніи политическихъ отношеній въ Европѣ, большинство первенствующихъ державъ не согласится обойти на этотъ разъ права султана. Эти права, правда, только номинальны, мертвы, но все же на нихъ основывается какой-нибудь порядокъ, существующій въ областяхъ, подвластныхъ султану. Султанъ владѣетъ Сиріей по тому же праву побѣды, по которому и другія европейскія государства владѣютъ нѣкоторыми изъ своихъ частей.

Многія, если не всѣ, провинціи Порты недовольны правительствомъ султана.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о правахъ народностей, мы только думаемъ, что не должно разрушать сложившіеся вѣками общества, чтобъ на обломкахъ ихъ осуществлять фантастическія программы новыхъ обществъ. Живыя потребности народа сильнѣе и прочнѣе всякихъ теорій. Пусть новый строй жизни общества вырабатывается самъ. Тогда новыя общественныя основы не будутъ насильно-навязанными или пересаженными съ чужой почвы, и можно будетъ поручиться за

ихъ прочность. Англія обязана, можетъ быть, отчасти, стойкостью своихъ учрежденій именно тому обстоятельству, что занимаемая ею мѣстность уединила ее отъ непосредственнаго вліянія прочихъ государствъ.

Если признать законность или вынужденную силою обстоятельствъ необходимость отдѣлить отъ власти султана Сирію, то придется быть послѣдовательнымъ и при рѣшеніи другихъ сторонъ этого вопроса. Кто можетъ поручиться, что славянскія земли Турціи, Аравія останутся спокойными зрителями отдѣленія Сиріи и не объявятъ сами оправданныхъ уже требованій на самостоятельность? Выразится ли такой протестъ спокойно, безъ волненій, безъ сценъ, подобныхъ сирійскимъ? Будетъ ли Европа права, не удовлетворивъ его? А если нѣтъ, и европейцы обязаны уже будутъ удовлетворить и эти требованія, то они станутъ къ Турецкой Имперіи въ-отношеніи древнихъ римлянъ, которые самымъ удобнымъ и дѣйствительнымъ образомъ покорили народности, населявшія тѣ же страны, раздѣляя ихъ между собою, вмѣшиваясь въ ихъ дѣла, покровительствуя то однимъ, то другимъ, то-есть ослабляя ихъ всѣ и подчиняя тѣмъ самымъ своему господству. Принципъ «раздѣляя-властвуй» остается до-сихъ-поръ самымъ вѣрнымъ для покоренія странъ, состоящихъ изъ такихъ разнообразныхъ элементовъ, какъ Турція.

Наконецъ, передъ нами еще одна мѣра и, можетъ-быть, самая важная, предлагаемая для устройства восточныхъ дѣлъ. Въ настоящее время Франція выразила желаніе осуществить ее. Идея неновая. Лордъ Стратфордъ-Редклифъ, хорошо-знающій восточныя дѣла, предложилъ не такъ давно образовать постоянную конференцію изъ представителей пяти главныхъ европейскихъ державъ, которая была бы уполномочена обсуждать важнѣйшіе вопросы, относящіеся до устройства Турціи, и предлагать мѣру къ водворенію въ ней тишины и спокойствія. Роль такого спеціальнаго конгреса, какъ высшаго органа общей политики европейскихъ державъ относительно Турецкой Имперіи, походитъ на ту, которую играли въ Калифорніи такъ-называемые *бдительные комитеты* (comitees of vigilance), которые, впрочемъ, тамъ и принесли нѣкоторую пользу для сохраненія общественнаго порядка.

Такая конференція поддержала бы, можетъ-быть, легче другихъ средствъ согласіе кабинетовъ по различнымъ частямъ восточнаго вопроса; она разбирала бы и утверждала ихъ законныя требованія, и единственно своимъ существованіемъ разрушила бы много интригъ, которыя, не переставая, ткутъ свои таинственныя сѣти на каждомъ

шагу въ Оттоманской Имперіи. Въ настоящее время ни одна изъ христіанскихъ державъ не возражаетъ противъ *общаго* рѣшенія восточныхъ дѣлъ.

Единственное государство, которое можетъ, и не безъ оснований, воспротивиться такому учрежденію, какъ постоянная конференція, будетъ Турція. Несогласія европейскихъ кабинетовъ по поводу ея дѣлъ были всегда благопріятны для нея, и при своемъ настоящемъ безсильномъ положеніи, она, безъ-сомнѣнія, не посмотритъ спокойно на учрежденіе, соединяющее европейскія правительства въ томъ вопросѣ, который долгое время былъ яблокомъ раздора для нихъ. Всѣ державы признали независимость Порты; но предлагаемая конференція будетъ ея опекунша, нянька. Предложивъ султану извѣстныя для преслѣдованія цѣли, она будетъ настоятельно требовать ихъ исполненія и наблюдать за удовлетворительностью такого исполненія. Хорошо извѣстно, что такъ-называемая независимость Порты существуетъ только на бумагѣ. Кто вѣритъ въ Европѣ въ эту независимость? Независимость есть результатъ признанной силы. Кто же признаетъ настоящее турецкое правительство сильнымъ, ненуждающимся въ иностранной помощи? Министры султана постоянно находятся между двухъ огней: требованій иностранныхъ посланниковъ, съ одной стороны, и распоряженій своего правительства, съ другой; имъ остается единственный способъ поддерживать еще свое значеніе: не компрометируя ни той, ни другой стороны, откладывать дѣла въ долгій ящикъ, то-есть ничего не дѣлать. Развѣ это независимость? Но, спрашивается, какая же будетъ роль правительства въ Турціи, если Европа свяжетъ его еще однимъ авторитетомъ?

Безъ-сомнѣнія, для европейскихъ государствъ весьма-полезно, въ случаѣ неожиданныхъ взрывовъ на безпокойной оттоманской почвѣ, имѣть возможность быстро обмѣняться мыслями, согласиться и дѣйствовать скорѣе. Изолированное положеніе главныхъ государствъ Европы предъ слабой Портой весьма-опасно. Всѣ текущія событія на Востокѣ, будучи разобраны и обсуждены въ конференціи, представлялись бы, вѣроятно, правительствамъ не въ томъ видѣ, какъ приноситъ ихъ краткорѣчивый телеграфъ. Кромѣ-того, конференція могла бы легче обходить разные затрогивающіе интересы державъ вопросы, чѣмъ при ихъ настоящихъ отношеніяхъ къ восточнымъ дѣламъ, потому-что рѣшенія въ подобномъ учрежденіи могутъ составляться не большинствомъ голосовъ, но силою доводовъ и правъ; каждый членъ конференціи сохранялъ бы за своей отвѣтственностью свободу взгля-

довъ на дѣла и событія. Важнѣе всего въ предложенномъ проектѣ возможность для главныхъ державъ быть въ *постоянныхъ сношеніяхъ* по тому вопросу, который грозитъ скорѣе прочихъ нарушить между ними миръ и согласіе.

Но, какъ видитъ читатель, основанія предложенной конференціи принадлежатъ къ области чистой теоріи. Для солидарности и дѣйствительно-благотворнаго значенія всякаго учрежденія необходима живая связь его съ тѣми предметами, для которыхъ оно создается; нужно чтобъ оно имѣло въ нихъ корни, было органически соединено съ ними. Гдѣ же эта связь, эти корни для конференціи? Какого рода значеніе будетъ она имѣть для подданныхъ султана? Она будетъ только олицетвореніемъ безсилія главы правовѣрныхъ, лишней веревкой на его болѣзненныхъ рукахъ. Основывать же учрежденія на требованіяхъ, невыходящихъ прямо изъ жизни народа, все-равно, что строить домъ на пескѣ. Султанъ теряетъ въ этомъ случаѣ еще болѣе значенія въ глазахъ управляемыхъ имъ народностей; онъ теряетъ ихъ послѣднее уваженіе. Подчинятся ли турки незваной власти враждебныхъ имъ гяуровъ и не захотятъ ли они быть подвластными только своему правительству, своимъ учрежденіямъ? Вѣдь каждый народъ имѣетъ на такое желаніе право. А если такъ, то на кого прежде всего падетъ раздраженное неудовольствіе мусульманъ? Если на христіанъ, то улучшитъ ли ихъ положеніе постоянная конференція?

По извѣстіямъ изъ Константинополя (21 января с. с.), коммиссія европейскихъ уполномоченныхъ въ Бейрутѣ предлагаетъ учредить въ Сиріи одно губернаторство для всѣхъ христіанъ подъ покровительствомъ первостепенныхъ державъ. Порта же предлагаетъ два губернаторства съ главными совѣтами при каждомъ, членами которыхъ были бы и христіане и мусульмане.

Какая цѣль основанія отдѣльнаго губернаторства для христіанъ?— оградить, безъ-сомнѣнія, ихъ права, дать имъ силу и значеніе въ странѣ?

Но такое огражденіе правъ христіанъ поведетъ къ учрежденію во всѣхъ значительныхъ мѣстахъ Сиріи консульствъ. Христіане живутъ здѣсь разбросанно, по всей странѣ, перемѣшиваясь съ другими туземцами. И тамъ, гдѣ число ихъ будетъ такъ незначительно, что не можетъ вызвать учрежденія для себя консульства, они останутся попрежнему на страхъ турокъ или друзовъ. Для католиковъ, православныхъ, протестантовъ каждаго значительнаго города, Франція, Россія, Англія или Пруссія должны будутъ учредить отдѣльныя консульства. Но въ-

состояніи ли будутъ консулы уладить дѣла христіанъ не только съ друзами, мусульманами, но и между собою? Намъ кажется, что плодить консульства въ Турціи, придавая имъ все болѣе-и-болѣе значенія, значитъ плодить интриги и возбуждать враждебное настроеніе мусульманъ противъ христіанъ, все въ бо̀льшей и бо̀льшей степени.

IV.

Оглядываясь назадъ, на разсмотрѣнные нами проекты для устройства сирійскихъ дѣлъ, мы видимъ, что ни одинъ изъ нихъ не удовлетворяетъ своей цѣли. Все это искусственныя зданія, изъ которыхъ въ каждомъ или слишкомъ замѣтны щели, или нѣтъ прочныхъ сводовъ, или же зданіе построено на воздухѣ. Становится грустно, когда, припомнивъ послѣднія тяжелыя событія сирійской жизни, останавливаешься въ недоумѣніи съ мучительнымъ вопросомъ: «что̀ же дѣлать?» Хотѣлось бы вывести какія-нибудь прочныя основы для новыхъ условій жизни сирійскихъ туземцевъ; но нѣтъ такого принципа, строя на которомъ будущія условія для сирійской жизни, мы не вызвали бы въ то же время другихъ вопросовъ, также важныхъ, также живыхъ и имѣющихъ право на наше полное вниманіе.

Для европейца настоящія условія сирійской жизни кажутся болѣзненными, ненормальными; онъ привыкъ къ другой атмосферѣ. Пріобрѣтая мало-по-малу все бо̀льшее и бо̀льшее вліяніе на дѣла Востока, европейцы думаютъ, что подъ ихъ опытнымъ надзоромъ дѣла пойдутъ такъ, ка̀къ имъ хочется. Они не затрудняются въ проектахъ и, гордые, не хотятъ положить въ закладку ихъ туземнаго матеріала; говорятъ, что онъ испорченъ, негодится; лучше вотъ это, вотъ это... и не хотятъ сознаться, что все предлагаемое ими искусственно, натянуто; что не́зачѣмъ уродовать чужую жизнь, сложившуюся нѣсколькими вѣками; но вѣдь нездоровую жизнь? Для насъ—правда. Но возродится ли разлагающееся общество отъ нашихъ искусственныхъ лекарствъ? Мы хотимъ задержать это разложеніе, но забываемъ, кажется, что есть болѣзни, препятствуя которымъ выйдти наружу, мы опрокидываемъ ихъ внутрь, на самые существенные о̀рганы жизни. Въ тѣ минуты, когда болѣзнь, казалось бы, исчезла, когда врачъ радуется своему блистательному успѣху, вдругъ узнаютъ иногда, что больной ближе къ смерти, чѣмъ когда-либо. Въ жизни народовъ бываютъ разливы, которые подготовляются незамѣтно и которыхъ не удержатъ никакія искусственныя плотины.

Лучше оставить Турцію въ покоѣ, если мы искренно желаемъ ей добра.

Плохо вѣрится до-сихъ-поръ въ задушевное, безкорыстное желаніе европейцевъ помочь Турціи, и именно потому не вѣрится, что, пока они предлагали только такія средства для больной державы, несостоятельность которыхъ для прочной, самостоятельной государственной жизни они сами очень-хорошо знаютъ. Каждое изъ такихъ средствъ только болѣе упрочиваетъ вліяніе европейцевъ на дѣла Турціи. Европейцы знаютъ изъ своей собственной исторической жизни, что ничто такъ губительно не дѣйствуетъ на государство, какъ безсознательные переходы его изъ одного состоянія въ другое. На бумагѣ — весьма легко вѣрить въ благодѣтельныя слѣдствія разныхъ теорій; но если всѣ блестящіе, теоретическіе выводы не заставятъ биться сердце человѣка, если онъ не подготовленъ заранѣе къ нимъ своей жизнью, они всегда останутся для него мертвымъ, ненужнымъ хламомъ. Нѣтъ ни одного государства, которое слѣдовало одной и той же школѣ въ своемъ развитіи. Насильственно-привитые плоды всегда выходятъ, уродливы, болѣзненны.

Если мы дѣйствительно желаемъ прочныхъ благъ народамъ Турціи, то должны оставить ихъ жизнь течь такъ, какъ она сложилась. На ихъ долю, безъ-сомнѣнія, также придется много болѣзненныхъ кризисовъ въ общественномъ ростѣ, но за-то послѣ бурь останется лишь то, что̀ можетъ жить и сто̀итъ жизни. Цивилизація и безъ насильственныхъ вмѣшательствъ даетъ намъ множество путей, самыхъ дѣйствительныхъ, длятого, чтобъ благотворно дѣйствовать на восточное общество.

Весьма часто оправдываютъ цѣль вмѣшательства европейцевъ въ восточныя дѣла желаніемъ дать больше вѣса, значенія, свободы христіанамъ; но забываютъ, что въ дѣйствительности только европейцы выигрываютъ при этомъ и что положеніе христіанъ остается такимъ же, какимъ было сто лѣтъ назадъ. Христіане въ Сиріи стоятъ на такой же высотѣ понятій и пороковъ, какъ и другія окружающія ихъ племена. Сирійскіе христіане, женщины даже, способны совершать самыя изъисканныя злодѣйства, какъ доказываютъ намъ свѣдѣнія, получаемыя безпрестанно изъ Сиріи. Но, говорятъ, христіане въ Сиріи слабы, немногочисленны, не могутъ заставить другія, болѣе сильныя народности смотрѣть на себя съ уваженіемъ? А въ такомъ случаѣ, значитъ, они не имѣютъ нравственной силы и превосходства предъ прочими племенами.

Когда бродитъ въ сосудѣ нѣсколько органическихъ веществъ, мы часто замѣчаемъ дымъ, пары, клокотанье всей массы и не отличаемъ прежде наложенныхъ веществъ одно отъ другаго; но пройдетъ время, масса устаивается, изъ нея ничто не пропало; тѣ тѣла, которыя имѣли силу противиться дѣйствію всѣхъ сосѣднихъ, остались нетронутыми, остальныя преобразились въ новыя вещества, въ свою очередь, въ новые дѣятели. Только бы оставить дѣйствію подобнаго же процеса гражданскія судьбы народностей Турецкой Имперіи—и живое, сильное останется и выйдетъ еще чище изъ горнила политическихъ испытаній, а все дряблое, гнилое умретъ и напитаетъ почву для новыхъ поколѣній.

Н. Х—скій.

МАТЬ И ДОЧЬ.

Худа, ветха избушка,
И, какъ тюрьма, тѣсна;
Слѣпая мать — старушка,
Какъ полотно блѣдна.

Бѣдняжка потеряла
Свои глаза и умъ,
И, какъ ребенокъ малый,
Чужда заботъ и думъ.

Все пѣсни распѣваетъ,
Забившись въ уголокъ,
И жизнь въ ней догараетъ,
Какъ въ лампѣ огонекъ.

А дочь, съ восходомъ солнца,
Иглу свою беретъ,
У свѣтлаго оконца
До темной ночи шьетъ.

Жара. Вокругъ молчанье,
Лѣниво день идетъ,
Докучныхъ мухъ жужжанье
Покою не даетъ.

Старушки тихій голосъ
Безъ умолку звучитъ...
И гнется дочь, какъ колосъ,
Тоска въ груди кипитъ.

Народъ неутомимо
По улицѣ снуетъ.
Идетъ все мимо, мимо —
Богъ-вѣсть куда, идетъ.

Ужь ночь. Темно въ избушкѣ
И некому мѣшать;
Осталося къ подушкѣ
Припасть — и зарыдать.

Н. НИКИТИНЪ.

ДЕСЯТЬ ИТАЛЬЯНОКЪ.

БІАНКА КАПЕЛЛО.

(1548 — 1587).

Окончаніе.

V.

Что оставалось дѣлать Франческо?—Біанка и кардиналъ снова вступаютъ въ борьбу.—Кардиналъ разбитъ.—Месть Франческо.—Мнѣніе церкви.—Біанка въ Болоньѣ. —Бракъ совершается втайнѣ. — Кардиналъ узнаетъ тайну. — Дочь св. Марка. — Венеціянскія дѣла и венеціянскія слова.—Посольство во Флоренцію.—А что, если удастся короновать ее?—Публичное празднованіе свадьбы.

Что должно было происходить въ душѣ Франческо послѣ смерти нелюбимой имъ жены? Уже не разъ его поведеніе съ нею было причиною раздоровъ съ императорскимъ дворомъ. Хотя онъ ни мало не остерегался оскорблять ея чувства, а даже явно выказывалъ свое пренебреженіе къ ней въ глазахъ цѣлой Флоренціи, однако тѣ внѣшнія приличія, которыя онъ поневолѣ долженъ былъ соблюдать предъ иностранными дворами, стѣсняли его въ его отношеніяхъ къ Біанкѣ. Онъ былъ принужденъ имѣть хотя нѣкоторыя «riguardi», какъ говорятъ итальянцы. Къ-тому же, содержаніе Джіованны обходилось ему недешево, по-крайней-мѣрѣ, гораздо-дороже, чѣмъ онъ желалъ. Огромныя суммы, потраченныя на великолѣпныя похороны, долженствовавшія сложить ея прахъ подъ куполомъ собора св. Лаврентія, заключили длинный листъ этихъ расходовъ.

Теперь Франческо былъ свободенъ. Однако, несмотря на всѣ эти соображенія, весьма-сомнительно, могла ли смерть жены сдѣлаться для него источникомъ такихъ невозмутимыхъ радостей, какъ кажется съ перваго взгляда.

Теперь пришло время уплатить старый долгъ, исполнить роковое обѣщаніе, данное Біанкѣ и произнесенное еще, къ довершенію несчастія, «передъ образомъ», обѣщаніе, что если придетъ время, когда они оба будутъ свободны, то она непремѣнно сдѣлается его женою. Быть-можетъ, даже въ это время, при мысли объ убійствѣ Бонавентуры имъ овладѣвало чувство, которое онъ могъ ошибочно принимать за раскаяніе.

Не то, чтобъ ему было непріятно исполнить это обѣщаніе, напротивъ, привязанность его къ ней была такъ же сильна, если она еще не возрасла, и онъ искренно желалъ жениться на ней; но онъ опасался встрѣтить всеобщій ропотъ порицанія, который, безъ-сомнѣнія, поднялся бы со всѣхъ концовъ Европы при извѣщеніи о подобной mesalliance—ужасъ друзей, торжество враговъ, неудовольствіе подданныхъ. Что жь касается обѣщанія передъ образомъ и проч., то Франческо ни мало не стѣснялся подобными узами. Но былъ одинъ живой грѣшникъ, которадо онъ страшился. Какъ могъ онъ не сдержать обѣщанія, вынужденнаго у него Біанкой, теперь, когда она, безъ-сомнѣнія, настоятельно требовала его исполненія.

Когда желанія человѣка, подобнаго Франческо, сильнаго только въ упрямствѣ, и твердая рѣшимость женщины, какова была Біанко, были съ одной стороны, а съ другой только опасенія послѣдствій, которымъ можно было на столько уступить, чтобъ никогда не приходить въ столкновеніе съ ними, то могъ ли быть сомнителенъ исходъ дѣла? Порицаніе Европы и упреки семейства могли быть не допущены до слуха. Но какъ избѣжать ближайшихъ огорченій —жить безъ Біанки, или жить съ нею и не исполнять ея справедливыхъ требованій? И при всемъ томъ онъ еще боролся самъ съ собою, даже проронилъ однажды эти слова: «Я не смѣю останавливаться на своемъ желаніи».

Все это время онъ находился въ состояніи мучительной неизвѣстности и безпокойства. Первымъ его дѣйствіемъ, по смерти Джіованны, было покинуть Флоренцію, гдѣ всеобщая печаль о его злосчастной женѣ производила въ немъ чувство отвращенія. Быть-можетъ также, что въ это время сомнѣнія и борьбы онъ былъ радъ бѣжать отъ присутствія Біанки. Его поведеніе заставляетъ думать, что это предположеніе справедливо. Онъ дѣйствительно желалъ этого въ ту минуту, и потому, вмѣсто того, чтобъ переселиться въ одно изъ многочисленныхъ мѣсто-

пребываній своихъ въ различныхъ краяхъ Тосканы, постоянно переѣзжалъ съ мѣста на мѣсто, выбирая самыя отдаленныя и глухія части своихъ владѣній.

Кардиналъ, котораго смерть герцогини повергла въ грусть и безпокойство, былъ очень обнадеженъ этою кажущеюся рѣшимостью Франческо — избѣгать, по-крайней-мѣрѣ, на нѣкоторое время, всякаго столкновенія съ соблазнительницею. Онъ отправился въ Портоферраіо, на островъ Эльбу, въ надеждѣ застать тамъ великаго герцога и воспользоваться случаемъ переговорить съ нимъ, въ сторонѣ отъ того вліянія, которымъ Біанка старалась окружить его. Но Франческо избѣгалъ подобнаго свиданія съ братомъ, и кардиналъ долженъ былъ удовольствоваться тѣмъ, что послалъ къ нему секретаря своего, на котораго вполнѣ полагался, чтобъ тотъ въ яркихъ краскахъ изложилъ передъ великимъ герцогомъ всѣ доводы, которые онъ самъ едва-ли осмѣлился представить брату.

Посланный засталъ герцога въ Серравецѣ, небольшой горной деревнѣ въ Аппенинахъ, впослѣдствіи сдѣлавшейся соперницею Каррары по своимъ мраморнымъ ломкамъ, но въ то время бывшей однимъ изъ отдаленнѣйшихъ и глухихъ мѣстечекъ въ герцогствѣ.

Инструкціи Фердинанда послу состояли въ томъ, чтобъ всѣми силами стараться убѣдить Франческо снова вступить въ бракъ съ принцессою одного изъ королевскихъ домовъ, дружба которыхъ была нужна для поддержанія ихъ семейнаго величія. Слѣдовательно, каковы бы ни были его виды впослѣдствіи, но теперь мысль наслѣдовать брату не приходила ему въ голову.

Очевидно, что до-сихъ-поръ онъ заботился о выгодахъ и доброй славѣ Франческо, и всѣ его планы, клонившіеся къ увеличенію значенія рода, были сосредоточены на великомъ герцогѣ и основывались на надеждѣ, что онъ оставитъ по себѣ законныхъ дѣтей.

Но разсказъ возвратившагося посла о его свиданіи съ великимъ герцогомъ значительно измѣнилъ его образъ дѣйствій. Франческо и слышать не хотѣлъ о подобномъ бракѣ. Правда, онъ выразилъ твердое намѣреніе остаться вдовцомъ.

Но секретарь могъ сообщить своему господину нѣкоторыя свѣдѣнія, собранныя изъ словъ и дѣйствій герцога, которыя привели проницательнаго кардинала къ убѣжденію, что онъ уже рѣшился жениться на Біанкѣ, и съ той минуты кардиналъ измѣнилъ образъ дѣйствій. Онъ уже болѣе не пытался сохранить хо

тя бы внѣшній видъ семейнаго согласія, который до-сихъ-поръ, наперекоръ всѣмъ трудностямъ и противорѣчіямъ, онъ такъ удачно поддерживалъ. Онъ открыто поссорился съ братомъ, и съ той поры, во всѣхъ мелочныхъ раздорахъ, возникавшихъ вслѣдствіе взаимной ненависти итальянскихъ княжескихъ домовъ и составлявшихъ насущный хлѣбъ праздныхъ кардиналовъ, дѣйствовалъ совершенно-независимо отъ своего брата и даже враждебно его интересамъ и интересамъ всего дома Медичи. Такъ, напримѣръ, онъ вошелъ въ дружественныя сношенія съ французскимъ дворомъ, съ которымъ Франческо, клонившійся на сторону Испаніи, былъ всегда въ непріязни.

Въ это время онъ былъ въ особенно-дурныхъ отношеніяхъ съ Франціею, которая нанесла ему самую страшную обиду, какую только можно нанести такому деспотическому правителю, каковъ былъ Франческо. Она укрыла бѣглецовъ, которые спаслись отъ его гнѣва. Многія лица, замѣшанныя въ заговорѣ Пуччи, каковы были: Антоніо и Піетро Капони, Бернардо Джиролами, а также и Троилло Орсини, съ преступленіемъ котораго мы уже имѣли случай познакомиться, бѣжали туда и жили тамъ, пользуясь покровительствомъ Франціи. Франческо не могъ этого проглотить. То не было чувство соперничества и вражды, которое можетъ существовать между двумя правительствами по поводу укрывательства преступниковъ и представляетъ справедливый поводъ къ несогласіямъ и разрыву между двумя націями. Въ такомъ случаѣ, оскорбившая сторона можетъ удовлетворить за нанесенное оскорбленіе, только предавъ бѣглецовъ суду своихъ собственныхъ трибуналовъ. Но Франческо раздражало только то, что они избѣжали его мести, и всѣ мѣры, предпринятыя имъ, клонились единственно къ удовлетворенію этого чувства.

Нѣкто, Курціо Пичена былъ въ то время секретаремъ флорентинскаго посольства въ Парижѣ; ему-то было поручено привести въ исполненіе тайную месть великаго герцога. Онъ получилъ наставленіе нанять убійцъ, чтобъ умертвить бѣглецовъ, оцѣнивъ голову каждаго изъ нихъ въ четыре тысячи дукатовъ; сверхъ того, онъ былъ снабженъ изъ Флоренціи самыми искусными ядами, изъ лабораторіи Палаццо-Уффици, устроенной исключительно съ этою цѣлью Козьмой и считавшейся однимъ изъ полезнѣйшихъ и необходимыхъ орудій въ рукахъ мудраго правителя. Такова была предусмотрительность, съ которою этотъ

искусный въ дѣлѣ правленія Медичи соткалъ сѣти, долженствовавшія опутать свободу его подданныхъ.

Джироламо былъ дѣйствительно умерщвленъ; но его участь предупредила остальныхъ и они бѣжали, кто въ провинціи, кто въ Англію. Тогда (говоритъ итальянскій историкъ) свѣтъ увидѣлъ все искусство присяжныхъ итальянскихъ убійцъ. Нѣкоторые изъ этихъ мастеровъ своего дѣла были посланы во Францію, другіе въ Англію; они вскорѣ показали свое превосходство предъ французскими бездѣльниками и вполнѣ оправдали ожиданія своего повелителя.

Таковы были государственныя заботы, занимавшія умъ великаго герцога уже и безъ того подавленный необходимостью рѣшиться на что-нибудь въ дѣлѣ съ Біанкою и ея притязаніями. Эта постоянная умственная работа обнаруживалась какимъ-то лихорадочнымъ безпокойствомъ; онъ продолжалъ разъѣзжать по своимъ владѣніямъ, между-тѣмъ, какъ Біанка, которая такимъ образомъ была лишена его присутствія, безпрестанно бомбардировала его письмами. Наконецъ онъ напалъ на мысль, къ которой, какъ къ послѣднему убѣжищу, обращаются всѣ люди слабые: онъ рѣшился свалить на чужія плечи отвѣтственность за эту рѣшимость, которую почиталъ слишкомъ-тяжелою для своихъ. Итакъ, онъ призвалъ на помощь искуснаго богослова, пользовавшагося извѣстностью, хотя, какъ впослѣдствіи оказалось, весьма-мало заслуженною. Этому-то лицу, повѣдалъ онъ о всѣхъ своимъ затрудненіяхъ, о данномъ обѣщаніи и о своемъ личномъ желаніи исполнить его, и просилъ у него совѣта относительно того, какъ ему поступить.

Всякому, хотя малознакомому съ обязанностями придворнаго священника, будетъ ясно, что оставалось ему дѣлать при такихъ обстоятельствахъ. Человѣку темному, несвѣдущему въ каноническихъ постановленіяхъ и неспособному, по своему низкому положенію въ обществѣ, судить о различіи между честью такого важнаго лица и честью простаго человѣка, показалось бы, что всѣ нравственныя чувства и религіозный долгъ обязывали его сдержать обѣщаніе и жениться на своей любовницѣ.

Но не такъ судилъ искусный богословъ. Онъ краснорѣчиво изложилъ ему, что этотъ бракъ будетъ противенъ каноническимъ постановленіямъ и неприличенъ. Забывъ даже открытый намекъ, сдѣланный ему государемъ касательно его собственныхъ чувствъ, онъ простеръ свою ревность къ каноническому уставу и

достоинству лица королевской крови до того, что началъ убѣждать герцога поступить противъ его желанія послѣдствія этого были обыкновенны.

Но и Біанка въ этомъ случаѣ выказалась вполнѣ. Какъ только она услышала, что Франческо вздумалъ разсматривать дѣло съ богословской точки зрѣнія, она взяла мѣры, чтобъ упрочить за собою помощь богословія изъ самаго вліятельнаго и дѣйствительнаго источника. Духовникомъ Франческо былъ францисканскій монахъ; его-то именно слѣдовало привлечь на свою сторону. Біанка нашла средство намекнуть ему, что епископскій престолъ Кіузи не былъ занятъ. Результатъ этого извѣщенія былъ тотъ, что герцогу были раскрыты всѣ ошибки его прежняго совѣтника и онъ былъ приведенъ къ убѣжденію, что церковь и его долгъ требовали именно того, къ чему клонились его желанія.

Покуда богословіе дѣйствовало такимъ образомъ въ ея пользу, Біанка также не теряла времени. Она постоянно переписывалась съ великиимъ герцогомъ, стараясь сообщить ему отъ времени до времени извѣстія, клонившіяся къ тому, чтобъ показать ему, какъ всѣ уважаютъ и даже признаютъ законнымъ ихъ отношенія. Такъ, въ одномъ рукописномъ повѣствованіи мы находимъ, что въ теченіе весны она была въ Болоньѣ съ своею дочерью Пеллегриною и зятемъ Улиссомъ Бентивою, и что она была принята тамъ съ почестями и сопровождаема свитою изъ высшаго дворянства, какъ мужчинъ такъ и дамъ, «изъ уваженія къ великому герцогу Флоренціи, такъ-какъ вышеупомянутая Біанка — его собственность, sua cosa». Трудно представить себѣ болѣе-рѣзкую черту, которая бы такъ вполнѣ обрисовала униженіе всего народа и его способности быть только рабомъ и ничѣмъ болѣе, какъ эта готовность патриціевъ великаго города оказать почетъ герцогской «cosa!». Конечно, не таково было толкованіе, сообщенное этому факту Біанкою. «Cosa», принимаемая съ такимъ почетомъ, была достойна сдѣлаться женою! Какъ бы то ни было, она продолжала писать ему то въ томъ, то въ другомъ родѣ, поддерживая такимъ образомъ, постоянный огонь писемъ до-тѣхъ-поръ, что наконецъ, въ то самое время, когда ея союзникъ, духовникъ герцога, успѣлъ убѣдить своего каявшагося грѣшника, что его долгъ повелѣвалъ ему жениться на ней; она отправила къ нему послѣднее посланіе, полное покорности его волѣ и намековъ, что она не переживетъ своихъ обманутыхъ ожиданій.

Игра, такъ искусно веденная, была выиграна. Франческо окончательно рѣшился на бракъ. Но такъ-какъ Біанка была того мнѣнія, «что если ужь дѣлать, такъ дѣлать поскорѣе», и такъ-какъ нельзя было открыто праздновать свадьбу чрезъ мѣсяцъ или два послѣ смерти великой герцогини, то было рѣшено, что она произойдетъ частнымъ образомъ и будетъ сохранена втайнѣ до будущаго года.

Итакъ, бракъ былъ совершенъ 5 іюня 1578 года въ Palazzo-Veccio тѣмъ же самымъ сговорчивымъ францисканцемъ, который принималъ въ этой интригѣ такое дѣятельное участіе. День свадьбы невѣрно приводится многими писателями; но онъ можетъ быть опредѣленъ съ точностью изъ копіи оригинальнаго свидѣтельства, подписаннаго отцомъ Массіусъ-Антоніо де-Барія, сохраняющейся въ библіотекѣ Марціани. Свидѣтелями были францисканскій монахъ, собратъ по ордену герцогскаго духовника и дон-Пандольфо-де-Барди, родственникъ его. Тотъ же документъ упоминаетъ, что церемонія была совершена «in majori palatio», въ Palazzo-Vecchio, какъ его теперь называютъ. И если читателю случилось видѣть церковь этого почтеннаго стариннаго зданія, то ему, вѣроятно, приходило въ голову, что трудно было бы придумать болѣе-удобное мѣсто для совершенія обряда, который желаютъ сохранить втайнѣ. Въ нее нельзя проникнуть иначе, какъ изъ внутреннихъ покоевъ дворца; она такъ мала, что можетъ вмѣстить въ себя только тѣхъ, присутствіе которыхъ было необходимо для совершенія церемоніи, и хотя чрезвычайно-роскошно убрана, но такъ темна, что стоящимъ въ ней трудно распознать другъ друга.

Въ этомъ уединенномъ мѣстѣ францисканскій монахъ исполнилъ обрядъ, который долженъ былъ сдѣлать изъ Біанки честную женщину—чудо, которое, конечно, заслуживало епископскаго престола Кіузи или какого бы то ни было другаго.

Тайна ихъ брака была такъ строго-хранима, что зоркіе шпіоны кардинала не подозрѣвали о немъ. Кардиналъ все еще, вопреки открытой ссоры съ братомъ, продолжалъ сношенія съ разными дворами, въ надеждѣ устроить приличный бракъ для своего брата, между-тѣмъ, какъ Біанка уже давно успѣла упрочить его за собою. Старанія ея хитраго и способнаго врага, безъ-сомнѣнія, должны были доставить не мало удовольствія этой женщинѣ.

Въ началѣ 1579 года герцогъ заболѣлъ, такъ-что впродолженіе нѣкотораго времени его жизнь была въ опасности. Это представило кардиналу прекрасный случай и поводъ посѣтить брата въ видахъ разузнанія истины о его положеніи, потому-что рѣшительные отказы Франческо на нѣкоторыя предложенія, сдѣланныя ему, и еще кой-какія обстоятельства возбудили подозрѣнія въ Фердинандѣ.

Къ величайшему своему безпокойству и отвращенію, у изголовья больнаго брата онъ засталъ Біанку. Воспользовавшись удобнымъ случаемъ, онъ прочелъ больному проповѣдь о непристойности и даже опасности допускать къ своему одру подобную непотребную женщину; на что Франческо почелъ долгомъ высказать ему, что эта «непотребная женщина — великая герцогиня тосканская».

Скрывъ горечь и негодованіе, возбужденное въ немъ этою исповѣдью, Фердинандъ остался съ братомъ до его выздоровленія. Но повѣствуютъ, что, разсказывая это своему вѣрному секретарю, онъ не могъ удержаться отъ слезъ и возвратился въ Римъ съ свѣжимъ запасомъ вражды къ брату и самой горькой ненависти къ женщинѣ, которая была причиною униженія его дома и паденія всѣхъ его искусно-задуманныхъ и дѣятельно-преслѣдуемыхъ плановъ относительно возвеличенія рода.

Между-тѣмъ, великій герцогъ, совершенно оправившись, продолжалъ держать втайнѣ свой бракъ до половины апрѣля, когда исполнился годъ, назначенный для траура по женѣ. Затѣмъ, первымъ его шагомъ было сообщить объ этомъ своему другу Филиппу Испанскому, давая ему почувствовать, что онъ ожидалъ только его одобренія, дабы объявить объ этомъ всѣмъ дворамъ. Филиппъ, полагая, вѣроятно, что не велика важность, на комъ женится какой-нибудь торгашъ, плебей Медичи, удостоилъ его своего одобренія. Но оставалось сдѣлать еще одинъ шагъ, прежде чѣмъ объявлять объ этомъ Европѣ. Желая, на сколько возможно, позолотить презрѣнный предметъ своего выбора, Франческо послалъ посольство въ Венецію, увѣдомляя сенатъ, въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, что онъ считаетъ свою будущую супругу дочерью республики, надѣется, чрезъ союзъ съ нею, сдѣлаться сыномъ Венеціи, постарается оправдать эту честь.

Это посольство, порученное Франческо Маріо Строцци де-Санта-Фіора, было встрѣчено венеціянцами съ возможными знаками уваженія и сочувствія. Санта-Фіора имѣлъ торжественный

въѣздъ въ городъ. Сорокъ сенаторовъ были отряжены, чтобы находиться при немъ отъ имени республики. Дворецъ Капелло былъ предоставленъ ему и въ дверяхъ его онъ былъ встрѣченъ патріархомъ Аквилеи, важнѣйшимъ родственникомъ Біанки. Отецъ и братъ ея произведены въ «Cavalieri», наименованы «illustrissimi» и получили предсѣдательство предъ всѣми сотоварищами. Повѣствуютъ, что въ церемоніяхъ и празднествахъ по этому случаю, царица Адріатическаго Моря превзошла себя въ великолѣпіи. Единогласнымъ приговоромъ сената іюня 16-го дня рѣшено: принимая во вниманіе, «что великій герцогъ тосканскій избралъ себѣ женою Біанку Капелло, принадлежащую къ славнѣйшему роду въ городѣ, женщину, одаренную прекраснѣйшими и рѣдкими качествами, дѣлающими ее достойною ея высокой участи, повелѣлъ признать ее дѣйствительною и избранною дочерью республики. Тотъ же декретъ повелѣваетъ возложить на посла Франческо золотую цѣпь, цѣною въ тысячу ефимковъ. Сверхъ того, всякія непріятныя воспоминанія, предшествовавшія открытію прекрасныхъ и рѣдкихъ качествъ этой женщины, приказано было, какъ мы уже видѣли, исключить изъ судебныхъ протоколовъ.

Трудно себѣ объяснить подобную подлость и низкое ласкательство въ такомъ собраніи, какъ венеціянскій сенатъ. Еще за нѣсколько мѣсяцевъ онъ обнаружилъ совершенно-противоположныя чувства касательно связи и сношеній Біанки съ великимъ герцогомъ. Ибо въ рукописной лѣтописи того времени нѣкоего Франческо Молино мы читаемъ, что отецъ Біанки, Бартоломео Капелло, купивъ прекрасный палаццо De Trivigiani на деньги, полученныя отъ дочери, подвергся такому сильному осужденію, что даже былъ изгнанъ изъ сената «на основаніи предложенія, что связь этого семейства съ герцогомъ Франческо проистекла отъ низкой и неблагородной причины, и что, хотя она можетъ считаться выгодною и даже почетною для другихъ, но недостойна венеціянскаго дворянина».

Эта послѣдняя черта республиканской гордости великолѣпна; жаль только, что политическія причины или какія-нибудь иныя побужденія могли заставить сенатъ въ такомъ непродолжительномъ времени оказаться невѣрнымъ столь высокимъ чувствамъ.

Франческо былъ чрезмѣрно радъ успѣху его посольства въ Венеціи. Теперь уже Біанка была—или если и не *была* въ дѣйствительности, то по-крайней-мѣрѣ являлась—не частнымъ лицомъ,

но принцессою въ качествѣ дочери республики. На пергаментѣ и трубнымъ звукомъ герольда она провозглашена принцессою, равною по достоинству владѣтельному герцогу, и Франческо, на основаніи этого, объявилъ 20-го іюня всѣмъ дворамъ, что намѣренъ вступить въ бракъ съ дочерью Венеціянской Республики. Днемъ церемоніи было назначено 12-го октября 1579 года и начались огромныя приготовленія для празднованія ея съ необыкновеннымъ великолѣпіемъ и роскошью. Между-тѣмъ великій герцогъ послалъ своего незаконнорожденнаго брата дона Джіовани, мальчика лѣтъ двѣнадцати, съ многочисленною свитою принести республикѣ благодарность за почести, оказанныя его невѣстѣ. Онъ былъ встрѣченъ на самой границѣ двадцатью-восмью дворянами, а не доѣзжая города—сорока сенаторами, которые торжественно проводила его въ Casa Capello, гдѣ Витторіо, брату Біанки, было поручено принимать и содержать его на счетъ республики. Безъ сомнѣнія, при такихъ условіяхъ, угощеніе должно было быть такого рода, что внушило ребенку-послу высокое понятіе о венеціянскомъ гостепріимствѣ и роскоши.

28-го сентября пріѣхали въ Флоренцію венеціянскіе послы, «чтобы ввести Біанку во всѣ права, которыя доставляло ей званіе дочери св. Марка. Трудно себѣ представить, какіе тò были права, но нѣтъ сомнѣнія, что, при осмотрѣ багажа пословъ, нашлось бы, что онъ отчасти состоялъ изъ нѣкотораго количества пергамента и сургуча, заключеннаго въ болѣе или менѣе великолѣпномъ чахлѣ изъ бархата или парчи.

Однако, для представленія этихъ «правъ»... послы, Антоніо Тіеполо и Джіовани Микіель, были сопровождаемы свитою изъ девяноста дворянъ лучшихъ домовъ Венеціи. Повидимому, полагали, что внѣшнее великолѣпіе, окружавшее посольство, должно было быть въ прямомъ отношеніи съ пустотою и низостью его назначенія, потому-что, повѣствуютъ, оно превзошло все, чтó было до той поры видано даже въ самые славные дни Венеціи. Всѣ девяносто дворянъ, явившіеся къ Cosa-Франческо, старались превзойти другъ друга въ внѣшнемъ блескѣ, полагая выказать тѣмъ свое величіе.

Вмѣстѣ съ этими девяноста послами пріѣхали еще ея отецъ и братъ; патріархъ Аквилеи также не отсталъ отъ другихъ: святой отецъ не упустилъ случая воспользоваться правомъ дальнаго род-

ственника, чтобы удостоить свою сѣдую голову лицезрѣнія его свѣтлости герцогской.

Кромѣ нихъ, пріѣхало еще восемьдесятъ человѣкъ, называвшихся родственниками невѣсты; всѣ они были помѣщены въ палаццо Пити и для ихъ увеселенія давались безконечные банкеты, балы, турниры, охота (съ сѣтями), бои быковъ, бѣги въ колесницахъ, драматическія представленія и проч.

Полагаютъ, что расходы на угощеніе родственниковъ жены обошлись Фердинанду въ триста тысячъ дукатовъ, сумму, которая, принимая во вниманіе различіе въ цѣнности денегъ, кажется невѣроятна. Случилось, что въ этотъ годъ въ Тосканѣ былъ голодъ. Жестокая нужда была ощущаема почти повсемѣстно, и постоянное зрѣлище подобной роскоши и безпутнаго мотовства не могло вселить въ сердце флорентійцевъ любви къ ихъ новой государынѣ.

Между-тѣмъ, въ промежутокъ времени между пріѣздомъ пословъ и днемъ, назначеннымъ для совершенія обряда, Франческо пришло въ голову, что можно было бы еще лучше воспользоваться званіемъ дочери св. Марка. Двѣ дочери св. Марка достигли уже нѣкоторой степени величія: одна была женою короля венгерскаго, другая, Катерина Корнаро, королевою кипрскою. Почему бы и Біанкѣ не быть вѣнчанною дочерью республики? Въ всякомъ случаѣ, какъ часть церемоніи, это произвело бы хорошее впечатлѣніе и могло быть принято за что-нибудь болѣе важное, чѣмъ оно было въ дѣйствительности. Вѣнчаніе—все же вѣнчаніе. А обстоятельство, относительно того, былъ ли вѣнецъ, возложенный на нее, вѣнцомъ дочери св. Марка или *великой герцогини тосканской*, могло легко ускользнуть отъ всеобщаго вниманія.

Венеціянскій сенатъ согласился, съ своей стороны, на желаніе Франческо и поручилъ посламъ своимъ исполнитъ этотъ обрядъ; но онъ вполнѣ сознавалъ возможность подобной ошибки и приложилъ всѣ старанія къ обнародованію во всеуслышаніе, что вѣнчаніе ея дочерью св. Марка было его дѣломъ, и что право возлагать такія почести принадлежитъ исключительно ему; съ этою цѣлію, въ письмѣ, въ которомъ сенатъ уполномочиваетъ Тіеполо и Микіеля удовлетворитъ желанію Франческо, присовокуплено, чтобы, возлагая вѣнецъ на главу ея, «было провозглашено громкимъ голосомъ, что ее признаютъ дѣйствительною и избранною дочерью нашей республики». Во второмъ письмѣ ихъ

предупреждаютъ взять всѣ возможныя мѣры, чтобы слова эти были произнесены такимъ образомъ, «чтобы они были внятны для всѣхъ и не были заглушены звукомъ трубъ или инымъ какимъ образомъ».

Но во Флоренціи былъ одинъ человѣкъ, который навострилъ ушипр и первомъ слухѣ о готовившемся вѣнчаніи, и вставилъ свое словечко. То былъ папскій нунцій, утверждавшій, что право вѣнчанія принадлежитъ исключительно его господину. Его успѣли успокоить, только объяснивъ ему, что то не было вѣнчаніе великой герцогини, а только лишь внѣшній обрядъ признанія ея дочерью св. Марка—и онъ также съ нетерпѣніемъ ожидалъ, чтобы это было ясно и открыто выражено и признано.

Но, несмотря на все это, многіе лѣтописцы современные и несовременные пишутъ, что Біанка была вѣнчана великой герцогинею тосканскою. Быть-можетъ, флорентійскія трубы и ликованія успѣли заглушить слова венеціянскаго чиновника, несмотря на всѣ его старанія повиноваться велѣніямъ сената.

Церемонія началась въ назначенный день въ большой залѣ Palazzo-Vecchio, той самой, въ которой Каппони убѣждалъ флорентійцевъ избрать своимъ королемъ Іисуса Христа—и Саванаролла увѣщевалъ великій совѣтъ избѣгать излишнихъ преній для того, чтобы принять дѣятельныя мѣры. Въ этой знаменитой залѣ, бывшей когда-то колыбелью итальянской свободы, сердцемъ народной жизни, былъ воздвигнутъ престолъ для властелина. Непріятно-поражающая, неправильная постройка громадной залы нарушала симетрію ея великолѣпнаго убранства. Но Франческо и Біанка должны были бы съ радостью терпѣть эту маленькую непріятность, потому-что неправильная, кривая, косая постройка этого пріюта старой республики, гдѣ ни одна стѣна не образуетъ прямаго угла съ сосѣднею, ясно и наглядно изображала безконечные раздоры и ненависть партій старой Флоренціи. И будь это каменное олицетвореніе древнихъ итальянскихъ республикъ построено болѣе-правильно, Флоренціи не пришлось бы теперь въ униженіи, безчестіи склоняться предъ деспотомъ и его—cosa.

Когда великій герцогъ сѣлъ на тронъ и всѣ его военные, гражданскіе и духовные чины, каждый въ соотвѣтствующей ливреѣ, заняли мѣста, Біанка была введена венеціянскими послами и цѣлые потоки рѣчей—которыя нетрудно себѣ представить, но невыносимо было бы читать—были излиты представителями той

и другой стороны. Безъ-сомнѣнія, при самомъ точномъ анализѣ невозможно было бы найти въ нихъ ни одной капли правды. На долю стараго Гримани, патріарха Аквилеи, выпало читать рѣчь *о пользѣ этого брака и о высокой чести* быть дочерью св. Марка. Послы исполнили обрядъ вѣнчанія, но, такъ или иначе, однако они не успѣли угодить сенату, потому-что когда, согласно венеціянскимъ законамъ, они просили позволеніе принять данные имъ въ подарокъ отъ Франческо перстни, оцѣненные въ пятнадцать тысячъ ефимковъ, то получили отказъ.

Когда все это было окончено, Біанку торжественно, съ вѣнцомъ на головѣ, понесли въ соборъ, гдѣ были совершены различныя «священныя жертвоприношенія» и другія громадныя, безстыдныя мороченья, еще болѣе вредныя, чѣмъ тѣ, которыя составляли гражданскую часть обряда.

Итакъ Біанка сдѣлалась герцогиней—мало того, великой герцогиней; передъ ней открылось обширное поприще къ величію; наконецъ она была награждена успѣхомъ за свои продолжительныя усилія, за свое терпѣніе, неусыпную зоркую бдительность, безстрашную борьбу съ препятствіями, опасностями и ни предъ чѣмъ неостанавливавшуюся смѣлость.

Прямой путь—самый вѣрный путь. Но куда? Конечно, не на престолъ великой герцогини.

VI.

Новая политика Біанки.—Переворотъ въ борьбѣ женщины съ кардиналомъ.—Свѣтлѣйшій, или нѣтъ? вотъ вопросъ.—Біанка протестуетъ противъ сестеръ.—Смерть малолѣтнаго Филиппа.—Забота и борьба Біанки.—Вилла Пратолино.—Необыкновенный образъ жизни Франческо.

Девяносто человѣкъ, прибывшіе съ посольствомъ, и восемьдесятъ родственниковъ были такъ любезны, что остались во Флоренціи еще нѣсколько времени и послѣ свадьбы. Къ концу октября, однако, они воротились въ Венецію и повезли съ собою множество подарковъ, золотыхъ цѣпей и драгоцѣнныхъ каменьевъ. Патріархъ получилъ должную часть изъ подарковъ, также пропорціонально и вся остальная стая родственниковъ. Тесть же Бартоломео не только увезъ большія суммы денегъ, но ему назначенъ хорошій ежегодный пенсіонъ. Шуринъ Витторіо не захотѣлъ ѣхать въ Венецію, объявивъ свою готовность

посвятить себя совершенно служенію державной родственницѣ. Большой пенсіонъ, не пожизненный, а вѣчный ему и его наслѣдникамъ (!) и приданное его дочери—вотъ тѣ скудныя награды, которыя могли вознаградить его за такую преданность. Біанкѣ было назначено сто тысячъ дукатовъ карманныхъ денегъ, отдаваемыхъ на проценты въ венеціянскую казну.

Можно себѣ представить, что̀ чувствовали къ Біанкѣ флорентійцы посреди всеобщей нищеты и голода. И когда вспомнишь, что одна изъ главнѣйшихъ страстей Франческо была скупость, то эта чрезвычайная щедрость въ-отношеніи Біанки и всего, что̀ ей принадлежало, ясно показываетъ, какое вліяніе она пріобрѣла надъ нимъ. Да́, нельзя не согласиться, что Біанка рѣшительно одержала побѣду.

До-сихъ-поръ мы видѣли кардинала Фердинанда и его новую невѣстку отъявленными врагами. Кардиналъ въ каждую рѣшительную минуту ихъ борьбы былъ побиваемъ. Во время ея усилій утвердиться въ семействѣ, она считала ссору Франческо съ братомъ необходимою для своего успѣха. Но теперь, когда она завоевала себѣ окончательно мѣсто въ семействѣ Медичи и его интересы сдѣлались ея интересами, она старалась помириться съ своимъ деверемъ.

Новую свою политику она начала тѣмъ, что заставила мужа измѣнить свое обращеніе съ братомъ. Франческо всегда выражалъ свое неудовольствіе на проповѣди и представленія кардинала тѣмъ, что обходился съ нимъ, когда они имѣли какія-нибудь дѣловыя сношенія, самымъ грубымъ и неучтивымъ образомъ. Подъ вліяніемъ Біанки все это скоро исчезло. Она успѣла даже ввести перемѣну, еще болѣе подѣйствовавшую на кардинала. Его пышная и великолѣпная жизнь стоила ему столько, что онъ всегда находился въ затруднительныхъ финансовыхъ обстоятельствахъ; потому онъ часто просилъ позволенія брать впередъ нѣкоторую часть доходовъ съ своихъ флорентійскихъ имѣній; но Франческо, радуясь случаю надосадить почтенному брату, всегда отказывалъ самымъ нелюбезнымъ образомъ. Теперь объявлено было нашему любезному брату, что если ему будетъ угодно брать нѣсколько впередъ свои доходы, то великій герцогъ будетъ очень-радъ оказать ему эту услугу. Послѣ этого умная Біанка нашла возможность вступить въ переписку съ этимъ, въ высшей степени почтеннымъ духовнымъ лицомъ, которое такъ настойчиво не допускало ее стать ему поперегъ дороги.

Такъ мы не можемъ безъ удивленія читать письмо, писанное ею къ кардиналу 24-го декабря 1580 года.

«Я живу (говоритъ она) болѣе для тебя, чѣмъ для себя. Дѣйствительно, я живу только тобою, ибо безъ тебя я жить не могу». Эти увѣренія, по словамъ историка, «очень-дружественныя выраженія». Но мы справедливо можемъ принять, что эти слова, несмотря на ихъ «дружественность», далеко не выражали истины. И хотя мы не станемъ предполагать съ нѣкоторыми біографами Біанки, что они прямо противорѣчили фактамъ, но можемъ безошибочно сказать, что кардиналъ вѣрилъ имъ не болѣе нашего. Дѣйствительно, трудно предположить, чтобъ и Біанка ожидала, что онъ повѣритъ ея словамъ. Совсѣмъ тѣмъ любезности этой ловкой женщины и ея сладкія рѣчи на столько подѣйствовали, что, къ великому удивленію всѣхъ флорентійцевъ и къ крайнему огорченію антимедической партіи римскихъ кардиналовъ, Фердинандъ явился въ Флоренцію, осенью 1580 года, чтобъ провести съ братомъ дачное время. Франческо былъ на столько съ нимъ милъ и щедръ, на сколько то допускала его скаредная натура; а Біанка явилась совершенствомъ любезности и почтительной внимательности. Кардиналъ, съ своей стороны, изъявилъ готовность пожертвовать своей враждой, если не на самомъ дѣлѣ, то по-крайней-мѣрѣ по наружности. Такимъ-образомъ примиреніе казалось полнымъ.

Но съ этого времени выгодная позиція, такъ долго-бывшая удѣломъ женщины въ ея борьбѣ съ кардиналомъ, была потеряна. Открытая ли война была болѣе-свойственна пылкой, смѣлой, хотя и неоткровенной Біанкѣ, или скрытіе своей ненависти подъ личиною дружбы ближе подходило къ нраву хитраго, почтеннаго духовнаго, какъ бы то ни было, великая герцогиня одержала послѣднюю свою побѣду. Съ этой минуты кардиналъ беретъ верхъ, и послѣ окончательнаго ея пораженія поле битвы остается за торжествующимъ побѣдителемъ. Но покуда еще обѣимъ сторонамъ было выгодно дѣйствовать заодно въ дѣлѣ, бывшемъ главною цѣлью политики Медичи и занимавшемъ въ то время Франческо. Можно сказать, что это дѣло было постояннымъ предметомъ и единственнымъ интересомъ всей его жизни. Отецъ его, Козьма, своею неусыпною услужливостью Пію V и цѣною крови своихъ подданныхъ, преданныхъ инквизиціи по обвиненію въ ереси, получилъ отъ папы титулъ великаго герцога тосканскаго. Но, какъ справедливо замѣчаетъ Сисмонди, такъ-какъ

Тоскана никогда не была и прежде леномъ церкви, то папа не имѣлъ никакого права перемѣнять титулъ ея государей. И дѣйствительно, императоръ, котораго права такимъ-образомъ были нарушены, и итальянскіе герцоги, надъ которыми хотѣлъ возвыситься Козьма въ силу своего новаго титула, протестовали и не хотѣли признать его законности. Козьма умеръ во время переговоровъ съ императоромъ объ этомъ предметѣ. Но Франческо удалось убѣдить императора Максимиліана II дать ему этотъ титулъ новымъ декретомъ, не обративъ никакого вниманія на прежнее пожалованіе его папою. Но и тогда итальянскіе государи не хотѣли признать надъ собою преимущества Медичи; особливо же гордый, старинный домъ Эсте не могъ снести, чтобъ эти плебейскіе выскочки, отцы которыхъ были ростовщиками въ то время, когда ихъ предки на конѣ защищали свои старинные лены, теперь бы стояли выше ихъ въ сонмѣ европейскихъ государей; герцогъ савойскій также рѣшился воспротивиться этой попыткѣ сѣсть ему на голову, а герцогъ мантуанскій полагалъ, что, конечно, Гонзаго ни въ чемъ не уступятъ Медичи.

Достоинство великаго герцога давало титулъ свѣтлѣйшаго высочества, и Франческо было очень-легко заставить всѣхъ въ своемъ герцогствѣ такъ называть себя; но, по несчастью, съ-тѣхъ-поръ и всѣ другіе стали такъ же себя величать. Ни одинъ членъ владѣтельнаго дома не довольствовался уже титуломъ «именитой свѣтлости»; они одинъ за другимъ и самымъ хладнокровнымъ образомъ стали называть себя свѣтлѣйшими высочествами и даже опасались, говорятъ историки, чтобъ и маленкія республики не вообразили себя свѣтлѣйшими. Венеція съ незапамятныхъ временъ пользовалась этимъ титуломъ, и это было признано всѣми. Но царицѣ Адріатическаго Моря этого было мало; она хотѣла быть одной свѣтлѣйшей и ни за что не давала этого завиднаго титула ни одной изъ боровшихся партій. Однажды только, говорятъ, кардиналу д'Эсте, когда онъ былъ въ Венеціи, удалось заставить дожа проговориться и назвать его брата, герцога феррарскаго, «свѣтлѣйшимъ». Велико было тогда торжество дома Эсте, но оно было кратковременно: когда собрался, сенатъ, онъ былъ очень недоволенъ поступкомъ дожа и торжественно объявилъ, что эти слова у него ошибкою сорвались съ языка.

Между-тѣмъ бѣдному Франческо, быть-можетъ, приходилось хуже всѣхъ этихъ незаконныхъ свѣтлѣйшихъ герцоговъ. Эти злые и неблагонамѣренные люди, спутавъ всѣ различія въ ти-

тулахъ, согласились называть другъ друга свѣтлѣйшими; его же никто не хотѣлъ такъ называть. Дѣло было серьёзное и великій герцогъ, говорятъ, дрожалъ отъ злобы при одной мысли, сколько денегъ и трудовъ стоило ему пріобрѣсть этотъ титулъ, въ-сущности вовсе несдѣлавшій его болѣе свѣтлѣйшимъ, чѣмъ его соседи.

Но жесточайшимъ ударомъ для него была вѣсть, что нѣкоторые изъ этихъ дерзкихъ претендентовъ получили признаніе своихъ титуловъ отъ французскаго двора изъ рукъ Катерины Медичи, старшей представительницы этого дома! Онъ послалъ въ Парижъ посла, подъ видомъ просьбы, возвратить деньги, данныя имъ Карлу IX, а въ-сущности узнать, нельзя ли убѣдить королеву-мать поддержать его право въ вопросѣ о титулахъ. Но Катерина отвѣчала на первый же намекъ объ этомъ дѣлѣ, что «она не видѣла возможности сдѣлать что-нибудь въ этомъ отношеніи для великаго герцога, особенно когда онъ давалъ испанскому королю до мильйона золотомъ за разъ, а отъ нея и ея сына требуетъ такой ничтожной суммы, ему должной!» Посолъ смиренно замѣтилъ, что испанскій король не съигралъ шутки съ его государемъ въ дѣлѣ о титулахъ, какъ это сдѣлала королева.

«И я это сдѣлала нарочно (возразила Катерина) въ вознагражденіе за тотъ недостатокъ уваженія ко мнѣ и моему сыну, который оказалъ герцогъ, произведя убійства передъ нашими же глазами. Вы можете написать вашему государю, чтобъ онъ подобныхъ вещей болѣе не дѣлалъ, особливо, чтобъ онъ ни на кого не налагалъ руки въ предѣлахъ этого государства, ибо король, сынъ мой, болѣе этого не потерпитъ. Такимъ-образомъ Франческо ничего не взялъ этимъ путемъ.

Тогда онъ обратился съ своею жалобою къ императору Рудольфу II, прося, чтобъ сеймъ, который долженъ былъ скоро собраться, положилъ какой-нибудь конецъ этимъ похищеніямъ и злоупотребленіямъ, грозившимъ, по его словамъ, сдѣлать всѣхъ равными и уничтожить всякое различіе въ титулахъ. Герцогъ урбинскій утвержалъ теперь, что и онъ такой же свѣтлѣйшій, какъ его сосѣди, и можно было основательно опасаться, чтобъ вице-король неаполитанскій и губернаторъ Милана не представили тѣхъ же притязаній. Онъ представлялъ на разсмотрѣніе императора, «что отличіе въ титулахъ и преимуществахъ было столь необходимо и столь твердо основано на самой сущ-

ности вещей, что даже и въ аду находятъ такія отличія между дьяволами и проклятыми грѣшниками». Нельзя не признать всей справедливости этого аргумента въ устахъ Франческо, то, что хорошо для чертей, должно быть хорошо и для герцоговъ.

Но и герцогъ савойскій также, съ своей стороны, склонялъ императора въ свою пользу. Онъ хвастался, что происходитъ изъ древней саксонской фамиліи и довольно-замѣчательно доказывалъ, что этотъ одинъ фактъ нѣмецкаго происхожденія долженъ былъ бы доставить ему первенство надъ всѣми итальянскими герцогами. Любопытно, что сеймъ счелъ подобное притязаніе основательнымъ и въ своемъ докладѣ императору просилъ его «помнить, что герцогъ савойскій нѣмецкаго происхожденія, и на этомъ основаніи приказать отдавать ему первенство надъ всѣми герцогами *той провинціи* (они разумѣли подъ той провинціей только Италію отъ Альповъ и до Калабріи). Герцогъ феррарскій также послалъ своихъ пословъ къ императору, прося его вспомнить все различіе, существовавшее между домомъ его и домомъ Медичи, и позволить ему быть хоть «именитымъ», если онъ не можетъ ему сдѣлать ничего лучшаго.

Рудольфъ, однако, имѣя въ виду только: держать ихъ всѣхъ, если можно, въ мирѣ и спокойствіи, не говорилъ имъ ничего рѣшительнаго, на томъ основаніи, что такой важный вопросъ требовалъ болѣе-зрѣлаго и продолжительнаго обсужденія. Всякая попытка распутать и въ подробности описать всѣ интриги, переговоры, планы и злыя ухищренія, которыя породилъ этотъ вопросъ, заставила бы насъ написать офиціальную и придворную исторію Италіи почти за цѣлое полустолѣтіе. Во всѣхъ происшествіяхъ этого періода главную роль игралъ этотъ нескончаемый вопросъ; около него вертѣлись и избранія папъ и назначенія кардиналовъ, заключенія браковъ между коронованными лицами и вступленіе государствъ въ союзы; отъ него зависѣли и миръ и война. Главною статьею всѣхъ трактатовъ, заключаемыхъ между государствами, всегда было признаніе одной стороной титула свѣтлѣйшаго за другою. Конечно, честолюбіе и гордость властителей «никогда не снисходили заниматься» болѣе мелочными вещами. Замѣчательно, что средства, которыя употребляли они для развращенія и растлѣнія народа, дѣйствовали одинаково и на нихъ самихъ, и такимъ образомъ правитель рабовъ, самъ былъ первымъ представителемъ свойствъ своихъ подданныхъ.

Забавно, что Біанка, какъ-скоро поступила въ магическій кругъ священнаго братства властителей, тотчасъ же, какъ-будто она была рождена въ немъ, приняла манеры и мысли своихъ новыхъ собратій и начала, съ своей стороны, безпокоиться и хлопотать о своемъ званіи, санѣ и титулѣ. Еслибъ императоры могли смѣяться надъ такимъ притязаніемъ владѣтельныхъ герцоговъ, то этотъ удачный комментарій на патетическую жалобу Франческо, что «и черти въ аду имѣютъ свои званія и титулы», долженъ былъ бы вызвать улыбку на пасмурномъ челѣ Габсбурговъ! Дѣло въ томъ, что дон-Цезарь д'Эсте, какъ говорили, долженъ былъ жениться на дочери дожа Никколо да-Понте, и одно изъ главныхъ условій договора было— вѣнчаніе невѣсты дочерью республики! Какая польза была Франческо быть свѣтлѣйшимъ, если всѣ другіе могли быть одинаково свѣтлѣйшими? Точно также, какая почесть была въ томъ, что Біанку сдѣлали дочерью св. Марка, если теперь будетъ цѣлый сонмъ его дочерей? Біанка послала въ Венецію посла протестовать и настоять на ея требованіи быть не только дочерью, но и единственной дочерью св. Марка.

Когда посолъ прочиталъ жалобу Біанки въ сенатѣ, то почтенные, строгіе старцы, разразились хохотомъ. Размысливъ, однако, что на этотъ поступокъ Біанки надобно смотрѣть, какъ на жалобу государя тосканскаго противъ ихъ страны, и потому необходимо дать какой-нибудь серьёзный отвѣтъ, они изъявили свое неудовольствіе секретарю, читавшему этотъ драгоцѣнный документъ, за то, что онъ осмѣлился доложить имъ о такомъ дѣлѣ, и объявили послу, что они ничего не знали о существованіи и въ намѣреніи такого брака. Съ тѣмъ вмѣстѣ они велѣли напомнить Біанкѣ, что ея достоинство, какъ дочери св. Марка, не давало ей никакого права вмѣшиваться въ дѣла республики. Великогерцогскій посолъ старался повернуть дѣло въ пользу пославшихъ его и объяснялъ, что ревность его государыни въ этомъ дѣлѣ происходила единственно отъ того высокаго значенія, которое она приписывала этому почетному достоинству, что̀ ясно должно было выражать всю глубину ея любви и почтенія къ республикѣ. Но невозможно было возстановить хорошее расположеніе духа сената. Быть-можетъ, сознаніе, что тѣнь смѣшнаго наброшена ихъ неумышленнымъ хохотомъ на право республики имѣть дочерей, заставило ихъ чувствовать какую-то злобу. Послу сухо отвѣчали, что его представленіе было неумѣстно, необдуманно и могло только повести къ непріятнымъ послѣдствіямъ.

29-го марта 1582 года умеръ Филиппъ, пятилѣтній сынъ бѣдной Джіованни. Это былъ ужасный ударъ великому герцогу. Но, такъ-какъ Филиппъ II, по этикету испанскаго двора, не выразилъ самъ и не позволилъ никому другому выразить горе, когда умеръ его старшій сынъ, то и Франческо думалъ, что онъ выкажетъ своe княжеское достоинство, слѣдуя этому блистательному примѣру. Какъ ни была горька для него эта потеря, онъ не позволилъ себѣ ни одного вздоха и запретилъ носить трауръ. Но тосканцы, слишкомъ-недавно еще познакомившіеся съ великими герцогами, чтобъ знать ихъ порядки и обычаи, перетолковали по-своему княжеское достоинство. Они думали просто, что Франческо не сожалѣлъ о смерти ребенка, и изъ этого выводили, на основаніи порядка вещей имъ знакомаго и понятнаго, что Біанка отравила Филиппа.

Однако нѣтъ ни малѣйшаго основанія предполагать что-нибудь подобное. Даже можно сомнѣваться, пріятна ли была эта смерть Біанкѣ, или нѣтъ. Правда, что если она когда-нибудь питала надежды упрочить тронъ тосканскій за дономъ Антоніо — а она, кажется, по временамъ строила подобные планы — то осуществленіе ихъ дѣлалось возможнымъ только вслѣдствіе этого обстоятельства. Антоніо теперь считался единственнымъ наслѣдникомъ дома Медичи, конечно, до-тѣхъ-поръ, пока у Фердинанда и Пістро не было дѣтей. Но, съ другой стороны, по смерти сына великій герцогъ впалъ въ страшную меланхолію и больше чѣмъ когда-нибудь былъ мраченъ и не въ духѣ. А въ такія времена съ Франческо жить было очень-трудно.

Его сѣтованіе и ропотъ часто изливались въ упрекахъ Біанкѣ за ея безплодность. Но, конечно, не было упрековъ менѣе заслуженныхъ, если пламенное желаніе имѣть ребенка, неподавленное никакими доказательствами противнаго, могло служить оправданіемъ. Не было ни одного лекаря или знахаря по ту или по сю сторону Альповъ, котораго бы бѣдная женщина не призывала на свою помощь. Съ неутомимымъ постоянствомъ и вѣчно-возрождавшеюся довѣрчивостью она исполняла всѣ ихъ предписанія, мистическія и медицинскія. Результатомъ всего этого, казалось, было одно поврежденіе ея здоровья. Не разъ она обманывала мужа, а можетъ-быть, и себя самоё, фальшивыми признаками родовъ. Если правда, что она увѣряла Франческо въ томъ, что разъ или два въ эти годы она выкинула, то, конечно, это былъ съ ея стороны грубый обманъ. Вліяніе окру-

жавшихъ ее обманщиковъ не могло простираться такъ далеко и убѣдить ее, что это дѣйствительно случилось. Единственно-разумнымъ поводомъ къ подобному обману могла служить увѣренность, что, такимъ образомъ поддерживая надежду мужа имѣть отъ нея дѣтей, она отвращала опасность развода съ нимъ и его женитьбы на болѣе-счастливой женщинѣ.

Въ эту эпоху несчастная чета жила въ уединенной виллѣ Пратолино. Это имя знакомо всѣмъ путешествовавшимъ по Италіи. Этотъ хорошенькій паркъ, разстилающійся по склону Апеннинновъ, съ прелестнымъ видомъ на долину Арно и Флоренцію, сдѣлался любимымъ мѣстомъ для флорентійскихъ пикниковъ. Веселый зеленый лугъ, прохладный горный воздухъ и живописныя, старыя деревья — все дѣлаетъ этотъ уголокъ Италіи похожимъ на англійскій сельскій пейзажъ. Но домъ, въ которомъ угрюмый герцогъ скрывался съ своею женою отъ полныхъ ненависти глазъ его подданныхъ, болѣе несуществуетъ; не осталось и камня на камнѣ отъ той увеселительной виллы, названіе которой оказалось столь-злобной насмѣшкой надъ тѣмъ, кто хотѣлъ изъ камня и известки создать себѣ счастье. Эта вилла находилась въ восьми миляхъ отъ Флоренціи, по дорогѣ въ Болонью, разстояніе, достаточное, чтобъ Франческо могъ наслаждаться совершеннымъ уединеніемъ и вполнѣ пренебречь всѣми государственными дѣлами и заботами. Современныя извѣстія, дошедшія до насъ о жизни, веденной имъ въ этой уединенной виллѣ вдвоемъ съ бѣдной Біанкой, такъ поразительно-странны, что заставляютъ насъ заключить, что къ разстроенному состоянію его организма примѣшивалось и нѣкоторое помѣшательство ума. Необыкновенныя проявленія необузданной невоздержности, обычныя ему, по словамъ современниковъ, скорѣе похожи на припадки сумасшедшаго, чѣмъ на распутство сластолюбца.

Онъ, говорятъ, излишне предавался употребленію спиртныхъ напитковъ и различныхъ эликсировъ; также упоминается о его неумѣренно-близкомъ знакомствѣ съ купоросным маслом и о вредномъ пристрастіи къ коричневому маслу. Пища его была всегда приправлена всякими горячительными пряностями, инбиремъ, мушкатнымъ орѣхомъ, гвоздикой и перцомъ. Передъ обѣдомъ, во время его и послѣ онъ съѣдалъ огромное количество сырыхъ яицъ съ краснымъ перцомъ. Изъ кушаній онъ любилъ самыя трудно-варимыя блюда и наѣдался до-крайности сы-

рымъ чеснокомъ, лукомъ, стручковымъ перцемъ, рѣдькою, пареемъ и различными кореньями, съ страшнымъ количествомъ крѣпкаго сыра. Вина онъ пилъ самыя крѣпкія. Разгорячивъ подобнымъ образомъ свою кровь до-нельзя всѣми этими напитками и пряностями и набивъ желудокъ сырною пищею, онъ начиналъ безъ конца пить ледяную воду, погружалъ голову и руки въ снѣгъ и ложился въ постель въ ледяныя простыни. Этой послѣдней привычки онъ постоянно придерживался. Авторъ упомянутаго нами письма говоритъ, что онъ дѣлалъ это изъ подраженія Просперо Колоно и другимъ замѣчательнымъ людямъ того времени—черта несовсѣмъ-невѣроятная въ человѣкѣ, запретившемъ себѣ грустить и носить трауръ по смерти сына изъ подражанія другому великому человѣку.

Умственное его состояніе, хотя обнаруживаемое, по-несчастью, и не столь необыкновенными проявленіями, было въ эту эпоху столь же болѣзненно, какъ и физическое. Мрачная, тяжелая меланхолія, по временамъ разражавшаяся въ припадкахъ скотскаго бѣшенства, овладѣвала имъ все болѣе-и-болѣе. Вообще, легко себѣ представить, какъ трудно было жить съ такимъ опаснымъ и невыносимымъ человѣкомъ.

Если мы теперь опять предположимъ, что Біанка взвѣсила выгоды и невыгоды своего положенія, живя въ этой уединенной виллѣ, въ Апеннинахъ, съ полусумасшедшимъ и дикимъ сожителемъ, сознавая, что она заслужила самую горькую ненависть и проклятія цѣлаго народа, и мучимая постоянною жаждою недостижимаго счастія, единственно могущаго вознаградить ее за всѣ ея преступленія и страданія, быть-можетъ, она тогда усомнилась бы въ степени и достоинствѣ своего успѣха.

VII.

Семейное чувство въ Италіи.—Кто будетъ наслѣдникомъ? — Біанка въ Черрето. — Камилла де-Мартелли.—Донъ Піетро насторожѣ. — Біанка поднимается на прежнія штуки.—Кардиналъ лично слѣдитъ за нею.—Былъ ли Франческо соучастникомъ или жертвой обмана?—Комедія Біанки разыгрывается площаднымъ фарсомъ.—Дачная жизнь (villegiatura) въ Поджіо-а-Каяно.—Кардиналъ торжествуетъ.

Смерть малолѣтнаго Филиппа была важна для кардинала Фердинанда не менѣе, чѣмъ для Біанки и Франческо. Фердинандъ былъ бы очень доволенъ, еслибъ наслѣдство ихъ рода перешло въ должное время къ законному наслѣднику его старшаго брата,

рожденному отъ принцессы крови. Можетъ-быть, онъ удовольствовался бы даже, еслибъ родился законный сынъ и отъ Біанки. Его честолюбіе было семейное, родовое, честолюбіе породы, къ которой онъ принадлежалъ. Эта добродѣтель или порокъ, въ своей крайности, самая замѣчательная маноманія итальянцевъ. Ею запечатлѣна всякая страница исторіи Италіи и, можно сказать, она составляетъ большую часть ея содержанія. Фердинандъ жилъ только мыслію увеличить могущество и богатство Медичи. Его чувства, его преступлянія — все порождалось господствовавшею страстью. Самыя его добродѣтели, т.-е. умѣренность, приличное поведеніе и терпѣніе, выказанныя имъ, несмотря на всѣ непріятности со стороны брата, исходили изъ того же начала.

Біанка, какъ мы видѣли, выказала подобное же стремленіе. Первые плоды ея успѣха въ свѣтѣ, сдѣлавшаго ее Сова'ю принца, были обращены на возвеличеніе семейства Капелло. Огромныя суммы, накопленныя въ Флоренціи цѣною позора, обмана и преступленія, отправлялись въ тихую, милую Венецію, которая не хотѣла ее признавать прежде, и къ отцу, который сначала пренебрегалъ ею, а потомъ оцѣнилъ голову ея мужа. Конечно, все это дѣлалось не изъ нѣжной дочерней привязанности, а для того, чтобъ построили новый дворецъ Капелло и имя Капелло сдѣлалось бы славнымъ въ Венеціи.

Это постоянно-являвшееся чувство, которое въ-сущности есть только напряженное выраженіе индивидуальности, одна изъ важнѣйшихъ причинъ несчастной участи итальянской народности. Это также, вѣроятнѣе всего, и главное обстоятельство, обусловливающее столѣтнюю невозможность или, лучше сказать, страшную трудность, создать націю изъ матеріаловъ, завѣщанныхъ средневѣковой Италіею нашему времени (*). Напряженная и исключительная преданность семейнымъ интересамъ въ людяхъ, гордящихся своими предками, и то же чувство въ людяхъ безъ рода, переходящее въ преданность, столь же напряженную и исключительную къ интересамъ общины, имѣютъ значеніе силы, отталкивающей однихъ членовъ общества отъ другихъ. Эти чувства имѣютъ разъединяющее, разрушающее дѣйствіе; они пагубны для всякаго національнаго патріотизма.

Такимъ-образомъ Фердинандъ просилъ только, чтобъ имя и могущество его семейства было поддержано законнорожденнымъ

(*) Это писано въ началѣ 1859 года. — *Пер.*

сыномъ его старшаго брата. Потому смерть малолѣтнаго Филиппа была для него величайшимъ несчастьемъ. Теперь опять настала опасность, чтобъ несчастный, уличный мальчишка, Антоніо, не сдѣлался бы единственнымъ наслѣдникомъ всей славы, богатства и могущества погасшаго рода Медичи. Эта мысль была невыносима. Всѣ средства хороши, лишь бы отвратить это несчастье!

Поведеніе Франческо относительно дона Антоніо, послѣ смерти Филиппа вполнѣ удостовѣряло кардинала въ справедливости его опасеній и подозрѣній, насчетъ намѣреній его брата и особливо Біанки. Имѣнія, дарованныя ему, увеличились еще на 60,000 скуди, ежегоднаго дохода. Ему приготовили великолѣпную виллу и пышный дворецъ. Хуже еще: Франческо выхлопоталъ у испанскаго короля возведеніе земель, данныхъ этому счастливому младенцу въ Неаполитанскомъ Королевствѣ, въ княжество. И дѣйствительно, донъ-Антоніо принялъ титулъ князя и сдѣлался очевидно вторымъ человѣкомъ послѣ Франческо въ глазахъ флорентийцевъ.

Эти обстоятельства побудили кардинала въ теченіе 1585 года серьёзно подумать о снятіи съ себя духовнаго сана, проститься съ шапкой кардинала и жениться. Прежде чѣмъ, однако, рѣшиться на этотъ крайній шагъ, онъ положилъ употребить всѣ старанія, чтобъ женить своего брата Дона Піетро. Дѣло нелегкое. Піетро, хотя и ненавидѣлъ своего старшаго брата и Біанку на столько, чтобъ всегда быть готовымъ сдѣлать все, что онъ могъ, для уничтоженія ихъ плановъ, но ему было ни-почемъ и семейное имя и могущество своего рода. Къ тому же распутная жизнь, которую онъ велъ, дѣлала для него бракъ вещью вовсе-непривлекательною. Онъ возражалъ кардиналу на его настоятельные совѣты, что связанъ обѣтомъ, даннымъ имъ Богородицѣ, по убіеніи жены. Онъ торжественно обѣщалъ никогда болѣе не жениться и не хочетъ теперь чернить свою совѣсть нарушеніемъ столь-священнаго обѣта. Никакому богослову не увѣрить его, что такое обязательство, принятое на себя въ подобныхъ обстоятельствахъ, недѣйствительно. Однако, несмотря на это, онъ наконецъ согласился исполнить желаніе кардинала и вступилъ въ переговоры съ испанскимъ дворомъ, прося руки одной изъ испанскихъ принцессъ. Впрочемъ, казалось, онъ не торопился кончать это дѣло и продолжалъ вести попрежнему свою распутную жизнь во Флоренціи.

Наконецъ, въ срединѣ ноября 1585 года, онъ до того подчинился видамъ кардинала, что объявилъ свое намѣреніе отправиться въ Испанію и лично сдѣлать все нужное для заключенія брака. Но чрезъ мѣсяцъ, покуда онъ еще ждалъ прибытія испанскихъ галеръ, разнеслась вѣсть по Тосканѣ, что великая герцогиня преждевременно разрѣшилась отъ бремени во время ея пребыванія въ Черрето. Черрето была отдаленная вилла, принадлежавшая великому герцогу, въ нижнемъ Валдарно, близь Эмполи. Нѣкоторые писатели утверждаютъ, что именно въ этомъ-то уединенномъ замкѣ, а не въ Поджіо-Импеіріале, Паоло Джіордано Орсини умертвилъ Изабеллу. Какъ бы то ни было, а эта вилла была очень приспособлена къ совершенію такого дѣла, и она, казалось, не имѣла никакой прелести кромѣ отдаленности, которая могла бы побудить Біанку избрать ее сценой своихъ родовъ.

Эта новая попытка убѣдила обоихъ братьевъ, какъ необходимо строго слѣдить за Біанкой и великимъ герцогомъ. Ясно, что великая герцогиня только ждала удобнаго случая, повторить комедію, съигранную такъ удачно при рожденіи дона-Антоніо. На этотъ разъ шутка почему-то не удалась. Выкинула ли мать ребенка, долженствовавшаго послужить для обмана, или онъ умеръ, или какое другое обстоятельство помѣшало дѣлу, только Біанка кончила свою комедію безуспѣшно. Но можно было опасаться, что попытка эта повторится и, очень вѣроятно, съ бóльшимъ успѣхомъ.

Пьетро потому рѣшился отсрочить свой отъѣздъ, и кардиналъ выслушавъ его соображенія, призналъ нужнымъ ему оставаться во Флоренціи, пока имъ не удастся лично переговорить объ этомъ дѣлѣ. Это имъ удалось въ слѣдующемъ 1586 году по случаю брака Виргиніи Медичи, дочери Козьмы отъ Камиллы Мартелли, съ домомъ Цезаремъ д'Эсте. Виргинія была сестра по отцу Франческо, Фердинанду и Піетро, и потому кардиналъ долженъ былъ пріѣхать въ Флоренцію для присутствія на церемоніи. Бракосочетаніе совершено съ необыкновенною пышностью. Но единственное обстоятельство, возбудившее вниманіе флорентійцевъ, было—появленіе какъ бы возставшей изъ гроба старой великой герцогини, несчастной, но все еще прекрасной Камиллы Мартелли. Франческо выпустилъ ее изъ тюрьмы, въ которой она содержалась двѣнадцать лѣтъ, чтобъ участвовать на бракѣ дочери. Вся Флоренція пришла въ негодованіе и удивленіе —

насколько новая черта жестокости со стороны Франческо могла ихъ удивить—когда, по окончаніи торжества, ее принудили возвратиться въ свою келью.

Фердинандъ, тщетно-старавшійся нѣсколько разъ убѣдить брата уменьшить строгость ея заключенія, былъ очень раздосадованъ этой новой жестокостью. Его недовольство еще болѣе увеличилось, когда герцогъ отказалъ ему дать въ займы денегъ, и онъ возвратился въ Римъ въ болѣе-враждебныхъ отношеніяхъ съ братомъ, чѣмъ когда. Уѣзжая изъ Флоренціи, онъ согласился съ Пьетро, что тотъ останется для наблюденія за дѣйствіями Біанки и великаго герцога. Черетское происшествіе получило большее значеніе въ ихъ глазахъ отъ офиціальнаго циркуляра, разосланнаго великимъ герцогомъ ко всѣмъ друзьямъ и родственникамъ Медичи, въ которомъ объявлялось о родахъ великой герцогини и несчастномъ ихъ окончаніе. Для чего, спрашивали они, обнародовать подобное несчастіи? Безъ-сомнѣнія, для того, чтобъ поддерживать въ умахъ ожиданія возможности новыхъ родовъ и такимъ образомъ подготовить почву для новаго обмана.

Кардиналъ чувствовалъ, что самымъ важнымъ теперь дѣломъ было предупредить новый подлогъ. Какъ онъ ни желалъ прежде отправленія Дона Пьетро въ Испанію, для вступленія въ бракъ, но теперь считалъ гораздо-нужнѣе его пребываніе во Флоренціи.

И вскорѣ опасенія подтвердились. Въ апрѣлѣ 1586 года разнеслась опять вѣсть, что великая герцогиня беременна. 15 числа того же мѣсяца донъ Пьетро писалъ кардиналу слѣдующее:

«Я узналъ изъ достовѣрнаго источника, что Пеллегрина (дочь Біанки отъ Бонавентуры, рожденная, какъ читатель вспомнитъ, вскорѣ по ея прибытіи въ Флоренцію) беременна, и это очень-тщательно скрывается. Подъ какимъ-то предлогомъ удалили за море графа Улисса (мужа Пеллегрины—Улисса Бентиволіо), для того, чтобъ жена его переселилась во дворецъ, не возбуждая никакихъ подозрѣній. Я уже узналъ, что въ комнатахъ, ей назначенныхъ, нѣтъ конца потаеннымъ, секретнымъ закоулкамъ и лѣстницамъ, ведущимъ въ спальню великой герцогини. Все это не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія относительно намѣреній этой женщины. Боясь, что извѣстіе о скорыхъ родахъ Пеллегрины достигнетъ и чужихъ краевъ, объявили народу, что она выкинула. Это обстоятельство утверждаетъ меня еще болѣе въ моихъ мы-

сляхъ о цѣли этой новой комедіи. Мнѣ кажется, они такъ ловко соединили все необходимое для успѣха своего предпріятія — и женщину, и потаенное мѣсто, и добрую волю—что мое присутствіе здѣсь не можетъ ничему помѣшать. Что касается мѣста, выбраннаго ими для театра своихъ дѣйствій, то безчисленные выходы и входы дѣлаютъ его какъ-нельзя-болѣе удобнымъ для ихъ цѣли. Пеллегрина, въ-ожиданіи скорыхъ родовъ, у нихъ совершенно подъ рукой и потому они могутъ сдѣлать свое дѣло мгновенно, въ самую удобную для нихъ минуту. Наконецъ, нѣтъ сомнѣнія, что великій герцогъ скорѣе желалъ бы имѣть наслѣдникомъ внука своей жены, чѣмъ человѣка, которымъ онъ не интересовался бы вовсе. Я оставляю на обсужденіе вашего преосвященства, полезно ли мое пребываніе здѣсь при подобныхъ обстоятельствахъ и не принесетъ ли оно скорѣе вреда, чѣмъ пользы. Они непремѣнно исполнятъ свой планъ; и если я останусь здѣсь безмолвнымъ свидѣтелемъ, то весь свѣтъ подумаетъ, что роды великой герцогини дѣйствительные и неподложные».

Дѣло въ томъ, что великій герцогъ и великая герцогиня всѣми силами старались сдѣлать невыносимымъ пребываніе дона Пьетро во Флоренціи. Придворныхъ поощряли обходиться съ нимъ самымъ непочтительнымъ и дерзкимъ образомъ. Любовницу его, испанку, жившую съ нимъ во Флоренціи, Біанка оскорбляла на каждомъ шагу. Самъ великій герцогъ такъ грубо съ нимъ обходился, что Пьетро старался избѣгать его. Все это волновало и бѣсило его; ибо онъ былъ человѣкъ горячій и не умѣлъ притворяться и владѣть собою, какъ кардиналъ: онъ только и думалъ какъ-бы бѣжать изъ Флоренціи. «Я остаюсь здѣсь (писалъ онъ къ кардиналу) такъ неохотно, что всякое другое мѣсто, какъ бы оно худо ни было, показалось бы мнѣ раемъ». Далѣе онъ прибавлялъ, что его подозрѣнія подтвердились и потому его пребываніе въ Флоренціи совершенно-безполезно; ибо во дворцѣ во внутреннихъ покояхъ умножили число часовыхъ, загородили всѣ лѣстницы рѣшетками и доступъ къ великому герцогу и герцогинѣ совершенно возбраненъ.

Кардиналъ все-таки настаивалъ на томъ, чтобъ онъ запасся терпѣніемъ и не оставлялъ своего поста, пока они не свидятся. «Беременность Пеллегрины (писалъ онъ) безпокоитъ меня менѣе, чѣмъ беременность всякой другой женщины. Ея роды должны сопровождаться такою публичностью относительно мѣста, числа и качества свидѣтелей и т. д. и т. д., что кажется невозможнымъ

извлечь изъ нихъ предполагаемую пользу. Несмотря на то, нужно зорко за нею слѣдить, но не сосредоточивая все вниманіе на ней одной; ибо люди, пускающіеся на подобные обманы, скорѣе нуждаются въ помощи низшаго сословія, у котораго дѣти рождаются чуть не на улицахъ».

Наконецъ, однако, письма дона Пьетро къ кардиналу сдѣлались крайне-убѣдительными; даже въ одномъ мѣстѣ онъ говорилъ: если его еще долѣе продержутъ въ Флоренціи, то можетъ случиться такое обстоятельство, о которомъ его преосвященство пожалѣетъ, но уже поздно. Фердинанду поневолѣ пришлось согласиться на его отъѣздъ въ Испанію. Рѣшено было, однако, что прежде его отъѣзда онъ увѣдомитъ великаго герцога и герцогиню, что за ними слѣдятъ, и такимъ образомъ предупредить ихъ, что какая бы то ни была попытка, измѣнить порядокъ престолонаслѣдія въ герцогствѣ, она не пройдетъ даромъ и незамѣченной.

И дѣйствительно, когда Біанка, пламенно желавшая отъѣзда деверя, послала ему сказать, что въ Ливорно пришли испанскія галеры и потому, если онъ желаетъ ѣхать на нихъ, то ему нужно тотчасъ же отправляться, онъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ съ ней повидаться. Въ отвѣтъ на ея извѣщеніе, онъ сказалъ, что почелъ бы себя виновнымъ въ неоказаніи должнаго почтенія ея высочеству, еслибъ онъ не остался до конца ея родовъ, особенно, когда кардиналъ такъ желалъ этого. Біанка отвѣчала, что она, съ своей стороны, вовсе не думала, что она беременна, это только великій герцогъ взялъ себѣ въ голову и его никакъ нельзя разувѣрить. Конечно, я нездорова, прибавила она; но если я и дѣйствительно беременна, то только въ третьемъ мѣсяцѣ, и что бъ ни случилось, непремѣнно извѣщу тотчасъ же васъ и кардинала».

Въ письмѣ своемъ къ кардиналу, извѣщавшемъ о его свиданіи съ Біанкой, Пьетро пишетъ: «Я слѣдилъ за всѣми ея движеніями и перемѣнами въ лицѣ; она то блѣднѣла, то краснѣла. Вообще, мнѣ кажется, я сдѣлалъ свое дѣло и сказалъ ей довольно: она теперь или тотчасъ же должна разыграть свою комедію, или ей будетъ очень-трудно привести успѣшно въ исполненіе свой планъ».

Немного спустя и самъ кардиналъ, къ великому неудовольствію великаго герцога, пріѣхалъ во Флоренцію, чтобъ лично обозрѣть состояніе дѣлъ. Онъ привезъ съ собою своего двоюроднаго

брата, дона Луиджи ди-Толедо, и черезъ него познакомилъ Франческо со всѣми слухами, которые, по его словамъ, ходили въ народѣ о беременности Біанки. Онъ заставилъ дона Луиджи сказать великому герцогу, что непріятныя вещи говорились по этому случаю при испанскомъ дворѣ, и далъ ему понять, что при такихъ обстоятельствахъ честь его требовала, чтобъ рожденіе его наслѣдника, если оно дѣйствительно предвидѣлось, имѣло такую обстановку, чтобъ не оставалось никакой возможности сомнѣнія или подозрѣнія.

Великій герцогъ все болѣе-и-болѣе выходилъ изъ терпѣнія, слыша ежедневно подобныя вещи. Онъ сдѣлался ужасно-нервнымъ и безпокойнымъ и возненавидѣлъ болѣе прежняго Фердинанда, котораго онъ считалъ, и не безъ основанія, главнымъ двигателемъ всего этого. Но замѣчательно, что чѣмъ грубѣе и жесточе сталъ онъ обходиться съ братомъ Франческо, тѣмъ болѣе Біанка разсыпалась передъ нимъ въ любезностяхъ и ласкахъ. Съ мнимой откровенностью говорила она ему о своихъ надеждахъ и опасеніяхъ.

Оставивъ дѣла въ такомъ видѣ, кардиналъ возвратился въ Римъ. Беременность Біанки, по словамъ флорентійскихъ придворныхъ, шла благополучнѣйшимъ образомъ къ развязкѣ. Поведеніе великаго герцога во все это время не позволяетъ намъ рѣшительно заключить, вѣрилъ ли онъ, что великая герцогиня наконецъ родитъ ему сына, или онъ разыгрывалъ ту же комедію, какъ и при рожденіи дона Антоніо, когда онъ сначала былъ жертвою обмана, а потомъ сдѣлался сообщникомъ. Наконецъ, можетъ-быть, оба предположенія справедливы и онъ былъ готовъ, если его надежды не исполнятся, получить желаемое хотя бы цѣною обмана. Франческо находился постоянно въ какомъ-то тревожномъ состояніи, и выказалъ столько неудовольствія при вѣсти, что старанія кардинала обратили всеобщее вниманіе на происходившее во дворцѣ Питти, что онъ вмѣстѣ съ его прежнимъ поступкомъ невольно возбуждаетъ подозрѣнія. Съ другой стороны, онъ велъ себя въ нѣкоторыхъ вещахъ такъ, что трудно сомнѣваться въ его искренности.

Надобно замѣтить, что, можетъ быть, и сама Біанка въ этомъ случаѣ была искренна, особенно, если мы вспомнимъ, что она никогда не теряла надежды и всегда пробовала новыя средства для достиженія ея задушевнаго желанія. Она, повидимому, до конца увѣряла всѣхъ, что не очень вѣрила дѣйствительности

своей беременности. Но нѣкоторые писатели говорятъ, что въ одно и то же время она выражала кардиналу свое недовѣріе, а мужу говорила совсѣмъ другое.

Между-тѣмъ ежедневные толки объ этомъ предметѣ сдѣлались потѣхой флорентійцевъ, а офиціальные бюллетени Франческо и его надежды—предметомъ насмѣшекъ всей Италіи.

Великій герцогъ приказалъ, чтобъ начальники главнѣйшихъ отраслей государственнаго управленія, архіепископъ Флоренціи и епископъ Аббіозо присутствовали при родахъ. Надобно сознаться, что это заставляетъ думать, что онъ былъ искрененъ въ своихъ ожиданіяхъ и поддался или обману, какъ въ первомъ случаѣ, или раздѣлялъ съ Біанской ея заблужденіе. Онъ написалъ даже къ кардиналу письмо, хотя и не въ очень любезныхъ выраженіяхъ, приглашая его пріѣхать по этому случаю въ Флоренцію. «Такъ-какъ избраніе кардиналовъ кончилось (писалъ онъ) и васъ ничто не задерживаетъ долѣе въ Римѣ, то я не хочу скрыть отъ васъ, что беременность великой герцогини приходитъ къ концу и надежды болѣе, чѣмъ когда. Потому вы можете, если хотите, пріѣхать и наблюдать за всѣмъ, что произойдетъ. Время еще есть и потому вы не будете имѣть права сказать послѣ, что васъ оставили въ совершенномъ невѣдѣніи объ этомъ обстоятельствѣ».

Въ отвѣтъ на это далеко-недружественное приглашеніе и на второе письмо, написанное въ томъ же духѣ, кардиналъ отвѣчалъ сердитымъ письмомъ, рѣшительно отказываясь ѣхать во Флоренцію самому или послать кого отъ себя, «такъ-какъ онъ вовсе не желалъ болѣе знать или слышать объ этомъ дѣлѣ, чѣмъ самъ великій герцогъ, ибо его свѣтлость былъ болѣе всего въ этомъ заинтерисованъ».

Мы знаемъ достовѣрно изъ переписки кардинала съ дономъ Піетро, что все это неправда. Онъ очень заботился, напротивъ, о томъ, чтобъ узнать подробности родовъ Біанки изъ вѣрнѣйшаго источника, чѣмъ изъ свидѣтельства великаго герцога. Какая же причина этой внезапной перемѣны? Должны ли мы предположить, что онъ уже принялъ такія мѣры, что его присутствіе во Флоренціи было бы излишне, или увѣрился онъ, что на этотъ разъ не думаютъ объ обманѣ?

Такъ время шло до декабря 1586 года, когда, по разсчетамъ Біанки, ей надобно было родить. Положительнаго и вѣрнаго еще ничего не было извѣстно объ этомъ важномъ вопросѣ. Четыре

придворные доктора расходились въ своихъ мнѣніяхъ, а лучшіе ученѣйшіе акушеры, призванные со всѣхъ концовъ Италіи, далеко не были между собою согласны. Между-тѣмъ, придворные замѣчали ежедневно новые признаки приближенія столь долгоожидаемаго явленія. Епископъ Аббіозо увѣрялъ, что онъ слышалъ трепетаніе ожидаемаго незнакомца. Соперники его при дворѣ старались превзойти его въ глазахъ своего государя и смѣло предсказывали рожденіе двойни.

По приказанію Франческо, постоянно готовы были осѣдланныя лошади, чтобъ въ ту жь минуту, когда исполнятся ето надежды, послать всюду курьеровъ, съ этимъ радостнымъ извѣстіемъ. Во все это время флорентійцы забавлялись на счетъ своего ненавистнаго герцога и еще болѣе нетерпимой колдуньи; не было конца ихъ шуткамъ, насмѣшкамъ и ѣдкимъ замѣчаніямъ. Наконецъ, въ одно прекрасное утро лошадей разсѣдлали, курьеровъ отпустили по домамъ и флорентійцамъ объявили, что, послѣ страшнаго припадка колики, подвергнувшей опасности самую ея жизнь, особа великой герцогини приняла свои нормальные размѣры.

Нельзя положительно знать теперь всю правду объ этомъ обстоятельствѣ въ жизни Біанки. Но, вспомнивъ ея прежнія дѣянія и ту сильную причину, которая побуждала ее, какимъ бы то ни было образомъ, найти наслѣдника велико-герцогскому престолу и, кромѣ того, неудовольствіе Франческо при обращеніи вниманія братомъ на это дѣло, и всѣ приготовленія во дворцѣ, мы невольно клонимся къ тому мнѣнію, что, по всей вѣроятности, и теперь, какъ и прежде, хотѣли обмануть и выдать чужаго ребенка за сына Біанки. Но злоумышленники должны были отказаться отъ своего намѣренія, при видѣ дѣятельности и бдительности кардинала. Всѣ же мѣры, принятыя Франческо для безопасности, публичности и законности родовъ, служили только прикрытіемъ для удобнѣйшаго оставленія задуманнаго предпріятія.

Скоро послѣ этого событія великій герцогъ и кардиналъ еще разъ, повидимому, помирились стараніями флорентійскаго архіепископа. Между ними возобновилась дружественная переписка. Теперь, когда уже не могло быть и рѣчи о возможности великому герцогу имѣть дѣтей, оба брата могли заодно дѣйствовать съ цѣлью женить дона Пьетро, который все это время находился въ Испаніи. Подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ хлопочетъ о своемъ бракѣ, Пьетро велъ въ Испаніи самую распутную жизнь, все болѣе-и-болѣе впадая въ долги и безчестя свое имя. Біанка

была, какъ и всегда, съ самаго ея замужства, въ высшей степени любезна и ласкова съ Фердинандомъ. Такимъ образомъ было рѣшено, что онъ пріѣдетъ въ слѣдующемъ сентябрѣ посѣтить своего брата и невѣстку и провесть съ ними даже время «villegiatura».

Подъ именемъ «villeggiatura» понимается тотъ осенній дачный сезонъ итальянцевъ, столь пристрастныхъ къ городской жизни, когда богатые владѣльцы покидаютъ свои городскіе дворцы, резиденціи семействъ своихъ и проводятъ мѣсяцъ или два въ своей виллѣ между виноградниками, въ обществѣ пріятелей. Провести это дачное время съ братомъ великій герцогъ рѣшился на своей виллѣ Поджіо-а-Каяно. Несмотря на ея названіе «Поджіо»—гора, эта вилла находится на ровномъ низменномъ мѣстѣ, разстилающемся по берегу Омброны, у подошвы Монте-Альбано, на полдорогѣ между Флоренціею и Пистоіею. Садъ, окружающій виллу пересѣкается множествомъ каналовъ; въ рѣдкихъ изъ нихъ вода проточная, и вообще во всей окрестности много воды, болѣе или менѣе стоячей, словомъ, всякій немножко-свѣдущій въ гигіенѣ, призналъ бы мѣстоположеніе этой виллы совершенно-негоднымъ для осенняго житья подъ итальянскимъ солнцемъ.

Кардиналъ пріѣхалъ во Флоренцію не раньше начала октября. Его приняли съ распростертыми объятіями, и все общество отправилось, какъ было предположено, въ Поджіо-а-Каямо. Флорентійскій архіепископъ, не разъ миривщій братьевъ, сопровождалъ ихъ. Время проходило на виллѣ въ охотѣ по сосѣднимъ горамъ, изобиловавшимъ дичью, а вечеромъ въ разговорахъ. Архіепископъ и Біанка, старавшаяся всѣми силами быть пріятной гостю, дѣлали все возможное, чтобъ помирить и укротить злобныя, хотя и совершенно-различныя натуры братьевъ Медичи.

Но такихъ дней они провели очень-немного. Конецъ этой странной исторіи, если придерживаться только положительнымъ фактамъ, признаннымъ всѣми, можно разсказать съ краткостью, соотвѣтствующей неожиданности самаго происшествія.

19 октября, около девяти часовъ вечера умеръ великій герцогъ Франческо. На слѣдующее утро (историки спорятъ о часѣ) Біанка послѣдовала за нимъ.

Фердинандъ безъ всякаго затрудненія взошелъ на престолъ. Франческо похоронили, по его приказу, съ обычною пышностью, въ семейномъ склепѣ подъ куполомъ церкви св. Лоренцо, а Біанку, по его же повелѣнію бросили, завернутую въ простыню, въ общую яму для бѣдныхъ, подъ папертью той же церкви.

Вотъ единственно-вѣрные факты, извѣстные объ этомъ дѣлѣ. Но интересно посмотрѣть и на различныя мнѣнія, господство-

вавшія между флорентійскими историками, и, взвѣсивъ ихъ предположенія, мы, по теоріи вѣроятностей, выскажемъ наше мнѣніе въ пользу или противъ нихъ.

VIII.

Три ипотезы о смерти Франческо и Біанки.—Офиціальное толкованіе происшествія. —Разсказъ романиста.—Третье предположеніе.—Обстоятельства, сопровождавшія обѣ кончины. —Могила Біанки и флорентійскія эпитафіи. — Окончательное торжество Фердинанда.

Исторія такихъ странныхъ происшествій крайне-бѣдна сколько-нибудь достовѣрными свѣдѣніями, но за-то изобилуетъ предположеніями, соображеніями и догадками всякаго рода, которымъ положительно нѣтъ конца. Историки, біографы, палеографы, писатели драмъ и романовъ, судили и рядили объ этомъ предметѣ, рѣшали дѣло, такъ или иначе, смотря по своему направленію и личному взгляду, и выводили то или другое заключеніе. Но единственный плодъ ихъ трудовъ—достовѣрность того, что происшествію этому суждено оставаться на вѣки сокрытымъ во мракѣ неизвѣстности, и слѣдовательно, каждый читатель въ-правѣ принять за достовѣрное любое толкованіе, которое ему покажется болѣе-согласнымъ съ человѣческими страстями и побужденіями.

Различныя мнѣнія, относительно таинственной смерти Франческо и Біанки сводятся къ слѣдующимъ тремъ предположеніямъ:

Первое. Великій герцогъ умеръ отъ трехдневной лихорадки, которую онъ схватилъ безразсудно, подвергаясь значительной усталости подъ лучами осенняго солнца; вмѣсто того, чтобъ лечиться, какъ слѣдуетъ, онъ прибѣгнулъ къ нелѣпой системѣ леченія ледяной водою и другими подобными средствами; что̀, при разстройствѣ его организма отъ прежней неумѣренности, сдѣлало болѣзнь смертельною. Біанка скончалась отъ подобнаго же недуга, поразившаго ее, вслѣдствіе постояннаго изнуренія ея здоровья различными вредными средствами.

Второе предположеніе. Біанка нерѣдко собственноручно приготовляла любимое печенье для великаго герцога; въ этомъ случаѣ она отравила тѣсто ядомъ, съ тѣмъ, чтобъ за ужиномъ подчивать кардинала; но кардиналъ отказался и не сталъ ѣсть, догадавшись въ чемъ дѣло, какъ утверждаютъ нѣкоторые, вслѣдствіе измѣненія цвѣта камня въ кольцѣ, которое онъ постоянно носилъ на рукѣ. Покуда Біанка была занята съ кардиналомъ, великій герцогъ положилъ себѣ на тарелку любимаго блюда, и прежде чѣмъ жена успѣла остановить его, онъ уже съѣлъ достаточно, чтобъ отравиться. Біанка, тотчасъ сообразивъ послѣд-

ствія роковой ошибки, послѣдовала примѣру мужа, думая такимъ образомъ отвратить отъ себя всякое подозрѣніе и избѣгнуть неисчислимыхъ золъ, которыя неминуемо обрушились бы на ея голову по смерти мужа.

Третье предположеніе: Франческо и Біанка оба отравлены. Но отравителемъ былъ кардиналъ; онъ никого не допускалъ къ умиравшимъ, и смерть могла принести ему болѣе-существенныя выгоды, чѣмъ кому другому.

Первый варіантъ принадлежитъ, разумѣется, офиціально-достовѣрнымъ писателямъ. Галуцци, приводя второе предположеніе, какъ принятое народомъ, говоритъ, что такой баснѣ могли вѣрить только люди, незнакомые съ настоящими фактами. Но Галуцци, писалъ свою исторію по порученію великаго герцога Піетро-Леопольда; до него исторіографомъ былъ Мартинетти; но неизданная его исторія написана слишкомъ-вольно и откровенно, чтобъ нравиться великому герцогу, который, лишивъ автора своего покровительства, избралъ Галуцци на его мѣсто. У подобныхъ историковъ владѣтельные принцы, разумѣется, не совершаютъ убійствъ, или, если дѣло идетъ о Медичи, гдѣ безъ этого обойтись невозможно, то по-крайней-мѣрѣ, совершаютъ ихъ какъ можно-менѣе.

Галуцци сообщаетъ слѣдующее письмо, писанное въ Римъ, по его словамъ, 16 октября, но неизвѣстно кѣмъ:

«Великій герцогъ имѣлъ два припадка перемежающейся лихорадки, одинъ за другимъ, или, лучше сказать, горячку. Онъ страдаетъ отъ сильной жажды. Несмотря на то, признаки болѣзни благопріятны и предвѣщаютъ выздоровленіе. Четвертый и седьмой день прошли благополучно, и мы надѣемся на счастливый исходъ болѣзни. Только герцогъ долженъ быть остороженъ; а такъ-какъ на дворѣ осень, то выздоровленіе будетъ медленное. Посему распорядитесь на счетъ заздравныхъ молебновъ, тѣмъ болѣе, что и у великой герцогини почти та же болѣзнь; а это обстоятельство еще увеличиваетъ страданія герцога, ибо она не можетъ за нимъ ухаживать и няньчиться».

Если письмо это не подложно и писано 16-го числа, то оно не безъ значенія въ пользу перваго предположенія. Но ему видимо противорѣчитъ одно мѣсто въ упомянутомъ выше любопытномъ документѣ, напечатанномъ сполна у Гераци, въ примѣчаніяхъ къ его бографіи Изабеллы Орсини. Говоря объ этомъ важномъ письмѣ, которое доселѣ не было издано и находится въ парижской императорской библіотекѣ подъ № 10, О 74; Гераци, авторъ вообще малорасположенный въ пользу Медичи, выражется слѣдующимъ образомъ: «Изъ этого письма, очевидно

писаннаго человѣкомъ съ сатирическимъ направленіемъ и небольшимъ сторонникомъ Медичи, можно заключить, какъ ложно извѣстіе о ихъ отравленіи. Родъ жизни, которую они вели, былъ ручательствомъ преждевременной кончины; нетрудно понять, что они ежедневно сами себя отравляли».

Но мы не можемъ допустить, чтобъ означенный документъ доказывалъ что-либо подобное. Изъ письма, кажется, видно лишь то, что авторъ его, ДжіованниВетторіо Содерини, писавшій вскорѣ послѣ происшествія, только съ виду раздѣляетъ офиціально-принятое мнѣніе. Но даже и тотъ выводъ неясно вытекаетъ изъ странныхъ оборотовъ и общаго тона письма, которое, судя по нѣсколькимъ вступительнымъ фразамъ, имѣетъ очевидно-иносказательный смыслъ, недоступный современному читателю. Вотъ это вступленіе: «Когда, на послѣдокъ дней сихъ, смерть прискакала на своемъ тощемъ, чахломъ конѣ, чтобъ овладѣть титуломъ великаго (*) (смерть получила въ Римѣ титулъ великаго) и получивъ тотъ неприличнѣйшій титулъ, поскакала съ поспѣшностью въ Поджіо-а-Кайано и тамъ, съ неодолимою силою и таковымъ же мужествомъ напала на великаго флорентійскаго и сіенскаго тосканца, и одолѣла его 19-го октября 1587 года, въ четыре съ половиною часа послѣ солнечнаго заката, лишивъ его жизни на сорокъ-седьмомъ году, послѣ странныхъ и невиданныхъ корчей, большаго вопля и стенанія. Онъ оставался безмолвнымъ съ-тѣхъ-поръ, какъ его схватила сильнѣйшая горячка. Синьйоръ Пондольфо де-Барди и синьйоръ Троіона Боба постоянно утверждаютъ, что онъ получилъ колотье въ боку вслѣдствіе большой, непривычной ему усталости». Колотье, оказавшееся смертельнымъ, продолжаетъ авторъ, по причинѣ странныхъ и вредныхъ привычекъ, которымъ предавался великій герцогъ и которыя, затѣмъ, подробно описываются въ письмѣ.

Итакъ, авторъ здѣсь повторяетъ только слова двухъ придворныхъ, Пандольфо де-Барди и Троіано Боба, безъ малѣйшаго притязанія на оригинальное толкованіе происшествія. Но нельзя ли допустить, напротивъ, что начальныя фразы письма имѣютъ тайный смыслъ, котораго писатель не смѣлъ выразить открыто? Если Фердинандо отравилъ брата, то онъ дѣйствительно пріѣхалъ изъ Рима въ Поджіо-а-Каіано, чтобъ завладѣть титуломъ великаго герцога. Если ядъ былъ заготовленъ и другія распоряженія для успѣшнаго исполненія злодѣянія были предварительно сдѣланы въ Римѣ, то можно согласиться съ авторомъ письма, что кардиналъ уже въ Римѣ получилъ титулъ великаго, и что, въ такомъ случаѣ, титулъ этотъ былъ въ-самомъ-дѣлѣ самый «неприличнй».

(*) Предложеніе столь же не полно и въ подлинникѣ.

Но подобное толкованіе смерти герцога видимо противорѣчитъ свидѣтельству письма, напечатаннаго Галуцци и приведеннаго нами выше. Выраженія письма, очевидно, непримѣнимы къ болѣзни, длившейся нѣсколько дней. Наконецъ, упоминаніе и «о странныхъ и невиданныхъ корчахъ, и о большомъ воплѣ и стенаніи», ясно указываетъ на иную какую причину смерти, а не на естественныя послѣдствія колотья.

Въ подтвержденіе естественной смерти приводится далѣе фактъ, что оба тѣла были вскрыты; тѣло Біанки, даже въ присутствіи ея дочери и зятя. На это легко возразить, что медицинская наука того времени была рѣшительно не въ состояніи открыть причину смерти, на основаніи посмертнаго изслѣдованія. Притомъ, изслѣдователями были придворные врачи, бывшіе на жалованьи и въ рукахъ у новаго государя. Что же касается присутствія при вскрытіи Пеллегрины и Бентиволье, то желаніе Фердинанда оправдаться столь безполезнымъ и недоказательнымъ обстоятельствомъ, скорѣе свидѣтельствуетъ противъ, нежели за него. Дѣйствительно, что̀ могло значить присутствіе двухъ личностей, вовсе-незнакомыхъ съ анатоміею и дѣйствіемъ ядовъ на организмъ? Фердинандъ хорошо зналъ, что какимъ бы ядомъ Біанка ни была отравлена, Пеллегрина и Бентиволье ничего бъ не увидѣли и не поняли при вскрытіи ея тѣла.

Въ пользу втораго и третьяго предположенія нѣтъ никакого прямаго доказательства. И будь Фердинандъ преданъ уголовному суду, онъ бы, безъ сомнѣнія, оправдался при тѣхъ неточныхъ данныхъ, которыя имѣются противъ него. Въ то время, кажется, никто не вѣрилъ, чтобъ обѣ смерти могли произойти отъ естественной причины. Народнымъ предположеніемъ было второе изъ приведенныхъ нами. Несмотря на свидѣтельство придворныхъ врачей, на извѣстія о ходѣ болѣзни и на посмертныя изслѣдованія, народъ не могъ допустить, чтобъ столь удачное совпаденіе двухъ кончинъ могло произойти естественнымъ путемъ, тѣмъ болѣе, что объявленная болѣзнь не заразительнаго свойства. Если кому и приходила въ голову неловкая мысль о томъ, что смерть могла «прискакать» въ Поджіо-а-Каіано изъ Рима, то онъ тщательно берегся отъ выраженія на словахъ подобнаго предположенія. Впрочемъ, общественное мнѣніе считало Біанку способною на всевозможное коварство, волшебство и злодѣйство. Сказка объ отравленномъ печеніи и о послѣдовавшихъ драматическихъ событіяхъ именно такого рода повѣствованіе, богатое сильными ощущеніями и справедливымъ воздаяніемъ, какое народъ любитъ слушать и разсказывать. А на ненавистную Біанку можно было безопасно взваливать даже любую нелѣпицу.

Дѣйствительно, подобная клевета могла только доставить почетъ при дворѣ, ибо новый государь раздѣлялъ всякое дурное мнѣніе о Біанкѣ; онъ никогда не позволялъ говорить о ней въ своемъ присутствіи, какъ о покойной великой герцогинѣ, а самъ называлъ ее не иначе, какъ «скверною Біанкою», *la pessima Bianca.*

Итакъ, второе предположеніе было принято тѣми, кто не считалъ правдоподобнымъ официальное объясненіе; это предположеніе и до-сихъ-поръ допускается многочисленными драматическими и романическими писателями, для которыхъ происшествіе служитъ обильною пищею.

Въ подтвержденіе третьей ипотезы, какъ сказано, нѣтъ ни одного прямаго доказательства. Не всякій одинаково допуститъ правдоподобность ипотезы, основанной на толкованіи загадочныхъ выраженій въ началѣ письма синьйора Содерини. Возможность подобнаго толкованія не приходила въ голову синьйору Герацци, издавшему замѣчательное письмо; напротивъ, онъ приводитъ это письмо въ опровержение принятаго мнѣнія, что герцогъ былъ отравленъ кардиналомъ или Біанкою; съ другой стороны, должно сказать, что подобное истолкованіе показалось правдоподобнымъ итальянцамъ, столь же знакомымъ съ исторіею того времени и искуснымъ въ разбираніи иносказательныхъ выраженій,

Въ дальнѣйшей части того же письма, которое очень-длинно, занимая не менѣе девятнадцати сжато-напечатанныхъ страницъ in 8°, находятся еще мѣста, едва-ли совмѣстныя съ предположеніемъ, что Франческо скончался отъ болѣзни, длившейся нѣсколько дней.

«Онъ, великій герцогъ, не дѣлалъ завѣщанія ни прежде, ни въ это время. Онъ только подписалъ приказъ о выдачѣ пятидесяти тысячъ ефимковъ для раздачи придворной прислугѣ. Его исповѣдывалъ отецъ Маранто, который сообщилъ мнѣ, что великій герцогъ не опредѣлилъ въ точности суммы, а только желалъ, чтобъ слуги были награждены, и сожалѣлъ, что лично не успѣетъ этого исполнить. Духовникъ пришелъ *не во-время*, чтобъ спросить его, не желаетъ ли онъ сдѣлать еще какія распоряженія въ пользу своихъ друзей, ибо умиравшій закрылъ глаза и не могъ болѣе шевелить ни языкомъ, ни головою».

Очевидно, что съ болѣзнью, длившеюся нѣсколько дней, невозможно согласить поспѣшности и недостатка времени, которое отняло у умирающаго возможность лично исполнить предсмертное желаніе.

На одной изъ послѣдующихъ страницъ своего письма, синьйоръ Содерини упоминаетъ о поведеніи великаго герцога нѣсколько

часовъ спустя послѣ смерти Франческо, что также не безъ особаго значенія. По его мнѣнію между обѣими кончинами прошло только одиннадцать часовъ. Смерть Франческо въ «четыре съ половиною часа послѣ солнечнаго заката» приходится, по нашему счисленію времени, между девятью и десятью часами. Въ три часа утра, сказано въ письмѣ, кардиналъ оставилъ Біанку еще живою, и въ половинѣ восьмаго пріѣхалъ къ воротамъ Прато» (слѣдовательно онъ ѣхалъ двѣнадцать миль четыре часа съ половиною); тамъ, встрѣтясь съ начальникомъ уланъ, сказалъ недовѣрчиво, со страхомъ и дрожаніемъ въ голосѣ, вѣроятно, вслѣдствіе неожиданности перемѣны: «отселѣ, капитанъ, вы должны быть столь же вѣрны мнѣ, какъ доселѣ были вѣрны моему брату».

Синьйоръ Содерини могъ приписывать волненіе кардинала невинной причинѣ; подобное объясненіе было для него самое безопасное. Но намъ нельзя не признать доказательнымъ подобнаго поведенія со стороны кардинала, если разсуждать о вѣроятности только-что совершеннаго имъ братоубійства.

Потомъ слѣдуетъ принять въ соображеніе вопросъ о побужденіи и должно сознаться, что Фердинандъ имѣлъ важныя причины желать удаленія Біанки. Въ послѣднія слишнимъ десять лѣтъ она была постоянно спицею въ его глазу, препятствіемъ къ исполненію всѣхъ его стараній объ увеличеніи чести семейства, помѣхою всѣмъ его попыткамъ поддержать внѣшнюю почтенность рода Медичи, яблокомъ раздора и ненависти между нимъ и братомъ. Она сдѣлала великаго герцога посмѣшищемъ для всей Италіи, ненавистнымъ и презрѣннымъ для собственныхъ подданныхъ; своими злодѣйскими продѣлками она успѣла ввести въ семейство плебея чуждаго, низкаго племени; она замышляла постоянно еще худшіе обманы, чтобъ лишить его самого законнаго права на наслѣдство; и хотя доселѣ его недремлющею дѣятельностью разрушились всѣ ея замыслы, что, кромѣ ея смерти, могло предохранить его отъ будущихъ замысловъ? Медичи и кардиналъ шестнадцатаго вѣка могъ легко оправдывать самого себя, рѣшившись, въ подобныхъ обстоятельствахъ, на единственно-вѣрное средство предостеречь себя отъ столь вреднаго коварства.

Ну, а братъ? Можно ли доказать, что Фердинандо имѣлъ основательныя причины желать братниной смерти до такой степени, чтобъ рѣшиться на братоубійство? На это можно отвѣтить только слѣдующее: между ними была закоренѣлая ненависть, постоянно-растравляемая и разжигаемая новыми, самыми оскорбительными выходками со стороны брата, ненависть, накопившаяся въ-теченіе многихъ лѣтъ вслѣдствіе необходимости тщательно

скрывать всякое ея проявленіе. Судя по отказамъ со стороны Франческо на всѣ предложенія женитьбы по смерти первой жены, трудно было надѣяться, чтобъ, по смерти Біанки, онъ заключилъ новый брачный союзъ, который могъ бы осуществить семейныя ожиданія и планы. Къ тому же устранить Біанку, оставивъ мужа ея въ живыхъ было бы очень-опасно: въ такомъ случаѣ, подозрѣнія, медицинскія и полицейскія изслѣдованія получили бы иное значеніе, и вывернуться изъ бѣды было бы не такъ легко; наконецъ—самое главное: Фердинандо былъ Медичи.

Тонкій и хитрый старикъ, папа Сикстъ V, услыхавъ о случившемся, тотчасъ понялъ, что подозрѣніе въ двойномъ убійствѣ падетъ на кардинала; можно даже сказать, не боясь ошибиться, что и въ настоящее время мнѣнія лучшихъ судей въ этомъ дѣлѣ клонятся къ тому же заключенію.

Но возвратимся отъ предположеній къ историческимъ фактамъ. Нѣсколькихъ словъ достаточно, чтобъ закончить исторію Біанки. Какъ скоро душа ея разсталась съ тѣломъ, епископъ Аббіозо, оставленный при ней кардиналомъ, написалъ къ нему слѣдующее.

«Только-что въ восемь часовъ—«quindici ore»—ея свѣтлѣйшее высочество великая герцогиня отошла въ иную жизнь. Этотъ гонецъ посылается къ вашему высочеству за приказаніями касательно того, кàкъ распорядиться съ ея тѣломъ».

На чтò послѣдовалъ отвѣтъ: «беречь тѣло въ цѣлости до вечера», и потомъ вскрыть его, какъ сказано выше. Въ ту же ночь тѣло было погребено, «такъ чтобы и памяти о ней не осталось». На требованіе приказаній касательно этого предмета новый государь отвѣтилъ: «мы не потерпимъ ея между своими мертвыми»!

Ненависть флорентійцевъ къ Франческо и Біанкѣ была чрезмѣрна. Можно сказать, что ее даже болѣе презирали, чѣмъ ея мужа. Въ добавокъ къ ненавистнымъ качествамъ, общимъ обоимъ, она еще была «колдунья», чародѣйка, и это обвиненіе тяготѣло на ея памяти болѣе, чѣмъ всѣ остальныя. Разумѣется, о покойномъ государѣ нельзя было слишкомъ распространяться, но сатирикамъ, памфлетистамъ и сочинителямъ эпитафій была предоставлена полная свобода изощрять свой умъ и талантъ на счетъ «скверной Біанки».

Вотъ образчики ихъ твореній, выражавшіе народное мнѣніе о Біанкѣ и ходившіе по рукамъ во Флоренціи тотчасъ по ея смерти. Они заимствованы изъ того же письма синьйора Содерини, такъ часто нами приводимаго:

Qui giace in un avel pien di malie
E pien di vizi la Bianca Capella,

Bagasica, strega, maliarda e fella,
Che sempre favori furfanti e spie.

Въ переводѣ:

Въ могилѣ сей, полной до края злодѣйства и чаръ,
Коварной Біанки Капеллы останки зарыты,
Колдуньи, имѣвшей волшебства безбожнаго даръ,
Друзьями которой лишь были шпіоны и плуты.

Другой образчикъ въ томъ же родѣ:

In questa tomba, in questa oscura buca
Ch'è fossa a quei che non hanno sepoltura,
Opra d'incanti, e di malie fattura
Giace la Bianca, moglie del Granduca.

Что́ порусски передается приблизительно такъ:

Въ могилѣ сей, въ ямѣ заброшенной, мрачной и тѣсной,
Обители тѣхъ, кто по смерти креста лишены,
Покоится прахъ, чародѣйствомъ зловреднымъ извѣстной
Волшебницы Біанки, великаго князя жены.

Кардиналъ Фердинандо наслѣдовалъ братнинъ престолъ безъ малѣйшихъ затрудненій или безпокойствъ; съ папскаго разрѣшенія, сложилъ онъ съ себя духовный санъ, какъ болѣе ненужный; обнаружилъ, по словамъ Сисмонди, «столько способности управлять государствомъ, сколько возможно при отсутствіи всякой добродѣтели, и столько тщеславія, сколько можетъ существовать безъ благородства души»; заслужилъ любовь своихъ подданныхъ, снявъ съ нихъ, кромѣ разныхъ мятныхъ и тминныхъ повинностей, еще налогъ на кошачье мясо. Женился на Христинѣ, дочери Карла, герцога лотарингскаго, чрезъ то совершилъ великій и благодѣтельный подвигъ, сохранивъ для Италіи и всего человѣчества породу Медичи.

ВЛІЯНІЕ ЗАКОНОВЪ ПРИРОДЫ

НА УСТРОЙСТВО ОБЩЕСТВА И ХАРАКТЕРЪ ОТДѢЛЬНЫХЪ ЛИЦЪ.

(Изъ Бокля (*).

Физическіе дѣятели, имѣющіе наиболѣе сильное вліяніе на родъ человѣческій, могутъ быть подведены подъ четыре разряда: климатъ, пища, почва и общій видъ природы; подъ этимъ послѣднимъ названіемъ я разумѣю всѣ тѣ явленія, которыя, поражая преимущественно зрѣніе, дѣйствуетъ чрезъ посредство какъ этого, такъ и другихъ органовъ на соединеніе понятій, и такимъ образомъ служатъ въ разныхъ странахъ источникомъ разностороннихъ направленій мысли. Къ этимъ четыремъ видамъ относятся всѣ тѣ внѣшнія вліянія, которымъ подвергается человѣкъ. Послѣдній изъ нихъ дѣйствуетъ главнымъ образомъ на воображеніе и порождаетъ тѣ безчисленные предразсудки, которые препятствуютъ развитію знаній. Такъ-какъ въ младенчествѣ народовъ сила этихъ предразсудковъ неодолима, то нерѣдко случается, что общій видъ природы производитъ извѣстное измѣненіе въ народномъ характерѣ и придаетъ національнымъ религіямъ такія особенности, которыя, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, невозможно искоренить. Три другіе дѣятеля: климатъ, пища и почва не имѣютъ, сколько извѣстно, прямаго вліянія такого рода; но они, какъ я постараюсь доказать, произвели болѣе-важныя послѣдствія въ главныхъ чертахъ общественнаго устройства, создали широкія и очевидныя различія въ народахъ, нерѣдко приписываемыя коренной разницѣ въ расахъ, на которыя раздѣляется родъ человѣческій. Но въ то время, какъ такія первообразныя различія между расами не болѣе, какъ предположеніе,

---

(*) Глава эта въ книгѣ Бокля непосредственно слѣдуетъ за той, которую мы помѣстили въ кн. 2-й «От. Зап.»

отмѣны, порождаемыя разнообразіемъ климата, пищи и почвы, могутъ быть легко объяснены и, въ свою очередь, когда мы ихъ поймемъ, могутъ повести къ отстраненію нѣкоторыхъ изъ тѣхъ трудностей, которыя препятствуютъ изученію исторіи. Вотъ почему я прежде всего намѣренъ изслѣдовать законы дѣйствія этихъ трехъ дѣятелей, на сколько дѣйствіе ихъ связано съ человѣкомъ въ его общественномъ состояніи. Изложивъ дѣйствіе этихъ законовъ, насколько это возможно при настоящемъ состояніи естественныхъ наукъ, я перейду къ четвертому дѣятелю — общему виду природы, и постараюсь указать важнѣйшія разнообразія въ слѣдствіяхъ, естественно-порождаемыя его измѣненіемъ въ различныхъ странахъ.

Начиная такимъ-образомъ съ климата, пищи и почвы, нельзя не замѣтить, что эти три дѣятеля немало зависятъ другъ отъ друга, то-есть существуетъ тѣсная связь между климатомъ страны и пищею, производимою этою страною; съ другой стороны, на пищу дѣйствуетъ та почва, которая ее производитъ: возвышенность или низменность страны, состояніе атмосферы — словомъ, всѣ тѣ условія, соединеніе которыхъ извѣстно подъ именемъ физической географіи, въ обширномъ смыслѣ этого слова.

При такой тѣсной связи этихъ трехъ дѣятелей лучше разсматривать не отдѣльно каждый изъ нихъ, но изучать каждое изъ послѣдствій, производимыхъ ихъ совмѣстнымъ дѣйствіемъ. Такимъ-образомъ мы скорѣе достигнемъ отчетливаго понятія о цѣломъ вопросѣ; мы избѣжимъ смѣшенія, производимаго искусственнымъ раздѣленіемъ явленій, по сущности своей нераздѣлимыхъ; будемъ имѣть возможность яснѣе понять, какъ сильно въ раннюю пору общественнаго развитія вліяніе природы на судьбу человѣка.

Изъ всѣхъ вліяній, производимыхъ на народъ климатомъ, пищею и почвою, самое раннее и во многихъ отношеніяхъ самое важное — накопленіе богатствъ. Ибо хотя развитіе знаній оказываетъ вліяніе на это явленіе, но тѣмъ не менѣе при началѣ обществъ оно предшествуетъ самому знанію. Пока человѣкъ принужденъ собирать все нужное для своего существованія, у него нѣтъ ни охоты, ни времени для высшихъ занятій; наука еще не можетъ создаться тогда; самымъ высшимъ предѣломъ развитія въ такія эпохи бываетъ экономія труда при посредствѣ грубыхъ и несовершенныхъ орудій, изобрѣтеніе которыхъ доступно самымъ варварскимъ народамъ.

Въ такомъ положеніи общества накопленіе богатствъ является важнымъ шагомъ; ибо безъ богатствъ нѣтъ досуга, безъ досуга нѣтъ знаній. Если народъ потребляетъ все, что производитъ, тогда нѣтъ

остатка и нечѣмъ питаться тѣмъ классамъ, которые не заняты матеріальнымъ трудомъ. Но если производится болѣе, чѣмъ потребляется, тогда оказывается остатокъ, самъ-собою, по извѣстнымъ законамъ, возрастающія и составляющій фондъ, изъ котораго, рано или поздно, начинаетъ содержаться каждый, кто самъ не участвуетъ въ созданіи средствъ къ поддержанію жизни. Тогда дѣлается возможнымъ появленіе классовъ, занятыхъ умственнымъ трудомъ; ибо только тогда является накопленіе цѣнностей, при посредствѣ котораго люди могутъ потреблять то, чего они не произвели и, слѣдственно, получаютъ возможность заняться тѣмъ, чѣмъ прежде препятствовало имъ заняться удовлетвореніе насущныхъ потребностей.

Такимъ-образомъ исторія развитія общества начинается съ накопленія богатствъ, безъ котораго не можетъ существовать ни досуга, ни вкуса къ пріобрѣтенію знаній, а отъ нихъ, какъ докажу ниже, зависитъ развитіе цивилизаціи. У народа совершенно невѣжественнаго быстрота накопленія богатствъ условливается только физическими особенностями страны. Въ позднѣйшую эпоху, когда появляется капиталъ, на сцену выходятъ другія причины; но пока этого не совершится, развитіе зависитъ отъ двухъ обстоятельствъ: отъ энергіи и правильности, съ которыми ведется работа и отъ того, на сколько природа вознаграждаетъ трудъ. Оба эти обстоятельства суть результаты физическихъ причинъ. Плоды, приносимые трудомъ, зависятъ отъ плодородія почвы, которое условливается частію химическимъ составомъ почвы, частію тѣмъ, въ какой степени почва орошается посредствомъ рѣкъ и т. п. естественными способами, а частью теплотою и влажностью атмосферы. Съ другой стороны энергія и правильность, съ которыми ведется работа, вполнѣ зависятъ отъ вліяній климата. Это доказывается двумя доводами: вопервыхъ, при сильномъ жарѣ человѣкъ нерасположенъ и даже неспособенъ къ той дѣятельной работѣ, за которую охотно берется въ умѣренномъ климатѣ. Другое соображеніе, менѣе обращавшее на себя вниманіе, но столь же важное, состоитъ въ томъ, что вліяніе климата не только ослабляетъ или усиливаетъ дѣятельность человѣка, но даже оказывается въ бо̀льшей или меньшей правильности его работъ. Такимъ-образомъ мы находимъ, что народъ, живущій въ сѣверномъ климатѣ, иногда не можетъ быть способенъ къ тому постоянному и неуклонному трудолюбію, которое замѣтно въ жителяхъ умѣренныхъ странъ. Причина этого сдѣлается ясною, когда припомнимъ, что въ сѣверныхъ странахъ суровость погоды и въ иныя времена года недостаточность свѣта препятствуютъ человѣку продолжать свои занятія внѣ дома. Вслѣдствіе этого

рабочіе классы, отклоненные отъ своихъ обычныхъ занятій, становятся болѣе склонны къ измѣнчивости; нить ихъ занятій прерывается и они теряютъ ту инициативу, которая является слѣдствіемъ постояннаго и непрерывнаго труда. Здѣсь источникъ народнаго характера болѣе капризнаго и измѣнчиваго, чѣмъ тотъ, который замѣчаютъ у народовъ, имѣющихъ по климату своей страны возможность непрерывно продолжать свою работу. Дѣйствительно, начало это такъ сильно, что дѣйствіе его замѣтно при противоположныхъ обстоятельствахъ. Трудно представить себѣ большую разницу въ правленіи, законахъ, религіи и обычаяхъ, чѣмъ какая существуетъ между Швеціею и Норвегіею съ одной, Испаніею и Португаліею съ другой стороны. Но между этими четырьмя странами существуетъ одно общее: въ нихъ рѣшительно невозможенъ правильный земледѣльческій трудъ; въ двухъ южныхъ странахъ труду этому препятствуютъ жаръ, сухость погоды и порождаемое этими обстоятельствами состояніе почвы; въ двухъ сѣверныхъ странахъ къ тому же результату приводитъ суровость зимы и короткость дня. Вслѣдствіе этого четыре названныя страны, несмотря на все различіе въ остальныхъ отношеніяхъ, сходны между собою въ непостоянствѣ и причудливости характера жителей. Такимъ-образомъ, они составляютъ контрастъ болѣе-правильнымъ и постояннымъ обычаямъ, которые установились въ тѣхъ странахъ, гдѣ климатъ представляетъ менѣе препятствій рабочимъ классамъ и принуждаетъ къ постоянному и непрерывному труду.

Вотъ тѣ естественныя причины, которыя управляютъ созданіемъ богатствъ. Конечно, есть и другія причины, дѣйствіе которыхъ значительно и которыя при болѣе развитомъ состояніи общества имѣютъ равное, а иногда и болѣе значительное вліяніе. Но это относится къ позднѣйшему періоду; въ болѣе же раннемъ состояніи общества скопленіе богатствъ вполнѣ зависитъ отъ климата и почвы; почва обусловливаетъ плодъ, приносимый извѣстнымъ количествомъ работы; климатъ опредѣляетъ энергію и постоянство самой работы. Довольно бѣглаго взгляда на прошедшія событія, чтобъ доказать огромную силу этихъ двухъ естественныхъ условій; ибо въ исторіи нѣтъ примѣра, чтобъ какая-либо страна, неблагопріятствуемая тѣмъ или другимъ условіемъ, развила у себя самостоятельную цивилизацію. Въ Азіи цивилизація всегда ограничивалась тѣми странами, гдѣ богатая и наносная почва обезпечивала человѣку то богатство, безъ извѣстной доли котораго невозможно умственное развитіе. Эта обширная полоса простирается, за немногими исключеніями, отъ восточной части южнаго Китая до западнаго берега Малой Азіи, Финикіи и Палестины. Къ сѣверу отъ

этой обширной полосы лежатъ огромныя безплодныя степи, постоянно-населенныя грубыми кочевыми племенами, которыхъ неплодородная почва постоянно поддерживаетъ въ бѣдности и которыя не прежде просвѣщаются, какъ оставивъ ее. До какой степени это зависитъ отъ физическихъ причинъ, очевидно изъ того, что тѣ же самыя монгольскія и татарскія орды въ разныя времена основывали великія монархіи въ Китаѣ, Индіи и Персіи, и при всякомъ такомъ случаѣ достигали степени цивилизаціи нисколько не низшей той, на которой стояли другія древнія царства; ибо плодоносныя долины Южной Азіи природа одарила всѣми источниками богатства; здѣсь-то варварскія племена пріобрѣли нѣкоторую степень утонченности, создали національную литературу и устроили своеобразный политическій бытъ; ничего подобнаго они не могли достигнуть на своей родинѣ. Точно также арабы въ своей отчизнѣ, благодаря крайней безплодности почвы, были грубымъ, необразованнымъ народомъ; въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, крайняя необразованность есть плодъ крайней бѣдности. Но въ VII вѣкѣ они завоевали Персію, въ VIII вѣкѣ — лучшую часть Испаніи, въ IX вѣкѣ — Пенджабъ и, временно, почти всю Индію. Едва утвердились они въ своихъ новыхъ жилищахъ, какъ національный характеръ ихъ подвергся измѣненію. Тѣ, кто, на родинѣ были неболѣе, какъ грубые дикари, получили въ первый разъ возможность собирать богатства и, слѣдственно, сдѣлать успѣхи въ образованности. Въ Аравіи они были кочующими пастухами; въ новыхъ своихъ жилищахъ они сдѣлались основателями могущественныхъ государствъ: они построили города, основали школы, завели библіотеки; слѣды ихъ могущества еще до-сихъ-поръ видны въ Кордовѣ, Багдадѣ и Дельи. Къ Аравіи на сѣверѣ примыкаетъ и только отдѣляется отъ нея узкими водами Чермнаго Моря обширная песчаная равнина, которая, простираясь во всю ширину Африки подъ этими широтами, оканчивается лишь на западѣ у береговъ Атлантическаго Моря. Эта обширная страна, подобно Аравіи, ничто иное, какъ безплодная пустыня, и потому жители ея, подобно жителямъ Аравіи, оставались необразованными дикарями, не пріобрѣтали знаній единственно потому, что не могли накоплять богатствъ. Вся восточная часть этой пустыни орошается водами Нила, илъ котораго покрываетъ песчаную почву плодородными наносами: такимъ образомъ трудъ получаетъ обильное, чрезвычайное вознагражденіе. Вслѣдствіе того въ странѣ этой началось скопленіе богатствъ, за которымъ послѣдовало развитіе знаній и долина Нила сдѣлалась центромъ египетской цивилизаціи, представляющій, несмотря на свои грубыя преувеличенія, поразитель-

ный контрастъ съ варварствомъ другихъ африканскихъ народовъ, изъ которыхъ ни одному не удалось образоваться или даже сколько-нибудь выйдти изъ первоначальнаго невѣжества, созданнаго для нихъ бѣдностью природы.

Изъ этихъ соображеній ясно, что изъ двухъ причинъ цивилизаціи плодородіе почвы имѣло наиболѣе вліянія въ древнемъ мірѣ; но въ европейской цивилизаціи другая великая причина, то есть климатъ, была самою сильною, и мы видѣли, что она оказала вліяніе какъ на способность людей къ работѣ, такъ и на правильность ихъ привычекъ. Различіе въ слѣдствіяхъ замѣчательнымъ образомъ совпадаетъ съ различіемъ въ причинахъ. Ибо хотя всякой цивилизаціи должно предшествовать накопленіе богатствъ, но дальнѣйшее движеніе цивилизаціи въ значительной степени условливается тѣмъ способомъ, какимъ богатства скоплялись. Въ Азіи, въ Африкѣ—причиною было плодородіе почвы, приносящей обильныя жатвы; въ Европѣ болѣе счастливый климатъ, побуждающій къ болѣе успѣшной работѣ. Въ первомъ случаѣ результатъ зависитъ отъ отношенія между почвою и ея произведеніями, словомъ, отъ простаго дѣйствія одной части природы на другую. Въ послѣднемъ случаѣ, дѣйствіе зависитъ отъ отношенія между климатомъ и работникомъ, то-есть, не отъ дѣйствія природы на самоё себя, но отъ дѣйствія ея на человѣка. Изъ этихъ двухъ началъ первое, какъ менѣе-сложное, менѣе доступно колебаніямъ, проявляется ранѣе. Вотъ почему въ ходѣ цивилизаціи первые шаги принадлежатъ болѣе плодоносным странамъ Азіи и Африки. Хотя ихъ цивилизація началась ранѣе, но ее нельзя назвать лучшею или болѣе-прочною. Благодаря обстоятельствамъ, на которыя укажу послѣ, единственный дѣйствительный прогресъ зависитъ не отъ хорошихъ свойствъ природы, а отъ энергіи человѣка. Вотъ отчего цивилизація Европы, которая съ ранней поры своей зависѣла отъ климата, представила способность къ развитію, неизвѣстному тѣмъ цивилизаціямъ, которыя условливаются почвою; ибо силы природы, несмотря на свою видимую громадность, ограничены и неспособны къ развитію; во всякомъ случаѣ мы не имѣемъ ни малѣйшаго доказательства, что онѣ сколько-нибудь возрасли, или способны возрасти. Но силы человѣка, насколько можемъ судить по опыту и аналогіи, безграничны: у насъ нѣтъ никакого доказательства, на основаніи котораго можно было бы поставить уму человѣческому, хотя бы предположительные предѣлы. Такъ-какъ возможность увеличивать свои средства, заключающаяся въ умѣ, есть особенность человѣка и существенное отличіе его отъ того, что называютъ внѣшнею природою, то очевидно, что

дѣйствіе климата, которое даетъ человѣку богатство, способствуя его труду, гораздо-благопріятнѣе для его развитія, чѣмъ дѣйствіе климата, которое тоже даетъ богатство, но не посредствомъ возбужденія его энергіи, а въ силу физическихъ отношеній между качествомъ почвы и количествомъ или качествомъ произведеній, которыя они порождаютъ почти безъ труда.

Вотъ все, что пока можно сказать о томъ, какое вліяніе климатъ и почва имѣютъ на накопленіе богатствъ; но остается еще другой, не менѣе, если не болѣе, важный вопросъ. Когда богатства произведены, возникаетъ вопросъ о ихъ распредѣленіи, то-есть въ какой пропорціи они достаются низшимъ и въ какой пропорціи высшимъ классамъ. При развитомъ состояніи общества это зависитъ отъ многихъ весьма-сложныхъ обстоятельствъ, которыхъ здѣсь нѣтъ нужды разсматривать. Но въ раннюю эпоху общества, прежде чѣмъ начались позднѣйшія утонченныя усложненія, какъ, кажется, можно это доказать, распредѣленіе богатствъ, подобно ихъ накопленію, управляется исключительно естественными законами; законы эти такъ дѣятельны, что держатъ обитателей лучшихъ странъ земнаго шара въ постоянной и неизбѣжной бѣдности. Если это можно доказать, то громадное значеніе такихъ законовъ будетъ очевидно. Ибо, если богатство есть источникъ власти, то, предполагая всѣ другія условія равными, мы увидимъ, что изслѣдованіе о распредѣленіи богатствъ есть изслѣдованіе о распредѣленіи власти и, слѣдственно, оно можетъ пролить много свѣта на происхожденіе общественныхъ и политическихъ неравенствъ, проявленіе и борьба которыхъ составляетъ значительную часть исторіи каждой образованной страны.

Разсматривая этотъ вопросъ въ общей формѣ, мы можемъ сказать, что когда начинается созданіе и накопленіе богатствъ, то они распредѣляются между двумя классами: тѣми, кто работаетъ, и тѣми, кто не работаетъ; послѣдніе, какъ сословіе искуснѣе; первое — многочисленнѣе. Фондъ, на который существуютъ они оба, созданъ низшимъ классомъ, физическая энергія котораго была направлена и, гдѣ нужно, сбережена искусствомъ высшаго класса. Вознагражденіе работнику называется заработною платою, вознагражденіе предпринимателю составляемъ барышъ. Въ позднѣйшее время возникаетъ классъ, который можно назвать сберегающимъ. Онъ ни самъ не работаетъ, ни направляетъ работою, но ссужаетъ своими сбереженіями предпринимателей и, въ вознагражденіе за ссуду, получаетъ часть ихъ барыша. Въ этомъ случаѣ члены сберегающаго класса получаютъ вознагражденіе за то, что воздержались отъ растраты своихъ сбереженій; это вознагражде-

ніе называется процентомъ. Такимъ образомъ рядомъ съ заработною платою и барышомъ появляется процентъ. Подобное устройство относится къ позднѣйшей эпохѣ, когда богатства накоплены въ значительномъ количествѣ; въ ту же пору, о которой мы говоримъ, этотъ третій сберегающій классъ (капиталисты) едва-ли имѣетъ отдѣльное существованіе. Впрочемъ, для нашей настоящей цѣли достаточно того, чтобъ узнать, какіе именно естественные законы опредѣляютъ пропорцію распредѣленія богатствъ между работникомъ и хозяиномъ, когда эти богатства накоплены.

Очевидно, что такъ-какъ заработная плата есть цѣна труда, то размѣръ ея, подобно цѣнамъ на всѣ другія удобства жизни, измѣняется смотря по колебаніямъ на рынкѣ. Если предложеніе работы сильнѣе требованія на нея, то заработная плата падаетъ; если требованіе превышаетъ предложеніе, то она возвышается. Предположимъ, что въ извѣстной странѣ есть опредѣленная масса богатствъ, которая должна быть распредѣлена между работниками и хозяевами, то, при увеличеніи числа работниковъ, уменьшается количество платы, которое долженъ получить каждый изъ нихъ. Если отложить въ сторону всѣ тѣ причины, которыя нарушаютъ дѣйствія общихъ законовъ, то мы найдемъ, что въ большемъ періодѣ времени вопросъ о заработной платѣ есть вопросъ о населеніи; ибо хотя общая сумма заработной платы зависитъ отъ количества тѣхъ богатствъ, изъ которыхъ она извлекается, но объемъ платы, получаемой каждымъ работникомъ, уменьшается по мѣрѣ увеличенія числа самихъ работниковъ. Законъ этотъ сохраняетъ свою силу и тогда, какъ по стеченію другихъ обстоятельствъ, фондъ этотъ увеличился бы до такой степени, что могъ бы удовлетворять самымъ сильнымъ требованіямъ.

Узнать обстоятельства, способствующія увеличенію фонда, изъ котораго выдается заработная плата, чрезвычайно-важно; но теперь намъ до нихъ нѣтъ дѣла. Насъ занимаетъ въ настоящую минуту не вопросъ о накопленіи богатствъ, а вопросъ о распредѣленіи ихъ. Намъ предстоитъ теперь опредѣлить тѣ естественныя условія, которыя, способствуя чрезмѣрному усиленію населенія, ведутъ къ переполненію рынка и тѣмъ способствуютъ весьма-низкому положенію заработной платы.

Изъ всѣхъ естественныхъ дѣятелей, способствующихъ увеличенію рабочаго класса самое важное и повсемѣстное значеніе имѣетъ пища. Если двѣ страны, сходныя во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ, различаются только въ этомъ, то-есть если въ одной изъ нихъ національная пища обильна и дешева, въ другой—недостаточна и дорога, то

въ первой населеніе неизбѣжно возрастаетъ скорѣе, чѣмъ во второй. Точно такъ же ясно, что заработная плата должна быть ниже въ первой странѣ, чѣмъ во второй, единственно на томъ основаніи, что предложеніе услугъ сильнѣе въ первой. Вотъ почему изслѣдованіе тѣхъ физическихъ законовъ, отъ которыхъ зависитъ пища въ разныхъ странахъ, чрезвычайно-важно для нашей настоящей цѣли. Къ-счастью, современное состояніе химіи и физіологіи дозволяетъ намъ достигнуть нѣкоторыхъ положительныхъ и точныхъ результатовъ.

Пища, употребляемая человѣкомъ, производитъ два и только два вліянія на его организмъ. Вопервыхъ, она доставляетъ этому организму достаточное количество животной теплоты, безъ которой остановились бы всѣ его отправленія; вовторыхъ, она постоянно пополняетъ постоянныя потери въ тканяхъ, то-есть въ механическомъ составѣ тѣла. Для каждой изъ этихъ отдѣльныхъ цѣлей существуетъ особый родъ пищи. Температура нашего тѣла поддерживается веществами, въ которыхъ нѣтъ азота и которые называются безазотными; постоянныя потери въ нашемъ организмѣ восполняются веществами азотистыми, въ которыхъ всегда находится азотъ. Въ первомъ случаѣ углеродъ безазотистыхъ веществъ соединяется съ кислородомъ, который мы вдыхаемъ, и производитъ внутреннее горѣніе, поддерживающее въ насъ животную теплоту. Въ послѣднемъ случаѣ, такъ-какъ азотъ не имѣетъ сродства съ кислородомъ, то азотистыя вещества сохраняются отъ горѣнія и такимъ образомъ идутъ на восполненіе тѣхъ постоянныхъ потерь въ тканяхъ, которыя неизбѣжны въ ежедневной жизни.

Вотъ два главные рода пищи. Если мы будемъ изслѣдовать законы, опредѣляющіе ея вліяніе на человѣка, то увидимъ, что въ каждомъ отдѣлѣ самая важная роль припадлежитъ климату. Когда люди живутъ въ тепломъ климатѣ, то животная теплота легче поддерживается въ нихъ, чѣмъ когда они живутъ въ холодномъ; вотъ почему они требуютъ меньшаго количества безазотной пищи, единственное назначеніе которой поддерживать животную теплоту въ тѣлѣ. Точно также въ теплыхъ странахъ требуется меньшее количество азотистой пищи, ибо тѣлесныя упражненія здѣсь рѣже и, слѣдовательно, потеря тканей совершается менѣе-быстро.

Вотъ почему, если жители теплыхъ странъ, въ своемъ нормальномъ состояніи должны употреблять менѣе пищи, чѣмъ жители холодныхъ, то, очевидно, что, при равенствѣ всѣхъ остальныхъ условій, возрастаніе населенія въ теплыхъ странахъ должно совершаться быстрѣе. Съ практической точки зрѣнія все-равно, происходитъ ли обиліе въ

пищѣ отъ того, что ее дѣйствительно много, или отъ того, что люди ѣдятъ менѣе. Если люди менѣе ѣдятъ, то результатъ тотъ же самый, какъ если пищи много; ибо меньшее количество пищи производитъ одинаковое дѣйствіе, и возрастаніе населенія идетъ быстрѣе, чѣмъ въ холодныхъ странахъ, гдѣ, еслибъ количество питательныхъ веществъ было бы равно изобильно, оно должно, по вліянію климата, истощиться скорѣе.

Такимъ образомъ чрезъ посредство пищи законы, управляющіе климатомъ, соприкасаются съ законами умноженія населенія, а слѣдственно и съ законами распредѣленія богатствъ. Но есть еще другая точка зрѣнія, подкрѣпляющая то, что мы уже замѣтили, именно, что въ холодныхъ странахъ не только люди ѣдятъ болѣе, но и самая пища дороже, то-есть, добываніе ея требуетъ бо̀льшаго труда. Причину этого я изложу какъ-можно-короче, не входя во всѣ въ подробности, кромѣ тѣхъ, которыя необходимы для лучшаго пониманія этого интересняго вопроса.

Пища, какъ мы уже видѣли, производитъ два дѣйствія: сохраняетъ животную теплоту и возстановляетъ потери въ тканяхъ. Первая цѣль достигается посредствомъ кислорода, который, проникая въ лёгкія, соединяется на пути съ углеродомъ, принимаемымъ нами въ пищу. Такое соединеніе кислорода съ углеродомъ не можетъ не произвести извѣстной степени тепла, и такимъ образомъ въ человѣческомъ тѣлѣ поддерживается необходимая степень теплоты. Въ силу закона, извѣстнаго химикамъ, кислородъ и углеродъ соединяются только въ извѣстной пропорціи, такъ-что, для сохраненія здороваго равновѣсія, необходимо, чтобъ пища, заключающая въ себѣ углеродъ, измѣнялась сообразно съ количествомъ вдыхаемаго кислорода; въ то же время необходимо увеличивать размѣры этихъ обѣихъ составныхъ частей тамъ, гдѣ внѣшній холодный воздухъ понижаетъ температуру тѣла. Ясно, что въ холодныхъ странахъ необходимость употреблять пищу, заключающую въ себѣ болѣе углерода, является двумя разными путями. Вопервыхъ, въ холодныхъ странахъ воздухъ плотнѣе и потому люди вдыхаютъ бо̀льшее количество кислорода, чѣмъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ тепло дѣлаетъ воздухъ рѣже. Вовторыхъ, холодъ ускоряетъ дыханіе жителей холодныхъ странъ и потому увеличивается и количество вдыхаемаго кислорода. На основаніи этихъ двухъ причинъ потребленіе кислорода въ этихъ странахъ больше, слѣдовательно, должно увеличиться и потребленіе углерода, ибо только соединеніе этихъ двухъ началъ въ извѣстной пропорціи можетъ поддержать температуру тѣла и самое равновѣсіе въ организмѣ человѣка.

Выходя изъ этихъ химическихъ и физіологическихъ началъ, мы приходимъ къ тому заключенію, что чѣмъ холоднѣе страна, въ которой живетъ народъ, тѣмъ болѣе углерода должна заключать въ себѣ его пища. Этотъ чисто-научный выводъ можетъ быть провѣренъ ежедневнымъ опытомъ. Жители полярныхъ странъ потребляютъ огромное количество китоваго жиру, тогда-какъ подъ тропиками подобная пища могла бы уморить человѣка, и люди питаются тамъ почти исключительно фруктами, рисомъ и вообще пищею растительною. Тщательный анализъ показалъ, что въ пищѣ полярныхъ странъ находится избытокъ углерода, а въ пищѣ тропическихъ странъ—кислорода. Не входя въ подробности, утомительныя для большинства читателей, скажемъ, что маслянистыя вещества заключаютъ въ себѣ въ шесть разъ болѣе углерода, чѣмъ фрукты, и что въ нихъ мало кислорода, между-тѣмъ какъ крахмалъ, почти общая и, въ-отношеніи къ питательности, самая важная составная часть растительной пищи, заключаетъ въ себѣ на половину кислорода.

Связь между этимъ обстоятельствомъ и тѣмъ вопросомъ, который насъ занимаетъ, въ высшей степени любопытна; ибо замѣчательно, что, на основаніи извѣстнаго намъ закона, добываніе пищи, заключающей въ себѣ углеродъ, труднѣе добыванія той, въ которой преобладаетъ кислородъ. Плоды земные, въ которыхъ кислородъ самое важное составное начало, чрезвычайно-обильны; добываніе ихъ не сопряжено не только съ опасностью, но и съ безпокойствомъ. Но пища, обильная углеродомъ, которая такъ безусловно необходима для жизни въ холодныхъ странахъ, не добывается такъ легко и скоро: она не выростаетъ, подобно растительной, изъ земли, но состоитъ изъ жира и т. п. сильныхъ и свирѣпыхъ животныхъ; добываніе ея сопряжено съ опасностью. Конечно, здѣсь мы беремъ двѣ крайности; но очевидно, что чѣмъ ближе подходитъ народъ къ одной изъ двухъ крайностей, тѣмъ болѣе подчиняется закону, ею управляющему. Очевидно, что, по общему закону, чѣмъ холоднѣе страна, тѣмъ болѣе преобладаетъ въ ея пищѣ углеродъ; чѣмъ теплѣе, тѣмъ болѣе входитъ въ ея пищу кислородъ. Въ то же время пища углеродистая, добываемая изъ животнаго міра, добывается труднѣе кислородистой, которая состоитъ изъ произведеній растительнаго царства. Слѣдственно народы, которые, по суровости климата, принуждены питаться животною пищею, въ самую раннюю пору развитія показываютъ болѣе смѣлости и предпріимчивости, чѣмъ народы, которые питаются растительною пищею, добываемою легко и безъ борьбы. Изъ этого кореннаго различія проистекаютъ многія слѣдствія, которыя здѣсь не мѣсто

излагать, ибо я имѣлъ въ виду только указать вліяніе пищи на распредѣленіе богатствъ между различными классами.

Надѣюсь, что предшествующее разсужденіе достаточно показало какимъ образомъ на практикѣ нарушается пропорція въ этомъ распредѣленіи. Факты вкратцѣ суть слѣдующіе: размѣръ заработной платы колеблется съ измѣненіемъ въ количествѣ населенія; возвышается, когда уменьшается предложеніе услугъ; понижается, когда оно увеличивается. Самое количество населенія, не говоря о многихъ другихъ вліяніяхъ, главнымъ образомъ зависитъ отъ количества пищи: возрастаетъ въ случаѣ ея обилія, уменьшается, когда ее недостаточно. Въ холодныхъ странахъ пищи, необходимой для поддержанія жизни, менѣе, чѣмъ въ теплыхъ; сверхъ-того, ея требуется гораздо-болѣе; оба эти обстоятельства нисколько не благопріятствуютъ увеличенію населенія. Чтобъ выразить результатъ въ простѣйшей формѣ, мы должны сказать, что въ жаркихъ странахъ въ заработной платѣ замѣтно постоянное стремленіе къ пониженію, а въ холодныхъ къ возвышенію.

Прилагая это великое начало къ ходу исторіи, мы найдемъ его правильнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Дѣйствительно, мы не видимъ ни одного доказательства противнаго: въ Азіи, Африкѣ, Америкѣ цивилизація началась въ странахъ жаркихъ; повсюду заработная плата была низка и рабочій классъ находился въ угнетеніи. Въ Европѣ цивилизація перешла въ страны болѣе-холодныя: плата за трудъ возросла и распредѣленіе богатствъ стало болѣе-равномѣрно, чѣмъ было возможно въ странахъ, гдѣ обиліе пищи ведетъ непремѣнно къ размноженію народонаселенія. Это различіе повело, какъ мы можемъ видѣть, ко многимъ важнымъ общественнымъ и политическимъ послѣдствіямъ. Но прежде, чѣмъ обсуждать ихъ, замѣтимъ, что единственное кажущееся исключеніе, на которое могли бы показать, подкрѣпляетъ общее правило. Мы знаемъ одинъ, только одинъ примѣръ европейскаго народа, который питается дешевою пищею; народъ этотъ — ирландцы. Въ Ирландіи рабочій классъ питается въ-теченіе двухсотъ лѣтъ картофелемъ, который ввезенъ былъ въ эту страну или въ концѣ XVI вѣка или въ началѣ XVII вѣка. Особенность картофеля состоитъ въ томъ, что, до появленія послѣдней болѣзни его, этотъ овощъ былъ дешевле другихъ, столь же здоровыхъ веществъ. Если мы сравнимъ его способность къ воспроизведенію съ количествомъ заключающихся въ немъ питательныхъ веществъ, то найдемъ, что поле, засѣянное картофелемъ, можетъ пропитать вдвое болѣе народа, чѣмъ поле, засѣянное пшеницею. Слѣдственно въ странѣ, которая питается картофелемъ, населеніе должно возрастать вдвое скорѣе, чѣмъ въ странѣ,

гдѣ питаются пшеницею. Такъ и было. До послѣднихъ лѣтъ, когда положеніе дѣлъ окончательно измѣнилось вслѣдствіе язвы и выселеній, населеніе Ирландіи возрастало ежегодно круглымъ числомъ на 3%; народонаселеніе же Англіи возрастало въ этотъ періодъ только на $1\frac{1}{2}$%. Вслѣдствіе этого распредѣленіе богатствъ было совершенно различно въ двухъ странахъ. Даже въ самой Англіи населеніе возрастаетъ слишкомъ быстро, предложеніе услугъ слишкомъ велико и рабочіе получаютъ слишкомъ незначительное вознагражденіе. Но ихъ состояніе кажется великолѣпнымъ въ-сравненіи съ тѣмъ, въ которомъ, немного лѣтъ назадъ, принуждены были жить ирландцы. Нищета, въ которую они были погружены, еще увеличивалась невѣжествомъ ихъ правителей и тѣмъ дурнымъ управленіемъ, которое еще такъ недавно было однимъ изъ мрачнѣйшихъ пятенъ на славѣ Англіи. Самою дѣятельною причиною этихъ бѣдствій было то, что незначительность заработной платы лишала ихъ не только комфорта, но обыкновенныхъ удобствъ жизни; а это дурное положеніе было естественнымъ слѣдствіемъ дешевой и обильной пищи, которая способствовала столь быстрому возрастанію народонаселенія, что рынокъ постоянно былъ переполненъ предлагавшими услуги. Это положеніе было такъ бѣдственно, что, по свидѣтельству умнаго наблюдателя, путешествовавшаго по Ирландіи 20 лѣтъ назадъ, обыкновенная заработная плата не превышала 4 пенсовъ въ день, и что даже на эту жалкую плату человѣкъ не могъ разсчитывать постоянно.

Таковы были послѣдствія дешевой и обильной пищи въ странѣ, которая вообще обладаетъ бо́льшими естественными средствами, чѣмъ какая-либо страна въ Европѣ. Если мы разсмотримъ въ болѣе-широкомъ размѣрѣ общественное и экономическое состояніе разныхъ народовъ, то увидимъ повсюду дѣйствующимъ одно и то же начало. Мы увидимъ, что, при равенствѣ всѣхъ другихъ условій, пища, употребляемая народомъ, опредѣляетъ его размноженіе; а отъ размноженія зависитъ размѣръ заработной платы. Мы найдемъ также, что, при постоянно-низкой заработной платѣ, распредѣленіе богатствъ неравномѣрно, а слѣдовательно неравномѣрно и распредѣленіе политической власти и общественнаго вліянія; другими словами: окажется, что нормальное отношеніе между низшими и высшими классами вначалѣ зависитъ отъ тѣхъ естественныхъ особенностей, которыя я старался обозначить. Сложивъ все это вмѣстѣ, мы будемъ въ состояніи съ ясностью, до-сихъ-поръ еще неизвѣстною, опредѣлить тѣсную связь между физическимъ и нравственнымъ міромъ; законы, отъ которыхъ зависитъ эта связь, и причины, по которымъ древнія граж-

дарственности, достигнувъ извѣстной степени развитія, падали, не имѣя возможности сопротивляться натиску природы и противодѣйствовать тѣмъ внѣшнимъ препятствіямъ, которыя задерживали ихъ развитіе.

Если мы обратимся прежде всего къ Азіи, то найдемъ великолѣпное поясненіе того, чтò можно назвать столкновеніемъ между внутренними и внѣшними явленіями. По обстоятельствамъ, уже изложеннымъ нами, азіатская цивилизація должна была ограничиться тою плодородною полосою, гдѣ исключительно могли накопляться богатства. Этотъ огромный поясъ заключаетъ въ себѣ самыя плодоносныя страны земнаго шара; въ числѣ его областей находится Индостанъ, который долго владѣлъ величайшею цивилизаціею. Такъ-какъ матеріаловъ для составленія вѣрнаго понятія объ Индостанѣ болѣе, чѣмъ для изученія другихъ частей Азіи, то я намѣренъ избрать его примѣромъ для поясненія тѣхъ законовъ, которые хотя заимствованы изъ политической экономіи, химіи и физіологіи, но могутъ быть повѣрены только на томъ обширномъ полѣ, которое представляетъ исторія.

Въ Индіи жаркій климатъ, по извѣстному уже намъ закону, побуждаетъ выбирать пищу, изобилующую кислородомъ, а не углеродомъ, слѣдственно въ пищу идутъ произведенія не животнаго, а растительнаго царства, главная составная часть которыхъ крахмалъ. Въ то же время высокая температура принуждаетъ питаться веществами, которыя находятся въ изобиліи и которыя на сравнительно-меньшемъ пространствѣ представляютъ болѣе питательности. Вотъ тѣ характеристическія черты, которыя, если все предшествующее справедливо, мы должны найдти въ главной пищѣ Индіи. Съ ранней эпохи общею пищею въ Индіи былъ рисъ — самое питательное изъ всѣхъ хлѣбныхъ растеній, заключающее въ себѣ наиболѣе крахмала и дающее жатву самъ-шестьдесятъ.

Такимъ-образомъ посредствомъ приложенія немногихъ физическихъ законовъ будетъ возможно заранѣе опредѣлить національную пищу каждой страны и вывести отсюда рядъ послѣдствій. Въ данномъ примѣрѣ не менѣе замѣчательно и то, что хотя на югѣ полуострова рисъ и не въ такомъ употребленіи, какъ прежде, но его замѣнило не мясо, а другое хлѣбное растеніе, называемое *раджи*. Тѣмъ не менѣе рисъ, согласно вышепоказаннымъ условіямъ, составляетъ главную пищу почти всѣхъ жаркихъ странъ Азіи, откуда въ различныя времена былъ перенесенъ въ другія части свѣта.

Вслѣдствіе этихъ особенностей климата и пищи въ Индіи развилось то неравномѣрное распредѣленіе богатствъ, которое свойственно

странамъ, гдѣ предложеніе услугъ сильнѣе, чѣмъ нужно. Если мы пересмотримъ древнѣйшія извѣстія объ Индіи, восходящія за 2000—3000 лѣтъ назадъ, мы найдемъ въ нихъ положеніе, которое существуетъ теперь и которое—мы убѣждены въ томъ—существовало съ тѣхъ-поръ, какъ началось скопленіе капиталовъ.. Мы видимъ въ Индіи высшіе классы необычайно-богатыми, а низшіе погруженными въ страшную бѣдность. Мы видимъ, что тѣ, кто способствовалъ накопленію богатствъ, получали самую малую долю въ нихъ; все же остальное поглощено высшими классами въ видѣ ренты или барыша. А такъ-какъ богатство есть важнѣйшій, послѣ разума, источникъ власти, то естественно, что неравномѣрное распредѣленіе богатствъ сопровождается неравномѣрнымъ распредѣленіемъ власти общественной и политической. Вотъ почему не удивительно, что съ ранней эпохи, о которой мы имѣемъ свѣдѣнія, огромное большинство народа, угнетаемое страшнѣйшею бѣдностью и живущее день-за-день, должно было постоянно оставаться въ унизительномъ отупѣніи, тревожимое постоянною нуждою, унижающееся передъ высшими, способное только быть рабами или биться за то, чтобъ другихъ обратить въ рабство.

Узнать точный размѣръ заработной платы въ Индіи за довольно-долгій періодъ невозможно; ибо хотя она и можетъ быть обозначена въ монетѣ, но самая цѣнность монеты подвергается постояннымъ колебаніямъ, зависящимъ отъ измѣненій въ цѣнности производства. Для нашей цѣли, впрочемъ, есть методъ, ведущій къ результатамъ болѣе точнымъ, чѣмъ всѣ, которые зависятъ отъ собиранія свѣдѣній, касающихся заработной платы. Методъ этотъ состоитъ въ слѣдующемъ: такъ-какъ все богатство страны можетъ быть раздѣлено на заработную плату, ренту, барышъ и процентъ, и такъ-какъ процентъ, говоря вообще, служитъ вѣрнымъ мѣриломъ барыша, то если у какого-либо народа рента и процентъ высоки, заработная плата должна быть низка. Вотъ почему, если мы опредѣлимъ процентъ, приносимый деньгами, и пропорцію произведеній земли, поглощаемую рентою, то составимъ точное понятіе о заработной платѣ; ибо заработная плата есть остатокъ, получаемый работникомъ послѣ того, какъ выплачены рента, барышъ и процентъ.

Замѣчательно, что въ Индіи и рента и процентъ были чрезвычайно-высоки. Въ «Законахъ Мену», которые составлены за 900 лѣтъ до Р. Х., minimum процентовъ назначенъ 15 проц., а maximum—60 проц. Этого положенія нельзя считать старымъ, теперь оставленнымъ закономъ, ибо «Законы Мену» до-сихъ-поръ составляютъ основаніе индій-

ской юриспруденціи. Мы знаемъ изъ достовѣрнаго источника, что въ 1810 г. проценты въ Индіи колебались между 36 и 60 процентами.

Вотъ что мы знаемъ объ одномъ изъ элементовъ нашего настоящаго вычисленія; что жь касается другаго — ренты, то о ней мы имѣемъ также точныя и достовѣрныя свѣдѣнія. Въ Англіи и Шотландіи рента, которую платитъ земледѣлецъ за пользованіе землею, круглымъ числомъ равняется $1/4$ валоваго сбора; во Франціи средняя пропорція—$1/3$, тогда-какъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ цифра эта гораздо-меньше и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ существуетъ только по имени. Между-тѣмъ въ Индіи законная рента, то-есть minimum, признанный законодательствомъ и обычаями страны, равняется $1/2$ валоваго сбора. Даже это жестокое опредѣленіе не вездѣ соблюдается, ибо во многихъ случаяхъ рента такъ высока, что земледѣлецъ не только не получаетъ $1/2$ сбора, но едва имѣетъ достаточно зеренъ для будущаго посѣва.

Выводъ изъ этихъ фактовъ очевиденъ. Когда рента и процентъ такъ высоки и процентъ измѣняется согласно съ размѣромъ барыша, то, само-собою разумѣется, заработная плата должна быть низка; ибо такъ-какъ въ Индіи извѣстное количество цѣнностей должно быть распредѣлено на ренту, процентъ, барышъ и заработную плату, то очевидно, что увеличеніе первыхъ трехъ должно быть сдѣлано въ ущербъ четвертой, то-есть, другими словами, вознагражденіе работника слишкомъ-незначительно въ сравненіи съ вознагражденіемъ высшихъ классовъ. Хотя это неизбѣжный выводъ, нетребующій никакихъ посторонникъ подтвержденій, но все-таки замѣтимъ, что въ позднѣйшее время, за которое только мы имѣемъ прямыя свѣдѣнія объ Индіи, заработная плата была такъ низка въ этой странѣ, что народъ былъ принужденъ работать за вознагражденіе, едва покрывавшее первыя нужды его.

Вотъ первое важное послѣдствіе дешевизны и обилія въ Индіи національной пищи. Но зло не остановилось на этомъ: въ Индіи, какъ и во всѣхъ другихъ странахъ, бѣдность вызывала къ себѣ пренебреженіе, а богатство давало власть. При равенствѣ всѣхъ остальныхъ условій, обыкновенно какъ отдѣльныя лица, такъ и цѣлыя сословія, чѣмъ богаче, тѣмъ болѣе имѣютъ вліянія. Вотъ почему можно было ожидать, что неравное распредѣленіе богатствъ породитъ неравное распредѣленіе власти. Такъ-какъ не бывало примѣра, чтобъ какое-нибудь сословіе имѣло въ своихъ рукахъ власть и не злоупотребило ею, то легко понять, почему народъ въ Индіи, осужденный физическими

условіями на бѣдность, упалъ въ униженіе, изъ котораго никакъ не могъ освободиться. Приведемъ нѣсколько примѣровъ скорѣе для поясненія, чѣмъ для доказательства предшествующаго разсужденія, которое, какъ кажется, стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія.

Большинство народа носитъ въ Индіи названіе *судра*; въ туземныхъ законахъ находимъ мы нѣсколько подробныхъ и любопытныхъ постановленій, касающихся этого сословія. Если членъ этой презираемой касты осмѣлится сѣсть на мѣсто, на которомъ сидѣлъ членъ высшей касты, то подвергается изгнанію или жестокому и позорному наказанію; если онъ говорилъ съ пренебреженіемъ о высшихъ, то губы его сожигаются; если онъ оскорбилъ кого-нибудь изъ нихъ, то языкъ его отрѣзывается; если онъ обезпокоилъ брамина, то подвергается смертной казни; если сѣлъ на одинъ коверъ съ нимъ, то обезображивается на всю жизнь; если, движимый любознательностью, захочетъ послушать чтеніе священныхъ книгъ, ему въ уши льютъ растопленное масло; если онъ выучитъ ихъ наизустъ, то убиваютъ; если онъ совершитъ убійство, то подвергается бо̀льшему наказанію, чѣмъ членъ высшей касты; если же самъ будетъ убитъ, то убійцу ждетъ то же наказаніе, которое положено за умерщвленіе собаки, кошки, вороны. Если онъ выдастъ дочь свою за брамина, то это такое преступленіе, за которое и не существуетъ соотвѣтствующаго наказанія. Впрочемъ, сказано, что браминъ пойдетъ въ адъ за то, что рѣшился жить съ женщиною, столь неизмѣримо-низшею его. Самое имя работника должно выражать что-нибудь презрѣнное, чтобъ сейчасъ можно было понять его положеніе. Этого казалось недостаточнымъ для поддержанія порядка, и выданъ былъ законъ, которымъ работникамъ запрещалось копить богатство; другимъ постановленіемъ опредѣлено было, что рабъ, освобожденный господиномъ, продолжаетъ считаться рабомъ, «ибо (прибавляетъ законодатель), кто можетъ освободить его отъ состоянія, которое для него естественно?»

Въ-самомъ-дѣлѣ, кто могъ освободить его? Я не знаю, гдѣ та сила, которая была бы въ состояніи совершить столь великое чудо; ибо въ Индіи рабство, позорное, вѣчное рабство было естественнымъ состояніемъ большинства народа, состояніемъ, на которое оно осуждено физическими законами, рѣшительно-непреодолимыми. Энергія этихъ законовъ до того неодолима, что гдѣ они дѣйствовали, повсюду производительные классы оставались въ вѣчномъ рабствѣ. Нѣтъ примѣра тропической страны, въ которой, при достаточномъ накопленіи богатствъ, народъ избѣгъ бы этой участи; нѣтъ примѣра, чтобъ жаркій климатъ не произвелъ изобилія пищи, а это изобиліе не повлекло

бы за собой неравнаго распредѣленія богатствъ и, слѣдственно, политической и общественной власти. Въ странахъ, подчиненныхъ этимъ условіямъ, простонародіе считалось за ничто: у него не было ни голоса въ дѣлахъ общественныхъ, ни возможности наблюдать за распредѣленіемъ богатствъ, созданныхъ его трудомъ. Его дѣло состояло только въ трудѣ, его обязанность — въ повиновеніи. Вотъ почему укрѣпилась у простаго народа привычка къ рабскому повиновенію, которая характеризуетъ ихъ повсюду. Въ этихъ богатыхъ и плодоносныхъ странахъ было много переворотовъ, но всѣ шли сверху, а не снизу. Демократическаго элемента въ нихъ никогда не было. Всѣ войны были войнами царей и династій. Были перевороты въ правительствѣ, дворцовые перевороты, замѣны одного лица другимъ, но не было переворотовъ народныхъ, не было смягченій той тяжкой участи, на которую въ тѣхъ странахъ скорѣе природа, чѣмъ человѣкъ осудилъ ихъ. Такъ продолжалось, пока цивилизація не возникла въ Европѣ, пока не началось дѣйствіе другихъ физическихъ законовъ, которые повели къ другимъ результатамъ. Въ Европѣ, въ первый разъ сдѣланъ былъ шагъ къ равенству; замѣтно стало стремленіе поправить то громадное различіе въ богатствѣ и власти, которое составляло слабую сторону важнѣйшихъ изъ древнихъ государствъ. Естественнымъ послѣдствіемъ было то, что въ Европѣ возникла впервые цивилизація, достойная этого имени, ибо здѣсь сдѣлана была попытка сохранить равновѣсіе между ея составными элементами. Здѣсь общество построено было на началѣ, хотя не слишкомъ-широкомъ, но достаточномъ для того, чтобъ обнять всѣ сословія, составляющія общество, открыть имъ возможность развитія и тѣмъ обезпечить существованіе и развитіе цѣлаго.

Путь, которымъ нѣкоторыя другія физическія особенности, отличающія Европу, ускорили развитіе человѣчества, уменьшивъ его предразсудки, будетъ показанъ въ концѣ этой главы. Такъ-какъ это изслѣдованіе должно касаться нѣкоторыхъ законовъ, на которые я еще не указалъ, то мнѣ кажется нужнымъ окончить разсмотрѣніе того вопроса, который насъ занимаетъ въ настоящее время; вотъ почему я предполагаю доказать, что разсужденія, приложенныя нами къ Индіи, равно относятся къ Египту, Мехикѣ и Перу. Ибо, такимъ образомъ заключивъ въ одномъ обозрѣніи замѣчательнѣйшія цивилизаціи Азіи, Африки и Америки, мы будемъ имѣть возможность видѣть, какъ хорошо прилагаются предшествующія начала къ различнымъ и отдаленнымъ странамъ; тогда у насъ будетъ достаточное количество фактовъ, чтобъ повѣрить тѣ великіе законы, которые безъ такой пред-

осторожности можно бы было предположить, что я вывелъ изъ немногихъ и недостаточныхъ данныхъ.

Мы уже говорили о тѣхъ причинахъ, по которымъ изъ всѣхъ африканскихъ народовъ только одни египтяне достигли цивилизаціи, и доказали, что эти причины зависятъ отъ физическихъ особенностей, отличающихъ Египетъ отъ другихъ сосѣднихъ странъ и облегчившихъ имъ пріобрѣтеніе богатствъ, и тѣмъ не только доставившихъ матеріальныя средства, которыя иначе были бы недоступны, но и обезпечившихъ сословіямъ, занятымъ умственнымъ трудомъ, досугъ и возможность распространять предѣлы знаній; правда, что они не создали ничего особенно-важнаго, несмотря на всѣ эти выгоды; причины этого объяснимъ послѣ; но надо замѣтить, что все-таки они стояли выше всѣхъ другихъ африканскихъ народовъ.

Цивилизація Египта, подобно цивилизаціи Индіи, была порождена плодородіемъ почвы и теплымъ климатомъ; вслѣдствіе чего въ обѣихъ странахъ проявились одни и тѣ же законы, которые повели къ однимъ и тѣмъ послѣдствіямъ. Въ той и другой странѣ національная пища была дешева и обильна; оттого предложеніе услугъ было слишкомъ значительно и распредѣленіе богатствъ и власти неравномѣрно. Я уже старался показать, какимъ образомъ система эта дѣйствовала въ Индіи; хотя матеріалы для изученія прежняго состоянія Египта гораздо-менѣе обильны, но все-таки ихъ достаточно, чтобъ замѣтить поразительную аналогію между двумя цивилизаціями и тождество между тѣми великими началами, которыя опредѣляютъ порядокъ ихъ политическаго и общественнаго развитія.

Если мы разсмотримъ самыя важныя обстоятельства, касающіяся народонаселенія древняго Египта, то замѣтимъ, что они находятся въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, что мы видѣли въ Индіи. Вопервыхъ, вмѣсто риса обычную пищу здѣсь составляютъ финики; пальмовыя деревья растутъ во всѣхъ странахъ отъ Тигра до Антлантическаго Океана; они составляютъ повседневную пищу мильйоновъ людей въ Аравіи и почти во всей Африкѣ на сѣверъ отъ экватора. Во многихъ частяхъ великой африканской степи это дерево не приноситъ плодовъ; но обыкновенно оно такъ плодоносно, что его плодами питаются къ сѣверу отъ Сахары не только люди, но и домашнія животныя. Въ Египтѣ, гдѣ, какъ говорятъ, пальма растеніе туземное, финики составляютъ главную пищу народа и ихъ такъ много, что съ раннихъ поръ ими кормили верблюдовъ, единственное вьючное животное въ этой странѣ.

Изъ этихъ фактовъ ясно, что если считать Египетъ типомъ африканской цивилизаціи, а Индію—высшимъ типомъ азіатской, то можно сказать, что финики для первой цивилизаціи то же, что̀ рисъ для второй. Замѣчательно, что естественныя особенности, существующія въ рисѣ, находятся и въ финикахъ. Въ отношеніи химическихъ свойствъ извѣстно, что питательная часть обоихъ одинакова: крахмалъ индійскаго растенія только обратился въ сахаръ въ египетскомъ. По климатическимъ условіямъ ихъ сходство очевидно: финики, подобно рису, принадлежатъ только жаркому климату и растутъ подъ тропиками или близь нихъ. Въ отношеніи ихъ размноженія и законовъ соотношенія съ почвою аналогія то же поразительна; ибо и финики, подобно рису, требуютъ мало труда и, принося обильный сборъ, занимаютъ такое незначительное пространство сравнительно съ количествомъ доставляемой ими пищи, что около 200 пальмъ нерѣдко занимаютъ не болѣе акра.

Такъ поразительно сходство, къ которому въ различныхъ странахъ ведутъ одни и тѣ же физическія условія. Съ тѣмъ вмѣстѣ въ Египтѣ и въ Индіи развитію цивилизаціи предшествовало обладаніе плодородною почвою. Такимъ образомъ производительность почвы условливала ту̀ быстроту, съ которою накоплялись богатства; обиліе пищи обусловливало ту пропорцію, въ которой богатства распредѣляются. Самая плодоносная часть Египта, Саида, и именно здѣсь мы находимъ наибольшее развитіе искусства и знанія; здѣсь существуютъ развалины Ѳивъ, Луксора, Карнака, Дендеры и Эдфу. Здѣсь-то, въ Саидѣ или, какъ больше называютъ, Ѳивандѣ, въ употребленіи пища, которая размножается быстрѣе, чѣмъ рисъ или финики. Это *дгура*, которая еще недавно разводилась только въ Верхнемъ Египтѣ, растеніе это такъ быстро размножается, что отъ одного зерна рождается 240. Въ Нижнемъ Египтѣ дгура прежде была совершенно неизвѣстна; но въ прибавленіе къ финикамъ народъ дѣлалъ себѣ что-то въ родѣ хлѣба изъ лотоса, растущаго въ дикомъ состояніи на богатой почвѣ Нила. Пища эта чрезвычайно-дешева и легко добываема; вмѣстѣ съ тѣмъ египтяне питались еще другими растеніями и травами. Количество этихъ растеній до того громадно, что въ эпоху мусульманскаго нашествія на Египетъ, въ Александріи не менѣе 4000 человѣкъ заняты были продажею разнаго рода зелени.

Слѣдствіемъ обилія національной пищи былъ цѣлый рядъ событій, близко-подходящихъ къ тѣмъ, которыя были въ Индіи. Въ Африкѣ вообще жаркій климатъ побуждалъ населеніе размножаться; но, съ другой стороны, скудость почвы сдерживала это размноженіе. Но въ

берегахъ Нила этого препятствія не существовало; вотъ почему дѣйствіе вышеуказанныхъ законовъ ничѣмъ не стѣснялось. Въ силу этихъ законовъ у египтянъ не только было обиліе въ пищѣ, но они потребляли эту пищу въ самомъ незначительномъ количествѣ; такимъ образомъ, посредствомъ двоякаго процеса населеніе переходило тѣ границы, до которыхъ могло доходить. Въ то же время низшіе классы могли легче выращать своихъ дѣтей, ибо жаркій климатъ отстранялъ еще важный источникъ издержекъ: жаръ такъ силенъ въ Египтѣ, что даже взрослые могутъ носить легкое платье; дѣти же рабочихъ классовъ ходятъ совершенно нагія; что составляетъ совершенную противоположность жителямъ холодныхъ странъ, которымъ для сохраненія здоровья необходимъ запасъ теплаго и болѣе дорогаго платья. Діодоръ Сицилійскій, путешествовавшій 1900 лѣтъ назадъ, говоритъ, что въ Египтѣ воспитать ребенка стоитъ 20 драхмъ (около 13 шил.)—обстоятельство, которое, по его справедливому замѣчанію, сильно способствуетъ многолюдности Египта.

Выражая все замѣченное выше въ сжатой формѣ, можно сказать, что размноженію египетскаго народа способствовало плодородіе почвы; увеличившее его средства къ пропитанію, и климатъ, уменьшившій его потребности. Вслѣдствіе этого Египетъ былъ населенъ не только болѣе другихъ странъ Африки, но, вѣроятно, болѣе всякой другой страны древняго міра. Наши свѣдѣнія по этому вопросу хотя и скудны, но заимствованы изъ вѣрныхъ источниковъ. Геродотъ, котораго свѣдѣнія, чѣмъ болѣе провѣряются, тѣмъ оказываются точнѣе, свидѣтельствуетъ, что въ Египтѣ царствованіе Амазиса было 20,000 городовъ. Это можетъ казаться преувеличеніемъ; но замѣчательно, что Діодоръ Сицилійскій, который путешествовалъ черезъ 400 лѣтъ послѣ Геродота и котораго зависть къ славѣ его великаго предшественника побуждала подвергать сомнѣнію его показаніе, подтверждаетъ то же самое. Ибо онъ не только замѣчаетъ, что въ его время Египетъ былъ одною изъ наиболѣе густо-населенныхъ странъ, но прибавляетъ, на основаніи сохранившихся извѣстій, что прежде онъ былъ самою населенною страною въ свѣтѣ, заключая въ себѣ 18,000 городовъ.

Только эти два писателя изъ всѣхъ древнихъ, вслѣдствіе пребыванія въ странѣ, были хорошо знакомы съ нею. Свидѣтельство ихъ тѣмъ важнѣе; что они очевидно заимствовали изъ разныхъ источниковъ: свѣдѣнія Геродота были собраны главнымъ образомъ въ Мемфисѣ; Діодора — въ Ѳивахъ. Какъ ни велика разница между этими двумя источниками, они оба сходятся въ томъ, что населеніе Египта возрастало быстро и что низшій слой его былъ въ рабскомъ состоя-

нія. Громадныя и дорого-стоившія постройки, которыя до-сихъ-поръ цѣлы, свидѣтельствуютъ о состояніи народа, воздвигшаго ихъ. Строить зданія столь-огромныя и столь-безполезныя было тиранніею со стороны правителей и рабствомъ со стороны народа. Какъ бы огромны ни были богатства, какъ бы безумна ни была расточительность, но нельзя было бы рѣшиться на тѣ расходы, которые были бы неизбѣжны въ случаѣ, еслибъ эти зданія воздвигали свободные люди, получавшіе за свой трудъ хорошее вознагражденіе. Но въ Египтѣ, какъ въ Индіи, нечего было останавливаться на подобныхъ соображеніяхъ, ибо здѣсь все вело къ тому, чтобъ возвысить высшіе классы и унизить низшіе. Между тѣми и другими здѣсь существовала глубокая пропасть. Если членъ ремесленнаго сословія перемѣнитъ свое занятіе или сдѣлается замѣтенъ склонностью къ политическимъ вопросамъ, то онъ подвергается строгому наказанію; обладаніе землею ни въ какомъ случаѣ не было дозволено ни земледѣльцу, ни ремесленнику — словомъ, никому, кромѣ царя, жрецовъ и воиновъ. Положеніе народа вообще было немногимъ лучше положенія вьючныхъ животныхъ; отъ него ничего не требовалось, кромѣ постоянной и неустанной работы. За небрежность въ работѣ людей изъ низшаго класса сѣкли; тому же наказанію нерѣдко подвергались слуги, даже женскаго пола. Такія и подобныя тому постановленія были хорошо задуманы: они какъ-нельзя-лучше шли къ обширной общественной системѣ, которая, основываясь на деспотизмѣ, могла поддерживаться только жестокостью. Такимъ-образомъ, какъ рабочія силы народа находились въ распоряженіи немногихъ, то и явилась возможность возведенія тѣхъ обширныхъ зданій, въ которыхъ невнимательный наблюдатель видитъ признакъ цивилизаціи, но которыя въ дѣйствительности свидѣтельствуютъ о нездоровомъ и испорченномъ состояніи общества, при которомъ искусство недоведенное до полнаго совершенства, служитъ во вредъ тѣмъ, кому должно бы приносить пользу, и средства, созданныя самимъ народомъ, обращены противъ него же.

Въ подобномъ обществѣ нечего и думать, чтобъ обращено было вниманіе на страданіе человѣчества. Тѣмъ не менѣе насъ поражаетъ та безпечная расточительность, съ которою въ Египтѣ высшіе классы располагали трудомъ и даже жизнію народа. Памятники, до-сихъ-поръ существующіе, ясно свидѣтельствуютъ, что въ этомъ отношеніи имъ не было соперниковъ. Нѣкоторое понятіе объ этой невѣроятной тратѣ силъ мы получимъ, когда вспомнимъ, что 2000 человѣкъ въ теченіе трехъ лѣтъ заняты были перевозкою одного камня изъ Элефантины въ Саисъ; что каналъ, соединявшій Чермное Море съ Сре-

дземнымъ, стоилъ жизни 120,000 египтянъ; постройкою одной пирамиды въ-теченіе 20 лѣтъ занимались 360,000 человѣкъ.

Переходя отъ исторіи Азіи и Африки къ Новому Свѣту, мы встрѣтимъ новое доказательство справедливости нашихъ взглядовъ. Единственными частями Америки, знавшими цивилизацію до прихода европейцевъ, были Мехика и Перу; впрочемъ, можно еще съ вѣроятностью указать на узкую полосу земли, простирающуюся отъ южной границы Мехики до Панамскаго Перешейка. Въ этой послѣдней странѣ, теперь извѣстной по именемъ Цетральной Америки, жители, при помощи плодородной почвы, пріобрѣли нѣкоторый запасъ знаній: развалины, до-сихъ-поръ существующія, свидѣтельствуютъ о механическомъ и архитектурномъ искусствѣ, невозможномъ у народа варварскаго. Кромѣ этого, мы ничего не знаемъ объ ихъ исторіи; но извѣстіе о такихъ постройкахъ, какъ Копенъ, Паленквъ, Юксмель, свидѣтельствуютъ, что въ Центральной Америкѣ существовала цивилизація, совершенно тождественная съ египетскою и индійскою, то-есть сходная съ ними неравномѣрнымъ распредѣленіемъ богатствъ и власти и рабствомъ, въ которомъ оставалось большинство народа.

Всѣ извѣстія, на основаніи которыхъ мы могли судить о цивилизаціи Центральной Америки, потеряны; но мы гораздо-счастливѣе по отношенію къ Мехикѣ и Перу. До-сихъ-поръ существуетъ значительное количество подлинныхъ документовъ, изъ которыхъ можно познакомиться съ древнимъ состояніемъ этихъ двухъ странъ съ духомъ и объемомъ ихъ цивилизаціи. Прежде, чѣмъ приступить къ этому вопросу, мы считаемъ приличнымъ указать, на основаніи какихъ естественныхъ законовъ цивилизація развилась именно въ этихъ мѣстностяхъ Америки; другими словами: почему только въ этихъ странахъ Америки общество правильно организовалось и сдѣлалось осѣдлымъ, тогда-какъ всѣ остальныя были населены грубыми и невѣжественными варварами. Такое изслѣдованіе будетъ особенно интересно потому, что послужитъ новымъ доказательствомъ чрезвычайной и неотразимой силы, съ которою природа дѣйствуетъ на судьбы человѣка.

Прежде всего поражаетъ насъ то, что въ Америкѣ, какъ въ Азіи и Африкѣ, цивилизація развилась въ жаркомъ климатѣ. Перу лежитъ близь южнаго, Центральная Америка и Мехика близь сѣвернаго тропика. Мы уже видѣли, какъ дѣйствовалъ жаркій климатъ на общественное и политическое устройство Индіи и Египта; мы видѣли уже, что подъ вліяніемъ климата уменьшились желанія и потребности народа и неравномѣрно распредѣлились богатства и власть. Но, сверхъ-того, есть еще путь, которымъ средняя температура страны дѣй-

ствуетъ на ея цивилизацію; изслѣдованіе этого вліянія я до-сихъ-поръ отлагалъ, ибо оно замѣтнѣе въ Америкѣ, чѣмъ гдѣ-либо. Дѣйствительно, такъ-какъ въ Новомъ Свѣтѣ размѣры дѣйствія природы шире, чѣмъ въ Старомъ, и самыя силы ея громаднѣе, то очевидно, что изученіе ея вліянія болѣе-удобно, чѣмъ тамъ, гдѣ это вліяніе слабѣе и гдѣ, слѣдственно, оно менѣе замѣтно.

Если читатель помнитъ, какое сильное вліяніе имѣетъ національная пища, то онъ легко пойметъ, почему цивилизація утвердилась именно въ тѣхъ областяхъ Америки, гдѣ ее нашли первые европейцы, прибывшіе въ Новый Свѣтъ. Ибо, оставляя въ сторонѣ физическія и химическія свойства почвы, можно сказать, что степень плодородія каждой страны зависитъ отъ тепла и влажности. Гдѣ эти условія развиты, тамъ страна богата; гдѣ ихъ недостаточно, тамъ она безплодна. Впрочемъ, правило это подлежитъ исключеніямъ, зависящимъ отъ постороннихъ физическихъ условій; но, при развитіи другихъ условій, правило это неизмѣнно. Обширныя приращенія, которыя получили наши знанія въ ботанической географіи послѣ опредѣленія изотермическихъ линій, даютъ намъ право считать это положеніе закономъ природы доказаннымъ не только свидѣтельствомъ физіологіи растеній, но и тщательнымъ изученіемъ пропорціи распредѣленія растеній по различнымъ странамъ.

Общій взглядъ на американскій материкъ уяснитъ намъ соотвѣтствіе между этимъ закономъ и занимающимъ насъ вопросомъ. Вопервыхъ, что касается влажности, то всѣ большія рѣки Новаго Свѣта находятся на восточной, а не на западной сторонѣ. Причины этого явленія неизвѣстны, тѣмъ неменѣе несомнѣнно, что ни въ Сѣверной, ни въ Южной Америкѣ ни одна значительная рѣка не впадаетъ въ Тихій Океанъ; тогда-какъ съ противоположной стороны находится множество рѣкъ, изъ которыхъ иныя очень-велики, всѣ чрезвычайно-важны, какъ, напримѣръ, Негро, Ла-Плата, Амазонская, Ориноко, Миссисипи, Алабама, Потомакъ, и т. д. Благодаря этой обширной водяной системѣ, почва на восточной сторонѣ постоянно орошается; но къ западу въ Сѣверной Америкѣ одна значительная рѣка, Орегонъ, въ Южной отъ Панамскаго Перешейка до Магелланова Пролива нѣтъ ни одной.

Что жь касается другой причины плодородія — жара, то мы находимъ въ Сѣверной Америкѣ совершенно противоположное положеніе дѣлъ. Если влажность преимущественно господствуетъ на восточной сторонѣ, то западная за-то теплѣе. Это различіе въ температурѣ между двумя берегами зависитъ, вѣроятно, отъ какого-нибудь важнаго

метеорологическаго закона, ибо во всемъ сѣверномъ полушаріи, восточная часть материка и острововъ холоднѣе. При настоящемъ состояніи знаній трудно рѣшить, зависитъ ли это отъ общей одинаковой причины, или на каждый случай есть своя особенная причина; но фактъ не подлежитъ сомнѣнію и вліяніе его въ раннюю пору исторіи Америки чрезвычайно-любопытно. Вслѣдствіе этого, оба условія плодородія не соединялись ни въ одной странѣ къ сѣверу отъ Мехики. Страны по одну сторону нуждались въ теплѣ, по другую — въ орошеніи. Такимъ образомъ, накопленіе богатствъ встрѣтило препятствіе; слѣдовательно задержано было развитіе цивилизаціи. До XVI вѣка до эпохи, когда Европа познакомилась съ Америкою, ни одна страна къ сѣверу отъ 20⁰ не достигла даже той несовершенной цивилизаціи, которая легко досталась Индіи и Египту. Съ другой стороны, къ югу отъ 20⁰ материкъ постоянно съуживается и наконецъ обращается въ Панамскій Перешеекъ. Эта узкая полоса была центромъ мехиканской цивилизаціи. Изъ предшествующаго разсужденія ясно, почему это такъ случилось. По особому очертанію земли, береговая линія чрезвычайно-длинна и такимъ-образомъ южная часть Сѣверной Америки получаетъ характеръ острова: вотъ почему здѣсь замѣтна одна изъ отличительныхъ чертъ островнаго климата, именно, увеличеніе влажности посредствомъ паровъ, подымающихся съ моря. Положеніе Мехики близь экватора дало странѣ теплый климатъ, особое очертаніе земли сообщило ей влажность. И такъ-какъ только въ этой части Сѣверной Америки соединялись оба условія, то въ ней же возникла и цивилизація. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибъ песчаныя равнины Калифорніи, или Южной Колумбіи, были орошаемы восточными рѣками, или еслибъ тамъ, гдѣ протекаютъ эти рѣки, былъ климатъ запада, то и та и другая комбинація привела бы къ плодородію почвы, которая, какъ свидѣтельствуетъ исторія, повсюду предшествовала началу ранней цивилизаціи. Но такъ-какъ одного изъ двухъ условій плодородія недоставало въ Америкѣ сѣвернѣе 20⁰, то и цивилизація не могла найдти тамъ себѣ центра: до-сихъ-поръ еще не найдено свидѣтельствъ—мы увѣрены, что и не можетъ найдтись—чтобъ хоть одинъ изъ народовъ этой части материка сдѣлалъ какіе-нибудь успѣхи въ улучшеніи жизненныхъ удобствъ, или бы достигъ правильной и постоянной организаціи.

Вотъ все, что нужно сказать о естественныхъ дѣятеляхъ, управлявшихъ ранними судьбами Сѣверной Америки. Что жь касается Южной, то здѣсь дѣйствовали совершенно-другія условія; ибо законъ, въ силу котораго восточные берега холоднѣе западныхъ, въ южномъ

полушаріи замѣняется совершенно противоположнымъ: къ сѣверу отъ экватора востокъ холоднѣе запада, къ югу западъ холоднѣе востока. Если мы сблизимъ этотъ фактъ съ тѣмъ, что сказано выше объ обширной рѣчной системѣ, отличающей востокъ Америки отъ запада, то станетъ яснымъ, что въ Южной Америкѣ теплый климатъ соединяется съ влажностью, чего недостаетъ въ Сѣверной. Вслѣдствіе этого почва восточной части Южной Америки замѣчательна своимъ плодородіемъ не только подъ тропиками, но далеко за ними; югъ Бразиліи и даже часть Уругвая отличаются плодородіемъ, какого нельзя встрѣтить въ соотвѣтствующихъ широтахъ Сѣверной Америки.

При бѣгломъ взглядѣ на предлагаемые выводы можно было бы подумать, что Южная Америка, такъ щедро одаренная природою, должна быть центромъ цивилизаціи, подобной тѣмъ, какія порождали тѣ же причины въ другихъ частяхъ свѣта. Но если мы взглянемъ глубже, то замѣтимъ, что исчисленное нами не исчерпываетъ даже физической стороны вопроса, и что мы должны принять въ соображеніе третьяго великаго дѣятеля, имѣвшаго возможность остановить дѣйствіе двухъ другихъ и удержать въ варварствѣ жителей страны, которая, при другихъ условіяхъ, была бы самою цвѣтущею изъ странъ Новаго Свѣта.

Этотъ третій дѣятель, о которомъ я упомянулъ, пассатные вѣтры — поразительный феноменъ, имѣвшій, какъ увидимъ далѣе, огромное и вредное вліяніе на всю цивилизацію, предшествовавшую европейской. Эти вѣтры дуютъ на пространствѣ не менѣе 56° ш., 28° къ с. отъ экватора и 28° къ югу. На этомъ обширномъ пространствѣ пассатные вѣтры дуютъ цѣлый годъ то съ св., то съ юв. Теперь причины этой правильности вполнѣ-понятны: извѣстно, что они происходятъ частью отъ движенія воздуха у экватора, частью отъ обращенія земли; ибо холодный вѣтеръ постоянно стремится отъ полюса къ экватору и производитъ сѣверный вѣтеръ въ сѣверномъ полушаріи и южный—въ южномъ; но движеніе земли, обращающейся вокругъ своей оси отъ запада къ востоку, перемѣняетъ естественное теченіе этихъ вѣтровъ. Такъ-какъ обращеніе земли быстрѣе у экватора, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, то въ сосѣдствѣ экватора эта быстрота останавливаетъ движеніе воздуха отъ полюса и принуждаетъ его принять другое направленіе: вотъ происхожденіе тѣхъ восточныхъ теченій воздуха, которыя называются пассатными вѣтрами. Впрочемъ, насъ теперь занимаетъ не объясненіе того, откуда происходятъ пассатные вѣтры, а изложеніе вліянія этого великаго физическаго явленія на исторію Южной Америки.

Пассатные вѣтры, дующіе у восточнаго берега Южной Америки, переходя черезъ Антлантическій Океанъ набираютъ на пути пары; пары

эти на берегу въ извѣстные періоды собираются въ дождевыя тучи; но какъ проходъ этихъ тучъ на западъ останавливаетъ громадный хребетъ Андовъ, то онѣ изливаются на Бразилію, которая нерѣдко испытываетъ самое разрушительное наводненіе. Эти обильные дожди въ соединеніи съ обширною рѣчною системою, отличающею восточную часть Америки и съ жаркимъ климатомъ, придаютъ почвѣ дѣятельность, неизвѣстную въ другихъ частяхъ свѣта. Бразилія, шириною почти равняющаяся Европѣ, представляетъ невѣроятно-богатое развитіе растительности. Производительность здѣсь до-того обильна и роскошна, что природа какъ-будто стремится выказать всю свою силу. Большая часть огромной страны покрыта густыми и перепутывающимися лѣсами, деревья которыхъ, отличающіяся необыкновенной красотою, блистающія тысячью красокъ, производятъ огромное количество плодовъ. На ихъ вершинахъ сидятъ птицы съ великолѣпными перьями, вьющія гнѣзда въ мрачной глубинѣ ихъ вѣтвей. У ихъ корней растетъ низвій кустарникъ, вьющіяся растенія и чужеядныя всѣхъ сортовъ обвиваютъ ихъ стволъ или коренятся въ немъ; все это полно жизни. Здѣсь встрѣчаются миріады насѣкомыхъ всѣхъ родовъ, пресмыкающіяся самыхъ странныхъ и рѣдкихъ формъ; змѣи и ящерицы, испещренная кожа которыхъ блистаетъ роковою красотою: всѣ они находятъ средства къ существованію въ этой обширной мастерской и кладовой природы. Какъ-бы для того, чтобъ въ этой землѣ чудесъ ни въ чемъ не было недостатка, лѣса пересѣкаются огромными лугами, которые, благодаря жару и влажности, питаютъ громадныя стада дикихъ коровъ, толстѣющія отъ тамошнихъ травъ; между-тѣмъ близлежащія долины, богатыя другими формами растительности, служатъ убѣжищемъ болѣе-совершеннымъ и болѣе-свирѣпымъ животнымъ, которыя поѣдаютъ другъ друга, но которыхъ человѣкъ не можетъ надѣяться истребить.

Таково обиліе жизни, которымъ Бразилія отличается отъ всѣхъ другихъ странъ земнаго шара. Но посреди этого великолѣпія и красоты природы нѣтъ мѣста для человѣка. Величіе, его окружающее, осуждаетъ его на ничтожество. Силы, противящіяся ему, до того громадны, что онъ неспособенъ противостоять имъ, неспособенъ соединиться съ другими людьми, чтобъ дѣйствовать съобща противъ гнёта этихъ силъ. Все пространство Бразиліи, несмотря на ея выгоды, остается нецивилизованнымъ, ея жители — блуждающіе дикари, неспособные сопротивляться тѣмъ препятствіямъ, которыя поставила на ихъ пути самая благодатность природы. Ибо туземцы, какъ всѣ младенчествующіе народы, имѣютъ отвращеніе отъ предпріимчивости;

незнакомые съ тѣми искусствами, посредствомъ которыхъ отстраняются физическія препятствія, они никогда не достигали возможности бороться съ затрудненіями, препятствующими ихъ общественному развитію. Дѣйствительно, эти трудности были такъ серьёзны, что въ теченіе трехсотъ лѣтъ всѣ средства европейскаго знанія были тщетно потрачены на борьбу съ ними. Только по берегамъ Бразиліи введены нѣкоторые начатки цивилизаціи, до которыхъ туземцы никогда бы не достигли. Но и такая цивилизація, сама въ себѣ несовершенная, не проникла во внутренность страны, гдѣ до-сихъ-поръ сохранилось то же положеніе дѣлъ, которое существовало здѣсь постоянно. Народъ невѣжественный и потому грубый, незнающій никакихъ ограниченій, непризнающій никакого закона, продолжаетъ жить въ своемъ старомъ глубокоукоренившемся варварствѣ. Въ ихъ странѣ физическія силы такъ дѣятельны и дѣятельность ихъ такъ широка, что человѣкъ никакъ не можетъ ускользнуть отъ ихъ соединеннаго дѣйствія. Успѣхи земледѣлія останавливаются огромными лѣсами и жатвы истребляются стаями насѣкомыхъ. Горы такъ высоки, что на нихъ нельзя всходить; рѣки такъ широки, что черезъ нихъ нельзя устроить моста; все здѣсь стремится къ тому, чтобъ заставить человѣка идти назадъ, сдержать его возрастающее честолюбіе. Такимъ-образомъ энергія природы стѣсняетъ духъ человѣческій. Нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не встрѣчается такого противорѣчія между величіемъ внѣшняго міра и мелочностью внутренняго. И духъ, устрашенный борьбою, не только неспособенъ двигаться впередъ, но даже безъ посторонней помощи, безъ-сомнѣнія, сталъ бы упадать; ибо даже и теперь, при всѣхъ улучшеніяхъ, постоянно-вводимыхъ изъ Европы, не представляетъ признаковъ дѣйствительнаго движенія: несмотря на постоянное прибытіе колонистовъ, обработывается менѣе $^1/_5$ всей земли: обычаи народа отличаются прежнимъ варварствомъ; что жь касается количества народонаселенія, то замѣчательно, что въ Бразиліи, этой огромной странѣ, которая въ 12 разъ болѣе Европы, гдѣ силы природы могущественнѣе, чѣмъ въ какой-либо другой, гдѣ такъ много и растеній и животныхъ, гдѣ почву орошаютъ громадныя рѣки, гдѣ берега обилуютъ отличными гаванями — населеніе не превышаетъ 6,000,000 человѣкъ.

Всѣ эти соображенія достаточно объясняютъ, почему въ Бразиліи нѣтъ памятниковъ даже несовершенной цивилизаціи, нѣтъ даже извѣстій о томъ, что народъ когда-нибудь возвышался надъ тѣмъ состояніемъ, въ которомъ его нашли при открытіи страны. Совершенную противоположность Бразиліи представляетъ другая страна, кото-

рая, хотя находится на томъ же материкѣ и лежитъ подъ тѣми градусами широты, но подчинена другимъ естественнымъ условіямъ и потому была центромъ иной общественной жизни, это—знаменитое Перуанское Царство, близь котораго проходитъ южный тропикъ и которое, по обстоятельствамъ, уже указаннымъ, было единственною частью Южной Америки, доступною какой-либо степени цивилизаціи. Въ Бразиліи жаркій климатъ соединяется съ двоякимъ орошеніемъ, происходящимъ частью отъ обширной рѣчной системы, частью отъ дождей, наносимыхъ пассатными вѣтрами. Это соединеніе производитъ то излишнее плодородіе, которое, относительно человѣка, идетъ далѣе цѣли и останавливаетъ его развитіе своимъ чрезмѣрнымъ обиліемъ, которое въ болѣе-умѣренныхъ размѣрахъ способствовало бы этому развитію. Ибо, какъ мы ясно видѣли, если производительныя силы природы простираются далѣе извѣстнаго предѣла, то неполное знаніе человѣка необразованнаго не можетъ совладать съ ними и какимъ-либо образомъ обратить ихъ въ свою пользу. Если же силы эти будучи дѣятельны, все-таки могутъ быть заключены въ извѣстные предѣлы: то возникаетъ состояніе дѣлъ, подобное тому, которое находимъ въ Азіи и Африкѣ, гдѣ обильная производительность природы, не только не стѣсняетъ общественнаго развитія, но еще способствуетъ ему, поощряя къ накопленію богатствъ, безъ извѣстной доли которыхъ прогрессъ невозможенъ.

Итакъ, оцѣнивая физическія условія, опредѣляющія цивилизацію въ ея началѣ, мы видимъ, что слѣдуетъ обращать вниманіе не только на производительность природы, но, если можно такъ выразиться, и на *приложимость* ея силъ; то-есть, слѣдуетъ смотрѣть столько же на легкость употребленія ея средствъ, сколько и на самое количество этихъ средствъ. Прилагая это къ Мехикѣ и Перу, мы увидимъ, что въ нихъ это соединеніе было счастливѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ Америки; ибо хотя ихъ средства не были такъ многочислены, какъ средства Бразиліи, но они были способнѣе къ употребленію. Въ то же время жаркій климатъ далъ въ этихъ странахъ возможность выразиться тѣмъ законамъ, которые, какъ мы видѣли, имѣютъ вліяніе на всякую раннюю цивилизацію. Замѣчательно—хотя это и не обратило на себя ничьего вниманія—что настоящая южная граница Перу совпадаетъ съ древнею сѣверною границею Мехики: обѣ онѣ по поразительному, но не естественному соотвѣтствію, оканчиваются не доходя до тропика: границею Мехики служитъ 21° с. ш., границею Перу — 21° 30′ ю. ш.

Такова чудная правильность, которую представляетъ намъ исторія,

если ее изучить какъ слѣдуетъ. Если сравнить Мехику и Перу съ тѣми странами Стараго Свѣта, о которыхъ мы уже говорили, то увидимъ, что цивилизаціи ихъ, какъ всѣ цивилизаціи, предшествовавшія европейской, подчинены были законамъ физическимъ. Вопервыхъ, отличительная черта ихъ національной пищи та же, какую мы встрѣчаемъ въ національной пищѣ Азіи и Африки; ибо хотя немногія изъ питательныхъ растеній Стараго Свѣта встрѣчаются въ Новомъ, но ихъ замѣняютъ другія, совершенно-сходныя съ рисомъ и финиками, то-есть, отличающіяся тѣмъ же изобиліемъ, тою же легкостью размноженія, тѣмъ же богатствомъ сбора и, слѣдственно, ведущія къ тѣмъ же общественнымъ результатамъ. Въ Мехикѣ и Перу однимъ изъ самыхъ питательныхъ веществъ былъ маисъ, который, какъ кажется, составлялъ исключительную принадлежность Америки. Это растеніе, подобно рису и финикамъ, требуетъ жаркаго климата; и хотя, какъ говорятъ, оно разводится на высотѣ 7000 ф., но его рѣдко можно встрѣтить далѣе 40° д., и чѣмъ болѣе измѣняется температура, тѣмъ менѣе сильно онъ размножается. Такъ, напримѣръ, въ Новой Калифорніи онъ никогда не собирается болѣе, какъ самъ-70, или самъ-80; но въ Мехикѣ одно зерно приноситъ 300, 400, даже, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, 800 зеренъ.

Народъ, который питается растеніемъ, столь легко размножающимся, вовсе не имѣетъ нужды изощрять свою предпріимчивость; въ то же время народонаселеніе можетъ легко возрастать, что, конечно, ведетъ къ тѣмъ же общественнымъ и политическимъ послѣдствіямъ, какія мы видѣли въ Индіи и Египтѣ. Кромѣ-того, съ маисомъ они употребляютъ другіе роды пищи, къ которымъ прилагаются тѣ же замѣчанія. Говорятъ, что картофель, который такъ гибельно дѣйствовалъ въ Ирландіи, способствуя размноженію населенія, есть туземное растеніе Перу; хотя Гумбольдтъ и опровергаетъ это мнѣніе, но несомнѣнно то, что картофель былъ въ сильномъ употребленіи въ этой странѣ, когда туда прибыли европейцы. Въ Мехикѣ картофель былъ неизвѣстенъ до прибытія испанцевъ; но и мехиканцы и перуанцы питались плодами банана, размноженіе котораго до того быстро, что только достовѣрныя и точныя свидѣтельства могутъ заставить повѣрить ему. Это замѣчательное растеніе тѣсно связано въ Америкѣ съ климатическими условіями; такъ-какъ оно составляетъ предметъ первой важности для пропитанія человѣка тамъ, гдѣ температура превышаетъ извѣстную норму. Объ его питательности достаточно замѣтить, что акръ, засѣянный имъ, можетъ прокормить болѣе 50 человѣкъ, когда то же пространство земли, засѣянное въ Европѣ

пшеницею, едва можетъ пропитать двухъ человѣкъ. Что жь касается его плодородія, то вычислено, что оно приноситъ въ 44 раза болѣе картофеля и 33 раза болѣе пшеницы.

Теперь ясно видно, почему цивилизація Мехики и Перу такъ похожа на цивилизацію Индіи и Египта. Въ этихъ четырехъ странахъ, равно какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ областяхъ Южной Азіи и Центральной Америки, существовалъ запасъ знаній, ничтожный въ сравненіи съ европейскою цивилизаціею, но весьма-замѣчательный, если поставить рядомъ съ нимъ грубое невѣжество другихъ сосѣднихъ съ ними народовъ. Но въ нихъ во всѣхъ замѣтна совершенная неспособность распространить даже тѣ небольшія знанія, которыми они владѣли; замѣтно полное отсутствіе демократическаго духа; полнѣйшій деспотизмъ высшихъ и презрѣнное раболѣпіе низшихъ классовъ; ибо, какъ мы уже видѣли, всѣ эти цивилизаціи находились подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ физическихъ условій, выгодныхъ для накопленія богатствъ, но невыгодныхъ для справедливаго распредѣленія ихъ. Такъ-какъ знанія человѣческія были въ младенчествѣ, то и невозможно было бороться противъ этихъ условій, или удалить то вліяніе ихъ на общественное устройство, которое я старался показать. Какъ въ Мехикѣ, такъ и въ Перу искусства, особенно тѣ отрасли ихъ, которыя служатъ роскоши богатыхъ классовъ, были сильно развиты. Домы богатыхъ были полны украшеніями и посудою изумительной работы; стѣны ихъ комнатъ покрыты великолѣпными обоями; ихъ платье и украшеніе свидѣтельствовали о потратѣ значительныхъ суммъ; ихъ драгоцѣнныя вещи отличались изяществомъ и разнообразіемъ формъ; ихъ богатыя и широкія одежды были вышиты рѣдкими перьями, привезенными изъ самыхъ отдаленныхъ областей государства — все свидѣтельствовало о громадныхъ богатствахъ и тщеславной расточительности, съ которою высшіе классы пользовались этимъ богатствомъ. Немедленно за этимъ классомъ слѣдовалъ народъ: положеніе его легко себѣ представить. Въ Перу онъ платилъ всѣ подати, ибо богатые и жрецы были изъяты отъ нихъ. Такъ-какъ при подобномъ состояніи общества народъ не можетъ имѣть собственности, то онъ долженъ былъ доставать деньги на издержки правительства личнымъ трудомъ, который находился въ полномъ распоряженіи государства. Съ тѣмъ вмѣстѣ правители страны ясно понимали, что чувству личной независимости не соотвѣтствуетъ такому положенію дѣлъ и потому издавали законы, на основаніи которыхъ даже въ мельчайшихъ подробностяхъ личная воля была стѣснена надзоромъ государства. Низшій классъ былъ такъ стѣсненъ, что не могъ не только переселяться свободно, но даже сдѣлать измѣ-

нѣнія въ своемъ одѣяніи безъ позволенія старшихъ. Каждому человѣку законъ предписывалъ чѣмъ онъ долженъ заниматься, что̀ носить, на комъ жениться. У мехиканцевъ положеніе дѣлъ было такое же: одинаковыя физическія условія повели къ одинаковымъ общественнымъ послѣдствіямъ. Въ главныхъ чертахъ, которыми историкъ долженъ преимущественно заниматься, положеніе народа въ той и другой странѣ было совершенно-сходно; несмотря на мелкія различія, оба государства сошлись въ одномъ: у нихъ были только два сословія: высшее—деспоты, и низшее—рабы. Таково было состояніе Мехики, когда туда пришли европейцы, и къ нему она должна была стремиться съ самыхъ раннихъ поръ. Положеніе это было до того невыносимо, что, какъ мы знаемъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, общее народное неудовольствіе было одною изъ причинъ торжества испанцевъ и паденія Мехиканскаго Государства.

Чѣмъ болѣе мы углубляемся въ это изслѣдованіе, тѣмъ поразительнѣе становится для насъ сходство между различными цивилизаціями, предшествовавшими эпохѣ, которую можно назвать европейскою. Раздѣленіе на касты невозможно у великихъ европейскихъ народовъ; но оно существовало съ глубочайшей древности въ Индіи, Египтѣ и, вѣроятно, въ Персіи. То же учрежденіе строго поддерживалось въ Перу; доказательствомъ того, какъ оно соотвѣтствуетъ извѣстной степени развитія, можетъ служить примѣръ Мехики, гдѣ хотя касты и не были введены закономъ, но, по существовавшему обычаю, сынъ долженъ былъ заниматься промысломъ отца. Это можетъ служить политическимъ знаменіемъ охранительнаго и коснаго духа, который, какъ увидимъ послѣ, господствуетъ во всѣхъ странахъ, гдѣ высшіе классы присвоили себѣ власть и исключительное владѣніе. Религіознымъ знаменіемъ того же духа была безграничная преданность старинѣ и ненависть ко всякому нововведенію, которая, по замѣчанію величайшаго изъ писателей объ Америкѣ (Гумбольдта), составляетъ точку соприкосновенія между туземцами Америки и Индостана. Къ этому можно прибавить, что изучавшіе исторію Египта замѣтили и тамъ подобное стремленіе. Уилькинсонъ, который, какъ извѣстно, обращалъ особенное вниманіе на памятники этого народа, говоритъ, что египтяне менѣе всякаго другаго народа любили измѣнять свои вѣрованія; и Геродотъ, ѣздившій по Египту 2300 лѣтъ назадъ, свидѣтельствуетъ, что жители этой страны сохраняли старые обычаи и не принимали новыхъ. Съ другой точки зрѣнія сходство между двумя странами равно-интересно, ибо зависитъ отъ причинъ, которыя, какъ указано, общи для обѣихъ. Такъ-какъ въ Мехикѣ и Перу низшіе классы находились въ полномъ распо-

ложенія высшихъ, то мы и здѣсь, какъ и въ Египтѣ, видимъ ту безполезную трату труда, о которой свидѣтельствуютъ также развалины храмовъ и дворцовъ въ нѣкоторыхъ странахъ Азіи. И мехиканцы и перуанцы воздвигали зданія, столь же безполезныя, какъ и зданія египетскія, и которыхъ нельзя было бы строить, еслибъ трудъ не былъ дурно оплачиваемъ и дурно направляемъ. Издержки на воздвиженіе этихъ памятниковъ тщеславія неизвѣстны, но онѣ должны быть громадны, ибо такъ-какъ американцамъ неизвѣстно было употребленіе желѣза, то для нихъ недоступно было орудіе, которое могло бы ускорить работу. Впрочемъ, сохранились нѣкоторыя подробности, на основаніи которыхъ можно составить приблизительное понятіе объ этомъ вопросѣ. Такъ, напримѣръ, возьмемъ царскіе дворцы: въ Перу, какъ извѣстно, надъ построеніемъ дворца въ теченіе пяти лѣтъ работало 20,000 чел.; построеніе мехиканскаго дворца потребовало работы не менѣе, какъ 200,000 чел.—поразительные факты, которые, еслибъ погибли всѣ другія свидѣтельства, могли бы дать намъ возможность опредѣлить положеніе тѣхъ странъ, гдѣ для такой ничтожной цѣли потрачено такъ много силъ.

Предшествующіе факты, почерпнутые изъ несомнѣнныхъ источниковъ, доказываютъ силу тѣхъ великихъ естественныхъ законовъ, которые въ самыхъ цвѣтущихъ изъ странъ, находящихся внѣ Европы, поощрили къ накопленію богатствъ; но задержали ихъ распредѣленіе и такимъ образомъ обезопасили за высшими классами монополію одного изъ важнѣйшихъ элементовъ общественной и политической власти. Вслѣдствіе того во всѣхъ этихъ великихъ цивилизаціяхъ большинство народа нисколько не пользовалось плодами національнаго развитія: если узко основаніе прогреса, то и самъ прогресъ долженъ быть непроченъ. Вотъ почему, когда изъ такого положенія дѣлъ рождаются неблагопріятныя условія, то естественно, что вся система должна пасть. Въ такихъ странахъ общество, раздѣленное внутри самого себя, не можетъ удержаться. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что, задолго до окончательнаго кризиса, эта односторонняя и неправильная цивилизація начинала падать; ея собственное вырожденіе способствовало успѣхамъ чужеземныхъ завоевателей и обусловило паденіе тѣхъ древнихъ царствъ, которыя, при другой, болѣе-прочной системѣ, легко бы могли спастись.

Достаточно всего сказаннаго о томъ, какое вліяніе имѣли на цивилизацію странъ неевропейскихъ особенности пищи, климата и почвы. Мнѣ осталось изслѣдовать вліяніе другихъ естественныхъ дѣятелей, которымъ я далъ собирательное названіе *видъ природы;* изученіе ихъ введетъ насъ въ обширное и важное изслѣдованіе о томъ вліяніи на че-

ловѣка внѣшней природы, которое предрасполагаетъ его къ извѣстному образу мыслей и такимъ образомъ даетъ особый оттѣнокъ религіи, искусствамъ, литературѣ — словомъ, главнѣйшимъ проявленіямъ человѣческаго духа. Изученіе этого вліянія служитъ дополненіемъ только-что завершеннаго нами изслѣдованіи; ибо, какъ мы видѣли, что климатъ, пища и почва способствовали накопленію и распредѣленію богатствъ, а общій видъ природы, какъ мы увидимъ, способствуетъ накопленію и распредѣленію мысли. Въ первомъ случаѣ мы имѣли дѣло съ матеріальными интересами человѣка, во второмъ — съ его интересами умственными. Первые я анализировалъ, насколько могъ или, можетъ-быть, даже насколько позволяетъ современное состояніе знаній; но вторые, то-есть, отношеніе между видомъ природы и духомъ человѣческимъ ведутъ къ столь обширнымъ разсужденіямъ, требуютъ такой массы матеріаловъ, собранныхъ отвсюду, что я опасаюсь за успѣхъ. Едва-ли нужно говорить, что я не имѣю притязаній на окончательный всеисчерпывающій анализъ и не надѣюсь сдѣлать что-нибудь большее обобщенія нѣскольких законовъ того сложнаго и еще неизвѣданнаго процеса, посредствомъ котораго природа дѣйствуетъ на духъ человѣческій, обращаетъ въ другую сторону его естественное движеніе и нерѣдко стѣсняетъ его естественное развитіе.

Дѣятели, соединенные нами подъ общимъ названіемъ вида природы, съ этой точки зрѣнія распадаются на два разряда: одни обращаются къ воображенію, другіе дѣйствуютъ на умъ. Ибо хотя и вполнѣ-справедливо, что въ гармоническомъ духѣ умъ и воображеніе занимаютъ каждый свое мѣсто и взаимно другъ другу помогаютъ, на столько же справедливо и то, что въ бо̀льшей части случаевъ умъ слишкомъ-слабъ, чтобъ подчинить себѣ воображеніе и стѣснить его опасное своеволіе. Развивающаяся цивилизація стремится къ тому, чтобъ помочь этой диспропорціи и облечь разумъ тою властью, которою въ раннюю пору развитія общества владѣетъ воображеніе. Вопросъ о томъ, есть ли причины бояться, чтобъ реакція не зашла слишкомъ-далеко и чтобъ умственныя силы не подчинили себѣ воображеніе, чрезвычайно-интересенъ, но едва-ли можно разрѣшить его при настоящемъ состояніи нашихъ знаній. Во всякомъ случаѣ, очевидно, что ничего подобнаго еще не было; ибо въ нашъ вѣкъ, когда воображеніе болѣе, чѣмъ когда-либо, подчинено уму, оно имѣетъ еще достаточно силы, что̀ можно легко доказать не только суевѣріями, которыя повсюду распространены между низшими классами, но и поэтическимъ уваженіемъ къ старинѣ, которое хотя уже значительно

уменьшилось, все еще сдерживаетъ независимость, ослѣпляетъ сужденіе и ограничиваетъ оригинальность образованныхъ классовъ.

Что касается естественныхъ явленій, внушаютъ ли они страхъ или удивленіе, возбуждаютъ ли въ умѣ понятіе о чѣмъ-то неопредѣленномъ, все-таки они воспламеняютъ воображеніе и подчиняютъ ему болѣе-спокойное и обсуждающее дѣйствіе разума. Въ такихъ случаяхъ человѣкъ, противопоставляя себя силѣ и величію природы, приходитъ къ скорбному сознанію своей незначительности. Онъ постоянно сознаетъ себя низшимъ; со всѣхъ сторонъ тѣснятъ его безчисленныя препятствія и ограничиваютъ его личную волю. Его умъ, испуганный неопредѣленнымъ и неопредѣлимымъ, не заботится объ изслѣдованіи тѣхъ подробностей, изъ которыхъ состоитъ это величіе. Съ другой стороны, тамъ, гдѣ явленія природы малы и слабы, человѣкъ становится увѣреннѣе, болѣе разсчитываетъ на свою силу и готовъ все подчинить своей власти. Когда явленіе болѣе доступно, легче дѣлать надъ нимъ опыты или изслѣдовать его въ подробности, пробуждается духъ изслѣдованія и анализа; человѣкъ начинаетъ обобщать явленія природы и подводить ихъ подъ общіе законы, которыми они управляются.

Разсматривая путь, которымъ общій видъ природы дѣйствуетъ на умъ человѣческій, мы замѣчаемъ, что всѣ раннія цивилизаціи появились подъ тропиками, или вблизи ихъ, гдѣ природа величественнѣе, страшнѣе и вообще опаснѣе для человѣка. Дѣйствительно, въ Азіи, Африкѣ и Америкѣ внѣшняя природа громаднѣе, чѣмъ въ Европѣ. Это касается не только постоянныхъ и опредѣленныхъ предметовъ, каковы горы и другія естественныя преграды, но и случайныхъ явленій, напримѣръ, землетрясеній, бурь, урагановъ и моровыхъ язвъ, которыя въ этихъ странахъ часты и разрушительны. Эти постоянныя и серьёзныя опасности производятъ дѣйствіе, подобное красотамъ природы: какъ тѣ, такъ и другія усиливаютъ дѣятельность воображенія. Такъ-какъ главный удѣлъ воображенія все неизвѣстное, то всякое необъясненное и важное событіе непремѣнно усиливаетъ эту способность. У тропиковъ такія событія встрѣчаются чаще, слѣдственно, воображеніе должно торжествовать. Нѣсколько примѣровъ дѣйствій этого начала прольютъ на него свѣтъ и приготовятъ читателя къ разсужденію, на немъ основанному.

Изъ числа физическихъ явленій, усиливающихъ безпомощность человѣка, землетрясеніе одно изъ самыхъ поразительныхъ, какъ потому, что оно связано съ потерею жизни, такъ и потому, что оно появляется быстро и неожиданно. Есть причина полагать, что ему всегда пред-

шествуютъ атмосферическія измѣненія, которыя поражаютъ непосредственно нервную систему и такимъ образомъ какъ-бы выказываютъ прямое физическое стремленіе ослабить дѣйствіе нашего разума. Какъ бы то ни было, несомнѣнно, что они имѣютъ вліяніе на особый складъ мыслей: страхъ, ими внушаемый, возбуждаетъ воображеніе до болѣзненнаго состоянія и, превозмогая разумъ, располагаетъ человѣка къ суевѣрнымъ мечтамъ. Замѣчательно, что повтореніе не только не ослабляетъ, но еще усиливаетъ подобныя чувства. Въ Перу, гдѣ землетрясенія чаще, чѣмъ въ другихъ странахъ, каждое повтореніе его усиливаетъ общій ужасъ, такъ-что въ нѣкоторыхъ случаяхъ страхъ становится невыносимъ. Духъ находится постоянно въ робкомъ и безпокойномъ состояніи, и въ людяхъ, бывшихъ свидѣтелями самыхъ серьёзныхъ опасностей, которыхъ не могутъ ни понять, ни предотвратить, пробуждается сознаніе своей собственной ничтожности и бѣдности своихъ средствъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ воображеніе воспламеняется и порождается дѣятельная вѣра въ сверхъестественное. При слабости человѣческой силы, обращаются къ силѣ внѣчеловѣческой, начинаютъ вѣрить въ таинственное и невидимое, какъ во что-то присутствующее; въ народѣ развивается чувство страха и безпомощности, на которомъ основано всякое суевѣріе и безъ котораго суевѣріе не могло бы существовать.

Дальнѣйшее поясненіе этой мысли можно найдти въ Европѣ, гдѣ подобные случаи, впрочемъ, сравнительно говоря, крайне-рѣдки. Землетрясенія и волканическія изверженія болѣе-часты и болѣе-разрушительны въ Италіи и на Пиренейскомъ Полуостровѣ; здѣсь-то именно суевѣріе болѣе развито и суевѣрные классы болѣе могущественны. Въ этихъ странахъ духовенство утвердило свою власть; здѣсь христіанство было изложено въ самомъ худшемъ смыслѣ и здѣсь суевѣріе гораздо-долѣе владычествовало. Къ этому можно прибавить еще одно обстоятельство, свидѣтельствующее о связи этихъ явленій съ преобладаніемъ воображенія. Говоря вообще, изящныя искусства дѣйствуютъ болѣе на воображеніе, а науки—на разумъ. Замѣчательно, что всѣ величайшіе живописцы и почти всѣ величайшіе скульпторы новой Европы родились на итальянскомъ или испанскомъ полуостровѣ. Что касается наукъ, то, конечно, въ Италіи было нѣсколько людей съ замѣчательными способностями, но число ихъ незначительно въ сравненіи съ числомъ артистовъ и поэтовъ. Литература Испаніи и Португаліи тоже въ высшей степени поэтична; изъ школъ этихъ странъ вышли нѣкоторые изъ величайшихъ живописцевъ. Съ другой стороны, мышленіе было въ пренебреженіи, и на всемъ полуостровѣ съ ран-

нихъ поръ до настоящаго времени не было ни одного слишкомъ-знаменитаго имени въ исторіи естественныхъ наукъ, не было ни одного человѣка, сочиненія котораго сдѣлали бы эпоху въ развитіи европейскаго знанія.

Дѣйствіе грозныхъ явленій природы на возбужденіе воображенія, ободреніе суевѣрій и замедленіе въ развитіи знаній станетъ яснѣе, если приведемъ одинъ-два дополнительные факты. Въ народѣ невѣжественномъ всегда есть стремленіе приписывать всѣ серьёзныя опасности сверхъестественному вмѣшательству; вотъ источникъ религіознаго чувства, вслѣдствіе котораго человѣкъ не только подчиняется опасности, но еще обоготворяетъ ее. Такъ бываетъ съ индусами въ малабарскихъ лѣсахъ; множество подобныхъ случаевъ можно наблюдать при изученіи положенія варварскихъ племенъ. Это чувство идетъ такъ далеко, что люди, изъ благоговѣйнаго страха, нерѣдко отказываются истреблять дикихъ звѣрей и вредныхъ пресмыкающихся. Такимъ образомъ самый вредъ, наносимый этими животными, служитъ источникомъ ихъ безопасности.

Вотъ почему старымъ тропическимъ цивилизаціямъ приходилось бороться съ безчисленными трудностями, неизвѣстными въ умѣренномъ климатѣ, гдѣ долго процвѣтала цивилизація европейская. Опустошенія, наносимыя дикими звѣрями, враждебными человѣку, ураганы, бури, землетрясенія постоянно тяготѣли надъ ними и измѣняли народный характеръ. Потеря жизни была малѣйшимъ неудобствомъ. Истинное зло состояло въ томъ, что въ умѣ рождались представленія, въ силу которыхъ воображеніе пересилило разумъ; которыя внушили народу чувство благоговѣнія, вмѣсто стремленія къ пониманію, и которыя поощряли къ пренебреженію изученіемъ естественныхъ причинъ и замѣненію ихъ сверхъестественными.

Все, что мы знаемъ объ этихъ странахъ, свидѣтельствуетъ, какъ дѣятельно было это стремленіе. Съ рѣдкими исключеніями, здоровье болѣе непрочно и болѣзнь болѣе часта въ тропическихъ, чѣмъ въ умѣренныхъ странахъ. Часто было замѣчено, что страхъ смерти заставляетъ людей съ большею ревностью прибѣгать къ сверхъестественной помощи, чѣмъ это бываетъ въ другихъ случаяхъ. Справедливость этого замѣчанія очевидна. Будущая жизнь совершенно-невѣдома намъ и потому нельзя дивиться, что самые смѣлые люди содрогаются при приближеніи этого темнаго и неиспытаннаго будущаго. Разумъ молчитъ на этотъ вопросъ; за-то воображеніе дѣйствуетъ безъ стѣсненія. Когда оканчивается дѣйствіе причинъ естественныхъ, открывается поле для сверхъестественныхъ. Вотъ почему лишь-только въ

какой-нибудь странѣ усиливаются опасныя болѣзни, немедленно увеличиваются предразсудки и воображеніе получаетъ перевѣсъ надъ разумомъ. Начало это до того обще, что во всѣхъ странахъ свѣта толпа приписываетъ вмѣшательству божества тѣ болѣзни, которыя особенно вредоносны, и особенно тѣ, которыя появляются быстро и таинственно. Въ Европѣ долго вѣрили, что каждая язва есть прямое проявленіе божескаго гнѣва; такое мнѣніе, хотя и давно перестало быть всеобщимъ, все еще встрѣчается въ самыхъ образованныхъ странахъ. Подобное суевѣріе усиливается тамъ, гдѣ медицина слишкомъ отстала, или гдѣ болѣзни слишкомъ-часты. Въ странахъ, гдѣ существуютъ оба эти условія, суевѣріе доходитъ до высшей степени; даже и тамъ, гдѣ существуетъ одно изъ этихъ условій, стремленіе къ нему такъ неотразимо, что едва-ли хоть одинъ варварскій народъ не приписываетъ своимъ добрымъ или злымъ богамъ не только чрезвычайныхъ, но даже и обыкновенныхъ, только болѣе общихъ болѣзней.

Вотъ новое доказательство того неблагопріятнаго вліянія, которое въ древнихъ цивилизаціяхъ внѣшнія явленія имѣли на умъ человѣческій. Тѣ страны Азіи, которыя достигли высшаго развитія, по различнымъ физическимъ причинамъ гораздо-нездоровѣе Европы. Одинъ этотъ фактъ долженъ былъ имѣть значительное вліяніе на народный характеръ, которое еще болѣе увеличивалось при помощи другихъ выше указанныхъ обстоятельствъ, имѣющихъ подобное же вліяніе. Къ этому можно присовокупить, что тѣ язвы, которыя въ разное время опустошали Европу, всѣ шли изъ Азіи, гдѣ дѣйствіе ихъ было еще гораздо-сильнѣе. Дѣйствительно, изъ существующихъ въ Европѣ страшныхъ болѣзней, едва-ли хоть одна туземнаго происхожденія, и самыя худшія изъ нихъ занесены изъ тропическихъ странъ въ I в. по Р. Х. или и послѣ.

Сообразивъ всѣ эти факты, можно сказать, что въ цивилизаціяхъ внѣевропейскихъ природа какъ-бы стремилась усилить дѣятельность воображенія и ослабить разумъ. При помощи теперь собранныхъ матеріаловъ можно прослѣдить дѣйствіе этого закона до самыхъ крайнихъ его послѣдствій и показать, какъ въ Европѣ онъ встрѣчается съ другимъ, совершенно-противоположнымъ ему закономъ, въ силу котораго явленія природы стремятся ограничить дѣйствіе воображенія и усилить разумъ: они внушаютъ человѣку довѣріе къ его собственнымъ силамъ, облегчаютъ пріобрѣтеніе знаній, ибо поощряютъ тотъ смѣлый духъ анализа, который постоянно идетъ впередъ и отъ котораго зависитъ все будущее развитіе.

Я не могу начертить въ подробности путь, идя по которому, Европа, благодаря этой особенности, создала цивилизацію, отличную отъ цивилизацій, ей предшествовавшихъ. Для этой цѣли необходима такая ученость и такое богатство мысли, какія едва-ли соединимы въ одномъ человѣкѣ: ибо понять общую и широкую истину еще не значитъ имѣть возможность прослѣдить всѣ ея развѣтвленія и доказать ее ясно для простыхъ читателей. Кто привыкъ къ подобнымъ разсужденіямъ, кто способенъ видѣть въ исторіи человѣка нѣчто больше простаго разсказа фактовъ, тѣ поймутъ, что въ вопросахъ сложныхъ чѣмъ шире обобщеніе, тѣмъ возможнѣе исключенія изъ него; чѣмъ болѣе фактовъ обнимаетъ эта теорія, тѣмъ болѣе и исключеній, которыя, впрочемъ, ни сколько не опровергаютъ ея истины. Мнѣ кажется, что я доказалъ два основныя положенія: 1) что существуютъ такія естественныя явленія, которыя дѣйствуютъ на духъ человѣческій, способствуя развитію воображенія; 2) что явленій этихъ болѣе внѣ Европы, чѣмъ въ Европѣ. Если принять эти начала, то неизбѣжно слѣдуетъ согласиться, что въ тѣхъ странахъ, гдѣ особенно развилось воображеніе, это обстоятельство должно повести къ особымъ послѣдствіямъ, если только не вмѣшалось дѣйствіе другихъ причинъ. Для истины нашей теоріи, основанной на двухъ указанныхъ положеніяхъ, все-равно были ли или не были въ дѣйствіи эти противоположныя причины. Съ научной точки зрѣнія обобщеніе полно, и гораздо-благоразумнѣе было бы не подкрѣплять его болѣе частными фактами, ибо, какъ извѣстно, эти факты могутъ быть переданы неточно и вообще подвергаются критикѣ тѣхъ, которые недовольны выводимыми изъ нихъ заключеніями. Но, чтобъ ближе познакомить читателя съ изложенною теоріею, считаю нужнымъ привести еще нѣсколько примѣровъ дѣйствія указанныхъ началъ. Я изложу вкратцѣ ихъ вліяніе на религію, литературу и искусство. Въ каждомъ изъ этихъ отдѣленій я покажу, какъ главныя черты измѣнялись подъ вліяніемъ явленій природы; чтобъ упростить изслѣдованіе, беру два самые поразительные примѣра: сравниваю умственное развитіе Индіи съ умственныхъ развитіемъ Греціи. Мы имѣемъ объ этихъ двухъ странахъ чрезвычайно-полныя извѣстія, сверхъ-того, противоположность физическихъ свойствъ въ нихъ поразительна.

Если мы взглянемъ на литературу Индіи, даже въ ея цвѣтущій періодъ, то замѣтимъ безграничное господство воображенія. Вопервыхъ, замѣчательно пренебреженіе къ прозѣ: лучшіе писатели посвятили свою дѣятельность поэзіи, какъ болѣе-согласной съ умственнымъ характеромъ народа. Ихъ труды по грамматикѣ, праву, исторіи, меди-

цинѣ и математикѣ почти всѣ облечены въ поэтическую форму и даже написаны стихами. Вслѣдствіе этого пренебреженія къ прозаической формѣ, въ санскритской литературѣ гораздо-болѣе метровъ и метры эти гораздо-сложнѣе, чѣмъ въ любой европейской литературѣ.

Этой особенности въ формѣ санскритской литературы соотвѣтствуетъ особенность и въ ея направленіи. Можно сказать безъ преувеличенія, что въ ней все направлено къ тому, чтобъ заподозрить умъ человѣческій. Воображеніе, роскошное до излишества, проявляется при всякомъ случаѣ. Эта особенность замѣтна преимущественно въ произведеніяхъ наиболѣе-народныхъ, каковы Рамайяна, Магабгарата и вообще Пураны. Но мы встрѣчаемъ ее и въ ихъ географическихъ и хронологическихъ системахъ, которыя, казалось бы, наиболѣе должны быть свободны отъ порывовъ воображенія. Нѣсколько примѣровъ, взятыхъ изъ наиболѣе-уважаемыхъ книгъ, послужатъ намъ матеріаломъ для сравненія съ совершенно-противоположнымъ умственнымъ развитіемъ Европы и дадутъ читателю понятіе о томъ, какъ далеко можетъ простираться легковѣріе даже у образованнаго народа.

Изъ всѣхъ путей, которыми воображеніе искажаетъ истину, самый вредный — преувеличенное уваженіе къ прошлымъ вѣкамъ. Это уваженіе противно разсудку и есть не что иное, какъ снисхожденіе поэтическаго чувства въ пользу неизвѣстнаго и отдаленнаго. Вотъ почему ясно, что когда разумъ оставался почти безъ дѣйствія, это чувство было гораздо-сильнѣе, чѣмъ теперь. Нѣтъ сомнѣнія, что оно будетъ все болѣе-и-болѣе ослабѣвать, и по мѣрѣ того, какъ развитіе будетъ идти впередъ, мѣсто его будетъ все болѣе-и-болѣе занимать надежда на будущее. Прежде же это уваженіе было необыкновенно-сильно; слѣды его можно найдти въ литературѣ и народныхъ вѣрованіяхъ всѣхъ странъ. Такъ, напримѣръ, оно внушило поэтамъ мечту о золотомъ вѣкѣ, когда царствовалъ Миръ, молчали злыя страсти и преступленіе было неизвѣстно. Оно-то породило мысль о томъ, что прежде человѣкъ былъ добродѣтельнѣе и проще. На томъ же основаніи распространено было повѣрье, будто въ древности люди были не только счастливѣе и добродѣтельнѣе, но и физически-крѣпче, вслѣдствіе чего они были выше ростомъ и жили дольше насъ, ихъ выродившихся потомковъ.

Когда мнѣнія подобнаго рода приняты воображеніемъ въ противность доводамъ разума, то ясно, что по нимъ можно судить о преобладаніи воображенія. Прилагая этотъ критеріумъ къ произведеніямъ санскритской литературы, мы найдемъ поразительное подтвержденіе сдѣланныхъ уже заключеній. Чудесныя событія древности, которыми

обилуютъ санскритскія книги, такъ длинны и такъ сложны, что даже краткій очеркъ ихъ занялъ бы слишкомъ-много мѣста; но есть особый отдѣлъ этихъ странныхъ вымысловъ, который заслуживаетъ вниманія и можетъ быть изложенъ коротко. Я говорю здѣсь о томъ чрезвычайномъ долголѣтіи, которымъ, какъ полагаютъ, пользовались люди въ прежнія времена. Вѣра въ прежнее долголѣтіе людей была естественнымъ послѣдствіемъ тѣхъ понятій, по которымъ древнимъ вообще приписывали превосходство надъ новыми. Примѣровъ такого долголѣтія много въ писаніяхъ разныхъ народовъ, но всѣ они кажутся ничтожными въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ находимъ въ санскритской литературѣ. Въ этомъ, какъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, индійское воображеніе далеко опередило воображеніе всѣхъ другихъ народовъ. Такимъ-образомъ, въ огромномъ ряду подобныхъ фактовъ мы находимъ разсказы о томъ, что въ древнія времена жизнь обыкновенныхъ людей продолжалась 80,000 лѣтъ, а что святые люди жили болѣе 100,000 лѣтъ. Нѣкоторые умирали ранѣе, другіе позже; но 100,000 лѣтъ было среднимъ числомъ лѣтъ жизни. Объ одномъ царѣ, Ютгиштирѣ, говорится, что онъ царствовалъ 27,000 лѣтъ, а о другомъ, Аларкѣ, что онъ царствовалъ 66,000 лѣтъ. Они кончили жизнь свою, впрочемъ, слишкомъ-рано, ибо встрѣчается сказаніе о нѣсколькихъ поэтахъ, жившихъ по 500,000 лѣтъ. Самый же замѣчательный примѣръ представляетъ одно, очень-блестящее лицо въ индійской исторіи: царь и, съ тѣмъ вмѣстѣ, святой. Этотъ знаменитый человѣкъ жилъ чистою и добродѣтельною жизнію; онъ считался долголѣтнимъ даже въ своей землѣ: до вступленія на престолъ онъ жилъ 2,000,000 лѣтъ, а потомъ царствовалъ 6,300,000 лѣтъ; потомъ отказался отъ власти и еще прожилъ 100,000 лѣтъ.

То же самое безграничное поклоненіе древнимъ заставляетъ индусовъ относить все важное къ отдаленнымъ эпохамъ; они часто выставляютъ такія числа, которыя приводятъ въ изумленіе. Такъ, напримѣръ, ихъ знаменитый сборникъ законовъ: «Законы Мену», конечно, составленъ менѣе чѣмъ за 3000 лѣтъ назадъ; но индійскіе хронологи, не довольствуясь этою цифрою, приписываютъ ему такую древность, которой благоразумные европейцы даже и представить себѣ не могутъ: по свидѣтельству лучшихъ туземныхъ авторитетовъ, эти законы открыты человѣку за 200,000,000 лѣтъ.

Всѣ эти факты суть только частныя проявленія той любви къ прошлому, того стремленія къ неопредѣленному и того равнодушія къ настоящему, которое характеризуетъ каждую отрасль умственнаго развитія индусовъ. Это стремленіе преобладаетъ какъ въ литературѣ,

такъ въ религіи и въ искусствѣ. Вездѣ замѣтно одно общее начало: подчиненіе разума и возбужденіе воображенія. Въ догматахъ ихъ теологіи, въ характерѣ ихъ божествъ, даже въ формахъ ихъ храмовъ видно, какъ величавыя и ужасныя явленія внѣшняго міра наполнили умъ народа великими и страшными образами, которые онъ стремился воспроизвести въ видимыхъ формахъ и которымъ онъ обязанъ главными чертами своего національнаго характера.

Наше понятіе объ этомъ процесѣ сдѣлается яснѣе при сравненіи съ противоположнымъ положеніемъ Греціи. Въ Греціи мы видимъ страну, совершенно-непохожую на Индію. Произведенія природы, которыя въ Индіи поразительны величіемъ, въ Греціи менѣе, слабѣе и, во всякомъ случаѣ, не такъ страшны для человѣка. Въ великихъ центрахъ азіатской цивилизаціи энергія человѣческаго рода была ограничена и какъ-бы устрашена окружающими явленіями. Сверхъ опасностей, связанныхъ съ тропическимъ климатомъ, здѣсь существуютъ огромныя горы, которыя, кажется, касаются неба и на которыхъ берутъ свое начало могущественныя рѣки: никакое искусство не можетъ отвести въ другую сторону теченіе этихъ рѣкъ; черезъ нихъ почти невозможно перекинуть мостъ. Здѣсь непроходимые лѣса; за ними начинаются нескончаемыя *джунгли*, а тамъ голая, безграничная пустыня — все это свидѣтельствуетъ человѣку о его слабости, о его неспособности совладать съ силами природы. Страна примыкаетъ къ огромнымъ морямъ, опустошаемымъ бурями болѣе-страшными, чѣмъ бури европейскихъ морей, и до того неожиданными и сильными, что отъ нихъ трудно спастись какими бы то ни было средствами. Все, что есть въ странѣ, какъ бы согласилось связать дѣятельность человѣка: по всей береговой линіи, отъ устьевъ Ганга до южной оконечности полуострова, нѣтъ ни одной безопасной и удобной гавани, ни одного порта, который бы представлялъ убѣжище, быть-можетъ, болѣе-нужное здѣсь, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ.

Въ Греціи всѣ явленія природы совершенно-другія, потому и условія существованія измѣняются. Греція, подобно Индіи, образуетъ полуостровъ; но въ азіатской странѣ все громадно и страшно; въ европейской все мало и слабо. Вся Греція занимаетъ пространство нѣсколько-меньше пространства Португаліи, то-есть менѣе $1/_{40}$ того, что теперь называютъ Индостаномъ. Расположенная при болѣе-доступной части узкаго моря, Греція можетъ легко сообщаться на востокѣ съ Малою Азіею, на западѣ—съ Италіею, на югѣ—съ Египтомъ. Опасности всякаго рода здѣсь малочисленнѣе, чѣмъ въ странахъ тропическихъ; климатъ здоровѣе, землетрясенія менѣе-часты, ураганы менѣе-опустошительны; дикихъ звѣрей и вредныхъ животныхъ гораздо-менѣе. Что касается другихъ крупныхъ чертъ страны, то въ нихъ видимъ тотъ же законъ. Высочайшія горы Греціи не равняются и одной

трети высоты Гималая, такъ-что ни одна изъ нихъ не достигаетъ предѣла вѣчныхъ снѣговъ. Рѣки вовсе не похожи на тѣ громадныя массы воды, которыя сливаются съ горъ Азіи; природа здѣсь въ этомъ отношеніи чрезвычайно-лѣнива, такъ-что и въ сѣверной, и въ южной Греціи мы встрѣчаемъ только небольшія рѣчки, черезъ которыя легко переходить въ-бродъ и которыя лѣтомъ нерѣдко пересыхаютъ.

Такое поразительное различіе въ явленіяхъ природы двухъ странъ ведетъ и къ различію въ ихъ умственномъ развитіи, ибо такъ-какъ мысли частію раждаются, какъ говорится, по «внезапному дѣйствію» ума, частію внушаются внѣшнимъ міромъ, то измѣненіе въ одной изъ причинъ должно привести къ измѣненію и въ слѣдствіи. Въ Индіи внѣшнія явленія внушаютъ страхъ, въ Греціи — порождаютъ увѣренность. Въ Индіи человѣкъ устрашенъ, въ Греціи ободренъ. Въ Индіи препятствія всякаго рода такъ многочисленны, такъ страшны и такъ, повидимому, необъяснимы, что всѣ затрудненія жизни могутъ только разрѣшаться прямымъ дѣйствіемъ сверхъестественныхъ силъ. Такъ-какъ эти причины находятся внѣ области разума, то всѣ усилія воображенія употреблены на постиженіе ихъ; воображеніе слишкомъ было напряжено; его дѣятельность сдѣлалась опасною; оно столкнулось съ разсудкомъ и равновѣсіе цѣлаго было нарушено. Въ Греціи противоположныя причины повели къ противоположнымъ послѣдствіямъ. Въ Греціи природа менѣе опасна, менѣе самовластна и менѣе таинственна, чѣмъ въ Индіи: вотъ почему въ Греціи умъ человѣческій менѣе запуганъ и менѣе суевѣренъ. Здѣсь начали сознавать естественныя причины; изученіе естественныхъ наукъ сдѣлалось возможнымъ, и человѣкъ, пробуждаясь мало-по-малу къ сознанію своей силы, началъ изслѣдовать событіе со смѣлостью, невозможною въ другихъ странахъ, гдѣ давленіе природы стѣсняло его независимость и внушало мысли, несогласимыя со знаніемъ.

Дѣйствіе такого различія въ направленіи мысли на религію очевидно для каждаго, кто изучалъ народныя вѣрованія индусовъ сравнительно съ греческими. Миѳологія индійская, подобно миѳологіямъ всѣхъ тропическихъ странъ, основана на страхѣ и, притомъ, на страхѣ самаго страннаго характера. Доказательства общности этого чувства изобилуютъ въ священныхъ книгахъ индусовъ, въ ихъ преданіяхъ и даже въ формѣ и внѣшнемъ видѣ ихъ боговъ. Это чувство такъ глубоко вкоренено въ ихъ умѣ, что самые уважаемые изъ боговъ тѣ, съ которыми тѣсно связаны страшные образы. Такъ поклоненіе Шивѣ распространено болѣе всѣхъ другихъ. Что же касается его древности, то есть основаніе предполагать, что оно заимствовано брамаистами отъ туземцевъ полуострова. Во всякомъ случаѣ, оно чрезвычайно-древне и чрезвычайно распространено: Шива вмѣстѣ съ Брамою и Вишну составляетъ индійскую *тримурти*. Намъ нечего удивляться,

что съ этимъ божествомъ соединяются тѣ страшные образы, изобрѣсти которые могла только тропическая фантазія. Шива представляется индусу уродливымъ существомъ, опоясаннымъ змѣями, съ человѣческимъ черепомъ въ рукѣ, въ ожерельи изъ человѣческихъ костей; у него три глаза; свирѣпость его характера обозначается тигровою кожею, которою онъ одѣтъ; онъ представляется шатающимся, какъ безумный; съ лѣваго плеча его поднимаетъ свою голову ядовитая *Кабра Капелла*. Этому чудовищному существу, порожденному запуганной фантазіей, придаютъ жену, которую называютъ Дурга, иногда Кали, а иногда и другими именами. Тѣло ея темно-синее, а ладони рукъ красныя, въ знакъ ея ненасытной жажды крови. У нея четыре руки, изъ которыхъ въ одной она держитъ черепъ великана; ея языкъ высовывается изъ-за губъ и виситъ снаружи; вокругъ поясницы висятъ руки ея жертвъ; шея ея украшена связанными между собою человѣческими головами.

Обращаясь къ Греціи, мы не находимъ тамъ, даже въ младенческомъ состояніи религіи, ничего подобнаго этому; ибо такъ-какъ въ Греціи причинъ страха было менѣе, то и самое выраженіе страха было менѣе-обще. Греки вовсе нерасположены были олицетворять въ своей религіи то чувство ужаса, которое такъ естественно индусамъ. Стремленіе азіатской цивилизаціи состояло въ томъ, чтобъ увеличить разстояніе между человѣкомъ и божествомъ; стремленіе греческой въ томъ, чтобъ уменьшить его. Такимъ-образомъ всѣ индійскія божества имѣютъ что-нибудь уродливое въ своемъ изображеніи: Вишну—четыре руки, Брама—пять головъ и т. п.; но боги Греціи представляются всегда въ человѣческой формѣ. Въ этой странѣ ни одинъ артистъ не обратилъ бы на себя вниманіе, еслибъ задумалъ изобразить ихъ въ другомъ образѣ. Онъ могъ представить ихъ сильнѣе и прекраснѣе человѣка, но, во всякомъ случаѣ, похожими на человѣка. Аналогія между человѣкомъ и божествомъ, возбуждавшая религіозное чувство грека, была бы пагубна для божествъ Индіи.

Эта разница въ художественномъ воспроизведеніи той и другой религіи выразилась также въ разницѣ между ихъ преданіями. Въ индійскихъ книгахъ воображеніе истощается на описаніи подвиговъ божествъ; чѣмъ невѣроятнѣе подвигъ, тѣмъ охотнѣе приписываютъ его божеству; но греческіе боги не только имѣютъ человѣческую форму, но и всѣ аттрибуты человѣка, человѣческія цѣли и вкусы. Азіатскіе народы, которымъ всякое явленіе природы внушало страхъ, до того привыкли къ благоговѣнію, что никогда не рѣшались уподоблять свои дѣйствія дѣйствіямъ божества. Европейцы, ободренные безопасностію и недѣятельностью внѣшняго міра, не побоялись провести параллель, отъ которой отступились бы, еслибъ жили посреди опасностей тропической природы. Греческія божества до того не похожи на

индійскія, что, сравнивая ихъ между собою, мы какъ-бы изучаемъ два отдѣльные міра. Греки обобщили свои наблюденія надъ человѣческимъ духомъ и олицетворили ихъ въ божествахъ: женскую холодность они изобразили въ Діанѣ, красоту и чувственность—въ Венерѣ, гордость—въ Юнонѣ, совершенство—въ Минервѣ. Къ занятіямъ боговъ можно примѣнить то же начало: Нептунъ былъ морякъ, Вулканъ—кузнецъ, Аполлонъ—то музыкантъ, то поэтъ, то пастухъ. Что же касается Купидона, то это тщеславный мальчикъ, играющій своимъ лукомъ и стрѣлами, Юпитеръ—влюбчивый и добродушный царь; Меркурій изображается то вѣрнымъ вѣстникомъ, то извѣстнымъ воромъ (*).

То же стремленіе сближать человѣческія силы съ сверхъестественными замѣтно въ другой особенности греческой миѳологіи. Я разумѣю здѣсь поклоненіе героямъ, то-есть обоготвореніе людей. Согласно съ изложенными выше началами, этого не могло быть въ странахъ тропическихъ, гдѣ явленія природы поселяютъ въ человѣкѣ убѣжденіе въ его неспособности. Вотъ почему ясно, что оно не могло появиться ни въ Индіи, ни въ Египтѣ, ни въ Персіи; сколько я знаю, его не было и въ Аравіи; но въ Греціи человѣкъ менѣе униженъ, слѣдственно менѣе затемненъ внѣшнею природою, и потому онъ болѣе полагался на свои силы, и на человѣческую природу здѣсь не смотрѣли такъ презрительно, какъ въ другихъ странахъ. Вслѣдствіе того обоготвореніе съ раннихъ поръ появилось въ греческой миѳологіи. Обычай этотъ нашелъ себѣ послѣдователей и въ другихъ странахъ Европы. Конечно, другія обстоятельства уничтожили его, тѣмъ не менѣе въ немъ нельзя не видѣть одного изъ свидѣтельствъ глубокаго различія европейской цивилизаціи отъ всѣхъ ей предшествовавшихъ.

Такимъ-образомъ въ Греціи все стремилось къ тому, чтобъ возвысить достоинство человѣка, тогда-какъ въ Индіи замѣтно стремленіе унизить его. Обобщая все предъидущее, можно сказать, что въ Греціи болѣе уважали силы человѣческія, въ Индіи — сверхъестественныя. Первая имѣла дѣло съ извѣстнымъ и открытымъ, вторая — съ неизвѣстнымъ и таинственнымъ. Воображеніе, которое индусъ, придавленный великолѣпіемъ и величіемъ природы, нисколько не старался ограничить, потеряло свое преобладаніе на небольшомъ Греческомъ Полуостровѣ. Въ Греціи въ первый разъ во всемірной исторіи воображеніе было до извѣстной степени умѣряемо и ограничиваемо разумомъ; но ни сила его не была уничтожена, ни жизненность не уменьшена. Оно только было сдержано и укрощено; его излишества остановлены; его безумію положенъ конецъ; но сила его осталась, чему примѣръ видимъ въ безсмертныхъ произведеніяхъ греческаго духа. Выгода очевидна: разсуждающая, скептическая сила ума человѣческаго развива-

(*) Все это разсужденіе о миѳологіи крайне-поверхностно. *Пер.*

лась, не уничтожая поэтическихъ инстинктовъ воображенія. Другой вопросъ: было ли соблюдено между этими способностями правильное равновѣсіе? но, конечно, въ греческой цивилизаціи это равновѣсіе болѣе соблюдено, чѣмъ въ какой-нибудь другой изъ предшествующихъ. Я убѣжденъ въ томъ, что, конечно, еще много значенія было оставлено воображенію и что сила мысли не обратила и никогда не обращала на себя достаточнаго вниманія; но все-таки это убѣжденіе не должно колебать того важнаго факта, что въ греческой литературѣ въ первый разъ сдѣлано что-нибудь къ отстраненію этого недостатка: здѣсь мы видимъ первую попытку оцѣнивать мнѣнія по ихъ согласію съ человѣческимъ разсудкомъ и такимъ образомъ было возстановлено право человѣка судить о вопросахъ, имѣющихъ самое важное значеніе.

Я выбралъ для сравненія Индію и Грецію потому, что наши свѣдѣнія о нихъ наиболѣе-полны и тщательно приведены въ порядокъ. Но все, что мы знаемъ о другихъ тропическихъ цивилизаціяхъ, свидѣтельствуетъ въ пользу высказаннаго мною мнѣнія о вліяніи явленій природы. Въ Центральной Америкѣ произведены обширныя раскопки и все открытое свидѣтельствуетъ, что и здѣсь, какъ и въ Индіи, религія была основана на полномъ, ничѣмъ неограничиваемомъ страхѣ. Ни здѣсь, ни въ Мехикѣ, ни въ Перу, ни въ Египтѣ незамѣтно стремленія изображать боговъ въ человѣческомъ видѣ и приписывать имъ человѣческіе аттрибуты. Даже ихъ храмы, ихъ громадныя зданія, часто построенныя весьма-искусно, свидѣтельствуютъ объ очевидномъ желаніи подѣйствовать на умъ страхомъ; они представляютъ совершенную противоположность съ легкими и меньшими постройками, которыя греки назначали для религіозныхъ цѣлей. Такимъ-образомъ даже въ архитектурѣ мы видимъ въ дѣйствіи то же самое начало: опасности тропической цивилизаціи болѣе развивали чувство безконечнаго; безопасность европейской—чувство конечнаго. Преслѣдуя всѣ послѣдствія этой противоположности, можно было бы показать, какъ связаны между собою безконечное воображеніе, синтезъ и выводной методъ, и какъ, съ другой стороны, противоположны имъ конечное, скептицизмъ, анализъ и наведеніе. Полное развитіе этой мысли выходитъ изъ границъ моего введенія и, можетъ-быть, превосходитъ мои познанія. Я долженъ предоставить на благосклонность читателей очеркъ, недостаточность котораго я самъ сознаю, но который можетъ дать пищу его собственной мысли и можетъ — я надѣюсь — открыть историкамъ новое поле, напомнивъ имъ, что рука природы повсюду тяготѣетъ надъ нами и что исторію человѣчества можно понять только въ связи съ исторіею внѣшняго міра и его явленіями.

СТАРИНА.

СЕМЕЙНАЯ ПАМЯТЬ.

Но прежде нежели начать разсказъ, надобно опредѣлить нѣсколько положенiй въ отношенiи его. Что именно онъ можетъ представить? За что онъ отвѣчаетъ и кромѣ чего не беретъ на себя удовлетворенiя никакимъ требованiямъ. Повторяю: разсказъ мой — семейная память о старинѣ, о лицахъ дѣдушекъ, бабушекъ, не исключая и тѣхъ мѣстныхъ происшествiй, которыя были на столько важны, чтобъ сохраниться имъ по памяти до нашихъ временъ; но ожидать отъ меня, что, коснувшись одного, я потому должна была говорить и о другомъ — это напрасное ожиданiе. *Далье собственно страницъ моего разсказа я ни за что и ни въ какомъ отношенiи не отвьчаю.* И потомъ, чтобъ поступить, какъ долгъ велитъ въ добросовѣстномъ дѣлѣ, я укажу на тѣ источники, на тѣ живыя, дорогiя мнѣ лѣтописи, откуда я почерпаю мои свѣдѣнiя: это—мать моя и тётушка, старушки за шестьдесятъ лѣтъ и которыя имѣютъ то важное преимущество, что одна изъ нихъ до самаго замужства жила и воспитывалась въ домѣ бабки съ матерниной стороны; а другая — у другой бабки съ отцовой стороны. Одна находилась въ срединѣ быта чисто-русскихъ стародавнихъ помѣщиковъ; а другая жила болѣе новою, смѣшанной жизнiю тѣхъ пограничныхъ степныхъ городковъ, заселенныхъ русскими и черкасскими казаками, которые городки, до указа о губернiяхъ, сохраняли свое войсковое управленiе, и даже въ окрестностяхъ ихъ малороссiйскiе крестьяне пользовались правомъ свободнаго перехода еще въ царствованiе государыни Екатерины Второй. Мои объясненiя не идутъ далѣе; я не хочу много распространяться и только прошу иногда припомнить, что

Свѣжо преданiе, а вѣрится съ трудомъ...

I.

Самыя старыя преданія.

Чего не было въ моемъ роду? И татарскаго, польскаго, литовскаго, чисто-русскаго, малороссійскаго, только — ничего нѣмецкаго.

Со стороны моего отца я не имѣю никакихъ преданій, кромѣ того единственнаго, что дѣдъ, заднѣпровскій черниговецъ, женатый на благородной полькѣ изъ хорошей фамиліи, маетности которой отошли въ теперешнія владѣнія Пруссіи, прогулялъ покозацки триста душъ, бросилъ жену и малолѣтныхъ шестерыхъ дѣтей и бѣжалъ въ Запорожье, гдѣ и пропалъ бѣзъ-вѣсти.

Но со стороны матушки мы видимъ довольно-далеко свой родъ и довольно-знаменито, именно: относимъ его, по женскому колѣну, къ князю Константину Острожскому, по-крайней-мѣрѣ, такъ говорятъ наши фамильныя преданія. У знаменитаго князя былъ любимецъ его, воспитанникъ, «годованецъ-коханецъ», сирота, сынъ кого-то изъ ратныхъ товарищей князя. Росъ онъ и выросъ въ княжеской семьѣ и до того привыкли видѣть въ немъ «коханца» сильнаго князя, что, забывая объ отцовскомъ имени, стали прозывать его *Кохановскимъ*. Затѣмъ преданіе говоритъ неутвердительно: сестра или дочь князя Константина, Марія, полюбила его коханца и, вопреки волѣ сильныхъ родныхъ, вышла за него замужъ. Но не долго она была въ супружествѣ: Кохановскій былъ убитъ па войнѣ, а тогда войнъ было достаточно, чтобъ давнему преданію запомнить, на какой именно войнѣ. Только Марія, пораженная смертью мужа, принесла своего двухлѣтняго сына къ кіевскому митрополиту и положила ему дитя на полу его святительской мантіи. Этимъ она какъ-бы духовно вручила, усыновила своего сына митрополиту и сама удалилась во Фроловскій женскій монастырь, мѣсто исторически-извѣстное, гдѣ постригались особы знатныхъ родовъ. Такимъ-образомъ сынъ Маріи воспитанъ, взросъ при митрополитѣ и посвященъ былъ въ духовное званіе. Горестная ли судьба матери примирила его съ высокими его родственниками, или, очень-вѣроятно, въ томъ участвовали и старанія митрополита, только преданіе положительно говоритъ, что онъ былъ зáмковымъ священникомъ въ Великомъ-Острогѣ. Затѣмъ, приблизительно, цѣлое

столѣтіе проходитъ въ совершенномъ молчаніи нашихъ семейныхъ хроникъ и потомъ мы неожиданно встрѣчаемъ своихъ родичей уже не въ Острогѣ, и не въ Кіевѣ, а въ малороссійскомъ мѣстечкѣ Лохвицѣ (уѣздный городъ Полтавской Губерніи), и опять при печальной катастрофѣ, поражающей главу рода. «Константинъ Ивановъ сынъ Кохановскій (значится въ памятной выметкѣ моего прадѣда) чиномъ былъ полковый обозный, правилъ должность полковничью; убитъ при сраженіи съ ляхами въ 1649 году», — и опять жена его Марья и двухлѣтній сынъ Климентъ.

Извѣстно бѣдственное положеніе Малороссіи около этого времени. Годъ ея присоединенія къ Россіи былъ недалекъ, но болѣе чѣмъ вѣроятно, что всеобщему торжественному дѣйствію цѣлой страны предшествовали частные примѣры выселеній, были выходцы, искавшіе въ единовѣрческой Руси если не лучшей гражданственности, то большаго спокойствія и выше всего цѣнимаго блага — свободы своему незапозоренному жидами и уніею чувству православія. Такимъ примѣромъ была наша прапращурка Марья, во главѣ другихъ отраслей Кохановскаго рода. Потерявъ въ мужѣ естественнаго сильнаго защитника и покровителя, бывшаго необходимымъ въ тѣ бѣдственныя времена, Марья съ своимъ малолѣтнымъ сыномъ на другой же годъ послѣ смерти мужа покинула несчастную родину и изъ Лохвицы выселилась на ближайшій рубежъ русской Украйны къ «красному городу» Корочѣ.

Кажется, у насъ нѣтъ еще отдѣльныхъ историческихъ изъисканій о линіи тѣхъ пограничныхъ казацкихъ городковъ, стерегшихъ на югѣ степь, которая въ XVI и XVII столѣтіяхъ, и даже за большую половину XVIII, была открытой дорогою для хищническаго налёта татаръ, для наброда всякихъ людей, мыкавшихъ свою долю по широкому полю. Эти войсковыя сторожки, изъ которыхъ многія давно стали зажиточными слободами и селами, сохраняютъ и доднесь, на языкѣ окрестныхъ жителей, свое первоначальное историческое значеніе — зовутся *городами*; и теперь еще замѣтны по своимъ, зарастающимъ съ-году-на-годъ, землянымъ окопамъ, и поблизости тѣхъ сторожевыхъ кургановъ, на которыхъ обыкновенно маячилъ очередной казакъ, выставлялись насмоленые шесты и бочки, яркимъ пламенемъ вспыхивавшіе въ минуту тревоги и быстро передававшіе вѣсть объ опасности въ войсковой городокъ, гдѣ билъ набатъ и, живо снаряжаясь, выступали казаки.

Такимъ сторожевымъ городкомъ была Короча, когда къ ней выселилась наша прапращурка, и что, по тогдашнему времени и обстоятельствамъ, она была довольно-значительнымъ пограничнымъ пунктомъ, въ этомъ удостовѣряетъ ея названіе *краснаго города Корочи*, еще лѣта 7147 (1639 г.), по государеву цареву и великаго князя Михаила Ѳедоровича указу, въ жалованной на помѣстныя земли грамматѣ корочевскимъ черкесамъ и русскимъ казакамъ, и потомъ, когда упразднена была наибольшая часть этихъ воинскихъ сторожекъ, Короча, напротивъ, собою упразднила воеводскій городъ Яблоновъ и заняла не послѣднее мѣсто въ уѣзныхъ городахъ Курской Губерніи. Но если судить по тѣмъ образцамъ великаго государева жалованья, которые получила Короча, еще виднѣе является ея значеніе, какъ бывшаго немаловажнаго степнаго пункта въ государствованіе царя Алексѣя Михайловича до присоединенія Малороссіи. Иначе, чѣмъ другимъ, если еще не желаніемъ дальновидной московской политики ласкать пограничное населеніе въ Южной Руси, можно объяснить причину того, чтобъ маленькій сотенный городокъ, приписанный къ своему казацкому полковому городу Острогожску—въ то время, когда Орелъ и Воронежъ считались степными городами — этотъ еще далѣе ихъ, засѣвшій въ степи на Корочѣ, городишко могъ обратить на себя свѣтлыя очи государевы, чтобъ въ соборную его архистратига Михаила церковь жалованы были: образъ св. архистратига и другіе мѣстные образа, книги и ризы, и всякая церковная утварь? Даже соборнымъ попамъ и діакону велѣно давать, сверхъ жалованной земли и сѣнныхъ покосовъ, государева денежнаго жалованья: *попамъ по три рубли и дьякону два рубли*. Кромѣ того, въ Корочѣ существуетъ любопытный, едва-ли не единственный памятникъ въ этомъ родѣ особливаго вниманія и благоволенія царя Алексѣя Михайловича къ корочанской казацкой управѣ и ея войсковымъ собраніямъ; это — какъ бы вѣчевой, вѣстовой сборный колоколъ, пожалованный сотенному городу Корочѣ, какъ значигся на его надписи: *Лѣта ҂ЗЕПЛ Августа въ* кА *день. Великій осударь царь и великій князь Алексій Михаиловичъ всеа великія, малыя и бѣлыя Русеи самодержецъ указалъ сей вестовый колоколъ въ городъ на Корочу послать. Вѣсу въ немъ 131 пудъ 1 ф.* И это собственно-казацкое, вѣстовое значеніе колокола вполнѣ подтверждается теперешнимъ его положеніемъ. Онъ не виситъ и съ полученія своего никогда не находился на колокольнѣ; а среди нынѣшней корочанской базарной

площади для него устроенъ особый деревянный навѣсъ и сюда, по старинной безотчетной памяти, барабанный бой сбираетъ народъ, когда, въ извѣстныхъ случаяхъ, объявляется что-либо городовому міру (*).

(*) Г. Костомаровъ въ «Богданѣ Хмельницкомъ» (втор. изданіе стр. 270) говоритъ о выселеніи казаковъ на московскую землю вскорѣ послѣ берестечскаго пораженія. «Менѣе чѣмъ въ полгода, на пространствѣ отъ Путивля до Острогожска, появились многія слободы, изъ которыхъ образовались города и богатыя мѣстечки: Сумы, Лебединъ, Ахтырка, Бѣлополье, Короча и пр...» Но въ отношеніи Корочи это не совсѣмъ такъ. Короча была основана гораздо прежде и прежде еще была населена русскими и *черкасскими* казаками. Въ бумагахъ моего прадѣда, бывшаго корочанскаго казацкаго сотника, находится слѣдующая копія съ указа царя Михаила Ѳедоровича.

«Лета 7147 году іюля въ 1-й день по государеву цареву и великаго князя Михаила Федоровича всея Русіи указу стольникъ і воевода Тимофей Федоровичъ Бутурлинъ писма і меръ... (не разобрано)... Івана Тимофеева сына Вертошена... (не разобрано)... Григорья Никитина сына Арсеньева далъ выпись *Корочанскимъ черкасомъ* и рускимъ козакамъ, пятидесятникомъ и десятникомъ и редовымъ козакомъ Государева жалованья на ихъ помесныя земли: атаманомъ и пятидесятникомъ по сороку четвертей въ поле, десятникомъ по тридцати четвертей вполе, редовымъ по двадцати четвертей вполе, а вдву потому жъ. Первое поле отъ *красного города* Корочи по Белогородскои дороги едучи к Белугороду, на левой сторонѣ, подле леса по последнее поляну по новыя усады Короченскихъ детей боярскихъ Тита Дудорова да Гура Рязанцова і товарищи, стеми полянами, гдѣ было поселился Короченские дети боярскіе Гуръ Рязанцовъ стоварищи у колодезя и по государеву указу короченские дѣти боярские Гуръ Рязанцовъ стоварищи переведены стехъ усадбъ х Белогородскому уѣзду въ круглую поляну короченскова жъ сына боярскаго Тита Дудорова въ усадомъ. А другое городское поле отъ краснаго городу Корочи едучи х Бѣлугороду по правуе сторону вверхъ по Корене реки, по мертвои Корень и за мертвый Корень встепь дикова поля. А третье поле городу Корочи за реку за Корочу къ Яблонову городу подле валъ і вверхъ реки Корочи і за валъ въ степь; отъ оной реки Корочи за Ивицкие вершины дикова поля. А межа краснаго города Корочи отъ реки Корочи чрезъ лесъ последнее круглуе поляну что отъ Белогородскаго уезду по новые усады короченскихъ детей боярскихъ Тита Дудорова стоварищи; а подле круглои поляны подле лесъ на дикое поле на дубу новая грань; а отъ той новой грани на другомъ дубу другая грань, а отъ другои грани вполю подле пашне пятидесятника Сергея Чепурнова на третьемъ дубу грань; а отъ тои третеи грани повислой верхъ; а отъ вислова верха вверхъ по реке по Корене і за Мертвой Кореневъ і вверхъ Кореня и Коро-

Очень-естественно и просто, что первый вопросъ, какой задавался стягивающемуся обозу переселенцевъ, когда они приставали къ какому мѣсту, былъ: «Отколева Богъ несетъ?»—«Изъ Лохвицы», отвѣчала наша прапращурка Марья и мы стали — *Лохвицкими*. Сходствуя въ имени и въ горестной судьбѣ своего вдовства и сиротства сына съ тою княжной Маріею, наша выселившаяся на Корочу прабабка, кажется, довела до конца это сходство и также поступила къ монастырь. Иначе объяснить нельзя старинной выписи въ бумагахъ о Климентѣ, что онъ «и по возрастѣ свой бысть въ Старомъ-Осколѣ *въ дѣвичемъ монастырѣ*». Съ именемъ стараго Климента, въ шестьдесятъ-пять лѣтъ надѣвающаго протопопскую камилавку, по изустному приказу Петра Перваго, наши семейныя преданія становятся живѣе и полнѣе.

Послѣ великаго полтавскаго дня, царь Петръ, должно быть, пожелалъ на возвратномъ пути осмотрѣть казацкіе пригороды и посѣтилъ Корочу. Климентъ удостоился чести принимать у себя государя, и Петръ ночевалъ у него. Вдовый давно, пять

чи по Донецкой Сеймице і Пузатои Сеймице і внизъ по Сейми Донецкой и по Шуеву и по Ржаву реку отъ Курскова и Осколскова рубежа. А по темъ рекамъ: в корене і в Короче и в донецкой і в пузатои сеймице і внизъ по сеймице по донецкой і в Шуеве і во Ржавои речке и по урочищамъ по всемъ рыбы ловить и бобры бить, и и по темъ урочищамъ звериные гони і сетища делать і всякими угодьи владеть.

Подлинная подписано тако:

Столникъ і воевода Тимофей Федоровичь Бутурлинъ печать свою и руку приложилъ.

Изъ этой жалованной грамматы красному городу Корочѣ видно, что еще царь Михаилъ Ѳедоровичъ давалъ *усады* черкасамъ на московской землѣ и, чтобы предоставить казакамъ болѣе простора, сводилъ съ назначаемой имъ площади земель дѣтей боярскихъ. Но что касается до названія *краснаго города*, то это вовсе не значитъ, чтобы Короча была когда-либо прекрасною, а скорѣе относится къ тому *красному*, видному, высокому мѣсту на крутой меловой горѣ, на которой былъ первоначально обостроженъ городокъ Короча. Эта гора теперь за городомъ и просто зовется «Мѣловою»; а тётушка еще запомнитъ, когда она именно называлась «красною горою», и древній городокъ, по преданіямъ, сидѣлъ на крутомъ верху ея; но, за недостаткомъ воды, онъ снесенъ былъ ниже; и доднесь еще существуетъ та «ясная криница» подъ горою, къ которой жители древняго городка должны были сходить брать воду.

сыновъ на службѣ, старъ и важенъ, въ большомъ почетѣ на Корочѣ, проживалъ съ своей красавицею-дочерью Климентъ. Супротивъ воротъ его дома находился тотъ соборный храмъ архистратига Михаила, въ который щедро жаловалъ царь Алексѣй Михайловичъ, и онъ сгорѣлъ около этого времени. На самое Крещенье ударилъ громъ, разразилась молнія и зажгла соборъ; жалованный иконостасъ успѣли спасти, но болѣе ничего. Можетъ-быть, Петръ еще видѣлъ обгорѣлые остатки храма; но то несомнѣнно, что онъ все зорко провидѣлъ въ своемъ царственно-хозяйскомъ обзорѣ. И здѣсь не укрылось отъ него, что выходецъ Лохвицкій усилился нарочито надъ цѣлымъ краемъ, скупилъ у казаковъ земли; по рѣкѣ по Корочѣ у него было двадцать семь водяныхъ мельницъ, то-есть главная рѣка края съ обоими берегами находилась въ рукахъ одного владѣльца. Петръ распорядился по-своему. Оставилъ Клименту четыре мельницы, какія тотъ пожелалъ имѣть, а двадцать три купилъ у него въ казну

Тамъ же, въ бумагахъ прадѣда, находятся и слѣдующія выписи о корочанской древней соборной церкви и о пожалованныхъ въ нее иконахъ и церковной утвари:

«По указу великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михаиловича всея великія и малыя и бѣлыя Русіи самодержца, Короченскія соборныя церкви Архистратига Михаила съ предѣлы попы Гаврило да Назарій да Тимоѳей дьяконъ Леонтій съ церковники устроены землями въ короченскомъ уѣздѣ отъ города сверсту; а у нихъ четвертныя пашни, сорокъ четвертей въ полѣ, а вдву потому жъ, около сѣтища и долины, что съ колодеземъ вверхъ по рѣкѣ по Корочѣ по лѣвой сторонѣ, смежна съ черкаскими землями Короченскими. За городскими землями сѣнные покосы по обѣ стороны рѣки Корочи; противъ церковной земли лѣсъ хоромной и дровяной, сѣчь той же церковной земли и въ Толстой дубравѣ. А писана за ними та церковная земля по выписи отъ (кажется, *конюшева*) и воеводы князя Дмитрея Петровича Львова 1647 году. (рмз.)»

Вторая граммата государева о подтвержденіи церковной земли прислана и подана на Корочѣ въ приказной избѣ. «Попъ Тимоѳей Черкашенинъ; въ тожъ число какъ прислана съ нимъ государева жалованья на Корочу въ соборную церковь: образы мѣстные, книги и ризы и всякую церковную утварь въ 1652 году, имъ же соборнымъ попамъ и дьякону велѣно давать, сверхъ жалованной земли и сѣнныхъ покосовъ государева денежнаго жалованья изъ короченскихъ доходовъ, по государевой грамматѣ и розряду за приписью дьяка Григорья Ларіонова, *попамъ по три рубли, дьякону два рубли.* И подалъ тое грамоту на Корочѣ въ приказной избѣ соборной попъ Гаврило въ 1657 году.»

и далъ Петръ по тогдашнему времени очень хорошую плату — три тысячи рублей; но на эти деньги велѣлъ Клименту построить, на мѣстѣ сгорѣвшей деревянной церкви, соборную каменную въ Корочѣ и, вознаграждая одно другимъ, повелѣлъ, чтобы, построивши церковь, Климентъ ѣхалъ въ Москву и поставился тамъ прямо протопопомъ въ новособорный храмъ. Климентъ такъ и сдѣлалъ: построилъ Рождества Богородицы каменный соборъ въ Корочѣ и самъ поставленъ былъ первымъ его протопопомъ.

Эта церковь и поднѣсь стоитъ и остается городскимъ соборомъ... Есть какая-то трогательно-принимаемая сердцемъ особенность: придти тихо далекой правнучкѣ и помолиться въ древнемъ храмѣ божіемъ, построенномъ однимъ изъ ея дѣдовъ... Сохранилось преданіе: когда окончена была эта церковь и въ день освященія старый Климентъ усердно принималъ народъ, вышелъ Онъ за ворота своего дома и увидѣлъ трехъ странныхъ, которые не шли къ нему, а сидѣли противъ новоосвященной церкви и смотрѣли внимательно на нее. Климентъ поклонился имъ до земли, прося принять у него трапезу, и самъ служилъ имъ за столомъ. Уходя, странные люди помолились Богу, да хранитъ Онъ мѣсто сіе отъ мора, огня и нашествія иноплеменныхъ. Живая сила преданія вѣруетъ въ дѣйствительность этой молитвы и указываетъ на то, что до самаго послѣдняго времени Короча никогда не знала пожаровъ, и въ первую холеру, когда въ Бѣлгородѣ и вездѣ въ окружности безсчетно валился народъ, а въ Корочѣ *ни одинъ человѣкъ не умеръ*, и жители прозвали свой городокъ и зовутъ его «богоспасаемою» Корочею. Въ память бывшей церкви архистратига Михаила Климентъ посвятилъ придѣлъ въ новомъ соборѣ. Онъ и теперь существуетъ, и въ немъ находится тотъ жалованный образъ св. архистратига, въ старинной вызолоченной ризѣ и съ довольно-замѣчательною надписью подъ кивотомъ, которая какъ бы свидѣтельствуетъ о существованіи въ древней казацкой Корочѣ стихотворнаго разума. Надпись гласитъ такъ:

Се Михаила зракъ, силъ грознымъ воеводы,
Кой сатану съ небесъ изгналъ и поразилъ:
Сей образъ Алексій царь въ храмъ сей подарилъ,
Да равно онъ хранитъ отъ врагъ сихъ странъ народы.

Но свѣдѣніями о Климентѣ не ограничиваются наши семейныя преданія петровскаго времени. Не даромъ слыла на Корочѣ

красавицею дочь Климента, Агрипина. Она... какъ бы это сказать помягче?—чуть не замахнулась на Петра-Великаго. «Какъ ты смѣешь? Я царь!» сказалъ Петръ. «*А коли ты царь, то и роби по царьску*», отвѣчала малороссіянка Агрипина... «Славная у тебя дочь!» сказалъ Петръ Клименту, уѣзжая. «Съищи ей жениха хорошаго». И что не мало любопытно въ интересѣ этихъ сказаній, такъ это то, что тётушка слышала ихъ изъ вторыхъ устъ, едва не отъ самой Агрипины. Агрипина жила очень долго. Подъ конецъ ея прекрасные глаза закрылись и слѣпая старушка съ гордой памятью о своемъ прошломъ любила разсказывать о немъ племянницѣ, которая каждый день водила ее въ церковь. А эту племянницу, тоже древней и слѣпою старухою, тётушка всякій праздникъ и воскресенье видала у своей бабки и слышала всѣ эти разсказы даже съ сохраненіемъ такихъ мелочей, что Агрипина сидѣла въ свѣтлицѣ за столомъ и ѣла на завтракъ *гречневый кулешъ*, когда зашелъ въ свѣтлицу Петръ.

Но съ именемъ красавицы необходимо соединяется понятіе о нарядахъ, и въ память прапрабабушки я поговорю о древнемъ малороссійскомъ нарядѣ.

Въ общемъ онъ не разнился съ нарядомъ собственно-великорусскимъ, московскимъ, то-есть, все-равно, женщина Великой и Малой Руси не могла никуда показаться въ люди безъ верхняго платья. У малороссіянокъ это верхнее платье было: лѣтній *кунтушъ* и зимній *байбаракъ*, но оба они суконные. Кунтушъ—того дорогаго «саетоваго» сукна на два лица: верхъ синій, а исподъ алый, или исподъ синій, а на лицо сукно алое. Большой круглый воротникъ кунтуша былъ или парчевой, обложенный золотымъ позументомъ, или бархатный, шитый по картѣ золотомъ; обшлага у рукавовъ точно также золотной парчи, или шитые бархатные въ узоръ воротника. Широко-раскрытый напереди, чтобы выказать главную гордость наряда малороссіянки—ея шейныя украшенія, кунтушъ никогда не запахивался, былъ нараспашку и сзади его красивые усы и швы по спинкѣ выкладывались узкимъ золотымъ, или серебрянымъ позументомъ. «Байбаракъ»—тотъ же кунтушъ съ усами, на мелкихъ черныхъ барашкахъ, но безъ воротника и, какъ нарядъ зимній, онъ запахивался и застегивался у горла. Далѣе то, что въ малороссійскомъ нарядѣ и теперь называется *юбкою*, вовсе не имѣетъ русскаго значенія этого слова, а совершенно напротивъ: оно означаетъ *кофту*—красивый обтяжной корсетъ съ рукавами и

безъ рукавовъ—съ фалдами, съ воротникомъ—съ пуговицами, съ накладными фестонами напереди, обложенными узорчатой тесьмой или ленточкою; а собственно русская юбка зовется по-малороссійски *спідніца*, и въ древности она была богатая *спідніца съ кàботомъ*. Пришивной кàботъ сближалъ малороссійскую спидницу съ русско-московскимъ сарафаномъ; онъ также застегивался на пуговицы и кàботъ былъ родъ богатаго нагрудника, составлявшаго главную красу спидницы. Если спидница была травчатый атласъ, или камчатая объярь (нынѣшній дорогой муаръ), то кàботъ необходимо долженъ былъ быть золотной парчи; если же спидница парчи золотной, то кàботъ бархатный, шитый золотомъ. И на этомъ дорогомъ кàботѣ, почти закрывая его, носилось, спущенное съ шеи, еще болѣе дорогое *доброе намісто* — кораллы, перенизанные свернутыми въ трубку червонцами; затѣмъ необходимый *дукатъ* золотой, или вызолоченный, медальйонъ на черномъ шелковомъ снуркѣ, завязанномъ у самаго горла. На дукатѣ изображалась Божія Матерь, иногда Богъ Саваоѳъ и воскресеніе Христа. Пониже дуката, мѣшаясь съ нитками кораллов, носились *орлики*. На серебряной цѣпочкѣ вздѣты были въ рядъ три серебряные, вызолоченые орла, схватываясь распростертыми крыльями; ниже къ нимъ прицѣпливались два и еще ниже одинъ орелъ. На самыхъ кораллахъ, чтобъ быть имъ вполнѣ «добрымъ намістомъ», надобно было висѣть тремъ большимъ крестамъ съ распятіемъ: два по сторонамъ, выше, и одинъ, спускаясь ниже, на середину груди. Вотъ своеобразный, богатый нарядъ древней малороссіянки, о которой ея поэты говорили:

Ой, якъ вона заговорить,
Якъ у дзвінъ задзвоніть;
Ой, якъ вона зосміетця,
Дунай розільетця...

Но корочанская рѣчка не была Дунай, хотя тётушка еще запомнитъ ее довольно-глубокою свѣтлою рѣкою, которая обтекала двумя рукавами городъ; съ чрезвычайнымъ обмеленіемъ нашихъ рѣкъ вообще и Короча стала грязнымъ ручьемъ съ топкими берегами и ничтожнымъ теченьемъ. Но городъ Короча къ тому времени, о которомъ я завожу рѣчь, значительно распространился. Не говоря о постепенномъ увеличеніи собственнаго народонаселенія и о набродѣ люду, подбывавшаго изъ степей, даже съ сѣвера прибыла значительная подмога корочанскому

населенію. Когда, послѣ бунтовъ и петровскихъ казней стрѣльцовъ, разсылались они на поселеніе по отдаленнымъ городамъ, то и въ Корочу присланы были пушкари и населили при ней Слободу Пушкарную, которая, вмѣстѣ съ другой русскою слободою Казачьей и двумя малороссійскими слободами—Бехтѣевкою и Погорѣловкою, составила порядочный ожерелъ для ядра Корочи. Но ходъ дѣлъ и порядокъ вещей въ войсковомъ городкѣ оставался неизмѣннымъ, и неизмѣнно было для него значеніе нашихъ Лохвицкихъ. Хотѣлъ ли Климентъ увѣковѣчить за своимъ родомъ царскую милость, поставившую его въ протопопы, или онъ слѣдовалъ старому родному обычаю малорусскаго дворянства—имѣя трехъ-четырехъ сыновъ, назначить одного въ духовное званіе; а у Климента сыновъ было семь, и младшій изъ нихъ, Лазарь, занялъ послѣ отца протопопское мѣсто въ соборѣ. Другіе сыновья Климента, кто былъ убитъ на войнѣ, кто запарился въ русской непривычной банѣ; остальные, служа въ полковомъ городѣ Острогожскѣ, получили тамъ земли, поженились, скоро обрусѣли; но только не мирились съ своимъ прозвищемъ Лохвицкихъ и называли себя: Кохановскими-Лохвицкими и Лохвицкими-Кохановскими, Кохановскими Острожскими и просто Острожскими. Одинъ изъ внуковъ Климента ходилъ съ своею казацкой сотнею въ прусскій походъ при Елизаветѣ Петровнѣ и началъ отъ того прозываться *Прусъ*; а сынъ его уже былъ *Прусенко*, съ рѣдкимъ прибавленіемъ «Лохвицкій». Но у корочанскаго протопопа Лохвицкаго, Лазаря, было трое дѣтей: дочь Анна Лазаревна и два сына—Иванъ Лазаревичъ и

II.

Ефимъ Лазаревичъ, *до біса розумній*.

Такъ назывался мой прадѣдъ. Короча, теперь совершенно обрусѣвшая, въ то время была малороссійскимъ мѣстечкомъ, въ садахъ вся, какъ и теперь, съ винокурнями, съ преимущественно-малорусскими нравами, обычаями и съ владычествомъ южно-русскаго языка, такъ мѣткаго на неотъемлемыя прозванья. И прадѣдушка не даромъ, кажется, носилъ свое прозвище... Несмотря на то, что дѣды наши подались на сѣверъ, но родной югъ манилъ ихъ къ себѣ своей образованностью. Сыновья Кли-

мента и оба сына Лазаря воспитывались въ кіевской академіи. «До біса розумниій» Ефимъ Лазаревичъ, кромѣ польскаго и латинскаго языковъ, по какому-то случаю зналъ нѣмецкій языкъ, чему свидѣтельствомъ оставались его книги, насквозь проточенныя молью. Но ни онъ, ни братъ его не наслѣдовали отцу въ духовномъ званіи, а были казацкими сотниками.

Любопытно видѣть, какимъ сильнымъ запечатлѣніемъ лежало польское вліяніе на высшемъ сословіи малорусскаго народа! Что̀ были наши прадѣды на Корочѣ?—выходцы, утратившіе въ глухой сторонѣ свое сословное значеніе дворянъ, ставшіе обывателями, приписанными въ казаки, и попами, по изволенью Петра. Но «шляхетское посполитство» не вымирало въ языкѣ и было живо въ родовыхъ понятіяхъ, когда оно могло съ такою силою отрыгнуться въ третьемъ колѣнѣ послѣ Климента и въ лицѣ Ефима Лазаревича явить на Корочѣ образъ польскаго пана со всѣмъ его магнатски-казацкимъ великолѣпіемъ и съ суровымъ достоинствомъ вѣка, принимавшаго страхъ за почетъ.

Служилый сотникъ черкаской корочанской сотни, Ефимъ Лазаревичъ, вѣроятно, въ Кіевѣ, получая образованіе, занялъ всю его польскую внѣшность, начиная отъ латинскихъ цитатъ до желтыхъ магнатскихъ сапогъ на серебряныхъ подковахъ, и, добавляя тѣмъ свои родовыя преданія княженецкаго шляхетства, онъ сталъ на Корочѣ, дыша своимъ казацко-польскимъ магнатствомъ на все четыре стороны... Я не знаю и не могу настояще сказать, въ чемъ собственно заключалась власть казацкаго сотника и на сколько можно было расширить ее; но достовѣрно, что она не ограничивалась одною военной управою ввѣренной сотни. По всему видно, что управа сотника распространялась на самый сотенный городъ и на всѣ слободы, приписанныя къ нему; въ его рукахъ были судъ и расправа — все, что̀ мы разумѣемъ теперь подъ гражданскою, военною и судебной частью. Такимъ-образомъ сотникъ являлся болѣе, чѣмъ окружнымъ начальникомъ недавно-уничтоженныхъ военныхъ поселеній. Отъ его единственно самоуправной воли зависѣли свобода, честь, имущество — только-что не жизнь, а все благосостояніе подвѣдомственнаго казацкаго населенія... Только такъ разумѣя власть Ефима Лазаревича, объясняется его огромное сотницкое значеніе на Корочѣ.

... Господи! что̀ было за время! Когда мало-мальски значительная власть, какъ черная туча, была заряжена грозою и началь-

ническій страхъ ходилъ на людяхъ, какъ ходитъ степной буранъ, трепетомъ вселяясь въ сердца. И диво бы начальникъ былъ звѣрь, а не человѣкъ — нѣтъ! по своему времени онъ могъ быть человѣкомъ въ достойномъ значеніи слова, но его властвованіе, какъ законъ Моисеевъ, сходило въ громахъ и молніяхъ. Страшить и карать было признакомъ и достоинствомъ власти.

И это суровое достоинство Ефимъ Лазаревичъ являлъ во всемъ польскомъ великолѣпіи своего *шляхетне-урожонаго* казачества.

Начать съ того, что во главѣ всѣхъ «шляхетне-урожоныхъ» на Корочѣ онъ ходилъ въ польскомъ нарядѣ отъ собольей угловатой шапки до строченнаго подбора желтыхъ сафьянныхъ сапогъ. Величавый «якъ панъ-отецъ» (сравнивали его съ дѣдомъ Климентомъ) и величавый ростомъ, мужественный красотою лица, онъ палилъ сотницкими очами. Основавшись хуторомъ за двѣнадцать верстъ отъ Корочи, въ благодатномъ прилѣсьи дикаго нетронутаго поля казацкихъ земель, Ефимъ Лазаревичъ и здѣсь помнилъ себя, что онъ сотникъ: въ глазахъ его по ту и по другую сторону поселка высились сторожевые курганы и маячилъ дозорный казакъ на конѣ, готовый повсечасно птицею ринуться въ степь и возвѣстить сотенному городу, что̀ повелѣваетъ ему панъ-сотникъ у себя на хуторѣ. Самый поѣздъ и пріѣздъ Ефима Лазаревича съ хутора Хвощеватаго въ городъ былъ торжественнымъ выявленіемъ его сотницкой чести и власти. Онъ ѣздилъ попольски: шесть лошадей въ шорахъ, машталиръ съ длиннымъ бичомъ на козлахъ, польская коляса и панъ-сотникъ въ колясѣ; соболья шапка надвинута на брови; впереди и позади, по бокамъ его скачутъ казаки... и развѣ только степной вѣтеръ дулъ безстрашно въ длинные, рано-посѣдѣлые усы Лохвицкаго сотника, а все встрѣчное бросалось прочь, далеко забирая въ стороны, и чистъ лежалъ путь подъ палящими сотницкими очами на всѣ двѣнадцать верстъ отъ Хвощеватаго до Корочи! Но, подъѣзжая къ Корочѣ, съ горы, машталиръ громко хлопалъ бичомъ, и это въ сотенномъ городѣ должны были слышать, что жалуетъ сотникъ. Съѣхавши съ горы, въ другой хлопалъ бичомъ машталиръ, и въ отвѣтъ должны были звонить въ жалованный вѣстовой колоколъ. Подъ гулъ его, въ третій и послѣдній разъ машталиръ хлопалъ бичомъ—и все служилое казачество высыпало на валъ и встрѣчало своего сотника. По до-

рогѣ, отъ каждаго дома, мимо котораго проѣзжалъ сотникъ, долженъ былъ кто-нибудь стоять за воротами, если не самъ хозяинъ и хозяйка, то хотя дѣти ихъ—мальчикъ, или дѣвочка, но непремѣнно кто-нибудь, чтобъ привѣтствовать поклономъ въѣздъ въ сотенный городъ пана-сотника.

Насытивъ такимъ гордымъ величаньемъ достоинство своей власти, сотникъ былъ и добръ по-львиному, и богобоязненъ—такой неуклонной правоты и прямоты въ судѣ, что къ нему рѣдко приходили судиться, а шли къ нему за совѣтами: *До вашого розуму, пане сотнику!* кланяясь, говорили ему... Намъ, при теперешнемъ владычествѣ общественнаго мнѣнія, почти непонятнымъ является значеніе одиночной личности, неподходящей ни подъ какой уровень и въ своей средѣ превысившей все и, какъ дубъ непоколебимый въ корняхъ, незнающей измѣны и колебанья въ сказанномъ словѣ. То, чего мы достигаемъ теперь общепринятыми формами, силою и посредствомъ закона, тогда полноправно ввѣрялось одному достоинству подобной личности—и какъ эта личность умѣла вынести на себѣ честь и долгъ довѣреннаго дѣла!

Ефимъ Лазаревичъ во второмъ бракѣ былъ женатъ на дочери воеводы теперь упраздненнаго городка Карпова, Вѣрѣ Григорьевнѣ Мухиной; а старшая сестра ея, Катерина Григорьевна, была замужемъ за малороссійскимъ полковникомъ Петромъ Дмитріевичемъ Бульскимъ, который завѣдывалъ всею Слободско-Украинскою частью и былъ нѣсколько по фамиліи и необузданности характера съ-родни другому полковнику—Бульбѣ.

Мы не знаемъ, какъ и гдѣ, по какому случаю могъ тринадцатилѣтній ребенокъ своимъ свѣтлымъ взоромъ и дѣтской красотою лица заглянуть въ суровую душу сороколѣтняго полковника и возбудить въ ней не менѣе суровое желаніе — взять въ жены себѣ это миловидное дитя. Хотѣніе ребенка, конечно, не спрашивалось: да будь оно и не такъ, могла ли мать ея, вдова, смѣть подумать противостать желаніямъ полковника Бульскаго? И тринадцатилѣтняя дѣвочка, прямо изъ беспечнаго, весело-улыбавшагося ребенка, стала мученицею. Страстная суровость ея властелина и самъ онъ съ головы до ногъ дышали на нее неодолимымъ ужасомъ. Жена-ребенокъ, которая чуть смѣла поднять робкій взглядъ на мужа, могла ли она чѣмъ-либо и какъ отвѣчать ему, или что-либо раздѣлять съ нимъ? И его суровая страстность, требовавшая чувства любви и встрѣчавшаяся съ дѣтскимъ страхомъ, необузданно вырывалась наружу и терзала

страшно беззащитное дитя, по мстящему праву той самой любви, которая должна бы была быть заступленіемъ... Онъ накупалъ ей куколъ, дорогихъ нарядовъ и иногда въ тотъ же день изрубливалъ саблею передъ ея глазами куклы, наряды, и опять, весь ярый, слалъ гонца за нарядами и куклами. Онъ истерзалъ и распялъ на стѣнѣ, прибивъ гвоздями, любимую куклу жены, увидѣвъ однажды, что жена-ребенокъ куклу поцаловала! Вѣроятно, истомивши столько же самаго себя, сколько онъ терзалъ несчастнаго ребенка, разбивъ весь пылъ своей бурной страстности о ея робкую покорность, онъ отсылалъ отъ себя прочь жену къ ея матери и въ домѣ у него начинались неистовыя пированья. Домъ, огромный и великолѣпный тѣмъ запорожскимъ великолѣпіемъ, которое топтало золото въ грязь и величалось грязью какъ золотомъ, стоялъ въ сосновомъ вѣковѣчномъ лѣсу и стоялъ онъ основанъ, вмѣсто фундамента, на природныхъ вѣковѣчныхъ пняхъ. По сторонамъ его выведены были огромные флигеля, которые назывались *молодечни*. Въ нихъ жили молодцы избранной почетной сотни полковника, его близкіе люди, составлявшіе вокругъ него гордую казацкую свиту. Изо дня въ день эти люди пировали въ широкихъ полковничьихъ покояхъ, и Бульскій, который — удивительное дѣло! никогда не пилъ, поставлялъ все наслажденіе въ томъ, чтобъ перепоить своихъ молодцовъ и потомъ насмѣшливо любоваться ихъ выходками, сводить ихъ, какъ горячихъ пѣтуховъ, на споры и драки и потомъ, сидя на верхнемъ концѣ стола, только потянуть усы и сказать: «Гм!» и чтобъ этотъ звукъ вышибалъ хмѣль и въ-мигъ все мертвенно затихало на пиру.

Но и въ отдаленіи, и въ странной забавѣ своихъ пировъ Бульскій не забывалъ держать жену, тёщу, весь домъ ихъ—всю деревню Березову, гдѣ онѣ жили, въ напряженномъ, чего-нибудь ежеминутно-ожидавшемъ страхѣ. Среди глухой ночи вдругъ весь домъ обхватывалъ крикъ, отрывали ставни отъ оконъ и у каждаго являлся казакъ съ саблею въ одной рукѣ и съ насмоленною зажженной веревкою въ другой. Самъ полковникъ врывался въ двери и осматривалъ всѣ мѣста, сундуки, всѣ закоулки, гдѣ только его ревнивое подозрѣніе способно было представить, что могъ быть спрятанъ кто-нибудь; выталкивалъ изъ-подъ кровати, или изъ-за сундуковъ обмертвѣлую отъ страха жену и маленькую сестру ея и, довольный своимъ обыскомъ, иногда не сказавъ ни слова тёщѣ или женѣ, онъ гаркалъ на

казаковъ и уносился опять за восемьдесятъ слишкомъ верстъ въ свою Мерефу. Часто посылались довѣренныя лица узнать, посмотрѣть и обвѣдать, что̀ дѣлается у тёщи и ка̀къ жена? Бывали добрые старые посланцы, которые, покачивая головами, говорили: «Помогай вамъ Богъ, пани! *А що вы тутъ доброго робіте?*» и дебелая мозолистая рука стараго казака протягивалась надъ молоденькой смятенной полковницею и гладила ее по головкѣ, приговаривая: «Не бойся, пани! ужь я, старый пёсъ, не стану брехать на тебя». Иногда скакалъ въ Березовъ казакъ, трубя, что̀ было у него силъ, и размахивая надъ головою письмомъ съ приклееннымъ къ печати перышкомъ. Это онъ везъ безотлагательное повелѣніе, въ какое бы время дня и ночи ни пришло письмо и какая бы погода ни стояла на дворѣ, но, съ полученія его, жена и тёща должны были немедля снаряжаться и сейчасъ выѣзжать въ дорогу, потому-что тамъ были разсчитаны часы, когда имъ слѣдовало явиться. Но въ-теченіе этихъ часовъ, нетерпѣливое ожиданіе, или страстный порывъ другой какой-либо бури успѣвалъ разбушеваться въ груди Бульскаго и бѣдныхъ женщинъ, спѣшившихъ, не помня себя, явиться по призыву, вдругъ встрѣчало повелѣніе не входить въ домъ и не подъѣзжать къ крыльцу, а остановиться среди двора подъ сосною. Въ иной разъ по цѣлой недѣли жена и тёща просиживали въ каретѣ и Бульскій только выйдетъ на крыльцо, посмотритъ, посвиститъ и опять уйдетъ! Случалось, что, не допустивъ несчастныхъ женщинъ въ домъ, онъ давалъ заглазное повелѣніе отправляться имъ назадъ; но едва онѣ успѣвали отъѣхать десятокъ верстъ и начинали радоваться своей свободѣ, какъ за ними скакалъ гонецъ и заворачивалъ ихъ назадъ.

Въ одинъ изъ своихъ необузданныхъ порывовъ, Бульскій сбросилъ жену съ балкона двухъэтажнаго дома и сломалъ ей ребро. Страдалица не умерла, упавъ довольно-счастливо на песокъ; но самъ онъ, скоро умирая и, не имѣя дѣтей, видимо, старался обезпечить положеніе жены и какъ-бы вознаградить несчастную женщину, предоставилъ ей въ вѣчное потомственное владѣніе восемьсотъ душъ въ своихъ лучшихъ деревняхъ—Мерефѣ и Озерянкѣ, и на все остальное имѣніе далъ право полнаго пожизненнаго пользованія безъ всякой отчетности; но жизнь, убитая такъ рано, не могла воскреснуть. Молодая женщина, болѣзненная, почти не оставляла постели, и хотя она умерла долго спустя послѣ своего мучителя, но жила ли она?...

И, умирая, Бульская назначила своимъ душеприкащикомъ Ефима Лазаревича и предоставила ему неограниченное право поступить по его собственному усмотрѣнію—распорядиться всѣмъ остававшимся послѣ нея имѣніемъ, какъ онъ найдетъ лучшимъ, безъ всякаго прекословія наслѣдниковъ. А наслѣдниками, кромѣ сестры, жены Ефима Лазаревича, были три брата Бульской — молодцы, немного въ чемъ уступавшіе покойному-зятю, съ тою одной разницею, что тотъ былъ трезвъ, а эти еще пьянствовали. Забывая все въ своемъ безчинствѣ и радости о полученіи богатаго наслѣдства, они даже не подумали проводить тѣло умершей сестры въ церковь; и въ то время, когда черезъ одну дорогу отъ дома, въ церкви отпѣвали покойницу, они выкатили на средину двора бочки изъ погребовъ съ водкою и наливкою, наняли уличную музыку и, упаивая себя и народъ, буйствовали съ пѣснями и пляскою... Ефимъ Лазаревичъ и говорить не сталъ.

Извѣстенъ нашъ изстари заведенный обычай оставлять до шести недѣль въ домѣ покойника все, какъ было, въ прежнемъ порядкѣ, ничего не трогая и отлагая объявленіе послѣдней воли усопшаго до послѣдняго дня шестинедѣльнаго срока.

Такъ точно поступилъ и Ефимъ Лазаревичъ. Ничего, повидимому, не предпринимая, никому ни о чемъ не объявляя, перенося неумолкавшее вокругъ себя буйство, угрозы и заглазную похвальбу шурьевъ раздѣлаться съ нимъ по-свойски, если онъ посмѣетъ въ чемъ-либо обидѣть ихъ, Ефимъ Лазаревичъ шесть недѣль сурово молчалъ, приводилъ въ извѣстность громадную движимость покойницы и сидѣлъ запершись надъ бумагами. Когда окончилось шесть недѣль, послѣ обѣдни и большаго поминальнаго обѣда, въ присутствіи тѣхъ лицъ, которыя были свидѣтелями переданнаго ему полновластія отъ покойной Бульской, Ефимъ Лазаревичъ всталъ и объявилъ, что, вслѣдствіе, свидѣтельствуемыхъ всѣми, буйныхъ и безчинныхъ поступковъ ея братьевъ, неуважившихъ память сестры даже въ день ея христіанскаго священнаго погребенія, онъ, по совѣсти и данному ему праву избрать наслѣдникомъ достойнѣйшаго, находитъ ихъ всѣхъ недостойными, и слободы Мерефу и Озерянку со всѣми землями, лѣсами и хуторами предоставляетъ въ вѣдѣніе казны и людей отпускаетъ на волю. Ефимъ Лазаревичъ не остановился передъ тѣмъ, что его жена должна была получить значительную долю изъ имѣнія; онъ и ее отчуждилъ отъ наслѣдства, для недолжнаго раздробленія идущихъ коронѣ имѣній.

Мухины подняли-было дѣло; но Ефимъ Лазаревичъ сталъ и отстоялъ свободу Мерефѣ и Озерянкѣ. Теперь это богатѣйшія слободы верстахъ въ двадцати-пяти и тридцати отъ Харькова — и Озерянка еще тѣмъ особенно-примѣчательна, что въ ней обрѣтена на озерѣ явленная икона Божіей Матери, особенно-чтимая въ цѣломъ краѣ подъ нѣсколько-измѣненнымъ именемъ—*Озарянской*. И даже, богато наградивъ комнатную и дворовую прислугу Бульской при отпускѣ на волю, Ефимъ Лазаревичъ раздѣлилъ между шурьями всю движимость до послѣдняго: переломилъ пополамъ серебряную столовую ложку, которую иначе дѣлить было нельзя, и на свою долю, въ лицѣ жены, Ефимъ Лазаревичъ взялъ только древній списокъ Озарянской Божіей Матери— и ничего болѣе.

Затѣмъ я не могу сказать, въ какомъ именно году царствованія Екатерины изданъ былъ указъ объ уничтоженіи казацкихъ сторожевыхъ городковъ, упраздненіи ихъ войсковаго управленія и о перечисленіи жителей изъ казаковъ въ иное вѣдомство. Но только этотъ указъ состоялся. Ефимъ Лазаревичъ изъ всемощнаго сотника черкаской корочанской сотни переименованъ былъ въ чинъ провинціальнаго секретаря и на городъ на Корочу прибыла иная власть—воевода Акимъ Поповъ.

Извѣстно, какой высокой почитательницею Петра Перваго была Екатерина Вторая. И вотъ, какой-то «милостивецъ» тогдашнихъ временъ представилъ ея величеству истинно-любопытную вещь майора Акима Попова, который въ петровское время былъ солдатомъ и еще работалъ при набиваніи свай въ Петербургѣ. Государыня была слишкомъ-милостива, чтобъ не поискать награды такому любопытному живому памятнику петровской реформы, и Акимъ Поповъ посланъ былъ на городъ на Корочу сѣсть воеводою. Старъ и дряхлъ, почти-выжившій изъ ума, онъ умѣлъ ли читать—неизвѣстно; но милостивецъ озаботился выучить его подписываться: *Воевода Акимъ Поповъ*. И прибылъ воевода Акимъ Поповъ въ бывшій сотенный городъ, и сѣлъ на воеводство. Но воеводскимъ товарищемъ была у него, говоритъ преданіе — естественная бестія, въ лучшемъ значеніи этого слова, умная, веселая; запрягала она старую клячу, своего воеводу и ѣздила на немъ на потѣшанье всему міру. Разъ какъ-то озлобился воевода на своего воеводскаго товарища и не мирится съ нимъ; не дается въ упряжь старая кляча: заупрямилась, понурила голову и стоитъ — ни съ мѣста...

А было, въ корочанскомъ соборѣ (и теперь есть) одно извѣстное мѣсто, у котораго всегда становился молиться во всеуслышаніе воевода. Это мѣсто въ родѣ небольшаго придѣла для особенно-чтимой иконы чудотворца Николая, которая замѣчательнымъ образомъ найдена въ одной ветхой опущенной церкви незапамятно когда оставленнаго и заросшаго лѣсомъ монастыря. Преслѣдовали разбойниковъ, которые, спасаясь, разбѣжались по лѣсу, и человѣкъ шесть ихъ нечаянно попали въ эту оставленную церковь. Вбѣжавъ туда и увидя на стѣнѣ образъ чудотворца Николая, разбойники сказали въ радости: «Ну, теперь намъ нечего бояться, мы спасены: св. Микола съ нами!» Вдругъ отъ образа какъ молнія сверкнула на нихъ! Они пали ницъ и, ничего не видя, начали кричать и звать къ себѣ — и ихъ, ослѣпшими и ползавшими по землѣ, забрали изъ церкви.

Вотъ передъ этой иконою всегда становился молиться воевода, и до того ему въ слабую старую голову засѣло его воеводство, что онъ и на молитвѣ взывалъ: «Батюшка Миколай, святой! помилуй ты меня, воеводу Акима Попова!» Вдругъ во время одной вечерни, на свой обычный возгласъ воевода слышитъ тихое: «Не по-ми-лую».—Воевода обмеръ; на колѣни палъ, обѣщаетъ свѣчу въ свой ростъ поставить... «Не ставь свѣчи, говоритъ голосъ, «а замирись ты съ своимъ воеводскимъ товарищемъ». И замирился воевода Акимъ Поповъ!

Другая исторія, которою запамятовалъ себя на Корочѣ ея первый воевода, состояла въ безпримѣрной торговой казнѣ козла.

Дѣло было такого рода.

Какъ-то колодники пріучили къ себѣ большаго стараго козла. Чуть утро—козелъ являлся къ острогу; а острогъ былъ — обыкновенная изба, обнесенная частоколомъ. Всѣ козла знали; онъ входилъ свободно на дворъ и прохаживался гдѣ ему было угодно. Колодники, по извѣстной русской потѣхѣ, и пріучи козла биться, и еще какимъ образомъ? Выискался молодецъ, который живо *лицедѣялъ* воеводу: какъ Акимъ Поповъ старчески ходитъ, стоитъ, отставившись назадъ, и еще пуще всего, какъ воеводскимъ своимъ голосомъ, схожимъ на козлиный, онъ кричитъ и ругаетъ колодниковъ. Другіе въ это время наталкивали на лицедѣя, раззадоривали Ваську и довели козла до того, что едва только воевода показывался въ острогъ, козелъ приходилъ въ азартъ. Напрасно его выталкивали вонъ со двора и запирали ворота: козелъ слышалъ знакомые ему звуки голоса, прыгалъ

чрезъ частоколъ и, такъ или иначе, а улучалъ поддать рогами, никому больше, какъ воеводѣ. Воевода, убоявшись козла, хотѣлъ-было перестать ѣздить въ острогъ; но воеводскій товарищъ, негодуя о наносимомъ оскорбленіи высокой воеводской чести и еще кѣмъ же? старымъ козломъ, предложилъ — казнить его, для примѣра прочимъ, позорною торговою казнью. Составили письменное опредѣленіе, занесли его по всей формѣ, какъ слѣдовало, въ протоколъ, воевода и подписалъ свое: *Воевода Акимъ Поповъ*; но у воеводскаго товарища что-то случилось на рукѣ, и онъ не могъ дать своей подписи подъ опредѣленіе. По положенію резолюціи, какъ уже объявленнаго и приговореннаго къ казни преступника, засадили козла въ острогъ и можно себѣ представить, что за потѣшная ночь проведена была собратіями козла по заключенію! На утро ударили въ набатъ, Народъ повалилъ, обступая козла, котораго торжественно вели за рога на площадь. Тамъ, въ присутствіи воеводы и всѣхъ градскихъ властей, собравшихся на позоръ, прочитали громогласно козлу опредѣленіе и отрубили ему голову. Мясо его, по рѣшенію воеводскому, поступило на покормъ колодникамъ; а преступная голова съ наиболѣе-виновными рогами на три дня была выставлена на колу передъ воротами острога.

А между-тѣмъ не шутовскому воеводѣ, а головѣ дѣльной и разумной, съ смысломъ во лбу слѣдовало бы сидѣть въ это время на Корочѣ. Старый порядокъ казацкой управы, безъ приготовленія, безъ опредѣленныхъ положительныхъ мѣръ, внезапно смѣнился новымъ, и вопросъ о поземельной собственности между простыми казаками и ихъ бывшими начальниками показывался и росъ, какъ грозовая туча. Прежде казацкій сотникъ говорилъ: «мое!» не только тому, что онъ обниметъ, а что глазомъ окинетъ; а теперь и простые казаки, освободившись изъ-подъ ига сотницкой власти, начинали говорить: *се все наше*! памятуя, что земли жалованы казачеству за службу. Столкновеніе не преминуло объявиться на хуторѣ Хвощеватомъ Ефима Лазаревича.

Ефимъ Лазаревичъ взоралъ новую землю по близу хутора и посѣялъ горохъ; а Василь Макуха, заможный казакъ и, видно, не только посмѣлѣе, но и позадорнѣе другихъ, пріѣхалъ за двѣнадцать верстъ изъ подгородней слободы Бехтѣевки и провелъ свои борозды какъ-разъ наравнѣ съ бороздами своего бывшаго сотника. «*Подивлюсь: що вінъ, до біса разумній, мині зробіть?*» говорилъ Макуха. Ефимъ Лазаревичъ пришелъ взглянуть

на свой горохъ и истинно подивился о такомъ близкомъ сосѣдствѣ. Слѣдовало бы Ефиму Лазаревичу подать челобитную Акиму Попову, кланаться униженно и молиться рабски его воеводской чести о своемъ конечномъ разореніи и о завладѣніи землею отъ бывшаго казака, нынѣ завѣдомаго разбойника, Васьки Макухи. Но для этого Ефиму Лазаревичу надобно было бы *завѣдомо* переродиться. Не въ силахъ человѣческой души такой личности, какъ бывшій корочинскій сотникъ, бить челомъ передъ гороховымъ пугаломъ воеводской власти Акима Попова и наравнѣ съ козломъ поставить себя на шутовскомъ судѣ! Ефимъ Лазаревичъ будто смолчалъ Макухѣ и уѣхалъ по своимъ дѣламъ въ Москву. Воротившись къ осени въ свой Хвощеватый хуторъ, онъ увидѣлъ, что Макуха не удовольствовался однѣми бороздами; а вздумалъ подселиться собственнымъ хуторомъ подъ самый бокъ Ефима Лазаревича. Поставилъ Василь Макуха хату и уже началъ свозить къ хатѣ посѣянный хлѣбъ. Ефимъ Лазаревичъ дождался, пока Макуха свезъ весь свой посѣянный хлѣбъ... А у тогдашнихъ малороссіянъ было въ обычаѣ: работать цѣлую недѣлю на хуторѣ, а въ субботу къ вечеру отправляться въ городъ, или въ свои слободы «до церкви», проводить праздникъ съ своею семьею и съ сосѣдями на старомъ хозяйствѣ, въ обжилыхъ домахъ и старозаведенныхъ садахъ, и потомъ опять въ понедѣльникъ утромъ возвращаться на уединенный хуторъ. Точно по этому обычаю поступалъ и Макуха. Къ своей новопостроенной хатѣ, безъ кола и двора, торчавшей на раздольѣ казацкаго поля, онъ свезъ весь хлѣбъ и, подъ какой-то праздникъ, отправился за двѣнадцать верстъ на старое домосѣдство. Ефимъ Лазаревичъ въ ночь сжегъ Макухѣ все до тла! Къ утру бабы заполами переносили въ кухню уголья, а на разметенномъ пепелищѣ Ефимъ Лаларевичъ смолотилъ горохъ и разбросалъ по немъ гороховенье. И таково было ничтожество воеводской власти, завѣдомое безсиліе защиты на ея судѣ, что Василь Макуха даже не подалъ жалобы, живя въ Бехтѣевкѣ, подъ самымъ бокомъ у корочанскаго воеводы! Какъ нястоящая макуха, то-есть крѣпко-сбитый хохолъ и казакъ, Василь обошелъ нѣсколько разъ свое пепелище «Сказано: до биса разумній!» махнулъ онъ рукою и кончилъ тѣмъ. Уликъ никакихъ не было. Оставалось одно выжженное мѣсто посреди дикаго поля; но оно было средствомъ къ оправданію, а не обвиненію Ефима Лазаревича. По Малороссіи и теперь это случается; а тогда оно было въ обыкновеніи: не возить горохъ въ гумно, а тутъ же

въ полѣ выжигать, такъ и молотить его. Ефимъ Лазаревичъ такъ и сдѣлалъ: на пепелищѣ смолотилъ горохъ и разбросалъ по немъ гороховенье (*).

Но если не находилось болѣе смѣльчаковъ подселяться къ самому хутору Хвощеватому, то вообще охота выселеній изъ слободъ по хуторамъ росла съ каждымъ годомъ, съ каждой зеленѣющей весною. Нарядъ казачества держалъ все населеніе сбитымъ вокругъ сторожевыхъ городковъ, и теперь, миновавъ и унесши съ собою самую память той необходимости, которая вызывала его, онъ разорвалъ путы народонаселенія; оно зашевелилось и поползло всякъ себѣ искать приволья на огромной площади жалованныхъ съобща казацкихъ земель. Не стѣсняясь воеводскою властью, бывшій казакъ, по произволу, оставлялъ за собою слободскую усадьбу, или вовсе покидалъ ее и переселялся на полюбившемся мѣстечкѣ куда-нибудь къ водѣ, къ лѣсу, на пастьбищный просторъ, вообще на *царину*, какъ поэтически зовется въ южно-русскомъ нарѣчіи свѣжая дѣв-

---

(*) Не думая ни мало оправдывать поступка прадѣда, я должна, однакожь, замѣтить, что по тому времени это былъ вовсе не такой страшный и неслыханный, и еще тѣмъ страшнѣе, что безнаказный поступокъ, какъ онъ показывается намъ теперь. Бывали примѣры и не такого рода.

Графъ Гендриковъ, по осени, проѣзжалъ съ своей графской охотою мимо одного селенія и, именно селенія Устинки. (Не знаю настояще, какого она теперь уѣзда Курской Губерніи: не то Волчанскаго, не то Бѣлгородскаго? Но изъ Бѣлгорода въ Устинку носятъ икону чудотворца Николая.) Собаки графской охоты, невзятыя на своры, бросились къ телятамъ, которые ходили по выгону, разорвали трехъ или четырехъ и, преслѣдуя остальныхъ, внеслись въ селеніе. Мужики и бабы выскочили защищать свои животы и, въ свалкѣ, уколотили любимую графскую собаку. И что же сдѣлалъ графъ? Онъ, не съѣзжая съ мѣста, подложилъ со всѣхъ четырехъ концовъ подъ селеніе огонь и сжегъ Устинку до чиста, разровнялъ мѣсто, на которомъ было селеніе, вспахалъ его и посѣялъ озимъ, такъ, что когда судъ выѣхалъ на слѣдствіе, то ни слѣда, ничего не было, никакихъ признаковъ селенія, безмолвно и ярко на тучной пажити зеленѣла рожь! И когда дѣло пошло выше и достигло самой высоты, то единственнымъ слѣдствіемъ было, сказываютъ, писаніе: «*Эй, Генрихъ! не шали.*» Если это была шалость, то поступокъ моего прадѣда, хотя, конечно, онъ былъ не Генрихъ, можетъ показаться чистымъ дѣтствомъ: сжечь одну хату казаку, который вздумалъ на задоръ помѣряться съ своимъ бывшимъ сотникомъ!

ственная почва, какъ-бы еще царствующая земля, пока не поработалъ ее желѣзомъ плугъ человѣка. На царинѣ, по старому повѣрью, всякій скотъ сытѣе и добрѣе; а что казацкій конь, то онъ вдвое быстрѣе. Но эти вольныя займища, незнавшія никакой межи между собою, никакой грани, съобща дѣлали одно: обсѣтивали орлиное гнѣздо Ефима Лазаревича. И если оскорбленное самолюбіе бывшаго сотника не могло забыть того времени, когда онъ, какъ хотѣлъ, широко распространялся вокругъ своего Хвощеватаго, то съ тѣмъ вмѣстѣ и выбившіе изъ-подъ его власти, подчиненные не прочь были дать почувствовать свою свободу. Начались неисчислимые сосѣдскіе задоры и раздоры; завелись безчисленныя дѣла по бумагамъ у Ефима Лазаревича съ хохлами. Едва наступала новая весна, какъ поступали новыя жалобы съ той и съ другой стороны, уже доходившія до «его сіятельства, высокоповелительнаго господина генерал-фельдмаршала, главнокомандующаго кавалеріею и украинскою дивизіею, сенатора малороссійскаго, слободско-украинскаго, коллегіи малороссійской президента и пр. и пр. графа Петра Александровича Румянцева-Задунайскаго». Жалобы состояли въ выкошеніи травы на лугахъ, той и другой стороною присвоиваемыхъ себѣ, въ заборѣ сѣна, въ побоѣ хлѣба, въ заграбленіи лошадей, поминалась и та сожженная хата Макухи и пр. и пр.

Казалось бы, однихъ этихъ бумажныхъ дѣлъ могло стать на то, чтобъ занять сполна всю дѣятельность человѣка, давая ему прозвище «сутяги», и не оставляя времени ни на что болѣе. Но Ефимъ Лазаревичъ былъ не таковъ. Малороссійско-польскій панъ, который, по завѣтамъ стариннаго барства, долженъ былъ бы ничего не дѣлать, а Ефимъ Лазаревичъ все дѣлалъ, какъ самый практическій человѣкъ нашего времени. Живя на Корочѣ и въ своемъ Хвощеватомъ, онъ умѣлъ составить тѣсныя дружескія сношенія въ Москвѣ и войти тамъ въ торговые обороты. У Ефима Лазаревича были два винокуренные завода, и онъ поставлялъ въ Москву спиртъ; у него было до шести, если не болѣе, садовъ на Подкопаевкѣ, на Погорѣловкѣ, на Бехтѣевкѣ, на Коломійцевой пасѣкѣ, въ-самомъ городѣ и въ Хвощеватомъ; и тетушка еще запомнитъ огромныя жолобковыя корыта, въ которыхъ гнетились вишни, и Ефимъ Лазаревичъ поставлялъ вишневый морсъ въ Москву. Съ курскимъ богачомъ Переверзевымъ онъ держалъ на откупу Корочу. Плѣнные турки, по наемной платѣ, выкопали ему пруды въ Хвощеватомъ и цѣлое озеро на

Бехтѣевкѣ для винокуреннаго завода. Любопытна вольнонаемная плата работника тогдашняго времени. У Ефима Лазаревича было все, даже хозяйственная тетрадка, вся писанная его рукою, въ которой подробно обозначалось, что вотъ тогда-то было столько-то рабочихъ хохловъ и турчанъ. Плата хохламъ *по алтыну*, то-есть три копейки мѣдью; а турчанамъ—по *двѣ копейки*. Но, не доумѣвая о возможности подобной вольнонаемной платы, намъ надобно знать, что и мѣшокъ овса въ двѣ мѣры продавался тогда по алтыну съ денежкою, значитъ, по теперешней *копейкѣ серебромъ;* а такой же мѣшокъ ржаной муки стоилъ *два алтына*—менѣе двухъ копеекъ серебромъ, слѣдовательно рабочій, получавшій въ день три винныя порціи и состоя на хозяйскихъ харчахъ—и надобно замѣтить, *на хорошихъ хорчахъ* (въ скоромный день баранъ, а въ постный непремѣнно рыба)—вольнонаемный рабочій столько же могъ жаловаться на свое положеніе, какъ и нанимавшій его хозяинъ.

Но помощникомъ и, чтó называется, «правою рукою» во всѣхъ дѣлахъ и распоряженіяхъ Ефима Лазаревича былъ Максимъ Ивановичъ. Пока прадѣдъ состоялъ на казацкой службѣ паномъ-сотникомъ, онъ, какъ казакъ, не могъ имѣть крѣпостныхъ людей и ихъ у него не было, кромѣ трехъ четырехъ семей, которыя пришли за воеводской дочерью въ приданое и принадлежали собственно не ему, а женѣ его. Но будучи изъ сотника переименованъ въ чинъ провинціальнаго секретаря и прослужа въ этомъ чинѣ годы службы всемилостивѣйшей великой монархинѣ, Ефимъ Лазаревичъ получилъ лично и потомственно всѣ права и достоинство россійскаго дворянства; а съ тѣмъ вмѣстѣ и главное изъ этихъ правъ—владѣніе душами. При своихъ поѣздкахъ въ Москву онъ купилъ тамъ Максима Ивановича съ женою и двумя маленькими дочерьми, и Ивана московскаго, за которымъ осталось это прозвище и который былъ женатъ на сестрѣ Максима Ивановича... Въ-самомъ-дѣлѣ, отмѣтное лицо былъ Ефимъ Лазаревичъ для своего времени! Если онъ не выше другихъ понималъ вообще достоинство человѣка, то самъ разумный, какъ звали его, онъ высоко цѣнилъ достоинство ума въ человѣкѣ. Разумность Максима Ивановича почти снимала съ него желѣзно-барскій ошейникъ власти Ефима Лазаревича. Не говоря о томъ, что Максимъ Ивановичъ никогда не слышалъ холопскаго полуимени Максимки, а Ефимъ Лазаревичъ говорилъ ему: «Друже ты мой, Максимъ Ивановичъ, изволь ты мнѣ со-

служить такую службу...» И если Максимъ Ивановичъ служилъ, то служилъ одному Ефиму Лазаревичу и никому болѣе. Имъ не помыкали. За жизнь Ефима Лазаревича никому не подалъ тарелки Максимъ Ивановичъ. Пріѣзжали гости, бывалъ намѣстникъ бѣлгородскій, но и самому намѣстнику служилъ Иванъ Московскій и другіе, если не его собственная наѣзжая челядь; а Максимъ Ивановичъ, въ гостяхъ и дома, стоялъ за стуломъ у одного Ефима Лазаревича, только ему подавалъ тарелку и у него одного принималъ ее. Максимъ Ивановичъ никогда не торчалъ на запяткахъ. Не только въ саняхъ, а даже въ польской колясѣ онъ сидѣлъ рядомъ съ Ефимомъ Лазаревичемъ. Говоря словами древней пѣсни:

Съ одного блюда онъ пивалъ-ѣдалъ;

и если не *съ одного плеча платье нашивалъ*, то это потому, что Максимъ Ивановичъ носилъ французскій кафтанъ, косу съ чернымъ бантомъ и пудру, а Ефимъ Лазаревичъ по конецъ своей жизни не снималъ польскаго кунтуша и не разувалъ желтыхъ сафьянныхъ сапогъ. Максимъ Ивановичъ былъ грамотный, и они вмѣстѣ съ бариномъ читали по постамъ духовныя книги и разсуждали вмѣстѣ о писанномъ. Держась, въ-отношеніи своихъ челядинцевъ, такого львинаго правила старинаго барства—что̀ *мое*, тому должно-быть хорошо, потому-что оно *мое*—Ефимъ Лазаревичъ настояще смотрѣлъ, чтобъ было хорошо, и иногда, что̀ случалось лѣтомъ, воротившись съ осмотра разнородныхъ вольнонаемныхъ и ненаемныхъ хозяйственныхъ работъ, онъ не садился за столъ, хотя прабабушка, внутренно выходя изъ себя, говорила покойнымъ голосомъ: «На столѣ, Ефимъ Лазаревичъ, кушанье стынетъ»—«Сейчасъ, моя Вѣра Григорьевна! Вотъ только съ Максимомъ Иванычемъ мы по серебряной выпьемъ», и полновластный баринъ выглядывалъ въ окно и поджидалъ замѣшкавшагося на хозяйствѣ слугу выпить съ нимъ по серебряной!

А между-тѣмъ, переставъ быть сотникомъ, Ефимъ Лазаревичъ былъ все тотъ же властительный громкій панъ на Корочѣ, къ которому бѣлгородскій намѣстникъ пріѣзжалъ охотиться, и бѣлгородскій архіерей обѣдни служилъ и который, поступая такъ человѣчно съ своимъ слугою Максимомъ Ивановичемъ, могъ и не съ слугою поступить совершенно иначе.

Разъ особенно широкимъ размахомъ растворились двери въ корочанскомъ домѣ Ефима Лазаревича и онъ, входя и бросая

на полъ свою соболью шапку, повергнулся ницъ передъ образами. «*Азъ рабъ твой, азъ рабъ Твой и сынъ рабыни Твоея»*... въ могучемъ исповѣданіи своего сердца псаломски говорилъ онъ Богу. «Ты меня, Господи, создалъ! Ты меня воспиталъ—человѣкомъ межъ людьми поставилъ и днесь сподобилъ недостойнаго меня воздать должное Іудѣ-предателю, Ивану Башилову!» Ефимъ Лазаревичъ всталъ и трижды земнымъ поклономъ поклонился Богу.

Но любопытно знать: въ чемъ состояло это «воздаяніе должнаго» и кто таковъ былъ нарекаемый «предатель» Башиловъ?

Иванъ Ѳедоровичъ Башиловъ было лицо немаловажное, особливо по тогдашнему времени. Онъ былъ какой-то полковникъ, вмѣстѣ землемѣръ и курскій губернскій архитекторъ, проводившій дороги... Умѣлъ ли онъ составить какой-либо планъ по своей архитектурной части—это еще находилось подъ сомнѣніемъ; но сплетать сплетни, строить разныя маленькія каверзы, помогать *нашимъ* и *вашимъ* и выгораживать себя изъ общей бѣды наушничествомъ и шпіонскими продѣлками—на это было взять губернскаго архитектора. Побывалъ онъ не разъ на Корочѣ и побывки его непріятно отзывались въ Курскѣ. Иванъ Ѳедоровичъ не удовольствовался и еще пожаловалъ; протискивался вездѣ и всюду явился, и въ ратушу для *пріятельскаго курьёзу*, говорилъ онъ. Но здѣсь его встрѣтилъ самый неожиданный курьёзъ. Его—просѣкли. Среди бѣлаго дня, въ ратушѣ, десятскіе высѣкли губернскаго архитектора, и только Ефимъ Лазаревичъ, неизмѣнно-вѣрный польскимъ шляхетскимъ преданьямъ, велѣлъ подостлать, вмѣсто ковра, собственную медвѣжью шубу архитектора!

Перенесши пріятельскій курьёзъ въ благоразумномъ молчаніи, Башиловъ отмстилъ Ефиму Лазаревичу по-своему. Онъ провелъ большую дорогу съ Новаго-Оскола на Старый черезъ Корочу и мимо самаго Хвощеватаго; хотя былъ давній путь на Яблоновъ, проложенный еще татарами, по которому они шли, какъ муравьи: и доднесь этотъ путь называется большимъ «муравскимъ шляхомъ.

Мщеніе Башилова *теперь* не имѣетъ смысла, когда всякій землевладѣлецъ, что бъ далъ, лишь бы большая дорога шла черезъ его имѣніе! Но *тогда* было иначе. Большія дороги, не принося нынѣшнихъ выгодъ, въ то время вели за собою большое разореніе. Выбитый хлѣбъ, стравленный сѣнокосъ были по-

стояннымъ бѣдствіемъ, за которымъ слѣдовали драки и цѣлыя свалки обозовъ съ народонаселеніемъ деревень, выбѣгавшимъ съ косами и вилами защищать свои поля. Особеннымъ наказаніемъ для жителей были огромные обозы съ казенной солью, тянувшіеся, тяжело нагруженные, на волахъ, подъ присмотромъ медленно-выступавшихъ хохловъ, которые рѣшительно не признавали никакой межи, ни возможной грани. *«Ге! мы казенный интересъ веземо!»* говорили они и располагались кормить и поить своихъ воловъ гдѣ имъ было угодно. Обыкновенно эти обозы сопровождалъ соляной приставъ, и только для того, чтобъ тѣнью казеннаго интереса попирать всѣ права интереса частнаго и оставаться безнаказаннымъ въ своей офиціальной личности. Ефимъ Лазаревичъ все это хорошо зналъ и сдѣлалъ не болѣе и не менѣе, какъ перерѣзалъ поперегъ дорогу, проложенную Башиловымъ, и тѣ высокія хворостяныя плетушки, которыми тогда дороги обозначались по обѣимъ сторонамъ, Ефимъ Лазаревичъ перенесъ ихъ отъ Хвощеватаго на муравскій шляхъ. Но это было предѣломъ самоуправства Ефима Лазаревича. Законъ, подстрекаемый Башиловымъ наконецъ воздѣйствовалъ, и Ефимъ Лазаревичъ умеръ подъ судомъ въ Курскѣ съ 11 на 12 декабря 1783 года. Такъ записано въ Святцахъ. Но его тѣло изъ Курска перевезли на Корочу и легъ Ефимъ Лазаревичъ своими смертными останками тамъ, гдѣ онъ жилъ и властвовалъ! (*)

III.

Анна Лазаревна сотничка.

Она была сестра своему брату по основной силѣ характера и по дѣятельности, по ея уму; но сурово-житейскій умъ сотнички былъ грабитель, искавшій только подобрать чужое. Никакимъ человѣчески - живительнымъ чувствомъ, необлагодатствованное сердце женщины сжалось и закрѣпло, какъ кремень, въ изувѣрствѣ и жестокостяхъ.

(*) Немножко любопытно сличить и видѣть громадное возрастаніе нашей откупной суммы... Въ годъ своей смерти Ефимъ Лазаревичъ съ Деревергевымъ, Никаноромъ Ивановичемъ, держали вмѣстѣ на откупу Корочу со всѣмъ уѣздомъ и платили 7000 ассигнаціями; а эту же самую Корочу теперешній откупъ держитъ за 105,000 рублей серебромъ. Прогрессъ достаточно-великъ!

Вторая жена сотника русской казацкой сотни на Корочѣ, она не приняла отъ мужа фамиліи, а, напротивъ, сама принесла ему въ приданое прозвище съ почетомъ отъ своего рода. Мужъ ея изъ зятя *протопопова* сталъ зваться всѣми «Протопоповымъ» и потерялъ свою фамилію Гурьева. По времени состарившійся и беззубый, бывшій сотникъ Гурьевъ обыкновенно сидѣлъ на крылечкѣ своего корочанскаго дома, и когда приходили къ нему судиться, или разбираться по какимъ дѣламъ, онъ отправлялъ: «А штупайте къ шударынѣ Аннѣ Лажаревнѣ! Ея милошть вшѣхъ вашъ ражберетъ и ражшудитъ». И судила суды Анна Лазаревна неправедные и лихоимные, съ посулами и поборами, съ тюрьмою и кандалами. Она была женщина въ высшей степени притяжательная, неумолимая и въ своихъ опредѣленіяхъ и порѣшеніяхъ неизмѣнима была ничѣмъ и ни почему! Вотъ женщина, которая въ правоописательной исторіи нашихъ прошлыхъ суровыхъ временъ могла бы занять видное мѣсто «грозной судьбы» и своимъ негромкимъ, тихо-сказывающимся словомъ положить неодолимую преграду и, лучше меча, разсѣчь какой придется узелъ.

Въ нашей семейной памяти особенно-явственно обозначается Анна Лазаревна въ ту пору, когда мужъ ея давно умеръ, всѣ пять дочерей розданы были въ замужство, пять сыновъ ея кто въ должности, кто на службѣ и она—маленькая, неутомимо-подвижная, сухая старушка, всюду сама по дѣламъ бываетъ, всѣхъ знаетъ и всѣ ее знаютъ, съ намѣстникомъ дружбу ведетъ и живетъ на островѣ у своей мельницы, какъ въ крѣпости: только чрезъ собственную ея плотину и есть доступъ къ ней.

Рѣка Короча верстъ за тридцать отъ города, запушаясь лозами, обмеляясь и затѣмъ отступая отъ своей окраины горъ, поросшихъ лѣсомъ съ мѣловыми прохватами и лысинами, широко загибается колѣномъ и въ загибѣ рѣки остается совершенно правильный и довольно-большой островъ. Хотя въ сторонѣ, черезъ рѣку, было селеніе (теперь Большая Слобода, а по старинному прозвищу «Городище», по огороженной бывшей крѣпости на превысокой горѣ), но близость населенія ничего не производила въ безмолвіи и пустынной захороненности острова. Съ одной стороны, наклоняясь надъ нимъ съ горъ, шумѣлъ и колыхался недремлющій лѣсъ, съ другой, ревѣла водяная мельница, и этотъ неумиряющійся шумъ и плескъ воды, шептанье робкое вербъ на островѣ, поопустившихъ свои вѣтви... чѣмъ

и какъ оно наполняло душу суровой обитательницы? Собственно въ ея лицѣ представляется намъ образецъ страннаго и печальнаго—не то, чтобъ суевѣрія, а совершеннаго непониманія благодатнаго духа вѣры Христовой. Суровыя усилія запечатлѣть святыню вѣры не освященіемъ сердца въ духѣ заповѣданной любви и милосердія, а думать найти ее въ суровыхъ, истязательныхъ лишеніяхъ постничества, угрюмаго и само-по-себѣ безплоднаго! При поступкахъ Анны Лазаревны, при ея угнетательной притяжательности, несправедливостяхъ, ея немилосердіи къ своимъ должникамъ, при грозѣ ея внутренняго домоуправства, она была величайшею постницею и богомолкою. Лѣтъ за тридцать до смерти она уже никогда, ни въ день свѣтлаго праздника, не ѣла скоромнаго; круглый годъ *понедѣльничала*, то-есть, не только въ среду и пятницу, но даже по понедѣльникамъ, совершенно постилась до захожденія солнца. На страстной недѣлѣ, поужинавъ въ вербное воскресенье, она только обѣдала въ чистый четвергъ; а поужинавъ въ чистый четвергъ, разгавливалась на свѣтлый праздникъ, и какъ разгавливалась! постною пасхою, едва-испеченною съ орѣховымъ масломъ; даже краснаго яйца она не отвѣдывала. И молилась Анна Лазаревна по цѣлымъ долгимъ часамъ... Изумительно, какія странныя, ужасающія душу преданія идутъ о ея молитвѣ!

Былъ у нея прикащикъ Кирюшка, который, для принятія приказаній и ежечаснаго отчета во исполненіи ихъ, почти неотступно находился въ домѣ. Вотъ становилась Анна Лазаревна на свою утреннюю молитву. Молельная комната была вмѣстѣ и кладовою съ разными мѣшечками, кадочками, со всевозможною рухлядью и еще со стекольцемъ въ дверяхъ, чтобъ часомъ молитвы не мѣшало заглянуть: а что̀ тѣмъ временемъ дѣлается по дому? Съ глубокимъ воздыханіемъ начинала Анна Лазаревна:

— *Господи Іисусе Христе, Сыне Божій*... Кирюшка!... Пока являлся Кирюшка, договарилось: *помилуй мя грѣшную*... А что ты тутъ? спрашивала Анна Лазаревна, не отводя глазъ отъ образовъ и начиная между-прочимъ:—*Матерь Божія!*

— Я здѣсь, сударыня. Чего изволите? произносилъ у стекольца Кирюшка.

— А что ты себѣ думаешь? А задалъ ты лозана вонъ тому цыганскому племени?... *Благодатная Марія, Господь съ тобою!* поклонялась до земли Анна Лазаревна...

И такъ она, впродолженіе своей страшной богохульной молитвы, разъ пять Кирюшку призоветъ и отпуститъ, донесеніе отъ него приметъ, человѣкъ трехъ въ кандалы засадитъ и закажетъ булокъ спечь, и тутъ же сама отвѣситъ, сколько слѣдуетъ фунтовъ муки!

Слухъ объ Аннѣ Лазаревнѣ, о великомъ достаткѣ ея расходился далеко; а въ то время это былъ слишкомъ-опасный слухъ. Воры и разбойники чуяли его и бѣда висѣла надъ головою. Не она ли заставила Анну Лазаревну основаться на неприступномъ островѣ? Однакожь и сюда не однажды подбрасывали записки съ увѣдомленіемъ сотничкѣ: «что, вотъ, придутъ ее разорять, жечь и грабить, буде она не заплатитъ назначаемаго выкупа». Это была обыкновенная уловка тогдашнихъ разбойниковъ и воровъ: запугать первымъ дѣломъ, чтобъ вытребовать порядочную сумму, которую слѣдовало отнести и положить вечеромъ въ какое-нибудь означаемое дупло въ лѣсу, или подложить подъ извѣстный камень. Но на подобную уловку нельзя было поймать Анну Лазаревну. Она жгла записки и не думала отплачиваться; но за-то, какъ она была всегда насторожѣ!

На конюшнѣ у нея постоянно стояло три четверки лошадей; къ каждой опредѣлено было по кучеру и имена кучеровъ сохранились: Андрюшка, Гаврикъ и другой Кирюшка. Всякій изъ нихъ долженъ былъ знать собственноственно своихъ лошадей, чтобъ онѣ были выкормлены, вычищены и всегда наготовѣ. Въ какое бы время ночи и дня Анна Лазаревна ни сказала: «запрягать!» и чтобъ лошади были запряжены, пока она прочитаетъ три раза *Отче нашъ*. Но кто изъ кучеровъ поѣдетъ съ Анной Лазаревной и думаетъ ли она сегодня, или завтра, ѣхать и куда она ѣдетъ, и когда домой пріѣдетъ? *Никогда никто ничего не зналъ*. Анна Лазаревна пріѣзжала и уѣзжала во всякое время дня и ночи. Напримѣръ, она ходитъ по дому, распоряжается всѣмъ, какъ обыкновенно, заказала на обѣдъ свои любимые burачные щи съ грибами; наклонилась надъ какимъ-нибудь сундучкомъ, роется тамъ, перебираетъ разные моточки, клубочки и вдругъ говоритъ своимъ тоненькимъ голоскомъ: «Эй! кто вы тамъ? А сказать скажите-ка Гаврику, чтобъ лошадей запрягалъ». Свареные щи выливаются въ чистый кувшинчикъ и крѣпко затыкаются; лошади уже готовы. Анна Лазаревна, благословясь, садится въ желтую коляску одна, безъ дѣвки и лакея; ставятъ ей кувшинчикъ со щами и Гаврикъ съѣзжаетъ на плотину, потому-что ѣхать больше

некуда. Но, переѣхавъ плотину, Анна Лазаревна говоритъ: «направо!... налѣво!... повороти туда!... ступай сюда!...» такъ-что Кирюшка и Андрюшка, и кто бы кучеромъ ни ѣхалъ, сидятъ на козлахъ, только держутъ возжи; а куда они ѣдутъ, они не знаютъ, *и тѣмъ болѣе никому не скажутъ*. Такъ Анна Лазаревна оберегала свой выѣздъ отъ засадъ, измѣны и какого-либо предательства. Скорѣе можно было неожиданнымъ случаемъ захватить ее, но никакъ не умышленнымъ дѣломъ.

Само-собою разумѣется; что, при указазанныхъ обстоятельствахъ, домъ былъ достаточно-укрѣпленъ засовами и запорами, внутренними желѣзными защепами, и Анна Лазаревна часто пріѣзживала къ себѣ за-полночь. Хотя въ домѣ всѣ точно знали, что это пожаловала она и слышали ея голосъ, и она приказывала отворить двери; но еслибъ это сдѣлали, Анна Лазаревна тутъ же на порогѣ дома, еще не переступивъ его, страшно бы наказала всѣхъ изъ головы въ голову. «А почему вы знаете, собачьи дѣти, можетъ то разбойники говорятъ моимъ голосомъ?» И вотъ, изъ-за крѣпко-затворенныхъ дверей, долженъ былъ начинаться опросъ такого рода. Кирюшка не вѣритъ, чтобъ это была сударыня, Анна Лазаревна. Почему ея милость поздно пожаловала? Пусть она изволитъ назвать: кто съ нею эту рѣчь говоритъ? Анна Лазаревна называетъ Кирюшку. «А кто еще въ домѣ съ Кирюшкою есть?» идетъ дальнѣйшій допросъ. И Анна Лазаревна обозначаетъ по именамъ всѣхъ, живущихъ въ домѣ и нѣкоторыя примѣты ихъ описываетъ — поминаетъ даже кота бѣлоухаго на печи; но и здѣсь Кирюшка не смѣетъ удовольствоваться и перемѣняетъ обыкновенные вопросы на довольно-странные.

— *А что въ горшкѣ кипитъ?* спрашиваетъ.

— *Огонь.*

— *А что на полицi пече паляницi!* (*).

— *Вода*, отвѣчаетъ Анна Лазаревна.

И тутъ только засовъ и запоры съ дверей падаютъ и Кирюшка впускаетъ свою грозную госпожу.

Удивительная женщина! Живши лѣтъ подъ девяносто, она, не ослабѣвая, по самую смерть сохранила свою подвижность и безпрерывную, неутомимую дѣятельность по хозяйству! Вслѣдствіе

(*) А что на полкѣ печетъ лепешки.

огромнаго скотоводства, молочные сборы въ то время составляли одну изъ главныхъ статей хозяйства и каждый день, съ весны и до поздней осени, Анна Лазаревна ѣздила за десять верстъ въ свои хутора, съ кувшиновъ сметану сбирать. Сама сниметъ сметану, по-крайней-мѣрѣ съ сотни кувшиновъ; при ея глазахъ собьютъ масло; она освидѣтельствуетъ вечерній и утренній удой молока; приметъ новоствороженный сыръ, посолитъ его, сложитъ въ огромныя кади; поѣдетъ на пасѣки и тамъ еще огребетъ рои! Въ Аннѣ Лазаревнѣ изумительно является—утраченная нами, внучками и правнучками — эта способность нашихъ старыхъ людей не выпускать дѣла изъ рукъ, всегда что-нибудь да работать. Даже въ дорогу, вмѣстѣ съ кувшинчикомъ постныхъ щей, Аннѣ Лазаренѣ ставили въ коляску витушку, на которой разматываютъ тальки, и она, сидя въ коляскѣ, дорогою постоянно, или щелкала щипчиками орѣхи на масло, или разматывала пряжу и нитки. По бо̀льшему, или мѐньшему запасу орѣховъ и мотковъ нитокъ, домашніе даже могли приблизительно догадываться: въ далекій ли путь, или нѣтъ, ѣдетъ Анна Лазаревна? Одинъ разъ, отъ сильнаго нажиманья щипчиковъ, у нея разболѣлся большой палецъ; сдѣлалась воспалительная краснота, потомъ это почернѣло и образовался антоновъ огонь. Анна Лазаревна приказала вскипятить большой мѣдный чайникъ воды, туго перевязала ниткою палецъ повыше больнаго мѣста и опустила его въ кипятокъ. Продержавъ въ кипяткѣ палецъ, пока боль совершенно занѣмѣла, Анна Лазаревна вынула его и осталась жива и здорова.

Тогда настояла нужда въ народонаселеніи. Послѣднее окончательное закрѣпленіе малороссійскихъ крестьянъ совершилось, и понятно, съ какой готовностью владѣльцы большихъ земель старались захватить въ свои руки эти рабочія силы, которыя правительство предоставляло имъ въ полное и безотчетное распоряженіе. Анна Лазаревна завела на островѣ винокурню и стала населять тѣсную деревушку. Владѣніе всѣмъ имѣніемъ безраздѣльно находилось у нея; сыновьямъ Анна Лазаревна ничего не давала, и между-тѣмъ безпрестанно прихватывала новыя усадебныя мѣста, лѣсныя урочища, луга, сады, разнородныя угодья. Надобно было только Аннѣ Лазаревнѣ захотѣть вбить колъ возлѣ какого мужичка, котораго поселокъ почему-нибудь ей начиналъ нравиться, какъ бѣднякъ, стращаемый опаснымъ сосѣдствомъ, самъ являлся къ сотничкѣ и Христомъ-Богомъ

просилъ положить цѣну, какую угодно, его усадьбѣ и взять ее себѣ. Тогда деньги были за рѣдкость. Серебряный рубль и въ глаза мало попадался. Анна Лазаревна давала свои рубли въ заемъ и непремѣнно подъ залоги. У цыганъ и даже вольныхъ поселянъ она брала взрослыхъ дочерей въ залогъ; только отцы не уплачивали къ сроку, Анна Лазаревна забирала на островъ дѣвокъ, отдавала ихъ замужъ за своихъ людей и населяла хутора свои и островскую деревушку.

Сохранилось преданіе, какимъ-образомъ Анна Лазаревна составляла браки своихъ людей. На хуторахъ у нея по одной и по двѣ свадьбы никогда не бывало. А когда собиралось достаточное число шести, или семи дѣвокъ, оставшихся у нея въ закладѣ и къ нимъ подростало нѣсколько своихъ, тогда вдругъ Анна Лазаревна (у нея все подобное дѣлалось неожиданно) призывала отцовъ и матерей, у которыхъ были сыновья, молодые парни, что женить пора и говорила: «А что вы сидите да съ пусту думу думаете? Ребятъ женить пора». — «Да, коли милость твоя великая будетъ!»—кланялись отцы и матери въ ноги Аннѣ Лазаревнѣ и она повелѣвала представить предъ себя всѣхъ жениховъ и невѣстъ. Размѣстивъ ихъ въ два ряда другъ противъ друга, она проходила между ними и указывала пальцемъ: «тебѣ вотъ эта! а тебѣ, вотъ, та... а ты, вотъ, эту бери», и прекословія никакого не могло быть! Затѣмъ тутъ же отрѣзывались красныя юбки невѣстамъ и сорочки женихамъ барскаго пожалованья; приказывалось Кирюшкѣ отпустить извѣстное количество пшеничной муки на короваи; жаловала Анна Лазаревна прямо изъ куба водки на веселье и, чтобъ все было живо, какъ горѣло— на послѣзавтра чтобъ и свадьбы были окончены. Спарованные женихи и невѣсты уже, по обычаю «молодыхъ», а отцы и матери ихъ, въ благодареніе Аннѣ Лазаревнѣ за великія милости, поклонялись ей до земли большимъ поклономъ, и менѣе чѣмъ въ три четверти часа вся жизненная участь молодаго поколѣнія бывала рѣшена безвозвратно.

Теперь мнѣ слѣдуетъ разсказать довольно-странный случай. Не позволяя себѣ никакихъ истолкованій на него, я только перевожу на свои страницы необычайное сказаніе, за истину котораго могли поручиться въ свое время цѣлыя сотни людей, волею и неволею участвовавшихъ въ дѣлѣ.

Я уже говорила, какъ Анна Лазаревна давала свои рубли въ займы. Одинъ бѣдный мужикъ изъ того ближняго, напротивъ

острова, селенія Городища, приневоленный неминучей нуждою, вымолилъ Христомъ-Богомъ у Анны Лазаревны мѣдный рубль алтынами. Взрослой дочери у него не было, чтобъ взять ее подъ залогъ, а было только четверо маленькихъ дѣтей, и потому Анна Лазаревна сказала, что она возьметъ корову, буде должникъ не уплатитъ къ сроку. Нѣтъ сомнѣнія, что бѣдный человѣкъ изъ всѣхъ силъ старался, чтобъ удовлетворить свою грозную заимодавицу къ назначенному дню. Но легко ли было въ тѣ времена заработать этотъ несчастный рубль, когда лучшему работнику у Ефима Лазаревича была поденная плата менѣе теперешней копейки серебромъ? и къ тому еще бѣдняку пошло на несчастье: родилось у него дитя и потомъ умерла жена. Волею и неволею, онъ долженъ былъ истратиться на крестины и похороны, а затѣмъ и срокъ сближался. А у Анны Лазаревны было свое обыкновеніе: передъ окончаніемъ срока призывать къ себѣ должниковъ и спрашивать ихъ: «А что они думаютъ: платить, или нѣтъ?» Затѣмъ Анна Лазаревна принимала свои предусмотрительныя мѣры. Такъ и здѣсь, она послала за мужикомъ. «*А що ты собі, человіче, яку думку маешь?*—спрашиваетъ его. «Сроку тебѣ остается одна недѣля». Бѣднякъ упалъ въ ноги, молитъ и разсказываетъ свое горе... «Уже то тебѣ такъ Богъ далъ; а ты меня, человіче, знаешь» сказала Анна Лазаревна: «корову возьму». А эта корова была матерью, которая одна питала четырехъ осиролѣтыхъ дѣтей и пятаго новорожденнаго! Прошла недѣля и наступилъ конецъ сроку. Анна Лазаревна снарядила Кирюшку и еще нѣсколько человѣкъ, чтобъ они пошли, взяли съ двора у мужика корову и вмѣстѣ съ коровою привели его самого: «засадить его, собачьяго сына, въ островскую тюрьму, чтобъ онъ зналъ, какъ брать деньги и платить въ срокъ». Но мужикъ самъ входитъ къ Аннѣ Лазаревнѣ, кланяется ей низко и подаетъ на ладони *серебряный рубль*. Анна Лазаревна смотритъ и видитъ, что это петровскій рубль и что онъ долго лежалъ въ землѣ, потому-что заплеснѣлъ и позеленѣлъ по краямъ. Мысль *о кладѣ*, вѣроятно, промелкнула въ головѣ Анны Лазаревны. «А гдѣ ты, человіче, сей рубль взялъ?» спрашиваетъ она. «У тебя денегъ не было... Это такой рубль, что моему дѣду ровесникъ. Гдѣ ты его взялъ?» — «Заработалъ» отвѣчалъ, смущаясь, мужикъ. «За одну недѣлю у тебя такіе заработки стали?... Кирюшка, въ кандалы его! засадить вора.., Онъ подъ государеву тайную казну подкопался!» рѣшила Анна

Лазаревна. Мужика схватили и заковали его въ кандалы. Всѣми святыми отпрашиваясь и клянясь, что онъ ничего того не знаетъ и что онъ истинно заработалъ рубль, мужикъ обѣщался разсказать все, какъ было, безъ утайки...

И вотъ что̀ онъ разсказалъ:

Идучи отъ Анны Лазаревны, онъ былъ въ великомъ горѣ — думалъ наложить на себя руки и даже въ избу не вошелъ, а сѣлъ на заваленкѣ. Стали сумерки. Мимо его кто-то быстро прошелъ. Онъ поднялъ голову и тотъ человѣкъ, остановясь, оборотился къ нему. «Другъ, говоритъ, нѣтъ ли здѣсь кого, кто бы взялся мнѣ ось поддѣлать? Въ лѣсу у меня поломалась ось. Я заплачу». Человѣкъ былъ какъ-бы купеческій прикащикъ и о чемъ говорилъ онъ—было дѣло вполнѣ вѣроятное. Черезъ лѣсъ у Городища лежала большая проѣзжая дорога изъ Бѣлгорода, и когда, по осени, начинали портиться дороги, то здѣсь ломка бывала частая, какъ она и теперь есть. Мужичокъ обрадовался случаю заработать сколько-нибудь; попросилъ обождать, пока онъ сходитъ въ избу, возьметъ топоръ—и тотъ человѣкъ стоялъ, ждалъ его на улицѣ и потомъ они пошли. Бѣдняку, въ его горѣ, было не до разговоровъ, и тотъ тоже молчалъ и шелъ нѣсколько впереди. Пришли они точно въ лѣсъ и на бѣлгородскую дорогу; тотъ своротилъ нѣсколько въ сторону и указалъ на одно дерево. «Сруби, говоритъ, другъ, и обдѣлай ось». Мужичокъ срубилъ дерево и обдѣлалъ, какъ слѣдуетъ, ось. «Теперь, говоритъ, бери съ собою. Пойдемъ». Пошли они прямо въ лѣсъ. Шли они тоже молча и что-то... какой-то трепетъ сталъ пронимать мужичка. Показался свѣтъ. Они пришли къ отворенному погребу. Тотъ человѣкъ вошелъ первый и говоритъ: «Неси, другъ». Когда мужичокъ, въ робости, вступилъ туда, онъ увидѣлъ, что свѣтъ шелъ отъ иконы, передъ которой горѣла лампадка, и въ погребѣ, подъ стѣнами, стояли на колесахъ боченки, какъ-бы ихъ собирались везти куда, и подъ однимъ боченкомъ точно передняя ось подломилась. Тотъ человѣкъ указалъ мужичку на нее, и когда, въ робости и недоумѣніи, мужичокъ началъ возиться, подлаживать ось, онъ и самъ помогъ ему приподнять тяжесть. Когда дѣло было окончено, этотъ человѣкъ открылъ закладку у того самаго боченка, подъ которымъ поддѣлана была ось, опустилъ въ него руку и, вынимая оттуда, подалъ мужичку рубль. …еперь ступай, Богъ съ тобою!» сказалъ ему.

Можно судить, какимъ образомъ подѣйствовалъ на Анну Лазаревну этотъ разсказъ, существенное доказательство о которомъ она держала въ рукахъ—старый петровскій рубль, заплѣснѣлый и позеленѣлый вслѣдствіе обыкновенной сырости въ погребахъ. Не выпуская мужичка изъ кандаловъ, она послала гонца въ Корочу, гдѣ было у нея два сына — одинъ городничимъ, а другой засѣдателемъ — чтобъ быть имъ немедля. Тѣ прибыли, сбили громаду мужиковъ изъ всего городища; сама Анна Лазаревна, распоряжаясь, повелѣла бѣдняку вести на мѣсто, гдѣ онъ говоритъ, что все было. Мужичокъ, ни мало не запинаясь, привелъ къ тому мѣсту, гдѣ человѣкъ велѣлъ ему срубить дерево и обдѣлать ось — и тамъ точно нашли дерево срубленнымъ и щепы лежали при немъ. Хорошо-знакомый съ мѣстностью роднаго лѣса, бѣднякъ шелъ все дальше и дальше; наконецъ остановился и сказалъ: что именно здѣсь былъ погребъ. Но вмѣсто погреба зеленѣлъ небольшой пригорокъ *и на немъ лежала старая поломанная ось..*

Анна Лазаревна, разумѣется, принялась рыть всею громадою и не вырала ничего (*).

Я уже говорила, что она жила лѣтъ подъ девяносто, все особясь одна на островѣ. Даже временное посѣщеніе дѣтей было ей въ отягощеніе. Она имъ рѣшительно ничего не давала и сыновья, всѣ женатые и съ большими семействами, рѣшились наконецъ прибѣгнуть къ дядѣ Ивану Лазаревичу (Ѳима Лазаревича уже въ живыхъ тогда не было), чтобъ онъ поговорилъ— вѣдь сестра же ему Анна Лазаревна!—и отъ Божества ей поговорилъ, и такъ по человѣчеству, что сыновья старѣются, у нихъ свои дѣти взрослыя; а она, что называется, куска хлѣба не даетъ имъ въ руки! Иванъ Лазаревичъ видѣлъ, что племянники вовсе правы, и въ назначенный день съѣхались сыновья съ женами и дочери къ Аннѣ Лазаревнѣ; пріѣхалъ и онъ. Сыновья просили

(*) Въ 1857 году мнѣ случилось быть въ Городищѣ и мнѣ даже вызывались показать въ лѣсу это мѣсто погреба, которое доднесь будто-бы обозначается ямою, — разсказывая при томъ, что Анна Лазаревна, мало того, что начала рыть, а что она будто-бы дорылась до желѣзной рѣшетки погреба и своими глазами увидѣла стоявшіе на колесахъ боченки; но вдругъ подъ землею что-то страшно загуло и показавшійся погребъ провалился сквозь землю, отчего и осталась доднесь существующая яма.

и братъ говорилъ и просилъ. и на совѣсть отдавалъ—не послушалась Анна Лазаревна. «А коли такъ» сказалъ Иванъ Лазаревичъ, раздосадованный, уѣзжая: «*пожаловать, волною морскою*». Это была несчастная метафизическая фраза, какъ-бы дававшая племянникамъ свободу поступить такъ же бурно и своевольно, какъ ходятъ волны въ морѣ. И (страшно сказать) остался слухъ, что сыновья Анны Лазаревны, жестоко огорченные ея отказомъ и, нѣтъ сомнѣнія, разгоряченные обѣденнымъ пиршествомъ, безъ котораго не могъ обойтись такой съѣздъ родныхъ, будто они—буквально принимая слово дяди: *волна* и видя ее такъ близко у себя передъ глазами—тащили мать. Говорятъ, Анна Лазаревна прокляла дѣтей; но, по-крайней-мѣрѣ, ничего не давая сыновьямъ и дочерямъ, она стала много раздавать на церкви и монастыри и начала отправлять большіе вклады въ Кіевъ.

Наконецъ она умерла... И хотя это невѣроятно, какъ ходили слухи, будто послѣ ея смерти сыновья мѣрками дѣлили серебряныя деньги, но, нѣтъ сомнѣнія, что имъ много досталось въ вещахъ и въ имѣніяхъ, и вообще въ хозяйственномъ добрѣ: мельницы, сады; а земли сколько было! И что же? Я знала старыхъ внуковъ Анны Лазаревны—и у нихъ уже ничего не было. Они только не просили милостыни, но имъ можно было подать ее. И не то, чтобъ эти люди до конца безпорядочной жизнью растратили свое состояніе — вовсе нѣтъ; но какъ-то оно разошлось, расползлось... Вода и огонь пришли на него—и на беззаконность дѣлъ былаго времени возсталъ законъ съ своимъ судящимъ правомъ. Началось генеральное размежеваніе земель; потребовались отъ потомковъ Анны Лазаревны документы на право ихъ владѣнія тѣмъ или другимъ участкомъ земли; а что̀ они могли представить? Въ тѣ времена письменныя обязательства были не въ большой силѣ. Анна Лазаревна покупала свои притяжательныя покупки на бо̀льшую часть безъ купчихъ, и въ закладѣ у нея оставшіяся земли тоже были безъ закладныхъ. У наслѣдниковъ начались дѣла, пошло разореніе и на дѣтяхъ Анны Лазаревны исполнилось слово сказанное: *кто не собираетъ со мною—расточаетъ...*

Но кромѣ своихъ дѣтей, у Анны Лазаревны была еще падчерица, Анна Егоровна. Мать ея, изъ рода Веригиныхъ, оставила ей хорошее состояніе. Анна Лазаревна завладѣла всѣмъ и выдала силою бѣдную молодую дѣвушку за одного пьянаго архіе-

рейскаго пѣвчаго, который, однако, былъ изъ дворянъ. Пѣвчій и умеръ съ вина гдѣ-то у чужихъ воротъ; но сынъ его былъ священникомъ. А знаете ли, кто былъ сынъ этого священника?

О, Котляревскій! бичъ Кавказа! (*).

Н. КОХАНОВСКАЯ.

(*Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ*).

(*) Тётушка однажды въ жизни только видѣла Анну Лазаревну и въ ея дѣтскихъ воспоминаніяхъ живо сохранилось, какъ Анна Лазаревна, подъ какой-то праздникъ, лѣтомъ пріѣхала въ Корочу на вечерню и привезла большую серебряную вызолоченную ризу на ту икону чудотворца Николая, что въ соборѣ. Вечерня еще не начиналась и Анна Лазаревна вошла въ домъ къ нашимъ. Старшихъ никого въ домѣ не было: Ефимъ Лазаревичъ давно умеръ, а прабабка Вѣра Григорьевна еще не прибыла изъ хутора и тётушка одна, безмолвнымъ ребенкомъ, просидѣла съ своей гостьею. Слыхавши прежде, какъ часто произносили съ какимъ-то страхомъ: «Анна Лазаревна! Анна Лазаревна!» и видя, какъ теперь старая няня и вся прислуга въ робкомъ изумленіи жались къ сторонкѣ и шептали между собою «Анна Лазаревна!» тетушка и сама любопытнымъ, замѣчательнымъ взглядомъ ребенка устремлялась къ Аннѣ Лазаревнѣ. И теперь она помнитъ ее всю и весь ея нарядъ: маленькую, худощавую старушку у окна, повязанную, какъ тогда называлось, «уточкою»,—темно-фіолетовымъ шелковымъ платкомъ. На Аннѣ Лазаревнѣ была шелковая гро-де-туровая юбка болотняваго цвѣта и *ситцевый* шушунчикъ. Насъ, женщинъ, можетъ поразить несообразность въ статьяхъ наряда: но для этого надобно знать, что въ тѣ времена аршинъ гро-де-тура платился *тридцать копѣекъ мѣдью*; а самый плохенькій ситецъ былъ не дешевле *двухъ рублей съ полтиною*.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

I. Характеръ оппозиціи во Франціи.—Адресы сената и законодательнаго корпуса.
II. Положеніе итальянскаго дѣла. — Нѣсколько словъ о русскихъ публицистахъ.
III. Новая австрійская конституція.
IV. Свѣдѣнія, сообщенныя о варшавскихъ событіяхъ.

I.

Первые два мѣсяца нынѣшняго года для бо́льшей части Европы были началомъ политическаго сезона—такъ на языкѣ просвѣщенныхъ народовъ Запада принято называть то время, когда отперты двери парламентскаго зданія, когда интересы политическіе становятся преобладающими интересами въ томъ обществѣ, которое дѣйствительно живетъ политическою жизнью. Въ это время лучшіе люди въ странѣ забываютъ свои личные мелкіе интересы, отдаютъ себя на служеніе общественному дѣлу, вносятъ въ него всю свою мысль, всю свою энергію; лучшіе умы въ странѣ заняты тѣми дѣлами, которыя составляютъ общественный интересъ, разработываютъ ихъ, ка́къ кто умѣетъ и ка́къ считаетъ лучше. Въ это время оживляется въ-особенности журналистика, какъ средство общественнаго служенія, и на парламентскую трибуну приносятъ плоды развитой наукой и трудомъ политической мысли. Въ это время совершается та работа, результатомъ которой является просвѣщенное рѣшеніе того или другаго насущнаго вопроса, работа, въ которую принесло свои вклады безчисленное множество отдѣльныхъ умовъ.

Тѣмъ большій интересъ имѣло начало нынѣшняго года для Франціи. Уже много лѣтъ она была лишена своего политическаго сезона. Правда, въ ней не переставало существовать нѣкоторое подобіе парламента; у нея есть сенатъ, замѣняющій верхнюю палату въ обыкновенныхъ парламентахъ и наполняемый членами изъ высшихъ сановъ-

никовъ имперіи, по личному назначенію императора; у нея есть законодательный корпусъ, замѣняющій нижнюю палату въ обыкновенныхъ парламентахъ и наполняемый представителями отъ всего французскаго народа. Но до-сихъ-поръ права этихъ собраній были весьма-ограничены. Въ публику не доходили тѣ слова, которыя раздавались въ залахъ засѣданій французскихъ собраній; да и доходить-то было нечему, потому-что кругъ предметовъ, о которыхъ дозволялось разсуждать сенаторамъ и народнымъ представителямъ, былъ весьма-ограниченъ. Вопросы внѣшней политики были совершенно изъяты изъ этого круга, а въ вопросахъ внутренней государственной жизни вся дѣятельность собраній ограничивалась принятіемъ тѣхъ законовъ, которые, по отсутствію въ нихъ прямаго политическаго значенія, правительство не находило неудобнымъ предлагать на обсужденіе своихъ палатъ. Засѣданія происходили, можно сказать, за запертыми дверями, и не было побужденій для любопытства французовъ проникнуть за эти двери: каждый зналъ, что политическій интересъ занимаетъ весьма-ничтожную роль въ рѣчахъ и преніяхъ господъ сенаторовъ и народныхъ представителей. Однимъ словомъ: у Франціи не было политическаго сезона.

Послѣ декрета 24-го ноября, Франція ожидала съ нетерпѣніемъ открытія законодательныхъ собраній. Первые дни ихъ засѣданія должны были показать ей, явится ли у нея политическій сезонъ, или же все пойдетъ постарому, и пренія въ сенатѣ и въ законодательномъ корпусѣ будутъ, попрежнему, лишены политическаго интереса. Вопросъ былъ очень-важенъ. Содержаніе декрета открывало широкое поле для всевозможныхъ догадокъ, предположеній, ожиданій, надеждъ и сомнѣній. Декретъ давалъ законодательнымъ собраніямъ право обсуждать вопросы внѣшней и внутренней политики: въ этомъ заключалось весьма-важное пріобрѣтеніе для сената и законодательнаго корпуса. Для этого обсужденія, правда, назначено было опредѣленное, урочное время; этому обсужденію предаваться дозволено только въ тѣ дни, которые предшествуютъ представленію отвѣтнаго адреса на тронную рѣчь императора; но лишь только адресъ представленъ, то всякое обсужденіе политическихъ вопросовъ должно прекратиться; собранія должны заняться разсмотрѣніемъ и утвержденіемъ бюджета, текущими законодательными дѣлами, и при этомъ не имѣютъ права дѣлать запросовъ правительству по вопросамъ внѣшней и внутренней политики, какъ это обыкновенно дѣлается въ англійскомъ парламентѣ. Если, относительно послѣдняго пункта, слова декрета оставляли еще нѣкоторое сомнѣніе, то оно было совершенно-разсѣянно однимъ мѣстомъ

тронной рѣчи: «Истощайтесь, господа (сказалъ императоръ сенаторамъ и народнымъ представителямъ), во время преній объ адресѣ, чтобъ потомъ имѣть возможность вполнѣ посвятить себя законодательнымъ дѣламъ». Если первая половина этой фразы указывала на желаніе императора, чтобъ сенаторы и представители, ничѣмъ не стѣсняясь, высказывали во время преній объ адресѣ свои мнѣнія о дѣйствіяхъ правительства, то вторая половина замыкала послѣдующую ихъ дѣятельность въ тѣ же самыя тѣсныя рамки, изъ которыхъ она не выходила до-сихъ-поръ. Какъ бы то ни было, хотя на два на три засѣданія, но все-таки политическимъ интересамъ была открыта возможность высказаться съ трибуны сената и законодательнаго корпуса. Франціи открывалась возможность сказать, чего она желаетъ. На два, на три дня, можетъ-быть, на недѣлю, но для Франціи открывался политическій сезонъ.

Ка̀къ же она имъ воспользуется? Ка̀къ можетъ она и ка̀къ захочетъ имъ воспользоваться? Мы нарочно разбили вопросъ на двѣ части, чтобъ показать тѣ двѣ различныя стороны, которыя сами-собою представляются въ немъ для разсмотрѣнія. Не все то можно, чего хочется, а иногда и можно что-нибудь, да не хочется.

Не будемъ долго останавливаться на томъ, что трудно ожидать чего-нибудь хорошаго отъ дѣятельности людей, которыхъ занятія разставлены въ извѣстныя клѣтки, которымъ говорятъ: «нынче вы займитесь этимъ дѣломъ и отдайте ему себя всецѣло, а затѣмъ вы займетесь другимъ дѣломъ, а о первомъ не смѣйте ужь и думать». Такой механизмъ въ распредѣленіи занятій вредно отзовется на самой работѣ. Это все-равно, еслибъ кого-нибудь пять дней въ году кормили мясомъ, а затѣмъ въ остальные триста шестьдесятъ дней все давали рыбу или овощи, а мяса ужь не давали. Такой человѣкъ, когда придетъ ему время ѣсть мясо, нарвется на него съ жадностью, объѣстся имъ донельзя, а потомъ, когда вы его все будете кормить рыбою, онъ получитъ къ ней такое отвращеніе, что самый запахъ ея сдѣлается для него невыносимъ; онъ будетъ ѣсть безъ аппетита и оттого будетъ питаться дурно, все будетъ думать о мясѣ, жаждать мяса, порываться на него. Если вы ожидаете какой-нибудь полезной работы отъ такого человѣка, то кормить его такимъ порядкомъ весьма-неблагоразумно: вы разстроите его физическій организмъ, разстроите и нравственный; онъ будетъ плохимъ работникомъ. Росписаніе, когда французскимъ сенаторамъ и народнымъ представителямъ заниматься политикою и когда ею не заниматься, легко можетъ повести къ тѣмъ же послѣдствіямъ.

Но въ этомъ одномъ условіи еще далеко не заключаются всѣ препятствія, по которымъ французы не могутъ благоразумно воспользоваться своимъ кратковременнымъ политическимъ сезономъ. Сенаторамъ и народнымъ представителямъ предоставлено право, ничѣмъ не стѣсняясь, высказывать свои мнѣнія о дѣйствіяхъ правительства. Это совершенная правда. Но отъ одного права и до дѣйствительнаго пользованія имъ разстояніе слишкомъ-далекое. Можно предоставить самыя широкія права, а между-тѣмъ, возможность пользованія ими обставить такими условіями, что самое пользованіе сдѣлается вполнѣ невозможнымъ или, по-крайней-мѣрѣ, будетъ связано съ довольно-сильными неудобствами. Такъ еслибъ гдѣ-нибудь было дозволено каждому говорить публично все, что̀ ему угодно, а между-тѣмъ каждый зналъ бы, что за нѣкоторыя слова онъ будетъ строго наказанъ, конечно, немного найдется смѣльчаковъ, которые дѣйствительно воспользуются этимъ правомъ. Безъ-сомнѣнія, французскіе сенаторы и представители не въ такомъ положеніи, чтобъ бояться прямыхъ послѣдствій за свое свободное слово; но тѣмъ не менѣе есть причины, и очень-сильныя, заставляющія ихъ не пренебрегать осторожностью. Эти причины заключаются главнымъ образомъ въ самомъ складѣ, въ самомъ характерѣ нынѣшней государственной жизни во Франціи.

Въ англійскомъ парламентѣ оппозиціонный ораторъ, нападая на дѣйствія правительства, имѣетъ передъ собой отвѣтственнаго министра; его обвиненія падаютъ на лицо этого министра, на его распоряженія; министръ защищается, отвѣчаетъ за себя, за свои дѣйствія. Королева тутъ въ сторонѣ; ея личности не касается ни одинъ упрекъ, ни одно обвиненіе, ни одно слово. Во Франціи не такъ; тамъ прежде всего нѣтъ отвѣтственныхъ министровъ. Еще недавно императоръ въ своей тронной рѣчи объявилъ, что министровъ онъ смѣняетъ и назначаетъ по своей волѣ, не стѣсняясь мнѣніями о нихъ своихъ палатъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, за что жь смѣнять министра, если палаты имъ недовольны? Развѣ онъ виноватъ въ томъ, что своими дѣйствіями вызвалъ неудовольствіе палатъ? За что̀ и палатамъ быть недовольными министромъ? Развѣ онъ отвѣчаетъ за свои дѣйствія? Въ силу конституціи 1852 года вся отвѣтственность за дѣйствія правительства лежитъ безраздѣльно на одномъ императорѣ, а министры только исполняютъ его приказанія. Смыслъ этого слишкомъ-ясенъ. Во французскихъ законодательныхъ собраніяхъ поэтому нѣчего и говорить о министерскихъ распоряженіяхъ, о политикѣ министерства; во Франціи есть только политика императора, и отъ него лично выходятъ всѣ правительственныя мѣры и распоряженія. Поэтому, кто станетъ одоб-

рять дѣйствія французскаго правительства, тотъ, значитъ, одобряетъ прямо дѣйствія императора; кто вздумаетъ ихъ осуждать, тотъ осуждаетъ никого иного, какъ самого же императора. При такихъ обстоятельствахъ и похвала становится не всегда возможною, не вполнѣ возможно и осужденіе. Оппозиція, возможная, законная противъ министерства, становится невозможною, получаетъ преступный характеръ, когда она прямо направлена противъ главы государства.

Это обстоятельство налагаетъ свою печать на всѣ дальнѣйшія явленія. Въ глазахъ правительства всякая оппозиція, какая только возможна во французскихъ законодательныхъ собраніяхъ, во французской журналистикѣ, необходимо получаетъ династическій характеръ. Приверженцы нынѣшняго правительства, хотя бы и были недовольны нѣкоторыми его распоряженіями, не станутъ ихъ осуждать, потому-что всякій судъ направленъ лично противъ главы государства, всякое осужденіе прямо падаетъ на него. Въ оппозиціи правительству стоятъ легитимисты, орлеанисты, республиканцы — все враги правительства, а не друзья его. А кажется, намъ не зачѣмъ говорить читателямъ, что правильная оппозиція правительству и вражда къ нему—двѣ вещи совершенно разныя. Правильная оппозиція столько же, а можетъ-быть, и болѣе, выходитъ изъ желанія добра, блага правительству, какъ и его поддержка. Этой-то правильной оппозиціи и нѣтъ во Франціи и, можетъ-быть, еще долго ея не будетъ. Оттого, всякій голосъ, направленный противъ дѣйствій правительства, офиціально считается выраженіемъ вражды, ненависти къ нему; всякій такой голосъ, понятно по этому, не имѣетъ своего настоящаго значенія: это голосъ злобы, вражды, партіи, непріязненной правительству; противъ нихъ надобно бороться, подавлять эти голоса, а не пользоваться ихъ совѣтами.

Это обстоятельство главнымъ образомъ мѣшаетъ правильному теченію государственной жизни во Франціи; элементъ раздраженія, духа партій входитъ въ обсужденіе каждаго вопроса, мѣшаетъ французамъ взглянуть на него просто. Дѣло въ томъ, что въ двѣнадцать лѣтъ наполеоновскаго владычества старыя французскія политическія партіи нисколько ни уничтожены, ни забиты; онѣ существуютъ, имѣютъ значеніе. Несмотря на то, что правительство относится къ нимъ не совсѣмъ благосклонно, старается затереть ихъ, задавить, удалить отъ общественнаго дѣла, люди этихъ партій все-таки проникаютъ всюду; они сидятъ представителями и въ законодательномъ корпусѣ; можно найти ихъ и въ сенатѣ; у нихъ въ рукахъ много довольно-сильныхъ журнальныхъ органовъ. Лучшая часть Франціи симпатизируетъ имъ,

если и не принадлежитъ къ этимъ партіямъ по своимъ стремленіямъ. Слѣдствія такого положенія дѣлъ понятны сами-собою.

Возьмемъ любой вопросъ и посмотримъ, какъ смотритъ на него французская династическая оппозиція. Передъ нами вопросъ итальянскій; передъ нами рѣчь сенатора Ларошжаклена, одного изъ даровитѣйшихъ представителей той династической оппозиціи, о которой мы только-что говорили. Какую идею защищаетъ ораторъ? Его дѣло доказать, что всѣ дѣйствія правительства были не болѣе, какъ длинная цѣпь непростительныхъ ошибокъ, въ которыхъ честь, слава, достоинство, величіе Франціи—все, чѣмъ она привыкла дорожить, страдало, да еще какъ страдало!

«Еслибъ кто-нибудь сталъ намъ говорить, что намъ слѣдуетъ подчиняться волѣ графа Кавура и короля пьемонтскаго (говорилъ Ларошжакленъ), никто бы этому не повѣрилъ. Нѣтъ, никто не будетъ въ силахъ понять, какъ можно было рѣшиться нанести Франціи такое оскорбленіе; ибо императоръ былъ одною изъ сторонъ, подписавшихъ цюрихскій трактатъ: его подпись подвергается большимъ и большимъ оскорбленіямъ». Дѣло идетъ объ условіяхъ виллафранкскаго міра. Ораторъ пропитывается негодованіемъ, какъ это Франція допустила, что Пьемонтомъ попраны условія мирнаго трактата, ею заключеннаго. Оскорбленіе, позоръ для Франціи! Пьемонтъ ея не послушался и началъ присоединять герцогства, Романью, Легатства, Мархіи и такъ далѣе. Въ-самомъ-дѣлѣ, это оскорбительно для чести гордой и великой націи. Франція давала совѣты Пьемонту, усовѣщевала его, угрожала ему, отозвала изъ Турина своего посланника, а Пьемонтъ, «съ безпримѣрною наглостью», не обращая на это ни малѣйшаго вниманія, отнималъ владѣнія у папы, у короля Франциска. «Пьемонтъ—этого никто не опровергнетъ—презрѣлъ всѣми внушеніями Франціи, не послушался ни одного изъ нашихъ совѣтовъ, не обращалъ вниманія ни на одинъ изъ нашихъ протестовъ». Онъ все дѣлалъ въ противность желаніямъ, интересамъ Франціи, все дѣлалъ согласно желаніямъ, интересамъ Англіи, и Франція это не только допускала, она, напротивъ, этому благопріятствовала. По словамъ Ларошжаклена, во Франціи не было правительства болѣе-слабаго, болѣе-нерѣшительнаго, болѣе-пренебрегающаго интересами и честью — главное, честью — страны, какъ нынѣшнее. Когда онъ говорилъ о чести, о славѣ, о величіи Франціи, сенатъ ему рукоплескалъ.

Не-уже-ли кто-нибудь повѣритъ Ларошжаклену, что нынѣшнее правительство самое слабое, самое нерѣшительное, самое недостойное, наконецъ, изъ всѣхъ, когда-либо бывшихъ во Франціи, что оно весьма-

смиренно позволило Пьемонту себя обмануть? Не-уже-ли самъ почтенный маркизъ, представитель идей Сен-Жерменскаго Предмѣстья, искренно вѣритъ въ то, что̀ говоритъ? Нѣтъ, это не болѣе, какъ тактика, та очень-дурная тактика, которою болѣе всего вредятъ своему собственному дѣлу.

А оппозиція духовенства? Лучшій ли характеръ носитъ эта оппозиція? Недавно одинъ изъ епископовъ французскихъ, въ своемъ отвѣтѣ на брошюру Лагероньера, увлекся до того, что уподобилъ отношенія императора къ папѣ поступку Понтія Пилата, умывшаго руки въ крови праведника. Дѣло этого епископа отдано на разсмотрѣніе государственнаго совѣта. Поправится ли отъ этого положеніе дѣлъ? Фактъ все-таки былъ — безъ сомнѣнія, будутъ и другіе, ему подобные — фактъ весьма-важный для характеристики французскаго общества, для характеристики французской оппозиціи.

Такимъ образомъ дѣйствія оппозиціи во Франціи необходимо принимаютъ характеръ раздраженія, представляютъ оскорбительную выходку, обращенную прямо противъ того лица, которое облечено властью. Ларошжакленъ, маркизъ старой Франціи, еще умѣлъ облечь свои нападенія въ приличныя формы; французскимъ епископамъ эти приличныя формы менѣе доступны; библейскія сравненія и тексты имъ помогаютъ высказывать самыя рѣзкія вещи. Отчего это происходитъ — мы уже старались отчасти объяснить, отчасти считаемъ нужнымъ прибавить еще нѣсколько объяснительныхъ замѣчаній.

Изъ всѣхъ конституціонныхъ правительствъ, бывшихъ во Франціи послѣ 1815 года, лучшимъ, едва-ли не придется признать правительство Лудовика XVIII. Еслибъ его преемники слѣдовали его примѣру, двухъ революцій во Франціи не было бы; не было бы вмѣстѣ съ тѣмъ и надобности прибѣгнуть къ нынѣшнему порядку вещей. Если не по убѣжденію, то по свойствамъ своей натуры, Лудовикъ XVIII не стѣснялъ дѣйствій своихъ отвѣтственныхъ министровъ, не налагалъ на нихъ своей воли, предоставлялъ имъ дѣлать то, что̀ имъ дѣлать слѣдуетъ, и не бралъ на себя ихъ дѣла. При немъ Франціею управляло министерство, а король не обнаруживалъ попытокъ управлять. Карлъ X повелъ дѣло иначе; въ министрахъ онъ захотѣлъ имѣть преданныхъ себѣ слугъ, захотѣлъ самъ управлять. Іюльская революція показала, съ какими опасностями для главы государства въ странѣ конституціонной соединены такія попытки: еслибъ управляло министерство, то за какой-нибудь промахъ ему пришлось бы только сдать портфель въ другія руки, а глава государства оставался бы неприкосновенъ. Лудовикъ-Филиппъ мало извлекъ поучительнаго изъ примѣра своего

предшественника: какъ ни щадитъ Гизо его память, но въ мемуарахъ бывшаго министра Лудовика-Филиппа не мало можно найти доказательствъ, что этотъ король былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и первымъ у себя министромъ. Оттого февральскій ударъ, который, при другихъ обстоятельствахъ, могъ бы ограничиться простою перемѣною министерства, разразился и надъ самимъ королемъ. Такимъ образомъ стремленія Карла X, Лудовика-Филиппа оказались пагубными для нихъ самихъ; но не менѣе вреда они принесли и французскому обществу. Оппозиція, закономъ признанная въ конституціонномъ государствѣ, изъ оппозиціи министерству становилась оппозиціей королю, его намѣреніямъ, его политической системѣ. Во всякой газетной статьѣ, порицавшей правительственныя дѣйствія, во всякой парламентской рѣчи, осуждавшей господствующую политику, король прежде всего видѣлъ нападеніе на самого себя; ничего инаго въ нихъ не видѣлъ и народъ. Въ такихъ опытахъ политической жизни воспиталось общество, въ которомъ послѣ февральской революціи диктатура досталась сначала президенту, потомъ императору Лудовику-Наполеону.

Какъ полновластный диктаторъ, избранный народомъ, опирающійся на народную волю, онъ принялъ на себя всю отвѣтственность за судьбы Франціи. Все участіе народа въ дѣятельности государственнаго организма ограничилось правомъ избранія императора; совершивши однажды этотъ торжественный актъ, народъ, такъ-сказать, отказывался отъ своихъ правъ — онъ ими облекъ своего избранника. Но положеніе его было трудно. Новый императорскій престолъ окружали старыя династическія партіи, съ присоединеніемъ къ нимъ партіи республиканской, глубоко-разочаровавшейся опытомъ 1848 года, но невполнѣ-отказавшейся отъ своихъ началъ. При своемъ шаткомъ положеніи новая власть боялась свободной трибуны, свободной журналистики: ими бы воспользовалась искушенная въ своемъ дѣлѣ оппозиція. И трибуна, и журналистика должны были замолкнуть.

Мы только объясняемъ явленіе. Мы объясняемъ, почему въ нынѣшней Франціи правительство не считаетъ возможнымъ допустить свободу печати, полную свободу парламентскихъ преній. Условія, въ которыхъ стоитъ нынѣшнее французское правительство, слишкомъ-исключительны; эти условія, сколько намъ извѣстно, до-сихъ-поръ не повторились ни въ какой другой странѣ; нигдѣ нѣтъ враждебныхъ другъ другу династическихъ партій. Такъ-какъ нигдѣ не существуетъ французскихъ условій, то нѣтъ и причинъ для подражанія французской политической системѣ. Тамъ существуютъ политическія партіи, не-

признающія нынѣшняго главы государства; ничего подобнаго нѣтъ на всей остальной поверхности земнаго шара.

Но въ самомъ ли дѣлѣ такъ страшны эти враждебныя партіи, чтобъ изъ-за нихъ, изъ-за боязни ихъ интригъ, налагать на страну такія жертвы?—это другой вопросъ, требующій также нѣкоторыхъ объясненій. Мы до-сихъ-поръ говорили съ точки зрѣнія офиціальной Франціи: это ея мнѣніе, что стѣсненія, ограниченія свободы пока необходимы. Мы сообщили недавно читателямъ мнѣніе объ этомъ вопросѣ графа Персиньи, наиболѣе-либеральнаго приверженца нынѣшней системы. Но существуетъ и другой взглядъ, непринадлежащій офиціальной Франціи, а раздѣляемый тѣми приверженцами свободы, которые не желали бы принадлежать къ династическимъ партіямъ, которые готовы были бы примириться и съ императорскою Франціею, еслибъ только она предоставила нѣкоторыя гарантіи свободы. Эти люди охотно приняли бы наполеоновскую династію, еслибъ только обѣщанія «увѣнчать зданіе» перестали быть одними обѣщаніями. Чтò бъ ни говорили, а надежда на республику во Франціи очень-слаба; еще слабѣе надежда на реставрацію которой-нибудь изъ бурбонскихъ линій. Еслибъ какими-нибудь судьбами одной изъ нихъ удалось возвратиться во Францію, то врядъ ли положеніе новаго трона могло бы обезпечить ей спокойствіе и свободу: вѣдь опять явилась бы новая власть, власть шаткая, непрочная, отовсюду окруженная врагами; ей тоже понадобилось бы упрочивать, укрѣплять свое положеніе новой диктатурой; ей также пришлось бы бороться съ врагами, быть постоянно насторожѣ, главнымъ образомъ заботиться о самосохраненіи. Вотъ тѣ причины, почему многіе люди со смысломъ и съ искренними убѣжденіями готовы были бы примириться съ наполеоновской династіей: въ этихъ людяхъ она могла бы найти себѣ самую сильную нравственную опору. Но чтò нужно для этого?

Для этого прежде всего нужно бы отказаться отъ системы недовѣрія; для этого нужно дѣйствительно «увѣнчать зданіе». Препятствія этому мы уже видѣли. Теперь посмотримъ, нѣтъ ли условій, способныхъ облегчить дѣло. Препятствія возникаютъ, мы видѣли, главнымъ образомъ изъ страха предъ врагами династіи; но не уравновѣшиваются ли они съ избыткомъ тѣми правами, которыя имѣетъ за себя императорскій престолъ? Вѣдь за нимъ стоятъ восемь мильйоновъ голосовъ французскаго народа. Правда, до-сихъ-поръ нѣсколько-подозрительно смотрятъ на тѣхъ людей, которые въ былое время заявляли иныя убѣжденія, а теперь служатъ правительству, невполнѣ-благосклонному къ этимъ убѣжденіямъ. Но не вина ли это самой

правительственной системы? Не сама ли она поставила дѣло такъ, что очень-многимъ изъ прежнихъ дѣятелей пришлось или отказаться отъ общественнаго служенія, или забыть свои старыя убѣжденія? Избранникъ Франціи, сильный своимъ правомъ, могъ бы и пренебречь династическими врагами; тогда примиреніе совершилось бы легче, и въ человѣкѣ примиряющемся никто не подозрѣвалъ бы шаткости убѣжденій. Какое право имѣютъ враги династіи напомнить объ узурпаціи, когда противъ обвиненій ихъ стоитъ воля Франціи? Враждебные голоса династическихъ партій, при господствѣ свободы, должны замолкнуть предъ голосомъ націи. И однакожь, изъ страха предъ этими враждебными династіи голосами вся Франція десять лѣтъ уже лишена свободнаго слова.

Легко понять тѣ надежды, которыя возбудилъ декретъ 24 ноября. Чѣмъ окажутся въ дѣйствительности эти реформы, вызванныя единственно волею императора? Поведутъ ли они къ какой-нибудь дѣйствительной перемѣнѣ въ отправленіяхъ государственной машины, или все останется по-старому, и къ прежнимъ офиціальнымъ торжествамъ прибавится только одно новое — торжество представленія адресовъ? Рѣшеніе этого вопроса зависѣло отъ многихъ обстоятельствъ: вопервыхъ, отъ того, какая идея соединялась у самого императора и у ближайшихъ его совѣтниковъ съ планомъ реформы; вовторыхъ, отъ того, какъ воспользуются новыми правами законодательныя сословія Франціи. Далѣе, весьма-важно было, какъ посмотритъ правительство на враждебную ему династическую оппозицію: отнесется ли оно къ ней съ пренебреженіемъ, сочтетъ ли ее противникомъ слабымъ, недостойнымъ серьёзнаго вниманія, или же оно все еще боится этой оппозиціи? Наконецъ, будетъ ли допущена оппозиція правильная и законная? Для рѣшенія послѣднихъ вопросовъ многозначителенъ былъ тотъ фактъ, что, даруя права законодательнымъ сословіямъ, обошли полнымъ молчаніемъ права печати: она осталась въ прежнемъ положеніи; вотъ уже мѣсяцъ, какъ въ сенатѣ и въ законодательномъ корпусѣ по нѣскольку часовъ сряду говорятъ оппозиціонные ораторы; газеты перепечатываютъ ихъ рѣчи, но не говорятъ ни слова о ихъ содержаніи, не обсуждаютъ этихъ рѣчей.

Какъ же воспользовались сами законодательныя собранія дарованными имъ правами? Ларошжакленъ, Гекеренъ, Буасси, нѣсколько кардиналовъ произнесли въ сенатѣ нѣсколько грозныхъ, обличительныхъ рѣчей противъ правительства; сенаторы ихъ выслушали и затѣмъ огромнымъ большинствомъ утвердили отвѣтный адресъ, который составилъ президентъ сената, Тролонъ. Этотъ адресъ мы приводимъ въ извлеченіи,

чтобъ показать, какъ воспользовался сенатъ своими расширенными правами.

Вотъ какъ толкуетъ сенатъ смыслъ недавно-дарованныхъ реформъ: «Когда ваше величество декретомъ 24-го ноября захотѣли расширить свои сношенія съ великими государственными сословіями и сношенія великихъ сословій съ страною, сенатъ, блюститель основныхъ законовъ, понялъ тотчасъ, что конституція остается нетронутою, а что она должна только оживиться болѣе-энергическимъ движеніемъ. Мы радуемся, государь, что наше толкованіе было одобрено вашимъ величествомъ». Еслибъ оно, поэтому, не было одобрено, еслибъ императоръ пожелалъ быть болѣе-либеральнымъ, нежели его сенатъ, то, конечно, для сенаторовъ не было бы и причины радоваться. Въ доказательство этого сенатъ приводитъ слѣдующую сентенцію: «Франція не любитъ ни крайняго развитія свободы, ни крайняго развитія власти; оттого она съ постоянствомъ держится конституціи 1852 года, мудрыя ограниченія которой препятствуютъ власти сдѣлаться абсолютной свободѣ и перейти въ безпорядокъ... Реформы мы привѣтствуемъ съ благодарностью и съумѣемъ воспользоваться ими съ независимостью, которой ваше величество желаете и которой исполнены наши сердца».

Какова именно эта независимость, которой исполнены сердца сенаторовъ—очень-ясно видно изъ адреса. Внутреннее состояніе Франціи возбуждаетъ самыя восторженныя похвалы со стороны сената: все обстоитъ такъ благополучно, такъ превосходно, что не остается ничего лучшаго желать; а если и есть какіе-нибудь недостатки, то о нихъ говорить нéзачѣмъ: самъ императоръ знаетъ ихъ лучше всѣхъ и лучше всѣхъ понимаетъ, какъ ихъ исправить. «Во Франціи господствуетъ порядокъ вмѣстѣ съ безопасностью, и каждый чувствуетъ, что живетъ среди той благоразумной свободы, безъ которой Франція не могла бы обойтись». Финансы находятся въ превосходномъ положеніи, и нѣтъ надобности ни въ новыхъ налогахъ, ни въ общественномъ кредитѣ. «Если промышленость, потрясенная нѣсколько торговымъ трактатомъ, сберегаетъ свои силы въ-теченіе переходной эпохи, то это для того только, чтобъ, при усиленной конкурренціи, снова вооружиться мужествомъ, лучшимъ ручательствомъ успѣха». «Капиталовъ—въ изобиліи: они только жаждутъ движенія». Для того, чтобъ явилось это послѣднее, недостаетъ только безопасности внѣшней. «Миръ въ Европѣ ни мало не уменьшитъ ни благоговѣнія Франціи къ славѣ, ни ея мужества, нимало не ослабитъ нравственнаго капитала, который возвышаетъ цивилизацію». Всѣ мѣры правительства возбуждаютъ полное

удовольствіе въ сенатѣ. Онъ съ благоговѣніемъ говоритъ о томъ покровительствѣ, которымъ пользуется литература, наука, объ «ободреніи» (encouragement) литераторовъ, ученыхъ, художниковъ. «Сосредоточенное подъ непосредственнымъ вліяніемъ самого императора, это *ободреніе* распредѣляется съ бо́льшею правильностью, послѣдовательностью и съ бо́льшимъ успѣхомъ». Не менѣе похвалы воздаютъ сенаторы покровительству, оказываемому церкви и духовенству. Изліяніе этихъ чувствъ оканчивается слѣдующею нравственною сентенціей: «необходимо, чтобъ нравственность въ народѣ поддерживалась параллельно успѣхамъ матеріальнымъ».

Относительно внѣшней политики Франціи тоже полное довольство. «Искренностью сообщеній вашего правительства ваше величество просвѣтили общественное сознаніе и укрѣпили довѣріе страны въ величіе Франціи и въ поддержаніе мира». Это величіе, эту славу Франціи сенатъ вездѣ видитъ на первомъ планѣ. «Въ Сиріи вы поставили мечъ Франціи между христіанскимъ народонаселеніемъ и мусульманскимъ фанатизмомъ». Въ Китаѣ также Франція имѣла случай показать свое величіе. Въ Италіи два первостепенные интереса, которые императоръ желалъ примирить, пришли въ столкновеніе, и итальянская свобода находится въ борьбѣ съ римскимъ дворомъ. Для предупрежденія пагубныхъ послѣдствій этого столкновенія императоръ дѣлалъ все, что̀ было въ силахъ.

До-сихъ-поръ все было прекрасно: адресъ говорилъ о прошломъ. Затрудняться здѣсь было нечего: результаты прошлаго видны; остается только хвалить, и притомъ та выгода, что знаешь, что̀ именно хвалить. Но надобно же что-нибудь сказать и о настоящемъ, еще нерѣшенномъ, о трудныхъ вопросахъ минуты; надобно сказать о нихъ свое мнѣніе, сказать, ка̀къ бы желалъ сенатъ, чтобъ было поступлено. Задача трудная! Какъ знать? Легко можетъ быть, что мнѣніе сената окажется не тѣмъ, которое нужно; тогда будетъ очень-дурно; поступятъ не такъ, какъ желалъ сенатъ, и каждый спроситъ себя: зачѣмъ же было спрашивать совѣтовъ у сената, если расположены поступать противоположно его совѣтамъ? Изъ такого очень-труднаго положенія сенатъ вышелъ весьма-благополучно: съ удивительною легкостью разсѣкъ онъ гордіевъ узелъ, чтобъ не сказать ровно ничего и вмѣстѣ съ тѣмъ сказать очень-много. «Судьбы Франціи въ рукахъ императора: что же намъ заботиться о нихъ?» сказали себѣ сенаторы и заключили свой адресъ слѣдующими, исполненными глубокаго значенія, словами: «Наша самая твердая надежда въ попечительной и неутомимой десницѣ вашего величества... Сенатъ нимало не замедлитъ своимъ полнымъ

одобреніемъ всѣхъ дѣйствій вашей законной, умѣренной, твердой политики... Государь, въ виду возникающихъ въ Европѣ вопросовъ Франція, можетъ-быть, такая страна, въ которой менѣе всего предстоитъ дѣлать, по причинѣ всего того, что̀ уже сдѣлано. Во всякомъ случаѣ, страна, подобная нашей, не можетъ остаться недѣятельною. Предъ нею трудъ и успѣхъ, и отъ вашего величества должны идти самыя плодотворныя возбужденія».

Прочитавъ подобный адресъ, конечно, каждый задастъ себѣ вопросъ: стоило ли давать французскому сенату право представлять свой адресъ, если онъ такъ смиренно отказывается отъ права имѣть собственное мнѣніе? Ибо какъ иначе понять смыслъ заключительныхъ словъ этого адреса? Взглянемъ на дѣло прямо. Для чего былъ нуженъ этотъ адресъ? какое его назначеніе? Его назначеніе — облегчать дѣятельность правительства. Сенатъ своими совѣтами долженъ былъ указать правительству, какъ желательно было бы, чтобъ оно поступило въ вопросѣ итальянскомъ, римскомъ, во всѣхъ другихъ важныхъ и неотлагаемыхъ вопросахъ. Сенатъ французскій — представитель просвѣщеннаго общественнаго мнѣнія; и если признано уже нужнымъ, чтобъ онъ представилъ свой адресъ, то, конечно, въ этомъ адресѣ ожидали найти указаніе на то̀, что̀ въ настоящее время общественное мнѣніе считаетъ лучшимъ, наиболѣе-полезнымъ для Франціи. Самъ императоръ сказалъ, что онъ желаетъ пользоваться совѣтами и указаніями своихъ законодательныхъ сословій, желаетъ знать мнѣніе страны. Добавимъ къ этому, что адресы—единственное средство, съ помощью котораго страна и ея представители могутъ заявить свое мнѣніе объ интересахъ первой важности. И вотъ въ-теченіе двухъ недѣль ежедневно собирается комитетъ, назначенный отъ сената для сочиненія адреса. Комитетъ, котораго засѣданія непубличны, сочинилъ наконецъ адресъ; президентъ прочелъ его въ полномъ засѣданіи сената; начались пренія; говорили больше оппозиціонные ораторы, говорили нѣкоторые изъ нихъ по пяти и по шести часовъ; имъ отвѣчали уполномоченные отъ правительства. Въ этомъ прошли двѣ другія недѣли. Наконецъ пошло на баллотировку, и огромнымъ большинствомъ принятъ первоначальный проектъ адреса. Стоило ли трудиться оппозиціоннымъ ораторамъ? Стоило ли вести пренія, когда отъ нихъ не измѣнилось ни іоты? Этого мало. Стоило ли хлопотать и о самомъ адресѣ? Чѣмъ онъ облегчитъ дѣло правительства? «Все, что̀ сдѣлано, то прекрасно; сдѣлано все, что̀ нужно для Франціи, а что̀ понадобится въ будущемъ — о томъ судить не намъ».

Адресъ законодательнаго корпуса составленъ почти въ такомъ же

духѣ. Пренія объ этомъ адресѣ еще не начинались; они, безъ-сомнѣнія, будутъ такъ же продолжительны и такъ же живы, какъ и пренія въ сенатѣ и, безъ-сомнѣнія, приведутъ къ тому же самому результату (*). Правда, изъ небольшаго числа независимыхъ либераловъ, присутствующихъ въ законодательномъ корпусѣ, образовался кружокъ, предлагающій сдѣлать нѣкоторыя весьма-важныя и очень-смѣлыя измѣненія въ проектѣ адреса; но можетъ ли что-нибудь сдѣлать этотъ небольшой кружокъ? Къ нему принадлежатъ Жюль Фавръ, Альфредъ Даримонъ, Эрнестъ Пикаръ, Генонъ и Эмиль Оливье. Чтобъ показать ихъ политическое направленіе, мы приведемъ нѣкоторыя изъ предлагаемыхъ ими измѣненій, или вставокъ, въ проектѣ адреса.

«Для того, чтобъ право контроля, возвращенное въ опредѣленныхъ размѣрахъ представителямъ страны послѣднимъ декретомъ, могло принести свои плоды, необходимо отмѣнить законъ объ общественной безопасности и всѣ прочіе исключительные законы (то-есть, законы, лишающіе личную свободу необходимыхъ гарантій). Необходимо освободить печать отъ административнаго произвола, необходимо возстановить муниципальное управленіе и предоставить надлежащую силу всеобщей подачѣ голосовъ, обезпечивъ правильность при избирательномъ процесѣ и уваженіе къ законамъ».

«Мы сожалѣемъ, что, несмотря на постоянно-высказываемыя единодушныя желанія, все еще сохраняется утвержденіе бюджета по отдѣльнымъ министерствамъ. Разсмотрѣніе бюджета по отдѣламъ и по классамъ есть единственное средство достигнуть серьёзнаго и дѣйствительнаго контроля надъ государственными финансами».

Припомнимъ, что̀ сенатъ сказалъ въ своемъ адресѣ о блестящемъ положеніи финансовъ.

«Мы видѣли съ прискорбіемъ, что въ Алжиріи снова утверждена система военнаго управленія, и что она, подобно всѣмъ нашимъ колоніямъ, лишена представительныхъ учрежденій и права посылать депутатовъ въ законодательный корпусъ».

Относительно этого самаго пункта въ адресѣ сената было вотъ что̀ сказано: «Посѣтивъ Алжирію, ваше величество соблаговолили ввести новую организацію въ управленіи этою колоніею. Мы радуемся, что славный маршалъ, нашъ товарищъ (Пеллисье) призванъ вашимъ довѣріемъ осуществить надежды, связанныя съ системой децентрализаціи, опытъ которой вы рѣшились произвесть. Эта система, въ которой

(*) Послѣдняя телеграфическая депеша дѣйствительно сообщила, что проектъ адреса принятъ большинствомъ 226 голосовъ противъ 12.

элементъ военный долженъ укрѣпить элементъ гражданскій, а не затирать его, болѣе-и-болѣе будетъ содѣйствовать развитію благосостоянія между колонистами». Какъ противоположны взгляды! Что возбуждаетъ прискорбіе въ Жюль Фаврѣ и его товарищахъ, то кажется желаемымъ верхомъ совершенства для сенаторовъ.

Мы понимаемъ теперь духъ, которымъ проникнутъ кружокъ Жюля Фавра. Какой же будетъ результатъ? Его угадать нетрудно. Огромнымъ большинствомъ предложенія Жюля Фавра будутъ отвергнуты и президентъ законодательнаго корпуса, графъ Морни, прочтетъ императору адресъ, исполненный удовольствія и восторга.

Предложенія Жюля Фавра показываютъ, чего, по мнѣнію тѣхъ людей, которые охотно желали бы примириться съ нынѣшней династіей, недостаетъ теперь Франціи, что ей нужно. За Жюлемъ Фавромъ и его товарищами стоитъ цѣлая либеральная партія, свободная отъ династическихъ стремленій. Если она находится въ оппозиціи нынѣшнему правительству, то не изъ принциповъ династическихъ, а изъ другихъ принциповъ. Для того, чтобъ примириться съ этой партіей, нужно принять условія, предлагаемыя Жюлемъ Фавромъ.

Ближайшіе совѣтники правительства говорятъ, что эти цѣли совершенно раздѣляетъ императоръ. Если это такъ, то надобно надѣяться, что за декретомъ 24 ноября послѣдуютъ другія реформы, болѣе-широкія и болѣе-опредѣленныя.

До тѣхъ же поръ, должно сознаться, что Франція все еще не имѣетъ своего политическаго сезона. Правда, династическая оппозиція устами Ларошжаклена, Гекерена, кардиналовъ громила въ сенатѣ политику императора. Но развѣ такую оппозицію желательно имѣть въ конституціонномъ государствѣ? При другомъ порядкѣ подобная оппозиція была бы незамѣтна; она принуждена была бы молчать; а теперь, за недостаткомъ другой политической пищи, и рѣчь Ларошжаклена имѣла успѣхъ въ публикѣ. Ихъ оставляютъ безъ отвѣта люди съ независимыми убѣжденіями, тѣ самые люди, которые, при другихъ условіяхъ, были бы лучшими друзьями правительства; отвѣты на нихъ являются только въ видѣ циркуляровъ министра внутреннихъ дѣлъ.

Франція, конечно, слѣдитъ за ходомъ преній въ сенатѣ и въ законодательномъ корпусѣ; она читаетъ произнесенныя въ нихъ рѣчи по тѣмъ отчетамъ, которые изъ «Монитёра» перепечатываются другими газетами. Она читаетъ ихъ, она думаетъ надъ ними, но эта дума ея, эта мысль никому неизвѣстна: газеты не имѣютъ права обсуждать тѣ вопросы, о которыхъ скоро будутъ говорить Жюль Фавръ

и его товарищи. Что̀ думаетъ Францiя объ этихъ вопросахъ – никому неизвѣстно. Чего она хочетъ — одинъ Богъ про то знаетъ. Слова Жюля Фавра и его товарищей пройдутъ, какъ голоса въ пустынѣ, оттого, что Францiя теперь не имѣетъ своего политическаго сезона.

II.

13 февраля (нов. ст.) послѣдовала наконецъ сдача Гаэты: убѣдившись въ безполезности дальнѣйшаго кровопролитiя, король Францискъ въ этотъ день подписалъ капитуляцiю. Съ малочисленной свитой онъ оставилъ полуразрушенный городъ и на французскомъ пароходѣ «Mouette» удалился въ Римъ, гдѣ для него, благодаря расположенiю папы, уже давно было приготовлено помѣщенiе,болѣе-удобное, нежели гаэтскiе казематы. Въ тотъ же день итальянскiя войска заняли оставленную Францискомъ крѣпость и на мѣстѣ бурбонскаго флага на бастiонахъ Гаэты началъ развѣваться флагъ Соединенной Италiи. Послѣднiе защитники Франциска, въ числѣ одиннадцати тысячъ человѣкъ, разосланы, какъ военноплѣнные, на острова, которыми усѣянъ западный берегъ Южной Италiи; съ паденiемъ Мессины, съ новымъ замиренiемъ страны имъ обѣщано разрѣшенiе возвратиться на родину.

Взятiе Гаэты вызвало радость въ Италiи. Народныя манифестацiи во всѣхъ концахъ и на всѣхъ пунктахъ свидѣтельствовали ясно, что совершившееся явленiе вполнѣ удовлетворяетъ чувствамъ и желанiямъ многочисленнаго народа. Особенно многознаменательны были эти манифестацiи въ Неаполѣ, бывшей столицѣ Франциска, и въ Римѣ, новомъ его убѣжищѣ. Съ удаленiемъ короля изъ Гаэты оканчивалась для Неаполя эпоха борьбы. Другаго рода чувство возбуждало въ жителяхъ Рима паденiе Гаэты: они понимаютъ, что теперь необходимо должна наступить очередь разрѣшенiю римскаго вопроса.

Паденiе Гаэты оканчивало борьбу въ Южной Италiи. Приверженцы Франциска держались теперь только въ двухъ пунктахъ, въ мессинской цитадели и въ Чивителла-дель-Тронто, небольшомъ укрѣпленномъ пунктѣ въ горахъ Абруццо. Въ мессинской цитадели заперся старый генералъ Фергола, который поклялся защищаться въ ней до послѣдней крайности; противъ нея не начинали серьёзныхъ осадныхъ работъ ни Гарибальди, по недостатку средствъ, ни сардинскiе генералы, по той причинѣ, что занятiе Мессины войсками Франциска считали дѣломъ второстепенной важности. Чивителла представляла очень-важный пунктъ

для абруцкихъ инсургентовъ: получая безпрестанно подкрѣпленія изъ Рима и нравственно-поддерживаемые присутствіемъ Франциска въ Гаэтѣ, абруцкіе инсургенты, владѣя этимъ укрѣпленнымъ пунктомъ, волновали сосѣднюю страну. Съ паденіемъ Гаэты это должно было кончиться. Въ-самомъ-дѣлѣ, волненіе въ Абруццахъ, по послѣднимъ извѣстіямъ, можно считать окончательно-подавленнымъ. Но генералъ Фергола долго не оставлялъ своего упорства. На основанiи гаэтской капитуляціи, король Францискъ долженъ былъ послать ему приказаніе сдаться немедленно; приказаніе было дѣйствительно послано, но только не о сдачѣ, а о томъ, чтобъ держаться до послѣдней крайности. Оттого на предложенія сардинскихъ генераловъ упрямый Фергола отвѣчалъ угрозой начать изъ цитадели огонь по самому городу Мессинѣ и обратить его въ развалины. До выполненія этой угрозы дѣло, однакожь, не дошло: энергическую рѣшимость Ферголы вовсе не раздѣлялъ его гарнизонъ. Въ сардинскій лагерь изъ Мессины являлись перебѣжчики; изъ ихъ поступковъ и словъ можно было заключить, что одушевленіе въ стѣнахъ цитадели не такъ велико, какъ говорилъ въ своихъ письмахъ Фергола. Въ этомъ убѣдился наконецъ и самъ энергическій комендантъ. 13 марта Мессина сдалась войскамъ Виктора-Эммануила.

Такимъ-образомъ закончена эпоха военной борьбы въ Южной Италіи; страна теперь закрѣплена за новымъ правительствомъ, начинаетъ свою новую жизнь. Пронеслась для Южной Италіи военная буря; разсѣяны послѣднія скопища реакціонеровъ; начинается болѣе-спокойная эпоха великихъ гражданскихъ реформъ, эпоха, о которой Викторъ-Эммануилъ, при открытіи перваго итальянскаго парламента, возвѣстилъ слѣдующими словами: «Италія, свободная и соединенная почти вся, благодаря Провидѣнію, содѣйствію всѣхъ итальянцевъ и храбрости нашихъ войскъ, полагается на вашу силу и на вашу мудрость. Вамъ предстоитъ даровать ей общія учрежденія и опредѣленное устройство. Водворяя *величайшую административную свободу* у народовъ, привыкшихъ къ различнымъ обычаямъ и различному устройству, вы будете наблюдать за тѣмъ, чтобъ политическое единство, котораго Италія желала столько вѣковъ, не было нарушено».

Задача предстоитъ громадная. Политическаго единства Италія достигла; но какъ сохранить, при этомъ политическомъ единствѣ, ту «величайшую административную свободу», которую обѣщаетъ Италіи тронная рѣчь ея перваго короля, и ея «различные старые обычаи и различное старое устройство?» Возможно ли это? Правительству, котораго территорія въ какіе-нибудь два года увеличилась втрое или

вчетверо, весьма-естественно желаніе распространить и на новыя свои владѣнія тѣ законы и ту систему управленія, которые господствовали въ первоначальныхъ предѣлахъ его государственной территоріи. Оттого весьма-понятно, что Пьемонтъ, когда присоединилась къ нему Ломбардія, задумалъ уничтожить въ ней нѣкоторыя особенности муниципальнаго управленія, которыми ломбардцы очень дорожили, но которыя представляли мало общаго съ учрежденіями пьемонтскими. Точно то же едва не случилось и съ Тосканой: и она уже готовилась искупить нѣкоторыми жертвами потерю своей политической автономіи и политическое единство Италіи. Мы повторяемъ, что поступать такимъ образомъ пьемонтскому правительству было весьма-естественно: всякое другое правительство, на его мѣстѣ, поступало бы точно такъ же, вводило бы свои законы и свое устройство во вновь-присоединенныхъ провинціяхъ. Но другой вопросъ: на сколько нужно, на сколько это полезно?... Внутреннее самоуправленіе частей не только не ослабляетъ цѣлаго политическаго зданія, но, напротивъ, укрѣпляетъ его, вливаетъ живыя силы въ дѣятельность всего организма. Италія, конечно, не для того соединялась въ одно цѣлое, чтобъ представить міру новое доказательство, къ какимъ послѣдствіямъ ведетъ система администраціи, закованной въ бюрократическій формализмъ, система многоуправленія и произвола централизаціи. Еслибъ даже туринское министерство и рѣшилось энергично преслѣдовать эти цѣли, то его дѣйствія врядъ-ли бы имѣли успѣхъ: въ современной Италіи достаточно гарантій для противодѣйствія подобнымъ цѣлямъ. Итальянцы желаютъ быть однимъ народомъ, но еще болѣе того желаютъ быть народомъ свободнымъ; они дорожатъ мѣстнымъ самоуправленіемъ, не захотятъ разстаться съ нимъ и выпустить изъ своихъ рукъ свои собственныя дѣла. Достигнуть этого они имѣютъ средство. «Мы водворимъ (говоритъ Викторъ-Эммануилъ) величайшую административную свободу у нашихъ народовъ, привыкшихъ къ различному устройству». Прошлый разъ мы говорили, что министръ внутреннихъ дѣлъ, Мингетти, изготовляетъ проектъ органическихъ законовъ для Италіи; слова короля показываютъ, въ какомъ духѣ составляется этотъ проектъ.

Дѣло, безъ-сомнѣнія, весьма-трудное: надобно удовлетворить самымъ разнообразнымъ потребностямъ, примирить самые разнообразные интересы. Но задача значительно облегчается тѣми условіями, въ которыхъ стоитъ государственная жизнь Италіи: ея правительство не идетъ на-удачу. Всѣ интересы, всѣ потребности итальянскаго народа имѣютъ полную возможность высказаться съ такою точностью, съ такою ясностью, что не останется ни малѣйшихъ сомнѣній въ его желаніяхъ,

что пезачѣмъ будетъ догадываться, предполагать, придумывать и сочинять. Стоитъ только прислушаться, сообразить, не идти наперекоръ общимъ желаніямъ — и дѣло, само-по-себѣ очень-трудное, сдѣлается дѣломъ довольно-легкимъ. Итальянскій парламентъ заключаетъ въ себѣ представителей отъ всѣхъ частей Италіи: о подчиненіи Италіи Пьемонту теперь не можетъ уже быть рѣчи потому, что въ новомъ парламентѣ представители собственно Пьемонта составляютъ меньшинство. Нынѣшній парламентъ уже не сардинскій, а итальянскій, и въ его рукахъ устройство Италіи.

Первымъ главнымъ дѣломъ этого итальянскаго парламента было признаніе новаго титула за Викторомъ-Эммануиломъ. Пока палата представителей занималась повѣркою выборовъ, графъ Кавуръ представилъ сенату проектъ новаго закона, по которому Викторъ-Эммануилъ принимаетъ титулъ короля Италіи. Вотъ какимъ образомъ было мотивировано это предложеніе. «Чудныя событія двухъ послѣднихъ годовъ (говорилъ графъ Кавуръ) соединили неожиданно въ одно государство почти всѣ разрозненныя части итальянскаго народа. Владѣнія, столь отличныя одно отъ другаго и часто столь-враждебныя другъ другу по различію политическихъ принциповъ и намѣреній, смѣнило наконецъ государственное единство, основанное на прочномъ началѣ народной монархіи. Королевство Италія—теперь фактъ; этотъ фактъ мы должны засвидѣтельствовать предъ лицомъ Италіи и Европы». Прямымъ послѣдствіемъ этого факта должна послужить замѣна слова *Пьемонтъ* словомъ *Италія* въ титулѣ Виктора-Эммануила и его наслѣдниковъ. Почти единодушно (за исключеніемъ двухъ голосовъ) сенатъ принялъ предложеніе министерства; этотъ же самый вопросъ будетъ первымъ дѣломъ, которое предложатъ на рѣшеніе нижней палаты, когда она, послѣ повѣрки выборовъ, окончательно устроится и, нѣтъ сомнѣнія, что и тамъ оно будетъ принято съ тѣмъ же восторгомъ и единодушіемъ. Вопросъ о томъ, будетъ ли называться Викторъ-Эммануилъ, какъ король Италіи, *первымъ* или *вторымъ*, не представляетъ существенной важности; имъ могутъ интересоваться только люди, для которыхъ все дѣло въ формѣ и въ порядкѣ, а не въ живой сущности предмета. Сами итальянцы, въ настоящее время по преимуществу люди дѣла, заботятся объ этомъ всего менѣе. Напротивъ, французы и нѣмцы, одни съ увлеченіемъ, другіе съ глубокомысліемъ, доказываютъ, что съ этихъ поръ Викторъ-Эммануилъ *второй* долженъ превратиться въ Виктора-Эммануила *перваго*.

Соединенная Италія не досчитывается, однакожъ, еще двухъ частей своихъ. Въ Венеціянской Области все еще господствуютъ австрійцы.

въ Римѣ французскій гарнизонъ охраняетъ папскій престолъ. Конечно, не можетъ быть сомнѣній въ томъ, что какъ венеціянцы, такъ и римляне присоединились бы къ своимъ братьямъ, еслибъ не австрійцы въ одномъ мѣстѣ, а не французы въ другомъ. Что касается Венеціи, то теперь уже дѣло рѣшеное, что только оружіемъ Италія будетъ въ силахъ вырвать изъ рукъ Австріи три мильйона своихъ собратовъ. Всякая надежда на мирное рѣшеніе венеціянскаго вопроса теперь потеряна: Австрія отказалась отъ всякой сдѣлки. Вопросъ, слѣдовательно, можетъ быть только о томъ, когда настанетъ удобное время для этой борьбы. Какъ кажется, самъ Пьемонтъ находитъ, что теперь еще не время; по-крайней-мѣрѣ, о Венеціи пока молчатъ; за-то въ сильномъ ходу вопросъ римскій.

Нельзя не сознаться, что всѣ затрудненія, которыя представляетъ этотъ послѣдній вопросъ, въ настоящее время достигли того рѣшительнаго момента, дальше котораго уже нельзя идти. Всѣ и каждый изъ участниковъ въ этомъ дѣлѣ чувствуютъ себя очень-неловко, видятъ, что зашли очень-далеко, что дальше идти невозможно, а между-тѣмъ не рѣшаются и, по совершенно-достаточнымъ основаніямъ, не могутъ рѣшиться покончить сразу съ этимъ римскимъ вопросомъ. Ни Викторъ-Эммануилъ, ни графъ Кавуръ не могутъ отказаться отъ желанія пріобрѣсти Римъ; этого мало: кто бы ни былъ теперь на итальянскомъ престолѣ, и кто бы ни управлялъ судьбами новаго королевства, стремленіе пріобрѣсти Римскую Область всегда будетъ главнымъ стремленіемъ этихъ людей; безъ Рима, а тѣмъ-болѣе съ французскимъ гарнизономъ въ Римѣ, Италія представляетъ что-то неоконченное и оттого непрочное. Папа не можетъ выгнать французовъ изъ Рима, не можетъ добровольно отказаться отъ своей свѣтской власти; этого мало: онъ не имѣетъ на это права; онъ связанъ словомъ, связанъ отношеніями къ своимъ кардиналамъ, къ римской церкви; онъ не болѣе какъ временный блюститель ея свѣтскаго достоянія. Наконецъ, императоръ французовъ, государь, о которомъ привыкли думать, что онъ болѣе всѣхъ свободенъ въ своихъ поступкахъ, и тотъ въ римскомъ вопросѣ не можетъ дѣйствовать по своей собственной волѣ; еслибъ даже и хотѣлъ, онъ не можетъ удалить своихъ войскъ изъ Рима, не можетъ этого сдѣлать теперь, а долженъ подождать, что̀ скажетъ время, потому-что, посмотрите, какую противъ него бурю подняли клерикалы за одну только довольно-невинную брошюру Лагероньера! А вѣдь эти клерикалы пока еще очень-и-очень сильны во Франціи; нужно дать имъ время наговориться вдоволь и показать въ очью свою несостоятельность; нужно еще

пустить въ публику нѣсколько брошюръ, подобныхъ лагероньеровской; нужно «просвѣтить» общественное мнѣніе. Тогда, можетъ-быть, и явятся какія-нибудь новыя «обстоятельства».

Такъ никто изъ лицъ, заинтересованныхъ въ римскомъ вопросѣ, не можетъ въ настоящее время сойти съ колеи, на которую поставили его обстоятельства. Въ этомъ заключается главный источникъ затрудненій. Уничтожьте этотъ источникъ — и римскій вопросъ разрѣшится завтра же. Еслибъ, напримѣръ, Лудовикъ-Наполеонъ рѣшился вывести свои войска изъ Рима, то вопросъ о свѣтской власти папы былъ бы рѣшенъ въ то самое мгновеніе, когда послѣдній французскій солдатъ сядетъ на пароходъ въ Чивитта-Веккіи. Но, повторяемъ, напрасно было бы ожидать, чтобъ это рѣшеніе пришло само-собою императору французовъ, невызванное какими-нибудь «обстоятельствами!!» Вотъ отчего мы можемъ сказать съ нѣкоторою достовѣрностью, что только какія-нибудь особенныя обстоятельства, которыя трудно предвидѣть, могутъ разсѣчь этотъ самый трудный гордіевъ узелъ.

На римскомъ вопросѣ сошлись и столкнулись между собою самые разнообразные, самые противоположные и чрезвычайно-могущественные интересы—интересы всего католическаго міра и всей католической церкви, интересы всѣхъ католическихъ державъ, вмѣстѣ взятыхъ, и каждой изъ нихъ въ-отдѣльности, интересы Франціи, Австріи, Испаніи, даже Баваріи, интересы Италіи, интересы папы, кардиналовъ, епископовъ—всего духовенства, Лудовика-Наполеона, Виктора-Эммануила, графа Кавура, Гарибальди, интересы консерваторовъ и либераловъ, интересы всѣхъ «добрыхъ католиковъ» и всѣхъ «злыхъ схизматиковъ», наконецъ, интересы подданныхъ папы, жителей города Рима и его окрестностей — какая пропасть интересовъ! Вотъ отчего этотъ вопросъ такъ волнуетъ всю Европу, такъ занимаетъ всѣхъ и каждаго. Вотъ отчего, въ какіе-нибудь полтора или два года онъ уже вызвалъ громадную литературу политическихъ и богословскихъ брошюръ и памфлетовъ. Каждый, прямо или косвенно заинтересованный въ этомъ дѣлѣ — а заинтересованныхъ въ немъ безчисленное множество—спѣшитъ высказаться съ своей точки зрѣнія, въ своемъ собственномъ интересѣ. Сильный перекрестный огонь происходитъ между противниками и защитниками папы; эта перестрѣлка идетъ съ возрастающею ненавистью, раздраженіемъ, злобою: все доказываетъ, что разрѣшеніе вопроса подступаетъ близко, очень-близко.

Но, странная вещь! всѣ, замѣшанные въ дѣлѣ, интересы нашли себѣ сильныхъ представителей въ брошюрномъ и журнальномъ мірѣ, даже въ французскихъ палатахъ, исключая одного самаго близкаго

къ дѣлу интереса. О немъ или вовсе не упоминается, или говорится какъ-нибудь случайно, мимоходомъ, ненарокомъ. Послушайте ораторовъ французскаго сената: одинъ изъ нихъ вамъ будетъ говорить объ интересахъ католицизма, то-есть, главнымъ образомъ, папы; другой такъ высоко, какъ первый, подыматься не будетъ — просто, будетъ защищать святаго отца; третій будетъ говорить объ интересахъ Франціи, начнетъ доказывать, цитируя слова Наполеона I, какъ важно для нея не только, чтобъ папа остался папою, но чтобъ вмѣстѣ съ тѣмъ онъ остался свѣтскимъ государемъ; четвертый будетъ говорить собственно объ интересахъ Наполеона III; пятый — объ интересахъ Пьемонта, Виктора-Эммануила; наконецъ, очень-многіе будутъ говорить вамъ о томъ, что Италіи нужна столица, что столицею непремѣнно долженъ быть Римъ. Но ни одинъ изъ нихъ не скажетъ вамъ объ интересахъ самихъ римлянъ, не положитъ этихъ интересовъ въ основу своихъ воззрѣній, а между-тѣмъ (по-крайней-мѣрѣ во Франціи) главный и существенный вопросъ, конечно, въ томъ, чего желаютъ римляне. Чего они желаютъ — въ этомъ сомнѣваться очень-трудно.

Относительно этого пункта мы позволимъ себѣ привести одно мѣсто изъ блестящей рѣчи принца Наполеона, произнесенной имъ въ засѣданіи французскаго сената 1-го марта. Намъ особенно-пріятно прибѣгнуть въ этомъ случаѣ подъ авторитетъ такого высокаго оратора. «Господа! —говорилъ къ сенаторамъ двоюродный братъ императора, грозно поражая защитниковъ папскаго престола — маркизомъ Ларошжакленомъ было приведено одно доказательство, которое я нашелъ весьма-серьёзнымъ и на которомъ я, съ своей стороны, остановился. Онъ сказалъ, что онъ не желалъ бы и всѣ порядочные люди не желали бы, не желали бы никоимъ образомъ возможнаго соединенія свѣтской и духовной власти, и что, еслибъ Римъ не былъ достаточно-независимъ, это соединеніе имѣло бы мѣсто (*). Въ этомъ пунктѣ, господа, я совершенно согласенъ съ нимъ, я такъ же радикально, какъ и онъ, противлюсь возможному соединенію свѣтской и духовной власти. Я нахожу, что уже и безъ того достаточно власти, и не желаю, чтобъ императоръ, къ которому я питаю, впрочемъ, величайшее довѣріе, былъ вмѣстѣ и моимъ духовнымъ главою и свѣтскимъ. Г. Ларошжакленъ совершенно правъ, и не входя въ разсмотрѣніе вопроса, удовлетво-

(*) Смыслъ приводимыхъ принцемъ словъ Ларошжаклена тотъ, что съ паденіемъ папской власти значительная доля духовныхъ правъ, принадлежащихъ папѣ, перейдетъ въ каждой католической странѣ къ главѣ государства.

рила бы меня болѣе, или нѣтъ, церковь національная, нежели церковь чуждая; я говорю, что именно по этой причинѣ я желаю возможно-полной независимости между двумя властями, желаю, чтобъ былъ особенный духовный глава, независимый отъ свѣтскаго государя. Но если это воззрѣніе совершенно-справедливо и если мы не желаемъ, чтобъ подобное соединеніе властей было въ Парижѣ, то что̀ же сказать намъ о тѣхъ, которые для Рима находятъ хорошимъ то самое, что, по ихъ мнѣнію, было бы очень-дурно для Парижа? Вы не желаете, чтобъ подобное соединеніе властей было въ Парижѣ, и вы хотите оставить его въ Римѣ!»

Послѣ этихъ словъ нѐзачѣмъ задавать себѣ вопроса о томъ, чего именно желаютъ римляне, нѐзачѣмъ ходить въ ихъ исторію, справляться съ настоящимъ настроеніемъ ихъ умовъ. Еслибъ даже предъ ними не было соединенной Италіи, всѣ и безъ того могли бы очень-хорошо понимать, чего они желаютъ. Ихъ призываетъ къ себѣ Италія; они хотятъ быть итальянцами, а не подданными кардиналовъ. Вопросъ, поставленный такимъ образомъ, разрѣшился бы очень-просто, еслибъ только его можно было такимъ образомъ поставить.

Въ дѣлѣ Италіи мы постоянно видѣли прежде всего дѣло двадцатипяти мильйоновъ итальянскаго народа; въ тѣхъ людяхъ, которые являлись дѣятелями въ итальянскомъ движеніи, мы видѣли представителей желаній и стремленій этихъ мильйоновъ, видѣли вождей народнаго движенія. Гарибальди, графъ Кавуръ, Викторъ-Эммануилъ, всѣ эти люди были передъ нами представителями одного и того же начала. Каждый изъ нихъ дѣйствовалъ во имя одного и того же начала, но каждый въ своей особенной сферѣ и своимъ особеннымъ способомъ. Мы знали, что отъ перваго министра, а тѣмъ болѣе отъ короля, нельзя требовать того, что̀ приводило насъ въ восторгъ въ популярномъ вождѣ народа; мы этого отъ нихъ никогда и не думали требовать; тѣмъ не менѣе намъ былъ дорогъ и графъ Кавуръ, и Викторъ-Эммануилъ, дороги по тому же, почему въ Гарибальди мы никогда не думали видѣть простаго вождя бандитовъ. Какъ Гарибальди, такъ и Викторъ-Эммануилъ и Кавуръ равно принадлежатъ Италіи. Послѣдніе два дѣятеля приготовили для перваго всѣ условія успѣха: безъ такого короля, какъ Викторъ-Эммануилъ, безъ такого правительства, какъ министерство Кавура, были невозможны дѣйствія Гарибальди, было невозможно то, что̀ сдѣлано Италіей въ самое короткое время. Гарибальди, сдѣлавъ свое дѣло, сдалъ плоды его въ руки Кавура и Виктора-Эммануила. Что же? не-уже-ли это значитъ, что для нихъ-то собственно онъ и трудился? Мы никогда не позволяли себѣ такъ ду-

мать, и имѣли на то достаточныя причины; оттого мы не пропитывались негодованіемъ ни къ Виктору-Эммануилу, ни къ Кавуру, когда имъ пришлось пожать плоды трудовъ Гарибальди. Гарибальди воевалъ для Италіи, а не для самого себя; точно также и Викторъ-Эммануилъ, по нашимъ понятіямъ, для Италіи принималъ подъ свою власть провинціи, которыя ему отдавались, а его министръ устроивалъ въ этихъ провинціяхъ государственный и общественный бытъ. Не-уже-ли отъ всего того, что случилось въ Италіи, выиграли только Кавуръ да Викторъ-Эммануилъ? Полноте! вѣдь завтра же они пройдутъ мимо, какъ мимо проходитъ всякая личность, а созданная ими Италія останется и будетъ существовать долго и долго. Вотъ въ этомъ именно и вся сила и значеніе ихъ...

Такъ мы всегда думали, съ этой точки зрѣнія мы смотрѣли на итальянскія событія, а равно и на многое другое. Обязанностямъ русскаго публициста, или, пожалуй, политическаго обозрѣвателя мы старались придать повозможности серьёзное значеніе. Мы позволяемъ себѣ сказать прямо, что всегда смотрѣли и смотримъ на нихъ какъ на особенный родъ общественнаго служенія, весьма-трудный тамъ, гдѣ политическая мысль и политическія знанія не въ большомъ почетѣ, гдѣ самый интересъ къ нимъ носитъ характеръ искусственно-питаемаго и искусственно-поддерживаемаго интереса.

Интересъ, о которомъ говоримъ мы, только нарождается еще въ нашемъ обществѣ. Тѣмъ строже къ самому себѣ, по нашему мнѣнію, долженъ быть писатель, котораго общественное служеніе находится въ прямой связи съ этимъ интересомъ; тѣмъ возмутительнѣе для насъ нѣкоторыя явленія въ нашей періодической литературѣ, именно въ той ея отрасли, которую почему-то называютъ публицистикой, но которая, по справедливости, должна получить другое, не столь громкое названіе. Въ писаніяхъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ публицистовъ мы находимъ много такого, съ чѣмъ не только не можемъ согласиться, но что должны преслѣдовать и что будемъ преслѣдовать по мѣрѣ нашихъ силъ. Мы ненавидимъ всякое легкомысленное отношеніе къ жизненному или научному вопросу, и не только къ самому вопросу, къ началу, къ идеѣ, но также и къ тѣмъ людямъ, которые служатъ ихъ представителями, которые для нихъ работаютъ. Мы ненавидимъ наглыя глумленія надъ тѣмъ, что достойно, что благотворно, во что мы вѣруемъ, во что — мы позволяемъ себѣ думать — вѣруютъ и всѣ, у кого душевная пустота не уничтожила всякой потребности живой вѣры. Для людей безъ убѣжденій, безъ вѣры въ самихъ себя, въ свою мысль, въ будущее развитіе человѣческаго общества,

все происходящее предъ ними—всѣ явленія и всѣ дѣятели безъ разбора — сливается въ одну безразличную массу, въ одинъ поражающій вздоръ. Они нынче назовутъ бездѣльникомъ Гарибальди; завтра рядомъ съ ученикомъ мрачныхъ іезуитовъ поставятъ Кавура, за которымъ стоитъ вся Италія, который двинулъ ее въ путь и ведетъ ее; затѣмъ нагло бросятъ комкомъ грязи въ такого гиганта, какъ Маколей. И все это имъ сходитъ съ рукъ!... Свою собственную пустоту, свое умственное безсиліе они готовы видѣть во всякомъ; въ дѣятельности каждаго человѣка, преслѣдующаго свои убѣжденія, служащаго своему обществу и своему времени, они предполагаютъ прежде всего бездушный эгоизмъ. Съ тою безразборчивостью, которая характеризуетъ бездушнаго эгоиста, человѣка безъ убѣжденій, или несчастнаго желчевика, они относятся безразлично и къ великому и къ низкому, и къ достойному и къ наглому. Для всего готово у нихъ одно и то же мнѣніе, одинъ и тотъ же критерій. Въ воззрѣніяхъ этихъ публицистовъ все, кромѣ ихъ собственныхъ чревовѣщаній, а можетъ-быть, и эти самыя чревовѣщанія (только этого недоставало), возводятся къ одному высшему вздору; у нихъ одна непреложная теорія — теорія вздора, одно неоспоримое убѣжденіе — убѣжденіе въ томъ, что все на свѣтѣ вздоръ. Теорія, убѣжденіе — легко доставшіяся, непотребовавшія длятого, чтобъ выработать ихъ, ни малѣйшихъ умственныхъ усилій; критерій для суда— самый удобный, способный прикрыть, но вмѣстѣ съ тѣмъ и выдающій ихъ собственную пустоту и невѣжество.

Мы не обращали до-сихъ-поръ вниманія на этихъ публицистовъ, потому-что считали ихъ дѣятельность если безполезною, то и безвредною. Теорія вздора, думали мы, врядъ ли можетъ найти у насъ адептовъ, а здоровый русскій умъ, требующій не пустыхъ чревовѣщаній, а положительнаго знанія, осудитъ недостойную забаву литературныхъ гаеровъ и скомороховъ. Но вышло не такъ: бываетъ возрастъ, когда гаерство и скоморошничанье не просто забавляютъ, но увлекаютъ, заражаютъ своимъ примѣромъ. Ребята въ извѣстномъ возрастѣ, насмотрѣвшись на ломанье балаганныхъ паяцовъ, начинаютъ сами ухищряться въ подобныхъ же штукахъ... Съ легкой руки «Современника», легкомысленное отношеніе къ вопросамъ науки, жизни, ко всему тому, что мы считаемъ общественнымъ дѣломъ, находитъ себѣ болѣе-и-болѣе подражателей. Такъ недавно одинъ публицистъ, восполняющій избыткомъ желчи недостатокъ знаній и убѣжденій, пожелавъ отличиться, задумалъ приложить къ лорду Джону Росселю тотъ самый взглядъ, съ которымъ «Свистокъ» незадолго передъ тѣмъ отнесся къ графу Кавуру. Въ-самомъ-дѣлѣ, отчего же и не отнестись? И тотъ и

другой равно министры — Россель если и не графъ, за-то англійскій лордъ. Эффектъ вышелъ необыкновенно-удачный. «На одномъ пунктѣ (возглашаетъ публицистъ) Брайтъ является радикаломъ, на другомъ онъ уступаетъ въ своемъ либерализмѣ Джону Росселю, который, *при всей дѣвственной скромности*, иногда идетъ гораздо-дальше, *чѣмъ можно ожидать отъ его умственной малости*». (*) «Умственная малость» лорда Джона Росселя! Посмотрите на насъ, полюбуйтесь нами: какіе мы умственные гиганты! Для насъ уже и лордъ Джонъ Россель, вождь англійской либеральной партіи — умственный пигмей. Но извѣстна ли этимъ гигантамъ дѣятельность пигмея, лорда Джона Росселя? Извѣстно ли имъ, какихъ громадныхъ умственныхъ силъ потребно на то, чтобъ въ-теченіе многихъ лѣтъ стоять во главѣ могущественной политической партіи? Мы не допускаемъ предположенія, чтобъ это имъ было неизвѣстно: иначе это было бы уже верхомъ невѣжества; мы скорѣе расположены думать, что у этихъ умственныхъ гигантовъ нѣтъ иного средства показать собственное свое превосходство, какъ направо и налѣво, безъ разбора всѣхъ и каждаго низводить въ умственные пигмеи. Зачѣмъ пренебрегать этимъ очень-легкимъ средствомъ, удобнымъ въ-особенности тамъ, гдѣ почему-то каждое чревовѣщаніе остается безъ отвѣта и литературное гаерство не вызываетъ заслуженаго негодованія?... Какіе мы сами умные ребята, когда предъ нами всѣ—умственные пигмеи, всѣ министры, всѣ вожди партій въ просвѣщенной Европѣ!... Наконецъ явился новый журналъ, журналъ толстый, съ претензіями, съ особенною рекомендаціей для своего политическаго отдѣла: въ этомъ наиболѣе рекомендованномъ отдѣлѣ онъ представилъ тѣ же масляничныя забавы, то же ломанье и гаерство. Не-уже-ли русской публицистикѣ суждено быть гаерствомъ? Нѣтъ, этого быть не можетъ... Ребята пока подражаютъ тому, что̀ ихъ забавляетъ, что̀ увлекло ихъ своей новизной; придетъ пора—они, можетъ-быть, устыдятся своихъ младенческихъ забавъ. Но до-тѣхъ-поръ все-таки нужно дѣтямъ говорить почаще, что они дѣти, а не взрослые. Люди, которые достигли старости, неуспѣвши выйдти изъ младенчества, уже люди отпѣтые; но дѣти, изъ неразумія подражающія ломанью этихъ старыхъ недоростковъ, еще могутъ возмужать. Вѣря въ будущность русскаго общества, мы этого крѣпко ожидаемъ; но до-тѣхъ-поръ, пока наши надежды не исполнятся, мы не перестанемъ называть праздныя забавы нашихъ публицистовъ простымъ гаерствомъ,

(*) «Русское Слово», 1-я книжка 1861 года, статья о Маколеѣ, подписанная именемъ г. *Благосвѣтлова*, стр. 25-я.

будемъ смотрѣть на нихъ какъ на непозволительныя шалости баловливыхъ ребятъ.

Возвращаемся къ римскому вопросу. Нечего говорить, что его разрѣшеніе ни отъ кого такъ не зависитъ, какъ отъ Франціи, а сама Франція, по отношенію къ свѣтской власти папы, стала въ безъисходное положеніе. Она провозгласила принципъ невмѣшательства; она служитъ представителемъ принципа народныхъ правъ, и въ то же самое время императоръ французовъ, какъ старшій сынъ церкви, какъ защитникъ святаго отца, не можетъ оставить папу на произволъ судьбы. Къ-несчастію, ни одного изъ этихъ двухъ противоположныхъ началъ нельзя ему провести послѣдовательно; по-крайней-мѣрѣ, до-сихъ-поръ этого не было. Защитникъ святаго престола допустилъ отнять у папы три четверти его владѣній. Если Лудовикъ-Наполеонъ пустилъ сардинцевъ въ Романью, Легатства, Умбрію, Мархіи, то отчего не пускаетъ ихъ также и въ Римъ? Если онъ ихъ не думаетъ выгнать изъ занятыхъ ими папскихъ провинцій, то зачѣмъ считаетъ нужнымъ не пускать ихъ дальше? Наоборотъ, если Римъ онъ считаетъ нужнымъ сохранить для папы, то отчего не выгонитъ сардинцевъ изъ легатствъ и мархій? Эти вопросы совершенно въ правѣ предложить Наполеону приверженцы свѣтской власти папы, и на нихъ онъ затруднился бы представить сколько-нибудь удовлетворительный отвѣтъ. Другой рядъ вопросовъ, столь же основательныхъ и столь же неразрѣшимыхъ, могутъ предложить ему защитники народныхъ правъ. «Во имя этихъ правъ (говорятъ они), вы отказались отъ системы вмѣшательства въ чужія дѣла. Прекрасно! Не иначе, какъ во имя этого начала вы дозволили распорядиться жителямъ легатствъ и мархій, какъ имъ было угодно. Зачѣмъ же вы дѣлаете насиліе надъ римлянами? Не-уже-ли вы не захотите быть послѣдовательными, не уйдете изъ Рима? И опять нельзя дать отвѣта на эти вопросы. Положеніе, повторяемъ, безъисходное. Нельзя выдать папу, нельзя и защищать его. Выдать его нельзя оттого, что онъ — святой отецъ, императоръ — его старшій сынъ, а сынъ долженъ защищать отца; но еслибъ онъ считалъ нужнымъ защищать его искренно и во что бы ни стало, то не дозволилъ бы Пьемонту отобрать у папы три четверти его владѣній.

На этомъ послѣднемъ основаніи папа, хотя онъ и остается въ Римѣ только благодаря французамъ, негодуетъ на своихъ защитниковъ, говоритъ, что его обманули, ему измѣнили — и все это сдѣлали французы, его защитники.

Клерикалы, чрезвычайно-сильные во Франціи, подняли страшную бурю. Они уже сравнили императора съ Понтіемъ Пилатомъ, готовы и на бо̀льшее. Удаленіе французскихъ войскъ изъ Рима произведетъ между ними страшный взрывъ негодованія. Охраненіе одного Рима для папы также не можетъ ихъ удовлетворить, какъ это не удовлетворяетъ и самого папу. Они не могутъ простить, что французы отдали Пьемонту бо̀льшую часть Папскихъ владѣній. Примиреніе съ клерикалами, поэтому, невозможно.

Что̀ же дѣлать? Откуда же придетъ развязка? Ужь не отъ французскаго ли сената и не отъ законодательнаго ли корпуса? Въ сенатѣ дѣйствительно говорили о римскомъ вопросѣ очень-много, очень-сильно и очень-жарко; но одни говорили для того, чтобъ, вспоминая старое, порицать правительство; чтобъ требовать отъ него того же, что̀ сдѣлалъ нѣкогда для папы императоръ Карлъ-Великій. Это дѣлала династическая оппозиція. Другіе находили всѣ прошлыя дѣйствія правительства прекрасными, а о своихъ мнѣніяхъ относительно будущаго со скромностью умалчивали. Въ результатѣ сенатъ порѣшилъ такъ: «императоръ, въ своей мудрости, знаетъ самъ, что̀ должно дѣлать, а мы имѣемъ къ нему полное довѣріе». Это значитъ, что сенатъ не предлагаетъ никакого рѣшенія, не предвидитъ никакой развязки, не подаетъ никакого совѣта.

Изъ всѣхъ сенаторовъ, говорившихъ въ духѣ нерасположенія къ свѣтской власти папы, наибольшею смѣлостью сужденія отличился принцъ Наполеонъ. Изъ приведенныхъ нами словъ его читатели могли уже замѣтить, куда идетъ этотъ ораторъ. Онъ сказалъ прямо, что Римъ долженъ быть столицей Италіи; что свѣтская власть папы должна кончиться... однакожь не совсѣмъ должна кончиться. Такимъ-образомъ, и для наиболѣе свободомыслящаго изъ французскихъ сенаторовъ все-таки необходимо сохранить за папой хотя нѣкоторую свѣтскую власть. «Городъ Римъ (говорилъ принцъ) самъ собою раздѣляется рѣкою Тибромъ на двѣ части, одну, свѣтскую—старый городъ римлянъ, другую, духовную — съ Ватиканомъ, съ св. Петромъ, со всею святыней. Въ первой части пусть будетъ столица Италіи; вторая—правый берегъ Тибра—пусть останется царствомъ папы». Это опять тотъ вертоградъ, о которомъ говорила брошюра *Папа и Конгрессъ*. Распредѣленіе сдѣлано превосходно; но вопервыхъ, оно сдѣлано, не спросясь самихъ римлянъ; и кто знаетъ, захотятъ ли жители праваго берега Тибра оставаться подъ папскою властью, когда, не далѣе, какъ за рѣкою, будетъ столица Италіи. Вовторыхъ, куда же дѣвалось то свободомысліе принца, которое внушило ему столь-

ко замѣчательныхъ словъ о нераціональности соединенія двухъ властей, о несправедливости желать для Рима того, чего никто и никогда не пожелаетъ для Парижа? Онъ, однакожь, цѣлую половину Рима отдаетъ тому порядку, котораго, по его словамъ, весьма-нежелательно для Парижа. Наконецъ, оставить для папы горсть подданныхъ невозможно безъ насильственныхъ средствъ, безъ чужеземнаго гарнизона, охраняющаго папу отъ его подданныхъ.

Такъ какая-то преграда существуетъ для самой смѣлой французской мысли, какой-то предѣлъ, егоже не прейдешь.

Пренія въ законодательномъ корпусѣ, понятно само собою, также не могутъ привести ни къ какой развязкѣ. Представители Франціи также скажутъ: «пусть императоръ поступаетъ, какъ ему угодно».

Такъ въ критическую минуту, которой подобнаго ничего не было во все царствованіе Наполеона III, вся сила самой тяжелой отвѣтственности лежитъ на одномъ императорѣ. Сильная клерикальная партія негодуетъ на его политику; династическая оппозиція естественно враждебна ей. Друзья правительства — а кто знаетъ ихъ силу? — по старой привычкѣ говорятъ, что они во всемъ полагаются на правительство; что оно, безъ всякихъ съ ихъ стороны совѣтовъ, съумѣетъ поступить, какъ-нельзя-лучше, и оттого не даютъ никакихъ совѣтовъ. Кàкъ измѣрить силу той и другой партіи? Кàкъ узнать настоящее мнѣніе Франціи? Не-уже-ли не полезно было бы теперь, чтобъ страна подала дѣйствительный совѣтъ, чтобъ на этотъ совѣтъ можно было опереться, разсѣкая гордіевъ узелъ?

Чѣмъ же разрѣшится римскій вопросъ, и когда онъ разрѣшится? Мы убѣждены въ томъ, что онъ разрѣшится благополучно. Многое, что было очень-естественно пять, десять лѣтъ назадъ, сдѣлалось теперь дѣломъ невозможнымъ; такъ занятіе Рима французами совершилось очень-просто двѣнадцать лѣтъ назадъ, не вызвавъ противъ себя ни противодѣйствій со стороны другихъ державъ, ни протеста со стороны общественнаго мнѣнія. Теперь самъ Наполеонъ находитъ это занятіе дѣломъ не совсѣмъ-ловкимъ; и еслибъ не видѣлъ передъ собою французскихъ клерикаловъ, завтра же отдалъ бы приказаніе своимъ войскамъ очистить столицу папы. Время, иногда незамѣтно, дѣлаетъ свое дѣло; о римскомъ вопросѣ даже и этого сказать нельзя. Разрѣшеніе его наступило такъ явно, такъ замѣтно, что всѣ и каждый могли прослѣдить всѣ ступени въ его движеніи.

Свѣтская власть папы доживаетъ свои послѣднія минуты. Переворотъ будетъ очень-важный. Но на одномъ вопросѣ о свѣтской власти дѣло можетъ и не остановиться. Въ значеніи римскаго первосвящен-

ника его духовная власть связана такъ тѣсно съ властью свѣтскою, что потеря одной легко можетъ отозваться и на дальнѣйшемъ значеніи другой: тогда переворотъ получитъ болѣе громадные размѣры.

Дѣло поставлено, мы видѣли, такимъ-образомъ, что какой-нибудь развязки долженъ желать и самъ Лудовикъ-Наполеонъ. Его положеніе немногимъ лучше положенія Пія IX. Продлить занятіе невозможно; невозможно и оставить Римъ безъ какой-нибудь очень-сильной побудительной причины. Нужно создать ее, но притомъ такъ, чтобъ клерикаламъ не подать повода къ усиленію своихъ обвиненій и своей ненависти, чтобъ эта ненависть оказалась безсильною.

Какъ бы хорошо было, еслибъ сенатъ и законодательный корпусъ въ этомъ случаѣ помогли разрѣшить затрудненіе! Тогда отвѣтственность за рѣшеніе упала бы на всю страну, на народъ, а гласъ народа—гласъ Божій.

III.

Цѣль, для которой Францомъ-Іосифомъ былъ призванъ въ министерство либеральный Шмерлингъ, наконецъ достигнута. 27 февраля австрійскіе народы прочли новую конституцію, написанную для нихъ этимъ популярнымъ между нѣмцами министромъ.

Такимъ-образомъ, Австрійская Имперія получила наконецъ конституцію. У всѣхъ, прочитавшихъ «Основный законъ о народномъ представительствѣ», подписанный императоромъ 26 февраля и обнародованный на слѣдующій день, не остается ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что число учредительныхъ актовъ Австрійской Имперіи увеличилось однимъ довольно-важнымъ актомъ.

Намъ часто приходилось читать, что конституціи не сочиняются, не пишутся, не составляются въ кабинетахъ; что онѣ выростаютъ сами собою, выработываются народною жизнью. Когда мы читали новые «Actenstücke zur österreichischen Reichs-Verfassung», намъ естественно прежде всего приходила въ голову эта мысль...

Чѣмъ, въ-самомъ-дѣлѣ, дурны шмерлинговы «Основные законы?» Въ нихъ можно найдти очень-многое, что существуетъ давнымъ-давно въ англійской государственной жизни. Какъ въ Англіи есть три агента законодательной власти, такъ и въ Австріи будутъ тоже три агента: императоръ, палата господъ, вмѣсто англійской палаты лордовъ, и палата представителей, англійская палата общинъ. Какъ въ Англіи только то законъ, что принято палатами и утверждено королевой, такъ

этихъ-поръ и въ Австріи въ производствѣ закона будутъ участвовать вышеупомянутые три агента. Въ Англіи двѣ палаты составляютъ такъ-называемый парламентъ. Какое прибрать названіе двумъ палатамъ австрійскимъ — австрійскимъ представительнымъ собраніямъ? объ этомъ, сказываютъ, долго шла рѣчь между министрами Франца-Іосифа. Одни предлагали назвать ихъ имперскимъ сеймомъ, рейхстагомъ; но это слово слишкомъ-памятно: оно будило не совсѣмъ пріятныя воспоминанія, и оттого остановились на болѣе-скромномъ названіи — имперскаго совѣта, рейхсрата. Въ палатѣ господъ будутъ засѣдать всѣ взрослые эрцгерцоги, всѣ архіепископы и нѣкоторые изъ епископовъ, именно тѣ, которымъ «присвоенъ княжескій рангъ»; здѣсь же будутъ сидѣть «взрослые главы аристократическихъ родовъ, обладающихъ общирными имѣніями»; будетъ составленъ списокъ этимъ аристократическимъ родамъ, и дарованное имъ право посылать своихъ главъ въ палату господъ останется за ними наслѣдственнымъ. Кромѣ-того, императоръ удерживаетъ за собою право дѣлать пожизненными членами палаты господъ людей, отличившихъ себя «заслугами въ государствѣ и церкви, наукѣ и искусствѣ». Все это будутъ австрійскіе лорды и перы, совершенно похожіе на англійскихъ перовъ. Нижняя палата, подобно англійской палатѣ общинъ, будетъ состоять изъ народныхъ представителей, числомъ 343 человѣка, на половину меньше, нежели въ Англіи, хотя народонаселеніе въ Австріи и значительно больше, нежели въ Соединенныхъ Королевствахъ. Здѣсь, такимъ-образомъ, начинается уже различіе. Но стоитъ только понять причину этого отступленія отъ англійскаго образца, и тогда дѣло объяснится само собою очень-просто, и тогда мы увидимъ, что, вѣдь, нельзя же было не отступить отъ образца. Тонкій практическій смыслъ г. Шмерлинга, безъ-сомнѣнія, подсказалъ ему, что призвать въ нижнюю палату до 600 народныхъ представителей было бы уже сильною роскошью, что многіе, пожалуй, могли бы подумать, будто Австрія въ настоящую минуту можетъ выставить столько же способныхъ государственныхъ людей, сколько имѣетъ ихъ Англія.

Затѣмъ идетъ математическій разсчетъ, сколько именно представителей должно присылать каждое изъ королевствъ, герцогствъ, княжествъ, графствъ и маркграфствъ Австрійской Имперіи. Оказывается, что отъ Венгріи будетъ 85 представителей, отъ Богеміи — 54, отъ *Ломбардо*-Венеціянскаго Королевства—20, отъ Галиціи и Лодомиріи, съ Краковомъ—38, отъ Нижней Австріи—18, отъ Верхней Австріи—10, отъ «окняженнаго» графства Тироля и Форарльберга—12 и т. д. Это распредѣленіе, говорятъ, составлено примѣнительно къ числу народо-

населенія; но мы въ этомъ нѣсколько сомнѣваемся, потому-что, по разсчету выходитъ, нижне-и верхне-австрійцы будутъ присылать по одному представителю отъ 70,000 человѣкъ, а венгерцы болѣе, нежели отъ 100,000. Значитъ, соображенія были иныя.

Затѣмъ идутъ отличія, болѣе важныя и существенныя, но также находящія себѣ достаточное объясненіе. Въ Англіи существуютъ прямые выборы въ парламентъ, то-есть, каждое лицо, имѣющее право выбора, прямо, своими собственными руками кладетъ въ избирательную урну свой билетъ съ надписью извѣстнаго имени, и количествомъ такихъ билетовъ опредѣляется, кто будетъ представителемъ. Для нѣмцевъ, для Австріи, такой порядокъ былъ бы слишкомъ-простъ, а они все любятъ хитрое и сложное. Выборы въ палату дѣйствительно будутъ очень-хитрые. Прежде всего должно замѣтить, что эти народные представители будутъ выбираться не народомъ, а провинціальными сеймами, и выбираться будутъ не изъ народа, а изъ членовъ сейма. Это первая особенность; вторая состоитъ въ томъ, что, назначая своихъ уполномоченныхъ въ палату представителей, сеймъ не можетъ выбрать кого ему угодно, а долженъ держаться при этомъ слѣдующаго правила: назначать представителей такъ, чтобъ «каждый округъ, каждый городъ, каждая корпорація имѣли въ палатѣ соотвѣтствующее число членовъ, выбранныхъ изъ членовъ сейма отъ этого же самаго округа, этого же самаго города, этой же самой корпораціи». Это, объясняютъ, нужно для того, чтобъ одна національность не была подавлена другою, чтобъ каждая изъ нихъ была равномѣрно представлена въ рейхсратѣ. Объясненіе несовсѣмъ-понятное! Трудно себѣ представить, чтобъ въ собраніи, представляющемъ самыя разнообразныя національности, не образовалось большинства; тогда національности, оставшіяся въ меньшинствѣ, уже необходимо будутъ подавлены, чего не придумывайте, чтобъ ихъ не подавить.

Въ Австрійской Имперіи будетъ всего пятнадцать провинціальныхъ сеймовъ—такъ много въ ней королевствъ и областей. Для насъ важно знать, изъ кого будутъ состоять они, потому-что, какъ мы видѣли, изъ членовъ этихъ сеймовъ, по избранію отъ самихъ же сеймовъ, будетъ состоять австрійская палата представителей. Вотъ составъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Въ сеймѣ Нижней Австріи будутъ засѣдать два епископа, rector magnificus вѣнскаго университета, 15 большихъ землевладѣльцевъ, 28 депутатовъ отъ горожанъ и 20 отъ сельскихъ жителей. Эти шестьдесятъ-шесть человѣкъ должны, изъ своей среды, выдѣлить въ рейхсратъ восьмнадцать членовъ, которые будутъ счи-

таться народными представителями. Галицкій сеймъ будетъ состоять изъ 6 епископовъ, 44 большихъ землевладѣльцевъ, 23 депутатовъ отъ горожанъ и 74 отъ сельскихъ жителей. Эти 147 человѣкъ пришлютъ въ рейхсратъ тридцать-восемь членовъ. Выборы членовъ сейма представляютъ сами-по-себѣ очень сложную систему. Большіе землевладѣльцы выбираютъ своихъ представителей изъ своей среды посредствомъ прямыхъ выборовъ. Точно также прямые выборы допущены и для городовъ, съ раздѣленіемъ гражданъ, по количеству платимой ими подати, на три разряда, такъ-что изъ первыхъ двухъ разрядовъ избирательнымъ правомъ пользуются всѣ, а изъ третьяго, низшаго, только тѣ, кто платитъ прямыхъ податей не менѣе 10 гульденовъ (6 р. сер.). Для сельскихъ жителей порядокъ выборовъ совершенно другой. Избирательный цензъ для нихъ назначенъ вдвое меньшій, нежели для горожанъ, именно въ 5 гульденовъ; но выборы будутъ не прямые, а посредственные, или двухстепенные. Именно, каждая сельская община, то-есть, тѣ члены ея, которые платятъ не менѣе 5 гульденовъ податей, изберутъ изъ среды своей *избирателей*, а уже эти избиратели выберутъ депутата въ земскій сеймъ.

Выбранные такимъ образомъ земскіе сеймы будутъ присылать своихъ членовъ въ палату народныхъ представителей; слѣдовательно, эти представители для городовъ будутъ выходить изъ двухстепенныхъ выборовъ, а для селъ даже изъ трехстепенныхъ; но важнѣе всего то, что въ назначеніи своего представителя въ рейхсратъ города и села не будутъ принимать ни малѣйшаго участія.

Въ-самомъ-дѣлѣ, для австрійскихъ народовъ совершенно-достаточно уже и того, что одинъ разъ въ шесть лѣтъ (составъ провинціальныхъ сеймовъ возобновляется черезъ шесть лѣтъ) имъ дозволяется выбирать депутатовъ въ земскій сеймъ. Предоставить прямо народу право выбирать членовъ и въ рейхсратъ, да еще съ низкимъ цензомъ, значило бы доставить сильное развитіе демократическому элементу; а Шмерлингъ, хотя и популярный министръ, но не слишкомъ расположенъ къ демократическимъ принципамъ. Наконецъ есть и еще объясненіе, почему остановились именно на этой системѣ. Вотъ что говоритъ объ этомъ самъ Шмерлингъ: «Двухъ важныхъ цѣлей желательно достигнуть образованіемъ палаты депутатовъ изъ лицъ, выбранныхъ сеймами. Вопервыхъ, провинціальные сеймы не будутъ имѣть никакой причины бояться, что ихъ значеніе будетъ подавлено рейхсратомъ; вовторыхъ, законы, вышедшіе изъ рейхсрата, не встрѣтятъ оппозиціи со стороны тѣхъ собраній, которымъ онъ одолженъ своимъ существо-

ваніемъ». Значитъ, на рейхсратъ все-таки смотрятъ, какъ на учрежденіе, которое можетъ подавить провинціальные сеймы, а вмѣстѣ съ ними и ту силу, которой они служатъ представителями. Будетъ ли дѣйствительно достигнута эта первая цѣль — объ этомъ судить теперь трудно: новыя учрежденія пока только на бумагѣ; а какъ они будутъ дѣйствовать—еще никто не знаетъ. Можетъ-быть, предохранительныя мѣры окажутся недостаточными. Что же касается втораго предположенія Шмерлинга, то неосновательность его даже и теперь очень-ясна и не требуетъ доказательствъ. Въ рейхсратѣ будутъ представителями члены не одного какого-нибудъ провинціальнаго сейма, а всѣхъ пятнадцати; какой-нибудь законъ, обсуживаемый рейхсратомъ, будетъ, положимъ, поддержанъ представителями нѣмецкихъ земель, а галицкіе депутаты будутъ при этомъ въ оппозиціи; но законъ рейхсратомъ принятъ, потому-что галицкіе депутаты оказались въ меньшинствѣ, а нѣмецкіе—въ большинствѣ. Что скажетъ тогда галицкій сеймъ? Неуже-ли онъ такъ и подчинится рѣшенію рейхсрата на томъ основаніи, что этотъ рейхсратъ одолженъ, между-прочимъ, и галицкому сейму своимъ существованіемъ? Какъ ни повернете, какъ ни поставьте вопросъ, а окажется, что одинъ парламентъ, или рейхсратъ для всей Австрійской Имперіи непремѣнно будетъ подавлять и провинціальные сеймы, и національности, и мѣстную автономію.

Вотъ отчего получаетъ особенную, первостепенную важность вопросъ о томъ, какъ раздѣлены будутъ занятія между земскими сеймами и общимъ, центральнымъ представительнымъ собраніемъ. Здѣсь уже никакъ нельзя было слѣдовать примѣру Англіи, потому-что тамъ нѣтъ ничего похожаго на провинціальные сеймы; здѣсь надобно было брать во вниманіе одно изъ двухъ: или живыя потребности различныхъ странъ и народовъ, общественные интересы и условія, или же держаться старыхъ преданій австрійскаго правительства, старыхъ его принциповъ, прикрывъ ихъ новыми формами, новыми либеральными орнаментами. Дѣло въ томъ, что отъ старой системы управленія Австрія теперь отказывается, но отъ старыхъ тенденцій, отъ стремленія сосредоточить всю государственную жизнь въ центрѣ она не отказывается и не можетъ отказаться. Абсолютная ли, или представительная Австрія, но все-таки она административно-централизованное государство. «Основные законы» Шмерлинга нисколько не должны разрушить этой административной централизаціи; хорошо бы еще — думалъ Шмерлингъ — еслибъ ими можно было ее усилить. Объ этомъ мы, впрочемъ, скажемъ еще послѣ; теперь же воз-

вратимся къ раздѣленію занятій между земскими сеймами и имперскимъ центральнымъ рейхсратомъ. Понятно само-собою, что въ этомъ распредѣленіи на долю сеймовъ должно было достаться очень-мало, а на долю рейхсрата — возможно-болѣе. «Кругъ дѣйствія рейхсрата (говоритъ основный законъ) обнимаетъ всѣ предметы законодательства, относящіеся къ правамъ, обязанностямъ и интересамъ, которые общи всѣмъ королевствамъ и областямъ. Сюда принадлежатъ: a) всѣ дѣла, относящіяся до вида, способа и порядка отправленія военной повинности; b) всѣ дѣла, относящіяся до денежной, кредитной и монетной системы, до банковыхъ билетовъ, пошлинъ, торговли, до основныхъ правилъ системы почтъ, желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ; c) вообще всѣ финансовыя дѣла, въ частности — представленіе государственнаго бюджета, ревизія финансовыхъ отчетовъ, результатовъ дѣятельности финансоваго управленія, новые займы, превращеніе (Convertitung) существующихъ государственныхъ долговъ, продажу, мѣну, залогъ недвижимаго государственнаго имущества, возвышеніе существующихъ и принятіе новыхъ податей и налоговъ. За исключеніемъ этихъ дѣлъ, вѣдѣнію тѣснаго рейхсрата (о томъ, что̀ такое этотъ тѣсный рейхсратъ, скажемъ ниже) принадлежатъ всѣ предметы законодательства, которые въ земскихъ статутахъ не отнесены прямо къ вѣдомству отдѣльныхъ земскихъ сеймовъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда возникнетъ сомнѣніе, подлежитъ ли дѣло вѣдѣнію отдѣльнаго земскаго сейма или рейхсрата, рѣшаетъ императоръ, по представленію тѣснаго рейхсрата». Изъ этого видно, какъ мало остается на долю земскихъ сеймовъ. Въ управленіе военное и финансовое они не имѣютъ права вмѣшиваться; это бы еще ничего. Штирія, Каринтія, Гёрцъ противъ этого спорить, конечно, не будутъ. Какъ быть только съ Венгріей? Но мы не знаемъ, какую нужно имѣть мудрость для того, чтобъ, при разнообразіи частей Австрійской Имперіи, при общемъ ихъ стремленіи идти врозь, при централизаціонныхъ стремленіяхъ вѣнскаго правительства, опредѣлить мирно и полюбовно, гдѣ оканчивается частное, гдѣ начинается общее, что̀ составляетъ интересъ мѣстный и подлежащей, по этому, рѣшенію провинціальнаго сейма, что̀ составляетъ интересъ общій, всей Имперіи, и подлежитъ разсмотрѣнію рейхсрата и утвержденію императора. На сколько можно судить о положеніи Австріи, которое идетъ не со вчерашняго дня и кончится не завтра, въ ней нѣтъ такого интереса, нѣтъ такого дѣла, которое не было бы и дѣломъ частнымъ, мѣстнымъ и въ глазахъ вѣнскаго правительства не являлось бы вмѣстѣ

съ тѣмъ дѣломъ общимъ, требующимъ распоряженій общихъ, изъ центра. Какъ раздѣлить эти два рода интересовъ? Вѣдь здѣсь нужна, съ какой-нибудь стороны, коренная перемѣна въ способѣ воззрѣнія. Ужъ, конечно, «Основные законы Имперіи» вышли не изъ этого измѣнившагося воззрѣнія.

Императоръ назначаетъ президента и вицепрезидентовъ въ каждую палату изъ среды ея членовъ. Всѣ прочіе чиновники выбираются самими палатами. Рейхсратъ будетъ созываемъ ежегодно. Правительство представляетъ рейхсрату проекты законовъ; по его членамъ также принадлежитъ право, по предметамъ, находящимся въ его вѣдомствѣ, дѣлать законодательныя предложенія; это — совершенно-поанглійски и до того либерально, что даже французскій декретъ 24-го ноября не предоставилъ подобнаго права французскимъ палатамъ. Если въ то время, когда собранія рейхсрата закрыты, министерствомъ будутъ приняты важныя мѣры, то оно обязано, по открытіи его засѣданій, объяснить ему побудительныя причины своихъ дѣйствій. Это также, безъ-сомнѣнія, заимствовано изъ англійской государственной практики. Жаль только, что Шмерлингъ позабылъ добавить къ этой статьѣ два другія положенія, выработанныя также англійскою государственною практикою, положенія, безъ которыхъ начало, вводимое этою статьею, врядъ-ли окажется началомъ живымъ и дѣятельнымъ. Въ «Основныхъ законахъ» ничего не говорится ни объ отвѣтственности министровъ предъ палатами, ни о прекращеніи того способа законодательной дѣятельности, который до-сихъ-поръ исключительно господствовалъ въ Австріи.

Для законности рѣшенія необходимо абсолютное большинство въ рейхсратѣ. Предложенія же объ измѣненіяхъ въ основныхъ законахъ должны быть поддержаны большинствомъ, по-крайней-мѣрѣ, двухъ третей голосовъ въ обѣихъ палатахъ. Такимъ-образомъ въ основныхъ законахъ могутъ быть допущены даже измѣненія, слѣдовательно, признается прогрессивное начало для австрійской конституціи. Члены палаты депутатовъ не получаютъ никакихъ инструкцій отъ своихъ избирателей; всѣ они подаютъ голоса лично. Императоръ можетъ найти нужнымъ отсрочить засѣданія рейхсрата или распустить палату депутатовъ. Въ случаѣ распущенія, избирается новая палата узаконеннымъ порядкомъ. Но какой назначается срокъ для созванія новаго рейхсрата — объ этомъ сохраняется полное молчаніе. Министры, придворные канцлеры и начальники центральныхъ вѣдомствъ имѣютъ

право принимать участіе во всѣхъ совѣщаніяхъ и дѣлать отъ себя предложенія или лично, или чрезъ посредство кого-либо изъ депутатовъ. Здѣсь опять англійскій образецъ, и опять значительный прогресъ сравнительно съ порядкомъ, существующимъ во Франціи, гдѣ собственно министры не участвуютъ въ совѣщаніяхъ собраній. Министры въ австрійскихъ палатахъ имѣютъ право произносить рѣчи, даже участвовать при подачѣ голосовъ, если они члены палаты. Засѣданія обѣихъ палатъ рейхсрата — публичныя; но если палата потребуетъ, они дѣлаются секретными.

Вмѣстѣ съ тѣмъ прежній государственный совѣтъ особымъ рескриптомъ императора распущенъ, а вмѣсто него будетъ образованъ новый «Staatsrath», новый государственный совѣтъ, изъ членовъ, по назначенію императора. Его дѣло содѣйствовать правительству своими совѣтами при изготовленіи законодательныхъ проектовъ, которые чрезъ министровъ будутъ вносимы въ палаты.

Вотъ содержаніе новыхъ австрійскихъ основныхъ законовъ. Безъ-сомнѣнія, это полная конституція, которая для теоретика покажется весьма-удовлетворительною, даже хорошею конституціею. Все, что составляетъ принадлежность хорошей конституціи, все это внесено въ австрійскій учредительный актъ. Правда, она во многомъ не доросла до конституціи англійской, но за-то сильно переросла французскую. Недостатки, отъ которыхъ несвободно каждое дѣло рукъ человѣческихъ, легко можно будетъ исправить; сами «Основные законы» открываютъ для этого полную возможность: достаточно большинства двухъ третей въ собраніи, и можно будетъ измѣнить, можно будетъ дополнить, чѣмъ угодно, этотъ учредительный актъ. Послѣ этого Австрія, многіе подумаютъ, можетъ идти по своему новому пути: у нея есть исходный пунктъ.

Въ такомъ видѣ являются австрійскія учрежденія 26-го февраля съ точки зрѣнія теоріи; но если мы позабудемъ на-время о теоріи и перенесемся въ живую среду австрійской государственной жизни, то дѣло намъ представится въ совершенно-иномъ видѣ.

Замѣтимъ прежде всего одинъ интересный фактъ. «Основные Законы» Шмерлинга—это, безъ-сомнѣнія, такое благодѣяніе для австрійскихъ народовъ, о которомъ за два года предъ этимъ они не смѣли думать. Поэтому можно было ожидать, что съ одного и до другаго конца Австріи ихъ встрѣтятъ съ радостнымъ восторгомъ, съ изъявле-

ніями благодарныхъ чувствъ. Ничего подобнаго, однакожь, не было. Правда, вѣнскіе нѣмцы прочли *Actenstücke* не безъ удовольствія; но этого далеко нельзя сказать о другихъ народахъ и частяхъ Австрійской Имперіи. Вообще о конституціи говорятъ очень-мало; ею интересуются слабо; ей не придаютъ большаго значенія. Газеты, говоря о ней по обязанности, указываютъ преимущественно на ея слабыя стороны. Въ Богеміи и Галиціи прямо высказалось неудовольствіе. Но для дальнѣйшей судьбы этой конституціи важнѣе всего было, чтò скажетъ о ней Венгрія? Подъ императорскимъ рескриптомъ 26-го февраля подписались всѣ министры, исключая венгерскаго канцлера, барона Вая. На другой день по обнародованіи рескрипта, офиціальная *Вѣнская газета* нашла нужнымъ объявить, что Вай не подписался потому, что онъ боленъ. Этому, однакожь, никто не повѣрилъ, ибо всѣ знали, что Вай здоровъ, и знали очень-хорошо причину, почему онъ не подписался. О баронѣ Ваѣ мы уже много говорили. Онъ хотя и явился посредникомъ между австрійскимъ правительствомъ и Венгріею, но никакъ не могъ взять на себя отвѣтственность за то положеніе, которое создавали для его страны австрійскіе «Основные законы». Венгрія, въ которой теперь снова соединились всѣ партіи, съ безпримѣрнымъ единодушіемъ отвергла конституцію и рѣшилась не посылать отъ себя депутатовъ въ австрійскій рейхсратъ.

Австрійскіе основные законы 26 февраля суть ничто иное, какъ новая, очень-смѣлая и рѣшительная попытка австрійскаго правительства въ борьбѣ съ внутренними опасностями и затрудненіями, постоянно растущими и усиливающимися. Было, еще недавно было время, когда народы, населяющіе Австрію, находили нужнымъ соединеніе въ одно большое цѣлое; теперь замѣчается у нихъ другое стремленіе, прямо противоположное первому. Соединеніе въ одно большое цѣлое оказалось для нихъ неудобнымъ, а выгоды, которыя доставляетъ это соединеніе, такъ, напримѣръ, рангъ первостепенной европейской державы, они не научилась цѣнить по достоинству. Народы Австріи, искусственно-сколоченные нѣкогда въ одно цѣлое, стремятся врозь; ея дѣло ихъ удержать въ прежнемъ политическомъ единствѣ. Прежнее средство — баховская система управленія — оказалось для этого недостаточнымъ. Духъ времени потребовалъ либеральныхъ учрежденій. Австрія неохотно, но, наконецъ, обратилась къ нимъ. Не помогутъ ли они ей побороть противогосударственныя—какъ навѣрное сказалъ бы одинъ историкъ—стремленія ея различныхъ народовъ?

Что съ этой точки зрѣнія смотритъ австрійское правительство на

свои реформы—это не требуетъ доказательствъ. Мы уже видѣли, въ какія узкія рамки стараются поставить дѣятельность провинціальныхъ сеймовъ, какъ сильно заботятся, чтобъ возможно-больше отдать центральному органу и возможно-меньше органамъ провинціальнымъ. Но лучше всего это видно на томъ отношеніи, въ которое ставится Венгрія къ новому австрійскому рейхсрату.

О желаніяхъ, интересахъ, правахъ Венгріи мы уже говорили очень-много въ нашихъ прежнихъ статьяхъ, чтобъ снова возвращаться къ сказанному прежде. Но главное содержаніе сказаннаго нами мы считаемъ нужнымъ напомнить. Мы уже знаемъ, что Венгрія желаетъ самостоятельнаго управленія и самостоятельнаго законодательства; она желаетъ, чтобъ у нея былъ особенный, совершенно-независимый отъ Австріи сеймъ и особенное венгерское министерство, отвѣтственное только предъ венгерскимъ сеймомъ. Связь съ Австріей должна остаться только, такъ называемою, личною связью, то-есть, австрійскій императоръ долженъ быть для Венгріи только конституціоннымъ венгерскимъ королемъ, а не австрійскимъ императоромъ. Еслибъ это было только простымъ желаніемъ Венгріи, а не болѣе, то и тогда оно имѣло бы громадное значеніе, потому-что его единодушно раздѣляетъ весь народъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, историческія обстоятельства такъ сложились въ Венгріи, что это ея желаніе находитъ себѣ твердую опору въ преданіяхъ, въ старыхъ учрежденіяхъ, въ законахъ страны, до-сихъ-поръ неуничтоженныхъ даже формально и твердо-живущихъ въ народномъ сознаніи. Австрійское правительство недавно само нашло нужнымъ обратиться къ этой венгерской старинѣ, вспомнить старые венгерскіе законы, воззвать къ прагматической санкціи. Желанія венгровъ опираются, слѣдовательно, на историческое право.

Дипломъ 20 октября возстановлялъ венгерскій сеймъ, венгерское мѣстное самоуправленіе, но отнималъ у венгровъ завѣдываніе войсками и финансами. Мы уже знаемъ, какъ они отозвались на эту мѣру; во имя своихъ старыхъ правъ они протестовали противъ ограниченій, объявили, что не хотятъ отдать своихъ финансовъ и своего войска въ распоряженіе вѣнскаго правительства. Явился императорскій рескриптъ, исполненный угрозъ; венгерскіе комитаты отвѣчали на него новыми протестами, отстаивая права Венгріи на полную самостоятельность. Въ такомъ положеніи были дѣла, когда явились «Основные законы» 26 февраля.

Изъ нихъ увидѣла Венгрія, что австрійское правительство дѣйстви-

тельно осталось при своихъ прежнихъ намѣреніяхъ; что оно не обратило вниманія на единодушныя желанія Венгріи, на ея историческія права. Венгерскій сеймъ въ своихъ правахъ ничѣмъ не будетъ отличаться отъ простаго провинціальнаго сейма въ имперіи; онъ также, какъ и другіе, долженъ посылать депутатовъ въ австрійскій рейхсратъ; онъ не имѣетъ права разсуждать о финансахъ и о войскѣ, потому-что эти дѣла вѣдаются рейхсратомъ. Венгрія, значитъ, не будетъ имѣть ни своихъ финансовъ, ни своего войска, а, какъ простая провинція, будетъ отдавать свои деньги и своихъ людей по требованію вѣнскаго правительства и по рѣшенію рейхсрата. Ей, слѣдовательно, не длячего будетъ имѣть свое особенное министерство. Что жь станется, послѣ этого, съ ея стремленіемъ къ самостоятельному управленію? Чтобъ показать ей, однакожь, что на нее смотрятъ, какъ на привилегированную нѣкоторымъ образомъ провинцію, отличную отъ чисто-австрійскихъ земель, въ «Основные законы» внесено одно весьма-интересное постановленіе. Въ полномъ своемъ составѣ палата депутатовъ австрійскаго рейхстрата будетъ разсматривать только такія дѣла, которыя равно касаются какъ нѣмецкихъ, славянскихъ земель, такъ и венгерскихъ; когда же эти дѣла будутъ рѣшены, тогда депутаты отъ венгерскихъ земель должны удалиться; рейхстратъ съ-этихъ-поръ получаетъ названіе тѣснаго рейхсрата (der enge Reichsrath) и разсматриваетъ уже только дѣла, касающіяся нѣмецкихъ и славянскихъ земель. Этой привилегіей удалиться изъ Вѣны раньше другихъ депутатовъ и не заниматься дѣлами славянъ и нѣмцевъ думали, безъ-сомнѣнія, вознаградить венгровъ за то, что ихъ желанія невполнѣ исполнены.

Мы уже знаемъ, какъ рѣшились дѣйствовать венгры. Въ настоящее время у нихъ происходятъ выборы въ ихъ народный сеймъ. Они производятся съ удивительнымъ единодушіемъ: все показываетъ, что народъ рѣшился энергично отстаивать свои права. Въ депутаты избираютъ преимущественно умѣренныхъ либераловъ, то-есть такихъ людей, которые желаютъ вести борьбу съ Австріей на законной, конституціонной почвѣ; а у венгровъ такая почва существуетъ. Планъ этой борьбы слѣдующій. На законы 26 февраля Венгрія не обращаетъ вниманія; ихъ для нея какъ-будто не существуетъ. Ихъ, вопервыхъ, не подписалъ венгерскій канцлеръ; но, кромѣ этой причины, есть и другія болѣе-важныя, дающія венграмъ право поступать такъ, какъ-будто новой австрійской конституціи вовсе не было. Императоръ австрійскій еще не короновался венгерскою короною; онъ, слѣдовательно, не

король венгерскій. Чтобъ быть венгерскимъ королемъ, онъ долженъ пріѣхать въ Пестъ или въ Буду, короноваться тамъ венгерскою короною и дать клятву исполнять венгерскіе законы; но, чтобъ приступить къ этому акту, нужно имѣть разрѣшеніе отъ венгерскаго сейма: сеймъ можетъ ему и не дать этого разрѣшенія, пока онъ не утвердитъ всѣхъ старыхъ венгерскихъ правъ. Вотъ отчего, опираясь на свои старые законы, венгры не хотятъ знать новой австрійской конституціи и не хотятъ посылать своихъ депутатовъ въ австрійскій рейхсратъ. Къ этому надобно прибавить, что они продолжаютъ отказывать австрійскому правительству въ уплатѣ податей.

Все показываетъ, что венгры будутъ стойки въ своей пассивной оппозиціи. Это значитъ, что, рано или поздно, австрійскому правительству придется начать первому. Такое начало развязки дѣйствительно неизбѣжно, если только венгры не увлекутся. Но многочисленные симтомы показываютъ, что отъ необдуманнаго увлеченія они очень-далеки. Все показываетъ, что начало развязки близко: натянутое состояніе не можетъ продлиться въ даль. Венгрія сама не начнетъ; австрійцы, между-тѣмъ, усиливаютъ гарнизоны своихъ крѣпостей, лежащихъ въ Венгріи, наполняютъ ее своими войсками.

Намъ кажется, что, послѣ всего сказаннаго нами, смыслъ шмерлинговыхъ узаконеній довольно-ясенъ, а также врядъ ли подлежитъ сомнѣнію и та судьба, которая ожидаетъ это узаконеніе. Съ прискорбіемъ допустивъ либеральные орнаменты, прибѣгши подъ покровъ либеральныхъ принциповъ, сохранить, во что бы ни стало, единую и нераздѣльную Австрійскую Имперію, съ тяготѣніемъ центра надъ частями, съ подавленіемъ частей и національностей—вотъ цѣль послѣднихъ либеральныхъ австрійскихъ реформъ. Такъ-какъ главную оппозиціонную силу представляетъ Венгрія, то эту силу задумали парализовать, поднявши уровень политическихъ правъ другихъ частей имперіи, нѣмецкихъ и славянскихъ земель. Имъ, дѣйствительно, предлагаютъ довольно-много. Но, можетъ-быть, они скоро поймутъ, что за предполагаемыми имъ выгодами стоитъ новаго рода опасность—опасность для мелкихъ народностей быть задавленными болѣе крупною и сильною народностью. Это понимаютъ въ нѣкоторыхъ изъ славянскихъ земель Австріи. Но главный камень преткновенія все-таки составляетъ Венгрія. Ея единодушная оппозиція составляетъ замѣчательную противоположность тѣмъ явленіямъ, которыхъ сценою была почти вся Западная Европа въ 1848 году. Тогда дѣйствовало увле-

ченіе, происходилъ взрывъ, въ минуту разрушавшій, но очень-скоро терявшій свою силу; теперь дѣло идетъ тихо—ни увлеченій, ни взрывовъ нѣтъ, но незамѣтно для глазъ выростаютъ силы, которыя мало-помалу завладѣваютъ почвой. Венгрія ведетъ борьбу, ни мало непохожую на все то, что̀ бывало прежде; она, шагъ за шагомъ, отнимаетъ почву у своего противника, а сама не трогается, только все больше-и-больше собирается съ силами.

IV.

Перепечатываемъ изъ 50 № *Санктпетербургскихъ Вѣдомостей* (2-го марта) свѣдѣнія о событіяхъ, происшедшихъ въ Варшавѣ.

«Съ наступленіемъ 13 (25) февраля, годовщины сраженія при Гроховѣ, по поводу которой иностранныя газеты уже съ нѣкотораго времени предрекали публичную манифестацію въ Варшавѣ, распространился слухъ, что жители столицы, предшествуемые цехами, съ ихъ значками, соберутся на Гроховской Площади, для присутствованія при богослуженіи, и что начальство, съ своей стороны, намѣрено послать туда два батальйона, въ память русскихъ, павшихъ на полѣ битвы.

«За два дня до назначеннаго числа были прибиты объявленія, возвѣщавшія общій сборъ въ 6 часовъ вечера, съ факельною процессіею черезъ городъ.

«Полиція, будучи предувѣдомлена, арестовала одного изъ составителей объявленій, а онъ выдалъ своихъ соучастниковъ. Отданы были необходимыя приказанія, и цехи предостережены. Полагали, что демонстрація не состоится. Однако 13 (25) февраля значительное число лицъ отправилось послѣ обѣда въ церковь Паулиновъ, близь стараго города, и около 5 часовъ вечера густая толпа стеклась на площадь и прилегающія къ ней мѣста. Полиція употребляла всѣ возможныя убѣжденія, чтобъ заставить толпу разойтись, но тщетно; между-тѣмъ, около 7 часовъ, на улицѣ Gołębia, выходящей на площадь, показалась процесія съ революціоннымъ знаменемъ, значками и факелами.

«Толпа, несмотря на увѣщанія полиціи разойтись, продолжала подвигаться. А какъ предвидѣлось много несчастій отъ свалки, могущей произойти въ узкой улицѣ, то толпѣ дозволили выйдти на площадь; за нею приказано было слѣдовать жандармамъ, собраннымъ на всякій случай.

«Начальстве, желая употребить всѣ мѣры примиренія, снова побуждало толпу разойтись. Зачинщики отвѣчали на это нападеніемъ, съ значками и факелами въ рукахъ, на жандармовъ, пролагая такимъ образомъ себѣ путь; но они были отражены саблями плашмя, и въ нѣсколько мгновеній сборище разсѣялось. Несмотря на значительную толпу людей, несчастныхъ случаевъ при этомъ оказалось мало. Никто не погибъ и, сколько до-сихъ-поръ извѣстно, немногіе получили важныя поврежденія.

«Нѣсколько изъ подстрекателей было задержано. У арестованныхъ найдены прокламаціи Мирославскаго и портреты революціоннаго начальника 1794 года, башмачника Килинскаго.

«Этихъ указаній достаточно, чтобъ обозначить происхожденіе и характеръ манифестаціи.

«Въ виду плачевныхъ послѣдствій, которыя эта манифестація могла имѣть, быстрое ея прекращеніе произвело общее удовольствіе.

»Но это вовсе не соотвѣтствовало цѣли, которую предположили себѣ зачинщики. А потому на другой же день они усиливались возбудить возмущеніе; для чего распространили самые ложные слухи, между-прочимъ, что значительное число лицъ будто было убито и ранено, и являлись на улицахъ въ трауре.

«Слѣдствіемъ этого было то, что 15 (27) февраля образовались многочисленныя сборища. Около часу пополудни они соединились на Сигизмундовой Площади и направились къ Краковскому Предмѣстью, съ намѣреніемъ идти ко дворцу намѣстника, гдѣ въ то время имѣло засѣданіе Земледѣльческое Общество.

«Полиціи и жандармамъ отданъ былъ приказъ разсѣять толпу, не употребляя, впрочемъ, оружія. Погребальная процессія, шедшая по этой самой улицѣ, смѣшалась съ толпою, участвовавшею въ манифестаціи, и увеличила тѣсноту.

«Обстоятельство это, однако, не повело бы къ столкновенію, еслибъ рота пѣхоты не вышла вдругъ съ противоположной стороны, въ самомъ узкомъ мѣстѣ предмѣстья, гдѣ ее стѣснила толпа и скопившіеся экипажи. Въ это время начали бросать на солдатъ каменьями.

«Высшее начальство до такой степени заботилось объ избѣжаніи всякаго столкновенія, что даже ни у одного солдата не было заряженнаго ружья. Но при такомъ нападеніи, войско оскорбленное должно было дѣйствовать; солдатамъ приказано было зарядить ружья въ виду

толпы, и первый взводъ выстрѣлилъ. Шесть человѣкъ убито и шесть ранено.

«Этимъ кончились покушенія на безпорядки.

«Однакоже, волненіе умовъ не прекращалось.

«Февраля 16 (28), варшавскій архіепископъ Фіалковскій, въ сопровожденіи трехъ другихъ лицъ, представилъ генералъ-адъютанту князю Горчакову прошеніе на Высочайшее имя.

«Мы его приводимъ вполнѣ:

«Государь.

«Горестныя происшествія, случившіяся недавно въ Варшавѣ, раздраженіе, предшествовавшее имъ и послѣдовавшее за ними, глубокая скорбь, проникшая всѣ сердца, побудили насъ повергнуть настоящее прошеніе къ стопамъ Вашего Величества отъ имени всей страны, въ надеждѣ, что Ваше благородное сердце, Государь, не отвергнетъ гласъ несчастнаго народа.

«Эти событія, которыхъ горькія сцены мы удерживаемся описывать, вовсе не были вызваны разрушительными страстями отдѣльныхъ классовъ населенія; напротивъ-того, они составляютъ единодушное и краснорѣчивое выраженіе чувствъ отвергнутыхъ и нуждъ непризнанныхъ. Болѣе полустолѣтія страданій, претерпѣваемыхъ всѣмъ народомъ, управлявшимся въ-теченіе вѣковъ учрежденіями либеральными; народомъ, у котораго отняты были даже законные пути для принесенія Монарху жалобъ и выраженія общихъ нуждъ—все это поставило его въ такое положеніе, что онъ не можетъ иначе проявить свой голосъ, какъ стономъ жертвъ. А потому онъ и не перестаетъ приносить эти жертвы.

«Въ глубинѣ души каждаго жителя этой несчастной страны хранится сильное чувство особенной національности, отличной отъ національностей другихъ народовъ Европы. Это чувство не сокрушено ни временемъ, ни событіями; несчастіе не только не ослабило, но укрѣпило его. Все, что оскорбляетъ или вредитъ ему, волнуетъ умы. Вслѣдствіе того, это роковое вліяніе подорвало всякое довѣріе между правителями и управляемыми.

«Довѣріе не можетъ возродиться, пока будутъ употребляемы насильственныя, принудительныя мѣры, неведущія ни къ какому результату. Страна, нѣкогда стоявшая въ-уровень, по образованію, съ своими сосѣдями въ Европѣ, не въ состояніи развиваться ни морально, ни ма-

теріально, доколѣ ея церковь, законодательство, публичное воспитаніе и вся ея общественная организація будутъ лишены своей національности и своихъ историческихъ преданій.

«Желанія нашего народа тѣмъ сильнѣе, что въ огромной европейской семьѣ, въ настоящее время, онъ только почти одинъ лишенъ необходимыхъ условій существованія, безъ которыхъ никакое общество не можетъ идти по пути развитія, указаннаго Провидѣніемъ.

«Повергая къ стопамъ трона выраженіе нашей скорби и нашихъ пламенныхъ желаній, и вѣря въ высокую справедливость и правосудіе Вашего Императорскаго Величества, мы осмѣливаемся, Государь, взывать къ Вашему великодушію.»

Варшава.
27 февраля 1861 г.

Намѣстникъ Царства Польскаго испрашивалъ по этому случаю Высочайшаго повелѣнія, и Его Императорское Величество удостоилъ его слѣдующимъ Высочайшимъ рескриптомъ отъ 25 февраля:

«Князь Михаилъ Дмитріевичъ.

«Я читалъ прошеніе вами ко Мнѣ препровожденное. Оно могло бы быть оставлено вовсе безъ вниманія, какъ мнѣніе нѣсколькихъ лицъ, которыя, подъ предлогомъ возбужденныхъ на улицахъ безпорядковъ, присвоиваютъ себѣ право осуждать произвольно весь ходъ государственнаго управленія въ Царствѣ Польскомъ. Но Я готовъ видѣть во всемъ этомъ одно лишь увлеченіе.

«Всѣ заботы Мои посвящены дѣлу важныхъ преобразованій, вызываемыхъ въ Моей Имперіи ходомъ времени и развитіемъ общественныхъ интересовъ. Тѣ же самыя попеченія распространяются безпредѣльно и на подданныхъ Моихъ въ Царствѣ Польскомъ. Ко всему, что̀ можетъ упрочить ихъ благосостояніе, Я никогда не былъ и не буду равнодушнымъ.

«Я уже на дѣлѣ доказалъ имъ Мое искреннее желаніе распространить и на нихъ благотворныя дѣйствія улучшеній истинно-полезныхъ, существенныхъ, постепенныхъ. Неизмѣнны пребудутъ во Мнѣ таковыя желанія и намѣренія, и потому Я въ правѣ ожидать, что попеченія Мои не будутъ затрудняемы, ни ослабляемы требованіями несвоевременными или преувеличенными и несовмѣстными съ настоящими пользами Моихъ подданныхъ. Я исполню всѣ Мои обязанности. Но ни въ какомъ случаѣ не потерплю нарушенія общественнаго порядка. На такомъ основаніи

созидать что-либо невозможно. Всякое начало, порожденное подобными стремленіями, произноситъ самому себѣ осужденіе. Я не допущу до сего. Не допущу никакого вреднаго направленія, могущаго затруднить или замедлить постепенное правильное развитіе и преуспѣяніе благосостоянія сего края, которое будетъ всегда и постоянно цѣлью Моихъ желаній и попечительности.»

На подлинномъ, собственною Его Императорскаго Величества рукою, написано:

Вашъ доброжелательный

«АЛЕКСАНДРЪ».

Въ Санктпетербургѣ,
февраля 25 дня 1861 года.

«Оканчивая изложеніе этихъ событій, мы, къ удовольствію нашему, можемъ присовокупить, что съ 15 (27) февраля до сегодняшняго дня общественное спокойствіе въ Варшавѣ не было нарушено».

КРИТИКА.

ПО ПОВОДУ РАЗСКАЗОВЪ МАРКА ВОВЧКА.

«Произведенія природы суть безсознательныя произведенія, похожія на сознательныя; эстетическое произведеніе художника—сознательное произведеніе, похожее на безсознательныя».

Мнѣніе Шеллинга, въ исторіи философіи Швеглера (стр. 211).

I.

Нигдѣ паразитство мысли не производитъ впечатлѣнія, до такой степени вреднаго по своей непріятности, какъ въ бельлетристикѣ. На другихъ поприщахъ оно можетъ быть скромно и полезно, здѣсь оно невыносимо. Посредственный, но честный врачъ, скромный, даже умѣренно-храбрый военный, трудолюбивый, недалекій чиновникъ — совершенно на своемъ мѣстѣ. Ихъ дѣло служитъ орудіями чужихъ идей въ практической жизни, и узкій путь ихъ можетъ быть благороденъ. Здравый смыслъ массъ знаетъ это очень-хорошо. Мы можемъ осуждать нашихъ практическихъ дѣятелей, мѣряя ихъ гражданскимъ идеаломъ; но въ жизни мы часто радуемся и на нихъ, глядя на ихъ хлопоты. Литература—иное дѣло; c'est un art sublime, ou le plus vil des métiers (не помню имени француза, который это сказалъ).

Подъ словомъ art sublime мы разумѣемъ не только произведенія великихъ писателей, но и все то, гдѣ сама красота является, какъ фактъ, или гдѣ замѣняютъ ее глубина мысли, новизна направленія, свѣжесть остроумія. Но что̀ сказать о всѣхъ этихъ друзьяхъ прогреса, пишущихъ народныя, обличительныя и любовныя повѣсти? Обо всѣхъ этихъ описаніяхъ сюртуковъ, фраковъ, носовъ, пуговицъ, ка-

кого-нибудь жилища дьячка, обо всѣхъ перечисленiяхъ травъ, цвѣтовъ, кустовъ (жалкое подражанiе Тургеневу!). Зачѣмъ наши журналы не имѣютъ смѣлости отказаться отъ бельлетристики вообще, уничтожить самое это слово и оставить только поэзiю? Лучше разъ въ годъ такая вещь, какъ «Наканунѣ», «Первая любовь», «Семейное счастiе» (Толстаго), «Игрушечка» Марка Вовчка, чѣмъ весь этотъ сбродъ, въ которомъ нѣтъ ни реальной, ни эстетической правды. Всѣ эти, отцы — консерваторы, сыновья — безхарактерные прогресисты, чистыя и сильныя дѣвушки, мошенники на слѣдствiяхъ, это топорное подлаживанiе подъ народный разговоръ... кому все это нужно? И какое имя дать всему этому? Чѣмъ это лучше прежнихъ Владимiровъ, Леонидовъ, графинь, французскихъ кинжаловъ и страстей? Я увѣренъ, что всѣ эти авторы съ презрѣнiемъ смотрятъ на Монте-Кристо и романы Поль-де-Кока; но въ послѣднихъ есть по-крайней-мѣрѣ жизнь, бездна движенiя, ума; Поль-де-Кокъ не умретъ: онъ имѣетъ личность; онъ литературный типъ. Дюма, положимъ, въ высшей степени вредное явленiе, развратитель искусства, и наши бездарности, конечно, скромнѣе и безобиднѣе, но за-то тупѣе и скучнѣе его.

И какова же радость, каково изумленiе читателя, который почти отвыкъ разрѣзывать въ журналахъ повѣсти, когда онъ вдругъ встрѣчаетъ «Игрушечку» и «Червоннаго короля» въ «Русскомъ Вѣстникѣ», «Институтку» въ «Отечественныхъ Запискахъ?» Что жь поставило Марка Вовчка на такую высоту, что дало его повѣстямъ такую глубокую оригинальность, поставило, въ нѣкоторыхъ отношенiяхъ, даже выше самыхъ любимыхъ, самыхъ огромныхъ талантовъ нашихъ? Содержанiе? главное направленiе идей? Едва-ли.

Сначала, читая первую книжку, переведенную Тургеневымъ, мы думали, что какiя-нибудь особенности малороссiйскаго языка, необогащеннаго и неиспорченнаго научнымъ оттѣнкомъ, придаютъ особый складъ, особую наивность и теплоту переводу; мы думали, что малороссiйскiй языкъ придаетъ новыя силы нашему, точно такъ, какъ нѣмецкая мысль, переведенная на французскiй языкъ (напримѣръ, Гумбольдтъ), придаетъ самому французскому языку непривычную глубину, музыкальность. Быть-можетъ, и есть доля правды въ нашемъ предположенiи относительно первой книжки; содержанiемъ она ниже второй; мила, тепла, свѣжа, но однообразна, какъ народная пѣснь. Но вторая книжка, «Червонный король» и «Институтка» доказали, что такое объясненiе слишкомъ-ничтожно. Правду сказалъ Шлейденъ: «красота не мѣряется, не познается, она только *узнается!*» Но можно стараться опредѣлить, при какихъ условiяхъ является красота, въ ка-

кихъ частныхъ случаяхъ люди извѣстнаго возраста, извѣстнаго уровня образованія получаютъ впечатлѣніе красоты. Дѣти и простолюдины будутъ непремѣнно ощущать то же, достигнувъ до извѣстнаго уровня. Личныя отклоненія вкуса очень-незначительны въ случаѣ истинной и полной красоты. Многіе, не довѣряя тихому волненію своему при чтеніи, или не отдавая себѣ въ немъ отчета, не называютъ прекрасными тѣхъ вещей, которыя не поражаютъ ихъ ни новымъ, рѣзкимъ отвлеченіемъ, ни настойчиво-напоминающими о себѣ подробностями; но стоитъ только указать имъ на вѣрность внутренняго ощущенія, и они согласятся съ нами.

Въ первыхъ повѣстяхъ не было той полноты, пестроты въ лицахъ, которыя мы встрѣчаемъ во второй книжкѣ и послѣднихъ повѣстяхъ. Отчего это? Присмотрѣвшись ближе, видимъ, что въ послѣднихъ чаще являются господа и жизнь становится разнообразнѣе. Въ «Игрушечкѣ», «Червонномъ Королѣ», «Институткѣ» господа играютъ роль даже бо́льшую, чѣмъ роль простолюдиновъ, хотя она вовсе не дѣлаетъ имъ чести. Она не дѣлаетъ имъ чести — это такъ; но вотъ что. Случалось ли вамъ входить въ небогатый домъ, гдѣ, однако, есть оттѣнокъ вкуса, гдѣ каждый предметъ, каждая утварь говорятъ объ умѣренномъ трудѣ, о любви хозяина, о томъ, что онъ цѣнитъ вещи сердцемъ. Хозяинъ разливаетъ свое чувство на предметы; вы предугадываете это; сравните же съ этимъ впечатлѣніемъ то, которое производятъ на васъ подробности обыкновеннаго богатаго жилища, недошедшаго ни до монументальности, ни до артистической роскоши. Вспомнимъ также тѣхъ авторовъ, которые изображаютъ намъ простыя мечты дѣтства: мечты эти въ дѣйствительной жизни въ глазахъ нашихъ (объективно) блѣднѣютъ передъ сложной, сознательной, вліяющей жизнью взрослаго; блѣднѣютъ тѣмъ болѣе, что и рѣдкія изъ дѣтей умѣютъ высказываться, и рѣдкіе изъ насъ умѣютъ говорить съ дѣтьми. Но съ какой новой силой встаетъ передъ нами привычный предметъ, когда мы глядимъ на него вмѣстѣ съ авторомъ изъ души ребёнка! Часы, которые спрашивали о здоровьѣ маленькаго Домби, швабра, или длинная щетка (не помню), которая гонялась по комнатамъ пустой школы за Копперфильдомъ, разные сорты пауковъ на мельницѣ и дома, которые наблюдала Магги («Мельница на Флосѣ») — подобныя явленія почти невозможно связать съ жизнью взрослаго; они будутъ неестественно-крупны рядомъ съ дѣйствительно-крупными чертами его внутренней жизни. Какой-нибудь каминъ, облака, шумъ вѣтра у ребёнка получаетъ другое значеніе; самое простое убранство комнаты можетъ для него быть и пышнымъ и много-зна-

чительнымъ. У героевъ Гомера два треножника, два барана, двѣ одежды имѣли больше смысла, теплоты, чѣмъ въ тысячу разъ бо̀льшее количество тѣхъ же предметовъ у Александра въ Вавилонѣ, или у Тиверія.

Неизбалованное, простое, свѣжее чувство дикаря, ребёнка, простолюдина, бѣдняка оригинально освѣщаетъ устарѣлые предметы и вдохновеніе многихъ писателей (можетъ-быть, безсознательно) пользовалось этимъ сильнымъ эстетическимъ средствомъ. Для Акакія Акакіевича шинель озарялась величіемъ; дворъ Екатерины едва очерченъ и съ самыхъ извѣстныхъ сторонъ въ повѣсти Гоголя «Ночь передъ Рождествомъ», однако онъ просто поражаетъ послѣ степныхъ святокъ. Кузнецъ Вакула освѣщаетъ для насъ эту легкую, знакомую, картину en raccourci. Для Шамиля балъ въ губернскомъ городѣ, театръ въ Москвѣ, конечно, имѣли не тотъ смыслъ, который они имѣютъ для насъ, и самые поверхностные газетные разсказы о его замѣткахъ при встрѣчѣ съ жизнью государства, еще не перваго по вкусу и цивилизаціи, заставляютъ задуматься и понять, что только излишняя близость и офиціальность дѣлаютъ такую поэтическую дѣйствительность недоступною для искусства.

Если самая дюжинная роскошь просвѣщенной жизни, если матеріальная ея сторона озаряется новымъ свѣтомъ, какъ я сказалъ, при встрѣчѣ съ низшими, болѣе дѣтскими формами духа, то понятно, что люди высшихъ классовъ еще болѣе должны оживляться въ произведеніяхъ, гдѣ героемъ или разскащикомъ является простолюдинъ. Прекраснымъ примѣромъ можетъ служить, между-прочимъ, лицо Сен-Клера въ «Хижинѣ дяди Тома». Среди грустной нравственной статистики американскихъ помѣщиковъ этотъ, смѣло и открыто слабый, человѣкъ является высокимъ героемъ. Тамъ, гдѣ есть рабство, строгіе и дѣльные характеры не могутъ возбуждать сочувствія тѣхъ, на чье сочувствіе стоитъ обращать вниманіе; они слабы передъ своимъ собственнымъ напоромъ, передъ собственной силой, и мягкія натуры въ этомъ случаѣ становятся выше ихъ. Сен-Клеръ говоритъ самъ, что предпочелъ роль жертвы роли тирана, и кто не любилъ его? Еслибъ Евангелина была не его дочь, едва-ли бы мы стали плакать съ ея отцомъ. Безъ Сен-Клера весь романъ вышелъ бы не тотъ. А все отчего? оттого, что мы странствуемъ съ Томомъ и смотримъ снизу вверхъ. При простотѣ нравовъ мелкихъ малороссійскихъ дворянъ (сравнительно съ американцами высшаго круга), молодой военный лекарь «Институтки», конечно, не Сен-Клеръ. Жена Сен-Клера страдала нервами; она не хотѣла, чтобъ ее тревожили и любила тре-

вожить другихъ; но она все-таки была женщина свѣтская, которая не бѣгала сама за людьми, не била ихъ, не подбирала рубли на травѣ, не благоговѣла передъ генералами: все это дѣлала «Институтка». Уже одной слабости противъ подобной женщины достаточно, чтобъ уронить благороднаго отъ природы мужа. Но Марко Вовчокъ, съ догадливостью, съ откровеніемъ таланта, прикрываясь наивной снисходительностью простаго ума, не только съумѣлъ сдѣлать теплымъ влюбленнаго лекаря, но даже оживилъ двумя-тремя чертами грубую и жестокую молодую помѣщицу. Какъ ни была она тщеславна, своенравна и зла, предпочла же она, однако, бѣднаго и незнатнаго человѣка выгоднымъ женихамъ. Что̀ руководило ею: чувственное ли влеченіе, или самолюбіе, желаніе завоевать «гордаго, чернобороваго человѣка»—до этого нѣтъ намъ дѣла; любовь слагается сначала изъ простыхъ, даже грубыхъ ощущеній, и только достигнувъ до извѣстной степени напряженія и непостижимо соединившись между собою, ощущенія и побужденія эти порождаютъ самобытное чувство, самобытное стремленіе—*любовь*. Благодаря любви своей къ жениху и мужу, чуть-чуть набросанной, «Институтка» является предъ нами *человѣкомъ*, а не извергомъ нѣмымъ и выставленнымъ къ позорному столбу, къ которому долженъ былъ бы выставить ее самый даровитый писатель, *еслибъ разсказывалъ отъ себя*. А что̀ бъ сдѣлалъ съ нею одинъ изъ тѣхъ *беллетристовъ*, о которыхъ я имѣлъ несчастіе говорить вначалѣ? Именъ нѣтъ нужды называть: они сами узнаютъ себя.

Оставивъ въ сторонѣ симпатичныя лица—Надёжу, Катерину, Машу, тихую мечтательницу Анночку (въ «Червонномъ Королѣ») и пытливую мечтательницу Зиночку (въ «Игрушечкѣ»), приведемъ еще примѣръ того, что лица Марка Вовчка часто производятъ именно то теплое, смѣшанное впечатлѣніе, которое производятъ на насъ люди въ дѣйствительности, когда мы здоровы душой, нежелчны и не ослѣплены безсознательнымъ въ частностяхъ принципомъ. Вотъ выписка изъ «Червоннаго Короля» объ одномъ полковникѣ.

«Тутъ нашей старшей барышнѣ замужество. Пришелъ полкъ въ нашъ городъ. Стала она ѣздить туда чаще да чаще. Тамъ глядимъ, къ намъ полковникъ пожаловалъ. Этакой дородный, пучеглазый, лѣтъ ужь за сорокъ человѣкъ, что, кажись, ему бы только на именинахъ пировать да за здоровье пить, а не по лѣтамъ зазнобчивъ былъ. Ужь такой зазнобчивый, что Боже упаси! И все онъ барышнѣ признавался: «я, говоритъ, я для любви рожденъ!»

Она этакъ улыбнется ему, дескать: «очень-хорошо это».

«Я, признается все, человѣкъ теперь горемычный; сижу иногда въ нѣжныхъ мысляхъ, и что вижу передъ собой? Усачъ какой-нибудь ощетинится, стоитъ съ докладомъ. Честилъ это, видно, своихъ капитановъ разныхъ и майоровъ.

«Этакъ все разсказывалъ-разсказывалъ, да разъ на колѣни передъ ней со всѣхъ ногъ: «Ваше имя Любовь, какъ могу я устоять? Осчастливьте! а не то, завѣряетъ, я погибну! Не хочу ни чиновъ, ни почестей добиваться; такъ и умру полковникомъ!

«Ну, она: «Боже мой! Зачѣмъ умирать?.. Я, молъ, васъ осчастливлю». И тутъ же они кольцами обмѣнялись. А приданое у ней давно уже было заготовлено, такъ чрезъ двѣ недѣли и свадьбу съиграли.

«Обѣдъ задали пышный. Весь полкъ накормили и напоили.

«И всѣхъ зазнобила молодая хозяйка... Веселая да ловкая—хороша была! Самъ полковникъ-то словно въ умѣ тронулся отъ счастія своего: вынетъ это платокъ изъ кармана, встряхнетъ и опять спрячетъ; или, ни съ того, ни съ сего, возьметъ полный стаканъ воды и за окошко выльетъ. Даже генералъ, важный человѣкъ, суровый, все будто наказать кого собирается, и тотъ заглядѣлся на молодую.

«— Ваше превосходительство! кто-то его окликнулъ.

«— Что мое превосходительство! говоритъ и рукой махнулъ: такъ позавидовалъ!...»

Развѣ мы не сочувствуемъ этому полковнику? Для сознательнаго лица такой человѣкъ, пожалуй, и не существуетъ. Простолюдинъ проще; онъ любитъ середку въ этихъ вопросахъ; онъ не умѣетъ цѣнить людей идеальныхъ, часто не умѣетъ видѣть, какая огромная разница между однимъ добрымъ бариномъ и другимъ, но за-то для него живутъ и тѣ лица, на которыхъ мы и смотрѣть не хотимъ.

II.

Статья «Современника» о Марко Вовчкѣ наполнена насмѣшками надъ искусствомъ для искусства. Спорить объ общемъ началѣ въ этомъ отношеніи не стоитъ. Уже Бѣлинскій въ 1842 году выразился такъ объ исторической критикѣ: «Миновать ее, особенно теперь, когда вѣкъ принялъ рѣшительно историческое направленіе, значило бы убить искусство, или, еще скорѣе, опошлить критику. Каждое произведеніе искусства непремѣнно должно разсматриваться въ-отношеніи къ эпохѣ, къ исторической современности и въ отношеніяхъ художника къ обществу; разсмотрѣніе его жизни, характера и т. п. также можетъ служить часто къ уясненію его созданія. Съ другой стороны, невозможно упускать изъ виду и собственно эстетическихъ требованій искусства. Скажемъ болѣе: опредѣленіе степени эстетическаго

достоинства произведенія должно быть первымъ дѣломъ критики. Когда произведеніе не выдержитъ эстетическаго разбора, оно уже не стóитъ исторической критики; ибо, если произведеніе искусства чуждо животрепещущаго историческаго содержанія, если въ немъ искусство было само себѣ цѣлью, оно все еще можетъ имѣть, хотя одностороннее, относительное достоинство; но если при живыхъ современныхъ интересахъ оно не ознаменовано печатью творчества и свободнаго вдохновенія, то ни въ какомъ отношеніи не можетъ имѣть никакой цѣнности». Мы находимъ, впрочемъ, что послѣднее мнѣніе Бѣлинскаго слишкомъ-рѣзко. Могутъ въ литературѣ, правдивой и близкой къ дѣйствительности, встрѣчаться вещи, полезныя въ научномъ отношеніи; онѣ могутъ имѣть статистическую цѣнность если списаны съ натуры; хотя въ человѣкѣ, невольно-преданномъ изящному, онѣ легко могутъ возбуждать даже отвращеніе; ибо все-таки въ нихъ видна претензія на литературное достоинство. Напримѣръ, повѣсти г. Панаева и нѣкоторые очерки г. Успенскаго написаны топорно, но въ нихъ, вѣроятно, много правды. Вкусъ — вещь летучая и подвижная, но и она основана на законахъ разума. Красота — та же истина, только не ясная, не голая, а скрытая въ глубинѣ явленія. И чѣмъ явленіе сложнѣе, тѣмъ красота его полнѣе, глубже, непостижимѣе. Въ явленіяхъ очень простыхъ красота *(намъ кажется)* тождественна съ истиной, съ явной законностью. Наслажденіе красотою (какъ одно изъ проявленій наслажденій вообще) удовлетворяется въ этихъ простыхъ случаяхъ простою, ясною вѣрностью закону, отчетливостью. Чисто, правильно-начерченный треугольникъ, кругъ, отлично-выточенный цилиндръ или кубъ радуютъ глазъ нашъ больше, чѣмъ тѣ же самыя фигуры, несовсѣмъ законно исполненныя. Чѣмъ выше подымаемся мы въ природѣ отъ математическихъ фигуръ и минераловъ къ человѣку, тѣмъ сложнѣе становится красота, тѣмъ туманнѣе просвѣчиваетъ сквозь нея законъ. Чѣмъ туманнѣе это просвѣчиваніе сквозь сложную среду, тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ оно на сложнаго, развитаго человѣка. Мы ежедневно видимъ въ жизни нравственный успѣхъ полныхъ и нескоро-понятныхъ, нескоро-вывѣтривающихся натуръ. Разумѣется, мы говоримъ только объ ихъ нравственныхъ успѣхахъ, объ ихъ способности нравиться и влiять, а не о какихъ-нибудь практическихъ удачахъ, объ особенномъ счастьи въ жизни. Станкевичъ, кажется, былъ изъ такихъ людей и судьба рано убила его. Возьмемъ также для примѣра человѣческія общества. Англія нравится больше Франціи всѣмъ просвѣщеннымъ людямъ нашего времени; она глубже, запутаннѣе, сложнѣе; она не такъ понятна,

какъ Франція; содержаніе въ ней не такъ угловато и математично выглядываетъ изъ формы, а статистика счастья частныхъ лицъ еще неизвѣстно гдѣ лучше. Цифръ на это долго еще не будетъ... Точно такіе же старые примѣры можно привести и для искусства. Нѣтъ сомнѣнія, и эстетика будетъ современемъ довольно-точною наукой; но для этого она должна исходить изъ антропологическаго начала, изучать, съ одной стороны, психологическіе законы творчества, съ другой—законы наслажденія вообще. А пока нельзя не удовлетвориться глазомѣромъ и отчасти вѣрой въ собственный свой вкусъ. И здѣсь тѣло, физика, является подножіемъ или орудіемъ духовнаго міра. Подобно тому, какъ гнѣвъ дѣйствуетъ на печень, отъ страха подгибаются ноги и, по увѣренію многихъ, волосы встаютъ дыбомъ, какъ кровь приливаетъ къ лицу отъ самолюбиваго волненія, такъ и при наслажденіи самой отвлеченной отъ жизни красотой (напримѣръ, красотой философской системы) можетъ морозъ пробѣгать по кожѣ, могутъ ныть ноги; отъ драматической вещи выступать слезы на глазахъ и т. п. Иногда волненіе это гораздо-слабѣе, тише, если само произведеніе какъ-то тихо и мягко. Конечно, на юношу, дѣвицу, на человѣка, пожилаго или воспитаннаго на классической французской литературѣ, будутъ такъ дѣйствовать произведенія, очень мало-похожія другъ на друга и мало-похожія на тѣ созданія, которыя могутъ плѣнять человѣка, созрѣвшаго на нашей или на англійской литературѣ, или хоть немного-читавшаго нѣмецкихъ критиковъ; но это не должно пугать за будущность эстетики. Въ самой природѣ существуютъ внутри опредѣленныхъ предѣловъ разнообразныя отклоненія, и только перейдя за эти предѣлы, явленіе принимаетъ характеръ уже слишкомъ-далекій отъ внутренности предѣловъ. Извѣстно, что различные цвѣта происходятъ отъ различной скорости колебанія эѳира; только слишкомъ медленныя (какъ теперь полагаютъ) не даютъ уже свѣта и цвѣтовъ, а теплоту. Точно такъ же за извѣстными предѣлами уже будетъ простое безвкусіе или отсутствіе стремленія къ изящному, неспособность наслаждаться имъ, а не такой или другой вкусъ... И для людей, одаренныхъ стремленіемъ къ изящному, существуютъ различные періоды въ жизни. Сначала очень-часто нравится только быстрое драматическое и трогательное; потомъ, когда развилась уже потребность сознавать общіе законы жизни и природы, когда молодымъ умомъ начинаетъ овладѣвать рефлексъ, онъ ищетъ раскрытой идеи и въ общемъ планѣ созданія и въ брошенныхъ тамъ-и-сямъ замѣчаніяхъ. Въ эти года Шиллеръ можетъ нравиться больше, чѣмъ Гёте и Шекспиръ. Такъ-какъ въ наше время (и, вѣроятно, особенно въ Россіи) рефлексъ

развивается въ тѣ самые годы, въ которые и чувственность начинаетъ громко говорить въ молодомъ человѣкѣ, то вмѣстѣ съ «Разбойниками» ему могутъ нравиться и такія замкнутыя въ самихъ себѣ произведенія, какъ «Римскія элегіи»; могутъ одинаково потрясать его и Некрасовъ, съ раскрытой идеей, и Фетъ, повидимому лишенный ея; но едва-ли очень-молодой человѣкъ, недошедшій еще до крайнихъ предѣловъ рефлекса, до его болѣзненности, станетъ съ удовольствіемъ читать «Избирательное сродство», и едва-ли будетъ умѣть цѣнить слишкомъ-простое снаружи произведеніе (напримѣръ «Уэкфильдскаго священника» или «Моцартъ и Сальери»). «Избирательное сродство» покажется ему скучно, а сочиненія, приведенныя нами сейчасъ въ скобкахъ — блѣдны и поверхностны. Вѣроятно, у всякаго мыслящаго человѣка есть минуты и цѣлыя эпохи, въ которыя онъ теряетъ эстетическое чутье, или, увлекшись заботой о пользѣ, хвалитъ только то, что̀ можетъ служить нравственнымъ или гражданскимъ поученіемъ. Я зналъ одного чрезвычайно-умнаго человѣка, который велъ практическую жизнь и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ одаренъ отъ природы самымъ мѣткимъ, тонкимъ и здравымъ чувствомъ изящнаго. Я видѣлъ самъ, ка̀къ онъ, читая истинно-хорошія вещи, наслаждался, блаженствовалъ, дѣлалъ самыя остроумныя замѣчанія и, кончивъ, говорилъ мнѣ: «Все это такъ... да къ-чему оно ведетъ?» Не въ такомъ ли періодѣ находится *Г—бовъ?* Намъ кажется, что, хваля Марко Вовчка, онъ показалъ свою невольную любовь къ прекрасному. Но, руководясь своей враждою къ тому разврату мысли, которое зовется искусствомъ для искусства, онъ пытался открыть у Марко Вовчка новое направленіе. И точно — направленіе новое есть; но оно въ пріемахъ, языкѣ, изложеніи вообще, словомъ—въ формѣ, а не въ исходныхъ идеяхъ. Какой же это вопросъ: историческій или художественный?

Глумленія «Современника» не щадятъ ничего, кромѣ двухъ-трехъ предметовъ, въ-самомъ-дѣлѣ священныхъ: свободы женщинъ и простолюдина. За это можно извинить многое, и тѣ читатели не правы, которые (какъ случалось мнѣ слыхать) говорятъ: «на что̀ намъ эти толки о свободѣ женщинъ! есть чѣмъ заниматься, когда дѣло идетъ о самыхъ важныхъ вопросахъ гражданственности!» Но чѣмъ разнообразнѣе пути развитія, тѣмъ выше идея, олицетворяемая націей; еще не рѣшено, чего слѣдуетъ больше желать для націи: счастія и покоя или высокой идеи? Погнавшись за первымъ, мы должны предпочесть современную Швецію Аѳинамъ во времена Перикла, Сократа и т. д. Опять повторяю: за свободу женщинъ можно извинить многое; можно даже постараться забыть статью Г — бова «Что̀ такое Обломов-

шина?», которая была помѣщена, сколько помнится, въ отдѣлѣ критики и говорила, что Рудинъ, Обломовъ, Онѣгинъ и Печоринъ почти одно и то же лицо, и что общая черта у нихъ обломовщина! «Современникъ» глумится надъ эстетикой, но хуже ли отъ этого искусству? Едва-ли!... А статьи Г — бова и другихъ отъ этого портятся. Приведемъ примѣръ: статью о «Наканунѣ». Какая дѣльная статья! но начало и ее портитъ. Можно бы просто сказать: «эстетическій разборъ мы оставляемъ въ сторонѣ; намъ некогда или мы къ нему неспособны». Нѣтъ, безъ юмора нельзя! «Эстетическая критика стала удѣломъ чувствительныхъ барышень и т. д.» (въ этомъ родѣ). Эстетиковъ покоробило на минуту (и то больше *объективно*, чѣмъ *субъективно*, за статью, а не за себя), а статья осталась на вѣкъ и стала похожа на чистый, хорошо-убранный домъ съ умнымъ хозяиномъ, въ который входишь чрезъ грязную переднюю. Дѣвицы же вообще, и тѣмъ болѣе чувствительныя, эстетики плохіе—это извѣстно. А вотъ и доказательство: многимъ дѣвушкамъ и женщинамъ, говорятъ, не только «Наканунѣ» нравится больше «Первой любви» (здѣсь еще можно допустить извѣстное направленіе нравственнаго мнѣнія; обѣ же вещи въ своемъ родѣ высоки), но тѣмъ же самымъ дѣвушкамъ очень-нравится «Подводный камень», по исполненію подходящій къ той беллетристикѣ, о которой я говорилъ выше. Юморъ, юморъ насъ губитъ! Юморъ и въ ученыхъ статьяхъ, и въ критикѣ, и въ свисткѣ, и въ повѣстяхъ, и въ приложеніяхъ изъ Англіи. Юморъ скоро станетъ тѣмъ, чѣмъ была въ свое время сантиментальность, чѣмъ были ужасы и кровь. «Время» напечатало въ февралѣ статью *Г—бовъ и вопросъ объ искусствѣ;* тамъ хорошо защищаются искусство, и критику «Современника» отчасти доказано, что онъ безсознательно иногда служитъ ему. Но съ «Временемъ» трудно согласиться вполнѣ. Г—бовъ признаетъ какъ бы особенное направленіе у М. Вовчка. Онъ говоритъ:

«Сознаніе народа далеко еще не вошло у насъ въ тотъ періодъ, въ которомъ оно должно выразить все себя поэтическимъ образомъ; *писатели изъ образованнаго класса до-сихъ-поръ почти всѣ занимались народомъ, какъ любопытной игрушкой, вовсе не думая смотрѣть на него серьёзно*. Сознаніе значенія народа едва начинается у насъ, и рядомъ съ этимъ смутнымъ сознаніемъ появляются серьёзныя, искренно и съ любовью сдѣланныя наблюденія народнаго быта и характера. Въ числѣ этихъ наблюденій едва-ли не самое почетное мѣсто принадлежитъ очеркамъ Марка Вовчка. Въ нихъ много отрывочнаго, недосказаннаго, иногда фактъ берется случайный, частный, разсказывается безъ поясненія его внутреннихъ или внѣшнихъ причинъ, не связывается необходимымъ образомъ съ обычнымъ строемъ жизни; но

строгой оконечности и всесторонности, повторяемъ, невозможно еще требовать отъ нашихъ разсказовъ изъ крестьянской жизни; она еще не открываетъ намъ себя во всей полнотѣ, да и то, что открываетъ намъ, мы не всегда умѣемъ или не всегда можемъ хорошо выразить».

Григоровичъ, Тургеневъ и Писемскій, значитъ, не серьёзно занимались народомъ? Какъ же понять эти выраженія: *не серьёзно, любопытная игрушка* и т. п.? Наблюдали ли они небрежно, или не съумѣли дать въ себѣ созрѣть тому, что̀ наблюдали? Кто можетъ, кто смѣетъ даже знать, какіе пріемы употребляетъ авторъ для наблюденія? До этого критику нѣтъ дѣла; онъ судитъ только о результатѣ. Если авторъ наблюдалъ или творилъ шутя, то могло выйдти вотъ что̀: изображеніе его невѣрно или оттого, что онъ не умѣлъ понять народъ съ хорошей его стороны, вывелъ однѣ дурныя его стороны, которыя легко бросаются въ глаза съ непривычки къ жизни, непохожей на нашу, или, напротивъ, слишкомъ идеализировалъ его. Въ первомъ можетъ ли кто упрекнуть нашихъ авторовъ? Даже и оправдывать ихъ въ этомъ не сто̀итъ. Во второмъ отношеніи еще скорѣе можно было бы обвинить, напримѣръ, Григоровича за лицо Вани въ «Рыбакахъ», за «Четыре времени года» и т. д.), еслибъ дѣло шло не о статьѣ Г—бова. Ясно, Г—бовъ говоритъ: 1) *авторы наши вообще несерьёзно изображали народъ;* 2) Марко Вовчокъ серьёзнѣе ихъ взялся за дѣло. А всякій видитъ, что у М. Вовчка всѣ изображенія мягче, нѣжнѣе, самая злоба, зависть и другіе пороки, какъ-то мягче. (Напримѣръ, насмѣшки подругъ въ Надёжѣ, временное пьянство Катерины, мщенье влюбленнаго мужа въ «Купеческой дочкѣ» и т. д.). Конечно, причиной тому отчасти самый характеръ языка; но есть и явное намѣреніе выгодно представить народный бытъ. Значитъ, если небрежность другихъ авторовъ выразилась идеализаціей, то какъ же М. Вовчокъ можетъ быть серьёзнѣе, если онъ еще больше смягчаетъ, очищаетъ свои картины? Кто возьмется рѣшить, насколько и въ какихъ случаяхъ мы имѣемъ право вѣрить въ нравственныя качества нашего народа? Кто рѣшится отвѣтить смѣло на эти вопросы, когда и здѣсь еще у каждаго есть только свой глазомѣръ и небольшая статистика собственнаго опыта въ русской жизни. Здѣсь необходимо множество цифръ, и не однѣхъ цифръ, а цифръ вмѣстѣ съ художественной способностью переноситься въ чужую психологію. И при томъ несовершенномъ знаніи, которое досталось на долю каждаго изъ насъ, при всей бѣдности нашей статистики, развѣ мы не чуемъ, что реальнаго, правдиваго бездна въ «Муму», «Постояломъ дворѣ», «Пѣвцахъ», «Бирюкѣ», «Лѣшемъ», «Питерщикѣ», «Деревнѣ», «Антонѣ-Горемыкѣ», въ «Описаніи жизни добраго пахаря».

У всѣхъ этихъ авторовъ (мы говоримъ только о народныхъ повѣстяхъ ихъ) и М. Вовчка одна и та же общая задача, и въ этой задачѣ двѣ существенныя стороны, которыя можно выразить такими простыми фразами: *1) Въ людяхъ этого быта иногда много, очень-много хорошаго, мягкаго, или сильнаго, или даровитаго; 2) Посмотрите, какъ этотъ бытъ, который заслуживаетъ столько сочувствія, притѣсненъ, какъ онъ испорченъ рабствомъ и бѣдностью.* Разумѣется, это раздѣленіе грубо и угловато, какъ всякое раздѣленіе; но никто не мѣшаетъ, сознавши ясность какой-нибудь классификаціи, округлить послѣ углы. Очень немногія повѣсти выходятъ изъ этихъ двухъ рядовъ: *Деревня* Григоровича, напримѣръ, изображаетъ злобу и грубость крестьянскаго быта; *Маша* М. Вовчка — вольнолюбіе, которое хотя и можно отнести къ первому разряду, такъ-какъ любовь къ свободѣ есть одна изъ лучшихъ качествъ человѣка; но она-то и хуже всѣхъ разсказовъ М. Вовчка. Въ этомъ отношеніи «Время» совершенно право. Вотъ что говоритъ критикъ «Времени»:

«Главное дѣло, что Г—бовъ доволенъ и безъ художественности, только чтобъ говорили о дѣлѣ. Послѣднее желаніе, конечно, похвальное; но пріятнѣе было бы, еслибъ и о дѣлѣ говорили хорошо, а не какъ-нибудь». И дальше въ замѣчаніи: «Спѣшимъ оговориться». Отзываясь такимъ образомъ о сочиненіяхъ Марко Вовчка, мы имѣемъ въ виду только первую повѣсть въ его разсказахъ изъ великорусскаго быта «Маша». Мы не можемъ не согласиться, что въ другихъ его разсказахъ есть много чрезвычайно-талантливыхъ страницъ, *хотя въ цѣломъ ни одинъ разсказъ не выдержанъ. Дѣйствительность часто идеализирована, представлена неправдоподобно, а между-тѣмъ вы сами знаете, что все это представленное неправдоподобнымъ дѣйствительно можетъ быть въ жизни, и досадуете, что оно неоправдано.* Мы, впрочемъ, говоримъ объ однихъ великорусскихъ разсказахъ и не трогаемъ разсказовъ изъ малороссійскаго быта».

На счетъ «Маши» мы согласны съ «Временемъ», хотя и здѣсь пріемы автора такъ симпатичны, что трудно не сказать себѣ: «неправдоподобно, а хочется вѣрить». Но тому, что̀ мы подчеркнули у критика «Времени», мы нимахъ сочувствовать не въ силахъ; а почему — объяснится само-собою дальше. Считаю себя обязаннымъ сказать, что это моя личная точка зрѣнія. Для изученія красоты самое лучшее, мнѣ кажется, собирать какъ-можно-больше личныхъ вкусовъ и изъ нихъ выводить среднюю величину, какъ дѣлаютъ въ естественныхъ наукахъ. Предлагающій изслѣдованія своего собственнаго чувства, своего наслажденія, обязанъ быть искреннимъ. Чувству же своему имѣетъ, мнѣ кажется, право довѣряться особенно тотъ, кто былъ въ первой мо-

лодости наивнымъ читателемъ, увлекался сюжетомъ, учился жить по книгамъ, прошелъ потомъ черезъ періодъ совершеннаго охлажденія, терялъ даже вѣру въ самобытную жизнь красоты, терялъ чувство къ ней и, наконецъ, сталъ *опять что-то чувствовать*.

III.

Въ первомъ отдѣленіи мы сказали, что успѣхъ и особенности повѣстей Марка Вовчка зависятъ, между-прочимъ, отъ точки зрѣнія, которую онъ избралъ, заставивъ разсказывать простолюдина; здѣсь прибавимъ, что этого недостаточно; многіе заставляли разсказывать людей простаго званія; въ «Запискахъ Охотника» много краткихъ разсказовъ и мелкихъ замѣтокъ отъ лица народа (Бѣжинъ лугъ, Малиновая вода и т. д.); но личность образованнаго автора, какъ наблюдателя, невполнѣ скрыта за ними. Въ «Питерщикѣ» главный разсказъ идетъ тоже отъ главнаго лица Клементія; въ «Плотничьей Артели» отъ Петра; въ «Лѣшемъ» слова старухи занимаютъ насъ больше всего. У Щедрина «Старецъ» весь разсказанъ простолюдиномъ; въ «Маврѣ Кузьмовнѣ» тоже много этого начала. Мы беремъ самыхъ лучшихъ изъ нашихъ авторовъ, писавшихъ о народѣ, говорившихъ отъ лица его.

Благодаря толчку, данному повѣстями и комедіями Островскаго, которыя никогда не умрутъ на нашей сценѣ, явилось множество подражателей, тѣхъ безличныхъ производителей, безъ которыхъ, къ-несчастью, кажется, не можетъ обойтись ни одна цвѣтущая литература. Запечатлѣлись опредѣленные пріемы, одни и тѣ же (когда-то удачныя) выраженія стали производить отвратительное дѣйствіе на читалеля, и чувство это въ иныя минуты переносится невольно на произведенія тѣхъ, которые даровитостью и добросовѣстною любовью къ дѣлу прокладывали первыя тропинки.

Вотъ какъ вредитъ сосѣдство бездарности! Разумѣется, надо умѣть обуздывать въ себѣ этотъ несправедливый капризъ и не забывать время появленія вещей. Это историческая часть дѣла; но такія вещи, какъ: «Муму», «Постоялый Дворъ», «Пѣвцы», «Лѣшій», «Питерщикъ», «Плотничья Артель», «Старецъ», «Мавра Кузьмовна», всегда будутъ жить и читаться съ наслажденіемъ. Къ тому же, не надо было забывать, что не нами кончается жизнь—за нами поднимается мало-по-малу народъ и онъ, рано или поздно, будетъ упиваться этими произведеніями.

Для обыкновенныхъ народныхъ повѣстей теперь ненужно имѣть ни таланта, ни даже много наблюдательности. Особенно, если брать сю-

жеты изъ тѣхъ слоевъ, гдѣ языкъ запутанъ, наполненъ разными иностранными и дворянскими словами, употребляемыми некстати, или усѣянъ областными оборотами.

Сейчасъ можно изготовить вещь. Вотъ, напримѣръ, я зналъ одного стараго кучера, который говорилъ всегда не такъ какъ другіе: «обдѣлаемъ дѣло» у него было: «обраболѣпствуемъ дѣльце!» «Какъ вы меня огорчили или обезкуражили»—у него: «какъ вы меня обезпечили». У этого зажиточнаго кучера былъ сынъ (вольный): онъ держалъ въ уѣздномъ городѣ лавочку и влюбился въ дочь бѣднаго чиновника. Она была готова идти за него и, кажется, за ней было какое-то приданое, потому-что молодой человѣкъ писалъ отцу длинное письмо о выгодахъ этого брака и говорилъ между-прочимъ: *черезъ это я даже могу получить нѣкоторый президентъ таланту...*

«Какъ пишетъ, шельма!» говорилъ отецъ, а про невѣсту говорилъ: «какъ она, шельма, образована!» Свадьба не состоялась.

Вообразимъ себѣ, что кто-нибудь, вздумавъ описать это сватовство, положилъ бы въ основаніе серьёзную мысль о крѣпостномъ отношеніи; онъ могъ бы сдѣлать сына крѣпостнымъ, заставить его скрывать это отъ невѣсты; она бы вышла и стала бы сама крѣпостною, или отказала бы, а молодой человѣкъ дошелъ бы до самоубійства... Взявъ голую сторону сюжета, или его идею съ натуры, писатель могъ бы поступить какъ М. Вовчокъ, передавъ все дѣло легкимъ, наивнымъ, отрывочнымъ языкомъ, пѣвучимъ, какъ выразился прекрасно Г—бовъ, едва бы коснулся наружности своихъ героевъ; о природѣ говорилъ бы мимоходомъ, на столько, на сколько она мелькаетъ передъ нами въ самыя драматическія минуты нашей жизни и непостижимымъ составнымъ началомъ входитъ въ наши рѣшенія и чувства: избѣжалъ бы излишняго обремененія рѣчи такими выраженіями, какъ *президентъ таланту* и т. п. Или авторъ могъ бы растянуть дѣло втрое, вчетверо описаніями, чуждыми всякой наивности, разговорами, въ которыхъ настойчиво напрашивались бы вамъ въ глаза *нравы* и *нравы*, выточилъ бы наружность своихъ героевъ со всѣхъ сторонъ, какъ горельефы, за которыми не осталось бы никакой пищи воображенію, пригвоздилъ бы ихъ, индивидуализировалъ физически до послѣдней степени и выражался бы, положимъ такъ: «маленькія уши, *скрывавшіяся* подъ прядями пышныхъ, черныхъ волосъ *съ тусклымъ* блескомъ; носъ, сначала прямой, а потомъ слегка-загнутый и *обличавшій силу*; *узкіе бѣлые пальцы* на худощавыхъ рукахъ *довершали* ея наружность.»

Или:

«Ваня (положимъ, имя героя) *съ свойственною ему ловкостью*, *изумлявшей* всѣхъ мирныхъ обитателей захолустья и *плѣнившей* самоё Катю, которая могла назваться перломъ темнаго городишка», и т. д. Потомъ пошли бы «обраболѣпствуемъ», «президентъ таланту» и т. д.

Какова была бы эта повѣсть, со всею важностью своего содержанія (если мы уже согласимся придавать важность вопросу о крѣпостномъ правѣ, которое давно практически осуждено даже прежними его защитниками), вѣрно, Г—бовъ не сталъ бы и разбирать ее: онъ разбираетъ *содержаніе* тѣхъ произведеній, которыя хороши *формою* («Обломовъ», «Наканунѣ», повѣсти М. Вовчка). Какъ примѣръ рода, испещреннаго странными и смѣшными оборотами, приведемъ отрывокъ изъ «Разговора на большой дорогѣ» Тургенева:

Ефремъ.—Аркадій Артамонычъ, позвольте вамъ доложить: лошадь лошади рознь. Вотъ, какъ между людьми, напримѣръ, человѣкъ бываетъ натуральный, безъ образованія, словомъ, пахондрикъ, такъ и въ лошадяхъ. Необстоятельная лошадь, Аркадій Артемычъ, пріятности въ ней никакой нѣтъ. Что, напримѣръ, бѣжитъ она на взволокъ, что ли, по ровному ли мѣсту, или, напримѣръ, подъ гору спущаетъ, ничего въ ней нѣтъ, извольте сами посмотрѣть (гнется на одинъ бокъ). Ну, что бѣжитъ, помилуйте. Нѣтъ отъ нея никакого удовольствія. Просто пустая лошадь (Бьетъ ее кнутомъ).

Михрюткинъ. — Ну, а пристяжныя, по-твоему, каковы?

Ефремъ. — Ну, пристяжныя, ничего. Вороная, напримѣръ, лошадь обходительная, божевольна маленько, пуглива, ну и лѣнца есть; а только обходительная лошадь, вѣжливая; а ужь эта вотъ (указывая кнутомъ на лѣвую пристяжную), гнѣдая, просто, безъ числа. Конь добрый, степенный, ко кнуту ласковъ, бѣжитъ прохладно, доброхотъ: слуга, можно сказать, изъ слугъ слуга...»

И смѣшно, и правда; не бѣда, что Тургеневъ написалъ это между-прочимъ, но не въ этихъ чертахъ его сила, его право на безсмертіе.

М. Вовчокъ занимаетъ какое-то особое мѣсто въ нашей литературѣ, въ родѣ мѣста Кольцова между поэтами стихотворцами. Всѣ другіе авторы наши имѣютъ нѣкоторые общіе пріемы, нѣкоторые общіе способы выраженія, отъ которыхъ едва-ли есть возможность избавиться въ наше время. Въ этихъ понятіяхъ мы прежде безпрестанно нуждались и теперь не можемъ освободиться отъ нихъ, хотя они уже утратили полцѣны. Языкомъ пренебрегать нельзя же: онъ, какъ физіономія человѣка, воспринимающему впечатлѣніе представляется прежде всего; у творящаго онъ окончательная форма, въ которую выливается путемъ живыхъ подробностей, основная идея. Языкъ напоминаетъ намъ множество различныхъ отношеній, несостоящихъ прямо

въ связи съ даннымъ сюжетомъ, невольный или сознательный выборъ отдѣльныхъ словъ и фразъ, количество словъ, употребляемыхъ для выраженія той или другой частной идеи, самое расположеніе ихъ— вотъ, кажется, главныя составныя начала того, что̀ мы называемъ *языкъ*, и все это соотвѣтствуетъ внутреннимъ условіямъ духовной жизни, все *недаромъ*, иначе это будетъ слогъ, стиль, *внѣшнія украшенія*, которыя только портятъ дѣло. Выборъ словъ зависитъ или отъ преобладанія въ авторѣ тѣхъ или другихъ частныхъ понятій, когда онъ говоритъ отъ себя, или отъ выбора частностей изъ быта, который представляетъ авторъ (вѣдь, разница написать «Питерщика», живущаго въ избѣ съ расписными потолками, или «Сашу» М. Вовчка, гдѣ образно описывать почти нечего изъ двороваго быта, котораго подробности такъ извѣстны; мы всѣ восхищаемся *старинной*, свѣжей простотою языка Аксакова въ «Семейной Хроникѣ»; но онъ не могъ бы этимъ самымъ языкомъ написать что-нибудь въ родѣ Рудина). Обиліе словъ несоотвѣтственно ходу впечатлѣній въ обыкновенной жизни; чѣмъ кратче языкъ, тѣмъ вѣрнѣе онъ отличительному принципу поэзіи, который Лессингъ справедливо полагалъ въ движеніи. Подробныя яркія описанія природы только изрѣдка имѣютъ свою исключительную законность. Такъ, въ «Свиданіи» Тургенева, въ его «Трехъ встрѣчахъ» есть большія описанія ослѣпительной яркости; но это идетъ къ дѣлу; они здѣсь сами для себя; сознательный, мыслящій поэтъ говоритъ о своихъ впечатлѣніяхъ; большая разница лежать на травѣ въ рощѣ и разсматривать всю мелочь вокругъ, или вдругъ остановить ходъ драматической жизни для подобныхъ описаній; такъ дѣлалъ часто Григоровичъ: онъ является полнымъ вниманія созерцателемъ природы рядомъ съ дѣйствіями замкнутаго въ себѣ крестьянскаго быта, блѣднаго, бѣднаго духовнымъ разнообразіемъ, въ которомъ авторъ старается неестественно раздуть каждую психологическую искру, какъ позволительно еще раздувать ее въ изображеніи болѣе-сознательнаго быта, гдѣ и въ жизни она раздувается (я говорю позволительно въ эстетическомъ смыслѣ, потому-что обманъ переселенія души читателя чрезъ посредство автора въ душу дѣйствующихъ лицъ здѣсь удается легче).

Очерки народнаго быта должны быть отрывочнѣе, объективнѣе, вмѣстѣ съ тѣмъ блѣднѣе: многословіе въ нихъ хуже, чѣмъ гдѣ-либо, и потому, что разнообразія въ этомъ быту мало, и потому, что намъ онъ является такъ же отрывочнымъ, какъ сама природа въ минуты, полныя движенія. Еслибъ родился у насъ геніальный писатель-простолюдинъ, онъ вѣрно бы взялся за дѣло какъ-нибудь иначе и самое многословіе его было бы иное.

Про г. Григоровича справедливо говорили, что успѣхъ его принадлежитъ не ему, а тому новому для насъ быту, которому онъ прежде другихъ себя посвятилъ. Кромѣ многословія и дурныхъ описаній, у него весь складъ рѣчи въ высшей степени ненаивенъ и отличается самыми рѣзкими изъ тѣхъ недостатковъ, которые перечесть трудно, но легко чувствовать при чтеніи. Исключить отсюда надо очень немногія мѣста, преимущественно «Черный день пахаря».

Возьмемъ описанія природы и описанія обстоятельствъ жизни, довольно однородной, у него и у М. Вовчка и поставимъ ихъ рядомъ:

(«Пахотникъ и Бархатникъ» г. *Григоровича*). «Такого продолжительнаго, нестерпимо-жаркаго лѣта не могли запомнить даже самые старые люди. Съ половины іюня до конца іюля не освѣжило дождемъ воздуха; раскаленная земля трескалась, превращалась въ камень или пыль, которая лежала тяжелымъ рыжеватымъ пластомъ на дорогахъ. Каждое утро солнце восходило багровымъ шаромъ и, подымаясь выше въ сверкающемъ безоблачномъ небѣ, совершало свой кругъ, никому не давая отдохнуть отъ зноя. Все живущее какъ словно умаялось, и повѣсило голову. Цвѣты, незащищенные лѣсомъ или тѣнью рощи пересохли; горохъ пожелтѣлъ преждевременно; проходя полемъ, слышно только было, какъ лопались его стручья, разсыпая словно дробь свои зерна. Трава, скошенная утромъ, начинала къ полудню пучиться, подымалась ворохомъ и звонко хрустѣла, когда брали ее въ руки. Стада упорно жались къ ручьямъ и рѣчкамъ; во всякое время дня коровы и лошади по цѣлымъ часамъ недвижно стояли по-брюхо въ водѣ; можно бы было принять ихъ за окаменѣлыхъ, еслибъ не двигали они хвостомъ, стараясь отогнать мухъ и оводовъ, которые роями носились и жужжали въ воздухѣ.

«Во всей природѣ, которая какъ-будто изнемогала и тяжело переводила дыханіе, одни насѣкомыя бодрствовали; чѣмъ горячѣе жарило солнце, тѣмъ больше ихъ появлялось и тѣмъ громче раздавались жужжаніе и шорохъ. Тамъ, гдѣ полуизсохшіе ручьи впадали въ рѣчки, роями стояли коромысла, блистая на солнцѣ своими кисейными глянцовитыми крылышками и зелеными, какъ словно стеклянными головками; запыленные шмели и безчисленные мильйоны всякихъ мухъ и мошекъ облипали каждаго, кто только останавливался.

«Въ поляхъ весь этотъ шелестъ заглушался трескотней кузнечиковъ; изъ подъ каждой травки, изъ подъ каждаго стебелька и колоса дребезжалъ тотъ жосткій, металлическій звукъ, который всегда какъ бы дополняетъ впечатлѣніе страшной засухи; въ сырое время кузнечикъ поетъ не такъ звучно. Въ поляхъ даже часамъ къ двумъ-тремъ пополудни зной особенно былъ чувствителенъ. Солнечные лучи, насквозь пронизывая рожь до корня, нагрѣли, казалось, самые стебли; даже тамъ, въ глубинѣ колосьевъ, бросало въ испарину; чувствовалось, что пышетъ отъ почвы, какъ отъ жерла раскаленной печки. Васильковъ совсѣмъ не было; они давно пересохли, оставивъ тощіе

зеленоватые стебли; одна повилика, туго оплетая подошву колосьевъ, разливала въ воздухѣ тонкій миндальный запахъ и пестрила своими бѣлорозовыми колокольчиками жаркое лучезарное сіянье, наполнявшее глубину поля».

М. Вовчокъ («Саша»).

«Господи, что съ нимъ творилось, какъ узналъ! Жалко было со стороны глядѣть. Я, хоть изрѣдка, а все ходила къ Сашѣ. Она тамъ при монастырѣ служила. Такъ славно у нихъ!... Стоитъ монастырь тотъ за городомъ, на горѣ, въ лѣсу. Черезъ ограду въ монастырской дворъ деревья зеленыя свѣсились и сама ограда зазеленѣлась, замшилась. Кельи темныя, маленькія, а въ окошечко глянь — сколько цвѣтовъ цвѣтетъ! какая мурава мягкая!... Подъ горой, слышно, рѣка журчитъ; и прислушайся еще — въ городѣ колеса по мостовой стучатъ».

М. Вовчокъ («Купеческая дочка»).

«Барыня наша жила въ уѣздномъ городкѣ. Городокъ былъ ветхонькій, словно сѣренькій. И домики сѣренькіе, и заборы, и частоколы, да и мѣщане тамъ все въ сѣрыхъ чуйкахъ ходили. А вотъ деревья тамъ такія развѣсистыя, такія густолиственныя! Надъ иною избушкою раскинется липа зеленая, всю закроетъ, только чуть уголочекъ сѣрѣетъ. Улички узенькія; подъ заборами такая травка густая росла; воробьевъ видимо-невидимо, такое чириканье поднимаютъ; и сорокъ много водилось, такъ по улицѣ и скачутъ, не боятся.

Барскій домъ стоялъ на концѣ города, на выѣздѣ, каменный, высокій; подъѣзды крытые; надъ воротами два льва сидѣли съ разинутою пастью. Кругомъ дома садъ густой зеленѣлъ, въ саду бесѣдки разныя, дорожки, усыпанныя пескомъ, все-побарски. А кругомъ мѣщанскіе домики жались другъ къ дружкѣ вдоль улички рядочкомъ».

Выписываемъ также изъ «Сестры»; языкъ перевода малороссійскихъ повѣстей такъ близокъ къ языку, которымъ написаны великорусскія повѣсти, что можетъ также служить примѣромъ для нашего вопроса; внутренній духъ тотъ же.

«Я гляжу — а солнышко заходитъ, рѣчка течетъ, какъ чистое золото, между зелеными берегами; кудрявыя вербы въ водѣ свои вѣтки купаютъ; цвѣтетъ-процвѣтаетъ макъ въ огородѣ; высокая конопля зеленѣетъ; кой-гдѣ около бѣлой хатки краснѣетъ вишенье; высокой кустъ калины кровлю подпираетъ, да всю бѣлую стѣну закрываетъ; и сама хата въ саду цвѣтущемъ, какъ въ вѣнкѣ стоитъ. И зелено, и красно, и бѣло, и сине, и ало около той хатки... Тихо и тепло, и вездѣ насквозь багряно—и на небѣ и на взгорьяхъ и на водѣ... Господи!

— Сей свѣтъ, что маковъ цвѣтъ; какъ на томъ свѣтѣ-то будетъ? говоритъ старуха, покачивая головою.

— Боже мой, Боже! промолвитъ за ней матушка въ полголоса.

А батюшка поднимаетъ къ небу незрячіе глаза, да и скажетъ: — слава Господу Богу!»

Григоровичъ («Деревня»).

«Въ одномъ богатомъ селеніи, весьма-значительномъ по количеству земли и числу душъ, въ грязной, смрадной избѣ на скотномъ дворѣ, у скотницы родилась дочь. Это обстоятельство, въ-сущности весьма незамѣчательное, имѣло, однако, слѣдствіемъ то, что больная и хилая родильница, не бывъ въ состояніи вынести мученій, а можетъ-быть и просто отъ недостатка бабки (что̀ очень часто случается въ деревняхъ) испустила послѣдній вздохъ вскорѣ послѣ перваго крика своего малютки.

«Рожденіе дѣвочки было ознаменовано бранью бабъ и новой скотницы, товарки умершей, дѣлившихъ съ свойственнымъ имъ безкорыстіемъ обношенные, дырявые пожитки ея. Ребенокъ, брошенный на произволъ судьбы (окружающія были заняты дѣломъ болѣе нужнымъ), безъ сомнѣнія, не замедлилъ бы послѣдовать за своими родителями (и, конечно, не могъ бы сдѣлать ничего лучшаго), еслибъ одно изъ великодушныхъ существъ, наполнявшихъ избу, не приняло въ немъ участія и не сунуло ему какъ-то случайно попавшійся подъ руку рожокъ».

М. Вовчокъ («Игрушечка»).

«Я родомъ-то издалека, свой край чуть помню: увезли меня оттуда по шестому году. Вотъ только помню я длинную улицу да темный рядъ избушекъ дымныхъ; въ концѣ улицы на выгонѣ стояли двѣ березы тонкія, высокія. Да еще помню, у насъ подъ самымъ окномъ густыя такія конопли росли, а межъ коноплями тропиночка чернѣла, а гдѣ-то близко словно ручеекъ журчалъ, а вдали, на горѣ, лѣсъ зеленѣлъ. Да еще я помню свою матушку родную. Все она, бывало, въ заботѣ, да все сиживала пригорюнившись... Отца я не зазнала: онъ померъ, мнѣ еще и году не было. Жили мы въ своей избушкѣ... Послѣ, на чужой сторонѣ часто мнѣ, бывало, тѣ дни прошлые пригрезятся, что кругомъ поле безъ краю, солнце горитъ и жжетъ, сверкаютъ серпы, валится рожь колосистая; я сижу подъ копною, около меня глиняный кувшинчикъ съ водой стоитъ; подойдетъ матушка, съ серпомъ въ рукѣ, загорѣлая она, измореная, напьется воды изъ кувшинчика, на меня глянетъ и мнѣ усмѣхнется... А зимою! въ печи дрова трещатъ, въ избушкѣ дымно; хлопочетъ заботная моя матушка, а въ окно глянь—снѣжная пелена бѣлая изъ глазъ уходитъ; во всѣхъ избахъ сѣнныя двери настежъ, и валитъ изъ дверей дымъ сѣрый... Деревья стоятъ, инеемъ опушились; тихо на улицѣ; только задорные воробьи чирикаютъ, скачутъ... И вдругъ я въ хоромахъ богатыхъ очутилась, всюду шелки да бархаты, стѣны росписныя, гвозди золоченые. Стою я середь горницы замираючи, а передо мной сидитъ на креслѣ барыня молодая, пригожая, разряженная. Сидѣла она и, глядючи на меня, усмѣхалась. Маленькая барышня, румяненькая, кудрявая, вертѣлась по комнатѣ да, смѣючись, все меня бѣленькимъ

пальчикомъ затрогивала — вотъ словно, какъ деревенскіе ребятишки галчатъ дразнятъ... Какъ схватили меня съ улицы и посередь горницы передъ барыней поставили, такъ и стою я да озираюсь: сердце у меня со страху закатилось... Понемножку я въ себя пришла и плакать стала, стала къ матушкѣ проситься. Барыня въ серебряный колокольчикъ зазвонила, и человѣкъ усатый вбѣжалъ. «Отнеси ее домой!» показываетъ ему барыня на меня, а барышня какъ закричитъ, какъ затопаетъ ножками!... Барыня къ ней цѣловать, унимать — барышня еще пуще... Выскочилъ изъ другой горницы баринъ щеголеватый... «Что? что?» Махнули на усатаго человѣка: «иди!» а меня не пустили, кусочекъ мнѣ сахару дали и велѣли: «не плачь». Потомъ я помню безлюдное да безбрежное поле, да по полю дорогу змѣей черной, да помню свою тоску безпомощную. Послѣ уже, какъ я въ лѣта вышла, то отъ людей узнала, что̀ и какъ было».

Вообще, у М. Вовчка нѣтъ той яркости, *махровости*, которою отличаются болѣе или менѣе всѣ наши авторы. Это общее свойство, которое я позволилъ себѣ назвать махровостью, обусловливается личными частностями; сюда принадлежатъ: обиліе поразительныхъ эпитетовъ, яркія писанія наружностей и природы; обиліе тѣхъ оригинальныхъ словъ и оборотовъ областныхъ и ненормальныхъ, о которыхъ я говорилъ выше, утонченныя психологическія и жизненно-философскія замѣтки, особенно ѣдкій юморъ, такъ, напримѣръ, гоголевскій; подробная выдѣлка даже второстепенныхъ лицъ въ разговорахъ и движеніяхъ. Я не хочу этимъ сказать, что махровость или яркость всегда дурны; напротивъ, первоклассные, великіе поэты были иные всегда, иные иногда махровы. Такъ, напримѣръ, нашъ *Гоголь* былъ весь таковъ; а Пушкинъ и въ стихахъ не былъ слишкомъ яровъ, а въ прозѣ даже блѣденъ; и несмотря на это и блѣдная «Капитанская дочка» и яркій «Тарасъ Бульба» геніальныя творенія. Изъ иностранныхъ произведеній этими безцвѣтными (въ хорошемъ смыслѣ), простыми чертами написаны нѣкоторыя превосходныя вещи: *Вертеръ*, Manon Lescaut, Paul et Virginie, *Фредерикъ и Бернеретта* (А. де-Мюссе), *Простая исторія* (1-ая часть; вторая безцвѣтна, но въ дурномъ смыслѣ—содержаніе безцвѣтно) Мистрисъ Инчбальдъ; *Уэкфильдскій священникъ* Гольдсмита. Напротивъ, Гомеръ (по-крайней-мѣрѣ, у Гнѣдича — греческаго языка я не знаю), Зандъ, Шекспиръ во многихъ мѣстахъ, Гете въ «Фаустѣ», въ «Римскихъ элегіяхъ», Шиллеръ почти весь—всѣ болѣе или менѣе ярки, и у каждаго изъ нихъ яркость эта зависитъ отъ самаго разнообразнаго сочетанія тѣхъ частныхъ условій яркости, которыя я перечислилъ выше.

У насъ со временъ Гоголя всѣ писатели болѣе или менѣе ярки. У М. Вовчка, напротивъ, и образности мало и юморъ неѣдкій, а са-

мый мягкій, чуть-примѣтный, женственный, и люди все являются какъ-будто мимоходомъ, и изъ народнаго быта онъ беретъ больше такіе слои, о которыхъ можно говорить проще, *общѣе* и разсказывать заставляетъ все женщинъ, и подъ всѣмъ протекаетъ у него такая грустная, наивная музыка, что изобразить ее другими словами невозможно.

Вотъ поэтому-то мы находимъ въ М. Вовчкѣ столько оригинальнаго, столько свѣжей поэзіи, искренняго чувства: видно, что все это написано не по мѣркѣ, какъ пишетъ бо̀льшая часть, а вслѣдствіе особой и неотступной потребности. И даже, если мы возьмемъ отрывки изъ лучшихъ народныхъ (только народныхъ!) произведеній Тургенева, Писемскаго и Щедрина и поставимъ ихъ рядомъ съ отрывками изъ Марко Вовчка, то сейчасъ же увидимъ, что у послѣдняго больше наивности. У первыхъ трехъ авторовъ много правды; сравнивая ихъ между собою, мы найдемъ, что у Тургенева больше граціи и осторожной сжатости, у Писемскаго больше силы, у Щедрина больше какого-то полета и взмаха, смѣлости и летучести въ самомъ многословіи, у Щедрина и у Тургенева больше чувства, чѣмъ у Писемскаго; но если, пользуясь правомъ раздвигать и сдвигать промежутки между явленіями, мы поставимъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ и сравнимъ съ М. Вовчкомъ, то увидимъ, что у нихъ у всѣхъ нѣтъ той мягкости въ понятіяхъ и языкѣ, которую мы находимъ у послѣдняго автора. Этою наивностью, оригинальностью изложенія М. Вовчокъ не только озарилъ довольно-обыкновенныя лица помѣщиковъ, не только достигъ высокой прелести въ «Игрушечкѣ», «Институткѣ», «Купеческой дочкѣ», но съумѣлъ придать жизнь такимъ избитымъ сюжетамъ, какъ *Надежа* и *Саша*, заставить даже безъ неудовольствія читать такія неправдоподобныя въ частностяхъ вещи, какъ «Маша».

Очень-затруднительно выбирать отрывки для сравненія; предметы, излагаемые авторами, все разные и однородныя выписки подобрать невозможно. Приводимъ, впрочемъ, отличныя, по нашему мнѣнію, мѣста изъ «Питерщика», «Муму», «Пахаря», «Старца» — предметы все разные, но всякій согласится, что М. Вовчокъ о томъ же самомъ говорилъ бы иначе, и что остальные четыре автора сюжеты М. Вовчка представили бы съ большей яркостью, быть можетъ, даже съ большею силою, но съ меньшою наивностью. Вотъ что̀ мы хотимъ доказать этими отрывками.

Писемскій («Питерщикъ», стр. 365).

«Чухломскій уѣздъ рѣзко отличается, напримѣръ, отъ Нерехтскаго, Кинешемскаго, Юрьевецкаго и другихъ, это вы замѣтите, въѣхавши

въ первую его деревню. Положительно можно сказать, что въ каждой изъ нихъ вамъ кинется въ глаза большой домъ, изукрашенный разными разностями: узорными размалеванными карнизами, узорными подоконниками, какими-то маленькими балкончиками, Богъ вѣсть для чего устроенными, потому-что на нихъ ни откуда нѣтъ выхода; разрисованными ставнями и воротами, на которыхъ иногда попадаются довольно странные предметы, именно: летящая Слава съ трубой; Счастье, катящееся на колесѣ, съ завязанными глазами; Амуръ какого-то особеннаго темнаго цвѣта, и проч. Если такихъ домовъ два или три, то прихоти въ украшеніяхъ еще болѣе усиливаются, какъ будто домохозяева стараются перещеголять въ этомъ случаѣ одинъ другаго; и когда вы, проѣзжая лѣтомъ деревню, спросите попавшуюся вамъ на встрѣчу бабу: «чей это, голубушка, домъ?» Она вамъ сначала учтиво поклонится и навѣрно скажетъ:

«Богачей, сударь». А этотъ другой чей?

«А этта другихъ богачей». Произношеніе женщины, безъ сомнѣнія, обратитъ на себя ваше вниманіе: представьте себѣ московское нарѣчіе нѣсколько на *а*, и усильте его до невѣроятной степени, такъ, что, говоря на немъ, надобно, какъ и для англійскаго языка, дѣлать изъ лица гримасу. Я сказалъ, что вы встрѣтите женщину, на томъ основаніи, что лѣтомъ вы уже, конечно, не увидите ни одного мужика; а если и протащится по перегородкѣ какой-нибудь, въ нитяной понёвѣ, нечесанный и въ разбитыхъ лаптяхъ, то вы, вѣроятно, догадаетесь, что это работникъ, и это дѣйствительно работникъ и непремѣнно Леменецъ (Вологодской губерніи волость)». (Стр. 390).

«Съ такого рода размышленіями пошелъ я по деревнѣ, картины увидѣлъ обыкновенныя; на самой срединѣ улицы стояло цѣлое стадо овецъ, изъ которыхъ одна, при моемъ приближеніи, фыркнула и понеслась маршъ-маршъ въ поле, а за ней — и всѣ прочія; съ одного двора съѣхала верхомъ на лошади лѣтъ четырнадцати дѣвочка; на ободворкѣ пахала баба, по крѣпкому сложенію которой и по тому, съ какою ловкостью управлялась она съ сохою и заворачивала лошадь, можно было заключить объ ея не совсѣмъ женской силѣ; нѣсколько подальше, у воротъ, стояла другая женщина и во все горло кричала: телъ, телъ, телъ, телонька, телонька, телонька, телъ»... (Стр. 395).

«Начну я, сударь, мою исторію съ того, что я вдовецъ и теперича женатъ на другой: первая моя хозяйка, всякій вамъ скажетъ, была эдакая красавица, что другой, ей подобной, можетъ-быть, по всей имперіи, изъ простаго званья, не найдти. Восемь лѣтъ мы съ ней прожили, наперекоръ слова не бывало, а не токмо, что брани, или, тамъ, драки эдакія, какъ промежъ другими бываетъ. И я, сударь, не хвастаясь сказать, въ полтора года, изъ простыхъ мальчиковъ, въ прикащики попалъ, а чрезъ два года и самъ хозяйствомъ обзавелся, и такое у меня объ домѣ стараніе было: спать лежучи, объ домѣ думаешь; по утру встанешь, лба еще не перекрестишь, а все на умѣ, какъ бы денегъ спроворить, да въ домъ послать?... А въ пятый годъ такъ раздышался, что и бабу въ Питеръ выписалъ, еще у меня спорѣй пошло: она была, надо сказать, окромя красоты изъ лица, женщина

умная, расторопная, чистоту любила на всякомъ мѣстѣ. Пойдешь, бывало, раннимъ утромъ, по дѣламъ, воротишься домой: въ фатерѣ любо посмотрѣть: прибрано, примыто, сама сидитъ лучше другой барыни, и такъ мнѣ все это было по нраву, что иной разъ всплачешь потихоньку... Господи, Боже мой, думаешь, за чьи ты молитвы меня эдакимъ счастьемъ поискалъ?...

— И она у тебя умерла? перебилъ я Клементія, желая, чтобы онъ скорѣе перешелъ въ своемъ разсказѣ грустную катастрофу его жизни.

— Два годочка только, сударь, я покрасовался съ ней въ Питерѣ, и самъ не понимаю, что такое приключилось; врядъ-ли ужь тутъ не было чьего-нибудь дурнаго глаза. Больно мнѣ многіе изъ своей братіи въ зависть брать начали, а, можетъ-быть, и понапрасно клеплю, можетъ-быть, и отъ простуды...

Пришла она у меня, дѣло это было по осени, отъ всенощной и прямо на постель.

«Что это, говорю я, Машенька, ты съ позаранку спать забираешься.— «Такъ, говоритъ, мнѣ все что-то не по себѣ».

— Такъ полно, говорю, дурочка, валяться-то, напейся чайку съ мадеркой, лучше испарина прошибетъ. — Хорошо, говоритъ, и встала, и, надо полагать, что чрезъ принужденье, выпила одну чашку, а больше уже и не могла, и опять легла. Поутру еще хуже: я къ доктору, тотъ пріѣхалъ, осмотрѣлъ ее; «хорошо, говоритъ, что позвалъ, у нея горячка начинается». А за тѣмъ самымъ горячка да горячка... Лечили, кажись всякимъ — легче нѣтъ. Недѣлю помаялась, а въ осьмой день и Богу душу отдала...

Клементій остановился; на глазахъ его навернулись слезы.

— Позвольте, сударь, трубочки покурить! сказалъ онъ, смигивая слезы.

Я подалъ ему свою трубку.

— Вотъ эдакъ-то лучше, пораскуражитъ маленько, сказалъ онъ, вытянувъ сразу всю трубку. (Стр. 424).

— Какъ же ты въ деревню попалъ?

— Почти что насильно. — Пачпортъ у меня вышелъ изъ деревни не шлютъ; я было къ одному господину, которому отъ нашего помѣщика приказанье было, такъ и такъ, говорю, нельзя ли мнѣ выдать билетъ. А вотъ, говоритъ, погоди, я тебѣ выдамъ, я ужъ давно до тебя, голубчика, добираюсь. — Задержалъ онъ меня у себя на фатерѣ, пріискалъ попутчика изъ здѣшнихъ мѣстъ, человѣка этакого аккуратнаго, крутаго, сдалъ ему меня подъ расписку, тотъ и свезъ, только что не на привязи. До-сихъ-поръ, батюшка, я этого господина поминаю добромъ. Не распорядись онъ со мной такъ круто, можетъ-быть, погибъ бы совсѣмъ. Предоставилъ меня мой извощикъ прямо въ нашу усадьбу. И стыдно-то, и страшно. Чуть не умеръ въ это утро, ожидаючи, когда къ горницу позовутъ; наконецъ, требуетъ: посмотрѣлъ на меня баринъ: въ первое время ничего не говоритъ; я весь дрожу, слезы у меня въ три ручья такъ и текутъ по щекамъ. И, вотъ, сударь, какая доброта нашего господина: онъ вмѣстѣ со мной прослезился и, забывши то самое, какъ я себя велъ, не поминаючи того, что я

за цѣлый годъ ни подушной, ни оброку не выслалъ, только мнѣ и сказалъ: — ну, говоритъ, Клементій, много мнѣ объ тебѣ дурнаго говорили, но я не вѣрилъ, а теперь вижу, что правда. Наказывать мнѣ тебя стыдно, хоть ты и стоишь этого, и скажу я тебѣ только одно, что чужой стороны тебѣ въ глаза не видать. Коли не умѣлъ тамъ обстоятельно жить, такъ ходи за косулей, и справляй задѣлье. Такъ-то теперь я здѣсь и живу. Въ Питеръ хочется, а попроситься не смѣю; а еслибы, кажись, попалъ туда, и хоть бы какая маленькая линія вышла, такъ бы въ полгода раздышался лучше прежняго.

«Я задумался и Клементій утомился. Мы разстались. Я узналъ исторію всей его жизни, и невольно цѣлую ночь продумалъ объ немъ. По преимуществу меня поразило богатство и разнообразіе его натуры. Онъ не мужикъ—кулакъ, который всѣ свои стремленья ограничиваетъ тѣмъ, чтобы чистыми и нечистыми средствами наколачивать копѣйку, нѣтъ: при всей своей практической оборотливости, ему доступны нѣжныя ощущенія, любовь къ первой его женѣ, истинная горесть послѣ ея смерти и наконецъ религіозное движеніе найти успокоеніе въ томъ, въ комъ находятъ его всѣ страждующіе. И даже въ самыхъ его увлеченіяхъ было что-то широкое, размашистое, и сколько въ то же время въ этомъ мудромъ опознаніи своихъ проступковъ высказалось у него здраваго смысла, который не далъ ему пасть окончательно, и который, вѣроятно, поддержитъ его и на дальнѣйшее время.»

Тургеневъ («Муму», стр. 34).

«Но вотъ Герасима привезли въ Москву, купили ему сапоги, сшили кафтанъ на лѣто, на зиму тулупъ, дали ему въ руки метлу и лопату, и опредѣлили дворникомъ.

«Крѣпко не полюбилось ему сначала его житье. Съ дѣтства привыкъ онъ къ полевымъ работамъ, къ деревенскому быту. Отчужденный несчастіемъ своимъ отъ общества людей, онъ выросъ нѣмой и могучій, какъ дерево растетъ на плодородной землѣ... Переселенный въ городъ, онъ не понималъ, что̀ съ нимъ такое дѣется; скучалъ и недоумѣвалъ, какъ недоумѣваетъ молодой, здоровый быкъ, котораго только-что взяли съ нивы, гдѣ сочная трава росла ему по брюхо; взяли, поставили на вагонъ желѣзной дороги, и вотъ, обдавая его тучное тѣло то дымомъ съ искрами, то волнистымъ паромъ, мчатъ его теперь, мчатъ со стукомъ и визгомъ, а куда мчатъ—Богъ вѣсть! Занятія Герасима по новой его должности казались ему шуткой послѣ тяжкихъ крестьянскихъ работъ; въ полчаса все у него было готово, и онъ опять то останавливался посреди двора и глядѣлъ, разинувъ ротъ, на всѣхъ проходящихъ, какъ-бы желая добиться отъ нихъ разрѣшенія загадочнаго своего положенія, то вдругъ уходилъ куда-нибудь въ уголокъ и, далеко швырнувъ метлу и лопату, бросался на землю лицомъ и цѣлые часы лежалъ на груди неподвижно, какъ пойманный звѣрь. Но ко всему привыкаетъ человѣкъ, и Гарасимъ привыкъ, наконецъ, къ городскому житью. Дѣла у него было немного; вся обязанность его состояла въ томъ, чтобъ дворъ содержать въ чистотѣ,

два раза въ день привезти бочку съ водою, натаскать и наколоть дровъ для кухни и дома, да чужихъ не пускать, да по ночамъ караулить. И, надо сказать, усердно исполнялъ онъ свою обязанность: на дворѣ у него никогда ни щепокъ не валялось, ни сору; застрянетъ ли въ грязную пору гдѣ-нибудь съ бочкой отданная подъ его начальство разбитая кляча-водовозка, онъ только двинетъ плечомъ, и не только телегу, самоё лошадь спихнетъ съ мѣста; дрова ли онъ примется колоть, топоръ такъ и звенитъ у него, какъ стекло, и летятъ во всѣ стороны осколки и полѣнья; а что на-счетъ чужихъ, такъ послѣ того, какъ однажды ночью, поймавъ двухъ воровъ, стукнулъ ихъ другъ о дружку лбами, да такъ стукнулъ, что хоть въ полицію ихъ потомъ не веди, всѣ въ околоткѣ очень стали уважать его; даже днемъ проходившіе, вовсе ужь не мошенники, а просто незнакомые люди, при видѣ грознаго дворника, отмахивались и кричали на него, какъ-будто онъ могъ слышать ихъ крики. Со всей остальной челядью Герасимъ находился въ отношеніяхъ не то, чтобы пріятельскихъ — они его побаивались — а короткихъ; онъ считалъ ихъ за своихъ. Они съ нимъ объяснялись знаками, и онъ ихъ понималъ, въ точности исполнялъ всѣ приказанія, но права свои тоже зналъ, и уже никто не смѣлъ садиться на его мѣсто въ застолицѣ. Вообще Герасимъ былъ нрава строгаго и серьёзнаго, любилъ во всемъ порядокъ; даже пѣтухи при немъ не смѣли драться, а-то бѣда! увидитъ, тотчасъ схватитъ за ноги, повертитъ разъ десять на воздухѣ колесомъ и броситъ врознь. На дворѣ у барыни водились тоже гуси; но гусь, извѣстно, птица важная и разсудительная; Герасимъ чувствовалъ къ нимъ уваженіе, ходилъ за ними и кормилъ ихъ; онъ самъ смахивалъ на степеннаго гусака. Ему отвели надъ кухней каморку; онъ устроилъ ее себѣ самъ по своёму вкусу, соорудилъ въ ней кровать изъ дубовыхъ досокъ на четырехъ чурбанахъ, истинно богатырская кровать; сто пудовъ можно было положить на нее — не погнулась бы; подъ кроватью находился дюжій сундукъ; въ уголку стоялъ столикъ такого же крѣпкаго свойства, а возлѣ столика — стулъ на трехъ ножкахъ, да такой прочный и приземистый, что самъ Герасимъ, бывало, подниметъ его, уронитъ и ухмыльнется. Коморка запиралась на замо̀къ, напоминавшій своимъ видомъ калачъ, только черный; ключъ отъ этого замка Герасимъ всегда носилъ съ собою, на пояскѣ. Онъ не любилъ чтобъ къ нему ходили» (стр. 70).

«Въ трактирѣ знали Герасима и понимали его знаки. Онъ спросилъ себѣ щей съ мясомъ и сѣлъ, опершись руками на столъ. Муму стояла подлѣ его стула, спокойно поглядывая на него своими умными глазками. Шерсть на ней такъ и лоснилась: видно было, что ее недавно вычесали. Принесли Герасиму щей, онъ накрошилъ туда хлѣба, мелко изрубилъ мясо и поставилъ тарелку на полъ. Муму принялась ѣсть съ обычной своей вѣжливостью, едва прикасаясь мордочкой до кушанья. Герасимъ долго глядѣлъ на нее; двѣ тяжелыя слезы выкатились вдругъ изъ его глазъ: одна упала на крутой лобикъ собачки, другая — въ щи. Онъ заслонилъ лицо своей рукой. Муму съѣла полтарелки и отошла, облизываясь. Герасимъ всталъ, заплатилъ за щи,

и пошелъ вонъ, сопровождаемый нѣсколько-недоумѣвающимъ взглядомъ половаго. Ерошка, увидавъ Герасима, заскочилъ за уголъ и, пропустивъ его мимо, отправился вслѣдъ за нимъ. Герасимъ шелъ, не торопясь, и не спускалъ Муму съ веревочки. Дойдя до угла улицы, онъ остановился, какъ-бы въ раздумьи, и вдругъ быстрыми шагами отправился прямо къ Крымскому Броду. На дорогѣ онъ зашелъ на дворъ дома, къ которому пристраивался флигель, и вынесъ оттуда два кирпича подъ мышкою. Отъ Крымскаго Брода онъ повернулъ по берегу, дошелъ до одного мѣста, гдѣ стояли двѣ лодочки съ веслами, привязанныя къ колушкамъ (онъ уже замѣтилъ ихъ прежде) и вскочилъ въ одну изъ нихъ вмѣстѣ съ Муму. Какой-то хромой старичишка вышелъ изъ-за шалаша, поставленнаго въ углу огорода, и закричалъ на него; но Герасимъ только закивалъ головой и такъ сильно принялся грести, хотя и противъ теченія рѣки, что въ одно мгновеніе умчался саженей на сто. Старикъ постоялъ, постоялъ, почесалъ себѣ спину сперва лѣвой, потомъ правой рукой, и вернулся, хромая, въ шалашъ; а Герасимъ все гребъ да гребъ. Вотъ ужь и Москва осталась назади. Вотъ ужь уже потянулись по берегамъ луга, огороды, поля, рощи; показались избы. Повѣяло деревней; онъ бросилъ весла, приникъ головой къ Муму, которая сидѣла передъ нимъ на сухой перекладинкѣ — дно было залито водой — и остался неподвижнымъ, скрестивъ могучія руки у ней на спинѣ, между-тѣмъ, какъ лодку волною помаленьку относило назадъ къ городу. Наконецъ, Герасимъ выпрямился, поспѣшно, съ какимъ-то болѣзненнымъ озлобленіемъ на лицѣ, окуталъ веревкой взятые имъ кирпичи, придѣлалъ къ нимъ петлю, надѣлъ ее на шею Муму, поднялъ ее надъ рѣкою, въ послѣдній разъ посмотрѣлъ на нее... Она довѣрчиво и безъ страха поглядывала на него и слегка помахивала хвостикомъ. Онъ отвернулся, зажмурился и разжалъ руки... Герасимъ ничего не слыхалъ, ни быстраго визга падающей Муму, ни тяжкаго всплеска воды; для него самый шумный день былъ безмолвенъ и беззвученъ, какъ ни одна самая тихая ночь не беззвучна для насъ, и когда онъ снова раскрылъ глаза, попрежнему, спѣшили по рѣкѣ, какъ-бы гоняясь другъ за дружкою, маленькія волны, попрежнему поплескивали и постукивали онѣ о бока лодки и только далеко назади, къ берегу, разбѣгались какіе-то широкіе круги» (стр. 73).

«А между-тѣмъ, въ ту самую пору по т....у шоссе усердно и безостановочно шагалъ какой-то великанъ, съ мѣшкомъ за плечами и съ длинной палкой въ рукахъ. Это былъ Герасимъ. Онъ спѣшилъ безъ оглядки, спѣшилъ домой, къ себѣ въ деревню, на родину. Утопивъ бѣдную Муму, онъ прибѣжалъ въ свою коморку, проворно уложилъ кое-какіе пожитки въ старую попону, связалъ ее узломъ, взвалилъ ее на плечи—да и былъ таковъ. Дорогу онъ хорошо замѣтилъ еще тогда, когда его везли въ Москву. Деревня, изъ которой барыня его взяла, лежала всего въ двадцати-пяти верстахъ отъ шоссе. Онъ шелъ по немъ съ какою-то несокрушимою отвагою, съ отчаяніемъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ радостною рѣшимостью; онъ шелъ; широко распахнулась его грудь, глаза жадно и прямо устремились впередъ. Онъ торопи-

ся, какъ-будто мать старушка ждала его на родинѣ, какъ-будто она звала его къ себѣ послѣ долгаго странствованія на чужой сторонѣ, въ чужихъ людяхъ... Только-что наступившая лѣтняя ночь была тиха и тепла; съ одной стороны, тамъ, гдѣ солнце закатилось, край неба еще бѣлѣлъ и слабо румянился послѣднимъ отблескомъ исчезавшаго дня, съ другой, уже вздымался синій, сѣдой сумракъ — ночь шла оттуда. Перепела сотнями гремѣли кругомъ, въ запуски перекликивались коростели... Герасимъ не могъ ихъ слышать, не могъ онъ слышать также чуткаго ночнаго шушуканья деревьевъ, мимо которыхъ его проносили сильныя его ноги; но онъ чувствовалъ знакомый запахъ поспѣвающей ржи, которымъ такъ и вѣяло съ темныхъ полей, чувствовалъ, какъ вѣтеръ, летѣвшій къ нему на встрѣчу, вѣтеръ съ родины, ласково ударялъ въ его лицо, игралъ въ его волосахъ и бородѣ; видѣлъ передъ собой бѣлѣющую дорогу, дорогу домой, прямую, какъ стрѣла; видѣлъ въ небѣ несчетныя звѣзды, свѣтившія его пути, и какъ левъ, выступалъ сильно и бодро, такъ-что, когда восходящее солнце озарило своими влажно-красными лучами только-что расходившагося молодца; между Москвой и нимъ легло уже тридцать-пять верстъ...

«Черезъ два дня онъ уже былъ дома, въ своей избенкѣ, къ великому изумленію солдатки, которую туда поселили. Помолясь передъ образами, тотчасъ же отправился онъ къ старостѣ. Староста сначала-было удивился; но сѣнокосъ только-что начинался: Герасиму, какъ отличному работнику, тутъ же дали косу въ руки, и пошелъ косить онъ по старинному, косить такъ, что мужиковъ только пробирало, глядя на его розмахи да загребы».

Григоровичъ («Пахарь», стр. 30)

«И точно: лучше старика никто не могъ знать о времени жнитва и посѣва, о свойствахъ земли и зеренъ. Болѣе шестидесяти лѣтъ прожилъ онъ въ поляхъ; постепенно, годъ за годомъ, сроднялся онъ тѣснѣе съ почвой. Въ этомъ сродствѣ его съ полями было что-то трогательное. Эти три-четыре нивы, которыя пахали его отецъ, дѣдъ и прадѣдъ, обусловливали всю его жизнь: отъ нихъ зависѣло благосостояніе дѣтей его и цѣлаго семейства; онъ возлагалъ на нихъ всѣ свои надежды и всегда съ жаркой молитвой поручалъ ихъ Богу. Сколько заботъ и попеченій онѣ ему стоили, сколько тревогъ и радостей принесли онѣ ему, сколько пота пролилъ онъ на нихъ въ эти шестьдесятъ лѣтъ своей трудовой жизни!

«Но и онѣ какъ-будто понимали его; между ними установилось какъ словно тайное сочувствіе. «Эхъ!» скажетъ, бывало, старикъ, оглядывая лѣтомъ свое поле: «вотъ этотъ осьминничекъ, какъ словно обманулъ меня! Мало ли положилъ я въ тебя зеренъ, не жалѣлъ, кажется! и вспахалъ лучше быть нельзя! А колосъ-то жиденькій, соломка тощая!... обманулъ ты меня!...» Проходитъ лѣто, жатва скошена, ужь журавли летятъ въ теплыя стороны. Анисимычъ снова въ полѣ, снова идетъ къ осьминнику, который не оправдалъ его надежды. Старикъ крестится, съ удвоеннымъ стараніемъ бороздитъ его вдоль и поперегъ, раза два лишнихъ боронитъ и вспахиваетъ, прилаживаетъ лиш-

ній камень въ борону. «Ну, теперь ладно, надо быть; не надо бы, кажется, теперь обманывать!» скажетъ онъ, обтирая рукавомъ крупныя капли пота: «такъ запахано, комушка нѣтъ, какъ пухъ землица! Славная будетъ постелька для зернышка!...» И, въ-самомъ-дѣлѣ, на другое лѣто старикъ не натѣшится, глядя на свой осьминникъ, покрытый изъ края въ край частымъ, высокимъ стеблемъ, который плавно колышется на вѣтрѣ, шумя тяжелыми гроздьями золотаго овса. Эти три-четыре нивы были для него цѣлымъ міромъ, въ которомъ жилъ онъ всѣми своими помышленіями, всею душою. Мысли рѣдко переносились за предѣлъ зеленѣющихъ межей, окружавшихъ его поле.

«Но и въ этомъ тѣсномъ горизонтѣ научился онъ многому. Премудрость Божія не такъ же ли безконечно поразительна въ стеблѣ травы, какъ и въ громадныхъ явленіяхъ природы? Довольно было старому пахарю прожить свой вѣкъ подъ этимъ узенькимъ клочкомъ неба, между этими бѣдными холмами и рощами, чтобъ пріобрѣсть опытъ и знаніе, которые составляютъ мудрость сельскаго жителя. Не этотъ ли опытъ и знаніе помогали старику поддерживать благосостояніе семьи и тѣхъ окружающихъ, которые хотѣли слушать его совѣтовъ?

— А что, Анисимычъ, не пора ли овесъ сѣять? вымолвилъ сосѣдъ, выходя весною за ворота, чтобъ погрѣться на солнцѣ:—вишь, теплынь какая стала, даже паръ отъ земли пошелъ!

— Нѣтъ, погоди, скажетъ старый пахарь: — ходилъ я ноньче въ поле, глядѣлъ: листъ что-то малъ на дубкахъ, не совсѣмъ еще развернулся; ждать надо холоду, стало-быть; можетъ-статься, еще будетъ и сиверка: овесъ этого не любитъ! Сѣй его, какъ листъ дубовый развернется въ заячье ухо: тогда и сѣй, потому, значитъ, земля тогда готова—за свой родъ принялись» (стр. 34).

«Нѣтъ, какъ бы сильно ни чувствовали мы природу, она никогда не можетъ говорить намъ столько, сколько скажетъ пахарю. Такъ ужь судьба поставила насъ, что между природой и нами нѣтъ и быть не можетъ близкой, родственной связи. Мы только мимоходомъ восхищаемся ея красотами, или вдаемся, по поводу ея явленій, въ сухія теоріи и сухія изслѣдованія: въ обоихъ случаяхъ, не является ли она передъ нами книгою, въ которой мы любуемся картинками, но не разбираемъ текста?

«Простолюдина мало трогаютъ красоты ея; онъ не размышляетъ, какъ мы, о ея таинствахъ (размышлять, судить о чемъ-нибудь, не значитъ ли отрѣшать уже себя нѣкоторымъ образомъ отъ обсуждаемаго предмета, считать себя, если не выше, то хотя исключеніемъ?) Пахарь сродняется съ природою отъ колыбели; онъ покоряется, безъ размышленія, ея законамъ; онъ живетъ ея жизнью; его судьба, радости и горести — все въ рукахъ ея. И природа, какъ-будто сознавая дѣтское безсиліе пахаря и тронутая его завистностью, постепенно бросаетъ къ ногамъ своимъ таинственные свои покровы; она открываетъ ему грудь свою и знакомитъ его съ собою. Величаво-молчаливая съ нами, гордыми міра сего, она говоритъ пахарю и распускающимся листомъ, и восходомъ солнца, говоритъ ему мерцаньемъ звѣздъ,

теченіемъ вѣтра, полетомъ птицъ, которые для насъ, гордыхъ міра сего, останутся навсегда языкомъ непонятнымъ» (стр. 37).

«Въ жизни пахаря, которая протекала такъ же покойно и тихо, какъ песокъ стеклянныхъ часовъ, было, однакожь, одно сильное потрясеніе. На семью его пала рекрутская очередь. Его не предупредили въ этомъ, слова не сказали: думали сдѣлать лучше. Но разъ ночью пришли къ нему въ избу и захватили одного изъ сыновей его, перваго, который попался. (Говоря потомъ объ этомъ, онъ сказывалъ, что сердце его въ эту минуту сдѣлалось вдругъ тяжелымъ, какъ пудъ, и словно окаменѣло). Но случай этотъ поразилъ его такъ сильно только по своей неожиданности. Прійдя въ себя, старикъ побѣжалъ въ контору и попросилъ, чтобъ ему самому предоставили выборъ дѣтей. На другой день онъ отвезъ всѣхъ трехъ сыновей въ городъ.

«До-сихъ-поръ еще многимъ лицамъ, присутствовавшимъ на ставкѣ, памятна сцена, когда, послѣ произнесенія очередпаго имени, въ дверяхъ присутствія явился вдругъ сѣдой, шестидесятилѣтній старикъ. «Ваше благородіе! сказалъ онъ, обращаясь ко всѣмъ членамъ присутствія: очередь за моею семьею. У меня три сына... пытался — не могу выбрать: всѣ равно дороги!... Соблаговолите позвать всѣхъ трехъ... выбирайте ужь лучше сами!...» Въ комнату вошли три парня, одинъ краше другаго. Двое стали по правую руку отца, одинъ — по лѣвую. Старикъ обнялъ поочередно всѣхъ троихъ и произнесъ, положивъ имъ сперва руку на голову: «всѣ милы!... всѣ дороги!... всѣ хороши!...» Тутъ дыханіе какъ-бы стѣснилось въ груди его; онъ остановился, покачалъ головой, тяжко вздохнулъ и вдругъ залился слезами. Присутствующіе, тронутые его положеніемъ, стали его успокоивать. Онъ попросилъ позволенія кинуть жребій. Вынувъ изъ кармана три мѣдные гроша, онъ подалъ ихъ дѣтямъ, внимательно потомъ осмотрѣлъ каждый грошъ, положилъ на каждомъ знакъ зубами и велѣлъ бросить ихъ въ шапку.

— Вамъ, ваше благородіе, сказалъ онъ, обратясь опять ко всѣмъ:— вамъ, я вижу... вы о нихъ также жалѣете... Прикажите ужь лучше позвать какого ни на есть человѣка, который не видалъ меня съ ними... Пускай ужь лучше онъ жеребій вынетъ.

Позвали солдата. Старикъ сказалъ ему: — какъ вынешь, никому не показывай... мнѣ отдай... Жребій вынутъ. Старикъ взялъ грошъ у солдата, отошелъ къ окну, взглянулъ на него, дрогнулъ, но тотчасъ же оправился, перекрестился и возвратился къ дѣтямъ.

— Вася, вымолвилъ онъ, оборотясь къ младшему: — Вася... голубчикъ мой! подойди ко мнѣ.

Онъ снова положилъ ему руку на голову, съ минуту глядѣлъ на него молча и наконецъ произнесъ:

— Ты былъ... да̀, былъ ты мнѣ хорошимъ сыномъ... завсегда хорошъ былъ... будь же хорошимъ солдатомъ царю нашему...

Онъ обнялъ его, благословилъ и, закрывъ ладонью лицо, пошелъ къ двери, плача какимъ-то дѣтскимъ плачемъ».

Щедринъ («Старецъ», «Рус. Вѣстникъ» томъ 6 стр. 274—275).

«Случился въ это самое время въ Ножовкѣ засѣдатель. Какъ ни секретно мы свое дѣло устроивали, однако онъ пронюхалъ, что, вотъ-дескать, померъ старикъ безъ покаянія; пришелъ къ намъ въ домъ.

— Отъ какой, говоритъ, причины померъ здѣсь старикъ, да и чтой-то за старикъ таковъ, давайте, говоритъ, мнѣ его видъ.

А вида у отца точно что никакого не было, по той причинѣ, что пашпортъ считалъ онъ дѣломъ сугубогрѣховнымъ. У насъ насчетъ этого такой разговоръ былъ, что пашпортъ ли, печать ли антихристова—все это едино. Есть книга такая, Трифологія называется, и въ ней именно наказано: «опасатися трехъ вещей: звѣринаго образа, карточекъ и наипаче всего душепагубныя печати». Опять таки и Зиновій мнилъ на вопросъ: «которыми вещами хощетъ увязати человѣкомъ умъ сопротивникъ Божій?»

«Прямо отвѣчаетъ: «повелитъ творити нѣкая письмена на карточкахъ, съ тайнымъ именемъ, да не могутъ безъ тѣхъ въ пути шествовать». Ну и выходитъ, что карточки пашпортъ и есть.

«Однако, засѣдатель всего этого разговору не понимаетъ: — мнѣ, говоритъ, подавай пашпортъ.

— Да гдѣ жь его возьмешь, коли нѣтути? говоримъ мы ему.

— Такъ нѣтъ, стало, пашпорта—ладно; это пунктъ первый. А теперь, говоритъ, будетъ пунктъ второй: кто бишь изъ васъ старика отправилъ? и въ какихъ это законахъ написано, чтобъ смѣлъ человѣкъ умереть безъ напутствія?

«Мы такъ, сударь, и помертвѣли всѣ.

— Да̀, говоритъ:—это подлежитъ дѣло изслѣдовать, потому-что и законами не повелѣно безъ напутствія умирать!

«А самъ знаешь, подошелъ къ мертвому-то, да еще надругаться на немъ наровитъ.» Я въ тѣ поры еще молоденекъ былъ, кровь-то во мнѣ играла — ну, и обидно мнѣ это показалось. «А что, говорю, много жалованья, ваше благородіе, получаешь за то, чтобъ надъ праведникомъ надругаться?

«Такъ онъ только засмѣялся, антихристъ, да въ щеку мнѣ легонько потрафилъ (на той же стр.).

«Конечно, сударь, и отецъ и дѣдъ мой, всѣ были люди семьянистые, женатые; стало-быть нѣтъ тутъ грѣха. Да и Богъ сказалъ: «не добро быти единому человѣку». А все-таки какая-нибудь причина тому есть, что писаніе, коли порицаетъ какую ни на есть вещь, или установленіе, или дѣяніе, не сравнитъ ихъ съ мужемъ непотребнымъ, и все съ дѣвкой жидовкой, и женой скверной. Да и Адамъ не самъ собой въ грѣхопаденіе впалъ, а все черезъ Евву. Оно и выходитъ, что баба всему будто на землѣ злу причина и корнь (стр. 288).

Старецъ Асафъ, къ которому я присталъ, подлинно чудный человѣкъ былъ. Въ то время, какъ я въ лѣсахъ поселился, ему было почитай болѣе ста лѣтъ, а на видъ и шестидесяти никто бы не сказалъ: такой онъ былъ крѣпкій, словоохотный, разумный старикъ. Никому изъ пустынниковъ не было вѣдимо, откуда онъ пришелъ и когда

въ лѣсахъ поселился, а самъ никому объ этомъ ни сказывалъ. Должно быть, однакожь, былъ онъ родомъ поморецъ, потому-что частенько объ той сторонѣ проговаривался.

Лицомъ онъ былъ чистъ и румянъ; волосы на головѣ имѣлъ мягкіе, бѣлые, словно снѣгъ, и не больно длинные; глаза голубые, взоръ ласковый, а губы самыя пріятныя.

«Онъ меня согрѣлъ и пріютилъ. Жилъ онъ въ то время съ ученикомъ Іосифомъ—такой, сударь, убогонькій, словно юродивый. Не то, чтобъ онъ старику служилъ, а больше старикъ объ немъ стужался. Такая была ужь въ немъ простота и добродѣтель, что не могъ будто онъ и жить, когда не было при немъ такого убогонькаго; ровно сердце у него самого пострадать за кого ни на есть просилось (стр. 289).

«Время, которое я провелъ съ Асафомъ въ пустынѣ, самое для меня памятное. Въ ту пору не завелось еще въ тѣхъ мѣстахъ ни безчинствъ, ни разврату; проводили мы дни въ тишинѣ, трудѣ и молитвѣ. А трудъ былъ одинъ: книги божественныя переписывали. Придетъ, бывало, весна, старцы, кои помоложе, и сплывутъ съ книгами внизъ, да и продадутъ ихъ тамъ, а по осени домой съ выручкой возвращаются. Разговоровъ промежь себя у насъ было мало, развѣ, что поученій отца Асафа слушали. Говорилъ онъ очень складно, особливо про антихристово пришествіе. Онъ и выкладки такія дѣлалъ, и выходило, что быть тому дѣлу въ скорости, однако, вотъ и до сей поры не дождались.

Насчетъ антихриста, доложу я вамъ, вещь это подлинно любопытная. У «особниковъ» всякое почесть слово антихристъ выходитъ; потому-что вся механика, можно сказать, у него въ рукахъ. Недостанетъ у него въ словѣ числа—онъ тебѣ прибавитъ букву какую ему нужно; лишняя есть буква — онъ и отсѣчетъ не задумается. А не то возьметъ онъ, примѣрно, хоть русское слово; не выходитъ оно по выкладкѣ—онъ по-гречески переведетъ и опять въ число. Бываетъ, что и такъ не выходитъ, онъ титлу прибавитъ: господинъ, или графъ, или князь, или духъ тьмы. До-тѣхъ-поръ этакъ дѣйствуетъ, покуда и подлинно антихристъ выйдетъ. На простой народъ это большое дѣйство имѣетъ.

«А впрочемъ, живучи въ пустынѣ, и не до разговору, баринъ. Тамъ человѣкъ совсѣмъ будто другой дѣлается. Особливо лѣтомъ. Выдешь это на лужайку: вверху сине, кругомъ лѣсъ неисходный; птица тебѣ всякая поетъ, особливо кукушечка; тамъ будто заяцъ пробѣжитъ, а вдалекѣ трескъ, значитъ, медвѣдь себѣ дорогу прокладываетъ. И вѣдь все слышно; слышно даже будто какъ трава растетъ... запахъ такой мягкій, милый, потому-что все это дичь, все словно лѣсомъ землею пахнетъ. И на сердцѣ ни печали, ни досады, ни заботы нѣтъ; тутъ и невѣрующій въ Бога повѣруетъ».

Къ тѣмъ отрывкамъ изъ М. Вовчока, которые мы привели прежде, прибавимъ здѣсь нѣсколько такихъ, въ которыхъ есть и разговоры, и описанія наружностей, и изображенія мелкихъ жизненныхъ дрязгъ,

гдѣ ѣдкому юмору было бы большое раздолье. Пусть видитъ самъ читатель, какъ обращается съ этими предметами М. Вовчокъ.

М. Вовчокъ («Саша», стр. 83).

«На другой день Сашу шлютъ и за хлѣбомъ къ чаю, Сашу шлютъ и къ портнихѣ. Ключница рветъ все и мечетъ въ гнѣвѣ; кучеръ Сашѣ ворота настежь растворяетъ, шутитъ съ ней; поваръ (онъ въ тотъ день тверезъ былъ), поваръ кричитъ на всѣхъ, швыряетъ дровами по избѣ... Парни хохочутъ. Я ужъ не знаю, что и думать.

— Саша! говорю, что̀ ты мыслишь? Какъ же это? его послушались, что̀ ли? Какъ же пускаютъ тебя?

— Да̀, вѣрно, ублажилъ ихъ, говоритъ.—Ты не тревожься попустому. Люди не враги себѣ: они подумали—и уладили, себѣ не въ обиду.

— Лучше ты, Саша, заплачъ, говорю.

— Видно, тебѣ слезъ-то дѣвать нѐкуда! У меня жь не обильно, отвѣтила...

«Свидѣлась Саша съ нимъ, но веселья у ней нѐ прибыло.

«Что̀ жь, Саша?» радъ-то онъ, думаю, какъ былъ?

— Радъ, отвѣтила.

— А сладилъ-то все это какъ?

— Поклялся имъ, побожился, что жениться на мнѣ не женится. Присягнулъ имъ—теперь они спокойны. Пусть его утѣшается.

— Хоть и обидно, говорю, да все тревоги такой не будетъ. А, можетъ послѣ...

— Попусту и не надѣйся, перебила меня:—онъ пугливъ больно. Не всякую вѣдь любовь въ люди показать хочется, милая! Какъ не цвѣтно наряжена, не красно убрана, то дома, въ уголкѣ подъ лавку хоронятъ: «сиди, любовь, утѣшай меня, а въ люди не выходи; осудятъ люди, и хозяина пристыдятъ».

— Ахъ, Саша, говорю:—онъ любитъ тебя!

— Ахъ, себя-то самого еще больше любитъ, скажу тебѣ.

— Нѣтъ, не грѣши, Саша. Это его, просто обошли, отуманили; потерялся онъ; а любить любитъ. Какъ убивался по тебѣ!

— А, вотъ какъ. Мальчишка изъ чужаго саду себѣ яблочко добудетъ, и бьютъ его за то, вѣдь онъ плачетъ, а яблочко отдать не хочется. А спроси-ка ты—признаться-то стыдится.

— Все ты, Саша, горе себѣ выискиваешь, словно имъ только и живется тебѣ.

— Какое горе! ей-Богу, не горе! Такъ мысли мои».

М. Вовчокъ («Купеческая дочка», стр. 92).

«Тутъ выскочилъ изъ избы мальчишка быстроглазый, круглолицый, черный какъ словно жучокъ. Выглянулъ изъ дверей поваръ въ бѣломъ колпакѣ, сморщенный, сѣдой; глазки у него маленькіе, носикъ остренькій и кривой; борода не брита давно. Выглянулъ, посмотрѣлъ, табаку понюхалъ и пошелъ. Вотъ, словно! сказалъ:—видали и такихъ!» Вышла

на крыльцо изъ хоромъ старушка, въ темномъ платьѣ и въ бѣломъ чепцѣ, степенная, строгая старушка, и подозвала меня къ себѣ» (стр. 94).

«Пришла дѣвушка (купеческая дочка) ужинать въ людскую и все молча сидѣла. Если что и спросятъ, то сквозь зубы отвѣчала. Ефимъ усмѣхался и поглядывалъ на нее. А она противъ него сидитъ. Платье на ней розовое, въ ушахъ длинныя подвѣски стразовыя качаются, коса на самой маковкѣ подъ гребешкомъ. Изъ себя хоть и худощава и желтолица, а хороша. Вечеромъ еще лучше она намъ показалась: глаза такіе яркіе, умные; брови темныя, дугой; а нраву видно она насмѣшливаго и кичливаго: сидитъ себѣ, тонкія губы сжавши.

Заговаривали мы съ ней, заговаривали, а тамъ и замолкли себѣ. Вдругъ Ефимъ къ ней:

— А что, красавица, какъ имя ваше, какъ отчество?

Она какъ глянетъ, ровно водою студеною окатила.

— Что угодно? протянула. Голосъ-то у ней не звучитъ словно.

Ефимъ даже вспыхнулъ весь, ну, а не оплошалъ таки.

— Какъ по имени, по отчеству величаютъ? повторилъ.

— Зовутъ меня Анною, а по батюшкѣ Акимовной, отвѣтила ему дѣвушка, и такъ словно топоромъ отрубила.

Крѣпко, кажись, она спѣсивостью нашего Ефима задѣла; онъ только кудрями тряхнулъ и проговорилъ:

— Желаю много лѣтъ здравствовать Аннѣ Акимовнѣ!

Глаза у него сверкнули и замолчалъ онъ на весь вечеръ. А какъ расходились мы, онъ на нее посмотрѣлъ такъ язвительно, усмѣхнулся и прищурился, что Анна Акимовна вспыхнула и отвернулась, словно осерчала.

Вотъ на другой день проситъ Анна Акимовна барыню, чтобъ за ея пожитками послать. Она прежде проживала у тётки, городской мѣщанки; тамъ ея и все добро хранилось; такъ вотъ она и проситъ барыню. Барыня сейчасъ приказала:

— Пусть Ефимъ сходитъ да заберетъ, или пусть съѣздитъ. Скажи ему.

Выходитъ Анна Акимовна на крыльцо, а тутъ и всѣ люди во дворѣ, и Ефимъ тутъ же. Вотъ она оглядываетъ сверху съ головъ, да протяжно такъ и говоритъ:

— А кто тутъ у васъ Ефимъ кучеръ?

Словно она его и не знаетъ, а не правда; сейчасъ всякій бы сказалъ, что не правда. Не знаетъ, а чего жь это вся вспыхнула! чего въ его сторону и не глянетъ?

— Кто у васъ тутъ кучеръ Ефимъ?

Мы только всѣ переглянулись, а поваренокъ Миша такъ и покатился со смѣху, да и всѣ-то улыбнулись. А Ефимъ тряхнулъ кудрями и выступилъ ближе къ ней.

— Вотъ ударъ-то сердцу молодецкому! обращается Ефимъ къ намъ. —Мы думали, что про насъ и въ Москвѣ писано, а выходитъ-то что? Невѣдомые, незнакомые люди совсѣмъ! красная дѣвушка щурилась и жмурилась, да лица нашего не признала!

Анна Акимовна его рѣчь перебиваетъ:

— Барыня приказала мои пожитки перевезти, да не мѣшкать съ этимъ приказывала.

— Помилуйте Анна Акимовна! какъ можно-съ! Мы въ сей же мигъ... А много подводъ прикажете вырядить?

Самъ-смиренникомъ стоитъ, а ужь лукавство-то такое на лицѣ!

Анна Акамовна смутилась и разсердилась, и слова не отвѣтила— ушла.

Кто стоялъ тутъ на дворѣ, посмѣялись и разошлись, только еще Ефимъ остался.

Выходитъ опять Анна Акимовна.

— Что жь не ѣдешь куда посланъ? сурово спросила его и глянула изъ-подлобья враждебно.

— Да вотъ отвѣту мнѣ не дали; отвѣту жду: сколько...

— У меня пожитковъ не много.

И ушла, и дверью за собою хлопнула.

Ефимъ вытянулъ возище громадный, что сѣно возятъ, запрегъ и поѣхалъ къ ея тёткѣ.

Ѣдетъ оттуда; видимъ, везетъ сундучишко голубенькій, жестью обитый, да двѣ подушечки, да одѣяльце легонькое. Поставилъ все добро середь воза, и такъ ужь кричитъ на лошадь да понукаетъ, что всѣ сосѣди изъ оконъ высунулись, глазѣютъ. Тамошнія мѣщанки такія ужь люботницы всесвѣтныя, не приведи Господи!

— Что, что везутъ? слышно, а добро-то только вверхъ подбрасывается отъ каждаго толчка; тяжести тамъ мало было.

Гляну, а изъ хоромъ, изъ окошка сама Анна Акимовна смотритъ, да блѣдная такая, глаза блестятъ и губы дрожатъ.

Ефимъ въѣхалъ на дворъ и крикнулъ:

— Эй, людъ крещеный! идите, да великую добычу поднять помогите!

Анна Акимовна выбѣжала.

— Какъ ты смѣешь зубоскалить? прошептала. — Какъ ты смѣешь? Я барынѣ скажу.

— Переведите духъ, Анна Акимовна; больно ужь осерчали вы, ей-Богу!»

Разумѣется, тотъ, кто не читалъ всего М. Вовча, не будетъ имѣть яснаго представленія о его разсказахъ по этимъ отрывочнымъ примѣрамъ; точно также, какъ по двумъ отрывкамъ изъ «Муму» нельзя имѣть понятія не только о всей дѣятельности Тургенева, но и объ одной повѣсти «Муму». Мы имѣли въ виду только языкъ, какъ живое выраженіе строя частныхъ понятій, вносимыхъ авторомъ въ дѣло; а для знакомства съ этимъ, кажется, достаточно послѣднихъ отрывковъ и тѣхъ описаній, которыя мы привели еще прежде. Теперь вопросъ: почему мы взяли примѣры другихъ авторовъ, именно: изъ «Муму», «Пахаря», Питерщика» и «Старца?» Изъ «Муму» мы взяли потому, что въ ней бездна чувства, простоты и краткости, тѣхъ самыхъ свойствъ,

которыя мы въ другой частной формѣ встрѣчаемъ у М. Вовчка. Изъ «Пахаря» потому, что въ немъ г. Григоровичъ мало имѣлъ въ виду быть творцомъ, а просто съ чувствомъ описалъ жизнь хорошаго старика. «Интерщика» мы предпочли «Плотничной артели» и «Лѣшему» за большую мягкость сюжета (чтобъ было хотя сколько-нибудь однородно съ мягкостью М. Вовчка). «Старца» Щедрина, мы взяли потому, что въ немъ, во-первыхъ, весь разсказъ ведется отъ лица простолюдина; а во-вторыхъ, потому, что разсказъ этотъ, какъ извѣстно, очень поэтиченъ и исполненъ чувства. Сравненіемъ этимъ (всякій долженъ видѣть), мы вовсе не хотимъ унизить народныя повѣсти и разсказы другихъ авторовъ. Да и такія вещи, какъ «Муму», «Три разсказа» Писемскаго и т. д., не удалось бы унизить и тому, кто бы желалъ это сдѣлать; но, основываясь на законности стремленія къ новизнѣ, мы находимъ, что М. Вовчокъ внутренно новѣе. Я думаю, многіе замѣчали за собой, что въ разныхъ литературахъ особенно нравится то, что мы не привыкли въ нихъ встрѣчать. Такимъ-образомъ въ англійской литературѣ поражаютъ особенно страстность, смѣлость общей идеи, хотя сколько-нибудь отклоняющейся отъ семейнаго идеала: Дженъ Эйръ, хотя героиня и «мучитъ любимаго человѣка цѣлые годы, потому-что у него сумасшедшая жена», какъ справедливо выразилась недавно г-жа Евгенія Туръ, кажется намъ уже довольно-страстнымъ произведеніемъ, благодаря нѣкоторымъ частностямъ. Во французской литературѣ мы привыкли встрѣчать крайности: или карриватурный комизмъ, или одно величіе, огненныя страсти, утонченную нѣжность, смѣлость общей идеи и неумѣнье замкнуть ее въ конечныя живыя частности. Потому-то простая естественность характеровъ, умѣренный, трезвый комизмъ рядомъ съ трагическимъ, тонкимъ и граціознымъ, у французовъ особенно-поразителенъ. (Примѣромъ можетъ служить «Horace» Жоржа Занда). У насъ яркость образовъ, ѣдкость юмора, или комизма, мелочь нравовъ въ разговорахъ и подробные отчеты о физическихъ движеніяхъ дѣйствующихъ лицъ въ послѣднее время были постоянными явленіями. У М. Вовчка этого нѣтъ. Обвинять М. Вовчка за-то, что у него мало ѣдкаго комизма, что онъ рисуетъ русскія картины слишкомъ-мягко, было бы совсѣмъ несправедливо. Развѣ обвиняли мы Гоголя за то, что онъ не умѣлъ *хвалить*, не умѣлъ изображать ни духовно-граціозныхъ женщинъ (физически онѣ у него всѣ красавицы), ни симпатичныхъ мужчинъ; вѣдь и въ нашихъ губернскихъ городахъ, рядомъ съ Чичиковыми и Ноздревыми, давно уже жили Лаврецкіе и Рудины. Присутствіе неудачнаго Тентетникова подтверждаетъ наше мнѣніе. Строгой архитектурной постройки мало въ разсказахъ М.

Вовчка; но вѣдь и безъ нея вещи бываютъ великолѣпны. «Дворянское Гнѣздо» Тургенева, архитектурно ниже, чѣмъ, напримѣръ «Затишье»; «Затишье» имѣетъ большія достоинства, однако оно не можетъ стать въ-уровень съ «Гнѣздомъ», ни по ширинѣ историческаго содержанія, ни по высотѣ идеаловъ. Мы не ждемъ, однако, отъ М. Вовчка какой-нибудь школы; его повѣсти останутся особнякомъ, какъ стихи Кольцова. И еще вотъ что̀: мы бы посовѣтовали автору не употреблять во зло своихъ силъ; писать меньше и осмотрительнѣе. «Лихой человѣкъ» хуже прежнихъ произведеній; въ немъ авторъ слишкомъ напираетъ на тѣ точки, въ которыхъ лежитъ его оригинальность; легкіе, отрывочные разговоры тянутся слишкомъ-долго; пѣвучія картины и мѣткія, наивныя замѣтки, которыя попадались прежде рѣже, и какъ-то озаряли издали все остальное; въ этой последней повѣсти являются чаще и становятся натянутѣе. Вся вещь длинна и не поймешь, кто разсказываетъ: самъ авторъ, или какая-нибудь простолюдинка. Вотъ примѣры:

«Ее тяготила долгая ночь, и вдругъ она удивилась разсвѣту, точно разсвѣтъ не въ свою пору пришелъ».

«Она все утро спѣшно работала, и кончила всѣ свои работы въ домѣ. Что̀ прежде она не всегда успѣвала сдѣлать въ день, теперь было сдѣлано въ два часа, и она осталась съ пустыми руками». Русскій Вѣстникъ. 1861. № 1. «Лихой человѣкъ», стр. 366).

«Что̀ дѣлать мнѣ? что̀ мнѣ дѣлать? твердила она, ходячи изъ угла въ уголъ и тоскуя».

«Ее томила тишина—улица была пуста, всѣ уже ушли на работу. Ей казалось, что и солнце стоитъ, что и часы не проходятъ. Вдругъ мелькнула ей мысль, что Петръ ее ждетъ у рѣки, на берегу, подъ той ракитой, гдѣ онъ разъ ее встрѣтилъ и воды ей зачерпнулъ и долго съ нею не прощался...» (Стр. 367).

«Вечеромъ отецъ ей приказывалъ, разспрашивалъ; она слушала его и отвѣчала ему, а въ то же время она точно прислушивалась къ своему сердцу, какъ ея сердце и занывало, и замирало, и сжималось: «больно-то какъ!» чувствовалось ей, непривычной къ печали, и печаль ее удивляла и пугала: и сильна, и больна казалася, и неутомима, и привязчива». (Стр. 368).

«Сердце ея ныло отъ обиды и взяла ее такая тоска по немъ. Не знала она, куда бъ ей бѣжать, гдѣ тоску свою дѣвать, не въ моготу ей стало было оставаться въ душной избѣ, тяжело видѣть безмятежнаго отца. Она вышла на улицу». (Стр. 368).

«Когда она шла на свиданье, она сбиралась говорить съ нимъ много, сбиралась оказать ему много, много веселаго, повеселиться съ нимъ, а слова, что дальше, то замирали, и веселость утихала, мѣсто того заступало что-то чудное, до того незнаемое, что̀ тише веселья и радостнѣй грусти». (Стр. 371).

«Параша плакалась на свою судьбу, вспоминала и жалѣла свое веселое, безпечное прошлое время, то время, когда столько людей занимали ея мысли, тѣшили ее и забавляли. Тѣ люди стояли передъ ней тогда цѣлой вереницей, не мѣшая другъ дружкѣ, печальные, бойкіе, отуманенные, любящіе—всѣ равно ее забавляли, а теперь не то! Теперь у ней въ мысляхъ *одинъ*, по немъ сердце болитъ, и сколько ужь горя въ короткое время принесла ей любовь, а ее тянетъ какою-то силой къ нему одному... Какъ ни закрывай она глаза, какъ ни пой пѣсни, одинъ онъ предъ нею, одинъ онъ на умѣ». (Стр. 375).

«Цѣлые ряды стояли всякихъ саней: и съ рѣзною спинкою, и совсѣмъ безъ спинки, и большихъ такихъ, что по лѣсу въ нихъ не проѣдешь, и такихъ маленькихъ, что рослому человѣку, кажись, можно только одну руку положить.

День былъ теплый. Ночью выпало много снѣгу: онъ мягкими сугробами лежалъ и бѣлѣлъ на солнцѣ; а солнце, какъ ни ярко свѣтило, не мѣшало виться снѣжнымъ звѣздочкамъ и незамѣтно быстро осыпать прохожихъ добрыхъ людей. Добрые люди только поглядывали на небо, дивясь, изъ какой это тучки снѣгъ—небо было голубое, ясное». (Стр. 328).

Въ прежнихъ разсказахъ авторъ не вдавался въ психологію, *не раздувалъ искръ.*

К. Леонтьевъ.

СВОДНЫЕ БРАКИ ВЪ РОССІИ.

Какъ заключаются сводные браки? *Практическая замѣтка* П. Муллова. *Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи.*

«Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній» принадлежитъ къ числу такихъ изданій, о которыхъ никто не можетъ отозваться иначе, какъ съ полнымъ уваженіемъ, и о которыхъ, поэтому-то, никто ничего и не говоритъ. Да и трудно газетной, фёльетонной критикѣ говорить о серьёзномъ журналѣ, въ которомъ каждая статья вызываетъ на размышленіе. Вслѣдствіе этого «Архивъ ист. и практ. свѣд.», не находя достойной оцѣнки, остается малоизвѣстнымъ, и даже люди, жаждущіе серьёзной пищи для ума, особливо въ провинціяхъ, не имѣютъ объ этомъ почтенномъ журналѣ ни малѣйшаго понятія. Пишущій эти строки далекъ отъ всякой претензіи исправить такое печальное упущеніе нашихъ критиковъ и рецензентовъ, потому-что и самъ онъ не чувствуетъ себя достаточно-сильнымъ для того, чтобъ познакомить публику со всѣмъ богатствомъ содержанія «Архива». Но, чтобъ дать ей какое-нибудь понятіе о вопросахъ, разбираемыхъ этимъ журналомъ,

мы выбрали изъ нихъ одинъ, наиболѣе-живой и вызывающій на размышленіе, вопросъ о «сводныхъ бракахъ».

«Сводными браками (говоритъ г. Мулловъ, «Архивъ» 60—61 г. стр. 21) называются у насъ, по-крайней-мѣрѣ въ нашей юридической практикѣ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ такіе браки, которые заключаются между единовѣрцами, или даже православными, безъ всякаго участія церкви, безъ благословенія духовнаго лица, безъ вѣнчанія по обряду церковному». Такіе браки въ Россіи, по мнѣнію г. Муллова, можно отчасти сравнить *съ гражданскими браками*, существующими во Франціи: разница (говоритъ онъ) заключается только въ томъ, «что гражданскіе браки дозволены во Франціи закономъ, тогда-какъ *сводные браки* у насъ строго воспрещаются, и по закону строго должны быть преслѣдуемы» («Арх.» стр. 21).

Общество французское смотритъ на *гражданскій бракъ* какъ на свободный, допускаемый закономъ союзъ мужчины съ женщиною; а русское общество «ставитъ *сводные браки* на одну доску съ простымъ наложничествомъ и конкубинатствомъ», хотя такое «клеймо (говоритъ авторъ) не пристаетъ, да и не можетъ пристать къ лицу тѣхъ, которыхъ хотятъ снабдить имъ» («Арх.» кн. 1-я ст. 21).

Сводные браки составляютъ самое обыкновенное и обыденное явленіе въ нашихъ сѣверовосточныхъ губерніяхъ (Архангельской, Вологодской, Вятской, Пермской и Оренбургской), которыя издавна служили убѣжищемъ для всякаго толка раскольниковъ. Заключенію этихъ браковъ между ними, по мнѣнію автора, «много способствуетъ корыстолюбіе властей» («Арх.» кн. 1 стр. 22).

Постараемся показать, въ какой мѣрѣ справедливо-приведенное заключеніе автора.

Авторъ сочувствуетъ правительственнымъ заботамъ объ улучшеніи матеріальнаго быта крестьянъ и говоритъ, что теперь же необходимо приняться и за его образованіе, ибо матеріальное благосостояніе безъ умственнаго развитія, если и мыслимо, то непрочно и не может подвинуть народа впередъ. А «въ цѣли образованія сельскаго народонаселенія большею частью разсчитываютъ на помощь сельскаго духовенства; мысль эта, взятая въ отвлеченіи, по мнѣнію автора, совершенно-вѣрна; но нельзя не сознаться (говоритъ онъ), что наши надежды до-тѣхъ-поръ не осуществятся, пока образованіе самого духовенства будетъ оставлено на прежнемъ положеніи. Счастливая мысль о преобразованіи какъ духовныхъ, такъ и гражданскихъ учебныхъ заведеній уже нѣсколько лѣтъ занимаетъ и русскую публику и русское правительство; неизвѣстно чѣмъ еще

дѣло кончится, то-есть въ чемъ оно находитъ препятствіе, на чемъ остановилось; но дай Богъ, чтобъ оно рѣшилось въ пользу общаго и нераздѣльнаго развитія всѣхъ классовъ. Нужно поднять духовенство (сельское), а иначе поднять его трудно, если не невозможно, по-крайней-мѣрѣ при настоящемъ положеніи. О благотворныхъ результатахъ образованія народа и духовенства говорить нечего: они ясно рисуются не въ далекомъ будущемъ.

Нельзя не согласиться съ глубоко-вѣрнымъ замѣчаніемъ автора о томъ, что, приступая къ народному образованію чрезъ посредство сельскихъ священниковъ, необходимо *прежде всего* обратить вниманіе на самихъ священниковъ. Но далеко не такъ вѣрны намъ кажутся дальнѣйшія заключенія автора и окончательные его выводы. Онъ говоритъ, напримѣръ, что крестьянинъ, вступающій въ сводный бракъ, *убѣжденъ* въ законности этого брака и въ томъ, что вѣнчаніе не есть дѣло необходимое, и вслѣдъ затѣмъ, причину происхожденія и размноженія сводныхъ браковъ объясняетъ корыстолюбіемъ и взаимнымъ столкновеніемъ властей, приставленныхъ для надзора за правильнымъ соблюденіемъ обрядныхъ формъ брачнаго союза. Тутъ что-нибудь не такъ! Если сводные браки порождены однимъ только злоупотребленіемъ власти, то мы понимаемъ, что съ уничтоженіемъ этихъ злоупотребленій уничтожатся и сводные браки. Но если сами русскіе поморскіе крестьяне *убѣждены* въ законности сводныхъ браковъ, то... какъ же тутъ быть, какое заключеніе слѣдуетъ вывести изъ этой посылки? Убѣжденіе далеко не то, что—злоупотребленіе, и искоренить его административными мѣрами—какъ это извѣстно изъ всемірной исторіи—нѣтъ никакой возможности. Но г. Мулловъ, какъ человѣкъ просвѣщенный, знаетъ это лучше насъ и предлагаетъ другое лекарство, болѣе-разумное и дѣйствительное: просвѣщеніе народа и вліяніе духовенства.

Спора нѣтъ: средство очень-хорошее и благонамѣренное; но просвѣщеніе, образованіе, нравственное вліяніе — понятія очень-эластичныя и съ ними нужно обходиться осторожно. Іезуиты и вообще католическое духовенство, по бо̀льшей части народъ образованный, но научились ли всѣ эти господа просвѣщенно относиться къ чужому убѣжденію? Въ-состояніи ли ихъ просвѣщеніе дѣйствительно просвѣтить *сводчиковъ* и разсѣять странныя убѣжденія ихъ о законности незаконнаго брака? Не рѣшаемся отвѣтить на этотъ вопросъ и обращаемся съ нимъ собственно къ г. Муллову.

Еще менѣе мы можемъ согласиться съ г. Мулловымъ въ томъ, что между русскимъ *своднымъ бракомъ* и французскимъ гражданскимъ бра-

комъ, вся разница состоитъ, будто бы, только въ томъ, что *гражданскіе* браки дозволены законами страны, а *сводные* браки запрещены ими и трактуются общественнымъ мнѣніемъ за урядъ съ наложничествомъ и конкубинатствомъ; онъ самъ на стр. 21 говоритъ, что «въ мѣстахъ, населенныхъ раскольниками, многіе, считающіеся единовѣрцами *и даже православными*, бываютъ въ церкви только въ крайнихъ случаяхъ; иному даже придется быть въ церкви только три раза: когда его крестили, когда онъ женился и, наконецъ, когда его отпѣвали уже мертваго. Притомъ, если такого христіанина несутъ въ церковь крестить или отпѣвать, или если онъ самъ идетъ туда вѣнчаться, то *вовсе не по тому, чтобъ сознавалась въ томъ внутренняя необходимость, признавалась святость* крещенія, брака, церковнаго покаянія; дѣлается это чисто единственно для того, чтобъ устранить отъ себя всякаго рода притѣсненія, могущія быть со стороны какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ властей; слѣдовательно, чисто изъ матеріальныхъ разсчетовъ, *какъ необходимая формальность, требуемая закономъ и правительствомъ*». На страницѣ 24 «*не вѣнчаніе* собственно *нужно* крестьянину, *а позволеніе жить съ избранною* имъ *подругой*», и наконецъ, страниц. 28, «церковное покаяніе (крестьянинъ) сочтетъ просто формальностью, такъ-какъ *онъ убѣжденъ въ законности своей связи и ненеобходимости вѣнчанія*».

Не говоря уже о томъ, что всѣ эти выписки еще болѣе подкрѣпляютъ наше мнѣніе о неправильности прежняго вывода г. Муллова, то-есть, что сводные браки происходятъ отъ злоупотребленія властей, онѣ же, эти выписки свидѣтельствуютъ и о различіи религіозныхъ взглядовъ между французскими гражданами и русскими *сводчиками*.

Мы знаемъ, что во Франціи гражданскому браку предшествовалъ бракъ церковный, существующій ad libitum и до-сихъ-поръ, и что народъ французскій, въ силу всѣхъ особенностей своего развитія, смотрѣлъ на церковное благословеніе брака какъ на извѣстный видъ договорной формы, и потому нашелъ болѣе-удобнымъ и соотвѣтственнымъ своимъ понятіямъ замѣнить ее болѣе-упрощенными формами гражданскаго договора. Русскіе же *сводчики*, какъ явствуетъ изъ словъ г. Муллова, вовсе не признаютъ никакихъ формъ, ни церковныхъ, ни *тѣмъ менѣе* гражданскихъ, и держатся этого убѣжденія, вѣроятно, потому, что не видятъ въ брачномъ союзѣ никакихъ элементовъ для *договора, контракта*.

Брачный договоръ, какъ и всякій другой договоръ, можетъ возникнуть только тамъ, гдѣ нѣтъ другаго начала, способнаго скрѣпить союзъ, гдѣ нѣтъ любви и довѣрія между людьми, вступающими въ

этотъ союзъ, словомъ, договоръ имѣетъ предметомъ *примирить* интересы супруговъ и обезпечить ихъ отъ взаимныхъ обидъ, а *не соединить ихъ.* Сводные же браки, напротивъ, имѣютъ въ виду только эту послѣднюю цѣль—соединеніе двухъ существъ. Г. Мулловъ, къ сожалѣнію не объясняетъ намъ исторію происхожденія *убѣждений* сводчиковъ о законности сводныхъ браковъ, и потому мы не имѣемъ возможности раскрыть это убѣжденіе во всей его полнотѣ. Очень можетъ быть, что эти браки, то-есть браки, совершаемые безъ участія духовныхъ лицъ, завѣщаны русской исторіи извѣстной эпохой *двоевѣрія* и есть ни что иное, какъ продолженіе брачныхъ формъ дохристіанскаго періода.

Мы выражаемъ эту загадку, ни чѣмъ ее не подкрѣпляя; но она невольно приходитъ на умъ, когда всмотришься пристальнѣе въ основы своднаго брака, въ сущности ничѣмъ неотличающіяся отъ православнаго брака. И тамъ и тутъ не допускается никакой гражданской сдѣлки, и любовь считается единственнымъ началомъ, способнымъ дать браку его законную силу—словомъ, *таинственнымъ союзомъ* любви, котораго сочинить по произволу невозможно и котораго отсутствіе не въ силахъ замѣнить никакой контрактъ, какъ бы мудро онъ ни былъ обдуманъ. Сходство, какъ видите, большое, но нельзя сказать, чтобъ и разница въ понятіяхъ о сводномъ бракѣ и о бракѣ церковномъ была малая. Разница эта всѣмъ извѣстна; наше дѣло было указать только на сходство и, быть-можетъ, этому-то сходству, какъ основательно полагаетъ профессоръ Лешковъ (см. «Русскій народъ и Государство», страница 268), мы обязаны быстрому распространенію у насъ христіанства, которое нашло на нашей почвѣ уже готовымъ и выработаннымъ то самое понятіе о бракѣ, которое входило въ основу христіанскаго ученія. Требованіе христіанской церкви, говоритъ пр. Лешковъ («Народъ и Государство», стр. 268) совпало съ требованіемъ общины, разсматривавшей населеніе страны массою силъ, производящихъ все въ общинѣ и народѣ, богатство и благосостояніе, и обезпеченіе». Русскій смыслъ никогда не совпадалъ въ понятіяхъ о родѣ человѣческомъ съ извѣстнымъ парадоксомъ Мальтуса о *людяхъ, лишнихъ на пиру жизни*—парадоксомъ, который еще такъ недавно французскій ученый Мишель Шевалье торжественно объяснялъ въ своей рѣчи, произнесенной въ Collège de France.

Возвращаясь къ сравненію *своднаго* брака съ французскимъ *гражданскимъ* бракомъ, мы должны прежде всего не упустить изъ виду слѣдующей, весьма важной разницы между ними: французскій на-

родъ *отвергъ* церковный бракъ, а русскіе поморцы только *не приняли* его.

Вторая, не менѣе существенная, разница между этими браками заключается въ основныхъ понятіяхъ супруговъ о ихъ взаимныхъ брачныхъ обязанностяхъ другъ къ другу.

Контрактная запись брака во Франціи, кромѣ значенія статистическаго и полицейскаго, имѣетъ главною своего цѣлью обезпечить договоръ супруговъ и будущность дѣтей, раждаемыхъ въ этомъ бракѣ. Но вопросъ въ томъ: достигаетъ ли контрактная форма этой цѣли? дѣйствительно ли она обезпечиваетъ супруговъ и дѣтей? Не говоря о томъ, что дурные супруги, какъ и всякіе дурные люди, найдутъ тысячу случаевъ обмануть бдительность стражи, охраняющей ненарушимость ихъ договора, можно думать, что между бѣдными людьми, которыхъ во Франціи, какъ вездѣ, гораздо-болѣе, чѣмъ богатыхъ, сказанная цѣль положительно не можетъ быть достигнута. Работникъ, или бѣдный чиновникъ, съ трудомъ пропитывающій жену и дѣтей, когда они живутъ вмѣстѣ съ нимъ, въ одномъ общемъ помѣщеніи и ѣдятъ за однимъ столомъ, при всемъ желаніи обезпечить свою жену, расходясь съ нею, не можетъ доставить ей обезпеченія, потому-что его заработка не хватитъ на удовлетвореніе первыхъ потребностей его самого и его жены, при ихъ раздѣльномъ житьѣ на два дома, на два хозяйства.

И вотъ на помощь покинутой женщинѣ является полицейская власть и въ силу контракта удерживаетъ у мужа опредѣленную часть его состоянія, или дохода, и отдаетъ женѣ. Дѣло власти, значитъ, сдѣлано; больше она уже ничего не можетъ сдѣлать; но что же изъ этого выходитъ? Мужъ, лишенный чувствительной части своихъ добытковъ, лишается и возможности безбѣднаго существованія, клянетъ жену, по милости которой не видитъ исхода изъ своего тяжкаго положенія, опускаетъ руки, теряетъ энергію, нравственно падаетъ и наконецъ тонетъ въ омутѣ порока. Не лучшая участь достается и женѣ. Удерживаемая въ ея пользу часть мужниныхъ добытковъ далеко не обезпечиваетъ ея насущныхъ потребностей, а съ прекращеніемъ его заработка субсидія ея вовсе прекращается, и нищета, со всѣми своими спутниками, объ-руку съ безпощадными указаніями природы, выводитъ покинутую женщину на путь разврата, по кототому она быстрыми шагами идетъ къ богадельнѣ, или къ тюрьмѣ. А дѣти?... о нихъ и говорить не стоитъ. Для нихъ есть во Франціи и благотворительныя заведенія и *исправительные* домы. Не таковы, какъ мы видѣли изъ прекрасной статьи г. Муллова, послѣдствія *сводного брака*

у русскихъ поморскихъ крестьянъ. Безъ контракта, безъ нотаріуса, безъ всякаго письменнаго обязательства беретъ себѣ мужичокъ бабу по-сердцу, дастъ еще его благородію Степану Кузьмичу взятку за право ввести въ домъ жену, и тянетъ вмѣстѣ съ нею свою многотрудную и горемычную жизнь, пока, по обстоятельствамъ, тотъ же или другой Степанъ Кузьмичъ не «прекратитъ ихъ безнравственнаго сожительства», то-есть, не разгонитъ ихъ «на нѣкоторое время». Французъ, быть-можетъ, и радъ бы такой оказіи, благо представился случай разстаться съ женщиной, непредставляющей болѣе интереса новизны его чувственности; а толстоносый скиѳъ Архангельской Губерніи не такъ думаетъ. Уѣдетъ Степанъ Кузьмичъ изъ села, а онъ опять ютится къ своей бабѣ, опять втихомолку переводитъ ее въ свою избу и добровольно возвращаетъ ей права, воспрещенныя Степаномъ Кузьмичомъ. И такъ цѣлую жизнь Степанъ Кузьмичъ разводитъ ихъ, «прекращаетъ ихъ безнравственное сожительство», а они опять сходятся, пока одного изъ нихъ не понесутъ *третій разъ* въ церковь... Не-уже-ли же и здѣсь нѣтъ разницы между французскимъ гражданскимъ и русскимъ противоцерковнымъ бракомъ? Французскій становой приставъ употребляетъ всѣ усилія, чтобъ свести дражайшія половины и по большей части не успѣваетъ въ этомъ; русскій полицейскій коммиссаръ, наоборотъ, употребляетъ всѣ усилія, чтобъ *развести* ихъ — и усилія его тоже безуспѣшны. Не правда ли, какое близкое сходство?

Образованный французъ безъ помощи коммиссара, никакъ, бѣдный, не можетъ понять, что жена его и дѣти, имъ рожденныя, нуждаются въ его заботливости; а невѣжественный поморецъ, по глупости своей, даетъ коммиссару послѣднюю деньгу, чтобъ онъ только отсталъ и позволилъ ему жить вмѣстѣ съ женою и дѣтьми, и повторяетъ свою невѣжественную пословицу, что «коли нѣтъ души, такъ что̀ хочешь пиши». Гдѣ же, помилуйте, этому сермяжнику, этому раскольнику зловредному понять всѣ тонкости французскаго брака по контракту и вообще моднаго сожительства просвѣщенныхъ супруговъ, держащихся другой пословицы: «мужъ въ Тверь, а жена въ дверь». Сказано ужь мужикъ несообразный, «ты его крести, а онъ въ омутъ просится», какъ говоритъ третья пословица.

Намъ кажется, что если г. Муллову непремѣнно нужно было пріискать для сводныхъ браковъ сходство съ чужеземными обычаями, то его скорѣе можно было отъискать въ понятіяхъ о бракѣ по библейски-талмудическому ученію (*), разсматривавшему бракъ, какъ союзъ,

(*) См. изслѣдованіе А. Думашевскаго «Библ. для Чт.» Январь 1861 г.

освященный *нравственностью* и *въ нравственности* же полагавшему высшую его святость, способную умѣрять половыя стремленія, къ которымъ побуждаетъ чувственность, и облагородить ихъ идеею о поддержаніи человѣческаго рода. Скорѣе оттуда, съ еврейскаго востока занесено славянамъ убѣжденіе въ необходимости одной *нравственной* связи для супружества, тогда-какъ идея французскаго гражданскаго брака выработалась подъ взглядомъ римскаго міра, который былъ чуждъ *нравственнаго* взгляда на бракъ и гдѣ любовь считалась даже предосудительной, какъ у французовъ она нерѣдко считается смѣшною и неприличною для людей comme il faut.

«Если разсматривать бракъ какъ договоръ, говоритъ А. Думашевскій (*), то мужъ можетъ *дозволить* женѣ нарушеніе брака и, въ такомъ случаѣ, она имѣетъ законное право совершить прелюбодѣяніе; въ такомъ случаѣ *нарушеніе* брака не имѣетъ даже мѣста, потому-что, при согласіи мужа, она *не нарушаетъ* права брака, а только пользуется правомъ, уступленнымъ ей другимъ контрагентомъ («Б. для Чт.» Янв. стр. 11). Въ такомъ случаѣ, прибавимъ мы отъ себя: и самый-то бракъ не существуетъ и есть ничто иное, какъ фикція. Впрочемъ, такъ именно и смотритъ на него французъ, почитающій себя въ-правѣ располагать своею женою точно такъ, какъ располагалъ ею римлянинъ временъ имперіи, по понятіямъ котораго жена могла быть *одолжена*, или *уступлена* мужемъ другому человѣку. *Сведенцы* этого не допускаютъ. У нихъ, какъ и у послѣдователей библейско-талмудическаго ученія, мужъ не въправѣ уполномочить жену на нарушеніе брачнаго обѣта вѣрности, и прелюбодѣяніе, совершенное съ разрѣшенія мужа, остается въ глазахъ общества преступленіемъ, оскорбляющимъ общественную нравственность.

Библейско-талмудическое ученіе допускаетъ въ извѣстныхъ случаяхъ расторженіе браковъ при жизни супруговъ, но не одобряетъ развода и не поощряетъ его. «Кто разводится съ своею женою, тотъ ненавидимъ Богомъ; кто разлучается съ подругой своей юности, о томъ алтарь (эмблема мира) плачетъ«, гласитъ ученіе, *дающее разводъ женѣ*, даже безъ воли мужа, *если она чувствуетъ* къ нему *отвращеніе* (**). Не оправдываютъ развода и уставщики религіозныхъ русскихъ раскольничьихъ толковъ, въ средѣ которыхъ извѣстенъ сводный бракъ, но не полагаютъ также для него никакихъ непреоборимыхъ препятствій, между-тѣмъ, какъ французскій законъ о гражданскихъ бракахъ формою

(*) «Библ. для Чт.» Январь 1861 г., стр. 11.
(**) См. «Библ. для Чт.» ст. А. Думашевскаго.

контракта представляетъ рядъ самыхъ странныхъ и стѣснительныхъ гарантій, изъ которыхъ неладящіе въ бракѣ супруги вырываются per fas et nefas.

Библейское талмудическое законодательство отвергаетъ всякое прямое вмѣшательство суда, когда жена объявляетъ, что она *не можетъ жить съ мужемъ, чувствуя къ нему отвращеніе*; оно признаетъ это вмѣшательство незаконнымъ и безполезнымъ: «незаконнымъ потому, что судья не можетъ вникнуть въ глубину человѣческаго духа и понять источникъ отвращенія жены отъ сожительства съ мужемъ; безполезнымъ потому, что судъ не можетъ возстановить разстроенную внутреннюю гармонію супружества; внѣшность же, форма не имѣютъ никакого достоинства. Мужу предоставляется возвратить себѣ благосклонность жены, но судъ не возвращаетъ ее къ нему силою» (*). (Тамъ же стр. 39). Отвращеніе жены къ мужу *обязываетъ* его дать ей разводъ; ибо, присовокупляетъ Маймонидъ, жена не военно-плѣнница, чтобъ ее принуждать къ сожительству съ человѣкомъ, къ которому она чувствуетъ отвращеніе» (тамъ же стр. 40.). Тотъ же въ существѣ своемъ взглядъ на этотъ вопросъ встрѣчаемъ мы и у *своднобрачныхъ* русскихъ крестьянъ. Но французскіе гражданскіе супруги ничего въ этомъ родѣ не сдѣлаютъ безъ протестаціи своего контрактъ, безъ вмѣшательства властей и безъ представленія фактическихъ доказательствъ, чаще всего публично компрометирующихъ оставляемую жену, или трактующихъ мужа, какъ негоднаго для производительности (impotentia).

Во взглядѣ на духовенство и его участіе въ дарованіи благословенія на бракъ, русскіе поморскіе раскольники, отвергающіе бракъ церковный, также близко сходятся со взглядомъ библейско-талмудическаго законодательства. «Въ іудеизмѣ нѣтъ *духовенства* (говоритъ г. Думашевскій), нѣтъ касты, которая религіозно-церковнымъ вліяніемъ своимъ стояла бы надъ мірянами, а есть только законотолкователи и законоучители, и то не какъ отдѣльное, различное отъ прочихъ сословіе, но единственно какъ люди, свѣдущіе въ законѣ. Возможность *разрѣшенія* запрещеннаго брака въ іудеизмѣ немыслима».

«*Духовное родство* (cognatio spiritualis) по библейски-талмудическому законодательству и число браковъ, запрещенныхъ по естественному родству, довольно-ограниченно, сравнительно съ римскимъ правомъ, простирающимъ родство чуть-ли не въ безконечность». (Тамъ же стр. 20).

(*) См. ст. А. Думашевскаго.

«Обрученіе (каджушинъ), *освященіе*—знаменательное выраженіе для брака. Чрезъ бракъ женщина становится для всякаго сторонняго человѣка *святыней*». («Б. Ч.» янв. стр. 24.)

«Обрядъ еврейскаго вѣнчанія состоитъ въ томъ, что женихъ и невѣста становятся подъ балдахиномъ; здѣсь произносится хваленіе и благодареніе Господу за учрежденіе брака между людьми и испрашивается *благословеніе Божіе* молодымъ. Такимъ образомъ это только торжественный актъ, но не какое-нибудь *церковное благословеніе*, которое вообще чуждо іудеизму, незнающему *духовенства*, какъ *санкцированнаго сословія*. Обрядъ этотъ, какъ и всѣ религіозные обряды евреевъ, у которыхъ нѣтъ *таинствъ*, можетъ совершаться всякимъ основательно знающимъ обрядовую сторону». («Биб. для Чт. Янв.» 61. Стр. 29).

Этихъ выписокъ, мы полагаемъ, слишкомъ-достаточно, чтобъ показать, на сколько библейски-талмудическое ученіе имѣетъ общаго съ толкомъ нашихъ раскольниковъ, придерживающихся сводныхъ браковъ; и для тѣхъ, кто знакомъ съ ихъ религіозными воззрѣніями, это не требуетъ подробныхъ разъясненій. У французовъ же нельзя встрѣтить ничего подобнаго этимъ убѣжденіямъ; въ ихъ взглядѣ на духовенство и къ необходимость участія его во всѣ знаменательныя эпохи жизни человѣка мы видимъ странное противорѣчіе: такъ, напримѣръ, они находятъ, что при крещеніи нужно духовное лицо, ибо крещеніе—таинство; при исповѣди и причастіи оно также нужно, ибо и причащеніе — таинство; а при бракѣ можно обойтись и безъ духовнаго лица, съ участіемъ нотаріуса и полицейскаго офицера. Что за послѣдовательность!

Еврей не имѣетъ особой духовной касты и не испрашиваетъ у ея представителей благословенія на свой бракъ; но онъ призываетъ на него *благословеніе Божіе*, онъ не видитъ нужды утаивать союза любви и не отвергаетъ обряда, состоящаго въ благодареніи Бога за учрежденіе брака; также и сводиобрачный крестьянинъ призываетъ на себя и свою невѣсту *Божіе благословеніе*, хотя, конечно, не такъ, какъ повелѣваетъ каноническій уставъ православной церкви, но все же призываетъ, а не контрактъ пишетъ, какъ французъ. Что жь общаго между этими браками? Какое они имѣютъ сходство?

Сводный бракъ — весь сущность, весь чувство, корень котораго въ понятіяхъ поморцевъ о нравственности; а *гражданскій бракъ* — весь форма, весь выраженіе недовѣрія, живущаго въ сердцахъ супруговъ, недовѣрія, неисчезающаго даже въ торжественную минуту предвкушенія блаженства, сокрытаго въ высшемъ актѣ любви. Сводный бракъ ищетъ признанія своей силы въ самомъ себѣ, во внутреннемъ авто-

ритетѣ духовнаго союза; бракъ гражданскій, отвергая авторитетъ церкви, ищетъ признанія своей силы въ авторитетѣ внѣшней власти — у нотаріуса и полицейскаго чиновника. И, какъ видите, *сводный бракъ* считается плодомъ невѣжества и дикости нравовъ, а *гражданскій бракъ*—послѣднимъ словомъ европейской цивилизаціи.

О НАЙМѢ РАБОЧИХЪ ЛЮДЕЙ.

«Записки Императорскаго Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи.» Февраль 1861 года.

Въ февральской книжкѣ «Записокъ Общества Сельскаго Хозяйства южной Россіи», помѣщена статейка г. Бенедскаго *О наймѣ рабочихъ людей.* Она занимаетъ всего три странички довольно-крупной печати, но дѣло не въ ея объемѣ, а въ богатствѣ и глубинѣ мыслей и экономическихъ соображеній, которыя, какъ перлы, разсыпаны въ ней щедрою рукою автора, стремящагося принести посильную услугу соотечественникамъ, указавъ имъ на возможность облегчить южнорусскимъ сельскимъ хозяевамъ наемъ рабочихъ людей для полевыхъ работъ. Вопросъ, какъ видите, живой и, что называется, стоящій на первой очереди. Наемъ рабочихъ весьма-основательно обращаетъ теперь на себя вниманіе каждаго серьёзно-мыслящаго человѣка, и всякій старается нести свою посильную лепту на разрѣшеніе безурядицъ, существовавшихъ до-сихъ-поръ въ отношеніяхъ труда къ капиталу. Будущее, въ виду совершившейся благодѣтельной реформы, въ земледѣльческомъ быту, обязываетъ еще строже, еще серьёзнѣе подумать, какъ администрировать обработку обширныхъ полей *свободныхъ трудовъ*; это задача не легкая, задача, вызывающая на многія и многія соображенія. Но г. Александръ Бенедскій рѣшаетъ ее (для своего края) довольно-просто, хотя и въ высшей степени оригинально. Онъ, во-первыхъ, говоритъ о крайнихъ затрудненіяхъ, которыя встрѣчаютъ новороссійскіе сельскіе хозяева въ наймѣ рабочихъ, приходящихъ къ рабочей порѣ изъ губерній Кіевской, Полтавской и другихъ, болѣе или менѣе отдаленныхъ мѣстностей; указываетъ на то, что число приходящихъ работниковъ часто колеблется: одинъ годъ ихъ приходитъ довольно, другой очень недостаточно для уборки окрестныхъ полей; жалуется на *непріятно-гадательное* ожиданіе прихода рабочихъ изъ отдаленныхъ губерній и на непомѣрное

возвышеніе задѣльной платы, когда рабочихъ приходитъ мало, а поле ждетъ рукъ. Затѣмъ г. Александръ Бенедскій съ похвалою отзывается о «разрѣшеніи отпускать солдатъ на *вольныя* полевыя работы», что, по его мнѣнію, «конечно, послужило бы большимъ пособіемъ въ уборкѣ въ степяхъ сѣна и хлѣба, но далеко отъ того, чтобъ можно было обойтись безъ найма вольныхъ захожихъ людей, какъ потому, что хлѣбопашество съ каждымъ годомъ принимаетъ болѣе-значительные размѣры, такъ еще болѣе по ограниченному числу отпускаемыхъ на работу солдатъ.»

«*Почему* (!) *въ видахъ общественной пользы* и преуспѣянія сельской промышленности въ Новороссійскомъ Краѣ» г. Александръ Бенедскій совѣтуетъ: *удвоить* (отчего удвоить, а не утроить, не усемерить?) число отпускаемыхъ на работу солдатъ и *установить однообразную цѣну ихъ найму* (о такса! не исчезли твои друзья и поборники!) такъ, чтобы военскія начальства *не могли измѣнять ее*», какъ это, замѣчаетъ почтенный авторъ, случалось, что люди, взятые изъ разныхъ командъ, получали не одинаковую плату и не одинаково продовольствовались, т. е. одни ѣли казенный провіантъ, а другіе хозяйскій. «*Поэтому* (!) *полагаю*, говоритъ авторъ, *весьма было бы справедливо плату опредѣлить, по соображенію, среднихъ цѣнъ среднюю и притомъ оставить солдатъ на полномъ продовольствіи отъ командъ*, во избѣжаніе жалобъ на неудовлетворительное содержаніе отъ нанимателей и чтобы плата была опредѣлена во время косовицы поденно, а при жатвѣ хлѣба въ снопы—отъ каждой сжатой или выкошенной копны. Но, какъ въ первомъ такъ и въ послѣднемъ случаѣ, *необходимо* (будто бы! для кого же это *необходимо*-то?) *назначить плату сколько возможно умѣренную*, по тому соображенію, что не всѣ солдаты способны къ косьбѣ, и половина ихъ по необходимости обращается въ громадильники, кидальщики копицъ, вязальщики споповъ, которые, *при вольномъ наймѣ*, получаютъ меньшую противъ косцевъ плату, ибо работа эта легче и *малозначительнѣе*» (!). Чѣмъ, спрашивается, не проектъ? Любо-дорого и гуманно, видите, и справедливо, и, что самое главное, совершенно-*необходимо*; но это еще ничего, это цвѣточки авторской премудрости; а вотъ не угодно ли послушать дальше, сейчасъ будутъ ягодки: «*Смѣю думать* (говоритъ господинъ сотрудникъ сельско-хозяйственнаго органа Южной Россіи, господинъ Александръ Бенедскій), что *подобныя благодѣтельныя мѣры*, какъ увеличеніе числа отпускаемыхъ на работу солдатъ, такъ равно *и опредѣленіе однообразной, сколько возможно умѣренной платы за ихъ трудъ*, съ про-

довольствіемъ отъ командъ, доставили бы воинскимъ командамъ значительнѣйшія противъ настоящихъ выгоды (!); замѣтно подвинули бы въ самое короткое время сельскую промышленость въ Новороссійскомъ Краѣ, избавивъ бóльшую часть сельскихъ хозяевъ отъ того непріятно-гадательнаго и тревожнаго положенія, въ которомъ они находятся при наступленіи косовицы и жатвы, ожидая прибытія работниковъ изъ отдаленныхъ губерній; и тогда положительно можно надѣяться, что большинство сельскихъ хозяевъ, зная заранѣе, что они будутъ имѣть достаточно рабочихъ рукъ, навѣрное бы удвоили, если не учетверили свои посѣвы». Ужь истинно нужно *смѣть такъ думать;* безъ крайней смѣлости нельзя позволить себѣ выраженіе такихъ стремленій въ журналѣ, издаваемомъ въ наши дни не въ Южныхъ Штатахъ Америки, а на Югѣ Россіи, празднующей свое освобожденіе отъ обязательнаго труда. Но это еще не все. Александръ Бенедскій, г. талантливый сотрудникъ органа общества сельскаго хозяйства въ Южной Россіи наглядно показываетъ бѣды, которыя терпятъ сельскіе хозяева при наймѣ рабочихъ въ страдную пору. Онъ говоритъ, какъ «въ 1859 году, въ одной изъ извѣстныхъ ему мѣстностей (стр. 101) стояла засуха; хлѣбъ готовъ былъ высыпаться на корню; хозяева бросались искать рабочихъ и другъ передъ другомъ набавляли цѣну; «въ чемъ, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, отличались колонисты-нѣмцы и болгаре» (Ахъ, какіе злодѣи!). Нѣсколько сельскихъ хозяевъ-*помѣщиковъ*, дѣлающихъ значительные посѣвы, видя огромный наплывъ искателей рабочихъ и быстрое возвышеніе цѣнъ, прибѣгли къ нѣкотораго рода хитрости (усугуби свое вниманіе, мой читатель) и *при посредствѣ бывшаго въ мѣстечкѣ становаго пристава вотъ какъ устроили дѣло:* во время самыхъ жаркихъ переговоровъ нанимателей съ рабочими, *приставъ* вышелъ на базарную площадь и *объявилъ всенародно*, чтобъ никто изъ нанимателей не рѣшался предлагать болѣе 45 или 50 копеекъ отъ копны сжатаго, или выкошеннаго хлѣба, а рабочіе не смѣли бы больше требовать; *причемъ приставъ, для примѣра перваго указаннаго ему селянина, возвышавшаго цѣну, тутъ же собственноручно наказалъ за дерзость и взялъ подъ арестъ* (и по дѣломъ, знай-де, что цѣны Богъ строитъ, а не мужикъ всякій и, стало-быть, становому ближе знать настоящія цѣны, ибо онъ, въ нѣкоторомъ родѣ, *власть*, а всякая власть установлена отъ Господа, такъ тутъ, выходитъ, мужику и по штату не положено разсуждать и устанавливать цѣны). Все это, какъ видитъ благосклонный читатель, совершалось въ южно-русскомъ краѣ въ лѣто отъ Рождества Христова 1859, а описано въ хозяйственномъ органѣ сего

достопочтеннаго края на 102-й страницѣ февральской книжки, гдѣ также выражена и скорбь, что еще совершаются такія *хитрости*, неприносящія, впрочемъ, большой пользы земледѣльцамъ; ибо факторa-евреи втихомолку нанимали рабочихъ для болѣе-хитрыхъ хитрецовъ по возвышенной цѣнѣ, а менѣе-хитрые, въ ожиданіи удачи отъ своей продѣлки, остаются безъ рабочихъ. Статья г. Александра Бенедскаго оканчивается желаніемъ, чтобъ въ настоящемъ вопросѣ, о недостаткѣ рабочихъ рукъ въ Новороссійскомъ Краѣ, само правительство стало передовымъ двигателемъ, увеличивъ въ наступающую весну число отпускаемыхъ на военныя работы воинскихъ чиновъ, опредѣливъ однообразныя въ наймѣ ихъ условія и возможно-умѣренную, доступную каждому сельскому хозяину, плату».

Господа! что же это такое? Чтò это проповѣдуетъ, чего добивается господинъ сотрудникъ органа сельскихъ хозяевъ Южной Россіи? Неужь-то его плантаторскія желанія таксъ и непроизвольнаго труда суть желанія большинства землевладѣльцевъ того края, органъ котораго допустилъ на свои страницы эту безнравственную статью? Дà! говоримъ, *безнравственную*, ибо желать сдачи солдатъ въ работу, по заранѣе-установленной цѣнѣ и, притомъ, цѣнѣ возможно-умѣренной, доступной каждому сельскому хозяину, имѣя въ виду преимущественно только одну его выгоду—*безнравственно*. Г-ну Александру Бенедскому нéчего драпироваться негодованіемъ противъ описанной имъ неудачной хитрости его собратій; нѣкоторыхъ южно-русскихъ помѣщиковъ, поступокъ которыхъ взволновалъ его, какъ онъ говоритъ, болѣе нежели то, что и ему, въ числѣ прочихъ простодушныхъ хитрецовъ, «пришлось удалиться безъ рабочихъ». Полноте, такъ ли, г. Бенедскій? Не говоритъ ли въ васъ еще другое какое-нибудь чувство, кромѣ негодованія къ продѣлкѣ хитрецовъ, надувшихъ почтеннѣйшую публику, въ числѣ легковѣрныхъ представителей которой были и вы, вашей собственной персоной, обличающей нынѣ эти ухищренія? Вѣдь дѣло г. Бенедскій не въ этомъ одномъ фактѣ, а въ принципѣ, въ взглядѣ, въ желаніяхъ; а ваши-то желанія—по-крайней-мѣрѣ, сколько мы можемъ судить о нихъ по духу вашей *благонамѣренной* статьи—ни чуть ни выше и не гуманнѣе поступка нанимающихъ рабочихъ по дорогой цѣнѣ въ то время, когда близорукость вѣритъ, что она, съ помощью становаго пристава установитъ свою цѣну. Вѣдь вы опять, если не ошибаюсь, изволите и сами добиваться установленной цѣны, только ужь не у становаго пристава, собственноручно-наказывающаго дерзкаго мужика, стоящаго за свою цѣну, а у правительства, которое, по вашимъ соображеніямъ должно вмѣшаться въ вопросъ объ устра-

ненія недостатка рабочихъ рукъ въ южно-русскомъ краѣ и отдать вамъ и вашимъ сосѣдямъ въ работу солдатъ *по возможно-умѣренной и доступной каждому сельскому хозяину цѣнѣ*. Вѣдь, такъ, кажется? А если такъ, то и сердиться нечего на тѣхъ, кто забираетъ рабочихъ по дорогой цѣнѣ, когда это не противно его разсчетамъ и хозяйственнымъ соображеніямъ; и вы, г. Александръ Бенедскій, поступаете въ тысячу разъ хуже ихъ, ибо они хотя и не прямымъ, но все-таки *вольнымъ* путемъ, путемъ договора, пріобрѣтаютъ себѣ рабочія силы, а вы стремитесь овладѣть ими безъ всякаго свободнаго произвола со стороны рабочаго, вы сторонникъ непроизвольнаго закрѣпленія солдатскаго труда помѣщикамъ, вы изобрѣтатель новаго вида кабалы, которая, благодаря Бога, на горе вамъ, не входитъ въ составъ видовъ нашего правительства. Чего вы хотите отъ правительства? Какимъ *двигателемъ* оно можетъ явиться для поднятія частныхъ дѣлъ, находящихся въ рукахъ такихъ неподвижныхъ людей, каковы русскіе сельскіе хозяева? Развѣ еще, вы думаете, мало дѣла у правительства? Развѣ вы не видѣте, что оно, къ великой его чести, только безпрестанно стремится освободиться отъ вмѣшательства въ хозяйственныя дѣла, идущія въ предпріимчивыхъ и разумныхъ частныхъ рукахъ гораздо-лучше, чѣмъ при самомъ усиленномъ покровительствѣ, а вы опять призываете его быть вашей нянькой на вашемъ полѣ, и давать вамъ за умѣренную плату солдатъ, объ облегченіи которыхъ заботятся передовые люди нашего военнаго вѣдомства? Нѣтъ, г. Бенедскій, не упрекайте ни хитрецовъ-сосѣдей, ни даже драчуна-пристава. Конечно, ни хитрить такъ, какъ они схитрили съ вами, ни драться — непохвально, предосудительно, скверно; но устроивать искусственное пониженіе задѣльной платы и закрѣпленіе себѣ солдатскаго труда по таксѣ, безъ воли самого труженика — ни чуть не лучше. Будете ли вы брать взятки шубами, какъ Сквозникъ-Дмухановскій, или борзыми щенками, какъ Ляпкинъ-Тяпкинъ—это совершенно все-равно: взятка—все взятка, насиліе—все насиліе, и въ какой формѣ вы его ни придумывайте, оно никогда не будетъ дѣломъ честнымъ и и равноправнымъ. Это ясно, какъ день, для всякаго, кто хоть когда-нибудь останавливался надъ понятіемъ о правѣ, какъ оно трактуется у сколько-нибудь образованныхъ народовъ. Мы не говоримъ ничего противъ мысли: отпускать солдатъ на частныя работы, напротивъ, мы радуемся, что это мысль пришла тѣмъ, кто имѣлъ право осуществить ее; но зачѣмъ же желать крайней, угловатой варьяціи этой мѣры? зачѣмъ добиваться, чтобъ солдаты отдавались въ работу помѣщикамъ по таксѣ, по *однообразной*, *умѣренной*, *доступной* для каждаго сель-

скаго хозяина *цѣнѣ?* Цѣна труда создается отношеніемъ предложенія къ запросу; учредить на нее таксу было бы вопіющею несправедливостью, стѣсняющею трудъ и очевидно уменьшающею его предложеніе или переносящею это предложеніе въ другую мѣстность, представляющую высшую мѣру вознагражденія. Экононоческія истины всегда и вездѣ одинаковы. Развѣ только и свѣта, что въ окнѣ? Развѣ г. сотрудникъ органа южно-русскихъ сельскихъ хозяевъ не понимаетъ, что еслибъ правительство и преклонилось на сторону его страннаго предложенія — чего, конечно, никогда не случится, то, что же изъ этого выйдетъ? Выйдетъ то, что солдатскимъ трудомъ по дешевой, установленной цѣнѣ воспользуется только извѣстная часть землевладѣльцевъ, и найдутся и въ этомъ случаѣ хитрецы, которые опять изобидятъ г. Александра Бенедскаго съ братіею. Вѣдь, на это можно умудриться... а остальные-то какъ же? Имъ-то гдѣ искать рабочихъ? Вольные рабочіе, вѣдь, не пойдутъ тогда въ Новороссійскій Край, если, положимъ, тамъ будетъ установлена цѣна 50 к. въ день на человѣка, между-тѣмъ, какъ въ другихъ мѣстахъ, напр. въ Крыму или въ Харьковской Губерніи, будутъ платить по 1 р. на человѣка. Нѣтъ г. Бенедскій, вы не знаете сами чего желать. Вы желаете зла и себѣ и солдатамъ, и благо сто разъ благо, что васъ не слушаютъ. Вы говорите, что нельзя платить солдатамъ поровну на человѣка; что часто человѣкъ на человѣка не приходитъ; что изъ нихъ есть рабочіе слабые, неопытные, что̀ называется *неумѣлые.* А развѣ въ русской рабочей артели не то же самое? Развѣ тамъ всѣ артельщики одинаковаго достоинства? Развѣ тамъ одинъ непремѣнно равенъ по достоинству другому? а между-тѣмъ вы платите же артели съ топора, или съ косы, не расцѣнивая порознь плохаго и хорошаго. Артель дѣло товарищское и группируется по своему толку; хорошій везетъ за слабѣйшаго и разсчитывается по своему домашнему, *артельному* разсчету, такъ-что и наниматель доволенъ и товарищи не обижены. Въ этомъ-то и заключается богатырская сила, въ этомъ-то и кроется необоримая мощь русской артели, съумѣвшей согласовать интересы хозяина съ выгодою работника. А вѣдь солдатъ нашъ попреимуществу человѣкъ русскаго происхожденія; ему вполнѣ доступенъ толкъ артели и доступенъ смыслъ настоящаго ея устройства, приводящаго въ-тупикъ нѣмецкихъ администраторовъ. Такъ подумайте-ка, г. Бенедскій, какихъ бы порядковъ желать-то слѣдовало? Ужь вѣрно не вашей премудрой таксы, съ продовольствіемъ отъ командъ, которыя иногда расположены очень-далеко отъ мѣстъ, гдѣ работаютъ отпущенные нижніе чины.

Да и основательно ли полагаться на возможность обработки полей солдатскимъ трудомъ? Ну, а если въ самый разгаръ вашихъ полевыхъ работъ прилучится война и рать-то сила великая изъ Новороссійскаго Края потребуется въ другое мѣсто, тогда какъ быть, г. Бенедскій? Сказать нѣшто непріятелю: потрудитесь, молъ, милостивые государи, повременить маленько, пока мы поуправимся — намъ теперь ужь больно недосужно — наши солдатики не обработали еще всего поля г. Александру Бенедскому съ товарищи! ну, а какъ не послушаютъ, злодѣи, ну, какъ солдатики-то понесутѣ свои головушки съ вашего поля на поле бранное, не окончивъ вашей жатвы, гдѣ жь вы тогда найдете жнецовъ?... А вѣдь хлѣбъ на корню держится той же тактики, что и непріятель—онъ ждать не станетъ. Тогда ужь положеніе похуже *гадательнаго*, отъ котораго вы придумываете спасительнные годы, забывая пословицу, которая гласитъ, что «съ одного вола двухъ шкуръ не дерутъ». Опять г. Бенедскій говоритъ, что новороссійскіе сельскіе хозяева страдаютъ отъ гадательнаго положенія, не зная сколько явится рабочихъ къ страдной порѣ. Это весьма-естественно, но не правительство же, въ-самомъ-дѣлѣ, должно помогать этому горю, да и не можетъ оно помочь ему такъ, какъ могутъ сдѣлать это сами гг. землевладѣльцы. Дѣло весьма-просто. Отчего они, соображая состояніе своихъ полей, не заподряжаютъ заранѣе рабочихъ въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, откуда эти рабочіе обыкновенно происходятъ? Не было бы ни тѣхъ страшныхъ затрудненій, на которыя жалуется г. Бенедскій, ни непосиленныхъ цѣнъ, которыя, однако, платятъ нѣмецкіе и болгарскіе колонисты, возвышающіе годъ отъ года свое благосостояніе. Съ помощью агента, посланнаго ассоціаціею съ цѣлію найма людей, наемъ потребнаго числа работниковъ непремѣнно всегда бы удался, и хозяева не переживали бы тяжелыхъ минутъ рискованнаго ожиданія и не платили бы цѣнъ, вызываемыхъ преизбыткомъ запроса предъ предложеніемъ. Одна бѣда: не привыкли мы ничего дѣлать міромъ, незнакомы намъ великіе успѣхи ассоціаціи; намъ подавай правительство къ нашимъ услугамъ рать-силу великую—да и баста! Очевидно, что г. Бенедскій, говоря о солдатской работѣ, разсматривалѣ солдата не въ качествѣ свободнаго *работника*, а въ *качествѣ солдата*, по тому же самому разумному убѣжденію, по которому многіе его земляки разсматриваютъ еврея не въ качествѣ человѣка, а въ качествѣ еврея. Эхъ, господа хозяева! съ литературными поползновеніями забываете вы, что прежде чѣмъ говорить о чемъ-нибудь, да еще печатно, надо знать кое-что. Нѣтъ, г. Александръ Бенедскій, примите нашъ дружескій совѣтъ: отошлите вашу статью въ Луизіану, въ Виргинію, или въ другую

какую имъ подобную страну: тамъ ей будетъ и честь и мѣсто; а въ нашей литературѣ, послѣ великаго дня освобожденія труда 23 мильйоновъ, она возбуждаетъ только тошноту и всякое такое, что̀ вовсе не составляетъ пріятныхъ явленій въ человѣческой жизни.

Н. Лѣсковъ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАМѢТКА.

Въ январской книжкѣ «Отеч. Зап.» мы помѣстили небольшую рецензію двухъ новыхъ учебниковъ русской исторіи. Упомянувъ вскользь объ отзывахъ, которыми удостоили учебникъ г. Иловайскаго два почтенные органа русской журналистики: «Моск. Вѣд.» и «Рус. Слово», мы никакъ не подозрѣвали, что «собираемъ на главу свою угліе огненные». Еслибъ мы знали, какой грозный аппаратъ выписокъ выставитъ противъ насъ г. Бѣловъ, рецензентъ «Русскаго Слова», какимъ истинно-блистательнымъ, неистощимымъ остроуміемъ поразитъ всю читающую публику *г. Преподаватель исторіи*, сотрудникъ «Моск. Вѣд.», мы непремѣнно бы промолчали—не потому, конечно, что мы желали бы лишить г. Бѣлова случая показать всю основательность его приговоровъ или помѣшать г. Преподавателю исторіи предъявить свои права на могущее открыться мѣсто сотрудника «Развлеченія»—нѣтъ, такія низкія побужденія были далеки отъ нашей мысли (мы не считаемъ такую откровенность вовсе неумѣстною, при развившейся въ наше время модѣ, обличая другихъ, блистать своими благородными чувствами; отчего же и намъ изрѣдка не позволить себѣ этого невиннаго наслажденія?); нѣтъ, ничьи лавры не лишаютъ насъ сна. Мы промолчали бы просто потому, что всегда желаемъ полемики о дѣлѣ, о вопросѣ, а не о томъ, что̀ подумаютъ о насъ гимназисты (см. № 28 «Моск. Вѣд.») и не о томъ, изъ какого магазина мы получаемъ наши книги (см. «Рус. Слово»); какъ бы то ни было, слово сказано, и намъ приходится говорить о двухъ нашихъ критикахъ.

Статья г. Бѣлова отличается огромными выписками, доказывающими, какъ увидимъ ниже, только то, что ни г. Соловьевъ, ни г. Иловайскій не раздѣляютъ историческихъ мнѣній того юноши, который, держа экзаменъ на юнкера, утверждалъ, что Петръ-Великій построилъ

Москву, а Екатерина II ввела въ Россію православную вѣру. Еслибъ г. Иловайскій высказалъ нѣчто подобное, то г. Бѣловъ, конечно, заключилъ бы, что его книга оригинальна; но такого событія не случилось и г. Бѣловъ пришелъ именно къ тому выводу, который мы читали, ибо далѣе увидимъ, что онъ можетъ быть справедливъ только въ этомъ смыслѣ. Но прежде да позволено намъ будетъ коснуться другихъ сторонъ статьи, тѣхъ, до которыхъ во времена оны страшно было коснуться безъ перчатокъ; но времена переходчивы, люди перемѣнчивы и ныньче не одну пару перчатокъ можно бы износить, перелистывая журналы. Итакъ къ дѣлу. Желая достойно воздать намъ за предположеніе, будто онъ не читаетъ разбираемыхъ книгъ, г. Бѣловъ изображаетъ весь процесъ составленія нашихъ рецензій. Еслибъ мы были предусмотрительнѣе, то подлѣ слова «не читалъ», мы помѣстили бы два слова «или не понялъ». Но мы до-сихъ-поръ все еще вѣрны аркадскому убѣжденію, будто писать журнальную статью не можетъ человѣкъ, неспособный понять различія между двумя учебниками, что̀ по нашему мнѣнію дѣло вовсе-нехитрое, и потому странную для насъ фразу г. Бѣлова объяснили тѣмъ, что онъ слегка просмотрѣлъ обѣ книги и свое предположеніе выразилъ въ формѣ послѣдняго, безапелляціоннаго приговора. Мы не позволили себѣ думать, что какая-нибудь крыса шепнула г. Бѣлову:

Молчи, все знаю я сама —
Да эта крыса мнѣ кума.

Предположеніе о крысѣ не *всякому* придетъ въ голову. Люди, менѣе смѣлые въ своихъ заключеніяхъ, въ такомъ случаѣ видятъ, до болѣе ясныхъ доказательствъ, простое увлеченіе, что было весьма-вѣроятно, когда передъ авторомъ лежали двѣ книги, изъ которыхъ одна подписана извѣстнымъ, а другая неизвѣстнымъ именемъ. Въ намекѣ о крысѣ, равно какъ въ подозрѣніи, будто въ статьѣ нашей заключается тайное намѣреніе помѣшать успѣху «Рус. Слова», мы видимъ одно изъ важныхъ знаменій времени, потому считаемъ долгомъ сказать о нихъ нѣсколько словъ. Въ недавнее время, какъ-бы утомясь отъ важныхъ вопросовъ, русская журналистика ударилась въ скандалы, стала изощряться въ читаніи между строкъ, томъ искусствѣ, которое такъ сродно инквизаторамъ и къ которому всегда прибѣгаютъ, когда чувствуютъ внутреннюю неправоту дѣла. Нашему строгому критику, вѣроятно, извѣстны слѣдующіе стихи Беранже:

Biribi veut dire en latin
L'homme de Sainte-Helène,

Barbari c'est, j'en suis certain,
Un peuple qu'on enchaine;
Mon ami, ce n'est pas le roi;
Et *faridondaine*
Attaque la foi.

Вотъ до какихъ нелѣпостей—чтобъ не сказать сильнѣе—доводитъ читаніе между строками и залѣзаніе въ чужія мысли. Кажется, что статья наша не принадлежитъ какому-нибудь древнему писателю и комментаріевъ не требуетъ. Но такъ можетъ казаться только поверхностному взгляду; люди болѣе-глубокомысленные заглядываютъ всегда въ сущность предмета: имъ непремѣнно нужно найдти «начало всѣхъ началъ»; а «ларчикъ просто открывался», говоря словами великаго баснописца, цитатами изъ котораго заключаютъ свои статьи и тотъ и другой изъ нашихъ критиковъ: намъ не было никакого дѣла до успѣха «Рус. Слова»; да и не могли мы думать, будто бѣглое указаніе недостатковъ плохой рецензіи хоть сколько-нибудь способно повредить успѣху журнала. Въ лучшихъ не только русскихъ, но и европейскихъ изданіяхъ встрѣчаются плохія статьи и, сколько мы знаемъ, отъ такихъ изрѣдка-попадающихся плохихъ статей журналы не падали; стало-быть, къ чему намъ могло послужить указаніе на то, что статья г. Бѣлова плоха. Мы не считаемъ публику несовершеннолѣтнею и бѣгущею по тому направленію, которое ей укажетъ первая попавшаяся статья. Самолюбіе наше не простирается до претензіи на нелѣпую роль вождя общественнаго мнѣнія. Мы замѣтили статью г. Бѣлова только потому, что при насъ судили о книгѣ г. Иловайскаго на основаніи ея; вотъ почему мы и упомянули о ней. Г. Бѣловъ держится другой тактики: очень жалѣемъ о немъ, тѣмъ болѣе жалѣемъ, что его остроумныя предположенія нисколько не новы: мильйонъ разъ повторялось обвиненіе въ томъ, что рецензенты журнальные пишутъ по заказу и въ видахъ денежныхъ выгодъ издателя журнала, и все-таки едва-ли въ одномъ случаѣ изъ десяти это обвиненіе было сколько-нибудь основательно. Что касается насъ лично, мы не станемъ, подобно г. Бѣлову, знакомить публику съ нашей біографіей: разсказывать, учимъ ли мы гдѣ-нибудь или не учимъ, вводимъ ли мы въ учебное заведеніе тотъ или другой курсъ или не вводимъ—всѣ такія подробности и скучны и забавны. Къ тому же въ нашъ скептическій вѣкъ они требуютъ повѣрки на мѣстѣ. Впрочемъ, спѣшимъ предувѣдомить г. Бѣлова, что мы вѣримъ ему на слово; ибо, иначе, пришлось бы публикѣ читать отрывокъ изъ его формулярнаго списка, что̀ было бы вовсе-незабавно. Такъ же стара другая шуточка г. Бѣлова, который постоянно называетъ насъ «маскою». Долго ли русской литературѣ твердить зады? долго ли

повторять старыя истины? Статья имѣетъ въ виду изложить извѣстное мнѣніе, опровергайте его или соглашайтесь съ нимъ; что вамъ за дѣло до имени? что̀ оно прибавитъ къ внутреннему достоинству статьи? Конечно, если подъ статьею подписано имя громкое, то для извѣстной части публики статья получаетъ болѣе вѣса; но болѣе ли вѣса она, когда подъ нею подписался г. Бѣловъ? Летучія журнальныя статьи подписывать нéзачѣмъ, если онѣ вполнѣ выражають духъ того журнала, въ которомъ помѣщены. Во всякомъ случаѣ, это дѣло личнаго вкуса и не подлежитъ обсужденію критики. Вамъ нравится подписывать ваши статьи, мнѣ это ненравится: о чемъ тутъ спорить? надъ чѣмъ тутъ острить? Отъ игривой стороны замѣчаній г. Бѣлова перейдемъ къ болѣе-серьёзной—къ выпискамъ.

Мы не думали превозносить учебникъ г. Иловайскаго выше мѣры, не думали придавать ему значеніе образцоваго учебника; мы только выразили наше удовольствіе при видѣ книги, написанной живо, умно; удовольствіе это тѣмъ понятнѣе, что до-сихъ-поръ скука и учебникъ русской исторіи были синонимами. Съ другой стороны, мы замѣтили, что г. Иловайскій не навязываетъ какого-либо особеннаго взгляда на факты, а просто излагаетъ факты, и излагаетъ ихъ, какъ каждый безпристрастный читатель замѣтитъ, во многихъ случаяхъ гораздо-полнѣе г. Соловьева (см. «От. Зап» № 1). Не увлекаясь книжкою г. Иловайскаго, мы прямо высказали ея недостатки, точно также, какъ и недостатки учебника г. Соловьева. Но г. Бѣловъ недоволенъ нашимъ отзывомъ: ему непремѣнно хочется доказать, что первый изъ учебниковъ составляетъ сокращеніе втораго; для этой цѣли онъ прибѣгаетъ къ выпискамъ. Посмотримъ на эти выписки: какъ г. Соловьевъ, такъ и г. Иловайскій описываютъ, что Боголюбскій, оставивъ югъ, поселился на сѣверѣ и предпочелъ Владиміръ Ростову; далѣе оба историка разсказываютъ, что вѣча Ростова и Суздаля стояла за племянниковъ Андрея. Что̀ жь изъ этого слѣдуетъ? не-уже-ли г. Иловайскому, въ угоду строгому критику, надо было разсказать, что Андрей переѣхалъ съ сѣвера на югъ, или что онъ поселился въ Ростовѣ? Что же касается того, что эти указанія подтверждаютъ ипотезу о новыхъ городахъ, то замѣтимъ, что сущность этой ипотезы въ томъ, что въ новыхъ городахъ князь вступилъ въ тѣ же отношенія, въ которыхъ стоялъ къ нимъ старый городъ. Тогда возникаетъ вопросъ: почему князья муромскіе жили въ старомъ городѣ Муромѣ, а не въ какомъ-нибудь новомъ городѣ? Дѣло, стало-быть, въ характерѣ Андрея и его взглядахъ, а не въ старыхъ городахъ. Характеристика Всеволода III и Мстислава Удалова тоже останавливаетъ вниманіе критики:

онъ утверждаетъ, что эта характеристика заимствована отъ г. Соловьева. Но что же характеристика эта противорѣчитъ фактамъ? нѣтъ! Такъ отчего же вы противъ нея? Опредѣленіе значенія князя одно и то же у обоихъ историковъ, правда; но у г. Иловайскаго прибавляется нѣсколько важныхъ обстоятельствъ, которыхъ нѣтъ у г. Соловьева, напримѣръ, «Дань платилась преимущественно естественными произведеніями: одни давали хлѣбъ, другіе мѣха; только нѣкоторые богатые города, напримѣръ, Новгородъ, платили серебромъ» или «въ дѣлахъ, касавшихся внутреннихъ междоусобій или внѣшней защиты, добрые князья имѣли обычай собирать своихъ родичей для общаго совѣта». Но не будемъ перебирать всѣхъ доказательствъ критика, а остановимся на самомъ *осязательномъ*, по мнѣнію самого критика—на причинахъ усиленія Москвы. Сдѣлаемъ выписку изъ г. Бѣлова, которая познакомитъ насъ съ его способомъ разсужденія:

«Эти обстоятельства, по мнѣнію г. Иловайскаго, слѣдующія:

1) Выгодное географическое положеніе—вдали отъ сильныхъ внѣшнихъ враговъ.

«У г. Соловьева тоже. На первой страницѣ его исторіи вы найдете большую статью о значеніи географическаго положенія нашей страны (вопервыхъ, г. критикъ, исторіи, а не учебника; а вовторыхъ, если вы помните, тамъ объясняется, что Москва взяла потому верхъ, что находится въ *странѣ источниковъ*. Это, если не ошибаемся, несовсѣмъ то̀, что̀ говоритъ г. Иловайскій, который, не вдаваясь въ мистическое предопредѣленіе, просто указываетъ на географическій фактъ).

«2) Цѣлый рядъ даровитыхъ личностей на московскомъ столѣ, настойчивая политика и хозяйственная дѣятельность.

«У г. Соловьева мысль эта проходитъ сквозь всю исторію. Онъ бьетъ на нея по преимуществу». Да это вовсе не мысль, г. критикъ, а фактъ, который нельзя ничѣмъ опровергнуть. Выписывать далѣе мы считаемъ скучнымъ и безполезнымъ. Вести ученый споръ съ г. Бѣловымъ не расположены уже и потому, что собственно-ученыхъ вопросовъ онъ не касается; доказывать ему, что привести фактъ и высказывать мысль—двѣ вещи совершенно-разныя, кажется, значитъ тратить попусту время: онъ будетъ стоять на-своемъ и, пожалуй, готовъ былъ бы перепечатать всю книгу г. Иловайскаго въ сличеніе съ книгою г. Соловьева, еслибъ только не удерживали его авторскія права. Скажемъ только, что намъ странно, какъ, читая ту и другую книгу постранично, онъ не замѣтилъ хоть, напримѣръ, того, что г. Иловайскій излагаетъ удѣльный періодъ по княжествамъ: конечно, этотъ пріемъ

вовсе-неновъ и употреблялся гг. Погодинымъ и Устряловымъ. Конечно, лучше было бы расположить эту исторію по землямъ; но, во всякомъ случаѣ, такой пріемъ показываетъ совершенную независимость учебника г. Иловайскаго отъ учебника г. Соловьева. Также, почему г. Бѣловъ оставилъ безъ вниманія то обстоятельство, что въ «Краткихъ Очеркахъ» говорится чрезвычайно-достаточно и удовлетворительно о частной жизни нашихъ предковъ; сообщаются часто подробности событій и благоразумно удаляются на второй планъ событія нехарактеристическія и маловажныя. Лучше было бы поговорить обо всемъ этомъ, чѣмъ упрекать г. Иловайскаго за упоминаніе новѣйшихъ событій. Какъ-будто бы ученикамъ вовсе ненужно знать, въ которомъ году начата крымская экспедиція, или заключенъ парижскій миръ. Странность своего упрека почувствуетъ самъ г. Бѣловъ, если вдумается въ свою статью.

Обратимся къ сотруднику «Московскихъ Вѣдомостей», посвятившему намъ двѣ замѣтки (№№ 28-й и 51-й «Моск. Вѣд.»), изъ которыхъ вторая упрекаетъ насъ въ томъ, что мы, отвѣчая на первую, мухою прикрыли слона. Поговоримъ сначала о мухѣ, а потомъ обратимся къ слону. Въ нашей замѣткѣ мы назвали («От. Записки» № 2), г. Лохвицкаго сотрудникомъ, случайно-помѣстившимъ статью; сотрудникъ «Московскихъ Вѣдомостей» старается обратить это выраженіе въ смѣшную сторону, не понимая, что здѣсь просто разумѣется такой сотрудникъ, который не членъ редакціи, который можетъ помѣщать въ журналѣ статьи даже очень-хорошія, но которому нѣтъ нужды во всѣхъ своихъ мнѣніяхъ, несоставляющихъ главнаго содержанія статьи, соглашаться съ мнѣніями редакціи. Г. Преподаватель исторіи дѣлаетъ видъ также, будто не понимаетъ (а можетъ-быть, и въ-самомъ-дѣлѣ, не понимаетъ — чего не бываетъ на свѣтѣ!), что въ статьѣ о наслѣдствѣ сущность дѣла въ вопросѣ о наслѣдствѣ; все же остальное упоминается мимоходомъ. Не соглашаясь въ главномъ содержаніи статьи, мы могли не помѣстить ее вовсе; не соглашаясь въ посторонниxъ вопросахъ, мы предоставляемъ себѣ право опровергать эти мнѣнія въ другихъ статьяхъ — вотъ и все. Если справедливо наше первое предположеніе, что непониманіе здѣсь не болѣе, какъ риторическая фигура, то мы можемъ предсказать начинающему сотруднику «Московскихъ Вѣдомостей» блестящую карьеру въ «Развлеченіи» и будемъ рады, что наши статьи вызвали новый талантъ на модное поприще и такимъ образомъ указали ему ея настоящее призваніе.

Что̀ же касается *слона*, то о немъ мы не говоримъ потому, что г. Преподаватель согласенъ съ нами въ главномъ: Исторія г. Соловьева

суха и наполнена фактами. Мы расходимся только во взглядахъ на мысль г. Соловьева: онъ считаетъ ее очень-полезною и думаетъ, что за нея можно простить и сухость; мы, какъ извѣстно нашимъ читателямъ, другаго мнѣнія; но объ этомъ здѣсь не мѣсто разсуждать. Что же касается гимназистовъ, то ихъ мнѣнію не всѣ придаютъ такую цѣну, какъ г. Преподаватель исторіи. Мы бы, впрочемъ, пожелали слышать мнѣніе самихъ гимназистовъ, но боимся выразить это желаніе, а то «Московскія Вѣдомости», пожалуй, откроютъ свои столбцы для этой новой отрасли литературы, за что, конечно, не скажутъ намъ спасибо ихъ читатели.

СОВРЕМЕННАЯ РАДОСТЬ РОССІИ.

(Вмѣсто «Современной Хроники»).

Недостаетъ духу потчивать читателя обычной хроникой, толковать о разныхъ разностяхъ, когда у каждаго сердце не на мѣстѣ, когда всѣ чувства, всѣ мысли сливаются въ одну мысль, въ одно чувство, полное трепетной радости и благодарности. Во всѣхъ концахъ нашего отечества раздался наконецъ давно-ожидаемый благовѣстъ царскаго слова, призывающій всю Россію, послѣ долгаго ночнаго бдѣнія, къ свѣтлой заутрени воскресенія русской свободы. Свершилось! Предъ нами во весь ростъ стоитъ событіе, котораго ждалъ русскій крестьянинъ съ такою беззавѣтною вѣрою и терпѣніемъ, котораго такъ давно ждали двѣ разрозненныя половины русской жизни и русскаго права, котораго такъ долго поджидала русская исторія Свершилось!... Обѣ половины, оба брата соединяются послѣ долгой, трехвѣковой разлуки. Когда и куда дошли бы они, наконецъ, еслибъ изъ единственно-центральной точки соединенія не раздалось сильное царское слово, живо повернувшее обѣ половины налѣво кругомъ и поставившее ихъ лицомъ другъ къ другу? Не глядите же, братья, съ удивленіемъ одинъ на другаго, не измѣряйте другъ друга недовѣрчивыми глазами; скорѣе подавайте другъ другу руки, обнимитесь по-братски и ступайте одною дорогою: къ этому призываетъ васъ царская воля, васъ соединившая; объ этомъ умоляетъ васъ общая мать ваша земля русская; этого требуетъ счастье вашихъ дѣтей и ваше собственное счастье, этого ждетъ вся Европа, всѣ лучшіе умы, всѣ благороднѣйшія сердца человѣчества; этого требуетъ вѣчная, божественная правда, съ довѣріемъ взирающая на васъ въ эту торжественную минуту изъ глубины прошедшихъ вѣковъ, изъ безпредѣльной дали будущаго...

И какъ же намъ всѣмъ, всему семейству русскому, не радоваться! Родителю нашего слова, кормильцу всей нашей семьи, хранителю нашихъ обычаевъ, русскому крестьянину—возвращается личная свобода, возвращается древнее право на клочокъ родной земли (обжу), возвращается право гражданскаго голоса—словомъ, ему позволяется пользоваться родимой землею, владѣть и пріобрѣтать ее для себя, работать для себя. Старый долгъ, великій и тяжелый долгъ, взятый у крестьянина, въ горячую минуту, во имя государственнаго блага, уплачивается теперь, по царскому приказу, во имя общаго, взаимнаго блага—государственнаго и народнаго.

О томъ, что крестьянину дана будетъ личная свобода и право пользованія, за извѣстныя повинности, землею — мы знали еще три года назадъ изъ прежнихъ указовъ; что ему предоставлено будетъ право выкупа всей усадьбы со всѣми угодьями и пахотнымъ участкомъ —въ этомъ мы также не сомнѣвались, какъ и въ томъ, что на небѣ солнце, а на землѣ правда, скрываясь по временамъ за тучами и горами, не могутъ же исчезнуть навсегда, на вѣки-вѣчные. Но что касается способовъ и порядка упроченія за крестьянами свободы и надѣла землею, то уже тутъ никто, до послѣдней минуты не зналъ, какой путь будетъ выбранъ правительствомъ, какой порядокъ будетъ предпочтенъ и не безъ тайнаго трепета ожидали мы рѣшенія этого вопроса, весьма-важнаго въ нашихъ глазахъ, важнаго, тѣмъ болѣе, что не всѣ одинаково, признаютъ его важность.

Есть люди, очень-умные и талантливые, которые горячо стоятъ за прирожденныя матеріальныя права крестьянъ, но никакъ не могутъ понять, что эти права сами-по-себѣ, какъ и всякія другія, такъ же прочны, какъ мыльный пузырь, если не ограждены добрыми учрежденіями, правильнымъ судомъ и расправою. А не понимая этой простой вещи, они не могутъ, какъ сами говорятъ, надивиться наивнымъ добрякамъ, до слезъ восхищавшимся провозглашеніемъ той мысли, что въ судахъ должна быть правда. «Ну, конечно, должна быть, говорятъ они, что же объ этомъ толковать?» и при этомъ заливаются самымъ добродушнымъ, ребяческимъ хохотомъ. «Правда въ судахъ!» восклицаютъ они сквозь смѣхъ, «какое великое благо выйдетъ изъ этого для всей страны? Нѣтъ, какъ можно: вы поймите, какъ высокъ смыслъ этой фразы, какъ неизмѣримо-благотворны будутъ для Россіи ея послѣдствія, если она будетъ исполнена!» И, продолжая хохотать все пуще и пуще, они кончаютъ вопросомъ: «на какихъ читателей разсчитываетъ литература, пробавляющаяся подобными разсужденіями?» (*).

(*) «Современ.» 1859. № 1. Литератури. мелочи.

Охотно причисляя себя къ добрякамъ, до слезъ готовымъ восхищаться возстановленіемъ правды въ судахъ и, разсчитывая на такихъ же добряковъ-читателей, мы рѣшаемся подѣлиться съ ними нашимъ восхищеніемъ и разсказать, что̀ именно радуетъ насъ, въ эту минуту.

Судебная правда не ограничивается одною уголовною правдою, какъ полагаютъ наши передовые шутники, проповѣдывающіе житейскую мудрость изъ французскихъ книжекъ — судебная правда объемлетъ весь общественный бытъ со всѣми его управленіями. Такъ, по-крайней-мѣрѣ, искони смотрѣлъ русскій народъ на правду и искалъ ее не въ отвлеченіяхъ, подобно французамъ, а въ самой жизни, не въ кодексахъ, сочиняемыхъ геніальными вождями народовъ, а въ самомъ народѣ, и посреди народа. Отсюда безконечная разница между русскими инстинктами и французскими, между русской общиной, основанной на неизмѣнномъ обычаѣ, и западными ассоціаціями, сочиненными въ кабинетахъ экономистовъ и соціалистовъ и основанными на договорномъ началѣ. Много было у насъ споровъ за русскую общину и противъ нея; много было сдѣлано уступокъ съ той и другой стороны; каждый бралъ изъ этой бѣдной, загнанной общины, что̀ ему нравилось и, наоборотъ, отвергалъ все, что̀ противорѣчило его экономическимъ и философскимъ убѣжденіямъ. Одни соглашались оставить въ ней, такъ-называемую, административную общину, какъ вещь очень-хорошую, но за то требовали, чтобъ община поземельная, столь вредная для успѣховъ сельскаго хозяйства, была уничтожена *немедленно, съ полученіемъ сего*; другіе, напротивъ, крѣпко стояли именно за поземельную общину, считая ее главнымъ оплотомъ народнаго благосостоянія, и затѣмъ, охотно поступались общиною административною и судебною, какъ дѣломъ совершенно-безразличнымъ и даже, какъ видите, лукаво подсмѣивались надъ добряками, хлопотавшими о подобныхъ пустякахъ Не все ли равно, восклицали они, въ чьихъ рукахъ будетъ судъ и расправа? Далѣе, споръ переходилъ уже въ отвлеченную сферу права: обѣ спорящія стороны, одинаково соглашались въ томъ, что человѣкъ, родившійся не на небѣ, а на землѣ, дѣйствительно имѣетъ нѣкоторое право стоять на этой самой землѣ и пользоваться ея услугами; но какъ только доходило разсужденіе до вопроса о томъ, въ какую форму должно вылиться сказанное прирожденное право человѣка — обѣ стороны опять вступали въ ожесточенный бой: одни стояли за форму общиннаго владѣнія, другіе — за общинную собственность.

Такимъ образомъ французскіе враги русской общины и французскіе же ея защитники одинаково-безплодно потѣшались надъ нею: дѣлили, обрѣзывали, очищали, припомаживали ее каждый по своему вкусу и никому изъ нихъ не пришло въ голову, что всѣ эти эксперименты никуда не годятся, что всѣ достоинства и недостатки русской общины составляютъ неразрывное, органическое цѣлое, что русская община есть живая, юридическая личность, одушевленная живымъ духомъ преданія и что отъ нея, какъ отъ всякой другой личности, нельзя отдѣлить ея слабостей безъ того, чтобъ не повредить ее достоинствамъ. Никому изъ спорящихъ экономистовъ старой и новой школы не пришло въ голову, оставивъ французскія книги, познакомиться съ русскою общиною вблизи, всмотрѣтся въ ея физіономію и полюбить ее такою, какова она есть на дѣлѣ, безъ прикрасъ, во всей ея простотѣ, немного грубой, но привлекательной и нелишенной глубокаго смысла. И, странное дѣло! кому изъ этихъ господъ случилось хотя нечаянно пройти, или только *проѣхать подлѣ* русской общины, тотъ уже перемѣнялъ тонъ и говорилъ другимъ голосомъ, болѣе русскимъ, какъ, напримѣръ, г. Безобразовъ. Кто же не отходилъ отъ книжки, тотъ оставался вѣренъ своимъ убѣжденіямъ и не замѣчалъ даже вопіющихъ противорѣчій, которыми изобиловали рѣчи и споры за общину. Такъ, напримѣръ, экономисты, яростно нападая на русскую общину за то, что она отвергаетъ право *личной* поземельной собственности, составляющее, по ихъ мнѣнію, единственный и ничѣмъ незамѣнимый двигатель всякихъ преуспѣяній въ сельскомъ хозяйствѣ, въ противоположность ей указываютъ на французскую ассоціацію мелкихъ поземельныхъ собственниковъ, какъ на идеалъ того разумнаго порядка, который въ состояніи предохранить сельское хозяйство отъ всѣхъ золъ, и крайнихъ дробленій земли, сопряженныхъ съ правомъ личнаго и наслѣдственнаго владѣнія ею. Но при этомъ экономисты упустили изъ виду, что и французская, столь любезная для нихъ, ассоціація можетъ явиться на свѣтъ не иначе, какъ подъ условіемъ, чтобъ каждый изъ членовъ ея отказался отъ значительной доли своихъ личныхъ правъ въ пользу блага всей ассоціаціи, а слѣдовательно, и своего собственнаго блага. Экономисты забываютъ, что еслибъ мелкіе собственники, послѣ соединенія ихъ въ ассоціаціи, продолжали попрежнему заниматься ковыряньемъ каждый своего участка, отказываясь отъ общихъ обязанностей и правъ, во имя личнаго права — единственнаго двигателя сельскаго хозяйства, то ассоціація расклеилась бы на первомъ шагу. Стало-быть, единственнымъ двигателемъ сельско-хозяйственной ассоціаціи

можетъ быть всякая другая сила, но только не право личной собственности во всей его ненарушимой цѣлости, во всей его французской страстности. Стало-быть, для созданія такой ассоціаціи нужно, вопервыхъ, чтобъ мелкіе собственники доведены были до крайности и положительной невозможности вести далѣе хозяйство свое въ одиночку; нужно, чтобъ они *поневолѣ* согласились подчиниться общему договору и отказались отъ нѣкоторой части своихъ личныхъ правъ; далѣе, нужно, чтобъ они изъявили готовность безпрекословно повиноваться распоряженіямъ выборныхъ властей, подвергая себя, въ противномъ случаѣ, принужденію со стороны власти, *посторонней* для ассоціаціи и стоящей *внѣ ея*. Словомъ, для созданія такой ассоціаціи нужно принужденіе извнутри, принужденіе извнѣ и все, не для чего инаго, какъ для того только, чтобъ отказаться отъ главныхъ прелестей личнаго поземельнаго права, недостатокъ которыхъ вмѣняется въ такое преступленіе русской общинѣ. Чѣмъ же, скажите, такая мудреная ассоціація лучше нашей невѣжественной общины: тѣмъ ли, что она выдумана нѣсколькими лицами по необходимости, а не родилась сама-собой изъ духа цѣлаго народа? тѣмъ ли, что она богата недостатками, но не имѣетъ ни одного достоинства русской общины?

И долговѣчна ли такая искусственная ассоціація? не носитъ ли она въ самой себѣ сѣмена вѣчныхъ раздоровъ? Связать нѣсколько живыхъ личностей, различныхъ по характеру, способностямъ и вкусамъ, связать ихъ силою одного принужденія и договора — не утопія ли это? Развѣ экономисты новые и старые не знаютъ, что договорное начало есть начало недовѣрія, скрытой вражды и близорукаго разсчета; что въ договоръ вступаютъ обыкновенно лица только для примиренія вражды, а не для скрѣпленія естественнаго союза, который тогда только и бываетъ проченъ, когда не нуждается ни въ какомъ договорѣ? Развѣ мужъ съ женою, отецъ съ сыномъ вступятъ въ какой-либо договоръ, если мало-мальски довѣряютъ другъ другу? А если любовь исчезла, довѣріе и согласіе нарушены, развѣ маклеръ и полицейскій коммиссаръ въ-состояніи возстановить внутреннюю красоту этихъ чувствъ и вдохнуть въ опустѣлую храмину улетѣвшее связующее начало? Развѣ враждующія стороны не воспользуются первымъ отсутствіемъ этихъ мирныхъ чиновниковъ, чтобъ поколотить другъ друга?

Только закоренѣлые феодалы могутъ сочинять договорныя общины; только французы могутъ замѣнять въ нихъ отсутствіе довѣрія присутствіемъ полицейскихъ чиновниковъ. Русскій мужикъ не понимаетъ этихъ рыцарскихъ тонкостей: онъ не выдумывалъ пороху, не сочи-

нялъ ни поземельной, ни артельной общины. Онъ родился, выросъ и умретъ въ ней, не присочинивъ къ ней ни одной договорной буквы, не противопоставивъ ему ни одного личнаго враждебнаго желанія. И это потому, что онъ питаетъ къ ней полное безграничное довѣріе; онъ знаетъ, что міръ—*великій человѣкъ*; что, міръ не попуститъ ни малѣйшаго неравенства въ правахъ своихъ членовъ; что мірская сходка во всякую минуту разсудитъ его по душѣ, открыто, на чистоту; что она не принудитъ его противъ воли работать плугомъ, или косою и отпуститъ на всѣ четыре стороны, когда ему не люба жизнь въ общинѣ, но что, вмѣстѣ съ тѣмъ, она опять приметъ его радушно, какъ блуднаго сына, когда онъ вздумаетъ возвратиться къ ней, и опять надѣлитъ его материнскимъ благословеніемъ—законнымъ участкомъ земли. Такъ понимаетъ русскій человѣкъ общину и въ этомъ понятіи, какъ видите, тѣсно соединены въ одно органическое цѣлое: община поземельная и община судебно-административная, право владѣнія и право собственности, и точкой такого соединенія служитъ именно семейное начало, обычай и домашній судъ. Экономисты новѣйшей школы не понимаютъ этихъ простыхъ вещей и, зная одну только идеальную общину по французскимъ книжкамъ, не придаютъ никакой важности возстановленію судебныхъ правъ общины и продолжаютъ вѣрить въ возможность созданія прочной ассоціаціи, помимо семейства, личности, движимой собственности, индивидуальной свободы, помимо свободныхъ чувствъ привязанности и довѣрія, посредствомъ одного только контракта и неразлучнаго друга его и хранителя — полицейскаго коммиссара!

Французъ не можетъ жить и дышать безъ помощи полицейскаго коммиссара. По буквальному выраженію французскаго закона, къ каждой общинѣ долженъ быть *приставленъ* коммиссаръ *для надзора* суда и расправы. Но чиновникъ этотъ составляетъ лишь одно незамѣтное звено въ безконечной полицейской цѣпи, опутавшей, такъ-называемое французское самоуправленіе. Тутъ, въ этой цѣпи, есть полевые и лѣсные сторожа, есть консерваторы, инспекторы и суб-инспекторы, разсматриваемые, какъ чиновники *судебной* полиціи, есть меры и ихъ помощники, императорскіе прокуроры и ихъ субституты, есть *мировые судьи* и рядомъ подлѣ нихъ жандармскіе офицеры, есть простые полицейскіе коммиссары и генеральный полицейскій коммиссаръ, слѣдственные судьи, префекты и подпрефекты. И всѣ эти чиновники, назначаемые отъ правительства, зависятъ отъ другихъ чиновниковъ болѣе высшихъ, и тѣсно связаны между собою, но не съ общиною, которая стоитъ отдѣльно, связанная по рукамъ и по ногамъ, какъ агнецъ,

обреченный на закланіе. Но во Франціи, какъ на крайней и самой блистательной точкѣ Запада, такой порядокъ—самый естественный порядокъ. Феодальныя общины, то-есть, корпораціи, возникали на Западѣ, одна подлѣ другой, не по обычаю, а по договору, не съ мирною, а съ враждебною цѣлью, не для защиты себя противъ внѣшняго врага, но для защиты одной общины противъ всѣхъ остальныхъ, для битвы между собою не на живот, а на смерть. Когда же королевская власть, составлявшая на Западѣ также свою отдѣльную общину, принудила всѣ остальныя общины заключить между собою мирный договоръ, то по необходимости должна была поставить внутри каждой изъ нихъ, то-есть въ самомъ сердцѣ общины, по одному полицейскому коммиссару для надзора за его біеніемъ, для укрощенія враждебныхъ чувствъ, его волновавшихъ, для принужденія его неотступно слѣдовать разуму и буквѣ заключеннаго договора. Вотъ почему французская полиція съ давняго времени заботилась о религіи и нравственности народа, о его здравіи, продовольствіи, образованіи, промышленности — словомъ, по выраженію Деламара, имѣла цѣлью *доставить* народу *возможное на землѣ счастіе*. Къ этому-то счастливому порядку шла последовательно, прямой дорогой, вся континентальная Европа, съ той самой минуты, когда германское начало личной независимости оторвалось отъ своей родной почвы—отъ поземельной семейной общины и, образовавъ дружину, мало-по-малу заняло римскія земли и потомъ собственною рукою разрушило родную общину. И только-что отлетѣлъ духъ германской общины — ея общинное владѣніе, и замеръ ея голосъ—мирская сходка (gauding), тотчасъ тѣло ея —общинная земля— было растерзано дружинами и корпораціями, и пошло на бенефиціи, синекоры и разныя иныя украшенія феодальной системы. Вмѣсто одной общинной власти явились тысячи новыхъ, и каждая изъ нихъ, опершись на землю, стремилась возвыситься одна надъ другой. Римская церковь, также на всякій случай захвативъ себѣ порядочный кусокъ разграбленнаго общественнаго достоянія и, образовавъ изъ нея нѣчто въ родѣ духовнаго посоха, стала поднимать голову все выше-и-выше; опираясь на ея духовныя силы, стали подыматься и другія силы, продолжая давить другъ друга. Такой порядокъ много способствовалъ выработкѣ личностей, за-то погубилъ общество и замѣнилъ его однимъ лицомъ, прямо объявившимъ: L'état c'est moi. Этимъ только путемъ Франція завоевала себѣ національное единство и, какъ она сама увѣряетъ, спокойствіе и порядокъ; но единство и порядокъ въ томъ смыслѣ, какъ его понимаетъ Франція, немыслимы безъ помощи полицейскихъ коммиссаровъ. По-крайней-мѣрѣ, по смерти общины эти

благодѣтели одни въ-состояніи исправлять должность ея душеприкащиковъ и вести народы къ возможному на землѣ счастію. И всюду, гдѣ являлась надобность въ единствѣ и порядкѣ, являлись и коммиссары.

У насъ, въ Россіи, благодареніе Богу, въ единствѣ *народа* никогда не представлялось надобности, потому-что никогда въ немъ недостатка не было. Этого не отрицаетъ ни одинъ изслѣдователь русской исторіи, къ какой бы школѣ онъ ни принадлежалъ. Первыя историческія свѣдѣнія застаютъ уже русскій народъ единымъ и цѣльнымъ по духу и обычаямъ; первый вопросъ, занимающій русскаго лѣтописца — вопросъ о томъ: *откуда есть пошла русская земля*. Обѣ враждующія историческія школы наши, объясняющія русскую исторію, одинаково-согласны въ томъ, что старинная жизнь русскаго народа держалась единствомъ преданія, обычаевъ, пословицъ и «роскошно обставлена была пѣсней, которая до-сихъ-поръ сохранила много своего первобытнаго разнообразія и поется при всякомъ удобномъ случаѣ, при всякомъ болѣе или менѣе важномъ житейскомъ событіи» (А. Пыпинъ «Современникъ» 1861 г. № 1). Такимъ-образомъ *единство* русскаго народа служитъ непоколебимою основою всей его исторіи и не подвержено ни малѣйшему сомнѣнію. Другое дѣло *порядокъ*. Всѣ домашніе споры и ссоры, какъ въ древней Руси, такъ и въ новой, какъ во времена Гостомысла, такъ и во времена гг. Соловьева и Костомарова, ведутся изъ-за русскаго порядка. Сочинители разныхъ болѣе или менѣе полныхъ россійскихъ исторій объясняютъ всѣ наши порядки и безпорядки теоріей *родоваго*, то-есть, аристократическаго быта нашихъ предковъ. Теорія эта, несмотря на все ея остроуміе, съ каждымъ днемъ теряетъ свой кредитъ и крѣпко шатается. Первый ударъ нанесла ей славянофильская школа, но ударъ этотъ былъ значительно ослабленъ крайними увлеченіями славянофиловъ, и потому только не былъ смертельнымъ. Наконецъ между двумя крайностями явилась новая школа изслѣдователей, отъ которой крѣпко не поздоровилось родовому быту. Новые изслѣдователи стали по косточкамъ разбирать всѣ составные элементы народнаго быта: языкъ, пѣсни, пословицы, загадки, обычаи, вѣрованія и такимъ-образомъ подвели подъ историческія и юридическія изслѣдованія твердое филологическое основаніе. И поэтому прежде чѣмъ мы разсмотримъ въ чемъ заключается старый порядокъ, взглянемъ на его основу. «Земледѣльческій бытъ славянъ (говоритъ г. Буслаевъ) уже въ старину незапамятную заслонялъ отъ насъ предшествовавшую ему грубую эпоху непосѣдлыхъ дикарей. Къ быту земледѣльческому относится боготвореніе земли. Она общая всѣмъ кормилица—мать сыра земля. Твердая осѣдлость

земледѣльца выражается словомъ *корень*: вмѣсто моя родина, говорятъ мой корень. Вмѣстѣ съ осѣдлою жизнью племена узнали и родной кровъ, избу, а съ ней и родное *огнище, пепелище*. Семейныя связи установились и упрочились подъ роднымъ кровомъ. Согрѣтыя отческимъ огнищемъ, дѣти привыкли любить и уважать своихъ родителей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣхъ старшихъ: ибо *безъ стараго пня и огнище сиротѣетъ*. Домъ крѣпокъ хозяиномъ, и семья держится старшими — *всякій домъ по большую голову стоитъ*. Такъ-какъ отъ понятія о старшемъ въ семьѣ образовалось понятіе о власти вообще: то *старшій, старѣйшина*—уже въ древнѣйшую эпоху расширили свое значеніе до перваго, *набольшаго владыки*. Вмѣстѣ съ уваженіемъ старшихъ возникло и укрѣплялось благоговѣніе къ старинѣ и преданію. Пословицы, держась обычаемъ и стариною, съ особенною силою выражаютъ мысль о томъ, что все настоящее крѣпится прошедшимъ: что старѣе, то правѣе, *что изстари ведется, то не минется* («Ист. Очерк. Русск. Народ. Слов.», т. I, стр. 102).

Интересно, однако, знать, какой же это старинный порядокъ, котораго по пословицѣ мы не должны и не можемъ миновать? Тамъ же у г. Буслаева мы находимъ слѣдующее разъясненіе отношеній старинной *семьи къ роду, племени и миру*. «Сначала бытъ семейный поглощался у славянъ племеннымъ, входя въ этотъ послѣдній, какъ его главный, основный элементъ. Поэтому самое слово племя у всѣхъ славянъ означаетъ не только поколѣніе, но и семейство. На этой первой ступени своего значенія *племя* имѣло при себѣ синонимомъ слово *родъ*, съ тѣмъ, однако, отличіемъ, что племенемъ означалась линія нисходящая, а родомъ—восходящая. Такимъ-образомъ въ тождесловномъ выраженіи *родъ—племя* разумѣлись всѣ родственныя связи. Вслѣдствіе естественнаго размноженія семей, племя получило смыслъ цѣлаго поколѣнія и, какъ принципъ, выразилось въ племенномъ бытѣ полянъ, древлянъ, и т. д. Тотчасъ же выступаетъ и *родъ* съ своими, такъ-сказать, аристократическими тенденціями въ лицѣ князя (уже отъ нѣмецкаго Kunings—кънязь, отъ готскаго Kuni—родъ). Князья являются съ своимъ родомъ и вносятъ новый родовой элементъ въ племенное, семейное устройство. Уже и предки наши видѣли аристократическій смыслъ въ родовомъ бытѣ, какъ это явствуетъ изъ Азбуковника, по рукописи XVII вѣка: «*роди* — княжи заповеди, а по словенъски роды наричются племена человѣческая» (стр. 104), «*родовой* бытъ, коренится родоначальникомъ и ведется по мужской линіи». Равноправность *племеннаго* быта нашла себѣ соотвѣтствіе въ самой семьѣ, которое придаетъ особое значеніе вліянію женщины. *Мы не имѣемъ поэзіи ро-*

доваго быта (говоритъ далѣе г. Буслаевъ), за то всѣ славянскія племена неистощимо-богаты пѣснями *семейными* и— что особенно замѣчательно—пѣсни, именно женскія, составляютъ самую главную часть этого семейнаго эпоса, объемлющаго всю жизнь человѣка, отъ колыбели до могилы, и сосредоточеннаго на свадьбѣ, какъ на такомъ обрядѣ, который полагается въ основу семейнаго быта» (стр. 103).

«Переходъ отъ жизни семейной къ общественной выразился въ словѣ *миръ* (миръ и міръ не различались). Первоначальное значеніе слова *миръ* было не просто согласіе въ общемъ, отвлеченномъ смыслѣ, но именно согласіе извѣстныхъ лицъ, поставленныхъ между собою въ извѣстное отношеніе, то-есть въ смыслѣ юридическомъ. Въ жизни семейной *миръ* означалъ бракъ, какъ это и до позднѣйшихъ временъ сохранилось въ польскомъ языкѣ (малженски миръ—брачный союзъ). Въ-отношеніи къ чуждымъ народамъ слово это употребляется уже въ древнѣйшихъ нашихъ лѣтописяхъ въ смыслѣ согласія и примиренія съ врагами. Потому общественное и юридическое сближеніе нѣсколькихъ семей, живущихъ вмѣстѣ, получило названіе *мира*; отсюда миромъ называется цѣлая деревня, цѣлое населеніе: въ этомъ случаѣ, *миръ* отъ семейнаго согласія переходитъ къ опредѣленному юридическому значенію собранія извѣстныхъ лицъ на *мирской сходкѣ* для рѣшенія дѣлъ общественныхъ. Наши пословицы прямо указываютъ на это юридическое значеніе: «мира никто не судитъ», «міръ зинетъ — камень лопнетъ» (стр. 106).

Вотъ почему русская *мирная* община, происходя отъ *семьи* и будучи основана на семейномъ, естественномъ согласіи, не имѣетъ ничего общаго съ западной общиною, порожденною безсемейною дружиною. Вотъ почему наша община внутри самой себя не знаетъ договора и заключаетъ его только съ людьми посторонними. Вотъ почему она не знала и полицейскихъ коммиссаровъ до той самой минуты, пока Петръ-Великій, черезчуръ увлекшись дружинными порядками, не заговорилъ впервые о домашнемъ договорѣ: «Въ уѣздахъ, гдѣ государевы волости, сéла, деревни, мельницы, рыбныя ловли и прочее обрѣтаются, надлежитъ земскому *коммиссару* съ прилежностью смотрѣть, чтобъ всякій по *своему договору и должности* по надлежащему исполнялъ». (Воевод. инструк. 1719 года, пунктъ 13). Договорное начало несовмѣстно съ идеей мира и домашняго согласія. Человѣкъ выдумалъ договоръ съ той минуты, какъ, покинувъ семью и *братьевъ*, встрѣтился съ *чужими* людьми, съ врагами. «Отличительною чертою древнихъ германцевъ (говоритъ Гизо) была *привязанность* человѣка къ человѣку, *взаимная* вѣрность ихъ, безъ всякаго *внѣшняго* понуж-

денія, *безъ всякаго обязательства*, основаннаго на *главныхъ* началахъ *общественнаго* быта» («Истор. цивилизаціи», изд. Тиблена, стр. 57). Эта черта сохранена русскимъ народомъ до настоящей минуты, несмотря на всѣ передряги и давленія западныхъ вліяній. Германцы утратили ее съ незапамятныхъ временъ, вмѣстѣ съ общиннымъ владѣніемъ землею, общиннымъ судомъ и круговою порукою. На мѣсто варварской *мирной* общины, они поставили феодальную общину, послужившую основаніемъ европейской цивилизаціи. «Съ какой бы точки вы ни разсматривали общественный прогресъ (говоритъ Гизо), феодализмъ всегда представится вамъ препятствіемъ на пути его. Самая *природа* феодальнаго общества *отвергала порядокъ и законность*» (тамъ же, стр. 117).

Итакъ русская община въ томъ видѣ, въ какомъ застаетъ ее впервые филологія, является уже во всеоружіи законности и порядка. Общинное владѣніе, круговая порука, совершенное равенство правъ, общинный судъ и расправа—всѣ эти элементы составляютъ неразрывныя части органическаго цѣлаго. Въ такомъ видѣ община наша явилась на свѣтъ божій, въ такомъ точно видѣ сохранилась и до-сихъ-поръ въ свободной русской артели. Пока русская поземельная община оставалась ненарушимою, судъ и правда стояли высоко въ понятіи народа, судя по словамъ г. Буслаева. «Правда суда не боится», говорила русская пословица: «правда сама себя очиститъ; она хоть и груба, да Богу люба». Грѣхъ считался отклоненіемъ отъ закона, преступленіемъ: «прежде законъ, нежели грѣхъ». Мѣра всякому дѣлу, удержаніе себя въ предѣлахъ считались основою правильной и законной жизни: «всякое дѣло мѣра краситъ». Самое зло произошло на свѣтѣ, по русскому понятію, отъ выступленія воли изъ предѣловъ мѣры: «отпалъ бѣсъ вѣры, не познавъ своей мѣры». Любовь къ ближнему и доброе дѣло, какъ выраженіе этой любви — главнѣйшія основы нравственнаго чувства русскихъ пословицъ, продолжаетъ г. Буслаевъ: эгоистъ, по здраву смыслу народа, не выполняетъ человѣческаго назначенія, потому-что *человѣкъ не для себя родится* (съ этимъ экономисты никакъ уже не согласятся). Состраданіе къ ближнему есть дѣло взаимное; ибо «бѣда надъ всякимъ можетъ учиниться», «вздохни да охни! объ одномъ сохни; а какъ по раздумаешь, такъ и *всѣхъ жаль*», потому-что «и на волѣ слезъ вдоволѣ». Но такъ-какъ «не равны и пальцы на рукахъ», а который палецъ ни укуси—всѣмъ больно», то человѣколюбивое чувство особенно-нѣжно къ сиротамъ: «сиротская слеза даромъ на грудь не канетъ» говоритъ пословица.

Такова, по словамъ г. Буслаева, нравственная философія русской

общины. Что же касается экономической, то самъ «Экономич. Указатель» не могъ бы выдумать ни одного лучшаго положенія о цѣнности, трудѣ, спросѣ и предложеніи, чѣмъ русскія пословицы, изложенныя г. Буслаевымъ на стр. 108 своихъ историческихъ очерковъ. Взглянемъ еще на хозяйзвенный и юридической характеръ древней общины.

Племена, вошедшія въ составъ Руси, *творили сами себѣ законъ*, говорилъ Несторъ. Занявши русскую землю мирно, безъ боя, они слились съ нею до такой степени, что русскій *народъ* и русская *земля* были синонимы и сливались въ одно понятіе. Сліяніе это отразилось на всемъ характерѣ русской общины и дало ей ту цѣльность, которая позволила всѣмъ членамъ ея вмѣстѣ творить себѣ законъ. «Русская Правда» употребляетъ нѣсколько названій для опредѣленія общины: *міръ*, *людіе*, *село*, *торгъ*, *городъ*, *вервь;* но всѣ эти общины были ничто иное, какъ части одного цѣлаго, представителемъ котораго являлась именно *вервь*, нѣчто въ родѣ уѣзда, поземельнаго округа. (*) Каждая вервь имѣла свои границы, опредѣлявшіяся дѣйствительными потребностями ея жителей, именно, границы оканчивались тамъ, *куда соха и топоръ ходятъ*. Жители верви получали изъ общей земли участки поровну, по жребію. Жеребьевые участки раздавались всѣмъ желавшимъ и назывались *обжами* (отъ слова обжать, сжать); въ составъ обжи входили всѣ угодья, составлявшія основанія для жизни семейства, и потому она на древнемъ языкѣ называлась также: жилье, дворъ, дымъ и домъ, а потомъ замѣнилась словамъ *вытъ*. По случаю общинности земли, сыновья отдѣлялись отъ отцовъ очень-рано и потому дворъ чаще всего равнялся *одному полному человѣку*, то-есть *мужу съ женою*. Сумма всѣхъ этихъ единицъ дворовъ, или обежъ, то-есть всѣ *людіе* составляли, въ свою очередь, новую единицу — міръ, вервь или, что все-равно, *виру*, неразрывно связанную общими интересами, общимъ владѣніемъ, общественнымъ судомъ и расправою. Прочность этой связи и внутренняя цѣльность верви, какъ единицы, выразилась *въ круговой порукѣ*, въ этомъ палладіумѣ русской общины, составлявшемъ альфу и омегу русскаго самоуправленія. Г. Бѣлявъ, въ превосходной статьѣ о круговой порукѣ, напечатанной въ послѣднемъ выпускѣ «Русской Бесѣды», объясняетъ значеніе ея слѣдующими словами: «Круговою порукою на Руси (говоритъ онъ) встарину, разумѣлось поручительство общины по томъ или другомъ изъ своихъ членовъ. Поручительство это состояло или въ одномъ удостовѣреніи о членѣ общества, что онъ заслуживаетъ довѣріе, или про-

(*) «Русск. народъ и Государство» г. Лешкова.

стиралось до того, что общество принимало на себя обязанность помогать члену въ томъ дѣлѣ, которое онъ на себя принялъ отвѣчать за члена, въ случаѣ неустойки съ его стороны. Случаи, гдѣ круговая порука имѣла мѣсто, были разнообразны: они обнимали все разнообразіе жизни человѣка въ обществѣ. Самое общинное владѣніе, господствовавшее въ старой Руси, служило однимъ изъ главныхъ основаній круговой поруки; при этомъ вліяніи общество неголословно ручалось за своего члена; оно въ землѣ имѣло капиталъ, обезпечивающій состоятельность поручительства; а гдѣ земельнаго капитала не имѣлось въ виду, по образу жизни и промысламъ общества, тамъ оно, въ обезпеченіе поручительства, прибѣгало ко вкладамъ или къ обязательствамъ, чтобы всѣ члены общины участвовали въ платежѣ слѣдующихъ по поручительству взносовъ (что̀, прибавимъ мы отъ себя, и составляетъ донынѣ сущность артельнаго самоуправленія). Но какъ общинное владѣніе землею, такъ и вклады въ общинный капиталъ не были обязательны для всѣхъ членовъ общины. *Отъ воли члена* зависѣло: участвовать ли во владѣніи общинною землею, или имѣть *свою отдѣльную поземельную собственность*, а также дѣлать вклады въ общинный капиталъ или не дѣлать; никого не принуждая къ этому, община, съ своей стороны, не принимали на себя и отвѣтственности за тѣхъ членовъ, которые не обезпечивали общиннаго поручительства своею долею капиталовъ; она за такихъ членовъ ручалась только своимъ мнѣніемъ, отзывомъ, если знала ихъ съ хорошей стороны, а отнюдь не принимала за нихъ отвѣтственности на себя».

Далѣе г. Бѣляевъ доказываетъ, что круговая порука выражала собою общину и тѣсно связана была съ нею. Такимъ-образомъ доказывая существованіе круговой поруки въ древности, г. Бѣляевъ доказываетъ тѣмъ самымъ и существованіе общиннаго быта въ древней Руси и наноситъ новый, неотразимый ударъ теоріи родоваго быта. «Въ бытѣ родовомъ (говоритъ г. Бѣляевъ) за каждаго члена рода мститель и отвѣтчикъ родоначальникъ: онъ представляетъ въ себѣ тотъ авторитетъ, которому всѣ должны вѣрить, и поэтому всѣ, кому приходится искать на членѣ рода, обращаются къ родоначальнику, къ представителю рода, который одинъ можетъ удовлетворить ихъ, а не къ родичамъ, которые, по ученію о родовомъ бытѣ, не имѣютъ собственности. Въ общинѣ же, напротивъ, родоначальника нѣтъ, и авторитетъ принадлежитъ самой общинѣ, и она отвѣчаетъ круговою порукою всѣхъ своихъ членовъ. Люди для того именно и вступаютъ въ общину, чтобы общими силами поддерживать и обезпечивать свои личныя права и

имѣть удобнѣйшія средства для несенія обязанностей. Всѣ юридическія вѣрованія въ первоначальномъ общинномъ бытѣ формулируются и держатся на круговой порукѣ: членъ общины увѣренъ и обезпеченъ въ своемъ поземельномъ владѣніи именно тѣмъ, что земля эта дана ему общиною и не можетъ быть отнята никѣмъ, какъ развѣ только общиною, міромъ; а міръ ее никогда не отниметъ, ежели онъ будетъ исправнымъ членомъ міра; сосѣдъ или чужанинъ также не можетъ отнять ее — въ этомъ ручается ему община, которая непремѣнно вступится за обиженнаго и своимъ мірскимъ приговоромъ сгонитъ обидчика, а равнымъ образомъ и во всѣхъ другихъ дѣлахъ членъ общины постоянно обезпеченъ круговою порукою: круговая порука, не стѣсняя его дѣятельности, связываетъ его съ міромъ, а равнымъ образомъ связываетъ съ нимъ міръ; круговая порука есть красугольный камень всякаго права въ общинѣ; безъ нея община должна распасться при самомъ началѣ».

Нельзя не согласиться съ этимъ превосходнымъ опредѣленіемъ круговой поруки. Простое, непредубѣжденное соображеніе, явно указываетъ на круговую поруку, какъ на единственную защиту самостоятельности общества. Въ какія бы отношенія ни входила община, круговая порука спасала ее, какъ спасаетъ и теперь русскую свободную артель, отъ всякаго вмѣшательства во внутренніе ея распорядки. Въ присутствіи круговой поруки полицейскому коммиссару нѐчего дѣлать въ общинѣ, и онъ можетъ явиться къ ней только въ качествѣ вирника, пріемщика податей. Экономисты, нападающіе на круговую поруку, постоянно упускаютъ изъ виду, что всѣ несовершенства, несправедливости и стѣсненія для индивидуальной личности, какія они видятъ въ ней, порождены *несвободною* круговою порукою и являются только тамъ, гдѣ круговая порука навязана обществу извнѣ, и особенно тамъ, гдѣ она не опирается на общинное владѣніе. Но посмотрите на ту же круговую поруку въ артели, гдѣ она является какъ свободное проявленіе потребностей *свободной* общины: тутъ она обезоруживаетъ всякую критику со стороны самыхъ ярыхъ экономистовъ; тутъ, въ лицѣ коммерческихъ и биржевыхъ людей вся западная наука—съ ея феодальными преданіями, съ ея личными преданіями, съ ея римскимъ правомъ, съ ея договорными формами, съ ея полицейскимъ коммиссаромъ—тотчасъ опускаетъ шпагу, измѣняетъ всѣмъ своимъ понятіямъ и протягиваетъ руку круговой порукѣ съ полнымъ *и безграничнымъ довѣріемъ*. Неуже-ли этого мало для доказательства внутренней силы и могущества свободной круговой поруки?

Но первые князья, явившіеся изъ-за Варяжскаго Моря, не поняли

русской общины, да и не могли понять по своей варяжской натурѣ, совершенно-расходившейся съ русскою. Началось съ того, что пришла не одна власть, а три разомъ; потомъ три князя пришли не сами, но по заморскому обычаю, съ родичами своими, и взяли съ собою всю дружину свою. Такимъ образомъ они принесли съ собою родовой бытъ, княжи заповѣди, совершенно-противорѣчившія заповѣдямъ русскаго народнаго быта: они привели съ собою военную, безземельную и безсемейную общину, совершенно-противоположную общинѣ земельной, мирной, племенной. Вмѣсто того, чтобъ осуществить единодержавную власть надъ всею Русью, они тотчасъ *раздаяше грады мужемъ своимъ* (*) и паче воевати всюду. Вмѣсто того, чтобъ смотрѣть на Русь, какъ на общественное достояніе, имъ ввѣренное, они взглянули на нее по-варяжски, какъ на свою собственность, какъ на помѣстье, обязанное кормить всю ватагу, съ ними пришедшую. И вотъ началось кормленіе: пошли *частые и обильные пиры* съ дружиною въ гридницахъ, пошла раздача земель родичамъ и дружинникамъ; явилась удѣльная система, мѣстничество; явились княжескіе раздоры, и земля русская, еще незадолго предъ тѣмъ единодушно-пожелавшая порядка, снова исполнилась крайняго безпорядка(**), раздробилась на множество клочковъ, разслабла и пала наконецъ беззащитною подъ ударами татаръ...

Не сразу, правда, варяжскіе порядки принесли всѣ эти печальные плоды. Вначалѣ князья мало обращали вниманія на русскіе обычаи и оставляли ихъ неприкосновенными. Они разсылали только своихъ вирниковъ, намѣстниковъ, волостелей и тіуновъ для взиманія дани и виры. Внутренній судъ и расправа въ каждой общинѣ вершились *по старой пошлинѣ, какъ было прежъ сего*. Древнее русское право развивалось попрежнему подъ исключительнымъ вліяніемъ обычая, предоставляя самой жизни опредѣленіе гражданскихъ отношеній. Въ домашнихъ своихъ столкновеніяхъ *общины* управлялись по прежнему, своими собственными старшинами и начальниками, и только по дѣламъ съ членами другихъ *общинъ* обращались къ своему князю. Города и волости сохраняли при княжескихъ *чиновникахъ* своихъ собственныхъ старшинъ, подъ именемъ старостъ, сотскихъ и десятскихъ, которые имѣли свою долю судебной власти, потому-что въ древней Россіи

(*) Несторъ.

(**) Новгородцы прямо объявили сыну великаго князя Ростислава Мстиславича: «Не хотимъ тебя, мы призвали твоего отца для установленія порядка, а онъ, вмѣсто того, усилилъ безпокойства». («Ист. Рос.» Соловьева. Т. I, стр. 93).

упрявленіе и судъ *всегда шли рука-объ-руку»* (1). Обычай производить судъ въ присутствіи лучшихъ людей сохранился по прежнему, и сами князья уважали этихъ судей, призывая ихъ изрѣдка на совѣтъ свой: «и созвалъ Володимеръ боляры *своя* и старцы *градскія»* (2). Заключая *договоры* съ Новгородомъ и другими удѣлами, князья попрежнему оставляли за ними вѣчевой порядокъ и *судъ присяжныхъ* съ ихъ *доводчиками* и *цаловальниками* (3), съ ихъ старѣйшими и лучшими людьми, обязываясь сами не вступаться въ общіе суды (4) и предоставляя имъ въ крайнемъ случаѣ, если *о каковомъ дѣлѣ межи собе сопрутся, ѣхать имъ на третей, кого себѣ изберутъ* (5). Гостемъ и купцамъ по удѣламъ и въ Новгородѣ попрежнему, *путь былъ чистъ безъ рубежа и безъ пакости* — словомъ, отношеніе князей къ суду и расправѣ было чисто-финансовое, говоритъ г. Дмитріевъ: *весь интересъ ихъ сосредоточивался въ одномъ, чтобъ намѣстникъ, чтобъ тіунъ кормился какъ можно для нихъ льготнѣе* (6).

Независимо отъ этихъ отрицательныхъ благодѣяній, варяго-русскіе князья принесли Россіи и положительныя услуги. «Владѣя Русью, какъ частною собственностью (говоритъ «Юрид. Сбор.»), князья въ то же время сознавали необходимость придать Руси нѣкоторыя формы государства и пытались учредить старѣйшинство, какъ верховное право на обладаніе всею Русью (7)». Съ тою же благою цѣлью они стремились собрать во едино народныя судебныя установленія и утвердили своимъ авторитетомъ русскую правду, не упуская при этомъ собственныхъ своихъ выгодъ и установляя налоги на всякую неправду и обиду. Наконецъ главною заслугою князей было введеніе въ Россію христіанства. Такимъ образомъ великіе князья не все же пировали въ гридницахъ съ дружиною и съ боярами своими; они защищали Русь отъ печенѣговъ и иныхъ враговъ; они строили христіанскіе храмы и, съ помощью византійскихъ епископовъ и іереевъ, водворяли православіе. И русскій народъ, благодарный за эти попеченія, забывалъ *виру* и дань многую, и вѣрный своему обычному взгляду на верховную

---

(1) «Ист. Судеб. Инстанцій» О. Дмитріева, стр. 5—7.

(2) Лѣтопись Нестора по Лаврент. списку.

(3) См. «Юрид. Сборн.» Мейера, стр. 27. Также Лешкова «Русск. народъ и Госуд.» и также «Отрывокъ изъ Запис. о всеміри. исторіи» Хомякова въ «Русск. Бесѣдѣ». Т. II. 1860 г.

(4) Вивл. част. 1 договор. грам. № 7.

(5) Тамъ же.

(6) «Ист. Судеб. Инст.», стр. 9.

(7) «Юрид. Сб.» Мейера, стр. 17.

власть, продолжалъ воспѣвать ее въ прекрасныхъ пѣсняхъ своихъ и попрежнему величалъ ее *краснымъ солнышкомъ*...

Но исторія и логическая необходимость были далеко не такъ снисходительны къ началамъ, посѣяннымъ варягами на русской землѣ, и неумолимо подводили свои итоги. «Система кормленія натурою, то-есть данью многою, замѣнялась, мало-по-малу (говоритъ г. Лешковъ) поземельными владѣніями, которыя пріобрѣтались каждымъ княземъ въ его удѣлѣ, то исключительно для него, то для надѣла духовныхъ властей и учрежденій, то для снабженія ими дружинниковъ и служилыхъ. Большинство населенія является въ это время безъ собственности въ землѣ, не землевладѣльцами, какъ прежде, а земледѣльцами, крестьянами, свободными лично, но служившими владѣльцамъ за пользованіе *ихъ землею*. Подобно сиротамъ и нищимъ, они толпами ищутъ покровительства и защиты у богатыхъ и сильныхъ землевладѣльцевъ, «стараясь укрыться за ними, какъ за *каменной* стѣной отъ всякихъ притѣсненій». «Свидѣтельствомъ этому (говоритъ г. Бѣляевъ), служатъ многіе грамматы и акты, современные псковской судной граммате и позднѣйшіе, въ которыхъ часто встрѣчаются указанія, что не только жители селъ и деревень, но *и горожане* охотно закладывались за богатые и сильные монастыри и за бояръ, именно съ цѣлью пользоваться защитою и покровительствомъ» (*). По прежнему въ городахъ существовали вѣча, а въ селахъ мірское управленіе; по прежнему крестьянская община признавалась прямою защитницею своихъ членовъ, но надобность въ защитѣ представлялась уже все чаще и чаще; по прежнему намѣстники волостели, и судъ княжой должны были обращаться не къ помѣщику, а къ самимъ крестьянамъ чрезъ посредство міра, и даже уголовнаго отвѣтчика должны были вызывать не иначе, какъ на погостѣ, около церкви, предъ священникомъ; но уже этотъ порядокъ, вслѣдствіе естественныхъ наклонностей кормленщиковъ нарушался все чаще и чаще; а иногда и само правительство давало землевладѣльцамъ изъ особенной милости привилегіи, на основаніи которыхъ крестьяне ни чѣмъ не тянули къ государству и передавались помѣщикамъ съ рукъ на руки. По прежнему раздавалась еще русская пѣсня, которою (по выраженію г. Пыпина), такъ роскошно обставлена была древняя наша жизнь, но уже варяжскіе порядки въ-совокупности съ византійскими началами, столь знаменитыми своею деревянностью и прямолинейнымъ взглядомъ на жизнь, оказали свое вліяніе на свободное творчество и русская пѣснь,

(*) «Крестьяне на Руси», стр. 7.

захваченная въ тиски съ двухъ сторонъ, перестала уже воспѣвать вольную волю и женщину — эту богиню русскаго очага, и запѣла другимъ голосомъ: раздалися завыванія о *горѣ-злосчастіи* и *о женской прелести*, въ смыслѣ дьявольскаго наважденія...

Безпрестанныя усобицы, неумолкаемая вражда безчисленныхъ князей, подѣлившихъ между собою русскую землю, увеличеніе дружинниковъ, кормленщиковъ, а съ ними и безземельныхъ крестьянъ, потомъ татарскій погромъ, уничтоженіе вѣчевыхъ порядковъ, и наконецъ избіеніе Новгорода—вотъ въ краткихъ словахъ дальнѣйшая лѣтопись испытаній, доставшихся на долю русскаго народа, русскихъ обычаевъ, русской общины. Но чѣмъ болѣе истощались силы этой живучей общины, чѣмъ болѣе поглощались эти силы общиною дружинниковъ, волостелей и намѣстниковъ, тѣмъ болѣе росла крѣпость государства и разрослась наконецъ до соединенія всей Руси подъ одною единодержавною властью. Событіе, столь желанное и такъ давно ожидаемое совершилось, но, къ-сожалѣнію, въ такую минуту, когда оно не могло уже одушевить и возрадовать русскую землю въ такой степени, какъ еслибъ это случилось раньше. «Старые русскіе обычаи крѣпко *уже поизшатилися*», какъ замѣтилъ самъ первый русскій самодержецъ (*).

Рожденіе Россійскаго Государства было событіемъ громаднымъ, ослѣпительнымъ и, глядя на него теперь, сквозь примиряющую даль прошедшаго, нельзя не увлечься вмѣстѣ съ сторонниками родоваго быта, величіемъ этого событія; нельзя не гордиться и не радоваться этимъ лучшимъ произведеніемъ родоваго быта. Можно думать, впрочемъ, что люди, совершившіе такое великое дѣло, имѣли полное основаніе радоваться не менѣе насъ; и однакожъ, первый самодержецъ всея Руси, Іоаннъ IV Васильевичъ, первый русскій царь, несмотря на всю свою радость, несмотря на все сознаніе великихъ заслугъ своихъ предковъ, заливался горючими слезами предъ цѣлымъ русскимъ народомъ, на лобномъ мѣстѣ, и исповѣдывался предъ нимъ въ такихъ словахъ: — *Люди Божіе и намъ дарованные Богомъ! Молю вашу вѣру къ Богу и къ намъ любовь. Теперь намъ вашихъ обидъ, разореній и налоговъ исправить нельзя, вслѣдствіе продолжительнаго моего несовершеннолѣтія, пустоты и безпомощности, вслѣдствіе неправдъ бояръ моихъ и властей, безсудства неправеднаго, лихоимства и сребролюбія. Молю васъ, оставьте другъ другу вражды и тяготы* (**).

Вѣрный данному слову, Іоаннъ Грозный неоднократно усиливался

(*) Слова Іоанна Грознаго въ Московскомъ Соборѣ въ 1555 году.
(**) «Исторія Рос.» Соловьева, Т. 6-й, стр. 61.

исправить «народныя обиды и разоренія»; хорошо понимая, откуда идутъ эти обиды, онъ рѣшился искоренить ихъ въ самомъ корнѣ и во всемъ ихъ объемѣ. Онъ повелѣлъ уничтожить всю длинную цѣпь полицейскихъ коммиссаровъ, подъ разными именами, опутавшихъ русскую общину, и освободить эту послѣднюю отъ всякихъ стѣсненій и надзоровъ. Въ томъ самомъ 1555 году, когда царь жаловался московскому собору о расшатаніи русскихъ обычаевъ, въ томъ самомъ году онъ писалъ крестьянамъ слѣдующее: «Прежде (говоритъ царь) мы жаловали бояръ своихъ и дѣтей боярскихъ: давали имъ города и волости въ кормленіе, и намъ крестьянъ челобитныя великія и докука безпрестанная, что намѣстники наши и волостители, праветчики и ихъ пошлинные люди, сверхъ нашего указнаго жалованья, чинятъ имъ продажи и убытки великіе... И мы, *жалуя крестьянство*, намѣстниковъ, волостелей и праветчиковъ отъ городовъ и волостей *отставили*, и велѣли *во всѣхъ городахъ, станахъ и волостяхъ* поставить старостъ излюбленныхъ, которымъ между крестьянами управу чинить, всѣ доходы собирать *и къ намъ привозить*, которыхъ себѣ крестьяне *между собою излюбятъ и выберутъ всею землею*». Но благія намѣренія перваго самодержца ни къ чему не повели: крестьянскія общины такъ изнемогли и ослабѣли, что не могли уже стать на ноги и сами возвращались къ покровительству намѣстниковъ и волостелей, чинившихъ имъ такія неправды и убытки. Къ тому же Іоаннъ Грозный, уничтожая одну дружину, на мѣстѣ ея ставилъ другую, еще худшую—опричину. «Іоаннъ III и Іоаннъ IV, такъ много сдѣлавшіе для развитія крестьянской полноправности (говоритъ г. Бѣляевъ), едва-ли не въ бо̀льшихъ размѣрахъ способствовали къ постепенному переходу земли изъ крестьянскихъ рукъ въ руки служилыхъ людей, или въ непосредственное распоряженіе правительства. Въ царствованіе Грознаго особенно была развита раздача земель въ помѣстья и вотчины, служилымъ людямъ; упорныя и продолжительныя войны сего государя требовали постоянно огромныхъ войскъ, число которыхъ, въ разные годы его царствованія, простиралось по-крайней-мѣрѣ до *мильйона* ратныхъ людей разнаго наименованія и *разныхъ способовъ содержанія;* изъ нихъ до *полумильйона* людей постоянно получали на свое содержаніе помѣстныя дачи, такъ-что къ концу царствованія Іоанна IV въ помѣстной раздачѣ было по-крайней-мѣрѣ до 50 мильйоновъ четвертей земли. А посему (продолжаетъ г. Бѣляевъ) насъ нисколько не должны удивлять огромныя пространства пустопорожнихъ земель, указываемыя писцовыми книгами XVI вѣка и другими памятниками. *А тѣмъ меньше* мы должны приписывать такія запустѣнія *свободному переходу крестьянъ;* са-

мые памятники вездѣ жалуются и приписываютъ запустѣніе не свободному переходу, а другимъ причинамъ: голоду, повальнымъ болѣзнямъ, войнѣ, плохому хозяйству землевладѣльцевъ и тяжести податей и повинностей. *Свободный же переходъ крестьянъ ни въ одномъ памятникѣ не выставляется причиною запустѣнія земель...* Однако, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ оставленія земель крестьянами вслѣдствіе опустошенія или несоразмѣрнаго отягощенія ихъ податями и повинностями, подати и повинности еще невыносимѣе ложились на крестьянъ, оставшихся на своихъ мѣстахъ: ибо за опустѣлыя выти платили населенныя выти до составленія новыхъ писцовыхъ книгъ. Такимъ образомъ самая юридическая самостоятельность и общественное значеніе крестьянскихъ общинъ, утвержденныя за ними законами Іоанна IV, послужили имъ къ большему отягощенію; ибо, съ одной стороны, несмотря на свою самостоятельность и значеніе, они были слишкомъ безсильны предъ громадными силами правительства, а съ другой стороны, самая юридическая самостоятельность подвергала ихъ (въ силу круговой поруки) неумолимой отвѣтственности предъ правительствомъ, по самому ходу дѣлъ, требовавшимъ огромныхъ пожертвованій...» (*).

Итакъ, сила, расшатавшая русскіе обычаи, породила шатаніе безсильныхъ крестьянъ и прямо повела къ крѣпостному праву, какъ неизбѣжному результату всей своей дѣятельности. И прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ не замедлило совершиться тотчасъ послѣ собранія русской земли. Это былъ послѣдній актъ варяго-русскихъ расшатываній русскихъ обычаевъ—послѣдній ударъ поземельной общинѣ, послѣ котораго она впала въ агонію, отдавая послѣдніе соки въ полное распоряженіе государства, все шире и могущественнѣе разроставшагося на ея развалинахъ. Чего болѣе ожидать было общинѣ? какихъ униженій, насилій и разореній не претерпѣла она въ-теченіе цѣлыхъ восьмисотъ лѣтъ! И несмотря на то, она все еще не хотѣла умирать и все-еще крѣпко держалась за общинное владѣніе какъ за послѣдній и единственный якорь спасенія. И никогда живучесть ея духа не выказалась съ большимъ блескомъ, какъ во времена междуцарствія, когда всѣ основы новорожденнаго государства были подорваны въ конецъ. «Голосъ общинъ (говоритъ г. Бѣляевъ), ихъ воззванія и пересылки другъ съ другомъ и съ разрозненными властями быстро произвели такую неожиданную перемѣну въ ходѣ тогдашнихъ дѣлъ, что Русь, готовая распасться и сдѣлаться добычею враговъ, по голосу общинъ, вдругъ поднялась, какъ одинъ человѣкъ: разрозненные города и селы,

---

(*) «Крестьяне на Руси», стр. 97—103.

неимѣвшіе ни денегъ, ни войска, какимъ-то чудомъ отыскали и войска и деньги и достойныхъ военачальниковъ; для возстановленія порядка они пожертвовали всѣмъ, даже многими своими исконными правами—и порядокъ возстановился и верховная власть явилась снова по волѣ всего народа...» (*) И это сдѣлала та самая община, которая, не задолго передъ тѣмъ, окончательно была отдана въ руки землевладѣльцевъ и полицейскихъ приставовъ!

Петръ Великій въ началѣ царствованія своего былъ къ ней благосклоненъ; но впослѣдствіи, когда онъ сталъ прорубать окна въ Европу и, въ увлеченіи, растворилъ настежъ всѣ двери въ русской общинѣ— хлынули въ нее новые, усовершенствованные нѣмецкіе порядки и съ ними новыя, цивилизованныя дружины, обновившія дряхлый варяго-русскій механизмъ. Новые порядки, какъ мы уже замѣтили выше, прямо начали съ *договора* и потребовали его отъ каждаго члена общины порознь; впослѣдствіи договоры такъ вошли въ моду, что ихъ возобновляли при каждомъ повышеніи служилаго человѣка по табели о рангахъ. Съ новымъ договоромъ явились и новые полицейскіе чины, прямо уже, безъ всякой церемоніи, названные коммиссарами. Что до крестьянской общины, то безотрадное положеніе ея при Петрѣ, по свидѣтельству Посошкова, дошло до того, что «сосѣдъ не смѣлъ придти на помощь къ сосѣду, слыша, что его рѣжутъ и грабятъ» (**). Непосредственно послѣ смерти Петра внутренній *порядокъ*, о которомъ такъ жаждали наши дорюриковскіе предки, принялъ, по свидѣтельству Екатерины I-й, слѣдующій видъ: «Умноженіе правителей и канцелярій во всемъ государствѣ не токмо служитъ къ великому отягощенію штата, но и къ *великой тягости народной;* понеже вмѣсто того, что прежде сего къ одному правителю адресоваться имѣли во всѣхъ дѣлахъ, нынѣ къ десяти и *может быть больше:* а всѣ тѣ разные управители имѣютъ свои канцеляріи и своихъ канцелярскихъ служителей, и особливый свой судъ и каждый по своимъ дѣламъ *бѣдный народъ волочитъ*, и всѣ тѣ управители и канцеляріи *пропитанія своего хотятъ*, умалчивая о другихъ непорядкахъ, которые отъ безсовѣстныхъ людей къ вящей народной тягости ежедневно происходятъ» (***).

Но порядки были уже заведены, канцелярскія дружины пущены въ ходъ и обуздать ихъ было уже невозможно. Сама Екатерина I, такъ хорошо сознавшая зло, не съумѣла ничего противопоставить ему. О

(*) «О круговой порукѣ», стр. 53.
(**) Бѣляевъ: «Крест. на Руси», стр. 94.
(***) Указъ 24 февр. 1724 г. Тамъ же, стр. 96.

русской общинѣ забыли и продолжали тѣснить ее все больше-и-больше. По регламенту камер-коллегій, изданному 23 іюня 1731 года, непосредственный сборъ податей и прямая отвѣтственность въ исправномъ платежѣ возложены на помѣщиковъ, старостъ и управителей, которымъ обѣщана, въ случаѣ нужды, помощь со стороны войска (*).

Но никто уже этому не удивлялся; все это прямо вытекало изъ крѣпостнаго права и было естественнымъ его послѣдствіемъ. Рожденіе этого права было смертнымъ приговоромъ для русской общины и, наоборотъ, кончина его должна была послужить сигналомъ ея возрожденія. Исторія сама подсказывала этотъ логическій выводъ. Раздача варягами общинной земли повела къ беземельности и шатанію крестьянъ; шатаніе повело къ прикрѣпленію крестьянъ къ землѣ и постепенному и незамѣтному для самого закона лишенію ихъ всѣхъ правъ состоянія; прикрѣпленіе же, въ свою очередь, такъ скрѣпило крестьянъ съ землею, что оторвать ихъ отъ нея стало уже невозможностью.

Благословенный царь, которому Провидѣніе ввѣрило великое дѣло обновленія Россіи, неуклонно послѣдовалъ внушенію этой исторической правды: онъ обнялъ вопросъ во всю тысячелѣтнюю ширину его и, постепенно раздвигая наслоившуюся на немъ плѣсень, отыскалъ въ ней давно-сокрытое и всѣми забытое зерно будущаго величія Россіи. Онъ взялъ это плодотворное зерно въ свои руки, самъ очистилъ его отъ ржавчины и плѣсени и собственными руками посадилъ его въ русскую землю. Какъ же не радоваться намъ, русскимъ, которые выросли на этой землѣ и вскормлены ею? И возможно ли измѣрить, описать и выразить всю нашу радость, всю нашу благодарность, все наше умиленіе?

Манифестъ и подробныя правила, устанавливающія новые порядки прочитаны уже всѣмъ русскимъ народомъ. Повторять ихъ въ нашей статьѣ было бы неумѣстно и невозможно. Мы только въ двухъ-трехъ словахъ укажемъ на ихъ значеніе. Крестьяне получаютъ прежде всего личную свободу и вмѣстѣ съ тѣмъ за ними остается право пользованія землею за извѣстныя повинности, или оброкъ, по добровольному договору съ прежними ихъ помѣщиками. Крестьяне надѣляются тою землею, которая дана была имъ въ кормленіе помѣщиками и почти въ тѣхъ же размѣрахъ. Кромѣ того, крестьянамъ возвращается право мірскаго, хозяйственнаго и полицейскаго управленія, а также право суда въ маловажныхъ дѣлахъ, внутри общины возникающихъ. Такова

(*) Тамъ же, стр. 98.

первая форма возрожденія, возстановляющая собственно тотъ поземельный порядокъ, который сложился наканунѣ прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ и который старались поддержать, хотя безуспѣшно, первые московскіе государи...

Мы видѣли какъ безплодны были всѣ усилія первыхъ государей поддержать русскую общину въ эпоху неудержимаго развитія крѣпостнаго права; мы видѣли, что, несмотря на многочисленные указы, положительно воспрещавшіе помѣщикамъ, намѣстникамъ, волостелямъ, тіунамъ и инымъ правечикамъ вмѣшиваться въ крестьянское, мірское правленіе, напоръ бюрократической стихіи не могъ быть остановленъ. Въ нынѣшнемъ царскомъ наказѣ приняты новыя мѣры противъ этой тлетворной силы—мѣры раціональныя, рѣшительныя, обѣщающія успѣхъ несомнѣнный. Мы говоримъ объ учрежденіи *мировыхъ посредниковъ*, объ этомъ высокомъ и благотворномъ учрежденіи, которое возбуждаетъ въ насъ великія и богатыя надежды.

Характеръ власти мировыхъ посредниковъ представляетъ совершенно-новое, небывалое явленіе, къ которому не сразу привыкнетъ русскій глазъ, съ которымъ не сразу примирится наше рутинное понятіе. Мы до того привыкли къ геометрически-правильному размѣщенію властей, что въ нашемъ представленіи всякій кружокъ правительственной дѣятельности непремѣнно долженъ быть поглощенъ какимъ-нибудь другимъ кругомъ бо̀льшаго размѣра; всякій офиціальный дѣятель непремѣнно долженъ быть подчиненъ другой власти какъ въ лицѣ своемъ, такъ и въ дѣйствіяхъ. Такое военное, дисциплинарное понятіе перенесено нами на всѣ отрасли гражданской дѣятельности, и до-сихъ-поръ только двѣ власти представляли у насъ нѣкоторое изъятіе изъ этого правила: 1) власть судебная, лично не подчинялась высшей судебной инстанціи, но за то судьи имѣли своихъ непосредственныхъ начальниковъ, оканчивавшихся въ лицѣ министра юстиціи, и 2) уѣздные предводители дворянства, также не подчиняются ни губернскому предводителю и ни какой другой власти непосредственно, но за то и сами они не имѣютъ никакой власти; на основаніи ст. 269 III Т. Св. Зак.; они подвергаются замѣчаніямъ, выговорамъ и суду не иначе, какъ съ разрѣшенія правительствующаго сената, но въ качествѣ предсѣдателей дворянскихъ опекъ, то-есть тамъ, гдѣ предводитель облекался дѣйствительною властью, они немедленно подчиняются общимъ правиламъ концентрической дисциплины.

Мировые посредники, на основаніи той же статьи, сравнены въ правахъ по службѣ съ уѣздными предводителями. Вмѣшательство въ текущую ихъ дѣятельность и отеческое направленіе ея ни съ какой

стороны невозможно, потому-что и сами мировые посредники ни во что не вмѣшиваются, пока не приглашаются къ тому какою-либо изъ сторонъ обиженныхъ или желающихъ обидѣть крестьянъ. И благодаря всѣмъ этимъ особенностямъ своего положенія, мировые посредники такъ хорошо поставлены, что ни сами они не имѣютъ возможности тяготѣть надъ крестьянами излишнимъ опекунствомъ, ни другія власти не имѣютъ права вмѣшиваться въ дѣла крестьянъ помимо мировыхъ посредниковъ. Словомъ, мировые посредники ограждены отъ всякихъ поползновеній недобрыхъ — явленіе, повторяемъ, совершенно-новое.

Самое названіе мировыхъ посредниковъ намъ чрезвычайно нравится и мы увѣрены, что оно не было выдумываемо, а подсказано сущностью учрежденія и великою цѣлью, для которой оно предназначается. Мировые посредники, въ томъ видѣ, какъ они начертаны уставомъ, дѣйствительно являются *посредниками* между прежними душевладѣльцами и новыми крестьянами, между крестьянскою общиною и бюрократіею, между великими началами западнаго, *личнаго* развитія и неменѣе великими залогами развитія общиннаго и общественнаго. Кто станетъ отвергать святое назначеніе этой высокой задачи, въ разрѣшенію которой давно рвется вся континентальная Европа сквозь громы и бури общественныхъ смятеній? И намъ, по благости Провидѣнія, предназначается разрѣшить эту задачу путемъ *мира* и семейнаго согласія, и для насъ рѣшеніе становится тѣмъ болѣе легкимъ, что оба живыя начала, подлежащія примиренію, у насъ подъ-рукою: одно свое, родное, другое—заимствованное, но не чуждое нашему духу и достаточно прикрѣпленное къ нашей почвѣ. Намъ стоитъ только оба эти начала — личное и общинное — очистить отъ всѣхъ историческихъ наростовъ, нарядить, по русскому обычаю, въ чистыя одежды любви и сочетать законнымъ бракомъ въ сердцѣ каждаго русскаго подданнаго. И бракъ этотъ можетъ быть совершенъ единственно при помощи мировыхъ посредниковъ! Трепетъ умиленія обнимаетъ насъ при встрѣчѣ лицомъ къ лицу съ такимъ высокимъ образомъ новой на Руси судебно-полицейской власти, являющейся рядомъ съ полчищами старыхъ, въ скромной одеждѣ гражданина, безъ всякихъ старинныхъ побрякушекъ, безъ всякихъ чиновъ, безъ всякаго покровительства, являющейся по зову самихъ крестьянъ.

Кто хоть разъ пробѣжалъ положеніе о мировыхъ посредникахъ, тотъ, безъ сомнѣнія, замѣтилъ въ нихъ сходственныя черты съ мирными судьями Англіи, съ этимъ знаменитымъ учрежденіемъ, которымъ по праву гордится Великобританія. Но кто захочетъ внима-

тельнѣе и ближе всмотрѣться въ положеніе, тотъ найдетъ, что эти черты, съ перваго раза кажущіяся англійскими, совершенно русскія, прямо выхваченныя изъ русской исторіи, изъ древней русской общины, и напоминаютъ старинный образъ тысяцкаго, посадника и мужа излюбленнаго. Но это двойственное сходство не должно удивлять тѣхъ, кому извѣстно, что въ древней русской общинѣ хранились всѣ тѣ начала мірскаго управленія, которыя такъ счастливо развились на почвѣ Англіи, благодаря особеннымъ наклонностямъ англо-варяжскихъ дружинъ, съ перваго раза слившихся съ землею, и потому дѣйствовавшихъ за народъ, а не противъ него. Покойный А. Хомяковъ, въ напечатанномъ недавно «Отрывкѣ изъ всемірской исторіи» увѣряетъ, что саксы, заселившіе Англію «заимствовали отъ славянъ общинное устройство (хотя и не въ полномъ его развитіи), и *вѣчевое правленіе* (виттена), и судъ присяжныхъ (или цаловальныхъ, или поротниковъ) требующій единогласія». Далѣе Хомяковъ говоритъ, что ученые искали суда присяжныхъ въ германцахъ и не нашли; въ кельтахъ и киммерійцахъ, также безъ успѣха; и что новые ученые начали догадываться, что онъ могъ быть занятъ у славянъ...» Мы не пойдемъ такъ далеко за покойнымъ мыслителемъ, потому-что къ сожалѣнію, не можемъ опереться, подобно ему, на ученость и память. Для насъ довольно знать, что въ древней Россіи дѣйствительно существовали и мірское правленіе, и судъ присяжныхъ; а этого знанія, въ свою очередь, достаточно для того, чтобъ видѣть неизбѣжное сходство нашего вновь создаваемаго сельскаго управленія съ общиннымъ управленіемъ въ Англіи. Вся разница — а она таки очень велика—останется въ нашу пользу, потому-что заключается въ общинной землѣ и въ круговой порукѣ. Многіе, разумѣется, не согласятся съ нами и причислятъ насъ за это къ славянофиламъ.

На этотъ разъ мы не обидимся этимъ прозвищемъ, еще такъ недавно казавшимся обиднымъ для всякаго прогресиста. Серьёзные и безпристрастные люди давно отдали должную дань заслугамъ славянофиловъ, впервые познакомившимъ Россію съ русскою жизнью, неподкрашенною французскими румянами. Правда, и сами славянофилы не обошлись вовсе безъ прикрасъ и французскія румяны замѣнили византійскими; увлеченные свѣтлымъ образомъ русскаго духа, они преклонились даже и предъ русскими одеждами и стали обкуривать ихъ ладаномъ и смирной, боясь, чтобъ ненавистное амбре, которымъ хотѣли раздушить его французоманы, не заразило ихъ тлетворнымъ гніеніемъ Запада. Мы не пойдемъ за славянофилами по этому пути; но всегда и во всякое время съ полнымъ уваженіемъ протянемъ имъ

руку для совокупной защиты русской поземельной общины и родной ея сестры—русской артели, искони рядомъ другъ подлѣ друга существовавшихъ, одна въ другой черпавшей свои силы, и—одна безъ другой совершенно немыслимой. Когда поклонники Англіи поближе познакомятся съ русской общиной особенно теперь, когда она освобождается изъ крѣпостнаго состоянія и выходитъ на вольный воздухъ, мы увѣрены, они перейдутъ, подобно намъ, на ея сторону. Какъ бы то ни было, но въ нашихъ глазахъ такъ называемые англоманы, ратующіе за мірское управленіе, гораздо ближе стоять къ Россіи, чѣмъ книжники, погруженные въ глубину французскихъ ассоціацій, основанныхъ на *соціальномъ контрактѣ* и охраняемыхъ неизбѣжными коммиссарами...

Но всѣ эти старые счеты и споры западниковъ съ славянофилами, экономистовъ съ общинниками, централизаторовъ съ англоманами, должны умолкнуть въ виду великаго событія, одинаково для всѣхъ радостнаго, одинаково всѣхъ ихъ примиряющаго. Западники должны радоваться за свободу, славянофилы за свободу и общину; экономисты могутъ радоваться за право личной собственности, предоставляемое на произволъ каждаго крестьянина, общинники — за общинное владѣніе, ничѣмъ нестѣсняемое, англоманы за мірское правленіе, централизаторы... и они пока имѣютъ полное основаніе радоваться. Мы не говоримъ уже о радости самихъ крестьянъ, выходящихъ изъ рабства; мы говоримъ: всѣ должны радоваться, и не могутъ не радоваться, когда предъ ними въ очію сбываются чудеса старинной сказки, слышанной въ дѣтствѣ: отъ магическаго прикосновенія русскаго богатыря просыпается прекрасная царевна—русская свобода, непробудным̆ сномъ спавшая нѣсколько вѣковъ сряду, и проснувшись подаетъ руку богатырю-великану и идетъ съ нимъ къ вѣнцу на вѣчную любовь и докончанье... И весь русскій міръ отъ стараго до малаго, всѣ лучшіе, средніе и всѣ молодшіе люди приглашены на радостную свадьбу...

ЗАМѢТКИ ПРАЗДНОШАТАЮЩАГОСЯ.

Великое дѣло. — Два слова о литературныхъ воспоминаніяхъ И. И. Панаева.—Г. Леотаръ.—«Молчать!»— Общественное мнѣніе. — Г-жа Ристори въ Москвѣ. — Русскій театръ.—Опера и балетъ.—Выставка художественныхъ произведеній.—Смерть г. Шевченки.—Театральныя вѣсти.—Юбилей кн. Вяземскаго.

Первому — первое, читатель; съ того времени, какъ я сообщилъ вамъ послѣднія мои замѣтки, на Руси совершилось такое громадное, такое благодатное событіе, передъ которымъ должны посторониться всѣ хронологическія соображенія и потому съ него мы начнемъ нашу настоящую бесѣду.

Помню, нѣсколько лѣтъ назадъ, при самомъ началѣ совершеннаго теперь дѣла—освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, я читалъ въ одномъ изъ журналовъ, въ стихотвореніи по поводу этого вопроса, строки:

И вѣрю я, Господь услышитъ тѣ моленья
И дѣло славное онъ приведетъ къ концу,
Къ концу, достойному усилій благородныхъ,
И долгой, вѣковой мольбы предъ Божествомъ.
И станетъ наша Русь землей людей свободныхъ
Побѣдой мирною, гражданскимъ торжествомъ,
Побѣдою такой, гдѣ нѣту побѣжденныхъ,
Гдѣ радость торжества на всѣхъ раздѣлена;
И, вольная отъ путъ случайно порожденныхъ,
Воскреснетъ, оживетъ родная сторона;
И всѣ сословія, опорой ставъ другъ друга,
Родныя по сердцу, по вѣрѣ, по крови,
Отъ сабли до пера, отъ вывѣски до плуга,
Полны взаимнаго довѣрья и любви,
Пойдутъ, могучія, въ сознаньи силы новой
Въ сознаньи общности всегда, вездѣ, во всемъ,
На все великое и честное готовы
Свободы и труда и доблести путемъ.

Такъ, говорю я, нѣсколько лѣтъ назадъ, вѣрилъ и мечталъ—не помню теперь кто-то—о великомъ дѣлѣ освобожденія. Суждено ли осуществиться мечтѣ его во всей полнотѣ своей—покажетъ будущее; но покамѣстъ вѣра не обманула его: Господь услышалъ вѣковыя мольбы и великое земское дѣло окончено, окончено de jure и не замедлитъ окончиться de facto; великая гражданская побѣда одержана. И когда, какая военная побѣда была славнѣе и плодотворнѣе этой, возстановляющей Россію въ глазахъ человѣчества и исторіи, смывающей съ нея вѣковое пятно рабства и дарующей ей 23,000,000 мильйона новыхъ гражданъ, не побѣжденныхъ, не инородныхъ, не иновѣрныхъ, но собственныхъ кровныхъ дѣтей ея? Честь и слава, великая и вѣчная слава державному побѣдителю, который одинъ вынесъ на плечахъ и отстоялъ это святое дѣло противъ всѣхъ, воздвигнутыхъ вѣковыми обычаями, привычками и трудностей, преградъ и препятствій, предъ которыми отступило благодушіе Александра I, предъ которыми остановилась желѣзная воля императора Николая! Честь и слава и низкій поклонъ всей Земли Русской Ему, положившему этотъ краеугольный камень гражданскому возстановленію отечества! Теперь остается созидать на немъ общее и частное благоустройство и благосостояніе.

И станетъ наша Русь землей людей свободныхъ
Побѣдой мирною, гражданскимъ торжествомъ...

5-го марта, неожиданно для всѣхъ, совершился этотъ истинный праздникамъ праздникъ; это было прощальное воскресенье, день, въ который, по старинному обычаю, вступая, какъ говоритъ Пушкинъ, въ «дни священные великаго поста», русскіе люди имѣютъ обыкновеніе примиряться между собою, просить другъ у друга отпущенія взаимныхъ винъ своихъ. Случайно или нѣтъ, но Провидѣнію угодно было устроить такъ, чтобъ великое событіе совершилось именно въ этотъ день, какъбы въ ознаменованіе того, что теперь дѣйствительно наступила эпоха примиренія русскаго народа, эпоха, съ пришествіемъ которой, искренно отпустивъ другъ другу старыя вины, надо начать всѣмъ жить новою, общею жизнью, когда, по словамъ автора вышеприведеннаго стихотворенія

... всѣ сословья опорой ставъ другъ друга,
Родныя по сердцу, по вѣрѣ, по крови,
Отъ сабли до пера, отъ вывѣски до плуга,
Полны взаимнаго довѣрья и любви,
Должны всѣ двинуться въ сознаньи силы новой,
Въ сознаньи общности вездѣ, всегда, во всемъ,
На все великое и честное готовы,
Свободы и труда и доблести путемъ.

Рано утромъ знаменитаго 5 марта, появившіяся на всѣхъ улицахъ печатныя объявленія оповѣстили народъ, какъ я уже сказалъ, совершенно-неожиданно, о наступленіи великаго событія, приглашая всѣхъ въ церкви для выслушанія Высочайшаго о томъ манифеста который, кромѣ того, въ числѣ пяти экземпляровъ былъ розданъ полиціею во всѣ домы столицы. Высоко-знаменательно было совершеніе этого великаго государственнаго акта; народъ, съ такой благородной вѣрой въ слова Государя своего, съ такимъ мужественнымъ терпѣніемъ и спокойствіемъ ожидавшій его въ-теченіе трехъ лѣтъ, не измѣнилъ себѣ и въ эту торжественную минуту: радостно, но тихо и мирно принялъ онъ вѣсть о своемъ освобожденіи. Были люди, которые по этому поводу ожидали и боялись отъ народа шумныхъ изъявленій этой радости, кутежа, усиленной гулянки и, вслѣдствіе того, можетъ-быть, безпорядковъ: ничего подобнаго не случилось. Напротивъ, по замѣчанію многихъ, даже сборъ откупа обманулъ его ожиданія и, къ крайнему огорченію, былъ менѣе обиленъ, чѣмъ бываетъ обыкновенно въ этотъ послѣдній день масляницы. Народъ, какъ и слѣдовало ожидать, доказалъ, что онъ вполнѣ достоинъ даруемой ему Государемъ свободы и торжественно обличилъ клеветниковъ своихъ.

Послѣ этой великой радости, послѣ этой благодатной вѣсти, отъ которой всѣ мы какъ-будто выпрямились, какъ-будто выросли въ собственныхъ глазахъ своихъ, какъ-то не хочется умаляться снова до толковъ объ обыденныхъ дрязгахъ, не хочется погружаться опять въ омутъ петербургской жизни, которая обыкновенно въ это время, доживая последніе дни карнавала, кутитъ, какъ говорятъ, на остальныя и достигаетъ nec plus ultra своего годичнаго разгара. Ставъ въ минуту совершенія великаго событія степенными и серьёзными гражданами, принимающими и обсуживающими этотъ важный переворотъ въ народной жизни, намъ какъ-то неловко оставлять форумъ, на которомъ присутствовали при совершеніи этого торжественнаго государственнаго акта, и отправляться на Царицынъ Лугъ подъ балаганы, или погрузиться въ чтеніе «Воспоминаній» И. И. Панаева, что̀, впрочемъ, почти одно и то же. Но, господа, долгъ службы, добросовѣстное исполненіе обязанности также имѣютъ права свои. Итакъ, накинувъ снова сюртукъ праздношатающагося, начинаю мои похожденія. Господа! кому угодно со мною? Но съ чего начать, куда отправиться?

— Да начнемъ хоть съ «Воспоминаній» Ивана Ивановича; ихъ что-то шиканирують всѣ журналы, точно сговорились; всякій какъ-будто долгомъ считаетъ, по мѣрѣ силъ, ввернуть ему, этому добрѣйшему, чистосердечнѣйшему и безвреднѣйшему Ивану Ивановичу какую-нибудь шпильку за эти его «Воспоминанія», замѣчаетъ читатель.

— И совершенно напрасно. Я ничего не знаю невиннѣе и забавнѣе его «Воспоминаній»; это нѣчто въ родѣ комическаго балета, въ которомъ самъ Иванъ Ивановичъ исполняетъ роли г. Стуколкина въ обыкновенныхъ балетахъ.

— Все же я не понимаю, что за охота ему была печатать вещь, надъ которой всѣ подтруниваютъ?

— Не могъ же онъ не напечатать своихъ «Воспоминаній», когда Ѳаддей Венедиктовичъ напечаталъ свои. Взглядъ Ивана Ивановича на современную ему литературу и литераторовъ...

— Ну, батюшка, о взглядѣ-то вы ужь лучше не говорите, отвѣчаетъ читатель.—Знаете, что̀ мнѣ по поводу этого взгляда приходитъ въ голову?... Былъ у меня пріятель, человѣкъ серьёзный и страстный любитель физіологіи. Разъ какъ-то принесъ онъ домой живую лягушку, растянулъ ее на столѣ, накололъ булавками и началъ производить надъ нею гальваническіе опыты. Человѣкъ его, Петрушка, давно уже подозрительно смотрѣвшій на занятія своего барина, подстерегъ его посреди этихъ наблюденій надъ лягушкою и тѣмъ окончательно убѣдился, что баринъ его помѣшанъ. Посмотрѣвъ нѣсколько минутъ на его занятіе, онъ пожалъ плечами съ видомъ презрительной жалости и отправился за ворота, куда обыкновенно собирались на бесѣду кучера и лакея—лицъ, живущихъ въ домѣ.

Подъ вліяніемъ сдѣланнаго имъ открытія, Петрушка задумчиво усѣлся на тумбу у воротъ и молча слушалъ критическія разсужденія слугъ о господахъ своихъ.

— Совсѣмъ пропащій, говорилъ одинъ изъ присутствовавшихъ на бесѣдѣ про своего барина: — почитай до тла разорился на свою мамзель; скоро послѣднюю деревню продавать придется.

— Это, Василій Никифорычъ, ничего-съ, замѣтилъ чей-то кучеръ:— у вашего барина-мота и нашему брату лафа; а вотъ послужили бы у нашего скряги; просто смерть придетъ—овесъ счетомъ отпускаетъ...

— Эхъ, вы! прервалъ его Петрушка, мрачно: — мотъ или скряга— все единственно, покрайности, значитъ, въ своемъ собственномъ разумѣ; а посадилъ бы я васъ на мое мѣсто, къ сумасшедшему, да посмотрѣлъ бы, что̀ бы вы тогда запѣли.

Замѣчаніе и мрачный видъ Петрушки обратилъ на него общее вниманіе собесѣдниковъ; со всѣхъ сторонъ посыпались вопросы: какъ? что? почему?

— Что? извѣстно что, сумасшедшій да и все тутъ; отвѣчалъ Петрушка и подробно разсказалъ своимъ слушателямъ занятія своего барина съ лягушкою.—Просто ума не приложу, что тутъ дѣлать, заключилъ онъ:—извѣстно помѣшанный; выбросится въ окно, потомъ возись съ нимъ.

— Я бы, вотъ, совѣтовалъ вамъ, замѣтилъ дворникъ:—дать знать въ полицію, а то потомъ въ отвѣтъ попадешь.

— Конечно, конечно, отвѣчали другіе.

Петрушка подумалъ еще и отправился въ полицію. Предоставляю кому угодно судить объ удивленіи моего пріятеля, когда, на другой день, явился къ нему квартальный вмѣстѣ съ частнымъ докторомъ.

— Да что жь тутъ общаго съ воспоминаніями И. И. Панаева? перебилъ я читателя.

— А я къ тому, отвѣчалъ онъ: — что воззрѣніе Ивана Иваныча на литературу и литераторовъ, мнѣ кажется, очень похоже на взглядъ Петрушки на физіологическія занятія своего барина.

Что касается меня, то я долженъ сказать, что вовсе не раздѣляю этого мнѣнія читателя. Мнѣ очень нравятся литературныя воспоминанія И. И. Панаева, они доставляютъ мнѣ, какъ я уже говорилъ, почти столько же удовольствія, какъ комическій балетъ, или циркъ въ обыкновенное время; я говорю въ «обыкновенное время» потому, что г. Панаеву все-таки никакъ уже не выкинуть въ литературномъ отношеніи такихъ штукъ, какія выкидываетъ г. Леотаръ.

Кстати о г. Леотарѣ. Уже около мѣсяца, какъ онъ въ Петербругѣ и привлекаетъ каждый вечеръ толпы народа на свои представленія; но я боюсь, что изъ мужчинъ немногіе, не считая записныхъ любителей цирка, посмотрѣвъ одинъ разъ г. Леотара, добровольно, безъ особеннаго приказанія прекрасныхъ половинъ своихъ, придутъ на представленіе его въ другой разъ. Мужчины — эта завистливая половина рода человѣческаго—вообще того мнѣнія, что и къ г. Леотару можно болѣе или менѣе примѣнить пословицу: «громки бубны за горами». Вообще итогъ впечатлѣній, производимыхъ пріѣзжимъ акробатомъ на мужчинъ, можно выразить словомъ «только-то?» а все потому, что, по отзывамъ французскихъ газетъ (охъ, ужь эти французскія газеты!), отъ г. Леотара ожидали чего-то невиданнаго, чего-то особеннаго; ожидали, что онъ будетъ перелетать по воздуху съ одного конца театра на другой, а онъ перекидывается руками съ од-

ной палки на другую, на разстояніи двухъ шаговъ! Представленія г. Леотара даются въ циркѣ, такъ сказать, pour la bonne bouche, по окончаніи разнаго рода конныхъ и всякихъ другихъ представленій. Дѣло это устроивается такимъ образомъ: вдоль театра, отъ середины арены черезъ всю сцену накладывается помостъ, надъ которымъ въ трехъ мѣстахъ висятъ съ потолка по двѣ веревки, соединенныя перекладинами. Каждая пара веревокъ отстоитъ отъ другой аршинъ на пять или на шесть. Г. Леотаръ, ухватясь за перекладины одной пары, раскачивается на ней, между-тѣмъ какъ помощникъ его толкаетъ къ нему на встрѣчу перекладину сосѣдней пары, отчего нижніе концы веревокъ, тамъ, гдѣ они соединены перекладиной, сближаются на довольно-незначительное разстояніе. Пользуясь минутой одного изъ такихъ сближеній, г. Леотаръ перебрасывается съ одной перекладины на другую, перевертываясь въ это время на воздухѣ. Зрителямъ, которые видятъ всю постройку въ фасадѣ и самого акробата спереди или сзади, но не сбоку, трудно судить о величинѣ пространства перепрыгиваемаго г. Леотаромъ: глазъ обманывается и пространство это кажется гораздо-болѣе. Репертуаръ новаго акробата также весьма-неразнообразенъ. Говоря все это, я не хотѣлъ сказать, однакожь, чтобъ искусство г. Леотара не представляло ничего интереснаго; напротивъ, легкость, съ которою онъ совершаетъ свои перелеты отъ одной веревочной пары къ другой, перевертываясь во время полета на разстояніи одной или полторы сажени отъ помоста, весьма-замѣчательны; въ немъ не видно ни малѣйшаго усилія, которое такъ непріятно поражаетъ всегда въ акробатахъ, и это—главное его достоинство.

— Скверные мужчины! можно ли такъ говорить о Леотарѣ?

— Противный празднощатающійся!

Раздаются дамскія восклицанія.

Я смиряюсь, я покорно преклоняю голову и на этомъ условіи получаю прощеніе.

— Но не всегда такъ легко удается получить прощеніе, замѣчаетъ мнѣ читатель.— Вотъ, попробуйте-ка, напримѣръ, разсердить господина барона Виттенгейма, директора общества громоздскихъ движимостей, царскосельской желѣзной дороги, и пр. и пр. У-у! какой сердитый! не приведи Господи!

— Это одинъ изъ тѣхъ господъ, которые, по поводу павловскаго скандала, тащили какую-то газету къ суду за клевету на нихъ?

— Тотъ самый; ну, да. А тутъ дѣло было совсѣмъ другое. Въ обществѣ громоздкихъ движимостей производилась продажа съ аукціона; одинъ, изъ присутствовавшихъ, г. Гавриловъ имѣлъ неделикатность подмѣтить кой-какія маленькія уклоненія отъ правилъ, предписываемыхъ закономъ и уставомъ общества, напримѣръ: участіе въ торгахъ самого г. директора, барона Виттенгейма, или раздѣльную продажу частей одной и той же вещи, напримѣръ, подъ № 8659 назначены были въ продажу, по первоначальной оцѣнкѣ, за 7 р. бронзовые часы съ колпакомъ и золоченымъ кронштейномъ, а г. аукціонистъ за 7 р. сталъ продавать одни часы, а колпакъ и кронштейнъ, показанные подъ однимъ нумеромъ съ часами, пошли отдѣльно—ну, вотъ эти штучки и подмѣтилъ г. Гавриловъ. Я, конечно, его не оправдываю: какъ члену публики, ему не слѣдовало замѣчать подобныхъ вещей; а если уже имѣлъ нескромность замѣтить, то знай про-себя и молчи; а г. Гавриловъ, по любознательности, что ли, началъ добиваться причинъ, какъ это? да что̀ это? да почему это? Аукціонистъ видя, что человѣкъ мѣшается не въ свое дѣло, какъ и слѣдовало, не удостоилъ его отвѣтомъ, а онъ возьми да и обратись къ самому г. директору, барону Виттенгейму. Батюшки свѣты! какъ разсердился господинъ баронъ, да какъ крикнетъ на г. Гаврилова: «молчать!» Куда тебѣ, и при Ярославѣ учители приходскихъ училищъ не кричали такъ на расшумѣвшихся учениковъ. Просто, я вамъ скажу, панику навелъ на всѣхъ; нѣкоторые даже со страху присѣли, а одна барыня, которая присутствуетъ на всѣхъ аукціонахъ и торгуетъ все, что̀ бъ ни продавали, отъ рояля до старыхъ сапогъ включительно, такъ испугалась, что пропустила три продажи сряду, не подавая голоса. Свирѣпый господинъ, не приведи Богъ какой свирѣпый!

— Поручите дѣло общественному мнѣнію: это его прямая обязанность.

— Охъ, батюшка!... да общественное-то мнѣніе у насъ... сами знаете, ужь куда больно-плохо! У насъ, вѣдь, извѣстно:

> ... ругаютъ,
> А всѣ и всюду приглашаютъ.

Обыкновенно. Притомъ

> Порокъ нашъ гадокъ не своимъ
> Съ добромъ и правдой разногласьемъ;
> Но лишь наружнымъ безобразьемъ.
> Онъ поражаетъ насъ, и съ нимъ
> Тогда лишь стыдно намъ сходиться,
> Когда дерзнетъ онъ вдругъ явиться

Предъ нами явно, наголо;
Но если все на немъ пристойно,
Изящно, чисто и светло,
Тогда дружимся съ нимъ спокойно
И, забывая гнусность въ немъ,
Проступки наглостью зовемъ.

— Знаю, знаю! отвѣчаю я, испуганный этимъ потокомъ стиховъ. — Но кто же виноватъ въ томъ? Сами вы причиною этого безсилія общественнаго мнѣнія.

— А я-то чѣмъ виноватъ. Я читатель, я человѣкъ маленькій.

— Маленькій человѣкъ! Да поймите же, наконецъ, что вы потому и большой, что маленькій, чтовасъ маленькихъ людей много; и метла состоитъ изъ маленькихъ прутьевъ, и зарядъ въ пушкѣ изъ маленькихъ зеренъ, и эта громадная сила, которую называютъ общественнымъ мнѣніемъ, составляется изъ многихъ маленькихъ мнѣній. Великіе люди, говорятъ, родятся вѣками; недалеко бъ ушло человѣчество, еслибъ всегда и во всемъ дожидалось ихъ.

— Понимаю-съ. Но какъ же, однакожь, я выскажу свое мнѣніе, когда знаю, что мой начальникъ отдѣленія думаетъ иначе?

— Просто, такъ-себѣ, взять да и высказать, если этого требуютъ обстоятельства.

— Такъ вы полагаете, что это можно... иногда?

— Должно и всегда.

— И тогда господинъ баронъ Виттенгеймъ уже не будетъ кричать на насъ: «молчать!...»

— Тогда никакіе бароны не осмѣлятся кричать.

Между-тѣмъ, въ ожиданіи проявленія на Руси общественнаго мнѣнія, г-жа Ристори успѣла съѣздить въ Москву, свести ее своею игрою съ ума и возвратиться въ Петербургъ; но — только на минуту. Принявъ на прощанье участіе въ музыкально-драматическомъ утрѣ въ пользу одного изъ режиссеровъ нѣмецкой труппы, г. Оголейта, знаменитая артистка, доставившая намъ прошлой зимой такъ много высокаго наслажденія, отправилась за границу. Въ утѣшеніе почитателямъ прекраснаго таланта г-жи Ристори я могу сообщить, что она снова ангажирована на нашу сцену на будущую зиму, пріѣдетъ къ намъ съ новою труппою и даже, какъ говорятъ, будетъ играть на французскомъ языкѣ. Въ Москвѣ знаменитая артистка дала шесть прадставленій; билеты на эти представленія добывались съ боя, приступомъ. Многочисленная толпа, не щадя ни

собственныхъ боковъ, ни боковъ ближняго, съ какимъ-то неистовствомъ ломилась къ кассѣ при раздачѣ билетовъ, и чуть не вырывали ихъ другъ отъ друга. Во время представленій зала театра оглашалась такими изступленными рукоплесканіями, криками и вызовами, что самые старые театралы не запомнятъ ничего подобнаго. Особенно замѣчателенъ былъ въ этомъ отношеніи прощальный спектакль г-жи Ристори. Восторгъ добрыхъ москвичей перешелъ рѣшительно наконецъ въ какое-то бѣснованіе, до того, что одинъ изъ жаркихъ почитателей таланта знаменитой артистки, не довольствуясь уже никакими извѣстными способами выраженія своего удовольствія, перескочилъ изъ партера на сцену и, ставъ на колѣни, поцаловалъ руку г-жи Ристори.

День отъѣзда г-жи Ристори былъ свидѣтелемъ новыхъ восторженныхъ увлеченій московскихъ ея почитателей. Во множествѣ собрались они въ воксалѣ желѣзной дороги и каждый, желая имѣть на память, хоть слово, написанное ея рукою, осадили знаменитую артистку со всѣхъ сторонъ, протягивая къ ней карандаши и бумагу и упрашивая ее написать имъ что-нибудь. По сказанію одного фельетониста, снисходительная артистка писала, писала и дописалась чуть не до обморока.

Судьба тронутая до слёзъ такимъ восторженнымъ обожаніемъ искусства и талантовъ, тутъ же порѣшила поощрить москвичей достойною наградою, подаривъ ихъ на будущій годъ итальянской оперой; но на такомъ только условіи, если Москва разберетъ абонементъ и тѣмъ доставитъ дирекціи необходимыя денежныя средства. Цѣны назначены небольшія: ложи бельэтажа и 1-го яруса по 15 р., прочимъ мѣстамъ цѣна обыкновенная. Что касается артистовъ, то на это довольно еще времени, а имя г. Тамберлика, который, принялъ на себя составъ труппы, ручается, что московскіе меломаны не будутъ въ накладѣ, если успѣхъ абонемента дастъ возможность осуществить это предположеніе.

Переходимъ къ воскреснымъ школамъ и вообще къ народному образованію. Теперь, какъ и всякій разъ, мнѣ пріятно сообщить вамъ, что усилія частныхъ людей на этомъ почтенномъ, благородномъ поприщѣ не только не ослабѣваютъ, но, какъ вы сами могли замѣтить, каждый мѣсяцъ даютъ мнѣ возможность сообщить вамъ о какомъ-нибудь новомъ успѣхѣ, новомъ шагѣ впередъ. Эти усилія уже не ограничиваются однѣми воскресными школами, которыя — дай имъ Богъ здоровья!—тоже не останавливаются въ своемъ развитіи: онѣ пошли далѣе. Такъ въ прошломъ мѣсяцѣ я сообщилъ вамъ объ учрежденіи на Петербургской Сторонѣ безплатнаго ежедневнаго училища; подобное

же училище открывается въ непродолжительномъ времени въ Литейной части, въ Кирочной улицѣ. Желательно было бы, чтобъ это училище было поближе къ Пескамъ, потому-что Пески, какъ и Петербургская Сторона, населены людьми небогатыми и также не имѣютъ своей гимназіи, а должны посылать дѣтей своихъ въ ближайшую, къ Пустому Рынку, что вовсе, однакожь, неблизко отъ Песковъ. Слышно, что въ новомъ училищѣ преимущественно обращено будетъ вниманіе на рисованіе, съ тою цѣлью, чтобъ бѣднымъ дѣтямъ, имѣющимъ природную наклонность къ живописи и вообще къ искусствамъ, дать возможность подготовиться для поступленія въ академію художествъ, гдѣ эти бѣдныя дѣти, или молодые люди, найдутъ уже себѣ готоваго, исконнаго покровителя въ лицѣ почтеннаго Общества поощренія русскихъ художниковъ, которое недавно представило публикѣ отчетъ за прошлый 1860 годъ, сороковой годъ полезнаго существованія своего. Существуя съ 1821 года, оно обязано основаніемъ своимъ статс-секретарю П. А. Кикину, князю И. А. Гагарину, полковнику А. И. Дмитріеву-Момонову, капитану Л. И. Колю и полковнику Ѳ. Ѳ. Шуберту. Несмотря на ограниченность круга дѣйствій, естественнаго последствія ограниченности средствъ, Общество поощренія художниковъ ознаменовало свое существованіе многимъ и многимъ добромъ и многою пользою. Его поддержкѣ и покровительству Россія обязана многими, изъ числа знаменитѣйшихъ нашихъ художниковъ, какъ, напримѣръ, гг. К. и А. Брюловыми, Ивановымъ, двумя Чернецовыми, Тарановымъ, Тихобразовымъ, Чернышевымъ, Лагоріо и многими другими.

Въ прошедшемъ году, какъ видно изъ отчета, при оборотномъ капиталѣ только въ 17,000 р., общество имѣло двадцать пансіонеровъ, на содержаніе которыхъ, вмѣстѣ съ преміями за полученныя пансіонерами медали и единовременными имъ пособіями, оно издержало 3729 р. На содержаніе учрежденной обществомъ рисовальной школы, для учениковъ обоего пола, употреблено болѣе 5000 р. Какъ велика потребность въ подобной школѣ и какую пользу приноситъ она — можно судить по тому, что въ теченіе прошлаго года было въ ней 442 ученика, 125 ученицъ, 20 пансіонеровъ общества и столько же кандидатовъ. На иждивеніи Общества существуетъ также постоянная выставка художественныхъ произведеній, также, какъ пятничные вечера—явленіе еще новое (оно существуетъ только съ 1857 года), но прекрасное по своей цѣли. Это—собраніе художниковъ для работъ въ пользу своихъ нуждающихся товарищей. Художники, не исключая и самыхъ заслуженныхъ и знаменитыхъ, собираются въ залахъ рисовальной школы разъ въ недѣлю и, подобно тому, какъ добрые люди въ клубахъ уса-

живаются за карты и ковыряютъ, эти садятся за работу и рисуютъ. Оконченные рисунки продаются и половина изъ вырученной суммы идетъ хозяину картины, а другая обращается на пособіе нуждающихся художниковъ; такимъ-образомъ, съ основанія пятничныхъ вечеровъ, продано картинъ болѣе, чѣмъ на 6000 р. Нынѣшнюю зиму нѣкоторые изъ пятничныхъ вечеровъ были обращены въ маскарады, отличавшіеся оригинальностью и остроуміемъ костюмовъ, а также неподдѣльною веселостью, которою одушевлены были всѣ — принимавшіе въ нихъ участіе. Съ этою же благородною цѣлью, вспомоществованія нуждающимся художникамъ — въ скоромъ времени имѣетъ устроиться въ залахъ академіи выставка разнаго рода рѣдкостей и художественныхъ произведеній, принадлежащихъ частнымъ лицамъ, подобно тому, какъ это было устроено когда-то Обществомъ призрѣнія бѣдныхъ. Въ домахъ нашихъ богачей и вельможъ хранится много диковинокъ, украшающихъ пышныя ихъ жилища, недоступныя ни для кого, кромѣ хозяина и его знакомыхъ, и никому неприносящихъ пользы. Собранныя въ академіи эти рѣдкости, по-крайней-мѣрѣ, на нѣкоторое время сдѣлаются общимъ достояніемъ и доставятъ много эстетическаго наслажденія бѣднымъ любителямъ изящнаго, которымъ безъ того никогда бы не удалось ихъ увидѣть; но, кромѣ удовольствія, онѣ принесутъ здѣсь и пользу. Сборъ съ выставки назначается на устройство пріюта для нуждающихся художниковъ. Мы слышали, что подобнаго учрежденія желалъ еще бывшій президентъ академіи художествъ, покойный герцогъ Лейхтенбергскій; но сперва отъѣздъ, а потомъ смерть помѣшали ему привести ее въ исполненіе. Возобновленіе этого намѣренія въ настоящее время принадлежитъ, какъ говорятъ, нынѣшнему вице-президенту, князю Гагарину. Цѣль пріюта: доставить бѣднымъ художникамъ дешевыя и удобныя квартиры съ отопленіемъ; по слухамъ, при пріютѣ будетъ устроено нѣсколько мастерскихъ и библіотека. Кому бы ни принадлежала первая мысль пріюта, кто бы ни привелъ ее въ исполненіе—исполать ему! Бѣдность и нужда гибельно дѣйствуютъ на людей во всякой сферѣ дѣятельности; но чѣмъ грубѣе натура человѣка, тѣмъ легче она отерпливается, привыкаетъ къ нимъ; за-то чѣмъ человѣкъ талантливѣе, слѣдовательно, чѣмъ натура его тоньше, воспріимчивѣе, тѣмъ труднѣе ему сживаться съ лишеніями и грязною обстановкою бѣдности, тѣмъ чувствительнѣе для него гнётъ нужды и тѣмъ легче онъ погибаетъ, или въ опьяненіи ищетъ самозабвенія. Сколько талантовъ погибло такимъ образомъ! Трудно сказать, какого рода таланту, по характеру работы, труднѣе уживаться съ бѣдностью? Художнику для работы нужно многое: ему,

сверхъ-того, нужны свѣтъ, тепло, сухая комната; а судьба закинула его въ сырой, темный подвалъ, или на холодный зимою и душный лѣтомъ и всегда темный чердакъ. Спрашивается: какъ же, что же онъ будетъ тутъ дѣлать? Многіе могутъ быть иногда стоиками, способными, безъ физическаго вреда для себя, выносить борьбу съ нуждою; но чаще они истощаются въ этой борьбѣ и, исчахнувъ преждевременно, сходятъ въ могилу, и глядя на ихъ исхудалое, блѣдное лицо, неуспокоенное какъ-будто и самою смертью, невольно вспомнишь чьи-то строки, вѣроятно, вырвавшіяся при видѣ подобнаго лица:

Въ гробѣ непарадно
Блѣдный онъ лежалъ —
Умеръ; ну и ладно.
Будетъ—пострадалъ,
Что же мнѣ такъ больно?
Что же этотъ ликъ
Ужасомъ невольно
Душу мнѣ проникъ?
Страшно поражаетъ
Смерти этой видъ,
Что-то въ немъ пугаетъ,
Что-то говоритъ:
«Здѣсь убита сила
Воля замерла,
Горе ихъ сгубило
Нужда извела».
Да, страданій много
На него легло.
Что глядишь такъ строго?
Все теперь прошло...

— Эхъ, вы! говоритъ подслушавшій меня Надрыгасовъ: — по-вашему, только и страдаютъ, что художники да поэты, а нашему брату, чиновнику, и въ подвалѣ и на чердакѣ лафа! Эко, вѣдь право, канальское дѣло! точно мы ужь не чувствуемъ, точно мы не люди. Вѣдь, не заведетъ же для насъ кто-нибудь, хоть общество поощренія чиновниковъ, или какой ни-на-есть, тамъ, фондъ; только и отрады, что комитетъ заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ!

— Да вѣдь и у васъ устроивается какое-то общество взаимнаго вспоможенія.

— Строится, да не достроивается. Наша постройка, братъ, похожа на вавилонское столпотвореніе: смѣшались у строителей языки, такъ вотъ они и разбрелись, а оно такъ и стоитъ недостроенное. Хочу ужь самъ взяться за дѣло. Устрою, знаешь, на манеръ литературнаго фонда, съ усовершенствованіями, извлеченными изъ правилъ общества поощренія художниковъ: чтенія и пятницы.

— Кого жь изъ литераторовъ вы будете просить читать у васъ?

— Никого. Мы не хотимъ никому одолжаться; девизъ нашъ будетъ chacun pour soi, и мы даже и чтенія назовемъ чиновничьи, а не литературныя. Я уже приготовилъ и программу. Хочешь я тебѣ прочту ее?

— Ну, прочти, если недлинно.

Надрыгасовъ вынулъ изъ кармана и началъ:

ЧТЕНІЕ

въ пользу общества поощренія чиновниковъ.

Значеніе каленкоровыхъ нарукавниковъ въ дѣлѣ общественнаго благоустройства (*политико-экономическое изслѣдованіе*), прочтетъ . . . . г. Благомудровъ.

Куплеты изъ комедіи гр. Соллогуба «Чиновникъ» (*съ акомпаниментомъ на счетахъ*), пропоетъ . . . . г. Трынкинъ 2.

Мученіе казначейской души на томъ свѣтѣ, за то, что при жизни казначей не давалъ чиновникамъ впередъ жалованья (*департаментское преданіе*), прочтетъ . . . . г. Федюхинъ.

Нѣчто о либерализмѣ современныхъ транспарантовъ, прочтетъ . . . . г. Жобыка.

И въ-заключеніе:

Легенда о томъ, какъ одинъ начальникъ, собственно лично изволилъ навести справку въ X томѣ «Свода Гражданскихъ Законовъ» и уличить секретаря своего въ неправедности, прочтетъ . . . . г. Благомудровъ.

— Какъ тебѣ нравится программа? спросилъ Надрыгасовъ, окончивъ чтеніе.

— Не знаю, отвѣчалъ я:—не читавъ сочиненій, трудно составить о нихъ какое-нибудь мнѣніе.

— Очень-жаль! Ну, да вотъ услышишь... Впрочемъ, надѣюсь, что публика останется довольна, особенно легендой, лишь бы только Благомудровъ съумѣлъ прочесть ее какъ должно: сперва глухимъ, могильнымъ голосомъ, а потомъ незамѣтно перейдти въ высокоторжественный тонъ, чтобъ слушателями овладѣлъ сначала ужасъ, а потомъ умиленіе.

Надрыгасовъ взъерошилъ волосы, наморщилъ лобъ и началъ глухимъ голосомъ:

Въ чаду недоумѣнія,
Тревоги и смятенія
Губернскій градъ Застой.
Повсюду катавасія:
Давно уже оказіи
Въ немъ не было такой.
Неслыханный, невиданный
Тамъ случай неожиданно
Вчера произошелъ:
Главу его правительства,
Его превосходительство
Лукавый обошелъ!
Губернское правленіе
Въ жестокомъ треволненіи;
Палаты обнялъ страхъ:
Въ строительной коммиссіи,
Какъ-будто предъ ревизіей,
Всѣ члены въ-попыхахъ,
Гдѣ дѣлась и амбиція?
Лисигъ ко всѣмъ полиція,
На стряпчемъ нѣтъ лица,
Не спится попечителю,
Опека къ предводителю
Отправила гонца.
Въ испугѣ предсѣдатели,
Хоть не были пріятели;
Но контру съ давнихъ поръ
Оставя безъ вниманія,
Сошлись на совѣщаніе;
Пришелъ и прокуроръ.
Но случай удивительный
Не могши положительно
Понять и объяснить,
Отправили квартальнаго
Для дѣла столь фатальнаго
Колдунью пригласить и т. д.

— Это чтеніе, я знаю, произведетъ глубокое впечатлѣніе; вообще, чтеніе сойдетъ; но вотъ пятницы, пятницы эти меня страшно безпокоятъ. Художники на своихъ пятницахъ рисуютъ; ну, а чиновники что будутъ дѣлать? Натура у нихъ такая, что чуть соберутся трое или четверо, сейчасъ и засядутъ въ ералашъ или преферансъ—имъ все-равно пятница или четвергъ. Одно средство, по примѣру военныхъ, которые на своихъ вечерахъ играютъ въ военную игру, завести на нашихъ пятницахъ гражданскую игру. Какъ ты думаешь, вѣдь это было бы недурно?

— Да въ чемъ же будетъ состоять эта игра?

— Въ томъ же, въ чемъ состоитъ военная: въ искусствѣ выкручиваться изъ трудныхъ обстоятельствъ или не давать выкручиваться

другому. У военныхъ, напримѣръ, дадутъ тебѣ войско, батальйоны, эскадроны, батареи въ видѣ шашекъ, укажутъ на планѣ мѣстность и говорятъ: вотъ дѣйствуй тутъ и не дай непріятелю (то-есть другому играющему, у котораго больше шашекъ) обойти, отрѣзать, или... какъ тамъ у нихъ это говорится? словомъ, не дай побѣдить себя; ну, и у насъ будетъ также. Вотъ тебѣ дѣло, обстоятельства его такія, такія и такія; сдѣлай праваго виноватымъ, а виноватаго правымъ; или, вотъ тебѣ заемное письмо; оно представлено ко взысканію; долгъ безспорный; документъ сознанъ должникомъ и обезпеченъ недвижимою собственностью; устрой такъ, чтобъ кредиторъ не получилъ ни гроша, или, наоборотъ, кредиторъ не хочетъ платить, имѣніе свое онъ перевелъ на жену; онъ человѣкъ большой; ты маленькій; у него пріятели тузы присутственныхъ мѣстъ; у тебя двойки да тройки—взыщи съ него; или выстрой соборъ, или богоугодное заведеніе такъ, чтобъ за постройку получить награду, и чтобъ въ то же время, на другомъ концѣ города у тебя выстроился свой домикъ стоимостью, по-крайней-мѣрѣ вполовину первоначальной сметной суммы, или, наконецъ, устрой такъ, чтобъ найденная покража никогда не возвратилась къ хозяину, и мало ли какихъ еще задачъ можно придумать! Я увѣренъ, что наша гражданская игра будетъ гораздо-разнообразнѣе и интереснѣе военной.

— Но, какой же доходъ вашему обществу принесетъ игра эта?

— Какъ какой? Такой же, какъ художникамъ ихъ картинки. Каждую рѣшеную удовлетворительно задачу мы будемъ продавать съ тѣмъ, что половина вырученной суммы идетъ въ пользу рѣшившаго задачу, а другая въ кассу общества.

— Но кто жь будетъ покупать ваши задачи? Картины художниковъ доставляютъ, по-крайней-мѣрѣ, удовольствіе, а ваши...

— А наши задачи пользу, какъ поучительныя руководства къ разнымъ случаямъ юриспруденціи и разнымъ другимъ занятіямъ. На этотъ счетъ ты не безпокойся: въ покупщикахъ, я увѣренъ, недостатка не будетъ. По окончаніи каждаго года мы всѣ рѣшеныя задачи издадимъ особой книгой, подъ заглавіемъ, «Справочная книга на всѣ затруднительные и интересные случаи человѣческой жизни», съ эпиграфомъ:

Въ минуту жизни трудную
Не сдавитъ сердце грусть,
Коль книгу нашу чудную
Ты знаешь наизустъ.

А что жь? идея гражданской игры право недурна. Какъ вы думаете, читатель?

— Я? Я право ничего не думаю; отвѣчаетъ читатель.

— Какъ ничего? а вы обѣщали мнѣ имѣть собственное мнѣніе.

— Радъ бы, да право, такъ трудно, что и сказать вамъ не умѣю, г. праздношатающійся; сами литераторы сбиваютъ съ толку. Ну, вотъ, хоть бы теперь, посудите сами, подняли вопросъ о правахъ женщины. Пишутъ, кричатъ объ уваженіи къ ней, о неприкосновенности ея; полгода во всѣхъ журналахъ и газетахъ на всѣ лады смѣялись, бранили, позороли членовъ николаевскаго дворянскаго собранія за то, что они имѣли неловкость удалить изъ среды своей барышню за то только, что она палестинскаго происхожденія; прокричали на всю Россію, затоптали въ грязь злополучнаго г. Козлянинова за то, что онъ въ воксалѣ на желѣзной дорогѣ—и то не самъ собою, а какъ говорятъ, больше по внушенію откупа—помялъ какую-то нѣмку; ну, какъ бы кажется, тутъ не повѣрить, что все это дѣлается не для шику, не на смѣхъ публикѣ, не шутки ради, а сознательно, по глубокому убѣжденію? Ну, повѣрилъ и мнѣніе себѣ составилъ, что женщина, какая бы она ни была, ея имя—дѣло святое, неприкосновенно, и Терёшкѣ, который все бранится съ кухаркой моей, старался внушить то же самое, а тутъ, глядь, Камень-Виногоровъ въ журналѣ «Вѣкъ» схватилъ имя женщины, да и таскаетъ его въ грязи, да и ну позорить и глумиться надъ нимъ передъ толпою; и пусть бы ужь наконецъ было за что; а то вдругъ, ни съ того, ни съ сего стыдливость, одолѣла, въ пюдёръ пустилася, какъ, де-скать, ты, русская женщина, осмѣлилась перестать поджимать губки! какъ ты смѣла оставить ужимки свѣтскаго фарисейства, сбросить ярмо, не честныхъ и благородныхъ приличій, а тупыхъ предразсудковъ! Какъ смѣла ты, гордая высокимъ чувствомъ собственнаго достоинства, сказать, прочесть во всеуслышаніе то, что̀ тебѣ позволяется не только читать, но и дѣлать исподтишка. Какое дѣло, что прочитанное принадлежитъ къ самымъ прекраснымъ, къ самымъ эстетическимъ твореніямъ нашего великаго поэта: ты все-таки преступница, и я, Камень-Виногоровъ, въ которомъ ты оскорбила мою женственную модести, я брошу въ тебя грязью всенародно... Ну, какъ же, скажите, составить тутъ свое мнѣніе? Чему же вѣрить? Даже Терёшка прочелъ да и засмѣялся надъ моими внушеніями. «Ишь ты, говоритъ, какія у господъ права женщины», да въ пику мнѣ, въ тотъ же вечеръ и поколотилъ кухарку: это, говоритъ, по-нашему, по виногоровски.

— А вамъ что за дѣло до Терёшекъ всякаго рода; вы себѣ, знай, держитесь своего мнѣнія.

— Держаться-то держусь, да только высказывать страшно; вѣдь,

можетъ-быть, это теперь послѣдній, самый свѣжій прогрессъ, такъ съ правами-то женщины и попадешь въ отсталые. Вотъ хоть бы 13 марта въ «Сѣверной Пчелѣ» какой-то фёльетонистъ изъ Москвы разсказываетъ о литературныхъ заслугахъ г-жи Ев. Туръ такимъ манеромъ, что ему позавидовалъ бы самъ Виногоровъ. Можетъ-быть, это такое направленіе въ литературѣ. — А у насъ, читателей, есть свое мнѣніе; и ужь если надо его высказать, то — вы ужь меня извините — я скажу вамъ откровенно, что, по общему нашему мнѣнію, эти литературные Козляниновы однимъ взмахомъ превзошли «Домашнюю Бесѣду» и цѣлой головой переросли г. Аскоченскаго. 3-го марта въ № 51-мъ «Петербургскихъ Вѣдомостей» напечатана статья г. Михайлова, который съ понятнымъ чувствомъ негодованія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ спокойнымъ достоинствомъ обличаетъ г. Виногорова въ этомъ оскорбленіи женщины, въ злонамѣренно-ложномъ перетолкованіи словъ ея, сообщенныхъ корреспондентомъ «Петербургскихъ Вѣдомостей», и удивляется, какъ редакція рѣшилась принять на свою отвѣтственность статью Камня-Виногорова. Какъ угодно, но мы, читатели, совершенно соглашаемся съ мнѣніемъ г. Михайлова, что можно не раздѣлять образа мыслей г-жи Т*, можно находить поступокъ ея неосторожнымъ, необдуманнымъ; можно даже печатно высказать взглядъ свой на этотъ счетъ; но, конечно, не въ той возмутительно-грязной формѣ пасквиля, въ формѣ какого-то циническаго глумленія. А что̀ скажутъ журналы о выходкѣ фёльетониста «Сѣверной Пчелы»?

— Вишь ты, думалъ я, слушая разсужденія читателя, не успѣлъ завестись своимъ мнѣніемъ, а ужь, смотри, какъ пилитъ человѣка! Бѣда, если ихъ разведется много, да они вздумаютъ сдѣлаться коммунистами, сложатся своими собственными мнѣніями, да заведутъ общественное мнѣніе! Съ ними надо быть осторожными. Уйти лучше по-добру-по-здорову.

— Охота тебѣ была подучать его, сказалъ Надрыгасовъ, когда мы отошли нѣсколько:—теперь съ нимъ, съ этимъ клочкомъ общественнаго мнѣнія, не управишься.

— Ну, что̀ дѣлать! давай привыкать къ этому пугалищу, пока оно еще молодо и не достигло полнаго развитія. Впрочемъ, въ утѣшеніе себѣ мы можемъ сказать, что и мы съ тобою тоже клочки этого общественнаго мнѣнія.

— Отдалъ бы я этого Виногорова на выучку къ моей хозяйкѣ, замѣтилъ, послѣ нѣкотораго молчанія, Надрыгасовъ: — узналъ бы онъ тогда, что̀ такое права женщины.

— А что?

— Да въ такой бы решпектъ привела, что и въ голову бы не пришло писать на женщинъ ругательныя статейки.

— А мнѣ такъ кажется знаешь что? Что онъ дѣйствительно не думалъ обижать г-жи Т*, а просто зарапортовался, да и пересолилъ; ну, и попалъ пальцемъ въ чернильницу; я думаю, самъ потомъ удивился, сердечный, какъ ему сказали, куда хватилъ онъ.

— А вѣдь проврись такъ кто другой, такъ, вѣдь, смотри, какъ бы самъ зарицаретствовалъ. Что-то теперь другіе журналы скажутъ?

— А бо̀льшая часть ничего не скажетъ: гдѣ ссориться не захотятъ, гдѣ кумовья отстоятъ. Вѣдь у насъ, братъ, только на словахъ да въ объявленіяхъ обѣщаютъ безпристрастіе, отреченіе отъ круговщины; непризнаніе авторитетовъ, а на дѣлѣ, глядишь, все рука руку моетъ. Да свои люди — сосчитываются.

— Такъ, значитъ, нѣтъ безпристрастія. Гдѣ жь искать его?

— На рысистомъ бѣгу, на Невѣ; а ужь если и тамъ нѣтъ, то, значитъ, на землѣ нигдѣ нѣтъ, отправляйся тогда на луну, за нимъ.

— Нѣтъ ужь лучше посмотримъ прежде на бѣгъ; на луну всегда успѣемъ.

Видѣли ли вы, господа, эти рысистые бѣги на прекрасномъ невскомъ ипподромѣ? Они повторяются каждое воскресенье въ-теченіе почти всей зимы и, несмотря на незначительность рысистыхъ призовъ и отсутствіе или совершенную ничтожность пари, привлекаютъ къ состязанію довольно-значительное число лошадей. Зимніе бѣги, вообще, гораздо разнообразнѣе лѣтнихъ, потому-что въ нихъ принимаютъ участіе, кромѣ рысаковъ, городскія одиночки, пары въ дышлѣ и съ пристяжкой, и тройки, которыя въ лѣтнихъ бѣгахъ весьма-рѣдко появляются. Рысакъ—любимая лошадь русскихъ охотниковъ; это—рослая отъ 4 до 5 вершковъ, довольно-статная, красивая порода, обязанная происхожденіемъ своимъ графу Алексѣю Григорьевичу Орлову-Чесменскому, основателю знаменитаго хрѣновскаго разсадника, съ 1845 года, принадлежащаго казнѣ. Страстный любитель и отличный знатокъ лошадей, графъ Алексѣй Григорьевичъ произвелъ эту породу помѣсью арабской крови жеребцовъ съ матками разныхъ крупныхъ европейскихъ породъ. Отъ первыхъ онъ бралъ въ составъ, создаваемый имъ рысистой лошади сухость, огонь, красоту головы и шеи и крѣпость ногъ; отъ вторыхъ—ростъ, округлость формъ и ширину кости. Вся существующая въ настоящее время въ Россіи рысистая порода лошадей произошла отъ бѣлаго жеребца Сметанки, выведеннаго изъ Аравіи въ 1775 году. Сметанка существовалъ въ остро-

своемъ заводѣ графа Орлова не болѣе двухъ лѣтъ. Онъ, по преданію, убитъ былъ конюхомъ по неосторожности. Преданіе о впечатлѣніи, произведенномъ на графа смертію этой лошади, живетъ между лошадиными охотниками. Конюхъ, убившій Сметанку, сообщилъ объ этомъ дворецкому графа: который, на колѣняхъ, доложилъ о томъ своему барину. Графъ страстно любилъ эту лошадь; услыхавъ о ея смерти, онъ закрылъ лицо руками и нѣсколько времени находился въ такомъ положеніи; потомъ велѣлъ разсказать себѣ всѣ подробности этой смерти и, выслушавъ ихъ, объявилъ, что онъ не ручается за себя, если увидитъ конюха, убившаго Сметанку, что, во всякомъ случаѣ онъ не хочетъ его видѣть и чтобъ впередъ никогда онъ не могъ попасться ему на глаза; приказалъ выпустить его на волю и навсегда удалить изъ своихъ имѣній.

Сметанка оставилъ послѣ себя трехъ сыновей, изъ которыхъ два не имѣли продолжительнаго потомства; а отъ средняго, Полкана 1 и голландской матки произошелъ настоящій родоначальникъ всей существующей нынѣ рысистой породы. Барсъ 1, имѣвшій одиннадцать сыновей.

Кореннымъ правиломъ, принятымъ графомъ Орловымъ въ его рысистомъ заводѣ, было не продавать ни подъ какимъ видомъ въ частныя руки ни жеребцовъ, ни жеребыхъ кобылъ. Поэтому частные покупатели могли пріобрѣтать у него только мереновъ и холостыхъ кобылъ. Это правило продолжало существовать и при наслѣдницѣ графа, знаменитой своей набожностью, дочери его графини Анны Алексѣевны, пока, во время управленія хрѣновскимъ заводомъ, другимъ извѣстнымъ конскимъ заводчикомъ В. И. Шишкинымъ, не была продана изъ завода кобыла жеребая отъ одного изъ лучшихъ хрѣновскихъ жеребцовъ, Мужика 2; она у новаго своего хозяина произвела на свѣтъ знаменитаго стараго Атласнаго, котораго до году еще перекупилъ Шишкинъ за 6000 р., и этотъ-то старый Атласный считается теперь болѣе или менѣе родоначальникомъ всѣхъ рысистыхъ частныхъ заводовъ, которые, впрочемъ, съ поступленія хрѣновскаго завода въ собственность казны, получали возможность пріобрѣтать себѣ производителей прямо съ этого завода.

Единственные конскіе заводы, приносящіе владѣльцамъ своимъ дѣйствительный доходъ, рысистые заводы развиваются у насъ, въ Россіи, все болѣе-и-болѣе въ ущербъ и разореніе заводчиковъ чистокровныхъ и верховыхъ лошадей, которые платятъ имъ за это самою чистосердечною враждою, и письменно и словесно стараются доказать, что особой рысистой породы нѣтъ; что рысакъ нашъ—лошадь испорченная, сырая, мя-

систая и непрочная; что единственная на свѣтѣ лошадь—это чистокровная англійская, безъ которой нѣтъ спасенія въ конноза водскомъ дѣлѣ. Въ подтвержденіе словъ, что особой рысистой породы не существуетъ, а рысакъ — дѣло наѣздки, а не крови, они ссылаются на рысаковъ англійскихъ и американскихъ, которые, по словамъ ихъ, не только не уступаютъ нашимъ, но даже превосходятъ ихъ рѣзвостью, и между-тѣмъ не составляютъ тамъ особой рысистой породы, но выбираются изъ чистокровныхъ или полукровныхъ и подготовляются для рысистыхъ бѣговъ наѣздкою. Но какъ вся эта война партій шляпъ и шапокъ ограничивается со стороны первыхъ одними словами и никто изъ чистокровныхъ заводчиковъ не попробуетъ для доказательства наѣздить на рысь хоть одну изъ чистокровныхъ лошадей и пустить ее на ипподромъ для состязанія съ рысаками, то всѣ ихъ возгласы остаются гласомъ вопіющимъ въ пустынѣ, а партія шапокъ, какъ побѣдительница, не сердясь выслушиваетъ желчныя филиппики скакуновъ и, подсмѣиваясь надъ ихъ желчью, продолжаетъ продавать лошадей своихъ, цѣна и требованія на которыхъ возрастаютъ все болѣе-и-болѣе. Въ принципѣ партія шляпъ права: чистокровная лошадь дѣйствительно признана всюду источникомъ улучшенія лошадиныхъ породъ, для какого бы то ни было назначенія: для скачки, бѣговъ или возки тяжести, для кавалеріи, экипажей или для земледѣлія, чему служитъ доказательствомъ Англія; но какъ принципъ безъ примѣненія къ дѣлу есть вещь мертвая, то на дѣлѣ онѣ и остаются въ проигрышѣ. Притомъ же въ дѣлѣ коннозаводства, какъ и во многомъ другомъ, партизаны чистокровныхъ лошадей забываютъ, что Россія не Англія, что если тамъ народная охота—скачка, то у насъ—бѣгъ; что у насъ покупаютъ скакуновъ и принимаютъ участіе въ скачкахъ только люди богатые и принадлежащіе къ одному извѣстному классу, и то если не исключительно изъ подражанія, то по страсти прививной, неимѣющей основанія въ народномъ характерѣ; но большинство даже и этого класса, то-есть дворянства, но богатое наше купечество, тратящее огромныя деньги на рысаковъ, на которыхъ они любятъ прокатиться, никогда не купятъ скакуна и не примутъ участія въ скачкахъ. Производя въ своихъ заводахъ только скакуновъ, чистокровные заводчики этимъ самымъ дѣлаютъ свои заводы непроизводительными и содержатъ ихъ, съ самымъ малымъ исключеніемъ, въ ущербъ себѣ, между-тѣмъ какъ, примѣняясь къ народному характеру и потребностямъ, и доказывая на дѣлѣ справедливость своихъ, въ настоящее время безплодныхъ, разглагольствованій, то-есть наѣзжая своихъ лошадей на рысь, они могли бы съ выгодою вступить въ конкурренцію съ рысистыми заводчиками и извлекать изъ

своихъ заводовъ несравненно бо̀льшую для себя выгоду. При незначительномъ у насъ числѣ скаковыхъ охотниковъ и при относительной ничтожности призовъ, скакунъ у насъ, въ Россіи—капиталъ мертвый, дѣло чисто прихоти, тогда-какъ въ Англіи онъ составляетъ источникъ доходовъ и иногда очень-значительныхъ, какъ, напримѣръ, жеребецъ Торнемби, выигравшій въ прошломъ году въ одномъ Эпсамѣ 77,000 фунтовъ стерлинговъ; между-тѣмъ, какъ въ Россіи этотъ Торнемби, на самыхъ богатыхъ по суммѣ скаковыхъ призовъ, на царскосельскихъ скачкахъ, самое большое, что̀ могъ бы выиграть, отъ 4 до 5000 р.

Рысистые бѣги на Невѣ составляютъ одно изъ любимыхъ удовольствій петербургскихъ простолюдиновъ, которыхъ всегда, благодаря воскресному дню, собирается множество. Почтенные мужички принимаютъ не менѣе жаркое участіе въ состязаніи лошадей, какъ и собравшіеся на противоположной сторонѣ въ бесѣдкѣ и на галереяхъ записные охотники и владѣльцы рысаковъ, паръ, троекъ и проч.; между ними устроивается множество пари на пару чаевъ, на двугривенные и даже на полтинники. Народъ часто громкими одобреніями привѣтствуетъ побѣдителей, когда они добѣгаютъ къ призовому столбу и провожаетъ криками: ура! когда, возвращаясь съ бѣга, наѣздникъ или поддужной, держитъ въ рукахъ выигранные призы, состоящіе изъ разнаго рода серебряныхъ вещей. Между этими зрителями бѣговыхъ испытаній въ тулупахъ, зипунахъ и чуйкахъ, работниковъ, поденьщиковъ есть свои знатоки и страстные охотники, которые изъ году въ годъ слѣдятъ за испытаніями, не пропустятъ ни одного бѣга и знаютъ по именамъ всѣхъ лучшихъ лошадей, и кому принадлежатъ они, также, какъ наѣздниковъ и поддужныхъ.

Особенно любитъ народъ состязаніе троекъ; эта родная тройка наша имѣетъ какое-то обаяніе на русскаго человѣка. Въ этой упряжѣ, по увѣренію механиковъ, припадаетъ часть движущей силы, потому-что пристяжныя расходуютъ на полезную работу только половину своей силы, такъ-что эта полезная работа тройки равняется работѣ пары, запряженной въ дышло; но за-то сколько красоты, граціи и удали въ этой запряжкѣ! особенно, когда она хорошо составлена и бѣжитъ непроизвольнымъ алларомъ, то-есть вся тройка въ скачь, но скачутъ только свившіяся въ кольцо пристяжныя, едва поспѣвая уносить постромки за рысистымъ коренникомъ.

Корифеями рысистыхъ бѣговъ на Невѣ въ нынѣшнемъ году были жеребцы: *Красавецъ* Д. Д. Голохвастова, *Задорный* и *Братъ* графа Воронцова-Дашкова и *Подарокъ* г. Мясникова; исключая *Брата* всѣ эти лошади уже прежде составили себѣ репутацію отличныхъ бѣгу-

гуновъ и давно извѣстны охотникамъ побѣдами на московскомъ, царскосельскомъ и петербургскомъ ипподромахъ. Голохвастовскій *Красавецъ* 15 января совершилъ трехверстную дистанцію съ быстротою 5 мин. 43 сек. или 1 мин. $54^1/_4$ сек. на версту, оставивъ за флагомъ *Подарка*, а *Щеголь* только прискачкой вошелъ во флагъ, хотя обѣ эти лошади сами извѣстны своею рѣзвостью. Хотя сначала нынѣшнихъ зимнихъ бѣговъ наибольшую рѣзкость оказалъ *Кроликъ* г. Сапожникова, а именно три версты въ 5 мин. 35 сек., но *Кроликъ* бѣжалъ на свательство, значитъ, одинъ, безъ соперниковъ, что значительно легче, чѣмъ состязаться съ такими соперниками, какъ *Подарокъ* и *Щеголь*, и потому бѣгъ *Красавца*, три версты въ 5 мин. 43 сек., можно по справедливости признать рѣзвѣйшимъ въ нынѣшнихъ испытаніяхъ. Изъ троекъ отличилась эту зиму тройка князя Салтыкова.

Но ледъ по Невѣ чернѣетъ и напоминаетъ охотникамъ, что время зимнихъ состязаній лошадей ихъ, прошло и пора прекратить зимніе бѣги, въ ожиданіи царкосельскихъ лѣтнихъ. Солнце послѣ полугодоваго отсутствія своего въ южномъ полушаріи нашей планеты, перевалило черту сѣвернаго поворотнаго круга и возвращается къ намъ. Менѣе-косвенные весенніе лучи его, падая на улицы и дворы нашей сѣверной Пальмиры, топятъ почернѣлый снѣгъ и покрываютъ ихъ грязью; бываютъ дни, въ которые сообщеніе по Петербургу во всякомъ другомъ экипажѣ, кромѣ калошъ, становится крайне-затруднительнымъ. На улицахъ въ одно и то же время разъѣзжаютъ или, правильнѣе сказать, прыгаютъ по ямамъ дрожки и сани, и тѣ и другіе равно угрожая васъ опрокинуть; нѣсколько дней этого соперничества въ выколачиваніи души изъ сѣдоковъ, рѣшаютъ, наконецъ, побѣду окончательно въ пользу дрожекъ, на помощь которымъ является расчистка и сколка съ мостовыхъ снѣгу на главнѣйшихъ улицахъ; и хотя грязныя груды этого сколотаго снѣгу медленно свозимаго мусорщиками, загромождаютъ эти улицы; но, по-крайней-мѣрѣ, петербургское человѣчество, неимѣющее собственныхъ экипажей, пріобрѣтаетъ возможность безъ опасности жизни ввѣрять особу свою извощичьимъ пролеткамъ. По утрамъ бываютъ еще морозы, но къ полдню снова таетъ и улицы покрываются тысячами ручейковъ грязной воды; словомъ, весна повсюду вступаетъ въ права свои; въ воздухѣ чувствуется ея дуновеніе, какой-то особенный запахъ возбудительно-дѣйствующій на омертвѣлую природу и на самый организмъ человѣка.

Но лучшимъ предвѣстникомъ весны, что более всего убѣждаетъ меня въ дѣйствительномъ пришествіи ея и окончаніи зимы, это—заговариванія Надрыгасова о тяжести и всякихъ другихъ неудобствахъ теп-

лой шинели и возможности заложить ее. Судя по этой примѣтѣ, я почти безошибочно могу предсказать, что еще нѣсколько недѣль и на деревьяхъ появятся темнозеленыя почки, а гдѣ-нибудь въ журналахъ весеннія пѣсни котораго-нибудь изъ нашихъ молодыхъ поэтовъ, и благо имъ; кому же славить пришествіе весны, какъ не молодости, веснѣ жизни?

Но нѣтъ Армузды безъ Аримана, нѣтъ свѣта безъ тѣни, нѣтъ добра безъ зла, иначе бы не существовало и самаго добра, которое всюду есть понятіе относительное. Въ силу этого-то неизбѣжнаго соединенія во всемъ, что существуетъ, въ этихъ двухъ противоположныхъ началахъ: зиждущаго и разрушающаго, и пришествіе весны, животворное для всего, что сильно и здорово, бываетъ гибельно для больнаго и хилаго, какъ бы въ показаніе того, что для жизни всякаго рода, физической или духовной, индивидуальной или общественной, нужна сила, и отсутствіе ея есть смерть, запустѣніе, все-равно, въ природѣ, или въ человѣческомъ обществѣ. Не люблю я этого мертвеннаго безсилія.

Мнѣ противенъ образъ смерти
И холодный и тупой,
Мнѣ противно запустѣнье,
Гдѣ бы ни было оно.
Силъ природы омертвѣнье,
Иль народа—все равно:
Дубъ ли, бурей пораженный,
Человѣкъ ли отжилой,
Иль убитый, удушенный
Трупъ идеи огневой,
Видъ ли тягостный безсилья,
Въ льдину сжатая волна —
Други! смерть всегда насилье,
Оттого она страшна.

И нынѣшнее воцареніе весны не совершилось безъ жертвы: при самомъ вступленіи ея къ намъ она похитила у Россіи, и еще больше у Малороссіи, лучшаго изъ народныхъ поэтовъ послѣдней, но котораго чудными пѣснями восхищались и мы, великоруссы, не менѣе земляковъ покойнаго.

26 февраля, въ 5½ часовъ пополудни умеръ Тарасъ Григорьевичъ Шевченко, высокоталантливый поэтъ и даровитый художникъ, отъ продолжительной, начавшейся еще съ осени прошлаго года и мучительной болѣзни — водяной въ груди. Особенно невыносимо-мучительны были послѣдніе дни его, когда вода бросилась въ лёгкія: онъ съ трудомъ могъ говорить и не находилъ спокойнаго положенія; только мушки на короткое время облегчали его страданія, давая ему воз-

можность вздохнуть. Канунъ его смерти былъ днемъ его именинъ и днемъ сильнѣйшихъ мученій. Въ этотъ день умиравшій поэтъ былъ утѣшенъ проявленіемъ любви и сочувствія къ нему земляковъ его: онъ получилъ изъ Полтавы двѣ телеграфическія депеши, поздравлявшія его съ днемъ ангела: «Батьку (сообщала ему вторая депеша), полтавцы поздравляютъ любаго кобзаря съ именинами и просятъ: утни, батьку, орле сизый! Полтавська громада». Выслушавъ ее, больной сказалъ: «спасибо, що не забуваютъ». Онъ видимо былъ ею обрадованъ. На другой день въ $5^1/_2$ часовъ его не стало.

Шевченку похоронили 28 февраля. Къ-сожалѣнію, неизвѣстно почему, друзья покойнаго не приняли на себя труда оповѣстить чрезъ газеты публику о днѣ похоронъ, совершившихся раньше обыкновеннаго, то-есть, чрезъ день послѣ смерти, и тѣмъ лишили многихъ почитателей покойнаго поэта возможности отдать ему послѣдній долгъ уваженія и сочувствія. Несмотря, однакожь, на это, стеченіе присутствовавшихъ на похоронахъ было довольно-многочисленно; большинство ихъ составляли литераторы, ученые, художники и студенты. Многіе изъ нихъ говорили рѣчи; въ церкви гг. Кулишъ, Костомаровъ, Бѣлозерскій Аѳанасьевъ и еще одинъ студентъ, говорившій на польскомъ языкѣ. На могилѣ г. Курочкинъ прочелъ стихотвореніе въ честь покойнаго поэта.

Тарасъ Григорьевичъ умеръ на сорокъ-седьмомъ году отъ рожденія; онъ умеръ въ то время, когда судьба, утомленная долгимъ преслѣдованіемъ его, давала ему, какъ казалось, возможность, наконецъ, отдохнуть и успокоиться. Не даромъ ему такъ не хотѣлось умереть, не даромъ въ послѣдніе дни своей жизни душа его рвалась на родину, въ надеждѣ, что воздухъ родныхъ полей возстановитъ его здоровье. «Отъ якъ бы до дому (говорилъ онъ одному изъ друзей своихъ за день до смерти), тамъ бы я може одужавъ». А потѣшилась-таки эта лиходѣйка-судьба надъ бѣднымъ Шевченкой, прежде чѣмъ дала вздохнуть ему, и то не надолго.

Изъ собственнаго письма Тараса Григорьевича къ редактору «Народнаго Чтенія» г. Оболонскому, мы узнаемъ нѣкоторыя подробности той жизни, которую онъ вынесъ и изъ которой вышелъ побѣдителемъ. Отецъ Шевченки былъ крѣпостной крестьянинъ помѣщика полтавской губерніи, г. Фіорковскаго. Поэтъ родился въ 1814 и ребенкомъ былъ отданъ въ ученье къ сельскому дьячку, который больше заставлялъ его работать по своему хозяйству, чѣмъ заниматься грамотой. Такъ Шевченко разсказываетъ, что одинъ разъ дьячокъ заставилъ

его три дня сряду таскать изъ рѣки ведромъ воду на гору. Тяжелая работа, которою учитель-дьячокъ обременялъ его, заставила наконецъ мальчика отъ него бѣжать. Отецъ, видя въ немъ страсть рисовать, отдалъ его на выучку къ другому дьячку, маляру; но этотъ скоро отказался отъ неспособнаго, по его мнѣнію, ученика, объявляя, что мальчикъ негодится не только въ маляры, но даже въ портные или бочары. Послѣ этихъ неудачныхъ попытокъ учиться, молодаго Шевченку баринъ его взялъ во дворъ и сдѣлалъ комнатнымъ казачкомъ, котораго обязанность состояла въ томъ, чтобъ быть на побѣгушкахъ, сидѣть въ прихожей, набивать барину трубку и сопровождать барина въ разъѣздахъ. Такимъ-образомъ онъ былъ съ нимъ въ Кіевѣ, Вильнѣ и Петербургѣ, въ бытность въ которомъ, г. Фіорковскій, видя въ молодомъ Шевченко болѣе наклонности къ рисованію, чѣмъ лакейскимъ способностямъ, отдалъ его въ 1832 году, по контракту, на четыре года на выучку къ цеховому живописцу Ширяеву. Шевченко было въ то время восьмнадцать лѣтъ. Здѣсь, въ Петербургѣ, художникъ Сошенко, случайно узнавшій Тараса Григорьевича и по работѣ его угадавшій его способность къ живописи, представилъ его конференц-секретарю академіи художествъ В. И. Григоровичу, и просилъ его похлотать объ освобожденіи его изъ крѣпостнаго состоянія. По просьбѣ г. Григоровича въ судьбѣ Шевченка принялъ участіе В. А. Жуковскій, который, уговорясь сперва о цѣнѣ выкупа съ г. Фіорковскимъ, разъигралъ въ лотерею свой портретъ, нарочно для этой цѣли списанный съ него Брюлловымъ, и вырученныя этимъ способомъ деньги 2500 р. уплатилъ помѣщику, и такимъ образомъ въ 1838 году Шевченко, получивъ свободу, вступилъ въ академію художествъ подъ руководство Брюллова, очень полюбившаго его, а въ 1841 году Шевченко получилъ званіе вольнаго художника. Судьба не надолго, однакожь, дала отдохнуть Тарасу Григорьевичу: чрезъ нѣсколько лѣтъ она поразила его новымъ несчастіемъ, которое тяжело легло на всю остальную жизнь его и отъ котораго онъ только-что началъ оправляться. Шевченко былъ истинный народный поэтъ Малороссіи, какого она до него не имѣла. Все, что̀ въ ней есть мало-мальски грамотнаго, знаетъ, читаетъ и заучиваетъ наизустъ проникнутыя горячей любовью къ роднѣ пѣсни своего любаго кобзаря. Общій колоритъ его произведеній болѣе мѣстный, и въ этомъ онъ много подходитъ къ Мицкевичу, который также канву для своихъ поэмъ бралъ исключительно изъ народнаго быта и преданій родной Литвы своей, и въ этомъ заключается ихъ сила и значеніе въ своей литературѣ; но за-то какимъ глубокимъ, какимъ неподдѣльнымъ чувствомъ проникнуты всѣ произведенія Шевчен-

ки! сколько въ нихъ силы и энергіи! сколько жизни, правды и симпатичности въ его ббразахъ!...

— Это ты такъ о Шевченкѣ распустился? перерываетъ меня Надрыгасовъ.

— Да̀, о немъ.

— Да, помилуй! по словамъ твоимъ просто выходитъ, что онъ былъ поэтъ.

— И какихъ немного.

— Ну, ужь извини, это неправда. Я самъ-было такъ думалъ прежде; а теперь, знаешь, признаюсь, что смотрю иначе.

— Ка̀къ иначе?

— Да такъ. Вонъ и «Гейне изъ Тамбова» признается, что онъ смотритъ на него больше какъ на гражданина, чѣмъ какъ на поэта.

— Ну, батюшка, вмѣшивается въ разговоръ читатель съ собственнымъ мнѣніемъ:—много надо написать фёльетоновъ, чтобъ въ этомъ признаться.

— Да что этотъ, тамбовскій Гейне, кривъ, что ли, что видитъ только въ одну сторону? Развѣ одно другому мѣшаетъ? Развѣ поэтъ не можетъ быть гражданиномъ, а гражданинъ поэтомъ?

— Должно-быть, нѣтъ, когда Гейне признается собственное признаніе превыше всякихъ доказательствъ.

— Да какъ же это, Надрыгасовъ?

— Фу, батюшка! да что вы ко мнѣ пристали! Я почемъ знаю? спрашивайте Гейне изъ Тамбова: онъ первый въ этомъ признался.

— Да, странно, братецъ...

— Такъ мало ли, что странно—ужь таково, видно, свойство «вѣчныхъ» истинъ! И въ-самомъ-дѣлѣ, что этотъ Шевченко поетъ все о Малороссіи да о Малороссіи, словно земля клиномъ сошлась. Развѣ нѣтъ Китая? развѣ нѣтъ туманной дали? развѣ нѣтъ, напримѣръ, грековъ, римлянъ, развалинъ Пальмиры, венеціянскихъ гондолъ, масокъ съ кинжалами? Развѣ не могъ, наконецъ, онъ пѣть, ну хоть

Пѣсни еврейскія,
Поеврейски не зная ни слова.

Эка важность! Настоящій поэтъ этимъ не стѣсняется. Иной шлёпаетъ по грязи на одесской Молдаванкѣ, а пишетъ, что попираетъ прахъ священной Эллады; приторгуетъ у старой растрёпанной жидовки бублики, да тутъ же вдохнòвится и напишетъ, что видѣлъ тамъ вакханку съ тимпаномъ, или Амфитриту, выходящую изъ волнъ! Вотъ это поэты, настоящіе служители искусства для искусства. На что̀ имъ отечество? Они

... рождены для наслажденья,
Для сладкихъ пѣсенъ и молитвъ.

До остальнаго имъ хоть трава не рости, имъ горюшки мало! Они сидятъ-себѣ да посвистываютъ:

Унеси мое горе въ звенящую даль,
Гдѣ, какъ мѣсяцъ, за рощей печаль!

Или, этакъ, Байрона хватятъ своими словами. Главное, знаете, чтобъ была общечеловѣчность, а не эти маленькіе мѣстные интересы. Словомъ сказать, общечеловѣчность — вотъ тебѣ все тутъ!

— Да помилуйте, Касьянъ Васильичъ, возражаетъ читатель: — развѣ каждое художественное произведеніе уже по своей художественности не есть общечеловѣческое достояніе? Дико отказывать писателю въ поэтическомъ талантѣ потому, что онъ въ своихъ произведеніяхъ не исповѣдывалъ нѣмецко-цыганско-палестинскій догматъ ubi bene, ibi patria, что муза его не отличалась космополитическимъ индефферентизмомъ, что лира его служила отголоскомъ чувствъ и стремленій своего народа, а не органомъ принципа какого-то искусства для искусства.

— Ничего не знаю, отвѣчаетъ Надрыгасовъ:—какъ у васъ по временному, а по «вѣчному» у насъ выходитъ такъ.

— Ну, оставимъ же рѣшить это времени, которое лучше насъ разберетъ съ основою всю суть этого дѣла и скажетъ о немъ свое слово, несмотря на то, что безплодно спорить съ в(В)ѣкомъ, сказалъ Пушкинъ, словно предчувствовалъ.

— Ну, и прекрасно. А то этотъ читатель совсѣмъ загонялъ меня. Я говорилъ тебѣ, что бѣда будетъ, какъ у нихъ разведутся свои мнѣнія... Куда жь мы теперь отправимся?

— Ты, я не знаю куда, а я пойду въ театръ.

— Ну, и я съ тобой.

— Но куда же прежде? Интереснаго, говорятъ, много: бенефисъ Стела-Колласъ, новый балетъ и новая комедія, да еще оригинальная, не считая бенефисъ Самойлова.

— Отечество прежде всего; идемъ въ Александринскій и подавай намъ оригинальнаго!

Это оригинальное была комедія г. Н. Потѣхина «Быль молодцу не укоръ», данная въ бенефисъ любимицы нашей публики, г-жи Снѣтковой 3-й; того самаго г. Н. Потѣхина, который недавно угостилъ насъ также оригинальной комедіей «Дока на доку нашелъ». Какъ видите, г. Н. Потѣхину немного нужно времени, чтобъ создать четырехактную оригинальную комедію; но, вглядѣвшись ближе, вы увидите, что это вовсе не такъ хитро,

какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Дѣло въ томъ, что вся комедія оригинальною названа въ шутку, дѣйствительно же оригинальнаго въ ней только четвертое дѣйствіе, которое придано къ комедіи не въ счетъ абонемента, потому-что конецъ третьяго акта совершенно удовлетворительно заканчиваетъ пьесу. А еслибъ и изъ этихъ трехъ актовъ выкинуть всѣ, неидущіе къ дѣлу, и тѣмъ не менѣе очень-длинные монологи, она легко могла бы умѣститься въ двухъ актахъ и еще, пожалуй, отъ этого выиграла бы, хоть все-таки не сдѣлалась бы отъ этого дѣйствительно-оригинальною, а осталась бы тѣмъ, чѣмъ она есть, то-есть передѣлкой на русскіе нравы «Кошки и мышки», которую мы видѣли въ бенефисъ г. Максимова, съ подбавкой немножко изъ «Коварства и Любви», немножко изъ «Скользкаго пути«, немножко изъ «Станціоннаго смотрителя» и другихъ пьесъ, имѣющихъ героями соблазнителя и его жертву, въ чемъ, узнавъ содержаніе пьесы, вы легко согласитесь.

Не излагая содержанія комедіи г. Н. Потѣхина, сообщу вамъ теперь мнѣніе о ней знакомаго старичка-театрала.

«Новаго въ этой комедіи (сказалъ онъ) конечно, ничего нѣтъ; но дѣло главное не въ томъ. Сорокъ лѣтъ посѣщая театръ, я вамъ скажу, что мнѣ немного случалось видѣть совершенно-новаго; это дѣло высшаго творчества, которое дается немногимъ. Типовъ на свѣтѣ немного; но видоизмѣненія типовъ до безконечности многообразны. Довольно, если авторъ съумѣетъ обособить старое, дать извѣстному типу своеобразіе; а вотъ этого-то и нѣтъ въ новой нашей комедіи. Портитъ ее также изобиліе общихъ мѣстъ и длинныхъ монологовъ; длинные монологи — смерть на сценѣ, повѣрьте моей опытности, по всему видно, что авторъ человѣкъ молодой и писалъ на-скоро. Но все-таки я вамъ скажу, пьеса не лишена достоинствъ; главное въ ней — видна наблюдательность, умѣнье подмѣтить, схватить иную черту съ поразительной вѣрностью. Комедія, какъ я уже вамъ сказалъ, глубоко-посредственна; тѣмъ не менѣе, я вамъ скажу, тутъ есть личность совсѣмъ живая, совсѣмъ хорошая личность, хотя въ пьесѣ она, такъ себѣ, посторонняя. Это мужъ магазинщицы, этотъ честный пьянчужка-нѣмецъ, этотъ Гюбштейнъ, придавленный своей неукротимой Лукерьей Дементьевной и вспоминающій свою первую жену Амалію. Вы не шутите съ этимъ господиномъ, его слова Силину, когда тотъ отступается отъ изгоняемой изъ дома Груни, его фраза: «Ви... ви потдлецъ», обѣщаетъ, что г. Н. Потѣхинъ напишетъ когда-нибудь, что-нибудь очень-хорошее, если только не станетъ спѣшить писать пьесъ, какъ-будто скачетъ на курьерскихъ.

«Но подивитесь, батюшка (продолжалъ старичокъ-театралъ), подивитесь искусству нашихъ артистовъ: посмотрите, какъ разъиграна пьеса! Если она имѣла какой-нибудь успѣхъ, то, конечно, отъ начала до конца обязана этимъ ихъ искусству. Только одной г-жѣ Линской (въ роли Лукерьи Дементьевны) можно сказать: «Эхъ, кабы чуть-чуть полегче!» Остальные всѣ были хороши, начиная съ нашей красавицы-бенефиціантки, которая особенно понравилась мнѣ въ началѣ третьяго акта, когда она получаетъ письмо Барскаго и билетъ, и гдѣ отчаяніе и плачъ ея полны такой глубокой правды, такъ живы, такъ естественны, что не оставляютъ желать ничего лучшаго, и до маленькой г-жи Баулиной, воспитанницы театральнаго училища, мастерски съигравшей свою маленькую роль магазинной дѣвочки, бѣгающей за утюгами и по всѣмъ посылкамъ другихъ швей, осужденной переносить и грубое обращеніе хозяйки, и щипки, и насмѣшки всѣхъ членовъ магазина. Эта молоденькая дѣвочка обѣщаетъ и — помяните мое слово — будетъ хорошею актрисою; у нея и теперь есть уже два главные задатка успѣха: тактъ и чувство. О г. Самойловѣ и говорить нечего. Г. Зубровъ былъ живая натура; тутъ, что называется, ни прибавить, ни убавить; все въ обрѣзъ, какъ слѣдуетъ. Гг. Нильскій въ роли Барскаго, и Малышевъ въ роли Силина, сдѣлали все, что можно.

Г. Самойловъ подобралъ для бенефиса своего такую диковину, хуже которой на сценѣ нескоро удастся увидѣть что-нибудь. Диковина эта носитъ двойную кличку «Жоржъ Делагардъ» или «Двойникъ», большая драма въ пяти дѣйствіяхъ, въ шести картинахъ, переведенная съ французскаго г. Ушаковымъ. Глядя на эту чепуху, гдѣ люди разбойничаютъ, поджигаютъ, рѣжутся, танцуютъ, умираютъ и оживаютъ безъ всякаго видимаго повода, гдѣ едва одного убьютъ, и думаешь, ну, теперь все однимъ меньше; не тутъ-то было, смотришь, является онъ снова, гдѣ, наконецъ, все рвется, силится, лѣзетъ произвести эффектъ и производитъ невыразимую скуку; глядя, говорю я, на эту сумятицу, я задалъ себѣ вопросъ, который не давалъ мнѣ покоя до самаго конца спектакля: хотѣлъ ли г. Самойловъ отплатить публикѣ за что-нибудь, за какую-нибудь сдѣланную ею противъ него провинность, хотѣлъ ли онъ насолить ей, какъ говорятъ, или просто на него на самого нашелъ какой-то туманъ, потому-что, внѣ этихъ двухъ причинъ нѣтъ физической возможности понять, какимъ образомъ такой опытный артистъ и такой умный человѣкъ, какъ г. Самойловъ, могъ выбрать для бенефиса такое мелодрамическое чудище, годное развѣ только для парижскихъ бульварныхъ театровъ. Несмотря на всѣ усилія бенефиціанта, взявшаго въ этой пьесѣ двѣ-

роли, графа и цыгана, изъ которыхъ не выкроишь и одной порядочной, несмотря на весьма-удовлетворительную игру г. Васильева, пьеса бухнула—туда ей и дорога, да и намъ пора перестать говорить о ней.

Изъ русскаго театра ближе всего перейдти въ русской оперѣ. О ней я еще ни разу не говорилъ съ вами, мой почтенный читатель. Не знаю, у всякаго ли человѣка ухо чувствительно къ его народнымъ, роднымъ мотивамъ, или это особенность моей натуры, но только русскую музыку, русскіе мотивы я люблю больше всякой другой музыки. Не только въ оперѣ, но даже на органѣ у Палкина, даже заслышавъ ее на шарманкѣ, наконецъ, я всегда слушаю съ удовольствіемъ, и при всемъ томъ рѣдко бываю въ русской оперѣ, гдѣ довольно-часто могъ бы наслаждаться музыкою Глинки. И, странное дѣло! никто не угадаетъ, никому въ голову не придетъ причина, отчего я рѣдко бываю въ русской оперѣ; и вы, конечно, мнѣ не повѣрите, подумаете, что я шучу, если я скажу вамъ, что мнѣ мѣшаетъ ходить туда носъ. А между-тѣмъ, дѣйствительно, есть тамъ такой злополучный носъ, который производитъ на меня нѣчто въ родѣ нервнаго раздраженія, ощущеніе въ родѣ того, которое вы чувствуете, когда кто-нибудь при васъ производитъ визгъ по желѣзу или скрежещетъ зубами. Этотъ носъ совершенно въ родѣ того, какой былъ у невѣсты Надрыгасова, то-есть носъ видимо не свой собственный, какъ-будто лицо это родилось безъ носа и потомъ пріобрѣло его по случаю, безъ всякаго соображенія съ масштабомъ, а такъ первый, какой попался. Пока я не вижу этого носа, все идетъ хорошо; какъ другіе, я сижу и слушаю музыку и пѣніе, и упиваюсь гармоніей; но какъ-только онъ появился — прощай наслажденіе! Такъ и начинаетъ мутить меня, такъ и подергиваетъ встать, подойдти къ рампѣ и спросить: «милостивый государь! позвольте спросить, гдѣ вы изволили купить носъ свой и во что онъ вамъ обошелся?» Пробовалъ, знаете, отворачиваться — нѣтъ, невозможно, такъ и тянетъ взглянуть опять: тутъ ли носъ. И не думайте, чтобъ это былъ какой-нибудь безобразный носъ, горбатый, крючкомъ или картофелиной, какіе мнѣ случалось видѣть подъ небомъ Грузіи печальной, у храбрыхъ сыновъ ея—нѣтъ, ничего не бывало, носъ-себѣ какъ носъ, ординарной величины и чисто-славянской формы, только неподходящій — вотъ въ этомъ вся бѣда его—въ полной дисгармоніи съ остальными чертами лица; такъ-что иногда въ то время, какъ ротъ, нѣжно съежившись въ трубочку, поетъ какую-нибудь чувствительную арію, изъ узенькихъ глазокъ выглядываетъ приторно-паточное выраженіе и на всемъ лицѣ царствуетъ невыразимая сладость лакрицы; одинъ носъ этотъ стоитъ себѣ посреди этого благоденствія,

точно подгулявшій чиновникъ въ благородномъ собраніи, затесавшійся, самъ не знаетъ зачѣмъ, въ средину чинно-танцующаго контрданса, и кажется, вотъ сейчасъ гаркнетъ: «знать ничего не хочу, валяй Ваньку-Таньку!»

Но довольно о посѣ; поговоримъ же о самой оперѣ. Что жь, однако, сказать о ней? Одинъ театральный рецензентъ, недавно говоря о ней, выразился: «Если не всѣ артисты въ-отношеніи голоса удовлетворяютъ строгимъ требованіямъ взыскательной части публики, избалованной *дорогими* гостями нашими, итальянцами, за-то нельзя упрекнуть нашихъ исполнителей въ недостаткѣ старанія, въ равнодушіи, въ апатіи къ своему дѣлу. «Таланты — отъ Бога, искусство — отъ рукъ человѣка», заключилъ онъ словами пѣвца «Рыбаковъ». Переводя эту фразу на простой языкъ, выйдетъ: «Охота смертная, да участь горькая». Впрочемъ, дѣйствительно, публика, неимѣющая возможности, а иногда даже и имѣющая, съ удовольствіемъ посѣщаетъ русскую оперу. Но если наши оперные артисты уступаютъ итальянцамъ въ талантѣ, то за-то далеко обогнали ихъ въ дѣятельности: дѣятельности у нихъ не обережься. Между-тѣмъ, какъ итальянцы пробавляются своими старыми операми и рѣдко-рѣдко побалуютъ своихъ абонентовъ какою-нибудь музыкальною новинкою, наши неутомимые пѣвцы въ-теченіе трехъ съ небольшимъ мѣсяцевъ, со времени открытія Маріинскаго театра поставили три новыя оперы: «Отелло», «Кроатку» и «Лукрецію» и пять старыхъ: «Жизнь за царя», «Русланъ и Людмила», «Робертъ», «Аскольдова могила» и «Карлъ-Смѣлый». Я говорю поставили потому, что во время пожара прежняго цирка вся матеріальная часть этихъ оперъ, не только всѣ сценическія принадлежности, но даже ноты, сгорѣли; уцѣлѣли только голоса пѣвцовъ и пѣвицъ; слѣдовательно, пришлось всѣ эти оперы ставить совершенно заново. Въ числѣ названныхъ мною оперъ есть одна нашего отечественнаго произведенія, еще недавно увидѣвшая свѣтъ театральныхъ лампъ за рампой Маріинскаго театра, это — «Кроатка», сочиненіе г. Дютша, данная первый разъ въ бенефисъ г-жи Леоновой. При сооруженіи этой оперы, случилось... какъ бы вамъ это сказать?... недоразумѣніе. Либретто составлено изъ какого-то удивительнаго набора словъ безъ склада, а г. Дютшу сказали, что тутъ есть смыслъ; добродушный композиторъ, какъ видно, повѣрилъ этому и принялъ либретто; теперь пѣвцы наши и распѣваютъ эту, по моему мнѣнію, околесную. Относительно музыкальной части оперы, знатоки мнѣ сказали, что тамъ есть нѣчто и что-то; какъ только они разскажутъ мнѣ, что это нѣчто и что то, я тотчасъ сообщу вамъ; вы знаете, что я вообще не люблю секретничать.

Но, вотъ, намъ приходится опять сдѣлать шагъ отъ великаго къ смѣшному.

Вѣдь прочно же, должно-быть, установилось за границей повѣрье, что въ Россіи «куры денегъ не клюютъ», и что стоитъ къ намъ пріѣхать ихъ милостямъ, разныхъ сортовъ иностранцамъ, а особенно иностранкамъ—будь это директоръ какой-нибудь желѣзной дороги, или первая канканьерка Французской Имперіи—мы, сѣверные варвары, пораженные такимъ великодушіемъ и даже нѣкотораго рода самопожертвованіемъ, примемъ ихъ съ распростертыми объятіями и тутъ же отвалимъ гору золота. Чудаки, право, никакъ не могутъ догадаться, что время переходчиво, что о золотѣ сохранилось у многихъ одно смутное преданіе; да и сами-то мы, посбивъ съ себя немного барской спѣси, стали поразборчивѣе; но они не догадываются, не хотятъ понять всего этого, а еще нѣмцы! и ѣдутъ, ѣдутъ къ намъ, развязавъ карманы, и тѣмъ доставляютъ намъ отъ времени до времени удовольствіе видѣть въ лицахъ басню опять-таки дѣдушки Крылова: «Муравей».

Вотъ двухъ такихъ-то муравьевъ имѣли мы удовольствіе видѣть недавно. На сценѣ Парижской Комической Оперы процвѣтаетъ г-жа Кабель, примадонна этой оперной труппы. Г-жа Кабель—идеалъ французской пѣвицы и любимое, балованное дитя французской публики и журналовъ. Дѣйствительно, она имѣетъ все, что нужно, чтобъ очаровывать до восторга публику, слухъ которой не получилъ классическаго музыкальнаго воспитанія: молодость (ей теперь не болѣе 27 лѣтъ), весьма-пріятную наружность, привлекательную манеру движеній и мимики и, наконецъ, голосъ не изъ самыхъ большихъ, но звонкій, хотя и неотличающійся особенной пріятностью тембра, и превосходно-обработанный, которымъ она управляетъ съ мастерскимъ совершенствомъ. Обработка эта чисто-французская, вся основанная на внѣшнихъ эффектахъ; это великолѣпный каскадъ звуковъ, трелей, руладъ, гдѣ пропасть блеска, шума и трескотни, но очень-мало внутренняго содержанія, глубины чувства, выразительности и, наконецъ, мелодіи, къ которой пріучили насъ итальянскія примадонны. Богатство вокализаціи, которымъ г-жа Кабель—какъ выразился одинъ изъ бывшихъ въ концертѣ знатоковъ—можетъ поспорить съ самою лучшею ученою канарейкою, составляетъ главную силу ея пѣнія, которое, при французской манерѣ, дѣлающей изъ пѣнія что-то среднее между пѣніемъ и говоромъ, манерѣ, лишенной полноты звуковъ — потому-что она позволяетъ артисту употреблять въ дѣло только половину средствъ своихъ, пѣть половиной голоса—для насъ пѣніе г-жи Кабель кажется

чѣмъ-то въ родѣ щебетанья, нелишеннаго нѣкоторой пріятности, тѣмъ не менѣе все-таки щебетанья.

Въ Парижѣ эта птичка-щебетунья особенно прославилась исполненіемъ партіи Диноры въ «Плоэрмельскомъ праздникѣ», Мейербера. Всегда благосклонные къ этой пѣвицѣ, французскіе журналы, съ обыкновеннымъ искусствомъ и неумѣренностью въ похвалахъ, протрубили на всѣ четыре вѣтра о неописанномъ совершенствѣ, съ которымъ исполняетъ г-жа Кабель роль Диноры, и что тотъ только въ правѣ сказать, что дѣйствительно видѣлъ оперу Мейербера, кто видѣлъ въ роли Диноры г-жу Кабель. Протрубили это французскіе журналы до того, что сосѣдъ ихъ, извѣстный охотникъ до всякаго рода диковинъ и рѣдкостей, почтенный Джонъ Буль, счелъ своей обязанностью пригласить знаменитую артистку парижской комической оперы для исполненія партіи Диноры въ Лондонъ. Высадясь въ Дуврѣ, г-жа Кабель была въ первую минуту сильно поражена грозно-воинственнымъ видомъ стараго Джона Буля. Все народонаселеніе трехъ соединенныхъ королевствъ въ костюмѣ волонтёровъ, обвѣшанное съ головы до ногъ оружіемъ, въ которомъ не доставало только армстронговыхъ пушекъ, по неудобству помѣстить ихъ за поясомъ вмѣстѣ съ револьверами, разставивъ ноги, надвинувъ на брови шляпы и грозно выглядывая изъ неизмѣримыхъ, туго-накрахмаленныхъ воротничковъ, стояло на берегу, показывая сосѣду черезъ проливъ кулаки въ знакъ особеннаго сердечнаго согласія. Находчивая француженка скоро, однакожъ, оправилась.

— Pardon, messieurs, s'il vous plait, сказала она съ милой улыбкой, обращаясь къ воинственной націи.

— Pa-chez, madame, отвѣчала нація, вѣжливо уступая ей дорогу.

— Чортъ меня возьми! что мы за любезный народъ, прорычалъ, глядя на это, пробѣгавшій мимо бульдогъ: — клянусь честью, только одна Англія можетъ производить такихъ кавалеровъ.

Между-тѣмъ, г-жа Кабель прыгнула въ вагонъ и отправилась въ Лондонъ.

На другой день она пѣла въ «Плоэрмельскомъ праздникѣ».

— Goddam comme ch'est beau, сказалъ старый Джонъ Буль, вытягивая шею, чтобъ выглянуть изъ воротничковъ. — Ch'est tout-a-fait comme une feu d'artifiche, прибавилъ онъ, разжимая кулаки для неистовыхъ аплодисментовъ.

Успѣхъ г-жи Кабель въ Лондонѣ былъ блестящій.

Пока о знаменитой пѣвицѣ кричали одни французскіе журналы, степенные бельгійцы, хорошо-знающіе своихъ сосѣдей, мало обращали

вниманія; но когда и англичане похвалили ее за исполненіе партіи Диноры, и ихъ начала разбирать охота послушать г-жу Кабель, и они пригласили ее въ Брюссель. Успѣхъ сопровождалъ французскую артистку и на брюссельской сценѣ.

Одержавъ эти двѣ побѣды, г-жа Кабель задала себѣ вопросъ:

«У кого еще въ Европѣ есть деньги? Въ Австріи — хоть шаромъ покати; турецкіе финансы, вмѣстѣ съ г. Мирссомъ, подъ арестомъ; Пруссія... у пруссаковъ есть деньги, да они скупы... У кого же есть деньги и нѣтъ скупости?» повторила сама себѣ г-жа Кабель.

— У русскихъ! подсказало ей старинное французское преданіе тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ.

— У насъ все ни почемъ, прихвастнулъ промотавшійся туристъ изъ Саратова, котораго имѣніе въ это время брали за долги въ опеку.

«Ѣду въ Россію!» сказала себѣ г-жа Кабель и отправилась.

Концертъ былъ утромъ 12-го февраля въ Маріинскомъ Театрѣ. Это былъ концертъ съ загадкой. Въ афишѣ было сказано, что это первый и послѣдній концертъ г-жи Кабель, примадонны Парижской Комической Оперы. Пріѣхать изъ Парижа въ Петербургъ для того, чтобъ дать одинъ только концертъ — тутъ, воля ваша, или совершенно-титовское великодушіе, за которое молодой артисткѣ по-справедливости слѣдуетъ выдать монтіонову премію, или... или... но ужь, право, я не знаю, что̀ поставить послѣ этого втораго вопроса? или, кромѣ развѣ обманутаго ожиданія, получить ангажементъ въ нашу итальянскую оперу исключительно для партіи Диноры, какъ разсказываютъ нѣкоторые нескромные люди.

Какъ бы то ни было, концертъ г-жи Кабель въ Маріинскомъ Театрѣ не былъ лишенъ, однакожь, нѣкотораго успѣха. Несмотря на замѣтную неполноту театра, публика приняла пѣвицу очень-радушно, много ей аплодировала и просила повторить нѣкоторые нумера программы. При этомъ я немогу, однакожь, не сообщить вамъ замѣчанія одного опытнаго театральнаго лѣтописца: въ концертѣ г-жи Кабель присутствовала вся «петербургская французская колонія и всѣ желѣзныя дороги»; къ этому замѣчанію я могу только прибавить

А какъ не порадѣть родному человѣчку?...

Въ настоящее время, кромѣ г-жи Кабель, есть у насъ и другая гостья, также пріѣхавшая къ намъ, съ непремѣннымъ намѣре-

ніемъ восхитить насъ, во что̀ бы ни стало. Гостью, о которой я говорю теперь, по ея величавой осанкѣ и почтеннымъ лѣтамъ, конечно, никакъ ужь нельзя назвать птичкой; хотя она и пріѣхала къ намъ съ цѣлью порхать. Называется она, эта гостья, г-жа Пепита-де-Олива, давно уже извѣстная въ Европѣ танцовщица испанскихъ національныхъ танцевъ. Собственно же въ Испаніи, по поводу этихъ танцевъ, происходило постоянное недоразумѣніе. Испанцы не сомнѣвались, что г-жа Пепита танцуетъ дѣйствительно испанскіе національные танцы; но только дѣло въ томъ, что въ Кастиліи думали, что это андалузскіе танцы, а въ Андалузіи, что это арагонскіе; арагонцы, въ свою очередь, полагали, что такъ танцуютъ баски, а баски спорили, что цѣлому свѣту извѣстно, такъ танцуютъ въ Эстремадурѣ. Вслѣдствіе этихъ споровъ, много обмѣнено было между горячими испанцами взаимныхъ ударовъ ножомъ, такъ-что не разъ, конечно, въ споры эти принуждены были вмѣшиваться альгвазилы и дѣло доходило до алькада.

Конечно, все это было прежде, давно, лѣтъ пятнадцать-двадцать назадъ; но тѣмъ не менѣе вопросъ остался нерѣшеннымъ и до сего времени; и все это оттого, что ни валенсійцу, ни бискайцу и ни даже самому, гордому своимъ кастильскимъ происхожденіемъ, алькаду, не случалось такъ, какъ мнѣ, столкнуться съ знатокомъ дѣла, археологомъ и этнографомъ по части хореграфическаго искусства; еслибъ имъ удалось его встрѣтить, они бы узнали, что г-жа Пепита-де-Олива и обучалась-то своимъ національнымъ испанскимъ танцамъ не въ Испаніи, а во Франціи, и что учительницей ея была извѣстная когда-то танцовщица madame Gui-Stephan. Что танцы г-жи де-Олива имѣютъ такое отношеніе къ испанскимъ настоящимъ танцамъ, какое канканъ имѣетъ къ контрадансу; но что это, однакожь, не мѣшаетъ имъ оставаться національными испанскими танцами, только французированными. Такъ спеціальное призваніе французскаго народа состоитъ собственно въ обязанности цивилизовать другіе народы и этой своей цивилизаціей смягчать и усовершенствовать ихъ нравы, обычаи и, въ томъ числѣ, танцы. Въ отношеніи г-жи Пепиты это смягченіе состоитъ, между-прочимъ, въ распущенныхъ волосахъ, чего вы не увидите ни у одной испанской женщины, какой бы онѣ ни были провинціи.

Чувствуя приближеніе той поры, когда человѣкъ требуетъ уже отдыха за перенесенные имъ труды, г-жа Пепита-де-Олива слышала, что тамъ гдѣ-то далеко на Востокѣ, гдѣ нѣтъ ни голубаго неба, ни цвѣтовъ, ни солнца, гдѣ, вмѣсто апельсиновъ, произрастаютъ еловыя

шишки, живутъ два народа, русскіе и медвѣди, которые не наслаждались еще зрѣлищемъ ея танцевъ.

«Что съ ними будетъ?» думала г-жа Пепита, «если я успокоюсь, не доставивъ имъ этого наслажденія? Правда, что у нихъ холодно; но, съ другой стороны, танцы мои доставятъ этимъ бѣднякамъ хоть разъ въ жизни случай испытать удовольствіе немного согрѣться, оттаять (г-жа Пепита помнила, что когда-то отъ танцевъ ея многимъ становилось жарко, и ей казалось, что это когда-то еще не кончилось), это будетъ доброе дѣло; а добрыя дѣла, особенно въ извѣстную пору жизни, пріобрѣтаютъ для насъ особенное значеніе».

Это размышленіе рѣшило поѣздку танцовщицы испанскихъ танцевъ въ Россію.

Но—увы! холодъ эстетическаго чувства до того проникъ въ наши кости, что ни Madrilena, ни El-Ole (такъ называются танцы г-жи Пепиты), не могли уже согрѣть насъ. И охота же была Фанни Эслеръ, Богдановой, Черито, Розатти своими изящными, увлекательно-граціозными танцами заковать насъ въ цѣпи вкуса, въ броню чувства изящнаго, надъ которыми неистово-угловатые прыжки францизированныхъ испанскихъ танцевъ не произвели на насъ никакого впечатлѣнія! Нѣтъ, виноватъ, по справедливости нельзя сказать, чтобъ они не произвели уже положительно никакого впечатлѣнія: они произвели сперва удивленіе, вырвавшееся у многихъ вопросомъ: «Такъ это-то знаменитая Пепита-де-Олива?...!» и потомъ... потомъ смѣхомъ.

Однакожь, посреди всеобщаго удивленія слышались тамъ и сямъ аплодисменты и довольно-пылкіе крики одобренія. Юноши ранніе, очень-ранніе юноши, у которыхъ зрѣніе слабо, а биноклей съ собой не случилось, не могли разглядѣть многаго; они видѣли только горячія движенія, жгучія позы и воображеніе дополнило остальное. Имъ видѣлись голубые воды Гвадалквивира и берегъ, осѣненный апельсинными и лимонными деревьями, и бюрюзовое небо Андалузіи, и мало ли что еще мерещилось этимъ пылкимъ юношамъ! и посреди всего этого испанка, юная, какъ Ева, въ первый день своего созданія, прелестная, какъ природа ея родины. И эта испанка на этомъ бархатномъ берегу Гвадалквивира, подъ этимъ роскошнымъ небомъ танцовала для нихъ, притомъ для каждаго въ особенности, свои страстные танцы. Мудрено ли, что они увлеклись, эти милые юноши, позабывшіе дома свои бинокли? Но вмѣстѣ съ ними аплодировали г-жѣ Пепитѣ еще другіе, аплодировали

и трепетали, аплодировали и ныли, и разлагались въ сладостномъ самозабвеніи. Эти другіе поклонники пріѣзжей танцовщицы были — вы уже знаете кто — это были наши знойные старички. Со страхомъ глядѣлъ я на нѣкоторыхъ изъ нихъ; вотъ кажется въ чемъ душа держится, вотъ дотронься до него пальцемъ—и разсыплется, а хлопаетъ, хлопаетъ до одышки и даже кричитъ отчаянно-дребезжащимъ голосомъ: «браво! браво!» У иного, руки трясутся, не слушаются его, никакъ не можетъ попасть имъ одной на другую, а тоже силится, хочетъ аплодировать. Послѣ Madrilena я не спускалъ глазъ съ дяди Ѳедорыча: скорчась въ три погибели, почтенный наставникъ-наблюдатель мой частилъ своими дряхлыми руками и семенилъ ногами, двигаясь и припрыгивая на своемъ креслѣ, какъ-будто его била лихорадка. Не стой кресла такъ близко рядъ отъ ряду, Ѳедорычъ непремѣнно кончилъ бы тѣмъ, что сползъ бы на полъ; но я увѣренъ, что онъ не успокоился бы на полу и продолжалъ бы аплодировать.

Послѣднею театральною новостью кончавшагося сезона былъ балетъ «Метеора», данный въ Маріинскомъ Театрѣ, въ бенефисъ постоянной любимицы публики, даровитой артистки г-жи Богдановой. Балетъ этотъ, какъ и «Севильская жемчужина», принадлежитъ талантливому балетмейстеру нашего балета г. Сен-Леону; и хотя дилетанты говорятъ, что въ оперѣ и въ балетѣ нѣтъ никакой надобности въ содержаніи, что понимать тутъ дѣло совершенно лишнее, достаточно слушать и смотрѣть; тѣмъ не менѣе я полагаю, что смыслъ, особенно-здравый, нигдѣ не мѣшаетъ; въ противномъ случаѣ, какъ я уже сказалъ, не было бы надобности изъ оперъ и балетовъ составлять нѣчто цѣлое, а давать ихъ отдѣльными партіями или танцами.

Содержаніе послѣдняго балета г. Сен-Леона взято изъ очень-поэтическаго народнаго шотландскаго преданія о «Долинѣ звѣздъ».

Чтобъ заключить наши путешествія по театрамъ, сообщу вамъ еще о бывшемъ 19 февраля, въ Михайловскомъ театрѣ, бенефисѣ г-жи Стелла-Коласъ; эта молодая артистка въ короткое время сдѣлалась любимицей избалованной петербургской публики; это нелегко и, что главное, совершенно справедливо. Г-жа Коласъ очень-хороша; во многихъ актрисахъ это главное ихъ достоинство и главная причина успѣха; но г-жа Стела, вмѣстѣ съ тѣмъ, прекрасная дргматическая актриса и, несмотря на свою молодость, смотритъ на искусство весьма-серьёзно и старательно разработываетъ свои богатыя артистичесвія способности. Въ игрѣ ея много чувства, сознанія и истиннаго драматизма. Я бы хотѣлъ только, что бы она оставила стремленія свои къ подражанію

Рашели и пристрастіе къ классической трагедіи; для этого у нея недостаетъ физическихъ средствъ, да притомъ же эта натянутая классическая трагедія право отжила свое время и съ ней, безъ грѣха и ущерба для чьего бы то ни было наслажденія, можно уже покончить. Я бы желалъ этого, тѣмъ-сильнѣе, что, вмѣсто слабой подражательницы Рашели, г-жа Коласъ, слѣдуя своему призванію, при ея даровитости, можетъ сдѣлаться замѣчательною, первоклассною драматическою актрисою. Бенефисъ ея можетъ служить подтвержденіемъ словъ этихъ. Она декламировала отрывокъ изъ «Лукреціи», извѣстной трагедіи Понсаро, и вышло слабо, между-тѣмъ, какъ незначительную роль свою въ комедіи «Сарду», она исполнила превосходно.

— Грустная новость въ драматическомъ мірѣ, хотя и некасающаяся насъ прямо, это — смерть Скриба. Образователь новой школы драматической литературы и плодовитѣйшій изъ всѣхъ писателей, когда и гдѣ-либо подвизавшихся на этомъ поприщѣ, умеръ 26-го февраля, умеръ въ своей коляскѣ, отправясь изъ дома съ визитомъ къ г. Маке. Въ-теченіе жизни своей Скрибъ написалъ четыреста разнаго рода пьесъ, въ которыхъ около тысячи актовъ.

Но въ мірѣ, вы знаете, идетъ постоянный круговоротъ потерь и пріобрѣтеній. Сегодня одни теряютъ, пріобрѣтаютъ другіе; завтра, наоборотъ. Французская драматическая литература потеряла Скриба, а русская опера пріобрѣла г-жу Лаврову-Спекки и г. Нильскаго. Что жь тутъ общаго? спросите вы. Ничего. Я и не говорю ничего объ общности, я хочу только сказать, что новая пѣвица дебютировала на Маріинскомъ Театрѣ съ полнымъ успѣхомъ, въ «Лукреціи Боржіа», и мнѣ пріятно заявить вамъ объ этомъ, потому-что опера наша очень и очень нуждается въ хорошихъ пѣвцахъ и пѣвицахъ. Г-жа Лаврова-Спекки... зачѣмъ же Спекки? Судя по пристрастію нѣкоторыхъ русскихъ оперныхъ артистовъ принимать итальянскія фамиліи, можно подумать, что это придаетъ голоса. Но какъ бы то ни было, я хотѣлъ только сказать, что г-жа Лаврова составляетъ важное пріобрѣтеніе для нашей русской оперы. Какъ мы слышали; она получила музыкальное образованіе свое въ Италіи; во всякомъ случаѣ, она обладаетъ звучнымъ и пріятнымъ сопрано, весьма-хорошо обработаннымъ; у нея прекрасная наружность и въ игрѣ замѣтно чувство и, повременамъ, увлеченіе; вообще видно, что она поетъ на сценѣ сознательно, а не какъ заученый урокъ.

Г. Нильскій также весьма-пріятное явленіе на нашей оперной сценѣ; теноръ его имѣетъ много симпатичнаго, и молодой артистъ,

участвуя въ нѣкоторыхъ концертахъ, успѣлъ уже обратить на себя вниманіе любителей пѣнія...

— Да полно тебѣ! перебиваетъ меня Надрыгасовъ: — пора ужь тебѣ выбраться изъ театра: смотри-ка, который часъ.

— Счастливые часовъ не наблюдаютъ.

— А несчастные ихъ закладываютъ, со вздохомъ возразилъ Надрыгасовъ, ощупывая пустой карманъ жилета.—Что̀, все театръ да театръ, продолжалъ онъ: — разскажи что-нибудь попитательнѣе. Вонъ, говорятъ, какой обѣдъ задали князю Вяземскому, въ юбилей его, 2-го марта: просто, всѣ пальчики оближешь.

— Обыкновенный юбилейный обѣдъ на сто-двадцать приборовъ, со множествомъ современниковъ и немногимъ потомствомъ, если не считать переходного поколѣнія, изъ котораго три четверти, по естественному порядку, принадлежатъ и вашимъ, и нашимъ. Гдѣ жь ты видѣлъ, чтобъ обѣдъ на сто человѣкъ и болѣе, на которомъ въ лицахъ присутствуетъ древняя, средняя и новая исторія — гдѣ же ты видѣлъ — неопытнѣйшій изъ гастрономовъ, чтобъ такіе обѣды были вкусны? Какой-то умный грекъ — ненынѣшній, воспитанный въ турецкой школѣ и торгующій грецкими губками и коринкой, а одинъ изъ тѣхъ старыхъ, древнихъ грековъ, которые умѣли говорить такія умныя вещи—сказалъ, что для вкуса и пріятности обѣда надобно, чтобъ число гостей не уступало числу грацій и не превышало числа музъ; а одинъ славянинъ—этотъ ужь не изъ старыхъ, а такъ, знаешь изъ вѣчныхъ — Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, обобщилъ это мудрое правило грека, сказавъ, что пиръ хорошъ только тотъ,

Гдѣ просторенъ кругъ гостей,
А бутылокъ тѣсенъ.

Представителями литературы на обѣдѣ князя Вяземскаго были: изъ древней исторіи Гречъ и кн. Одоевскій, изъ средней — графъ Соллогубъ, Погодинъ и Бенедиктовъ, а изъ новой — Гончаровъ, Майковъ, Писемскій, Полонскій и Щербина.

Много было сказано почтенному юбиляру, ветерану нашей литературы, рѣчей, и много прочтено стихотвореній. Стихотворенія принадлежали Ѳ. И. Тютчеву, В. Н. Бенедиктову и графу Соллогубу; хороши были стихотворенія двухъ первыхъ; но отличился болѣе всѣхъ послѣдній. Не пожаловалъ его сіятельство, графъ, современную русскую литературу, разбранилъ онъ ее, да еще съ пѣніемъ и музыкой, назвалъ ее *отуманеннымъ небомъ*, на которомъ князь Вяземскій *послѣд-*

няя звезда. Я думаю, самому князю стало совѣстно за такой комплиментъ. Любопытно было бы знать, дѣйствительно ли такъ графъ Соллогубъ думаетъ о русской современной литературѣ, или онъ такъ заговорился отъ любезности?

— Ну, а что жь ты не говоришь насчетъ съѣстнаго? Мы графа Соллогуба знаемъ: онъ хорошій графъ, и поетъ хорошо, да все это не питательно; разскажи про съѣстное.

— Съѣстное, сеньйоръ Надрыгасовъ, на такихъ обѣдахъ вкусно только тогда, когда оно приправлено общимъ взаимнымъ радушіемъ и сочувствіемъ пирующихъ.

М. Р—Ъ.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.

Объ ищущихъ коммерческихъ мѣстъ въ Россіи.

Послѣ помѣщенія въ 206 № «Политико-экономическаго Указателя» статьи объ ищущихъ коммерческой службы въ Россіи, гдѣ указывалось на горестное состояніе людей неторговаго класса, свернувшихъ, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ на торговую дорогу, писавшему эту статью довелось выслушать нѣсколько мнѣній, противоположныхъ выраженному имъ направленію. А такъ-какъ всѣ эти мнѣнія были высказаны ему людьми, практикующими русское торговое дѣло и подозрѣвающими въ себѣ спеціальныя познанія, недоступныя *борзописцамъ* и *щелкоперамъ*, то пишущій эти строки считалъ долгомъ посвятить *томъ* въ существо взглядовъ людей компетентныхъ по трактуемому вопросу. Онъ не намѣренъ утруждать вниманіе читателей перечнемъ всего того, что̀ говорили ему по поводу названной статьи рутинныя желчевики торговаго міра. Богъ съ ними! они глаголятъ не отъ міра сего. Онъ хочетъ выставить на судъ общественнаго мнѣнія только возраженія тѣхъ изъ своихъ оппонентовъ, которые душою сочувствуютъ прогрессивнымъ идеямъ вѣка и понимаютъ, что наступила рѣшительная потребность инаго порядка въ веденіи торговыхъ дѣлъ; но, тормозимые привычкою не обнимать вопросовъ широко и всесторонне, боятся каждаго шага, каждаго движенія въ сторону съ той тропы, идя которою дѣды ихъ, благодаря общественной бездѣятельности, при случаѣ наживали капиталы, а благодаря неумѣнью предусматривать другія случайности, теряли ихъ.

Правда, говорили люди этого сорта, по поводу статьи объ ищущихъ мѣстъ, правда, большинство русскаго купечества привыкло ве-

сти свои дѣла, по старой рутинѣ, чрезъ сметливыхъ Гришутокъ и Мишутокъ (не всегда сметливыхъ, напротивъ, очень-часто ничего несмекающихъ и невидящихъ дальше своего носа); правда, что оно, то-есть купечество, туго подается (вовсе еще не подается) *необходимости* (собств. слов. оппонентовъ) имѣть при дѣлѣ людей, получившихъ образованіе. Все это, продолжали они, происходитъ отъ привычки мѣрить всякое дѣло на свой аршинъ и обставляться людьми, близкими къ своимъ понятіямъ (добровольное сознаніе лучше свидѣтельства цѣлаго свѣта). Но служащіе ихъ дѣламъ люди, говорятъ оппоненты, при своей необразованности, до крайности неприхотливы, не имѣютъ привычекъ, усвоенныхъ людьми образованными (святая истина!); ѣдятъ щи да кашу (въ хозяйскомъ домѣ, а въ *трахтирныхъ заведеніяхъ* вкушаютъ «солянки», «бипштикъ» и прочіе насодательности); одѣваются въ дублёнку, встаютъ рано поутру (нерѣдко съ больной головой отъ вчерашней *питры*), не бреются (!), не чистятъ ногтей (!!), *не всегда моются* (!!), (совѣтуемъ взять привилегію на водобоязнь безъ укушенія бѣшеною собакою), *исполняютъ приказанія безъ разсужденій* (вотъ оно что!...), живутъ въ захолустьѣ и, помѣщаясь въ маленькой комнаткѣ, не мечтаютъ ни объ обществѣ, ни о развлеченіяхъ, не требуютъ ни экипажа, ни кучера, и за всю свою службу берутъ 200 — 300 р. с. въ годъ (часто въ десять разъ болѣе). *Какъ же послѣ этого*, говорятъ заторможенные прогрессисты, *не дать цѣны этимъ Гришуткамъ и Мишуткамъ?* Согласны мы, говорятъ они, что такіе служаки мало смыслятъ. Да кто намъ поручится, спрашиваютъ они, за способности къ дѣлу образованнаго человѣка, наемъ котораго обойдется гораздо-дороже? Не время же, въ-самомъ-дѣлѣ! Когда время русскому купцу всматриваться?

Изложивъ слышанныя нами возраженія, мы долгомъ считаемъ оговориться передъ читателями, что мы вѣрно передали имъ не только духъ и смыслъ этихъ возраженій, но не измѣнили и самой формулилировки ихъ, и затѣмъ обратимся къ разсмотрѣнію всего нами слышаннаго и доложеннаго публикѣ.

Прежде всего, слѣдуя обычаю праотцевъ, возблагодаримъ сердечно Бога за то, что въ средѣ нашихъ промышленныхъ сословій, ходящихъ во тьмѣ сѣни смертныя, есть уже люди, которые сознаются, что они рутинисты, что это нехорошо, что Гришутки съ Мишутками мало смыслятъ, и что призваніе къ торговому дѣлу образованныхъ людей было бы полезно. Слава Богу и за этотъ шагъ къ сознанію необходимости иного порядка въ торговомъ дѣлѣ!

Затѣмъ, порадовавшись, поскорбимъ. Поскорбимъ о томъ, что и эти личности, ставшія на сторону образованности и прогреса, никакъ не могутъ отвязаться отъ сословныхъ привычекъ и, сознавая зло, живущее въ существующемъ порядкѣ вещей, не хотятъ отрѣшиться отъ него изъ слѣпой боязни, что съ новымъ порядкомъ будетъ еще хуже. Ложныя чувства — ложныя страхи. На чемъ основаны опасенія этихъ людей? Существуютъ ли въ дѣйствительности выгодныя стороны, которыя они видятъ въ сотрудничествѣ своихъ не всегда-умывающихся и никогда не разсуждающихъ Гришутокъ и Мишутокъ?

Опасенія, очевидно, основаны, главнѣйшимъ образомъ, на томъ, что образованный человѣкъ прихотливѣе, требовательнѣе и дороже обходится. Всѣ эти опасенія совершенно-неосновательны и могутъ явиться только у человѣка, неусвоившаго себѣ способности всматриваться и вдумываться въ самую суть вещей. Образованный человѣкъ дѣйствительно чаще моется и чешется, чѣмъ Гришутка, но онъ не портитъ этимъ дѣла, которому служитъ. Онъ носитъ платье «нѣмецкаго» покроя, но не теряетъ въ немъ ума, сидящаго въ дублёнкѣ; и если дѣло того требуетъ, онъ не прочь и отъ дублёнки, вошедшей въ послѣднее время во всеобщее употребленіе у людей всѣхъ классовъ, стоящихъ при работахъ и дѣлахъ, совершающихся на холодѣ. Да утѣшится дубленая прогресивность. Въ отношеніи пищи и питья *образованный человѣкъ* (просимъ не забывать понятія, которое должно соединять съ этимъ именемъ) не можетъ быть особенно-прихотливъ, ибо роскошь въ пищѣ и питьѣ немыслимы при образованности. У *образованнаго человѣка* роскошь въ пищѣ и питьѣ составляетъ всегда относительно меньшій интересъ, чѣмъ у человѣка необразованнаго. Извѣстное дѣло, что чѣмъ грубѣе, чѣмъ необразованнѣе человѣкъ, чѣмъ менѣе у него возвышенныхъ требованій, тѣмъ больше онъ заботится объ исключительномъ удовлетвореніи своихъ чисто-животныхъ потребностей. Образованный человѣкъ требовательнѣе — это правда, но требовательность его правомѣрнѣе, разумнѣе, а слѣдовательно и удовлетворимѣе, чѣмъ иная дикая фантазія человѣка необразованнаго, готоваго всячески прижать хозяина, когда видитъ, что онъ ему нуженъ и когда хозяиномъ можно «орудовать». Съ одной только стороны образованный человѣкъ, требовательностью своею тяжелѣе человѣка необразованнаго: онъ не позволитъ глумиться надъ собою; онъ стоитъ за право «смѣть свое сужденіе имѣть»; а необразованный «исполняетъ приказанія безъ разсужденій» и терпѣливо или, по-крайней-мѣрѣ, молчаливо сноситъ хозяйскія крѣпкія слова, главный смыслъ которыхъ менѣе оскорбляетъ индивидуальную честь пріемлющаго брань,

чѣмъ честь его родительницы, вспоминаемый во имя татарскаго оттиска на русскіе нравы. Вѣдь, пора же отвыкать отъ этого оттиска и помаленьку взнуздывать свое гортанобѣсіе. Съ другой стороны, торговый прикащикъ не лакей, и желать, чтобъ онъ исполнялъ приказаніе безъ разсужденія, значитъ, лишить себя совѣта человѣка, заинтересованнаго въ дѣлѣ, и взять лишній страхъ за ошибку, которая легко можетъ произойти и часто происходитъ у дающихъ приказанія. Вольно хозяину принять или не принять слова служащаго въ резонъ; но выслушать его онъ долженъ, ибо этого требуетъ его собственная польза и безопасность. Хозяинъ можетъ требовать, чтобъ ему повиновались; но онъ же долженъ требовать, чтобъ ему прямо и открыто высказывали свое сужденіе по приказанію, если оно, по мнѣнію служащаго, ближе-стоящаго къ дѣлу и болѣе-сосредоточивающаго въ немъ своего вниманія, почему-нибудь несообразно обстоятельствамъ и выгодамъ хозяйскаго интереса. Къ-тому же всякій прикащикъ, пріученный къ безразсудочному исполненію хозяйскихъ приказаній, будучи отправленъ къ выполненію заглазной операціи, въ случаѣ малѣйшаго измѣненія обстоятельствъ противъ хозяйскихъ соображеній, растеривается отъ непривычки думать и соображать, и, непріученный разсуждать, губитъ хозяйское дѣло съ лестной покорностью хозяйской волѣ. Наконецъ *образованный человѣкъ дороже стоитъ наймомъ.* Да̀, это правда, и это въ порядкѣ вещей. Вѣдь, всѣмъ извѣстно, что «за одного ученаго двухъ неученыхъ даютъ, да не берутъ», стало-быть, народная мудрость давно поняла, что одинъ образованный человѣкъ выгоднѣе двухъ невѣждъ, такъ, стало-быть, и платить ему слѣдуетъ по-крайней-мѣрѣ то, что̀ платятъ двумъ невѣждамъ. За-то онъ учился, тратилъ свой трудъ на пріобрѣтеніе полезныхъ знаній и во все время ученія не получалъ никакого матеріальнаго вознагражденія, тогда-какъ его однолѣтки, убоявшіеся дальнихъ премудростей, во все время, которое ихъ образованный погодокъ затратилъ на свое образованіе, получали свой заработокъ. Кромѣ-того, хотя образованный человѣкъ и дороже нанимается, но часто обходится дешевле, чѣмъ дешево-нанятый неучъ. Цѣнность пріобрѣтаемаго наймомъ труда нельзя опредѣлять одною суммою платы; ее должно разсматривать совмѣстно съ пользою, приносимою оплачиваемымъ трудомъ; и еслибъ помнили и хорошенько держались этого правила, наши руководители промышленныхъ дѣлъ, то давно бы у нихъ были люди, которымъ можно довѣрить дѣло и которые не вели бы хозяевъ по прямой дорожкѣ къ «ломанью рубля» на полтинки да четвертачки. Сами же вы, господа, говорите, что «дорогое мило, деше-

все гнило», сами знаете, что дорогой сапогъ обходится дешевле дешеваго, а къ дѣламъ, которыя васъ кормятъ, ищете дешевыхъ людей, и хотите купить «алтынное за грошъ», тогда-какъ это положительно-невозможно! Вы говорите: «было бы болото, а черти будутъ»; черти-то, господа, будутъ, да *людей*-то у васъ нѣтъ, а платить есть кому. Въ томъ-то вся и бѣда, что у насъ, на святой Руси, всякій располагающій возможностью пріобрѣтенія чужаго труда, смотритъ на всякаго соискателя мѣста, какъ на нищаго, которому онъ по волѣ, по прихоти можетъ дать кусокъ хлѣба, или отказать въ немъ, и упускаетъ изъ вида, что всякій способный человѣкъ, предлагающій свои услуги, предлагаетъ свой капиталъ, нужный для дѣла и столько же, если не болѣе, одолжаетъ хозяина своимъ предложеніемъ, сколько тотъ *осчастливливаетъ* его предложеніе своимъ вниманіемъ. Пора, господа, понять, что, нанимая способныхъ и нужныхъ намъ людей, мы не дѣлаемъ имъ никакого одолженія, и что изъ милости, изъ великодушія приставлять къ дѣлу людей не слѣдуетъ. Никакая служба—не богадельня.

Послѣдній вопросъ, который мы разсмотримъ теперь, заключается въ томъ: существуютъ ли въ дѣйствительности тѣ выгодныя стороны, которыя русскія промышленныя сословія видятъ въ сотрудничествѣ людей, стоящихъ на самой низшей ступени нравственнаго развитія и имѣющихъ степень отрицательнаго образованія? Отвѣчать легко: ихъ *не существуетъ*. Еслибъ они существовали, то недолговѣчность капиталовъ не была бы постоянною привилегіею русскаго купечества, никогда неподражавшаго американской рискованной предпріимчивости, а ведущаго, по его собственному выраженію, дѣла «самыя скромныя, самыя тихія, но за-то и самыя вѣрныя». Безпрерывныя гласныя и келейныя банкротства при тишинѣ и черепашьемъ шагѣ дѣлъ, безпрестанныя сдѣлки то здѣсь, то тамъ полтиною за рубль, убивающіе нашу производительную промышленость, и крайній недостатокъ или, правильнѣе сказать, совершенное отсутствіе коммерческихъ личностей, сколько-нибудь выдѣляющихся изъ среды ярко-заявляемой общей неспособности, краснорѣчиво говорятъ, что выгодныхъ сторонъ отъ содержанія промышленныхъ дѣлъ въ рукахъ необразованныхъ людей не существуетъ, и что всякое удачное направленіе и веденіе какого-либо торговаго дѣла въ Россіи русскими людьми, неотрѣшившимися отъ свѣтобоязни — было дѣломъ случая и особенно-благопріятныхъ обстоятельствъ, порожденныхъ отсуствіемъ общественной непредпріимчивости, и баснословнымъ богатствамъ страны, а отнюдь ни *здоровымъ русскимъ умомъ, ни пресловутой русской сметкою* и ни вдохновеннымъ соображеніямъ дѣятелей нашихъ промышленыхъ сословій.

Итакъ, господа, мы, по вашему мнѣнію, *щелкоперы*, мы *борзописцы*, мы *теоретики*. Что дѣлать! Пусть будетъ такъ. Вы говорите, что не съ нашимъ носомъ рябину клевать, такъ-какъ рябина — ягода нѣжная, что наконецъ мы не знаемъ торговаго дѣла на дѣлѣ, что вы одни его знаете. Опять нѣчего дѣлать! Вамъ и книги въ руки. Мы народъ терпѣливый. Вы пріучили насъ къ спартанскому терпѣнію, постоянно отказывая намъ за мнимую ученость и въ работѣ и въ кускѣ хлѣба. Подождемъ и еще на пищѣ св. Антонія, пока вы «доломаете» ваши рубли, нажитые въ доброе старое время, и почувствуете, что вновь наживать ихъ нужно съ новыми людьми.

ОПЕЧАТКИ.

Въ февральской книжкѣ «Отеч. Записокъ«, въ статьѣ *Сирійскій Вопросъ,* замѣчено нѣсколько опечатокъ. Важнѣйшая изъ нихъ на стр. 461, въ примѣчаніи: вмѣсто *къ востоку отъ Анти-Ливана*, должно читать — *къ югу отъ Дамаска.*

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ СТАТЬѢ «ССЫЛКА КНЯЗЯ МЕНШИКОВА» (*).

№ 1.

Подмётное письмо 1727 года.

Воръ и измѣнникъ, первый подписатель на смерть государя нашего царевича Алексѣя Петровича, ниже́ помыслилъ въ день убіенія его государева достойнымъ почтити поминовеніемъ, и не токмо имени его, государева, слышети не хощетъ, но и ругаетъ злодѣйски, велѣлъ напечатать книгу, назвавъ монаршескою правдою, и прочитать по церквамъ при собраніи народа, гдѣ его, государя царевича, іеровоамски лаетъ, и, что ужаснѣе, родительницу его, государеву, а нынѣ счастливо нами царствующаго государя бабушку родную, законную государыню благовѣрную царицу и великую княгиню Евдокѣю Ѳеодоровну, (отъ единой токмо нелюбви принужденную зватися монахинею), держитъ въ злострадательномъ заключеніи, томитъ гладомъ, которую всемилостивый Господь Богъ питаетъ своимъ ангеломъ-хранителемъ тоя, на утвержденіе, гонимой отъ него вора и измѣнника святой вѣры, яко на обновленіе святѣйшаго патріаршаго престола, и монастырей и протчего, на истребленіе же вводимыхъ отъ него треклятаго нем̂ѣцкихъ ересей, съ союзниками его любезными, съ полувѣрцами, отъ римскаго папы присланными.

Тѣми церковъ матка обладаема еретиками,
Велящихъ входить вню съ табакомъ покры все паруками
Самоизво́льно ся обножили, мантіи сложили,
Посты разрѣшили, на иконы книги положили,
Тѣмъ римскому престолу и папѣ угодити тщатся,
Бернадыновъ, езуитовъ подражая веселятся
И еретики въ сватовство по всему вступить допустили
И входомъ онѣхъ святилище божіе осквернили,
Нѣсть въ нихъ Тарасія ни Студита по законѣ ставшихъ

(*) См. «Отеч. Записки» 1861 г., № 1.

Прелюбодѣйный бракъ яко паучину растерзавшихъ
Монарха нашего тѣло съ колокольными органы
Не погребли розскащики и табатчики поганы
Глаголюще быти мудры объюродѣли прокляты,
Чистыхъ и правыхъ проклинаютъ изъ обливанцовъ взяты
Есть и будетъ прокленутъ тіи, Ты же благословиши
Единѣмъ словомъ Господи, вѣрныхъ Твоихъ веселиши,
Потщимся за царя и за вѣру мало пострадати,
Да въ небѣ насладимся безконечныя благодати.

Не восхотѣ сего разумѣти вторый Іуда рабъ и льстецъ, юнаго государя нащего самого поработилъ подъ свое иго, велитъ ему государю ходить по немѣцки и въ церковь въ парикѣ, на что отецъ его государевъ и дѣдъ и прадѣды и всѣ монархи гречестіи (противу заповѣди апостольской) отнюдь не дерзали. Такъ же всею Россіею (за именемъ его государевымъ) яко коломъ обращаетъ, пытаетъ; казнитъ, на колье сажаетъ, въ ссылки ссылаетъ кого изволитъ, фальшивыми манифесты младоушныхъ соблазняетъ, чего онъ государь во младенчествѣ своемъ ни про что не вѣдаетъ. Оле ужаснаго слышанія! не даждь Боже того видѣти, дванадесятолѣтняго отрока принудилъ обручитися съ недостойною того брака дочерью своею, внукою маркитанскою, съ какого вымыслу, такого недорослаго, еще же и не простаго человѣка царя и самодержца всероссійскаго во свое недостойное присвоеніе обязуетъ. Благословился ли у бабушки его государевой, родившей отца его, которой отъ небесной имперіи власть къ тому подадеся, по глаголу Духа Святаго, у Іисуса Сирахова во главѣ третей извѣствуется благословеніе отчее утверждаетъ домы чадъ, клятва же матерня, искореняетъ основанія. Легко всякому разсудити можно, или государю нашему, егда достигнетъ брачнаго времени достойной невѣсты не обрящется кромѣ сей фамиліи. О Боже Тріипостасный, видиши бѣздну, сѣдяй на херувимѣхъ, призри на церковь святую Твою, стяжавшую честною кровію Твоею, нынѣ же терзаемую и оскверненную ересми нѣмецкими, услыши, Владыко, воздыханіе единогласно всѣхъ анаѳема, новому Іеровоаму, второму Аману, подражателю Годунова, союзнику Лефортову, Александрѣ Меншикову, отъ святѣйшей апостольской четверицы дѣйствомъ освященныхъ седми соборовъ да будетъ проклятъ; часть его со Аріемъ, и Македоніемъ, съ Несторіемъ и Евтихіемъ паче же со глаголющими: возьми, возьми и распни Его; а государю нашему его императорскому пресвѣтлому величеству и бабушкѣ его многострадальной государынѣ, и сестрицѣ его отъ всего міра любезнѣйшей многа лѣта.

Отъ вѣка не слыхано, которая бы мать была виновата сыну своему, ниже бабка родная внуку своему, развѣжена мужу своему, равномѣрно же бываетъ и мужъ своей женѣ виноватъ, пустивъ ю кромѣ словѣ прелюбодѣйнаго, и оженяся иною, и тако оставя свободную прелюбодѣйствуетъ съ рабою, писаніе святое таковыхъ рабынями нарицаетъ, читай Саррѣ. иежени (рече) рабу (то есть Агарь) и сына ея, не имать бо наслѣдовати сынъ рабынинъ съ сыномъ свободныя. Но намъ писаніе святое ничто, токмо смотримъ что усидѣлъ Михайло Авраамовъ, якобы

наслѣдіе престола всероссійскаго въ волѣ монаршеской, а не въ божеской, ниже примѣры православныхъ наслѣдуемъ, како древле юный Ѳеодосій, въ наставленіе сестры своея Пулхеріи, благочестія защитникъ показася. Потомъ юнѣйшій Константинъ (аще и отъ иконоборныхъ родителей рожденъ) но въ наставленіи матере своея добрыя и христолюбивыя царицы Ирины на иконоборцевъ устроилъ седьмый вселенскій соборъ. У насъ же государь блаженныя и присно славныя памяти царь Михаилъ Ѳеодоровичъ въ наставленіи матере своея великія старицы иновини Марфы Ивановны како укрѣпися, и мирно и безмятежно многа лѣта въ православіи поживе. Нынѣ же юному государю нашему, вмѣсто благословенныя наставницы, приставлены нѣмцы, люторскіе исповѣдники: на память Лефорта, Левольда. Тако и Римъ ветхій, пострадалъ отъ дому нѣмецкаго новаго кесаря Карола. Чти Баронія на лѣта Господня 800 и 809; нынѣ же принуждены читать новины.

Смотрите новые манифесты
По имени обманные вѣсты
Но Бога никакого не обманетъ
Ибо той свыше вся назираетъ.
Не зри начала како бываетъ,
Смотри конца шумомъ погибаетъ.

На иконы читай букварь дѣто-учительный, александроневской печати, листъ 5 на оборотѣ, да новоуставленная исповѣдь листъ 12, да еще на таинство святаго крещенія книга въ полдестя напечатана, якобы равносильно римское обливаніе съ трикратнымъ погруженіемъ.

Христосъ Спаситель нашъ верховному апостолу рече: «ты еси Петръ, и на семъ камени созижду Церковь мою и врата адова не одолѣютъ ей, и дамъ ти ключи царствія небеснаго, имже разрѣшиши на земли разрѣшено будетъ на небеси». Тѣмже вышереченнымъ преступникомъ, аще исправятся, церковь матка наша, властію Петра святаго, готова съ распростертыми на объятіе матернее дланьми, во усыновленіе свое таковыхъ пріяти, проститъ же и разрѣшитъ, яко чадолюбивая во вѣки, аминь.

На письмѣ отмѣчено, какъ оно найдено.

1727 года іюля 3 дня въ верховномъ тайномъ совѣтѣ во время собранія маіоръ Румянцевъ, которой сидитъ въ городовой канцеляріи членомъ объявилъ, что вчерашняго де числа по утру по полуночи о часѣ осмомъ пришелъ къ нему на дворъ городовой канцеляріи мастеровой человѣкъ вѣдомства ихъ Данило Ивановъ сынъ Колосовъ и говорилъ ему, что вчерашняго жь числа по утру шелъ онъ изъ полатъ въ которыхъ прежде сего бывала штатцъ-контора и будучи въ сѣняхъ увидѣлъ у дверей что лежитъ мѣшечекъ крашенинной, которой онъ поднялъ и увидѣлъ въ немъ письмо, которое носилъ де онъ къ генералу маіору Синявину на дворъ, и онъ де Синявинъ прислалъ его съ тѣмъ мѣшечкомъ и съ письмомъ къ нему маіору, и онъ Румянцевъ такого письма у него не принялъ а послалъ его на дворъ къ Ульяну Синявину для того, что и самъ поѣхалъ и хотѣлъ о

томъ письмѣ куда его отослать надлежитъ ему Синявину доложить и пріѣдучи въ домѣ его не засталъ, и для того поѣхалъ самъ и того мастероваго человѣка съ тѣмъ письмомъ отослалъ въ канцелярію и въ той канцеляріи онъ маіоръ съ товарищемъ своимъ съ комисаромъ Игнатьевымъ повезли за карауломъ на преображенскій островъ и докладывали о томъ Ульяну Синявину, и онъ имъ приказалъ объявить коменданту Фаминцыну, и по тому его приказу они ему Фаминцыну объявляли и онъ Фаминцынъ приказалъ быть ему на другой день въ крѣпость, и на другой день онъ съ тѣмъ мастеровымъ человѣкомъ въ крѣпость къ нему Фаминцыну приходилъ и былъ въ канцеляріи передъ собраніемъ, и по приказу генералъ-лейтенанта Мамонова велѣно ему о томъ донесть въ верховномъ тайномъ совѣтѣ, а того письма онъ Румянцевъ самъ и товарищъ его не читали, и было то письмо все у того мастероваго человѣка самого, а грамотѣ де онъ сказываетъ что умѣетъ.

А мастеровой человѣкъ Данило Колосовъ сказалъ, солдатской де онъ, а отецъ его служилъ при покойномъ генералѣ-фельдмаршалѣ графѣ Шереметевѣ, а въ прошлыхъ годѣхъ, тому назадъ лѣтъ съ пятнадцать, а имянно въ 1712 году взятъ онъ въ городовую канцелярію къ поляровкѣ мраморныхъ камней и нынѣ такую жъ работу отправляетъ и живетъ съ женою своею въ бывшей штацъ-конторѣ въ полатахъ, а вчерашняго де числа по утру по полуночи часу въ пятомъ вышелъ онъ изъ палатъ для нужды въ сѣни и увидѣлъ въ тѣхъ сѣняхъ близь палатной стѣны мѣшечекъ крашенинной согнутъ, которой онъ поднялъ и принесъ въ палату и увидѣлъ въ немъ письмо, которое разогнулъ и узналъ, что то письмо подметное и того жъ часа пошелъ для объявленія того письма къ генералу-маіору Синявину черезъ дворъ Брюсовъ, гдѣ прежде сего бывалъ синодъ, и увидѣлъ его товарищъ его зеркальной мастеръ Иванъ Бѣляевъ и спросилъ его куда онъ идетъ, и онъ ему сказалъ, что де идетъ къ нему Синявину объявить письмо, которое онъ поднялъ, и тотъ де его товарищъ ему молвилъ, что де лучше то письмо объявить генералу-маіору, а какъ де онъ къ нему Синявину въ хоромы пришелъ и про то письмо ему сказалъ, и онъ де Синявинъ, не принявъ у него того письма послалъ его къ маіору Румянцову на дворъ и велѣлъ про то письмо ему объявить, и пришедъ къ Румянцову о томъ объявилъ и оной Румянцовъ послалъ его съ солдатомъ въ канцелярію, а письма не принялъ же и потомъ пришелъ въ ту канцелярію маіоръ Румянцовъ и взялъ его съ собою на Преображенскій островъ и былъ на томъ острову на берегу и потомъ пришедъ сказалъ, что доложить о томъ не получилъ часу и отослалъ его въ канцелярію за карауломъ по прежнему, гдѣ онъ и ночевалъ, а сего числа взявъ оной маіоръ его съ собою и возилъ въ городъ, а изъ города привезъ на Преображенскій островъ, а то вышеписанное письмо все было у него и никому онъ въ руки не отдавалъ, и самъ кромѣ того, что увидѣлъ на первой строкѣ одно первое слово больше не читалъ.

Сентября 14 дня 1727 года то письмо взялъ къ себѣ графъ Гаврило Ивановичъ Головкинъ. (Изъ дѣлъ верх. т. совѣта).

№ 2.

Инструкція дѣйствительному статскому совѣтнику Плещееву.

1) Ѣхать ему въ Ораненбурхъ, а пріѣхавъ всѣ письма обрѣтающіяся при князѣ Меншиковѣ, отобрать и запечатать, собравъ въ одно мѣсто и по возвращеніи оттуда привесть съ собою къ Москвѣ или усмотря и прежде своего отъѣзда прислать съ нарочнымъ.

2) Потомъ по данным ему пунктамъ изъ верховнаго тайнаго совѣта допросить его князя Меншикова во всемъ обстоятельно и притомъ ему князю Меншикову объявить, чтобъ онъ о тѣхъ дѣлехъ сказывалъ самую правду не тая и не скрывая ничего, будетъ же онъ подлинно сказывть не будетъ, то съ нимъ инако поступлено будетъ; а ежели подлинно о чемъ сказывать не будетъ, о томъ писать тебѣ немедленно.

3) Понеже по справкамъ и по присланнымъ изъ разныхъ мѣстъ вѣдомостямъ, хотя и не изъ всѣхъ мѣстъ, оныя получены, однакожъ явилась во взятье къ нему князю Меншикову изъ казны его императорскаго величества великая сумма и сверхъ того казенные долги и доимки, многіе же; и по челобитью партикулярныхъ людей, многіе претензіи и къ нимъ показанныя обиды; того ради до подлиннаго о томъ изслѣдованія и свидѣтельства, всѣ его князя Меншикова пожитки и вещи переписать и запечатавъ приставить караулъ.

4) Понеже чужестранные потентаты чрезъ своихъ министровъ требуютъ объ отобраніи данныхъ ему князю Меншикову и сыну его кавалерій того ради, которые у него князя Меншикова и у сына его есть чужестранныя кавалеріи, оныя у нихъ съ лентами и звѣздами отобрать и прислать къ Москвѣ.

5) Все сіе учиня, ѣхать ему въ Москву и вышеизложенныя его князя Меншикова допросы и отобранныя у него письма и кавалерію также всѣмъ пожиткамъ и вещамъ роспись подать въ верховный тайный совѣтъ, а для письма подъячихъ взять ему въ Москвѣ изъ сенатской конторы, въ чемъ въ ту контору указъ его императорскаго величества посланъ, также дать ему секретаря.

Допросные пункты Меншикову изъ верховнаго тайнаго совѣта, данные 12 декабря 1727 г. Плещееву.

Пункты, по которымъ князя Меншикова допросить надлежитъ:

1) Показано на немъ доимки изъ камер-коллегіи, а именно въ неплатежѣ таможенныхъ пошлинъ, за взятыя въ домъ его питья, съ лавокъ оброчныхъ денегъ, и по присланнымъ изъ Тамбовской Провинціи рапортамъ за троицкую лебедянскую ярмарку, пошлинъ же, и въ отпуску изъ соляной конторы траурныхъ товаровъ всего тридцать двѣ тысячи восемсотъ пятьдесятъ пять рублевъ тридцать-пять копѣекъ, о чемъ подробная роспись при семъ сообщена; оная доимка и за взятые товары и питья деньги отъ него плачены ли, и буде плачены, есть ли въ томъ отписи или чьи росписки и чтобъ оные предъявилъ.

2) Въ прошломъ 1724 году по указу блаженныя и вѣчнодостойныя памяти его императорскаго величества взялъ онъ изъ военной коллегіи десять тысячъ рублевъ, которые надлежало возвратить въ полтора года, а нынѣ изъ военной коллегіи подано доношеніе, что тѣхъ денегъ отъ него не плачено, и тѣ деньги отъ него плачены ли и буде плачены, въ которое время и есть ли въ томъ росписка и буде есть, чтобъ оную объявилъ.

3) По письмамъ его въ Москвѣ изъ дворцовой канцеляріи отдано въ домъ его пятьдесятъ-три тысячи шестьсотъ-семьдесять-девять рублевъ, о которыхъ онъ въ верховный тайный совѣтъ доношеніемъ объявилъ, что то число онъ получилъ по указу блаженныя и вѣчнодостойныя памяти ея императорскаго величества на платежъ графу Сапѣги, котораго указу по справкамъ не явилось: имѣетъ ли онъ таковый указъ и буде имѣетъ, чтобъ объявилъ.

4) Полковникъ Трезинъ объявилъ въ вѣдомостяхъ своихъ, что въ нынѣшнемъ 1727 году издержано къ дому его князя Меншикова всякихъ матеріаловъ и припасовъ по цѣнѣ, и заработныхъ денегъ надлежитъ взять тринадцать тысячъ сто-шестьдесятъ четыре рубля, оные расходы онъ Трезинъ чинилъ по его ли приказу, и толикое ль число, и буде по его приказу, тѣ деньги и матеріалы отъ него плачены ли.

5) Въ прошломъ 1726 году іюля 13 дня изъ Рижской Рентереи взялъ онъ тысячу ефимковъ, о чемъ письмо его явствуетъ къ рижскому рентмейстеру, что оные употреблены на нужнѣйшій расходъ, о чемъ де онъ донесетъ Ея Императорскому Величеству, а на какіе расходы о томъ извѣстія не имѣется и оные ефимки въ какіе нужные расходы именно онъ употребилъ.

6) Илья Исаевъ, по письму его въ Ригѣ издержалъ на его счетъ, а именно, на дѣло отправленному отъ него въ Вѣну Карлы, платя сто червонныхъ золотыхъ, оные червонные онъ заплатилъ ли и имѣетъ ли въ томъ росписку.

7) Понеже въ одномъ нынѣшнемъ году показалось во взятьѣ въ домъ его сумма не малая, а именно, безъ мала двѣсти тысячъ рублевъ, также и годовые доходы его не безъизвѣстны, что не малая же сумма въ приходѣ въ годъ бываетъ, а денегъ въ домѣ его ничего не является, того ради, чтобъ онъ сказалъ подлинно, безъ утайки, куда взятую въ нынѣшнемъ году сумму употребилъ, или гдѣ и у кого въ сохраненіе положены, тако же нѣтъ ли гдѣ въ чужестранныхъ государствахъ въ банкахъ и въ торгахъ и буде есть гдѣ и у кого, и какая сумма, и не отдано ли отъ него кому на какія покупки, или торги и кому сколько?

8) Его же князя Меншикова допросить въ томъ, вѣдая онъ свое предъ Его Императорскимъ Величествомъ преступленіе, и за то надъ собою Его Величества гнѣвъ, за что всѣхъ чиновъ лишенъ и посланъ въ ссылку, а въ данныхъ паспортахъ, а именно, который далъ въ октябрѣ мѣсяцѣ иноземцу берейтору Роппу писался свѣтлѣйшимъ римскаго и россійскаго государствъ княземъ, для чего онъ таковое дерзновеніе противъ воли Его Императорскаго Величества чинилъ.

Таковые пункты за подписанiемъ Его Императорскаго Величества министровъ, присутствующихъ въ верховномъ тайномъ совѣтѣ отданы дѣйствительному статскому совѣтнику Ивану Плещееву. Декабря 12 дня 1727 года.

Вторые допросные пункты Меншикову отъ верховнаго тайнаго совѣта.

1727 года декабря 13 дня Его Императорское Величество указалъ дать изъ верховнаго тайнаго совѣта дѣйствительному статскому совѣтнику Івану Плещѣеву пункты слѣдующаго содержанiя.

Пункты по которымъ князя Меншикова допрашивать:

1.

Получено нынѣ подлинное извѣстiе, что онъ, князь Меншиковъ, сего году во время сейму въ Швецiи прежде приступленiя короны швецкой къ ганноверскому союзу отправилъ отъ себя письмо на нѣмецкомъ языкѣ за подписью своей руки къ сенатору швецкому Дибену, въ которомъ въ началѣ означено о полученiи отъ того Дибена письма. А потомъ писано увѣренiе его князя Меншикова въ службахъ къ коронѣ швецкой и чтобъ оная несмотря на сильныя представленiя и угрозы съ россiйской стороны приступила, понеже онъ, князь Меншиковъ гарантируетъ, что со стороны россiйской ничего опасаться не надлежитъ понеже власть въ войскѣ содержится у него въ рукахъ и наипаче, что тогда здоровье Ея Величества Государыни Императрицы зѣло въ слабомъ состоянiи и чаетъ онъ, что вѣкъ ея долго продлиться не можетъ и чтобъ въ то время оное его прiятельское внушенiе Швецiи не было забвенно ежели ему какая помощь надобна будетъ.

И чтобъ онъ, князь Меншиковъ, сказалъ по самой истиннѣ такое письмо къ сенатору швецкому Дибену отъ него послано ль и чрезъ кого и что въ немъ писано подробно. А особливо, что онъ и какимъ образомъ намѣренъ былъ по силѣ того письма по согласiю съ Швецiею въ дѣйство производить и кто у него то письмо сочинялъ и на бѣло писалъ и гдѣ тотъ концептъ, или черное письмо нынѣ обрѣтается. Также не писалъ ли онъ прежде или послѣ того къ помянутому жь Дибену или къ другимъ швецкимъ министрамъ еще какихъ писемъ и о чемъ именно и не было ль отъ того Дибена и иныхъ изъ Швецiи къ нему писемъ и гдѣ оные онъ дѣвалъ и какой помощи и для какова случая и въ какое время онъ отъ Швецiи требовалъ.

2.

Обрѣтающемуся здѣсь швецкому посланнику барону Цедеркрейцу объявлялъ ли онъ при многихъ случаяхъ о происхожденiи дѣлъ при дворѣ Его Императорскаго Величества и что онъ, князь Меншиковъ, ни мало не противенъ о приступленiи короны швецкой къ гановерскому трактату и похвалялъ ли въ томъ поступокъ швецкаго перваго сенатора графа Горна о чемъ помянутой посланникъ Цедеркрейцъ ко двору своему именно писывалъ.

3.

За вышеозначенное письмо посланное отъ него, князя Меншикова, къ сенатору Дибену взялъ ли онъ здѣсь у шведскаго посланника барона Цедеркрейца въ подарокъ денегъ пять тысячъ червонныхъ и чрезъ кого тѣ деньги принималъ, понеже о томъ есть вѣрные доказательства.

4.

Когда сего лѣта отъѣзжали отсюда въ Голштиндію его королевское Высочество герцогъ голштинской и ея Высочество цесаревна и герцогиня Анна Петровна, и по указу Его Императорскаго Величествв опредѣлено имъ было дать триста тысячъ рублевъ. За что онъ тогда дерзнулъ вымогать у нихъ себѣ будто за труды восемьдесятъ тысячъ рублевъ. И потомъ изъ тѣхъ денегъ прямо изъ казны шестьдесятъ тысячъ рублевъ насильно взялъ, а въ достальныхъ въ двадцати тысячахъ рубляхъ ихъ Высочества принуждены были ему дать обязательство, о чемъ въ роспискѣ его, князя Меншикова данной за его рукою высокопомянутому королевскому высочеству во оныхъ шестидесяти тысячахъ рубляхъ подлинно показано, и чтобъ онъ объявилъ для чего такой странной продерзостной поступокъ учинилъ: взялъ деньги изъ казны Его Императорскаго Величества и такою силою вымогать у тётки Его Императорскаго Величества, которой самъ Его Величество тѣ деньги дать изволилъ, дерзнулъ, понеже онъ самъ вѣдаетъ, что ни которому слугѣ вѣрному не должно какихъ подарковъ принимать отъ котораго государя безъ воли Его Императорскаго Величества.

5.

Высокопомянутымъ же ихъ Высочествамъ герцогу и цесаревнѣ при отъѣздѣ ихъ отсюда отдалъ отъ Его Императорскаго Величества вмѣсто презента имѣющейся казенной долгъ на англинскомъ купцѣ Марли, но онъ, князь Меншиковъ, выговорилъ изъ того у тѣхъ Высочествъ насильнымъ образомъ половину и въ то число уже ему, князю Меншикову отъ ихъ Высочествъ чрезъ министра ихъ барона Штамбкена двѣ тысячи рублевъ и отдано въ чемъ отъ оного Штамбкена и росписка адъютанта его Ливена объявлена. И дабы онъ сказалъ безъ допущенія съ нимъ дальнихъ поступокъ самую правду и обстоятельно для какихъ причинъ дерзалъ онъ такіе, неслыханнымъ ни гдѣ образомъ у фамиліи Его Императорскаго Величества взятки насильно къ великому ихъ озлобленію и ущербу вымогать.

И ежели онъ будетъ въ вышепомянутыхъ пунктахъ запираться, то объявить ему, чтобъ онъ сказывалъ правду, ибо ежели явится и сыскано будетъ письмо его; понеже секретари его нѣмецкія и русскія взяты уже за караулъ, которыми розыскивано будетъ, то бы онъ вѣдалъ, что тогда уже съ нимъ инако поступлено будетъ. Подлинное подписали генералъ-адмиралъ графъ Апраксинъ, канцлеръ графъ Головкинъ, князь Дмитрій Голицынъ, Андрей Остерманъ, Василій Степановъ, оберъ-секретарь Иванъ Юрьевъ.

№ 3.

Инструкція капитану Мельгунову.

Ѣхать тебѣ въ Ораніенбурхъ на перемѣну будущему тамъ при князѣ Меншиковѣ капитану Пырскому, а пріѣхавъ поступить по сему:

1) Бывшихъ въ командѣ его Пырскаго обер-унтер-офицеровъ и рядовыхъ солдатъ по именнымъ спискамъ взять въ свою команду и гдѣ какіе караулы содержатся о томъ вѣдомость.

2) Князя Меншикова и фамилію его содержать въ городѣ неисходнымъ.

3) Въ крѣпости, гдѣ есть къ пруду порожняя линія, сдѣлать палисады немедленно, тако жь по всѣмъ фольварамъ, а въ прочихъ мѣстахъ, гдѣ запотребно и лучшую предосторожность разсудится, разставить караулы и крѣпкое смотрѣніе имѣть, чтобъ никто не могъ пройдти тайнымъ образомъ и писемъ ни къ нему, ни отъ него приносить.

4) Для князя Меншикова и его фамиліи церковь поставить въ палатахъ полотняную, а для того взять антимисъ отъ воронежскаго архіерея, а въ другую церковь, которая за городомъ, его, князя Меншикова не допущать, развѣ фамилію его буде въ церковь для службы Божіей или за городъ для прогулки выѣхать пожелаютъ, то допускать за крѣпкимъ присмотромъ, однако же дневнымъ временемъ, а не ночью.

5) Которыя письма къ нему князю Меншикову и къ фамиліи его или къ людямъ приходить отъ него будутъ, оныхъ безъ себя отдавать ихъ не допускать, а принимать и распечатавъ читать прежде тебѣ, и буде противности или подозрѣнія въ тѣхъ письмахъ не явится, тогда отдавать ихъ, напротивъ же того, когда отъ него князя Меншикова самого или отъ фамиліи его и отъ людей, куда письма отправляться станутъ, тогда тебѣ оные читать и пересматривать и ежели какой противности и подозрѣнія не явится, тогда посылать куда надлежитъ.

6) Будетъ же изъ такихъ писемъ, которые къ нимъ отъ кого приходить будутъ или отъ нихъ отправляемые къ кому, усмотришь что противное или подозрительное, тогда о томъ писать и тѣ подлинные письма присылать въ верховный тайный совѣтъ немедленно, а тѣхъ людей, чрезъ кого тѣ письма будутъ получены или съ кѣмъ отъ нихъ посланы арестовать, и накрѣпко смотрѣть и предостерегать тебѣ, чтобъ ни единое письмо ни къ нимъ, ни отъ нихъ мимо твоихъ рукъ не миновало; въ чемъ за неусмотрѣніе или оплошку отвѣтъ дать имѣешь.

7) Ежели онъ, князь Меншиковъ захочетъ какіе письма писать въ мѣстности свои, которые имѣетъ въ Пруссахъ, въ Польшѣ и на Украйнѣ, оные писать допускать, а какъ написаны и заключены будутъ, тогда взявъ оные присылать подлинные въ верховный тайный совѣтъ.

8) Для лучшаго усмотрѣнія изъ всѣхъ его писемъ какъ къ нему приходящихъ, такъ и отъ нихъ отправляемыхъ присылать въ верховный тайный совѣтъ краткіе экстракты во всѣ мѣсяцы объявляя о какой матеріи и къ кому оные писаны и для того имѣть тебѣ записные книги.

9) Крѣпостей и никакихъ сдѣлокъ на его князя Меншикова движимое и недвижимое имѣніе писать не допущать, а ежели онъ князь Меншиковъ о томъ просить будетъ, тогда съ кѣмъ и какую сдѣлку чинить хочетъ писать тебѣ прежде въ верховный тайный совѣтъ

10) Тебѣ у капитана Пырскаго принять прежде данную ему инструкцію, а полученные изъ верховнаго тайнаго совѣта на его доношенія и другіе указы и что надлежитъ поступать по тѣмъ указамъ.

11) Ежели въ случай, когда потребно будетъ къ будущимъ при немъ солдатамъ въ прибавку еще, тогда оныхъ требовать отъ воронежскаго губернатора, который указъ о томъ уже имѣетъ.

12) Въ прочемъ же во всемъ томъ и что къ лучшей предосторожности надлежитъ, имѣешь ты поступать, какъ доброму и честному офицеру пристойно есть и надлежитъ.

13) А принявъ все вышеписанное у капитана Пырскаго объявить ему, чтобъ онъ ѣхалъ немедленно ко двору Его Императорскаго Величества и явиться въ верховный тайный совѣтъ.

14) У него же Пырскаго принять остаточную у него денежную казну, а отъ князя Меншикова какъ тебѣ самому никакихъ подарковъ не брать, такъ и подчиненнымъ брать отнюдь не допускать подъ опасеніемъ за преступленіе по военному артикулу.

Подписалъ генералъ-адмиралъ графъ Апраксинъ.
Канцлеръ графъ Головкинъ.
Князь Дмитрій Голицынъ.
Василій Степановъ.

Декабря 12 дня 1727 г.

Къ вышеписанной инструкціи прибавленъ еще одинъ пунктъ нижеслѣдующаго содержанія:

15) Буде къ нему князю Меншикову пріѣзжать будутъ кто изъ русскихъ и тѣхъ допущать, только разговоры имѣтъ имъ вслухъ при караульныхъ офицерахъ и солдатахъ, а ежели станутъ пріѣзжать поляки или какія другія иноземцы, тѣхъ не допускать, а для чего пріѣзжать будутъ о томъ ихъ спрашивать, а письма отбирая отъ нихъ присылать въ верховный тайный совѣтъ, будетъ же изъ тѣхъ иноземцевъ кто явится въ какомъ подозрѣніи тѣхъ и арестовать и потому жь немедленно писать.

№ 4.

Опись бриллiантовыхъ и золотыхъ вещей, составленная Плещеевымъ въ Ранenбургѣ.

1728 года генваря 5 дня по указу его Императорскаго Величества и по данной инструкціи изъ верховнаго тайнаго совѣта дѣйствительному статскому совѣтнику господину Плещееву у князя Меншикова пожитки въ Оранибурхѣ при немъ дѣйствительномъ статскомъ совѣтникѣ и гвардіи при капитанѣ Мельгуновѣ и при протчихъ офицерахъ и при немъ князѣ Меншиковѣ и при княгинѣ и при дѣтахъ и при служителяхъ его всякіе пожитки и вещи и протчее собраны и запе-

чатаны и описаны, а прежде отобраны обрѣтающіеся всякія письма и запечатаны особливо, у него жъ князя Меншикова и у сына его отобраны кавалеріи: а именно: кавалерія датскаго ордена на лентѣ лазоревой на слонѣ крестъ, а въ немъ пять алмазовъ большихъ во лбу у слона алмазъ поменьше въ дву концахъ и въ глазахъ алмазцы; кавалерія на лазоревой лентѣ польская съ алмазами, въ томъ числѣ въ дву мѣстахъ алмазовъ нѣтъ; въ той кавалеріи орелъ бѣлый финифтной; кавалерія въ золотѣ съ финифтью на рудо-желтой лентѣ прусская чернаго орла: при ней приложенъ брилліантъ большой и писанъ ниже подъ № 24; кавалерія въ золотѣ съ финифтью безъ ленты пруская жъ чернаго орла: оная кавалерія сына князя Меншикова; кавалерія пруская жъ съ запоною алмазною, оная кавалерія сына князя Меншикова; тридцать восьмъ звѣздъ кавалерскихъ шиты серебромъ, въ томъ числѣ и сына князя Меншикова.

Да по описи запечатанныхъ пожитковъ явилось, а имянно, у князя Меншикова:

Подголовокъ дубовый обитъ желѣзомъ бѣлымъ подъ № **1**, а въ немъ: 1) звѣда алмазная ордена святаго Андрея, на ней крестъ яхонтовой лазоревой съ коронкою алмазною, около креста слова и сіянья осыпаны искры алмазными въ сіяніяхъ, четырехъ искръ нѣтъ; 2) звѣзда алмазная жъ того жъ ордена, на ней крестъ яхонтовый, лазоревой подъ короною алмазною, въ сіяніи одной искры нѣтъ; 3) звѣзда алмазная ордена датскаго, на ней крестъ алмазный, около его большихъ алмазовъ 16, всѣ въ цѣлости; 4) двѣ звѣзды ордена святаго Андрея низаные жемчюгомъ въ сіяніи по краямъ жемчюгъ мѣстами осыпался; 5) кавалерія ордена св. Андрея съ коронкою и съ искры алмазными на лентѣ лазоревой; 5) кавалерія на красной лентѣ втораго ордена святаго Александра Невскаго около искры брилліантовые, у кольца гдѣ лента продѣвается на ушкахъ одной искры нѣтъ; 7) кавалерія на лазоревой лентѣ ордена святаго Андрея брилліантовая надъ нею запона брилліантовая жъ, въ запонѣ одинъ брилліантъ большой и восемь меньшихъ, да въ крестѣ брилліантъ большой, а надъ короною брилліантъ средней; въ четырехъ мѣстахъ искръ нѣтъ; 8) запона алмазная подъ короною королевскою въ которой портретъ Государыни Императрицы за стекломъ, въ ней большихъ алмазовъ 7, среднихъ 9, всѣ въ цѣлости: оная запона на лазоревой ленточкѣ въ футлярѣ коженомъ; а князь Меншиковъ объявилъ оная запона дана ему отъ Августа короля за калижскую баталію; 9) табакерка съ алмазами золотая; 10) табакерка бѣлая костяная, на ней фигурами золото и въ ней 14 искръ алмазныхъ, да въ одномъ мѣстѣ искры нѣтъ, шалнеръ золотой; 11) табакерка золотая а крышка раковая съ портретомъ подъ короною алмазною, да въ низу 7 искръ алмазныхъ; 12) табакерка золотая крышка яшмовая зелѣная; 13) табакерка золотая въ ней портретъ за стекломъ; 14) табакерка золотая за стекломъ, крышка черепаховая, въ ней портретъ за стекломъ; 15) табакерка золотая въ ней портретъ за стекломъ; 16) табакерка золотая въ золотѣ сверху и снизу два камня красныхъ; 17) табакерка золотая; 18) табакерка раковая въ золотѣ, на крышкѣ травки лазоревые; 19) табакерка се-

ребряная верхъ финифатной бѣлой, въ ней портретъ за стекломъ; 20) табакерка бѣлая костяная рѣзная кругомъ искры яхонтовые и алмазные, мѣстами шолнеръ золотой; 21) 78 пуговицъ камзольныхъ изъ душегрѣйки алмазныхъ въ серебрѣ, въ томъ числѣ въ 3-хъ пуговицахъ среднихъ алмазовъ а у двухъ 3-хъ искръ нѣтъ; 22) 55 пуговицъ кафтанныхъ алмазные въ серебрѣ, въ томъ числѣ въ одной пуговицѣ одного большаго алмаза да въ дву пуговицахъ меньшихъ 2-хъ алмазцовъ нѣтъ; 23) крестъ ордена святаго Андрея что на шляпахъ носятъ въ серебрѣ искры алмазные на ленточкѣ лазоревой; 24) бриліантъ большой въ серебрѣ съ маленькимъ колескомъ серебрянымъ, оный бриліантъ приложенъ къ пруской кавалеріи для того что съ тою кавалеріею ношенъ былъ и писанъ выше при той кавалеріи; 25) двои пряшки серебряные съ алмазами, въ томъ числѣ одни вызолочены, а другіе безъ позолоты бриліантовые, въ бриліантовыхъ двухъ и въ позолоченныхъ четырехъ искръ нѣтъ; 26) запона серебряная съ камнемъ краснымъ кругомъ искры алмазные въ футлярѣ хозовомъ; 27) три перстня золотыхъ въ футлярѣ хозовомъ: 1 съ яхонтомъ, лазоревымъ, другой съ краснымъ камнемъ, 3 съ краснымъ же камнемъ и съ двумя искры алмазными; 28) три перстня золотые въ футлярцѣ: въ томъ числѣ одинъ съ яхонтомъ краснымъ и съ алмазомъ, по сторонамъ двѣ искры алмазные, другой съ зеленымъ камнемъ, третій съ алмазными искры да съ краснымъ камнемъ подъ короною; 29) портретъ золотой Императорскаго Величества 706 году съ короною, въ коронѣ 4 искры алмазные; 30) 3 медали золотые: одна иностранная небольшая, на которой изображенъ Спасителевъ образъ, да двѣ, которые даваны на погребеніе блаженныя памяти Его Императорскаго Величества 725 году; 31) кусовъ золота литаго; 32) часы золотые съ репетицею въ хазовомъ корпусѣ при нихъ цѣпочка золотая; 33) часы золотые съ цѣпочкою золотою; 34) готоваленка маленькая, золотая съ зубочисткою и съ протчимъ уборомъ; 35) 5 готоваленъ въ хозу въ томъ числѣ оправленныхъ серебромъ 4, золотомъ 1; 36) двѣ печати: одна серебряная, другая въ серебрѣ хрустальная въ футлярѣ; 37) одно стекло очное въ черепахѣ оправлено серебромъ; 38) кавалерія на лазоревой лентѣ датскаго ордена Бѣлаго Слона осыпана бриліантами, въ томъ числѣ большихъ 6, одного маленькаго бриліанта нѣтъ, кольцо при той кавалеріи съ бриліантами жъ; 39) кавалерія на лазоревой же лентѣ того жъ ордена слонъ маленькой, въ крестѣ 5 алмазовъ; 40) кавалерія ордена святаго Андрея съ алмазцами на лазоревой лентѣ о дву коронкахъ, а третей верхней коронки нѣтъ; 41) 6 чарокъ золотыхъ съ ручками разныхъ маneровъ; 42) коробочка маленькая деревянная, въ ней 23 пуговицы съ финифтью красною, поддонушки серебряные; въ каждой пуговицѣ по алмазцу греческихъ; 43) коробочка серебряная, а въ ней положено: 2 запонки бриліантовые, крестъ маленькой андреевой кавалеріи съ лазоревыми яхонты, 6 камушковъ длинныхъ красные стеклянные, печать въ футлярѣ на бѣломъ камнѣ, на верху той печати большіе и маленькіе алмазы, въ томъ числѣ одного алмазца нѣтъ; печатка жъ на простомъ камнѣ въ золотѣ; 5 пуговицъ большихъ серебряныхъ, въ нихъ

по большому алмазу и кругомъ маленькіе греческіе алмазы; печать серебряная, 4 пары запонокъ хрустальныхъ бѣлыхъ въ мѣди, въ томъ числѣ одна пара красная, запонка серебряная ломаная, около ея 8 коронъ, въ нихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ алмазцы маленькіе, а въ протчихъ мѣстахъ алмазцы выломаны; 2 кистки и 2 репейки и 2 варворочка жемчюжные мелкаго жемчюгу, 2 запонки золотые съ алмазами въ срединѣ по камушку красному; 2 печати золотые; золота въ лому съ финифтью, напримѣръ золотника 2 или 3; галстукъ кружевной съ кистьми жемчюжными и нѣсколько на нихъ алмазцовъ и 2 варворки осыпаны алмазцами жъ; 44) печать сардаликовая въ серебрѣ ручка каменная въ футлярѣ кожаномъ; 45) кошелекъ тканой золотой съ замочкомъ серебрянымъ; 46) звѣзда серебряная шитая; 47) 2 табакерки серебряные въ нихъ вызолочено, одна съ личинами, въ ней вѣтка винограду; 48) часы солнечные серебряные въ корпусѣ черномъ; 49) запонка а въ ней большой алмазъ: князь Меншиковъ объявилъ что оная жалованья ему короля прусскаго; 50) 2 перстня съ большими алмазами; въ томъ числѣ одинъ желтоватъ: князь Меншиковъ объявилъ, что оной жалованья ему государыни императрицы; 51) червонныхъ золотыхъ одинокихъ 145, тройныхъ 2, двойныхъ 13, медалей иностранныхъ и россійскихъ большихъ 5, среднихъ 2, маленькихъ противъ червонца два; 52) 150 червонныхъ золотыхъ, 39 пуговицъ золотыхъ, 18 камней, въ томъ числѣ 16 лаловъ красные да 2 яхонта лазоревые, перстень золотой съ яхонтомъ и алмазами. Оное взято у Яковлевой жены Некрасова о чемъ она въ сказкѣ показала, что то отдано ей было на сохраненіе отъ княгини Меншиковой.

Сундучокъ длинной обитъ кожею подъ № 2 а въ немъ:

1) Шпага алмазная, ефесъ, крючекъ и наконешникъ золотые, на ефесѣ 8 бриллiантовъ большихъ, 2 колечка бриллiантовые жъ, у одного 2 бриллiантовъ нѣтъ, на наконешникѣ колечько бриллiантовое жъ: князь Меншиковъ объявилъ, что оная шпага пожалована ему отъ прежняго короля прусскаго; 2) шпага, ефесъ, крючекъ и наконешникъ золотые, на ефесѣ и на крючкѣ и на наконешникѣ большіе и малые алмазы, на ефесѣ жъ два кольца съ алмазами, на головкѣ большаго да малаго алмазовъ нѣтъ: князь Меншиковъ объявилъ, что оная шпага пожалована ему отъ Его Императорскаго Величества; 3) шпага, ефесъ, крючекъ и наконешникъ золотые, на ефесѣ большіе и малые алмазы, на ефесѣ жъ два кольца алмазные жъ, на ручкѣ одного алмаза нѣтъ; да трость наболдашникъ и наконешникъ золотые, на ней два кольца съ алмазцами на верху алмазъ большой и около его маленькія, на трости жъ два колечка маленькіе съ алмазцами гдѣ ленточка вдѣвается, при той трости лента золотная съ серебромъ: князь Меншиковъ объявилъ, что та шпага и трость пожалованы ему отъ датскаго короля; 4) шпага, ефесъ и крючекъ золотыя, на ефесѣ и на крючкѣ большіе и малые алмазы на глифѣ два кольца и 6 прутиковъ по глифу длинныхъ съ алмазцами, наконешникъ серебряный вызолоченъ, не немъ колечко алмазное, на ефесѣ и на головкѣ 7 мѣстъ порожнихъ въ которыхъ знатно было алмазы, при той шпагѣ трость съ лазоревою лентою, пабалдашникъ и ниже пабалдашника, гдѣ лента, большіе и

малые алмазы, на набалдашникѣ одного алмаза нѣтъ, наконешникъ золотой: князь Меншиковъ объявилъ, что оная шпага и трость пожалованы ему отъ польскаго короля; 5) трость, набалдашникъ золотой весь осыпанъ алмазами, а между алмазами 3 мѣста финифтныхъ, на верху набалдашника большой изумрудъ зеленой, внизу набалдашника, гдѣ лента вдѣвается два колечка маленькіе алмазные, наконешникъ золотой при томъ кольцо съ алмазами, одного алмазца нѣтъ: князь Меншиковъ объявилъ, что оная трость пожалована ему отъ Его Императорскаго Величества; 6) трость, набалдашникъ и наконешникъ золотые, на набалдашникѣ и на наконешникѣ 2 кольца алмазные на верху набалдашника большіе и малые алмазы, внизу набалдашника, гдѣ лента вздѣвается 2 колечка алмазные, при той трости снурокъ и кисть серебряные, варворочка золотая съ алмазцами, 7 искръ нѣтъ: князь Меншиковъ объявилъ, что оная трость пожалована ему отъ Императорскаго Величества; 7) трость съ лентою серебряною набалдашникъ и наконешникъ золотые, набалдашникъ алмазный на верху большой алмазъ, въ одномъ мѣстѣ алмазца нѣтъ, ниже набалдашника, гдѣ лента вздѣвается два колечка серебряные безъ алмазцовъ: князь Меншиковъ объявилъ, что оная трость пожалована ему отъ Государыни Императрицы; 8) шпага, ефесъ, крючекъ и наконешникъ золотые съ чернью, на ефесѣ и на глифѣ и на крючкѣ и на наконешникѣ большіе и малые алмазы, на головкѣ ефеса одного и на наконешникѣ 7 алмазовъ нѣтъ; 9) шпага, ефесъ золотой, глифъ обнизанъ жемчюгомъ и мѣстами перевивка малыми изумрудцы, на головкѣ ефеса изумрудецъ побольше, наконешникъ у той шпаги серебряной; 10) трость черепаховая, набалдашника и наконешника нѣтъ; 11) чѣпь золотая ордена прусскаго Чернаго Орла, въ ней звѣздъ и орловъ 37, при ней кавалерія золотая съ финифтью въ футлярѣ красномъ коженомъ; 12) Чѣпь золотая ордена датскаго, въ ней 22 слона съ финифтьми въ футлярѣ черномъ коженомъ, а между оными слонами 22 башенки золотые; 13) маршалъ штапъ гебоновой набалдашники по концамъ золотые большіе съ ревельскимъ гербомъ; 14) трость небольшая молодаго князя набалдашникъ золотой съ финифтью, около набалдашника 2 кольца къ алмазцами на верху набалдашника большой хрусталь съ коронкою, тесьма съ кистьми золотыми варварочка золотая съ алмазцами; 15) кортикъ, ефесъ, крючокъ и наконешникъ золотые съ большими и малыми алмазами въ футлярѣ: князь Меншиковъ объявилъ, что оный кортикъ отъ него отданъ сыну его; 16) шпага, ефесъ и глифъ серебряной вызолоченъ, на ножнахъ гайка крючекъ и наконешникъ серебряной же вызолоченъ; 17) шпага, ефесъ серебряной гладкой, глифъ вызолоченъ, на ножнахъ крючекъ и наконешникъ серебряной; 18) кортикъ, ефесъ серебряной, глифъ костяной бѣлой, крючекъ и наконешникъ и у ножичка жучки серебряные; 19) кортикъ, ефесъ серебряной, глифъ черной костяной съ ножикомъ, гайка, крючекъ и наконешникъ серебраные; портупея шпажная тканая серебромъ на ней пряжка и при пряжникѣ принцметальные съ раковиною; портупея кортишная шита серебромъ, пряжка и припряжникъ серебряные; портупея шпажная зеленая ткана золотомъ, пряжка и припряжникъ

принцметальные; портупея бархатная черная кортишная; 2 портупеи зеленые шелковые тканые, въ томъ числѣ у одной каймы съ золотомъ пряжки и приряжники принцметальные; трость на ней набалданникъ ентарный подъ набалдашникомъ кольцо золотое.

У княгини Меншиковой описано и запечатано, а именно: ящикъ небольшой ореховой подъ № 1, а въ немъ 1) брустикъ алмазной въ серебрѣ, въ томъ числѣ большихъ алмазовъ 4, подвѣски алмазные жъ, 6 безъ подвѣсныхъ; 2) перышко серебряное съ бриліантами и съ червчетыми камушки; 3) петлица золотая съ финифтью, въ ней 11 алмазовъ; 4) крестъ золотой, въ немъ 5 алмазовъ, да притомъ же на лентѣ большой алмазъ; 5) крестъ алмазной въ серебрѣ, въ немъ большихъ алмазовъ 6 съ мелкими бриліантами; 6) крестъ золотой съ финифтью, въ немъ алмазовъ 6; 7) крестъ бриліантовой серебряной сквозной; 8) пѣтлица въ золотѣ съ бѣлымъ яхонтомъ и съ мелкими алмазцами; 9) перо въ серебрѣ вызолочено съ мелкими бриліантами и съ 7 лалами въ футлярѣ; 10) перышко въ серебрѣ съ большимъ алмазомъ и съ искры алмазными жъ; 11) 3 алмаза, въ томъ числѣ 2 въ серебрѣ; 12) пѣтлица алмазная въ золотѣ съ жемчюжнымъ зерномъ; 13) крестъ бриліантовой, въ немъ 7 большихъ бриліантовыхъ съ мелкими алмазцами; 14) перышко въ серебрѣ алмазное съ изумруды; 15) пѣтличка въ серебрѣ вызолочена съ бриліантами и съ однимъ камнемъ изумруднымъ зеленымъ; 16) портретъ Государыни Императрицы съ алмазами въ футлярѣ; 17) портретъ блаженные памяти Императорскаго Величества съ алмазами; 18) перо въ серебрѣ въ немъ 2 алмаза; 19) портретъ князя Меншикова алмазной, въ томъ числѣ въ коронѣ 3 алмазовъ нѣтъ, въ футлярѣ; 20) пряжка отъ самары съ бриліантами въ серебрѣ; 21) пѣтличка въ ней два бриліанта въ серебрѣ; 22) пѣтличка съ алмазными искры и съ краснымъ камнемъ; 23) пѣтличка съ краснымъ лаломъ въ серебрѣ; 24) пѣтличка съ короною алмазная въ серебрѣ; 25) серги бриліантовые въ золотѣ; 26) пѣтличка съ хрустальнымъ зеленымъ камнемъ и съ искры алмазными въ серебрѣ; 27) пѣтличка въ серебрѣ съ алмазными искры и съ изумруды въ футлярѣ; 28) 2 ручки и при нихъ 2 изумруда въ серебрѣ; 29) пѣтличка въ серебрѣ вызолочена въ ней 4 алмаза; 30) складень алмазной въ серебрѣ вызолоченъ въ футлярѣ; 31) пряжка отъ самары золотая съ бриліантами; 32) портретъ въ серебрѣ князя Меншикова съ хрусталями; 33) пѣтличка съ алмазными искрами въ серебрѣ въ средини той пѣтлицы яхонтъ лазоревой; 34) перстень золотой въ немъ камень красной червчатой; 35) перстень алмазной въ серебрѣ вызолоченъ; 36) 2 перстня золотыхъ: одинъ съ камнемъ краснымъ червчетымъ, другой съ простымъ камнемъ; 37) печать серебряная съ краснымъ простымъ камнемъ; 38) перстень золотой съ бриліантомъ подъ коронкою; 39) нитка жемчюгу 55 зеренъ; 40) пѣтличка серебряная съ алмазными искрами, въ срединѣ той пѣтлички камня нѣтъ; 41) 7 бриліантовъ въ серебрѣ да два камня алмазныхъ; 42) 4 перстня золотыхъ съ алмазами; 43) перстень золотой въ немъ камень красной простой; 44) запона съ искры бриліантами въ серебрѣ съ камнемъ въ срединѣ камень простой; 45) 4 запона съ искры алмазными въ се-

ребрѣ съ имянами; 46) складенекъ ручной съ алмазными искрами въ серебрѣ; 47) складень серебряной въ немъ 18 алмазовъ; 48) перстень золотой въ немъ камень красной простой; 49) перстень золотой съ бриліантами; 50) чепочка отъ часовъ съ ключемъ серебряная вызолочена; 51) пѣтличка серебряная съ червчетымъ камнемъ въ серебрѣ, другая пѣтличка съ искры бриліантовыми въ серебрѣ, въ срединѣ той пѣтлички камня нѣтъ; 52) перышко съ искры алмазными въ серебрѣ; 53) запонка золотая съ простымъ краснымъ камнемъ да 2 камня красныхъ простые жъ не въ дѣлѣ; 54) 95 камней лаловыхъ большихъ и среднихъ и самыхъ малыхъ; 55) яхонтовъ лазоревыхъ большихъ и малыхъ 36 въ томъ числѣ въ оправѣ серебряной 2; 56) 6 яхонтовъ желтыхъ, да 20 большихъ и мелкихъ изумрудовъ; 57) запанъ серебряной съ простыми каменьями; 58) крестъ съ кавалеріи серебряной съ алмазными искрами, при немъ 2 звѣздки съ искры алмазными жъ; 59) кисть мелкаго жемчюгу, да перстень серебряной вызолоченъ; 60) 27 камней яхонтовыхъ въ серебрѣ вызолочены: а княгиня Меншикова объявила, что оные камни Петра Крекшина; 61) жестянка, а въ ней поясъ отласной на немъ запонки съ алмазными искры, да искръ алмазныхъ 190; съ головы уборъ на 3-хъ черныхъ лентахъ съ алмазными искры, корона золотая съ финифтью алмазная, крестъ бриліантовой золотой, пять запонокъ алмазные въ серебрѣ, двѣ нитки жемчюгу крупнаго; 62) 12 искръ алмазныхъ: а княгиня Меншикова объявила, что оные искры князь Александровой жены Черкаскаго; 63) 2 треситкп изумрудные: а княгиня Меншикова объявила, что оное жены Никиты Желябужскаго, а взяты были для передѣлу; 64) 2 запонки двойные золотые въ нихъ вставлены камни хрустальные; 65) коробка серебряная а въ ней кавалерія ордена святыя Екатерины, кругомъ ея алмазы, при ней звѣзда алмазная того жъ ордена на лентѣ пунцовой да двѣ звѣзды шитые серебромъ: оная коробочка и кавалерія и звѣзды отданы подъ охраненіе княгинѣ Дарьѣ Меншиковой; 66) 6 платковъ шелковыхъ разныхъ цвѣтовъ; 67) на ниткѣ бусъ 34 зерна да въ связкѣ при той же ниткѣ 4 бусовыхъ зерна; да въ выпеписанномъ же ящикѣ по описи явились нижеобъявленные алмазные вещи, о которыхъ княгиня Меншикова показала, что тѣ вещи сестры ея Варвары Арсеньевой а именно: 1) 6 алмазовъ большихъ въ серебрѣ; 2) серги бриліантовые и при нихъ 2 подвѣски бриліантовые жъ въ серебрѣ; 3) запонка въ ней лалъ съ искрами бриліантовыми въ серебрѣ; 4) 2 пряжки съ пояса серебряные съ алмазами; 5) запонка серебряная съ искры алмазными; 6) 2 тресидки золотые съ каменьями червчетыми да 2 тресидки жъ золотые съ красными простыми каменьями; 7) зерно бусовое; вышеписанные алмазные и протчіе вещи запечатаны въ помянутомъ ящикѣ печатьми дѣйствительнаго статскаго совѣтника да гвардіи капитана Мельгунова.

У сына князя Меншикова у Александра описано и запечатано, а именно: ларчикъ дубовой окованъ чернымъ желѣзомъ замокъ нутреной подъ № 1-мъ, а въ немъ: 1) 13 пуговицъ съ алмазами въ серебрѣ во всякой пуговицѣ по 9 алмазовъ; 2) звѣзда жемчюжная прусскаго ордена; 3) кавалерія прусскаго жъ ордена золотая съ финифтью; 4)

запона золотая двойная отъ галстука, въ ней 6 алмазовъ; 5) пряжки серебряные съ финифтью, въ нихъ 8 алмазовъ; 6) перстень золотой съ алмазомъ большимъ и съ финифтью, въ алмазѣ трещины; 7) перстень золотой съ лазоревымъ яхонтомъ; 8) перстень серебряной въ немъ два алмаза сердечками; 9) перстень золотой въ немъ 3 бриліанта; 10) перстень серебряной съ бриліантовымъ и краснымъ яхонтомъ; 11) перстень серебряной вызолоченъ въ немъ 2 бриліанта и одна искра бриліантовая жъ да 2 яхонта красные на верху корона а въ ней никакихъ камней нѣтъ; 12) перстень серебряной вызолоченъ въ немъ бриліантъ и 2 алмазные искры; 13) перстень золотой съ алмазомъ; 14) перстень золотой съ краснымъ яхонтомъ; 15) звѣзда прусскаго ордена съ алмазами въ срединѣ орелъ черной, въ одномъ мѣстѣ алмаза нѣтъ; 16) запона съ короною бриліантовая въ срединѣ стекло подъ фольгою красною; 17) перо золотое, что носятъ на шляпахъ съ алмазами, съ яхонты и съ изумруды, въ 2 мѣстахъ камней нѣтъ; 18) пряжки золотые съ алмазами, въ нихъ въ 3-хъ мѣстахъ алмазовъ нѣтъ; 19) перстень золотой съ алмазомъ въ срединѣ персона блаженные и вѣчнодостойные памяти Императорскаго Величества; 20) 3 запонки бриліантовые въ срединѣ тѣхъ запонъ по одному бриліанту большому а кругомъ осыпаны искрами бриліантовыми; 21) перстень съ 5-ю алмазными искрами; 22) перстень золотой съ яхонтомъ краснымъ осыпанъ алмазными искры; 23) портретъ золотой съ финифтью синею внизу того портрета вензель; 24) красной яхонтъ; 25) подвѣска серберяная въ ней искра алмазная; 26) запонка съ большимъ алмазомъ попорчено донушко; 27) портретъ блаженные и вѣчнодостойные памяти Его Императорскаго Величества, на немъ 8 алмазовъ большихъ, между ими по 3 алмазные искры, притомъ корона въ ней большой алмазъ да 3 среднихъ вкругъ осыпана алмазные искры, въ 2-хъ мѣстахъ искръ нѣтъ; 28) пряжки серебряные съ алмазами, въ томъ числѣ въ 2 мѣстахъ алмазовъ нѣтъ; 29) табакерка съ короною золотая съ алмазными искры, на ней имя князя Меншикова; 30) табакерка съ короною золотая съ алмазами вкругъ лавры и назади травы финифти зеленой, внутри стекло; 31) блюдечко золотое въ немъ 8 яхонтовъ красныхъ въ срединѣ гербъ, а въ немъ изумрудъ, около блюдечка вкругъ изумрудныя искры, да въ 5 мѣстахъ искръ нѣтъ; 32) блюдечко чеканное да чарка о 3-хъ ножкахъ золотые; 33) съ трости наболдашникъ золотой наверху сердоликъ; 34) табакерка золотая съ портретомъ; 35) табакерка четвероугольная золотая съ финифтью въ срединѣ портретъ; 36) табакерка серебряная вызолочена съ финифтью въ срединѣ портретъ: оная табакерка отдана подъ охраненіе сыну князя Меншикова. Принялъ Александръ Меншиковъ. 37) табакерка золотая литая четвероугольная; 38) табакерка черепаховая оправлена золотомъ въ срединѣ портретъ; 39) готоваленка хозовая оправлена серебромъ; 40) табакерка жемчюжной раковины оправлена золотомъ въ срединѣ портретъ: оная табакерка отдана подъ охраненіе сыну князя Меншикова; принялъ Александръ Меншиковъ. 41) табакерка золотая съ 2-мя большими алмазы и съ искры, внутри персона блаженные и вѣчнодостойные памяти Императорскаго Величества; 42)

футляръ золотой, что перья кладутъ наверху алмазъ средней, кругомъ того алмаза и по футляру искры алмазные; 43) табакерка янтарная расколота съ 2 бриліантовыми искры въ футлярѣ; 44) часы золотые гладкіе; оные часы отданы подъ охраненіе сыну князя Меншикова. Принялъ Александръ Меншиковъ. 45) часы золотые съ репетицею; 46) фляша янтарная съ оправою золотою; 47) табакерка костяная синяя съ насѣчкою золотою, внутри стекло разбито; 48) чѣпъ золотая; 49) фляжечка въ футлярѣ маленькая золотая въ чемъ прошекъ бываетъ и притомъ ложечка золотая жъ маленькая, оная фляжечка съ ложечкою отдана подъ охраненіе сыну князя Меншикова. Принялъ Александръ Меншиковъ. 50) печать золотая съ гербомъ и съ именемъ князя Меншикова въ золотомъ футлярѣ, 51) табакерка въ футлярѣ мраморовая оправлена серебромъ и вызолочена; 52) табакерка серебряная въ срединѣ дно вызолочено, внутри той табакерки портретъ; 53) табакерка бѣлая раковая оправлена серебромъ, наверху той табакерки сердоликъ; 54) часы солнечные въ серебряномъ корпусѣ; 55) табакерка каменная оправлена серебромъ и вызолочена, крышка разбита; 56) табакерка раковая оправлена серебромъ; 57) чернильница свертная серебряная въ хазовомъ футлярѣ; 58) чернильница свертная серебряная съ песочницею; 59) табакерка раковая оправлена серебромъ на крышкѣ вензель; 60) табакерка черепаховая по краямъ серебромъ обложена, на крышкѣ насѣчено серебромъ; 61) подносъ серебряной съ 6-ю серебряными жъ чашками; 62) лента пунцовая съ серебряными каймами; 63) пластинка соболья; 64) лошка и вилки серебряные въ хазовомъ футлярѣ; 65) табакерка черепаховая оправлена серебромъ, въ крышкѣ сердоликъ; 66) лошка серебряная небольшая; 67) ножикъ складной черенъ серебряной; 68) трубка зрительная серебряная въ хазовомъ футлярѣ; 69) табакерка круглая костяная оправлена золотомъ, внутри портретъ на крышкѣ персона князя Меншикова; 70) табакерка четвероугольная костяная шелперъ золотой, внутри той табакерки портретъ; 71) часы золотые плоскіе; 72) табакерка раковая оправлена серебромъ въ ней ложечка золотая; 73) персона князя Меншикова на финифтѣ оправлена золотомъ; 74) 2 лошки серебряные въ томъ числѣ 1 маленькая позолочена; 75) янтарной футляръ; 76) 3 звѣзды прусскаго ордена шиты серебромъ; 77) кошелекъ шитъ золотомъ и разнымъ шелкомъ, у завязокъ того кошелька колечки серебряные. Оной ларчикъ за печатьми статскаго дѣйствительнаго совѣтника и гвардіи капитана Мельгунова да капитана лейтенанта Щетнева.

Да у сына жъ князя Меншикова описано и оставлено у него подъ охраненіемъ, а именно: образъ Воскресенія Христова окладъ золотой чеканной мѣстами обнизанъ жемчюгомъ и каменьи и зерны, а во многихъ мѣстахъ жемчюгъ осыпался, а оной князь Меншиковъ объявилъ, что тѣмъ образомъ благословилъ его блаженные и вѣчнодостойные памяти Императорское Величество; образъ Тихвинскія Богородицы окладъ золотой съ финифтью, въ вѣнцахъ 15 алмазовъ да 8 изумрудовъ; образъ Александра Свирскаго, вѣнецъ и поля обложены серебромъ и вызолоченъ; образъ Всѣмъ Скорбящимъ на поляхъ окладъ золотой узинькой; бахрамы золотной съ руковицъ аршинъ съ четвертью;

2 колечка золотыхъ съ финифтью: одно съ красною, другое съ черною; табакерка золотая, другая серебряная; запонка съ алмазомъ греческимъ; 2 запонки съ хрусталями въ золотѣ; пряжки серебряные маленькіе; готовальня серебряная маленькая; готовальня золотая, во что перо кладутъ; перстень золотой съ портретомъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Императорскаго Величества; паруковъ бѣлыхъ 4, русой 1; ложка, ножъ и вилки серебряные въ футлярѣ; ножикъ серебряной маленькой. По сей описи вышеписанное принялъ Александръ Меншиковъ.

У дочери князя Меншикова у княжны Марьи описано и запечатано, а именно: подголовокъ маленькой обитъ бѣлымъ желѣзомъ, подъ № 1, а въ немъ 1) крестъ бриліантовой въ серебрѣ съ цѣпочкою бриліантовою на черной лентѣ; 2) крестъ бриліантовой въ серебрѣ жь на черной ленточкѣ да при томъ крестѣ запона бриліантовая жь; 3) крестъ лаловой съ искрами бриліантовыми, при немъ серги лаловые съ искрами бриліантовыми жь въ футлярѣ кожаномъ; 4) крестъ алмазной съ запоною на черной ленточкѣ въ срединѣ одного алмаза нѣтъ; 5) три нитки крупнаго жемчюгу 160 зеренъ; 6) три нитки мелкаго жемчюгу; 7) серги съ подвѣски бриліантовые; 8) серги алмазные; 9) складень бриліантовой въ серебрѣ; 10) складень алмазной съ крестомъ въ золотѣ; 11) складень бриліантовой; 12) портретъ блаженные и вѣчнодостойные памяти Его Императорскаго Величества, алмазной подъ короною; 13) портретъ блаженные жь и вѣчнодостойные памяти Ея Императорскаго Величества съ бриліантами въ футлярѣ кожаномъ; 14) портретъ княгини Меншиковой подъ короною съ алмазами; 15) портретъ да имя подъ хрусталемъ князя Меншикова съ бриліантами на красныхъ лентахъ; 16) 2 портрета: одинъ съ бриліантами, другой съ искры алмазными; 17) 2 пары пряжекъ, что на рукахъ носятъ съ искры алмазными и подъ хрусталемъ вензели; 18) пара пряжекъ съ запряжниками съ червчетыми камнями и съ искры алмазными; 19) имя подъ хрусталемъ обложено алмазными искрами; 20) перстень бриліантовой въ золотѣ, въ которомъ одинъ бриліантъ большой; 21) перстень съ однимъ большимъ бриліантомъ въ золотѣ; 22) перстень бриліантовой же съ искры алмазными въ серебрѣ; 23) перстень съ бриліантомъ и съ искры алмазными въ золотѣ; 24) пара подвѣсокъ алмазные въ серебрѣ, да ручка золотая, на ней 2 искры алмазные, подъ нею подвѣшенъ алмазъ; 25) 2 алмаза да подвѣска бриліантовая въ серебрѣ; 26) 2 бриліанта четвероугольные въ серебрѣ; 27) ручка съ изумрудомъ и съ искры алмазными; 28) петличка маленькая съ искры бриліантовыми въ серебрѣ; 29) алмазъ въ серебрѣ; 30) петлица бриліантовая при ней подвѣшено 7 камней лазоревыхъ; 31) перо съ червчетымъ камнемъ и съ подвѣсками алмазными въ кожаномъ футлярѣ; 32) пѣтлица круглая съ бриліантами; 33) пѣтлица съ изумрудомъ и съ искрами алмазными; 34) пѣтлица съ ручкою съ 2 изумрудами большими и съ 2 малыми и съ искры алмазными; 35) пѣтлица съ желтыми алмазами и съ искры алмазными жь; 36) пѣтличка съ червчетыми камнями и съ искры алмазными; 37) пѣтличка четвероугольная съ бриліантами; 38) пѣтлица съ бриліантомъ

и съ лаловымъ камнемъ и съ искры бриліантовыми жь; 39) звѣзда золотая съ алмазомъ и съ искры алмазными; 40) пѣтлица съ бриліантами и съ 2 лаловыми камнями: 41) пѣтличка бриліантовая съ 2 лаловыми камнями и съ одною бусою; 42) пѣтличка съ 2 изумруды и съ искры алмазными; 43) пѣтличка съ алмазными искрами и съ лалами; 44) пара пѣтлицъ съ изумрудами и съ искры алмазными; 45) пѣтлица круглая съ изумрудомъ и съ искры алмазными; 46) пѣтлица съ изумрудами и съ искры алмазными; 47) пѣтличка круглая съ изумрудомъ и съ искры алмазными; 48) пѣтличка съ подвѣсками бриліантовыми и съ лаловыми камнями; 49) пѣтличка съ лаломъ и съ искры алмазными; 50) пѣтличка круглая бриліантовая; 51) пѣтличка съ искры алмазными и съ лалами; 52) мушка съ 2 алмазами и съ искры алмазными жь и съ лалами; 53) пѣтлица съ изумрудомъ и 4 искры алмазныхъ; 54) пѣтличка съ искры алмазными и съ 2 лалами; 55) пѣтличка съ лаловымъ камнемъ и съ искры алмазными; 56) пара петличекъ съ изумрудами и съ искры алмазными и съ 2 зернами; 57) пѣтличка съ лаловымъ камнемъ и 3 искрами алмазными, въ одномъ мѣстѣ искры нѣтъ; 58) пѣтличка съ искрою алмазною въ финифтѣ; 59) пѣтличка съ 2 алмазами и съ 4 лалами, въ нихъ три мѣста порозжихъ; 60) двѣ персоны арапскихъ литые въ золотѣ, при нихъ искры алмазные; 61) пѣтличка съ яхонтомъ и съ искры алмазными; 62) пѣтличка бриліантовая; 63) пѣтличка жь бриліантовая съ искры бриліантовыми жь; 64) игла золотая съ однимъ алмазомъ желтымъ; 65) пѣтлица въ золотѣ съ изумрудомъ и съ искры алмазными подъ нею подвѣшено 9 зеренъ бурмицкихъ; 66) пѣтлица въ серебрѣ въ ней 19 подвѣсокъ бриліантовыхъ да подъ нею запона съ искры бриліантовыми въ футлярѣ коженомъ; 67) пряжка въ серебрѣ съ бриліантами при ней позументъ золотной; 68) пряжка въ серебрѣ съ искры алмазными; 69) ручка серебряная съ чернью съ зерномъ бурмицкимъ и съ 3 искрами алмазными, въ футлярѣ; 70) зерно бурмицкое; 71) крестъ изумрудной и съ искрами алмазными попорченъ; 72) складень въ золотѣ съ зелеными камни и съ искры алмазными, 73) брустикъ алмазной въ серебрѣ при немъ одной подвѣски искры алмазной нѣтъ; 74) брустикъ же въ серебрѣ съ искрами алмазными; 75) бурмицкихъ зеренъ на ниткѣ среднихъ и малыхъ 23; 76) 3 коробки золота литаго; 77) готоваленка золотая съ искры алмазными во что перья кладутъ, коробка золотая съ чернью крышка съ бриліантами, 78) часы золотые съ чѣпочкою золотою жь осыпаны съ алмазами въ футлярѣ хозовомъ; 79) часы золотые съ портретомъ осыпаны алмазами чѣпочка золотая въ ней 4 камня лаловыхъ въ футлярѣ 80) часы золотые жь въ футлярѣ хозовомъ безъ чѣпочки; 81) часы золотые жь въ футлярѣ безъ цѣпочки; 82) табакерка золотая обложена раковинами и съ сердоликами; 83) табакерка золотая съ 2 большими сердоликами въ футлярѣ хозовомъ; 84) табакерка золотая крышка и дно раковые; 85) табакерка серебряная въ крышкѣ хрусталь съ звѣздками золотыми; 86) табакерка янтарная шалнеръ золотой; 87) табакерка золотая крышка и дно хрустальное; 88) футляръ янтарной оправленъ золотомъ въ немъ ножницы; 89) чѣпочка серебряная съ пряжками зо-

лотыми и съ варворки золотыми жь; 90) сережка съ бриліантами въ серебрѣ, тутъ же 3 бриліанта не въ дѣлѣ; 91) 2 бусы; 92) 8 камней червчетыхъ въ золотѣ; 93) крестъ въ мѣди съ хрусталемъ лазоревымъ; 94) 11 булавокъ серебряныхъ съ бриліантами, да 2 цвѣтка финифтовыхъ въ нихъ по искрѣ алмазной; 95) камень хрустальной красной; 96) ларчикъ золотой въ немъ камушки вдѣланы; 97) 42 камня лаловыхъ; 98) 52 искры алмазныхъ; 99) 241 искра бриліантовыхъ. Вышеписанной подголовокъ за печатьми дѣйствительнаго статскаго совѣтника да гвардіи капитана Мельгунова, лейтенанта Крюковскаго, унтеръ-лейтенанта Рѣсина.

У княжны Александры Меншиковой описано и запечатано а именно: шкатулка обита кожею красною замокъ и скобы мѣдныя подъ № 1, а въ ней: чайникъ, кофейникъ, жаровня, сахарникъ, фляшка чайная, блюдечко, что ложечки кладутъ, и 6 ложекъ маленькихъ сахарные серебряные вызолочены, фарфоровой посуды чашка большая, 6 чашекъ маленькихъ чайныхъ съ блюдечками да чайникъ маленькой; оной шкатулъ за печатьми дѣйствительнаго статскаго совѣтника и гвардіи капитана Мельгунова. Скрынка дубовая крышка мѣстами обита мѣдью и желѣзомъ подъ № 2, а въ ней: 1) бруштикъ алмазной въ золотѣ; 2) бруштикъ алмазной въ серебрѣ въ одномъ мѣстѣ алмазца нѣтъ, 3) бруштикъ алмазной съ лаловыми каменьи въ золотѣ, при немъ 8 подвѣсокъ алмазныхъ и лаловыхъ; 4) бруштикъ алмазной въ серебрѣ въ футлярѣ штофномъ цвѣтномъ; 5) крестъ бриліантовой въ серебрѣ въ футлярѣ коженомъ; 6) крестъ бриліантовой же въ серебрѣ; 7) крестъ на черной ленточкѣ изумрудной съ бриліантами надъ нимъ запона изумрудная съ бриліантовыми искрами; 8) крестъ бриліантовой въ серебрѣ желтоватъ; 9) крестъ алмазной въ серебрѣ; 10) крестъ лаловой съ искрами бриліантовыми въ серебрѣ въ футлярѣ коженомъ; 11) крестъ лаловой съ алмазными искрами въ золотѣ надъ нимъ запонка лаловая и 4 искры алмазныхъ въ футлярѣ коженомъ; 12) крестъ алмазной въ золотѣ на черной ленточкѣ; 13) крестъ въ серебрѣ хрустальной красной съ алмазными искры надъ нимъ запона хрустальная съ алмазными жь искры въ серебрѣ; 14) складень бриліантовой на черной лентѣ, въ немъ 33 бриліанта въ футлярѣ коженомъ; 15) складень бриліантовой на черной лентѣ, въ немъ 33 бриліанта, да между ими мелкіе искры бриліантовые жь; 16) складень на черной ленточкѣ въ немъ 14 запонъ бриліантовыхъ и межъ ими лаловые каменья; 17) серьги въ серебрѣ въ нихъ по одному бриліанту большему; 18) серьги съ подвѣсками, а въ нихъ 4 бриліанта въ серебрѣ вызолочены; 19) двои серги съ лаловыми камушки осыпаны алмазными искрами въ серебрѣ вызолочены; 20) 2 большихъ алмаза въ серебрѣ; 21) бриліантъ четвероугольной въ серебрѣ; 22) перстень съ большимъ бриліантомъ въ золотѣ; а княжна Меншкова объявила, что оной перстень пожалованъ отъ цесаря; 23) перстень бриліантовой четвероугольной въ золотѣ; 24) перстень съ большимъ алмазомъ въ серебрѣ; 25) перстень алмазной въ золотѣ; 26) 2 подвѣски съ большими алмазами въ серебрѣ; 27) запонка бриліантовая въ серебрѣ, въ ней 11 большихъ бриліантовъ и осыпана мелкими бриліантами жь; 28) ор-

лнкъ золотой осыпанъ алмазами; 29) пара подвѣсокъ алмазныхъ въ серебрѣ; 30) подвѣска съ большимъ бриліантомъ въ серебрѣ; 31) 2 пѣтлицы бриліантовые въ серебрѣ вызолочены, въ нихъ 4 бриліанта большихъ и 8 подвѣсокъ между ими искры бриліантовые жь; 32) петлица въ серебрѣ бриліантовая въ ней большой лаловой камень и 5 бурмицкихъ зернъ и 6 камушковъ лаловыхъ въ 3 мѣстахъ искръ бриліантовыхъ нѣтъ; 33) пѣтличка бриліантовая съ лаловыми каменьи и 8 подвѣсокъ бриліантовыхъ въ серебрѣ съ финифтью; 34) пѣтличка алмазная въ серебрѣ съ изумрудами зелеными 4 подвѣски бурмицкихъ зеренъ, 5 зеленыхъ простыхъ камней; 35) пѣтличка бриліантовая съ большимъ лаловымъ камнемъ въ футлярѣ; 36) перышко бриліантовое въ серебрѣ съ 17-ю подвѣски въ футлярѣ; 37) перышко бриліантовое съ 8-ю подвѣски въ серебрѣ въ футлярѣ; 38) ручка финифтная черная съ алмазомъ; 39) алмазъ круглой; 40) пѣтличка бриліантовая съ большимъ четвероугольнымъ бриліантомъ и осыпана бриліантами жь въ серебрѣ; 41) пѣтличка бриліантовая; 42) пѣтличка бриліантовая съ подвѣскою бриліантовою жь въ серебрѣ; 43) пѣтличка бриліантовая съ краснымъ камнемъ; 44) ручка съ подвѣскою въ подвѣскѣ красной камень въ ручкѣ алмазные искры въ футлярѣ; 45) пѣтличка бриліантовая съ красными камни въ футлярѣ; 46) ручка съ краснымъ камнемъ осыпана бриліантовыми искры; 47) ручка у ней подвѣски одна изумрудная, 3 алмазные; 48) пѣтличка алмазная съ красными камни; 49) пѣтличка съ большимъ алмазомъ осыпана алмазными жь искры въ золотѣ; 50) пѣтличка съ большимъ алмазомъ подъ короною осыпана алмазными искры, въ одномъ мѣстѣ искры нѣтъ; 51) пѣтличка съ краснымъ камнемъ съ искрами и съ 2 подвѣски алмазными да 3 красныхъ простыхъ камня въ серебрѣ съ финифтью; 52) пѣтличка съ краснымъ камнемъ осыпана бриліантовыми искры въ серебрѣ; 53) пѣтличка алмазная съ красными каменьи и съ 3 подвѣски красными жь каменьи въ серебрѣ; 54) пѣтличка алмазная съ краснымъ камнемъ и съ 2 подвѣски алмазными да съ 3-мъ красными каменьи; 55) пѣтличка съ алмазомъ да съ краснымъ камнемъ при ней 5 подвѣсокъ алмазныхъ; 56) пѣтличка съ краснымъ камнемъ осыпана бриліантовыми искры въ серебрѣ; 57) пѣтличка въ серебрѣ съ бриліантомъ осыпана искры бриліантовыми жь; 58) пѣтличка алмазная съ краснымъ камнемъ подвѣска алмазная; 59) пѣтличка съ краснымъ камнемъ осыпана алмазными искры въ серебрѣ; 60) пѣтличка алмазная съ краснымъ камнемъ, въ подвѣскѣ красной же камень въ серебрѣ; 61) пѣтличка алмазная съ краснымъ камнемъ въ серебрѣ съ финифтью; 62) пѣтличка алмазная съ 2 красными камни въ серебрѣ; 63) ручка въ серебрѣ съ финифтью подвѣска съ искры алмазными и съ красными камушки; 64) ручка въ серебрѣ съ финифтью съ изумрудами и съ алмазными искры; 65) 2 камня красныхъ лаловыхъ въ серебрѣ; 66) 2 пары пѣтлицъ съ красными каменьи осыпаны алмазными искры; 67) игла золотая съ большимъ алмазомъ; 68 15 булавокъ на каждой по 1 бриліанту; 69) 11 цвѣтковъ финифтиныхъ въ каждой по 1 алмазной искрѣ въ томъ числѣ 1 цвѣтокъ съ краснымъ камнемъ и съ алмазными жь искры; 70) подвѣска алмазная въ серебрѣ; 71) 2 цвѣт-

ка финифтеныхъ въ нихъ по искрѣ алмазной; 72) 2 зерна бурмицкіе съ алмазными искры; 73) серги алмазные въ золотѣ; 74) перстень золотой съ бриліантомъ и вкругъ осыпанъ бриліантовыми искры; 75) перстень золотой съ изумрудомъ и съ 2 искры бриліантовыми; 76) перстень золотой съ искры алмазными; 77) перстень золотой съ изумрудомъ и съ одною искрою алмазною, а въ одномъ мѣстѣ искры нѣтъ; 78) перстень золотой съ хрусталемъ краснымъ по сторонамъ 2 искры алмазные; 79) крестъ золотой на черной лентѣ съ краснымъ камнемъ осыпанъ искрами алмазными при немъ запонка съ краснымъ камнемъ и съ 4 искры алмазными; 80) хрусталь въ серебрѣ съ вензелемъ осыпанъ искры алмазными; 81) пара запанокъ золотыхъ въ нихъ по 1 алмазу; 82) запонка золотая съ искры алмазными, а въ срединѣ камня нѣтъ; 83) 2 хрусталя въ серебрѣ съ вензелями осыпаны алмазными искры въ серебрѣ; 84) 2 хрусталя въ серебрѣ съ вензелями въ каждомъ по 4 искры алмазныхъ; 85) хрусталь въ золотѣ съ вензелемъ, кругъ его 4 искры алмазныхъ; 86) 5 цвѣтковъ съ алмазными искры въ золотѣ; 87) 1 бурмицкое зерно; 88) 4 бусы; 89) цвѣтокъ въ серебрѣ осыпанъ искры алмазными въ срединѣ одно мѣсто порожжее; 90) 4 складня маленькихъ на черныхъ ленточкахъ въ нихъ 18 красныхъ камней между ими искры алмазные въ серебрѣ; 91) 4 нитки крупнаго жемчюгу въ нихъ 213 зеренъ; 92) 2 нитки мелкаго жемчюгу на черныхъ ленточкахъ; 93) 35 искръ въ серебрѣ, которые были въ складнѣ; 94) 19 искръ алмазныхъ; 95) пряжка серебряная съ 8 бриліантами и осыпана бриліантовыми жь искры у пряжки позументъ серебряной; 96) пара пряжекъ, что на рукахъ носатъ осыпаны алмазными искры и съ красными камушками на бархатныхъ красныхъ ленточкахъ; 97) мушка въ серебрѣ съ краснымъ камнемъ и съ искры алмазными, да при ней цвѣтокъ съ краснымъ камнемъ и съ 3 искры алмазными; 98) игла съ персоною арапскою и 4 искры алмазныхъ; 99) искръ красныхъ и зеленыхъ 44; 100) портретъ блаженные и вѣчнодостойные памяти Императорскаго Величества въ серебрѣ вызолоченъ и осыпанъ алмазными искры: княжна Александра Меншикова объявила, что оной портретъ пожалованъ отъ Его Императорскаго Величества; 101) портретъ въ футлярѣ хрустальной подъ короною осыпанъ искры бриліантовыми и около его 14 бриліантовъ въ серебрѣ: княжна Александра Меншикова объявила оной портретъ пожалованъ отъ Ея Императорскаго Величества; 102) 2 портрета въ золотѣ, на которыхъ персоны князя Меншикова осыпаны искры алмазными, въ одномъ мѣстѣ искры нѣтъ; 103) 2 портрета, на которыхъ персоны княгини Меншиковой осыпаны алмазными искры въ золотѣ; 104) портретъ подъ короною осыпанъ алмазами и искры; 105) портретъ золотой безъ персоны въ немъ 4 камня бриліантовыхъ и осыпанъ искры бриліантовыми жь; 106) часы съ цѣпочкою золотые осыпаны алмазными искры; 107) часы золотые съ портретомъ чѣпочка и крючекъ золотой осыпанъ алмазными искры; 108) часы съ чѣпочкою и крючкомъ золотые; 109) часы золотые въ футлярѣ хозовомъ чѣпочка и крючекъ золотые въ чѣпочкѣ каменья красныя; 110) 2 коробки золота литаго; 111) 29 бусъ на ниткѣ. Вышеписан-

ные вещи и протчее въ скрынкѣ за печатьми дѣйствительнаго статскаго совѣтника да гвардіи капитана Мельгунова, да унтеръ-лейтенанта Рѣсина.

Опись брильянтамъ, золотымъ и другимъ вещамъ, оставшимся послѣ Меншикова, составленная въ царствованіе Анны Іоанновны.

Въ бытность въ Аранибургѣ тайнаго совѣтника Ивана Никифорова сына Плещеева да гвардіи капитана Петра Мелгунова по описи явилось Меньшикова, также жены и дѣтей его алмазныхъ и прочихъ вещей, которые съ прочими пожитками оставлены были за печатью въ Аранибургѣ подъ карауломъ онаго капитана Мелгунова и потомъ посланнымъ изъ верховнаго тайнаго совѣта гвардіи офицеромъ тѣ алмазные и прочіе вещи, кромѣ другихъ пожитковъ привезены были въ Москву и въ расходъ употреблены, а именно:

Въ домѣ Его Императорскаго Величества:

Кавалерія ордена святаго Андрея съ брилліантами . .	4,300
Того же ордена звѣзда алмазная	5,000
Звѣзда алмазная же того же ордена	1,000
Кавалерія ордена святаго Александра съ брилліантами .	1,200
Галстухъ кружевной съ кистями жемчужными и съ алмазными.	

Два камня брилліантовыхъ въ серебрѣ.
Пряжки брилліантовые въ серебрѣ.
Шпага да трость съ алмазами.
Запона съ большимъ алмазомъ.
Брустикъ алмазный въ серебрѣ.
Крестъ брилліантовый.
Запона съ большимъ алмазомъ.
Блюдечко золотое съ яхонтами и изумрудами.
Два большіе алмаза въ серебрѣ.

Въ описи въ Аранибургѣ не написанъ, а взятъ въ Москвѣ у дѣвки Зюзиной.	Складень алмазный.

Искръ алмазныхъ сто пятьдесятъ.
Искръ же брилліантовыхъ двѣсти сорокъ одна.
Изъ креста шесть брилліантовыхъ большихъ.
Изъ пера брилліантъ большой.
Изъ пряжки самарной пять брилліантовъ.
Изъ пера брилліантъ четвероугольный.
Подвѣска брилліантовая.
Двѣ подвѣски алмазныя.
Два брилліанта въ серебрѣ.
Изъ перстня алмазъ большой желтый.
Двѣ запонки алмазныя.
Изъ зарукавья девять искръ алмазныхъ.

Къ Государыни Великой Княжнѣ:
Серьги брилліантовые въ серебрѣ.
Перстень золотой съ брилліантомъ.
Запона въ ней лалъ съ искрами брилліантовыми.
Двѣ ручки съ двумя изумруды.
Складень брилліантовый въ серебрѣ.
Серьги брилліантовыя въ серебрѣ.
Перстень брилліантовый въ золотѣ.
Перстень такой же брилліантовый.
Крестъ брилліантовый въ серебрѣ съ цѣпочкою.
Ручка золотая съ подвѣскою и съ двумя искрами алмазными.
Одиннадцать булавокъ серебряныхъ съ брилліантами.
Зерно бурмицкое.
Петлица круглая съ брилліантами.
Поясъ золотой съ пряжкою брилліантовою.
Два брилліанта четвероугольныхъ въ серебрѣ.

Въ описи въ Аранибургѣ не написанъ, а взятъ въ Москвѣ у дѣвки Зюзиной.	Складень брилліантовый.	16,000

Петлица брилліантовая съ лаломъ и съ бурмицкими зерны.
Пятнадцать булавокъ съ брилліантами.
Ручка финифтная съ алмазомъ.
Запона брилліантовая въ серебрѣ.
Серьги брилліантовыя съ подвѣсками.
Серьги съ брилліантами жъ.
Балкантъ въ серебрѣ, четвероугольный.
Зерно бурмицкое.
Подвѣска съ большимъ брилліантомъ, въ серебрѣ.
Алмазъ круглый.
Складень брилліантовый.
Шпага съ алмазами, эфесъ, крючекъ и наконешникъ золотые.
Брилліантъ большой въ серебрѣ съ прусской кавалеріею. 7,000
Запона съ краснымъ камнемъ и съ искры алмазными.
Перстень съ большимъ алмазомъ.
Петличка съ двумя брилліантами.
Серьги брилліантовыя въ золотѣ.
Подвѣска брилліантовая съ пера.
Крестъ изумрудный съ искры алмазными.
Портретъ съ брилліантами.
Крестъ изумрудный съ брилліантами.
Ручка съ краснымъ камнемъ и съ искры брилліантовыми.
Лента пунцовая съ серебряными каймами.

И въ пріемѣ вышеписанныхъ вещей, съ поданной вѣдомости въ верховный тайный совѣтъ надворнаго интенданта Петра Мошкова, къ описнымъ дѣламъ для вѣдома изъ верховнаго тайнаго совѣта дана копія.

До приказу тайнаго дѣйствительнаго совѣтника и государственнаго вице-канцлера и кавалера графа Андрея Ивановича Остермана, отдано надворному интенданту Мошкову къ строенію коронъ съ роспискою. А именно:

Запона алмазная подъ короною.	1,200
Семьдесятъ восемь пуговицъ съ брилліантами и алмазами .	4,150
Пятьдесятъ пять пуговицъ кафтанныхъ съ алмазами, въ серебрѣ.	2,000
Три перстня золотыхъ, первый съ яхонтомъ лазоревымъ, другой съ краснымъ, простымъ камнемъ, третій, съ красною венисою и съ двумя искры алмазными. . .	116
Двадцать три пуговицы съ алмазами, въ золотомъ финифтьѣ.	100
Перышко съ брилліантами и съ красными яхонтами въ серебрѣ.	500
Камень красный, спирань, съ подвѣскою.	10
Петлица золотая съ алмазами	450
Крестъ алмазный въ серебрѣ	1,200
Крестъ брилліантовый, сквозной, въ серебрѣ	400
Петлица съ бѣлымъ яхонтомъ и съ искры алмазными .	200
Перо брилліантовое съ лаломъ и съ яхонты	560
Перышко алмазное въ серебрѣ.	185
Три алмаза	300
Петлица алмазная въ подвѣскѣ, зерно персидское . .	200
Петлица алмазная, съ изумрудомъ.	350
Портретъ съ алмазами, въ серебрѣ, съ короною. . .	500
Портретъ съ алмазами же, въ серебрѣ, съ короною же.	650
Портретъ съ алмазами же, въ серебрѣ	500
Петличка съ краснымъ яхонтомъ и съ алмазами . . .	65
Петличка съ краснымъ ланомъ въ серебрѣ.	3
Петличка алмазная, въ серебрѣ.	200
Петличка съ брилліантами и съ изумруды, въ серебрѣ .	200
Петличка съ алмазами въ серебрѣ.	150
Складень алмазный въ серебрѣ.	400
Петлица съ алмазами и съ камнемъ лазоревымъ, въ серебрѣ, вызолочена	150
Перстень золотой съ лаломъ	10
Перстень золотой съ алмазы	150
Петличка брилліантовая, въ серебрѣ	30
Пять брилліантовъ въ серебрѣ.	308
Перстень золотой съ алмазами.	150
Перстень золотой съ алмазами.	100
Перстень золотой съ брилліантомъ	120
Перстень золотой съ алмазами.	40
Складень алмазный, въ серебрѣ	150
Перстень золотой съ лаломъ	10
Перстень золотой съ брилліантами	60
Петличка съ брилліантами и съ краснымъ яхонтомъ. .	60
Два камня простыхъ, красныхъ.	2

Двадцать семь камней яхонтовъ лазоревыхъ, въ серебрѣ.	100
Корона золотая съ алмазы	130
Три запоны алмазные въ серебрѣ.	400
Крестъ брилліантовый	350
Двѣ тресилки изумрудные съ алмазами	20
Въ описи въ Аранибургѣ не написанъ, а взятъ въ Москвѣ у дѣвки Зюзиной. } Складень лаловый.	600
Тринадцать пуговицъ алмазныхъ, въ серебрѣ	160
Перстень золотой съ алмазомъ.	30
Перстень золотой съ алмазами	150
Запона брилліантовая, въ срединѣ стекло подъ фольгою красною.	1,860
Три запонки брилліантовые, въ серебрѣ.	200
Портретъ подъ короною алмазною въ золотѣ	530
Крестъ брилліантовый.	850
Крестъ лаловый съ брилліантами, да серьги съ суровиками и съ брилліантами	205
Бурмицкаго жемчугу сто шесть зеренъ	1,000
Серьги алмазные съ подвѣсками	400
Складень брилліантовый въ серебрѣ	500
Портретъ съ брилліантами	1,310
Перстень золотой съ яхонтомъ и съ брилліантами . .	30
Двѣ подвѣски алмазные, въ серебрѣ	500
Два алмаза въ серебрѣ	2,000
Ручка съ изумруды и съ алмазцы	7
Петличка съ искры брилліантовыми въ серебрѣ . . .	40
Алмазъ въ серебрѣ.	500
Перо съ лаломъ и съ алмазами	1,200
Петлица съ желтымъ алмазомъ.	430
Петличка съ лаломъ и съ искры яхонтовыми и съ брилліантовыми.	102
Петлица съ ланомъ и съ брилліантами	110
Звѣзда золотая съ алмазами.	50
Петлица брилліантовая съ яхонты въ золотѣ	375
Петличка брилліантовая съ яхонты красными и съ подвѣскою бусовою	240
Петличка брилліантовая съ изумруды.	70
Пара петлицъ алмазныхъ съ изумруды	70
Петлица съ изумруды и брилліантами	65
Петличка брилліантовая съ подвѣсками и съ красными камнями	42
Петличка брилліантовая въ серебрѣ	230
Петличка съ алмазами и съ красными яхонты	21
Петличка съ брилліантомъ и съ алмазцы и съ лаломъ.	50
Петлица съ лаломъ и съ брилліантами въ золотѣ . .	320
Петличка брилліантовая съ подвѣсками	250
Петличка брилліантовая жъ въ серебрѣ	400

Игла серебряная съ алмазомъ	20
Складень съ зеленымъ, простымъ камнемъ и съ искры алмазными	100
Сережка съ бриллiантомъ, да три бриллiанта не въ дѣлѣ.	180
Крестъ съ простыми камнями въ серебрѣ	1
Камень красный простой	
Пятьдесятъ двѣ искры алмазныхъ и бриллiантовыхъ . .	335
Брустикъ алмазный съ лаломъ и съ яхонты въ золотѣ .	730
Брустикъ алмазный въ серебрѣ.	190
Крестъ бриллiантовый въ серебрѣ.	560
Крестъ съ бриллiантами и съ лалами.	160
Крестъ алмазный въ золотѣ.	80
Крестъ съ красными простыми каменьи.	
Складень бриллiантовый	730
Складень алмазный съ красными яхонты и съ алмазами.	520
Двои серьги съ бриллiантами и съ красными яхонты .	100
Перстень золотой съ алмазомъ.	400
Перстень золотой съ алмазомъ.	100
Двѣ подвѣски алмазные въ серебрѣ	1,000
Двѣ петлицы бриллiантовыя	280
Петличка съ бриллiантами и съ червчетыми яхонты. .	520
Петличка съ бриллiантами и съ лаломъ.	210
Перышко бриллiантовое съ подвѣсками	190
Петличка бриллiантовая	200
Петличка бриллiантовая жъ	100
Петличка бриллiантовая же	200
Петличка бриллiантовая же съ краснымъ камнемъ . .	150
Ручка съ подвѣскою лаловою и съ алмазы.	25
Ручка серебряная съ финифтью съ подвѣскою изумрудною.	40
Петличка съ алмазами и съ красными яхонты	81
Петлица алмазная въ золотѣ	400
Петличка алмазная жъ.	190
Петличка съ красными камнями и съ искры алмазными.	25
Петличка бриллiантовая съ краснымъ камнемъ. . . .	56
Петличка съ алмазами и съ краснымъ камнемъ . . .	75
Петличка съ бриллiантами и съ камнями красными . .	250
Петличка съ бриллiантами и съ лаломъ краснымъ . .	200
Петлица бриллiантовая	50
Петличка съ алмазами и съ лаломъ	100
Петличка съ алмазами и съ красными яхонты	33
Петлица съ алмазомъ и съ красными яхонты	20
Двѣ пары петлицъ съ простыми красными каменьи и съ искры бриллiантовыми . . . . , ...	120
Игла серебреная съ алмазомъ	20
Подвѣска съ алмазами въ серебрѣ	60
Серьги алмазные.	180
Перстень золотой съ бриллiантами.	25
Четыре складня съ бриллiантами и простыми камнями.	220

Тридцать-пять искръ алмазныхъ въ серебрѣ.	165
Девятнадцать искръ алмазныхъ и бриллiантовыхъ. . .	510
Пряжка бриллiантовая въ серебрѣ, при ней позументъ серебряный.	200
Портретъ подъ короною съ алмазами.	190
Портретъ подъ короною же съ бриллiантами. . . .	750
Портретъ подъ кароною же съ алмазами.	155
Портретъ золотой съ бриллiантомъ.	250
Кавалерiя прусская съ запоною бриллiантовою. . . .	500
Звѣзда того же ордена съ алмазами.	700
Кавалерiя датскаго ордена съ бриллiантами.	1,700
Звѣзда алмазная того же ордена.	800
Крестъ андреевой киваллерiи съ алмазами	30
Двѣ запонки бриллiантовые.	220
Пряжка отъ самары съ бриллiантами.	120
Запонка съ искрами бриллiантовыми и съ простымъ камнемъ.	190
Запона серебряная съ бриллiантами.	200
Перстень золотой съ бриллiантомъ.	100
Перстень серебряный съ бриллiантомъ и краснымъ яхонтомъ.	50
Петлица съ изумрудомъ и съ искрами бриллiантовыми.	600
Петличка бриллiантовая съ красными яхонтами. . . .	250
Два портрета въ золотѣ съ бриллiантомъ и съ алмазы.	200
Два портрета бриллiантовые.	410

Итого, кромѣ нецѣненныхъ вещей, въ отдачѣ на 90,073 рубля.

Да по указу изъ верховнаго тайнаго совѣта мая 31-го дня 1728 года отдано въ иностранную коллегiю:

Кавалерiя на лазаревой лентѣ польская съ алмазами, въ томъ числѣ въ двухъ мѣстахъ алмазовъ нѣтъ, и при той кавалерiи того же ордена звѣзда.	100
Кавалерiя прусскаго ордена золотая финифтью, на рудожелтой лентѣ, и при ней того же ордена звѣзда. .	25
Цѣпь золотая того же ордена, въ ней звѣзда, перловъ тридцать-восемь, при ней кавалерiя золотая финифтью и того же ордена звѣзда.	220
Цѣпь золотая ордена дацкаго, въ ней двадцать-два слона и двадцать-двѣ башенки золотые, финифтью, при ней кавалерiя слонъ, на слонѣ крестъ, а въ немъ пять алмазовъ и того же ордена звѣзда.	460

Итого въ иностранную коллегiю на 805 рублевъ.

Въ вышеписанныхъ кавалерiяхъ и прочемъ росписался иностранной коллегiи расходчикъ Матвѣй Арбеневъ.

Да по указу же изъ высокаго сената сентября 29 дня 1729 года отдано въ монетную контору:

Золота въ коробкахъ и золотыхъ червонныхъ, и пуговицъ золотыхъ 9-ть фунтовъ 32 золотника.

Въ томъ золотѣ и въ червонныхъ росписался монетной конторы казначей Иванъ Алмазовъ.

Затѣмъ Меншикова, также жены и дѣтей его, алмазныхъ и прочихъ вещей было въ отсаткѣ, а именно:

Кавалеріи:

Дацкаго ордена съ большими и малыми алмазами грани греческой	220
Пряжка въ золотѣ съ финифтью. . . . . . . , . .	20
Пряжка въ золотѣ же, съ финифтью.	20
Ордена святаго Андрея съ короною, въ коронѣ семнадцать искръ разсыпныхъ.	50
Того же ордена о двухъ коронкахъ, въ ней сто-тридцать-восемь алмазныхъ искръ разсыпныхъ.	100
Крестъ маленькій андреевой же кавалеріи въ золотѣ, въ немъ девять камушковъ яхонтовыхъ	5
Двѣ звѣзды андреевой кавалеріи, низанные жемчугомъ.	60
Звѣзда прусскаго ордена жемчужная	15
Тридцать-четыре звѣзды каваларскихъ, шиты золотомъ и серебромъ.	
Табакерка золотая съ алмазами.	492
Табакерка бѣлая, костяная, съ искры алмазными. . .	40
Табакерка золотая съ портретомъ и съ искры алмазными.	75
Табакерка золотая съ крышкою яшмовою зеленою. . .	45
Табакерка золотая, въ ней портретъ за стекломъ. . .	40
Табакерка золотая, крышка черепаховая, насѣчена золотомъ.	50
Табакерка золотая, крышка и дно раковые, черные, насѣчены золотомъ.	60
Табакерка раковая, въ золотѣ, на крышкѣ сердоликъ красный. . . , ...	50
Табакерка золотая	60
Табакерка раковая, въ золотѣ, на крышкѣ травки лазоревые.	25
Табакерка серебряная, верхъ финифтовый бѣлый. . .	12
Табакерка костяная, бѣлая, съ искры алмазными и яхонтовыми, шалнеръ золотой.	35
Пряжки съ алмазами серебряные вызолоченные. . . .	200
Перстень золотой съ яхонтомъ краснымъ и съ брилліантомъ, и съ двумя искры брилліантовыми.	50
Перстень золотой съ зеленымъ изумрудомъ.	30
Перстень золотой съ краснымъ яхонтомъ и съ алмазами.	130
Портретъ золотой съ короною, въ коронѣ искры алмазные.	50
Три медали золотые	196
Часы золотые съ репетиціею.	70
Часы золотые съ цѣпочкою золотою.	50
Готовальня маленькая золотая, гладкая, съ инструменты.	40

Пять готоваленъ съ инструменты, въ томъ числѣ одна оправлена золотомъ, четыре готовальни съ оправою серебряною.	80
Двѣ печати, одна серебряная, другая хрустальная, въ серебрѣ.	18
Стекло очное въ черепахѣ, оправлено серебромъ. . .	5
Шесть чарокъ золотыхъ съ ручками.	412
Коробочка серебряная. . . . . :	6

А въ той коробочкѣ:

Двѣ запонки брилліантовые.	50
Шесть камушковъ красныхъ, стеклянные.	1
Печать на бѣломъ камнѣ съ алмазами	250
Печатка въ золотѣ, на вишневомъ камушкѣ.	6
Пять пуговицъ большихъ, серебряныхъ, съ алмазами. .	290
Печать серебряная съ краснымъ аспидомъ.	2
Четыре пары запонокъ хрустальныхъ.	2
Запона серебряная, ломанная, съ мелкими алмазцами. .	60
Двѣ кисти и два репейка, и двѣ варварочки мелкаго жемчугу.	12
Двѣ печатки золотые съ сердоликами.	6
Печать сердаликовая въ серебрѣ, ручка каменная. . .	5
Кошелекъ тканый, золотой, съ замочкомъ серебрянымъ.	3
Двѣ табакерки серебряные.	12
Часы солнечныя серебряныя.	30
Перстень золотой безъ камня, а камень вынятъ и взятъ въ домъ Его Императорскаго Величества.	1
Медалей золотыхъ, россійскихъ и иностранныхъ, большихъ и малыхъ девять; вѣсу въ нихъ два фунта двѣнадцать золотниковъ.	485
Осьмнадцать камней лаловыхъ и яхонтовыхъ.	503
Перстень золотой съ лаломъ и съ искры алмазными. . .	7

Сундучекъ длинный, обитъ кожею, а въ немъ:

Шпага съ алмазами. . . . . . . , ...	7,000
Шпага золотая съ алмазами.	1,400
Трость съ алмазами, съ набалдашникомъ золотымъ. . .	700
Трость съ алмазами же, набалдашникъ и наконешникъ золотые.	2,100
Трость, набалдашникъ и наконечникъ золотые, съ алмазами.	980
Трость съ большими и съ мелкими брилліантами. . .	120
Шпага, эфесъ, крючекъ и наконешникъ золотые, съ алмазами	1,000
Шпага, глифъ осыпанъ жемчугомъ и изумруды. . . .	35
Трость черепаховая.	5
Маршалштабъ гебоновой, набалдашники по концамъ золотые.	100

Трость небольшая съ набалдашникомъ золотымъ и съ алмазами.	60
Кортикъ серебряный съ алмазомъ.	370
Шпага серебряная, вызолоченная	20
Шпага, эфесъ серебряный, гладкій.	12
Кортикъ серебряный.	10
Кортикъ, эфесъ серебряный.	7
Протупеевъ шпажныхъ и кортишныхъ, тканыхъ серебромъ и шелкомъ, семь.	8
Трость съ набалдашникомъ янтарнымъ, кольцо золотое.	2

Жены Меньшикова:

Шесть бусъ подвѣсныхъ.	
Крестъ алмазный въ серебрѣ.	120
Крестъ золотой съ алмазами.	120
Перышко въ серебрѣ алмазное съ изумруды.	380
Перо въ серебрѣ, въ которомъ были два алмаза, а въ немъ оставшіеся четыре искры брилліантовые . . .	20
Пряжка отъ самары въ серебрѣ.	
Петличка съ хрустальнымъ зеленымъ камнемъ и съ искры алмазными.	60
Портретъ въ серебрѣ съ хрусталями.	1
Два перстня золотыхъ, одинъ съ краснымъ простымъ камнемъ, другой — съ сердоликомъ.	4
Печатка золотая съ краснымъ сердоликомъ.	4
Перстень золотой съ короною и съ искры брилліантовыми.	10
Нитка жемчугу.	100
Перстень золотой съ финифтью	3
Четыре запоны серебряные съ искры алмазными. . .	50
Складень ручной съ искры алмазными.	80
Цѣпочка отъ часовъ съ искры алмазными.	8
Перышко съ искры алмазными.	100
Девяносто-пять камней лаловыхъ, большихъ и среднихъ, и мелкихъ, въ томъ числѣ простыхъ три венисы . .	3
Тридцать-шесть яхонтовъ лазоревыхъ, большихъ и малыхъ.	83
Шесть яхонтовъ желтыхъ.	10
Двадцать изумрудовъ, большихъ и мелкихъ.	5
Запона серебряная съ простыми камнями.	2
Крестъ маленькій съ кавалеріи и съ искры брилліантовыми, и при немъ двѣ звѣздки алмазныхъ.	40
Кисть мелкаго жемчугу.	5
Крестъ золотой безъ камней.	
Жестянка, а въ ней положено:	
Поясъ атласный съ запонами и съ искры алмазными. .	1,000
Съ головы уборъ, на трехъ черныхъ лентахъ, съ искры алмазными.	450

Двѣ нитки жемчугу персидскаго. 200
Двѣнадцать искръ алмазныхъ греческихъ. 30
Двѣ запонки двойные, золотые, въ нихъ хрустали. . . 2
Шесть платковъ шелковыхъ разныхъ цвѣтовъ. . . . 3
Тридцать-восемь бусъ. 1

Варвары Арсеньевой:

Двѣ пряжки отъ пояса золотые съ алмазами. 160
Двѣ треситки золотые съ красными яхонтами. . . . 20
Двѣ треситки же золотые съ простыми красными камнями. 3
Зерно бусовое . . . .

Сына Меньшикова:

Запона двойная отъ галстуха серебряная, съ алмазами. 70
Пряжка серебряная съ брилліантами. 180
Перстень золотой съ яхонтомъ лазоревымъ. 20
Перстень золотой съ брилліантами, да два яхонта. . . 35
Перстень золотой съ брилліантами, да двѣ алмазные искры. 20
Перстень золотой съ алмазомъ разсыпнымъ. 25
Перстень золотой съ краснымъ яхонтомъ. 8
Перо золотое, что носятъ на шляпѣ, съ алмазы, съ яхонты и съ изумруды. 80
Пряжки принцъ-метальныя съ алмазами. 100
Перстень золотой съ алмазами. 15
Перстень съ пятью алмазными искрами. 12
Перстень золотой съ лаломъ, осыпанъ алмазными искры. 25
Портретъ золотой съ финифтью. 5
Красный смазень. . . . .
Подвѣска серебряная съ искрою алмазною. 1
Пряжки серебряные съ искры брилліантовыми. . . . 100
Табакерка съ короною, золотая и съ алмазными искры. 160
Табакерка съ короною, золотая, съ алмазными искры. . 150
Блюдечко чеканное да чарка мѣдные, вызолочены. . . 5
Съ трости набалдашникъ золотой, на верху сердоликъ. 12
Табакерка золотая съ портретомъ. 50
Табакерка четвероугольная, золотая, съ финифтью. . . 40
Табакерка золотая, четвероугольная. 30
Табакерка черепаховая, оправлена золотомъ. 12
Готовальня хозовая, оправлена серебромъ, съ инструменты 5
Осконъ съ двумя большими искры алмазными. . . . 80
Футляръ золотой съ алмазами. 70
Табакерка янтарная съ двумя брилліантовыми искры. . 50
Часы золотые съ репетиціей. 60
Фляжечка янтарная, съ оправою золотою. 20
Табакерка костяная, синяя, съ насѣчкою золотою. . . 20
Цѣпь золотая. 63
Печать золотая. 15

Табакерка мраморная, оправлена золотомъ.	20
Табакерка серебряная, дно вызолоченное.	12
Табакерка бѣлая, раковая, оправлена серебромъ, наверху той табакерки сердоликъ.	10
Часы солнечные въ серебряномъ корпусѣ.	5
Табакерка каменная, оправлена серебромъ, вызолочена.	5
Табакерка раковая, оправлена серебромъ.	4
Чернилица свертная, серебряная.	1
Чернилица свертная, серебряная, съ песочницею. . .	3
Табакерка раковая, пестрая, оправлена серебромъ. . .	2
Табакерка черепаховая, оправлена серебромъ. . . .	4
Подносъ серебряный съ шестью чашками.	10
Пластинка соболья.	2
Ложка и вилка серебряныя.	1
Табакерка раковая, оправлена серебромъ.	2
Ложка серебряная, небольшая.	
Ножикъ складной, черень и лезвіе серебряные. . . .	
Трубка зрительная серебряная.	3
Табакерка круглая, костяная.	1
Часы золотые плоскіе.	30
Табакерка раковая, оправлена серебромъ, въ ней вложена золотая.	3
Персона Меньшикова на финифти, оправлена золотомъ.	4
Двѣ ложки серебряные, въ томъ числѣ одна маленькая.	1
Футляръ янтарный	
Кошелекъ, шитъ золотомъ не цѣненъ.	
Дочери Маріи:	
Крестъ алмазный съ запоною.	50
Три нитки жемчугу персидскаго.	100
Складенъ алмазный, съ крестомъ.	150
Портретъ алмазный подъ короною.	250
Портретъ жены Меньшикова подъ короною, съ алмазами.	150
Два портрета или запоны съ искры алмазными. . . .	40
Двѣ пары пряжекъ, что на рукахъ носятъ, золотые, съ искры алмазными.	50
Пара пряжекъ съ запряжниками, съ искры брилліантовыми.	70
Запона подъ хрусталемъ съ искры алмазными. . . .	30
Петлица брилліантовая, при ней подвѣшено семь лазоревыхъ яхонтовъ.	400
Петлица съ ручкою съ изумруды и съ искры алмазными.	30
Петличка съ алмазными искрами.	30
Петличка круглая съ простымъ зеленымъ камнемъ. . .	40
Петлица съ изумрудами и съ искры алмазными. . . .	20
Петличка съ лаломъ и съ искрыми алмазными. . . .	15
Мушка съ двумя алмазами, въ срединѣ камень красноги пинаръ.	12
Петлица съ изумрудомъ и съ искры алмазными. . . .	15

Петличка съ лаломъ и съ искры бриллiантовыми. . .	50
Пара петличекъ съ искры бриллiантовыми и съ изумрудными, въ подвѣскахъ два зерна бурмицкiе.	20
Петличка съ лаловымъ камнемъ и съ искры алмазными.	5
Петличка съ искрою алмазною, въ финифтѣ бѣлой. . .	3
Петличка съ двумя бриллiантами и лалами.	30
Двѣ персоны арабскихъ, литые, въ золотѣ, съ искры алмазными.	15
Петлица, или перо въ золотѣ, съ изумруды и искры алмазными.	70
Пряжка въ серебрѣ съ искры алмазными.	20
Ручка серебряная, съ чернью, въ подвѣскѣ зерно бурмицкое и четыре искры алмазные.	25
Брустикъ алмазный въ серебрѣ.	270
Брустикъ же въ серебрѣ съ алмазами.	160
Бурмицкихъ зеренъ двадцать-три.	12
Готовальня золотая съ искры алмазными.	70
Коробка золотая, съ чернью, на крышкѣ бриллiантъ и искры бриллiантовые.	70
Часы золотые съ искры алмазными.	300
Часы золотые же съ портретомъ и съ искры алмазными.	200
Часы золотые съ репетицiей.	50
Часы золотые же съ репетицiей.	40
Табакерка золотая съ краснымъ большимъ камнемъ. .	50
Табакерка золотая съ двумя сердоликами.	30
Табакерка серебряная, крышка и дно раковые. . . .	8
Табакерка серебряная.	10
Табакерка янтарная, шалнеръ золотой.	10
Табакерка золотая, крышка и дно хрустальные. . . .	12
Футляръ янтарный, оправленъ золотомъ.	15
Цѣпочка серебряная съ пряжками и съ подвѣсками золотыми.	5
Двѣ бусы	
Восемь камневъ червчетыхъ въ золотѣ.	8
Два цвѣтка съ финифтомъ синимъ, въ нихъ по искрѣ алмазной.	1
Ларчикъ золотой, въ немъ калирики вставлены въ сердоликъ.	50
Сорокъ-два камня лаловыхъ, въ томъ числѣ, по осмотру, явилось простыхъ два.	60
Петличка съ бриллiантами не цѣнена.	

Дочери же Александры:

Брустикъ алмазный въ золотѣ	300
Брустикъ алмазный въ серебрѣ.	200
Крестъ бриллiантовый въ серебрѣ, желтоватъ. . . .	100
Крестъ алмазный въ серебрѣ съ цѣпочкою.	150
Крестъ яхонтовый, красный, съ искрами бриллiантовыми.	50
Крестъ золотой съ алмазами.	80

Петличка алмазная въ серебрѣ съ изумрудами. . . .	50
Перышко брилліантовое въ серебрѣ.	400
Петличка алмазная съ подвязками.	30
Петличка съ краснымъ лаловымъ камнемъ и съ искры алмазными.	20
Петличка алмазная съ краснымъ камнемъ, въ серебрѣ.	15
Ручка въ серебрѣ съ финифтью и подвѣска съ искры амазными и красными камушками.	30
Ручка въ серебрѣ съ финифтью, съ изумрудами и съ алмазными искрами	15
Два камня красныхъ, въ золотѣ, одинъ—ларъ, другой—шпинарь.	10
Одиннадцать цвѣтковъ финифтовыхъ съ искры алмазными.	15
Два цвѣтка финифтовыхъ, въ нихъ по искрѣ алмазной.	6
Два зерна бурмицкихъ, вокругъ ихъ десять искръ алмазныхъ	15
Перстень золотой съ брилліантомъ и съ искры. . . .	70
Перстень золотой съ изумрудомъ и двумя искры брилліантовыми.	15
Перстень золотой съ изумрудомъ и одною искрою алмазною	3
Перстень золотой съ хрусталемъ краснымъ и съ двумя искры алмазными.	8
Крестъ съ искры брилліантовыми, въ серебрѣ. . . .	50
Хрусталь въ серебрѣ, съ вензелемъ, съ искры разсыпными алмазными.	15
Пара запонокъ золотыхъ, въ нихъ по одному алмазу. .	30
Запонка золотая же съ искры алмазными.	8
Два хрусталя въ серебрѣ съ вензелемъ и съ искры алмазными.	60
Два хрусталя въ серебрѣ съ вензелемъ и съ искры алмазными.	40
Хрусталь въ золотѣ съ вензелемъ и съ искры алмазными.	20
Пять цвѣтковъ съ алмазными искры, въ золотѣ. . . .	25
Четыре бусы.	
Цвѣтокъ въ серебрѣ съ искры алмазными	25
Четыре нитки крупнаго жемчугу.	400
Двѣ нитки персидскаго жемчугу.	100
Пара пряжекъ съ припряжниками съ искры алмазными и съ красными камушками.	80
Мушка въ серебрѣ съ краснымъ камнемъ и съ искры алмазными.	15
Игла съ персоною арабскою и четыре искры алмазные.	5
Искръ красныхъ и зеленыхъ изумрудныхъ, яхонтовыхъ и лаловыхъ сорокъ-четыре.	5
Часы золотые съ цѣпочкою и съ искры алмазными. .	200

Часы золотые съ портретомъ и съ искры алмазными. .	150	
Часы золотые.	50	
Часы золотые, въ цѣпочкѣ каменья красные, простые. .	40	
Двадцать-девять бусъ		
Итого въ остаткѣ вышеписанныхъ вещей было на. .	22,872	40

И марта 4-го дня 730 года вышеписанные оставшіеся алмазные и прочіе вещи, по имянному Ея Императорскаго Величества указу, тайнымъ совѣтникомъ Иваномъ Никифоровымъ сыномъ, Плещеевымъ, взнесены въ домъ Ея Императорскаго Величества, которые Ея Величество и пересматривать изволила, а по пересмотрѣ указала тѣ вещи поставить въ кабинетъ Ея Величества, которые тогда же при Ея Величествѣ генераломъ и кавалеромъ обер-гофмейстеромъ и лейбъ-гвардіи подполковникомъ и Ея Императорскаго Величества генералъ-адъютантомъ Семеномъ Андреевичемъ Салтыковымъ въ кабинетъ Ея Величества поставлены и остались въ томъ кабинетѣ въ подголовкахъ и въ прочихъ мѣстахъ, въ которыхъ они были, и ключи Ея Величество указала отдать, и отданы оному же генералу и кавалеру Семену Андреевичу.

А что, кромѣ вышеписанныхъ алмазныхъ вещей, какихъ пожитковъ его Меньшикова и какое число денегъ по описи въ Аранибургѣ явилось, то всѣ оставлены въ Аранибургѣ, подъ карауломъ гвардіи капитана Мелгунова, а куда оные отъ него въ расходѣ, о томъ вѣдомости не имѣется.

№ 5.

Донесеніе тобольскаго губернатора въ верховный тайный совѣтъ.

Сего 1729 года ноября 23 въ донесеніи въ тобольскую губернскую канцелярію изъ Березова сибирскаго гарнизона отъ капитана Миклашевскаго записано: сего де ноября 12 дня Меньщиковъ въ Березовѣ умрѣ. Къ поданію въ верховный тайный совѣтъ.

Иванъ Болтинъ.
Секретарь Яковъ Андреевъ.

Ноября 25 дня 1729 года.

№ 6.

Донесеніе тобольской губернской канцеляріи въ верховный тайный совѣтъ.

Сего 1730 г. генваря 1 дня въ отпискѣ въ тобольскую губернскую канцелярію съ Березова, сибирскаго гарнизона отъ капитана Миклашевскаго, написано: декабря 26 дня прошлаго 1729 года, Меньщикова дочь Марья въ Березовѣ умре. Къ поданію въ верховный тайный совѣтъ.

Иванъ Болтинъ.
Секретарь Козьма Божановъ.

Генваря 18 дня 1730 года.

№ 7.

Его Императорскому Величеству Самодержцу Всероссійскому всеподданнѣйшее доношеніе изъ Сибирской Губерніи.

Въ указѣ Вашего Императорскаго Величества изъ верховнаго тайнаго совѣта, писанномъ апрѣля 8, а въ Тобольшу полученномъ іюля 15 чиселъ сего 728 года, подъ № 107, написано велѣно лейбъ-гвардіи преображенскаго полка у поручика Степана Крюковскаго, посланнаго съ нимъ Меншикова съ женою и съ дѣтьми и съ людьми въ Тобольску принять и послать въ городъ Березовъ, и выбрать добраго офицера и придать солдатъ и жить при немъ Меншиковѣ и тамъ будучи имѣть надъ нимъ крѣпкое надсмотрѣніе, чтобъ ни онъ и ни гдѣ и никому и ни къ нему писемъ никто не писалъ и никакой переписки ни съ кѣмъ не имѣлъ.

И оный поручикъ Крюковскій прибылъ въ Тобольску сего іюля 15 дня и онаго Меншикова намъ съ двумя дочерьми и людьми десятью человѣками объявилъ, а жена онаго Меншикова умерла мая 10, и погребена того же 11 дня Казанскаго Уѣзда въ селѣ Услонъ и намъ 728 года объявилъ на кормъ оному Меншикову, и сыну, и дочерямъ, и людямъ его сего іюля съ 14 дня оставшихъ денегъ восемсотъ-сорокъ рублевъ и оный Меншиковъ и съ дѣтьми, и съ людьми, и оставшіе деньги онаго поручика Крюковскаго въ Тобольскѣ приняты, и отправленъ онъ Меншиковъ въ городъ Березовъ сибирскаго гарнизона съ капитаномъ Михаиломъ Миклашевскимъ сего же іюля 17 дня, да съ нимъ послано урядниковъ двое, солдатъ двадцать человѣкъ и дана оному капитану Миклашевскому по силѣ онаго Вашего Императорскаго Величества указа о содержаніи его Меншикова и о дачѣ ему и дѣтьми корму инструкція. Къ поданію въ верховномъ тайномъ совѣтѣ.

Князь Михаилъ Долгоруковъ.
Иванъ Болтинъ.
Секретарь Козьма Божановъ.

Іюля 17 дня 1728 года.

№ 8.

Божіею милостію мы Петръ Вторый Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій и протчая, и протчая, и протчая.

Гвардіи нашей капитану Петру Мельгунову.

Сего генваря 16 дня указали мы по доношенію твоему варанибурхѣ караулы содержать тебѣ по указамъ и данной инструкціи тѣми людьми, которые нынѣ у тебя въ командѣ твоей, которыхъ по присланной отъ тебя табели имѣетца довольное число, и повелѣваемъ гвардіи нашей капитану Петру Мельгунову чинить по сему нашему указу. Данъ въ нашемъ верховномъ тайномъ совѣтѣ генваря 27 дня 1728 году.

Таковъ указъ къ капитану Петру Мельгунову посланъ гвардіи съ солдатомъ Иваномъ Ушаковымъ.

№ 9.

Божiею милостiю мы Петръ Вторый Императоръ и Самодержецъ Всероссiйскiй и протчая, и протчая, и протчая.

Нашему генералу и кавалеру и оберъ-шталмейстеру Ягушинскому.

Сего февраля 14 дня указали мы лошадиные заводы, которые есть во всѣхъ князя Меншикова маетностяхъ и деревняхъ, такожъ кареты и конюшенные всякiя уборы переписавъ отдать въ конюшенный приказъ и изъ того числа отдать къ комнатѣ бабки нашей ея Величества Государыни Царицы Евдокеи Ѳедоровны изъ конюшеннаго приказу пять каретъ и къ нимъ пять цуковъ лошадей съ надлежащими уборы и потребными къ тому служительми, да верховыхъ и разъѣзжихъ 40 лошадей, и повелѣваемъ нашему генералу и кавалеру и оберъ-шталмейстеру Ягушинскому о вышеписанномъ вѣдать и чинить по сему нашему указу, а въ дворцовую канцелярiю о томъ нашъ указъ посланъ. Данъ въ нашемъ верховномъ тайномъ совѣтѣ февраля 17 дня 1728 году.

Таковъ указ отданъ конюшеннаго приказу подъячему Егору Дьякову съ роспискою.

№ 10.

Божiею милостiю мы Петръ Вторый Императоръ и Самодержецъ Всероссiйскiй и протчая, и протчая, и протчая.

Нашей дворцовой канцелярiи.

Сего февраля 19 дня указали мы дворцовые волости, въ которыхъ нынѣ конюшенные заводы, а имянно въ Московскомъ Уѣздѣ село Хорошово и Павшино, съ приписными Суздальскаго Уѣзда Гавриловскую Слободу и село Шекшово, Володимерскаго уѣзду Всегодицкую Волость, Костромского Уѣзду село Даниловское, село Красное, село Сидоровское, Сколинскiе и Романовскiе Волости, городъ Богородицкъ, да изъ дворцовыхъ же волостей, которые были за княземъ Меншиковымъ, въ Московскомъ Уѣздѣ, Домодѣдовскую Волость, село Ермолино, Гуслицкую да Гвозденскую Волости, въ Коломенскомъ Уѣздѣ село Бронницы въ Можайскомъ Уѣздѣ Обеленскую, Новоалешинскую, Белскую Волости, Староалешинской Волости деревню Хохопью, отдать въ вѣдомство конюшеннаго приказу со всѣми тѣхъ волостей денежными и хлѣбными и другими доходы на всякое того конюшеннаго приказу содержанiе, такожъ на которыхъ подмосковныхъ лугахъ прежде сего сѣно кашивано про конюшенной обиходъ дворцовыхъ волостей крестьяны на тѣхъ лугахъ сѣно косить и отдавать въ конюшенной приказъ по прежнему обыкновенiю, присылая косцовъ изъ дворцовыхъ, а вмѣсто тѣхъ вышеозначенныхъ волостей доходовъ, которые отданы въ конюшенной приказъ замѣнить изъ приписныхъ, бывшихъ князя Меншикова деревень, а что по сему нашему указу изъ дворцоваго приказу отдано будетъ въ конюшенной приказъ, о томъ въ нашъ верховный тайный совѣтъ подать вѣдомость и повелѣваемъ нашей дворцовой канцелярiи о вышеписанномъ учинить по сему нашему указу, а въ сенатъ и въ конюшенной приказъ о томъ нашъ указъ посланъ.

Данъ въ нашемъ верховномъ тайномъ совѣтѣ февраля 20 дня 1728 году.

Таковъ указъ отданъ дворцовой канцеляріи секретарю Петру Соколову съ роспискою.

№ 11.

Божіею милостію мы Петръ Вторый Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій и протчая, и протчая, и протчая.

Нашей дворцовой канцеляріи.

Указали мы всѣ съѣстные и питейные припасы такожъ и живность, которая есть въ Санктъпитеръбурхѣ въ домѣхъ князя Меншикова и въ тамошнихъ его мызахъ, отдать во дворецъ съ росписками и нашей дворцовой канцеляріи о вышеписанномъ вѣдать. Данъ въ нашемъ верховномъ тайномъ совѣтѣ марта 5 дня 1728 году.

Таковъ указъ отданъ секретарю Петру Соколову съ роспискою.

№ 12.

Божіею милостію мы Петръ Вторый Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій и протчая, и протчая, и протчая.

Понеже объявитель сего, гвардіи нашей преображенскаго полку лейтнантъ Степанъ Крюковской и при немъ двадцать человѣкъ солдатъ, отправленъ изъ Аранибурха въ Тобольскъ, да съ нимъ посланы Меншиковъ съ женою, съ сыномъ и съ дочерьми, да служителей десять человѣкъ, того ради въ городѣхъ, селѣхъ и деревняхъ, черезъ которые тому лейтнанту путь надлежитъ всякаго чина людемъ, какъ вышняго, такъ и нижняго чина, ктобъ какого званія и достоинства ни былъ, давать ему ямскихъ подводъ потребное число, а гдѣ ямскихъ нѣтъ, уѣздные, имая за ямскіе прогонные, а за уѣздные поверстные деньги, по нашему указу, а имянно за уѣздные по копейкѣ на версту на каждую лошадь, а когда понадобятся суды, то въ городѣхъ губернаторамъ, вице-губернаторамъ, и воеводамъ, и магистратамъ за настоящую цѣну, и на тѣ суды работниковъ давать, не чиня нигдѣ ни малаго задержанія, которымъ работникамъ даваны будутъ заработные деньги по плакату. Данъ въ нашемъ верховномъ тайномъ совѣтѣ апрѣля 8 дня 1728 году.

По указу Его Императорскаго Величества.

Таковъ указъ отданъ лейбъ-гвардіи преображенскаго полку сержанту Якову Батюшкову съ роспискою.

№ 13.

Инструкція лейбъ-гвардіи преображенскаго полку лейтнанту Степану Крюковскому.

Понеже Его Императорское Величество указалъ Меншикова, обобравъ всѣ его пожитки, послать въ Сибирь въ городъ Березовъ съ женою, съ сыномъ и съ дочерьми и дать ему изъ людей его мужеска и женска

полу десять человѣкъ изъ подлыхъ, а въ приставахъ быть тебѣ, того ради взявъ тебѣ его Меншикова съ женою и съ дѣтьми и опредѣленное число людей ѣхать изъ Аранибурха въ Тобольскъ и везти его до Казани и до Соликамской водою, а отъ Соликамской до Тобольска сухимъ путемъ, и будучи въ дорогѣ поступать по сему:

1.

Имѣть надъ нимъ крѣпкое смотрѣніе, чтобъ ни онъ ни къ кому, и ни къ нему никто писемъ не писалъ и никакой пересылки ни съ кѣмъ не имѣлъ.

2.

А ежели какіе письма отъ кого явятся, тѣ брать тебѣ къ себѣ и присланныхъ къ нему и отъ него посланныхъ держать за карауломъ и о томъ писать, и тѣ письма присылать въ верховный тайный совѣтъ безъ умѣдленія.

3.

Будучи дорогою гдѣ случится ѣхать сухимъ путемъ, то брать подводы ямскія, сколько будетъ потребно, а гдѣ ямскихъ нѣтъ—уѣздные, за которые ямщикамъ прогонные, а уѣзднымъ поверстныя деньги платить по указу, а когда понадобятся водою суды, то брать въ городѣхъ у воеводъ или у магистратовъ за настоящую цѣну и платить деньги, такожъ брать на тѣ суды работниковъ, которымъ платить заработные деньги по указу.

4.

Что чиниться будетъ въ дорогѣ, о томъ изъ которыхъ мѣстъ надлежитъ рапортовать тебѣ въ верховный тайный совѣтъ почасту.

5.

На нынѣшній годъ съ того времяни, какъ онъ повезенъ будетъ на дачу ему, и женѣ его, и сыну, и дочерямъ корму по рублю, да на людей по рублю жъ, всего по пяти рублевъ на день взять тебѣ изъ отписныхъ его Меншикова денегъ у капитана Мельгунова.

6.

Сверхъ того, въ дорогу на прогоны, и на наемъ судовъ, и на протчія дорожныя расходы взять тебѣ еще тысячу рублевъ изъ тѣхъ же отписныхъ его Меншикова денегъ и тѣмъ деньгамъ расходъ держать съ запискою.

7.

Для провожанія до Тобольска взять тебѣ съ собою солдатъ двадцать человѣкъ изъ отставныхъ баталіоныхъ преображенскаго, которые нынѣ въ Аранибурхѣ.

8.

Пріѣхавъ въ Тоболескъ его Меншикова съ женою, и съ дѣтьми, и съ будущими при немъ людьми отдать губернатору и взявъ отъ него о томъ репортъ ѣхать тебѣ и съ будущими при тебѣ солдатами къ Москвѣ, а пріѣхавъ явиться въ верховномъ тайномъ совѣтѣ.

9.

Что данныхъ тебѣ денегъ за расходы въ остаткѣ будетъ, тѣ остаточные деньги привесть тебѣ съ собою и потомужъ объявить;

Апрѣля въ 8 день 1728 году.

Такова инструкція къ лейтнанту Крюковскому послана гвардіи преображенскаго полку съ сержантомъ Яковомъ Батюшковымъ.

Апрѣля въ 26 день 1728 году преображенскаго полку лейтнантъ Степанъ Крюковской доношеніемъ объявляетъ, что указъ и инструкцію онъ получилъ и посланной къ сибирскому губернатору указъ и Меншикова, и жену его, и дѣтей апрѣля 16 дня лейбъ-гвардіи отъ капитана Петра Мельгунова онъ принялъ и въ путь отправился, и со всѣми ими пріѣхалъ въ городъ Переславль Резанской апрѣля 21 дня, сухимъ путемъ, а оттуда отправится 22 дня тогожъ апрѣля, на суднѣ водою, и что надлежитъ исполнять будетъ.

№ 14.

Божіею милостію мы Петръ Вторый Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій и протчая, и протчая, и протчая.

Лейбъ гвардіи нашей Преображенскаго полку капитану Мельгунову.

Сего апрѣля 4 дня указали мы Меншикова послать, отобравъ его всѣ пожитки, въ Сибирь въ городъ Березовъ съ женою и съ сыномъ и съ дочерьми и дать ему изъ людей его мужеска и женска полу десять человѣкъ изъ подлыхъ и дать въ приставы гвардіи поручика Степана Крюковскаго, которой нынѣ тамо съ тобою, которому въ дорогу для провожанія до Тобольска взять двадцать человѣкъ солдатъ изъ отставныхъ баталіону Преображенскаго, которые нынѣ въ Аранибургѣ, и ѣхать ему водою до Казани до Соликамской, а оттуда до Тобольска, а въ Тобольскъ пріѣхавъ отдать его Меншикова со всѣми губернатору а самому взявъ солдатъ ѣхать въ Москву, а губернатору принявъ его отправить въ вышепомянутой городъ, выбравъ добраго офицера и придавъ солдатъ которому офицеру и съ солдаты и жить при немъ и какъ въ дорогѣ такъ и тамо будучи надъ нимъ имѣть крѣпкое надсмотрѣніе, чтобъ ни онъ никуды и ни къ кому, и ни къ нему писемъ никто не писалъ и никакой пересылки ни съ кѣмъ не имѣлъ, а ежелибъ какіе письма отъ кого явились, и тѣ ему брать къ себѣ и присланныхъ къ нему и отъ него посланныхъ держать за карауломъ, и о томъ писать въ нашъ верховный тайный совѣтъ безъ умѣдленія и дать ему обо всемъ томъ инструкцію, а давать ему и женѣ его и сыну и дочерямъ корму по рублю да на людей по рублю жъ на день, всего по шти рублевъ изъ тамошнихъ доходовъ, а на нынѣшней годъ съ того времяни какъ онъ изъ Аранибурха повезенъ будетъ дать изъ отписныхъ его Меншикова денегъ, которые у тебя оставлены, да сверхъ того въ дорогу офицеру на прогоны и на наемъ судовъ и на протчіе дорожные расходы дать тысячу рублевъ изъ тѣхъ же денегъ, которымъ велѣть держать расходъ съ запискою, у жены его Меншикова кавалерію взять и протчіе пожитки остальные сверхъ описи Ивана Плещеева которые явятся и которые онъ въ бытность свою у него Меншикова оставилъ забравъ привесть тебѣ въ Москву и объявить въ нашемъ верховномъ тайномъ совѣтѣ, а команду свою отъ гвардіи солдатъ взять тебѣ съ собою, кромѣ тѣхъ которые ради провожанія возьмутся, а протчихъ которые взяты съ Воронежа и тѣхъ

отпустить туда по прежнему; люди мужеска и женска полу, которые у него Меншикова нынѣ тамо и останутся, отъ тѣхъ которые съ нимъ поѣдутъ выслать тебѣ ихъ въ Москву и привезть съ собою имъ роспись и оную подать въ нашемъ верховномъ тайномъ совѣтѣ, Аранибургъ и къ нему тысяча дворовъ которыхъ было велѣно оставить во владѣньѣ за нимъ Меншиковымъ, повелѣли мы отписать на насъ, а тебѣ переписать что чего останется какого заводу и хлѣба и протчаго и сколько числомъ дворовъ крестьянскихъ и однодворцевъ, или другихъ какихъ чиновъ сверхъ крестьянъ и въ тѣхъ однодворцахъ есть ли такіе которые собственные свои деревни имѣли, а когда онъ Меншиковъ изъ Аранибурха повезенъ будетъ и выѣдетъ нѣсколько воротъ отъ Аранибурха, тогда тебѣ осмотрѣть его пожитки, не явится ли чего у него утаеннаго сверхъ описи Ивана Плещеева и тѣ всѣ пожитки у него отобрать и переписавъ привезть съ протчими его пожитки въ Москву и объявить въ нашемъ верховномъ тайномъ совѣтѣ, а тѣ пожитки его пересматривать и опись онымъ чинить и запечатывать обще съ другими офицерами и съ людьми его Меншикова и опись тѣмъ пожиткамъ подписать обще, а деревни приказать смотрѣть кому изъ людей его Меншикова по разсмотрѣнію твоему обще съ старосты, дабы удобнаго времяни къ сему упущено не было и чтобъ все было подъ добрымъ охраненіемъ, и повелѣваемъ лейбъ гвардіи нашей капитану Петру Мельгунову о вышеписанномъ учинить по сему нашему указу, а какимъ образомъ вышеозначенному гвардіи лейтнанту Крюковскому его Меншикова съ женою его съ сыномъ и съ дочерьми и съ людьми до Тобольска вести, о томъ ему Крюковскому инструкція послана къ тебѣ при семъ нашемъ указѣ, которую при отправленіи его отдать тебѣ ему Крюковскому съ роспискою. Данъ въ нашемъ верховномъ тайномъ совѣтѣ апрѣля 8 дня 1728 году.

Р. S. А о пріемѣ Меншикова къ сибирскому губернатору указъ приложенъ при семъ, которой отдать вышепомянутому Крюковскому.

Таковъ указъ къ капитану Мельгунову посланъ гвардіи Преображенскаго полку съ сержантомъ Яковымъ Батюшковымъ.

№ 15.

Божіею милостію мы Петръ Вторый Императоръ и Самодержцъ Всеросссійскій и протчая, и протчая и протчая.

Города Ряска воеводѣ Якову Боеву.

Прошедшаго іюня 4 дня сего 728 году по посланному къ тебѣ изъ нашего верховнаго тайнаго совѣта нашему указу велѣно вдову Аксинью Колычеву за нѣкоторые ее вины послать въ Ряскую ее деревню въ село Алешню и жить въ ней безвыѣздно, чего за нею смотрѣть тебѣ, которая вдова Колычова и посылается при семъ нашемъ указѣ съ нарочно посланнымъ лейбъ гвардіи нашей преображенскаго полку солдатомъ Васильемъ Коракозовымъ, и повелѣваемъ города Ряска воеводѣ Якову Боеву чинить о томъ по прежнему и по сему нашимъ указомъ. Данъ въ нашемъ верховномъ тайномъ совѣтѣ октября 18 дня 1728 году.

Таковъ указъ отданъ помянутому Коракозову съ роспискою.

№ 16.

Божіею милостію мы Петръ Вторый Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій и протчая, и протчая, и протчая.

Нашему Сенату.

Сего апрѣля 4 дня указали мы Меншикова послать, обравъ его всѣ пожитки, въ Сибирь въ городъ Березовъ съ женою и съ сыномъ и съ дочерьми и дать ему изъ людей его мужеска и женска полу десять человѣкъ изъ подлыхъ и дать ему въ приставы гвардіи поручика Степана Крюковскаго, которой нынѣ съ капитаномъ Мельгуновымъ, которому въ дорогу для провожанія до Тобольска взять двадцать человѣкъ солдатъ изъ отставныхъ баталіону преображенскаго, которые нынѣ въ Аранибурхѣ и ѣхать ему водою до Казани до Соликамской, а оттуда до Тобольска а въ Тобольской пріѣхавъ отдать его Меншикова со всѣми губернатору, а самому взять солдатъ ѣхать въ Москву, а губернатору принявъ его отправить въ вышепомянутой городъ выбравъ добраго офицера и придавъ солдатъ, которому офицеру и солдаты и жить при немъ, и какъ въ дорогѣ такъ и тамо будучи надъ нимъ имѣть крѣпкое надсмотрѣніе чтобъ ни онъ ни куды и ни къ кому и никакихъ писемъ не писалъ и никакой пересылки ни съ кѣмъ не имѣлъ, а ежелибъ какіе письма отъ кого явились и тѣ ему брать къ себѣ и присланныхъ къ нему и отъ него посланныхъ держать за карауломъ и о томъ писать въ нашъ верховный тайный совѣтъ безъ умѣдленія и дать ему обо всемъ томъ инструнцію и давать ему и женѣ его и сыну и дочерямъ корму по рублю да на людей по рублю на день всего по шести рублевъ изъ тамошнихъ доходовъ, а на нынѣшней годъ съ того времяни какъ онъ изъ Аранибурха повезенъ будетъ дать изъ отписныхъ его Меншикова денегъ, которые у Мельгунова оставлены да сверхъ того въ дорогу офицеру на прогоны и на наемъ судовъ и на протчіе дорожные расходы дать тысячу рублевъ изъ тѣхъ же денегъ, которымъ держать ему расходъ съ запискою; Варвару Арсеньеву послать въ бѣлозерской уѣздъ въ горской дѣвичь монастырь и тамо ее постричь при ундеръ офицерѣ, которой ее повезетъ въ тотъ монастырь и давать ей по полуполтинѣ на день и велѣть ей тамо потому жъ быть неисходно и игуменьѣ смотрѣть надъ нею чтобъ никто ни къ ней ни отъ нея не ходилъ и писемъ она не писала. Аранибурхъ и къ нему тысяча дворовъ которые было велѣно оставить во владѣніи за нимъ Меншиковымъ отписать на насъ и Мельгунову переписать что чего остается какого заводу и хлѣба и протчаго и сколько числомъ дворовъ крестьянскихъ и однодворцовъ или другихъ какихъ чиновъ сверхъ крестьянъ и въ тѣхъ однодворцахъ есть ли такія которыя собственныя свои деревни имѣли о вышепомянутой дачѣ кормовыхъ изъ тамошнихъ доходовъ гдѣ кто будетъ послать ассигнаціи а деревни приказать смотрѣть кому изъ людей его Меншикова по разсмотрѣнію Мельгунова обще старосты, дабы удобнаго времяни къ сѣву упущено не было и чтобъ все было подъ добрымъ охраненіемъ, и повелѣваемъ нашему сенату учинить о томъ по сему нашему указу, а лейбъ гвардіи къ капитану Мельгунову и сибир-

скому губернатору о томъ наши указы посланы. Данъ въ нашемъ верховномъ тайномъ совѣтѣ апрѣля 9 дня 1728 году.

Таковъ указъ отданъ въ сенатъ секретарю Дмитрію Невежину съ роспискою.

№ 17.

Божіею милостію мы Петръ Вторый Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій и протчая, и протчая, и протчая.

Нашему сенату.

Понеже изъ нашихъ военной и изъ другихъ колегей поданы въ нашъ верховный тайный совѣтъ доношеніи, что по письмамъ Меншикова явились нѣкоторые ненадлежащіе расходы, тако жъ и на немъ Меншиковѣ казенные долго, и требуютъ чтобъ тѣ деньги возвратить въ казну изъ его Меншикова пожитковъ, а понеже пожитки его Меншикова всѣ описаны и взяты на насъ, того ради сего іюня 21 дня указали мы о томъ что всѣ его пожитки и деревни взяты на насъ послать въ нашъ сенатъ и въ коллегіи указы, дабы впредь такими доношеніями нашъ верховный тайный совѣтъ не утруждали, а о тѣхъ ненадлежащихъ по его Меншикова письмамъ расходѣхъ, также и о казенныхъ на немъ долгахъ или доимкахъ, учиня вѣдомости, для извѣстія подать въ нашъ верховный тайный совѣтъ, а которые челобитные поданы на него Меншикова отъ партикулярныхъ людей въ долгахъ и въ счетахъ, и требуютъ чтобъ оные возвратить изъ его Меншикова пожитковъ, тѣ челобитные и доношеніи разсмотрѣть въ особливой для того комисіи дѣйствительному статскому совѣтнику Зыбину и съ нимъ совѣтнику Докудовскому и буде что кому по подлинному свидѣтельству и по счетамъ заплатить онъ Меншиковъ былъ долженъ, тому подать въ нашъ верховный тайный совѣтъ краткіе выписки, съ приложеніемъ своего мнѣнія, и для того тѣ челобитные и доношеніи отослать въ ту комисію, и повелѣваемъ нашему сенату учинить о томъ по сему нашему указу, а въ синодъ и въ обѣ колегіи и въ означенную комисію о томъ наши указы посланы. Данъ въ нашемъ верховномъ тайномъ совѣтѣ іюня 28 дня 1728 году.

Таковъ указъ отданъ сенатскому секретарю Михайлѣ Володимерову съ роспискою.

№ 18.

Божіею милостію мы Петръ Вторый Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, и протчая, и протчая, и протчая.

Нашему сенату.

Прошедшаго октября 14 дня указали мы вдову Аксинью Колычову за вины ея по прежнему нашему указу прошедшаго жъ іюня 4 дня сего 1728 году послать въ Рязкую ея деревню въ село Алешню за карауломъ немедленно и жить ей въ той деревнѣ безвыѣздно, чего за нею смотрѣть тамошнему воеводѣ, о чемъ къ нему воеводѣ посланъ изъ нашего верховнаго тайнаго совѣта другой указъ, и притомъ и она вдова Колычева съ нарочнымъ гвардіи нашей съ солдатомъ, а за достальные положенные на ней за уплатою деньги за двѣ

тысячи за двѣсти рублевъ продать изъ дворовъ и деревень ея которые за нею по дачамъ явятся на вышепомянутое число изъ доимочный канцеляріи, а какъ вышепомянутые деньги по продажѣ деревень и дворовъ ея возвращены будутъ, о томъ въ нашъ верховный тайный совѣтъ репортовать, и повелѣваемъ нашему сенату учинить о томъ по сему нашему указу. Данъ въ нашемъ верховномъ тайномъ совѣтѣ ноября 4 дня 1728 году.

Таковъ указъ отданъ въ сенатъ секретарю Михайлѣ Володимерову съ роспискою.

№ 19.

Реэстръ съ оцѣнкою отобраннымъ вещамъ отъ капитана Пырскаго, которые онъ бралъ отъ Меншикова въ подарокъ:

Три лошади меринъ буръ, да два гнѣдыхъ, жеребецъ вороной, шесть кобылъ: двѣ гнѣдыхъ, пѣгая, буланая, вороная, карія, двѣнадцать жеребятъ молодыхъ, иноходецъ каурой, да два жеребенка рыжихъ, да двѣ кобылы рыжая, бурая; триста рублевъ: въ томъ числѣ кобыла гнѣдая большая, да жеребенокъ карій двухъ лѣтъ, октября въ разныхъ числахъ пали.

Два порука бѣлыхъ, одинъ старый два рубля, другой пять рублей и того семь рублевъ.

Перстень съ алмазами, въ которомъ большой алмазъ грушею, а по сторонамъ осыпь въ двѣнадцати искрахъ сто пятьдесятъ рублевъ.

Крестъ алмазный сто пятьдесятъ рублевъ.

Табакерка серебрянная вызолоченная дно раковое на верху камень красный сердоликъ двѣнадцать рублевъ.

Часы золотые восемьдесятъ рублевъ.

Трясилка алмазная пятьдесятъ рублевъ.

Парчи золотой на камзолъ и съ бахрамоюво семьдесятъ пять рублевъ.

Готоваленка раковая въ ней ножикъ и ножинки двѣнадцать рублевъ.

Готоваленка жъ серебрянная вызолоченная перышки класть пять рублевъ.

Два перстня маленькія въ одномъ четыре камышка красныхъ, да шесть искоръ алмазныхъ двѣнадцать рублевъ, въ другомъ камышекъ бѣлый подъ нимъ бѣлая фольга, по сторонамъ двѣ искорки алмазныхъ триста рублевъ.

Мѣхъ лисій двѣнадцать рублевъ.

Подмоченныхъ соболей двѣ пары по десяти рублевъ пара и того двадцать рублевъ.

Платья пара суконнаго зеленаго шита золотомъ по краямъ старое сто рублевъ.

И того тысяча пять рублевъ.

Да по объявленію его же Пырскаго показано, что дарилъ его хлѣбомъ, сѣномъ и бревнами, которыхъ у него нынѣ не отобрано понеже употреблено въ пищу а бревна въ строеніе.

А по справкѣ изъ провіантской канцеляріи объявлено, что въ томъ году и мѣсяцѣ въ коломнѣ покупанъ хлѣбъ, рожь четверть по осми-

десять копѣекъ, овесъ четверть по сорока по четыре копѣйки, а о ячменѣ, о сѣнѣ и о бревнахъ извѣстія не имѣется.

И по оной цѣнѣ:

За рожь за сорокъ восемь четвертей тридцать восемь рублевъ сорокъ копѣекъ.

За овесъ за сорокъ восемь четвертей двадцать одинъ рубль двѣнадцать копѣекъ.

За ячмень по московской цѣнѣ по шестидесяти копѣекъ за пятьнадцать четвертей девять руб.

За сѣно за девяносто возовъ по московской же цѣнѣ по тридцати по пяти копѣекъ, тридцать одинъ рубль пятьдесятъ копѣекъ.

За двадцать восемь бревенъ по опредѣленію полковаго штата по семи копѣекъ за бревно рубль девяносто шесть копѣекъ.

И того и за хлѣбъ и за сѣно и за бревна чего не отобрано, а надлежитъ по тѣмъ цѣнамъ взять:

Деньгами сто одинъ рубль девяносто восемь копѣекъ.

Да сверхъ того за тотъ же хлѣбъ, сѣно и бревна штрафу толикое же число.

Всего по оцѣнкѣ вещей и съ хлѣбомъ тысяча двѣсти двадцать восемь рублевъ девяносто шесть копѣекъ.

Князь Михайло Долгоруковъ.

№ 20.

Всемилостивѣйшая Государыня Императрица.

Уповая на превысокую Вашего Величества матернюю ко мнѣ милость, на прежнія мои поданныя Вашему Величеству просительныя пункты, всенижайше прошу (за вѣрныя мои Его Императорскому Величеству блаженныя и высокославныя памяти, также и по кончинѣ Его Величества, особливо Вашему Императорскому Величеству службы и вѣрность, о которыхъ Ваше Величество сами извѣстны) всемилостивѣйшей резолюціи.

На 1-е.

О перемѣнѣ моего ранга полагаюсь въ волю и милосердіе Вашего Величества.

На 2-е.

По превысокой Его Императорскаго Величества, блаженныя и высокославныя памяти отеческой ко мнѣ милости пожалованъ я россійскимъ владѣтельнымъ княземъ и дана мнѣ за мои вѣрныя службы и за калишскую баталію, по всемилостивѣйшему Его Величества диплому Ингерманландія въ вѣчное потомственное владѣніе, а потомъ по Его же Императорскаго Величества изволенію изъ тѣхъ вотчинъ моихъ ингерманландскихъ, въ раздачѣ разнымъ персонамъ доходовъ на 28710 рублевъ, а вмѣсто тѣхъ розданныхъ доходовъ Его Величество указалъ пожаловать мнѣ изъ дворцовыхъ и монастырскихъ вотчинъ гдѣ я пожелаю съ которыхъ можно получать въ годъ доходовъ, толикое же число, въ то число дано мнѣ изъ подъ московныхъ и другихъ мѣстѣхъ дворцовыхъ и монастырскихъ вотчинъ доходами на 12839 руб-

левъ недодано на 15870 рублевъ, и за тѣ недоданныя доходы Его Величество обѣщалъ меня милостиво наградить, гдѣ я пожелаю и во знакъ той своей превысокой отеческой ко мнѣ милости, на прошеніи моемъ о вотчинахъ высокою своею рукою подписать изволилъ тако: пошехонскія и луцкія позволяются взять, а вмѣсто ярославской рыбной слободы и новгородскихъ мѣстъ, пріискать другое подалѣе, понеже ближнихъ уже довольно, того ради у Вашего Императорскаго Величества всенижайше прошу не вновь какого награжденія, но по тому Его Императорскаго Величества всемилостивѣйшему обѣщанію въ замѣнъ Ингерманландіи пожаловать мнѣ изъ лифляндскихъ и ливонскихъ деревень, которымъ при семъ прилагаю раэстръ ибо изъ оныхъ мызъ и деревень дачи учинены и не въ замѣнъ, новъ на гражденіе, а именно, генералу прокурору Ягужинскому съ 70 человѣками, статсвоау дѣйствительному совѣтнику Рагузинскому съ 75 и другимъ персонамъ.

На 3-е.

За батуринское взятіе пожалованы мнѣ измѣнника Мазепы мѣстности, въ Рыльскомъ уѣздѣ село Ивановское съ селами и съ деревнями въ которыхъ по свидѣтельству явилось всѣ бѣглыя крестьяне такоже и въ прочихъ пожалованныхъ и въ замѣнъ Ингерманландіи данныхъ вотчинъ бѣглыхъ явилось довольно же, которыя развезены на прежнія жилища, а въ замѣнъ тѣхъ бѣглыхъ, Его Императорское Величество обѣщалъ мнѣ пожаловать изъ украинскихъ дворцовыхъ или изъ за малоросійскихъ деревень такое же число дворовъ доходовъ, о чемъ чаю и Вашему Величеству не безъизвѣстно, но за прекращеніемъ Его Величества жизни, по тому обѣщанію я не награжденъ, а понеже тайному дѣйствительному совѣтнику его сіятельству графу Толстому въ замѣнъ такихъ бѣглыхъ крестьянъ, въ награжденіе пожаловано толикое же число, того ради всенижайше прошу пожаловать мнѣ толикое число изъ дворцовыхъ украинскихъ волостей, или изъ малороссійскихъ полуботковныхъ описныхъ маетностей.

На 4-е.

Понеже по прошенію моему Его Императорское Величество, блаженныя и высокославныя памяти обѣщалъ мнѣ со временемъ пожаловать Батуринъ, со всѣми принадлежностями къ нему землями и жителями и всякими угодьями въ вѣчное потомственное владѣніе на воспоминаніе онаго взятья, о чемъ надѣюсь и господинъ кабинетъ-секретарь Макаровъ извѣстенъ, того ради объ отдачѣ онаго всенижайше прошу рѣшенія.

Уповая, что многое есть разглашеніе якобы я имѣю такое довольство вотчинъ, съ которыхъ въ годъ получаю по 100000 рублевъ и больше, того ради о всѣхъ моихъ вотчинахъ, при семъ для извѣстія Вашему Величеству прилагаю вѣдомость, изъ которой изволите увидѣть, по воликому числу доходовъ въ годъ получать возможно.

Вашего Величества
всенижайшій рабъ
Александръ Меншиковъ.

Октября 27 дня 1725 года.

№ 21.

Мы Александръ Меншиковъ, герцогъ ижорскій, святаго римскаго и россійскаго государствъ, свѣтлѣйшій князь въ Дубровнѣ, Горы-Горкахъ и въ Почетѣ графъ, наслѣдный господинъ аранибургскій и батуринскій, Его Императорскаго Величества всероссійскаго генералисимусъ, верховный тайный дѣйствительный совѣтникъ, рейхсъ-маршалъ, государственной военной коллегіи президентъ, адмиралъ Краснаго Флага, генералъ-губернаторъ с.-петербургскій; подполковникъ преображенскаго лейбъ-гвардіи, полковникъ надъ тремя полками, капитанъ компаніи бомбандирной и орденовъ святыхъ: Апостола Андрея и Александра Невскаго, Слона, Бѣлаго и Чернаго Орловъ кавалеръ и прочая, и прочая.

Объявляемъ симъ кому о томъ вѣдать надлежитъ, понеже мы намѣрились собственные наши маетности Ронненбургъ въ княжествѣ Лифляндскомъ Полъ и Венкуль и Фирттенгофъ въ герцогствѣ Эстляндскомъ да графство наше Гори-горецкое въ княжествѣ Литовскомъ лежащіе со всѣми къ нимъ принадлежностями отдать въ аренду, того ради даемъ полную мочь господину секретарю Висту оные наши маетности по своему разсмотрѣнію вѣрнымъ людямъ въ аренду отдать, съ ними арендароры арендные контракты заключать и во всемъ съ оными маетностями къ нашей пользѣ поступать и то все, что помянутый секретарь въ отдачѣ въ аренду обоихъ маетностяхъ заключать будетъ, то мы за благо воспріемлемъ и подтверждать сонзволяемъ для лучшей вѣрности сію грамоту рукою нашею подписуемъ и княжескою печатью утверждаемъ же. Учинено въ С. Петербургѣ, сентября 6 дня 1727 года.

Александръ Меншиковъ.

(М. П.)

№ 22.

Въ Святѣйшій Синодъ.

По указу блаженныя и высокославныя памяти Его Императорскаго Величества велѣно мнѣ Александровской Невской Монастырь вѣдать яко эконому и настоителемъ того монастыря ничего безъ вѣдома моего чинить не велѣно; а нынѣ увѣдомился что Святѣйшій Синодъ изъ того монастыря взялъ намѣстника въ архимандриты, того ради Святѣйшій Синодъ да благоволитъ тѣмъ опредѣленіемъ обождать до пріѣзда моего въ Санктпитербургъ.

Генералисимусъ и Рейхсъ-Маршалъ
Князь Александръ Меншиковъ.

Іюня 1 дня 1727 года.

№ 23.

Изъ записокъ Малиновскаго.

Октября 9 представлено было членамъ совѣта доношеніе гвардіи порутчика Степана Крюковскаго, изъ Березова отъ 11 августа: о сдѣланномъ черезъ него по силѣ указа, отъ 2 іюня осмотрѣ у Меншикова писемъ какъ въ платьѣ его, такъ и въ коробьяхъ, и не отыска-

нія ничего. Потомъ Крюковской допрашивалъ его по присланнымъ пунктамъ и отвѣты на каждый изъ оныхъ за рукою его при томъ доношеніи приложилъ: 1) Былъ ли онъ Меншиковъ признанъ польскимъ шляхтичемъ? отъ короля ли, партикулярно, или привилегіею отъ Рѣчи Посполитной польской? — Отвѣтствовано: что отъ короля имѣлъ онъ привилегію на пожалованіе его старостою Оршанскимъ, а отъ знатныхъ шляхтичей на сеймикѣ новоградскомъ дано ему письменное признаніе на польское шляхетство. 2) Почему онъ владѣлъ маетностями Поленнымъ и Мѣжирѣчами: кѣмъ оное у него послѣ отобрано, и въ чемъ состоитъ Любомирскихъ требованіе на оныя маетности? Меншиковъ на сіе сказалъ: что помянутыя маетности даны ему въ 1706 году послѣ калишской баталіи по королевскому указу: доходу съ нихъ онъ никакого не получалъ, а въ 1711 году государь Петръ I самъ и маетности отдалъ Польшѣ и въ чемъ состоитъ претензія Любомирская на оныя, онъ не вѣдаетъ. 3) Маетность Полункевичи отъ кого онъ получилъ, сколько лѣтъ владѣлъ оною? Отвѣчалъ, что какъ о семъ, такъ и получаемыхъ съ той маетности доходахъ вѣдалъ управитель Потемкинъ. 4) Маетности Горы-Горки откуда доходы? Въ допросѣ Меншиковъ показалъ, что графство сіе куплено у Сапѣги съ воли государя Петра I по данному ему отъ поляковъ шляхетству, и что доходы съ онаго ему жъ Потемкину должны быть обстоятельнѣе извѣстны. 5) Мѣстечко Улу и дворъ Пользерьяхъ покупкою ли или безденежно онъ и отъ кого получилъ? Отвѣтствовано, что все сіе куплено у шляхтича польскаго, коего имени не упомнитъ, за 20000 ефимковъ и доходы, получаемые съ того, вѣдомы тожъ управителю Потемкину. 6) Почему онъ владѣлъ графствомъ Дубровскимъ? Меншиковъ отвѣчалъ, что оное куплено у гетмана Потѣя, какъ значитъ о томъ въ купчей, а отошло оное отъ него по неправому суду польскому, о коемъ Потемкинъ подробнѣе знать долженъ.

№ 24.

Генералъ фельдцехмейстеру князю Голицыну.

Ваше сіятельство благопріятнѣйшее писаніе мы исправно получили, за которое вашему сіятельству благодарствуемъ, на оное симъ отвѣтствуемъ, да изволите ваше сіятельство поспѣшать сюда, какъ возможно на почтѣ; супруга ваша съ дѣтьми имѣетъ слѣдовать за вами на ямскихъ подводахъ, и когда изволите прибыть къ преспективой дорогѣ, тогда изволите къ намъ и къ брату вашему тайному дѣйствительному совѣтнику и кавалеру его сіятельству князю Дмитрію Михайловичу Голицыну прислать съ нарочнымъ извѣстіе и назначить число въ которое намѣрены будете сюда прибыть, а съ Ижоры опять же обоихъ насъ паки увѣдомить понеже весьма желаемъ, дабы ваше сіятельство прежде всѣхъ изволили видѣться съ нами.

7 Сентября 727 года.

(Изъ бумагъ, оставшихся послѣ князя Меншикова по ссылкѣ).

власть пробуждать мертвыхъ. Чу! они едва выговорены, какъ уже слышится движеніе на кладбищѣ, гдѣ зарыта память о несчастіяхъ или преступленіяхъ; воздухъ наполненъ призраками; сторожъ можетъ закрыть глаза, если хочетъ, все же онъ будетъ не менѣе сознавать присутствіе этихъ блѣдныхъ духовъ, которые толпами стекаются для отмщенія. Много-много часовъ пройдетъ прежде, нежели узнаютъ то заклинаніе, которое заставитъ ихъ возвратиться въ могилы. Недавно я слышалъ слѣдующій разсказъ. Тотъ, о комъ шла рѣчь, утратилъ свою любовь послѣ того, какъ онъ долго добивался и наконецъ достигъ ея. Все-равно, подозрѣніе ли, недоразумѣнія или измѣна разлучили ихъ, но они были разлучены впродолженіе восьми долгихъ годовъ. Замѣтимъ: *она* раскаялась, или простила, и пришла къ *нему* принести ему свою исповѣдь. Когда она договорила, она взглянула ему въ лицо и не увидѣла въ немъ никакихъ признаковъ радости или радушія, но одинъ лишь взглядъ грусти, еще болѣе глубокій и мрачный. Руки, которыхъ объятія она еще не забыла, никогда болѣе не разверзались, чтобъ прижать ее къ груди. Онъ склонилъ голову на дрожавшія руки и тяжелыя капли, вызываемыя иногда у сильныхъ людей во время агоніи, начали, одна за другой, падать сквозь пальцы его. Въ былыя времена, онъ никогда ни на минуту не могъ вынести ея грустнаго вида; теперь же онъ сидѣлъ какъ-будто не слышалъ ее, между-тѣмъ, какъ она лежала у ногъ его, моля о прощеніи. Когда онъ могъ лучше совладать съ своимъ голосомъ, онъ отвѣтилъ:

«Не разъ въ моихъ снахъ я видѣлъ тебя въ этомъ видѣ, и слышалъ слова, которыя ты теперь произносишь. Я тогда отвѣчалъ тебѣ то, что̀ отвѣчу теперь: я никогда не могу простить тебя. Я не могу быть увѣреннымъ, что ты снова не пріобрѣтешь надо мной твоей прежней власти; я думаю, что ты все такъ же опасна, а я все такъ же слабъ, какъ прежде. Но я узналъ, что чѣмъ обворожительнѣе ты будешь для меня, тѣмъ тяжелѣе будетъ твое бремя. Мысль о томъ, что̀ я потерялъ въ это проклятое время воздержанія, вскорѣ свела бы меня съ ума. Я уже привыкъ къ моему теперешнему бремени и не дамъ тебѣ возможности сдѣлать его еще тяжелѣе. Мои слезы были слезы эгоизма и ребячества; онѣ были пролиты за счастіе и надежды, которыя ты убила во мнѣ восемь лѣтъ назадъ. Погоди: мы тогда разлучились съ личиною нѣжности; теперь также мы не должны разстаться въ злобѣ.»

Онъ поднялъ ее и приложилъ губы къ ея лбу. Поцалуй этотъ былъ спокойный, холодный и безстрастный, напоминавшій поцалуй, кото-

рый мы даемъ другу, лежащему въ гробу. Они никогда болѣе не встрѣчались наединѣ. Злость беретъ, когда подумаю, какъ много времени употребилъ я, чтобъ описать событія и ощущенія, которыя заняли едва нѣсколько минутъ; но нельзя скоро разставить всѣхъ дѣйствующихъ лицъ драмы въ ихъ точныя положенія, развѣ если режиссёръ ужь очень опытенъ. Будьте такъ добры представить себѣ, что пикникъ кончился (но не въ замѣшательствѣ) и шумно-пировавшіе на пути своемъ въ Дораду. Ничего достопримѣчательнаго не случилось болѣе послѣ извѣстія пастора; былъ начатъ разговоръ изъ общихъ мѣстъ, который и поддерживался одинаково, къ чести всѣхъ членовъ общества.

XVII.

Несмотря на всѣ старанія, которыя пасторъ «почелъ долгомъ» приложить къ разысканію прошедшей жизни Ройстона Кина, ему не удалось открыть ничего такого, чего бы нельзя сказать о любомъ человѣкѣ, прослужившемъ лѣтъ десять въ полку, пользовавшемся вообще лихою славою. Безъ-сомнѣнія, еслибъ поглубже вникнуть въ дѣло, то нашлись бы и болѣе-важныя обвиненія; но единственные живые свидѣтели, которые могли бы доказать ихъ, имѣли довольно-побудительныя причины, чтобъ хранить тайну. Какъ въ успѣхѣ, такъ и въ неудачѣ хладнокровный майоръ не имѣлъ привычки дѣлиться своею тайною со всѣмъ свѣтомъ. Что жь касается того, чтобъ измѣнить своей или чужой тайнѣ, то его губы были такъ же способны на это, какъ и губы фигуры, высѣченной въ могильномъ камнѣ.

Но почтенному изслѣдователю и въ голову не приходило простирать свои розыски въ такую даль, какъ, напримѣръ, въ Неаполь, и потому онъ былъ чрезвычайно изумленъ слѣдующими словами въ письмѣ, полученномъ имъ оттуда въ это утро. «Я постоянно встрѣчаю въ обществѣ одну даму, исторія которой меня очень интересуетъ. Она жена майора Кина, славнаго рубаки въ ост-индской арміи, но уже нѣсколько лѣтъ живетъ въ разводѣ. Она никогда не намекаетъ даже о его существованіи, и я только совершенно-случайно узналъ эти подробности о ея предъидущей жизни, а также и что ея мужъ проводитъ зиму въ Дорадѣ. Быть-можетъ, ты будешь въ-состояніи бросить слабый свѣтъ на причины ихъ развода. Я подозрѣваю, что вина не можетъ быть съ ея стороны: она очень-нѣжна въ обращеніи, хотя холодна, къ тому жь она красавица, въ тихомъ, пластическомъ родѣ». Дальнѣйшихъ догадокъ и выводовъ писавшаго не стоитъ приво-

дить. Если только нѣмое, но горячее благословеніе можетъ пойти впрокъ тому лицу, кому оно предназначается, то, навѣрно, никто или, по-крайней-мѣрѣ, весьма-мало людей были такъ обильно награждены, какъ этотъ корреспондентъ мистера Фуллертона. Причина этой бладодарности уже объяснена.

Но онъ нанесъ этотъ мастерски-задуманный и подготовленный ударъ, не подумавъ о возможныхъ послѣдствіяхъ; теперь ему предстоялъ разсчетъ. Онъ не могъ не замѣтить, что потерпѣлъ почти fiasco. Человѣкъ, котораго онъ надѣялся совершенно смѣшать и уничтожить, встрѣтилъ этотъ ударъ съ возмутительнымъ спокойствіемъ, и все, что можно было бы отъ него ожидать это— открытая борьба. Пасторомъ овладѣло непріятное сознаніе, что онъ возбудилъ противъ себя всеобщее неудовольствіе, не получивъ никакого успѣха, не получивъ даже удовлетворенія. Послѣ этого открытія никто, исключая мистрисъ Данверсъ, не смотрѣлъ на него съ прежнимъ выраженіемъ сочувствія и удивленія; а постоянная лесть этой примѣрной, но непривлекательной женщины уже пріѣлась ему, несмотря на его жадность до подобныхъ лакомствъ. Онъ былъ довольно-проницателенъ, чтобъ понять, что миссъ Трезильянъ была оскорблена и разсержена его поступкомъ въ степени, недопускавшей никакого примиренія; но это не очень безпокоило его: онъ уже давно замѣтилъ, что вліяніе его надъ нею значительно упало.

Но вслѣдъ за всѣми этими мыслями въ его головѣ возникло съ непріятною ясностью предостереженіе Сесиль: «елибъ я была мужчина, то я не желала бы имѣть Кина своимъ врагомъ».

Копье уже было брошено въ вражескіе предѣлы и поздно было бы толковать о мирѣ. Ужасъ овладѣлъ имъ при мысли о возмездіи, которое могъ бы потребовать безпощадный, необузданный гверильясъ. Правда, нельзя было себѣ представить, какой вредъ послѣдній могъ ему причинить; но, при всемъ томъ, онъ не могъ отдѣлаться отъ тяготѣвшихъ надъ нимъ неясныхъ опасеній. Занятый этими непріятными мыслями, онъ медленно плелся вдали отъ всего общества, какъ-бы составляя его арьергардъ и, казалось, все болѣе-и-болѣе убѣждался въ справедливости старой пословицы, которая говоритъ: «не будите спящихъ псовъ». Долго сохранилось въ его памяти, какъ съ внезапнымъ трепетомъ поднявъ глаза, при крутомъ поворотѣ тропинки, онъ очутился лицомъ къ лицу съ Ройстономъ Киномъ.

Нѣсколько мгновеній они молча смотрѣли другъ на друга—служитель алтаря и воинъ. Какой разительный контрастъ они составляли въ эту минуту! Одинъ — разгоряченный, разстроенный, въ какой-то

нервной раздражительности скорѣе походилъ на преступника, представшаго предъ судьей, чѣмъ на столбъ и утвержденіе господствовавшей церкви; другой — неподвижный и непроницаемый, какъ скала, о которую онъ опирался, съ едва-замѣтною блѣдностью на лицѣ, свидѣтельствовавшею о страшной душевной борьбѣ, изъ которой онъ вышелъ торжествующимъ—имѣлъ осанку, которую можно было бы ожидать отъ него, еслибъ онъ засѣдалъ въ военномъ совѣтѣ.

Нелѣпость его положенія поразила пастора, когда онъ очнулся отъ оцѣпенѣнія, въ которое повергла его неожиданность встрѣчи. Ему не шло казаться пристыженнымъ; итакъ, собравшись со всѣмъ достоинствомъ своего священническаго и личнаго характера, онъ сдѣлалъ неимовѣрное усиліе надъ собою и смѣло сказалъ:

— Я подозрѣваю, что вы хотите переговорить со мною, майоръ Кинъ. Я всегда готовъ выслушать все, что̀ вы желаете сообщить или разъяснить мнѣ. Мой долгъ, равно какъ и мое желаніе быть полезнымъ каждому члену моего прихода, ка̀къ бы мало онъ ни былъ расположенъ воспользоваться этимъ преимуществомъ. Вы знаете, какъ я пекусь о благосостояніи всѣхъ порученныхъ моему духовному надзору, и потому я считаю лишнимъ говорить вамъ, ка́къ огорчало и безпокоило меня ваше поведеніе, не столько за васъ самихъ, сколько вслѣдствіе того вреднаго вліянія, которое оно оказывало на другихъ. То, что̀ я услышалъ сегодня утромъ, представляетъ дѣло еще въ худшемъ свѣтѣ; и потому я былъ бы очень-радъ услышать удовлетворительное объясненіе этому дѣлу.

Его старое «ex cathedra» настроеніе возвратилось къ нему съ этою длинною рѣчью; голосъ его, который становился все звучнѣе и округленнѣе, обнаруживалъ это. Не-уже-ли эта священническая самоувѣренность до того обезумила его, что онъ считалъ возможнымъ убѣдить этого угрюмаго грѣшника принести покаяніе и получить отъ него разрѣшеніе своихъ грѣховъ?

Съ первой минуты ихъ встрѣчи Ройстонъ не измѣнялъ своего положенія. Прислонившись плечомъ къ острому углу скалы, огибаемому тропинкой, онъ занималъ часть этой тропинки, такъ-что никто не могъ бы свободно пройти мимо него. Маленькія облака дыма продолжали часто, но правильно вылетать изъ его рта, а правая рука крутила густой, темный усъ. Это движеніе его руки для тѣхъ, кто его зналъ, всегда означало бурю. Онъ не тотчасъ же отвѣчалъ, но, отнявъ сигару отъ рта, снялъ съ нея отдѣлившійся листокъ и принялся медленно и хладнокровно крутить его *въ рукѣ*. Наконецъ онъ сказалъ:

— А вы недурно выкинули эту штуку сегодня утромъ. Сколько вы надѣялись получить за нее? Моя жена подъ-часъ бываетъ очень-щедра на обѣщанія, когда хочетъ мнѣ насолить; но она дурно платитъ. Право, вы бы могли сдѣлать повыгоднѣе сдѣлку со мною. Я бы вамъ болѣе далъ, чтобъ вы держали языкъ за зубами.

Тонъ, которымъ онъ сказалъ эти слова, былъ совершенно-новъ для пастора; большая часть людей не позволяетъ себѣ употреблять его въ обращеніи съ самыми низкими подчиненными. Никакое описаніе не можетъ изобразить всей глубины его возмутительной дерзости. Даже холодная кровь мистера Фуллертона закипѣла отъ бѣшенства.

— Какъ смѣете вы говорить мнѣ такія вещи? закричалъ онъ, дрожа отъ гнѣва.—Еслибъ не мое званіе...

— Довольно! грубо прервалъ тотъ. — Не трудитесь повторять эту черствую отговорку. Вы хотите сказать, что еслибъ ваше званіе не ограждало моей безопасности, то я не посмѣлъ бы этого сказать? Не стоитъ лгать самому себѣ, а я не намѣренъ терять съ вами время. Я думаю, противное будетъ справедливѣе. Вы сами очень-хорошо знаете, что еслибъ не это званіе, то вы бы не покусились сдѣлать и половину того, что вы сдѣлали сегодня. Вы не тронетесь съ мѣста, прежде чѣмъ мы устроимъ это дѣло. Вы думаете, я позволю, чтобъ мои частныя дѣла снова послужили предметомъ вашей страсти къ театральнымъ эффектамъ?

Пасторъ побагровѣлъ, какъ пораженный ударомъ паралича, и только былъ въ состояніи пробормотать:

— Я не останусь ни минуты долѣе слушать ваши богохульныя оскорбленія. Если вы намѣрены заградить мнѣ дорогу, то я пройду другимъ путемъ.

Scornfully
He turned; but thrilled with priestly wrath, to feel,
His sacred arm locked in a gras'p of steel.

(Въ негодованіи, онъ обернулся, но закипѣлъ гнѣвомъ, почувствовавъ свою священную руку, сжатую въ желѣзномъ пожатіи).

И болѣе-храбрый человѣкъ, чѣмъ пасторъ, могъ бы затрепетать, очутившись на уединенной тропинкѣ лицомъ къ лицу съ подобнымъ противникомъ и читая дикое значеніе этихъ убійственныхъ взглядовъ. Вспомните, что мистеръ Фуллертонъ считалъ Ройстона способнымъ на всякое земное преступленіе. Гнѣвъ уступилъ мѣсто смертельному ужасу; холодный потъ выступилъ на его блѣдномъ лицѣ; губы едва могли пробормотать безсвязную мольбу о пощадѣ.

Угрюмое лицо солдата приняло презрительное выраженіе; даже въ

самыя спокойныя минуты онъ питалъ мало сочувствія къ чисто-физическому страху.

— Пожалуйста, не падайте въ обморокъ, сказалъ онъ:—къ этому нѣтъ никакого повода. Или вы думаете, что я убью васъ «яко же убихъ египтянина вчера»? Ну, вы знаете, что я питаю только очень-мало уваженія къ вашему званію, особенно когда его привилегіи употребляются во зло. Я бы угостилъ васъ еще лучше, чѣмъ я угостилъ ту пьяную скотину, испугавшую васъ до смерти, тамъ, между виноградниками. Но это не соотвѣтствуетъ моимъ планамъ. Слушай, если ты только осмѣлишься вмѣшиваться въ мои дѣла словомъ, дѣломъ или знакомъ, то я знаю еще лучше этого средство заставить тебя раскаяться.

Увидѣвъ, что нечего было опасаться за жизнь или цѣлость своихъ членовъ, пасторъ началъ пріобрѣтать свое прежнее хладнокровіе и бросилъ ему смѣлый, но безсвязный вызовъ. Черты лица Ройстона ни на мгновеніе не измѣнились; презрительное выраженіе ихъ ни мало не смягчалось.

— Блестящія слова, возразилъ онъ въ отвѣтъ:—но только я разрушу ваши мыльные пузыри. Не думайте, что вы одни пользуетесь всѣми средствами тайной полиціи, и, нагнувшись къ нему, онъ шепнулъ ему на ухо нѣсколько словъ.

Они относились къ обвиненію, представленному на мистера Фуллартона, нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, столь обстоятельному и представлявшему столько трудностей для опроверженія, что оно, несмотря ни на какіе защитительные пункты, едва не погубило его. Онъ очень-хорошо зналъ, что еслибъ оно было снова поднято здѣсь, на чужой сторонѣ, гдѣ малѣйшее подозрѣніе съ жадностью подхватывается и распространяется, то послѣдствіемъ этого была бы его окончательная погибель. Онъ былъ бѣденъ и притомъ имѣлъ большое семейство: неудивительно, что имъ овладѣло отчаяніе.

— Но вы знаете... вы знаете, задыхаясь, произнесъ онъ:—что это низкая, жестокая ложь.

Надобно отдать ему справедливость, что на этотъ разъ онъ говорилъ правду.

Съ холоднымъ, спокойнымъ удовольствіемъ наблюдалъ майоръ муки своей жертвы.

— Мнѣ дѣла ни до чего нѣтъ; я только знаю, что оно вѣроподобнѣе многихъ сказокъ, которыя слышишь на каждомъ шагу. Къ-счастію, не всѣ на свѣтѣ недовѣрчивы; а я видалъ, какъ люди «падали» и при менѣе-очевидныхъ доказательствахъ. Ну, вы пойдете те-

перь своей дорогой, а я пойду своей. Я надѣюсь, что мы понимаемъ другъ друга, наконецъ.

Сдѣлавъ сверхъестественное усиліе, несчастный пасторъ успѣлъ пробормотать что-то о своей «рѣшимости исполнить свой долгъ». Ройстонъ выслушалъ его съ самою презрительною улыбкою.

— Я посмотрю, сказалъ онъ: — я чувствую себя довольно-безопаснымъ. И теперь я оставляю васъ покончить это дѣло между вашими выгодами и вашею совѣстью.

Онъ повернулся на каблукахъ и удалился, не сказавъ болѣе ни слова. Долго еще послѣ того, какъ онъ уже исчезъ изъ виду, пасторъ стоялъ, какъ вкопанный, въ какомъ-то состояніи паническаго ужаса и безпомощнаго отчаянія. Право, и въ наши дни, когда все такъ выродилось, существуютъ окаменяющія вліянія, которыя могли бы поспорить съ головою Горгоны.

Между-тѣмъ, остальные медленно направлялись домой, правда, въ совершенно-другомъ настроеніи духа, чѣмъ были утромъ. Такъ же, какъ никакой человѣкъ не можетъ быть признанъ счастливымъ прежде смерти, такъ и никакая поѣздка или удовольствіе не можетъ назваться успѣшною прежде, чѣмъ настанетъ ночь; капризъ погоды составляетъ только одинъ изъ многихъ источниковъ неудачи, и явленіе такъ рѣдко оправдываетъ наши предсказанія, что мы мало имѣемъ право жаловаться на фальшивые и ошибочные барометры.

Право, стоитъ замѣтить, какъ часто пустяки представляютъ примѣры этой ходячей и освященной временемъ жизненной притчи. Весело выходитъ корабль изъ гавани, красиво летитъ онъ подъ вѣтромъ; «юность на носу его, удовольствіе правитъ рулемъ»; никакія предчувствія не возмущаютъ пассажировъ; они не могутъ не сожалѣть о тѣхъ, кто остается на берегу; какъ весело они машутъ въ знакъ прощанія своимъ друзьямъ, пришедшимъ пожелать имъ добраго пути! Послѣ плаванія, болѣе или менѣе-продолжительнаго, корабль возвращается въ гавань, въ тихіе торжественные часы заката. Даже густой мракъ, который начинаетъ обвивать его, едва можетъ скрыть печальные слѣды страшной перемѣны. Ни слѣда краски или позолоты на изношенной волнами обшивкѣ. Порванныя паруса и снасти свидѣтельствуютъ о претерпѣнныхъ буряхъ, и—глядите! флагъ опущенъ до половины высоты мачты; корабль несетъ трупъ кормчаго. Посторонимся, чтобъ намъ не встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь изъ пассажировъ. Хуже всякой насмѣшки было бы освѣдомиться о результатахъ поѣздки.

Миссъ Трезильянъ, сопровождаемая братомъ, ѣхала впереди всѣхъ. Дикъ могъ служить образцомъ въ своемъ родѣ, такъ-что многіе,

имѣющіе сестеръ-красавицъ, могли бы брать съ него примѣръ умѣренности и скромности. Онъ никогда не навязывался на разговоръ и не надоѣдалъ своимъ присутствіемъ, когда видѣлъ, что оно было несвоевременно и стѣсняло, но за-то всегда былъ готовъ къ услугамъ; одного знака, одного взгляда Сесили было довольно, чтобъ привлечь его къ ней, и тогда онъ былъ счастливъ идти рядомъ съ нею, хотя бы даже не раскрывая рта: но въ настоящемъ случаѣ онъ былъ что-то необыкновенно расположенъ болтать, и пустился въ различныя догадки и предположенія касательно только-что слышаннаго. Правда, онъ зналъ это и прежде, но ему было извѣстно только то, что Ройстонъ былъ женатъ, и женатъ несчастливо.

Сесиль ласково, но рѣшительно остановила потокъ его рѣчей.

— Я бы не желала ни говорить, ни слышать ни слова объ этомъ: оно не интересуетъ ни одного изъ насъ. Современемъ мы узнаемъ, что̀ можно узнать, а до-тѣхъ-поръ было бы дурно дѣлать предположенія. Никто не имѣетъ права вмѣшиваться въ дѣла майора Кина, если онъ хочетъ хранить ихъ въ-тайнѣ. Я полагаю, что всякій, кто даже подумалъ сдѣлать это, почувствовалъ угрызеніе совѣсти. Я думаю, мистеръ Фуллертонъ скоро убѣдится въ этомъ, и я, право, не буду жалѣть его. За такія штуки слѣдуетъ наказывать. Замѣтилъ ли ты, ка̀къ Фанни вскрикнула? Я еще не успѣла посмѣяться надъ нею; тропинка слишкомъ-узка, чтобъ ѣхать двоимъ рядомъ.

Шутливый голосъ и манера, съ которою были сказаны эти слова, могли бы обмануть и болѣе-внимательнаго наблюдателя, чѣмъ добряка Дика Трезильяна. Онъ замолчалъ, но вскорѣ его размышленія приняли самый розовый цвѣтъ, когда они остановились на мысли, что Ройстонъ «медлилъ назади для того, чтобъ раздѣлаться съ пасторомъ».

Нѣсколько позади ихъ шелъ Гарри Молинё, почтительно ведя подъ уздцы лошака своей жены. Право, трогательно было смотрѣть на это отсутствіе всякой самоувѣренности, на это смиреніе, съ которымъ онъ ухаживалъ за женой. Дѣло въ томъ, что la mignonne уже давно простила его въ душѣ и едва могла удержаться, чтобъ не обнаружить этого словомъ или улыбкою. Ея мягкое сердце таяло при видѣ раскаянія преступника, и она рѣшила, что въ эти послѣдніе полчаса онъ умѣлъ бы искупить и болѣе-важное преступленіе. Но она откладывала объясненіе до болѣе-удобнаго времени, когда не будетъ предвидѣться помѣха, а между-тѣмъ, на основаніи строгой политической необходимости, elle le boudait... (Еслибъ какой-нибудь блестящій филологъ

буквально перевелъ мнѣ этотъ галлицизмъ, то я былъ бы ему очень обязанъ).

Представьте себѣ ощущенія человѣка, обороняющаго свой фрегатъ отъ сильнѣйшаго непріятеля, когда сквозь облака дыма онъ увидитъ линейный корабль подъ англійскимъ флагомъ, готовый выступить въ бой, или чувства командующаго постомъ, котораго невозможно болѣе отстаивать, когда онъ завидитъ первые штыки, сверкающіе на хребтѣ холмовъ и возвѣщающіе о приближеніи подкрѣпленія, то вы получите понятіе о радости Гарри, при видѣ догонявшаго ихъ Кина. Когда онъ отступилъ и предоставилъ свой постъ Ройстону, это чувство такъ ясно обнаружилось на его лицѣ, что послѣдній не могъ скрыть улыбки; но голосъ его былъ далеко-нешутливъ, когда онъ обратился къ Фанни. Никогда не слыхала она, чтобъ онъ былъ такъ нѣженъ и серьёзенъ.

— Я знаю, что вы сердитесь на своего мужа и на меня за то, что мы такъ долго держали васъ во мракѣ. Я долженъ помирить васъ съ нимъ, если не успѣю самъ заслужить прощенія. Онъ не могъ сказать вамъ ни слова, не нарушивъ даннаго имъ обѣщанія; еслибъ онъ сдѣлалъ это, то, несмотря на громадность соблазна, онъ на-вѣкъ потерялъ бы мое довѣріе. А я вижу, что вы его уже простили; это хорошо. Ну-съ, что̀ жь касается меня, то я, право, не знаю, зачѣмъ я не повѣрилъ вамъ эту тайну, когда познакомился съ вами. Гарри все вамъ разскажетъ и вы увидите, что на этотъ разъ я былъ менѣе виноватъ, чѣмъ другіе. Итакъ, вы видите, я вовсе не боялся, чтобъ вы дурно обо мнѣ подумали. Быть-можетъ, человѣкъ всего неохотнѣе сознается въ одной какой-нибудь важной глупости, особенно, если ему пришлось дорого поплатиться. Я думаю, не стоитъ жалѣть, что эта тайна была до-сихъ-поръ сокрыта для васъ, по-крайней-мѣрѣ прошедшее принесло мнѣ нѣсколько вполнѣ-счастливыхъ часовъ, которые, иначе, были бы омрачены. Я бы очень желалъ, чтобъ вы меня простили. Мы были всегда такими добрыми друзьями, а у меня ихъ немного, особенно изъ женщинъ.

Еслибы онъ сказалъ это своимъ обыкновеннымъ голосомъ, то Фанни не такъ скоро поддалась бы просьбѣ, но странное, грустное выраженіе его голоса глубоко тронуло ее. Прозрачная мгла заслоняла ея кроткіе глаза, когда она впродолженіе нѣсколькихъ минутъ, молча, смотрѣла на него и наконецъ протянула къ нему робкую, дрожавшую руку.

— Я бы не полюбила васъ менѣе, узнавъ, что вы были несчастливы, тихо проговорила она:—но мнѣ никогда не слѣдовало бы сер-

диться на васъ за то, что вы не повѣряете мнѣ свои тайны. Я думаю, что я недовольно-умна и опытна, чтобъ хранить тайны, только я бы желала... я бы желала, чтобъ вы сказали это Сесили Трезильянъ.

Онъ отвѣчалъ ей на это своимъ холоднымъ раздражительнымъ тономъ:

— Я понимаю, что̀ вы хотите сказать; но вы несправедливы относительно миссъ Трезильянъ, а мнѣ дѣлаете слишкомъ-много чести. Какія основанія имѣете вы предполагать, что я смотрю на нее иначе, какъ на прелестную знакомую, или что она питаетъ болѣе-сильное участіе къ сегодняшнимъ открытіямъ, чѣмъ къ неожиданнымъ вѣстямъ о томъ, что кто-нибудь изъ ея друзей женился? Неожиданныя новости всегда непріятны, особенно, когда онѣ такъ неловко объявляются. Я увѣренъ, что она не сказала ничего, могущаго оправдывать ваши подозрѣнія.

Фанни была плохимъ казуистомъ. Она рѣдко была увѣрена въ приводимыхъ ею фактахъ; а когда и была увѣрена, то не имѣла достаточно настойчивости и самоувѣренности, чтобъ воспользоваться выгодами своего положенія. Любимый ея доводъ былъ всегда *ad misericordiam.*

— Я бы желала вѣрить вамъ вполнѣ, жалобно сказала она: — но не могу, и это дѣлаетъ меня несчастною. Вы должны убѣдиться, что вамъ необходимо уѣхать отсюда.

Ея неподдѣльная боязнь затронула Ройстона гораздо-сильнѣе, чѣмъ самый ядовитый упрекъ или ѣдкій сарказмъ, но онъ не захотѣлъ обнаружить своихъ мукъ.

— Три дня назадъ, возразилъ онъ: — я уже почти рѣшился ѣхать, но теперь это не отъ меня зависитъ. Но вамъ не стоитъ пугаться: я недолго буду вамъ надоѣдать, и покуда останусь здѣсь, я не имѣю желанія и полагаю, даже не имѣю власти дѣлать вредъ кому бы то ни было.

Она съ участіемъ взглянула ему въ лицо, но не могла ничего болѣе извлечь изъ этихъ невозмутимо-спокойныхъ, непроницаемыхъ чертъ. Кинъ не хотѣлъ дать ей случая распространяться на эту тэму и, подозвавъ Гарри, обратилъ разговоръ на другой предметъ. Вдвоемъ они старались отвлечь въ другую сторону опасенія и любопытство mignone, до-тѣхъ-поръ, пока они въѣхали въ Дорасъ.

По дорогѣ домой, они должны были проѣхать мимо террасы; тамъ одинъ, въ тѣни пальмъ, сидѣлъ Арманъ-де-Шатомениль. Большіе, быстрые глаза инвалида внимательно остановились на Сесили Трезильянъ, когда она проѣхала мимо. Онъ положилъ свою руку на руку

майора, подошедшаго въ эту минуту, и сказалъ хриплымъ шопотомъ:

— Qu'as tu fait donc pour l'attérer ainsi? (Что ты сдѣлалъ, чтобъ ее такъ поразить?)

Ройстонъ, хладнокровно вынесъ пытливый взоръ.

— Je n'en sais rien; seulement, on dit que je suis marié. (Право не знаю; говорятъ только, что я женатъ).

Еслибы алжирцу сказали, что Парижъ со всѣми обитателями поглощенъ землетрясеніемъ, онъ бы поднялъ свои мохнатыя брови точно съ такимъ же выраженіемъ удивленія, какое онъ принялъ теперь.

— Tu es marié? (ты женатъ?) пробормоталъ онъ:—A la quelle donc des deux doit on compâtir, madame ou mademoiselle? (Кого же должно болѣе сожалѣть, madame или mademoiselle?

И при всемъ томъ онъ не почувствовалъ непріязни къ Кину за то, что тотъ, вырвавшись, пробормоталъ:

— Je vous croyais trop sage m. le vicomte, pour vous amuser avec ces balivernes de romancier. (Я полагалъ, что вы слишкомъ благоразумны, чтобъ забавляться такими пустяками).

Фанни Молинё и Сесиль провели вечеръ вмѣстѣ tête-à-tête. Это доброе маленькое существо могло сокрушаться и каяться за другихъ (подобно тому, какъ въ полкахъ бываютъ добряки-офицеры, всегда готовые дежурить за товарищей).

На этотъ разъ порывы раскаянія были необыкновенно-сильны, хотя ея вина была, сравнительно, безконечно-мала и она встрѣчала только очень-мало сочувствія. Она уловила минутку, чтобъ вытянуть у Гарри всѣ подробности о брачныхъ неудачахъ Кина и желала подѣлиться ими съ подругою. Миссъ Трезильянъ и слышать не хотѣла. Она и не пыталась скрывать, какъ это ее интересовало, но сказала, что предпочитаетъ услышать это изъ устъ самого Ройстона. При всемъ томъ никогда она не была такъ ласкова и нѣжна въ обращеніи, и наконецъ ей удалось увѣрить Фанни, что всѣ были спокойны и что никакого вреда не было сдѣлано, такъ-что въ ту ночь la mignone проспала сномъ праведныхъ; никакія подозрѣнія или предчувствія не возмущали ея сна.

Эти храбрые женщины! какъ подумаешь, какія страданія онѣ переносятъ, не проронивъ ни одной жалобы! какія муки онѣ ревниво сохраняютъ отъ постороннихъ взоровъ! право, какъ блѣднѣютъ, въ сравненіи съ этимъ наши права на кресты за храбрость. Какъ много между ними такихъ, которыя, сжимая въ своей бѣлой рукѣ рукоятку кинжала, съ сладкою, тихою улыбкою и устами, которыя никогда не затрепещутъ, произносятъ самую коварную ложь, какъ святую истину, Paete, non angit!

Когда Сесиль возвратилась домой, мистрисъ Данверсъ уже ожидала ее съ готовымъ запасомъ утѣшеній и негодованія. Но Сесиль осадила ее тѣмъ ловкимъ манеромъ, на который она была такъ способна, и наконецъ осталась наединѣ. Тогда началась реакція; съ натурами, какова ея, эти муки, такъ ужасны, что воспоминаніе о нихъ сохраняется на всю жизнь.

Въ Дорадѣ не было недостатка въ такихъ поклонникахъ и вздыхателяхъ, которые постоянно слѣдили за свѣтомъ въ окнахъ миссъ Трезильянъ. Какъ ужаснулись бы эти терпѣливые безуспѣшные астрономы, еслибъ ихъ острые взоры могли проникнуть въ ту сокровенную тьму, гдѣ она терзалась, повергнувшись ницъ, съ лицомъ истомленнымъ внутреннею борьбою и осѣненнымъ ея распущенными волосами, ломая себѣ руки, въ агоніи поздняго раскаянія, упрековъ, страстныхъ, огненныхъ желаній и оскорбленной гордости; или еслибы до ихъ слуха могли долетѣть звуки глухаго, горькаго вопля, вопіявшаго къ небесамъ, какъ голосъ какого-нибудь прелестнаго заблудшаго духа изъ безднъ геены: Мой позоръ! мой позоръ!

Съ позволенія почтеннѣйшей публики, мы здѣсь опустимъ завѣсу. Одна изъ нашихъ куколъ болѣе не появится въ сегодняшнемъ представленіи. Когда героиня выходитъ на сцену, публика имѣетъ право разбирать ея ошибки и заблужденія также, какъ и добродѣтели; но, при всемъ томъ, я питаю такую любовь къ призраку моей прекрасной царицы Сесили, что не желалъ бы выказывать ее болѣе на-показъ безъ вѣнца и въ униженіи.

XVIII.

Въ ту ночь, кромѣ Сесили, еще не смыкалъ глазъ и другой человѣкъ. Ройстонъ не заснулъ до самаго утра. Онъ то сидѣлъ недвижимъ, погруженный въ мрачныя думы, то ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Голова у него горѣла и онъ повременамъ высовывался въ окошко, чтобъ освѣжиться ночнымъ холоднымъ воздухомъ. Онъ напрягалъ всѣ свои умственныя способности, разбирая всѣ pro и contra, и въ комнатѣ не переставалъ свѣтиться унылый, красный огонёкъ его сигары.

Мнѣ кажется, я уже слышу возраженіе изъ устъ, непривыкшихъ къ сопротивленію, противъ этого ужаснаго недостатка чувства. Прелестный критикъ! мы не станемъ теперь разсуждать о пользѣ или вредѣ никотина, служитъ ли онъ помощью мышленію, или только облегчаетъ горечью, но хоть разъ допустите силу привычки.

Не говоря уже о тѣхъ индійскихъ плѣнникахъ, которымъ позволяютъ выкурить трубку въ промежутки казни (ибо эти несчастные не пользовались выгодами воспитанія и не могутъ стать въ примѣръ образованнымъ народамъ); развѣ вы не знаете, что люди кончали свою послѣднюю сигару, подвергаясь одѣванію для гильотины? Говорятъ, что одинъ испанецъ попросилъ у духовника огня, чтобъ закурить свой *papelito* въ виду только-что вырытой могилы и роты солдатъ, готовыхъ его растрѣлять.

Когда начало разсвѣтать, Ройстонъ легъ отдохнуть и проспалъ тяжелымъ сномъ очень-долго. На другое утро первымъ его дѣломъ было написать записку миссъ Трезильянъ, прося ее встрѣтить его въ назначенномъ мѣстѣ и часу. Отвѣта не было. Несмотря на это, онъ былъ увѣренъ, что она придетъ. Свиданія для него не были новостью; онъ не разъ выходилъ на поединокъ, въ которомъ шансы жизни и смерти почти были равны, но никогда не чувствовалъ той нерѣшительности и отчаянія, которыя теперь объяли его. Онъ пришелъ на назначенное мѣсто первый, но онъ недолго прождалъ, пока Сесиль показалась по тропинкѣ, ведущей въ глубь лѣса. Когда она приблизилась, Кинъ не могъ не вспомнить первой ихъ встрѣчи на горѣ около зȧмка. Шла она такъ же легко, какъ и прежде; чудная головка такъ же гордо возвышалась; но не нужно было очень быть наблюдательнымъ, чтобъ замѣтить перемѣну во всей ея фигурѣ. Ея природная живость и вызывающая осанка, придававшія въ контрастѣ съ величіемъ всей ея фигурѣ столько очаровательности, исчезли, какъ онъ опасался, на-вѣки. Часто бываетъ, что эта ненатуральная серьёзность бѣситъ насъ, если мы не можемъ приписать ее ни преступленію, ни горю. О, Лилія! многіе думаютъ, что твой вѣнокъ изъ полевыхъ цвѣтовъ гораздо-лучше къ тебѣ шелъ, чѣмъ брильянтовый уборъ, свадебный подарокъ могущественнаго барона. Очаровательная Евгенія! тѣ лица, которыя никогда не отсутствовали на твоихъ пріемахъ въ старыя времена, никогда не появлялись при твоемъ дворѣ съ-тѣхъ-поръ, когда ты стала женою Кесаря.

Когда они встрѣтились, то оба казались спокойны; но кто можетъ сказать, сердце котораго изъ двухъ, Ройстона или Сесили, билось сильнѣе и тревожнѣе? Его рука, однако, была тверже, чѣмъ нѣжныя пальчики Сесили, дрожавшей, когда онъ пожалъ ей руку. Ройстонъ не выпустилъ ихъ до-тѣхъ-поръ, пока не заговорилъ:

— Каково бы ни было ваше рѣшеніе послѣ того, что̀ я вамъ скажу, я всегда васъ поблагодарю за то, что вы пришли. Это на васъ походитъ, дать мнѣ случай самому говорить въ свое оправданіе. По-

крайней-мѣрѣ насъ не будетъ раздѣлять клевета или недоразумѣніе. Выслушаете ли вы мой разсказъ?

— Я для этого и пришла, сказала Сесиль, садясь на пѣнь сломанной вѣтромъ маслины.

Она знала, что пришла минута, когда ей нужны будутъ всѣ ея нравственныя силы. Вспоминая впослѣдствіи это свиданіе, она никогда не забывала, какъ осторожно онъ развѣсилъ свой пледъ на деревѣ за нею, чтобъ не дулъ на нее вѣтеръ. Солнце, какъ-будто было какое-то странное сочувствіе стихій, скрылось за чернымъ облакомъ и послышались отдаленные раскаты грома.

— Я недолго утомлю ваше терпѣніе, началъ Ройстонъ. — Я разскажу какъ-можно-короче; но, пожалуйста, не перебивайте меня, довольно-трудно говорить это. Зачѣмъ я женился — я не въ-состояніи вамъ сказать. Многіе спрашивали меня объ этомъ тогда же, и самъ я себя спрашиваю вотъ сколько уже лѣтъ, но удовлетворительнаго отвѣта я никогда не могъ придумать. Женщина, на которой я женился, была тогда красавица и партія была выгодная; но я видывалъ женщинъ прелестнѣе и богаче, но никогда и не думалъ на нихъ покуситься. Я полагаю, что въ этомъ дѣлѣ были виновны болѣе всего мое упрямство и безсмысленное удовольствіе вырвать призъ (и какой призъ!) изъ рукъ товарищей. Не прошло полугода, а я уже оцѣнилъ всѣ неудобства жить со статуею. Но я могу сказать не краснѣя, что никогда я не помышлялъ ей измѣнить; а были искушенія; вспомните, мнѣ было двадцать-два года, а въ тѣ годы нелегко переносятся неудачи и разочарованія. Мы еще не были женаты и году, какъ умеръ одинъ офицеръ туземнаго полка, въ горахъ отъ *delirium tremens*. Вы должны знать, что въ подобныхъ случаяхъ назначается всегда коммиссія для разсмотрѣнія бумагъ умершаго. Я не могъ не замѣтить, что въ последніе нѣсколько дней жена моя что-то была очень-грустна и холодна со мною; но я и не подозрѣвалъ всей правды. Я не думаю, чтобъ я когда-нибудь былъ такъ удивленъ, какъ въ ту минуту, когда президентъ коммиссіи принесъ мнѣ связку ея писемъ. Я никогда не видалъ ея возлюбленнаго; онъ, должно-быть, былъ болѣе дуракъ, чѣмъ подлецъ. Подумайте: беречь то, что онъ долженъ былъ бы сжечь! Я не поблагодарилъ человѣка, принесшаго мнѣ эти письма, и я никогда болѣе съ нимъ не говорилъ. Я прочиталъ только одно изъ нихъ; оно было написано скоро послѣ нашей свадьбы. Я пошелъ съ этимъ письмомъ къ женѣ. Она прослушала меня холодно, какъ обыкновенно, не отвергая истины моихъ словъ и не сознаваясь, но съ презрѣніемъ вызывала меня доказать фактически ея невѣрность до нашего замуж-

ства или послѣ. Я, конечно, этого сдѣлать не могъ, что̀ бъ я тамъ ни думалъ. Я только могъ открыть и доказать цѣлый рядъ лжи и придирокъ, веденныхъ противъ меня ею и всѣмъ ея семействомъ, которыя опротивѣли бы самому безсовѣстному интригану. Я ей сказалъ, что я не проведу болѣе ни одной ночи подъ одною съ нею крышей. Она засмѣялась. Еслибъ вы только слышали этотъ смѣхъ, вы бы мнѣ извинили и болѣе, чѣмъ я сдѣлалъ, и сказала: «вы не можете достать развода». Она́ была права. Рѣшено было, что мы разъѣдемся безъ всякаго публичнаго скандала и будемъ жить особо. Но ея семейство этимъ не удовольствовалось. Они прислали ко мнѣ ея брата, думая устрашить меня. Это былъ немудрый шагъ. Я былъ тогда горячѣе и меня вызвали. Но, несмотря на все это, я раскаяваюсь, что не удержалъ своихъ рукъ отъ горла этого несчастнаго, задорнаго штафирки. Наконецъ все мирно устроилось, и съ-тѣхъ-поръ я ее не видѣлъ, хотя и слышу о ней по временамъ, какъ, напримѣръ, вчера. Это случилось одиннадцать лѣтъ назадъ, и она ни разу не представила мнѣ возможности отдѣлаться отъ нея. Она постоянно ведетъ себя осмотрительно и осторожно, и такимъ образомъ мститъ мнѣ понемножку, хотя я ей, кажется, ничего худаго не сдѣлалъ. Вотъ все, что̀ я смѣю вамъ сказать и все это одна правда. Теперь судите меня.

Въ послѣднія минуты въ сердцѣ Трезильянъ происходила ужасная борьба. Можетъ ли мудрѣйшій изъ насъ прежде, чѣмъ сойдутся арміи, предсказать результатъ такого армагеддона?

Два раза она старалась говорить и не могла, наконецъ она отвѣчала едва слышнымъ, дрожащимъ голосомъ:

— Я не могу сказать, какъ я васъ сожалѣю!

Онъ закинулъ назадъ голову съ видомъ злости или презрѣнія.

— Я не принимаю ни на чемъ неоснованнаго сожалѣнія, даже отъ васъ. Не обманывайте себя. Я научился уже, ка̀къ нести мое бремя; оно меня теперь почти не безпокоитъ; оно терзало меня болѣе въ эти три послѣднія недѣли, чѣмъ во всѣ одиннадцать лѣтъ. Я только желаю, чтобъ вы рѣшили: очень ли худо я сдѣлалъ, что скрылъ все это отъ васъ? и если мое преступленіе непростительно, то какое мнѣ будетъ наказаніе?

Что-то болѣе упрека блеснуло въ ея глазахъ; съ секунду въ нихъ сверкнуло даже презрѣніе. Губы ея болѣе не дрожали и она начала говорить твердымъ, звонкимъ голосомъ:

— И вы не боитесь предложить мнѣ этотъ вопросъ, вы, которые говорили мнѣ такія рѣчи, которыхъ каждое слово было дерзостью съ вашей стороны? Однако вы не смѣете меня унижать въ своихъ

мысляхъ до того, чтобъ сомнѣваться, какъ я повела бъ себя, еслибъ сначала знала всю правду. Или вы все еще забавляетесь на мой счетъ? Я думала, что вы великодушнѣе.

Сумрачное лицо Ройстона сдѣлалось еще мрачнѣе, хотя онъ и выучился быть нѣсколько болѣе-смиреннымъ; но даже и отъ нея онъ не могъ снести выговоръ.

— По-крайней-мѣрѣ эти дерзости и оскорбленія были неумышленныя, возразилъ онъ.—Не-уже-ли вы еще не привыкли, что люди, видя васъ, теряютъ голову и говорятъ то, что̀ ихъ страсть побуждаетъ сказать? И вы думаете, я теперь забавляюсь. *Merci!* Въ моихъ жилахъ течетъ нѣчто погорячѣе ледяной воды.

Голосъ его былъ отрывистъ до жосткости, тѣмъ не менѣе Сесиль ощутила родъ преступнаго торжества, когда услышала эти слова и примѣтила страстную дрожь, пробѣжавшую съ ногъ до головы по его желѣзному тѣлу. Лучшій образецъ женственности не могъ бы остаться нечувствительнымъ къ этому нѣмому сознанію ея власти, но она покачала головой съ видомъ грустнаго невѣрія.

— Вы слишкомъ унижаете ваше самообладаніе; но теперь ужь слишкомъ-поздно для упрековъ. Прощаю вамъ все то зло, которое вы могли мнѣ сдѣлать, даже въ мысляхъ или намѣреніяхъ. Я желаю, чтобъ прошедшее было похоронено на-вѣки. Что̀ же касается будущаго, то я могу только сказать одно: мы должны разстаться и притомъ немедленно. Ужь давно пора было это сдѣлать.

Кинъ ожидалъ какой-нибудь отвѣтъ въ этомъ родѣ и потому онъ не слишкомъ озадачилъ его. Послѣ минутнаго молчанія онъ сказалъ:

— Я не иначе спрашивалъ вашего рѣшенія, какъ съ намѣреніемъ повиноваться ему. Но не мѣшало бы подумать прежде, нежели окончательно произнести его. Вспомните, что если вы теперь прогоните меня отъ себя, то мы разстанемся не на нѣсколько дней или мѣсяцевъ, а на вѣки. Вамъ, по-крайней-мѣрѣ, нечего будетъ опасаться преслѣдованій. Однако же трудно примириться съ изгнаніемъ. Не-уже-ли вы не хотите дать мнѣ случай загладить ошибку, на которую вы жалуетесь? Я не могу обѣщать вамъ, что буду взвѣшивать каждое слово и что мое обращеніе съ вами будетъ всегда натянутое и искусственное; но мнѣ кажется, я предпочелъ бы сохранить вашу дружбу, нежели пріобрѣсть любовь любой женщины, и я неусыпно старался бы не оскорбить васъ. Рѣшимте ужь это съ-разу. Вамъ надо только сказать: «оставьте меня»—и я клянусь вамъ, что приказаніе ваше въ-точности будетъ исполнено.

На эту карту Ройстонъ поставилъ весь исходъ игры, за выигрышъ

которой онъ готовъ былъ продать свою душу; однакожь онъ говорилъ не съ жаромъ, хотя видимо отъ души, и спокойно ждалъ ея отвѣта съ лицомъ холоднымъ, какъ смерть. Сесиль не слѣдовало бы колебаться ни минуты—мы всѣ это знаемъ. Но твердая рѣшимость и стоическое самопожертвованіе, довольно-легкія по теоріи, часто бываютъ весьма-горьки и тяжелы на практикѣ. Хорошо проповѣдывать страннику, что его дѣло идти впередъ и не останавливаться. Свѣжо и зелено растетъ трава вокругъ Алмаза-Пустыни; пріятно свѣшиваются надъ его свѣтлыми водами перистыя пальмы. Кàкъ уныло тянется вдоль небосклона сѣрый сыпучій песокъ! Кто знаетъ, кàкъ далеко еще до слѣдующаго оазиса? Отдохнемъ еще часокъ у источника.

Сесиль была также неповинна въ преднамѣренномъ желаніи поступить дурно, какъ любая святая изъ списка дѣвъ и мучёницъ; но еслибъ она была изъисканно-сластолюбива, какъ сама маркиза Помпадуръ, она не могла бы почувствовать живѣе, что любовь ея вдесятеро увеличилась съ-тѣхъ-поръ, какъ стало преступленіемъ предаваться ей. Страстная энергія, которая такъ долго дремала въ ней, была наконецъ совершенно пробуждена и говорила о себѣ довольно-громко, чтобъ заглушить слабый, тихій голосъ, шептавшій: «избѣгай и остерегайся». Правила ея были хороши, но они недовольно были тверды, чтобъ устоять. О, гордость Трезильяновъ! когда ты искусила столь многихъ изъ этого гордаго дома, то не-уже-ли для тебя настало время колебаться и измѣнить имъ въ то время, какъ дѣло шло о спасеніи прекраснѣйшаго потомка его? Она жалобно взглянула на небо въ страшной агоніи; въ глазахъ ея была мольба о помощи; но между нею и небомъ было суровое смуглое лицо, ни одна черта котораго не смягчалась.

Наконецъ она промолвила почти шопотомъ:

— Боже, помоги мнѣ! Я этого сказать не могу.

Настало молчаніе, но не безмолвіе, ибо слышно было, кàкъ билось сердце Ройстона. Чрезъ нѣсколько минутъ Сесиль опять заговорила, но уже своей прежней, нѣжной манерой.

— Я знаю, вы будете добры и человѣколюбивы. Посмотрите, какъ я вамъ довѣряю!

Мысль о томъ, что ихъ интимность могла подѣйствовать на ея добрую славу, казалось, не приходила ей въ голову. Однако вспомните, что миссъ Трезильянъ не была уже болѣе романтической, невинной дѣвушкой, вѣрящей и надѣящейся на все. Она хорошо знала, какого рода любовь къ скандалу и зависть скрываются подъ гладкою поверхностью общества, въ которомъ она нѣкогда занимала такое видное мѣсто. Она знала, что были женщины, которыя дали бы половину своихъ брил-

янтовъ, чтобъ имѣть возможность порицать и терзать ее сколько захочется. Вѣроятно ли было, чтобъ онѣ пропустили даже самый пустой намекъ?

La Rosière можетъ быть увѣрена—и это должно уменьшить чрезмѣрность ея торжества—что за каждую ея побѣду она сдѣлала себѣ смертельнаго врага. Не только во время ихъ могущества властители подвержены заговорамъ, но кинжалъ для нихъ всего опаснѣе, когда они сложили свою власть. Не всѣ свергнутые и отказавшіеся отъ власти диктаторы такъ же счастливы, какъ Силла. Принять такую жертву безмолвно и безусловно, когда приносившая ее совершенно презирала послѣдствіями, превозмогало даже цинизмъ самого Ройстона. Онъ схватилъ ея руку, какъ-бы желая обратить все ея вниманіе на свои слова, и почти невольно полились изъ его устъ краснорѣчивыя слова роковаго предостереженія.

— Пустите меня идти одному по моему пути, пока еще непоздно. Трудно дотронуться до смолы не запачкавшись. Дитя, вы слишкомъ непорочны, чтобъ судить о вашей опасности. Еслибъ вы остались такъ же невинны, какъ ангелъ божій, все же свѣтъ осудилъ бы васъ.

Ея тонкіе пальцы нѣжно обвились около его таліи и она наклонила свою пылавшую щечку до-тѣхъ-поръ, что скрыла свою красноту въ его рукѣ. Чрезъ минуту она взглянула ему прямо въ глаза и улыбнулась своей свѣтлой, довѣрчивой улыбкой.

— Большое счастіе нельзя купить иначе, какъ большой цѣной. Я не боюсь никакого укора, кромѣ укоровъ моей совѣсти. Не думайте, что я обманываю себя и не вижу всей опасности, которой я подвергаюсь. Но если я невинна, то я не услышу и никогда не обращу вниманія на то, что скажетъ свѣтъ; а если я виновна, то я не имѣю права жаловаться на его презрѣніе.

Ройстонъ, несмотря на все его грубое невѣріе, могъ бы упасть къ ея ногамъ и боготворить ее, но онъ не хотѣлъ сознаться въ своемъ восхищеніи, тѣмъ болѣе выказать свое торжество. Онъ поднесъ только къ своимъ губамъ ея ручку. Онъ не могъ поцаловать ручку помазанной царицы съ бо̀льшимъ благоговѣніемъ.

— Я бы желалъ быть болѣе достоинъ васъ.

Когда они шли безмолвно домой, то солнце вышло изъ-за облаковъ, но привычный наблюдатель могъ легко сказать, что этотъ миръ въ природѣ былъ недолговѣченъ. Буря только миновалась на-время.

XIX.

Не всегда пріятно быть свидѣтелемъ и слѣдить шагъ за шагомъ за магическими явленіями, которыя причиняютъ паденіе звѣздъ или затмѣваютъ ликъ луны. Будемъ довольствоваться одними результатами очевидными, отвергать которыхъ мы не въ-силахъ, и не станемъ вникать въ мелочныя подробности самаго процеса. Даже адепты преступной абракадабры не безнаказанно допытываются и скрываютъ ея секреты и тайны. Борода старика Мерлина сѣдѣетъ раньше времени. Преждевременныя морщины насупливаютъ бровь Канидія, хотя ужасу его каменныхъ очей повинуются цѣлыя толпы демоновъ и злыхъ духовъ. Майкель Скоттъ не находитъ успокоенія въ своемъ непробудномъ мертвомъ снѣ. Столбы Мельроза дрожатъ по временамъ, будто колеблемые невидимымъ землетрясеніемъ, и строгіе монахи, крестясь, въ страхѣ и ужасѣ, прислушиваются къ глухимъ стенаніямъ грознаго чародѣя, безпокойно метающагося въ своей подземной могилѣ.

Такъ-какъ мы пишемъ повѣсть не въ трехъ томахъ, то мы, конечно, имѣемъ полное право не очень распространяться и не растягивать излишне эту часть нашего разсказа. Тѣ же изъ читателей, которые придерживаются вкуса более или менѣе испорченнаго, или гоняются съ жадностью за физіологическими изслѣдованіями, для тѣхъ довольно найдется пищи въ замысловатыхъ и вычурныхъ заморскихъ романахъ.

Сесиль была твердо убѣждена въ безопасности своего положенія. Трудно, однакожь, опредѣлить, до какой степени она заблуждалась, полагаясь на твердость своихъ правилъ и характера и разсчитывая на великодушіе Ройстона Кина. Впрочемъ, все это, мнѣ кажется, не относится до матеріальной стороны вопроса. Легче ли намъ, когда мы разъ впали уже въ искушеніе, что намѣренія наши, когда мы впервые поддались дурному вліянію, были чистосердечны и предусмотрительны, если уже предупредить вину уже нѣтъ возможности? Старинная, угрюмая пословица повѣствуетъ, какъ выдѣлывается извѣстная хитро-выложенная мостовая. Мильйоны людей ходили по ней впродолженіе шестидесяти столѣтій и, несмотря на это, она простоитъ до втораго пришествія — такъ часто она возобновляется.

Болѣе чѣмъ безразсудно было бы со стороны простаго смертнаго, обращаясь къ могучему и измѣнчивому океану, сказать ему: «вотъ твой предѣлъ и далѣе не смѣй распространять свои владѣнія»: это значило бы имѣть притязанія на всемогущество. Планъ береговой плотины искусно начертанъ и всѣ работы произведены добросовѣстно;

но въ одну ночь вѣтры свирѣпѣютъ сильнѣе обыкновеннаго, плотина не въ-силахъ болѣе противостоять ихъ напору; осаждающіе легіоны невидимой арміи готовятся на штурмъ.

Уже въ одномъ мѣстѣ морской стѣны, за которой терпѣливые саперы долго работали, никѣмъ невидимые, пробита узкая брешь, расширяющаяся съ минуты на минуту; бѣгство становится невозможнымъ; жадныя волны врываются съ остервененіемъ въ ретраншаменты и съ бѣшенымъ неистовствомъ предаютъ все грабежу и опустошенію. Настаетъ утро—и на мѣстѣ раскошныхъ пейзажей и цвѣтущихъ садовъ разстилается гладкая водная равнина, на поверхности которой виднѣются лишь обломки страшнаго крушенія да посинѣлые трупы утопленниковъ. Катитъ свои безпечныя волны Зюйдеръ-Зе саженъ десять глубины надъ развалинами затопленнаго Стоворна.

Стало-быть, мы не станемъ входить въ мелочныя подробности постепенной и вмѣстѣ съ тѣмъ страшно-быстрой деморализаціи бѣдной Сесили. Не словами была развращена Сесиль, потому-что Ройстонъ все-таки былъ остороженъ и никогда не позволялъ себѣ въ ея присутствіи ни одного циническаго выраженія; однакожь, несмотря на это, легко было замѣтить, какъ съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ улетало новое вѣрованіе, глохло и умирало какое-нибудь новое священное чувство. Беззаботность, съ которою онъ всегда такъ настойчиво шелъ къ задуманной цѣли или мелькнувшей прихоти, опрокидывая по дорогѣ всѣ преграды, раздѣлявшія добро отъ зла, казалось, незамѣтно перешла къ Сесили и заразила ее. Она рѣдко позволяла себѣ обдумывать свои поступки и еще рѣже обсуживать свои дѣйствія; однакожь, со всѣмъ тѣмъ она не могла не сознавать и не чувствовать происшедшей въ себѣ перемѣны. Мысли, отъ которыхъ въ былое время она содрогнулась бы и съ ужасомъ отшатнулась бы назадъ (еслибъ она была въ-состояніи понять ихъ совершенно), теперь, когда она стояла къ нимъ лицомъ къ лицу, уже болѣе не пугали ее. Не думайте, ни на секунду, чтобъ эта нравственная перемѣна имѣла какое-нибудь вліяніе на ея наружность и поведеніе; во всѣхъ ея поступкахъ не видно было ни малѣйшихъ признаковъ одичалости или эксцентричности. Мелодрама можетъ имѣть большой успѣхъ на какомъ-нибудь заморскомъ театрѣ, но была бы весьма-неумѣстна и непростительна въ нашихъ гостиныхъ. Миссъ Трезильянъ, пренебрегая нравственными обязанностями, очень-хорошо понимала положеніе свое въ свѣтѣ, и, какъ самая строгая дуэна, исполняла всѣ требованія свѣтскаго приличія. Хотя она не всегда дорожила мнѣніемъ свѣта, однакожь ей и не снилось никогда возможность противостоять его

насмѣшкѣ; она менѣе была способна на какую-нибудь *gaucherie* нежели на преступленіе. Въ обхожденіи своемъ съ посторонними она нисколько не измѣнилась, развѣ только стала еще блестящѣе, еще очаровательнѣе прежняго; и когда что-нибудь ее сердило или шло наперекоръ ея желанію, тогда только прилежный наблюдатель могъ бы замѣтить болѣе надменности въ проявленіи ея независимости.

Только когда ей случалось бывать наединѣ съ Ройстономъ измѣняла она себя совершенно. Грустно было видѣть, какъ слабое и прекрасное существо покорялось совершенно-вредному вліянію сильнѣйшей, испорченной натуры до того, что всякое проявленіе воли или свободы дѣйствія исчезло и поглощало ея личность. Она не сантиментальничала и не старалась высказывать свои чувства въ его присутствіи (напротивъ, въ эти минуты ея прелестное личико скорѣй принимало выраженіе очаровательной mine mutine, и ему ничто не могло противостоять), но ей и въ голову не приходило возможность противиться или опровергать когда-либо серьёзно выраженное желаніе ея — *любовника*.

Вотъ оно, слово, вырвалось наконецъ; и горе мнѣ! что я не въ правѣ уже его вычеркнуть. Впрочемъ, рано или поздно, оно должно было высказаться, такъ лучше же его высказать съ-разу.

Подводя настоящее положеніе Сесили подъ общую категорію существующихъ правилъ, жизнь ея должна была бы переполниться лихорадочными душевными волненіями и горькими угрызеніями совѣсти. Но—сказать ли правду? на-самомъ-дѣлѣ она была неописанно-счастлива. Причиною тому было самое обыкновенное обстоятельство: ей не доставало времени заглянуть въ самоё себя. Даже когда она оставалась наединѣ, совѣсть ея не находила случая обнаружить свои права. Мысли ея были постоянно и исключительно заняты Ройстономъ; она припоминала каждое сказанное имъ слово, старалась угадать, что онъ ей скажетъ на предстоящемъ свиданіи.

Напрасно предполагаютъ, что нельзя заглушить голосъ совѣсти на нѣкоторое время; это дѣло весьма-возможное; но беззаботно сдѣланный долгъ, рано или поздно, придется уплатить, уплатить до послѣдняго гроша. Въ жизни, если ея хватитъ надолго, необходимо встрѣтится свободная минута, и тогда поневолѣ призадумаешься и заглянешь въ былое. Въ такую минуту вполнѣ оцѣнишь мученія и пытку «одинокаго заключенія». Преступникъ отправляется на богомолье по святымъ мѣстамъ, преклоняется передъ сотнею различныхъ мощей и, можетъ-быть, никогда не достигнетъ того очищенія, которое въ силахъ изгнать Еринея.

Конечно, въ настоящемъ дѣлѣ побѣдитель не употреблялъ во зло своего преимущества и нисколько не былъ взыскателенъ въ своихъ требованіяхъ. Странно было видѣть, какъ всѣ его манеры, вся его натура измѣнялась, когда онъ оставался наединѣ съ своей прелестной плѣнницей. Чѣмъ очевиднѣе становилось ея порабощеніе, тѣмъ болѣе, казалось, становился онъ къ ней внимательнѣе и предупредительнѣе. Они какъ-будто приняли за правило говорить о всевозможныхъ предметахъ, не касаясь своихъ чувствъ; и Ройстонъ разсуждалъ о различныхъ отвлеченныхъ и постороннихъ предметахъ если не умно, то по-крайней-мѣрѣ добросовѣстно. Отзываясь о всѣхъ и о всемъ съ ѣдкимъ сарказмомъ и ироніею, онъ откровенно и вполнѣ довѣрялъ свои чувства только Сесили Трезильянъ. Вотъ тайна огромнаго вліянія тѣхъ людей, успѣхамъ которыхъ мы иногда такъ удивляемся. Часто за кулисами свѣтскаго приличія опытный глазъ случайно открываетъ или нѣжное сочувствіе или горькое разочарованіе. Тотъ только, кто это испыталъ, можетъ вполнѣ оцѣнить то наслажденіе, когда, за внѣшней обстановкой, всѣми признанной холодной и отталкивающей, найдется всегда-готовая любящая ласка. Впрочемъ, у Ройстона это не была заученая роль актёра; онъ только позволялъ Сесили заглядывать въ тотъ фазисъ своего характера, который былъ скрытъ отъ постороннихъ.

Второстепенные актёры этой драмы обнаруживали гораздо-болѣе безпокойства и наружнаго участія, нежели главныя дѣйствующія лица. Когда Фанни Молинё поняла, что Ройстонъ не намѣренъ былъ отступить, она рѣшилась серьёзно переговорить съ своею подругою и предостеречь ее. Эта послѣдняя выслушала ее терпѣливо, но совершенно спокойно; она даже не допускала возможность опасности или необходимость предосторожности. La mignonne не убѣдилась, однакожь, она уступила. Подсѣвъ къ Сесили, она обвила рукой ея талью и шепнула, прижавшись къ ней еще ближе:

— Не забудь одного, моя милая: если что-нибудь случится, я всегда буду думать, что я въ этомъ тоже виновата, и потому тебя никогда не оставлю, никогда!

Миссъ Трезильянъ склонила свою чудную лебединую шею, какъ-будто она намѣревалась приласкать голубку, покоющуюся у ней на груди, и долго и нѣжно прижала свои алыя губки къ щекѣ своей подруги.

— Я бы не могла сдѣлать *этого*, отвѣчала она: — еслибъ я была виновна.

Гарри тоже не удержался и возсталъ противъ того, что̀ онъ видѣлъ

или предполагалъ. Конечно, майоръ отъ него бы болѣе выслушалъ нежели отъ кого другаго; онъ нисколько не былъ раздраженъ его вмѣшательствомъ.

— Любезный Гарри, сказалъ онъ: — не дѣлай изъ себя старой сплетницы, придавая вѣры всякому скандалу или самъ выдумывая оныя. Если ты хочешь мучиться прежде времени, я помочь этому не могу; но, по-моему, это совершенно-излишне. Она можетъ сама себя сберечь очень-хорошо безъ того, чтобъ ты бралъ на себя роль льва. Впрочемъ, у ней на то есть братъ. Ты знаешь, есть вещи, о которыхъ я съ тобой никогда не говорю; а теперь менѣе, чѣмъ когда-либо, ты заслуживаешь мою откровенность. Однакожь, послушай, ты не долженъ имѣть худшаго мнѣнія о Сесили, нежели она этого заслуживаетъ: до сей минуты, клянусь тебѣ, даже губы ея не осквернены мною. Теперь, я надѣюсь, ты доволенъ; ты въ первый разъ заставилъ меня идти противъ моихъ правилъ; оставь этотъ разговоръ ради самого чорта.

Хотя Гарри очень-хорошо зналъ безсовѣстный характеръ своего друга, однакожь онъ былъ весьма-доволенъ, что ничего *очень*-дурнаго еще не случилось. Ростойнъ никогда не лгалъ.

— Я очень-радъ тому, что̀ ты говоришь, отвѣчалъ онъ: — но худшее въ этомъ то, что̀ люди станутъ говорить объ этомъ. Меня удивляетъ, что этотъ противный пасторъ не надѣлалъ еще болѣе непріятностей. Въ прошлое воскресенье я нарочно не ходилъ въ церковь, потому-что я увѣренъ былъ услышать личности въ его проповѣди...

Майоръ разразился своимъ рѣзкимъ, непріятнымъ смѣхомъ.

— Чтобъ эта мысль на будущее время не была помѣхой твоей набожности. Не изъ такихъ, небойся, не укуситъ, даже не залаетъ громко. Онъ меня долго будетъ помнить.

Дѣйствительно, съ того роковаго пикника пасторъ сдѣлался замѣчательно-молчаливъ. Даже когда жена его заговаривала объ этомъ или дѣлала какіе-нибудь вопросы, относящіеся до этой исторіи, онъ сердито ей выговаривалъ или начиналъ длинную лекцію о женскомъ любопытствѣ, которая всегда доводила бѣдную женщину до слезъ. Мистрисъ Данверсъ была крайне удивлена и обижена, что мистеръ Фуллертонъ такъ рѣшительно отказалъ ей въ своей помощи идти наперекоръ и постараться разстроить планы и намѣренія Кина. Онъ находилъ необходимымъ, говорилъ онъ, предупредить миссъ Трезильянъ и другихъ о настоящемъ положеніи дѣлъ; но онъ думалъ, что дальнѣйшее вмѣшательство было бы излишне и превысило бы сферу его обязанностей. Странно было видѣть, какъ его эластичная

натура дотолѣ самостоятельная, вдругъ сжалась и съёжилась съ-тѣхъ-поръ, что пророкъ на пути своемъ встрѣтилъ льва!

Дикъ Трезильянъ, единственный человѣкъ, до котораго всего ближе относилось это дѣло и успѣхъ его, казалось, немного заботился о немъ. Онъ безпрестанно ѣздилъ на охоту; когда же ему случалось бывать дома, то замѣтили, что онъ пилъ болѣе обыкновеннаго, былъ не въ духѣ, часто сердился безъ всякой причины и со всѣми ссорился.

Ройстонъ только приводилъ дѣйствительный фактъ, сказавъ, что репутація Сесили не носила на себѣ пятно безчестія. Дѣйствительно она не была виновна и стояла невредима посреди окружающей ее опасности. Была ли она обязана въ этомъ случаѣ своему собственному благоразумію и несовсѣмъ еще заглохшимъ правиламъ нравственности, или воздержанію своего обольстителя—мы не станемъ, если читатели позволятъ, доискиваться. Порой не мѣшаетъ быть снисходительнымъ. Какъ она уцѣлѣла отъ зловѣщаго дыханія—непостижимо, и можно приписать только чуду. Сколько разъ ввѣрялась она съ безграничною довѣренностью тому, который былъ столько же безпощаденъ въ любви, какъ въ гнѣвѣ. Да не будетъ этотъ примѣръ служить извиненіемъ довѣрчивой увѣренности, или приманкой для другихъ послѣдовать ея отважности. Не доживемъ мы до Миленіума, я полагаю; и покуда не настало это блаженное время, ни ребенокъ, ни женщина не могутъ безопасно положить руку на логовище змія. Изъ баллады мы знаемъ, что леди Жаненъ была наконецъ счастлива; но она дорого купила свое счастіе; цѣлые мѣсяцы горя и стыда вытерпѣла она за тѣ три розы, сорванныя ею въ бесѣдкѣ Эльфосъ. Настоящую же причину воздержности Кина было бы весьма-трудно объяснить: не одно чувство, по всей вѣроятности, играло въ ней роль. Если память прошедшаго заключаетъ въ себѣ какія-либо наслажденія, о которыхъ стоитъ говорить (въ чемъ многіе премудрые и ученые люди позволяютъ себѣ сомнѣваться), то, конечно, между высшими наслажденіями такого рода занимаетъ первое мѣсто воспоминаніе безграничной любви существа высокаго и прекраснаго, котораго мы не обольстили, не обманули. Это одно изъ тѣхъ утраченныхъ благъ и богатствъ, на которыя мы можемъ оглянуться съ спокойствіемъ на сердцѣ изъ глубины настоящей, удручающей насъ нищеты. Жемчужина эта такъ драгоцѣнна, что она, какъ-будто придаетъ своему обладателю нѣкоторое достоинство, которое никогда его не покидаетъ совершенно, даже если драгоцѣнность ускользнетъ изъ его огненныхъ объятій, слѣдуя за кольцомъ Поликрата. Увы! увы! мрачныя воды Мертваго Моря менѣе-великодушны синихъ эгейскихъ волнъ. Только

на этихъ основаніяхъ можно себѣ объяснить удивительное хладнокровіе, которое даетъ возможность людямъ, съ виду неспособнымъ на такія вещи, смѣло пренебрегать жизнью во всѣхъ ея фазисахъ съ такимъ невозмутимымъ спокойствіемъ. Пріятно видѣть, кàкъ даже кокетство притупляется и отскакиваетъ отъ этой непроницаемой брони, и помышлять о томъ, кàкъ бы торжествовала умершая красавица надъ своими живущими соперницами, съ пренебреженіемъ осмѣивая ихъ паденіе. Даже въ случаяхъ гораздо-труднѣйшихъ, когда являются противники опаснѣйшіе магическихъ улыбокъ Эленъ, или магнитическихъ глазъ Флорансъ, и тогда невидимое присутствіе любимаго призрака, кажется, вдохновляетъ своего любовника и вселяетъ въ него сверхъестественное мужество. Вспомните повѣсть о «Рыцарѣ прекрасной Аслоги»: какъ только ему случалось засидѣть въ облакахъ пыли сраженія призракъ золотыхъ прядей ея волосъ, все начинало валиться подъ его мечомъ, кони, всадники...

Ройстонъ на половину не былъ способенъ оцѣнить всего этого; впрочемъ, какое-то смутное и неопредѣленное чувство удерживало его отъ увеличенія своего преимущества до послѣдняго предѣла. Другое, болѣе-эгоистическое предчувствіе подѣйствовало на него, вѣроятно, гораздо-сильнѣе. Былъ одинъ призракъ, отъ котораго хладнокровный майоръ никакъ не могъ избавиться; годами онъ являлся непосредственно послѣ всѣхъ его преступленій, и былъ, по правдѣ сказать, ихъ лучшій мздовоздатель: его Немезидой было пресыщеніе. Онъ слишкомъ-хорошо зналъ, что прелестнѣйшіе цвѣты теряли свои краски и благоуханіе, какъ только они были сорваны и попадали къ нему въ руки, чтобъ не содрогнуться при одной мысли неминуемаго разочарованія. Это проклятіе лежитъ на многихъ ему подобныхъ; въ ту же минуту какъ выигранъ призъ, являются и сомнѣнія въ его стоимости, и недостатки обнаруживаются съ часу на часъ въ томъ, чтò казалось сначала безошибочно и совершенно. Притворяться разочарованнымъ, есть ничто иное, какъ дѣтская игра; но дѣйствительность заставляетъ зрѣлыхъ людей скорѣй отвергать все другое, нежели неизбѣжное возмездіе. Очень-часто Кину поневолѣ приходила мысль:

«Ну что, если она мнѣ тоже надоѣстъ?» и заставляла его останавливаться на нѣкоторое время и не побуждать Сесиль на тотъ шагъ, который долженъ былъ на вѣки соединить ихъ участь.

При другихъ обстоятельствахъ, можетъ-быть, терпѣнье его выдержало бы и долѣе, но тутъ, когда для ихъ свиданій встрѣчалось столько затрудненій и препятствій, Ройстонъ испугался постоянныхъ стѣсненій. Онъ поставилъ себѣ за правило никогда не идти открыто противъ

принятыхъ приличій, не имѣя въ виду достаточнаго возмездія; потому онъ болѣе дорожилъ репутаціею Сесили, нежели она сама, и между другими зловредными уроками училъ ее осторожности. Имъ удавалось очень-рѣдко видѣться наединѣ. Когда мистрисъ Данверсъ находилась въ ихъ обществѣ, она ставила себѣ въ непремѣнную обязанность мѣшать и становится имъ поперегъ дороги; а ея неловкія попытки вмѣшательства были иногда невыразимо-раздражительны. Въ одинъ замѣчательный вечеръ она была какъ-то необыкновенно-навязчива и несносна. Майоръ долго крѣпился и удерживалъ себя, но его дикій нравъ скоро мало-по-малу взялъ верхъ; выраженіе лица его становилось все мрачнѣе-и-мрачнѣе и, наконецъ, стало темно, какъ полночь, когда онъ всталъ, чтобъ удалиться. Губы его были грозны, какъ сталь. Очевидно было, что онъ твердо рѣшился на что-то и намѣренъ былъ привести это въ исполненіе. Когда онъ подошелъ къ Бесси, чтобъ пожелать ей покойной ночи, онъ взялъ ея руку и на минуту подержалъ въ своей, не сжимая ее. «Вы такъ сильны въ богословіи» сказалъ онъ, «что, вѣроятно, можете мнѣ сказать, отвуда этотъ текстъ, который съ часъ не выходить у меня изъ головы. Въ немъ говорится о комъ-то, который ослабилъ узы Оріона».

Его манера и неожиданный вопросъ такъ сконфузили мистрисъ Данверсъ, что она совершенно растерялась и не нашлась, что отвѣчать: она допустила «обвиненію обойти проступокъ» и оставила Ройстона въ томъ убѣжденіи, что она никогда не читала книгу Іова.

На другой день онъ просилъ Сесиль бѣжать съ нимъ.

Она выслушала его спокойно, безъ страха, безъ гнѣва, безъ презрѣнія; однако прелестные глаза ея поднялись полные грусти и вопросительно взглянули нанего; немногіе на его мѣстѣ выдержали бы этотъ взглядъ.

— Обсудили ли вы этотъ шагъ для себя и для меня?

— Я все обдумалъ, отвѣчалъ Кинъ серьёзно.—Я не стану васъ увѣрять, чтобъ вы въ этомъ никогда не раскаялись, но я знаю, что я никогда не буду сожалѣть.

Прошли двѣ безконечныя минуты, не слышно было ни клятвъ, ни обоюдныхъ обѣщаній; все было тихо, только чистыя, непорочныя губки утратили на вѣки свою дѣвственность.

Такимъ-образомъ въ нѣсколькихъ словахъ все было окончательно рѣшено, и на другой день Ройстонъ уѣхалъ изъ Дорада, чтобъ сдѣлать надлежащія распоряженія по всей дорогѣ и облегчить ихъ бѣгство. Они предполагали изъ Марсели отправиться моремъ на Востокъ

и сдѣлать своимъ начальнымъ мѣстопребываніемъ одинъ изъ островов Греческаго Архипелага; оба чрезвычайно боялись посторонняго вмѣшательства и въ-особенности столкновенія съ Дикомъ Трезильяномъ.

Въ тотъ вечеръ Сесиль оставалась одна дома (мистрисъ Данверсъ отправилась на какую-то братскую трапезу къ Фуллертонамъ, гдѣ все общество угощали легкимъ чаемъ и тяжелымъ поученіемъ à discretion). Она отказалась на предложеніе Фанни остаться съ ней, отговариваясь, совсѣмъ безъ основанія, мучительною головною болью. Прощаясь съ нею, Сесиль вздрогнула, обвила ее руками и, казалось, на вѣки не хотѣла бы выпустить ее изъ своихъ объятій; но la mignonne была слишкомъ-невинна, чтобъ понять настоящій смыслъ прощальнаго поцалуя своей подруги. Самое грустное чувство изъ всѣхъ тѣхъ, которыя переполняли преступное, разбитое сердце дѣвушки, было сознаніе, что чрезъ нѣсколько часовъ глубокій, непроходимый заливъ разлучитъ ихъ, можетъ-быть, навѣки, какъ пропасть, раздѣляющая Авраама отъ богатаго.

Миссъ Трезильянъ безсознательно опустилась въ кресло и приняла ту позу, въ которой вы разъ уже ее видѣли: полулежа и пристально глядя на пылавшіе уголья въ каминѣ. Судя по наружности она казалась такъ же задумчива, такъ же лѣниво-граціозна; но, Боже мой! какъ далеки были тѣ беззаботныя грезы, забавлявшія ея дѣтское воображеніе, отъ дикаго хаоса мрачныхъ мыслей, тяготившихъ ее въ настоящую минуту!

Все ея существованіе было такъ тѣсно связано съ Ройстономъ Киномъ, что жизнь вдали отъ него казалась ей невозможной. Ни малѣйшее предчувствіе о могущемъ быть съ его стороны непостоянствѣ не приходило ей даже на умъ. Она наслѣдовала немалое количество той твердости и настойчивости въ преслѣдованіи задуманной цѣли, которыми такъ отличались многіе изъ ея предковъ. Была ли то добрая или злая цѣль, они преслѣдовали ее съ одинаковымъ упорствомъ, не допуская сомнѣнія, не страшась опасности. Когда Сесиль вѣрила, она вѣрила безусловно, и даже съ собственной совѣстью не допускала никакихъ сдѣлокъ.

Покуда *его* мощная рука поддерживала ее, она чувствовала, что не боялась ни стыда, ни угрызенія совѣсти; но что̀ будетъ, если эта поддержка измѣнитъ ей? Дня еще не прошло, что онъ уѣхалъ, а уже она смутно чувствовала какое-то безпомощное отчаяніе. Она хорошо знала пылкія страсти и надменный нравъ своего любовника, готовые всегда разразиться при малѣйшемъ намёкѣ о дерзости, или даже про-

тиворѣчіи со стороны другихъ, и очень-хорошо понимала, что человѣкъ съ такимъ характеромъ всегда стоялъ на рубежѣ жизни и смерти. При одной мысли, что она можетъ его лишиться, неукротимый духъ ея робѣлъ и болѣзненное воображеніе рисовало ей ужасныя картины томительнаго одиночества. Зловѣщій голосъ, который не разъ можетъ-быть, шепталъ на ухо не одному изъ «горестно-падшихъ Трезильяновъ», казалось, тихо говорилъ ей: «ты тоже можешь умереть». Но Сесиль не на столько упала духомъ, чтобъ вѣрить навѣтамъ злаго демона. Она не сожалѣла о прошедшемъ и погибшихъ съ нимъ блестящихъ надеждъ; она рѣшилась твердо встрѣтить неудачи въ будущемъ; со всѣмъ тѣмъ на сердцѣ у ней было страшно-тяжело. Вспомните отвѣтъ толстаго католика Дезадре (Des Adrets), когда дикій баронъ упрекалъ его въ трусости, когда тотъ два раза отъ опаснаго скачка съ башни, «Je vous le donne en dix» (я держу пари десять противъ одного). Женской натурѣ, какъ бы она ни была нравственно испорчена и равнодушна къ послѣдствіямъ, несвойственно, умышленно не содрогнувшись, броситься въ ту страшную пропасть, изъ которой еще ничье доброе имя не вышло чистымъ, незапятнаннымъ. Даже предразсудки не могутъ быть съ корнемъ вырваны безъ того, чтобъ не разбросать землю вокругъ нихъ.

Она, кажется, уже съ часъ сидѣла углубившись въ размышленіе и не слыхала, какъ портьера, отдѣлявшая ея комнату отъ передней, тихо была отдернута. Миссъ Трезильянъ привыкла всегда удерживать порывы своихъ впечатлѣній и никогда не позволяла себѣ никакихъ возгласовъ; но въ этомъ случаѣ она едва удержалась отъ невольнаго крика, когда она подняла глаза.

Призракъ упрека, который не покидалъ ее цѣлые годы, до того времени, когда новое, сильнѣйшее вліяніе вытѣснило его изъ памяти, стоялъ теперь передъ ней, облеченный въ осязаемую форму дѣйствительности. Темная рама полурастворенной двери обрисовывала суровыя и горемъ пораженныя черты Марка Уоринга.

XX.

Не очень легко съ приличнымъ хладнокровіемъ встрѣтиться съ глазу-на-глазъ съ человѣкомъ, съ которымъ мы бы менѣе всего желали столкнуться на землѣ. Впрочемъ, принимая все это въ соображеніе, Сесиль довольно-ловко вышла изъ затруднительнаго положенія и привѣтствовала неожиданнаго посѣтителя довольно-дружественно. Маркъ

пожалъ протянутую ему руку безъ особой поспѣшности, не удерживая ее секунды болѣе того, что̀ требовало приличіе.

— Мнѣ сказали, что я васъ застану однѣхъ. Такъ-какъ я только этого и желалъ, то, не теряя времени, я рѣшился васъ побезпокоить даже въ такой неурочный часъ. Вы, конечно, догадываетесь, что у меня на то важныя причины.

Миссъ Трезильянъ откинула назадъ свою гордую голову, какъ боевой конь при первомъ звукѣ роковой трубы, она почуяла, что въ воздухѣ запахло битвой.

— Вы будете такъ добры, что объяснитесь? сказала она, усаживаясь на свое мѣсто и указывая ему на стулъ.—Я увѣрена, что вы не намѣрены издѣваться надо мною, или сердить меня безъ причины.

Уорингъ не воспользовался предложеннымъ ему мѣстомъ, но, скрестивъ руки, облокотился на спинку стула, пристально глядя ей въ лицо.

— Вы нисколько не ошибаетесь въ моихъ намѣреніяхъ, отвѣчалъ онъ:—я буду говорить коротко и ясно. Я пріѣхалъ изъ Ниццы, чтобъ спросить у васъ: на сколько справедливы толки тѣхъ, которые произносятъ имя ваше рядомъ съ именемъ майора Кина?

Никто не въ состояніи нанести смертный ударъ великодушію истиннаго приверженца, несмотря на всю его кротость. Горько и больно было бѣдной Сесили, что она не могла сказать правды и удовлетворить его; она медленно склонила голову и закрыла лицо руками; этого довольно было для Уоринга: онъ хорошо понялъ, что всѣ худшія его опасенія сбылись. На минуту голова его закружилась; ему сдѣлалось невыразимо-тяжело. И не удивительно: надѣяться онъ ужь давно пересталъ; но упованіе и вѣра, непокидавшія его доселѣ, вдругъ рушились невозвратно. Во всякой религіи, будь она истинная или ложная, фанатикъ всегда счастливѣе, если не умнѣе, невѣрующаго. Грѣшно потрясти въ основаніи простодушное вѣрованіе, когда не въ силахъ замѣнить его лучшимъ. Голосъ Марка, глухой, хриплый, нетвердый, невольно высказалъ его внутреннія страданія.

— Боже милостивый! не-уже-ли дошло до того, что вы не находите словъ мнѣ отвѣчать, когда я осмѣлился намекнуть о вашемъ безчестіи?

Она вдругъ подняла голову, покраснѣла до ушей; глаза ея блистали гнѣвомъ.

— Я даже отъ васъ этого не стерплю. Знайте навсегда: я не признаю вашихъ правъ меня допрашивать.

Ясные, голубые глаза Марка встрѣтили фіолетовый блескъ сесилиныхъ глазъ твердо и спокойно. Зловѣщая молнія не ослѣпила ихъ.

— Выслушайте меня спокойно еще двѣ минуты, сказалъ онъ:—и потомъ отплатите мнѣ за мою надмѣнность какъ вамъ будетъ угодно. Года три назадъ, васъ забавляло сдѣлать меня предметомъ своихъ испытаній. На сколько вы поступили безразсудно и не думая о послѣдствіяхъ—я никогда не старался узнать: это было бы потеря времени; софизмы кокетства слишкомъ утонченны для меня. Я знаю только одинъ результатъ всего этого. Прежде, чѣмъ я васъ встрѣтилъ, я могъ бы предложить каждой женщинѣ, которая бы сочла достойнымъ принять честную непорочную любовь. Теперь, еслибъ я даже и могъ покорить свою страсть, я бы только могъ предложить чувство немногимъ теплѣе дружбы; обѣщать болѣе—было бы съ моей стороны низкимъ обманомъ. Не-уже-ли вы думаете, что я бы сталъ у божественнаго алтара съ худшею ложью на устахъ, нежели Ананія? Вы ни за что считали, чтобъ удовлетворить своему тщеславію и прихоти, приговорить человѣка, кровь котораго еще не остыла, къ чему-то худшему, нежели пожизненное одиночество? Моя религія можетъ быть ложнымъ и пустымъ идолопоклонствомъ, но въ ней заключаются всѣ мои упованія. Я не буду стоять терпѣливо и безсознательно смотрѣть на образъ, которому я поклонялся и котораго боготворилъ, выставленный на позоръ и поруганіе всего свѣта. Что жъ, отвергаете вы теперь мое право вмѣшиваться?

Слова его были сурово-энергичны, хотя въ нихъ мало было краснорѣчія. Они такъ естественно вырвались изъ глубины могучей, переполненной души, что невольно произвели переворотъ въ чувствахъ Сесили; снова вернувшіяся угрызенія совѣсти подавили ея непреклонную гордость. Тихо и жалобно прошептала она: «Ахъ! пощадите, пощадите меня! я безъ того такъ несчастлива!» и вмѣстѣ съ тѣмъ глаза ея тоже просили помилованія. Въ твердомъ, мужественномъ характерѣ Марка было много женскаго состраданія и нѣжности; онъ никогда не могъ видѣть даже плачущаго ребенка: не удивительно, что гнѣвъ его мгновенно исчезъ при видѣ сокрушенія существа, которое онъ любилъ болѣе жизни. Онъ въ ту же минуту забылъ о своемъ несчастьи, но не о томъ предметѣ, который онъ имѣлъ въ виду.

— Простите мнѣ, что я такъ рѣзко выразился. Мнѣ бы слѣдовало отклонить вашъ вызовъ. Помните, я когда-то лучше себя велъ. Но будьте терпѣливы и позвольте мнѣ защищать право. Впрочемъ, еслибъ вы вняли голосу своей совѣсти и благоразумія, вамъ бы легче было это сдѣлать, чѣмъ мнѣ. Когда разъ ослѣпленіе существуетъ,

то была бы пустая потеря времени доказывать, что предметъ его недостоинъ. Потому я не буду старатся чернить предъ вами характеръ майора Кина; впрочемъ, кромѣ того, не въ моихъ правилахъ нападать на человѣка отсутствующаго. Скажу только, что мало столицъ въ Европѣ, гдѣ бы не было слишкомъ извѣстно имя майора Кина. Изъ того, что̀ я слышалъ, вина была болѣе на сторонѣ его жены, когда они разъѣхались; но жизнь, которую онъ велъ съ-тѣхъ-поръ, не даетъ ему никакого права жаловаться или осуждать ее. Вспомните, что вамъ извѣстно дѣло только съ одной стороны. Но дѣло не въ томъ; знакомство съ нимъ-само-по-себѣ не беззаконно; но онъ женатъ и имя его примѣшенное къ вашему, вызываетъ безчестіе. Не можетъ быть, чтобъ вы такъ низко упали и равнодушно перенесли такое обвиненіе. Въ свою очередь я вамъ скажу, «пощадите меня!» Не заставьте меня впредь не вѣрить болѣе ничьей непорочности.

Сесиль могла только чуть-слышно выговорить: «поздно уже, слишкомъ поздно!» Взглядъ смертельнаго ужаса, мелькнувшій на лицѣ Уоринга, показалъ ей, что преположеніе его зашло за предѣлы истины.

— Я хочу сказать, продолжала она, болѣзненно покраснѣвъ:—что я уже обѣщала».

— Обѣщали! повторилъ Маркъ съ неописаннымъ презрѣніемъ.—Дожилъ же я на свѣтѣ до того, чтобъ слышать изъ вашихъ устъ такую чертовскую логику! Вы слишкомъ-хорошо знаете, что болѣе грѣха сдержать такое обѣщаніе, нежели измѣнить ему. Я постараюсь васъ спасти, вопреки васъ самихъ. Выслушайте меня. Я не стращаю; я васъ хорошо знаю и увѣренъ, что такого рода доводъ былъ бы для васъ только сильнѣйшимъ соблазномъ преслѣдовать свои намѣренія. Я только вамъ скажу, что̀ я намѣренъ дѣлать. Вопервыхъ, я все разскажу вашему брату; если онъ не пойметъ своихъ обязанностей, или уклонится отъ нихъ, я исполню, что̀ я считаю своимъ священнымъ долгомъ. Я порицаю и презираю вообще дуэли; но, несмотря на то, я стану между вами и майоромъ Киномъ. Онъ не будетъ владѣть вами, покуда я живъ. Когда меня не станетъ, дотрогиваясь до его руки, вы будете знать, что она омочена въ моей крови, и вся вина падетъ на вашу голову. Я увѣренъ, что, разлучивъ васъ, я дѣлаю добро обоимъ. Я отдамъ ему справедливость: тяжело и грустно будетъ ему видѣть, какъ вы станете изнывать. Есть предѣлы человѣческимъ страданіямъ; а вы слишкомъ-горды, чтобъ перенесть безчестіе.

Сесиль чувствовала, что въ каждомъ его словѣ звучало добро и правда и что онъ ни за какія блага ни на секунду не станетъ коле-

баться въ своихъ намѣреніяхъ. Она вспомнила, ка̀къ, четыре дня назадъ, возвращаясь вдвоемъ съ прогулки, она встрѣтила косой взглядъ пожилой фарисейки, и сколько въ немъ было ненависти и торжества.

Хотя они другъ другу объ этомъ не напомнили впослѣдствіи, однакожъ она видѣла, ка̀къ яркій румянецъ гнѣва выступилъ на щекахъ Ройстона. Она уже перестала думать и заботиться о себѣ; но могла ли она не спасти *его*, когда еще было время? И еще не-уже-ли она недовольно сдѣлала вреда Марку Уорингу, чтобъ еще брать на себя отвѣтственность его смерти? Она никогда не допускала сомнѣнія относительно результата, еслибъ эти два врага встрѣтились.

Разсказываютъ, что волосы могутъ посѣдѣть въ самое короткое время отъ нравственныхъ тревогъ и сильнаго горя. Все это бредни да бабьи сказки. Когда Сесиль встала на другое утро, въ чудныхъ косахъ ея не видно было ни одного серебрянаго волоска. Наружныхъ признаковъ внутренней борьбы, покуда она продолжалась, не было вовсе, потому-что стиснутыя руки ея тщательно прикрывали лицо. Когда она подняла голову, лицо ея было блѣднѣе смерти и холодный потъ выступилъ на лбу. Когда она заговорила, голосъ ея звучалъ какъ-то глухо; въ немъ не оставалось и признаковъ прежней мелодіи.

— Вы правы. Правда всегда должна брать верхъ надъ всѣмъ. Теперь скажите, что̀ мнѣ остается дѣлать?

Маркъ Уорингъ готовъ былъ отдать всю свою кровь, капля за каплей, чтобъ облегчить хотя бы одно трепетаніе ея разбитаго сердца; но ему и мысль не приходила на умъ отказаться отъ предположенной цѣли.

— Есть опасности, въ которыхъ одно спасеніе—бѣгство. Вы должны уѣхать отсюда прежде нежели майоръ Кинъ вернется; а онъ завтра будетъ назадъ.

Можетъ-быть, я забылъ вамъ объяснить одну замѣчательную особенность наслѣдственную въ родѣ Трезильяновъ. Когда они брались за какое-нибудь дѣло, они не въ-состояніи были оглянуться назадъ. Приди Маркъ десятью часами позже, когда участь Сесили была бы окончательно рѣшена, всѣ его доводы остались бы тщетны. Какъ бы то ни было, разъ рѣшившись на что-нибудь окончательно, ей никогда не случалось дѣлать дальнѣйшихъ возраженій.

— Да̀, я поѣду сказала она:—но я должна писать ему.

— Я думаю, вамъ слѣдуетъ это сдѣлать, отвѣчалъ Уорингъ:— и если вы мнѣ дадите письмо, то я самъ его передамъ.

Послѣдній признакъ возратившейся краски исчез на лицѣ Сесили.

— Вы не знаете его: я не смѣю вамъ вѣрить.

Онъ не понялъ причины ея страха.

— Даю вамъ слово, что какъ бы ни разсердился майоръ Кинъ, я снесу это терпѣливо и никогда не подумаю мстить. Съ моей стороны онъ въ безопасности.

Она горько улыбнулась, однакожь не безъ печальной гордости. Ей казалось, что она могла бы видѣть Ройстона, противоставленнымъ любому сопернику въ мірѣ и никогда не дрогнуть за него.

— Вы едва-ли меня поняли: я безпокоилась не о его безопасности, но о вашей.

Маркъ былъ слишкомъ-храбръ и чистосердеченъ, чтобъ подозрѣвать въ этомъ намекъ, даже еслибъ онъ былъ сдѣланъ съ намѣреніемъ.

— Слѣдовательно не о чемъ болѣе и говорить, сказалъ онъ спокойно:—остается только назначить день и часъ вашего отъѣзда. Я оставлю васъ теперь; мы увидимся еще до вашего отъѣзда.

Сесиль Трезильянъ встала и взяла его за руку. На прекрасномъ лицѣ ея выражалось непреклонное намѣреніе.

— Я на васъ не сержусь ни за одно вами сказанное слово въ этотъ вечеръ: вы только выразили то, въ чемъ трусила признаться моя собственная совѣсть. Несмотря на это, завтра мы увидимся въ послѣдній разъ. Теперь мы съ вами квиты; вы справедливо со мною разсчитались. Я не знаю еще, какія страданія меня ожидаютъ, но я намѣрена остаться одна— одна на всю жизнь. Можетъ-быть, когда-нибудь я мысленно поблагодарю васъ за все вами сдѣланное; но теперь я не могу.

Тяжело было на сердцѣ у Уоринга, однакожь онъ долженъ былъ признаться, что въ словахъ ея была горькая правда. Вылечивая подобные недуги, докторъ работаетъ, не надѣясь на возмездіе или награду. Много время пройдетъ, покуда больной въ-состояніи будетъ, одолѣвъ чувство невольнаго страха, дотронуться до той руки, которая лечила его раны раскаленнымъ желѣзомъ.

Голосъ ея измѣнился; она продолжала почти шопотомъ, тихо и жалобно, будто наединѣ и не сознавая присутствія посторонняго.

— Я не могла, я не въ силахъ была его не любить, хотя я знала, что это было грѣшно. Если стыдно въ этомъ признаться, я еще не чувствую этого. Я бы только желала разъ ему сказать, одинъ только разъ, какъ безумно я его люблю! Теперь мнѣ никогда не удастся шепнуть ему это, а написать я не посмѣю. Нѣтъ, онъ не забудетъ меня, какъ онъ забывалъ другихъ; онъ меня возненавидитъ, будетъ упрекать меня во лжи, въ обманѣ, въ холодности... въ холодности...

Боже мой! еслибъ онъ видѣлъ, что̀ происходитъ у меня на сердцѣ! Я сама въ него никогда не заглядывала до сей минуты, когда мы должны на-вѣки разстаться.

Ка̀къ вы думаете: пріятно слышать такія рѣчи изъ устъ женщины, которую вы боготворили, хотя бы и безнадежно, впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ? Люди сходили съ ума отъ меньшихъ мученій, нежели Маркъ Уорингъ былъ принужденъ перенести. Но онъ понялъ, что только горе, доведенное до крайности, могло ожесточить на-время великодушную природу Сесили и сдѣлать ее равнодушной свидѣтельницей тѣхъ страданій, которыхъ она сама была причиной. Онъ отвѣчалъ ей тихимъ, твердымъ голосомъ, голосомъ, который мы употребляемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда хотимъ успокоить припадокъ лихорадочнаго бреда.

— Перестаньте, пожалуйста! вы говорите вещи несообразныя. Мое присутствіе здѣсь вамъ не приноситъ никакой пользы. Вы можете думать обо мнѣ ка̀къ вамъ угодно дурно; можетъ-быть, время смягчитъ ваше сужденіе; если же нѣтъ, я все-таки не буду жалѣть о томъ, что̀ я сдѣлалъ сегодня. Я явлюсь за письмомъ въ минуту вашего отъѣзда. Прощайте. Молю Бога, чтобъ Онъ помогъ вамъ въ настоящую минуту и сохранилъ васъ въ будущемъ.

Онъ поднесъ ея руку къ губамъ и слегка до нея дотронулся съ тою самою строгою учтивостью, съ которой онъ прощался съ ней въ послѣдній разъ, три года назадъ. Секунду спустя, Сесиль была уже одна.

Она немного употребила времени оправиться отъ одуренія; и когда мистрисъ Данверсъ возвратилась домой, она была уже совершенно покойна и сосредоточенна. Не стоитъ описывать того шумнаго удивленія и восторга Бесси и выраженія, съ какимъ принялъ Дикъ Трезильянъ эту новость, долженствовавшую измѣнить всѣ ихъ планы. Его невозмутимое хладнокровіе и въ этотъ разъ не измѣнило ему. Онъ проворчалъ между зубами нѣсколько угрюмыхъ проклятій насчетъ «женщинъ, которыя никогда не знаютъ чего они хотятъ»; но все это онъ сдѣлалъ потому, что, по его мнѣнію, необходимо было поворчать въ подобныхъ обстоятельствахъ, и даже нѣкоторымъ образомъ обязательно для его мужскаго достоинства. Во всякомъ случаѣ, онъ, казалось, доволенъ былъ отъѣздомъ. Даже для его тупаго соображенія становилось очевиднымъ, что что-то очень-дурное тянулось къ развязкѣ.

Цѣлыми днями онъ находился въ состояніи какого-то туманнаго опасенія, какъ онъ называлъ это, «не видя всему этому исхода». Такимъ образомъ онъ принялся за свою часть приготовленія къ отъ-

ѣзду съ довольно-веселымъ видомъ. Мы не станемъ тоже приводить подробности прощанья Сесили съ la mignonne. Она была такъ рада при одной мысли, что подруга ея этимъ избѣгнетъ вреда, что она и не стала разспрашивать много о причинахъ, побудившихъ ее на такой внезапный отъѣздъ, и только позже узнала, что все это было дѣломъ Марка Уоринга. Нѣтъ необходимости припоминать, что разставанье не обошлось безъ слезъ, пролитыхъ, впрочемъ, только со стороны Фанни Моллнё. Сесиль боялась еще плакать; она очень-сухо простилась съ мистеромъ Фуллертономъ, и пасторъ даже не попытался ей дать прощальное благословеніе.

Тяжелая дорожная карета, съ сотнями хитрыхъ затѣй, уложена наконецъ, и Карлъ, исправный почтальйонъ, утирая съ бѣлокурыхъ усовъ капли прощальной рюмочки, подноситъ руку къ фуражкѣ и произноситъ свое обычное «zi ces dames zont brêtes»? (*) Маркъ Уорингъ облокотился на дверцу кареты, чтобъ сказать «прощайте»; рука, которую онъ пожимаетъ, не отвѣчаетъ и не симпатизируетъ его пожатію, какъ ледяной осколокъ. Его грустный, пристальный взглядъ упрашиваетъ, но напрасно: въ безнадежныхъ, задумчивыхъ глазахъ Сесили не видно ни мягкости, ни доброты. Дорога, по которой имъ приходится ѣхать на нѣсколько льё, та же самая, по которой долженъ возвращаться Ройстонъ Кинъ; ее мучитъ мысль, полная надеждъ и страха: не придется ли имъ встрѣтиться?

Колеса двигаются, раздаются поспѣшныя прощанья, и Маркъ стоитъ на половину пораженный, безчувственный ко всему и сознавая только свое одинокое горе.

Когда карета обогнула уголъ террасы, они близко проѣхали того мѣста, гдѣ сидѣлъ Арманъ де Шатомениль. Инвалидъ приподнялъ свою шляпу и привѣтливо раскланялся; но его лицо помрачилось и густыя брови его сердито опустились.

— On l'á triché donc, aprés tout, пробормоталъ онъ: — sang dieu! les absent ont diablement tort (**).

Какъ она ни была погружена въ эту минуту въ мрачныя размышленія, Сесиль никогда не забыла, что послѣдняго, кого она видѣла въ Дорадѣ, былъ израненный алжирецъ.

Моллнё и жена его стояли молча, покуда друзья ихъ не скрылись изъ виду; тогда Гарри тихо обернулся и взглянулъ на свою *mignonne.*

(*) А что, эти дамы готовы?

(**) Такъ его, однако, надули? Чортъ возьми! отсутствующіе всегда чертовски виноваты.

Онъ зналъ, что ихъ обоихъ безпокоила одна и та же мысль, потомучто ея милое лицо было блѣднѣе его собственнаго. (Никто изъ нихъ не угадалъ правды; и они не видѣли въ Маркѣ Уорингѣ ничего болѣе, какъ стариннаго знакомаго Трезильяновъ).

— Ройстонъ возворотится чрезъ четыре часа, сказалъ онъ: — кто ему объ этомъ скажетъ? Я не возьму на себя.

Фанни хотѣла показаться безпечною, но она далеко этого не чувствовала.

—Я, право, не знаю, какъ это все уладится, но мнѣ кажется, все къ-лучшему. Не можетъ же онъ убить одного изъ насъ: насчетъ этого я покойна.

Гарри не улыбнулся; вся его личность носила отпечатокъ серьёзнаго безпокойства, рѣдко посѣщавшаго его.

— Нѣтъ, насъ онъ не обидитъ; но я боюсь, что это дѣло безъ крови не обойдется.

XXI.

Было уже за полночь, когда майоръ Кинъ возвратился въ Дорадо. Когда онъ проѣзжалъ мимо гостиницы, гдѣ жили Трезильяны, онъ взглянулъ на окна ихъ комнатъ и былъ немного удивленъ, видя ихъ темными; однакожь подозрѣніе не запало ему въ душу. Всѣ приготовленія для предстоявшей поѣздки были имъ сдѣланы съ свойственною ему ловкостью и предусмотрительностью. Левантской пароходъ отправлялся изъ Марселя на третій день рано поутру; подставы были расположены по всей дорогѣ съ такимъ разсчетомъ, чтобъ невозможно было ихъ догнать, а прибыть къ пороходу они должны были въ самый часъ его отъѣзда. На сколько можно было предвидѣть, все должно было окончиться благополучно и увѣнчаться успѣхомъ; и Ройстонъ не могъ себѣ объяснить причину того тоскливаго и недовольнаго чувства, которое преслѣдовало его всюду. Онъ прямо прошелъ къ себѣ въ комнату, не заглядывая къ Молинё; ему было жарко и онъ былъ весь въ пыли отъ дороги; и въ такомъ положеніи предпочелъ заняться своимъ туалетомъ прежде, нежели поздороваться съ друзьями. Онъ едва успѣлъ переодѣться, когда лакей подалъ ему карточку Марка Уоринга, на которой карандашомъ написано было желаніе видѣть его, не теряя времени.

Даже хладнокровный майоръ замѣтно удивился, прочитавъ это имя. Ему хорошо извѣстна была исторія, тѣсно связанная съ этимъ именемъ, потому-что Сесиль ничего отъ него не скрывала, и эта исторія была

одна изъ первыхъ ею расказана. Въ то время онъ не почувствовалъ особаго желанія посмѣятся надъ ней, но теперь, его губа презрительно подернулась.

«Карамба!» пробормоталъ онъ, «дѣло становится сложнѣе. Какія причины выводятъ стараго любовника *en scène?* Надѣюсь, онъ не намѣренъ заводить непріятности. Мнѣ не время въ настоящую минуту съ нимъ ссориться и, кромѣ того, это огорчило бы Сесиль. Ладно, ладно! мы узнаемъ чего онъ хочетъ.

— Скажи мистеру Уорнигу, что я свободенъ и буду очень-радъ его видѣть.

Ройстонъ пошелъ на встрѣчу своему посѣтителю и привѣтствовалъ его чрезвычайно-учтиво, хотя въ манерѣ его слегка замѣтно было надменное удивленіе.

— Я не могу отгадать, чему я обязанъ за ваше пріятное посѣщеніе, сказалъ онъ. — Простите меня, если я васъ попрошу покороче объяснить мнѣ ваше желаніе. У меня много дѣла сегодня вечеромъ и я едва могу располагать своемъ временемъ.

Уорнигъ пристально поглядѣлъ нѣсколько секундъ на говорившаго, прежде чѣмъ отвѣтилъ. Какъ бо̀льшее число людей его ремесла, онъ былъ великій физіономистъ, и въ это короткое время довольно измѣрилъ характеръ человѣка, который такъ удачно сдѣлался его соперникомъ. Онъ благородно сознавалъ, что хотя любовь Сесили не оправдывалась, но причины были уважительныя. Однакожь онъ дрогнулъ при одной мысли о той опасности которую Сесили удалось такъ ловко обойти.

— Да, я постараюсь быть повозможности кратокъ, отвѣчалъ наконецъ Маркъ.

— Ни одинъ изъ насъ не захочетъ продлить это свиданіе долѣе необходимаго. Я обѣщался вамъ передать письмо; когда вы его прочтете, мнѣ останется сказать вамъ только нѣсколько словъ.

Ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на лицѣ Ройстона, когда онъ взялъ изъ рукъ Уорнига письмо и, не морнувъ и не измѣнившись нисколько въ лицѣ, узналъ на немъ руку Сесили. Это было сильнѣйшее доказательство власти надъ собой, которую когда-либо выказалъ Кинъ.

Письмо было недлинное; оно было написано на двухъ страничкахъ маленькаго формата, почеркомъ торопливымъ и мѣстами едва разборчивымъ. Твердый и красивый почеркъ ея утратилъ совершенно свой замѣчательный характеръ, по которому даже посредственный графологъ могъ дѣлать удачныя заключенія. Можетъ-быть, въ этомъ заключалась причина, почему Ройстонъ читалъ это письмо вдвое ти-

ше обыкновеннаго. Покуда онъ читалъ, выраженіе его лица страшно измѣнилось; смертельная блѣдность опасной страсти разлилась по немъ; въ глазахъ его блеснула молнія; однакожь онъ спокойно сказалъ:

— Вамъ извѣстно, что̀ тутъ написано?

— Я счастливъ, могу сказать, что это дѣло обошлось не безъ моего участія, отвѣчалъ Маркъ:—я употребилъ всѣ силы, чтобъ довести до того результата, который теперь вамъ извѣстенъ, и благодарю Бога, что достигъ его.

Покуда онъ говорилъ, Ройстонъ рвалъ на мелкіе кусочки письмо, которое у него было въ рукахъ, и медленно ронялъ ихъ на полъ. Можетъ-быть, онъ дѣлалъ это невольно, безъ намѣренія, однако въ манерѣ его было столько дикаго звѣрства, что, казалось будто жосткіе пальцы его терзали живое существо. (Бѣдное письмо! каковы бы ни были его недостатки, конечно, оно заслуживало лучшей участи. Оно не могло служить примѣромъ сочиненія; но тѣ изъ посланій, которыя имѣли болѣе всего вліянія на насъ въ извѣстное время, принося съ собою веселое или грустное извѣстіе, конечно, не могли бы возбудить соревнованія въ Монтегю или Шанонѣ. Однакожь, онъ сдѣлалъ огромное усиліе надъ собой и спросилъ твердымъ голосомъ:

— Скажите, пожалуйста, вамъ надоѣла жизнь, что вы пустились на подобную штуку, да еще пришли мнѣ объ этомъ расказывать?

Урингъ сухо засмѣялся.

— Надоѣла? Та̀къ надоѣла, что еслибъ не предрасудки, которыхъ вы не въ состояніи понять, я бы давно отъ нея отдѣлался. Но мнѣ не приходится навязывать вамъ свою откровенность и я не хочу понимать тайный смыслъ вашего вопроса.

Въ эту минуту дьяволъ такъ сильно подстрекнулъ Ройстона Кина, что голосъ его даже измѣнился и сталъ хриплый и подавленный шопотъ.

— Я спросилъ потому, что намѣренъ убить васъ.

Взглядъ Марка встрѣтилъ блескъ дикихъ глазъ майора, сверкнувшихъ какъ у голодной пантеры, съ выраженіемъ слишкомъ спокойнымъ для вызова, хотя, можетъ-быть, въ немъ едва можно было различить нѣкоторый оттѣнокъ презрѣнія.

— Конечно, я буду защищать свою жизнь, сколько могу, будь это здѣсь или въ другомъ мѣстѣ; но я не думаю, чтобъ она находилась въ большой опасности. Есть старинная пословица о людяхъ, которымъ угрожаютъ; ихъ убить не такъ легко, какъ обмануть женщину. Впрочемъ, кромѣ непосредственнаго охраненія собственной личности, я предупреждаю васъ, что я не буду отвѣчать вамъ ни на одну обиду,

ни на одинъ вызовъ. Драться съ вами на дуэли я не стану; а что касается до рукопашнаго боя, я не думаю, чтобъ даже вы хотѣли сдѣлать Сесиль Трезильянъ причиной драки, которая только прилична пьянымъ мужикамъ.

Хотя онъ былъ головой менѣе ростомъ и вообще не отлитъ въ такія колоссальныя формы, однакожь, стоя противъ смуглаго великана съ своимъ крѣпкимъ тѣлосложеніемъ и смѣлой саксонской физіономіею, онъ не казался такимъ соперникомъ, котораго бы можно было презирать. Что касалось до совершеннаго безчувствія страха и пренебреженія послѣдствій, на сколько это могло затронуть твердое намѣреніе, хладнокровный майоръ нашелъ, наконецъ, себѣ равнаго. Даже тутъ, въ самую минуту грозной страсти, онъ былъ въ состояніи оцѣнить непреклонность, столь похожую на его собственный характеръ.

Припоминая это обстоятельство впослѣдствіи, онъ всегда соглашался, что противникъ его былъ гораздо-выше его въ эту минуту. Звѣрство и ярость казались мелочными и совершенно не у мѣста возлѣ этой холодной и спокойной смѣлости. Онъ на минуту закрылъ лицо руками, и когда онъ опять взглянулъ на него, то выраженіе лица его было невозмутимо, какъ обыкновенно, хотя страшная блѣдность все оставалась. Кромѣ-того, справедливость словъ Уоринга сильно на него подѣйствовала. Онъ чуть-внятно пробормоталъ: «Ей-богу, онъ правъ, во всякомъ случаѣ;» и прибавилъ въ слухъ:

— Ну, какъ видно, вы не хотите драться, такъ намъ болѣе почти не о чемъ говорить. Вы думаете, что вы можете мѣшаться въ мои дѣла и разстроивать ихъ какъ вамъ угодно. Ну, попробуйте. Я вамъ уже сказалъ, что мнѣ сегодня вечеромъ много дѣла; теперь у меня будетъ однимъ болѣе, нежели я предполагалъ. Я желаю остаться наединѣ.

Маркъ пристально посмотрѣлъ на говорившаго, не трогаясь съ мѣста.

— Я очень-хорошо понимаю ваше намѣреніе: вы хотите послѣдовать за ней. Я полагаю это будетъ совершено-излишне. Вы дурно понимаете Сесиль Трезильянъ, если воображаете, что она два раза измѣнитъ свое рѣшеніе. Но вы можете причинить ей много горя и компрометировать ее еще болѣе, нежели до-сихъ-поръ. Теперь на пути вашемъ такія преграды, которыхъ вы не въ-состояніи одолѣть безъ открытаго скандала. Братъ ея имѣетъ уже сильныя подозрѣнія; онъ долженъ будетъ исполнить свой долгъ: можетъ-быть, онъ глупъ и довѣрчивъ, но онъ далеко не трусъ. Съ моей стороны, вамъ нечего бояться вмѣшательства: мое дѣло сдѣлано. Но, я умоляю васъ, оста-

новитесь. Предположимъ самое дурное: вамъ удастся уговорить Сесиль на ея погибель; готовы ли вы обдуманно принять на себя послѣдствія этого преступленія? Вы имѣете гораздо-болѣе опытности въ этихъ дѣлахъ чѣмъ я; можете ли вы мнѣ назвать одинъ изъ такихъ случаевъ, который бы хорошо удался и не повлекъ за собой неминуемое раскаяніе съ обѣихъ сторонъ менѣе даже чѣмъ чрезъ годъ? Я не стану васъ увѣрять, чтобъ ваша будущность меня сколько-нибудь интересовала, но я убѣжденъ, что въ сію минуту я говорю съ вами какъ лучшій вашъ другъ. Вы оба грустно заблуждаетесь, если вы думаете, что Сесиль можетъ перенести безчестье. Я вамъ отдаю полную справедливость, вамъ будетъ невыносимо видѣть ее угасающею съ минуты на минуту, не имѣя ничего другаго въ виду, какъ безнадежную смерть. Ради самого Бога отступитесь отъ нея, покуда есть еще время. Преодолѣйте себя рѣшительно; а власть надъ собою и самоотверженіе придутъ своимъ чередомъ. Одиночество горько перенести—я это хорошо знаю; но на что же послѣ этого мужество, если оно не въ-состояніи нести свое бремя? Я все разсматривалъ съ дурной стороны; но я вамъ сдѣлаю одинъ вопросъ еще: вы можете уменьшить нѣсколько ея страданія, скрывъ ее отъ людскаго позора; въ состояніи ли вы оградить себя отъ *пресыщенія?*

Онъ говорилъ безъ малѣйшихъ слѣдовъ гнѣва или вражды, и тихіе и пріятные звуки его голоса незамѣтно прокладывали себѣ путь къ сердцу Ройстона. Кромѣ-того, послѣднее слово задѣло струну предчувствія, преслѣдовавшаго его съ той самой минуты, когда онъ предложилъ бѣжать, и теперь заставлявшаго его уже на половину раскаяваться въ своемъ намѣреніи. Но крѣпость не сдавалась еще.

— Все это время вы имѣли мысль улучшить свое положеніе въ мнѣніи Сесили. Оно весьма понятно; но я полагаю, что вы горько заблуждаетесь.

Вмѣсто того, чтобъ покраснѣть при этомъ намекѣ, лицо Уоринга стало еще блѣднѣе и по немъ промелькнула болѣзненная судорга.

— Такъ вы не въ состояніи понять безкорыстія? отвѣчалъ онъ. Передъ тѣмъ, что я вмѣшался, мнѣ были извѣстны нѣкоторыя послѣдствія; я взвѣсилъ ихъ всѣ. Миссъ Трезильянъ думала, что она мнѣ сдѣлала нѣкоторое зло; и я довѣрился ея великодушію, разсчитывая на опору съ ея стороны, когда я стоялъ за правду. Но я зналъ, что этотъ способъ годился только на разъ, и однажды уплаченный долгъ болѣе не возобновляется. Я болѣе съ ней никогда не буду говорить, можетъ-быть, никогда съ ней не увижусь на землѣ. Думаете ли вы, что я за это менѣе ее люблю? Слушайте, что я вамъ скажу: я думаю,

что у меня гордости столько же, сколько у остальныхъ людей; но я бы готовъ былъ броситься къ вамъ въ ноги, еслибъ я только думалъ, что это можетъ уменьшить на одну іоту ея стыдъ и горе.

Кинъ былъ окончательно побѣжденъ. Онъ былъ полонъ презрѣнья къ своей порочной страсти, сравнивая ее съ чистой, самоотверженной, рыцарской страстью Марка. Онъ поднялъ голову, которая, во все время разговора были опущена, и отвѣчалъ безъ запинки:

— Я долженъ извиниться передъ вами за нѣкоторыя вещи, сказанныя мною въ этотъ вечеръ, и я не оставлю васъ въ сомнѣніи лишней минуты. Я уѣду изъ Дорада завтра, но не въ слѣдъ за Сесиліей Трезильянъ. Скажу болѣе: если впослѣдствіи намъ выпадетъ случай видѣться, даю вамъ честное слово, я буду избѣгать его. Я бы желалъ возвратить многое изъ того, что̀ мною высказано или сдѣла́но; но ничего еще не случилось такого, чему нельзя было бы помочь. На сколько я могу предвидѣть свои намѣренія, клянусь, что она такъ же безопасна, какъ если бы она была моей сестрой.

Уорингъ тяжело вздохнулъ, какъ-будто огромное бремя спало съ груди его. «Я вамъ вѣрю», сказалъ онъ просто и всталъ, чтобъ удалиться. Онъ уже почти дошелъ до двери, но вдругъ обернулся и протянулъ руку: это побужденіе было совершенно неизъяснимое и невольное, потому-что онъ не могъ освободить другаго отъ чернаго и тяжелаго грѣха. Майоръ такъ стиснулъ ее въ своей рукѣ, что нѣжнѣйшіе пальцы парализировались бы отъ этого пожатія; даже у Марка суставы и мускулы долго объ этомъ не забыли. Онъ проговорилъ между зубами, выпуская руку: «вы были достойны ея».

Свиданіе окончилось такимъ образомъ мирно.

Несмотря на это, въ ту ночь Ростойнъ Кинъ немного имѣлъ покоя; онъ провелъ ее наединѣ—ка́къ? ни одинъ смертный не съумѣлъ бы сказать. На другое утро на немъ видна была справедливость древняго афоризма: «нѣсть покоя грѣшнику». Лицо его выражало окаменѣлое спокойствіе, но черты казались болѣе-рѣзкими и дикими; на лбу явились новыя морщины, которыхъ могло бы только навести добрыя десять лѣтъ. Могучая и страстная природа не легко отказывается отъ желаемаго предмета. Лиственницы и ели вытерпятъ осторожное переселеніе, потому-что онѣ сносливыя растенія и уроженицы холоднаго пояса; но пересаживаніе рѣдко удается въ странахъ тропическихъ.

Гарри Молинё вошелъ рано на слѣдующее утро въ комнату своего друга съ весьма-неловкимъ и озабоченнымъ видомъ. Вопервыхъ, онъ чувствовалъ какое-то обремененіе ума, которое всегда бываетъ

достоянiемъ тѣхъ остающихся на заднемъ планѣ, когда въ обществѣ происходитъ большой переворотъ, касающiйся только его главныхъ элементовъ. Въ этомъ случаѣ не существуетъ обязанность по окончанiи тушить лампы. Кромѣ-того, ему неизвѣстно было, въ какомъ расположенiи духа онъ найдетъ Ройстона, и онъ опасался какой-нибудь отчаянной выходки со стороны этого послѣдняго, которая испортила бы еще хуже, уже безъ того довольно-запутаннаго дѣла.

Первыя рѣзкiя слова Кина отчасти успокоили его.

— Ну, все кончено, и я возвращаюсь прямо назадъ, въ Англiю.

Гарри былъ такъ доволенъ, что онъ забылся и не удержалъ порыва радости.

— Не-уже-ли все кончено? Кàкъ я радъ!

— И я тоже, былъ отвѣтъ.

Говорившiй, вѣроятно, хотѣлъ себя увѣрить, что онъ говорилъ правду; но грустное, безнадежное выраженiе его усталаго лица было яснымъ опроверженiемъ его словъ. Оно глубоко врѣзалось въ доброе сердце Молинё; онъ почувствовалъ сильнѣе, нежели когда-нибудь, трудность согласить свои прямыя обязанности съ увлеченiемъ старинной дружбы; со всѣмъ тѣмъ преступное сознанiе измѣны взяло верхъ. Онъ былъ на столько деликатенъ, чтобъ удержать себя отъ всякихъ вопросовъ, и только гораздо-позже узналъ кое-что изъ того, чтò случилось въ прошедшую ночь. Оно было описано въ одномъ изъ писемъ миссъ Трезильянъ къ его женѣ. Еслибъ онъ и старался узнать что-нибудь, врядъ ли бы его любопытство было удовлетворено: Кинъ берегъ чужiе секреты болѣе, нежели свои собственные, и онъ ни за чтò не разсказалъ бы секретовъ Сесили безъ ея вѣдома и позволенiя. Если побудительное чувство такого молчанiя не было слѣдствiемъ высокаго и утонченнаго пониманiя чести, оно было, по-крайней-мѣрѣ, полезное замѣщенiе недостатковъ другой какой-либо добродѣтели.

— Ты ѣдешь въ Англiю? продолжалъ Молинё, погодя немного: — когда ты отправляешься и чтò ты намѣренъ дѣлать?

Ройстонъ взглянулъ на него и замѣтилъ отраженiе собственной досады въ глазахъ своего вѣрнаго подчиненнаго. Онъ понялъ, что въ немъ нашелъ онъ то сочувствiе, которое онъ былъ бы слишкомъ-гордъ просить у остальныхъ смертныхъ.

— Я ѣду сегодня же, отвѣчалъ онъ:—какъ видишь, я не могу терять времени. Я едва успѣю сказать тебѣ, чтò я хотѣлъ, Гарри. Помнишь, мы говорили, кàкъ всего лучше проживать свои средства? Ну, я размѣнялъ послѣднiй свой банковый билетъ, и я полагаю, что теперь нужно какъ-нибудь постараться спустить мелочь.

Гарри не могъ скоро отвѣчать; онъ какъ-то невнятно проговорилъ:

— Я бы желалъ... я бы хотѣлъ имѣть возможность тебѣ помочь.

На минуту на лицѣ Кина показалось то доброе, откровенное выраженіе, которое не возвращалось уже со дней его буйной молодости, когда онъ впервые вышелъ на борьбу со свѣтомъ — откровененъ, честенъ, безстрашенъ. Голосъ его тоже звучалъ какъ-то мягко, даже нѣжно.

— Старый другъ, пришло время сказать другъ другу, прости. Долго мы шли по одной и той же дорогѣ долѣе, чѣмъ мнѣ пріятно вспомнить. Но теперь пришло время расходиться, далеко другъ отъ друга, такъ далеко, что врядъ-ли придется намъ опять повстрѣчаться. Ты, вѣроятно, придешь меня провожать; но, можетъ-быть, тогда мнѣ не удастся тебѣ сказать нѣсколько словъ, которыя я бы не желалъ оставить несказанными. Я отдамъ тебѣ полную справедливость: ни разу ты мнѣ не отказалъ въ помощи, когда я въ ней нуждался; хотя часто у тебя въ это время было свое дѣло. Я увѣренъ, что ни одинъ человѣкъ не имѣлъ веселѣй товарища, или лучшаго заступника. Я нисколько не сердитъ на тебя за то, что ты держался въ сторонѣ послѣднія пять недѣль. Я ни разу во все это время не слыхалъ отъ тебя непріятнаго слова; но если одно, изъ мною сказанныхъ, разсердило, или обидѣло тебя — слушай: прошу у тебя прощенія отъ глубины души».

Несмотря на твердость Гарри, онъ не могъ отвѣчать внятно; но десять чувствительныхъ фразъ едва были бы столь краснорѣчивы, какъ молчаливое пожатіе его честной руки.

Попозже днемъ Кинъ пошелъ проститься съ la mignonne. Онъ сдѣлалъ это неохотно, съ болѣзненнымъ чувствомъ въ груди. Люди непреклонные и безпощадные въ-отношеніи къ своимъ подобнымъ имѣли часто слабость къ своимъ баловнямъ, даже когда эти послѣдніе принадлежали къ низшему роду творенія. Кутонъ гладилъ и ласкалъ свою собачку въ то время, когда рука его скрѣпляла смертный приговоръ; а пророкѣ спокойно смотрѣлъ на дюжину пылавшихъ городовъ, или хладнокровно былъ свидѣтелемъ погибели народовъ отъ меча Омара и Али, и отрѣзалъ рукава своей ризы, чтобъ не разбудить спавшаго любимаго котёнка.

Впрочемъ, когда два человѣка съ взаимнымъ согласіемъ стараются осторожно скрывать предметъ, который всегда болѣе занимаетъ ихъ умы, результатомъ всегда бываетъ напряженная осторожность и воздержаніе. Потому прощанія до извѣстной минуты были довольно формальны. Но въ ту минуту, когда онъ уходилъ, избытокъ чувствъ,

какъ и при свиданіи его съ Гарри Молинё, овладѣлъ имъ. Принимая въ соображеніе, что вѣкъ чародѣйства уже прошелъ, замѣчательно было, что два раза на день хладнокровный майоръ такъ близокъ былъ къ сантиментальности.

— Надѣюсь, что мы съ вами скоро увидимся, сказалъ онъ: — но нѣтъ ничего вѣрнаго, даже встрѣчи друзей. Я хочу поблагодарить васъ теперь за нѣсколько пріятныхъ вечеровъ и дней, проведенныхъ вмѣстѣ. Я вамъ обязанъ въ жизни многими свѣтлыми днями. Мнѣ пріятно думать, что ни дѣломъ, ни мыслью, я никогда умышленно ни вамъ, ни Гарри, не сдѣлалъ зла. Надѣюсь, вы будете продолжать жить съ нимъ счастливо и беречь его попрежнему. Можетъ-быть, въ послѣднее время я вамъ дѣлалъ непріятности; но это все кончено, и я думаю, что наказаніе будетъ соразмѣрно съ виною. Прощайте. Не забывайте обо мнѣ пока возможно, и пока будете обо мнѣ помнить, не поминайте лихомъ.

Когда онъ кончилъ, онъ нагнулся, и губы его едва коснулись ея гладкаго лба. Когда мученикъ Карлъ поцаловалъ въ послѣдній разъ своихъ дѣтей передъ смертью, поцалуй его не былъ невиннѣе и безгрѣшнѣе этого. Сдержанное рыданіе заглушило голосъ Фанни, когда она хотѣла отвѣчать, и прекрасные черные глаза, полные слезъ, не видали даже какъ онъ удалился.

Послѣдній визитъ Кина въ Дорадо былъ къ виконту де-Шатоменилю. Этотъ послѣдній не изъявилъ никакого удивленія о такомъ поспѣшномъ отъѣздѣ и выразилъ свое сожалѣніе самымъ учтивымъ привѣтствіемъ. Но въ самую минуту прощанья онъ удержалъ руку Ройстона на секунду и сказалъ, пристально, глядя ему въ лицо:

— Ainsi, vous partez—seul? Je ne l'aurais pas cru; et, je l'avoue franchement, ça me contrarie. N'importe; je connais votre jeu; et je ne vous tiens pas pour battu. Ce serait une betise, de dire — au revoir. Adieu; amusez vous bien (**).

Ройстонъ нетерпѣливо покачалъ головой; онъ былъ слишкомъ-гордъ, чтобъ спасти свой кредитъ, утаивъ неудачу; и отвѣтъ его былъ поспѣшенъ и опредѣлителенъ:

(*) Такъ вы ѣдете одни. Я бы этого не думалъ и, сознаюсь вамъ откровенно, это мнѣ очень-непріятно. Впрочемъ, я знаю вашу игру и я не считаю васъ побитыми. Было бы глупостью сказать вамъ до свиданія. Прощайте, веселитесь хорошенько.

(**) Вы мнѣ льстите, виконтъ. Когда проиграешь, то по-крайней-мѣрѣ должно открыто сознаться въ этомъ и заплатить ставку. На этотъ разъ я столько потерялъ, что никогда не отъиграюсь.

— Vous me flattez, m-r le vicomte. Quand on perd, on doit au moins l'avouer loyalement, et payer l'enjeu. Cette foi j'ai tant perdu, que je ne prendrai pas la revanche (*).

Больше между ними ничего не было сказано, но Арманъ въ свое время получалъ отказы съ бо́льшимъ спокойствіемъ, нежели теперь сносилъ насмѣшки надъ неудачей Ройстона Кина.

Нѣсколько дней спустя объ этомъ говорили въ клубѣ, и одинъ изъ *habitués* рискнулъ нѣсколько хитрыхъ предположеній и два-три неприличныхъ замѣчаній. (Приходилось ли вамъ когда-либо слышать, какъ истый, развратный французъ осмѣиваетъ и топчетъ въ грязь репутацію женщины? Для этого почти сто́итъ превозмочь свое отвращеніе и послушать дьявольски-искусную клевету. Развратныя рѣчи нашихъ бѣдовыхъ вдовушекъ звучатъ благосклонно въ-сравненіи съ этимъ). Дикій характеръ стараго алжирца, который давно удерживался, наконецъ разразился въ отмщеніе:

— Tu mens canaille! C'est le meilleur éloge de m-r Keane, que les manans, comme toi, ne puissent le comprendre. Quand à mademoiselle—elle vaut mille fois tes soeurs et ta mère. Si tu as le coeur de pousser l'affaire, je te donnerai raison sur mes béquilles. Pour le pistolet, ma main n'est pas encore percluse (*).

Онъ протянулъ ее впередъ такъ же твердо и сильно, какъ въ былыя времена, когда она махала саблею съ утра до вечера и никогда не знала усталости.

Если тотъ, принимая въ разсужденіе современное разстройство инвалида, терпѣливо снесъ обиду, то товарищи его далеко не были такъ романически-довѣрчивы, и позоръ той ночи клеймитъ его досихъ-поръ. Будь у него хоть мѣдный лобъ, онъ не въ-состояніи скрыть позорнаго клейма, вѣчной улики въ томъ, что онъ переступилъ предѣлъ, отдѣлявшій человѣка отъ презрѣннаго раба.

Можетъ-быть, на свѣтѣ было бы гораздо-менѣе зла, еслибъ клевета всегда наказывалась такъ сильно и скоро.

(*) Ты врешь каналья! Это лучшая похвала мистеру Кину, что такіе мужики, какъ ты, его не могутъ понять. Что жъ касается mademoiselle, то она въ тысячу разъ лучше твоихъ сестеръ и матери. Если ты вздумаешь потребовать отъ меня удовлетворенія, то я, несмотря на мои костыли, выйду противъ тебя. Рука моя еще не такъ разбита параличомъ, чтобъ не могла владѣть пистолетомъ.

XXII.

Вскорѣ послѣ описанныхъ нами происшествій наступило время всѣмъ намъ хорошо-памятное, когда боевыя трубы раздались съ Востока и Сѣвера; когда Европа пробудилась, какъ отдохнувшій исполинъ, послѣ сорокалѣтняго спокойствія, чтобъ снять со стѣнъ старое оружіе и облачиться во ржавую броню.

То было время романическихъ происшествій, полное опасности для слабѣйшаго пола. Постоянно повторялись примѣры того страннаго противопоставленія, когда въ Брюсселѣ, передъ битвою подъ Ватерлоо, отдаленный гулъ пушекъ при Катр-Бра мѣшался съ бальною музыкою у «герцогини». Самая холодная скромность и самое изъисканное кокетство обращаются въ ничто передъ мольбою, произносимою, быть-можетъ, въ послѣдній разъ. То было время хулы и порицанія для англійскихъ джентльменовъ, спокойно-сидѣвшихъ по домамъ; даже непреодолимые чиновники иностранныхъ дѣлъ едва удерживали свои прежнія преимущества. Какой успѣхъ могла имѣть сладкая фраза чиновника въ сравненіи съ простымъ краснорѣчіемъ воина, готоваго не сегодня, такъ завтра положить свою жизнь на алтарь славы и чести? Не одна прелестная побѣда, одержанная въ то время, осталась въ тайнѣ, ибо побѣдитель уже не возвращался за наградой.

При похоронахъ Веллингтона легко было находить недостатки въ этой пышной церемоніи; но кто былъ въ-состояніи критиковать, когда гвардія выступала изъ Лондона въ сѣрое февральское утро? Въ рядахъ ея было довольно старыхъ ветерановъ, и каждый изъ нихъ могъ насчитать нѣсколько сердецъ, любившихъ его нѣжно; но никто не заслуживалъ такого сердечнаго участія, какъ нарядные молодые офицеры, шедшіе весело и отважно съ обнаженными саблями, какъ-будто ихъ не поджидала зараза въ зачумленной Варнѣ и цѣлые ряды голодныхъ могилъ въ мрачномъ Херсонесѣ; но, безъ-сомнѣнія, дома были лица грустнѣе окаймлявшихъ дорогу, и толпа при дебаркадерѣ была слабымъ представителемъ печальныхъ дѣвъ, горевавшихъ дома.

Когда разнеслись первые слухи о войнѣ, Ройстонъ Кинъ стрѣлялъ тетеревовъ на Гебридскихъ Островахъ; онъ поспѣшилъ въ Лондонъ безъ малѣйшаго отлагательства. Извѣстно, какъ въ подобныхъ случаяхъ безошибочно-вѣренъ инстинктъ хищниковъ. Цѣль его была записаться какъ-можно-скорѣе на дѣйствительную службу. Съ его протекціею и отличною репутаціею достигнуть этого было нетрудно; онъ вскорѣ былъ назначенъ въ одинъ изъ дѣйствовавшихъ легко-конныхъ

полковъ; но Кинъ не отправился на мѣсто назначенія съ передовыми отрядами и лѣто было въ полномъ разгарѣ, когда онъ явился въ Крымъ.

Пріѣздъ его былъ встрѣченъ съ большою радостью. Многіе изъ бывшихъ тамъ хорошо знали его лично; другіе радовались случаю, доставлявшему имъ возможность судить лично, заслуживаетъ ли онъ въ-самомъ-дѣлѣ свою добрую славу. Вскорѣ замѣтили, какъ поразительно измѣнился хладнокровный майоръ. Правда, случаи собесѣдничества съ нимъ были рѣдки, ибо артельные обѣды и пирушки существовали только въ памяти, въ видѣ призраковъ пріятнаго прошедшаго; впрочемъ, случались-таки изрѣдка дружескія бесѣды, гдѣ раціонный ромъ замѣнялъ бордоскія и бургундскія вина. Но и на эти сходки Ройстонъ рѣдко являлся; а когда и приходилъ, то обыкновенно былъ очень-молчаливъ и даже частёхонько пропускалъ удобный случай съострить. Онъ, повидимому, предпочиталъ уединеніе въ своей палаткѣ самому соблазнительному обществу товарищей. Впослѣдствіи вспоминали, что обыкновенно заставали его одного въ палаткѣ, съ револьверомъ или саблею въ рукахъ. Онъ отказался отъ двухъ мѣстъ въ штабѣ безъ всякой видимой причины, кромѣ нежеланія упустить случай быть въ дѣлѣ; рѣдкій день проходилъ безъ того, чтобъ онъ не побывалъ въ главной квартирѣ, съ цѣлію узнать, когда, наконецъ, нарушится продолжительное бездѣйствіе кавалеріи. Прежняя ли кровожадность пробудилась въ немъ съ новою силою при благопріятныхъ обстоятельствахъ, тяготѣвшее ли надъ нимъ душевное бремя не давало ему покоя — никто не съумѣетъ сказать навѣрно. Опять скажу, не будемъ слишкомъ-глубоко докапываться первоначальныхъ причинъ.

Утромъ 25-го декабря между двухъ бурь наступило спокойствіе. Тяжелая кавалерія только-что возвратилась на позицію послѣ блистательной атаки на русскихъ уланъ. Въ легкой бригадѣ слышится ропотъ неудовольствія, будто имъ не суждено дождаться очереди. Одинъ изъ близкихъ товарищей Ройстона Кина замѣтилъ ему, что-то въ этомъ родѣ. Хладнокровный майоръ погладилъ гриву своего коня и отвѣтилъ съ бывалою улыбкой:

— Не тревожься, Джорджъ: я имѣю предчувствіе, что мы успокоимся прежде ночи. Взгляни, вонъ *это* похоже на дѣло.

Кинъ словно обладалъ духомъ пророчества: не успѣлъ онъ окончить фразы, какъ прискакалъ адъютантъ. Совершенная тишина царствовала вокругъ, пока послѣдній передавалъ порученіе, настоящій смыслъ котораго остался втайнѣ, ибо мертвые не говорятъ; потомъ минута размышленія и съ дюжину фразъ между главными начальни-

ками, и потомъ каждый всадникъ въ бригадѣ уже зналъ, что̀ ему дѣлать. Многіе выводили недоброе, но справедливое предзнаменованіе изъ тучи, покрывшей крутыя черты «гордаго герцога».

Кинъ чаще остальныхъ бывалъ въ огнѣ и опытный глазъ его замѣтилъ и оцѣнилъ всю опасность предчувствія; но брови его не сдвинулись, а лицо странно прояснилось.

— Что̀ я тебѣ говорилъ, молодой человѣкъ? сказалъ онъ прежнему своему собесѣднику:—дѣло будетъ жарче, чѣмъ ожидаютъ; одно утѣшеніе, что оно недолго продлится.

Прежде чѣмъ онъ договорилъ, раздался звукъ трубы и со смѣхомъ на устахъ, какого давно уже на нихъ не видывали, хладнокровный майоръ повелъ свой эскадронъ на поле смерти.

Мы не станемъ описывать атаки. Есть восторженные люди, которые отдали бы всѣ почести, пріобрѣтенныя ими мирною дѣятельностью за то, чтобъ сказать, что они участвовали въ этомъ подвигѣ. И кто можетъ оспоривать успѣхъ этой блистательной атаки? Подобной хулы, вѣдь, не примѣшивалось къ славѣ павшихъ подъ Ѳермопилами. Я часто встрѣчаюсь въ обществѣ съ однимъ паладиномъ, участвовавшимъ въ этомъ страшномъ повтореніи ронссвальской битвы. Въ частной жизни онъ мало чѣмъ отличался, кромѣ стремленія участвовать въ каждой азартной игрѣ и страсти къ вальсированію. Всетаки я всегда смотрю на него съ большимъ уваженіемъ и почтеніемъ, хотя самъ онъ не могъ бы объяснить, что̀ возбуждаетъ во мнѣ эти чувства. Я думаю тогда о страшныхъ опасностяхъ, сквозь которыя это нѣжное, почти женственное лицо прошло безъ малѣйшей царапины; и мнѣ такъ же мало пришло бы въ голову говорить съ нимъ слегка или непочтительно, какъ пуститься съ епископомъ О* въ разсужденіе о скачкахъ въ Дерби, или о новыхъ сплетняхъ противъ фаворитки. Будьте увѣрены, во многихъ англійскихъ домахъ будетъ семейный портретъ, которымъ дѣти будутъ всего болѣе гордиться. Желая показать незнакомцу величайшую славу своего дома, они пройдутъ мимо изображеній законниковъ, духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ и остановятся противъ воинственной личности, одѣтой въ легкодрагунскую форму. Всѣ предки уступятъ первенство тому, кто въ тотъ день участвовалъ въ числѣ шестисотеннаго авангарда.

Да̀, оставимте въ покоѣ эту атаку. Самый бывалый литераторъ-алтынникъ не осмѣлится присѣсть къ письменному столу съ тѣмъ, чтобъ обратить въ продажный товаръ подвигъ неустрашимой отваги. Скажемъ только, что Ройстонъ Кинъ велъ себя, какъ всегда; и солдаты

досел̀ѣ разсказываютъ о чудесахъ силы и ловкости, совершенныхъ въ тотъ день его саблею.

Ройстонъ, казалось, попрежнему былъ неуязвимъ; и сталь, и пуля щадили его; онъ выбрался изъ батарей безъ одной царапины и пробился черезъ многіе непріятельскіе отряды, получивъ только легкую, неглубокую рану. При одной изъ этихъ встрѣчъ съ непріятелемъ, онъ отдѣлился отъ остатка его эскадрона, который еще держался вмѣстѣ, (даже полки, какъ извѣстно, перемѣшались въ этой страшной свалкѣ); при немъ остался только сержантъ, составлявшій его прикрытіе. Во все время огонь изъ русскихъ батарей, стоявшихъ на высотахъ, становился все сильнѣе-и-сильнѣе, и жестокая картечь прорывала себѣ путь въ смѣшанной массѣ друзей и враговъ, дѣлая тамъ-и-сямъ невзрачные пробѣлы, какъ на поспѣвшемъ хлѣбномъ полѣ, побитомъ сильнымъ градомъ; добрый конь, бывшій подъ Киномъ, еще слишкомъ недавно покинулъ Англію, чтобъ утратить что-нибудь въ быстротѣ или силѣ; онъ находился еще въ очень-хорошемъ положеніи и, подобно своему господину, удачно избѣгнулъ всякаго повреждения. Еще триста саженъ—и они въ безопасности, на позиціи, куда уже двинулась тяжелая кавалерія, чтобъ прикрыть отступленіе товарищей; вдругъ Темпларъ, летѣвшій во всю прыть, нырнулъ впередъ, какъ потопающій корабль, и, почти перекатившись черезъ ѣздока, упалъ на землю, только судорожно подергивая своими членами. Двѣ картечи, образуя одну рану, пробили грудь у благороднаго коня и поразили прямо въ сердце.

Сержантъ былъ въ трехъ шагахъ отъ Ройстона, когда тотъ свалился съ лошади; тотчасъ же спрыгнувъ съ сѣдла, онъ въ одно мгновеніе былъ уже подлѣ своего офицера, стараясь высвободить его изъ-подъ лошади.

— Вставайте, майоръ! сказалъ онъ ободрявшимъ голосомъ: — это ничего. Возьмите моего коня: онъ васъ донесетъ, а я и безъ него обойдусь.

Храбрый солдатъ, говоря это, едва стоялъ на ногахъ отъ сильнаго изнуренія; кровь струилась темно-багровыми потоками изъ глубокой раны на лѣвой рукѣ его; несмотря на то, въ своемъ предложеніи онъ видѣлъ только исполненіе прямой обязанности, хотя люди и пріобрѣтали мѣсто въ исторіи менѣе-великодушнымъ самопожертвованіемъ. Одна изъ самыхъ замѣчательныхъ особенностей хладнокровнаго майора состояла въ томъ, что онъ овладѣвалъ привязанностью и преданностью всѣхъ, съ кѣмъ находился въ сношеніяхъ, безъ всякой видимой причины, оправдывающей подобное вліяніе. Онъ строго наблюдалъ дис-

циплину, и обращеніе его съ подчиненными отзывалось всегда диктаторскимъ тономъ; несмотря на то, настоящій случай былъ только одинъ изъ примѣровъ восторженной къ нему преданности солдатъ.

Кинъ взглянулъ на говорившаго, лежа на землѣ попрежнему, и жестокое выраженіе лица его нѣсколько смягчилось.

— Ты добрый малый, Девисъ, сказалъ онъ: — но я не воспользовался бы твоимъ великодушіемъ, еслибъ и могъ. Теперь же мнѣ и хвалиться нельзя своимъ отказомъ. У меня рука сломана и, кромѣ того, я сильно ушибенъ. Я и десяти секундъ не усидѣлъ бы на сѣдлѣ. Сними мою правую перчатку и возьми съ руки кольцо; ты лучше заслуживаешь его, чѣмъ какой-нибудь казакъ. Сбереги его, оно подъ черный часъ дастъ тебѣ фунтовъ пятьдесятъ и, пожалуй, выручитъ изъ бѣды. Возьми и эту вещь (онъ вложилъ руку за пазуху мундира, но вскорѣ вытянулъ назадъ)... нѣтъ, ужь пускай она останется при мнѣ, пока я живъ.

Тонъ и манера его были тѣ же, какъ еслибъ онъ упалъ и ушибся на охотѣ, и разговаривалъ съ добрымъ драгуномъ, подошедшимъ, чтобъ подать ему помощь.

Солдатъ взялъ кольцо, но не сходилъ съ мѣста. Ройстонъ замѣтилъ отрядъ непріятеля, мчавшійся прямо на нихъ; голосъ его снова принялъ обычный, повелительный тонъ.

— Слышалъ, что я сказалъ? Я велѣлъ тебѣ ѣхать. Эти черти налетятъ на насъ менѣе чѣмъ чрезъ минуту. Я не выпустилъ ни одной пули изъ своего револьвера, и могу еще уложить одного или двухъ изъ нихъ.

Привычка повиноваться скорѣе, чѣмъ чувство самосохраненія, заставила Девиса сѣсть на лошадь и удалиться безъ дальнѣйшихъ разговоровъ, но не безъ того, чтобъ нѣсколько разъ оглянуться назадъ. Онъ услыхалъ три ясные выстрѣла изъ револьвера Кина; двое изъ непріятельскихъ всадниковъ упали, третій пошатнулся въ сѣдлѣ; остальные окружили лежавшаго съ опущенными пиками. Храбрый сержантъ не оглядывался болѣе, онъ только стиснулъ зубы и нѣсколько своротилъ въ сторону, чтобъ съ проклятіемъ раскроить черепъ остальному непріятелю.

Мѣсто, гдѣ упалъ Ройстонъ, было такъ близко отъ линіи, занимаемой англичанами, что покончившій его непріятель не посмѣлъ оставаться долѣе, чтобъ ограбить его. Полчаса спустя, Девисъ съ двумя другими охотниками принесъ въ лагерь обезображенное тѣло лучшаго рубаки въ легкой бригадѣ.

XXIII.

Онъ не умеръ. Хотя казаки и думали, что оставляютъ за собою трупъ, и докторъ, осмотрѣвшій его, рѣшилъ, что онъ не переживетъ ночи; Ройстонъ все еще жилъ. Его упрямая, живучая натура боролась съ ужасными муками и не хотѣла поддаться ранамъ, которыя могли бы лишить жизни и трехъ самыхъ здоровыхъ молодцовъ. Казалось, что надъ нимъ тяготѣла какая-то странная судьба, въ родѣ той, которая была удѣломъ чернаго раба въ «Тысячѣ и Одной Ночи», любимаго волшебной царицей. Его измученная душа дѣйствіемъ могущественныхъ чаръ была удержана еще на-время въ оболочкѣ, совершенно-разрушенной и разбитой. Положеніе Ройстона было съ самаго начала безнадежное; его физическая слабость по-временамъ доводила его до безчувствія; но, при всемъ томъ, умственныя его способности оставались нетронутыми. Онъ узнавалъ друзей и говорилъ съ ними совершенно-спокойно. Никогда не слышно было отъ него ни стона, ни жалобы. Наконецъ, его послали въ Скутари, не потому, чтобъ надѣялись на его выздоровленіе, но желая доставить ему въ послѣднія минуты жизни возможное спокойствіе и удобство.

Переѣздъ былъ очень-затруднителенъ по случаю бурь. (Жестокій Эвксинъ не пожалѣлъ даже увѣчныхъ и больныхъ). Это путешествіе и трудный, хотя и короткій, путь изъ корабля въ госпиталь почти истощили послѣдній остатокъ силъ Ройстона. Когда его положили на постель въ небольшой комнатѣ, назначенной для него одного, лекаря не могли сказать навѣрно, имѣли ли они дѣло съ живымъ человѣкомъ, или съ трупомъ. У нихъ было столько работы въ эту страшную эпоху, что они не могли удѣлить болѣе времени, чѣмъ необходимо нужно для каждаго больнаго, потому, безуспѣшно испытавъ всѣ средства привести въ сознаніе Ройстона, они оставили его одного въ безчувственномъ состояніи. Казалось, онъ никогда болѣе не откроетъ глазъ.

Наконецъ, они открылись, конечно, отуманенные смертною слабостью; голова его кружилась, въ ушахъ слышался какой-то гулъ, подобный воплю далекаго моря. Когда онъ началъ яснѣе распознавать окружающіе предметы, то замѣтилъ женщину, сидѣвшую на землѣ, около его постели. Голова ея была спрятана въ рукахъ, а сама она наклонялась то въ одну, то въ другую сторону и ни на минуту не переставалъ ея чуть слышный, горестный вопль. Если старыя сказки говорятъ правду, то подобную фигуру можно видѣть въ тем-

нихъ уголкахъ домовъ, посѣщаемыхъ духами, и подобный вопль могъ раздаваться въ глубокую ночь по комнатамъ, бывшимъ свидѣтелями какого-нибудь страшнаго преступленія. Инстинктъ скорѣе, чѣмъ разумъ, открылъ Ройстону всю правду.

Губы, которыя подъ ударами русскихъ пикъ и потомъ во время самыхъ ужасныхъ мукъ ревниво хранили тайну своихъ страданій, не могли заглушить стона, когда они пролепетали имя «Сесиль Трезильянъ».

Это была она. Блистательная красавица, два года царившая въ свѣтѣ, ненасытимая побѣдами и презиравшая соперницъ, нѣжная аристократка, привыкшая съ дѣтства ко всевозможной роскоши и вполнѣ ее цѣнившая, теперь появляется предъ нами въ сѣромъ платьѣ сестры милосердія, довольная переносить настоящую горькую работу и лишенія, присутствуя ежедневно при сценахъ, отъ которыхъ женщины, со всей ихъ храбростью, поневолѣ отворачиваются.

Трудно опредѣлить, что̀ именно побудило ее на этотъ шагъ. Та же скука и нетерпѣливая жажда дѣятельности, о которыхъ мы упоминали, говоря о Кинѣ, вѣроятно, и тутъ играли большую роль. Къ этому, быть-можетъ, примѣшивались и укоры совѣсти, старавшейся найти себѣ исходъ въ такомъ покаяніи, какому предавали себя нѣкогда короли и побѣдители, когда они надѣвали платье пилигрима и умерщвляли свое тѣло постомъ и бичеваньемъ. Наконецъ, могло ее отчасти побудить и чувство какого-то неопредѣленнаго желанія не упустить послѣдней возможности увидѣть еще разъ человѣка, котораго она все еще любила. Вѣдь могла же она лелѣять его, подобно тому, какъ она ухаживала за другими больными, не прибавляя ничего къ тяготѣвшему надъ нею грѣху? Если она когда-нибудь питала такую мысль, то, конечно, ея наказаніе могло загладить всю вину въ ту минуту, когда неожиданно и безъ всякаго приготовленія она вошла въ эту печальную комнату и взглянула на лежавшую тамъ безчувственную, обезображенную фигуру.

Ройстонъ первый заговорилъ.

— Зачѣмъ ты здѣсь?

Если возможно было, чтобъ онъ чувствовалъ страхъ, то, конечно, его глухой, дрожавшій голосъ обнаруживалъ его.

Сесиль Трезильянъ вскочила съ пола, какъ-будто движимая электрическимъ токомъ. Она теперь смотрѣла на него своими большими, грустными, но лишенными слезъ глазами. Вся горесть, ее поразившая, не могла сдѣлать ихъ жестокими или дикими и лишить ихъ чуднаго обаянія: Ройстонъ замѣтилъ ея побужденіе кинуться къ нему и

одной рукой старался ее отслонить, а другой закрылъ свое изуродованное лицо.

— Не подходи близко, бормоталъ онъ: — я не вытерплю этого.

Ея женскій инстинктъ тотчасъ подсказалъ ей значеніе его словъ; онъ думалъ, что даже она должна отшатнуться отъ него. Она громко засмѣялась (ибо почти помѣшалась отъ горя) и, ставъ на колѣни передъ его постелью, подняла своей рукой его голову, гладила его спекшіяся отъ крови волосы и поцалуями отирала его лобъ отъ смертнаго, холоднаго пота.

— Ты не смѣешь меня не допускать къ себѣ, лепетала она посреди своихъ ласкъ. — Не-уже-ли ты думаешь, что я тебя боюсь, тебя, моего Ройстона!

Радость, навѣянная великой побѣдой, хотя и грѣшной, освѣтила лицо умиравшаго. Страсть сдѣлала его голосъ даже твердымъ и сильнымъ.

— Я думаю это лучше того рая, о которомъ мы мечтали на островѣ Архипелага!

Не остановившись ни на минуту, нѣжный, но грустный голосъ отвѣчалъ:

— Да̀, это лучше. Тогда я умерла бы прежде и безнадежно; теперь нѣтъ между нами грѣха, незнающаго прощенія.

Глубокое молчаніе продолжалось до-тѣхъ-поръ, пока Ройстонъ собралъ силы, чтобъ продолжать:

— Ты помнишь перчатку? Посмотри, я съ ней не разставался.

Онъ вынулъ изъ-за пазухи стальной ажурный футлярчикъ, висѣвшій у него на цѣпочкѣ на шеѣ. Въ немъ хранилась перчатка Сесили, запятнанная его кровью. Съ этимъ-то сокровищемъ онъ не хотѣлъ разстаться, когда, лежа на землѣ, онъ поджидалъ нападенія казаковъ.

— Ты не думала, что я забылъ тебя, потому-что не отвѣчалъ на твое письмо?

Какъ уже случилось однажды прежде, такъ и теперь часть его твердости и силы воли, казалось, перешла къ Сесили. Она теперь сказала совершенно-твердымъ голосомъ:

— Какъ могла я ложно судить о твоемъ молчаніи, когда я сама просила тебя не писать? Я была очень-несчастна, думая, ка̀къ ты будешь сердиться, но все же я не могла сдѣлать этого. Но я никогда не думала, чтобъ ты забылъ меня. Вѣдь забыть не легко. Разскажи мнѣ о себѣ. Я слышала объ этой славной атакѣ. Но эти ужасныя раны... какъ ты страдалъ, должно-быть!

Въ мутныхъ, почти безжизненныхъ глазахъ Ройстона блеснуло что-то въ родѣ солдатской гордости.

— Да, двадцать-пятаго числа мы прямо помчались на непріятеля; я между другими. Вѣроятно, я страдалъ отъ боли, но теперь это все прошло. Я не чувствую ничего, кромѣ счастья держать еще разъ твою маленькую ручку. Посмотри: я могу ее держать безъ стыда; мои пальцы не пожимали руки женщины съ-тѣхъ-поръ, какъ мы разстались.

Она видѣла, какъ произношеніе этихъ словъ было ему трудно и потому отказалась отъ удовольствія слышать его голосъ, который все еще былъ ей невыразимо-милъ. Она остановила его, когда онъ хотѣлъ продолжать. Но все-таки она же первая прервала молчаніе:

— Мой Ройстонъ! я боюсь... я боюсь, что ты въ большой опасности. Какъ долго намъ обоимъ предстоитъ страдать — одинъ Богъ знаетъ. Но не хотѣлъ ли бы ты видѣть пастора? Онъ бы могъ тебѣ принести помощь, которую я не могу принести по своей слабости и немощи.

На изнуренномъ лицѣ Кина показалась мгновенная тѣнь прежней сардонической, презрительной улыбки..

— Уже поздно теперь всякая помощь мнѣ отъ пастора. Къ-тому же, я не могу сосредоточиться теперь и подумать ни объ одномъ изъ моихъ грѣховъ, кромѣ одного. Всѣ мои мысли заняты тѣмъ вредомъ, который я тебѣ нанесъ.

Это была правда. Если были призраки укора, имѣвшіе право преслѣдовать Ройстона въ его послѣдніе минуты, то присутствіе живаго укора заслоняло ихъ всѣхъ.

Глаза Сесили никогда не были такъ краснорѣчивы, но они ничего не выражали, кромѣ отчаянія.

— Боже мой! Развѣ ты не видишь, что все, что̀ я могу простить, я уже давно простила? Что̀ будетъ со мною, если ты умрешь, не раскаявшись въ своемъ грѣхѣ? Должна ли я продолжать жить съ *надеждой*, что мы навсегда разлучены? Если ты не имѣешь состраданія къ своей собственной душѣ, то пожалѣй хоть меня!

Всѣ прежнія его преступленія показались Ройстону сравнительно простительными, когда онъ увидѣлъ въ горѣ и униженіи блистательную красавицу, на которую онъ навлекъ столько несчастій и стыда. Укоры совѣсти, которые сильная воля и твердая душа такъ долго удерживали, наконецъ нашли себѣ исходъ въ трехъ едва-выговоренныхъ словахъ: «Боже, прости меня!»

Не правда ли, это выраженіе раскаянія очень-неудовлетворительно и недостаточно, особенно, если взять въ соображеніе жизнь Ройсто-

на, котораго грѣхи превосходили число его лѣтъ. Однако слабая надежда, почерпнутая Сесилью изъ этого восклицанія, поддерживала ее съ-тѣхъ-поръ отъ совершеннаго отчаянія. Она перестала къ нему приступать, видя его усиливавшуюся ежеминутно слабость и надѣясь, быть-можетъ, что придетъ болѣе удобная минута.

Дѣйствительно, имъ надо было поговорить о прошедшемъ, въ которомъ оба участвовали, и о будущемъ, въ которомъ только одному изъ разговаривавшихъ приходилось жить. Но Ройстонъ вѣрно разсчиталъ объемъ физическихъ силъ, и когда нашелъ, какъ каждое слово его утомляетъ, онъ сдѣлался такъ же бережливъ на слова, какъ скупецъ на деньги. Его правая рука все-еще твердо сжимала ея ручку; ея нѣжная щечка покоилась на его плечѣ, а другой рукой онъ тихо игралъ длинной, блиставшей каштановой прядью волосъ, выбившейся изъ-подъ ея узкаго чепца. Такъ они оставались долго; не слышно было ни одного слова; только раздавался повременамъ несвязный лепетъ ласкъ и нѣжныхъ восклицаній. Никто не входилъ въ комнату и не безпокоилъ ихъ, ибо въ ту ночь было довольно работы для всего Скутари. Мысль, что ихъ могутъ увидѣть, не приходила Сесили въ голову. Она всегда пренебрегала и презирала приличіями и мнѣніемъ свѣта; теперь же она еще въ десять разъ менѣе объ этомъ заботилась. Ея головка была наклонена и глаза закрыты, такъ-что она не могла видѣть, какъ углублялись впадины на лицѣ ея возлюбленнаго и какъ блѣдность его щекъ замѣнялась какимъ-то сѣрымъ, пепельнымъ цвѣтомъ. Но Ройстонъ хорошо чувствовалъ приближеніе смерти; онъ зналъ, что ему нужно было дѣлать.

Онъ поднялъ ея головку съ своего плеча и нѣжно сказалъ:

— Если мои часы сочтены, то тѣмъ болѣе причины, чтобъ мнѣ было горько разстаться съ тобою хоть на часокъ. Но тебѣ нуженъ покой и мнѣ кажется, я бы теперь могъ заснуть. Не старайся меня уговорить, а оставь меня теперь. Когда ты послѣ будешь думать объ этомъ вечерѣ, то вспомни, что мои послѣднія слова были: «я любилъ тебя болѣе всѣхъ». Душа моя! простись со мною и приди завтра пораньше.

Онъ догадывался очень-хорошо, какъ долго продлится эта ночь и какое зрѣлище представится Сесили на другое утро; но онъ рѣшился избавить ее еще отъ новаго страданія и такимъ образомъ перенесъ одинъ все бремя агоніи. Его жизнь была полна дѣлъ самой безразсудной храбрости, но, по правдѣ сказать, этотъ подвигъ былъ вѣнцомъ мужества.

Теперь, какъ и прежде, Сесиль была не въ-состояніи противиться его желаніямъ или приказаніямъ; къ тому же, физическое изнуреніе начинало превозмогать надъ нею и она тоже чувствовала, что пора идти. Она встала на колѣни безмолвно и ихъ уста встрѣтились въ долгомъ, страстномъ поцалуѣ. Такъ мало было жизни въ Ройстонѣ, что его губы и отъ прикосновенія съ этими расцвѣтшими, алыми розами, остались такъ же ледяно-холодны.

— Я приду опять, пораньше, шепнула она.

Послѣдніе остатки силъ, просто сверхъестественныхъ, израсходовались въ нѣжномъ пожатіи руки Сесили, которымъ онъ съ нею простился. Чрезъ полчаса вошелъ въ комнату докторъ. Во всю эту ночь крики, стоны и другіе звуки, въ которыхъ выражаются предсмертныя муки человѣка, звенѣли въ его ушахъ, такъ-что, наконецъ, онѣ устали отъ этого оглушительнаго шума. Но безмолвіе этой комнаты еще больше поразило его. Онъ съ минуту пристально посмотрѣлъ на недвижимо-лежавшаго человѣка и приложилъ ухо къ его губамъ. Неслышно было ни малѣйшаго дыханія, могшаго даже поколебать пухъ. Тогда онъ тихонько накрылъ простыней лицо умершаго, совершенно-спокойное, твердое, которое даже въ объятіяхъ смерти сохранило свое хладнокровное, гордое спокойствіе.

Когда это зрѣлище представилось глазамъ Сесили на другое утро, она не вскрикнула, не упала въ обморокъ; ни въ ту минуту, ни послѣ не показала она себя недостойной своего гордаго возлюбленнаго. Она не выказывала свое горе, не драпировалась имъ. Многія и кромѣ нея взяли себѣ девизомъ «знаетъ сердце свое горе» и до конца остались вѣрными ему. Поистинѣ онѣ получили свою награду. Если осталось мало утѣшенія по сю сторону могилы и только туманная надежда по ту сторону, то что-нибудь да значитъ—избѣгнуть соболѣзнованій.

Мы не будемъ слѣдить далѣе за жизнію Сесили: излишне было бы подробно описывать ея службу въ госпиталяхъ, которую она покинула послѣ заключенія мира. Мы не станемъ также проникать въ то уединенное мѣсто, на далекомъ западѣ Англіи, гдѣ она живетъ еще досихъ-поръ. Этотъ сѣрый зàмокъ хорошо хранитъ свои тайны, хотя онъ и былъ свидѣтелемъ въ свое время горя и грѣховъ, которые заставили бы говорить и гранитъ. Много разбитыхъ сердецъ и разрушенныхъ надеждъ видѣлъ зàмокъ, старинное жилище Трезильяновъ де-Трезильянъ.

Я сознаюсь, что съ сожалѣніемъ вижу, какъ исчезаетъ эта граціозная фигура со сцены, недостойной ея царскаго присутствія. Гдѣ ви-

дѣлъ я оригиналъ этого прелестнаго созданія, которое я старался изобразить хотя и очень-грубо? Быть-можетъ, и во снѣ. Но есть видѣнія, столь подходящія къ дѣйствительнымъ живымъ образамъ, что невольно кружится голова, когда захочешь отличить ихъ другъ отъ друга.

По несчастью, смерть каждаго человѣка дѣйствуетъ на остальныхъ вовсе не пропорціально достоинствамъ умершаго. Такъ случилось и съ Ройстономъ: его кончина вызвала болѣе сочувствія, чѣмъ онъ заслуживалъ. Далеко и широко разнеслась молва о его геройской смерти. О немъ горѣвали не одни товарищи; люди, которые едва знали его, приносили дань сожалѣнія о смерти любимаго героя легкихъ драгунъ.

Маркъ Уорингъ въ мрачномъ уединеніи своей унылой комнаты заскрежеталъ зубами отъ зависти; онъ зналъ, кто будетъ болѣе всего оплакивать эту кончину. Замѣчаніе Армана де-Шатомениля было характеристично. Услышавъ, что его старый противникъ палъ на полѣ битвы, онъ нетерпѣливо хлопнулъ рукой по своимъ изуродованнымъ членамъ и пробормоталъ—«Sang dieu! Il avait toujours la main heureuse» (*). Гарри Молинё до-сихъ-поръ не можетъ положиться на свой голосъ, чтобъ говорить о Ройстонѣ, и другіе чудные глаза, кромѣ глазъ la mignon, наполнились слезами, прочитавъ извѣстный списокъ умершихъ. Поистинѣ великіе мужи пали во Израилѣ и святые покинули нашу землю въ славѣ небеснаго величія, не вызвавъ столько сожалѣній, какъ смерть этого великаго грѣшника. Только двѣ женщины на землѣ (и имъ онъ ничего не сдѣлалъ худаго) открыто торжествовали, когда разнеслась вѣсть о смерти Ройстона Кина; это были его жена и Бесси Данверсъ. Произнесемъ ли мы теперь нашъ приговоръ надъ Ройстономъ Киномъ? Онъ заблуждался и грѣшилъ такъ часто и жестоко, что даже заступничество кающейся грѣшницы, которая никогда не преклоняетъ колѣнъ въ молитвѣ, не произнося его имени, вѣрно не спасетъ его. Однако мы не бросимъ въ него камня.

Конечно, можно и должно противиться и побѣдить всѣ искушенія. Но есть люди съ особеннымъ характеромъ, которые, кажется, дѣйствуютъ всю свою жизнь подъ вліяніемъ обстоятельствъ, такъ-что можно справедливо предполагать, что они рождены, чтобъ служить предостереженіемъ и упрекомъ для другихъ. Сколько же подобные люди отвѣтственны въ своихъ дѣйствіяхъ—не будемъ разбирать этого важнаго вопроса, вспомнивъ, какъ ужасно путаются, становятся въ-тупикъ

(*) Чортъ возьми! у него рука была всегда счастливая.

самые ученые богословы, рьяные противники Предопредѣленія, когда имъ представляется примѣръ Фараона.

Было бы непріятно и безполезно стараться проникнуть въ тайну того мрака, который разстилается по ту сторону могилы Ройстона; немногіе были бы въ состояніи отличить въ этомъ мракѣ малѣйшій лучъ свѣта. Но мы столько же не имѣемъ права ограничивать милосердіе Всемогущаго Существа, какъ и спорить о справедливости Его гнѣва. Удержимся лучше отъ всякихъ сужденій и будемъ надѣяться

That heaven may yet have more mercy than man
On such a bold rider's soul (*).

КОНЕЦЪ.

(*) Что небо, быть-можетъ, окажетъ болѣе милости, чѣмъ человѣкъ душѣ такого смѣлаго бойца.

Учебная книга Русской Исторіи. Соч. С. Соловьева. Изданіе 3-е. М. 1860. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

Краткіе очерки Русской Исторіи. Составилъ Д. Иловайскій; два выпуска, изданіе 2-е. М. 1861. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 75 к.

Записки о Шамилѣ пристава при военно-плѣнномъ. А. Руновскаго. Спб. 1861. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Руководство патологической анатоміи. Доктора Августа Ферстера, съ четырьмя таблицами рисунковъ; перев. съ пятаго изданія 1860 г. Д. Ахшарумова. Часть вторая и послѣдняя. Спб. 1861. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.; тоже часть первая— ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Стихотворенія А. Н. Плещеева. Новое изданіе, значительно-дополненное. М. 1861. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Въ ожиданіи лучшаго. Романъ В. Крестовскаго. Два тома. М. 1861. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

Романы и повѣсти В. Крестовскаго. Шесть томовъ. Спб. 1858. Ц. 6 р., съ пер. 7 р.

Опытъ земледѣлія вольно-наемнымъ трудомъ. А. Божанова; съ 25-ю политипажами. М. 1860. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

О разведеніи кормовыхъ травъ на поляхъ. А. Совѣтова; изданіе второе. М. 1860. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Сельское хозяйство Жирардена и Дю-Брейля, обработанное Гаммомъ. Переводъ съ нѣмецкаго, томъ I-й «Земледѣліе». М. 1860. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Зоологія для первоначальнаго чтенія, съ политипажами. Составилъ Ф. Александровъ. Спб. 1861. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Руководство къ зоологіи Х. Бронна. Томъ I-й; четыре выпуска, съ дополненіями и семью таблицами. А. Богданова. М. 1861. Ц. 3 р. 10 к., съ пер. 3 р. 75 к.

Естественная исторія растительнаго царства, преимущественно въ примѣненіи къ русской флорѣ среднихъ губерній. Составилъ Э. Рего; со множествомъ хромолитографированныхъ рисунковъ Шуберта и Хохштеттера; большой томъ, въ папкѣ, съ виньеткою. М. 1861. Ц. 6 р., съ пер. 7 р.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, 15-го марта 1861 года.

Цензоръ П. Новосильскій.

BULLETIN BIBLIOGRAPHIQUE.

S. DUFOUR,

LIBRAIRE DE LA COUR IMPÉRIALE,

au Pont de Police, maison de l'Église Hollandaise.

EN VENTE:

CATALOGUE

D'OUVRAGES INSTRUCTIFS ET AMUSANTS

DES MEILLEURS AUTEURS FRANÇAIS, ANGLAIS ET ALLEMANDS, ILLUSTRÉS DE BELLES GRAVURES ET RICHEMENT RELIÉS.

ALBUMS, JEUX, ETC.

pour les divers âges de l'enfance et de la jeunesse.

BEAUTÉS de l'histoire romaine, avec une esquisse des mœurs et un aperçu sur les arts et les sciences à différentes époques. Paris, 1850. 1 v. cart. 85 c.

— des leçons de la nature, ou l'histoire naturelle, présentée à l'esprit et au cœur. Lille, 1850. 1 v. in-12. 50 c.

BELÈZE (G.). Jeux des adolescents. Paris, 1858. 1 v. in-12, avec 140 vignettes, reliure mos. et tranche dorée. 1 r. 50 c.

Le même ouvrage broché. 60 c.

BELIN. Abécédaire en action. Paris. 1 vol. in-4. 3 r.

BELLE (La) et la bête. 1 v. petit in-24. 30 c.

BEN LÉVI (G.). Les matinées du samedi, livre d'éducation morale et religieuse. Paris, 1842. 2 v. in-12. 1 r. 85 c.

BERCEAU (Le). Paris. 1 v. in-32. br. 10 c.

BERGIER (l'abbé J. B.). Vie de Sainte Marguerite de Cortone pénitente du Tiers ordre de Saint-François Tours, 1857. 1 v. in-12. 50 c.

BERNARD (madame Laure). Les voyages modernes racontés à la jeunesse. Paris. 2 v. in-12. br. 1 r.

élégamment cart. 1 r. 70 c.

— Contes maternels, scènes de l'éducation. Paris. 1 v. in-12. br. 50 c.

élégamment cart. 85 c.

— Les Mythologies de tous les peuples, racontées à la jeunesse. Paris, 1854. 1 v. in-12. 1 r.

Le même, reliure mos. et tranche dorée. 2 r.

BERNARDIN DE SAINT-PIERRE. Paul et Virginie. Illustré de 100 gravures par Bertall. Paris. 1 vol. in-12. reliure mos. et tranche dorée. 1 r. 50 c.

— Paul et Virginie. Illustré de 100 vignettes. Paris, 1845. 1 vol. in-12, reliure mos. et tranche dorée. 2 r.

— Paul et Virginie, suivi de morceaux choisis de l'Arcadie et des Etudes de la nature. 11-me édition. Tours, 1858. 1 v. in-12. 50 c.
cartonnée. 85 c.

BERNIER (madame Louise). Les histoires de la vieille tante Christine. Paris. 1 vol. in-8., avec gravures, reliure mos. et tranche dorée. 2 r. 50 c.

— Amélie, ou le triomphe de la piété. 1 vol. in-12. br. 50 c.
Le même élégamment cart. 85 c.

BERQUIN. L'ami des enfants et des adolescents. Paris, 1857. 2 vol. in-8., avec reliure mos. et tranche dorée. 4 r.
Le même 1 v. in-12., reliure mos. et tranche dorée. 1 r. 50 c.
Le même 1 v. gr. in-8., reliure mos. et tranche dorée. 4 r.

— Le livre de famille, suivi de la bibliothèque de village. Paris, 1856. 1 v. in-12., reliure mos. et tranche dorée. 2 r.

— Histoire naturelle pour la jeunesse. Paris, 1851. 1 v. gr. in-8., avec 150 gravures sur bois et 12 lithographies coloriées, reliure mos. et tr. dor. 5 r.

— Astronomie pour la jeunesse, ou le système du monde, expliqué aux enfants. Paris, 1852. 1 vol. in-12., reliure mos. et tranche dorée. 1 r. 50 c.

— Historiettes, drames et contes, pour le jeune âge. Paris. 1 v. in-12., orné de dessins coloriés, reliure mos. et tranche dorée. 3 r.
Le même cartonné. 1 r. 75 c.

BERR. Rosa, ou la piété filiale. Paris. 1 v. in-12., avec gravures, reliure mos. et tranche dorée. 1 r. 25 c.
Le même ouvrage cartonné. 85 c.
Le même ouvrage ouvrage broché. 50 c.

BERTIN. Quinze petits contes propres à former le cœur des enfants, illustrés de gravures par Lemoine. Paris. 1 v. in-8. relié. 2 r.

— Le général Tom-Pouce, et les nains célèbres. 1 vol. in-8. 1 r.
Le même ouvrage. reliure mos. et tranche dorée. 2 r.

Печатать позволяется. С. Петербургъ, 15 марта 1861 года.
Цензоръ *Н. Новосильскій.*

МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ
у М. БЕРНАРДА,

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, НА НЕВСКОМЪ ПРОСПЕКТѢ, ПРОТИВЪ МАЛОЙ МОРСКОЙ, 10.

Для скрипки.

	Сер. Р.	К.
BERIOT. Souvenir de St.-Pétersbourg. Deux fantaisies russes pour le violon avec piano: № 1. «Пѣснь цыганки» de Boulahoff, op. 114 (1 р. 50 к.). № 2 «Душечка дѣвица» de Dargomijsky. op. 115, (1 р. 50 к.) Six duos pour deux violons sur Oberon et Freischütz de Weber (2 р. 30 к.). Новѣйшая школа для скрипки на русскомъ, фразцузскомъ и нѣмецкомъ языкахъ	4	—
БЕРНАРДЪ. «Братъ и сестра». Собраніе небольшихъ и легкихъ дуэтовъ для фортепьяно и скрипки, составленное изъ любимыхъ мотивовъ. 4 тетради, каждая	—	75
GOUNOD. Méditation sur le 1-r prélude de J. S. Bach pour piano et violon (ou violoncelle)	1	—
HAUSER. Trois mélodies de Balfe et Donizetti № 1 à 3 (каждый 40 коп.). Trois mélodies de Flotow avec piano № 1 à 3. (каждый 40 к.). Trois mélodies de Schubert pour violon et piano № 1 à 3 (каждый 40 к.). Trois mélodies de Bellini avec piano № 1 à 3, каждый , ...	—	60
HELLMESBERGER. La mélodie avec piano.	—	85
КАЖИНСКІЙ. «Думка». Малороссійская пѣсня для скрипки съ аккомп. фортепьяно	—	75
КИНДИНГЕРЪ. Собраніе фантазій для скрипки съ акомп. фортепьяно на любимыя русскія романсы и пѣсни. 6 тетрадей (каждая 1 р. 15 к.). Это же собраніе фантазій издано также для одной скрипки. 2 тетради, каждая	1	—
— *Музыкальные вечера*. 12 новыхъ фантазій на любимыя русскія пѣсни для скрипки съ аккомп. фортепьяно. 12 тетрадей (каждая 1 р.). Это же собраніе фантазій (*Музыкальные вечера*) издано также для одной скрипки. 3 тетради, каждая	1	—
MAURER. Romance de l'opéra Guido et Ginevra pour le violon avec piano (1 р. 50 к.). Les adieux. Impromptu avec piano.	—	60
МАЗАСЪ. Лучшій скрипичный учитель или новѣйшая школа нынѣшней игры на скрипкѣ. Новое исправленное и дополненное изданіе	3	—
MINKUS. Chant d'été avec piano (86 к.). Schlummerlied avec piano	—	60

Сер. Р. К.

REBER. Berceuse avec piano . . . . — 60

РОДЕ, *Крейцеръ и Бальо.* Скрипичный самоучитель или полная теоретическая и практическая школа для скрипки. Новое изданіе просмотрѣнное и дополненное А. Киндингеромъ, съ прибавленіемъ 12 любимыхъ русскихъ романсовъ для одной или двухъ скрипокъ и изобрѣтенія скрипичнаго грифа для облегченія при самоученіи . . . . 3 —

СТО РУССКИХЪ НАРОДНЫХЪ ПѢСЕНЪ, аранжированныхъ для одной скрипки *М. Бернардомъ* . . . . 2 —

С. ПЕТЕРБУРГСКІЕ ВЕЧЕРА. Собраніе новѣйшихъ и любимѣйшихъ танцевъ для одной скрипки. 7 тетрадей (каждая 75 коп.). Въ каждой тетради отъ 7 до 8 танцевъ *Страусса*, *Гунгля*, *Фауста*, *Лядова* и др.

КИНДИНГЕРЪ. 12 любимыхъ русскихъ романсовъ, переложенныхъ для одной или двухъ скрипокъ. 2 тетради, каждая 1 30

VIEUXTEMPS. Six divertissement d'amateurs sur des mélodies russes favorites pour violon avec piano № 1 à 6 (каждый 1 р. 30 к.). Grand duo pouo violon et piano sur le Prophète de Meyerbeer 2 30

Выписывающіе нотъ на сумму не менѣе трехъ руб. сер. получаютъ двадцать пять процентовъ уступки, а выписывающіе на десять руб. сер., кромѣ того, ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодою этой пользуются только особы, которыя обратятся съ своими требованіями непосредственно въ магазинъ *М. Бернарда*. На этихъ же условіяхъ можно выписывать изъ означеннаго магазина всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы они ни были изданы и объявлены

Въ этомъ же магазинѣ вышла 1-го марта 3-я тетрадь музыкальнаго журнала «НУВЕЛЛИСТЪ» (годъ XXII), содержащая въ себѣ: *Loeschhorn*, Don Pasquale. Fantaisie—*Ravina*, Idylle—*Kapry*, Mazurka—*Trester*, Chant du rossignol. Rêverie—*Lysberg*, Fantaisie—*Bernard*, Ronde villageoise—*Oesten*; La Sonnambula. Petite fantaisie—3 новые танца—Романсъ *А. Даргомыжскаго*. Портретъ *Антона Контскаго* и литературное прибавленіе въ видѣ музыкальной газеты (Годовая цѣна подписки 10 р., съ пересылкою 11 р. 50 к.).

На дняхъ получены: СВѢЖІЯ ИТАЛЬЯНСКІЯ СТРУНЫ высшаго достоинства, которыя продаются по весьма умѣреннымъ цѣнамъ; СКРИПКИ различныхъ цѣнъ и достоинствъ (по 12, 15, 20, 25, 30, 35, 50 и 125 р.); СМЫЧКИ, (по 3, 5, 6, 8, 10, 15 и 30 р.); КАНИФОЛЬ разныхъ сортовъ и проч.

Печатать позволяется. С.-Петербургъ, 15 марта 1861 года.
Цензоръ *П. Новосильскій*.

EGGHARD. Espiègleries. Caprice. op. 40. 60 c.
IUNGMANN. Le mal de pays. op. 117. 45 c.
SCHULHOFF. Imromptu lyrique. op. 49. 50 c.
PACHER. Tendresse Morceau mélodieux. op. 53. 60 c.
— La Najade. Morceau de salon. op. 51. 75 c.
EGGHARD. Simple mélodie. op. 29. 45 c.
CROZE. Chanson du Gondolier. Tableau. 50 c.
VOSS. A la Polonaise. op. 147. № 2. (facilité) 45 c.
EGGHARD. Le jet d'eau. Impromptu. op. 76. 60 c.
JUNGMANN. Wilde Rose. op. 55. № 1. 60 c.
SPINDLER. Glockenspiel. op. 115. 50 c.
LYSBERG. La fontaine. Idille. op. 34. 60 c.
SPINDLER. Wilde Rose. op. 120. 60 c.
SCHUMANN. Des Abends. op. 12. 30 c.
SCHULHOFF. Menuet de Mozart. 50 c.
SPIHDLER. Alpenröslein. op. 43. № 1. Vergiss mein nicht № 2. à 50 c.
MAYER. Mignon. Morceau gracieux. op. 279. 30 c.
PACHER. Romance de Hoël de Ploërmel. op. 54. 60 c.

ПАРИЖСКІЕ МЕТРОНОМЫ новаго фасона, краснаго дерева 10 р. с. съ пересылкою; палисандроваго дерева 11 р. с. съ пересылкою; съ колокольчикомъ, краснаго дерева 12 р. с. съ пересылкою, и палисандроваго дерева 13 р. с. съ пересылкою.

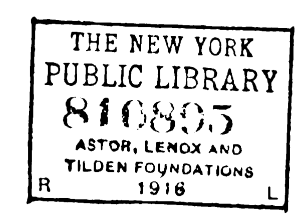
Самыя лучшія и свѣжія падуанскія и римскія СТРУНЫ, которыя употребляются знаменитыми скрипачами гг. Эрнстомъ и Вьетаномъ; и также рекомендуются первыми здѣшними артистами: квинтъ, секундъ, терцъ, каждая 25 к. с.; по бунтамъ 6, 5 и 7 р. с. Также самыя лучшія навитыя струны для скрипки, альто, віолончеля и гитары.

Въ этомъ же магазинѣ можно получать всѣ музыкальныя сочиненія, гдѣ и кѣмъ бы то ни было изданныя или объявленныя въ какомъ-либо каталогѣ. Выписывающіе нотъ на три руб. сер., получаютъ 20 проц., на пять руб.—25 проц., на десять руб.—30 проц.; а на пятнадцать рублей и болѣе; кромѣ того, не платятъ за пересылку. Требованія гг. иногородныхъ исполняются въ точности и съ первоотходящею почтою.

Нижеподписавшійся беретъ на себя заказы на всѣ другіе инструменты вообще и обѣщаетъ немедленное исполненіе заказовъ по самой дешевой цѣнѣ.

А. Битнеръ.

Печатать позволяется. С.-Петербургъ, 15 марта 1861 года.
Ценсоръ *П. Новосильскій.*



ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

1861.

АПРѢЛЬ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

КРИТИКА.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ПРИЛАГАЮТСЯ: Парижская картинка дамскихъ модъ и объявленія 1) о новыхъ русскихъ книгахъ, продающихся въ книжномъ магазинѣ *Д. Е. Кожанчикова;* 2) о новыхъ французскихъ книгахъ, продающихся въ книжномъ магазинѣ г. *Дюфура;* 3) о новыхъ музыкальныхъ сочиненіяхъ, продающихся въ музыкальномъ магазинѣ г. *Бернарда,* и 4) о новыхъ музыкальныхъ сочиненіяхъ, продающихся въ музыкальномъ магазинѣ г. *Битнера.*

НАСЛѢДСТВО КРУШИХИНА.

ПОВѢСТЬ.

Часть первая.

I.

— Что жь ты, Терентьичъ, сегодня какъ-будто нарочно такъ долго копаешься? Вѣдь къ одиннадцати часамъ непремѣнно нужно поспѣть, а теперь, смотри—уже за четверть десятаго перешло! говорилъ неспокойнымъ голосомъ Ефимъ Ивановичъ, входя въ мастерскую и показывая рукою на старые стѣнные часы, которые съ кирпичомъ, вмѣсто одной изъ гирь, однообразно пощелкивали своимъ почернѣвшимъ отъ времени маятникомъ.

— Сейчасъ, сейчасъ покончу, батюшка Ефимъ Иванычъ, торопливо отозвался подмастерье:—вотъ и всего-то осталось вбить здѣсь нѣсколько гвоздиковъ, да потомъ пришить кисти.

— А вы-то, молодцы, поживѣй несите! А то, чего добраго, опоздаете, пожалуй, сказалъ Ефимъ Ивановичъ, поглаживая свою бороду и обращаясь теперь къ двумъ молодымъ парнямъ, которые въ то время, стоя у окна, размѣряли на аршины кусокъ бѣлаго коленкору.—Да только будьте поосторожнѣй, добавилъ онъ: — а то, какъ на прошедшей недѣлѣ ходили къ Паукову, такъ хлопотъ и возни мнѣ столько надѣлали, что я потомъ на-силу изъ-за васъ управился: все утро метался, какъ угорѣлый...

— Это виноватъ былъ Митяй, перебилъ, весело и какъ-будто рубя каждое слово, одинъ изъ парней съ свѣтлорусыми кудрявыми волосами, съ едва-пробивавшейся бородкой и съ чернымъ ремешкомъ на лбу.—Никто не просилъ его, а онъ самъ налѣзъ на тумбу, да и хлопнулся со всѣхъ ногъ.

— Смотри, не хлопнись когда-нибудь и самъ! перебилъ насмѣшливо Митяй.

— Ну, ужь я не такой, братъ, розиня, какъ ты! отвѣчалъ съ самоувѣренностью товарищъ Митяя.

— Всѣ вы больно любите зѣвать по сторонамъ, кротко замѣтилъ Ефимъ Ивановичъ, желая согласить двухъ парней, которые, какъ ему казалось, сбирались поспорить между собою.

— Ну, ну, ребятушки, поживѣе! прикрикнулъ онъ вслѣдъ за тѣмъ ласковымъ голосомъ: — обоимъ вамъ сегодня отъ меня на чай будетъ, и съ этими словами онъ внимательно окинулъ главную комнату своего заведенія.

Румяное и веселое лицо плотнаго купчины, имѣвшаго съ небольшимъ сорокъ лѣтъ, здоровенный видъ его плечистаго подмастерья въ полномъ развитіи тѣлесныхъ силъ, и наконецъ беззаботная наружность двухъ молодыхъ парней рѣзко противорѣчили окружавшей ихъ обстановкѣ.

Комната, въ которой были теперь Ефимъ Ивановичъ и его работники, находилась въ подвальномъ этажѣ; она была низка и мрачна, потому-что дневной свѣтъ едва проходилъ въ маленькія окна, покрытыя густымъ слоемъ пыли и забрызганныя грязью. Огромныя зеленоватыя пятна плѣсени самыхъ разнообразныхъ очертаній покрывали стѣны какого-то мутнаго, неопредѣленнаго цвѣта. На почернѣвшемъ и качавшемся подъ ногами полу валялись грудами стружки и обрѣзки разныхъ матерій, а въ одномъ изъ угловъ тускло и уныло теплилась лампадка передъ маленькимъ, закоптѣвшимъ образомъ.

Въ этой невеселой, хотя и просторной комнатѣ, тяжелый запахъ сырости смѣшивался съ острымъ, смолистымъ запахомъ свѣжихъ досокъ еловыхъ и сосновыхъ, а темные углы комнаты сверху до низу были заставлены гробами, нагроможденными одинъ на другой и заготовленными предусмотрительнымъ Ефимомъ Ивановичемъ въ достаточномъ количествѣ какъ для самыхъ рослыхъ мужчинъ, такъ и для новорожденныхъ малютокъ.

Посреди комнаты, на грязной, довольно-низкой скамейкѣ стоялъ теперь гробъ, обитый серебрянымъ глазетомъ.

Пріотворивъ дверь на улицу, для большаго освѣщенія комнаты, Ефимъ Ивановичъ, не безъ замѣтнаго чувства удовольствія, посмотрѣлъ на это дорогое издѣліе своего заведенія, и въ то время, когда онъ остановился передъ нимъ съ этимъ чувствомъ, важно подпершись подъ бока обѣими руками, Терентьичъ еще

усерднѣе и еще живѣе принялся хлопотать и суетиться около гроба, занимаясь окончательно его отдѣлкой.

— А, вѣдь, какой важнѣющій вышелъ! проговорилъ Ефимъ Ивановичъ, обводя своими добрыми, а вмѣстѣ съ тѣмъ и плутоватыми глазами всѣхъ бывшихъ съ нимъ въ комнатѣ и какъ-будто ожидая отъ нихъ одобрительнаго отвѣта на сдѣланное замѣчаніе.

— Нечего сказать, славный! Да и нутро-то хоть куда! проворно подхватилъ бѣлокурый парень: — стружекъ-то мы на дно насыпали вдоволь, по-крайней-мѣрѣ мягко будетъ лежать: бока не заболятъ! добавилъ онъ, тыкая рукой по дну гроба.

— Тебѣ бы все зубы скалить! замѣтилъ поучительно Терентьичъ. — А вѣдь и заправду какой важный вышелъ! добавилъ онъ довольнымъ голосомъ, пятясь задомъ отъ гроба и въ нѣкоторомъ отдаленіи любуясь имъ съ видомъ знатока.

— А вотъ, братцы, одѣвайтесь-ко поскорѣе. Теперь, кажись, задержки больше нѣтъ никакой: все готово, проговорилъ Ефимъ Ивановичъ.

— Да намъ-то что одѣваться? замѣтилъ вопросительно Митяй: — мы хоть сейчасъ потащимъ.

Спустя немного времени, оба парня, присѣвъ каждый на корточки у одного изъ концовъ скамейки, разомъ, съ дружнымъ возгласомъ «о-ту!» приподняли гробъ на головы. Ефимъ Ивановичъ и Терентьичъ напрасно хотѣли помочь имъ при этомъ, потому-что расторопные парни сами, безъ ихъ помощи, управились и ловко и живо.

— Въ дверяхъ-то, ребятушки, ради самого Бога, поосторожнѣе несите, не зацѣпите какъ-нибудь о косякъ, аль объ дверь — бѣды надѣлаете! кричалъ хлопотливо-мягкимъ и какъ-будто умоляющимъ голосомъ Ефимъ Ивановичъ.

— Не бойсь, все будетъ цѣло! отвѣчали самоувѣренно и протяжно оба парня въ одинъ голосъ.

Съ этими словами они проворно и благополучно съ своей неслишкомъ-легкой ношей поднялись на тротуаръ по углублявшимся въ него узенькимъ каменнымъ ступенямъ.

Былъ ясный іюньскій день, и Ефимъ Ивановичъ, вмѣстѣ съ Терентьичемъ, поспѣшно вышелъ слѣдомъ за работниками на улицу изъ своей мрачной мастерской, въ которую никогда не заглядывало солнце. Каждый изъ нихъ, какъ-будто ослѣпленный блескомъ свѣтлаго дня, сперва быстро заморгалъ глазами, а по-

томъ приложилъ ко лбу руку въ видѣ козырька и внимательно смотрѣлъ вслѣдъ за отправленнымъ издѣліемъ. Весело играло утреннее солнце на серебряномъ глазетѣ и на широкихъ позументахъ гроба, придавая ему золотистый отливъ; болтавшіяся по его бокамъ и по его концамъ большія кисти то искрились, то переливались радужнымъ блескомъ, а ярко посеребренныя, въ видѣ львиныхъ лапъ, ножки гроба, точно зеркала, отражали лучи солнца, испуская изъ себя во всѣ стороны тоненькія, синевато-золотистыя полоски.

— А ты, Терентьичъ, пріодѣнься скорѣе да иди за деньгами, сказалъ Ефимъ Ивановичъ, съ чрезвычайною осторожностью спускаясь въ подвалъ по лѣстницѣ послѣ того, какъ у него исчезъ изъ виду гробъ, отправленный изъ его мастерской.

— Слушаю-съ, проговорилъ шедшій за нимъ вслѣдъ подмастерье:—вѣдь Прокофій Никитичъ заплатитъ?

— Дà; ты отъ него получишь остальныя деньги, проговорилъ Ефимъ Ивановичъ на переходѣ чрезъ мрачную комнату, уставленную гробами, въ верхній этажъ, гдѣ была его квартира, отличавшаяся отъ мастерской совсѣмъ-инымъ видомъ.

Въ окна тѣхъ комнатъ, въ которыхъ жилъ Ефимъ Ивановичъ, вливались теперь потоки солнечнаго свѣта, сдерживаемые только зеленью ерани, золотаго дерева и другихъ самыхъ обыкновенныхъ растеній, разставленныхъ на окнахъ. Двѣ канарейки пѣли весело и громко, какъ-будто въ перегонку одна передъ другою, а изъ сосѣдней комнаты несся звонкій и беззаботный смѣхъ рѣзвившихся дѣтей. Только гербы, пестро-нарисованные на круглыхъ кускахъ бѣлой папки и развѣшанные во множествѣ по стѣнамъ, дверямъ и по шкапу, въ видѣ украшеній, напоминали здѣсь Ефиму Ивановичу о его прибыльныхъ занятіяхъ въ мрачной мастерской, а вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствовали также передъ приходившими къ нему гостями и заказчиками, что въ издѣліяхъ его покоилось немало благородныхъ останковъ.

И теперь работники Ефима Ивановича, торопясь, несли гробъ въ одну изъ такихъ московскихъ улицъ, гдѣ особенно любятъ селиться тѣ, которые по чему-либо считаютъ себя принадлежащими къ высшему русскому или, по-крайней-мѣрѣ, къ первостепенному московскому барству. Работники Ефима Ивановича сдали свою ношу въ небольшой, но великолѣпно-отстроенный домъ, отличавшійся огромными стеклами, стройными колоннами съ вычурными капителями, узорчатой балюстрадой по окраинамъ всей

крыши, мелкою лѣпною работою и надъ окнами и подъ карнизомъ, и наконецъ широкимъ фронтономъ, посрединѣ котораго помѣщался тщательно-вылѣпленный дворянскій гербъ владѣльца.

На другой день изъ этого великолѣпнаго дома двинулась утромъ погребальная процесія. Въ ней соединялось все, что только можетъ льстить мелкому тщеславію родныхъ, оставшихся послѣ богатаго и чиновнаго покойника. Пестрая толпа народа уже спозаранку стояла около крыльца и на другой сторонѣ улицы передъ домомъ, ожидая выноса. Будочники, въ шишакахъ, оказывали свою обычную и суетливую дѣятельность, совершенно-напрасно сдвигая съ мѣста тѣхъ, кто подвертывался имъ на дорогѣ при ихъ важныхъ расхаживаніяхъ взадъ и впередъ во всевозможныхъ направленіяхъ. Между-тѣмъ два жандарма верхами, готовясь открыть шествіе, то медленно выѣзжали на длинную дорожку, образовавшуюся изъ ельника, разсыпаннаго вдоль пыльной мостовой, то съѣзжали съ этой дорожки, шпоря и осаживая назадъ своихъ гнѣдыхъ коней.

Наконецъ, къ удовольствію зрителей, печальная процесія тронулась.

Кромѣ архіерейскихъ пѣвчихъ и многочисленнаго сонма духовныхъ, шествовавшихъ въ погребальномъ облаченіи, она состояла еще изъ множества чиновниковъ, одѣтыхъ въ полной формѣ. Чиновники шли по трое въ рядъ и на бархатныхъ подушкахъ съ золотыми кистями несли пять звѣздъ и четыре ленты, а также нѣсколько крестовъ и медалей. Процесію дополняли: два чрезвычайно-длинные ряда то рослыхъ, то приземистыхъ факельщиковъ, у которыхъ изъ-подъ торжественныхъ черныхъ мантій виднѣлись солдатскія шинели и сибирки разныхъ цвѣтовъ, сенатскіе курьеры, дородный швейцаръ, мѣрно-выступавшій съ гербомъ покойнаго, и траурная карета, запряженная отличной четверней. Въ процесіи участвовалъ также десятокъ поджарыхъ мортусовъ, въ дырявыхъ и стоптанныхъ сапогахъ, въ узкихъ и истертыхъ черныхъ фракахъ, купленныхъ на толкучемъ, но за то въ треуголкахъ и съ разноцвѣтными лентами на плечахъ. Теперь мортусы шли и бодро и церемоніально, не имѣя того жалкаго и скорченнаго вида, которымъ они, при легкости ихъ парадной одежды, отличаются обыкновенно въ осеннее ненастье и въ зимнюю стужу.

Шестерня рослыхъ, хорошо-подобраннихъ лошадей, въ длинныхъ, черныхъ попонахъ, съ гербовыми щитами на бокахъ, везла

медленно дроги. Надъ гробомъ, украшеннымъ трехугольною шляпой и крестообразно-сложенными ножнами и лезвіемъ шпаги и, кромѣ того, застланнымъ широкимъ и длиннымъ покровомъ изъ золотой парчи, величественно колыхался пунцовый бархатный балдахинъ, съ развѣвавшимися надъ нимъ страусовыми перьями и съ короною, блестѣвшею на его верхушкѣ.

Тотчасъ за гробомъ шла высокая, статная женщина, жена покойника, вся одѣтая въ черномъ; сзади, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, слѣдовала довольно-густая толпа, если не друзей и пріятелей, то знакомыхъ и сослуживцевъ покойнаго, запрошенныхъ по билетамъ «сдѣлать честь пожаловать на выносъ и погребеніе, а оттуда въ домъ откушать».

Шествіе замыкалось длинной вереницей экипажей всевозможныхъ фасоновъ.

Погребеніе происходило въ одномъ изъ тѣхъ богатыхъ московскихъ монастырей, за высокими оградами которыхъ изстари существуютъ аристократическія кладбища.

Во время отпѣванія, между всѣми провожавшими заслуженнаго мужа на его вѣчное новоселье, не было замѣтно ни малѣйшей скорби, ни малѣйшей тѣни сожалѣнія. Всѣ стояли очень-равнодушно, то прислушиваясь къ стройному пѣнію, то съ любопытствомъ оглядывая церковь, хотя и старинной, но вмѣстѣ съ тѣмъ величественно-прекрасной архитектуры. Нѣкоторые даже пересмѣивались между собою, показывая глазами на стоявшую подлѣ гроба вдову.

Такъ-какъ супруга покойнаго распустила теперь ленты чернаго креповаго чепчика, который съѣзжалъ и на бокъ и на затылокъ, и такъ-какъ она довольно-низко сбросила съ одного плеча большой платокъ чернаго цвѣта, обшитый плёрезами, и слегка растрепала свои темпорусые волосы, то, при такомъ безпорядкѣ своего наряда, она имѣла довольно-разстроенный видъ, соотвѣтствовавшій ея печальному положенію; кромѣ того, она безпрестанно подносила къ глазамъ бѣлый батистовый платокъ, нюхала сткляночку со спиртомъ, въ изнеможеніи опускалась на кресла, усердно крестилась и, соображаясь съ болѣе или менѣе умилительнымъ пѣніемъ клира, становилась на колѣни и потомъ поднималась съ трудомъ, поддерживаемая какимъ-то господиномъ, безотходно стоявшимъ около нея и бывшимъ въ звѣздахъ и при лентѣ. По временамъ помаргивая глазами и, въ отчаяніи, покачивая головою, она посматривала на своего супруга, покоившаго-

ся съ величавою важностью въ гробу на бѣлыхъ атласныхъ подушкахъ и окруженнаго всѣми своими орденскими регаліями.

Мало этого, вдова громко и рѣзко, но—какъ подумали многіе изъ бывшихъ въ церкви—несовсѣмъ-искренно взвизгнула, когда басистый протодьяконъ, понатужившись и понасупившись, провозгласилъ вѣчную память «болярину Даніилу». При опущеніи же гроба въ могилу, она зашаталась, и когда пришлось бросить ей горсть земли, то, казалось, она, въ припадкѣ отчаянія, полетѣла бы въ могилу и сама, еслибъ только двое стоявшихъ около нея молодыхъ людей, съ легкой улыбкой переглянувшихся въ это время между собою, не поддержали ея съ чрезвычайною внимательностью.

Такимъ образомъ плотная и рослая вдова удержалась на мѣстѣ.

Взглянувъ украдкой на своихъ благообразныхъ охранителей, она довольно-крѣпко налегала своей спиной на ихъ плечи и руки, которыми они поддерживали ее сзади за талью и за локти. Молодёжь, пересиливая смѣхъ, закусывала губы, а вдова, при такой нечаянной для нея опорѣ, пробыла нѣсколько минутъ въ какомъ-то полузабытьѣ—впрочемъ, какъ это легко можно было замѣтить, въ полузабытьѣ, скорѣе спокойномъ и пріятномъ, нежели тяжеломъ и тревожномъ.

Когда все кончилось и могильщики принялись засыпать землею гробъ, вдова, почти-совсѣмъ закрывъ платкомъ свое лицо и всхлипывая отрывисто, но часто, пошла садиться въ карету несовсѣмъ-ровнымъ шагомъ. Впрочемъ, и закрытіе лица, и всхлипываніе, и слабая походка сопровождались почему-то со стороны большинства присутствовавшихъ при погребеніи плохо-сдержанной улыбкой. На пути къ каретѣ вдову снова оберегали тѣ же молодые люди, которые поддержали ее надъ могилой въ опасную для нея минуту.

— Пожалуйте же ко мнѣ помянуть покойника, сказала вдова плаксивымъ голосомъ своимъ красивымъ и статнымъ оберегателямъ, когда они, крѣпко сжимая ее сзади за руки, немножко повыше локтей, подсадили ее такимъ образомъ въ траурную карету.

Въ отвѣтъ на приглашеніе вдовы слѣдовалъ со стороны молодыхъ людей весьма-вѣжливый поклонъ.

Вдова была съ виду женщина лѣтъ подъ сорокъ, еще красивая и чрезвычайно-свѣжая: бѣлая, румяная, съ полными щеками, высокой грудью и ярко-пунцовыми губами; замѣтно было,

что она жила въ беззаботной холѣ. Черты лица ея были пріятны, но вмѣстѣ съ тѣмъ крупны и грубоваты, а ея манеры и разговоры совершенно не ладились съ той аристократической обстановкой, которой она была окружена при погребеніи своего мужа.

— А, вѣдь, баба еще хоть куда! сказалъ одинъ изъ молодыхъ людей, прислуживавшихъ вдовѣ, подхватывая подъ-руку своего товарища и поспѣшно выходя съ нимъ изъ-за-монастырской ограды.

— Дà, еще нѣсколько годковъ попразднуетъ въ волю...

— И есть на чтó праздновать, перебилъ первый.

— Я думаю, когда теперь все перешло къ ней одной—а у покойнаго, кто жь этого не знаетъ? состояніе было огромное: старикъ съумѣлъ нажить порядочную деньгý...

— А ты знакомъ съ нею? спросилъ первый какъ-то двусмысленно.

— Да кто жь не знаетъ ее въ Москвѣ? развѣ только одинъ ты, потому еще новичокъ здѣсь, замѣтилъ, улыбнувшись, тотъ, къ кому относился этотъ вопросъ. — Впрочемъ...

И съ этимъ словомъ пріятели усѣлись на пролеткѣ и поѣхали домой, не располагая вовсе справлять, по приглашенію вдовы, съѣстную и питейную тризну о новопреставльшемся бол延ринѣ.

Мало-по-малу всѣ кареты, коляски, дрожки и фаэтоны разъѣхались; оставалась у монастырскихъ воротъ одна только извощичья четырехмѣстная карета, нанятая распорядителемъ похоронъ собственно для женской прислуги, бывшей въ домѣ покойнаго. Около этой кареты суетились теперь четыре пожилыя женщины, спѣша наперерывъ одна передъ другою влѣзть поскорѣе въ карету. Всѣ онѣ, для полноты погребальнаго парада, были одѣты въ лоснившихся и шуршавшихъ платьяхъ изъ чернаго коленкора и въ шерстяныхъ платкахъ такого же цвѣта, обшитыхъ широкими плёрезами.

— Куда жь она-то, негодница, запропастилась? Развѣ мы будемъ ждать ее здѣсь до вечера цѣлый день? говорила съ сильнымъ неудовольствіемъ одна изъ женщинъ, бывшая повидимому старшею среди всей прислуги.

— А кто ее знаетъ, куда она дѣлась? Въ церкви всю обѣдню простояла въ концѣ у самаго входа, одна-одинёшенька въ сторонкѣ отъ всѣхъ, а потомъ, какъ мы вышли, такъ и онà поплелась позади насъ на кладбище, говорила товàрка ворчавшей бабѣ: — а тамъ ее я больше ужь и не видала.

— Сбѣгай-ка, Варварушка, да посмотри, не за оградой ли она, подхватила третья.

Варвара, съ виду младшая изъ бабъ, болтавшихъ около кареты, пустилась бѣгомъ въ монастырскія ворота.

— Что жь ты нейдешь, Анюта? рѣзко крикнула она, увидѣвъ наконецъ издали ту, за которой ее послали.

Аннушка стояла въ это время на колѣняхъ подлѣ свѣжей могилы и молилась съ тою безъискусственною простотою и съ тѣмъ временнымъ забвеніемъ всего окружавшаго, которыми отличается искренняя, задушевная молитва.

Услышавъ, что ее зовутъ, она вздрогнула, быстро поднялась съ колѣнъ и, дѣлая маленькіе, невѣрные шаги, едва поспѣвала за бѣжавшей передъ нею женщиной. Выходя изъ монастырскихъ воротъ, она обернулась назадъ, чтобы еще разъ взглянуть на оставленную ею могилу.

Аннушка была съ виду дѣвушка лѣтъ тринадцати-четырнадцати и, какъ казалось, была однимъ изъ тѣхъ запуганныхъ, беззащитныхъ и робкихъ созданій, которыя, при первомъ взглядѣ на нихъ, возбуждаютъ жалость и участіе въ сердцѣ каждаго, хоть нѣсколько-сострадательнаго человѣка. Блѣдное лицо Аннушки съ грустными, карими, а теперь еще и заплаканными глазами и тоненькими, правильными чертами, было привлекательно въ-особенности кротостью и добротою своего выраженія. Темно-каштановые волосы, съ легкимъ золотистымъ отливомъ, мягко выбивались изъ-подъ накинутаго на ея голову старенькаго шерстянаго платка чернаго цвѣта съ узенькой сѣроватой каемкой. Платокъ этотъ, подшпиленный у подбородка, какъ будто обрамливалъ ея личико и придавалъ ему видъ хорошенькой головки, нарисованной искусною кистью на темномъ фонѣ. Узенькое, короткое и поношенное платье Аннушки изъ грубаго чернаго камлота, ея порыжѣлые и разношенные козловые полусапожки, а также болѣзненность и вялость показывали, что за этой дѣвушкой, имѣвшей столько задатковъ для красоты и женственной нѣжности, не было теперь никакого ухода.

— Что̀ жь ты ждать себя заста̀вляешь? крикнула грубо одна изъ женщинъ на подбѣгавшую изо всѣхъ силъ Аннушку.

— Али барыня ты, что̀ ли какая, что стала такъ чваниться, нейдешь по цѣлымъ часамъ? подхватила другая, нисколько не ласковѣе первой.

— Нюнить-то по пустому нѣчего: все-равно не вернешь

его... сказала третья какъ-будто снисходительнѣе. Лѣзь поскорѣе сюда, да только, смотри, поосторожнѣе, а то всю меня перемнешь, потомъ ни на чорта не буду похожа, добавила она, бережно подбирая свое коленкоровое платье, которое шумѣло какъ писчая бумага, и неохотно пуская въ карету растерявшуюся дѣвушку.

Аннушка робко и осторожно усѣлась на отведенномъ ей мѣстѣ, не смѣя пошевельнуться. Опустивъ внизъ заплаканные глаза, она не отвѣчала ни слова на грубыя замѣчанія, которыми ее осыпали.

Когда всѣ усѣлись въ карету, извощикъ со всего размаха захлопнулъ плохо-запиравшуюся дверцу, потомъ изо всей мочи ударилъ въ нее ногой и затѣмъ сталъ взбираться на козлы, ворча, что его такъ долго продержали.

Карета тронулась.

II.

Чрезъ нѣсколько времени надъ той могилой, надъ которой молилась и плакала Аннушка, былъ поставленъ великолѣпный памятникъ: большая четырехгранная пирамида, осѣненная наверху ярко-вызолоченнымъ крестомъ, высоко поднималась изъ-за узорчатой чугунной ограды. На лицевой сторонѣ памятника блисталъ отлитый изъ бронзы гербъ, выслуженный покойнымъ; подъ короной, мантіей и шлемомъ, которыхъ, впрочемъ, не носилъ никогда самъ покойникъ и которыхъ, по всей вѣроятности, не носили также и его предки, виднѣлись звѣзды, ленты и ордена, дѣйствительно украшавшіе покойнаго при концѣ его земнаго поприща. Въ верхнемъ полѣ гербоваго щита помѣщалась лисица, стоявшая на заднихъ лапахъ и державшая въ переднихъ колесо; голова лисицы украшалась лавровымъ вѣнкомъ. Въ нижнемъ полѣ изображенъ былъ журавль, стоявшій на одной ногѣ, а въ другой державшій камень. Эти гиральдическія эмблемы, по принятымъ въ геральдикѣ правиламъ, свидѣтельствовали о разумѣ и бдительности покойнаго во всякое время, а также должны были научать нисходившее отъ него потомство, что благоразуміе имѣетъ въ своей власти колесо фортуны и что на долю его достаются побѣдные вѣнки, если къ разуму прибавляется еще та бдительность, которою, по народному повѣрью, отличаются сторожевые журавли. Гербъ на памятникѣ добавлялся двумя крестообразно-сложенными подъ щитомъ пушками, а так-

же поставленными подлѣ нихъ пирамидами изъ ядеръ, которыми, впрочемъ, покойникъ не металъ никогда въ враговъ отечества и подъ которыя онъ тоже не подставлялъ самого себя ни разу. Такой избытокъ суетныхъ украшеній, отдалявшихся отъ истины, по всей вѣроятности, былъ допущенъ монументнымъ мастеромъ только изъ желанія какъ-можно-полнѣе удовлетворить тщеславію лицъ, родственныхъ умершему.

Находившаяся подъ гербомъ надпись гласила, что здѣсь покоится тѣло такого и такого-то, съ исчисленіемъ всѣхъ его орденовъ по ихъ степенямъ и послѣдовательнымъ разрядамъ. Изъ надписи было видно, что подъ этой горделивой пирамидой, сооруженной неутѣшною вдовою, улегся на отдыхъ, послѣ жизни, полезной государю и отечеству, впредь до призывной ангельской трубы, рабъ божій Даніилъ Кирилловичъ Крушихинъ. Одна изъ надписей возвѣщала, что память вѣчная будетъ праведнымъ, а другая сообщала, что сотворшіе благая изыдутъ въ воскресеніе живота. Само-собою разумѣется, что эти утѣшительныя слова примѣнялись къ тому, надъ кѣмъ возвышался памятникъ.

Несмотря на свою пышность, памятникъ этотъ не носилъ, однако, слѣдовъ той нѣжной и мелочной, но вмѣстѣ съ тѣмъ и той понятной заботливости, посредствомъ которой обыкновенно хотятъ заглушить въ своемъ сердцѣ скорбь объ отшедшемъ въ вѣчность люди, бывшіе близкими къ нему по чувствамъ, а не по какимъ-либо разсчетамъ и обыденнымъ отношеніямъ. На могилу Крушихина никто не ставилъ цвѣтовъ — этихъ мимолетныхъ свидѣтелей молитвы и слезъ, повторяющихся порою надъ незабытой еще могилой. Ничья дружеская рука не вѣшала на крестъ богатаго памятника вѣнковъ ни изъ пышныхъ цвѣтовъ, ни изъ скромныхъ иммортелекъ. Никто никогда не подходилъ въ грустномъ раздумьѣ къ чугунной рѣшеткѣ этого памятника ни въ тѣ дни, когда, среди лѣтняго зноя, высокая береза такъ привѣтливо шумѣла надъ нимъ своими зелеными и густыми вѣтвями; никто не шелъ къ этому памятнику и въ ту пору, когда зимнія вьюги заносили къ нему тропинку глубокимъ снѣгомъ, или когда позднею осенью засыпали ее сухіе желтые листья, падавшіе на землю съ печальнымъ шелестомъ между обнажавшимися вѣтвями. По всему видно было, что одно только тщеславіе соорудило этотъ памятникъ и что онъ потомъ былъ забытъ совершенно. Дѣйствительно, молитва Аннушки была послѣднимъ воспоминаніемъ о Крушихинѣ надъ его могилой.

Данило Кирилловичъ, по фамиліи Крушихинъ, или, собственно по отцовскому прозванію, Крушиха, родился въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, на бѣдномъ малороссійскомъ хуторѣ. Родители его, какъ говорится въ Малороссіи, были люди посполитые, то-есть простые поселяне. Рѣшимость и предпріимчивость, свойственныя казачеству вообще, соединялись въ Данилѣ Кирилловичѣ, съ тѣми умственными, и тонкими и искательными способностями, которыми встарину отличались малороссійскіе приказные и которыя, развиваясь при благопріятныхъ обстоятельствахъ, нерѣдко обращались въ замѣчательные умы, когда нѣкоторымъ изъ земляковъ Данилы Кирилловича удавалось достигать важныхъ постовъ на службѣ. Вслѣдствіе этихъ природныхъ качествъ Крушихина, приложенныхъ Даниломъ Кирилловичемъ къ практической жизни, онъ дошелъ до высокаго чиновнаго почета и успѣлъ пріобрѣсти огромное состояніе.

Учась среди самой плачевной нищеты въ одномъ изъ духовныхъ малороссійскихъ училищъ, Крушиха какъ-то случайно подвернулся одному изъ тамошнихъ богатыхъ пановъ. Бойкій, расторопный и способный хлопецъ понравился добросердечному пану, и онъ началъ учить Крушиху на свой счетъ вмѣстѣ съ своими дѣтьми, намѣреваясь впослѣдствіи сдѣлать изъ него хорошаго и преданнаго управляющаго въ своихъ обширныхъ помѣстьяхъ. Уѣзжая однажды по дѣламъ въ Петербургъ, панъ взялъ туда съ собою и Крушиху; послѣдній вскорѣ осмотрѣлся на томъ мѣстѣ, куда онъ попалъ вовсе неожиданно и смекнулъ, что, оставшись въ Петербургѣ, онъ можетъ современемъ повести здѣсь свои дѣла несравненно-удачнѣе, нежели живя на своей лѣнивой, полусонной родинѣ.

Восьмнадцатилѣтній мальчикъ, при содѣйствіи своего покровителя, имѣвшаго въ Петербургѣ большія связи, былъ принятъ въ гражданскую службу—правда, сперва на самую незамѣтную должность, и при производствѣ въ первый чинъ онъ, слѣдуя обычаю многихъ изъ своихъ земляковъ, Богъ-вѣсть почему отрекавшихся отъ ихъ честной народности, перемѣнилъ свое прозвище на великорусскій ладъ и сталъ называться съ-тѣхъ-поръ Крушихинымъ. Поселившись въ Петербургѣ, Данило Кирилловичъ началъ стараться о томъ, какъ бы отвыкнуть отъ своего хохлацкаго произношенія и, послѣ долгихъ усилій, достигъ наконецъ того, что перестаlъ говорить «ми», «ви», «пиль», «били», «кныги» вмѣсто мы, вы, пыль, были, книги и т. д., и только иногда, въ припадкахъ

сильной горячности, онъ принимался объясняться на своемъ родномъ нарѣчіи, но и отъ этого онъ отвыкъ совершенно по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ.

Служба какъ-нельзя-болѣе посчастливилась Крушихину: усидчивый, терпѣливый и чрезвычайно-вкрадчивый, онъ успѣвалъ понравиться всюду, куда только втирался однажды. Онъ велъ себя такъ осторожно и такъ благоразумно, что на него вездѣ смотрѣли какъ на умнаго, исполнительнаго, послушнаго и честнаго человѣка. Данило Кирилловичъ, вслѣдствіе этого, постоянно пользовался благосклонностью разныхъ вліятельныхъ лицъ, къ которымъ успѣлъ всегда втереться какимъ-нибудь путемъ, обойдя, въ случаѣ надобности, близкихъ, незначительныхъ своихъ начальниковъ. Лица эти, познакомясь съ Крушихинымъ, находили въ немъ множество достоинствъ и нерѣдко дѣлались заботливыми его покровителями, и съ помощью ихъ Крушихинъ всегда попадалъ на службу въ такія блаженныя вѣдомства, гдѣ въ ту пору нетрудно было нажиться и самому простоватому человѣку, а не только такому тонкому и сметливому дѣльцу, какимъ былъ Данило Кириловичъ. Откупныя, провіантскія, коммиссаріатскія, соленыя и золотопромышленныя операціи въ размѣрахъ весьма-огромныхъ проходили во множествѣ черезъ руки Крушихина, который, ловко заправляя каждымъ дѣломъ, предоставлялъ своему начальнику только подписывать бумаги, а самъ, между-тѣмъ, пожиналъ въ изобиліи плоды своихъ трудовъ и своей сметливости, болѣе же всего своей недобросовѣстности.

Достигнувъ такимъ образомъ довольно-порядочнаго чина, подобострастный и покорный до того времени Крушихинъ принялся дѣйствовать нѣсколько-иначе, нежели дѣйствовалъ прежде. Съ чрезвычайною хитростью, но повидимому съ безпредѣльною преданностью къ тѣмъ, въ комъ нуждался до времени, Крушихинъ сталъ подводить подъ отвѣтственность своихъ добрыхъ, легковѣрныхъ начальниковъ. Онъ искусно пріискивалъ имъ враговъ въ высшихъ инстанціяхъ, ссорилъ ихъ исподтишка съ вліятельными лицами, выдавая ихъ, въ случаѣ надобности, ихъ недоброжелателямъ, и нѣсколько разъ кончалъ свои пронырства и интриги тѣмъ, что начальникъ принужденъ былъ оставить, по непріятностямъ, свой постъ, а его подчиненный, успѣвавшій подкопаться подъ него, садился на мѣсто столкнутаго лица. Чтобъ лучше охарактеризовать Крушихина, нужно прибавить, что въ числѣ лицъ, потерпѣвшихъ отъ его искательствъ и предательства, были и

такія, которыхъ онъ, по совѣсти, долженъ былъ считать своими благодѣтелями. Правда, впрочемъ, и то, что нѣкоторые люди, понимавшіе дѣло и успѣвавшіе узнать хорошенько смѣлаго пройдоху, не разъ готовились упрятать Крушихина подъ уголовный судъ за его продѣлки; однако онъ успѣвалъ не только ускользать отъ сбиравшейся надъ нимъ напасти, но и такъ ловко умѣлъ поворачивать затѣянное противъ него дѣло, что вся бѣда, приготовленная ему, обрушивалась нерѣдко на главныхъ его недоброжелателей.

Съ совѣстью, обремененной многими тяжелыми грѣхами, но и съ набивавшимся все болѣе-и-болѣе карманомъ, Данило Кирилловичъ почти съ каждымъ годомъ восходилъ въ-теченіе своей долголѣтней жизни все выше-и-выше по лѣстницѣ чиновной іерархіи.

Представительная наружность Крушихина не мало содѣйствовало скорому его возвышенію на службѣ. Своею внѣшностью онъ производилъ съ перваго раза весьма-благопріятное для себя впечатлѣніе на каждаго, къ кому онъ являлся, а искательный, смѣлый умъ Данила Кирилловича довершалъ впослѣдствіи и все остальное. На старости же лѣтъ Крушихинъ, украшенный звѣздами и лентами, съ кудрями, убѣленными сѣдиною, при своей величавой осанкѣ и горделивой поступи, большомъ, открытомъ лбѣ, черныхъ, выразительныхъ глазахъ и тонкихъ губахъ, на которыхъ почти-всегда мелькала хитрость, но вмѣстѣ съ тѣмъ и пріятная улыбка, казался настоящимъ типомъ знатнаго, чистокровнаго барина для тѣхъ, кто не зналъ ничего о его прошедшемъ.

Внѣшняя жизнь Крушихина была и дѣятельна и имѣла нѣсколько цѣлей; но за-то его сердечная жизнь была проста и не хранила никакихъ особыхъ воспоминаній. Постоянно-мучимый и честолюбіемъ и алчностью къ деньгамъ, Крушихинъ какъ-будто не имѣлъ никогда времени для того, чтобъ полюбить какую-нибудь женщину и привязаться къ ней; онъ не успѣлъ даже влюбиться ни разу, и только на пятидесятомъ году жизни, далеко уже ушедшій на службѣ, Крушихинъ женился по разсчету на горбатой и больной дѣвушкѣ, дочери и единственной наслѣдницѣ какого-то умершаго мильйонера. Жена прожила съ Даниломъ Кирилловичемъ съ небольшимъ четыре года, и въ этотъ промежутокъ времени сметливый Крушихинъ успѣлъ расположить ее къ

себѣ до такой степени, что она, при своей смерти, завѣщала одному ему все свое огромное состояніе.

Смѣло взглянулъ теперь Крушихинъ въ глаза всѣмъ своимъ недоброжелателямъ, поговаривавшимъ до той поры довольно-громко, что разжившійся нечестными способами Данило Кирилловичъ сбирался уже купить на благопріобрѣтенныя имъ деньги весьма-значительное имѣніе. Теперь этой молвы ему нѣчего было бояться: всѣ очень-хорошо знали, что онъ сдѣлался богачомъ по завѣщанію своей жены, и Крушихинъ, возбуждая еще болѣе желчи въ своихъ недругахъ, совершилъ купчую на дорого-стоившее имѣніе и въ то же время отстроилъ въ Петербургѣ огромный каменный домъ, не тронувъ, однако, для пріобрѣтенія всего этого капитала, завѣщаннаго ему женою, но обойдясь своими собственными средствами, нажитыми имъ еще прежде женитьбы.

Данило Кирилловичъ, нѣкогда совершенно-ничтожный и долго-перебивавшійся въ страшной нуждѣ, зажилъ теперь въ почетѣ и въ довольствѣ; но среди тѣхъ благъ, которыми пользовался Крушихинъ, онъ грустилъ порою о своемъ одиночествѣ. Данило Кирилловичъ чувствовалъ, что ему не достаётъ чего-то въ его, повидимому, такъ посчастливившейся жизни; онъ съ горестью сознавалъ, что у него не было и нѣтъ никакой сердечной привязанности, и ему было тяжело при этомъ сознаніи. Онъ не видѣлъ около себя никого, кто бы ухаживалъ за его старостью и кого бы онъ могъ любить за эти заботы. Сердце Крушихина просило теперь изъ старческаго эгоизма той отрады, которой онъ не извѣдалъ въ молодости. Уже слишкомъ-поздно приходилось Данилу Кирилловичу гоняться за тѣмъ, что́ невозвратимо ускользнуло отъ него въ былые, бодрые годы его жизни.

При своей настоящей обстановкѣ Крушихинъ могъ надѣяться на самую утѣшительную партію. Еслибъ онъ былъ старый сластолюбецъ, то легко бы могъ взять себѣ въ жены, какъ въ наложницы, молодую, но бѣдную красавицу. Богатому и, въ добавокъ, знатному старику нетрудно было имѣть неразлучной своей подругой самое обворожительное созданіе. Безъ сомнѣнія, нашлось бы немало красавицъ, которыя охотно продали бы свою дѣвическую свободу богатому и сановному супругу; безъ сомнѣнія, нашлось бы много и такихъ родителей, которые всѣми силами постарались бы устроить бракъ своей дочери-красавицы съ такимъ выгоднымъ женихомъ, какимъ былъ Крушихинъ, хотя бы бракъ этотъ и былъ противъ желанія молодой дѣвушки.

Еслибъ Данило Кирилловичъ, вышедшій самъ изъ темнаго ничтожества и втайнѣ мучимый этимъ на высотѣ чиновъ и богатства, пожелалъ слить начатый имъ дворянскій родъ Крушихиныхъ съ знаменитыми историческими родами русской земли, то конечно онъ успѣлъ бы и въ этомъ. Окруженный богатой обстановкой и выдвинутый на верхъ своею личною знатностью, Крушихинъ могъ смѣло предложить свою руку не только убогимъ представительницамъ древнихъ боярскихъ родовъ, но и обнищавшимъ княжнамъ рюриковой, гедиминовой и чингисхановой крови, живущимъ всегда въ достаточномъ количествѣ на уединенномъ Замоскворѣчьѣ въ ожиданіи подобныхъ тщеславныхъ жениховъ.

Но Крушихинъ былъ благоразуменъ и остороженъ. Холодность, перемѣшанная съ мелкими страстями, честолюбивыми стремленіями и корыстными разсчетами, еще на первой, самой кипучей порѣ жизни усыпила въ немъ всѣ пламенные, юношескіе порывы. Еще въ молодости смотрѣлъ онъ на прелесть женщины съ равнодушіемъ, доходившимъ почти до невозмутимаго безстрастія; чины, власть и деньги были предметами его любви и его исканій, а теперь, подъ-старость, онъ считалъ уже излишнею и даже тревожною прихотью имѣть молодую красавицу на своемъ супружескомъ ложѣ. Кромѣ того, ревность и опасеніе за цѣломудріе вѣтренной подруги и за возможность ея искушенія какимъ-нибудь смѣлымъ и счастливымъ волокитой, были страшными и мучительными призраками въ воображеніи подозрительнаго старика. Крушихинъ никогда не могъ любить женщину отъ все го сердца, но чувствовалъ себя способнымъ ревновать молоденькую и хорошенькую жену къ кому бы то ни было, и притомъ не изъ пламенной страсти, на что̀ бываетъ способна и довѣрчивая даже молодость, но, просто, изъ собственнаго эгоизма, этого главнаго побужденія въ человѣческой жизни, въ ту пору, когда она уже склоняется къ своему закату.

Въ-отношеніи къ крови своего потомства, Крушихинъ, какъ умный и, сверхъ-того, положительный человѣкъ, отличался похвальнымъ и благоразумнымъ равнодушіемъ и тѣмъ рѣзко разнился отъ подобныхъ ему выскочекъ, которые спѣшатъ прежде всего примкнуть какъ-нибудь къ знатной, или титулованной роднѣ.

Заботясь преимущественно о своей спокойной старости, которой угрожало совершенное одиночество, Крушихинъ искалъ себѣ вѣрную и покорную подругу не среди красивыхъ и знатныхъ дѣвушекъ. Онъ сознавалъ, что жена, взятая имъ изъ среды пер-

выхъ, будетъ ему въ тягость; что онъ, быть-можетъ, даже и напрасно, но истомитъ себя ревностью, и что другая не внесетъ къ нему въ домъ ничего, кромѣ чопорнаго чванства и родовой спѣси. Кромѣ-того, Данило Кирилловичъ, довольный своей личной знатностью, считалъ излишнимъ увеличивать ее родствомъ съ какою-нибудь древней фамиліею.

Совершенно иначе думалъ Крушихинъ успокоить остатокъ своей старческой жизни.

III.

Около той поры, когда въ Малороссіи явился на свѣтъ божій Данило Кирилловичъ Крушихинъ, умеръ въ своей богатой усадьбѣ генерал-аншефъ Борисъ Ивановичъ Басанинъ. Изъ простаго лейб-кампанца императрицы Елизаветы Петровны Басанинъ, покровительствуемый одно время благоволившею къ нему судьбою, неожиданно и быстро достигъ высокихъ почестей и получилъ огромныя помѣстья въ двухъ примосковскихъ губерніяхъ. Впослѣдствіи, однако, Басанинъ подвергся опалѣ; о причинѣ ея толковали весьма-различно; но, кáкъ бы то ни было, онъ принужденъ былъ удалиться на житье въ одну изъ пожалованныхъ ему деревень. Здѣсь, обстроивъ великолѣпно свою резиденцію, онъ провелъ слишкомъ двадцать лѣтъ, окруженный раболѣпствомъ и полудикою пышностью, которою онъ прельщался вслѣдствіе своего необразованія, и которою могъ безъ труда наслаждаться при внезапно-пришедшемъ къ нему огромномъ богатствѣ.

Избалованный рѣдкимъ, хотя и непродолжительнымъ счастьемъ, Басанинъ представлялъ замѣчательный типъ надменнаго выскочки прошлаго вѣка. Не имѣя за собою никакихъ дѣйствительныхъ заслугъ, обязанный всѣмъ только слѣпому случаю и даже достигшій полнаго генеральскаго чина, не побывавъ ни разу не только въ сраженіи, но и въ походѣ, Басанинъ считалъ себя, однако, заслуженнымъ вельможею и не думалъ вовсе различать удачу отъ честныхъ трудовъ и истинныхъ заслугъ передъ родиной. Какъ человѣкъ ограниченнаго ума и, притомъ, вовсе не мягкаго сердца, онъ послѣ своего возвышенія зазнался чрезвычайно и сдѣлался наглъ и высокомѣренъ. Паденіе только ожесточило Басанина, не смиривъ вовсе его гордыни. Его отношенія къ независѣвшимъ отъ него, но только почему-

либо низшимъ противъ него лицамъ, были полны дерзости и презрѣнія, а обращеніе его съ людьми ему подвластными отличалось какимъ-то звѣрствомъ, доставлявшимъ ему удовольствіе. Въ своемъ околоткѣ Басанинъ былъ опасный сосѣдъ. Порою онъ расправлялся самъ, при помощи нагайки, съ небогатыми помѣщиками и ихъ крестьянами, порою тягался въ судахъ съ мелкопомѣстными владѣльцами изъ-за вздора, даже очень-часто по однѣмъ только причудамъ, и, какъ богатый и знатный баринъ, одолѣвалъ всегда своихъ слабыхъ противниковъ и выигрывалъ самыя неправильныя тяжбы въ обиду и въ ущербъ беззащитнымъ бѣднякамъ. На него же самого не было никакой управы въ мѣстныхъ судахъ, боявшихся его генерал-аншефскаго чина. Нерѣдко случалось, что онъ доводилъ непонравившихся ему сосѣдей своими тяжбами до совершеннаго разоренія, насмѣхался надъ ихъ жалкою участью, оскорблялъ ихъ лично и грозилъ, что имъ отъ него будетъ еще хуже, и что, если онъ только захочетъ, то запрячетъ ихъ въ острогъ, а пожалуй и въ Сибирь. Только униженіемъ и раболѣпствомъ можно было заискать нѣкоторое, и то неслишкомъ-прочное, расположеніе Басанина. Помѣстьями своими онъ управлялъ безъ малѣйшаго вниманія и состраданія къ человѣческой долѣ. Тяжелые поборы и самая крутая расправа постоянно тяготѣли надъ его разоренной вотчиной, и далеко расходилась молва о безпощадности и жестокости стараго барина. Послѣ своей смерти, онъ долго еще жилъ во всемъ околоткѣ по разсказамъ, возбуждавшимъ ужасъ и отвращеніе къ его имени.

Огромное имѣніе Басанина — доходы съ котораго въ-теченіе почти сорока лѣтъ шли единственно на удовлетвореніе нескончаемыхъ причудъ и прихотливыхъ затѣй самодура-помѣщика — раздѣлилось, по смерти его, между шестью сыновьями и тремя дочерьми. Впрочемъ, несмотря на такой раздѣлъ, сыновья его были люди очень-богатые по числу душъ, доставшихся имъ отъ отца. Но имѣніе Басанина не долго повелось въ его родѣ. Сыновья его, слѣдуя образу жизни своего родителя, еще болѣе разстроили перешедшія къ нимъ доли наслѣдственнаго имѣнія. Старшій изъ нихъ, безпутнѣе прочихъ братьевъ, проживавшій свое наслѣдство и убавившій его продажею, оставилъ послѣ себя множество сыновей, такъ-что по его линіи, нѣкоторые внуки надменнаго Бориса Ивановича были уже мелкопомѣстными владѣльцами, а одинъ изъ нихъ, Ѳедоръ Григорьевичъ, которому послѣ всѣхъ раздѣловъ и убавленій дѣдовскаго имѣнія, доста-

лось всего тридцать душъ, принужденъ былъ жить очень-скромно въ своей маленькой деревенькѣ, среди постоянныхъ недостатковъ.

Ѳедоръ Григорьевичъ былъ женатъ на бѣдной, но скромной и доброй женщинѣ. Она умерла въ молодыхъ еще годахъ, оставивъ одного только сына, Юрія, а спустя съ небольшимъ пять лѣтъ послѣ смерти жены, утонулъ Ѳедоръ Григорьевичъ, захотѣвшій однажды позднимъ осеннимъ вечеромъ, не столько по необходимости, сколько изъ упрямства, переѣхать въ тяжелыхъ дорожныхъ саняхъ черезъ рѣку, только-что покрывшуюся въ то время льдомъ. По смерти отца, Юрій съ своимъ небольшимъ, заложеннымъ и разоренныыъ въ конецъ имѣніемъ остался на попеченіи своей тётки по матери, женщины чрезвычайно-набожной и бывшей годами четырнадцатью постарше своей покойной сестры, жены Басанина.

Агриппина Петровна Туренина, тётка Юрія, выросла въ богатомъ домѣ и потомъ вышла замужъ за человѣка, имѣвшаго повидимому значительное, въ-сущности же, разстроенное состояніе. Послѣ смерти мужа, бездѣтной вдовѣ, за отходомъ къ родственникамъ Туренина его родоваго имѣнія, досталось весьма-мало средствъ для поддержанія такого образа жизни, къ которому привыкла Агриппина Петровна. Скорбь о Васильѣ Никитичѣ, котораго она искренно любила, и печальное положеніе домашнихъ дѣлъ обратили Агриппину Петровну къ искренней набожности, которая, впрочемъ, впослѣдствіи стала переходить мало-по-малу въ ханжество, достигшее наконецъ крайнихъ предѣловъ. Несмотря на свое ограниченное состояніе, она охотно дала пріютъ въ своемъ домѣ одинокому сиротѣ, совершенно-брошенному на произволъ судьбы его роднею съ отцовской стороны. Съ неусыпною заботливостью принялась Агриппина Петровна воспитывать маленькаго племянника въ своемъ духѣ. Воспитаніе Юрія, подъ надзоромъ тётки, имѣло какое-то странное, мистическое направленіе. Надобно сказать, что Туренина была чрезвычайно привязана къ своей покойной сестрѣ и, будучи значительно-старше ея годами, Агриппина Петровна считала себя какъ-бы ея матерью. Сестра Агриппины Петровны была выдана замужъ за Басанина своими родителями противъ воли, и много вытерпѣла она горя въ своемъ неудавшемся супружествѣ. Туренина смотрѣла на свою младшую сестру, какъ на мученицу, совершенно-безвинно страдавшую всю жизнь отъ придирокъ и вспыльчивости крутаго и самовластнаго мужа. Она считала даже

Өедора Григорьевича, и не безъ причины, виновникомъ преждевременной смерти своей сестры, потому-что онъ не только медленно убивалъ ея безпрестанными огорченіями, но и обходился съ нею безжалостно и грубо, даже тотчасъ послѣ ея родовъ, и однажды въ это время, разсердившись на свою жену изъ-за вздора, онъ довелъ бѣдную женщину до жестокаго припадка, послѣ котораго она не прожила и четырехъ дней.

Агриппина Петровна не щадила памяти отца передъ выроставшимъ сыномъ. Она была ожесточена противъ покойнаго Басанина, въ которомъ видѣла почти настоящаго убійцу своей несчастной сестры и который при своей жизни безпрестанно ссорясь съ женою, мѣшалъ въ эти ссоры Туренину, ея заступницу, и, вслѣдствіе этого, дѣлалъ Агриппинѣ Петровнѣ частыя оскорбленія и большія неудовольствія. Одинокій мальчикъ былъ привязанъ къ пріютившей его тёткѣ, какъ къ родной матери; онъ вѣрилъ ей во всемъ безусловно, а между-тѣмъ, она постоянно твердила ему, что отецъ его былъ человѣкъ жестокій, что онъ былъ просто злодѣй, такъ-какъ онъ свелъ въ могилу свою жену, и что Господь Богъ справедливо наказалъ его за это, не допустивъ покаяться передъ смертью. Затронувъ Өедора Григорьевича, Туренина обыкновенно переходила отъ него и къ дѣду и къ прадѣду Юрія и въ самыхъ мрачныхъ краскахъ выставляла ихъ всѣхъ передъ маленькимъ Басанинымъ. Съ полною достовѣрностью передавала она Юрію глухо-ходившую въ околоткѣ молву о томъ, будто-бы Борисъ Ивановичъ Басанинъ убилъ какую-то женщину и потомъ, однажды напоивъ до безпамятства нѣсколько человѣкъ, сжегъ ихъ въ банѣ, боясь, что они, зная всѣ его преступленія, могутъ какъ-нибудь донести на него. По всей вѣроятности, происшествіе это было пустая выдумка, но оно могло казаться весьма-сбыточнымъ для тѣхъ, кто зналъ жестокое сердце старика Басанина, или кто слышалъ другіе, вполнѣ-достовѣрные о немъ разсказы, недалеко-уходившіе отъ подобнаго злодѣйства.

Съ ужасомъ слушалъ мальчикъ страшныя преданія о своемъ прадѣдѣ.

Дѣдъ Юрія, Григорій Борисовичъ Басанинъ, по словамъ Агриппины Петроны, былъ тоже человѣкъ жестокій сердцемъ и, кромѣ-того, ужасный грѣшникъ, небоявшійся Бога и нестыдившійся людей.

— Вѣдь и дѣдушка-то твой былъ похожъ на своего отца, да и

умиралъ же онъ въ жестокихъ мукахъ; цѣлые три дня не могъ скончаться: душа его не отлетала, и во все это время смерть стояла у него въ головахъ... Ему представлялись страшныя видѣнія: около него собирались мертвецы; одинъ изъ нихъ грозилъ ему пальцемъ, другой хотѣлъ надѣть на него саванъ, а третій показывалъ ему вырытую для него могилу... Его грѣшная душа начала мучиться еще прежде смерти, говорила Туренина своему племяннику голосомъ, въ которомъ было что-то таинственное, пугавшее боязливое воображеніе дитяти.

Подобные страшные разсказы тётки чрезвычайно дѣйствовали на впечатлительнаго мальчика. Наружность ея довершала то тяжелое ощущеніе, которое производили на Юрія слова Агриппины Петровны. Туренина была въ это время женщина лѣтъ за сорокъ слишкомъ, высокая, сухая, съ глубоко-впалыми черными глазами; ея блѣдное, болѣзненное лицо со втянутыми щеками и продолговатымъ, тонкимъ носомъ и стиснутыми губами, напоминало лицо мертвеца. Трудно было смотрѣть на эту женщину, не ощущая подавляющей ее безотчетной тоски: отъ нея какъ-будто вѣяло могилой, и она невольно заставляла вспомнить каждаго о послѣднихъ минутахъ человѣка, наступившихъ для него послѣ жестокихъ страданій. Въ тихомъ, неровномъ голосѣ Турениной отзывалось что-то грустное, что-то зловѣщее. Ея медленныя движенія, таинственный складъ ея рѣчи, рѣдко оканчиваемой вполнѣ, и тусклый, но вмѣстѣ съ тѣмъ и проницательный взглядъ усиливали еще болѣе то тягостное чувство, которое нагоняла собою эта женщина даже на самаго невпечатлительнаго человѣка. Неожиданное, благоговѣйное нашептываніе молитвы, внезапный, восторженный взглядъ на небо, съ глазами полными слезъ и непонятный, слѣдовавшій за тѣмъ едва-слышный разговоръ съ самой-собою, придавали Турениной особенную странность, заставлявшую тѣхъ, кому иногда приходилось бесѣдовать съ нею, смотрѣть на нее какъ на такое существо, которое живетъ особенною духовною жизнью, непонятною для другихъ.

— Да̀, говорила очень-часто Агриппина Петровна своему племяннику:—тяжелые грѣхи лежатъ на всемъ вашемъ родѣ. Вѣдь, вотъ, твой прадѣдушка былъ и богатъ и знатенъ, а что̀, однако, сталось потомъ?... Покаралъ правосудный Богъ все его потомство за его грѣхи: все богатство его разсѣялось какъ прахъ; ни одинъ изъ сыновей и внуковъ его не былъ счастливъ: кто

застрѣлился, кто сошелъ съ ума, кому въ домашней жизни пришлось испытать много тяжелаго горя, а кто обѣднѣлъ даже до того, что умеръ изъ милости, какъ нищій, въ чужомъ домѣ... А на тебѣ, Юрій, еще болѣе чужихъ грѣховъ, добавляла тётка зловѣщимъ голосомъ, грозя племяннику своимъ костлявымъ пальцомъ:—на тебѣ лежатъ еще грѣхи отцовскіе. Жаль мнѣ тебя: ты пострадаешь за нихъ; Господь не проститъ твоему отцу многаго, а въ-особенности смерти твоей матери: вѣдь, онъ уложилъ ее въ могилу.

Робкій мальчикъ чувствовалъ, какъ обдавалъ его ужасъ при этихъ грозныхъ словахъ; онъ тяжело дышалъ и съ вопрошающимъ взглядомъ смотрѣлъ на тётку, какъ-бы ожидая отъ нея совѣтовъ и утѣшенія.

— Вспомни, что весь родъ человѣческій пострадалъ за грѣхъ одного только человѣка, нашего общаго прародителя, говорила Агриппина Петровна:—а на тебѣ лежатъ еще грѣхи твоего племени... Тебѣ нужно думать только о томъ, ка́къ бы угодить Господу Богу... Повѣрь мнѣ, что ты не призванъ пользоваться жизнью, и родился ты для того только, чтобъ искупить грѣхи близкихъ къ тебѣ людей, такъ-какъ они сами не сподобились очистить ихъ покаяніемъ передъ смертью.

Воспитаніе, которое получалъ Юрій подъ надзоромъ своей тётки, вполнѣ отзывалось на его, и безъ того ужь слабой, натурѣ. Въ немъ болѣе-и-болѣе развивалась безотчетная робость; онъ былъ не увѣренъ въ себѣ и въ самыхъ еще нѣжныхъ годахъ почувствовалъ нелюбовь къ жизни. Съ дѣтства напуганный доводами богобоязненной тётки, онъ былъ убѣжденъ, что для него нѣтъ на землѣ ни утѣхъ, ни радостей, и что онъ долженъ быть очистительной жертвой за грѣхи отца и своихъ прародителей.

Уже въ девятилѣтнемъ ребёнкѣ ясно отражалось навѣянное на него настроеніе духа. Его не манили рѣзвыя дѣтскія игры. Бо́льшую часть дня проводилъ онъ то задумываясь о смерти и о загробной жизни, то лепеча усердныя молитвы, составляемыя имъ самимъ, какъ о своемъ собственномъ избавленіи отъ вѣчныхъ страданій въ геенѣ огненной, такъ и о спасеніи душъ своего отца и всѣхъ своихъ сродниковъ. Если же порою—что́, впрочемъ, случалось чрезвычайно-рѣдко—онъ уступалъ наконецъ влеченію, свойственному его возрасту, и принимался за игры, то и игры его носили постоянно оттѣнокъ мрачныхъ думъ. Обыкно-

венно въ лѣтнюю пору, забившись въ какой-нибудь уголокъ, куда не заглядывали ни люди, ни солнце, онъ копалъ лопаткой могилы, дѣлалъ изъ лучинокъ кресты, втыкалъ ихъ въ землю и устроивалъ такимъ образомъ кладбище, на которомъ послѣ повторялъ заунывнымъ голосомъ похоронные напѣвы, уловленные въ церкви его дѣтскимъ слухомъ.

Умственныя способности Юрія, мальчика отъ природы далеко-неглупаго, но чрезвычайно-раздражительнаго и впечатлительнаго, оставались постоянно въ совершенномъ застоѣ; ничто не раздражало ихъ благотворно, ничто не живило ихъ. Тётка боялась отдать Басанина на воспитаніе въ чужія руки: она съ ужасомъ думала, что въ любимомъ ея питомцѣ погибнутъ всѣ добрыя сѣмена, посѣянныя ею, и что ихъ замѣнятъ грѣховные плевелы нечестія и невѣрія. Надобно, впрочемъ, замѣтить для сама Туренина получила въ родительскомъ домѣ очень-хорошее, для своей поры образованіе; но время, постороннее вліяніе и наконецъ односторонность и ограниченность воззрѣній отняли у нея постепенно все, что̀ было нѣкогда привито въ ней заботливымъ воспитаніемъ. Припоминая старое, Агриппина Петровна принялась кое-какъ сама заниматься съ Юріемъ.

Между-тѣмъ проходилъ незамѣтно годъ за годомъ. Туренина старѣла, а вмѣстѣ съ старостью возрастала ея набожность и усиливались многія ея странности. Агриппиной Петровной началъ мало-по-малу овладѣвать духъ пророчества, къ которому неразвитый умственно Юрій прислушивался и съ боязнью и съ благоговѣніемъ. Смутныя рѣчи тётки сулили ему попрежнему что-то грозное въ замогильной жизни, если только онъ не купитъ ея блаженство добровольнымъ и полнымъ отреченіемъ отъ всѣхъ земныхъ удовольствій и соблазновъ.

Басанину минуло уже шестнадцать лѣтъ, когда Агриппина Петровна, жившая до этого времени очень-скромно въ одномъ изъ самыхъ глухихъ и небольшихъ уѣздныхъ городовъ, захотѣла непремѣнно переѣхать на постоянное житье въ Москву, такъ-какъ тамъ, по словамъ ея, находилось много такого, что̀ должно было сдѣлаться неизсякаемымъ источникомъ ея душевныхъ радостей и сердечныхъ отрадъ въ печальной земной юдоли.

Вмѣстѣ съ тёткой переѣхалъ въ Москву и Басанинъ, и тамъ жизнь его пошла тѣмъ же порядкомъ, какимъ она шла прежде: ежедневная ходьба въ церковь, посѣщеніе монастырей, юродствующихъ и разныхъ лицъ, отличавшихся, по народной молвѣ,

праведною жизнью, были постоянными занятіями Юрія и его тётки. Занятія эти дополнялись поучительными бесѣдами и чтеніемъ душеспасительныхъ книгъ.

Молодой Басанинъ, истомленный въ это время постами, молитвою, внутренними тревогами и поднимавшейся въ немъ борьбою страстей и юношескихъ порывовъ, казался жалкимъ созданіемъ, приближавшимся уже къ могилѣ. Его блѣдное, изнуренное лицо, съ темными, впалыми глазами, которые блуждали дико и боязливо, его неровная, шаткая походка и постоянно-опущенная внизъ голова, придавали ему страдальческій, разслабленный видъ. Рѣчь его, прерываемая очень-часто глубокими, продолжительными вздохами, была отрывиста и неясна, а голосъ дрожалъ болѣзненно и неровно. Застѣнчивость и неловкость въ движеніяхъ доходили у него до поразительной крайности. Если иногда необходимо было ему заговорить съ кѣмъ-нибудь постороннимъ, то онъ терялся, робѣлъ и не зналъ, что̀ отвѣчать, что̀ дѣлать. Смущеніе его увеличивалось еще болѣе въ тѣхъ случаяхъ, когда ему приходилось встрѣчаться съ женщинами, въ-особенности же молодыми и хорошенькими, которыя иногда навѣщали его старую тётку, желая усладить себя ея благочестивою бесѣдою и узнать свое будущее въ ея таинственныхъ прорицаніяхъ. Если только можно было, то смиренный юноша бѣжалъ опрометью отъ посѣтительницъ своей тётки, запирался у себя на ключъ въ комнатѣ и старался тотчасъ же обратить всѣ свои помыслы на одну господствовавшую въ немъ думу о томъ, какъ бы поскорѣе укрыться отъ людей и отъ свѣта въ какой-нибудь пустынной и отдаленной обители. Только мысль, что на немъ лежитъ обязанность заботиться объ одинокой старости своей благодѣтельницы-тётки, удерживала Басанина въ ея домѣ, гдѣ, впрочемъ, все окружавшее его напоминало ему о стремленіи къ безмятежному отшельничеству...

IV.

Слишкомъ двадцать лѣтъ назадъ до того времени, съ котораго начался нашъ разсказъ, въ ту пору, когда была еще въ живыхъ жена Данилы Кирилловича Крушихина, къ ней ходила вышивать въ пяльцахъ миловидная дѣвушка Даша, сирота какого-то бѣднаго приказнаго. Дашѣ въ то время было съ небольшимъ лѣтъ восьмнадцать отъ-роду. Даша не только-что заботливо испол-

няла свои обязанности по работѣ, но и усердно хлопотала около больной и причудливой Крушихиной. Въ-добавокъ къ этому, она постоянно вела себя и скромно и безукоризненно.

Крушихинъ, надобно сказать, не былъ вовсе рожденъ ни для мечтательной любви, ни для глубокой сердечной привязанности; но грѣшные помыслы стали, однако, посѣщать его порою на старости, и онъ въ эти минуты несовсѣмъ-хладнокровно посматривалъ на молодую, статную дѣвушку. Крушихинъ невольно сравнивалъ ее съ своей болѣзненной и горбатой сожительницей и ощущалъ мысленно большую разницу между своей увядшей и безобразной супругой и между свѣженькой и пригожей Дашей. Начало страсти его къ Дашѣ было и очень-просто и очень-понятно.

Однако первая попытка Крушихина искусить молодую дѣвушку была неудачна; но эта неудача со стороны Данилы Кирилловича, неприволакивавшагося ни за кѣмъ во всю свою жизнь, сильно раздражила старика и придала въ глазахъ его молодой дѣвушкѣ еще болѣе чувственной приманки. Злоумышленныя встрѣчи его въ узкомъ корридорѣ съ Дашей были безуспѣшны, такъ-какъ онѣ кончались обыкновенно сердитыми просьбами дѣвушки отвязаться отъ нея и сопровождались съ ея стороны сильнымъ отталкиваніемъ отъ себя льнувшаго къ ней волокиты. Сметливая Даша очень-легко догадалась, что чѣмъ позже она сдастся приставшему къ ней старику, тѣмъ болѣе цѣны будетъ имѣть для него эта сдача, и потому она на каждую попытку Крушихина рѣшительно приволокнуться къ ней отвѣчала твердымъ отпоромъ. Данило Кирилловичъ, незнакомый вовсе съ любовными похожденіями, какъ говорится, врѣзался теперь не на шутку въ догадливую плутовку.

Увлекшійся старикъ со всякимъ днемъ все болѣе-и-болѣе усиливалъ мѣры своихъ заискиваній у стойкой молодой дѣвушки. Онъ задерживалъ ее насильно при каждой встрѣчѣ, торопливо совалъ ей и полуимперіалы и комки ассигнацій то въ руку, то въ карманы платья, и даже за пазуху, но все было напрасно: она швыряла деньги и, отплевываясь, бранила безстыднаго искусителя. Упорство спѣсивой дѣвушки злило и выводило изъ терпѣнія пристрастившагося къ ней Данила Кирилловича. Къ довершенію его досады, Даша захотѣла бросить работу въ его домѣ и грозилась разсказать, на прощаньи, безъ малѣйшей утайки,

женѣ Крушихина истинную причину, по которой она принуждена ее оставить. Крушихинъ понялъ всю непріятность своего положенія, и его встревожила мысль, что, вслѣдствіе разсказа Даши о его продѣлкахъ, у него можетъ произойти разрывъ съ женою, въ то время быстро приближавшейся къ смерти, и что она, чего добраго, узнавъ о его волокитствѣ и невѣрности, лишитъ его того богатства, на которое онъ разсчитывалъ и которое уже провидѣлъ въ близости. Ласки, просьбы и обѣщанія разнаго рода были употреблены Крушихинымъ передъ упрямой дѣвушкой. Даша, понявъ, что страсть къ ней Данила Кирилловича дошла уже до крайнихъ предѣловъ и что дальнѣйшее сопротивленіе не поведетъ ни къ чему, наконецъ поддалась неотступному искусителю.

Между-тѣмъ жена Крушихина умерла около этого времени отъ чахотки, и онъ, послѣ ея смерти, предложилъ Дашѣ остаться въ его домѣ, въ качествѣ экономки. Бойкая дѣвушка смекнула, однако, тотчасъ, въ чемъ было все дѣло, начала отказываться и жеманиться передъ старымъ волокитой. Крушихинъ заговорилъ еще привѣтливѣе, но Даша отвѣчала отказомъ. Тогда Данило Кирилловичъ принялся упрашивать и уговаривать Дашу побыть у него хоть до того времени, пока онъ не пріищетъ другой женщины, которой можно будетъ поручить все хозяйство. Даша, повидимому, приняла неохотно и это предложеніе, сдѣланное ей на весьма-выгодныхъ условіяхъ и притомъ уже въ видѣ просьбы, а не найма. Она повела свои дѣла весьма-благоразумно: гдѣ противорѣчила Крушихину, а гдѣ съ угодливостью приноровлялась къ его малѣйшему капризу, смотря по тому, чего требовали обстоятельства, и такимъ-образомъ мало-по-малу стала дѣлаться полной хозяйкой въ домѣ одинокаго старика. Прежнія ситцевыя платья стали все чаще-и-чаще замѣняться у ней шелковыми; она стала носить и тонкое бѣлье, и корсеты, и шляпки, и лайковыя перчатки, и шали, и дорогіе браслеты. Все это было на первый разъ для Даши диковинками; но постепенно она начала привыкать къ обстановкѣ, различной отъ ея прежняго положенія.

Неимѣвшій около себя никакого общества, кромѣ офиціальнаго знакомства, Крушихинъ все болѣе-и-болѣе сближался съ Дашей въ своемъ домашнемъ одиночествѣ. Его первоначальное расположеніе къ смазливенькой дѣвушкѣ обратилось наконецъ въ неодолимую привычку. Прошло нѣсколько лѣтъ, и старикъ не

могъ ужь пить безъ нея ни утренняго, ни вечерняго чаю; ему было скучно обѣдать безъ Даши.

Минуло еще нѣсколько лѣтъ среди нѣжныхъ отношеній Крушихина къ Дашѣ, или, какъ стали называть ее въ домѣ и прислуга и самъ Данило Кирилловичъ—къ Дарьѣ Семеновнѣ, и Крушихинъ почувствовалъ, что бодрая старость, замѣнявшая нѣкогда полную зрѣлость и умственныхъ и физическихъ силъ, начинаетъ оставлять его мало-по-малу, и что для него наступаетъ уже болѣзненная дряхлость съ усталостью, забывчивостью и той мучительною бездѣятельностью, которая бываетъ такъ невыносима для человѣка, привыкшаго въ-теченіе всей своей жизни и хлопотать и работать. Крушихинъ сталъ обращаться въ брюзгливаго и ничѣмъ недовольнаго старика; онъ увидѣлъ, наконецъ, что достигъ уже на службѣ всего, что только было для него доступно при самыхъ счастливыхъ обстоятельствахъ и о чемъ не смѣлъ онъ даже помышлять при началѣ своей убогой жизни. Съ горестью убѣдился Данило Кирилловичъ, что онъ уже не двинется выше по службѣ ни въ какомъ случаѣ, и при этой мысли стало его еще сильнѣе мучить несовершенно еще успокоившееся честолюбіе.

Наконецъ дряхлый старикъ былъ уволенъ отъ всѣхъ дѣйствительныхъ должностей и остался при однихъ только почетныхъ званіяхъ. Съ этой поры всякое значеніе Крушихина было потеряно въ знакомой ему административной сферѣ. Съ каждымъ годомъ все менѣе-и-менѣе записывалось посѣтителей въ его швейцарской въ тѣ дни, когда это записываніе производится обыкновенно въ огромныхъ размѣрахъ по домамъ значительныхъ и вліятельныхъ особъ. Почти всѣ лица, болѣе или менѣе важныя и считавшія прежде своею непремѣнною обязанностью бывать у Крушихина съ визитомъ въ годовые праздники и въ дни его рожденія и именинъ, переставали постепенно ѣздить къ нему съ почтительными поздравленіями. Сперва они очень-вѣжливо извинялись передъ Данилой Кирилловичемъ при первомъ свиданіи въ томъ, что, къ крайнему своему сожалѣнію, никакъ не могли быть у него, и добавляли, что почтутъ пріятнымъ для себя долгомъ засвидѣтельствовать ему свое уваженіе при первой же возможности. Потомъ, встрѣчаясь съ Крушихинымъ, они извинялись передъ нимъ все рѣже-и-рѣже, и когда Данило Кирилловичъ, обиженный ихъ невниманіемъ, напоминалъ имъ косвенно, что они его позабыли, то тѣ, къ кото-

рымъ относилось это напоминаніе, казалось не обращали уже ни малѣйшаго вниманія на претензіи Крушихина и даже порою давали ему слегка почувствовать, что они будутъ у него только тогда, когда ему самому вздумается побывать у нихъ прежде.

Всѣ эти въ-сущности весьма-мелкія, но для тщеславнаго человѣка слишкомъ-чувствительныя огорченія бѣсили Крушихина. Съ прискорбіемъ видѣлъ онъ, что уже почти никто не обращался къ нему съ просьбами о покровительствѣ или ходатайствѣ, между-тѣмъ, какъ въ прежнее время онъ не имѣлъ отбоя отъ подобныхъ просителей. Данило Кирилловичъ замѣтилъ также, къ крайнему своему огорченію, что даже когда онъ самъ, желая напомнить о своемъ чиновномъ значеніи, предлагалъ порою кому-нибудь свое рекомендательное письмо, то лицо, получившее такое предложеніе, очень-вѣжливо уклоняло отъ себя подобное покровительство, которое прежде заискивали всѣ такъ старательно.

Въ довершеніе всего Крушихинъ, давно уже привыкшій къ тому, что въ обширной его пріемной каждый день спозаранку ожидали его во множествѣ и просители и докладчики, не могъ безъ глубокаго, потрясавшаго его огорченія представить себѣ, что теперь пріемная его бываетъ постоянно пуста и что только изрѣдка появляется въ ней какая-нибудь старая, нищенствующая вдова, проживающая поборами съ благотворительныхъ людей, или завернетъ туда съ просьбою о пособіи на бѣдность несовсѣмъ-трезвое существо, въ родѣ капитана Копейкина. Поздно понялъ Крушихинъ всю суету чиновничьяго величія, до какой бы степени оно ни восходило въ самую благопріятную для человѣка пору.

Неслишкомъ-хорошее общественное положеніе всѣми-оставляемаго сановника тоже сильно чувствовалось честолюбивымъ Крушихинымъ. Нигдѣ уже, какъ это водилось прежде, не дѣлалось для него почетныхъ пріемовъ, все рѣже и рѣже стали являться приглашенія, и письменныя и словесныя, на разныя торжественныя и знаменательныя собранія; если же онъ, по привычкѣ, и отправлялся на подобные съѣзды, то замѣчалъ тамъ рѣзкую и непріятную для него перемѣну въ обращеніи съ нимъ со стороны присутствовавшихъ. Уже теперь никто не гнулся передъ нимъ въ раболѣпныхъ поклонахъ, никто не искалъ случая, чтобъ какой-нибудь маленькой услужливостью или вѣжливостью поймать его одобрительный взглядъ, и никто не старался подвернуться ему на глаза въ той пріятной надеждѣ, что при боль-

шомъ собраніи онъ будетъ удостоенъ особаго поклона со стороны Крушихина, а, быть-можетъ, даже и коротенькаго, но благосклоннаго его разговора.

Еще сильнѣе и еще непріятнѣе стала поражать состарѣвшагося сановника перемѣна въ образѣ мыслей и въ воззрѣніяхъ у встрѣчавшихся съ нимъ людей, а также и перемѣна во многихъ общественныхъ отношеніяхъ. Съ досадою слушалъ Крушихинъ, какъ, по его мнѣнію, молокососы принимались обсуживать служебныя дѣйствія и личные поступки старцевъ. Съ ропотомъ на непочтительность и на дурное воспитаніе молодаго поколѣнія, замѣчалъ Крушихинъ, какъ въ этомъ бодромъ, уходившемъ впередъ поколѣніи исчезало постепенно то низкопоклонство и то угодничество передъ старшими возрастомъ и чинами, которыя считались, по мнѣнію отживавшаго поколѣнія, не болѣе какъ только справедливою данью сѣдинамъ и заслугамъ, а также и необходимымъ и, притомъ, вполнѣ-позволительнымъ средствомъ для открытія себѣ служебной карьеры.

Сперва со скрежетомъ зубовъ, сдерживаемымъ только изъ приличія, а потомъ уже сдерживаемымъ и изъ горестнаго сознанія въ безполезности подобныхъ выраженій своего гнѣва, приходилось Крушихину выслушивать тѣ возраженія, которыя очень-смѣло дѣлались противъ его личныхъ мнѣній, а также и откровенное охужденіе того, что̀, по его понятіямъ, служило единственной и самой надежной основой для общественныхъ распорядковъ.

Все это убѣдило наконецъ огорченнаго Крушихина, что одинъ только чиновный почетъ, безъ дѣйствительной, прямой власти и безъ значительнаго вліянія по должности, не можетъ удовлетворить мучившаго его честолюбія. Въ слабѣвшемъ умственно и физически старикѣ начало проявляться теперь какое-то дѣтство. Онъ переѣхалъ на житье въ Москву и здѣсь сталъ вести уединенную жизнь. Онъ сталъ сперва рѣдко, а потомъ все чаще-и-чаще пересматривать свои знаки отличія, раскладывать ихъ на столъ и любоваться ими. Онъ началъ надѣвать ихъ на халатъ то по-одиночкѣ, то всѣ вдругъ, и въ этомъ убранствѣ стаивалъ долгое время передъ зеркаломъ; потомъ разсматривалъ всѣ свои звѣзды, кресты и ленты поочереди, сравнивалъ ихъ и, наконецъ, налюбовавшись вдоволь, дышалъ на нихъ и, перетерѣвъ ихъ кусочкомъ лайки или замши, тщательно запрятывалъ въ коробки. При этой переборкѣ своихъ регалій,

Крушихинъ толковалъ вовсе-нелюбопытствовавшей Дашѣ, за что именно и въ какомъ году получилъ онъ звѣзду и ленту, кто былъ обойденъ при этомъ, тогда-какъ онъ самъ обогналъ такого-то графа и такого-то князя, и какъ ему всѣ завидовали. Выживавшій изъ ума старикъ казался въ эту пору ребенкомъ, который забавлялся своими игрушками.

При всѣхъ огорченіяхъ, испытываемыхъ Крушихинымъ, какъ честолюбцемъ, налегли на него еще особыя, тяжелыя думы. Очень-часто одинокій Данило Кирилловичъ расхаживалъ по своимъ богато-убраннымъ, но всегда тихимъ комнатамъ. Съ грустью посматривалъ онъ на окружавшее его богатство и съ тоскою думалъ, что скоро наступитъ часъ, когда ему нужно будетъ разстаться со всѣмъ этимъ. Мысль, что все нажитое въ-теченіе долгихъ лѣтъ придется оставить навсегда, сильно раздражала угасавшаго старика. Не любя никого искренно, онъ не могъ даже утѣшаться тѣмъ, что скопленное имъ добро перейдетъ къ людямъ, близкимъ ему по сердцу, что это наслѣдство осчастливитъ ихъ, и что они почтутъ признательностью память своего благодѣтеля и съ уваженіемъ отзовутся о его трудахъ и заслугахъ. Крушихину и въ этомъ отношеніи чувствовалось совершенно наоборотъ: въ немъ являлась своего рода зависть при мысли, что онъ самъ не только долженъ будетъ проститься съ своимъ огромнымъ богатствомъ, которымъ не имѣлъ даже времени пользоваться, но что оно достанется послѣ него въ чужія руки. Чувство зависти доходило въ этомъ случаѣ у Данила Кирилловича до того, что, казалось, еслибъ только онъ могъ знать навѣрно минуту своей кончины, то, для своего успокоенія, истребилъ бы все, принадлежавшее ему, съ той отрадной мыслью, что по-крайней-мѣрѣ нажитое имъ богатство никому не достанется послѣ его смерти. Подъ вліяніемъ этихъ чувствъ, Крушихинъ не дѣлалъ завѣщанія ни въ чью пользу, а его холодное равнодушіе не допускало въ немъ мысли оставить свою собственность на какое-нибудь общеполезное учрежденіе.

Невольный страхъ близкой смерти тоже началъ овладѣвать адо-боязненнымъ Крушихинымъ все сильнѣе-и-сильнѣе. Готовясь въ непродолжительномъ времени разстаться съ жизнью, Данило Кирилловичъ сталъ ѣздить по церквамъ и монастырямъ, служить молебны, класть рублевики на церковныя блюдечки и ставить дюжія свѣчи праздничнымъ образамъ. Вмѣстѣ съ этимъ

онъ припоминалъ мысленно свое прошедшее и, какъ ни изворачивался передъ своею снисходительною и вовсе-ненавязчивою совѣстью, однако она все-таки твердила ему, что много тяжелыхъ грѣховъ противъ ближняго лежитъ на его душѣ. Она напоминала ему всѣ его черныя дѣла, лукавство и пронырство и безчестныя козни даже противъ тѣхъ, кто дѣлалъ ему добро. Призадумавшемуся въ эту пору Крушихину приходило также на память и то холодное равнодушіе, съ которымъ въ былое время безъ малѣйшей пощады погубилъ онъ многихъ ни въ чемъ невиноватыхъ, единственно изъ своихъ собственныхъ видовъ и разсчетовъ. Ему дѣлалось тяжело, мучительно...

Напрасно Данило Кирилловичъ хотѣлъ отыскать для себя въ своемъ прошедшемъ какое-нибудь утѣшеніе безъ примѣси горечи и досады. Онъ мысленно представлялъ себѣ ту лучшую пору своей жизни, когда онъ былъ на верху своего служебнаго счастья. При этомъ воспоминаніи Крушихинъ ободрялся самодовольно; пріятная улыбка пробѣгала по губамъ его; но тутъ же, однако, припоминалось ему, противъ воли, и множество непріятныхъ обстоятельствъ, которыя возмущали его и въ то даже, по-видимому, самое блаженное для него время. Крушихинъ не могъ не сознаться въ душѣ, что нѣсколько самыхъ дорогихъ для него минутъ, впродолженіе которыхъ онъ вполнѣ наслаждался своимъ чиновнымъ значеніемъ, вполнѣ удовлетворявшимъ его суетное честолюбіе, были, однако, нелегко имъ пріобрѣтены. Кичливость Данила Кирилловича, какъ важнаго сановника, при воспоминаніяхъ среди своего величія о томъ, какъ онъ въ былую пору, послѣ низкихъ поклоновъ, стаивалъ самъ на вытяжку передъ старшими, какъ нерѣдко приходилось ему безмолвно переносить ихъ рѣзкія и грубыя замѣчанія, иногда даже дѣлаемыя совершенно-напрасно. Не безъ гнѣвнаго порыва, спустя немало лѣтъ, припоминалъ Крушихинъ и о томъ, какъ одинъ изъ вспыльчивыхъ и безцеремонныхъ начальниковъ кидалъ непонравившіяся ему бумаги, составлявшія докладъ Данила Кирилловича, почти въ лицо своему смиренному въ то время подчиненному. Взвѣшивая такимъ образомъ свою прежнюю униженность съ своей послѣдующей обстановкой, Крушихинъ не могъ не убѣдиться, что непріятности первой едва-ли искупались той непродолжительной отрадой, которую ему доставляла послѣдняя.

Нерѣдко, въ минуты такого тяжелаго раздумья, Данило Кириллович принимался горевать о томъ, что онъ всю свою жизнь шелъ только путемъ честолюбивыхъ исканій. Въ эти минуты ему съ успокоительною привлекательностью представлялся бѣдный отцовскій хуторъ въ глуши тихой Малороссіи, подъ тѣнью черешень и тополей. Крушихину казалось при этомъ, что онъ былъ бы несравненно-счастливѣе, еслибъ оканчивалъ свою безвѣстную жизнь подъ убогой родимой кровлей, а не въ роскошныхъ палатахъ, среди полнаго довольства, съ которымъ ему такъ тяжело было разставаться. Крушихинъ думалъ, что онъ гораздо-болѣе успѣлъ бы воспользоваться жизнью, еслибъ онъ не испыталъ той тревожной борьбы, которая была неизбѣжна на его широкой дорогѣ, и еслибъ онъ наконецъ не дошелъ до того печальнаго сознанія, что все, изъ-за чего онъ столько боролся и столько терпѣлъ въ своей долгой жизни, не составило его истиннаго счастья.

Подъ вліяніемъ этихъ мыслей, Крушихинъ дѣлался чрезвычайно-золъ и мраченъ; имъ овладѣвала жестокая тоска. Сметливая Дарья Семеновна пользовалась такимъ душевнымъ настроеніемъ Данила Кирилловича для того, чтобъ своимъ заботливымъ уходомъ облегчить, по возможности, томившую его тоску. Замѣтивъ сильную хандру Крушихина, она принималась забавлять его пустяками, какъ забавляетъ опытная няня своего причудливаго ребенка. Она просила Крушихина разсказать ей о томъ, что̀, какъ она знала, составляло его самыя отрадныя воспоминанія. Старикъ принимался болтать; Дарья Семеновна поддакивала ему, съ видомъ добродушія дивилась его разсказамъ, а иногда сомнительно покачивала головою для того только, чтобъ Крушихинъ имѣлъ случай еще сильнѣе подкрѣпить истину своего разсказа. Въ такой ребяческой болтовнѣ исчезалъ мало-по-малу грустный настрой его мыслей.

Мелкая заботливость, всегда такъ отрадная для старческаго изнеможенія, тоже употреблялась въ дѣло догадливой Дарьей Семеновной. Съ особеннымъ стараніемъ приготовляла она Крушихину какое-нибудь прохладительное питье, отгоняла отъ него докучливую муху, подкладывала подушку за спину старика, съ болѣзненнымъ кряхтѣньемъ усаживавшагося въ широкое кресло, и торопливо подставляла ему подъ ноги скамеечку. Кромѣ того, Дарья Семеновна усердно хлопотала, чтобъ обѣдъ былъ всегда по вкусу Данила Кирилловича, и вообще постоянно старалась

о томъ, чтобъ угодить причудливому старику и по возможности предупредить своей услугой малѣйшее его желаніе. Успокоиваемый такимъ образомъ Крушихинъ находилъ, что, кромѣ Дарьи Семеновны, никто не умѣетъ ухаживать за нимъ, и ему казалось, что онъ пропалъ бы совершенно, еслибъ не имѣлъ за собою такого старательнаго ухода съ ея стороны.

Своими неутомимыми заботами о старикѣ Дарья Семеновна до такой степени расположила къ себѣ Крушихина, что напослѣдокъ сдѣлалась его женою.

— Наконецъ-то старый хрычъ позаботился о томъ, чтобъ какънибудь пристроить меня! Вѣдь не сегодня, такъ завтра отправится на тотъ свѣтъ; ужь десятый годъ, какъ на ладонъ дышетъ, добавила самодовольно Дарья Семеновна, передавая своей близкой пріятельницѣ о бракѣ съ Даниломъ Кирилловичемъ.

Между-тѣмъ въ то время, когда Дарья Семеновна ухаживала за медленно-угасавшимъ старикомъ, Аннушка помогала ей на столько, на сколько можетъ это дѣлать ребенокъ ея лѣтъ. Обыкновенно всякій день, когда, послѣ обѣда, Крушихинъ, по привычкѣ, сбирался отдохнуть на диванѣ, Аннушка садилась у него въ ногахъ на креслѣ и заботливо, боясь громко перевести дыханіе, слѣдила за его чуткимъ, старческимъ сномъ. Аннушка всегда была наготовѣ во время отдыха Крушихина поправить ему подушку и накрыть его потеплѣе спадáвшимъ съ него халатомъ, а при первомъ его пробужденіи, подать ему туфли и позвать человѣка.

Заботливость ребенка трогала иногда неслишкомъ-чувствительнаго Крушихина.

— Умница ты, Анюта, что такъ смирно сидѣла, покуда я спалъ, говорилъ Крушихинъ, гладя изрѣдка по головѣ дѣвочку своей морщинистой и жилистой рукою.

Этимъ и оканчивались ласки Крушихина. Такъ-какъ Аннушка была въ совершенномъ загонѣ и такъ-какъ она не слышала никогда ни отъ кого даже привѣтливаго слова, то и малѣйшій знакъ вниманія сильно радовалъ всѣми пренебреженнаго ребенка и, вслѣдствіе этого, Аннушка, изъ всѣхъ, кто жилъ съ нею въ одномъ домѣ, была въ-особенности привязана къ этому суровому старику.

V.

Въ ту пору, когда мы начинаемъ знакомить нашихъ читателей съ Алексѣемъ Сергѣевичемъ Свѣталовымъ, онъ былъ мо-

лодой человѣкъ, лѣтъ двадцати-двухъ, не болѣе. По его нѣжной, но вмѣстѣ съ тѣмъ здоровой и бодрой наружности легко можно было видѣть, что онъ принадлежалъ къ числу барченковъ, избалованныхъ среди деревенскаго довольства заботливымъ уходомъ папеньки и маменьки. Его полное лицо съ розовымъ румянцемъ во всю щеку, его малиновыя губы съ зубами бѣлыми, какъ молоко, широкая, выдавшаяся впередъ и наконецъ грудь звонкій, ребяческій смѣхъ показывали, что этотъ юноша выросъ на просторѣ, не томившись надъ тетрадями и учебниками. Высокій ростъ, прямой станъ, твердая походка, нѣсколько-курчавые волосы каштановаго цвѣта и добродушное выраженіе лица придавали много привлекательности свѣжей наружности Алексѣя Сергѣевича.

До восьмнадцати лѣтъ Свѣталовъ провелъ свою баззаботную жизнь въ деревнѣ подъ родительской кровлей. Здѣсь онъ слегка занимался съ жившимъ при немъ постоянно французомъ-гувернёромъ и еще легче съ русскими домашними учителями, изъ которыхъ, впрочемъ, каждый былъ недолго въ домѣ Свѣталовыхъ, потому-что родители Алёши считали излишнимъ обучать безпрерывно своего сына какимъ-либо другимъ предметамъ, кромѣ французскаго языка. Преимущественно же посвящалъ свое время подроставшій Свѣталовъ верховой ѣздѣ, стрѣлянью въ цѣль изъ пистолета и въ разную дичь изъ ружья, а также уходу за гончими, борзыми и лягавыми собаками.

Когда же исполнилось Алёшѣ восьмнадцать лѣтъ, отецъ его, послѣ долгаго и горячаго спора съ своей женою, рѣшился наконецъ отвезти сына въ Москву для приготовленія въ университетъ. Старикъ Свѣталовъ человѣкъ, самъ-по-себѣ весьма-ограниченный въ умственномъ отношеніи, успѣлъ, однако, отъ своего сосѣда, слывшаго во всемъ околоткѣ за перваго умника, наслышаться кое-чего о пользѣ университетскаго образованія, и потому хотѣлъ, чтобъ сынъ его поучился въ университетѣ. Впрочемъ, маменька Алёши думала совершенно-иначе: она считала напраснымъ обучать долгое время своего сына и желала только поскорѣе видѣть его въ гусарскомъ или уланскомъ мундирѣ. Отцу Алёши удалось, однако, при помощи разсудительнаго сосѣда, настоять на своемъ предположеніи, и молодой Свѣталовъ, по пріѣздѣ въ Москву, былъ тамъ, за весьма-значительную годовую плату, сданъ на руки одному благонадежному педагогу, какъ для жительства въ его квартирѣ, такъ и для приготовленія къ скорѣйшему вступленію въ университетъ.

Что жь касается самого юноши, то онъ чрезвычайно колебался въ выборѣ карьеры. Изъ самолюбія ему хотѣлось быть студентомъ, такъ-какъ онъ видѣлъ въ университетѣ много молодёжи; въ то же время онъ желалъ поступить и въ полкъ, куда его, кромѣ мундира и запальчивыхъ военныхъ эволюцій, образцы которыхъ онъ видѣлъ иногда на Ходынкѣ, заманивало еще веселое товарищество. Впрочемъ, такъ-какъ поступленіе въ полкъ требовало менѣе умственныхъ приготовленій, нежели поступленіе въ университетъ, то Свѣталовъ склонялся болѣе къ военной карьерѣ, но при этомъ встрѣчалъ одно только весьма-важное неудобство: поступивъ въ полкъ, онъ долженъ былъ немедленно уѣхать изъ Москвы, а между-тѣмъ Москва чрезвычайно полюбилась молодому человѣку. Такимъ-образомъ нерѣшительный Свѣталовъ слишкомъ три года готовился: одинъ день — въ университетъ, а другой—въ полкъ.

— Вы куда поступаете? спрашивали Алексѣя Сергѣевича его знакомые почти при каждой встрѣчѣ, такъ-какъ вопросъ этотъ обыкновенно предлагается знакомыми каждому молодому человѣку, непристроившемуся еще ни къ какимъ опредѣленнымъ занятіямъ.

— Я поступаю въ гусары, отвѣчалъ рѣшительнымъ голосомъ Свѣталовъ, если съ этимъ вопросомъ обращались къ нему, положимъ, въ понедѣльникъ.

Если жь его о томъ же самомъ спрашивали на слѣдующій день, то онъ съ тою же рѣшительностью отвѣчалъ:

— Я поступаю въ университетъ.

Не болѣе шести мѣсяцевъ прожилъ Свѣталовъ у благонадежнаго педагога. Осмотрѣвшись хорошенько въ Москвѣ, онъ оперился и захотѣлъ вылетѣть поскорѣе изъ тѣснаго гнѣзда, въ которое помѣстила его родительская забота. Алексѣю Сергѣевичу казалось слишкомъ-подѣтски вставать и ложиться спать сообразно съ распредѣленіемъ времени въ томъ домѣ, гдѣ онъ жилъ пансіонеромъ. Въ-особенности же непріятно было ему уходить отъ своего воспитателя не иначе, какъ заявляя ему заранѣе часъ своего возврата— а между-тѣмъ Свѣталову, сошедшемуся съ праздною молодёжью, представлялась иногда возможность вернуться домой только на разсвѣтѣ. Послѣ же такихъ несвоевременныхъ возвратовъ, сумрачный педагогъ обыкновенно косился на своего питомца впродолженіе нѣсколькихъ дней. Правда, впрочемъ, и то, что Свѣталовъ слишкомъ-мало обращалъ вниманія на косые взгляды профессора-хозяина и его худо-

щавой супруги, но, оставаясь еще подъ вліяніемъ домашняго воспитанія, онъ чувствовалъ себя несовсѣмъ-спокойнымъ въ душѣ при мысли, что наблюдатель за его нравственностью можетъ сообщить отцу и матери о его позднихъ возвратахъ и что родители, по всей вѣроятности, не слишкомъ будутъ довольны его ночными гулянками. Притомъ и деньги присылались изъ дома Алексѣю Сергѣевичу, какъ жившему на всемъ готовомъ, въ весьма-ограниченномъ количествѣ и переходили въ его карманъ не иначе, какъ черезъ руки его воспитателя, дѣлавшаго при подобныхъ случаяхъ молодому человѣку внушенія и наставленія насчетъ бережливости и скромности въ образѣ жизни. Все это казалось Свѣталову весьма-стѣснительнымъ и отзывалось для него чѣмъ-то чрезвычайно-ребяческимъ. Свѣталовъ чувствовалъ, что онъ еще школьникъ, а не молодой человѣкъ, который можетъ располагать своимъ временемъ и своими средствами по собственному произволу. Срочность, безпрерывность и обязательность въ занятіяхъ для приготовленія въ университетъ тоже не пришлись по вкусу Алексѣю Сергѣевичу; къ этому прибавились еще и соблазнительные для него примѣры, такъ-какъ онъ видѣлъ многихъ изъ своихъ ровесниковъ, которые жили въ Москвѣ безъ родителей, пользуясь совершенною независимостью. Въ свою очередь, молодёжь этого рода, узнавъ о томъ, какъ папенька Свѣталова распорядился образомъ жизни своего сына, подсмѣивалась надъ нимъ, называя его ребенкомъ, отданнымъ подъ надзоръ строгаго гувернёра.

Мало-по-малу, подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ, а также вслѣдствіе личныхъ воззрѣній Свѣталова на условія юношеской жизни, начались между нимъ и его воспитателемъ раздоры, усиливавшіеся съ каждымъ днемъ все болѣе-и-болѣе. Послѣдній понялъ, что ему не сладить съ рослымъ и своевольнымъ барченкомъ, и потому не слишкомъ жалѣлъ о своихъ выгодахъ, когда Свѣталовъ, списавшись съ своимъ отцомъ, перебрался на собственную квартиру. Въ письмѣ своемъ къ отцу, человѣку не слишкомъ-толковому, Алексѣй Сергѣевичъ рѣзко представилъ тѣ неудобства, которыя онъ будто-бы встрѣчалъ, живя вмѣстѣ со многими молодыми людьми, которые, какъ сѣтовалъ въ своемъ письмѣ Свѣталовъ, постоянно отвлекали его отъ занятій. Отецъ не только повѣрилъ жалобамъ сына, но и порадовался еще его благоразумію и неожиданно-проявившейся въ немъ наклонности къ уединенной жизни и къ учебнымъ занятіямъ. Те-

перь Свѣталовъ началъ получать прямо въ свои руки изъ родительскаго дома ежемѣсячно ту же самую сумму, которая шла прежде на его содержаніе, какъ пенсіонера, и, вслѣдствіе этого былъ чрезвычайно доволенъ своимъ независимымъ положеніемъ.

Въ первое время послѣ перемѣны образа жизни, Свѣталовъ, казалось, сталъ готовиться въ университетъ гораздо-старательнѣе, нежели прежде. Онъ дѣятельно пріискивалъ себѣ разныхъ учителей, изъ которыхъ одинъ вызывался приготовить его по юридическому, а другой по математическому факультету. Свѣталовъ съ жаромъ принялся брать у нихъ уроки; но прошло нѣсколько недѣль, и онъ сталъ являться къ своимъ наставникамъ все рѣже-и-рѣже, а наконецъ, по прошествіи трехъ мѣсяцевъ, разсчитавшись съ ними окончательно, обратился къ другому способу, чтобъ приготовиться къ университету. Свѣталовъ сталъ нанимать за дешевую цѣну студентовъ, которые должны были приготовить его къ вступительному экзамену. Обыкновенно, молодой наставникъ, приходя къ своему лѣнивому ученику, выкуривалъ у него залпомъ нѣсколько сигаръ, пилъ съ нимъ чай во всякое время дня и толковалъ о профессорахъ, о московской жизни, преимущественно же о хорошенькихъ женщинахъ, утѣшая его легкостью экзаменовъ. Въ заключеніе же, если урокъ былъ утренній, наставникъ получалъ отъ своего питомца приглашеніе отправиться обѣдать на его счетъ въ Троицкій или къ Печкину; а если урокъ былъ вечерній, то приглашеніе на обѣдъ замѣнялось даровымъ приглашеніемъ въ театръ. Балетъ вскорѣ сдѣлался неодолимою страстью молодаго Свѣталова. Каждый спектакль онъ былъ непремѣнно въ театрѣ и тамъ неистовымъ хохотомъ, швыряньемъ огромнѣйшихъ букетовъ одной изъ извѣстныхъ танцовщицъ того времени, громкимъ завываніемъ въ ея честь и наконецъ безконечными вызовами той же танцовщицы обращалъ на себя бдительное вниманіе московской полиціи и въ-особенности тогдашняго обер-полиціймейстера, усердно-заботившагося о поддержаніи въ балетахъ должнаго смиренія и благочинія.

Между-тѣмъ къ балету прибавилась у Свѣталова еще новая страстишка — къ картамъ; онъ пустился играть въ штосикъ и въ банчикъ, иногда на немалую сумму и притомъ нерѣдко напролетъ цѣлыя ночи; а къ картежной игрѣ прибавилось волокитство, требовавшее по временамъ довольно-порядочныхъ издержекъ. Деньги, которыя присылалъ Свѣталову его отецъ и ко-

торыя на первый разъ показались молодому человѣку значительной суммой, были недостаточны при такой разнообразной, вѣтренной жизни. Пошли займы, заклады, отсрочки, дубликаты, огромные проценты, неустойки и платежи за коммиссію — короче, для Свѣталова начались житейскія хлопоты, неразлучныя съ безразсчетливостью. Отецъ Алексѣя Сергѣевича былъ скорѣе человѣкъ тороватый, нежели богатый, и хотя онъ жилъ и у себя, въ усадьбѣ и въ губернскомъ городѣ на широкую ногу, но въ сущности тоже частенько нуждался въ деньгахъ и нерѣдко бывалъ принужденъ дѣлать такіе обороты, которые все болѣе-и-болѣе разстроивали его, повидимому, весьма-значительное состояніе. Между-тѣмъ молодой Свѣталовъ привыкъ уже къ мотовству; у него все болѣе-и-болѣе являлось новыхъ прихотей, но, несмотря на это, онъ не могъ ожидать никакой надбавки къ содержанію, назначенному для него отцомъ. Алексѣй Сергѣевичъ, до этого времени безпечный и беззаботный юноша, началъ немножко унывать, а порою были для него такіе безденежные дни, впродолженіе которыхъ ему приводилось испытывать нѣсколько самыхъ невесёлыхъ, самыхъ тревожныхъ минутъ.

Въ одну изъ такихъ минутъ Свѣталовъ сидѣлъ верхомъ на стулѣ, стоявшемъ посреди комнаты. Локти и руки его были положены на спинкѣ стула, и онъ, печально свѣсивъ на нихъ голову, насвистывалъ что-то довольно-заунывное. Вдругъ свистъ прекратился: въ это время Свѣталовъ началъ размышлять съ напряженіемъ всѣхъ умственныхъ силъ объ одной финансовой операціи, внезапно-мелькнувшей въ его головѣ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ такого размышленія, онъ окинулъ взглядомъ свою комнату.

Комната эта, по своему убранству, представляла не только достатокъ, но даже и нѣкоторую роскошь, начавшую, впрочемъ, приходить въ замѣтный упадокъ. Обитая шелковой матеріей мёбель носила слѣды покоившихся на ней иногда грязныхъ сапоговъ и сыпавшейся на нее табачной золы. Столы орѣховаго дерева были исцарапаны и прожжены во многихъ мѣстахъ сигарами и папиросами; большой коверъ затоптанъ; огромное зеркало, висѣвшее въ простѣнкѣ между оконъ, расколото на нѣсколько частей однимъ изъ добрыхъ пріятелей Свѣталова, вдругъ сдѣлавшимся придирчивымъ и безпокойнымъ среди дружеской попойки и пустившимъ бутылкой въ одного изъ собесѣдниковъ, и наконецъ, одна совершенно-голая стѣна въ ком-

натѣ Алексѣя Сергѣевича напомнила ему, что изъ этой комнаты недавно былъ вынесенъ рояль, проданный за безцѣнокъ по случаю весьма-крутыхъ обстоятельствъ.

Окинувъ взглядомъ комнату, Свѣталовъ убѣдился, что ея настоящее убранство не представляетъ никакой возможности сдѣлать тотъ финансовый оборотъ, который пришелъ-было ему на мысль. Онъ снова усѣлся на стулъ въ прежнемъ положеніи и сталъ опять насвистывать; но теперь его насвистыванье отзывалось еще бо́льшей грустью, нежели прежде.

Насвистываніе продолжалось, какъ вдругъ заворчала большая лягавая собака, до того времени смирно-дремавшяя у ногъ своего господина, а въ сосѣдней комнатѣ послышались чьи-то шаги. Байкалъ (такъ называлась собака) поднялся на заднія лапы и, вытягивая переднія, громко залаялъ.

— Кушъ! крикнулъ Свѣталовъ, топнувъ ногою и слегка ударивъ рукою по спинѣ залаявшую собаку. — Кто тамъ?... Ты, Василій?... спросилъ онъ громко, не вставая со стула.

Вмѣсто отвѣта, дверь распахнулась со всего размаху и въ комнату вошелъ высокій и статный молодой человѣкъ, съ виду нѣсколькими годами постарше Алексѣя Сергѣевича.

— А, здравствуй, Лоневъ! дружески проговорилъ Свѣталовъ, оставаясь на своемъ мѣстѣ и, быстро откинувъ ладонью упавшіе ему на лобъ длинные волосы, протянулъ гостю свою бѣлую, маленькую руку.

— У тебя, братъ, слишкомъ-жарко, сказалъ вошедшій гость, разомъ опускаясь въ кресло.

Байкалъ, смолкнувшій при угрозѣ своего господина, медленно подошелъ къ Лоневу и обнюхивалъ его съ большимъ любопытствомъ.

— А что́ на дворѣ сегодня, хорошо? спросилъ Свѣталовъ.

— Славный выдался денёкъ! отвѣчалъ Лоневъ.

— Сигару хочешь?

— Спасибо, а гдѣ?

— Должно-быть, въ той комнатѣ на окнѣ, сказалъ Свѣталовъ обернувшись лицомъ немного назадъ.

— Эхъ, вставать-то мнѣ не хочется—усталъ крѣпко! лѣниво проговорилъ Лоневъ; однако, съ этими словами онъ медленно приподнялся съ кресла и пошелъ въ другую комнату.

— А что̀, Алексѣй, серебряный-то нессесеръ видно улыбнул-

ся? сказалъ, возвращаясь, Лоневъ и крутя сигару между двумя пальцами.

— Да́, отвѣчалъ съ замѣтной досадой Свѣталовъ и, сложивъ попрежнему руки на спинкѣ стула и опустивъ на нихъ голову, принялся свистать во всю мочь.

Лоневъ усѣлся на прежнее мѣсто и закурилъ сигару, а между-тѣмъ хозяинъ свистѣлъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на своего гостя.

— Видно, тебѣ плохо?... заговорилъ Лоневъ.

— Скверно, братецъ, изъ-рукъ-вонъ какъ скверно! отецъ денегъ не высылаетъ, въ домѣ нѣтъ ни копейки, а достать рѣшительно нѐгдѣ. Что̀ хочешь, то и дѣлай!

— А что̀ жь Полускоповъ? спросилъ Лоневъ.

— Не сто̀итъ съ нимъ имѣть дѣла: проволакиваетъ цѣлый мѣсяцъ по пустякамъ, сказалъ съ неудовольствіемъ Свѣталовъ и, проворно вскочивъ со стула, оттолкнулъ его ногою.

Алексѣй Сергѣевичъ принялся ходить но комнатѣ скорыми шагами. Лоневъ молчалъ, потягивая сигару, и, слѣдя глазами за ходившимъ Свѣталовымъ, любовался его свѣжей и пріятной наружностью.

— И нужно же мнѣ было вчера впутаться въ эту проклятую игру! заговорилъ Свѣталовъ, крѣпко потирая рукою лобъ: — проигралъ безъ малаго тысячу рублей и пообѣщалъ чрезъ три дня отдать ихъ!... Плохо, пріятель, очень-плохо! добавилъ Свѣталовъ печальнымъ голосомъ, остановившись предъ Лоневымъ и смотря ему въ лицо. Потомъ онъ заходилъ опять по комнатѣ, а вмѣстѣ съ ходьбой начиналось снова громкое свистанье съ жалобными переливами.

— И тебѣ рѣшительно нѐгдѣ достать денегъ? спросилъ съ участіемъ Лоневъ.

— Рѣшительно и прерѣшительно! отвѣчалъ Свѣталовъ твердымъ и отрывистымъ голосомъ.

— Жаль мнѣ тебя... замѣтилъ Лоневъ съ непритворнымъ сожалѣніемъ.—Та-та-та! вдругъ вскрикнулъ весело гость, вскочивъ съ кресла и щелкнувъ надъ головой двумя пальцами. — Что̀ жь мы такъ долго думаемъ о такомъ вздорѣ? А у Крушихиной?

— У какой Крушихиной?

— Ну, у той... у Дарьи Семеновны...

— Ка̀къ? развѣ она...

— Да́; теперь дѣло покончено. Мѣсяцевъ восемь назадъ,

если не болѣе, была ея свадьба и говорятъ, что, по этому радостному случаю, Дарья Семеновна производитъ щедрыя ссуды...

— Такъ вотъ что̀! А я и не зналъ... протяжно и какъ-будто съ нѣкоторымъ недовѣріемъ проговорилъ Свѣталовъ, закусивъ нижнюю губу.

— Вѣдь ты, мой любезнѣйшій пріятель, по этой части очень-плохъ, а могъ бы пользоваться большимъ кредитомъ у Дарьи Семеновны... Посмотри-ка только на себя: вѣдь молодецъ; кровь съ молокомъ! сказалъ Лоневъ, подводя къ зеркалу своего пріятеля и дружески хлопнувъ его по плечу.

— Ну, съ ней-то не слишкомъ-выгодно имѣть дѣло, какъ я по-крайней-мѣрѣ слышалъ, замѣтилъ Алексѣй Сергѣевичъ: — вѣдь какъ она отлично распорядилась съ Бобровскимъ: чуть не упрятала его въ яму.

— Вольно же было ему самому дѣлать такія глупости: занялъ у нея отличный кушъ, да потомъ не только-что не сталъ приволакиваться за ней, а еще принялся всюду подсмѣиваться надъ ея страстишкой. Ну, это до нея дошло, и она захотѣла по-своему съ нимъ расправиться. Баба тоже обидчивая. Самъ, впрочемъ, посуди: кто жь позволитъ шутить съ собой подобнымъ образомъ? сказалъ серьёзно Лоневъ.

Свѣталовъ остановился среди комнаты въ большомъ раздумьи.

— Ахъ! я и забылъ сказать тебѣ одну презабавную вещь, живо заговорилъ Лоневъ. — Съ недѣлю назадъ я видѣлъ Анну Егоровну; насмѣшила до слезъ Вообрази, принялась разсказывать мнѣ, что изъ какой-то губерніи—не припомню теперь названія—пріѣхала сюда, въ Москву, какая-то праведница съ своимъ племянникомъ. Предрекаетъ, молъ, будущее, и разсказываетъ прошедшее, говоритъ Анна Егоровна... А знаешь ли? ужь я, по порученію одной изъ знакомыхъ богомолокъ, успѣлъ побывать у нея; самоё ее не засталъ, а видѣлъ только ея племянника. Что́ за чучело! Настоящій испитой семинаристъ, а между-тѣмъ, представь себѣ, ужь нѣкоторыя барыни находятъ его просто красавцемъ: страдальческое выраженіе лица, томный взглядъ, говорятъ онѣ... Ну, ужь вкусъ! воскликнулъ Лоневъ, съ удивленіемъ пожимая плечами.

Задумавшійся Свѣталовъ сидѣлъ въ это время на диванѣ и, какъ было видно, не обращалъ никакого вниманія на болтовню своего пріятеля, добраго малаго, который вертѣлся всюду,

готовъ былъ помочь каждому, но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ отъявленный пустомеля.

— Если хочешь, дружокъ, я тебѣ очень-охотно устрою дѣло у Дарьи Семеновны, сказалъ Лоневъ, подойдя къ Свѣталову и, наклонившись къ нему, оперся обѣими руками на его плечи.—Большихъ трудовъ мнѣ это стоить не будетъ, а ты между-тѣмъ, извернешься какъ-нибудь. Вѣдь, карточный долгъ не шутка: это не заемъ.

— Спасибо, если только это не затруднитъ и не обезпокоитъ тебя, отозвался нерѣшительнымъ голосомъ Свѣталовъ, пожимая дружески руку Лонева.—А теперь пойдемъ, подуемся на бильярдѣ, сказалъ онъ, приподнимаясь съ дивана.—Василій! ты пришелъ? громко спросилъ Свѣталовъ.

— Здѣсь, сударь, отвѣчалъ Василій изъ передней.

— Я иду со двора, и если кто-нибудь придетъ безъ меня, то скажи, что я буду дома не ранѣе какъ часовъ въ одиннадцать вечера; напрасно, молъ, будете ждать барина...

— Ну, если придетъ Вакуловъ, то его этимъ не выживешь до самой поздней ночи—такой упорный, что Боже упаси! проворчалъ Василій, затворяя на ключъ двери за своимъ бариномъ и за его близкимъ пріятелемъ.

VI.

Крушихинъ женился на Дарьѣ Семеновнѣ не потому только, что въ этомъ случаѣ поддался своей долголѣтней привычкѣ, но и потому еще, что видѣлъ здѣсь особый разсчетъ, который казался ему весьма-основательнымъ. Въ тѣ годы, когда Крушихинъ началъ чувствовать дряхлость, онъ считалъ необходимымъ имѣть около себя такую женщину, которая, любя его искренно, заботилась бы объ его спокойствіи, ухаживала за нимъ и берегла его болѣзненную и одинокую старость. Самособою, впрочемъ, разумѣется, что такъ-какъ здѣсь шло дѣло о женщинѣ, то извѣстнаго рода женская вѣрность была необходимымъ достоинствомъ въ подругѣ, избираемой Крушихинымъ. Незнакомый самъ во всю свою долголѣтнюю жизнь съ чувствами благодарности, Данило Кирилловичъ, по своему старческому ослѣпленію, полагалъ, однако, что облагодѣтельствованіе имъ Дарьи Семеновны будетъ лучшимъ ручательствомъ не только за ея

привязанность къ нему, но и за вѣрность. Съ своей же стороны, Дарья Семеновна думала объ этомъ нѣсколько-иначе.

Бракъ ея съ Крушихинымъ, дѣлавшій ее изъ простой, бѣдной дѣвушки женою знатнаго и богатаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и дряхлаго уже человѣка, она считала не болѣе, какъ только вознагражденіемъ за тѣ почти два десятка трудныхъ лѣтъ, которыя провела съ надоѣвшимъ ей старикомъ, перенося терпѣливо всѣ его капризы и прихоти, такъ-что она, по своему взгляду на это дѣло, не считала себя вовсе обязанной Данилу Кирилловичу. Притомъ Дарья Семеновна давнымъ-давно уже привыкла къ той мысли, что связь ея съ Крушихинымъ, рано или поздно, но непремѣнно должна кончиться бракомъ, и потому для нея въ замужствѣ съ Крушихинымъ не было даже той пріятной неожиданности, которая придаетъ особенную цѣну важнымъ событіямъ въ человѣческой жизни. Быть женою Крушихина показалось ей, по-крайней-мѣрѣ на первый разъ, дѣломъ очень-простымъ, тѣмъ болѣе, что, вслѣдствіе этого брака, нисколько не измѣнялось домашнее положеніе Дарьи Семеновны. Она была еще и прежде полною, безотчетною распорядительницею въ домѣ Данилы Кирилловича, ворочала по своему произволу и хозяйствомъ и прислугой, журила, сколько ей было угодно, и кучера и повара и лакеевъ, и наконецъ даже, въ послѣднее время, пользуясь старческой слабостью Крушихина, дошла до того, что нерѣдко покрикивала на него самого, въ случаѣ какихъ-нибудь причудъ и капризовъ съ его стороны. На покрикиваніе своей сожительницы старикъ бормоталъ только себѣ подъ-носъ нѣсколько невнятныхъ словъ и затѣмъ унимался, не рѣшаясь осадить бойкую Дарью Семеновну. Короче, подъ конецъ своей жизни онъ былъ совершенно въ ея власти.

Хотя дѣйствительно, вслѣдствіе брака, домашняя жизнь Дарьи Семеновны не измѣнилась, но за-то во внѣшней обстановкѣ произошла съ ней большая перемѣна. Прежде Дарья Семеновна, смотря по времени года, ѣздила не иначе, какъ въ санкахъ или въ пролеткахъ за разными покупками и являлась въ лавкахъ и въ магазинахъ не болѣе какъ-только ключницей богатаго и знатнаго Круцихина; сдѣлавшись же его супругой, она стала разъѣзжать по лучшимъ магазинамъ Кузнецкаго Моста не иначе, какъ четверней въ каретѣ съ гербами и на дверцахъ и на козлахъ, и нерѣдко даже, для большой важности, съ двумя ливрейными лакеями на запяткахъ. Всѣ торговцы начали теперь титуловать

Дарью Семеновну высокопревосходительствомъ и стали оказывать ей тотъ почетъ, которымъ обыкновенно пользуются у нихъ лучшіе изъ ихъ покупателей.

Теперь Дарья Семеновна начала гораздо-смѣлѣе ворочать хозяйственными дѣлами Данилы Кирилловича. Она въ разныхъ магазинахъ дѣлала почти каждый день весьма-значительныя покупки и, отложивъ въ сторону цѣлый ворохъ какихъ-нибудь товаровъ, нарочно громкимъ голосомъ приказывала доставить ихъ «генеральшѣ Крушихиной». Дарья Семеновна чувствовала особенное удовольствіе, когда бывшіе съ нею въ лавкѣ покупатели, преимущественно же барыни и молодые люди, обращали вниманіе на дѣлаемое ею распоряженіе и когда они съ замѣтнымъ любопытствомъ осматривали ее съ головы до пятъ. Дарья Семеновна въ эти пріятныя для нея минуты старалась принять и важную осанку и горделивый взглядъ. Мало-по-малу Дарья Семеновна своими частыми поѣздками по московскимъ магазинамъ сдѣлалась извѣстна съ виду въ нѣкоторыхъ частяхъ тамошняго общества, какъ супруга Крушихина, о личной знатности и объ огромномъ богатствѣ котораго давно уже знали по наслышкѣ почти всѣ москвичи. Знакомства между-тѣмъ Дарья Семеновна не вела ни съ кѣмъ и внутренно досадовала на то, что у ней мало было такихъ случаевъ, гдѣ бы могла она показывать себя во всемъ своемъ барскомъ величіи.

Желая выставлять себя на-показъ, какъ-можно-чаще, она не пропускала ни одного гулянья ни подъ Новинскимъ, ни въ Сокольникахъ, гдѣ, какъ это она знала, ея щегольской экипажъ былъ замѣтенъ для всей публики. Дарья Семеновна ѣздила также очень-часто и въ театры—разумѣется, всегда въ бельэтажъ, съ одной знакомой старухой, какой-то бѣдной вдовой-поручицей, которая была при ней чѣмъ-то въ родѣ компаньйонки. Въ театрѣ нерѣдко наводились на Дарью Семеновну, изъ любопытства, какъ на жену Крушихина, бинокли изъ партера и изъ ложъ, и она бывала очень-довольна такимъ разсматриваніемъ ся личности. Вскорѣ узнали Крушихину и у Иверской, гдѣ сторожа, при входѣ ея, раздвигали толпившійся въ часовнѣ народъ и торопливо подстилали ей подъ ноги коврикъ. Знали также Дарью Семеновну въ нѣкоторыхъ церквахъ и монастыряхъ, гдѣ, при ея появленіи, ставили ей кресло на почетномъ мѣстѣ, а послѣ обѣдни выносили ей просвиру. Вообще, мало-по-малу Дарья Семеновна по своей обстановкѣ дѣлалась въ Москвѣ извѣстною личностью.

Между-тѣмъ, одновременно съ уличной, магазинной, театральной и церковной извѣстностью, Дарья Семеновна стала пріобрѣтать извѣстность еще и другаго рода. Продолжительной ея дружбой со старикомъ Крушихинымъ не была удовлетворена ея жизнь, какъ молодой женщины, болѣе или менѣе всегда тревожимой общею слабостью своего пола. Довольство и бездѣйствіе нерѣдко наводили ее на мысль о любви, на которую она, впрочемъ, смотрѣла съ своей собственной и притомъ, надобно сказать, весьма-простой точки зрѣнія. Еще до брака, Крушихинъ подозрѣвалъ, что его подруга была вѣтренна; онъ даже имѣлъ какъ-то разъ положительныя доказательства на этотъ счетъ, представленныя ему, по злобѣ на Дарью Семеновну, кѣмъ-то изъ его домашней прислуги; но привычка и сердечная слабость одинокаго старика не позволили ему разойтись съ нею. Всякій разъ, когда въ Данилѣ Кирилловичѣ пробуждалась ревность и когда, по поводу ея, размолвка между старикомъ и его любовницей доходила до жаркой ссоры, то послѣ упрековъ и угрозъ со стороны Крушихина, Дарья Семеновна успѣвала опять овладѣвать старикомъ. Наконецъ, послѣ многихъ подобныхъ случаевъ, она совершенно убѣдилась, что ей можно было вѣтренничать съ совершенною безнаказанностью, и тогда начался безпрерывный рядъ любовныхъ похожденій Дарьи Семеновны. Въ этомъ случаѣ она не только какъ не свѣтская, но даже какъ вовсе-необразованная женщина, не могла дойти до той утонченности въ приманкѣ къ себѣ молодежи, до которой доходятъ иныя зрѣлыя и грѣшныя барыни, выросшія въ свѣтѣ, въ шелку, бархатѣ и кружевахъ. Незнакомая съ хорошо-выработаннымъ кокетствомъ, Дарья Семеновна не только не могла завлечь юношу своею любезною рѣчью, но и не умѣла бросить на молодаго человѣка такого взгляда, который бы, безъ словъ, одобрилъ его на смѣлое, рѣшительное волокитство. Она не умѣла также, послѣ двухъ-трехъ свиданій, повести дѣло такъ, чтобъ притворнымъ испугомъ, искусственнымъ обморокомъ, или какой-нибудь нечаянной потребностью въ поправкѣ туалета доставить благопріятный случай, который бы навелъ недогадливую молодость на задушевное желаніе опытной вѣтренницы...

И до свадьбы своей съ Крушихинымъ и послѣ свадьбы Дарья Семеновна искала для себя сердечныхъ развлеченій инымъ способомъ. При посредствѣ свахъ, гадальщицъ, закладчицъ и ходебщицъ-торговокъ, къ ней очень-часто являлись красивые молодые

люди за тѣмъ, чтобъ занять у нея денегъ. Смотря по болѣе или менѣе благопріятному впечатлѣнію, произведенному на нее просителемъ, онъ съ меньшею или большею легкостью получалъ отъ Дарьи Семеновны нужную для него сумму, между-тѣмъ, какъ опытныя посредницы заботились въ то время о сердечномъ сближеніи должника съ кредиторшей. Такимъ-образомъ у Дарьи Семеновны являлись многія привязанности: однѣ изъ нихъ длились довольно-долго, другія же, напротивъ, прекращались очень-скоро. Одинъ должникъ уплачивалъ свой долгъ и, вслѣдствіе этого, отдѣлывался отъ надоѣдавшей ему влюбчивой кредиторши, женщины уже не первой молодости и, притомъ, неимѣвшей никакого образованія. Другой, несостоятельный юноша, оставался впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ подъ игомъ Дарьи Семеновны, хотя уже сердце ея и не принадлежало болѣе ему, и она время отъ времени очень-безцеремонно напоминала своему прежнему другу о скорѣйшей уплатѣ слѣдующаго съ него долга. Кто роптал на такую зависимость отъ грубой и причудливой бабы, а кто не только не тяготился этимъ, но еще, напротивъ, мѣтилъ на бо́льшую поживу отъ Дарьи Семеновны при первомъ благопріятномъ случаѣ. Надобно также сказать, что Дарья Семеновна, какъ женщина совершенно-неразвитая и умственно и нравственно, находила въ такихъ особыхъ отношеніяхъ къ молодымъ людямъ не только развлеченіе въ своей однообразной жизни съ Крушихинымъ, но еще видѣла въ нихъ и существенную для себя пользу, потому-что она собственно ссужала деньги за порядочные проценты и нерѣдко, при значительныхъ, неблагонадежныхъ ссудахъ, предпочитала матеріальныя выгоды сердечнымъ усладамъ. Она подавала иногда заемныя письма ко взысканію, и не разъ «Полицейскія Вѣдомости» объявляли о продажѣ за долгъ имущества такого-то, приглашая къ этой продажѣ кредиторшу или ея повѣреннаго.

При такой извѣстности Дарьи Семеновны, Алексѣй Сергѣевичъ, подбитый своимъ услужливымъ товарищемъ, который уже успѣлъ устроить дѣло, и тѣснимый требованіями кредиторовъ, рѣшился наконецъ отправиться къ Крушихиной съ просьбою о ссудѣ послѣ того, какъ Лоневъ сообщилъ ему, что Крушихина готова переговорить съ нимъ объ этомъ дѣлѣ.

— Такъ это вы-съ господинъ Свѣталовъ?... сказала Дарья Семеновна Свѣталову, когда онъ входилъ къ ней въ гостиную, приглашенный туда человѣкомъ послѣ доклада барынѣ.

Говоря это, Дарья Семеновна съ любопытствомъ всматривалась въ пріятное и свѣжее лицо Свѣталова.

— Вы мнѣ позволили быть сегодня у васъ, проговорилъ, кланяясь и заминаясь, Алексѣй Сергѣевичъ, непривыкшій вовсе къ подобнымъ объясненіямъ съ женщинами.

— Не угодно ли вамъ будетъ присѣсть? сказала Дарья Семеновна.

Она показала Свѣталову рукою на кресло, а сама, между-тѣмъ, начала пробираться на диванъ, едва пролѣзая съ своими широкими юбками около стола, бывшаго передъ диваномъ.

Хозяйка и гость молча сѣли. Замѣтно было, что и онъ и она чувствовали себя несовсѣмъ-ловко и не знали, о чемъ начать разговаривать между собою при первой встрѣчѣ.

— Погода-съ, кажется, стоитъ на дворѣ очень-хорошая... сказала, наконецъ, полувопросительно и полуутвердительно Дарья Семеновна.

— Дà, день очень-хорошъ, поспѣшилъ проговорить Свѣталовъ, и затѣмъ не нашелся, чтò говорить далѣе.

Сидя близь Дарьи Семеновны, Алексѣй Сергѣевичъ думалъ о томъ, на какую бы тэму побесѣдовать ему съ хозяйкой, не поставивъ ее въ затрудненіе, какъ несвѣтскую и необразованную женщину. Хозяйка, въ свою очередь, съ замѣшательствомъ взглядывала въ это время на гостя. По ея взглядамъ можно было замѣтить, что Свѣталовъ пришелся ей по вкусу и что чувство расположенія къ молодому человѣку еще болѣе заставляло мѣшаться Дарью Семеновну, и безъ того непривыкшую принимать гостей у себя въ домѣ.

— Вы изволите здѣсь служить-съ? спросила Свѣталова Дарья Семеновна, послѣ нѣкотораго молчанія.

— Нѣтъ, я еще не служу нигдѣ; но скоро поступаю въ гусары, отвѣчалъ бойко Свѣталовъ, довольный тѣмъ, что нападаютъ хоть на какой-нибудь разговоръ.

— Очень красивый-съ мундиръ у гусаровъ, замѣтила Дарья Семеновна. — Я ихъ нѣсколько разъ видѣла на Ходынкѣ. А позвольте узнать: у васъ какой мундиръ будетъ?

— У меня будетъ голубой съ серебромъ, подхватилъ Свѣталовъ.

— Очень-нарядно-съ, проговорила Дарья Семеновна, и съ этими словами приложила ко рту платокъ, какъ-будто слегка откашливаясь.

Въ это время Свѣталовъ былъ занятъ мыслью, какъ бы половче приступить къ тому дѣлу, по которому онъ собственно и пріѣхалъ къ Крушихиной. Озабоченный этою мыслью и однако, чувствуя, что ему несовсѣмъ будетъ удобно заговорить съ Дарьей Семеновной о займѣ при первой же встрѣчѣ, онъ ожидалъ, не поможетъ ли она сама какъ-нибудь начать разговоръ объэтомъ предметѣ.

Въ этомъ ожиданіи Свѣталовъ просидѣлъ молча нѣсколько минутъ, осматривая прекрасно-убранную гостиную въ домѣ Данила Кирилловича. Дарья Семеновна тоже молчала и только вертѣла въ рукахъ бронзовый колокольчикъ, лежавшій на столѣ передъ нею. Видя, что ожиданія напрасны, Свѣталовъ хотѣлъ ускорить развязку прощаньемъ. Онъ приподнялся съ кресла и очень-вѣжливо поклонился Дарьѣ Семеновнѣ.

Хозяйка встала съ дивана и, отвѣтивъ Алексѣю Сергѣевичу такимъ же поклономъ, съ замѣтнымъ смущеніемъ проговорила:

— Мое почтеніе-съ.

Свѣталовъ вышелъ изъ гостиной.

Тѣмъ и кончилось первое свиданіе Алексѣя Сергѣевича съ Дарьей Семеновной. Онъ отправился отъ Крушихиной домой въ расположеніи духа чрезвычайно-непріятномъ, проклиная мысленно услугу своего добраго пріятеля, напрасно поставившаго его въ такое непріятное и затруднительное положеніе.

По возвращеніи домой, онъ узналъ, что нѣкоторые изъ кредиторовъ навѣщали его и что они хотѣли побывать у него еще, если не сегодня, то завтра утромъ.

VII.

— Ахъ ты, негодница!... Слушаться меня не хочешь! совсѣмъ отъ рукъ отбилась!... кричала Дарья Семеновна, выходя изъ себя и трепля за ухо Аннушку. — Отчего ты пыли съ комода досихъ-поръ не обтерла—а?... Что же ты безъ меня изволила дѣлать?...

Аннушка робко стояла передъ Крушихиной, смотря жалобно на нее своими карими глазами, въ которые пробивались съ трудомъ сдерживаемыя слезы.

— Я спрашиваю тебя, что ты безъ меня дѣлала? еще громче крикнула Дарья Семеновна, и съ этими словами она сильно ударила по щекѣ Аннушку.

— Я молилась Богу... тихо, но твердо проговорила Аннушка.

Откровенное выраженіе ея лица и прямой взглядъ, кинутый ею въ глаза раздраженной Дарьи Семеновны, казалось, какъ-нельзя-лучше подтверждали справедливость словъ обиженной дѣвушки.

— Ты все лжешь, рѣзко замѣтила Дарья Семеновна.—Дрянный подкидышъ!... злобно добавила она, отворачиваясь отъ Аннушки, которая принялась обтирать тряпкой комодъ, хотя на немъ не было ни пылинки.

Дарья Семеновна, стоя спиной къ Аннушкѣ, начала рыться въ своей рабочей корзинкѣ; она вынимала оттуда то мотокъ шелку, то наперстокъ, то ленточку, потомъ все это мяла, комкала и пихала туда въ безпорядкѣ, какъ что̀ попало. По всему было замѣтно, что Дарья Семеновна была чѣмъ-то сильно раздосадована. Занимаясь такой переборкой, она продолжала ворчать на Аннушку, осыпая ее самыми ѣдкими упреками и унизительной бранью. Во все это время Аннушка тихо плакала и, кончивъ свою работу, осторожно, на цыпочкахъ, вышла изъ комнаты Дарьи Семеновны.

Спустя нѣсколько минутъ послѣ ухода Аннушки, дверь въ комнату Дарьи Семеновны слегка пріотворилась, и изъ-за двери несмѣло выглянуло толстое и красное лицо женщины лѣтъ за пятьдесятъ. Дарья Семеновна быстро обернулась на этотъ легкій шумъ, и ее какъ-то судорожно подернуло при взглядѣ на показавшуюся въ дверяхъ гостью.

— Пожалуйте, матушка Лукерья Ивановна, пожалуйте-ка сюда! говорила Дарья Семеновна съ выраженіемъ угрозы.

Лукерья Ивановна смиренной поступью вошла на этотъ непривѣтливый зовъ. Дарья Семеновна быстро приподнялась съ своего мѣста и сердито посмотрѣла на гостью, остановившуюся почти у самыхъ дверей.

— Что̀ же вы, Лукерья Ивановна, шутить, что̀ ли, со мной вздумали?... Али забыли, кто я такая?... Изъ чего вы вчера ко мнѣ такого вислоухаго прислали? спросила гнѣвнымъ голосомъ Дарья Семеновна.

— А что̀ такое, ваше высокопревосходительство? что̀ такое?... бормотала растерявшаяся Лукерья Ивановна, раскрывая отъ удивленія свой широкій ротъ. —Развѣ что-нибудь вышло у васъ не такъ? Вѣдь, господинъ Свѣталовъ такой молодецъ, что имъ не налюбуешься...

— Въ конфузію меня поставилъ, рѣшительно поставилъ въ

конфузію! Пришелъ, посидѣлъ; я съ нимъ-было и о томъ, и о другомъ, а онъ-себѣ сидитъ, да полусловами отвѣчаетъ... Чтò жь онъ думаетъ, развѣ я его просить буду, что, молъ, не угодно ли вамъ двѣ тысячи рублей отъ меня получить?... Нѣтъ, если пришелъ по дѣлу, такъ ему самому слѣдовало объ этомъ разговориться да и попросить меня хорошенько, а то даже и къ ручкѣ ко мнѣ не подошелъ — вишь какой баринъ выискался! говорила Дарья Семеновна, гнѣвно тряся головою и почти задыхаясь отъ волненія.

— Полноте, матушка, ваше высокопревосходительство, полноте на него сердиться! заговорила убѣждающимъ голосомъ Лукерья Ивановна: — онъ это сдѣлалъ такъ, безъ всякаго умысла; обидѣть онъ васъ ужь никакимъ манеромъ не хотѣлъ; онъ человѣкъ молодой, больно-робкій, все у отца да у матери за пазухой росъ; вѣдь, онъ не чета какому-нибудь Лоневу: тотъ такой разбитной, за словомъ въ карманъ не полѣзетъ; а этотъ-такъ скромникъ; просто не нашелся чтò сказать... Я, впрочемъ, сегодня была у него, толковала съ нимъ...

— Ну, а обо мнѣ онъ говорилъ что-нибудь? живо и съ замѣтнымъ любопытствомъ спросила Дарья Семеновна.

— Кáкъ же, матушка! говорилъ много: не нахвалится вами, твердитъ, что красавица, да и только.

Зная очень-хорошо слабость своей собесѣдницы, Лукерья Ивановна, въ удовольствіе ей, частенько добавляла многое, чего вовсе не бывало на-самомъ-дѣлѣ. Въ этотъ разъ она поступила точно такъ же: она передавала Крушихиной похвалы, сдѣланныя ей Свѣталовымъ, не повидавшись съ нимъ.

Лукерья Ивановна достигла, однако, своей цѣли: по пасмурному до того времени лицу Крушихиной пробѣжало выраженіе удовольствія.

— Садитесь-ко, матушка Лукерья Ивановна, ласково проговорила Дарья Семеновна, подвигая ей кресло около своего рабочаго стола.

Лукерья Ивановна ободрилась при видѣ такой обходительности. Она сняла съ себя шляпку и поношеную зеленую шаль. Старуха была въ коричневомъ шелковомъ платьѣ, далеко-неновомъ, и въ бархатной, довольно-потертой мантильѣ вишневаго цвѣта. Совершенное отсутствіе гармоніи во всемъ нарядѣ Лукерьи Ивановны показывало, что онъ составился изъ разновременныхъ приношеній въ ея пользу.

— Вишь, вѣдь, какъ расфрантилась сказала, улыбаясь, Дарья Семеновна, привѣтливо смотря на свою гостью.

— Какое тутъ, матушка, франтовство! все до послѣдней нитки дареное. Вотъ еще вчера подарила мнѣ эту шляпку Софья Петровна, а мантилью-то, мѣсяца три назадъ, получила я отъ Кулаковской; а платье-то это ужь другой годъ на себѣ таскаю— хорошо, что пришлось въ-пору; достала его въ подарокъ отъ Варвары Михайловны, а теперь-то она, на бѣду мнѣ, такъ похудѣла, что если и подаритъ мнѣ еще какое-нибудь платьишко, такъ оно на мнѣ ужь никакъ не сойдется; ей житьё-то стало плохое, все чахнетъ, да чахнетъ...

— Съ чего жь это?

— Да, вѣдь, тотъ-то ее бросилъ: мѣсяцевъ шесть назадъ будетъ, какъ женился, а она-то, глупая, скучаетъ по немъ еще досихъ-поръ, да вѣдь какъ скучаетъ! жалобно проговорила Лукерья Ивановна:—а подумаешь, что̀ она въ немъ нашла? рыжій озорникъ, да и только.

— Ну, а Крышкина-то ка̀къ поживаетъ? съ большимъ любопытствомъ спросила Дарья Семеновна.

— Тоже расходятся, сказала Лукерья Ивановна, махнувъ рукой:—прожилась въ него, окаяннаго, вся до послѣдней крохи, и домъ-то, что̀ на Бутыркахъ, продаетъ теперь за бездѣлицу. Вотъ совсѣмъ другое дѣло Звѣрькова—ту, небойсь, не надуешь...

— Какая Звѣрькова?

— Да Марья-то Дмитревна, что̀ жила прошлый годъ на Лубянкѣ. Вѣдь она не только-что съумѣла цѣлый свой вѣкъ оберечься отъ экихъ щелкоперовъ, да еще и подъ старость знала какъ съ нихъ живиться... А ужь ка̀къ же и нагулялась она въ свою жизнь! добавила Лукерья Ивановна, нѣжно прищуривая свои маленькіе глазки и покачивая головою. — Вотъ ужь можно сказать, что нагулялась!...

— Будто-бы? спросила Дарья Семеновна съ нѣкоторымъ удивленіемъ и почти съ завистью.

— Разумѣется, что такъ. Марья Дмитревна женщина сметливая... Э, матушка! заговорила вдругъ поучительнымъ голосомъ Лукерья Ивановна: —вѣдь мужчины-то народъ все безстыжій: они та̀къ и смотрятъ, ка̀къ бы урвать что-нибудь.. Вотъ другое дѣло Алексѣй Сергѣичъ, этотъ отъявленный скромникъ, что̀ твоя красная дѣвушка, и коли полюбитъ кого, то, конечно, ужь не изъ-за денегъ...

— А какъ же онъ у меня былъ затѣмъ, чтобъ попросить въ займы? живо перебила Дарья Семеновна.

— Изволите видѣть, какой онъ совѣстливый: хоть и пріѣхалъ затѣмъ, да духу-то и не хватило попросить; а вѣдь другой бы, на его мѣстѣ, просто—подавай да и только, съ перваго разу, безъ дальнихъ разговоровъ. А что хотѣлъ попросить у васъ взаймы, то это еще не бѣда; такъ случилось: завлекли его добрые пріятели въ картёжъ, а онъ, по неопытности, тамъ и просвистался. Такой случай со всякимъ быть можетъ; а то на что̀ ему и деньги? Отецъ-то у него страшный богачъ. Ему теперь бы только извернуться... Вѣдь, знаете, матушка Дарья Семеновна, у насъ процентщики хуже всякихъ нехристей—дерутъ со всѣхъ, сколько могутъ, а онъ, на свою бѣду, и задолжалъ имъ, сердечный... А ужь какой онъ тихій! добавила протяжно Лукерья Ивановна: — не шляется никуда, какъ другіе шелопаи.

— Въ-самомъ-дѣлѣ?

— Ужь за это-то поручиться можно.

— Такъ что́ жь онъ говорилъ обо мнѣ? спросила Дарья Семеновна съ довольнымъ выраженіемъ лица, очень-хорошо помня, что за нѣсколько минутъ ужь заходила объ этомъ пріятная для нея рѣчь.

— Говорилъ: настоящая, молъ, барыня, такая изъ себя видная, просто заглядѣнье!

Слушая ложь Лукерьи Ивановны, Дарья Семеновна улыбалась самодовольно.

— Ну, дать-то ему въ займы, пожалуй, можно, только не надолго, да пусть заемное письмо прежде приготовитъ, скажи ему объ этомъ, Лукерья Ивановна. А когда жь онъ опять у меня побываетъ? живо спросила Крушихина.

— Да хоть послѣзавтра.

— Нѣтъ, ужь пусть лучше пріѣдетъ во вторникъ на той недѣлѣ, такъ я ему къ этому времени и деньги припасу.

— Хорошо, хорошо, Дарья Семеновна; та́къ я ему объ этомъ завтра и скажу... Ну, а супругъ-то вашъ какъ поживаетъ?

— И не говори лучше о немъ, матушка Лукерья Ивановна, съ досадою перебила Дарья Семеновна:—какое мое житье! Возишься съ нимъ цѣлый день, да и ночью-то еще разъ десять иногда встанешь. Мученье, да и только!

— И подлинно, что мученье, наказалъ васъ Господь Богъ этой жизнью; а за что́?

Крушихина тяжело вздохнула, но замѣтно было, что этотъ вздохъ шелъ не отъ сердца. И хозяйка и гостья призамолкли на нѣсколько минутъ.

— А позвольте васъ спросить насчетъ завѣщанія? сказала Лукерья Ивановна, понизивъ какъ-можно-болѣе свой пискливый, но рѣзкій голосъ.

Дарья Семеновна вздрогнула; ее ударило въ краску.

— Спрашивала я, проговорила она, тяжело переводя дыханіе:— у Матвѣя Аѳанасьича по этому дѣлу, такъ онъ мнѣ сказывалъ, что теперь я, какъ законная жена Данилы Кирилыча, буду, за неимѣніемъ другихъ родственниковъ, послѣ его смерти полною и единственною наслѣдницею всего, что̀ онъ имѣетъ.

— Та̀къ-то та́къ, проговорила Лукерья Ивановна:—ну, а какъ, Боже сохрани, онъ вдругъ, чего добраго, вздумаетъ отказать все монастырямъ да богадельнямъ?... Вѣдь и такіе примѣры частенько бываютъ, матушка Дарья Семеновна. Да вотъ, сказать къ случаю, съ небольшимъ года три назадъ, умеръ здѣсь, въ Москвѣ, генералъ Улиткинъ, Василій Ѳедорычъ, такъ онъ, вѣдь, все, что̀ было у него, расписалъ на церкви да по монастырямъ, даже роднымъ дѣтямъ и внукамъ ничего не оставилъ; а вѣдь богачъ былъ извѣстный...

Дарья Семеновна боязливо прислушивалась къ этой неутѣшительной и тревожной для нея рѣчи. Безпокойство и даже ужасъ выражались въ это время на ея лицѣ.

— Ну, а Аннушку-то онъ совсѣмъ забылъ? добавила Лукерья Ивановна, пристально взглянувъ на Дарью Семеновну и какъ-будто желая выпытать отъ нея какую-то важную тайну.

— И не спрашивай, матушка, лучше о ней! сердито крикнула Дарья Семеновна. Давно бы и все дѣло насчетъ завѣщанія было между нами улажено, да и прежде не промаялась бы я, быть-можетъ, по ея милости, лишнихъ десятокъ лѣтъ не то ключницей, не то барыней. Вѣдь, Данило-то Кирилычъ, еще и въ ту пору на мнѣ жениться сбирался... она всему виной была, да если я и теперь, послѣ его смерти нищей останусь, такъ и это будетъ по ея же милости... Изъ-за одной ея онъ и меня-то не любитъ, злобно проговорила въ заключеніе Дарья Семенова, и багровыя пятна выступили на ея лицѣ.

— Видишь вѣдь грѣхъ какой случился! замѣтила Лукерья Ивановна, покачивая головою и жалобно чмокая губами.

— Безъ вины я стала виновата. Эта негодница много мнѣ разнаго горя надѣлала...

Еще Дарья Семеновна не успѣла договорить этихъ словъ, какъ кто-то тихо и осторожно постучался въ дверяхъ ручкой замка. Дарья Семеновна быстро подскочила къ двери и сильно толкнула ее рукою.

— Ты что сюда лѣзешь? сердито закричала она:—сколько разъ говорила я тебѣ, чтобъ не смѣла ходить сюда, пока я сама не позову тебя!

— Мнѣ Кузьма приказалъ сказать вамъ, что Данилѣ Кирилычу сдѣлалось теперь очень-нехорошо, и что онъ проситъ васъ поскорѣе къ себѣ, робкимъ голосомъ проговорила за дверьми Аннушка.

— Ну, приду! сказала Дарья Семеновна, топнувъ отъ досады ногою и захлопнувъ передъ Аннушкой дверь изо всей силы.

— А чтó Савва Акимычъ? вдругъ спросила Крушихина:— не побывать ли мнѣ у него? Вѣдь онъ мнѣ свадьбу мою за цѣлые три года раньше предсказалъ.

— Чтò и говорить о немъ, матушка Дарья Семеновна! съ какимъ-то благоговѣніемъ замѣтила Лукерья Ивановна:—онъ настоящій праведникъ и постникъ и молитвенникъ... Вѣдь всегда напередъ скажетъ, чтò въ жизни съ человѣкомъ будетъ. Ужь видно ему такой особенный таланъ отъ Господа Бога за его смиреніе достался... Дà, чтó, впрочемъ, Савва-то Акимычъ! вдругъ какъ-будто съ презрѣніемъ вскричала Лукерья Ивановна:—есть теперь въ Москвѣ и поважнѣе его; вотъ появилась недавно блаженная Агриппина, такъ о ней просто чудеса разсказываютъ. Вѣрить даже не хочется...

— Сышала и я тоже о ней: преудивительныя вещи толкуютъ, замѣтила Дарья Семеновна.

— Говорятъ, будто по книжкѣ читаетъ, добавила Лукерья Ивановна.—Недѣли три назадъ, была у ней одна моя знакомая, Палагея Игнатьевна—вы ее, матушка, должно-быть, не знаете—такъ вотъ она потомъ мнѣ разсказывала: надивиться не можетъ, какъ заговоритъ, молъ, такъ изъ двадцати словъ развѣ одно только поймешь; но за то ужь если хоть что-нибудь поймешь изъ ея рѣчей, такъ о себѣ всю подноготную провѣдаешь. Кажется, сказывала Палагея Игнатьевна, смотритъ на тебя, да тàкъ и знаетъ все, чтò человѣкъ въ мысляхъ у себя держитъ—великая, должно-быть, праведница... Да сказывала мнѣ также Палагея Игнатьевна,

что съ ней племянникъ пріѣхалъ, тоже на блаженнаго смахиваетъ, но покуда еще не пророчествуетъ: молодъ больно.

— А что̀, племянникъ-то, изъ себя красивъ? полушутя и полусерьёзно спросила Дарья Семеновна.

— Ужь вы, матушка, всегда найдете, что̀ спросить, заливаясь отъ смѣха, перебила Лукерья Ивановна.—Да какъ бы онъ хорошъ изъ себя ни былъ, а кстати ли его на искушеніе наводить? Не по той дорогѣ идетъ, монахомъ будетъ... И Лукерья Ивановна едва сидѣла на мѣстѣ, трясясь вся отъ сильнаго смѣха.—Сказывала, впрочемъ, мнѣ Палагея Игнатьевна, что у него такіе черные глаза, какихъ она и отродясь не видывала, да поджаръ больно, на твой вкусъ негодится, добавила старуха, захохотавъ сильнѣе прежняго и отмахиваясь руками.

Разговоръ между Дарьей Семеновной и ея собесѣдницей принималъ теперь тотъ безцеремонный складъ, которымъ онъ всегда отличался, когда попадалъ на подобные предметы. Въ этихъ случаяхъ постепенно исчезала смѣшная и натянутая величавость Дарьи Семеновны, которую она старалась себѣ придать, воображая себя знатной барыней. Въ свою очередь и Лукерья Ивановна переставала стѣсняться передъ Крушихиной—по обыкновенію, дѣлалась нескромно-болтливой женщиной и начинала обращаться съ Дарьей Семеновной какъ съ своей товаркой, и очень-часто въ разговорѣ собесѣдницъ натянутое между ними *вы* обращалось въ пріятельское—*ты*.

Въ настоящее время дѣло клонилось къ тому же, когда вдругъ въ комнату Дарьи Семеновны вбѣжалъ лакей.

— Пожалуйте, ваше высокопревосходительство: генералу очень-дурно...

— Иди, иди, матушка! подшепнула Дарьѣ Семеновнѣ Лукерья Ивановна: — въ такихъ случаяхъ надобно всегда быть поблизости старика: неровёнъ часъ, кто знаетъ, быть-можетъ, придется отходную ему читать.

— А кофейку, Лукерья Ивановна, прикажешь? дружески спросила Крушихина.

— Отчего же нѣтъ?

— Ну, такъ я велю сейчасъ приготовить, сказала Дарья Семеновна и съ этими словами она пошла на половину своего мужа.

VIII.

Ужь восьмнадцатый годъ жилъ Савва Акимычъ въ далекомъ захолустьѣ, за Дѣвичьимъ Полемъ. Хотя уныло смотрѣлъ его бревенчатый ветхій домишко съ двумя небольшими окошками, выходившими на широкій и безлюдный пустырь, однако къ бѣдному, по наружности, домишку Саввы Акимыча очень-часто подъѣзжали щегольскія кареты и коляски. Нерѣдко маленькая дамская ручка, обтянутая изящной перчаткой, съ трудомъ приподнимала тяжелое желѣзное кольцо у калитки Саввы Акимыча. Не безъ сердечнаго волненія переступали черезъ порогъ этой калитки и робкія грѣшницы, обманывавшія своихъ мужей, и влюбленныя барышни изъ моднаго московскаго свѣта, и бѣдная суевѣрная мѣщаночка, и богатая, жирная купчиха, мучимая тревожными снами и печальными предчувствіями. Всѣ онѣ навѣщали Савву Акимыча—или въ надеждѣ получить отъ него душеспасительные совѣты, или въ чаяніи имѣть отъ него душеспасительныя утѣшенія; но всего болѣе посѣщали онѣ его въ той полной увѣренности, что отъ него можно вывѣдать свою грядущую судьбу. Впрочемъ, не одинъ только женскій полъ вѣровалъ въ прорицанія Саввы Акимыча: къ нему за прорицаніями приходили также иногда и мужчины, въ-особенности же тѣ, которые или сбирались жениться въ скоромъ времени, или намѣревались отправиться по дѣламъ въ дальнюю дорогу. Въ народѣ поговаривали даже, будтобы иногда къ Саввѣ Акимычу заворачивали и частные и квартальные, надѣявшіеся, при порученныхъ имъ розыскахъ о важныхъ покражахъ, услышать отъ него такія вѣщанія, которыя должны были навести полицію на слѣды воровскихъ и мошенническихъ шаекъ. Да и вообще нерѣдко обращались къ Саввѣ Акимычу разныя обкраденныя личности: но угадыванье по такимъ дѣламъ не было собственно спеціальностью праведнаго мужа, и онъ былъ извѣстенъ въ Москвѣ всего болѣе своими несомнѣнными предсказаніями о будущей судьбѣ каждаго, кто только вопрошалъ его по этой части.

Савва Акимовичъ былъ изъ тверскихъ семинаристовъ. Съ дѣтства онъ не видѣлъ въ ученьи ни особенной радости, ни особенной благодати, а впослѣдствіи, сдѣлавшись взрослымъ парнемъ, Савва Акимовичъ, довольно-сметливый отъ природы, рѣшился заработывать деньгу какимъ-нибудь легкимъ способомъ.

Жалкое суевѣріе и грубые предразсудки не только такъ-называемаго простонародья, но даже и людей болѣе или менѣе образованныхъ, представили ему довольно средствъ для достиженія его цѣли среди беззаботной праздности. Лѣтъ съ двадцати-двухъ, Савва Акимовичъ началъ блажить и юродствовать; онъ, какъ говорится, сталъ напускать на себя дурь. Савва Акимовичъ посѣщалъ многолюдныя церкви и тамъ къ творимымъ имъ громко молитвамъ примѣшивалъ разныя выходки и странности. Онъ усердно крестился, а между-тѣмъ, дико и безпокойно оглядывался на всѣ стороны; ложился за обѣдней ничкомъ въ растяжку на видномъ мѣстѣ и иногда оставался въ такомъ положеніи впродолженіе цѣлаго часа. Въ это время онъ нашептывалъ что-то непонятное, какъ-будто бесѣдуя съ чѣмъ-то незримымъ для другихъ. Иногда Савва Акимовичъ опрометью пускался во всю церковь длятого, чтобъ поставить свѣчку передъ образомъ, порою дерзко придирался къ кому-нибудь изъ присутствовавшихъ въ церкви за неусердную молитву или за неблагоговѣйное стояніе въ храмѣ Божіемъ. На святой недѣлѣ, онъ христосовался со всѣми, порываясь въ-особенности приложиться своими колючими, долгое время небритыми усами и такой же бородой къ нѣжнымъ губкамъ и бѣлымъ щечкамъ стыдливыхъ барышень, и когда послѣднія отказывали поцаловать неряху, онъ принимался безцеремонно укорять ихъ за неисполненіе христіанскихъ обязанностей, и говорилъ имъ при этомъ случаѣ самыя непозволительныя грубости. Такими выходками Савва Акимовичъ сталъ пріобрѣтать себѣ въ простонародьѣ почетную извѣстность и нѣкоторое уваженіе. На церковныхъ папертяхъ, особенно во время богатыхъ похоронъ, онъ становился въ рядахъ нищей братьи; но когда кто-нибудь хотѣлъ подать ему милостыню, то онъ отказывался отъ нея съ разными ужимками:

— Прочь, прочь отъ меня, проклятыя деньги! мнѣ ихъ не нужно. Самъ Господь и грѣетъ и питаетъ меня; а вотъ подай лучше грошъ брату Петру, да копейку сестрѣ Акулинѣ, кричалъ Савва Акимовичъ громкимъ и повелительнымъ голосомъ, отталкивая отъ себя того, кто подавалъ ему милостыню.

Вскорѣ, вслѣдствіе такихъ продѣлокъ, о немъ заговорили въ народѣ, какъ о какомъ-то дивѣ, какъ о безсребренникѣ христовомъ. Впрочемъ, украдкой отъ постороннихъ зрителей Савва Акимовичъ принималъ подаяніе очень-охотно, а между-тѣмъ самъ иногда при людяхъ удѣлялъ отъ себя встрѣчавшемуся съ нимъ

нищему не только мѣдный пятакъ, но и серебряную гривну, прибавляя къ своему щедрому и вовсе-неожиданному подаянію разныя душеспасительныя наставленія. Иногда, въ праздничные дни, гдѣ-нибудь на торговомъ мѣстѣ онъ собиралъ около себя десятокъ и болѣе нищихъ и раздавалъ имъ или хлѣбъ или калачи съ разными прибаутками и величаніями о самомъ-себѣ.

— А вотъ Савва-то Акимовичъ, говорилъ онъ окружавшимъ его:—самъ и нищъ и убогъ, а своей братьи во Христѣ не позабываетъ; онъ крѣпко помнитъ слово евангельское и кормитъ неимущихъ, а за это и Господь Богъ его не оставляетъ и посылаетъ ему манну небесную. А вотъ какъ придетъ великій постъ, то въ первую недѣлю онъ самъ ѣсть ничего не будетъ, никому ничего не дастъ на ѣду, да еще и отниметъ съѣстное у всякаго, у кого только увидитъ.

Подобные глаголы произносилъ Савва Акимовичъ самоувѣренно твердымъ голосомъ, то крестясь, то вздыхая, то отплевываясь, то закрывая лицо обѣими руками, то подергивая плечами, то дрыгая ногами. Всѣ эти чудачества производили на простодушныхъ зрителей то благопріятное для Саввы Акимовича впечатлѣніе, которое онъ и хотѣлъ произвести на нихъ.

Юродству его не мало, впрочемъ, помогъ и запой, котораго онъ тайкомъ придерживался одно время. Неумѣренныя выпивки Саввы Акимовича, еще при малой его извѣстности въ церквахъ и на ихъ папертяхъ, сходили ему съ рукъ очень-удачно, тѣмъ болѣе, что, выпивая чрезъ мѣру, онъ имѣлъ привычку оставаться дома. Запой и хмѣль Саввы Акимовича сопровождались всегда чрезвычайнымъ разгоряченіемъ его и безъ того довольно-пылкаго воображенія. Ему въ это время мерещились, въ разслабленной головѣ, разныя диковинки, и это состояніе духа одуряло его еще болѣе и заставляло даже его самого вѣрить въ свое общеніе съ чѣмъ-то сверхъестественнымъ. Въ довершеніе своей извѣстности, какъ юродствующаго, Савва Акимовичъ, попытался-было однажды, послѣ сильной перепойки, погулять въ трескучіе рождественскіе морозы босикомъ и безъ шапки; но этотъ опытъ богоугодности не прошелъ ему даромъ: онъ сильно отморозилъ себѣ ноги и нажилъ жестокую головную боль. Пьянство, отъ котораго, впрочемъ, отвыкъ впослѣдствіи Савва Акимовичъ, оставило, однако, въ чертахъ его лица какое-то ошалѣлое выраженіе, а постоянное неряшество и странныя замашки придали наружности Саввы Акимовича какую-то особенность, обра-

щавшую на него общее вниманіе при каждомъ появленіи его въ церкви, на улицѣ и на торговой площади.

Живя не копеечными поборами, какъ обыкновенный нищій, но получая, какъ юродивый, довольно-значительныя вспоможенія, шедшія къ нему въ-особенности со стороны нѣкоторыхъ богатыхъ и набожныхъ купцовъ, Савва Акимовичъ, послѣ шестилѣтняго своего юродства, устроилъ очень-порядочно денежныя дѣлишки для своего ограниченнаго быта. На седьмомъ году своихъ подвиговъ онъ могъ уже купить себѣ собственный домишко. Вмѣстѣ съ домомъ явилась у него и сожительница-подруга, съ виду весьма-простоватая, но въ-сущности чрезвычайно-плутоватая баба. Она поселилась въ домѣ Саввы Акимовича подъ предлогомъ, что, изъ состраданія къ блаженному, хочетъ всю жизнь ухаживать за нимъ такъ, какъ бы ухаживала сестра за роднымъ братомъ.

Сметливая Марья Ларіоновна призанялась дѣлами Саввы Акимовича съ особеннымъ стараніемъ, и, при ея участіи, они пошли еще лучше, нежели шли прежде. Савва Акимовичъ жилъ теперь, посреди беззаботной праздности, не только въ довольствѣ насчетъ доброхотныхъ дателей, уважавшихъ его юродство, но и сколачивалъ еще про запасъ рубль за рублемъ. Несмотря, однако, на свою извѣстность какъ блаженнаго мужа, Савва Акимовичъ медлилъ заниматься пророчествомъ, боясь, въ случаѣ какой-либо неудачи, промѣнять настоящее вѣрное ремесло на новый, несовсѣмъ-вѣрный промыселъ; но онъ принялся и за послѣдній, когда однажды представился благопріятный къ этому случай.

Разъ какъ-то, позднимъ вечеромъ, вбѣжала къ Саввѣ Акимовичу въ ужасныхъ попыхахъ его сосѣдка, старая и смиренная баба.

— Батюшка, Савва Акимычъ! отецъ родной! помоги мнѣ горемычной, обокрали меня злодѣи до нитки! Праведникъ божій, укажи мнѣ, кто обидѣлъ меня, бѣдную вдову? голосила съ громкимъ плачемъ сосѣдка.

«Глупъ народъ», подумалъ про-себя Савва Акимовичъ, «да и отчего, впрочемъ, не призаняться мнѣ и этимъ, когда сами къ тому напрашиваются? значитъ, я могу творить и подобное», добавилъ онъ мысленно, смотря на старуху, которая ревѣла передъ нимъ во все горло и кланялась ему въ ноги.

— Не плачъ, сестра Агаѳья, а лучше помолимся Богу, сказалъ важно Савва Акимовичъ.

Съ этими словами онъ затеплилъ передъ образомъ тоненькую восковую свѣчку и принялся усердно класть земные поклоны, приказавъ сосѣдкѣ дѣлать то же самое.

— Тебя обокрали твои близкіе, положительно сказалъ Савва Акимовичъ, отсчитавъ вмѣстѣ со старухой дюжину земныхъ поклоновъ.

— И я, отецъ родной, такъ думаю, пуще прежняго заголосила Агаѳья.

Савва Акимовичъ началъ свои вѣщанія очень-удачно, и это, впрочемъ, было понятно, потому-что, живя долгое время въ одномъ и томъ же околоткѣ, онъ имѣлъ ужь на примѣтѣ нѣсколько такихъ сосѣдей, въ-особенности же между ними одного, которымъ подозрѣніе въ воровствѣ шло какъ-нельзя-болѣе къ лицу.

— У твоего вора темные глаза, а волосы съ просѣдью, продолжалъ Савва Акимовичъ, пристально смотря на старуху.

— Такъ батюшка и я думаю, поддакивала она, а между-тѣмъ пріятная надежда выражалась на ея прежде-встревоженномъ лицѣ.

Старуха стояла неподвижно передъ Саввой Акимовичемъ и, подперши лицо ладонью, съ выпученными глазами ожидала дальнѣйшихъ вѣщаній.

— Бороду онъ брѣетъ... еще съ бо̀льшею самоувѣренностью заговорилъ Савва Акимовичъ.

— Должно-быть, что брѣетъ, подтвердила старуха.

— Года два назадъ онъ хромалъ на лѣвую ногу? вопросительно сказалъ Савва Акимовичъ.

Старуха, молча, подумала съ минуту, а потомъ утвердительно кивнула головою; на лицѣ ея были замѣтны теперь и радость и нетерпѣніе. Савва Акимовичъ видѣлъ, что онъ очень-мѣтко попалъ сразу на того изъ сосѣдей, котораго и сама старуха подозрѣвала въ кражѣ.

— Ходитъ онъ въ сѣромъ кожухѣ... не кожухѣ, а только въ чемъ-то сѣромъ, добавилъ Савва Акимовичъ.

— Должно-быть, батюшка, что онъ-то и есть! съ замѣтнымъ изумленіемъ и почти съ восторгомъ подтвердила старуха.

— И тутъ у него, на груди, виситъ что-то, проговорилъ Савва Акимовичъ, показавъ рукою на лѣвую сторону своей груди.

— Виситъ, батюшка, какъ же! мендаль, за войну! та̀къ и есть... А что, отецъ родной, Савва Акимовичъ, по имени ты его назвать не можешь? Ужь не Титъ ли Прокофьичъ?

— Ты знаешь, что по именамъ воровъ мы называть не мо-

жемъ; во всей Москвѣ не отъищешь такого праведника, а я говорю тебѣ и безъ имени такъ, что ты его узнать можешь.

— Ну, ужь, конечно, Титъ Прокофьичъ! Онъ еще и прежде въ острогѣ сидѣлъ года съ полтора за воровство, да только счастливо отвертѣлся. Да и украсть-то у меня больше не́кому. Это онъ, душегубецъ! съ негодованіемъ и всхлипываніемъ говорила старуха.

— Да что тебѣ и пользы знать, кто онъ! вѣдь не уличишь его никакимъ манеромъ—все твое добро пропало. Воръ-то не таковскій! замѣтилъ рѣшительнымъ голосомъ Савва Акимовичъ.

— Не таковскій и есть! Правда твоя, кормилецъ, что не таковскій! повторяла старуха, и слова ея прерывались постоянно громкими рыданіями.

Уходя отъ Саввы Акимовича, старуха предложила-было ему мѣдную гривну, но онъ отказался отъ этого вознагражденія, приказавъ раздать деньги нищимъ.

Спустя нѣсколько дней послѣ этого, и общая молва сосѣдей и нѣкоторыя обстоятельства подтвердили, что теплый шугай и кое-что изъ домашней рухляди дѣйствительно были украдены у старухи Титомъ Прокофьевичемъ, продувнымъ служивымъ, давно вышедшимъ въ чистую отставку и жившимъ въ близкомъ сосѣдствѣ отъ Агаѳьи Марковны.

Обкраденная старуха громко и безъ устали говорила всѣмъ и каждому, что Савва Акимовичъ указалъ ей на вора еще тогда, когда никто не зналъ объ этомъ, такъ-какъ она, замѣтивъ покражу, тотчасъ же побѣжала къ своему благочестивому сосѣду. Выгодная для Саввы Акимовича молва о его прорицаніяхъ стала распространяться изъ ближайшаго къ нему околотка все болѣе-и-болѣе и притомъ, само-собою разумѣется, съ разнообразными преувеличеніями въ его пользу. Мало-по-малу дѣло дошло до того, что къ Саввѣ Акимовичу, спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ его первыхъ вѣщаній, стали обращаться съ вопросами о предметахъ несравненно-бо́льшей важности, нежели покража шугаевъ и кое-чего изъ домашней рухляди.

Савва Акимовичъ понялъ, что онъ выходитъ на отличную дорогу. Сожительница его стала собирать для него кое-какія справки о тѣхъ, кого онъ иногда заранѣе поджидалъ къ себѣ. Однако Марья Ларіоновна хитрила передъ Саввой Акимовичемъ, такъ-какъ она непрямо передавала ему собранныя ею свѣдѣнія, но только, какъ-будто случайно, проговаривалась передъ нимъ о

томъ, что̀ могло пособить и пригодиться ему въ его вѣщаніяхъ и пророчествахъ. Дѣйствуя такимъ образомъ, она хотѣла возвысить Савву Акимовича въ его собственномъ мнѣніи съ тѣмъ, чтобъ удачными прорицаніями было польщено его самолюбіе, и чтобъ онъ, вслѣдствіе этого, съ полной охотой занимался своимъ новымъ, весьма-прибыльнымъ ремесломъ.

Семинарское ученіе послужило теперь на пользу Саввѣ Акимовичу; при своихъ новыхъ, мистическихъ занятіяхъ, онъ безпрестанно и очень-удачно употреблялъ въ дѣло множество текстовъ и библейскихъ изреченій, а также и большое количество риторическихъ фигуръ, незабытыхъ имъ еще изъ хрій, нѣкогда задававшихся ему въ семинаріи. Такими вводными рѣчами онъ затемнялъ нарочно смыслъ своихъ шаткихъ пророчествъ и, кромѣ-того, придавалъ послѣднимъ оттѣнокъ какой-то важности и торжественности. Тексты и библейскія изреченія постоянно перемѣшивались у Саввы Акимовича съ простонародными поговорками, а также кудрявыми и высокопарными выраженіями, которыя онъ выучивалъ на память, выбирая ихъ изъ старинныхъ сонниковъ, оракуловъ, хиромантій, черной магіи и тому подобныхъ сочиненій.

Обаяніе пророчествъ, изреченныхъ Саввою Акимовичемъ, было очень-просто и понятно въ-сущности. Если онъ, по намекамъ Марьи Ларіоновны, хотя и очень-заботливой о его пророческой славѣ изъ собственныхъ выгодъ, но неуспѣвавшей всегда провѣдать что̀ слѣдуетъ, не зналъ заранѣе, кто къ нему будетъ, то онъ въ своей пророческой болтовнѣ примѣнялся прежде всего къ лѣтамъ, одеждѣ и наружности посѣщавшихъ его лицъ, обыкновенно, озадачивая ихъ напередъ какимъ-нибудь ужасавшимъ возгласомъ:

— Ухъ, ухъ! какъ пахнетъ могилой!... кричалъ онъ иногда и зажималъ пальцами носъ, при входѣ къ нему какой-нибудь личности, хворой съ виду.

— Исаія, ликуй!... вскрикивалъ онъ радостно, при появленіи на его порогѣ молодой дѣвушки, которая, какъ можно было предполагать съ полною достовѣрностью, пришла къ нему съ желаніемъ узнать что-нибудь о своемъ суженомъ.

— Вѣчная память! Вѣчная память!... голосилъ онъ иной разъ въ изступленіи, замѣтивъ грустное выраженіе лица у кого-нибудь изъ входившихъ къ нему въ комнату и предполагая, что пришли спросить его о выздоровленіи больнаго, близкаго по родству или

пріязни. Иногда такой взглядъ, при подобныхъ же обстоятельствахъ, замѣнялся крикомъ: «Бѣда!... Погибель!... Переполохъ!... Худо, худо, и спрашивать нѣчего!...»

Очень-понятно, и то такого рода разнообразныя восклицанія не всегда были кстати, но и въ неудачныхъ случаяхъ Савва Акимовичъ ровно ничего не терялъ во мнѣніи суевѣрнаго люда, такъ-какъ, при подобныхъ обстоятельствахъ, восклицанія эти не считались собственно пророчествомъ, но принимались только какъ неразгаданныя странности праведника и заставляли посѣщавшихъ Савву Акимовича отъискивать въ нихъ особый таинственный смыслъ или намекъ на отдаленныя событія, еще непровидимыя ими самими, но уже прозрѣваемыя праведнымъ мужемъ.

Смотря по тому впечатлѣнію, какое производили первые, привѣтственные крики, Савва Акимовичъ, пристально глядя на своихъ посѣтителей и посѣтительницъ, принимался болтать что-нибудь въ родѣ слѣдующаго:

— А что, сердце болитъ? Душа стонетъ? Плоть немоществуетъ? А уготовалъ ли жертвенникъ Богу?... Дрогнули стѣны вавилонскія, заговорила валаамова ослица... Ха, ха, ха! Волосы дыбомъ, огурецъ въ огородѣ, а въ домѣ-то, въ домѣ!...

При подобныхъ рѣчахъ, отзывавщихся помѣшательствомъ, Савва Акимовичъ закрывалъ глаза и принимался отплевываться и топать ногами.

Обыкновенно онъ вралъ напропалую, особенно если замѣчалъ, что слушатели его были люди простоватые. Но изъ цѣлаго ряда безсмысленныхъ фразъ, конечно, иногда попадалась и такая фраза, которая представляла удачный намекъ на чувство или на помыслы бывшихъ у Саввы Акимовича, и невольно озадачивала ихъ собою. Понаторѣвши со-временемъ въ своемъ ремеслѣ, Савва Акимовичъ умѣлъ очень-ловко подмѣчать дѣйствіе, производимое его безтолковыми глаголами и, соображаясь съ своими наблюденіями, принимался молоть вздоръ на одну какую-нибудь тэму. Само-собою разумѣется, что изъ безсвязныхъ и пустыхъ рѣчей Саввы Акимовича нельзя было вывести ничего опредѣленнаго, но эта-то самая неопредѣленность, при жалкомъ суевѣріи людей, бывшихъ у праведника и при настроеніи ихъ духа въ его пользу, придавала рѣчамъ его особенную важность и заставляла ихъ вѣрить его вздорнымъ вѣщаніямъ. Перемѣшивая свои пророчества съ молитвами и славословіями, Савва Акимовичъ располагалъ къ себѣ людей са-

мыхъ набожныхъ, которые во всѣхъ его прорицаніяхъ видѣли не дѣйствія какой-нибудь нечистой силы, но, совершенно напротивъ, признавали въ нихъ проявленіе особой благодати.

Къ этому-то Саввѣ Акимовичу отправилась Дарья Семеновна, послѣ своей бесѣды съ Лукерьей Ивановной, приказавъ Аннушкѣ оставаться безотлучно при больномъ Данилѣ Кирилловичѣ.

IX.

— А чтó, Аннушка, я очень-перемѣнился?... спросилъ, ôхая и слабымъ голосомъ Данило Кирилловичъ, съ трудомъ поднимаясь выше на подушкахъ.

— Нѣтъ, не очень... смутившись, отвѣчала Аннушка.

Она боялась, что, сказавъ правду, можетъ встревожить своимъ отвѣтомъ больнаго, потому-что на-самомъ-дѣлѣ, въ-теченіе двухъ послѣднихъ недѣль въ Крушихинѣ произошла разительная перемѣна: онъ началъ замѣтно разрушаться все болѣе-и-болѣе съ каждымъ днемъ, и его до той поры еще довольно-бодрая наружность выражала теперь признаки предсмертнаго ослабленія; голосъ его звучалъ болѣзненно и неровно; щеки были впалы, а большіе, черные глаза то блуждали безсознательно по стѣнамъ и по потолку комнаты, то тускло и пристально смотрѣли на сидѣвшую у него въ ногахъ Аннушку. Казалось, послѣ ея отвѣта Данило Кирилловичъ силился припомнить что-то.

— Сколько времени прошло, Аннушка, съ-тѣхъ-поръ, какъ ты оставила пансіонъ... вѣдь мамзель Винтеръ, кажется?... проговорилъ невнятно и съ разстановкой ослабѣвшій Крушихинъ.

— Скоро будетъ восемь мѣсяцевъ, сказала Аннушка.

— А тебѣ учиться очень хотѣлось?... добавилъ ласково Данило Кирилловичъ.

Аннушка ничего не отвѣчала. Она только опустила внизъ глаза и вздохнула.

Въ комнатѣ больнаго наступило теперь молчаніе, прерывавшееся лишь однообразнымъ чиканіемъ карманныхъ часовъ, лежавшихъ на столикѣ подлѣ кровати Данилы Кирилловича, да еще его тихимъ оханьемъ и тяжелыми вздохами. По-временамъ больной старикъ шевелилъ губами безъ словъ; въ это время видно было, что онъ крестился не вынимая руки изъ-подъ одѣяла. Аннушка съ участіемъ и съ заботой, не отводя глазъ, слѣдила за Крушихинымъ.

— Вѣдь Дарья Семеновна уѣхала?... тихо, но съ замѣтнымъ волненіемъ спросилъ Данило Кирилловичъ.

— Уѣхала.

— А давно?

— Я думаю, часа два будетъ.

Старикъ, съ выраженіемъ досады на лицѣ, стиснулъ губы и печально нѣсколько разъ покачалъ головою.

— Вотъ мы съ тобой одни остались... растроганнымъ голосомъ проговорилъ Данило Кирилловичъ, подзывая рукою Аннушку къ изголовью своей постели.

Аннушка подошла. Крушихинъ положилъ ей на плечо руку и ласково смотрѣлъ на нее потухавшими глазами.

— А что, Анюта, я думаю, тебя здѣсь всѣ обижаютъ?... Нехорошо тебѣ жить у меня?... заботливо спросилъ старикъ, придвигая къ себѣ рукою Аннушку.

Аннушка была сильно взволнована неожиданной лаской прежде всегда суроваго и сумрачнаго Данилы Кирилловича. Она вся дрожала; слезы кололи ей глаза, и Аннушка едва-одолѣвала себя, чтобъ не заплакать навзрыдъ. Она хотѣла, но въ то же время и боялась, высказать приласкавшему ея старику всю тяжесть своего положенія. Привѣтливость Крушихина невольно вызывала чистосердечную дѣвушку на полную откровенность, а между-тѣмъ, врожденная кротость заставляла ее скрывать отъ всѣхъ свое горе: Аннушкѣ тяжело было обвинить кого-нибудь въ своей невеселой долѣ.

— Наклонись и поцалуй меня, Аннушка, сказалъ съ чувствомъ Данило Кирилловичъ, крѣпко сжимая ея руку и почти насильно таща ее къ себѣ.

Робкая дѣвушка, непривыкшая вовсе ни къ чьимъ ласкамъ, рѣшительно не понимала, что съ ней теперь дѣлалось. Растерянно смотрѣла она на Крушихина, на глазахъ котораго, между-тѣмъ, выступали слезы.

— Поцалуй же меня, мой дружокъ, повторялъ онъ еще болѣе-ласковымъ голосомъ.—Вѣдь ты одна у меня только и есть, добавилъ взволнованный Крушихинъ, послѣ того, какъ Аннушка исполнила его желаніе.

Съ горячимъ, безотчетнымъ увлеченіемъ схватила она руку старика и начала цаловать ее. Только теперь почувствовала въ первый разъ Аннушка, что значатъ участіе и ласки, которыя ей вовсе не были знакомы до настоящаго времени. Растроганная

привѣтливостью старика, она не могла объяснить себѣ перемѣны, такъ неожиданно происшедшей въ Данилѣ Кирилловичѣ; она съ изумленіемъ смотрѣла на него, а онъ въ то же время не спускалъ съ нея глазъ и ласково ей улыбался.

— А что̀, Аннушка, жаль тебѣ будетъ меня, когда я умру? прерывающимъ голосомъ сказалъ Крушихинъ.

Аннушка заплакала, но силилась преодолѣть себя, боясь разстроить Крушихина еще болѣе своими слезами, и, отворотившись отъ него, украдкой, какъ-можно-скорѣе, отерла глаза рукавомъ своего стараго платья. Старикъ, однако, замѣтилъ ея слезы...

— Не плачь, Анюта; тебѣ безъ меня хорошо будетъ жить: все, что̀ у меня есть, достанется тебѣ одной...

Съ большимъ усиліемъ выговорилъ Крушихинъ послѣднія слова, и въ эту минуту, какъ и всегда, его потревожила страшная мысль о томъ, что ему скоро придется разстаться съ его огромнымъ богатствомъ. Аннушка, однако, въ отвѣтъ на утѣшеніе Данила Кирилловича, отрицательно и съ совершеннымъ равнодушіемъ покачала головкой, а взглядъ ея, устремленный на больнаго, выражалъ въ это время грусть и заботу. Въ сердцѣ молодой дѣвушки, при обѣщаніи богатаго наслѣдства, не исчезла тревожная мысль о близкой смерти того, кто, какъ было теперь видно, сильно, хотя и незамѣтно, любилъ ее.

— Мнѣ ничего ненадобно!... съ жаромъ и сквозь слезы сказала Аннушка и, бросившись на колѣни передъ постелью Крушихина, схватила обѣими руками его руку и, поцаловавъ, крѣпко сжала ее.—Живите дольше, живите какъ-можно-дольше! плача, говорила Аннушка:—я только объ одномъ этомъ и прошу Бога... Вы и такъ сдѣлали ужь много для меня, бѣдной сироты, оставленной всѣми...

Лицо Крушихина судорожно исказилось при этихъ словахъ. Дыханіе его сдѣлалось еще тяжеле, еще перерывистѣе, и онъ какъ-то дико и боязливо взглянулъ на стоявшую подлѣ него дѣвушку.

— Закрой меня поскорѣе, Аннушка, проговорилъ Крушихинъ едва-слышнымъ голосомъ:—меня что-то сильно знобитъ.

Аннушка поспѣшила укутать старика съ той мелочной заботливостью, въ которой проглядываютъ искреннее состраданіе и неподдѣльное участіе.

«Она благодаритъ меня за все то, что̀ я сдѣлалъ для нея, бѣдной сироты», тревожно думалъ Крушихинъ: «а сколько моей

ненависти, сколько моихъ гоненій пало на нее, и все это, быть-можетъ, напрасно?... А она даже и не знаетъ объ этомъ», добавилъ мысленно Данило Кирилловичъ и, закрывъ отяжелѣлые глаза, представлялъ себѣ Аннушку, вспоминая ея черты, и порою, при этомъ воспоминаніи, радостная улыбка пробѣгала на посинѣлыхъ губахъ его.

— Во всемъ виновата Дарья Семеновна, бормоталъ онъ шопотомъ, какъ-будто въ забытьи:—она отняла у меня ту, которую, быть-можетъ, я любилъ бы больше всего на свѣтѣ. Да, я любилъ бы Аннушку, еслибъ не оттолкнули меня отъ нея... Дарья Семеновна!... вдругъ вскрикнулъ сердито и безпокойно Крушихинъ, и при этомъ зовѣ ослабѣвшій его голосъ звучалъ своей прежней энергіей: негодованіе какъ-будто оживляло на нѣсколько мгновеній уже совсѣмъ угасавшаго старика.

— Дарьи Семеновны еще нѣтъ дома, тихо проговорила Аннушка, стараясь успокоить Данила Кирилловича.

Послѣ сильнаго минутнаго порыва, Крушихинымъ овладѣло совершенное изнеможеніе; онъ лежалъ теперь неподвижно, и только тихій, безсвязный бредъ и судорожное подергиваніе въ лицѣ были признаками еще таившейся въ немъ жизни.

Съ тоскою и съ ужасомъ смотрѣла Аннушка на Данилу Кирилловича и нетерпѣливо поджидала возврата Дарьи Семеновны, которую по-временамъ все тише-и-тише, но вмѣстѣ съ тѣмъ и съ возраставшимъ безпокойствомъ призывалъ къ себѣ Крушихинъ.

X.

Большая, рыжая собака, привязанная на цѣпи и сторожившая домишко Саввы Акимовича, съ громкимъ лаемъ рвалась отъ своей конуры, щетинилась, становилась на заднія лапы и, наконецъ, въ безсиліи своемъ, скалила зубы, хрипѣла и заливалась отъ злости, когда мимо ея осторожно и трусливо проходила Дарья Семеновна. Услышавъ озлобленный лай своей дворовой собаки, Марья Ларіоновна поспѣшно выбѣжала на крыльцо.

— Ахъ ты мерзкая! Чего такъ кидаешься?... сердито крикнула она на собаку, швырнувъ въ нее камнемъ. Собака тотчасъ унялась и, поджавъ свой пушистый хвостъ, медленно полѣзла въ конуру и уже оттуда продолжала ворчать и огрызаться.

Пожалуйте, матушка ваше высокое-превосходительство, пожалуйте, проговорила торопливо хозяйка, отворяя дверь передъ

гостей и кланяясь ей весьма-почтительно. — Благодаримъ васъ за честь, что изволили къ намъ пріѣхать, добавила Марья Ларіоновна вслѣдъ Крушихиной, которая была ей знакома съ-тѣхъ-поръ, какъ пріѣзжала однажды къ Саввѣ Акимовичу, желая узнать отъ него о времени своей свадьбы.

— А что, Савву Акимовича сегодня видѣть можно? спросила Дарья Семеновна.

— Сейчасъ, матушка ваше высокое-превосходительство, изволитъ къ вамъ выйти, проговорила съ озабоченнымъ видомъ Марья Ларіоновна.

— А что̀, у васъ теперь никого нѣтъ?... перебила Крушихина.

— Есть тамъ, матушка, какой-то Никифоръ Иванычъ Сыромятниковъ, по фамиліи, да не извольте насчетъ его безпокоиться: онъ, такъ себѣ, человѣкъ простенькій; съ нимъ приключилось большое горе, вотъ онъ и пришелъ за совѣтомъ къ блаженному, болтала Марья Ларіоновна, провожая Крушихину черезъ крыльцо и темныя сѣни.

Дарья Семеновна вошла въ комнату. Жилище праведника отличалось смрадной духотой, грязью и безпорядкомъ. Надъ большимъ бѣлымъ столомъ, придвинутымъ въ правый уголъ, висѣло множество старинныхъ, почернѣвшихъ отъ времени иконъ, а также мѣдныя, позеленѣлыя отъ плѣсени створцы съ нѣсколькими лампадками, изъ которыхъ однѣ теплились, а другія были погашены на нѣкоторое время. На полочкѣ передъ образами было разставлено около дюжины просвиръ разныхъ размѣровъ, отъ самаго маленькаго до самаго огромнѣйшаго. Изъ-за образовъ торчали пуки вербъ съ бѣлыми барашками и съ восковыми херувимами, покрытыми пылью и паутиной. На этой же полочкѣ стояла бутылка отъ шампанскаго, съ деревяннымъ масломъ, и другая, отъ рейнвейна, со святой водою. Небольшой, ветхій шкапъ съ разбитыми стеклами, заключавшій въ себѣ кое-что изъ столовой посудины, и старые, окрашенные темной краской стулья съ ободранными кожаными подушками довершали убранство этой комнаты, въ которой уже давно, съ нетерпѣніемъ ожидая выхода Саввы Акимовича, сидѣлъ пригорюнившись и понуривъ голову, какой-то здоровенный купчина въ синей чуйкѣ.

— Генеральша къ намъ изволила пожаловать, важно, хотя и скороговоркой вымолвила Марья Ларіоновна сидѣвшему посѣтителю, заслонивъ ротъ ладонью и указывая ему глазами на Крушихину.

При словѣ «генеральша», купчина счелъ долгомъ встать съ своего мѣста, въ знакъ уваженія къ такой важной особѣ. Онъ стоялъ теперь на ногахъ, прислонившись къ стѣнѣ спиною, а между-тѣмъ Дарья Семеновна важно разсѣлась у стола на стулѣ, торопливо подставленномъ ей Марьей Ларіоновной, которая, усадивъ генеральшу, быстро шмыгнула въ сосѣднюю комнату, гдѣ находился Савва Акимовичъ.

Дарья Семеновна сидѣла въ замѣтномъ раздумьи, а Никифоръ Ивановичъ, изъ вѣжливости къ ней, стоялъ у стѣны; онъ то вздыхалъ тяжело, то легонько позѣвывалъ, закрывая рукою ротъ, то умильно, но и несовсѣмъ-смѣло, какъ-будто хорошо зная свои грѣшки, посматривалъ на висѣвшія въ углу иконы.

Марья Ларіоновна не нашла, однако, праведника въ сосѣдней комнатѣ: онъ въ этотъ день дурилъ въ-особенности и ни за что не хотѣлъ выйти къ пришедшему къ нему посѣтителю, несмотря на всѣ просьбы и уговариванья со стороны Марьи Ларіоновны, а по пріѣздѣ Крушихиной, онъ просто-на-просто убѣжалъ опрометью въ чуланъ. Упрямство Саввы Акимовича чрезвычайно злило Марью Ларіоновну, потому-что она разсчитывала—и разсчитывала не безъ нѣкотораго основанія—на значительную поживу какъ отъ пріунывшаго купчины, такъ и отъ богатой генеральши, пріѣхавшей къ праведнику, конечно, ужь не по какимъ-нибудь пустякамъ, а, вѣроятно, по важному дѣлу.

— Что жь ты, осёлъ, нейдешь къ гостямъ! съ досадой крикнула она, отъискавъ блаженнаго, притаившагося въ чуланѣ. — Будетъ съ тебя сегодня дурить!... Еще при своемъ братѣ, простомъ человѣкѣ, это шло, а то къ тебѣ пріѣхала теперь генеральша...

Въ отвѣтъ на это Савва Акимовичъ показалъ своей сожительницѣ изъ-за двери языкъ и фигу.

— Ну, ну, вылѣзай, уродина! гнѣвно закричала она, хватаясь за метлу.

Блаженный увидѣлъ, что противъ него принимаются самыя крутыя и рѣшительныя мѣры, и потому вышелъ изъ своей засады, хотя, правда, съ большою неохотою и притомъ грозя Марьѣ Ларіоновнѣ кулаками и дразня ее языкомъ.

Дотащивъ Савву Акимовича за воротъ его изорваннаго и испачканнаго платья, представлявшаго что-то среднее въ родѣ халата и подрясника, до самыхъ дверей той комнаты, гдѣ находились Крушихина и Сыромятниковъ, она толкнула его туда въ

шею изо всей силы, и праведникъ, вслѣдствіе этого толчка, въ одно мгновенье очутился передъ своими посѣтителями. Дарья Семеновна, при его появленіи, быстро поднялась съ своего мѣста, а купчина, поклонившись ему чуть не въ-поясъ, вытянулъ впередъ свою короткую шею, желая какъ-можно-лучше прислушаться къ словамъ праведника.

— Ты съ чего вздумалъ въ носу буравомъ сверлить?... сердито крикнулъ Савва Акимовичъ, уставивъ на купчину свои сѣрые, выцвѣтшіе глаза.

Тупое изумленіе пробѣжало по жирному и румяному лицу Никифора Ивановича при этихъ загадочныхъ для него словахъ; его ударило въ багровую краску, и онъ вопросительно смотрѣлъ на блаженнаго, который стоялъ передъ Дарьей Семеновной, безцеремонно распахнувъ полы своего хитона и поскребывая грязной пятерней въ своихъ шаршавыхъ и всклоченныхъ волосахъ.

— Тебѣ говорятъ: зачѣмъ въ носу сверлишь буравомъ?... настойчиво завопилъ Савва Акимовичъ, топнувъ изъ всей мòчи ногою.

— Какъ это, почтеннѣйшій?... робко заикнулся купчина.

— Чего ты буркалы-то на меня таращишь? тебѣ говоритъ это никто другой, какъ Савва Акимычъ, а онъ ужь знаетъ, чтò кому сказать! гнѣвно и самоувѣренно продолжалъ праведникъ.—А ты, мать моя, зачѣмъ ко мнѣ изволила пожаловать?... Чего ты у меня не видала?... насмѣшливо крикнулъ Савва Акимовичъ, подскочивъ близко къ генеральшѣ, и при этомъ быстромъ скочкѣ сбросивъ съ своей лѣвой ноги изношенную и стоптанную туфлю.

Никифоръ Ивановичъ поспѣшно кинулся поднимать туфлю съ пола и не безъ нѣкотораго благоговѣнія насадилъ ее опять на ногу Саввы Акимовича.

— Я пришла къ тебѣ, къ праведнику божьему... тихо и плаксиво заговорила Дарья Семеновна.

— Пришла къ праведнику божьему, повторилъ Савва Акимовичъ, передразнивая Дарью Семеновну.—Ахъ, ты, дура, дура!... Больше-то и сказать тебѣ нéчего!... Какой я праведникъ, я грѣшникъ окаянный! крикнулъ Савва Акимовичъ, сильно плюнувъ почти на самую Дарью Семеновну. «Боже! милостивъ буди мнѣ грѣшному!...» повторялъ Савва Акимовичъ съ выступившими изъ глазъ слезами и съ глубокими вздохами, а между-тѣмъ, можно было замѣтить, что, при величаніи его праведникомъ божіимъ, выраженіе самодовольства мелькнуло по его отупѣлому лицу.

Послѣ невѣжливаго привѣтствія, сдѣланнаго Дарьѣ Семеновнѣ Саввой Акимовичемъ, она стояла какъ растерянная и только украдкой, изподлобья, посматривала по-временамъ на купчину, который, въ свою очередь, показывалъ ей глазами на Савву Акимовича и съ изумленіемъ пожималъ своими толстыми и широкими плечами, желая выразить тѣмъ, что онъ, хотя и ничего не понимаетъ изъ рѣчи блаженнаго, но что несомнѣнно въ ней кроется много важнаго.

— Молиться Богу!... вдругъ гаркнулъ Савва Акимовичъ такимъ громкимъ и повелительнымъ голосомъ, которому немало позавидывалъ бы любой ротный командиръ.

Съ этими словами онъ принялся класть земные поклоны. Съ умиленнымъ выраженіемъ лицъ послѣдовали его примѣру и Крушихина и толстый купчина, который кряхтѣлъ и пыхтѣлъ, отбрасывая, при вставаніи съ колѣнъ, свои обстриженные въ скобку волосы, падавшіе ему на глаза при каждомъ поклонѣ.

Между-тѣмъ въ это время Савва Акимовичъ съ ужимками и прискачками читалъ плачевнымъ голосомъ какіе-то тропари съ дополненіями и варіантами своего собственнаго издѣлія. По окончаніи чтенія, онъ сталъ посреди комнаты и, вытащивъ изъ-за пазухи прегрязнѣйшую тряпку, которая, какъ было видно, служила ему носовымъ платкомъ, принялся сперва махать ею по воздуху, а потомъ началъ кружить ее надъ своей взъерошенной головой. Казалось, теперь наступала торжественная минута вѣщаній и пророчествъ, а потому и генеральша и синяя чуйка внимательно наострили уши, боясь проронить что-нибудь изъ словъ праведника.

— Кладетъ весной кукушка своихъ птенцовъ въ чужія гнѣзда... забормоталъ скороговоркой Савва Акимовичъ.

Дарья Семеновна вся вспыхнула при этихъ словахъ и тяжело засапѣла, а Никифору Ивановичу показалось, что какъ-будто какая-то невидимая сила припекла ему уши раскаленнымъ желѣзомъ и что этотъ припекъ мало-по-малу разливается по всему лицу съ невыносимымъ жаромъ. Дарья Семеновна тревожно смотрѣла на Савву Акимовича; она слышала, какъ у ней билось сердце, и чувствовала, какъ у ней тряслись поджилки. Купчина стоялъ въ это время неподвижно, потупивъ внизъ глаза и, съ сокрушеннымъ духомъ припоминая свои любовныя похожденія, старался догадаться, въ какой мѣрѣ и въ какихъ случаяхъ

могутъ относиться къ нему настоящія слова праведника насчетъ положенія птенцовъ въ чужія гнѣзда.

— Суемудрствуете вы въ синедріонѣ, а въ Галилеи нѣтъ препрославленныхъ, пусты и Виѳезда и Капернаумъ, позабыли вы и вертоградъ и верхотворца!... кричалъ Савва Акимовичъ, разгорячаясь все болѣе-и-болѣе и не переводя духа.—Тебѣ восемь долей! вдругъ рѣзко крикнулъ онъ, упирая свои глаза на синюю чуйку, которая боязливо съежилась подъ этимъ взглядомъ: — а тебѣ, мать моя, только полторы!... добавилъ онъ, нѣсколько-колкимъ и насмѣшливымъ голосомъ, обратившись съ этими словами къ Дарьѣ Семеновнѣ и чмокнувъ передъ нею.

И купецъ и генеральша, озадаченныя рѣчью Саввы Акимовича, вопросительно и безпокойно переглянулись въ это время другъ съ другомъ, а Савва Акимовичъ со всего размаху опустился на стулъ и сидѣлъ теперь какъ-будто въ ослабленіи, закрывъ глаза, вытянувъ ноги и свѣсивъ руки.

— Должно-съ быть еще не все, шепнулъ на ухо Крушихиной Никифоръ Ивановичъ, осторожно подвигаясь вдоль стѣны къ генеральшѣ на своихъ скрипучихъ сапогахъ.

Дарья Семеновна погрозила ему пальцемъ въ знакъ молчанія, и оба они пристально взглянули на притихнувшаго Савву Акимовича.

Въ комнатѣ была совершенная тишина; не слышалось ни малѣйшаго шума, ни малѣйшаго шороха.

— Вонъ отсюда! вдругъ крикнулъ Савва Акимовичъ, вскочивъ неожиданно со стула и выпрямившись во весь ростъ: —дьяволы окаянные! грѣшники смердящіе! чертюги придорожные! окаяшки нечистые! гробы окрашенные! плевела триклятыя! кутья безъ изюма, махорка нетертая!... вопилъ во все горло блаженный.

Онъ плевалъ, сжималъ кулаки и топалъ ногами, присѣдая на полъ.

Синяя чуйка, забывъ ту почтительность, которую она оказывала прежде генеральшѣ, кинулась теперь опрометью къ дверямъ, чтобъ выбѣжать поскорѣе изъ комнаты, и на бѣгу чуть не сшибла съ ногъ Дарью Семеновну, которая тоже, подбирая широкую и длинную юбку своего платья, спѣшила убѣжать отъ расходившагося праведника.

— Вонъ отсюда! вонъ!... продолжалъ кричать въ изступленіи Савва Акимовичъ, скрежеща зубами.

Въ одинъ мигъ и купчина и генеральша очутились на крыльцѣ, гдѣ ихъ, въ страшныхъ попыхахъ, встрѣтила Марья Ларіоновна.

— Матушка, ваше высокое-превосходительство, что̀ прикажете съ нимъ, окаяннымъ, дѣлать? почти со слезами на глазахъ говорила она встревоженнымъ голосомъ Дарьѣ Семеновнѣ, совавшей ей въ руку трехрублевую бумажку. — Блаженный нѣсколько времени не въ духѣ, дуритъ-себѣ; это, впрочемъ, всегда съ нимъ бываетъ передъ особой благодатью, замѣтила простодушно Марья Ларіоновна.— Ужь вы, милостивая госпожа, не обидьтесь за сегодняшній пріемъ и потрудитесь пожаловать къ намъ вдругорядь, денька черезъ два: можетъ-быть, онъ, шальной, къ этому времени и пообойдется, попріутихнетъ...

Пока говорила Марья Ларіоновна съ Крушихиной, Никифоръ Ивановичъ добывалъ изъ своей мошны новенькій серебряный рубль, который онъ и подалъ сожительницѣ Саввы Акимовича, съ словами:

— Извольте-съ получить...

— И вамъ, господинъ почтенный купецъ, тоже не сказалъ ничего? спросила съ участіемъ Марья Ларіоновна, принимая рублевикъ.

— Нѣтъ, кое-что я сразумѣлъ, отвѣчалъ, заминаясь и неохотно, купчина.

— Ужь и того съ васъ, батюшка, будетъ, подовольствуйтесь отъ праведника и этимъ, успокоительнымъ голосомъ замѣтила Марья Ларіоновна: — а вотъ ихъ милость, генеральша-то, кажется, совсѣмъ напрасно изволили себя утруждать... Экой грѣхъ-то, прости Господи вышелъ!

— Да скажите, пожалуйста, каковъ вашъ Савва Акимовичъ! не захотѣлъ сказать мнѣ ничего, а мнѣ хотѣлось спросить его кой о чемъ, перебила печально Крушихина.

— И я-то, ваше высокопревосходительство, тоже по важнѣющему дѣлу сюда отправился, замѣтила синяя чуйка, обращаясь къ Крушихиной и почтительно поднимая съ головы фуражку: — да что̀ жь прикажете дѣлать! съ блаженными это очень-часто бываетъ. Вотъ, хоть бы примѣромъ сказать, лѣтъ восемь назадъ, проживалъ у насъ, въ Рыбинскѣ...

— Ну, ужь нашъ-то такой блажной бываетъ, что иногда и не знаемъ, какъ за него приняться, съ досадой перебила Марья Ларіоновна, махнувъ рукою. — Вотъ, хоть бы третьягодня, во вторникъ, пріѣхала къ намъ ея сіятельство, княгиня, съ Арбата... какъ-бишь, фамилія-то? съ своей дочкой, премолоденькой

княжной, лѣтъ восьмнадцати, такъ, Боже упаси, чтò блаженный имъ наговорилъ!

И Никифоръ Ивановичъ и Крушихина съ замѣтнымъ любопытствомъ взглянули на Марью Ларіоновну и остановились около нея на одномъ мѣстѣ, желая послушать ея разсказы о Саввѣ Акимовичѣ.

— Княжна-то, моя голубушка, такъ-таки просто и ударилась въ слезы, продолжала жалобно Марья Ларіоновна.

— А что, чтó онъ такое ей сказалъ? живо перебилъ купчина, подступая поближе къ Марьѣ Ларіоновнѣ и вытягивая впередъ свою толстую шею.

— При мужчинѣ-то и повторить стыдно, нѣсколько жеманясь, замѣтила Марья Ларіоновна: — а вотъ вамъ-то, сударыня, доложить объ этомъ можно.

Съ этими словами она нагнулась къ Дарьѣ Семеновнѣ и заслонила ладонью ротъ, желая сказать Крушихиной на ухо, по-секрету, нескромныя вѣщанія Саввы Акимовича. Синяя чуйка напряженно прислушивалась къ шопоту Марьи Ларіоновны, но не могла разслышать ни полслова, а Дарья Семеновна только съ стыдливымъ изумленіемъ покачала головою послѣ того, какъ ей было передано шопотомъ все то, чтò сказалъ Савва Акимовичъ молоденькой княжнѣ.

— А вотъ, заговорилъ Никифоръ Ивановичъ, снова приподнимая фуражку передъ генеральшей: — праведная-то Агриппина Петровна—совсѣмъ другое дѣло, такая великатная, что ужасть, не бранится и не кричитъ, а все только плачется да охаетъ...

— Обманщица!... презрительно сказала Марья Ларіоновна, махнувъ рукой:—не стóитъ, матушка, ваше высокое-превосходительство, къ ней и ѣздить, добавила она, обращаясь къ Крушихиной: — никогда ничего не скажетъ; нашъ-то совсѣмъ другое.

— Конечно-съ, конечно-съ, чтò до пророчествъ, то тутъ ужь Савва Акимовичъ дѣйствительно-съ будетъ важнѣе, уступчиво замѣтилъ Сыромятниковъ:— а вотъ на счетъ-то духовнаго утѣшенія, такъ Агриппина Петровна больно на это горазда, всякую сердечную немощь своими сладостными рѣчами уврачуетъ.

— Не слушайте, матушка, никого. Какая тамъ еще Агриппина Петровна?... рѣзко проговорила Марья Ларіоновна, взглянувъ непріязненно на синюю чуйку и боясь, что новая праведница сдѣлаетъ подрывъ Саввѣ Акимовичу.

Между-тѣмъ замолкшіе на-время крики Саввы Акимовича воз-

обновились снова. Изъ его комнаты неслись теперь громкія проклятія и ругательства. Его неистовые возгласы смѣшивались въ это время съ озлобленнымъ лаемъ цѣпной собаки и съ криками на нее Марьи Ларіоновны. Среди этого ужаснаго гама Дарья Семеновна и синяя чуйка вышли изъ калитки; Марья Ларіоновна со всего размаху захлонула ее за ними и, заперѣвъ калитку желѣзнымъ засовомъ, пошла расправляться съ блажнымъ Саввой Акимовичемъ.

Понуривъ голову, шелъ Никифоръ Ивановичъ отъ Саввы Акимовича, разсуждая мысленно, а по-временамъ даже и проговаривать въ слухъ о томъ, что̀ натолковалъ ему блаженный.

— Гм... сверлишь буравомъ въ носу... Не смекнешь здѣсь ровно никакого толку, какъ ни думай... А птенцы-то кукушкины въ чужомъ гнѣздѣ—а?... Что̀ бы это такое значило?... бормоталъ онъ довольно-громко съ замѣтнымъ безпокойствомъ: ужь не моя ли Прасковья Ѳедоровна того?... Тьфу, ты, Господи!... проговорилъ онъ какъ-будто опомнясь: да можно ли на эту честную душу подумать что-нибудь непристойное?... Да ужь не о моемъ ли грѣхѣ съ Олимпіадой Тихоновной говорилъ праведникъ?... подумалъ купчина съ выраженіемъ боязливой догадливости на лицѣ: должно-быть что о ней, вѣдь она баба-то замужняя... На бѣду меня съ ней попуталъ лукавый!.. А впрочемъ, какъ знать! успокоительно махнувъ рукою, добавилъ Никифоръ Ивановичъ: кукушкины-то птенцы не относятся ли къ генеральшѣ... вѣдь и барыни-то на это мастерицы... Ну а это-то что̀ же такое будетъ, почему ей именно приходится только полторы доли, а мнѣ такъ восемь, да и въ чемъ?.. Ужь не въ адскихъ ли мукахъ?.. Эхъ! лучше было бы мнѣ вовсе не ходить къ Саввѣ Акимычу!.. съ досадой и громко проговорилъ самъ съ собою Никифоръ Ивановичъ: а то, вишь, теперь на совѣсти у меня поднялось старое дѣло и я долго этимъ буду тревожиться... А гробъ-то, а кутья? вѣдь и объ этомъ также возвѣщалъ блаженный... и ужасъ пронималъ синюю чуйку съ головы до пятъ при мысли, что, быть-можетъ, по предвѣденію праведника, и эти неутѣшительные предметы относятся на его счетъ.

— Жаль, что Савва Акимычъ былъ сегодня не въ духѣ, думала, возвращаясь домой, Дарья Семеновна, неслишкомъ-довольная пріемомъ со стороны юродствовавшаго: а хотѣлось мнѣ узнать отъ него пообстоятельнѣе о Данилѣ Кирилловичѣ... А

кукушка-то что? Должно-быть, блаженный завелъ тутъ рѣчь объ Аннушкѣ?.. Поразспросила бы его побольше, да помѣшалъ мнѣ этотъ толстый купчина: этакъ, чего добраго, пожалуй, всѣ домашнія дѣла при посторонних выболтаются... Да, кажись, и самъ-то праведникъ имъ былъ недоволенъ, потому-что онъ на него такъ напустился. Вѣрно, торгашъ безсовѣстный смошенничалъ, а потомъ и захотѣлъ выпутаться изъ бѣды, а я тутъ низачто, нипро-что подвернулась блаженному, подумала въ заключеніе Дарья Семеновна, стараясь отнести ярость Саввы Акимовича не къ себѣ собственно, но только къ синей чуйкѣ, крѣпко, по догадкамъ Дарьи Семеновны, согрѣшившей передъ Богомъ.

По пріѣздѣ домой, Дарья Семеновна нашла своего мужа въ предсмертныхъ страданіяхъ, а на третій день утромъ Крушихинъ умеръ. Дарья Семеновна отправила тѣ тщеславныя похороны, которыя собрали любопытную толпу около дома покойнаго, а одинъ изъ молодыхъ людей, заботившихся на кладбищѣ около Дарьи Семеновны былъ—Свѣталовъ.

Умирая, Данило Кириловичъ не сдѣлалъ никакихъ распоряженій ни въ пользу жены, ни въ пользу Аннушки, которую, впрочемъ, онъ, въ забытьи, звалъ къ себѣ безпрестанно до послѣдней минуты, и которую, однако, Дарья Семеновна постоянно старалась удалить изъ его комнаты.

Послѣ установленнаго закономъ вызова должниковъ, кредиторовъ и наслѣдниковъ Крушихина, никто не явился на этотъ вызовъ за полученіемъ его богатаго наслѣдства, и потому оно все нераздѣльно досталось въ полную собственность Дарьи Семеновны.

— А каковъ нашъ праведникъ! нюня и вздыхая говорила Дарья Семеновна всѣмъ своимъ знакомымъ:—вѣдь, представьте, онъ предсказалъ мнѣ кончину Данилы Кирилловича. Знаете, когда я была у него, онъ мнѣ только и кричалъ о гробахъ, да о кутьѣ... Видно, что на немъ лежитъ особая благодать. Да, впрочемъ, что и говорить объ этомъ намъ, недостойнымъ грѣшникамъ, добавила въ заключеніе Дарья Семеновна смиреннымъ голосомъ и съ выраженіемъ благоговѣнія на лицѣ.

XI.

Спустя мѣсяцевъ десять послѣ смерти Данилы Кирилловича, въ образѣ жизни Алексѣя Сергѣевича произошла слишкомъ-за-

мѣтная перемѣна: квартира имъ была нанята другая, гораздо-лучше и обширнѣе прежней, и притомъ свою новую квартиру Свѣталовъ отдѣлалъ на собственный счетъ съ большою роскошью и со всевозможными удобствами. Прислуга у Свѣталова была теперь увеличена кучеромъ, комнатнымъ казачкомъ и поваромъ а къ зимѣ явились щегольскія сани съ дорогою медвѣжьею полстью и пара превосходныхъ караковыхъ рысаковъ. Всѣ долги были заплачены вмѣстѣ съ огромными процентами.

— Откуда, прости Господи, брать моему барину столько денегъ? покачивая головою, думалъ Василій, дивясь мотовству и тороватости своего господина. — Вѣдь папенька-то ихъ никакъ не могутъ присылать имъ столько денегъ изъ вотчины — я самъ это лучше всякаго другаго знаю. Ужь, чего добраго, не пустился ли въ картишки дуться? Жаль мнѣ его! На первый разъ онѣ иному и дадутъ вольготу, а потомъ въ конецъ погубятъ, окаянныя...

Несмотря, впрочемъ, на счастливый оборотъ дѣлъ и на свою роскошную обстановку, Алексѣй Сергѣевичъ видимо хандрилъ. Съ замѣтнымъ неудовольствіемъ собирался онъ куда-то каждый вечеръ и обыкновенно возвращался домой или слишкомъ-поздно ночью, или на другой день поутру. Бывали, впрочемъ, даже и такіе случаи, что онъ не пріѣзжалъ къ себѣ на квартиру иной разъ по цѣлымъ суткамъ. Чѣмъ продолжительнѣе было отсутствіе Свѣталова изъ дома, пасмурнѣе и тѣмъ недовольнѣе казался онъ съ виду. Алексѣй Сергѣевичъ изъ веселаго юноши сдѣлался постепенно вялымъ и сонливымъ; прежняя ровность характера и привѣтливая обходительность замѣнились у него постоянною раздражительностью; онъ похудѣлъ и осунулся, и съ его лица сбѣжала прежняя свѣжесть. Возвращаясь всякій разъ домой не въ духѣ, Алексѣй Сергѣевичъ брался иногда за книгу, а иногда садился за фортепьяно, но вскорѣ оставлялъ эти занятія и чаще всего принимался ходить скорыми шагами по комнатѣ, а потомъ бросался на кровать и лежалъ порою сряду по цѣлому часу или думая о чемъ-то молча, или свистя такъ заунывно, какъ никогда еще не свистывалъ прежде.

— Эхъ! какъ онъ тамъ себѣ насвистываетъ, точно поетъ за упокой! говорилъ Василій, прислушиваясь изъ другой комнаты къ печальнымъ трелямъ и къ грустнымъ переливамъ барскаго свистанья.

Знакомая молодёжь сперва очень-усердно навѣщала широко-

зажившаго Алексѣя Сергѣевича, но, не заставая его почти никогда дома, стала заворачивать къ нему все рѣже-и-рѣже. Было, впрочемъ, замѣтно, что и самъ Свѣталовъ избѣгалъ почему-то съ нѣкотораго времени не только посѣщенiй своихъ знакомыхъ, но даже старался уклоняться отъ нихъ при встрѣчѣ съ ними на улицѣ. Въ театрѣ его не было вовсе видно. Одинъ только безцеремонный Лоневъ успѣвалъ иногда, да и то изрѣдка, захватить дома Алексѣя Сергѣевича и умѣлъ пробраться къ нему, несмотря на увѣренiя, а иной разъ даже и на божбу какъ Василія, такъ и казачка, что ихъ баринъ давно уже уѣхалъ со двора, и что они не знаютъ, куда онъ отправился и когда возвратится домой.

— Видишь, Алексѣй, какъ ты славно живешь, говорилъ однажды Свѣталову Лоневъ, почти силой ворвавшись къ нему въ спальню:—а вспомни-ка, какъ ты еще недавно роптал и сѣтовалъ на своего батьку и говорилъ мнѣ, что онъ скупой старикъ, который жалѣетъ прислать тебѣ въ годъ какую-нибудь лишнюю сотню рублей. Согласись, однако, чтобъ жить среди такой роскошной обстановки, среди какой живешь ты въ настоящее время, для этого нужно истратить въ годъ тысячъ пять-шесть по-крайней-мѣрѣ, если не больше... Сознайся также, мой голубчикъ, что, кромѣ этихъ явныхъ расходовъ, у тебя есть еще и секретные... Такъ, или нѣтъ? Скажи правду.

Въ словахъ Лонева отзывалась плохо-сдерживаемая насмѣшка, а на добромъ лицѣ его легко можно было подмѣтить плутоватую улыбку, которая какъ-будто показывала, что Лоневъ знаетъ о своемъ прiятелѣ кое-что и такое, чего онъ еще не высказываетъ и на что онъ только покуда намекаетъ.

Алексѣй Сергѣевичъ опускалъ внизъ глаза при подобныхъ запросахъ и замѣчанiяхъ своего друга, а стыдливая краска, которую онъ напрасно силился удержать, стараясь овладѣть самимъ собою, быстро разливалась по его лицу, и онъ обыкновенно пытался замять болтовню своего прiятеля какимъ-нибудь вопросомъ, большею частью неподходившимъ къ начатому разговору. Лоневъ долгое время щадилъ своего молодаго друга, не доводя его до рѣшительнаго объясненiя, и тревожилъ его только слегка своими замѣчанiями и вопросами, подсмѣиваясь въ душѣ надъ робкою, почти ребяческою добросовѣстностью Свѣталова.

— Ну, а какъ ты устроилъ свои дѣла съ Крушихиной? спросилъ однажды Лоневъ у Свѣталова какъ-будто спроста, а между-

тѣмъ рѣшившись въ этотъ разъ доконать своего неболтливаго пріятеля. — Вѣдь, сколько мнѣ помнится, твоя первая къ ней поѣздка не удалась — такъ?...

— Да... коротко и съ неудовольствіемъ проговорилъ Алексѣй Сергѣевичъ.—А скажи, пожалуйста, Петръ Ильичъ, что даютъ сегодня на Большомъ Театрѣ? добавилъ Свѣталовъ, стараясь при этомъ вопросѣ придать своему голосу оттѣнокъ равнодушія.

— «Аскольдову Могилу» очень-хладнокровно отвѣчалъ Лоневъ, показывая видъ, что не замѣчаетъ хитрости Алексѣя Сергѣевича, а между-тѣмъ онъ уже приготовившись горько отмстить Свѣталову за его неоткровенность.—Итакъ, первая попытка у Крушихиной тебѣ не удалась, чтó жь ты потомъ сдѣлалъ?... Остановился на этомъ или отважился съѣздить къ ней въ другой разъ? прибавилъ Лоневъ, пристально смотря на Алексѣя Сергѣевича.

— Ну, а завтра что будутъ играть въ Маломъ Театрѣ?... спросилъ снова Свѣталовъ, какъ-будто не слыша вовсе вопроса, сдѣланнаго ему пріятелемъ, и какъ-будто продолжая думать только о театрахъ.

— Завтра въ Маломъ Театрѣ даютъ какую-то пятіактную кровавую драму и два пустые водевиля, передѣланные съ французскаго, отвѣчалъ равнодушно Лоневъ.—Если, впрочемъ, ты желаешь знать нѣкоторыя подробности о спектакляхъ, то я очень-охотно буду присылать тебѣ ежедневно афиши: я ихъ получаю, добавилъ онъ, закусывая отъ смѣха нижнюю губу. — Скажи только мнѣ, какъ ты покончилъ твои дѣла съ Дарьей Семеновной?...

— Ахъ, Боже мой! съ досадой перебилъ Свѣталовъ:—я, кажется, ужь говорилъ тебѣ, что послѣ моей поѣздки къ ней въ другой разъ, я успѣлъ наконецъ достать у нея двѣ тысячи, подъ заемное письмо, и то съ большимъ трудомъ...

— Съ большимъ трудомъ... Гм!... насмѣшливо замѣтилъ Лоневъ. — Ну, а позвольте васъ теперь спросить, почтеннѣйшій Алексѣй Сергѣичъ, какъ вы условились съ нею насчетъ процентовъ? Вѣдь у ея высокопревосходительства и проценты весьма-важная статья...

Говоря это, Лоневъ чуть не фыркалъ отъ смѣха.

— Насчетъ процентовъ... насчетъ процентовъ... отвѣчалъ, запинаясь Свѣталовъ:—насчетъ ихъ я съ ней еще не условливался: это казалось мнѣ неделикатнымъ; но думаю, что процен-

ты будутъ законные... Да что̀ ты такъ странно смотришь на меня? добавилъ Свѣталовъ.

— Законные! конечно, законные! что́ объ этомъ говорить! сказалъ Лоневъ, труня надъ Свѣталовымъ.—Ахъ, ты этакая камелія! Ахъ ты Травіата въ галстухѣ и въ сапогахъ!... заговорилъ съ разстановкой Лоневъ, не спуская своихъ проницательныхъ глазъ съ Свѣталова и насмѣшливо покачивая головою впродолженіе всей своей рѣчи.

Лицо и уши Свѣталова зардѣлись жгучимъ, мучительнымъ румянцемъ; онъ молчалъ и только моргалъ глазами, какъ-будто готовясь заплакать.

— Послѣдствія скромнаго материнскаго воспитанія!... Румянецъ стыдливости и слезы раскаянія на двадцать-шестомъ году жизни... Да чего жь ты со мной церемонишься?... Ну, цалуй меня, дружокъ!... сказалъ пріятельски Лоневъ, подходя къ Свѣталову, и, обнявъ Алексѣя Сергѣевича одною рукою за шею, онъ крѣпко поцаловалъ его въ щеку. — Ну, разскажи жь мнѣ, да только по сущей правдѣ, ка̀къ шло у тебя дѣло съ Крушихиной... Кто первый изъ васъ сталъ любезничать: ты, или она? Вѣдь, конечно, все это, повидимому, вздорныя, пустыя подробности; но и онѣ бываютъ иногда очень-интересны, въ-особенности, если примется разсказывать о нихъ съ полною откровенностью такой скромникъ, какъ ты...

Свѣталовъ замѣтно волновался впродолженіе этихъ разспросовъ; онъ нѣсколько разъ хотѣлъ приподняться съ мѣста; но Лоневъ, не отнимая своей сильной руки отъ его плеча, удерживалъ Алексѣя Сергѣевича.

— Ты, наконецъ, выводишь меня изъ терпѣнія своей глупой болтовней, проговорилъ Свѣталовъ, раздражаясь все болѣе-и-болѣе. — Отчего непремѣнно ты хочешь предполагать, что у меня съ Крушихиной есть что-нибудь особенное? Зачѣмъ выдумывать болѣе того, что̀ было на самомъ дѣлѣ?...

— Оттого, что мнѣ извѣстно болѣе, чѣмъ ты думаешь...

— А что̀ жь, напримѣръ?

— Не разсердишься за откровенность?

— Нисколько.

— А даешь честное слово, что не обидишься?

— Даю.

— Ну, хорошо же; слушай...

Съ безпокойнымъ любопытствомъ опустивъ внизъ голову,

какъ обвиненный, приготовился теперь Свѣталовъ слушать откровенную рѣчь своего пріятеля. Онъ зналъ, что послѣ такого вступленія Лоневъ уже не пощадитъ нисколько его самолюбія.

— Мнѣ извѣстно... началъ съ мучительной разстановкой Лоневъ: — мнѣ извѣстно... но помни еще разъ условіе: не обижаться тѣмъ, что̀ я скажу. Итакъ мнѣ извѣстно, что ты, Алексѣй Сергѣичъ, мой истинный другъ и пріятель, сперва устроилъ свои денежныя дѣла, а потомъ и сталъ жить съ такимъ удобствомъ единственно насчетъ прелестной Крушихиной...

— Въ Москвѣ никакъ не могутъ жить безъ сплетень! съ досадой вскрикнулъ Свѣталовъ, вскочивъ съ мѣста и стараясь ободриться.—Здѣсь это хлѣбъ насущный!... Тебѣ наболталъ кто-нибудь разнаго вздора, а ты охотно повѣрилъ...

Въ это время въ передней послышался звонокъ. Пріятели прекратили свою бесѣду и оба стали прислушиваться къ говору, раздававшемуся въ прихожей, откуда минуты черезъ двѣ показался Василій съ маленькой запиской въ рукахъ.

— Къ вамъ, сударь, принесли письмо отъ генеральши Крушихиной, отвѣта просятъ, сказалъ Василій, обращаясь къ своему барину.

Алексѣй Сергѣевичъ растерялся окончательно, а между-тѣмъ едва Василій успѣлъ выговорить эти слова, какъ записочка, которую онъ держалъ въ рукахъ, была уже выхвачена Лоневымъ.

— Иди, голубчикъ, съ Богомъ и скажи, что чрезъ часъ самъ баринъ дастъ отвѣтъ генеральшѣ, проговорилъ очень-спокойно Лоневъ, крѣпко сжимая схваченную имъ записочку.

Не получая никакихъ приказаній отъ своего господина, Василій счелъ нужнымъ исполнить то, что̀ поручалъ ему Лоневъ.

Между-тѣмъ багровая краска покрыла все лицо Свѣталова; онъ стоялъ спиною къ Лоневу и, какъ-будто смотря въ окно, барабанилъ пальцами по стеклу и слегка топалъ ногою.

— Оставь, пожалуйста, всѣ эти шутки! сказалъ онъ, обратившись къ Лоневу послѣ того, какъ Василій вышелъ изъ комнаты.

Говоря это, онъ старался придать своему мягкому голосу самое серьёзное, самое сердитое выраженіе.

— Нѣтъ, нѣтъ, ни за что въ мірѣ не оставлю тебя въ покоѣ! перебилъ рѣшительно Лоневъ. Записка мною будетъ прочтена, и съ этими словами онъ принялся читать ее и въ то же время зорко посматривать, чтобъ Свѣталовъ, подкравшись къ нему тихонько, не вырвалъ какъ-нибудь захваченной имъ добычи.

Едва только Лоневъ взглянулъ на записку, какъ залился громкимъ, неудержимымъ смѣхомъ.

— Браво! браво!.. кричалъ онъ во все горло: — такихъ любовныхъ посланій я не читалъ еще ни разу въ жизни, и, съ хохотомъ пробѣжавъ глазами записку, онъ спокойно передалъ ее Свѣталову.

На сѣроватой бумагѣ, ужасными каракулями, и притомъ съ двумя огромными, слизанными кляксами, было написано:

«Мне очинно бъ хотелося видица съ вами мой сердешной «друхъ и я ожидаю васъ сиводни ксебе вечиромъ вдевять часовъ. «Любящая васъ Дарья Крушихина.»

Свѣталовъ былъ совсѣмъ уничтоженъ, когда взглянулъ на записку.

— Что?... И это, видно, однѣ только московскія сплетни? вопросительно, торжествующимъ голосомъ сказалъ Лоневъ, подавивъ своимъ неумолимымъ взглядомъ смѣшавшагося Свѣталова.

— Но ты знаешь... ты самъ... невнятно пробормоталъ послѣдній.

— Да, я самъ... бойко отвѣчалъ Лоневъ: — такъ что жь изъ этого слѣдуетъ, что я самъ?... Развѣ я таюсь отъ кого-нибудь? Пускай обо мнѣ говорятъ все, что имъ угодно: для меня это рѣшительно все-равно. Я хочу жить и, вслѣдствіе этого, живу какъ могу и какъ умѣю... Итакъ прощай, обворожительная камелія!... Прощай, прелестная Травіата!... трагическимъ голосомъ говорилъ Лоневъ, протягивая руку Свѣталову.

— Постой, постой... забормоталъ въ слѣдъ уходившему Лоневу растерявшійся Алексѣй Сергѣевичъ.

— А что, развѣ тебѣ что-нибудь нужно отъ меня? спросилъ серьёзно Лоневъ и, судя по неподдѣльному участію, которое слышалось теперь въ его привѣтливомъ голосѣ, никакъ нельзя было предположить, чтобъ Лоневъ могъ за нѣсколько минутъ разъигрывать шутовскія сцены, такъ сильно и такъ безпощадно раздражавшія его совѣстливаго друга.

— Нѣтъ, мнѣ ничего не нужно; но, знаешь, все это такъ скверно, такъ непріятно... такъ подло! говорилъ, морщась, Свѣталовъ: — я каюсь въ томъ, что попалъ на такую презрѣнную дорогу...

— Ну, что жь за бѣда? успокоительно промолвилъ Лоневъ: — вѣдь, я только съ тобой болтаю обо всемъ этомъ, но, повѣрь, при постороннихъ людяхъ не скажу о тебѣ ни полслова!...

Все, чтò я знаю о тебѣ на этотъ счетъ, останется между нами; вѣдь я и самъ хорошо понимаю не только смѣшную сторону, но и всю гадость подобныхъ романическихъ приключеній...

— Повѣришь ли, мнѣ дѣлается иногда совѣстно даже самого себя? перебилъ съ живостью Свѣталовъ.

— Очень вѣрю. Подобное положеніе весьма-непріятно, чтò объ этомъ и говорить!...

— Ну, а какъ же ты самъ?... быстро спросилъ Свѣталовъ.

— Чтò жь дѣлать, мой другъ? возразилъ Лоневъ, пожавъ плечами: — утѣшаюсь мыслью, что людская молва не вредитъ мнѣ въ-сущности нисколько. Особенно-нѣжной совѣсти я, какъ тебѣ извѣстно, не имѣю; да притомъ надобно замѣтить еще и то, что хотя въ нашемъ положеніи есть своего рода невыгоды, но есть же и удобства... Согласись самъ, вѣдь, пріятно жить въ полномъ довольствѣ, не обременяя себя никакими особенными трудами?...

Откровенный цинизмъ Лонева окончательно смутилъ стыдливаго Свѣталова, еще невполнѣ-окрѣпшаго въ убѣжденіяхъ подобнаго рода.

— А знаешь ли, я хотѣлъ кстати спросить тебя объ Аннушкѣ? сказалъ Лоневъ.

— О какой Аннушкѣ? перебилъ удивленный Свѣталовъ.

— Да о той прехорошенькой дѣвушкѣ, которую ты, по всей вѣроятности, видѣлъ у Крушихиной при началѣ твоего знакомства съ Дарьей Семеновной.

— Рѣшительно не зналъ и не знаю вовсе никакой Аннушки, замѣтилъ Свѣталовъ, отрицательно покачивая головою.

— Въ-самомъ-дѣлѣ? Ты не шутишь?

— Увѣряю тебя.

— Странно, замѣтилъ Лоневъ, закусивъ въ раздумьи нижнюю губу.—Ну, а скажи пожалуйста, только безъ малѣйшей утайки, чтò происходитъ теперь между Агриппиною Петровной Туренивой, ея племянникомъ, Аннушкой и Крушихиной?

— Изъ всѣхъ тѣхъ, кого ты теперь назвалъ, я знаю только одну Крушихину да, сколько мнѣ помнится, разъ только, и то, впрочемъ, отъ тебя жь самого я что-то слышалъ о Турениной и о ея племянницѣ. Вѣдь она, кажется, та новая праведница, о которой теперь такъ много здѣсь толкуютъ.

— Дá... Итакъ ты мнѣ ничего не можешь сказать объ Аннушкѣ?

— Ровно ничего, отозвался Свѣталовъ, пожимая плечами и смотря прямо въ глаза Лоневу.

По откровенному и смѣлому взгляду, кинутому теперь Алексѣемъ Сергѣевичемъ на его друга, легко можно было заключить, что онъ, отвѣчая отрицательно на всѣ запросы Лонева объ Аннушкѣ, говорилъ правду, нисколько не хитря передъ нимъ.

— Если ты ничего не знаешь обо всемъ этомъ, то и спрашивать тебя напрасно, замѣтилъ Лоневъ.—Прощай же, до свиданія, и съ этими словами, быстро вскинувъ на голову шляпу, онъ пошелъ къ дверямъ.

Свѣталовъ не удерживалъ болѣе своего пріятеля и послѣ ухода Лонева усѣлся верхомъ на стулъ, положилъ на верхушку спинки локти и, свѣсивъ на нихъ голову, сталъ насвистывать какой-то похоронный маршъ.

XII.

Съ досадой рвалъ въ мелкіе клочки безграмотную записку Крушихиной Алексѣй Сергѣевичъ, съ большимъ колебаньемъ собиравшійся отправиться къ ней на полученное приглашеніе.

— Нѣтъ, ни за что̀ не поѣду къ ней, рѣшительно не поѣду... Такъ жить, какъ живу я теперь, и стыдно и нечестно!.. проговорилъ онъ, закрывая глаза ладонью, и затѣмъ, ударивъ кулакомъ по столу изо всей силы, онъ почти забѣгалъ по комнатѣ.

При быстрыхъ движеніяхъ Свѣталова, мягкіе ковры, великолѣпныя занавѣсы и портьеры, роскошная мёбель, огромныя зеркала и разныя дорогія бездѣлушки, разложенныя и разставленныя на виду, напоминали ему, на каждомъ шагу и при каждомъ его взглядѣ, о любви къ нему Дарьи Семеновны и о ея заботливости о своемъ любимцѣ.

При видѣ всего этого, или пріобрѣтеннаго самимъ Свѣталовымъ на счетъ Крушихиной, или подареннаго ему ею, Алексѣю Сергѣевичу дѣлалось какъ-то тяжело и совѣстно.

— Но я поступлю, какъ мнѣ кажется, еще хуже, если брошу Крушихину безъ всякаго повода съ ея стороны, подумалъ онъ, сдерживая свое волненіе, въ припадкахъ котораго онъ почувствовалъ ненависть и отвращеніе къ Дарьѣ Семеновнѣ. — Въ томъ, что она, къ моему несчастью, страстно любитъ меня, и въ томъ, что она привязана ко мнѣ до безумія, я, къ сожалѣнію, могъ вполнѣ убѣдиться; если же теперь я оставлю ее,

то къ одному гнусному поступку прибавлю еще другой — низкую неблагодарность, продолжалъ разсуждать самъ съ собою Свѣталовъ.—Развѣ я въ-состоянiи возвратить Дарьѣ Семеновнѣ все то, чтò уже получилъ отъ нея и чтò давно уже издержано, прожито и промотано мною?... Вѣдь, выходитъ, что я просто-напросто обобралъ ее, воспользовавшись глупой страстью этой старой бабы!... Василiй! вдругъ крикнулъ громко Свѣталовъ.

На зовъ барина Василiй немедленно показался въ комнатѣ Алексѣя Сергѣевича.

— Давай поскорѣе одѣваться.

Спустя нѣсколько минутъ Свѣталовъ уже ѣхалъ къ Дарьѣ Семеновнѣ, въ мучительной нерѣшимости насчетъ того, чтó слѣдуетъ предпринять среди тѣхъ затруднительныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ онъ находился.

Во все время ѣзды Свѣталова къ Крушихиной, разныя мысли, то слишкомъ-безпокойныя, то нѣсколько-успокоительныя толпились въ головѣ. его

— Положимъ, что настоящiя мои отношенiя къ Дарьѣ Семеновнѣ и неочень-благородны, думалъ Алексѣй Сергѣевичъ: но, бытьможетъ, я оберегаю ее этимъ отъ бóльшаго зла. Развѣ всѣ поступаютъ такъ, не только съ своими пожилыми, но даже и съ молоденькими и хорошенькими любовницами, какъ поступаю я съ Крушихúной?... Я, какъ мнѣ, по-крайней-мѣрѣ, кажется, дѣйствую въ-отношенiи къ ней еще довольно... можно даже сказать, оченьчестно... ободрясь, продолжалъ думать Свѣталовъ: потому-что, еслибъ я былъ хоть немножко-безсовѣстенъ, то сколько разъ могъ бы обобрать ее рѣшительно до копейки...

И вотъ, при этой мысли въ памяти Свѣталова оживали минуты той страстной забывчивости и той безграничной любви къ нему Дарьи Семеновны, подъ влiянiемъ которыхъ она въ иную пору, казалось, готова была отдать ему все. Не безъ внутренняго самодовольства вспоминалъ тогда Алексѣй Сергѣевичъ, что онъ великодушно отказывался нѣсколько разъ отъ весьма-значительныхъ пожертвованiй со стороны Дарьи Семеновны въ его пользу, что вообще былъ довольно-умѣренъ въ денежныхъ поборахъ съ женщины, влюбившейся въ него до безумiя, и что, конечно, кто-нибудь другой, на его мѣстѣ, непремѣнно поступилъ бы съ нею иначе. Короче, Свѣталовъ мало-по-малу начиналъ являться въ своихъ глазахъ весьма-порядочнымъ человѣкомъ.

— Притомъ, продолжалъ онъ разсуждать самъ съ собою: у Дарьи

Семеновны нѣтъ ни дѣтей, ни родственниковъ; она одна полная хозяйка всей своей собственности; и еслибъ ей не пришлось встрѣтиться со мною, то, кто знаетъ, она, можетъ-статься, напала бы на такого безсовѣстнаго господина, который, пользуясь ея сердечною слабостью, не только обиралъ бы у нея все, но еще колотилъ бы ее безъ церемоніи, какъ это зачастую бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, потомъ бросилъ бы ее безъ всякихъ объясненій; наконецъ, въ добавокъ ко всему, началъ бы самъ смѣяться надъ влюбчивостью и глупостью старой грѣшницы...

Но если Свѣталовъ оправдывалъ себя такимъ затѣйливымъ образомъ передъ самимъ собою, то, съ другой стороны, трудновато было ему защитить себя передъ самимъ же собою противъ насмѣшекъ, которыя, какъ онъ догадывался, безъ-сомнѣнія, сыпались на него со всѣхъ сторонъ, гдѣ только узнавали о его дружбѣ съ Крушихиной. Въ этомъ отношеніи, онъ, при всѣхъ своихъ оправдательныхъ и извинительныхъ уловкахъ, чувствовалъ себя униженнымъ до-нельзя. Съ печальнымъ сознаніемъ своей негодности старался онъ обойти этотъ мучительный и щекотливый предметъ безъ всякихъ разсужденій, и только ободрялъ себя въ душѣ тѣмъ, что, по всей вѣроятности, едва-ли кому-нибудь, кромѣ Лонева, всегда успѣвавшаго провѣдать чужія тайны, извѣстны его отношенія къ Крушихиной.

Алексѣй Сергѣевичъ пріѣхалъ къ Дарьѣ Семеновнѣ, занятый этими невеселыми мыслями и нерѣшившійся еще, какъ поступить ему съ нею въ этотъ вечеръ. Быстро спрыгнула Крушихина съ дивана, заслышавъ въ прихожей голосъ Свѣталова.

— Ахъ ты, мой голубчикъ! Ахъ ты, мой ненаглядный!... крикнула она, побѣжавъ къ желанному гостю и встрѣчая его поцалуями и объятіями. — Здоровъ ли ты, Алёша?... А я безъ тебя крѣпко соскучилась... Шутка ли, уже другой день мы не видались... Я, наконецъ, не вытерпѣла и послала тебя провѣдать... говорила Дарья Семеновна взволнованнымъ голосомъ, въ которомъ слышались непритворная радость и искреннее участіе.

— Я, впрочемъ, самъ собирался сегодня къ вамъ, сказалъ равнодушно Алексѣй Сергѣевичъ, бросая на кресло свою шляпу.

— Да поцалуй же ты меня хорошенько! проговорила съ чувствомъ Дарья Семеновна и, вытянувъ впередъ руки, какъ-бы готовилась обнять Свѣталова.

Она оставалась въ этомъ положеніи нѣсколько секундъ, желая налюбоваться своимъ Алёшей прежде чѣмъ онъ поцалуетъ ее.

Съ кислой гримасой, ускользнувшей, впрочемъ, отъ вниманія черезчуръ-обрадованной Дарьи Семеновны, исполнилъ Свѣталовъ ея желаніе.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ, употребленныхъ Дарьей Семеновной на безсвязные вопросы и на радостныя восклицанія, а Свѣталовымъ на молчаніе, или отрывистые отвѣты, Крушихина принялась угощать своего гостя.

— Не подать ли тебѣ, дружокъ мой, вареньица?... Какого хочешь?... розоваго, малиноваго, клубничнаго, ананасоваго, вишневаго? скоро и предупредительно говорила Дарья Семеновна, впиваясь своимъ заботливымъ взглядомъ въ разстроенное лицо Свѣталова.

— Вы знаете, что я не большой охотникъ до сладкаго... отвѣчалъ довольно-непривѣтливымъ голосомъ Свѣталовъ, опускаясь въ кресло.

Дарья Семеновна пріуныла при такомъ неласковомъ отвѣтѣ на ея радушное предложеніе и молча стояла передъ Свѣталовымъ, думая о томъ, чѣмъ бы другимъ поподчивать своего дорогаго гостя.

— Есть у васъ водка?... вдругъ почти крикнулъ Алексѣй Сергѣевичъ. — Подайте ее сюда.

Крушихина замѣтно оторопѣла и съ изумленіемъ взглянула на Свѣталова.

— Съ чего ты, голубчикъ мой, взялъ пить въ такое время водку? Вѣдь ее одни только записные пьяницы тянутъ въ эту пору!... Да и что съ тобой, мое сокровище, сдѣлалось? Ты что-то вовсе не похожъ сегодня на самого себя... плаксиво говорила Крушихина.

— Ну, ну, не разсуждайте, пожалуйста! грубо перебилъ Свѣталовъ:—вѣдь я не ребенокъ и самъ знаю, что мнѣ слѣдуетъ дѣлать...

— Вѣрно, болитъ у тебя, Алёша, опять подъ ложечкой, какъ болѣло прошлый разъ? замѣтила съ глубокимъ участіемъ Крушихина. — Дай я тебѣ потру летучей мазью.

— Да̀, у меня болитъ подъ ложечкой!... съ досадой отозвался Свѣталовъ. «Поди, толкуй еще съ этой старой дурой!» пробормоталъ онъ себѣ подъ-носъ, отворачиваясь отъ Крушихиной.

Дарья Семеновна, видя настойчивость Свѣталова, шла въ это время въ другую комнату за водкой, и потому не могла слышать этихъ оскорбительныхъ для нея словъ.

— Проклятая жизнь!... Чортъ знаетъ на что̀ тратишь свои самые лучшіе годы! Лги, притворяйся, унижайся... съ злобнымъ отчаяніемъ говорилъ вполголоса Свѣталовъ, потирая рукою лобъ и взъерошивая свои волосы.

Спустя нѣсколько минутъ, показалась изъ сосѣдней комнаты Дарья Семеновна; она шла тихо и, въ грустномъ раздумьи, печально покачивала головою. Въ одной рукѣ она несла хрустальный графинчикъ, а въ другой держала довольно-вмѣстительную рюмку. Не говоря ни слова, но только заботливо посматривая на Свѣталова, она поставила передъ нимъ на столикъ и графинчикъ и рюмку, а сама отошла въ сторону, ожидая, что̀ онъ будетъ дѣлать.

Насупивъ брови и опустивъ внизъ свои большіе сѣро-голубые глаза, Алексѣй Сергѣевичъ сталъ медленно приподниматься съ кресла. Невольная, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ужасная мысль о томъ, что первая рюмка, выпитая съ горя, легко можетъ быть первымъ шагомъ къ одному изъ самымъ жалкихъ и самыхъ презрѣнныхъ пороковъ, мелькнула въ головѣ Свѣталова и удержала его на минуту отъ намѣренія заглушить горе при пособіи выпивки. Свѣталовъ чувствовалъ, что онъ падаетъ теперь еще ниже въ своемъ собственномъ сознаніи. Однако, несчастное искушеніе взяло верхъ: въ раздумьи налилъ онъ полную рюмку и выпилъ ее однимъ залпомъ.

— Вотъ этакъ будетъ лучше!... сказалъ онъ, крякнувъ и обращаясь къ Дарьѣ Семеновнѣ; а между-тѣмъ, грустная улыбка пробѣжала по его губамъ.

— Конечно, будетъ лучше, если только пойдетъ тебѣ на здоровье. А принять это можно? добавила Дарья Семеновна съ выраженіемъ заботливости на лицѣ.

— Нѣтъ... Погодите немного; я еще выпью... перебилъ Свѣталовъ. — Ужь если лечиться, такъ лечиться хорошенько!...

— И то правда, дружочекъ мой, и то правда! проговорила простодушно Дарья Семеновна: — да только поцалуй ты меня, мой ненаглядный!...

И, не дожидаясь привѣта Алексѣя Сергѣевича, она сдѣлала быстрое движеніе впередъ и схватила его руку, чтобъ поцаловать ее.

— Ну, ужь это напрасно вы дѣлаете, Дарья Семеновна! сказалъ довольно-ласково Свѣталовъ и, выпивъ съ этими словами

вторую рюмку, онъ обхватилъ Дарью Семеновну рукою около плеча и поцаловалъ ее въ лобъ.

Заботливость и простодушіе Крушихиной вдругъ тронули мягкое сердце Свѣталова: ему стало жаль этой женщины, которая оказывала ему столько привязанности и къ которой онъ, однако, чувствовалъ въ то время сильное отвращеніе, считая ее виновницей своего нравственнаго паденія. Въ эти минуты въ Свѣталовѣ возникала борьба непріязни къ Дарьѣ Семеновнѣ съ какимъ-то тяжелымъ къ ней состраданіемъ.

— А что̀, теперь это навѣрно уже можно принять?... спросила тихимъ голосомъ Крушихина, показывая глазами на графинчикъ.

— Нѣтъ, погоди, Дарья Семеновна; надобно хватить еще... сказалъ Свѣталовъ, снова наливая полную рюмку. — Разъ! два! три!... и съ послѣднимъ словомъ онъ въ одинъ глотокъ пропустилъ еще одну новую добавочную порцію.

Смотря теперь на Свѣталова, разстроеннаго, растеряннаго и, противъ своего обыкновенія, пившаго много водки и притомъ не въ урочную пору, Дарья Семеновна печально чмокала губами и отчаянно покачивала головою.

— Ну, а что̀ вы подѣлывали безъ меня, Дарья Семеновна?... спросилъ, потирая руки, Свѣталовъ, и въ словахъ его отзывалась легкая насмѣшка.

— Да что̀ мнѣ безъ тебя дѣлать?... Извѣстное дѣло: скучала, тихо проговорила Дарья Семеновна.

— Ужь будто-бы и скучала?... Экая ты у меня умница! ухмыляясь, сказалъ Свѣталовъ, въ головѣ котораго уже начинались, съ непривычки, довольно-сильные приступы опьянѣнія.

И съ этими словами онъ дружески потрепалъ ее по плечу.

— Видитъ Богъ, что я сегодня даже плакала о тебѣ, проговорила Крушихина, поднимая вверхъ глаза. — И какъ еще плакала!...

— И будто-бы плакала обо мнѣ?... перебилъ Свѣталовъ, дернувъ вверхъ головою и усаживаясь на диванъ.

— Да о комъ же мнѣ еще горевать и плакать?...

И, говоря это, она вынула изъ кармана своего платья носовой платокъ и приложила его къ глазамъ, въ которые набѣгали слезы.

«Развѣ хватить съ нея еще хорошій кушъ... да и закаяться!» подумалъ Свѣталовъ, котораго съ каждой минутой забирало все

болѣе-и-болѣе послѣ неумѣренной и почти безостановочной выпивки.

— Садись, Дарья Семеновна, сюда!... сказалъ бойко Свѣталовъ, выдвинувъ впередъ правое колѣно и хлопнувъ по немъ ладонью.

Съ выраженіемъ радости на лицѣ и переводя неровное дыханіе, она опустилась на колѣно Свѣталова, который едва могъ сдерживать этотъ тяжелый грузъ.

Сидя на колѣнѣ у Алексѣя Сергѣевича, Дарья Семеновна своими большими и шерсткими руками сжала обѣ щеки Свѣталова и въ такихъ тискахъ, придвинувъ его лицо къ своимъ губамъ, она, подкативъ вверхъ глаза и дыша тяжело, наслаждалась долгимъ и крѣпкимъ поцалуемъ. Съ большимъ неудовольствіемъ переносилъ Свѣталовъ это выраженіе любви со стороны Дарьи Семеновны и съ неохотой поддерживалъ ея дюжій станъ, обтянутый шелкомъ и подпертый со всѣхъ сторонъ китовыми усами.

— Скажи мнѣ, Алёша, отчего ты сегодня такой сердитый?... спросила Дарья Семеновна, все болѣе и болѣе ласкаясь къ молодому человѣку.

— Къ-несчастью, вчера я продулся сильно въ карты... проговорилъ онъ какъ-будто съ неохотой.

— Такъ вѣрно тебѣ нужны теперь деньги?...

— Разумѣется; вѣдь и карточные долги платятъ не щепками...

Крушихина уныло покачала головою.

— А сколько же тебѣ нужно?... спросила она не безъ замѣтнаго волненія, ожидая отвѣта на сдѣланный ею вопросъ.

— Да со всѣмъ, если считать и прежніе долги, то, пожалуй, тысячъ до десяти наберется, сказалъ, пропыхтѣвъ Свѣталовъ.

— Ужь будто-бы и столько?... съ выраженіемъ сильнаго испуга спросила Дарья Семеновна, быстро вставая съ колѣнъ Свѣталова.

Обыкновенно, при первыхъ запросахъ его на деньги и даже при однихъ только намскахъ на этотъ предметъ, въ Крушихиной возникала борьба между неодолимой страстью къ молодому человѣку и между скупостью къ деньгамъ, такъ-что для полученія ихъ отъ Дарьи Семеновны Алексѣю Сергѣевичу нужно было всегда употребить въ дѣло льстивыя увѣренія въ своей страсти и преданности, а также усиленныя ласки и добавочныя любезности. Тогда любовь брала окончательно верхъ надъ женскимъ сердцемъ Дарьи Семеновны, и она уже сама, въ припадкахъ горячей

нѣжности, начинала навязывать Свѣталову сумму гораздо-большую, нежели та, которую онъ просилъ прежде.

— Ужь больно много хочешь!... сказала Крушихина съ неудовольствіемъ, кивнувъ въ сторону головой.

— Я ровно ничего не хочу, сердито и отрывисто возразилъ Свѣталовъ: — я говорю только тебѣ, что мнѣ нужны деньги, но вовсе не думаю просить ихъ у тебя...

— Ну, вотъ ужь и вспылилъ, мой голубчикъ! Я, вѣдь, только такъ, къ слову это сказала, проговорила смѣшавшаяся Дарья Семеновна, стараясь успокоить Алексѣя Сергѣевича. — Я все бы на свѣтѣ отдала тебѣ... сказала она мягкимъ голосомъ и склонилась къ Свѣталову, чтобъ поцаловать его въ голову. — Знаешь, Алёша, я тебѣ все отдамъ; женись только на мнѣ...

Свѣталовъ какъ-будто опомнился отъ страшнаго сна и съ изумленіемъ посмотрѣлъ на Крушихину.

— Да̀, все отдамъ тебѣ, только женись на мнѣ, и тогда я все переведу на твое имя... все мое добро будетъ твоимъ. А то какъ мы живемъ? сегодня ты меня любишь, а завтра, пожалуй, чего добраго, бросишь безъ оглядки! говорила она, всхлипывая и садясь на диванѣ подлѣ Свѣталова. Схвативъ крѣпко обѣими руками его руку, она тащила его къ себѣ. Алексѣй Сергѣевичъ медленно и безсознательно, какъ-будто ошеломленный тяжелымъ ударомъ, придвигался къ Крушихиной.

Когда такимъ образомъ онъ очутился близь Дарьи Семеновны, она стала любоваться красивымъ молодымъ человѣкомъ. Крушихина, страстно смотря на Свѣталова, то приглаживала его каштановыя кудри, то поправляла его воротнички и бантъ его галстуха, то обдергивала его жилетъ; потомъ клала на его плечо свою голову и принималась цаловать его то въ губы, то въ щеки. Охмѣлѣвшій Свѣталовъ сидѣлъ почти-безсознательно и молча поддавался всѣмъ этимъ ласкамъ. Наконецъ Дарья Семеновна схвативъ обѣими руками его руку, крѣпко прижала ее къ своей груди.

— Что̀ жь?... Развѣ ты не хочешь жениться на мнѣ? дрожа, спросила она неровнымъ голосомъ и вмѣстѣ съ этимъ быстро выпустила руку Свѣталова и даже оттолкнула ее отъ себя.

— Постой, постой, Дарья Семеновна; дай прежде хорошенько подумать объ этомъ, пробормоталъ довольно-равнодушно Свѣталовъ, который все болѣе-и-болѣе начиналъ чувствовать послѣдствія опьянѣнія.

— Ты не хочешь на мнѣ, Алёша, жениться потому, что я противъ тебя старуха—правду я говорю, или нѣтъ?... спрашивала Дарья Семеновна.—Да вѣдь за то я стану любить тебя такъ, какъ не съумѣетъ любить тебя ни одна молоденькая, добавила она съ горячностью.

— Постой, постой, Дарья Семеновна; дай прежде хорошенько подумать объ этомъ, проболталъ снова Алексѣй Сергѣевичъ, но уже гораздо-тише и невнятнѣе, чѣмъ прежде.

— Да что жь тутъ долго думать? перебила Дарья Семеновна.—Поѣдемъ завтра вмѣстѣ къ Саввѣ Акимовичу и спросимъ его объ этомъ.

— Ну его!... проговорилъ Свѣталовъ, уже съ трудомъ ворочая языкомъ.

— Какъ же можно о немъ такъ отзываться! замѣтила съ печальнымъ изумленіемъ Дарья Семеновна: — вѣдь онъ человѣкъ божій; Савва Акимычъ великій праведникъ... Впрочемъ, добавила уступчиво Крушихина:—если ты не хочешь побывать у него, такъ съѣздимъ вмѣстѣ къ Агриппинѣ Петровнѣ: и она дастъ намъ добрые совѣты; вѣдь у ней душа истинно-христіанская...

— Къ какой еще тамъ Агриппинѣ Петровнѣ мнѣ ѣхать? какъбудто сквозь сонъ спросилъ Свѣталовъ; но при этомъ вдругъ въ его отуманенной головѣ ожили, хотя и несовсѣмъ-ясно, странные разспросы Лонева объ Агриппинѣ Петровнѣ, ея племянникѣ, Аннушкѣ и Крушихиной.

— Какъ къ какой Агриппинѣ Петровнѣ? Извѣстно къ какой— къ Турениной! Не-уже-ли же ты о ней никогда не слыхивалъ?

— Туренина... Агриппина Петровна... ея племянникъ... болталъ, припоминая что-то, Свѣталовъ.—Ну, а гдѣ же Аннушка?... Подавай сюда Аннушку! крикнулъ повелительно Свѣталовъ.

— Какая еще взялась у тебя тамъ Аннушка? сердито, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ замѣтнымъ удивленіемъ спросила Дарья Семеновна, уставивъ свои пытливые глаза на Свѣталова и не безъ волненія ожидая его отвѣта на сдѣланный ею вопросъ.

— Будто-бы ты и не знаешь, какая Аннушка? Аннушка да и только... ухмыляясь и лукаво посматривая на Дарью Семеновну, сказалъ Свѣталовъ:—ну, та прехорошенькая дѣвушка... Вѣдь вотъ какая ты хитрая! добавилъ онъ, погрозивъ Крушихиной пальцемъ...

При этихъ словахъ на лицѣ Дарьи Семеновны выступила багровая краска, и она замѣтно растерялась, а между-тѣмъ Свѣ-

таловъ сильно рванулъ съ своей шеи черный атласный шарфъ и бросилъ его на полъ.

— Возьми это, Дарья Семеновна, а не то я, чего добраго, разобью... не слишкомъ-внятно пробормоталъ онъ, вынимая часы изъ кармана и невѣрной рукой подавая ихъ Крушихиной, которая ухаживала теперь около Свѣталова съ большимъ безпокойствомъ и съ чрезвычайною заботливостью.

— Гм!... Аннушка прехорошенькая дѣвушка... ворчалъ Свѣталовъ: — дà, конечно, прехорошенькая...

— Да какая, прости Господи, взялась у тебя сегодня Аннушка?... съ живостью и плаксиво спросила опять встревоженная Дарья Семеновна, и спрашивая объ этомъ Свѣталова, она сильно трясла его за плечо, желая этимъ способомъ добиться отъ него какого-нибудь опредѣленнаго отвѣта, чтобъ положить конецъ мучившему ее недоумѣнію.

— Ужь какая Аннушка — я этого и не знаю... извини меня, Дарья Семеновна: — я просто этого не знаю, право не знаю, чтò хочешь со мной дѣлай, а я не знаю и не знаю... бормоталъ Свѣталовъ, кланяясь головой Дарьѣ Семеновнѣ и разводя руками, а между-тѣмъ на его обыкновенно-пріятномъ лицѣ виднѣлась теперь безсмысленная улыбка. Длинные волосы Свѣталова въ безпорядкѣ падали на лобъ и свѣшивались на глаза, которые смотрѣли теперь на все его окружавшее тускло и съ отупѣлымъ выраженіемъ. Вообще, Свѣталовъ изъ красиваго и ловкаго молодаго человѣка сдѣлался въ это время какимъ-то смѣшнымъ, жалкимъ и неуклюжимъ созданіемъ.

При словахъ Свѣталова, убѣдившихъ Дарью Семеновну, что онъ не знаетъ никакой Аннушки и что онъ повторяетъ это имя безъ всякаго сознанія, Крушихина оправилась отъ прежняго смущенія.

— Эхъ, эхъ!... проговорила она, печально вздыхая и съ жалостью посматривая на Алексѣя Сергѣевича: — зачѣмъ, Алёша, нелёгкая дернула тебя такъ много выпить?... Ты этого прежде никогда не дѣлывалъ; да и чтò случилось съ тобой, мое сокровище? спрашивала Дарья Семеновна, суетясь около Свѣталова.

Съ чрезвычайной заботливостью она то прикладывала къ его лбу свою ладонь, чтобъ посмотрѣть, не горяча ли у него голова, то обмахивала его платкомъ, въ надеждѣ освѣжить его этимъ способомъ, то стояла передъ нимъ со стаканомъ воды, ожидая, не попроситъ ли онъ напиться, то, наконецъ, терла ему виски

одеколономъ. Ничего, однако, не помогало: Алексѣй Сергѣевичъ съ каждой минутой видимо терялъ послѣдніе признаки сознанія. Онъ теперь молча сидѣлъ на диванѣ, печально свѣсивъ голову, или мотая ею то въ одну, то въ другую сторону; повременамъ онъ то открывалъ глаза, то снова закрывалъ ихъ. Желая успокоить своего друга, Дарья Семеновна принялась снимать съ него съ большимъ трудомъ сюртукъ и потомъ съ немалымъ усиліемъ стащила и сапоги.

— Ну, теперь прощай, Дарья Семеновна; я хочу спать... проболталъ Свѣталовъ, укладываясь, при помощи Крушихиной, на диванѣ.

Дарья Семеновна кинулась поспѣшно въ другую комнату и принесла подушку, которую и подложила подъ голову Свѣталову, а сама послѣ этого съ навернувшимися на глазахъ слезами снова принялась ухаживать за своимъ возлюбленнымъ. Крушихина ходила теперь около него на-цыпочкахъ, какъ около опасно-больнаго; сдерживала кашель и даже дыханіе, заставляла свѣчку абажуромъ, и наконецъ, въ глубокой грусти, усѣлась въ ногахъ Алексѣя Сергѣевича, тревожно слѣдя за его безпокойнымъ сномъ, сопровождавшимся то оханьемъ, то безсвязнымъ бредомъ, то сильнымъ храпѣньемъ.

Какая огромная разница была видна теперь между заботливымъ уходомъ со стороны Крушихиной за подпаливщимъ и обиравшимъ ее любовникомъ и между небрежнымъ и неохотнымъ ея присмотромъ за умиравшимъ и облагодѣтельствовавшимъ ее старикомъ! Истинная, хотя, впрочемъ, поздняя и, притомъ, своего рода женская любовь была единственной причиной такой рѣзкой противоположности между заботливостью Дарьи Семеновны о Свѣталовѣ и между ея небрежностью о мужѣ.

Тяжело и непріятно было для Свѣталова утро слѣдующаго дня. Ему казалось, что онъ выболтался передъ Дарьей Семеновной во многомъ, чего ей не слѣдовало бы вовсе знать, и что онъ, вслѣдствіе своей глупой выпивки, уронилъ себя совершенно въ ея мнѣніи. Однако, Крушихина, съ своей стороны, весьма-снисходительно смотрѣла на вчерашній случай и приписывала его не болѣе, какъ-только шалости.

— Не пей, однако, мой голубчикъ, другой разъ такъ много, этакъ, чего Боже сохрани! и спиться можно, говорила съ участіемъ Дарья Семеновна, отпуская отъ себя Свѣталова.—А вотъ тебѣ, мое сокровище, добавила она, суя почти насильно въ бо-

ковой карманъ его сюртука билетъ сохранной казны на довольно-порядочную сумму; а о свадьбѣ-то нашей подумай, да и скажи мнѣ, что̀ и ка́къ... А мы съ тобой, Алёша, зажили бы на славу; всего бы у насъ было вдоволь...

— А за границу поѣхала бы ты со мной? спросилъ Свѣталовъ, уступая теперь передъ возможностью своего брака съ Крушихиной, исчислившей ему предварительно на словахъ, а отчасти и показавшей ему въ документахъ свое огромное состояніе, слишкомъ-соблазнительное для такого человѣка, которому хочется жить среди полнаго довольства и который въ то же время не умѣетъ заработать себѣ какимъ-нибудь честнымъ трудомъ даже куска насущнаго хлѣба.

Свѣталовъ сильно поддавался представившемуся ему искушенію, оправдывая себя мысленно въ своемъ безразсудномъ поступкѣ разными уловками и поблажками своей совѣсти. Онъ утѣшался неожиданнымъ исходомъ своихъ отношеній къ Крушихиной видя въ своемъ будущемъ, вслѣдствіе женитьбы на ней, отрадное довольство и полное бездѣйствіе.

— Да что̀ жь я буду дѣлать за границей? съ выраженіемъ недогадливости на лицѣ, спросила Дарья Семеновна.

— Ка́къ что?... Да мы тамъ будемъ жить со всѣми пріятностями и со всѣми удобствами. Вѣдь тамъ житье несравненно-лучше не только московскаго, но даже и петербургскаго.

— Ка́къ хочешь, мой дружочекъ, та̀къ-себѣ и дѣлай, а я съ тобой хоть на край свѣта поѣду, уступчиво проговорила Крущихина.—А что̀, не побываешь ли ты, Алёша, насчетъ нашего дѣла у Саввы Акимыча? Все же онъ добрыми словами, а, быть-можетъ, и своимъ благословеніемъ тебя понапутствуетъ...

— Онъ извѣстный врунъ, Дарья Семеновна; Савва Акимычъ одну только чепуху городитъ, рѣзко отозвался Свѣталовъ.

— Т-съ, т-съ!... боязливо проговорила Дарья Семеновна, пытаясь закрыть Алексѣю Сергѣевичу ротъ своею ладонью.—Впрочемъ, если ты не хочешь, то, та̀къ ужь и быть, не ѣзди къ нему, я на тебя за это сердиться не буду; но только не порочь его, а особенно при чужихъ людяхъ: вѣдь всѣ здѣсь знаютъ, что онъ человѣкъ праведный, богоугодный. Ну, а къ Турениной съѣздишь?...

— Пожалуй, къ ней съѣзжу. Да о чемъ только я буду говорить съ ней?...

— Скажи ей, начала поучительнымъ голосомъ Дарья Семе-

новна: — что вотъ, молъ, хочу вступить въ законный бракъ съ благородной дамой, которую люблю да которая и меня тоже любитъ; фамиліи, разумѣется, ей на первый разъ сказывать нечего. И ты услышишь, какъ похвально она отзовется о твоемъ добромъ намѣреніи и тоже дастъ тебѣ свое благословеніе на это дѣло... Вѣдь, посуди самъ, что̀ такъ жить, какъ мы живемъ теперь съ тобой! и грѣшно передъ Богомъ и стыдно передъ людьми... Ты, пожалуй, если хочешь, то и намекни ей стороною о нашемъ грѣхѣ...

— Хорошо, хорошо, повторялъ успокоительнымъ голосомъ Алексѣй Сергѣевичъ, находя, что онъ своей ничего нестоющей ему поѣздкой къ Турениной доставитъ удовольствіе Дарьѣ Семеновнѣ, которая оказываетъ ему теперь столько любви и столько заботы.

Между-тѣмъ Крушихина, посылая Свѣталова къ Саввѣ Акимовичу и къ Агриппинѣ Петровнѣ, поддавалась прежде всего суевѣрному чувству, желая знать, впрочемъ, не безъ нѣкоторой робости, что̀ скажутъ Алексѣю Сергѣевичу о его намѣреніи извѣстные праведникъ и праведница. Кромѣ-того, Дарья Семеновна смекала, что богобоязненная Агриппина Петровна, увидѣвъ у себя молодаго человѣка, пріѣхавшаго къ ней за душеспасительными совѣтами, безъ всякаго сомнѣнія, посовѣтуетъ ему—какъ это дѣлаютъ обыкновенно и всѣ старыя женщины—лучше жениться, чѣмъ вѣтренничать и вести разгульную холостую жизнь. Въ-особенности же не сомнѣвалась Дарья Семеновна въ подачѣ Агриппиной Петровной подобнаго совѣта Алексѣю Сергѣевичу, если только онъ намекнетъ ей какъ-нибудь о своихъ грѣховныхъ отношеніяхъ къ женщинѣ, ничѣмъ несвязанной.

Въ добавокъ ко всему, Дарья Семеновна разсчитывала также и на то, что, въ случаѣ надобности, при близкихъ отношеніяхъ, завязывавшихся теперь между нею и Турениной, послѣдняя можетъ употребить свои душеспасительныя наставленія къ тому, чтобъ склонить Свѣталова къ браку съ Крушихиной. Судя по себѣ самой и зная, что Алексѣй Сергѣевичъ не слишкомъ освободился отъ примѣтъ, предразсудковъ и повѣрій, привитыхъ къ нему въ дѣтствѣ, Дарья Семеновна была увѣрена, что слова такой праведницы, какою начала слыть въ Москвѣ Туренина, произведутъ большое впечатлѣніе на Свѣталова.

XIII.

Наступилъ третій годъ послѣ смерти Крушихина. Аннушка была въ это время въ пансіонѣ, откуда Дарья Семеновна рѣдко брала ее къ себѣ въ воскресенья и на праздники. Потомъ Крушихина взяла Аннушку къ себѣ на житье, но Аннушка оставалась въ ея домѣ недолго.

— Пріодѣнься сегодня получше, сказала однажды ласковымъ голосомъ Дарья Семеновна, входя въ комнату Аннушки:—ты поѣдешь сегодня со мной къ одной дамѣ, которая хочетъ взять тебя къ себѣ на житье.

Съ удивленіемъ взглянула Аннушка на Дарью Семеновну.

— У кого жь я буду жить? спросила она робкимъ голосомъ Дарью Семеновну.

— Я отвезу тебя, Аннушка, къ Агриппинѣ Петровнѣ Турениной: она помѣщица довольно-богатая и женщина чуть-чуть не святая... Ты поживешь у ней... а тамъ... кто знаетъ, добавила загадочно Дарья Семеновна:—быть-можетъ, и устроишься какъ-нибудь... Кому извѣстно, для чего Господь Богъ тебя готовилъ въ жизни? Святой его воли никто изъ насъ не знаетъ...

Такая рѣчь Дарьи Семеновны сильно подѣйствовала на Аннушку. Слова Крушихиной были для молодой дѣвушки неожиданной новостью, измѣнявшею обычный ходъ ея жизни. Не безъ нѣкотораго сожалѣнія оставляла теперь Аннушка домъ Крушихиной, потому-что, послѣ смерти Данила Кирилловича, Дарья Семеновна, замѣтно почти съ каждымъ днемъ, стала обходиться съ Аннушкой и ласковѣе и привѣтливѣе.

— Ты должна вѣчно молиться Богу за упокой души Данила Кирилловича, не разъ толковала Крушихина Аннушкѣ:—онъ былъ твой истинный благодѣтель; не успѣлъ онъ, быть-можетъ, сдѣлать для тебя всего, чего онъ желалъ; но, вѣдь, и я, Аннушка, тебя не оставлю и ты увидишь, что я люблю тебя столько же, сколько любилъ тебя Данила Кириллычъ, если еще не больше.

Случалось иногда, что, при подобныхъ, небывавшихъ никогда прежде разговорахъ, Дарья Семеновна подзывала къ себѣ Аннушку, цаловала ее и посматривала на нее заботливо и печально.

Аннушка никакъ не могла разгадать настоящихъ причинъ такой перемѣны въ обращеніи съ нею Дарьи Семеновны. При ласкахъ со стороны Крушихиной она невольно вспоминала порою

о своемъ прежнемъ загонѣ и, при этихъ невеселыхъ воспоминаніяхъ, въ ея головкѣ оживали тѣ нерѣдкія для нея минуты, когда она, покорная и робкая дѣвушка, измученная постояннымъ презрѣніемъ, частыми упреками и мелочною придирчивостью со стороны всѣхъ окружавшихъ ее, обращалась къ Богу съ безсвязнымъ, тихимъ лепетомъ, шедшимъ прямо отъ сердца, и съ безграничною, непытливою вѣрою отъ одного его ожидала для себя и опоры и утѣшенія.

Среди одиночества—такъ-какъ Аннушка долгое время во всѣхъ жившихъ вмѣстѣ съ нею не встрѣчала къ себѣ никакого привѣта и расположенія—въ душѣ ея самобытно развивались религіозныя чувства, порожденныя угнетавшей ее тоской и совершенно-чуждыя ханжества и приторности. Безъискусственная религіозность Аннушки заставляла ее забывать все, что̀ ее такъ сильно печалило и томило, отрѣшала ее отъ всѣхъ тревогъ и огорченій, которыя ей приходилось безпрестанно испытывать, и своей обаятельной, непостижимой силой увлекала пылкое воображеніе дѣвушки далеко за предѣлы земнаго бытія. И въ долгихъ, искреннихъ молитвахъ Аннушки и въ ея думахъ, которыя такъ часто находили на молодую дѣвушку, и въ ея легкихъ сновидѣніяхъ была своего рода высокая поэзія, доступная очень-немногимъ. Часто во снѣ и на яву, въ минуты раздумья, грезилась Аннушкѣ иная, несовсѣмъ-опредѣленная, но какая-то чудная жизнь, полная надеждъ и упованія и навѣвавшая на нее такую радость, которую, какъ ей казалось, она никогда не могла испытать въ земной дѣйствительности. Въ восторженномъ воображеніи Аннушки, въ минуту ея религіознаго увлеченія, ей представлялся новый, особый міръ, и чудилось ей, что міръ этотъ былъ исполненъ свѣта, теплоты и благоуханія, и что земное блаженство сливалось тамъ съ неизъяснимой духовной отрадой. И величественный престолъ божій, окруженный сіяніемъ вѣчной славы, и легкіе сонмы крылатыхъ херувимовъ, и ангелы въ сребротканныхъ одеждахъ, и райскіе сады, и какіе-то дивные, еще никогда неслыханные Аннушкой звуки являлись и слышались ей; они манили ее къ себѣ, и потомъ все, что̀ она видѣла и слышала, сливалось безразлично въ потоки какого-то ослѣпительнаго свѣта и въ чудную, восхитительную гармонію...

Аннушка плакала, Аннушка усердно молилась въ это время, сама не зная, однако, о чемъ она плачетъ, о чемъ молится; но на душѣ у ней отъ слезъ и молитвы становилось и легко и

отрадно. Во всѣхъ этихъ порывахъ, во всемъ этомъ набожномъ самозабвеніи было что-то дѣтское, безупречное. Въ своихъ восторженныхъ молитвахъ подраставшая Аннушка не видѣла никогда средства для достиженія желаемаго; у ней даже не было вовсе никакихъ желаній въ эти минуты, и она только отъ полноты чувствъ, въ какомъ-то забытьи всего земнаго, поклонялась духомъ и истиной невѣдомому ей Богу.

Воспоминанія о простосердечныхъ молитвахъ оживляли въ Аннушкѣ нѣсколько минутъ самыхъ успокоительныхъ или, лучше сказать, почти безотчетно-проведенныхъ ею въ ея печальной жизни. Особенно любила она припоминать тотъ вечеръ, когда она однажды, въ сторонкѣ отъ всѣхъ, стояла за всенощной подъ сводами старинной монастырской церкви и, по-временамъ уносясь далеко мыслями, съ тихой непонятной радостью смотрѣла, какъ розовые лучи садившагося въ это время солнца, пробиваясь сквозь окно купола, медленно и спокойно гасли на темныхъ иконахъ и на ярко-вызолоченномъ иконостасѣ. Постепенное исчезновеніе все болѣе-и-болѣе слабѣвшаго и какъ-будто умиравшаго свѣта и мракъ, наступившій подъ сводами церкви невольно навели Аннушку на мысль о смерти. Безъ ропота, безъ боязни готова была она хоть тотчасъ же разстаться съ своей, только-что расцвѣтавшей жизнью—и какимъ веселымъ убѣжищемъ, подъ вліяніемъ этой мысли, показалось Аннушкѣ, по выходѣ изъ церкви, монастырское кладбище, съ котораго въ эту пору, среди теплыхъ лѣтнихъ сумерекъ, повѣяло на нее свѣжестью зелени и запахомъ сирени!

Не могла также позабыть никогда Аннушка тѣхъ тяжелыхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и утѣшительныхъ для нея минутъ, которыя провела она одна въ задушевной молитвѣ надъ могилой Крушихина послѣ его похоронъ, до той поры, пока грубый призывъ искавшей ее Варвары не напомнилъ ей о печальной дѣйствительности. Вся горькая жизнь Аннушки быстро промелькнула въ ея памяти надъ свѣжей могилой Данилы Кирилловича; она еще сильнѣе, чѣмъ прежде, почувствовала свое безпомощное существованіе; еще яснѣе представилась ей въ будущемъ ея печальная доля; но въ то же время теплая, младенческая вѣра поддержала и ободрила бѣдную, оставленную всѣми Аннушку.

Со-временемъ, однако, стала проходить мало-по-малу излишняя восторженность молодой дѣвушки и своеобразный настрой ея духа, поддерживаемый нѣжными чувствами и пылкостью вооб-

раженія, нисколько не мѣшалъ развиваться ея живымъ, умственнымъ способностямъ. Впрочемъ, сердечныя стремленія Аннушки оставались всегда подъ вліяніемъ первыхъ впечатлѣній; и чуждъ, и не веселъ казался ей окружавшій ее міръ. Аннушку безотчетно влекло куда-то далеко, въ невѣдомую сторону; она была совершенно-равнодушна къ земному довольству; и въ тѣ минуты, когда умиравшій Крушихинъ высказывалъ однажды Аннушкѣ, что все его богатство достанется ей одной, въ умѣ молодой дѣвушки прежде всего пробѣжала мысль о томъ, какъ бы все такъ неожиданно-переходившее къ ней наслѣдство передать Богу руками сиротъ и убогихъ.

Нисколько не грустила и не жалѣла Аннушка, когда, послѣ смерти Крушихина, узнала она, что Данила Кирилловичъ не сдержалъ своего обѣщанія, что онъ оставилъ ее на произволъ судьбы рѣшительно безъ ничего. Не обижалась и не сердилась Аннушка, когда, въ первое время послѣ похоронъ Данилы Кирилловича, грубая челядь, пользуясь беззащитностью кроткой дѣвушки, позволяла себѣ издѣваться надъ жалкимъ и загадочнымъ ея положеніемъ въ домѣ Крушихина, и когда женская прислуга съ злобной шутливостью забавлялась надъ нею, говоря, въ насмѣшку, что ей послѣ Данилы Кирилловича остались навѣрно золотыя горы, и что, должно-быть, онъ былъ ей отецъ родной, если такъ позаботился о ея судьбѣ. Терпѣливо и безропотно переносила Аннушка и свою горькую участь, и сыпавшіяся на нее насмѣшки. Около этого времени въ головѣ созрѣвавшей Аннушки, среди ея однообразной и уединенной жизни у Дарьи Семеновны, начали являться разные тревожившіе ее вопросы и мучившія ея сомнѣнія. Ей нѣкому было передать ихъ; Аннушка не могла спросить ни у кого о томъ, что начинало только занимать ея умъ; но, по-временамъ, и волновать ея душу. Въ Аннушкѣ стало также являться не пустое, праздное любопытство, но неодолимая пытливость къ непонятнымъ и загадочнымъ для нея явленіямъ и видимаго и духовнаго міра. Ей хотѣлось и спрашивать, и слушать, и читать; но, къ-сожалѣнію, въ домѣ Дарьи Семеновны она была лишена всего, что̀ могло удовлетворить и успокоить ея развивавшійся разсудокъ.

При такихъ условіяхъ своей сердечной и умственной жизни Аннушка встрѣтилась съ Агриппиной Петровной.

Е. Карновичъ.

МЕТОДЪ,

УПОТРЕБЛЯЕМЫЙ МЕТАФИЗИКАМИ ДЛЯ ИЗУЧЕНІЯ ЗАКОНОВЪ УМСТВЕННАГО РАЗВИТІЯ.

Глава III «Исторіи цивилизаціи въ Англіи» Бокля (*).

Доводы, изложенные нами выше, приводятъ къ двумъ главнымъ фактамъ, которые, пока они не будутъ опровергнуты, необходимо должны составлять основу всеобщей исторіи. Первый изъ этихъ фактовъ тотъ, что въ цивилизаціяхъ внѣевропейскихъ силы природы могущественнѣе, чѣмъ въ Европѣ; вторый — что эти силы породили громадное зло и что въ то время, какъ одинъ разрядъ этихъ силъ породилъ неправильное распредѣленіе богатствъ, другой повелъ къ неправильному распредѣленію мысли, сосредоточивъ вниманіе на предметахъ, воспламеняющихъ воображеніе. На сколько опытъ прошлаго можетъ руководить насъ, мы должны сказать, что внѣ Европы эти препятствія были непреодолимы. Конечно, ни одинъ народъ не побѣдилъ ихъ, но въ Европѣ, которая менѣе другихъ странъ свѣта, гдѣ климатъ холоднѣе, почва не такъ плодородна, природа не такъ величественна, всѣ явленія ея не такъ страшны: человѣку было легче отстранять предразсудки, которые природа порождаетъ въ его воображеніи; съ тѣмъ вмѣстѣ ему было удобнѣе произвести, если не вполнѣ равномѣрное распредѣленіе богатствъ, то нѣчто подходящее къ нему.

Отсюда ясно, что если смотрѣть на исторію человѣчества, какъ на нѣчто цѣлое, то мы увидимъ, что въ Европѣ человѣкъ стремится подчинить себѣ природу, а внѣ ея природа стремится подчинить себѣ человѣка. Въ варварскихъ странахъ встрѣчаемъ множество отступленій отъ этого закона; но въ просвѣщенныхъ онъ преобладаетъ. Вотъ почему великое различіе между европейскою и внѣевропейскою цивилизаціями составляетъ основаніе философіи исторіи, ибо оно ведетъ къ тому важному соображенію, что если мы желаемъ понять исто-

---

(*) Глава I переведена нами въ № 2 «От. Зап.» 1861: глава II въ № 3; глава IV въ № 5 «От. Зап.» 1860.

рію, напримѣръ, Индіи, то должны прежде изучить внѣшнюю природу страны, которая имѣла болѣе-сильное вліяніе на человѣка, чѣмъ человѣкъ на нее. Если, съ другой стороны, мы желаемъ понять исторію Франціи или Англіи, то должны преимущественно изучать человѣка; ибо, такъ-какъ природа здѣсь сравнительно слабѣе, то каждый шагъ впередъ увеличивалъ власть человѣка надъ внѣшними силами. Даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ сила человѣка достигла высшаго развитія вліяніе внѣшней природы громадно; но оно уменьшается съ каждымъ поколѣніемъ, ибо развитіе знаній даетъ намъ возможность не только наблюдать за явленіями природы, но даже предсказывать ихъ и такимъ образомъ отстранять многія изъ золъ, которыя, иначе, она могла бы причинить. Успѣшность нашихъ усилій видна уже изъ того, что среднее продолженіе жизни стало длиннѣе и количество неизбѣжныхъ опасностей уменьшилось; это особенно-замѣчательно потому, что любознательность людей стала дѣятельнѣе и столкновенія между людьми стало болѣе, чѣмъ прежде; такъ-что, хотя повидимому число случайностей увеличилось, но въ дѣйствительности случайность много потеряла силы.

Вотъ почему, если мы кинемъ возможно-широкій взглядъ на исторію Европы и ограничимся главными причинами ея превосходства надъ другими частями свѣта, то увидимъ, что важнѣе всѣхъ этихъ причинъ преобладаніе ума человѣческаго надъ органическими и неорганическими силами природы. Всѣ остальныя причины подчинены этой; ибо мы видѣли, что тамъ, гдѣ силы природы достигли значительнаго развитія, національная цивилизація развивалась неправильно и ходъ ея задерживался. Прежде всего существенно-необходимо было ограничить вліяніе физическихъ явленій, что̀ всего легче сдѣлать тамъ, гдѣ явленія слабѣе и менѣе-страшны. Таково положеніе Европы; потому только въ Европѣ удалось человѣку укротить силы природы, подчинить ихъ своей волѣ, отвратить ихъ отъ ихъ обычнаго русла, сдѣлать изъ нихъ орудія для своего благосостоянія и для достиженія человѣческихъ цѣлей.

Все вокругъ насъ свидѣтельствуетъ объ этой славной и продолжительной борьбѣ. Кажется, что въ Европѣ человѣкъ ни передъ чѣмъ не останавливался: онъ положилъ предѣлъ наводненію моря и исхитилъ у него цѣлыя области, какъ, напримѣръ, Голландію; онъ прорылъ горы и проложилъ по нимъ дороги; приложеніемъ химическихъ знаній онъ обратилъ безплодную почву въ плодоносную; въ явленіяхъ электричества видимъ мы, какъ самая тонкая, самая быстрая, самая таинственная изъ всѣхъ силъ сдѣлалась орудіемъ для передачи

человѣческой мысли и подчинилась самымъ причудливымъ повелѣніямъ человѣка.

Въ другихъ случаяхъ, когда внѣшній міръ представлялъ сопротивленіе, человѣку удалось сломить то, что онъ едва могъ надѣяться подчинить себѣ. Самыя жестокія изъ болѣзней, каковы чума и средневѣковая проказа, совершенно исчезли изъ образованныхъ странъ Европы и едва-ли могутъ появиться снова. Дикіе звѣри и хищныя птицы совсѣмъ истреблены и лишены возможности посѣщать жилища образованныхъ людей. Страшные голода, опустошавшіе обыкновенно Европу по нѣсколько разъ въ каждое столѣтіе, теперь прекратились, и мы такъ удачно дѣйствовали противъ нихъ, что нѣтъ ни малѣйшей причины опасаться ихъ возвращенія съ прежнею жестокостью. Дѣйствительно, наши средства такъ велики, что самое худшее, чего мы можемъ ожидать — временная скудость; ибо, при настоящемъ состояніи нашихъ знаній, зло легко можетъ быть пресѣчено вначалѣ тѣми средствами, которыя предлагаетъ химія.

Едва-ли нужно указывать на другихъ примѣрахъ, какимъ образомъ развитіе европейской цивилизаціи обозначилось уменьшеніемъ вліянія внѣшняго міра: я разумѣю тѣ явленія внѣшняго міра, которыя существуютъ независимо отъ человѣка и несозданы имъ. Народы, наиболѣе развитые въ своемъ настоящемъ состояніи, гораздо-менѣе обязаны тѣмъ природнымъ условіямъ, которыя въ цивилизаціи каждой изъ странъ внѣевропейскихъ пользуются неограниченною властью. Такъ въ Азіи и т. п. торговые пути, размѣръ торговли и т. д. опредѣляются существованіемъ рѣкъ, легкостью плаванія по нимъ, числомъ и удобствомъ гаваней; но въ Европѣ эти условія заключаются не столько въ естественныхъ особенностяхъ, сколько въ искусствѣ и энергіи человѣка. Прежде самыми богатыми странами были тѣ, гдѣ природа роскошнѣе; теперь же тѣ, гдѣ человѣкъ дѣятельнѣе; ибо въ настоящее время, если природа скупа, то мы знаемъ средства вознаградить себя. Если по рѣкѣ трудно плавать, если въ странѣ нѣтъ естественныхъ путей сообщенія, то наши инженеры могутъ помочь бѣдѣ, исправить зло. Если нѣтъ рѣки, то роютъ каналъ; если нѣтъ естественныхъ гаваней, то ихъ замѣняютъ искусственными. Это стремленіе избѣжать изъ-подъ власти естественныхъ явленій до-того замѣтно, что оно отразилось даже въ распредѣленіи народонаселенія: въ наиболѣе-просвѣщенныхъ странахъ Европы народонаселеніе многочисленнѣе въ городахъ, чѣмъ въ деревняхъ: очевидно, что люди, собирающіеся въ большихъ городахъ, охотнѣе размышляютъ надъ теченіемъ дѣлъ человѣческихъ и менѣе обращаютъ вниманія на тѣ осо-

бенности природы, которыя являются обильнымъ источникомъ суевѣрій и которыя останавливали развитіе цивилизаціи во всѣхъ странахъ неевропейскихъ.

Изъ всѣхъ этихъ фактовъ ясно, что развитіе европейской цивилизаціи обозначается уменьшеніемъ вліянія законовъ физическихъ и усиленіемъ вліянія законовъ умственныхъ. Полное доказательство этого вывода можетъ представить только исторія. Вотъ почему бо̀льшую часть фактовъ, его объясняющихъ, я долженъ приберечь для слѣдующихъ томовъ моего труда. Но справедливость этого положенія будетъ признана всякимъ, кто къ приведеннымъ доказательствамъ прибавить еще двѣ посылки, изъ которыхъ ни одна не подлежитъ спору. Вопервыхъ, мы не знаемъ ни одного факта, доказывающаго, что силы природы возрастаютъ, точно также, какъ нѣтъ причины предполагать возможность этого возрастанія. Вовторыхъ, мы имѣемъ множество доказательствъ того, что средства ума человѣческаго постоянно увеличиваются, усиливаются и получаютъ болѣе возможности бороться съ затрудненіями, выставляемыми внѣшнимъ міромъ; ибо каждое новое прибавленіе къ нашимъ знаніямъ снабжаетъ насъ новыми средствами, съ помощью которыхъ можно остановить дѣйствія природы, или, въ случаѣ неудачи, предвидѣть послѣдствія и такимъ образомъ избѣжать того, что нельзя было предотвратить: въ томъ и другомъ случаѣ мы уменьшаемъ вліяніе на насъ внѣшнихъ силъ.

Принявъ эти двѣ посылки, мы должны придти къ заключенію, чрезвычайно-важному для нашего труда. Ибо если мѣриломъ цивилизаціи служитъ торжество ума надъ внѣшними дѣятелями, то очевидно, что изъ двухъ разрядовъ законовъ, управляющихъ развитіемъ рода человѣческаго, законы умственнаго развитія важнѣе законовъ естественныхъ. Хотя существуетъ школа мыслителей, держащаяся этого положенія, но я убѣжденъ, что до-сихъ-поръ оно не доказано сколько-нибудь удовлетворительнымъ анализомъ. Впрочемъ, вопросъ объ оригинальности моихъ доказательствъ въ-сущности праздный вопросъ; здѣсь замѣтимъ только, что въ настоящемъ пунктѣ нашего изслѣдованія задача упрощается и вопросъ о законахъ европейской исторіи сходится на вопросъ о законахъ, управляющихъ человѣческимъ умомъ. Когда эти законы будутъ сознаны, то они послужатъ основаніемъ европейской исторіи; законы же естественные мы будемъ расматривать какъ менѣе важные, притомъ особенно по отношенію къ колебаніямъ въ развитіи, сила и постоянство которыхъ уменьшились въ послѣднія столѣтіе.

Если мы обратимся къ средствамъ узнать законы человѣческаго

ума, то метафизики представятъ намъ готовый отвѣтъ: они укажутъ на свои труды какъ на удовлетворительное разрѣшеніе задачи. Вотъ, почему становится необходимымъ увѣриться въ цѣнности ихъ изыскацій, измѣрить объемъ ихъ средствъ и—что̀ важнѣе всего—испытать прочность методы, которой они постоянно слѣдуютъ и которая, по ихъ увѣренію, одна можетъ вести къ открытію великихъ истинъ.

Метода метафизиковъ, хотя и распадается на двѣ отрасли, въ-сущности та же самая: она состоитъ въ томъ, что наблюдатель изучаетъ свой собственный умъ. Такимъ-образомъ метода эта составляетъ прямую противоположность съ историческою: метафизики изучаютъ одинъ умъ, историки — многіе. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что до-сихъ-поръ никакое открытіе ни въ одной отрасли знаній не сдѣлано по метафизической методѣ. Все, что̀ мы знаемъ до-сихъ-поръ, узнано посредствомъ изученія явленій, отъ которыхъ устраняются всѣ случайныя колебанія, и такимъ образомъ получается въ остаткѣ законъ. Это можетъ быть сдѣлано или посредствомъ многочисленныхъ наблюденій, отстраняющихъ всѣ колебанія, или посредствомъ самыхъ тщательныхъ опытовъ, при которыхъ явленія уединяются. Соблюденіе одного изъ этихъ условій необходимо въ наукахъ опытныхъ, но ни одному не подчиняется метафизикъ. Уединить явленія для него невозможно, потому-что никто, въ какую бы глубокую мечтательность онъ ни былъ погруженъ, не можетъ отстранить отъ себя всѣ внѣшнія явленія, способныя имѣть вліяніе на его умъ, даже когда онъ самъ не сознаетъ ихъ присутствія. Что же касается другаго условія, то метафизики ему открыто недовѣряютъ: вся ихъ система основана на томъ предположеніи, что, изучая одинъ умъ, можно понять законы, управляющіе всѣми умами. Такимъ-образомъ, съ одной стороны, они неспособны отстранить отъ предмета наблюденій всѣ случайности, съ другой, отказываются принять послѣднюю возможную предосторожность—отказываются расширить поле своихъ наблюденій, что̀ могло бы вести къ той же цѣли.

Вотъ первое существенное возраженіе, которое встрѣчаетъ метафизиковъ у порога ихъ науки; но если мы проникнемъ глубже, то встрѣтимъ другое, менѣе очевидное, но не менѣе рѣшительное обстоятельство. Метафизикъ, признавъ неоспоримымъ то, что, изучая одинъ умъ, онъ можетъ вывести законы для всѣхъ, тѣмъ самымъ ставитъ себя въ затрудненіе, лишь только начнетъ прилагать даже свою несовершенную методу. Затрудненіе, о которомъ я говорю, неизвѣстно въ другихъ наукахъ, и потому ускользнуло отъ вниманія тѣхъ, кто не погружался въ метафизическія тонкости. Чтобъ понять его сущность,

надо бросить взглядъ на тѣ двѣ школы, къ которымъ неизбѣжно долженъ принадлежать каждый метафизикъ.

Для изученія ума человѣческаго по способу метафизиковъ предстоятъ два пути, равно обыкновенные, но ведущіе къ разнымъ результатамъ. По первому изслѣдователь начинаетъ съ изученія своихъ ощущеній; по второму—съ своихъ идей. Эти двѣ методы всегда вели и должны вести къ діаметрально-противоположнымъ заключеніямъ. Причину этого легко понять. Въ метафизикѣ умъ есть орудіе для изученія и, съ тѣмъ вмѣстѣ, и изучаемый предметъ. При такомъ смѣшеніи орудія съ предметомъ, на который оно дѣйствуетъ, происходитъ совершенно-особенное затрудненіе. Затрудненіе это заключается въ невозможности обнять однимъ взглядомъ всю цѣлость умственныхъ явленій; ибо, какъ бы широкъ ни былъ взглядъ, онъ долженъ исключать состояніе духа, при которомъ, или посредствомъ котораго составленъ этотъ взглядъ. Здѣсь заключается, по моему мнѣнію, существенная разница между физическими и метафизическими изслѣдованіями. Въ наукахъ естественныхъ есть много методовъ изслѣдованія, но всѣ онѣ ведутъ къ одному результату; но въ метафизикѣ мы видимъ постоянно, что если двое одинаково искусныхъ и одинаково честныхъ ученыхъ употребляютъ разныя методы при изученіи ума, то результаты, полученные ими, будутъ различны. Для тѣхъ, кто непосвященъ въ эти вопросы, нѣсколько примѣровъ прольютъ свѣтъ на вопросъ. Метафизики, начиная изученіе идей, замѣчаютъ въ своемъ умѣ идею пространства. Откуда же, спрашиваютъ они, происходитъ она? она не можетъ, говорятъ они, быть обязана происхожденіемъ своимъ чувствамъ; ибо чувства передаютъ только конечное и случайное, а идея пространства безконечна и необходима. Она безконечна, ибо мы не видимъ конца пространству; она необходима, ибо мы не можемъ представить себѣ пространство несуществующимъ. Вотъ все, до чего можетъ дойти идеалистъ. Но сенсуалисты, какъ ихъ называютъ, начинающіе не съ идей, а съ ощущеній, приходятъ къ совершенно-противоположнымъ заключеніямъ. Они замѣчаютъ, что идея пространства не можетъ появиться, пока у насъ нѣтъ понятія о предметахъ; это же послѣднее можетъ быть слѣдствіемъ ощущенія, внушаемаго предметомъ. Что жь касается необходимости идеи пространства, то она является слѣдствіемъ того обстоятельства, что мы никогда не видали предмета, который бы не занималъ какого-либо положенія по отношенію къ другому предмету. Такимъ образомъ создается неразрушимая связь между понятіемъ о положеніи и понятіемъ о предметѣ; а такъ-какъ связь эта постоянно повторяется пе-

редъ нами, то мы неспособны представить предметъ безъ положенія или, другими словами, безъ пространства. Что же касается безконечности пространства, то, по словамъ сенсуалистовъ, эти понятія образовались посредствомъ постояннаго продолженія линій, плоскостей и тѣлъ, трехъ единственныхъ формъ измѣренія. Во множествѣ другихъ вопросовъ мы находимъ такое же несогласіе между двумя школами. Идеалисты, напримѣръ, утверждаютъ, что наши понятія о причинѣ, времени, личномъ тождествѣ и субстанціи суть общи и необходимы; что они просты и потому, недоступные анализу, должны принадлежать къ первоначальному устройству ума. Съ другой стороны, сенсуалисты, нисколько не признавая простоты этихъ понятій, считаютъ ихъ крайне-сложными и смотрятъ на ихъ необходимость и всеобщность, какъ на результатъ частаго и тѣснаго ихъ соединенія.

Вотъ первое важное и неизбѣжное послѣдствіе при употребленіи различныхъ методъ. Идеалистъ принужденъ утверждать, что необходимыя и случайныя истины разнаго происхожденія. Сенсуалистъ обязанъ считать ихъ одинаковаго происхожденія. Чѣмъ далѣе развиваются эти двѣ школы, тѣмъ замѣтнѣе становится различіе. Они находятся въ открытой борьбѣ между собою въ каждомъ вопросѣ нравственности, философіи и искусства. Идеалисты утверждаютъ, что у всѣхъ людей одни и тѣ же понятія о добрѣ, истинѣ и красотѣ. Сенсуалисты говорятъ, что такого уровня не существуетъ, ибо идеи зависятъ отъ ощущеній, а ощущенія людскія связаны съ перемѣнами въ ихъ тѣлѣ и со внѣшними событіями, дѣйствующими на это тѣло.

Вотъ краткій очеркъ противоположныхъ заключеній, до которыхъ доходятъ искуснѣйшіе метафизики единственно потому, что избрали разные методы изслѣдованія. Замѣтить это тѣмъ нужнѣе, что послѣ употребленія обѣихъ этихъ методъ всѣ средства метафизики очевидно истощены. Обѣ стороны согласны, что законы умственные могутъ быть открыты только посредствомъ изученія отдѣльныхъ умовъ и что въ умѣ нѣтъ ничего такого, что не было бы слѣдствіемъ размышленія или ощущенія. Вотъ почему имъ предстоитъ выборъ только между двумя путями: или подчинить результатъ ощущенія законамъ мысли, или результатъ мысли подчинить законамъ ощущенія. Каждая изъ системъ метафизики строится согласно одному изъ этихъ двухъ плановъ; такъ должно продолжаться постоянно, ибо эти двѣ системы, соединенныя вмѣстѣ, обнимаютъ всѣ метафизическіе факты. Каждый методъ равно удовлетворителенъ; послѣдователи каждаго изъ нихъ равно самоувѣрены; по самому существу спора трудно найдти средній терминъ, и нѣтъ такого человѣка, который, не бывъ метафизикомъ, могъ бы

примирить метафизическій споръ; и нельзя быть метафизикомъ, не бывъ идеалистомъ или сенсуалистомъ; другими словами: не принадлежа ни къ одной изъ тѣхъ партій, которыя онъ хотѣлъ бы помирить.

Вотъ почему мы должны, мнѣ кажется, придти къ тому заключенію, что такъ-какъ метафизики неизбѣжно, по самой сущности своихъ занятій, раздѣляются на двѣ враждебныя школы, относительную истину которыхъ нѣтъ средствъ узнать, такъ-какъ, сверхъ того, у нихъ мало средствъ и эти средства они употребляютъ по методѣ, непринятой ни въ одной изъ другихъ наукъ; то, принявъ это въ соображеніе, мы не можемъ ожидать, чтобъ они снабдили насъ достаточнымъ количествомъ данныхъ для разрѣшенія великихъ вопросовъ, предлагаемыхъ исторіею ума человѣческаго. Кто возьметъ на себя трудъ точно оцѣнить современное положеніе философіи, тотъ долженъ согласиться, что, несмотря на вліяніе, которое она имѣла на нѣкоторые изъ могущественныхъ умовъ, а чрезъ нихъ и на все общество, тѣмъ не менѣе нѣтъ науки, которою такъ бы ревностно и долго занимались и результаты которой были бы такъ незначительны. Ни въ какой другой области не было такъ много движенія и такъ мало успѣха. Люди съ отличнѣйшими способностями и съ честнѣйшими намѣреніями въ теченіе многихъ столѣтій во всѣхъ образованныхъ странахъ заняты были метафизическими изслѣдованіями; тѣмъ не менѣе въ настоящее время системы ихъ нисколько не приблизились къ истинѣ, противорѣчатъ другъ другу съ яростью, которая, кажется, увеличивается отъ успѣховъ знанія. Непрекращающаяся вражда противоположныхъ школъ, ярость, съ которою онѣ поддерживаются, исключительное и антифилософское довѣріе, съ которымъ каждый защищаетъ свой собственный методъ—все это внесло такое же смятеніе въ изученіе ума, какъ въ религіозные вопросы споры теологовъ. Вслѣдствіе того, если исключить нѣсколько законовъ соединенія понятій и, можетъ-быть, я долженъ прибавить, новѣйшія теоріи о зрѣніи и осязаніи, то во всемъ объемѣ метафизики едва-ли можно найдти хоть одно важное и въ то же время неоспоримое начало. При такихъ обстоятельствахъ трудно отстранить сомнѣніе, что въ способѣ изслѣдованія метафизиковъ заключается существенная ошибка. По моему мнѣнію, простымъ наблюденіемъ нашего собственнаго ума и тѣми грубыми опытами, которые мы можемъ произвести надъ нимъ, нельзя возвысить психологію до степени науки. Я нисколько не сомнѣваюсь, что единственный способъ успѣшнаго занятія метафизикою состоитъ въ такомъ широкомъ изученіи исторіи, при которомъ мы будемъ въ-состояніи понимать условія развитія рода человѣческаго.

СТАРИНА.

СЕМЕЙНАЯ ПАМЯТЬ (*).

IV.

Немножко среднихъ вѣковъ.

«Мы не имѣемъ среднихъ вѣковъ ни въ государственномъ, ни въ общежительскомъ бытіи», сказалъ князь Вяземскій въ своемъ Фонвизинѣ. Можетъ-быть, оно и такъ; но когда вдоволь наслушаешься и наберешься разныхъ сказаній и вспоминаній о старинѣ, какимъ собственно русскимъ средневѣковымъ царствомъ и государствомъ сдается царствованіе Екатерины-Второй. По-крайней-мѣрѣ въ нашемъ общежительномъ быту, вы не отнесете это царствованіе ни къ грозной сиверкѣ Петра-Перваго, ни ко временамъ Александра-Благословеннаго; но это самъ-по-себѣ отдѣльный вѣкъ Екатерины-Второй. Мы еще не отошли отъ него на полныя пятьдесятъ лѣтъ (потому-что, говоря съ разсудительностью, не смерть Екатерины, а жизнь ея вѣка, выжившаяся у насъ сполна и на раздольи до «славной памяти двѣнадцатаго года»—одинъ конецъ этой жизни можетъ обозначить рубежъ); а между-тѣмъ, не представляется ли онъ намъ, какъ-бы давноминувшимъ, что слухи о немъ и даже живыя изустныя сказанья зовутся у насъ *преданіями екатерининскихъ временъ?* И въ этихъ преданіяхъ, въ несозданной еще исторіи екатерининскаго вѣка, сколько, если хотите, *исходно* средневѣковаго въ слагающемся

(*) Первыя три главы помѣщены въ 3 № «Отеч. Записокъ» 1861 года.

смыслѣ нашего общества, которое мало-по-малу получаетъ новыя потребности; въ немъ безсознательно шевелятся новыя силы; немножко просвѣщенія перестаетъ быть офиціальнымъ лоскомъ, чѣмъ-то въ родѣ парадной формы при дворѣ; а являются Шварцъ и Новиковъ, народно-сатирическіе типы Фонвизина. На его широкой пятѣ начинаетъ колебаться нашъ закоренѣлый феодализмъ невѣжества и предразсудковъ, и при этомъ судите, сколько должно было возникнуть борьбы на жизнь и умиранье! Какія суровыя личности, совершенно въ духѣ средневѣковаго выявленія грубой матеріальной силы и съ нею нераздѣльнаго насилія и самоуправныхъ жестокостей, должны были выйти и показаться въ нашемъ обществѣ предъ тѣмъ, какъ исчезнуть этимъ личностямъ мало-по-малу!

У насъ ли не было тѣхъ грозныхъ феодальныхъ бароновъ, нашихъ старинныхъ баръ, которые, выславъ отъ себя въ передовые государственные удальцы цѣлую семью Орловыхъ, заявя свою жизненно-поэтическую силу въ стихахъ Державинымъ и въ жизненной прозѣ великолѣпнымъ княземъ Тавриды, обозначивъ себя столькими лицами вельможнаго вѣка Екатерины—засѣли наши остальные бары въ своихъ помѣстьяхъ, ни чуть неуступавшихъ по значительности феодальнымъ баронствомъ, и что они тамъ дѣлали на свободѣ, на раздольи своей барской воли, принимавшей за рубежъ себѣ свою силу? Какія легенды могли бы составиться со всею грубою суевѣрной чудесностью среднихъ вѣковъ и съ ихъ суровыми принадлежностями подземельныхъ темницъ, желѣзныхъ запоровъ, жертвъ, узницъ!... А эти красующіяся картины великолѣпныхъ охотъ съ травлями на вепрей и медвѣдей, и даже на шутовъ и дураковъ, прикрытыхъ медвѣжьей шкурою! И разгульные пиры послѣ охотъ въ нашихъ дубовыхъ лѣсахъ и заповѣдныхъ рощахъ, съ сверкавшей обстановкою цыганскихъ плясокъ и пѣсенъ, заплетавшихся вокругъ хороводовъ — гудки и гусли, роговая музыка и наша полуазіатская роскошь, ярко и странно смѣшивавшаяся съ утонченной французской нѣгою и соблазнительной роскошью восьмнадцатаго столѣтія! Наконецъ, для показанія отваги и удали, лихое молодечество, ночные наѣзды—этотъ чистый разбой феодальныхъ бароновъ при большихъ дорогахъ, который даже не назывался у насъ разбоемъ, а говорилось о немъ просто: «выѣхать въ ночь попробовать охоты».

Удивительно, какъ у русскаго человѣка слово *разбой* почти не придается дѣлу! «Пошаливаютъ тамъ-то», говоритъ онъ, и скорѣе

разбойникомъ назоветъ уличнаго озорника, подставившаго ногу, или подтолкнувшаго чарку... Какъ хотите, народный духъ очень-чутокъ и первый судья въ вещахъ этого рода. Не указываетъ ли онъ, что преимущественно такъ-называемыя «шалости» въ нашихъ лѣсахъ и при большихъ дорогахъ — въ своемъ народно-побудительномъ началѣ — были чистое молодечество, неусидчивость отваги, удаль залихватская, выступавшая поразмять руки, попотѣшиться? Теперь это другое дѣло. Время потѣхи прошло, молодечество отгулялось; теперь время мирнаго великаго дѣла, но встарину, въ нашъ средневѣковой вѣкъ Екатерины, это именно было такъ.

Повторяю, что̀ было дѣлать огромной фалангѣ нашихъ «столбовыхъ» и «нестолбовыхъ» дворянъ, которые отслужили свое, или, по дарованной *вольности дворянства*, вовсе не собирались служить, а замуровались они въ своихъ муромскихъ и немуромскихъ лѣсахъ и, какъ сычи, засѣли по своимъ помѣстьямъ? Пировать? Они и пировали. Охотиться? Они ли не охотились, когда даже оставили въ народѣ насмѣшливую пословицу своихъ распоряженій: «семеро—по зайца, одинъ—молотить». Но этого еще мало, не захватывало всей удали молодецкаго духа и вотъ они—*пошаливали*. Какъ всякая шалость, слишкомъ-увеличивающаяся, заводитъ далеко: такъ и эта, тѣмъ съ наименьшимъ исключеніемъ, переступала всѣ границы, дозволенныя въ благоустроенномъ государствѣ и прямо подходила подъ уголовное преступленіе.

Обыкновенно, дѣло начиналось почти такъ: что какому-нибудь вдоволь-напировавшемуся и наохотившемуся, извѣстному по околотку богатому барину приходила мысль выместить на комъ свою досаду. Выбравъ удобное время, въ ночь, посадя на конь свою дворню — доѣзжачихъ и стремянныхъ у стременъ—баринъ молодецкимъ налётомъ налеталъ къ своему противнику, зажигалъ ему гумно, амбаръ, подпаливалъ деревню и уносился съ гикомъ и хлестаньемъ арапниковъ прежде, чѣмъ противникъ, какъ поднятый за цъ, успѣвалъ рѣшиться на что-нибудь. Отвѣдавъ разъ отваги и пыла ночнаго наѣзда, баринъ разгорячался. Онъ хорошо зналъ, что только слабые пытались находить защиту у суда, а равносильный соперникъ поищетъ помѣриться собственными силами. «Долгъ платежемъ красенъ», наша старинная пословица, и зачинщику-барину слѣдовало быть наготовѣ... И кромѣ-того, огни, зажженные собственной рукою и пылавшіе заревомъ

на ночномъ небѣ—эти огни и усиленный скокъ его коня, упоительная, можетъ-статься, темнота лѣтней росистой ночи, раздражительное щекотанье отмщенія, удачи совсѣмъ опьяняли голову барину, на половину опьяненную виномъ. У него въ крови сохранялось ощущеніе этого мгновенія и на пирахъ уже обыкновенный хмѣль не бралъ его; голова горѣла. Иного хмѣля отвѣдалъ баринъ и его раздражительнаго опьяненія, пыла, захватывающаго духъ, хотѣла душа — и внезапно поднимаясь съ пира, нашъ баринъ кричалъ: «коня!» Не заставъ противника или, можетъ-быть, испытавъ пораженіе, ватага неслась назадъ и на пути своемъ находила дерзкаго, который осмѣлился повстрѣчаться ей. «Бери его! держи! ату его!» бросалась ватага на потухѣ, хватала и ловила... Этимъ людямъ или, вѣрнѣе сказать, одному изъ нихъ необходимо было какое-нибудь возбужденіе. Распалясь немного, онъ несся прытко на свой неоконченный пиръ и, заполевавъ новаго звѣря, виномъ праздновалъ свою побѣду и заливался смѣхомъ надъ своимъ приключеніемъ. На утро онъ могъ и съ наградою отпустить захваченнаго; но стоило только начать... Нашъ баринъ много изволилъ потѣшиться своей новой охотою; онъ входилъ во вкусъ ея и скоро узнавалъ, что при большихъ дорогахъ, налетая налётомъ, можно захватить того раздражительнаго опьяненія, котораго не ставало ему за его барскимъ столомъ. Извѣстно, что эти столы большихъ бaръ обыкновенно окружали мелкопомѣстные прихлебатели и приживатели. Волею и неволею они должны были участвовать во всякой потѣхѣ своего милостивца. Посмѣть прекословить было нельзя, потому-что сильное убѣжденіе арапниковъ могло воспослѣдовать въ ту же минуту; и вотъ у большаго барина, затѣявшаго средневѣковое рыцарство при большихъ дорогахъ, была своя готовая шайка.

Но, что̀ изумительнѣе всего, такъ и женщины принимали участіе въ подобныхъ «шалостяхъ», и даже находились такія, что предводительствовали ими, играли первую роль въ нихъ! Въ Путивльскомъ Уѣздѣ судилась и была сослана въ Сибирь Марѳа Дурова, у которой было тысяча душъ, и она съ тремя сыновьями сама выѣзжала подъ разбой, то-есть «на охоту», какъ тогда говорилось.

Гражданская неурядица, безпрестанныя войны, бѣглые солдаты, ребята, спасавшіеся въ лѣсахъ отъ некрутчины—все это приливало сильнѣйшей подмогою къ барскимъ охотничье-дворовымъ шайкамъ. Этого мало: духъ предпріимчивой совмѣстности сбли-

жалъ нѣсколько такихъ шаекъ и дѣлалъ ихъ владычество непрерывнымъ на протяженіи пятисотъ или шестисотъ верстъ. Такъ шайка, о которой я буду говорить, имѣя свое главное развѣтвленіе въ Мценскомъ и Ливенскомъ уѣздахъ, концомъ своимъ далеко уходила въ новороссійскія степи. На всемъ этомъ протяженіи у нея были свои притонныя станціи, свои этапы, по которымъ безпрестанно передвигалась и передавалась добыча: такъ-что вещь, пропавшая въ Мценскѣ, или въ Ливнахъ, въ ту же ночь была уже далеко на пути въ Малороссію и въ новороссійскія степи, и производить о ней поиски на мѣстѣ было дѣломъ совершенно безплоднымъ. Можно судить, до чего доходила спокойная дерзость этихъ шаекъ, когда онѣ цѣлыя партіи ворованныхъ лошадей препровождали среди бѣлаго дня изъ села въ село, имѣя людей переодѣтыхъ солдатами и офицера при нихъ, который будто-бы велъ ремонтъ и по всему пути требовалъ и получалъ безплатное сѣно и овесъ лошадямъ, постой и кормъ людямъ.

Къ отросткамъ этихъ шаекъ, на границѣ Корочанскаго и Новооскольскаго уѣздовъ, принадлежала многочисленная фамилія Деревицкихъ. Гнѣздо ихъ была маленькая разбросанная деревенька Пады. Впослѣдствіи, по рѣшенію суда, она была срыта и имя ея уничтожено; но память о ней залегла въ народной мѣстной поговоркѣ того времени: «какъ проѣхалъ Пады, то и подь да пади!» Уноси ноги поскорѣе, чтобъ голова была цѣла. Деревенька лежала подъ лѣсомъ и, миновавши ее, начинались странныя лѣсистыя впадины, не отвершки лѣсныхъ овраговъ, а просто большія округленныя углубленія, густо поросшія лѣсомъ. Эти-то западины—пады — какъ дали названіе деревушкѣ, такъ и много способствовали утвердившимся въ ней промысламъ.

Но въ Курской Губерніи особенно этими промыслами извѣстенъ былъ Путивльскій Уѣздъ. Угрюмая, суровая мѣстность, по всему теченію Семи, покрытая непрерывавшимися лѣсами, развила и придала особенно-мрачный характеръ отправлявшемуся дѣлу. Въ немъ проглядывало суровое звѣрство, ѣдкость потѣхи надъ свершеннымъ злодѣяніемъ, что́ вообще несвойственно русскому человѣку. Такъ помнятъ, что на берегу Семи былъ найденъ трупъ съ приподнятой вверхъ рукою, въ которой онъ держалъ записку: *Семь съѣла семъ — осьмой на берегу, семерыхъ берегу.* Кромѣ сказанной шайки Маѳы Дуровой, въ Путивлѣ была еще сильно распространена шайка нѣсколькихъ братьевъ Воропоновыхъ. Тамъ въ промыслъ входили всѣ крестьяне. Днемъ они ни-

чего не работали на господина, не справляли никакой барщины; но через каждую темную ночь, на утро, крестьяне должны были представить заработанных денег по рублю на человѣка. Но, принимая разсудительно во вниманіе, что въ лунную ночь подобные заработки достаются труднѣе, то и цѣна соразмѣрно сбавлялась на половину въ тѣ ночи, когда свѣтилъ мѣсяцъ. Шайка Ворпоновыхъ была наконецъ выслѣжена по пятамъ, несмотря на всѣ ухищренія изобрѣтательнаго плутовства скрыть свои слѣды. Для этого они подковывали лошадей, оборачивая задомъ на передъ подковы и подвязывали имъ къ ногамъ лапти, тоже пятками наоборотъ и такимъ образомъ оставляли позади себя самый ложный слѣдъ, который не только не наводилъ на нихъ, а напротивъ, въ другую совсѣмъ сторону направлялъ преслѣдованіе.

Если смотрѣть на жизнь не какъ на случайное сцѣпленіе тѣхъ или другихъ происшествій, а надъ всѣми ими видѣть написаннымъ: *есть Богъ*, то поразительно, какія судьбы правды Божіей объявятся иногда передъ нами!

Когда открыта была передъ закономъ эта шайка Ворпоновыхъ и судъ приступилъ къ разбирательству всѣхъ обстоятельствъ страшно-сложившагося дѣла, оказалось, что одинъ изъ Ворпоновыхъ, отецъ, выѣзжая подъ разбой съ тремя сыновьями, бралъ съ собой еще и четвертаго, лѣтъ тринадцати мальчика. Поступивъ съ другими со всей карающей строгостью своихъ опредѣленій, законъ остановился передъ несовершеннолѣтіемъ этого мальчика; и хотя доказано было, что онъ участвовалъ съ отцомъ, но какъ это участіе могло быть невольное и принужденное, то судъ, смягчая кару закона до простаго исправительнаго наказанія, присудилъ мальчику, по достиженіи имъ совершеннолѣтія, выдержать передъ судомъ тѣлесное наказаніе въ нѣсколько ударовъ розогъ. Лѣта проходили. Мальчикъ, ставшій очень-богатымъ, почти единственнымъ наслѣдникомъ всѣхъ имѣній своей фамиліи, увезенъ былъ въ Петербургъ; учился тамъ, служилъ, путешествовалъ за границею и только черезъ семнадцать лѣтъ прибылъ на свою родину. Какъ самъ онъ едва-ли помнилъ, такъ и здѣсь все прошло, совершенно позабылось и времена наступили другія; да и не было повода вспоминать, что было, видя такого блестящаго во всѣхъ отношеніяхъ и по своему положенію молодаго человѣка... а рука правосудія Божія, часто медлительнаго, потому-что непреложнаго, уже поднималась надъ нимъ.

Подошли выборы. Дѣло было еще внові и сильно возбуждало всѣхъ. Званіе «предводителя дворянства» чрезвычайно льстило и горячило честолюбіе. По богатству своему и лоску образованности, а, можетъ-быть, и по другимъ болѣе-возвышеннымъ даннымъ, молодой Воропоновъ могъ искать избранія своего въ предводители, и онъ сталъ горячо искать. Но ему явился соперникомъ старый, гордый претендентъ, немогшій уже переносить мысли, чтобъ молодой выскочка вступилъ въ соискательство съ нимъ, и Воропоновъ имѣлъ еще несчастную неосторожность оскорбить его чѣмъ-то лично. Лучше бы онъ волку въ пасть вложилъ свою голову. «Господа!» сказалъ тотъ, обращаясь къ полному собранію дворянъ на выборахъ,—«мы поступаемъ вопреки точнаго смысла закона, всемилостивѣйше дарованнаго намъ великой государынею... Между нами дворянинъ, который не только не имѣетъ права искать себѣ какой-либо должности въ средѣ дворянской, а онъ недостоинъ находиться въ нашемъ благородномъ собраніи, какъ человѣкъ подсудимый и надъ которымъ не исполненъ еще приговоръ суда, опредѣляющій его къ тѣлесному наказанію, по несовершеннолѣтнему совмѣстничеству его въ грабежахъ и разбояхъ его отца. Я протестую и требую вывести г. Воропонова изъ собранія». Несчастнаго Воропонова не вывели, а попросили его выйти. Но соперникъ его былъ безпощаденъ. На другой день онъ подалъ въ судъ бумагу, въ которой говорилъ: «что какъ довѣдомо ему и всему окружному дворянству, что сынъ такого-то Воропонова, будучи включенъ по дѣлу своего отца о смертоубійствахъ и разбояхъ и прощенный ради своего несовершеннолѣтія, за что̀ вмѣнено ему въ милостивое исправленіе: по достиженіи узаконенныхъ лѣтъ, выдержать ему передъ судомъ тѣлесное наказаніе—то онъ, дворянинъ такой-то, представляетъ во вниманіе, кому слѣдуетъ: *почему*, по давнемъ уже достиженіи совершеннолѣтія имъ, Воропоновымъ, не приведено доселѣ въ исполненіе опредѣленіе суда, всемилостивѣйше-утвержденнаго высочайшей конфирмаціею?» Здѣсь отступить было нельзя. Не такъ силенъ и безпощаденъ былъ этотъ представитель и грозно стоялъ за плечами судей, чтобъ судьи могли подумать уклониться, или какъ-нибудь не внять его представленію. По требованію полнаго засѣданія вынуто было дѣло изъ архива и поступило на разсмотрѣніе; но смыслъ опредѣленія былъ слишкомъ-точенъ и конфирмація высочайшей воли дѣлала его непреложнымъ. И вотъ послано было требованіе къ

г. Воропонову явиться въ судъ по прописанному дѣлу, для выслушанія опредѣленія и для принятія слѣдуемаго по оному исполненія... Воропоновъ застрѣлился. Правосудіе человѣческое отступило передъ нимъ, смягчилось при видѣ его молодости; но судъ Божій—не судъ человѣческій, и кровь Воропонова сама воздала за себя божественной правдѣ.

Но это только эпизодъ, запечатлѣнный силою высоко-трагическаго ужаса, передъ истиной котораго такъ блѣдны созданія нашего замученнаго воображенія! а главная кровавая нить проходила не здѣсь. Ее держали въ рукахъ два брата, графы Девіеры, жившіе верстъ на сто другъ отъ друга и въ разныхъ уѣздахъ. Они были центромъ, куда проводились многочисленныя мелкія нити и связывались тамъ въ одинъ крѣпкій, безчестный узелъ. Имѣніе одного изъ графовъ было надъ Донцомъ, въ лѣсахъ; огромнаго устройства водяныя мельницы оглушительнымъ шумомъ своимъ какъ-бы не давали владѣльцу слышать укоровъ его совѣсти. Въ береговыхъ скалахъ вырыты были на дальнее разстояніе потаенныя пещеры, гдѣ содержались преимущественно лошади, собранныя изъ разныхъ концовъ и, говорятъ, когда выводили ихъ ночью поить на Донецъ, то радостное ржанье бѣдныхъ животныхъ, выступившихъ изъ подземельной тюрьмы, бывало до-того сильно, что весь лѣсъ отзывался имъ и рѣка рокотала переливами.

Наша маленькая Макаровка, до покупки нами, принадлежала господину, который имѣлъ когда-то свои пріязненныя сношенія съ этимъ графомъ, и мнѣ разсказывалъ старый дѣдъ Данило, нашъ пасѣчникъ, бывшій кучеромъ у прежняго барина, какіе тамъ порядки бывали въ домѣ, когда пріѣдешь... И до-того живо было въ умномъ старикѣ впечатлѣніе тѣхъ временъ, что, начиная мнѣ разсказывать о *грапѣ* (такъ малороссіяне произносятъ *графа*), величавый дѣдъ озирался, точно высматривалъ кого изъ-за кустовъ и значительно понижалъ голосъ... Что это была странность такая, когда пріѣдешь днемъ во дворъ, точно будто всѣ люди вымерли, на душу живую не натолкнешься; даже двери въ людскія настежь растворены стоятъ и развѣ гдѣ-нибудь послышишь на печи, что больная старуха стонетъ, причитывая къ смерти, да еще одинъ какой-нибудь ребенокъ выглядываетъ, какъ мышь, изъ подполья. Но чуть повечерѣло, то и начнутъ немного показываться люди, сновать изъ угловъ, и что ни дальше къ ночи, то все больше прибываетъ ихъ. За людьми собаки выползутъ

изъ конуръ—просто волосъ на головѣ становится дыбомъ! Даже пріучены такъ, что собаки не лаютъ; а чуть стемнѣло, и пошли рычать изъ всѣхъ угловъ, того и берегись, что не та, такъ другая кинется къ горлу. А когда легъ спать, то и спи, не поднимай съ-дуру головы, что бы тамъ не слышалъ, а то, ни оттуда, ни отсюда, дюжая рука тотчасъ уложитъ тебя шмелей слушать... «И Господи, Боже мой!» ужасался старый человѣкъ былому: «иной разъ припадешь къ землѣ, ночуя подъ своею бричкою: «такъ земля подъ ухомъ стонетъ, какъ живой человѣкъ, болѣзнуетъ утробою!» И какъ ей было не болѣзновать и не издавать стоновъ, когда подъ домомъ были подземелья съ цѣпями и томящимися узниками; а по всему двору находились тайники и скрытые ходы? Графъ былъ двоеженецъ. Справивъ живой женѣ великолѣпныя похороны и торжественно, со всѣми церковными обрядами схоронивъ куль соломы, онъ женился въ другой разъ и семь лѣтъ держалъ въ погребѣ заключенную неумиравшую жену!

Любопытно, что въ рѣшеніи участи обоихъ братьевъ Девісровъ довольно-сходно участвовалъ *серебряный сервизъ*.

Не знаю, который изъ графовъ, старшій или меньшій, но только этотъ, который жилъ надъ Донцомъ, попалъ на большой пиръ къ одному богатому помѣщику, верстъ за сто, и отличное столовое серебро взманило графа. Какъ опытный въ этихъ дѣлахъ, зная, гдѣ употребить лисій хвостъ, когда не беретъ волчій ротъ, графъ умѣлъ склонить на свою сторону дворецкаго и обѣщалъ ему, кромѣ другаго награжденія, дать вольноотпускную отъ своего имени, если дворецкій бѣжитъ къ нему и снесетъ серебро. Дѣло было обдѣлано такъ-ловко, что ни малѣйшаго подозрѣнія не пало па графа, никакихъ концовъ, ни слѣдовъ; дворецкій съ серебромъ какъ въ воду канулъ. Графъ держитъ его въ чести; повидимому, онъ сталъ у него первымъ довѣреннымъ человѣкомъ; но несчастный не понималъ того, что онъ живая улика на графа и что тотъ, навѣрное, постарается избавить себя отъ него. Пріобрѣтеніе серебра случилось по осени... Когда пала зима и ледъ сталъ по Донцу, въ одинъ вечеръ приказывая на-завтра выѣзжать пару молодыхъ лошадей, графъ обратился къ своему довѣренному дворецкому и говоритъ: «пожалуйста и ты, братъ, поѣзжай. Лошади хорошія: посмотри, чтобъ не испортилъ кучеръ». А дѣло было вовсе не въ лошадяхъ, а въ страшномъ умыслѣ. Посреди Донца прорублена была съ вечера большая широкая прорубь; къ утру она должна была покрыться тон-

кимъ слоемъ льда, что замѣтить ее незнавшему никакимъ образомъ нельзя было—и было приказано кучеру: разогнавъ лошадей управить ихъ на это мѣсто, причемъ чтобъ онъ соскочилъ, а кто другой будетъ сидѣть въ санкахъ и съ лошадьми долженъ былъ пойти подъ ледъ. Такъ въ точности оно и исполнилось. Случай вышелъ совершенно-естественный: что молодыя лошади неслись, кучеръ не могъ сдержать ихъ да онъ и не зналъ, какъ онѣ наскочили на одно мѣсто, которое мало замерзло; а этихъ мѣстъ по Донцу и теперь достаточно, а слишкомъ за полвѣка рѣка была несравненно-быстрѣе и полноводнѣе, и обстоятельство было вполнѣ вѣроятное, что кучеръ могъ спастись, а другой, кто сидѣлъ съ нимъ, утонулъ. Развѣ мало подобныхъ случаевъ бываетъ? Да графу и не передъ кѣмъ было выставлять на видъ всѣ эти мелкія вѣроятности. Онъ могъ своимъ знокомымъ, кому хотѣлъ, разсказать этотъ случай и пожалѣть, что молодыя лошади пропали да упомянуть, что и человѣкъ утонулъ тутъ же. Знакомымъ какое дѣло? А судъ не могъ знать о томъ, если самъ графъ не хотѣлъ его увѣдомить—словомъ, на землѣ всѣ концы были запрятаны въ воду, и толстая ледяная кора, затянувъ и загладивъ мѣсто страшняго преступленія, какъ-бы непробуднымъ безмолвіемъ покрыла его... А оно открылось, и такъ просто и такъ явственно, что закрыть его не было никакой возможности.

Весною, когда пошелъ лёдъ по Донцу, верстъ зя сорокъ ниже по теченію, прибиваетъ въ городъ къ берегу мертвое тѣло. Суматоха поднялась большая. Даютъ начальству знать; тѣло выносятъ на берегъ и всѣ въ недоумѣніи: видятъ, что человѣкъ не простой. На немъ длинная бекешь на смушкахъ, покрытая хорошимъ сукномъ, и одна рука въ перчаткѣ... Кто онъ такой, откудова—никто не знаетъ и даже слуху не было, чтобъ кто утонулъ за это время; особливо, судя по костюму, что это долженъ быть помѣщикъ или служащій какой, такъ бы вѣсть издалека прошла; ничего неизвѣстно. Слѣдователи рѣшили и самъ исправникъ приступилъ разстегнуть бекешь утопленику, чтобъ посмотрѣть, не найдется ли какихъ указаній, или бумагъ при немъ? И вообразите: въ карманѣ сюртука находятъ бумагу даже не промокшую, сухую совершенно, какъ бы исправникъ вынулъ ее изъ собственнаго кармана, и какая жь это бумага? Письмо графа, которымъ онъ сманивалъ несчастнаго; говорилъ въ немъ о серебрѣ, о своихъ наградахъ и подписалъ свое имя... Дѣло о серебрѣ было громкое. Помѣщикъ разослалъ объявленія по всей

губерніи съ описаніемъ примѣтъ бѣжавшаго дворецкаго. Объявленіе было въ судѣ; его сличили и нашли совершенно-вѣрнымъ. Дали знать съ нарочнымъ помѣщику; тотъ прискакалъ и самъ призналъ своего несчастнаго слугу. И что̀, изумительнѣе всего! почти четыре мѣсяца былъ человѣкъ подъ водою и даже рыбы не тронули глазъ! Мертвое тѣло осталось совершенно-невредимымъ, между-тѣмъ какъ о саняхъ и лошадяхъ и помину никакого не оказалось.

Началось дѣло. Помѣщикъ-истецъ скоро умеръ; наслѣдники его были далеко на службѣ; но ни все золото графа, ни вся продажность судей не могли закрыть дѣла, оно тянулось и должно было кончиться со всѣми выступившими наружу злодѣяніями. Одна смерть могла быть спасеньемъ отъ позора и—что̀ жь? совершилось дѣло, едва-ли слыханное въ юридическихъ актахъ: графъ былъ показанъ умершимъ и еще семь лѣтъ прожилъ этотъ лжемертвецъ, сокрывшись отъ человѣческаго взора! Но жизнь со всегдашнимъ томительнымъ опасеніемъ быть открытымъ, жизнь въ тѣхъ самыхъ тайникахъ и подземельяхъ, гдѣ, умирая, томились его жертвы, гдѣ семь лѣтъ стенала его жена, гдѣ обступали его ежечасно напоминанія совершенныхъ имъ злодѣяній—а они должны были явиться въ ужасающемъ безмолвіи живаго гроба—такая жизнь не страшнѣе ли самой каторги?

Другой графъ Девіеръ жилъ въ Валуйскомъ Уѣздѣ, въ своемъ большомъ имѣніи Погромецъ на Осколѣ, и купилъ онъ у одной богатой помѣщицы имѣніе. Часть денегъ положено было уплатить при совершеніи купчей, а остальныя были расчислены по срокамъ. Но проходитъ одинъ срокъ—графъ не платитъ, и время другаго срока прошло — графъ не думаетъ платить. Помѣщица пишетъ къ нему, посылаетъ нарочныхъ, но онъ, подъ разными предлогами, даже не отвѣчаетъ; пріѣзжаетъ она сама. Графъ съ большими извиненіями говоритъ: что онъ и радъ бы душею, но что у него денегъ нѣтъ. «А когда у васъ нѣтъ денегъ, графъ, то въ замѣнъ я могу взять вашъ серебряный сервизъ», потребовала помѣщица. Графъ, повидимому, охотно согласился; но, будто бы за укладкою сервиза, онъ съумѣлъ удержать даму до вечера. Когда она выѣхала въ ночь, ей приготовлена была засада. Это была первая санная дорога. Осколъ хотя сталъ, но мѣстами еще были продушины и вотъ карету захватили и подволокли къ одной изъ нихъ... Не знаю, были ли прежде утоплены люди: кучеръ, лакей, горничная? Вѣроятно, что такъ. Но помѣщицу спасла

ея песцовая шуба: что ее окунуть въ воду, она будто и потонетъ; но песцовая шуба не обмокаетъ, вздувается и поднимаетъ ее наверхъ. Въ эту ночь везли къ кому-то доктора, сбились съ дороги и, плутая, попали на мѣсто преступленія. Занятые своей страшной вознею съ непотопаемой шубою, графскіе люди ничего не слыхали, какъ сзади подъѣхали къ нимъ и ихъ громомъ поразилъ раздавшійся за спиною вопросъ: «Что вы дѣлаете?» Они бѣжали; докторъ могъ оказать всю нужную помощь полубезчувственной утопленницѣ. Она сейчасъ же назвала графа и подняла дѣло. Но помѣщица была другаго уѣзда и какъ прямыхъ доказательствъ не представлялось на-лицо, то потребовался повальный обыскъ о графѣ, и таково было малодушіе, страхъ и подобострастіе дворянъ цѣлаго уѣзда, что они всѣ одобрили графа! Но нѣтъ! помѣщица была слишкомъ-сильна и уже слишкомъ-давно вопіяли къ божескому и человѣческому правосудію недостойныя дѣла графа! Была доказана ложность подобострастныхъ показаній дворянъ, присланы изъ губерніи слѣдователи, дѣло раскрыто и графъ понесъ все безчестное наказаніе, заслуженное имъ, и сосланъ былъ въ Сибирь.

Лыбопытно, что всѣ дворяне Валуйскаго Уѣзда отданы были подъ судъ, отрѣшены отъ всѣхъ должностей и повелѣно было впредь никуда не принимать ихъ, такъ-что у нихъ даже выборовъ не было. Изъ другихъ уѣздовъ съѣзжались чужіе дворяне и назначали имъ отъ себя предводителя, судей и всѣ чины.

Вотъ истины былой жизни, которыя теперь ужасаютъ насъ! Мы отказываемся имъ вѣрить... По времени это до-того близко къ намъ, до-того живо, что, говоря, должно удерживаться отъ многихъ подробностей и, между-тѣмъ, встаетъ ли между нами хотя малѣйшая тѣнь нашего сочувствія къ этому недавнему былому? Не отвергаемся ли мы его всеполно и всецѣло? Мы возмущены духомъ и наше сознаніе болитъ и негодуетъ горестною мыслью: что не-уже-ли оно могло быть такъ! Вотъ гдѣ отрадная мѣра нашему развитію, нашему маленькому росту въ томъ, что зовется общественнымъ образованіемъ. Вотъ этакъ, оглянувшись на себя за пятьдесятъ-шестьдесятъ лѣтъ, вѣруешь Богу и перестаешь сомнѣваться въ людяхъ и обществахъ—въ жизненной силѣ того великаго сѣмени, какимъ засѣянъ міръ, какъ пахотное поле, и сѣмя великое прозябаетъ и растетъ, хотя мы, въ нетерпѣніи, готовы бываемъ отрицать: нѣтъ росту!

Но, однакожь, становится душно въ этой атмосферѣ средне-

вѣковыхъ преданій, и чтобъ освѣжиться немного, я припомню то время, когда семь самыхъ тяжелыхъ осеннихъ и зимнихъ мѣсяцевъ мнѣ довелось прожить съ одною, едва не столѣтнею, почти совсѣмъ слѣпою старухою безъ книгъ, безъ всякаго общества—она да я—«да еще Богъ съ нами», какъ добавляла она. Днемъ я читала ей «Четьи-Минеи»; а когда короткіе дни рано вечерѣли, не видя меня въ сумракѣ, она ощупью отъискивала мою голову, и чтобъ чувствовать меня ближе къ себѣ, клала голову мою себѣ на колѣни и, лаская мои волосы, въ дорогомъ желаніи развлечь меня и занять чѣмъ-нибудь, она много разсказывала мнѣ о томъ, *якъ було колісь*, какъ они живали встарину; разсказывала мнѣ о кладахъ, о разбойникахъ, о запорожцахъ. Родомъ сербка, изъ фамиліи Витковичей (мать ея ребенкомъ выѣхала въ Россію), она разсказывала мнѣ о знаменитомъ въ екатерининское время генералѣ Зоричѣ, который царькомъ жилъ у себя въ Шкловѣ и которому она съ родни была и въ его домѣ дитятей росла... О чемъ она ни говорила мнѣ! И о томъ, *какъ Богъ дастъ, то и въ окно подастъ*, какъ *горе*, находившись поміру, лежало на печи и выставило свои длинныя ноги въ окошко; какъ *смерть* крестила у бѣдняка ребенка; какъ *солнце*, *морозъ* и *вѣтеръ*, когда еще человѣчьими ногами ходили по землѣ, шли вмѣстѣ и какъ имъ, мимоходомъ, поклонился мужичокъ, и какъ они заспорили: кому поклонился онъ? и какъ онъ отвѣчалъ: «вонъ тому усатому», те-есть вѣтру. Какъ солнце и морозъ обидѣлись за то и грозились мужичка сжечь и заморозить, и какъ вѣтеръ отстоялъ его. «Ты станешь жечь, батько старый!» сказалъ онъ солнцу: «а я стану сиверкомъ дуть; а ты, морозъ, станешь морозить, а я притихну».

И много еще о многомъ говорила старая подруга моя... Величавая и въ тѣ лѣта, когда она, сидя, выпрямлялась, ея высокій ростъ становился видѣнъ, и этотъ типическій сербскій большой носъ, загнувшійся отъ старости, при потухшихъ глазахъ, и черная шелковая шапочка съ падавшими на лобъ черными кружевами—все это вмѣстѣ придавало ей, безмолвно-сидящей и сложившей на колѣняхъ руки, что-то высоко-печальное, что́ неизобразимо дѣйствовало на меня. Безъ дѣтей, внуковъ и правнуковъ, одна въ своей поздней старости—други и пріятели ея поумерли — жила она никому ненужная, затѣмъ только, что не умерла! Мы полюбили друга друга. Я приняла къ сердцу печальный, умный образъ ея величавой одинокой старости; она

полюбила мою молодость. Эта любовь или высокая дряхлѣвшая старость называли меня *дитятью*, но развѣ потому, что въ иные годы прожитыхъ и прочувствованныхъ сердечныхъ влеченій нѣтъ для человѣка болѣе сладостнаго наименованія, какъ «дитя мое!» Но она никогда не позволяла мнѣ стать на степень малѣйше-дѣтскихъ отношеній къ себѣ. Подать ей табакерку, или мнѣ наклониться пододвинуть къ ней скамеечку—она въ полной мѣрѣ гнѣвалась: «Что это ты, дитя мое! я не хочу того — не люблю... Ты, мое дитя, посиди да поговори со мною; а это мнѣ и дѣвка сдѣлаетъ».

И семь мѣсяцевъ мы глазъ-на-глазъ сидѣли съ нею и говорили. Ничто постороннее не проходило между нами. Она жила своею сообщительною, нѣжившею меня старостью; я—моей любившей ее молодостью. Когда теперь посужу: мы вдвоемъ, одинокія, затворенныя въ большомъ селѣ, въ уединенномъ домикѣ, развлекаемыя извнѣ только звономъ божьяго храма, на который одна изъ насъ спѣшила выйти, а другая говорила въ слѣдъ ей: «помолись за меня, дитя мое!» и затѣмъ сама передвигалась изъ своей комнатки въ другую и садилась къ окошку ловить единственнымъ своимъ малозрячимъ глазомъ—приглядываться сквозь туманъ и мятелицу, или налегающій сумракъ, не идетъ ли ея пріятельница? «И что она (такъ ей казалось) позамѣшкалась тамъ? И что самоваръ не кипитъ живѣе?» И этакъ мы, тѣсно-сдружившіяся при крайней противоположности нашихъ возрастовъ, восполняя одна другой недостающее намъ, могли бы представить явленіе довольно-замѣчательное для наблюдателя; только наблюдать насъ было нѣкому. Уставъ разсказывать мнѣ про старину и помолчавъ немного, она протягивала мнѣ свою маленькую, почти совсѣмъ дѣтскую, изсохшую руку и говорила съ кроткой нѣжностью: «А ты мнѣ, дитя мое, ничего будто не разскажешь?» И я начинала разсказывать ей—что? трудно сказать? Но развѣ мало у молодости тѣхъ живо и пылко создающихся разсказовъ, на которые сама сухость и уединенность жизни дѣйствуютъ тѣмъ, что вызываютъ ихъ сильнѣе? Можетъ-быть, я слишкомъ много вносила пестрыхъ грезъ въ эти молодыя рѣчи—не знаю, право, только вечера мелькали, какъ тѣни. Между нами столикъ покрывался скатерью для ужина и надолго онъ оставался такъ только накрытымъ... Въ мерцавшемъ небольшомъ освѣщеніи двухъ насъ и въ отраженіи по стѣнамъ нашихъ головъ, являлось что-то странно-сливавшееся, равно живое, что будто тѣснилось въ

бесѣду къ намъ; комнатка наполнялась двойнымъ числомъ лицъ и трудно бывало рѣшить: разскащица или слушательница увлекалась наиболѣе? На утро надобно было видѣть эту высокую, чуть движущуюся старуху, когда она осторожно и тихо подступала къ моему изголовью. «Спитъ, мое дитя, спитъ!» шептала она надо мною. «Пусть ей ангелы божіи снятся!... Ты думаешь, дитя мое!» начинала она думать въ слухъ: «будто я не знаю того, что ты мнѣ вчера говорила! Старуха я старая, знаю. Книжку читала? Не начинать того въ книжкѣ! То твоя душа молодая говорила...» Я не давала ей говорить болѣе. Я закидывала кругомъ ея шеи обѣ мои руки и ее, изумленную и вѣрившую въ мой сонъ, разувѣряла поцалуями.

Анна Константиновна Черноглазова—была она. Но въ слободѣ, гдѣ она жила, напрасно кто бы сталъ искать ее подъ этимъ полнымъ именемъ: ее знали и звали *Воеводшею*. Мужъ—бывшій запорожецъ, а отчимъ ея былъ послѣднимъ окружнымъ воеводою, умѣвшимъ высоко поставить свое воеводское достоинство—такъ высоко, что громкаго титла стало на всю окончательную жизнь его самого и вдовы-жены его, потомъ родной дочери, и вотъ даже на долгую, запоздалую жизнь самой падчерицы!

Но, отдохнувъ немного въ дорогомъ мнѣ воспоминаніи, я забираю изъ него смысла и новыхъ рѣчей къ нашимъ средневѣковымъ преданіямъ.

Хотя мнѣ страхъ не хотѣлось бы возвращаться къ тому, но все мысль должна быть наведена на тѣ обстоятельства суровыхъ данныхъ, которыя теперь, можетъ-быть, гораздо-сильнѣе возмущаютъ намъ душу, нежели тогда возмущали общество, имѣя на Руси столько простора, гдѣ было имъ разгуляться и растеряться. Но на Украйнѣ и въ Малороссіи,

Дѣ родылась, гарцовала
Козацькая воля —

эта самая воля, при общемъ ходѣ дѣлъ, должна была сказываться чѣмъ-нибудь, *притаманнымъ* своимъ — и она сказывалась.

«Когда Нечёса—Потемкинъ разворушилъ Сѣчь (были буквальныя слова моей старой подруги), то улья будто и не стало, да жалили пчелы» (*). Запорожцы разбрелись по всѣмъ всюдамъ. Вы-

(*) Извѣстно, что Потемкинъ, по вельможной прихоти, или почему

сокая шапка запорожца, какъ воронъ, накликала бѣду. Чуть она мелькнетъ гдѣ—быть худу. Бо̀льшаго страха не было какому-нибудь богатому скрягѣ, какъ подъ вечеръ мотнутъ ему передъ окномъ запорожской шапкою... Оно и вполнѣ понятно, что въ созидавшемся тогда Новороссійскомъ Краѣ было достаточно всякаго рода броженій и передвиженій—суматохи отъ всякаго наброда людей, прибывавшихъ на поселенія и, конечно, ничего не могло быть легче для островерхой шапки запорожца, какъ проскользнуть между этимъ народомъ, скликнуться человѣкамъ десяти-пятнадцати между собою, позавести свои ватаги и отправляться промышлять, гдѣ и какъ удастся, дѣйствуя совершенно по тому же инстинкту, какъ волчица, выгнанная изъ своего разореннаго логовища, отправляется рыскать по окружности и драть что ни попало. Но надобно замѣтить, что народное чувство было на сторонѣ запорожцевъ и никакъ не смѣшивало ихъ съ обыкновенными разбойниками и ворами. Они стояли степенью гораздо-выше и вообще въ ихъ поступкахъ, хотя самыхъ такихъ, что по всему могли назваться чисто разбойничьими, проглядывало ихъ запорожское *лыцарство*, которое трудно себѣ представить и легко увидѣть изъ этихъ самыхъ примѣровъ, что̀ приведу я.

Къ вотчиму Анны Константиновны приходятъ наниматься два работника. Онъ видитъ, что ребята молодцоватые, всякую работу снесутъ, нанялъ ихъ и спрашиваетъ: «Ну, какъ же васъ, хлопцы, звать?»—Просто, пане воеводо!—кланяются они: одного Непытай, а другаго Нешукай. То-есть послѣдняго «не ищи»» а перваго «не спрашивай».—«Мудрено что-то», замѣтилъ воевода и, какъ вновь принятыхъ слугъ, отправилъ ихъ къ пани воеводшѣ выпить по чаркѣ на починъ хозяйскаго дѣла. Хлопцы—ничего, выпили. Живутъ они день, живутъ другой и съ недѣлю живутъ; хотя нельзя сказать, чтобъ хорошо работали—ну, да пообвыкнутъ пока... Но, вѣроятно, хлопцамъ наскучило обвыкать, и въ одну ночь Непытая и Нешукая не стало: ушли они. Когда доложили объ этомъ воеводѣ, онъ взялъ себя за маковку спальнаго колпака и сказалъ: «*бісовы диты!*» И въ правду вышло, что «не ищи» и «не спрашивай...» Гдѣ ихъ теперь будешь искать и спрашивать. *Цуръ имъ! Нехай имъ ліхо прісні̇тца...*

другому, записавшись будто бы въ запорожцы, получилъ запорожское провзище *Грицька-Нечёсы.*

А лихо приснилось да не имъ. Воевода уѣхалъ куда-то дня на три... «А, пожалуйте, проснитесь, пани! Гдѣ вы свои ключи кладете? *Отъ сѐ мині лихо, не знайду!*» услышала среди ночи мать Анны Константиновны. Открываетъ глаза и видитъ у себя въ головахъ запорожца. Домъ былъ безъ малѣйшаго шума занятъ, прислуга вся перевязана; ставни оставались закрытыми, двери затворенными такъ, что среди многолюднаго селенія производился разбой и домъ былъ внутри и снаружи совершенно тихъ и спокоенъ. Никакой дозоръ ничего бы подозрѣвать не могъ. Пани безпрекословно отдала ключи и сѣла на концѣ кровати. Вдругъ вошелъ еще запорожецъ, выхватилъ саблю и занесъ ее надъ головой воеводши; она упала безъ чувствъ... Когда она стала приходить въ себя, за нею ухаживалъ тотъ первый запорожецъ, что̀ разбудилъ ее, подавалъ ей воды напиться. «Не бойтесь, пани, говорилъ ей. Богъ знаетъ, что вамъ такое почудилось... *Тю-тю, дурень! злякавъ якъ паню!* обращался онъ къ тому другому запорожцу. «Это онъ, пани, чтобъ свѣчей достать, у казака на все сабля здалася». А въ этотъ самый вечеръ пани воеводша только насучила большихъ восковыхъ свѣчей въ церковь и, вздѣвъ ихъ на снурокъ, повѣсила въ ногахъ кровати. Ихъ-то отрѣзать замахнулся саблею запорожецъ. Сюда въ комнату входили и выходили, сносили все, что̀ выбирали изъ кладовой и сундуковъ и здѣсь же, въ этой комнатѣ, спала молоденькая, лѣтъ четырнадцати дѣвочка, дальняя родственница пани воеводши. Ребенокъ, точно подъ какимъ обаяніемъ, спалъ безпробудно, ничего не слыша, что̀ происходило вокругъ. Большія русыя косы дѣвочки разметались во снѣ и одна петлею свѣсилась съ подушки... Тотъ запорожецъ, что̀ первый явился и одинъ не оставлялъ комнаты, подошелъ къ дѣвочкѣ и наклонился посмотрѣть на нее. «Не обидьте ее!» сказала, прося, пани воеводша: «она сирота».—«Русая какая!» сказалъ онъ, подставляя руку подъ свѣсившіяся косы и, какъ бы пробуя тяжесть ихъ на широкой ладони... Взялъ расшитое золотомъ и шелками полотенцо, которыя повыбраны были изъ сундуковъ и снесены въ кучу, и накрылъ имъ дѣвочку съ ея косами. «*Щобъ нічого не бачила!*» сказалъ онъ, отходя и немного улыбаясь пани воеводшѣ. Это все до того ободрило мать Анны Константиновны, что она попыталась спасти нѣкоторыя вещи, находившіяся поближе. Такъ она, улучивъ минуту, припрятала коробочку съ жемчугомъ; подбросила себѣ подъ кровать лисій дорогой мѣхъ и голову сахару. Вообще, осмотрѣв-

шись, не было ничего страшнаго; а только удивительно было видѣть, какъ эти люди молча, проворно ходятъ, носятъ и ничѣмъ и не стукнутъ, не звякнутъ, не перемолвятся словомъ между собою, точно какъ бы всѣ они нѣмые, и только этотъ, чтó не отходитъ, «эге?» спроситъ и потянетъ усъ. Воеводша замѣтила, что когда всѣ входили и выходили, одинъ запорожецъ все будто припрятывался за дверью и передавалъ другимъ вносить свои вещи. Она наклонилась впередъ разсмотрѣть, чтó бъ это значило такое? *Э! не шукай тамъ нічого, пани!* сказалъ запорожецъ, который оставался при ней и тотчасъ уловилъ ея движеніе. «Тамъ-то и есть Нешукай, добрый онъ казакъ. Помнитъ, пани, твою чарку горѣлки. Она ему глаза заливаетъ; а про Непытая и не пытай, пани!...»

Другой случай едва-ли не оригинальнѣе.

Такъ же точно никому неслышно ночью вошли запорожцы въ домъ къ одной богатой помѣщицѣ-вдовѣ; будятъ ее и говорятъ: «А вставайте, пани! Гдѣ ваши деньги? Пріѣхали купцы, славные запорожцы». Опамятовшись, эта женщина говоритъ имъ: «Други вы мои, люди добрые! вотъ вамъ деньги, вотъ вамъ ключи — берите у меня все, что хотите. Объ одномъ я прошу васъ: одинъ у меня и есть сынъ, восьмилѣтній мальчикъ, и тотъ больной всегда — не перепугайте мнѣ сына!» — *«Отъ се, пани!* съ усмѣшкою сказалъ начальникъ: «развѣ мы пугалы, чтобъ дѣтей стращать?» И онъ приставилъ къ ребенку двухъ запорожцевъ забавлять мальчика, когда онъ проснется, и тѣ своими уморительными кривляньями, пляскою и пѣснями до того заняли и раззабавили малютку, который принималъ ихъ за гостей, что онъ ничего не замѣчалъ, чтó дѣлается вокругъ, выскочилъ изъ своей постельки и хохоталъ до упаду. Когда все было кончено: перебраны всѣ вещи, которыя запорожцы хотѣли имѣть у себя, и другія, чтó они, по милости своей, оставляли хозяйкѣ, начальникъ сказалъ: «Пани, будь ласкова! Вотъ же на столѣ и чара твоя серебряная стоитъ—поподчуй насъ своей наливкою. Изъ твоихъ панскихъ рукъ пріятнѣйшій вкусъ будетъ. Мы тебя, пани хорошая, и не такъ, чтобъ много обидѣли», говорилъ онъ: «денегъ у тебя мало взяли. Говоришь ты, что деньги у тебя по добрымъ людямъ и мы знаемъ, что оно есть такъ... Будь же ласкова! Въ свое здоровье поподчуй насъ, пани!» И пани, въ свою очередь, вполнѣ понимая и оцѣнивая эту ласку, съ истиннымъ удовольствіемъ поднесла имъ всѣмъ изъ своихъ рукъ по

серебряной чарѣ своей наливки, и они, выпивая, низко ей кланялись. Даже не взяли съ собою, оставили ей эту серебряную чару, изъ которой пани ихъ подчивала. «Не тужи, пани!» говорилъ, прощаясь съ нею, начальникъ: «люди возьмутъ — Богъ дастъ. Мы и сами запорожцы обиженные».

Но запорожцы запорожцами, а на степовомъ раздольи Новороссійскаго Края обивала росу знаменитая въ изустныхъ сказаньяхъ *Маты наша*—женщина за пятьдесятъ лѣтъ, которая, выѣзжая на «охоту», одѣвалась во весь турецкій костюмъ, турецкой шалью потурецки заворачивала голову и помужски неслась на рыжемъ степовикѣ впереди своей ватаги. Многое здѣсь— и это наѣздничество, и турецкій костюмъ вполнѣ объясняются тѣмъ, что «Маты *наша*»—какъ звали ее всѣ подручники—была изъ сербскихъ фамилій и уже большой застарѣлой *дѣвойкою* выѣхала изъ подданства Турціи. Близость Запорожья придавала этой ватагѣ своего беззавѣтнаго разгула до того, что за разсказами о пирахъ ничего не говорятъ о разбояхъ шайки. Послѣ каждой удачливой охоты пиръ пировался три дня. Первый день добычу дѣлили, второй собственно гуляли, пили; а на третій день, на разставаньи, коней поили и ковши сушили Для этого у пани Маты была отведенная заповѣдная роща, куда, прямо съ охоты, всѣмъ огуломъ съѣзжались молодцы, привозилась добыча и пани Маты садилась подъ старымъ дубомъ дѣлить ее. Кому изъ своихъ сыновъ она хотѣла оказать особенную честь, Маты подавала ему часть добычи на концѣ своего турецкаго кинжала. Послѣ дѣлежа слѣдовалъ обѣдъ и порядочное питье; но это не было собственно пиромъ, а пиръ наступалъ назавтра. Съ утромъ, всякій подручникъ изъ своей доли добычи выбиралъ подарокъ и приносилъ его на поклонъ своей Маты и вотъ, по принятіи приношеній, Маты уже задавала пиръ своимъ любымъ сынамъ и вообще все пированье трехъ дней происходило собственно на ея счетъ.

Между удалыми сынами особенно отличался одинъ ростомъ, дородствомъ—принимая это за выраженіе мужественной силы — и удивительной красотою лица. Маты часто подавала ему добычу съ конца своего турецкаго лезвея; но до чего никогда не могла достигнуть Маты, это — споить своего любаго сына. Напрасно она подчивала его и слѣдила, чтобы онъ не пропускалъ круговую: онъ пилъ, какъ и всѣ пили; но когда всѣ уже были упившись и засыпали подъ деревьями на дорогихъ коврахъ и зеленой травѣ, онъ, свѣжъ и бодръ, и только зарумянившись, ста-

новился хорошъ съ лица какъ намалёванный, спрашивалъ: пріѣхалъ ли его мальчикъ съ дрожками? Садился на дрожки и спѣшилъ къ своей молодой женѣ, не хотя никогда оставаться на окончательныя пиршества, чтобы молодая жена, грустя дома, не догадалася, гдѣ и по какимъ дѣламъ онъ пропадаетъ отъ нея по днямъ и ночамъ. Но пани Маты считала себя обиженною и поставляла не малое безчестье въ томъ, что ея наилюбый сынъ всегда уѣзжаетъ съ ея пира неуподчиванный. Разъ, послѣ одной удачливой охоты, вмѣсто раскаленной подковы, которая бросалась въ общую пуншевую чашу, пани Маты придумала что̀ сдѣлать? Она поставила два самовара и одинъ, какъ обыкновенно, налитъ былъ водою, а другой она налила двойнымъ спиртомъ и еще онъ пригрѣлся въ самоварѣ. Когда начались пунши, другимъ она наливала въ ромъ воды, а любому сыну— этого огневаго спирту. «Маты наша!...» покачалъ онъ головою, отхлебывая изъ стакана... «А что мой мальчикъ пріѣхалъ?» освѣдомлялся онъ. Но, выпивши круговое число этихъ пуншей, и богатырь сломился. Непробуднымъ сномъ проспалъ онъ день и двѣ ночи. На зарѣ другаго дня онъ пробудился. «А я, Маты наша, немножко вздремнулъ», сказалъ онъ, вставая. «А что мой мальчикъ пріѣхалъ?...» Подивитесь бодрой свѣжести этой мысли! Опьянѣть до упаду, проспать почти двои сутки и пробудиться безъ ничего смутнаго въ головѣ на той самой мысли, на которой остановилось сознаніе: *пріѣхалъ ли его мальчикъ*! Это подвигъ хотя бы гомеровскаго героя, да и тамъ подобнаго не бывало... Когда начали увѣрять его, что мальчикъ не только пріѣхалъ, а что онъ другія сутки ждетъ, чтобы его баринъ проснулся, то онъ рѣшительно не хотѣлъ вѣрить , и только молодая жена могла убѣдить его, что это именно было такъ, жалуясь ему, что она его пять дней и пять ночей не видала. Гдѣ онъ былъ—хотѣла она знать. «Гдѣ я былъ, тамъ ужь больше не буду», сказалъ онъ , и Маты наша съ тѣхъ поръ не видала больше своего любаго сына.

Когда эта Маты заболѣла передъ смертью и почувствовала, что ей уже болѣе не вставать, она собрала послѣднія силы, потребовала свой турецкій костюмъ, встала, одѣлась въ него и вышла на крыльцо. Велѣла, какъ должно быть взнузданному и осѣдланному, во всей сбруѣ, подвести къ себѣ своего боеваго коня. Подвели его. Она сѣла въ сѣдло, посидѣла, подержала поводья, потомъ встала... зарыдала... припала, обнимая шею

коня, простилась съ нимъ и, воротясь въ комнаты, уже не пила, не ѣла и умерла.

Въ этой степовой шайкѣ, между другими прочими, участвовалъ одинъ Б... Ихъ было два брата, по матери родные, но разныхъ отцовъ. Старшій, этотъ соучастникъ, по смерти вотчима и матери, долженъ былъ необходимо выйти въ отставку для надзора надъ небольшимъ имѣніемъ, и здѣсь-то, захваченный невыносимой деревенской тоскою и глушью, онъ попалъ въ эту разгульную шайку «Маты наша». Младшій братъ ничего объ этомъ не зналъ, находясь гдѣ-то далеко на службѣ въ глубокой Россіи и, со смерти матери, онъ лѣтъ восемь и свѣдѣній никакихъ не получалъ изъ дома. Наконецъ взмануло его что-то побывать на родинѣ; взялъ онъ отпускъ. При проѣздѣ черезъ Воронежъ идетъ онъ по улицѣ... вдругъ онъ услышалъ позади себя бряцанье цѣпей, оглядывается и видитъ, что это партію ссыльныхъ ведетъ офицеръ. Съ нимъ произошло что-то странное... Въ непонятномъ смущеніи онъ прислонился къ углу дома и смотрѣлъ, какъ мимо его проходили ссыльные; вдругъ изъ ряда ихъ вырывается крикъ: «братъ!» Не помня себя, не узнавая лица, но весь трепетно подвигнутый наименованьемъ *брата*, онъ бросился къ ссыльному, который, пріостановясь, протягивалъ къ нему скованныя руки... И это точно былъ его братъ. Младшій никогда бы не узналъ его въ лицо; но самъ онъ лицомъ былъ очень похожъ на покойную мать, и старшій едва взглянулъ на него—и изъ души вырвался крикъ узнаннаго брата. Братья цѣлую ночь провели вмѣстѣ и несчастный, прощаясь, сказалъ: «Братъ! ты не соучастникъ мой. Я отвѣчаю передъ Богомъ и царемъ, а тебѣ тутъ грѣха никакого нѣту. Возьми тамъ-то (назначилъ онъ мѣсто), зарытъ боченокъ золота и серебра. Но младшій братъ не взялъ. Онъ дожилъ до поздней старости (вотъ онъ уже послѣ крымской войны умеръ), имѣньеце у него было самое небольшое и разстроено въ высшей степени; женатъ онъ былъ и взрослыхъ четверо дѣтей было; и жена, и дѣти, и нужды всей жизни напрасно приставали къ нему, чтобы онъ досталъ боченокъ. «Не хочу! Смертнаго грѣха моего брата и безчестья его не съѣмъ и не сопью», отвѣчалъ онъ. И умеръ такъ съ этимъ высокимъ *не хочу* (*).

(*) Вообще, если говорить обо всѣхъ подобнаго рода трагическихъ и вполнѣ-романическихъ происшествіяхъ «добраго стараго вре-

И вотъ въ это коловратное движеніе, вращаемое средне-вѣковымъ духомъ нашего общества, въ которомъ участвовали сильные и слабые, графы и запорожцы, въ среду къ нимъ попала и большая голова меньшаго сына Ефима Лазаревича.

мени», то для этого потребовалось бы исписать немало бумаги. Я разскажу еще одинъ случай. Фамилія *Полуботокъ* очень-извѣстна въ полтавско-малороссійскомъ краѣ и случай, о которомъ я буду говорить, должно отнести къ первому десятилѣтію царствованія Екатерины.

Въ деревнѣ жила богатая вдова этой фамиліи Полуботокъ; ея два сына служили въ гвардіи въ Петербургѣ и при ней оставалась одна молоденькая дочь. Вдругъ къ нимъ пожаловалъ незнакомый гость въ каретѣ съ гайдуками, въ шесть лошадей, весь въ орденахъ, молодъ и хорошъ; рекомендуетъ себя какимъ-то полковникомъ и говоритъ, что онъ много наслышанъ о превосходномъ конскомъ заводѣ Полуботокъ, и вотъ пріѣхалъ купить такъ, какъ-бы онъ знатный ремонтеръ былъ. За цѣной не стоитъ; смотритъ, торгуетъ лошадей; но увидѣвъ за обѣдомъ чрезвычайно-хорошенькую дочь Полуботки, пріѣзжій забылъ про лошадей и, мало-по-малу, увлекая разговоромъ хозяйку, сдѣлалъ ей предложеніе на счетъ ея дочери. Встарину подобнаго рода быстрое сватовство вовсе не было рѣдкостью, а, напротивъ, даже говорили: «вотъ то-то и любовь есть, что, увидѣлъ да и полюбилъ какъ-разъ». И мать Полуботка, видя передъ собою такого чиновнаго и красиваго, всѣмъ взявшаго жениха, пріѣхавшаго въ каретѣ съ гайдуками, не думала много противиться и только замѣтила, что у нея не все приданое готово. Но женихъ объявилъ, что онъ самъ довольно богатъ и что ему ненужно никакого приданаго, что у его жены все есть и все будетъ, и пусть развѣ одна горничная дѣвушка поѣдетъ съ нею, и то потому только, что молодая барышня привыкла къ ея услугамъ. Послѣ подобнаго объясненія, какъ же было еще сомнѣваться и не вѣрить, что это хорошій человѣкъ, отъ Бога взятый женихъ, когда онъ и приданаго не требуетъ? Дѣвочку сговорили и гость, пріѣхавшій покупать лошадей, не выѣзжая изъ дома, въ три дня женился, взялъ жену и уѣхалъ. Проводивъ молодаго зятя, вдова Полуботка опомнилась, что она почти не знаетъ, за кого она отдала свою дочь. Ждетъ-пождетъ—вѣстей никакихъ нѣтъ. Прошелъ и цѣлый годъ—о дочери ни слуху, ни духу. А между-тѣмъ, дочь, какъ въ сказкахъ говорится, ѣхала-ѣхала и пріѣхала въ большой двухъэтажный домъ; всего въ немъ вдоволь; серебромъ хоть мостъ мости. Мужъ даритъ ее дорогими подарками, тѣшится, любуется ею, и все было бы хорошо, да въ домѣ что-то пусто и будто немного-страшно. Домъ безъ села, занесенъ широкій дворъ и каменная ограда кругомъ стѣной стоитъ. Мужъ только говоритъ, что поѣдемъ въ Москву и въ Петербургъ и къ матушкѣ заѣдемъ; а между-тѣмъ, молодые никуда не выѣзжаютъ и у нихъ въ домѣ не бываетъ никто. Мало-по-малу мужъ сталъ отлучаться на день и на два, иногда и дней на пять. Спроситъ его: гдѣ

V.

Александръ Ефимовичъ Голованъ, или Головатый.

Во всякое время и тѣмъ болѣе въ пору обновляющихся переходныхъ эпохъ, бываютъ люди, которые выступаютъ впередъ и

онъ бываетъ — молоденькая, едва пятнадцати-лѣтняя женщина несовсѣмъ смѣла, подавляемая всѣмъ чужимъ и незнакомымъ, что̀ окружало ее. Но она стала замѣчать, что во время отлучекъ мужа, въ ту ночь, какъ на утро ему пріѣхать, во дворѣ слышится свистъ и топотъ, какъ-бы скачутъ верховые и колеса гремятъ. Видѣть она ничего не могла, потому-что на ночь всѣ окна плотно затворялись дубовыми ставнями и потому еще, что парадно-убранная ея спальня была въ садъ; но слышать суматоху во дворѣ, она явственно слышала. Робѣя и не зная, чѣмъ объяснить это, молоденькая женщина рѣшилась наконецъ обратиться къ своей горничной. «Не знаешь ли ты, что̀ у насъ по ночамъ во дворѣ дѣлается?» — послѣ одной такой ночи, спросила она родную свою приданную дѣвушку наединѣ. Та всплеснула руками и бросилась своей молоденькой госпожѣ въ ноги. «Голубочка моя пани!» со слезами заговорила она: «вы только однѣ ничего не знаете. Пропали наши бѣдныя головочки! Мы у разбойниковъ». И дѣвушка объяснила все, что отлучки мужа — его выѣзды на промыслы, и въ ночь, когда слышится суматоха во дворѣ — это онъ возвращается съ своей ватагою, и эту ночь въ домѣ никто на̀ волосъ не спитъ; идетъ гульба, пируютъ, дѣлятъ добычу. Съ разсвѣтомъ баринъ выпроваживаетъ товарищей и самъ будто бы только возвращается домой. Первымъ рѣшеніемъ бѣдныхъ женщинъ было *бѣжать*; но какъ бѣжать? Какія найти средства, чтобъ уйти? Горничная, однако, объявила, что за садомъ у нихъ черезъ рѣчку есть маленькій хуторокъ въ двѣ хатки, что, мывши бѣлье, она познакомилась тамъ съ старухою и пойдетъ къ ней. Такимъ образомъ, дождавшись дня, когда мужъ отлучился изъ дома, бѣдненькая женщина съ своей горничною ночью бросилась черезъ садъ къ старухѣ. Та перерядила ихъ, дала имъ свои старыя плахты, надѣла на нихъ на обѣихъ бѣлые полотняные очипочки и свои простыя серемяжныя свитки. Но куда идти имъ — старуха не могла сказать и онѣ пошли куда глаза глядятъ, опасаясь безпрестанно погони и боясь усильно разспрашивать, не зная мѣстъ, посреди которыхъ находились онѣ, и въ какую сторону слѣдовало направляться имъ. И еще въ страхѣ и поспѣшности, или, можетъ-статься, полагая, что онѣ такъ вотъ сейчасъ и дойдутъ домой, ни молоденькая госпожа, ни горничная не подумали запастись деньгами и, блуждая изъ мѣста въ мѣсто, онѣ наконецъ принуждены были питаться мірскимъ подаяніемъ и только черезъ полтора мѣсяца, совершенно въ нищенскомъ видѣ, дочь прибрела къ матери.

Этотъ разсказъ я слышала отъ особы, бывшей во всеобщемъ уваженіи въ нашемъ краѣ, Марьи Ивановны Шпуловской, которая умерла

бодро идутъ на встрѣчу новому порядку вещей; другіе упорно остаются на мѣстѣ и передовое движеніе производитъ на нихъ совершенно обратное дѣйствіе—не выдвигая ихъ, а, напротивъ, какъ бы болѣе осаживая назадъ.

Эту истину въ лицахъ на своихъ двухъ сыновьяхъ довелось испытать Ефиму Лазаревичу. Кажется, онъ не слишкомъ былъ счастливъ въ дѣтяхъ. Старшій сынъ, дѣдъ мой, былъ вполнѣ человѣкъ *новый*, но, поддаваясь новымъ впечатлѣніямъ и увлеченіямъ, мѣняя безпрестанно роды службы, онъ не совсѣмъ оправдывалъ ожиданія отца, который писалъ къ нему: «прокаженный твой умъ». Что касается Александра Ефимовича Голована, прозваннаго такъ по его большой головѣ, то онъ огорчалъ въ самомъ главномъ, чѣмъ только могъ огорчить отца сынъ Лохвицкаго: онъ вовсе не хотѣлъ учиться. Уважаемая грамота отцовъ и дѣдовъ, какъ бы преемственно наслѣдуемая отъ князей Острожскихъ, отметалась сыномъ разумнаго Ефима Лазаревича и въ то самое время, когда отецъ всѣми мѣрами старался замѣнить старую грамоту новою, болѣе живою наукою.

Въ Корочанскомъ Уѣздѣ находились огромныя имѣнія князей Трубецкихъ и главное изъ нихъ Холань (оно и теперь есть). Тогда въ него пріѣзживала изъ Москвы старая, почтеннѣйшая княгиня, Анна Даниловна. Деревенское сосѣдство и частыя поѣздки Ефима Лазаревича все по дѣламъ въ Москву сблизили знакомство и довели его до очень-короткихъ, взаимно-обязательныхъ отношеній. Ефиму Лазаревичу поручалось заглядывать въ имѣнія, посматривать иногда, все ли тамъ, какъ слѣдуетъ? И когда случатся какія дѣла, чтобъ относились къ нему, и за то, пріѣзжая въ Москву и живя тамъ по цѣлымъ мѣсяцамъ, Ефимъ Лазаревичъ не зналъ другаго дома останавливаться, какъ только домъ княгини Анны Даниловны, и вотъ сюда-то, подъ надзоръ французскихъ гувернёровъ и чрезвычайно-уважаемаго княгинею

въ 1855 году 84 лѣтъ, и она, молодой дѣвушкою, лично знала и видала у себя въ домѣ обѣихъ Полуботокъ, мать и дочь—женщину лѣтъ тридцати, чрезвычайно-милую и веселую, которая сама разсказывала всѣ обстоятельства своего страннаго замужства и до конца своей жизни не знала настояще, за кѣмъ она была замужемъ и что сталось послѣ съ ея мужемъ? Онъ не искалъ ее, не покушался воротить къ себѣ, и она осталась жить съ матерью и, какъ кажется, въ тайнѣ женскаго сердца, любя своего покинутаго мужа, она не вышла болѣе замужъ, сколько ни предлагали ей жениховъ.

приходскаго священника, Ефимъ Лазаревичъ помѣстилъ учиться сыновей своихъ, сперва старшаго, а потомъ привезъ и младшаго.

Но младшій, во время частыхъ отлучекъ отца изъ дома, получалъ большія поблажки отъ матери, которая, зная, что и этому ея сыну грозитъ тоже судьба ученья далеко въ чужихъ людяхъ, оставляла дитя: «пусть оно маленько побалуется». Уже дитя и очень баловалось, но мать находила случаи прикрывать его шалости отъ отца; и для сильнаго дѣломъ и словомъ Ефима Лазаревича была совершенная неожиданность, когда его дитя уперлось своей большою головой и стало на томъ, что не хочетъ учиться. Ефимъ Лазаревичъ по-отцовски взялся за молодца; но сынъ былъ въ отца упрямъ. Что̀ ни дѣлали съ нимъ, ка̀къ ни бились (Ефимъ Лазаревичъ отправлялся въ Москву и везъ съ собою изъ Хвощеватаго пуки розогъ и, вѣроятно, не для одной заботы, чтобъ только провести ихъ восемьсотъ верстъ); но промаялись годъ и другой съ Алексашенькою и Алексашенька ухитрился какъ-то расчесать себѣ ноги и растравить по нимъ раны. Сколько въ Москвѣ ни лечили, раны не заживаютъ, такъ-что отецъ принужденъ былъ взять къ себѣ домой свое непутное дѣтище. Раны скоро зажили; но Ефимъ Лазаревичъ, въ своей глубоко-огорченной душѣ, стыдясь такого сына, который срамилъ его на̀ людяхъ, не повезъ его болѣе въ Москву. Онъ могъ его опредѣлить на службу, потому-что тогда тринадцатилѣтніе мальчики совершенно могли состоять на дѣйствительной службѣ; но ученье все-таки составляло главную заботу Ефима Лазаревича. Онъ не могъ примириться съ мыслію, чтобъ сынъ его безчестилъ родъ Лохвицкихъ своею безграмотностью! Грозой онъ сталъ надъ сыномъ и, пріискавъ ему въ учители кого-то изъ духовнаго званія, настоялъ на томъ, чтобъ хотя дѣдовская грамота далась Алексашенькѣ, и она, нѐчего дѣлать, далась ему.

Въ это время къ хорошему знакомому и пріятелю нашего дома, нѣкоему Чернову, или Черняеву, пріѣхалъ изъ Могилева его братъ, служившій тамъ главнымъ начальникомъ при таможнѣ. Ка̀къ пріѣзжему довелось увидѣть молодую красивую жену стараго старо-оскольскаго секретаря—не сохранило намъ преданіе никакихъ сказаній; но только гласитъ оно кратко, что понравились они другъ другу. Въ то екатерининское время наши русскіе нравы очень и очень позаимствовались отъ нравовъ французскихъ и украсть чужую жену да еще у стараго мужа

было дѣломъ вовсе не необыкновеннымъ и несовсѣмъ-рѣдкимъ. Только въ совѣстливомъ простосердечіи русское благонравіе пыталось еще прикрыть дѣйствіемъ святаго закона вопіющую беззаконность поступка и непремѣнно требовало, чтобъ обвѣнчаться. Но обвѣнчаться отъ живой жены, или отъ живаго мужа, не составляло тогда вовсе никакого затрудненія. Если не совсѣмъ по близу́, то всегда на слуху́ находился попъ, который даже и не за большую плату готовъ былъ перевѣнчать молодца съ чужою женою. Спрашивать явившихся къ вѣнцу, попъ ни о чемъ не спрашивалъ и, для спокойствія ихъ совѣсти, даже прималчивалъ при обрядѣ извѣстныя слова: *не обѣщался ли еси, или не обѣщалась ли?* и прямо переходилъ къ вопросу; *хощеши ли пояти сію въ жену?* и, разумѣется, получалъ чистосердечное: *хощу*. Затѣмъ кощунство надъ таинствомъ брака совершалось и нехлопотливая совѣсть лицъ, принявшихъ обрядъ, являлась совершенно-удовлетворенною. Но важнѣе всего, что и общество было довольно и его нравственная потребность только настоятельно освѣдомлялась: вѣнчались ли? Можно судить, что участіе въ подобныхъ дѣлахъ не считалось даже вовсе предосудительнымъ, когда жена Ефима Лазаревича—лицо самое видное въ ея кругу, и она взялась, по дружбѣ съ братомъ, украсть пріѣзжему Чернову секретаршу! И прабабушка украла ее, какъ долгъ по тогдашнему требовалъ, перевѣнчала, и эта чета нѣсколько времени передъ своимъ отъѣздомъ жила въ домѣ Ефима Лазаревича — хотя справедливость требуетъ замѣтить, что въ Москвѣ онъ былъ — не было на ту пору дома Ефима Лазаревича (*).

(*) Но объ этихъ странныхъ вѣнчаніяхъ и объ этихъ попахъ, стоявшихъ въ-уровень, если еще не гораздо-ниже той нравственной ступени, на которой стояло наше средневѣковое общество, можно было бы написать куда какую живую и очень-занимательную исторію! У насъ въ домѣ была чрезвычайно-уважаемая женщина «мама Ирина» и ея сынъ, Алексѣй, молочный братъ матушки, былъ женатъ такимъ образомъ. Полюбилась ему солдатка; но, вѣдь, что̀ такое солдатка и еще былаго екатерининскаго времени? ни вдова, ни мужняя жена. Живъ ли, умеръ ли ея мужъ?—неизвѣстно. Свидится ли она съ нимъ когда-нибудь, или, оплакавъ его на̀ разставаньи раздирающими душу воплями и слезами, она простилась и увидѣлась съ нимъ навсегда? Еще въ недавнее время даже существовало постановленіе: если солдатка семь лѣтъ не будетъ имѣть никакого извѣстія о своемъ мужѣ, то она можетъ выйти замужъ за другаго. Но не вышло ли это семилѣтнее время, или по чему другому, только въ приходѣ священникъ

И вотъ, въ большомъ желаніи отблагодарить чѣмъ-либо Вѣру Григорьевну за ея благоуспѣшное содѣйствіе, Черновъ просилъ и неотступно настаивалъ, чтобъ отдали ему на руки Алексашеньку, что онъ опредѣлитъ его при себѣ на службу въ таможнѣ и будетъ ему вмѣсто отца и матери. Кажется, прадѣдушка немного добраго ждалъ отъ сына и, при другихъ своихъ заботахъ, не слишкомъ озабочивалъ себя устройствомъ его служебной участи, тѣмъ-болѣе мать, можетъ-быть, смутно сознавая вину свою, желала всемѣрно устроить судьбу Алексашеньки и очень-рада была случаю отдать его на хорошія руки. Алексашеньку увезли въ Могилевъ и Черновъ добросовѣстно исполнилъ свое обѣщаніе, опредѣливъ его на службу, и Алексашенька, какъ родное дитя, сталъ въ домѣ настоящимъ семьяниномъ. Черновъ довѣрялъ ему вполнѣ. У него, какъ у значительнаго таможеннаго чиновника и богатаго человѣка, была на дворѣ, такъ-называвшаяся, «палатка», большая каменная кладовая, не пустая, уже судя по тому, что стражами къ ней прикованы были на цѣпяхъ двѣ огромныя медіоланскія собаки, страшно-злыя, къ которымъ никто не могъ приступить и ихъ кормилъ самъ одинъ хозяинъ; но въ послѣдствіи времени Черновъ и этихъ собакъ кормить довѣрилъ Алексашенькѣ. Между-тѣмъ, не имѣя собствен-

---

отказался перевѣнчать Алексѣя съ солдаткою. Недолго думавъ, Алексѣй отправился въ Васильевъ-Долъ; а въ Васильевомъ-Долу жилъ попъ Ѳедоръ, который не то, чтобъ былъ запрещенъ, а немножко ограниченъ. По маленькому подозрѣнію, что онъ ставилъ боченки корчебной водки въ алтарь, у него отобраны были ключи отъ церкви и сданы подъ сохраненіе церковному старостѣ. Когда нужно служить утреню, обѣдню или вечерню, церковный староста идетъ, отворяетъ церковь и попъ Ѳедоръ служитъ; а по окончаніи службы аспидъ глухой и нѣмой — староста преокаянный, затыкающій уши свои отъ прошеній попа Ѳедора, замыкаетъ церковь и беретъ ключи къ себѣ. И вотъ нашъ Алексѣй явился, въ такой бѣдѣ сущему, отцу Ѳедору. «Пойдемъ, дѣти!» сказалъ тотъ, вкусивъ отъ принесеннаго вина умиленія. Привелъ Алексѣя съ солдаткою въ ограду и поставилъ ихъ передъ затворенными церковными дверями. Большой церковный замокъ торчалъ прямо въ лицо пришедшимъ и отцу Ѳедору. «Видите ли, чада моя!» началъ попъ Ѳедоръ съ воздыханіемъ: «сію церковь, мать нашу, и сіи заключенныя врата хитростью злокозненнаго діавола и яко же сей преокаянный замокъ, чада, никоими руками человѣчьими, безъ нѣкоего влагаемаго ключа, отомкнутъ быти не можетъ: тако да будетъ крѣпокъ и цѣлъ союзъ любы вашей, чада моя! Аминь. Целуйте, чада, замокъ». Чада поцаловали замокъ и бракъ былъ совершенъ.

ныхъ дѣтей, Черновъ взялъ двухъ племянницъ отъ брата вмѣсто дочерей себѣ, дѣвушекъ уже довольно на возрастѣ. Знаю, что одну изъ нихъ звали Ѳекла. Вотъ и составилась у Чернова замѣчательная семья: чужая жена, двѣ несвоихъ дочери да пріемный сынъ. Алексашенька не даромъ лелѣялся на привольномъ житьѣ: сталъ показнымъ молодцомъ, Александромъ Ефимовичемъ, съ большою головою, наполненною хитростью... Конечно, немного хитрости требовалось, чтобъ молодому человѣку сойтись съ молодою дѣвушкою, жившею подъ одной съ нимъ кровлею— и сошелся съ Ѳеклою Александръ Ефимовичъ; а они вдвоемъ положили обобрать благодѣтеля и дядю, уйти и обвѣнчаться, гдѣ найдется удобнымъ. И это было совершенно-удобно для Алексашеньки. Черновъ довѣрялъ ему, какъ самому себѣ. Страшныя собаки, никого недопускавшія на разстояніи своей цѣпи, знали того, кто ихъ кормилъ, давали ему свободный доступъ въ палатку и три ночи выбирался съ Ѳеклою Александръ Ефимовичъ, семь подводъ нагрузилъ, на восьмой они сами отправились. Но, къ-счастью, другая сестра ревновала къ Александру Ефимовичу и скоро открыла все; ихъ нагнали и воротили назадъ. Не знаю, какое наказаніе постигло Ѳеклу; но добрый Черновъ, справедливо-взбѣшенный недостойнымъ поступкомъ своего пріемыша, посадилъ его на жидовскую пѣгую слѣпую кобылу и велѣлъ отправляться домой.

Къ-счастью, Ефимъ Лазаревичъ уже лѣтъ пять, какъ умеръ и не принялъ на свою голову позора своего недостойнаго сына! Но за то старшему брату, моему родному дѣду, довелось претерпѣть всю силу «конфуза». Дѣдушка мой gentil'homme petit-maître, щеголь, красавецъ своего времени, только-что женился и со всѣми свадебными гостями привезъ къ себѣ свою молодую жену. Веселятся они въ Хвощеватомъ (которое дѣдушка, какъ *новый* человѣкъ екатерининскаго времени, успѣлъ уже переименовать въ *Веселое*); вдругъ гости начинаютъ замѣчать, что съ той большой дороги, проложенной Башиловымъ, что-то странно движется въ Веселое: едва-едва пойдетъ и остановится... Когда это *что-то* додвигалось, успѣвъ возбудить всеобщее любопытство и ожиданіе, то это оказалась пѣгая слѣпая кобыла, едва-переставлявшая отъ усталости ноги, и на ней, въ самомъ неблагопріятномъ видѣ, съ растрепанной большой головою, сидѣлъ братъ родной красиваго, щегольски-наряженнаго и пировавшаго свой пиръ *князя молодаго!*

Итакъ Александръ Ефимовичъ, учась и недоучившись, служа и недослуживщись, пожаловалъ домой. По прибытіи его послѣдовалъ раздѣлъ между братьями. Какъ меньшій, Александръ Ефимовичъ получилъ старинное мѣстожительство отцовское въ городѣ и основался тамъ жить при матери; а Григорій Ефимовичъ окончательно занялъ свое Веселое. Но надобно сказать, что былъ еще братъ, Иванъ Ефимовичъ, отъ первой жены прадѣдушки; но какъ онъ очень пилъ, еще при отцѣ женился, дѣтей у него не было и старѣе онъ былъ братьевъ по-крайней-мѣрѣ двадцатью годами, то онъ какъ бы отчуждился отъ нихъ и они отъ него. Ефимъ Лазаревичъ былъ совсѣмъ недоволенъ имъ, чтобъ давать ему имѣніе при своей жизни; умеръ онъ—раздѣлъ мѣшкался вотъ до пріѣзда Александра Ефимовича и бѣдный Иванъ Ефимовичъ, еще при своей несчастной слабости, находился въ очень-стѣсненномъ положеніи. Онъ жилъ, пожалуй, въ одномъ изъ имѣній отца, но жилъ очень-ограниченно въ своей волѣ. Мачиха—и потому-что она мачиха, и по слабости Ивана Ефимовича — не давала ему ничѣмъ завѣдывать и распоряжаться. Анна Лазаревна, какъ близкая родственница, все знала и вѣдала и тотчасъ смекнула дѣломъ, кáкъ ей взяться, чтобъ извлечь для себя огромную пользу. Своими сожалѣніями и родственными гореваньями объ утѣсненіи, терпимомъ отъ мачихи и ближнихъ родныхъ, она совсѣмъ осѣтила бѣднаго Ивана Ефимовича и, при его нетрезвомъ состояніи, ей было вовсе легко выманить у него форменный актъ, что онъ ей продаетъ во всѣхъ отцовскихъ имѣніяхъ, какъ-то: хуторѣ Хвощеватомъ, Богодуховкѣ, Покидовой, Терновой и Коломыцевскомъ участкѣ, слѣдуемую ему часть, которую онъ имѣетъ получить при раздѣлѣ съ братьями. Въ замѣнъ чего Анна Лазаревна давала тотъ же часъ Ивану Ефимовичу, чтобъ избавить его отъ утѣсненья мачихи, тридцать десятинъ земли да плохую колотовку-мельничку на такъ-называвшемся Колодезѣ Сагайдачнаго.

Раздѣлъ совершился мирно и довольно-добросовѣстно. Прабабушка брала свою вдовью часть и на долю Ивана Ефимовича пришлась половина земли въ Хвощеватомъ, и остальная въ Покидовой и Терновой. Изъ четырехъ мельницъ по рѣкѣ Корочѣ, оставленныхъ Клименту Петромъ, Гнѣздиловская и Куцовская поступили въ родъ Ивана Лазаревича, наслѣдовавшаго по праву меньшаго сына и отцовскую Лазаревку; а во владѣніи нашего рода были мельницы Верхняя и Богодуховская, такъ названная

отъ казака Богодуха, у котораго она была куплена съ лѣсомъ и прилегающими вокругъ землями десятинъ на двѣсти. Вотъ Верхняя мельница поступила на часть Ивану Ефимовичу, а Богодуховская, при которой было два мукомольные амбара, досталась пополамъ на двухъ братьевъ, Григорія и Александра Ефимовичей. Казалось бы, раздѣлившись безъ ссоры, можно было и начать жить довольно-мирно; но вѣдь часть Ивана Ефимовича доставалась не ему, а брала ее во владѣніе Анна Лазаревна. Въ этомъ залегала основа всевозможныхъ ссоръ.

Вопервыхъ, сосѣдство Анны Лззаревны никому не могло быть пріятно; вовторыхъ, самый способъ ея, какимъ она внѣдрилась въ середину нашихъ Лохвицкихъ, питалъ противъ нея духъ сильнѣйшаго недоброжелательства. Мы не будемъ глубоко разбирать, въ какой мѣрѣ Григорій Ефимовичъ и Александръ Ефимовичъ должны были негодовать на Анну Лазаревну, обобравшую кругомъ ихъ брата? Мы только взглянемъ на это дѣло такъ, что Иванъ Ефимовичъ, неимѣвшій у себя наслѣдниковъ и при его образѣ жизни не могъ же еще прожить ста лѣтъ, уже проживъ подъ пятьдесятъ; а когда умиралъ онъ, имѣніе сполна поступало братьямъ, а теперь оно поступило къ Аннѣ Лазаревнѣ. Втретьихъ, Анна Лазаревна, влѣпивъ только свою лапку, по привычкѣ, силилась овладѣть бо́льшимъ. Такъ, имѣя въ своемъ полномъ и безспорномъ обладаніи Верхнюю мельницу, доставшуюся, какъ я говорила, на часть Ивана Ефимовича, Анна Лазаревна не довольствовалась ею, а врывалась еще въ Богодуховскую мельницу на томъ же основаніи, что Иванъ Ефимовичъ продалъ ей свою часть *во всѣхъ отцовскихъ имѣніяхъ*; а она, Анна Лазаревна, въ Богодуховкѣ и мельницѣ ея части слѣдуемой не получала.

Можетъ-статься, она бы и получила ее, внѣдрившись силою, потому-что старшій владѣлецъ, Григорій Ефимовичъ, вовсе не имѣлъ таланта справляться съ подобнаго рода женщиною и еще родной тёткою. Къ-тому жь онъ искалъ тогда мѣсто стряпчаго, получилъ его и уѣхалъ въ Путивль; Анна Лазаревна оставалась на свободѣ—но, нѣтъ! Въ своемъ крестномъ сынѣ, Головатомъ Александрѣ Ефимовичѣ, она нашла себѣ равносильнаго и но всему достойнаго соперника.

Должно-быть, пренебрегая молодостью и, по ея мнѣнію, неопытностью противника, Анна Лазаревна слишкомъ-самонадѣянно вадумала оскорблять его. *Сынашко мій!* говорила она и толь-

ко она провѣдаетъ (на то у нея были свои соглядатаи), что «сынашко» уѣхалъ въ Бѣлгородъ и куда въ другое мѣсто, что ему эту ночь и другую не вернуться, Анна Лазаревна сбираетъ изъ своихъ хуторовъ подводы, вооружаетъ людей кольями и дрекольями и, самолично предводительствуя поѣздомъ, наѣзжаетъ въ ночь на Богодуховку. (Отъ острова, гдѣ она жила, это было верстахъ въ десяти). Тутъ она беретъ мельницу приступомъ, забираетъ въ ней весь помолъ: муку, крупу, пшено, даже кадки, ковши — ничего не оставляетъ, очищаетъ мельницу до порошинки. Разъ, Анна Лазаревна даже мукомольные камни съ ихъ мѣста сдвинула, но не могла поднять и оставила среди плотины. Перенесъ Александръ Ефимовичъ эти наѣзды разъ и два раза, и въ третій удалось Аннѣ Лазаревнѣ; въ четвертый «сынашко» начинаетъ громко поговаривать, что онъ ѣдетъ въ Бѣлгородъ на недѣлю и выѣхалъ онъ прямо по бѣлгородской дорогѣ; за нимъ прослѣдили версты двѣ и четыри. «Ѣдетъ въ Бѣлгородъ», докладываютъ соглядатаи Аннѣ Лазаревнѣ. А еслибъ Анна Лазаревна да не пренебрегала молодостью и, какъ она думала, неопытностью своего «сынашки», она бы обратила вниманіе на слишкомъ что-то явныя приготовленія его къ отъѣзду! Анна Лазаревна велѣла бы слѣдить за нимъ не четыре и пять, а десять верстъ и тогда бы увидѣли, что онъ вовсе не поѣхалъ въ Бѣлгородъ, а поворотилъ онъ въ братнино сельцо Веселое, забралъ тамъ трехаршинныхъ молодцовъ, русскихъ людей, взятыхъ за невѣсткою въ приданое, и къ ночи поспѣлъ опять въ Богодуховскій Лѣсъ и залегъ въ засадѣ за сугробами. Ничего того не знала и не подозрѣвала Анна Лазаревна и о полночи огуломъ наѣхала на мельницу. Но здѣсь она уже все узнала... Сынашко, какъ говорится, накрылъ ее. Порубилъ ей всѣ сани, оглобли, отнялъ всѣхъ лошадей и, захвативъ самоё Анну Лазаревну, вовсе не шутя, тащилъ ее къ проруби топить. *Сынашко мій! голубчику!* цѣплялась она ему за ноги... *И до віку, до року не буду!* налагала на себя заклятіе Анна Лазаревна. «Нѣтъ!» гремѣлъ распаленный сынашко: «въ прорубь ее, старую вѣдьму!» и только наконецъ *ради креста* помиловалъ. Анна Лазаревна сдержала свой зарокъ и, уронивъ въ прорубь свои башмаки, съ тѣхъ-поръ уже въ Богодуховку ни ногою.

— «Ну, братъ, люди у тебя—лихой народъ! Одинъ на четверыхъ такъ и лѣзетъ». Въ упоеніи своей побѣды былъ великодушенъ Александръ Ефимовичъ и дѣлилъ славу съ своими подвиж-

никами.—«Я бы тебѣ, братъ, Григорій, за нихъ половину своихъ хохловъ отдалъ».

И такіе молодцы точно были нужны Головану, Александру Ефимовичу...

Надобно сказать, что вскорѣ послѣ смерти Ефима Лазаревича, сторонники того графа Девіера, который жилъ у себя въ Погромцѣ на Осколѣ, угнали у насъ цѣлый табунъ, такъ-что изъ ста слишкомъ лошадей, остался одинъ маленькій жеребенокъ, связанный и брошенный въ кусты. Сыновья были молоды и находились далеко по разнымъ мѣстамъ на службѣ; а сама прабабушка—женщина, что она могла сдѣлать? Въ ту же ночь табунъ былъ разбитъ на нѣсколько частей и двинутъ разными путями. Пока избитые и скрученные арканами табунщики могли доползти на утро и объявить о случившемся, всѣ поиски были совершенно-тщетны. Нагнать ни одной партіи лошадей не успѣли, и хотя достовѣрно знали, что это дѣло извѣстной шайки графа; но что можно было предпринять? Повести дѣло судебнымъ порядкомъ и въ голову не могло приходить прабабушкѣ. Тягаться съ графомъ, да еще онъ былъ иного намѣстничества? Богъ съ нимъ совсѣмъ! Оставалось покориться несчастью. Но вотъ, когда Александръ Ефимовичъ, по прибытіи изъ Могилева, основался дома; его стала занимать мысль: нельзя ли какъ-нибудь, если не воротить лошадей, то хотя получить за нихъ какое вознагражденіе. И чтобъ завести объ этомъ переговоры, онъ поѣхалъ къ графу. Графъ принялъ его и сознался, что точно его люди «немного пошалили», и что объ этомъ дѣлѣ можно поговорить и уладить его; но онъ проситъ пожаловать въ другой разъ Александра Ефимовича, а теперь не время. И между-прочимъ, онъ чрезвычайно обласкалъ гостя и какъ графу нужно было постоянно сбывать и перемѣнять лошадей, которыя сводились къ нему поодиночкѣ и препровождались цѣлыми партіями, то у него былъ почти заведенный порядокъ: что никто, пріѣхавши къ нему въ домъ, не выѣзжалъ на тѣхъ же самыхъ лошадяхъ, если онѣ были мало-мальски не изъ-рукъ-вонъ-плохи. Обыкновенно гостю предлагалось помѣняться и, въ случаѣ, если гость не соглашался, то обмѣнъ могъ произойти и безъ его согласія. Ему запрягали въ экипажъ лошадей, сажали на козлы его кучера и, угодно или нѣтъ, а онъ долженъ былъ отправляться. Но въ этомъ случаѣ Александръ Ефимовичъ могъ поздравить себя: ему предложены были на обмѣнъ такія лошади, что онѣ

вполтора раза болѣе стоили его собственныхъ. Онъ уѣхалъ отъ графа съ убѣжденіемъ, что не такъ страшенъ чортъ, какъ уже его красками пишутъ, и не преминулъ отправиться къ нему въ другой разъ, а затѣмъ и въ третій...

Графъ заманилъ его; побѣда, блистательно-одержанная надъ Анной Лазаревной, пріохотила къ дѣлу и имѣла прямымъ слѣдствіемъ то, что Александръ Ефимовичъ со всѣмъ основался въ Богодуховкѣ. Мать, постоянно-жившая въ городѣ и только наѣзжавшая въ хуторъ, очень-долго ничего и подозрѣвать не могла, да и сынъ слишкомъ выросъ своей большою головою и слишкомъ очерствѣлъ сердцемъ, чтобъ ему было внимать словамъ и слезамъ матери!

И вотъ Богодуховка, въ своемъ картинно-уединенномъ положеніи, на мѣловыхъ лѣсистыхъ горахъ и вся окруженная лѣсами, стала новымъ надежнымъ перепутьемъ для передвиженій шайки графа. Но, не довольствуясь быть членомъ, Голованъ, Александръ Ефимовичъ, мало-по-малу сталъ самостоятельнымъ дѣятелемъ. Сподвижниками у него явились собственные закрѣпленные указомъ малороссійскіе крестьяне: Васька Рябой, Грицко Кучерявый, какъ баранъ, Иванъ Шуликинъ, Лысько, переименованный изъ Елисея, Ефимъ Тарасенко, кучеръ—цѣлая семья: пять братьевъ Пащенко-Швецовъ, да бѣглые солдаты, да приходскаго села дьяконъ Петръ, да еще толстая баба Мамаиха и всякой, кого приносило попутнымъ вѣтромъ.

Въ Богодуховкѣ, теперь перешедшей уже въ третьи руки и до конца обезлюденной отъ прежняго народонаселенія ссылками въ Сибирь, выкупами на волю, солдатствомъ, бѣгами и острогами, едва-ли кто, безъ старожиловъ, можетъ сказать: «что это за *Сыченое?*» А между-тѣмъ, всѣ говорятъ: «не ходи купаться къ Сыченому. Гдѣ ловилъ рыбу? У Сыченова». Кто и какимъ медомъ разсытилъ одно мѣсто на текучей водѣ, и именно глухое глубокое мѣсто назади деревни? Что могло дать это странное прозваніе «Сыченое» глубокой ямѣ на Корочѣ рѣкѣ?

Этимъ прозваніемъ увѣковѣчилось одно изъ памятныхъ дѣлъ Александра Ефимовича.

У богатаго пчеловода они напали на амшеникъ, забрали пчелъ, сколько могли взять; въ ту же ночь побили ихъ. Ульи къ утру могли сгорѣть на винокуренномъ заводѣ; но куда дѣваться съ медомъ? Его сложили въ кадки, толсто засыпали и затоптали гречневой мукою (а извѣстно, что мука̀ не пропускаетъ воду) и

вывезли кадки съ медомъ, затопили ихъ на самомъ глубокомъ мѣстѣ Корочи-рѣки. Понятые съ обыскомъ не замедлили явиться и, по сильному подозрѣнію, все осмотрѣли у Головатаго, который не даромъ былъ великъ хитрой головою и у него не нашли, какова есть тѣнь, подозрительнаго ничего. Но, выходя уже совсѣмъ за ворота, вдругъ увидѣли одну золотую пчелку. Эта пчелка, какъ по ниточкѣ, размотала весь клубокъ схороненнаго дѣла. Со дна рѣки вынули затопленныя кадки съ медомъ и прозвище *Сыченое* народной мѣткою навсегда приложилось къ этому мѣсту.

Но у Александра Ефимомича были дѣла и поудалѣе Сыченова.

На «прощеный день» (что, какъ извѣстно, есть у насъ послѣднее воскресенье передъ великимъ постомъ) бѣлгородскій архимандритъ былъ у кого-то въ городѣ съ своимъ прощаньемъ и, разумѣется, послѣ вечерень уже въ позднія сумерки. Кучеръ, оставивъ лошадей за воротами, вошелъ погрѣться или, можетъ-быть, его зазвали угостить. На ту бѣду Александръ Ефимофичъ проходилъ мимо и помнилъ пословицу: «на то щука въ морѣ, чтобъ карась не зѣвалъ»; онъ сѣлъ въ санки и укатилъ. Хотя это уже была ночь, но все—лошади и санки архимандрита были слишкомъ-извѣстны въ городѣ, ихъ видѣли и тщательными розъисками дошли до Богодуховки. Лошадей, конечно, не нашли, и ни санокъ, ни сбруи; но, при неутомимой изслѣдовательности мало-задобреннаго исправника, выгребая золу изъ большой печи на винокуреномъ заводѣ и пересѣвая ее на рѣшетахъ всѣми собранными бабами, высѣяли изъ золы *одно мѣдное колечко*, которое повело къ допросамъ: зачѣмъ оно попало въ винокуренную печь? И наконецъ, къ доказательствамъ, что точно такія колечки были на уздахъ лошадей архимандрита.

Дѣла тянулись, подводились подъ милостивые манифесты; только по тринадцати уголовнымъ дѣламъ судился Голованъ, Александръ Ефимовичъ! Мать дарила всѣмъ, чѣмъ можно было дарить: дѣвками, атласами, жемчугами, старинными родовыми серебряными венцами; продала свою собственную приданую землю, десятинъ до пятисотъ, и все выкупала недостойнаго сына! А Александръ Ефимовичъ, какъ *буй-туръ*, упираясь большою головою, не унывалъ и всюду являлся съ своей «козою». Но только это была не вовсе коза; а съ козы снятая шкурка, выдѣланная особымъ образомъ, со всѣми ножками, рожками и козьими копытцами. Изъ нея на славу смастерили чучелу, которая крѣпко

стояла на ногахъ; а пустая внутренность козы служила Александру Ефимовичу влагалищемъ для тяжелой тогдашней мѣди, которая въ екатерининское время была преимущественно въ обращеніи по малымъ провинціальнымъ городкамъ. Куда ни ѣхалъ Александръ Ефимовичъ, коза ѣхала съ нимъ и, входя въ домъ, онъ несъ козу на рукахъ. Въ то время ему настояла всегдашняя потребность задобривать мѣстныя власти и онъ часто пріѣзживалъ въ Корочу играть со властями въ карты и коза, тѣмъ болѣе, сопровождала его. Онъ садился за столъ за карты, а его коза, противоестественно котная мѣдными пятаками, становилась при его колѣнѣ (*). Изъ-подъ нижней челюсти, вмѣсто козьей бо-

---

(*) Впрочемъ, не надобно думать, чтобъ *коза* Александра Ефимовича была вполнѣ-оригинальнымъ, ему одному принадлежащимъ изобрѣтеніемъ — нѣтъ. Мнѣ разсказывалъ кумъ мой, Николай Егоровичъ Абражеевъ, теперь купянскій помѣщикъ, а уроженецъ казанскій, что во времена пугачевщины дѣдъ его, бывшій въ то время, или передъ тѣмъ временемъ, гдѣ-то воеводою, извѣстенъ былъ своимъ *бычкомъ*, то-есть, что у него въ кабинетѣ стоялъ годовалый бычокъ, наполненный серебряными рублями и этимъ бычкомъ хозяинъ не прочь бывалъ похвастаться передъ гостями. Когда развернулся Пугачъ и началъ сильно помахивать своими крыльями, на крыльяхъ страшной молвы долетаетъ вѣсть, что онъ обѣщается пожаловать *къ бычку въ гости*. Съ преданными людьми дѣдъ моего знакомаго успѣлъ зарыть бычка въ песокъ гдѣ-то на берегу рѣки; но самъ онъ не избылъ страшной бѣды. Пугачевъ налетѣлъ на него ночью; спасенья не было никакого. Онъ истерзалъ и изжарилъ воеводу на медленномъ огнѣ, вымогая, гдѣ бычокъ? Жена воеводы спаслась чудеснымъ образомъ. По простотѣ тогдашней жизни, несмотря на бычка, начиненнаго серебряными рублями, и на то, что она была воеводша, бабка моего знакомаго сама прикармливала свиней и для этого въ ея барскихъ сѣняхъ находилось большое корыто. При страшномъ нападеніи, она выскочила въ сѣни, себя не помня, какъ-то бросилась къ корыту и опрокинула его на себя. Три дня въ разграбленномъ домѣ пировала неистовая шайка. Воеводшу искали по всѣмъ малѣйшимъ мѣстечкамъ и уголкамъ дома, искали всюду. Пугачовъ кричалъ: «подать старую вѣдьму!» И съищики, отыскивая воеводшу, садились на корыто, разсуждали надъ самою головою ни живой, ни мертвой женщины: куда она могла такъ спрятаться, что ее найти нельзя—и никому изъ нихъ не пришло въ голову заглянуть подъ корыто.

Затѣмъ еще, по поводу «козы» и «бычка», мнѣ смутно вспоминается разсказъ про екатерининскаго чудака-старика Демидова, который, будучи обрадованъ рожденіемъ внука, посылалъ кого-то благодарить невѣстку и вынесъ въ карету пару забавныхъ *поросятокъ*, которые оказались набиты червонцами.

родки, у нея висѣлъ замочекъ и коза своимъ краснымъ суконнымъ языкомъ только-что не говорила, какъ ея сказочная соименница: «топу-топу ножками, сколю тебя рожками и хвостикомъ замету!» Но козѣ Александра Ефимовича многое приходилось заметать и не заместь всего.

Н. Кохановская.

И вотъ еще свидѣтельство вполнѣ-новѣйшее. Передъ 1848 годомъ мой покойный братъ, служа юнкеромъ, квартировалъ въ Черниговской Губерніи и стоялъ по отводной квартирѣ у одного старообрядца. Не пуская табачнаго дыма подъ иконы и вообще уважая людей, потому-что они люди, братъ снискалъ себѣ большое благорасположеніе своего стараго хозяина и такое довѣріе, что тотъ однажды, выславъ свою семью, сказалъ брату: «Знаешь, ты хоть и того... ну, да путь въ тебѣ есть. Пойдемъ со мною. Помоги ты моей головѣ». Старикъ зажегъ восковую свѣчку и открылъ передъ братомъ въ сѣняхъ яму, куда они и спустились вмѣстѣ. «Вишь ты расперло ее!» началъ говорить старикъ, «гора горой. Еще - царство небесное—покойный батюшка началъ и я, вишь, жилъ да клалъ, а теперь и умирать пора. Сколько тутъ этой *дряни*—дай ты мнѣ счетъ». Когда братъ осмотрѣлся въ темнотѣ, онъ увидѣлъ, что погребъ занимала большая цѣльная лошадиная шкура, набитая старыми мѣдными деньгами. Братъ не успѣлъ много сосчитать, имъ назначенъ былъ этотъ несчастный походъ.

ТЭККЕРЕЙ,

какъ фотографъ и нувеллистъ (*).

Не въ одной только природѣ, но и въ жизни мы находимъ соотношеніе силъ. Какъ движеніе переходитъ въ теплоту, теплота въ электричество, такъ стремленія и нравы, искусства и открытія вѣка переходятъ въ литературу и литература, въ свою очередь, въ нихъ; на нихъ можно смотрѣть, какъ на дополнительныя стороны народной жизни: съ такой точки зрѣнія видимая реакція между этими двумя дѣятелями не составляетъ постоянной силы. Дѣйствительно, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что книги — одно изъ важнѣйшихъ орудій, которыми производятся всѣ перемѣны въ человѣчествѣ. Платонъ и Аристотель имѣли болѣе-глубокое вліяніе на человѣчество, чѣмъ Александръ или Октавій. Кромвель не имѣлъ столько авторитета въ Англіи, сколько его латинскій секретарь. Но при жизни писателей это кажется иначе. и, повидимому, они обязаны свѣту тѣмъ, что̀ они суть. Мы часто слышимъ, что геній—дитя своего вѣка и его можно принимать за одинъ изъ элементовъ народнаго богатства. Шекспиръ и Бэконъ составляютъ итоги стремленій своего времени; а явленіе Ваверлея было явленіемъ, неизбѣжно-вытекавшимъ изъ англійской жизни, шестьдесятъ лѣтъ назадъ.

Этотъ фаталистическій взглядъ, который встрѣчается и не въ одной критикѣ, не больше, какъ реакція вслѣдствіе господствовавшаго въ прошломъ столѣтіи понятія о геніи, какъ олицетвореніи терпѣнія и, безъсомнѣнія, замѣнится какой-нибудь новой теоріей. Не разбирая его

(*) Изъ «The Westminster Review».

дальше, мы можемъ повторить, что сочувственное согласіе между людьми и книгами не всегда одинаково-сильно. *Представительный* характеръ писателей значительно измѣнялся. Въ иные вѣка, нравы, отражавшіеся въ литературѣ, были скорѣе нравами класса, чѣмъ общества, и литература, въ свою очередь, имѣла вліяніе не столько на народъ, сколько на приверженцевъ извѣстнаго образа мыслей. Такъ было въ вѣка варварства, когда чтеніе и письмо были занятіемъ исключительнымъ, а война и колонизація—всеобщимъ. Такъ было въ Европѣ, еще нѣсколькими столѣтіями позже, когда легенда и поэзія у многихъ народовъ были въ цвѣтущемъ положеніи, а логика и богословіе—у немногихъ. И самая литература по временамъ разъединялась, какъ это было въ Англіи во второй половинѣ XVII столѣтія. Дворъ и народъ имѣли отдѣльныхъ авторовъ; популярность Бэкстера и популярность Конгрева были противоположны: Драйденъ восхищалъ города, а Буніанъ очаровывалъ деревни. Какъ ни несходны эти періоды въ своихъ общихъ чертахъ, но они служатъ доводомъ, что разъединеніе между писателями и народомъ доказываетъ или незрѣлость, или упадокъ политическаго тѣла. Несомнѣнно также то, что гдѣ нація сочувствуетъ литературѣ, тамъ развита здоровая народная мощь. Самое цвѣтущее время Аѳинъ было тогда, когда десять тысячъ граждамъ собирались слушать исторію Геродота или эсхилова Агамемнона Самое цвѣтущее время Флоренціи было тогда, когда Боккачіо раскрывалъ передъ народомъ тайны божественной комедіи.

Лютеръ, давшій своимъ соотечественникамъ болѣе-чистую вѣру, далъ въ то же время популярную литературу. Исключая періодъ, упомянутый выше, масса читателей и писателей въ Англіи со времени Елисаветы была связана между собою глубокой общностью, и эта симпатія, господствующая теперь болѣе, нежели когда-нибудь, служитъ однимъ изъ самыхъ ясныхъ признаковъ здравости національнаго разсудка, которую безпристрастные и глубокомысленные наблюдатели видятъ въ Англіи.

Какъ бы ни было, а новѣйшее общество представляетъ такое однородное органическое цѣлое, что оно заразъ со всѣхъ сторонъ подвергается каждому вліянію, затрогивающему его, и, подобно облаку, являвшемуся въ видѣ живаго существа воображенію поэта.

Если двигается, то двигается все.

А потому мы навѣрно найдемъ, что не только тѣсная, но и жизненная аналогія существуетъ между произведеніями ума и произведе-

ніями искусства нашего времени, тономъ общественнаго мнѣнія нашей страны и тономъ нашей литературы. Смотря на это, какъ на признакъ народнаго здоровья, мы не можемъ, однако, не сознаться, что онъ подвергаетъ насъ опасности, которую съ такой энергіей предсказываетъ мистеръ Миль, опасности, состоящей въ возможности для творческаго ума потерять свою независимость въ вѣроятности, что многіе развратятъ немногихъ. Мы хотимъ поговорить объ одномъ весьма-замѣчательномъ современникѣ, который, по нашему мнѣнію, спустился въ нѣкоторой степени до уровня съ большинствомъ свѣта, но въ то же время отличается больше многихъ писателей жизненной симпатіей съ своимъ вѣкомъ. Мы хотимъ говорить о немъ, потому-что немного найдется болѣе-рѣзкихъ примѣровъ той общности, о которой мы уже говорили, какъ сходство между нашимъ позже-развившимся искусствомъ и величайшимъ изъ нашихъ живыхъ нувеллистовъ, между зеркало-подобными разсказами одного и постоянными зеркалами другаго, между тѣмъ, что мы рѣшаемся назвать фотографіей мистера Тэккерея и фотографіей мистера Тальбота.

Мы думаемъ, что, придавая этотъ терминъ сочиненіямъ великаго писателя, мы употребляемъ его съ большею точностью, чѣмъ это обыкновенно дѣлается, потому-что такое названіе даютъ и путешественники своимъ на скорую руку сдѣланнымъ очеркамъ, и критики, разнымъ поверхностнымъ, но имѣющимъ успѣхъ въ обществѣ, повѣстямъ. Этотъ титулъ принятъ цѣлой ордой писателей, очень-мало схожихъ съ мистеромъ Тэккереемъ и въ силѣ творчества, и въ неподдѣльной фотографической рельефности. Этотъ эпитетъ, употребленный не въ одномъ значеніи мелочнаго описанія, уже предполагаетъ не одну только замѣчательную силу и живость изображенія, но и особенность, ему одному свойственную подражанія и въ сферѣ предметовъ, на которые онъ обращенъ. Всѣ эти пункты заслуживаютъ болѣе полнаго, глубокаго и философскаго опредѣленія, чѣмъ то, которое мы способны дать; но внимательно и *sine ira et studio* перечитывая сочиненія Тэккерея, намъ пришло въ голову нѣсколько замѣчаній, которыя, можетъ-быть, будутъ не безъ интереса для тѣхъ, кому «ничто человѣческое не чуждо» (слова, наиболѣе приложимыя къ самому Тэккерею).

Мы начнемъ съ того качества, которое существенно-необходимо для всякаго искусства, но сильнѣе всего выражается въ фотографіи. Подражаніе природы составляетъ и основную идею и затрудненіе въ искусствѣ; трудно опредѣлить, на сколько нужно его избѣгать или ему слѣдовать. Всѣ согласны, что безъ подражанія природѣ твореніе невѣрно дѣйствительности и что оно безжизненно, если состоитъ

изъ одного подражанія. Но что касается методы и размѣровъ подражанія, то со временъ Зевксиса и до временъ Милле это было причиной распрей между всѣми школами. Мы никогда не считали особенно-полезнымъ, для разрѣшенія этой любопытной и спорной проблемы, прибѣгать къ прекраснымъ афоризмамъ, которые, безъ-сомнѣнія, имѣли жизненное значеніе для геніальныхъ людей, сказавшихъ ихъ; мы не повторяемъ съ сэромъ Броуномъ, что природа—искусство Бога, или съ Гёте, что искусство именно потому и называется искусствомъ, что оно не природа. Эти сентенціи годятся только для предъидущихъ заключеній. Если мы даже скажемъ, что въ дѣлѣ искусства планъ или цѣлое должны быть полнѣе, чѣмъ можетъ внушить природа, но частности должны быть строго вѣрными натурѣ, что мы можемъ выдумать или выбрать характеры, и ихъ слова и поступки должны строго сообразоваться съ дѣйствительной жизнью, то и это будетъ неудовлетворительно, хотя и болѣе-практично, потому-что результатъ такого опредѣленія будетъ непремѣнно нелѣпъ; основаніе произведенія будетъ великолѣпно-невозможнымъ, а дополнительная работа смиренно-вѣрна; исторія невѣроятна, а рѣчи пусты и ничтожны. Характеръ множества повѣстей и картинъ настоящаго времени опредѣляется этимъ. Посмотримъ, на сколько можетъ практика объяснить намъ теорію. Совершенно иначе поступаетъ великій артистъ, хотя не всегда умѣющій опредѣлить свое искусство; мы не можемъ сказать, какъ это дѣлается, однакожь видимъ, что онъ сохраняетъ что-то въ родѣ обратной пропорціи между внѣшнимъ подражаніемъ и существенной истиной; что второстепенныя, болѣе-ничтожныя личности или менѣе-важныя подробности отдѣланы въ высшей степени тщательно и рельефны, а болѣе-возвышенные характеры и болѣе-тонкіе психологическіе анализы глубокожизненны. Такъ въ «Коріоланѣ»: уличныя сплетни и болтовня переданы почти съ буквальной точностью; герой говоритъ великолѣпными стихами, а характеръ его жены вполнѣ выразился въ ея молчаніи. Шекспиръ, описывая гражданъ, слѣдовалъ Плутарху, идеализировалъ его въ Каѣ Маркѣ и прибавилъ къ личности Виргилія прелесть и грацію, которыя добрякъ Херонеи неспособенъ былъ воспроизвесть. Каждая часть одинаково окончена, но характеръ этой оконченности всюду разный, по степенямъ тонкости, которыя мы чувствуемъ, но не въ-состояніи анализировать. Шекспиръ съ такимъ необъяснимымъ искусствомъ смѣшалъ идеальное и реальное, что то и другое, поочередно, кажется не только вѣрно, но олицетворенной правдой; у него все одинаково-близко къ совершенству; и когда Автоликъ сказываетъ, что находится въ его корзинѣ, и когда сельская дѣвушка

исчисляетъ цвѣты Прозерпины въ стихахъ, которымъ могли бы позавидовать Сафо и Теокритъ.

This is an art
Which does mend nature, change it rather-but
The art itself is nature. (Стр. 503).

Та же самая тайна является передъ нашими глазами въ искусствѣ рисованья. Постепенность отдѣлки, видимая нами въ Бахусѣ и Аріаднѣ Тиціана, или въ картинѣ «Христосъ во храмѣ» Гунта, поразительнѣе даже, чѣмъ самая прелесть этой отдѣлки, и по своей тонкости понятна только для зрителя, проникнутаго любовью и благоговѣніемъ къ искусству. Напримѣръ, для всѣхъ другихъ, живопись Гольбейна слишкомъ мало обобщена, а Тинторетъ недостаточно опредѣленъ. Но надо быть Гольбейномъ или Тинторетомъ, чтобъ рѣшить, соблюдена ли эта строгая постепенность въ выполненіи. Подобнаго же рода затрудненія встрѣчаетъ наука, пытаясь объяснить жизненный процесъ. Потребуется другое искусство, чтобъ опредѣлить, какъ далеко должно быть доведено подражаніе. Можетъ-быть, мы должны сдѣлать заключеніе такого рода, что подробныя правила опасны, но что можно съ полною увѣренностью провести нѣсколько общихъ ограниченій, которыя опирались бы всѣ на одинъ главный принципъ въ человѣческомъ искусствѣ, состоящій въ томъ, чтобъ творческая работа человѣческаго ума не была ощутительна. Этотъ принципъ заразъ исключаетъ обманчивое подражаніе; онъ требуетъ, чтобъ соблюдалось извѣстное органическое единство, чтобъ подробности были подчинены цѣлому, не нарушая его, чтобъ на главномъ характерѣ сосредоточивалась вся сила истины. Такой взглядъ на искусство, кажется, предоставляетъ полную свободу «человѣку, этому изобрѣтательному существу», и уничтожаетъ полемику о подражаніи, перенося ее изъ технической сферы въ сферу воображенія. Этотъ взглядъ вполнѣ удовлетворяется и стремленіемъ Стерна достичь совершенства буквальнымъ воспроизведеніемъ дѣйствительности, а Мильтона—идеальностью; онъ признаетъ, что пластическая сила натуры воспроизводится въ искусствѣ; что не одна только дорога ведетъ къ правдѣ въ искусствѣ.

Но гордость фотографіи состоитъ въ поразительной точности воспроизведенія; и хотя она не совершенно исключена изъ области искусства, но, безъ-сомнѣнія, отдалена отъ него самымъ успѣхомъ, котораго она достигаетъ. Это не превосходство человѣческаго искусства. И тотъ художникъ, который беретъ первые уроки въ школѣ мелочной буквальности съ цѣлью фотографировать общество, подвергается опасности не выбраться изъ тѣсной рамки подражанія. Бо́льшая часть

тѣхъ, кто брался изображать характеры, начинала съ бо̀льшею или мѐньшею неопредѣленностью. Герои первой картины, или первой новеллы, бо̀льшею частью такъ же туманны и неясны, какъ герои Оссіана. Однакожь, друзья художника узнаютъ обыкновенно въ подробностяхъ творенія — воспоминанія его дѣйствительной жизни или черты характеровъ его семьи. Сцена чаще всего «Утопія и Сады»; но садъ всегда оказывается тѣмъ самымъ, гдѣ проведено дѣтство автора. Извѣстно, что первые литературные опыты мистера Тэккерея противоположны тѣмъ, которые мы только-что исчислили. У бо̀льшей части начинающихъ свое поприще писателей, планы невѣрно построены, дурно округлены и не обладаютъ единствомъ. Планъ гоггартова «Алмаза» также совершенъ, какъ О. Джіотто. Большая часть юныхъ авторовъ представляетъ намъ семейные портреты или слегка-измѣненную автобіографію; а изъ «Разныхъ разсказовъ» трудно даже заключить, въ какой странѣ родился авторъ. По общему замѣчанію; всѣ первыя повѣсти нехудожественны отъ недостатка силъ и наблюдательности въ описаніи общества, а Тэккерея повѣсти, напротивъ, нехудожественны отъ фотографической точности въ описаніи общества, среди котораго они происходятъ. И всѣ они, исключая шуточныхъ пьесъ, посвящены мелочной и истинно-обыденной сторонѣ жизни; они не показываютъ намъ ни славныхъ, возвышенныхъ тружениковъ и геніевъ; они рисуютъ домы, а не домашнюю жизнь; они воспроизводятъ парики и бакенбарды, блюда и мебёль съ болѣе, чѣмъ стереоскопическою точностью. Отсюда собраніе «Разныхъ разсказовъ» приняло какой-то блеклый, почти-скучный отпечатокъ, какъ-будто, вмѣсто свѣжести и юности автора, мы находимъ мишуру изношенныхъ модъ. Мы разбирали эти сочиненія не только съ участіемъ, но и съ почтеніемъ, должнымъ инаціативнымъ эскизамъ великаго художника; но читатели, незнакомые съ «Лирой Гиберника», «Приключеніями майора Гахагана», «Роковыми сапогами», «Желтоплюшемъ» или «Мемуарами Линдоновъ», лучше пусть и не знакомятся съ ними. Одинъ изъ великихъ современниковъ Тэккерея, безъ-сомнѣнія, поступилъ очень-благоразумно, уничтоживъ бо̀льшую часть юношескихъ опытовъ, приведшихъ его къ *avia Pieridum loca*, въ «*Maud and In Memoriam*». Жаль, что издатель тома «Разныхъ разсказовъ», автора «Ярмарки тщеславія», давъ такъ много для ненависти, и зависти, и знаменитости, не остановился на этомъ. Они извлекли для себя не тотъ урокъ, что великій геній нуждается въ великомъ трудѣ, напротивъ, они увѣрились, что Тэккерей, только повторяя безпрестанно самого себя, достигъ послѣдняго предѣла своего могущества.

Циники говорятъ, что онъ былъ циниченъ съ самаго начала. Они сравниваютъ нѣкоторыя слабыя попытки описывать съ юморомъ небывалыя приключенія въ его первыхъ сочиненіяхъ, и воспроизведенія ихъ въ послѣднихъ (чтобъ понять значеніе нашихъ словъ, надо припомнить дѣтскую сказку въ «Прогулкѣ Курата» и ту же сказку въ «Ярмаркѣ Тщеславія», не длятого, чтобъ почтить торжество его таланта въ послѣднихъ, но длятого, чтобъ посмѣяться надъ первыми). Можетъ-быть, умный человѣкъ будетъ презирать подобную вражду; но есть болѣе-серьёзныя причины, по которымъ тайны усилій къ достиженію превосходства не должны публиковаться. Они кстати, когда дѣло идетъ о какомъ-нибудь полумеханическомъ искусствѣ, въ которомъ счастье и опыты сдѣлали больше, чѣмъ геніальность; но они пагубны для того живаго и поражающаго дѣйствія, которое долженъ производить на насъ геній. Еслибъ мистеръ Тальботъ сберегъ всѣ образчики своего изобрѣтенія, онъ могъ бы съ законной гордостью показывать ихъ во всѣхъ степеняхъ отъ слабости до оконченности. Конечно, въ высшихъ сферахъ разума должно соблюдать болѣе благородную сдержанность. Дѣйствительно, художникъ можетъ сохранять свои юношескіе эскизы для своего личнаго изученія; для біографа они также могутъ быть дороги; но, вѣдь, это второстепенныя обстоятельства.

Смотря на свѣтъ съ широкой точки зрѣнія, въ художественномъ произведеніи человѣкъ долженъ дать другому болѣе или менѣе совершенное твореніе, сокровища ума въ его цвѣтѣ и зрѣлости, а не усилія ребенка, необѣщающее ученическое сочиненіе, не карриватуры на переплетѣ Шревеліуса. Очевидно, что и сочиненія, написанныя въ неблагопріятныя минуты или для непосредственныхъ цѣлей, должны быть отложены въ сторону, вмѣстѣ съ другими дѣтскими вещами. Сколько пострадала бо̀льшая часть новѣйшихъ великихъ писателей, дѣйствуя наоборотъ! Нѣтъ и не можетъ быть человѣка столь безсмертнаго, чтобъ ни одна капля его ума не должна была пропасть для свѣта. Какая мертвая тяжесть лежитъ (сравнительно) на Петраркѣ и Тассѣ, на Вордсвортѣ и Вальтерѣ-Скоттѣ! Нѣкоторыхъ авторовъ давитъ тяжесть ихъ собственнаго богатства; даже твореній Шекспира у насъ немножко слишкомъ-много; но мы опять заходимъ въ черезчуръ-широкій кругъ.

Какъ ни механична можетъ быть живопись, но умъ живописца всетаки выразится въ ней: намъ будетъ ясно, что это дѣло человѣческаго существа, хотя и съ ограниченными способностями. Въ фотографіи же и для истинно-геніальнаго художника трудно напечатлѣть

на своей пластинкѣ какой-нибудь слѣдъ индивидуальнаго творчества. Мы сказали, что въ раннихъ сочиненіяхъ Тэккерея замѣтно почти полнѣйшее отсутствіе личности писателя. Правда, что есть одно, въ которомъ онъ описываетъ свои собственныя граціозныя, юмористическія и трогательныя фантазіи съ искусствомъ, достойнымъ автора «Сантиментальнаго Путешествія», но оно было исключено изъ «Разныхъ разсказовъ». И хотя это собраніе повѣстей посвящено исключительно человѣческой жизни, однако мы чувствуемъ въ немъ, какъ и въ фотографіяхъ, странное отсутствіе человѣческаго интереса. Опять мы можемъ объяснить это примѣромъ изъ живописи. Ландшафтъ, написанный Тюрнеромъ, составляетъ почти столь же живое усиліе созидающей природы, какъ и ландшафты Байскаго Залива, или Монте-Розы. И на всѣхъ тѣхъ пунктахъ природнаго ландшафта, гдѣ впечатлительный зритель какъ-бы чувствуетъ присутствіе сверхъестественной силы; въ картинѣ великаго мастера мы чувствуемъ присутствіе человѣческой души. Умъ Тюрнера заступаетъ мѣсто *Anima Mundi*. Чтобъ обнять это, требуется нѣсколько мысли, знанія и того святаго энтузіазма, безъ котораго, какъ говоритъ Платонъ, нѣтъ поэзіи. Не такъ въ фотографіи. Здѣсь наименѣе-свѣдущій зритель можетъ сказать, что и величайшіе художники не могутъ сравняться съ нею въ тонкости подробностей. Но какъ ни совершенны и удивительны этого рода произведенія, все-таки это холодный и безжизненный образъ того, что̀ въ дѣйствительности оживлено духомъ Божіимъ. Это же фотографическое качество находится и въ первыхъ произведеніяхъ Тэккерея: никакой, повидимому, симпатіи между писателемъ и героями не существуетъ. Онъ изслѣдуетъ ихъ посредствомъ анатомическаго микроскопа, спокойно подвергая живо разсѣченію (вивисекціи). При такомъ состояніи ума свѣтъ неизбѣжно возбуждаетъ юмористическую или мрачную иронію, которая и придаетъ особенный тонъ его произведеніямъ. Въ дѣйствительной жизни человѣкъ на время подчиняется тому чувству, которое заставляетъ его поступать великодушно или низко. Себѣ или тѣмъ, до которыхъ его дѣйствія непосредственно касаются, онъ кажется послѣдовательнымъ; но для посторонняго, спокойно и внимательно-наблюдающаго глаза постоянно видна и изнанка медали. Онъ радуется при мысли, что сегодняшній скряга будетъ щедръ завтра; что величайшая горячность сердца имѣетъ все-таки границы; что иногда и отсутствіе эгоизма есть не болѣе, какъ эгоизмъ въ иномъ видѣ; что время, вѣчно-вертящееся, какъ юла, приноситъ въ своихъ оборотахъ возмездіе, отражающееся не только въ нашей судьбѣ, но и въ характерахъ. Но такое рѣдкое и проницательное знаніе

человѣческаго сердца имѣетъ и свою невыгоду. Подобно склонности къ реторическимъ фигурамъ такого рода, созерцаніе невольно заставляетъ наблюдателя преувеличивать вѣчныя противорѣчія человѣческой природы, доводитъ его даже до фразы: «человѣкъ, животное—послѣдовательное только въ своихъ несообразностяхъ». По нашему мнѣнію, даже его послѣднія произведенія слишкомъ проникнуты этимъ отрицающимъ элементомъ. Въ «Пенденнисѣ» онъ олицетворенъ въ героѣ; а красота и кротость Елены съ намѣреніемъ унижены ея строгостью и несправедливостью къ Фанни, несогласными съ здравымъ смысломъ Елены, выказываемымъ ею во всѣхъ другихъ случаяхъ. Полковникъ въ «Ньюкомахъ» одно изъ прелестнѣйшихъ и благороднѣйшихъ созданій Тэккерея, приносится въ жертву своей невѣсткѣ для того, чтобъ ярче выразить отождествленіе ея безумія и мелочности.

Но больше всего выражается эта безличная и фотографическая манера автора въ «Разныхъ разсказахъ». Въ-самомъ-дѣлѣ, многія изъ сценъ, описанныхъ тамъ, не больше, какъ негативы (мы заимствуемъ терминъ изъ самаго искусства). «Барри Линдонъ», «Майоръ Гахаганъ», «Записки Желтоплюша» напоминаютъ «Свѣтъ вверхъ дномъ» въ сатирѣ Сальвіати; между-тѣмъ, какъ въ Снобсахъ передъ нами, какъ-будто панорама, писанная лѣвой рукой, въ которой жизнь не даетъ никакихъ выводовъ.

Качество, которое мы назвали отрицательнымъ элементомъ въ Тэккереѣ и приписали его ранней привычкѣ смотрѣть на жизнь и воспроизводить ее съ безстрастной и зеркалоподобной вѣрностью, знакомо всѣмъ его читателямъ подъ именемъ цинизма. Въ этомъ качествѣ обвиняютъ его и тѣ, которые находятъ его описанія вѣрными, и тѣ, которые желаютъ находить ихъ ложными. Мы думаемъ, что это обвиненіе и эпитетъ несправедливы. Говорящіе это, сами циники гораздо-больше. Есть извѣстные виды болѣзни, одной изъ самыхъ обыкновенныхъ и скверныхъ, которыя, хотя рѣдко характеризуютъ цѣлую натуру человѣка, но обнаруживаются по временамъ. Таково циническое невѣріе въ людскую добродѣтель, видимое и въ Яго, и въ Таллейранѣ, и въ Карлѣ-Второмъ. Невѣріе въ человѣчество почти столь же циническое, хотя и скрываемое подъ личиною мягкости и кротости А'Кемписа или крайнихъ кальвинистскихъ богослововъ, циническая тенденція подвергать сомнѣнію благородство, чистоту и безкорыстіе въ человѣчествѣ, тенденція, встрѣчающаяся въ мірянахъ стараго времени, часто старящая людей въ эпоху свѣжей юности. Умалчивая о прочихъ формахъ цинизма, какъ неотносящихся сюда, мы полагаемъ, что это названіе можно съ точностью приложить только

къ тѣмъ, которыя насквозь проникнуты презрѣніемъ къ своимъ собратіямъ, презрѣніемъ, происходящимъ или изъ аскетическаго невѣжества (какъ въ легендѣ о св. Антоніѣ), или изъ эгоистической суровости (какъ въ Діогенѣ), или изъ практическаго скептицизма (какъ въ Паскалѣ и Монтенѣ). Предполагаемый цинизмъ Тэккерея происходитъ частью отъ того несимпатичнаго взгляда, которымъ онъ смотритъ на своихъ героевъ (взгляда, несовсѣмъ-художественнаго, но и не прямо нравственнаго), частью изъ того элемента, который въ-сущности противоположенъ цинизму.

Этотъ тонъ печальной сатиры происходитъ отъ обманутой надежды и грустнаго сознанья, что человѣческія существа такъ рѣдко достигаютъ наименѣе-труднаго идеала, какъ во дни древняго Эмпедокла; онъ видитъ, что «они выбираютъ на свою долю жизнь, которая не есть жизнь», что мужчины мелки, а женщины безсердечны, не потому, что это должно быть такъ, а потому, что они желаютъ быть такими. Можетъ-быть, для человѣка съ великодушнымъ характеромъ и глубоко-развитымъ умомъ достаточно простаго пониманія вещей, какъ они есть, чтобъ дойти до такого настроенія; можетъ-быть, личный опытъ участвовалъ въ этомъ. Мы готовы думать, что подобное настроеніе — горькая реакція!—природной теплоты сердца, ненашедшей сочувствія, месть надъ самимъ собою за разбитыя надежды, обратный скачокъ отъ невозможныхъ стремленій впередъ, слишкомъ-глубокій смыслъ въ ироніи вселенной. Только разъ дано было человѣку почувствовать это, и не сдѣлаться черезчуръ-строгимъ къ своимъ собратьямъ, вѣрно судить о нихъ и безпристрастно любить ихъ. Даже это возвышенное, почти сверхъ-человѣческое равновѣсіе, характеризующее Шекспира, не могло удержать его, когда въ «сонетахъ» онъ подводитъ итоги своей жизненной опытности отъ такого выраженія скорби и стыда, параллельнаго, которому въ силѣ найдется только въ плачѣ Давида или Іереміи, проповѣдника на кучѣ сору въ Узѣ и проповѣдника царя іерусалимскаго.

Такимъ-образомъ особенная, ироническая грусть и отрицательный элементъ, встрѣчающійся почти во всѣхъ страницахъ этого великаго писателя, совершенно-естественны, но этимъ самымъ онъ подвергается риску и искушенію особеннаго рода. Въ сферѣ нравственныхъ вопросовъ есть такія стороны, въ которыхъ истину трудно различить отъ крайней лжи.

Глубокое пониманіе ироніи представляетъ истинную картину свѣта, столь похожую на ложную, рисуемую сатиристомъ, что нѣчего удив-

ляться мистеру Тэккерею, часто впадающему въ сатиру или насмѣшку, переходя ту тонкую черту, которая отдѣляетъ *poco più* отъ *poco meno*. Тонъ чрезмѣрной строгости, заразившій, въ видѣ ироническихъ намековъ, «Эсмондовъ» и «Виргинцевъ», преобладаетъ въ «Ярмаркѣ тщеславія» и «Пенденнисѣ» и производитъ тяжелое впечатлѣніе.

Правда, что удивительный юморъ Тэккерея—качество, столь знакомое и хорошо оцѣненное—истекаетъ изъ этой самой ироніи и оправдываетъ его. Правда и то, что сотни примѣровъ показываетъ нѣжную и благородную натуру, презрѣніе къ низости «любовь любви», которые въ-дѣйствительности берутъ перевѣсъ надъ насмѣшкой и язвительностью. Но послѣднія сильнѣе дѣйствуютъ на читателя. Насмѣшка и язвительность такъ могучи, что съ перваго раза, никто, особенно юность, не видитъ спасенья. И это кажется малѣйшею истиной. Женщины всѣ лицемѣрны; лучшіе изъ мужчинъ несравненно-скорѣе себялюбивы, чѣмъ нѣтъ. Въ «Ярмаркѣ Тщеславія», напримѣръ, мы читаемъ:

«Нѣтъ лучшей сатиры, какъ письма. Возьмите связку писемъ вашего дорогаго друга десять лѣтъ назадъ, друга, ненавидимаго теперь, или связку писемъ вашей сестры—какъ крѣпко вы держались другъ за друга, пока не поссорились за наслѣдство въ 20 фунтовъ! Разверните чоткія письма вашего сына» и т. д. Или еще: «Я придерживаюсь мнѣнія моего стараго пріятеля Лича: «Эхъ, сэръ!» говаривалъ Личъ, «онъ былъ такъ бѣденъ, что не могъ вести знакомства съ бѣднымъ человѣкомъ».

«Клевета—законная вещь въ обществѣ. Поносите меня, и я буду поносить васъ, но, встрѣчаясь, будемъ друзьями. Представьте себѣ вашу жену, привязанною къ матери, которая, говоря, пропускаетъ букву и зоветъ Марію—Марира! Великій Боже! что̀ стоитъ ничтожная боль въ первое время развода въ-сравненіи съ постояннымъ горемъ вѣчнаго «mesalliance» и сношенія съ низкими людьми?»

«Я и сынъ мой Джэкъ должны быть далеки другъ отъ друга; между нами должно существовать любезное, почтительное, добродѣтельное лицемѣріе».

И это восклицанье:

«О! будемъ признательны не только за лица, но и за маски!»

Встрѣчаясь впервые съ этими замѣчаніями, мы преклоняемся предъ великимъ фотографомъ; мы предпочитаемъ пэль-мэльскую философію Платону; мы готовы принять убѣжденія «Пенденниса»: «не надѣяться много, не заботиться много, не вѣрить много».

Но есть лучшій, болѣе-истинный, болѣе-мягкій и, прибавимъ, болѣе-достойный взглядъ на жизнь, еще болѣе-блестящій, чѣмъ сатиры Тэккерея, столько же широкій, хотя ширина тэккерева взгляда только кажущаяся. Проповѣдникъ, называющій ничтожнымъ свѣтомъ все, что̀ находится не въ Эксетер-Галлѣ, и въ монастырѣ, и проповѣдникъ, называющій свѣтъ «Ярмаркою Тщеславія», сходятся въ результатахъ своихъ ученій: въ обоихъ одинаковая узкость во взглядахъ, потому-что ни который изъ нихъ искренно не признаетъ благороднаго и добраго внѣ своей секты. Оба слишкомъ любятъ повторять: «всѣ мы жалкіе грѣшники!» У каждаго изъ нихъ своя мѣра дурнаго; но эта мѣра не согласуется съ природнымъ сознаньемъ. Куммингъ не допускаетъ превосходства безъ сознательнаго обращенія (въ христіанство). Тэккерей тоже почти не допускаетъ его безъ примѣси мелочности. Но есть еще смыслъ въ опредѣленіи свѣта, болѣе-близкій къ истинѣ—общественный смыслъ, вѣрно-опредѣляющій людей, называя однихъ просто великодушными и благородными, другихъ—развращенными и безсердечными. Правда, передъ нами и Пэлль-Мэлль и пэлль-мэльская газета и Пенденнисъ, читающій въ пятницу послѣ обѣда свою небольшую лекцію въ клубѣ, и майоръ и Бэрнсъ въ окнѣ; но за-то въ «Ярмаркѣ Тщеславія» мы видимъ многихъ, которые не приняли двухъ главныхъ догматовъ тэккереева «Символа Вѣры», именно, что каждый и каждая имѣютъ свой тайный, скрываемый отъ всѣхъ, скелетъ, и что жизнь, по минованіи юности, не можетъ ничего дать, кромѣ воспоминаній, подобныхъ тѣмъ, которыя въ дантовомъ «Аду», только увеличивали муки Франчески. Въ одномъ мѣстѣ онъ съ горькой насмѣшкой совѣтуетъ своему читателю взять карандашъ и очень-маленькій лоскутокъ бумаги и попытаться наполнить его именами своихъ истинныхъ друзей. Пишущій эти строки послѣдовалъ такому любезному внушенію и получилъ совершенно-иной результатъ, и думаетъ, что большая часть изъ тѣхъ, кто стоитъ на его листѣ, найдетъ то же самое. Онъ осмѣливается думать, что то же самое найдетъ и біографъ Пенденниса. Почтимъ благородное мужество, съ какимъ онъ провозглашаетъ то, что̀ считаетъ за истину, имѣя на то слишкомъ-сильныя причины, но въ то же врéмя, будемъ надѣяться, что истина эта не всегда такова, какою ему кажется. Даже въ Бэккеровской и Гарлейской Улицахъ, этихъ монотонныхъ перспективахъ, на которыя такъ часто направляетъ свой фокусъ нашъ остроумный артистъ, могутъ жить люди честные и правдивые безъ эксцентричности Бэйгама и безхарактерности Клэйва; женщины серьёзныя, великодушныя и любящія, но̀ свободныя равно и отъ поверхностной, ничего незначущей

кротости Амеліи и живости Розы, и отъ совѣстливой свѣтскости и практическаго скептицизма Эсели, и отъ скромной игры въ обязанность и сдержанной, разумной холодности Лауры. А за ними развѣ нѣтъ чистаго воздуха и неомраченныхъ небесъ вѣчно-юной, свободной и ликующей природы? Навѣрно, въ свѣтѣ еще много истинной силы чувства, честности, безкорыстной дружбы и святаго энтузіазма, и любви безъ примѣси безумія, и чистаго счастья, о которыхъ и не подозрѣваютъ въ пэлль-мэльской философіи, есть сердца слишкомъ-высокія для мелочности и колѣни, которыя никогда не склоняются передъ дивами: «Кровь боговъ (какъ сказалъ одинъ старинный поэтъ) еще не угасла въ насъ». На землѣ больше «простоты, великодушія, любви, этихъ богатѣйшихъ сокровищъ нашей натуры», чѣмъ думаетъ издатель Ньюкомовъ.

Не то, чтобъ мистеръ Тэккерей не признавалъ этихъ вещей, но, безспорно, эти болѣе-мужественные и достойные элементы слишкомъ-незамѣтны во многихъ его описаніяхъ; они признаются, но какъ-будто съ церемоннымъ поклономъ, отодвигаются въ совсѣмъ-иной свѣтъ, чѣмъ «Ярмарка Тщеславія», гдѣ происходятъ всѣ сцены, описываемыя имъ. «Съ вашего позволенія, мы затворимъ дверь на этой сценѣ. Мы разсказываемъ о свѣтѣ и о томъ, что̀ совершается въ немъ; все же, что̀ его не касается, врядъ-ли принадлежитъ области нувеллиста»— такъ думаетъ писатель.

Писатель, менѣе-сильный, имѣлъ бы право говорить такимъ образомъ, избѣгать того, что̀ у него выходило бы безвкусно. Конечно, мистеру Тэккерею это не можетъ служить оправданіемъ. Дѣйствительно, есть что-то чрезвычайно-характеристическое и забавное въ его обхожденіи съ торжественными вопросами и идеями жизни. Обыкновенные нувеллисты проповѣдуютъ о рожденіи и смерти, или вовсе избѣгаютъ подобныхъ предметовъ. А мистеръ Тэккерей, какъ-будто ходитъ вокругъ своихъ серьёзныхъ о̀бразовъ, дѣлая имъ, какъ мы уже сказали, самые церемонные и почтительные поклоны. Даже страсть, обыкновенно-считаемая необходимостью въ романѣ, гораздо-чаще подсказывается, чѣмъ ясно изображается авторомъ. Она слишкомъ-священна для романа, говоритъ онъ въ «Ньюкомахъ»; потому-то въ этихъ разсказахъ болѣе страстности, чѣмъ силы чувства, множество ухаживанья и волокитства и очень-мало любви — словомъ, отвергающій принципъ и духъ отрицанья проникаетъ атмосферу и сдерживаетъ великодушные порывы дѣйствительной природы писателя.

«Она подала ему свою руку, свою маленькую, хорошенькую руку. Ссора кончилась, годъ печали и отчужденія миновалъ. Они будто

никогда не разлучались. Онъ никогда, ни на одну минуту не переставалъ думать о своей милой; помнилъ о ней и въ темницѣ, и въ станѣ, и на берегу передъ врагомъ, и на морѣ, подъ звѣздами торжественной полуночи, и наблюдая великолѣпный восходъ солнца, и за столомъ, пируя съ друзьями, и въ театрѣ, гдѣ онъ пытался вообразить, что другіе глаза свѣтлѣе ея глазъ. Многіе глаза могутъ быть яснѣе, и многія лица прекраснѣе, но нѣтъ ни одного столь дорогаго. Что̀ это такое? Въ чемъ заключается тайна, дѣлающая одну ручку дороже всѣхъ? Кто можетъ разгадать эту загадку?»

Когда онъ осмѣливается быть самимъ собою, какъ въ этой удивительной сценѣ, заключеніе которой мы не рѣшаемся выписывать, немногіе сравняются съ нимъ, и почти никто не превзошелъ его, но онъ слишкомъ-рѣдко осмѣливается. Такъ заключительный тонъ почти всѣхъ его разсказовъ неутѣшителенъ. Сознавая это, Тэккерей, послѣ всякаго строгаго очерка, самъ выставляетъ протестъ: «Это не такъ, свѣтъ не такъ дуренъ, какъ хочетъ заставить насъ думать этотъ циникъ». И тогда онъ обращается къ самолюбію читателя, чтобъ провѣрить на-дѣлѣ свою сатиру. Дѣйствительно, свѣтъ такъ и дуренъ, какъ онъ его рисуетъ, только онъ проще и истиннѣе. Въ его произведеніяхъ итогъ добра и зла не преувеличенъ; но при всякомъ непріятномъ случаѣ онъ говоритъ: *это должно быть такъ*. Въ его повѣстяхъ люди растутъ съ удивительной жизненностью; но ка̀къ рѣдко они становятся лучше! Какимъ запасомъ сарказма противъ нашихъ сосѣдей снабдилъ насъ Тэккерей! и мы можемъ, не стѣсняясь, пользоваться имъ, потому-что развѣ мы не признаемъ себя добровольно такими? «Ярмарка Тщеславія» что-то̀ въ родѣ эдема новѣйшихъ дней: жители опять въ райскомъ состояніи, обнажены и не стыдятся этого. По-крайней-мѣрѣ, мы чувствуемъ, что нашъ философъ разрѣшилъ бы вопросъ Пилата: «гдѣ истина?» что вокругъ ярмарки насъ водилъ фаталистъ, а не вѣрующій.

Этотъ критическій взглядъ будетъ понятнѣе отъ контраста, который мы приведемъ предъ нашими читателями. Сравните впечатлѣніе, производимое на насъ тѣмъ писателемъ съ великимъ сердцемъ, лавреатъ котораго безспорно наслѣдовалъ мистеръ Тэккерей.

О Скоттѣ можно сказать почти то же самое, что̀ мы говорили о Тэккереѣ. «Ламермурская Невѣста» не менѣе «Пенденниса» доказываетъ и низость мужчины и холодную безсердечность женщины. Тотъ и другой страдаютъ отсутствіемъ глубины въ изображеніяхъ страсти; оба несостоятельны въ томъ, что̀ принято называть «высшимъ взгля-

домъ на жизнь», и оба рисуютъ необыкновенно-мощно драму человѣческаго бытія. И, однакожь, разница послѣдняго впечатлѣнія несравненно-больше разницы между атмосферой театра и чистаго воздуха по близости свѣжей воды, бальной залы для ужина и «нетлѣннымъ моремъ». Мы закрываемъ «Ламермурскую Невѣсту» съ благотворнымъ чувствомъ страданія и удовольствія, а «Пенденниса»—съ невольнымъ восклицаніемъ «суета-суетъ!»

Вернемся къ нашему наглядному сравненію. Одинъ артистъ часто вводитъ насъ въ нѣсколько-темную комнату, гдѣ манипуляторъ работаетъ между кислотами, куреньями и снадобьями, производя чудное подобіе кафтановъ и одеждъ, нахмуренныхъ и улыбающихся лицъ; а другой заставляетъ насъ смотрѣть съ возвышеннаго сѣдалища короля Артура или съ Чевіотовъ, или съ какой-нибудь подобной вершины, пока онъ рисуетъ сцену, въ которой, хотя и менѣе подробностей (а порой встрѣчается же слишкомъ-мелочная отдѣлка платья или кирасы), но въ цѣломъ преобладаетъ болѣе-глубокій человѣческій интересъ, и вездѣ оказывается не фотографъ, а живописецъ.

У насъ нѣтъ ребяческаго намѣренія доказать этой аналогіей, что нашъ замѣчательный современникъ не истинный артистъ, что онъ рисуетъ жизнь только въ мелочахъ, и что онъ совершенно жертвуетъ болѣе-широкимъ взглядомъ творческой силы, одаренной воображеніемъ, мелочной точности. Авторъ «Эсмонда» и «Ньюкомовъ» имѣетъ столь же ясное и царственное право на высшее искусство, какъ самъ Корреджіо. Онъ можетъ показать намъ первые и послѣдніе дни полковника или примиреніе въ «Эсмондѣ», или восхитительныя сцены между Джорджемъ и Тео и воскликнуть: «Anch'io son pittore» (*)!

Даже зависть не рѣшится оспоривать этого; а если глупость и рѣшится, то ее не будутъ слушать. Тѣмъ не менѣе силой того тайнаго единства, которое, кажется, подобно міровой душѣ въ химерахъ философіи, обнимаетъ всѣ вѣка, между способомъ производства мистера Тальбота и Тэккерея повидимому существуетъ истинное, органическое соотношеніе силъ. Не онъ одинъ наслѣдуетъ этой методѣ; многіе нувеллисты наполняли цѣлые томы мельчайшими подробностями. Миссъ Остенъ, съ скромностью, равною ея таланту, дѣлала изъ своихъ лучшихъ произведеній, просто, картины въ миніятюрѣ. Легко припомнить другихъ, которыя, не имѣя ея таланта и скромности, дарили насъ произведеніями, къ которымъ также шло это опредѣленіе.

(*) И я также живописецъ.

Но микроскопическая тонкость почти каждой страницы «Пенденниса», или «Ярмарки Тщеславія», на столько же выше соперниковъ автора, на сколько портреты Кильбурна выше портретовъ Деннера. Очень-жаль, что онъ вновь издалъ свои первые эскизы, но «Смѣшанные разсказы» даютъ намъ возможность заглянуть въ умственную работу писателя, показываютъ, какъ рано онъ поставилъ себѣ задачею фотографировать общество, и объясняютъ направленіе его послѣднихъ произведеній.

«Лучшими представителями въ клубѣ Бутджекка были два холостяка и два самые фешёнэбльные торговца въ городѣ. Мистеръ Вульси изъ Штультца изъ славнаго дома Бинси, Вульси и К^о портные въ Кондуит-Стритѣ, и мистеръ Эглантайнъ, знаменитый парикмахеръ и парфюмёръ въ Бонд-Стритѣ, чьи мыла, бритвы, и патентованныя, провѣтренныя черепныя кожи извѣстны во всей Европѣ. Линси, старшій партнёръ въ фирмѣ, имѣлъ красивый домъ въ Реджент-Паркѣ, катался въ своемъ кабріолетѣ, и его занятія въ заведеніи въ томъ только и состояли, что онъ ссужалъ ему свое имя. Вульси же жилъ въ ней, работалъ, и про него говорили, что онъ кроитъ великолѣпно... На окнѣ лавки мистера Эглантайна красуется королевскій гербъ, а подъ нимъ приложена полоса зеркальнаго окна, чуть не въ акръ величиною, и по вечерамъ, когда зажженный газъ озаряетъ круглыя мыла и летучее пламя причудливо играетъ на безчисленныхъ стклянкахъ разноцвѣтныхъ духовъ, то сверкнетъ на бритвенномъ футлярѣ, то освѣтитъ хрустальную вазу съ сотнями тысячъ его патентованныхъ зубныхъ щетокъ: можно себѣ вообразить, каковъ былъ эффектъ! Не думаете ли вы, что мистеръ Эглантайнъ одно изъ тѣхъ созданій, которыя выставляютъ на окнахъ тѣ гнусныя, ухмыляющіяся восковыя фигуры, называемыя въ простонародьи болванами? Нѣтъ, онъ выше подобныхъ жалкихъ штукъ! На одномъ оконномъ стеклѣ вы читаете элегантными золотыми буквами: «эглентинія», это изобрѣтенная имъ эссенція для носоваго платка, а на другомъ написано: «возрождающая мазь»—это его неоцѣненная помада для волосъ.

«Бэнжаменъ Бароски былъ однимъ изъ главныхъ украшеній музыкальной профессіи въ Лондонѣ: онъ содержалъ школу въ своемъ собственномъ жилищѣ, гдѣ собиралось значительное число учениковъ въ самомъ разнохарактерномъ обществѣ, какъ всегда бываетъ въ подобнаго рода учрежденіяхъ. Тутъ была миссъ Григгъ, которая пѣла въ Фоундлингѣ, и мистеръ Джонсонъ, пѣвшій въ тавернѣ Орла, и мадамъ Фіораванти (очень-двусмысленная личность) нигдѣ непѣвшая, но постоянно являвшаяся въ итальянской оперѣ. Былъ тутъ и Лоули

Лимпитеръ (сынъ лорда Туилльделя), одинъ изъ лучшихъ теноровъ въ городѣ, который, какъ мы слышали, пѣлъ съ артистами въ сотнѣ концертовъ, и съ нимъ приходилъ также капитанъ гвардіи Гуззеръ съ своимъ громовымъ басомъ, по общему мнѣнію, столь же превосходнымъ, какъ басъ Порто; онъ раздѣлялъ рукоплесканья школы Бароски съ мистеромъ Бульджеромъ изъ Саквилль-Стрита, пренебрегавшаго ради своего голоса своими пластинками изъ золота и слоновой кости, какъ это случается со всякимъ несчастнымъ, которымъ овладѣла музыкоманія».

Эта манера писать не только наполняющая страницу за страницей въ «Равенсвингѣ», но составляющая на дѣлѣ всю сущность этого пустаго разсказа, можетъ назваться удивительной штукой! Она соперничаетъ съ натурой въ тонкости и точности; она почти болѣе фотографична, чѣмъ сама фотографія, но въ то же время невыразимо-утомительна и досадна. Безжалостный авторъ, точно Догберри, увидѣвшій, что оцѣнили его юморъ, поставилъ себѣ задачею до крайности наскучить вамъ.

Выпишемъ еще одинъ или два отрывка изъ послѣднихъ произведеній, написанныхъ той же самой рукой.

«Что можетъ сравниться съ цѣломудренной роскошью гостиныхъ? Ковры такъ великолѣпно-пушисты, что нога ваша производила на нихъ столько же шуму, сколько ваша тѣнь; на ихъ бѣломъ грунтѣ цвѣли розы и тюльпаны, величиною съ кострюлю. Вокругъ комнаты стояли высокія и низкія кресла, кривоногіе стулья и такіе жиденькіе стулья, что врядъ-ли кто-нибудь, кромѣ сильфовъ, могъ сидѣть на нихъ; столы наборной работы, покрытые удивительными инкрустаціями, украшенія китайскія всѣхъ вѣковъ и странъ, бронза, позолоченые кинжалы, кипсеки красавицъ, ятаганы, турецкія папуши и парижскія бонбоньерки. Куда бы вы ни сѣли, вездѣ стояли дрезденскіе пастухи и пастушки, сверхъ-того, курицы и пѣтухи, утки, собачки саксонскаго фарфора самой изящной работы. Были тутъ и цѣломудренныя нимфы Буше и пастушки Греза, кисейныя и парчевыя занавѣски, позолоченыя клѣтки съ попугаями и горлицами; два визгливые какаду, старавшіеся перекричать и перевизжать другъ друга, часы на консолѣ, наигрывавшіе какой-то мотивъ, и другіе, на каминѣ, съ шумомъ бьющіе часы — словомъ, было все, чего можетъ требовать комфортъ и придумать самый элегантный вкусъ. Конечно, лондонская гостиная, которую отдѣлывали, не обращая вниманія на издержки, составляетъ одно изъ любопытнѣйшихъ и благороднѣйшихъ зрѣлищъ

въ наши дни. Врядъ-ли позднѣйшіе римляне и милыя маркизы и графини Лудовика XV могли имѣть болѣе-изящный вкусъ, чѣмъ наше поколѣніе, и всякій, видѣвшій пріемныя комнаты леди Клеврингъ, долженъ былъ сознаться, что они въ высшей степени элегантны, и что даже прелестнѣйшія комнаты въ Лондонѣ леди Гарли Вуинъ, леди Гануэ Уэрдёръ, или даже комнаты мистрисъ Годж-Погсонъ, жены великаго Креза желѣзныхъ дорогъ, не болѣе изящно-«цѣломудренны».

«А между-тѣмъ, бѣдная леди Клеврингъ мало знала толку во всѣхъ этихъ вещахъ и отличалась жалкимъ неуваженіемъ ко всей роскоши вокругъ нея. «Я знаю только, что они стóятъ бездну денегъ, майоръ (говорила она своему гостю), и не совѣтую вамъ садиться на эти паутинные, позолоченые стулья: я провалилась на нихъ въ тотъ вечеръ, когда у насъ былъ второй обѣдъ» и проч.

Или еще одинъ отрывокъ:

«Хотя я охотно бы побывалъ въ домѣ индійскаго брамина и посмотрѣлъ бы на пунка и пурда, и татисса, и на хорошенькихъ, коричневыхъ дѣвушекъ съ большими глазами, большими кольцами въ носу, раскрашенными лбами и стройнымъ тонкимъ станомъ, одѣтыхъ въ кашмирскія шали, кинхобскіе шарфы, узорчатыя, съ загнутыми носками, туфли, вышитыя золотомъ, шаравары, драгоцѣнные браслеты съ побрякушками на ладыжкахъ, и охотно бъ узналъ тайну восточной жизни (а кто, прочитавъ въ юности «Арабскія Сказки», не захотѣлъ бы этого?); однако, я не выбралъ бы для этого той минуты, когда браминъ-хозяинъ умеръ, его женщины воютъ, а жрецъ увѣщеваетъ его ребенка-вдову, то пугая ее проповѣдями, то силой увлекая и толкая на погребальный костеръ въ объятія остова оглушенную, но послушную, исполняющую приличія женщину. И хотя я люблю, даже въ воображеніи, ходить по великолѣпно-устроенному герцогскому дому, гдѣ и пиры, и художественныя картины, и прекрасныя леди, и безчисленныя книги, и хорошее общество, однако есть дни, когда визитъ этотъ неочень-пріятенъ, это: когда родители готовятъ на продажу свою дочь, унимая угрозами ея слезы и притупляя ея горе разными наркотическими средствами, умоляя и убѣждая, лаская и благословляя, а, можетъ-быть, и проклиная ее до-тѣхъ-поръ, пока не доведутъ бѣдняжку до такого состоянія, что она будетъ годна для того мертвящаго ложа, на которое они готовятся ее кинуть. Когда милордъ и миледи заняты такимъ образомъ, я предпочитаю не являться въ ихъ домъ въ Гросвенор-Стритѣ № 1000, и охотнѣе поѣмъ обѣдъ изъ травъ, чѣмъ откормленнаго быка, котораго цѣликомъ жаритъ ихъ

поваръ. Но есть люди, не столь щекотливые. Само-собой разумѣется, являются всѣ члены фамиліи. Достопочтеннѣйшій лордъ архи-браминъ бенаресскій будетъ присутствовать при церемоніи, будутъ и цвѣты, и блескъ, и духи, и рядъ экипажей вплоть до пагоды. А что за завтракъ! — и музыка на улицахъ, и приходскіе мальчишки будутъ кричать «ура!» Безъ-сомнѣнія, будутъ и слезы, и безконечные спичи; особенно его милость лордъ архи-браминъ произнесетъ въ высшей степени приличный спичъ, съ слабымъ запахомъ ѳиміама, какъ это и должно быть; и молодая особа незамѣтно ускользнетъ, чтобъ снять свое покрывало, вѣнки, померанцовые цвѣты, побрякушки и драгоцѣнности, и надѣнетъ простое, болѣе-приличное случаю платье, и тогда дверь дома отворится и начнется *сутти*» (обрядъ сожженія вдовы въ Индіи)».

Эти пассажи, наудачу выбранные изъ громаднаго запаса богатствъ, не только удивительны сами-по-себѣ, но отличаются важнѣйшимъ достоинствомъ подчиненія частей главнымъ чертамъ повѣствованія. Въ этомъ и состоитъ ихъ существенная разница съ первымъ отрывкомъ. Безцѣльная тонкость подробностей не болѣе, какъ самая несносная форма мелочности. Но тамъ, гдѣ тонкость составляетъ часть органическаго цѣлаго, тамъ она—оконечность натуры, перенесенная въ искусство. Эта тонкость только усиливаетъ живость изображенія, междутѣмъ, какъ нѣкоторые нувеллисты (какъ Вальтеръ-Скоттъ) становили и выдуманные и историческіе характеры на одни и тѣ же подмостки, или (какъ черезчуръ-восхваляемый Бальзакъ) создаютъ другой, но не лучшій свѣтъ для представленія своей кукольной комедіи – «Ярмарка Тщеславія» составляетъ родъ *деми-монда*, который скоро совершенно привьется и вполнѣ-усвоится въ Лондонѣ.

Порой эти фокусы въ искусствѣ увлекали его въ сферу *обманчиваго подражанія*. Мы неохотно употребляемъ это слово, произносимое почти только тѣми, къ которымъ оно прилагается, но думаемъ, что дѣйствіе, производимое имъ, общепонятно, какъ понятна очень-обыкновенная ребяческая игрушка—стереоскопъ. Однако Тэккерей употребляетъ этотъ фокусъ съ большой граціей и очень-осторожно; онъ способствуетъ силѣ впечатлѣнія, производимаго его моралью, дѣлая самую басню вѣроятнѣе. Очень-вѣрно сказано о немъ, что «онъ привязываетъ каждую петлю своего разсказа къ какому-нибудь звену нашей вседневной опытности». Мы почти лицомъ къ лицу встрѣчаемся съ своими друзьями, или съ своей собственной особой, и, надо сознаться, часто въ низкой, себялюбивой и даже смѣшной постановкѣ.

Мы можемъ назвать лорда Стейна, или Ньюкома; мы можемъ совершенно-просто и естественно сказать: «Вези меня въ Гритъ Гоунт-Стритъ».

Вѣроятно, очень-далеко отъ насъ время, когда эти блестящія описанія потеряютъ свой интересъ, и хроникеръ нашего вѣка смѣшается съ хроникеромъ среднихъ вѣковъ; но все-таки эта удивительная фотографія словами—даже когда она подчинена общей истинѣ и цѣли картины—часто имѣетъ слишкомъ-деспотическое вліяніе на артиста. Сходство, о которомъ мы говорили, заключается не въ одной одинаковости и силѣ подражанія, но и въ общихъ недостаткахъ. Въ обоихъ мрачныя стороны природы преувеличены, свѣтлыя монотонны. Ясное небо и облачныя страны равно недоступны обоимъ, и въ обоихъ чѣмъ шире ландшафтъ, тѣмъ болѣе вѣрности въ его передачѣ, а потому оба даютъ намъ скорѣе блестящій рядъ сценъ, а не совершенно-цѣлое. Несмотря на нѣкоторыя блистательныя исключенія, сфера обоихъ ограничивается скорѣе произведеніями искусства, чѣмъ образцовыми произведеніями природы. И въ обоихъ одежда выступаетъ ярче, чѣмъ самыя черты лица, которыя переданы съ возможнѣйшей правдой до самаго минутнаго выраженія или жеста, но рѣдко они озаряются мыслію. Все произведеніе исходитъ изъ внѣшности, и тогда переходитъ во внутренній міръ. На Тэккерея жаловались за полнѣйшее отсутствіе сильныхъ идей, за то, что его мысли не изъ тѣхъ, которыя «лежатъ слишкомъ-глубоко для слезъ», что у его героевъ нѣтъ серьёзныхъ цѣлей въ жизни и они показываются только въ сферѣ общества. Эти критическія замѣчанія болѣе или менѣе правильны, но причины ихъ неизбѣжны въ методѣ, выбранной авторомъ. Великій художникъ рѣзцомъ или красками выразитъ безмолвную рѣчь души съ самой-собой, какой-то волшебной тайной раскроетъ передъ нами не то, что̀ скажутъ Теннисонъ или Бурке, не то, какъ должны мы вести себя въ дѣйствительной жизни, но тайный процесъ ума, скрытыя пружины сердца, которыя слабо и неполно выражаются даже самыми значительными словами и самыми энергическими дѣйствіями. Такъ бываетъ въ поэзіи. Прежде, нежели Гомеръ вводитъ на сцену Улисса, мы уже знаемъ его характеръ по результатамъ его отсутствія; мы знаемъ, какого рода будетъ отвѣтъ Антигоны прежде, чѣмъ кончилась пѣсня «Любовь, любовь, непобѣдимая въ битвѣ». Мы знаемъ, что̀ скажетъ Виргилія—изъ ея молчанія. Шекспиръ заставляетъ насъ съ-разу близко познакомиться съ Гамлетомъ и въ то же время отдаляетъ насъ отъ него жизненностью и силой изображенія; мы знаемъ сердце Гамлета, но какъ-будто боимся вглядѣться въ его одежду, пока

авторъ не привлекаетъ нашего вниманія на ея цвѣтъ. Или Фильдингъ, писатель совсѣмъ въ другомъ родѣ, для котораго доступны были только поверхностные типы, своей благородной властью надъ мыслью и истинно-философическимъ размышленіемъ умѣлъ удалять дѣйствующихъ лицъ на дальній планъ. Въ своемъ «Уэррингтонѣ и Эсмондѣ», въ Джорджѣ «Виргинцахъ» и полковникѣ «Ньюкомѣ» Тэккерей также посвятилъ насъ въ тайну жизни, обрисовалъ внутренній характеръ и далъ возможность видѣть его вполнѣ; но вообще онъ не позволяетъ ни себѣ, ни зрителямъ становиться ни слишкомъ-близко, ни слишкомъ-далеко къ своимъ дѣйствующимъ лицамъ, а соблюдаетъ ровное фотографическое разстояніе. А съ этого разстоянія его міръ представляетъ только нѣсколько обобщеній не изъ жизни, а изъ общества.

Въ его произведеніяхъ воспроизводится также и ограниченный рядъ фотографическихъ картинъ. Ни серьёзныя картины, ни утонченная постепенность ландшафтовъ не доступны фотографіи. Также и Тэккерей обыкновенно исключаетъ изъ своей драмы не только болѣе-широкій взглядъ на жизнь, но почти всякое проявленіе жизни, невходящее въ общественные предѣлы. Марльборо и претендентъ въ «Эсмондѣ» только проявляются въ своихъ низостяхъ; Ватерлоо въ «Ярмаркѣ тщеславія» передано безъ личностей Веллингтона и Наполеона. Даже въ «Виргинцахъ» исторической картинѣ, еще недостаточно-оцѣненной, герой выше и Веллингтона и Наполеона, скорѣе указанъ жителямъ, чѣмъ представленъ имъ. Но даже и въ этомъ случаѣ присутствіе Вашингтона придаетъ благородство и достоинство всему разсказу. Ясно, что авторъ, поступая такимъ образомъ, слѣдуетъ особенному, хорошо-обдуманному плану, критиковать который было бы, можетъ-быть, самонадѣянно.

Но если личность полководца не допускается въ его разсказахъ, то не допускаются и личности простаго солдата, простаго работника — словомъ, простаго народа. Никто изъ нихъ не имѣетъ опредѣленнаго мѣста въ «Ярмаркѣ тщеславія». Къ бѣдности Тэккерей ближе всего подходитъ въ лицѣ несостоятельнаго банкира. Бѣдные, въ его страницахъ, представляются въ видѣ женщинъ-служанокъ и мужчинъ въ ливреѣ, гдѣ они являются или для того, чтобъ ярче выказать богатство или знатность господъ, или разъигрываютъ роль каррикатуръ, господъ надъ своими господами. Надо сознаться, что успѣхъ, какимъ пользовались эти стороны разсказовъ — чрезвычайная рѣдкость. «Короткія и простыя лѣтописи бѣдныхъ» не поддаются романическому

разсказу; онѣ часто трагичны, но рѣдко поэтичны. Справедливый и великодушный интересъ, принимаемый въ рабочихъ классахъ, интересъ, составляющій теперь столь замѣтную черту въ англійской жизни, имѣлъ несчастное вліяніе на англійскихъ нувеллистовъ. Для нихъ бѣдные служили не представителями дѣйствительной жизни, но субъектами для опытовъ и средствомъ для краснорѣчивой декламаціи, часто религіозной и почти всегда болѣзненной. Было бы въ высшей степени несправедливо отрицать, что много добра сдѣлали тѣ, которые воображали, что политическая экономія безсердечна, а сантиментальная экономія божественна. Но особеннаго рода языкъ, которымъ толкуютъ о «соціальныхъ проблемахъ» въ филантропическихъ романахъ, способны сдѣлать невыносимо-досаднымъ это признаніе заслуги. Здравый смыслъ и хорошій вкусъ Тэккерея заставили его отбросить эти элементы. Правда, что Эсель Ньюкомъ, наименѣе-удачный изъ его характеровъ, поставлена въ-уровень съ любой героиней повѣстей для духовнаго назиданія; но это заключеніе математически вытекаетъ изъ ея предъидущихъ поступковъ и только подсказывается читателю. Мы думаемъ, что мистеръ Тэккерей правъ, исключая изъ своихъ повѣстей предметы, несовмѣстные съ ихъ цѣлью, хотя, безъ-сомнѣнія, понимаетъ ихъ не менѣе глубоко и вѣрно, чѣмъ писатели, сдѣлавшіе предметомъ своихъ произведеній отношенія между богатымъ и бѣднымъ. Но мы позволяемъ себѣ пожалѣть, что онъ не расширилъ границы своихъ очерковъ. Быть-можетъ, это покажется ему пустымъ желаніемъ, чтобъ человѣкъ былъ инымъ, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, чтобъ Мильтонъ, напримѣръ, владѣлъ поэтическимъ геніемъ Шекспира, или чтобъ Байронъ придавалъ своимъ поэмамъ тщательность отдѣлки Теннисона. Дѣйствительно, подобныя желанія нелѣпы; но, когда въ человѣкѣ много благородной силы, то желаніе, чтобъ онъ не ограничивалъ сферы, гдѣ она можетъ вполнѣ проявиться, совершенно-законно. Потому мы можемъ надѣяться, что, современемъ, Тэккерей, подобно Гольдсмиту, покажетъ привлекательныя и благородныя стороны честной бѣдности. Не жалуясь, что онъ не Фильдингъ, мы можемъ печалиться, что рука, нарисовавшая вторую Амелію, не нарисовала также втораго Андрьюса; не жалуясь на то, что не оживляетъ средневѣковую Европу въ своихъ разсказахъ, мы можемъ пожелать, чтобъ не всегда напрасно приходилось искать въ его галереяхъ образовъ, подобныхъ образамъ Эдія Охильтри или Мэг-Доггсъ, или Дженни Динсъ, или Рыбака изъ Мулель-Крэга, или Лидесдальскаго фермера, или многихъ другихъ, полныхъ жизни портретовъ «дѣтей почвы», облагораживающихъ драмы нашего втораго Шекспира.

Но мы, можетъ-быть, слишкомъ увлеклись своими желаніями. Достаточно сказать, что Тэккерей держитъ своихъ героевъ въ извѣстномъ кругу. Въ его мужчинахъ и женщинахъ такъ мало развитія, такъ далеки они отъ идеи существенной возмужалости, что врядъ-ли Платонъ и Паскаль узнали бы въ нихъ свой идеалъ человѣчности. Мы можемъ почти сказать, что Лондонъ для Тэккерея то же, что̀ Парижъ для французовъ; его день составляютъ не всѣ тѣ часы, въ которые мы бодрствуемъ, но только тѣ, которые мы проводимъ въ нашей гостиной или столовой. Когда Клейвъ и Пенденнисъ уходятъ изъ нихъ, намъ трудно себѣ представить, чтобъ они уходили дѣйствовать или думать серьёзно, и въ реальномъ мірѣ мы не можемъ вообразить ихъ одними; подобно призрачному міру Берклея, они, кажется, перестаютъ существовать, когда на нихъ перестаемъ смотрѣть. Авторъ ихъ, безъсомнѣнія, слѣдитъ за ними и въ ихъ домашней жизни, но тутъ съ необыкновенной граціей и юморомъ опускаетъ за ними занавѣсъ. Отсюда-то и происходило поверхностное доказательство, что у нихъ нѣтъ опредѣленной цѣли въ жизни. Мистеръ Тэккерей защищался отъ обвиненія въ рисовкѣ людей только въ минуты досуга, тѣмъ, что они только тогда интересны и драматичны. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Съ-тѣхъ-поръ, какъ схоронили автора «Тома Джонса», ни одному романисту не позволялось изобразить человѣка во всей его силѣ. Мы должны драпировать его и придать ему извѣстную, приличную улыбку». А истинная причина та, что только тѣмъ способомъ, который онъ принялъ, его фигуры могутъ быть поставлены въ нужный для того соціальный фокусъ зрѣнія.

Только въ одномъ отношеніи наша аналогія неполна. Не можетъ быть и вопроса о томъ, что портретная живопись Тэккерея вообще менѣе-успѣшна или совершенна относительно мужчинъ, или женщинъ. Въ этомъ отношеніи онъ держалъ передъ природой слишкомъ-правдивое для своей популярности зеркало. Онъ вполнѣ и съ большимъ умѣньемъ обрисовалъ второстепенныхъ героевъ Доббина, Осборновъ, отца и сына, майора Костигэна, полковника въ «Ньюкомахъ» и «Эсмондѣ»; но необходимость заключить свои очертанія характеровъ въ сферѣ общественной жизни лишила его возможности овладѣть всею цѣлостью жизни его главныхъ дѣйствующихъ лицъ мужскаго пола. Пенденнисъ, и Уэррингтонъ, и Клэйвъ, такъ, какъ они есть, слишкомъ-слабы для эффекта, а переданныя полнѣе, перешли бы за холстъ, опредѣленный авторомъ для картины. Дальнѣйшее основаніе для этой сравнительной — не знаемъ, какъ опредѣлить — неудачи или ограниченности лежатъ въ томъ, что̀ мы назвали отрицательнымъ элементомъ ума ав-

тора. Съ другой точки зрѣнія, его можно назвать женственнымъ элементомъ: онъ искренно отъ всего сердца сочувствуетъ благородству, достоинству, уму; но не такъ искренно вѣритъ въ горячность натуры и отсутствіе собялюбія. Другими словами: его симпатіи обращены къ мужской натурѣ, а убѣжденія — женской натурѣ. Это положеніе опирается, въ-самомъ-дѣлѣ, на очень-общемъ выводѣ и на *безчисленномъ числѣ* человѣческихъ существъ, разумѣется, съ исключеніями, которыя каждый читатель можетъ сдѣлать по личному опыту; но никто изъ тѣхъ, которые смотрятъ на этотъ предметъ безъ лести или предубѣжденія, не будетъ сомнѣваться, что женщины большею частію разнятся съ мужчинами не въ воспріимчивости ума и способности къ серьёзнымъ цѣлямъ, не въ силѣ характера, воли или мужества, но въ сравнительной холодности натуръ. У нихъ чувство любви къ человѣчеству болѣе-узко и сдержанно, и самая эта любовь уменьшается сосредоточиваніемъ на нѣкоторыхъ только личностяхъ, потому-что сила человѣческихъ способностей точно и неизбѣжно пропорціальна упражненію этихъ способностей, и сдержанность теряетъ даже тотъ талантъ, который она скопила. Правда, что однажды мистеръ Тэккерей отсутствіемъ себялюбія охарактеризовалъ женщину. Но его собственная, пространная галерея женскихъ портретовъ доказываетъ, что то не было его искреннимъ и положительнымъ рѣшеніемъ. Онъ говоритъ намъ, что характеръ Амеліи считаютъ неудавшимся; но не удался онъ только потому, что почувствовали, что онъ слишкомъ вѣренъ.

Лучшіе и благороднѣйшіе элементы въ Лаурѣ превратились въ ничто, можетъ-быть, частью отъ обстоятельствъ ея жизни. Довольно напомнить Ревекку и Бланку, леди Кью и Беатриксу: разборъ этихъ личностей обнаружитъ въ сочинителѣ тонкое и поразительно-вѣрное знаніе внутренней натуры человѣка; но, безъ дальнѣйшаго анализа, довольно взять героиню того произведенія, которое, еслибъ пришлось выбирать, знающіе судьи, вѣроятно, выбрали бы, какъ лучшій изъ его романовъ. Эсель Ньюкомъ признана всеобщимъ мнѣніемъ за любимое созданіе Тэккерея; онъ употребилъ на нее столько старанія и труда, что, конечно, она будетъ жить и во дни праправнуковъ автора; но все-таки Эсель уничтожаетъ его намѣренія; ея натура слишкомъ-могуча и не по-силамъ своему описателю; онъ говоритъ намъ, что она великодушна, а она горда и расточительна, любяща, и она интересуется только тѣми, кому можетъ покровительствовать, и тѣмъ, кому неочень-нужна и дорога ея благосклонность. Съ правдой, которая тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ безсознательнѣе, Тэккерей рисуетъ ея неподдѣль-

ную, дѣвическую энергію, съ которою она полюбила своего отца послѣ того, какъ его разбилъ параличъ, и старика-дядю, сердце котораго сначала сокрушила отказомъ Клейву. Въ ней не истинная, вѣчная честность и чистота, но «честность и чистота юности», острота, ошибочно-принимаемая за умъ, капризъ — за воображеніе, хитрое простодушіе, скрываемое подъ видомъ чистосердечнаго, открытаго характера. Она дѣйствительно-религіозна, но ея религія не больше, какъ сантиментальное мірское благоразуміе; ея желанія — это ея совѣсть, и надо сознаться, она, не колеблясь, повинуется ей; но между-тѣмъ, за ея вѣрой прячется тотъ убійственный, практическій скептицизмъ, который истекаетъ изъ невѣрія въ своихъ собратьевъ. По ея мнѣнію, не стоитъ ни о комъ и ни о чемъ заботиться. Поведеніе Эсели заслуживаетъ того восхищенія, съ которымъ смотритъ на все авторъ; оно торжество холоднаго, разумнаго самолюбія, образецъ той мудрости, которая не «свыше». Самъ Тэккерей желаетъ, но не можетъ повѣрить, что она, наконецъ, вознаградитъ постоянство своего кузена; но мы думаемъ, немногіе читатели не знаютъ, что истинное заключеніе хроники состоитъ въ томъ, что въ слѣдующій сезонъ лордъ Ферринтонъ будетъ имѣть успѣхъ и Эсель умретъ маркизой. Между-тѣмъ, какъ миссъ Ньюкомъ представлена типомъ возвышенной женщины, Роза Макензи съ такою же силою и ясностью изображаетъ типъ обыкновенной натуры—простая, кроткая, пассивная, пока не достигла главной и конечной цѣли своего существованія—хорошей партіи, когда нѣтъ нужды лицемѣрить, превращается въ хитрую, пустую, своенравную и безсердечную женщину. Эти два характера изображены, какъ противоположные, но въ-сущности они вовсе не такъ далеки одинъ отъ другаго. Сила истины, которая, если не поразительнѣе, то болѣе могуча, чѣмъ сила вымысла, соединила ихъ узами общаго обѣимъ невеликодушнаго себялюбія.

То отсутствіе сильной глубокой мысли въ Тэккереѣ, на которое жалуются, совершенно гармонируетъ съ тѣмъ, что̀ мы назвали его фотографическимъ процесомъ; но посправедливости надо также замѣтить, что это недостатокъ общій почти всѣмъ его предшественникамъ, исключая Фильдинга и Гёте, которые тоже во многихъ отношеніяхъ, какъ романисты, стоятъ ниже его; трудно найти нувеллистовъ, избѣгнувшихъ этого недостатка. Мы выключаемъ произведенія Свифта, Стерна и Джонсона, потому-что Гулливеръ, Шэнди и Рассла, образцовыя произведенія въ своемъ родѣ, врядъ ли могутъ назваться образцовыми повѣстями. Нѣтъ постоянной мысли, проникающей все произведеніе (идеи) и въ такихъ писателяхъ, какъ

де-Фо или Ричардсонъ, или миссъ-Остенъ, или Смоллетъ; нѣтъ ее и въ уэквильдскомъ священникѣ (викаріѣ) и въ Ваверлеѣ. То же, что принималось за мысль въ нѣкоторыхъ другихъ знаменитыхъ писателяхъ, врядъ ли прибавило что-нибудь къ ихъ славѣ.

Съ бо̀льшею справедливостью можно жаловаться на Тэкерея, что «обобщенія изъ наблюденій соціальной жизни, занимающія въ его страницахъ мѣсто рефлексіи, слишкомъ пропитаны тѣмъ духомъ отрицанія, о которомъ мы уже говорили. Замѣчанія, что всѣ мужчины эгоисты, всѣ женщины лицемѣрны, что всѣ урожденные британцы поклоняются богатству и знатности, что нѣтъ семьи, у которой не было бы тайной комнаты со скелетомъ, что только въ юности стоитъ жить, что жизнь—сдѣлка, а любовь—безуміе или препровожденіе времени, всѣ эти и подобныя замѣчанія разбросаны съ такимъ разнообразіемъ, живостью и силой, что мы не только забываемъ болѣе-широкія и мягкія замѣчанія, почти столько же частыя, хотя не столь выразительныя, но и то, что ходъ самаго разсказа не всегда подтвержаетъ эту отрицательную философію. Добро и зло, мужество и низость въ «Эсмондѣ», «Ньюкомахъ», «Виргинцахъ» такъ просто и естественно приводятся къ своимъ результатамъ, что здѣсь Тэккерей выказывается художникомъ-творцомъ во всей силѣ этого слова, сохраняя мельчайшую точность подробностей и, въ то же время, возвышаясь до болѣе-широкой истины. Достойно замѣчанія, что книги, названныя нами, во время ихъ появленія становились все менѣе-и-менѣе популярны. Если такъ, то это вовсе неудивительно въ этомъ ложномъ сужденіи о его талантѣ; оно было даже строго обусловлено предъидущими произведеніями; это не болѣе, какъ иная форма неохоты и неловкости, съ какими обыкновенный зритель обращается отъ фотографическихъ ландштафтовъ къ ландшафтамъ Тюрнера. Когда же, побѣдивъ неизбѣжное чувство неудовольствія, съ какимъ мы признаемъ и вникаемъ въ оригинальность и самобытность, люди прямо и чистосердечно приняли манеру великаго писателя, они еще неохотнѣе признаютъ новое развитіе его оригинальнотти. Особенно это всегда случается, если первая манера его какимъ бы то ни было способомъ обращается къ нижнимъ свойствамъ ихъ природы. А характеръ первыхъ произведеній мистера Тэккерея значительно способствовалъ такому ложному истолкованію. Невозможно въ одно и то же время поклоняться и умѣренности и крайностямъ, симпатизировать съ шутовскимъ взглядомъ и съ неподдѣльной простотой. Читатели, восхищавшіеся *divitias operasiores* «Джемса» и «Линдона», не могутъ искренно

почитать «Ньюкомовъ» и «Эсмонда». Очень-естественно отвращеніе, которое имъ придется побѣдить. Потому-что нѣтъ на свѣтѣ направленія—въ чемъ бы оно ни выражалось, въ правахъ ли, вкусѣ или разумѣ — которое развивалось бы съ такой зловѣщею быстротой, какъ тенденція къ мелочности. Она сотнями способовъ льститъ намъ; она составляетъ самую доступную изъ доктринъ, находясь подъ могучимъ и постояннымъ вліяніемъ женскаго покровительства, какъ евангеліе истины, какъ философія посредственности. И творческій геній м-ра Тэккерея способствовалъ къ распространенію въ свѣтѣ этого порока, пріучая его къ мелочнымъ подробностямъ, мелочнымъ, легко примѣняемымъ сарказмамъ, что̀ составляетъ истинное наслажденіе для посредственности. Потому-то нѣкоторые читатели и жалѣли, что послѣдніе разсказы текли болѣе-широкимъ, историческимъ потокомъ и давали болѣе-крупныя подробности и остроумную, хотя и скрытую сатиру на ближнихъ, и, въ свою очередь, сдружившись съ этими качествами въ «Ярмаркѣ тщеславія» и «Пенденнисѣ», они не вдругъ могли признать высшую цѣль, болѣе-идеальную и въ то же время болѣе реальную въ «Эсмондѣ», или отдать справедливость спокойной ширинѣ тонкому юмору и болѣе-полному изображенію характеровъ въ «Ньюкомахъ, словомъ, причина этого заключалась, можетъ-быть, во временномъ предпочтеніи манеры писать самому писателю.

Когда писатель достигъ такой высоты, на какой стоитъ тотъ, о которомъ мы говорили, или опередилъ такъ далеко своихъ товарищей на столь трудномъ бѣгѣ, было бы пустымъ дѣломъ для критика говорить о своемъ уваженіи, или выражать убѣжденіе, что книги, названныя нами, современемъ будутъ лучше оцѣнены, и сдѣлаются радостью и гордостью многихъ поколѣній во всѣхъ частяхъ нашей планеты. Мистеръ Тэккерей уже теперь стоитъ далеко впереди самыхъ знаменитыхъ именъ въ спискѣ юмористовъ. Но мы желаемъ замѣтить, что первые опыты этого великаго художника имѣли дурное вліяніе на его развитіе; что тотъ элементъ въ его произведеніяхъ, который мы назвали фотографическимъ, дѣйствительно сходенъ съ фотографіей въ живости, силѣ и въ ограниченности ея предѣловъ; но какъ ни чудесна и существенно-необходима для повѣствователя эта сила, она только тогда важна, когда подчиняется болѣе-широкому единству и поэтическому взгляду на внутреннюю жизнь человѣка, что прочность и успѣхъ тэккереевыхъ произведеній основываются на тѣхъ высшихъ способностяхъ воображенія и сочувствія, той жизненной истинѣ характеровъ и внутренняго міра, которые должны находиться не на заднемъ пла-

нѣ, но въ основаніи того міра, который онъ создалъ. И, изъ желанія яснѣе выказать это, мы, намекнувъ на слишкомъ-распространенную въ его сочиненіяхъ манеру, сравнили процесъ работы мистера Теккерея и мистера Тальбота. Мы не намѣрены были внушить мысль, что въ какомъ-либо изъ зрѣлыхъ произведеній романиста замѣчалось отсутствіе гораздо-высшихъ элементовъ; но есть стороны, въ которыхъ оба процеса соприкосновенны. А мы полагаемъ, что, подумавъ, всякій признаетъ вѣрнымъ заключеніе, что какъ ни тонко-изящны и милы этого рода произведенія, но и искусство совсѣмъ другое дѣло.

ОЧЕРКИ ВИНОКУРЕННОЙ ПРОМЫШЛЕНОСТИ.

(ПЕНЗЕНСКАЯ ГУБЕРНІЯ).

Урожай у насъ — божья милость, неурожай — такъ, видно Богу угодно. Цѣны на хмѣль высоки — стало-быть, такія купцы даютъ; цѣны низки—тоже купцы даютъ.

Н. Щедринъ.

Винокуреніе, важное само-по-себѣ, какъ отрасль промышлености, въ Россіи имѣетъ еще бо́льшую важность, если смотрѣть на него съ точки зрѣнія нашихъ земледѣльческихъ интересовъ.

Тенговорскій.

Съ нѣкотораго времени мы начинаемъ сознавать, что въ дѣлѣ народнаго благосостоянія мы шли по пути заблужденія, на которомъ прежнее самодовольство заставляло насъ встрѣчать громкимъ противорѣчіемъ всякую новую мысль, всякій новый пріемъ къ измѣненію или развитію какого-либо экономическаго начала. Мы стали чувствовать дыханіе новой атмосферы; освѣжающій воздухъ пробуждаетъ насъ отъ долгой томительной дремоты; и теперь только, раскрывъ глаза, мы замѣчаемъ, какъ тѣсны, какъ жалки рамки нашего экономическаго быта. Теперь только мы видимъ во всей наготѣ свое прежнее упрямство и сопротивленіе всякому движенію, посягавшему на отживающія формы нашего народнаго хозяйства. Замолкли убаюкивавшіе насъ панегирики, и дѣйствительность, возвышая свой голосъ, обнажаетъ жалкое состояніе нашей торговли, промышлености и сельскаго хозяйства. Съ скорбнымъ чувствомъ мы лишаемъ себя въ правдивомъ сознаніи громкихъ титлъ Крёза и обладателя неисчерпаемаго источника, питающаго Европу. Мы пришли къ сознанію своей слабости, и это сознаніе составляетъ наше благо: оно залогъ нашего лучшаго будущаго. Мы становимся уже на тотъ путь, по которому опередившіе насъ народы смѣло идутъ къ своей цѣ-

ли — народному благосостоянію. Каждое движеніе ихъ оставило на этомъ пути ясные слѣды, которые укажутъ намъ, чего должно избѣгать и чѣмъ пользоваться. Мы можемъ слѣдовать по этому пути быстрѣе, не блуждая, а избирая выгоднѣйшую, кратчайшую тропу. Поставивъ и своею цѣлью народное благосостояніе и рѣшившись безукоризненно преслѣдовать ее, не дадимъ у себя мѣста увлеченію. Взвѣсимъ сперва свои силы, поразсмотримъ средства и потомъ станемъ дѣйствовать разумно. Отбросимъ прежде всего въ сторону ложный стыдъ и выскажемъ горькое признаніе въ томъ, что родная Русь знакома намъ меньше, чѣмъ заморскія земли. Правда, широко пораскинулась она, сразу не обхватишь ее. Что̀ жь дѣлать? Пусть каждый изъ насъ возьметъ на свою долю тотъ уголъ, въ которомъ онъ живетъ, взглянетъ на экономическій бытъ его, сдѣлаетъ вѣрную оцѣнку каждому явленію своего угла и скажетъ: ускоряетъ или замедляетъ оно развитіе народнаго благосостоянія. Намъ кажется, что только этимъ путемъ возможно скорѣйшее и болѣе-вѣрное знакомство съ экономическимъ бытомъ цѣлаго края. А безъ такого знакомства невозможенъ успѣхъ въ дѣлѣ народнаго блага. Мы останемся только справедливы, если скажемъ, что лица, ратующія подъ знаменемъ науки, зная необходимую потребность нашего общества, усердно расширяютъ кругъ самыхъ здравыхъ экономическихъ понятій. Намъ остается только воспользоваться ими. При свѣтѣ этихъ понятій возможна для насъ вѣрная оцѣнка каждаго явленія экономическаго быта, возможенъ приговоръ тому или другому дѣйствію, возвышающему или понижающему уровень народнаго благосостоянія. Къ-сожалѣнію, и теперь, несмотря на расширяющійся кругъ здравыхъ экономическихъ понятій, многія отрасли нашей промышлености, торговли и сельскаго хозяйства идутъ видимо ложнымъ путемъ. Многіе дѣятели того или другаго поприща, поставивъ себѣ цѣлью быстрое самообогащенье, смотрятъ на свое дѣло слишкомъ-односторонне. Часто преслѣдуютъ только тѣ стороны, которыя вначалѣ удовлетворяютъ ихъ нерѣдко неумѣреннымъ требованіямъ и упускаютъ изъ вида другія, которыя въ-сущности составляютъ прочный залогъ продолжительныхъ выгодъ. Обращаясь къ винокуренію великороссійскихъ губерній, мы должны замѣтить, что оно пользуется особыми преимуществами, дарованными ему нашимъ правительствомъ.

Винокуреніе предоставлено правительствомъ только извѣстному сословію помѣщиковъ-землевладѣльцевъ, свободно отъ всякихъ налоговъ и пользуется кредитомъ отъ казны. Мы должны полагать, что правительство, обусловивъ винокуреніе такимъ образомъ, желало не только

обезпечить себя необходимымъ для потребленія количествомъ вина, но видѣло еще въ этой промышлености средство къ достиженію другихъ цѣлей; иначе, правительство не имѣло бы нужды дѣлать винокуреніе привилегіею одного сословія, по большой части невладѣющаго денежными капиталами, необходимыми для такого производства. Ему стоило только сдѣлать эту промышленость доступною лицамъ всѣхъ сословій, и нѣтъ сомнѣнія, что не встрѣтилось бы недостатка въ людяхъ, которые, обезпечивъ правительство залогами, произвели бы это дѣло своими средствами, не требуя отъ правительства никакого содѣйствія и кредита, безъ чего не обходятся нынѣшніе винокуренные заводчики изъ лицъ привилегированнаго сословія. Нѣтъ сомнѣнія, что правительство смотрѣло на развитіе винокуренія какъ на средство къ размноженію скотоводства, возвышенію земледѣлія, а отсюда многосторонняго улучшенія народнаго хозяйства.

Дѣлая очеркъ пензенскаго винокуреннаго производства, мы постараемся показать: на сколько оно отвѣчало видамъ правительства, основаннымъ на своихъ экономическихъ соображеніяхъ.

Значительное развитіе винокуренія въ Пензенской Губерніи вытекаетъ изъ мѣстныхъ условій: a) обильнаго хлѣбородія большаго числа уѣздовъ Пензенской губерніи: Саранскаго, Пензенскаго, Чембарскаго, Нижне-Ламовскаго и другихъ, а также и примыкающихъ уѣздовъ Саратовской Губерніи: Сердобскаго, Петровскаго и отчасти Кузнецкаго; b) затрудненій, встрѣчаемыхъ въ сплавѣ хлѣба изъ этихъ мѣстъ къ рыбинскому и другимъ хлѣбнымъ рынкамъ, по причинѣ отдаленности помянутыхъ урожайныхъ мѣстъ отъ сплавныхъ рѣкъ; c) изобилія строеваго и дровянаго лѣса при относительно-маломъ на него требованіи и, наконецъ, d) мелководія сплавныхъ рѣкъ Суры и Мокши, неблагопріятствующихъ хлѣбной торговлѣ.

Въ настоящее время въ Пензенской Губерніи 69 винокуренныхъ заводовъ, изъ коихъ 20 устроены въ уѣздахъ, попреимуществу, хлѣбородныхъ, именно: 8 заводовъ въ Пензенскомъ Уѣздѣ, 4 въ Нижне-Ламовскомъ, 3 въ Саранскомъ, 2 въ Чембарскомъ и 3 въ Мокшанскомъ, остальные же 49 въ лѣсныхъ уѣздахъ, изъ коихъ 30 въ Городищенскомъ, 10 въ Инсарскомъ, 3 въ Наровчатскомъ и 6 въ Керенскомъ.

Сила всѣхъ этихъ заводовъ, опредѣляемая пензенскою казенною палатою, доходитъ до 30,354,000 ведеръ полугара, изъ числа которыхъ 3,859,000 назначаются для поставокъ Пензенской Губерніи, а 26,459,000 для поставокъ иногородныхъ. По особымъ соображеніямъ мѣстной администраціи эта цифра слишкомъ-преувеличена. На самомъ

дѣлѣ въ Пензенской Губерніи выкуривается отъ 1,800,000 до 3,780,227 ведеръ вина въ годъ, то-есть въ восемь разъ менѣе той цифры, какою казенная палата опредѣляетъ силу заводовъ всей губерніи.

Это преувеличеніе силъ заводовъ даетъ возможность заводчикамъ дѣлать заподряды на возможно-бо́льшую выкурку.

Вотъ цифры количества вина, въ дѣйствительности выкуреннаго въ Пензенской Губерніи въ послѣднія 10 лѣтъ:

Годы.	По контрактамъ съ казною.	По контрактамъ съ частн. лицами.	Всего.
18⁴⁹/₅₀ .	2,361,243	162,000	2,523,243
18⁵⁰/₅₁ .	2,188,056	73,000	2,261,056
18⁵¹/₅₂ .	1,814,194	113,677	1,927,871
18⁵²/₅₃ .	1,677,644	168,000	1,845,644
18⁵³/₅₄ .	2,995,866	230,000	3,225,866
18⁵⁴/₅₅ .	3,115,110	30,000	3,145,110
18⁵⁵/₅₆ .	2,319,481	401,000	2,720,481
18⁵⁶/₅₇ .	2,534,624	532,297	3,066,921
18⁵⁷/₅₈ .	3,239,227	541,000	3,780,227
18⁵⁸/₅₉ .	3,542,683	46,000	3,588,683
Итого въ теченіе 10 л.	25,788,128	2,296,974	28,085,102

Для примѣра, до какой степени преувеличена сила заводовъ въ цифрахъ административныхъ, укажемъ на нѣкоторыя изъ нихъ: такъ сила Безсоновскаго завода генерал-лейтенанта Арапова опредѣлена въ 794,000 ведръ; Шенаевскаго — г. Іустина Ивановича Арапова, въ 682,000; Керенскаго — г. Бахметьева, въ 658,000; Шкафтинскаго — г. Шувалова, въ 794,000; Лашминскаго—г. Арапова, въ 706,000; Студенскаго—г. Фролова, въ 750,000; Такмовскаго—г. Обрескова, 711,000; Сіевскаго—графа Закревскаго, въ 706,000; Рамзайскаго—г. Панчулидзева, въ 794,000; Архангельскаго—г. Титова, въ 706,000 и многіе другіе. На самомъ дѣлѣ ни одинъ изъ упомянутыхъ заводовъ не можетъ выкурить въ одинъ періодъ того количества, которымъ обязательная администрація опредѣляетъ его силу. Годовая выкурка каждаго изъ самыхъ большихъ заводовъ Пензенской Губерніи рѣдко доходитъ до 250,000 ведръ, а чаще производство, несмотря на желаніе заводчиковъ усилить его, ограничивается далеко-мѐньшею цифрою. Нѣкоторымъ, и притомъ довольно-яснымъ доказательствомъ невозможности выкурить то количество, какое признано возможнымъ казенною палатою, можетъ служить недокуръ подъ различными офиціальными предлогами, годъ-отъ-году накопляющійся въ огромныхъ размѣрахъ на са-

мыхъ большихъ заводахъ Пензенской Губерніи. Преувеличенность измѣренія силъ здѣшнихъ заводовъ будетъ весьма-наглядною, если обратить вниманіе на то, что винокуреніе въ Пензенской Губерніи производится обыкновенно около 100 дней въ году. Полагая, что на самомъ большомъ изъ пензенскихъ заводовъ, устроенномъ по улучшенной системѣ, съ двумя перегонными аппаратами, затирается въ одинъ разъ до 50 кулей муки, и каждый аппаратъ производитъ по три сгонки въ сутки, то-есть два аппарата перекуриваютъ 300 кулей хлѣба 9-ти пудоваго вѣса (2700 пудъ), при выходѣ изъ куля хлѣба 8-ми ведеръ полугара, получится выработываемаго въ сутки продукта 2400 ведеръ, а въ 100 сутокъ—240,000 ведеръ полугара, или 120,000 в. двойнаго спирта. Но, принявъ во вниманіе, что во всей Пензенской Губерніи нельзя насчитать и десятка заводовъ, которые имѣли бы по два перегонные аппарата, и допустивъ, притомъ, несовершенство дѣйствующихъ аппаратовъ и нерѣдко случающееся внезапное поврежденіе ихъ во время винокуренія, а также замедленіе въ поставкѣ хлѣба, остановку въ размолѣ и другія непредвидимыя обстоятельства, временно-останавливающія ходъ заводовъ, можно сомнѣваться въ возможности и такой выкурки. Изъ помѣщенной выше таблицы видно, что развивающееся въ Пензенской Губерніи винокуренное производство, несмотря на то, что въ послѣднія 10 лѣтъ оно значительно увеличилось, все-таки не превышаетъ $1/8$ доли той цифры, которою казенная палата опредѣляетъ силу здѣшнихъ винокуренныхъ заводовъ.

Весьма ясно, что еслибъ заводскіе аппараты дѣйствительно были устроены для ежегодной выкурки 26,495,000 ведеръ, то заводчики, производя количество продукта въ 8 разъ меньше, не получали бы выгодъ, соотвѣтствующихъ затраченнымъ на устройство заводовъ капиталамъ, и самая операція, по естественному экономическому закону, не могла бы развиваться; но мы видимъ противное.

Въ производствѣ винокуренной промышлености Пензенской Губерніи должно разсматривать пять отдѣльныхъ операцій, именно: a) заподрядъ вина, b) заготовленіе матеріаловъ, c) самый процесъ винокуренія, d) поставку заподряженнаго вина въ законтрактованныя мѣста и e) полученіе денегъ за вино.

a) По существующимъ узаконеннымъ положеніямъ, заподрядъ вина совершается заводчиками или ихъ повѣренными въ казенныхъ палатахъ, въ опредѣленные для каждой губерніи сроки, по цѣнамъ, назначеннымъ г. министромъ финансовъ, сообразно съ справочными хлѣбными цѣнами тѣхъ или другихъ губерній.

b) Дрова заготовляются покупкою дровянаго лѣса на срубъ въ ка-

зенныхъ лѣсныхъ дачахъ или у частныхъ владѣльцевъ, всегда изъ первыхъ рукъ. Сажень дровъ съ вырубкою и доставкою на мѣстѣ обходится заводчикамъ отъ 1 до 3 руб. сер. На выкурку каждой тысячи ведръ полугара потребляется около 10 саженъ. Покупка дровъ, березовыхъ и дубовыхъ обручей у лѣсопромышленниковъ или, вообще, изъ вторыхъ рукъ пензенскимъ винокурамъ мало извѣстна, за то бочкарный лѣсъ покупается обыкновенно у торговцовъ, которые привозятъ его изъ мѣстъ, изобилующихъ подѣлочнымъ дубовымъ лѣсомъ (*).

Дубовый остовъ обходится отъ 3 до 4 руб. серебр. Здѣсь должно замѣтить, что нѣкоторые изъ пензенскихъ помѣщиковъ обратились въ послѣднее время къ эмальированію еловыхъ, сосновыхъ и липовыхъ бочекъ, нерастворимымъ въ спиртѣ цементомъ. Этотъ способъ приготовленія бочекъ очень-выгоденъ. Въ эмальированной бочкѣ (если она эмальирована хорошо) не бываетъ усышки и утечки спирта—неизбѣжной потери въ новыхъ дубовыхъ бочкахъ; притомъ эмальированная бочка изъ сосноваго, еловаго или липоваго лѣса обходится въ три раза дешевле дубовой. Къ-сожалѣнію, этотъ способъ приготовленія бочекъ, по недостатку людей, знакомыхъ съ пріемами эмальированія, весьма-мало распространенъ. Хлѣбъ покупается заводчиками или лично, или, бо̀льшей частью, чрезъ коммиссіонеровъ у помѣщиковъ, также изъ первыхъ рукъ, почти всегда на наличныя деньги. Кредитъ здѣсь не развитъ, что̀ до крайности стѣсняетъ заводскія операціи.

c) Процесъ винокуренія производится приспособленными винокурами изъ крѣпостныхъ людей заводовладѣльца, или лицами свободныхъ сословій, спеціально-занимающихся этимъ дѣломъ. Послѣдніе обыкновенно обязываются дать заводчику не менѣе 8 ведръ полугарнаго вина (4 ведра двойнаго спирта) изъ куля муки 9-ти-пудоваго вѣса, и получаютъ за производство винокуренія отъ 1 до 1½ к. сер. съ ведра вина, а за выкуренныя свыше обязательнихъ 8 ведръ, по 15 к. сер. за каждое ведро. Выходы менѣе 8 ведръ случаются рѣдко, какъ потому, что такое количество продукта весьма-легко добывается на самыхъ обыкновенныхъ перегонныхъ аппаратахъ, такъ и потому, что наемые винокуры занимаются дѣломъ весьма-тщательно, дорожа своею репутаціею. Огневыхъ заводовъ въ Пензенской Губерніи давно уже не существуетъ. На всѣхъ нынѣ дѣйствующихъ заводахъ винокуреніе производится сплою пара. По устройству аппаратовъ пензенскіе винокуренные заводы раздѣляются на два разряда. Въ бо̀льшей части

(*) Годный для бочкарной подѣлки дубовый лѣсъ въ Пензенской Губерніи почти перевелся.

заводовъ винокуреніе производится посредствомъ одного куба при дефлегмаціонныхъ мѣдныхъ трубахъ и деревянномъ ректификаторѣ. Такая система устройства заводовъ называется здѣсь *русскою*; въ-сущности это есть система, смѣшанная изъ разныхъ системъ, общеупотребительныхъ въ Германіи и другихъ странахъ. Къ другому разряду должно отнести небольшое число заводовъ, устроенныхъ по усовершенствованному методу съ двумя кубами, огрѣвателемъ и мѣдною колонною, въ которой производится дистилляція спиртныхъ паровъ. При той и другой системѣ получается спиртъ одинаковаго качества. Существенная разница ихъ заключается въ томъ, что устройство по первой системѣ стоитъ гораздо-дешевле и, по своей простотѣ и малосложности, представляетъ болѣе удобствъ къ исправленію поврежденій во время производства винокуренія; въ заводахъ же, устроенныхъ по второй системѣ, всякое исправленіе аппаратовъ весьма-затруднительно. Однако послѣдняя система имѣетъ то важное преимущество, что даетъ нѣсколько-бо̀льшіе выходы вина изъ одинаковаго количества хлѣба и требуетъ менѣе топлива; впрочемъ, послѣднее много зависитъ отъ устройства печей. Но какъ вопросъ о преимуществѣ той или другой системы есть чисто-техническій, то мы ограничимся заключеніемъ, что старая, такъ-называемая русская система, съ распространеніемъ у насъ техническихъ знаній, вѣроятно, потерпитъ существенныя измѣненія; но пока она удовлетворяетъ разсчетамъ заво̀дчиковъ: требуетъ значительно-мѐньшей затраты капитала на первоначальное устройство заводовъ и уменьшаетъ расходы по самому производству, давая возможность употреблять къ дѣлу людей только мало-мальски приспособленныхъ къ винокуренію и незнакомыхъ ни съ какими другими аппаратами, кромѣ тѣхъ, которые они видѣли и съ которыми обращаются по навыку. Можно думать, что еще нѣкоторое время она будетъ господствующею. Въ заводахъ этого устройства открытъ постоянный доступъ къ каждой части аппаратовъ, и оттого случающіяся поврежденія ихъ исправляются безъ большихъ хлопотъ, скоро и самыми незатѣйливыми пріемами при посредствѣ простаго плотника или кузнеца, подъ надзоромъ винокура; а это располагаетъ производителей винокуренія въ пользу такого устройства заводовъ, потому-что въ наймѣ людей съ спеціальными техническими познаніями у насъ пока встрѣчается много затрудненій, а безъ основательнаго и опытнаго надзора усовершенствованные аппараты портятся и дѣло останавливается.

d) Доставка заподряженнаго вина производится въ видѣ двойнаго спирта, чѣмъ на половину уменьшается объемъ и вѣсъ отправляемаго

продукта и, слѣдовательно, наполовину сокращается число бочекъ и расходы траспортировки. Для доставки спирта употребляются деревянныя бочки въ 40, или немного-болѣе, ведеръ каждая. Самая доставка въ винные подвалы Пензенской Губерніи и къ пристанямъ Суры и Мокши производится саннымъ путемъ. Иногда такимъ же путемъ пензенскіе заводчики доставляютъ спиртъ въ нѣкоторые города Владимірской и Московской Губерній, когда сроки поставокъ совпадаютъ съ зимними мѣсяцами. Впрочемъ, съ развитіемъ винокуренной промышлености во Владимірской, Тверской, Калужской и Орловской Губерніяхъ зимняя поставка спирта съ пензенскихъ заводовъ прекращается. При необходимомъ запасѣ спирта въ винныхъ подвалахъ не будетъ нужды прибѣгать къ поставкѣ его саннымъ путемъ, требующей переплаты въ заподряной цѣнѣ, и правительственныя мѣста, отъ коихъ зависитъ это обстоятельство, вѣроятно, обратятъ на это вниманіе.

Судоходныхъ рѣкъ въ Пензенской Губерніи двѣ: Сура и Мокша; первая протекаетъ по юговосточной сторонѣ губерніи и впадаетъ въ Волгу у Василь-Сурска, а послѣдняя орошаетъ сѣверозападную ея часть и сливается съ Цною въ Елатемскомъ Уѣздѣ Тамбовской Губерніи. Обѣ эти рѣчки, вообще, мелководны, извилисты и во многихъ мѣстахъ завалены карчами до такой степени, что сплавъ по нимъ производиться можетъ только во время весенняго полноводія, но и тогда весьма затруднителенъ и небезопасенъ. При всемъ умѣньи судопромышленниковъ пользоваться первымъ полноводіемъ, барки паузятся (*) нѣсколько разъ, пока достигнутъ по Мокшѣ Цны, и по Сурѣ Волги, и эти частыя паузки до крайности разоряютъ судопромышленниковъ и повреждаютъ бочки, въ которыхъ транспортируется спиртъ. Лучшими пристанями, отъ которыхъ отправляются барки со спиртомъ, считаются на Сурѣ: 1-я пензенская, 2-я проказнинская, 3-я чирковская, 4-я вазерская, 5-я шукшинская; на Мокшѣ: 1-я кочелаевская, 2-я троицкая, 3-я лаушинская и 4-я пурдошанская. Изъ этихъ 9-ти пристаней болѣе всѣхъ отправляется спирта съ пензенской, потому-что на нее вывозятъ свой продуктъ почти всѣ 30 заводовъ Городищенскаго Уѣзда. За складъ бочекъ на пристаняхъ, до погрузки ихъ со вскрытіемъ рѣкъ на суда, до-сихъ-поръ не производилось никакого сбора; но въ прошломъ 1860 году съ каждой бочки спирта, поставляемой на пензенскую пристань, положено взимать по 60 к. сер., и это послужило поводомъ къ тому, что заводчики стали складывать свой спиртъ на другихъ пристаняхъ, болѣе-отдаленныхъ, гдѣ не взимается никакой

(*) Разгружаются.

платы, а нѣкоторые изъ заводчиковъ наняли у крестьянъ с. Черкасскаго, возлѣ самой Пензы, берегъ рѣки Суры за самую незначительную плату и тамъ складываютъ бочки до вскрытія водъ. Бочки съ спиртомъ для отправленія обыкновенно нагружаются на барки, но иногда отправляются до Волги и на плотахъ. Этотъ послѣдній способъ, хотя весьма-дешевый, не дороже 80 к. съ бочки, то-есть 2 к. съ ведра спирта, имѣетъ мѣсто только тогда, когда цѣна сплавляемаго спирта, относительно, низка, и излишняя потеря спирта, около полутора ведра на бочку, отъ усиленной утечки, неизбѣжной при продолжительномъ содержаніи посуды въ водѣ, не превышаетъ суммы, которую пришлось бы приплатить, отправляя спиртъ на баркахъ съ платою по 6 коп. сер. за ведро, или по 2 р. 40 к. за бочку. Спиртъ, заподряженный въ города, лежащіе по Волгѣ и водяномъ пути, по системамъ маріинской, тихвинской и вышневолоцкой, при входѣ съ притоковъ въ Волгу перегружается изъ плотовъ на суда, и всѣ суда, нагруженныя спиртомъ, взводятся до Рыбинска и другихъ верховыхъ мѣстъ или буксирными пароходами, или, отживающими свой вѣкъ, коноводными машинами, или же, что бываетъ нечасто, отправляются въ Рыбинскъ и другія ближайшія мѣста на ходовыхъ судахъ. Въ Рыбинскѣ спиртъ, слѣдующій далѣе, перегружается на мелкоходныя суда, и на нихъ достигаетъ уже мѣстъ назначенія. Цѣны за сплавъ спирта можно видѣть въ таблицѣ, помѣщенной ниже.

е) Деньги за вино получаютъ обыкновенно въ 3 или 4 раза изъ уѣздныхъ казначействъ, по выбору самихъ заводчиковъ при заключеніи съ казною контрактовъ на поставку вина. Первую треть суммы, слѣдуемой за вино, заводчики получаютъ тотчасъ по совершеніи контракта, подъ узаконенные залоги — рубль за рубль (*), вторая треть выдается заводчику по представленіи имъ полицейскаго удостовѣренія о поставкѣ спирта на пристань, а выдача остальной трети за вино, слѣдующее черезъ Рыбинскъ, производится изъ рыбинскаго казначейства по прибытіи спирта въ рыбинскую пристань. Въ послѣднемъ случаѣ обыкновенно изъ остальной трети выдается заводчикамъ одна половина и затѣмъ къ окончательному разсчету остается только $^1/_6$ часть всей подрядной суммы. За спиртъ, поставляемый саннымъ путемъ, второй трети не выдается, а производится полный разсчетъ на мѣстѣ, по доставкѣ и сдачѣ спирта.

(*) Залогами обыкновенно служитъ заводская мѣдная посуда, вѣсъ и цѣна которой опредѣляется мѣстными земскими судами, сообразно съ существующею продажною цѣною мѣди. Свидѣтельства, получаемыя заводчиками на стоимость заводской мѣди, представляются ими въ мѣстную казенную палату, отъ которой зависитъ распоряженіе о выдачѣ денегъ.

Пензенскіе заводчики, исключая казенныхъ подрядовъ, часто заподряжаются выкурить условное количество вина коммиссіонерамъ откупщиковъ, имѣющихъ право пріобрѣтать вино хозяйственнымъ образомъ. При такомъ заподрядѣ, ни опредѣленная сила завода, ни освидѣтельствованные земскимъ судомъ залоги не имѣютъ значенія. Самая сдѣлка по этому предмету и уплата денегъ обусловливаются взаимнымъ довѣріемъ условливающихся лицъ. Въ этихъ случаяхъ большею частью одна половина условной цѣны дается заводчику въ задатокъ на покупку хлѣба, а другая уплачивается по пріемѣ отъ него спирта. Залоги обыкновенно не имѣютъ мѣста и, несмотря на то, не было, кажется, примѣра, чтобъ заводчикъ явился несостоятельнымъ предъ покупателемъ.

Изъ прилагаемой таблицы можно видѣть, какихъ уѣздовъ заводы и въ какой мѣрѣ воспользовались частными заподрядами въ послѣдніе четыре года.

Заводы.	Годы. $18^{55}/_{56}$	$18^{56}/_{57}$	$18^{57}/_{58}$	$18^{58}/_{59}$	Итого. въ четыре года.
Пензенскаго. .	44,000	72,000	56,000	»	172,000
Н. Ломовскаго .	40,000	70,000	90,000	»	200,000
Городищенскаго.	29,700	382,297	368,000	46,000	1,098,297
Саранскаго. . .	20,000	»	22,000	»	42,000
Инсарскаго . .	»	»	»	»	»
Чембарскаго. .	»	8,000	5,000	»	13,000
Наровчатскаго .	»	»	»	»	»
Керенскаго . .	»	»	»	»	»
Всего.	401,000	532,297	541,000	46,000	1,435,295

Такимъ образомъ видно, что въ частныхъ заподрядахъ изъ всѣхъ заводовъ, находящихся въ Пензенской Губерніи, въ послѣдніе четыре года три раза участвовали заводы, устроенные въ Пензенскомъ и Н. Ломовскомъ уѣздахъ и 4 раза, преимущественно въ большемъ количествѣ, заводы Городищенскаго Уѣзда и только 2 раза заводы Чембарскаго и Саранскаго уѣздовъ; а заводы Инсарскаго, Наровчатскаго и Керенскаго уѣздовъ вовсе не участвовали въ этихъ подрядахъ.

Принимая за правило, что расходы производства образуютъ естественную цѣну, или стоимость предмета для производителя, покажемъ въ ниже слѣдующей таблицѣ всѣ расходы пензенскихъ винокуренныхъ заводчиковъ на выкурку вина и доставку его къ мѣстамъ законтрактованія, причемъ цѣна хлѣба положена въ 3 р. 50 к. серебромъ за куль (*) и эту цѣну, какъ показываетъ опытъ, можно считать постоянною.

(*) Л. В. Тенгоборскій въ сочиненіи своемъ «О производимыхъ силахъ Россіи» 1855 годъ (ч. 2, на стр. 46), полагаетъ среднюю цѣну хлѣба для Пензенской Губерніи 2 р. 52 к. за четверть; но, со времени изданія книги г. Тенгоборскаго, хлѣбныя цѣны Пензенской Губерніи значительно возвысились.

Таблица, показывающая, во что обходится заводчикамъ ведро вина съ поставкою на мѣсто сдачи.

Наименованіе мѣстъ, въ которыя поставляется вино съ пензенскихъ заводовъ.	Во что обходится ведро вина хлѣбомъ при заводѣ.	Расходы по производству винокуренія.	Во что полагается путевая трата продукта.	Что стоитъ доставка вина.			Итого.	
				До пристани.	До мѣста сдачи водою.	До мѣста сдачи саннымъ путемъ.		
	Коп.	Коп.	Коп.	Коп.	Коп.	Коп.	Коп.	
Костромск. Губ.								
Юрьев. Повольск. Кинешма. Плесъ. Кострома.	43 3/4	15	3	3/4	8	—	70 1/2	
Ярославск. Губ.								
Ярославль. Романовъ. Рыбинскъ.	43 3/4	15	3	3/4	8	—	70 1/2	
Молога. Мышкинъ.	—	—	—	—	8 1/2	—	71	
Угличъ............	—	—	—	—	9	—	71 1/2	
Тверская. Губ.								
Колязинъ. Корчева. Тверь.	43 3/4	15	3	3/4	9	—	71 1/2	
Торжокъ. Вышн. Волочокъ. Старица. Ржевъ. ..	—	—	—	—	11	—	73 3/4	
Зубцовъ. Кашинъ. Весьегонскъ.	43 3/4	15	3	3/4	10	—	73 1/2	
Московск. Губ.								Цѣны сухопутнымъ поставкамъ вина въ города Владимірской и Московской Губерній опредѣлены по возможности приблизительно и постоянное показаніе ихъ невозможно, по-
Богородскъ. Москва.	43 3/4	15	3	—		18	75 3/4	
Сергіевъ посадъ....	—	—	—	—	—	20	81 3/4	
Коломна. Бронницы и Москва.	—	—	—	—	10	—	72 3/4	
Владимірск. Губ.								
Суздаль. Судогда. Ковровъ.	43 3/4	15	3	—	—	12	73 3/4	
Владиміръ.........	—	—	—	—	—	15	76 3/4	
Покровъ. Переяславль. Александровъ. Юрьевъ Польск. ..	—	—	—	—	—	18	79 3/4	

Наименованіе мѣстъ, въ которыя поставляется вино съ пензенскихъ заводовъ.	Во что обходится ведро вина хлѣбомъ при заводѣ.	Расходы по производству винокуренія.	Во что полагается путевая трата продукта.	Что стоитъ доставка вина. До пристани.	До мѣста сдачи водою.	До мѣста сдачи саннымъ путемъ.	Итого.	
	Коп.	Коп.	Коп.	Коп.	Коп.	Коп.	Коп.	
Гороховецъ, Вязники, Шуя и Владиміръ..	—	—	—	¾	10	—	72½	тому что онѣ зависятъ непосредств. отъ кормовыхъ цѣнъ по тракту
Муромъ........	—	—	—	¾	8	—	70½	
Меленки........	—	—	—	¾	9	—	71½	
Новгородск. Губ.								
А) *Система вышневолоцкая.*								
Боровичи..........	43¾	15	6	¾	13	—	78½	Спиртъ, идущій въ города Крестцы и Валдай, выгружается на берегъ верстъ за 30 до этихъ горовъ и перевозится сухопутно.
Новгородъ.........	—	—	—	—	14	—	79½	
Крестцы..........	—	—	—	—	15	—	80½	
Валдай..........	—	—	—	—	15	—	80½	
Старая Руса........	—	—	—	—	15½	—	81	
Шимскъ..........	—	—	—	—	15½	—	81	
Демьянскъ..........	—	—	—	—	20	—	85½	
В) *Система тихвинская.*								
Устюжна..........	—	—	—	—	11½	—	77	
Саминская дистанція.	43¾	15	6	¾	12	—	77½	
Тихвинъ..........	—	—	—	—	13	—	78½	
С) *Система маріинская.*								
Череповецъ........	—	—	—	—	10	—	75½	
Кирилловъ........	—	—	—	—	11½	—	77	
Бѣлозерскъ........	—	—	—	—	12	—	77½	
Ухтома..........	—	—	—	—	12½	—	78	
Старинская дистанц.	—	—	—	—	16	—	81½	
Чаранда дистанція..	—	—	—	—	16	—	81½	
С.-Петебург. Губ.								
Новая Ладога, Шлиссельбургъ..	—	—	—	—	12½	—	78	Городовъ Петергофа, Павловска, Царскаго Села и Кронштадта пензенскіе заводчики стараются избѣгать, не находя разсчета поставлять туда вина.
С.-Петербургъ.....	—	—	—	—	14	—	80½	
Олонецк. Губ.								
Вытегра..........	43¾	15	7	¾	16	—	81½	
Ладейное Поле......	—	—	—	—	15	—	80½	
Петрозаводскъ.....	—	—	—	—	16	—	81½	
Астраханск. Губ.								
Царевъ..........	43¾	15	6	¾	10	—	75½	По причинѣ больш. жар. въ лѣтнее время, при сдачѣ спирта въ Астрах. Губ. путевая трата его усушки бываетъ весьма-значит.
Черный Ярь.......	—	—	—	—	10	—	75½	
Енотаевскъ.......	—	—	—	—	11	—	76½	
Красный Ярь.......	—	—	—	—	12	—	77½	
Астрахань........	—	—	—	—	12	—	77½	

Примѣчаніе. Расходы эти вычислены преимущественно по счетамъ заводовъ, находящихся въ лѣсныхъ мѣстахъ Пензенской Губерніи. Заводчики мѣстъ хлѣбородныхъ, неизобилующихъ лѣсомъ, расходуютъ на топливо вмѣсто 1 коп. 3, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и 4 коп, зато на хлѣбѣ всегда сберегаютъ до 50 коп. на каждомъ кулѣ, что̀ сокращаетъ расходъ до 6 коп. сер. на ведро полугара. Кромѣ-того, поставка спирта къ пристанямъ съ заводовъ, болѣе отдаленныхъ отъ сплавныхъ рѣкъ, обходится нѣсколько-дороже 3/4 коп. на ведро; но если перевозка спирта съ заводовъ производится своевременно, тоесть до уничтоженія саннаго пути, то плата за провозъ и изъ самыхъ отдаленныхъ заводовъ не возвысится болѣе 1 коп. сер. за ведро полугара. Въ 15 копейкахъ, показанныхъ на производство, заключается 1½ коп. на дрова, 1½ на плату винокуру, 5 коп. на покупку бочкарнаго лѣса, обручей и постройку бочки, 1½ коп. на наемъ рабочихъ, повѣренныхъ и коммиссіонеровъ, 1 коп. для подрядныхъ расходовъ, ½ коп. на застрахованіе и ремонтъ завода, ½ на освѣщеніе заводскихъ зданій и помѣщенія для рабочихъ и на конторскіе и другіе мелкіе расходы и 1½ коп. на размолъ ржи на муку.

Такимъ, или весьма-близкимъ къ такому, разсчетомъ пензенскіе заводчики обыкновенно руководствуются, принимая на себя поставку въ казну вина. Цѣна хлѣба, изъ котораго будетъ куриться вино, при этомъ опредѣляется сообразно съ урожаемъ ржи и овса и требованіями на хлѣбъ въ верховыя губерніи. Болѣе-точное опредѣленіе невозможно, потому-что во время заподрядовъ, производимыхъ, включительно, съ августа по ноябрь, хлѣбныя цѣны еще положительно не обозначаются. Заводчики же почти никогда не имѣютъ въ запасѣ хлѣба, нужнаго для предстоящаго производства, а сторонній запросъ на него въ это время еще не начинается, и потому нерѣдко предполагаемыя заводчиками цѣны на хлѣбъ оказываются слишкомъ невѣрными, отчего заводскія дѣла, болѣе или менѣе, всегда остаются загадочными до того времени, пока окончательно не установятся хлѣбныя цѣны.

Выгоды отъ винокуреннаго дѣла, при благоразумномъ и разсчетливомъ его производствѣ, несомнѣнны. Вопервыхъ, оно даетъ производителямъ значительные барыши отъ продажи самаго продукта; вовторыхъ, даетъ барду, составляющую хорошій кормъ для лошадей, рогатаго скота и свиней; втретьихъ, не допускаетъ хлѣбныхъ цѣнъ до чрезмѣрнаго пониженія; вчетвертыхъ, освобождаетъ отъ расходовъ за сплавъ къ верховымъ рынкамъ хлѣба, остающагося отъ мѣстнаго потребленія и, наконецъ, впятыхъ, предоставляетъ выгодный заработокъ бо̀льшему числу рукъ.

Взглянемъ на каждую изъ этихъ статей отдѣльно и укажемъ выгоды, доставленныя ими краю въ послѣднія 10 лѣтъ.

1) Барыши отъ продажи выкуреннаго вина бываютъ весьма-различны; они зависятъ столько же отъ мѣстныхъ обстоятельствъ, сколько отъ мѣстныхъ цѣнъ въ губерніяхъ: Вятской, Ярославской, Калужской, Рязанской, Воронежской, Тамбовской и Орловской, гдѣ распространилось въ послѣднее время винокуреніе, а также отъ урожая картофеля въ Лифляндіи. Когда хлѣбная цѣна въ этихъ мѣстностяхъ, вслѣдствіе собственнаго урожая, или большаго скопленія привознаго хлѣба на ихъ мѣстныхъ рынкахъ, до нѣкоторой степени уравновѣшивается съ пензенскими цѣнами, тогда пензенскіе заводчики, какъ производители болѣе-отдаленные отъ мѣстъ сбыта своего фабриката и, слѣдовательно, болѣе-расходующіе на провозъ его, не могутъ выдерживать соперничества съ заводчиками ближайшими, и или вовсе не участвуютъ въ нѣкоторыхъ заподрядахъ, или, чаще, довольствуются самыми незначительными барышами, непревышающими иногда одной копейки на ведро полугара. Въ прежнее время такія обстоятельства были очень-рѣдки, но въ послѣднія 10 лѣтъ встрѣчались уже три раза: при неурожаѣ въ Пензенской и Саратовской губерніяхъ и при застоѣ хлѣба въ рыбинскомъ рынкѣ. Исключая этихъ случаевъ, барыши пензенскихъ заводчиковъ простирались отъ 10, 12 до 15 коп. сер. и болѣе. Полагая среднимъ числомъ прибыль заводчиковъ 10 коп. сер. отъ ведра полугара, оказывается, что въ послѣднія 10 лѣтъ съ выкуренныхъ ими 28,197,302 ведра, они получили барыша отъ добытаго продукта 2,819,730 руб. 20 копеекъ серебромъ, по 281,973 руб. 2 копейки въ годъ.

2) Барда, получаемая въ видѣ остатка послѣ сгонки спирта изъ винной браги, даетъ во все время винокуренія доброкачественный кормъ для лошадей, рогатаго скота и свиней, и тѣмъ самымъ, очевидно, способствуетъ развитію скотоводства, состоящаго въ Пензенской Губерніи на весьма-низкой степени. Такъ-какъ мѣстное скотоводство слишкомъ ограниченно, то барда поступаетъ частью въ продажу для пригоннаго скота, а большая ея часть, не находя потребленія и портясь, выливается въ рѣки. Покупщиками на барду являются прасолы, промышляющіе откармливаніемъ рогатаго скота и свиней на убой, мѣстные конозаводчики, становящіе на барду жеребыхъ матокъ и жеребятъ, степные саратовскіе переселенцы, по преимуществу малороссійскаго происхожденія, пригоняющіе свой рабочій рогатый скотъ на пензенскіе заводы для зимняго продовольствія и, наконецъ, окрестные обыватели для продовольствія лошадей и прочаго рогатаго скота.

Цѣна барды бываетъ различна. Въ урожайные годы, при изобиліи кормовыхъ травъ и яровой соломы, барда продается по 15 коп. сер. за сороковедерную бочку, а въ неурожайные—по 25 коп. Отъ каждаго затираемаго куля, смотря по качеству хлѣба и способу винокуренія, получается отъ $1\frac{1}{2}$ до 2-хъ бочекъ барды, слѣдовательно, въ Пензенской Губерніи въ послѣднія 10 лѣтъ отъ перекуренныхъ 3,524,712 кулей хлѣба получено барды отъ 5,287,068 до 7,049,424 бочки, на сумму отъ 793,060 руб. 20 к. до 1,057,413 руб. 60 коп., считая по 15 коп., и отъ 1,321,767 руб. до 1,762,356 руб., считая по 25 коп. за бочку.

Должно замѣтить, что вычисленную стоимость барды нельзя считать доходомъ въ дѣйствительности полученнымъ, потому-что барда, выходящая съ большихъ заводовъ, не вся разбирается для потребленія въ кормъ, а значительная часть ея выливается въ рѣки; но, однако, запросъ на нее, годъ отъ году увеличивается, и продажную цѣну ея 25 коп. серебромъ за бочку можно считать до нѣкоторой степени постоянною.

3) Хлѣбныя цѣны Пензенской Губерніи, при постоянномъ колебаніи ихъ, обычномъ явленіи въ Россіи, доходили бы до крайняго паденія, еслибъ развившееся здѣсь винокуреніе не отвращало этого явленія. При обильныхъ урожаяхъ Чембарскаго, Мокшанскаго, Пензенскаго, Нижне-Ломовскаго и Саранскаго уѣздовъ Пензенской Губерніи и примыкающихъ къ ней Сердобскаго, Петровскаго и Кузнецкаго уѣздовъ Саратовской Губерніи, мѣстахъ удаленныхъ отъ сплавныхъ рѣкъ. Хлѣбъ остающійся отъ мѣстнаго потребленія, не находилъ бы себѣ выгоднаго сбыта и трата, необходимая для перевозки хлѣба изъ помянутыхъ мѣстностей къ сплавнымъ пунктамъ, падая на производителя, значительно понизила бы его доходъ.

4) Винокурная промышленость, принимая хлѣбъ прямо изъ обработывающихъ его рукъ, исключаетъ значительный расходъ, необходимый при сплавѣ хлѣба, остающагося отъ мѣстнаго потребленія къ большимъ хлѣбнымъ рынкамъ для сбыта и тѣмъ освобождаетъ хлѣбопроизводителей отъ соотвѣтственной уступки въ цѣнѣ при продажѣ хлѣба хлѣбнымъ торговцамъ. Изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ извѣстно, что съ $18^{49}/_{50}$ по $18^{58}/_{59}$ годъ, включительно, на заводахъ Пензенской Губерніи выкурено 28,197,702 ведра полугарнаго вина, на которое употреблено 3,524,712 кулей или 31,722,408 пудовъ хлѣба, полагая въ выходъ 8 ведеръ полугара изъ 9 пудоваго куля. Такъ-какъ весь хлѣбъ низовыхъ губерній, за мѣстнымъ потребленіемъ, состав-

ляетъ предметъ отпусной торговли и, за весьма-рѣдкимъ исключеніемъ, обыкновенно отправляется къ рыбинской пристани, то и 31,722,408 пудовъ хлѣба, потребленнаго въ послѣднія 10 лѣтъ на пензенскихъ винокуренныхъ заводахъ, должны были бы отправиться для сбыта туда же. Платя за сплавъ по Сурѣ и Мокшѣ отъ 10 до 12 коп. съ пуда, да отъ 12 до 15 коп. по Волгѣ до Рыбинска, пришлось бы заплатить за сплавъ 31,722,408 пудовъ хлѣба, да за 1,762,356 пудовъ укупорочной тяжести 3,524,712 рогожаныхъ кулей, по 20 фунт. въ каждомъ), всего за 33,484,764 пуда, отъ 7,336,649 р. до 9,040,886 р. 28 коп. серебромъ. Это цифра капитала, сбереженнаго винокуренною промышленостью въ послѣднія 10 лѣтъ.

5) Выгоды, предоставляемыя винокуреніемъ рабочему классу людей, чрезвычайно-важны, какъ потому, что винокуренное дѣло требуетъ большаго числа рабочихъ рукъ, такъ и потому, что оно занимаетъ ихъ во время, свободное отъ земледѣльческихъ работъ и, слѣдовательно, безъ всякаго ущерба для хлѣбопашества. Если принять, что на каждомъ заводѣ, выкуривающемъ отъ 80 до 100,000 ведеръ въ годъ, содержится 1 или 2 винокура съ ихъ помощниками, 2 и 3 коммиссіонера, занимающіеся закупкою, пріемкою въ магазины и отпускомъ въ заводъ хлѣба, 2 и 3 повѣренныхъ для сдачи заподряженнаго спирта и вина, отъ 10 до 20, 30 и 40 бондарей, отъ 70 до 80 человѣкъ конныхъ и пѣшихъ работниковъ, то увидимъ, что винокуренное производство Пензенской Губерніи на 69 заводахъ даетъ работу въ зимнее время слишкомъ 7000 человѣкъ рабочаго класса, которые, не удаляясь отъ мѣста своего жительства, съ открытіемъ весны возвращаются къ своимъ земледѣльческимъ работамъ и, ничего не теряя на путевыя издержки, пріобрѣтаютъ отъ заводовъ значительный денежный заработокъ. Если къ числу постоянныхъ рабочихъ на заводахъ прибавить возчиковъ изъ окрестныхъ крестьянъ, временно-занимающихся подвозомъ на заводы муки съ подряженныхъ заводами мельницъ, дровъ и возкою къ пристанямъ сплавныхъ рѣкъ спирта, то цифра рабочихъ, получающихъ отъ заводовъ задѣльную плату, значительно увеличится.

Изъ этого видно, что въ послѣднія 10 лѣтъ винокуреніе Пензенской Губерніи принесло винокуреннымъ заводчикамъ барыша отъ добытаго продукта около 2,819,770 руб. 20 коп. и отъ барды, если предположить, что вся она поступила въ продажу, около 2,668,529 рублей; уравновѣшивало колебаніе хлѣбныхъ цѣнъ, не допуская ихъ до ненормальнаго паденія; сохранило около 9,040,886 рублей отъ траты за сплавъ хлѣба въ сыромъ видѣ и, наконецъ, предлагало за-

дѣльную плату ежегодно болѣе 7000 человѣкъ постоянныхъ и значительному числу временныхъ рабочихъ.

Изложивъ систему винокуреннаго производства Пензенской Губерніи и опредѣливъ настоящіе его размѣры, обратимся къ рѣшенію поднятаго въ началѣ нашей статьи вопроса: на сколько здѣшнее винокуреніе отвѣчало видамъ поощряющаго его правительства и экономическимъ потребностямъ своего края.

Увѣренные въ томъ, что винокуреніе есть могущественнѣйшій рычагъ, съ помощью котораго возвышается земледѣліе, а чрезъ него и народное благосостояніе цѣлаго края, мы сказали, что правительство, предоставляя это дѣло сословію, занимающемуся землевоздѣлываніемъ, вѣроятно, имѣло въ виду дать помѣщикамъ средство возвысить свое хозяйство и тѣмъ содѣйствовать общественному благосостоянію.

Если мы примемъ въ соображеніе, что годовая пропорція потребленія вина въ великорусскихъ губерніяхъ рѣдко превышала 16 мильйоновъ ведеръ, включительно съ продаваемою откупами водою (*), и что на пензенскихъ заводахъ ежегодно выкуривается для этихъ губерній (**) около 3-хъ мильйоновъ ведеръ, то увидимъ, что пензенскіе заводы производятъ почти пятую часть всего вина, потребляемаго великорусскими губерніями, въ которыхъ существуетъ откупная система; а между-тѣмъ вся Пензенская Губернія занимаетъ только около 690 квадр. миль. Очевидно, что винокуреніе здѣсь развилось въ несравненно-большихъ размѣрахъ, нежели въ губерніяхъ Саратовской, Воронежской, Тверской, Курской, Орловской, Тульской и Оренбургской, которымъ еще очень-недавно приписывалось самое значительное производство вина въ ряду великорусскихъ губерній, и губернія Пензенская воспользовалась неравномѣрно-большими пользами отъ винокуренія и имѣла возможность, до извѣстной степени, неравномѣрно возвысить и уровень своего благосостоянія.

Мы уже видѣли въ приблизительномъ разсчетѣ денежные бариши отъ продажи вина, которые должны были попасть въ руки пензенскихъ заводчиковъ въ послѣднія 10 лѣтъ и, должны согласиться, что бариши эти составляютъ весьма-значительное пріобрѣтеніе для 55 наличныхъ пензенскихъ винокуровъ, владѣющихъ 69 заводами. Незначительный капиталъ, употребленный ими на устройство заводовъ

(*) Съ переборомъ, сдѣланнымъ откупами въ минувшемъ 1859 году, выпродано вина въ 30 великороссійскихъ губерніяхъ 19,838,225 ведеръ; а обязательное количество было 16,503,535 ведеръ.

(**) Отпускъ спирта за границу и въ привилегированныя мѣста имперіи здѣсь ничтоженъ и почти вовсе неизвѣстенъ.

(устройство завода на 100 тысячъ ведеръ выкурки обходится отъ 15 до 20 тысячъ руб. серебромъ) и немногосложный трудъ заводчиковъ вознагражденъ щедро, а правительство, пріобрѣтая у нихъ вино всегда по сходной для себя цѣнѣ, достигало своихъ финансовыхъ интересовъ. Но, разсматривая пензенское винокуреніе съ точки зрѣнія земледѣльческихъ интересовъ, интересовъ наиболѣе существенныхъ для благоденствія края, мы не увидимъ здѣсь тѣхъ благихъ результатовъ, которые оно принесло Малороссіи, губерніямъ западнымъ, остзейскимъ и нѣкоторымъ великорусскимъ, гдѣ цифра этого производства гораздо-ниже, а условія не столь благопріятны.

Несмотря на то, что большая часть Пензенской Губерніи есть земля хлѣбородная и что климатическія ея условія способствуютъ земледѣлію, оно здѣсь далеко не въ цвѣтущемъ состояніи; что же касается земель суглинистыхъ и супесковатыхъ, которыя въ значительномъ количествѣ встрѣчаются въ нѣкоторыхъ здѣшнихъ уѣздахъ, а особливо въ Городищенскомъ, то можно сказать, что они едва вознаграждаютъ расходы обработки и во многихъ мѣстахъ пущены въ залежи. Между-тѣмъ, какъ не только холодныя и трудно-воздѣлываемыя земли нѣкоторыхъ мѣстъ Тверской, Тульской, Ярославской и остзейскихъ губерній, но и многія песчаныя пространства Черниговской Губерніи, при помощи туковъ отъ скота, содержимаго насчетъ винокуренія, несмотря на значительно высшую тамъ цѣну труда, вознаграждаютъ издержки воздѣлыванія ихъ обильнымъ хлѣбородіемъ и годъ отъ году болѣе-и-болѣе становятся залогомъ плодородія края.

Крестьянское скотоводство въ Пензенской Губерніи и, за весьма-малымъ исключеніемъ, помѣщичье въ совершенномъ упадкѣ, какъ въ численномъ, такъ и въ расовомъ отношеніи. Лошадиныя породы на нѣкоторыхъ конныхъ заводахъ еще удовлетворительны, но рабочія крестьянскія лошади и въ-особенности рогатый скотъ не отличаются красотой, чрезвычайно мелки, слабы и изнурены. Отъ дурнаго содержанія часто появляются между ними заразительныя повальныя болѣзни, до такой степени истребляющія рогатый скотъ, что теперь можно встрѣтить много деревень, въ которыхъ вовсе нѣтъ коровъ (*). Въ подтвержденіе нашихъ словъ о пензенскомъ скотоводствѣ приводимъ свѣдѣнія, заимствованныя нами изъ нѣкоторыхъ статистическихъ данныхъ: по всей Пензенской Губерніи приходится:

(*) Для примѣра можемъ указать большія казенныя селенія Кавуевку, Можаровку и Ишимъ.

	На 1 квад. версту.	На 100 жителей.
Лошадей. . . .	9,99	29,32
Рогатаго скота. .	6,71	19,71
Овецъ.	13,13	49,70
Свиней	7,47	21,93

Всего же въ губерніи:

Лошадей. . . .	333,079
Рогатаго скота. .	223,903
Овецъ.	564,666
Свиней	249,141

Сравнительно съ другими губерніями, Пензенская Губернія относится по коноводству и овцеводству къ губерніямъ, имѣющимъ лошадей и овецъ, менѣе принятой средней пропорціи, а по скотоводству рогатому состоитъ въ послѣднемъ разрядѣ между Санктпетербургскою Губерніею и Областью Камчатскою, съ которыми она и составляетъ весь отдѣлъ наименьшаго рогатаго скотоводства въ Россіи.

Вліяніе винокуренія на бытъ крестьянъ, по нашему убѣжденію, во многихъ случаяхъ неудовлетворительно. Нѣтъ сомнѣнія, что, какъ средство къ заработку, оно вноситъ въ домы крестьянъ извѣстный денежный достатокъ, но ни мало не отражается на ихъ полевомъ хозяйствѣ, потому-что районъ, въ которомъ возможно зимнее продовольствіе скота бардою, не простирается далѣе 10 верстъ вокругъ завода. Поэтому значительное винокуренное производство Пензенской Губерніи, сосредоточиваясь только въ 69 пунктахъ, даетъ возможность только 69 малымъ пространствомъ пользоваться бардою. Здѣсь причина того, что большее количество барды остается отъ мѣстнаго потребленія и, становясь негодною, выбрасывается вонъ, чего не могло бы случиться, еслибъ то же самое количество вина, которое производитъ Пензенская Губернія, выкуривалось не на 69 большихъ, а на большемъ числѣ меньшихъ заводовъ. Слѣдовательно винокуреніе Пензенской губерніи, при настоящемъ своемъ положеніи, мало способствуетъ къ распространенію скотоводства, безъ котораго не можетъ улучшиться и само земледѣліе. Денежный заработокъ при упадкѣ своего хозяйства, крестьяне употребляютъ на покупку хлѣба и прочихъ продуктовъ. А когда заводскій заработокъ оказывается неудовлетворительнымъ для годоваго продовольствія семьи покупнымъ хлѣбомъ, то многіе изъ крестьянъ отправляются на заработки въ болѣе-отдаленныя мѣста, оставляя задаточныя деньги на продовольствіе семьи или, попреимуществу, занимаются лѣсокрадствомъ. Продажа дровъ и строеваго лѣса, воровски вывезеннаго изъ помѣщичьихъ и казен-

ныхъ лѣсныхъ дачъ въ Городищенскомъ и Краснослободскомъ уѣздахъ составляетъ нѣкоторый источникъ прокормленія нерадѣющихъ о земледѣліи крестьянъ, и видимое лѣсокрадство изъ казенныхъ дачъ этихъ уѣздовъ въ послѣднее время обратило на себя особенное вниманіе министерства государственныхъ имуществъ. Не касаясь того, достигли ли своей цѣли мѣры, принятыя противъ лѣсокрадства, скажемъ, что крестьяне два послѣдніе года жалуются на крайнюю трудность воровскаго вывоза лѣса изъ казенныхъ дачъ и въ то же время ничтожность крестьянскаго скотоводства и жалкое состояніе земледѣлія утроило въ послѣднія 10 лѣтъ цѣну жизненныхъ продуктовъ. Можно сказать вообще, что земли Пензенской Губерніи не получаютъ удобренія, которымъ, при обширномъ винокуреніи, могло бы располагать здѣшнее сельское населеніе, и что это должно считать главною причиною упадка многосторонняго сельскаго хозяйства и относительной бѣдности крестьянскаго сословія.

Такое состояніе главныхъ основныхъ отраслей сельскаго хозяйства въ тѣхъ мѣстахъ Пензенской Губерніи, гдѣ особенно развито винокуреніе и гдѣ почва сама-по-себѣ не обилуетъ продородіемъ, безотрадно въ настоящемъ и не можетъ обѣщать ничего хорошаго въ будущемъ, если не будетъ устранена причина этого неутѣшительнаго явленія. Мы ни мало не ошибемся, если причину всѣхъ этихъ неблагопріятныхъ явленій будемъ полагать въ преизбыткѣ того спекулятивнаго характера, который усвоенъ здѣшнему винокуренію. Пензенскіе помѣщики, владѣющіе винокуренными заводами, смотрятъ на винокуреніе, какъ на независимую самостоятельную промышленость, а не какъ на прибыльную отрасль сельскаго хозяйства, которая, видоизмѣняя главный продуктъ мѣстнаго плодородія, кромѣ денежныхъ прибылей отъ самого фабриката, даетъ средства къ возвышенію мѣстнаго хозяйства. Этотъ взглядъ помѣщиковъ заставилъ ихъ ввести производство значительнаго, какъ мы видѣли, винокуренія на относительно-маломъ числѣ огромныхъ заводовъ; и въ немъ лежитъ коренная причина того, что здѣшнее винокуреніе мало содѣйствуетъ или, вѣрнѣе, вовсе не содѣйствуетъ ни скотоводству, ни земледѣлію.

Когда мы будемъ приводить эту мысль съ должною послѣдовательностью, то увидимъ, что производство винокуренія на маломъ числѣ большихъ заводовъ не принесло сельскому хозяйству той пользы, какую могло принесть, еслибъ производилось на бо́льшемъ числѣ меньшихъ заводовъ.

Помѣщики, владѣльцы большихъ заводовъ, увлеченные прибылями, доставленными винокуреніями въ нѣсколько лѣтъ, особенно благопріят-

ствовавших ему, сосредоточивали на нем всю свою деятельность к очевидному ущербу земледелія, которое не представляло столь быстраго пріобретенія денежнаго багатства. Пример нескольких удачных попыток привлек большое число последователей. Прежніе винокуренные заводы на 10 и 20 тысяч выкурки, из которых на каждом перекуривалось от 2000 до 3000 четвертей хлеба, собраннаго с полей самого заводчика, с прибавленіем покупнаго из ближайших к заводам мест, быстро заменилось заводами, устроенными для 100 тысяч действительной, или 500—800 тысяч номинальной выкурки, на которых ежегодно перекуривалось хлеба от 8 до 10 тысяч четвертей. Так винокуреніе усиливалось, но число заводов не возрастало пропорціально его развитію, и в настоящее время во всей губерніи их считается только 69 на пространстве 33,810 квадратных верст, тогда-как еще в 1815 году в одной Черниговской Губерніи, занимающей 49,000 квад. верст, считалось 442 винокуренные завода, на которых выкурилось только около 1,900,000 ведр вина. Конечно, устройством таких больших заводов пензенскіе помещики старались централизировать хозяйственный надзор за производством винокуренія и предъявить более прав на полученіе иногородных поставок вина в казну при разделе заподрядов между заводчиками, сообразно силам их заводов. Но, увлеченные, как мы уже сказали, прибылями от винокуренія, они упускали из вида, что, расширяя запрос на хлеб без увеличенія числа заводов, они должны будут покупать его из мест более-отдаленных, откуда доставка хлеба будет обходиться много-дороже, в ущерб польз, приносимых винокуреніем, и что барда в том количестве, в каком она ежедневно выходит на больших заводах, не может быть потребляема небольшим количеством своего и крестьянскаго домашняго скота, и некоторое весьма-чувствительное ея количество должно будет пропадать без потребленія, что нередко и происходит на пензенских винокуренных заводах, где лишняя барда, делаясь чрез несколько времени негодною для употребленія, спускается в реки и, вместо пользы, приносит вред, отравляя воду в маленьких речках и прудах. Вследствіе такого одностороннего взгляда заводчики вскоре начали чувствовать затрудненіе в своевременной покупке нужнаго для заводов количества хлеба. Цены на хлеб и доставку его на заводы начали быстро подниматься в пропорціи, несоответственной с расширеніем винокуренія, ибо мы видели, что производство вина в Пензенской Губерніи в последнія 10 лет увеличилось около 3%, а цена на хлеб поднялась

съ 1 р. 50 к., за четверть до 5 руб. серебромъ, такъ-что въ настоящее время среднюю цѣну для хлѣба въ Пензенской Губерніи въ урожайные годы нельзя полагать менѣе 3 р. 50 к. сереб. Такое возвышеніе хлѣбныхъ цѣнъ лишило здѣшнихъ заводчиковъ тѣхъ выгодъ, какихъ они ожидали на основаніи своихъ расчетовъ, а развитіе винокуренія въ тѣхъ губерніяхъ, которыя прежде не производили достаточнаго количества вина для собственнаго потребленія и которыя въ настоящее время могутъ даже отпускать вино и въ другія мѣста, показало, что винокуренные заводы Пензенской Губерніи могутъ иногда терпѣть большой недостатокъ въ запросѣ на то количество вина, которое каждый изъ нихъ поставилъ задачею выкурить въ одинъ періодъ. Очарованіе падало. Пензенскіе заводчики должны были искать исхода въ этомъ новомъ затруднительнымъ положеніи. Привыкшіе смотрѣть на винокуреніе съ ложной точки зрѣнія, они не обратились къ восполненію уменьшавшихся денежныхъ доходовъ отъ винокуренія доходами другихъ сторонъ, доставляемыхъ имъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Напротивъ, пріученные давать дѣлу желаемый ходъ, per fas et nefas, они только устремились удвоивать и утроивать номинальныя силы своихъ заводовъ для полученія неправомѣрно большаго количества заподряда, надѣясь такимъ образомъ обезпечить свои заводы въ работѣ. Мѣра эта удавалась временно, до-тѣхъ-поръ, пока не воспользовались ею всѣ заводчики; но когда всѣ они успѣли номинально *увосьмерить* силы своихъ заводовъ, снова появилась та же несоразмѣрность между запросомъ и предложеніемъ, такъ-что даже въ С.-Петербургѣ пензенскіе заводчики получали на каждую предложенную 1000 ведръ заводской конкурренціи около 40 ведръ запроса, а въ другихъ губерніяхъ отъ 10 до 20 ведеръ на тысячу. Къ тому же, годъ отъ году увеличивающееся винокуреніе нѣкоторыхъ другихъ великорусскихъ и остзейскихъ губерній, менѣе расходующихъ на доставку вина въ столицы и многіе губерскіе города, породило предложеніе продукта по такой цѣнѣ, которая оказалась невыгодною для пензенскихъ заводчиковъ. Такъ, напримѣръ, Псковская Губернія давно уже не покупаетъ спирта съ пензенскихъ заводовъ, а въ послѣдніе годы Астраханская, Ярославская и Московская губерніи заподряжали нужное для себя количество вина по такимъ цѣнамъ, которыя пензенскіе заводчики считали для себя разорительными и должны были отказаться отъ продовольствія виномъ эти губерніи; притомъ, встрѣчая значительное соперничество при заподрядахъ въ другихъ мѣстахъ, они вынуждены были принимать подряды по цѣнамъ, для себя совершенно безвыгоднымъ. Говоря *вынуждены*, мы ни мало не погрѣшили противъ смысла самаго дѣла; ибо большая часть здѣшнихъ заводчиковъ, затративъ на постройку большихъ заводовъ всѣ свои наличные капиталы и сосредоточивъ на винокуренной промышлености всѣ свои

интересы, действительно поставили себя въ крайнюю необходимость принимать на себя поставки даже безвыгодныя, въ вдохновенной надеждѣ на предполагаемое только пониженіе хлѣбныхъ цѣнъ, или усиленные выходы вина на заводахъ. Тому, кто знакомъ съ дѣйствіями пензенскихъ помѣщиковъ-заводчиковъ въ отношеніи заподрядовъ и поставокъ вина, ненужно говорить, до чего доходитъ ихъ уносчивость въ предпріятіяхъ. Мы скажемъ только, что они часто грустно ошибаются и нерѣдко оканчиваютъ годовое винокуреніе недокурами, послѣ которыхъ изощряютъ свои способности на исходатайствованіе отстрочекъ, надѣясь пополнить прошлогоднюю недоимку деньгами, которыя получатъ въ задатокъ на новый заподрядъ. Отстрочки эти, получаемыя заводчиками, также per fas et nefas при посредствѣ мѣстныхъ властей, удостовѣряющихъ о прорвахъ плотинъ и другихъ заводскихъ поврежденіяхъ, обходятся имъ недешево; но они все это переносятъ спокойно въ надеждѣ, что *авось* въ слѣдующій годъ матушка Россія не обойдется безъ ихъ вина и должна будетъ заплатить имъ за него такую цѣну, которая вознаградитъ ихъ за всѣ потери и удовлетворитъ ихъ интересамъ. Но надежды эти пока остаются и, вѣроятно, останутся только надеждами, а въ-сущности самыя дѣла заводчиковъ становятся годъ отъ году, запутаннѣе и запутаннѣе. Трудно надѣяться, что придетъ такой годъ, въ который неурожай постигнетъ всю Россію кромѣ мѣстъ, доставляющихъ хлѣбъ на пензенскіе заводы, и явится невозможность пріобрѣтать вино изъ другихъ винокуренъ. Намъ непонятно, какъ пензенскіе заводчики, постоянно нуждаясь годъ отъ году болѣе-и-болѣе въ деньгахъ, утѣшаютъ себя любимой мечтою поправить когда-либо свои дѣла продажею вина по такимъ цѣнамъ, которыя сразу сдѣлаютъ ихъ Крезами, и не хотятъ обратить вниманія на то, какъ ведутъ дѣла ихъ собраты-винокуры другихъ мѣстъ, особенно въ Царствѣ Польскомъ, въ западномъ краѣ, въ губерніяхъ остзейскихъ и нѣкоторыхъ мѣстахъ средней полосы имперіи, какъ то: въ губерніяхъ Орловской, Тульской, Калужской и Тверской, гдѣ винокуреніе служитъ источникомъ возвышенія сельскаго хозяйства и довольства обитателей, гдѣ не знаютъ случайностей, вдохновенныхъ соображеній, доводящихъ иногда до крайнихъ убытковъ, точно также, какъ не знаютъ милаго обычая спускать барду въ рѣки, а кормятъ ею скотъ, помётомъ котораго утучняютъ свои поля и, рачительно обработывая ихъ съ помощію здоровыхъ и сильныхъ животныхъ, улучшаютъ и свой бытъ и бытъ своихъ крестьянъ; гдѣ на барду не смотрятъ какъ на отбросъ производства, а какъ на цѣнный продуктъ, который продается по 75 коп. за бочку, а иногда и дороже, и гдѣ ни одна капля ея не пропадаетъ даромъ. Ничто не препятствуетъ пензенскимъ заводчикамъ такъ обусловить винокуреніе, какъ оно обусловлено въ тѣхъ мѣстахъ,

гдѣ оно приноситъ большія разнородныя выгоды. Но, несмотря на то, что винокуренное производство, какъ мы сказали, не удовлетворяетъ пензенскихъ заводчиковъ, нѣкоторые купцы, лишенные права владѣть винокуренными заводами, сознавая всѣ выгоды этого дѣла, берутъ помѣщичьи заводы въ арендное содержаніе, не офиціально, не обезпечивая себя ничѣмъ, кромѣ довѣренности на управленіе заводомъ и принятіе заподрядовъ, и тотчасъ, вступая въ права, ставятъ при заводахъ собственный рогатый скотъ и свиней, которыхъ откармливаютъ получаемою бардою, и такимъ-образомъ значительно увеличиваютъ барыши, которыхъ не имѣли сами владѣльцы заводовъ. Нельзя не пожалѣть, что этими примѣрами не пользуются заводовладѣльцы, которые легко могли бы удобрить свои поля содержимымъ при заводахъ скотомъ и тѣмъ самымъ пріобрѣтали бы возможность пользоваться еще бо́льшими выгодами, нежели безземельные промышленники. Намъ кажется, что этотъ примѣръ ясно говоритъ, что покровительственныя мѣры правительства ввѣрившаго винокуреніе помѣщикамъ, здѣсь не достигаютъ своей цѣли, и что земледѣльческіе интересы края болѣе выигрывали бы, еслибъ винокуреніе предоставлено было не одному привилегированному классу, а вообще, безъ различія сословій, всѣмъ лицамъ, владѣющимъ землею и занимающимся воздѣлываніемъ ея: отъ этого вино, какъ нужный для правительства продуктъ, ни мало бы не вздорожало, а земледѣліе замѣтно улучшилось бы.

Только ложный взглядъ на винокуреніе пензенскихъ заводчиковъ, жаждущихъ прямыхъ барышей отъ выкурки вина, и огромные размѣры самыхъ заводовъ не позволяютъ винокуренію Пензенской Губерніи приносить тѣхъ выгодъ, какихъ должно было бы ожидать отъ него и какими пользуются отъ винокуренія здравомыслящіе заводчики другихъ мѣстъ, гдѣ на винокуреніе смотрятъ какъ на отрасль сельскаго хозяйства, которое одно въ силахъ дать прочное благосостояніе нашему, попреимуществу, земледѣльческому государству.

Совершенно иное явленіе представляетъ намъ винокуренное дѣло въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ на него смотрятъ какъ на отрасль сельскаго хозяйства, только видоизмѣняющую главный продуктъ мѣстнаго плодородія и гдѣ оно производится на заводахъ малыхъ размѣровъ. Здѣсь заводчикъ-помѣщикъ является намъ лицомъ, свободнымъ отъ тѣхъ разорительныхъ случайностей, съ которыми неразрывно положеніе теперешняго владѣльца большаго винокуреннаго завода Пензенской Губерніи. Всѣ выгодныя статьи сельскаго хозяйства не принесены имъ въ жертву винокуренію; занимаясь винокуреніемъ онъ не перестаетъ быть земледѣльцемъ. Напротивъ поля его удобрены и обработаны лучше нежели его сосѣда неимѣющаго винокуреннаго завода, потому-что винокуреніе дало ему возможность содержать зи-

мою большое количество рогатаго скота и получаемые отъ него туки употреблять на улучшеніе почвы. Тучное и хорошо-обработанное, при посредствѣ хорошо-содержимыхъ животныхъ, поле даритъ его обильнымъ плодородіемъ, большая часть котораго идетъ на винокуреніе, а остальное на домашнія нужды. Если заводчикъ будетъ содержать въ-теченіе зимы рогатаго скота и лошадей болѣе, нежели сколько ему нужно для обработки своихъ полей и домашняго обихода, то онъ можетъ при началѣ весны продать откормленныхъ животныхъ съ большою для себя выгодою.

Продажа выкуреннаго вина принесетъ также свою извѣстную пользу. Такое положеніе заводчика прочно; онъ не отсталъ отъ своего кореннаго занятія многостороннимъ сельскимъ хозяйствомъ, и оно, въ благодарность ему, не оставляетъ его на произволъ промысловыхъ случайностей. Такой заводчикъ никогда не куритъ вина безъ пользы для себя. Если продажная цѣна вина, вслѣдствіе какихъ нибудь обстоятельствъ, ниже стоимости этого продукта самому заводчику, то онъ не бываетъ вынужденъ добывать его, ибо имѣетъ другія статьи дохода отъ сельскаго хозяйства и скотоводства, которыя обезпечиваютъ его требованія; а если и случается ему продавать вино безъ большихъ барышей, то онъ вознаграждается прибылями отъ продажи скота и земледѣльческихъ продуктовъ. Въ такомъ положеніи дѣлъ лежитъ залогъ благоденствія помѣщиковъ, занимающихся винокуреніемъ съ цѣлью возвышенія своихъ земледѣльческихъ интересовъ. Такъ-какъ скотоводство, служащее основною сельскаго хозяйства, можетъ болѣе процвѣтать тамъ, гдѣ зимнее продовольствіе животныхъ обходится дешевле, то устройство винокуренныхъ заводовъ, въ особенности средней величины, представляетъ самое лучшее средство къ удовлетворенію этой потребности; ибо небольшіе винокуренные заводы могутъ доставлять необходимое количество барды для прокормленія скота, принадлежащаго какъ заводчику, такъ и населенію, окружающему заводъ на разстояніи 10 верстъ.

Барда, какъ продуктъ объемистый и подверженный скорой порчѣ, можетъ быть потребляема на мѣстѣ добыванія ея и, въ случаѣ нужды, можетъ быть доставляема только тѣмъ животнымъ, которыя находятся не въ дальнемъ разстояніи отъ заводовъ. Слѣдовательно, разумный экономическій взглядъ на винокуреніе заставляетъ соразмѣрять силы завода съ мѣстною потребностью барды. Такъ, если каждыя сутки выходитъ количество барды несравненно болѣе того, какое можетъ быть потреблено, то весь излишекъ ея погибаетъ, не принося никакой пользы. Такое явленіе сплошь видимъ мы на пензенскихъ винокуренныхъ заводахъ, гдѣ суточный выходъ барды значительно превышаетъ количество, потребное для продовольствія скота, пользующагося ею съ завода. Все остальное количество барды спускается, какъ

мы сказали, въ рѣки и пруды, потому-что беречь ее, по причинѣ скораго окисленія, нельзя, а покупать барду въ отвозъ могутъ только самые близкіе къ заводу обыватели. Для людей, живущихъ отъ заводовъ далѣе 12 или 15 верстъ, покупка барды уже невозможна, и жители, удаленные на такое разстояніе отъ завода, не могутъ пользоваться бардою, потому-что дальній провозъ ея въ холодное зимнее время дѣлаетъ ее негодною къ употребленію. Такимъ-образомъ мы можемъ полагать, что изъ 690 квад., миль населеннаго пространства Пензенской Губерніи едва 120 кв., миль стоятъ въ выгодныхъ условіяхъ для продовольствія скота бардою, а остальныя 570 кв., миль лишены этого. Между-тѣмъ, при производствѣ винокуренія на большемъ числѣ заводовъ меньшихъ размѣровъ численность скота, продовольствуемаго бардою, несомнѣнно увеличилась бы и цѣна барды была бы сообразнѣе съ дѣйствительною ея стоимостью, какъ напр: въ Черниговской Губерніи, гдѣ бочка барды продается отъ 60 до 80 к. сер. и гдѣ заводчики не только не встрѣчаютъ затрудненія въ сбытѣ ея, но гдѣ, напротивъ, всякій заводъ имѣетъ вблизи много покупщиковъ, требующихъ барды болѣе, чѣмъ получается ее на заводѣ, почему ни одной капли барды не пропадаетъ даромъ.

Приведенныя нами причины достаточно показываютъ преимущество заводовъ средней величины предъ заводами огромныхъ размѣровъ, какіе мы встрѣчаемъ въ Пензенской Губерніи. Укажемъ еще на то, что на небольшихъ заводахъ какъ-то чаще достигаютъ большихъ выходовъ вина изъ даннаго количества хлѣба съ меньшимъ, притомъ, употребленіемъ топлива. Такъ, напримѣръ, на нѣкоторыхъ небольшихъ заводахъ Пензенской и Саратовской губерній и теперь получаютъ 9 ведеръ вина изъ куля хлѣба 9 пудовъ вѣса, употребляя на сгонку около 8 саженъ на тысячу ведеръ, тогда-какъ на большихъ заводахъ употребляютъ не менѣе 10 саж. на 1000 ведеръ и получаютъ не болѣе 8 ведеръ вина изъ 9 пудоваго куля хлѣба. А это обстоятельство нельзя считать маловажнымъ какъ для заводчиковъ, такъ и для края, когда въ послѣднія 10 лѣтъ на пензенскихъ заводахъ по этому разсчету сожжено болѣе 281,978 саженъ дровъ.

Здѣсь найдемъ также умѣстнымъ сказать, что въ Пензенской Губерніи почти вовсе неизвѣстно винокуреніе изъ картофеля, несмотря на то, что такое винокуреніе пользуется нѣкоторыми особыми преимуществами отъ правительства, и что сѣрыя земли Городищенскаго Уѣзда, гдѣ наиболѣе устроены винокуренные заводы и гдѣ плохо родятся колосовыя растенія, чрезвычайно способны къ произрастанію картофеля. Два или три здѣшніе завода, на которыхъ принято примѣшивать къ хлѣбнымъ заторамъ картофель, получаютъ очень хорошіе выходы вина, но они не находятъ подражателей и разведеніе картофеля на поляхъ здѣсь неупотребительно.

НИКОЛАЙ ЛѢСКОВЪ.

Г. Одесса
28 апрѣля 1860 г.

ОТНОШЕНІЯ ЕВРОПЕЙЦЕВЪ КЪ КИТАЮ

ВЪ ПОСЛѢДНІЯ ДВАДЦАТЬ ЛѢТЪ.

Es ist der Weg des Todes, den wir schreiten.
Гёте. «Ифигинея въ Тавридѣ». Актъ II, сцена 1.

Отношенія европейцевъ къ восточнымъ народамъ представляли во всѣ времена много интереснаго и поучительнаго. Какъ было на зарѣ европейской цивилизаціи, такъ и до-сихъ-поръ Востокъ остается свободнымъ полемъ для дѣятельности европейцевъ: это поле засѣяно самобытными туземными сѣменами и поросло своей цивилизаціей. Мысль и бытъ восточнаго жителя были вспоены и вскормлены подъ вліяніемъ такихъ условій, которыя оставались чужды европейцу. Помириться, оправдать, то-есть понять своего рода правду восточной цивилизаціи могъ только тотъ, кто зналъ великую неумолимую логику причинъ и слѣдствій, кто, вѣруя въ живыя силы своей цивилизаціи, вѣрилъ въ то же время въ несокрушимую жизнь всего человѣчества, въ неистощимое богатство силъ и формъ, въ немъ живущихъ. Потому-то, для большинства, до-сихъ-поръ еще *Востокъ*, *восточное* остались символами *дикаго*, *варварскаго*.

Но осудить весьма-легко; весьма-опасно только все мѣрить своей мѣркой: такой пріемъ доказываетъ одно лишь наше *незнаніе*. «Только тотъ, кто познаетъ самого себя, можетъ понять другихъ людей и законы ихъ бытія, и можетъ имъ сказать, какого рода обязанности они должны исполнять, чтобъ оправдать волю неба (*)». Европеецъ достигъ на

(*) Pauthier. Chung-joung. 22.

своей старой родинѣ до самыхъ утонченныхъ формъ развитія; его наука пытается теперь самыя сложныя психическія отправленія привести едва-ли не къ математическимъ формуламъ; онъ переносилъ на своихъ плечахъ всѣ извѣстные пока фазисы общественной и государственной жизни и перерѣшилъ множество вопросовъ изъ тѣхъ, на которые только просила до-сихъ-поръ отвѣта человѣческая жизнь. Мы, вѣроятно, не ошибемся, если скажемъ, что европеецъ отправлялся на Востокъ во всеоружіи возможнаго пока развитія человѣческихъ силъ и способностей. Мало того: для его благотворной дѣятельности лежало тамъ дѣвственное поле. Почему же наша цивилизація такъ скудно прививается на этомъ полѣ? Отчего такъ недовѣрчиво смотрятъ «варвары» на европейцевъ, признающихъ права всѣхъ людей на землѣ равными?

До настоящаго времени европейцы избирали, главнымъ образомъ, только два пути для облагодѣтельствованія жителей Азіи въ нравственномъ отношеніи: торговлю и духовныя миссіи; если западные интересы были слишкомъ-настойчивы, то европейцы, съ усовершенствованнымъ оружіемъ въ рукахъ, поддерживали *средства* для своей высокой миссіи, какъ *цѣли*, какъ *требованія*. Трудно сказать, какой изъ упомянутыхъ путей былъ ближе и дороже для сердца западнаго жителя. Вотъ что, напримѣръ, лордъ Канингъ, бывшій первымъ министромъ *Англіи*, отвѣчалъ однажды, въ минуту откровенности, своимъ политическимъ друзьямъ, когда тѣ упрекали его въ томъ, что онъ еще затрудняется въ вопросѣ о поддержкѣ миссіонеровъ: «Въ вашихъ словахъ есть доля правды, потому-что эти люди (миссіонеры) весьма-часто срамятъ себя; но, съ другой стороны, сочтите также, сколько аршинъ проданнаго миткаля представляетъ каждый изъ нихъ?» Эти слова, надѣлавшія въ свое время много шуму въ Европѣ, остаются до-сихъ-поръ ключомъ для уясненія тѣхъ началъ, которыя управляютъ политикой европейцевъ на Востокѣ. Относительно Китая, напримѣръ, искренняя, сорвавшаяся съ языка мысль Канинга можетъ отвѣтить намъ на многіе вопросы; и еще не очень-давно та же самая мысль объясняла такъ просто то странное положеніе, въ какомъ находились англійскіе журналы Индіи и Китая къ правительствамъ Англіи и Франціи. Она проглядываетъ во всѣхъ сношеніяхъ и войнахъ европейцевъ съ Китаемъ: если замѣчалось сильное колебаніе европейскаго торговаго баланса, если вывозъ произведеній въ Китай былъ больше привоза, то чувствовалась сильнѣе замкнутость этого государства для благодѣтельнаго вліянія европейской цивилизаціи и необходимость открыть въ немъ болѣе портовъ для европейскихъ кораблей... Въ этомъ случаѣ невѣ-

жество китайцевъ, ихъ отсталость бросались какъ-то ярче въ глаза европейцамъ. Но церемонный народъ что-то плохо вѣрилъ въ чистоту безкорыстныхъ, гуманныхъ стараній европейцевъ познакомиться съ ними пошире и покороче. И странное дѣло! китайскіе мандарины, затоптанные европейцами съ незапамятныхъ временъ въ грязь, уже давно очень-хорошо понимали мысль перваго министра Англіи. Никто не станетъ спорить, что мандарины не знали великаго вліянія на международныя отношенія теоріи Адама Смита; но мысль благороднаго лорда они понимали. Во время четвертаго русскаго посольства въ Китай (посольство Льва Измайлова 1720 г.), г. Ланжъ, аккредитованный русскій агентъ въ Пекинѣ, настоятельно требовалъ отъ мандариновъ учрежденія свободной торговли Россіи съ Китаемъ, обѣщая, въ случаѣ отказа министровъ, обратиться съ просьбой къ самому императору. Но Ланжу отвѣтили на это, что его дѣло «*вовсе* не касается императора и что онъ можетъ обратиться съ своей просьбой къ совѣту министровъ». Мемуаръ Ланжа, представленный совѣту министровъ, не былъ имъ принятъ и одному изъ мандариновъ поручено было передать русскому агенту, между прочимъ, что «китайцы всегда смотрѣли на торговлю *съ презрѣніемъ* и *какъ на бездѣлицу*»; что «чужеземные купцы всегда приходили въ Китай затѣмъ, *чтобъ обогатить себя*, а *не ихъ людей* (китайцевъ)». Такъ и до-сихъ-поръ понимаютъ китайцы громкія намѣренія европейцевъ.

Ясность и опредѣленность цѣлей и желаній всегда имѣли достоинство въ глазахъ китайцевъ; они не любятъ нашей европейской раздвоенности слова и сокровеннаго желанія. «Я чувствую (говорилъ императоръ Шюнъ) особенную антипатію къ тѣмъ, которые дурно (неясно) говорятъ; ихъ рѣчи сѣятъ раздоры и весьма вредятъ дѣлу».

Съ первыхъ же своихъ сношеній съ Китаемъ гордые европейцы не могли помириться съ требованіями китайскаго церемоніала; земные поклоны императору они считали унизительными. Набравъ побольше изящныхъ игрушекъ, картинъ, разныхъ диковинокъ, посланники бѣлой расы, выторговавъ отъ мандариновъ какъ-можно-меньше поклоновъ, представлялись наконецъ въ разноцвѣтныхъ, подавляющихъ своимъ блескомъ мантіяхъ «желтымъ государямъ». При этомъ, обыкновенно, стремленія купеческихъ конторъ завертывались въ слова самой теплой дружбы и расположенія къ желтокожему варвару. Когда торговые интересы были черезчуръ-настоятельны, посланники подчинялись всѣмъ требованіямъ церемоніала и... кланялись въ землю (*)! Но въ глазахъ

(*) Посланникъ перваго голландскаго посольства (1656 г.) въ Китай исполнилъ весь пріемный церемоніалъ. Во время третьяго посольства голландской компаніи

китайцевъ всѣ націи, азіатскія или европейскія, которыя отправляли до-сихъ-поръ посольства къ ихъ императорамъ, *имѣли нужду* въ милостяхъ, помощи или покровительствѣ ихъ государей. И, дѣйствительно, просмотрѣвъ исторію сношеній Европы съ Китаемъ, мы приходимъ къ заключенію, что всѣ посольства европейцевъ основывались не на дружбѣ, не на симпатичномъ желаніи подѣлиться своими уроками на Западѣ съ «варварами», а чисто на коммерческихъ интересахъ. На народъ, съ которымъ хотѣли торговать, смотрѣли съ глубокимъ презрѣніемъ. Международное право обыкновенно забывалось европейцами близь китайскихъ береговъ. Вотъ почему, можетъ-быть, для китайцевъ европейскія посольства никогда не имѣли того возвышеннаго и безкорыстнаго характера, въ который они облекались и который, еслибъ онъ былъ искрененъ, могъ заставить китайцевъ уважать европейцевъ.

Тоже самое, къ-сожалѣнію, и въ дѣлѣ религіи. Въ религіозномъ отношеніи китайцы индеферентны; имъ нельзя, впрочемъ, отказать въ глубокомъ уваженіи къ свободѣ совѣсти и большой терпимости. «Поразмысливъ внимательно (доносилъ Кингъ своему императору) (*), я пришелъ къ убѣжденію, что та религія, которую исповѣдываютъ западные народы, есть религія небеснаго Господа. Ея главная цѣль побуждать людей къ добру и препятствовать злу». Кингъ замѣчаетъ только, что «впослѣдствіи, въ числѣ китайцевъ, исповѣдывавшихъ эту религію, нашлись люди, которые доходили даже до того, что *соблаз-*

(1795 г.), посланникъ Тицингъ былъ принятъ мандаринами sans facons, такъ-какъ они предполагали только торговую цѣль посланничества. Тицингъ исполнилъ и въ этомъ случаѣ всѣ требованія церемоніала, «en baissant trois fois la tête jusqu'à terre, à trois differentes reprises». Третій русскій посланникъ въ Китаѣ (1683 г.), Избраитс-Идесъ, представляясь императору на торжественной аудіенціи, исполнилъ «обычныя церемоніи» (9 земныхъ поклоненій). Четвертый русскій посолъ (1720 г.), Левъ Измайловъ, также исполнилъ требованія китайскаго этикета. На флагахъ 10 джонокъ, на которыхъ плыло первое англійское посольство (1793 г.) по р. Пейхо къ Тіен-цину, было написано большими китайскими буквами: «Посланникъ, несущій дань отъ англійской націи» (embassador bearing tribute from the country of England). Англійскій посланникъ (лордъ Макартней), чтобъ не испортить съ самаго начала результата своего посольства, показывалъ видъ, что онъ не понимаетъ надписи. Лордъ отказался, впрочемъ, исполнить требованіе китайскаго церемоніала и былъ весьма-недоволенъ результатомъ своего посольства. Лордъ Амгерстъ, второй англійскій посланникъ въ Китай (1816 г.), послѣ безконечныхъ споровъ съ мандаринами о церемоніалѣ, подчинился, какъ кажется, ихъ требованіямъ. Всѣ эти указанія заимствованы нами изъ книги *Потье*: «Histoire des relations polit. de la Chine avec les puissances occidentales. Paris. 1859.

(*) Кингъ (извѣстный въ газетахъ сороковыхъ годовъ подъ именемъ Кина) былъ уполномоченный императора Тао-Куанга въ переговорахъ съ французскимъ посланникомъ г. Лагрене, въ 1844 году.

нями женщинъ и дѣвицъ и вырывали глаза больнымъ». Кинигъ проситъ императора избавить отъ преслѣдованій въ государствѣ всѣхъ исповѣдующихъ католическую религію и дѣлающихъ добро. «Этимъ (говоритъ Кинигъ) ваше величество покажете свое расположеніе и симпатію къ людямъ, которые, какимъ бы ни было образомъ, но идутъ путемъ добра». Англичанамъ попался въ руки при взятіи Кантона документъ, въ которомъ есть нѣсколько строкъ о христіанахъ; это— отвѣтъ одного мандарина императору на ауедіенціи. «Въ обыкновенное время (говорилъ мандаринъ) христіане неопасны; но какъ единство ихъ ученія соединяетъ ихъ весьма-сильно, то какой-нибудь талантливый вождь изъ ихъ рядовъ можетъ въ безпокойное время увлечь народъ и произвести смятеніе въ странѣ. Такъ въ провинціи Чен-Си арестовали многихъ христіанъ, подозрѣваемыхъ въ сообщничествѣ съ инсургентами». Этотъ отрывокъ доказываетъ, что преслѣдованія противъ христіанъ въ Китаѣ были внушены правительству не чувствомъ фанатизма, но интересами политики. Пропагандисты сами не всегда были свободны отъ нареканій. Мы привели выше, какъ смотрѣлъ въ свое время на ихъ поведеніе лордъ Канингъ: полные честолюбивыхъ замысловъ и постоянныхъ стараній имѣть вліяніе на дѣла, они всегда забывали показывать вѣру отъ дѣлъ своихъ. Дерзкая заносчивость весьма многихъ католическихъ миссіонеровъ, постоянныя ссоры ихъ между собою, ихъ интриги и фанатическій догматизмъ вредили весьма-много дѣлу христіанъ. Въ 1723 г. китайское правительство изгнало ихъ въ Макао. Въ настоящее время Тай-Пинги гораздо-больше ненавидятъ католиковъ, чѣмъ имперіалистовъ.

И какъ въ торговлѣ, такъ и въ дѣлѣ религіи, европейцы только компрометировали себя въ глазахъ китайцевъ. Вмѣсто того, чтобъ поддержать свое достоинство силой убѣжденія, безукоризненностью поведенія и цѣлей, европейцы пролили въ первый разъ кровь китайцевъ за ввозъ опіума. Но то, что̀ добыто силой, противно законамъ справедливости, непродолжительно и представляетъ всегда поводы къ переговорамъ, которые кончаются снова оружіемъ, то-есть силой. Какъ знать еще, на сколько проченъ послѣдній договоръ союзниковъ съ Китаемъ?

Европейцы гордятся своей цивилизаціей и смотрятъ поэтому на народовъ прочихъ частей свѣта, въ-особенности на жителей Азіи, какъ на варваровъ, съ которыми они могутъ обращаться, какъ съ существами низшаго разряда, созданными для рабства, длятого, чтобъ имѣть надъ собою господъ. Но естественно ли такое господство? Достаточно ли *сказать:* «европейская цивилизація», чтобъ оправдать насиліе и не-

уваженіе къ человѣческимъ правамъ? Слово цивилизація необыкновенно-эластично и самое понятіе—обширно: подъ этимъ знаменемъ можно пойдти въ бой за любые интересы. Можно оправдать и лицемѣріе власти, и денежный эгоизмъ, и религіозный фанатизмъ, и многое множество всякихъ прегрѣшеній, стоитъ положить только на все это новѣйшій европейскій штемпель: «цивилизація». Весьма часто приходится слышать, какъ восточнымъ жителямъ, въ-особенности китайцамъ, отказываютъ даже въ правѣ считаться долею человѣчества! Мнѣніе же, что всякая цивилизація, выношенная не въ христіанскихъ пеленкахъ, не можетъ имѣть ни нравственной силы, ни добрыхъ началъ, проповѣдуется намъ едва-ли не на школьной скамьѣ. Названіемъ *китайскаго* мы крестимъ все наше отсталое, всякій уродливый анахронизмъ. Вотъ еще, напримѣръ, недавно европеецъ, разсуждавшій о дѣлахъ Китая и забывшій, какъ кажется, что lä civilisation (а не noblesse) oblige, пришелъ къ заключенію, что «на мандариновъ можно дѣйствовать *только страхомъ* (усовершенствованнымъ оружіемъ?) и что въ дѣлахъ съ ними *крутыя мѣры* стоятъ всего меньше денегъ, трудовъ и крови» (*). Но можетъ быть, что *китайская* цивилизація не признаетъ пока военно-помѣщичьихъ, крутыхъ мѣръ въ международныхъ отношеніяхъ?

Въ Европѣ съ незапамятныхъ временъ господствуетъ мнѣніе, что Китай самое деспотическое государство, въ которомъ не гарантированы ни жизнь, ни имущество подданныхъ, государство, въ которомъ безнаказанно совершаются самые изступленные капризы власти, гдѣ, наконецъ, человѣчество, подъ вліяніемъ суроваго гнета, находится въ-состояніи самаго унизительнаго рабства. Но въ то время, когда европейскіе теологи среднихъ вѣковъ, ради божественныхъ правъ королевской власти, проклинали всякое противодѣйствіе тиранніи, китайскіе мудрецы давнымъ-давно (въ III вѣкѣ до Р. X.) выводили «законность сверженія тиранніи изъ божественной природы царскихъ правъ». «Если подъ деспотомъ (говоритъ Абель Ремюза) (**) понимать безусловнаго господина, располагающаго собственностью, честью и жизнью своихъ подданныхъ, господина, который пользуется и злоупотребляетъ своею властью безъ препонъ, безъ контроля, такихъ деспотовъ я не встрѣчалъ нигдѣ въ Азіи. Тамъ вездѣ нравы, древніе обычаи, наслѣдственныя идеи и даже самыя заблужденія представляютъ для вла-

(*) «Китай и Европа» статья г. *Обручева*. См. «Современникъ» 1861 г. кн. 1, стр. 339.

(**) Melanges posthumes, стр. 247.

сти болѣе-затруднительныя задержки, чѣмъ всякія писанныя условія— задержки, отъ которыхъ тираннія не можетъ освободиться безъ опасности погибнуть самой отъ собственнаго же насилія. Только въ тѣхъ мѣстахъ Азіи ничто не уважается и сила, забывая всякое снисхожденіе, царитъ безпрепятственно, въ которыхъ, вслѣдствіе слабости и непредусмотрительности азіатцевъ, поселились иностранцы, пришедшіе издалека съ единственнымъ желаніемъ накопить себѣ въ наиболѣе короткій срокъ какъ-можно-больше богатства, чтобъ наслаждаться имъ потомъ на своей родинѣ. Такъ дѣйствительно и дѣлаютъ люди, неимѣющіе никакого чувства любви къ другимъ расамъ, никакой симпатіи къ туземцамъ, языка которыхъ они не понимаютъ и съ которыми не раздѣляютъ ни привычекъ, ни вкусовъ, ни вѣрованій, ни предразсудковъ. Никакой союзъ, основанный на разумѣ и справедливости, не можетъ образоваться или существовать между такъ діаметрально-противоположными интересами. Только сила можетъ время отъ времени поддерживать насильственный порядокъ вещей, и только одинъ безусловный деспотизмъ можетъ сдержать горсть господъ, которые хотѣли бы овладѣть всѣмъ среди массы, которая считаетъ себя въ-правѣ ничего не дать. Результаты такой борьбы можно видѣть въ колоніяхъ; а иностранцы, о которыхъ я говорю — европейцы».

«Между нами будь сказано (продолжаетъ почтенный оріенталистъ), это необыкновенно-странная раса — европейцы; предубѣжденія, которыми она вооружена, доводы, на которыя она ссылается, поразили бы самымъ страннымъ образомъ безпристраннаго судью, еслибъ могъ такой судья существовать на землѣ. Въ опьяненіи отъ своихъ вчерашнихъ успѣховъ, въ-особенности отъ своего превосходства въ военномъ искусствѣ, эта раса смотритъ съ величайшимъ презрѣніемъ на всѣ другія семейства человѣческаго рода; кажется, будто всѣ они рождены для того, чтобъ удивляться и служить ей, и что ни о комъ другомъ, какъ именно о ней было сказано: *сыны Іафета поселяются въ палаткахъ Сима и ихъ братья станутъ ихъ слугами.* Этой расѣ кажется необходимымъ, чтобъ всѣ думали такъ, какъ она, и чтобъ всѣ служили ей. Ея дѣти, прогуливаясь по земному шару, показываютъ фигуру свою за типъ красоты, свои идеи—за основанія мудрости, свои выдумки — за nec plus ultra ума. То̀, что̀ походитъ на нихъ—прекрасно; то, что̀ имъ полезно —хорошо; то, что̀ отклоняется отъ ихъ вкусовъ или интересовъ—безумно, смѣшно или предосудительно—вотъ ихъ единственная мѣрка; они судятъ обо всемъ по этой мѣркѣ, и кто на столько смѣлъ, чтобъ усомниться въ ея справедливости?... Въ отношеніяхъ между собою дѣти бѣлой расы болѣе внимательны; въ своихъ международныхъ

ссорахъ они пользуются нѣсколькими условными принципами, основываясь на которыхъ, они могутъ убивать другъ друга болѣе-методично и правильно. Но всѣ эти принципы исчезаютъ за предѣлами Европы и на права людей смотрятъ болѣе-поверхностно, когда дѣло идетъ о малайцахъ или индійцахъ. Увѣренные въ быстрыхъ эволюціяхъ своихъ солдатъ, вооруженныхъ превосходными ружьями, которыя, нельзя сказать, чтобъ дурно стрѣляли, европейцы не пренебрегаютъ, однакожь, хитрой политикой. Завоеватели безъ славы и побѣдители безъ великодушія, они нападаютъ обыкновенно на азіатцевъ какъ на людей, которые во всѣхъ отношеніяхъ для нихъ не страшны, а потомъ переговариваются съ ними такъ, какъ-будто имъ должно всего ожидать отъ этихъ варваровъ. Оканчивая съ меньшими издержками посредствомъ дипломатіи то, чего они не могли сдѣлать битвами, они принуждаютъ туземныхъ жертвъ мира и войны къ вреднымъ союзамъ, налагаютъ на нихъ торговыя условія, занимаютъ ихъ порты, раздѣляютъ ихъ провинціи и смотрятъ какъ на бунтовщиковъ на тѣхъ туземцевъ, которые не могутъ привыкнуть къ ихъ игу. Пріемы европейцевъ обыкновенно смягчаются съ государствами, сохранившими какую-нибудь силу. Но по какому-то презрѣнію къ идеямъ, болѣе-странному, можетъ-быть, чѣмъ злоупотребленіе силой, писатели принимаютъ тогда сторону европейцевъ, обманутыхъ въ своихъ ожиданіяхъ (*): осуждаютъ осторожность благоразумныхъ азіатцевъ, которая такъ естественна въ нихъ при обращеніи съ ними европейцевъ, и исполняются негодованіемъ на восточную негостепріимность... Цивилизація восточныхъ жителей должна состоять, по мнѣнію европейцевъ, въ неутомимомъ обработываніи земли, чтобъ они, европейцы, не нуждались ни въ хлопкѣ, ни въ сахарѣ, ни въ чаѣ, ни въ бакалейныхъ товарахъ—въ исправномъ платежѣ налоговъ, чтобъ дивиденды получались безостановочно—въ безропотномъ измѣненіи своихъ законовъ, привычекъ, самаго платья даже, вопреки всѣмъ преданіямъ и климату. Одни изъ нихъ, напримѣръ, сдѣлали большіе успѣхи въ послѣдніе годы, потому-что отказались вести кочующую жизнь своихъ отцовъ, и сборщики налоговъ, когда придетъ время платежа, знаютъ уже гдѣ найдти ихъ. Другіе весьма замѣтно испытали на себѣ дѣйствіе цивилизаціи: теперь они уже методисты; каждое воскресенье они бываютъ на проповѣди, въ черномъ суконномъ платьѣ, а это обстоятельство особенно-дорого для мануфактуристовъ Сомерсета и

---

*) Отзывы, напримѣръ, французской журналистики о неуспѣшномъ посольствѣ Лагрене въ Китай въ 1842 г.

Глостера. Придетъ, можетъ-быть, время, когда индусы перестанутъ ткать свои муслины и привыкнуть къ нашимъ бумажнымъ матеріямъ, когда китайцы будутъ получать наши шелковыя ткани, миткаль и обитатели тропиковъ закутаются въ наши черныя, войлочныя шляпы и шерстяныя одежды. Пусть ихъ промышленость уступаетъ дорогу нашей, западной; пусть для нашей пользы они откажутся отъ своихъ идей, литературы, языка—отъ всего, что составляетъ ихъ національную индивидуальность; пусть они выучатся думать, чувствовать, говорить такъ, какъ мы думаемъ, чувствуемъ, говоримъ—за уроки можно платить землей и независимостью; пусть они выкажутъ мягкость, сговорчивостъ и будутъ уступчивы желаніямъ нашихъ академиковъ, никогда незабывавшихъ о биржѣ: тогда, за эту цѣну, мы, пожалуй, скажемъ, что они подвинулись немного въ общежитіи и тогда только имъ дозволено будетъ стать—конечно, назади и на большой дистанціи—за привилегированнымъ народомъ Европы, за этой расой par excellence, которой только одной, по мнѣнію цѣлаго класса писателей, принадлежатъ права обладанія, господства, знанія и наставничества.»

Эти размышленія ученаго и умнаго оріенталиста могутъ показаться странными для непривычнаго уха, но въ нихъ—нельзя не согласиться—много правды. Нѣкоторые находятъ какое-то коренное различіе въ духовной жизни народовъ и ссылаются, въ доказательство, на огромныя, казалось бы, постоянныя различія, которыя выказываются въ ихъ умственномъ развитіи. Нельзя не припомнить по этому поводу весьма-сильнаго, но въ то же время и весьма-меткаго выраженія г. де-Саля (*) о нашей новѣйшей европейской культурѣ, которая, по его мнѣнію, не болѣе какъ «сіяніе знаній меньшинства надъ невѣдѣніемъ массъ». Несмотря на относительную бѣдность выводовъ антропологіи, можно считать научно-доказаннымъ уже, что различія въ умственномъ развитіи расъ вовсе-не специфичны, что способности народа не неподвижны и, наконецъ, что бѣлой расѣ вовсе не принадлежитъ исключительное господство надъ прочими расами.

Эта идея преобладанія, какой-то святости и безапелляціонной неприкосновенности дѣлъ европейцевъ на Востокѣ проглядываетъ до-сихъ-поръ даже въ сужденіяхъ чисто-политическаго характера. Еще и теперь весьма многіе пользуются восточными дѣлами какъ вѣшалкой, на которую удобнѣе всего можно вывѣсить свое туземное негодованіе. Въ-особенности много пришлось у насъ въ этомъ отношеніи на

(*) Hist. Gén. des races hum. 1849 г., стр. 352.

долю китайцевъ. Но такой пріемъ въ обсужденіи восточныхъ дѣлъ теряетъ мало-по-малу свою соль и, какъ всякая крайность, вредитъ пониманію дѣла. Лучше подойти къ предмету прямо и смѣло взглянуть ему въ глаза.

I.

Самый бѣглый обзоръ исторіи Китая даетъ возможность замѣтить, что государи этой страны употребляли съ незапамятныхъ временъ всѣ свои старанія преимущественно на развитіе знаній и рѣшеніе вопросовъ общественнаго интереса. Мы видимъ на самой зарѣ китайской государственной жизни основаніе обширныхъ учрежденій и занятіе громадными публичными работами; видимъ общество, которое часто разрушается и потомъ возрождается снова изъ своихъ же собственныхъ развалинъ и которому снова грозятъ тѣ же причины разрушенія. Китайскіе историки объясняютъ обыкновенно паденіе своихъ династій упадкомъ нравственнаго характера послѣднихъ ихъ представителей. Въ неблагосклонныхъ физическихъ явленіяхъ они видятъ волю «отца неба, который очевидно и несомнѣнно лишаетъ власти своего недостойнаго сына». Причины такого почти-періодическаго паденія царственныхъ домовъ въ Китаѣ коренятся гораздо-глубже: если послѣдніе императоры каждой династіи кажутся китайскимъ историкамъ неспособными и нечестивыми, то потому, что этимъ императорамъ приходилось бороться съ такими вопросами, которые могли быть разрѣшены только войнами и революціями.

Постояннымъ бичемъ Китая было увеличеніе его громаднаго населенія (*). Бо̀льшая масса китайскаго народа, какъ замѣталъ Гютцлафъ, не будучи въ состояніи оставить работу для удовлетворенія необходимыхъ жизненныхъ потребностей, не можетъ отдаться умственной дѣятельности. Чтобъ питать такое громадное количество населенія, трудъ долженъ быть постояненъ и регуляренъ; малѣйшая остановка ведетъ къ большимъ смятеніямъ. Эмиграція до-сихъ-поръ весьма туго идетъ въ Китаѣ; попытки же странствованій за моря не въ характерѣ китайцевъ и противны ихъ вкусамъ. Сто̀итъ взглянуть на карту этой страны, въ которой хребты горъ возвышаются одинъ надъ дру-

(*) Слѣдуя показаніямъ покойнаго Дитерица (Dr. A. Petermann. «Geographische Mittheilungen», 1859, тетрадь 1, стр. 4), можно положить число населенія собственнаго Китая въ 367 мил., а число жителей всей Китайской Имперіи въ 392½ мил. Dr. Гютцлафъ полагаетъ населеніе всей имперіи въ 400 мильйоновъ. (Dr. Kaeufler. «Geschichte von Ost-Asien». 1860. III ч., стр. 667).

гимъ широкими уступами, удобными для земледѣлія страны, въ которой посѣвы подъ паръ неизвѣстны (*), въ которой нѣтъ отдыха ни землѣ, ни человѣку, чтобъ понять, что неисправность въ администраціи, неурожайный годъ, внутренніе безпорядки, совершенно-достаточны для того, чтобъ повести къ страшному голоду и, вслѣдъ затѣмъ къ кровавымъ революціямъ. Голодъ, засухи, наводненія, возмущенія тайныхъ обществъ, разбои на сушѣ и на морѣ и составляютъ тотъ неудержимый потокъ, который уносилъ съ собою китайскія династіи. Оттого еще въ самый ранній періодъ Китая государи его спрашиваютъ приближенныхъ: «что за тайные пути, которыми небо дѣлаетъ людей счастливыми?» На этотъ вопросъ китаецъ отвѣчаетъ: «первыя основныя средства для благоденствія народа заключаются въ пяти элементахъ жизни—водѣ, огнѣ, деревѣ, металлѣ и землѣ».

Когда же огромное населеніе Китая успокоится и снова возьмется за трудъ, страна благоденствуетъ до-тѣхъ-поръ, пока тѣ же бѣдствія снова не поведутъ къ тѣмъ же послѣдствіямъ. Какъ въ древнее время, такъ и теперь, въ этой странѣ изобиліе и миръ чередуются съ голодомъ и войной. О первыхъ сподвижникахъ знаменитаго предводителя Тай-Пинговъ Европа услышала лѣтъ десять назадъ, какъ о голодныхъ шайкахъ, овладѣвшихъ цѣлыми провинціями и угрожавшихъ самой столицѣ. Пусть же не удивляются англичане, если они видѣли въ Пекинѣ, какъ люди ѣдятъ кошекъ, да иногда еще несвѣжихъ.

Эта необходимость постояннаго труда, эта ненадежная, дорого-купленная жизнь объясняютъ намъ ту алчную любовь къ прибыли, которая составляетъ отличительную черту китайскаго характера. Въ этихъ же грустныхъ сторонахъ китайской жизни коренятся причины такого могущества преданія и неизмѣнности обычаевъ, составляющихъ наиболѣе-яркія черты китайской цивилизаціи. Въ Китаѣ все должно быть предусмотрѣно и распредѣлено, потому-что порядокъ составляетъ тамъ существенную необходимость. Въ такой огромной машинѣ, какъ Китай, малѣйшая задержка производитъ страшный безпорядокъ; въ ней каждая пружина важна и всякая предосторожность всегда нелишняя. Оттого на законъ безпрекословнаго послушанія и повиновенія государю смотрятъ въ Китаѣ какъ на долгъ каждаго и *пользу*. Уваженіе къ неподвижной іерархіи, почести, воздаваемыя земледѣлію и водамъ, стоящія на степени культа, сыновнее почтеніе, которое считается однимъ изъ главныхъ правительственныхъ средствъ, политическая подчиненность, проповѣдуемая въ числѣ семейныхъ обязанностей,

(*) Китайцы слѣдуютъ плодоперемѣнному хозяйству.

религія, ограниченная школой морали и практической мудрости, письменность, одновременно-поддерживаемая и сдерживаемая правительствомъ и направляемая имъ исключительно въ видахъ общественной пользы—словомъ, все въ этой имперіи, начиная съ основныхъ законовъ до самыхъ мелкихъ подробностей этикета организовано посильно съ цѣлью безпрестаннаго охраненія тѣхъ принциповъ и обычаевъ, которые необходимы для благоденствія и поддержки китайскаго общества. «Если семидесяти-лѣтніе старцы будутъ носить шелковыя одежды и ѣсть говядину, а черноволосая молодёжь не будетъ терпѣть ни холода, ни голода, тогда все въ имперіи будетъ процвѣтать» (*). — Вотъ, въ немногихъ словахъ весь политическій кодексъ китайцевъ.

Въ тѣхъ же словахъ и вся китайская философія. Она составляетъ сборникъ правилъ практической морали; перечисляетъ и совѣтуетъ, что̀ полезно для государства; ищетъ примѣровъ въ преданіи и предлагаетъ прошедшее какъ урокъ настоящему; въ ней нельзя найдти безполезныхъ изъисканій, никакой черты спекулятивнаго духа. «Можно часто слышать (говоритъ одинъ изъ учениковъ Конфуція), какъ нашъ учитель разсуждаетъ о качествахъ, которыя должны принадлежать человѣку, если онъ хочетъ отличаться добродѣтелями и талантами; нельзя только услышать, чтобъ онъ говорилъ о природѣ человѣка и о небесной жизни». Буддизмъ, который исповѣдуютъ около 300 мильйоновъ жителей Китая, ведетъ, какъ и ученіе Конфуція, къ тому, чтобъ человѣкъ искалъ всѣхъ отвѣтовъ на вопросы жизни *въ себѣ самомъ*. Практическая философія Конфуція, преподаваемая въ школахъ и глубоко-проникшая въ нравы китайцевъ, составляетъ существенную часть ихъ національнаго духа и одну изъ наиболѣе-могущественныхъ поддержекъ ихъ общества.

Приведенныя нами условія, окружавшія впродолженіе четырехъ тысячъ лѣтъ китайскую жизнь, вмѣстѣ съ условіями физическими, не менѣе важными, составляютъ силы, подъ постояннымъ гнетомъ которыхъ и выработались оригинальныя черты китайскаго общества. Въ этомъ обществѣ въ сосѣдствѣ съ слабостью живетъ и величіе; въ немъ нравственное образованіе и самосовершенствованіе были возведены на степень государственной добродѣтели еще за 500 лѣтъ до Р. Х. Какъ бы узка ни казалась та мораль, которой держится нѣсколько тысячелѣтій громадное государство, она имѣетъ свою мѣстную правду и все-таки не позволяетъ намъ отказать въ чувствѣ уваженія къ исто-

(*) M. Pautier. Meng-tseu. Гл. I, 3.

ріи народа, который съ незапамятныхъ временъ старался о томъ, чтобъ слово, даже самая мысль не были въ разладѣ съ дѣломъ.

Но безпокойныя волны броженія, охватившія въ наше время весь міръ, пронеслись и по Китаю. Старая масса Китая питаетъ теперь множество маленькихъ враждебныхъ группъ, которыя раждаются изъ самыхъ же развалинъ древняго зданія. Эти группы — молодыя мысли, вопросы, начала, на которыхъ неофиты стараются внутри умирающаго общества создать свое. Тайныя общества, распространены теперь на всемъ протяженіи Китая, на многочисленныхъ островахъ Восточнаго Архипелага, между индо-китайскими племенами, даже между китайскими переселенцами въ Австраліи и Калифорніи. Нѣтъ ни одной изъ преслѣдуемыхъ этими обществами цѣлей, которая была бы безопасна для существующихъ формъ; каждое изъ нихъ образуетъ самостоятельную религіозно-политическую общину. Ближе всего эти союзы походятъ на древнія философскія школы или на клубы временъ первой Французской Республики.

Въ Китаѣ существуетъ, напримѣръ, «братство неба и земли», которое считаетъ себя призваннымъ свыше уничтожить контрастъ между богатствомъ и бѣдностью.

Такъ думаетъ «братство неба и земли».

Не менѣе замѣчателенъ такъ-называемый «тройственный союзъ» (triade), состоящій изъ пяти главныхъ ложъ съ второстепенными развѣтвленіями. Задача тройственнаго союза состоитъ въ соединеніи въ одну семью разсѣянныхъ по всей землѣ китайцевъ. Китайскіе христіане находятся въ тѣсной связи съ этими двумя обществами, потому-что по бòльшей части они и вышли изъ нихъ. Каждый изъ этихъ союзовъ, какъ и Тай-Пинги, о которыхъ мы скажемъ нѣсколько словъ ниже, преслѣдуетъ одну и ту же тайную цѣль—уничтоженіе маньчжурской династіи, соединеніе и возрожденіе всей китайской націи въ лонѣ одной религіи, подъ правленіемъ туземнаго государя.

Кромѣ тайныхъ обществъ, въ Китаѣ роится множество разбойничьихъ голодныхъ шаекъ, которыя грабятъ и поджигаютъ богатѣйшіе города; берега страны опустошаются пиратами; правительство не находитъ средствъ вывести страну изъ ея напряженнаго состоянія.

Но весь этотъ явный и тайный протестъ противъ существующаго порядка дѣлъ указываетъ намъ, какъ сильно чувствуется въ восточно-азіатскомъ обществѣ необходимость прогреса, какъ тысячелѣтнія цѣпи преданія не бываютъ въ состояніи удержать свѣжей мысли, неудовлетворенной прошлымъ и согрѣтой борьбою.

II.

«Въ темную кузницу судебъ—какъ сказалъ одинъ умный человѣкъ, лѣтъ двадцать назадъ — свѣтъ никогда не проникаетъ; слѣпые работники бьютъ зря молотомъ налѣво и направо, не отвѣчая за слѣдствія». Эти слѣпые работники судьбы, когда пришло время, ударили и по Китаю, и неподвижная масса начала мало-по-малу стонать подъ ударами европейцевъ: водоворотъ всемірной жизни сталъ расшатывать недоступнаго колосса и захватывать его въ свой неизбѣжный кругъ.

Только тѣ, говоритъ китайское государственное уложеніе, которые безпрекословно повинуются велѣніямъ властителя Срединной Имперіи, достойны названія людей; всѣ же другіе, живущіе внѣ обработаннаго сада Средины—варвары, которыхъ пороки слѣдуютъ за ними, какъ тѣни». За этими словами самодовольства, выработанными цѣлою исторіею Китая, кроется глубокое желаніе независимости и сознаніе своей силы. Въ границахъ своей собственной уединенной страны китаецъ находилъ все, что было нужно для удовлетворенія его потребностей, даже для удовлетворенія роскоши. Впродолженіе многихъ столѣтій, мучимые внутренними раздорами, китайцы несли чужеземное иго; они не просили ни у кого помощи и побѣждали своихъ владыкъ силою своей цивилизаціи и своего быта. Чужеземцы оставляли послѣ себя смуты, раздоры, окровавленныя поля и названіе варваровъ. Весь строй своей государственной и общественной жизни китайцы выработывали своими собственными силами, и эта медленная, закрытая для вліянія остальнаго человѣчества жизнь оставила на китайскомъ обществѣ тѣ оригинальныя, ярко-самобытныя черты, которыхъ нельзя встрѣтить ни у какого другаго народа. Но пришло время и Китай долженъ былъ выступить на поприще всемірной драмы.

Одинъ изъ наиболѣе-выдающихся періодовъ въ исторической жизни Европы — эпоха французской революціи, такъ быстро возвысившая могущество Англіи, далъ незамѣтный, косвенный толчокъ и Китаю. Намѣреніе Наполеона уничтожить торговлю Великобританіи съ Китаемъ привело къ тому, что англичане захотѣли прочнѣе обезпечить и возвысить свою торговлю съ Срединнымъ Царствомъ. Съ свойственной ему энергіей, Джонъ-Буль сталъ дѣйствовать рѣшительно и настоятельно. Политическая независимость Португаліи была въ это время болѣе нежели сомнительна. Португальцы не имѣли уже силъ поддерживать свои колоніи на Востокѣ: въ Макао, напримѣръ,

у нихъ было всего 150 человѣкъ солдатъ; изъ нихъ ни одного европейца. Въ рейдѣ Макао уже стояли только-что прибывшія англійскія войска, назначенныя для овладѣнія городомъ, какъ одинъ испанскій фрегатъ изъ Манилы привезъ извѣстіе о мирѣ 1802 года между Англіей и Франціей, по которому Макао доставался англичанамъ.

Обширные виды англійской политики на Китай высказались весьма опредѣленно еще въ концѣ прошлаго столѣтія. Лорду Макартнею (1793 г.) поручено было англійскимъ правительствомъ испросить у китайскаго императора уступку въ полную собственность англичанъ или Макао или острова Вампу, или какого-нибудь другаго мѣста на берегахъ Китая. Пріобрѣтеніе Гонг-Конга, какъ можно заключить по этому, признанное китайскимъ правительствомъ за Англіей въ 1841 году, было слѣдствіемъ политики, обнаружившей свои виды еще въ 1793 году. Кромѣ того, лордъ Макартней, по показаніямъ французскаго миссіонера де-Граммона, бывшаго въ то время въ Пекинѣ и имѣвшаго частыя сношенія съ англійскимъ посольствомъ, долженъ былъ испросить отъ пекинскаго двора согласіе на *постоянную резиденцію въ Пекинѣ* англійскаго посланника или полномочнаго министра, на занятіе англичанами Чу-Сана (островъ въ 18 миляхъ отъ Нингъпо въ провинціи Че-Кіангъ, занятый англичанами въ 1841 году), на *свободу торговли* во всѣхъ китайскихъ портахъ, на *учрежденіе англійскихъ агентовъ въ каждой провинціи имперіи*, на установленіе болѣе точныхъ правилъ въ кантонскихъ таможняхъ. Но прошло болѣе чѣмъ полстолѣтія, пока эти мечты англичанъ превратились въ дѣйствительность. Второе посольство англичанъ, лорда Амгерста, (1816 г.) осталось такъ же безуспѣшнымъ, какъ и первое. Китайское правительство оставалось непоколебимымъ въ своихъ политическихъ принципахъ и не рѣшалось измѣнить ни предѣловъ, ни условій прежнихъ торговыхъ отношеній иностранцевъ къ имперіи. Въ 1820 году вступилъ на китайскій престолъ Тао-Куангъ, послѣдній повелитель Средины, въ древне-китайскомъ смыслѣ. Въ правленіе этого государя пришелъ конецъ гордой отчужденности Китая отъ интересовъ прочихъ націй и было положено основаніе тѣмъ міровымъ событіямъ, которыя, безъ сомнѣнія, насколько многознаменательны въ настоящемъ, настолько же важны для человѣчества въ будущемъ.

Въ Китаѣ явились даже люди, очевидно-усомнившіеся въ единоспасительной жизни Средины. «На ограниченномъ умѣ, на боязливой натурѣ и скромной жизни Тао-Куанга (говоритъ Гютцлафъ) лежала печать сосредоточеннаго чувства, постоянства и рѣшительности—качества, которыя казались бы несовмѣстными съ тихимъ характе-

ромъ и которыя, однакожь, покоились въ глубинѣ его сердца. Онъ не обладалъ вовсе правительственнымъ талантомъ, умѣньемъ владѣть собою и чужими умами, и оставаться твердымъ въ несчастіи». Въ 1831 году Тао-Куангъ былъ глубоко опечаленъ смертью своего сына, погибшаго отъ неумѣреннаго употребленія опіума. (*) Болѣзненное вліяніе опіума начало высказываться весьма въ это время ясно: изъ 1000 человѣкъ, призванныхъ на службу, обыкновенно 200 оказывались неспособными, вслѣдствіе разрушительнаго дѣйствія индійскаго товара. Торговля имъ росла въ громадныхъ размѣрахъ: въ 1837 и 38 годахъ англичане ввозили до 34 тысячъ ящиковъ, цѣнностью въ 33 мильйона рублей, выплачиваемыхъ китайцами звонкою монетой. Макао, конечно, сталъ процвѣтать. Несмотря на очевидность разрушительнаго дѣйствія опіума на тѣло и нервную систему, несмотря на всѣ эдикты и угрозы, которыми китайское правительство хотѣло прекратить вредную торговлю, контрабандный вооруженный ввозъ опіума увеличивался. Въ Кантонѣ была учреждена привилегированная компанія китайскихъ купцовъ, такъ-называемыхъ Пао-Хингъ (охранныхъ купцовъ), которой, кромѣ исключительной торговли, правительство предоставило право наблюдать за точнымъ платежемъ иностранцами извѣстныхъ торговыхъ пошлинъ и за ихъ поведеніемъ. Но при такихъ условіяхъ дѣла шли еще кое-какъ до тѣхъ поръ, пока не была уничтожена въ 1836 г. монополія торговли съ Китаемъ Остиндской Компаніи и не распространено право этой торговли на всѣхъ подданныхъ Великобританіи. Скоро начались разныя недоразумѣнія и ссоры. Въ 1839 году вышелъ указъ Тао-Куанга, въ которомъ въ угрожавшихъ выраженіяхъ, запрещалась контрабандная торговля опіумомъ. Въ виду англійской факторіи императорскій уполномоченный, Линъ, казнилъ одного китайца-контрабандиста. Болѣе 20 тысячъ ящиковъ съ опіумомъ было брошено въ море. Хотя китайское правительство имѣло полное и неотъемлемое право оградить свой народъ отъ развращающей торговли, англичане раздражились. Контрабанда есть своего рода азартная игра, въ которой люди забываютъ свое достоинство и чужое право. Китайцы, съ своей стороны, были также раздражены

(*) Въ первый разъ китайцы вывезли опіумъ сами изъ Индіи въ 1519 году. Затѣмъ португальцы ввозили его въ небольшомъ количествѣ (не болѣе 200 ящиковъ) какъ лекарственное средство противъ диссентеріи. Въ періодъ отъ 1723—35 г. употребленіе опіума входитъ въ обычай въ высшемъ китайскомъ обществѣ. Англичане начинаютъ ввозить опіумъ въ весьма-незначительномъ количествѣ съ 1780 года; но въ 1800 г., необыкновенно-распространившаяся вредная торговля начинаетъ уже серьёзно безпокоить китайское правительство.

послѣ того, какъ главный руководитель англійской торговли въ Кантонѣ, капитанъ Эллiотъ, спряталъ отъ ихъ поисковъ нѣкоего Дента, главу контрабандистовъ. Убійство одного китайца пьянымъ англійскимъ матросомъ дало наконецъ поводъ къ войнѣ. Несмотря на то, что китайцы весьма-храбро дрались, заранѣе можно было сказать, кому изъ воюющихъ дастъ перевѣсъ оружіе. Отказавшись узаконить ввозъ опіума, китайское правительство согласилось смотрѣть на контрабанду сквозь пальцы, то-есть косвеннымъ образомъ платить ежегодно англичанамъ болѣе 30 мильйоновъ руб. сер. дани — такъ смыта была наивная надпись на флагѣ Макартнея. Кромѣ-того, китайцы должны были заплатить единовременно около 30 милліоновъ руб. с. за издержки войны. Весьма замѣчательно то обстоятельство, что договоры (1842, 43 и 44 г.) Англіи съ Китаемъ, въ ихъ полномъ объемѣ, никогда не были обнародованы англичанами. По нанкинскому трактату 1842 г. китайцы открывали для англійской торговли пять фортовъ въ своей имперіи: Кантонъ, Амой, Фу-чеу, Нинг-по и Шангай. Въ 1844 году то же право было предоставлено и всѣмъ другимъ націямъ. Черезъ шесть лѣтъ умеръ повелитель Срединнаго Царства, «слѣдовавшій предписаніямъ своихъ святыхъ предковъ» и жившій «по ихъ завѣту». Вскорѣ послѣ его смерти появилась въ Кантонѣ безъименная статья китайца, въ которой состояніе Китайскаго Государства рисовалось весьма-мрачными красками. Въ ней правительству дѣлались упреки въ плохой администраціи, въ лихоимствѣ мандариновъ, въ плачевномъ состояніи арміи и флота. «Наибольшій же ущербъ (пишетъ китаецъ) какъ въ физическомъ, нравственномъ, такъ и въ хозяйственномъ отношеніяхъ, приноситъ государству ввозъ опіума: народонаселеніе уродуется и ежегодно около 34—35 мильйоновъ долларовъ (около сорока шести мильйоновъ рублей) вывозятся изъ страны.»

При такихъ печальныхъ условіяхъ вступилъ на китайскій престолъ (25-го февраля 1850 года) нынѣшній государь Китая, сынъ и наслѣдникъ Тао-Куанга, двадцати-двухлѣтній Хіен-Фонгъ. Онъ, какъ кажется, мечталъ о томъ, чтобы возстановить древній блескъ и силу маньчжурской династіи. Въ началѣ же его правленія главными правительственными нитями овладѣли приверженцы старины, реакціонеры, которые не хотѣли забыть совѣтовъ устарѣлой государственной мудрости и попрежнему рѣшились смотрѣть на договоры «съ безумными отступниками единоспасительной религіи» не какъ на законное обязательство, но какъ на «исписанную бумагу». Эта партія стала стремиться къ тому, чтобы замѣстить важныя должности своими при-

верженцами и устранить несчастныя для Китая слѣдствія войны за опіумъ. Тѣ изъ министровъ, которые совѣтовали, въ продолженіе послѣднихъ лѣтъ прежняго царствованія, уступить исканіямъ иностранцевъ, были обвинены въ вѣроломствѣ и измѣнѣ и самымъ унизительнымъ образомъ уволены отъ должностей. Эта участь постигла даже ближнихъ родственниковъ императора, президента министровъ Мучанга, управлявшаго при Тао-Куангѣ важнѣйшими государственными дѣлами, и Киинга, посредника во всѣхъ сношеніяхъ иностранцевъ съ пекинскимъ дворомъ. Въ императорскомъ указѣ исчислялись преступленія этихъ министровъ. Мучанга обвинялся, между прочимъ, въ томъ, что онъ старался устранить отъ дѣлъ правленія людей, отличавшихся, по мнѣнію Хіен-Фонга, заслугами и имѣвшихъ возможность принести великія пользы государству. Въ Киингѣ замѣчены были молодымъ императоромъ недостатокъ патріотизма, равнодушіе къ интересамъ государства, что высказалось будто-бы при переговорахъ его о вступленіи англичанъ въ Кантонъ. Но, какъ послѣдствія доказали, молодой повелитель Средины и его новые совѣтники обманывали себя въ своемъ могуществѣ и средствахъ. Мучангă и Киингъ поняли весьма-вѣрно положеніе государства, если считали благоразумную уступчивость требованіямъ иностранцевъ единственнымъ средствомъ спасти страну отъ бо̀льшихъ несчастій. Строгія административныя мѣры молодаго государя увеличили только напряженное состояніе государства и ускорили его разложеніе. Внутри страны съ каждымъ годомъ усиливались тайныя общества; извнѣ «рыжіе варвары» все настоятельнѣе требовали исполненія всѣхъ обязательствъ нанкинскаго договора.

Торговые обороты Англіи и Индіи съ Китаемъ доходили въ 1842 году по цѣнности до 50 мильйоновъ р. с. Эта цифра, постепенно возрастая, дошла въ пятидесятыхъ годахъ до 125 милл. р. с.—какъ видимъ, прогресъ весьма замѣтный. Но все-таки это увеличеніе не удовлетворяло всѣхъ ожиданій купцовъ отъ нанкинскаго трактата. Контрабандный ввозъ опіума принялъ громадные размѣры, вывозъ чая и шелку увеличился также весьма замѣтно, но ввозъ фабричныхъ продуктовъ Англіи—тканей, не получилъ того развитія, котораго ожидали. Отсюда большіе учеты какъ въ промышлености Англіи, такъ и въ ея политическихъ соображеніяхъ, такъ-какъ всѣ предпріятія и войны Великобританіи въ Азіи суть ничто иное какъ безпрерывное покореніе новыхъ рынковъ для ея мануфактуръ. Трудно было обвинять китайскій тарифъ (5% на 100), вѣроятно, одинъ изъ самыхъ слабыхъ въ мірѣ. Чтобы отъискать виноватаго, англичане взялись за мандари-

новъ, за ихъ гордость и лихоимство, и стали обвинять китайскихъ служителей Өемиды въ неправильномъ взысканіи транзитныхъ пошлинъ съ англійскихъ товаровъ внутри имперіи, а туземныхъ купцовъ, въ противодѣйствіи распространенію ихъ торговлѣ. Но при этомъ англичане, какъ кажется, забывали, что Небесная Имперія представляетъ сама обширную, превосходно-организованную для производства мануфактуру, обладающую одновременно неистощимымъ количествомъ сыраго матеріала и огромнымъ числомъ рабочихъ рукъ, въ которой выгоды, доставляемыя европейской промышлености машиннымъ производствомъ, вознаграждаются весьма низкою заработною платою и энергичнымъ трудолюбіемъ. Поэтому англійскимъ фабрикантамъ приходилось бороться съ весьма-серьёзной конкурренціей и жаркіе защитники свободной торговли не могли упрекать своихъ китайскихъ противниковъ въ результатахъ, согласныхъ съ политико-экономическими законами.

Что же касается обвиненій мандариновъ въ лихоимствѣ и незаконныхъ поступкахъ, то они весьма сомнительны. Одинъ изъ англійскихъ же консуловъ въ Китаѣ говорилъ, напримѣръ, лорду Эльгину, что, исключая Кантона, гдѣ, какъ увидимъ ниже, положеніе англичанъ было исключительнымъ, китайскіе чиновники весьма точно исполняли всѣ условія нанкинскаго трактата, даже дѣлали въ пользу европейцевъ многія вовсе-необязательныя послабленія. На контрабанду опіумомъ дѣйствительно смотрѣли сквозь пальцы: нельзя обвинять, поэтому, контрабандистамъ и купцамъ чиновниковъ въ лихоимствѣ, если они сами за мнимую слѣпоту платятъ деньги и пользуются ею въ ущербъ правительственнымъ интересамъ.

Болѣе-основательны возраженія противъ взиманія транзитнаго сбора съ англійскихъ товаровъ внутри имперіи, вопреки условіямъ торговаго договора. Но этотъ сборъ, если онъ и существовалъ дѣйствительно, объясняется весьма-просто финансовой организаціей имперіи. Доходы приморскихъ таможенъ поступаютъ въ императорскую казну; правительство имѣетъ право налагать и сбавлять въ этихъ таможняхъ таксы, слѣдовательно быть отвѣтственнымъ относительно иностранныхъ купцовъ въ исполненіи своихъ обязательствъ. Не такъ было относительно внутреннихъ таможенъ. Каждая китайская провинція имѣетъ свой спеціальный бюджетъ, который долженъ удовлетворять всѣ провинціальные расходы и въ то же время доставлять центральному управленію извѣстную сумму для удовлетворенія общихъ расходовъ имперіи. Поэтому губернаторы провинцій налагаютъ на товары такія пошлины, какія имъ кажутся необходимыми для финан-

соваго баланса ихъ провинцій; они увеличиваютъ эти пошлины или уменьшаютъ, смотря по обстоятельствамъ; губернаторы же опредѣляютъ и таможенный тарифъ и транзитъ по границамъ своихъ провинцій, такъ-что пекинское правительство вовсе даже не знаетъ подробно источниковъ тѣхъ доходовъ, изъ которыхъ ему высылается ежегодно извѣстная сумма. Почти невозможно требовать, чтобъ въ такой громадной имперіи, какъ Китай, центральное управленіе входило во всѣ подробности приходовъ и расходовъ, чтобы оно занималось всѣми таксами, существующими на границахъ каждой провинціи. Поэтому кажется весьма-вѣроятнымъ, что правила транзитнаго сбора распространялись и на иностранные товары такъ же, какъ и на туземныя—обстоятельство, отвѣчающее весьма-удовлетворительно на возраженія англичанъ и американцевъ.

Наконецъ англійскіе негоціанты жаловались на коалицію туземныхъ купцовъ, которые, при благопріятныхъ для нихъ условіяхъ исключительной торговли внутри страны, оставаясь единственными обладателями внутреннихъ рынковъ, имѣли возможность держать въ своихъ рукахъ торговый балансъ, повышать и понижать цѣны – короче пользоваться, хоть и подъ другой формой, всѣми преимуществами уничтоженной по нанкинскому договору торговой китайской компаніи (Пао-Хингъ). Но англичане могли видѣть сами, что до-тѣхъ-поръ, пока ихъ торговыя дѣла въ Китаѣ будутъ вращаться въ опредѣленной сферѣ открытыхъ только портовъ, туземные негоціанты, живущіе въ этихъ портахъ, будутъ пользоваться если не безусловной монополіей относительно иностранной торговли, то, во всякомъ случаѣ, нѣкоторыми, весьма-дѣйствительными преимуществами, какъ, напримѣръ, точнымъ знаніемъ потребностей страны, наконецъ своимъ положеніемъ обязательныхъ посредниковъ между иностранцами и народомъ. Измѣненіе же такихъ отношеній европейскихъ купцовъ къ внутреннему населенію Китая могло быть уничтожено тогда только, когда вся страна будетъ открыта для иностранцевъ, что̀ было хоть и преждевременно, но лежало въ глубинѣ желаній англичанъ.

Какъ ни старался пекинскій дворъ ослабить несчастныя для Китая слѣдствія войны 1842 года, все, однакожь, заставляетъ думать, что вопросъ о развитіи или уменьшеніи иностранной торговли въ предѣ-

---

(*) Вывозъ, напримѣръ, чая доходилъ въ 1853—54 годахъ до 105 милліон. фунтовъ; между-тѣмъ какъ количество чая, потребляемаго ежегодно внутри имперіи, доходитъ, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, ежегодно до 1800 мил. фунт. То же и относительно шелка.

лахъ имперіи весьма-мало занималъ его, потому-что, сравнительно съ тѣми огромными цифрами производства и потребленія въ Китаѣ, которые извѣстны по статистическимъ даннымъ, количество ввезенныхъ въ страну и вывезенныхъ изъ нея товаровъ совершенно незначительно. (*) Ввозъ англійскихъ тканей не имѣетъ никакого вліянія на производство туземныхъ мануфактуръ; потому-то коммерческіе интересы никогда не имѣли особеннаго значенія въ глазахъ китайскаго правительства, держащагося искони политическихъ преданій старины: уступки требованіямъ иностранныхъ купцовъ были для него уступками назойливымъ комарамъ.

Но то, что было бездѣлицей для пекинскаго властителя, составляло почти все для иностранныхъ державъ, стучавшихъ въ двери Китая.

Ожиданія французовъ тоже не оправдались послѣ нанкинскаго трактата.

Въ 1844 году французы снарядили блестящее посольство въ Китай, надѣясь, безъ сомнѣнія, что китайцы, подъ свѣжимъ еще впечатлѣніемъ отъ англійскаго погрома, согласятся сдѣлать имъ какія-нибудь исключительныя уступки. Но французскій трактатъ 1844 года былъ повтореніемъ англійскаго и американскаго трактатовъ; исключительная же уступка французамъ, сдѣланная китайскимъ правительствомъ, состояла въ сбавкѣ 1 франка и нѣсколькихъ сантим. съ пошлины на гвоздику третьяго разбора. На просьбы французскаго посланника о дарованіи бо́льшей свободы христіанской пропагандѣ въ Китаѣ, императоръ, послѣ приведеннаго нами выше заключенія Киинга, дозволилъ безпрепятственное, открытое исповѣдываніе китайцами христіанской религіи и въ своемъ эдиктѣ (18-го марта 1846 г.) ясно и опредѣленно выразилъ запрещеніе кому бы то ни было изъ иностранцевъ проникать внутрь страны для проповѣди. Но французскій уполномоченный понялъ—трудно предположить почему—смыслъ договора совершенно иначе и, вслѣдствіе своей ошибки, поддержалъ въ продолженіе 15-ти лѣтъ ложное убѣжденіе въ Европѣ о свободѣ христіанской проповѣди для миссіонеровъ внутри Китая. По поводу убійства одного католическаго миссіонера, Шаделена (Chapdelaine), проникшаго, вопреки эдикту, внутрь страны, въ Европѣ стали громко обвинять китайское правительство въ вѣроломномъ нарушеніи заключеннаго договора. Но европейская публика, благодаря г. Лагрене, ошибалась въ дѣйствительномъ смыслѣ трактата 1844 года. Правительство Срединны, напротивъ, было весьма-терпимымъ относительно католическихъ миссіонеровъ и, не смотря на свой эдиктъ, закрывало глаза на присут-

ствіе ихъ во многихъ провинціяхъ, извѣстное губернаторамъ, что весьма-вѣроятно, если вспомнимъ, что дѣлами имперіи въ это время управляли главнымъ образомъ Кингъ и Мучанга. Смерть Шаделена была исключеніемъ; китайскія власти виноваты были въ этомъ случаѣ только въ томъ, что, по договору, всякій католическій миссіонеръ, открытый внутри страны, долженъ быть доставленнымъ мѣстнымъ правительствомъ французскому консулу въ ближайшій портъ.

Но самымъ важнымъ, по своимъ послѣдствіямъ обстоятельствомъ, возбудившимъ большое неудовольствіе въ англичанахъ, былъ отказъ кантонскаго населенія впустить «рыжихъ варваровъ» въ свой внутренній городъ.

Кантонское населеніе особенно отличилось въ то время своимъ нерасположеніемъ къ иностранцамъ, даже къ туземцамъ другихъ провинцій. Война съ англичанами за опіумъ только усилила это отвращеніе. Заплативъ «безсильнымъ варварамъ ничтожныхъ 6 мильйоновъ долларовъ», кантонцы отвѣчали волненіемъ на рѣчь къ нимъ Кинга, напоминавшаго о необходимости точнаго исполненія обязательствъ для поддержанія мира. «Кантонъ—наша родина (писали жители въ своемъ воззваніи 15 января 1846 года); здѣсь живутъ наши семейства; здѣсь гробы нашихъ предковъ. Пусть попробуютъ возмутительные варвары войдти въ нашъ городъ — мы забудемъ тогда всѣхъ императорскихъ чиновниковъ; мы возстанемъ всѣ, какъ одинъ, и тогда смерть варварамъ, смерть этимъ прожорливымъ коршунамъ! Мы знаемъ, что имъ хочется войти въ нашъ городъ, чтобъ все вывѣдать и сдѣлаться поскорѣй нашими господами». Но англичане—несмотря на предостереженія китайскихъ чиновниковъ, указывавшихъ имъ на большую опасность народнаго волненія — настаивали. Они надѣялись, безъ сомнѣнія, такъ искренно пожать кантонцу руку, что онъ забудетъ о своемъ отвращеніи и презрѣніи. Хладнокровный Джонъ-Буль даже не торопился, давалъ двухлѣтнія отсрочки, но кантонцы были тверды. Наконецъ, видя, что ни отстрочки, ни переговоры не ведутъ ни къ чему, англичане отправили въ 1853 году пароходъ въ Тіенцинъ, для непосредственныхъ переговоровъ съ пекинскимъ дворомъ. Но Хіен-Фонгъ безусловно отказался отъ всякихъ переговоровъ.

Въ слѣдующемъ 1854 году, сэръ Джонъ Боурингъ, губернаторъ Гонг-Конга, и Мак-Лэнъ, министръ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, отправились снова въ Печелійскій Заливъ, чтобъ испросить отъ пекинскаго правительства пересмотръ трактатовъ. Возстаніе Тай-Пинговъ (инсургентовъ) было въ это время въ полномъ разгарѣ. Иностранные уполномоченные думали, что китайское правительство бу-

детъ болѣе-уступчиво. У нихъ былъ, впрочемъ, и благовидный предлогъ: въ Шангаѣ возникли затрудненія по поводу взиманія таможенныхъ пошлинъ; представленія консуловъ остались неудовлетворенными; кромѣ-того, Джонъ Боурингъ былъ весьма-недоволенъ поведеніемъ кантонскаго губернатора Іе. Хотя всѣ эти основанія для непосредственныхъ переговоровъ съ китайскимъ дворомъ были неважны, но въ виду тѣхъ затруднительныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ находилось китайское правительство, уполномоченные разсчитывали на успѣхъ; они думали даже попробовать при этомъ случаѣ поднять весь китайскій вопросъ, предложить двору принять иностранныхъ посланниковъ и открыть всѣ порты Янг-це-Кіанга.

Мандарины, вступившіе въ переговоры въ устьѣ рѣки Пейхо, отказавшись предварительно отъ 26 бутылокъ вина «варваровъ», стали представлять иностраннымъ уполномоченнымъ, что ихъ желанія проникнуть внутрь страны по рѣкѣ Кіангу нарушаютъ основныя условія, принятыя и той и другой сторонами. «Принять посланниковъ въ Пекинъ! Но для чего? Чтобъ переговорить о чисто-коммерческихъ дѣлахъ, которыя могутъ быть гораздо-ближе разсмотрѣны въ пяти открытыхъ портахъ?» Скоро послѣдовалъ декретъ коммиссару, назначенному для переговоровъ съ иностранцами, въ которомъ императоръ говоритъ, что чужеземцы и его собственные подданные одинаковы передъ лицомъ его правосудія. «Мы чувствуемъ особенное расположеніе къ людямъ, прибывшимъ въ наше царство издалека. Мы согласны сдѣлать уступки имъ; но это дѣло должно быть разсмотрѣно въ провинціяхъ (въ которыхъ находятся открытые порты) людьми компетентными, донесеніе которыхъ просвѣтитъ нашу рѣшимость». «Во всякомъ случаѣ (прибавляетъ императоръ) пусть иностранцы остерегаются показываться вновь въ Тіенцинѣ. На этотъ разъ были приняты во вниманіе трудности, перенесенныя ими на морѣ; но въ другой разъ и это обстоятельство не будетъ взято въ соображеніе». Мандарины очень-хорошо увидѣли изъ переговоровъ, что вопросы о посланникахъ и Кіангѣ вовсе не были серьёзны. Императорскій декретъ былъ вѣжливымъ прощальнымъ письмомъ, послѣ котораго гости скоро (10 октября) оставили Тіенцинъ. Вслѣдъ за ихъ отъѣздомъ совѣтъ министровъ поспѣшилъ отправить къ губернаторамъ приморскихъ провинцій секретный циркуляръ, въ которомъ приглашалъ ихъ разсмотрѣть безпристрастно и обстоятельно тѣ вопросы иностранной торговли, которые должны быть весьма-скоро рѣшены, по обѣщанію императорскаго коммиссара въ Тіенцинѣ. «Варвары (говорилось между прочимъ въ этомъ циркулярѣ) думаютъ только объ одномъ, какъ бы поскорѣй нажить деньги. Всѣ

ихъ процедуры сводятся на одно желаніе: расширить предѣлы своей торговли и видѣть уменьшеніе таможенныхъ пошлинъ. Сдѣлавъ въ этомъ отношеніи нѣкоторыя уступки, имъ можно будетъ зажать ротъ».

Въ февралѣ 1856 года шангайскій губернаторъ увѣдомилъ свое правительство, что англійскій и американскій посланники весьма-скоро потребуютъ вновь пересмотра трактатовъ. Пекинскій дворъ тотчасъ же снабдилъ кантонскаго вице-короля инструкціями, изъ которыхъ ясно видно, какъ китайское правительство смотрѣло на трактаты 1842, 1844 годовъ; тѣ же инструкціи объясняютъ намъ политику вице-короля относительно европейцевъ. Приведемъ небольшое извлеченіе изъ этихъ инструкцій.

«Въ трактатахъ, которыми открывались иностранцамъ пять китайскихъ портовъ, есть статья, въ которой упоминается о томъ случаѣ, когда эти трактаты могутъ быть вновь пересмотрѣны; но этой статьей мы хотѣли только сказать, что если опытъ откроетъ неудобства, затрудненія въ исполненіи обязательствъ, мы не станемъ возражать противъ нѣкоторыхъ легкихъ измѣненій. Мы никогда не думали, ни въ какомъ случаѣ измѣнять *основныя условія* прежнихъ договоровъ. Требованія, которыя представляли эти варвары, два года тому назадъ, въ Тіенцинѣ, до такой степени невозможны, что мы отвергли ихъ съ презрѣніемъ. Иностранные министры, убѣдившись, вѣроятно, сами въ своемъ безразсудствѣ, оставили, наконецъ, всякія пренія. А теперь они отправляются въ Шангай подъ предлогомъ, что будто-бы поведеніе кантонскаго вице-короля сдѣлалось для нихъ нестерпимымъ; но шангайскія власти ни въ какомъ отношеніи не уполномочены заниматься подобными дѣлами: онѣ не могутъ соглашаться ни на какія условія; а отказъ ихъ поведетъ къ тому, что варвары снова отправятся въ Тіенцинъ, что̀ будетъ еще бо̀льшимъ нарушеніемъ заключенныхъ съ ними условій. Пусть Іе наблюдаетъ за всѣми подробностями попытокъ иностранцевъ и постарается удержать варваровъ. Если требуемыя ими измѣненія касаются неважныхъ пунктовъ, то онъ можетъ разсмотрѣть ихъ вмѣстѣ съ иностранцами, затѣмъ донесетъ намъ, чтобъ принятыя имъ измѣненія могли быть узаконены. Если же иностранцы возобновятъ тѣ притязанія, которыя они обнаруживали два года назадъ, тогда онъ долженъ наотрѣзъ отказать имъ и прекратить всякія сношенія».

Изъ приведенныхъ мною выдержекъ изъ кантонскихъ документовъ, доставшихся въ руки англичанъ при взятіи ими Кантона и помѣщенныхъ въ «Blue book» за 1859 годъ, ясно видно, что дѣла и поступки европейцевъ въ Китаѣ всегда были очень-хорошо извѣстны пекинскому дво-

ру; что императоръ самъ лично очень-часто занимался этими дѣлами и что у него было смутное чувство опасности отъ близости европейцевъ къ Пекину. Тѣ, слѣдовательно, весьма-грубо ошибаются, которые думаютъ, что трактаты сороковыхъ годовъ не были даже на глазахъ повелителя Средины и что все зависѣло отъ мандариновъ и дѣлалось ими. Правда, что пекинскій дворъ не получалъ точныхъ свѣдѣній о происшествіяхъ въ портахъ и весьма-часто обманывался относительно настоящаго смысла событій отвѣтственными за нихъ мандаринами. Но положеніе мандариновъ было дѣйствительно необыкновенно-трудно. Они стояли между двухъ огней: съ одной стороны гордый китайскій дворъ, обруженный людьми, незнающими иностранцевъ и нехотѣвшими уважать ихъ интересовъ; съ этимъ дворомъ мандарины были связаны и преданіями и страхомъ немилостей; съ другой — «назойливые и непослѣдовательные» европейцы, которые не хотѣли ни узнать, ни уважать правительственныхъ преданій, принциповъ китайскихъ и смотрѣли самымъ легкимъ образомъ на заключенные ими трактаты—для нихъ это были паспорты, съ которыми они думали еще шире и глубже развить свои торговыя дѣла съ Китаемъ. Какъ могъ видѣть читатель, китайскій императоръ вовсе не заставлялъ мандариновъ проводить европейцевъ или обманывать ихъ: вѣжливая уклончивость мандариновъ коренилась въ чувствѣ самосохраненія, въ томъ, что сами европейцы не давали имъ никакой опорной точки для свободы дѣйствій — и вотъ откуда названіе «непослѣдовательныхъ», даваемое ими иностранцамъ. Если императоръ предписываетъ своимъ правителямъ не уступать новымъ требованіямъ, то только важнымъ, и ссылается на неприкосновенность трактатовъ; если онъ сердится, то потому, что не можетъ понять, какъ маленькая горсть купцовъ рѣшается, по всякому поводу, надоѣдать ему «безразсудными» или ничтожными претензіями!

Между-тѣмъ англичане не забывали нелюбезныхъ кантонцевъ. Сэръ Боурингъ говорилъ Іе, что онъ «никакъ не можетъ допустить, чтобъ народная воля могла быть препятствіемъ ко вступленію англичанъ въ Кантонъ. Какой бы порядокъ былъ въ мірѣ (спрашивалъ радикалъ-англичанинъ), еслибъ мятежный духъ массъ могъ уничтожать заключенные торжественно договоры?». Въ отвѣтъ на этотъ аргументъ англійскаго уполномоченнаго, мандаринъ Іе изложилъ тѣ начала, которымъ, съ китайской точки зрѣнія, должны слѣдовать цивилизованныя государства въ своихъ международныхъ отношеніяхъ и въ дѣлѣ внутренняго управленія. «Конечная цѣль укрѣпленныхъ городовъ (это собственныя слова императора писалъ Іе), должна состоять въ защитѣ народа. На этой защитѣ основывается безопасность государства. Если

кантонское население не хочетъ допускать иностранцевъ въ свой внутренній городъ, то какъ можемъ мы обременять это населеніе императорскимъ приказомъ и просить его сдѣлать то, что оно разъ не хотѣло сдѣлать? Китайское правительство никогда не было склонно къ противодѣйствію народному желанію въ угоду иностранцамъ. Мнѣ кажется, напротивъ, приличнѣй чужеземцамъ узнавать желанія нашихъ народовъ и поступать сообразно съ этими желаніями; и еслибъ иностранцы дѣлали такъ, то могли бы быть всегда увѣрены въ безопасности своей личности и собственности. Въ нашемъ государствѣ (прибавлялъ Іе) народъ есть основа для всѣхъ правительственныхъ дѣйствій. Если правитель любитъ своихъ подданныхъ — они слушаются его: у насъ этотъ принципъ всеобщъ и никогда не измѣнялся. Дѣйствовать противъ народа, значитъ, по-нашему, грѣшить противъ природы, противъ неба — вотъ наша государственная мудрость! И я думаю, что и ваше правительство считаетъ не менѣе-необходимымъ для своего высокаго долга дѣлать только то, что согласно съ закономъ неба и съ обязанностями къ человѣчеству.»

Въ виду иностранныхъ купеческихъ кораблей подобныя разсужденія китайскаго мандарина были недѣйствительны. Они казались Боурингу не болѣе, какъ слѣдствіемъ матежной настроенности кантонскихъ массъ. Непріязнь кантонцевъ къ англичанамъ дѣйствительно была велика и высказывалась при каждомъ удобномъ случаѣ: впослѣдствіи (въ 1857 году) 228 страницъ in-folio «Blue-book» занимала «Correspondence respecting insults in China» (*). При глубокомъ внутреннемъ разладѣ въ отношеніяхъ англичанъ и кантонцевъ между собою, внѣшній, случайный поводъ къ войнѣ представился весьма-скоро и былъ, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, незначителенъ. Такъ часто и продолжительно-разбираемый въ прежнее время вопросъ: кто первый нарушилъ договорныя условія по поводу купеческаго судна «Arrow», есть вопросъ побочный и неважный. Возстанія, явныя протестаціи и непріязненныя движенія китайцевъ вездѣ, на Борнео, Сингапорѣ, въ Пульлс-Пинангѣ и другихъ мѣстахъ, гдѣ только они жили или въ зависимости отъ англичанъ, или въ ихъ сосѣдствѣ, явно доказывали, что англичанамъ приходится бороться на этотъ разъ не только съ одними китайскими властями, но и съ народными массами (**).

21-го октября 1856 года Боурингъ далъ кантонскому правительству срокъ 24 часа времени, впродолженіе котораго должны быть испол-

(*) Neumann. стр. 698.
(**) Ibidem, стр. 708.

нены всѣ требованія англичанъ; если же по истеченіи сутокъ не послѣдуетъ согласія, то Боурингъ объявилъ, что прибѣгнетъ къ силѣ. Отвѣта не было. Тогда адмиралу Сеймуру было поручено бомбардировать городъ. Иностранные купцы и миссіонеры, жившіе въ кантонскихъ предмѣстьяхъ, по первому же слуху о серьёзномъ разрывѣ между англичанами и кантонцами, бѣжали съ своими семействами и частью имущества въ Гонг-Конгъ. Не такъ поступило кантонское населеніе, толковавшее о спорѣ за «Arrow», но неимѣвшее никакого понятія о международныхъ правахъ и обидчивости европейцевъ при оскорбленіи ихъ флага; кантонцы говорили-себѣ безпечно на испорченномъ англійскомъ языкѣ: «Это дѣло касается мандариновъ; пустое дѣло — бояться нечего» (*). 23-го октября Сеймуръ бомбардировалъ внѣшнія морскія укрѣпленія. Китайскія войска, безъ-сомнѣнія, вслѣдствіе распоряженія правительства, не оказали никакого сопротивленія. Когда англичане приблизились къ укрѣпленіямъ, китайскіе офицеры и солдаты отступили безъ выстрѣла; но когда были захвачены улицы по сосѣдству съ факторіями и англичане стали разрушать зданія и мосты, власти не могли уже болѣе сдержать возмущенныхъ жителей, лишенныхъ жилищъ и собственности: противъ англичанъ дружно выступилъ родъ китайскаго ландвера, но для того только, чтобъ отступить предъ ихъ усовершенствованнымъ оружіемъ. Бѣдняки не могли понять, за что на нихъ такая напасть. Изъ объявленій, прибитыхъ къ стѣнамъ во всѣхъ факторіяхъ, было ясно видно, что несчастные кантонцы приписывали нападеніе англичанъ заранѣе-задуманному плану сдѣлать на нихъ разбойничій набѣгъ; впослѣдствіи, другія событія заставили ихъ еще болѣе укрѣпиться въ этомъ убѣжденіи.

Кантонскій Заливъ, какъ извѣстно, весь усѣянъ большимъ числомъ острововъ, которымъ англичане дали свои названія, неизвѣстныя мѣстнымъ топографамъ, такъ, напримѣръ, острова: «Французской Глупости», «Датской Глупости», «Голландской Глупости». Всѣ эти «Глупости», лежавшія недалеко отъ факторій, скоро были заняты умными англичанами. Много кантонскихъ улицъ, между прочими и такъ-называемая англичанами Свиная Улица, поступили въ полное ихъ владѣніе, такъ-какъ всѣ домохозяева были изгнаны и часть домовъ разрушена. Съ батарей, построенныхъ на Голландской Глупости, былъ зажженъ дворецъ вице-короля (28-го октября). Отъ дворца огонь

(*) «This belong Mandarin pigcбn (business); very small a pigcon; no fear nothing».

распространился по разнымъ направленіямъ въ большей части города и принесъ несказанныя бѣдствія густому населенію. Цѣлыя улицы и предмѣстья пылали. На слѣдующій день (29-го октября) Сеймуръ съ 300 — 400 человѣкъ солдатъ, несмотря на значительное сопротивленіе китайцевъ, проникъ наконецъ чрезъ сдѣланную предварительно брешь во внутренній городъ, ко дворцу Ie. Потеря китайцевъ, испытавшихъ при этомъ случаѣ несомнѣнное достоинство европейскихъ бомбъ, гранатъ, конгревовыхъ ракетъ и другихъ разрушительныхъ снарядовъ, была огромна. Дворецъ былъ весь разграбленъ; грабили всѣ, какъ солдаты, такъ и начальники, даже и частные люди, слѣдовавшіе толпами за Сеймуромъ во внутренній городъ. «Офицеры, солдаты, матросы, консулы, частные люди—словомъ, всѣ здѣшніе мои соотечественники (писалъ одинъ англичанинъ изъ Кантона) расправляются здѣсь такъ, что даже непріятель долженъ признать за ними преимущество въ искусствѣ воровать и грабить». На дворцѣ вице-короля сталъ развѣваться англійскій флагъ. Къ вечеру герои возвратились назадъ, къ факторіямъ. Нѣсколько дней ранѣе еще кантонцы стали толпами оставлять свое родное пепелище.

На слѣдующій день (30-го октября) вице-король Ie отправилъ къ Сеймуру письмо, въ которомъ спрашивалъ у англійскаго адмирала объ условіяхъ, которыя будетъ угодно предложить ему. Боуррингъ и Сеймуръ отвѣчали, что должны быть предоставлены китайскими властями: свободный входъ иностранцамъ во внутреннюю часть города какъ въ Кантонѣ, такъ и въ другихъ четырехъ открытыхъ портахъ, и право уполномоченнымъ вступать въ равноправныя устныя и письменныя условія и переговоры съ высшими китайскими властями. «Размыслите хорошенько (писалъ адмиралъ мандарину Ie), жизнь и собственность всего городскаго населенія находятся въ моей власти. При первой же необходимости я могу уничтожить городъ; но буду ли я принужденъ къ тому или нѣтъ—это зависитъ отъ васъ». «Кантонское населеніе (отвѣчалъ Ie) всегда было противъ допуска иностранцевъ въ свой внутренній городъ. Кантонцы—упрямый и жестокій народъ. Вамъ нельзя будетъ оградить себя отъ ихъ явной и тайной непріязни. А послѣ вашего послѣдняго бомбардированія, отъ котораго погибло столько людей и имущества, нельзя сказать, чтобъ кантонцы сдѣлались большими друзьями иностранцамъ». Сеймуръ повторилъ требованіе: отвѣта не было. 3-го ноября началась снова канонада по городу. Къ вечеру Ie прислалъ еще письмо, въ которомъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отказывалъ англичанамъ во вступленіи въ старый Кантонъ. «Наше государство цѣлые годы наслаждалось миромъ; вы пришли те-

перь, чтобъ нарушить его, и пролили неисчислимыя бѣдствія на тысячи и десятки тысячъ населенія». Канонада продолжалась. Наконецъ, ожесточился и Іе: онъ издалъ воззваніе ко всѣмъ кантонскимъ жителямъ, въ которомъ оцѣнилъ голову каждаго убитаго англичанина въ сто-тридцать долларовъ. «Схватывайте каждаго англійскаго мошенника, рубите ему голову и несите ее ко мнѣ. Случай съ лорхой «Arrow» есть только предлогъ; варварамъ хочется получить доступъ во внутренній городъ противъ воли всего населенія. Мужайтесь!» Чрезъ пять дней кантонскіе граждане, въ главѣ которыхъ находился одинъ богатый китайскій купецъ, Хау, отправили къ англійскому уполномоченному весьма-вѣжливый адресъ: «Исторія съ Arrow (говорилось въ немъ) не стоила вниманія, а между-тѣмъ, вы нѣсколько дней стрѣляли по нашему городу, сожгли наши жилища, наше добро, убили множество людей, заставили нашихъ стариковъ, женъ, дѣтей оставить въ глубокой печали свое родное пепелище. Если вы не видѣли всѣхъ этихъ бѣдствій своими глазами, то могли, по-крайней-мѣрѣ, слышать о нихъ. Чѣмъ такъ провинилось кантонское населеніе, что вы рѣшились обрушить на него такія безпредѣльныя бѣды? Мы слышали, вы хотѣли безпрепятственнаго доступа въ нашъ городъ. Положимъ, что ваше желаніе исполнилось бы; но развѣ дѣти, братья, родственники убитыхъ не пожертвуютъ жизнью, всѣмъ, чтобъ только отмстить вамъ? Никакая офиціальная власть, никто на землѣ не въ-состояніи тогда предостеречь васъ отъ ихъ преслѣдованій. Прошедшаго не воротить. Превратите пожары и убійства. Мы знаемъ очень-хорошо, что наши несчастія зависятъ отъ вашего произвола; что вы можете съ дикой жестокостью убить всякое живое существо въ нашемъ прекрасномъ, большомъ и богатомъ городѣ».

Отвѣты Боуринга и Сеймура на этотъ адресъ были только повтореніемъ ихъ предъидущихъ требованій: «Британская честь требуетъ отъ насъ такихъ поступковъ; если мы взойдемъ въ городъ, то съумѣемъ защитить себя. Просители могутъ обратиться къ вице-королю: пусть онъ согласится на наши требованія. Вы могли видѣть сами, что мы имѣемъ возможность уничтожить въ одинъ моментъ вашъ городъ».

Военныя дѣйствія продолжались. Скоро погибъ частью отъ англійскихъ снарядовъ, частью отъ огня императорскій флотъ. Всѣ взятыя прежде вдоль рѣки и по заливамъ укрѣпленія вблизи факторій были превращены въ груды развалинъ. Съ удивленіемъ и ужасомъ смотрѣли китайцы съ крышъ домовъ стараго города на европейское искусство разрушенія. Сеймуръ надѣялся, что Іе уступитъ наконецъ; но, уставъ ждать, англійскій адмиралъ повелъ (11-го ноября) весь свой флотъ къ

группѣ укрѣпленныхъ островов, лежащихъ по лѣвую сторону Макао. Страшная канонада была открыта по этимъ укрѣпленіямъ. Китайцы отвѣчали посильно и съ энергiей, но напрасно: англичане весьма-скоро достигли на малыхъ судахъ стѣнъ укрѣпленій и, несмотря на сопротивленіе, успѣли взобраться на нихъ. Китайцы были отброшены во всѣхъ направленіяхъ; они прыгали въ воду и думали вплавь достигнуть противоположнаго берега. Рѣка Перловъ оживилась и сдѣлалась черною отъ китайскихъ косъ, точно, по выраженію очевидца, на нее спустилось стадо дикихъ гусей. Только весьма-незначительная часть пловцовъ успѣла спастись, остальные всѣ нашли смерть въ быстрой рѣкѣ. Адмиралу не доставало, впрочемъ, людей, чтобъ занять свои завоеванія, да и онъ хотѣлъ только показать китайцамъ, какія громы въ его страшной рукѣ. По отступленіи англичанъ, мандарины тотчасъ же вновь вооружили форты и снабдили ихъ многочисленнымъ войскомъ.

Съ кораблей и съ занятыхъ фортовъ бросались, между-тѣмъ, время отъ времени всевозможные артиллерійскіе продукты. Страшный, раздиравшій сердце крикъ раздался въ одну изъ этихъ минутъ въ полуразрушенномъ и пылавшемъ городѣ: онъ вылетѣлъ изъ горѣвшаго госпиталя, въ который попало нѣсколько зажигательныхъ ядеръ...

Кантонскія событія сдѣлались весьма-скоро извѣстны пекинскому двору. Одно изъ воззваній Іе къ туземцамъ доказываетъ, что китайское правительство рѣшилось твердо продолжать войну. «Теперь (пишетъ Іе) я получилъ на мое донесеніе отвѣтъ императора; онъ приказываетъ сопротивляться съ силою и постоянствомъ. Всѣ наши моря и рѣки должны быть заперты для торговли. О мирѣ не можетъ быть и рѣчи». «Мы должны пощадить городъ (объявлялось въ то же время въ англо-китайскихъ вѣдомостяхъ). Онъ наша собственность — это Калькутта нашего англо-китайскаго царства. Когда прибудутъ съ родины и изъ Индіи войска, мы начнемъ военныя дѣйствія на сушѣ и всѣ южныя провинціи Китая — вѣроятно, до Нанкинга — будутъ въ нашей власти». Иногда китайскіе бѣдняки пробирались къ развалинамъ, чтобъ собрать какой-нибудь оставшійся хламъ; англичане сначала стрѣляли въ нихъ, но потомъ сочли безчеловѣчнымъ убивать безоружныхъ; вмѣсто этого, отъ скуки, безъ-сомнѣнія, они захватывали по нѣсколько человѣкъ и, побивъ ихъ до-сыта и отрѣзавъ косы, пускали на волю.

Н. ХМѢЛЕВСКІЙ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ТРИ СТИХОТВОРЕНІЯ.

Горе, горе живущимъ на землѣ!

I.

То рабъ, то нищій, то злодѣй...
Когда жь увидимъ мы людей?
Когда у сильныхъ на порогѣ
Не будетъ слабый изнывать,
Калѣка-нищій имя Бога
Не будетъ всуе призывать?
Когда всеобщій идолъ — злато,
Не будетъ міромъ управлять?
Когда святое имя «брата»
Всякъ будетъ братски понимать?
Когда духъ правды воцарится
Въ сердцахъ озлобленныхъ людей
И праведный не постыдится,
И не прославится злодѣй?
Когда чадъ злобы и порока
Осѣнитъ божья благодать,
И людъ слѣпой въ своихъ пророковъ
Не станетъ каменемъ бросать?

II.

СЛЕЗЫ КУКУШКИ.

На деревѣ плачетъ кукушка,
Все плачетъ она и кукуетъ:
О братьяхъ, о родинѣ милой,
Она все тоскуетъ, тоскуетъ...

И день и ночь плачетъ кукушка,
И плачетъ она и кукуетъ:
Авось-таки добрые люди
Ея кукованье почуютъ!

Почуютъ ея кукованье,
На горе ея отзовутся:
Пускай же горючія слезы
Не даромъ изъ глазъ ея льются;

Но льются пускай на погибель
Всему неразумному, злому,
И будутъ залогами блага
Любимому краю родному!

III.

НА ПРОЩАНЬИ.

На морѣ жизненномъ мы встрѣтились случайно;
Путями разными ходили мы:
Ты плавала поверхъ воды зеркальной,
Я — въ глубинѣ, средь холода и тьмы.
Ты счастлива была: тебя съ небесъ ласкало
Съ любовью матери свѣтило дня;
А въ часъ ночной, когда луна сіяла,
Баюкая, какъ няня, колыхала
Тебя пѣвучая волна.
Я изнывалъ безъ свѣта и людей,
Томился жаждою желаній
И видѣлъ вкругъ себя лишь гадинъ, да червей,
Жизнь трудную, безъ свѣтлыхъ упованій!

Недолго мнѣ съ тобою вмѣстѣ быть,
И солнцемъ и луной недолго любоваться:
Ты слышишь ли: гроза гремитъ,
Пучина стала волноваться
И пасть раскрыла... Мигъ — и тотъ водоворотъ,
Который насъ столкнулъ съ тобою,
Меня въ глубь бездны унесетъ,
Тебя подыметъ надо мною!

Прости! пускай тебѣ волна
Несетъ, попрежнему, и ласки и привѣты:
Привѣты, ласки тѣ не для меня —
Я былъ всегда чужимъ для свѣта.
Угрюмъ, суровъ, и одинокъ,
И безъ друзей и безъ знакомыхъ,
Зароюсь снова я и въ тину и песокъ,
И буду изучать породы насѣкомыхъ...

КУКУ.

1860 г.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІИ

ОФИЦЕРА ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА О ВОДВОРЕНІИ ВЫХОДЦЕВЪ БОЛГАРІИ И РУМИЛІИ ВЪ КАЗЕННЫХЪ И ПУСТОПОРОЖНИХЪ ЗЕМЛЯХЪ ТАВРИЧЕСКАГО ПОЛУОСТРОВА.

Въ декабрской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» 1860 года помѣщена превосходная статья г. Щербаня «О переселеніи крымскихъ татаръ». Авторъ заботливо разбираетъ вопросъ: возможно ли это переселеніе, полезно ли оно, и какъ замѣнить огромную цифру (около 300 тысячъ) выселяющихся татаръ? Мѣры, принятыя правительствомъ къ переселенію въ Крымъ казенныхъ крестьянъ изъ малоземельныхъ губерній, по его мнѣнію, должны быть усилены вызовомъ переселенцевъ изъ разныхъ концовъ Европы и добровольною, нимало-нестѣсняемою правительствомъ, эмиграціею изъ малоземельныхъ губерній. Касательно первой усиленной мѣры, авторъ разсматриваетъ характеръ англичанъ, ирландцевъ, нѣмцевъ, французовъ, ихъ способность къ колонизаціи и останавливается на единственномъ, лучшемъ средствѣ населить Крымъ—приглашеніи славянъ. «Едва заслышавъ о намѣреніяхъ татаръ, нѣсколько болгарскихъ семей уже явились на полуостровъ пріискать себѣ уголокъ» («Совр. лѣтопись» стр. 219). Едва-ли Турція будетъ препятствовать: свобода, предоставленная нашимъ правительствомъ переселенію татаръ, не обязываетъ ли ея къ тому же?

По обязанностямъ службы изучивъ Крымъ, вслѣдствіе той же идеи о переселеніи болгаръ, я считаю нелишнимъ въ настоящее время познакомить читателей съ изслѣдованіями моими, сдѣланными на мѣстѣ.

Турецкая кампанія 1828 и, въ-особенности, 1829 годовъ, тѣсно-упрочившая связь и сношенія наши съ единоплеменными намъ народами, населяющими Европейскую Турцію, была знаменательна тѣмъ, что, вопреки системамъ прежнихъ войнъ, веденныхъ въ раз-

ныхъ частяхъ Оттоманской Имперіи, графъ Дибичъ умѣлъ внушить во всѣхъ сословіяхъ православнаго исповѣданія славянскаго и греческаго происхожденія непоколебимую вѣру въ могущество Россіи, личное довѣріе къ собственнымъ его дѣйствіямъ, искреннее и живое сочувствіе къ русской арміи. Это проявилось въ смѣломъ и дружномъ въ разныхъ видахъ содѣйствіи болгаръ и румилійцевъ предначертаніямъ главнокомандующаго; каждый изъ дѣятелей этой кампаніи, вѣроятно, помнитъ и испыталъ на себѣ благотворное вліяніе, произведенное на насъ радушнымъ пріемомъ этихъ народовъ, дотолѣ робкихъ и угнетенныхъ. Результаты подобнаго образа веденія кампаніи были двояки и различны для обѣихъ, соединенныхъ вѣрою сторонъ, намъ принесли они огромныя выгоды какъ въ матеріальномъ, такъ и въ моральномъ отношеніи. Съ другой же стороны: привязанность населеній къ русскимъ возбудила уже окончательное преслѣдованіе христіанъ мусульманскими властями, какъ бы низки ни были мѣста и должности, ими занимаемыя. Тяжело и скорбно отозвалось на сердцѣ каждаго это сочувствіе къ уходящимъ отъ нихъ соплеменникамъ, и еще Болгарія не была совершенно очищена нашими войсками, какъ уже жители ея, вмѣсто обѣщанной имъ амнистіи, начали испытывать на себѣ всю горечь мстительнаго возмездія за ихъ искреннія, хотя и неразсчитанныя услуги. Вся страна пришла въ движеніе. Христіанское населеніе всполошилось, поколебалось и, пользуясь присутствіемъ русскихъ и взаимнымъ соглашеніемъ обоихъ правительствъ, тысячи семействъ — изъ городовъ греки торгующаго сословія, изъ селъ трудолюбивые болгары потянулись, поплелись за арміею, покинувъ свои домы, за безцѣнокъ продавъ то, что обременяло ихъ, и нагрузивъ, навьючивъ скотъ свой самымъ необходимымъ скарбомъ. До перехода черезъ Дунай все шло довольно-сносно и хорошо. При общемъ характерѣ и счастливомъ исходѣ войны 1829 года, подъ впечатлѣніемъ еще неостывшей признательности къ благодѣтельнымъ распоряженіямъ Дибича, 80 тысячъ семействъ добрели до границы, привѣтствуемыя, а, можетъ-быть, отчасти и надѣляемыя остатками ненужнаго продовольствія отъ сопутствующихъ имъ, или перегоняющихъ ихъ частей войскъ. Дибичъ вызванъ былъ въ Петербургъ, а оттуда отправленъ на новое поприще, гдѣ и кончилъ жизнь свою.

Далѣе, вотъ что̀ послѣдовало: водвореніе выходцевъ, привязанныхъ къ нему душою, не нашло въ Новороссійскомъ Краѣ должнаго сочувствія. Вниманіе тогдашняго правителя, независимо отъ улучшеній южнаго берега Крыма, обращено было на возникавшіе города: Ногайскъ и много-обѣщавшій по торговлѣ Бердянскъ. Второстепенныя власти, зная, что мысль водворенія

возникла у гр. Дибича, а не у гр. Воронцова, не только не оказывали радушнаго безпріютнымъ пришлецамъ привѣта, напротивъ, ледянымъ пріемомъ и бюрократическими формами совершенно оттолкнули непривыкшихъ къ тому иностранцевъ. Разочарованіе въ будущемъ спокойствіи и мирныхъ труженическихъ занятіяхъ послѣдовало столь же скоро, какъ быстро, мгновенно и опрометчиво было бѣгство изъ Румиліи и Болгаріи. Одна треть болгаръ, если не половина 80-ти-тысячнаго скрипучаго и блѣящаго обоза повернула назадъ на тощихъ клячахъ и ослахъ, не перешагнувъ даже границы, и шла, если не на явную смерть, то уже на жестокую пытку. Остальная временно нашла посильный покровъ, на сколько тогда достало вещественныхъ и денежныхъ средствъ, отъ умнаго, любимаго и уважаемаго всѣми Инзова, бывшаго попечителя южныхъ колонистовъ. Между-тѣмъ вліяніемъ гр. Дибича предположеніе о водвореніи выходцевъ на болѣе прочныхъ и выгодныхъ основаніяхъ развилось и въ Петербургѣ. Слѣдствіемъ этого было назначеніе нѣсколькихъ, по выбору самого Дибича, офицеровъ генеральнаго штаба для составленія описанія пустопорожнихъ казенныхъ земель и проекта населенія выходцевъ въ трехъ новороссійскихъ и бессарабской губерніяхъ. Мнѣ, находившемуся въ числѣ посланныхъ по этому предмету, досталась въ удѣлъ Таврическая Губернія и часть Херсонской. Съ любовью принялись мы за это дѣло; каждому изъ сотрудниковъ пріятно было видѣть себя хоть самымъ мелкимъ кольцомъ той политической машины, которая должна была подарить Россію единоплеменными переселенцами, водворить трудолюбіе въ краѣ, гдѣ доселѣ сталкивались и запорожецъ, и некрасовецъ, и ногаецъ, и русскій молоканъ, скопецъ или субботникъ, и татаринъ. Оживленіе Крыма греческимъ народонаселеніемъ, свыкшимся съ мореходствомъ, торговлею и промышленостью въ частяхъ, къ морю прилегающихъ. а внутренней, средней полосы трудомъ болгаръ, занимающихся скотоводствомъ, земледѣліемъ и садоводствомъ, при постепенной разработкѣ обильныхъ источниковъ края, казалось какимъ-то отдаленнымъ, но возможнымъ миражемъ къ осуществленію благоденствія этой части юга Россіи.

Не сбылось, однакожь, ни одного изъ вышепомянутыхъ предположеній, кромѣ предвидѣннаго уже тогда опустѣнія Крыма чрезъ выселеніе татаръ. Съ 1830 на 1831 годъ настали холода; стужа, нужда, негостепріимный кровъ вытѣснили обратно и еще одну часть выходцевъ— въ Турцію; остальные, потерявшіе всю энергію дѣйствовать, какъ-нибудь пріютились, какъ выше сказано было, съ помощью попечительства колонистовъ южнаго края, къ прежнимъ болгарскимъ сельбищамъ, и, разсѣянные по при-

селкамъ, хуторамъ, безъ средствъ, безъ надежды на лучшую жизнь, затерлись, не проявивъ ни малѣйшихъ признаковъ трудовой своей дѣятельности.

Тридцать лѣтъ прошло съ-тѣхъ-поръ: многое измѣнилось. Послѣдовало выселеніе татаръ изъ Крыма, притѣсненіе болгаръ въ Молдавіи и Валахіи. Эти событія, пробудивъ залегшую издавна признательность къ послѣднимъ, заставили и меня вызвать призракъ забытаго, на пользу ихъ когда-то предпринятаго труда, повѣрить его съ настоящимъ ходомъ и характеромъ вчерашнихъ происшествій, передвинуть на тридцать лѣтъ впередъ то, на чтò указано было тогда, и въ соображеніи, а, можетъ, и на дѣлѣ осуществить мысль возрожденія Крыма предназначавшимися туда поселенцами. Современность этого животрепещущаго вопроса—то-есть, съ одной стороны опустѣніе Крыма, съ другой, бѣгство болгаръ въ нашу Бессарабію—позволяетъ мнѣ думать, что прежній мой трудъ можетъ быть полезенъ и въ настоящее время.

Я уже сказалъ выше, какимъ образомъ я познакомился съ Крымомъ. Чтобъ съ бòльшимъ успѣхомъ устроить переселеніе болгаръ, поручено было двумъ избраннымъ офицерамъ генеральнаго штаба осмотрѣть въ Новороссійскомъ Краѣ всѣ удобныя къ поселенію мѣста, описать ихъ въ подробности, обдумать и составить очеркъ проекта водворенія. Таврическая Губернія сдѣлалась первая предметомъ этого вниманія, и на мою долю выпало объѣхать уѣзды ея, осмотрѣть пустопорожнія мѣста, собрать и повѣрить доставленныя оттуда вѣдомости о количествѣ этихъ земель.

Таврическая Губернія. Изъ четырехъ уѣздовъ, собственно составляющихъ полуостровъ Крымъ, только въ двухъ находятся пустопорожнія земли казеннаго вѣдомства, удобныя для водворенія переселенцевъ; въ двухъ другихъ ихъ совершенно нѣтъ. Въ Симферопольскомъ и Ѳеодосійскомъ земли состоятъ бòльшею частію изъ фруктовыхъ и виноградныхъ садовъ, или изъ незначительныхъ участковъ, вовсе-неудобныхъ для предполагаемой цѣли. Въ Евпаторійскомъ, а наиболѣе въ Перекопскомъ открывается нѣкоторая возможность образовать небольшія поселенія. Совсѣмъ другое представляетъ степная часть Таврической Губерніи къ сѣверу отъ полуострова. Два уѣзда ея, Днѣпровскій и Мелитопольскій, заключаютъ въ себѣ значительное количество казенныхъ, владѣльческихъ и другихъ земель, весьма-выгодныхъ для поселенія (*). Они, по географическому положенію и по различію

(*) Въ Мелитопольсвомъ Уѣздѣ есть излишнія незаселенныя земли, принадлежащія колонистскому и ногайскому вѣдомствамъ. Въ Днѣпровскомъ есть земля до 20

выгодъ, отчуждающихъ ихъ отъ разноплеменныхъ жителей Крыма, должны преимущественно обратить на себя вниманіе относительно торговли, промышлености, нравовъ, обычаевъ и даже религіи.

Евпаторійскій Уѣздъ. Все народонаселеніе уѣзда составляютъ татары. Образъ ихъ жизни, природная безпечность и врожденное ихъ равнодушіе ко всему—уже довольно-извѣстны. Лучшія мѣста сѣвернаго края, занятыя ими, нисколько не вознаграждаютъ край и правительство. Только дикія, пустынныя и безводныя мѣста, повидимому совершенно-неспособныя для жизни человѣка, удивляютъ возможностію существованія татарина. Едва-ли кто имѣетъ менѣе его нуждъ и потребностей въ жизни. Татаринъ довольствуется самымъ необходимымъ: съ величайшимъ трудомъ достаетъ онъ воду, единственное свое питье, часто соленаго и непріятнаго вкуса. Бо́льшую часть дня онъ употребляетъ на добываніе этой воды посредствомъ лошадей, которыя также пользуются ею. Лошади для него необходимы для молотьбы хлѣба. Отъ чрезвычайнаго зноя татаринъ не можетъ работать днемъ и проводитъ ночь въ полѣ. Весьма-малымъ награждается этотъ трудъ. Татары не жнутъ, а косятъ съ корня хлѣбъ, уже высыпающійся отъ засухи, въ этихъ мѣстахъ весьма́-обыкновенной, не связываютъ его въ снопы, а собираютъ въ кучи и обмолачиваютъ лошадьми. Такимъ образомъ треть хлѣба пропадаетъ. Лишенія, которымъ подвергаются татары, дѣлаютъ ихъ безпечными; безпечность же первое для нихъ благо въ жизни. Если, подобно татарамъ, найдутся люди столь же терпѣливые и нетребовательные, они единственно нужны для заселенія Крыма. Татаринъ столько содержитъ рогатаго и мелкаго скота, верблюдовъ и лошадей, сколько потребно для него и для его семейства. Излишекъ обременилъ бы его зимою по недостатку корма, лѣтомъ—воды. Въ этомъ уѣздѣ нѣтъ никакой промышлености; въ городѣ Евпаторіи происходитъ мѣна излишняго скота или шкуръ на табакъ и дурной кофе, употребл емый татарами. Мѣстная торговля ограничивается продажею по частямъ крымскихъ смушекъ, а внѣшняя въ рукахъ иноземныхъ купцовъ, закупающихъ здѣсь хлѣбъ и пшеницу; та и другая незначительны. Нѣкогда цвѣтущее состояніе Евпаторіи измѣнилось съ переселеніемъ при императрицѣ Екатеринѣ II грековъ въ города Нахичевань и Маріуполь. Главный мѣстный промыслъ — рыбная ловля — также уничтожился.

десятинъ, верстахъ въ 8 отъ Перекопа, влѣво отъ Преображенскаго, прилегавшая къ морю и къ перешейку.

Переселеніе болгаръ въ Евпаторійскій Уѣздъ можетъ быть въ самомъ незначительномъ числѣ на земляхъ, которыя или находятся въ спорѣ, или принадлежатъ соляному вѣдомству. Въ Евпаторіи же полезно было бы поселить грековъ изъ приморскихъ городовъ Румиліи и Болгаріи.

Перекопскій Уѣздъ. Многое изъ сказаннаго объ Евпаторійскомъ Уѣздѣ можно вполнѣ примѣнить къ Перекопскому: тѣ же жители, тотъ же образъ жизни; грунтъ земли и безлюдіе тѣ же, хотя въ Перекопскомъ Уѣздѣ, въ балкахъ, прилегающихъ къ Сивашу, весною часто застаивается вода; но она солона и негодна къ употребленію. Добываніе соли оживляетъ здѣсь торговлю и заставляетъ надѣяться на ея процвѣтаніе въ городахъ Перекопѣ и Армянскомъ Базарѣ. Поселеніе могло бы быть устроено въ урочище Одыхійкачъ (9630 десятинъ). Жители изъ окрестностей Маземвріи, Ахіоло и Бургаса были бы тутъ у мѣста; они могли бы заниматься хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ и солянымъ промысломъ, пили бы воду несовсѣмъ-прѣсную, какъ у себя на родинѣ, гдѣ, по мѣстному положенію соляныхъ озеръ, они занимались этимъ промысломъ.

Еслибъ къ этому участку можно было присоединить откудалибо бо̀льшее число десятинъ въ замѣнъ прочихъ, находящихся въ срединѣ постороннихъ владѣній (потому самому неудобныхъ), или земель спорныхъ, на которыя до окончательнаго рѣшенія и положиться невозможно, то, полагая по 15 десятинъ на душу, примѣрно 700 душъ водворились бы тутъ безъ стѣсненія.

Лучшая часть Крыма—оба берега рѣки Салгира до самаго устья ея, потомъ пространство отъ урочища Битермень къ городу Ѳеодосіи и мѣстность отъ рѣчки Буманасадо Арабата остается въ рукахъ татаръ, или владѣльцевъ, которые, по неимѣнію средствъ, не могутъ извлекать тѣхъ великихъ выгодъ, которыми щедрая природа наградила этотъ благословенный край. Всякому извѣстны роскошные заливные луга, надѣляющіе его своимъ изобиліемъ; поля, удобныя для хлѣбопашества, скотоводства и даже садоводства, родники, нерѣдко тутъ встрѣчающіеся, наконецъ возможность заняться мелкимъ рыболовствомъ въ мѣстѣ соединенія рѣки Біюк-Карасу съ Салгиромъ и даже до устья послѣдняго. Все сказанное объ этой странѣ должно возбудить сожалѣніе о ней. Здѣсь не достаетъ только трудолюбивыхъ работниковъ. Къ водворенію ихъ въ этихъ мѣстахъ, а равно и на земляхъ столь же выгодныхъ, между Керчью и безводнымъ возвышеннымъ промежуткомъ, лежащимъ отъ станціи Аргинской до перешейка между Ѳеодосіею и Арабатомъ, представляется нынѣ возможность, вопервыхъ, чрезъ пріобрѣтеніе покупкою добровольно отъ вла-

дѣльцевъ, вызывающихся къ продажѣ земель, вовторыхъ, чрезъ переселеніе татаръ въ Турцію. Въ Перекопскомъ Уѣздѣ, по исчисленію, считается слишкомъ до 16 тысячъ десятинъ земли, разбросанной въ мелкихъ участкахъ.

Днѣпровскій Уѣздъ. Жители бо́льшею частью малороссіяне, частію русскіе и наконецъ ногайскіе татары. Малороссіяне занимаются земледѣліемъ, разведеніемъ рогатаго и мелкаго скота, ходятъ также съ волами къ солянымъ озерамъ и перевозятъ соль. Русскіе почти-исключительно занимаются земледѣліемъ. Особые промыслы — рыболовство на Днѣпрѣ, очень-успѣшное, разведеніе во многихъ мѣстахъ огородовъ (арбузы въ хорошій годъ приносятъ отъ 300 до 500 р.) и судоходство по рѣкѣ, на которой перевозятъ пшеницу, хлѣбъ, доски и разныя деревянныя издѣлія. Вообще селенія при Днѣпрѣ процвѣтаютъ.

Еслибъ обращено было особенное вниманіе на разведеніе садовъ, преимущественно виноградныхъ, то и эта отрасль промышлености пошла бы весьма-успѣшно, чему явнымъ доказательствомъ служатъ сады при иностранныхъ заведеніяхъ и тѣ, которые устраиваются у многихъ русскихъ помѣщиковъ.

Торговля вся на Днѣпрѣ и въ городахъ Олешкахъ и Перекопѣ.

Сбытъ внутреннихъ произведеній и покупка лѣсныхъ матеріаловъ для строенія — главные ея предметы.

Заведенія мериносовъ и продажа шерсти за границею составляютъ предпріятіе особенной важности и выходятъ изъ предѣловъ краткаго очерка. Изъ мѣстныхъ невыгодъ особенно-поразительны для жителей недостатокъ во многихъ мѣстахъ воды, трудность и дороговизна при открытіи колодезей (одинъ колодезь со срубомъ стоитъ отъ 500 до 2 тысячъ руб.), и песокъ, засыпающій поселеніе впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Сообразивъ настоящее положеніе Днѣпровскаго Уѣзда, можно предположить, что 5000 переселенцевъ съ удобствомъ расположатся на пространствѣ 85 тысячъ десятинъ, примѣрно полагая 15 десятинъ на душу.

Мелитопольскій Уѣздъ. Весьма-разнообразенъ въ составѣ своихъ жителей: здѣсь мы находимъ малороссіянъ, природныхъ русскихъ (изъ Воронежской и Курской Губерній), ногайскихъ татаръ, колонистовъ (прусскіе менонисты), разныхъ русскихъ сектаторовъ (изъ губерній Орловской, Тамбовской, Калужской и Астраханской — молоканов, субботниковъ и духоборцевъ), наконецъ, незначительную часть болгаръ, давно уже сюда перешедшихъ. Земледѣліе и скотоводство процвѣтаютъ; рыболовство производится съ успѣхомъ при рѣкѣ Молочныя-Воды

и Азовскомъ Море; разведеніе фруктовыхъ садовъ могло бы производиться съ большимъ совершенствомъ, какъ доказываетъ это богатая колонія менонистовъ; но здѣсь мало обращаютъ вниманія на этотъ предметъ. Внутренняя мелочная торговля идетъ успѣшно и вся почти сосредоточивается у Днѣпра и на Перекопѣ, откуда безпрерывно тянутся обозы на волахъ къ городу Бахмуту.

Водвореніе болгаръ и грековъ въ Таврической Губерніи было бы благотворно для края, какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніяхъ. Никогда до-сихъ-поръ не представлялся столь удобный случай пополнить недостатокъ населенія народомъ трудолюбивымъ и промышленнымъ. Тяжкое турецкое иго сдѣлало изъ болгаръ народъ гибкій, готовый принять всѣ преобразованія, всѣ улучшенія, которыя считались бы необходимыми какъ для его собственнаго блага, такъ и для блага края. Кромѣ того, трудно отыскать жителей, которые были бы способны перенести климатъ и тѣ мѣстныя невыгоды, какія встрѣчаются въ Таврической Губерніи. Въ-самомъ-дѣлѣ житель Болгаріи между Коварною, Гирсовымъ и Кистенджи такъ же знакомъ былъ съ недостаткомъ дровъ и воды; житель изъ окрестностей Бургаса и Мизевріи и тамъ пилъ соленую воду; житель странъ, лежащихъ около Ямболи или Адріанополя, и тамъ возился съ камнями. Привыкнувъ къ мѣстнымъ невыгодамъ, переселенецъ не будетъ чувствовать лишеній и благословитъ судьбу, даровавшую ему новое отечество. Въ нравственномъ отношеніи болгары также будутъ полезны. Они отличаются мирнымъ образомъ жизни, чистою нравственностью, примѣрною трезвостью, простотою обычаевъ и трудолюбіемъ. Въ отношеніи религіозномъ болгары, твердые въ своихъ понятіяхъ, свободно будутъ исповѣдывать православіе. Болгары сотворены если не для Болгаріи и Румиліи, такъ для Крыма; они своимъ существованіемъ дадутъ новую жизнь сѣверному Крыму, и пространство между Днѣпромъ, Азовскимъ и Чернымъ Морями въ состояніи замѣнить выходцамъ Болгаріи и Румиліи ихъ родину.

М. Р—ій.

22 января 1861 года.

ДЕРЕВЕНСКІЯ ПИСЬМА.

ПИСЬМО IX (*).

Другіе времена—другіе нравы.—Взглядъ сельскихъ хозяевъ на новый кредитъ и на устройство земскихъ банковъ.—Нѣкоторые случаи по случаю ихъ неустройства.—Грустное положеніе вопроса о скотскихъ падежахъ. — Образчикъ провинціальнаго ораторскаго искусства.—Старинный анекдотъ по поводу одного изъ новыхъ вопросовъ.—Старый вопросъ между новыми. — Сравненіе прежнихъ дворянскихъ выборовъ съ настоящими.—Утѣшительная и грустная сторона этой параллели.

Извините вашего лѣниваго корреспондента, что онъ не писалъ къ вамъ... ровно два года (**). Впрочемъ, кромѣ лѣни, тутъ были и другія обстоятельства, на которыя я указалъ тогда (***). Но, видно, этихъ обстоятельствъ не переждешь. Въ настоящее время, когда и проч.... два года—цѣлая вѣчность. Въ эти два года много, какъ говорится, воды утекло; много на бѣломъ свѣтѣ совершилось событій и утѣшительныхъ и очень-неутѣшительныхъ; много возникло у насъ новыхъ вопросовъ, многое новое сдѣлалось старымъ, многое старое отжило свой вѣкъ, многое уже отживаетъ. Но въ силу вѣчнаго и непреложнаго закона движенія человѣческаго прогреса, которому, во всемъ и во всѣ времена, суждено совершаться постепенно—и увы! слишкомъ медленно, многое изъ начатаго у насъ далеко еще не кончено. Такъ, напримѣръ, закрыты наши добрыя старыя кредитныя учрежденія, но на мѣсто ихъ, пока еще не открыто никакихъ новыхъ; разработывается вопросъ о вольномъ трудѣ, но все еще остается

(*) См. «От. Зап.» 1858 г. № 4 и 1859 г. №№ 3 и 6.

(**) Пріятель мой, который присылаетъ мнѣ «Деревенскія письма» обращается съ этимъ извиненіемъ и ко мнѣ и вмѣстѣ къ редакціи журнала. П. С.

(***) Письмо VIII.

на одной теоріи, потому-что повсемѣстнаго практическаго приложенія у насъ пока для него нѣтъ; поднятъ вопросъ о жалованьѣ предводителямъ дворянства, но принятъ еще очень въ немногихъ губерніяхъ, потому... но объ этомъ мнѣ будетъ случай сказать кое-что ниже; повсемѣстно учреждены судебные слѣдователи, но не повсемѣстно еще утверждены — иные говорятъ потому, что трудно набрать людей, другіе—потому, что не всѣ люди умѣютъ выбирать людей; затронуты вопросы объ измѣненіяхъ въ нашемъ судопроизводствѣ и о преобразованіи городской и земской полиціи, но еще только затронуты; измѣняются откупная и паспортная системы, но еще не измѣнились—и мало ли что̀ еще впереди! Но одинъ нашъ ученый очень-справедливо замѣтилъ, что исторію нельзя писать наканунѣ, а можно только на другой день. Я, съ своей стороны, замѣчаю, что и на другой день несовсѣмъ-ловко, хотя вовсе не имѣю претензіи быть историкомъ, а пишу, такъ-себѣ, кое-какія замѣтки о нашемъ деревенскомъ житьѣ-бытьѣ.

Извѣстное дѣло, деревня—глушь. А между-тѣмъ, многіе изъ этихъ затронутыхъ, но еще непорѣшеныхъ вопросовъ, громко отзываются и у насъ уже не со вчерашняго дня. И не только отзываются, они начинаютъ измѣнять нашъ бытъ, наши нравы, наши привычки. Прежде, когда, бывало, мы съѣдемся, мы тотчасъ же начинаемъ *заниматься дѣломъ*, то-есть садимся за табельку или за ералашь, а въ минуты, свободныя отъ этого занятія, толкуемъ о лошадяхъ, о собакахъ и о прочихъ, тому-подобныхъ, пріятныхъ предметахъ, но преимущественно о лошадяхъ, особенно, если,къ общему несчастью гостей, хозяинъ коннозаводчикъ. Теперь не то. Правда, въ ералашъ мы все еще поигрываемъ по маленькой; правда, что страстные коннозаводчики и теперь еще готовы спорить до зарѣзу, что коннозаводство выгоднѣе скотоводства, и никакъ не пропустятъ случая угостить васъ генеалогіей и аттестатами своихъ лошадей; но все же въ это время мы подвинулись много впередъ и вообще разговоръ у насъ совсѣмъ другой. Когда, года за три назадъ, я заговорилъ съ нашимъ становымъ приставомъ объ ипотекѣ (*), онъ на меня вытаращилъ глаза, а теперь это слово такъ часто у насъ повторяется, что его не знаетъ только малый ребенокъ да писарь становаго, которому не пришлось еще описывать ни одного имѣнія на осно-

(*) Письмо IV.

ваніи ипотечныхъ законовъ. Даже дамы наши отъ разсужденій объ улучшенной системѣ кринолиновъ, переходятъ иногда къ разсужденіямъ объ ипотечной системѣ, особенно тѣ дамы, мужья которыхъ въ прежнія времена сильно поизрасходовались на ихъ кринолины и на прочія принадлежности дамскаго туалета. Прежде мы боялись вольнаго труда, какъ вольнаго духу, теперь мы и спимъ и бредимъ вольнымъ трудомъ. Теперь въ нашихъ бесѣдахъ лошадиная генеалогія постоянно заглушается шумными толками о вольномъ трудѣ, объ улучшенныхъ системахъ полеводства, объ улучшенныхъ земледѣльческихъ орудіяхъ и машинахъ, и съ нѣкотораго времени мы уже затронули вопросъ и о принятіи мѣръ противъ скотскихъ падежей, который, говоря правду, слѣдовало бы затронуть еще лѣтъ за тридцать назадъ. Но ни къ вольному труду, ни къ улучшенной системѣ полеводства, ни къ покупкѣ улучшенныхъ земледѣльческихъ орудій и машинъ, ни къ принятію мѣръ противъ скотскихъ падежей нельзя придти безъ денегъ. Денегъ намъ негдѣ взять безъ кредита, а къ кредиту нельзя придти безъ ипотечной ститемы—тутъ поневолѣ узнаешь, что́ такое ипотека. Кредитъ — это наша самая больная болячка. Ричардъ III, въ критическую минуту битвы, кричалъ: «полцарства за коня!»... Многіе изъ насъ, въ настоящую критическую минуту безденежья, готовы закричать: «полжизни за кредитъ!» Но кредита все нѣтъ какъ нѣтъ!...

По поводу закрытія нашихъ прежнихъ кредитныхъ учрежденій и проекта для устройства новыхъ, много уже написано журнальныхъ статей и ученыхъ разсужденій. Я, съ своей стороны, вовсе не принимая на себя обязанности разсуждать о томъ, хороша или худа была эта мѣра, своевременна она, или несвоевременна, хочу только внести въ мою деревенскую хронику тѣ впечатлѣнія, какія произвелъ у насъ этотъ переворотъ. Во всякомъ случаѣ это будетъ отголоскомъ если не общественнаго, такъ по-крайней-мѣрѣ мѣстнаго мнѣнія, мѣстныхъ надеждъ, мѣстныхъ потребностей, а этого-то, кажется, теперь и хотятъ; этого, кажется, желаетъ и наше просвѣщенное министерство финансовъ, допустивъ по этому вопросу такую полную гласность, что самъ бывшій мой наставникъ и чрезвычайно-строгій педагогъ одного россійскаго учебнаго заведенія, получившій отъ насъ прозваніе «Раскрошенки» за то, что, цензируя наши ученическія статьи, крошилъ ихъ въ пухъ и прахъ, и дотого не любилъ слово «гласность», что постоянно или вычеркивалъ его окончательно,

или замѣнялъ словомъ «литература», какъ гораздо-болѣе благонамѣреннымъ и консервативнымъ, что самъ, говорю я, этотъ великій мужъ не могъ бы здѣсь ни вычеркнуть этого слова, ни замѣнить его какимъ-нибудь другимъ.

Первое впечатлѣніе помѣщиковъ отъ закрытія кредитныхъ учрежденій ужь, конечно, было впечатлѣніе очень-грустное, и особенно для тѣхъ, которые уже взяли свидѣтельства для перезалога имѣній по десятой ревизіи. Но когда первое горе неудачи прошло, когда намъ и ученымъ и офиціальнымъ образомъ объяснили необходимость этой мѣры и указали на новый кредитъ, многіе стали надѣяться, что дѣла не могутъ надолго остаться въ такомъ положеніи и что новый кредитъ не замедлитъ открыться. Учрежденіе коммиссіи для устройства земскихъ банковъ еще больше подстрекнуло эти надежды, и въ нашемъ захолустьѣ были такіе люди, которые думали, что, вмѣсто проекта, прямо дадутъ намъ уставъ, а вмѣстѣ съ уставомъ тотчасъ же откроютъ и новый кредитъ. Когда «Труды» коммиссіи уже вышли, но къ намъ, въ провинцію, куда очень-нескоро доходятъ не только книги, но и журналы, еще не пришли, мнѣ случилось быть въ одномъ деревенскомъ кружку и быть свидѣтелемъ слѣдующаго разговора:

— Слышали вы, вышелъ уставъ для земскихъ банковъ? сказалъ одинъ.

— Слышалъ. Да только не уставъ, а проектъ, отвѣчалъ другой.

— Уставъ-съ, и будетъ вотъ-какъ — такъ, по-крайней-мѣрѣ, мнѣ сказывали—всѣ наши имѣнія, заложенныя въ опекунскихъ совѣтахъ и въ банкѣ, переведутся въ мѣстные приказы общественнаго призрѣнія, то-есть, собственно говоря, тѣ же самые экспедиціи опекунскихъ совѣтовъ размѣстятся по всѣмъ приказамъ, по которымъ, съ ними вмѣстѣ, размѣстятся и всѣ чиновники, служащіе въ этихъ экспедиціяхъ. Оно иначе и быть не можетъ, потому-что нужно будетъ приказамъ увеличить число чиновниковъ, такъ ужь лучше имъ взять опытныхъ, чѣмъ новичковъ. И притомъ куда же дѣвать такое число чиновниковъ? Торговать имъ, какъ совѣтуютъ нѣкоторые? Да вѣдь безденежному чиновнику такъ же мудрено сдѣлаться купцомъ, какъ безграмотному купцу чиновникомъ.

Слушавшій кивнулъ головой, но какъ-то сомнительно улыбнулся.

— Ну-съ, а потомъ будетъ переоцѣнка имѣній, разумѣется,

по нормальной ихъ стоимости, а не по той, по которой они были оцѣнены за тридцать лѣтъ назадъ. Введутъ ипотечную систему, выдадутъ намъ ипотечные листы, и если увидятъ, что стоимость вашего имѣнія превышаетъ ваши долги, тогда прежде всего вашъ казенный долгъ отнесутъ къ первой ипотекѣ; частный, разумѣется, если онъ есть—ко второй; а за тѣмъ земскій банкъ, по своему усмотрѣнію, можетъ сдѣлать вамъ еще ссуду по третьей ипотекѣ. Оно иначе и быть не можетъ, вопервыхъ, потому, что и имѣнія наши оцѣнены слишкомъ-низко; а вовторыхъ, потому, что и въ кредитѣ намъ предстоитъ такая существенная надобность, какой еще никогда не предстояло. Прежде точно случалось, что заложишь, бывало, имѣніе и позволишь себѣ купить карету, или тамъ какую-нибудь другую прихоть; а теперь каждый изъ насъ понимаетъ, что ему надобно купить не карету, а молотилку, вѣялку, сѣялку, да конныя грабли, да почвоуглубитель, да плужковъ разныхъ—и что безъ этихъ вещей, которыхъ въ теперешнемъ нашемъ положеніи намъ купить не на что, мы погибнемъ, а вмѣстѣ съ нами погибнетъ и все наше хлѣбопашество. Такъ ужь если мы понимаемъ это, какъ же не понять тѣмъ, которые составляютъ разные проекты и уставы банковъ—согласитесь?... Ну, вотъ намъ и закрыли кредитъ потому только, что прежняя система «въ-отношеніи къ поземельному кредиту, была основана на самыхъ нераціональныхъ началахъ»; а теперь снова откроютъ его «съ достаточными средствами и организаціею, приспособленною къ новымъ экономическимъ началамъ...» Помните, какъ тамъ было напечатано въ газетахъ?

Господинъ, который разсказывалъ всѣ эти прекрасныя вещи, былъ низенькій, кругленькій человѣчекъ, съ круглымъ улыбавшимся лицомъ, съ узенькими, масляными, улыбавшимися глазками, и, какъ видите, принадлежалъ къ категоріи именно тѣхъ добродушныхъ людей, которые всегда готовы вѣрить тому, чего имъ хочется. Это былъ помѣщикъ очень-небольшаго, заложеннаго и перезаложеннаго имѣнія и, вѣроятно, эти-то обстоятельства и заставляли его утѣшать себя такими пріятными надеждами. По многочисленности такихъ помѣщиковъ можно бы сказать, что имя ему легіонъ, но его зовутъ просто Петромъ Петровичемъ.

Другой былъ высокій, худощавый, съ серьёзнымъ лицомъ и съ гораздо-болѣе серьёзнымъ, даже нѣсколько-желчнымъ взгля-

домъ на вещи. Потому ли, что онъ помѣщикъ довольно-большаго и, притомъ, незаложеннаго имѣнія, по духу ли скептицизма, сильно-развитаго въ немъ, или, наконецъ, просто потому, что его зовутъ Иваномъ Ивановичемъ, а не Петромъ Петровичемъ, только изъ словъ его было замѣтно, что этотъ ужь ничему не хочетъ вѣрить и ни на что̀ не надѣется.

— Все это передано вамъ не такъ, сказалъ онъ: — я, также, какъ и вы, не видалъ еще «Трудовъ» коммисіи, но убѣжденъ, что не такъ.

Давъ этотъ краткій, но сильный отвѣтъ, онъ хотѣлъ отойти отъ своего собесѣдника и направиться къ столу съ закуской, но тотъ зацѣпилъ его пальцемъ за петлю сюртука.

— Но какъ же, ка́къ? спрашивалъ онъ: — позвольте, объясните?

— А такъ, что ужь если кредитныя учрежденія закрыли свои ссуды по недостатку денегъ, то я опять убѣжденъ, что умирайте вы завтрашній день — денегъ вамъ не дадутъ; перевернись все ваше хозяйство вверхъ-дномъ—денегъ вамъ и тогда не дадутъ. На нѣтъ и суда нѣтъ.

— Но, полно такъ ли?... Но, къ чему жь было составлять проектъ?

— Къ тому именно, чтобъ о казенномъ кредитѣ вы отложили всякое попеченіе и устроивали сами для себя кредитъ частный, какъ знаете. Вотъ вамъ и все.

Утопистъ сильно призадумался.

— Согласитесь, однакожь, сказалъ онъ наконецъ, все еще не желая разстаться съ своими мечтами:—что̀, вѣдь, денегъ рѣшительно взять намъ негдѣ; а между-тѣмъ, вамъ извѣстно, что на устройство остзейскихъ банковъ было выдано на каждую губернію по пятисотъ-тысячъ рублей звонкою монетою (на послѣднихъ словахъ Петръ Петровичъ сдѣлалъ особенное удареніе), да потомъ еще два мильйона на всѣ губерніи (тутъ онъ причмокнулъ), такъ съ такими капиталами, батюшка, можно устроивать банки. И я думаю, что и намъ будетъ пособіе...

— А я не думаю, отрѣзалъ опять нашъ деревенскій скептикъ.

— Посмотримъ, посмотримъ! утѣшалъ себя Петръ Петровичъ: — завтра же пошлю деньги въ Москву и выпишу «Труды» коммиссіи.

— Не хлопочите, сказалъ наконецъ болѣе-привѣтливымъ тономъ его собесѣдникъ.—Я ужь послалъ деньги и съ завтрашней

почтой долженъ получить книгу. А послѣзавтра вы пріѣзжайте ко мнѣ. Вотъ и увидимъ, кто изъ насъ правъ.

Тутъ онъ посмотрѣлъ на Петра Петровича такими глазами и такъ улыбнулся, какъ-будто хотѣлъ сказать: «эхъ, ты, простота сердечная!»

На первое чтеніе «Трудовъ», по приглашенію Ивана Ивановича, объявившаго, что онъ проситъ всѣхъ, кому угодно пріѣхать, набралось много охотниковъ, сколько потому, что у насъ въ провинціяхъ — какъ ужь было замѣчено въ одномъ изъ моихъ писемъ—чтеніе, и особенно выписка не только книгъ, но даже журналовъ и газетъ, все еще мало распространяется; столько же и потому, что самое содержаніе книги было для всѣхъ очень интересно.

Петръ Петровичъ, какъ и надобно было ожидать, явился первый. Когда я пріѣхалъ, онъ сидѣлъ уже за столомъ противъ хозяина, который держалъ книгу въ рукахъ, принявъ на себя обязанность и чтеца и рецензента, и надобно прибавить, рецензента очень-придирчиваго. Говорятъ, что онъ не оставляетъ безъ изустной рецензіи ни одной прочитанной имъ книги и, вѣроятно, на этотъ разъ онъ пригласилъ публику съ той цѣлью, чтобъ было кому слушать его замѣчанія.

— Ну, видите, говорилъ онъ:—какъ я сказалъ, такъ и есть; проектъ и—ничего больше. Да и проектъ такой, въ которомъ, для приложенія къ дѣлу, на каждомъ шагу встрѣчается то точка, то запятая. Прежде всего коммиссія говоритъ, что мы до-сихъпоръ не приходили къ частному кредиту отъ недостатка у насъ «духа товарищества и единства, и затѣмъ, предпріимчивости или инціативы», то-есть, говоря просто, отъ нашей неповоротливости. Положимъ, что это и правда; но кромѣ этой неповоротливости, и чуть-ли еще не больше ея мѣшаетъ у насъ взаимному довѣрію шаткость мѣръ взысканія по частнымъ долгамъ, гдѣ всегда можно сдѣлать проволочку и гдѣ все зависитъ отъ произвола полицейскихъ чиновниковъ и вообще служащихъ лицъ. Коммиссія сама сознаетъ недостаточность этихъ мѣръ, а какъ устранить зло — не указываетъ. Да еще и самыя дѣйствія банковъ хочетъ подчинить произволу одного лица, хоть и губернаторскаго; но кто же захочетъ, спрашиваю я васъ, подчинять свои денежки чьему-бы то ни было произволу?...

— Далѣе коммиссія говоритъ: «можно опасаться, что кредитныя бумаги, выпущенныя частными товариществами и непри-

носящія притомъ выгодныхъ процентовъ, не скоро найдутъ у насъ легкій сбытъ и нескоро привлекутъ къ поземельному кредиту значительные капиталы, которые, при нынѣшнемъ состояніи нашего денежнаго и кредитнаго рынка, не изобилуютъ». А я опять скажу просто: при настоящемъ безденежьи нашихъ землевладѣльцевъ надобно опасаться того, что они вовсе не могутъ приступить къ устройству земскихъ банковъ. Къ чему тутъ обиняки? Бѣдность не порокъ.

— Ну-съ, а о пособіи, о пособіи-то сказано ли что-нибудь? спрашивалъ Петръ Петровичъ.—Ужь если и коммиссія сознаетъ, что мы не изобилуемъ капиталами, та́къ какъ же безъ пособія?

— Пособіе предполагается, сказалъ рецензентъ, и молча смотрѣлъ на Петра Петровича, какъ-бы наслаждаясь его нетерпѣніемъ.

— Но, какое же именно? это любопытнѣе всего, это самое главное.

— На первый разъ по 300,000 р. на губернію.

— Что вы!... Да это почти такъ и есть, какъ въ остзейскихъ губерніяхъ. Я вамъ говорилъ, что оно иначе и быть не можетъ.

— Ну-съ, а позвольте спросить, откуда же оно будетъ выдаваться?

— Изъ приказовъ общественнаго призрѣнія, при которыхъ откроются особыя земскія кредитныя отдѣленія.

— Видите: опять такъ, ка́къ я говорилъ; совершенно такъ! повторилъ Петръ Петровичъ, посматривая на всѣхъ съ торжествомъ.

— Вы думаете та̀къ, а выходитъ вовсе не та̀къ, сказалъ рецензентъ:—вы прежде послушайте, что́ я вамъ прочту: «Для открытія земскаго кредитнаго отдѣленія должно быть на первый разъ подписано мѣстными владѣльцами требованій на 300,000 руб. сер., обезпеченныхъ надлежащими залогами. Затѣмъ выдача ссудъ можетъ быть возобновлена всякій разъ, когда требованія на новыя ссуды будутъ простираться по всей губерніи не менѣе какъ до 50,000 р. с.» Это значитъ что̀? Это значитъ, что хотя бы вамъ до зарѣзу было нужно заложить или перезаложить ваше имѣніе, а пособія вамъ не дадутъ до-тѣхъ-поръ, пока не наберется полнаго комплекта требованій... Та̀къ это, или не такъ, какъ вы говорили?...

Петръ Петровичъ вытаращилъ глаза.

— Но вѣдь, до-тѣхъ-поръ, мое имѣніе могутъ продать съ аукціоннаго торга и я могу въ конецъ разориться, сказалъ онъ.

— И очень-легко. Да кому же до этого дѣло?... Кто же вамъ велѣлъ закладывать имѣніе и покупать карету, какъ сами же вы говорили?... Потомъ вы говорили еще, что имѣнія будутъ оцѣниваться по нормальной ихъ цѣнности — и это не такъ. Здѣсь сказано вотъ что: «Размѣръ ссуды подъ залогъ каждаго недвижимаго имѣнія не долженъ превышать размѣра ссуды, слѣдовавшей подъ то имѣнье изъ государственныхъ кредитныхъ учрежденій, и ни въ какомъ случаѣ не долженъ быть выше третьей части оцѣночной суммы». Это опять значитъ, что имѣнія никакъ не могутъ быть принимаемы въ залогъ выше прежней цѣны, а ниже могутъ. Вотъ вамъ и третья ипотека! Да и къ этой нормѣ прибавлено еще вотъ какое *предостереженіе:* «Переходныя мѣры по устройству земскихъ банковъ ни въ какомъ случаѣ не должны сдѣлаться постоянными. Для этой цѣли желательно, чтобъ у самихъ заемщиковъ было какъ-можно-болѣе побужденія къ переходу къ нормальному положенію, или къ учрежденію совершенно-самостоятельныхъ земскихъ кредитныхъ обществъ, образованіе которыхъ освободитъ казну отъ обезпеченія по закладнымъ листамъ, вынуждаемаго нынѣ лишь особенными обстоятельствами времени. Той же самой цѣли можетъ въ значительной степени способствовать еще одна мѣра — ограниченіе ссудъ въ переходномъ періодѣ изъ земскихъ кредитныхъ отдѣленій возможно узкими предѣлами. Ссуды переходнаго періода должны удовлетворять лишь самой крайней необходимости заемщиковъ...» Я тоже нахожу, прибавилъ рецензентъ, что эта мѣра очень-побудительнаго свойства, потому-что при ней непремѣнно потребуются: свидѣтельства, дознанія, показанія и прочіе тому подобные удостовѣрительные документы въ необходимости залога имѣнія, а при полученіи такихъ документовъ всегда встрѣчаются три очень-непріятныя вещи: проволочка, излишнія издержки и протекція... Да̀, почтеннѣйшій Петръ Петровичъ, извольте-ка прежде доказать, что вы хотите купить именно молотилку, а не карету, да ужь тогда и получайте денежки, если только придется вамъ получить что-нибудь по относительной цифрѣ вашихъ долговъ къ указанной здѣсь нормѣ оцѣнки имѣнія, а затѣмъ еще и къ указанной нормѣ ссуды.

— Такъ вотъ оно какъ! говорилъ горестно Петръ Петровичъ: — но почему жь бы не такъ, какъ въ остзейскихъ губерніяхъ?

— Экъ дались вамъ эти остзейскія губерніи! Почему не такъ?

Почему не такъ? Ну, просто потому, что у нѣмцевъ и безъ всякихъ побудительныхъ средствъ много духу предпріимчивости или иниціативы, а у насъ съ вами его нѣтъ.

— Мнѣ кажется, сказалъ одинъ изъ присутствовавшихъ:—что и частный, и всякій вообще кредитъ, не можетъ быть созданъ никакими искусственными мѣрами, и что частный кредитъ нельзя было иначе развить, какъ введеніемъ еще въ наши казенныя кредитныя учрежденія ипотечныхъ законовъ, при которыхъ, разумѣется, измѣнился бы и порядокъ взысканій по частнымъ долгамъ, какъ съ имѣній незаложенныхъ, такъ и заложенныхъ въ казенныхъ мѣстахъ. При такомъ устройствѣ кредитной системы капиталисты тотчасъ бы увидѣли всю выгоду и безопасность ссудъ подъ поземельную собственность, даже и заложенную въ какомъ бы то ни было кредитномъ учрежденіи, и частныя товарищества или, положимъ, акціонерныя компаніи поземельнаго кредита составились бы, такимъ образомъ, сами собой, не вслѣдствіе изданной для нихъ теоріи, а вслѣдствіе прямой и существенной потребности, какъ заемщиковъ, которые получили бы возможность занимать деньги на выгодныхъ для нихъ условіяхъ, такъ и заимодавцевъ, которые получили бы возможность помѣщать ихъ подъ вѣрное обезпеченіе. А теперь... теперь, мнѣ кажется, только то, что при настоящихъ нашихъ денежныхъ, акціонерныхъ и вообще хозяйственныхъ обстоятельствахъ, намъ возстановить кредитъ очень-трудно.

— Все, что̀ вамъ кажется, можетъ быть и совершенно справедливо, замѣтилъ хозяинъ:—но мнѣ, съ своей стороны, кажется, что толковать о томъ, чего ужь не было сдѣлано, то же, что̀ толковать о вчерашнемъ днѣ. Кажется мнѣ такъ же, что нѣчего намъ больше толковать и о «Трудахъ» коммиссіи: далѣе въ нихъ приведенъ подробный проектъ положенія о земскихъ банкахъ, и приложены правила померанскаго кредитнаго общества, таблица оцѣнки, по которой принимались у насъ до-сихъ-поръ въ залогъ недвижимыя имущества, и прочія тому подобныя руководства, изъ которыхъ иныя могутъ намъ пригодится тогда только, когда мы приступимъ къ устройству банковъ; другія ровно никуда негодятся. А такъ-какъ къ устройству банка мы, господа, по всѣмъ вѣроятностямъ, приступимъ еще нескоро, то пока намъ остается закрыть книгу и идти обѣдать.

Но Петръ Петровичъ и Иванъ Ивановичъ составляютъ двѣ крайности. Первый слишкомъ много надѣялся на «Труды», вто-

рой, какъ ужь мы видѣли, ни на что не надѣялся и ни на что не надѣется. Но люди, болѣе-умѣренные, обсудивъ дѣло хладнокровнѣе и согласившись съ тѣмъ, что толковать о вчерашнемъ днѣ дѣйствительно безполезно, а надобно думать о завтрашнемъ, пришли къ заключенію, что кредитъ могъ бы у насъ возродиться вотъ на какихъ основаніяхъ:

1) Такъ-какъ деньги намъ нужны на обработку земли, то и норму ссудъ на первый разъ надобно бы опредѣлить этой первой и необходимой потребностью.

2) По приблизительному разсчету, при переходѣ къ вольному труду, потребуется единовременнаго расхода на каждую пахотную десятину около 12 р. с.—ссуда очень-незначительная, сумма которой, если раздѣлить ее круглымъ числомъ на всѣ тѣ великороссійскія губерніи, гдѣ принимаются въ залогъ незаселенныя земли, никакъ не превыситъ пособія, опредѣленнаго въ «Трудахъ» коммиссіи, и которая притомъ, въ-отношеніи оцѣнки земель, очень-немногимъ превыситъ слишкомъ низкую существующую оцѣнку.

3) Еще въ одномъ изъ прежнихъ писемъ моихъ (*), я говорилъ о томъ важномъ недостаткѣ нашей кредитной системы, что имѣнія, всегда цѣнимыя слишкомъ низко, подвергались междутѣмъ, при залогѣ въ казну, запрещенію въ полномъ ихъ составѣ; отчего весь остальной капиталъ, который бы владѣлецъ могъ получить подъ то же имѣніе по нормальной его стоимости, оставался мертвымъ, непроизводительнымъ капиталомъ. Теперь всѣ сознаютъ, что еслибъ та же система запрещеній осталась въ прежней своей силѣ и въ земскихъ кредитныхъ отдѣленіяхъ, то всякій частный кредитъ опять былъ бы убитъ, и владѣлецъ, получивъ разъ по 12 р. на десятину (пахотную), тѣмъ бы долженъ былъ и ограничить всѣ свои обороты. Далѣе сознаютъ и то, что это неудобство легко устранить введеніемъ ипотечныхъ книгъ. Долгъ кредитному отдѣленію приказа, разумѣется, обезпечивался бы первой ипотекой, что, однакожь, нисколько не мѣшало бы владѣльцу дѣлать новые займы по второй и третьей ипотекѣ, какъ предполагалъ и Петръ Петровичъ. И если за эти послѣдніе долги имѣніе и подверглось бы продажѣ, какъ за долги менѣе-долгосрочные, долгъ кредитнаго отдѣленія могъ бы оста-

(*) Письмо IV.

ваться на немъ съ переводомъ на новаго владѣльца, точно также, какъ и теперь, при продажѣ имѣній, остается на нихъ долгъ опекунскому совѣту. На введеніе же у насъ ипотечныхъ законовъ мы тѣмъ болѣе надѣемся, что вопросъ о нихъ разсматривался уже правительствомъ.

4) Такъ-какъ большая часть помѣщичьихъ имѣній уже заложена и такъ-какъ въ новыхъ ссудахъ преимущественно будутъ нуждаться именно тѣ владѣльцы, имѣнія которыхъ заложены, то и главная задача вопроса о кредитѣ состоитъ въ томъ, какъ приложить его къ такимъ имѣніямъ? Само-по-себѣ разумѣется, что, по введеніи ипотечной системы, первой ипотекой долженъ обезпечиваться прежній казенный долгъ; но въ такомъ случаѣ новая ссуда, сдѣланная отдѣльно отъ прежней, обезпечивалась бы только второй ипотекой; а подобнаго неравенства въ обезпеченіи къ двумъ казеннымъ кредитнымъ мѣстамъ допустить нельзя. Устранить, однакожь, и это неудобство очень-легко переводомъ долговъ изъ прежнихъ кредитныхъ учрежденій въ новыя и сліяніемъ прежняго и новаго займовъ въ одинъ, который тогда и обезпечится первой ипотекой въ полномъ его составѣ. Другое затрудненіе при выдачѣ ссудъ подъ заложенныя имѣнія состоитъ въ томъ, что многія изъ нихъ недавно перезаложены, и поэтому на нихъ лежитъ еще вся сумма долга, какая допускалась прежнимъ банковымъ разсчетомъ. Слѣдовательно при новой ссудѣ долгъ уже перейдетъ за опредѣленную до-сихъ-поръ норму. Но при этомъ надобно взять въ соображеніе, вопервыхъ, то, что, сравнительно съ прежней оцѣнкой имѣній, на которой основывался и размѣръ ссудъ, цѣнность земли и въ то время была гораздо-выше, а съ-тѣхъ-поръ еще возвысилась почти вдвое; вовторыхъ, что, по поводу того же возвышенія цѣнъ на землю—12 р. на каждую пахотную десятину—составляетъ такую умѣренную надбавочную ссуду, которую безъ всякаго риска могли бы допустить еще лѣтъ за десять, и даже за пятнадцать назадъ и наши прежнія кредитныя учрежденія. Ипотечные законы сами собой приведутъ къ новой оцѣнкѣ имѣній, и тогда стоимость ихъ сама же собою укажетъ, что она можетъ обезпечивать не только весь прежній казенный долгъ и новую надбавочную ссуду, но что обезпеченія еще останутся и на дальнѣйшій кредитъ.

Изъ всего здѣсь сказаннаго видно, что переходныя мѣры, указанныя въ «Трудахъ» коммиссіи, легко могли бы быть прило-

женны къ дѣлу, но только съ нѣкоторыми измѣненіями. Къ-чему, напримѣръ, такое узкое ограниченіе оцѣнки имѣній и ссудъ? Къ-чему предостереженіе, что «ссуды переходнаго періода должны удовлетворять лишь самой крайней необходимости заемщиковъ?» Къ-чему, наконецъ, условіе, что земскія кредитныя отдѣленія не могутъ быть открыты до-тѣхъ-поръ, пока мѣстными владѣльцами не будетъ подписано требованія на 300,000 р.?

При узкомъ ограниченіи ссудъ, земскія кредитныя отдѣленія никакъ не могутъ удовлетворить той потребности, для которой сама же коммиссія находитъ необходимымъ открыть ихъ, то-есть, именно тѣ владѣльцы, которые имѣютъ крайнюю необходимость въ пособіи, пособія изъ нихъ и не получатъ, слѣдовательно, зачѣмъ же ихъ и открывать? Такое ограниченіе могло бы еще быть оправдано недостаткомъ обезпеченія; но изъ сказаннаго же мною видно, что обезпеченія съ избыткомъ достанетъ и на такой размѣръ ссуды, какой въ настоящую минуту дѣйствительно нуженъ. Если коммиссія опасалась, что, при болѣе-широкомъ размѣрѣ кредита, потребовалось бы на первый разъ слишкомъ большое пособіе, то и это опасеніе напрасно. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, стоитъ только указанный выше разсчетъ повѣрить статистическими данными. А при этой повѣркѣ надобно еще взять въ соображеніе и то, что не всѣ же владѣльцы захотятъ воспользоваться предполагаемой ссудой, отчего цифра нужнаго пособія еще уменьшится.

Опредѣленіе крайней необходимости заемщиковъ въ пособіи не только будетъ затруднять ихъ въ полученіи ссудъ, но сильно затрудняетъ уже и теперь всѣхъ обдумывающихъ вопросъ о кредитѣ. Такъ-какъ цѣль этого опредѣленія состоитъ въ томъ, чтобъ пособіе выдавалось не на прихоти, а на дѣйствительныя хозяйственныя надобности, то нѣкоторые находятъ нужнымъ ввести на этотъ предметъ слѣдующія гарантіи: 1) правомъ получать пособіе должны пользоваться только тѣ землевладѣльцы, которые уже заключили съ своими крестьянами условія о переводѣ ихъ на оброкъ; 2) тѣ же, которые хотя условій съ крестьянами еще не заключили, но готовятся къ этому и уже вводятъ у себя вольный трудъ, должны, для полученія пособія, выдавать письменныя обязательства въ томъ, что они непремѣнно переведутъ своихъ крестьянъ на оброкъ въ извѣстный срокъ. Мнѣ же кажется, что и эти гарантіи и самая эта осторожность въ выдачѣ

пособія ровно ни къ чему не поведутъ, кромѣ пустыхъ и совершенно-безполезныхъ затрудненій. Я могу перевесть крестьянъ на оброкъ, но землю, вмѣсто того, чтобъ обработывать вольнымъ трудомъ, отдать въ наймы. Я могу накупить земледѣльческихъ орудій и машинъ и ввести вольный трудъ, но могу найти его невыгоднымъ и бросить. Я могу накупить земледѣльческихъ орудій и машинъ и на другой же день промѣнять ихъ на карету. Но я могу и вовсе не покупать ни земледѣльческихъ орудій, ни машинъ, а занятыя деньги употребить гораздо-полезнѣе и производительнѣе длятого же моего сельскаго хозяйства и вообще для моихъ дѣлъ. Человѣка, который не умѣетъ употребить деньги съ пользой, что̀ хотите заставьте купить—онѣ ему пользы не принесутъ, но, во всякомъ случаѣ, принесутъ пользу кому-нибудь, потому-что и при безполезной ихъ тратѣ, онѣ не уничтожатся. Человѣкъ, который умѣетъ употребить деньги съ пользой, самъ знаетъ гораздо-лучше другихъ, что̀ ему на нихъ купить и что̀ сдѣлать. Къ-чему же опять эта вѣчная опека, основанная на одной формалистикѣ, на одной тратѣ бумаги?... А условіе, что кредитное отдѣленіе не можетъ быть открыто дотѣхъ-поръ, пока не наберется требованій на 300,000, вѣроятно, введено длятого, чтобъ гдѣ-нибудь кредитное отдѣленіе не открылось напрасно, по недостатку нуждающихся въ пособіи? Но, кажется, что стоитъ только устранить всѣ затрудненія въ полученіи ссудъ—и нуждающихся въ пособіи вездѣ найдется достаточно. Ну, а если требованій объявится на 299,000, не-уже-ли и тогда кредитное отдѣленіе не должно быть открыто? Да еслибъ ихъ объявилось не больше какъ на 200 и даже на 100 тысячъ, за что̀ же владѣльцы такой губерніи должны быть лишены пособія? Не-уже-ли они тѣмъ и виноваты, что имъ нужно неровно 300,000, а меньше? Не-уже-ли Петръ Петровичъ виноватъ, что Ивану Ивановичу ненужно никакого пособія? Должно быть виноватъ— и виноватъ именно потому, что коммиссія хочетъ, во что̀ бъ то ни стало, заставить землевладѣльцевъ устроивать самостоятельные земскіе банки.

Но пословица говоритъ: и радъ бы въ рай да грѣхи не пускаютъ. Не одинъ Иванъ Ивановичъ, но и всѣ мы съ душевнымъ прискорбіемъ видимъ, что въ нашей мѣстности нѣтъ никакой надежды на скорое устройство самостоятельнаго банка— ни землевладѣльческаго, по неимѣнію у землевладѣльцевъ денегъ, ни акціонернаго, по поводу общаго недовѣрія къ всѣмъ акціо-

нернымъ обществамъ, и что намъ неминуемо придется пройти сквозь чистилище переходныхъ мѣръ.

Въ такомъ положеніи остается у насъ вопросъ о кредитѣ, по поводу закрытія котораго Петръ Петровичъ, какъ человѣкъ сильно-заинтересованный всѣмъ, что́ только касается этого предмета, разсказывалъ разные анекдоты.

— Были, говоритъ, мы, вскорѣ послѣ того, когда прекратились ссуды изъ кредитныхъ учрежденій, на именинахъ у губернскаго предводителя. Съѣздъ былъ огромный. Вдругъ докладываютъ, что пріѣхала какая-то дама. Смотримъ, входитъ, вся въ черномъ, и ведетъ за руки двухъ мальчиковъ, своихъ дѣтей. Дама еще молодая, только такая худая да блѣдная. «Ваше превосходительство, говоритъ, я пріѣхала просить помощи у васъ и у всего собравшагося здѣсь благороднаго дворянства—не для себя, а вотъ для этихъ сиротъ, и просить не Христа ради, а только заимообразно». Предводитель, разумѣется, попросилъ ее сѣсть, объясниться. Она и разсказываетъ: «Мужъ мой, говоритъ, былъ въ ополченіи и убитъ на Черной-рѣчкѣ...» Тутъ, знаете, не выдержала, заплакала. «Состояніе, говоритъ, у насъ маленькое. Обстоятельства послѣдней войны, походъ мужа, его смерть и все этакое, говоритъ, еще больше разстроили наши дѣла. Ну, а тутъ ужь—извѣстное дѣло, накопилась и недоимка по опекунскому совѣту. Я, говоритъ, хотѣла причислить ее къ капитальной суммѣ, да была больна, разстроена, не до хлопотъ было мнѣ. А потомъ, пока брала для этого свидѣтельство отъ предводителя, пока пошла объ этомъ просьба, залоги и перезалоги пріостановили. И вотъ теперь, говоритъ, у меня ужь нѣтъ никакихъ средствъ спасти имѣніе отъ продажи, потому-что денегъ мнѣ никто въ займы не даетъ. Я надѣюсь, говоритъ, ваше превосходительство, что вы не допустите вдову и сиротъ дворянина вашей губерніи, положившаго, говоритъ, жизнь свою за отечество, пойти по-міру—не отъ того, что они въ-самомъ-дѣлѣ нищіе, а отъ того только, что я лишена средствъ ко всякому обороту»—«Матушка, говоритъ предводитель, душой бы радъ помочь вамъ, да у самого имѣніе описано. Всѣ мы въ этомъ отношеніи на одномъ полозу ѣздимъ. А вотъ о дѣтяхъ вашихъ я готовъ похлопотать». — «Они, говоритъ, ваше превосходительство, и такъ зачислены кандидатами въ кадетскій корпусъ, да въ этомъ мало утѣшенія, коли останутся безъ куска хлѣба. Нельзя ли, говоритъ, ваше превосходительство, помочь мнѣ хоть изъ дворянскихъ

суммъ, въ которыхъ есть доля и моего мужа и моихъ дѣтей? Чтобъ спасти имѣніе, мнѣ нужно только полторы тысячи».—«Дворянскими суммами, говоритъ предводитель, я не могу располагать самовольно; но если вамъ нужна такая незначительная помощь, такъ я объ этомъ подумаю, я какъ-нибудь это устрою. Прошу васъ, говоритъ, успокойтесь: мы уладимъ это дѣло».

— Ну и успокоилъ и уладилъ, прибавилъ Петръ Петровичъ:— потому-что дѣло женское, вдовье — нельзя не помочь. А вотъ у одного моего сосѣда такъ ужь окончательно хлопнули съ молотка сто душъ и пятьсотъ десятинъ земли, всего за три тысячи долга. И хлопнули-то въ іюлѣ, а тутъ въ августѣ же и вышло опять разрѣшеніе причислять недоимку къ капиталу. Сосѣдъ какъ увидѣлъ это, такъ и ахнулъ. «Господи! говоритъ, отчего жь это вышло не въ іюнѣ? Отчего жь мое-то имѣніе продали?» Да оттого, говорю, и продали, что вышло не въ іюнѣ, а въ августѣ. Видно ужь такая твоя судьба.

Вопросъ о принятіи мѣръ противъ скотскихъ падежей, которые проникли теперь уже и въ губерніи сѣверныя, гдѣ прежде ихъ вовсе не знали, хотя и затронутъ нами, какъ ужь я сказалъ, но движется чуть-ли еще не медленнѣе вопроса о кредитѣ. Тамъ мы указываемъ, по нашему крайнему разумѣнію, хоть на какой-нибудь исходъ. Здѣсь хотя постоянно твердимъ, что отъ этого зла наше сельское хозяйство не можетъ сдѣлать ни одного шага впередъ, хотя постоянно жалуемся, и словесно и письменно, что противъ него не принимается никакихъ мѣръ, а какія мѣры принять—ума не приложимъ. Мы видимъ изъ нашихъ хозяйственныхъ журналовъ, что на нѣкоторыхъ нашихъ учебныхъ и образцовыхъ фермахъ, а также и въ Киргизской Степи производятся опыты чумопрививанія скоту, но видимъ и то, что эти опыты были до-сихъ-поръ еще очень-неудовлетворительны и даже опасны. Потомъ, мы знаемъ, по наслышкѣ, что въ Германіи, и въ особенности въ Тиролѣ и Швейцаріи, взаимное застрахованіе скота совершенно уничтожило падежи и привело скотоводство въ самое цвѣтущее положеніе; но объ уставѣ подобныхъ обществъ, о правилахъ, которыми они руководствуются, объ ихъ административномъ устройствѣ, о самыхъ ихъ капиталахъ, страховой преміи, девидендѣ — не имѣемъ никакого понятія (*).

(*) Въ «Современной Хроникѣ» октябрской кн. «От. Зап.» прошлаго года есть свѣдѣніе, что еще въ 1832 году министерство внутреннихъ дѣлъ разослало началь-

Далѣе знаемъ мы, что и у насъ было общество взаимнаго застрахованія скота, но что оно не только не ограждало насъ отъ падежей, потому-что застрахованные гурты (по-крайней-мѣрѣ въ прежнія времена) пользовались какой-то непонятной, и ужь Богъ-знаетъ отъ кого получаемой привилегіей—проходить черезъ города и заставы безъ свидѣтельства; что потомъ дѣла этого общества совершенно упали и теперь о немъ и помину нѣтъ. Знаемъ мы, наконецъ, и уже не по наслышкѣ, а по горькому опыту, какъ у насъ свидѣтельствуются и прогонные и пригонные гурты тѣми, кому это дѣло поручено — и вотъ цѣлый рядъ причинъ, ссылаясь на которыя, наши сельскіе хозяева до-сихъ-поръ не только не предпринимали никакихъ мѣръ противъ падежей, но вовсе почти и не касались этого вопроса ни при съѣздахъ на выборѣ, ни при всякихъ другихъ съѣздахъ.

Нельзя не согласиться, что въ этихъ ссылкахъ есть своя доля правды; но нельзя не согласиться и съ тѣмъ, что вообще въ этомъ дѣлѣ есть своя доля безпечности. Еслибъ мы дѣйствовали единодушно, то-есть еслибъ наши сельско-хозяйственныя общества помогали намъ указаніями на тѣ мѣры, какія приняты противъ заразы въ другихъ странахъ, еслибъ сами хозяева принимали противъ нея больше предосторожностей, еслибъ предводители и исправники строже преслѣдовали, по-крайней-мѣрѣ, тѣ причины ея развитія, которыя они могутъ преслѣдовать—можно навѣрно сказать, что это зло никогда не распространилось бы у насъ такъ сильно, какъ распространилось оно въ послѣдніе годы. И вотъ мы начинаемъ, наконецъ, сознавать это, и поднимаемъ вопросъ о принятіи карантинныхъ мѣръ, которыя давно бы слѣдовало принять. Въ томъ, что при первомъ появленіи заразы въ селеніи, вся скотина того селенія должна быть заперта по дворамъ, а въ околицахъ должны быть выставлены вѣхи съ маяками, которые бы показывали проходящимъ и проѣзжающимъ, что въ селеніи зараза — мы согласны уже окончательно. Шелъ только продолжительный и горячій споръ о томъ, какой именно маякъ выставлять въ такомъ случаѣ: черную ли доску, или чер-

---

нивамъ губерній выписку изъ устава «Прусскаго учрежденія застрахованія скота», съ тѣмъ, чтобъ она была сообщена всѣмъ, занимающимся скотоводствомъ и продажею скота, а также и государственнымъ и удѣльнымъ крестьянамъ. Этой выписки никто изъ сельскихъ хозяевъ не знаетъ и не помнитъ. Отъ небрежнаго ли распоряженія губернскаго начальства, или отъ равнодушія самихъ хозяевъ эта выписка канула въ Лету—теперь, за давностью времени, трудно рѣшить. *Авт.*

ный лоскутъ? Черный лоскутъ взялъ, однакожь, вверхъ, какъ маякъ болѣе-простой и дешевый и притомъ совершенно безопасный отъ похищенія, потому-что матеріаломъ для него можетъ служить даже старая крестьянская онуча. Единогласно признано и то, что скотъ, павшій отъ заразы, не слѣдуетъ зарывать въ шкурахъ, потому-что промышленики, занимающіеся этимъ дѣломъ, то-есть запрещенной съемкой шкуръ съ павшаго скота, пускаются на этотъ промыселъ даже и въ такомъ случаѣ, когда шкура на мертвой скотинѣ изрублена въ куски, которые продаютъ они на клей. Поэтому и находимъ мы гораздо-болѣе безопаснымъ, и даже гораздо-болѣе выгоднымъ въ-отношеніи производительныхъ силъ государства, шкуры съ павшей скотины снимать, хранить ихъ въ отдѣльномъ мѣстѣ, со всѣми нужными предосторожностями, и потомъ подвергать или окуркѣ, или просушиванью въ жаркой сушильнѣ, предоставляя этотъ вопросъ уже рѣшенію ветеринаровъ. Но всѣ эти мѣры пригодны только къ тому, чтобъ останавливать развитіе заразы, уже занесенной въ ту или другую мѣстность; а кàкъ оградить мѣстность отъ занесенія заразы гуртами — надъ этимъ мы становимся въ совершенный тупикъ, сколько по неимѣнію надежныхъ агентовъ для освидѣтельствованія гуртовъ, столько и по неимѣнію средствъ остановить гуртъ даже и въ такомъ случаѣ, еслибъ онъ оказался зараженнымъ. Вообще прогонъ гуртовъ, надлежащій ветеринарный осмотръ ихъ и карантинная задержка, всегда сопряженная съ огромными убытками для хозяина гурта и съ ссылками прикащиковъ на то, что у нихъ нѣтъ средствъ кормить остановленный гуртъ подвознымъ кормомъ, даже нѣтъ средствъ остановить его въ дорогѣ на нѣсколько лишнихъ дней, до того осложняютъ и затрудняютъ вопросъ о принятіи мѣръ противъ падежей, что намъ опять не представлялось бы никакой надежды выйдти изъ этихъ затрудненій, еслибъ мы не видѣли изъ газетъ, что и наши сельскохозяйственныя общества тоже пробуждаются наконецъ отъ своего долговременнаго застоя и что московское общество сельскаго хозяйства приняло уже намѣреніе помочь хозяевамъ разработкой какъ этого вопроса, такъ и вопросовъ о вольномъ трудѣ и земскихъ банкахъ. Мы ожидаемъ отъ его трудовъ многихъ полезныхъ результатовъ, какъ отъ трудовъ людей близко и практически-знакомыхъ съ хозяйственнымъ бытомъ и со всѣми его потребностями. Думаемъ, однакожь, что и московское общество сельскаго хозяйства не укажетъ намъ никакого другаго пути

къ кредиту, кромѣ пособія правительства, открывшаго уже подобное пособіе промышленникамъ и торговцамъ, и не найдетъ никакихъ другихъ мѣръ къ прекращенію надежей, кромѣ взаимнаго застрахованія скота. Въ послѣднемъ случаѣ всякія другія мѣры будутъ только полумѣрами, и мнѣ кажется, что людямъ, понимающимъ всю важность скотоводства для нашего хлѣбопашества, слѣдовало бы просить общество, чтобъ оно указало разумную иниціативу застрахованія обязательнаго, потому-что, къ крайнему сожалѣнію, у насъ еще много такихъ хозяевъ, которые на добровольное застрахованіе скота не скоро пойдутъ.

Приводя наши сужденія о тѣхъ или другихъ хозяйственныхъ и общественныхъ вопросахъ, я считаю не только не лишнимъ, но даже необходимымъ прибавить, что особенныхъ хозяйственныхъ съѣздовъ, какіе вводятся теперь въ нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ и уѣздахъ, у насъ еще нѣтъ. А толкуемъ мы о дѣлѣ просто въ частныхъ кружкахъ, то у Петра Петровича, то у Ивана Иваныча, то у князя Нерыцкаго, то у пріятеля моего Бударагина—того самаго, съ которымъ я познакомился и вмѣстѣ стоялъ въ гостиницѣ нашего уѣзднаго городка, и который тогда еще такъ горячо нападалъ на скупость дворянъ къ избираемымъ ими должностнымъ лицамъ (*).

Теперь мысль о назначеніи жалованья предводителямъ и вообще о прибавкѣ окладовъ лицамъ (я не смѣю и не хочу называть ихъ чиновниками), служащимъ по выборамъ, становится все больше общей мыслью, и можете себѣ представить, какъ доволенъ былъ мой пріятель, когда узналъ изъ газетъ, что прежде всего херсонское, а потомъ и екатеринославское дворянство сознало, наконецъ, необходимость того, что сознавалъ онъ и высказывалъ за два года назадъ. Опираясь на этотъ примѣръ и желая, чтобъ ему какъ-можно-скорѣе послѣдовали и у насъ, онъ, не дожидаясь уже ни нижегородскаго дворянства, ни самарскаго, ни прочихъ другихъ, тотчасъ же написалъ по этому случаю «мнѣніе», съ цѣлью предложить его на выборахъ и «разгромить» имъ, какъ онъ выражался, рутинистовъ, постоянно-составлявшихъ противъ него сильную оппозицію. «Мнѣніе» это тоже было прочитано, предварительно, въ частномъ кружку. Я списалъ его и передаю, какъ образчикъ нашего провинціальнаго ораторскаго искусства.

(*) Письмо VIII.

«Мм. гг.

«Къ числу тѣхъ очевидныхъ и простыхъ истинъ, которыя не требуютъ никакихъ доказательствъ, къ числу такъ-называемыхъ аксіомъ, принадлежитъ и та, слишкомъ-очевидная истина, что каждая общественная должность требуетъ отъ лица, принявшаго ее на себя, двухъ вещей — труда и времени, вещей, которыя, быть-можетъ, въ понятіяхъ предковъ нашихъ, проводившихъ бо́льшую часть жизни въ ѣдѣ и питьѣ, въ послѣобѣденномъ отдыхѣ и въ различныхъ потѣхахъ, и исполнявшихъ бо́льшую часть общественныхъ дѣлъ въ видахъ собственнаго *кормленія*, не имѣли никакой цѣны, но которыя, по современнымъ экономическимъ понятіямъ, цѣнятся дорого, составляютъ главный и основный капиталъ какъ общественнаго, такъ и частнаго богатства. Еще, кажется мнѣ, очевиднѣе то, что, кромѣ траты этого отвлеченнаго и, быть-можетъ, несовсѣмъ-хорошо еще сознаннаго и нами капитала, каждая общественная должность требуетъ и пожертвованій чисто-матеріальныхъ, потому-что, съ одной стороны, отвлекаетъ отъ собственныхъ хозяйственныхъ дѣлъ, а съ другой — вовлекаетъ въ издержки, для каждаго должностнаго лица неизбѣжныя, а при высшихъ уѣздныхъ, и тѣмъ болѣе еще губернскихъ должностяхъ—и весьма-значительныя. На основаніи этой истины и потомъ на основаніи еще другой—опять столько же очевидной и неоспоримой, что каждый трудъ долженъ быть заплаченъ, что никто не обязанъ служить обществу въ ущербъ собственнымъ интересамъ, что, наконецъ, совершенно-несправедливо со стороны самого общества требовать отъ своихъ членовъ подобныхъ жертвъ, я давно уже прихожу къ тому мнѣнію, что прежніе слишкомъ-скудные оклады нашихъ выборныхъ должностныхъ лицъ необходимо увеличить; а тѣмъ лицамъ, которымъ до настоящаго времени не полагалось никакихъ окладовъ, назначить новые, соразмѣривъ тѣ и другіе съ современными потребностями.

«Мнѣніе это, сколько мнѣ извѣстно, до-сихъ-поръ многими не раздѣлялось прежде всего по разсчетамъ экономическимъ, постоянно заставляющимъ насъ избѣгать всякой прибавки земскихъ повинностей, потомъ вслѣдствіе давно уже вкоренившагося убѣжденія, что увеличенные оклады не поведутъ къ выбору лучшихъ людей, а только къ новымъ интригамъ и проискамъ, къ выборамъ, еще болѣе пристрастнымъ и, наконецъ, вслѣдствіе того же чистаго предубѣжденія, что нѣкоторыя должности съ назначеніемъ *жалованья* лицамъ, ихъ занимающимъ, утратятъ свое

достоинство. Не буду разбирать до какой степени невѣренъ этотъ взглядъ, заставляющій насъ же самихъ, изъ сбереженія копеекъ, постоянно жаловаться на небрежность нашей администраціи, заставляющій заподозрѣвать въ насъ же самихъ больше дурныхъ началъ и неразумія, чѣмъ сколько ихъ есть въ-самомъ-дѣлѣ, заставляющій воображать, что окладъ можетъ унизить мѣсто или лицо, тогда-какъ во всѣхъ образованныхъ государствахъ, гдѣ служба дается не для кормленія, а для точнаго исполненія своихъ обязанностей, мы видимъ совершенно-противное. Скажу только, что невѣрность подобнаго взгляда ярко уже обличается самими фактами, самими событіями, совершающимися вокругъ насъ. Благодѣтельная гласность, быстро-подвинувшая насъ на пути къ прогресу, ознакомившая со многими новыми идеями, показавшая многое старое и уже давно знакомое намъ въ новомъ свѣтѣ (*), эта благодѣтельная гласность, сверхъ всякаго моего чаянія, не пренебрегла передать печати и нѣкоторыя мои слова, сказанныя въ частномъ разговорѣ о томъ же самомъ предметѣ, о которомъ я имѣю честь говорить теперь передъ вами (**). А затѣмъ, къ крайнему моему удовольствію, органы той же гласности, то-есть журналы и газеты, передали намъ, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ давнишняя мысль моя о прибавкѣ окладовъ лицамъ, служащимъ по выборамъ, и о назначеніи приличныхъ окладовъ самимъ гг. предводителямъ дворянства уже осуществилась.

«Я никакъ не приписываю себѣ иниціативы этой мысли; я не смѣю и думать, чтобъ указываемыя мною дѣйствія совершились подъ вліяніемъ моихъ словъ; я только привожу этотъ фактъ, какъ доказательство того, что мысль, развиваемая мною, начинаетъ уже сознаваться не отдѣльными и исключительными личностями, которыхъ можно заподозрѣть въ своекорыстіи и другихъ какихъ-нибудь собственныхъ видахъ, но уже цѣлыми массами, цѣлымъ обществомъ. И теперь, не вслѣдствіе только собственнаго убѣжденія, а вслѣдствіе этого, совершившагося факта, я осмѣливаюсь надѣяться, что мнѣніе мое найдетъ, наконецъ, себѣ сочувствіе и въ васъ, мм. гг., и что мы и въ этомъ дѣлѣ нашего общественнаго благоустройства точно также не захотимъ отстать отъ другихъ, какъ не отстаемъ и во всѣхъ прочихъ благихъ начинаніяхъ».

(*) Извините моего пріятеля. Увлекаемый общимъ потокомъ, онъ не могъ воздержаться отъ этого общаго мѣста въ честь гласности. *Авт.*

(**) Письмо VIII.

Но въ томъ кружку, гдѣ это «мнѣніе» было прочитано и ходило по рукамъ, большаго сочувствія оно не нашло, напротивъ, его нашли слишкомъ-рѣзкимъ и, само-собой разумѣется, что упреки въ отсталости понятій никому не могли понравиться. Многимъ не понравилось даже и то, зачѣмъ трогаютъ предковъ. Но вотъ странно, что именно съ того мѣста рѣчи, гдѣ пошли упреки и рѣзкости, ее и начали слушать внимательнѣе. Впрочемъ, эту странность можно замѣтить вообще въ нашей публикѣ. Тѣ журналы и тѣ статьи, гдѣ насъ больше ругаютъ (извините за выраженіе: въ-отношеніи къ нѣкоторымъ статьямъ его нельзя замѣнить никакимъ другимъ), преимущественно читаются съ особеннымъ интересомъ и даже съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ. Вкусъ, довольно-прихотливый, причину котораго не мѣшало бы изслѣдовать гг. психологамъ. Быть-можетъ, въ этомъ случаѣ руководитъ читателями, съ одной стороны, и когда брань направлена мѣтко—потребность самосознанія, съ другой—когда авторъ накидывается на общество несознательно, а такъ, ни съ того, ни съ сего, какъ дон-Кихотъ на вѣтряныя мельницы—удовольствіе поругать и его въ свою очередь; съ третьей—вѣчно присущее человѣческой натурѣ свойство видѣть и въ лицахъ мольеровыхъ комедій, и въ лицахъ новѣйшихъ обличительныхъ статей не себя, а своего сосѣда. Нѣкоторымъ изъ тѣхъ же причинъ надобно приписать и вниманіе, возбужденное выходками нашего оратора. Люди, раздѣляющіе его мнѣніе, нашли всѣ его замѣчанія совершенно-справедливыми и отнесли всѣ его упреки никакъ не къ себѣ, а къ другимъ; люди мнѣнія противнаго нашли въ его словахъ слишкомъ-явное желаніе выставить себя передовымъ человѣкомъ, нашли много хвастовства и самохвальства, и указаніемъ на эту сторону рѣчи поспѣшили возстановить противъ него большинство, вообще нелюбящее выскочекъ. Рутинисты опять затянули старую свою пѣсню, что прибавка окладовъ всѣмъ чиновникамъ вообще никакъ не спасетъ насъ отъ взяточничества, а прибавка окладовъ чиновникамъ, служащимъ по выборамъ, никакъ не сдѣлаетъ ихъ ревностнѣе въ исполненіи своихъ обязанностей. Господа, преисполненные аристократической гордости, отличающіеся бѣлыми, полными руками и такими же лицами, сіяющими самодовольствіемъ, господа, смотрящіе на весь міръ съ высоты своего величія и гораздо-больше обращающіе вниманіе на свои обточенные ногти и свои брильянтовые перстни, чѣмъ на простыхъ смертныхъ—словомъ, фаты ари-

стократизма едва удостоивали это мнѣніе презрительной улыбки и едва процѣживали сквозь зубы, что дворянинъ долженъ служить дворянству изъ чести, а не изъ денегъ, и что никто не заставляетъ насъ выбирать нищихъ, нуждающихся въ пособіи. Къ этимъ важнымъ господамъ тоже пристали подголоски, которые вступились за дворянскій гоноръ съ громкими криками и съ затаенной мыслью, что «не выберутъ ли, дескать, меня въ предводители за то, что я такъ горячо отстаиваю безкорыстное служеніе и оказываю такое неумолимое презрѣніе къ деньгамъ». Наконецъ, люди съ понятіями болѣе-практическими, чѣмъ аристократическими, но, во всякомъ случаѣ, слишкомъ-осторожные, хотя и не отвергали самой сущности предложенія, но разсудили, что, вопервыхъ, въ такое время, когда для землевладѣльцевъ закрытъ всякій кредитъ и денегъ у нихъ нѣтъ, а въ деньгахъ предстоитъ настоятельная надобность, всякая прибавка земскихъ повинностей дѣйствительно будетъ для нихъ тяжела, и что, вовторыхъ, такъ-какъ при настоящемъ переходномъ состояніи будущее значеніе лицъ, служащихъ по выборамъ, еще недостаточно выяснилось, то и вопросъ о прибавкѣ и назначеніи имъ окладовъ долженъ быть пока отодвинутъ на второй планъ. Я, съ своей стороны, раздѣляя вполнѣ мнѣніе Бударагина, et tutti quanti, прошу, однакожь, быть къ намъ снисходительными, если эта рѣчь не вполнѣ удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ ораторскаго искусства, прошу потому, что гдѣ же намъ взять его, и по непривычкѣ нашей говорить передъ публикой, и даже по непривычкѣ многихъ изъ насъ излагать свои мысли письменно. Въ новомъ поколѣніи этотъ недостатокъ начиналъ уже сглаживаться, чему служитъ доказательствомъ постоянно-прибывающее у насъ число писателей; но въ поколѣніи отживающемъ сколько еще найдется людей, которые затрудняются написать записку въ нѣсколько строкъ. Было у насъ только одно время, когда и новое и старое поколѣніе вдругъ принялось писать, и даже посылать написанное въ печать. Но, Боже мой! сколько было хлопотъ съ этимъ писаніемъ редакторамъ!...

Шелъ у насъ разговоръ и о земскихъ повинностяхъ. Человѣка два-три, указавъ и тутъ на благодѣтельную гласность и преимущественно на статью г. Никифорова, напечатанную въ № 23 «Журнала Землевладѣльцевъ»—въ которой самый выборъ депутатовъ для раскладки и повѣрки земскихъ повинностей представленъ въ лицахъ — стали сильно говорить, что у насъ для

этого дѣла выбираются люди несамостоятельные, неспособные отстаивать общественныхъ интересовъ и даже неспособные ни къ какому дѣлу, и выбираются потому только, чтобъ заставить ихъ нести хоть какую-нибудь общественную обязанность: что, поэтому, и у насъ земскіе сборы повѣряются и расходуются слишкомъ-небрежно; а такъ-какъ, по справедливому замѣчанію автора той же статьи, отъ разумнаго употребленія этихъ сборовъ зависитъ все благосостояніе губерніи, и материальное и нравственное, то не худо бы и намъ обратить побольше вниманія и на капиталъ народнаго продовольствія, и на сборъ для устройства дорогъ, которыя вовсе не устроиваются, и на сборъ для образованія дѣтей, изъ которыхъ многія, по недостатку учебныхъ заведеній, остаются вовсе безъ образованія, и что, наконецъ, во всякомъ случаѣ, въ настоящее время, когда всѣми сознана необходимость увеличенія числа учебныхъ заведеній, когда насъ приглашаютъ къ новымъ пожертвованіямъ на этотъ предметъ, когда хорошіе пути сообщенія становятся для насъ важнѣе и нужнѣе, чѣмъ когда-нибудь, и когда, притомъ, самое правительство наше безпрерывно открываетъ различные комитеты для обсужденія различныхъ административныхъ и хозяйственныхъ вопросовъ—прежній порядокъ или, точнѣе сказать, безпорядокъ, и въ дѣлѣ земскихъ сборовъ существовать не можетъ, а долженъ быть измѣненъ радикально.

Съ тѣмъ, что въ выборѣ депутатовъ къ такому важному дѣлу дѣйствительно слѣдовало бы намъ быть строже и разборчивѣе— всѣ согласились. Но тутъ же кто-то указалъ на другую печатную статью, въ которой замѣчено, что «до-тѣхъ-поръ, пока дворянскія суммы не перейдутъ изъ-подъ контроля бюрократическаго подъ общественный дворянскій контроль, всѣ наши собственныя повѣрки этихъ суммъ будутъ оставаться одной только пустой и жалкой формалистикой» (*). А изъ этой цитаты указавшій на нее вывелъ то заключеніе, что при такомъ положеніи дѣла самый выборъ къ нему людей, хотя-бы и самостоятельныхъ и способныхъ отстаивать общественные интересы, едва-ли можетъ принесть какую-нибудь пользу. Затѣмъ случившійся тутъ же одинъ старичокъ разсказалъ слѣдующій анекдотъ изъ временъ давнопрошедшихъ:

«Былъ (сказалъ онъ) и я, лѣтъ сорокъ, а, можетъ-быть, и пять-

(*) Ж. Зз. № 24, «Разныя извѣстія».

десять назадъ—не упомню хорошенько, давно ужь живу на свѣтѣ—выбранъ депутатомъ для повѣрки земскихъ повинностей. Извѣстное дѣло, въ тѣ времена настоящей повѣрки не дѣлали: куда намъ соваться—сами знаемъ, а такъ только просматривали итоги. И видимъ такое чудо, что съ диву дались: видимъ, что на новыя рамы и стекла въ губернскомъ правленіи израсходовано двадцать тысячъ рублей! Будь что-нибудь поменьше—намъ бы и въ умъ не влетѣло, такъ бы и прошло; а на этакую громаду поневолѣ выпучишь глаза. «Безобразно»—говоримъ—«что-то очень. Какъ бы самимъ въ бѣду не попасть. Надобно подлинныя книги посмотрѣть, да повѣрить эту статью хорошенько...» А намъ, знаете, дали только выписку. Потребовали книги—говорятъ, что книги ужь отосланы въ казенную палату на ревизію. Мы запросъ туда. Казенная палата и отвѣчаетъ, что это, де-скать, точно ошибка: написано—двадцать тысячъ, а надобно читать—двѣ; а затѣмъ все вѣрно. Какъ же, думаемъ, вѣрно: да и въ итогѣ ужь должна выходить разница на восьмнадцать тысячъ. А итогъ у насъ подведенъ сполна, стало-быть, и въ книгахъ такъ. Мы опять запросъ въ палату, только палата намъ хоть бы словечко отвѣтила. Мы туда, мы сюда, то опять запросъ, то отношеніе, то представленіе куда слѣдуетъ, да такъ ни откуда ничего и не добились. «Ну, что жь думаемъ, мы свое дѣло сдѣлали, а виноватаго и безъ насъ найдутъ». Такъ вотъ что удивительно, что и виноватаго не нашли; и такъ, дѣло это ничѣмъ и кончилось... Только давно было это, очень-давно».

— Да, батюшка, замѣтилъ разказчику одинъ молодой человѣкъ и притомъ горячій защитникъ современности:—видно, что это случилось во времена баснословныя. А теперь у насъ не то. Теперь въ губернскомъ правленіи, какъ въ зданіи устроенномъ собственно для порядка, ужь, конечно, никакихъ безпорядковъ отъ его собственныхъ стеколъ и рамъ произойти не можетъ.

Есть у насъ пословица: у кого что болитъ, тотъ про то и говоритъ. Между-тѣмъ, какъ одни хлопочутъ о кредитѣ, другіе о прекращеніи падежей вообще и о прекращеніи падежа, начавшагося въ-собственномъ имѣніи, въ особенности, третьи—о болѣе-строгомъ выборѣ депутатовъ, а четвертые, можетъ-быть, и въ-самомъ-дѣлѣ о томъ, чтобъ попасть какъ-нибудь въ передовые люди. Почтенный и близкій мой сосѣдъ, князь Нерыцкій, съ котораго, по выраженію становаго, *сняли* титулъ (*), какъ ка-

(*) Письмо VII.

кой-нибудь сюртукъ, постоянно хлопочетъ о своемъ дѣлѣ. Это тотъ чопорный старичокъ, котораго я видѣлъ на нашемъ дипломатическомъ обѣдѣ и назвалъ типомъ старичковъ, расхаживающихъ по заламъ англійскаго клуба (*). Дѣло это сильно затрудняетъ его сколько по самой своей сущности, столько и потому, что если въ нашемъ обществѣ много еще людей, плохо-знакомыхъ съ письменностью, то еще больше такихъ, которые вовсе незнакомы съ законовѣдѣніемъ и вообще съ порядкомъ производства дѣлъ. Чѣмъ древнѣе былъ родъ князя и чѣмъ больше было его состояніе, тѣмъ меньше заботились о томъ, чтобъ дать ему какія-нибудь юридическія познанія. Какъ Простакова была убѣждена, что Митрофанушкѣ не для чего учиться географіи, а на то есть извощики, такъ и воспитатели князя были убѣждены, что ему не для чего учиться законовѣдѣнію и упражнять себя въ сочиненіи дѣловыхъ бумагъ, а на то есть секретари и юристы. Вѣроятно, воспитателямъ князя никогда не приходило и въ голову, что ему, прямому и законному потомку князей Нерыцкихъ, встрѣтится надобность доказывать, почему онъ ихъ потомокъ и почему предки его, пользовавшіеся безспорно и безпрекословно впродолженіе трехсотъ лѣтъ княжескимъ достоинствомъ, были князья? Встрѣтится надобность хлопотать по этому дѣлу и въ депутатскомъ собраніи, и въ духовной консисторіи, и въ вотчинномъ департаментѣ, и въ разныхъ другихъ мѣстахъ, а вслѣдствіе того встрѣтится надобность и писать прошенія и наводить справки, и отыскивать такіе документы, которыхъ нигдѣ нельзя отыскать. Въ-самомъ-дѣлѣ, за пятьдесятъ лѣтъ назадъ, и вообще въ тѣ блаженныя времена, когда не только настоящіе князья пользовались своими правами безъ всякаго контроля, но и каждый кавалеръ Станислава четвертой степени пріобрѣталъ чуть-чуть не такія же права—мудрено было предвидѣть подобный процесъ и для этого знакомить князя съ нашей юрисдикціей; но ему пришлось знакомиться съ ней и дѣйствительно прибѣгать къ разнымъ секретарямъ и юристамъ. При ревизіи княжеской родословной оказалось, что въ дѣлѣ нѣтъ метрики о его рожденіи, и потому его нельзя признать не только потомкомъ древнихъ князей Нерыцкихъ, но и законнымъ сыномъ его отца, а слѣдуетъ признать, по собственному его чину, не болѣе какъ личнымъ дворяниномъ. Это страшно взволновало

(*) Письмо VIII.

княжескую кровь, какъ, впрочемъ, взволновало бы и кровь каждаго, кто бы лишался законныхъ правъ не за собственную вину, а за оплошность другихъ, и притомъ, за такую оплошность, которая въ прежнія времена не считалась и оплошностью. Князь горячился, кричалъ, что у него есть календарь, въ которомъ собственною рукою его отца записаны годъ, мѣсяцъ и число его рожденія и, кромѣ-того, есть еще образъ, тогда же отцомъ его заказанный въ честь дня его рожденія и патрона, а на изнанкѣ образа написано то же самое, что̀ и въ календарѣ; что не сталъ бы отецъ его писать, что у него родился сынъ Петръ, еслибъ этотъ Петръ не родился, и не сталъ бы въ такомъ отрицательномъ случаѣ заказывать и образа́; а самое главное, что еслибъ онъ, князь Петръ, не былъ дѣйствительнымъ княземъ Петромъ, то, конечно, другіе ближайшіе наслѣдники его отца ужь давно бы постарались устранить его отъ правъ на отцовское имѣніе, которымъ, однакожь, онъ безспорно владѣетъ сорокъ лѣтъ. «Кажется, всѣ эти доказательства слишкомъ-ясны» говорилъ князь приглашеннымъ по этому случаю юристамъ:—какъ же послѣ этого меня хотятъ увѣрить, что я не я? Это ужь ни на что̀ не похоже!... это, просто, дѣло вопіющее!... это, наконецъ, чортъ знаетъ что̀ такое!...» и проч. т. п., что̀ обыкновенно говорятъ въ такихъ случаяхъ люди, сознающіе всю правоту своего дѣла, но совершенно-незнакомые со всѣми тонкостями юридической формалистики, которая, на основаніи однихъ фактовъ, не только не можетъ признать князя княземъ, но даже убійцу убійцею, если фактъ преступленія не подкрѣпленъ показаніемъ узаконеннаго числа свидѣтелей. Юристы и объяснили князю, что, къ крайнему ихъ сожалѣнію, всѣ приводимыя имъ доказательства суть только доказательства фактическія; но что юридически ни календарь, ни образъ съ какой бы то ни было надписью, ни даже голословное показаніе о безспорномъ владѣніи имѣніемъ за доказательства приняты быть не могутъ; что, слѣдовательно, онъ хотя de facto и князь, но de jure — не во гнѣвъ ему будь сказано — человѣкъ совершенно неизвѣстнаго происхожденія; а потому ему прежде всего и слѣдуетъ озаботиться объ отъисканіи своего метрическаго свидѣтельства, какъ главнаго и основнаго въ этомъ дѣлѣ документа. Князь очень-хорошо зналъ, что онъ родился въ Москвѣ, въ томъ самомъ приходѣ, гдѣ и по настоящее время находится его собственный домъ (по какому-то странному случаю еще неперешедшій ни къ откупщику, ни къ зуб-

ному врачу, ни къ женѣ секретаря гражданской палаты или коммиссаріатскаго чиновника); туда послали запросъ, но въ отвѣтъ на него получили, что всѣ метрическія книги, какъ того года, по которому требуется справка, такъ и многихъ другихъ годовъ въ 1812 году, по случаю нашествія непріятеля, утратились. «Кто же теперь виноватъ», говорилъ князь: «я или Наполеонъ? На него, что ли, подавать мнѣ просьбу?...» Но юристы опять ему объяснили, что виноватъ все-таки онъ, то-есть, что нашествіе Наполеона нисколько не избавляетъ его отъ хлопотъ, а ведетъ только къ хлопотамъ новымъ, заставляя, вмѣсто метрическаго свидѣтельства, представить или формулярный списокъ отца, если только онъ, князь Петръ, въ этомъ спискѣ значится, или, въ противномъ случаѣ, гражданскіе документы на переходъ къ нему родоваго имѣнія. Въ формулярномъ спискѣ отца князя Петра не оказалось, потому-что отецъ его вышелъ въ отставку, когда еще не былъ женатъ. Пришлось прибѣгнуть къ крѣпостнымъ документамъ, то-есть взять справки вотчиннаго департамента, собрать раздѣльные акты, отказы, вводные листы, и для всей этой процедуры нанять повѣреннаго. Повѣренный стоилъ дорого, справки вотчиннаго департамента чуть-ли еще не дороже, потому-что ихъ надобно вытаскивать изъ архивной пыли и съ большимъ трудомъ и съ нѣкоторымъ искусствомъ, если только собирающій справки желаетъ, чтобъ онѣ принесли ему какую-нибудь пользу. Но князь былъ доволенъ ужь тѣмъ, что заплатилъ деньги не даромъ: всѣ нужные документы были отъисканы, всѣ постепенные переходы родоваго имѣнія отъ предка его, боярина и князя Матвѣя Нерыцкаго, бывшаго еще при Іоаннѣ Грозномъ воеводой въ какомъ-то городѣ, и до него, князя Петра, включительно, были выяснены какъ день. Кажется, какихъ бы еще недоставало тутъ доказательствъ и на законность рожденія и на принадлежность ему княжескаго достоинства? Но такъ думалъ князь, по своему темному взгляду на дѣло, а по юридическому взгляду вышло несовсѣмъ такъ. Дѣло рѣшили тѣмъ, что просителя Петра, по представленнымъ отъ него документамъ, хотя и признали законнымъ сыномъ его отца и потомкомъ боярина и князя Матвѣя Нерыцкаго, и въ силу этого признанія оставили какъ его самого, такъ и дѣтей его въ VI части дворянской родословной книги; но такъ-какъ тѣми документами не объяснено, когда именно и отъ кого означеннымъ предкомъ его получено княжеское достоинство и по какимъ правамъ онъ тѣмъ достоин-

ствомъ пользовался, то и его, просителя, въ княжескомъ достоинствѣ не утвердили. Это-то рѣшеніе возилъ къ князю становой.

Князь никакъ не понималъ, какъ могъ возникнуть вопросъ о княжескомъ родѣ его предковъ, который, по его понятіямъ, былъ точно такъ же присущъ имъ, какъ родъ дуба дубу и родъ березы березѣ, потому-что предки его и рождались и умирали князьями впродолженіе нѣсколькихъ столѣтій. «Согласитесь сами», говорилъ онъ: «вѣдь это то же, что требовать доказательствъ, почему Рюрикъ былъ варяжскій князь? Ну, потому, что варяжскіе князья выѣхали князьями изъ варяжской земли, а Нерыцкіе выѣхали изъ Рима и «получили свое названіе по ихъ маятностямъ въ норвежской землѣ и по теченію тутъ рѣки Нары». Все это, если вы хотите, несовсѣмъ понятно и для меня самого, и я даже вовсе не знаю о какой норвежской землѣ тутъ говорится, и о той ли рѣкѣ Нарѣ, которая впадаетъ въ Оку подъ Серпуховымъ, или о какой-нибудь другой; но такъ я слыхалъ отъ отца и такъ написано въ *Родословной книгѣ князей и дворянъ россійскихъ и выѣзжихъ,* изданной въ 1787 году. И въ той же книгѣ сказано: «Родословная ихъ (то-есть князей Нерыцкихъ) подъ № 79. Voilà donc des preuves, et que ce q'ont veut de plus je n'en sais rien?»

Въ этомъ недоразумѣніи князь пріѣхалъ въ городъ передъ выборами, на которые меня, какъ человѣка, еще проникнутаго прежней лѣнью, нашъ современный и, пожалуй, передовой человѣкъ, Бударагинъ, вытащилъ почти насильно, вѣроятно, съ той цѣлью, что я буду поддерживать его мнѣніе. Князь тоже, въ пылу своего негодованія, имѣлъ непремѣнное намѣреніе подать мнѣніе по поводу порядка производства дѣлъ, однородныхъ съ его дѣломъ. По этому случаю онъ опять пригласилъ юриста для совѣтовъ и для написанія всѣхъ нужныхъ ему бумагъ. Это было вечеромъ въ квартирѣ князя, куда онъ пригласилъ и насъ, своихъ хорошихъ знакомыхъ, пить чай.

Просмотрѣвъ всѣ нужныя бумаги въ кабинетѣ юристъ явился въ наше общество.

— Дѣло вашего сіятельства, началъ онъ...

— Пожалуйста, безъ сіятельства, перебилъ князь съ горькой ироніей:—вы знаете, что теперь я не имѣю права именоваться этимъ титуломъ.

Юристъ улыбнулся.

— Это такъ не надолго, сказалъ онъ:—что не стоитъ и отвыкать отъ него.

— Такъ и вы находите, что дѣло мое рѣшено несправедливо?

— Напротивъ, я нахожу, что оно рѣшено совершенно справедливо.

— Mais je ne comprends pas cela! сказалъ князь, обращаясь къ намъ.

Мы тоже несовсѣмъ хорошо понимали юриста, но онъ продолжалъ:

— Юристы, пополнявшіе ваше дѣло и объяснявшіе вамъ, что справедливость фактичечкая и справедливость юридическая—двѣ вещи совершенно-различныя, упустили еще изъ виду то, что одна очевидность факта, неопровержимаго даже юридически, не могла послужить для васъ доказательствомъ безъ такого же прямаго указанія на нее, какъ и на прочіе вами представленные документы. Вотъ, напримѣръ: всѣ мы теперь видимъ, что въ этой лавкѣ, которая противъ вашихъ оконъ, горитъ огонь. Цѣлый городъ знаетъ, что этотъ огонь горитъ здѣсь каждый вечеръ и цѣлый городъ не откажется подтвердить это своимъ показаніемъ, слѣдовательно, горѣніе огня очевидно фактически и неопровержимо юридически. Но еслибъ мнѣ пришлось доказывать производство вечерней торговли въ этой лавкѣ гореніемъ этого огня, я неминуемо долженъ былъ бы поставить этотъ фактъ на видъ дѣлопроизводителямъ, потому-что безъ этого они, несмотря на всю его очевидность, на всю, такъ-сказать, его яркость, никакъ бы не обратили на него вниманія. Такъ точно всѣ знаютъ, что вы князь, всѣ видятъ, что и предокъ вашъ Матвѣй былъ князь, а не самозванецъ, потому-что, иначе, не именовался бы онъ княземъ и въ царской грамматѣ, данной ему на воеводство— словомъ, законность вашего княжества такъ же очевидна, какъ и горѣніе этого огня; но вы не указали на него, то-есть, не указали на документы историческіе и оттого дѣло и приняло такой оборотъ.

— Mais mon Dieu! сказалъ князь: — я думаю, всѣ эти документы тамъ у нихъ подъ-рукой; что̀ же мнѣ еще указывать?

— Есть пословица: «дитя не плачетъ — мать не разумѣетъ», началъ опять юристъ сравненіемъ:—законъ скорѣе можно назвать отцомъ, чѣмъ матерью, и отцомъ суровымъ и холоднымъ. Еслибъ всѣ ваши документы были у него не только подъ-рукой, но передъ глазами, онъ вовсе не обязанъ вводить ихъ въ ваше дѣло какъ такія пополненія, о которыхъ вы сами не говорите ни слова. Но укажите ему, попросите его—и онъ обязанъ сдѣлать для васъ

все, что только не выходитъ изъ его строгихъ правилъ. А если вы попросите еще исполнителей закона, такъ они пріищутъ вамъ такія доказательства, какихъ вы и сами не знаете. Иначе кто же обязанъ для васъ что-нибудь пріискивать?

Князь почавкалъ губами, посмотрѣлъ на насъ и сказалъ:

— Конечно, я имѣю возможность и похлопатать и съѣздить куда надобно, но вопросъ не обо мнѣ собственно, а обо всѣхъ насъ вообще, и вотъ еще два дѣла, о которыхъ я тоже желаю знать ваше мнѣніе... Я нарочно велѣлъ выписать въ депутатскомъ собраніи... Четверо родныхъ братьевъ, по недостатку документовъ на ихъ потомственное дворянство, были перенесены изъ VI части родословной книги во II-ю... Voyez vous! прибавилъ князь, обращаясь къ намъ:—je commence à comprendre la chose; je parle déjà comme un homme de loi. Одинъ изъ братьевъ пополнилъ дѣло всѣми нужными документами, которыми доказалъ не только свои права, но и права всѣхъ своихъ братьевъ на потомственное дворянство. Чѣмъ же, думаете вы, рѣшили дѣло? Просителя снова внесли въ VI часть, а другихъ братьевъ, несмотря на представленныя доказательства, такъ и оставили во второй. Ка́къ вамъ это кажется?

— Очень-естественно, и другаго рѣшенія и быть не могло, отвѣчалъ юристъ: одинъ просилъ—ему и возвратили его права; другіе не просили—такъ какое же дѣло до нихъ закону? А что они не просили ни прямо отъ себя, ни по довѣренности черезъ брата—это ужь видно изъ самаго рѣшенія, гдѣ, въ такомъ случаѣ, сказали бы: внести въ VI часть *просителей*, а не *просителя*, или такого-то внести, а такимъ-то отказать. Слѣдовательно и здѣсь тоже собственное упущеніе.

Князь опять почавкалъ губами и опять посмотрѣлъ на насъ.

— Ну-съ, положимъ, что и такъ, сказалъ онъ:—положимъ, что и здѣсь есть упущеніе. А вотъ въ этомъ дѣлѣ какое упущеніе вы найдете: дворянина Бакшеева тоже перенесли изъ VI части родословной книги во II-ю, потому-что у отца его не оказалось ни метрическаго свидѣтельства, ни документа на переходъ къ нему имѣнія отъ дѣда. Но отецъ его умеръ за сорокъ лѣтъ назадъ, а родился за сто; а дѣдъ свое родовое имѣніе продалъ. Какъ же прикажете отъискать метрику въ такой давней старинѣ, и гдѣ же взять въ такомъ случаѣ документы на переходъ родоваго имѣнія?

— Въ такомъ случаѣ разрѣшено принимать въ уваженіе по-

казанія окольныхъ дворянъ, преимущественно старожиловъ, о дѣйствительности происхожденія лица, о которомъ идетъ дѣло. Господину Бакшееву надобно было просить, чтобъ и о его отцѣ сдѣлали такой повальный обыскъ. Кто жь виноватъ, что онъ объ этомъ не хлопоталъ? Вѣроятно, есть еще люди, которые знаютъ, что отецъ его былъ дѣйствительно сынъ своего отца.

— Однакожь, позвольте, вмѣшался наконецъ одинъ изъ присутствовавшихъ: — возьмемъ вотъ какой случай: положимъ, что отецъ Бакшеева родился отъ послѣдняго своего мѣста жительства за двѣ или за три тысячи верстъ и вывезенъ съ родины еще въ малолѣтствѣ; что по этому случаю просителю вовсе неизвѣстно, кто тамъ зналъ его дѣда и кто были его сосѣди — словомъ, вовсе неизвѣстно, кого спросить при повальномъ обыскѣ. Наконецъ, вѣроятнѣе всего, что всѣ современники его дѣда давно уже померли: кто жь тамъ можетъ знать, и какъ могло даже сохраниться тамъ преданіе о существованіи ребенка, который и вывезенъ оттуда еще ребенкомъ за сто лѣтъ назадъ? Тутъ ужь, батюшка, вашъ повальный обыскъ ни къ чему не послужитъ и кончится только тѣмъ, что всѣ скажутъ: «не знаемъ, не помнимъ». Во всѣхъ этихъ обстоятельствахъ проситель нисколько не виноватъ, а между-тѣмъ онъ теряетъ свои законныя права, и теряетъ отъ того только, что тутъ законъ имѣетъ уже нѣкоторымъ образомъ *обратное дѣйствіе*. Прежде ни метрическихъ свидѣтельствъ, ни гражданскихъ документовъ на переходъ родоваго имѣнія не спрашивалось, а всякое лицо вносилось въ родословную книгу по одному свидѣтельству извѣстнаго числа дворянъ и предводителя, то-есть на основаніи такого же точно показанія, какое даетъ и теперешній повальный обыскъ: откуда же, смѣю васъ спросить, взять намъ документы, о которыхъ прежде, по неимѣнію въ нихъ настоятельной надобности, никто почти не заботился, и къ чему собирать новыя показанія чрезъ повальный обыскъ, когда при дѣлѣ есть уже показанія совершенно-однородныя?

— Теперь показанія собираются и представляются къ дѣлу не самими лицами, заинтересованными въ немъ, какъ это бывало прежде, а мѣстной духовной консисторіей, и входятъ въ законную силу только по ея утвержденію, къ чему, разумѣется, пришли для устраненія всякаго зла, отвѣчалъ юристъ съ едва-замѣтной улыбкой, нѣсколько-противорѣчившей тому положительному и серьёзному тону, какимъ онъ дѣлалъ свои возраженія.—Что жь касается метрическихъ свидѣтельствъ, то они хотя

прежде и не требовались такъ строго, какъ теперь, но это было не слѣдствіемъ какого-либо особеннаго закона, а только послабленіемъ закона вслѣдствіе небрежнаго веденія метрическихъ книгъ, слѣдовательно новый законъ о ревизіи дворянскихъ дѣлъ составляетъ только подтвержденіе и возстановленіе прежняго, а никакъ не опроверженіе его, почему и обратнаго дѣйствія приписать ему нельзя. Правда, прибавилъ онъ съ комическимъ вздохомъ и пожатіемъ плечъ:—что члены консисторіи и ея депутаты, также, какъ члены и депутаты всякаго другаго присутственнаго мѣста, люди небезгрѣшные; правда и то, что сынъ или внукъ нисколько не виноваты въ оплошности своего дѣда или отца, непозаботившихся о метрикѣ своихъ дѣтей; но позвольте опять выразиться сравненіемъ: когда городъ очищаютъ отъ инсургентовъ, пули часто попадаютъ въ людей совершенно-невинныхъ; а вѣдь городъ надобно же какъ-нибудь очистить? Такъ точно надобно же очистить и дворянскія родословныя книги отъ неправильно-вторгшихся въ нихъ плебеевъ; а этого никакъ невозможно было исполнить безъ принятыхъ теперь мѣръ. Что два-три человѣка въ губерніи попадутъ изъ потомственныхъ дворянъ въ личные— отнесся онъ опять къ князю — отъ этого вашему сіятельству, которые всегда имѣете полную возможность доказать свои права, не будетъ ни тепло, ни холодно; а если останется съ вами на одной доскѣ какой-нибудь Климъ Гаврилычъ Цапкинъ — это вамъ будетъ непріятно, слѣдовательно и тутъ, такъ же, какъ и вездѣ, частное зло неизбѣжно для общаго добра; и изъ всего мною сказаннаго вы изволите видѣть, что писать противъ такого порядка вещей мнѣніе въ смыслѣ юридическомъ нѣтъ никакихъ основаній, въ смыслѣ гуманномъ — это другое дѣло, котораго я, какъ юристъ, а не литераторъ, принять на себя не могу.

Собственно наши голоса въ этомъ вопросѣ раздѣлились. Одни говорили, что въ настоящее время (что прикажете дѣлать? никакъ этого настоящаго времени не отобьешься!), когда передъ нами развивается цѣлый рядъ новыхъ, безотлагательныхъ, насущныхъ дѣлъ, и когда притомъ привилегіи отживаютъ свой вѣкъ, не стоитъ труда и отъискивать допотопные документы на званіе предковъ. Другіе, а въ томъ числѣ и князь, были мнѣнія противнаго. Князь говорилъ, что за что же потерять и княжескій титулъ, который, по-крайней-мѣрѣ, даетъ право на «ваше сіятельство». Другіе говорили, что за что же дѣтямъ

и простыхъ дворянъ и, въ-особенности, бѣдныхъ, попадать иногда, по неимѣнію документовъ и по неимѣнію средствъ хлопотать о нихъ, не только изъ потомственныхъ дворянъ въ личные, а просто изъ дворянъ въ разночинцы. Но всѣ мы вообще пришли къ тому заключенію, что ужь если юристъ не нашелъ что̀ написать въ пользу княжескихъ титуловъ и дѣтей бѣдныхъ дворянъ, то гдѣ же намъ написать! А если мы что̀ и напишемъ, такъ голосъ этотъ, по выраженію юриста, можетъ только вопіять съ точки гуманной, а никакъ не юридической, и потому легко можетъ остаться голосомъ вопіющимъ въ пустынѣ...

О томъ, что̀ дѣлалось у насъ на выборахъ я не имѣю права говорить безъ офиціальнаго разрѣшенія, хотя теперь и многіе интересуются знать, что̀ дѣлается на дворянскихъ выборахъ. Но я могу, по-крайней-мѣрѣ, сказать о томъ, что̀ у насъ не дѣлалось, именно:

Князь Нерыцкій ѣхалъ на выборы съ твердымъ намѣреніемъ подать свое мнѣніе по поводу ревизіи дворянскихъ родословныхъ книгъ, но, послѣ совѣщанія съ юристомъ, очень-благоразумно разсчелъ, что ему гораздо-полезнѣе похлопотать о собственномъ дѣлѣ, чѣмъ отстаивать права дворянина Бакшеева, и тотчасъ же отправился отъискивать свое потерянное княжество указаннымъ ему путемъ. Бударагинъ ѣхалъ съ твердымъ намѣреніемъ прочесть написанное имъ мнѣніе; но когда онъ замѣтилъ, что и приведенные имъ примѣры не на всѣхъ еще дѣйствуютъ убѣдительно и когда, притомъ, прочелъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» статью г. Герсеванова о томъ же самомъ предметѣ, онъ заключилъ, что читать мнѣніе еще рано, и рѣшился отложить его до слѣдующихъ выборовъ, въ полной увѣренности, что тогда оно будетъ уже имѣть успѣхъ несомнѣнный, въ чемъ и я нисколько не сомнѣвался. Затѣмъ и Петръ Петровичъ, такъ сильно-страдающій потребностью въ кредитѣ (Иванъ Иванычъ, какъ человѣкъ хорошо-обезпеченный и потому независимый ни отъ какихъ вопросовъ, на выборы не поѣхалъ), и нѣкоторые наши хозяева, сильно-пострадавшіе отъ послѣдняго скотскаго падежа, и господа, поднявшіе вопросъ о земскихъ повинностяхъ, и всѣ мы, наконецъ, безъ исключенія, ѣхали съ твердымъ намѣреніемъ придумать что-нибудь на общемъ съѣздѣ и для скорѣйшаго устройства земскихъ банковъ, и для принятія рѣшительныхъ мѣръ противъ падежей, и для приведенія въ нормальный порядокъ раскладки и расходовъ земскихъ суммъ, но и эти вопросы дальше того, на чемъ они у насъ остановились, никакъ не дошли, по тѣмъ же затрудненіямъ, на которыя указалъ я. Мы даже думали поднять вопросъ объ ускореніи хода полюбовнаго разме-

жеванія, вопросъ, который нѣкогда такъ интересовалъ всѣхъ, а въ настоящее время, когда... (вотъ это-то и удивительно!), какъ то забытъ совершенно. Но мы и тутъ ничего не могли придумать, по поводу уменьшенія числа посредниковъ, въ видахъ сокращенія расходовъ на ихъ содержаніе и по поводу недостатка землемѣровъ. Въ цѣлой Европѣ теперь преобладаютъ два начала: въ дѣлахъ внѣшней политики — начало невмѣшательства, въ дѣлахъ внутренняго устройства — сокращеніе штатовъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и сокращеніе расходовъ. Противъ современности идти нельзя... Повторю опять, у насъ проявляется сильное стремленіе къ прогрессу и есть попытки къ нему; удаются или не удаются онѣ, и отчего не удаются — это ужь опять другой и новый вопросъ, но и стремленіе къ прогрессу развѣ не есть прогрессъ?...

По поводу саратовскихъ выборовъ въ «Саратовскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» сказано, что «Прежде мнѣнія въ общественныхъ *благородныхъ* собраніяхъ выражались крикомъ, гамомъ и часто очень дѣльныя рѣчи встрѣчались шиканьемъ и свистомъ; помѣщики показывали равнодушіе къ общественнымъ интересамъ. Нынѣшній же разъ выборы отличались единодушнымъ согласіемъ и дружнымъ сочувствіемъ представителей дворянства къ обсуждавшимся вопросамъ». То же можно сказать о нашихъ, да и обо всѣхъ дворянскихъ выборахъ.

Прежніе выборы были до того плохи, что служили даже предметомъ для комедій. О прежнихъ выборахъ и мнѣ недавно попалась, въ запискахъ одного деревенскаго старожила, вотъ какая замѣтка:

«Былъ на выборахъ и далъ себѣ честное слово никогда больше не ѣздить. О чемъ ни толковали—ничего не столковали. Начнутъ за здравіе, а сведутъ за упокой. Самая баллотировка производилась отнюдь не съ той внимательностью и осмотрительностью, какихъ требовало столь важное дѣло. Клали шары какъ ни попало, отчего и въ высшія уѣздныя должности избирались не тѣ лица, которыхъ заранѣе предполагали избрать та или другая партіи, а выскакивали, говоря не по-нашему, поохотничьи, *шумовые*, т. е., нежданные, которыхъ никто не думалъ выбирать и выборъ которыхъ приводилъ въ такое изумленіе самихъ выбирающихъ, что они потомъ, глядя одинъ на другаго, какъ-бы спрашивали: «какъ же это такъ случилось»? Однакожъ въ высшія должности, благодаря Создателя, и затѣмъ попали люди, хотя и несовсѣмъ-дѣятельные, но, покрайности, благонамѣренные. А при выборахъ въ должности не столь важныя, и особенно при выборахъ кандидатовъ даже и на первостепенныя должности, не

было и этой разборчивости. И не отъ того, чтобы мы ужь вовсе не умѣли выбирать людей, а отъ той же небрежности и нѣкоторой излишней снисходительности. «(Вѣроятно, эти выборы относятся къ тому времени, когда былъ выбранъ въ засѣдатели Семенъ Степанычъ (*). «Подойдутъ человѣка два три и попросятъ положить направо какому-нибудь сосѣду или пріятелю, да еще прибавятъ: «что онъ человѣкъ хотя и недалекій, и даже вовсе самодуръ, да за-то и выбирается только въ кандидаты». Или скажутъ: «что о немъ хотя и говорятъ, будто-бы онъ, командуя ротой въ ополченіи (вѣроятно 1812 г.) несовсѣмъ - добросовѣстно свелъ артельные счеты, да онъ еще можетъ исправиться». И въ той надеждѣ, что одинъ такъ и останется кандидатомъ до будущихъ выборовъ, а другой, можетъ-статься, и въ самомъ дѣлѣ исправится, имъ и кладутъ направо. А былъ и такой случай, что одинъ уѣздъ, выбравъ двухъ таковыхъ кандидатовъ, до того потомъ сконфузился собственнымъ своимъ выборомъ, что тотчасъ же послѣ баллотировки, всѣ дворяне стали просить тѣхъ самыхъ чиновниковъ, на подставу которымъ упомянутые кандидаты были избраны, чтобы они, сдѣлали такую милость, дослужили весь срокъ, и не оставили бы уѣздъ въ бѣдственномъ положеніи...»

По поводу послѣднихъ нашихъ выборовъ нельзя не только написать комедіи или какой-нибудь обличительной статьи, но нельзя о нихъ сказать и ничего подобнаго, потому... потому именно, что подобнаго ничего у насъ не было. Все сходство между настоящими и прежними выборами осталось только въ томъ, что и теперь они, какъ прежде, открылись приличной офиціальной рѣчью и заключились приличными офиціальными и даже нѣсколькими частными обѣдами. И тутъ, однакожь, была разница: прежде за обѣдомъ провозглашался одинъ—много два тоста. Теперь, по числу возникающихъ вопросовъ увеличивается и число провозглашаемыхъ патріотическихъ и гуманныхъ тостовъ. Все это, конечно, очень-утѣшительно; но грустно одно — что и теперь еще, такъ, какъ бывало прежде, многіе наши дѣловые толки, многія наши мірскія сходки, несмотря на наше «единодушное согласіе и дружное сочувствіе къ обсуживающимся вопросамъ», очень часто кончаются—ничѣмъ. И потомъ сами же мы шутя повторяемъ стихъ Грибоѣдова:

«Шумимъ, братецъ, шумимъ!»

П. СУМАРОКОВЪ.

(*) Письмо IV.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Общее положеніе дѣлъ.—Засѣданія итальянскаго парламента. — Рѣчь графа Кавура о римскомъ вопросѣ. — Положеніе Неаполя. — Парламентъ французскій. — Выборы въ австрійскіе провинціальные сеймы и положеніе Венгріи. — Англійскій оригиналъ Роуклейфъ и русскій соперникъ его въ оригинальности—публицистъ «Русскаго Слова». — Дѣла въ Америкѣ.—Новый публицистъ въ «Современникѣ».—«Русская Рѣчь» о невѣжествѣ въ нашей литературѣ.—Извѣстія о варшавскихъ событіяхъ.

Мартъ мѣсяцъ, нѣкогда посвященный богу войны и вызывавшій въ началѣ нынѣшняго года тревожныя ожиданія, прошелъ довольно-благополучно. Не было тѣхъ грозныхъ военныхъ движеній, которыхъ ожидали съ ужасомъ, которыя предсказывали съ нѣкоторою увѣренностью; меча еще не вынули изъ ноженъ, не зарядили пушекъ, не произнесли послѣдняго слова, не сдѣлали рѣшительнаго вызова. Что̀ это значитъ? Или опасность миновала? Или она была создана только пугливымъ воображеніемъ и исчезла сама-собою, какъ исчезаетъ всякій призракъ, когда изъ міра мечтаній люди обращаются къ міру дѣйствительности? Были ли эти предсказанія только порожденіемъ пугливаго воображенія, мечтательно-настроеннаго ума — не болѣе? Или же предсказанія ошиблись только относительно времени и опасность стоитъ все та же?

Война, большая война не началась—это правда; но нельзя сказать, чтобъ Европѣ стало отъ этого лучше. Не исчезли тѣ силы, которыя вызываютъ общую тревогу, которыя въ однихъ рождаютъ ожиданія, надежды, въ другихъ — заботу о самосохраненіи. Партія движенія не только не отказалась отъ своихъ намѣреній, она разрослась во внѣшнемъ объемѣ, укрѣпилась во внутренней силѣ; новые пункты, новыя мѣстности вошли въ сферу ея дѣйствій. Къ вопросамъ итальянскому, венгерскому присоединился стародавній, правда, вопросъ, но выступившій теперь съ новою силою: славянскія племена, населяющія Европейскую Турцію, возстаютъ противъ своихъ владыкъ съ единодушіемъ,

которому они, можетъ-быть, научились у итальянцевъ. Какъ и въ Италіи, это народное движеніе въ Турціи имѣетъ свою точку опоры: Сербія и Черногорія готовы стать во главѣ возставшихъ братьевъ. Въ Австріи Чехія собирается выступить на тотъ же путь, по которому такъ упрямо идетъ Венгрія, и старанія австрійскихъ чиновниковъ разстроить согласіе между венграми и южно-австрійскими славянами, кажется, на этотъ разъ не имѣли полнаго успѣха. Но этого мало: партія движенія, разростаясь, усиливаясь, дѣйствуетъ на всѣхъ пунктахъ очень-согласно; существуетъ самая тѣсная связь между вождями движеній итальянскаго, венгерскаго, славянскаго. Они не только подаютъ другъ другу руку; они желаютъ дѣйствовать съобща, и именно такимъ образомъ въ-самомъ-дѣлѣ начинаютъ уже дѣйствовать. На сколько можно судить по тому, что̀ происходитъ теперь на западной границѣ Турціи, можно думать, что мѣсто для начала дѣйствій уже выбрано; что, вмѣстѣ съ тѣмъ, близко уже и время, когда Европа увидитъ повтореніе прошлогоднихъ событій въ болѣе-громадныхъ размѣрахъ. Возстаніе христіанъ въ Герцеговинѣ и Босніи напоминаетъ прошлогоднее возстаніе въ Сициліи, только имѣетъ болѣе-грозный характеръ: въ борьбѣ съ сицилійскими бунтовщиками, до прихода Гарибальди, королевскія войска торжествовали; въ Герцеговинѣ и Босніи мы уже видѣли примѣры противнаго. Разбитые инсургентами паши уже спасаются за стѣнами крѣпостей и разстроенная Порта не можетъ выслать имъ на помощь новыхъ войскъ. Баши-бузуки ежедневно упражняются въ злодѣйствахъ, грабятъ и мусульманскихъ, и христіанскихъ подданныхъ Порты, и правительство не можетъ ни привести ихъ къ повиновенію, ни сформировать болѣе-надежную армію. А между тѣмъ Сербія, вполнѣ-готовая вступить въ борьбу, способная выставить поголовное ополченіе, пока еще не двигается—только начала противъ Порты дипломатическій походъ: она потребовала, чтобъ турки вывели изъ сербской крѣпости Бѣлграда свой гарнизонъ. Черногорцы также не ополчались еще въ полномъ своемъ составѣ, но отдѣльные отряды ихъ помогаютъ боснякамъ и возмутившимся жителямъ Герцеговины. Подобныя движенія въ этихъ странахъ бывали и прежде; ими полна ихъ исторія за послѣднія двадцать лѣтъ. Отчего же только теперь на эти движенія обращаетъ такое вниманіе Европа? Нынѣшнее славянское движеніе въ Турціи уже утратило свой исключительно-мѣстный характеръ; оно очень-скоро можетъ развиться въ событіе европейское. Дѣло въ томъ, что Италія и Венгрія смотрятъ на турецкія событія не безъ особеннаго участія; что въ нынѣшнемъ движеніи турецкихъ славянъ сильно чувствуется вліяніе съ одной стороны Венгріи, съ дру-

гой — Италіи. Италія уже выслала къ нимъ передовой отрядъ своихъ волонтеровъ; на берегу Адріатическаго Моря, возлѣ мѣстечка Спича, близь предѣловъ Черногоріи, уже высадилась первая толпа ихъ, подъ начальствомъ Мирославскаго. Ходятъ слухи, что за этою высадкою должны послѣдовать другія. И въ-самомъ-дѣлѣ, въ Италіи замѣтно очень-сильное движеніе: именемъ Гарибальди уже отданъ приказъ, чтобъ бывшіе его товарищи были готовы; нѣкоторые изъ нихъ, жившіе въ Швейцаріи, вызваны на сборные пункты. Въ итальянской молодёжи замѣтно одушевленіе, которое даже превосходитъ прошлогодній пылъ; по нѣкоторымъ извѣстіямъ, пятидесятитысячная армія итальянскихъ волонтеровъ скоро будетъ готова двинуться туда, куда поведетъ ее испытанный герой. А для начала борьбы съ Австріей ему нѣтъ другаго, болѣе удобнаго пункта, какъ восточный берегъ Адріатическаго Моря. Тамъ — говорятъ такъ — итальянскіе волонтеры поддержатъ прежде всего славянское движеніе въ Турціи, затѣмъ протянутъ руку Венгріи и, вмѣстѣ съ славянами и венграми, ударятъ на Австрію съ юга въ то время, какъ на берегахъ По и Минчіо съ нею начнетъ дѣло правильная военная сила Италіи.

Такъ ли будетъ въ-самомъ-дѣлѣ — этого, конечно, никто теперь рѣшить еще не можетъ. Наше дѣло наблюдать симптомы и предлагать то объясненіе имъ, которое въ данную минуту пользуется бо̀льшимъ кредитомъ. А что на берега Адріатическаго Моря, на близкія къ нимъ турецкія земли обращено теперь самое напряженное вниманіе — объ этомъ не можетъ быть сомнѣній. Военныя суда, какія только есть у Австріи, крейсируютъ у ея береговъ денно и нощно. Турція тоже послала въ Адріатическое Море два корабля, думала послать и больше, да не случилось, говорятъ, каменнаго угля, не случилось и денегъ, чтобъ купить его. Тѣ же самыя соображенія заставляютъ Австрію усиливать мѣры надзора за своей турецкой границей. Въ южной части Трансильваніи она строитъ укрѣпленія, къ боснійской границѣ сдвигаетъ свои батальйоны; ставитъ на военную ногу своихъ граничаръ, на которыхъ, однакожь, какъ говорятъ многіе, надежда довольно-плоха. Австрія узнала недавно, что черезъ ея южную границу провозятъ много оружія и военныхъ снарядовъ; она запретила это дѣлать и усилила кордонную стражу; но это нисколько не мѣшаетъ провозить что̀ нужно изъ Придунайскихъ Княжествъ и изъ Сербіи въ Венгрію и изъ Венгріи въ княжества. Недавно случайнымъ образомъ открылось, что въ мучныхъ куляхъ, слѣдовавшихъ изъ Венгріи въ Сербію, были вложены другіе кули, съ сѣрою. Съ другой стороны сдѣлалось извѣстнымъ, что изъ Венгріи множество молодёжи

*

находитъ возможность уходить за границу — въ Валахію, Сербію, къ турецкимъ боснякамъ, толпами отправляются даже въ Италію. Недавно на одномъ кораблѣ, прибывшемъ изъ Константинополя въ Анкону, находилось двѣсти-пятьдесятъ венгерцевъ: они явились, чтобъ подъ знаменами Гарибальди начать борьбу противъ Австріи. Наконецъ, даже благоразумная Англія, и та предполагаетъ возможность грозныхъ событій въ этой части Европы. Ея эскадра хотя и не вступила еще въ Адріатическое Море, какъ разнесся-было слухъ, но за-то число кораблей ея, стоящихъ возлѣ острова Мальты, значительно увеличено и гарнизонъ Лавалетты доросъ до небывалыхъ размѣровъ.

Таковы симптомы въ одномъ углу Европы. Лучше ли положеніе дѣлъ въ другихъ ея частяхъ? Сѣверъ соревнуетъ югу. Прусскіе нѣмцы, во что̀ бы ни стало, хотятъ найдти для себя приличное занятіе; они видятъ, что у каждаго народа въ настоящее время есть какое-нибудь дѣло; только у нихъ нѣтъ никакого. Историческое движеніе послѣднихъ годовъ какъ-то благодушно проходитъ мимо Германіи, не поднимая въ ней слишкомъ-неотступныхъ и достаточно-серьёзныхъ вопросовъ. По примѣру Италіи, нѣмцы задумали-было поднять вопросъ о своемъ политическомъ единствѣ; объ этомъ вопросѣ многіе между ними заговорили довольно-громко, не безъ жара, не безъ увлеченія; но ка̀къ ни говорили много нѣмцы о своемъ единствѣ, вопросъ этотъ ни мало не двигался. Оказалось, что въ Германіи нѣтъ живыхъ, дѣятельныхъ силъ для того, чтобъ дѣйствительно двинуть впередъ этотъ вопросъ; наговорившись о единствѣ, нѣмцы теперь начинаютъ относиться къ нему съ меньшимъ жаромъ; о національномъ обществѣ ничего уже не слышно. Но нельзя, однако же, ничего не дѣлать, когда кругомъ всѣ другіе народы что-нибудь дѣлаютъ; нельзя нѣмцамъ не поднять какого-нибудь вопроса, когда въ Европѣ такъ много поднято очень-важныхъ вопросовъ. Вспомнили о нескончаемомъ шлезвиг-голштинскомъ вопросѣ — и обрадовались нѣмцы: у нихъ есть свой важный вопросъ; они заявляютъ міру о своемъ политическомъ существованіи. Чего же больше? Но вотъ въ чемъ бѣда: пріобрѣсть Голштинію очень хочется Пруссіи; это бы еще ничего. Отчего же не желать пріобрѣтеній? Но дѣло въ томъ, что есть много причинъ, почему на это желаніе Пруссіи смотрятъ весьма-неблагопріятно такія силы, съ которыми Пруссіи очень-опасно поднимать борьбу. Пруссія такъ повела себя въ послѣднее время, что у нея нѣтъ ни одного союзника, а ея голштинскіе планы вызываютъ противъ нея едва-ли не всю Европу. Она сдѣлала неосторожность — начала угрожать Даніи;

Данія имѣла неблагоразуміе не испугаться ея угрозъ, и теперь дѣло въ такомъ положеніи, что Пруссія или должна остаться только при своихъ словесныхъ угрозахъ, или приступить къ настоящему дѣлу и вызвать противъ себя не одну Данію, а вмѣстѣ съ нею весь скандинавскій сѣверъ и, можетъ-быть, даже Францію. Вотъ какъ опасно Германіи поднимать важные вопросы!

Голштинскій вопросъ, намъ кажется, имѣетъ значеніе не болѣе, какъ одного изъ безчисленныхъ знаменій времени. Самъ въ себѣ онъ не имѣетъ живой силы; онъ каждый разъ вызывается и поддерживается, по-преимуществу, искусственно. Когда все въ Европѣ спокойно, онъ благодушно сдается въ архивъ старыхъ, никому ненужныхъ дѣлъ; но лишь только начинается движеніе, лишь только оно доходитъ до такихъ размѣровъ, что повсемѣстно чувствуется потребность дѣлать что-нибудь, такъ голштинскій вопросъ, ради удовольствія нѣмцевъ, подымается изъ хлама. Вотъ отчего, молчатъ ли или говорятъ о немъ, по этому одному обстоятельству уже можно судить о настроеніи умовъ, объ общемъ теченіи дѣлъ. Вотъ отчего, далѣе, теперь, когда изъ-за этого голштинскаго вопроса готова дѣйствительно подняться европейская война, нельзя не сознаться, что общее положеніе въ-самомъ-дѣлѣ сильно напряжено: подымаютъ всякій старый хламъ; готовы подняться изъ могилъ тѣ, кого давно уже считали почти мертвецами.

Мертвецы ли только встаютъ изъ гробовъ, или же нарождаются новыя силы? Мы уже не разъ пытались высказывать, что̀ разумѣемъ подъ этими новыми силами. Мы позволяемъ себѣ вѣрить, что эпоха, переживаемая теперь Европою, одна изъ наиболѣе-замѣчательныхъ эпохъ; что послѣдующій историкъ дастъ ей въ общемъ движеніи человѣчества, можетъ-быть, такое же важное мѣсто, какъ тѣмъ эпохамъ, которыя до-сихъ-поръ считались великими поворотными эпохами. Намъ кажется, что въ исторіи новой Европы трудно найдти эпоху, болѣе-подходящую по своему значенію къ нашей современности, чѣмъ эпоха великаго реформаціоннаго движенія. Дѣло, побѣдоносно-совершенное Лютеромъ въ сферѣ религіозной мысли, торжествуетъ теперь въ сферѣ болѣе-низменной, въ сферѣ совершенно-земныхъ отношеній, но за-то болѣе-близкихъ къ человѣку. Мы, люди этой великой эпохи, ея дѣятели, или ея наблюдатели, погруженные всѣмъ существомъ своимъ въ ея движеніе, конечно, не въ силахъ понять весь смыслъ этого движенія, оцѣнить всю громадность переворота, который проходитъ передъ нами изо дня въ день, раздробляясь на безчисленное множество отдѣльныхъ явленій, часто поэтому теряющихъ для насъ свой внутренній смыслъ, иногда и свой внѣшній

эффектъ. Судить о значеніи нашей эпохи, поэтому, не наше дѣло: но сознавать, постигать, что живешь въ великую эпоху—дѣло, доступное каждому мыслящему человѣку, равно-какъ доступно каждому обладающему яснымъ зрѣніемъ—отличать то, чтò нарождается вновь, передъ чѣмъ широкая, долгая и полная жизнь, отъ случайно-возставшаго изъ гроба, отъ того, что поднялась изъ стараго хлама, только благодаря нарушенію спокойнаго затишья. Мы говоримъ теперь уже не о голштинскомъ вопросѣ. Мы говоримъ о тѣхъ стремленіяхъ, которыя идутъ въ разрѣзъ съ духомъ нашего времени, и которыхъ, куда ни обернешься, вездѣ найдется въ достаточномъ количествѣ, начиная отъ французской клерикальной оппозиціи и оканчивая... оканчивая хотя бы новой мѣрою курфирста гессен-кассельскаго, который недавно — мы уже потеряли счетъ, въ который именно разъ — распустилъ свои палаты.

Когда произошелъ разрывъ въ Сѣверо-американскихъ Штатахъ, въ Европѣ ожидали съ тревогой, чтò будетъ. Первые симптомы указывали на возможность кровавой, братоубійственной борьбы между двумя распавшимися половинами демократическаго общества. Сѣверъ и югъ Америки — думали въ Европѣ — разошлись такъ, что никакое примиреніе невозможно; ненависть между ними такъ велика, что братъ, кажется, готовъ тотчасъ же возстать на брата. Вотъ-вотъ начнется борьба на смерть! По привычкѣ къ своимъ распрямъ, Европа никакъ не могла представить, чтобъ можно было такой жизненный вопросъ, какъ цѣлость или распаденіе государства, порѣшить не подравшись. Но время шло; ежедневно изъ-за океана приходили вѣсти, одна миролюбивѣе другой; американцы, можно было видѣть, неохотно собираются драться; оказывается, что они расположены совершенно-мирно разойтись въ разныя стороны, и братоубійственной рѣзни, по всѣмъ предположеніямъ, не будетъ. Это, какъ мы видимъ, уже фактъ, уже историческій опытъ, тѣмъ болѣе-важный, что господствующее направленіе умовъ вовсе не расположено къ мирному разрѣшенію вопросовъ. Опытъ, такимъ-образомъ, показалъ, что Европа и Америка — это дѣйствительно два различные міра, непохожіе одинъ на другой: между-тѣмъ, какъ въ Европѣ все еще готовы воевать изъ-за всего, въ Америкѣ уже стараются мирно разрѣшать самые деликатные и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самые жгучіе вопросы.

Нельзя не сказать, однакожь, въ похвалу нашему времени, что и въ той старой Европѣ, которая никакъ не можетъ въ своихъ безпрестанныхъ распряхъ послѣдовать замѣчательному примѣру Америки, все-таки замѣтно теперь нѣкоторое стремленіе удерживаться, до по-

слѣдней крайности удерживаться отъ войны. Въ нѣкоторой степени этому стремленію должно приписать то обстоятельство, что мрачныя предвѣщанія относительно марта не сбылись. И по сю сторону Атлантическаго Океана не съ такою легкостью приступаютъ теперь къ военнымъ операціямъ, какъ во времена нашихъ отцовъ: до какой степени ни напряжено положеніе дѣлъ, но отъ рѣшительнаго шага отступаетъ каждый. Безъ-сомнѣнія, въ этомъ нельзя не видѣть весьма-важнаго успѣха, но, безъ-сомнѣнія также, впалъ бы въ большую ошибку тотъ, кто задумалъ бы объяснять это обстоятельство причинами, похожими на тѣ, которыя дѣйствуютъ въ Америкѣ. Тамъ, какъ извѣстно, народамъ нѣтъ охоты проливать свою собственную кровь; это соображеніе въ Европѣ дѣйствуетъ весьма-слабо. Здѣсь несравненно-болѣе имѣютъ вліянія соображенія, выходящія изъ другаго источника; такъ болѣе крови имѣютъ здѣсь значенія деньги. Безъ значительнаго количества денегъ нельзя вести войну. И безъ войны уже сводить концы съ концами трудно; какъ поэтому не подумать о финансовыхъ средствахъ, прежде чѣмъ начать войну? Но это не все. Такъ сложились теперь въ Европѣ обстоятельства, что начинать войну первому весьма-опасно. Уже и въ Европѣ есть совершенно новая и особенная сила, называемая общественнымъ мнѣніемъ. Она народилась, правда, недавно, не считаетъ за собою длинныхъ вѣковъ своего существованія. Какъ всякій новорожденный, эта сила, правда, еще довольно-слаба; она еще не можетъ сдѣлать такъ, чтобъ не случилось чего-нибудь, что̀ ей не нравится; но она уже выросла на столько, что можетъ наказывать за то, что̀ случается. Она въ этомъ уже испытала себя не разъ и, нельзя сказать, чтобъ безъ успѣха. Такъ нельзя не сознаться, что Австрію въ 1859 году поразила болѣе всего сила общественнаго мнѣнія. Вотъ эта-то самая сила и удерживаетъ теперь Европу въ нѣкоторой степени отъ тѣхъ быстрыхъ и нечаянныхъ рѣшеній, которыми въ вопросахъ войны такъ прославился великій Наполеонъ. Но и это еще не все. Еслибъ кто-нибудь находился теперь въ положеніи великаго Наполеона, то, можетъ-быть, и не задумался бы пренебречь подобными препятствіями; но въ томъ и дѣло, что времена преходчивы и теперь нѣтъ такихъ положеній. Распредѣленіе силъ вовсе не то, что̀ было въ эпоху первой имперіи; безъ добрыхъ союзниковъ трудно отнять у сосѣда ничтожный клочокъ земли, а союзники, для наступательной войны — кто и гдѣ теперь найдетъ ихъ?

Вотъ, напримѣръ, довольно-характеристичный фактъ; но прежде чѣмъ приведемъ его, считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ объ отношеніяхъ новаго королевства Италіи къ старой имперіи Австріи.

Между ними нѣтъ ни войны, ни мира; послѣдняго, безъ-сомнѣнія, и быть не можетъ, пока Венеція останется за Австріей; почему это такъ—не требуется объясненій. Но отчего между ними до-сихъ-поръ нѣтъ войны—это зависитъ отъ вліянія тѣхъ причинъ, о которыхъ мы упомянули выше. Въ случаѣ войны сила общественнаго мнѣнія, безъсомнѣнія, будетъ поддерживать Италію; но степень этой поддержки, конечно, будетъ различна, смотря по тому, кто начнетъ первый. Если правительство Виктора-Эммануила выступитъ слишкомъ-рѣзко противъ Австріи, то общественное мнѣніе легко можетъ поколебаться, легко можетъ въ немъ произойти раздвоеніе. Безъ-сомнѣнія, именно это имѣлъ въ виду ненавистный г. Благосвѣтлову лордъ Джонъ Россель, когда, еще въ прошломъ году, совѣтовалъ Кавуру не нападать на Австрію. Съ другой стороны, въ нашъ вѣкъ разсчетовъ умные люди, а тѣмъ болѣе правительства, не поступаютъ безъ глубокихъ и тщательныхъ соображеній... Италія не можетъ безъ союзниковъ начать войну съ Австріей; эти союзники могутъ явиться къ ней съ двухъ сторонъ, или съ запада, или съ востока. Первое имѣетъ пока менѣе вѣроятностей, ибо все еще нѣтъ причинъ Лудовику-Наполеону ополчаться снова противъ Австріи. Второе—очень многіе думаютъ — недолго заставитъ себя ждать: не даромъ же итальянскіе волонтеры собираются въ походъ, чтобъ вмѣстѣ съ венграми напасть на Австрію съ тыла. Но если для Италіи были причины медлить, то тѣ же самыя причины были и для Австріи. Какъ ни хочется ей наказать своего врага, но она не рѣшается повторить исторію своего печальнаго ультиматума. И Австрія уже желаетъ имѣть за себя общественное мнѣніе и понимаетъ, что эта сила будетъ для нея невозвратно потеряна, если она явится снова гордою и вызывательною. Какъ ни трудно ей, по финансовымъ причинамъ, держать на-готовѣ громадную армію, но она терпитъ, боясь того суда, который уже однажды наказалъ ее такъ страшно. Для нея непремѣнно нужно, чтобъ развязка настала поскорѣе, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, желательно, чтобъ начало этой развязки пришло не отъ нея. И вотъ, что̀ же она дѣлаетъ?

Съ началомъ войны, и безъ того громадныя военныя силы Австріи увеличились еще болѣе въ Венеціянской Области: привели туда нѣсколько полковъ кроатовъ; граничары, говорятъ, шли неохотно, неохотно, говорятъ, они будутъ драться; но не въ этомъ пока дѣло. Дѣло въ томъ, что прибытіе кроатскихъ полковъ, по замѣчанію людей свѣдущихъ, означаетъ полное и совершенное убѣжденіе Австріи, что война начнется скоро. Чтобъ ускорить этимъ началомъ, она прибѣгла къ самой извинительной хитрости. По виллафранкскому

миру, во владѣніи Австріи, на правомъ берегу По, остается небольшой клочокъ земли, именно, мантуанскіе округи Сермида, Гонзага, Ровере. До-сихъ-поръ эти округи охранялъ значительный австрійскій отрядъ; теперь, когда Австрія была совершенно-готова принять врага, ея главнокомандующій Бенедекъ вдругъ отдалъ приказъ очистить эти округи. Австрійцы удалились за По, и три округа остались безъ всякой военной защиты. Разсчетъ былъ самый тонкій: австрійцы думали соблазнить итальянцевъ, привлечь ихъ на покинутыя мѣста, привлечь, если не регулярныя войска, то волонтёровъ, предоставить жителямъ возможность сдѣлать маленькую революцію, выставить итальянское знамя, вооружиться, пригласить къ себѣ итальянскихъ волонтеровъ— словомъ, австрійцы хотѣли, чтобъ Пьемонтъ сдѣлалъ что-нибудь такое, что̀ могло бы подать поводъ къ войнѣ; они устроили для Пьемонта ловушку; но Пьемонтъ въ нее не попался. Хитрость была понята во̀-время. Австрійцы подождали нѣсколько дней; но ни пьемонтскихъ солдатъ, ни волонтёровъ не появлялось, революція не возникала; они подождали и рѣшились возвратиться на прежнія мѣста.

Обѣ стороны видятъ неизбѣжность войны и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отступаютъ, чтобъ не принять на себя отвѣтственность за ея начало. Въ-особенности замѣчателенъ образъ дѣйствій Италіи. Всѣхъ, кто слѣдилъ за ходомъ преній въ итальянскомъ парламентѣ, за мнѣніями, высказываемыми въ главныхъ итальянскихъ газетахъ, должно было въ послѣднее время поразить полное молчаніе о Венеціи: ея какъ-будто нѣтъ, какъ-будто Италія о ней не думаетъ. Можно подумать, что существуетъ какой-нибудь тайный уговоръ молчать объ этомъ предметѣ: о немъ не заговариваютъ ни министры, ни министерскія газеты, ни члены парламента, даже увлекающіеся, какъ, напримѣръ, Феррари или генералъ Сиртори, ни даже оппозиціонныя газеты. Отчего это? Въ этомъ, безъ-сомнѣнія, нельзя не признать того крѣпкаго практическаго смысла, который въ послѣдніе годы обнаружилъ итальянскій народъ.

Но если относительно Венеціи сохраняется упорное молчаніе, зато нельзя сказать того же относительно Рима. По этому вопросу итальянское правительство, устами своего главы, графа Кавура, высказалось такъ ясно, такъ положительно, какъ никогда ни по одному вопросу не высказывалось ни одно правительство. Графъ Кавуръ видимо желаетъ, чтобъ и его страна и вся Европа имѣли о его намѣреніяхъ самое отчетливое понятіе; чтобъ они также знали средства, съ помощью которыхъ онъ думаетъ привести ихъ въ исполненіе. Въ его словахъ нѣтъ уклончивости, нѣтъ двусмыслія и темноты,

къ которымъ недавно такъ привыкли мы, читая рѣчи правительственныхъ ораторовъ Франціи.

Первымъ вопросомъ, предложеннымъ туринской палатѣ представителей, былъ, какъ мы видѣли прошлый разъ, вопросъ о новомъ титулѣ Виктора-Эммануила, о новомъ политическомъ имени для всей страны, находящейся теперь подъ его дѣйствительною властью. Предложеніе было принято съ такимъ же восторгомъ и съ тѣмъ же единодушіемъ, какъ и въ сенатѣ. Такимъ-образомъ исчезъ Пьемонтъ, явилась политическая Италія. Англія и Швейцарія уже поспѣшили признать новый титулъ Виктора-Эммануила; другія державы, можетъ-быть, подождутъ, но это не измѣнитъ самого факта. Вслѣдъ за объявленіемъ новаго политическаго имени возникшему королевству министерство Кавура подало въ отставку; съ его стороны это было дѣломъ весьма-естественнымъ и необходимымъ. По самому своему образованію, по составнымъ своимъ элементамъ, по первоначальному своему происхожденію, это было правительство пьемонтское, а не итальянское; оно устроилось еще въ то время, когда югъ Италіи не соединялся съ сѣверомъ. Теперь, когда это соединеніе совершилось, когда торжественно признано новое государство, старое правительство должно было сложить съ себя власть, должно было образоваться правительство новое, итальянское. Образованіе новаго правительства поручено было тому же самому графу Кавуру, который наканунѣ сложилъ съ себя власть: другаго, болѣе-достойнаго для этой роли человѣка въ Италіи найдти трудно. Онъ составилъ новое министерство, первое итальянское министерство, на половину изъ своихъ старыхъ товарищей, на половину изъ людей новыхъ. Изъ старыхъ министровъ возвратились къ власти Мингетти, министръ внутреннихъ дѣлъ, уже намъ достаточно-извѣстный, Фанти, министръ военный, Перуцци, министръ публичныхъ работъ, и Кассинисъ, министръ юстиціи. Новыя лица, вошедшія въ кабинетъ—Десанктисъ, Натоли, Бастоджи и Ніуто. Изъ нихъ Бастоджи, родомъ изъ Ливорно, богатый банкиръ; ему будетъ ввѣрено министерство финансовъ; Натоли—родомъ изъ Сициліи; остальные два—неаполитанцы. Такимъ-образомъ, въ образованіи новаго министерства, въ самомъ личномъ его составѣ, ясно распознается намѣреніе привлечь къ управленію представителей отъ всѣхъ частей соединенной Италіи.

Лишь только новое министерство устроилось, какъ засѣданія палатъ пошли своею обычною чередою. Самымъ важнымъ вопросомъ, представившимся теперь къ разрѣшенію, былъ вопросъ римскій. Въ засѣданіи 25-го марта депутатъ Одино сдѣлалъ запросъ министерству:

приняты ли какія-нибудь мѣры, начаты ли переговоры съ цѣлью избавить Римъ отъ иноземнаго занятія? «Очевидно, что свѣтская власть папы (говорилъ Одино) погибла. Ничто такъ ясно не доказываетъ этого, какъ безполезныя усилія дипломатіи улучшить папское правительство. Папское правительство постоянно отвѣчало на требованія своего народа только казнями и конфискаціями, а на совѣты дипломатіи отмалчивалось, дѣлало видъ, что не слышитъ, не понимаетъ... Между свѣтскою властью папы и Италіею лежитъ пропасть...» Въ рѣзкихъ чертахъ показавъ, въ чемъ состоитъ эта пропасть, Одино пришелъ къ такому заключенію: «Италія имѣетъ надобность въ Римѣ, Римъ имѣетъ надобность въ Италіи. Онъ имѣетъ надобность въ ней для того, чтобъ разорвать свои оковы; Италія имѣетъ надобность въ Римѣ, потому-что Римъ — ея естественная столица... Рима, столицы Италіи, требуютъ всѣ итальянцы».

Еслибъ что-нибудь подобное этому запросу было сдѣлано въ другой палатѣ и другому правительству, на сѣверо западъ отъ Альповъ, напримѣръ, народные представители услышали бы, что объ этомъ вопросѣ правительство не считаетъ нужнымъ говорить; что представители правительства не получили уполномочій говорить о немъ; услышали бы, можетъ-быть, нѣсколько темныхъ, двусмысленныхъ фразъ, но, во всякомъ случаѣ не узнали бы ничего о дѣйствительныхъ намѣреніяхъ правительства. Въ Италіи было поступлено иначе. Графъ Кавуръ счелъ нужнымъ высказаться прямо.

«Почтенный представитель, спрашивая министерство, поставилъ вопросъ надлежащимъ образомъ», — такъ началъ графъ Кавуръ свою рѣчь, отвѣчая г. Одино. «Онъ спрашиваетъ, почему принципъ невмѣшательства не примѣняютъ къ Риму, и требуетъ отъ министерства объясненій—какому пути въ своихъ дѣйствіяхъ оно намѣрено слѣдовать. Римскій вопросъ долженъ быть разсмотрѣнъ основательно. Мнѣ не слѣдуетъ ограничиться простымъ отвѣтомъ на вопросъ почтеннаго представителя, но я долженъ вполнѣ высказать мою мысль относительно той задачи, разрѣшеніе которой интересуетъ триста милліоновъ католиковъ и окажетъ огромное вліяніе на весь міръ».

Относительно вопроса о свѣтской власти папы графъ Кавуръ ясно различаетъ двѣ главныя точки зрѣнія: одну—итальянскую, другую — католическую. Вотъ въ какомъ видѣ представляется ему этотъ вопросъ, если разсматривать его съ первой точки зрѣнія. «Прежде всего необходимо провозгласить ту систему (говоритъ онъ), что невозможно представить себѣ Италію устроившеюся въ одно королевство безъ Рима, какъ его столицы. Если мы имѣемъ право, если вмѣстѣ съ

тѣмъ мы обязаны добиваться владѣнія Римомъ, то именно вслѣдствіе этой невозможности. Почтенный представитель сказалъ справедливо, что эту систему сознавалъ инстинктивно и провозглашалъ, не колеблясь, всякій, кто прямо смотрѣлъ на наши дѣла. Конечно, Италіи еще много остается сдѣлать, чтобъ устроиться, разрѣшить задачи своей внутренней администраціи и уничтожить вѣковыя преграды, препятствующія водворенію въ ней правильнаго политическаго быта. Для достиженія этой цѣли она нуждается въ единствѣ, въ согласіи, которому римскій вопросъ будетъ препятствовать до-тѣхъ-поръ, пока останется неразрѣшеннымъ».

Мы просимъ читателя припомнить, что̀ мы говорили прошлый разъ о различныхъ интересахъ, замѣшанныхъ въ римскомъ вопросѣ; мы тогда пересчитали по пальцамъ всѣ эти безчисленные интересы. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы говорили, что каждый изъ нихъ находитъ за себя множество адвокатовъ, но что забываютъ только интересъ самихъ римлянъ. Графъ Кавуръ говоритъ, что Римъ нуженъ для Италіи, что политическій бытъ Италіи не можетъ сложиться правильно, пока надъ Римомъ будетъ оставаться свѣтская власть папы; но что̀ объ этомъ думаютъ сами римляне — онъ не счелъ нужнымъ упомянуть. Какъ адвокатъ Италіи, какъ ея представитель, графъ Кавуръ имѣетъ въ виду главнымъ образомъ интересы Италіи; интересы самихъ римлянъ отошли далеко назадъ, не удостоились помина. Послѣ того, что̀ мы сказали прошлый разъ, читатели, тѣ изъ нихъ, которые привыкли читать писанія тенденціозныхъ русскихъ публицистовъ, ожидаютъ, можетъ-быть, что мы тотчасъ потянемъ на судъ итальянскаго министра и дадимъ ему приличное внушеніе, какъ онъ смѣетъ насъ не слушаться, какъ онъ смѣетъ забывать о той сторонѣ вопроса, которая для насъ кажется главною? Наши публицисты такъ тенденціозны, такъ проникнуты стремленіемъ разыгрывать роль становыхъ приставовъ надъ своими подсудимыми, европейскими министрами и иными государственными людьми, такъ привыкли нападать на нихъ въ своихъ писаніяхъ или съ презрительною важностью глумиться надъ ними, что имъ ничего не стоитъ притянуть къ своему суду исправительной полиціи или въ свой гаерскій балаганъ кого угодно; на потѣху наивной публики — они предполагаютъ, что ихъ публика очень-наивна — они любому государственному дѣятелю дадутъ приличное внушеніе. Это, въ-сущности, дѣло очень-легкое, и потому-то именно упражняются въ немъ съ такимъ успѣхомъ, что оно весьма-легко. Если бы мы захотѣли слѣдовать примѣру нашихъ публицистовъ, мы могли бы въ настоящемъ случаѣ дать тоже приличное внушеніе

итальянскому министру, какъ это осмѣлился онъ говорить не по-нашему, какъ осмѣлился онъ, говоря о Римѣ, забыть римлянъ? Нашего негодованія и сарказма, можетъ-быть, достало бы на то, чтобъ выставить Кавура человѣкомъ ограниченнымъ, а раскрывъ любую книжку «Современника», мы научились бы весьма-основательно искусству распекать. Но мы не пойдемъ за нашими публицистами, не пойдемъ потому, что считаемъ ихъ занятія не только пустою шалостью, но даже дѣломъ вреднымъ. Мы не отличаемся фанатизмомъ нашихъ мнѣній; да и къ чему въ нашемъ дѣлѣ этотъ фанатизмъ? Наше дѣло очень-просто: мы только объясняемъ то, что̀ дѣлается въ Европѣ, а не творимъ надъ нею суда и расправы. Такъ и въ занимающемъ насъ дѣлѣ мы задали себѣ прежде всего вопросъ: отчего графъ Кавуръ, который, конечно, лучше всѣхъ, лучше насъ даже—мы въ этомъ сознаемся—изучилъ и понимаетъ римскій вопросъ, отчего онъ не заговорилъ о правѣ самихъ римлянъ рѣшить свою дальнѣйшую участь? Вѣдь такъ естественно было ему обратить вниманіе именно на эту сторону дѣла; кто же, какъ не онъ, съ 1856 года все толковалъ о правахъ народа? Мы, сознаемся, долго не знали, ка̀къ это разъяснить; но наконецъ рѣшеніе на насъ ниспало. Дѣло оказалось такъ просто, такъ естественно, что намъ даже сдѣлалось совѣстно, отчего это мы надъ нимъ задумались. Кавуръ, вѣдь, говорилъ не для римлянъ, онъ не къ нимъ обращался; онъ говорилъ предъ итальянскимъ парламентомъ, говорилъ для Италіи, для Европы, и зналъ, что̀ для нихъ говорить слѣдуетъ. Онъ зналъ, что еслибъ онъ потребовалъ рѣшенія римскаго вопроса во имя правъ римскаго народа, то этимъ онъ могъ бы въ глазахъ Европы больше потерять, нежели выиграть. Вотъ, еслибъ на его мѣсто поставить русскаго публициста изъ «Современника» или «Русскаго Слова», тогда, конечно, сказано было бы что-нибудь, къ дѣлу нимало непригодное.

Убѣжденіе въ томъ, что безъ Рима не можетъ устроиться Италія, проходитъ чрезъ всю рѣчь графа Кавура. «Люди добросовѣстные и честные (продолжаетъ онъ) могутъ чувствовать предпочтеніе къ тому или другому городу; но еслибъ Римъ сталъ однажды нашею столицею, то, нѣтъ сомнѣнія, всѣ споры объ этомъ пунктѣ были бы съ тѣхъ поръ невозможны». Первая половина этой фразы имѣетъ, повидимому, отношеніе къ проекту, представленному недавно извѣстнымъ итальянскимъ патріотомъ, Массимо д'Азеліо, перенести столицу изъ Турина во Флоренцію. Проектъ этотъ не болѣе, какъ попытка католика, невырвавшаго еще изъ своей груди чувства слѣпаго уваженія къ папскому престолу, попытка склонить Италію на сдѣлку, оста-

вить за папой Римъ. Но она сама въ себѣ носитъ свою полную несостоятельность, какъ объясняетъ далѣе графъ Кавуръ. Туринъ не захочетъ уступить Флоренціи первое мѣсто; не безъ неудовольствія и другіе большіе города Италіи, нимало несчитающіе себя ниже Флоренціи, примутъ это ея первенство. Только передъ Римомъ забудутъ всѣ свои притязанія Туринъ, Миланъ, Болонья, Флоренція, Неаполь. «Рѣшеніе римскаго вопроса (сказалъ далѣе графъ Кавуръ) повело бы за собою безусловное и всеобщее согласіе. Я, поэтому, вижу съ сожалѣніемъ, что нѣкоторые отличные люди, патріоты, оказавшіе странѣ большія услуги, считаютъ тѣ причины, по которымъ нашъ выборъ останавливается на нашей естественной столицѣ, причинами пустыми и неважными. Выборъ этотъ опредѣляется исторіею нашего народа, всѣми элементами его цивилизаціи. Что̀ такое исторія Рима, какъ не исторія столицы — болѣе того — столицы всего міра? Теперь онъ сдѣлается столицей великаго народа.»

«Обращаюсь къ патріотизму всѣхъ итальянцевъ (продолжаетъ Кавуръ, трогая сторону, чувствительную въ-особенности для своего роднаго города, для прежней столицы Пьемонта, Турина): пусть наше единодушіе покажетъ Европѣ необходимость, налагаемую на насъ этими фактами. Самъ я лично предпочитаю, можетъ быть, прямыя и ровныя улицы моего роднаго города старымъ и новымъ памятникомъ вѣчнаго города; но мое рѣшеніе, равно какъ и рѣшеніе моихъ соотечественниковъ, неизмѣнно: этотъ благородный городъ—я говорю теперь какъ представитель Турина—готовъ съ самоотверженіемъ принести жертву, которой отъ него требуетъ страна.» *(Рукоплесканія)*.

Дѣйствительно, до-тѣхъ-поръ, пока центромъ Италіи останется Туринъ, трудно ей устроиться прочно и спокойно. Неаполь, вдвое, ежели не втрое болѣе населенный, нежели Туринъ, постоянно сохранилъ бы нерасположеніе къ столицѣ Пьемонта, не находилъ бы достаточно основаній, почему слѣдуетъ отдавать предпочтеніе именно Турину. Если и теперь реакціонная партія въ Неаполѣ не забываетъ напоминать народу, что Неаполь утратилъ свое положеніе только вслѣдствіе властолюбія Пьемонта, и пользуется каждымъ случаемъ возбуждать ненависть къ Піемонту, къ Турину, то все это можетъ измѣниться только тогда, когда центръ правительственной дѣятельности будетъ перенесенъ въ другое мѣсто. Правительство, оставаясь въ Туринѣ, въ глазахъ большей части итальянцевъ будетъ казаться правительствомъ пьемонтскимъ, и врагамъ его дано будетъ легкое средство для сильной агитаціи: во имя мѣстной автономіи можно будетъ поднимать слѣпыя страсти противъ «туринскаго властолюбія».

Въ виду этихъ опасностей необходимо сдѣлать такъ, чтобъ самый правительственный центръ внѣшнимъ образомъ указывалъ на то, что характеръ и значеніе власти, вмѣстѣ съ тѣмъ весь смыслъ государственной жизни, совершенно измѣнились; надобно, чтобъ все, не только духъ правительства, но и внѣшняя его обстановка показывали, что оно сдѣлалось правительствомъ итальянскимъ. Вотъ почему Италія ищетъ теперь своего «естественнаго центра», своей «естественной столицы»; вотъ смыслъ этихъ выраженій. Римъ необходимъ для Италіи, какъ ея «естественный центръ». Съ другой стороны, совершенно понятно, почему Кавуръ, смотрящій на каждый вопросъ съ практической точки зрѣнія, почему этотъ представитель итальянскаго единства съ особенною силою настаиваетъ на необходимости этого естественнаго центра для Италіи.

Но какъ достигнуть этого, какъ придти въ Римъ? На пути стоятъ два препятствія, два большія препятствія — Франція и значеніе римскаго папы для всего католическаго міра. Посмотримъ, какія средства предлагаетъ графъ Кавуръ, чтобъ устранить эти препятствія.

«Мы должны идти въ Римъ (продолжаетъ онъ), но такъ, чтобъ отъ этого не пострадала независимость папы, такъ, чтобъ отъ этого церковь не подпала подъ власть государства». Безъ-сомнѣнія, только такое разрѣшеніе вопроса и можетъ примирить съ Италіей интересы католическаго міра. «Еслибъ даже—хотя я признаю это невозможнымъ—Франція не была въ силахъ препятствовать нашему вступленію въ Римъ, то мы откажемся вступить въ этотъ городъ насильственно, вопреки ея волѣ. Не станемъ подражать Австріи въ неблагодарности, провозглашенной съ такимъ прискорбнымъ мужествомъ устами одного изъ ея государственныхъ людей. Этого рода мужество она обнаруживала постоянно. Въ парижскомъ конгресѣ ни одна держава не была такъ враждебна къ Россіи, не возставала такъ упорно противъ мира, какъ Австрія, спасенная Россіею за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ. Что̀ касается насъ, то, связанные съ Россіею дружбою, которую затмило легкое облако—надѣюсь, только на-время—нашими дѣйствіями относительно Франціи мы покажемъ, что не похожи на державу, съ которою мы сражались при помощи французскихъ войскъ. Когда, въ 1859 году, мы просили помощи Франціи, императоръ не скрывалъ отъ себя затруднительнаго положенія, въ которое эта война поставитъ его относительно римскаго двора. Принявъ благодѣяніе, мы не можемъ увеличивать затрудненій, въ которыя оно можетъ поставить нашего благодѣтеля».

Вотъ все, что̀ въ рѣчи Кавура сказано о Франціи. Не правда ли,

сказано немного, и какъ осторожно сказано? «Италія не должна увеличивать затрудненій для своего благодѣтеля!» Графъ Кавуръ признаетъ положеніе Франціи очень-затруднительнымъ, признаетъ, конечно, что это положеніе ея препятствуетъ пока рѣшенію римскаго вопроса; тѣмъ не менѣе, онъ проникнутъ убѣжденіемъ, что этотъ вопросъ разрѣшится вполнѣ-благополучно. Это значитъ, что затрудненія будутъ устранены, что Франція найдетъ возможность выйти изъ нихъ. Какимъ образомъ совершится это—глава итальянскаго правительства не считаетъ нужнымъ пока входить въ объясненія; но онъ вѣритъ въ то, что Франція не будетъ долго противиться рѣшенію римскаго вопроса, и изъ послѣдующихъ словъ его мы, можетъ-быть, увидимъ, какое онъ предлагаетъ средство для уничтоженія существующихъ затрудненій. Но прежде, нежели перейдемъ къ этому средству, укажемъ еще на одну особенность въ отзывѣ графа Кавура о Франціи: императора французовъ въ своей рѣчи онъ называетъ «благодѣтелемъ Италіи». За это выраженіе наши петербургскіе публицисты, безъ-сомнѣнія, притянули бы итальянскаго министра къ своей грозной расправѣ, обвинили бы его въ раболѣпіи. Намъ такъ и слышится ихъ голосъ благороднаго негодованія, казнящій душевную слабость въ томъ человѣкѣ, который изъ ничтожества вызвалъ Италію къ величію. Мы не знаемъ, чтò бы сдѣлали наши петербургскіе Катоны, еслибъ, вмѣсто роли квартальныхъ надзирателей въ литературѣ, судьба дозволила имъ сидѣть предъ графомъ Кавуромъ на скамьяхъ итальянской палаты представителей. Мы знаемъ только то, что въ самой этой палатѣ выраженіе графа Кавура не только не было встрѣчено съ негодованіемъ, а вызвало рукоплесканія; мы знаемъ, далѣе, что всѣ итальянскіе ораторы отзываются о Наполеонѣ въ подобныхъ же выраженіяхъ; наконецъ, мы знаемъ еще болѣе: мы видимъ многочисленные симптомы, доказывающіе, что вся Италія проникнута чувствомъ искренней благодарности къ Лудовику-Наполеону, чувствомъ любви къ нему, именно любви. И признаемся откровенно, еслибъ мы были въ Италіи, мы, можетъ-быть, также бы его любили, такъ же были бы ему благодарны; въ этомъ мы положительно расходимся съ нашими Катонами. Мы понимаемъ, за чтò итальянцы преданы Наполеону, и по всѣмъ исчисленнымъ причинамъ нимало не поставимъ въ упрекъ графу Кавуру его выраженія. Для насъ любовь Италіи къ Лудовику-Наполеону существуетъ какъ фактъ, и, замѣчая его, мы стараемся прежде всего объяснить себѣ этотъ фактъ, чтò, впрочемъ, не представляетъ большой трудности. Прежде всего неоспоримо, что люди, находящіеся въ такомъ положеніи, какъ нынѣшній императоръ французовъ, могутъ возбуждать народную при-

вязанность; неоспоримо далѣе, что народы способны понимать и чувствовать благодѣянія, что ихъ чувство пріобрѣтается довольно-дешево; народы расположены любить даже тѣхъ, кто имъ не дѣлаетъ положительнаго зла, тѣмъ болѣе душа ихъ растворяется для принятія благодарнаго чувства въ-отношеніи къ тѣмъ, кто сдѣлалъ для нихъ нѣкоторое добро. Лудовикъ-Наполеонъ поставленъ въ прекрасное положеніе и, что̀ лучше всего, онъ умѣетъ имъ отлично пользоваться. Онъ можетъ много дѣлать для народовъ и понимаетъ, что̀ нужно для нихъ дѣлать; онъ понимаетъ, ка̀къ нужно для него, чтобъ его любили разные народы и, конечно, не прочь отъ того, чтобъ этой любви достигнуть. Это—тайна очень-нехитрая; но, владѣя народною любовью, каждый можетъ сказать про-себя, что владѣетъ громадною силою. Чѣмъ пріобрѣлъ Лудовикъ-Наполеонъ любовь итальянцевъ — распространяться объ этомъ, конечно, незачѣмъ: Сольферино съ его результатами у всѣхъ въ свѣжей памяти. Но вотъ что̀ замѣчательно: послѣ Сольферино благодѣтель Италіи много дѣлалъ такого, что̀ уже вовсе не было похоже на благодѣянія: достаточно припомнить старанія Франціи возвратить герцоговъ, исторію Савойи и Ниццы, французскій гарнизонъ въ Римѣ, вызовъ французскаго посланника изъ Турина, исторію Гаэты, наконецъ, многое множество разныхъ мелочей. И что̀ же? Какой результатъ имѣло все это? Ослабило ли это хоть на сколько-нибудь любовь итальянцевъ къ Лудовику-Наполеону? Факты доказываютъ совершенно-противное. Даже римляне, у которыхъ постоянно на глазахъ французскіе солдаты, и тѣ убѣждены, что Лудовикъ-Наполеонъ желаетъ всего хорошаго для Италіи. Любовь народная, какъ и всякая любовь, бываетъ слѣпа; это истина безспорная, и зрѣніе итальянцевъ, можетъ-быть, не отличается большою чистотою и ясностью — мы съ этимъ согласны: но отъ этого самое явленіе получаетъ только бо̀льшее значеніе. Отъ этого только ярче выдается та легкость, съ которою императоръ французовъ пріобрѣлъ привязанность Италіи; это стоило ему такъ дешево, а между-тѣмъ, когда разъ народъ итальянскій полюбилъ его, почувствовалъ къ нему благодарность за благодѣяніе, ка̀къ трудно уже было потомъ измѣнить итальянцамъ свои чувства къ Лудовику-Наполеону! Мы остановились на этомъ явленіи, потому-что считаемъ его заслуживающимъ вниманія, потому-что—мы убѣждены въ этомъ—народы въ наше время расположены любить; любовь эта даетъ ея предмету громадную силу.

«Если намъ удастся убѣдить католиковъ, что соединеніе Рима съ остальной Италіей не можетъ поставить церковь въ зависимое отъ государства положеніе, то вопросъ значительно приблизится къ своему

разрѣшенію». Этими словами начинаетъ графъ Кавуръ ту часть рѣчи, въ которой разъясняется предлагаемый имъ способъ къ рѣшенію римскаго вопроса безъ нарушенія духовнаго авторитета папы. Главная цѣль Кавура показать, что съ уничтоженіемъ свѣтской власти независимость церкви не только не утратится, напротивъ, она можетъ только тогда сдѣлаться въ полномъ смыслѣ дѣйствительнымъ, положительнымъ фактомъ. Уже изъ прежнихъ статей нашимъ читателямъ извѣстно, что въ этомъ именно пунктѣ заключается главная трудность римскаго вопроса: оппозиціонные ораторы во французскихъ палатахъ еще такъ недавно старались доказать, что сохраненіе свѣтской власти папы безусловно-необходимо для того, чтобъ церковь сохранила свою свободу и независимость. Отсюда понятно, какое значеніе должны имѣть слова графа Кавура, служащія дальнѣйшимъ развитіемъ его главной мысли.

«Многіе думаютъ (говоритъ онъ), что какъ только парламентъ соберется въ Римѣ и король переѣдетъ въ Квириналъ, то папа утратитъ значительную долю своей независимости; онъ будетъ не болѣе, какъ королевскимъ духовникомъ, капелланомъ. Еслибъ эти опасенія были основательны, то я, не колеблясь, сказалъ бы, что это соединеніе будетъ пагубно не только для католицизма, но и для Италіи. Для народа не можетъ быть большаго несчастія, какъ сосредоточеніе въ рукахъ правительства власти духовной съ властью свѣтскою. Гдѣ эти власти соединены, тамъ исчезаетъ свобода, тамъ наступаетъ правленіе калифовъ. Никогда не будетъ этого въ Италіи».

«Разсмотримъ со всѣхъ сторонъ этотъ вопросъ о вліяніи присоединенія Рима къ Италіи на независимость духовной власти. Вопервыхъ, свѣтская власть дѣлаетъ ли папу въ-самомъ-дѣлѣ независимымъ? Еслибъ это было такъ, то я нимало не поколебался бы въ разрѣшеніи задачи». Этими словами графъ Кавуръ хотѣлъ отдать католицизму то, что онъ вправѣ требовать отъ католика, отъ министра католической державы. «Но (продолжаетъ онъ) никто не можетъ этого подтвердить. Я понимаю, что въ прежнее время свѣтская власть могла быть гарантіей для папы. Его власть, если и не пользовалась сочувствіемъ, то, по-крайней-мѣрѣ, была терпима; но въ XIX столѣтіи политическій бытъ Европы основанъ на иныхъ принципахъ, нежели прежде. Въ настоящее время правительство, неоснованное на формальномъ или безмолвномъ согласіи населенія, и даже безусловно-враждебное народу, которымъ оно управляетъ, не можетъ болѣе существовать. А между-тѣмъ, такая борьба между властью и подданными происходитъ въ Папской Области съ 1849 года и является неизлечимымъ зломъ.

«Народы, истощенные борьбою временъ первой имперіи, переносили нѣкоторое время эту правительственную систему, которая, впрочемъ, была нѣсколько смягчаема добротою первосвященника и просвѣщеннымъ взглядомъ кардинала Консальви. Въ 1821 году вспыхнула борьба; въ 1831 году она обнаруживается рѣзче, рѣшительнѣе, поднимается открыто отъ Болоньи до Анконы; но является иноземное вмѣшательство — и борьба подавлена. Теперь уже около двухъ лѣтъ Романья освобождена, присоединена къ намъ, пользуется свободой печати, свободой ассоціацій; въ Болоньѣ есть клерикальная газета, болѣе-рѣзкая, нежели туринская «Armonia». Обнаружились ли въ населеніи какія-нибудь сожалѣнія о прежнемъ правительствѣ? Осуждали дѣйствія того или другаго министра, самихъ министровъ; но никто, сколько мнѣ извѣстно, не требовалъ возвращенія прежнихъ начальствъ. *(Смѣхъ)*.

«Вотъ фактъ, еще болѣе-замѣчательный: изъ Мархій и Умбріи, по причинамъ, зависѣвшимъ отъ обстоятельствъ военныхъ и политическихъ, пришлось вывести войска; въ нихъ не осталось ни одного солдата; они были ввѣрены патріотизму національной гвардіи, были предоставлены проискамъ партіи, которой главный центръ находился очень-близко оттуда, въ нѣсколькихъ миляхъ, въ Римѣ. И образъ дѣйствій этихъ населеній остался чистъ отъ всякихъ упрековъ въ безпорядкѣ, удивилъ своимъ благоразуміемъ, хотя имъ угрожали католики, переодѣтые въ зуавовъ».

«Я, кажется, достаточно показалъ антагонизмъ, существующій между папскимъ дворомъ и населеніемъ (продолжаетъ графъ Кавуръ). Если такъ, то эта власть не обезпечиваетъ для папы его независимости. Говорятъ, что она необходима для католическаго общества и должна быть обезпечена католическими державами. Развѣ человѣческія жертвы необходимы и угодны Богу? Развѣ можно во имя Спасителя требовать, чтобъ нація была отдана въ жертву Его намѣстнику? Говорятъ: папа можетъ примириться съ своимъ народомъ посредствомъ реформъ, и все требуютъ отъ папы реформъ, не обращая вниманія на его отказы. Это значитъ требовать того, чего папа не можетъ дать; ибо онъ прежде всего глава церкви, а потомъ уже свѣтскій государь: свѣтская власть должна служить для него только обезпеченіемъ его духовной власти, которая стоитъ на первомъ планѣ. Сдѣлать эти уступки—значило бы измѣнить обязанностямъ первосвященника. Онъ можетъ принять, терпѣть нѣкоторыя учрежденія, но не можетъ утвердить ихъ. Такъ онъ терпитъ гражданскій бракъ во Франціи, но у себя онъ не можетъ провозгласить его. То же относится и ко множеству другихъ учрежденій, которыя находятся въ противорѣчіи

съ католическими догматами и которыхъ существованіе, однакожъ, приходится допустить. Не слѣдуетъ упрекать папу за то, что̀ должно назвать не упрямствомъ, а твердостью, и за что̀ католики должны быть благодарны ему, какъ за заслугу. Я нерѣдко опровергалъ мнѣніе тѣхъ, которые непремѣнно хотѣли бы, чтобъ папа приступилъ къ реформамъ, и осуждали его за то, что онъ къ нимъ не приступаетъ. Меня спрашивали на парижскомъ конгресѣ, какихъ реформъ можно отъ него требовать. Я не могъ указать ни на одну. Я объявилъ, что единственное средство управлять этою страною безъ военнаго занятія состоитъ въ безусловномъ отдѣленіи духовной власти отъ свѣтской. Всѣ усилія рушатся о коренныя препятствія, которыя происходятъ отъ смѣшенія двухъ властей. Европа съ давнихъ поръ придумываетъ реформы для Турціи; нѣтъ такихъ усилій, къ которымъ бы для этого не прибѣгали; ей желательно было бы примирить права гражданской жизни съ существующимъ въ Турціи правительствомъ. И, однакожъ, все было безуспѣшно, и не будетъ успѣха: этому препятствуетъ соединеніе двухъ властей въ лицѣ султана.

«Такимъ-образомъ свѣтская власть не дѣлаетъ папу независимымъ», къ такому заключенію приходитъ графъ Кавуръ. Слѣдовательно свѣтская власть ненужна для того, чтобъ папа, чтобъ вмѣстѣ съ нимъ и католическая церковь пользовались независимостью; свѣтская власть папы не составляетъ существенной потребности для католической церкви. Но въ замѣну утраченной свѣтской власти предлагаетъ ли онъ ему независимость? Только одно это условіе достаточно-цѣнно, чтобъ вознаградить за потерю.

«Такимъ образомъ свѣтская власть не дѣлаетъ папу независимымъ (говоритъ Кавуръ). Потерявъ ее, не перейдетъ ли онъ только изъ одной зависимости въ другую? Нѣтъ, мы можемъ доставить ему эту, столь необходимую для него, независимость».

Какое же существуетъ для этого средство? Какимъ путемъ этого достигнуть?

«Эта независимость получится только тогда, когда произойдетъ отдѣленіе свѣтской власти. Какъ-скоро церковь освободится отъ всякихъ узъ съ свѣтскою властью, отдѣлится отъ государства ярко-очерченными границами, свобода папскаго престола не будетъ болѣе страдать отъ всѣхъ тѣхъ оковъ, которыя налагаютъ на нее конкордаты, прерогативы гражданской власти и которыя дѣлала необходимыми до-сихъ-поръ только свѣтская власть римскаго двора. Я думаю, что всякій искренній католикъ болѣе всего желаетъ такого освобожденія. Единственная трудность состоитъ въ томъ, чтобъ знать, на какія

гарантіи будетъ опираться эта свобода церкви. Мы доставимъ ей важныя гарантіи: мы внесемъ въ основный статутъ королевства принципъ взаимной независимости церкви и государства; мы обезпечимъ всѣми возможными средствами полное осуществленіе этого принципа. Но наиболѣе-вѣрную гарантію представляетъ вполнѣ католическій характеръ итальянскихъ народовъ. Италія часто дѣлала большія усилія для преобразованія церковной дисциплины, но никогда она не заносила руки на религію, которой держится. Отечество Арнольда Бресчіанскаго, Данта, Савонаролы, Сарпи, Джіаноне, подобно имъ, всегда желало только реформы въ церкви; это пламенное желаніе всегда сопровождалось твердымъ убѣжденіемъ въ необходимости того, чтобъ очищенная церковь осталась и сдѣлалась болѣе-свободною. Эта свобода будетъ болѣе обезпечена любовью двадцати-шести мильйоновъ гражданъ, нежели нѣсколькими наемниками.

«Говорятъ, эти надежды обманчивы; всѣ ваши усилія войдти въ сдѣлку, всѣ ваши переговоры отвергнуты. Я не стану входить ни въ какія подробности относительно этого деликатнаго пункта, я сознаюсь, что до-сихъ-поръ ни одна попытка въ этомъ смыслѣ не имѣла успѣха; но я вмѣстѣ съ тѣмъ объявляю, что мы еще не высказывали нашихъ намѣреній такъ открыто и полно, какъ это дѣлаемъ въ настоящую минуту. Мы, поэтому, можемъ еще питать нѣкоторую увѣренность. Исторія намъ показываетъ, что въ Римѣ, занятомъ испанцами Карла V, папа, спустя нѣсколько времени, короновалъ Карла V и вступилъ съ нимъ въ союзъ. Отчего же перемѣнѣ, случившейся нѣкогда съ Карломъ V, не произойти теперь съ Піемъ IX? Наконецъ, хотя бы папа и отвергалъ насъ попрежнему, мы все-таки останемся вѣрными этимъ принципамъ. Прибывъ въ Римъ, мы провозгласимъ отдѣленіе церкви отъ государства и свободу церкви. Когда это будетъ сдѣлано, утверждено представителями народа, когда истинныя стремленія итальянцевъ, ихъ сочувствіе къ религіи предковъ, будутъ удостовѣрены предъ Европой; тогда огромное большинство католиковъ одобритъ ихъ и возложитъ на кого слѣдуетъ отвѣтственность за борьбу, которую римскій дворъ захотѣлъ бы вести съ народомъ. Подвергаясь опасности, что меня обвинятъ въ утопіи, я высказываю увѣренность, что, когда эти принципы будутъ провозглашены и утверждены вами, душа Пія IX, открывшись снова для благородныхъ чувствъ, которыя, нѣсколько лѣтъ назадъ, доставили ему столько рукоплесканій, пожелаетъ пріобрѣсти безсмертную славу примиреніемъ итальянскаго народа съ церковью, религіи со свободою». *(Продолжительныя рукоплесканія)*.

Чрезъ день палата почти единодушно приняла слѣдующее предложеніе одного изъ вождей либеральной партіи, г. Бонкомпаньи: «Палата, выслушавъ объясненія министерства и питая увѣренность, что достоинство и независимость святаго отца, равно какъ полная свобода церкви будутъ обезпечены, что приложеніе принципа невмѣшательства произойдетъ съ согласія Франціи, и что Римъ, который народное мнѣніе провозглашаетъ столицей, будетъ присоединенъ къ Италіи, переходитъ къ очереднымъ дѣламъ».

Такимъ образомъ Италія требуетъ Рима, и послѣ всего того, что было сказано объ этомъ вопросѣ, никто, вѣроятно, не скажетъ, чтобъ это требованіе было лишено основáній. Для рѣшенія этого вопроса первый государственный человѣкъ нашего времени нашелъ формулу, которая должна удовлетворить всѣхъ, кто только смотритъ на это дѣло здраво и безпристрастно. Въ-самомъ-дѣлѣ, въ чемъ заключаются главныя теоретическія трудности вопроса? Защитники папы говорятъ, что свѣтская власть для него необходима, потому-что при этомъ условіи только возможна независимость святаго отца, а вмѣстѣ съ тѣмъ свобода и независимость церкви; безъ свѣтской власти папа сдѣлается будто-бы простымъ епископомъ въ томъ государствѣ, гдѣ будетъ находиться его престолъ — церковь подчинится государству. Графъ Кавуръ говоритъ, что, прежде всего, папа, бывъ до-сихъ-поръ свѣтскимъ государемъ, не былъ, однакожь, независимъ — это истина для тѣхъ, кто знакомъ съ исторіею папской власти. Отсюда прямой выводъ, что свѣтская власть вовсе не составляетъ необходимаго условія для свободы церкви, что, слѣдовательно, католическому міру нечего особенно дорожить папскою областью, которая не обезпечивала папѣ его независимости. Но этого мало: графъ Кавуръ предлагаетъ, лишивъ папу его владѣній, доставить ему, какъ духовному лицу, такое положеніе, что онъ дѣйствительно сдѣлается независимъ; итальянскій парламентъ, принявъ извѣстное намъ предложеніе г. Бонкомпаньи, беретъ это на свою отвѣтственность. Слѣдовательно, Италія обязуется предъ католической Европой обезпечить папѣ его независимость и церкви ея свободу. Дѣло такимъ образомъ, по-крайней-мѣрѣ, въ принципѣ можно считать рѣшеннымъ. То, о чемъ, повидимому, сильнѣе всего заботятся клерикалы, то, что они отстаиваютъ всего упорнѣе — независимость святаго отца не только не будетъ нарушена, а даже изъ мнимой сдѣлается дѣйствительною. Поэтому, еслибъ только объ этой независимости шла рѣчь, еслибъ въ ней для клерикаловъ заключалась главная сущность вопроса, то не было бы никакихъ препятствій къ немедленному рѣшенію дѣла.

Но въ томъ-то и дѣло, что за независимостью папы, какъ духовнаго лица, скрывается для клерикаловъ много другаго, не менѣе для нихъ драгоцѣннаго, нежели свобода церкви. Имъ дорогà свѣтская властъ папы не потому только, что она, по ихъ словамъ, обезпечиваетъ независимость первосвященника, а дорогà сама-по-себѣ, какъ всякая власть, какъ всякое право. Они отстаиваютъ ее потому, что она сама-по-себѣ выгодна. Вотъ именно на эту сторону вопроса и должны оказать огромное вліяніе рѣчь графа Кавура и рѣшеніе, принятое итальянскимъ парламентомъ. Они должны раскрыть предъ католиками, что свѣтская власть папы нужна не для интересовъ церкви, что она нужна для личныхъ выгодъ нѣкоторой части католическаго духовенства. Когда проектъ графа Кавура будетъ всѣми хорошо обдуманъ, вліяніе клерикаловъ, безъ-сомнѣнія, ослабнетъ, потому-что всѣ увидятъ, на сколько въ ихъ стремленіяхъ искренней заботы о пользѣ и выгодахъ церкви. Вотъ почему мы позволяемъ себѣ думать, что послѣднія преніи въ итальянскомъ парламентѣ значительно разгонятъ мракъ, нагнанный пастырскими посланіями, клерикальными брошюрами, рѣчами французскихъ ораторовъ въ сенатѣ и законодательномъ корпусѣ. Намъ кажется, что нравственная и умственная атмосфера Европы уже значительно приготовлена къ тому, чтобъ примириться съ тою ролью, которую папѣ предлагаетъ Италія, что предложеніе г. Бонкомпаньи и рѣчь графа Кавура значительно помогутъ еще болѣе очистить эту нравственную атмосферу.

Но кàкъ придетъ ожидаемый фактъ? Кàкъ совершится самое дѣло? Здѣсь передъ нами раскрывается практическая сторона вопроса, раскрываются вмѣстѣ съ тѣмъ другаго рода трудности. Еслибъ папа былъ предоставленъ самому себѣ, то никакихъ бы затрудненій не было: римляне преспокойно подняли бы итальянское знамя, объявили бы своимъ королемъ Виктора-Эммануила, а папѣ оказывали бы то уваженіе, которое подобаетъ высшему духовному лицу. Все исполнилось бы очень-скоро и очень-просто. Но этому исполниться мѣшаетъ присутствіе въ Римѣ французскаго гарнизона: пока онъ тамъ, римляне не могутъ сдѣлаться итальянцами. Викторъ-Эммануилъ не можетъ выгнать французовъ изъ Рима, не можетъ, вопервыхъ, потому, что Франція очень-сильна, вовторыхъ, потому, что Италія питаетъ къ Франціи чувство благодарности и не желаетъ уподобиться Австріи, втретьихъ, потому, что итальянцамъ не входитъ въ голову самая мысль драться съ французами: такія уже установились между ними отношенія. Оттого надобно дожидаться, чтобъ французы ушли сами. Но когда они уйдутъ? Графъ Кавуръ надѣется, что ихъ уведетъ оттуда общественное мнѣніе

Европы. Намъ кажется, что эта надежда имѣетъ за себя нѣкоторыя основанія. Мы не разъ замѣчали, въ какой мѣрѣ дѣйствія императора французовъ подчиняются, по-временамъ, требованіямъ общественнаго мнѣнія; намъ кажется, что даже и теперь, еслибъ во французскихъ палатахъ не было ультрамонтанскихъ шабашовъ, еслибъ они служили болѣе вѣрнымъ выраженіемъ общественнаго мнѣнія, то Лудовикъ-Наполеонъ охотно бы оперся на желаніе своихъ палатъ, чтобъ съ достоинствомъ выйдти изъ невыносимо-затруднительнаго положенія. А положеніе его въ Римѣ, въ-самомъ-дѣлѣ, невыносимо-затруднительно. Онъ поставленъ между двумя враждебными другъ другу сторонами, изъ которыхъ одну, чрезвычайно-слабую, онъ защищаетъ своими солдатами, и однакожь, эта слабая и покровительствуемая имъ сторона проникнута къ нему самою сильною враждою, строитъ противъ него разные ковы, одушевляетъ и поддерживаетъ всѣхъ враговъ его престола. Другая сторона—это та, которой онъ мѣшаетъ вступить въ Римъ—называетъ его своимъ благодѣтелемъ и увѣрена въ томъ, что онъ довершитъ свои благодѣянія: уйдетъ изъ Рима. Какъ тутъ быть? Какъ поступить? Еслибъ въ дѣлѣ была замѣшана какая-нибудь практическая польза, еслибъ пребываніе гарнизона въ Римѣ доставляло Лудовику-Наполеону какую-нибудь положительную выгоду, то, нѣтъ сомнѣнія, онъ нашелъ бы средство продлить занятіе. Но въ томъ и дѣло, что въ настоящее время занятіе Рима не представляетъ для него никакихъ выгодъ; продлившись долѣе, оно можетъ только вооружить противъ него Италію, а Наполеонъ не захочетъ потерять ея расположеніе. Поэтому, намъ кажется вполнѣ основательною мысль, что онъ думаетъ теперь только о томъ, какъ бы съ честью удалиться изъ Рима, имѣя для этого достаточный поводъ. Французскія палаты этого повода не дали: надобно ожидать, что принесутъ съ собою дальнѣйшія обстоятельства. Графъ Кавуръ вполнѣ увѣренъ, что дѣло развяжется. Эта увѣренность чего-нибудь стоитъ.

Покончивая на этотъ разъ съ римскимъ вопросомъ, мы не можемъ не замѣтить одного обстоятельства, случившагося въ итальянскомъ парламентѣ во время трехдневныхъ преній объ этомъ вопросѣ. Въ числѣ ораторовъ говорилъ, между-прочимъ, извѣстный историкъ Феррари; по своимъ убѣжденіямъ онъ принадлежитъ къ федералистамъ и расположенъ несовсѣмъ-дружелюбно къ нынѣшнему правительству. Его рѣчи отличаются большою оригинальностью: въ нихъ онъ съ удивительною легкостью переходитъ отъ одного предмета къ другому, бросаетъ дѣльную мысль, но никогда не развиваетъ ея, увлекается въ сторону, безпрестанно противорѣчитъ самому себѣ; оттого ничего не

доказываетъ, никогда не доходитъ до цѣли. Его, однакожъ, слушаютъ съ удовольствіемъ, потому-что это, безспорно, человѣкъ съ замѣчательнымъ талантомъ. Въ своей рѣчи онъ, между-прочимъ, сказалъ, что не любитъ заговорщиковъ даже на мѣстѣ президента министровъ. Графъ Кавуръ счелъ нужнымъ отвѣтить ему на это. «Господинъ Феррари (сказалъ онъ) сдѣлалъ мнѣ честь помѣстить меня въ число заговорщиковъ. Да, я объявляю, что былъ заговорщикомъ впродолженіе двѣнадцати лѣтъ, участвовалъ въ заговорѣ всѣми моими силами для-того, чтобъ доставить свободу и независимость моему отечеству. *(Рукоплесканія)*. Я былъ заговорщикомъ, возглашая въ журналистикѣ, въ парламентѣ, въ совѣтахъ Европы цѣль, къ которой стремился; соучастникомъ въ моихъ заговорахъ былъ туринскій парламентъ; итальянскія области мнѣ доставляли знаменитыхъ и безчисленныхъ адептовъ. Еще въ прошломъ году я былъ заговорщикомъ вмѣстѣ съ національнымъ обществомъ, въ настоящее время вмѣстѣ со мною въ заговорѣ двадцать-шесть мильйоновъ итальянцевъ». *(Рукоплесканія)*.

Въ этой энергической репликѣ мы замѣтимъ, между-прочимъ, сознаніе Кавура, что онъ участвовалъ въ національномъ обществѣ, то-есть въ томъ самомъ обществѣ, которое приготовило и поддерживало сицилійскую экспедицію Гарибальди. Каково было это участіе министра — говорить незачѣмъ. Такимъ-образомъ Кавуръ доставилъ Гарибальди средства совершить его великіе подвиги.

Спокойствіе въ Неаполѣ водворяется болѣе-и-болѣе, несмотря на то, что не исчезли попытки бурбонской реакціи, что съ своими притязаніями недавно выступилъ Мюратъ. Мы припомнимъ читателямъ, что говорили мы нѣкогда о положеніи Южной Италіи: этой странѣ, перенесшей одну изъ самыхъ потрясающихъ революцій, предсказывали будущность несовсѣмъ-спокойную; для пьемонтскаго правительства, говорили, эта страна будетъ бременемъ самымъ тяжелымъ; она доставитъ ему много заботъ и тревогъ. Недовольство пьемонтскимъ правительствомъ будетъ имѣть въ Неаполѣ свой главный очагъ; республиканская партія, набравшись силъ послѣ переворота, будетъ безпрестанно поджигать этотъ очагъ, волновать мало-развитое населеніе.—Ничего подобнаго въ Неаполѣ до-сихъ-поръ не случилось. Республиканцы не показываются, они будто исчезли. Въ этомъ, впрочемъ, нѣтъ ничего страннаго: гдѣ недовольные въ нынѣшней Италіи? Чѣмъ пьемонтское правительство могло возбудить неудовольствіе къ себѣ въ образованномъ классѣ? Кто станетъ желать неизвѣстнаго, когда дѣйствительное довольно-хорошо? Когда нѣтъ причины, не можетъ возникнуть и дѣйствія. И вотъ республиканская партія, столь сильная прежде въ Италіи,

считавшая нѣкогда въ своей средѣ ея лучшихъ людей, исчезла сама-собою, улетучилась какъ-то; не возникаетъ ни одной попытки къ движенію изъ крайнихъ стремленій. Опасались также той молодёжи, которая подъ знаменами Гарибальди привыкла къ несовсѣмъ, можетъ-быть, правильной гражданской жизни; къ ней были, можетъ-быть, несовсѣмъ-справедливы, когда миновала въ ней надобность. Но молодёжь спокойно разошлась по домамъ, являя собою образецъ гражданскихъ добродѣтелей. Собственно гарибальдинцы нигдѣ не поднимали волненій, безпорядковъ; ихъ именемъ, правда, нерѣдко злоупотребляли. Люди реакціи, ея агитаторы, волнуя низшіе слои народа, нерѣдко выставляли имя самого Гарибальди: такъ мало надежды на собственную свою силу имѣетъ реакція, что даже принуждена прикрываться чуждымъ, враждебнымъ ей знаменемъ, можетъ агитировать только именемъ освободителя. Въ уличныхъ демонстраціяхъ, поднимаемыхъ реакціонерами, являются, правда, красные гарибальдійскіе плащи; но люди, которые одѣваются такъ при подобныхъ случаяхъ, никогда не служили подъ знаменами Гарибальди; это—люди изъ другаго лагеря, и самый костюмъ ихъ не болѣе, какъ разсчетъ на эффектъ, желаніе скрыть истинный смыслъ своихъ попытокъ, обмануть толпу.—Такъ, благодаря главнымъ образомъ тому обстоятельству, что правительство становится во главѣ народныхъ требованій, Италія теперь представляетъ замѣчательный примѣръ дѣйствительнаго внутренняго единства, единства по духу, по чувству, по убѣжденіямъ, по стремленіямъ; въ этомъ единствѣ слились и правительство, и огромное большинство итальянскаго народа, для котораго главная забота теперь—пріобрѣтеніе Рима. Меньшинство, довольно-ничтожное меньшинство, и то только въ Неаполѣ, пользуясь тѣмъ, что страна свободна, что дозволено въ ней всякое дѣйствіе, непричиняющее положительнаго вреда обществу, время-отъ-времени заявляетъ о своемъ существованіи въ какой-нибудь уличной попыткѣ; но она проходитъ мимо, ни мало не мѣшая дѣламъ идти своею чередою.

Дѣла дѣйствительно идутъ своею чередою. Вмѣстѣ съ образованіемъ итальянскаго министерства—о чемъ мы говорили выше—совершились важныя измѣненія въ администраціи Неаполя и Сициліи. Въ каждой изъ этихъ странъ, съ подчиненіемъ ихъ Виктору-Эммануилу, учреждены были особыя намѣстничества, съ такъ-называемыми консультами при нихъ, то-есть съ особыми министерствами. Что касается общихъ принциповъ управленія, эти министерства дѣйствовали въ зависимости отъ пьемонтскаго правительства; относительно же текущихъ дѣлъ управленія каждой консультѣ предоставлена была власть

очень-широкая и, должно сознаться, довольно-безконтрольная. Такова, напримѣръ, въ послѣднее время была власть Либоріо Романо въ Неаполѣ. Это положеніе дѣлъ было, конечно, только временное, переходное. Смотря по теченію дѣлъ, по требованіямъ времени, по стремленіямъ населенія, оно должно было уступить свое мѣсто одному изъ двухъ порядковъ: или въ Неаполѣ и Сициліи должно образоваться особенное управленіе, съ полной автономіей, совершенно-самостоятельное министерство, съ особеннымъ законодательнымъ собраніемъ, такъ-чтобъ связью Южной Италіи и острова Сициліи съ Италіей Сѣверной была только личная связь, въ родѣ той связи, которую Венгрія желаетъ теперь сохранить съ Австріей; или же министерства неаполитанское и сицилійское должны исчезнуть, и права ихъ и обязанности должны отойти къ общему итальянскому министерству. Нынѣшнее итальянское движеніе нимало не благопріятствовало первому порядку: не для того соединилась Италія подъ одною властью, чтобъ довольствоваться одною личною связью, и въ территоріальномъ отношеніи представлять, попрежнему, разрозненныя части. Личная связь автономическаго Неаполя и автономической Сициліи съ Пьемонтомъ не имѣетъ защитниковъ въ лучшей части населенія Неаполя и Сициліи; подобныя стремленія не народились, не обнаруживаются. Вотъ отчего единственно-возможнымъ исходомъ изъ того переходнаго состоянія, которое до-сихъ-поръ сохранялось, было преобразованіе намѣстничествъ въ простыя генерал-губернаторства, безъ консультъ, безъ министерствъ, съ отнесеніемъ всѣхъ дѣлъ высшаго управленія въ вѣдомство общаго министерства. Къ скорѣйшему принятію этой мѣры побуждало въ-особенности одно обстоятельство: дѣйствія неаполитанскаго министра, Либоріо Романо, возбудили сильное неудовольствіе. Въ парламентѣ должны были открыться очень-важныя пренія по дѣламъ неаполитанскимъ; за дѣйствія Романо должно было отвѣчать туринское министерство; но какъ отвѣчать, когда эти дѣйствія не находились отъ него въ прямой зависимости? Эти неправильныя отношенія надобно было уничтожить, и теперь они уничтожены. Неаполь и Сицилія не имѣютъ болѣе своихъ особенныхъ министерствъ.

Централизація такимъ-образомъ сдѣлала, скажутъ, важный шагъ въ Италіи. Читателямъ «Отечественныхъ Записокъ» извѣстно мнѣніе этого журнала о томъ строѣ государственной жизни, который складывается подъ господствующимъ вліяніемъ принципа централизаціи. Это мнѣніе, по поводу различныхъ обстоятельствъ, высказывалось и въ другихъ отдѣлахъ журнала, и читатели могли удостовѣриться, что, относительно этого важнаго пункта, журналъ имѣетъ довольно-опредѣленный образъ

мыслей. Въ настоящемъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ централизаціей итальянской, съ стремленіемъ Италіи централизоваться въ правильное свободное государство. Изъ предшествующихъ нашихъ статей читатели могли удостовѣриться, что мы всегда, по-возможности, избѣгали слишкомъ-частаго у насъ обыкновенія разсматривать явленіе отрѣшенно отъ его дѣйствительной почвы, отъ тѣхъ реальныхъ условій, которыми оно вызвано и обставлено. Такъ мы постараемся взглянуть и на то явленіе, которое у насъ теперь передъ глазами.

Административная централизація и гражданская свобода—два явленія, прямо другъ другу противоположныя. Лучшее доказательство этому представляетъ Франція. Какъ ни хлопочетъ она о гражданской свободѣ, но получить ея не можетъ по той главной причинѣ, что административная централизація достигла въ ней своихъ крайнихъ размѣровъ. Гражданская свобода прежде всего предполагаетъ обезпеченіе личности: она не обезпечена во Франціи, гдѣ она прямо лицомъ къ лицу поставлена съ могущественной администраціей. Отдѣльная личность, за которою не стоитъ общественная сила, сама-по-себѣ слишкомъ-слаба; въ собственныхъ своихъ средствахъ, даже въ правахъ своихъ, она не можетъ найти необходимаго для себя обезпеченія. Оно можетъ придти къ ней только отъ крѣпкихъ, самоуправныхъ общественныхъ союзовъ, въ которые она замыкается. Вотъ отчего крѣпкій общинный бытъ есть необходимое условіе, необходимая подкладка гражданской свободы. Администрація ея не даетъ, она идетъ съ нею въ-разрѣзъ; свобода поддерживается общиннымъ самоуправленіемъ. Оттого, гдѣ есть общинное самоуправленіе, тамъ существуетъ первое условіе для развитія гражданской свободы; гдѣ его нѣтъ, тамъ она не придетъ, хотя бы офиціально и была возглашена. Теперь обратимся къ Италіи. Общинный бытъ Италіи во всѣ времена былъ довольно-крѣпокъ: въ средніе вѣка и даже отчасти въ новое время это была страна, по-преимуществу, свободныхъ муниципальныхъ учрежденій. Муниципальныя преданія въ ней не вымерли; они вошли въ духъ народа. Даже подъ австрійскимъ владычествомъ ломбардская община пользовалась въ значительной степени самоуправленіемъ; и когда Ломбардія присоединилась къ Пьемонту, оказалось, что въ первой община несравненно-сильнѣе, крѣпче и самоуправнѣе, нежели въ послѣднемъ. Романья и Мархіи до начала нынѣшняго столѣтія, будучи номинально зависимы отъ папы, въ дѣйствительности пользовались республиканскими учрежденіями. Въ Тосканѣ законы Леопольда поддержали общину во всей полнотѣ ея правъ. Сицилія—страна городовыхъ муниципалитетовъ. Такимъ-образомъ, пьемонтское владычество во всей

Италія встрѣтилось съ тѣмъ явленіемъ, сильнѣе или слабѣе развитымъ, которое составляетъ необходимый фундаментъ для свободнаго гражданскаго быта. Законодательные проекты Мингетти, о которыхъ мы имѣли уже случай говорить и которые теперь поступили на разсмотрѣніе комитетовъ палаты представителей, показываютъ, что итальянское правительство на этихъ готовыхъ основахъ желаетъ воздвигнуть громадное зданіе народнаго самоуправленія. Духъ итальянскаго народа и его представителей можетъ служить достаточнымъ ручательствомъ, что проекты Мингетти не только не будутъ испорчены, прошедши чрезъ парламентъ, но будутъ измѣнены къ лучшему, если эти измѣненія понадобятся. Теперь, уяснивъ себѣ эти пункты, посмотримъ, что̀ значитъ та централизація, которая вводится въ Италіи, что̀ значитъ уничтоженіе особенныхъ министерствъ въ Неаполѣ и Сициліи, уничтоженіе политической автономіи этихъ двухъ странъ. Это значитъ прежде всего, что туринское министерство беретъ на себя отвѣтственность передъ парламентомъ и передъ страною за все то, что̀ дѣлается въ Неаполѣ и Сициліи, между-тѣмъ, какъ до-сихъ-поръ оно за это не могло подвергаться отвѣтственности. Что̀ же отъ этого потеряютъ неаполитанцы и сицилійцы? Но пойдемъ дальше. Это значитъ далѣе, что тѣ обязанности, которыя лежали прежде на неаполитанскомъ бурбонскомъ правительствѣ и которыя временно были предоставлены консультѣ намѣстничества, теперь беретъ на себя итальянское правительство.... Такая централизація еще нигдѣ и никогда не встрѣчала возраженій. Наконецъ, сама Италія желаетъ быть единымъ и нераздѣльнымъ государствомъ, а не двумя, тремя, пятью различными государствами подъ властью одного лица. Въ самомъ этомъ стремленіи заключается полное оправданіе того явленія, которое теперь совершается: единое государство необходимо предполагаетъ единую центральную власть; но это еще не значитъ, чтобъ это государство необходимо было устроено на принципѣ административной, бюрократической централизаціи. Уничтоженіе министерской консульты въ Неаполѣ и перенесеніе ея обязанностей въ Туринъ въ равной мѣрѣ можетъ содѣйствовать и развитію бюрократизма и утвержденію народнаго управленія: все зависитъ отъ того, чего желаютъ правительство и парламентъ, какую мысль они соединяютъ съ этою мѣрою. Такимъ-образомъ Неаполь, при самостоятельномъ правительствѣ, былъ лишенъ зачатковъ самоуправленія и свободы, а, подчинясь туринскому министерству, можетъ вполнѣ развивать эти зачатки. Съ тою мѣрою, слѣдовательно, о которой мы говоримъ, вовсе не связаны ни принципъ гражданской свободы, ни принципъ бюрократической централизаціи;

эта мѣра означаетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ то, что Неаполь и Сицилія становятся съ этихъ поръ дѣйствительными частями Италіи. Что же касается гражданской свободы, то мы, кажется, достаточно показали, что для ея развитія существуютъ въ Италіи самыя лучшія условія.

Франція нынѣшній разъ займетъ насъ не надолго. Пренія объ адресѣ, изумившія всѣхъ своею неслыханною смѣлостью, кончились какъ-нельзя-болѣе благополучно. Проектъ адреса, вызвавшій такой потокъ рѣчей, былъ принятъ *большинствомъ 212 голосовъ противъ 13*. Изъ-за чего же шумъ? Изъ-за чего столько прекрасныхъ словъ, потраченныхъ попусту? Послѣ трехнедѣльныхъ преній, послѣ громовыхъ обвиненій, направленныхъ противъ правительства, послѣ грозныхъ обличительныхъ рѣчей, неистовыхъ воплей въ защиту падающей церкви, болѣе или менѣе ловкихъ панегириковъ правительству, наступило теперь совершенное затишье, какъ послѣ бѣшеной масляницы наступаетъ скромный постъ. Политическая жизнь въ палатахъ опять замолкла на цѣлый годъ, чтобъ проснуться ровно черезъ годъ, когда снова понадобится обсуждать адресъ.

Нельзя отказать въ особенной смѣлости французскимъ сенаторамъ и народнымъ представителямъ, которыхъ уста внезапно открылись для свободной рѣчи послѣ десятилѣтняго молчанія. Эта смѣлость—можно сказать это, по-крайней-мѣрѣ, относительно нѣкоторыхъ ораторовъ—превзошла общія ожиданія. Безъ-сомнѣнія, изумилось правительство, изумилась вмѣстѣ съ нимъ и Франція, когда г. Келлеръ открылъ свои уста для самыхъ рѣзкихъ порицаній правительства. «Кто вы такіе? Куда вы идете?»—такого вопроса, конечно, не могло ожидать правительство отъ человѣка, котораго оно же само сдѣлало народнымъ представителемъ, а между-тѣмъ этотъ самый вопросъ былъ предложенъ правительству г. Келлеромъ, котораго кандидатуру нѣкогда всѣми средствами поддерживали префекты, подпрефекты и меры. Но слова все-таки остались словами, они не перешли въ дѣло. По нападеніямъ, со всѣхъ сторонъ поднявшимся на правительство, и со стороны либераловъ и со стороны клерикаловъ, можно было ожидать, что, при окончательной подачѣ голосовъ, проектъ адреса встрѣтитъ сильную оппозицію. Оппозиція оказалась всего въ *тринадцать* голосовъ: эти «тринадцать» составляютъ преимущественно кружокъ Жюля Фавра. Всѣ прочіе ораторы, гремѣвшіе противъ правительства, отстаивавшіе папу или требовавшіе удаленія французовъ изъ Рима — это, въ-сущности, все-равно: и то и другое равно оппозиція—говорившіе о свободѣ печати, о представленіи бюджета по отдѣльнымъ

его частямъ, а не по министерствамъ, говорившіе о разныхъ другихъ прекрасныхъ вещахъ, когда дошло дѣло до окончательнаго акта, подали свой голосъ за проектъ адреса, выразили свое полное довѣріе правительству. Какъ же было поступить иначе? Легко быть самостоятельнымъ на словахъ, но на дѣлѣ трудно; легко произнести либеральную рѣчь, но, чтобъ поступать либерально, нужно имѣть въ себѣ самостоятельности нѣсколько-больше, нежели сколько потребно ея для смѣлаго болтуна. У французовъ не развилось еще такого уваженія къ слову, чтобъ считать его равномѣрнымъ поступку; французъ говоритъ одно, а дѣлаетъ другое, и по словамъ француза не слѣдуетъ составлять себѣ понятія о томъ, что̀ и ка̀къ онъ будетъ дѣлать. Такъ случилось и съ французскими народными представителями. Какъ шалуны, выпущенные на волю, они нашалились вдоволь во-время преній объ адресѣ, достаточно усладились звуками своего собственнаго смѣлаго голоса, достаточно накричались противъ тѣхъ ораторовъ, которые почему-нибудь имѣли несчастіе не понравиться, достаточно апплодировали, шумѣли, восторгались, даже надѣлали нѣсколько скандаловъ— все это имъ напомнило старое время парламентской свободы, и они были счастливы. Но когда дѣло дошло до того, чтобъ прямо и открыто, законнымъ и офиціальнымъ актомъ высказать свое мнѣніе правительству о господствующей политической системѣ, о важныхъ государственныхъ вопросахъ, они вдругъ опомнились; ужаснулись сами того, что̀ наговорили, и поспѣшили заявить полное свое довольство всѣмъ существующимъ порядкамъ, полное свое довѣріе къ правительству. Они позабыли даже о томъ, что правительству именно хочется, чтобъ они сказали ему кое-что положительное о римскомъ вопросѣ, напримѣръ; представители благоразумно отклонили отъ себя всякое предрѣшеніе этого вопроса, равно какъ и всѣхъ другихъ, и все рѣшить предоставили мудрости императора. Да и можно ли было, въ-самомъ-дѣлѣ, имъ поступить иначе? Вѣдь смѣлыя ихъ рѣчи о папѣ были произнесены ими не иначе, какъ въ минуту самозабвенія. Потомъ они вспомнили, что засѣдаютъ въ законодательномъ корпусѣ и пользуются, по своему званію представителя, значительнымъ жалованьемъ. Они поспѣшили исправиться. Одумавшись, они хладнокровнѣе взглянули на то, что̀ дѣлаютъ, на свои отношенія къ правительству и увидѣли, что стали на очень-дурную дорогу. Они начали-было порицать дѣйствія правительства; но развѣ они могутъ это дѣлать? Можно порицать эти дѣйствія только въ томъ случаѣ, когда дѣйствователями являются министры, когда министры отвѣчаютъ за всѣ свои дѣйствія. Такъ было во Франціи встарину, и, безъ-сомнѣнія, только

воспоминанія объ этой старинѣ заставили такъ сильно увлечься таких ъ ораторовъ, какъ г. Келлеръ; но когда они опомнились, то ужаснулись сами тому, что̀ надѣлали. Кого мы осуждаемъ? сказали они сами себѣ и поспѣшили исправиться. Вѣдь во Франціи нѣтъ отвѣтственныхъ министровъ; отвѣтственъ за все одинъ императоръ! Надобно поспѣшить исправить дѣло. Народные представители поспѣшили и приняли адресъ почти единодушно. За это ихъ депутація, подносившая адресъ, удостоилась благодарности императора.

Въ послѣднее время австрійскіе народы находились въ полномъ избирательномъ движеніи; совершился первый актъ, необходимый для приведенія въ исполненіе конституціи 26-го февраля: во всѣхъ областяхъ произведены выборы въ земскіе сеймы; изъ нихъ нѣкоторые уже открыты. Выборы—дѣло непривычное для большинства австрійскихъ народовъ—происходили съ удивительною правильностью и спокойствіемъ; избирателямъ вездѣ приходилось бороться съ происками реакціонеровъ, чиновниковъ, ультрамонтановъ, и большею частью эти происки не имѣли успѣха. Результаты выборовъ—въ пользу практическаго смысла народонаселенія.

При выборахъ ясно высказались господствующія въ Австріи политическія направленія. Когда говорятъ о политическихъ направленіяхъ, обыкновенно представляютъ себѣ два господствующія направленія — консервативное и либеральное, причемъ направленіе консервативное обыкновенно рисуютъ чертами самыми мрачными, либеральное — напротивъ, самыми свѣтлыми. При ближайшемъ разсмотрѣніи предмета открывается, что это дѣленіе довольно-произвольно; что оно далеко не исчерпываетъ всѣхъ явленій, что оно бросаетъ часто на нихъ совершенно-ложный свѣтъ, что, наконецъ, консерваторы очень-часто не бываютъ мрачны, а либералы не всегда бываетъ свѣтлы. Что касается насъ, то мы не придаемъ слишкомъ-большаго значенія этому дѣленію и соотвѣтствующей ему характеристикѣ обоихъ политическихъ направленій. Общія характеристики консерваторовъ и либераловъ въ большей части случаевъ оказываются несостоятельными: либерализмъ, равно какъ и консерватизмъ, понятія слишкомъ-общія, отвлеченныя, за которыми въ живой дѣйствительности могутъ стоять явленія самыя разнообразныя и разнохарактерныя. Такъ, если мы поставимъ рядомъ англійскаго лорда, прусскаго юнкера, австрійскаго магната, чиновника вѣнской канцеляріи, австрійскаго католическаго монаха—всѣ они называютъ себя консерваторами, а между-тѣмъ попросите, чтобъ они объяснились между собою: вы увидите, что въ ихъ понятіяхъ, въ ихъ стремленіяхъ нѣтъ ничего сходнаго. Точно то же справедливо и для

либераловъ. Чтобъ не брать слишкомъ-далекихъ элементовъ для сравненія, мы поставимъ рядомъ австрійскаго государственнаго министра, господина Шмерлинга, венгерскаго канцлера барона Вая, другаго венгерца, доктора Деака, чеха Палацкаго и его зятя Ригера; все это либералы, а между ними цѣлая пропасть, и называя каждаго изъ нихъ либераломъ, еще ничего не поймешь. Если же вглядѣться поближе въ дѣло, то откроется, можетъ-быть, что либеральный Шмерлингъ для какого-нибудь чеха не въ примѣръ хуже консервативнаго Голуховскаго. Такъ трудно складывать свои сужденія по готовымъ мѣркамъ, такъ опасно останавливаться на однихъ словахъ!

Австрійскіе избиратели прислали въ провинціальные сеймы почти исключительно либераловъ. Усилія реакціонеровъ, чиновниковъ, ультрамонтановъ провести въ сеймы своихъ кандидатовъ почти нигдѣ не имѣли успѣха. Между избирателями болѣе всего либеральнымъ духомъ отличились бюргеры, горожане; мало отъ нихъ отстали жители деревень; даже большіе землевладѣльцы, и тѣ были несовсѣмъ консервативны, а въ нѣкоторыхъ областяхъ, какъ, напримѣръ, въ Чехіи, даже просто либеральны. Либерализмъ нижнеавстрійскихъ нѣмцевъ выказался, напримѣръ, въ томъ, что тамъ отвергнуты всѣ кандидаты, за которыхъ хлопотали чиновники и духовенство. Даже дворянство нижнеавстрійское, и то въ своемъ либерализмѣ не хотѣло отстать отъ вѣнскихъ бюргеровъ,* и наказало за консерватизмъ графа Рехберга, не выбравъ его въ свои депутаты. По этимъ результатамъ можно бы подумать, что Австрія самое либеральное государство въ мірѣ; но когда мы узнаемъ хорошенько, что̀ у этихъ либераловъ на умѣ, тогда, можетъ-быть, перемѣнимъ нѣсколько свой образъ мнѣній. Прошлый разъ мы говорили о тенденціяхъ Шмерлинга; мы уже видѣли, что его конституція существенною своею цѣлью имѣетъ приставить либеральные орнаменты къ старому государственному зданію Австріи. Конституціонными учрежденіями, палатами, сеймами Шмерлингъ желаетъ, ни болѣе, ни менѣе, какъ поддержать австрійскую административную централизацію, австрійскіе нѣмецкіе бюрократическіе порядки, то-есть подавляющее вліяніе нѣмцовъ на всѣхъ другихъ народовъ. Шмерлингъ въ Австріи — совершенно-нѣмецкій либералъ, либералъ-бюрократъ, либералъ для нѣмцевъ, съ тѣмъ, чтобъ всѣ другіе народы оставались у нѣмцевъ въ услуженіи. Это, конечно, должно быть очень пріятно нѣмцамъ: имъ это всегда по-душѣ. И вотъ всѣ нѣмцы сдѣлались такими же либералами, какъ Шмерлингъ: они хотятъ, чтобъ Австрія была единымъ и нераздѣльнымъ государствомъ, съ могущественною нѣмецкою бюрократіею, съ подавленіемъ всѣхъ народностей

нѣмецкимъ элементомъ. Для такого либерализма уже явилось въ Австріи особенное названіе: его приверженцы сами себя зовутъ «централистами». Въ тѣхъ странахъ, гдѣ нѣмецкій элементъ преобладаетъ, въ Нижней и Верхней Австріи, въ Тиролѣ, въ Штиріи, Каринтіи централисты будутъ наполнять провинціальные сеймы. Городъ Вѣна, понятно само-собою, одушевленъ самымъ сильнымъ централизмомъ; его бюргеры очень-либеральны, но только на столько, чтобъ отъ этого не только не потерялъ, а выигралъ центръ, то-есть вѣнскія канцеляріи.

Стремленія другихъ частей Австрійской Имперіи совершенно иного-рода. У нѣмцевъ либерализмъ тянетъ къ центру; у всѣхъ другихъ народностей Австрійской Имперіи либерализмъ бѣжитъ отъ центра, направленъ къ освобожденію частей отъ подавляющаго его вліянія. Сильнѣе всего, мы видѣли уже прежде, это стремленіе высказывается въ Венгріи, но оно не чуждо и всѣмъ другимъ областямъ Австріи, гдѣ нѣмецкая народность не составляетъ преобладающаго элемента. Такъ оно съ замѣчательною силою обнаружилось въ Чехіи; здѣсь чехи дѣйствовали при выборахъ съ такимъ одушевленіемъ, что въ пражскомъ сеймѣ за ними будетъ огромное большинство, а нѣмцы останутся въ меньшинствѣ. То же произошло и въ Моравіи. Въ галицкомъ сеймѣ о нѣмцахъ не можетъ быть и рѣчи; тамъ поляки и русины равно-враждебны нѣмецкому либерализму, хотя и несовсѣмъ-дружны между собою. Для либеральныхъ венгровъ, чеховъ, моравовъ, галичанъ либеральные нѣмцы, безъ-сомнѣнія, непріятнѣе отъявленныхъ консерваторовъ, потому-что они гораздо ихъ опаснѣе. Консервативная партія въ Венгріи, напримѣръ, совершенно соединилась съ либеральною; они дѣйствуютъ съобща. Точно такое же соединеніе консервативныхъ аристократовъ съ либеральными горожанами (чешскаго происхожденія) произошло и въ Чехіи: незадолго до выборовъ партія графа Кламъ-Мартиница протянула руку на миръ и союзъ партіи Палацкаго и Ригера. Это доказываетъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ между извѣстнаго направленія консерваторами и извѣстнаго направленія либералами можетъ быть болѣе точекъ соприкосновенія, нежели между партіями, изъ которыхъ каждая называетъ себя либеральною.

Лозунгъ, съ которымъ выступаютъ всѣ эти стремленія, противоположныя либерализму Шмерлинга, называется федераціею. Людей, раздѣляющихъ эти стремленія, въ противоположность шмерлинговымъ централистамъ, называютъ «федералистами». Въ настоящее время это двѣ силы, дающія другъ другу ожесточенную борьбу въ Австрійской Имперіи: одна сила стоитъ за центръ, другая за

части; первая старается поддержать прежній государственный принцинъ Австріи; вторая старается освободить различныя народности отъ подавляющаго вліянія центра, каждой изъ нихъ доставить самобытность, самоуправленіе, условія для самостоятельнаго развитія ея силъ. Западная часть Австріи (нѣмецкая) расположена болѣе въ пользу перваго начала: тамъ Шмерлингъ—самый популярный министръ; венгерскія и нѣкоторыя изъ славянскихъ земель стоятъ за начало федеративное: для нихъ Шмерлингъ—представитель мрачной силы.

Еслибъ въ своихъ стремленіяхъ всѣ нѣмецкія народности Австріи дѣйствовали согласно, то конституція 26 февраля, можетъ-быть, показала бы свою несостоятельность, потому-что она прямо идетъ въ разрѣзъ потребностямъ большинства австрійскихъ народовъ, потому-что она имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, интересы нѣмцевъ и тотъ государственный бытъ, который основанъ на началахъ чисто-нѣмецкихъ. Австрія, во что бы ни стало, хочетъ остаться государствомъ нѣмецкимъ; венгры и славяне, во что бы ни стало, хотятъ избавиться отъ преобладанія нѣмецкихъ началъ. Чтобъ противодѣйствовать этимъ народнымъ стремленіямъ, австрійской бюрократіи надобно ссорить различныя народности, раздражать ихъ другъ противъ друга. Нельзя не сознаться, что единодушія у австрійскихъ народовъ немного.... Такъ, напримѣръ, чехи, кроаты, сербы желаютъ того же, чего желаютъ и венгры, а между-тѣмъ чехи, по-крайней-мѣрѣ — Богъ-знаетъ почему—ненавидятъ венгровъ почти столько же, какъ и нѣмцовъ. Въ этомъ удостовѣряютъ всѣ корреспонденціи изъ Праги. Если послушать чеховъ, то окажется, что венграмъ ничего болѣе не хочется, какъ замѣнить централизацію австрійскую, то-есть нѣмецкую, ценрализаціею венгерскою и самимъ дѣлать съ славянами то же самое, что до-сихъ-поръ дѣлали съ ними нѣмцы. Такъ народная ненависть лишаетъ способности понимать смыслъ явленій. Но въ то время, когда люди, которыхъ все бы, казалось, должно было заставить соединить свои силы, не могутъ позабыть старой ненависти, австрійская бюрократія употребляетъ въ дѣло всѣ свои средства преимущественно въ тѣхъ земляхъ, которыя принадлежатъ такъ-называемой венгерской коронѣ (partes adnexae), въ Сербской Воеводинѣ, въ Кроаціи, въ Славоніи. Эти земли, какъ испоконъ-вѣковъ принадлежавшія Венгріи, снова должны были бы войти въ составъ венгерской короны. Вначалѣ правительство, желая задобрить венгровъ, объявляло на это присоединеніе свое согласіе: относительно Сербской Воеводины вышелъ даже рескриптъ императора, въ которомъ говорилось, что она отходитъ къ Венгріи; но скоро одумались. Сербы

подали протестъ; имъ разрѣшено было созвать народное собраніе, скупчину, и разсмотрѣть вопросъ о соединеніи съ Венгріею. Подъ вліяніемъ австрійской бюрократіи, въ сербскую скупчину пригласили только тѣхъ лицъ, о которыхъ было извѣстно, что они не любятъ венгровъ. Отъ скупчины, поэтому, ожидаютъ, что она выскажется въ смыслѣ, враждебномъ Венгріи.—Въ Кроаціи и Славоніи дѣла идутъ такъ, что трудно распознать различныя побужденія, различныя интриги, подъ вліяніемъ которыхъ складываются событія. Пражскій корреспондентъ «Современной лѣтописи Русскаго Вѣстника», доставляющій, сколько мы можемъ судить, чрезвычайно-интересныя и подробныя свѣдѣнія о славянскихъ дѣлахъ въ Австріи, сознается откровенно, что тамъ «совершаются непонятныя вещи». Послѣ такого сознанія, мы, конечно, отказываемся отъ всякаго притязанія разъяснить эти «непонятныя вещи». «Непонятныя вещи» состоятъ въ томъ, что нѣкоторые кроатскіе комитаты, или жупы, хотятъ соединенія съ Венгріею, другіе этого не хотятъ. Такъ, напримѣръ, Вараждинская жупа дала слѣдующія инструкціи своимъ депутатамъ, выбраннымъ въ кроатскій сеймъ: «Вараждинская жупа желаетъ, чтобъ три королевства (Славонія, Кроація, Далмація) были присоединены къ Венгріи, въ силу 1-й, 2-й и 3-й статей прагматической санкціи 1712 и 1718 годовъ; чтобъ конституціонная система была возстановлена во всѣхъ жупахъ, принадлежащихъ венгерской коронѣ. Кроація не должна посылать депутатовъ въ австрійскій рейхсратъ. Если другія жупы пожелаютъ послать депутатовъ, то представители Вараждина должны отказаться отъ соучастія съ ними и должны протестовать. Король не можетъ короноваться до-тѣхъ-поръ, пока не будетъ рѣшенъ вопросъ о соединеніи. Военная Граница должна быть организована въ особенную провинцію, и военная администрація должна быть въ ней замѣнена гражданскою». Точно того же хочетъ и комитатъ Фіумскій (Рѣцкая жупа). Но въ другихъ мѣстахъ Кроаціи, Славоніи и Далмаціи преобладаетъ, напротивъ, настроеніе умовъ, враждебное Венгріи. Изъ всего этого можно вывести заключеніе, что въ южно-славянскихъ земляхъ борятся два направленія: между-тѣмъ, какъ одни желаютъ идти вмѣстѣ съ Венгріей, другіе желаютъ идти съ нею розно и составить изъ себя особенное, совершенно-отдѣльное отъ нея въ административномъ отношеніи цѣлое. Австрія всѣми средствами старается поддерживать это послѣднее направленіе, выходя изъ того основательнаго соображенія, что враговъ всегда надобно разъединять; что, разъединенные, они не страшны; что, разъединивъ ихъ, весьма-легко одолѣть и заставить подчиниться своей волѣ. Оттого австрійская бюрократія не бездѣй-

ствуетъ въ Кроаціи, Славоніи и Далмаціи; оттого, далѣе, въ Вараждинской и Рѣцкой жупахъ мы видимъ болѣе практическаго смысла, нежели въ другихъ частяхъ южнославянскихъ земель.

Считаемъ нужнымъ объяснить смыслъ приведенныхъ выше словъ изъ инструкціи Вараждинской жупы, относящихся до Военной Границы. Военная Граница—старое австрійское учрежденіе, образовавшееся во времена безпрестанныхъ войнъ съ турками. Она напоминаетъ въ нѣкоторой степени наши преждебывшія военныя поселенія. На «граничаръ» была возложена обязанность защищать порубежныя земли отъ безпрестанныхъ вторженій турокъ. За эту повинность они получили отъ правительства земли для поселенія, освобождены были отъ податей. Въ настоящее время это учрежденіе потеряло всякій смыслъ, но оно все-таки продолжаетъ существовать на прежнихъ основаніяхъ. У граничаръ господствуетъ система военной администраціи; они обязаны выставлять 40,000 войска; но, когда понадобится, у нихъ берутъ и до 100,000; это такъ-называемые хорватскіе полки въ австрійской арміи. Все народонаселеніе (славянское) Военной Границы составляетъ съ небольшимъ мильйонъ душъ; это значитъ, что изъ десяти человѣкъ, мужчинъ и женщинъ, стариковъ, дѣтей и взрослыхъ, одинъ несетъ военную службу. Уже давно слышались голоса, требовавшіе уничтоженія этого обветшалаго учрежденія. Нынѣшняя эпоха всестороннихъ реформъ представляла для этого самое удобное время. Но вмѣсто этого правительство распорядилось совершенно-иначе: оно не только все оставляетъ по-прежнему въ «Военной Границѣ», но лишаетъ ея населеніе тѣхъ правъ, которыя даровало всѣмъ остальнымъ своимъ подданнымъ: граничары не имѣютъ у себя сейма и не посылаютъ отъ себя депутатовъ въ кроатскій сеймъ; это люди совершенно-безправные въ политическомъ отношеніи. Когда это сдѣлалось извѣстнымъ, возникло сильное неудовольствіе какъ между граничарами, такъ и въ Кроаціи. Граничары, подчиненные военной дисциплинѣ, сами не могутъ просить и жаловаться; но въ сосѣднихъ съ ними Кроаціи и Славоніи происходитъ сильное волненіе. Изъ инструкціи Вараждинской жупы читатели могли видѣть, какой смыслъ этого волненія.

Венгрія, болѣе-развитая въ политическомъ отношеніи, понимаетъ, какъ опасно для нея настроеніе умовъ, господствующее у южныхъ славянъ. Недавно глава умѣренныхъ венгерскихъ либераловъ, Деакъ, напечаталъ увѣщаніе къ хорватамъ и славонцамъ. Онъ говоритъ въ немъ, что Венгрія не желаетъ насильственнаго возвращенія къ ней Кроаціи, Славоніи и Далмаціи; все, чего венгры желаютъ, идетъ не далѣе того, чтобъ южные славяне, здраво обсудивъ свои собственные

интересы, выразили свободно свое мнѣніе относительно соединенія съ Венгріей. Это соединеніе обезпечитъ имъ ихъ народность и гражданскую свободу. Въ союзѣ съ Венгріей только они могутъ быть сильны и не потеряютъ того, что̀ недавно пріобрѣтено народами Австріи. Письмо Деака, говорятъ, произвело сильное впечатлѣніе. На-дняхъ соберется хорвато-славянскій сеймъ. Онъ долженъ рѣшить вопросъ о соединеніи съ Венгріей.

Положеніе, въ которомъ до-сихъ-поръ держалась Венгрія, представляетъ замѣчательный въ исторіи примѣръ многочисленнаго народа, ведущаго долгое время съ неистощимою энергіею, такъ-называемую, пассивную борьбу съ правительствомъ, которому онъ отказываетъ въ законномъ признаніи. Правительство готово бы идти на уступки; Венгрія уступокъ, сдѣлокъ не принимаетъ; она хочетъ всего, на что̀, по своему понятію, имѣетъ право. Многіе бы желали, можетъ-быть, чтобъ венгры отъ пассивнаго сопротивленія перешли къ дѣйствительному для того, чтобъ явился поводъ поступить съ ними, какъ съ бунтовщиками; эти многіе желали бы вызвать ихъ на бунтъ. Но венгры думаютъ, что вся ихъ сила пока въ пассивномъ сопротивленіи; они сами ни въ чемъ не отступаютъ отъ буквы своихъ старыхъ законовъ и за то тѣмъ энергичнѣе заявляютъ требованіе, чтобъ эти законы были исполнены правительствомъ. Такимъ характеромъ борьбы венгры истощили средства и мѣру терпѣнія вѣнскаго правительства и привлекли на себя общественное вниманіе Европы, которая теперь собирается наблюдать, ка̀къ будетъ продолжать эту самую борьбу венгерскій сеймъ и къ какимъ мѣрамъ онъ прибѣгнетъ.

Венгерскій сеймъ открытъ 6-го апрѣля не въ Пештѣ, какъ бы слѣдовало, а въ Будѣ, подъ крѣпостными пушками. Самъ императоръ не пріѣхалъ въ Венгрію, чтобъ открыть засѣданія сейма; онъ, впрочемъ, едва-ли и имѣлъ на то право: венгры до-сихъ-поръ не считали его своимъ королемъ. Сеймъ открытъ графомъ Аппони, уполномоченнымъ императора. Къ этому торжеству явилось очень-мало депутатовъ, ибо венгры не считаютъ законнымъ собраніе сейма въ Будѣ; они намѣрены перенести его вскорѣ въ Пештъ. Въ рѣчи, которую произнесъ графъ Аппони при открытіи засѣданій сейма, поражаетъ особенно одно мѣсто: Аппони счелъ нужнымъ объявить венгерскимъ магнатамъ и депутатамъ, что ихъ законный король, Фердинандъ, отказался отъ престола уже двѣнадцать лѣтъ назадъ, а нынѣшній король ихъ называется Францомъ-Іосифомъ. Такъ, законнымъ офиціальнымъ путемъ узнаютъ объ этомъ венгры только спустя двѣнадцать лѣтъ послѣ того, какъ началъ управлять австрійскими народами

Францъ-Іосифъ... Послѣ своего открытія венгерскій сеймъ приступилъ къ повѣркѣ выборовъ; когда они кончатся, тогда сеймъ будетъ тотчасъ же перенесенъ въ Пештъ, а затѣмъ приступятъ къ рѣшенію тѣхъ вопросовъ, которые въ послѣднее время волновали Венгрію. Относительно состава сейма извѣстно, что три четверти его членовъ принадлежатъ къ той части либеральной партіи, которая желаетъ остаться съ Австріей только въ одной личной связи. Изъ этого уже можно видѣть, какое направленіе получитъ дѣятельность венгерскаго сейма.

Внутреннія затрудненія Австріи усиливаются такимъ образомъ съ часу на часъ. Что̀ дѣлать ей, если въ ея рейхсратѣ партія федеральная одержитъ перевѣсъ, если Венгрія будетъ настаивать на своемъ отдѣленіи? Австріи хотѣлось бы объявить Венгрію въ осадномъ положеніи; она уже сосредоточила тамъ до восьмидесяти тысячъ войска. Но для этого надобно имѣть поводъ, а его до-сихъ-поръ не является.

Въ нашихъ обозрѣніяхъ мы больше говоримъ о вещахъ серьёзныхъ; но не прочь время отъ времени занести на свои скромныя страницы и явленіе смѣшное, комичное, если почему-нибудь оно заслуживаетъ вниманія.

Лордъ Пальмерстонъ недавно получилъ почетное званіе лорда-хранителя пяти портовъ королевства. По заведенному обычаю, онъ долженъ былъ подвергнуться новому выбору въ члены палаты общинъ; по заведенному же обычаю жители города Тивертона выбрали его снова своимъ представителемъ. Какъ истинный джентльменъ, глава англійскаго правительства отправился благодарить своихъ избирателей за оказанную ему честь. Изъ окна дома, въ которомъ остановился, онъ произнесъ къ нимъ рѣчь, одну изъ тѣхъ блестящихъ здравымъ смысломъ и неподдѣльнымъ остроуміемъ рѣчей, на которыя такой мастеръ семидесяти-шести-лѣтній англійскій премьеръ. Не успѣлъ онъ кончить своей рѣчи, какъ отворилось другое окно и изъ него выставилась голова мясника Роуклейфа, довольно-оригинальной личности, хорошо извѣстной участникамъ англійскихъ митинговъ. Роуклейфъ обратился съ слѣдующими словами къ лорду Пальмерстону:

«Ваше лордство много наговорили о дѣлахъ внѣшнихъ, но о дѣлахъ внутреннихъ не сказали ничего. Я обращаюсь къ вамъ съ нѣкоторыми вопросами по дѣламъ внутреннимъ. (*Смѣхъ*). Вы, виги, съ 1832 года пользуетесь властью, а что̀ вы сдѣлали? Вы, виги, хвастаетесь экономіею, сбереженіями, но я никогда не видѣлъ вашихъ сбереженій. Въ 1836 году расходы были немного болѣе 40,000,000 въ годъ; а теперь каковы ваши расходы? Вы, виги, надѣлали многое

множество новыхъ законовъ, но при этомъ имѣли въ виду только тѣхъ, кто эти законы дѣлаетъ... Я думаю, что пришла пора перемѣнить все это. Вы сами должны это видѣть. У васъ во время оно было большинство въ палатѣ общинъ, а теперь оно умалилось. (*Апплодисменты и смѣхъ*). Желалъ бы я самъ быть въ палатѣ общинъ! (*Громкій смѣхъ*). Палата, въ которой вы премьеромъ, прогнила до сердцевины. (*Смѣхъ*). Въ вашей палатѣ, я думаю, нѣтъ и ста членовъ, выбранныхъ правильно. Нѣтъ въ палатѣ даже и ста честныхъ членовъ. (*Громкій смѣхъ*). Зачѣмъ вы не настаивали на биллѣ о реформѣ? Еслибъ сэръ Робертъ Пиль былъ законодателемъ, онъ скорѣе бы умеръ на помостѣ палаты, чѣмъ отступился бы отъ билля о реформѣ. (*Смѣхъ*). Вы пріѣхали въ Тивертонъ обманывать народъ. (*Смѣхъ*). Но ваше поведеніе не нравится рабочимъ классамъ... Я далъ вамъ, вигамъ, довольно времени поцарствовать, чтобъ испытать васъ, а теперь я всѣхъ васъ готовъ выбросить за бортъ. (*Громкій смѣхъ*). И я вамъ скажу, почему. Я не нашелъ между вами ни одного, кто не рѣшился бы поподличать изъ-за мѣста. Между вами есть только одинъ великій человѣкъ, это—Мильнеръ Гибсонъ. Я думалъ прежде, что это честный человѣкъ, а оказывается, что слива, которую вы всунули ему въ ротъ, слишкомъ-толста: она заколодила ему ротъ. (*Громкій смѣхъ*)... Вы пріѣхали въ Тивертонъ, чтобъ обмануть народъ; но меня вы не обманете, милордъ. (*Продолжительный смѣхъ*). Итакъ, отправляйтесь назадъ, къ своимъ товарищамъ, въ Доунингъ-Стритъ, или куда вамъ угодно, и скажите имъ, что они должны представить хорошій билль о реформѣ».

Когда мы наслаждались чтеніемъ этой оригинальной рѣчи, мы нашли въ ней что-то намъ знакомое. Голосъ почтеннаго мясника мы гдѣ-то слышали прежде; складъ его понятій намъ также оказался знакомъ. Роуклейфъ, можетъ-быть, только нѣсколько превзошелъ своего предшественника отчетливостью своихъ идей, ясностью своихъ представленій, страстнымъ пыломъ негодованія. Этого достойнаго предшественника мистера Роуклейфа мы нашли, ни болѣе, ни менѣе, какъ въ русскомъ журналѣ, въ «Русскомъ Словѣ», въ лицѣ г. Г. Благосвѣтлова и г. Г. Б. Читатели, конечно, помнятъ, какъ относится г. Г. Благосвѣтловъ къ лорду Джону Росселю, главѣ партіи виговъ. Самъ тивертонскій мясникъ, безъ сомнѣнія, не назвалъ бы его иначе, какъ умственнымъ пигмеемъ. Соревнуя г. Г. Благосвѣтлову, г. Г. Б. въ слѣдующей книжкѣ «Русскаго Слова» вотъ какъ отозвался объ англійскомъ парламентѣ:

«Отчего парламентъ въ послѣднее время такъ низко упалъ въ мнѣ-

ніи Европы и самой Англіи? (слова Роуклейфа доказываютъ безспорно, что онъ низко упалъ во мнѣніи Англіи; мнѣнія публициста «Русскаго Слова» служатъ единственнымъ доказательствомъ, что онъ низко стоитъ во мнѣніи Европы). Прежде на него былъ обращенъ взоръ всего континента; его голосъ не былъ послѣднимъ приговоромъ въ политическихъ спорахъ; его одушевленные дебаты составляли лучшую школу государственнаго воспитанія людей, слѣдившихъ за развитіемъ его дѣятельности (Роуклейфъ выражается несравненно-лучше); въ числѣ его членовъ было много замѣчательныхъ умовъ, полныхъ энергіи и классически-образованныхъ. Теперь не то: лучшіе дѣятели Англіи спѣшатъ оставить парламентское поприще (Роуклейфъ, выразившій желаніе засѣдать въ парламентѣ, составляетъ, должно-быть, исключеніе); большинство его представителей состоитъ на половину изъ бездарныхъ лордовъ, способныхъ только губить время въ празднословіи и отбываніи пустыхъ бюрократическихъ формъ; другая половина достаетъ свои мѣста въ законодательномъ собраніи единственно ради честолюбивыхъ цѣлей, ради гражданскихъ отличій и нерѣдко ради личныхъ разсчетовъ; этотъ разрядъ людей не останавливается ни передъ какими средствами, чтобъ получить право голоса въ сенатѣ (?) и т. д. («Русское Слово», февр. книжка. Политика, стр. 3).

Не правда ли, идеи все тѣ же? Только у русскаго публициста онѣ выражены съ меньшей отчетливостью, съ меньшей конкретностью, чѣмъ у оригинальнаго англійскаго мясника. У одного все общія фразы, въ родѣ «школы государственнаго воспитанія людей, слѣдившихъ за развитіемъ дѣятельности парламента»; у другаго какіе прекрасные, блестящіе образы! Какъ, напримѣръ, хороша эта слива, которою Мильнеру-Гибсону заткнули ротъ! Причина такого различія въ способѣ выраженія двухъ господъ, сходныхъ по своимъ понятіямъ, довольно-понятна. У мистера Роуклейфа дѣятельность парламента постоянно передъ глазами; онъ говоритъ, что постоянно слѣдитъ за вигами, испытываетъ ихъ, и онъ дѣйствительно слѣдитъ за ними со всею энергіею ненависти къ нимъ. Русскій публицистъ, безъ сомнѣнія, не дѣлалъ англійскаго парламента предметомъ своего особеннаго наблюденія, къ тому же его фантазія, безспорно, уступаетъ въ силѣ фантазіи мистера Роуклейфа; она врядъ-ли создастъ эту блестящую сливу. Оттого его обвиненія слишкомъ-общи, неопредѣленны. Роуклейфъ знаетъ своего врага по имени: этотъ врагъ—виги. Русскій публицистъ бьетъ направо и налѣво, всѣхъ безъ разбору. Для него всѣ члены парламента или туполобые кретины, или безчестные люди. Роуклейфъ знаетъ положительно, что въ парламентѣ есть сто честныхъ людей. У англій-

скаго мясника съ ненавистью къ вигамъ соединяется сознаніе собственной силы: онъ говоритъ положительно, что мѣра его долготерпѣнія кончилась, что онъ скоро всѣхъ виговъ выброситъ за бортъ. У русскаго публициста только ненависть, желчь — и ничего болѣе. Ему, повидимому, было бы очень желательно, еслибъ англійскаго парламента вовсе не существовало на свѣтѣ; но у него нѣтъ того убѣжденія, которымъ такъ счастливъ тивертонскій мясникъ, убѣжденія, будто онъ можетъ что-нибудь сдѣлать. Какъ гордо говоритъ мистеръ Роуклейфъ: «погодите, я всѣхъ васъ выброшу за бортъ!» и онъ въ-самомъ-дѣлѣ думаетъ, что это такъ и случится. Ничего подобнаго отъ своего лица не можетъ сказать русскій публицистъ; онъ только волнуется, сердится на что-то, но чувствуетъ полное безсиліе. Роуклейфу, когда онъ говорилъ, аплодировали, смѣялись. Кто будетъ аплодировать русскому публицисту? Роуклейфъ исполненъ ненависти къ вигамъ; онъ неподдѣльно остроуменъ и ядовитъ; онъ немного знаетъ то, о чемъ говоритъ. Русскій публицистъ имѣетъ самое скудное понятія о томъ предметѣ, которому поучаетъ своихъ читателей. Такъ мистеръ Роуклейфъ, безъ сомнѣнія, не повторилъ бы всѣхъ тѣхъ нелѣпыхъ обвиненій, которыя публицистъ «Русскаго слова» дѣлаетъ англійскому парламенту; не сказалъ бы, напримѣръ, будто «прежде» на него былъ обращенъ «взоръ» всего континента, а теперь нѣтъ, не сказалъ бы этого потому, что каждый англійскій мясникъ убѣжденъ, что это совершенный вздоръ, убѣжденъ, что на континентѣ всѣ смотрятъ съ полнымъ уваженіемъ на англійскій парламентъ. Англійскій мясникъ все-таки знаетъ, что̀ слѣдуетъ говорить для его публики и чего не слѣдуетъ; у русскаго публициста нѣтъ этой мѣры.

Типы, подобные мистеру Роуклейфу, не новы въ исторіи рода человѣческаго. Еще Гомеръ въ своей безсмертной Иліадѣ изобразилъ подобный типъ. Въ лагерѣ грековъ, осаждавшихъ Трою, былъ нѣкто Ѳерситъ. Онъ поставилъ себѣ обязанностью быть постоянно-недовольнымъ. Что̀ бъ ни сдѣлали греческіе вожди, онъ находилъ, что это не такъ, и ругался, ругался безпощадно. Но въ тѣ грубыя времена съ такими людьми, какъ Ѳерситъ, обращались несовсѣмъ-деликатно. Одиссей, какъ разсказываетъ Гомеръ, не вытерпѣлъ дурачествъ Ѳерсита и прилично наказалъ его: поэтъ изображаетъ, какой волдырь вскочилъ на тѣлѣ Ѳерсита.

Иначе, нежели во времена Гомера, поступаютъ съ Ѳерситами въ просвѣщенный девятнадцатый вѣкъ и въ просвѣщенной Англіи. Мистеръ Роуклейфъ возвратился домой безъ всякаго волдыря. Этого мало:

англiйскiй премьеръ, глава англiйскаго правительства, отвѣчалъ на его дурачества слѣдующими словами:

«Я очень-радъ, что встрѣчаю здѣсь людей всякаго образа мыслей и, между-прочимъ, въ числѣ курьёзовъ, рѣдкостей, обладающихъ искусствомъ забавлять, я съ удовольствiемъ вижу моего друга, мистера Роуклейфа. Мой другъ полагаетъ, что въ палатѣ общинъ нѣтъ и ста честныхъ людей. (*Смѣхъ*). Пусть такъ, сто честныхъ людей—это еще довольно-снисходительно; во всякомъ собранiи подобное количество честныхъ людей могло бы сдѣлать много хорошаго. Но мой другъ, мистеръ Роуклейфъ, говоритъ, что палата общинъ ничего не можетъ сдѣлать хорошаго, пока онъ не будетъ ея членомъ. (*Смѣхъ*). Прекрасно! Я совѣтую ему попытаться (*продолжительный смѣхъ*), и думаю, что чѣмъ менѣе достоинства его будутъ узнаны, тѣмъ болѣе у него шансовъ успѣть въ своемъ предпрiятiи. (*Взрывъ хохота*). Можетъ-быть, меня не такъ поняли. Я не хочу набросить тѣнь сомнѣнiя на личный характеръ моего друга, ибо я убѣжденъ, что еслибъ онъ вступилъ въ палату общинъ, то былъ бы въ ней сто-первымъ честнымъ членомъ. (*Смѣхъ*)... Моему другу не понравилась моя рѣчь, потому-что я сказалъ въ ней кое-что хорошаго о дѣлахъ парламента. Мнѣ прискорбно, что это не по-душѣ мистеру Роуклейфу. (*Смѣхъ*)». Затѣмъ министръ, отвѣчая своему противнику, сказалъ нѣсколько полушутливыхъ, полусерьёзныхъ словъ относительно послѣдняго билля о реформѣ. «Мистеръ Роуклейфъ», продолжаетъ затѣмъ лордъ Пальмерстонъ, «спрашиваетъ меня: зачѣмъ мы не прибѣгнемъ къ экономiи въ государственныхъ расходахъ? Мой другъ говоритъ, что мы должны уничтожить всѣ ненужныя должности. Я скажу ему, что ненужныхъ должностей теперь нѣтъ. Всѣ синекюры уничтожены. Существующiя нынѣ должности всѣ связаны съ извѣстными обязанностями. Мой другъ говоритъ, въ простотѣ своего сердца, съ совершеннымъ незнанiемъ о тѣхъ предметахъ, о которыхъ онъ разсуждаетъ; свои фантасмагорiи онъ выдаетъ за факты, и вмѣсто доказательствъ ему служатъ продукты собственнаго воображенiя. (*Громкiй смѣхъ*)... Мистеръ Роуклейфъ предлагаетъ прибѣгнуть къ экономiи въ издержкахъ на народное образованiе. Такъ не хочетъ ли онъ продлить царство невѣжества въ этой странѣ? (*Смѣхъ*). Говорятъ, что въ царствѣ слѣпыхъ кривые играютъ роль царей. Вѣроятно, мистеръ Роуклейфъ желаетъ быть царемъ въ странѣ невѣжества; такъ-какъ, въ-отношенiи къ образованiю, онъ немного кривъ, то, можетъ-быть, и успѣетъ въ своемъ намѣренiи». (*Смѣхъ*).

Чего желаетъ публицистъ «Русскаго Слова» — объ этомъ сказать довольно трудно. Но такъ-какъ, по понятiямъ своимъ, онъ нѣсколько

съ родни безподобному мистеру Роуклейфу, то, можетъ-быть, и въ желаніяхъ своихъ онъ съ нимъ нѣсколько сходится. Мистеръ Роуклейфъ, безъ сомнѣнія, желаетъ блистать въ царствѣ слѣпыхъ, въ царствѣ невѣжества. Въ царствѣ слѣпыхъ, въ царствѣ невѣжества, можетъ-быть, и публицистъ этотъ считался бы человѣкомъ совершенно-здоровымъ въ физическомъ и умственномъ отношеніяхъ и имѣлъ бы успѣхъ громадный. Ужь не такого ли царства ему желательно?

5-го марта новый президентъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, Линкольнъ, вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей. Съ-тѣхъ-поръ прошло уже болѣе мѣсяца и никакихъ особенныхъ приготовленій къ борьбѣ сѣвера съ югомъ не дѣлается; ни по чему незамѣтно, чтобъ политика новаго президента, выбраннаго сѣверомъ, была воинственнѣе политики стараго президента, Буканана, котораго обвиняли въ покровительствѣ интересамъ юга. Грозный вначалѣ голосъ Линкольна смягчался мало-по-малу по мѣрѣ того, какъ приближался день инсталированія его въ Бѣломъ Домѣ, и наконецъ Линкольнъ дошелъ до того же, съ чего началъ Букананъ. Онъ пришелъ къ тому убѣжденію, что отдѣлившіеся штаты нельзя принудить силою снова вступить въ союзъ; что надобно отказаться отъ права союза собирать пошлины съ товаровъ, привозимыхъ въ южные порты, которые принадлежатъ теперь новой федераціи; что надобно сдать ея властямъ два форта, Пикенсъ и Сомтеръ, въ которыхъ еще держатся союзные гарнизоны. Все, что думаетъ дѣлать новый президентъ, заключается не болѣе, какъ въ простомъ намѣреніи не признавать, пока возможно, совершившагося факта, не входить въ офиціальныя сношенія съ властями южной федераціи. Онъ не принимаетъ ея уполномоченныхъ, но и не дѣлаетъ ей грозныхъ вызововъ, и — что̀ лучше всего — не обнаруживаетъ намѣреній возвращать отщепенцевъ силою въ лоно старой семьи.

Общественное мнѣніе сѣвера подѣйствовало на образъ мыслей президента. Пока Линкольнъ былъ еще частнымъ человѣкомъ, онъ высказывалъ свой собственный образъ мыслей; какъ частный человѣкъ, онъ не подвергался отвѣтственности за то, что̀ говорилъ, и его слова не заключали въ себѣ ни малѣйшей обязательной силы. Когда онъ сдѣлался президентомъ, настало для него другое положеніе. Его слова выражаютъ теперь мнѣніе правительства, его политику, его намѣренія; каждое публично произнесенное имъ слово имѣетъ обязательную силу. А въ Америкѣ политика правительства складывается подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія; президентъ, формально поставленный отъ него въ независимое отношеніе, на-дѣлѣ не можетъ предложить государственному вопросу такого рѣшенія, которому противно общественное

мнѣніе. Вотъ отчего Линкольнъ такъ охладилъ свой воинственный жаръ. Онъ увидѣлъ, что народонаселеніе сѣверныхъ штатовъ вовсе не желаетъ вступить въ убійственную войну съ своими южными братьями, въ войну, которая не можетъ привести ни къ какому результату. Между своими министрами, своими друзьями-республиканцами, онъ не нашелъ приверженцевъ войны. Въ конгресѣ, въ сенатѣ то же самое настроеніе умовъ.

Въ-самомъ-дѣлѣ, какой смыслъ имѣла бы эта война? Къ-чему она могла бы привести? Въ демократическомъ федеративномъ государствѣ нѣкоторыя изъ составныхъ частей его, находя невыгоднымъ для себя оставаться въ федераціи, выходятъ изъ нея и, для общей безопасности, составляютъ изъ себя новый союзъ, новую федерацію. Имѣютъ ли они на это право? Безъ сомнѣнія, имѣютъ, потому-что они составляли демократическую федерацію, замыкались въ ней не по принужденію, а совершенно добровольно; поэтому, нашедши нужнымъ, они могли этотъ союзъ разорвать, и нѣтъ такой посторонней силы, которая могла бы заставить ихъ оставаться въ этомъ союзѣ, потому-что они не признаютъ надъ собою внѣшней принудительной силы. Самый тотъ фактъ, что могущественный союзъ разрывается, безъ-сомнѣнія, прискорбенъ; но что же дѣлать, если люди предпочитаютъ, какъ оказывается теперь въ Америкѣ, жить въ менѣе-могущественномъ, за то болѣе-пригодномъ для себя государствѣ? Вопросъ о томъ, имѣютъ ли вашингтонскія власти право заставить ихъ остаться въ союзѣ, рѣшается также очень-просто. Президентъ союза, сенатъ, конгресъ—все это власти, избранныя отъ народа, дѣйствующія его именемъ: они въ одинаковой мѣрѣ принадлежатъ и югу, и сѣверу; они оттого и союзныя власти, что въ числѣ прочихъ штатовъ и южные также принимали участіе въ ихъ назначеніи. Южные штаты начали свое отпаденіе съ того, что вызвали своихъ представителей изъ союзнаго сената и конгреса. Лишь только это было ими сдѣлано, такъ уже всѣ обязанности ихъ въ отношеніи къ вашингтонскимъ властямъ были покончены.

Вопросъ, слѣдовательно, съ юридической точки зрѣнія разрѣшается очень-просто: южные штаты имѣли право отпасть, и сѣверные не имѣютъ право принуждать ихъ силою возвратиться въ союзъ. Еслибъ въ рѣшеніи вопросовъ политическихъ подчинялись только требованіямъ справедливости, то не было бы ожесточенной борьбы, кровавыхъ войнъ; все рѣшалось бы какъ нельзя болѣе просто. Но въ дѣлахъ человѣческихъ, кромѣ справедливости, принимаетъ весьма-важное участіе интересъ, и притомъ очень-часто расходится съ ея требованіями. Изъ-за интересовъ-то и происходитъ обыкновенно борьба. Еслибъ

такое явленіе, какъ отпаденіе южныхъ штатовъ отъ союза, случилось въ какомъ-нибудь изъ европейскихъ государствъ, то, конечно, дѣло не обошлось бы безъ самой ожесточенной борьбы, потому-что непремѣнно явился бы интересъ, страдающій отъ уменьшенія территоріи и числа народонаселенія и желающій сохранить эти два элемента въ ихъ первоначальной цѣлости. Интересъ европейскаго государства состоялъ бы въ томъ, чтобъ не допустить такого уменьшенія своей силы. Въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ совершенно иначе: тамъ такого интереса не существуетъ. Прежде всего должно сказать: то, что̀ называется въ Европѣ интересомъ государственнымъ, тамъ составляетъ интересъ народный; государство и народъ тамъ одно и то же. Оттого, когда народъ распадается, то нѣтъ такой посредствующей силы, которая считала бы необходимымъ или выгоднымъ для себя не допустить до такого распаденія. Не владѣетъ тамъ одна часть народа надъ другою; оттого, когда одна часть выдѣляется, то другая не находитъ никакой для себя положительной выгоды удерживать ее въ своемъ государственномъ составѣ. Она съ нея не получала податей, не брала рекрутовъ, ничего поэтому и не лишается, когда происходитъ распаденіе. А захочетъ она противиться распаденію, то только значительно израсходуется, потеряетъ нѣсколько тысячъ человѣкъ—не чужихъ, а родныхъ, и наконецъ ничего не выиграетъ. Еслибъ даже — что̀ трудно предположить — и удалось ей силою удержать отщепенцевъ въ соединеніи съ собою, то пріобрѣтетъ ли она отъ этого какія-нибудь положительныя выгоды? Вѣдь воротившихся отщепенцевъ она не можетъ сдѣлать рабами себѣ: они вступили бы въ свои прежнія права, а отъ этого что̀ выгоды для той части народа, которая такъ старалась объ ихъ возвращеніи? Еслибъ было возможно возвратить ихъ силою, то и демократической федераціи уже не было бы: на мѣстѣ штатовъ было бы что-нибудь другое.

Вотъ отчего въ сѣверныхъ штатахъ нѣтъ такого могущественнаго интереса, который вызвалъ бы ихъ на войну съ югомъ. Она ни для кого не нужна. Вотъ отчего, какъ мы сказали на первыхъ страницахъ нашего нынѣшняго обозрѣнія, есть достаточное основаніе думать, что между американцами не дойдетъ до братоубійственной войны.

Что дѣлаетъ, однако, югъ? Отдѣлившись отъ сѣвера изъ побужденій, которымъ никто въ Европѣ не можетъ сочувствовать, къ которымъ враждебно отнеслось общественное мнѣніе всѣхъ странъ, югъ послѣдующими своими мѣрами уже достаточно доказалъ, что не напрасно онъ прожилъ восемьдесятъ лѣтъ въ связи съ сѣверомъ; онъ показалъ такой практическій смыслъ, такое умѣнье устроиться, какое

могло явиться у народа только послѣ долговременной жизни въ демократическомъ, свободномъ обществѣ. Шесть штатовъ уже организовались въ федерацію, которой власти—все тѣ же, что и на сѣверѣ—будутъ имѣть своею резиденціей городъ Монгомери, въ штатѣ Алабамѣ: монгомерійскій конвентъ уже просмотрѣлъ союзную конституцію, сдѣлалъ въ ней нѣкоторыя измѣненія, и затѣмъ образованіе новой федераціи можно считать совершившимся. Въ числѣ измѣненій замѣтимъ, что президентъ будетъ избираться не на четыре года, а на шесть, и что въ монгомерійской федераціи еще ничтожнѣе сфера дѣятельности союзныхъ властей, чѣмъ на сѣверѣ.

Когда мы говорили объ итальянскихъ дѣлахъ, о политикѣ графа Кавура, о римскомъ вопросѣ, передъ нами еще не было мартовской книжки «Современника» за нынѣшній годъ, мы не знали еще о существованіи «Письма изъ Турина», подписаннаго буквами *Н. Т-новъ* и помѣщеннаго въ этой книжкѣ. Теперь, прочитавъ это «письмо», мы нашли нужнымъ сказать о немъ нѣсколько словъ.

«Письмо изъ Турина» своимъ изяществомъ превосходитъ все, досихъ-поръ напечатанное въ «Современникѣ». Видите ли, въ чемъ состояла задача этого письма. Есть въ Европѣ одинъ уголокъ, о которомъ существуетъ въ народѣ доброе мнѣніе: тамъ, въ этомъ уголкѣ божьяго міра люди вѣрятъ, имѣютъ убѣжденія, увлекаются, и силою своей вѣры, своихъ убѣжденій, своего увлеченія творятъ великія дѣла, такія дѣла, какихъ въ наше время не творятъ нигдѣ, потому-что въ другихъ мѣстахъ нѣтъ той вѣры, того увлеченія, той страстной преданности общественному дѣлу, какъ въ этомъ счастливомъ уголкѣ. Тамъ существуетъ самая тѣсная связь между правительствомъ и народомъ: правительство поступаетъ совершенно въ духѣ народа, искренно старается объ удовлетвореніи его потребностей; а народъ, съ своей стороны, любитъ свое правительство, которое считаетъ лучшимъ въ мірѣ, гордится имъ, искренно ему преданъ. Въ главѣ правительства въ этомъ уголкѣ божьяго міра стоитъ великій государственный человѣкъ, которому равнаго, по общему убѣжденію, нѣтъ въ настоящее время въ Европѣ. «Современнику» нужно, чтобъ ничего этого не было; чтобъ все это было не болѣе, какъ чистымъ вздоромъ, порожденіемъ тупаго идіотизма или младенческаго легковѣрія. Какъ можетъ быть на свѣтѣ такой уголокъ, гдѣ люди вѣрятъ, гдѣ живутъ въ-самомъ-дѣлѣ хорошіе люди, достойные полнаго уваженія, гдѣ у людей есть твердыя, сознательныя убѣжденія, благородныя намѣренія, гдѣ люди дѣйствуютъ во имя великихъ идей, высокихъ стремленій, гдѣ эти люди, съ своими стремленіями, съ своими

увлеченіями, творятъ великія дѣла? Какъ можетъ быть на свѣтѣ умный народъ? Можетъ ли человѣкъ, стоящій на такой высотѣ въ общественномъ мнѣніи, какъ, напримѣръ, графъ Кавуръ, быть великимъ человѣкомъ, благороднымъ дѣятелемъ? Надобно разбить всѣ эти нелѣпости. И вотъ, является «Письмо изъ Турина», въ которомъ уже не помоями—нѣтъ, этого мало, а растворомъ ассафетиды, какою-то такою гадостью, которой уже нѣтъ названія, облито все, что составляетъ славу, величіе современной Италіи, чѣмъ она гордится, на что съ удивленіемъ, съ восторгомъ, съ уваженіемъ смотрятъ добрые люди во всѣхъ частяхъ свѣта. «Высокія стремленія въ итальянскомъ народѣ!» Гдѣ они? Ихъ нѣтъ, говоритъ корреспендентъ «Современника»; есть только одно громадное мошенничество. «Великіе, благородные люди освободили Италію!» Гдѣ они? Все мошенники или ихъ кабальные; я все видѣлъ такихъ господъ, говоритъ корреспондентъ, а порядочныхъ людей не видалъ. Мошенничаетъ нынѣшнее итальянское правительство; великій мошенникъ — его глава, графъ Кавуръ; а всѣ остальные — его кабальные. Самъ онъ не мошенничаетъ и держитъ всѣхъ въ кабалѣ не для чего иного, какъ, такъ-себѣ, для удовольствія: у него ужь натура такая, чтобъ обманывать да держать всѣхъ въ кабалѣ. «Народъ итальянскій вѣритъ въ свои силы, въ свою будущность, увлеченъ сильнымъ движеніемъ жизни, полонъ свѣжихъ силъ!» — Вздоръ все это! народъ въ Италіи глупъ, какъ и вездѣ; онъ ничего не смыслитъ въ томъ, что дѣлается; его кругомъ обманываютъ Кавуръ и его кабальные и дѣлаютъ изъ него, что имъ хочется. Ничего хорошаго не нашелъ корреспондентъ «Современника» въ Италіи, видѣлъ въ ней одни гадости, однихъ гадкихъ людей, и объ этомъ онъ докладываетъ русскимъ читателямъ.

Таковъ смыслъ статьи, а господствующій въ ней тонъ, ея манеру передать невозможно. Это такой верхъ умственнаго и нравственнаго безобразія и цинизма, о которомъ трудно составить себѣ понятіе, не понюхавъ одуряющаго, смраднаго запаха самой статьи. Беремъ, однакожь, на выдержку два-три мѣста, далеко не изъ самыхъ сильныхъ; по нимъ читатели могутъ судить обо всемъ остальномъ, а главное, о той прекрасной школѣ, въ которой воспитались понятія и чувства корреспондента.

Вотъ, напримѣръ, характеристика одного изъ членовъ парламента, Боджіо: «Личность, надо сказать правду, не привлекательная: маленькій, толстенькій, оплывшее лицо, вѣчное выраженіе безстыжаго, циническаго самодовольства и эта безцеремонность маперъ, взглядовъ и усмѣшекъ, которая такъ вызываетъ на скандалъ» (стр. 200). И вы

думаете, что другіе члены итальянскаго парламента лучше? Нѣтъ, почти всѣ они корреспонденту «Современника» кажутся безстыжими людьми, вызывающими на скандалъ.

«Кавуръ беретъ взятки». Вы этому не вѣрите? Прочитайте 205 страницу мартовской книжки «Современника»; тамъ г. Н. Т — новъ разсказываетъ, что Кавуръ въ-самомъ-дѣлѣ беретъ взятки.

Знаете, какое впечатлѣніе произвело на корреспондента засѣданіе итальянскаго парламента, въ которомъ ему случилось быть. Когда онъ смотрѣлъ на Кавура, какъ тотъ разговаривалъ съ депутатами, ему «вспомнился богатый баринъ, назвавшій къ себѣ въ деревню мелкопомѣстныхъ гостей». Повѣряя слова корреспондента другими мѣстами его статьи, господствующимъ ея тономъ, мы позволяемъ себѣ усомниться, вѣрно ли онъ передалъ свое впечатлѣніе. Гостиная богатаго барина, хотя и наполненная мелкопомѣстными гостями — все-таки гостиная; а въ итальянскомъ парламентѣ ему видѣлось нѣчто болѣе-подходящее къ сборищу идіотовъ или мошенниковъ, нежели къ какой бы то ни было гостиной. По-крайней-мѣрѣ, вотъ какъ онъ изображаетъ ихъ главу, графа Кавура». Есть *фигуры*, невнушающія никому особенной симпатіи, но и непротивныя, такъ-себѣ, ни то, ни сё... Есть другія, для всѣхъ симпатичныя (тоже *фигуры*)... Но есть еще сорты личностей, симпатичныхъ для своей партіи, но *несносныхъ* для противниковъ. Таковъ представляется мнѣ графъ Камилло Бензо Кавуръ. Для меня собственно онъ—что такое? Я съ нимъ дѣла не имѣлъ, ни разу не говорилъ и, по всей вѣроятности, никогда говорить не буду, слѣдовательно судить о немъ могу, какъ человѣкъ совершенно-посторонній. Но видѣвши и слышавши его нѣсколько разъ, я понимаю, что этакой человѣкъ можетъ, несмотря на свое видимое добродушіе и мягкость, довести до бѣшенства своихъ противниковъ. Каждый взглядъ, каждый жестъ его, будучи пріятнымъ для друзей его, какъ свидѣтельство фамильярности, въ высшей степени обидѣнъ для противной партіи. Когда онъ, держа въ рукахъ собственныя ноги, или заложивъ руки въ карманы и выпятивъ свой тучный животъ, обводитъ насмѣшливымъ взглядомъ всю камеру, для пріятелей его и эта поза и этотъ взглядъ очень-симпатичны; но каково должно быть впечатлѣніе оратора «лѣвой», который въ это самое время выбивается изъ силъ, чтобъ оспорить какой-нибудь шагъ министерства!... И этого еще мало: Кавуръ послушаетъ-послушаетъ, посмотритъ на оратора этакъ, какъ-будто говорить ему: «ты, де-скать, что̀? стѣну лбомъ прошибить хочешь?» Потомъ мигнетъ своимъ пріятелямъ или министрамъ, сидящимъ рядомъ, да какъ прыснетъ со смѣху. Въ первый разъ увидѣвъ это, я подумалъ,

не показалъ ли кто ему пальца, какъ тому поручику, которому, по словамъ лейтенанта Жевакина, подобнаго жеста достаточно было для смѣха на цѣлый день. Но мнѣ объяснили, что такова «система» графа Камплло» (стр. 207, 208).

Приведенная нами выписка, смыслъ ея, тонъ, манера, степень умственнаго образованія автора, свойство его нравственныхъ принциповъ—все говоритъ само за себя. Нѣтъ надобности въ комментаріяхъ.

Мы понимаемъ голосъ истиннаго негодованія, крикъ отчаянія, крикъ боли, когда въ-самомъ-дѣлѣ наросло въ насъ негодованіе, когда мы настрадались отъ боли; мы понимаемъ насмѣшку, иронію, сатиру, карикатуру — все это законныя средства выраженія мысли; но на что негодуетъ, за что отчаявается, о чемъ болѣзнуетъ «Современникъ»? Что скрывается за его словами? Для чего ему нужно, чтобъ все на свѣтѣ, все великое и смѣшное, подводилось подъ общій уровень вздора, гадости, мерзости?

Никакого дѣла нельзя дѣлать безъ вѣры, безъ убѣжденій, безъ любви, безъ увлеченій. Читатели «Современника» узнаютъ теперь, что величайшее изъ явленій XIX вѣка совершилось, благодаря единственно продѣлкамъ графа Кавура, да и самъ-то Кавуръ ничто иное, какъ слабоумный господинъ, въ родѣ того поручика, о которомъ разсказываетъ Жевакинъ въ комедіи Гоголя.

Эти строки были уже нами написаны, когда мы получили 28 нумеръ «Русской Рѣчи», журнала, которому мы искренно сочувствуемъ за его добросовѣстное служеніе здоровымъ потребностямъ русскаго общества. Въ то время, когда въ русской журналистикѣ гарцуютъ молодцы, въ родѣ г. Благосвѣтлова, г. Н. Т—нова, когда плѣнительно блещетъ на нашемъ литературномъ небѣ достойная плеяда сотрудниковъ «Современника», когда съ каждымъ днемъ все болѣе-и-болѣе распространяется въ журналистикѣ запахъ мерзостной ассафетиды, появленіе новаго журнала, проникнутаго благородными убѣжденіями, не можетъ само-по-себѣ не радовать каждаго, для кого ненавистны эти гарцованія, это гаерство и срамословіе. Убѣжденіямъ своимъ «Русская Рѣчь» служитъ притомъ съ умомъ и съ талантомъ... Мы отъ души рады, что умнымъ и благороднымъ органомъ въ нашей литературѣ больше; но еще болѣе рады, что «Русская Рѣчь» пришла къ сознанію необходимости пустить въ бой свои силы противъ грубыхъ гайдамаковъ, безнаказанно-гарцующихъ въ нашей журналистикѣ, противъ невѣжества, гаерства, срамословія, скверномыслія. Да, дѣйствительно пришла пора, чтобъ всѣ честные органы, какіе только есть въ рус-

своей журналистикѣ, дружно подали другъ другу руку для того, чтобъ насколько возможно очистить нашу смрадную журнальную атмосферу.

Въ этомъ нумерѣ «Русской Рѣчи», въ статьѣ, подъ названіемъ— *Нѣчто о невѣжествѣ въ нашей литературѣ*, мы прочли слѣдующія слова, къ которымъ не можемъ не выразить нашего полнаго сочувствія.

«Невѣжество (въ нашей литературѣ) проявлялось и прежде, но оно было застѣнчиво, пряталось при первомъ щелчкѣ, который случалось ему получить; оно не забывало еще о существованіи на землѣ чувства стыда и приличія. Невѣжество въ текущей литературѣ выступаетъ впередъ безъ зазору, съ наглостью, съ полнымъ сознаніемъ непонятныхъ для другихъ правъ; мало того—оно гордится самимъ собою, какъ бы чувствуетъ, что чѣмъ рѣзче будетъ говорить оно, тѣмъ сильнѣе пробудятся къ нему симпатіи публики»... «Не разъ, но тщетно, старались мы найти разгадку слѣдующему явленію. Въ Европѣ существуетъ несравненно-болѣе партій, чѣмъ у насъ, и каждая изъ этихъ партій имѣетъ несравненно-болѣе *raison d'être*, чѣмъ многія изъ нашихъ. (Не слишкомъ ли снисходительно давать названіе партіи нашимъ свистунамъ и гайдамакамъ? замѣтимъ мы отъ себя. Партію связываетъ убѣжденіе, разумная цѣль. Какая разумная цѣль у нашихъ свистуновъ?—пусть они намъ скажутъ). Всѣ они отстаиваютъ не призрачные, а самые существенные, жизненные интересы общества; торжество или паденіе какой-либо изъ нихъ отзывается нерѣдко на всемъ благосостояніи ея приверженцевъ. При такой борьбѣ, проявляющейся не на бумагѣ только, а во всѣхъ сферахъ общественной жизни, полемикѣ слѣдовало бы отличаться, казалось, особенно-рѣзкимъ и запальчивымъ характеромъ. Несмотря на то, мы убѣждены, что едва-ли въ европейской литературѣ найдется нѣсколько образчиковъ того безобразнаго тона въ приговорахъ и сужденіяхъ, которыми отличаются наши, такъ-называемые, *публицисты*...»

Какъ на примѣръ подобнаго безобразія статья указываетъ, между-прочимъ, на словоизверженіе г. Н. Т — нова, «удостоившаго своимъ посѣщеніемъ Туринъ».

Приводимъ заключительныя слова автора статьи «Русской Рѣчи». Мы видимъ въ нихъ выраженною ту самую мысль, которая руководила насъ и будетъ руководить при отправленіи нами нашей доли общественныхъ обязанностей—наблюденіи за продѣлками нашихъ *публицистовъ*.

«Въ какой степени прилично литературнымъ дѣятелямъ хвататься за подобный способъ просвѣщенія публики (тотъ способъ краснорѣ-

чія, о которомъ говорится въ превосходной статьѣ г. Жемчужникова *Переходное Время* и который состоялъ въ отрывистыхъ возгласахъ, хриплыхъ гортанныхъ звукахъ, выразительныхъ междометіяхъ) и вслѣдствіе того разыгрывать... роль, въ которой отличался прежде Ѳ. В. Булгаринъ? Почтенный писатель этотъ, еслибъ дни его не сочтены были слишкомъ-рано, опередилъ бы теперь, вѣроятно, многихъ въ нападкахъ на Кавура, Росселя, Пальмерстона, Маколея, Токвиля и другихъ. Но подъ писаніями его всегда стояло его имя — ecce homo! и служило такимъ образомъ нѣкоторымъ предохраненіемъ отъ его увлеченій. Что же приходится сказать о писателяхъ, недолженствовавшихъ бы имѣть ничего съ нимъ общаго, которые прикрываются гуманными, либеральными идеями и въ то же время, не считая нужнымъ излагать подробно своихъ теорій, безъ объясненій и бездоказательно предаютъ позору и поруганію все то, противъ чего ратовалъ знаменитый ветеранъ нашей журналистики? Гдѣ болѣе вреда для общества?..»

Да, гдѣ болѣе вреда? И вотъ поэтому-то мы желали бы, чтобъ всѣ добрые журналы и добрые люди, идя дружно, общими силами содѣйствовали прогнанію мрака и смрада.

Продолжаемъ сообщеніе извѣстій, относящихся до событій варшавскихъ.

21-го марта обнародованъ Высочайшій указъ 14-го марта о возстановленіи государственнаго совѣта Царства Польскаго, учрежденіи правительственной коммиссіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, губернскихъ, уѣздныхъ и городскихъ совѣтовъ въ Царствѣ Польскомъ. Содержаніе этого указа читатели найдутъ въ другомъ отдѣлѣ нашего журнала.

Въ тотъ же день, въ «Journal de St.-Pétersbourg» былъ напечатанъ слѣдующій циркуляръ г. министра иностранныхъ дѣлъ къ россійскимъ посольствамъ и миссіямъ, отъ 20-го марта.

«Изъ Высочайшаго рескрипта, на имя намѣстника Царства Польскаго послѣдовавшаго, вы усмотрѣли сужденіе, произнесенное Государемъ Императоромъ о послѣднихъ событіяхъ въ Варшавѣ.

«Въ полномъ сознаніи Своей силы и въ чувствахъ любви къ подданнымъ Своимъ, Его Императорскому Величеству благоугодно было приписать случившееся одному увлеченію, хотя, въ виду безпорядковъ на улицахъ, можно было бы произнести приговоръ болѣе строгій.

«Только во вниманіе къ этому увлеченію и дабы дать время взволнованнымъ умамъ успокоиться, мѣстныя власти не приняли тѣхъ мѣръ къ укрощенію, которыя онѣ имѣли право и возможность употребить въ настоящемъ случаѣ.

«Но Государю Императору угодно было не ограничить этимъ Своего великодушнаго снисхожденія.

«Манифестъ объ освобожданіи крестьянъ, состоявшійся 19-го февраля, свидѣтельствуетъ объ отеческой попечительности, какою Его Императорское Величество объемлетъ народы, ввѣренные Ему Божіимъ Промысломъ.

«Россія и Европа могли убѣдиться, что Его Величество не только не устраняетъ и не отсрочиваетъ преобразованій, вызываемыхъ развитіемъ идей и общественныхъ интересовъ, но, рѣшительно приступивъ къ дѣлу, совершаетъ его съ неослабною послѣдовательностію.

«Тѣ же попеченія простираетъ всемилостивѣйшій Государь нашъ и на подданныхъ своихъ Царства Польскаго, и потому Его Императорскому Величеству не угодно было, чтобъ случайное, хотя и прискорбное, событіе пріостановило исполненіе Его предначертаній.

«Прилагаемый при семъ экземпляръ Высочайшаго указа объяснитъ вамъ новыя учрежденія, дарованныя Царству Польскому Высочайшею Его Императорскаго Величества волею.

«Первое изъ этихъ учрежденій есть государственный совѣтъ, который открываетъ широкій доступъ туземному элементу призваніемъ къ участію почетныхъ лицъ, непринадлежащихъ къ служебной іерархіи и несостоящихъ въ должностяхъ по избранію. Этимъ доставляется странѣ средство къ участію въ дѣлахъ, касающихся ея интересовъ.

«Учрежденіемъ губернскихъ и уѣздныхъ совѣтовъ, равно и совѣтовъ городскихъ, основанныхъ на избирательномъ началѣ, обезпечивается мѣстнымъ интересамъ внутренне самостоятельное управленіе.

«Духовныя дѣла и народное просвѣщеніе ввѣряются особой коммиссіи, отдѣльной отъ коммиссіи, учрежденной для внутреннихъ дѣлъ, съ правомъ представлять правительству о мѣрахъ, могущихъ содѣйствовать развитію общественнаго образованія.

«Такими учрежденіями доставляется новое ручательство нравственнымъ и матеріальнымъ потребностямъ края, указано законное средство для предъявленія своихъ желаній и нуждъ, наконецъ упрочена возможность улучшеній, основанныхъ на опытѣ, указанія коего будутъ всегда принимаемы въ соображеніе въ границахъ справедливости и возможности.

«Успѣхъ новыхъ учрежденій будетъ зависѣть въ равной степени отъ довѣрія Царства Польскаго къ благимъ намѣреніямъ Государя Императора и отъ той мѣры, въ какой и оно оправдаетъ нынѣ ему оказываемое довѣріе.

«Воля Государя Императора—чтобъ все, Имъ даруемое, было дѣломъ правды, убѣжденіе Его — что Онъ добросовѣстно исполнилъ долгъ Свой, открывая подданнымъ Своимъ Царства Польскаго путь законнаго преуспѣянія; искреннее Его желаніе — чтобы они неуклонно по немъ слѣдовали.

«Его Величество твердо увѣренъ, что цѣль эта будетъ достигнута, если намѣренія Его встрѣтятъ признаніе и содѣйствіе въ благоразуміи подданныхъ Его Царства Польскаго».

Въ *Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ* 29-го марта явились слѣдующія двѣ телеграфическія депеши:

«*Варшава, 27-го марта.* По случаю упраздненія Земледѣльческаго общества вчера была большая манифестація. Войска были выведены; толпа долго стояла по улицамъ и разошлась.

«*Варшава, 28-го марта.* Вчера снова противъ зáмка собралось скопище. Оно разогнано оружіемъ, и бой нѣсколько разъ возобновлялся. Жителей убито 10, ранено столько же. Взято упорныхъ 45-ть человѣкъ. Въ войскѣ убито 5-ть человѣкъ».

Содержаніе этихъ депешъ было подробнѣе изложено въ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ» 2-го апрѣля:

«Варшава, *28-го марта (9-го апрѣля)*. Земледѣльческое Общество Царства Польскаго, со времени варшавскихъ событій 13-го (25-го) и 15-го (27-го) февраля, приняло характеръ рѣзко-политическій. Вслѣдствіе сего, Совѣтъ Управленія въ Царствѣ былъ вынужденъ объявить упраздненіе сего учрежденія. Но, дабы не пострадали интересы столь важной отрасли общественнаго благосостоянія, какова сельская промышленость, Совѣтъ тѣмъ же постановленіемъ возложилъ на Правительственную Коммисію Внутреннихъ Дѣлъ составить проектъ объ устройствѣ въ разныхъ мѣстностяхъ края земледѣльческихъ коммиссій.

«При самомъ обнародованіи этихъ двухъ мѣръ, подстрекатели безпорядковъ нашли въ нихъ предлогъ къ сборищамъ, еще болѣе-шумнымъ, нежели предшествовавшія. Первое скопище происходило 26-го марта. Нѣсколько тысячъ людей, собравшись предъ домомъ общества земскаго кредита, устремилось на Сигизмундову Площадь. Чтобъ воспрепятствовать имъ произвесть болѣе-важные безпорядки, площадь была занята войсками. Нѣсколько разъ провозглашено бѣло толпамъ,

чтобы онѣ разсѣялись, но онѣ только спустя нѣкоторое время рѣшились разойтись. Если для приведенія ихъ въ повиновеніе оружіе не было употреблено въ самомъ началѣ, это единственно потому, что, при огромномъ стеченіи народа, столкновеніе повлекло бы за собою множество жертвъ и въ числѣ ихъ пали бы, можетъ-быть, совершенно-невинные.

«На слѣдующій день, между 6-ю и 8-ю часами вечера, снова появились скопища на Сигизмундовой Площади. Дабы положить конецъ тревожному состоянію, намѣстникъ Царства приказалъ двинуть роту пѣхоты и при ней съ обѣихъ сторонъ конныхъ жандармовъ, а въ резервѣ—линейныхъ казаковъ. Одинъ полицейскій чиновникъ, предшествуемый барабанщикомъ, подошелъ къ толпѣ и обратился къ ней съ увѣщаніями, три раза, чрезъ каждыя пять минутъ. На послѣднее отвѣчали ему криками и свистками. Тогда жандармы получили приказаніе разогнать толпы, но безъ употребленія сабель. Они дважды нападали на скопища, которыя разсѣялись, не понеся ни одной жертвы; но вскорѣ за симъ значительное число отважнѣйшихъ людей изъ тѣхъ скопищъ возвратилось и начало бросать въ солдатъ каменьями. Начальникъ отряда, замѣтивъ въ это время человѣка высокаго роста, который казался предводителемъ шайки, приказалъ одному изъ взводовъ его взять. Это было тотчасъ исполнено и стоило нѣсколькихъ только контузій съ одной и другой стороны. Другая толпа приблизилась отъ Краковскаго Предмѣстья и не могла быть иначе разсѣяна, какъ выстрѣлами. Между-тѣмъ на площадь выведены были новыя войска. Въ то самое время изъ Краковскаго же Предмѣстья вышла плотная масса, имѣя впереди человѣка съ крестомъ въ рукахъ, но одна рота разогнала ее безъ выстрѣла. Вскорѣ потомъ новая толпа, столь же многочисленная, показалась при входѣ въ Сенаторскую Улицу и возгласила гимнъ. Противъ нея были посланы казаки, съ строгимъ приказаніемъ не употреблять оружія, и она также была разсѣяна; но когда казаки отошли, на пѣхоту посыпались камни и полѣнья. Тогда же замѣчено, что входы въ Подвальную и Сенаторскую улицы начали запирать экипажами, позади которыхъ собирались густыя массы. Пѣхота, направленная на нихъ, будучи встрѣчена каменьями и разными снарядами, открыла огонь, который, при оказанномъ ей сопротивленіи, должна была возобновить нѣсколько разъ, и тогда-только самые упорные удалились.

«Въ народѣ убито 10 и ранено около ста человѣкъ. Въ войскѣ было пятеро убитыхъ и нѣсколько раненыхъ нижнихъ чиновъ.

«Съ 28-го до 31-го числа марта все въ городѣ было спокойно.

мѣры приняты, дабы немедленно укротить всякую новую попытку къ безпорядкамъ.»

Изъ послѣдующихъ извѣстій видно, что, между-прочимъ, приняты были для успокоенія города слѣдующія мѣры:

Опубликовано было постановленіе Совѣта управленія царства противъ скопищъ и какихъ бы то ни было недозволенныхъ собраній на улицахъ или публичныхъ дорогахъ.

20-го марта была обнародована въ Варшавѣ слѣдующая прокламація намѣстника къ жителямъ царства:

«Важность настоящихъ обстоятельствъ побуждаетъ меня обратиться къ вамъ еще разъ съ словами успокоенія и благоразумія. Учрежденія, всемилостивѣйше дарованныя Царству Польскому Его Императорско-Царскимъ Величествомъ, суть залогомъ всѣхъ интересовъ вашего отечества, интересовъ самыхъ дорогихъ для вашихъ сердецъ, именно вашей религіи и народности. Его Величество желаетъ, чтобъ учрежденія эти были приведены въ исполненіе сколь-можно-поспѣшнѣе и съ полною правотою. Для осуществленія сего, окажите ваше единодушное желаніе сохранить порядокъ и спокойствіе и устранитесь отъ безчинствъ, которыя правительство не потерпитъ и которыя всякое правительство укрощать обязано».

Затѣмъ, 31-го марта, варшавскій военный генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ Панютинъ, обнародовалъ слѣдующее предписаніе:

«По уваженію, что надѣваніе отличительныхъ знаковъ можетъ содѣйствовать къ раздраженію умовъ, равно для предупрежденія могущихъ послѣдовать столкновеній, запрещается носить всякія необыкновенныя одежды и внѣшніе знаки траура».

КРИТИКА.

ОТВѢТЪ Г. ПЫПИНУ НА ЕГО СТАТЬЮ, ПОМѢЩЕННУЮ ВЪ 1-МЪ № «СОВРЕМЕННИКА» ЗА 1861 Г., ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ: «ПО ПОВОДУ ИЗСЛѢДОВАНІЙ Г. БУСЛАЕВА О РУССКОЙ СТАРИНѢ».

(Письмо къ А. Н. Пыпину).

Съ особеннымъ удовольствіемъ исполняю ваше предложеніе—отвѣчать на рецензію, которой вы удостоили мои «Историческіе Очерки». Прежде всего искренно благодарю васъ за то, что вы, по возможности, старались возвести меня въ званіе славянофила и тѣмъ нѣсколько возстановить мое доброе имя, которое до-сихъ-поръ порочили самымъ крайнимъ западничествомъ усердные чтители Востока; а признаюсь вамъ откровенно, что изъ двухъ крайностей, одинаково-ложныхъ и одинаково для науки вредныхъ, славянофильская самостоятельность кажется мнѣ гораздо-достойнѣе подначальнаго западничанья.

Чтобъ не выходить изъ роли староверa, которую вы мнѣ даете, я буду вести съ вами бесѣду по-раскольничьи, то-есть, *по книгамъ*, на основаніи точнаго смысла буквы, а не по общимъ соображеніямъ. *Книгами* же будутъ мои «Историческіе Очерки».

Но сначала я долженъ очистить свою совѣсть и, изъ скромности, выдать за любезные комплименты всѣ ваши увѣренія о моихъ новыхъ идеяхъ и открытіяхъ по древне-христіанской и византійской литературѣ и искусству. Вы говорите: «Г. Буслаевъ *положительно отвергаетъ* прежнее мнѣніе о характерѣ византійскаго вліянія и *находитъ*, что оно, напротивъ, доставило древней русской словесности много поэтическаго матеріала, способнаго развиться у насъ, какъ развилась изъ церковныхъ источниковъ и элементовъ литература старо-нѣмецкая и романская» (стр. 9—10). Прежнее мнѣніе о безплодности въ поэтическомъ отношеніи литературныхъ произведеній, которыя Русь

получала изъ Византіи, *отвергнуто* не мною, но Либрехтомъ, Вольфомъ, Пфейферомъ и цѣлою толпою современныхъ изслѣдователей народной старины, которые *находятъ* источники народныхъ поэтическихъ разсказовъ, напримѣръ, въ *Золотой Легендѣ* Якова де-Ворагине; а въ ней больше половины того же самаго сыраго матеріала, который перешелъ къ намъ изъ Византіи въ *Прологахъ*, бывшихъ настольною книгою у нашихъ предковъ. На стр. 9-й вы говорите: «Патерики (распространившіеся на Руси изъ Византіи уже съ XI вѣка) отличаются, *по словамъ* г. Буслаева, высокимъ поэтическимъ характеромъ». Кто же отказывалъ въ высокомъ поэтическомъ характерѣ «Римскому Патерику» папы Григорія Двоеслова? А этотъ патерикъ къ намъ перешелъ изъ Византіи, точно такъ же, какъ «Александрія», «Троянская Исторія», «Повѣсть о Соломонѣ» и многія другія поэтическія произведенія, которыя сами же вы приписываете Византіи въ своемъ изслѣдованіи о русскихъ повѣстяхъ и сказкахъ. Это съ вашей стороны ужь слишкомъ-безкорыстно.

Вы говорите о миньятюрахъ въ нашихъ древнихъ рукописяхъ: «Не смущаясь уродливой формой, по которой онѣ стоятъ не выше нынѣшнихъ лубочныхъ картинокъ, онъ (то-есть, я) вникаетъ въ ихъ содержаніе, *находитъ* въ немъ рѣдкую глубину мысли и *видитъ* въ старыхъ картинахъ превосходную поэму религіознаго характера» (стр. 11). Гораздо-прежде меня то же *находили* и *видѣли* въ произведеніяхъ византійскаго и романскаго стиля (который часто бывалъ хуже и безобразнѣе нашего лубочнаго) Комонъ, Шназе, Дидронъ и многіе другіе изслѣдователи и издатели отдаленной средневѣковой старины. Вагенъ, одинъ изъ первыхъ цѣнителей живописи, приписываетъ высокое значеніе византійскимъ миньятюрамъ. Вы, конечно, знали, что я былъ только скромнымъ послѣдователемъ этихъ почтенныхъ авторовъ, но выражались такъ для меня лестно, что совѣсть не позволяла мнѣ пользоваться честью, непринадлежащею мнѣ. Потому съ тою же скромностью позвольте мнѣ устранить отъ себя и этотъ комплиментъ: «Г. Буслаевъ (говорите вы) *увѣренъ въ самомъ дѣлѣ*, что противники византійскаго направленія, знакомые съ нимъ только по слухамъ, измѣнятъ о немъ свое мнѣніе, когда лучше объяснится классическое вліяніе, принесенное къ намъ изъ Византіи» (стр. 13). Увы! много чести. Это не *увѣренность* моя, а слѣпое послѣдованіе мнѣніямъ Вагена, Шназе и другихъ, которые въ византійскомъ искусствѣ указали мнѣ свѣжіе слѣды классицизма. Сознаюсь въ западномъ раболѣпіи передъ нѣмецкими авторитетами, несмотря на всѣ ваши лестныя увѣренія въ моемъ свободомысліи независимаго славянофильства!

Теперь будемъ препираться *по книгамъ*. Диспутъ будетъ состоять сначала вотъ въ какомъ пріемѣ: вы будете нападать и укорять меня во всякой отсталости, а я буду защищаться словами своей книги, изъ которыхъ видно, что я говорю то же самое, что̀ и вы въ своихъ нападкахъ.

Буду слѣдовать, шагъ за шагомъ, за вашими нападками, какъ онѣ слѣдуютъ въ вашей рецензіи.

Вы говорите: «Г. Буслаевъ сосредоточилъ свое изученіе древней поэтической дѣятельности на народномъ вѣрованіи и, принявъ его за исходную точку, *совершенно удовлетворяется*, нашедши, что оно безраздѣльно господствовало и въ литературѣ и въ искусствѣ и сообщало имъ народный характеръ» (стр. 15). Приводя цѣлый рядъ заклинаній и разныхъ суевѣрныхъ обрядовъ, которыми встарину промышляли даже просвирни и монахи, я говорю: «*Сколько ни были бы грустны* подобные факты для исторіи древне-русской христіанской *цивилизаціи*, но въ исторіи литературы они заслуживаютъ нашего полнаго вниманія» (II, 51). Еслибъ я *совершенно удовлетворился* народнымъ вѣрованьемъ, то нѐ для чего было бы мнѣ и выражать своей грусти.

Вы говорите: «Намъ указываютъ въ древней поэзіи нашей, оригинальной и заимствованной, множество поэтическихъ образовъ, много идей высокаго достоинства и глубины; но дѣйствительно ли они были таковы, и чѣмъ *разрѣшается* то вопіющее противорѣчіе между этимъ *идеальнымъ выраженіемъ* русской народности и тѣми *мрачными фактами* жизни, которые даетъ исторія того же самого народа? Мы думаемъ, именно, что изслѣдованія г. Буслаева останутся *односторонними*, если они не будутъ дополнены *историческимъ разборомъ* памятниковъ, который бы опредѣлялъ *ихъ эпоху* и ихъ *реальный смыслъ* для народа» (стр. 16). Въ разборѣ повѣсти о *Горѣ-злочастіи* я могъ во многомъ ошибаться, но не хотѣлъ быть *одностороннимъ*, обставивъ этотъ поэтическій вымыслъ по возможности *полною картиною русской дѣйствительности*, и попреимуществу XVII вѣка, къ которому относится сочиненіе этой повѣсти. Отказавъ въ своемъ сочувствіи дѣйствительности, но высоко оцѣнивъ поэтическое достоинство повѣсти, яname... имѣлъ необходимымъ (говорю вашими же словами) *разрѣшить то вопіющее противорѣчіе между этимъ идеальнымъ выраженіемъ русской народности и тѣми мрачными фактами жизни, которые даетъ исторія того же самаго народа*. Я могъ ошибаться, но дѣлалъ именно то, что̀ вы совѣтуете. Вотъ точныя мои слова, содержащія выводъ изъ моего историко-литературнаго разбора: «Несмотря на *тяжкое*

чувство, которое постоянно поддерживается, при чтеніи этого стихотворенія, изображеніемъ *темной*, *грустной жизни* и ея жалкаго представителя, несмотря на *грубость страстей и чувственныхъ интересовъ*, *между которыми эта жизнь* вращается, нравится намъ «Горе-злочастіе» *не по одной только свѣжести внѣшняго выраженія*... Отъ перваго и до послѣдняго стиха его чувствуется, *несмотря на грубое его содержаніе*, присутствіе чьей-то *благородной мысли*, *которая постоянно держитъ рѣшительный протестъ противъ окружающей ее темной дѣйствительности*, постоянно чувствуется, хотя и невысказанный словами, *строгій голосъ судьи*, *который предаетъ жестокому суду загрубѣлые пороки старины* и подаетъ охранительную свою руку читателю, проводя его по безотрадному поприщу древне-русскаго бражника. Лучшая, свѣтлая сторона выведенной въ сочиненіи *темной эпохи*, это — само сочиненіе, какъ ея уразумѣніе и протестъ противъ нея» (I, 594—595).

На той же 16-й стр. вы продолжаете: «Періодъ двоевѣрія, который для народа должно въ-сущности довести до нашихъ дней, этотъ періодъ слишкомъ-длиненъ, чтобъ его можно было счесть одинаковымъ съ начала до конца. Г. Буслаевъ *положительно ошибается*, когда *думаетъ*, что въ него можно съ одинаковымъ правомъ внести и двоевѣріе стариннаго лѣтописца, и современное народное преданіе... Съ тѣхъ-поръ, какъ начинается двоевѣріе, понятія народа не останавливались на одной точкѣ, но продолжали измѣняться: повѣрья и обычаи остаются по-видимому нетронуты, но время и для нихъ проходило не даромъ: то, что было прежде свободнымъ поэтическимъ представленіемъ, въ другое время дѣлается гнетущимъ суевѣріемъ; что было прежде священнымъ обрядомъ, становится пустой, непонятной церемоніей». О послѣдовательномъ развитіи русской народной поэзіи отъ миѳическаго эпоса черезъ эпоху двоевѣрія до пѣсенъ, или былинъ историческихъ, я говорю то же самое: «Воспитанная язычествомъ и поддерживаемая суевѣріемъ, русская поэзія представлялась *темною стороною* жизни нашихъ предковъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ... Особенно-тяжело было жить *подъ гнетомъ устарѣвшихъ суевѣрій*, когда, съ одной стороны, то *запугивается* воображеніе чарами, то на каждомъ шагу *обманывается* умъ въ своихъ *лживыхъ убѣжденіяхъ*, а съ другой стороны за всякую бѣсовскую прелесть грозитъ наказаніе. Но, не говоря уже объ этомъ внѣшнемъ *бѣдствіи*, въ самомъ душевномъ расположеніи, погруженномъ въ примѣты, чары, заклинанія, языческія празднества, есть что-то *гнетущее*, сковывающее... *Суевѣрная* обстановка народной эпической поэзіи *много вредила* эстетическому

развитію той эпохи... Относительно поэзіи, XVII вѣкъ представляетъ намъ *странное раздвоеніе:* съ одной стороны, за эпическій ровный складъ стариннаго разсказа стоитъ сама жизнь, ровная въ своемъ обрядномъ теченіи: съ другой стороны, энергическія мѣры къ истребленію народныхъ суевѣрій *лишали эпическую поэзію миѳической основы ея*, колебля вѣру въ миѳическое чудесное. *Старинная поэзія развиваться на прежнихъ суевѣріяхъ*, столь рѣшительно искореняемыхъ, *уже не могла...* Миѳъ развиваться не могъ. Сказки, переплетенныя небылицами, считались дѣломъ постыднымъ, непозволительнымъ. Но уже самая энергія нападеній свидѣтельствовала еще о всеобщемъ господствѣ суевѣрія. Эпическія созданія, *хотя и лишенныя миѳа*, сами собою слагались въ жизни, *какъ бы по привычкѣ...* Миѳъ смѣнился историческимъ событіемъ, но понятія о человѣкѣ остались тѣ же» и т. д. (I, 504—511).

Изъ вышеприведенныхъ обвиненій вы выводите слѣдующее: «Такимъ-образомъ, съ исторической точки зрѣнія поэтическія черты и представленія народа, и слѣдовательно самый характеръ народности, *теряютъ ту абсолютную цѣну*, которую даетъ имъ г. Буслаевъ» (стр. 16). Мои слова: «Преданія мало-по-малу вытѣсняются христіанствомъ и образованностью; сказанія, не поддерживаясь общимъ интересомъ, предаются забвенію; вѣрованія, отдѣлившись отъ жизненныхъ вопросовъ, превращаются въ суевѣрія и искажаются. Что же остается намъ въ наслѣдство отъ нравственныхъ убѣжденій и вообще отъ духовной жизни нашихъ предковъ? Отжившихъ повѣрій не воскресить. Народныя сказанія и пѣсни и для тѣхъ, кто ихъ понимаетъ и цѣнитъ, не болѣе, какъ антикварная рѣдкость. Даже простой народъ, по-мѣрѣ распространенія грамотности, легко разстается съ своими преданіями и повѣрьями. Миѳологія народная видимо гибнетъ, и никакая нравственная сила не можетъ вдвинуть ее въ интересы житейскіе. Едва-ли наука должна жалѣть о такой невозвратимой утратѣ, какъ бы ни была увлекательна возникавшая изъ древнихъ сказаній первобытная фантазія простосердечнаго народа. Жизнь народа идетъ по своимъ нравственнымъ законамъ движенія, столь же строгимъ, какъ и законы небеснаго механизма, въ силу которыхъ невозможно обратное теченіе планеты вокругъ солнца» (I, 149).

Слѣдующія за тѣмъ ваши слова — будто выводъ изъ приведеннаго тотчасъ моего мнѣнія. «Наша старинная поэзія (говорите вы) уже нерѣдко подъ конецъ становилась совершеннымъ суевѣріемъ, заглушавшимъ и поэзію и человѣческое достоинство, и *мы* не видимъ въ этомъ ни большаго достоинства, ни прогреса въ ея развитіи: она

доживала до окончательной дряхлости» (стр. 16). Къ вашему *мы* волею-неволею должны вы присовокупить и меня. Этотъ упадокъ поэтическихъ силъ — по вашему же совѣту — ставлю я въ связи съ своею историческою дѣйствительностью, какъ можете видѣть изъ того, что̀ говорю я о героѣ «Горя-Злочастья»: «Всею тяжестью своею налегала на нашего героя суровая жизнь старой Руси, съ своей темной, безнадежной стороны. Соображая грустный разсказъ о его порокахъ и бѣдствіяхъ съ старинною дѣйствительностью, такъ живо чувствуешь ту потребность въ обновленіи и освѣженіи нравственныхъ и умственныхъ силъ, которою вызваны были великія преобразованія Петра!» (I, 593).

Все, что̀ вы говорите потомъ, только выводы изъ цитатъ, приведенныхъ мною изъ моихъ «Очерковъ», но выводы, для шутки обращенные противъ меня, какъ и та *абсолютная цѣна*, которую будто-бы я приписываю народности. А именно, вы говорите: «Г. Буслаевъ постоянно разсматриваетъ нашу поэтическую народность стараго времени въ ея цѣлой массѣ, хранившейся болѣе или менѣе свѣжо народною памятью; онъ собираетъ въ своемъ изслѣдованіи подъ одну тему черты весьма различнаго времени, различнаго свойства и характера, черты изъ XI и XIX вѣка... Это невѣрно на томъ основаніи, что самая поэзія имѣетъ свою исторію, періоды которой не похожи одинъ на другой, и народная фантазія мѣняется отъ историческихъ, то-есть, житейскихъ вліяній.... Народная поэзія также имѣетъ свое счастливое время и свои границы: отъ времени и обстоятельствъ она забывается и вымираетъ. Для народа приходятъ эпохи, когда поэтическое преданіе теряетъ силу и держится только по привычкѣ, когда народное творчество видимо ослабѣваетъ и не можетъ даже просто сберечь старую поэзію» (стр. 17). Сверхъ прежнихъ выписокъ изъ моей книги, вполнѣ, какъ видите, согласныхъ съ вашими нападками, укажу на *Стоглавъ,* которому я приписываю особенно-важное значеніе въ исторіи народности и къ которому группирую цѣлую эпоху суевѣрій (II, 331—332), на зарожденіе поэзіи сатирической (I, 515 и слѣд.), на отличительныя свойства русской поэзіи XVII вѣка, открываемыя мною въ пѣсняхъ Ричарда Джемса и въ повѣсти о «Горѣ-Злочастьи», на связь суевѣрій и примѣтъ именно съ лечебниками XVII в. (II, 33 и слѣд.). Но довольно! Право, мнѣ совѣстно оправдываться, тѣмъ больше, что мнѣ кажется, вы только шутите и обвиняете кого-то другаго, а вовсе не меня.

Вы говорите: «Для г. Буслаева суевѣрье *дорого своей поэтическою внѣшностью;* онъ наблюдаетъ въ немъ *чисто*-поэтическій процесъ и

остается при совершенно-отвлеченномъ взглядѣ. Но попробуйте перевести слова его на болѣе-практическій языкъ и вы получите въ результатѣ, что вся эта жизнь, такъ богатая суевѣріемъ—другими словами—сначала до конца была опутана фантастическими пугалами: что человѣкъ дѣлался рабомъ призраковъ, созданныхъ его собственнымъ воображеніемъ; что онъ отказывался отъ свободной воли и отдавался подъ надзоръ и опеку» (стр. 19). Это уже обвиненіе уголовное; потому и подкладку ему найду я тоже въ какомъ-нибудь уголовьѣ, изъ котораго видно будетъ, *какъ остаюсь я доволенъ суевѣріями, при совершенно-отвлеченномъ на нихъ взглядѣ.* Говоря о томъ, какъ встарину женихъ и невѣста слюблялись заочно, никогда не видавъ другъ друга, я касаюсь, между-прочимъ, поэтическихъ причитаній въ любовныхъ чарахъ. Вотъ мои слова: «Такая заочная любовь, предпосланная знакомству жениха съ невѣстою, могла получить силу чувства не ранѣе, какъ уже на свадебныхъ церемоніяхъ; но онѣ совершались съ такими старобытными обрядами, были исполнены такого обаянія отъ могущихъ произойти чародѣйствъ, что въ самомъ зародышѣ своемъ чувство любви должно уже было раскрываться *боязливо*, будучи *запугано* мыслью, что въ ту же самую минуту какой-нибудь злой колдунъ, можетъ-быть, совершаетъ страшное чарованіе, чтобъ извести либо невѣсту, либо самого жениха. Какъ бы то ни было, но *уголовныя дѣла* XVII в. съ офиціальною точностью убѣждаютъ насъ, что *суевѣрный народъ* супружескую любовь подчинялъ дѣйствію колдовства: казалось вѣроятнымъ приворожить любовь мужа къ женѣ, чѣмъ и промышляли тогда многія колдуньи... Не удивительно, что такое *нелѣпое* выраженіе любви, какъ свидѣтельствуютъ тѣ же юридическіе акты, весьма-часто награждалось отъ мужа *побоями*» (I, 528 — 529). Въ другомъ мѣстѣ я сближаю женскія чарованія, описанныя въ пѣснѣ, съ статьею изъ «Уложенія», которая опредѣляетъ страшную казнь за такія чарованія (I, 592—593). Любопытно было бы знать, на кого вы мѣтили, когда, ради шутки, приписывали мнѣ равнодушный, *отвлеченный взглядъ* на суевѣрія, будто-бы вполнѣ-удовлетворяющія меня своею поэтическою внѣшностью? Не могли же вы не знать, что я привелъ мрачные факты, гдѣ грозятъ суевѣріямъ и побоями, и уголовными законами, и привелъ въ той же самой книгѣ, которую вы удостоили своимъ разборомъ.

Итакъ, слѣдующія ваши слова о суевѣріи какъ-бы вытекаютъ изъ приведенной мною цитаты изъ моихъ «Очерковъ»: «Кромѣ фантазіи (говорите вы, какъ бы продолжая мою рѣчь о любовныхъ чарахъ), кромѣ фантазіи, суевѣріе дѣйствуетъ и на нравственную сторону чело-

вѣка: оно запугиваетъ его, лишаетъ его нравственной энергіи и дѣлаетъ изъ него трусливаго фаталиста... которое (то-есть, суевѣріе) тяжелымъ пластомъ легло на народномъ воображеніи и положительно вредило всякому самобытному движенію его ума и нравственной силы» (стр. 19 и 20).

Касаясь древне-русскаго двоевѣрія, вы говорите: «Принявъ это двоевѣріе за принципъ, г. Буслаевъ впадаетъ *въ рѣшительно-одностороннее* объясненіе фактовъ: онъ *безусловно* защищаетъ византійское вліяніе, какъ источникъ поэзіи Патериковъ и Лимонисовъ, *не отдавъ себѣ отчета* въ другой сторонѣ его, въ его вліяніи на общественные нравы и понятія» (стр. 22). Мои слова: «Искусство византійское и древне-русское, усвоивая себѣ болѣе-и-болѣе аскетическое направленіе, *выступало даже изъ области изящнаго*, но постоянно ставило себѣ задачею правдоподобіе. *Безобразіе внѣшней формы соотвѣтствовало болѣзненному настроенію духа...* Такое *печальное* направленіе искусства *много вредило* развитію эстетическаго вкуса въ древней Руси» (II, 220). Указавъ на связь аскетическихъ типовъ отшельнической жизни съ чтеніемъ патериковъ, я тотчасъ же присовокупляю: «Нѣтъ надобности распространяться о томъ, что въ народѣ, *независимо отъ иконописи и литературы, на основѣ болѣе-свѣжихъ и живыхъ воззрѣній на природу*, господствовали другіе идеалы красоты, *болѣе-радостной* и цвѣтущей... Но наша древняя живопись была чужда этихъ *свѣжихъ* народныхъ воззрѣній» (II, 232). О вліяніи византійской литературы на жизнь: «Аскетическая, суровая жизнь Юліаніи, подъ старость переставшей ходить въ баню, неносившей въ трескучіе морозы теплой одежды, полагавшей въ сапоги, вмѣсто стелекъ, орѣховую скорлупу, *вполнѣ соотвѣтствуетъ ея тяжелымъ, темнымъ видѣніямъ*. Даже священныя лица въ ея сонныхъ мечтахъ представлялись ей *грозными, карающими*» (II, 267). О вліяніи «Пчелъ» и другихъ книгъ, перешедшихъ къ намъ изъ Византіи, на понятія о женщинѣ: «Съ одной стороны, униженіе женщины зависѣло отъ грубаго состоянія общества, а съ другой, и *грамотные люди особенно* много способствовали къ укорененію того *печальнаго, суроваго* взгляда, который въ красотѣ женщины ничего другаго не умѣлъ подмѣчать, кромѣ соблазнительной прелести, кромѣ пагубной отравы для души и т. д.» (I, 586 и слѣд.). Послѣ этихъ выписокъ, прошу васъ, прочтите еще разъ ваши обвиненія въ моей *рѣшительной односторонности, въ безусловномъ защищеніи* византійскаго вліянія, и въ томъ, что *я не далъ себѣ отчета* въ его дѣйствіи *на общественные нравы и понятія*.

Вслѣдъ за тѣмъ вы говорите: «*Забывая* послѣднее (то-есть, что

Византія неблагопріятно дѣйствовала на нравы и понятія), онъ (то-есть я) *забываетъ* весьма-важный моментъ, который кладетъ, по нашему мнѣнію, рѣзкое различіе между древнею Русью и Россіею XVII вѣка, и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаетъ эпоху и въ исторіи поэзіи. Мы уже замѣчали, что, принимая одинъ длинный, сплошной періодъ двоевѣрія, г. Буслаевъ *смѣшиваетъ* разные вѣка, очень непохожіе другъ на друга. Вѣка проходили не даромъ для Руси и въ ея поэтическихъ представленіяхъ, все, что накопилось до XVI — XVII столѣтія отъ Византіи, отъ татарскаго ига, отъ Московскаго Царства — все это до такой степени измѣняло народный характеръ, что человѣкъ XVII столѣтія вовсе не походилъ на древняго русскаго человѣка, сколько ни толкуютъ о томъ, что онъ вѣрно сберегалъ преданія, хранилъ священную старину и т. д. Въ подтвержденіе этого достаточно припомнить взглядъ народа на его собственную народную особенность. Извѣстно, какъ исключителенъ былъ этотъ взглядъ въ позднѣйшее время старой Россіи: національная нетерпимость доходила до крайняго предѣла, почти до китайства... съ недовѣріемъ смотрѣли на иностранцевъ, отъ которыхъ могла идти одна *прелесть* (въ дурномъ смыслѣ) и пагуба. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что древнѣйшая Русь не имѣла подобной исключительности... У насъ еще мало оцѣнена эта историческая разница понятій» (стр. 22). Вовсе не имѣя притязаній на то, чтобъ я что-нибудь въ исторіи русской жизни и поэзіи окончательно опредѣлилъ и оцѣнилъ, все же позволяю себѣ еще разъ быть соучастникомъ въ этихъ мнѣніяхъ, которыми, будто забавляясь, вы бросаете въ меня, будто какими изобличеніями во лжи и отсталости. Вотъ вамъ факты и соображенія изъ моихъ «Очерковъ». Для ясности ваши обличенія приведу въ историческій порядокъ.

Древнѣйшая Русь не имѣла вредной исключительности въ-отношеніи къ иностранному, то-есть западному. Мои слова: «*Сочувствіе* свое *къ нѣмцамъ* и *уваженіе* къ ихъ благороднымъ качествамъ смольняне ничѣмъ лучше не могли засвидѣтельствовать, какъ *признаніемъ нѣмецкаго происхожденія* въ своемъ великомъ героѣ и защитникѣ. Если Ростовъ, грустно примиряясь съ татарщиной, составлялъ легенду о татарскомъ царевичѣ Петрѣ, то Смоленскъ, *съ надеждою обращавшій взоры на западъ Европы*, хотя и безсознательно, *превознесъ въ своемъ героѣ плоды западнаго просвѣщенія*, и противопоставилъ его восточному насилію и варварству (II. 197)». Мое соображеніе можетъ быть ложно въ примѣненіи къ Смоленску и къ Меркурію смоленскому, но вообще оно вполнѣ вытекаетъ изъ вашего мнѣнія, которымъ вы въ моемъ лицѣ кого-то поражаете—именно того мнѣнія, что *древнѣй-*

шая Русь не имѣла исключительности въ-отношеніи къ треклятому Западу. Еще мои слова: «Заслуживаетъ вниманія *для исторіи образованія древней Руси* то обстоятельство, что Авраамій смоленскій между монашествующими *нашелъ себѣ сочувствіе въ человѣкѣ, прозваніе котораго изобличаетъ въ немъ западное происхожденіе*, именно въ Лукѣ Прусинѣ (II, 118)».

Сколько мрачнаго накопилось отъ татарскаго ига въ нравственныхъ основахъ русской жизни, показано мною въ разборѣ ростовской легенды (II, 159 и слѣд.).

Вы утверждаете, что я *забываю весьма-важный моментъ, который кладетъ*—будто бы только по *вашему* мнѣнію—рѣзкое различіе между древнею Русью и Россіей XVII вѣка. Моментъ этотъ, указанный вами глухо, въ моихъ «Очеркахъ» обозначенъ московщиной XVI вѣка. Съ этой цѣлью я помѣстилъ главу *о Новгородѣ и Москвѣ* (II, 269 и слѣд.). Національная нетерпимость, доходящая до китайства, мною указана въ «Стоглавѣ», о которомъ я говорю слѣдующее: «Лучшимъ доказательствомъ и этого *разъединенія духовныхъ интересовъ древней Руси на самомъ дѣлѣ*, и этого теоретическаго возведенія ихъ къ одному началу, служитъ замѣчательнѣйшій памятникъ нашей словесности половины XVI вѣка, именно «Стоглавъ», который своимъ враждебнымъ отношеніемъ ко всему тогдашнему быту достаточно свидѣтельствуетъ о томъ, что уже *въ себѣ самомъ* носитъ онъ явственные признаки того *болѣзненнаго разъединенія* древней Руси, которое удачно выражается словомъ *расколъ* и отъ котораго уже и въ XVI вѣкѣ не могло спасти вашихъ предковъ *сентиментальное обращеніе* къ идеальной старинѣ, приведшее, какъ извѣстно, только къ *старовѣрству* (II, 332)». Вѣроятно, вы имѣли эти же самыя основанія, когда съ такимъ же презрѣніемъ, какъ и я, намекнули на тѣхъ близорукихъ старовѣровъ, которые *сентиментально* толкуютъ, что русскій человѣкъ XVII столѣтія *вѣрно сберегалъ преданія, хранилъ священную старину и т. д.* Какъ бы слѣдуя шагъ за шагомъ за вашими обличеніями, о вѣрованіяхъ XVII вѣка я говорю по случаю раскольничей былины объ осадѣ Соловецкаго Монастыря: «Само-собою разумѣется, что пѣвецъ этой былины и его слушатели, точно также, какъ и соловецкіе старцы-раскольники временъ Алексѣя Михайловича, имѣли *самое грубое понятіе о старой, правой вѣрѣ*, ограничивая ее старопечатными книгами и *безсмысленно* противополагая ее *какой-то вѣрѣ новой и неправой* (I, 433)».

Что же касается до византійской учености *въ тотъ важный моментъ*, который, по вашему увѣренію, я *забываю*, то о ней, по случаю дѣла

о Висковатомъ, я говорю такъ: «*Θеологическія тонкости*, которыя для Висковатаго и его современниковъ казались дѣломъ первой важности, въ настоящее время *далеко уступаютъ въ своемъ значеніи* интереснѣйшимъ подробностямъ археологическимъ... Безъ этихъ подробностей самый розыскъ, *только съ его схоластической стороны*, *даже не заслуживалъ бы особеннаго вниманія* въ глазахъ историка, слѣдящаго за *дѣйствительнымъ* развитіемъ идей въ древней Руси. Этотъ розыскъ не прибавилъ бы ничего новаго, даже *ничего утѣшительнаго* (II, 282—3)». «Въ старину дьяка Висковатаго обнесли-было именемъ иконоборда. Изъ розыска явствуетъ, что онъ, напротивъ, свято чтилъ иконы, *но придерживался восточной старины*, *противъ нововведеній*. Онъ былъ своего рода *старовѣръ*. Потому, сочувствуя его стремленіямъ къ истинѣ, *историкъ едва-ли одобритъ самое направленіе этихъ стремленій*, *и едва-ли не отдастъ предпочтеніе его противникамъ*, которыхъ воззрѣнія, *болѣе просвѣщенныя*, открывали *болѣе широкое поприще* успѣхамъ древне-русскаго искусства (II, 323)». Итакъ, я не нахожу никакого прока и ничего утѣшительнаго въ византійской схоластикѣ; въ Висковатомъ вижу слѣпаго приверженца восточныхъ, то-есть византійскихъ началъ, и называю его старовѣромъ, и въ-заключеніе отдаю *рѣшительное предпочтеніе* врагамъ Висковатаго, которые стояли за европейское, западное вліяніе на русское искусство XVI вѣка. А вы говорите обо мнѣ вотъ что: «Съ своей *обыкновенной* точки зрѣнія г. Буслаевъ *защищаетъ* и перешедшее къ намъ византійское искусство (стр. 25)», и еще съ наддачею нѣкотораго внушенія: «Возвышая литературное вліяніе византійскихъ источниковъ, г. Буслаевъ *положительно не правъ* тѣмъ, что *забываетъ* другое ихъ вліяніе, дѣйствовавшее на нравы и общественныя понятія народа. Литературное вліяніе вообще нельзя понимать отдѣльно, какъ что-то независимое отъ другихъ сторонъ народной мысли: если оно дѣйствуетъ уже очень-замѣтно, это значитъ, что въ понятіяхъ произошла перемѣна. Такую нравственную перемѣну произвело въ древней Руси и византійское вліяніе, котораго истинная оцѣнка, во всемъ объемѣ его дѣйствія, опредѣлитъ иначе и литературную услугу Византіи, такъ *высоко поставленную* г. Буслаевымъ (стр. 24)». Услугу Византіи въ дѣлѣ Висковатаго я называю *неутѣшительною* и не одобряю *стремленій* этого старовѣра, опредѣляемыхъ θеологическими тонкостями византійской литературы. Что же касается до *темной стороны* вліянія византійскаго на нравы, то объ этомъ была уже рѣчь прежде, и потому мнѣ вполнѣ пріятно видѣть въ вашемъ внушеніи одобреніе моего собственнаго убѣжденія, что *литературное вліяніе вообще нельзя понимать*

отдѣльно, какъ что-то независимое отъ другихъ сторонъ народной мысли.

Но довольно. Мнѣ наскучило подкладывать изъ «Историческихъ Очерковъ» уже готовыя оправданія подъ ваши нападенія на какого-то фантастическаго старовѣра, котораго вы поражаете въ моемъ лицѣ. Ясно, что мы съ вами вмѣстѣ преслѣдуемъ этого варвара.

Теперь перемѣнимъ тонъ диспута. Вы будете искать въ моихъ очеркахъ того, чего я вовсе и не хотѣлъ и не умѣлъ дать. Я изслѣдую нѣкоторыя, доселѣ еще необъясненныя стороны русской старины и народности, и по возможности предлагаю по частямъ разныя данныя для объясненія этого предмета. Я могъ сдѣлать сотни ошибокъ въ своихъ изслѣдованіяхъ, но я оставался вѣренъ своей цѣли—объяснить доселѣ необъясненное, или же, всего чаще, по разнымъ доселѣ неизданнымъ памятникамъ сообщить новые матеріалы для соображенія будущимъ изслѣдователямъ. Нѣкоторые вопросы только еще затронуты, другіе требуютъ множества новыхъ, доселѣ еще неотъисканныхъ данныхъ для удовлетворительнаго рѣшенія. Вообще наша народность и старина открываются еще только по частямъ, безъ связи въ цѣломъ, для котораго еще не достаетъ множества матеріаловъ и спеціальныхъ изслѣдованій. Ясно, слѣдовательно, что послѣднихъ результатовъ по этому предмету я и не хотѣлъ да и не умѣлъ дать. Моя цѣль состояла въ *теоретическомъ* изученіи фактовъ, а иногда даже только въ приведеніи ихъ въ извѣстность.

Напротивъ того, вы стараетесь на каждомъ излагаемомъ мною фактѣ вывесть меня, что называется, на чистую воду, *на приложеніе къ практикѣ*. Говорю ли я суевѣріяхъ — вы ждете, чтобъ я разразился филиппикою противъ вреда ихъ въ нравственномъ, *практическомъ* отношеніи: но согласитесь, что вы же сами бы стали смѣяться надо мною, еслибъ я вздумалъ проповѣдывать такія новыя истины, вошедшія даже въ дѣтскія прописи, какъ напримѣръ: суевѣрія вредны, они задерживаютъ успѣхи образованности, они даже богопротивны и т. д. Касаюсь ли я византійскихъ источниковъ, и когда всего больше хлопочу о приведеніи ихъ въ извѣстность, а вы требуете, чтобъ я прежде всего указалъ ихъ *практическій* вредъ. Но кто же не знаетъ, сколько вреда принесла намъ исключительная, восточная односторонность древне-русскихъ книжниковъ? Вѣдь и эта истина стала общимъ мѣстомъ всевозможныхъ обличеній русской старины и народности. Я хотѣлъ относиться къ старинѣ безпристрастно и не горячился противъ византійства по самой простой причинѣ,

потому именно, что не имѣлъ я и не могъ имѣть къ нему никакихъ личныхъ отношеній, изучая вопросъ *только теоретически.*

Во всякомъ историческомъ явленіи можно открыть и дурную и хорошую сторону. Дурныя стороны суевѣрій, народной грубости и византійства—предметъ до того истертый и истасканный, что гдѣ не встрѣтишь его, въ любой обличительной статейкѣ? Но время, ведущее къ лучшему, примиряетъ съ прошедшимъ зломъ, и историкъ имѣетъ право попытаться въ темномъ явленіи прошлой жизни открыть и лучшую сторону. Онъ можетъ ошибиться въ своихъ *теоретическихъ* наблюденіяхъ: но зачѣмъ же вы навязываете ему какія-то *практическія тенденціи?*

На 2-й же страницѣ своей критики вы говорите: «Долгое изученіе оставило въ немъ (т. е. во мнѣ) обыкновенное пристрастіе ученаго; народность и ея поэзія стали въ глазахъ его чѣмъ-то идеальнымъ, и этотъ идеалъ желаетъ онъ *поднять* и въ глазахъ другихъ, и *какъ-будто* хочетъ дать ему *практическую силу*, хотя самый предметъ не даетъ для этого достаточныхъ основаній.» Я скажу больше; для этой *практической силы* недостаетъ еще *теоретической* подготовки, то-есть, самыхъ знаній. Что же касается до моего *желанія поднять идеалъ народности въ глазахъ другихъ*, то, пожалуйста, снимите съ меня такую щекотливую навязчивость, потому-что она оскорбляла бы національное чувство русскихъ людей. Что я за возстановитель *падшаго* кумира русской народности? Вы ко мнѣ немножко пристрастны, и видите во мнѣ больше, нежели каковъ я на-самомъ-дѣлѣ. Впрочемъ, вмѣняю себѣ въ обязанность благодарить васъ за лестное обо мнѣ мнѣніе. Не могу также съ особеннымъ чувствомъ признательности не замѣтить, что вы только *по вѣроятности*, по одному только *предположенію* видите во мнѣ преступныя посягательства на *практичность* моихъ соображеній; потому-что вы говорите, что я *какъ-будто* хочу дать національному идеалу практическую силу, слѣдовательно вы не допускаете рѣшительно и категорически такой во мнѣ смѣшной тенденціи.

Впрочемъ, очевидно, вамъ хотѣлось бы поймать меня на какой-нибудь нелѣпости именно въ *практическомъ* отношеніи, то-есть, въ примѣненіи даже къ современнымъ нуждамъ и потребностямъ. Напримѣръ, о народныхъ книгахъ съ картинками я говорю, что онѣ приличны неразвитому состоянію нравовъ и образованности, что дѣтскому возрасту соотвѣтствуетъ средневѣковой обычай украшать рукописи миньятюрами, что наше простонародіе и доселѣ слѣдуетъ этому обычаю, и что изданіе какого-нибудь издавна-принятаго и уворе-

нившагося въ народѣ сочиненія—«съ рисунками по старинныхъ миньятюрамъ *могло бы, кажется*, быть самою популярною на Руси книгою» (II, 213). Противъ этого послѣдняго предположенія, выведеннаго изъ несомнѣннаго историческаго факта, вы говорите: «Точно также, какъ прошло время народной поэзіи, такъ прошло оно и *для другихъ направленій народной мысли;* если есть уже симптомы, что они также кончаются, безполезно будетъ *подогрѣвать ихъ искусственными средствами*. Г. Буслаевъ самъ, однако, *вовсе не свободенъ отъ тѣхъ пристрастій* къ старинѣ, которыя мы указали: *онъ находитъ*, напримѣръ, что старинныя «толковыя» книги съ картинками могли бы еще быть очень популярны и въ наше время; но стоитъ ли *возвращать* ихъ народу—вотъ вопросъ. Мы думаемъ, что не стоитъ» (стр. 33). И такъ, моему заявленію историческаго факта даете вы оборотъ практическій; но извините, если я позволю себѣ выразить свое недоумѣніе о непрактичности вашего, казалось бы, практическаго вывода. Можно ли *возвращать* народу то, что и безъ того у него въ рукахъ? Статистика книжной торговли неопровержимыми цифрами докажетъ вамъ вѣрность высказаннаго мною историческаго факта. Зачѣмъ тутъ *подогрѣванье искусственными средствами*, когда народъ крѣпко стоитъ на этомъ фактѣ вслѣдствіе своего историческаго развитія? И что помогутъ *искусственныя средства сентиментальнаго подогрѣванья*, когда не помогли разожженные костры, на которыхъ сожигали въ XVII и XVIII вѣкахъ праотцовъ и коноводовъ современнаго грамотнаго простонародья? Нѣтъ, трудно въ простой народъ соваться съ своими практическими видами на просвѣщенье. Въ непризванныхъ просвѣтителяхъ онъ привыкъ видѣть только земскій судъ, передъ которымъ является онъ для одной расправы. И такъ, вопросъ не въ томъ, стоитъ ли возвращать упомянутыя книжицы народу и стоитъ ли радоваться или жалѣть, что онѣ въ немъ обращаются въ тысячахъ экземпляровъ. Что касается до меня, то когда я изучаю историческій фактъ, стараюсь воздерживать себя и отъ радости, и отъ сожалѣнія, чтобъ не быть смѣшнымъ въ собственныхъ глазахъ своихъ.

Но будемъ продолжать диспутъ далѣе. Тотчасъ же вслѣдъ за возвращеніемъ народу разныхъ книжицъ, которыя онъ и безъ насъ хорошо знаетъ, вы укоряете меня въ другой практической тенденціи зловреднаго качества. Вы говорите: «Старинная борода также нашла защитника въ г. Буслаевѣ: *мы ничего противъ этого не имѣемъ, и сами готовы были бы защищать ее*, но только не въ качествѣ старциннаго «иконописнаго подобія», которое такъ цѣнитъ въ ней г.

Буслаевъ, а *просто какъ весьма естественную принадлежность мужскаго лица»* (стр. 33). Здѣсь ужь мы съ вами такъ расходимся, что едва-ли сведемъ концы съ концами.

Дѣло вотъ въ чемъ. Мнѣ пришла въ голову мысль, можетъ-быть, странная, изложить по древнимъ памятникамъ характеристику бороды въ отношеніи иконописномъ. Въ этой характеристикѣ вздумалъ я слѣдовать методѣ Винкельманна, который во всей подробности разбираетъ черты лица, складъ всей фигуры, прическу и одежду классическихъ типовъ. Можетъ быть, я профанировалъ имя великаго ученаго, начавъ свою статью о *варварской* бородѣ намекомъ на его *классическія* характеристики. Но вы хорошо знаете, что моя цѣль состояла въ сообщеніи сколько возможно больше фактовъ по предмету, мною избранному. Это—изслѣдованіе чисто археологическое, далекое отъ всякихъ практическихъ замысловъ. И какая тутъ можетъ быть практика? Однако, оставивъ въ сторонѣ вопросъ археологическій, то-есть, какъ бы не желая знать всего содержанія моей статьи, вы, съ точки зрѣнія *только практической,* изъявляете желаніе сами защищать бороду, но только не въ археологическомъ отношеніи, а *какъ весьма естественную принадлежность мужскаго лица.* Но, скажите на милость, касается ли это дѣло насъ, скромныхъ кабинетныхъ ученыхъ? Предоставьте объ этомъ заботиться картинкамъ парижскихъ модъ да парикмахерамъ.

Вотъ куда ведетъ поддерживаемое вами практичное направленіе. Не потому ли развѣ воздвигаете вы такое сильное ополченіе противъ моей скромной статьи, что я назвалъ бороду *иконописнымъ подобіемъ*? По-крайней-мѣрѣ этимъ выраженіемъ энергически бросаете вы въ меня. Можетъ быть, я ошибся въ чистотѣ слога и употребилъ это выраженіе гдѣ-нибудь некстати; но я не думаю, чтобъ вы стали ловить меня на словахъ. Назвалъ же я бороду *иконописнымъ подобіемъ* потому, что говорилъ о ней только въ *иконописномъ* отношеніи, точно также, какъ вы просто, по другимъ, *практическимъ* содержаніямъ, почитаете ее естественною принадлежностью мужскаго лица, или какъ героини комедій Островскаго величаютъ ее мочалкою, божьимъ волосомъ и другими прозвищами.

Позвольте еще разъ обратиться къ вашему возраженію на мою несчастную статью. Положимъ, вы только для шутки дали оборотъ дѣлу самый нелитературный; но зачѣмъ вы такъ рѣшительно говорите, что *старинная борода нашла защитника въ г. Буслаевѣ.* Писать о чемъ нибудь-ученое изслѣдованіе не значитъ *защищать* предметъ этого изслѣдованія. Не потому ли ужь вы видите во мнѣ

потворщика суевѣріямъ, что я такъ много писалъ о нихъ? Вотъ недавно я напечаталъ статью о бѣсахъ: стало быть и ихъ защищаю я? или, ради практической пользы, изгоняю? Помилуйте, наше ли дѣло заниматься такими пустяками!

Ваше голословное утвержденіе, что я *защищаю старинную бороду* такъ меня озадачило, что даже я повѣрилъ, ужь не въ самомъ ли дѣлѣ дошелъ я до такой пошлости. Однако, на-повѣрку оказались вотъ какія данныя въ моихъ «Очеркахъ»: «Поставивъ видимымъ символомъ человѣческой красоты бороду, иконопись тѣмъ самымъ низвела красоту женскую на самую низшую степень внѣшняго благообразія... Наши древніе иконописцы въ красотѣ женской видѣли *признакъ рабства и покорности мужской силѣ, которую ознаменовали они себѣ бородою*. Женщина, сколь прекрасна ни была она, должна была, *по этому наивному воззрѣнію,* завидовать красотѣ мужчины, сожалѣть и оплакивать свою судьбу, что по самой природѣ своей лишена она лучшаго на землѣ украшенія — бороды. *Какъ ни странны такія понятія*, но дѣйствительно надобно войти въ нихъ, чтобъ *по достоинству оцѣнить* всѣ тѣ мелочныя подробности, съ какими описывается въ подлинникахъ борода. Надобно было войти во вкусъ этихъ *наивныхъ* эстетическихъ представленій, чтобъ *серьёзно* постановить цѣлью искусства изображать бороду, то космачками, съ тремя или пятью, то разсохату, тупую, въ наусіи, раздвоенную и проч.» (II, 229). Безъ-сомнѣнія, я очень-неискусно выразилъ здѣсь свою иронію, потому-что вы приняли ее за похвалу бородѣ; и мнѣ крайне-совѣстно, что, для объясненія своихъ неискусныхъ характеристикъ, я долженъ прибѣгать къ смѣшнымъ средствамъ варварскихъ временъ, когда усердные маляры надъ путаницею своего малеванья для ясности подписывали: *это человѣкъ, а это медвѣдь*. Такъ и я увѣряю васъ, что это *иронія*, а не *защита* бороды. Впрочемъ, не основываясь на этой двусмысленной путаницѣ, въ которой иронію можно принять за похвалу, вы могли бы найти въ моей статьѣ и болѣе-опредѣленныя выраженія, изъ которыхъ видно, какъ плохо защищаю я старинную бороду. Напримѣръ: «Эта характеристическая особенность художественнаго типа (то-есть борода), которою мы думали восполнить эстетическій идеалъ, мастерски-начертанный Винкельманомъ по памятникамъ античной скульптуры, *стала безсмысленнымъ знаменіемъ всякаго нравственнаго коснѣнія и раскола*» (II, 236).

Но довольно о бородѣ. Вслѣдъ за обвиненіемъ меня въ раскольничьей защитѣ бороды, вы взводите на меня еще пущее обвиненіе. Почитая, какъ и слѣдуетъ, практическій вопросъ о бородѣ пустяками,

вы продолжаете: «Но *возвращеніе* старыхъ книгъ есть уже *дѣло серьезное;* отъ него уже недалека дорога къ вредному *старовѣрству*... Искусственная археологія, *пущенная въ народъ*, можетъ быть истиннымъ вредомъ для него, когда есть средства дать его мысли болѣе положительное содержаніе, особенно, если эта археологія теряетъ свой авторитетъ и въ его глазахъ» (стр. 33). Это продолженіе прежней исторіи о народныхъ книгахъ. Вы смотрите на вопросъ съ точки зрѣнія практической и желали бы видѣть въ рукахъ простолюдина хорошую исторію или географію — въ добрый часъ! Давайте народу такія книги, если онѣ есть; и если будутъ онѣ понятны и пригодны, то и безъ вашего содѣйствія народъ самъ усвоитъ себѣ и распространитъ ихъ; но я вполнѣ убѣжденъ, что *ни возвращать, ни пускать* въ народъ что-нибудь *насильственно* ни подъ какимъ условіемъ невозможно. Главная наша бѣда въ томъ, что всякій, надѣвшій на себя нѣмецкій кафтанъ, не иначе умѣетъ относиться къ русскому простонародью, какъ въ грозныхъ формахъ становаго пристава, даже въ такомъ мирномъ дѣлѣ, какъ народное просвѣщеніе. Народная книга, вѣдь, не какая-нибудь подъяческая повѣстка, которую можно *пустить въ ходъ*. Конечно, дѣлаетъ честь вашему доброму сердцу опасеніе, чтобъ какая-нибудь старая книжица, *пущенная въ народъ* искусственною археологіею, не надѣлала ему *истиннаго вреда:* но будьте увѣрены, что народъ не приметъ ничего такого, что̀ ему не нужно, а доро̀гу къ старовѣрству онъ нашелъ и безъ нашей помощи.

Вотъ именно здѣсь-то и надобно разрѣшить одно недоразумѣніе между нами. Въ своихъ «Очеркахъ» я часто упоминаю о *вредномъ разрывѣ* между старою Русью и новою, между русскою національностью и европейскимъ образованіемъ. Вы говорите: «Г. Буслаеву этотъ разрывъ кажется «печальнымъ», *вѣроятно*, на томъ же основаніи, по которому *другіе любители старины* сожалѣютъ, что никакое преданіе не связываетъ древней литературы съ новой, что послѣдняя совершенно отказывается отъ своихъ древнихъ идеаловъ и, вслѣдствіе того, перестала быть русской и національной... Если этотъ разрывъ «печаленъ», то сожалѣніе должно относиться не къ литературѣ новаго времени, будто бы потерявшей народныя свойства, а къ одной старинѣ, которой горизонтъ былъ такъ узокъ, что не давалъ видѣть ничего новаго» (стр. 21—22).

Недоразумѣніе произошло отъ того, что по одной только *вѣроятности* вы окунули меня въ мутную лужу славянофильства, и мои сожалѣнія о печальномъ разрывѣ между стариною и новизною поняли только въ смыслѣ недовольства новою литературою. Сожалѣнія мои,

также, какъ и ваши, обращены къ старинѣ, которая доселѣ во очію наводняетъ крещеную Русь темнымъ невѣжествомъ: и это именно потому, что вотъ уже цѣлыя полтораста лѣтъ прошло, какъ русскихъ преобразовалъ Петръ-Великій, а и до-сихъ-поръ наше европейское просвѣщеніе не умѣло дать народу такихъ толковитыхъ исторій и географій, о которыхъ вы филантропически мечтаете. Какъ же, въ-самомъ-дѣлѣ, не жалѣть нашу окаменѣлую старину, когда мы, люди образованные, читаемъ и Гёте и Диккенса, наслаждаемся Рафаэлемъ и Моцартомъ и пользуемся всѣми плодами цивилизованной европейской мысли? А между-тѣмъ, въ ожиданіи какой-то толковитой географіи, вы желали бы, въ видахъ прогреса, остановить въ обращеніи народномъ старинныя народныя книги. Зачѣмъ намъ, людямъ ученымъ, входить въ эти дрязги? и безъ насъ много охотниковъ истреблять всякую зловредную книжную старину. Пусть Скалозубы, для пресѣченія всякаго зла, изъявляютъ похвальное рвеніе: собрать всѣ книги, да и сжечь... Нѣтъ, практика дѣло самое щекотливое. И только въ письмѣ къ вамъ, изъ вѣжливости, касаюсь я этого противнаго для меня предмета.

Но, къ-несчастію, мы еще не покончили съ практикой. Вы бросаете на меня сильное подозрѣніе, будто я желалъ бы дать новое направленіе современной русской живописи, именно въ ея религіозномъ стилѣ. Вы говорите: «Онъ (то-есть я) признаетъ далѣе, что современная образованность потеряла религіозное вдохновеніе и забыла тѣ идеалы, во имя которыхъ возможно было «стремленіе къ чистой красотѣ благочестиваго религіознаго стиля»... *Мы не совсѣмъ понимаемъ* (продолжаете вы послѣ краснорѣчиваго многоточія) это нѣсколько темное опредѣленіе тѣхъ *отношеній, которыя бы могли быть между старымъ и новымъ искусствомъ*, но во всякомъ случаѣ, г. Буслаевъ крѣпко стоитъ за идею стариннаго искусства, изученіе котораго, по словамъ его, могло бы быть поучительно для современныхъ художниковъ» (стр. 27). Напротивъ, я положительно и ясно отстраняю отъ себя практическій вопросъ: «Состоится ли на самомъ дѣлѣ, то-есть *на практикѣ*, это желанное возрожденіе древне-русскаго искусства, даже *возможно ли и естественно ли это*, можетъ-быть, *уже насильственное возстановленіе замирающей старины?* — вопросы, рѣшеніе которыхъ принадлежитъ будущему» (II, 331). Кажется, довольно этихъ словъ, чтобъ не упрекать меня въ преступныхъ замыслахъ овандалить русскую живопись позднѣйшей академической школы. Ясно также и то, что я не вижу никакихъ *отношеній между нашимъ старымъ и новымъ искусствомъ*, слѣдовательно, *вы и не могли понять* опредѣ-

ленія этихъ отношеній по той только причинѣ, что я не даю опредѣленія тому, чего нѣтъ на самомъ дѣлѣ; а что касается моей, можетъ-быть, витіеватой фразы о *стремленіи къ чистой красотѣ благочестиваго религіознаго стиля* и проч., то я переведу ея на болѣе практическій языкъ: новое академическое искусство вовсе неспособно къ религіозной живописи, при всѣхъ, однако, успѣхахъ его въ другихъ отношеніяхъ. Можетъ-быть, это такъ и нужно, согласно послѣдовательному развитію художественныхъ идей. Но я опять намекну на *печальный* разрывъ между національною стариною и западною новизною, и опять, выражаясь вашими же словами, *сожалѣніе это должно относиться къ старинѣ*, которая до-сихъ-поръ снабжаетъ русскій людъ на ростовской ярмонкѣ цѣлыми возами суздальскихъ издѣлій, изъ которыхъ за иныя простой мужичокъ платитъ по сорока и пятидесяти рублей за штуку. Можете сами навести справку объ этой интересной торговлѣ у оптовыхъ торговцевъ.

Для этого разрыва между суздальскимъ и академическимъ вкусомъ не даромъ прошло полтораста лѣтъ со временъ преобразованія. Всѣ счеты уже покончены и примиренія не воспослѣдовало; а что̀ будетъ впередъ — вопросъ, рѣшеніе котораго принадлежитъ будущему, какъ уже я опредѣлительно выразился въ приведенной мною цитатѣ. Впрочемъ, я не отказываюсь отъ твердаго моего убѣжденія, что изученіе стариннаго искусства можетъ быть поучительно для современныхъ художниковъ. Не могутъ же они отказаться отъ изученія своей народности, а иконопись — одно изъ крупныхъ явленій ея. Для пособія въ этомъ изученіи я старался по различнымъ редакціямъ опредѣлить составъ и смыслъ иконописныхъ подлинниковъ; причемъ я пользовался рукописями даже отъ современныхъ иконописцевъ, которые справляются съ ними на практикѣ. Но мое дѣло было чисто-теоретическое; я издавалъ то, чего не было издано, потому я вполнѣ убѣжденъ, что выстрѣлъ, которымъ вы заключаете свою критику, не въ меня былъ намѣченъ: «Тѣмъ хуже для тѣхъ (говорите вы), кто возвращается къ народу *съ пустыми руками, съ той-же стариной, съ подкрашеннымъ семнадцатымъ вѣкомъ*—когда онъ ищетъ здоровой, сознательной мысли» (стр. 34).

Съ точки зрѣнія теоретической возможно не *возвращеніе* къ народу съ пустыми или не съ пустыми руками, а просто *изученіе* его: и я глубоко убѣжденъ, что только тогда полезно будетъ для народа просвѣщенное содѣйствіе нашей образованности, когда она сама покороче познакомится съ нравами, обычаями и нуждами народа. А это время еще не приспѣло, потому-то еще нѣтъ и тѣхъ толковитыхъ

географій, которыми вы мечтаете замѣнить въ народѣ старинныя книжицы. Итакъ, я полагаю, что *съ пустыми руками* подошелъ бы къ народу только тотъ, кто, отваживаясь на скороспѣлую практику, рѣшился бы дать народу что-нибудь, не справившись предварительно съ его потребностями. А эта справка — есть теоретическое изученіе.

Теперь два слова о *подкрашенномъ семнадцатомъ вѣкѣ*. Вопервыхъ, я думаю, что его вовсе ненужно и подкрашивать; по-крайней-мѣрѣ въ отношеніи иконописи, достаточно для народной потребы онъ самъ себя подкрасилъ усвоеніемъ многихъ западныхъ элементовъ, какъ это показано мною по памятникамъ въ главѣ о *русской эстетикѣ XVII вѣка*, а также въ изслѣдованіяхъ о подлинникахъ. Вовторыхъ, я еще разъ протестую противъ вашихъ подозрѣній, вовсе съ моей стороны незаслуженныхъ. Вы говорите: «г. Буслаевъ раздѣляетъ вообще симпатіи нынѣшнихъ дилеттантовъ и историковъ искусства къ старой итальянской школѣ и *особенно къ Беато Анджелико*. Этотъ знаменитый теперь флорентинецъ дѣйствительно былъ замѣчательнымъ явленіемъ для XV вѣка, но *мы не находимъ особенно разумнымъ*, чтобъ новѣйшіе художники, которымъ рекомендуютъ *для поученія* старую живопись, пріобрѣли отъ него только *подслащенный* піэтизмъ и подарили насъ новой школой *во вкусѣ Овербека*» (стр. 27). Надѣюсь, что всю эту пошлость поклонниковъ Овербека вы не взваливаете на мои плечи вмѣстѣ съ другими дилеттантами, но вы начинаете моимъ именемъ и бросаете такимъ образомъ сильную тѣнь на мои эстетическія воззрѣнія. Разберу ваше обличеніе по пунктамъ.

Вопервыхъ, откуда могли вы заключить о моей симпатіи къ Овербеку? Помнится, ни одного разу я не упомянулъ даже его имени въ моихъ «Очеркахъ», а случаевъ для этого было много, почти всегда, какъ я обращаюсь къ благочестивому стилю старины. Ясно, слѣдовательно, что я небольшой охотникъ до *подслащеннаго піэтизма*.

Вовторыхъ, почему вы ограничиваете мой вкусъ однимъ Беато Анджелико? Я такую же честь воздаю и Чимабуэ и Перуджино; даже въ старинныхъ нѣмецкихъ и голландскихъ гравюрахъ вижу прокъ для русской иконописи XVI и XVII вѣковъ, какъ это, вѣроятно, вы и просматривали на 328, 381, 382 и на другихъ страницахъ 2-го тома моихъ «Очерковъ». Итакъ, кругъ моихъ историческихъ соображеній о русской иконописи въ-отношеніи западныхъ элементовъ гораздо-шире сантиментальныхъ симпатій къ одному только Беато Анджелико.

Втретьихъ, слѣдовательно, я раздѣляю симпатіи и не къ одной старой итальянской живописи. Нѣмецкая гравюра школы Альбрехта Дюрера оказала неоспоримое вліяніе на русскую иконопись XVII вѣка,

какъ объ этомъ не однажды говорится въ моихъ «Очеркахъ». Даже то сочувствіе, съ которымъ я говорю о *Конѣ Смерти* Альбрехта Дюрера и о *Пляскѣ Смертей* Гольбейна, избавляетъ меня отъ исключительной школы подслащеннаго піэтизма во имя знаменитаго Беато Анджелико (I, 632—635).

Ужь не этимъ ли *подслащеннымъ піэтизмомъ*, думали вы, хочу я *подкрасить* семнадцатый вѣкъ? Безъ сомнѣнія, вы мѣтили въ когонибудь другаго, но ошибкою попали въ меня. По-крайней-мѣрѣ, позвольте мнѣ ужь и этотъ выстрѣлъ принять на свой счетъ. Одною пошлостью на плечахъ больше или меньше—все-равно. Если, по вашему увѣренію, я *восхищаюсь отвратительнымъ*, то какъ же мнѣ не *подслащивать* это отвратительное на потребу современности? Вотъ ваши собственныя слова: «Вспомнимъ тѣ ужасные, отвратительные образы, которые представляетъ авторъ «Соломоніи», одной изъ повѣстей, изданныхъ г. Костомаровымъ: здѣсь уже кончается поэзія, и фантазія писателя интересна уже *въ патологическомъ*, а не въ литературномъ отношеніи. *Въ этомъ смыслѣ* древняя поэзія наша, которою *такъ восхищается* г. Буслаевъ, очень-часто оказывала весьма-плохія услуги народному развитію» (стр. 19 — 20). Можетъ-быть, въ *практическомъ* отношеніи, для русской народности дѣйствительно нужны операторы, въ родѣ тѣхъ, которые избавляли крещеную Русь отъ Аввакумовъ, Лазарей и другихъ пустосвятовъ: но этотъ вопросъ вовсе не входитъ въ кругъ моихъ изслѣдованій. Онъ дѣйствительно уже патологическій; а я занимаюсь только литературою и искусствомъ, да и то восхищаюсь, по вашему убѣжденію, болѣзненнымъ и отвратительнымъ: то какой же я могу быть указатель при рекомендуемыхъ вами практическихъ ампутаціяхъ?

Вотъ именно теперь-то я могу объяснить себѣ еще одну пошлость, которою щедро награждаете меня. Не однажды увѣряете вы, что я *занимаюсь искусствомъ для искусства*. Вотъ ваши слова: «Изучать однѣ поэтическія формы, разбирать однѣ художественныя черты—словомъ *заниматься искусствомъ для искусства*, можетъ-быть, очень-пріятно и интересно въ эстетическомъ отношеніи, но *очень-недостаточно для историческаго рѣшенія*» (стр. 20). Въ другомъ мѣстѣ эту пошлость прямо приписываете мнѣ: «мы не думаемъ, чтобъ г. Буслаевъ, *при всей привязанности къ народному искусству для искусства*, согласился на жертвоприношеніе личностью» (стр. 30). По-крайней-мѣрѣ благодарю васъ искренно и за то, что вы не считаете меня способнымъ на преступленія. Примите при этомъ случаѣ мое искреннее увѣреніе, что я питаю непреодолимое отвращеніе къ *жер-*

твоприношенію какою бы то ни было личностью, даже и тогда, еслибъ она была заражена тѣми патологическими симптомами, которые вы умѣете подмѣчать.

Но обратимся *къ искусству для искусства*. Этотъ пошлый принципъ всегда былъ мнѣ ненавистенъ. Представьте же мое недоумѣніе, когда я увидѣлъ, что въ немъ-то вы меня и обличаете. Между-тѣмъ, на повѣрку выходитъ, что я вездѣ веду исторію искусства и поэзіи въ связи съ жизнью, даже полемизирую съ тѣми эстетиками, которые, по моему мнѣнію, погрѣшаютъ въ этомъ началѣ. Такъ на стр. 412—413 I-го тома, я говорю объ этомъ довольно подробно, и привожу свои доводы къ слѣдующему опредѣлительному результату: «и такъ, другое изъ основныхъ положеній эстетики, что «поэзія служитъ выраженіемъ жизни» — не умѣла это философская наука приложить къ теоріи эпоса, потому-что не объяснила эпическаго періода *въ жизни самого народа*». Уже самая старина и народность, по существу своему, не иначе могутъ быть и изучаемы, какъ на самой широкой жизненной основѣ, гдѣ искусство и поэзія составляютъ только одинъ изъ многихъ элементовъ. Эта мысль проводится у меня вездѣ, такъ-что я даже затрудняюсь въ выборѣ цитатъ для ея подтвержденія. Но вотъ вамъ, напримѣръ, на выдержку: «древняя Русь—говорю я—не имѣла эстетическихъ воззрѣній, *отрѣшенныхъ отъ начала религіознаго и жизненнаго, практическаго*» (II, 234). А какъ я стараюсь излагать эстетическіе вопросы въ связи съ жизненными — можете видѣть изъ моего сужденія о мрачныхъ изображеніяхъ загробной жизни въ нашихъ лицевыхъ синодикахъ и апокалипсисахъ. «*Невзрачная дѣйствительность* древней Руси—говорю я—казалась еще грустнѣе, будучи разсматриваема, *какъ роковое поприще для тяжелыхъ испытаній*, за которыя возмездіе рисовала наша живопись въ самыхъ разнообразныхъ представленіяхъ. *Искусство не могло примирить нашихъ предковъ съ дѣйствительностью. Опасаясь погубить душу изображеніемъ земныхъ удовольствій и радостей*, оно представляло ихъ какъ пагубную обстановку того широкаго пути, который ведетъ въ вѣчныя муки. Даже самое утѣшеніе, которое давало оно душѣ, было растворено тяжелымъ раздумьемъ, заставлявшимъ, въ ожиданіи будущихъ нетлѣнныхъ благъ, отвращать взоры отъ всего, что только радостнаго человѣкъ имѣетъ на землѣ, *въ своихъ житейскихъ дѣлахъ и семейномъ благополучіи*» (I, 628—9).

Наконецъ, если ваше обвиненіе въ жертвоприношеніи личностью, только подъ снисходительнымъ сомнѣніемъ съ меня снимаемое, слѣдуетъ ограничить вопросомъ литературы и искусства; то вы не рис-

ковали, выразившись такъ: «Мы не думаемъ, чтобъ г. Буслаевъ согласился на жертвоприношеніе личностью». Я дѣйствительно на это не соглашаюсь, какъ вы, вѣроятно, хорошо знаете изъ слѣдующихъ моихъ словъ: «вслѣдствіе различныхъ историческихъ переворотовъ, вмѣстѣ съ развитіемъ народной образованности, *личное творчество и искусственность берутъ перевѣсъ надъ безъискусственною поэзіею народною:* и съ точки зрѣнія развитаго художества, обдуманнаго и образованнаго наукою и техникою, конечно, безсознательное творчество народнаго эпоса, непосредственное и наивное, *уступаетъ въ первенствѣ личной дѣятельности поэта или художника* и особенно для эпохи развитой, образованной, или по-крайней-мѣрѣ грамотной. Притомъ самая исторія искусствъ и литературы свидѣтельствуетъ, что *высшимъ проявленіемъ творческаго генія человѣчество обязано не совокупнымъ силамъ поколѣній въ созданіи народныхъ пѣсенъ, а именно отдѣльнымъ геніальнымъ личностямъ*» и т. д. (I, 411—412).

Впрочемъ, нечего и опасаться за посягательство на литературныя и художественныя личности. Онѣ гарантированы столькими воскуреніями, что пришлось наконецъ повернуть медаль другою стороною, и въ видѣ вопроса заподозрить *аристократизмъ геніальной личности* и ея *феодальный характеръ исключительнаго превосходства*. Можетъ-быть, я ошибочно постановилъ этотъ вопросъ, но онъ заслуживаетъ вниманія, и особенно въ обработкѣ новой русской литературы, исторія которой почти до-сихъ-поръ наполняется формулярными списками (I, 404).

Но не пора ли намъ прекратить нашъ диспутъ? Теперь, кажется, уже очевидно, что вы ловили меня на славянофильствѣ, когда удостоивали меня слѣдующихъ отзывовъ: «изслѣдованья г. Буслаева останутся *односторонними*»;—«г. Буслаевъ *положительно ошибается*» (стр. 16),—«Г. Буслаевъ *впадаетъ въ рѣшительно одностороннее объясненіе* фактовъ» (стр. 22). «*Къ-сожалѣнію*, г. Буслаевъ не обратилъ вниманія на этотъ вопросъ» (стр. 23). — «Г. Буслаевъ *положительно неправъ* тѣмъ, что *забываетъ...*» (стр. 24). Однимъ словомъ, точно будто привели вы какого-то зловреднаго старовѣра въ земскій судъ и даете ему острастку съ подобающими внушеніями. Позвольте мнѣ, изъ любви къ археологіи, въ этой сценѣ видѣть остатокъ нашей родной старины и утѣшить себя мыслью, что еще на нашъ вѣкъ хватитъ древнерусскихъ нравовъ и обычаевъ. Въ томъ же дорогомъ для меня національномъ смыслѣ, мнѣ хотѣлось бы понять и ваши преслѣдованья за мою любовь въ наукѣ, безъ отношенія къ практикѣ, и за мои увлеченья археологіею и другими безполезными предметами. «Долгое

изученіе оставило въ немъ (говорите вы обо мнѣ) обыкновенное *пристрастіе ученаго*» (стр. 2). «Г. Буслаевъ *по своему влеченію къ древности...*» (стр. 28). «*Не слишкомъ ли* г. Буслаевъ *увлекается археологическимъ интересомъ* русскихъ памятниковъ?» (стр. 26). Говоря безотносительно, увлеченіе интересами науки никогда не бываетъ *слишкомъ*, потому-что только увлеченіе, то-есть, воодушевленіе и можетъ поддерживать въ ученомъ дѣятельность; но съ точки зрѣнія національныхъ русскихъ преданій вся сущность науки содержится въ практикѣ. Того же мнѣнія были и почтенные старцы, осудившіе въ XVI вѣкѣ дьяка Висковатаго. Древнее вѣрованье въ черновнижіе и доселѣ еще на Руси не вымерло и даетъ о себѣ знать опасеніемъ вреда отъ наукъ. А какія еще у насъ науки, какъ сравнишь съ Западомъ? Между-тѣмъ мы все чего-то отъ нихъ боимся и даже, по старинной привычкѣ, презираемъ и преслѣдуемъ ученость. Много ли наша наука сдѣлала для изученія Византіи? а мы ужь боимся византійства; только-что начинаетъ разрабатываться наша старина и народность, а мы ужь боимся старовѣрства и отсталости. Когда-то завели-было въ университетахъ философію, и тотчасъ же испугались, по старой памяти о треклятомъ черновнижіи.

Итакъ, позвольте съ вами не согласиться, когда вы утверждаете, что русская старина уже потеряла въ наше время свою жизненность и способность къ развитію. Не говорю уже о литературѣ раскольничей и еретической, которая все идетъ впередъ даже въ лирическомъ и сатирическомъ направленіи; не говорю о свѣжести мѣстныхъ преданій, и доселѣ подновляемыхъ фантазіею народа: я позволяю себѣ видѣть элементы старой Руси и нѣкоторое развитіе ихъ не въ одномъ простонародьѣ. Каждый изъ насъ больше или меньше причастенъ старому грѣху древней Руси: кто въ чиновничьемъ распеканьи, кто въ балаганномъ гаерствѣ, которымъ замѣняетъ литературу, кто презрѣніемъ къ ученымъ увлеченьямъ и насмѣшкою надъ ними съ точки зрѣнія мелкой практики въ стилѣ древняго «Домостроя» и т. д.

Но чѣмъ же мы покончимъ съ вами нашъ споръ? Я убѣжденъ, что вы сдѣлали бы мнѣ такія же внушенія, еслибъ стали преслѣдовать во мнѣ и крайняго западника, какъ вы преслѣдовали въ моемъ лицѣ старовѣра. Еслибъ я не опасался утомить васъ своимъ письмомъ, и безъ того черезчуръ-длиннымъ, то, для шутки, самъ бы попробовалъ открыть въ моихъ «Очеркахъ» злостное западничанье. Но я льщу себя надеждою, что это сдѣлаютъ когда-нибудь славянофилы и безъ моего вмѣшательства.

Если вы спросите: отчего жь происходитъ въ моихъ изслѣдованіяхъ это раздвоенье направленій? Оттого (отвѣчу вамъ), что въ каждомъ историческомъ явленіи есть и хорошая и дурная сторона; что̀ съ западной стороны хорошо, то съ восточной дурно, и наоборотъ; а я, по-возможности, старался обойти предметъ со всѣхъ сторонъ, хотя, разумѣется, можетъ-быть, и не умѣлъ этого сдѣлать, ка̀къ бы я желалъ и ка̀къ бы слѣдовало. Надобно полагать, что вы подозрѣвали во мнѣ желаніе стать по срединѣ, между тѣмъ и другимъ направленіемъ, и, преслѣдуя въ моемъ лицѣ славянофильство, вы какъ-бы давали тѣмъ мнѣ знать, что я не успѣлъ въ своихъ планахъ, и что отъ одного берега отсталъ, а къ другому не присталъ.

Не входя въ избитыя подробности о славянофильствѣ и западничествѣ, признаю́сь вамъ откровенно, что я вовсе никогда и не думалъ держаться середины между этими, въ моихъ глазахъ, равно смѣшными крайностями, для познанія русской народности непринесшими никакой существенной пользы. Эти направленія имѣютъ значеніе только въ практикѣ, гдѣ они и развиваются до своихъ крайнихъ предѣловъ. Славянофилъ надѣваетъ мурмолку, мужицкій кафтанъ и различными благочестивыми снадобьями думаетъ претворить себя въ русскаго мужика. Западникъ на все русское презрительно смотритъ въ англійскія очки, и воображаетъ себя плантаторомъ, который, заразившись филантропическими идеями, мечтаетъ дать новое устройство и новую религію своимъ краснокожимъ подчиненнымъ. Понятно, что скромному изученію фактовъ нѣтъ мѣста между этими вовсе нелитературными стремленіями, ничего неимѣющими съ нимъ общаго. Наука, въ своей теоретической сферѣ, совершенно чужда этихъ направленій, до-тѣхъ-поръ, пока не войдетъ въ колею практической дѣятельности. Еще мало довѣряя успѣхамъ въ разработкѣ русской народности, я иду въ своихъ «Очеркахъ» плохо еще проторенною у насъ дорогою теоретическаго знакомства съ фактами, и опасаюсь преждевременнымъ примѣненьемъ къ современнымъ потребностямъ обнаружить незрѣлость этой еще новой науки о національности. Въ моихъ «Очеркахъ» вы можете найдти сотни фактическихъ ошибокъ, и я съ благодарностью ихъ исправлю; но вы напрасно все свое вниманіе обратили только на *направленіе* моихъ идей и стремленій. Наука о русской народности еще такъ молода, что какъ бы она *ни направлялась*, только бы вела по прямой дорогѣ къ своей главной цѣли — *къ познанію русской старины и народности*. А этого еще долго придется намъ ждать. Преждевременные же толки о направленіи напоминаютъ мнѣ споры старинныхъ русскихъ бояръ, которые во време-

на мѣстничества, прежде чѣмъ заняться дѣломъ, перекорялись другъ съ другомъ, гдѣ кому сѣсть.

Ѳ. Буслаевъ.

МАРТИНИЗМЪ ВЪ РУССКОМЪ ОБЩЕСТВѢ XVIII ВѢКА.

Записки нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни и службы *дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и сенатора* И. В. Лопухина, *сочиненныя имъ самимъ. Москва. 1860.*

Въ ряду явленій, занесенныхъ къ намъ изъ Западной Европы въ XVIII в., не послѣднее мѣсто занимаютъ масонство и тѣсно-соединенный съ нимъ мартинизмъ. Въ XVIII в. концѣ и въ началѣ XIX в. большая часть сколько-нибудь образованныхъ людей русскихъ принадлежали къ какой-нибудь масонской ложѣ. Само-собой разумѣется, что для многихъ, весьма даже многихъ масонство было пустымъ обрядомъ, игрушкою праздности, предлогомъ для сборищъ и средствомъ выказать свою европейскую образованность. Вотъ почему отъ многихъ изъ такихъ масоновъ, еще живыхъ и до-сихъ-поръ, вы не только не услышите ничего о цѣли ордена, нодаже не много узнаете и о самомъ составѣ его. Другіе, весьма-немногіе, придавали ордену серьёзное значеніе, хотѣли провести въ общество строго-нравственныя начала, мистически-религіозное пониманіе событій. Къ числу этихъ немногихъ принадлежитъ и Лопухинъ, авторъ «Записокъ», изданныхъ недавно московскимъ обществомъ исторіи и древностей россійскихъ. Общество, среди котораго дѣйствовали эти честные проповѣдники нравственно-религіозныхъ идей, знакомо намъ по преданіямъ и по немногимъ печатнымъ разсказамъ современниковъ. Мы знаемъ вельможъ-временщиковъ, воспѣтыхъ въ одахъ Державина и чрезвычайно-ярко, хотя вовсе съ другой стороны, выступающихъ въ «Запискахъ» того же Державина, «Запискахъ Энгельгардта», въ простодушномъ разсказѣ Болотова; мы знаемъ помѣщиковъ въ родѣ Куролѣсова, Багрова, семьи Простаковыхъ; знаемъ чиновниковъ—это «крапивное сѣмя», воспѣтое на всѣ лады Сумароковымъ и его послѣдователями; знаемъ, кто были учители того времени: нѣмцы, вовсе незнавшіе Россіи и ея потребностей, хотя часто честные и многознающіе, французы-парикмахеры и французы-эмигранты, изъ которыхъ первые приносили разсказы о «столицѣ просвѣщенія», о всемірномъ призваніи французскаго народа и о стыдѣ не быть французами; другіе (спасибо и за то) развивали

понятіе о рыцарской чести, но вмѣстѣ съ тѣмъ приносили къ намъ французскую ненависть сословій, развивали феодальные предразсудки. Рядомъ съ этими иноземцами существовали и русскіе учители, воспитанники кіевской бурсы и московской академіи, съ характеромъ которыхъ мы близко знакомы по преданіямъ: сухая схоластическая ученость, никуда-неприложимая и никому ненужная, отличала этихъ учителей, представленныхъ нѣсколько въ каррикатурѣ, но чрезвычайно-остроумно въ «Аристіонѣ» Нарѣжнаго; въ этомъ романѣ выведенъ учитель исторіи, который въ двѣ недѣли едва дошелъ до Ассиріи и цѣлый урокъ посвятилъ хаосу... Вотъ элементы того общества, среди котораго дѣйствовали наши мартинисты. Съ ученіемъ, которое они приносили, мы познакомимся далѣе, при изложеніи жизни Лопухина; теперь же замѣтимъ, что ученіе это, все построенное на отвлеченной нравственности и мистической религіозности, едва-ли сколько-нибудь гармонировало съ окружавшей его дѣйствительностью, преданною со страстью интересамъ дня. Вообще русское общество всегда было обществомъ практическимъ въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Къ XVIII в. это замѣчаніе относится болѣе, чѣмъ къ какой-либо эпохѣ русской жизни, ибо XVIII ст. не имѣло ни преданій, которыя еще живы были въ XVII, ни того болѣе распространеннаго образованія, которымъ отличается XIX вѣкъ. XVIII в. въ Россіи былъ по-преимуществу эпохой мелочныхъ интересовъ, слѣдственно эпохою наименѣе-способною къ теотерпческимъ началамъ и мистическимъ увлеченіямъ. Люди, дѣйствовавшіе по такимъ и подобнымъ побужденіямъ, составляли хотя почетное, но, къ-сожалѣнію, рѣдкое исключеніе. Въ какомъ смыслѣ общество понимало дѣятельность масонства, доказываетъ до-сихъ-поръ существующее слово *фармазонъ*, которое, вмѣстѣ съ словомъ *вольтеріанецъ*, еще недавно было самымъ сильнымъ браннымъ словомъ. Это сопоставленіе двухъ совершенно-противоположныхъ и даже враждебныхъ одно другому направленій громче всякихъ разсужденій съ нашей стороны свидѣтельствуетъ, какъ мало общихъ понятій разлито было въ то время въ русскомъ обществѣ, какъ легко произносилось слово осужденія надъ направленіемъ непонятымъ, не только-что обсуженномъ. Это легкомысленное отношеніе къ умственной дѣятельности очень-долго сохранялось у насъ: кто не помнитъ тѣхъ насмѣшекъ, которыми еще такъ недавно осыпали славянофиловъ? многіе помнятъ, какъ одна газета «изъ Ахиллеса, вдругъ преобразясь въ Омира», пропѣла торжественный гимнъ (въ прозѣ) въ честь своей побѣды надъ славянофилами и, въ радости торжества, сравнила себя съ «Journal des Débats», а органъ своихъ противни-

ковъ съ *журнальчикомъ* Вельйо (*). Мы привели этотъ недавній примѣръ въ доказательство того, какъ недалеко въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ мы ушли отъ нашихъ дѣдовъ, къ которымъ и возвращаемся теперь.

Собираясь говорить о жизни и дѣятельности Лопухина, мы должны оговориться, что не имѣемъ въ виду сколько-нибудь полнаго изложенія его ученія, что̀ завлекло бы насъ въ область еще невполнѣ-разработанную и очень-темную, несмотря на существованіе въ европейской литературѣ многихъ сочиненій о масонствѣ и мистицизмѣ. Что касается судьбы этого ученія въ Россіи, то до-сихъ-поръ мы не имѣемъ еще не только порядочной исторіи масонства, но даже простой библіографіи массонскихъ книгъ: до-сихъ-поръ еще, чтобъ не ходить далеко за примѣромъ, не приведены въ извѣстность сочиненія Лопухина; такъ мы знаемъ изъ «Словаря свѣтскихъ писателей», что Лопухинъ писалъ въ «Другѣ Юношества», но какія именно статьи принадлежатъ ему въ этомъ журналѣ, этого не опредѣляютъ ни митрополитъ Евгеній, ни Бантышъ-Каменскій, ни г. Аѳанасьевъ; а между-тѣмъ многія статьи, какъ увидимъ ниже, можно съ достовѣрностью приписать Лопухину, о другихъ же можетъ возникнуть вопросъ; но, не пускаясь въ библіографическія изысканія и держась въ скромныхъ предѣлахъ литературной и исторической характеристики, мы ограничимся по этому вопросу только нѣкоторыми намеками.

Лопухинъ занимаетъ въ рядахъ своей партіи самое видное мѣсто, потому-что онъ былъ человѣкъ не только мысли и слова, но и дѣла: въ немъ съ писателемъ соединялся государственный человѣкъ; и та и другая сторона его дѣятельности тѣсно между собою связаны и одна объясняетъ другую. Этого мало: теоретическое ученіе Лопухина не противорѣчило его практической дѣятельности; мысли свои, выражаемыя въ сочиненіяхъ, онъ проводилъ и въ жизни—примѣръ рѣдкій не только въ то время, но и во всякое другое. Мы встрѣчаемъ неблагосклонные отзывы о Рѣпнинѣ (у Энгельгардта), о Лабзинѣ (у Аксакова), о Невзоровѣ (въ статьѣ г. Третьякова «Моск. Вѣд.» 1857); но до-сихъ-поръ не встрѣчали неблагосклонныхъ отзывовъ о Лопухинѣ. Конечно, хоръ похвалъ ему въ стихахъ и въ прозѣ, помѣщавшихся въ журналахъ начала нынѣшняго столѣтія: «Другъ Юношества», «Вѣстникъ Европы» и т. д., не можетъ служить слишкомъ-сильнымъ доказательствомъ въ пользу Лопухина, столько же по своей неумѣрен-

---

(*) «Моск. Вѣд.» 1857 г. статья: «Письмо иногороднаго подписчика». Рекомендуемъ эту статью *особенному* вниманію нашихъ будущихъ библіографовъ.

ности, сколько потому, что всѣ они писались при его жизни. Какъ неумѣренны были эти похвалы, мы видимъ изъ слѣдующихъ примѣровъ, взятыхъ на-удачу: въ «Другѣ Юношества» (іюль 1813 г.) помѣщена статья «Нѣсколько словъ о дружбѣ», гдѣ о Лопухинѣ говорится такимъ образомъ: «И. В. Лопухинъ, этотъ благотворной геній, ниспосланный на землю самимъ небомъ»; въ томъ же журналѣ (сент. 1814) помѣщена статья: «Герой добродѣтели», тоже Лопухинъ. «Тебѣ, великій мужъ (говоритъ авторъ), днесь посвящаю лучшія минуты моей жизни, чтобъ изобразить величественный портретъ твой; но будетъ ли онъ такъ совершенъ, какъ ты? будетъ ли въ состояніи слабое перо мое означить не токмо оттѣнки, но и главныя черты генія, друга человѣчества?» Въ 1815 г., въ томъ же журналѣ, напечатанъ «Взглядъ мой на героя истиннаго величія», гдѣ, подъ буквою Л., опять скрывается Лопухинъ. Авторъ видѣлъ его въ церкви: «Увѣнчанный лаврами безсмертнаго величія и неподражаемой кротости и любви къ человѣчеству, вельможа сей стоялъ неподвижно на своемъ мѣстѣ, устремивъ взоры на Голгоѳу, съ которой проливались на него дары благодати! Въ эти минуты духъ его переселялся въ горнія и бесѣдовалъ съ виновникомъ своей славы». Сила этихъ похвалъ значительно поуменьшится, когда вспомнимъ, что Лопухинъ умеръ въ началѣ 1816 г., а все выписанное нами относится къ годамъ предшествующимъ. Несмотря, однако, на всю напыщенную преувеличенность этихъ похвалъ, безпристрастный историкъ долженъ согласиться, разсматривая дѣла Лопухина, что во многихъ отношеніяхъ онъ заслуживалъ уваженіе современниковъ. Самая же неумѣренность этихъ похвалъ, безъ разбора относившихся въ то время и къ такимъ людямъ, какъ Лопухинъ, и къ такимъ, какъ князь Потемкинъ и т. п., служитъ любопытнымъ знаменіемъ времени и показываетъ, какъ низко еще стоялъ общій уровень развитія въ обществѣ, созданномъ петровскою реформою.

———

Отецъ Ивана Владиміровича былъ человѣкъ умный, честный, но необразованный; въ этомъ послѣднемъ отношеніи онъ не выступалъ изъ общаго уровня людей своего вѣка: иностранные языки ему были вовсе неизвѣстны; Фридрихъ II постоянно разговаривалъ съ нимъ по-русски, увѣряя его въ шутку, что «только для него учился русскому языку». Потому и сынъ (р. 1756), по собственному сознанію, былъ воспитанъ небрежно: «Русской грамотѣ (говоритъ онъ въ своихъ «Запискахъ») училъ меня домашній слуга; по-французски училъ савояръ,

незнавшій совсѣмъ правилъ языка; понѣмецки—берлинецъ, который ненавидѣлъ языка нѣмецкаго и всячески старался сдѣлать мнѣ его противнымъ, а хвасталъ французскимъ и, сколько умѣлъ, училъ меня тихонько, пользуясь охотою моею къ чтенію. Нѣмецкія же книги держали мы на учебномъ столѣ своемъ для одного только вида, и я, выучась только читать понѣмецки, разумѣть, что читаю на немъ, уже научился больше, нежели чрезъ десять лѣтъ послѣ окончанія такого ученія, научился отъ сильнаго желанія разумѣть на языкѣ семъ духовныя книги».

Религіозное направленіе рано пробудилось въ ребенкѣ: «При началѣ болѣзни матери (отъ которой она умерла), будучи ребенкомъ лѣтъ десяти, я (говоритъ Лопухинъ) очень-горячо молился о ея выздоровленіи, и вотъ какая была моя ребяческая молитва. Я помню, что однажды, спрятавшись за занавѣсъ кровати, молился я тихонько и просилъ Бога очень-усердно, чтобъ онъ лучше отнялъ у меня палецъ и даже всю руку, а только бы она не умерла».

Лопухинъ былъ сначала въ военной службѣ, къ которой въ молодости чувствовалъ особенное влеченіе; но болѣзнь заставила его выйдти въ отставку. Не желая жить безъ службы, Лопухинъ принялся изучать уголовное судопроизводство. «Съ большею прилежностью (говоритъ онъ) собиралъ я всевозможныя по сей части свѣдѣнія, интересовался обстоятельствами и сужденіемъ всякаго уголовнаго дѣла, о которомъ слышалъ, и по болѣзнямъ моимъ въ отпуску живучи тогда въ деревнѣ, часто бывая у пріятеля моего, городничаго въ уѣздномъ городѣ, рѣдко выѣзжалъ изъ него безъ того, чтобъ не побывать въ тюрьмѣ для разговоровъ на сей предметъ съ колодниками и для примѣчаній на нихъ». Въ 1782 г. онъ поступилъ совѣтникомъ въ московскую уголовную палату. Правила, которыми руководствовался Лопухинъ въ своей новой должности, чрезвычайно-любопытны: «Въ должности сей (говоритъ онъ) принялъ я себѣ правило наблюдать, чтобъ какъ невинный не былъ никогда осуждаемъ, такъ бы и виноватый не избѣжалъ наказанія, но, по человѣколюбію, сколько можно болѣе умѣреннаго, не удаляясь, однакожь, отъ силы закона».

«Я думаю, что предметъ наказаній долженъ быть исправленіе наказуемыхъ и удержаніе отъ преступленій. Жестокость въ наказаніяхъ есть только плодъ злобнаго презрѣнія человѣчества и одно всегда безполезное тиранство. Ненадежность избѣжать наказанія гораздо больше можетъ удержать отъ преступленія, нежели ожиданіе жестокаго. Намѣреваясь къ преступленію, естественнѣе человѣку ослѣпляться мыслями, что преступленіе его не откроется, нежели сообра-

жать мѣру наказанія, которому онъ подвергаетъ себя, особливо, когда оно относится къ страданію тѣлесному, или потерянію свободы». Этими правилами, какъ увидимъ далѣе, Лопухинъ руководствовался во все время своей судейской карьеры. Рядомъ съ ними у него было другое правило, съ которымъ далеко не такъ можетъ согласиться современная наука, но которое тѣмъ не менѣе интересно для характеристики взгляда того времени; дѣло идетъ объ уликахъ: «Весьма также опасался я (говоритъ Лопухинъ) осуждать по заключеніямъ изъ обстоятельствъ, безъ совершеннаго изобличенія и признанія судимыхъ. Не можно, по мнѣнію моему, почитать доказательствами соображенія умствованій, сколько бъ они ясны и основательны ни казались. Такого рода доказательства едва-ли когда могутъ быть совершенныя и такія, чтобъ исключали уже всѣ возможности къ показанію невинности обвиняемаго».

«При такихъ сужденіяхъ (говоритъ далѣе Лопухинъ), кромѣ недовольнаго вниманія и корыстныхъ пристрастій, весьма можетъ заводить въ погрѣшности одно самолюбіе, столь много свойственное большей части людей, особливо тѣхъ, которыхъ страсть отличаться умомъ. Желаніе показать свой разумъ въ открытіи виноватаго весьма-легко и нечувствительно можетъ заставить найдти его въ невинномъ. Тѣ только судьи не будутъ подвержены такимъ ошибкамъ, которые стараются дѣлать правду для самой правды, всѣмъ сердцемъ любя ее, а не для того, чтобъ ею прославиться, или которые во всякомъ ими судимомъ сердечно видятъ прямо ближняго своего. Безъ сего расположенія не можетъ быть истинно-добрыхъ судей; а такіе, по-несчастію, очень-рѣдкіе судьи и не послѣдуютъ, конечно, оному образу сужденія.»

Когда предсѣдатель палаты уѣхалъ въ Петербургъ искать себѣ мѣсто, Лопухинъ остался править его должность. Тогдашній главнокомандующій московскій, графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ, постоянно подтверждалъ приговоры, составляемые Лопухинымъ, въ которыхъ онъ старался какъ-можно-болѣе избѣгать жестокихъ наказаній; но скоро мѣсто Чернышева занялъ Брюсъ, нераздѣлявшій мнѣній Лопухина объ этомъ вопросѣ и склонявшійся на сторону тѣхъ, которые въ смягченныхъ наказаніяхъ видѣли средство увеличить число преступниковъ. Сношенія его съ Лопухинымъ такъ интересны, что мы передадимъ ихъ его собственными словами:

«Первое неудовольствіе его собственно противъ меня было за то, что малое число ударовъ палатою опредѣлялось. Онъ возвратилъ мнѣ внесенный къ нему на утвержденіе приговоръ, какимъ опредѣлено

было одному убійцѣ дать пятьдесятъ ударовъ, каковаго числа больше при мнѣ никогда не полагалось, возвратилъ съ тѣмъ, чтобъ перемѣнить и гораздо прибавить. Я не согласился, и сперва очень учтивымъ и, надѣясь лучше успѣть, нѣсколько шуточнымъ образомъ отговаривался и представлялъ ему мои причины; но когда онъ, не внимая имъ, упорствовалъ въ своемъ требованіи, думая даже, что имѣетъ къ тому право, и настаивалъ уже съ досадою, то я ему твердо и рѣшительно сказалъ, что опредѣленіе не будетъ перемѣнено, что никогда жесточайшихъ при мнѣ наказаній не будетъ, что какъ палата, по учрежденіямъ, не должна переворшивать своихъ рѣшеній, такъ и онъ не имѣетъ права возвращать ихъ. А если онъ несогласенъ и не угодно ему такое число ударовъ, то можетъ прибавку испрашивать представленіемъ своимъ правительствующему сенату.

«Можно себѣ представить, какъ разгнѣвался г. главнокомандующій. Однако, нисколько не оказалъ грубости, много только горячился и кричалъ: «Какъ, разбойникамъ и смертоубійцамъ давать только по пятидесяти ударовъ!»—«По скольку же бы, ваше сіятельство, думали?» спросилъ я его. — «По скольку? отвѣчалъ онъ: двѣсти, триста, четыреста, пятьсотъ!» — «Да этакъ будемъ всегда засѣкать до смерти».— «Чего жь ихъ жалѣть?» говорилъ онъ: «и это же наказаніе вмѣсто смертной казни».—«Такъ, отвѣчалъ я; но отмѣна смертной казни, къ величайшей славѣ россійскаго скипетра, въ первой Россіи учрежденная, почитается мудрымъ закономъ милосердія; а если вмѣсто того, чтобъ отрубить голову, замучивать людей до смерти кнутомъ, то это былъ бы законъ тиранскій, и всякая такая мѣра наказанія сего рода, которое можетъ лишить жизни, уже есть большое преступленіе онаго закона милосердія».

«Графъ мой сталъ тише. «Однакожь, говорилъ мнѣ, странно, что вы такъ разсуждаете; вѣдь, можетъ иногда случиться, что наказуемый умретъ и отъ десяти ударовъ». — «Конечно, я говорилъ, это можетъ случиться по какимъ-нибудь непредвидимымъ причинамъ и съ моей стороны безвинно. Но если я буду давать такія сотни ударовъ, то, при явномъ тиранствѣ своемъ, долженъ быть увѣренъ, что люди и умирать подъ кнутомъ будутъ непремѣнно».—«Но какъ же вы узнаете мѣру?» спросилъ онъ меня уже самымъ снисходительнымъ и серьёзнымъ тономъ.— «Смотря по лѣтамъ, по сложенію, по состоянію здоровья и пр.» отвѣчалъ я ему.

«Вдругъ онъ мнѣ говоритъ: «Я вамъ очень благодаренъ. Вы одолжили меня, вы меня вразумили; признаюсь, что я никогда не видалъ такъ ясно этой истины и всегда думалъ, что при наказаніяхъ, вмѣсто

смерти, такого разбора не надобно. Вы меня убѣдили. Соглашаюсь съ вашимъ опредѣленіемъ и даю вамъ слово никогда съ вами не спорить». Онъ подлинно сдержалъ его и даже во время пущей своей злобы наконецъ противъ меня, не останавливалъ ни одного рѣшенія палатскаго.»

Образъ дѣйствій Лопухина ясно видѣнъ изъ слѣдующаго обстоятельства: въ палату поступило изъ магистрата на ревизію дѣло о подложныхъ векселяхъ одного купца. По этому дѣлу были заподозрѣны двое московскихъ купцовъ и приговорены къ заключенію. Купцы успѣли скрыться и найти за себя ходатаевъ въ Петербургѣ. Вышелъ именной указъ: взять то дѣло изъ палаты на разсмотрѣніе. Указъ этотъ объявилъ сенатскій обер-прокуроръ; но такъ-какъ по закону обер-прокуроры не имѣютъ права объявлять именные указы, то Лопухинъ протестовалъ и остался при своемъ мнѣніи, хотя большинство рѣшило исполнить указъ, и хотя бывшій тогда главнокомандующій, Чернышевъ, требовалъ, чтобъ онъ отказался отъ своего мнѣнія.

Въ управленіе Москвою Брюса дѣло снова поступило въ палату. Главнокомандующій, предубѣжденный противъ Лопухина еще въ Петербургѣ за его участіе въ новиковскомъ обществѣ, которое подозрѣвалось въ сношеніяхъ съ «ближайшею къ престолу особою», старался всѣми средствами досадить ему, и потому палата получила предложеніе, въ которомъ было написано, что дѣло замедляется нерадѣніемъ членовъ, а особенно предсѣдателя. На другой день Лопухинъ послалъ Брюсу отвѣтъ, что дѣло слишкомъ-сложно и не можетъ быть рѣшено въ назначенный имъ двухнедѣльный срокъ; что исправность палаты доказывается числомъ рѣшенныхъ ею дѣлъ. При этомъ отвѣтѣ Лопухинъ представилъ просьбу объ отставкѣ. Брюсъ написалъ въ Петербургъ жалобу, на которую государыня отвѣчала, чтобъ онъ, «призвавъ меня (говоритъ Лопухинъ) къ себѣ, объявилъ мнѣ отъ себя, что непрлично было бы преемника моего обременять такимъ дѣломъ, которое долженъ былъ рѣшить я самъ; чтобъ я остался рѣшить его, и что не буду я отставленъ прежде его рѣшенія». Такимъ-образомъ, жалоба Брюса была оставлена безъ вниманія.

Подходя къ той эпохѣ, когда Лопухинъ пострадалъ по новиковскому дѣлу, мы должны сказать нѣсколько словъ о его дѣятельности, какъ члена общества, и о его литературныхъ трудахъ, принадлежащихъ къ этому времени и выражающихъ направленіе русскихъ мартинистовъ. Лопухинъ сначала-было увлекся моднымъ тогда направленіемъ энциклопедистовъ—перевелъ изъ «Systeme de la Nature» заключеніе, содержащее въ себѣ выводы книги. Печатать было нельзя, и переводчикъ рѣ-

шился распространить книгу въ рукописи. «Но только-что дописали первую (копію) самымъ красивымъ письмомъ, какъ вдругъ почувствовалъ я (говоритъ Лопухинъ) неописанное раскаяніе. Не могъ заснуть прежде, нежели сжегъ я и красивую мою тетрадку, и черную; но все я не былъ спокоенъ, пока не написалъ, какъ-бы въ очищеніе себя, «Разсужденіе о злоупотребленіи разума нѣкоторыми новыми писателями» и пр. Подобный же фактъ, какъ извѣстно, случился и съ Фонвизинымъ, который сначала написалъ свое знаменитое «Посланіе къ Шумилову», а потомъ снова обратился къ вѣрѣ. Въ натурахъ болѣе или менѣе глубокихъ поверхностный матеріализмъ XVIII вѣка, принимаемый по модѣ, очень-часто уступалъ мѣсто старымъ вѣрованіямъ, тѣсно-связаннымъ со всѣми воспоминаніями дѣтства. Въ этой книгѣ, о которой упоминаетъ Лопухинъ, онъ слѣдующимъ образомъ опровергаетъ безбожниковъ: «Дабы изобразить всѣ ужасныя слѣдствія вашего ученія, представимъ такую страну, которую заблужденіе принесло бы вамъ въ жертву. Воззрите, содрагаясь, на сіе плачевное обиталище бѣдствія и горести. Ослабли тамо всѣ сопрягающіе людей узы... поколебались вѣсы правосудія, стрегущаго порядокъ общества... съ какимъ уныніемъ трудятся общіе всѣхъ питатели-земледѣльцы, не имѣя утѣшенія, влача плугъ, надѣяться, что сотворившій нивы обильною жатвою наградитъ ихъ труды. Сколько добродѣтельныхъ людей, которыхъ одинъ подвигъ на добродѣтель составляло восхитительное то мнѣніе, что источникъ всего блага всевидящимъ окомъ своимъ взираетъ на добрыя дѣла ихъ и обѣщаетъ имъ воздаяніе въ безсмертной жизни. Сіе пресладкое чувствованіе усугубляло ихъ усердіе къ благу и возвеличивало ихъ человѣколюбивыя дѣла. Лишенные сего удовольствія, они вамъ вѣщаютъ: «Вы заградили источникъ нашего блаженства, исторгли отъ насъ веселіе и завѣсою печали навѣкъ покрыли нашу жизнь». Сколько бѣдныхъ родителей, которые одно наслѣдіе дѣтямъ своимъ оставляли вліянную въ нихъ любовь къ всещедрому Богу и надежду на Его покровительство! Сія надежда ободряла ихъ; но теперь, въ отчаяніи, жизнь свою и дѣтей почитаютъ они несноснымъ бременемъ. Сколько несчастныхъ, страждущихъ, не ожидая въ здѣшней жизни конца своимъ страданіямъ, кои токмо упованіемъ на вѣчную жизнь слезы свои иногда отирали. Лишась того пріятнаго упованія, они вамъ вопіютъ: «Вы содѣлали страданія наши безконечными...» Вотъ плоды трудовъ вашихъ, писатели, толь много разглагольствующіе о своемъ доброжелательствѣ къ людямъ; но тщетно ваше витійство старается уничтожить то, чѣмъ все существуетъ». Послѣднія слова дѣлаютъ безполезнымъ все это лирическое мѣсто, построен-

ное на томъ предположеніи, что проповѣдники философскихъ идей совращаютъ вѣрующихъ и дѣлаютъ ихъ несчастными; но развѣ для тѣхъ, кому тяжело невѣріе, возвратъ къ вѣрѣ закрытъ? развѣ это не доказалъ собою тотъ же самый Лопухинъ? Сверхъ-того, въ выписанномъ отрывкѣ замѣчателенъ взглядъ на религію, какъ на связь гражданскихъ обществъ, а не какъ на удовлетвореніе внутренней потребности человѣка.

Книжка эта напечатана въ 1780 г., а въ 1781 г. положено было основаніе «Дружескому Обществу», обратившемуся потомъ въ «Типографскую Компанію». Липухинъ былъ однимъ изъ самыхъ важныхъ членовъ того и другаго учрежденія. Въ этихъ обществахъ лучшая часть масонства нашла приличную дѣятельность: издавали книги, читали лекціи (Шварцъ), способствовали воспитанію. Общество, среди котораго дѣйствовали масоны, встрѣчало ихъ дѣятельность по большой части враждебно: извѣстно, что сама Екатерина писала противъ масоновъ свою «Тайну противонелѣпаго общества», въ которой осмѣивала масонскіе обряды и символы, и свои комедіи: «Обманщики», «Обольщенные», «Шаманъ Сибирскій». Взглядъ двора на масоновъ выразился чрезвычайно-рельефно въ слѣдующемъ случаѣ, передаваемомъ Лопухинымъ:

«Брюсъ говоритъ мнѣ наединѣ, что извѣстно, что я нахожусь въ ономъ обществѣ и что хотя онъ самъ бывалъ въ подобномъ и зная всю святость его цѣли и упражненій, понесетъ онъ въ сердцѣ своемъ уваженіе къ нимъ и во гробѣ (сіи были точныя его слова), *однако въ нѣкоторыхъ чинахъ и лѣтахъ уже непристойно симъ заниматься*. «Есть ли это таково, какъ ваше сіятельство сказывать изволите» отвѣчалъ я ему, «то мнѣ кажется, что чѣмъ больше лѣтъ и чиновъ имѣетъ человѣкъ и чѣмъ важнѣйшею обязанъ должностію, тѣмъ пристойнѣе и нужнѣе упражняться ему въ томъ, что его просвѣщаетъ, учитъ добродѣтели и заставляетъ исполнять ея правила».

«Разговоръ нашъ былъ длинный и долго съ обѣихъ сторонъ довольно равнодушный. Предметъ его былъ тотъ, что графъ Брюсъ настоятельно требовалъ, чтобъ я оставилъ общество и упражненія оныя, и что это будетъ угодно государынѣ.—«Волю ея о семъ, что ли, спросилъ я его, объявляете вы мнѣ?» — «Нѣтъ, говорилъ онъ, но можете разумѣть, что не отъ себя говорю я вамъ это». — «Что жь, отвѣчалъ я: не-уже-ли государыня изволитъ знать о моихъ связяхъ и упражненіяхъ? я думаю, едвали ей извѣстно мое имя и существованіе на свѣтѣ». — «Да, сказалъ онъ, вы ей слишкомъ извѣстны, и она непремѣнно требуетъ отъ васъ того, что вы отъ меня слышите». — «По-

звольте мнѣ усумниться, говорилъ я, чтобъ такой мудрой государынѣ было неугодно такое доброе дѣло, какимъ и вы его признаете».—Да она не такъ думаетъ», отвѣчалъ онъ. — «Можетъ, потому, говорилъ я, что оно ей непрямо извѣстно; такъ стоитъ только ей объяснить; а объ дѣлахъ добрыхъ не только полезно, да и долгъ вѣрнаго подданнаго объяснять государямъ правду». — «Ты поди, объясняй ей», сказалъ онъ мнѣ съ жаромъ, и съ очень сильнымъ, требовалъ моего согласія на его продложеніе.

«Я говорилъ, что осмѣливаюсь сказать ему откровенно, и такъ, что онъ можетъ донести мои слова самой государынѣ, что не могу повѣрить, что ея величеству угодно было, чтобъ кто-нибудь оставилъ столь хорошее упражненіе. Есть ли жь она того желаетъ, по противному объ нихъ понятію, не имѣя способовъ получить истиннаго, то, я думаю, угождать въ такомъ случаѣ мыслямъ ея была бы слабость и чувство, противное тому уваженію, какое имѣть естественно къ столь великой государынѣ; и что великодушіе ея представляю я себѣ въ столь-великой степени, что такіе-то подлые угождатели должны быть ей болѣе всего неугодны.

«Знайте жь, сказалъ мнѣ графъ мой голосомъ, дрожащимъ отъ досады, что съ теперешней минуты буду я всякое вамъ зло дѣлать», и побѣжалъ вонъ хлопнувъ дверью.»

Послѣ этого разговора Брюсъ привязался къ дѣлу о купцахъ, о которомъ мы говорили выше.

Платонъ, несмотря на расположеніе ко многимъ отдѣльнымъ лицамъ общества, напр. Новикову, Лопухуну и пр. неблагосклонно смотрѣлъ на самое общество. «Часто бывалъ я, пишетъ Лопухинъ, у преосвященнаго Платона, митрополита московскаго, котораго отличнымь благорасположеніемъ я всегда пользовался. Онъ очень въ разговорахъ возставалъ противъ нашего общества». Когда Платону поручено было разсмотрѣть книги, печатаемыя у Новикова, онъ сказалъ, что мистическихъ книгъ не понимаетъ и потому не можетъ судить о нихъ, возставая въ то же время на сочиненія энциклопедистовъ, въ чемъ, какъ мы видѣли и еще увидимъ, сходились съ нимъ и мартинисты.

Если уже такъ неблагосклонно относились къ обществу люди передовые, то что̀ же думала о немъ остальная масса? «Одни представляли насъ совершенными святошами, говоритъ Лопухинъ; другіе увѣряли, что у насъ въ системѣ заводить вольность; а это дѣлалось около времени французской революціи. Третьи, что мы привлекаемъ къ себѣ народъ и въ такомъ намѣреніи щедро раздаемъ милостыню. Иные разсказывали, что мы бесѣдуемъ съ духами, не вѣря притомъ

существованію духовъ, и разныя разглашали нелѣпости, которымъ столько же неблагоразумно вѣрить, сколько непохвально распускать ихъ. Однако всѣ сіи слухи имѣли свое дѣйствіе, сколь ни были они ложны и одинъ другому противны». Самое же оригинальное мнѣніе о масонахъ принадлежитъ одному господину, о которомъ разсказывается слѣдующее въ статьѣ: «Нѣсть пророкъ въ отечествіи своемъ» (Др. Юн. 1812, кн. 11.), принадлежащей, по всей вѣроятности, Лопухину, ибо авторъ-анонимъ прямо говоритъ о запискахъ Лапухина; кромѣ того, слогъ и манера обличаютъ Лопухина. Дѣло идетъ о превратныхъ толкахъ по поводу сочиненій одного молодаго человѣка (кажется, Ковалькова, автора книги: «Плодъ сердца, полюбившаго истину» и сотрудника «Др. Юн.»). «Къ нему, пишетъ авторъ статьи, хаживалъ помѣщикъ, который былъ увѣренъ, что онъ не самъ пишетъ свои сочиненія, а что въ нихъ высказываются мысли какого-то тайнаго общества. Лѣтомъ, въ саду, замѣтилъ этотъ господинъ дверь съ надписью: «Собирайте себѣ такія сокровища, которыя бы никѣмъ и ничѣмъ похищены быть не могли» и подумалъ, что за этою дверью собирается общество, что, проникнувъ туда, можно писать, какъ пишетъ молодой человѣкъ. И писалъ объ этомъ къ своему знакомцу, упрекая его въ скрытности». Такихъ господъ, хотѣвшихъ быть умными чужимъ умомомъ, вѣроятно, не мало было въ то время: они-то и составляли большинство масонскихъ ложъ.

Итакъ ученіе мартинистовъ встрѣчало холодность, преслѣдованія изъ личныхъ видовъ съ одной стороны; съ другой, многіе изъ приверженцевъ общества искали въ немъ или средства блеснуть чужимъ умомъ, или увлекались таинственностью, которая во всякое время имѣетъ сильное вліяніе на толпу: «Ключъ къ таинствамъ натуры» Эккартсгаузена и «Странствованіе за гробомъ» Юнга Штилинга, переводившіяся впослѣдствіи на русскій языкъ, должны были привлекать многихъ: одна книга своими фокусами, въ которыхъ многіе видѣли дѣйствіе тайныхъ силъ и особеннаго откровеннаго вѣдѣнія, другая воспламеняющими душу разсказами о той таинственной области загробной жизни, въ которую всякому хочется проникнуть. Эта внѣшняя сторона ученія и останавливала на себѣ вниманіе большинства; немногіе проникали въ глубь. Въ чемъ же состояло самое ученіе? Сочиненія Лопухина, положительныя: напр. «Нѣкоторыя черты о внутренней церкви» и пр., и отрицательныя, написанныя имъ противъ энциклопедистовъ: «Разсужденіе о злоупотребленіяхъ разума», о которой мы уже говорили. 2) Изображеніе мечты равенства и буйной свободы и т. д.», могутъ дать намъ нѣкоторое понятіе объ этомъ ученіи.

Не пускаясь въ подробное изложеніе ученія нашихъ мистиковъ, мы остановимся на главныхъ чертахъ этого ученія, и тогда читатель самъ рѣшитъ, много ли подобное ученіе могло дѣйствовать на знакомое намъ общество XVIII вѣка? Источникъ всякой премудрости есть откровеніе: «злоупотребленіе воли, преслушаніе Адама (говоритъ Лопухинъ въ сочиненіи: «Нѣкоторыя черты о внутренней церкви»), погасило въ умѣ его свѣтильникъ небесной премудрости и низринуло его и въ немъ весь родъ человѣческій въ царство болѣзней, труда и смерти—на землю, покрытую терніемъ и волчцами.

«Первый вздохъ покаянія Адамова былъ, можно сказать, первый лучъ возсіянія въ немъ онаго *Свѣта* и первая точка основанія внутренней церкви Божіей на землѣ.

«А воспламененные темнымъ духомъ каиновымъ, размножая злонравный міръ неправды, вражды, убійствъ, нечестія и заблужденій, создали на землѣ церковь антихристову.»

Изображеніе свойствъ этихъ двухъ церквей составляетъ главное содержаніе книги Лопухина, о которой мы говоримъ. Церковь Христову онъ сравниваетъ съ храмомъ Соломоновымъ (этотъ храмъ играетъ таинственную роль въ ученіи франмасоновъ: они видятъ предшественниковъ своихъ въ тампліерахъ и сами считаютъ себя каменьщиками, предназначенными на сооруженіе этого таинственнаго храма въ сердцахъ человѣческихъ). Разсуждая о церкви антихристовой, Лопухинъ относитъ къ ней духовныхъ сластолюбцевъ и модныхъ философовъ. Первыхъ онъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: «духовные сластолюбцы, прилежащіе къ *тайнымъ наукамъ* не по любви къ истинѣ, но для удовлетворенія самолюбію своему, въ число которыхъ полагать должно любопытствомъ, корыстью и себялюбіемъ, прилѣпленныхъ къ познаніямъ, къ златодѣланію и къ исканію средствъ искусствомъ продолжить грѣховную свою жизнь, къ упражненіямъ *въ буквахъ теософіи*, *кабалы*, *алхиміи*, *тайной медицины* и въ магнитизмѣономъ, который можетъ учиниться лучшимъ разсадникомъ и приготовленіемъ для дѣйствія темныхъ силъ».

Рядомъ съ ними Лопухинъ ставитъ модныхъ философовъ, о которыхъ говоритъ: «Дѣйствительнѣйшія орудія, посредственныя и проповѣдники богопротивной сей церкви суть оные модные философы, которые тщатся доказать, что душа смертна, что самолюбіе должно быть основаніемъ всѣхъ дѣйствій человѣческихъ, что христіанство— фанатизмъ; и сіе утверждаютъ они для невѣждъ примѣрами фанатиковъ, называвшихся христіанами, или примѣрами злоупотребленія видовъ (образовъ) христіанства».

Изъ этой выписки ясно, вопервыхъ, что Лопухинъ въ мистицизмѣ видѣлъ спасеніе; но этотъ мистицизмъ долженъ, по его мнѣнію, вести только къ познанію Бога въ природѣ, а не служить удовлетвореніемъ празднаго любопытства. Вотъ что̀ говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ той же книги: «Колико просвѣтительна быть должна теорія сего (теософическаго) познанія, развивающаго, такъ сказать, грубыя нити одежды тварей и открывающаго источники и начала ихъ, являющаго во всѣхъ существахъ образъ Пресвятыя Троицы въ учрежденной его Троицѣ въ натурѣ, открывающаго внутреннее, коренное въ твореніи дѣйствіе Божіе, производимое всесотворшею премудростью Его». Вовторыхъ, мы видимъ, какъ непріязненно Лопухинъ относился къ французскому ученію энциклопедистовъ.

Для человѣка есть средства освободиться изъ царства антихристова; вотъ что̀ говоритъ объ этомъ Лопухинъ: «Къ таинственному умерщвленію сего грѣховнаго человѣка коренное средство есть глубокое самоотверженіе, которому наконецъ пособіемъ духа любви долженствуетъ послѣдовать отверженіе, такъ-сказать, самаго онаго самоотверженія. Я не только не должно дѣйствовать, но и не видѣть своего бездѣйствія, кольми паче услаждаться имъ. Ибо чрезъ сіе самоуслажденіе можетъ Люциферъ воздвигнуть въ сердцѣ престолъ свой».

Возродившись разъ, человѣкъ долженъ постоянно поддерживать себя на пути спасенія. Средства для этого суть: a) насилованіе своей воли, b) молитва, c) воздержаніе, d) дѣла любви, e) поученіе къ познанію натуры и себя самого.

«Полезно и нужно (говоритъ Лопухинъ) часто переламывать собственную свою волю и не слѣдовать ей, даже въ мелочахъ, все то дѣлая въ стремленіе ко Христу распятому. Таковое противоборствіе волѣ своей, въ добромъ намѣреніи чинимое, весьма приготовляетъ къ истинному самоотверженію и привлекаетъ духъ благодати.

«Разумъ должно воздерживать не только отъ упражненій въ томъ, что̀ явно вредно, но и отъ всякихъ размышленій безполезныхъ и отъ изученія того, что̀ токмо служитъ къ удовлетворенію любопытства и ненужно для преуспѣянія въ жизни христіанской и для отправленія должностей человѣка, живущаго въ обществѣ, гражданина, или подданнаго».

Читатель не посѣтуетъ на насъ за эти выписки, въ которыхъ рисуется воззрѣніе, чрезвычайно-важное для пониманія одного изъ самыхъ интересныхъ явленій нашей цивилизаціи XVIII вѣка.

Книга заключается «Краткимъ изображеніемъ качествъ и должностей истиннаго христіанина», которое по справедливому замѣчанію

г. Аѳанасьева, вполнѣ и почти буквально согласно съ «Катехизисомъ вольныхъ каменьщиковъ» того же Лопухина. Вотъ одинъ примѣръ:

Катихизисъ вольныхъ каменьщиковъ.	Краткое изобр. качествъ и долж. истин. христіанина.
Когда престанетъ всякій трудъ и работа?	Когда совершится духовное зданіе церкви Христовой и царство Божіе во всей своей полнотѣ явится на землѣ?
Когда не останется на землѣ ни *единой воли*, которая бы не совершенно предалась Богу; когда *золотой* вѣкъ, который Богъ хощетъ прежде внутренне возстановить въ маломъ своемъ избранномъ народѣ, распространится вездѣ и явится внѣшне и когда царство самой натуры освободится отъ проклятія и возвратится въ *средоточіе* солнца.	Когда не останется на землѣ ни единой воли, непокорной Богу; смерть, послѣдній врагъ сей, изчезнетъ; самая тварь претворится въ естество нетлѣнія; небо и земля прейдутъ. и возсіяетъ небо и земля новая; тогда совершится царствіе Христово и *будетъ Богъ всяческая во всѣхъ.*

Этотъ катихизисъ, изъ котораго мы сдѣлали выписку, былъ издаваемъ нѣсколько разъ и, между-прочимъ, въ книгѣ: «Духовный Рыцарь», первая половина которой занята обрядами для принятія въ франмасонство.

Изложивъ положительное ученіе Лопухина, мы должны познакомить съ его отрицательною стороною. Съ особенною ясностью эта отрицательная сторона выходитъ въ упомянутомъ уже нами: «Разсужденіи о злоупотребленіи разума» и пр. и въ «Изображеніи мечты равенства и буйной свободы съ пагубными ихъ плодами».

Равенство, по мнѣнію Лопухина, не можетъ существовать и въ золотомъ вѣкѣ. «Всѣ бы въ безпредѣльности свѣта-блаженства плавали (говоритъ онъ), всякое бы существо море ихъ выпивало. Но равны бы не были. Единый лучъ — единая капля больше, уже неравенство дѣлаетъ».

Неравенство существуетъ и на небесахъ:

«Мильйонами солнцевъ блистающія очеса Всевидящаго, какъ безпредѣльные океаны свѣта, разливаютъ существо и славу Его на несчетныя множества безплотныхъ силъ, въ броню сіянія облаченныя и на невидимыхъ крылахъ всепроницательности совершающія служеніе свое въ различности дарованій, могуществъ и знаній.

«Чудесное оное царство единаго безчисленныхъ міровъ царя являетъ образъ монархическія стройности и возвѣщаетъ благодать и пользу единоначалія въ пространныхъ областяхъ.»

Основанія истинной свободы, по Лопухину, слѣдующія:

«Всемогущая творческая рука напечатлѣла душѣ каждаго человѣка свободность, послѣдовать святому уставу добродѣтели, или устремиться ко злу.

«Сіе есть одно основаніе истинной свободы, въ предѣлахъ души токмо существовать должествующей.»

Изъ всего предъидущаго ясно, что Лопухинъ, по существу своего ученія, былъ ревностный поборникъ единодержавной власти. За что̀ же на него воздвигнуто было гоненіе? Отвѣтъ на этотъ вопросъ найдемъ въ самомъ разсказѣ Лопухина о его допросѣ.

Мы уже видѣли, ка̀къ подозрительно смотрѣли на мартинистовъ при дворѣ и въ обществѣ. Въ началѣ 1791 года посланъ былъ въ Москву графъ Безбородко съ порученіемъ, если найдетъ нужнымъ, произвести слѣдствіе надъ мартинистами; но «Безбородко (говоритъ Лопухинъ) ни къ чему не приступилъ по своей проницательности, по мягкосердію своему и, можетъ-быть, по нѣкоторымъ *личнымъ уваженіямъ дворскимъ*». Но причиною своей бездѣятельности онъ выставилъ то обстоятельство, что Лопухинъ сжегъ нѣкоторыя бумаги и «чрезъ то скрылись слѣды къ уликѣ и къ основательному изслѣдованію.» Лопухинъ утверждаетъ, что эти бумаги были ненужныя и что, когда онъ жегъ, онъ не ожидалъ обыска; но шпіоны передали объ этомъ Безбородкѣ. Лопухинъ узналъ это изъ разговора съ А. Г. Орловымъ, который нападалъ на общество. Лопухинъ защищалъ его и утверждалъ, что невинность ихъ легко открыть, нечаянно захвативъ бумаги. «Какія же захватить бумаги» сказалъ Орловъ, «когда ты ихъ сосжешь?»—«Почему же» спросилъ Лопухинъ: «думать, что ихъ жгутъ?» —«Да ты первый» отвѣчалъ Орловъ: «сжегъ передъ пріѣздомъ сюда Безбородко съ Архаровымъ».

Въ апрѣлѣ 1792 года нанесенъ былъ обществу окончательный ударъ: Новиковъ былъ схваченъ; домы и типографія его опечатаны. Тогда же Лопухинъ былъ призванъ къ допросу. «Князь Прозоровскій (пишетъ Лопухинъ) призвалъ къ себѣ въ петровскій подъѣздный дворецъ, гдѣ онъ тогда жилъ и гдѣ все сіе происходило, оберъ-полицмейстера очень-скрытно, и посадилъ его въ особую комнату, часу въ пятомъ послѣ обѣда, въ которомъ и я къ нему пріѣхалъ. Занимаясь со мною, забылъ князь объ оберъ-полицмейстерѣ, который, въ ожиданіи приказа, просидѣлъ одинъ до полуночи безъ свѣчъ.

«Предисловіе князя сего къ допросу было предлинное, гораздо-свысока и жестоко. Насвучивъ, сказалъ я ему, что когда онъ имѣетъ отъ государыни указъ и вопросные мнѣ пункты, то я думаю ему слѣ-

дуетъ только по нихъ исполнять, а отъ себя прибавлять, кажется, излишній только трудъ для него будетъ: «прошу мнѣ дать пункты, такъ я буду отвѣчать». — «Очень-хорошо» говорилъ онъ, спрашивая меня, самъ ли я буду писать отвѣты, или позвать секретаря, и весьма уже смягчился. «Я бы желалъ самъ писать, если можно» сказалъ я: но только не знаю, не много ли будетъ помарокъ».— «Тѣмъ лучше» отвѣчалъ онъ, мнѣ: «ибо мнѣ приказано прислать отвѣты ваши вчернѣ, и точно въ томъ видѣ, какъ они напишутся».

«Вопросы сочинены были очень-тщательно. Сама государыня изволила поправлять ихъ и свои вмѣщать слова. Все мѣтилось на подозрѣніе связей съ *ближайшею къ престолу особою;* прочее же, такъсказать, подобрано было только для расширенія завѣсы.

«Въ четвертомъ, или пятомъ пунктѣ началась эта матерія, и князь Прозоровскій, отдавая мнѣ его дрожащею, правда, немножко, рукою, такимъ же голосомъ говорилъ: «Посмотрю, что вы на это скажете?» — «О! на это отвѣчать всего легче» сказалъ я и написалъ отвѣтъ мой такъ справедливо и оправдательно, что послѣ много сіе, конечно, участвовало въ причинахъ благоволенія ко мнѣ *оной высокой особы* (то-есть Павла Петровича). Князь Прозоровскій, прочитавъ отвѣтъ сей съ чрезвычайною досадою, бросилъ листъ на бюро и, подошедъ ко мнѣ, сказалъ: «Что жь, развѣ злыхъ-то умысловъ не было у васъ?» —«Да какъ же быть-то, не было», холодно отвѣчалъ я ему, сидя за бюро.

«Онъ далъ мнѣ для отвѣта слѣдовавшій затѣмъ пунктъ и пошелъ ходить по комнатѣ, которая была пребольшая. Отошедъ отъ меня такъ далеко, что думалъ, не могу слышать, говорилъ про себя: «не такъ бы съ ними надобно.»

По поводу этого допроснаго пункта позволимъ себѣ небольшое отступленіе: г. Аѳанасьевъ въ своей любопытной статьѣ о Лопухинѣ («Арх. Ист. и Пр. Свѣд.», 1860, кн. I), дѣлаетъ слѣдующее чрезвычайно-важное замѣчаніе:

«Въ одномъ небольшомъ, нынѣ рѣдкомъ собраніи масонскихъ хоровъ и пѣсенъ, изданномъ безъ цензурнаго дозволенія, находимъ слѣдующее обращеніе къ Н. И. Панину, воспитателю наслѣдника великаго князя Павла Петровича:

О, старецъ, братьямъ всѣмъ почтенный!
Коль славно, Панинъ, ты успѣлъ:
Своимъ премудрымъ ты совѣтомъ
Въ храмъ дружбы сердце царско ввелъ;
Вѣнчанна мира красотою
Плѣнялъ невинной простотою,

И что̀ есть смертный — вразумилъ,
Власть пышну съ службою святою
И съ человѣчествомъ смирилъ...
Въ порфирѣ, дружбы удаленный,
Союзовъ братскихъ отчужденный,
Послѣдуя стезѣ своей,
И въ нашъ вступивши храмъ священный,
Колико пріобрѣлъ друзей!
Погибъ, отвергнувши совѣты,
Что въ жизнь его давалъ Солонъ;
Грядущій за твоимъ примѣромъ
Блаженъ стократно! онъ масонъ.
Твоя доброта успѣваетъ,
Къ отрадѣ бѣдныхъ честь сіяетъ,
И съ той восходитъ вверхъ звѣздой,
Что̀ въ утренней странѣ блистаетъ,
Предвозвѣщая вѣкъ златой.

«Принимая въ соображеніе это свидѣтельство (замѣчаетъ г. Аѳанасьевъ), позволительно думать, что подозрѣніе правительства относительно мартинистовъ, будто они всячески старались преклонить на свою сторону великаго князя, несовсѣмъ было неосновательно».

Въ запискѣ Карамзина, написанной въ 1818 г., чтобъ напомнить о бѣдственномъ положеніи семьи Новикова (*), находимъ слѣдующее: «Одинъ изъ мартинистовъ, или теософическихъ мистиковъ, славный архитекторъ Бажановъ писалъ изъ Санктпетербурга къ своимъ московскимъ друзьямъ, что онъ, говоря о масонахъ съ тогдашнимъ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ, удостовѣрился въ его добромъ о нихъ мнѣніи. Государынѣ вручили это письмо. Она могла думать, что масоны или мартинисты, желаютъ преклонить къ себѣ великаго князя.»

Были еще два вопроса «поважнѣе», по выраженію Лопухина:

«1) Для чего общество наше было въ связи съ герцогомъ браупшвейгскимъ и въ чемъ состояла наша съ нимъ переписка? 2) Для чего имѣли мы сношенія съ берлинскими членами подобнаго общества въ то время, когда мы знали, что между россійскимъ и прусскимъ дворами была холодность?

«На первое отвѣчалъ я, что хотя, по вступленіи моемъ въ наше общество, не было уже никакихъ отношеній къ герцогу браушшвейгскому, но извѣстно мнѣ, что оныя въ чемъ ином состояли, какъ въ церемоніальныхъ къ нему отзывахъ, по обрядамъ извѣстнаго ма-

(*) Статья г. Ешевскаго: «Нѣсколько дополнительныхъ замѣчаній къ статьѣ «Новиковъ и Шварцъ» («Рус. Вѣстникъ», т. XXII).

сонства, въ коемъ былъ онъ тогда титулярнымъ начальникомъ, нѣкоторыхъ ложъ въ Европѣ; а что касается содержанія переписки съ нимъ, то я о ней только то помню, что нѣчего помнить.

«На второе, что хотя съ берлинскими сообщниками никогда въ перепискѣ не было ни одного слова, касающагося до политики; но когда узнали мы о холодности между дворами, то всякая съ ними переписка пресѣклась, что можетъ быть доказано всякимъ изслѣдованіемъ и подлинными бумагами.»

Къ вопросамъ, присланнымъ изъ Петербурга, Прозоровскій счелъ долгомъ прибавить еще вопросъ отъ себя, по поводу котораго произошла слѣдующая сцена между нимъ и Лопухинымъ:

«Однако» говорилъ князь Прозоровскій: «съ французами-то вы имѣли переписку?»—«Кто?» спросилъ я.—«Вы, и именно вы, сирѣчь ты». —«Имѣлъ» отвѣчалъ я. Обрадовался мой князь и съ веселымъ вдругъ лицомъ, самымъ ласковымъ тономъ продолжалъ: «Это хорошо, что вы чистосердечны, да и дѣло уже извѣстное. Скажи, пожалуйста, о чемъ же и когда вы къ нимъ писывали?»—«Не упомнишь» отвѣчалъ я: «всего о чемъ и когда».—«Однако, сколько можешь вспомнить». — «Ну, я писывалъ къ нимъ, чтобъ прислать табаку, вина, конфектъ, сукна какого-нибудь, игрушекъ въ подарокъ дѣтямъ».—«Вы шутите», осердясь, говорилъ мнѣ князь: «къ какимъ же французамъ вы писывали это?»—«Къ лавочникамъ здѣшнимъ, а то къ какимъ же?»— «Нѣтъ, вы были въ перепискѣ съ якобинцами».—«А ваше сіятельство бывали съ ними въ перепискѣ?» — «Можетъ ли это быть, чтобъ я съ ними переписывался?» говорилъ онъ.— «Такъ знайте жь» сказалъ я ему, сидя и гораздо-неучтиво: «что въ чести, въ вѣрности къ государю и отечеству я никакъ вамъ не уступлю, и не смѣйте мнѣ дѣлать такихъ вопросовъ!»

«Князь, очень сбавивши своего жару, говорилъ мнѣ: «Что жь ты этакъ на меня нападаешь: вишь не я, государыня объ этомъ тебя спрашиваетъ.» — «Гдѣ же этотъ вопросъ?» — «Вотъ будетъ» — «А я буду отвѣчать.» — «Что же отвѣчать будешь, скажи, пожалуй?» — «Тогда увидите.» — «Лучше скажи, пожалуй, прежде, такъ, можетъ-быть, мы и посовѣтуемся» и очень прилежно уговаривалъ меня разсказать ему напередъ этотъ отвѣтъ. — «Скажу вамъ только, отвѣчалъ я, что ежели государыня изволитъ меня объ этомъ спрашивать, то я, конечно, въ отвѣтѣ своемъ ей шутить не буду; и чѣмъ онъ будетъ серьёзнѣе, тѣмъ основательнѣе отразится клевета.»

Вопроса, разумѣется, не было; но замѣчательно, какъ мало Прозоровскій понималъ сущность дѣла и мнѣнія лицъ, которыхъ участь

была въ его рукахъ: онъ не подозрѣвалъ даже, что передъ нимъ стоитъ отъявленный врагъ якобинцевъ. Онъ думалъ, что всѣ, несовсѣмъ сходные во взглядахъ съ людьми существующаго порядка, должны быть якобинцы и революціонеры. Такихъ судей и такихъ допросовъ исторія представляетъ множество; источникъ ихъ одинъ: недовѣріе къ мысли и слову.

Лопухинъ осужденъ былъ въ ссылку, но выпросилъ позволеніе остаться нѣсколько времени въ Москвѣ, чтобъ приготовить къ этому извѣстію своего больнаго отца. Между-тѣмъ Екатерина успѣла прочесть его отвѣты и была, по свидѣтельству извѣстнаго секретаря ея, Попова, тронута до слёзъ; вслѣдствіе чего позволила Лопухину остатьвъ Москвѣ. «Но (прибавляетъ нашъ авторъ), имѣвъ, какъ извѣстно, особенную твердость поддерживать основательность своихъ повелѣній и строго сохранять весь видъ порядка, при такой, и подлинно, можетъ-быть во все ея царство однажды случившейся отмѣнѣ ея указа, предлогомъ поставила опасность сразить престарѣлаго отца моего, хотя она знала о его состояніи, и, подписывая указъ о моей ссылкѣ и гораздо прежде въ нѣсколько лѣтъ ея противъ меня предубѣжденія я очень ей извѣтенъ былъ, какъ знала она то, чей я сынъ.»

До кончины Екатерины Лопухинъ жилъ въ Москвѣ, много читалъ и не выходилъ изъ тѣснаго кружка. Чрезъ нѣсколько дней послѣ вступленія на престолъ Павла, онъ получилъ именное повелѣніе ѣхать въ Петербургъ. «4-го декабря (разсказываетъ Лопухинъ) предсталъ я предъ Павла Перваго. Онъ такъ милостиво меня принялъ и такой имѣлъ даръ приласкать, когда хотѣлъ, что ни съ кѣмъ во всю мою жизнь не былъ я такъ свободенъ при первомъ свиданіи, какъ съ симъ грознымъ императоромъ. Сергѣй Ивановичъ Плещеевъ, который ввелъ меня въ его кабинетъ, и одинъ былъ въ немъ при семъ первомъ моемъ представленіи, удивляясь моей смѣлости, послѣ дружески мнѣ совѣтовалъ обращаться съ государемъ осторожнѣе. Однако я всегда смѣлъ былъ передъ нимъ и никогда нисколько его не робѣлъ, даже во время самой его холодности ко мнѣ.

«Въ государѣ семъ, можно сказать, безпримѣрно соединились всѣ противныя одно другому свойства до возможной крайности: только острота ума, чудная дѣятельность и щедрость безпредѣльная являлись въ немъ при всѣхъ случаяхъ неизмѣнно. Пылкость гнѣва его никогда, однакожъ, не имѣла послѣдствій невозвратныхъ. Къ строгости побуждался онъ точно стремленіемъ любви, правды и порядка, коего разстройство увеличивалось иногда въ глазахъ его предубѣжденіемъ. Сильное впечатлѣніе на нравъ его дѣлало, конечно то, что отъ са-

маго дѣтства напоенъ онъ былъ, такъ сказать, причинами къ страхамъ и подозрѣніямъ и что безмѣрная дѣятельность его стѣснялась невольнымъ бездѣйствіемъ до тѣхъ немолодыхъ уже лѣтъ, въ которыхъ онъ вступилъ на престолъ. Я увѣренъ, что при рѣдкомъ государѣ больше, какъ при Павлѣ I, можно было сдѣлать добра государству, еслибъ окружающіе его руководствовались усердіемъ къ отечеству, а не видами собственной корысти.

«Первый разговоръ его со мною былъ (говоритъ Лопухинъ) о московскомъ митрополитѣ, на котораго онъ тогда гнѣвался за то, что Платонъ, по его призыву, не только отмѣнно милостивому, но можно даже сказать дружескому, не поспѣшилъ къ нему пріѣхать и представлялъ противъ начатаго императоромъ жалованія духовнымъ особамъ орденовъ кавалерскихъ. Причемъ государь спрашивалъ меня: какъ я думаю объ этомъ жалованьи? Я ему отвѣчалъ, что истинной церкви христіанской такія почести, самолюбіе питающія, конечно, неприличны. Но, пріемля правленіе церкви нынѣ больше учрежденіемъ политическимъ, не безполезно, по моему мнѣнію, употребляться могутъ такія отличія для награды и поощренія онаго членовъ, коихъ весьма не можно въ прямомъ смыслѣ почитать истинно-духовными; l'habit ne fait pas le moine» (платье монахомъ не дѣлаетъ) прибавилъ я. «Правда твоя» сказалъ государь.

«Я старался оправдать Платона, сколько могъ. Государь сильно обвинялъ его, и съ нѣкоторымъ огнемъ неудовольствія даже противъ меня, при всемъ несказанно-милостивомъ со мною обращеніи. Однако я смѣло продолжалъ и имѣлъ счастіе много помочь къ умилостивленію государя. Кончилось тѣмъ, что онъ изволилъ мнѣ сказать: «Ну, видно, ты прямо любишь Платона; и если такъ, какъ ты говоришь, то мы съ нимъ помиримся. Пусть онъ сюда пріѣдетъ».

«Въ тотъ же день писалъ я все это къ митрополиту, совѣтуя поспѣшить пріѣздомъ. Но онъ прежде еще воротился съ дороги, получа весьма гнѣвное письмо отъ императора, отправленное къ нему еще до моего пріѣзда и, по его же повелѣнію, съ жестокимъ выговоромъ изъ Синода указъ, о коемъ опредѣленіе члены подписывали въ день праздничный на алтарѣ придворной церкви, въ самое время совершенія литургіи, отчего онъ занемогъ и не смѣлъ уже ѣхать.

«Послѣ разговора со мною, императоръ при первомъ свиданіи съ новгородскимъ митрополитомъ Гавріиломъ сказалъ ему: «пожалуйте, оставьте Платона въ покоѣ, и безъ меня не касайтесь до него».

Лопухинъ былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники съ назначеніемъ состоять при государѣ.

«Къ вечеру того же дня, государь призвалъ меня къ себѣ (разсказываетъ Лопухинъ), приказалъ мнѣ объявить въ сенатѣ генерал-прокурору волю его объ освобожденіи всѣхъ безъ изъятія заточенныхъ по тайной экспедиціи, кромѣ повредившихся въ умѣ; о сихъ послѣднихъ приказалъ государь усугубить попеченіе къ возможному излеченію, для освобожденія также ихъ, по выздоровленіи, а между-тѣмъ, сколько можно, ихъ покоить. И вообще приказалъ онъ по сей экспедиціи принять мѣры къ лучшему и, сколько можно, спокойнѣйшему содержанію арестантовъ.»

Павелъ много довѣрялъ Лопухину. «Часто были такія минуты, въ которыя тысячи душъ для себя выпросить стоило бы мнѣ одного слова». Мы увидимъ ниже, что подобный подарокъ былъ бы тяжелъ Лопухину, только какъ излишняя почесть съ точки зрѣнія смиренія. Предосудительнаго въ этомъ, какъ многіе люди того времени, онъ не видалъ. Восхваляя Рѣпнина, Лопухинъ говоритъ: «прежде онъ дарилъ тысячи душъ крестьянъ». Но къ этому вопросу мы еще возвратимся.

Милость государя возбудила противъ Лопухина зависть. Тогдашній генерал-прокуроръ два раза уговаривалъ его отказаться отъ вѣдѣнія дѣлъ тайной экспедиціи. «Скоро открывшаяся неспособность моего характера (говоритъ онъ) держаться при дворѣ успокоила моихъ завистниковъ». Одинъ случай скоро убѣдилъ всѣхъ въ этомъ: государь желалъ смягчить участь одного изъ участниковъ дѣла по утратѣ въ государственномъ банкѣ; за осужденнаго просилъ великій князь Александръ Павловичъ. Лопухинъ находилъ, что надо или всѣхъ простить или всѣхъ равно наказать.

«Всего лучше (говоритъ онъ) казалось мнѣ, естьли нельзя всѣхъ простить, то перемѣнить наказаніе всѣхъ, равно съ онымъ иностранцемъ, приговоренныхъ, на содержаніе въ смирительномъ домѣ или въ какихъ другихъ тюрьмахъ, и его освободить прежде и сіе сдѣлать, естьли угодно государю скрытнѣе, чтобъ по-крайней-мѣрѣ, сколько-нибудь при томъ въ наружности сохранить порядокъ правосудія.

«Съ такими мыслями возвратился я къ государю. Онъ былъ тогда въ кабинетѣ съ наслѣдникомъ Александромъ Павловичемъ и княземъ Безбородко. Скоро вошелъ онъ въ секретарскую нашу комнату, которая была передъ самымъ кабинетомъ и, подошедъ ко мнѣ, спрашиваетъ тихонько: «Что я сдѣлалъ?»—Я доложилъ ему о моей справкѣ и мысли свои представилъ.—«Какъ же, сказалъ государь, всѣхъ! они виноваты». — «Да и онъ виноватъ», отвѣчалъ я. Государь, подошедъ къ

Безбородкѣ, и также говорилъ съ нимъ тихо. Я остался у своего секретарскаго стола. Поговоривъ нѣсколько съ Безбородко, государь, оборотясь ко мнѣ, изволилъ сказать: «Что жь непойдешь ты къ намъ, Иванъ Владиміровичъ? Мы говоримъ о твоемъ дѣлѣ». Я подошелъ; государь продожалъ: «Вотъ и Александръ Андреевичъ говоритъ, что можно его освободить и послать только, какъ хорошаго художника (не помню, какого только мастерства), на житье въ бывшій городъ Воскресенскъ Московской Губерніи, гдѣ онъ и полезенъ будетъ для отдѣлки монастыря». — «А прочихъ-то, докладывалъ я, съ коими онъ равно виноватъ, куда же?» — «Въ ссылку по приговору», отвѣчалъ государь. — «Воля ваша, сказалъ я, только это будетъ несходно съ правдою и порядкомъ.» — «Да онъ же почти и невиноватъ», выговорилъ при томъ князь Безбородко. — «Какъ же, говорилъ я, невиноватаго сенатъ осудилъ и государю казнь его подписать дали?» На сіе государь мнѣ сказалъ съ гнѣвомъ: «Полно, братецъ, перестань!»

«Замолчавъ, отошелъ я къ своему столу. Государь, поговоря опять тихонько же съ Безбородко, подошелъ ко мнѣ и уже милостиво спрашивалъ: «Ну, что жь ты думаешь сдѣлать?»—«Я сдѣлаю то, что ваше величество приказать изволите, и думаю, что не сравнять наказаніе будетъ несправедливо и несходно съ вашимъ великодушіемъ». — «Нѣтъ», сказалъ государь, «этакъ нельзя: я прикажу Архарову».

«Случай» Лопухина, какъ говорилось въ то время, продолжался недолго. Павелъ, вдругъ, безъ видимой причины охладѣлъ къ нему: перестаръ призывать его къ себѣ, давать ему порученія, даже говорить съ нимъ. «Кажется, можно вѣрно заключить (говоритъ Лопухинъ), что главною причиною было затрудненіе, въ которое поставили государя противъ меня тѣ, кому я былъ ненадобенъ и которые ему больше были надобны, нежели я. Особое свойство великодушія потребно государямъ, чтобъ одолѣть сіе затрудненіе». Это мнѣніе подтверждается слѣдующимъ обстоятельствомъ: государь очень хвалилъ Лопухина, «только (прибавилъ онъ) не имѣю я довольно тѣхъ, какіе ему надобны въ находящихся при мнѣ».

Нѣсколько разъ Лопухинъ хотѣлъ объясниться съ государемъ, но дежурные не смѣли доложить о немъ, а пріятели, знавшіе нравъ государевъ, не совѣтовали ему этого дѣлать.

Друзья Лопухина не разъ дѣлали попытки, чтобъ онъ былъ уволенъ отъ двора, но государь не рѣшался его отпустить. Къ характеристикѣ какъ времени, такъ и личности Лопухина важенъ слѣдующій анекдотъ. «Одинъ ближній комнатный человѣкъ (Кутайсовъ) (разсказываетъ Лопухинъ) предлагалъ мнѣ подать отъ меня государю письмо о моемъ

отъ него увольненіи, въ которомъ я могу просить себѣ многаго, что онъ увѣренъ, что государь при отпускѣ моемъ все сдѣлаетъ въ мое удовольствіе и за это отвѣчаетъ. Я не согласился. «Вы философъ, говоритъ онъ мнѣ, а двора, позвольте сказать, не знаете. Теперь вамъ случай, я вѣрно знаю, такъ много получить, какъ уже никогда не удастся, ежели упустите его. Лента ли вамъ надобна—государь тотчасъ надѣнетъ на васъ, чинъ также получите. Если же вамъ надобна тысяча душъ, или больше, гдѣ вамъ угодно, то я берусь, по подачѣ вашего письма, вынести вамъ на это указъ, и позволяю вамъ сдѣлать со мною, что угодно, ежели того не исполню».

«Нѣтъ, отвѣчалъ я ему, я не соглашусь на ваши предложенія, хотя и увѣренъ я въ его успѣхѣ (и подлинно я былъ увѣренъ). Я не философъ, но, правда, что люблю держаться правилъ философскихъ. Двора подлинно я не знаю, и никогда, думаю, очень-знакомъ съ нимъ быть не могу, только въ этомъ случаѣ, мнѣ кажется, и придворныя обстоятельства вижу я точнѣе вашего. Я не искалъ быть при государѣ; онъ самъ изволилъ призвать меня и принялъ съ отличною милостью. Гнѣва его не заслужилъ. Возвратится милость его ко мнѣ, я буду очень-радъ; продолжится гнѣвъ его—все я невиноватъ буду. Уволитъ онъ меня отъ себя съ милостію—я буду счастливъ, съ немилостію—несправедливость не на моей сторонѣ. Но когда я самъ буду просить увольненія и награды отъ пего, не заслужа ихъ, то я оправдаю гнѣвъ его; и тогда-то, если не удастся мнѣ, потеряю я то, чего уже, конечно, возвратить не можно во всякомъ смыслѣ.»

Противоположность Лопухина съ окружавшей его сферою высказывается въ этомъ анекдотѣ чрезвычайно-рельефно: прямой, честный и благородный, онъ не могъ понять мелкихъ разсчетовъ, которыми предавались окружавшіе его. Мы, конечно, не станемъ ихъ винить за мелочность, избѣгнуть которой они не могли какъ по развитію своему, такъ и по отсутствію крупныхъ жизненныхъ интересовъ. Но, съ другой стороны, нельзя удержаться отъ восторга при видѣ человѣка, стоящаго вдалекѣ отъ всѣхъ подобныхъ соображеній и нежертвующаго ими ни своею мыслью, ни своимъ чувствомъ, человѣка съ вѣрою. Во что бы ни вѣрилъ человѣкъ—въ таинственную ли силу, таинственно проявляющуюся, въ силу ли мысли и прогреса—вѣра всегда ставитъ его выше людей, невидящихъ ничего далѣе завтрашняго дня и гордящихся

Звѣздой двоюроднаго дяди
И приглашеніемъ на балъ
Туда, гдѣ дѣдъ ихъ не бывалъ.

Если въ эпохи болѣе-образованныя, когда человѣкъ находитъ опору въ окружающемъ его обществѣ, отрадно встрѣтить человѣка, служащаго мысли; тѣмъ отраднѣе такая встрѣча въ эпоху, вообще лишенную мысли. Такой человѣкъ, какъ Лопухинъ, вѣрный своимъ убѣжденіямъ, находитъ въ нихъ опору и отраду. Что̀ намъ за дѣло до того, что благородныя убѣжденія, присутствія которыхъ нельзя въ немъ отрицать, опирались на теософическія мечтанія? еще менѣе намъ дѣло до того, что иныя изъ мнѣній, ставшихъ теперь достояніемъ прописей, встрѣчали яростнаго противника въ Лопухинѣ; за то во многомъ другомъ, что̀ не всегда ясно для современныхъ прогресистовъ, Лопухинъ стоялъ всю жизнь непоколебимо и стоялъ не словомъ, а дѣломъ и, притомъ, въ обстановкѣ, при которой нерѣдко поступки его могли казаться геройствомъ. Но вернемся къ прерванному разсказу.

Наконецъ старанія друзей Лопухина увѣнчались успѣхомъ; государь рѣшился отпустить его, но съ наградою: Лопухинъ былъ произведенъ въ тайные совѣтники и посланъ сенаторомъ въ Москву. Разсказъ объ его послѣднемъ посѣщеніи дворца чрезвычайно-любопытенъ.

«Я поѣхалъ во дворецъ (говоритъ Лопухинъ) благодарить государя. Онъ тогда былъ въ кабинетѣ. Докладчикъ и отверзатель дверей кабинетныхъ, тотъ ближній комнатный, о которомъ я говорилъ, хотя по пословицѣ: *хоть съ ангелами ликуй...* однако, желая мнѣ добра, говорилъ мнѣ, что лучше поблагодарить послѣ обѣда, что теперь государь возвратился съ вахтъ-парада очень невеселъ; а ему хотѣлось бы, чтобъ государь принялъ меня въ кабинетѣ, и увѣренъ, что непремѣнно изволитъ то сдѣлать, и съ милостью, только въ лучшій часъ. Я опять спорилъ съ нимъ, увѣряя, напротивъ, что этого не будетъ, и смѣючись говорилъ ему, что никакъ я о себѣ во всемъ лучше знаю придворную карту, хотя, впрочемъ, онъ ее гораздо-тверже моего знаетъ. «Нѣтъ» отвѣчалъ онъ: «повѣрьте, что будетъ такъ, какъ я говорю съ вами; о какомъ угодно закладѣ ударюсь, только пріѣзжайте послѣ обѣда».—«Пробьешь» сказалъ я ему.

«Пріѣхалъ я послѣ обѣда. Онъ пошелъ въ кабинетъ докладывать государю. Былъ тамъ необыкновенно долго; ибо обыкновенно, онъ только отворяя двери, называлъ государю того, кому есть надобность войти, или, вошедши въ него, ту жь минуту отворялъ двери для входа, кому надобно, или отказывалъ, по волѣ государевой. Тогда жь, побывъ у государя около четверти часа, вышелъ ко мнѣ, дожидавшемуся у дверей кабинета, и съ улыбкою сперва тихонько мнѣ сказалъ: «Вы правы», а потомъ вслухъ, при нѣсколькихъ тутъ бывшихъ: «Государь

извиняется, что не можетъ васъ принять въ кабинетѣ: онъ теперь занятъ письмомъ и тотчасъ сюда выйдетъ».

«Черезъ нѣсколько минутъ государь вышелъ. Въ дверяхъ онъ громко кашлянулъ, и когда я, ставъ на колѣно, поцаловалъ у него руку, то онъ поцаловавъ меня два раза въ щеку, сказавъ: «Vous m'avez fait tousser, я отъ тебя закашлялся». Что значили сіи слова—не знаю и по сіе время, и никто изъ очень-знавшихъ покойнаго государя не могъ никогда мнѣ ихъ растолковать».

Въ Москвѣ Лопухинъ, по собственному желанію, назначенъ былъ въ уголовный департаментъ. «Большаго труда стоило мнѣ (говоритъ онъ) успѣвать въ пощадѣ человѣчества, по причинѣ того несчастнаго предубѣжденія, коимъ исполнены были мои товарищи, что государю будто угоденъ судъ самый строгій. Товарищей у меня было много. Собраніе сенаторовъ очень тогда умножилось пожалованными вновь и опредѣленіемъ въ сенаторы всѣхъ отмѣненныхъ въ то время генерал-губернаторовъ и правившихъ ихъ должность. Въ томъ числѣ были старики и привыкшіе считать себя знатоками. Несмотря ни на что, я съ ними спорилъ и доказывалъ, что оскорбительно и думать, чтобъ государь услаждался жестокостью; что мнѣ очень извѣстно, что онъ желаетъ только правосудія, и что я увѣренъ, что ему пріятно будетъ всякое возможное, съ законами только соображенное, облегченіе участи судимыхъ. Долго не соглашались со мною. Но много мнѣ помогло незнаніе сперва товарищей моихъ о томъ, въ какомъ точно отношеніи находился ко мнѣ государь при увольненіи меня отъ себя. Многіе и изъ самыхъ прозирателей въ дворскую политику думали, что довѣренность его ко мнѣ еще продолжается, что не тайное ли око его я въ московскомъ сенатѣ и, судя по нраву государя, заключали, что я могу скоро къ нему возвратиться и въ бо̀льшую еще милость.

«Такое ложное заключеніе послужило, однакожь, къ избавленію многихъ несчастныхъ отъ жесточайшаго наказанія. Согласились со мною раза два, три, а тамъ уже трудно было и не соглашаться. Разнообразное рѣшеніе законами запрещается.

«Итакъ во все царствованіе Павла I, во время присутствія моего въ сенатѣ ни одинъ дворянинъ пятымъ департаментомъ не былъ приговоренъ къ тѣлесному наказанію, и по всѣмъ дѣламъ истощалась законная возможность къ облегченію осуждаемыхъ. Всѣ дѣла сего департамента конфирмованы были императоромъ. Два или три только, помнится, отмѣнилъ онъ убавкою опредѣленнаго наказанія. Изъ сего можно видѣть, по склонности ли былъ строгъ государь сей.

*

«Послѣ кончины, его нѣкто изъ разумнѣйшихъ сенаторовъ петербургскихъ, покойникъ же теперь, разсказывалъ мнѣ, съ какимъ прискорбіемъ принужденъ онъ былъ подписать кнутъ и ссылку сыну короткаго знакомаго своего, да и безвинному почти. «Для чего же?» спросилъ я.—«Боялись иначе», отвѣчалъ онъ.—«Что», говорилъ я, «такъ именно приказано было, или государь особенно интересовался этимъ дѣломъ?»—«Нѣтъ», продолжалъ онъ, «да мы по всѣмъ дѣламъ боялись не строго приговаривать, и самыми крутыми приговорами старались угождать ему». Промолчавъ о такой бѣдственной услугѣ, сказалъ я только моему товарищу: «Мы, далекіе отъ двора, московскіе сенаторы, простѣе живемъ, и не отвѣдалъ бы, конечно, знакомецъ твой кнута, еслибъ случилось дѣлу его быть въ пятомъ департаментѣ».

Чтобъ полнѣе очертить личный составъ того учрежденія, въ которомъ такую дѣятельную роль игралъ нашъ авторъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ показать всю тонкость и изворотливость его ума, остановимъ вниманіе читателей на одномъ анекдотѣ:

Въ число сенаторовъ поступилъ одинъ умный и очень-почтенный человѣкъ, но имѣвшій одну странность: желаніе «ошибить перья» Лопухину, какъ онъ выражался: вѣроятно, Лопухинъ какъ-нибудь задѣлъ его самолюбіе.

«Однажды (разсказываетъ нашъ авторъ), интересуясь очень дѣломъ своего знакомаго, говоритъ онъ обер-секретарю, чтобъ доложить его безъ меня, почему-то считая, что я буду противъ, и подлинно былъ я противъ, потому-что онъ желалъ несправедливаго. Дѣло было тяжебное. Тогда еще нѣсколько дѣлъ сего рода оставалось въ пятомъ департаментѣ. Обер-секретарь, человѣкъ честный и шутливый, сказывая мнѣ о приказаніи моего товарища, говорилъ съ улыбкою: «Не лучше ли доложить безъ его высокопревосходительства?»—«Нѣтъ», отвѣчалъ я, «доложите только, пожалуйста, въ такой день, когда и онъ и я будемъ въ присутствіи».

«Докладываютъ дѣло. Я тотчасъ вооружился противъ справедливой стороны и взялъ ту, которую хотѣлось защищать оному моему почтенному товарищу. Споръ у насъ сдѣлался прежаркій. Онъ выставилъ всѣ резоны въ пользу той стороны, которую я про себя держалъ. Наконецъ я, будто уставъ спорить и убѣдясь его резонами, которые тутъ подлинно сильны были, согласился съ нимъ. «Ну, говорю, мастеру и книги въ руки». Онъ всталъ, поѣхалъ съ торжествомъ и на другой день подписалъ резолюцію: отнять деревню или землю, теперь

не помню, у своего знакомаго, котораго онъ совершенно обнадежилъ своею защитою.

«Сей послѣдній, черезъ нѣсколько дней узнавъ это, пріѣзжаетъ къ сенатору, покровителю своему, и плачется о своей потерѣ. «Не можетъ это быть», говоритъ ему мой товарищъ, и увѣряетъ его, что дѣло точно рѣшено въ его пользу, не помня рѣшенія, а только помня, что я былъ противъ, и что онъ надо мною взялъ верхъ. Пріѣхавъ въ сенатъ, спрашивалъ у секретарей, какъ рѣшено это дѣло? докладываютъ ему, какъ оно рѣшено. «Возможно ли (говоритъ онъ), чтобъ я согласился такъ рѣшить?» — «Да вы де изволили и резолюцію давать, и журналъ уже подписать: вотъ и опредѣленіе, къ подписанію уже подано». Посмотрѣлъ журналъ, покраснѣлъ, осердился и подписалъ рѣшеніе.»

Самое важное дѣло Лопухина въ этотъ періодъ его жизни была ревизія Вятской Губерніи, замѣчательная тѣмъ, что Лопухинъ издалъ чрезъ нѣсколько лѣтъ книжку: «Выписка наставленій и приказаній, данныхъ гг. сенаторами при осмотрѣ Вятской Губерніи въ мартѣ 1800 года». Объ этой книжкѣ г. Аѳанасьевъ говоритъ слѣдующее: «Выписка наставленій и приказаній, данныхъ гг. сенаторами, представляетъ первый опытъ печатной гласности по дѣламъ административнымъ и судебнымъ; разумѣется, и здѣсь не обошлось безъ опущенія нѣкоторыхъ подробностей и сокрытія именъ, какъ не обходится безъ этого и современная гласность. Сенаторы нашли въ губерніи много безпорядковъ: медленное теченіе дѣлъ (*), неисполненіе указовъ правительствующаго сената, даже употребленіе пытокъ; главнымъ образомъ вниманіе ревизоровъ было обращено на сборы съ волостей, на содержаніе въ тюрьмахъ и на дѣйствія полиціи». Такъ, напримѣръ, въ предложеніи вятскому губернскому правленію сдѣланы слѣдующія распоряженія относительно земской полиціи: «Наблюдать, чтобъ въ полицейскихъ изслѣдованіяхъ не происходило того, что̀ нашли мы въ производствѣ дѣлъ нолинскаго земскаго суда, въ которомъ, по извѣстію о разбоѣ въ домѣ крестьянина Алалыкина, села Екатерининскаго, первою резолюціею заключено: учинить въ сомнительныхъ и подозрительныхъ домахъ въ томъ селѣ и въ окольныхъ деревняхъ, волостяхъ и селеніяхъ обыски, не окажется ли у кого пограбленныхъ имѣній или поличныхъ какихъ вещей, или орудіевъ? Таковыя генеральныя ре-

(*) Дѣла, поступившія въ вятскій уѣздный судъ еще въ 1792 году, оставались нерѣшеными.

золюціи не основаны на законахъ, весьма-трудны, или, лучше сказать, невозможны къ порядочному исполненію и совсѣмъ-противны свойствамъ доброхотства, человѣколюбія и осторожной кротости, которыя императорскими учрежденіями постановлены въ правила полиціи. Они, напротивъ, могутъ заставлять думать о расположеніи для непозволенныхъ какихъ-нибудь видовъ возмущать спокойствіе сельскимъ жителей вмѣсто охраненія, и обычаи такіе, приводя въ крайнее смятеніе цѣлыя селенія и тревожа спокойство добрыхъ поселянъ разными, могущими при нихъ быть злоупотребленіями, большему числу людей и бо́льшій вредъ нанести могутъ, нежели тотъ, котораго причина оными средствами изъискивается... Въ случаѣ разбоевъ и важнѣйшихъ уголовныхъ приключеній, полиція для изслѣдованія, безъ преступленія должности своей, можетъ тогда только въ домахъ дѣлать обыски, когда имѣетъ къ подозрѣнію такія существительныя причины, что можетъ основательность оныхъ чисто и ясно въ судѣ доказать; а иначе сама подвергается строжайшему обвиненію въ оскорбленіи личной безопасности, и чрезъ то въ нарушеніи и общаго спокойствія. За людьми сомнительнаго поведенія полиція обязана имѣть особливо-внимательное примѣчаніе для скорѣйшаго изобличенія ихъ и должнаго обузданія, въ случаѣ поступка законамъ и порядку противнаго; но прежде такого изобличенія не только не должна она дерзать какое-либо дѣлать стѣсненіе свободѣ ихъ, но даже ни малымъ чѣмъ нарушать ихъ спокойство, или какое-либо дѣлать имъ оскорбленіе». «Отъ полицейскихъ слѣдствій (замѣчаетъ г. Аѳанасьевъ) сенаторы требовали, чтобъ они совершались скоро и съ устраненіемъ излишняго письменнаго производства».

Въ донесеніи государю Лопухинъ писалъ, что встрѣтилъ много разныхъ злоупотребленій, что вообще нельзя сказать, «чтобъ какое-нибудь присутственное мѣсто, или чиновникъ въ Губерніи Вятской заслуживали представленными быть въ особое благоволеніе государево. А что принадлежитъ до гражданскаго губернатора, д. с. с. Тютчева, то сей въ честности состарѣвшійся чиновникъ (ему тогда было 80 лѣтъ, по-крайней-мѣрѣ) истощаетъ послѣднія свои силы къ наилучшему исполненію своей должности, и голосъ всей губерніи свидѣтельствуетъ о его правдолюбіи и добродушіи».

Государь приказалъ губернатора уволить за старостью съ пенсіею, а прочихъ чиновниковъ отрѣшить и предать суду.

Ближніе къ государю люди успѣли исходатайствовать, чтобъ бумаги по ревизіи были предварительно разсмотрѣны въ сенатѣ. Здѣсь

нашли нужнымъ отрѣшить членовъ губернскаго правленія и всѣхъ палатъ, за исключеніемъ казенной, за которую вступился государственный казначей. «Въ числѣ опредѣленныхъ къ отрѣшенію (говоритъ Лопухинъ) были и такіе, кои только-что вступили въ должность и не могли быть виноваты».

Первымъ дѣломъ Александра Павловича, при вступленіи на престолъ, было уничтоженіе тайной экспедиціи и передача дѣлъ ея въ вѣдѣніе обыкновенныхъ присутственныхъ мѣстъ. Причемъ было утверждено постановленіе сената, чтобъ дѣла о лицахъ низшихъ сословій оканчивались въ губернскихъ присутственныхъ мѣстахъ. Это постановленіе, чрезвычайно-благодѣтельное, по отсутствію правильнаго суда и по страху, возбуждаемому всѣми дѣлами подобнаго рода, не разъ вело къ злоупотребленіямъ. Лопухину, при ревизіи Слободско-украинской Губерніи, встрѣтился слѣдующій случай:

Онъ былъ заинтересованъ печальнымъ видомъ одного колодника-однодворца, навелъ справки объ его дѣлѣ и вотъ что̀ узналъ:

«Въ праздничный день добрый однодворецъ этотъ зашелъ въ питейный домъ выпить чарку вина. Тутъ же случился отпущенный въ домовый отпускъ матросъ, который за разныя шалости отданъ въ рекруты изъ того же селенія, когда братъ однодворца былъ въ ономъ головою. По старой злобѣ на брата сталъ матросъ къ однодворцу придираться. Смирный однодворецъ отмалчивался и только сказалъ глупую простолюдинскую пословицу, которой, по непристойности въ ней словъ, нельзя написать. Матросъ, переговоря и ее иначе, закричалъ: «Такъ-то ты говоришь?» и донесъ начальству на однодворца въ словахъ оскорбительныхъ для царскаго величества, коихъ однодворецъ и не говорилъ. Десять свидѣтелей подтвердили доносъ клеветника».

Дѣло было судимо въ уѣздномъ судѣ, который приговорилъ однодворца къ наказанію, замѣняющему смертную казнь. Лопухинъ донесъ о дѣлѣ государю, вслѣдствіе чего однодворецъ былъ освобожденъ и повелѣно было всѣ дѣла такого рода не совершать въ губернскихъ присутственныхъ мѣстахъ, но, по ревизіи ихъ, представлять въ правительствующій сенатъ, а ему доносить государю императору.

Во время этой же ревизіи Лопухинъ имѣлъ случай обратить вниманіе правительства на другой важный вопросъ: на духоборцевъ. Еще проѣзжая въ Харьковъ, онъ слышалъ неблагосклонные отзывы о нихъ отъ архіерея и одного мѣстнаго чиновника. Мнѣніе этого послѣдняго чрезвычайно-любопытно: «Извольте же посмотрѣть ихъ» го-

ворилъ онъ Лопухину: «похожи ли хоть мало на христіанъ: кровинки въ лицѣ нѣтъ. Они злодѣи и въ церковь хаживали; да полно что, въ церкви стоитъ, а не это думаетъ. Только, бывало, отрада душѣ, что оттуда ихъ вытащить, да въ однѣхъ рубашкахъ палачьемъ дуть». —«Почему же, спрашивалъ Лопухинъ, знать было вамъ, что они думаютъ!»—«Какъ же съ, это видно!» отвѣчалъ тотъ.

Пріѣхавъ въ Харьковъ, Лопухинъ потребовалъ оффиціальныхъ свѣдѣній о духоборцахъ и узналъ, что едва-только были возвращены они, по указу Александра, на мѣсто жительства, какъ уже снова начались *увѣщанія* ихъ. «Вы сдѣлаете бунтъ», сказалъ Лопухинъ губернатору. Такъ и случилось: на другой же день губернаторъ пришелъ извѣстить Лопухина о томъ, что бунтъ уже произошелъ: «о духоборцахъ говорятъ (сказалъ онъ), что они государя помазанникомъ Божіимъ не признаютъ; распятому Господу Іисусу Христу не поклоняются и никакихъ податей и государственныхъ повинностей исполнять не хотятъ».

«Что жь прикажете дѣлать?» спрашивалъ губернаторъ».—«А вотъ что» отвѣчалъ ему Лопухинъ: «повѣрьте, что все это произошло отъ того, что стали увѣщевать этихъ людей не во-время, безъ нужды, неискусно, ожесточили ихъ и не такъ поняли. Доказательство тому—самый присланный къ вамъ напѣвъ ихъ, читайте его: онъ присланъ въ обличеніе ихъ невѣрія къ Спасителю, а преисполненъ благоговѣнія къ Нему (*). Вѣрно ихъ спрашивали, что думаютъ о коронаціи, которая недавно была. Извѣстно, что обрядовъ никакихъ они не уважаютъ, то, конечно, и о семъ надлежащаго понятія не имѣютъ. Да какая же нужда всякаго теперь мужика, который встрѣтится, спрашивать, что онъ думаетъ о коронаціи? Вѣрно, ихъ заставляли кланяться образу, и они, по своимъ понятіямъ, не послушались. Вѣрно, ихъ спрашивали, будутъ ли платить подати? Они, будучи теперь разоренные, нищіе, которые сами требуютъ помощи, ожесточились такимъ вопросомъ, и проч.

«Итакъ, вотъ что вы сдѣлайте. Пошлите тотчасъ туда нарочнаго, прикажите всѣхъ взятыхъ подъ стражу освободить. Донесеніе объ увѣщаніи припишите тому, что не такъ ихъ поняли, какъ и подлинно. Земскому суду сдѣлайте самый строгій выговоръ за то, что онъ

(*) Въ напѣвѣ имъ написано было: «поклоняемся Христу не мѣдному, не серебряному, не золотому, не кованому и не литому, и не писанному, а Христу, Сыну Божію, Спасу міра» и пр.

въ такомъ дѣлѣ, не описавшись къ вамъ и безъ вашего наставленія осмѣлился отправиться для слѣдствія на мѣсто; прикажите ему и съ командою тотчасъ выѣхать въ городъ, а засѣдателю явиться сюда къ отвѣту. О возвращаніи увѣщателей-священниковъ извольте отнестись официально къ преосвященному.»

Пріѣхавшіе назадъ увѣщатели подтвердили догадку Лопухина о нелѣпости ихъ пріемовъ.

Изъ двухъ всеподданнѣйшихъ донесеній Лопухина, написанныхъ въ высшей степени умно и человѣколюбиво, особенно-замѣчательно слѣдующее мѣсто:

«Долгомъ также почитаемъ мы, касательно увѣщанія и вообще обхожденія съ оными духоборцами (коихъ всѣхъ здѣсь небольшое число), изъяснить здѣшнему начальству августѣйшую волю вашу, государь, изображенную въ доставленныхъ намъ о томъ документахъ такъ: что въ повелѣніи предоставлять духовнымъ особамъ ихъ вразумлять и наставлять на путь истинный безъ всякаго съ ихъ стороны принужденія, не должно разумѣть безвременныхъ, нарядныхъ, въ видѣ суда, образомъ смущать и устрашать могущимъ, производимыхъ увѣщаній, но дѣлать то кстати, наблюдая расположеніе, стараясь въ самыхъ мѣстахъ ихъ жилищъ имѣть при церквахъ священниковъ, не столько отличающихся блескомъ школьнаго ученія и искусствомъ въ словопреніи, какъ истиннымъ благочестіемъ и усердною любовью къ закону Божію и евангельскому ученію, жизнью своею свидѣтельствующихъ чувствованія свои и правила. Таковые пастыри естественно, вкореняя о себѣ доброе мнѣніе, привлекутъ къ себѣ довѣренность, найдутъ время, случай и мѣсто къ бесѣдамъ своимъ и самыми простыми способами откроютъ пути къ подѣйствованію на сердца ихъ и умы, желающіе просвѣщенія и къ закону Божію внутренно-ревностные, но заблуждающіе въ образахъ и средствахъ. Что жь касается вѣрноподданническаго долга и обязанности, то, слѣдуя мудрому вашего императорскаго величества соизволенію, требовать отъ нихъ, какъ отъ всѣхъ вообще, исполненія обязанностей, предписанныхъ указами вашего императорскаго величества и государственными законами, по общему гражданскому и земскому состоянію, съ неисполняющихъ оные чинить взысканія по тѣмъ же законамъ, все входя въ мысленные источники и причины неисполненія; еслибъ же кто на дѣлѣ оказался прямо возмутителемъ противъ власти и общаго спокойства, съ тѣмъ поступать по всей точности и строгости законовъ». Рядомъ съ такими высокочеловѣческими воззрѣніями встрѣчаются другія, несовсѣмъ-по-

нытныя для человѣка нашего времени: «Имѣвъ нынѣ (говоритъ Лопухинъ въ другомъ донесеніи) довольно случая узнать оныхъ духоборцевъ, осмѣливаемся сказать, что еслибъ заблагоразсужено было переселить ихъ въ особыя мѣста, то, кажется, удобнѣе бы, не учреждая между ними, какъ между прочими поселянами, своихъ волостныхъ правленій, учредить надъ ними начальство, по примѣру бывшихъ въ экономическихъ волостяхъ коммиссаровъ или управителей, опредѣляя чиновниковъ честныхъ, добронравныхъ и несуевѣрныхъ».

Главная мысль втораго донесенія состоитъ въ необходимости переселенія духоборцевъ. Эта мысль была исполнена: ихъ выселили на Молочныя Воды.

На первое свое донесеніе Лопухинъ и товарищъ его получили милостивый рескриптъ отъ государя, въ которомъ вполнѣ одобрялся ихъ образъ дѣйствій.

«Въ публикѣ (говоритъ Лопухинъ) иные хвалили это дѣло, а большая часть осуждали, и всѣ критики и порицанія устремлялись на меня.

«Бранили меня нѣсколько ученыхъ монаховъ, которые думаютъ, что все, касающееся до религіи, есть ихъ монополія, и что безъ рясы и клобука не можно имѣть истиннаго просвѣщенія въ сей религіи, коея начало и конецъ есть Сый, вездѣ и вся исполняяй.

«Бранили меня благочестивыми слывущіе старцы, кои не пропускаютъ обѣдней и прилежно разбираютъ рыба ли вязига (*), и можно ли въ постные дни чай пить съ сахаромъ, потому-что въ него-де кладется кровь, и которые готовы безъ разбора подписывать людямъ ссылку, и всякую неправду для пріятеля, особливо для вельможи придворнаго.

«Бранили думающіе о себѣ, что они философы и выше, какъ говорятъ они, предразсудковъ; которые презираютъ всѣ секты и расколы, хотя не знаютъ прямо, что такое секта или расколъ; не знаютъ сами хорошенько, какой религіи, и съ надменною улыбкою слабыхъ умовъ говорятъ: «какъ-будто нѣтъ честныхъ людей между язычниками; и какъ-будто не было ихъ до Христа», коему они не вѣрятъ.

(*) «Подлинно (говоритъ Лопухинъ въ примѣчаніи) зналъ я одну барыню очень-богомольную, разумную и еще мастерицу пофранцузски и понѣмецки, которая толковала съ архіереями, можно ли ѣсть вязигу въ тѣ дни, въ которые не положено по уставу ѣсть рыбу, и ей разрѣшили, почему-то, не упомню, вязигу къ рыбѣ не причитая».

«Бранили охотники вмѣшиваться въ политику, которые, какъ бы заботясь о благосостояніи и твердости государства, кричатъ, что секты не должны быть терпимы, хотя также не знаютъ, не вѣдаютъ, что такое секта и въ чемъ состоитъ благосостояніе государства, и хотя они сами изъ ленточки, изъ титла какого-нибудь превосходительства, и особливо изъ знатной суммы ходячихъ достоинствъ, готовы на все пуститься».

Въ отвѣтъ на всѣ эти толки, особенно же на то мнѣніе, будто онъ способствовалъ размноженію духоборцевъ, Лопухинъ написалъ статью «Гласъ искренности», которая только въ декабрѣ 1817 г. была напечатана въ «Сіонскомъ Вѣстникѣ». Въ этой статьѣ онъ объясняетъ, что источникъ раскола заключается въ невѣжествѣ и что лучшее средство противъ него духовное увѣщаніе и просвѣщеніе. «Жестокость же не убѣждаетъ (прибавляетъ Лопухинъ), но только раздражаетъ или принуждаетъ надѣвать личину, которая въ религіи хуже раскола. Лучше при усердномъ намѣреніи угождать Богу, отъ невѣжества заблуждать въ образѣ поклоненія, нежели играть имъ въ угодность людямъ».

Вслѣдъ за статьею Лопухина, помѣщена была въ той же книжкѣ «Сіонскаго Вѣстника» статья самого редактора журнала, Лабзина: «О терпимости». Авторъ ставитъ въ противоположность инквизицію и терпимость. «Терпимость (говоритъ онъ) всякому желательна, особливо, когда онъ прилагаетъ ее къ себѣ. А понеже законъ естественный внушаетъ: чего себѣ не хочешь, того и другому не желай, то самый законъ естественный говоритъ, слѣдовательно, въ пользу терпимости.

«*Секта*, слово латинское (продолжаетъ далѣе Лабзинъ) точно значитъ то же, что русское — *расколъ*, и значитъ то, когда одинъ раздѣляется съ другимъ въ мнѣніи; почему расколы вездѣ есть, вездѣ были и будутъ, и всѣ части земнаго круга, и всѣ страны и всѣ города и каждое мѣстечко и каждое семейство наполнены раскольниками, ибо, безъ-сомнѣнія, одинъ отъ другаго всегда въ чемъ-либо разнится. Духоборцы (по словамъ Лабзина) трезвы, честны, трудолюбивы, а таковые люди для церкви гораздо-полезнѣе, чѣмъ невоздержные, строптивые, буяны». Противъ нихъ не слѣдовало употреблять жестокихъ средствъ. «Гоненія и мученія могутъ произвести мучениковъ, но преклонить гонимыхъ къ гонителямъ не могутъ, чему примѣръ самое христіанство, которое гоненіями и мученіями паче укрѣпилось». Обращать еретиковъ надо посредствомъ миссіонеровъ.

По возвращеніи изъ этого объѣзда, Лопухинъ былъ избранъ совѣстнымъ судьею въ Москвѣ; но государь не утвердилъ его, ибо еще прежде назначилъ его въ коммиссію, учрежденную для разбора споровъ и опредѣленія повинностей на Крымскомъ Полуостровѣ. «Причиною учрежденія сей коммиссіи (говоритъ Лопухинъ) были жалобы татаръ, подстрекнутыхъ завистью, непріязнью между собою и разными личностями дворянъ и чиновниковъ, начиная отъ нижнихъ до самыхъ высшихъ, такъ-что сіе касалось и до игранія знатнѣйшихъ ролей при дворѣ».

«Въ концѣ лѣта пріѣхавъ въ Крымъ, открылъ я засѣданіе коммиссіи, которая въ нѣсколько мѣсяцевъ собрала во всѣхъ подробностяхъ всѣ нужныя свѣдѣнія и, по соображеніи съ мѣстными обстоятельствами, постановя разсужденіе о всѣхъ неудобствахъ исполненія (правилъ, данныхъ въ Петербургѣ), какъ со стороны справедливости, такъ и порядка, просилъ я государя о дозволеніи мнѣ пріѣхать въ Петербургъ для личныхъ объясненій.»

Государь разрѣшилъ Лопухину пріѣхать. «Представленія мои по коммиссіи государь изволилъ одобрить и найти достойными вниманія; но какъ сіе дѣло крымское, очень-уважаемое государемъ, трактовано было прежде въ государственномъ совѣтѣ, въ коемъ и коммиссіи основаніе положено, то угодно было государю, чтобъ и мои представленія разсмотрѣлъ совѣтъ, при которомъ разсмотрѣніи и я бы всегда въ немъ былъ.

«Въ первое же о семъ собраніе свое совѣтъ потребовалъ отъ меня соображенія всѣхъ предметовъ моихъ представленій и мнѣнія, какимъ образомъ удобнѣе все это исполнить.

«Сочиненіе сіе о рѣшительчомъ жребіи хозяйственнаго состоянія крымскихъ жителей не малаго, конечно, мнѣ стоило труда.

«Подалъ я въ государственномъ совѣтѣ требованное имъ отъ меня мнѣніе о крымскихъ дѣлахъ, послѣ того мѣсяца три былъ я всякое собраніе въ присутствіи совѣта. Много разсуждали, толковали, спорили, часто ничего не дѣлали, наконецъ рѣшили. Большинство голосовъ было согласно съ моимъ мнѣніемъ, а три голоса были противъ. Государь изволилъ утвердить большинство голосовъ. Но когда поднесены ему были для подписанія заготовленныя къ тому бумаги, то онъ, не подписавъ ихъ, оставилъ всѣ у себя.

«Въ концѣ уже февраля 1804 года вдругъ объявляются мнѣ отъ государя, чрезъ министерство многіе пункты въ опроверженіе моихъ представленій и согласія совѣтнаго, содержащіе въ себѣ новое по-

ложеніе, и на все оное требуется моего мнѣнія. Вникнувъ прилежно въ предложенное мнѣ, отвѣчалъ я, что все зависитъ отъ воли государя; но когда ему угодно знать мое мнѣніе, то я не могу чистосердечно сказать иначе, что все оное неудобно и съ прямою пользою мѣстною, въ соображеніи ея съ общею государственною, несогласно, и на все подалъ возраженіе на бумагѣ.

«Тогда-то больше, нежели когда-нибудь, заключали обо мнѣ, что я спорщикъ и упрямецъ, и между министерства, при всей ласковости обхожденія со мною, заочно говорили: «Что̀ дѣлать съ нашимъ спорщикомъ-мартинистомъ? противъ всего споритъ». Надобно примѣтить, что на ихъ языкѣ мартинистомъ называется тотъ, кто вѣритъ Христу и евангелію, а спорщикомъ—кто не соглашается на все изъ угожденія двору и имъ не притакиваетъ..

Многія изъ мыслей Лопухина были утверждены, и онъ снова посланъ въ Крымъ предсѣдателемъ коммиссіи. Государь былъ къ нему очень благосклоненъ, когда Лопухинъ приходилъ ему откланиваться.

Домашнія дѣла не позволили Лопухину долго занимать этого мѣста, которое вообще какъ-то не привлекало его. Въ 1805 году онъ получилъ желаемое увольненіе. «О выѣздѣ моемъ изъ Крыма (говоритъ онъ) жалѣлъ тамошній народъ, который очень полюбилъ меня. Это тѣмъ замѣчательнѣе, а для меня лестнѣе, что я долженъ былъ быть противъ его, защищая права дворянъ и новыхъ помѣщиковъ, которые, какъ я слышалъ, не столько, однако, меня любятъ.

«Но тамошніе жители почти вообще, конечно, довольны мною. Недовольные были только тогдашніе начальники губерніи, потому-что пребываніе мое тамъ немножко ихъ ограничивало, и особливо они досадовали на меня за то, что я вступился за нѣкоторыхъ бѣдняковъ, у которыхъ вымучили напрасное признаніе въ покражѣ казенныхъ червонцевъ, и, оговоря въ отдачѣ ихъ честному и достаточному мурзѣ, коего также безъ всякаго основанія объискивали, держали въ самой тѣсной тюрьмѣ, срамили, водя по городу, какъ важнаго преступника.»

Здѣсь, въ Крыму, Лопухинъ написалъ книжку «Отрывки для чтенія вѣрующимъ», о которой считаемъ нужнымъ сказать два слова, ибо она неизвѣстна г. Аѳанасьеву. Книжка эта, неизвѣстно почему названная переводомъ, заключаетъ въ себѣ разсужденія о крестномъ пути, молитвѣ, гордости, смиреніи, церкви, внѣшнихъ обрядахъ, важность которыхъ признается. «Внѣшнее поклоненіе (говоритъ Лопухинъ) не должно быть главнымъ предметомъ упражненія христіанина, а напро-

тивъ, оно полезно только по мѣрѣ содѣйствія его внутреннему, но весьма опасаться должно оставлять его».

Возвратясь изъ Крыма, Лопухинъ снова засѣдалъ въ сенатѣ, гдѣ всѣми средствами противодѣйствовалъ стремленію своихъ товарищей къ жестокимъ наказаніямъ.

Когда, въ 1806 году, рѣшено было составить милицію, нѣсколько сенаторовъ было отправлено по губерніямъ для наблюденія за составомъ земскаго войска и для охраненія спокойствія. Лопухину поручены были губерніи: Тульская, Калужская, Владимірская и Рязанская. Въ теченіе января, февраля и марта 1807 года онъ писалъ донесенія къ государю, въ которыхъ высказывалъ свои мысли и замѣчанія. Нѣкоторыя изъ этихъ мыслей такъ характеристичны, что нельзя не остановиться на нихъ.

«Я увѣряю и подлинно такъ думаю, что вооруженіе сіе есть точно временное, что Боже избави Россію превратиться въ государство военное; что свойственно ей по праведнымъ однимъ причинамъ метать громы далеко за своими предѣлами; а между-тѣмъ мирному ея поселянину природно, изощряя свой плугъ, о войнахъ и знать только по побѣдамъ, о которыхъ разсказываетъ ему посѣдѣвшій въ нихъ ратникъ, котораго покоитъ онъ лаврами увѣнчанную старость.

«Между-тѣмъ, государь, вездѣ усердіе и вѣрность достойны сыновъ россійскаго отечества. Гнусная лесть была бы, однако, должна увѣрять ваше величество, что учрежденіе милиціи не считается крайне-отяготительнымъ. Многіе мнѣ въ откровенности и здѣсь говорили, что гораздо бы лучше еще по одному, даже по два рекрута взять со ста, если уже необходимость того требуетъ.

«Государь! усердіе и любовь моя къ вамъ и отечеству истинно-неописанны. Я не хочу пережить спокойства и славы его и вашей. Итакъ, конечно, я говорю вамъ правду; я жилъ въ Москвѣ и общій образъ мнѣнія извѣстенъ мнѣ. Весьма-коротко знакомы мнѣ люди всѣхъ состояній. Нѣтъ никого, кромѣ водимыхъ видами личныхъ выгодъ или легкомысліемъ, кто бы не находилъ учрежденіе милиціи тягостнымъ и могущимъ разстроить общее хозяйство и мирность поселянской жизни.

«По откровенности безпредѣльнаго усердія моего, не могу я, государь, удержаться отъ вѣрноподданническаго дерзновенія сказать, что хотя вашему величеству благоугодно было облечь главнокомандующихъ областнымъ земскимъ войскомъ такою властію, чтобъ во всѣхъ слу-

чаяхъ, до устройства областнаго войска относящихся, предписанія ихъ принимаемы и исполняемы были, какъ собственныя ваши повелѣнія, но сіе, конечно, не о томъ, что было бы въ отмѣну оныхъ.

«Врученіе такой власти областнымъ начальникамъ вдругъ всѣхъ поразило. Признаюсь, государь, что и я содрогнулся, когда, не предвидя близкой причины, услыхалъ такое торжественное разрѣшеніе смертной казни... въ Россіи, гдѣ мечъ ея прежде всѣхъ другихъ странъ отринутъ былъ—разрѣшеніе отъ руки, которой опредѣлено, кажется, подписывать одну милость и счастіе народамъ.»

Окончивъ это порученіе, Лопухинъ засѣдалъ въ общемъ собраніи московскихъ департаментовъ сената. Здѣсь въ то время накопилось много дѣлъ объ ищущихъ свободы. Сенатъ обыкновенно склонялся на ихъ сторону, но Лопухинъ, увлекаемый предубѣжденіями своего воспитанія и мыслію, что отношеніе между помѣщиками и крестьянами составляетъ основу государственнаго порядка, держался противнаго мнѣнія. Такимъ-образомъ здѣсь и въ немъ сказалась печальная сторона вѣка. За то въ этотъ же періодъ своей жизни онъ успѣлъ отстоять право переносить дѣла людей низшаго сословія въ высшія судебныя учрежденія.

Въ послѣдніе годы своей жизни Лопухинъ участвовалъ своими трудами въ журналѣ «Другъ Юношества», издававшемся его другомъ, Невзоровымъ: здѣсь, кромѣ статей завѣдомо-принадлежащихъ Лопухину, могутъ быть несомнѣнно приписаны ему «Отрывки сочиненія одного стариннаго судьи» («Др. Юн.», 1808, кн. X), гдѣ находимъ цѣлыя мѣста изъ его записокъ; «Нѣсть пророкъ въ отечествіи своемъ» («Др. Юн.» 1812, кн. XI), гдѣ авторъ прямо выдаетъ за свое сочиненіе «Записки о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ» и пр. Здѣсь же помѣщено нѣсколько переводныхъ статей Лопухина. Есть статьи, которыхъ принадлежность Лопухину не такъ ясна; о нихъ мы не говорили, предоставляя этотъ вопросъ разобрать спеціалистамъ; имъ же предоставляемъ говорить и о другихъ сочиненіяхъ Лопухина, на которыхъ мы не остановились. Лопухинъ умеръ въ 1816 году.

Познакомивъ читателя съ содержаніемъ одного изъ любопытнѣйшихъ памятниковъ для исторіи русскаго образованія, мы позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ о значеніи этого памятника. Въ «Запискахъ» Лопухина ярко, со всѣми достоинствами и недостатками, ри-

суется вамъ образованный и мечтательный человѣкъ, выросшій и дѣйствовавшій среди невѣжественнаго общества. Передъ глазами нашими проходитъ рядъ типовъ, одинъ другаго грустнѣе, одинъ другаго неутѣшительнѣе: вотъ сенаторъ, рѣшающій дѣла изъ личнаго каприза или страха; вотъ ученые люди, подозрѣвающіе въ мистикахъ революціонеровъ; вотъ и другіе, преданные корысти или насильно-вбивающіе религіозныя убѣжденія, и т. д. Все общество нисколько не развито, поверхностно и думать не хочетъ ни о какомъ высшемъ интересѣ. Польза, которую принесъ ему Лопухинъ, состояла только въ его практической дѣятельности; что̀ жь касается его сочиненій, то немногіе ихъ читали, еще менѣе значительно число тѣхъ, которые ихъ понимали: кого могли интересовать теософическія мечтанія? Впрочемъ, были люди и тогда, какъ теперь, любившіе «душеполезное чтеніе», но это были по-большей-части люди «простые сердцемъ», и потому непонимавшіе тонкихъ различій между разными религіозными вѣрованіями.

Вотъ сторона, которая преимущественно привлечетъ къ себѣ историка въ «Запискахъ» Лопухина; но есть еще другая сторона: Лопухинъ умѣлъ тонкими чертами обрисовывать историческія личности, примѣры чего мы также видѣли. Окончимъ благодарностію московскому обществу исторіи и древностей россійскихъ за изданіе этой прекрасной книги.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Характеръ литературнаго сезона 1860—1861 г.—Полемика журналовъ.—Всѣ ищутъ оппозиціи.—Вопросъ о среднемъ классѣ людей. — Публицисты.—Вопросъ о народности. — Отвѣтъ г. А. Григорьеву. — Оппозиція «Современника» самому себѣ. — Мнѣніе г. Костомарова о русской народности, о народности Пушкина и о творческой фантазіи русскаго народа. — Вопросъ о женщинѣ, статьи гг. Михайлова и Филиппова. — Вопросъ о прошедшей и будущей политической экономіи.

Литературный сезонъ —а есть и такой — кончается съ апрѣлемъ. Та мышиная бѣготня и суматоха, которая постоянно овладѣваетъ русской литературой съ октября по апрѣль, не имѣетъ ничего общаго съ обыкновённымъ ходомъ литературы, но имѣетъ много общаго съ безплодной суетой зимняго сезона. Хлопоты изъ-за ничего, возня изъ-за пустяковъ овладѣваютъ до-того литературой, что, наконецъ, всѣмъ становится стыдно за самихъ себя. Теперь этотъ сезонъ, кажется, утихаетъ: на дворѣ май, и, авось, литература вступитъ въ обыкновенные литературные берега. До мая она нхъ не знаетъ, и разлившееся теченіе покрываетъ всѣ покатыя мѣста, напитывается въ нихъ грязью, соромъ, щепками и всякимъ добромъ, которое несетъ въ даръ безмолвному прошедшему. Въ это время немногимъ удается взобраться куда-нибудь повыше, чтобъ не замочить ногъ и не пріобрѣсти эпидемической лихорадки.

Эти шесть зимнихъ мѣсяцевъ доставили такое оживленіе нашей полемикѣ, какого давно не запомнимъ. Бранились журналы и газеты между собою, и на второмъ словѣ выставляли причину этой брани: «ваша статья желаетъ подорвать нашъ журналъ». Бранились сотрудники журналовъ и на второмъ словѣ выставляли такую причину: «ваша рецензія написана изъ-за денегъ»; «ваша статья есть не что иное, какъ угожденіе туго-набитому карману патрона». - Это первый мотивъ спора.

Затѣмъ шли статьи такого рода, гдѣ одинъ говорилъ другому: «вы, милостивый государь, тупы»; на это другой возражалъ: «вы сами, милостивой государь, тупица, какихъ не найдешь». Затѣмъ спорящіе раскланивались и сходили со сцены.

На ихъ мѣста выступали такого разряда господа: «Вы авторитетъ, слѣдовательно, вы вздоръ».—Тэма пришлась по плечу многимъ и сильно была въ ходу. Совѣщанія этихъ господъ кончились такимъ постановленіемъ: «Одинъ вздоръ, совокупно-взятый, составляющій массу, есть авторитетъ. Болѣе авторитетовъ не существуетъ».

Эти три положенія можно назвать философіей, экстрактомъ, букетомъ многихъ очень-язвительныхъ споровъ. Положенія эти преимущественно выражались въ фёльетонахъ журналовъ, въ обличительныхъ статьяхъ и стихахъ разнаго рода, пародіяхъ, критикахъ, описаніяхъ жизни дѣйствующихъ лицъ, въ разсказахъ о томъ, какъ живетъ тотъ и другой, при чемъ близко подошли къ домашнимъ тайнамъ, торговымъ сдѣлкамъ, векселямъ и прочимъ *литературнымъ* произведеніямъ. Успѣхъ былъ громадный, и публика, осыпанная такимъ неожиданнымъ развлеченіемъ, за которое, притомъ, и денегъ не брали, потирала руки и, ядовито улыбаясь, поглядывала на всѣхъ этихъ господъ. — «Вотъ она, цивилизація-то», думали многіе, «вотъ онъ, прогресъ, которымъ насъ стращаютъ и который не даетъ намъ прохода».

Изъ-за чего это движеніе? спрашиваетъ публика: какую истину открыла литература? Вѣроятно, что-нибудь важное произошло, явился громадный новый талантъ, круто-повернувшій литературу въ другую сторону? какое-нибудь новое ученое сочиненіе освѣтило забытое прошедшее? открыты новые виды въ будущемъ?

Мы разъ встрѣтили на Невскомъ одного господина, который, впопыхахъ, обратился къ намъ съ вопросомъ: «не знаете ли, гдѣ бы мнѣ найдти оппозицію?»

— Какъ оппозицію, какую оппозицію?

— А вотъ видите: мы затѣяли новый журналъ, совершенно-необходимый для настоящей минуты; сотрудники есть, и двое изъ нихъ авторитеты, литературные генералы, которые будутъ постоянно у насъ писать: это не то уже, чтобъ они случайно дали какую-нибудь статейку. Слѣдовательно, этимъ мы обезпечены. Только вотъ не можемъ найдти хорошей оппозиціи этимъ господамъ.

— Не понимаю, зачѣмъ же вамъ оппозиція въ вашемъ журналѣ?

— Какое же общество можетъ существовать безъ оппозиціи? Намъ нужна оппозиція нашимъ же сотрудникамъ; иначе они зазнаются и

впадутъ въ односторонность. Одна оппозиція въ-состояніи поддержать постоянную бодрость журнала.

«Что такое?» думалъ я, продолжая путь. «Человѣкъ ищетъ на Невскомъ оппозицію — и кому же оппозицію? самому себѣ.» Невѣроятно, а между-тѣмъ это фактъ, и фактъ чрезвычайно-важный, который очень хорошо характеризуетъ наше нынѣшнее литературное броженіе.

Вѣдь слышалъ же этотъ господинъ гдѣ-нибудь, что оппозиція составляетъ необходимый элементъ каждаго совѣщательнаго политическаго и общественнаго собранія, что борьба между правой и лѣвой стороной собраній и поочередное господство то той, то другой партіи составляетъ постепенную жизнь народовъ развитыхъ, ихъ прогрессъ. Свѣдѣніе это въ него запало, онъ и задумалъ воспользоваться имъ — въ своемъ собственномъ журналѣ.

Какъ ни прискорбенъ такой фактъ, а нужно замѣтить, что онъ, въ разныхъ видахъ, былъ фактъ, преобладавшій въ нашихъ спорахъ прошедшаго сезона. Оглянитесь, всмотритесь въ прошедшее и вы увидите это. Долго я былъ въ сомнѣніи насчетъ этого факта, да ужь потомъ прочелъ одну прекрасную статью «О постепенномъ, но быстромъ и повсемѣстномъ распространеніи невѣжества и безграмотности въ россійской словесности» и сообразилъ въ чемъ дѣло. Дѣйствительно, мнѣ предсталъ одинъ изъ примѣровъ невѣжества; но я подумалъ, одно ли невѣжество въ «словахъ» мы видимъ. Не то ли же невѣжество «понятій» встрѣчаемъ мы на каждомъ шагу — невѣжество азартное, окрылившееся, поддержанное массой журналистики?

Всмотритесь пристальнѣе въ направленіе нашего общества прошедшей зимой, въ тѣ вопросы, которые его занимали, и тѣ споры, которыми подчивала общество литература — и вы изумитесь разрозненности этихъ интересовъ. Не-ужь-то и рѣшеніе крестьянскаго вопроса не отрезвитъ насъ наконецъ?

А оно должно это сдѣлать, потому-что значительно подвинетъ нашу исторію впередъ и ставитъ много новыхъ вопросовъ жизненныхъ.

Вотъ, хоть бы, напримѣръ, слѣдующій. Кто не знаетъ, что въ нашу литературу, еще въ сороковыхъ годахъ, былъ занесенъ вопросъ о такъ-называемомъ среднемъ сословіи? Что такое среднее сословіе у насъ — объ этомъ были такого рода сужденія. Все дворянство у насъ причислялось къ аристократіи, а купцы, фабриканты, подъ своими естественными названіями, или подъ административнымъ — почетныхъ гражданъ, составляли такъ-называемый средній классъ. Такъ было принято и поддержано на письмѣ. Но то ли было на дѣлѣ? Публика, а за нею и литература, до самаго Гоголя включительно, смотрѣла на

этотъ классъ съ усмѣшкой, съ ироніей, совсѣмъ-незатаенной. «Необразованный, молъ, народъ». Публика и общественное мнѣніе до-сихъ-поръ продолжаютъ твердить то же самое, изрѣдка прорываясь замѣчаніями: «а, вѣдь, есть въ этомъ классѣ люди смышлёные и дѣятельные». Литература послѣднихъ десяти лѣтъ начала отъискивать въ этомъ классѣ народныя свойства, и потому онъ получилъ въ ней права гражданства. Но право это пока только-«ученое», такъ-сказать, право, и публика до-сихъ-поръ хорошенько не понимаетъ, въ чемъ дѣло. Вотъ сущность нашихъ взглядовъ и литературныхъ и общественныхъ.

Въ Европѣ извѣстно, что среднему сословію дается слишкомъ-большое значеніе въ организаціи государственной жизни, и нѣкоторые историки англійскіе, а за ними французскіе и нѣмецкіе не понимаютъ жизни общественной безъ средняго сословія. Этотъ взглядъ проникъ къ намъ еще въ XVIII столѣтіи; тогда же было наскоро изобрѣтено у насъ среднее сословіе, и, какъ изобрѣтеніе съ привилегіей, существуетъ оно и до-сихъ-поръ. Вопросъ этотъ возбудило нынѣшней зимой само правительство, объявивъ о преобразованіи у насъ городскихъ думъ, и мы имѣли полное право надѣяться, что на вопросъ будетъ обращено полное вниманіе журналистики. Не тутъ-то было—вопросъ прошелъ безслѣдно. Заняты мы были важнымъ споромъ.

Затѣмъ вышла на сцену другая сторона вопроса. Съ сороковыхъ годовъ на Западѣ поднялась буря противъ этого сословія, какъ противъ лавочниковъ, обсчитывающихъ и обмѣривающихъ простой народъ, а въ жизни государственной понимающихъ лишь свои меркантильные разсчеты. Тамъ это сословіе, дѣйствительно развившись, особенно во Франціи, до политической самостоятельности, обратилось въ самыхъ вредныхъ консерваторовъ и упало въ общественномъ мнѣніи. Что жь бы вы думали у насъ случилось?

У насъ отъ сороковыхъ до шестидесятыхъ годовъ—въ литературѣ, а не въ жизни — происходило то же самое. Произошло нападеніе на среднее сословіе, на весь его вредъ въ жизни политической и общественной, на всю незаконность его существованія и тому подобныя мнѣнія, развитыя новыми экономистами!

Отодвиньтесь немного отъ этого вопроса, вглядитесь въ Россію, въ составъ ея населеній, преимущественно городовъ, въ ея думы, и сравните все это съ яростными статьями противъ средняго сословія: не будетъ ли это то же, что̀ возстаніе у насъ, при нынѣшнемъ безденежьи, противъ капиталистовъ!

Не то же ли это исканіе оппозиціи?

Средняго класса у насъ нѣтъ, не образовалось—вслѣдствіе преимущественно географическихъ причинъ, вслѣдствіе состоянія нашего государства исключительно земледѣльческаго, и потому у насъ есть только или жители городовъ или жители деревень. Чиновникъ ли въ городѣ, помѣщикъ ли въ деревнѣ—былъ то же самое лицо, разнымъ образомъ называемое. Крестьянинъ ли за сохой на господской или государственной землѣ, мѣщанинъ ли, взявшій на аренду городскую землю—одно и то же лицо. Сегодняшній купецъ у насъ—вчерашній крестьянинъ, который въ-состояніи заплатить гильдію. Той нравственной гордости нѣмецкаго бюргера онъ не имѣетъ—и слава Богу. Нѣтъ худа безъ добра. Нашъ купецъ не умѣетъ стоять за свои мелочныя привилегіи, за то онъ и не составилъ отдѣльной нравственной касты, которою проникнуто это сословіе на Западѣ. Переходъ легокъ, и вчерашній крестьянинъ у насъ имѣетъ всѣ достоинства и недостатки купца въ пятомъ поколѣніи, если не лучше его.

Въ настоящее время вопросъ этотъ для насъ очень-важенъ. Западная Европа—впрочемъ, больше всего нѣмцы, истые бюргеры по своей натурѣ—говорятъ намъ, что мы не можемъ развиться, ибо не имѣемъ средняго сословія. Для этого должны мы, говорятъ нѣмцы, чтобъ жить по-европейски, прежде всего завести средній классъ, а потомъ изобрѣсти аристократію, въ родѣ нѣмецкой, которая такъ ярко обрисовывается въ прусской «палатѣ господъ». Шутка! извольте-ка все это изобрѣсти! А намъ кажется совершенно-противное, потому-что, съ упраздненіемъ крѣпостнаго права, право дворянства нашего, если оно съумѣетъ воспользоваться положеніемъ, даннымъ ему правительствомъ, сдѣлалось природнымъ, естественнымъ, укрѣпленнымъ за нимъ самою натурою вещей, правомъ быть представителемъ, стать во главѣ народа, вмѣсто того, какъ этимъ воспользовалось на Западѣ среднее сословіе. Если наша литература «не будетъ искать оппозиціи на Невскомъ Проспектѣ» и обратитъ свое вниманіе на этотъ предметъ, то она извлечетъ изъ него много полезнаго для общественной и государственной жизни нашей. А вѣдь можно очень-легко продолжать «оппозицію» уже, найденную двадцать лѣтъ назадъ. Стоитъ воевать противъ средняго сословія, и статьи наши можно будетъ печатать въ англійскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ журналахъ—только не русскихъ.

Намъ интересно было бы знать, какъ обойдется съ этимъ вопросомъ какой-нибудь русскій англоманъ, поборникъ англійскихъ лордовъ и англійскихъ коммюнъ, о которыхъ у насъ очень-много хорошаго написано, а у англичанъ еще больше. Взглядъ на это съ англійской точки зрѣнія мы назовемъ тоже «исканіемъ оппозиціи». А между-

тѣмъ свое рѣшеніе вопроса есть; оно у насъ передъ глазами, и этому рѣшенію помогло правительство. Права образованнаго сословія должны замѣнить право на крѣпостныхъ—имъ поручено устроить и судьбу низшаго класса. Впрочемъ, споры объ этомъ впереди, потому-что до-сихъ-поръ по этому предмету не высказано еще русской мысли.

Не будемъ забѣгать впередъ и воротимся къ прошедшему сезону.

Сущность суматохи, которая была въ литературѣ, рисуется лучше всего двумя-тремя вопросами, которые были въ ходу, на которыхъ выѣзжали борцы. Посмотрите, что̀ сдѣлано для этихъ вопросовъ, ка̀къ къ нимъ относились. Возьмемъ важнѣйшіе вопросы: вопросъ о русской народности, и вопросъ о правахъ женщины. О другихъ мы сказали уже въ февральской книжкѣ. Важное мѣсто занималъ вопросъ о скандалѣ въ литературѣ, вопросъ о бюрократической или общественной исторіи, вопросъ о распространеніи грамотности или о воскресныхъ школахъ. Въ какомъ видѣ вышли эти вопросы изъ нашихъ споровъ—было нами указано.

Вопросъ о народности тѣмъ хорошъ, что въ немъ замѣшаны всѣ журналы, старые и новые, и всѣ показали себя, насколько они глубоко заглянули въ сущность дѣла. Это вопросъ магическій, который правитъ направленіемъ идей весьма-различно, но въ настоящее время имѣетъ уже свою науку, съ которою все болѣе-и-болѣе сливается наука объ обществѣ.

Возьмемте, напримѣръ, «Современникъ». Въ этомъ журналѣ, въ которомъ, между-прочимъ, восхваляется г. Островскій, какъ одинъ изъ первыхъ талантовъ нашихъ — что̀ совершенно-справедливо — доказывался прежде великій прогрессъ Россіи въ томъ отношеніи, что въ ней есть общинное владѣніе. Какъ понималось общинное владѣніе — вопросъ другой; но еще недавно, когда было объявлено, что изданіе «Русской Бесѣды» превращается, «Современникъ» сказалъ, что уважалъ этотъ журналъ за то только, что и славянофилы были за общинное владѣніе. По-крайней-мѣрѣ хотя это донесла намъ древняя Русь — и за то благодарность ей, думали мы. Въ «Современникѣ» не было и намёка о томъ, что̀ такое народность и какія чудеса она можетъ дѣлать, хотя бы итальянскія событія и противорѣчили такому взгляду. Зная нѣсколько русскую жизнь, конечно, нельзя было бы бросать въ нее такихъ голословныхъ обвиненій; но дѣло все въ томъ, что этой-то жизни мы и не знали. Оно, конечно, прямо къ общинѣ подходила артель, такая же важная форма труда въ производительности промышленной, какъ община въ земледѣльческой, но что̀ будете дѣлать: недосмотрѣли! Тамъ, въ тѣхъ книжкахъ, откуда почерпались свѣдѣнія объ общинѣ,

не было ни слова объ артели; правда, и тамъ, какъ pia disideria, ставилась на видъ, въ будущемъ, ассоціація — но кто жь тогда думалъ переводить на русскій это слово — артелью? Въ этомъ вся ошибка: Association было переведено у насъ словомъ «ассоціація», и потому наша артель ровно двадцать лѣтъ оставалась подъ спудомъ. Подумаешь, отчего иногда зависитъ судьба русской литературы! Правда, наша артель шире ассоціаціи, но не въ этомъ дѣло. Продолжаемъ. Итакъ «Современникъ» изъ всего ученія о русской народности похвалилъ русскую общину, да и то по французской книжкѣ, и потомъ оправдывалъ ее философіей Гегеля, на основаніи которой, первый и послѣдній періоды человѣческаго развитія ближе между собою, нежели первый и второй, второй и третій. Остроумно!

Тотъ же самый вопросъ, конечно, представился журналу, когда пришлось говорить о сочиненіяхъ г. Островскаго, этого лучшаго портретиста разныхъ типовъ изъ купеческаго быта. «Современникъ» въ своихъ статьяхъ о «Темномъ царствѣ» нисколько не коснулся того, въ чемъ дѣло, то-есть вопроса о народности, а разбиралъ разныя лица изъ комедій, какъ образцы самодуровъ, выросшіе на почвѣ всякаго безправія и *домашняго* деспотизма (на сколько домашній деспотизмъ есть аксіома, примѣняемая къ семейной русской жизни—еще вопросъ, и о немъ мы скажемъ, когда заговоримъ о другомъ вопросѣ: о женщинѣ). Статья вышла политическая очень-хорошая, и была особенно по вкусу тѣмъ, кто ничего не видитъ въ нашемъ народѣ, кромѣ самодуровъ, пьяницъ, разгильдяевъ и проч. и проч. — зла, вскормленнаго старинною администраціею. Тутъ сошлись наши историки-администраторы и наши философы-общинники. Словомъ, статья вышла хоть куда политическая. Взглядъ гордаго цивилизатора, обозрѣвающаго грубый и никуда-негодный народъ, такъ и виднѣется всюду. Одно хотѣлось бы узнать у подобныхъ критиковъ: какъ же они могутъ приписать что-нибудь хорошее подобному народу, хоть, напримѣръ, общину, и что можно сдѣлать изъ подобнаго народа, еслибъ онъ даже весь учился по тѣмъ французскимъ книжкамъ, по которымъ упражняли свое глубокомысліе составители подобныхъ статей?

Но этотъ вопросъ, кажется, такъ и останется вопросомъ, весьма-страннымъ въ журналѣ, воюющемъ за благо французскихъ и англійскихъ пролетаріевъ.

Наконецъ, нынѣшней зимой является книга, вся посвященная изученію народности въ ея составныхъ элементахъ, книга одного изъ самыхъ добросовѣстныхъ ученыхъ въ русской литературѣ—г. Буслаева. Какъ тутъ быть? Дѣло вышло на чистоту. Нужно сказать «да,

или нѣтъ», а сказать затруднительно... Касайся вопросъ хоть Маколея, Смита, Росселя, Пальмерстона—кого угодно изъ дѣятелей западныхъ, тамъ можно бы обойтись смѣло: вѣдь они затрогиваютъ вопросы сторонніе для насъ, далекіе. Но тутъ дѣло свое, близкое. Какъ же поступаетъ «Современникъ»? Очень-интересно. Не будемъ передавать того, что читатель увидитъ изъ остроумной статьи г. Буслаева, помѣщенной въ этомъ же нумерѣ нашего журнала. Во всѣхъ отношеніяхъ поступлено отлично. Разборъ прежде всего недобросовѣстный, чего и слѣдовало ожидать, судя по прежнимъ примѣрамъ, не такъ давнимъ — перенначенъ смыслъ книги. Вовторыхъ, разборъ написанъ безъ знанія дѣла: оказывается, что разбиравшій книгу самъ же учился по книгѣ г. Буслаева и всѣ свои доказательства вычиталъ изъ той же книги. А, втретьихъ, «Современникъ» прямо и ясно наконецъ сказалъ слѣдующее: *Точно такъ, какъ прошло время народной поэзіи, такъ прошло оно и для другихъ направленій народной мысли; если есть уже (?) симптомы, что они также кончаются, безполезно будетъ подогрѣвать ихъ искусственными средствами.*

Вотъ что̀ называется быть современнымъ и сказать во̀-время великую истину! Вся Европа въ настоящую минуту подтвердитъ, конечно, что народность—вздоръ!! Мало нужно такта, чтобы уберечься отъ такихъ промаховъ, но еще меньше нужно знанія, чтобы печатно провозглашать такую нелѣпицу. Но у насъ, посмотришь, сойдетъ; ничего; даже похвалятъ!

Не такъ поступилъ другой журналъ, который началъ свое существованіе враждой противъ народности, и съ нынѣшняго года усердно слѣдитъ за проявленіями ея, конечно, только съ политической точки зрѣнія, и на Западѣ—но все же слѣдитъ. Мы говоримъ о «Русскомъ Вѣстникѣ», въ которомъ нѣкогда подвизался знаменитый Байборода. Какой фуроръ, подумаешь, производилъ этотъ господинъ — и давно ли? Теперь не то. Это измѣненіе въ направленіи «Русскаго Вѣстника» дѣлаетъ честь журналу, и показываетъ, что онъ смотритъ на дѣло добросовѣстно. Въ-самомъ-дѣлѣ, нельзя враждовать съ народностью журналу, если онъ дѣйствительно цѣнитъ значеніе общества въ государствѣ, если публицистъ, кромѣ мертвой теоріи, имѣетъ передъ глазами живой народъ.

Какъ обнаружился духъ другихъ журналовъ—сейчасъ увидимъ. Новый журналъ «Время» объявилъ, почти повторяя наши слова, что для него всего дороже въ русскомъ народѣ—народность. Кажется, поня-

тіе, соединенное съ этимѣ словомъ, показалось журналу очень-ясно и просто, и потому явилась статья, объясняющая этотъ предметъ размашисто, бойко, смѣло, но безъ содержанія. На повѣрку вышло(*), что все сказанное бойко, смѣло и размашисто оказалось старымъ, потертымъ отъ долгаго употребленія, заимствованнымъ и весьма-смутнымъ. Дальнѣйшаго опредѣленія не послѣдовало. Но въ то же время было высказано нѣсколько замѣчательныхъ афоризмовъ, достойныхъ, по своей смѣлости, войдти въ сборникъ изреченій Ивана Яковлевича. Напримѣръ, что послѣ Бѣлинскаго ничего не сдѣлано для уясненія народной литературы. Послѣ Бѣлинскаго ничего не сдѣлано!

Хоть бы журналъ справился у своего сотрудника, г. А. Григорьева, который въ 1855 г., по этому поводу говорилъ много жосткаго въ отношеніи къ критикѣ Бѣлинскаго и называлъ ее даже «сатурналіями» (**), и все потому, что Бѣлинскій обходилъ вопросъ о народности. Тогда Бѣлинскій былъ критикъ односторонній, по словянофильскому мнѣнію г. Григорьева, потому-что Бѣлинскій не видѣлъ въ нашемъ народѣ идеала. Теперь доказывается (въ журналѣ «Время»), что одна строка о народности Бѣлинскаго больше заключаетъ въ себѣ смысла, чѣмъ всѣ изслѣдованія съ его смерти до настоящаго времени. Такъ-то у насъ можно смотрѣть на одинъ и тотъ же предметъ, сегодня съ восторгомъ, завтра съ бранью! Мы можемъ привести доказательства, если вамъ угодно.

Не доказываетъ ли это, что у насъ говорятъ о томъ, чего сами не знаютъ?

Теперь г. Григорьевъ говоритъ не то; но все-таки журналу не мѣшало бы узнать нѣкоторыя мнѣнія Бѣлинскаго, прежде нежели говорить о нихъ. Дѣло въ томъ, что редакціи журнала «Время», должно-быть ничего нечитавшей послѣ смерти Бѣлинскаго, не былъ извѣстенъ ходъ нашей литературы, который не только не умалилъ, но даже возвысилъ значеніе Бѣлинскаго въ критикѣ и въ то же время много сдѣлалъ для науки о народности. Не зная всего этого, понятно, журналъ не былъ знакомъ и съ изысканіями новѣйшихъ историковъ, такъ много-сдѣлавшихъ для этого вопроса. Но всего больше обличаетъ, что догадка наша справедлива — та смѣлость, съ которою приступлено было къ дѣлу, та фёльетонная размашистость русскаго солдата временъ Суворова, который на вопросъ, сколь-

(*) См. февр. «Отечеств. Записокъ» 1861.

(**) См. «Москвитянинъ». 1855 г.

ко звѣздъ на небѣ, отвѣчалъ 100,000, или что-то въ этомъ родѣ, но очень опредѣленное. Чтобы разубѣдиться въ этой самоувѣренности, мы просимъ журналъ «Время» прочесть сочиненіе г. Буслаева, и посмотрѣть, такъ ли это понятіе о народности просто, какъ кажется суворовскимъ смѣльчакамъ. Да пусть они не забудутъ, что г. Буслаевъ не касался, или, лучше сказать, не развивалъ ни общественнаго, ни политическаго значенія этого слова. Они увидятъ, что вопросъ совсѣмъ не такъ простъ, какъ кажется съ перваго взгляда, и совсѣмъ не такъ ясенъ, какъ онъ представился и «Времени» и «Русскому Слову», и многимъ другимъ критикамъ, когда они съ смѣлостью фёльетонистовъ, но съ скромностью средневѣковыхъ ученыхъ отошли отъ вопроса, предложеннаго нашей эстетической критикѣ: насколько въ Пушкинѣ *народнаго въ настоящее время*. Даже самый-то вопросъ былъ не понятъ, а отвѣта, конечно, не послѣдовало и до-сихъ-поръ, хотя вотъ ровно уже годъ, какъ вопросъ этотъ предложенъ. А вопросъ былъ предложенъ прямо и, кажется, ясно: требовался отвѣтъ о народности перваго русскаго поэта въ политическомъ, общественномъ, нравственномъ и эстетическомъ отношеніяхъ, потому-что въ наше время слово «народность» обнимаетъ все это. Понятно, что мы не могли ждать сколько-нибудь удовлетворительнаго рѣшенія вопроса при нынѣшнемъ переходномъ, въ литературѣ, времени. Но мы знали, что толки объ этомъ вопросѣ должны выяснить очень-многое, необходимое въ настоящее время, когда одинъ журналъ, какъ «Современникъ», не видитъ въ народности ничего, кромѣ вреда суевѣрій; когда другой видитъ въ немъ только политическую сторону (теперь), а прежде видѣлъ аберрацію ума; третій говоритъ общія мѣста, нахватанныя у славянофиловъ, а остальные повторяютъ, что̀ придется. Приводить здѣсь отзывы разныхъ журналовъ о народности того или другаго произведенія Пушкина не станемъ: это завело бы насъ далеко.

Но мы все-таки не можемъ удержаться, чтобъ не выписать мнѣніе г. Григорьева о томъ же предметѣ и, очевидно, написанное по поводу статьи «Отечественныхъ Записокъ»:

«Ему (Пушкину) было дано непосредственное *чутье* народной жизни и дана была непосредственная же *любовь* къ этой жизни, неоспоримая истина, подтверждаемая и *складомъ его рѣчи*... и, что еще важнѣе, *складомъ его міросозерцанія*... Все *это еще надобно разъяснять и доказывать* (вотъ этого-то мы и желаемъ); а я указываю только на то, что не требуетъ доказательствъ (?)—*на стремленіе къ семейному началу*... Беру наконецъ повѣсти Бѣлкина, «Лѣтопись села Го-

рохина», «Капитанскую Дочку», въ которой въ особенности поэтъ достигаетъ удивительнѣйшаго отождествленія *съ воззрѣніями отцовъ, дѣдовъ* и *даже* (!) *прадѣдовъ*, Дубровскаго — въ которомъ только *непосредственное чутье народной сущности* могло создать хоть бы ту черту, напримѣръ, что *кузнецъ, поджигающій равнодушно — сурово приказныхъ, лѣзетъ въ огонь спасать кошку*, чтобы не погибла Божія тварь»...

Будемъ хладнокровны и взглянемъ на эти доказательства *безспорныя*. Мы сами высоко ставимъ и цѣнимъ и «Дубровскаго», и «Капитанскую Дочку», и «Лѣтопись села Горохина, какъ образцовыя произведенія; мы въ свое время, при выходѣ «Семейной хроники» Аксакова, сказали, что послѣ «Дубровскаго» ничего подобнаго не явилось въ нашей литературѣ и вслѣдствіе этого привѣтствовали съ восторгомъ «Семейную хронику», о чемъ желающіе могутъ справиться въ «Отечественныхъ Запискахъ». Слѣдовательно всѣ эти произведенія мы сами ставили высоко. Но не въ этомъ дѣло, а въ тѣхъ отжившихъ свой вѣкъ доказательствахъ нашей народности, которыя напоминаютъ сантиментальныя повѣсти временъ Карамзина. Они намъ надоѣли, и мы требуемъ другихъ, болѣе-сообразныхъ нынѣшнему состоянію науки. Разберемте.

Что за *непосредственное чутье народной сущности* въ томъ, что кузнецъ ненавидитъ приказныхъ и сжетъ ихъ? На это и не одинъ кузнецъ согласится, а даже многіе люди, во фракахъ и перчаткахъ, съ удовольствіемъ сдѣлаютъ то же, потому-что мстятъ за неисчислимыя обиды приказныхъ; а кошка чѣмъ тутъ виновата? Намъ нужно отринуть здравый смыслъ нашего народа, чтобы допустить противное. Зачѣмъ играть словами: «непосредственное чутье», «народная сущность», когда дѣло объясняется очень-просто? Такими словами, какъ «народная сущность», играть еще очень-рано...

Потомъ говорится, что Пушкинъ въ «Капитанской Дочкѣ», въ «Лѣтописи села Горохина», въ повѣстяхъ Бѣлкина достигаетъ отождествленья «*съ воззрѣніями отцовъ, дѣдовъ и даже прадѣдовъ.*»

Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Позвольте у васъ спросить: *какія это* воззрѣнія отцовъ, дѣдовъ и прадѣдовъ? Въ чемъ они заключаются? Откройте намъ эту истину—и всѣ споры и толки о старой Руси, о народности, о народной поэзіи сами-собою прекратятся, и за это рѣшеніе вамъ воздвигнутъ нерукотворный памятникъ. Отцы наши думали иначе, дѣды иначе, а о прадѣдахъ ужь мы мало и знаемъ достовѣрнаго.

Это все относится къ тому классу, который мы называемъ образованнымъ, взглядъ котораго выразился въ литературѣ и, слѣдователь-

но оставилъ памятники, по которымъ мы можемъ судить. А что̀ если статьи ваши относятся ко всему вообще русскому народу—и воззрѣнія отцовъ, дѣдовъ и прадѣдовъ значатъ воззрѣнія давно-минувшаго, то кто въ настоящее время не только утвердительно возьмется сказать: «это воззрѣнія старины», но даже сдѣлать очеркъ этихъ воззрѣній? Знатоки исторіи откажутся отъ него такъ же, какъ отказались добросовѣстные таланты отъ историческаго романа. Воззрѣнія отцовъ и дѣдовъ нашихъ—легко сказать! Славянофилы наскоро прочитали намъ, какія это воззрѣнія, да и ошиблись, какъ и Карамзинъ, прежде нихъ. Въ статьѣ «Отечественныхъ Записокъ» было сказано, что Пушкинъ копировалъ образъ мыслей Карамзина: вы съ нами согласились—слава Богу! и говорите, что Карамзинъ испортилъ «Бориса Годунова» — это уже большая уступка, о которой нельзя было бы и заикнуться годъ назадъ! А между тѣмъ вы продолжаете говорить о воззрѣніяхъ отцовъ и дѣдовъ! Въ статьѣ «Отечественныхъ Записокъ» 1860 г. (апрѣль) были приведены воззрѣнія Пушкина, сформировавшіяся у него къ концу его поэтической дѣятельности: мы ихъ группировали въ мнѣнія политическія, общественныя, религіозныя, и спрашивали: признаете вы эти воззрѣнія народными или нѣтъ? Мы считаемъ ихъ тою «народною сущностью», которую гораздо прежде нужно опредѣлить, нежели другія отношенія, въ родѣ приказныхъ и кошки. Въ каждомъ вопросѣ нужно прежде выяснить главныя черты, а потомъ уже переходить къ второстепеннымъ.

Еще безспорнымъ доказательствомъ народности Пушкина вы считаете *стремленіе къ семейному началу*. Вы говорите:

«Я указываю только на то, что̀ не требуетъ доказательствъ, на стремленіе къ семейному началу, неожиданно-прорывающееся у того же Пушкина, который начинаетъ романъ свой сатирическимъ или по-крайней-мѣрѣ юмористическимъ отношеніемъ къ этому началу («Родные люди вотъ какіе» и множество другихъ строфъ), стремленіе изобразить когда-нибудь

. . . простыя рѣчи
Отца иль дяди старика,
Дѣтей условленныя встрѣчи
У старыхъ липъ, у ручейка...»

Отнимите прелесть пушкинскаго стиха, и что вы найдете въ этомъ стремленіи особенно русскаго? Любой нѣмецкій бюргеръ приметъ его на свой счетъ... Но это не главное. Главное то, что стремленіе къ семейному началу вы считаете народнымъ русскимъ признакомъ, который не требуетъ доказательствъ. Кто это вамъ сказалъ? по-край-

ней-мѣрѣ, въ послѣднее время и сами славянофилы почувствовали необходимость доказать это положеніе. Семейство играетъ у насъ важную роль, какъ въ каждомъ христіанскомъ народѣ: отчего же обѣщаніе Пушкина нарисовать когда-нибудь семейную картину вы считаете такимъ сильнымъ признакомъ народности, который не требуетъ доказательствъ? А если вы имѣете въ виду ту семью, которую изобразилъ г. Островскій въ своей комедіи «Не такъ живи, какъ хочется», то вы имѣете передъ глазами византійскій миражъ, никогда вполнѣ непрививавшійся къ намъ.

Если всѣ подобныя доказательства вы считаете безспорными, то что̀ же сказать про тѣ, о которыхъ вы сами говорите, *что ихъ еще надобно доказать*? Сюда вы относите «непосредственное чутье народной жизни», «непосредственную любовь» къ народу... предположенія, которыя еще труднѣе доказывать, а по нашему даже невозможно, не узнавъ прежде, что̀ такое народная жизнь. Если мы будемъ знать, что̀ такое народная жизнь, тогда мы оцѣнимъ и *чутье* того человѣка, который постигъ эту жизнь въ то время, когда ее не умѣла опредѣлить наука. Вѣдь это, кажется, будетъ значить чутье?

Требующими доказательствъ вы признаете *складъ рѣчи Пушкина* и преимущественно *складъ его міросозерцанія*. Міросозерцаніе Пушкина было въ главныхъ чертахъ указано въ статьѣ «Отечественныхъ Записокъ» 1860 года; остается опредѣлить *складъ* этого міросозерцанія. Съ нетерпѣніемъ будемъ ожидать этого опредѣленія; а что касается до склада рѣчи, то еще бо̀льшую услугу окажетъ тотъ, кто выставитъ въ полномъ блескѣ эту рѣчь, эти, кажется намъ, геркулесовы столбы, до которыхъ могла достигнуть и сила и красота русской рѣчи.

Въ томъ-то и дѣло, что мы всѣ чуемъ, что въ Пушкинѣ есть что-то русское, больше нежели въ комъ-нибудь другомъ, но что̀ именно — опредѣлить не можемъ. Все то, что̀ ставится какъ опредѣленіе его народности, не выдерживаетъ самой поверхностной критики. Мы говоримъ о складѣ его міросозерцанія; а какое это міросозерцаніе — не знаемъ; говоримъ о складѣ русской рѣчи; а какой складъ той рѣчи, которую дѣйствительно можно назвать русскою — не знаемъ; говоримъ, что въ Пушкинѣ воплотились воззрѣнія отцовъ и дѣдовъ; а какія это воззрѣнія — тоже не знаемъ. Развѣ вы не чувствуете, что критика отстала отъ требованія времени? а это-то мы и хотѣли показать. Поверхностныя опредѣленія «сущности народной», «идей народныхъ» и проч. и проч. ведутъ къ тому, что наконецъ являются смѣльчаки, которые все это называютъ вздорами, да и приходятъ къ заклю-

ченію, что поэзія Пушкина есть пустая игрушка, точно такъ же, какъ и народная поэзія (См. въ «Соврем». статьи гг. — бова и Пыпина).

Но все-таки въ приведенныхъ выше доказательствахъ г. Григорьева мы видимъ желаніе объяснить вопросъ; не таковы отзывы другихъ журналовъ: тѣ даже не поняли, въ чемъ дѣло.

Такова-то у насъ судьба вопросовъ! Г. Григорьевъ становится на нашу точку, говоритъ, что въ настоящее время нѣтъ ни славянофиловъ, ни западниковъ. Прекрасно! это мы давно сказали. Отправляйтесь же изъ этой точки и рѣшайте вопросъ на основаніи всѣхъ данныхъ историческихъ, которыя представила та и другая сторона нашей литературы; рѣшайте не только эстетически, но во всей ширинѣ вопроса о народности, какъ его понимаетъ современная наука. Преимущественно не смѣшивайте высокой объективности поэта съ его народностью.

Вотъ, напримѣръ, мы встрѣтили въ № 3. «Времени» еще опредѣленіе одной изъ сторонъ пушкинской народности, и приводимъ ее въ подтвержденіе того, какъ смѣшиваются у насъ оба эти понятія.

«Я оставляю въ покоѣ ваше предположеніе (говорится по поводу замѣтки «Русскаго Вѣстника»), что Россія не возвысилась еще ни надъ одной славянской народностью; но вопросъ вашъ: «что такое русская народность?» нельзя не поднять... Вы спрашиваете гдѣ русская наука? Про науку я скажу только то, что, по моему убѣжденію, наука создается и развивается только въ практической жизни, то-есть, рядомъ съ практическими интересами, а не среди отвлеченнаго дилеттантизма и отчужденія отъ народнаго начала. Вотъ почему у насъ не было до-сихъ-поръ русской науки. Въ этомъ вы правы. Но, спрашивая, что такое русская литература, русское искусство, русская мысль, рѣшительно не правы. Русская мысль уже во многомъ заявила себя. Надобно получше глядѣть, непосредственнѣе принимать факты, поменьше отвлеченности, кабинетности, не принимать своихъ частныхъ интересовъ за общественные, и тогда можно многое разглядѣть. Русская мысль уже начала отражаться и въ русской литературѣ и такъ плодотворно, такъ сильно, что трудно бы кажется не замѣтить русскую литературу; а вы спрашиваете, «что̀ такое русская литература?» Она началась самостоятельно съ Пушкина. Возьмите только одно въ Пушкинѣ, только одну его особенность, не говоря о другихъ: способность всемірности, всечеловѣчности, всеотклика. Онъ усвоиваетъ всѣ литературы міра; онъ понимаетъ всякую изъ нихъ до того, что отражаетъ ее въ своей поэзіи, но такъ, что самый духъ, самыя сокровеннѣйшія тайны чужихъ особенностей переходятъ въ его поэзію, какъ-бы онъ самъ былъ англичанинъ, испанецъ, мусульманинъ или гражданинъ древняго міра. Подражатель, скажутъ намъ, отсутствіе собственной мысли. Но вѣдь такъ не подражаютъ. Онъ является вездѣ

en maître, такъ подражать, значитъ, творить самому, не подражать, а продолжать».

Совершенно справедливо, скажемъ и мы; но о теоріи подражанія, слава Богу, въ нашей литературѣ никто и не говоритъ, кромѣ «Современника». За то та способность, о которой вы говорите, какъ вамъ хорошо извѣстно, давно опредѣлена критикою нашей литературы, и потому-то Пушкинъ названъ истиннымъ художникомъ, объективнымъ поэтомъ, которому сродни Шекспиръ и Гёте. Онъ же, то-есть Пушкинъ, въ своихъ летучихъ замѣткахъ больше всего далъ намъ почувствовать Шекспира, и подъ вліяніемъ его писалъ своего Годунова — вы это знаете; зачѣмъ же вы сворачиваете въ другую сторону и продолжаете вашу рѣчь такимъ образомъ:

«Не-уже-ли такое явленіе кажется вамъ не самостоятельнымъ, ничтожнымъ, ничѣмъ? Въ какой литературѣ, начиная съ созданія міра, найдете вы такую особенность всепониманія, такое свидѣтельство о всечеловѣчности и, главное, въ такой высочайшей художественной формѣ? Это-то и есть, можетъ быть (!?), главнѣйшая особенность *русской мысли* (*); она есть и въ другихъ народностяхъ, но въ высочайшей степени (?) выражается только въ русской; въ Пушкинѣ она выразилась слишкомъ цѣльно, чтобъ ей не повѣрить».

Вотъ для того-то, чтобъ не повторять бездоказательно этого роковаго въ вопросѣ о народности *можетъ-быть* и былъ заданъ вопросъ о народности Пушкина. *Можетъ-быть*, это признакъ народности, а, можетъ-быть, признакъ высшей *художественности*. Мы думаемъ последнее, и вотъ на какихъ основаніяхъ. «Такая особенность всепониманія, такое свидѣтельство о всечеловѣчности» не есть признакъ народностей слишкомъ-обособленныхъ, какою была встарину русская народность, и есть эпитетъ слишкомъ-лестный для подражательной образованности эпохи петровской, которая продолжается до настоящаго времени. Можетъ-быть, можетъ-быть... скажемъ и мы, но это «можетъ-быть» нужно доказать, а, главное, разбить на составныя части слишкомъ-сложное понятіе народности, что̀ и дѣлаетъ теперь наука. Поэтому и эстетическая критика, если не хочетъ подвергаться тому же отзыву, которому подверглись въ «Современникѣ» изъисканія г. Буслаева, должна запастись нѣкоторыми болѣе-глубокими свѣдѣніями, а не продовольствоваться тѣми вершками, вычитанными во вчерашнемъ фёльетонѣ, о которыхъ такъ хорошо сказано въ «Замѣткахъ ненужнаго человѣка».

(*) Подчеркнуто у автора статьи.

Для того, чтобы мысли и искусству быть всечеловѣчными, имъ нужно развиться посреди народа, стоящаго въ главѣ цивилизаціи, которому ничто человѣческое нечуждо». Народъ пріобрѣтаетъ эту славу нелегко. Ему нужно ее выстрадать въ борьбѣ за человѣчество, за идеи—и тогда только его поэты дѣлаются всемірными поэтами. Прикажете доказывать, что наше общество не достигло этой высоты?...

Вотъ отъ того-то, что Пушкинъ былъ поэтъ-художникъ изъ ряду вонъ — а общество совсѣмъ не соотвѣтствовало идеаламъ «всечеловѣчности и всепониманія», мы и видимъ теперь горькія послѣдствія. Объективные наши поэты, художники, подражающіе Пушкину внѣшнимъ образомъ, не имѣютъ никакого значенія, а писатели, какъ Лермонтовъ и Тургеневъ, которые продолжаютъ воспѣвать и описывать «лишнихъ людей», болѣющихъ за наше общество, сдѣлались истинными поэтами, хотя и нехудожниками.

Во что̀ обратился этотъ откликъ на все человѣческое, всемірное между послѣдователями Пушкина? Въ лощеный стихъ, подъ которымъ нѣтъ содержанія, нѣтъ души; есть прелесть декорацій римскихъ, восточныхъ и даже русскихъ, но нѣтъ того вѣянія, того духа живаго, который принадлежитъ творческой поэзіи, воспитанной на великихъ и преимущественно народныхъ идеяхъ. Конечно, не Пушкинъ въ этомъ виноватъ, но не дѣлать же изъ этого и характеристику нашей народной поэзіи, потому-что такова будетъ характеристика англійской, по Шекспиру, нѣмецкой—по Гёте. Раздѣлите эти два понятія, и тогда мы, «можетъ-быть», придемъ къ какимъ-нибудь результатамъ, болѣе-полезнымъ, чѣмъ зычныя, но безсмысленныя восклицанія фёльетонистовъ. «Можетъ-быть», Пушкинъ окажется народнымъ поэтомъ больше, нежели мы съ вами теперь воображаемъ. А, можетъ-быть, онъ окажется меньше народнымъ, и тогда нужно будетъ покориться силѣ научныхъ и эстетическихъ доказательствъ. Вѣдь вопроса нельзя рѣшить такъ, какъ рѣшаютъ нѣкоторые споръ о народности: «все, молъ, это пустяки, а главное, скучно». Вы знаете, что понятіе о народности есть очень-измѣнчивое понятіе, которое формируется въ настоящее время и потому, можетъ-быть, раскинется очень-широко. Въ прежнее время съ нимъ обходились безъ дальнихъ разсужденій, потому-что оно казалось просто и ясно. Вонъ Шишковъ изобрѣлъ нѣсколько русскихъ словъ вмѣсто иностранныхъ, ввелъ нѣсколько славянскихъ, да и думалъ, что поворотилъ Россію на старину. Крыловъ изложилъ греческія и французскія басни чистымъ русскимъ языкомъ — и народный поэтъ. Загоскинъ написалъ романъ, въ которомъ дѣй-

ствуютъ не нѣмцы, а русскіе, да еще какіе русскіе—хоть бы впору Вальтеру Скотту—и русскій романистъ. Г. А. Григорьевъ, въ московскомъ купеческомъ быту видѣлъ «сокъ жизни народной»; славянофилы «Москвитянина» и «Русской Бесѣды» видѣли его въ византійской Москвѣ и въ эпохѣ непосредственныхъ, неразбитыхъ наукою вѣрованій. Все это были истины непогрѣшимыя въ свое время, а потомъ въ нихъ начали сомнѣваться, потому-что понятіе о народности росло-да-росло и вширь и вглубь, и разрослось до настоящихъ предѣловъ. А мы этого не видимъ, да и твердимъ зады, все то же, что̀ твердили пятнадцать-двадцать лѣтъ назадъ.

Наконецъ мы встрѣчаемъ въ первый разъ сгруппированное, по требованіямъ новѣйшей науки, слѣдующее опредѣленіе народности, сдѣланное г. Костомаровымъ (въ мартовской книжкѣ «Основы»). Посмотрите, какъ велики эти требованія и сколько вновь задано вопросовъ для разрѣшенія:

«Литература есть душа народной жизни, есть самосознаніе народности. Безъ литературы послѣдняя — только страдательное явленіе; и потому чѣмъ богаче, чѣмъ удовлетворительнѣе у народа литература, тѣмъ прочнѣе его народность, тѣмъ болѣе ручательствъ, что онъ упорнѣе охранитъ себя противъ враждебныхъ обстоятельствъ исторической жизни, тѣмъ самая сущность народности является осязательнѣе, яснѣе.

«Въ чемъ же состоитъ эта сущность вообще? Выше мы сказали, что явленія внѣшней жизни, составляющія сумму отличій одной народности отъ другой, суть только наружные признаки, посредствомъ которыхъ выражаетъ себя то̀, что̀ скрывается на днѣ души народной. Духовный составъ, степень чувства, его пріемы или складъ ума, направленіе воли, взглядъ на жизнь духовную и общественную, все, что̀ образуетъ нравъ и характеръ народа—это сокровенныя внутреннія причины, его особенности, сообщающія дыханіе жизни и цѣлостность его тѣлу. Все, что̀ входитъ въ кругъ этого духовнаго народнаго состава, не высказывается по одиночкѣ, отдѣльно одно отъ другаго, но вмѣстѣ, нераздѣльно, взаимно поддерживая одно другое, взаимно дополняя себя, и потому все составляетъ единый стройный образъ народности» (стр. 36).

Кромѣ этого, народность не есть что-либо неизмѣнное:

«Образованіе народности можетъ совершиться въ разныя эпохи человѣческаго развитія, только это образованіе идетъ легче въ дѣтствѣ, чѣмъ въ зрѣломъ возрастѣ духовной жизни человѣчества. Измѣненіе народности можетъ возникнуть отъ противоположныхъ причинъ: отъ потребности дальнѣйшей цивилизаціи и отъ оскудѣнія прежней и паденія ея, отъ свѣжей, живой молодости народа и отъ

дряхлой старости его. Съ другой стороны, почти такое же упорство народности можетъ истекать и отъ развитія цивилизаціи, когда народъ выработалъ въ своей жизни много такого, что ведетъ его къ дальнѣйшему духовному труду въ той же сферѣ, когда у него въ запасѣ много интересовъ для созиданія изъ нихъ новыхъ явленій образованности, и отъ недостатка внѣшнихъ побужденій къ дальнѣйшей обработкѣ запасенныхъ матеріаловъ образованности, когда народъ довольствуется установленнымъ строемъ и не подвигается далѣе. Послѣднее мы видимъ на тѣхъ народахъ, которые приходятъ въ столкновеніе съ такими, у которыхъ силы болѣе, чѣмъ обыкновенно: *верхніе слои у этихъ народовъ усвоиваютъ себѣ народность чужую*, народность, господствующую надъ ними, *а масса остается съ прежнею народностью*, потому-что подавленное состояніе ея не дозволяетъ ни собраться побужденіями къ развитію тѣхъ началъ, какія у ней остались отъ прежняго времени, ни усвоивать чуждую народность вслѣдъ за верхними слоями».

Переходя къ характеристикѣ русской народности, по отношенію къ творческой фантазіи, г. Костомаровъ говоритъ:

«Если у великоруссовъ былъ истинно великій, геніальный, самобытный поэтъ, то это одинъ Пушкинъ. Въ своемъ безсмертномъ, великомъ «Евгеніи Онѣгинѣ», онъ выразилъ *одну только половину великорусской народности — народности такъ-называемаго образованнаго и свѣтскаго круга*. Удачные описатели нравовъ и быта были, но это не творцы-поэты, *которые бы заговорили языкомъ всей массы, сказали бы то и такъ, за что съ чувствомъ схватилась бы масса, какъ-бы невольно долженъ былъ сказать каждый изъ этой массы, и сказать голосомъ поэзіи, а не прозы*».

Это одна сторона вопроса, а вотъ и другая. Выше мы видѣли, что великая художественность Пушкина ставится характеристической чертой *русской народной фантазіи*. Такое заключеніе о русской фантазіи извлечено изъ многосторонней дѣятельности пушкинскаго генія. Но вотъ что говоритъ г. Костомаровъ о народныхъ чертахъ русской фантазіи:

«Великорусскій народъ практическій, матеріальный по преимуществу, восходитъ до поэзіи только тогда, когда выходитъ изъ сферы текущей жизни, надъ которою работаетъ, работаетъ не восторгаясь, не увлекаясь, примѣриваясь болѣе къ подробностямъ, къ частностямъ, и оттого упуская изъ виду образный идеалъ, составляющій сущность опоэтизированія всякаго дѣла и предмета. Оттого поэзія великорусская такъ часто стремится въ область необъятнаго, выходящаго изъ границъ природной возможности, также часто ниспадаетъ до простой забавы и развлеченія. Историческое воспоминаніе сейчасъ обращается въ эпосъ и превращается въ сказку...»

Словомъ, скудость великорусскаго воображенія, которое отражается и въ пѣсни, и въ изображеніи женщины, и въ отношеніи любви къ природѣ, и въ понятіи о любви — составляетъ характеристику нашей народности, извлеченную изъ изъисканій историческихъ, которыя мы не можемъ назвать поверхностными. И та же характеристика народа, сдѣланная нашими критиками-эстетиками по художественнымъ произведеніямъ Пушкина, выходитъ совсѣмъ-иною. Если мы будемъ судить о самихъ себѣ по Пушкину, какъ представителю лучшихъ свойствъ русской натуры, нашъ народъ окажется озаряемымъ громадной фантазіей; если судить по всему тому, что донесла до насъ старина, народъ нашъ окажется, какъ увѣряетъ г. Костомаровъ, скудно-надѣленнымъ фантазіею.

Откуда такія противорѣчія?

Перейдемъ къ другому вопросу: о женщинѣ. Ей рѣшительно посчастливилось въ прошедшій сезонъ.

Статья г. Михайлова «О женщинѣ, по Миллю», плохой романъ г. Авдѣева «Подводный камень» и статья «Вѣка», извѣстная подъ названіемъ «Безобразнаго Поступка», вмѣстѣ взятыя, рѣшительно составили такъ-называемый вопросъ о женщинѣ. Дамы требуютъ портрета г. Михайлова, какъ вѣжливѣйшаго изъ русскихъ кавалеровъ; маменьки закалываютъ булавками тѣ страницы «Современника», гдѣ отпечатано фешёнэбльное произведеніе г. Авдѣева, съ затаенною (въ романѣ) скоромною мыслью; а г-жа Толмачова, я думаю, ужь и читать устала скромныя петербургскія статьи — скажите, ради Бога, развѣ это не вопросъ о женщинѣ? Ужь, конечно, г-жу Толмачову желаютъ видѣть съ бо̀льшимъ жаромъ, нежели извѣстный намъ господинъ желалъ найти на Невскомъ Проспектѣ оппозицію; и, однакожь, въ итогѣ, на сколько всѣ эти статьи уяснили вопросъ о состояніи женщинъ въ Россіи, и хоть бы того *семейнаго начала*, на которое, какъ мы видѣли выше, ссылаются какъ на народную черту? Видишь какой-то фейерверкъ, для котораго нужно достать немного бенгальскаго огня — и освѣщеніе выйдетъ эффектное. Опять-таки не о томъ мы говоримъ, чтобъ статьи эти были дурны — нѣтъ: они черезчуръ легки, поверхностны, скользятъ по одному слою общества и не заглядываютъ внутрь вопроса, какъ и толки о народности.

Эти толки о женщинѣ почему-то напомнили намъ давнишніе толки о Жоржѣ Зандѣ, и мы изумились, найдя въ нихъ то же поверхностное знакомство съ вопросомъ. Вѣдь съ вопросомъ о женщинѣ тѣсно связанъ вопросъ о народной нравственности, о духовной высотѣ общества, объ историческомъ значеніи ея въ народѣ. Замѣтьте, что во

всѣхъ толкахъ вопросъ этотъ былъ обойденъ, а за статьями остался одинъ фёльетонный характеръ, на что мы и хотѣли указать.

Но здѣсь кстати не можемъ не припомнить вопроса о народной нравственности, который еще въ 1859 году предложенъ былъ редакціей «Русской Бесѣды», но который и до-сихъ-поръ остался безъ отвѣта, хотя мы и продолжаемъ твердить о семейномъ началѣ Руси по византійскому образцу, и только его и видимъ во всей России, и на немъ строимъ всѣ наши предположенія и разсужденія.

«Нельзя не обратить вниманія на то, что, независимо отъ христіанскаго идеала нравственности, существуетъ въ народѣ идеалъ нравственности, завѣщанный, вѣроятно, еще языческими временами, созданный, слѣдовательно, народною жизнью, и тѣмъ не менѣе находившійся въ совершенномъ противорѣчіи съ жизнью. Всѣ народныя пѣсни и свадебные обряды предполагаютъ цѣломудренность до свадебныхъ отношеній; но во многихъ мѣстахъ расходятся съ современнымъ дѣйствительнымъ обычаемъ. Очевидно, что этотъ обычай явился позднѣе, но когда именно? Какія причины способствовали его появленію? Въ какомъ отношеніи находится народная нравственность допетровской Руси къ нравственности народа послѣ реформы Петра, и въ наше время? Разумѣется, солдатчина, квартированіе войскъ и барское сластолюбіе—плохіе проводники нравственности; но, съ другой стороны, такъ-называемая, патріархальная чистота и простота нравовъ, бытъ, сложившійся подъ условіями язычества и невѣжества, и его, такъ-сказать, стихійная сила—также ненадежные охранители народной нравственности. Она поддерживается обычаями, обрядами, крѣпостью общаго быта—это правда; но какъ-скоро эта связь, охватывающая все зданіе, слабѣетъ, какъ-скоро обряды и обычаи, отживъ свой вѣкъ, подвергаются разложенію, они уже не въ силахъ поддерживать общественную нравственность, при недостаткѣ личнаго сознанія, личной опоры въ отдѣльныхъ членахъ. Признаться, мы вовсе не защитники патріархальныхъ нравовъ и вовсе невысоко цѣнимъ нравственность, для сбереженія которой необходима глушь, удаленіе отъ большихъ дорогъ, жизнь, невыходящая за предѣлы непосредственнаго быта, вращающаяся среди языческихъ преданій, суевѣрій, обычаевъ и обрядовъ—все это не лишено поэтической прелести, но подобный бытъ, какъ мы уже сказали, рано или поздно, долженъ подвергнуться совершенному разложенію и уступить мѣсто новому, въ которомъ единственною опорою нравственности должно служить христіанское просвѣщеніе. Но эта переходная эпоха—гніеніе отжившаго, разложеніе цѣльнаго быта, поиски за новыми основами быта, большею частью неудачные (напримѣръ, цивилизація, почерпаемая въ трактирахъ и т. п.); эта эпоха представляетъ явленіе въ высшей степени безобразное, хотя и въ высшей степени любопытное для наблюденія. Намъ кажется, что въ то время, какъ въ сословіи, такъ-называемомъ, образованномъ, совершается умственное и нравственное движеніе, имѣющее цѣлью сближеніе съ народомъ, въ то время, какъ мы ищемъ связаться корнями

съ народной почвой — словомъ, совершается то, о чемъ такъ много уже было говорено въ «Русской Бесѣдѣ», въ это самое время и бытъ народный, такъ-сказать, тронулся, двинулся съ мѣста, но не утрачивая нисколько жизненности и силы соковъ, напояющихъ его почву. Внутренняя жизнь всей Россіи представляется нѣсколько въ хаотическомъ видѣ, устанавливается и перестанавливается. Для того, чтобъ вѣрнѣе понять и опредѣлить это явленіе, мы просимъ нашихъ читателей сообщать намъ, для помѣщенія въ «Русской Бесѣдѣ», всякія серьёзныя изслѣдованія по возбужденному нами вопросу о народной нравственности.»

Зависитъ ли это отъ тѣхъ вліяній, которыя предполагаетъ «Русская Бесѣда», или не справедливѣе ли будетъ это приписать вліянію древнихъ вѣрованій языческихъ, которыя такъ упорно хранилъ нашъ народъ, потому-что выросъ въ нихъ—какъ бы то ни было, только нашимъ глашатаямъ новыхъ истинъ не мѣшало бы справляться съ жизнью народною.

Но вотъ что̀ называется «не плюй въ колодезь...» и проч. Въ № 3 «Современника» (1861 г.) помѣщена статья г. Филиппова «Взглядъ на русскіе гражданскіе законы», которая заключается такими словами, за которыя «Современникъ» будетъ горько плакаться. Статья сама-по-себѣ есть не что иное, какъ отвлеченное разсужденіе о *семейномъ союзѣ* по русскимъ законамъ, нынѣ существующимъ; въ ней изложено первое отдѣленіе гражд. зак. т. X. Но не въ этомъ и дѣло на первый случай, а въ окончаніи статьи. Въ ней говорится слѣдующее:

«Союзъ семейственный есть основа союза общественнаго и государственнаго; изъ него получаетъ государство членовъ; отъ его совершенства зависитъ благо и общественное спокойствіе; словомъ — союзъ семейственный есть краеугольный камень государства. Когда же этотъ краеугольный камень затонулъ въ болотѣ и грязи; когда въ этомъ учрежденіи вмѣсто любви, равенства и христіанскаго братолюбія, господствуетъ деспотизмъ, произволъ, насиліе; когда жены отданы въ рабы мужьямъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, косвенно разрѣшено имъ развратничать; когда дѣти, въ-особенности дочери, отданы въ полную неограниченную власть родителей; когда грѣхи родителей обрушиваютъ все дѣло на ихъ невинныхъ незаконныхъ дѣтей,—въ подобномъ семейномъ союзѣ нельзя надѣяться почерпать здоровыхъ членовъ, нельзя найти ни патріотическаго самотверженія, ни истинной христіанской любви, ни ненависти къ пороку и деспотизму... Прочтите всю русскую литературу, въ-особенности лучшихъ ея представителей, и вы увидите, какимъ тяжелымъ гнётомъ легли у насъ отразившіеся въ законѣ *нравы* на всю семейную жизнь, и какой печальный видъ она чрезъ это приняла!... Да, я моими комментаріями хотѣлъ объяснить корень болѣзни нашего общества... Такова, по-крайней-мѣрѣ,

была моя цѣль... и одного только желаю— расшевелить нашу неподвижность, вызвать основательную критику нашихъ учрежденій, чтобъ, независимо отъ всѣхъ западныхъ теорій, въ наше законодательство былъ внесенъ элементъ чисто-національный (!?). Въ этомъ заключалась моя цѣль, когда я разработывалъ. сочиненіе мое: «Взглядъ на русское судоустройство и судопроизводство»; отъ этой же цѣли я не отступалъ, когда я разработывалъ настоящее сочиненіе—вотъ почему оба мои труда отличаются отсутствіемъ ссылокъ на авторитеты... *Какое намъ дѣло, какъ о данномъ предметѣ толкуетъ англичанинъ, французъ, нѣмецъ; намъ нужно мнѣніе русскихъ:* народный инстинктъ, народный умъ—вотъ основа каждаго учрежденія. *Поэтому мы желаемъ русскихъ теорій, русскій взглядъ на вещи, русскій умъ—словомъ, русскихъ учрежденій и законовъ.*»

Протираемъ глаза... смотримъ еще разъ на обертку... нѣтъ, дѣйствительтельно «Современникъ» № 3, 1861 г. Какъ! тотъ же самый «Современникъ», который только-что сказалъ, что всякое проявленіе народной мысли отжило уже свой вѣкъ, который такъ глумится надъ ея изслѣдователями? Что̀ скажутъ гг. Авдѣевъ и Михайловъ, творцы статей о женщинѣ по Миллю и Женни Дерикуръ? Или, въ-самомъ-дѣлѣ, а не иронически сказалъ кто-то въ томъ же 3 № «Современника», во «Внутреннемъ Обозрѣніи» (стр. 109):

«Мнѣній «Современника» мы знать не хотимъ. Кто читаетъ «Современникъ» постоянно, тотъ знаетъ, что этотъ журналъ давно уже потерялъ всякую солидарность. Это замѣтилъ недавно, даже почтеннѣйшій Осипъ Михайловичъ Бодянскій — и замѣтилъ совершенно-справедливо. «Свистокъ», какъ извѣстно, давно уже почти совсѣмъ отложился отъ «Современника» и удерживается при немъ насильственно. Въ самомъ «Современникѣ» г. Михайловъ проводитъ свои тенденціи—онъ готовъ весь журналъ превратить въ апологетику женщинъ; г. Чернышевскій, разумѣется, на это не соглашается, имѣя нужду въ мѣстѣ для своихъ тенденцій. Мы, въ отведенномъ намъ углу, тоже сами себѣ хозяева и не хотимъ знать, что̀ думаютъ о нашихъ мнѣніяхъ господа, помѣщающіеся въ другихъ отдѣлахъ.»

И прекрасно; это избавляетъ насъ отъ труда разсуждать о народности въ семействѣ, по «Современнику». А между-тѣмъ, нельзя не спросить, не ищетъ ли «Современникъ» самъ себѣ «оппозиціи»?

Вотъ вамъ и вопросъ о женщинѣ, который переродился въ вопросъ о г. Михайловѣ!

Преобладаніе подобныхъ отношеній къ предмету спора есть та зараза въ нашей литературѣ, которая долго не позволитъ уважать печать, какъ силу необходимую въ обществѣ. А между-тѣмъ эти отношенія преобладали въ нашей литературѣ.

Мы бы хотѣли выказать тѣ же самыя отношенія нашей литературы къ вопросамъ экономическимъ и поджидали долго рецензій на книгу Гильдебранда *Политическая экономія настоящаго и будущаго.* Книга появилась уже съ полгода; но, кажется, намъ не дождаться обстоятельныхъ отзывовъ. А въ книгѣ этой изложены мнѣнія разныхъ политико-экономистовъ очень-отчетливо. Тутъ бы, казалось, и вступиться журналу за свои мнѣнія и опровергнуть противника. Вѣдь у насъ мнѣнія политико-экономическія бродятъ во тьмѣ кромѣшной. У насъ принимается и законъ Мальтуса за неоспоримую истину, и свобода труда и ограниченіе труда, и важность капитала и вредъ капитала. Все принимается и ничего не доказывается... Безобразный навыкъ щеголять «послѣднимъ словомъ» науки губитъ насъ столько же, сколько журнальныя статьи, въ которыхъ глубокомысленныя разсужденія подтверждаются мнѣніями фёльетона, острымъ словцомъ еженедѣльной газеты, глубокомысліемъ пародіи. Одно отъ другаго недалеко идетъ. Вотъ хоть бы отзывъ «Современника» о книгѣ Гильдебранда: развѣ можно довольствоваться такими общими мѣстами, которыя написаны въ заголовкѣ каждой политико-экономической системы? Между-тѣмъ, вѣдь, вы хотите имѣть свое собственное мнѣніе?

«Абсолютно-справедливый законъ уравненія заслугъ съ наслажденіями, какой представляетъ себѣ Гильдебрандъ, составляетъ идеалъ стремленія нашего къ справедливости. Къ достиженію этого идеала человѣчество будетъ приближаться вѣковыми опытами; вѣдь и новый порядокъ отношеній будетъ имѣть свою исторію, свой прогресъ: развѣ ужь долженъ онъ такъ и замереть въ однѣхъ формахъ, и стѣснять ими вѣчно развивающійся духъ человѣческій? Сидѣть сложа руки потому только, что дѣло, за которое надо приняться, слишкомъ-громадно, это смѣшно и недобросовѣстно. Если мы сдѣлаемъ хотя одинъ высшій шагъ къ болѣе-правильному опредѣленію уравнительнаго закона услугъ съ наслажденіями, если въ сравненіи съ настоящимъ порядкомъ вещей этотъ законъ является болѣе-разумнымъ, то и слава Богу—мы и тѣмъ довольны. Во имя высшихъ идеаловъ отвергать какое-нибудь, хотя бы и не вполнѣ совершенное улучшеніе дѣйствительности—значитъ слишкомъ ужь идеализировать и потѣшаться безплодными теоріями».

Скажите, пожалуйста, кто не согласится съ этими словами и какой политико-экономъ не повторитъ того же общаго мѣста? Слѣдовательно, вы допускаете законъ постепенности; и если нѣтъ никакой надобности выдумывать средства для того, чтобъ можно было г. Страхову посмотрѣть, что̀ дѣлается на лунѣ, то нисколько не мѣшаетъ думать объ усовершенствованіи аэростатовъ, съ помощью которыхъ могутъ

быть изобрѣтены новые пути сообщенія. Но, вѣдь, всѣ экономисты, не исключая, слѣдовательно, и васъ, говорятъ одно и то же. Спрашивается: отчего жь такая строптивость въ-отношеніи къ одному ученію и снисхожденіе къ другому? Весь вопросъ заключается въ формахъ, съ помощью которыхъ можно достигнуть желаемаго идеала: объ этихъ-то формахъ и нужно говорить. А такъ-какъ формы эти черезчуръ-многоразличны, то всякое пребываніе въ общихъ, отвлеченныхъ сужденіяхъ будетъ безплоднымъ повтореніемъ одного и того же. Да къ-тому же, кто твердитъ одни общія мѣста, тотъ дѣлается черезчуръ-самоувѣренъ, потому-что не видитъ передъ собою ничего, кромѣ пустыхъ пространствъ.

Такъ-то вотъ о важныхъ вопросахъ мы и будемъ ограничиваться повтореніемъ стараго и давно-избитаго; но за-то если явится гдѣ-нибудь въ газетѣ новый Камень-Виногоровъ—смотрите, какими публицистами мы воспрянемъ. Всю Европу обойдите, не найдете такихъ...

ОБЗОРЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

ТѢХНОЛОГІЯ (*).

Калорическая машина Эриксона и газовая Ленуара. — 3-е изданіе Пекле.—Теорія и строеніе тюрбинъ Редтенбахера. — 1-й томъ Армангo о паровыхъ машинахъ.— Механика и геостатика Рюльмана. — Литературныя новости по части строенія машинъ.

Какъ начало развитія естественныхъ наукъ, открытіе законовъ Торичелли и Маріота отразились въ промышленномъ мірѣ изобрѣтеніемъ и постепеннымъ усовершенствованіемъ паровой машины, такъ въ настоящее время успѣхи физики начинаютъ приводить мало-помалу къ сознанію недостатковъ, связанныхъ съ этою машиною и къ убѣжденію, что ихъ невозможно отстранить усовершенствованіемъ самой машины, потому-что одинъ изъ главныхъ источниковъ этихъ несовершенствъ составляетъ самая сущность образованія водянаго пара, причемъ, какъ извѣстно, поглощается огромное количество теплорода. Результатъ этотъ побудилъ изобрѣтателей обратиться къ изысканію средствъ замѣнить водяной паръ другимъ веществомъ, непредставляющимъ въ техническомъ отношеніи тѣхъ же неудобствъ и, между многими другими, болѣе или менѣе удачными попытками, въ новѣйшее время появились двѣ новыя машины: калорическая Эриксона, дѣйствующая нагрѣтымъ воздухомъ, и машина Ленуара, употребляющая смѣсь свѣтящаго газа и воздуха. Хотя и та другая имѣютъ много несовершенствъ и, вѣроятно, подвергнутся кореннымъ измѣненіямъ въ будущемъ, но тѣмъ не менѣе онѣ уже вышли изъ области теоріи и нашли хотя ограниченное поле для своего примѣненія, но поле, на ко-

(*) Этотъ отдѣлъ принадлежитъ, по общему распредѣленію, къ группѣ естествознанія, но, по обширности предмета, не вошелъ въ пространство, назначенное для послѣдняго. Мы будемъ отнынѣ помѣщать рядомъ съ частями обзоровъ, слѣдующихъ по порядку предметовъ, дополненія, по частямъ, сдѣланныхъ пропусковъ.

торомъ онѣ твердо установились, а потому мы полагаемъ нелишеннымъ интереса краткое описаніе и оцѣнку этихъ машинъ и указаніе на тѣ случаи, когда ихъ примѣненіе можетъ-быть выгодно.

Мысль замѣнить упругость водянаго пара упругою силою нагрѣтаго воздуха была осуществлена Эриксономъ въ пятидесятыхъ годахъ сооруженіемъ парохода, приводимаго въ движеніе четырьмя калорическими машинами его изобрѣтенія. Дѣйствительная сила четырехъ машинъ этихъ, вычисленная на основаніи размѣровъ и скорости движенія парохода, составляла 170 паровыхъ лошадей, хотя Эриксонъ, по своимъ вычисленіямъ, полагалъ ее гораздо-выше, именно въ шестьсотъ лошадиныхъ силъ. Длина парохода составляла 250 футовъ, ширина—40 футовъ, высота—25,5 футовъ, глубина хода—18 футовъ, скорость движенія—семь англійскихъ миль въ часъ; количество каменнаго угля, потребляемаго въ 24 часа, составляло около 390 пудовъ. Уже и этотъ первый опытъ представляетъ нѣкоторыя выгоды относительно сбереженія топлива.

Вмѣсто 8160 килограммовъ каменнаго угля, употребляемаго въ 24 часа обыкновеннымъ пароходомъ въ 170 силъ, пароходъ Эриксона потреблялъ только 6094. Главный недостатокъ машинъ Эриксона, препятствовавшій ихъ распространенію, состоялъ въ маломъ давленіи воздуха въ цилиндрѣ. Въ машинахъ, о которыхъ мы говорили, давленіе это не превосходило 1,5 атмосферъ. Такое малое давленіе дѣлало употребленіе расширенія воздуха невозможнымъ и представляло невыгодное отношеніе между полезнымъ давленіемъ на поршень и среднимъ сопротивленіемъ его движенію. Полезному давленію на поршень равному 1,5 атм., противодѣйствовало давленіе воздуха, занимавшаго противоположную сторону цилиндра и равное 1 атмосферѣ, а также сопротивленіе, вслѣдствіе различнаго рода треній, которое можно выразить также давленіемъ на поршень, составляющимъ около $1/4$ атмосферы, такъ-что дѣйствительно-полезное давленіе не превосходило $1/4$ атмосферъ, и надобно было дѣлать машины огромныхъ размѣровъ для достиженія какого-нибудь результата. Причина малаго давленія воздуха въ цилиндрѣ заключалась въ трудности предохранить части машины, особенно цилиндра и поршня, отъ дѣйствія возвышенныхъ температуръ, необходимыхъ для приданія воздуху этихъ давленій; трудности эти сознавались всѣми и ихъ привыкли почитать почти-непреодолимыми, когда, въ самое послѣднее время, вновь начали распространяться слухи о машинахъ Эриксона, но на этотъ разъ преимущественно о машинахъ малаго числа силъ.

Машины эти появились сначала въ Америкѣ, перешли оттуда въ Швецію, отечество Эриксона, и въ Сѣверную Германію. Нѣсколько

брошюръ (*), вышедшихъ въ концѣ прошлаго года въ Германіи относительно этого предмета даютъ намъ возможность оцѣнить сдѣланные въ этомъ отношеніи успѣхи.

Новая машина Эриксона состоитъ изъ горизонтальнаго чугуннаго цилиндра, открытаго съ обоихъ концовъ, въ одномъ изъ которыхъ вставленъ особенный чугунный сосудъ для помѣщенія топки. Въ цилиндрѣ двигаются два поршня, изъ которыхъ внутренній, ближайшій къ топкѣ и подвергающійся дѣйствію высокихъ температуръ, только кожаною обшивкою прилегаетъ къ стѣнамъ цилиндра. Поршень этотъ снабженъ съ внутренней стороны ящикомъ, наполненнымъ угольнымъ порошкомъ, или какимъ-нибудь другимъ веществомъ, дурно-проводящимъ теплородъ; внѣшній поршень плотно прижатъ къ стѣнамъ цилиндра и движется въ холодной части его. Каждый изъ этихъ поршней отдѣльно, соединенъ системою рычаговъ съ кривошипомъ вала, на которомъ утверждено маховое колесо и движеніе разсчитано такимъ-образомъ, что внутренній поршень проходитъ бо̀льшій путь и, слѣдовательно, имѣетъ и бо̀льшую скорость, нежели внѣшній.

Внѣшній поршень имѣетъ клапаны, отворяющіеся изъ наружи внутрь для впусканія внѣшняго воздуха, служащаго для питанія машины; на внутреннемъ свободно надѣто металлическое кольцо, которое, при извѣстномъ положеніи этого поршня, дозволяетъ сообщеніе между обѣими сторонами его.

Дѣйствіе машины происходитъ слѣдующимъ образомъ:

Движеніе поршней въ сторону, соотвѣтствующую втягиванію въ цилиндръ свѣжаго воздуха, т.-е. по направленію къ топкѣ, производится дѣйствіемъ противовѣса, прикрѣпленнаго на маховомъ колесѣ. При этомъ внутренній поршень, вслѣдствіе большой скорости своей, удаляется отъ внѣшняго; по причинѣ разрѣженія воздуха между ними, отъ этого происходящаго, атмосферный воздухъ устремляется чрезъ клапаны внѣшняго поршня и наполняетъ пространство между нимъ и внутреннимъ поршнемъ. Послѣдній, дойдя до конца своего хода, начинаетъ обратное движеніе, тогда-какъ внѣшній продолжаетъ идти по-прежнему направленію, причемъ воздухъ между поршнями сдавливается. Кольцо, надѣтое на внутренній поршень, не слѣдуетъ немедленно за обратнымъ движеніемъ поршня, отстаетъ отъ него и открываетъ

(*) Lenoir's und Ericson's neue Bewegungs-Maschinen von A. Lipowitz. I. Die Lenoir'sche Gasmaschine. Mit 5 Abbildungen. II. Die Ericson'sche calorische Maschine. Mit 6 Abbildungen. 1861. Gasmaschine von Consentius in Leipzig. 1860. Calorische Maschine von Boetius. 1860. Calorische Maschine von Redtenbacher. 1858. Polytechnisches Centralblatt. 1860.

при этомъ желоба, расположенные по окружности поршня. Сдавленный воздухъ устремляется чрезъ эти желоба къ передней части цилиндра, гдѣ расположена топка, отъ которой воздухъ нагрѣвается и пріобрѣтаетъ постепенно упругость, достигающую наибольшей величины своей, когда внутренній поршень на половинѣ своего пути.

Дальнѣйшее увеличеніе упругости воздуха, вслѣдствіе его нагрѣванія, не соотвѣтствуетъ болѣе увеличенію объема, имъ занимаемаго; давленіе начинаетъ постепенно уменьшаться, то-есть происходитъ расширеніе воздуха, хотя въ то же время нагрѣваніе продолжается и при концѣ хода, давленіе его вновь уменьшается почти до 1 атмосферы. Нагрѣтый воздухъ окружаетъ внутренній поршень и, производя давленіе на обѣ стороны его, дѣлаетъ его недѣйствующимъ и движеніе машины производится собственно давленіемъ на внѣшній поршень, называемый поэтому рабочимъ, въ отличіе отъ внутренняго, который можно называть питательнымъ поршнемъ. Нагрѣтый воздухъ, наполняющій цилиндръ при обратномъ движеніи поршней, производимомъ, какъ было сказано выше, противувѣсомъ, утвержденнымъ на маховикѣ, выгоняется изъ цилиндра чрезъ особенный клапанъ, въ то время открытый дѣйствіемъ машины.

Вотъ краткое описаніе новой машины Эриксона. Сравнительно съ прежнею, она значительно измѣнена и упрощена; такъ, напримѣръ, отброшена сѣтка, называемая регенераторомъ. Нѣкоторыя улучшенія дозволили возвысить давленіе воздуха въ цилиндрѣ до 1,75 атмосф. Измѣненія къ лучшему состоятъ, по нашему мнѣнію:

1) Въ помѣщеніи топки въ особенномъ сосудѣ, легко замѣняемомъ при поврежденіи отъ дѣйствія высокихъ температуръ, тогда-какъ въ прежней машинѣ Эриксона топка располагалась непосредственно подъ дномъ цилиндра, части дорогой и трудно-замѣнимой, въ случаѣ поврежденія.

2) Въ остроумномъ движеніи двухъ поршней, дающемъ возможность обойтись безъ особеннаго насоса для вкачиванія воздуха и превосходно-регулирующемъ его давленіе.

3) Въ предохраненіи рабочаго поршня отъ дѣйствія высокихъ температуръ, которымъ подвергается только внутренній питательный поршень, составленный изъ матеріаловъ дурно-проводящихъ теплородъ. Для питательнаго поршня, неприлегающаго плотно къ стѣнамъ цилиндра, высокая температура не можетъ быть такъ вредна, какъ для рабочаго поршня, плотно къ нимъ прижатаго и потому нуждающагося въ смазкѣ, которая затруднительна при высокой температурѣ. Тѣмъ не менѣе главная трудность все еще не преодолѣна: полезное давленіе

въ цилиндрѣ на $1/2$ атмосферы превосходитъ вредное сопротивленіе, и цилиндру, поэтому, приходится придавать очень-большіе размѣры, трудно осуществимые при конструкціи машины большаго числа силъ. Такъ, напр., машина Эриксона, цилиндръ которой имѣетъ діаметръ равный 24 д., будетъ только двухсильная, тогда-какъ въ обыкновенной пароходной машинѣ низкаго давленія съ охлажденіемъ тотъ же діаметръ соотвѣтствуетъ пятнадцати силамъ.

Несмотря на этотъ недостатокъ, новая машина Эриксона начинаетъ находить примѣненіе для силъ непревосходящихъ 10 пар. лошадей, и она обязана этому, между-прочимъ, доставляемой ею экономіи въ топливѣ, ибо она потребляетъ только около $1/3$ того количества, которое необходимо для обыкновенной паровой машины. Лучшимъ топливомъ для этой машины служитъ коксъ; но употребленіе дровъ, торфа и древеснаго угля также возможно при ней; весьма-важную выгоду машины Эриксона составляетъ то, что она, не нуждаясь въ котлахъ и дымовыхъ трубахъ, не подвергается опасности взрыва, а потому владѣтели подобной машины не подчиняются тѣмъ полицейскимъ мѣрамъ, которымъ должны повиноваться владѣтели паровыхъ машинъ. Подобная машина можетъ быть легко расположена во всякомъ этажѣ дома, не причиняя ни опасности, ни неудобства жильцамъ его, а потому особенно-выгодна въ большихъ городахъ для замѣненія въ ремеслахъ и мелкихъ фабрикаціяхъ ручной силы. Она можетъ быть съ выгодою употреблена въ типографіяхъ для приведенія въ движеніе скоро-печатныхъ машинъ. Какъ на примѣръ послѣдняго употребленія, можно указать на типографію Генеля (Hänel) въ Магдебургѣ, гдѣ подобная машина въ одну силу приводитъ въ движеніе одну конгревскую и одну скоропечатную машину, изъ кототорыхъ каждая требовала прежде 2-хъ рабочихъ для вращенія маховиковъ ихъ, причемъ конгревская машина даетъ 20 отпечатковъ въ минуту чего не было возможности достигнуть ручною работою при самыхъ усиленныхъ стараніяхъ рабочихъ.

Односильная машина эта требуетъ при 11-ти часовой работѣ 50 ф., легкаго коксу, получаемаго съ газовыхъ заводовъ. Она затапливается за полчаса до приведенія въ дѣйствіе, причемъ сосудъ, въ которомъ находится топка, доводится до краснокаленія. Въ особенныхъ предосторожностяхъ и знаніи кочегара нѣтъ надобности, что̀ также составляетъ большое преимущество. Она представляетъ, наконецъ, еще и ту выгоду, что воздухъ, въ ней отработавшій, можетъ служить для нагрѣванія покоевъ, чрезъ что̀ доставляется еще новое сбереженіе топлива. Такая машина, между прочимъ, уже довольно-давно дѣйствуетъ, не требуя особенныхъ, починокъ на механическомъ заводѣ

Лозе (Lohse), въ Гамбургѣ; сверхъ того, большое число ихъ въ ходу въ Ньюйоркѣ.

Въ Германіи подобныя машины отъ $1/2$ до 10 силъ изготовляются на машинной фабрикѣ Рудольфа и Бека въ Хемницѣ, гдѣ такая же машина находится и въ дѣйствіи.

Въ заключеніе приведемъ таблицу цѣнъ калорическихъ машинъ отъ 0,3 до 6,5 силъ, изготовляемыхъ на заводѣ Бюкау близь Магдебурга.

											СИЛА.		ЦѢНА.	
9	кв. фут.	занимаютъ мѣста,	діаметр.	цилин.	12	д.	0,3	лош.	338	тал.
21	—	—	—	—	—	18	—	1	—	600	—
28	—	—	—	—	—	24	—	2	—	825	—
Съ двумя цилиндрами:											
56	—	—	—	—	—	24	—	4	—	1500	—
94	—	—	—	—	—	32	—	6,5	—	2600	—

Цѣны эти нѣсколько-высоки, но надобно надѣяться, что конкурренція въ скоромъ времени заставитъ ихъ понизиться.

Сознаніе недостатковъ и этой усовершенствованной машины навело на мысль, что удовлетворительное разрѣшеніе вопроса возможно только при употребленіи сжатаго воздуха, что̀ дозволило бы уменьшить размѣры цилиндра.

По новѣйшимъ извѣстіямъ Эриксонъ сообщилъ своему корреспонденту въ Швецію изъ Америки, гдѣ онъ находится, что ему удалось преодолѣть послѣднія трудности, лежащія на его пути, и построить машину, дѣйствующую сжатымъ нагрѣтымъ воздухомъ. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ подробнаго описанія ея. Не имѣя возможности въ неспеціальномъ журналѣ входить въ большія подробности относительно этого интереснаго предмета, перейдемъ къ другому замѣчательному явленію въ машинномъ мірѣ — къ машинѣ Ленуара.

Газовая машина Ленуара (*) представляется намъ первымъ практическимъ осуществленіемъ цѣлаго ряда попытокъ воспользоваться упругостью, происходящею при сожиганіи водорода, или свѣтящаго газа вмѣстѣ съ воздухомъ, какъ движущею силою; опыты, относительно употребленія полезнымъ образомъ взрывчатой силы водорода, при сожиганіи его съ воздухомъ, начались еще въ 1809-мъ году и не привели тогда ни къ какому результату. Послѣ того появились машины Броуна, употреблявшаго взрывчатую силу водорода и воздуха для образованія пустоты—проектъ Селига, думавшаго двигать суда помощью

(*) Первый нумеръ «Civil-Ingenieur» 1861. Scientific. American. 1861. Polytechnisches Centralblatt. October. 1860. Dingler's Polytechnisches Journal. 1860.

взрывчатой силы сожигаемаго углеродистоводороднаго газа, дѣйствующей непосредственно на воду и толкающей такимъ образомъ судно впередъ. Относительно этого предмета были наконецъ произведены обширныя изысканія Хюгономъ, составившимъ также нѣсколько проектовъ газовыхъ машинъ.

Въ одной изъ нихъ, довольно-сходной съ нынѣшнею машиною Ленуара, смѣсь газа и воздуха накачиваемая въ вертикальный цилиндръ, въ которомъ двигается поршень, воспламеняется дѣйствіемъ электрической искры и упругостью, при этомъ развитою, дѣйствуетъ на поршень. Смѣшеніе газа и воздуха производится въ особенномъ сосудѣ.

Въ другой машинѣ Хюгона взрывчатая сила газа употреблялась для образованія пустоты въ длинной трубкѣ, находившейся въ сообщеніи съ цилиндромъ, изъ котораго воздухъ устремлялся въ эту пустоту и, разрѣжаясь, давалъ возможность внѣшнему воздуху приводить своимъ давленіемъ въ движеніе поршень, находившійся въ цилиндрѣ. Машина эта, слѣдовательно, могла быть названа скорѣе атмосферною нежели газовою. Опыты надъ подобными машинами не имѣли успѣха и до новѣйшаго времени попытки въ этомъ отношеніи считались неосуществимыми, вслѣдствіе чего взрывчатыя машины были поставлены въ разрядъ механическихъ фокусовъ, любопытныхъ, но неимѣющихъ практическаго значенія.

Таково было положеніе дѣлъ, когда разнесся слухъ, что въ одной столярной мастерской въ Парижѣ (rue Rousselet, 35) нѣсколько станковъ приводится въ движеніе машиною, силъ около 4-хъ, дѣйствующею свѣтящимъ газомъ. Доступъ къ машинѣ былъ открытъ публикѣ и множество любопытныхъ собралось видѣть столь неожиданно-появившееся нововведеніе. Хотя теперь прошло болѣе полугода со времени перваго появленія машины Ленуара, но мнѣнія о ней еще далеко не установились, и мы приведемъ сущность того, что̀ говорится за и противъ нея.

Устройство машины Ленуара сходно въ главныхъ чертахъ съ горизонтальною паровою машиною; отличается она тѣмъ, что имѣетъ два распредѣлительные прибора, расположенные по обѣимъ сторонамъ цилиндра. Первый назначается для впусканія въ цилиндръ свѣтящаго газа и воздуха отдѣльно, второй—для выпусканія изъ цилиндра продуктовъ сгаранія газа.

Для воспламененія смѣси газа и воздуха служитъ двухпарная гальваническая батарея и приборъ Румкорфа, проволоки отъ котораго проведены черезъ оба противоположные дна цилиндра; причемъ они изолированы въ стеклянныхъ трубочкахъ; при перерывѣ тока, помощью

особеннаго приспособленія, во время каждаго хода машины возбуждается индуктированный токъ въ проволокахъ, проходящихъ чрезъ оба дна цилиндра, вслѣдствіе чего искры перескакиваютъ съ нихъ на другіе концы проволоки, также утвержденные въ днахъ цилиндровъ; хотя искры эти и перескакиваютъ съ обоихъ концовъ цилиндра, но онѣ дѣйствуютъ очевидно только съ той стороны, гдѣ находится смѣсь свѣтящаго газа и воздуха, которую они воспламеняютъ. Количество воздуха и газа, впускаемыхъ въ машину, регулируется обыкновеннымъ коническимъ регуляторомъ.

Дѣйствіе машины происходитъ такимъ образомъ, что когда, при движеніи поршня, образуется пустота, газъ и воздухъ наполняютъ ее, и постепенно воспламеняются дѣйствіемъ искръ, перескакивающихъ съ одной проволоки на другую. Очевидно, что перескакиваніе искръ должно начинаться только тогда, когда распредѣлительный приборъ уже заперъ газъ въ цилиндрѣ; ибо, иначе, газъ, приводимый трубою къ машинѣ, могъ бы также воспламениться. Газъ, постепенно-сгарающій на счетъ кислорода воздуха, дѣйствуетъ частью взрывчато, частью увеличеніемъ давленія, вслѣдствіе образовавшейся при его горѣніи высокой температуры, и заставляетъ поршень двигаться до-тѣхъ-поръ, пока онъ не дойдетъ до конца своего размаха и движеніемъ золотника новое количество газа и воздуха не будетъ впущено съ противоположной стороны и, дѣйствуя подобно первому, не заставитъ поршень двигаться въ обратную сторону, выгоняя изъ цилиндра въ наружу чрезъ второй золотникъ, въ это время открытый, отработавшіе продукты горѣнія. Наивыгоднѣйшее отношеніе количества газа, употребляемаго въ этой машинѣ, къ воздуху, не опредѣлено въ-точности. Въ одной 8-ми сильной машинѣ, дѣйствующей на заводѣ Мариноніи (rue Vaugirard, № 67), гдѣ она приводитъ въ движеніе 1 вентиляторъ, 10 токарныхъ, 3 сверлильныхъ, 1 стругальный станокъ, 1 станокъ для пробиванія дыръ и 2 точильные камня, въ часъ потребляется для каждой силы 0,8 куб. литра газа, который въ цилиндрѣ смѣшивается съ воздухомъ въ такомъ отношеніи, что газъ составляетъ 6%, а воздухъ 94% всей смѣси; въ другихъ машинахъ газу прибавляется только 5%. Для охлажденія цилиндра, между нимъ и особенною оболочкою, которою онъ окруженъ, постоянно протекаетъ холодная вода. Количество воды, для этого потребной, полагая, что, протекая, она имѣетъ температуру 0°, и, при вытеканіи, нагрѣвается до 50°, можно приблизительно положить въ 44 литр. въ часъ для каждой паровой лошади, предполагая, что она поглощаетъ въ это время, какъ утверждаетъ г. Ленуаръ, ½ куб. метра свѣтильнаго газа; нагрѣтая вода

очевидно также можетъ быть употреблена съ пользою. Количество газа, потребленнаго въ часъ для каждой силы, составляетъ, по словамъ изобрѣтателя, только 0,5 куб., метра; на число это нельзя вполнѣ полагаться, ибо, какъ видно изъ приведеннаго выше примѣра, на заводѣ г. Мариннони дѣйствуетъ машина, истребляющая въ часъ для каждой лошади 0,8 куб., метра газа; но даже если принять 1 куб., метръ въ часъ, то все же результатъ остается весьма-благопріятнымъ; ибо цѣны на свѣтящій газъ могутъ быть значительно понижены противъ нынѣ имѣющихся.

Въ Парижѣ газовая компанія продаетъ газъ по 30 сант. за кубическій метръ, тогда-какъ онъ можетъ быть приготовленъ за 15 сантимовъ, а г-нъ Изоаръ на большомъ заводѣ Панисъ и К⁰ (Panis) въ Рюелѣ (Rueil) берется приготовлять ежедневно отъ 10 до 30-ти тысячъ кубич. мет. свѣтящаго газа по 3 сант., за кубическій метръ, т. е. въ 10 разъ дешевле его настоящей цѣны. Очевидно, при подобномъ удешевленіи, работа газовой машины будетъ обходиться несравненно дешевле паровой, не требуя, сверхъ-того, подобно ей, устройства котла, дымовой трубы и не стѣсняя владѣльцевъ различными полицейскими правилами, необходимыми для безопасности обитающихъ вблизи мѣста расположенія паровой машины.

При настоящихъ цѣнахъ газа, работа машины этой обходится немного дороже паровой, но тѣмъ не менѣе во многихъ случаяхъ, по удобству и простотѣ своего расположенія, во всякомъ жиломъ строеніи, гдѣ только проведенъ газъ, она должна быть предпочтена паровой машинѣ особенно для машинъ небольшаго числа силъ, употребляемыхъ въ мелкой промышлености. Какъ выводъ изъ всего доселѣ напечатаннаго о машинѣ Ленуара, можно сказать слѣдующее:

1) Въ машину эту газъ и воздухъ входятъ отдѣльно одинъ отъ другаго и перемѣшиваются только въ самомъ цилиндрѣ, вслѣдствіе чего газъ сгараетъ не вдругъ, а постепенно-малыми количествами насчетъ окружающаго его воздуха, и взрывчатость его уменьшается. Этимъ она отличается отъ машины Хюгона, оказавшейся неудобною къ дѣйствію. 2) Машина эта дѣйствуетъ не образованіемъ пустаго пространства и происходящимъ, вслѣдствіе того, избыткомъ давленія, а упругостью, производимою высокою температурою, порожденною горѣніемъ газа.

Главные недостатки этой машины состоятъ въ слѣдующемъ:

1) Для приведенія ея въ дѣйствіе необходимо пособіе рабочихъ для первоначальнаго движенія поршня.

2) При дѣйствіи машины смѣсь газа и воздуха имѣетъ до воспла-

меnенія давленіе около одной атмосферы; при сгараніи и послѣ его окончанія давленіе весьма-быстро возвышается; далѣе расширеніе вновь уменьшаетъ упругость газовъ. Подобная неравномѣрность давленія въ цилиндрѣ очевидно очень-невыгодна для однообразнаго и плавнаго дѣйствія машины.

3) Невозможно предотвратить потери газа чрезъ промежутокъ между поршнемъ и стѣнами цилиндра, и потеря эта, вѣроятно, очень-велика.

4) Машина требуетъ большаго количества воды для охлажденія цилиндра, что̀ дѣлаетъ неудобнымъ расположеніе ея въ верхнихъ этажахъ зданій.

Несмотря, впрочемъ, на недостатки, машина Ленуара начинаетъ входить въ употребленіе, особенно для небольшаго числа силъ и въ мелкой промышлености; впрочемъ, фабрика Маринони въ Парижѣ (rue Vaugirard, Faubourg S. Germain, № 57), специально-изготовляющая эти машины, строитъ ихъ и для большаго числа силъ. Цѣна ихъ въ Парижѣ у Маринони слѣдующія:

Машина	1/2	силъ	900 франковъ
	1	—	1550
	2	—	1910
	3	—	2470
	4	—	3030
	6	—	4200
	8	—	5370
	10	—	6540
	12	—	7760
	15	—	9490
	20	—	11930

Машины эти значительно-дешевле и занимаютъ менѣе мѣста, нежели калорическія Эриксона, но болѣе, чѣмъ послѣднія, зависятъ отъ мѣстныхъ условій, отъ того, проведенъ ли въ то мѣсто, гдѣ должно расположить машину, свѣтящій газъ, и правильно ли дѣйствуетъ газовый заводъ. Употребленіе гальванической батареи и приборъ Румкорфа также не всегда возможны.

Мы полагаемъ, поэтому, что въ настоящее время въ Россіи машина Эриксона можетъ найти болѣе случаевъ примѣненія, нежели машины Ленуара, особенно же, если топка ея будетъ приспособлена къ употребленію дровъ или торфа.

Развитіе приложеній ученія о теплородѣ дѣлаетъ особенно-важными изысканія ученыхъ по этому отдѣлу физики. Не такъ давно появилось 3-е

изданіе извѣстнаго сочиненія Пекле о теплотѣ (*), напечатанное послѣ смерти автора, съ рукописи, имъ оставленной, помощникомъ его по преподаванію прикладной физики въ парижской центральной школѣ искусствъ и ремеслъ (**).

Сочиненіе это будетъ состоять изъ 3-хъ томовъ, изъ которыхъ нынѣ вышли два первые.

Значительныя измѣненія и дополненія въ сравненіи со 2-мъ изданіемъ дѣлаютъ изъ 3-го совершенно новое сочиненіе. Прикладная физика, одинъ изъ главныхъ отдѣловъ которой заключается въ разсматриваемой книгѣ, какъ предметъ преподаванія въ техническихъ школахъ, получила право гражданства очень-недавно и обязана имъ Пекле, основателю курса прикладной физики въ парижской центральной школѣ; затѣмъ предметъ этотъ началъ вводиться и въ другихъ техническихъ школахъ, и теперь намъ извѣстно, что онъ входитъ въ составъ курсовъ цюрихской политехнической школы и техническаго факультета при люттихскомъ университетѣ. Расматриваемая книга Пекле даетъ намъ ясное понятіе о важнѣйшемъ изъ примѣненій физики къ техническому дѣлу, именно — о примѣненіи теплорода, и по этому отдѣлу мы можемъ судить о характерѣ преподаванія остальныхъ.

Сочиненіе это, впрочемъ, вовсе не есть учебникъ; оно можетъ быть названо трактатомъ, заключающимъ все, до-сихъ-поръ сдѣланное относительно примѣненій теплорода. Характеръ его, соотвѣтственно разнообразію предметовъ, въ немъ заключающихся, довольно-разнообразенъ, такъ, наприм., отдѣлы, гдѣ говорится объ истеченіи газовъ, о движеніи нагрѣтаго воздуха въ дымовыхъ трубахъ, о прохожденіи теплорода чрезъ стѣнки сосудовъ, содержатъ много вычисленій, нетребующихъ, впрочемъ, отъ читателя, познаній въ высшей математикѣ.

Другія части, напротивъ того, напр. главы о паровыхъ котлахъ и придаточныхъ къ нимъ приборахъ, или о топкахъ различнаго рода, имѣютъ характеръ чисто-описательный, соединенный, впрочемъ, съ критическимъ взглядомъ на предметы, съ объясненіемъ тѣхъ главныхъ условій, которымъ они должны удовлетворять. Относительно этой части сочиненія можно только выразить сожалѣніе, что къ нѣкоторымъ изъ описаній, въ ней помѣщенныхъ, не приложено чертежей, такъ-что, прочтя ихъ, нельзя составить себѣ яснаго понятія о предметѣ.

Содержаніе сочиненія этого мы укажемъ вкратцѣ. Въ первой ча-

(*) Traité de la chaleur dans ses applications par Peclet.

(**) Ecole centrale des arts et metiers.

сти говорится о явленіяхъ, происходящихъ при горѣніи, о различнаго рода топливахъ и количествѣ теплорода, ими даваемаго. Въ этомъ отдѣлѣ приведены, между прочимъ (стр. 78), цѣны, по которымъ обходятся въ Парижѣ 1000 един. теплорода, при употребленіи, для полученія ихъ, различнаго рода топлива; понятно, какъ подобная сравнительная оцѣнка была бы полезна и для разныхъ мѣстъ Россіи. Затѣмъ слѣдуетъ отдѣлъ объ истеченіи газовъ чрезъ отверстіе въ тонкой стѣнѣ подъ малымъ и большимъ давленіями, истеченіе чрезъ цилиндрическія и коническія трубки, о треніи газовъ при движеніи въ трубахъ, о вліяніи измѣненія направленія и размѣровъ трубъ на движеніе въ нихъ газовъ и примѣненіе тѣхъ же формулъ для водянаго пара.

Далѣе слѣдуетъ описаніе анемометровъ и другихъ приборовъ для измѣненія скорости движенія газовъ. Всѣ эти отдѣлы, кромѣ безусловнаго значенія выводовъ, въ нихъ заключенныхъ, служатъ какъ-бы предисловіемъ къ статьѣ о дымовыхъ трубахъ, особенно тщательно разработанной авторомъ. Весьма важны помѣщенныя въ этомъ отдѣлѣ на стр. 214 формулы, для нахожденія сѣченія дымовой трубы при употребленіи разнаго рода топлива, зная сѣченіе это для каменнаго угля. Статья о дымовыхъ трубахъ оканчивается описаніемъ различныхъ приборовъ для предовращенія вреднаго для тяги вліянія вѣтра. Послѣ того слѣдуетъ отдѣлъ о движеніи воздуха вслѣдствіе дѣйствія машинъ и выпускаемаго въ трубу пара, заключающій описаніе разнаго рода вентилаторовъ и опредѣленія на основаніи опыта полезнаго дѣйствія, ими даваемаго.

Къ сожалѣнію, мы не нашли въ этомъ отдѣлѣ того, что̀ могли бы ожидать отъ научнаго характера всего сочиненія—теоріи дѣйствія вентиляторовъ и, основаннаго на выводахъ ея, опредѣленія размѣровъ ихъ. Надобно замѣтить, впрочемъ, что отдѣлъ этотъ не относится вполнѣ къ предмету сочиненія. Большая и тщательно-разработанная статья, слѣдующая за тѣмъ, посвящена описанію разнаго рода топокъ, преимущественно для паровыхъ котловъ, какъ при употребленіи каменнаго угля, такъ и дровъ, торфа, древесныхъ опилокъ и др. родовъ топлива, а также описаніе и критическая оцѣнка разнаго рода дымогарныхъ приборовъ. Первый томъ оканчивается статьею объ испусканіи теплорода нагрѣтыми поверхностями, о передачѣ теплорода чрезъ твердыя тѣла, примѣненіемъ общихъ выводовъ этой статьи къ цилиндрическимъ и сферическимъ оболочкамъ и ко многимъ случаямъ практики. Первый томъ имѣетъ характеръ болѣе-теоретическій, нежели 2-й, содержащій примѣненіе выводовъ заключенныхъ въ 1-мъ. Значительная часть

втораго тома посвящена изученію паровыхъ котловъ, оцѣнкѣ сравнительнаго достоинства различныхъ системъ ихъ, описанію придаточныхъ къ нимъ приборовъ, изложенію средствъ противодѣйствовать образованію накипей въ котлахъ, объясненію причинъ взрывовъ ихъ и очерку того характера, который, вѣроятно, примутъ будущія усовершенствованія ихъ. На 150 страницахъ, посвященныхъ паровымъ котламъ, заключается болѣе свѣдѣній о нихъ, нежели во многихъ сочиненіяхъ, спеціально трактующихъ о паровыхъ машинахъ. Послѣ паровыхъ котловъ слѣдуетъ статья о перегоночныхъ приборахъ, о различныхъ способахъ выпариванія жидкостей. Въ статьѣ о сушкѣ, помѣщенной вслѣдъ за тѣмъ, говорится о разныхъ средствахъ просушиванія бѣлья, тканей, о высушиваніи дерева и торфа, а также о порошкообразныхъ веществахъ. Далѣе слѣдуетъ статья объ отапливаніи зданій, причемъ весьма подробно описано отапливаніе помощію пара и нагрѣтой воды.

Второй томъ содержитъ, затѣмъ, разныя примѣненія теплорода въ домашней жизни, наприм. описаніе кухонныхъ печей для приготовленія хлѣба, примѣненіе свѣтящаго газа въ домашней жизни и т. п. Въ заключеніе приведены описанія печей для выжиганія кирпичей, для прокатыванія известки и т. п. Вотъ вкратцѣ изложеніе содержанія двухъ вышедшихъ нынѣ томовъ сочиненія; третій, ожидаемый въ скоромъ времени, будетъ посвященъ изученію отапливанія и вентиляціи большихъ зданій. Изъ этого очерка видно, что, кромѣ металлургическихъ примѣненій теплорода, которые по своему спеціальному характеру, не могли войти въ это сочиненіе, всѣ остальные нашли мѣсто въ книгѣ Пекле, что̀ дѣлаетъ ее неоцѣненною для всякаго занимающагося техникою. Пекле не только собралъ въ своей книгѣ результаты трудовъ своихъ предшественниковъ, онъ во многомъ дополнилъ ихъ, произведя множество опытовъ, описаніе и результаты которыхъ помѣщены въ разсматриваемомъ сочиненіи, откуда они перешли почти во всѣ техническія руководства, содержащія какія-либо примѣненія теплорода, что̀ служитъ наилучшимъ доказательствомъ достоинства труда Пекле. Замѣтимъ, впрочемъ, что, въ совокупности своей, сочиненіе это болѣе-полезно для занимающихся техническими науками, нежели для тѣхъ, которые хотятъ дѣлать немедленное примѣненіе выводовъ ихъ къ практикѣ; для послѣдней цѣли многія изъ формулъ данныхъ г. Пекле нѣсколько сложны, а потому невполнѣ удобны для разрѣшенія численнымъ образомъ практическихъ вопросовъ.

Изъ различныхъ пріемниковъ движущей силы, одни, изъ наиболѣе-усовершенствованныхъ, въ новѣйшее время, это—турбины. Давая болѣе-полезнаго дѣйствія, нежели большая часть водяныхъ колесъ, двигаясь

со скоростью, значительно-превосходящею скорость ихъ, онѣ особенно примѣнимы тамъ, гдѣ требуются большія скорости вращенія, какъ наприм. въ мукомольныхъ и лѣсопильныхъ мельницахъ, ибо позволяютъ значительно упростить приводы для передачи движенія. Выгоды эти причиною, что турбины все болѣе-и-болѣе распространяются въ Западной Европѣ, во многихъ мѣстахъ вытѣсняя водяныя колеса. Онѣ употребляются, между-прочимъ, для приведенія въ движеніе бумагопрядильныхъ фабрикъ, лѣсопильныхъ и мукомольныхъ мельницъ. Такъ, наприм., одинъ изъ самыхъ обширныхъ мукомольныхъ заводовъ Европы въ ст. Моръ (St. Maur), близь Парижа, приводится въ движеніе 4-мя турбинами, изъ которыхъ каждая, силою въ 40 лошадей, двигаетъ 10-ю мукомольными поставами, которыхъ на заводѣ всего, слѣдовательно, 40.

Къ сожалѣнію, у насъ, въ Россіи, употребленіе турбинъ распространяется очень-медленно, и причину тому надобно, между многими другими, искать въ мнѣніи, котораго нѣкоторые держатся у насъ, будто турбины требуютъ для успѣшнаго дѣйствія своего высокихъ паденій воды, рѣдкихъ въ нашемъ отечествѣ.

Въ примѣръ противнаго мы можемъ указать на памятную книгу Редтенбахера, изъ которой видно, что турбины употребляются, начиная отъ паденій воды равныхъ 0,5 метр. т. е. немного болѣе $1\frac{1}{2}$ фута, причемъ турбина въ 30 лошад. силъ стоитъ въ Германіи 16200 франковъ; при паденіи же въ одинъ метръ, т. е. около $3\frac{1}{4}$ футовъ, цѣна подобной же турбины—13000 фран.; тогда-какъ цѣна самой дешевой паровой машины въ 30 силъ, которая требуетъ и наиболѣе топлива, машины безъ охлажденія и безъ отсѣчки пара, не считая стоимости котла, будетъ по тѣмъ же даннымъ составлять 891 франк., за каждую паровую лошадь, а слѣдовательно за 30 лошадей, 26.730 фр., и считая самый дешевый котелъ въ 4200 фран. (стр. 466), мы увидимъ, что турбина, при паденіяхъ воды, которыя далеко-нерѣдко встрѣчаются въ нашемъ отечествѣ, будетъ стоить почти вдвое дешевле паровой машины, не требуя при этомъ, подобно послѣднимъ, издержекъ для приведенія въ движеніе. Недолжно, впрочемъ, вполнѣ увлекаться этими цифрами, ибо отношеніе ихъ нѣсколько измѣнится, принявъ въ соображеніе, что установка турбины обходится дороже установки высокой машины, считая даже сооруженіе паровой дымовой трубы. Тѣмъ не менѣе цифра эта довольно-краснорѣчиво говоритъ въ пользу турбинъ, а потому мы и прочли съ особеннымъ интересомъ вновь-вышедшую книгу (3), спеціально имъ посвященную, и имя автора

(3) Theorie und Bau der Turbinen von Redtenbacher.

которой, профессора при карлсруйской политехнической школѣ Редтенбахера, занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ технической литературѣ. Книга эта выходитъ нынѣ въ Германіи вторымъ изданіемъ, мало-измѣненнымъ противъ перваго въ теоретической части своей, но обогащеннымъ въ сравненіи съ нимъ многими чертежами. Сочиненіе начинается краткою исторіею турбинъ, причемъ авторъ говоритъ, что колеса, подобныя турбинамъ, существовали съ незапамятныхъ временъ и были не изобрѣтены, а только постепенно усовершенствованы въ новѣйшее время, и честь первой попытки раціональнаго построенія турбинъ принадлежитъ Фурнейрону, турбина котораго не есть, впрочемъ, самостоятельное изобрѣтеніе, а только усовершенствованіе существовавшей прежде.

Послѣ исторической части слѣдуетъ краткое описаніе новѣйшихъ турбинъ и различныхъ родовъ установки ихъ, не только дѣйствительно-осуществимыхъ, но и вообще только логически-возможныхъ. Послѣ того авторъ переходитъ къ теоріи различныхъ турбинъ, начиная съ фурнейроновской. Въ началѣ теоретическаго отдѣла онъ говоритъ, что, при настоящемъ состояніи гидродинамики, строгая теорія дѣйствія воды въ турбинахъ не можетъ быть дана; ибо для этого надобно быть въ состояніи слѣдить за движеніемъ каждой частицы воды во время прохожденія ея черезъ турбину, что очевидно-невозможно, при настоящемъ состояніи математическаго анализа. Поэтому авторъ дѣлаетъ нѣкоторыя предположенія, необходимыя для возможности составленія теоріи и представляющія вмѣстѣ съ тѣмъ условія, которымъ должно стараться удовлетворять при построеніи турбины. Изъ вычисленій этихъ, а также частію изъ свѣдѣній о большомъ числѣ существующихъ турбинъ, Редтенбахеръ выводитъ формулы, выражающія главнѣйшіе размѣры и условія наивыгоднѣйшаго дѣйствія различнаго рода турбинъ, какъ-то: турбинъ Фурнейрона, Кадіа, шотландской, Жонваля или Кехлина и др., (*) а также даетъ практическія правила для вычерчиванія ихъ. Какъ примѣненіе теоретическаго отдѣла сочиненія, слѣдуетъ описаніе различныхъ турбинъ и вычисленіе размѣровъ, подробное описаніе разнаго рода подшипниковъ для вертикальнаго вала ихъ, хорошее устройство которыхъ чрезвычайно-важно при быстрыхъ движеніяхъ, часто-производимыхъ турбинами. Далѣе приводится подробное описаніе существующихъ турбинъ, вы-

---

(*) На дняхъ получено въ Петербургѣ новое сочиненіе Ритингера: «Theorie und Bau der Rohrturbinen im allegemeinen und der sogenannten Jonval-Turbine insbesondere.» Prag 1861.

численіе размѣровъ ихъ по формуламъ, приведеннымъ въ теоретической части.

Такимъ-образомъ описаны турбины машинной фабрики въ Эслингенѣ близь Штутгарта, турбины фабрики для писчей бумаги въ Фрейбургѣ, бумагопрядильной въ Атценбахѣ и бумагопрядильной близь Карлсруэ, въ Этлингенѣ. Приложенный къ тексту атласъ содержитъ детальные чертежи турбинъ этихъ и установки ихъ. Описаніе и чертежи эти имѣютъ двойную цѣль: они показываютъ совокупность расположенія всѣхъ частей турбины и, вмѣстѣ съ тѣмъ, даютъ случай приложить правила теоретической части, то-есть привыкнуть къ употребленію ихъ и продѣлать такимъ образомъ на каждомъ изъ приведенныхъ примѣровъ общій ходъ дѣйствій, котораго должно держаться при проектированіи этой машины. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ авторъ даетъ даже вѣсъ различныхъ чугунныхъ, желѣзныхъ и бронзовыхъ частей, входящихъ въ составъ турбины и, соотвѣтственно этому вѣсу, цѣну ихъ.

Сочиненіе кончается нѣкоторыми примѣненіями теоріи турбинъ къ приборамъ, съ ними сходнымъ, къ турбинамъ, какъ механизму для поднимания воды, то-есть къ центрифугальнымъ насосамъ и къ вентиляторамъ. Вычисленія, относящіяся до послѣднихъ, особенно-драгоцѣнны, ибо, несмотря на большое распространеніе этого прибора, теоретическихъ свѣдѣній о дѣйствіи его до-сихъ-поръ почти не существовало и при построеніи ихъ вполнѣ держались эмпирическихъ данныхъ.

Хотя теорія, которую даетъ Редтенбахеръ, также, какъ и теорія турбинъ его, невполнѣ-строга, такъ-какъ она привела въ турбинахъ къ результатамъ, до нѣкоторой степени подтвердившимся на опытѣ, то можно надѣяться, что она и въ вентиляторахъ можетъ послужить основаніемъ разумнаго построенія ихъ. Вычисленія этого отдѣла приводятъ къ ряду формулъ, дающихъ свѣдѣнія относительно главныхъ условій, дѣйствія и размѣровъ вентиляторовъ, назначенныхъ для снабженія какого-нибудь пространства воздухомъ, напр. вентиляторовъ, употребляемыхъ въ кузницахъ и въ литейныхъ для вагранокъ, а также и въ тѣхъ, которые назначаются для извлеченія воздуха изъ замкнутаго пространства, каковы напр. вентиляторы для освѣженія воздуха. Къ сожалѣнію, важный отдѣлъ этотъ не поясненъ примѣрами и чертежами вентиляторовъ, построенныхъ по правиламъ, въ немъ даннымъ.

Въ заключеніе мы должны привести слышанное нами въ Германіи отъ многихъ механиковъ относительно турбинъ, строимыхъ по правиламъ, даннымъ Редтенбахеромъ: они находятъ, что опредѣляемое по

формуламъ количество воды, притекающее къ турбинѣ въ одну секунду для того, чтобъ она могла производить извѣстное дѣйствіе, выходитъ слишкомъ-мало относительно прочихъ размѣровъ, полученныхъ по тѣмъ же формуламъ, поэтому они увеличиваютъ его въ турбинѣ Кехлина на $1/6$ противъ количества, даваемаго по формуламъ, не измѣняя прочихъ размѣровъ, помощью ихъ полученныхъ. Съ ограниченіемъ формулы Редтенбахера съ успѣхомъ употребляются при конструкціи турбинъ въ Южной Германіи, странѣ, гдѣ онѣ весьма распространены; это можетъ служить доказательствомъ достоинства разсматриваемаго нами сочиненія и побудить нашихъ спеціалистовъ обратить на него особенное вниманіе.

Въ концѣ прошедшаго года появилось продолженіе сочиненія Армангo о движителяхъ (*), заключающее въ себѣ первый томъ отдѣла о паровыхъ машинахъ (**). Описательная часть сочиненія удовлетворяетъ требованіямъ, но теоретическія объясненія не отличаются строгостью и ясностью. Авторъ имѣлъ въ виду практиковъ и избѣгалъ объясненій, имѣющихъ математическій характеръ. Статья о котлахъ и приборахъ для ихъ питанія, также описаніе употребительнѣйшихъ въ промышлености типовъ паровыхъ машинъ, составляютъ лучшіе отдѣлы курса.

Профессоръ ганноверской политехнической школы, Рюльманъ, нашелъ полезнымъ пополнить литературу механики новымъ учебникомъ (***). Дѣйствительно, несмотря на большое число руководствъ раціональной механики, кто изъ изучающихъ эту науку не чувствовалъ неудовлетворительности большей части тѣхъ, которыя предлагались до-сихъ-поръ? Трудно согласить научную строгость съ желаніемъ сдѣлать изложеніе доступнымъ и для читателей несовсѣмъ-знакомыхъ съ математическимъ анализомъ. Въ составъ новаго руководства вошли кинематика, механика точки и законъ равновѣсія твердыхъ тѣлъ. Этимъ Рюльманъ и ограничивается, слѣдовательно, новый учебникъ далеко не отличается полнотою и имѣетъ въ виду только нѣкоторыя приложенія къ машинному дѣлу. Въ большую заслугу Рюльману слѣдуетъ поставить историческія и библіографическія замѣчанія, въ концѣ каждаго отдѣла. Но вообще, книга Рюльмана не выходитъ изъ ряда очень-обыкновенныхъ явленій въ учебной литературѣ и далеко уступаетъ по своимъ достоинствамъ, появившемуся въ прошедшемъ

(*) Traité des Moteurs.
(**) Traité des machines a vapeur, par Armengaud.
(***) Grundzüge der Mechanik und der Geostatik.

году русскому сочиненію г. Вышнеградскаго «Элементарная Механика», назначенная для читателей, незнакомыхъ съ дифференціальнымъ и интегральнымъ исчисленіями; а ихъ не мало у насъ изъ числа тѣхъ, которые желали бы посвятить себя изученію машиннаго дѣла. Книга Вышнеградскаго вполнѣ разрѣшаетъ трудную задачу—составить элементарное руководство, удовлетворяющее требованіямъ научной строгости. Нельзя не пожелать, чтобы книги, подобныя сочиненію Вышнеградскаго, почаще появлялись въ нашей литературѣ, такъ небогатой хорошими учебниками и не по одной только механикѣ.

Авторъ одного изъ лучшихъ руководствъ строенія машинъ Рёло, издалъ въ сокращенномъ видѣ (*), съ нѣкоторыми прибавленіями, часть составленнаго имъ и Молемъ руководства подъ названіемъ: «Constructionslehre für den Maschinenbau». Оба сочиненія имѣютъ много общаго съ извѣстными «Результатами для строенія машинъ» (**) Редтенбахера. Сочиненіе Рёло, извлеченіе, изъ котораго представляется теперь на судъ читателямъ, можно упрекнуть за слишкомъ-растянутое изложеніе, и потому нежелающимъ терять времени на чтеніе длинныхъ разсужденій о предметахъ удобопонятныхъ и при сжатомъ изложеніи, удобнѣе будетъ пользоваться вновь-появившимся сокращеннымъ руководствомъ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Смерть Ганки, Сметаны, Метелко, Хытиля, Бушите, Фодора, Лунда, Мека, Паперитца, Фалеранца, Горъ.—Новости по физіологіи, физикѣ, естественной исторіи.—О солнцѣ.—Логариѳмы.—Аэролитъ.—Артезіанскіе колодцы.—О Наполеонѣ I и III.—Полное изданіе Гейне.—Философскія новости.—О человѣкѣ.—Переселенія изъ Германіи.—Языковѣдѣніе и литература.—Самый древній романъ.—Изданія современныхъ французскихъ писателей Луи Бланъ, Гарнье Пожесъ, Нувіонъ, Лакомбъ, Сен-Бёва и пр.—2-я часть дипломаціи Гардена.—Изъ древней и средней исторіи.—Разоблаченіе тайнъ.—По современнымъ вопросамъ.—Театральныя новости.

— Недавно получено извѣстіе, что славянскій міръ, послѣ горестной утраты знаменитаго *Ганки*, потерялъ еще трехъ своихъ дѣятелей: 6 (12) февраля умеръ чешскій ученый *Сметана*. Онъ 30 лѣтъ преподавалъ въ пльзненской гимназіи естественную исторію, математику

(*) Der Constructeur. Ein Handbuch zum Gebrauch beim Maschinen Entwerfen.
(**) Resultaten für den Maschinenbau.

и чешскую словесность и пріобрѣлъ любовь и уваженіе своихъ соотчичей, какъ защитникъ народной свободы.

Въ Люблянахъ (Laibach) умеръ профессоръ *Метелко*, одинъ изъ возстановителей хорутанскихъ славянъ, написавшій грамматику ихъ нарѣчія.

16 февраля умеръ моравскій ученый Іосифъ *Хытиль*, извѣстный своими трудами по исторіи своей родины. Онъ написалъ «Codex diplomaticus et epistolaris Morawiae».

— Недавно умеръ бывшій инспекторъ парижской академіи профессоръ исторіи *Бушите*, на 65 году. Онъ оставилъ множество философскихъ и историческихъ рукописей.

— Въ Амстердамѣ умеръ богатѣйшій гражданинъ *Фодоръ*, который былъ извѣстенъ своею драгоцѣнною коллекціею картинъ новофранцузской и бельгійской школы. Онъ завѣщалъ свою коллекцію городу.

— Въ Лондонѣ умеръ, никого въ свою жизнь неказнившій, палачъ Товера, Джонъ *Лундъ*.

— Во Франкфуртѣ-на-Майнѣ умеръ 73 лѣтъ, весьма-извѣстный актёръ Іоганъ *Мекъ*. Это послѣдній представитель шрёдер-ифландской школы, отличавшейся естественностью игры.

— Въ Дрезденѣ умеръ даровитый ландшафтный живописецъ *Вильгельмъ Папсритцъ*. Онъ не достигъ еще полнаго развитія своего таланта.

— Въ Стокгольмѣ умеръ отъ старческой слабости 86 лѣтній, тоже ландшафтный живописецъ, *Фалеранцъ*. Въ Даніи и Швеціи, гдѣ картинъ его множество, нѣкоторые критики ставили его на ряду съ Эвергдиномъ и Рюисдалемъ.

— Плодовитая писательница мистрисъ *Горъ* умерла въ Лондонѣ 5 февраля. Она написала отъ 60 до 70 романовъ, до 200 книжекъ; нѣкоторыя изъ нихъ имѣли мимолетный успѣхъ, напримѣръ: «Castles in the Air», «The Deans daughter», «Progress and Prejudice», «Maman» и проч.

— Автора извѣстныхъ сочиненій: *Kreislauf des Lebens* и вышедшаго нынче вторымъ изданіемъ *Physiologie der Nahrungs Mittel.* Якова *Молешота* вышла новая, достойная серьёзнаго вниманія книжка: *Physiologisches Skizzenbuch*, 1 vol. 1861. Въ ней 4 отдѣла, названные авторомъ: «Kraftleben des Menschen», «Ins Freie», «Zur Erinnerung an Forster», «Der Hornpanzer des Menschen».

— Изъ ежегодно-выходящихъ шести тетрадей, издаваемыхъ Як. *Молешотомъ: Untersuchungen zur Naturlehre des Menschen und Thiere*, о которыхъ мы говорили въ предъидущемъ обозрѣніи («Отеч. Зап.» № 2) выдано уже 4 тетради съ рисунками, составляющія VII томъ.

— По части естественныхъ наукъ вышли:

— «Ontologie naturelle ou Étude philosophique des êtres», *Flourens.* 1 vol. 1861. Авторъ, какъ извѣстно, одинъ изъ замѣчательныхъ писателей по физіологіи во Франціи. Онъ недавно издалъ интересную книгу: «De la raison, du génie et de la folie», 1 vol., о которой упомянуто было въ февралѣ.

— Въ Лейпцигѣ выйдетъ новое сочиненіе извѣстнаго автора «Kraft und Stoff» Л. Бюхнера: *Physiologische Bilder*, въ которомъ излагаются самые существенные вопросы изъ естественныхъ наукъ и физіологіи вполнѣ-популярнымъ и общепонятнымъ образомъ.

— Къ числу популярныхъ книгъ, вышедшихъ нынче, должно отнести *Fluorescenz des Lichtes*, F. Pisko, 1861. Авторъ излагаетъ въ ней явленія свѣта самымъ простымъ и доступнымъ способомъ для всякаго, имѣющаго только общія понятія о физикѣ. Къ тексту приложены рисунки, поясняющіе опыты.

Очень хвалятъ новое сочиненіе по гальванизму: «Lehre von Galvanismus und Electromagnetismus», von Wiedemann. 3 части. 1861, съ рисунками.

— Вышелъ *Росмеслера Der Wald*, для любителей и сберегателей лѣсовъ. Авторъ извѣстенъ подобными сочиненіями. Онъ разсматриваетъ дерево во всѣхъ его растительныхъ фазахъ, потомъ лѣсъ, его

почву, мхи, травы—все, что касается дерева. Изданіе довольно-роскошно и отчетливо, съ рисунками, рѣзанными на деревѣ.

— Вышли публичныя лекціи, читанныя въ Цюрихѣ профессоромъ *Вольфомъ*, о солнцѣ и его пятнахъ: *Die Sonne und ihre Flecken*, 1861, и подъ его же редакціею 1-й ливрезонъ *Vierteljahresschrift* тамошняго общества естествоиспытателей (6 годъ 1861).

— Появляется множество брошюръ и мемуаровъ о солнечномъ затмѣніи 18 іюля 1860 г. Большая часть наблюденій сдѣлана въ Испаніи, куда съ инструментами ѣздили англійскіе и русскіе астрономы на пароходѣ «Гималая», данномъ для этого англійскимъ правительствомъ.

— Для немногихъ, интересующихся математикою, замѣтимъ, что Сэже въ Парижѣ просмотрѣлъ и исправилъ съ двумя искусными математиками *Таблицы логариѳмовъ Каллета*. Можно утвердительно сказать, что это новое изданіе Каллета самое вѣрное и безошибочное, что весьма-важно въ таблицахъ.

— Въ Архамазала, въ Индіи, упалъ съ большимъ трескомъ *аэролитъ* и произвелъ глубокое впечатлѣніе на туземцевъ, которые съ религіознымъ чувствомъ собрали разлетѣвшіеся его кусочки и снесли въ храмъ, увѣряя, что аэролитъ брошенъ съ Гиммалаи невидимымъ божествомъ.

— Въ Константинѣ вырыто до сего времени 50 артезіанскихъ колодцевъ, которые дають 36,421 литръ воды въ минуту, 52,446,249 литръ въ сутки. Общіе издержки на нихъ простираются до 262,676 франковъ, за исключеніемъ потребовавшихся на матеріалы и буры 142,676 ф. Каждый колодезь обошелся въ 2853 франка.

— Вышедшая нынѣ VI–я часть *Переписки Наполеона I-го* заключаетъ въ себѣ время консульства, переворотъ 18 Брюмера, двѣ вандейскія войны, второй итальянскій походъ, Маренго и проч. Содержаніе этой части весьма-занимательно. Упомянемъ также о вышедшемъ въ Берлинѣ будто бы посмертномъ сочиненіи *Евгенія Сю*: *Les mystères du monde, suite des mystères du peuple, parallelle entre le 18*

brumaire coup d'Etat de Napoleon I, et le 2 Decembre coup d'Etat de Napoleon III.

— Въ скоромъ времени ожидаютъ выхода, давно-обѣщаннаго гамбургскими книгопродавцами Гофманомъ и Кампе, полнаго собранія сочиненій *Генриха Гейне.* Оно будетъ состоять изъ 18 частей, которыя будутъ выходить постепенно. Собраніе приготовляется къ печати другомъ знаменитаго поэта и его біографомъ *Страдманомъ.*

— По философіи упомянемъ: *Jacob Boehme* v. Albert Peip. Послѣ библіографіи Бёме и изложенія его ученія, авторъ разсматриваетъ его значеніе въ философіи вообще и, въ-особенности, германской.

— Обратимъ вниманіе читателя на прекрасную статью Тэна въ «Revue des Deux Mondes» (1 марта 1861 г.) объ англійской философіи. Остроумный авторъ книги «Les philosophes Français au XIX siècle» есть, конечно, лучшій философскій писатель современной Франціи.

— Академикъ Катрфажъ помѣстилъ въ *Revue* рядъ статей о единствѣ человѣческаго рода, гдѣ съ своимъ обыкновеннымъ искусствомъ разбираетъ важные вопросы объ измѣненіи породъ, о приложеніи этихъ вопросовъ къ человѣку, и т. д. Мы указали на современное состояніе этихъ вопросовъ въ предъидущемъ обзорѣ трудовъ Дарвина. Конечно, Катрфажъ стоитъ на совершенно-другой точкѣ зрѣнія.

— Переселенія изъ Германіи породили множество романовъ, разсказовъ, и проч., но мало серьёзныхъ сочиненій. Въ вышедшей нынѣ книгѣ: «Deutsche Auswanderung» v. E. Lehmann, довольно-вѣрно схвачена драматическая сторона переселеній съ самаго ихъ происхожденія и поставленъ вопросъ: должно ли руководить переселеніями, или предоставить ихъ самимъ себѣ?

— Вышла книга «La clef de la langue et des sciences, ou Nouvelle Grammaire Française Encyclopédique, précédée d'un traité special du Genre», par Leger Noel 1861 г. Состоитъ изъ пяти частей, изъ которыхъ вышло теперь четыре. Сочиненіе это написано съ цѣлью «научить языку и грамматикѣ. Оно заключаетъ въ себѣ критическій раз-

боръ всѣхъ донынѣ вышедшихъ грамматикъ, полный курсъ языкознанія; по литературѣ, нравственнымъ наукамъ, политическимъ, естественнымъ, математическимъ, историческимъ, техническіе термины; названія словъ по всѣмъ наукамъ, счисленіе римское, арабское, календари, аббревіатуры, и проч.—словомъ, это книга для Пико де-Мирандола, обо всемъ извѣстномъ и еще кое-о-чемъ.

— Укажемъ на сборникъ: «Deutsche Sprüchwörterlexicon», v. Wander, въ Бреславлѣ. Это самое полное собраніе пословицъ и поговорокъ, заключаетъ болѣе 80 тысячъ народныхъ германскихъ изреченій. Оно несравненно-полнѣе всѣхъ прочихъ подобнаго рода собраній. Въ лексиконѣ Эйзелейна и Симрока собрано едва 12 тысячъ пословицъ.

— Въ Берлинѣ появилось ежемѣсячное весьма-дешевое изданіе: «Deutsches Magazin», v. Nodenberg, въ родѣ англійскаго «Magazin». Въ немъ помѣщаются романы и повѣсти. Въ изданныхъ нумерахъ помѣщенъ романъ самого издателя, повѣсти Френцеля, Гезекиля, и проч.

— Еженедѣльная хроника журнала «Europa» въ № 8, извѣщаетъ о выходѣ въ свѣтъ самаго древнѣйшаго романа, изъ временъ фараоновъ. Это разсказъ, извлеченный нынѣ изъ свертковъ папируса, найденнаго въ гробницахъ древняго Египта и хранящагося въ британскомъ музеумѣ (!?). Ученый издатель папируса назвалъ разсказъ: «Романъ о двухъ братьяхъ». Содержаніе очень-сходно съ извѣстною исторіею прекраснаго Іосифа и Пентефріи, только египетскій романистъ впадаетъ въ мистическое и сверхъестественное. Переселеніе душъ, языкъ звѣрей, непосредственное вмѣшательство боговъ въ дѣла людей—все искусно переплетено. Перемѣнить имена, нѣсколько измѣнивъ вѣрованія—и разсказъ обратится въ одну изъ исторій: «Тысячи и одной Ночи».

— Историческія науки довольно-богаты новостями:

— Луи Бланъ издалъ одиннадцатый томъ своей «Histoire de la Revolution Française». Въ немъ заключаются: Тюрьмы революціи; кам-

панія 1794 года; апогея террора; окончаніе войны 1794 года; исторія Maximum, ходъ контр-революціи; Робеспьеръ и проч.

— Появился первый томъ «Histoire de la Revolution d'Italie de 1848». p. Garnier-Pages. Изданіе роскошное.

— Замѣтимъ также: «Histoire du Règne de Louis Philippe (1830—1848)», par. Victor, de Nouvion.

«Marie Thérèse et la Hongrie» par. le comte Locmaria, 1861. 1 vol.

— Вышелъ четырнадцатый томъ «Causeries du Lundi», par Sainte-Beuve. Любители интересной болтовни автора, доходящей, впрочемъ, иногда и до дѣйствительно интереснаго взгляда на вещи, съ удовольствіемъ прочтутъ и этотъ томъ.

— «Henri IV et sa politique», par Merciér de Lacombe, 1861, содержитъ въ себѣ, кромѣ выводовъ изъ прежнихъ изъисканій о правленіи перваго короля изъ Бурбоновъ, и новыя изслѣдованія автора, который отдавая справедливость прямотѣ Генриха IV, выставляетъ однако его безъ увлеченія. Царствованіе его научаетъ искусству оканчивать революціи, выдвигая впередъ великіе вопросы передъ мелкими.

— Вышла вторая часть перваго тома «Repertoire Diplomatique, annales du droit des Gens et de la politique extérieure», par le Comte De Garden. Авторъ, служившій самъ по дипломаціи, уже пріобрѣлъ почетную извѣстность этимъ трудомъ.

— «Histoire de la Suède pendant la vie et sous le Règne de Gustave I», par Flans. Это драматическій эпизодъ изъ исторіи Швеціи, представляющій картину народа, освобожденнаго отъ чуждаго ига.

— «Biographien zur Kulturgeschichte der Schweiz», v. Wolf.

— «Grundriss der Griechischen Litteratur», v. Bernhardy, содержитъ сравнительный обзоръ греческой литературы съ римской.

— По части разоблаченія историческихъ тайнъ, упомянемъ двѣ появившіяся книги:

«Griesinger. Mysterien des Vaticans oder die geheimen und offenen Sünden d. Papsthums», 1861 и «Fabio Mutinelli Storia arcana ed aneddotica d'Italia», четыре части. Это сочиненіе венеціянскаго архиваріуса заключаетъ донесеніе посланниковъ Венеціи при европейскихъ дворахъ и, между-прочимъ, любопытныя подробности о папѣ Павлѣ V и другихъ притѣснительныхъ властяхъ.

— Приведемъ нѣсколько изданій по современнымъ вопросамъ; брошюръ по этому предмету, по-прежнему, всего болѣе выходило во Франціи

— «La vérité sur la Syrie», par Poujoulat, 1861, 1 vol. Брошюры:

— «Le Roi d'Italie», par Ch. Varenne.

— «Le Pape Roi au Vatican, Victor-Emmanuel Roi au Quirinal», par un Romain.

— «La Question romaine», par Jules Lechevalier de Saint André.

— «Le Pape á Constantinople», par Gaupy.

— «La clef de la question des duchés danois de Sleswig et de Holstein», par M. Chopin.

— «Eine Stimme aus und ueber Ungarn», v. Einem Deutsch-Ungar.

— «Freischaaren und Royalisten; Sicilianisches Tagebuch», v. Wachenhusen.

— «Ueber die Rechte Stellung der Frauen», v. einem Deutschamerikaner.

— Въ Парижѣ собираются выстроить великолѣпный оперный театръ. Режисёръ будетъ вызывать актёровъ изъ ложъ по телеграфу. Даже во всѣ главныя отели Парижа проведется телеграфъ, такъ-что иностранцы, не выходя изъ гостинницы, могутъ удерживать мѣста.

— Данная въ Берлинѣ оперетка Флотова «Witwe Grapin», не имѣла большаго успѣха.

— Племянникъ знаменитаго Мейербера, Юліусъ Беръ, сочинилъ также оперетку «Les roses de Malesherbes», которая была играна у Россини, и старый маэстро написалъ по этому поводу письмо къ Мейерберу, въ которомъ поздравляетъ его съ талантливымъ племянникомъ.

— На штутгардской сценѣ появился весьма-замѣчательный молодой красивый актёръ, называющій себя Анріонъ (Henrion), ученикъ нашего любимца Брессана. Онъ происходитъ изъ аристократической австрійской фамиліи, пошелъ на сцену по склонности и любви къ искусству и обладаетъ привлекательными качествами своего учителя.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА РОССІИ.

О томъ, какъ 5-го марта велъ себя русскій народъ.—Русское дворянство и предстоящіе ему гражданскіе подвиги. — Привилегіи и кредитъ. — Дѣятельность поземельнаго дворянства: дворянскіе выборы въ Саратовѣ и въ Самарѣ. — Старые боги и новые боги — по «Русскому Вѣстнику»: разнообразная дѣятельность древняго Перуна до нашихъ временъ и отношенія его къ гласности. — Новый жрецъ юридическихъ злоупотребленій, курящій ѳиміамъ старымъ богамъ въ журналѣ г. Саламонова.— Гласность по отношенію къ воскреснымъ школамъ. — Циркуляръ по управленію петербургскимъ учебнымъ округомъ. — Въ Москвѣ студенты отказались отъ воскресныхъ школъ. — Перечень извѣстій о школахъ невоскресныхъ и объ успѣхахъ народнаго образованія. — Новыя библіотеки; матросская библіотека и унтерофицерскій клубъ. — Непріятныя извѣстія: евреи, какъ угнетатели католицизма.—Конецъ исторіи Цинки Мендокъ.—Промышленые цехи и проектъ объ уничтоженіи ихъ.— Губернскіе и областные статистическіе комитеты. — Правительственныя распоряженія: прекращеніе переписки о бѣдныхъ дворянахъ: права по службѣ солдатскихъ дѣтей, получившихъ право потомственнаго почетнаго гражданства. — Новое положеніе для экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ. — Новыя преобразованія по морскому вѣдомству: a) уничтоженіе казеннаго труда: b) проектъ смягченія наказанія шпицрутенами; c) дозволеніе молодымъ людямъ торговаго сословія получать образованіе за границей. — Гимнъ свѣтлому духу морскаго вѣдомства.—Новыя установленія для Царства Польскаго.—Новыя назначенія. — Обозрѣніе дѣлъ на Кавказѣ. — Новыя надежды.

Великое событіе, которому мы посвятили весь отдѣлъ предшествовавшей хроники, успѣлъ огласиться уже въ самыхъ отдаленныхъ углахъ нашего отечества. Теперь можно сказать съ увѣренностью, что крѣпостныхъ крестьянъ нѣтъ болѣе на святой Руси. Необъятное зло вырвано изъ русской почвы. И благодаря великимъ свойствамъ русскаго народа, операція эта совершилась тихо и спокойно. Несмотря на то, что манифестъ объявленъ былъ въ столицахъ въ такой день, когда усиленное пьянство узаконено обычаемъ, кабаки петербургскіе были почти пусты. Нельзя было безъ умиленія глядѣть на лица крестьянъ, сіявшія тихою радостью. Спустя недѣлю послѣ объявленія манифеста, именно 12-го марта, въ полдень, мы были свидѣтелями зрѣлища совершенно-новаго, давно-неслыханнаго на Руси.

Бывшіе крѣпостные люди, работающіе на разныхъ петербургскихъ фабрикахъ, подносили Царю хлѣбъ-соль и великое русское спасибо за свободу. Отъ Невскаго Проспекта до самыхъ дверей царскаго жилища, чрезъ всю Адмиралтейскую Площадь, тянулись въ два ряда толпы народа, ожидавшаго проѣзда Государя. Нѣсколько депутатовъ, избранныхъ крестьянами, введены были во внутреннія сѣни дворца, и здѣсь, у нижней ступени парадной лѣстницы, имѣли счастіе поднести хлѣбъ-соль великому виновнику всероссійской радости. Наконецъ, вышелъ Императоръ и, сѣвъ въ экипажъ, отправился въ Михайловскій Манежъ на воскресный разводъ. Толпы народа, среди которыхъ проѣзжалъ Государь, привѣтствовали своего освободителя самыми восторженными и трогательными выраженіями радости.

Въ слѣдующее за тѣмъ воскресенье явилась депутація отъ крестьянъ Шлиссельбургскаго Уѣзда и поднесла хлѣбъ-соль Царю и букетъ цвѣтовъ Царицѣ.

М. П. Погодинъ изъ Москвы передаетъ своимъ оригинальнымъ языкомъ нѣсколько трогательныхъ народныхъ сценъ, бывшихъ въ Москвѣ и подъ Москвою 5 марта.

Великое зло и великая неправда вырваны съ корнемъ изъ русской земли; теперь предстоитъ насадить и возрастить въ ней добро и правду. Для этого, однако, необходимы всеобщія, дружныя усилія всей просвѣщенной части русскаго общества. Мы всѣ, болѣе или менѣе, пользовались плодами крѣпостнаго права и питались силами русскаго крестьянина, и потому всѣ обязаны возстановить эти силы и дать имъ окрѣпнуть. Будемъ надѣяться, что русское дворянство, «добровольно отказавшееся отъ права на личность крѣпостныхъ людей» (*), станетъ во главѣ этой новой и высокой обязанности. Мы знаемъ, что наше дворянство нисколько не похоже на тѣхъ феодальныхъ дворянъ континентальнаго Запада, которые страннымъ образомъ умѣютъ совмѣстить въ себѣ готовность проливать кровь и жертвовать жизнью за своихъ суверенов со способностью возставать противъ нихъ всякій разъ, какъ только дѣло коснется матеріальныхъ выгодъ, или даже просто, когда суверенъ обойдетъ ихъ случайно орденами, чинами и другими милостями, входящими въ составъ прирожденныхъ правъ западнаго привилегированнаго сословія. Нѣтъ, ревность благороднаго россійскаго дворянства инаго свойства. Въ знаменитомъ высочайшемъ манифестѣ 19 февраля выражена этому дворянству «признательность отъ Царя и всего отечества за *безкорыстіе* въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, и высказа-

(*) Слова Высочайшаго Манифеста, стр. 9.

на полная уверенность, что оно *удовершитъ гражданскій подвигъ своего сословія и устроитъ домашній бытъ крестьянъ на выгодныхъ для обѣихъ сторонъ условіяхъ*».

Есть нѣчто обаятельное въ словѣ *гражданинъ*. Нѣмцы не понимаютъ этого слова: у нихъ это чинъ, а не званіе. Нѣмецкій бюргеръ не гражданинъ своего отечества, а мѣщанинъ своего города. Бюргеръ удаленъ на неизмѣримое разстояніе отъ барона и графа; въ жилахъ его течетъ плебейская, демократическая кровь, способная только волноваться и производить уличные безпорядки. Такого, по-крайней-мѣрѣ, мнѣнія о ней нѣмецкіе аристократы, извѣстные знатоки и мастера различать породу и кровь. У насъ же, какъ извѣстно, встарину, всѣ были граждане—и бояре и молодшіе люди—всѣ равны были предъ лицомъ государя, былъ ли то государь Великій Новгородъ или царь московскій. Званіе гражданина долго не умирало на святой Руси и считалось одинаково-почетнымъ какъ для мясника Минина, такъ и для князя Пожарскаго. Съ-тѣхъ-поръ, однако, какъ завелись у насъ цехи и корпораціи и почетное званіе гражданина превратилось въ званіе почетнаго гражданина, самое понятіе о гражданствѣ сведено было къ понятію сословному, служилому, рѣзко-отличавшему людей гражданскихъ, штатскихъ, отъ людей военныхъ, не-гражданскихъ. Съ-тѣхъ-поръ ничего не стало слышно и про гражданскіе подвиги. Но вотъ теперь, изъ радостнаго манифеста, обновляющаго весь строй русской жизни, мы узнаёмъ, что гражданскіе подвиги снова воскресли въ нашемъ отечествѣ, и что воскресителемъ ихъ явилось благородное россійское дворянство. Нельзя не радоваться этому явленію и не пожелать, чтобъ гражданскіе подвиги окрѣпли на новой почвѣ и получили въ ней права гражданства. Дворянству нашему много подвиговъ предстоитъ еще впереди. Не говоря о благородной дѣятельности мировыхъ посредниковъ, на которую правительство вызываетъ служащихъ и неслужащихъ помѣщиковъ, и которую дворянство, безъ сомнѣнія, не захочетъ уступить другимъ сословіямъ, скоро подымется множество вопросовъ, которые потребуютъ новаго гражданскаго мужества со стороны нашего привилегированнаго сословія. Прежде всего дворянству предстоитъ обязанность поспѣшить составленіемъ уставныхъ граммать и облегчить для крестьянъ выкупъ усадебной и пахотной земли. Потомъ на очереди стоитъ вопросъ о преобразованіи податной системы изъ подушной въ поземельную. Вопросъ этотъ представляетъ первостепенную важность и съ сущностью его читатели наши, вѣроятно, успѣли ознакомиться изъ помѣщеннаго въ февральской книжкѣ «Отеч. Записокъ» разбора книги г. Тернера. Авторъ этой книги ука-

зываетъ на непріятныя послѣдствія неправильнаго разрѣшенія этого вопроса въ Пруссіи, гдѣ дворянская партія стала въ прямое противорѣчіе всѣмъ благимъ дѣйствіямъ новаго правительства именно вслѣдствіе этого вопроса. Мы глубоко увѣрены, что наше отечество, успѣвшее превзойти всю Европу въ болѣе-правильномъ разрѣшеніи крестьянскаго дѣла, съумѣетъ избѣжать германскихъ ошибокъ и въ вопросѣ о податяхъ и повинностяхъ. Финансовая система наша, какъ извѣстно, подверглась въ прошедшемъ году значительнымъ преобразованіямъ: но преобразованія эти постоянно должны были претыкаться о податной вопросъ, и доколѣ не будетъ разрѣшенъ этотъ вопросъ, нельзя надѣяться на существенное улучшеніе нашего экономическаго быта. А между-тѣмъ, именно теперь, всѣ нуждаются въ улучшеніи финансовъ и въ пособіи кредита, особенно же помѣщики, для которыхъ переходъ къ раціональнымъ пріемамъ сельскаго хозяйства немыслимъ безъ денегъ и кредита. Но несомнѣнно, что у нихъ не будетъ ни денегъ, ни кредита, ни хорошихъ доходовъ, пока они не откажутся отъ нѣкоторыхъ привилегій и не сравняются съ другими сословіями въ несеніи государственныхъ податей и повинностей. Такимъ образомъ дворянамъ, чтобъ получить деньги, нужно прежде заплатить деньги; какъ ни страненъ, повидимому, такой силлогизмъ, но онъ составляетъ одну изъ тѣхъ неопровержимыхъ аксіомъ, забвеніе которыхъ дорого обходится человѣчеству. Деньги добываются народомъ; а если народъ, отягощенный податями, перестаетъ исправно платить деньги и затрудняется заработать ихъ, то уже ни дворянство, ни другія сословія, ни даже ученые экономисты и финансисты не съумѣютъ добыть ни одного лишняго гроша противъ того, что въ состояніи дать народъ. Тутъ ужь не помогутъ никакія геніальныя банковыя операціи, а напротивъ, всякій лишній заемъ становится въ эту минуту источникомъ новаго оскудѣнія производительныхъ государства силъ. Эта истина чрезвычайно-просто и наглядно изображена г. Чернышевскимъ въ статьѣ его «О кредитѣ» въ 1 № «Современника» за настоящій годъ.

Привилегіи становятся, такимъ образомъ, первымъ камнемъ преткновенія въ дѣлѣ правильнаго преобразованія кредитной системы. А между-тѣмъ, изъ обнародованнаго отчета о засѣданіи коммиссіи о земскихъ банкахъ («Совр. лѣтоп.» № 9) видно, что у насъ существуютъ попытки основать кредитное учрежденіе именно на однихъ привилегіяхъ.

Таковъ, по-крайней-мѣрѣ, курьёзный проектъ гг. гр. Баранова, Миллера-Закомельскаго и Позняка, разсмотрѣнный въ коммиссіи о земскихъ банкахъ. Проектъ этотъ, разумѣется, былъ забракованъ членами коммиссіи, мнѣніе которыхъ существеннымъ образомъ сводится къ

слѣдующимъ двумъ пунктамъ: 1) Въ проектѣ испрашиваются нѣкоторыя исключительныя привилегіи и *даже монопольныя права* во всей имперіи на совокупность банковыхъ операцій, предначертанныхъ компаніей. 2) Съ банковымъ предпріятіемъ учредители соединяютъ благотворительную дѣятельность, имѣющую свои особенныя условія, противоположныя интересамъ кредитныхъ операцій. Къ сему должно присовокупить громадность размѣровъ *Благотворительнаго Ссуднаго Банка*, предположеннаго, по мысли учредителей, не только для всей имперіи, но и для Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго, и разсчитаннаго на складочный капиталъ въ 30 мильйоновъ руб.

За исключеніемъ этого страннаго проекта, всѣ прочіе дворянскіе проекты отличаются духомъ терпимости и просвѣщеннымъ взглядомъ на вещи. Такъ, напримѣръ, дворяне трехъ югозападныхъ губерній: Кіевской, Подольской и Волынской, на бывшемъ, въ концѣ минувшаго года, въ Житомірѣ съѣздѣ составили проектъ объ устройствѣ общаго для всѣхъ трехъ губерній земледѣльческаго банка и, по примѣру тверскаго дворянства, въ числѣ первыхъ пунктовъ постановили, что въ общество ихъ будутъ допускаемы не одни только помѣщики и дворяне, но и земледѣльцы всѣхъ другихъ сословій. Калужское и смоленское дворянство хлопотало о такомъ же банкѣ. Саратовское дворянское общество на бывшихъ въ декабрѣ прошлаго года выборахъ также выказали горячее участіе къ общественнымъ вопросамъ. По свидѣтельству «Саратовскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», прежніе дворянскіе выборы въ Саратовѣ сопровождались крикомъ и гамомъ, и часто дѣльныя рѣчи заглушались шиканьемъ и свистомъ; вообще же помѣщики показывали полнѣйшее равнодушіе къ общественнымъ интересамъ. Нынѣшній разъ даже такіе помѣщики, которые многіе годы не выѣзжали изъ столицъ и засидѣвшіеся въ глуши своихъ имѣній, поспѣшили явиться на выборы и заговорить объ общественныхъ интересахъ, принимая горячо къ сердцу вопросы, которые, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, казались имъ и странными и смѣшными.

Дворянство Саратовской Губерніи на общемъ собраніи 15 декабря положило просить правительство:

1) Чтобъ раскладку земскихъ повинностей, прежде ея учрежденія, подвергать разсмотрѣнію дворянъ по уѣздамъ, почему и разрѣшить на этотъ предметъ уѣздные дворянскіе выборы; 2) преобразовать саратовскую городскую думу, сообщивъ ей права, по примѣру петербургской думы; 3) *учредить въ Саратовѣ университетъ* съ двумя факультетами, юридическимъ и коммерческимъ; 4) обратить въ пользу учреждаемаго университета суммы, собираемыя на содержаніе

земской случной конюшни, признанной дворянствомъ недостигающей предположенной цѣли; 5) обратить на тотъ же предметъ сумму, назначенную по сметѣ на постройку саратовской жандармской конюшни, которая, по ограниченному количеству людей и лошадей, можетъ, по мнѣнію дворянства, помѣщаться въ наемныхъ зданіяхъ; 6) предоставить губернскому предводителю, по соглашеніи съ уѣздными предводителями, составить особую коммиссію для начертанія проекта саратовскаго земскаго кредитнаго банка». *Постановленіе это подписано 145 дворянами за исключеніемъ одного* (завѣдывающаго случной конюшней). Кромѣ вышеписанныхъ положеній, дворяне увеличили содержаніе чиновниковъ депутатскаго собранія и назначили пенсіи и единовременныя пособія бѣднымъ дворянамъ на сумму 1186 р. 70 к. с. («Совр. лѣт.», № 10. Перепечатана во всѣхъ газетахъ).

Постановленіе это краснорѣчиво говоритъ само за себя и намъ остается только безмолвно и почтительно поклониться 145 саратовскимъ дворянамъ, за исключеніемъ одного.

Дворянскіе выборы въ Самарѣ сопровождались также нѣкоторыми постановленіями. Между ними отмѣтимъ слѣдующія: 1) положеніе образовать особую кассу, которая послужила бы фондомъ для первоначальной организаціи банка; 2) опредѣлено назначить каждому уѣздному предводителю дворянства на разъѣзды и непредвидимые расходы по 1200 р. въ годъ въ безотчетное распоряженіе, а николаевскому-новоузенскому — 2400 р.; губернскому же предводителю предложена квартира въ дворянскомъ домѣ, съ отопленіемъ и освѣщеніемъ; 3) опредѣлено назначить въ пользу женскаго училища 4-го разряда особый сборъ, и изъ суммы, которая будетъ собрана, отчислить и передать въ совѣтъ женскаго училища единовременно 7500 р.

Такимъ образомъ еще нѣсколько дворянскихъ обществъ присоединяется къ блестящему кругу, въ который уже вошли дворяне Тверской, Владимірской, Харьковской, Орловской, Калужской, Оренбургской и Костромской Губерній, и можно быть увѣрену, что съ каждымъ годомъ просвѣщенный кругъ этотъ будетъ расширяться и большинство всѣхъ нашихъ дворянъ съумѣетъ возвыситься до пониманія матеріальныхъ и нравственныхъ выгодъ, истекающихъ изъ привилегій знанія, просвѣщенія и гуманности этихъ единственныхъ законныхъ и плодотворныхъ привилегій. А въ настоящую минуту было бы ребяческимъ увлеченіемъ думать, что всѣ наши дворянскія общества, безъ исключенія, отличаются такимъ же образованіемъ и человѣческимъ образомъ мыслей, какъ большинство въ вышеписанныхъ губерніяхъ. Если въ настоящую минуту замолкли голоса, еще такъ недавно

оглашавшіе нашу литературу, если умственное безобразіе, еще такъ недавно расточавшееся г. Безобразовымъ (магистромъ законовѣдѣнія), перестало являться на публичную сцену, то изъ этого еще нельзя заключить, чтобъ оно вовсе исчезло съ лица русской земли и не заявляло себя тѣмъ съ большимъ ожесточеніемъ на другихъ поприщахъ, болѣе закрытыхъ и привилегированныхъ. О, еслибъ человѣчество дожило до той минуты, когда бы оно удостовѣрилось, что дѣйствительно нѣтъ болѣе зубной боли, нѣтъ болѣе геморроя, нѣтъ болѣе гг. Бланковъ, Безобразовыхъ и Аскоченскихъ! «Русскій Вѣстникъ» въ замѣчательной статьѣ: «Старые боги и новые боги» (*) говоритъ, что старыя силы — старые боги скончались, и жрецы ихъ поникли и присмирѣли. Такъ ли это? Всѣ ли старые боги мертвы? всѣ ли жрецы ихъ безсильны? Мы крѣпко сомнѣваемся въ этомъ и думаемъ, вмѣстѣ съ авторомъ «Переходнаго времени», что новые боги слишкомъ торопятся пѣть побѣдныя пѣсни.

Вотъ, напримѣръ, какой-то И. Соловьевъ, въ юридическомъ журналѣ, издаваемомъ г. Салмановымъ, усердно доказываетъ безполезность печатанія юридическихъ злоупотребленій и, со слезами умиленія, посылаетъ старому богу слѣдующія крылатыя рѣчи: «Почему (говоритъ онъ) можно думать, что одни журналисты и литераторы знаютъ описываемые имъ *произволы* и юридическія злоупотребленія? Почему мечтаютъ, что никто болѣе ихъ не въ состояніи знать юридическихъ и всѣхъ другихъ злоупотребленій, и что *литераторы правильно усвоиваютъ себѣ заботы объ общей пользѣ, болѣе тѣхъ, которые имѣютъ это прямою своею обязанностью и правомъ?* Далѣе г. Соловьевъ, исчисляя качества своихъ боговъ—«людей съ европейскимъ просвѣщеніемъ, занимающихъ первыя должности въ государствѣ, лично-видѣвшихъ весь образъ жизни, судопроизводство и различный порядокъ всѣхъ государствъ безъ исключенія, наконецъ, обладающихъ огромными богатствами, владѣльцевъ многихъ тысячъ крестьянъ въ разныхъ губерніяхъ и уѣздахъ»—исчисля всѣхъ этихъ боговъ и становясь предъ ними на колѣни, какъ становились самарскіе граждане предъ г. Бурѣевымъ, г. Соловьевъ слезно продолжаетъ: «Не-уже-ли всѣ эти лица не знаютъ и не имѣютъ способовъ знать всѣ описанные безпорядки и не видали и не слыхали ни о чемъ, и даже не читали *печатаемыхъ, для нихъ собственно, а не для публики,* записокъ о злоупотребленіяхъ, открываемыхъ многими ревизіями, не читали

(*) Замѣчательна эта статья особенно по тонкости пріемовъ и искусству, съ которымъ авторъ бьетъ своего врага, усердно защищая его.

того же самаго въ публикованныхъ въ печатныхъ же указахъ съ подробнымъ описаніемъ всѣхъ продѣловъ и злоупотребленій?...» и т д.

Недурно, какъ видите, поетъ г. Соловьевъ старые гимны. Только напрасно онъ воображаетъ, что журналисты и литераторы домогаются монополіи въ дѣлѣ гласности и изобличеній и хотятъ лишить участія въ немъ «людей съ европейскимъ просвѣщеніемъ, занимающихъ первыя должности въ государствѣ» и т. д. Смѣемъ увѣрить г. Соловьева, что онъ горько ошибается: благонамѣренные литераторы, сколько намъ извѣстно, отъ всего сердца порадовались бы, еслибъ всѣ богатые люди, занимающіе первыя должности, немедленно приняли участіе въ гласности. Литераторы и журналисты никогда не хлопотали о монополіи въ дѣлѣ гласности; напротивъ, они постоянно нападали на эти монополіи, на эти свѣдѣнія, по словамъ самого г. Соловьева, печатаемыя не для всей публики, а *собственно* для людей, «обладающихъ огромными богатствами, лично видѣвшими разные государственные порядки» и т. д.

О, русская гласность! кто только не оскорблялъ тебя и не свидѣтельствовалъ противъ тебя ложно — а ты все молчала, и до-сихъ-поръ молчишь-себѣ преспокойно... Вотъ г. Соловьевъ увѣряетъ, что литераторы не допускаютъ будто-бы до твоего свѣтлаго лика людей сильныхъ и богатыхъ: повѣдай же намъ, правда ли это? Намъ нужно знать это, чтобъ защитить сильныхъ богатыхъ людей отъ напрасныхъ обидъ и несправедливости со стороны неумолимыхъ литераторовъ. Намъ нужно знать... О, какъ много намъ нужно было бы узнать отъ тебя, молчаливая гласность!...

Вотъ, напримѣръ, воскресныя школы. Сколько темныхъ слуховъ ходило о тучахъ, собиравшихся надъ этими школами! а куда дѣвались эти тучи, откуда приходили онѣ, какого рода эти тучи — ничего этого до-сихъ-поръ мы не знаемъ и не вѣдаемъ. А, вѣдь, воскресныя школы — дѣло общее, народное, дѣло особенно-важное теперь, когда русскій народъ, радостный и освобожденный, готовъ бы идти впередъ, да чувствуетъ на глазахъ повязку... Мы хотѣли бы, наконецъ, знать, что ожидаетъ воскресныя школы: признаны онѣ полезными или вредными?... На этотъ вопросъ офиціальная гласность отвѣчаетъ намъ слѣдующее:

«Въ циркулярѣ по управленію санктпетербургскимъ учебнымъ округомъ (май 1860 года № 2) изложены сообщенныя г. министромъ народнаго просвѣщенія начальству округа основанія, на которыхъ могутъ открываться въ городахъ воскресныя школы, и общія правила для наблюденія за сими школами со стороны учебнаго начальства.

Нынѣ г. министръ народнаго просвѣщенія, въ предложеніи отъ 30-го декабря 1860 г. № 8398, объясняетъ, что это было сдѣлано *въ самомъ началѣ*, дабы предупредить *возможность уклоненія столь полезныхъ для народнаго образованія учрежденій* отъ прямаго пути, указываемаго имъ самымъ ихъ назначеніемъ, то-есть, распространять грамотность въ ремесленномъ и рабочемъ классѣ, какъ это опредѣлительно выражено и въ циркулярномъ предложеніи г. министра внутреннихъ дѣлъ гг. начальникамъ губерній. Послѣ сего не могло быть сомнѣнія, что воскресныя школы должны служить только *пособіемъ приходскимъ училищамъ*, къ учрежденію коихъ въ числѣ, соотвѣтствующемъ настоящей потребности въ нихъ, представляются теперь матеріальныя препятствія. Нынѣ, когда воскресныя школы *стали быстро размножаться* въ столицахъ и возникать не только въ губернскихъ, но и уѣздныхъ городахъ, мѣстному учебному начальству никакъ не слѣдуетъ упускать изъ виду такое назначеніе ихъ. Оно должно еще съ большею заботливостью слѣдить за тѣмъ, чтобъ воскресныя школы не выступали изъ границъ опредѣленнаго имъ круга дѣйствій, то-есть, чтобъ обученіе въ нихъ ограничивалось закономъ Божіимъ, чтеніемъ, письмомъ и первыми правилами ариѳметики. Между-тѣмъ, изъ свѣдѣній, получаемыхъ г. министромъ, оказывается, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ усердіе учредителей, или распорядителей воскресныхъ школъ, иногда завлекаетъ ихъ далѣе границъ, указанныхъ школамъ прямымъ ихъ назначеніемъ. Такъ, напримѣръ, въ Кіевѣ, въ одной школѣ преподается исторія, а въ одной изъ московскихъ школъ преподаватели занимаются съ учениками французскимъ и нѣмецкимъ языками. Предметы сіи выходятъ изъ программы обученія въ приходскихъ, слѣдовательно и въ воскресныхъ школахъ. Это обстоятельство поставляетъ г. министра въ необходимость вновь пояснить, чѣмъ именно мѣстныя учебныя начальства должны руководствоваться относительно наблюденія за воскресными школами: 1) Обученіе въ воскресныхъ школахъ ограничивается: закономъ Божіимъ, чтеніемъ и письмомъ на русскомъ языкѣ, первыми началами ариѳметики, рисованіемъ и линейнымъ черченіемъ, гдѣ потребуетъ мѣстная необходимость. *Преподаваніе предметовъ, невходящихъ въ программу обученія въ приходскихъ училищахъ отнюдь не допускается въ воскресныхъ школахъ.* 2) При преподаваніи поименованныхъ выше предметовъ въ воскресныхъ школахъ употребляются тѣ учебныя руководства и пособія, которыя одобрены министерствомъ народнаго просвѣщенія, или допущены къ употребленію въ начальныхъ училищахъ другихъ вѣдомствъ. 3) *Особенное вниманіе* должно быть обращаемо на то, *чтобъ учре-*

дители и распорядители воскресныхъ школъ были люди *вполнѣ-благонадежные;* а потому, не ограничиваясь офиціальною перепиской, директоры училищъ обязаны, въ случаѣ, если желающіе учредить школы лично имъ неизвѣстны, предварительно собирать объ нихъ *точныя удостовѣренія* и, затѣмъ, относительно допущенія ихъ къ открытію школъ, или распоряженію въ нихъ, входить лично въ соглашеніе съ мѣстными гражданскими начальствами. 4) За ходомъ обученія въ воскресныхъ школахъ должны, подъ главнымъ надзоромъ начальства округа, имѣть постоянное наблюденіе штатные смотрители уѣздныхъ училищъ, директоры гимназій и другія лица, коимъ сіе будетъ отъ этого начальства поручено. 5) Въ случаѣ, если со стороны распорядителей, или преподавателей замѣчены будутъ дѣйствія, несогласныя съ началами, указанными въ настоящемъ предложеніи, *а тѣмъ болѣе направленіе, противное религіознымъ истинамъ, государственному управленію и правиламъ нравственности*, таковые неблагонадежные преподаватели и распорядители должны быть немедленно отстраняемы и не допускаемы затѣмъ къ обученію, или распоряженію въ другихъ воскресныхъ школахъ. 6) Въ женскихъ воскресныхъ школахъ не должны быть допускаемы въ учредители и распорядители молодые люди всякаго рода службы и званія; но весьма желательно бы, чтобъ таковыми были всегда лица женскаго пола. Объявляя по округу объ этомъ предположеніи г. министра, которое можетъ служить поясненіемъ и подтвержденіемъ правилъ для воскресныхъ школъ санктпетербургскаго учебнаго округа, разосланнаго при циркулярѣ за № 1, я покорнѣйше прошу гг. директоровъ училищъ поставить въ извѣстность о содержаніи этого предложенія гг. учредителей и распорядителей школъ, для неуклоннаго съ ихъ стороны и руководства. Г. министръ народнаго просвѣщенія *изъявляетъ притомъ надежду*, что лица, коимъ ввѣренъ надзоръ за воскресными школами, будутъ всѣми зависящими отъ нихъ средствами содѣйствовать ему къ направленію этихъ школъ, *согласно съ видами правительства, допускающаго содѣйствіе ему частныхъ лицъ къ распространенію грамотности, въ увѣренности, что содѣйствіе это будетъ вполнѣ благотворно, а не вредно.*»

Подписалъ: попечитель санктпетербургскаго учебнаго округа,

И. Деляновъ.

Мы выписали этотъ циркуляръ безъ малѣйшаго пропуска, потомучто въ немъ ясно и положительно выражено мнѣніе правительства о воскресныхъ школахъ и его желанія. Воскресныя школы прямо названы полезными; правительство *допускаетъ содѣйствіе ему*, правительству, со стороны частныхъ лицъ, *къ распространенію грамотно-*

сти; правительство желаетъ только, чтобъ это содѣйствіе было благотворно, а *не вредно*. Будемъ надѣяться, что по-крайней-мѣрѣ теперь, когда воскресныя школы окончательно и прочно ограждены отъ вредныхъ вліяній, дальнѣйшая жизнь ихъ потечетъ мирно, безъ косыхъ взглядовъ и подозрѣній. Будемъ надѣяться, что отнынѣ въ сердца учредителей, исполненныя любви къ народу и самопожертвованія, не закрадется уже никакое неблагонадежное чувство, способное повредить успѣху народнаго образованія. Будемъ надѣяться также, что благородный жаръ, охватившій всю Россію отъ Архангельска до Кишенева, отъ Нѣмана до Якутска, не остынетъ...

Никогда еще въ исторіи русскаго народа не видно было такого единодушнаго стремленія къ образованію, какое обнаружилось съ прошлаго года. Времена Екатерины особенно-памятны усиліями правительства и передовыхъ людей въ дѣлѣ образованія; начало царствованія Александра I-го вызвало также щедрыя пожертвованія въ пользу образованія, но не начальнаго, а высшаго и спеціальнаго и, притомъ, отмѣченнаго сословнымъ характеромъ. Повсемѣстное учрежденіе въ сороковыхъ годахъ дѣтскихъ пріютовъ вызвано было правительствомъ, поощрялось имъ и развивалось подъ его непосредственнымъ руководствомъ. Но въ дѣлѣ воскресныхъ школъ первая иниціатива является со стороны общества, которое, опираясь на народное сочувствіе, дѣйствуетъ безъ всякихъ вызововъ и поощреній и не ищетъ наградъ...

И, несмотря на то, воскресныя школы не избѣгли клеветъ и наказаній. Вотъ, напримѣръ, что пишетъ въ № 26 «Одесскаго Вѣст.» московскій корреспондентъ:

«Въ Москвѣ—не знаю вслѣдствіе какихъ *историческихъ* причинъ—смотрятъ на студентовъ не съ весьма выгодной для нихъ стороны, а потому совершенно понятно, почему воскресныя школы, обязанныя своимъ возникновеніемъ въ Москвѣ единственно студентамъ, открылись такъ поздно, гораздо-позже кіевскихъ, одесскихъ и петербургскихъ. Но, поздно возникшія—можно сказать, положа руку на сердце—онѣ вели свое дѣло успѣшно, но недолго...

«Вначалѣ отъ каждаго факультета были избраны по три депутата, которымъ товарищи и поручили заведеніе и устройство школъ. Эти депутаты (числомъ 12), вмѣстѣ съ профессоромъ Н. С. Тихонравовымъ, послѣ долгихъ хлопотъ и препятствій, собравъ кое-какія деньги и получивъ разрѣшеніе начальства, открыли 12-го іюля 1860 года первую школу. Къ ноябрю такихъ школъ было уже 12. Школы въ Москвѣ получили довольно-твердую организацію, которая, казалось, ручалась за долгое и прочное ихъ существованіе. Такъ думалъ и я.

Но смертнымъ суждено ошибаться! Всѣ школы находились подъ контролемъ г. попечителя округа, его помощника и всей публики; для посѣтителей двери школъ были открыты во всякое время; кромѣ-того, въ школахъ были журналы, въ которые всѣхъ просили записывать свои замѣчанія. Завѣдывало школами общество, состоявшее изъ всѣхъ преподавателей, подъ предсѣдательствомъ профессора Тихонравова; оно распоряжалось деньгами, оно выбирало учебники, оно разбирало методы, оно (по большинству голосовъ) принимало и удаляло неспособныхъ преподавателей. Управляясь такимъ образомъ, школы просуществовали до февраля.

Школы были встрѣчены съ большимъ недовѣріемъ; каждый скорѣе вѣрилъ всему, что̀ говорилось о нихъ худаго, и подозрительно слушалъ похвалы. Учредители не унывали, надѣясь, что плоды ихъ трудовъ заставятъ замолкнуть клевету; но имъ не пришлось дождаться этихъ счастливыхъ дней! Важныя матушки да бабушки, со свитами, всѣ тѣ, которые вовсе не принимали и не думали принимать участіе въ школахъ, всѣ разомъ заговорили о безнравственности преподаванія въ нихъ. Въ-сущности, никто изъ этихъ ревнителей просвѣщенія не могъ указать, гдѣ именно случилось распускаемое ими, но они говорили *вообще*. А это, вѣдь, составляетъ общественное мнѣніе!... Прежде всего заговорили о женской школѣ, въ которой, кромѣ преподавателей студентовъ, безвыходно находилась директрисса школы и нѣсколько классныхъ дамъ! Я былъ самъ свидѣтелемъ, какъ однажды распахнулись двери и вошли, надѣлавъ на полчаса шуму, три барыни, за ними два лакея въ ливреяхъ, стая мосекъ, и пр. Постоявъ нѣсколько минутъ, одна изъ нихъ (дамъ), безцеремонно прервавъ преподаваніе учителя, обратилась къ нему съ вопросомъ: «Это дѣвушки непростыя?»—Онѣ не дворянки.—«Зачѣмъ же вы съ ними на вы?» Дамы ушли, замѣтно-недовольныя такой *безнравственностью!* Къ порицаніямъ присоединяются восторженныя похвалы! Стали появляться въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» статейки, которыя, восхваляя школы, вредили имъ больше самихъ порицателей. И въ-самомъ-дѣлѣ: мнѣ пришлось какъ-то прочесть статью г. Тимирязева о тверской-московской школѣ; въ ней разсказывается, что авторъ посѣтилъ школу, что все *этакъ хорошо*, что одинъ учитель преподавалъ азбуку по неизвѣстной (автору) методѣ, что *вообще* нѣтъ формальности, что (какъ замѣтилъ одинъ острякъ), напротивъ, въ школѣ — живописный безпорядокъ, что все очень-хорошо и учителя любезны. Что сдѣлаютъ подобныя статьи? Не оскорбленіе ли это для враговъ? Все это, по моему крайнему мнѣнію, послужило поводомъ къ радикальнымъ перемѣнамъ въ устройствѣ воскресныхъ школъ. Слѣд-

ствіемъ ихъ было то, что учредители, послѣ двунедѣльныхъ совѣщаній и споровъ, рѣшились оставить школы...»

— Пробѣжимъ вкратцѣ послѣднія извѣстія объ успѣхахъ распространенія школъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, была рѣчь въ Одессѣ и Костромѣ о поощреніи распространенія грамотности; куда дѣвалось это предположеніе — неизвѣстно; но вотъ является теперь такое же предположеніе въ Вязьмѣ. Духъ грамотности распространяется повсюду и захватываетъ всѣ сословія, самыя высшія и самыя низшія. Митрополитъ кіевскій Арсеній и архіепископъ минскій Михаилъ занимаются устройствомъ школъ при церквахъ. Помѣщики-аристократы: графъ Потоцкій, Голенищевъ-Кутузовъ, графъ Уваровъ, князь Хилковъ и графъ Канкринъ учреждаютъ въ имѣніяхъ своихъ школы грамотности для мальчиковъ и дѣвочекъ. Крестьяне графа Потоцкаго въ селеніи Нищовъ, Новоградволынскаго Уѣзда, добровольно облагаютъ себя налогомъ по 5 к. съ души на устройство и поддержаніе своей школы. Помѣщикъ Дорогобужскаго Уѣзда, г. Барышниковъ, пожертвовалъ въ пользу учреждаемаго въ Дорогобужѣ женскаго училища домъ, оцѣненный въ 12,000 рублей. Надворный совѣтникъ Племянниковъ пожертвовалъ въ пользу калужскихъ высшихъ училищъ 4000 р. Въ Москвѣ готовится къ открытію вторая женская гимназія, для которой нанято помѣщеніе въ Басманной. Въ Екатеринославлѣ получено разрѣшеніе на открытіе такого же заведенія. Въ Кіевѣ, на Подолѣ, открыто особое отдѣленіе Фундуклеевской женской гимназіи. Въ Перми и Енисейскѣ открыты женскія училища 1-го разряда, а въ Самарѣ и въ Алатырѣ (Симбирск. Губ.) такія же училища 2-го разряда. Въ послѣднее время открыты женскія училища въ Павлоградѣ, въ Трубчевскѣ, Минскѣ, Карачевѣ и Березовѣ (!). Графъ Браницкій устроилъ въ мѣстечкѣ Синявѣ технологическое училище для образованія агрономовъ, лѣсничихъ, садовниковъ и разныхъ необходимыхъ въ сельскомъ быту ремесленниковъ. Помѣщица Пушкина основала въ мѣстечкѣ Паричахъ, *Бобруйскаго* Уѣзда, училище *для дѣвицъ духовнаго званія*, въ чемъ принялъ также участіе *московскій* градской глава г. Королевъ, пожертвовавшій на это заведеніе 4000 руб.

Мы съ сочувствіемъ останавливаемся на этомъ послѣднемъ небываломъ еще у насъ заведеніи. Положеніе нашего бѣлаго духовенства давно обращало на себя вниманіе истинныхъ доброжелателей народа; но голоса ихъ до-сихъ-поръ раздавались шопотомъ и, притомъ какъ свѣтскіе голоса, почитались лжемудрствующими. Теперь само духовенство на-

чинаетъ вторить этимъ голосамъ и вполнѣ признаетъ ихъ справедливыми. Въ № 2 «Православнаго Обозрѣнія» за нынѣшній годъ помѣщена замѣчательная въ этомъ смыслѣ статья г. Бѣлавина. «Наше духовенство (говорится въ этой статьѣ) составляетъ не только особенное, но отрѣшенное, въ себѣ самомъ замкнутое сословіе. Дѣти его, какъ извѣстно, вступаютъ въ мѣщане, государственные крестьяне, подъячіе, небольшая часть въ чиновники, медики и нѣкоторые на ученыя должности; дочерей нерѣдко выдаютъ замужъ за крестьянъ и мѣщанъ, иногда за приказныхъ, рѣже за чиновниковъ, еще рѣже за купцовъ, и уже слишкомъ рѣдко за дворянъ. Но за то изъ другихъ сословій никто не имѣетъ или возможности или охоты вступить въ духовное званіе. Въ монастыряхъ еще не мало встрѣчается лицъ изъ другихъ сословій: въ бѣломъ же духовенствѣ мы рѣшительно не знаемъ ни одного примѣра, чтобъ какое-либо лицо его происходило изъ другихъ сословій; только въ рижской епархіи есть священники изъ обращенныхъ въ православіе тамошнихъ крестьянъ. Этого мало: самыя жены духовныхъ лицъ почти всѣ безъ исключенія изъ духовнаго же сословія. Но извѣстно, что всякое сословіе, въ себѣ самомъ замкнутое, необновляемое, неосвѣжаемое лицами другихъ сословій, слишкомъ-легко можетъ съ теченіемъ времени превратиться если не въ касту, то въ корпорацію, чуждую по своимъ обычаямъ, интересамъ и мнѣніямъ для прочихъ сословій. У насъ еще такого перерожденія нѣтъ (?), но оно будетъ непремѣнно, если не уничтожатся причины, благопріятствующія тому; *законы, управляющіе природою и человѣческими обществами, неотразимы.* Къ искреннему сожалѣнію должно сказать, что наше духовенство испытываетъ уже невыгоды своего изолированнаго положенія. Не возражайте, что русскій народъ набоженъ, что онъ благоговѣетъ предъ служителями алтаря, что подозрѣвать его въ неуваженіи къ нему — клевета, и проч. Русскій народъ набоженъ, онъ уважаетъ священника, какъ служителя религіи въ самомъ его служеніи. Но, уважаетъ ли онъ его, какъ *лицо божественное?* Объясните, *отчего* не только высшіе, но большею частью и средніе классы общества избѣгаютъ семейныхъ связей и даже дружественныхъ отношеній съ бѣлымъ духовенствомъ? *Отчего* большинство священниковъ является въ домы только съ требами? *Отчего* тамъ даже, гдѣ священникъ приглашается какъ совѣтникъ и другъ дома, слишкомъ-рѣдко и совсѣмъ *иначе принимаются жена* и дѣти его? *Отчего* видятся косые и насмѣшливые взгляды, когда въ святки или пасху по петербургскимъ улицамъ проѣзжаютъ кареты, наполненныя духовными лицами, или когда эти лица стоятъ гдѣ-либо кучкою, подъ во-

ротами, въ ожиданіи приглашенія въ домъ? По нашему мнѣнію, говоритъ далѣе г. Бѣлавинъ, подобное положеніе не только унизительно для духовенства, но вредно для вѣры. Уваженіе религіи много зависитъ отъ уваженія къ служителямъ ея. Такое несчастное положеніе измѣнится, продолжаетъ г. Бѣлавинъ, если образованіе въ духовныхъ училищахъ и поступленіе въ духовное званіе будетъ устроено сообразно высказаннымъ нами началамъ...» А должно замѣтить, что начала, указываемыя авторомъ, таковы, что отъ нихъ не откажется ни одинъ просвѣщенный человѣкъ.

Продолжаемъ прерванную рѣчь о школахъ. Кромѣ воскресныхъ стали появляться безплатныя ежедневныя школы. Не такъ давно открылъ такую школу въ Петербургѣ нѣкто г. Грунтъ; теперь готовится къ открытію еще такая же школа въ Кирочной Улицѣ. Общество любителей просвѣщенія открыло безплатную средневскую школу въ Покровѣ, преимущественно для дѣтей чиновниковъ, какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ, изъ которыхъ послѣднія учатся поутру, а первые послѣ обѣда. Въ Бирскѣ (Оренбург. Губерніи) открыты ежедневные безплатные классы для дѣвочекъ. Въ Воронежѣ и Павловскѣ (Воронежской Губ.) учреждены женскія реальныя училища.

Пожертвованія какъ на эти, такъ и на воскресныя школы не истощаются. Литературныя чтенія, драматическія упражненія любителей сценическаго искусства и публичныя лекціи служатъ въ этомъ отношеніи очень-хорошимъ пособіемъ. Такъ въ Петербургѣ, на масляницѣ, данъ былъ въ пользу воскресныхъ школъ спектакль въ 1-й гимназіи. Публичныя лекціи съ тою же цѣлью читались, кромѣ Петербурга, въ Москвѣ, Казани, Полтавѣ и Кронштадтѣ. Въ одной изъ нихъ отмѣтимъ очень-интересное нововведеніе: художникъ Рамазано въ прочелъ въ Москвѣ двѣ публичныя лекціи въ пользу тамошняго училища живописи и ваянія о скульптурѣ, причемъ показывалъ своимъ слушателямъ на практикѣ всѣ техническіе пріемы этого искусства.

Огромное количество возникшихъ въ послѣднее время школъ и ожиданіе дальнѣйшаго распространенія въ народѣ любви къ просвѣщенію возбуждаютъ серьёзный вопросъ: гдѣ взять хорошихъ учителей для будущихъ школъ? Рѣшенія этого важнаго вопроса публика, конечно, ожидаетъ отъ министерства народнаго просвѣщенія, которое, какъ мы слышали, и занимается имъ въ настоящее время очень-дѣятельно. Что оно воспользуется при этомъ указаніями общественнаго мнѣнія—въ этомъ нельзя сомнѣваться, видя съ какимъ вниманіемъ оно занимается теперь сводомъ всѣхъ печатныхъ рецензій на проектъ устава среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, состоящихъ въ вѣдомствѣ

народнаго просвѣщенія. Въ этомъ замѣчательномъ трудѣ, котораго начало появилось уже въ февральской книжкѣ журнала «Мин. Н. П.» сгруппированы по предметамъ всѣ возраженія, высказанныя въ литературѣ противъ проекта. Замѣчанія эти, какъ мы слышали, приняты въ серьёзное вниманіе ученымъ комитетомъ, на который возложено составленіе проекта устава, и новый уставъ обѣщаетъ значительныя отступленія отъ прежде-составленнаго. Можно надѣяться, что ученый комитетъ не пренебрежетъ и тѣми замѣчаніями о народномъ образованіи, которыя высказывались въ печати не по поводу проекта, а вообще по вопросу о народномъ образованіи. Въ числѣ послѣднихъ замѣчаній подобнаго рода особеннаго вниманія заслуживаетъ мнѣніе г. Дашкова, напечатанное въ № 11 «Современной Лѣтописи».

Что на приготовленіе учителей обращается особенное вниманіе: это можно отчасти видѣть и изъ того, что въ высочайше-утвержденныхъ новыхъ штатахъ для дерптскаго учебнаго округа тамошняя учительская семинарія получила значительное приращеніе средствъ для своей дѣятельности.

Но пока вопросъ о приготовленіи учителей разрѣшится законодательнымъ порядкомъ, частная предпріимчивость уже обратила вниманіе на этотъ предметъ, и въ Петербургѣ, г. Золотовъ, метода первоначальнаго обученія котораго почти-повсемѣстно принята во всѣхъ начальныхъ училищахъ и воскресныхъ школахъ столицъ, объявляетъ объ открытіи имъ частной школы для приготовленія сельскихъ учителей и вообще учителей для простаго народа. Курсъ приготовленія назначенъ годичный, съ платою 160 рублей за полное содержаніе и обученіе, и 50 рублей только за послѣднее. Комплектъ учащихся ограниченъ 30 человѣками. Какъ ни прекрасно намѣреніе учредителя, но мы сомнѣваемся, чтобъ въ-теченіе одного года можно было приготовить 17-ти-лѣтняго юношу къ учительскому званію, но радуемся, что возникаетъ новая попытка къ научной подготовкѣ будущихъ народныхъ наставниковъ, которые до сего времени вербовались кое-гдѣ и кое-какъ, безъ всякаго вниманія къ ихъ знаніямъ и умѣнью приняться за ввѣряемое имъ важное дѣло.

Вниманіе публики почти-исключительно направлено на устройство новыхъ школъ, и потому другое, не менѣе важное орудіе къ распространенію образованія—публичныя библіотеки, далеко отодвинуты на задній планъ; однако и въ этомъ отношеніи мы можемъ занести въ нашу хронику нѣсколько отрадныхъ явленій.

Кромѣ значительныхъ пожертвованій въ одесскую публичную библіотеку, означенныхъ въ годичномъ ея отчетѣ, мы замѣтили, что не-

давно въ Костромѣ явилась мысль объ основаніи публичной библіотеки, и, судя по участію мѣстнаго общества, можно быть увѣрену, что мысль эта осуществится очень-скоро, такъ-какъ въ пожертвованіяхъ не оказалось недостатка.

Общество посада Азовъ, Екатеринославской Губерніи, пожертвовало 80 руб. на учрежденіе библіотеки при мѣстномъ приходскомъ училищѣ. «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» заимствуетъ изъ «Записокъ юрьевскаго общества хозяйства» слѣдующія интересныя свѣдѣнія:

Волостной голова Аннирской Волости, Покровскаго Уѣзда, препроводилъ къ г. президенту юрьевскаго общества 149 р. 25 к., собранныя частными пожертвованіями отъ крестьянъ различныхъ деревень съ просьбою употребить эти деньги на покупку книгъ для народнаго чтенія и учредить книгохранилища при церквахъ селъ Абатумова и Орѣхова.

Съ тою же цѣлію ковровскій купецъ Виноградовъ пожертвовалъ 1000 руб. на составленіе библіотеки для чтенія крестьянъ села Алексина при приходской того села церкви.

Изъ «Морскаго Сборника» мы узнаёмъ, что еще въ ноябрѣ прошлаго года въ крюковскихъ казармахъ открыта *матросская библіотека.* Въ этихъ казармахъ помѣщаются кадровыя команды шести флотскихъ экипажей и гимнастическая команда. По заявленному желанію гг. офицеровъ этихъ экипажей и разрѣшенію начальства, матросская библіотека устроена посильными ихъ приношеніями, равно какъ и другихъ лицъ и учрежденій морскаго вѣдомства, съ тою цѣлію, чтобы грамотнымъ изъ матросовъ дать возмомность въ свободное отъ службы время заниматься чтеніемъ, а неграмотнымъ, желающимъ учиться, доставить возможныя пособія къ тому. Съ этою цѣлію каждому экипажу назначенъ свой особый день, въ который желающіе учиться могутъ поочередно посѣщать библіотеку, освобождаясь въ тотъ день отъ исполненія служебныхъ обязанностей и назначеній на работу. Кромѣ субботы, матросская библіотека открыта по буднямъ ежедневно съ девяти часовъ утра до семи часовъ вечера, т. е. до вечерней переклички. Но если большая часть матросовъ пожелаетъ посѣщать библіотеку и въ другое свободное время, то разрѣшено всѣмъ, желающимъ учиться или читать, приходить въ библіотеку и послѣ переклички, но не иначе, какъ съ разрѣшенія своихъ фельдфебелей. По воскресеньямъ же всѣ матросы имѣютъ право приходить въ библіотеку впродолженіе цѣлаго дня, начиная съ часу пополудни, одинаково, какъ и по вторникамъ; съ 5 до 7 час. вечера

разрѣшено всѣмъ матросамъ православнаго исповѣданія собираться въ библіотекѣ для занятій закономъ божіимъ съ протоіереемъ собора главнаго адмиралтейства, отцомъ Александромъ. Матросская библіотека, помѣщаясь въ просторной комнатѣ бельэтажа крюковскихъ казармъ, служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и классомъ для преподаванія. Основателемъ и учредителемъ этой интересной школы-библіотеки явился мичманъ К. Н. Матюшкинъ. Ему усердно помогаютъ протоіерей о. Александръ, лейтенантъ Куницкій и мичманъ Ивановъ. — Въ Кронштадтѣ устроенъ унтерофицерскій клубъ, въ которомъ также находится библіотека избранныхъ сочиненій, но гдѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, устроиваются балы, семейные вечера и маскарады для избранной публики изъ нижнихъ чиновъ. Надзоръ за порядкомъ въ этомъ клубѣ ввѣренъ старшинамъ, выбираемымъ изъ унтерофицеровъ.

Заключимъ этотъ рядъ пріятныхъ учебныхъ извѣстій еще однимъ, самымъ пріятнымъ: говорятъ, что дѣло преобразованія одесскаго лицея въ университетъ ожидаетъ благопріятный исходъ. Для личныхъ переговоровъ объ этомъ пріѣзжалъ въ Петербургъ въ прошломъ мѣсяцѣ попечитель одесскаго учебнаго округа.

Перейдемъ теперь къ непріятнымъ извѣстіямъ. Особенно-непріятно поразило насъ сообщаемое въ № 35 «Разсвѣта» извѣстіе, что еврейскимъ дѣтямъ отказываютъ въ правѣ посѣщать вновь-устроенную въ Вильнѣ гимназію для приходящихъ дѣвицъ. «Мы не могли (говоритъ г. Гордонъ, изъ статьи котораго заимствуемъ это извѣстіе), мы не могли добиться настоящей причины такой нетерпимости. Гуманное направленіе правительства, для котораго равно важно преуспѣяніе въ дѣлѣ образованія какъ христіанъ, такъ и евреевъ, устраняетъ и малѣйшій поводъ предполагать въ этомъ случаѣ непосредственное его вліяніе, и мы поневолѣ должны признать достовѣрность мнѣнія, видящаго въ этомъ прямое слѣдствіе нетерпимости нѣкоторыхъ вліятельныхъ членовъ христіанскаго общества. Какъ ни грустно и обидно такое произвольное заключеніе насъ въ умственное Гетто, нѣкому за насъ вступиться и обратить на этотъ вопіющій произволъ вниманіе правительства». Такъ заключаетъ свою статью г. Гордонъ. Мы увѣрены, что если дѣйствительно тутъ есть произволъ со стороны мѣстнаго общества, то правительство не дозволитъ ему долѣе продолжаться.

Впрочемъ, ничего нѣтъ невѣроятнаго въ словахъ г. Гордона. Вильно отличается особенною нетерпимостью къ евреямъ, которая и обнаруживается въ каждомъ почти нумерѣ «Виленскаго Вѣстника». Въ журналѣ этомъ евреи обвиняются въ такихъ ужасахъ, что воло-

сы становятся дыбомъ. Евреи, вотъ видите ли, забрали всю торговлю въ свои руки; евреи сдѣлались монополистами; евреи имѣютъ неотразимо-вредное нравственное вліяніе на христіанъ (хороши же христіане, нечего сказать!) «Безъ *помощи* еврея»—говорится въ «Виленскомъ Вѣстникѣ»—«нельзя сдѣлать шагу въ Вильнѣ. Захотите вы что купить, продать, найти квартиру, отыскать кого, съѣсть, выпить—словомъ, вездѣ и во всемъ вы должны подчиниться еврею, повидимому, столь покорному вамъ, привѣтствующему васъ низкими поклонами. Но, Боже сохрани подчиниться еврею!..» Статья оканчивается сравненіемъ бѣдныхъ коренныхъ обитателей страны, эксплоатируемыхъ евреями, съ *столь же* несчастными неграми, угнетаемыми американскимъ плантаторомъ. Сравненіе очень-удачно: виленскій еврей, это, видите ли, плантаторъ, истязующій виленское человѣчество палками и плетьми, оскорбляющій его достоинство, унижающій бѣдныхъ католиковъ несказанно... Откуда такое превращеніе? давно ли совершилось оно?

Кстати вспомнимъ объ исторіи Ципки Мендакъ. Изъ всѣхъ разнорѣчивыхъ свѣдѣній по этому курьёзному дѣлу до-сихъ-поръ нельзя вывести безошибочнаго заключенія; но нелишены интереса выводы, сдѣланные изъ нихъ одесскимъ журналомъ «Разсвѣтъ». Онъ очень-подробно и внимательно разобралъ всѣ упущенія слѣдователей и разнорѣчіе свидѣтелей этого дѣла и, между прочимъ, замѣчаетъ слѣдующее:

«Когда извѣстіе, напечатанное въ «Разсвѣтѣ», дошло до свѣдѣнія г. генерал-губернатора въ Вильнѣ, то онъ немедленно нарядилъ слѣдственную коммиссію для раскрытія этого дѣла. Нельзя не проникнуться чувствомъ высокаго уваженія къ такому сановнику, который, склонивъ свой слухъ къ печатной гласности, безотлагательно принялъ самыя энергическія мѣры. Его высокопревосходительство предписалъ слѣдователямъ произвести самое тщательное дознаніе, *возвративъ притомъ захваченнаго ребенка родителямъ, если бы онъ дѣйствительно находился у священника Мацевича*. Гг. слѣдователи нашли Ципку Мендакъ уже не у г. Мацевича, а въ землянкѣ близь Динабурга. При первомъ допросѣ насчетъ религіи она положительно отвѣчала, что хочетъ остаться еврейкой, и просила только, чтобъ ее помѣстили въ какомъ-нибудь еврейскомъ домѣ, а не въ родительскомъ. Но гг. слѣдователи увезли ее въ Комай, гдѣ снова предложенъ ей былъ вопросъ, желаетъ ли она стать христіанкой. Когда же она опять объявила, что хочетъ остаться еврейкой, то гг. слѣдователи признали нужнымъ дальнѣйшее странствованіе и отправились съ нею къ декану Мацевичу, гдѣ спрошенная въ третій разъ

самимъ деканомъ, отвѣчала опять то же самое, и потомъ, уже обдумавшись объявила, что желаетъ перейти въ христіанство. Но, какъ видно изъ разсказа очевидца и слѣдователя г. Толстаго, и при последней прощальной сценѣ съ двухлѣтнею сестрой, вопросъ этотъ не былъ еще рѣшенъ окончательно и потребовалось новое напоминаніе, что «надобно же наконецъ положительно сказать, какую она избираетъ вѣру». Тогда уже, поцаловавъ и приголубивъ еще разъ сестру, дѣвушка рѣшила навсегда разстаться съ этимъ такъ горячо-любимымъ ею ребенкомъ, съ родной семьей и съ преданіями отцовъ. Не то было бы, еслибъ дѣвушкѣ, встревоженной разными укрываніями и странствованіями, не столь часто предлагали вопросы объ одномъ и томъ же предметѣ, а вняли бы первому же ея отвѣту, въ самомъ рапортѣ названному положительнымъ. Такой образъ дѣйствія, соотвѣтствующій существу самаго дѣла, поставилъ бы гг. слѣдователей въ возможность либо передать дѣвушку родителямъ, согласно съ предписаніемъ г. генерал-губернатора, которымъ вмѣнено было имъ это сдѣлать даже и тогда, еслибъ она была найдена въ домѣ священника, либо же поручить ее чужой еврейской семьѣ, какъ она сама того желала.»

Особеннаго вниманія заслуживаетъ также слѣдующее мнѣніе, высказанное по тому же дѣлу редакціей «Сѣверной Пчелы»:

«Въ статьѣ г. Хоминскаго, напечатанной сначала въ 16 № «Сѣверной Пчелы», а потомъ въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» (съ окончаніемъ, которое мы откинули, по причинѣ фанатическаго его направленія) сказано: «судьба дѣвушки (отданной на попеченіе г. новоалександровскому городничему) зависитъ отъ распоряженія высшаго начальства, которому предоставлено право (76-й ст. XI т. Св. Зак.) дозволять *несовершеннолѣтнимъ* евреямъ присоединиться къ одному изъ терпимыхъ въ государствѣ христіанскихъ исповѣданій, *помимо согласія на то со стороны ихъ родителей*». Но этотъ законъ на Ципку Мендакъ не распространяется. Этотъ законъ относится только до *несовершеннолѣтнихъ*, а несовершеннолѣтними, по нашимъ законамъ, считаются отъ 17 до 21 года; имѣющіе же менѣе 17 лѣтъ считаются *малолѣтными*. Чье бы свѣдѣніе о лѣтахъ Ципки Мендакъ ни оказалось вѣрнымъ, она все-таки *малолѣтная*, то есть, не достигла еще возраста несовершеннолѣтней, въ которомъ *будетъ имѣть право* присоединиться къ начальству, *помимо согласія своихъ родителей*. Если смотрѣть съ этой точки зрѣнія на дѣло Ципки Мендакъ, то отнятіе *малолѣтной* еврейки у родителей и водвореніе ея въ христіанскомъ домѣ г. новоалександровскаго городничаго пред-

ставится дѣломъ противозаконнымъ. До-тѣхъ-поръ, пока Ципкѣ Мендакъ не исполнится 17 лѣтъ, она, по русскимъ законамъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ перейти въ католическую вѣру, помимо согласія своихъ родителей. На это намъ могутъ возразить: «но, вѣдь, когда не были возвращены родителямъ кантонисты, то крестили же малолѣтныхъ евреевъ-кантонистовъ цѣлыми толпами, не испрашивая на то согласія ихъ родителей, котораго и ожидать было нельзя». Правда! Но развѣ отступленія отъ законности, бывшія въ прежнее время, могутъ служить оправданіемъ отступленіямъ отъ закона въ настоящее время? Конечно, не могутъ.»

Грустно видѣть, какъ многіе изъ нашихъ русскихъ писателей, заражаясь духомъ нетерпимости, опрокинулись на бѣдныхъ евреевъ съ какимъ-то ожесточеніемъ. Одно изъ безобразнѣйшихъ нападеній послѣдняго времени принадлежитъ г. Герсеванову, который считаетъ еврейскую расу положительно-неисправимою. Откуда у насъ на Руси такая нетерпимость? Вѣдь исторія не завѣщала намъ никакой враждебности къ людямъ, никакой исключительности и цеховаго взгляда на человѣчество. О, цехи, корпораціи, привилегіи, чужеядныя растенія на русской землѣ! когда васъ уберутъ, скажите на милость?..

— «Сѣверная Пчела» свидѣтельствуетъ, впрочемъ, что вопросъ объ уничтоженіи цеховъ и цеховаго устройства нашей фабричной и ремесленной промышлености принадлежитъ къ числу вопросовъ, особенно-занимающихъ правительство въ настоящую минуту. При министерствѣ финансовъ назначена особая коммиссія изъ чиновниковъ этого министерства и министерства внутреннихъ дѣлъ для подробнаго разсмотрѣнія вопроса, возбужденнаго московскимъ отдѣленіемъ мануфактурнаго совѣта. Составъ коммиссіи слѣдующій: председат. А. Ѳ. Штакельбергъ; члены ор. М. Ф. П. А. Васильевъ, Н. Г. Татера и Г. К. Безе; отъ министерства внутреннихъ дѣлъ: Н. И. Второвъ и М. П. Веселовскій. Къ участію въ трудахъ коммиссіи приглашенъ также секретарь с. петербургской ремесленной управы П. П. Столбинъ. «Коммиссія эта» говоритъ «Сѣверная Пчела» (№ 45), «приступивъ къ возложенному на нея труду, убѣдилась, что установленіе правилъ о различіи фабрикъ отъ ремеслъ могло бы лишь нѣсколько облегчить разрѣшеніе вопросовъ подобнаго рода въ административномъ порядкѣ, и что для пользы промышлености необходимо коренное измѣненіе существующихъ промышленыхъ постановленій. Но какъ это сложное дѣло касается не только общаго по-

рядка дозволеній на открытіе разныхъ фабричныхъ и ремесленныхъ заведеній, но и сословнаго элемента и матеріальныхъ интересовъ благотворительныхъ учрежденій, зависящихъ нынѣ отъ цеховыхъ или ремесленныхъ управъ, то, при составленіи предположеній о новой организаціи фабричнаго и ремесленнаго труда, требуется особенная осторожность и вниманіе ко всѣмъ интересамъ, могущимъ быть затронутыми при этомъ преобразованіи.

Наши ремесленныя постановленія (за исключеніемъ остзейскихъ и отчасти западныхъ губерній) не имѣли историческаго развитія, не выработаны на нашей почвѣ, а были почти цѣликомъ заимствованы у западныхъ государствъ еще въ прошломъ столѣтіи. Между-тѣмъ, эти постановленія подверглись въ другихъ государствахъ многимъ перемѣнамъ или даже и совершенной отмѣнѣ. Такимъ образомъ, во Франціи, при министрѣ Тюрго, цехи были уничтожены, и хотя чрезъ нѣсколько же мѣсяцевъ опять возстановлены, но въ концѣ прошлаго столѣтія окончательно отмѣнены. Въ Пруссіи цеховыя ограниченія и *обязательное* вступленіе въ цехи были отмѣнены въ началѣ нынѣшняго столѣтія, при общихъ преобразованіяхъ, предпринятыхъ тогда во внутренней администраціи этого государства министромъ Штейномъ; однако въ 1845 году цехи были тамъ вновь организованы и вновь подверглись измѣненіямъ въ 1849 году.

Изъ прочихъ германскихъ государствъ, въ однихъ цеховыя учрежденія вовсе уничтожены, въ другихъ подверглись болѣе или менѣе значительнымъ измѣненіямъ, въ духѣ свободной промышлености, и только въ весьма-немногихъ сохранились почти во всей силѣ средневѣковыхъ монополій. Въ Англіи парламентскимъ актомъ 1835 гогода цехи лишены всякихъ промышленныхъ исключительныхъ правъ и преимуществъ. Въ сороковыхъ годахъ уничтожены, между прочимъ, цехи въ Швеціи и Сардиніи.

Имѣя въ виду такія перемѣны и разнообразіе въ ремесленныхъ постановленіяхъ другихъ европейскихъ государствъ, происшедшія съ того времени, какъ мы заимствовали у нихъ наше цеховое устройство, коммиссія пришла къ тому убѣжденію, что, для исполненія возложенной на нее работы, необходимо ей имѣть самыя обстоятельныя свѣдѣнія о томъ: 1) что̀ побудило одно государство отмѣнить у себя цеховое устройство, другія — удержать его, третьи — отмѣнить и потомъ возстановить цеховыя учрежденія? 2) какое непосредственное вліяніе имѣло на промышленость упраздненіе цеховъ? къ какимъ результатамъ вообще повела эта реформа и какія постановленія существуютъ въ главныхъ европейскихъ государствахъ по части промы-

шлености? 3) чѣмъ замѣнены цехи тамъ, гдѣ они упразднены, и какъ именно совершено это преобразованіе въ тѣхъ государствахъ, гдѣ оно было предпринято самимъ правительствомъ? 4) Въ какомъ положеніи находится мелкая, собственно такъ называемая *ремесленная* промышленость въ тѣхъ земляхъ, гдѣ цехи еще сохранились?

Собраніе этихъ свѣдѣній возложено было, съ соизволенія Государя Императора, на предсѣдателя коммиссіи, который, въ 1860 г., командированъ былъ съ этою цѣлію за границу. Собранные имъ матеріалы въ настоящее время обработываются. Независимо отъ этого, внутри Россіи собираемы были данныя о томъ, въ какой степени исполняются нынѣшнія ремесленныя постановленія въ разныхъ краяхъ нашего отечества и какія при этомъ встрѣчаются затрудненія.

Нынѣ коммиссія составила программу своихъ работъ и приступила къ ея выполненію, поставивъ себѣ задачею подробную разработку матеріаловъ, на которыхъ должны быть основаны послѣдующія соображенія для опредѣленія характера и границъ предполагаемыхъ преобразованій.

— Собиранію и разработкѣ этихъ матеріаловъ могли бы много содѣйствовать вновь-преобразованные губернскіе и областные статистическіе комитеты, еслибъ они собрались и стали дѣйствовать теперь же. Положеніе о статистическихъ комитетахъ, высочайше утверждено въ государственномъ совѣтѣ 26-го минувшаго декабря и публиковано очень недавно. Скоро ли осуществится оно? Государственный совѣтъ выражаетъ мнѣніе, что для полнаго устройства каждаго комитета требуются для проекта многія предварительныя мѣры: «составленіе подробной программы и инструкцій для производства статистическихъ работъ, *сношенія съ подлежащими вѣдомствами объ оказаніи съ ихъ стороны содѣйствія къ доставленію статистическихъ свѣдѣній,* пріисканіе лицъ, свѣдущихъ и способныхъ для собиранія и обработки сего рода матеріаловъ и т. п.» Если же принять въ соображеніе элементы, изъ коихъ должны составиться означенные комитеты, то можно думать, что предварительныя мѣры и сношенія съ подлежащими вѣдомствами, столь необходимыя въ этомъ дѣлѣ, дѣйствительно потребуютъ весьма-продолжительнаго срока.

Губернскіе и областные комитеты будутъ состоять подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ и подъ главнымъ вѣдѣніемъ генерал-губернаторовъ, гдѣ таковые находятся. Непремѣнными членами комитета *считаются* губернскій или областный предводитель дворянства, вице-губернаторъ, всѣ начальствующіе отдѣльными частями управле-

нія въ губерніи по всѣмъ вѣдомствамъ, *а въ городахъ, гдѣ есть университеты, и профессоръ статистики въ университетѣ*, а также членъ отъ духовной консисторіи православнаго исповѣданія, а гдѣ много жителей иновѣрческихъ, то и отъ всѣхъ другихъ исповѣданій; членъ отъ путей сообщенія, а въ горныхъ округахъ и отъ горнаго вѣдомства, и наконецъ градской голова губернскаго города. За непремѣнными членами слѣдуютъ члены *дѣйствительные*; таковыми могутъ быть лица всѣхъ званій, избранные по предложенію предсѣдателя или двухъ членовъ и утвержденные въ этомъ званіи по большинству голосовъ. Уѣздные предводители дворянства, по званію своему, суть дѣйствительные члены губернскихъ статистическихъ комитетовъ; званіе дѣйствительнаго члена присвоивается также лицамъ, *начальствующимъ учеными* экспедиціями, или производящимъ въ губерніи ученыя работы. Дѣйствительные члены имѣютъ право голоса наравнѣ съ непремѣнными членами. *О дѣйствительныхъ* членахъ, *оказавшихъ особыя отличія* по статистическимъ занятіямъ, начальники губерній *представляютъ министру внутреннихъ дѣлъ.*

Далѣе идутъ почетные члены, избираемые изъ лицъ, *принадлежащихъ губерніи* по своему рожденію или воспитанію, или владѣющихъ въ ней недвижимымъ имуществомъ и пріобрѣвшихъ извѣстность своими учеными статистическими трудами, или сдѣлавшихъ особенно-значительныя денежныя пожертвованія для статистическихъ цѣлей по губерніи.

Сверхъ исчисленныхъ въ предъидущихъ пунктахъ, въ засѣданія комитетовъ могутъ быть *приглашаемы для совѣщанія, въ случаѣ надобности* (и, вѣроятно, въ случаѣ согласія приглашаемыхъ?), всѣ вообще лица, могущія сообщить полезныя свѣдѣнія въ разныхъ отношеніяхъ.

Для производства дѣлъ въ каждый комитетъ опредѣляется секретарь преимущественно изъ лицъ, имѣющихъ ученыя степени или, по-крайней-мѣрѣ, окончившихъ курсъ высшихъ учебныхъ заведеній. На издержки по каждому комитету полагается отъ 1500 до 2000 р. сер. изъ земскихъ сборовъ съ пособіемъ, гдѣ возможно, изъ доходовъ мѣстной губернской типографіи.

Статистическіе комитеты имѣютъ право *требовать* содѣйствія для своихъ изъисканій и работъ какъ отъ всѣхъ лицъ и мѣстъ, подчиненныхъ губернскому начальству, такъ особенно отъ землемѣровъ, архитекторовъ и топографовъ, *не отвлекая ихъ, впрочемъ, отъ главныхъ занятій по службѣ.* Кромѣ-того, начальникамъ губерніи, по опредѣленіямъ комитетовъ, *предоставляется право командировать* съ тою же цѣлью, какъ дѣйствительныхъ членовъ и секретарей, такъ и

другихъ лицъ, благонадежныхъ по занятіямъ и усердію къ дѣлу, въ разныя части губерніи для статистическихъ изслѣдованій, а также для повѣрки оффиціальныхъ статистическихъ свѣдѣній и для направленія и установленія способовъ собиранія этихъ свѣдѣній и указанія соотвѣтственныхъ статистическихъ пріемовъ. Губернскіе комитеты, кромѣ-того, по мѣрѣ средствъ, могутъ снаряжать и особыя статистическія экспедиціи для мѣстныхъ изслѣдованій въ губерніи.

Таково новое устройство статистическихъ комитетовъ. Нельзя не согласиться, что въ это устройство положены всѣ силы, какія только существуютъ и могутъ возникнуть въ губерніи, и если за всѣмъ тѣмъ оно—чего Боже сохрани! окажется гдѣ-либо неудовлетворительнымъ, то, безъ-сомнѣнія, виною тому будутъ мѣстные губернаторы, въ руки которыхъ отданы, такъ-сказать, всѣ умственныя и нравственныя силы губернскаго населенія. Желательно, однако, чтобъ этого нигдѣ не случилось, то-есть, чтобъ преобразованные статистическіе комитеты пошли успѣшно и какъ-можно-скорѣе занялись дѣломъ, сокративъ по возможности надлежащія сношенія съ подлежащими вѣдомствами. Столько теперь поднято вопросовъ, для разрѣшенія которыхъ куда какъ пригодились бы добросовѣстно-собранныя статистическія данныя! Кстати, при разрѣшеніи вопроса о промышленныхъ и торговыхъ постановленіяхъ, было бы очень-полезно узнать: много ли пользы казнѣ и торговлѣ приносятъ такія, напримѣръ, привилегіи, какія недавно еще даны городамъ Темрюку и Севастополю, много ли поселилось въ этихъ городахъ купцовъ, поспѣшившихъ *приписаться* къ нимъ изъ всѣхъ другихъ городовъ Россійской Имперіи?

— Вотъ нѣсколько правительственныхъ распоряженій послѣдняго времени, наиболѣе-замѣтныхъ:

Высочайше повелѣно: 1) прекратить, начавшуюся по волѣ въ Бозѣ почившаго Императора Николая Павловича, переписку о приглашеніи дворянства имперіи содержать бѣдныхъ дворянъ въ учебныхъ и армейскихъ войскахъ, до производства въ офицеры на счетъ дворянскихъ суммъ; 2) объявить дворянству тѣхъ губерній, гдѣ въ общихъ его собраніяхъ состоялись уже постановленія о сборѣ денегъ на вышеупомянутую надобность, и въ частности вологодскому помѣщику Монакову съ его женою за внесеніе тысячи рублей, независимо отъ участія въ общемъ пожертвованіи тамошняго дворянства, монаршую Его Императорскаго Величества благодарность; 3) поступившія до настоящаго времени, по постановленіямъ дворянства, деньги обратить въ дворянскія суммы по принадлежности.

— Высочайше-утвержденнымъ 26 января положеніемъ военнаго совѣта постановлено:

1) Лицамъ, поступившимъ въ военную службу на общихъ правилахъ, для солдатскихъ дѣтей установленныхъ, или на правахъ вольноопредѣляющихся 2 и 3 разрядовъ, и впослѣдствіи признаннымъ имѣющими право на потомственное почетное гражданство по полученнымъ отцами орденамъ, установленный для вольноопредѣляющихся перваго разряда срокъ четырехлѣтней выслуги въ унтер-офицерскомъ званіи для производства въ офицеры, считать со дня награжденія отцовъ ихъ орденами; прежнюю же службу, которую они несли по обязанности или съ низшими правами, въ счетъ четырехлѣтней выслуги къ производству въ офицеры не зачитать.

2) Тѣхъ изъ нихъ, коимъ четырехлѣтній срокъ по новымъ правамъ будетъ кончаться послѣ истеченія 6 или 12-лѣтняго срока по прежнимъ правамъ, производить въ офицеры за выслугу прежде-назначенныхъ сроковъ (то-есть за выслугу 6 или 12 лѣтъ), наравнѣ съ вольноопредѣляющимися 2 или 3 разрядовъ.

3) Если кто изъ вышеупомянутыхъ (п. 1 и 2) лицъ не согласится остаться въ службѣ на опредѣленномъ инспекторскимъ департаментомъ срокѣ, таковыхъ, по примѣненію къ 56 статьѣ 1 книги II части свода военныхъ постановленій (изданія 1838 года), увольнять отъ службы безъ именованія воинскимъ званіемъ.

— Въ числѣ правительственныхъ распоряженій послѣдняго времени слѣдуетъ упомянуть о новомъ положеніи и штатахъ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ. Положеніе это построено на новыхъ началахъ, соотвѣтствующихъ современнымъ требованіямъ казеннаго управленія, именно: на отсутствіи излишняго бюрократизма и излишнихъ ненужныхъ формальностей, на дешевизнѣ управленія и предоставленіи болѣе-правильной свободы дѣйствіямъ начальника и возложеніи бо́льшей личной на него отвѣтственности, на устраненіи насильно-обязаннаго труда и устройствѣ самыхъ работъ на свободно-промышленномъ основаніи. До настоящаго времени экспедиція эта состояла изъ правленія, которое составляли управляющій и два члена, и двухъ отдѣленій, одно—по заготовленію бумаги, другое—типографическое. При правленіи полагались правитель канцеляріи, бухгалтеръ, кассиръ, а также, по старому обыкновенію, *полиціймейстеръ* изъ военныхъ офицеровъ, *архиваріусъ*, *ревизоры* и другіе чиновники и служители по штату. Каждое отдѣленіе состояло изъ разныхъ чиновниковъ и служителей, а также изъ мастеровъ и *трехъ ротъ казенныхъ масте-*

ровыхъ. Отнынѣ мастера, подмастерья и рабочіе будутъ опредѣляться *по найму*, и въ должности по экспедиціи предоставляется опредѣлять лицъ *изъ всѣхъ сословій*. Такимъ-образомъ уничтоженіе обязательнаго труда, воспослѣдовавшее въ разныхъ вѣдомствахъ, коснулось и министерства финансовъ.

— Въ морскомъ министерствѣ также приступлено къ важнымъ преобразованіямъ, относительно уничтоженія казеннаго труда. Такъ недавно постановлено: нижнихъ чиновъ, находящихся въ качествѣ прислуги изъ морскихъ учебныхъ заведеній, оставить временно при этихъ заведеніяхъ въ томъ числѣ, въ какомъ они состоятъ теперь, за тѣмъ новаго назначенія въ прислугу изъ казенныхъ людей болѣе не дѣлать, замѣнивъ и остающихся вольнонаемными постепенно въ-теченіе пяти лѣтъ. Но самою серьёзною мѣрою слѣдуетъ считать мысль объ упраздненіи всѣхъ рабочихъ экипажей и замѣнъ казеннаго труда въ нашихъ адмиралтействахъ трудомъ вольнымъ. Составленный по этому предмету проектъ повѣряется, по словамъ «Морскаго Сборника», свѣдѣніями, заключающимися въ донесеніи особой комиссіи въ Англіи изъ спеціалистовъ, назначенной въ 1858 году лордами адмиралтейства и на заводахъ ея величества королевы.

Между-тѣмъ, для образованія источника, изъ котораго можно было бы получать знающихъ мастеровъ для адмиралтействъ и заводовъ морскаго вѣдомства, по повелѣнію генерал-адмирала допущенъ свободный пріемъ изъ всѣхъ сословій и званій учениковъ въ адмиралтейскія и заводскія мастерскія. Для этихъ учениковъ предоставлены будутъ разныя льготы и пособія, а также врачебная безвозмездная помощь и средства посѣщать воскресные классы.

— Въ томъ же «Морскомъ Сборникѣ» напечатанъ любопытный отчетъ флота генерал-аудитора, изъ котораго видно, что «безполезность *частаго* (?) употребленія *позорнаго* наказанія шпицрутенами признано уже окончательно, и въ новомъ проектѣ воинскаго устава о наказаніяхъ предположено подвергать наказанію шпицрутенами лишь преступниковъ, лишаемыхъ всѣхъ правъ состоянія, то-есть употреблять его только въ тѣхъ случаяхъ, когда, по гражданскому вѣдомству, наказываются виновные плетьми рукою палача. Извѣстіе, какъ видите, утѣшительное, хотя и не въ такой степени, какъ желало бы гуманное чувство нашихъ читателей. Впрочемъ, извѣстіе это значительно выигрываетъ тѣмъ, что закончено слѣдующими словами отчета, позволяющими надѣяться на дальнѣйшія смягченія и самыхъ тяжкихъ наказаній:

«Что касается оставленія наказанія шпицрутенами, какъ тяжкаго за тяжкія преступленія (говоритъ отчетъ), то уголовная статистика морскаго вѣдомства за послѣдніе годы можетъ служить, въ нѣкоторомъ отношеніи, подтвержденіемъ утверждающагося болѣе-и-болѣе правила, что жестокость уголовныхъ наказаній, въ-особенности жестокость въ тѣлесныхъ истязаніяхъ, не имѣетъ никакого вліянія на уменьшеніе преступности, а слѣдовательно и замѣна первыхъ менѣе-жестокими не можетъ быть признана опасною для общественной нравственности и общаго спокойствія.»

— Переходимъ къ самому важному, послѣ крестьянскаго вопроса, правительственному распоряженію, даровавшему Царству Польскому новыя установленія. Читателямъ нашего журнала извѣстны уже изъ отдѣла «Политическаго Обозрѣнія» печальныя событія, происшедшія въ Варшавѣ почти наканунѣ нашей народной радости. Мы не хотѣли описывать ихъ въ предъидущей нашей хроникѣ, предназначенной исключительно для радостныхъ чувствъ, и потому уступили эту тягостную обязанность другому отдѣлу. Теперь же мы не вправѣ умолчать о манифестѣ, возстановляющемъ въ Царствѣ Польскомъ государственный совѣтъ, а также губернскіе и уѣздные совѣты. Вотъ статьи означеннаго манифеста:

«Ст. 1-я. Вмѣсто общаго собранія варшавскихъ департаментовъ правительствующаго сената, возстановляется государственный совѣтъ Царства Польскаго.

«Ст. 2-я. Въ совѣтѣ этомъ присутствуютъ:

«1) Главные директоры правительственныхъ коммиссій и генеральный контролеръ, предсѣдательствующій въ высшей счетной палатѣ, какъ непремѣнные по своимъ званіямъ члены онаго.

«2) Члены, призываемые Нами къ постоянному или временному засѣданію въ семъ совѣтѣ изъ среды епископовъ, или вообще членовъ высшаго духовенства, равно изъ числа предсѣдателей управленій земскаго кредитнаго общества, и предсѣдателей губернскихъ совѣтовъ, а также и другія, по Нашему усмотрѣнію, лица.

«Для представленія объясненій по подвергаемымъ разсмотрѣнію совѣта проектамъ законовъ будутъ назначаемы отъ правительства делегаты.

«Ст. 3-я. Вѣдѣнію государственнаго совѣта царства принадлежатъ:

«1) Предметы, которые подлежали доселѣ разсмотрѣнію общаго собранія варшавскихъ департаментовъ правительствующаго сената.

«2) Разсмотрѣніе годовой росписи доходовъ и расходовъ царства.

«3) Разсмотрѣніе отчетовъ главноначальствующихъ разными частями

управлений о ихъ дѣйствіяхъ по дѣламъ, вѣдѣнію ихъ ввѣреннымъ, и донесеній генеральнаго контролера о ревизіи денежныхъ отчетовъ.

«4) Разсмотрѣніе представленій губернскихъ совѣтовъ о нуждахъ и пользахъ губерній.

«5) Разсмотрѣніе приносимыхъ совѣту просьбъ и жалобъ на злоупотребленія служащихъ лицъ и на нарушеніе ими законовъ.

«Ст. 4. Въ государственномъ совѣтѣ предсѣдательствуетъ намѣстникъ нашъ въ царствѣ. Въ отсутствіи намѣстника, или когда онъ не можетъ лично присутствовать въ совѣтѣ, вмѣсто его предсѣдательствуетъ одинъ изъ членовъ, особо для исправленія сей должности въ такихъ случаяхъ Нами назначаемый.

«Ст. 5-я. Учреждается правительственная коммиссія духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія въ Царствѣ Польскомъ, подъ предсѣдательствомъ главнаго директора, который, по своему званію, будетъ и членомъ совѣта управленія.

«Ст. 6-я. Отдѣленіе духовныхъ дѣлъ при правительственной коммиссіи внутреннихъ дѣлъ, съ состоящими при ономъ учрежденіями, отдѣляется отъ сей коммиссіи и входитъ въ составъ коммиссіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.

«Ст. 7-я. Въ каждой губерніи и въ каждомъ уѣздѣ царства учреждаются особые, по избранію, губернскіе и уѣздные совѣты, подъ предсѣдательствомъ лицъ, назначаемыхъ изъ избранныхъ въ оные членовъ.

«Ст. 8-я. Предметами совѣщаній губернскихъ совѣтовъ должны быть нужды и пользы губерніи, какъ-то: развитіе земледѣлія, народной промышлености и торговли, пути сообщенія, призрѣніе бѣдныхъ, больницы, благотворительныя и тюремныя заведенія, равно работы, имѣющія цѣлью общественную пользу.

«О таковыхъ пользахъ и нуждахъ губерніи совѣтъ можетъ входить съ представленіями къ правительству.

«Ст. 9-я. Губернскіе совѣты будутъ созываемы единожды въ-теченіе года. День съѣзда и время продолженія засѣданій ихъ будутъ опредѣляемы въ актѣ созыва.

«Ст. 10-я. Степень участія уѣздныхъ совѣтовъ въ дѣлахъ мѣстнаго управленія будетъ опредѣлена безотлагательно особымъ положеніемъ.

«Ст. 11-я. При совѣщаніяхъ губернскихъ и уѣздныхъ совѣтовъ присутствуютъ особые коммиссары отъ правительства. Предположенія губернскихъ совѣтовъ будутъ излагаемы въ формѣ записки, которая передается коммиссару.

«Ст. 12-я. Въ Варшавѣ и другихъ значительныхъ городахъ царства

учреждаются городскіе совѣты, съ назначеніемъ членовъ оныхъ по выборамъ.

«Ст. 13-я. Городской совѣтъ завѣдываетъ хозяйствомъ города, составляетъ и представляетъ на утвержденіе правительства годовую роспись доходовъ и расходовъ города, принимаетъ въ предѣлахъ его вѣдомства нужныя мѣры для внѣшняго устройства города, имѣетъ наблюденіе за городскими общественными заведеніями и разсматриваетъ всѣ дѣла, предлагаемыя на заключеніе его правительственными властями.

«Ст. 14-я. Намѣстникъ Нашъ въ Царствѣ Польскомъ представитъ Намъ проекты образованія и дальнѣйшаго развитія вышеозначенныхъ постановленій.

«Ст. 15-я. Исполненіе сего указа, который долженъ быть внесенъ въ дневникъ законовъ, возлагаемъ на намѣстника Нашего въ царствѣ.

«Данъ въ С.-Петербургѣ марта 14 (26-го) дня 1861 года.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«АЛЕКСАНДРЪ».

— Слѣдуя принятому нами правилу, вносимъ въ хронику извѣстія о важнѣйшихъ перемѣнахъ въ составѣ правительственныхъ лицъ. Изъ офиціальной газеты Царства Польскаго перепечатано всѣми русскими газетами слѣдующее извѣстіе: «Съ высочайшаго соизволенія Государя Императора, тайный совѣтникъ *Мухановъ* уволенъ, по собственному желанію, отъ должностей главнаго директора предсѣдательствующаго въ правительственной коммиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ и попечителя варшавскаго учебнаго округа». — *Графъ Муравьевъ-Амурскій* высочайшимъ рескриптомъ, послѣдовавшимъ на его имя 19-го февраля, уволенъ, по прошенію, отъ должности генерал-губернатора Восточной Сибири, а на мѣсто его назначенъ въ эту должность бывшій его товарищъ, генерал-адъютантъ *Римскій-Корсаковъ*. — Приказомъ 24 февраля флигель-адъютантъ полковникъ лейб-гвардіи конной артиллеріи *Балюзекъ* назначенъ *министромъ-резидентомъ при пекинскомъ дворѣ*.

— Въ газетѣ «Кавказъ» обнародованы извѣстія о дѣйствіяхъ нашихъ войскъ въ прошломъ 1860 году. Извѣстія эти многими и уже давно ожидались съ нетерпѣніемъ. Еще съ ранней весны за Кубанью были собраны значительные отряды, въ составъ которыхъ вошли не только войска, расположенныя въ Кубанской Области, но придвинуты были туда же части войскъ изъ другихъ мѣстъ Кавказа и даже было

перевезено морем изъ Россіи нѣсколько стрѣлковыхъ ротъ и баталыоновъ. Много было обстоятельствъ, заставлявшихъ надѣяться, что въ 1860 году, подобно Чечнѣ и Дагестану, будутъ покорены окончательно и закубанскіе горцы. Успѣху нашихъ войскъ способствовало спокойствіе на прочихъ пунктахъ Кавказа, позволившее сосредоточить за Кубанью сильные отряды войскъ; немало должны были помочь намъ и раздоры, существовавшіе между закубанскими горцами, причиною которыхъ была борьба народной партіи съ партіею аристократическою. Въ послѣднее десятилѣтіе мюридизмъ началъ проникать и распространяться за Кубанью; ученіе это поколебало авторитетъ аристократической (княжеской) партіи, которая до-тѣхъ-поръ имѣла рѣшительное вліяніе на всѣ народныя дѣла. Князья потеряли значеніе въ странѣ, но не отказались отъ него и готовы воспользоваться всякимъ обстоятельствомъ, чтобъ возвратить себѣ прежнее значеніе. Надежды эти на успѣхъ нашихъ дѣйствій за Кубанью не вполнѣ оправдались: горцы выказали необыкновенное упорство и постоянно отвергали всѣ попытки съ нашей стороны вступить съ ними въ переговоры. Тѣмъ не менѣе результаты нашихъ дѣйствій въ прошломъ году за Кубанью значительны. Изъ офиціальныхъ извѣстій видно, что они заключались въ слѣдующемъ:

«1) Въ окончаніи устройства адагумской линіи, которая совершенно упрочила покорность натухайцевъ, отдѣливъ ихъ отъ непокорнаго населенія; 2) въ постройкѣ укрѣпленій Ильскаго, Григорьевскаго, Дмитріевскаго и Хамкоты; изъ нихъ два первыя въ послѣднихъ дѣйствіяхъ выказали всю пользу, какъ складочные и опорные пункты; 3) въ окончательномъ устройствѣ просѣки вдоль всей земли шапсуговъ, отъ укрѣпленія Григорьевскаго до укрѣпленія Крымскаго, на пространствѣ 74 верстъ, давшимъ возможность даже малымъ колоннамъ безопасно двигаться по этому направленію во всякое время, и 4) въ совершенномъ очищеніи всей плоскости между р. Адагумомъ и Суномъ отъ враждебнаго населенія. На всемъ этомъ пространствѣ, заключающемъ въ себѣ болѣе 2000 кв. верстъ, не осталось ни одного сколько-нибудь замѣчательнаго аула: истреблены не только жилища шапсуговъ, но и всѣ ихъ запасы. Потеря плоскости, гдѣ были главныя пастбищныя мѣста и большая половина пахотныхъ земель, видимо поколебала рѣшимость шапсуговъ къ дальнѣйшему сопротивленію: на другой день послѣ движенія 14-го декабря, явилась къ начальникамъ отрядовъ депутація отъ 2000 семействъ, съ предложеніемъ безусловной покорности и съ просьбою дозволить имъ снова поселиться на плоскости на указанныхъ мѣстахъ.»

Изъ всѣхъ этихъ результатовъ самыми пріятными и существенными надо признать: устройство просѣкъ въ закубанскихъ лѣсахъ и возведеніе за Кубанью укрѣпленій. Просѣки дозволятъ намъ съ бо́льшею скоростью и съ ме́ньшими потерями проникать во внутрь страны хищниковъ; укрѣпленія же за Кубанью, доставляя большую безопасность нашимъ казацкимъ поселеніямъ на этой рѣкѣ и служа опорою и сборными пунктами дѣйствующимъ отрядамъ, значительно облегчаютъ наши будущія предпріятія въ земляхъ враждующихъ горцевъ. Что̀ же касается разоренія селеній, уничтоженія жатвъ и запасовъ, увода скота и прочихъ разрушительныхъ и, къ-несчастію, часто-необходимыхъ дѣйствій, то продолжительный опытъ нашихъ войнъ на Кавказѣ не доказываетъ большой пользы и дѣйствительности этихъ средствъ. Напротивъ, если мы сравнимъ настоящее положеніе кавказскихъ горцевъ съ тѣмъ, въ которомъ застали ихъ наши войска во второй половинѣ прошлаго столѣтія, то нельзя не увидѣть, что въ первое время нашихъ столкновеній съ горцами они были менѣе воинственны, гораздо смирнѣе и богаче; торговля, промышленость и земледѣліе у нихъ были значительнѣе, чѣмъ въ настоящее время. Прежде, увлекась славою битвъ и экспедицій въ неприступныя горы и непроходимые лѣса, расточая на это наши силы, кровь и деньги, мы всегда давали перевѣсъ собственно военнымъ дѣйствіямъ надъ заботами о правильной администраціи, объ устройствѣ дорогъ и колонизаціи. Войска наши, проникая безъ дорогъ въ неприступныя мѣста, несли огромныя потери. Устрашенные жители часто изъявляли покорность и выдавали аманатовъ. Отряды наши, довольствуясь этимъ результатомъ и считая дѣло поконченнымъ, уходили, не обезпечивъ устройствомъ дороги—сообщенія съ покореннымъ мѣстомъ. Покорившіеся горцы, защищаемые, попрежнему, неприступностью своихъ жилищъ и, кромѣ-того, раздраженные потерями и разореніемъ, непосредственно за выходомъ нашихъ войскъ, снова открывали враждебныя противъ насъ дѣйствія и вызывали опять новыя экспедиціи, которыя опять вели къ тѣмъ же самымъ результатамъ. Слѣдствіемъ такого образа дѣйствій было то, что населеніе, часто относительно мирное и зажиточное, дѣлалось воинственнымъ и отважнымъ, превращалось изъ земледѣльцевъ, ремесленниковъ и купцовъ въ бездомныхъ абрековъ и хищныхъ разбойниковъ.

Иначе поступаютъ французы въ Алжиріи: занимая какой-нибудь пунктъ во враждебной странѣ, экспедиціонный отрядъ оставляетъ его не ранѣе, какъ устроивъ хорошую дорогу или шоссе отъ вновь занятаго пункта къ своему базису. Отдавая справедливость усиліямъ и настойчивости французовъ въ устройствѣ дорогъ, которыя очень-

много способствовали успѣху ихъ военныхъ дѣйствій въ Алжиріи, нельзя при этомъ не замѣтить, что относительно колонизаціи и управленія покоренными племенами, французы въ Алжиріи дѣйствовали не такъ успѣшно, и въ этомъ отношеніи не опередили насъ.

Первые серьёзные опыты устройства сообщеній въ горахъ посредствомъ проведенія просѣкъ и колонизаціи чрезъ поселеніе женатыхъ нижнихъ чиновъ при укрѣпленіяхъ въ форштатахъ сдѣланы были при Ермоловѣ. Съ-тѣхъ-поръ до 1850-хъ годовъ сдѣлано было въ этомъ отношеніи очень-мало. Начало основательныхъ и энергическихъ дѣйствій по проведенію просѣкъ и вообще по устройству сообщеній, надо отнести къ тому времени, какъ князь Барятинскій получилъ начальство надъ войсками, дѣйствовавшими въ Чечнѣ. Устройство сообщеній, а равно и водвореніе казачьихъ станицъ на Сунжѣ, дозволило русскимъ войскамъ съ бо́льшею безопасностью проникнуть въ самыя неприступныя доселѣ мѣста Чечни и Дагестана и повлекли за собою болѣе-прочное покореніе этихъ странъ.

Независимо отъ устройства сообщеній, самое вѣрное и, можно сказать, единственное средство положить, хотя въ будущемъ, предѣлъ жертвамъ, которыя Россія несетъ на Кавказѣ, и воспользоваться разнообразными и неистощимыми богатствами этихъ странъ—это, вопервыхъ, водвореніе русскихъ колоній и, вовторыхъ, развитіе образованія какъ между русскими поселенцами, такъ и между туземными племенами.

Кавказскіе горцы очень-вѣрно оцѣниваютъ значеніе нашихъ земледѣльческихъ поселеній въ ихъ землѣ; они понимаютъ какъ-нельзя лучше, что водвореніе каждой новой станицы есть шагъ впередъ для завоеванія ихъ страны, и что мѣсто, занятое станицею, уже невозвратно для нихъ потеряно. Горцамъ не надо объяснять, что въ земледѣльческомъ населеніи русской станицы есть живые элементы, которые привязываютъ жителей колоніи къ землѣ, ими воздѣлываемой. Горцы имѣютъ твердое убѣжденіе, что легче завладѣть самою сильною крѣпостью, построенною русскими въ ихъ горахъ, чѣмъ отнять мѣсто, на которомъ водворились русскіе земледѣльцы; имъ не разъ случалось брать наши укрѣпленія, и часто послѣ того на мѣстахъ, гдѣ они стояли, изглаживались слѣды временнаго господства русскихъ, но никогда еще горцы не занимали снова той мѣстности, гдѣ водворялась русская станица. Горцы понимаютъ даже, что поселенія русскихъ земледѣльцевъ для нихъ гораздо-опаснѣе, чѣмъ водвореніе исключительно торговыхъ и промышленныхъ колоній. Примѣръ генуэзскихъ колоній имъ еще памятенъ. По восточному берегу Чернаго

Моря и по направленію дорогъ, котѣрыя вели отъ моря черезъ Кавказскій Хребетъ къ верховьямъ Кубани, Зеленчука, Урупа и Лабы, также въ окрестностяхъ Кисловодска, по всѣмъ этимъ мѣстамъ, хорошо сохранились до-сихъ-поръ развалины богатыхъ генуэзскихъ колоній, жители которыхъ вели обширную торговлю и занимались отчасти ремеслами. Когда источникъ ихъ жизни и богатства—торговля, вслѣдствіе войнъ, былъ отъ нихъ отрѣзанъ на Черномъ Морѣ, то колоніи погибли. Можно смѣло предположить, что еслибъ это были земледѣльческія колоніи, то они не исчезли бы такъ легко. Грузія нѣсколько разъ была опустошаема, причемъ уничтожаемы были всѣ селенія; жители укрывались въ горахъ и пещерахъ, а потомъ снова возвращались къ своимъ занятіямъ.

Постройка станицъ, водвореніе въ нихъ жителей, обзаведеніе колонистовъ хозяйствомъ и скотомъ обходится, разумѣется, дорого правительству; но эта затрата капитала имѣетъ положительные и благіе результаты. Намъ даже кажется, что во многихъ случаяхъ расходъ на поселеніе новыхъ станицъ могъ бы быть незначительнымъ; такъ, напримѣръ, въ настоящее время часть бывшихъ черноморскихъ казаковъ могла бы быть съ большимъ удобствомъ выселена за Кубань, по рѣкѣ Бѣлой, отъ устья ея до майкопскаго укрѣпленія и отъ него до станицы Лабинской, а равно и по Адагумской Линіи.

Бывшее черноморское казачье войско, переименованное нынче въ кубанское, имѣетъ дарованную ему землю въ общемъ нераздѣльномъ владѣніи. Въ первое время поселенія черноморскихъ казаковъ, у нихъ было изобиліе въ землѣ и угодьяхъ: каждый занималъ столько земли, сколько могъ воздѣлывать и сколько ему нужно было для пастьбы скота. Потомъ многіе казаки, по мѣрѣ увеличенія своего хозяйства и своихъ стадъ, начали, согласно малороссійскому обычаю, выселяться изъ станицъ на хутора. Дарованіе нѣкоторымъ казакамъ офицерскихъ чиновъ и дворянскаго достоинства способствовало увеличенію какъ числа, такъ и размѣра хуторовъ: всякій сильный, чиновный человѣкъ, основываясь на томъ, что земля у казаковъ общая, считалъ себя въ-правѣ округлять свой хуторъ, прибавляя къ нему земли отъ станицъ; при этомъ хутора не только передавались отъ одного къ другому по наслѣдству, но и продавались даже за деньги. Слѣдствіемъ этого порядка было то, что съ каждымъ годомъ владѣльцы хуторовъ богатѣли, а жители станицъ все дѣлались бѣднѣе-и-бѣднѣе. Въ то самое время, какъ владѣльцы хуторовъ, увеличивая свои стада и посѣвы, дѣлались зажиточнѣе и богаче, жители станицъ, тѣснимые со всѣхъ сторонъ хуторами, часто затруднялись чтобъ прогнать

свой скотъ на общій выгонъ, безъ потравы земель, принадлежащихъ хуторянамъ.

Такое положеніе дѣлъ въ Черноморіи не могло не вызвать вниманія правительства, которое рѣшилось произвести размежеваніе земель и новое распредѣленіе ихъ между казаками. Мѣра эта была бы чрезвычайно облегчена и избавила бы весьма-многихъ отъ потерь и убытковъ, еслибъ тѣмъ казакамъ, которые терпятъ недостатокъ въ поземельныхъ угодьяхъ, дозволено было выселиться за Кубань. Казаки бы сами построили себѣ станицы и перевели бы въ нихъ свое хозяйство и имущество. Земля за Кубанью во всѣхъ отношеніяхъ лучше и богаче находящейся по сю сторону этой рѣки. Къ тому жь войсковая казна черноморскихъ казаковъ очень-богата и можетъ безъ затрудненія удовлетворить всѣмъ потребностямъ новыхъ переселенцевъ (*).

Успѣху нашей колонизаціи на Кавказѣ также могло бы принести большую пользу водвореніе азовскихъ казаковъ въ удобныхъ мѣстахъ по восточному берегу Чернаго Моря. Азовскіе казаки живутъ въ настоящее время около устьевъ Дона; тамъ ихъ хозяйство и семейства; сами же они несутъ службу на морскихъ лодкахъ по восточному берегу Чернаго Моря, занимаются пресѣченіемъ контрабанды и торговли невольниками и служатъ для усиленія карантинныхъ средствъ. Еслибъ азовскимъ казакамъ дозволено было поселиться въ тѣхъ мѣстахъ восточнаго берега, гдѣ они несутъ службу, то чрезъ это азовскіе казаки не были бы разлучены съ своими семействами и хозяйствомъ; каботажная торговля вдоль восточнаго берега, которая теперь находится исключительно въ рукахъ турецкихъ шкиперовъ, перешла бы въ ихъ руки, а болѣе всего выиграла бы русская колонизація въ тѣхъ краяхъ и образовались бы тамъ хорошіе русскіе моряки. Земли для поселенія азовскихъ казаковъ въ окрестностяхъ Анапы, Новороссійска—великолѣпны, равно какъ и въ Пицундѣ, Сухум-Кале и по берегамъ Мингреліи и Гуріи. Находясь постоянно въ этихъ мѣстахъ на службѣ, казаки азовскіе привыкли къ климату восточнаго берега, который на нихъ не подѣйствуетъ дурно.

Въ числѣ средствъ, полезныхъ для водворенія русской колонизаціи на Кавказѣ, слѣдуетъ обратить вниманіе на мѣры облегченія для же-

---

(*) По нашему мнѣнію, переселять казаковъ за Кубань надо преимущественно изъ станицъ; хутора слѣдуетъ оставить въ покоѣ: тамъ уже устроилось хорошее хозяйство и есть капиталы—стало-быть, всѣ залоги къ развитію и усовершенствованію сельскаго хозяйства.

натыхъ чиновъ кавказской арміи, приписываться къ казакамъ и селиться въ станицахъ и хуторахъ. Полезно было бы также дать средства женатымъ нижнимъ чинамъ, поселеннымъ при укрѣпленіяхъ, въ форштатахъ, заниматься сельскимъ хозяйствомъ.

Тотъ, кому случалось странствовать по Кавказу и по Закавказскому Краю, знаетъ цѣну русскимъ поселенцамъ въ этихъ странахъ: только они могутъ доставить самыя необходимыя удобства, къ которымъ привыкъ европеецъ. Между туземцами вы не найдете, напримѣръ, прачки, которая выстирала бы ваше бѣлье; семейный человѣкъ не найдетъ женской прислуги, кормилицы и проч.; только у русскихъ поселенцевъ можно купить бѣлаго хлѣба, молока, огородныхъ овощей, нанять извощика. Если наша армія, въ послѣднюю войну въ Азіатской Турціи, была снабжена въ изобиліи перевозочными средствами, то этимъ она обязана русскимъ старовѣрамъ, поселеннымъ за Кавказомъ и достигшимъ здѣсь замѣчательнаго благостоянія.

Чтобъ русскія поселенія на Кавказѣ могли принести всю пользу, которую можно отъ нихъ требовать, надо доставить поселенцамъ средства къ образованію, или, по-крайней-мѣрѣ, къ грамотности; безъ этого наши колоніи не только не могутъ имѣть полезнаго вліянія на туземцевъ, среди которыхъ онѣ поселены, но даже рискуютъ потерять свою народность, забыть свой языкъ. Не слѣдуетъ забывать, что многіе русскіе поселенцы, водворенные правительствомъ въ Якутской Области и лишенные всякихъ средствъ къ образованію, приняли обычаи, образъ жизни и языкъ якутскихъ номадовъ, и теперь хотя еще и считаются русскими, но порусски говорить уже не умѣютъ; то же самое случилось съ русской деревнею, населенною Петромъ-Великимъ въ Эстляндіи, недалеко отъ Ревеля: жители этой деревни, незнакомые съ русской грамотою, давно уже забыли свой языкъ и говорятъ почухонски. Совсѣмъ-другое явленіе представляютъ наши старовѣры и раскольники, которые всѣ, будучи грамотными, твердо сохраняютъ свою народность: вездѣ, куда бы ихъ не забросила судьба — въ Турцію или въ Польшу, въ Пруссію или въ Малую Азію, въ города Остзейскаго Края или въ Монголію и Маньчжурію — вездѣ и всегда они остаются чистыми русскими.

Распространеніе грамотности и образованія между нашими поселенцами на Кавказѣ не требуетъ ни расходовъ, ни усилій со стороны правительства. Дозволеніе духовенству, офицерамъ и чиновникамъ заняться этимъ дѣломъ имѣло бы самые благіе результаты; кромѣ того, поселенцы сами, на свой счетъ нигдѣ бы не отказались устроить школы и содержать ихъ. Благородное начало устройству школъ уже положено чиновниками и офицерами въ укрѣпленіяхъ Нальчикѣ и Хасав-Юртѣ; нѣсколько десятковъ солдатскихъ сыновей и дочерей из-

учаетъ уже въ этихъ двухъ школамъ законъ божій, русскую грамоту и ариѳметику.

Далеко не симпатизируя французской администраціи въ Алжиріи, мы все-таки не можемъ не отдать справедливости усиліямъ ея къ распространенію образованія въ алжирской колоніи. Не говоря уже о тамошнихъ поселеніяхъ европейцевъ, которые всѣ имѣютъ школы, но и для туземцевъ въ каждомъ городѣ Алжиріи, въ каждомъ даже оазисѣ, занятомъ французами въ степи Сахары, заведены французскія школы, въ которыхъ учится почти вся туземная молодёжь.

— Мы начали эту хронику общественными новостями и кончимъ нѣсколькими словами о нихъ же. Намъ хочется объяснить читателямъ, почему мы прошли хладнокровно мимо такихъ событій общественной жизни, о которыхъ прогремѣла молва по всему читающему міру — такихъ, напримѣръ, какъ «*безобразный поступокъ «Вѣка»*, или юбилей кн. Вяземскаго...

Годъ назадъ, мы поражены были духомъ мрака, внезапно охватившимъ нашу журналистику, едва-было начавшую поправляться въ своемъ здоровьи. Живой говоръ, молодое увлеченіе, жизнь, полная надеждъ, горячая борьба—все это мало-по-малу замерло, замолкло и уступило мѣсто духу отрицанія, безмолвно воцарившемуся въ литературѣ подъ личиною *шутки*. Холодъ пробѣжалъ по жиламъ русской литературы отъ этой невинной шутки... Все, что было дорого и свято, все, что могло служить поддержкою и утѣшеніемъ въ жизни—любовь, искусство, вѣра въ людей — все разомъ оскорблено было мертвящей насмѣшкой, вторгнувшейся во всѣ сокровенные уголки чувства. И на развалинахъ свѣтлыхъ увлеченій, мало-по-малу, воздвигся мрачный жертвенникъ, у котораго собрались вылѣзшія изъ щелей мошки и букашки и, взявшись за руки, занялись свистопляской и другими современными искусствами. Мы съ удивленіемъ смотрѣли на эту вальпургіеву ночь, которую иные величали зарею будущаго возрожденія литературы. Насъ увѣряли, что нельзя ожидать ничего хорошаго въ будущемъ, если все хорошее въ настоящемъ не будетъ осмѣяно, освистано, оскорблено. Обществу некогда было разбирать такой щекотливый вопросъ, оно было занято другими насущными вопросами, бывшими на-очереди; не время было обращать вниманіе на мошекъ и букашекъ, вздумавшихъ порѣзвиться на свободѣ. Но вотъ наконецъ великое дѣло свершилось, великое бремя свалилось съ плечъ, и тотчасъ въ литературѣ поднялся всеобщій протестъ противъ безцеремоннаго хозяйничанья въ ней мрачнаго духа и черезчуръ-веселой челяди, составляющей его свиту. Раздались свѣжіе, живые голоса въ новыхъ журналахъ, проснулись старые бойцы въ старыхъ журналахъ. Снова повѣяло жизнью и стало относить зловѣщіе крики во-

роновъ... Разныя громкія исторіи о маленькихъ дѣлахъ, еще такъ недавно наполнявшія пустоту литературы и общественной жизни, поблѣднѣли передъ событіемъ дня, вызывающаго всю Россію къ новой дѣятельности... И требуется дѣятельность серьёзная, честная, прямая, безъ двусмысленныхъ и кислыхъ улыбокъ тщедушнаго невѣрія, безъ этихъ кривляній и гримасъ, быть-можетъ, талантливыхъ и геніальныхъ, но уже неприличныхъ въ настоящую минуту. И нéкогда намъ слѣдить за разными исторіями, юбилеями и борьбою личныхъ самолюбій, когда настаетъ новая исторія для всей Россіи, новый юбилей для русской общины, новая дѣятельность для всѣхъ, кому дорогъ свѣтъ русскаго солнца, выходящаго изъ-за тучъ прошедшаго. И вся русская литература, единодушно привѣтствуя восходъ зари, единодушно отвернулась отъ темныхъ силъ, выдающихъ себя за провозвѣстниковъ свѣта. Смолкаетъ хохотъ и свистъ, и чѣмъ безнадежнѣе становится хоръ бездарныхъ свистуновъ-подражателей, тѣмъ болѣе-и-болѣе надеждъ подаютъ регенты этого хора, кажется, начинающіе уже сомнѣваться въ достоинствѣ своихъ мелодій... Послѣ «литературныхъ мелочей» мы ужь получили много серьёзныхъ статей и рецензій, доказывающихъ, что тѣ, которые такъ сознательно заглянули во внутренность «темнаго царства», не хотятъ продолжать безсознательную роль стражей-привратниковъ этого царства... Со всѣхъ сторонъ раздаются добрые и честные и—что̀ всего пріятнѣе—русскіе голоса, перестающіе пѣть французскіе романсы. Споры объ *общинѣ,* объ *искусствѣ для искусства,* объ *идеалахъ и матеріалахъ*—всѣ эти старые, какъ земля, и, какъ она, никогда нестарѣющіе вопросы опять просыпаются. За ними встаютъ новые, давно-неслыханные на Руси великіе вопросы: выбираются мировые посредники, собираются губернскіе, для крестьянскихъ дѣлъ, комитеты, обѣщая дѣйствовать гласно, во всеуслышаніе (смотри объявленіе псковскаго комитета)... Кто же теперь станетъ заниматься скандальчиками, стишками, юбилеями?... Не-уже-ли найдутся и у насъ такіе австрійскіе Яковы Хамы?

ЗАМѢТКИ ПРАЗДНОШАТАЮЩАГОСЯ.

Постъ. — Повѣрка счетовъ и грѣховъ. — Дачи. — Благотворители. — Концерты. — Маэстро Лазаревъ Абиссинскій, его исторія и необыкновенный концертъ. — Концерты г-жи Леоновой, въ пользу инвалидовъ и въ пользу нуждающихся литераторовъ и ученыхъ. — Обѣдъ въ Петербургѣ и обѣдъ въ Кіевѣ.

Съ первымъ ударомъ великопостнаго колокола Петербургъ закончилъ зимній сезонъ свой. Кой-гдѣ запоздалые гуляки, слишкомъ-увлекшіеся удовольствіями масляницы, какъ раскатившійся паровозъ, не могутъ вдругъ остановиться и докучиваютъ еще нѣсколько дней, пользуясь нѣмецкою масляницею. Но большинство притихло, присмирѣло и неукоснительно принялось за дѣло. Самый городъ въ эту пору, какъ-будто перемѣняетъ свою физіономію: онъ становитя тише, солиднѣе; на улицахъ нѣтъ этого неистоваго движенія пѣшеходовъ и экипажей, которымъ отличалась предъидущая недѣля. Царицынъ Лугъ, гдѣ вчера еще тѣснилась густая толпа народа, раздавалась музыка, веселыя пѣсни, смѣхъ, говоръ и шумъ, Царицынъ Лугъ опустѣлъ, музыка и говоръ замолкли, толпы веселящагося народа разошлись, и пустые, запертые балаганы, какъ-то печально смотрятъ на проходящихъ вдали людей, которые вчера еще такъ жадно стремились къ нимъ веселою толпою, а сегодня идутъ мимо угрюмо, не обращая на нихъ вниманія. Даже уличное народонаселеніе замѣтно порѣдѣло, и самыя лица встрѣчающихся людей, дѣйствительно, или вслѣдствіе собственнаго вашего настроенія, глядятъ, какъ-то серьёзнѣе, сосредоточеннѣе обыкновеннаго. Эта внезапная перемѣна въ уличной жизни большаго города особенно-поразительна на первой недѣлѣ—вопервыхъ, по близкому сравненію съ свѣжимъ еще воспоминаніемъ о суматохѣ прошлой недѣли, вовторыхъ, потому-что на первой недѣлѣ великаго поста, по большей части, люди выходятъ изъ дома только по дѣлу: въ церковь, на службу, на работу и вообще

для хлопотъ разнаго рода; мудрено ли послѣ этого, что всѣ лица на улицѣ кажутся вамъ озабоченными? Все, что есть въ Петербургѣ недѣловаго, остается дома, отдыхая, приходя въ себя послѣ шумныхъ удовольствій прошедшаго зимняго сезона. Да и куда имъ идти на первой недѣлѣ поста, этимъ баловнямъ судьбы, которымъ дѣло не кричитъ безпрестанно надъ ухомъ, какъ тайный голосъ вѣчному жиду, свое неумолкающее непощадное: «иди! иди! иди!»—куда? Зачѣмъ выходить имъ, когда балы кончились, театры закрыты, когда весеннія и лѣтнія модныя новости по магазинамъ еще не опредѣлились окончательно, не поспѣли, не привезены еще изъ-за границы и недѣли на двѣ... ну, по-крайней-мѣрѣ, на недѣлю, нѣтъ, если не никакой, то все же нѣтъ вопіющей надобности заглядывать даже въ магазины. Но, кромѣ отсутствія свѣтскихъ удовольствій и развлеченій и ей, этой недѣловой половинѣ петербургскаго населенія, есть причина присмирѣть и призадуматься на первой недѣлѣ великаго поста. Правда, у нея нѣтъ службы, нѣтъ дѣлъ, но у нея есть счеты, счеты—это своего рода предметъ, сильно-вызывающій на размышленіе, своего рода memento mori, появленіе котораго обладаетъ способностью придавать самой пошлой человѣческой физіономіи видъ сосредоточенности и даже нѣкотораго глубомыслія. Есть головы, есть личности, въ которыхъ только поданный имъ счетъ имѣетъ силу подымать нѣчто похожее на мысль, на размышленіе. Этотъ призракъ суровой дѣйствительности, появляющійся въ видѣ листа бумаги, исписаннаго цифрами, довольно-любезно скрывается во все продолженіе зимняго сезона, не нарушая вашихъ удовольствій и пріятнаго расположенія духа. Но едва эта кипучая пора городской жизни кончилась, онъ является, выростаетъ передъ вами и тѣмъ больше, тѣмъ грознѣе и требовательнѣе, чѣмъ былъ любезнѣе, снисходительнѣе и терпѣливѣе. Съ перваго понедѣльника великаго поста онъ начинаетъ стучаться въ ваши двери, появляться въ вашей прихожей, въ вашемъ кабинетѣ, въ будуарѣ вашей жены, разнося повсюду съ собою скуку, заботу и неудовольствіе и производя множество семейныхъ сценъ и непріятныхъ объясненій, которыхъ никогда не бываетъ столько, какъ на первой недѣлѣ великаго поста. Мужья и отцы дѣлаются въ это время какъ-то болѣе-обыкновеннаго угрюмы и придирчивы къ своимъ дражайшимъ половинамъ и взрослымъ дочкамъ, между-тѣмъ, какъ жены и взрослыя дочки становятся особенно любезны и внимательны къ мужьямъ и папашамъ. Есть мужья, которые въ-теченіе цѣлаго года никогда не пользуются такими ласками и угодливостью со стороны своихъ сожительницъ, какъ на первой недѣлѣ великаго поста; для многихъ это есть

время періодическаго возвращенія медоваго мѣсяца, по-крайней-мѣрѣ относительно любезности женъ, сохраняющихъ, однако, право прекратить эту сладость и даже наверстать за нее тотчасъ по уплатѣ счетовъ.

Вмѣстѣ съ этой расплатой по счетамъ великому же посту почти-исключительно принадлежитъ и другая немалая забота, предметъ, который также требуетъ основательнаго размышленія и многихъ соображеній. Вопросъ, предлежащій разрѣшенію, состоитъ въ томъ, чтобъ опредѣлить, куда дѣваться на лѣто. Этотъ вопросъ съ первой недѣли поста серьёзно начинаетъ занимать не только недѣловую, но и дѣловую часть петербургской публики. Супруги и доктора ихъ положительно доказали, что въ городѣ оставаться невозможно, невозможно уже потому, что нельзя же себя компрометировать, оставаться въ городѣ, когда всякая m-me Сопикова будетъ лѣто жить на дачѣ а m-me Телятьева ѣдетъ даже за границу. Даже и для тѣхъ, кому до поѣздки за границу,

Какъ до звѣзды небесной далеко,

вопросъ этотъ не менѣе хлопотливъ и сложенъ: имъ предстоитъ рѣшить, въ которую сторону отъ Петербурга перенести на лѣто своихъ пенатовъ. Хорошо въ Павловскѣ, недурно въ Лѣсномъ, еще лучше въ Петергофѣ; но гдѣ хорошо и даже недурно, тамъ вездѣ очень-дорого. Вотъ въ Парголовѣ или на дачахъ Безбородко подешевле, но за-то очень-далеко, а на Безбородко, сверхъ того очень-скучно. Можно переѣхать въ Емельяновку; но кто жь тамъ живетъ?... и притомъ, что̀ скажетъ m-me Сопикова, которой мужъ нанялъ дачу въ Павловскѣ?

Для людей недостаточныхъ разрѣшеніе дачнаго вопроса, какъ и вообще всѣхъ вопросовъ жизни въ матеріальномъ отношеніи, сопровождается особенною трудностью.

— Помилуй, матушка, говоритъ мужъ женѣ своей, уговаривающей его нанять дачу:—помилуй, куда намъ забираться на дачу! Ты подумай только, что я всякій день долженъ быть на службѣ.

— Но, мой другъ, нынче сообщенія такъ удобны, отвѣчаетъ жена: — пароходы, желѣзныя дороги, дилижансы; обойдется не дороже, чѣмъ извощикъ въ городѣ.

— Дороже ужь потому, что въ городѣ я хожу на службу пѣшкомъ, а вовторыхъ, не всѣ дачи стоятъ близко отъ воксала или пристаней пароходовъ; тѣ, которыя подешевле, большей-частью, такъ удалены отъ нихъ, что еще порядочно надо пройти, пока отъ конца этихъ удобныхъ сообщеній доберешься до дому, не считая того, что̀ при-

дется отмахать отъ департамента до начала ихъ и отъ нихъ до департамента.

— И прекрасно! возражаетъ жена: — ты часто страдаешь поясницей, тебѣ моціонъ необходимъ, это тебѣ и докторъ говорилъ сколько разъ; за-то, какъ пріятно потомъ отдохнуть въ саду, на чистомъ воздухѣ, подъ тѣнью зеленыхъ деревьевъ...

— Да когда отдыхать-то? отвѣчаетъ несговорчивый мужъ:—уйдешь, чтобъ не опоздать на службу, ни свѣтъ, ни заря; воротишься къ ночи: послѣ обѣда поневолѣ уснешь часикъ-другой, чтобъ отдохнуть отъ этакого похода, а потомъ надо готовить бумаги къ завтраму: когда жь тутъ отдыхать въ саду, на чистомъ воздухѣ?

— Ну, какъ? Все же, мой другъ, найдется время ну, и праздники притомъ. Вѣдь я, папаша, прибавляетъ жена нѣжно-ласкающимъ голосомъ: — не для себя хлопочу; мнѣ все-равно, мнѣ только бы ты былъ здоровъ; ну, и для дѣтей тоже; нельзя же оставить ихъ томиться лѣто въ городской пыли и духотѣ; докторъ говоритъ, что это чрезвычайно-гибельно для ихъ здоровья.

Мужъ очень-хорошо знаетъ, что дача, которую онъ по состоянію своему можетъ нанять, если не прибавитъ ему лишній флюсъ, то все-таки немного сдѣлаетъ для его здоровья, но не возражаетъ болѣе и молча уходитъ въ должность, а за обѣдомъ самъ поднимаетъ вопросъ о дачѣ и уже, какъ о дѣлѣ рѣшенномъ, спрашиваетъ жену, гдѣ, по ея мнѣнію, лучше пріютиться на лѣто, и вмѣстѣ съ нею критически разбираетъ относительныя удобства и неудобства разныхъ петербургскихъ дачныхъ мѣстностей. И вотъ, въ первый же праздникъ, порѣшившая дачный вопросъ чета въ ямской каретѣ отправляется въ которую-нибудь сторону за городъ, пріискивать себѣ дачу, крѣпко закутываясь въ шубу, потому-что дыханіе нынѣшней весны вовсе не отличается особенною мягкостью и нѣжностью. Вешній зефиръ пронзительно проникаетъ васъ сквозь теплую шинель или пальто и хватаетъ за носъ и за уши не хуже мороза, съ которымъ, по всему видно, онъ состоитъ въ самомъ близкомъ родствѣ. Пошатнувшійся на Невѣ и на канавахъ ледъ, нашелъ, что некуда еще торопиться давать волю пригнетеннымъ имъ рѣзвымъ волнамъ: онъ окрѣпъ снова и въ усъ не дуетъ, что скоро на дворѣ исходъ апрѣля, что вездѣ въ природѣ наступаетъ весна и что ему пора бы честь знать. Надрыгасовъ находитъ, что это, со стороны петербургской весны, крайне-недобросовѣстно, потому-что могли быть люди, которые повѣрили обѣщаніямъ тепла и, на основаніи этихъ обѣщаній, находя свои шинели не только болѣе ненужными, но даже въ нѣкоторомъ отношеніи обре-

менительными, собственно для сбереженія, поспѣшили заложить ихъ, и теперь эти жертвы обманутыхъ ожиданій тепла и красныхъ дней принуждены мерзнуть и жаться не меньше, какъ зимою. Вообще, на дрыгаловъ начинаетъ приходить къ убѣжденію, что люди, заложившіе свои шинели, разсчитывая на петербургскую весну, поступили нѣсколько-опрометчиво—поторопились, и что отсутствіе снѣга на петербургскихъ улицахъ нисколько не препятствуетъ этимъ людямъ мерзнуть отъ зимняго холода, несмотря на то, что г. Плещеевъ уже покупаетъ у бѣдныхъ мальчиковъ букеты цвѣтовъ. Я, съ своей стороны, полагаю, что господамъ этимъ и не было еще дѣйствительной причины закладывать свои зимнія шинели, весеннія стихотворенія г. Плещеева отнюдь еще не вѣрный признакъ дѣйствительнаго наступленія весны. Нѣтъ, какая тутъ весна! Чувствуешь, что этому бѣдному мальчику холодно, хоть онъ и продаетъ весенніе цвѣты; глядя на него, и вамъ самимъ становится и грустно, и холодно... нѣтъ, это не весна; далеко до весны. Вотъ, когда гг. Крестовскій или Апухтинъ запоютъ свои весеннія пѣсни—ну, тогда весна, совсѣмъ весна, и клубничкой попахиваетъ, и зелень, и томленія, и мечты есть: тогда можно и шинель заложить, а до этихъ пѣсень, я нахожу, что закладывать зимнюю шенель рискованно.

Между-тѣмъ, пока искатели дачъ рыщутъ по окрестностямъ города, крѣпко кутаясь въ шубы, въ ожиданіи будущихъ жаровъ, что̀ дѣлаетъ Петербургъ? Не-уже-ли съ наступленіемъ поста онъ совершенно отказался отъ всѣхъ прелестей міра, погрузился въ покаяніе и исключительно занятъ повѣркой грѣховъ своихъ и магазинныхъ счетовъ? Не-уже-ли онъ не позволяетъ себѣ ни малѣйшаго развлеченія? О, нѣтъ! Спросите почтеннаго редактора «Странника», и онъ, съ свойственнымъ ему сердечнымъ сокрушеніемъ о неисправимомъ окаянствѣ міра, скажетъ вамъ, что старый грѣшникъ и во дни великаго поста не обращается совершенно въ затворника, не истязуетъ грѣшную плоть постомъ и духъ чтеніемъ его журнала. Правда, спектаклей нѣтъ, но есть циркъ и живыя картины; закрыты балаганы, но есть «Литературныя Воспоминанія» И. И. Панаева. Петербургъ не танцуетъ; но онъ поетъ и играетъ на всѣхъ возможныхъ инструментахъ, или слушаетъ пѣніе и музыку. Великій постъ въ Петербургѣ — эпедимическая пора гриппа и меломаніи. Все народонаселеніе его раздѣляется въ это время на двѣ категоріи: одна даетъ всевозможные концерты, другая—слушаетъ эти концерты, которыхъ объявляется иногда по три въ одинъ день. Концертные билеты преслѣдуютъ васъ вездѣ и всюду: дома, на улицѣ, въ гостяхъ, въ книжной лавкѣ и даже на службѣ. Нѣтъ возмож-

ности встрѣтиться съ пріятелемъ, чтобъ послѣ двухъ минутъ разговора, онъ не предложилъ вамъ билетъ въ какой-нибудь концертъ; нѣтъ средствъ пріѣхать куда-нибудь, чтобъ хозяйка, вслѣдъ за первыми привѣтствіями, съ милою улыбкою и комплиментомъ насчетъ вашей доброты, не предложила вамъ концертнаго билета. Напрасно вы скажете, что у васъ есть билетъ въ концертъ, который долженъ быть въ это же самое время; вамъ отвѣтятъ, что это ничего не значитъ, что вы можете и не быть въ концертѣ, но возьмите только билетъ, потому-что это доброе дѣло: концертъ идетъ въ пользу бѣднаго, бѣдной или бѣдныхъ—и идутъ такимъ образомъ эти концерты въ пользу всего на свѣтѣ, начиная отъ пользы сирійскихъ христіанъ до собственной пользы артистовъ и любителей; хотя эти двѣ пользы такъ иногда тѣсно переплетены между собою, что иной концертистъ самъ собьется съ толку и по ошибкѣ возьметъ себѣ, если не весь сборъ, то хотя часть, иногда даже львиную изъ этого сбора, назначавшагося, по увѣренію афиши, въ пользу какихъ-нибудь бѣдныхъ—все-равно, сирійскихъ или не-сирійскихъ. Давно уже замѣчено, что въ нашъ утилитарный или, какъ бы это сказать порусски, пользительный, или полезностный вѣкъ, филантропія, подобно многимъ другимъ предметамъ, по самой натурѣ своей, вовсе кажется неудобная для служенія своекорыстнымъ видамъ, въ рукахъ ловкихъ аферистовъ сдѣлалась средствомъ эксплуатаціи чужихъ кармановъ въ свою пользу, подъ самымъ носомъ нашей литературной гласности.

При этомъ я долженъ замѣтить, что очень ошибается тотъ, кто называетъ эксплуатацію общественной благотворительности въ свою пользу новой промышленостью. Состояніе исторической науки въ Россіи не позволяетъ еще положительно опредѣлить эпоху первоначальнаго появленія ея въ нашемъ отечествѣ: этотъ трудъ принадлежитъ еще г. Семевскому и другимъ археологамъ и историческимъ изыскателямъ; но достовѣрно можно сказать, что промышленость эта процвѣтаетъ у насъ съ давняго времени, и уже составляла когда-то истинно-божеское посѣщеніе бѣдныхъ. Много на счетъ этихъ бѣдныхъ разные эксплуататоры-филантропы съѣли вкусныхъ обѣдовъ, отплясали баловъ, выиграли въ лотеряхъ-просто и лотереяхъ-аллегри вещей и вещицъ разнаго рода. Глядя на нихъ, нельзя было усомниться, что добрыя дѣла доставляютъ не только удовольствіе, но и пользу самимъ благотворителямъ и дѣйствительно не остаются безъ награды. Я знаю одного почтеннаго джентльмена, влачившаго когда-то дни свои въ гнуснѣйшей бѣдности, да, правду говоря, не съ чего ему было тогда и благоденствовать, потому-что всѣ средства его состояли

въ преподаваніи началъ ариѳметики и русской грамоты въ нижнихъ классахъ какого-то учебнаго заведенія... Да не подумаетъ читатель, что я желаю намекнуть этимъ, что преподаваніе началъ ариѳметики и русской грамоты менѣе почтенно, чѣмъ преподаваніе философіи и дифференціаловъ—нѣтъ, сохрани меня Богъ! но я хочу сказать только, что оно гораздо-менѣе прибыльно, особенно, когда человѣкъ при этомъ рѣшительно ничего не предпринимаетъ въ пользу бѣдныхъ и не думаетъ даже о посѣщеніи ихъ. Но вотъ въ одинъ—не могу вамъ съ достовѣрностью сказать, прекрасный или ненастный день—лучъ благодатной филантропіи проникъ въ его равнодушное къ бѣдности ближнихъ сердце, и онъ восчувствовалъ непреодолимое желаніе сдѣлаться участникомъ посѣщенія ихъ. Его похвальное рвеніе на этомъ поприщѣ скоро пріобрѣло ему благосклонность разныхъ знатныхъ благотворительныхъ барынь, особенно старушекъ, и онѣ избрали его своимъ повѣреннымъ, хранителемъ раздаваемыхъ ими щедротъ, посредникомъ между ними и бѣдными. И надо отдать ему справедливость: онъ точно хранилъ передаваемыя ему для бѣдныхъ щедроты, не разсѣевалъ ихъ безъ остатка по частямъ семо и овамо, въ полной увѣренности, что малый даръ доставляетъ только минутное облегченіе въ бѣдности, а не даетъ возможности человѣку поправиться, что-называется встать на ноги разъ навсегда. Зная, однакожь, что онъ никогда не успѣетъ внушить благотворительнымъ старушкамъ этотъ взглядъ на благотворительность и заставить ихъ отказаться отъ рутиннаго обычая: хоть понемногу помогать многимъ, онъ избралъ благоразумную середину, то-есть отъ каждой малости, назначавшейся разнымъ бѣднякамъ, удерживалъ пол-милости (въ дѣленіи филантропъ мой былъ силенъ, не даромъ же онъ былъ учителемъ ариѳметики) и отдавалъ всѣ эти половины одному; злые языки говорили, что этотъ одинъ былъ онъ самъ, что, посѣщая другихъ бѣдныхъ, онъ находилъ совершенно-основательнымъ посѣщать и себя, справедливо считая себя въ числѣ бѣдныхъ; и какъ собственные недостатки были болѣе ему извѣстны, чѣмъ нужды другихъ, то весьма-естественно, что онъ чувствовалъ къ себѣ болѣе состраданія и потому—прибавляютъ злые языки—чаще посѣщалъ себя, чѣмъ другихъ бѣдныхъ. Я не знаю, въ какой степени справедливы всѣ эти сплетни злыхъ языковъ, но что добрыя дѣла почтеннаго филантропа не остались безъ награды—это мнѣ совершенно извѣстно; мнѣ извѣстно, что чрезъ нѣсколько, даже очень-немного лѣтъ обращенія въ сферѣ благотворительности, провидѣніе видимо взыскало его своею милостью: слѣды гнусной бѣдности мало-по-малу уступали мѣсто довольству; у по-

чтеннаго джентльмена явилась сперва пара сытыхъ вятокъ, а потомъ и собственный домикъ въ одной изъ нецентральныхъ частей города— конечно, не такой, какъ выстраиваютъ благотворители и утѣшители не только бѣдныхъ, но и вообще русскаго человѣчества, достойные рыцари ливера и трехпробной, но, вѣдь, коемуждо по дѣломъ его. Знакомый мнѣ джентльменъ только благотворилъ бѣднымъ, и ему провидѣніе послало домикъ, а тѣ благотворятъ и вмѣстѣ съ тѣмъ утѣшаютъ: имъ даются огромные домы и даже по нѣскольку. Мой филантропъ былъ человѣкъ справедливый и умѣренный; онъ зналъ, что онъ только благотворитель безъ утѣшенія, и потому былъ доволенъ и маленькимъ собственнымъ домишкомъ, для пріобрѣтенія котораго съ помощію уроковъ ариѳметики, надо было бы давать ихъ на худой конецъ сто лѣтъ сряду, по шести часовъ въ сутки.

Я уже говорилъ, что концертовъ было безъ числа и мѣры, и разсказывать обо всѣхъ и нельзя и не стоитъ, надо быть праздношатающимся, и при томъ такъ добросовѣстно исполнять свою обязанность какъ я, чтобъ имѣть самоотверженіе выслушивать всѣ эти концерты для того, чтобъ сообщить вамъ, выбрать для васъ только самое интересное, снять, такъ-сказать, сливки съ этого музыкальнаго наводненія; за собой я только удерживаю право выбора; но вы убѣдитесь сейчасъ, что вы сами не могли бы сдѣлать лучшаго.

Въ головѣ всѣхъ, прогремѣвшихъ сначала великаго поста, надъ нашими головами концертовъ, я ставлю концертъ г. Лазарева. Знаю, что г. Лазаревъ, какъ и всѣ великіе люди, имѣетъ много соперниковъ, которымъ до желчи, до грызенія ногтей будетъ досадно это первенство его концерта, это публичное признаніе превосходства великаго маэстро нами, въ качествѣ его современниковъ и отчасти потомства. Но справедливость прежде всего, и на этомъ основаніи, и на зло завистникамъ, концертъ нашего почтеннаго, нашего достойнаго и не только нашего, но и абессинскаго почтеннаго и достойнаго Александра Васильевича прежде всего... Однакожь позвольте; скажите сперва, знаете ли вы Александра Васильевича? Достаточно ли вы знакомы съ этою пирамидальною (*), съ этою замѣчательною личностью,

---

(*) Прошу замѣтить читателя, что эпитетъ «пирамидальный» употребленъ мною отнюдь не въ смыслѣ наружной формы; говоря это, я вовсе не хотѣлъ выразить, что г. Лазаровъ имѣетъ остроконечную фигуру пирамиды. Тогда было бы не объяснима слабость къ нашему маэстро женскаго пола, какъ въ Абиссиніи, такъ и въ Европѣ. Особенно г. Лазаревъ неотразимъ для женскихъ сердецъ, когда онъ верхомъ, все-равно съ бомбардономъ въ рукѣ или безъ онаго. Употребивъ выраженіе пирамидальный, я хотѣлъ только сказать этимъ, что талантъ Александра Васильевича такъ же величественъ и громаденъ, какъ египетскія пирамиды.

чтобъ достойно приступить къ чтенію повѣствованія о его знаменитомъ концертѣ? Если нѣтъ, то я считаю обязанностью познакомить васъ съ нею, на сколько мнѣ это возможно. За справедливость фактовъ отвѣчаетъ брошюра «Лазаревъ и Бетховенъ».

Вопервыхъ, я долженъ сказать вамъ, что великій мужъ сей, что этотъ Александръ Васильевичъ Лазаревъ есть ни болѣе ни менѣе, какъ нашъ русскій Бетховенъ—въ этомъ васъ можетъ удостовѣрить и даже, въ случаѣ нужды, публично доказать г. «дѣйствительный статскій совѣтникъ и *орденовъ* кавалеръ», онъ же авторъ упомянутой брошюры «Лазаревъ и Бетховенъ»; но мы съ вами, благодаря Бога, не принадлежимъ къ числу завистниковъ великаго маэстро: мы не заражены ихъ скептицизмомъ; мы, наконецъ, ничего не имѣемъ общаго съ злонамѣреннымъ алгебраическимъ Z, ни даже съ коварнымъ Маничемъ, печатающимъ въ «Сѣверной Пчелѣ» и «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» свои зоилическія статейки на великаго русско-абессинскаго маэстро; мы тѣмъ болѣе отстраняемся отъ нихъ, что оба они достойно казнены Александромъ Васильевичемъ въ знаменитой его каррикатурѣ на русскіе журналы, гдѣ злостный алгебраическій Z поставленъ даже въ примѣръ прочимъ на колѣни, и потому мы не доведемъ почтеннаго дѣйствительнаго статскаго совѣтника до крайности доказывать намъ публично; для насъ съ вами достаточно, что онъ дѣйствительный статскій совѣтникъ, генералъ, чтобъ повѣрить ему на слово, что достойный Александръ Васильевичъ есть дѣйствительно русскій Бетховенъ, и даже немного-болѣе; но, кромѣ этого, онъ, великій маэстро, въ то же время нашъ русскій Марко-Поло. Верхомъ на прямомъ потомкѣ Росинанта, съ пятипудовымъ мечомъ при бедрѣ, скованнымъ изъ древне-славянскихъ костъ, и съ бомбардономъ въ рукахъ, онъ путешествовалъ по Азіи и Африкѣ, проповѣдуя повсюду славянскую музыку и поражая невѣрующихъ своею ораторіей «Страшный судъ». Вы очень ошибетесь, однакожь, если полагаете услышать въ этой, изобрѣтенной г. Лазаревымъ, славянской музыкѣ мотивы русскихъ, чешскихъ или польскихъ народныхъ пѣсенъ—это же самое думали соперники и завистники г. Лазарева; но тутъ-то и поддѣлъ ихъ великій маэстро. Славянская музыка его есть созданіе совершенно-своеобразное, неимѣющее ничего общаго съ народными мотивами славянскихъ племенъ; за-то въ ней есть мотивы черкесскіе, туркестанскіе и китайскіе, что доказываютъ, по увѣренію г. Лазарева, сочиненныя имъ музыкальныя пьесы «Предсмертная пѣснь горцевъ», «Духовный гимнъ тибетскаго ламы» и романсъ подъ заглавіемъ «Мандаринъ, страдающій несвареніемъ въ желудкѣ».

Съ этой пропагандой славянской музыки посѣтилъ Александръ Васильевичъ Индію, Сирію, Египетъ и, изслѣдовавъ на мѣстѣ таинственные источники Нила, проникъ въ самую глубь Абессиніи. Торжественно было шествіе великаго маэстро по Индіи. Заслышавъ звуки его бомбардона, туги, извѣстная въ этой сторонѣ секта душителей, приняли Александра Васильевича за одного изъ своихъ и сдѣлали его главнымъ жрецомъ своей грозной богини, Бехвани. Они увѣровали, что онъ, по непосредственному внушенію этой богини, замѣнилъ трудное и опасное душеніе людей съ помощію подозрительной и неудобной петли, оглушеніемъ ихъ посредствомъ бомбардона, и, побросавъ свои петли, завели бомбардоны. Не менѣе знаменательно было посѣщеніе Александромъ Васильевичемъ Сиріи. Многимъ казалось страннымъ, почему, при исконн-существующей враждѣ друзовъ съ маронитами, они давно не перерѣзали другъ друга и какъ-будто дожидали того времени, когда французамъ понадобилась Сирія. Эта темная страница въ исторіи Востока объясняется именно пребываніемъ между этими племенами Александра Васильевича, на которое въ свое время европейскіе публицисты не обратили должнаго вниманія. Дѣло въ томъ, что бомбардонъ нашего Бетховена оглушилъ и друзовъ и маронитовъ—оглушилъ ихъ на нѣсколько лѣтъ. Не будучи въ-состояніи слышать взаимной брани, безъ чего, какъ извѣстно, не можетъ встрѣтиться друзъ съ маронитомъ, они принуждены были ограничивать выраженіе вражды своей показываніемъ кукишей, что производило между ними частныя, отдѣльныя потасовки, не доводя до общей рѣзни. Но когда глухота эта, слабѣя постепенно, въ послѣднее время прошла окончательно и имъ стало возможно, съ одной стороны, разслушать внушенія однимъ—англійскихъ, а другимъ—французскихъ агентовъ, съ другой же стороны, на радостяхъ, наговорить и разслушать взаимно другъ отъ друга много брани, то послѣ этого имъ ничего и не осталось больше, какъ перерѣзать другъ друга по мѣрѣ силъ и возможности. Это они исполнили съ нарочитымъ успѣхомъ, къ особенному удовольствію миротворной французской политики, которая и поспѣшила занять Сирію. Англіи, конечно, французское сердоболіе крайне-непріятно, но она можетъ утѣшать себя мыслію, что безъ бомбардона Александра Васильевича это случилось бы уже нѣсколько лѣтъ назадъ.

Въ Египтѣ славянская музыка г. Лазарева произвела глубокое впечатлѣніе на туземцевъ, которые нашли въ звукахъ ея много родственнаго съ ихъ крикомъ, изъ чего и заключили, что они также, хотя, можетъ-быть, весьма-отдаленно, принадлежатъ къ славянской расѣ.

Гораздо-менѣе благополучно было сначала путешествіе Александра

Васильевича по Абессиніи. Здѣсь происки г. Сѣрова вооружили противъ него нѣкоторыхъ эмировъ. Одинъ изъ нихъ, имѣвшій завоевательные виды не на стада и имущество своихъ сосѣдей и собиравшій подъ-рукою военныя средства для осуществленія своихъ замысловъ, отнялъ у г. Лазарева бомбардонъ, не безъ основанія считая его весьма-пригоднымъ для себя разрушительнымъ оружіемъ. Сколько геніальный, столько же и мужественный маэстро защищалъ громаносную трубу свою съ опасностью фрака, но раненый, наконецъ, въ лѣвый рукавѣ, принужденъ былъ уступить силѣ. Лишась бомбардона, Александръ Васильевичъ не лишился вмѣстѣ съ нимъ мужества; онъ сочинилъ на похитителя эпиграмму (Александръ Васильевичъ не только музыкантъ, но и поэтъ) и отправился далѣе въ глубь Абессиніи. Съ нимъ вмѣстѣ отправилось и преслѣдовавшее его несчастіе, которое чрезъ нѣсколько времени и ввергло нашего Бетховена въ руки другаго хищнаго эмира, и этотъ, въ невѣжествѣ своемъ, не понимая, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, обобралъ великаго человѣка до-чиста. Бѣдствіе было велико, но и оно не сломило этого мужа воли и силы. Сорвавъ листикъ съ перваго попавшагося ему куста и прикрывая имъ наготу свою, Александръ Васильевичъ продолжалъ путь, напѣвая свою славянскую музыку. Въ этомъ легкомъ, но тѣмъ не менѣе живописномъ костюмѣ, пришелъ нашъ маэстро въ селеніе людоѣдовъ. Старшины свирѣпаго племени тутъ же порѣшили скушать Александра Васильевича съ приправкой соуса изъ бобовъ и стручковаго перца. Маэстро требовалъ, чтобъ ему, по-крайней-мѣрѣ, прежде отрѣзали голову; но эмиръ флегматически возразилъ, что это уже дѣло ихъ общественнаго повара, и, въ ожиданіи обѣда, пока приготовлялась подливка, приказалъ подать себѣ иностранныя газеты. Здѣсь-то онъ, на столбцахъ французскихъ, нѣмецкихъ и итальянскихъ газетъ, вычиталъ вдругъ тѣ великолѣпные отзывы иностранныхъ музыкальныхъ критиковъ, которые приведены г. Марковымъ въ знаменитой брошюрѣ его «Лазаревъ и Бетховенъ», о концертахъ г. Лазарева. Смущенный эмиръ упалъ предъ нимъ на колѣни и, цалуя его руку, умолялъ забыть, что онъ и его подвластные покушались съѣсть его. Александръ Васильевичъ тотчасъ простилъ его. Я увѣренъ, что Александръ Васильевичъ также великодушно простилъ бы Маиича и даже злостнаго Z, еслибъ они, подобно эмиру людоѣдовъ, принесли искреннее раскаяніе; но, къ-сожалѣнію, я долженъ сказать, что эти, коснѣющіе въ своемъ несознаніи бетховенности въ г. Лазаревѣ души неспособны къ подобному раскаянію.

Получивъ прощеніе, эмиръ поспѣшилъ принесть Александру Ва-

сильевичу простыню, чтобъ особа его не соблазняла болѣе гастрономическихъ наклонностей его подчиненныхъ, и представилъ его своему семейству, состоявшему изъ нѣсколькихъ женъ. Достойный маэстро думалъ уже, что бѣдствія его кончились; но—увы! ему суждено было еще разъ горько ошибиться: опасность дѣйствительно не угрожала болѣе его жизни, но хуже того—она угрожала его добродѣтели. Неистощимая любезность Александра Васильевича произвела и здѣсь на прекрасный, но слабый полъ обыкновенное свое неотразимое впечатлѣніе. Особенно это впечатлѣніе было сильно и рѣшительно на сердце женъ эмира, въ шалашѣ котораго артистъ нашъ сдѣлался домашнимъ человѣкомъ. Вы вѣдь знаете, что̀ такое страсть подъ экваторомъ, и потому можете судить, что добродѣтель тамъ виситъ на волоскѣ. Я знаю, что *праздныя борзописцы*, какъ справедливо маэстро называетъ своихъ зоиловъ, готовы думать—и даже думаютъ уже, торжествуя, въ глубинѣ завистливыхъ сердецъ своихъ — что волосокъ не выдержалъ и добродѣтель нашего Бетховена пала; но это только доказываетъ, что они не знаютъ цѣломудрія Александра Васильевича, которое спасло въ этомъ случаѣ и артиста и его добродѣтель, и доказало, что Африкѣ суждено быть не разъ свидѣтельницей исторіи Іосифа-Прекраснаго.

Дальнѣйшія событія, сопровождавшія путешествія нашего артиста въ Абессинію, покрыты мракомъ неизвѣстности: о нихъ творецъ славянской музыки и убійца Олоферна хранитъ глубокое молчаніе, отвѣчая всегда со вздохомъ на нескромные о томъ вопросы, что это останется между нимъ и Богомъ. Изъ отрывочныхъ свѣдѣній и темныхъ преданій, которыя мнѣ, какъ историку его, удалось собрать, можно заключить, что впослѣдствіи Александръ Васильевичъ вошелъ въ непосредственныя сношенія съ владѣтелемъ Абессиніи, получилъ абессинскій орденъ за храбрость, оказанную имъ при защищеніи бомбардона и своей добродѣтели. Фракъ, съ незажившею еще до-сихъ-поръ раною, на которомъ красуется абессинскій орденъ за храбрость, вы можете и теперь нерѣдко увидѣть на особѣ Александра Васильевича.

Я не буду говорить о благодѣтельныхъ послѣдствіяхъ путешествій нашего маэстро для тѣхъ странъ, которыя посѣтилъ онъ; собственно же для себя г. Лазаревъ извлекъ изъ своихъ путешествій глубокое знаніе Востока, которымъ, какъ истинный патріотъ, онъ предложилъ воспользоваться правительству въ послѣднюю войну для завоеванія Сиріи.

Все, что̀ я разсказалъ вамъ о путешествіяхъ и завоевательныхъ проектахъ нашего великаго маэстро, далеко еще не составляетъ кар-

тины всей удивительной и многосторонней дѣятельности этого поистинѣ великаго мужа. Что вы скажете, когда я сообщу вамъ, что этотъ всеобъемлющій геній, создавая свои музыкальныя эпопеи, въ то же время строитъ храмы на Ѳаворѣ и другихъ горахъ Сиріи, производитъ обширную торговлю копіями съ картинъ великихъ художниковъ и нюхательнымъ табакомъ и сочиняетъ и издаетъ каррикатуры и обличительныя «простыни»—такъ прозвали удивленные современники, непомѣрной величины листы, на которыхъ г. Лазаревъ печатаетъ, исполненныя неподражаемаго остроумія, обличительныя статьи противъ своихъ враговъ и зоиловъ, абессинскихъ эмировъ и русскихъ газетъ и журналовъ. Удивительно, какъ, при всей этой многообразной, дѣятельности Александръ Васильевичъ находитъ еще время удивлять насъ своимъ искусствомъ въ экитаціи, гарцуя по Невскому Проспекту на прекрасномъ аргамакѣ своемъ, что, какъ извѣстно, очень-много содѣйствуетъ къ украшенію нашей столицы и оживленію въ ней общественной жизни.

Теперь, когда вы знаете нѣсколько Александра Васильевича Лазарева, я могу приступить къ описанію послѣдняго его безподобнаго въ музыкальныхъ лѣтописяхъ концерта, бывшаго въ залѣ бюргер-клуба. Чтобъ дать сразу нѣкоторое понятіе объ этомъ чрезвычайномъ явленіи, я скажу вамъ, что это былъ не просто концертъ, какихъ теперь сотни: это былъ концертъ съ публичной лекціей, диспутомъ и съ живыми картинами, представлявшими бомбардированіе Севастополя и бѣгство двадесяти языковъ. Роль Севастополя игралъ самъ маэстро; арміей союзниковъ было скопище его враговъ и завистниковъ; бомбами служили скомканныя афиши, а двадесять языковъ представляли музыканты. Нельзя при этомъ не сказать, что Александръ Васильевичъ выполнилъ роль Севастополя съ большой натуральностью, и вся разница между нимъ и нашей славной крѣпостью состояла только въ томъ, что Севастополь все-таки наконецъ палъ подъ бомбардированіемъ союзниковъ, а Александръ Васильевичъ остался, какъ и всегда, неодолимъ. Но пора, однакожь, разсказать вамъ, какъ происходило это артистическое торжество.

Привлеченная заблаговременно сдѣланными объявленіями и желаніемъ послушать своего любимаго артиста, публика наполняла залу бюргер-клуба въ числѣ весьма-замѣчательномъ въ нынѣшнемъ посту, когда вообще концерты отличаются небывалымъ просторомъ. Армія союзниковъ, то-есть, скопище враговъ и завистниковъ маэстро, расположилась подлѣ оркестра, раздѣлясь на два стана, точь-въ-точь, какъ англичане и французы подъ Севастополемъ. Все было готово уже: музыканты на своихъ мѣстахъ; на эстрадѣ появился и

самъ маэстро. Онъ былъ въ полной парадной формѣ, то-есть, въ своемъ историческомъ фракѣ съ абессинскимъ орденомъ за мужество и невинность, въ петличкѣ. Съ обворожительной улыбкой, граціозно раскланявшись публикѣ, маэстро собирался уже магическимъ жезломъ своимъ открыть родникъ звуковъ, долженствовавшихъ унести насъ, слушателей, на седьмое небо, или, говоря проще, готовился подать знакъ къ началу концерта, когда вдругъ одинъ изъ злѣйшихъ его зоиловъ г. Сѣровъ, вспомнилъ, что онъ позапрошлой зимой не успѣлъ окончить читанныхъ имъ публично лекцій своихъ объ искусствѣ слушать музыку. Находя случай удобнымъ; мѣсто и обстоятельства благопріятными, онъ съ свойственнымъ ему коварствомъ, не обращая вниманія на то, что публика собралась слушать не его, а своего обожаемаго Бетховена, рѣшился воспользоваться этимъ собраніемъ. Мгновенно устроивъ себѣ изъ стула импровизированную каѳедру, онъ взмостился на нее и, къ крайнему удивленію и публики и самаго маэстро, началъ читать свою лекцію, несмотря на неодобрительные крики, вырвавшіеся изъ среды этой публики «молчать, Сѣровъ! »«долой Сѣрова!» и т. п. Изъ преподанныхъ имъ началъ искусства слушать музыку, публика узнала, между-прочимъ, что гармоническіе звуки славянской музыки Александра Васильевича Лазарева не должно слушать иначе, какъ имѣя карманы, наполненные вареннымъ картофелемъ, и что восторгъ свой и сочувствіе къ знаменитому маэстро дозволительно выражать только посредствомъ осыпанія его этимъ вкуснымъ и питательнымъ, жизненнымъ продуктомъ; къ продукту этому, какъ видно, музыкальный критикъ питаетъ сильное пристрастіе и къ нему онъ открылъ неизвѣстное доселѣ музыкально-возбудительное свойство, за что московское общество земледѣлія и акклиматизаціи намѣрено, какъ говорятъ, поднести ему благодарственный адресъ. Удивленный этимъ неожиданнымъ вторженіемъ г. Сѣрова въ права свои, Александръ Васильевичъ нѣсколько минутъ въ молчаніи слушалъ его зловредныя внушенія; но когда дѣло дошло до картофеля, негодованіе заступило въ немъ удивленіе. Александръ Васильевичъ понималъ, что необразованные абессинцы могли покушаться съѣсть его, но чтобъ славянинъ, русскій, его соотечественникъ рѣшился публично подчивать его вареннымъ картофелемъ—это и по его мнѣнію, выходило изъ предѣловъ возможнаго и дозволеннаго. Ему показалось, что въ словахъ г. Сѣрова онъ открываетъ указаніе на цѣлый заговоръ противъ его жизни и особы; ему показалось, что въ насмѣшливыхъ взглядахъ собравшихся подлѣ музыкантовъ, враговъ своихъ, онъ видитъ уже выраженіе какого-то антропофическаго вожделѣ-

нія. Особенно-подозрительными показались ему физіономіи алгебрическаго Z и одного посѣдѣлаго въ злокозненностяхъ русопѣта. Движимый, сколько чувствомъ самосохраненія, столько и справедливымъ негодованіемъ, маэстро бросился къ трибунѣ и занялъ мѣсто оратора. Публика съ рукоплесканіями приняла появленіе его на трибунѣ и благосклонно выслушала краснорѣчивое его опроверженіе злонамѣреннаго музыкальнаго критика, котораго лекція обратилась такимъ образомъ въ диспутъ. Но пока происходилъ этотъ диспутъ, армія союзниковъ не оставалась праздною: она повела свои подкопы подъ зданіе славы россійскаго Бетховена, избравъ англійскій способъ веденія войны, она старалась возмутить музыкантовъ, и склонить ихъ къ дезертированію, такъ-что, когда Александръ Васильевичъ, обличивъ врага своего, побѣдоносно воротился на эстраду, трехъ солистовъ въ хорѣ уже не было. Не теряя присутствія духа, маэстро безъ нихъ приказалъ начать № 1 концерта. Особенное свойство музыки г. Лазарева состоитъ именно въ томъ, что не только подобныя случайности, но и какая хотите замѣна инструментовъ (напримѣръ, если партію первой скрипки отдать турецкому барабану) не имѣетъ на нея никакого вліянія. Публика, залитая потокомъ гармоническихъ звуковъ, не могла выдержать за одинъ разъ подобной массы сладости: это было для нея слишкомъ-много и, замирая отъ наслажденія, она принялась неистово кричать: «довольно! довольно!» Но Александръ Васильевичъ вошелъ уже въ экстазъ: «Молчать, русопеты!» крикнулъ онъ повелительнымъ голосомъ и продолжалъ управлять хоромъ. Тогда-то началось изъ обоихъ враждебныхъ лагерей то бомбардированіе, о которомъ я говорилъ, и немедленнымъ слѣдствіемъ котораго было всеобщее постыдное бѣгство музыкантовъ съ инструментами. Только одинъ бомбардонъ остался вѣренъ своему капельмейстеру до послѣдней минуты и не послѣдовалъ за малодушными своими товарищами. Лишенный измѣннически своего хора, Александръ Васильевичъ остался посреди опустѣлой эстрады, являя необыкновенное величіе духа посреди превратностей судьбы, такъ-что самые враги его были поражены его великодушіемъ, и въ ознаменованіе невольнаго къ нему уваженія, тутъ же отыскали какой-то кусокъ краснаго сукна и поднесли ему въ видѣ тріумфаторской мантіи.

Такъ кончилось это незабвенное въ петебургскихъ лѣтописяхъ музыкальное торжество, настоящій апоѳеозъ абессинскаго маэстро. Потерпѣвъ пораженіе, онъ, однакожь, не уступилъ врагамъ своимъ и готовитъ на нихъ новую, небывалой величины, обличительную простыню, а покамѣстъ въ листкѣ объявленій при «С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» напечаталъ исполненную необыкновеннаго остроумія и

неподдѣльной аттической соли эпиграмму на злокачественнаго Z, который осмѣлился въ «Сѣверной Пчелѣ» публично выразиться объ Александрѣ Васильевичѣ и его музыкѣ, что:

Когда отъ альфы и до іоты
Пропитанъ геніемъ вполнѣ (еще бы!)
Ты возводилъ такія ноты,
Что было скверно, тошно мнѣ.

Вы понимаете, читатель, что признаніе въ тошнотѣ явно обнаруживаетъ въ коварномъ Z не только неспособность понимать и оцѣнять музыку Александра Васильевича, но и притомъ слабость и хроническое разстройство желудка; поэтому маэстро и имѣлъ полное право отвѣчать ему слѣдующимъ экспромтомъ, который обнаруживаетъ въ авторѣ и глубокія медицинскія познанія и чрезвычайно-нѣжное сердце, горячо-симпатизирующее страданіямъ ближняго. Вотъ этотъ замѣчательный экспромтъ:

Отъ вашихъ дивныхъ строфъ,
Прочитанныхъ два раза,
Случилось съ нами, что́ и съ вами,
Случилось ровно то же (бѣдный маэстро!)
Здоровье намъ всего дороже (совершенно-вѣрно)
Примите дружескій совѣтъ:
Чтобъ пламя бредней не погасло,
Носить съ собою въ свѣтъ
Касторовое масло.

Не выписываю конца этого стихотворенія, гдѣ поэтъ казнитъ своихъ зоиловъ, предоставляя вамъ прочитать ихъ въ объявленіяхъ при «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ».

— Непремѣнно прочту, отвѣчаетъ читатель.—Все это хорошо; но дѣло, знаете ли, въ чемъ? продолжаетъ онъ послѣ нѣкотораго раздумья. — Какова бы ни была музыка г. Лазарева, я нахожу, что всетаки ваша англо-французская армія поступила не совершенно-безукоризненно. Она сдѣлала насиліе мнѣ, который заплатилъ деньги за то, чтобъ слушать сочиненія г. Лазарева. Онъ долженъ былъ играть, взявъ у меня деньги. Есть извѣстные способы выражать одобреніе, или неудовольствіе въ театрахъ, концертахъ и т. п. Впослѣдствіи они могли писать и печатно критиковать музыку г. Лазарева, а я, прослушавъ концертъ, самъ могъ бы судить, въ какой степени они правы, и въ случаѣ, если бы мое мнѣніе сошлось съ ихъ мнѣніемъ, я бы самъ съумѣлъ доказать это г. Лазареву, переставъ посѣщать его концерты, несмотря ни на какія его объявленія и афиши. Теперь же вижу, что со мной, съ публикой, поступили неуважительно, лишили меня заплаченнаго за концертъ рубля и законно принадле-

жащаго мнѣ права быть окончательно судьею того, за что я заплатилъ деньги, хотя бы это были гнилыя яблоки. Если подобнаго рода суды войдутъ въ обычай, то кто поручится, что зависть, недоброжелательство и духъ партій не будутъ пользоваться этимъ обычаемъ для своихъ видовъ противъ дѣйствительныхъ талантовъ? Неуже-ли у насъ, на Руси, и въ дѣлѣ искусства нельзя обойтись безъ горлопановъ, отъ которыхъ страдаютъ наши мірскія сходки и часто справедливость ихъ приговоровъ? Въ-особенности неизвинительно, неделикатно, чтобъ не сказать хуже, было поведеніе музыкантовъ. Нанимаясь играть у г. Лазарева, они знали, чью музыку будутъ разъигрывать, и потому не имѣли никакого права не выполнить обязательства, и притомъ въ самую минуту исполненія концерта, когда уже нѣтъ возможности замѣнить дезертировъ другими. Вотъ почему концертъ Александра Васильевича, при всей его увеселительности, я считаю все-таки грустнымъ явленіемъ въ нашей общественной жизни. Что касается г. Сѣрова, то съ нимъ я заведу особенно формальный процесъ о рублѣ серебромъ, заплаченномъ мною понапрасну за входъ въ этотъ злополучный концертъ.

Я старался, сколько могъ, успокоить щекотливаго читателя, представляя ему о святости искусства, объ оскорбленіи имени Бетховена, о необходимости положить конецъ поруганію этого искусства — словомъ, всѣ тѣ фразы, которыя я слышалъ отъ нѣкоторыхъ артистовъ и дилеттантовъ. Читатель оставался непреклоненъ и отвѣчалъ мнѣ, что онъ шелъ въ концертъ слушать не музыку, а ерунду музыкальную, и за это заплатилъ деньги.

Чтобъ успокоить разсерженнаго читателя, я поспѣшилъ прекратить споръ нашъ и обратить его вниманіе на другіе замѣчательные почему-нибудь концерты нынѣшняго великаго поста, столь богатаго концертами. Такимъ концертомъ, по моему мнѣнію, былъ данный 19-го марта въ Большомъ Театрѣ въ пользу инвалидовъ, имѣвшій блистательный и совершенно-заслуженный успѣхъ, какъ по богатству и громадности состава, такъ и по превосходному исполненію всѣхъ частей его. Это былъ единственный концертъ нынѣшняго сезона, гдѣ я не видалъ пустыхъ мѣстъ. Послѣ него я упомяну только о концертѣ г-жи Леоновой съ живыми картинами, какъ объ одномъ изъ самыхъ удачныхъ, каторые мнѣ случилось слышать въ нынѣшній великій постъ. Эта любимая нашей публикой артистка отличается особеннымъ умѣньемъ составлять свои концерты, въ которыхъ музыка нашихъ русскихъ композиторовъ имѣетъ всегда такую значительную долю, что, по-моему, не мало способствуетъ ихъ успѣху, особенно,

если исполнители таковы, какъ были въ этотъ разъ: гг-жи Майкова, Лаврова (да проститъ мнѣ это артистка, что я предпочитаю называть ее русскимъ ея именемъ) и гг. Никольскій и Мео. Я уже говорилъ, что г-жа Лаврова составляетъ драгоцѣнное пріобрѣтеніе для нашей оперы, а о г. Никольскомъ повторяю, что это восхитительный голосъ и такой замѣчательный талантъ, который на любой въ Европѣ оперной сценѣ занялъ бы видное мѣсто. Я совершенно согласенъ съ однимъ изъ нашихъ музыкальныхъ критикомъ, который говоритъ, что «поѣзжай г. Никольскій въ Италію, онъ въ короткое время пріобрѣлъ бы громадную европейскую извѣстность, и назовись онъ тогда Николини, его бы ангажировали всюду на вѣсъ золота». Желательно, чтобъ наша театральная дирекція, не дожидаясь этихъ заморскихъ указаній, воспользовалась возможностью подарить русскую оперу такимъ прекраснымъ талантомъ, тѣмъ болѣе, что эта бѣдная опера крѣпко нуждается въ хорошемъ тенорѣ, котораго было бы слышно не только въ маленькой гостиной, но и на сценѣ. Какъ въ концертѣ г-жи Леоновой, такъ и въ своемъ собственномъ (вмѣстѣ съ г. Мео) концертѣ въ университетской залѣ г. Никольскій доставилъ много наслажденія публикѣ, которая выражала восторгъ свой громкими рукоплесканіями. Затѣмъ, имѣли несомнѣнный успѣхъ концерты Венявскаго и Рубинштейна. Г. Рубинштейнъ, неоспоримо, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ артистовъ, какъ исполнитель. Сочиненія Моцарта, Бетховена и другихъ мастеровъ искусства являются подъ руками его во всемъ своемъ блескѣ и величіи.

На концертахъ нынѣшняго сезона, вѣроятно, вы также, какъ и я, замѣтили особенность, которая, въ прежніе годы, сколько мнѣ помнится, бывала явленіемъ исключительнымъ, а въ нынѣшнемъ году, за малымъ исключеніемъ, пріобрѣла характеръ всеобщности. Я хочу сказать о безотрадной пустотѣ концертныхъ залъ даже у первоклассныхъ артистовъ, даже на концертахъ такъ превосходно-составленныхъ, какъ былъ концертъ въ пользу общества вспомоществованія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. Многіе приписываютъ это необыкновенному обилію концертовъ въ нынѣшнемъ году, отнимающему у публики возможность наполнять всѣ концертныя залы. Съ перваго взгляда это мнѣніе кажется основательнымъ; но, вглядѣвшись ближе, придется искать другой причины. Предположимъ, что въ извѣстный день идутъ одновременно два, даже три концерта: понятно, что большинство изберетъ лучшій изъ нихъ по достоинству участвующихъ въ немъ артистовъ; но если въ этомъ лучшемъ концертѣ большинство публики не превышаетъ двухсотъ-трехсотъ человѣкъ, тогда,

согласитесь, эту бѣдность слушателей невозможно приписывать одному разъединенію публики. Такая же грустная пустота залъ замѣчалась въ послѣднее время и на публичнымъ лекціяхъ и чтеніяхъ въ пользу безплатныхъ школъ. Не говоря уже о цѣли лекціи, не удивительно ли, что въ высшей степени интересныя лекціи г. Ламанскаго о «Ломоносовѣ», читанныя имъ въ пользу одной изъ школъ, прочитаны были въ присутствіи менѣе, чѣмъ третьей части слушателей противъ того, что̀ могла бы вмѣстить зала? Не-уже-ли сочувствіе публики къ артистамъ, къ литераторамъ и, болѣе всего, къ народному образованію такъ скоро остыло, истощилось? Не-уже-ли и тутъ для успѣха нужна была мода, новизна?...

Чтобъ окончить замѣтки мои о концертномъ сезонѣ, который тоже приближается къ своему заключенію, сообщу вамъ составъ нашей итальянской оперы на будущую зиму. Возобновлены ангажементы г-жъ Ла-Груа, Нантье-Дидье, Фіорети, Бернарди, Дотини, Леграманти и Эверарди и гг. Тамберлика, Кальцолари, Монжини, Бетини, Дебассини, Эверарди, Марини, Полонини, Фортуна и капельмейстера Бавери; вновь ангажированы: г. Граціани, первый баритонъ, и бассо-профондо парижской итальянской оперы, г. Анджелини.

Развлеченія публики въ-теченіе великаго поста, кромѣ концертовъ, составляли еще представленія гг. Левассёра и фокусника Бильза. О послѣднихъ сказать рѣшительно нѐчего—такъ они похожи на представленія всѣхъ прежнихъ фокусниковъ, къ штукамъ которыхъ, давно уже извѣстнымъ публикѣ, они не прибавили ничего новаго. Немного новаго привезъ намъ и старый нашъ знакомецъ г. Левассёръ. Но за то съ новой и разумной стороны, на этотъ разъ высказала себя наша публика. Дай Богъ, чтобъ и впередъ такъ было! Она на этотъ разъ не такъ щедро и податливо выплачивала Левассёру огромную контрибуцію, которою этому господину, по примѣру всѣхъ подобныхъ ему заѣзжихъ къ намъ господъ, угодно было обложить ее. Просто ли минутная бережливость, та самая бережливость, которая такъ эпидемически охватила ее въ послѣднее время и по милости которой были такъ пусты залы публичныхъ чтеній, лекцій и концертовъ, эта ли, говорю я, бережливость помѣшала публикѣ нашей на этотъ разъ выплачивать и французскому актеру по шести рублей за кресло, или въ ней пробудилось, наконецъ, сознаніе, что пора перестать быть бараномъ, котораго по произволу стригутъ пріѣзжіе иностранцы при всякомъ удобномъ случаѣ—сказать вамъ не умѣю, только сборы г. Левассёра въ этотъ пріѣздъ его были не такъ полны, какъ въ прежній.

Въ началѣ поста, наши драматическіе артисты, а съ ними и вообще любители этого искусства и почитатели таланта г. Сосницкаго, отпраздновали пятидесятилѣтній юбилей этого Нестора нашей александрійской сцены. Артистическій праздникъ этотъ состоялъ изъ двухъ отдѣленій: первое изъ нихъ происходило въ квартирѣ артиста г. Леонидова, которому принадлежитъ и самая мысль праздника, и была совершеннымъ сюрпризомъ для заслуженаго и любимаго публикою ветерана нашей драматической сцены, отъ котораго тщательно скрыты были всѣ приготовленія къ празднику. Въ этотъ день, по простому приглашенію г. Леонидова, онъ пріѣхалъ къ нему въ гости въ сюртукѣ, ничего не ожидая, и сначала очень сконфузился, найдя большое собраніе, въ которомъ всѣ мужчины были во фракахъ: это были товарищи по его искусству и посторонніе почитатели его таланта. Когда хозяинъ, успоконвъ встревоженнаго на счетъ своего костюма юбиляра, объяснилъ ему причину собранія и вмѣстѣ съ другими артистками и артистами принесъ ему поздравленіе и подарки, г. Сосницкій былъ тронутъ до слезъ этимъ знакомъ уваженія и сочувствія своихъ товарищей. Вторая половина празднества состояла въ торжественномъ обѣдѣ, въ залѣ г. Руадзе. Я назвалъ обѣдъ торжественнымъ; но это только по обстановкѣ его; въ самомъ же дѣлѣ это былъ семейный пиръ, одушевленный самой неподдѣльной, самой искренней простотой и задушевностью, несмотря на то, что на немъ присутствовало стовосемьдесятъ человѣкъ гостей, въ числѣ которыхъ были, вѣроятно, для этого прибывшіе изъ Москвы гг. Щепкинъ и Шумскій, и бывшій директоръ театровъ г. Гедеоновъ. Юбиляръ прибылъ въ четыре часа, сопровождаемый старѣйшими изъ товарищей своихъ по искусству, гг. Каратыгинымъ и Гольцемъ, и былъ встрѣченъ артистками нашей драматической труппы, которые поднесли ему отъ лица всей труппы золотой вѣнокъ, на листьяхъ котораго были вырѣзаны имена всѣхъ, принявшихъ участіе въ праздникѣ. Много было сказано при этомъ заслуженому ветерану искусства задушевныхъ словъ и искреннихъ привѣтствій собравшимися на праздникъ гостями, которые растрогали до глубины души почтеннаго юбиляра. Привѣтствія эти заключены были прибывшимъ директоромъ театровъ А. И. Сабуровымъ, который объявилъ, что Государь Императоръ, во вниманіе къ таланту, продолжительной службѣ и пользѣ, принесенной искусству, жалуетъ артисту Сосницкому золотую медаль на андреевской лентѣ для ношенія на шеѣ и, сверхъ-того, контрактъ съ нимъ долженъ быть возобновленъ на три года съ утроеннымъ противъ прежняго окладомъ жалованья. Это—первый знакъ отличія, данный русскому актеру за талантъ и заслугу искусству. Въ-

заключеніе праздника одинъ изъ присутствовавшихъ, отъ лица всѣхъ гостей, поднесъ Ивану Ивановичу великолѣпный золотой кубокъ.

Ученикъ знаменитаго Дмитревскаго, Иванъ Ивановичъ Сосницкій, началъ драматическую карьеру свою въ 1800, чрезъ годъ послѣ поступленія въ театральное училище, исполненіемъ дѣтской роли въ трагедіи «Медея и Язонъ» и до выхода изъ училища игралъ въ тридцати роляхъ. Въ-теченіе полувѣковаго, неустаннаго и всегда блистательнаго служенія драматическому искусству, онъ былъ постоянно любимцемъ публики, оставивъ каждому поколѣнію пріятныя о себѣ воспоминанія. Кромѣ заслугъ своихъ на драматической сценѣ, какъ актёръ и какъ режисёръ труппы, г. Сосницкій въ молодости своей игралъ также первыя роли въ патріотическихъ балетахъ за Огюста и даже, разъ за болѣзнію извѣстнаго балетмейстера Дидло, ставилъ на сцену балетъ и дѣлалъ машины для другаго балета «Зефиръ и Флора». Ему же наша сцена обязана образованіемъ двухъ замѣчательнѣйшихъ нашихъ драматическихъ артистокъ — г-жъ Асенковой и В. В. Самойловой, особенно первой, въ которой онъ одинъ умѣлъ угадать ея высокій драматическій талантъ, и угадать въ то время, когда г-жа Асенкова была незамѣченною въ театральномъ училищѣ.

Кіевъ также недавно дѣлалъ обѣдъ; но обѣдъ этотъ далеко не такъ веселъ, какъ петербургскій. Это обѣдъ грустный, обѣдъ, который онъ даетъ на прощанье съ бывшимъ попечителемъ своего учебнаго округа г. Пироговымъ, къ общему сожалѣнію, оставляющимъ въ настоящее время постъ свой. Въ немногіе годы, проведенные профессоромъ хирургіи въ званіи попечителя кіевскаго учебнаго округа, онъ успѣлъ сдѣлать много для нравственнаго развитія подвѣдомственныхъ ему учебныхъ заведеній, въ которыхъ, безъ сомнѣнія, надолго оставитъ о себѣ благодарныя воспоминанія. Грустно вспомнить, что этотъ самый человѣкъ, который покидаетъ теперь постъ свой, сопровождаемый всеобщимъ уваженіемъ, сожалѣніемъ и признательностью за сдѣланное имъ добро, что этотъ самый человѣкъ я, не далѣе, какъ годъ назадъ, былъ предметомъ оскорбительной статьи въ «Современникѣ» по поводу дѣйствій его на этомъ самомъ поприщѣ. Вы помните, что причиной ополченія «Современника» была статья въ «Журналѣ для воспитанія»: *Правила о проступкахъ и наказаніяхъ учениковъ гимназій кіевскаго учебнаго округа*, изданныя г. Пироговымъ, но составленныя цѣлымъ педагогическимъ комитетомъ, въ которомъ членами были помощникъ попечителя, директоры гимназій, инспекторъ казенныхъ училищъ округа и нѣкоторые профессоры и учители гим-

назій. «Современникъ» совершенно-справедливо возмущался, что этими правилами допущены были въ число наказаній въ гимназіяхъ розги, и возмущался тѣмъ болѣе, что это постыдное наказаніе допущено г. Пироговымъ, противъ его собственныхъ убѣжденій. Но авторъ статьи не потрудился обратить вниманіе, на то, что вопросъ о наказаніяхъ обсуживался въ комитетѣ коллегіально, что комитетъ этотъ составленъ былъ изъ людей, которымъ ни почемъ было въ-теченіе года изъ 600 учениковъ выдрать 290, изъ людей, изъ которыхъ, если не всѣ, то бо̀льшая часть не знали, не слыхали, не вѣрили, не допускали возможности воспитанія безъ розогъ; что, предавъ вопросъ обсужденію комитета, предсѣдатель этого комитета не могъ уже, не вправѣ былъ одной своею властью рѣшить вопросъ противъ если не всеобщаго, единогласнаго мнѣнія, то противъ мнѣнія значительнаго большинства, отстаивавшаго всею силою рутины и закоренѣлыхъ убѣжденій необходимость порки, невозможность служить безъ нея въ училищахъ и гимназіяхъ, и что г. Пирогову нужна была величайшая твердость и настойчивость, нужны были весь авторитетъ и энергія его, чтобъ обуздать произволъ и отстоять, для начала, хоть тѣ ограниченія въ употребленіи розогъ, которыя ему удалось сдѣлать. Что̀ будетъ съ нами, если честные дѣятели изъ-за того, что имъ невозможно вдругъ, всецѣло осуществить своихъ благородныхъ стремленій, покинутъ дѣло и удалятся съ поприща дѣйствительной дѣятельности, на которомъ, къ-сожалѣнію, они и безъ того долго не остаются. Слово?... конечно, сильный двигатель человѣчества, но взгляните въ исторію и вы убѣдитесь, что вовсе необлеченное въ плоть дѣла, оно безсильно противъ сплошной массы рутины и коснѣнія; и безъ того у насъ много людей слова, а мало людей дѣла...

Слово насъ подъѣло, слово—только слово.
А кругомъ на дѣлѣ нищета стремленій.
Страхъ живаго дѣла, шаткость убѣжденій.

Будемте же благодарны этимъ немногимъ людямъ, которые проводятъ это слово въ дѣйствительную практическую жизнь. Не торопитесь, не обращая вниманія на среду, въ которой они дѣйствуютъ, бросать въ нихъ камнемъ и грязью, если они съ болью въ сердцѣ принуждены бываютъ вырывать иногда у самихъ себя уступки для того, чтобъ спасти, чтобъ сдѣлать что-нибудь въ виду физической невозможности сдѣлать все *вдругъ*, съ-разу.

— Да полно тебѣ толковать о предметахъ, вызывающихъ на размышленіе! перебиваетъ меня Надрыгасовъ. — Чудакъ ей-богу! охота

же хлопотать о другихъ, когда, вонъ, тебя самого продёрнули въ пріятельскомъ журналѣ!

— Что ты?

— Право.

— И крѣпко?

— Да такъ-себѣ ничего. Бываетъ хуже, да рѣдко.

— Ну, ничего; меня-то можно, а вотъ такихъ людей, какъ Пироговъ, и грѣшно и неприлично. Немного нужно прозорливости, чтобъ понять, что если въ ихъ вѣдѣніи совершается что-нибудь безобразное, непохожее на нихъ, то нѣтъ, сомнѣнія, что они значительно умалили это безобразіе; и если оно все-таки проскользнуло, то единственно потому, что имъ не было возможности совершенно устранить его. Легко понять, что они упорно вели и ведутъ борьбу съ нимъ и слѣдуетъ поддержать ихъ къ этой борьбѣ, ратуя не противъ ихъ личности, а противъ самого безобразія.

— Все это такъ, снова прерываетъ меня Надрыгасовъ: — а все-таки я не подарилъ бы этому темному человѣку.

— Какому темному человѣку?

— Да вотъ, который ругнулъ тебя.

— Чудакъ ты этакій! Самъ же ты говоришь, что это темный человѣкъ, такъ чего жь ты хочешь отъ этой темени? Тутъ, братъ, дѣло извѣстное—все темно: и воззрѣнія и побужденія.

— А все бы хотѣлось знать, кто такой этотъ фёльстонный Репетиловъ, проповѣдующій о высокомъ значеніи фёльстона и увѣряющій, что только

Фёльетонъ есть вещь, а прочее — все гиль.

— Возьми книгу г. Хотинскаго «Разсказы о темныхъ предметахъ»: тамъ вѣрно найдешь и этотъ темный предметъ.

— Не трудись напрасно, я и безъ справки скажу тебѣ: вмѣшивается въ разговоръ дядя Василій Васильевичъ. Это родной племянникъ Ивана Яковлевича Курейши, московскаго пророка. Ты задѣлъ его дяденьку—ну, вотъ онъ тебѣ и отплачиваетъ. Эта темная семья ужасно дружна между собою. Да и подѣломъ тебѣ: не трогай такихъ почтенныхъ людей, какъ Иванъ Яковлевичъ. И что за охота, что за выгода?

— Да будто ужь непремѣнно надо все для выгодъ дѣлать?

— Отстань, братецъ, ты съ своимъ безкорыстіемъ! Право, даже тошно слушать, возразилъ Василій Васильевичъ. — Вонъ, недавно одинъ господинъ удралъ штуку... какъ бишь, его зовутъ?... Полтав-

цевъ, Ярославцевъ, Саратовцевъ — вотъ какъ-то такъ. Служилъ онъ гдѣ-то, ну, и оставилъ мѣсто; мѣсто-то было такое, что запасу на черный день сдѣлать нельзя; а, впрочемъ, это одинъ изъ такихъ господъ, которыхъ куда ни посади, хоть въ снабженія, хоть даже въ коммуникаціи, ничего не съумѣютъ запасти на черный день. Честностью какой-то сънзмалѣтства одержимы... Ну, вотъ, какъ мѣсто-то ушло, онъ и остался, что ракъ на мели; а тутъ еще семейство, нужда одолѣла: пришлось совсѣмъ-плохо. Общество для вспомоществованія нуждающимся вспомнило его и вознамѣрилось помочь. Ну, общество это, дѣло извѣстное, какъ всякое учрежденіе имѣетъ свои порядки. Пока общество собралось, пока обсудило, слѣдуетъ ли помочь человѣку, и навело справки, этотъ г. Херсонцевъ или Ярославцевъ—какъ его тамъ зовутъ, перебился кое-какъ и получилъ опять мѣсто. Въ это же время пришло и вспомоществованіе общества, рублей 300. Ну, г. Костромичеву или Черниговцеву... все не могу припомнить его фамиліи—принять бы эти 300 р., они, вѣрно, ему были нелишніе: не золотыя же, прости Господи, розсыпи онъ получилъ съ новымъ своимъ мѣстомъ — принять бы ихъ, говорю какъ требовало благоразуміе, да и поблагодарить чувствительнѣйше общество за помощь; а онъ, чудакъ этакій, взялъ да и препроводилъ ихъ обратно. «Благодарю покорно, говоритъ, теперь мнѣ особенной крайности не настоитъ; а есть люди, которые нуждаются болѣе меня, такъ эти деньги имъ пригодятся на голодный зубъ». Чортъ знаетъ, что такое! Ну, дѣлаютъ ли такъ благоразумные люди?

— Правда, для этого мало быть благоразумнымъ, а надо быть еще и благороднымъ человѣкомъ. (*)

И—Р—Ъ.

(*) Въ замѣткахъ моихъ въ прошломъ мѣсяцѣ на стр. 8, сверху въ послѣдней строкѣ стихотворенія, слѣдуетъ читать:

Проступки шалостью зовемъ.

Примѣч. праздношатающагося.

БОЛЬШІЯ НАДЕЖДЫ.

РОМАНЪ ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА.

I.

Фамилія отца моего была Пиррипъ, а имя, даное мнѣ при св. крещеніи, Филиппъ. Изъ этихъ-то двухъ именъ еще въ дѣтствѣ вывелъ я нѣчто среднее—Пипъ, похожее на то и на другое. Такъ-то назвалъ я себя Пипомъ да и пошелъ по бѣлому свѣту.—Пипъ да Пипъ, меня иначе и не звали.

Что отца моего дѣйствительно звали Пиррипомъ, въ этомъ я могу сослаться на двухъ свидѣтелей: надпись на его надгробномъ камнѣ и сестру мою, мистрисъ Джо Гарджири, вышедшую замужъ за кузнеца. Такъ-какъ я не помнилъ ни отца, ни матери и никогда не видалъ ихъ изображеній (они жили еще въ дофотографическую эпоху), то дѣтское воображеніе мое рисовало ихъ ǒбразы, безсмысленно и непосредственно руководствуясь одними только ихъ надгробными надписями. Очертаніе буквъ отцовской надгробной навело меня на странную мысль, что отецъ мой былъ плотный, приземистый и мрачный человѣкъ, съ курчавыми черными волосами. Почеркъ надписи: «Тожь Джорджіана, жена вышереченнаго» привелъ меня къ дѣтскому заключенію, что матушка моя была рябая и болѣзненная. Пять маленькихъ плитъ, по полутора фута длиною каждая, окружали могилу моихъ родителей и были посвящены памяти пяти маленькихъ братьевъ моихъ, умершихъ въ раннемъ возрастѣ, не испробовавъ силъ своихъ въ жизненной борьбѣ. Этимъ маленькимъ могилкамъ я обязанъ убѣжденімъ, религіозно мною хранимымъ, что всѣ они родились лежа на спинѣ, заложивъ руки въ карманы, и впродолженіе всей своей жизни никогда ихъ оттуда не вынимали.

Страна наша была болотистая и лежала вдоль рѣки, въ двадцати миляхъ отъ моря. Первое живое, глубокое впечатлѣніе... какъ-бы сказать, пробужденіе къ жизни дѣйствительной, сколько я помню, я ощутилъ въ одинъ мнѣ памятный, сырой и холодный вечеръ. Тогда я впервые вполнѣ убѣдился, что это холодное мѣсто, заросшее крапивой — кладбище; что здѣшняго прихода Филиппъ Пиррипъ и тожъ Джорджіана, жена вышереченнаго, умерли и похоронены; что Александръ, Варѳоломей, Абрамъ, Тобіасъ и Роджеръ, малолѣтныя дѣти вышереченныхъ, тоже умерли и похоронены; что мрачная, плоская степь за кладбищемъ, пересѣкаемая по всѣмъ направленіямъ плотинами и запрудами, съ пасущимся на ней скотомъ—болото; что темная свинцовая полоса, окаймлявшая болото—рѣка; что далекое, узкое логовище, гдѣ раждались вѣтры — море, и что маленькое существо, дрожащее отъ страха и холода и начинавшее хныкать—Пипъ.

— Перестань выть! раздался страшный голосъ и въ то же время изъ могилъ близь церковной паперти приподнялась человѣческая фигура.—Замолчи, чертёнокъ, не то шею сверну!

Страшно было смотрѣть на этого человѣка, въ грубомъ сѣромъ рубищѣ и съ колодкой на ногѣ. На головѣ у него, вмѣсто шляпы, была повязана старая тряпка, а на ногахъ шлёпали изодранные башмаки. Человѣкъ этотъ былъ насквозь-промокшій, весь забрызганъ грязью, обожженъ крапивой, изрѣзанъ камнями, изодранъ шиповникомъ; онъ шелъ прихрамывая, дрожалъ отъ холода, грозно сверкалъ глазами и сердито ворчалъ. Подойдя ко мнѣ, онъ схватилъ меня за подбородокъ, щелкая зубами.

— Ай! не убивайте меня, сэръ! упрашивалъ я, въ ужасѣ. — Ради Бога не убивайте меня, сэръ.

— Какъ тебя зовутъ? сказалъ человѣкъ:—живѣй!

— Пипъ, сэръ.

— Повтори-ка еще, сказалъ человѣкъ, пристально глядя на меня.— Не жалѣй глотки!

— Пипъ, Пипъ, сэръ.

— Говори: гдѣ живешь? сказалъ человѣкъ. — Укажи: въ какой сторонѣ?

Я указалъ на плоскій берегъ рѣки, гдѣ виднѣлась наша деревня, окруженная ольховой рощицей и подстриженными деревцами, въ разстояніи около мили отъ церкви.

Онъ поглядѣлъ на меня съ минуту, потомъ схватилъ меня, повернулъ кверху ногами и вытрясъ мои карманы. Въ нихъ ничего не оказалось, кромѣ ломтя хлѣба. Онъ такъ сильно и неожиданно опро-

вкинулъ меня, что въ глазахъ у меня зарябило, всѣ окружавшіе предметы завертѣлись и шпиль церкви пришелся, какъ-разъ, у меня между ногами. Когда церковь очутилась на прежнемъ мѣстѣ, я сидѣлъ на высокомъ камнѣ, дрожа отъ страха, а онъ жадно уничтожалъ мой хлѣбъ.

— Ахъ, ты, щенокъ! сказалъ онъ, облизываясь:—какія у тебя, братъ, жирныя щеки.

Я думаю, они дѣйствительно были жирны, хотя въ то время я былъ малъ не по лѣтамъ и некрѣпкаго сложенія.

— Чортъ возьми! отчего бы мнѣ ихъ не съѣсть? сказалъ страшный человѣкъ, грозно кивая головой:—да̀, я, кажется, это и сдѣлаю.

Я выразилъ искреннюю надежду, что онъ этого не сдѣлаетъ, и еще крѣпче ухватился за камень, на который онъ меня посадилъ, частью для того, чтобъ не упасть съ него, частью, чтобъ удержаться отъ слезъ.

— Ну, такъ слушай! крикнулъ онъ:—гдѣ твоя мать?

— Вотъ, здѣсь, сэръ, сказалъ я.

Онъ быстро взглянулъ въ ту сторону, отбѣжалъ немного, пріостановился и оглянулся.

— Вотъ, здѣсь, сэръ, несмѣло пояснилъ я: — «Тожъ Джорджіана». Это моя мать.

— А! сказалъ онъ, возвращаясь. — А это твой отецъ похороненъ возлѣ матери?

— Да̀, сэръ, сказалъ я:—онъ тоже былъ здѣшняго прихода.

— Гм! пробормоталъ онъ въ раздумьи. — У кого же ты живешь—можетъ-быть, я тебя оставлю въ живыхъ, на что̀ еще несовсѣмъ рѣшился?

— У сестры, сэръ, мистрисъ Джо Гарджери, жены кузнеца, Джо Гарджери, сэръ.

— Кузнеца, гм! сказалъ онъ и взглянулъ на свою ногу.

Мрачно посмотрѣвъ нѣсколько разъ то на меня, то на свою ногу, онъ еще ближе подошелъ ко мнѣ, схватилъ меня за обѣ руки и тряхнулъ изо всей силы. Глаза его были грозно устремлены на меня, а я безпомощными взорами молилъ его о пощадѣ.

— Ну, слушай, сказалъ онъ:—дѣло идетъ о томъ: оставаться тебѣ въ живыхъ или нѣтъ? Ты знаешь, что̀ такое напилокъ?

— Да̀, сэръ.

— Ну, и знаешь, что̀ такое съѣстное?

— Знаю, сэръ.

Послѣ каждаго вопроса онъ меня снова встряхивалъ, чтобъ дать

мнѣ болѣе почувствовать мое безпомощное положеніе и угрожавшую мнѣ опасность.

— Достань мнѣ напилокъ—и онъ тряхнулъ меня.—Достань мнѣ чего-нибудь поѣсть. И онъ тряхнулъ меня.—Принеси мнѣ то и другое. И онъ тряхнулъ меня. — Или я у тебя вырву сердце и печонку. Онъ опять тряхнулъ меня.

Я былъ въ ужасномъ страхѣ, голова кружилась; я припалъ къ нему обѣими руками и сказалъ:

— Если вы будете такъ добры, позвольте мнѣ стоять прямо, сэръ: меня не будетъ тошнить и я лучше васъ пойму.

Тутъ онъ меня кувырнулъ съ такой силою, что мнѣ показалось, будто церковь перепрыгнула черезъ свой же шпиль, потомъ приподнялъ меня за руки въ вертикальномъ положеніи надъ камнемъ, и продолжалъ:

— Завтра рано поутру ты принесешь мнѣ напилокъ и пищу. Все это ты принесешь туда, на старую батарею. Ты сдѣлаешь, какъ я тебѣ приказываю и никогда никому объ этомъ словечка не промолвишь; никогда не признаешься, что ты видѣлъ такого человѣка, какъ я, и тогда я оставлю тебя въ живыхъ. Если ты въ чемъ-нибудь меня не послушаешь, хоть на самую малость, твое сердце и печонку у тебя вырѣжутъ и съѣдятъ. Я тебѣ еще скажу, что я не одинъ, какъ ты, можетъ, это думаешь. У меня есть молодчикъ, передъ которымъ я ангелъ. Этотъ молодчикъ слышитъ все, что я тебѣ теперь говорю. У него есть особый секретъ, какъ добираться до мальчишки, до его сердца и печонки: напрасно мальчишка будетъ прятаться отъ этого молодчика. Напрасно мальчишка будетъ запирать дверь своей комнаты; ложась въ теплую постель, напрасно будетъ кутаться съ головой въ одѣяло: онъ будетъ думать, что онъ въ покоѣ и внѣ опасности—какъ бы ни такъ, мой молодчикъ потихоньку подползетъ, подкрадется—и тогда бѣда мальчишкѣ. Я теперь удерживаю этого молодчика, чтобъ онъ тебя не растерзалъ, и то съ трудомъ. Ну, что же ты скажешь на это?

Я отвѣчалъ, что я ему достану напилокъ и все, что съумѣю достать съѣстнаго, и все принесу на батарею рано утромъ на слѣдующій день.

— Ну, скажи: «убей меня Богъ!» сказалъ человѣкъ.

Я побожился и онъ снялъ меня съ камня.

— Ну, продолжалъ онъ:—такъ помни же, за что ты взялся, и не забывай моего молодчика. Отправляйся домой.

— По... покойной ночи, сэръ, сказалъ я дрожащимъ голосомъ.

— Очень-покойной, сказалъ онъ, окидывая взоромъ холодную и сырую равнину.—Будь я лягушкой или угремъ!

И, обхвативъ руками своедрожавщее отъ холода тѣло, словно опасаясь, чтобъ оно не развалилось, онъ поплелся прихрамывая, къ низкой церковной оградѣ. Я смотрѣлъ ему вслѣдъ. Онъ шелъ, пробираясь между крапивой и кустарникомъ, которыми заросла ограда; мнѣ казалось, будто онъ избѣгалъ мертвецовъ, которые высовывались изъ могилъ, стараясь ухватить его за пятку, чтобъ затащить къ себѣ.

Когда онъ добрался до низкой церковной ограды, онъ перелѣзъ черезъ нее, какъ человѣкъ, у котораго ноги были какъ палки, и потомъ еще разъ оглянулся на меня. Увидѣвъ, что онъ смотритъ на меня, я пустился бѣгомъ домой. Пробѣжавъ немного, я оглянулся: онъ продолжалъ идти къ рѣкѣ, поддерживая себя руками и пробираясь съ своей больной ногой между большими каменьями, набросанными здѣсь и тамъ по болоту, для удобства переходовъ, на случай большихъ дождей или прилива.

Болото показалось мнѣ длинной, черной полосой на горизонтѣ, когда я снова остановился и поглядѣлъ ему въ слѣдъ; рѣка являлась другою такою же полосою, только темнѣе и уже; небо представляло рядъ длинныхъ, багровыхъ и черныхъ, перемежавшихся полосъ. На берегу рѣки я только могъ различить два предмета, поднимавшихся надъ поверхностью земли: вѣху, поставленную рыбаками въ видѣ шеста, съ изломаннымъ боченкомъ наверху, очень-некрасивую штуку вблизи, и висѣлицу съ болтавшимися на ней цѣпями, на которой во время оно былъ повѣшенъ морской разбойникъ. Человѣкъ этотъ пробирался къ висѣлицѣ, какъ-будто онъ былъ тотъ самый разбойникъ, возставшій изъ мертвыхъ, чтобъ снова повѣситься. Эта мысль произвела на меня страшное впечатлѣніе; смотря на скотъ, который поднималъ головы и глядѣлъ ему вслѣдъ, я задавалъ себѣ вопросъ: «не-уже-ли и скотъ думаетъ то же?» Я осмотрѣлся во всѣ стороны, думая, не увижу ли гдѣ страшнаго молодчика, но не было и признаковъ его. Мнѣ опять стало страшно и я побѣжалъ безъ оглядки домой.

II.

Сестра моя, мистрисъ Джо Гарджери, была двадцатью годами старше меня; она составила себѣ огромную извѣстность во всемъ околоткѣ тѣмъ, что вскормила меня «рукою». Мнѣ самому приходилось добраться до смысла этого выраженія, и потому, зная, какъ она лю-

била тузить меня и Джо своею тяжелою рукою, я пришелъ къ тому убѣжденію, что мы оба съ Джо вскормлены рукою.

Сестра моя была некрасива собой, и я полагалъ, что, должно-быть, она и жениться на себѣ заставила Джо рукою. Джо былъ молодецъ мужчина, лицо его окаймляли пышные, бѣлокурые локоны, а неопредѣленно-голубой цвѣтъ его глазъ, казалось, сливался съ снѣжною бѣлизною бѣлка. Вообще, онъ былъ отличнаго нрава человѣкъ, добрый, кроткій, сговорчивой, простой, но, съ тѣмъ вмѣстѣ, прекрасный малый, нѣчто въ родѣ Геркулеса и по физической силѣ, и по нравственной слабости.

Сестра моя, брюнетка съ черными глазами и волосами, имѣла кожу до того красную, что я часто думалъ, не моется ли она, вмѣсто мыла, мускатнымъ орѣхомъ. Она была высока ростомъ, очень-костлява и почти-постоянно носила толстый передникъ, завязанный сзади; онъ кончался спереди жосткимъ нагрудникомъ, въ которомъ натыканы были иголки и булавки. Она считала высокою добродѣтелью носить этотъ передникъ, а Джо постоянно укоряла имъ. Я, однако, не вижу причины, почему ей необходимо было его носить, или, если ужь она его носила, то отчего не снимала его по цѣлымъ днямъ?

Кузница Джо примыкала къ нашему дому, деревянному, какъ большая часть домовъ въ нашей сторонѣ въ тѣ времена. Когда я прибѣжалъ домой съ кладбища, кузница была заперта и Джо сидѣлъ одинъ—одинехонекъ въ кухнѣ. Мы съ Джо одинаково страдали отъ ига моей сестры, и потому жили душа въ душу. Не успѣлъ я открыть двери, какъ Джо крикнулъ мнѣ:

— Мистрисъ Джо уже разъ двѣнадцать выходила тебя искать, Пипъ. Она и теперь затѣмъ же вышла.

— Не-уже-ли?

— Да́, Пипъ, сказалъ Джо:—и, что̀ хуже всего, она взяла съ собою хлопушку.

При этомъ страшномъ извѣстіи, я схватился за единственную пуговицу, оставшуюся на моей жилеткѣ, и вперилъ отчаянный взоръ на огонь. Хлопушкой мы называли камышъ, съ тоненькимъ навощеннымъ кончикомъ, совершенно-сглаженнымъ отъ частаго прикосновенія съ моимъ тѣломъ.

— Она садилась, продолжалъ Джо: — и снова вставала. Наконецъ, она вышла изъ себя и схватила хлопушку. Вотъ что̀! Джо медленно началъ мѣшать уголья ломомъ подъ нижнею перекладинкою.—Слышь, Пипъ, она вышла изъ себя.

— А давно она вышла, Джо? спросилъ я.

Съ Джо я обходился всегда, какъ съ большимъ ребенкомъ, равнымъ мнѣ во всѣхъ отношеніяхъ.

— Ну, сказалъ Джо, взглянувъ на старинные часы: — она вышла изъ себя, вотъ, ужь минутъ пять будетъ Пипъ. Слышь, она идетъ. Спрячься за дверь, старый дружище.

Я послушался его совѣта. Сестра моя, войдя, настежь распахнула дверь и, замѣтивъ, что она не отворяется какъ слѣдуетъ, тотчасъ же догадалась о причинѣ и, не говоря дурнаго слова, начала работать хлопушкою. Она кончила тѣмъ, что бросила меня на Джо, который радъ былъ всегда защитить меня, и потому, спокойно пихнувъ меня подъ навѣсъ камина, онъ заслонилъ меня своею огромною ногою.

— Гдѣ ты шатался, обезьяна ты этакая? кричала мистрисъ Джо, топая ногами.—Сейчасъ говори, что̀ ты дѣлалъ все это время. Вишь, вздумалъ пугать меня! А то смотри, я тебя вытащу изъ угла, будь тамъ съ полсотни Пиповъ и полтысячи Гарджери.

— Я только ходилъ на кадбище, сказалъ я, сидя на стулѣ и продолжая плакать и тереть рукою свое бѣдное тѣло.

— На кладбище! повторила сестра. — Еслибъ не я, давно бъ ты тамъ былъ. Кто тебя вскормилъ отъ руки — а?

— Вы, отвѣчалъ я.

— А зачѣмъ я это сдѣлала—а? воскликнула сестра.

— Не знаю, прохныкалъ я.

— И я не знаю, продолжала мистрисъ Джо. — Знаю только, что въ другой разъ этого не сдѣлаю. Справедливо могу сказать, что передника съ себя не снимала съ-тѣхъ-поръ, какъ ты родился. Довольно-скверно уже быть женою кузнеца (да еще Гарджери), а тутъ еще будь тебѣ матерью?

Разнородныя мысли толпились въ моей головѣ, пока я смотрѣлъ на огонь. Я начиналъ вспоминать и колодника на болотѣ, и таинственнаго молодчика, и обѣщаніе обокрасть тѣхъ, кто пріютилъ меня; мнѣ показалось, что даже красные угли смотрѣли на меня съ укоризною.

— А! сказала мистрисъ Джо, ставя на мѣсто орудіе пытки. — На кладбище, въ-самомъ-дѣлѣ! Конечно, кому, какъ не вамъ упоминать о кладбищѣ. (Хотя, замѣчу въ скобкахъ, Джо вовсе не упоминалъ о немъ.) Въ одинъ прекрасный день свезете меня на кладбище. Вотъ ужь будетъ парочка безъ меня!

Мистрисъ Джо начала приготовлять чай, а Джо нагнулся ко мнѣ и какъ-будто обсуждалъ, какую именно парочку мы бы составили при столь-несчастномъ обстоятельствѣ. Послѣ этого онъ молча расправ-

лялъ свои кудри и бакенбарды, слѣдя глазами за всѣми движеніями моей сестры, что̀ онъ всегда дѣлалъ въ подобныхъ случаяхъ.

Мистрисъ Джо имѣла извѣстную манеру приготовлять намъ хлѣбъ съ масломъ. Прежде всего она крѣпко прижимала хлѣбъ къ своему переднику, отчего часто булавки и иголки попадали въ хлѣбъ, а потомъ къ намъ въ ротъ. Потомъ она брала масло (неслишкомъ-много) и ножомъ намазывала его на хлѣбъ, словно приготовляя пластырь; живо дѣйствовала обѣими сторонами ножа и искусно обчищала корку отъ масла. Наконецъ, проведя послѣдній разъ ножомъ по пластырю, она отрѣзывала толстый ломоть хлѣба, дѣлила его пополамъ и давала каждому изъ насъ по куску. Хотя я былъ очень-голоденъ, но не смѣлъ ѣсть своей порціи: я чувствовалъ, что необходимо было запасти чего-нибудь съѣстнаго для моего страшнаго колодника. Я хорошо зналъ, какъ аккуратна и экономна въ хозяйствѣ мистрисъ Джо, и потому могло случиться, что я ничего не нашелъ бы украсть въ кладовой. На этомъ основаніи я рѣшился не ѣсть своего хлѣба съ масломъ, а спрятать его, сунувъ въ штаны.

Но рѣшиться на такое дѣло было не очень легко. Мнѣ казалось, что не труднѣе было бы рѣшиться спрыгнуть съ высокой башни, или кинуться въ море. Джо, незнавшій моей тайны, увеличивалъ еще тягость моего положенія. Какъ уже сказано, мы находились съ Джо въ самыхъ дружескихъ, почти братскихъ отношеніяхъ; такъ у насъ былъ обычай по вечерамъ ѣсть вмѣстѣ наши ломти хлѣба съ масломъ и, время отъ времени откусивъ кусокъ, сравнивать оставшіеся ломти, поощряя такимъ образомъ другъ друга къ дальнѣйшему состязанію. Въ этотъ памятный вечеръ Джо нѣсколько разъ приглашалъ меня начать наше обычное состязаніе, показывая мнѣ свой быстро-уничтожавшійся ломоть. Но я все сидѣлъ какъ вкопаный; на одномъ колѣнѣ у меня стояла кружка съ молокомъ, а на другомъ покоился мой неначатый ломоть. Наконецъ, я пришелъ къ тому убѣжденію, что если дѣлать дѣло, то лучше придать ему самый правдоподобный видъ. Я воспользовался минутой, когда Джо не смотрѣлъ на меня, и проворно опустилъ ломоть хлѣба съ масломъ въ штаны. Джо, повидимому, безпокоился обо мнѣ, думая, что у меня пропалъ аппетитъ; онъ кусалъ свой ломоть задумчиво и, казалось, безъ всякаго удовольствія. Необыкновенно-долго вертѣлъ онъ каждый кусокъ во рту, долго раздумывалъ и наконецъ глоталъ его, какъ пилюлю. Онъ готовился откусить еще кусочекъ и, наклонивъ голову на сторону, вымѣрялъ глазомъ сколько захватить зубами, когда вдругъ замѣтилъ, что мой ломоть исчезъ съ моего колѣна.

Джо такъ изумился и остолбенѣлъ, замѣтивъ это, что выраженіе его лица не могло не быть замѣченнымъ моею сестрою.

— Ну, что тамъ еще? рѣзко спросила она, ставя чашку на столъ.

— Послушай, бормоталъ Джо, качая головою, съ выраженіемъ серьёзнаго упрека: — Пипъ, старый дружище! ты себѣ этакъ повредишь. Онъ тамъ гдѣ-нибудь застрянетъ, смотри! Вѣдь, ты его не жевалъ, Пипъ!

— Ну, что тамъ еще у васъ? повторила моя сестра, еще рѣзче прежняго.

— Пипъ, попробуй-ка откашлянуться хорошенько. Я бы тебѣ это, право, совѣтовалъ, продолжалъ Джо съ ужасомъ. — Приличія, конечно, дѣло важное, но, вѣдь, здоровье-то важнѣе.

Сестра моя къ тому времени пришла въ совершенное неистовство; она бросилась на Джо, схватила его за бакенбарды и принялась колотить головою объ стѣну, между-тѣмъ, какъ я сидѣлъ въ уголку, сознавая, что я всему виною.

— Теперь, надѣюсь, ты объяснишь мнѣ въ чемъ дѣло, сказала она, запыхаясь:—чего глазѣешь-то, свинья набитая.

Джо бросилъ на нее безпомощный взглядъ, откусилъ хлѣба и взглянулъ на меня.

— Ты самъ знаешь, Пипъ, сказалъ онъ, дружественнымъ тономъ, съ послѣднимъ кускомъ за щекою и разговаривая, будто мы были наединѣ.—Мы, вѣдь, всегда были примѣрные друзья и я послѣдній сдѣлалъ бы тебѣ какую непріятность. Но, самъ посуди... и онъ подвинулся ко мнѣ съ своимъ стуломъ, взглянулъ на полъ, потомъ опять на меня:—самъ посуди, такой непомѣрный глотокъ...

— Опять сожралъ, не прожевавъ порядкомъ — а? отозвалась моя сестра.

— Я и самъ глоталъ большіе куски, когда былъ твоихъ лѣтъ, продолжалъ Джо, все еще съ кускомъ за щекою и не обращая вниманія на мистрисъ Джо: — и даже славился этимъ, но отродясь не видывалъ я такого глотка. Счастье еще, что ты живъ.

Сестра моя нырнула по направленію ко мнѣ и, поймавъ меня за волосы, произнесла страшныя для меня слова:

— Ну, иди, иди, лекарства дамъ.

Въ то время какой-то скотина-лекарь снова пустилъ въ ходъ дегтярную воду, и мистрисъ Гарджери всегда держала порядочный запасъ ея въ шкапу; она, кажется, вѣрила, что ея цѣлебныя свойства вполнѣ соотвѣтствовали противному вкусу. Мнѣ по малости задавали такой пріемъ этого прекраснаго подкрѣпительнаго средства, что

отъ меня несло дегтемъ, какъ отъ вновь-осмолёнаго забора. Въ настоящемъ, чрезвычайномъ случаѣ необходимо было задать мнѣ, по-крайней-мѣрѣ, пинту микстуры, и мистрисъ Джо влила ее мнѣ въ горло, держа мою голову подмышкою. Джо отдѣлался полупинтою. Судя по тому, что я чувствовалъ, вѣроятно, и его тошнило.

Страшно, когда на совѣсти взрослаго или ребенка лежитъ тяжкое бремя; но когда къ этому бремени присоединяется еще другое, въ штанахъ, оно становится невыносимо, чему я свидѣтель. Сознаніе, что я намѣренъ обворовать мистрисъ Джо — о самомъ Джо я не заботился, мнѣ и въ голову не приходило считать что-нибудь въ домѣ его собственностью—сознаніе, соединенное съ необходимостью постоянно держать руку въ штанахъ, чтобъ придерживать запрятанный кусокъ хлѣба съ масломъ, приводило меня почти въ отчаяніе. Всякій разъ, что вѣтеръ съ болота заставлялъ ярче разгораться пламя, мнѣ казалось, что я слышалъ подъ окнами голосъ человѣка съ кандалами на ногахъ, который клятвою обязалъ меня хранить тайну и объявлялъ мнѣ, что ненамѣренъ умирать съ голоду до завтра, и потому я долженъ накормить его. Иной разъ мною овладѣвала мысль: «а что, если тотъ молодчикъ, котораго съ такимъ трудомъ удерживали отъ моихъ внутренностей, слѣдуя природнымъ побужденіямъ, или ошибившись во времени, вдругъ вздумаетъ немедленно распорядиться моимъ сердцемъ и печонкою!» Если у кого волосы стояли когда дыбомъ, такъ ужь вѣрно у меня. Впрочемъ, я полагаю, что этого ни съ кѣмъ не случалось.

Былъ вечеръ подъ Рождество; мнѣ пришлось мѣшать пудингъ для завтрашняго дня, ровнёхонько отъ семи до восьми, по стѣннымъ часамъ. Я-было принялся за работу съ грузомъ въ штанахъ — что напомнило мнѣ тотчасъ объ инаго рода грузѣ у *него* на ногахъ — но, къ-несчастію, увидѣлъ, что ноша моя упрямо сползала къ щиколкѣ, при каждомъ движеніи. Наконецъ мнѣ удалось улизнуть въ свою конурку на чердакѣ и облегчить свое тѣло отъ излишка бремени, а душу отъ тяжкаго безпокойства.

— Слышь! воскликнулъ я, переставъ мѣшать и грѣясь передъ каминомъ, пока меня еще не погнали спать:—вѣдь это пушка, Джо?

— Ого! сказалъ Джо: — должно быть, еще однимъ колодникомъ меньше.

— Что это значитъ, Джо?

Мистрисъ Джо, которая бралась за объясненіе всего на свѣтѣ, сказала отрывисто: «убѣжалъ, убѣжалъ!» Она отпустила это опредѣленіе словно порцію дегтярной воды.

Когда мистрисъ Джо снова принялась за свое шитье, я осмѣлился, обращаясь къ Джо, выдѣлать своимъ ртомъ слова: «что̀ такое колодникъ»? Джо выдѣлалъ своимъ ртомъ какой-то замысловатый отвѣтъ, изъ котораго я разобралъ только послѣднее слово: «Пипъ».

— Вчера удралъ одинъ колодникъ, громко сказалъ Джо: — послѣ вечерняго выстрѣла, а теперь они, вѣрно, стрѣляютъ по другому.

— Кто стрѣляетъ? сказалъ я.

— Что за несносный мальчишка, вступилась моя сестра, взглянувъ на меня исподлобья, не поднимая головы съ работы:— съ своими безконечными вопросами! Много будешь знать—скоро посѣдѣешь. Меньше спрашивай, меньше врать будешь.

Эта выходка была несовсѣмъ-то учтива, даже въ-отношеніи къ ней самой, допуская предположеніе, что она сама не малая охотница до вранья, ибо бралась все объяснять.

Въ это время Джо еще болѣе подстрекнулъ мое любопытство, силясь всѣми средствами выдѣлать своимъ ртомъ что-то въ родѣ: «злой тонъ». Понявъ, что это относится къ изреченію мистрисъ Джо, я кивнулъ на нее головою и шепнулъ: «у нея?». Но Джо не хотѣлъ ничего слышать и продолжалъ разѣвать ротъ, стараясь выдѣлать какое-то чудное, непонятное для меня слово.

— Мистрисъ Джо, сказалъ я, прибѣгая къ крайнему средству: — мнѣ бы очень хотѣлось знать, съ вашего позволенія, откуда стрѣляютъ?

— Богъ съ нимъ, съ этимъ мальчишкой! воскликнула сестра съ выраженіемъ, какъ-будто желала мнѣ совершенно противнаго. — Съ понтона.

— Ого! воскликнулъ я, глядя на Джо:—съ понтона.

Джо укоризненно закашлялъ, будто желая тѣмъ сказать: «не то же ли я говорилъ?»

— А позвольте, что̀ такое понтонъ? спросилъ я.

— Ну, я напередъ знала, съ нимъ всегда такъ, съ этимъ мальчишкой! воскликнула моя сестра, тыкая на меня иголкой и кивая головою. — Отвѣтъ ему на одинъ вопросъ, онъ задастъ вамъ еще двадцать.—Понтоны—это тюремные корабли, что̀ тамъ, за болотами.

— Я все же въ толкъ не возьму, кого туда сажаютъ и зачѣмъ? сказалъ я съ тихимъ отчаяніемъ, не обращаясь ни къ кому въ-особенности.

Я, какъ видно, пересолилъ: мистрисъ Джо тотчасъ вскочила.

— Я тебѣ скажу одно, вскричала она:—я тебя не для того вскормила отъ руки, чтобъ ты надоѣдалъ людямъ до смерти. Тогда бы

этотъ подвигъ былъ мнѣ не къ чести, а напротивъ. На понтоны сажаютъ людей за то, что они убиваютъ, крадутъ, мошенничаютъ и дѣлаютъ всякаго рода зло; а начинаютъ всѣ они съ разспросовъ. Ну, теперь убирайся спать.

Мнѣ никогда не позволяли идти спать со свѣчею. У меня голова шла кругомъ, пока я всходилъ по лѣстницѣ, ибо наперстокъ мистрисъ Джо акомпанировалъ послѣднія слова, выбивая тактъ на моей головѣ. Мысль, что мнѣ написано на роду, рано или поздно, попасть на понтонъ, казалась мнѣ несомнѣнною. Я былъ на прямой дорогѣ туда: весь вечеръ я разспрашивалъ мистрисъ Джо, а теперь готовился обокрасть ее.

Съ-тѣхъ-поръ, я часто размышлялъ о томъ, какъ сильно дѣйствуетъ страхъ на дѣтей, что̀ бъ его ни породило, хотя бы самая безсмысленная причина. Я смерть какъ боялся молодчика, что̀ добирался до моего сердца и печонки; я смерть какъ боялся своего собесѣдника съ закованною ногою; я смерть какъ боялся самого себя послѣ того, какъ далъ роковое обѣщаніе; я не могъ надѣяться на помощь со стороны сильной сестры, которая умѣла лишь отталкивать меня на каждомъ шагу. Страшно подумать, на что̀ бъ я не рѣшился подъ вліяніемъ подобнаго страха.

Если я и засыпалъ въ эту ночь, то лишь для того, чтобъ видѣть во снѣ, какъ весеннимъ теченіемъ меня несло по рѣкѣ къ понтону; призракъ морскаго разбойника кричалъ мнѣ въ трубу, пока я проносился мимо висѣлицы, чтобъ я лучше остановился и далъ себя разомъ повѣсить, чѣмъ откладывать исполненіе неминуемой судьбы своей. Я боялся крѣпко заснуть, еслибъ и могъ, потому-что съ раннею зарею я долженъ былъ обокрасть кладовую. Ночью я сдѣлать этого не могъ: въ тѣ времена нельзя было добыть огня спичками, и мнѣ пришлось бы высѣкать огонь изъ огнива и надѣлать шуму, не менѣе самого разбойника, гремѣвшаго цѣпями.

Какъ скоро черная, бархатная завѣска за моимъ окномъ получила сѣрый оттѣнокъ, я сошелъ внизъ. Каждая доска по дорогѣ и каждая скважина въ доскѣ кричала вслѣдъ за мною: «Стой, воръ! Вставай, мистрисъ Джо!» Въ кладовой, очень-богатой всякаго рода припасами, благодаря праздникамъ, меня сильно перепугалъ заяцъ, повѣшанный за лапы: мнѣ почудилось, что онъ мигнулъ мнѣ при входѣ моемъ въ кладовую. Но не время было увѣриться въ этомъ; не время было сдѣлать строгій выборъ; не было времени ни на что, нельзя было терять ни минуты. Я укралъ хлѣба, кусокъ сыру, съ полгоршка начинки и завязалъ все это въ свой носовой платокъ, вмѣстѣ съ вчераш-

нимъ ломтемъ хлѣба съ масломъ; потомъ я налилъ водки изъ каменной бутылки въ стклянку, доливъ бутыль изъ первой попавшейся кружки, стоявшей на шкапу. Кромѣ-того, я стащилъ еще какую-то почти-обглоданную кость и плотный, круглый пирогъ, со свининой. Я-было собрался уйти безъ пирога, когда замѣтилъ въ углу, на верхней полкѣ что-то спрятанное въ каменной чашкѣ; я влѣзъ на стулъ и увидѣлъ пирогъ; въ надеждѣ, что пропажа его не скоро обнаружится, я и его захватилъ съ собою.

Изъ кухни дверь вела въ кузницу; я снялъ запоръ, отперъ ее, вошелъ въ кузницу и выбралъ напилокъ между инструментами Джо; потомъ я заперъ дверь попрежнему, отворилъ наружную дверь и пустился бѣжать къ болотамъ.

III.

Утро было сырое, туманное; окно мое вспотѣло и капли воды струились по немъ, будто лѣшій проплакалъ тамъ всю ночь и оросилъ его слезами. Сырость виднѣлась вездѣ на голыхъ плетняхъ, и на скудной травѣ, раскинувшись, какъ паутина, отъ одного сучка къ другому, отъ одной былинки къ другой. Все было мокро, и заборы и ворота, а туманъ стоялъ такой густой, что я издали даже не замѣтилъ указательнаго перста на столбѣ, направлявшаго путешественниковъ въ наше село (хотя, надо замѣтить мимоходомъ, они никогда не слѣдовали этому указанію и не заходили къ намъ). Когда я подошелъ ближе и взглянулъ на него, вода съ него стекала на землю капля за каплею, и моей нечистой совѣсти онъ показался какимъ-то привидѣніемъ, обрекавшимъ меня заключенію на пантонѣ. Туманъ сдѣлался еще гуще, когда я пошелъ по самому болоту; не я уже бѣжалъ на предметы, а предметы, казалось бѣжали на меня. Это было очень-непріятно для нечистой совѣсти. Шлюзы, рвы, насыпи какъ-бы бросались на меня изъ тумана и кричали: «Стой! мальчишка укралъ чужой пирогъ, держи его!» Такъ же неожиданно я столкнулся и съ цѣлымъ стадомъ, вылупившимъ на меня глаза и испускавшимъ паръ изъ ноздрей; и стадо кричало: «Эй, воришка!» Одинъ черный быкъ, въ бѣломъ галстухѣ, напоминавшій мнѣ пастора, такъ упрямо сталъ смотрѣть на меня и такъ неодобрительно моталъ головою, что я не вытерпѣлъ и завопилъ:

— Я не могъ этого не сдѣлать, сэръ. Я, вѣдь, взялъ не для себя».

Въ отвѣтъ на мои слова, онъ опустилъ голову, выпустилъ изъ ноздрей цѣлое облако пару и скрылся, лягая задними ногами и виляя хвостомъ. Все это время я шелъ по направленію къ рѣкѣ, но какъ

ни скоро я шагалъ, я никакъ не могъ согрѣть ногъ; холодъ, казалось, такъ же крѣпко ихъ охватывалъ, какъ колодка ноги моего вчерашняго незнакомца. Я очень-хорошо зналъ дорогу на батарею; мы съ Джо одно воскресенье ходили туда и Джо тогда сказалъ мнѣ, сидя на старомъ орудіи, что когда я сдѣлаюсь его ученикомъ, мы часто будемъ удирать туда. Несмотря на то, благодаря непроницаемой мглѣ тумана, я взялъ гораздо-правѣе, чѣмъ слѣдовало, и мнѣ потому пришлось идти назадъ по берегу рѣки, по каменьямъ, разбросаннымъ посреди непроходимой грязи, и вѣховъ, означавшихъ предѣлы разлитія рѣки во время прилива. Я почти бѣжалъ. Перескочивъ черезъ каналъ, который, я зналъ, находился близь батареи, и вскарабкавшись на противоположную сторону, я неожиданно увидѣлъ моего колодника, сидѣвшаго ко мнѣ спиной; руки его были сложены на груди, а голова моталась то въ одну, то въ другую сторону; ясно было, что онъ спалъ. Я думалъ, онъ болѣе обрадуется, если я неожиданно явлюсь къ нему съ завтракомъ, и потому, подойдя сзади, я тихонько тронулъ его за плечо. Онъ въ то же мгновеніе вскочилъ, но то былъ не мой колодникъ. Онъ, однакожь, очень походилъ на моего незнакомца: то же сѣрое платье, та же колодка на ногахъ, онъ такъ же хромалъ и дрожалъ отъ холода; одна только была разница между ними: лицо его было другое и на головѣ плоская, съ большими полями, поярковая шляпа. Все это замѣтилъ я въ одно мгновеніе, ибо онъ ругнулъ меня, хотѣлъ побить, но поскользнулся, чуть не упалъ, и пустился бѣжать, спотыкаясь на каждомъ шагу. Вскорѣ туманъ скрылъ его отъ моихъ глазъ.

«Вѣрно это молодчикъ!» думалъ я и сердце у меня забилось. Я увѣренъ, что почувствовалъ бы боль и въ печонкѣ, еслибъ только зналъ, гдѣ она находится. Вскорѣ я добрался до батареи и увидѣлъ моего настоящаго колодника: онъ ковылялъ взадъ и впередъ по батареѣ, обхвативъ свое тѣло руками, точно онъ всю ночь провелъ въ этомъ положеніи, поджидая меня. Онъ страшно дрожалъ отъ холода. Я ожидалъ, что вотъ онъ упадетъ къ моимъ ногамъ и окоченѣетъ на вѣки. Глаза его поражали выраженіемъ какого-то отчаяннаго голода; передавая ему напилокъ, я подумалъ, что онъ вѣрно принялся бы его грызть, еслибъ не видѣлъ моего узелка. Онъ не повернулъ меня теперь ногами кверху, какъ въ первый разъ, а далъ на свободѣ развязать узелокъ и опорознить карманы.

— Что̀ въ бутылкѣ? спросилъ мой пріятель.

— Водка, отвѣчалъ я.

Онъ уже набивалъ себѣ глотку начинкою; процесъ этотъ болѣе походилъ на поспѣшное прятанье, чѣмъ на ѣду. Онъ на минуту оста-

новился, однако, чтобъ хлебнуть изъ бутылки. Онъ такъ сильно дрожалъ всѣмъ тѣломъ, что я боялся, чтобъ онъ не откусилъ горлышка у бутылки.

— Вѣрно у васъ лихорадка, сказалъ я.

— Я самъ то же думаю, мальчикъ, отвѣчалъ онъ.

— Тутъ нехорошо, продолжалъ я.—Вы лежали на болотѣ, а вѣдь, отъ этого легко получить лихорадку и ломоту.

— Я прежде покончу этотъ завтракъ, чѣмъ смерть покончитъ со мною, сказалъ онъ.—Я все-таки его кончу, еслибъ мнѣ даже слѣдовало тотчасъ затѣмъ идти на галеры. Я до конца завтрака поборю свою дрожь, не бойся.

Во все это время, онъ съ неимовѣрною скоростью глоталъ и начинку, и куски мяса, и хлѣбъ, и сыръ, и пирогъ со свининой. Онъ глядѣлъ на меня во время этой работы недовѣрчиво; озираясь боязливо по сторонамъ и, вперяя взглядъ въ туманъ, онъ часто останавливался и прислушивался. Всякій звукъ, плескъ рѣки, мычаніе стада— все заставляло его вздрагивать. Наконецъ онъ воскликнулъ:

— Ты меня не надуваешь, чертёнокъ? Ты никого не привелъ съ собою?

— Нѣтъ, никого, сэръ.

— И никому не велѣлъ за собою идти?

— Никому.

— Ну, хорошо, возразилъ онъ:—я тебѣ вѣрю. И то сказать, хорошъ бы ты былъ щенокъ, еслибъ въ твои годы помогалъ бы ловить такую несчастную тварь, какъ я.

При этомъ что-то зазвенѣло въ его горлѣ, точно тамъ находились часы съ боемъ, и онъ потеръ глаза своимъ толстымъ рукавомъ.

Сожалѣя о его судьбѣ, я со вниманіемъ наблюдалъ, какъ онъ, съѣвъ все, что я принесъ, накинулся наконецъ на пирогъ со свининой.

— Очень-радъ, что пирогъ вамъ нравится, замѣтилъ я, собравшись съ силами.

— Что ты сказалъ?

— Я сказалъ только, что очень-радъ, что вамъ понравится пирогъ.

— Спасибо, мальчикъ. Правда, онъ мнѣ очень нравится.

Часто я наблюдалъ, какъ ѣла наша большая собака, и теперь замѣтилъ, что мой каторжникъ ѣлъ точь-въ-точь, какъ она. Онъ ѣлъ урывками, хватая большими кусками, и глоталъ черезчуръ-скоро и поспѣшно. Во время ѣды онъ косился во всѣ стороны, какъ-бы

боясь, что у него отнимутъ его пирогъ. Вообще, онъ былъ слишкомъ разстроенъ, чтобъ вполнѣ наслаждаться обѣдомъ или позволить кому-нибудь раздѣлить его, не оскаливъ на него зубы. Всѣми этими чертами мой незнакомецъ очень походилъ на нашу собаку.

— Я боюсь, вы ничего ему не оставите, сказалъ я робко, послѣ долгаго молчанія, въ продолженіе котораго я размышлялъ: прилично ли мнѣ сдѣлать это замѣчаніе. — Болѣе я ничего не могу достать. (Увѣренность въ послѣднемъ обстоятельствѣ и побудила меня говорить).

— Оставить для него? Да кто же это онъ? воскликнулъ мой пріятель, на минуту переставая грызть корку пирога.

— Молодчикъ, о которомъ вы говорили, который спрятанъ у васъ.

— А! отвѣчалъ онъ со смѣхомъ.—Онъ, да, да! онъ не нуждается въ пищѣ.

— А мнѣ показалось, что ему очень хотѣлось ѣсть.

Мой пріятель остановился и взглянулъ на меня подозрительно и съ величайшимъ удивленіемъ.

— Ты его видѣлъ? Когда?

— Только-что.

— Гдѣ?

— Вонъ тамъ, отвѣчалъ я, показывая пальцемъ: — я нашелъ его спящимъ и подумалъ, что это вы.

Онъ схватилъ меня за шиворотъ и такъ пристально смотрѣлъ мнѣ въ глаза, что я началъ бояться, что ему пришла опять въ голову мысль свернуть мнѣ горло.

— Онъ, знаете, одѣтъ какъ вы, только на головѣ шляпа, объяснилъ я, дрожа всѣмъ тѣломъ: — и... и... я старался выразить это какъ-можно-деликатнѣе:—и онъ также нуждается въ напилкѣ. Развѣ вы не слыхали пальбу прошлую ночь?

— Такъ дѣйствительно палили, сказалъ онъ самъ себѣ.

— Я удивляюсь, продолжалъ я, какъ вы не слыхали, казалось, кому бы лучше это знать, какъ не вамъ. Мы слышали пальбу дома, съ запертыми дверьми, а мы живемъ далеко отсюда.

— Ну, сказалъ онъ:—когда человѣкъ одинъ на болотѣ, съ пустой головой, съ пустымъ желудкомъ, умираетъ съ голода и холода, то онъ, право, всю ночь только и слышитъ, что пальбу пушекъ и клики своихъ преслѣдователей! Онъ слышитъ... ему грезятся солдаты въ красныхъ мундирахъ съ факелами, подступающіе со всѣхъ сторонъ. Ему слышится, какъ его окликаютъ, слышится стукъ ружей и команда: «стройся! на караулъ! бери его!» А въ-сущности все это призракъ. Я,

прошлую ночь, не одну видѣлъ команду, окружавшую меня, а сотни, чортъ ихъ побери! А пальба. Уже свѣтало, а мнѣ все казалось, что туманъ дрожалъ отъ пушечныхъ выстрѣловъ... Но этотъ человѣкъ, воскликнулъ онъ, обращаясь ко мнѣ—все это время онъ, казалось, говорилъ самъ съ собою, забывъ о моемъ присутствіи: — замѣтилъ ты въ немъ что особеннаго?

— Лицо у него все въ ранахъ, отвѣчалъ я, припоминая то, что̀ едва-едва успѣлъ замѣтить въ незнакомомъ молодчикѣ.

— Здѣсь? воскликнулъ мой пріятель, изо всей силы ударивъ себя по лѣвой щекѣ.

— Да.

— Гдѣ онъ? и при этихъ словахъ онъ засунулъ остававшіяся крохи пирога себѣ за пазуху:—покажи, куда онъ пошелъ. Я его выищу не хуже гончей, и доканаю. Только вотъ проклятая колодка! Да и нога вся въ ранахъ! Давай скорѣй напилокъ, мальчикъ!

Я показалъ, по какому направленію скрылся въ туманѣ незнакомецъ. Мой пріятель только поспѣшно взглянулъ въ ту сторону, тотчасъ же кинулся на мокрую траву и сталъ, какъ сумасшедшій, отчаянно пилить цѣпь на ногѣ. Онъ не обращалъ вниманія ни на меня, ни на свою бѣдную, окровавленную ногу; несмотря на то, что на ней виднѣлась страшная рана, онъ перевертывалъ ее такъ грубо, какъ-будто она была столь ее безчувственна, какъ напилокъ. Я начиналъ опять бояться его, видя, какъ онъ бѣснуется, къ тому же, я боялся опоздать домой. Я сказалъ ему, что мнѣ нужно идти домой, но онъ не обратилъ на меня вниманія, и я почелъ за лучшее удалиться. Послѣдній разъ, когда я обернулся посмотрѣть на моего пріятеля, онъ сидѣлъ на травѣ съ поникшей головой, и безъ устали пилилъ колодку, проклиная по временамъ ее и свою ногу. Послѣдній звукъ, долетѣвшій до меня съ батареи, былъ все тотъ же тревожный визгъ напилка.

IV.

Я вполнѣ былъ увѣренъ, что въ кухнѣ найду полицейскаго, пришедшаго за мною; но не только тамъ не оказалось никакого полицейскаго, но даже не открыли еще моего воровства. Мистрисъ Джо суетилась, убирая все въ домѣ къ праздничному банкету, а Джо сидѣлъ на ступенькѣ у кухонной двери; его туда выпроводили, чтобъ онъ не попалъ въ сорную корзину, что̀ всегда съ нимъ случалось, когда сестра моя принималась чистить наши полы.

— А гдѣ ты чертёнокъ шатался? сказала мнѣ сестра, вмѣсто рождественскаго привѣтствія, когда я, съ своей нечистой совѣстью, предсталъ предъ нею.

Я отвѣчалъ: «что ходилъ слушать, какъ Христа славятъ».

— А, хорошо! сказала мистрисъ Джо.—Ты бы, пожалуй, могъ дѣлать что и похуже.

Я вполнѣ былъ съ этимъ согласенъ.

— Еслибъ я не была женою кузнеца и, что то же самое, работницею, никогда неснимающею съ себя передника, то и я бы пошла послушать, какъ Христа славятъ. Смерть люблю, вѣрно потому никогда и не удастся послушать.

Джо, между-тѣмъ, увидѣвъ, что сорная корзинка удалилась, взошелъ въ кухню. Когда, по-временамъ, мистрисъ Джо взглядывала на него, онъ проводилъ по носу рукою самымъ примирительнымъ образомъ; когда же она отвертывалась, онъ таинственно скрещивалъ указательные пальцы: это былъ условный знакъ между нами, что мистрисъ Джо не въ духѣ. Подобное состояніе было столь ей свойственно, что мы по цѣлымъ недѣлямъ напоминали собою, то-есть своими скрещенными пальцами, статуи крестоносцевъ, съ скрещенными ногами. У насъ готовился важный банкетъ: маринованный окорокъ, блюдо зелени и пара жареныхъ куръ. Вчера уже спекли приличный *минсъ-пай* (*) (поэтому и начинки до-сихъ-поръ не хватились), а пуддингъ уже исправно варился. Всѣ эти многостороннія заботы моей сестры были причиною того, что мы остались почти безъ завтрака. «Ибо я вовсе не намѣрена (говорила мистрисъ Джо) вамъ позволить теперь нажраться, а потомъ прибирать за вами: у меня и то слишкомъ-много дѣла».

Вслѣдствіе этого намъ подали наши ломти хлѣба такъ, какъ-будто мы были цѣлый полкъ на походѣ, а не два человѣка, и то у себя дома. Запивали мы молокомъ, пополамъ съ водою, изъ кружки, стоявшей на кухонномъ столѣ. Между-тѣмъ, мистрисъ Джо повѣсила чистыя, бѣлыя занавѣски, и на огромномъ каминѣ замѣнила старую оборку новою, разноцвѣтною. Потомъ она сняла всѣ чехлы съ мёбели въ гостиной, черезъ корридоръ. Это дѣлалось только разъ въ годъ, а въ остальное время все въ этой комнатѣ было покрыто прозрачной мглой серебристой бумаги, покрывавшей почти всѣ предметы въ комнатѣ, даже до фаянсовыхъ пуделей на каминѣ, съ черными носами и корзинками цвѣтовъ въ зубахъ. Миссъ Джо была очень-опрятная хо-

(*) Пироги, которые ѣдятъ въ Англіи на Рождество.

зяйка, но она имѣла какое-то искусство дѣлать свою опрятность гораздо-непріятнѣе самой грязи. Опрятность въ этомъ случаѣ можно сравнить съ набожностью нѣкоторыхъ людей, одаренныхъ искусствомъ дѣлать свою религію столь же непріятною.

Сестра моя въ этотъ день, по причинѣ огромныхъ занятій, должна была присутствовать въ церкви только въ лицѣ своихъ представителей, то-есть мы съ Джо отправились вмѣсто нея. Джо въ своемъ обыкновенномъ рабочемъ платьѣ походилъ на настоящаго плечистаго кузнеца; въ праздничномъ же одѣяніи, онъ болѣе всего походилъ на разряженное огородное пугало. Все было ему не въ пору и, казалось, сшито для другаго; все висѣло на немъ неуклюжими складками. Теперь, когда онъ явился изъ своей комнаты, въ полномъ праздничномъ нарядѣ, его можно было принять за олицетвореніе злосчастнаго мученика. Что же касается меня, то, вѣрно, сестра считала меня юнымъ преступникомъ, котораго полицейскій акушеръ въ день моего рожденія передалъ ей, для поступленія со мной по всей строгости закона. Со мною всегда обходились такъ, какъ-будто я настоялъ на томъ, чтобъ явиться на свѣтъ, вопреки всѣмъ законамъ разума, религіи, нравственности, и наперекоръ всѣмъ друзьямъ дома. Даже, когда мнѣ заказывалось новое платье, то портному приказывалось дѣлать его въ родѣ исправительной рубашки, чтобъ отнять у меня всякую возможность свободно дѣйствовать руками и ногами.

На основаніи всего этого, наше шествіе съ Джо въ церковь было, вѣрно, очень-трогательнымъ зрѣлищемъ для чувствительныхъ сердецъ. Однако, мои внѣшнія страданія были ничто въ сравненіи съ внутренними. Страхъ, овладѣвавшій мною каждый разъ, когда мистрисъ Джо выходила изъ комнаты и приближалась къ кладовой, могъ только сравниться съ угрызеніями моей совѣсти. Подъ тяжестью преступной тайны, я теперь размышлялъ: «не будетъ ли церковь въ состояніи укрыть меня отъ мщенія ужаснаго молодчика, еслибъ я покаялся ей въ своей тайнѣ». Мнѣ вошла въ голову мысль встать, когда начнутъ окликать и пасторъ скажетъ: «Объявите теперь, что знаете», и попросить пастора на пару словъ въ ризницу. Я, пожалуй, въ-самомъ-дѣлѣ удивилъ бы подобной выходкой нашихъ скромныхъ прихожанъ; но къ-несчастью, нельзя было прибѣгнуть къ столь рѣшительной мѣрѣ, ибо было Рождество и никого не окликали.

У насъ должны были обѣдать мистеръ Уопсель, дьячокъ нашей церкви, мистеръ Гибль, колесный мастеръ, съ женою, и дядя Пембельчукъ (онъ былъ собственно дядею Джо, но мистрисъ Джо совер-

шенно присвоила его себѣ), довольно-зажиточный торговецъ зерномъ въ ближнемъ городѣ, ѣздившій въ своей собственной одноколкѣ.

Обѣдали мы въ половинѣ втораго. Когда мы съ Джо воротились домой, столъ уже былъ накрытъ, мистрисъ Джо одѣта и кушанье почти готово. Парадная дверь была отперта, чего въ обыкновенное время не случалось; вообще, все было чрезвычайно-парадно. О воровствѣ не было и слуху. Время шло, но мнѣ отъ этого легче не было. Наконецъ собрались и гости. Мистеръ Уопсель имѣлъ огромный римскій носъ и большой, высокій, гладкій лобъ; онъ особенно гордился своимъ густымъ басомъ, и дѣйствительно, его знакомые знали, что дай только ему случай, онъ зачитаетъ до смерти и самого пастора. Онъ самъ сознавался, что будь только духовное поприще открыто для всѣхъ, то онъ, конечно бы, отличился на немъ; но такъ-какъ духовное поприще не было для всѣхъ открыто, то онъ былъ, какъ сказано, только дьячкомъ въ нашей церкви. Мистеръ Уопсель за то провозглашалъ «аминь» страшнымъ голосомъ и, называя псаломъ, всегда произносилъ весь первый стихъ и обводилъ взглядомъ всѣхъ прихожанъ, какъ-бы говоря: «вы слышали моего друга, что̀ надо мною, а теперь скажите, какое ваше мнѣніе о моемъ голосѣ?»

Я отворялъ дверь гостямъ, показывая видъ, что она у насъ всегда открыта. Сперва я впустилъ мистера Уопселя, потомъ мистера и мистрисъ Гибль и наконецъ дядю Пёмбельчука.

NB. Мнѣ, подъ страхомъ наказанія, запрещено было называть его дядей.

Дядя Пёмбельчукъ былъ человѣкъ дородный, страдалъ одышкой, имѣлъ огромный ротъ, какъ у рыбы, и волосы песочнаго цвѣта, стоявшіе торчмя; вообще, онъ, казалось, только-что подавился и не успѣлъ еще придти въ себя.

— Мистрисъ Джо, сказалъ онъ, входя:—я вамъ принесъ, сударыня, бутылочку хересу и принесъ бутылочку портвейна, сударыня.

Каждое Рождество онъ являлся подобнымъ образомъ, съ тѣми же словами и тѣми же бутылками. Каждое Рождество мистрисъ Джо отвѣчала.

— О, дя-дя Пём-бель-чукъ, какъ это мило! И каждое Рождество онъ отвѣчалъ: — «Вы вполнѣ заслуживаете это своими прекрасными качествами. Какъ вы поживаете? Ты какъ, мѣдный грошъ? (подъ этими словами онъ разумѣлъ меня). Въ подобные торжественные случаи мы всегда обѣдали въ кухнѣ, а десертъ, то-есть орѣхи, апельсины и яблоки доѣдали въ гостиной. Эта перемѣна одной комнаты на другую очень походила на перемѣну будничнаго платья Джо на празд-

ничное. Сестра моя была что-то особенно-весела; впрочемъ, она вообще была весела и любезна въ обществѣ мистрисъ Гибль. Мистрисъ Гибль, сколько я помню, была молоденькая фигурка, съ вострыми чертами и въ лазуревомъ платьѣ; она держала себя какъ-то очень-скромно и по-дѣтски; причиной тому, говорятъ, было ея очень-раннее замужство, хотя съ-тѣхъ-поръ и прошло не малое число лѣтъ. Мистеръ Гибль былъ плечистый, полный мужчина; отъ него несло всегда запахомъ свѣжихъ опилокъ и, шагая, онъ такъ широко разставлялъ ноги, что я, ребенкомъ, всегда видѣлъ окрестности на нѣсколько миль въ промежуткѣ между его ногами.

Въ подобномъ обществѣ мнѣ было бы неловко, даже и въ нормальномъ моемъ положеніи, даже еслибъ я не обокралъ кладовой. Мнѣ было непріятно не то, что меня посадили на самый кончикъ стола, гдѣ уголъ его постоянно давилъ меня въ грудь, а локоть Пёмбельчука грозилъ ежеминутно выколоть мнѣ глазъ; меня терзало не то, что мнѣ не позволяли говорить — я этого и самъ-то не желалъ—и не то, что угощали меня голыми куриными костями и самыми сомнительными кусочками ветчины, которыми свинья, при ея жизни, вѣроятно, менѣе всего гордилась—нѣтъ, я бы на все это и не обратилъ вниманія, еслибъ только меня оставили въ покоѣ. Но этого-то я и не могъ добиться. Они не упускали ни одного случая заговорить обо мнѣ и колоть меня своими замѣчаніями. Я почти походилъ на несчастнаго быка на испанской аренѣ—такъ метко они меня поражали своими нравственными стрекалами. Мое мученье началось съ самаго начала обѣда. Мистеръ Уопсель прочелъ молитву съ театральною торжественностью, напоминавшею и привидѣніе въ Гамлетѣ, и Ричарда III. Онъ кончилъ словами, что всѣ мы должны быть безконечно-благодарны. При этихъ словахъ сестра моя посмотрѣла на меня пристально и сказала съ упрекомъ: «Слышишь? будь благодаренъ!» «Особливо (подхватилъ Пёмбельчукъ) будь благодаренъ, мальчикъ, тѣмъ, кто вскормилъ тебя отъ руки». Мистрисъ Гибль покачала головой и, смотря на меня съ какимъ-то печальнымъ предчувствіемъ, что изъ меня не будетъ пути, спросила: «Отчего это молодёжь всегда неблагодарна?» Разгадать нравственную загадку, казалось, было бы не по силамъ всей нашей компаніи. Наконецъ мистеръ Гибль разрѣшилъ ее, сказавъ коротко: «Молодёжь безнравственна по природѣ». Тогда всѣ пробормотали: «правда» и начали смотрѣть на меня какимъ-то очень-непріятнымъ и обиднымъ образомъ.

Положеніе и вліяніе Джо въ домѣ еще болѣе уменьшалось, когда у насъ бывали гости; но онъ всегда, когда могъ, приходилъ ко мнѣ на

помощь и утѣшалъ меня такъ или иначе. Теперь онъ подлилъ мнѣ соуса полную тарелку.

Нѣсколько спустя, мистеръ Уопсель принялся строго критиковать утреннюю проповѣдь и сообщилъ имъ, какую проповѣдь онъ бы сказалъ, будь только духовное поприще открыто для всѣхъ. Приведя нѣсколько текстовъ изъ проповѣди, произнесенной за обѣднею, онъ прибавилъ, «что вообще не оправдываетъ выбора предмета для проповѣди, тѣмъ-болѣе теперь, добавилъ онъ, когда есть столько животрепещущихъ вопросовъ на очереди».

— Правда, правда, сказалъ дядя Пёмбельчукъ.—Вы метко выразились, сэръ. Именно много предметовъ для проповѣди теперь на очереди для тѣхъ, кто умѣетъ посыпать имъ на хвостъ соли — вотъ что̀ необходимо. Человѣку не придется далеко бѣгать за своимъ предметомъ, была бы только у него на-готовѣ щепотка соли. Потомъ Пёмбельчукъ, немного подумавъ, прибавилъ: — посмотрите, хоть, вотъ на окорокъ—вотъ вамъ и предметъ; хотите предметъ для проповѣди— вотъ вамъ окорокъ.

— Правда, сэръ. Славную мораль можно вывести для молодёжи, выбравъ такой предметъ для своей проповѣди, отвѣчалъ мистеръ Уопсель.

Я понялъ, что онъ намекалъ на меня.

— А ты слушай-ка, что̀ говорятъ, замѣтила сестра, обращаясь ко мнѣ.

Джо подлилъ мнѣ на тарелку соуса.

— Свинья, продолжалъ Уопсель своимъ густымъ басомъ, указывая вилкою на мое раскраснѣвшееся лицо, точно онъ называлъ меня по имени: — свинья была товарищемъ блудному сыну. Прожорливость свиней представляется намъ, какъ назидательный примѣръ для молодёжи (я думалъ, что это хорошо относилось и къ тому, кто такъ распространялся о томъ, какъ соченъ и жиренъ окорокъ). Что̀ отвратительно въ свиньѣ—еще отвратительнѣе встрѣтить въ мальчикѣ...

— Или дѣвочкѣ, прибавилъ мистеръ Гибль.

— Ну, конечно, и въ дѣвочкѣ, сказалъ мистеръ Уопсель, нѣсколько-нетерпѣливо: — да таковой здѣсь не находится.

— Кромѣ того, началъ Пёмбельчукъ, обращаясь ко мнѣ: — подумай, за сколько вещей ты долженъ быть благодаренъ; еслибъ ты родился поросёнкомъ...

— Ну ужь, онъ былъ такой поросёнокъ, что и ненадо хуже! воскликнула моя сестра.

Джо прибавилъ мнѣ еще соуса.

— Можетъ-быть, сказалъ Пёмбельчукъ: — но я говорю о четверо-

погомъ поросёнкѣ. Еслибъ ты родился таковымъ, былъ ли бы ты здѣсь въ эту минуту — а? Никогда.

— Иначе, какъ въ такомъ видѣ... замѣтилъ мистеръ Уопсель, кивая головой на блюдо.

— Но я не это хотѣлъ сказать, сэръ, возразилъ Пёмбельчукъ, сильно-нелюбившій, чтобъ его перебивали.—Я хочу сказать, что онъ не наслаждался бы теперь обществомъ людей старше и умнѣе его, учась уму-разуму изъ ихъ разговоровъ, и не былъ бы окруженъ, можно сказать, роскошью. Могъ ли бы онъ этимъ всѣмъ наслаждаться? Нѣтъ, тысяча разъ нѣтъ. А какова бы была твоя судьба? вдругъ воскликнулъ онъ, обращаясь ко мнѣ: — тебя бы продали, по рыночной цѣнѣ, за нѣсколько шилинговъ и мясникъ Дунстабль подошелъ бы къ тебѣ, покуда ты валялся на соломѣ, схватилъ бы тебя лѣвою рукой, а правою досталъ бы ножикъ изъ кармана и пролилъ бы онъ твою кровь и умертвилъ тебя. Тогда бы тебя не стали вскармливать отъ руки. Нѣтъ, шутишь!

Джо предложилъ мнѣ еще соусу, но я боялся взять.

— Онъ вамъ, вѣдь, стоилъ страхъ сколько заботъ, сударыня? сказалъ мистеръ Гибль, смотря съ сожалѣніемъ на мою сестру.

— Заботъ? повторила сестра:—заботъ?...

Тутъ она представила длинный перечень всѣхъ болѣзней и безсонницъ, въ которыхъ я былъ виновенъ, всѣхъ высокихъ предметовъ, съ которыхъ я падалъ, и низенькихъ, о которыя я стукался. Она припомнила всѣ мои ушибы и увѣчья и, наконецъ, замѣтила, сколько разъ желала меня видѣть въ могилѣ, но я всегда упрямо сопротивлялся ея желанію. Я думаю, римляне порядкомъ досаждали другъ другу своими знаменитами носами. Быть-можетъ, въ этомъ кроется причина ихъ безпокойнаго, буйнаго характера; какъ бы то ни было, но римскій носъ мистера Уопселя такъ надоѣлъ мнѣ во время разсказа моей сестры, что я охотно впился бы въ него, наслаждаясь воплями и криками мистера Уопселя. Но все, что я терпѣлъ до-сихъ-поръ, было ничто въ сравненіи съ страшнымъ чувствомъ, овладѣвшимъ мною, когда, по окончаніи разсказа сестры, всѣ обратили свои взоры на меня съ выраженіемъ отвращенія.

— Однако, сказалъ мистеръ Пёмбельчукъ, опять возвращаясь къ прежней тэмѣ: — окорокъ вареный также богатый предметъ — не правда ли?

— Не хотите ли водочки, дядюшка? предложила моя сестра.

Боже мой, пришлось же къ тому! Пёмбельчукъ найдетъ, что водка слаба, скажетъ объ этомъ сестрѣ—и я пропалъ! Я крѣпко прижался

къ ножкѣ стола и обвилъ ее руками. Мистрисъ Джо пошла за каменною бутылью, и пришедъ назадъ, налила водки одному Пёмбельчуку. А онъ, окаянный, еще сталъ играть стаканомъ, прежде чѣмъ выпить, онъ бралъ его со стола, смотрѣлъ на свѣтъ и снова ставилъ на столъ, какъ бы нарочно, чтобъ продлить мои муки. Въ это время мистрисъ Джо съ мужемъ поспѣшно сметали крошки со стола, для достойнаго пріема пудинга и пирога. Я пристально слѣдилъ за Пёмбельчукомъ. Я увидѣлъ, какъ эта низкая тварь весело взяла рюмку, закинула голову и залпомъ выпила. Почти въ ту же минуту все общество обомлѣло отъ удивленія: Пёмбельчукъ вскочилъ изъ-за стола, заметался по комнатѣ и, отчаянно кашляя и задыхаясь, выбѣжалъ вонъ. Сквозь окно было видно, кàкъ онъ харкалъ и плевалъ на дворѣ, строя страшныя гримасы, словно помѣшаный. Я крѣпко прильнулъ къ ножкѣ стола. Мистрисъ Джо и Джо побѣжали за нимъ. Я былъ увѣренъ, что отравилъ Пёмбельчука, но кàкъ—я не могъ себѣ объяснить. Въ моемъ отчаянномъ положеніи, мнѣ стало уже легче, когда его привели назадъ и онъ, обозрѣвъ всѣхъ присутствовавшихъ съ кислымъ выраженіемъ, кинулся въ свое кресло, восклицая: «деготь!» Я понялъ, что бутылку съ водкой я утромъ долилъ дегтярной водой. Я былъ увѣренъ, что ему будетъ все хуже-и-хуже и двигалъ столъ, какъ какой-нибудь медіумъ нашего времени, силою моего невидимаго прикосновенія.

— Деготь! кричала моя сестра съ изумленіемъ. — Какъ могъ попасть туда деготь?

Но дядя Пёмбельчукъ, неограниченно-властвовавшій въ нашей кухнѣ, ничего не хотѣлъ слышать и, величественно махая рукою, чтобъ больше объ этомъ не говорили, потребовалъ пуншу. Сестра моя, начинавшая было задумываться, теперь суетилась, побѣжала и принесла все нужное для пунша: кипятку, сахару, лимонной корки и джину. Я былъ спасенъ, хотя на время, но все же не выпускалъ изъ рукъ столовой ножки и еще болѣе къ ней прижался съ чувствомъ благодарности.

Понемногу я успокоился, разстался съ своей ножкой и началъ ѣсть пудингъ. Мистеръ Пёмбельчукъ также ѣлъ пудингъ и всѣ ѣли пудингъ. Обѣдъ нашъ кончился и мистеръ Пёмбельчукъ развеселился отъ дѣйствія пунша; я ужь думалъ, что этотъ день для меня пройдетъ удачно. Но вдругъ моя сестра крикнула: «Джо! чистыя тарелки— холодныя». Я въ ту же минуту судорожно ухватился за ножку стола и прижалъ ее къ своему сердцу, словно то былъ мой лучшій другъ

и товарищъ. Я предвидѣлъ, что̀ будетъ; я былъ увѣренъ, что теперь я не отдѣлаюсь.

— Вы должны отвѣдать, обратилась любезно сестра моя ко всѣмъ гостямъ:—вы должны отвѣдать, на закуску, великолѣпнаго, безподобнаго подарка мистера Пёмбельчука.

— Должны! Нѣтъ, шутите!

— Вы должны знать, прибавила сестра, вставая:—это пирогъ отличный, со свининой.

Все общество разсыпалось въ комплиментахъ, а мистеръ Пёмбельчукъ, увѣренный, въ томъ, что заслуживаетъ похвалы отъ своихъ согражданъ, сказалъ съ оживленіемъ:

— Ну, мистрисъ Джо, мы постараемся сдѣлать честь пирогу, и не откажемся взять по кусочку.

Сестра моя пошла за пирогомъ. Я слышалъ, какъ шаги ея приближались къ кладовой. Я видѣлъ, какъ мистеръ Пёмбельчукъ нетерпѣливо ворочалъ своимъ ножомъ, а у мистера Уопселя римскія ноздри какъ-то особенно раздувались, выражая непомѣрную жадность. Я слышалъ замѣчаніе мистера Гибля, что «кусокъ вкуснаго пирога со свининой хорошо ляжетъ поверхъ какого угодно обѣда»; наконецъ Джо мнѣ говорилъ: «и ты получишь кусочекъ, Пипъ». Я до-сихъ-поръ достовѣрно не знаю, дѣйствительно ли я завопилъ отъ ужаса, или мнѣ это только показалось. Я чувствовалъ, что уже не въ силахъ болѣе терпѣть и долженъ бѣжать. Я выпустилъ изъ своихъ объятій ножку стола и побѣжалъ со всѣхъ ногъ; но не пробѣжалъ далѣе нашей двери, ибо тамъ наткнулся на цѣлый отрядъ солдатъ съ ружьями. Одинъ изъ нихъ, показывая мнѣ кандалы, кричалъ: «Ну, пришли! Смотри въ оба! Заходи!»

V.

Появленіе отряда солдатъ, которые стучали прикладами заряженныхъ ружей о порогъ дома, заставило обѣдавшихъ встать въ замѣшательствѣ изъ-за стола. Въ это время мистрисъ Джо воротилась въ кухню съ пустыми руками и остановилась неподвижно, съ выраженіемъ ужаса, восклицая:

— Боже мой! куда дѣвался мой пирогъ? Мы съ сержантомъ были тогда въ кухнѣ, и эта выходка мистрисъ Джо отчасти привела меня въ себя. Сержантъ передъ тѣмъ говорилъ со мной, а теперь онъ любезно обратился ко всей компаніи, держа въ одной рукѣ кандалы, а другою опираясь на мое плечо.

— Извините меня, милостивые государи и государыни, сказалъ онъ: — но какъ я уже объяснилъ при входѣ этому прекрасному юношѣ (чего онъ, между-прочимъ, и не думалъ дѣлать): я командированъ по службѣ и ищу кузнеца.

— А позвольте узнать, что̀ вамъ отъ него надо, возразила моя сестра, недовольная тѣмъ, что онъ понадобился.

— Мистрисъ, отвѣчалъ любезно сержантъ:—говоря за себя, я бы отвѣтилъ вамъ, что ищу чести и удовольствія познакомиться съ его милой супругой, но, говоря отъ имени короля, я скажу, что для него есть маленькая работа.

Всѣ приняли это за любезность со стороны сержанта; такъ-что даже мистеръ Пёмбельчукъ воскликнулъ во всеуслышаніе:

— Прекрасно!

— Видите, кузнецъ, сказалъ сержантъ, отыскавшій въ то время глазами Джо: — у насъ былъ случай съ этими кандалами и я замѣтилъ, что замо̀къ у одних изъ них поврежденъ и связи дѣйствуютъ несовсѣмъ-то хорошо. Ихъ надобно немедленно употребить въ дѣло; потрудитесь взглянуть на нихъ.

Джо взглянулъ и объявилъ, что для этой работы надо развести огонь въ его кузницѣ и потребуется часа два времени.

— Вотъ какъ! Въ такомъ случаѣ, примитесь за нее немедленно, господинъ кузнецъ, сказалъ расторопный сержантъ.—Этого требуетъ служба его величества. Если мои люди могутъ вамъ въ чемъ-нибудь пригодиться, то распоряжайтесь ими.

Съ этими словами, онъ позвалъ солдатъ, которые взошли въ кухню, одинъ за другимъ, и сложили свое оружіе въ углу; затѣмъ, они стали въ кружокъ, какъ обыкновенно становятся солдаты: кто скрещивалъ руки, кто потягивался, кто ослаблялъ портупею, кто, наконецъ, отворялъ дверь, чтобъ плюнуть на дворъ, неловко поворачивая шею, стѣсненную высокимъ воротникомъ.

Все это я видѣлъ безсознательно, находясь въ то время въ величайшемъ страхѣ. Но, начиная убѣждаться, что колодки не для меня и что солдаты своимъ появленіемъ отодвинули пирогъ на задній планъ, я сталъ понемногу сосредоточивать разсѣянныя мысли.

— Сдѣлайте одолженіе, скажите, который часъ? сказалъ сержантъ, обращаясь къ мистеру Пёмбельчуку, какъ къ человѣку, за которымъ онъ признавалъ повидимому способность цѣнить время.

— Только-что пробило половина третьяго.

— Это еще ничего, сказалъ сержантъ, соображая: — если я буду

задержанъ здѣсь даже около двухъ часовъ, то все еще поспѣемъ. Сколько, по-вашему, отсюда до болотъ? Не болѣе мили, я полагаю?

— Ровно миля, сказалъ мистеръ Джо.

— Ну, такъ успѣемъ. Мы оцѣпимъ ихъ въ сумерки. Мнѣ такъ и велѣно. Успѣемъ.

— Бѣглыхъ колодниковъ, сержантъ? спросилъ мистеръ Уопсель, съ увѣренностью.

— Да̀, возразилъ сержантъ:—двоихъ. Намъ извѣстно, что они еще находятся на болотахъ и до сумерекъ, вѣрно, не рѣшатся выйти оттуда.

— А что, не наткнулся ли кто изъ васъ на нашего звѣря?

Всѣ, кромѣ меня, съ убѣжденіемъ отвѣчали отрицательно. Обо мнѣ же никто и не подумалъ.

— Ладно, сказалъ сержантъ: — я надѣюсь ихъ окружить прежде, чѣмъ они ожидаютъ. Ну-ка, кузнецъ, если вы готовы, то его королевское величество ждетъ вашей службы.

Джо снялъ верхнее платье, жилетъ и галстухъ, надѣлъ свой кожаный фартукъ и пошелъ въ кузницу. Одинъ изъ солдатъ отворилъ въ ней деревянныя ставни, другой развелъ огонь, третій, принялся раздувать мѣхи, остальные расположились вокругъ очага, въ которомъ вскорѣ заревѣло пламя. Тогда Джо принялся ковать, а мы всѣ глядѣли, стоя вокругъ. Интересъ предстоявшаго преслѣдованія не только поглощалъ всеобщее вниманіе, но даже расположилъ сестру мою къ щедрости. Она налила изъ боченка кувшинъ пива для солдатъ и пригласила сержанта выпить стаканъ водки. Но мистеръ Пёмбельчукъ сказалъ рѣзко:

— Дайте ему вина, сударыня: я ручаюсь, что въ немъ нѣтъ дёгтя.

Сержантъ поблагодарилъ и сказалъ, что предпочтетъ напитокъ, въ которомъ нѣтъ дёгтя и потому охотнѣе выпьетъ вина, если имъ все-равно. Ему поднесли вина и онъ выпилъ за здоровье короля, провелъ языкомъ по губамъ и поздравилъ съ праздникомъ.

— Вѣдь, не дурно вино, сержантъ — а? сказалъ мистеръ Пёмбельчукъ.

— Знаете, что̀, возразилъ сержантъ:— я подозрѣваю, что оно запасено вами.

Мистеръ Пёмбельчукъ засмѣялся густымъ смѣхомъ и спросилъ:

— Э-э! почему же?

— А потому, отвѣчалъ сержантъ, трепля его по плечу: — что я вижу, вы знаете толкъ въ вещахъ.

— Вы, думаете? спросилъ мистеръ Пёмбельчукъ, все съ тѣмъ же смѣхомъ: — хотите еще рюмочку?

— Вмѣстѣ съ вами, чокнемся, возразилъ сержантъ.—Стукнемъ наши рюмки краемъ о ножку, ножку о край. Разъ-два! Нѣтъ лучше музыки какъ звонъ стакановъ! За ваше здоровье. Желаю, чтобъ вы прожили тысячу лѣтъ и никогда не переставали быть такимъ знатокомъ въ вещахъ, какъ въ настоящую минуту.

Сержантъ снова выпилъ залпомъ свою рюмку и, казалось, былъ бы не прочь отъ третьей. Я замѣтилъ, что мистеръ Пёмбельчукъ въ припадкѣ гостепріимства, казалось, забылъ, что вино имъ подарено, и, взявъ бутылку у мистрисъ Джо, весело передавалъ ее изъ рукъ въ руки. Даже и мнѣ досталось. Онъ такъ расщедрился на чужое вино, что спросилъ и другую бутылку и подчивалъ изъ нея такъ же радушно.

Глядя на нихъ въ то время, какъ они весело толпились вокругъ наковальни, я подумалъ: «какая отличная приправа для обѣда мой бѣглый пріятель, скрывающійся въ болотахъ!» Они не испытывали и въ четвертой долю того, не наслаждались, пока мысль о немъ не оживила банкета. Теперь всѣ они были развлечены ожиданіемъ словить «двухъ мерзавцевъ». Въ честь бѣглецовъ, казалось, ревѣли мѣхи, для нихъ сверкалъ огонь, за ними въ погоню уносился дымъ, для нихъ стучалъ и гремѣлъ Джо, и съ угрозой пробѣгали тѣни по стѣнамъ каждый разъ, что пламя подымалось и опускалось, разбрасывая красныя искры. Даже блѣдный вечерній свѣтъ, въ сострадательномъ юношескомъ воображеніи моемъ, казалось, блѣднѣлъ для нихъ, бѣдняжекъ, раньше обыкновеннаго. Наконецъ Джо окончилъ свою работу и ревъ и стукъ прекратились. Надѣвая свое платье, Джо храбро предложилъ, чтобъ одинъ изъ насъ пошелъ за солдатами и передалъ остальнымъ объ исходѣ поиска. Мистеръ Пёмбельчукъ и мистеръ Гибль отказались, предпочитая дамское общество и трубку; но мистеръ Уопсель объявилъ, что онъ согласенъ идти, если Джо пойдетъ. Джо сказалъ, что ему будетъ очень-пріятно, причемъ предложилъ взять и меня съ собою, если мистрисъ Джо на то согласна. Я увѣренъ, что намъ ни за что не позволили бы отправиться, еслибъ не любопытство мистрисъ Джо, которая хотѣла узнать всѣ подробности дѣла. Теперь же она только замѣтила, отпуская насъ: «Если вы мнѣ приведете мальчика съ головой размозженной выстрѣломъ, то не надѣйтесь, чтобъ я помогла бѣдѣ». Сержантъ учтиво распростился съ дамами и разстался съ мистеромъ Пёмбельчукомъ, какъ съ добрымъ пріятелемъ, хотя я сомнѣваюсь, чтобъ онъ одинаково цѣнилъ достоинства этого джентльмена, еслибъ познакомился съ нимъ въ сухую. Люди разобрали

свои ружья и построились. Мистеръ Уопсель, Джо и я получили строгое наставленіе оставаться въ арьергардѣ и не говорить ни слова, когда мы достигнемъ болота. Пока мы быстро подвигались къ мѣсту назначенія, я предательски шепнулъ Джо:

— Надѣюсь, Джо, что мы не найдемъ ихъ.

Джо также шопотомъ отвѣчалъ мнѣ.

— Я бы далъ шиллингъ, чтобъ они удрали и спаслись, Пипъ.

Никто не присоединился къ намъ изъ деревни, такъ-какъ погода была холодная и ненадежная, дорога опасная и скользкая, ночь темная, и всякій добрый человѣкъ имѣлъ у себя добрый огонёкъ въ честь праздника. Нѣсколько лицъ показалось у оконъ, глядя намъ въ слѣдъ, но никто не вышелъ за ворота. Мы прошли заставу и направились прямо къ кладбищу. Здѣсь сержантъ остановилъ насъ на нѣсколько минутъ, подавъ знакъ рукой, между-тѣмъ какъ двое или трое изъ его людей разсыпались по тропинкамъ между могилъ и осмотрѣли паперть. Они воротились, не нашедъ ничего, и мы вышли на открытое болото, черезъ боковую калитку кладбища. Тутъ насъ обдало мелкою влагою, принесенною восточнымъ вѣтромъ, и Джо взялъ меня на спину.

Теперь, когда мы вступили въ эту унылую глушь, гдѣ я былъ часовъ восемь назадъ и видѣлъ обоихъ бѣглыхъ, чего никто не предполагалъ, меня впервые поразила мысль, если мы наткнемся на нихъ, то ужь не подумаетъ ли мой колодникъ, что я привелъ солдатъ? Вѣдь, онъ спрашивалъ меня: не вѣроломный ли я чертёнокъ, и сказалъ, что я былъ бы злой щенокъ, еслибъ сталъ преслѣдовать его вмѣстѣ съ другими. Не подумаетъ ли онъ теперь, что я и подлинно чертёнокъ и собака, и что я выдалъ его? Но было безполезно предлагать себѣ подобные вопросы: я былъ на спинѣ у Джо, Джо былъ подо мною, перескакивая черезъ ямы, какъ охотничья лошадь, и убѣждая мистера Уопселя не падать на свой римскій носъ и не отставать отъ насъ. Солдаты шли впереди, вытянувшись въ одну длинную шеренгу, на дистанціи одинъ отъ другаго. Мы шли по той дорогѣ, по которой я шелъ утромъ и съ которой сбился по причинѣ тумана. Теперь тумана не было: онъ еще не появился, или вѣтромъ успѣло разсѣять его. При багровомъ блескѣ солнечнаго заката, вѣха и висѣлица, валъ батареи и противоположный берегъ рѣки были ясно видны, хотя въ какой-то водянистой, свинцовой полутѣни. Сердце мое билось, какъ кузнечный молотъ, о широкое плечо Джо, пока искалъ я по сторонамъ признаковъ присутствія каторжниковъ. Но ихъ не было ни видно, ни слышно. Мистеръ Уопсель не разъ сильно пугалъ меня своимъ сопѣньемъ и одышкой; но подъ конецъ я свыкся съ этими звуками и могъ

различить ихъ отъ звуковъ, которые опасался услышать. Вдругъ я вздрогнулъ: мнѣ послышался визгъ напилка; но оказалось, что это колокольчикъ на овцѣ. Овцы перестали щипать траву и боязливо поглядывали на насъ; все стадо, повернувшись спиной къ дождю и вѣтру, злобно уставило на насъ глаза, какъ-будто считая насъ виновниками того и другаго. Кромѣ медленнаго движенія пасшагося стада, при мерцавшемъ свѣтѣ замиравшаго дня, ничто не нарушало леденящаго спокойствія болотъ.

Солдаты подвигались по направленію къ старой батареѣ, а мы шли за ними въ небольшомъ разстояніи, какъ вдругъ мы всѣ остановились: вѣтромъ принесло къ намъ протяжный крикъ. Крикъ этотъ, громкій и пронзительный, повторился вдалекѣ: въ немъ слышалось нѣсколько голосовъ.

Сержантъ и ближайшіе къ нему люди разсуждали шопотомъ, когда мы съ Джо подошли къ нимъ. Послушавъ ихъ съ минуту, Джо, хорошій знатокъ дѣла, согласился съ ними, и мистеръ Уонсель, плохой знатокъ, также согласился. Сержантъ, человѣкъ рѣшительный, приказалъ своимъ людямъ не отвѣчать на крикъ, но перемѣнить дорогу и идти бѣглымъ шагомъ по направленію, откуда онъ слышался. Вслѣдствіе этого, мы пошли фланговымъ движеніемъ направо, и Джо такъ зашагалъ, что я долженъ былъ крѣпко держаться, чтобъ усидѣть у него на плечахъ.

Мы теперь просто бѣжали или, какъ выразился Джо, который только эти слова и произнесъ во всю дорогу: — это былъ настоящій вихрь. Съ холма на холмъ, черезъ плетни, мокрые рвы, хворостъ—словомъ, никто не разбиралъ, куда ступалъ. По мѣрѣ приближенія къ мѣсту, откуда слышались крики, становилось все яснѣе, что кричало нѣсколько голосовъ. По временамъ, крики умолкали, тогда и солдаты останавливались. Когда голоса снова раздавались, они бросались впередъ еще съ бòльшею поспѣшностью, и мы за ними. Пробѣжавъ нѣсколько времени такимъ образомъ, мы могли разслышать одинъ голосъ, кричавшій: «рѣжутъ», а другой—«каторжники! бѣглые! Караулъ! Сюда! Здѣсь бѣглые каторжники!» Затѣмъ голоса, какъ-будто заглушались въ борьбѣ и потомъ снова раздавались. Послѣ этого солдаты мчались, какъ испуганный звѣрь, а за ними и Джо со мною. Первый добѣжалъ сержантъ, вслѣдъ за нимъ двое изъ его людей. Когда мы догнали ихъ, то у нихъ ужь были взведены курки. «Вотъ они оба!» закричалъ сержантъ, спустившись въ ровъ. «Сдавайтесь, проклятые звѣри! Чего сцѣпились?»

Брызги и грязь летѣли во всѣ стороны; раздавались проклятія и

удары. Еще нѣсколько человѣкъ спустилось въ оврагъ, чтобъ помочь сержанту, и вытащили оттуда порознь, моего каторжника и его товарища. Оба были въ крови, запыхавшись, и посылали другъ другу проклятія. Разумѣется, я тотчасъ узналъ обоихъ. «Не забудьте»—сказалъ мой колодникъ, оборваннымъ рукавомъ своимъ утирая съ лица кровь и отряхая съ пальцевъ клочья вырванныхъ волосъ: «я взялъ его! *Я* выдаю его вамъ—помните это!»

— Нечего тутъ распространяться, сказалъ сержантъ:—это немного принесетъ тебѣ пользы, любезный, такъ-какъ ты попался съ нимъ въ одну бѣду. Давайте сюда колодки!

— Я и не ожидаю себѣ никакой пользы. Мнѣ и ненадо лучшей награды, чѣмъ то, что теперь чувствую, отвѣтилъ мой каторжникъ со злобнымъ смѣхомъ. — Я взялъ его—онъ это знаетъ: съ меня довольно.

Другой каторжникъ былъ блѣденъ, какъ мертвецъ и, вдобавокъ къ прежде избитой лѣвой сторонѣ лица, теперь, казалось, былъ весь избитъ и оборванъ. Онъ не могъ собраться съ духомъ, чтобъ заговорить, пока они оба не были скованы порознь, и опирался на солдата, чтобъ не упасть.

— Замѣтьте, сержантъ, что онъ покушался убить меня! были первыя слова его.

— Покушался убить его? произнесъ мой каторжникъ презрительно.

— Покушался и не исполнилъ? Я взялъ его и теперь выдаю—вотъ что я сдѣлалъ. Я не только помѣшалъ ему уйти изъ болотъ, но притащилъ его сюда въ то время, какъ онъ уже утекалъ. Вѣдь, эта каналья—джентльменъ; теперь, по моей милости, на галеры опять попадетъ, джентльменъ. Убить его? Очень-нужно мнѣ было убивать его, когда я могъ сдѣлать гораздо-лучше, снова упрятать его туда!

Другой же все повторялъ, задыхаясь:

— Онъ пытался... онъ пытался... убить... меня. Будьте свидѣтелями.

— Послушайте, сказалъ мой каторжникъ сержанту: — я собственными средствами бѣжалъ изъ тюрьмы; я точно такъ же могъ бы удрать изъ этихъ убійственныхъ болотъ; взгляните на мою ногу: не много на ней желѣза. Но я нашелъ его здѣсь. Дать *ему* уйти на волю? Дать *ему* воспользоваться найденными мною средствами! Быть снова и вѣчно его орудіемъ! Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Еслибъ я погибъ тамъ, на днѣ. И онъ своими скованными руками драматически указалъ на оврагъ: —я такъ крѣпко впился бы въ него когтями, что и тогда вы навѣрное нашли бы его въ моихъ рукахъ.

Другой бѣглецъ, который видимо сильно боялся своего товарища, все повторялъ:

— Онъ пытался убить меня. Я бы не остался въ живыхъ, еслибъ вы не подоспѣли.

— Онъ лжетъ! съ дикой энергіей воскликнулъ мой колодникъ. — Онъ родился лжецомъ и умретъ имъ. Взгляните на его лицо: развѣ это не написано на немъ? Пускай онъ взглянетъ мнѣ въ глаза, мерзавецъ — не посмѣетъ.

Другой пытался скорчить презрительную улыбку, которая, впрочемъ, не могла придать никакого постояннаго выраженія нервически-судорожнымъ движеніямъ его рта; посмотрѣлъ на солдатъ, на окружавшія болота, на небо, но не посмѣлъ взглянуть на говорившаго.

— Видите ли, продолжалъ мой каторжникъ: — видите ли, какой онъ мерзавецъ? Видите вы эти блуждающіе, нерѣшительные взоры? Вотъ такъ смотрѣлъ онъ, когда насъ съ нимъ судили. Онъ ни разу не взглянулъ на меня.

Другой, продолжая работать своими сухими губами и боязливо оглядываться, наконецъ, на минуту обратилъ глаза на говорившаго съ словами:

— Не слишкомъ-то любо на тебя смотрѣть, и бросилъ полупрезрительный взглядъ на свои скованныя руки.

При этомъ мой каторжникъ пришелъ въ такое бѣшенство, что онъ непремѣнно бросился бы на товарища, еслибъ солдаты не удержали его.

— Развѣ я не говорилъ вамъ, сказалъ тогда другой каторжникъ: — что онъ убилъ бы меня, еслибъ могъ? И всѣ могли замѣтить, что онъ трясся отъ страха, что на губахъ его выступили странныя бѣлыя пятна, подобныя снѣжной плевѣ.

— Довольно этой перебранки! сказалъ сержантъ. — Зажгите факелы!

Въ то время, какъ одинъ изъ солдатъ, который несъ корзину, вмѣсто ружья, сталъ на колѣни, чтобъ открыть ее, мой каторжникъ въ первый разъ взглянулъ вокругъ себя и увидѣлъ меня. Я слѣзъ со спины Джо на окраину оврага, когда мы пришли и съ-тѣхъ-поръ не пошевельнулся. Я пристально посмотрѣлъ на него въ то время, какъ онъ взглянулъ на меня, и потихоньку сдѣлалъ знакъ рукой и покачалъ головой. Я ждалъ, что онъ снова посмотритъ на меня, чтобъ постараться предупредить его въ моей невинности. Ничто не доказывало мнѣ, что онъ понялъ мое намѣреніе, потому-что онъ бросилъ на меня непонятный взглядъ. Все это продолжалось одно мгновеніе. Но смотри

онъ на меня цѣлый часъ или цѣлый день, то я неприпомнилъ бы, чтобъ лицо его когда-либо выражало столь-сосредоточенное вниманіе.

Солдатъ скоро высѣкъ огня и зажегъ три или четыре факела, взялъ одинъ изъ нихъ и роздалъ другіе. До-сихъ-поръ было почти темно, но теперь показалось совершенно темно, а немного спустя и очень-темно. Прежде нежели мы двинулись въ путь, четыре солдата стали въ кружокъ и выстрѣлили дважды на воздухъ. Вслѣдъ за этимъ, мы увидѣли, что засверкали другіе факелы въ нѣкоторомъ разстояніи за нами, въ болотахъ, по ту сторону рѣки.

— Ладно, сказалъ сержантъ:—маршъ!

Мы отошли нѣсколько шаговъ, какъ надъ нашими головами раздались три пушечные выстрѣла съ такимъ громомъ, что мнѣ показалось, будто у меня порвалось что-то въ ушахъ.

— Васъ ожидаютъ на понтонѣ, сказалъ сержантъ. — Тамъ уже знаютъ, что вы приближаетесь. Не отставай, любезный. Идите тѣснѣе.

Каторжники были разлучены, и каждый изъ нихъ шелъ подъ особымъ карауломъ. Я теперь держалъ Джо за руку, а онъ несъ одинъ изъ факеловъ. Мистеръ Уонсель былъ того мнѣнія, что слѣдовало вернуться, но Джо рѣшился досмотрѣть до конца, итакъ мы пошли вмѣстѣ съ другими. Теперь намъ приходилось идти по изрядной тропинкѣ, большею частью вдоль берега рѣки, съ небольшими уклоненіями въ сторону, въ мѣстахъ, гдѣ попадались плотины съ небольшими вѣтряными мельницами и грязными шлюзами. Оглянувшись, я замѣтилъ, что другіе огоньки слѣдовали за нами. Наши факелы бросали большія огненныя брызги на дорогу, лежавшія на ней, догорая и дымясь. Я ничего не различалъ, кромѣ чернаго мрака. Огни наши своимъ смолистымъ пламенемъ согрѣвали вокругъ насъ воздухъ, къ видимому удовольствію нашихъ плѣнниковъ, прихрамывавшихъ посреди ружей. Мы не могли идти скоро, по причинѣ ихъ увѣчья. Они такъ были изнурены, что мы два или три раза должны были дѣлать привалы, чтобъ дать имъ отдохнуть.

Послѣ часа подобнаго путешествія, или около того, мы достигли грубой деревянной лачужки у пристани. Въ лачужкѣ былъ караулъ, который насъ окликнулъ. Сержантъ откликнулся и мы вошли. Здѣсь мы почувствовали сильный запахъ табаку и известки, и увидѣли яркое пламя, лампу, стойку съ ружьями, барабанъ и низкую деревянную кровать, похожую на огромный катокъ безъ механизма, на которомъ могло помѣститься разомъ около дюжины солдатъ. Три или четыре солдата, лежавшіе на ней въ своихъ шинеляхъ, казалось, не слишкомъ интересовались нами; они только приподняли головы, устреми-

ли на насъ сонный взглядъ и потомъ снова улеглись. Сержантъ представилъ нѣчто въ родѣ рапорта, занесъ его въ свою книгу и затѣмъ, тотъ каторжникъ, котораго я называю другимъ каторжникомъ, былъ уведенъ съ своимъ карауломъ, и переправленъ на понтонъ. Мой колодникъ не глядѣлъ на меня. Пока мы были въ лачужкѣ, онъ стоялъ передъ огнемъ, задумчиво глядя на него и ставя попеременно, то одну ногу, то другую на рѣшетку, и въ раздумьѣ глядѣлъ на присутствующихъ, будто жалѣя ихъ за недавно-испытанную усталость. Вдругъ онъ обратился къ сержанту:

— Я желаю сообщить нѣчто относительно моего побѣга: это можетъ избавить кой-кого отъ подозрѣнія, подъ которымъ они находятся по моей милости.»

— Вы можете говорить что̀ хотите, возразилъ сержантъ, который стоялъ, глядя на него равнодушно, съ сложенными руками:—но васъ никто не проситъ говорить здѣсь. Вы будете имѣть довольно случаевъ говорить и слышать объ этомъ прежде, нежели покончатъ съ вами.

— Я знаю; но это другой вопросъ, совершенно особое дѣло. Человѣкъ не можетъ околѣть съ голода; по-крайней-мѣрѣ я не могу. Я нашелъ себѣ пищу въ той деревнѣ, тамъ, наверху — гдѣ церковь выдается на болото.»

— Вы хотите сказать, что вы украли? сказалъ сержантъ.

— И я скажу вамъ у кого. У кузнеца.

— Вотъ какъ! сказалъ сержантъ, пристально глядя на Джо.

— Ого, Пипъ! сказалъ Джо, глядя на меня.

— То были какія-то объѣдки, штофъ водки и пирогъ.

— А что, пропадалъ у васъ пирогъ, кузнецъ? спросилъ сержантъ вполголоса.

— Жена моя замѣтила, что онъ исчезъ въ ту самую минуту, какъ вы вошли. Помнишь Пипъ?

— А! сказалъ мой каторжникъ, обративъ угрюмый взоръ на Джо и не взглянувъ на меня: — такъ это вы кузнецъ? Въ такомъ случаѣ мнѣ очень жаль, но я долженъ признаться, что съѣлъ вашъ пирогъ.

— На здоровье. Видитъ Богъ, я на васъ не пѣняю за это, по-крайней-мѣрѣ, на сколько пирогъ когда-либо принадлежалъ мнѣ, прибавилъ Джо, вспоминая и тутъ о Мистрисъ Джо:—мы не знаемъ вашей вины, но мы никакъ не хотѣли бы, чтобы вы за это умерли съ голоду, кто бы вы ни были, несчастный человѣкъ. Не правда ли, Пипъ? Неопредѣленный звукъ, который я уже разъ замѣтилъ, снова послышился у незнакомца въ горлѣ и онъ повернулся къ намъ спиной.

Лодка воротилась, караулъ былъ готовъ; мы послѣдовали за нимъ на пристань, убитую камнемъ и грубыми сваями, и видѣли какъ его посадили въ лодку, на которой былъ рядъ гребцовъ изъ такихъ же каторжниковъ, какъ онъ самъ. Казалось, никто изъ нихъ не былъ удивленъ или обрадованъ, огорченъ или заинтересованъ при видѣ его. Всѣ молчали. Наконецъ раздалось грубое приказаніе, будто собакамъ: «Отваливай!» и вслѣдъ за этимъ каторжники взмахнули веслами. При свѣтѣ факеловъ мы увидѣли черный понтонъ, стоявшій на якорѣ въ небольшомъ разстояніи отъ берега, какъ зловѣщій ноевъ ковчегъ. Обшитый желѣзомъ, связанный болтами и укрѣпленный тяжелыми заржавленными цѣпями, этотъ тюремный корабль, казалось, былъ скованъ, какъ и заключенные въ немъ преступники. Мы видѣли, какъ лодка подошла къ нему, какъ моего преступника взяли на бортъ и какъ онъ скрылся. Тогда обгорѣлые концы факеловъ были брошены въ воду, зашипѣли и погасли, какъ-будто и съ ними все кончилось.

VI.

Чувства, возбужденныя во мнѣ воровствомъ, которое такъ счастливо сошло мнѣ съ рукъ, ни мало не побуждали меня къ откровенности; но я надѣюсь, что въ основаніи ихъ лежала своя частичка добра.

Я не запомню, чтобы чувствовалъ угрызенія совѣсти относительно мистрисъ Джо, когда гроза миновала. Но Джо я любилъ, быть можетъ, потому, что въ тѣ юные годы онъ не отталкивалъ моей любви и мнѣ совѣстно было обманывать его. Нѣсколько разъ (особенно когда я увидѣлъ, что Джо ищетъ свой напилокъ) я готовъ былъ сказать ему всю правду. И все же не рѣшался, боясь, чтобъ Джо не получилъ слишкомъ дурное обо мнѣ мнѣніе. Языкъ мой связывало опасеніе лишиться довѣренности Джо, и потомъ проводить длинные скучные вечера у камина, глядя тоскливо на прежняго товарища, теперь отъ меня отшатнувшагося. Я полагалъ, что если раскрою передъ Джо свою тайну, то всякій разъ, когда онъ станетъ задумчиво расправлять свои бакенбарды, мнѣ будетъ казаться, что онъ думаетъ именно о моемъ проступкѣ; всякій разъ, когда у насъ на столѣ появится вчерашнее жаркое или пудингъ, мнѣ будетъ казаться, что Джо, глядя на него, раздумываетъ: былъ ли я сегодня въ кладовой или нѣтъ? и всякій разъ, когда онъ станетъ жаловаться, что пиво его или слишкомъ жидко или слишкомъ густо, мнѣ будетъ казаться, что онъ подозрѣ-

ваетъ въ немъ присутствіе дегтя—и я буду невольно краснѣть... словомъ, я былъ слишкомъ-труслйвъ, чтобы исполнить долгъ мой теперь, какъ прежде изъ трусости рѣшился на проступокъ. Я не имѣлъ никакихъ сношеній съ свѣтомъ и потому не могъ дѣйствовать изъ подражанія его многочисленнымъ дѣятелямъ, поступающимъ подобнымъ образомъ. Геній-самоучка, я изобрѣлъ этотъ образъ дѣйствія безъ посторонней помощи.

Мы не успѣли далеко отойти отъ понтона, какъ я уже почти спалъ, и потому Джо взвалилъ меня къ себѣ на плечи и такъ донесъ до дома. Должно-быть весь обратный путь былъ непріятенъ, потому-что мистеръ Уопсель очень изнурился и былъ въ такомъ настроеніи духа. Будь только духовное поприще для всѣхъ открыто, онъ непремѣнно предалъ бы проклятію всю экспедицію, начиная съ Джо и меня; но, какъ человѣкъ недуховный, онъ упорно отказывался идти впередъ прежде, чѣмъ порядочно отдохнетъ, и дѣйствительно, такъ неумѣренно-долго сидѣлъ на сырой травѣ, что когда, возвратившись домой, онъ снялъ и повѣсилъ сушиться свой сюртукъ, штаны его представляли такую неоспоримую улику, что она непремѣнно привела бы его къ висѣлицѣ, будь его вина уголовная.

Очутившись вдругъ на полу, въ свѣтлой и теплой кухнѣ, и пробужденный дружнымъ говоромъ всего общества, я долго не могъ очнуться и, какъ пьяный, едва держался на ногахъ. Когда я пришелъ въ себя, при помощи здороваго пинка въ шею и протрезвляющихъ словъ моей сестры: «Ну, есть ли на свѣтѣ другой такой мальчишка?» я услыхалъ, что Джо разсказывалъ о признаніи бѣглаго, и всѣ строили различныя предположенія о томъ, какимъ образомъ онъ попалъ въ кладовую. Мистеръ Пембельчукъ, тщательно осмотрѣвъ мѣстность, рѣшилъ, что онъ прежде всего взлѣзъ на крышу кузницы, оттуда перебрался на крышу дома и потомъ, посредствомъ веревки, скрученной изъ простынь, спустился въ кухонную трубу, и такъ-какъ Пембельчукъ утверждалъ это очень положительно и такъ-какъ онъ имѣлъ къ тому же собственную одноколку, въ которой разъѣзжалъ и дивилъ народъ, то всѣ согласились, что онъ правъ. Правда, мистеръ Уопсель, съ мелочною злобою утомленнаго человѣка, свирѣпо проворчалъ: «нѣтъ», но никто не обратилъ на него вниманія, такъ-какъ, въ подкрѣпленіе своихъ словъ, онъ не могъ представить никакой теоріи и, къ тому же, былъ безъ сюртука, не говоря уже о спинѣ, обращенной къ огню, изъ которой паръ такъ и валилъ.

Это было все, что я успѣлъ услышать въ этотъ вечеръ. Моя се-

стра схватила меня, какъ сонное оскорбленіе обществу, и такъ грубо потащила меня спать, что мнѣ показалось, будто на ногахъ у меня болталось съ полсотни сапогъ, которые бились и цѣплялись о каждую ступеньку лѣстницы.

То умственное настроеніе, которое я описывалъ выше, началось для меня съ слѣдующаго утра и продолжалось долго-долго, когда уже всѣ забыли объ этомъ дѣлѣ, и развѣ только случайно возвращались къ нему.

VII.

Въ то время, когда я разбиралъ подписи на семейныхъ могилахъ, я умѣлъ только читать по складамъ. Даже смыслъ, который я придавалъ этимъ простымъ, нехитрымъ словамъ, не былъ очень-точенъ. Такъ, напримѣръ, слово «вышереченный» я принималъ за весьма-лестный намекъ на то, что мой отецъ переселился въ лучшій міръ; и еслибъ въ отзывѣ объ одномъ изъ моихъ родственниковъ стояло слово «нижереченный», то я былъ бы самаго дурнаго о немъ мнѣнія. Богословскія понятія, почерпнутыя мною изъ катихизиса, также не были очень-ясны. Я живо помню, что слова «Ходити въ путѣхъ сихъ во вся дни живота моего», по моему мнѣнію, обязывали меня проходить всю деревню по извѣстному направленію, не сворачивая ни на шагъ съ указаннаго пути.

Достигнувъ порядочнаго возраста, я долженъ былъ поступить въ ученье къ Джо, а до-тѣхъ-поръ—говорила мистрисъ Джо—меня не слѣдовало баловать и нѣжить.

На этомъ основаніи я не только находился въ качествѣ разсыльнаго мальчика при кузницѣ, но и всякій разъ, когда кому-нибудь изъ сосѣдей понадобится сверхштатный мальчикъ, чтобъ гонять птицъ, подбирать каменья или исполнять какую-нибудь другую столь же пріятную службу, я былъ къ ихъ услугамъ; но, чтобъ не скомпрометировать этимъ нашего почтеннаго положенія въ обществѣ, въ кухнѣ надъ каминомъ постоянно красовалась копилка, въ которую, какъ всѣмъ было извѣстно, опускались мои заработки. Я имѣлъ подозрѣніе, что, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, они шли на уплату государственнаго долга, и не надѣялся когда-нибудь воспользоваться этимъ сокровищемъ.

Тётка мистера Уопселя содержала въ нашей деревнѣ вечернюю школу или, лучше сказать, эта смѣшная, убогая старушонка, съ весьма-ограниченнымъ состояніемъ, имѣла обыкновеніе спать каждый вечеръ отъ

шести до семи часовъ въ обществѣ молодёжи, платившей ей за это назидательное зрѣлище по два пенса въ недѣлю. Она нанимала цѣлый маленькій котеджъ, мезонинъ котораго занималъ мистеръ Уопсель, и мы нерѣдко слышали, какъ онъ читалъ тамъ вслухъ самымъ торжественнымъ и ужасающимъ образомъ, топая по временамъ ногою, такъ что у насъ дрожалъ потолокъ. Существовало повѣрье, что мистеръ Уопсель экзаменуетъ учениковъ каждую четверть года; но онъ въ этихъ случаяхъ ограничивался только тѣмъ, что засучивалъ обшлага своего сюртука, взъерошивалъ волосы и читалъ намъ рѣчь Марка Антонія надъ трупомъ Цезаря. За этимъ немедленно слѣдовала ода къ страстямъ, Коллинса; мистеръ Уопсель особенно приводилъ меня въ восторгъ въ ролѣ Мести, когда она съ громомъ бросаетъ на землю окровавленный мечъ и съ тоскливымъ взглядомъ берется за трубу, чтобъ возвѣстить войну. Тогда было другое дѣло, не то, что̀ послѣ, когда я въ жизни узналъ настоящія страсти и сравнилъ ихъ съ Коллинсомъ и Уопселемъ, конечно, не къ чести того и другаго.

Тётка мистера Уопселя, кромѣ училища, держала еще въ той же комнатѣ мелочную лавочку. Она не имѣла понятія о томъ, что̀ у нея было въ запасѣ и по какимъ цѣнамъ; только маленькая засаленная записная книжка, всегда хранившаяся у нея въ ящикѣ, служила прейскурантомъ. По этому оракулу Биди справляла всѣ торговыя операціи. Биди была внучка тётки мистера Уопселя. Я открыто каюсь, что не въ силахъ разрѣшить задачи: въ какомъ родствѣ она находилась къ мистеру Уопселю.

Какъ я, она была сирота; какъ я вскормлена отъ руки. Изо всей ея наружности прежде всего бросались въ глаза оконечности: волосы ея были не чесаны, руки не мыты, башмаки разодраны и стоптаны на пяткахъ. Разумѣется, описаніе это относится только къ буднич-нымъ днямъ; по воскресеньямъ она ходила въ церковь, распичужившись какъ слѣдуетъ.

Своими собственными усиліями и при помощи скорѣе Биди, чѣмъ тётки мистера Уопселя, я пробивался сквозь азбуку, какъ сквозь частый, колючій кустарникъ, утомляясь и безмилосердо уязвляя себя колючками. Затѣмъ я попалъ въ руки этихъ разбойниковъ — девяти цифръ, которыя, кажется, всякій вечеръ принимали новые образы, чтобъ окончательно сбивать меня съ толку; но наконецъ, я началъ читать, писать и считать, но какъ-то ощупью и въ весьма-малыхъ размѣрахъ.

Какъ-то разъ, вечеромъ, сидя въ углу у камина, съ грифельною доскою въ рукахъ, я употреблялъ неимовѣрныя усилія, чтобъ сочинить письмо къ Джо. Должно быть, это было ровно чрезъ годъ послѣ нашей

охо́ты за колодниками, такъ-какъ съ-тѣхъ-поръ уже прошло много времени и на дворѣ стояла зима съ жестокими морозами. Съ азбукою у ногъ моихъ, для справокъ, я чрезъ часокъ, или два, успѣлъ не то намазать, не то напечатать письмо къ Джо:

«моИ миЛОИ ЖО я наДЮС тЫ Сов 7 сДороф я сКРО БудЮ УМет учъ и Т Б ЖО И таДа бубит ОЧн всЭлО И Ко Да Я БУДЮ ВУчени И УТБ ЖО Т Б мНоГО ЛюбиЩ ТБ ПiП.»

Никто не принуждалъ меня переписываться съ Джо, тѣмъ болѣе, что онъ сидѣлъ рядомъ со мною и мы были одни; но я собственноручно передалъ Джо свое посланіе (доску и всѣ припасы), и онъ принялъ его за чудо знанія.

— Ай-да, Пипъ, старый дружище! сказалъ Джо, широко раскрывъ свои голубые глаза.—Да какой же ты у меня ученый!

— Хотѣлъ бы я быть ученымъ, сказалъ я, бросивъ вскользь нерѣшительный взглядъ на доску; мнѣ показалось, что писаніе мое шло немного въ гору.

— Ка́къ, да вотъ тутъ Ж, сказалъ Джо:—а вотъ и О, да и какое еще! Вотъ те, Ж и О, Пипъ, Ж — О — Джо.

Никогда не слыхалъ я, чтобъ Джо разбиралъ что-нибудь, кромѣ этого односложнаго слова, а прошлое воскресенье я замѣтилъ, что онъ въ церкви и не спохватился, когда я нечаянно повернулъ молитвенникъ вверхъ ногами. Желая воспользоваться этимъ случаемъ, чтобъ разузнать придется ли мнѣ учить его съ азовъ, я сказалъ:

— Да прочти же остальное, Джо.

— Остальныя, Пипъ? сказалъ Джо медленно, чего-то доискиваясь въ моемъ писаніи.—Одинъ, два, три, да вотъ тутъ три Ж и три О, какъ разъ три Джо, Пипъ.

Я наклонился черезъ плечо Джо и, тыкая пальцемъ, прочелъ письмо сполна.

— Удивительно! сказалъ Джо, когда я кончилъ. — Да ты, братъ, *совсѣмъ* ученый.

— А какъ ты складываешь Гарджери, Джо? спросилъ я скромнымъ, но покровительствующимъ тономъ.

— Какъ я складываю? Да я совсѣмъ не складываю, сказалъ Джо.

— Ну, положимъ, ты вздумалъ бы складывать?

— Да это и положить нельзя, сказалъ Джо.—Хотя я страсть какъ люблю читать.

— Не-уже-ли, Джо?

— Страсть какъ люблю. Дай мнѣ только хорошую книгу или хорошую газету и посади меня къ камину, я и не прошу ничего луч-

шаго. Боже ты мой! продолжалъ онъ, потирая себѣ колѣни. — Наткнешься этакъ на Ж, а тамъ на О и говоришь себѣ, вотъ это значитъ Джо — чрезвычайно пріятно!

Изъ этихъ словъ я заключилъ, что образованность Джо, какъ примѣненіе пара, находится еще въ младенчествѣ. Затѣмъ я спросилъ у него:

— Ходилъ ты въ школу, Джо, когда былъ моихъ лѣтъ?

— Нѣтъ, Пипъ.

— Зачѣмъ же ты не ходилъ?

— Видишь ли, Пипъ, сказалъ Джо, взявъ въ руки ломъ и разгребая въ каминѣ красные уголья, что̀ у него всегда означало внутреннюю, умственную работу.— Видишь ли, Пипъ, я тебѣ сейчасъ все разскажу. Отецъ мой любилъ выпить; а какъ выпьетъ, бывало, такъ и начнетъ колотить мать; безбожно колотилъ онъ ее, да и мнѣ порядкомъ доставалось; кажись, онъ почище отработывалъ меня, чѣмъ желѣзо на наковальнѣ. Понимаешь, Пипъ?

— Да̀, Джо.

— Ну, видишь ли, вотъ мы съ матерью возьмемъ да и сбѣжимъ изъ дому; мать моя отправится на заработки и скажетъ мнѣ: «Джо, вотъ, благодаря Бога! ты попадешь теперь въ школу, мальчикъ». И сведетъ она меня въ школу. Но у отца была своя хорошая сторона: не могъ, сердечный, жить безъ насъ. Пойдетъ онъ, бывало, соберетъ толпу народа и подыметъ такой гвалтъ у дверей дома, гдѣ мы скрывались, что хозяева поневолѣ выдадутъ насъ, только бы отдѣлаться отъ него. А онъ заберетъ насъ домой да и пойдетъ лупить по-старому. Вотъ самъ теперь видишь, добавилъ Джо, переставая на минуту разгребать огонь:—вотъ это и было помѣхою моему ученью.

— Конечно, бѣдный Джо.

— Однако, Пипъ, сказалъ Джо, проведя раза два ломомъ по верхней перекладинѣ рѣшетки: — всякому слѣдуетъ отдавать справедливость, всякому свое, и мой отецъ имѣлъ свою хорошую сторону, видишь ли?

Я этого не видѣлъ, но не сталъ ему поперечить.

— Ну, продолжалъ Джо:—кому-нибудь да надо поддерживать огонь подъ котломъ, иначе каши не сваришь, самъ знаешь.

Это я зналъ, и потому поддакнулъ.

— Слѣдовательно, отецъ не противился, чтобъ я шелъ на работу, итакъ я началъ заниматься моимъ теперешнимъ ремесломъ, которое было бы и его понынѣ, еслибъ онъ не бросилъ его. Я работалъ много, право много, Пипъ. Со-временемъ я былъ въ-состояніи кор-

мить его и кормилъ до-тѣхъ-поръ, пока его унесъ параличъ. Я намѣренъ былъ написать на его надгробномъ камнѣ:

Каковъ бы онъ ни былъ, читатель,
Доброта сердца была его—добродѣтель.

Джо прочелъ эти стишки съ такою гордостью и отчетливостью, что я спросилъ, уже не самъ ли онъ ихъ сочинилъ.

— Самъ, отвѣтилъ Джо:—безъ всякой помощи. И сочинилъ я ихъ въ одно мгновеніе, словно цѣлую подкову однимъ ударомъ выковалъ. Никогда въ свою жизнь не былъ я такъ удивленъ, глазамъ не вѣрилъ, по правдѣ сказать; я даже начиналъ сомнѣваться, точно ли я ихъ самъ сочинилъ. Какъ я уже сказалъ, я намѣревался вырѣзать эти слова на гробницѣ; но вырѣзать стихи на камнѣ—будь они тамъ мелко или крупно написаны—дорого стоитъ, потому я и не исполнилъ своего намѣренія. Не говоря уже о расходахъ на похороны, всѣ лишнія деньги были нужны моей матери. Она была слаба здоровьемъ и скоро послѣдовала за отцомъ; пришла и ей очередь отойдти на покой.

Глаза Джо покрылись влагою; онъ утеръ сначала одинъ, потомъ другой глазъ закругленнымъ концомъ каминнаго лома.

— Скучно и грустно было жить одному, продолжалъ Джо.—Я познакомился съ твоей сестрой. Ну, Пипъ, и Джо рѣшительно посмотрѣлъ на меня, какъ-бы ожидая возраженія: — надо сказать, что твоя сестра красивая женщина.

На лицѣ моемъ невольно выразилось сомнѣніе и, чтобъ скрыть это, я отвернулся къ камину.

— Чтò тамъ ни говори семья, или хоть весь свѣтъ, Пипъ, а сестра твоя кра-си-вая женщина! Каждое изъ этихъ словъ сопровождалось ударомъ лома о верхнюю перекладинку каминной рѣшетки.

Я не съумѣлъ сказать ничего умнѣе, какъ:

— Очень-радъ слышать, Джо, что ты такъ думаешь.

— И я тоже, подхватилъ Джо: — я очень-радъ, что такъ думаю, Пипъ. Чтò мнѣ до того, что она больно красна и костлява немного?

Я очень-остроумно замѣтилъ, что если ему не было до этого дѣла, то кому же и было?

— Конечно, подтакнулъ Джо.—Въ томъ-то и дѣло. Ты совершенно правъ, старый дружище! Когда я познакомился съ твоей сестрою, только и было рѣчи о томъ, кàкъ она тебя кормила отъ руки. Очень-мило съ ея стороны, говорили всѣ и я говорилъ то же. Чтò же касается до тебя, продолжалъ Джо съ выраженіемъ, будто видитъ что-то очень-противное: — еслибъ ты могъ только себѣ представить, кàкъ

слабъ, малъ и тщедушенъ ты былъ тогда, то право составилъ бы очень-дурное о себѣ мнѣніе.

Не очень-довольный его словами, я сказалъ:

— Ну, оставьте меня въ сторонѣ.

— Однако, тогда я не оставилъ тебя, сказалъ онъ съ трогательною простотою: — когда я предложилъ твоей сестрѣ сдѣлаться моею сожительницею, обвѣнчавшись со мною въ церкви, и она согласилась переселиться на кузницу, я сказалъ ей: «Возьмите съ собою и мальчика, Господь благослови его! найдется и для него мѣстечко на кузницѣ».

Заливаясь слезами, бросился я на шею Джо, прося у него извиненія; Джо выпустилъ изъ рукъ ломъ и, обнявъ меня, сказалъ:

— Вѣкъ были и будемъ образцовые друзья—не такъ ли, Пипъ? Ну, полно плакать, старый дружище!

Спустя нѣсколько минутъ, Джо продолжалъ:

— Ну, видишь ли, Пипъ, вотъ въ томъ-то и дѣло, въ томъ-то и дѣло. Когда ты, значитъ, примешься учить меня (хотя я напередъ долженъ сказать, что мнѣ это ученіе смерть какъ надоѣдаетъ), такъ надо устроиться такъ, чтобъ мистрисъ Джо ничего не знала. Слѣдуетъ это дѣлать украдкою. А зачѣмъ украдкою?—я сейчасъ скажу.

И онъ опять взялъ въ руки ломъ, безъ котораго, кажется, ничего важнаго не могъ сказать.

— Твоя сестра предана правительству.

— Предана правительству, Джо?

Я былъ пораженъ этими словами и возъимѣлъ смутное подозрѣніе (по правдѣ сказать, даже надежду), что Джо разведется съ моей сестрою и что она скоро сдѣлается женою какого-нибудь лорда адмиралтейства или казначейства.

— Предана правительству... сказалъ Джо.—Я хочу сказать, что она любитъ властвовать надъ нами.

— А!

— И она не очень-то будетъ довольна имѣть ученыхъ подъ командою, продолжалъ Джо: — особенно разозлится, коли узнаетъ, что я вздумалъ учиться; чего добраго, подумаетъ, что я намѣренъ возставать противъ нея, какъ бунтовщикъ какой, понимаешь?

Я хотѣлъ спросить у Джо объясненія, но не успѣлъ еще выговорить: «зачѣмъ же?», какъ онъ перебилъ меня:

— Постой! постой, Пипъ; я знаю, что ты хочешь сказать; погоди минутку. Я знаю, что твоя сестра подъ-часъ тиранствуетъ надъ нами не хуже любаго могола. Иной разъ она дѣйствительно такъ наляжетъ, что, того-и-гляди, придушитъ. Въ такія минуты, прибавилъ

онъ, почти шопотомъ и боязливо поглядывая на дверь: — въ такія минуты она, по правдѣ сказать, сущая вѣдьма.

Джо произнесъ послѣднее слово, какъ-будто оно начиналось двѣнадцатью В.

— Зачѣмъ же я не возстану? вотъ что̀ ты хотѣлъ сказать, Пипъ, когда я тебя перебилъ.

— Да̀, Джо.

— Ну, Пипъ, сказалъ Джо, взявъ ломъ въ лѣвую руку, а правою расправляя свои бакенбарды...

Увидѣвъ эти приготовленія, я началъ терять надежду добиться отъ него толку.

— Сестра́ твоя — голова... У-у, какая голова! кончилъ онъ.

— Это что̀? спросилъ я, въ надеждѣ его озадачить.

Но Джо нашелъ опредѣленіе гораздо-скорѣе, чѣмъ я ожидалъ, и совершенно поставилъ меня въ-тупикъ своимъ непреложнымъ доводомъ, сказавъ съ выразительнымъ взглядомъ: «это она!»

— А я далеко-неуменъ, продолжалъ онъ, опустивъ глаза и принимаясь снова расправлять свои бакенбарты. — Да и наконецъ, Пипъ, старый дружище, я тебѣ не шутя скажу: довольно я наглядѣлся, ка̀къ моя бѣдная мать унижалась и рабствовала, и не знала покоя цѣлую жизнь. Меня просто страхъ беретъ идти наперекоръ женщинѣ; изъ двухъ золъ ужь лучше мнѣ самому побезпокоиться маленько. Хотѣлъ бы я только все на своихъ плечахъ выносить, чтобъ тебѣ, старый дружище, не перепадало. Не все на семъ свѣтѣ цвѣточки, Пипъ; нѐчего отчаяваться.

Какъ ни былъ я молодъ, а мнѣ кажется, съ того вечера я сталъ питать еще болѣе уваженія къ Джо.

— Однако, сказалъ Джо, вставая, чтобъ прибавить топлива въ каминъ: — вотъ уже часы скоро пробьютъ восемь, а ея еще нѣтъ! Надѣюсь, кобыла дяди Пёмбельчука не поскользнулась на льду и не вывалила ихъ.

Мистрисъ Джо ѣзжала иногда въ городъ съ дядей Пёмбельчукомъ, преимущественно въ рыночные дни, чтобъ помочь ему при покупкѣ такихъ вещей и припасовъ, которые требовали женскаго глаза; дядя Пёмбельчукъ былъ холостякъ и не полагался на свою экономку. Былъ именно рыночный день и мистрисъ Джо выѣхала на подобную экспедицію.

Джо развелъ огонь, смахнулъ золу и пепелъ съ очага и пошелъ къ двери послушать, не ѣдетъ ли одноколка дяди Пёмбельчука. Ночь была ясная, холодная; дулъ рѣзкій вѣтеръ, и жестокій морозъ забѣ-

лилъ землю. Мнѣ казалось, что провести подобную ночь на болотѣ, значило бы идти на вѣрную смерть. И когда я взглянулъ на звѣздное небо, мнѣ пришла въ голову мысль, какъ ужасно должно быть положеніе человѣка, который, замерзая, тщетно сталъ бы обращать умоляющій взоръ къ этимъ блестящимъ свѣтиламъ, ища помощи или сострадания.

— А вотъ и кобыла бѣжитъ! сказалъ Джо.—Слышь, какъ звенятъ ея копыта, словно колокольчики.

И дѣйствительно, пріятно было слышать дружные удары подковъ о твердую, замерзшую землю. Мы вытащили стулъ, чтобъ пособить мистрисъ Джо выйти изъ экипажа; развели огонь, чтобъ онъ весело свѣтилъ въ окно и окинули взглядомъ всю кухню, чтобъ убѣдиться, что все въ порядкѣ и на мѣстѣ. Мы были готовы ихъ встрѣтить, когда они подъѣхали, закутанные до ушей. Мистрисъ Джо скоро сошла на твердую землю; Пёмбельчукъ уже возился вокругъ своей кобылы, накрывъ ее попоною; и мы всѣ вошли въ кухню, внося съ собою столько холоду, что, казалось, самый огонь остылъ.

— Ну, сказала мистрисъ Джо, торопливо раскутываясь и скинувъ съ головы шляпку, такъ-что она болталась у ней за спиной, держась на завязкахъ.—Если этотъ мальчикъ не будетъ благодаренъ сегодня, то онъ никогда не будетъ благодаренъ.

Я старался принять выраженіе полнѣйшей благодарности на столько, на сколько можетъ успѣть въ этомъ мальчикъ, рѣшительно-незнающій, за что ему быть благодарнымъ.

— Чтобъ его только не избаловали тамъ, сказала моя сестра:—я, право, боюсь этого.

— Она не изъ таковскихъ, сударыня, сказалъ мистеръ Пёмбельчукъ. — Она знаетъ, какъ съ этимъ народцемъ обращаться.

«Она?» и я взглянулъ на Джо, сопровождая это слово движеніемъ губъ и бровей. «Она?» и Джо взглянулъ на меня, выказывая свое изумленіе движеніемъ губъ и бровей.

Но сестра моя напала на него врасплохъ; онъ потеръ рукою носъ и взглянулъ на нее съ обычнымъ въ подобныхъ случаяхъ миролюбивымъ выраженіемъ.

— Ну, чего? сказала она, огрызаясь. — Чего ротъ-то разинулъ? Али домъ горитъ?

— Я слышалъ, какая-то особа, учтиво намекнулъ Джо: — сказала: *она*.

— Извѣстно она, сказала моя сестра: — ты только развѣ скажешь про миссъ Гавишанъ — онъ, да и ты врядъ-ли скажешь.

— Миссъ Гавишанъ, что̀ живетъ тамъ, въ городѣ? спросилъ Джо.

— А развѣ есть какая-нибудь миссъ Гавишанъ не въ городѣ? отвѣтила моя сестра. — Она желаетъ, чтобъ этотъ мальчикъ приходилъ ее забавлять, что̀ онъ и будетъ дѣлать, прибавила она, качая головой, какъ-бы желая поощрить меня къ предстоящей мнѣ дѣятельности. — Или я съ нимъ расправлюсь.

Я слыхалъ о миссъ Гавишамъ, что̀ жила въ городѣ — кто не слыхалъ о ней въ нашемъ краю? — она была богатая и чрезвычайно-угрюмая дама; жила въ большомъ и страшномъ домѣ, заключенномъ со всѣхъ сторонъ, для предостереженія отъ воровъ, и вообще вела совершенно-отшельническую жизнь.

— Однако, сказалъ Джо, совершенно-озадаченный: — однако, откуда же она знаетъ Пипа?

— Олухъ! закричала моя сестра. — Кто же тебѣ говоритъ, что она его знаетъ?

— Какая-то особа, учтиво замѣтилъ Джо: — только-что сказала, что *она* хочетъ, чтобъ онъ ходилъ ее забавлять.

— А не могла она спросить дядю Пёмбельчука: не знаетъ ли онъ мальчика, который бы приходилъ ее забавлять — а? И не могло развѣ случиться, что дядя Пёмбельчукъ нанимаетъ у ней квартиру, и что онъ къ ней ходитъ вносить деньги — я не говорю въ каждую треть, потому-что тебѣ этого не понять - а такъ, отъ времени до времени? И не могла она спросить у дяди Пёмбельчука, нѣтъ ли у него знакомаго мальчика? И не могъ развѣ дядя Пёмбельчукъ, который постоянно о насъ печется, не могъ ли онъ замолвить слово объ этомъ мальчикѣ... что тутъ топчешься? (чего я, клянусь, [illegible] думалъ дѣлать), и за которымъ я вѣкъ свой нянчилась, какъ каторжная?

— Хорошо сказано! воскликнулъ дядя Пёмбельчукъ: — ясно, сильно, выразительно, очень, очень-хорошо. Ну, теперь вы понимаете, въ чемъ дѣло, Джозефъ?

— Нѣтъ, Джозефъ, сказала моя сестра, между-тѣмъ, какъ Джо смиренно потиралъ себѣ рукою носъ, какъ-бы желая загладить свою вину: — вы еще не знаете въ чемъ дѣло, хотя, пожалуй, и думаете, что все знаете. Вы еще не знаете, что дядя Пёмбельчукъ, полагая, что этимъ мальчикъ можетъ себѣ сдѣлать дорогу въ свѣтъ, предложилъ взять его сегодня же вечеромъ въ своей одноколкѣ къ себѣ на ночь, и завтра же утромъ руками сдастъ его миссъ Гавишамъ. — Боже ты мой милостивый! сказала она, въ отчаніи бросая въ сторону свою шляпу: — я стою здѣсь и толкую съ этими скотами! Дядя Пёмбельчукъ

напрасно дожидается и кобыла его, чего добраго, прозябнетъ. А тутъ этотъ мальчишка весь, съ ногъ до головы, въ грязи и углѣ.

И, сказавъ это, она накинулась на меня, какъ коршунъ на ягненка, и чего-чего не пришлось мнѣ вытерпѣть! меня совали головою подъ кранъ, а лицомъ въ корыто; меня и мылили, и шаровали пескомъ, и терли полотенцами — словомъ, истязали до безчувствія. Здѣсь не мѣшаетъ мимоходомъ замѣтить, что я испыталъ лучше всякаго другаго на свѣтѣ непріятное дѣйствіе вѣнчальнаго кольца, неблагосклонно-гуляющаго по человѣческой физіономіи.

Когда кончились эти омовенія, меня облачили въ чистое бѣлье, жосткое, какъ власяница кающагося грѣшника, и затянули въ самое тѣсное платье, отъ котораго я всегда приходилъ въ трепетъ. Въ такомъ видѣ я былъ сданъ на руки мистеру Пёмбельчуку, который, между-тѣмъ, горѣлъ нетерпѣніемъ произнести давно-знакомую мнѣ рѣчь, и теперь, формально принявъ меня, разрѣшился словами:

— Мальчикъ, будь всегда благодаренъ твоимъ друзьямъ, особенно тѣмъ, кто вскормилъ тебя отъ руки.

— Прощай, Джо! крикнулъ я.

— Господь съ тобою, Пипъ, старый дружище!

Никогда еще не разставался я съ нимъ, и теперь, частью отъ волненія, частью отъ мыла, ѣвшаго мнѣ глаза, не видѣлъ даже звѣздъ, ярко-блестѣвшихъ на небѣ. Понемногу, одна за другою, стали онѣ выступать на небесномъ сводѣ; но и онѣ не проливали свѣта на загадочный вопросъ: «зачѣмъ ѣхалъ я къ миссъ Гавишамъ, и какъ мнѣ придется забавлять ее?»

VIII.

Жилище мистера Пёмбельчука, на большой улицѣ рыночнаго города, имѣло видъ не то лабаза, не то мелочной лавочки, чего и слѣдовало ожидать отъ заведенія торговца зерномъ и сѣменами. Я былъ увѣренъ, что, имѣя столько ящичковъ въ своей лавкѣ, мистеръ Пёмбельчукъ долженъ былъ чувствовать себя очень-счастливымъ. Я вытянулъ нѣкоторые изъ этихъ ящиковъ, бывшіе мнѣ подъ ростъ, чтобъ посмотрѣть, что̀ въ нихъ находится; при видѣ сѣменъ и луковицъ, завернутыхъ въ сѣрую бумагу, мнѣ невольно пришло на мысль, съ какимъ нетерпѣніемъ онѣ должны дожидаться, бѣдняжки, того свѣтлаго дня, когда, вырвавшись изъ заточенія, онѣ выростутъ и зацвѣтутъ.

Я предавался подобнымъ размышленіямъ на слѣдующее утро, послѣ моего прибытія въ городъ. Наканунѣ меня сейчасъ же отправили спать въ мезонинъ, подъ откосомъ крыши; постель моя приходилась подъ самою крышею въ углу, такъ-что, по моему разсчету, между черепицею кровли и моимъ лбомъ было не болѣе фута разстоянія. Въ то же утро я замѣтилъ необыкновенную связь между сѣменами и плисомъ. Мистеръ Пёмбельчукъ былъ одѣтъ въ дорощатый плисъ и сидѣлецъ его носилъ платье изъ той же матеріи; вообще, сѣмена какъ-то отдавали плисомъ, а плисъ сѣменами, такъ-что, въ-сущности трудно было рѣшить, что̀ чѣмъ пахло. При этомъ случаѣ я замѣтилъ также, что мистеръ Пёмбельчукъ, повидимому, справлялъ дѣла свои, стоя у окна и глазѣя черезъ улицу на шорника; шорникъ, въ свою очередь, велъ торговлю, не спуская глазъ съ каретника, который подвигался въ дѣлахъ, засунувъ руки въ карманы и поглядывая на булочника, а тотъ, сложа руки, слѣдилъ за часовщикомъ. Часовщикъ, со стеклышкомъ въ глазу, пристально смотрѣлъ на свой столикъ, покрытый колесиками разобранныхъ часовъ и, казалось, одинъ на большой улицѣ дѣйствительно былъ занятъ своимъ дѣломъ, потому-то, вѣроятно, праздные мальчишки толпились у окна его.

Мистеръ Пёмбельчукъ и я позавтракали въ комнатѣ за лавочкой, а сидѣлецъ осушилъ свою кружку чаю и уничтожилъ огромный ломоть хлѣба съ масломъ, сидя на мѣшкѣ съ горохомъ въ передней комнатѣ. Общество мистера Пёмбельчука показалось мнѣ самымъ скучнѣйшимъ въ мірѣ. Уже не говоря о томъ, что онъ раздѣлялъ вполнѣ мнѣніе моей сестры касательно приличной для меня пищи, которая, по ихнему, должна была имѣть повозможности постный характеръ, вѣроятно, для укрощенія моего характера; уже не говоря о томъ, что, вслѣдствіе подобнаго убѣжденія, онъ давалъ мнѣ какъ-можно-болѣе корокъ съ соразмѣрно-малымъ процентомъ масла, а молоко разбавлялъ такимъ количествомъ горячей воды, что гораздо-честнѣе было бы обойтись вовсе безъ него; оставя все это въ сторонѣ, всего обиднѣе было то, что весь разговоръ его ограничивался ариѳметикой. Когда я вошелъ въ комнату и пожелалъ ему добраго утра, онъ преважно произнесъ: «Семью-семь—мальчикъ?» Мнѣ было не до отвѣта, послѣ подобной встрѣчи въ чужомъ мѣстѣ, да еще на голодный желудокъ; не успѣлъ я проглотить куска, какъ любезный Пёмбельчукъ началъ безконечное сложеніе, которое продолжалось во все время завтрака: «Семь и четыре, и восемь, и шесть, и два, и десять» и такъ далѣе.

Отвѣтивъ на вопросъ, я едва успѣвалъ проглотить кусокъ или хлебнуть глотокъ, какъ уже являлся новый вопросъ; а онъ, между-

тѣмъ, сидѣлъ-себѣ спокойно, не ломая головы и уплетая самымъ неприлично-обжорливымъ образомъ жирную ветчину съ теплымъ хлѣбомъ.

Потому не удивительно, что я обрадовался, когда пробило десять часовъ и мы отправились къ миссъ Гавишамъ, хотя я далеко не былъ увѣренъ въ томъ, что буду вести себя приличнымъ образомъ подъ ея кровомъ. Чрезъ четверь часа мы уже были передъ домомъ миссъ Гавишамъ, старымъ, грустнымъ строеніемъ, съ желѣзными рѣшетками въ окнахъ. Нѣкоторыя окна были заложены кирпичомъ, остальныя тщательно ограждены рѣшетками. Передъ домомъ былъ дворъ, тоже загороженный желѣзною рѣшеткой, такъ-что намъ пришлось дожидаться, позвонивъ у калитки. Мистеръ Пёмбельчукъ и тутъ, пока мы ждали, съумѣлъ ввлеить «и четырнадцать?», но я притворился, что не слышу и продолжалъ заглядывать на дворъ. Рядомъ съ домомъ я замѣтилъ большую пивоварню, но въ ней не варилось пиво, повидимому, уже давно.

Открылось окно и чистый голосъ спросилъ:

— Кто тамъ?

На что мой спутникъ отвѣтилъ:

— Пёмбельчукъ.

Голосокъ произнесъ:

— Хорошо.

Окно затворилось и молодая барышня прошла по двору съ ключами въ рукахъ.

— Это Пипъ, сказалъ мистеръ Пёмбельчукъ.

— А! это Пипъ? возразила барышня, очень-хорошенькая и столь же гордая на взглядъ.—Войди, Пипъ.

Мистеръ Пёмбельчукъ сунулся-было тоже, но она удержали его калиткой.

— Развѣ вы желаете видѣть миссъ Гавишамъ? сказала она.

— Разумѣется, если миссъ Гавишамъ желаетъ меня видѣть, сказалъ мистеръ Пёмбельчукъ, нѣсколько смутившись.

— А вы видите, что нѣтъ, сказала молодая дѣвушка.

Она произнесла это такъ рѣшительно, что мистеръ Пёмбельчукъ не рѣшился возражать, хотя чувствовалъ себя крайне-обиженнымъ. Онъ строго взглянулъ на меня, словно я былъ причиною этого обиднаго случая, и удаляясь, сказалъ съ очевидною укоризною:

— Мальчикъ! веди себя здѣсь такъ, чтобъ поведеніе твое послужило въ чести вскормившихъ тебя отъ руки.

Я былъ увѣренъ, что онъ воротится и крикнетъ сквозь калитку, «и шестнадцать?» но, по счастью, онъ не возвращался.

Молодая дѣвушка заперла калитку и перешла дворъ. Дворъ былъ чистъ и вымощенъ, но въ промежуткахъ между камней пробивала травка. Деревянныя ворота пивоварни выходили на дворъ; они были открыты настежь, и всѣ остальныя окна и двери въ ней были растворены. Все было пусто и заброшено, насколько можно было видѣть, вплоть до бѣлой ограды. Холодный вѣтеръ, казалось, дулъ здѣсь сильнѣе, чѣмъ снаружи; онъ съ какимъ-то завываньемъ входилъ и выходилъ въ окна и двери винокурни, какъ гудитъ онъ на морѣ между снастями корабля.

Молодая дѣвушка замѣтила, куда я смотрѣлъ, и сказала:

— Ты бы могъ, мальчикъ, безъ вреда выпить все крѣпкое пиво, что тутъ варится.

— Я думаю, что такъ, миссъ, сказалъ я застѣнчиво.

— Лучше бы и не пробовать варить тутъ пива, мальчикъ, кисло выйдетъ — не такъ ли?

— Похоже на то, миссъ.

— Не то, чтобъ кто-нибудь въ-самомъ-дѣлѣ затѣвалъ варить пиво на этой пивоварнѣ, прибавила она: — дѣло порѣшеное, она простоитъ пустою, пока не завалится. Что касается до крѣпкаго пива, то его и безъ того въ подвалахъ довольно, чтобъ затопить Манор-Гоусъ.

— Такъ зовутъ этотъ домъ, миссъ?

— Дà, это одно изъ его названій, мальчикъ.

— Такъ у него нѣсколько названій, миссъ?

— Всего два. Другое названіе было Сатисъ, слово греческое, латинское или еврейское—по-мнѣ все одно—значитъ: довольно.

— Довольно, это странное названіе для дома, миссъ.

— Дà, отвѣчала она: — но оно имѣло свой смыслъ; оно значило, что тотъ, кто владѣетъ этимъ домомъ, болѣе ни въ чемъ не нуждается. Видно, они не очень-то были требовательны въ тѣ времена. Но, полно валандать, мальчикъ.

Хотя она часто называла меня мальчикомъ, и то съ какимъ-то пренебреженіемъ, довольно-обиднымъ для моего самолюбія, однако была мнѣ ровесницею, или немного старше меня. Но на взглядъ, какъ дѣвушка, она казалась гораздо-старше меня; хорошенькая собой и самоувѣренная, она обращалась со мною съ величайшимъ пренебреженіемъ: иной бы сказалъ, ей двадцать-два года и притомъ она королева.

Мы вошли въ домъ боковою дверью; главный подъѣздъ былъ загороженъ снаружи двумя цѣпями. При входѣ, первая вещь, поразившая меня, была темнота, царствовавшая въ корридорахъ. Моло-

дая дѣвушка, выходя къ намъ, оставила тамъ свѣчу; теперь она подняла ее съ пола и мы прошли еще нѣсколько корридоровъ, поднялись по лѣстницѣ, и все это въ темнотѣ, при единственномъ свѣтѣ нашей свѣчи.

Наконецъ, мы подошли къ двери, и молодая дѣвушка сказала:

— Войди.

Я отвѣчалъ болѣе изъ застѣнчивости, чѣмъ изъ вѣжливости:

— За вами, миссъ?

На что она отвѣтила:

— Какъ ты смѣшонъ, мальчикъ! я не войду.

При этомъ она съ презрѣніемъ отвернулась и ушла и, что̀ хуже всего, унесла съ собою свѣчу.

Это было очень-непріятное обстоятельство, и я почти-что испугался. Впрочемъ, ничего не оставалось дѣлать, какъ постучаться въ дверь. Постучавъ, я получилъ приглашеніе войти. Я вошелъ и очутился въ довольно-большой комнатѣ, хорошо освѣщенной восковыми свѣчами. Ни одна щелка не пропускала дневнаго свѣта. То была уборная, какъ мнѣ казалось, судя по мебели, хотя я не зналъ въ точности, на что̀ могла служить бо̀льшая часть ея. Самая выдающаяся мёбель былъ обвѣшенный столъ съ позолоченнымъ зеркаломъ. Я тотчасъ догадался, что это долженъ быть уборный столикъ важной барыни.

Не съумѣю сказать, такъ ли бы я скоро дошелъ до такого умозаключенія, еслибъ передъ столикомъ въ то время не сидѣла барыня. Опершись локтемъ на столъ и поддерживая голову рукою, сидѣла передо мною на креслѣ самая странная барыня, какую я когда-либо видѣлъ или увижу.

На ней было роскошное платье — шелкъ, атласъ, кружева и все бѣлое. Даже башмаки были бѣлые. На головѣ у нея была длинная бѣлая фата, а въ волосахъ подвѣнечные цвѣты, но и самые волоса были бѣлые. Нѣсколько драгоцѣнныхъ камней блестѣли у нея на шеѣ и на рукахъ, а еще болѣе лежало на столѣ. Платья, менѣе богатыя, чѣмъ надѣтое на ней, и полууложенные ящики валялись по сторонамъ. Она, какъ видно, не совсѣмъ еще одѣлась, у нея былъ надѣтъ только одинъ башмакъ, другой лежалъ вблизи; фата была не совсѣмъ приколота, часы съ цѣпочкой лежали на столѣ, вмѣстѣ съ кружевами, носовымъ платкомъ, перчатками, цвѣтами и молитвенникомъ, все въ одной кучѣ, близь зеркала.

Я не сразу разглядѣлъ всѣ эти подробности, хотя съ перваго взгляда увидѣлъ болѣе, чѣмъ можно было ожидать. Я замѣтилъ, что все нѣкогда бѣлое уже давно потеряло свой блескъ, поблекло и пожелтѣло. Я увидѣлъ, что и сама невѣста поблекла, какъ подвѣнечное ея

платье и цвѣты, и не имѣла уже другаго блеска, кромѣ блеска впалыхъ глазъ. Я понялъ, что платье, теперь висѣвшее какъ тряпка и прикрывавшее кости и кожу бывшей красавицы, было кроено по округленнымъ формамъ молодой женщины. Однажды мнѣ показывали на ярмаркѣ какую-то страшную восковую фигуру, изображавшую неизвѣстно чью отчаянную личность. Другой разъ меня водили въ одну изъ церквей на нашихъ болотахъ, чтобъ посмотрѣть на найденный подъ сводами церкви скелетъ, покрытый богатою, разсыпавшеюся въ прахъ, одеждою. Теперь мнѣ показалось, что у восковой фигуры и у скелета были темные глаза, которые двигались и смотрѣли на меня. Я бы вскрикнулъ, еслибъ могъ.

— Кто тамъ? сказала барыня, сидѣвшая у стола.

— Пипъ, сударыня.

— Пипъ?

— Мальчикъ отъ мистера Пёмбельчука, сударыня. Пришелъ забавлять васъ.

— Подойди, дай взглянуть на тебя; стань поближе.

Только стоя подлѣ нея и стараясь избѣгать ея взоровъ, я успѣлъ разсмотрѣть въ подробности окружавшіе ее предметы. Я замѣтилъ, что часы ея остановились на девяти безъ двадцати минутъ, и стѣнные часы также стояли на девяти безъ двадцати минутъ.

— Взгляни на меня, сказала миссъ Гавишамъ. — Ты не боишься женщины, невидавшей солнца съ-тѣхъ-поръ, какъ ты на свѣтѣ?

Къ-сожалѣнію, я долженъ признаться, что не побоялся соврать самымъ наглымъ образомъ, отвѣтивъ: «нѣтъ».

— Знаешь ли, что у меня тутъ? сказала она, складывая обѣ руки на лѣвой сторонѣ груди.

— Знаю, сударыня.

При этомъ я вспомнилъ молодчика, которымъ пугалъ меня каторжникъ.

— Что тутъ?

— Ваше сердце.

— Разбитое!

Миссъ Гавишамъ произнесла это слово съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ и роковою улыбкой, будто хвастаясь этимъ. Она нѣсколько времени держала руки въ томъ же положеніи, потомъ медленно опустила ихъ, точно ей было тяжело ихъ поддерживать.

— Я устала, сказала миссъ Гавишамъ. — Мнѣ нужно развлеченіе; я покончила и съ мужчинами, и съ женщинами. Ну, представляй!

Я увѣренъ, что каждый изъ моихъ читателей, будь онъ самый

отчаянный спорщикъ, согласится со мною, что страшная барыня не могла ничего придумать менѣе удобоисполнимаго при подобной обстановкѣ.

— На меня находятъ иногда болѣзненныя фантазіи, продолжала она:—теперь у меня болѣзненное желаніе видѣть представленіе. Ну, ну! и она стала судорожно ворочать пальцами: — представляй, представляй!

На минуту мнѣ пришла въ голову отчаянная мысль прокатиться кубаремъ вокругъ комнаты, подражая одноколкѣ мистера Пёмбельчука. Но тотчасъ же, несмотря на грозный призракъ сестры (постоянно-живой въ моемъ воображеніи), я долженъ былъ внутренно сознаться, что не подготовленъ нравственно для столь-труднаго представленія. Лицо мое имѣло, какъ видно, неочень-пріятное выраженіе, пока мы смотрѣли другъ на друга, потому-что, вдоволь наглядѣвшись на меня, миссъ Гавишамъ сказала:

— Что ты дуешься или упрямишься?

— Нѣтъ, сударыня, мнѣ очень-жалко васъ, и жалко, что я не могу представлять въ эту минуту. Если вы пожалуетесь на меня, то мнѣ достанется отъ сестры; потому я бы представлялъ, еслибъ могъ; но тутъ мнѣ все такъ ново, такъ странно, такъ незнакомо и грустно. Я остановился, боясь, что скажу, или, уже сказалъ лишнее; мы опять стали смотрѣть другъ на друга.

Прежде чѣмъ заговорить снова, миссъ Гавишамъ взглянула на свое платье, на уборный столикъ и, наконецъ, на себя въ зеркало.

— Такъ ново для него, пробормотала она: — и такъ старо для меня; такъ странно для него и такъ обыкновенно для меня; такъ грустно для насъ обоихъ! Позови Эстеллу.

Она все еще смотрѣла на свое изображеніе; я полагалъ, что она продолжаетъ говорить сама съ собой, и не трогался съ мѣста.

— Позови Эстеллу, повторила она, быстро взглянувъ на меня; или ты и того сдѣлать не можешь? Позови Эстеллу. У двери.

Стоять въ темномъ, таинственномъ корридорѣ незнакомаго дома и кликать по имени гордую, молодую барышню, которой не было ни видно, ни слышно, стоило, въ своемъ родѣ, представленія назаказъ, тѣмъ болѣе, что я очень-ясно сознавалъ, что кричать такимъ образомъ: «Эстелла!» на весь домъ, было крайне-непозволительною вольностью. Наконецъ она отозвалась и свѣча ея показалась, какъ звѣздочка, въъ концѣ темнаго корридора.

Миссъ Гавишамъ позвала ее къ себѣ и надѣла ей ожерелье изъ

драгоцѣнныхъ камней сперва на бѣлую ея шейку, потомъ на каштановую головку.

— Это твоя собственность, моя милая, оно хорошо тебѣ пригодится. Сдѣлай мнѣ удовольствіе, поиграй въ карты съ этимъ мальчикомъ.

— Съ этимъ мальчикомъ? Да, вѣдь, это просто мужицкій мальчишка!

Мнѣ показалось — но это было бы слишкомъ странно — что Миссъ Гавишамъ сказала, «ну, ты сокрушишь ему сердце».

— Во что̀ ты играешь, мальчикъ? спросила у меня Эстелла съ величайшимъ презрѣніемъ.

— Только въ дурачки, миссъ.

— Оставь его въ дуракахъ, сказала миссъ Гавишамъ.

Мы усѣлись играть въ карты.

Тогда только я замѣтилъ, что все въ комнатѣ давнымъ-давно остановилось вмѣстѣ съ часами. Я замѣтилъ, что миссъ Гавишамъ положила ожерелье на столикъ на то же мѣсто, откуда взяла его. Пока Эстелла сдавала, я опять взглянулъ на столикъ и примѣтилъ, что нѣкогда бѣлый, теперь пожелтѣвшій башмакъ былъ не надѣванъ. Я опустилъ глаза и увидѣлъ, что на необутой ногѣ былъ чулокъ, нѣкогда бѣлый, теперь пожелтѣвшій, истоптанный въ лохмотья, и поблекшее подвѣнечное платье не напоминало бы такъ саванъ, а фата смертную пелену, еслибы не этотъ застой и неподвижность кругомъ.

Миссъ Гавишамъ, пока мы играли, сидѣла, какъ трупъ, въ своемъ бѣломъ платьѣ съ отдѣлкою будто изъ бумажнаго пепла. Я въ то время не слыхалъ еще о давно-похороненныхъ тѣлахъ, которыя разсыпаются въ прахъ въ ту минуту, когда до нихъ коснутся; съ-тѣхъ-поръ мнѣ часто приходила въ голову мысль, что отъ прикосновенія солнечнаго луча и она разсыпалась бы въ прахъ.

— Онъ валета зоветъ хлапомъ, этотъ мальчишка! презрительно сказала Эстелла прежде, чѣмъ мы кончили первую игру. «И что̀ у него за грубыя руки! И что̀ за толстые сапоги!»

Мнѣ прежде никогда не приходило въ голову стыдиться своихъ рукъ, но теперь я началъ считать ихъ самою неприличною парою. Ея презрѣніе было такъ сильно, что заразило и меня.

Она выиграла, и я сталъ сдавать, но засдался, какъ и легко было ожидать, когда она высматривала, не ошибусь ли я: она тотчасъ объявила, что я неловкій, мужицкій мальчишка.

— Ты ничего о ней не говоришь, замѣтила мнѣ миссъ Гавишамъ, слѣдя за нами. Она столько непріятностей наговорила тебѣ, а ты о ней ничего не говоришь. Что̀ ты о ней думаешь?

— Я бы не хотѣлъ сказать, запинаясь, промолвилъ я.

— Скажи мнѣ на-ухо, произнесла миссъ Гавишамъ, нагнувшись.

— Я думаю, что она очень горда, сказалъ я шопотомъ.

— А еще что?

— И что она очень-хорошенькая.

— А еще что.

— И очень-дерзка. (Эстелла въ ту минуту смотрѣла на меня съ величайшимъ отвращеніемъ).

— А еще что?

— Я бы желалъ идти домой...

— И болѣе никогда не видать ея, не смотря на то, что она такая хорошенькая?

— Я этого не говорю; я только желалъ бы идти домой теперь.

— Ты скоро уйдешь, сказала миссъ Гавишамъ. Кончай игру.

Еслибъ не роковая улыбка вначалѣ, я былъ бы увѣренъ, что она не въ состояніи улыбнуться. Голова ея опустилась и лицо получило унылое, сонное выраженіе; вѣроятно, съ того дня, когда все вокругъ остановилось, казалось, ничто не въ силахъ было оживить его. Грудь ея опустилась, ввалилась, такъ-что она сидѣла сгорбившись; голосъ ея опустился такъ низко, она говорила тихо, съ какимъ-то предсмертнымъ хрипѣньемъ; вообще вся она, казалось, опустилась душой и тѣломъ, будто подавленная какимъ-то тяжкимъ ударомъ.

Мы доиграли игру и Эстелла опять оставила меня дуракомъ. Но, несмотря на то, что она выиграла всѣ игры, она съ неудовольствіемъ бросила карты на столъ, будто гнушаясь тѣмъ, что выиграла ихъ у меня.

— Когда бы тебѣ снова придти? сказала Миссъ Гавишамъ: — дай я подумаю.

Я хотѣлъ-было ей напомнить, что былъ четверкъ, но она остановила меня тѣмъ же нетерпѣливымъ движеніемъ пальцевъ правой руки.

— Ну, ну! Я ничего не знаю о дняхъ недѣли, ничего не знаю о мѣсяцахъ въ году. Приходи чрезъ шесть дней—слышишь ли?

— Слушаю, сударыня.

— Эстелла, проводи его внизъ. Дай-ему чего-нибудь поѣсть и пускай-себѣ погуляетъ и ознакомится съ мѣстомъ, пока ѣстъ. Иди, Пипъ.

Я, какъ взошелъ, такъ и сошелъ внизъ вслѣдъ за свѣчкою Эстеллы. Она поставила ее на то же мѣсто, гдѣ мы нашли ее при входѣ. Прежде чѣмъ она отворила боковую дверь, я какъ-то безсознательно былъ убѣжденъ, что уже ночь на дворѣ. Внезапный потокъ дневнаго свѣта совершенно смутилъ меня, мнѣ показалось, что я нѣсколько часовъ пробылъ въ темнотѣ.

— Дожидайся меня тутъ, мальчикъ, сказала Эстелла и, закрывъ за собою дверь, исчезла.

Я воспользовался тѣмъ, что остался наединѣ, чтобъ осмотрѣть свои грубыя руки и толстые сапоги. Я рѣшился непремѣнно спросить Джо, зачѣмъ онъ научилъ меня звать хлапомъ карту, которой настоящее имя валетъ, и очень жалѣлъ, что Джо былъ такъ плохо воспитанъ, иначе и я получилъ бы лучшее воспитаніе.

Эстелла возвратилась съ хлѣбомъ и мясомъ и небольшою кружкою пива. Она поставила кружку на камень на дворѣ и сунула мнѣ хлѣбъ и мясо, не глядя на меня, словно собакѣ въ опалѣ. Я былъ такъ обиженъ, оскорбленъ, разсерженъ, уничтоженъ... не пріищу настоящаго названія моему жалкому состоянію; одному Богу извѣстна вся горечь, наполнявшая мою душу. Слезы брызнули у меня изъ глазъ. Замѣтивъ мои слезы, она бросила на меня довольный взглядъ, будто радуясь тому, что причинила ихъ. Это дало мнѣ силу удержать слезы и взглянуть на нее: она презрительно кивнула головой съ выраженіемъ, какъ мнѣ показалось, что ее не надуешь, что она слишкомъ-хорошо знаетъ, кто виновникъ моего горя, отвернулась и ушла.

Но какъ скоро она удалилась, я зашелъ за дверь у входа въ пивоварню и, прислонясь къ ней, заплакалъ, закрывъ лицо руками. Горько плача, я лягалъ ногою стѣну и даже сильно рванулъ себя за волосы; чувства, которымъ нѣтъ имени, переполняли такою горечью мое сердце, что имъ необходимо было излиться наружу, хотя бы и на бездушные предметы.

Сестрино воспитаніе сдѣлало меня чувствительнымъ. Въ маленькомъ, дѣтскомъ мірѣ несправедливость, отъ кого бы она ни проистекала, сознается и чувствуется сильнѣе, чѣмъ въ позднѣйшіе годы. Ребенокъ можетъ испытывать только маленькія несправедливости: и самъ ребенокъ малъ, малъ и доступный ему міръ; но въ его маленькой лошади-качалкѣ столько же вершковъ, по его дѣтскому масштабу, какъ въ любомъ кирасирскомъ конѣ, по-нашему. Съ самаго младенчества я внутренно боролся съ несправедливостью. Начиная лепетать, я уже сознавалъ, что сестра моя неправа въ своихъ причудливыхъ, насильственныхъ требованіяхъ. Я всегда глубоко сознавалъ, что, выкормивъ меня рукою, она не имѣла никакого права воспитывать меня пинками. Убѣжденіе это не оставляло меня во время всѣхъ наказаній, постовъ и лишеній, которымъ я подвергался. Постоянному, одинокому общенію съ этою мыслью я, вѣроятно, обязанъ застѣнчивостью и раздражительною чувствительностью своего характера.

Я немного облегчилъ настоящее свое горе, налягавшись въ стѣну пивоварни и подравъ себѣ волосы; послѣ чего я утеръ лицо рукавомъ и вышелъ изъ-за двери. Хлѣбъ и мясо подкрѣпили меня, а пиво даже нѣсколько развеселило, такъ-что я вскорѣ былъ въ-состояніи ближе познакомиться съ мѣстностью.

Мѣсто было въ-самомъ-дѣлѣ пустынное, заброшенное, отъ самаго дома и до покосившейся голубятни на дворѣ пивоварни; еслибъ въ ней еще водились голуби, они непремѣнно получили бы морскую болѣзнь — такъ качало вѣтромъ ихъ жилище. Но не было ни голубей въ голубятнѣ, ни лошадей въ конюшнѣ, ни свиней въ свинушникѣ, ни солоду въ кладовой; не было даже духа зерна или браги въ заторномъ и бродильномъ чанахъ; запахъ пива будто улетѣлъ съ послѣднимъ заторомъ. На сосѣднемъ дворѣ валялись цѣлыя груды пустыхъ разсыпавшихся бочекъ, сохранявшихъ какое-то кислое воспоминаніе о прежнихъ, лучшихъ дняхъ, но отъ нихъ несло слишкомъ кисло, чтобъ напомнить утраченную жизненную влагу, что̀, впрочемъ, составляетъ участь и не однѣхъ бочекъ, отказавшихся отъ жизненной дѣятельности.

За дальнымъ угломъ пивоварни виднѣлся садъ изъ-за старой, каменной ограды, не очень-высокой, такъ-что я могъ взобраться на нее и разглядѣть, что̀ тамъ дѣлалось. Я убѣдился, что садъ этотъ принадлежитъ къ дому и весь заросъ бурьяномъ; впрочемъ, виднѣлось нѣсколько тропинокъ, какъ-будто тамъ кто-то гулялъ по-временамъ. Дѣйствительно, я вскорѣ замѣтилъ въ саду Эстеллу, удалявшуюся отъ ограды. Она была, просто, вездѣсуща. Когда на дворѣ пивоварни, за нѣсколько минутъ предъ тѣмъ, я поддался соблазну и сталъ ходить по бочкамъ, то ясно видѣлъ, что и она на другомъ концѣ двора ходила по нимъ, поддерживая рукою свои чудные каштановые волосы, но тотчасъ же скрылась изъ моихъ глазъ. Я также видѣлъ ее въ пивоварнѣ, то-есть въ высокомъ, просторномъ зданіи, гдѣ когда-то варилось пиво и еще не прибрана была посуда. Когда я только-что вошелъ въ него и стоялъ у дверей, пораженный его унылымъ видомъ, я видѣлъ, какъ она прошла между давно-погасшими топками и взошла по чугунной лѣстницѣ на хоры, какъ-будто взбираясь подъ небеса.

Въ ту минуту воображенію моему представилась странная вещь. Явленіе это показалось мнѣ непостижимымъ и тогда, и долгое время спустя. Уставъ смотрѣть на безжизненно-освѣщенную половину пивоварни, я взглянулъ на толстое бревно, торчавшее изъ темнаго угла, направо отъ меня: на немъ висѣла повѣшенная женщина, одѣтая въ

пожелтѣвшее бѣлое платье, отдѣланное бумажнымъ пепломъ, съ однимъ башмакомъ на ногѣ. Она висѣла такъ, что я могъ разглядѣть лицо ея: то было лицо миссъ Гавишамъ и его судорожно подергивало, будто она хотѣла что-то сказать мнѣ. Припомнивъ, что, за минуту предъ тѣмъ, въ углу ничего не было, я, въ страхѣ, было бросился бѣжать, но потомъ оглянулся — къ великому моему ужасу, видѣніе исчезло.

Только при видѣ яснаго неба и народа на улицѣ за рѣшеткой, я пришелъ въ себя, при подкрѣпительномъ содѣйствіи мяса и пива. Но и тутъ я очнулся бы не такъ скоро, еслибъ не Эстелла, которая подошла съ ключами, чтобъ выпустить меня. Она могла бы презрительно посмотрѣть на меня, замѣтивъ мой испугъ; а повода къ тому я дать ей не хотѣлъ.

Эстелла мимоходомъ торжественно взглянула на меня, будто радуясь тому, что у меня грубыя руки и толстые сапоги. Она отперла калитку и стала подлѣ нея. Я намѣревался пройти, не взглянувъ на нее, но она дернула меня за рукавъ.

— Зачѣмъ же ты не ревешь?

— Потому-что не хочу.

— Врешь, хочешь, сказала она:—ты наплакался до того, что глаза припухли, и теперь бы не прочь приняться за то же.

Она презрительно засмѣялась, выпихнула меня за калитку и заперла ее. Я прямо пошелъ къ мистеру Пёмбельчуку и былъ очень-доволенъ, не заставъ его дома. Я попросилъ сообщить ему о днѣ, когда мнѣ приказано было возвратиться къ миссъ Гавишамъ, и пустился въ обратный путь домой, въ кузницу. Идучи, я размышлялъ обо всемъ видѣнномъ и горько сожалѣлъ о томъ, что у меня руки грубыя, сапоги толстые, да еще, вдобавокъ, привычка называть валета хлапомъ; вообще, я дошелъ до убѣжденія, что я гораздо-болѣе невѣжда, чѣмъ воображалъ себѣ наканунѣ, и нахожусь, вообще, въ самомъ скверномъ, безотрадномъ положеніи въ свѣтѣ.

IX.

Когда я вернулся домой, сестра моя съ большимъ любопытствомъ стала разспрашивать меня о миссъ Гавишамъ. На всѣ ея вопросы я отвѣчалъ коротко и неудовлетворительно, и потому въ скоромъ времени на меня посыпались толчки и пинки со всѣхъ сторонъ то въ шею, то въ спину, и кончилось тѣмъ, что я ударился лбомъ въ стѣну.

Если страхъ быть непонятымъ такъ же глубоко затаенъ въ груди вообще у всей молодёжи, какъ онъ былъ у меня — что̀ я полагаю весьма-возможнымъ, не имѣя особыхъ причинъ считать себя нравственнымъ уродомъ, или исключеніемъ—то этотъ страхъ можетъ служить объясненіемъ скрытности въ юныхъ лѣтахъ. Я былъ вполнѣ увѣренъ, что, опиши я миссъ Гавишамъ въ такомъ видѣ, какъ она представлялась моимъ глазамъ, меня бы никто не понялъ. Даже болѣе того, мнѣ казалось, что сама миссъ Гавишамъ не въ-состояніи были бы понять; и хотя я самъ ее не понималъ, но чувствовалъ невольно, что съ моей стороны было бы предательствомъ выставить ее такою, какою она была на-самомъ-дѣлѣ, на судъ мистрисъ Джо (объ Эстеллѣ ужь я и не говорю). Вотъ почему я старался говорить какъ-можно менѣе, вслѣдствіе чего и ударился лбомъ объ стѣну въ нашей кухнѣ. Хуже всего было то, что старый хрѣнъ Пёмбельчукъ, горѣвшій нетерпѣніемъ знать все, что̀ я видѣлъ и слышалъ, прикатилъ въ своей одноколкѣ къ чаю. При одномъ видѣ своего мучителя, съ рыбьими глазами и вѣчно открытымъ ртомъ, съ стоящими дыбомъ песочнаго цвѣта волосами и крѣпко накрахмаленнымъ жилетомъ, я сталъ еще упорнѣе въ моемъ молчаніи.

— Ну, мальчикъ, началъ дядя Пёмбельчукъ, какъ только онъ усѣлся на почетномъ креслѣ, у огня:—ка̀къ ты провелъ время въ городѣ?

Я отвѣчалъ:

— Очень-хорошо, дядюшка.

А сестра погрозила мнѣ кулакомъ.

— Очень-хорошо? повторилъ мистеръ Пёмбельчукъ. — Очень-хорошо — не отвѣтъ. Ты объясни намъ, что̀ ты хочешь сказать этимъ очень-хорошо, мальчикъ?

Можетъ-быть, известка на лбу, дѣйствуя на мозгъ, усиливаетъ упрямство. Какъ бы то ни было, съ известкой отъ стѣны на лбу упрямство мое достигло твердости алмаза. Я подумалъ немного и потомъ отвѣчалъ, какъ-будто вдругъ нашелъ мысль:

— Я хочу сказать очень-хорошо.

Сестра моя съ нетерпѣливымъ возгласомъ уже готова была на меня броситься.

Я не ожидалъ ни откуда помощи, потому-что Джо былъ въ кузницѣ.

Но мистеръ Пёмбельчукъ остановилъ ее.

— Нѣтъ, не горячитесь, предоставьте этого мальчика мнѣ.

И, поворотивъ меня къ себѣ, какъ-будто онъ хотѣлъ стричь мнѣ волосы, мистеръ Пёмбельчукъ продолжалъ.

— Вопервыхъ (чтобъ привести наши мысли въ порядокъ), что̀ составляютъ сорокъ-три пенса?

Я хотѣлъ-было отвѣчать «четыреста фунтовъ», но, разсчитавъ, что послѣдствія такого отвѣта были бы черезчуръ-неблагопріятны для меня, я отвѣчалъ возможно-ближе, то-есть съ ошибкою пенсовъ на восемь. Тогда мистеръ Пёмбельчукъ заставилъ меня повторить всю таблицу, начиная отъ: «двѣнадцать пенсовъ составляютъ одинъ шиллингъ» до «сорокъ пенсовъ—три шиллинга и четыре пенса», тогда онъ торжественно спросилъ, какъ-будто онъ мнѣ помогъ:

— Ну, сколько же въ сорока-трехъ пенсахъ?

Я отвѣчалъ, хорошенько подумавъ:

— Не знаю.

И дѣйствительно, онъ мнѣ до того надоѣлъ, что я почти-что самъ усомнился въ своемъ знаніи.

Мистеръ Пёмбельчукъ всячески ломалъ себѣ голову, стараясь выжать изъ меня удовлетворительный отвѣтъ.

— Примѣрно, въ сорока-трехъ пенсахъ будетъ ли семь фадинговъ, а въ сикспенсѣ—три? сказалъ онъ.

— Да̀, отвѣчалъ я.

И хотя сестра тутъ же рванула меня за уши, но мнѣ было чрезвычайно-пріятно, что, по милости моего отвѣта, шутка его вовсе не удалась. Онъ сталъ какъ вкопаный.

— Ну, на что похожа миссъ Гавишамъ? продолжалъ мистеръ Пёмбельчукъ, оправившись совершенно, плотно скрестивъ руки на груди и снова принимаясь за свою выжимательную систему.

— Очень-высокая, черная женщина, сказалъ я.

— Дѣйствительно ли такъ, дядюшка? спросила сестра.

Мистеръ Пёмбельчукъ одобрительно кивнулъ головой, изъ чего я тутъ же заключилъ, что онъ никогда не видывалъ миссъ Гавишамъ, потому-что она нисколько не была похожа на мой портретъ.

— Хорошо, сказалъ мистеръ Пёмбельчукъ съ важностью: — вотъ этакимъ путемъ мы съ нимъ справимся. Мы скоро все узнаемъ, сударыня.

— Я въ этомъ увѣрена, дядюшка, отвѣчала мистрисъ Джо:—я бы желала, чтобъ онъ постоянно былъ при васъ: вы такъ хорошо умѣете съ нимъ справляться.

— Ну, милый, что̀ дѣлала миссъ Гавишамъ, когда ты къ ней пришелъ? спросилъ мистеръ Пёмбельчукъ.

— Она сидѣла, отвѣчалъ я:—въ черной бархатной каретѣ.

Мистеръ Пёмбельчукъ и мистрисъ Джо съ удивленіемъ взглянули

другъ на друга, что̀ было весьма-натурально, и въ одинъ голосъ повторили:

— Въ черной бархатной каретѣ?

— Да̀, отвѣчалъ я:—а миссъ Эстелла—это ея племянница, кажется—подавала ей пирожки и вино въ окно кареты на золотой тарелкѣ. И насъ всѣхъ угощали пирожками и виномъ на золотыхъ тарелкахъ. А я взлѣзъ на запятки, по ея приказанію, и ѣлъ тамъ свою долю.

— Былъ тамъ еще кто-нибудь? спросилъ мистеръ Пёмбельчукъ.

— Четыре собаки, сказалъ я.

— Большія или маленькія?

— Огромныя, сказалъ я: — и онѣ все дрались за телячьи котлеты, поданныя имъ въ серебряной корзинкѣ.

Мистеръ Пёмбельчукъ и мистрисъ Джо снова поглядѣли другъ на друга въ совершенномъ удивленіи. Я вралъ, какъ сумасшедшій, какъ безсовѣстный свидѣтель, подверженный пыткѣ, какъ человѣкъ, которому рѣшительно все-равно, что̀ онъ говоритъ.

— Гдѣ же стояла эта карета, скажи на милость? спросила сестра.

— Въ комнатѣ у миссъ Гавишамъ (они опять взглянули другъ на друга), но лошадей не было.

Я прибавилъ эту спасительную оговорку въ ту минуту, когда воображеніе мое уже рисовало четверку богато-убранныхъ коней, которыхъ я мысленно уже запрягалъ въ черную карету.

— Возможно ли это, дядюшка? спросила мистрисъ Джо.—Что̀ онъ? этимъ хочетъ сказать?

— Я вамъ объясню, сударыня, сказалъ мистрисъ Пёмбельчукъ: — по моему мнѣнію, это должно быть подвижное кресло. Она, вы знаете, болѣзненная, очень-болѣзненная, ея здоровье очень-разстроено, вотъ она и проводитъ свою жизнь на подвижномъ креслѣ.

— Что, вы видѣли ее когда-нибудь, дядюшка, въ этомъ креслѣ? спросила мистрисъ Джо.

— Какъ же я могъ? отвѣчалъ онъ, принужденный высказаться: — когда я ее никогда не видалъ? Ни разу не удалось взглянуть на нее.

— Господи Боже мой! дядюшка, да вѣдь, вы съ ней говорили?

— Да развѣ вы не знаете, сказалъ мистеръ Пембельчукъ вопросительно:—что когда я былъ тамъ, меня только подвели къ немного-растворённымъ дверямъ, и она говорила со мной изъ другой комнаты. Не можетъ быть, чтобъ вы этого не знали, сударыня. Однакожъ, мальчикъ ходилъ забавлять ее. Чѣмъ же ты забавлялъ ее?

— Мы играли флагами, сказалъ я.

Прошу замѣтить, что я съ ужасомъ припоминаю всѣ лжи, которыя придумывалъ при этомъ случаѣ.

— Флагами! повторила моя сестра.

— Да, отвѣчалъ я: — Эстелла махала голубымъ флагомъ, я краснымъ, а миссъ Гавишамъ махала изъ окна кареты флагомъ съ золотыми звѣздами. А потомъ мы всѣ начали махать нашими саблями и кричать «ура!»

— Саблями! повторила сестра: — откуда вы достали сабли?

— Изъ шкапа, сказалъ я: — я въ немъ видѣлъ пистолеты, и варенье, и пилюли. И въ комнатѣ, гдѣ мы были, не было дневнаго свѣта, а вездѣ были зажжены свѣчи.

— Это правда, сударыня, замѣтилъ мистеръ Пембельчукъ, серьёзно кивнувъ головой: — это дѣйствительно такъ и есть, на столько и я самъ могъ видѣть. Послѣ этого они оба вперили глаза свои въ меня, а я, съ принужденнымъ выраженіемъ простодушія на лицѣ, уставился на нихъ, расправляя правой рукой свои панталоны.

Еслибъ они продолжали меня разспрашивать, я бы, безъ всякаго сомнѣнія, проговорился, потому-что въ ту минуту я уже готовъ былъ разсказывать про воздушный шаръ, видѣнный мною на дворѣ; и навѣрно разсказалъ бы про него, еслибъ меня не взяло сомнѣніе: кому дать преимущество: воздушному ли шару, или медвѣдю на пивоварнѣ. Впрочемъ, они такъ были заняты пересудами о тѣхъ чудесахъ, которыя я имъ уже наговорилъ, что я предпочелъ дать тягу, видя, что на меня не обращаютъ вниманія. Однако, когда Джо вернулся съ работы, чтобъ выпить чашку чаю, разговоръ ихъ еще вертѣлся на томъ же предметѣ, и моя сестра, болѣе для успокоенія совѣсти, нежели изъ желанія сдѣлать удовольствіе Джо, разсказала ему сполна всѣ вымышленныя мною похожденія.

Когда я увидѣлъ, какъ Джо выпучилъ голубые глаза свои и, въ совершенномъ недоумѣніи, сталъ ими водить по стѣнамъ кухни, меня взяло раскаянье, но только въ отношеніи къ Джо, а не къ остальнымъ двумъ. Въ отношеніи къ Джо, одному Джо, я чувствовалъ себя маленькимъ чудовищемъ въ то время, какъ они сидѣли и разсуждали о послѣдствіяхъ моего знакомства съ миссъ Гавишамъ и ея милостиваго ко мнѣ вниманія. Они были увѣрены, что миссъ Гавишамъ «что нибудь сдѣлаетъ» для меня, и только высказывали сомнѣніе касательно того, въ чемъ именно будетъ состоять это «что нибудь.» По мнѣнію сестры, это будетъ «имѣніе»; мистеръ Пёмбельчукъ предсказывалъ приличное денежное вознагражденіе, съ цѣлью приготовить меня къ какой-нибудь благородной торговой дѣятельности, напримѣръ,

въ торговлѣ хлѣбомъ и сѣменами. Бѣдному Джо сильно досталось отъ обоихъ за то, что онъ вздумалъ сказать, что, всего вѣроятнѣе, мнѣ подарятъ одну изъ собакъ, которыя дрались за телячьи котлеты.

— Если твоя глупая башка не можетъ ничего лучше выдумать, такъ ты бы лучше пошелъ за свою работу, да кончилъ ее. Джо всталъ и поплелся вонъ изъ комнаты. Когда мистеръ Пёмбельчукъ распростился и уѣхалъ, а сестра начала мыть и убирать посуду, я тихонько пробрался къ Джо на кузницу и выжидалъ тамъ, покуда онъ кончилъ свою дневную работу.

— Прежде чѣмъ огонь совсѣмъ потухнетъ, мнѣ бы хотѣлось съ тобой поговорить Джо, сказалъ я.

— Не-уже-ли, Пипъ? сказалъ Джо, подвигая свою скамью ближе къ печи.—Ну-ка разскажи, въ чемъ дѣло, Пипъ?

— Джо, началъ я, взявъ его за засученный рукавъ рубахи и дергая его:—помнишь ли ты все, что̀ говорилъ я о миссъ Гавишамъ?

— Помню ли я? сказалъ Джо?—ещё бы! я тебѣ вѣрю, это удивительно!

— Это ужасно, Джо! вѣдь это все не правда.

— Что̀ ты это говоришь, Пипъ! вскрикнулъ Джо, отшатнувшись назадъ въ крайнемъ удивленіи: — ты хочешь сказать, что это...

— Да̀, да́, это все ложь, Джо.

— Да не все же, однакожь? Вѣроятно, ты не хочешь же этимъ сказать, Пипъ, что не было черной бархатной кареты?

Я отрицательно покачалъ головой.

— Ну, по-крайней-мѣрѣ, были собаки, Пипъ. Послушай, Пипъ, уговаривалъ Джо: —если тамъ не было телячьихъ котлетъ, все же были собаки.

— Нѣтъ, Джо, и собакъ не было.

— Такъ одна собака? сказалъ Джо. — Щенокъ, можетъ-быть — не такъ ли?

— Нѣтъ, Джо, ничего подобнаго не было.

И я устремилъ безнадежный взглядъ на Джо, который въ смущеніи глядѣлъ на меня.

— Пипъ, братецъ ты мой, это нехорошо, пріятель, я тебѣ скажу. Что̀ жь ты думаешь, въ самомъ дѣлѣ, куда это тебя приведетъ?

— Это ужасно Джо, не правда ли?

— Это ужасно! вскричалъ Джо: — Скверно! Какой чортъ тебя попуталъ?

— Я и самъ не знаю, Джо, отвѣчалъ я, выпуская изъ рукъ рукавъ его рубашки и потупивъ голову: — и зачѣмъ ты меня выучилъ въ

картахъ называть валета хлапомъ, и зачѣмъ у меня такіе толстые сапоги и такія шершавыя руки?

Тогда я признался Джо, что мнѣ было очень-грустно и что я не могъ этого объяснить мистрисъ Джо и мистеръ Пембельчуку, потому-что они со мной всегда такъ грубо обходятся. Что у миссъ Гавишамъ я видѣлъ прелестную молодую дѣвушку, ужасно-гордую, которая нашла, что я очень-дурно воспитанъ. Я Богъ знаетъ что далъ бы, сказалъ я, чтобъ не быть такимъ невѣждой, и все это какъ-то довело меня до лжи—я и самъ не знаю какъ.

Это былъ вопросъ матафизическій, котораго ни Джо, ни я не въ состояніи были разрѣшить. Однакожъ Джо, не входя въ предѣлы метафизики, взялся за него съ другой точки зрѣнія и такимъ образомъ одолѣлъ его.

— Ты замѣть только одно, Пипъ, сказалъ Джо, немного подумавъ:— что ложь всегда остается ложью, какія бы ни были на то причины. Ложь отъ дьявола и ведетъ къ нему же. Не говори болѣе неправды, Пипъ. Ты отъ этого не будешь лучше воспитанъ, пріятель; я не совсѣмъ это хорошо понимаю, но мнѣ кажется, что въ нѣкоторыхъ вещахъ ты очень далеко ушелъ. Для твоихъ лѣтъ ты необыкновенно учёнъ.

— Нѣтъ, я невѣжда, Джо, я далеко отсталъ отъ другихъ.

— Ну, а помнишь то письмо, которое ты написалъ вчера — написалъ словно напечаталъ. Видали мы письма и благородныхъ людей, а побожусь, что и тѣ не были написаны по печатному, сказалъ Джо.

— Я пришелъ къ тому убѣжденію, что вовсе ничего не знаю; Джо, ты слишкомъ много обо мнѣ думаешь—вотъ что!

— Ну, Пипъ, сказалъ Джо: — будь это такъ, или иначе, а нужно сперва быть обыкновеннымъ ученымъ, прежде чѣмъ сдѣлаться необыкновеннымъ—вотъ мое мнѣніе! И король, сидя на своемъ тронѣ, съ короной на головѣ, не могъ бы писать указы парламенту, не выучившись азбукѣ, будучи принцемъ—да! прибавилъ Джо, значительно покачавъ головою:—и начавъ съ А, долженъ былъ пробраться до Z. А я знаю, чего это стоитъ, хоть не могу похвастать, чтобъ я самъ прошелъ весь этотъ мудреный путь.

Въ этомъ разсужденіи просвѣчивала нѣкоторая надежда и она немного ободрила меня.

— А по-моему, простымъ людямъ, значитъ, ремесленникамъ и работникамъ, продолжалъ въ раздумьѣ Джо: — гораздо-лучше знаться

съ своимъ братомъ, нежели ходить забавляться съ людьми высшаго сословія. Это мнѣ напоминаетъ, что, можетъ-быть, флаги-то были?...

— Нѣтъ, Джо, и ихъ не было.

— Гм! жалко мнѣ, что флаговъ-то не было, Пипъ. Ну, какъ бы то ни было, этого дѣла поправить нельзя, не выводя сестру твою на сцену, чего Боже упаси! Забудемъ объ этомъ. Вѣдь, ты все это говорилъ безъ дурнаго намѣренія. Только слушай, Пипъ, это тебѣ говоритъ истинный другъ. Вотъ что онъ тебѣ скажетъ, истинный-то другъ: если ты хочешь сдѣлаться порядочнымъ человѣкомъ, иди прямой дорогой къ цѣли; кривымъ путемъ ты никогда не достигнешь ея. Такъ, смотри же, Пипъ, не лги болѣе, и будешь себѣ жить счастливо и умрешь спокойно.

— Ты на меня не сердишься, Джо?

— Нѣтъ, дружище. Но, Пипъ, иди спать. Подумай еще хорошенько о своемъ ужасномъ нахальствѣ, о телячьихъ котлетахъ, о собачьей дракѣ. Нѣтъ, Пипъ, послушайся добраго совѣта, подумай объ этомъ хорошенько и смотри, больше никогда этого не дѣлай!

Когда я пошелъ спать и помолился, то вспомнилъ совѣтъ Джо; но я былъ такъ разстроенъ, что мнѣ въ голову ничего не приходило кромѣ Эстеллы, и какимъ бы простякомъ она сочла Джо, простаго кузнеца! какими грубыми показались бы ей его руки и сапоги!

Я думалъ, что вотъ Джо и сестра сидятъ еще въ кухнѣ, и я только-что пришелъ изъ кухни, а миссъ Гавишамъ и Эстелла никогда не сидятъ на кухнѣ. Наконецъ я уснулъ, вспоминая все, что̀ я «говорилъ» у миссъ Гавишамъ, какъ-будто я у ней бывалъ цѣлыми недѣлями и мѣсяцами, а не часами, какъ-будто это мнѣ было такъ старо и давно знакомо.

Этотъ день былъ памятный въ моей жизни, ибо съ этого дня я совершенно измѣнился. Но это бываетъ и съ каждымъ человѣкомъ. Вообразите себѣ, чтобъ изъ вашей жизни можно было вычеркнуть незамѣтно одинъ какой-нибудь памятный день и подумайте, какъ бы это измѣнило всю вашу жизнь?

Остановись, читатель, и подумай на минуту о той длинной-длинной цѣпи желѣзной, золотой, изъ терній или цвѣтовъ, которая никогда бы тебя не связывала, еслибъ въ одинъ памятный тебѣ день не образовалось первое ея звено.

X.

День или два спустя, проснувшись утромъ, я былъ пораженъ свѣтлою мыслью, что лучшимъ для меня средствомъ отличиться было—вы-

вѣдать отъ Бидди все, что она знала. Рѣшившись на это, я намекнулъ Бидди, когда пошелъ вечеромъ къ тёткѣ мистера Уопселя, что я имѣлъ особыя причины желать успѣха въ жизни, и потому былъ бы весьма-обязанъ ей, еслибъ она передала мнѣ всѣ свои познанія. Бидди, дѣвушка въ высшей степени обязательная, тотчасъ согласилась и, дѣйствительно, чрезъ пять минутъ, уже приступила къ исполненію своего обѣщанія.

Вся программа воспитанія, или весь курсъ ученія у тётки мистера Уопселя заключалась въ слѣдующемъ: воспитанники объѣдались яблоками и запускали другъ другу соломенки за шею до-тѣхъ-поръ, пока тётка мистера Уопселя, призвавъ на помощь всю свою энергію, бросалась на нихъ съ розгою. Выдержавъ насмѣшливо это нападеніе, воспитанники выстраивались въ рядъ и, шепчась между собою, передавали изъ рукъ въ руки изодранную книгу. Книга эта заключала въ себѣ азбуку съ картинками и таблицами или, лучше сказать, она *нѣкогда* заключала въ себѣ все это. Какъ только книга эта начинала переходить изъ рукъ въ руки, тётка мистера Уопселя погружалась въ родъ спячки, происходившей отъ сна, или припадка ревматизма. Тогда воспитанники обращали все вниманіе на свои сапоги. Стараясь наперерывъ оттоптать другъ другу ноги. Подобное умственное упражненіе продолжалось до-тѣхъ-поръ, пока появлялась Бидди и раздавала намъ три засаленныя библіи, которыя имѣли видъ какихъ-то обрубковъ. Эти библіи были даже въ самыхъ ясныхъ мѣстахъ менѣе четки, нежели всѣ библіографическія рѣдкости, видѣнныя мною съ-тѣхъ-поръ; онѣ были покрыты кругомъ ржавыми пятнами и представляли на своихъ листахъ раздавленные образцы всевозможныхъ насѣкомыхъ. Эта часть курса обыкновенно ознаменовывалась не однимъ поединкомъ между Бидди и непокорными учениками. Когда драка прекращалась, Бидди назначала намъ страницу, и мы всѣ страшнымъ хоромъ читали вслухъ, кто какъ умѣлъ, или не умѣлъ; Бидди же предводительствовала нами, читая высокимъ однозвучнымъ пронзительнымъ голосомъ. Никто изъ насъ ни мало не уважалъ и даже не понималъ читаемаго текста. Чрезъ нѣсколько времени этотъ странный гамъ пробуждалъ тётку мистера Уопселя, которая, набросившись на одного изъ мальчиковъ, драла его немилосердно за уши, что служило намекомъ на окончаніе классовъ, и мы выбѣгали на дворъ съ криками радости, будто торжествуя новую умственную побѣду. Нужно замѣтить, что ученикамъ не запрещалось употребленіе аспидныхъ досокъ или даже чернилъ, если таковыя имѣлись; но нелегко было предаваться этой отрасли ученія зимой, по причинѣ тѣсноты лавочки, и которая

въ то же время была классною комнатою, гостиною и спальнею тётки мистера Уопселя, къ-тому же лавочка эта слабо освѣщалась одною нагорѣвшей, маканой свѣчою. Мнѣ казалось, что при такихъ обстоятельствахъ нескоро можно сдѣлаться недюжиннымъ человѣкомъ; тѣмъ не менѣе я рѣшился попытать счастье, и въ тотъ же вечеръ Бидди начала приводить въ исполненіе нашъ уговоръ. Она сообщила мнѣ нѣкоторыя свѣдѣнія изъ своего маленькаго прейс-куранта по части подмоченнаго сахара и дала мнѣ съ тѣмъ, чтобъ я списалъ ее дома, большую англійскую букву D, заимствованную изъ заголовка какой-то газеты. До-тѣхъ-поръ, пока она мнѣ не объяснила въ чемъ дѣло, я принималъ эту букву за пряжку.

Само-собою разумѣется, что въ нашей деревнѣ была харчевня и что Джо любилъ иной разъ выкурить тамъ трубочку. Я получилъ отъ сестры наистрожайшее приказаніе въ этотъ вечеръ, на возвратномъ пути изъ школы, зайти за нимъ въ харчевню «Лихихъ бурлаковъ» и привести его домой, во что бы то ни стало. Потому, по выходѣ изъ школы, я направился къ «Лихимъ бурлакамъ».

На стѣнѣ харчевни, близь двери, находилась большая доска, на которой намѣчены были мѣломъ безконечно-длинныя черточки, которыя, повидимому, никогда не стирались—не уплачивались. Эти черточки, сколько я могу упомнить, существовали издавна и росли скорѣе меня. Впрочемъ, въ нашей странѣ была бездна мѣлу и, быть-можетъ, жители не упускали случая употребить его въ дѣло.

Была суббота, и потому, войдя въ харчевню, я увидѣлъ, что трактирщикъ глядѣлъ нѣсколько-недоброжелательно на эти отмѣтки; но мнѣ до трактирщика дѣла не было, и пожелавъ ему добраго вечера, я пошелъ въ общую комнату, въ концѣ корридора, искать Джо. Огонь пылалъ тамъ весело и Джо покуривалъ свою трубку, въ обществѣ мистера Уопселя и какого-то незнакомца. Джо по своему обыкновенію привѣтствовалъ меня словами: «Ага, Пипъ, старый дружище!» Когда онъ сказалъ это, незнакомецъ повернулъ голову и взглянулъ на меня.

Онъ имѣлъ какой-то таинственный видъ, и я прежде никогда не видалъ его. Онъ сидѣлъ съ наклоненною головою, щурилъ одинъ глазъ, какъ-будто цѣлился невидимымъ ружьемъ. Въ рукахъ у него была трубка; онъ вынулъ ее и, потихоньку выпуская изо рта дымъ, пристально глядѣлъ на меня; наконецъ, онъ кивнулъ мнѣ головой, я кивнулъ ему въ отвѣтъ, и тогда онъ очистилъ мнѣ мѣсто на скамьѣ, подлѣ себя. Но я привыкъ садиться подлѣ Джо, когда бывалъ въ этомъ веселомъ заведеніи, и потому, сказавъ: «нѣтъ, благодарю васъ, сэръ», я помѣстился около Джо на противоположной скамьѣ. Незна-

комецъ, бросивъ бѣглый взглядъ на Джо и убѣдившись, что тотъ не смотрѣлъ на него, сдѣлалъ мнѣ знакъ головой и какъ-то странно потеръ свою ногу; это поразило меня.

— Вы говорили, сказалъ онъ, обращаясь къ Джо:—что вы кузнецъ.

— Да̀, отвѣтилъ Джо.

— Чѣмъ прикажете васъ угостить, мистеръ?... Вы, между-прочимъ, не сказали своего имени.

Джо назвалъ себя и незнакомецъ повторилъ его имя.

— Что̀ бъ намъ выпить, мистеръ Гарджери? Конечно, на мой счетъ.

— Сказать вамъ правду, я не привыкъ пить на чужой счетъ.

— Не привыкли? Ну, да разъ, въ кои-то вѣки, да притомъ же въ субботу вечеромъ. Говорите скорѣе, чего же?

— Я не хочу быть нелюбезнымъ собесѣдникомъ, сказалъ Джо. — Давайте хоть рому.

— Рому, повторилъ незнакомецъ.—А что̀ скажетъ этотъ господинъ?

— Рому! сказалъ мистеръ Уопсель.

— Рому на троихъ! крикнулъ незнакомецъ трактирщику: — и подайте стаканы!

— Этотъ господинъ, сказалъ Джо, съ намѣреніемъ отрекомендовать мистера Уопселя:—нашъ дьячокъ.

— Ага! произнесъ незнакомецъ скороговоркой, устремивъ свой взглядъ на меня:—въ той уединенной церкви на болотѣ, окруженной гробницами?

— Въ той самой, сказалъ Джо.

Незнакомецъ съ видомъ наслажденья, пробормотавъ что-то себѣ подъ-носъ, протянулъ ноги на скамьѣ, которую онъ занималъ одинъ. На немъ была дорожная шляпа съ широкими, отвислыми полями, а подъ ней носовой платокъ, повязанный вокругъ головы наподобіе чепца, такъ что не было видно волосъ. Когда онъ смотрѣлъ на огонь, мнѣ казалось, что лукавая полуулыбка озаряла его лицо.

— Я незнакомъ съ вашими мѣстами, господа; но мнѣ кажется, страна здѣсь очень-дикая, въ-особенности къ рѣкѣ.

— Болота бо̀льшей частью пустынны, возразилъ Джо.

— Конечно, конечно! Что̀, попадаются вамъ цыгане, или другіе какіе бродяги?

— Нѣтъ, сказалъ Джо.—Развѣ изрѣдка бѣглый каторжникъ, и отъискать ихъ нелегко. Не правда ли, мистеръ Уопсель?

Мистеръ Уопсель, вспомнивъ, какъ онъ бѣдствовалъ, согласился, но безъ большаго сочувствія.

— А развѣ вамъ приходилось отыскивать бѣглецовъ? спросилъ незнакомецъ.

— Какъ-то разъ, отвѣтилъ Джо. — Не то, чтобъ мы сами ловили ихъ—вы понимаете; мы пошли только въ качествѣ зрителей: я, мистеръ Уопсель и Пипъ. Помнишь, Пипъ?

— Какъ же, Джо.

Незнакомецъ снова взглянулъ на меня, попрежнему, прищуривъ одинъ глазъ, какъ-будто онъ цѣлился въ меня своимъ невидимымъ ружьемъ.

— Какъ вы его назвали? спросилъ онъ.

— Пипъ, отвѣчалъ Джо.

— Крещенъ Пипомъ?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ кличка, что ли?

— Нѣтъ, сказалъ Джо: — это родъ прозвища, которое онъ далъ себѣ, будучи ребенкомъ, его и пошли такъ звать.

— Онъ вашъ сынъ?

— Нѣтъ, сказалъ Джо, задумчиво, не потому, конечно, что ему приходилось обдумывать свой отвѣтъ, а потому, что въ этомъ трактирѣ было принято глубокомысленно обдумывать все, что говорилось за трубкой. — Нѣтъ, онъ мнѣ не сынъ.

— Такъ племянникъ? сказалъ незнакомецъ.

— Нѣтъ, сказалъ Джо, съ тѣмъ же глубокомысленнымъ видомъ:— Я не стану обманывать васъ: онъ мнѣ и не племянникъ.

— Ну, такъ, что же онъ такое, ради самого чорта? спросилъ незнакомецъ.

Это выраженіе показалось мнѣ сильнѣе, нежели требовалось.

Тутъ мистеръ Уопсель ухватился за этотъ вопросъ, какъ человѣкъ, знающій вообще всю подноготную родства въ деревнѣ; онъ по своей должности обязанъ былъ имѣть въ виду степень родства при совершеніи браковъ. Мистеръ Уопсель объяснилъ узы родства, связывающія меня съ Джо, и тотчасъ же перешелъ къ торжественному монологу изъ Ричарда III, оправдавъ въ глазахъ своихъ этотъ переходъ словами: «какъ говоритъ поэтъ». При этомъ я могу замѣтить, что когда мистеръ Уопсель относился ко мнѣ, онъ почелъ нужнымъ провести рукою по моимъ волосамъ и сбить ихъ мнѣ на глаза. Я не могу постигнуть, почему всѣ люди, посѣщавшіе нашъ домъ, всегда, въ подобныхъ обстоятельствахъ, подвергали меня этой возмутительной ласкѣ. Я не припомню, чтобъ когда-либо, въ самую раннюю мою молодость, я былъ предметомъ вниманія нашего семейнаго кружка; лишь изрѣдка

какая-нибудь особа, съ огромными руками, дѣлала подобную наружную попытку оказать мнѣ свое покровительство.

Все это время незнакомецъ смотрѣлъ такъ, какъ-будто онъ рѣшился наконецъ выстрѣлить въ меня. Но онъ не сказалъ ничего послѣ сдѣланнаго имъ рѣзкаго восклицанія, пока не принесли пуншъ; тогда онъ выстрѣлилъ очень-странно. Это было не словесное замѣчаніе, а продолжительная пантомима, которая ясно относилась ко мнѣ. Онъ мѣшалъ свой пуншъ, глядя на меня пристально, и отвѣдалъ его, не сводя съ меня глазъ. И онъ мѣшалъ и отвѣдывалъ его не поданной ему ложкой, а напилкомъ; но онъ дѣлалъ это такъ, что никто не видѣлъ напилка, кромѣ меня; потомъ обтеръ и спряталъ его въ боковой карманъ. Какъ только я увидѣлъ этотъ инструментъ, я тотчасъ призналъ его за напилокъ Джо и догадался, что незнакомецъ вѣрно знаетъ моего каторжника. Я сидѣлъ, глядя на него, какъ околдованный. Но онъ уже развалился на своемъ мѣстѣ, мало обращая на меня вниманія и говоря преимущественно о посѣвахъ рѣпы.

Въ нашей деревнѣ было прекрасное обыкновеніе по субботнимъ вечерамъ чиститься и отдыхать передъ началомъ новой недѣли. На этомъ основаніи Джо осмѣливался въ субботу приходить домой получасомъ позже обыкновеннаго. Когда прошли эти полчаса и пуншъ былъ выпитъ, Джо, взявъ меня за руку, собрался идти.

— Погодите минутку, мистеръ Гарджери, сказалъ незнакомецъ: — кажется, у меня, гдѣ-то въ карманѣ застрѣлъ новенькій шиллингъ: если я найду его, то отдамъ этому мальчику.

Онъ отъискалъ шиллингъ въ горсти мелкой монеты, завернулъ его въ какую-то измятую бумажку и подалъ мнѣ, сказавъ:

— Это тебѣ — слышишь? тебѣ собственно.

Я поблагодарилъ, глядя на него съ большимъ удивленіемъ, нежели позволяло приличіе, и плотно прижался къ Джо. Незнакомецъ простился съ Джо, мистеромъ Уопселемъ (который вышелъ вмѣстѣ съ нами) и бросилъ на меня только одинъ взглядъ своимъ прищуреннымъ глазомъ или, лучше сказать, не взглядъ, потому-что онъ совершенно закрылъ глазъ; но глазъ можетъ сдѣлать чудеса, даже и закрытый.

На возвратномъ пути, еслибъ я былъ расположенъ говорить, то рѣчь была бы исключительно за мной, ибо мистеръ Уопсель разстался съ нами у дверей «Лихихъ бурлаковъ», а Джо шелъ всю дорогу съ открытымъ ртомъ, чтобъ свѣжимъ воздухомъ прогнать запахъ рома. Но я былъ совершенно пораженъ возвращеніемъ на сцену моего стараго грѣшка и стараго знакомства и не могъ думать ни о чемъ другомъ.

Сестра была не въ слишкомъ-дурномъ расположеніи духа, когда мы явились въ кухню, и это неожиданное обстоятельство внушило Джо смѣлость упомянуть ей о шиллингѣ.

— Фальшивый—я увѣрена, сказала мистрисъ Джо съ важнымъ видомъ:—не то, онъ не далъ бы его мальчику.

Я развернулъ бумажку, досталъ деньгу и показалъ, что это былъ настоящій шиллингъ, а не фальшивый.

— Это что̀? воскликнула мистрисъ Джо, кидая на полъ шиллингъ и хватаясь за бумажку.—Два билета, въ фунтъ каждый?

И дѣйствительно, это были двѣ фунтовыя бумажки, засаленыя и грязныя, вѣроятно, перебывавшія во многихъ рукахъ, на рынкахъ и ярманкахъ. Джо схватилъ шляпу и пустился бѣгомъ къ «Лихимъ Бурлакамъ», въ намѣреніи возвратить деньги ихъ владѣльцу. Пока онъ бѣгалъ, я сѣлъ на свой обычный стулъ и смотрѣлъ безсознательно на сестру. Я почти былъ увѣренъ, что Джо не найдетъ незнакомца. Джо воротился съ извѣстіемъ, что незнакомца уже не было въ харчевнѣ, но что онъ (Джо) объявилъ тамъ о находкѣ денегъ. Тогда сестра завернула деньгу въ бумажку, запечатала и положила въ парадной гостиной въ какой-то узорчатый чайникъ, родъ пресс-папье, наполненный высушенными розовыми листьями. Тамъ они оставались долго, не давая мнѣ покоя ни днемъ, ни ночью. Когда я ложился спать, мнѣ было не до сна: я думалъ о странномъ незнакомцѣ, цѣлившемъ въ меня изъ своего невидимаго ружья, размышлялъ о томъ, ка̀къ низко и преступно было находиться въ тайныхъ сношеніяхъ съ каторжниками. Меня не менѣе того преслѣдовала и мысль о напилкѣ: я начиналъ бояться, что этотъ несчастный напилокъ будетъ появляться еще не разъ, въ самыя непредвидѣнныя минуты. Наконецъ, я уснулъ, пріятно думая о миссъ Гавишамъ и о томъ, ка̀къ я къ ней пойду въ четвергъ. Но и во снѣ я видѣлъ напилокъ, направленный на меня какой-то невѣдомой рукой, и просыпался съ крикомъ ужаса.

XI.

Въ назначенный часъ я возвратился къ миссъ Гавишамъ и дрожащей рукою позвонилъ у воротъ. Эстелла впустила меня и, попрежнему, заперевъ калитку, повела меня въ темный корридоръ, гдѣ стояла ея свѣчка. Сначала она не обратила на меня никакого вниманія, но, взявъ свѣчку, посмотрѣла черезъ плечо и гордо сказала:

— Сегодня тебѣ надо идти въ эту сторону.

И мы направились въ неизвѣстную мнѣ часть дома. Корридоръ былъ длинный и, казалось, шелъ вокругъ всего нижняго этажа четыреугольнаго дома. Мы прошли только одну сторону четыреугольника; въ углу Эстелла остановилась, поставила на полъ свѣчку и отворила дверь. Насъ обдало дневнымъ свѣтомъ; я очутился посреди маленькаго мощенаго дворика, на противоположной сторонѣ котораго возвышался жилой домикъ, повидимому бывшій нѣкогда жилищемъ управляющаго или прикащика опустѣвшей пивоварни. На стѣнѣ этого дома красовались большіе часы. Подобно стѣннымъ и карманнымъ часамъ миссъ Гавишамъ, и эти часы стояли на девяти безъ двадцати минутъ.

Мы вошли чрезъ растворенную дверь въ низенькую комнату нижняго этажа. Въ ней было нѣсколько человѣкъ и Эстелла присоединилась къ обществу, сказавъ мнѣ:

— Ступай, мальчикъ, стань тамъ у окошка и подожди, покуда тебя не позовутъ.

Я послушался и стоялъ въ самомъ безпокойномъ состояніи духа, смотря на дворъ. Окно было почти въ-уровенъ съ землею и выходило на самый грязный и забытый уголокъ сада. Тутъ виднѣлись гряды съ сгнившими остатками капусты и посреди ихъ буковое дерево, обстриженное наподобіе пудинга; на макушкѣ выдавались новые отпрыски бураго цвѣта и неправильной формы, такъ-что верхушка пудинга казалась пригорѣлой. Вотъ что̀ я думалъ, смотря на буковое дерево. Ночью выпалъ небольшой снѣгъ, но отъ него нигдѣ не осталось слѣдовъ, кромѣ въ этомъ холодномъ уголку. Вѣтеръ подымалъ съ земли снѣжинки и хлесталъ ими въ окно, какъ-бы сердясь на появленіе мое въ этомъ домѣ.

Я догадался тотчасъ, что мой приходъ прервалъ общій разговоръ въ комнатѣ и обратилъ на меня взоры всѣхъ присутствовавшихъ. Я не видѣлъ ничего, что̀ дѣлалось въ комнатѣ, кромѣ отблеска огня на оконныхъ стеклахъ. Я онѣмѣлъ отъ одной мысли, что меня пристально разсматриваютъ. Въ комнатѣ находились три женщины и одинъ мужчина. Я не простоялъ еще у окна и пяти минутъ, а ужь убѣдился—не знаю почему, что они всѣ плуты и пройдохи. Но каждый изъ нихъ принималъ видъ, что не зналъ этихъ качествъ за остальными, ибо одно предположеніе, что онъ или она это знали, уже дѣлало его или ее, такимъ же плутомъ и пройдохою. Всѣ они, казалось, ждали кого-то съ видимою скукою; самая говорливая барыня съ трудомъ удерживалась отъ зѣвоты. Эта барыня, по имени Камилла, очень напоминала мнѣ сестру, съ тою только разницею, что была старѣе и съ менѣе-рѣзкими чертами лица. Дѣйствительно, бли-

же съ нею познакомившись, я часто думалъ, что имѣть какія-нибудь черты уже было счастіемъ для нея—такъ плоско и ровно было ея лицо.

— Бѣдный! проговорила эта барыня отрывисто, точь-въ-точь, какъ моя сестра:—никому не врагъ, исключая самого себя!

— Гораздо-похвальнѣе быть врагомъ кого-нибудь другаго, сказалъ мужчина:—это гораздо-натуральнѣе.

— Братъ Джонъ, замѣтила другая барыня:—мы должны любить нашихъ ближнихъ.

— Сара Покетъ, отвѣчалъ братъ Джонъ:— если человѣкъ не ближній себѣ, то кто же послѣ того ему ближній?

Миссъ Пакетъ и Камилла засмѣялись, и послѣдняя, перемогаясь, чтобъ не зѣвнуть, сказала:

— Вотъ идея!

Мнѣ показалось, они всѣ находили это очень-хорошею идеею. Третья барыня, которая еще ничего не говорила, теперь торжественно и серьёзно прибавила:

— Очень справедливо!

— Бѣдный! продолжала Камилла (я очень-ясно сознавалъ, что онѣ все это время пристально на меня смотрѣли):—онъ такой странный! Повѣрите ли, когда у Тома умерла жена, то онъ никакъ не могъ взять въ толкъ, что дѣтямъ необходимо носить трауръ съ плерёзами? «Боже милостивый! говорилъ онъ, что̀ можетъ значить обшивка, Камилла, когда они всѣ въ черномъ? Это такъ походитъ на Маѳью! Вотъ идея!

— Есть въ немъ хорошія стороны, есть, сказалъ братъ Джонъ: —и Боже упаси! чтобъ я отрицалъ это; но онъ никогда не имѣлъ и никогда не будетъ имѣть понятій о приличіяхъ и пристойности.

— Вы знаете, начала опять Камилла: — я обязана была настоять на-своемъ. Я ему сказала: «это не годится, надо поддержать честь семейства»; я ему сказала, что «ненадѣнь дѣти глубокій трауръ—семейство навѣки обезчещено». Я проплакала цѣлый день, отъ завтрака до обѣда, чѣмъ совершенно повредила пищеваренію. Наконецъ, онъ вспылилъ, по своему обыкновенію, и съ ругательствомъ воскликнулъ: «Ну, дѣлай, какъ хочешь!». Слава Богу, мнѣ всегда будетъ утѣшительно вспоминать, что, несмотря на проливной дождь, я тотчасъ же отправилась и купила все нужное.

— А заплатилъ онъ—не правда ли? спросила Эстелла.

— Не въ томъ дѣло, милочка, кто заплатилъ, отвѣчала Камилла:— я купила. И часто буду я съ удовольствіемъ вспоминать объ этомъ, просыпаясь ночью.

Тутъ послышался звонокъ и чей-то голосъ изъ коридора, по которому мы пришли. Разговоръ тотчасъ прекратился и Эстелла сказала мнѣ: «Ну, мальчикъ, пойдемъ». Обернувшись, я замѣтилъ, что всѣ смотрѣли съ презрѣніемъ на меня. Я слышалъ, какъ Сарра Покетъ, воскликнула: «Я увѣрена! Еще что!» а Камилла прибавила: «Можно ли себѣ вообразить что-либо подобное! Вотъ *и-д-е-я!*»

Мы пошли со свѣчей по темному корридору. Вдругъ Эстелла остановилась и неожиданно обернулась назадъ, такъ-что лицо ея почти коснулось моего.

— Ну... сказала она, насмѣшливо.

— Что̀, миссъ? отвѣчалъ я, спотыкнувшись и чуть не падая на нее.

Она стояла и смотрѣла на меня; конечно, и я стоялъ и смотрѣлъ на нее.

— А что̀, я хорошенькая?

— Да̀, миссъ; мнѣ кажется вы очень-хорошенькія.

— А обхожусь грубо?

— Не такъ, какъ прошлый разъ, отвѣчалъ я.

— Не такъ, какъ въ прошлый разъ?

— Нѣтъ.

Она вспыхнула при послѣднемъ вопросѣ, и когда я отвѣтилъ, ударила меня по щекѣ со всей силой.

— Ну, сказала она:—а теперь, что̀ ты обо мнѣ думаешь, необтесаный уродецъ?

— Я вамъ не скажу.

— А скажешь тамъ, наверху—да?

— Нѣтъ, сказалъ я.

— Зачѣмъ ты не плачешь, тварь?

— Я никогда изъ-за васъ болѣе плакать не стану, отвѣчалъ я.— Но лживѣе этого обѣщанія, я думаю, никто никогда не дѣлалъ, ибо я въ ту минуту плакалъ изъ-за нея внутренно, и одинъ я знаю, сколько страданій она мнѣ стоила впослѣдствіи.

Послѣ этого незначительнаго эпизода, мы пошли вверхъ по лѣстницѣ, и вскорѣ встрѣтили какого-то барина, сходившаго внизъ.

— Кто это, сказалъ онъ, останавливаясь и смотря на меня.

— Мальчикъ, отвѣчала Эстелла.

Человѣкъ, намъ повстрѣчавшійся, былъ дороденъ, смуглъ, съ неимовѣрно-огромной головой и такими же руками. Онъ взялъ меня за подбородокъ и приподнялъ мою голову такъ, чтобъ разсмотрѣть хорошенько мое лицо при свѣтѣ свѣчки.

На головѣ у него была лысина, а густыя черныя брови стояли

торчия. Впалые глаза его непріятно поражали своею пронзительностью и подозрительностью. На лицѣ, вмѣсто бороды и бакенбардовъ, виднѣлись черныя пятна. На животѣ красовалась большая золотая цѣпочка. Онъ мнѣ былъ совершенно-незнакомъ, и я не могъ предвидѣть, что когда-нибудь я буду съ нимъ въ какихъ-либо отношеніяхъ. Но, несмотря на это, я имѣлъ случай хорошо его разсмотрѣть.

— Мальчикъ изъ окрестностей—а? спросилъ онъ.

— Да-съ, сэръ, отвѣчалъ я.

— Какъ ты очутился здѣсь?

— Миссъ Гавишамъ прислала за мной, объяснилъ я.

— Такъ! Веди себя хорошо! Я довольно-таки знаю дѣтей: вы дрянь-народъ. Смотри, прибавилъ онъ, кусая пальцы и сердито глядя на меня:—смотри, веди себя хорошенько!

Съ этими словами онъ выпустилъ меня. Я былъ очень радъ, ибо руки его пахли душистымъ мыломъ. Онъ пошелъ своей дорогой внизъ, а я размышлялъ: «кто бы это былъ: докторъ—нѣтъ, онъ тогда былъ бы степеннѣе и тише». Однако, времени у меня на эти размышленія было немного, ибо мы вскорѣ вошли въ комнату миссъ Гавишамъ. Она и все остальное въ комнатѣ не перемѣнило своего положенія съ-тѣхъ-поръ, какъ я ушелъ. Эстелла оставила меня у дверей, и я тамъ молча стоялъ до-тѣхъ-поръ, пока миссъ Гавишамъ, сидя у своего уборнаго столика, не взглянула на меня.

— Такъ, сказала она, не выражая никакого удивленія увидѣвъ меня:—дни идутъ—а?

— Да-съ, сударыня, сегодня...

— Ну, ну, воскликнула она, съ нетерпѣніемъ двигая пальцами: — я и знать не хочу. Можешь ты представлять?

Я долженъ былъ съ смущеніемъ отвѣтить:

— Я думаю, сударыня, нѣтъ.

— Не въ карты же опять? спросила она.

— Да, сударыня, если нужно, я могу въ карты играть.

— Такъ-какъ этотъ домъ поражаетъ тебя своею ветхостью и мрачностью, съ нетерпѣніемъ сказала миссъ Гавишамъ:—и ты не хочешь представлять, то не хочешь ли работать?

На этотъ вопросъ я могъ отвѣчать съ бо̀льшею увѣренностью и сказалъ, что съ удовольствіемъ готовъ работать.

— Такъ, ступай вонъ въ ту комнату, сказала она, указывая своею исхудалою рукою на другую комнату:—и подожди тамъ, пока я приду.

Я прошелъ черезъ площадку лѣстницы въ указанную мнѣ комнату. И эта комната такъ же была совершенно лишена дневнаго

свѣта, и воздухъ въ ней былъ невыносимо-душенъ. Въ старинномъ почернѣвшемъ каминѣ разложенъ былъ огонь, который каждую минуту готовъ былъ потухнуть, а дымъ, наполняя комнату, казался холоднѣе самого воздуха, подобно мартовскимъ туманамъ. Нѣсколько канделябровъ, на высокомъ каминѣ, тускло освѣщали комнату или, лучше сказать, едва нарушали ея темноту. Комната была большая и въ своé время, вѣроятно, красивая; но теперь на всемъ лежалъ густой слой пыли и плѣсени, все разсыпалось въ прахъ. Самымъ замѣчательнымъ предметомъ во всей комнатѣ былъ большой накрытый скатертью столъ, точно приготовлялся банкетъ въ ту минуту, когда и домъ и часы вездѣ заглохли навѣки. Посреди стола стояло что-то большое, но предметъ этотъ дотого былъ покрытъ паутиной, что невозможно было различить его формы. Когда я смотрѣлъ на эту пожелтѣвшую скатерть и этотъ неизвѣстный предметъ, какъ грибъ, выроставшій изъ нея, я замѣтилъ вбѣгавшихъ и выбѣгавшихъ изъ него, какъ изъ дома, длинноногихъ пауковъ; они такъ суетились, какъ-будто случилось какое-нибудь важное происшествіе въ мірѣ пауковъ. Я слышалъ также мышей, шумѣвшихъ за карнизомъ, какъ-будто то же обстоятельство имѣло важность и для нихъ. Одни только черные тараканы не обращали вниманія на общее волненіе и чинно, по-стариковски, прохаживались по печкѣ; точно они были близоруки, туги на ухо и незнакомы другъ съ другомъ. Эти животныя возбудили мое любопытство, и я наблюдалъ за ними издалека, когда миссъ Гавишамъ тронула меня за плечо. Другой рукой она упиралась на палку съ загнутой ручкою. Она казалась вѣдьмой этого страшнаго мѣста.

— Вотъ тутъ, сказала она, указывая палкою на столъ: — вотъ тутъ меня положутъ, когда я умру. Сюда придутъ, чтобъ посмотрѣть на меня.

Я вздрогнулъ отъ ея прикосновенія. Мнѣ мерещилось, что она могла сразу взобраться на столъ и тотчасъ же умереть.

— Кàкъ ты думаешь, что это за штука? сказала она, опять указывая палкою: — вонъ та, покрытая паутиною.

— Не съумѣю сказать, сударыня.

— Это большой пирогъ. Свадебный пирогъ, мой!

Она обвела комнату сердитымъ взглядомъ; облокотившись на меня и дергая рукою за мое плечо, она прибавила:

— Ну, ну! води меня, води меня.

Я понялъ тотчасъ, что работа, мнѣ предстоящая, была водить миссъ Гавишамъ вокругъ комнаты. Дѣйствительно, мы пустились съ

нею въ походъ, и сначала шли такимъ скорымъ шагомъ, что онъ напоминалъ ѣзду мистера Пёмбельчука въ его собственной одноколкѣ.

Однако, миссъ Гавишамъ была не сильна и потому скоро сказала: «Потише». Все же мы шли довольно-скорымъ, нетерпѣливымъ шагомъ. Она продолжала дергать меня за плечо и шевелила ртомъ, будто желая увѣрить меня, что мы потому шли такъ скоро, что ея мысли бѣжали быстро. Чрезъ нѣсколько времени она сказала:

— Позови Эстеллу.

Я пошелъ на площадку лѣстницы и попрежнему закричалъ во все горло:

— Эстелла!

Когда показался свѣтъ ея свѣчи, я возвратился къ миссъ Гавишамъ, и мы снова заходили взадъ и впередъ по комнатѣ.

Еслибъ Эстелла одна была свидѣтельницею нашихъ прогулокъ и тогда мнѣ было бы довольно-неловко, а она еще привела съ собою трехъ барынь и мужчину, которыхъ я видѣлъ внизу. При этомъ неожиданномъ обстоятельствѣ я такъ смутился, что не зналъ куда дѣваться. Изъ приличія я хотѣлъ-было остановиться, но миссъ Гавишамъ дернула меня за плечо, и мы опять отправились въ путь. Я чувствовалъ, что вѣрно они подумаютъ, что все это мои затѣи.

— Милая миссъ Гавишамъ, сказала миссъ Сара Покетъ:—какъ вы сегодня хороши на взглядъ!

— Хороша, отвѣчала миссъ Гавишамъ:—кожа да кости.

Лицо Камиллы просіяло, когда она услышала этотъ грубый отвѣтъ. Она съ сожалѣніемъ посмотрѣла на миссъ Гавишамъ и пробормотала:

— Бѣдная! Конечно, нельзя ожидать, чтобъ она была хороша на взглядъ—вотъ идея!

— Какъ ваше здоровье? сказала миссъ Гавишамъ, обращаясь къ Камиллѣ.

Мы поровнялись съ Камиллой, и я было-хотѣлъ остановиться, но миссъ Гавишамъ заставила меня продолжать нашу прогулку, къ явному неудовольствію Камиллы.

— Благодарствуйте, миссъ Гавишамъ, отвѣчала она.—Я здорова, то-есть на столько, насколько можно ожидать въ моемъ положеніи.

— Что съ вами? отрывисто спросила миссъ Гавишамъ.

— Ничего заслуживающаго вашего вниманія, отвѣчала Камилла.— Я не хочу хвастаться своими чувствами, но я это послѣднее время слишкомъ-много думала о васъ по ночамъ, чтобъ быть здоровою.

— Такъ не думайте обо мнѣ, возразила миссъ Гавишамъ.

— Легко сказать! продолжала Камилла, любезно удерживаясь, чтобъ не заплакать; глаза ея были полны слезъ. — Вотъ Раймондъ свидѣтель, сколько я принуждена каждую ночь принимать инбирю и нюхать спиртовъ. Раймондъ свидѣтель, какія судороги у меня дѣлаются въ ногахъ. Но обмороки и судороги мнѣ не новость, когда я безпокоюсь о тѣхъ, кого люблю. Еслибъ я могла быть не такъ чувствительна и не столько бы любила ближнихъ, то, право, нервы мои были бы словно желѣзныя и желудокъ варилъ бы преисправно. Право, я бы желала этого: Но, чтобъ не думать о васъ по ночамъ—вотъ идея!

Слезы заглушили ея слова.

Я тотчасъ понялъ, что Раймондъ долженъ быть мужчина, пришедшій съ этими барынями, и догадался, что вѣрно онъ мужъ Камиллы. Онъ поспѣшилъ къ ней на помощь и ласковымъ, нѣжнымъ голосомъ сказалъ:

— Милая Камилла, всѣ очень-хорошо знаютъ, что нѣжныя чувства питаемыя вами къ вашему семейству, совершенно разрушаютъ ваше здоровье.

— Я не знала, замѣтила серьёзно дама, которая еще только во второй разъ говорила:—что, думая о комъ-нибудь, мы дѣлаемъ одолженіе тому лицу.

Миссъ Сара Покетъ подтвердила послѣднія слова:

— Да̀, конечно, милая. Гм!

Она, какъ я успѣлъ разсмотрѣть, была сухая, смуглая, сморщившаяся старуха; ея маленькое лицо напоминало грецкій орѣхъ, а ротъ походилъ на кошачій, конечно, безъ усовъ.

— Думать-то легко, замѣтила серьёзная дама.

— Что̀ можетъ быть легче? прибавила Сара Покетъ.

— Да̀, да̀! воскликнула Камилла, начиная выходить изъ себя:—все это правда! Конечно, слабость съ моей стороны любить такъ нѣжно, но я не могу переупрямить себя. Безъ-сомнѣнія, мое здоровье выиграло бы; но все-таки я не согласилась бы перемѣнить свой характеръ; онъ—причина многихъ страданій, но вмѣстѣ съ тѣмъ эта чувствительность—единственное мое утѣшеніе, когда я просыпа̀юсь по ночамъ.

Тутъ она опять залилась слезами.

Во все время этого разговора мы съ миссъ Гавишамъ, не останавливаясь ни на минуту, продолжали ходить вокругъ комнаты, то зацѣпляя за платья присутствовавшихъ, то отходя отъ нихъ на противоположный конецъ комнаты.

— Вотъ, Маѳью, начала Камилла:—никогда не раздѣляетъ моихъ

чувствъ къ роднымъ, никогда не придетъ провѣдать миссъ Гавишамъ! По цѣлымъ часамъ лежалая безъ чувствъ, съ опрокинутой головой, съ распущенными волосами, а ноги мои были... сама не знаю гдѣ.

— Гораздо-выше головы, милая, сказалъ мужъ Камиллы.

— Я приходила часто въ подобное положеніе отъ одной мысли о непонятномъ и странномъ поведеніи Маѳью, и за все это мнѣ никто и спасибо не сказалъ.

— Будто? Я бы этого не думала, замѣтила серьёзная дама.

— Вотъ, видите ли, душенька, прибавила миссъ Сара Покетъ, всегда прикрывавшая свою злобу ласковымъ выраженіемъ:—вы прежде всего должны себѣ задать вопросъ: отъ кого вы именно ожидали благодарности?

— Не ожидая никакихъ благодарностей, или чего подобнаго, продолжала Камилла:—я по цѣлымъ часамъ оставалась въ такомъ положеніи... Раймондъ свидѣтель, какъ я задыхалась и какъ уже инбирь не помогалъ. Мои вздохи и стоны слышны были напротивъ, у настройщика; дѣти его принимали это за воркованье голубей; а теперь говорятъ...

Камилла закрыла руками ротъ; въ горлѣ у ней начались какія-то небывалыя физіологическія отправленія.

Когда упомянули въ первый разъ имя Маѳью, миссъ Гавишамъ остановилась; мы съ нею стояли и смотрѣли на говорившую Камиллу. Эта остановка въ нашей прогулкѣ подѣйствовала сильно на Камиллу и физіологическая работа въ ея горлѣ внезапно прекратилась.

— Маѳью таки-навѣститъ меня наконецъ, грозно сказала миссъ Гавишамъ: — когда я буду лежать на столѣ. Вотъ здѣсь будетъ его мѣсто, продолжала она, ударяя по столу своею палкою: — у меня въ изголовьи. А ваше мѣсто здѣсь; а мужа вашего здѣсь, Сары Покетъ здѣсь, а Джоржіаны здѣсь! Ну, теперь каждый изъ васъ будетъ знать свое мѣсто, когда, какъ стая вороновъ, вы соберетесь пировать надъ моимъ трупомъ, а покуда убирайтесь!

Произнеся имя каждаго лица, миссъ Гавишамъ палкою указывала мѣсто на столѣ. Кончивъ свою рѣчь, она обернулась ко мнѣ съ словами:

— Води, води меня.

И мы опять заходили по комнатѣ.

— Я думаю, теперь намъ остается только послушаться и разойтись, воскликнула Камилла.—Довольно хоть на минуту повидать того, кого любишь и уважаешь. Я буду вспоминать съ удовольствіемъ объ

этомъ свиданіи, просыпаясь ночью. Какъ бы я желала, чтобъ Маѳью могъ имѣть это утѣшеніе; но онъ имъ пренебрегаетъ. Я не намѣрена хвастаться своими чувствами, но, признаться, тяжело слышать, когда тебѣ говорятъ, что хочешь пировать надъ трупомъ родственника, точно какъ-будто мы въ-самомъ-дѣлѣ вороны. Горько слышать: «убирайтесь вонъ!» — Вотъ идея!

Мистрисъ Камилла схватилась руками за грудь, но мужъ ея вмѣшался въ дѣло, и бѣдная женщина приняла на себя видъ неестественной твердости, какъ-бы желая выказать намѣреніе—за порогомъ комнаты упасть въ обморокъ. Сдѣлавъ ручкой миссъ Гавишамъ, она удалилась. Сара Покетъ и Джорджіана нѣсколько секундъ боролись, кому выйдти послѣдней; но Сара была слишкомъ-опытна на эти штуки, чтобъ дать промахъ; она такъ ловко извернулась около Джорджіаны, что та принуждена была идти впередъ. Сара Покетъ настояла на-своемъ, и удалилась съ эффектомъ, говоря:

— Христосъ съ вами, милая миссъ Гавишамъ.

При этихъ словахъ, на лицѣ ея промелькнула улыбка снисходительнаго сожалѣнія къ слабостямъ только-что вышедшихъ людей.

Пока Эстелла свѣтила имъ по лѣстницѣ, миссъ Гавишамъ продолжала ходить, упираясь на мое плечо, но шагъ ея становился все тише-и-тише. Наконецъ, она остановилась передъ огнемъ и, посмотрѣвъ на него молча нѣсколько минутъ, сказала:

— Сегодня мое рожденье, Пипъ.

Я собирался ее поздравить, но она, замахавъ своей палкой, продолжала:

— Я не позволяю объ этомъ говорить. Я не позволяю не только-что вышедшимъ отсюда, ни другому кому, упоминать при мнѣ объ этомъ. Они собираются сюда въ этотъ день, но не смѣютъ говорить о томъ. Въ этотъ день гораздо прежде, чѣмъ ты родился, принесена была сюда эта куча плѣсени, гнили, и она издали указала палкой на кучу паутины... Мы вмѣстѣ сгнили; мыши подточили эту кучу, но меня подточили зубы гораздо-вострѣе мышиныхъ.

Она приложила ручку палки къ своему сердцу и продолжала смотрѣть на столъ. Видъ ея самой и всей комнаты былъ самый плачевный. Ея платье, когда-то бѣлое, теперь совершенно-пожелтѣло и сгнило, и нѣкогда бѣлая скатерть также сгнила и пожелтѣла. Все въ комнатѣ, казалось, готово было отъ малѣйшаго прикосновенія разсыпаться въ прахъ.

— Когда разрушеніе будетъ полное, продолжала она, страшно озираясь вокругъ:—меня положатъ мертвую въ подвѣнечномъ платьѣ на

свадебный столъ, и это будетъ послѣднимъ проклятіемъ для него. Тѣмъ лучше, если это случится въ тотъ самый день.

Миссъ Гавишамъ стояла и смотрѣла на столъ, какъ-будто уже видя на немъ свой собственный трупъ. Я молчалъ. Эстелла, возвратясь, также стояла тихо и молчаливо. Мнѣ показалось, что эта тишина и общее молчанье продолжались довольно-долго. Въ этомъ мракѣ, господствовавшемъ во всѣхъ углахъ комнаты, и въ этомъ удушливомъ воздухѣ мнѣ грезилось, что вотъ я и Эстелла также начнемъ разсыпаться въ прахъ. Наконецъ, не мало-по-малу, а внезапно придя въ себя, миссъ Гавишамъ сказала:

— Посмотримъ, какъ вы будете вдвоемъ играть въ карты. Отчего вы до-сихъ-поръ не начинали?

Мы возвратились въ ея комнату и усѣлись на прежнія мѣста. Я проигрывалъ, и опять миссъ Гавишамъ пристально слѣдила за нашей игрой и обращала мое вниманіе на красоту Эстеллы; чтобъ выказать ее еще болѣе, она украшала ея шею и голову своими брильянтами и драгоцѣнными каменьями. Эстелла, съ своей стороны, обходилась со мною попрежнему, съ тою только разницею, что она не удостоивала меня чести говорить со мной. Когда мы съиграли съ полдюжины игоръ и назначенъ былъ день для слѣдующаго моего посѣщенія, меня повели на дворъ, гдѣ и накормили попрежнему, какъ собаку, и оставили одного шляться по двору сколько душѣ угодно. Была ли въ прошлое мое посѣщеніе отперта калитка въ садовой стѣнѣ, которую я перелѣзалъ, или нѣтъ—я ее тогда не видалъ и замѣтилъ только теперь. Такъ-какъ она была открыта и я зналъ, что Эстелла выпроводила гостей въ наружную калитку, ибо она возвратилась съ ключами въ рукахъ, то я вошелъ въ садъ и исходилъ его вдоль и поперегъ. Садъ этотъ былъ, просто, пустырь; старые парники, гдѣ нѣкогда росли дыни и огурцы, теперь, казалось, только производили нѣчто похожее на остатки изношенныхъ башмаковъ и сапоговъ; изрѣдка попадались и черепки тарелки или чашки.

Когда я исходилъ весь садъ и успѣлъ заглянуть въ оранжерею, гдѣ ничего не оказалось, кромѣ валявшейся на полу засохшей виноградной лозы и нѣсколькихъ бутылокъ, я очутился въ томъ забытомъ уголку, на который я недавно еще любовался изъ окна. Не подумавъ, былъ ли кто въ домѣ или нѣтъ, я подошелъ и заглянулъ въ окно. Къ крайнему моему удивленію, изъ комнаты на меня смотрѣлъ съ такимъ же удивленіемъ какой-то блѣдный молодой человѣкъ, съ раскраснѣвшимися глазами.

Этотъ блѣдный юноша тотчасъ исчезъ и чрезъ минуту уже стоялъ

подлѣ меня. Когда я на него смотрѣлъ въ окно, я видѣлъ, что онъ сидѣлъ за книгами, а теперь я замѣтилъ, что онъ весь былъ въ чернильныхъ пятнахъ.

— Эй, мальчишка! воскликнулъ онъ.

Я уже давно замѣтилъ, что восклицаніе «эй» такое выраженіе, на которое лучше всего отвѣчать тѣмъ же; потому я такъ же воскликнулъ «эй!» опустивъ изъ вѣжливости слово «мальчишка».

— Кто тебя пустилъ сюда? спросилъ онъ.

— Миссъ Эстелла.

— Кто тебѣ позволилъ тутъ шляться?

— Миссъ Эстелла.

— Выходи драться! произнесъ блѣдный молодой человѣкъ.

Что жь мнѣ оставалось дѣлать? идти и драться. Съ-тѣхъ-поръ я часто задавалъ себѣ этотъ вопросъ. Онъ говорилъ такъ рѣшительно, и я былъ изумленъ до такой степени, что слѣпо слѣдовалъ за нимъ, какъ-будто очарованный:

— Постой, однако, воскликнулъ онъ опять, неожиданно останавливаясь и оборачиваясь ко мнѣ:—надо же тебѣ дать поводъ къ дракѣ. На̀, вотъ!

Съ этими словами, онъ самымъ обиднымъ образомъ хлопнулъ въ ладони, откинулъ назадъ лѣвую ногу, схватилъ меня за волосы, хлопнулъ еще разъ въ ладони и нырнулъ головою мнѣ прямо въ животъ.

Этотъ звѣрскій поступокъ, достойный быка, конечно, былъ обидной вольностью, но на полный желудокъ онъ еще былъ непріятнѣе. Потому я порядочно хватилъ его и готовъ былъ еще разъ хватить, когда онъ воскликнулъ:

— Ага! такъ ты хочешь драться?

Сказавъ это, онъ началъ прыгать и вывертываться отъ меня. Я никогда не видалъ ничего подобнаго.

— Законы игры! кричалъ онъ и перепрыгнулъ при этомъ съ лѣвой ноги на правую. — Основныя правила! Тутъ онъ прыгнулъ съ правой ноги на лѣвую.—Ну, пойдемъ на мѣсто и приготовимся, какъ слѣдуетъ.

Онъ продолжалъ прыгать, скакать и выдѣлывать самыя замысловатыя штуки, пока я безсмысленно смотрѣлъ на него.

Въ тайнѣ я начиналъ бояться блѣднаго юноши, видя его ловкость; но я былъ убѣжденъ морально и физически, что бѣлокурая голова его не имѣла никакой надобности нырять мнѣ въ животъ и что, потому, я имѣлъ полное право считать этотъ поступокъ неприличнымъ и оскорбительнымъ. Я слѣдовалъ за нимъ молча, и мы наконецъ

пришли въ отдаленный уголъ сада. То была маленькая площадка, окруженная двумя сходившимися стѣнами и защищенная съ открытой стороны кустарниками. На его вопросъ, доволенъ ли я мѣстомъ, я немедленно отвѣтилъ «да». Тогда, попросивъ извиненія, онъ отлучился на минуту и вскорѣ явился съ бутылкою воды и губкой, обмоченной въ уксусъ. Ставя эти вещи къ стѣнѣ, онъ пробормоталъ:

— Пригодится обоимъ.

Послѣ того молодой джентльменъ началъ поспѣшно раздѣваться и снялъ съ себя не только сюртукъ и жилетку, но даже и рубашку. Онъ принялъ на себя дѣловой видъ и лицо его выражало беззаботность и жажду крови.

Хотя онъ и не былъ съ виду очень-крѣпокъ и здоровъ, лицо его было въ прыщахъ, а ротъ обметало, но все же эти страшныя приготовленія невольно смутили меня. По наружности онъ, казалось, былъ моихъ лѣтъ, но гораздо-выше меня; кромѣ того, онъ былъ ловокъ и увертливъ. Молодой джентльменъ былъ одѣтъ въ сѣрое платье, когда онъ не готовился къ бою; у него были непомѣрно-развиты локти, колѣнки, щиколки и кисти рукъ.

Душа моя ушла въ пятки, когда я увидѣлъ, какъ онъ измѣривалъ меня глазомъ, съ видомъ знатока въ анатоміи, какъ-бы избирая побольнѣе мѣсто въ моемъ тѣлѣ. Я никогда въ жизни не былъ такъ удивленъ, какъ увидѣвъ его послѣ перваго удара лежащимъ навзничъ, съ разбитымъ въ кровь носомъ и сплюснутой физіономіею.

Но онъ тотчасъ же вскочилъ на ноги и, примочивъ себѣ лицо губкою, сталъ снова измѣрять меня глазомъ. Но каково было мое удивленіе, когда я увидѣлъ его во второй разъ на землѣ, съ подбитымъ глазомъ.

Я начиналъ, однако, глубоко уважать его за постоянство и твердость духа. Онъ, казалось, не имѣлъ никакой силы и ни разу меня не ушибъ, между-тѣмъ какъ каждый мой ударъ повергалъ его на землю. Но, несмотря на это, чрезъ минуту онъ опять вскакивалъ на ноги, примачивалъ губкою лицо, пилъ воды изъ бутылки и снова нападалъ на меня, будто готовясь покончить меня. Онъ получилъ нѣсколько тяжкихъ ударовъ; ибо какъ ни совѣстно сознаться, а чѣмъ далѣе шло дѣло, тѣмъ больнѣе я его билъ. Но все же онъ не унывалъ и съ каждымъ разомъ нападалъ на меня съ новою энергіею; наконецъ, пошатнувшись отъ моего удара, онъ ударился изо всей силы головою объ стѣну. Даже послѣ этого кризиса въ нашей борьбѣ, онъ вскочилъ, безсознательно сдѣлалъ нѣсколько поворотовъ, не

находя мѣста, гдѣ я стоялъ, наконецъ, упалъ на колѣни и принялся за свою губку, бормоча:

— Ну, значитъ, ты побѣдилъ.

Онъ казался такимъ храбрымъ и невиннымъ, что я съ грустью смотрѣлъ на свою побѣду, хотя и не самъ затѣялъ драку. Скажу болѣе: я утѣшаю себя мыслью, что, одѣваясь, я считалъ себя чѣмъ-то въ родѣ волка или другаго хищнаго звѣря. Одѣвшись и обтеревъ платкомъ свое кровожадное лицо, я обратился къ блѣдному джентльмену, съ словами:

— Могу ли я вамъ помочь!

— Нѣтъ, благодарствуйте, отвѣчалъ онъ.

Тогда я пожелалъ ему добраго вечера, и онъ отвѣчалъ тѣмъ же.

Выйдя на дворъ, я засталъ тамъ Эстеллу, дожидавшую меня съ ключами. Она, однако, не спрашивала меня, гдѣ я былъ или зачѣмъ задержалъ ее такъ долго. Лицо ея сіяло удовольствіемъ, точно случилось что-нибудь очень-пріятное. Вмѣсто того, чтобъ пойти прямо къ калиткѣ, она позвала меня въ корридоръ.

— Поди сюда, сказала она: — ты можешь меня поцаловать, если хочешь.

Она подставила мнѣ свою щеку, и я поцаловалъ ее. Я бы дорого далъ, чтобъ поцаловать ее; но я чувствовалъ, что этотъ поцалуй былъ данъ грубому мальчишкѣ какъ мѣдный грошъ, и потому не имѣлъ никакой цѣны.

Со всѣми этими происшествіями, праздничными визитами, карточною игрою и, наконецъ, дракою, я такъ долго пробылъ у миссъ Гавишамъ, что когда я воротился домой, на песчаномъ пригоркѣ, у края болота, ужъ мерцалъ сторожевой огонь, а изъ кузницы Джо выходила огненная полоса свѣта, ложась поперекъ дороги.

XII.

Происшествіе съ блѣднымъ мальчикомъ очень меня безпокоило. Чѣмъ болѣе я думалъ о дракѣ и припоминалъ его съ распухшею и окровавленною физіономіею, тѣмъ несомнѣннѣе казалось мнѣ, что это не пройдетъ даромъ. Я чувствовалъ, что кровь его вопіетъ противъ меня, и что законъ покараетъ меня. Уложеніе о наказаніяхъ мнѣ не было знакомо, но я, по собственному убѣжденію, сознавалъ, что нельзя же допустить, чтобъ деревенскій мальчишка ходилъ по барскимъ домамъ разбойничать и колотить прилежную молодёжь, не подвергаясь за то

строгому взысканію. Нѣсколько дней я сидѣлъ дома, а если и выходилъ по чьимъ-либо порученіямъ, то предварительно тщательно озирался кругомъ, боясь, чтобъ на меня не бросились вдругъ тюремные сыщики. Окровавленный носъ блѣднаго мальчика замаралъ мои штаны, и теперь въ тишинѣ ночной я старался смыть это пятно, чтобъ изгладить слѣды преступленія. Я порѣзалъ кулаки о зубы своего соперника, и теперь въ воображеніи своемъ изъискивалъ тысячи способовъ, чтобъ оправдаться въ этомъ проклятомъ обстоятельствѣ, стоя передъ судьями.

Ужасъ мой достигъ крайнихъ предѣловъ въ тотъ день, когда мнѣ слѣдовало возвращаться на мѣсто преступленія. Не поджидаютъ ли меня за калиткою у миссъ Гавишамъ орудія правосудія, нарочно-подосланныя изъ Лондона, чтобъ схватить меня? Или не хочетъ ли миссъ Гавишамъ лично отмстить за обиду, учиненную въ ея домѣ; встанетъ съ своего мѣста, въ своемъ страшномъ платьѣ, какъ вѣрная картина смерти, хладнокровно наведетъ на меня пистолетъ и безжалостно застрѣлитъ? Или не собрана ли въ пустой пивоварнѣ цѣлая шайка мальчишекъ, подкупленныхъ злодѣевъ, которымъ велѣно напасть на меня, и покончить меня пинками? Къ чести молодаго джентльмена слѣдуетъ сказать, что я, въ воображаніи своемъ, ни разу не считалъ его соучастникомъ во всѣхъ этихъ кровавыхъ воздаяніяхъ; всѣ эти страсти я приписывалъ исключительно безсмысленнымъ его родственникамъ, которые, видя изуродованную физіономію моего соперника послѣ побоища и не вникая глубже въ дѣло, рѣшились погубить меня.

Однако, я не могъ не идти къ миссъ Гавишамъ, потому, дѣлать нечего, пошелъ. Представьте себѣ, драка осталась безъ всякихъ послѣдствій, даже не было о ней и помину, а молодаго человѣка и слѣдовъ не осталось; я нашелъ ту же калитку отпертою, обошелъ садъ и даже осмѣлился взглянуть въ окно домика; но взглядъ мой былъ перехваченъ ставнями, закрытыми извнутри; все казалось пусто и безжизненно. Только въ углу, гдѣ происходило сраженіе, виднѣлись слѣды его, въ видѣ кровавыхъ пятенъ на землѣ. Я поспѣшилъ засыпать ихъ пескомъ, чтобъ, при слѣдствіи, они не могли служить уликою противъ меня.

На широкой площадкѣ, отдѣлявшей собственную комнату миссъ Гавишамъ отъ той, гдѣ находился длинный, накрытый столъ, стояло легкое, садовое кресло на колесахъ. И съ того дня постояннымъ занятіемъ моимъ было катать въ немъ миссъ Гавишамъ (когда она устанетъ ходить, опершись на мое плечо) вокругъ ея собственной комнаты, по площадкѣ, и вокругъ другой комнаты. Опять и опять начинали мы свое однообразное путешествіе, наслаждаясь такою прогулкою

иногда по три часа сряду. Сосчитать этихъ прогулокъ я не берусь: онѣ повторялись очень-частò, ибо было рѣшено, что ради этого удовольствія я долженъ возвращаться черезъ день; и каталъ я такимъ образомъ миссъ Гавишамъ мѣсяцевъ восемь или десять.

Нѣсколько привыкнувъ ко мнѣ, миссъ Гавишамъ стала со мною разговаривать, разспрашивать, чему я учился, что̀ намѣренъ дѣлать? Я отвѣчалъ, что, по всей вѣроятности, буду отданъ въ ученье къ Джо, и сталъ распространяться о своемъ невѣжествѣ и желаніи всему научиться, въ надеждѣ, что она предложитъ помогать мнѣ въ этомъ дѣлѣ; но она ничего подобнаго не дѣлала, а напротивъ, казалось, желала, чтобъ я оставался въ своемъ невѣжествѣ. Ни разу не давала она мнѣ денегъ, не намекала даже на то, что я буду вознагражденъ за свои труды — словомъ, кромѣ обѣдовъ, брошенныхъ какъ собакѣ, я отъ нея ничего не получалъ.

Эстелла постоянно вертѣлась около насъ; она всегда впускала и выпускала меня, но болѣе не позволяла цаловать себя. Иногда она холодно терпѣла меня, иногда снисходительно, иногда даже фамильярно обращалась со мною, а иногда вдругъ скажетъ, что ненавидитъ меня. Миссъ Гавишамъ нерѣдко спрашивала у меня наединѣ, или шопотомъ при ней: «Хорошѣетъ ли она, Пипъ?» И когда я скажу «да̀» (она дѣйствительно становилась красивѣе день-ото-дня), она видимо наслаждалась моимъ отвѣтомъ. Также, когда мы играли въ карты, миссъ Гавишамъ съ какимъ-то внутреннимъ удовольствіемъ слѣдила за капризами Эстеллы, каковы бы они ни были; иногда капризы эти повторялись такъ часто и непослѣдовательно, что я положительно терялся и не зналъ, что̀ дѣлать, а миссъ Гавишамъ обнимала и цаловала Эстеллу съ удвоенною нѣжностью и шептала ей что-то на ухо, въ родѣ: «Не жалѣй, мое сокровище, не жалѣй ихъ; они не стоятъ жалости».

У Джо была старая пѣсня, о дядѣ Климѣ, которую онъ пѣвалъ за работой. Это, признаюсь, не было особенно-вѣжливое поклоненіе патрону, ибо я полагаю, что дядя Климъ не что иное, какъ почетный покровитель кузнецовъ. Пѣсня эта подражала мѣрнымъ ударамъ молотка по наковальнѣ и, кажется, была только предлогомъ для вывода на сцену почтеннаго дяди Клима. Вотъ образчикъ этой пѣсни:

«Бей сильнѣй, бей дружнѣй — дядя Климъ! Молотка не жалѣй — дядя Климъ! Дуй огонь, раздувай—дядя Климъ! Потухать не давай—дядя Климъ! Чтобъ пылалъ да блисталъ—дядя Климъ! Самъ про насъ чтобы зналъ — дядя Климъ!»

Вскорѣ послѣ моего перваго знакомства съ подвижнымъ кресломъ, миссъ Гавишамъ вдругъ сказала мнѣ, нетерпѣливо ворочая пальцами:

— Такъ, такъ, такъ! пой, пой!

Я, какъ видно, забылся до того, что сталъ сквозь зубы попѣвать знакомыя слова, забывъ о ея присутствіи. Пѣсня ей такъ понравилась, что она сама стала потихоньку подтягивать, будто сквозь сонъ. Впослѣдствіи у насъ совершенно вошло въ привычку пѣть эту пѣсню во время нашихъ прогулокъ, и Эстелла нерѣдко присоединялась къ намъ съ своимъ голоскомъ; но даже втроемъ пѣніе было такъ тихо, что дѣлало не болѣе шуму въ домѣ, чѣмъ самый легкій вѣтерокъ.

Чтò могло изъ меня выйти при подобной обстановкѣ? Какъ ей было не подѣйствовать на мой характеръ? Чтò удивительнаго, что въ глазахъ и въ головѣ у меня мутилось, когда я выходилъ на свѣтъ божій изъ тѣхъ сырыхъ, пожелтѣвшихъ комнатъ?

Можетъ-статься, я и признался бы Джо въ своихъ похожденіяхъ у миссъ Гавишамъ, еслибъ я самъ себѣ не преувеличивалъ, какъ сказано, послѣдствій драки съ молодымъ джентльменомъ, и не насказалъ уже столько нелѣпостей о миссъ Гавишамъ. Блѣдный юноша, вѣроятно, показался бы Джо приличнымъ сѣдокомъ для черной, бархатной кареты; потому я почелъ за лучшее промолчать объ этомъ важномъ происшествіи. Къ-тому же, мнѣ съ самаго начала было противно слушать домашнія пересуды о миссъ Гавишамъ и Эстеллѣ, а теперь чувство это еще болѣе вкоренилось и усилилось во мнѣ. Я вполнѣ довѣрялся только одной Биди; ей я все разсказывалъ. Отчего такая откровенность казалась мнѣ совершенно-естественною и нравилась Биди—я въ то время не могъ себѣ объяснить, но теперь могу.

Между-тѣмъ дома, въ кухнѣ, держали совѣтъ за совѣтомъ, чтò раздражало меня до-нельзя. Оселъ Пёмбельчукъ нерѣдко приходилъ на ночь изъ города нарочно для того, чтобъ разсуждать съ сестрою о моей будущности. Я, право, увѣренъ (и, къ стыду моему, доселѣ не раскаявался въ подобномъ настроеніи), что будь эти руки въ то время посильнѣе, то онъ не досчитался бы нѣсколькихъ спицъ въ своей таратайкѣ, а при удачѣ—и столькихъ же реберъ въ боку. Этотъ скотъ былъ до того тупъ, что не могъ разсуждать о моей участи, не имѣя меня передъ глазами, какъ матеріалъ для обработки; онъ, бывало, вытащитъ меня (чаще всего за шиворотъ) изъ угла, гдѣ я покойно сидѣлъ, поставитъ противъ огня, будто приготовляясь меня жарить, и начнетъ свои разсужденія словами: «Ну-съ, сударыня, вотъ онъ мальчикъ! Вотъ мальчикъ, котораго вы вскормили отъ руки. Подними голову, мальчикъ, и будь вѣчно благодаренъ. Касательно этого мальчика...» Потомъ, держа меня за рукавъ, онъ начиналъ гладить меня по головѣ противъ ворса (на чтò, по-моему, никто на свѣтѣ не имѣлъ

права); въ этомъ положеніи я представлялъ вѣрную картину безсмыслія, съ которымъ могло сравниться только его собственное тупоуміе.

Затѣмъ они съ сестрою пускались вдвоемъ въ самыя подлыя предположенія о томъ, что миссъ Гавишамъ сдѣлаетъ изъ меня и для меня. Пренія эти до такой степени выводили меня изъ терпѣнія, что я на силу удерживался отъ того, чтобъ не расплакаться съ досады и броситься на Пёмбельчука, чтобъ порядкомъ поколотить его. Въ этихъ бесѣдахъ сестра относилась обо мнѣ какъ нельзя обиднѣе, будто вышибала мнѣ по зубу каждый разъ, когда упоминала обо мнѣ; а Пембельчукъ, произвольно-взявшій на себя опеку надо мною, бывало, осматриваетъ меня съ головы до ногъ съ недовольнымъ видомъ, будто соображая про-себя, какъ трудно будетъ сдѣлать что-нибудь порядочное изъ такого дряннаго матеріала.

Джо не принималъ участія въ преніяхъ моихъ доброжелателей, хотя они часто относились къ нему и даже нападали на него за то, что мистрисъ Гарджери была убѣждена, что онъ не сочувствуетъ удаленію моему съ кузницы, когда я уже въ лѣтахъ поступить къ нему въ ученье. Бѣдный Джо сидитъ, бывало, передъ огнемъ, да сгребаетъ ломомъ золу съ рѣшетки камина; но сестра моя и этотъ невинный поступокъ принимала за выраженіе явнаго сопротивленія ея планамъ, бросалась на мужа, отнимала у него ломъ и, тряхнувъ имъ, клала на мѣсто. Каждое преніе оканчивалось самымъ обиднымъ для меня образомъ. Вдругъ, безъ всякаго видимаго повода, сестра моя зѣвнетъ и, будто случайно замѣтивъ мое присутствіе, неожиданно накинется на меня: «Ну, надоѣлъ ты намъ! Убирайся себѣ-спать; довольно ты намъ испортилъ крови, будетъ съ насъ на одинъ вечеръ!» Кто бы сказалъ, что я ихъ просилъ надоѣдать мнѣ до смерти своими бреднями?

Подобныя пренія прекратились бы нескоро, ибо, какъ видно, нравились самозванцамъ-опекунамъ моимъ, еслибъ, разъ гуляя, опершись на мое плечо, миссъ Гавишамъ не замѣтила мнѣ вдругъ съ неудовольствіемъ:

— Ты очень подросъ, Пипъ!

Я почелъ самымъ благоразумнымъ выразить глубокомысленнымъ взглядомъ, что это обстоятельство могло произойти отъ причинъ, совершенно отъ меня независящихъ.

На этотъ разъ она ничего болѣе не сказала, но только вдругъ остановилась и взглянула на меня; потомъ опять остановилась и снова взглянула, и послѣ того казалась не въ духѣ. На слѣдующій разъ,

когда катанье наше кончилось и я подкатилъ ее къ уборному столику, она задержала меня нетерпѣливымъ движеніемъ пальцевъ.

— Повтори-ка мнѣ имя твоего кузнеца.

— Джо Гарджери, сударыня.

— Тотъ самый, къ кому тебя хотятъ отдавать въ ученье?

— Такъ точно, миссъ Гавишамъ.

— Тебѣ лучше бы сразу поступить въ ученье. Согласился ли бы Гарджери придти сюда съ тобою и принести твой контрактъ — какъ ты думаешь?

Я объяснилъ, что онъ, вѣроятно, почтетъ это за особую для себя честь.

— Такъ пускай же приходитъ.

— Когда прикажете, миссъ Гавишамъ?

— Ну, вотъ опять! Я никакого времени знать не хочу. Пусть приходитъ поскорѣе, и ты съ нимъ.

Когда я вечеромъ возвратился и передалъ Джо желаніе миссъ Гавишамъ, сестра моя расходилась пуще прежняго и сдѣлала намъ сцену, какой я еще не видывалъ. Она спрашивала меня и Джо, за что̀ мы ее принимаемъ—за подстилку, что̀ топчутъ подъ ногами? И какъ мы смѣемъ такъ обращаться съ нею? И съ кѣмъ же ей, по-нашему, прилично водиться, если мы гнушаемся взять ее съ собою къ миссъ Гавишамъ? Истощивъ цѣлый потокъ подобныхъ допросовъ, она бросила въ Джо подсвѣчникомъ, громко зарыдала и, схвативъ щетку, начала съ неистовствомъ чистить комнату. Недовольная чисткою въ сухую, она взялась за ведро и помело, и безъ церемоніи вымела насъ на дворъ, такъ-что намъ пришлось зябнуть на заднемъ дворѣ.

Было десять часовъ, когда мы, наконецъ, осмѣлились прокрасться въ домъ. Тогда сестра спросила Джо, зачѣмъ онъ лучше не женился прямо на черной невольницѣ, которая бы на него день и ночь работала? Бѣдный Джо ничего не отвѣчалъ и разглаживалъ бакенбарды свои, глядя на меня съ такимъ обиженнымъ видомъ, какъ-будто онъ въ-самомъ-дѣлѣ въ эту минуту жалѣлъ объ этомъ промахѣ.

XIII.

На слѣдующій день мнѣ было крайне-грустно видѣть, какъ Джо облачался въ свое праздничное платье, чтобъ идти со мною къ миссъ Гавишамъ. Но онъ считалъ свою парадную форму необходимою въ подобномъ случаѣ, и мнѣ некстати было разубѣждать его, хотя дѣй-

ствительно будничный нарядъ гораздо-болѣе шелъ ему къ лицу—тѣмъ болѣе некстати, что бѣдный Джо рѣшился на подобный подвигъ единственно ради меня. Ради меня онъ напялилъ платье, которое видимо стѣсняло его, ради меня выпустилъ воротникъ рубашки такъ высоко, что волосы у него на затылкѣ поднялись и стояли, будто султанъ.

За завтракомъ сестра моя объявила, что намѣрена идти съ нами въ городъ съ тѣмъ, чтобъ мы ее оставили у дяди Пёмбельчука, пока сами будемъ «толковать съ важными барынями», а потомъ зашли бы за̀ нею. Джо, казалось, не ожидалъ ничего хорошаго отъ подобнаго намѣренія жены. Кузница была заперта въ тотъ день, и Джо—какъ онъ всегда дѣлалъ въ рѣдкихъ случаяхъ своего отсутствія—начертилъ меломъ на двери—*нѣту*, и рядомъ что-то въ родѣ стрѣлы, указывавшей, вѣроятно, въ какую сторону онъ направился.

Мы поплелись въ городъ. Сестра, разумѣется, шла впереди; она несла съ собою плоскую, плетеную корзинку, съ виду похожую на государственную печать Англіи, и, несмотря на совершенно-ясную погоду, еще пару галошъ, запасную шаль и зонтикъ. Я до-сихъ-поръ не могу хорошо понять, наложила ли сестра на себя эту ношу въ видѣ особой эпитиміи, или же тащила съ собою столько добра единственно для внушенія должнаго къ себѣ уваженія. Это, вѣроятнѣе всего, была выставка напоказъ своихъ аттрибутовъ: такъ точно на сценѣ какая-нибудь Клеопатра выказываетъ свое достоинство и званіе пышною свитою и обстановкою.

Когда мы поровнялись съ домомъ Пёмбельчука, сестра оставила насъ и вошла къ дядѣ. Было около полудня, и потому мы съ Джо немедленно направились къ миссъ Гавишамъ. Эстелла, по обыкновенію, отворила намъ калитку. Джо съ той минуты, какъ увидѣлъ ее, почтительно снялъ шляпу и держалъ ее на отвѣсѣ обѣими руками, считая необходимымъ оказывать уваженіе даже какой-нибудь долѣ золотника.

Эстелла, повидимому, не обратила на насъ особаго вниманія, а прямо пошла впередъ по хорошо-знакомой мнѣ дорогѣ. Я слѣдовалъ за нею, а за мною шелъ Джо. Обернувшись назадъ въ длинномъ коридорѣ, я взглянулъ на Джо; онъ попрежнему держалъ шляпу на отвѣсѣ и дѣлалъ огромные шаги на цыпочкахъ, стараясь не касаться пола.

Эстелла попросила насъ обоихъ войдти; я схватилъ Джо за̀ полу кафтана и такимъ образомъ ввелъ его въ присутствіе миссъ Гавишамъ. Она сидѣла за уборнымъ столикомъ, но тотчасъ же къ намъ обернулась.

— А! Вы мужъ сестры этого мальчика? спросила она у Джо.

Я не могъ себѣ представить, чтобъ добрый старый Джо могъ до того измѣниться, чтобъ походить не на себя, а на какую-то небывалую птицу. Онъ стоялъ молча, съ взъерошеннымъ султаномъ на головѣ и раскрытымъ ртомъ, будто готовясь кого-то проглотить.

— Вы мужъ сестры этого мальчика? повторила миссъ Гавишамъ.

Къ крайней моей досадѣ, въ-теченіе всего разговора Джо постоянно относился ко мнѣ, и ни разу не обращался прямо къ миссъ Гавишамъ.

— Безъ-сомнѣнія, Пипъ, замѣтилъ Джо голосомъ, который выражалъ въ то же время большую силу убѣжденія и необыкновенную вѣжливость: — я сватался и женился на вашей сестрѣ, будучи въ то время, съ вашего позволенія, холостякомъ.

— Хорошо! сказала миссъ Гавишамъ. — И вы вскормили ребенка, съ тѣмъ, чтобъ взять его къ себѣ въ ученики, когда онъ подростетъ— не такъ ли, мистеръ Гарджери?

— Вы знаете, Пипъ, косвенно отвѣчалъ Джо: — что мы съ вами всегда были добрые друзья и расчитывали прожежь себя на это дѣло, какъ на облегченіе своей участи. Но еслибъ вамъ, Пипъ, что-нибудь не нравилось въ ремеслѣ, хотя бы, напримѣръ, копоть да сажа, которыхъ не оберешься, то, безъ-сомнѣнія, я васъ не сталъ бы приневоливать— неправда ли?

— Но въ самомъ ли дѣлѣ ремесло это нравится мальчику, сказала миссъ Гавишамъ:—и охотно ли идетъ онъ къ вамъ въ ученики?

— Вамъ хорошо извѣстно, Пипъ, возразилъ Джо, становясь все убѣдительнѣе и вѣжливѣе въ своихъ отвѣтахъ: — вамъ очень-хорошо извѣстно, что таково было постоянно ваше задушевное желаніе. Вѣдь, вы не имѣете ничего противъ нашего ремесла, и быть кузнецомъ было всегда самымъ задушевнымъ вашимъ желаніемъ?

Напрасно я старался объяснить ему знаками, чтобъ онъ обращался съ рѣчью не ко мнѣ, а къ миссъ Гавишамъ. На всѣ мои пантомимы, онъ отвѣчалъ только усиленною вѣжливостью и убѣдительностью, не переставая относиться единственно ко мнѣ.

— Принесли ли вы съ собой контрактъ мальчика? спросила миссъ Гавишамъ.

— Вы очень-хорошо знаете, Пипъ, отвѣчалъ Джо такимъ голосомъ, будто находилъ вопросъ безразсуднымъ: — вы сами видѣли, что я положилъ бумагу въ шляпу, значитъ, она со мною. Онъ вынулъ контрактъ и передалъ его все-таки не миссъ Гавишамъ, а мнѣ. Больно сознаться, но мнѣ стало стыдно за него, да, положительно стыдно,

когда я замѣтилъ, какъ Эстелла плутовски улыбалась за кресломъ миссъ Гавишамъ. Я взялъ у него бумагу и передалъ ее старухѣ.

— Вы не ожидаете никакого вознагражденія за мальчика? сказала миссъ Гавишамъ, пробѣжавъ контрактъ.

— Джо! замѣтилъ я, видя, что онъ молчитъ: — зачѣмъ же ты не отвѣчаешь?

— Пипъ, отвѣчалъ онъ отрывисто, видимо-обиженный: — между нами подобный вопросъ кажется излишнимъ, на него не можетъ быть другаго отвѣта, кромѣ голаго—нѣтъ! Вы знаете, Пипъ, что другаго отвѣта я дать не могу, потому и предпочитаю молчать.

Миссъ Гавишамъ взглянула на него и какъ-будто сразу поняла, что̀ онъ за человѣкъ, чего я никакъ не ожидалъ послѣ всѣхъ неловкостей бѣднаго Джо; потомъ она взяла маленькій мѣшокъ со стола и сказала:

— Пипъ заслужилъ вознагражденіе здѣсь, и вотъ оно. Въ этомъ мѣшкѣ двадцать-пять гиней. Передай его своему хозяину, Пипъ.

Вѣроятно, слишкомъ-озадаченный странностью самой барыни или ея обстановкой, бѣдный Джо и тутъ продолжалъ обращаться ко мнѣ одному.

— Это очень-щедро съ вашей стороны, Пипъ, сказалъ Джо:—подарокъ вашъ я принимаю съ благодарностью, хотя по совѣсти, не чаялъ, не гадалъ ничего подобнаго. Теперь старина, сказалъ весело Джо (меня словно обдало не то жаромъ, не то холодомъ, при мысли, что онъ такъ фамильярно обращается къ миссъ Гавишамъ), теперь постараемся исполнять свой долгъ. Будемъ честно трудиться вдвоемъ, помогая другъ другу, ради спокойствія совѣсти... и удовольствія тѣхъ... кто своею щедростью заслужилъ, чтобъ мы никогда... тутъ бѣдный Джо страшно запутался, пока не выбрался, наконецъ, изъ затрудненія, торжественно закончивъ свою фразу словами: — во всякомъ случаѣ не я. Послѣднія слова показались ему столь убѣдительными, что онъ повторилъ ихъ дважды.

— Прощай, Пипъ! сказала миссъ Гавишамъ. Выпусти ихъ Эстелла

— Приходить ли мнѣ къ вамъ еще, миссъ Гавишамъ? спросилъ я.

— Нѣтъ! Теперь Гарджери твой хозяинъ. Гарджери! одно словечко...

Воротивъ Джо такимъ образомъ, когда я уже былъ въ дверяхъ, миссъ Гавишамъ сказала ему съ достоинствомъ и такъ громко, что я могъ разслышать.

— Мальчикъ былъ добрый малый, пока былъ здѣсь; это его вознагражденіе. Разумѣется, какъ честному человѣку, вамъ болѣе отъ меня ожидать нѣчего и нѣ за что̀.

Какъ Джо выбрался изъ комнаты—я до-сихъ-поръ не могу объяснить себѣ. Знаю только, что когда онъ выбрался, то началъ взбираться на лѣстницу, вмѣсто того, чтобы спуститься внизъ; ничего не слышалъ и не понималъ, пока я просто не потащилъ его за рукавъ. Чрезъ минуту мы были уже за калиткой. Эстелла заперла ее и удалилась.

Когда мы снова попали на свѣтѣ божій, Джо, прислонившись къ стѣнѣ дома, вздохнулъ и произнесъ, «удивительно!». Онъ такъ долго оставался въ этомъ положеніи и такъ часто повторялъ: «удивительно! удивительно!» что я сталъ отчаяваться въ состояніи его разсудка и думалъ, что онъ никогда не прійдетъ въ себя. Наконецъ, онъ нѣсколько измѣнилъ свое замѣчаніе: «Пипъ, право, это удивительно!» и потомъ мало-по-малу сталъ разговорчивѣе и могъ идти далѣе.

Съ другой стороны, я имѣю основаніе думать, что, напротивъ того, умственныя способности Джо нѣсколько изощрились отъ этого столкновенія, потому-что на дорогѣ онъ задумалъ хитрый и глубокій планъ, въ чемъ нетрудно убѣдиться изъ послѣдовавшей сцены въ гостиной у мистра Пёмбельчука, гдѣ мы застали сестру въ жаркомъ совѣщаніи съ этимъ противнымъ торгашомъ.

— Ну, воскликнула сестра моя, обращаясь къ намъ обоимъ вдругъ:— что̀ съ вами случилось? Я удивляюсь, какъ вы еще не гнушаетесь такимъ низкимъ обществомъ! Я, право, удивляюсь вашему снисхожденію!»

— Миссъ Гавишамъ, произнесъ Джо, пристально глядя на меня, будто стараясь что-то припомнить—настоятельно просила насъ засвидѣтельствовать... не припомнишь, ли Пипъ, ея почтеніе, или преданность?

— Почтеніе, сказалъ я.

— Такъ, такъ, засвидѣтельствовать ея почтеніе мистрисъ Гарджери... повторилъ Джо.

— Много мнѣ отъ того прибудетъ! замѣтила сестра, видимо смягченная такимъ лестнымъ вниманіемъ.

— И жалѣла, продолжалъ Джо, снова пристально смотря на меня:— и жалѣла, что плохое здоровье лишало ее... чего бишь, Пипъ?

— Удовольствія видѣть, подсказалъ я.

— Удовольствія видѣть мистрисъ Гарджери, досказалъ Джо и перевелъ духъ.

— Ну, могла бъ она сказать эту любезность пораньше. Впрочемъ, лучше поздно, чѣмъ никогда. А что̀ же она дала этому сорванцу?

— Она ему? сказалъ Джо:—ничего.

Мистрисъ Гарджери готова была разразиться, но Джо продолжалъ:

— То, что̀ миссъ Гавишамъ дала, она дала не ему, а его друзьямъ.

«Подъ его друзьями, объяснила она, я разумѣю сестру его, мистрисъ Гарджери»—это ея собственныя слова, прибавилъ Джо.

Сестра взглянула на Пёмбельчука, который гладилъ ручки своего кресла и разсѣянно кивалъ головою то ей, то камину, будто онъ все это напередъ предвидѣлъ.

— А сколько ты принесъ? спросила сестра со смѣхомъ, положительно со смѣхомъ.

— Ну, что̀ бы вы сказали на десять фунтовъ стерлинговъ? спросилъ Джо.

— Мы бы сказали, хорошо, отвѣчала сестра довольно отрывисто:— не слишкомъ-много, а довольно».

— Ну, такъ я жь вамъ скажу, что тутъ будетъ побольше того, продолжалъ Джо.

Безсовѣстный наглецъ мистеръ Пёмбельчукъ тотчасъ же кивнулъ головой и самоувѣренно произнесъ, продолжая потирать ручки кресла:

— Больше того.

— Вы не хотите же сказать... начала было сестра.

— Да я именно хочу сказать, сударыня, сказалъ Пёмбельчукъ:—вы сейчасъ услышите, что̀. Продолжайте, Джозефъ, дѣло хорошее, продолжайте!

— Что̀ бы вы сказали на двадцать фунтовъ? снова спросилъ Джо.

— Великолѣпно! другаго слова нѣтъ, возразила сестра.

— А тутъ побольше и двадцати фунтовъ, сказалъ Джо.

Этотъ противный притворщикъ Пёмбельчукъ снова кивнулъ головой, съ видомъ покровительства, и сказалъ, улыбаясь:

— Больше, этого сударыня. Хорошее дѣло! Ну продолжайте наводить ее, Джозефъ!»

— Чтобъ ужь покончить разомъ, сказалъ Джо, съ восхищеніемъ передавая мѣшокъ моей сестрѣ:—тутъ двадцать-пять фунтовъ.

— Тутъ двадцать-пять фунтовъ, повторилъ гнусный Пёмбельчукъ и привсталъ, чтобъ пожать ей руку:—и не болѣе, не менѣе, какъ то, чего вы заслуживаете, сударыня—я это всегда скажу всѣмъ и каждому. Теперь позвольте васъ поздравить съ приходцомъ!

Еслибъ еще мерзавецъ остановился на этомъ—нѣтъ! онъ очернилъ себя гораздо-болѣе гнуснымъ образомъ: съ какимъ-то нагло покровительственнымъ тономъ, онъ взялъ меня подъ свою опеку, что̀ въ моихъ глазахъ было гаже всѣхъ прежнихъ его выходокъ.

— Теперь, видите ли Джозефъ съ супругою, сказалъ Пёмбельчукъ, взявъ меня за руку, выше локтя:—я не охотникъ останавливаться на полудорогѣ, я люблю идти до конца, когда разъ, принялся за дѣло.

По моему, надо мальчика тотчасъ же закабалить окончательно—это мое мнѣніе, закабалить окончательно.

— Мы вамъ за все премного обязаны, дядя Пёмбельчукъ, сказала сестра, схвативъ мѣшокъ съ деньгами.

— Не обо мнѣ рѣчь, сударыня, возразилъ чортовъ лавочникъ. Удовольствіе—вездѣ удовольствіе для частнаго человѣка. Дѣло въ томъ, что вотъ мальчикъ: его надо формально закабалить ученикомъ къ Джозефу. Я ужь это возьму на себя, такъ и быть.

Судъ засѣдалъ въ ратушѣ, недалеко оттуда, и мы пошли прямо въ присутствіе, чтобъ скрѣпить тамъ контрактъ нашъ съ хозяиномъ. Когда я говорю, мы пошли, то вовсе не намекаю на себя, потому-что я не шелъ, а меня тащилъ подлый Пёмбельчукъ, какъ поджигателя какого, или вора. Дѣйствительно, когда Пёмбельчукъ протолкалъ меня въ судъ, окружавшіе приняли меня за пойманнаго преступника. Одинъ говорилъ: «чтожь онъ сдѣлалъ?» другой: «какой молодой! впрочемъ, наружность скверная». Наконецъ, какой-то добрый и скромный по виду господинъ даже сунулъ мнѣ въ руки душеспасительную книжку: «Чтеніе въ моей темницѣ», гдѣ былъ изображенъ молодой преступникъ, весь обвѣшанный цѣпями, будто выставка сосисекъ.

Присутствіе показалось мнѣ въ то время очень-страннымъ мѣстомъ: загороженныя скамьи выше, чѣмъ въ церкви, и биткомъ набитыя народомъ; важные судьи (одинъ даже въ парикѣ), развалившіеся въ креслахъ, кто читалъ, кто нюхалъ табакъ, кто просто сидѣлъ сложа руки; круглые, почернѣвшіе портреты, простудушно принятые мною за караваи, развѣшанные по стѣнамъ—все это показалось мнѣ какъ-то дико. Здѣсь, въ одномъ изъ угловъ, контрактъ мой былъ надлежащимъ образомъ подписанъ и скрѣпленъ: я былъ закабаленъ! Мистеръ Пёмбельчукъ все время такъ крѣпко держалъ меня за руку, какъ-будто велъ меня на висѣлицу, и только мимоходомъ забѣжалъ сюда, чтобъ предварительно устроить это дѣльце.

Когда мы вышли изъ залы и направились обратно къ мистеру Пёмбельчуку, всѣ уличные мальчишки, провожавшіе насъ въ судъ, въ надеждѣ присутствовать при моемъ нравственномъ истязаніи, казались очень-недовольными, убѣдясь, что спутники мои были только друзья, служившіе мнѣ конвоемъ, а не обвинители. Придя назадъ, сестра такъ расходилась при видѣ двадцати-пяти гиней, что рѣшила дать банкетъ у «Синяго Вепря», по причинѣ и насчетъ этого неожиданнаго счастья. Мистеръ Пёмбельчукъ долженъ былъ ѣхать въ своей таратайкѣ за Гиблями и мистеромъ Уопселемъ.

На это всѣ согласились, благодаря чему, я провелъ одинъ изъ самыхъ скучныхъ дней моей жизни. Всѣ, казалось, были убѣждены, что я совершенно-лишній на пирушкѣ; но всѣ, отъ времени до времени, обращались ко мнѣ съ пошлымъ вопросомъ: отчего я не веселюсь? На что я, разумѣется, былъ принужденъ отвѣчать, что веселюсь, хотя былъ очень-далекъ отъ веселья.

Они были взрослые и потому умѣли веселиться. Этого бестію, Пёмбельчука, посадили на первое мѣсто, какъ главнаго виновника торжества. Поставивъ меня на стулъ рядомъ съ собою, онъ обратился къ остальнымъ съ рѣчью, въ который сообщилъ имъ новость, что я закабаленъ, и съ дьявольскимъ удовольствіемъ напиралъ на то, что, какъ сказано въ контрактѣ, я теперь подвергаюсь заключенію въ острогѣ, если стану пить, играть въ карты, сидѣть по ночамъ или посѣщать дурное общество.

Я хорошо помню только то, что они мнѣ не давали заснуть, и какъскоро я начиналъ дремать, будили меня и приглашали веселиться. Довольно-поздно вечеромъ мистеръ Уопсель прочиталъ намъ оду Колинса, и съ такимъ жаромъ подражалъ шуму брошеннаго меча, что половой приходилъ «освѣдомиться о здоровьи этихъ господъ, со стороны жильцовъ нижняго этажа, и напомнить имъ, что здѣсь не фехтовальная школа». Всѣ, кромѣ меня, возвращались домой въ отличномъ настроеніи духа и горланили пѣсню о какой-то красной дѣвѣ. Мистеръ Уопсель взялъ на себя басъ и утверждалъ, что онъ именно и есть бѣлокурый герой пѣсни.

Наконецъ, я помню, что чувствовалъ себя очень-несчастнымъ, ложась спать въ своемъ чуланѣ. Я былъ убѣжденъ, что никогда не полюблю своего ремесла; было время, когда оно мнѣ нравилось, но теперь уже было не то.

XIV.

Грустно и больно становится, когда начнешь стыдиться своего роднаго крова. Быть-можетъ, это чувство отзывается черною неблагодарностью и заслуживаетъ наказанія—не знаю, но только это очень-тяжелое чувство.

Родной кровъ, благодаря неуживчивому нраву сестры, никогда не былъ пріятнымъ мѣстомъ для меня, но онъ былъ святъ въ глазахъ моихъ потому, что въ немъ жилъ Джо. Я вѣрилъ, въ него. Я вѣрилъ что главная гостиная была дѣйствительно великолѣпная зала; я вѣрилъ, что парадная дверь была какимъ-то таинственнымъ преддверіемъ

храма, открытіе котораго сопровождалось священнымъ жертвоприношеніемъ жареныхъ цыплятъ; я вѣрилъ, что кухня была, хотя не великолѣпная, но безукоризненно-опрятная комната; я вѣрилъ, что кузница была славнымъ путемъ къ возмужалости и независимости. И въ одинъ годъ все для меня измѣнилось. Теперь все это мнѣ казалось пошло и грубо, и я ни за какія блага не хотѣлъ бы, чтобъ миссъ Гавишамъ или Эстелла увидѣла эту обстановку.

На сколько я самъ былъ причиною этого неблагодарнаго настроенія, на сколько была виновна въ этомъ миссъ Гавишамъ, или моя сестра—до этого никому теперь нѣтъ дѣла. Во мнѣ уже произошла перемѣна; дѣло было сдѣлано. Дурно ли, хорошо ли, извинительно или не извинительно, но оно уже было сдѣлано.

Бывало, мнѣ казалось, что съ той минуты, какъ я засучу рукава своей рубахи и поступлю на кузницу, къ Джо, передо мною откроется путь къ отличію и я буду счастливъ. Теперь это исполнилось на дѣлѣ и я увидѣлъ только, что весь былъ покрытъ угольною пылью, и на душѣ у меня лежалъ грузъ, въ сравненіи съ которымъ наковальня была легкимъ перышкомъ. Въ моей послѣдующей жизни (какъ и во всякой жизни, я полагаю) бывали случаи, когда мнѣ казалось, что тяжелая завѣса, заслоняла предо мною весь интересъ, всю прелесть жизни. Никогда эта завѣса не падала такъ тяжело и рѣзко, какъ теперь, когда жизненное поприще открылось предо мною, пролегая чрезъ кузницу Джо.

Помнится мнѣ, какъ нерѣдко подъ вечеръ, въ воскресенье, я задумывался, стоя на кладбищѣ, и сравнивалъ перспективу ожидавшаго меня будущаго съ тѣмъ унылымъ болотомъ, которое лежало предо мною. И то и другое было плоско и однообразно, и въ томъ и другомъ пролегалъ невѣдомый путь, застилаемый густымъ туманомъ, а вдали виднѣлось море.

Съ перваго же дня моего ученія я совершенно упалъ духомъ. Но мнѣ пріятно вспомнить, что во все время, пока продолжался нашъ контрактъ, я не проронилъ при Джо ни одной жалобы. Это почти единственное обстоятельство, о которомъ мнѣ пріятно вспомнить, когда я думаю о томъ времени. Все, что я намѣренъ сейчасъ сказать о годахъ моего ученія, дѣлаетъ болѣе чести Джо, нежели мнѣ самому. Если я не сбѣжалъ и не записался въ солдаты или матросы, то не потому, что самъ былъ вѣренъ чувству долга, но потому, что Джо былъ вѣренъ чувству долга. Если я работалъ довольно-прилежно, то не потому, чтобъ самъ сознавалъ важность труда, но потому, что Джо сознавалъ важность труда. Невозможно опредѣлить, какъ да-

лею вообще простирается вліяніе честнаго, простаго, трудолюбиваго человѣка, но очень-возможно сказать, на сколько оно имѣло дѣйствія на насъ самихъ, и я могу сказать съ полною увѣренностью, что все добро, которое я извлекъ изъ моего ученья, проистекало отъ простаго, малымъ довольнаго Джо, а не отъ меня самого, вѣчно-безпокойнаго и ничѣмъ недовольнаго.

Кто объяснитъ мнѣ, чего я тогда хотѣлъ? Я самъ того не зналъ. Я боялся, что когда-нибудь, въ злой часъ, когда я буду въ самомъ неизящномъ видѣ, Эстелла заглянетъ въ одно изъ оконъ кузницы. Меня преслѣдовали опасенія, что, рано или поздно, она увидитъ меня съ чернымъ лицомъ и руками, за самою грубою работою, и станетъ издѣваться надо мною, станетъ презирать меня. Частенько, въ сумерки, когда я помогалъ Джо раздувать огонь, и мы вмѣстѣ подтягивали «Дядя Климъ», я вспоминалъ, какъ мы пѣвали эту пѣсню у миссъ Гавишамъ, и тотчасъ же, въ огнѣ, мнѣ рисовалась головка Эстеллы, съ развѣвавшимися волосами и глазами, устремленными на меня съ какимъ-то насмѣшливымъ выраженіемъ.

Частенько въ такія минуты боязливо всматривался я во мракъ ночи, окаймленной деревяннымъ переплетомъ оконъ, и чудилось мнѣ, что она только-что отвернулась отъ окна, и я былъ увѣренъ, что мои опасенія наконецъ сбылись.

И потомъ, когда мы шли къ ужину, и комната и столъ казались мнѣ еще бѣднѣе, чѣмъ прежде, и чувство стыда еще съ бо̀льшею силою шевелилось въ моей неблагодарной груди.

XV.

Такъ-какъ я ужь былъ слишкомъ-большой мальчикъ, чтобъ посѣщать классы тётки мистера Уопселя, то и воспитаніе мое подъ руководствомъ этой нелѣпой женщины окончилось. Конечно, она до-тѣхъ-поръ успѣла передать мнѣ все, что̀ сама знала, начиная отъ маленькаго прейс-куранта до комической пѣсенки, которую она какъ-то разъ купила за полпенса. Хотя все это литературное произведеніе было безсвязнымъ наборомъ словъ, за исключеніемъ, быть-можетъ, перваго стиха:

Въ Лондонъ собравшись, сударики,
Турлъ, лурлъ,
Турлъ, лурлъ.
Не былъ ли я смуглъ, сударики?
Турлъ, лурлъ,
Турлъ, лурлъ.

Однако, побуждаемый желаніемъ поумнѣть, я серьёзно выучилъ его наизусть. И не запомню я, чтобъ когда-нибудь мнѣ приходило въ голову разбирать его достоинство; я только находилъ—и теперь еще нахожу—что эти «турлъ, лурлъ» повторялись не въ мѣру. Алча знанія, я обратился къ мистеру Уопселю съ просьбою напитать меня крохами духовной пищи, и онъ милостиво согласился на это. Но такъ-какъ я вскорѣ увидѣлъ, что онъ хотѣлъ сдѣлать изъ меня нѣчто въ родѣ драматическаго болвана, котораго можно и лобызать и оплакивать, и терзать и умерщвлять—словомъ, тормошить всевозможнымъ образомъ, то я вскорѣ отказался отъ такого способа обученія, но, конечно, не прежде, чѣмъ мистеръ Уопсель, въ порывѣ поэтическаго азарта, порядочно помялъ меня.

Все, что я пріобрѣталъ, я старался передавать Джо. Эти слова звучатъ такъ хорошо, что я, по совѣсти, не могу пропустить ихъ безъ объясненія. Я хотѣлъ образовать и обтесать Джо, чтобъ сдѣлать его болѣе-достойнымъ моего общества и оградить его отъ нападокъ Эстеллы.

Старая батарея на болотѣ была мѣстомъ нашихъ занятій, а разбитая грифельная доска и осколокъ грифеля составляли всѣ наши учебныя пособія. Джо присоединялъ къ нимъ еще трубочку съ табакомъ. Я не запомню ни одной вещи, которую бы Джо удержалъ въ памяти отъ одного воскресенья до другаго, и вообще онъ рѣшительно ничего не пріобрѣлъ отъ моихъ уроковъ. Но это не мѣшало ему покуривать свою трубочку съ необыкновенно-умнымъ, можно даже сказать, ученымъ выраженіемъ; казалось, онъ сознавалъ, что дѣлаетъ огромные успѣхи. Добрая душа, надѣюсь, что онъ дѣйствительно былъ въ этомъ убѣжденъ.

Тихо и прекрасно было въ этомъ уединенномъ мѣстѣ; за насыпью, на рѣкѣ, виднѣлись паруса судовъ, и иной разъ, во время отлива, чудилось, что суда эти потонули и продолжаютъ плыть по дну рѣки. Каждый разъ, что я слѣдилъ глазами за бѣлыми парусами уходившихъ въ море кораблей, мнѣ приходила въ голову миссъ Гавишамъ и Эстелла. Каждый разъ, когда я любовался, какъ солнечный лучъ, прокравшись украдкою, игралъ на отдаленной тучкѣ, или бѣломъ парусѣ, или зеленомъ склонѣ холма, или на свѣтлой полосѣ воды, я думалъ все о нихъ же. Миссъ Гавишамъ и Эстелла и странный домъ и странная жизнь имѣли, казалось, что-то общее со всѣмъ, что я видѣлъ живописнаго.

Разъ какъ-то, въ воскресенье, Джо, наслаждаясь своей трубочкой, наотрѣзъ объявилъ мнѣ, что все это ему «смерть, какъ надоѣло»,

такъ-что я потерялъ всякую надежду добиться отъ него толку въ тотъ день. Нѣсколько времени лежалъ я на земляной насыпи, подперши рукою подбородокъ и отыскивая слѣды миссъ Гавишамъ и Эстеллы въ водахъ и небѣ окружавшаго меня пейзажа. Наконецъ, я рѣшился высказать о нихъ одну мысль, которая уже давно вертѣлась въ моей головѣ.

— Джо, сказалъ я:—какъ ты думаешь, не сдѣлать ли мнѣ визита миссъ Гавишамъ.

— Ну, Пипъ, возразилъ Джо, медленно раздумывая: — я право не знаю зачѣмъ.

— Какъ зачѣмъ, Джо? Зачѣмъ вообще дѣлаютъ визиты.

— Да есть визиты, о которыхъ не съумѣешь сказать, зачѣмъ они дѣлаются, сказалъ Джо:—что жь касается твоего визита къ миссъ Гавишамъ, Пипъ, такъ, вѣдь, она можетъ подумать, что ты тамъ чего-нибудь отъ нея хочешь.

— А ты думаешь, я не могу сказать ей, что я ничего отъ нея не хочу?

— Что жь, можешь, старый дружище, можешь, и она, можетъ повѣритъ тебѣ, а можетъ, и нѣтъ.

Джо, какъ и я самъ, почувствовалъ, что выразился убѣдительно и тотчасъ же отчаянно потянулъ въ себя дымъ, чтобъ удержаться отъ многословія и не ослабить своего довода безполезнымъ повтореніемъ.

— Видишь ли, Пипъ, продолжалъ Джо, замѣтивъ, что опасность миновала:—видишь ли, когда миссъ Гавишамъ сдѣлала для тебя доброе дѣло, когда, говорю, она сдѣлала это доброе дѣло, она подозвала меня и сказала, что это-де и все.

— Да, Джо, я самъ слышалъ, что она сказала.

— Все, выразительно повторилъ Джо.

— Да, да, Джо, я говорю тебѣ, что самъ я слышалъ.

— Она, значитъ, этимъ хотѣла сказать: пусть все между нами кончится. И ты будь себѣ постарому. Я налѣво, ты направо — знай, держись въ сторонѣ.

Я и самъ думалъ то же, и потому эти слова не могли успокоить меня; они, напротивъ, только придали болѣе вѣроятности моимъ опасеніямъ.

— Но, Джо, проговорилъ я.

— А что, старый дружище?

— Вотъ уже сколько времени я въ ученьи, а еще не имѣлъ случая поблагодарить миссъ Гавишамъ, ни разу даже не зашелъ навѣстить ее и показать, что не забываю ее.

— Такъ, такъ, Пипъ, конечно, если ты хочешь поднести ей хорошіе подковы на всѣ четыре, да и тѣ, по правдѣ сказать, оказались бы дурнымъ подаркомъ за неимѣніемъ копытъ.

— Я вовсе не думаю напоминать о себѣ подаркомъ.

Но Джо ухватился за мысль о подаркѣ и насѣлъ на нее.

— Даже, продолжалъ онъ:—даже, еслибъ ты уловчился сковать ей цѣпь для наружной двери, или выдѣлать двѣнадцать дюжинъ мелкихъ винтиковъ для ежедневнаго обихода, или, тамъ, какую галантерейную штуку, примѣрно, вилку, чтобъ ей жарить хлѣбъ или рашперъ, чтобъ жарить салакушку...

— Да я вовсе и не думаю дѣлать ей подарка, вступился-было я.

— Ну, я тебѣ скажу, продолжалъ разглагольствовать Джо, какъ-будто бы я упорствовалъ въ своемъ намѣреніи: — я тебѣ скажу, что будь я на твоемъ мѣстѣ, такъ не сталъ бы этого дѣлать, право не сталъ бы. Ну, самъ посуди, какой прокъ въ цѣпи, когда она ужь и безъ того у ней есть? А винтики — кто ихъ тамъ знаетъ, кáкъ они еще ихъ примутъ. Что же касается вилки, такъ тамъ придется имѣть дѣло съ мѣдью, и какъ разъ осрамишься. Опять же самый искусный человѣкъ не можетъ выказаться на рашперѣ, потому, рашперъ, все-таки рашперъ, убѣдительно сказалъ Джо, какъ-бы стараясь побороть мое упорное заблужденіе: — и ты можешь метить на что тебѣ вздумается, а все-таки выйдетъ рашперъ, хошь не хошь, а дѣлу не поможешь.

— Довольно, довольно, любезный Джо! закричалъ я, въ отчаяніи хватаясь за его сюртукъ: — вѣдь говорятъ тебѣ, что я и не думаю дѣлать подарка миссъ Гавишамъ.

— И не дѣлай, одобрительно сказалъ Джо, какъ-будто торжествуя, что успѣлъ уговорить меня:—и я тебѣ скажу, что ты очень-умно поступишь.

— Но, Джо, я хотѣлъ тебѣ сказать, что такъ-какъ теперь работы немного, то ты бы могъ дать мнѣ завтра полдня праздника: я думаю отправиться въ городъ и зайду къ миссъ Эст.... Гавишамъ.

— Какъ ты ее назвалъ? спросилъ онъ совершенно-серьёзно: — Эстгавишамъ? Нѣтъ, Пипъ, ее, кажется, иначе зовутъ, развѣ что ее перекрестили.

— Знаю, знаю, Джо, я такъ только проврался. Ну, что жь ты думаешь, на счетъ праздника-то—а? Джо.

Но довольно было того, что я желалъ праздника, чтобъ Джо былъ согласенъ дать его. Онъ настаивалъ только на томъ, что если меня примутъ не довольно-любезно, не будутъ просить посѣщать ихъ,

и не поймутъ, что единственнымъ моимъ побужденіемъ было чувство благодарности, то этотъ первый визитъ будетъ вмѣстѣ и послѣднимъ. Я согласился на эти условія.

Джо держалъ поденщика, которому онъ платилъ жалованье разъ въ недѣлю; звали его Орликомъ. Онъ увѣрялъ, что при крещеніи ему наречено имя Долджъ, чего никакъ нельзя допустить; къ-тому же его крутой, упрямый нравъ вполнѣ убѣждаетъ меня, что, утверждая это, онъ вовсе не былъ жертвою увлеченія, но нарочно навязывалъ это имя, какъ открытое оскорбленіе здравому смыслу всего села. Онъ былъ смуглъ, плечистъ, но всѣ кости его какъ-то не клеплись вмѣстѣ, хотя онъ обладалъ необыкновенною силою. Онъ не зналъ, что такое спѣшить, и никогда не ходилъ, а какъ-то валился, свѣсившись всѣмъ тѣломъ впередъ.

На работу приходилъ онъ не сознательно, а такъ, какъ-то приносило его, будто случаемъ. Направляясь обѣдать въ «Лихимъ Бурлакамъ», или возвращаясь вечеромъ домой, онъ перъ впередъ, какъ Каинъ или «Вѣчный Жидъ», не отдавая себѣ отчета, откуда и куда идетъ, и будто не намѣреваясь возвратиться назадъ. Онъ жилъ у одного сторожа при шлюзахъ, на болотѣ, и каждый рабочій день можно было видѣть, какъ онъ валился оттуда, запустивъ руки въ карманы и свѣсясь всѣмъ тѣломъ впередъ. Узелокъ съ харчами, привязанный вокругъ шеи, всегда болтался у него за спиною. По воскресеньямъ онъ или валялся на воротахъ шлюзовъ, или впродолженіе нѣсколько часовъ стоялъ гдѣ-нибудь подъ стогомъ или у стѣнки риги. Орликъ всегда перъ впередъ, какъ паровозъ, опустивъ глаза въ землю; и если кто заговаривалъ съ нимъ, или какимъ другимъ образомъ побуждалъ поднять глаза, бросалъ странные, не то свирѣпые, не то озадаченные взгляды, въ которыхъ можно было прочесть только совершенное отсутствіе всякой мысли.

Этотъ угрюмый поденьщикъ недолюбливалъ меня. Когда я былъ очень-малъ и трусливъ, онъ давалъ мнѣ понять, что самъ чортъ живетъ въ темномъ углу кузницы, и что онъ съ нимъ коротко знакомъ. Онъ также разсказывалъ мнѣ, что необходимо разъ въ семь лѣтъ разводить огонь живымъ мальчикомъ и что я, слѣдовательно, могу считать себя въ нѣкоторой степени горючимъ матеріаломъ. Когда я поступилъ въ ученіе къ Джо, Орликъ, вѣроятно, возъимѣлъ опасенія, чтобъ я его не замѣнилъ современемъ; какъ бы то ни было, но онъ еще пуще не взлюбилъ меня. Не то, чтобъ онъ когда сказалъ или сдѣлалъ что-нибудь явно-враждебное мнѣ; я только замѣчалъ, что онъ старался ковать такъ, чтобъ искры летѣли въ мою сторону, и когда

я запѣвалъ «Дядя Климъ», онъ непремѣнно подтягивалъ не въ тактъ, чтобъ сбить меня.

Долджъ-Орликъ былъ за работой, когда, на другой день, я напомнилъ Джо о полупраздникѣ. Онъ не сказалъ ни слова, потому-что они съ Джо только-что вынули изъ горна кусокъ краснаго желѣза и принялись ковать, но, спустя нѣсколько времени, онъ облокотился на молотъ и сказалъ:

— Ну, хозяинъ, конечно, ты не станешь давать поблажки только одному изъ насъ. Если молодому Пипу будетъ полдня праздника, такъ и старому Долджу слѣдуетъ дать его.

Ему, вѣроятно, не было болѣе двадцати-пяти лѣтъ, но въ разговорѣ онъ всегда называлъ себя старикомъ.

— Да что жь ты сдѣлаешь съ этимъ полупраздникомъ? спросилъ Джо.

— Что̀ я съ нимъ сдѣлаю? А что̀ онъ съ нимъ сдѣлаетъ? Я сдѣлаю то же, что̀ и онъ, отвѣтилъ Орликъ.

— Пипъ отправляется въ городъ, сказалъ Джо.

— Ну, такъ и старый Орликъ отправится въ городъ, возразилъ этотъ достойный человѣкъ.—Могутъ и двое пойти въ городъ. Али ты думаешь, что только одинъ можетъ идти въ городъ?

— Ну, не сердись, сказалъ Джо.

— Буду, коли захочу, пробормоталъ Орликъ. — Слышь, хозяинъ, прочь всѣ эти несправедливыя поблажки! Будь справедливъ.

Но такъ какъ хозяинъ явно отказывался продолжать разговоръ, покуда работникъ не будетъ въ лучшемъ расположеніи духа, то Орликъ вытащилъ изъ горна раскаленную полосу желѣза, пырнулъ ее въ мою сторону, какъ бы желая пронзить меня, помахалъ въ воздухѣ надъ моею головою, и принялся бить ее молотомъ съ такимъ ожесточеніемъ, будто это былъ я, а летѣвшія искры — брызги моей крови. Наковавшись вдоволь, до-тѣхъ-поръ, когда его бросило въ жаръ, а желѣзо успѣло остыть, онъ опять облокотился на молотъ и сказалъ:

— Ну, что жь, хозяинъ?

— Что жь, одумался? спросилъ его Джо.

— Ну, одумался, сказалъ угрюмый старый Долджъ.

— Такъ теперь я тебѣ скажу: за то, что ты всегда прилежно работаешь, пусть будетъ по-твоему, пусть всѣмъ будетъ полупраздникъ.

Сестра моя все это время стояла на дворѣ. Подслушивать и шпіонничать было ей ни почемъ и она тотчасъ же просунулась въ одно изъ оконъ.

— Похоже на тебя, болванъ! сказала она Джо:—давать праздники

такой лѣнивой и неповоротливой скотинѣ. Видно, ты очень-богатъ, что можешь такъ бросать деньги. Желала бъ я быть его хозяиномъ.

— Мало ли надъ кѣмъ ты желала бы командовать, когда бы только смѣла, отозвался Орликъ съ злобной усмѣшкой.

— Оставь ее, сказалъ Джо.

— Дà, я съумѣла бы справиться со всякимъ мерзавцемъ, возразила моя сестра. Ее начинало уже разбирать. — И съ перваго бы началà съ моего муженька, который глава всѣмъ мерзавцамъ; да и ты не ушелъ бы у меня, ты самая подлая тварь отсюда и до Франціи—вотъ чтò!

— Гнусная ты вѣдьма, тётка Гарджери, какъ посмотрю, проворчалъ Орликъ.

— Да ну же, оставь ее! сказалъ Джо.

— Чтò ты сказалъ? принялась кричать она.—Чтò ты сказалъ? Чтò онъ сказалъ, Пипъ? Кàкъ онъ меня назвалъ, и то при моемъ мужѣ? О-о-о!

Каждое изъ этихъ восклицаній было пронзительнымъ визгомъ. Я долженъ замѣтить, что поведеніе моей сестры, какъ и вообще всякой горячей женщины, нельзя извинить вспыльчивостью, потому-что она не безсознательно увлекалась порывами гнѣва, но сознательно и съ разсчетомъ настроивала себя и постепенно доходила до бѣшенства.

— Кàкъ обозвалъ онъ меня при этомъ подлецѣ, который клялся защищать меня, продолжала она. — О! о! поддержите меня. О!...

— Ага! бормоталъ сквозь зубы работникъ.—Я поддержалъ бы тебя, была бы ты только моя жена, я поддержалъ бы тебя! Подъ насосомъ всю бы дурь-то выгналъ изъ тебя.

— Говорятъ тебѣ, оставь ее! сказалъ Джо.

— И слушать это!... завизжала моя сестра, всплеснувъ руками. Это была ужь вторая степень ярости.—И слушать, кàкъ онъ меня ругаетъ, этотъ мерзавецъ Орликъ, въ моемъ собственномъ домѣ, меня, замужнюю женщину, и передъ мужемъ!... О-о!

Съ этими словами она принялась снова визжать и бить себя въ грудь, швырнула въ сторону свою шляпку и растрепала волосы. Это было послѣднею степенью бѣшенства. Съ этимъ она бросилась къ двери, которую я только-что передъ тѣмъ заперъ.

Чтò оставалось дѣлать несчастному Джо послѣ его неуваженныхъ, выраженныхъ какъ-бы въ скобкахъ, увѣщаній, какъ не спросить у своего работника: на какомъ основаніи онъ осмѣливается вмѣшиваться между нимъ и женою, и чувствуетъ ли онъ въ себѣ довольно храбро-

сти, чтобъ выйдти съ нимъ на кулачки. Старый Орликъ понималъ, что обстоятельства не допускали иного исхода, кромѣ потасовки, и потому тотчасъ же сталъ въ оборонительное положеніе. Не скидывая даже своихъ прожженныхъ фартуковъ, они сошлись, какъ два богатыря. Но я не зналъ человѣка, который бы могъ устоять противъ Джо. Орликъ—какъ будто-бы онъ былъ не лучше моего блѣднаго джентльмена—скоро уже валялся въ угольной пыли и, казалось, не очень-то торопился вставать. Тогда Джо отперъ дверь, подобралъ мою сестру, которая упала безъ чувствъ у окна (конечно, уже насладясь зрѣлищемъ драки), отнесъ ее въ домъ и положилъ на постель, совѣтуя ей очнуться; но она знала только металась и судорожно запускала руки въ его волоса.

Тогда, какъ обыкновенно послѣ подобныхъ вспышекъ, наступила въ домѣ такая тишина, такое спокойствіе, съ которымъ я привыкъ соединять понятіе о воскресеньи или о томъ, что въ дому покойникъ. Я пошелъ наверхъ одѣваться.

Когда я сошелъ внизъ, Джо и Орликъ подметали соръ. Не было замѣтно никакихъ признаковъ раздора, кромѣ некрасиваго шрама на одной ноздрѣ у Орлика. Кружка пива появилась отъ «Лихихъ Бурлаковъ», и они хлебали изъ нея поочередно самымъ мирнымъ образомъ. Эта тишина имѣла успокоительное и философское вліяніе на Джо; онъ проводилъ меня на дорогу и сказалъ мнѣ, въ видѣ полезнаго напутствія:

— На сцену и вонъ со сцены, Пипъ—такова ужь жизнь!

Какъ дики были мои ощущенія, когда я очутился на дорогѣ къ миссъ Гавишамъ — никому до того нѣтъ дѣла. Никого также не интересуетъ, кàкъ долго я ходилъ взадъ и впередъ передъ калиткою прежде, чѣмъ рѣшился позвонить и какъ я боролся самъ съ собою, звонить ли мнѣ или удалиться и, безъ-сомнѣнія, удалился бы, еслибъ мнѣ было время возвратиться въ другой разъ.

Миссъ Сара Покетъ отворила калитку. Эстеллы не было видно.

— Это еще чтò? Ты опять здѣсь? сказала миссъ Покетъ. — Чего тебѣ надо?

Когда я сказалъ, что пришелъ только узнать, кàкъ поживаетъ миссъ Гавишамъ, Сара очевидно пришла въ сомнѣніе, впустить ли меня или отправить прогуляться. Но, не желая взять этого на свою отвѣтственность, она впустила меня и чрезъ нѣсколько времени возвратилась съ рѣзкимъ отвѣтомъ, что я могу взойти наверхъ.

Все было попрежнему, но миссъ Гавишамъ была одна дома.

— Ну, сказала она: — надѣюсь, ты не намѣренъ чего-нибудь просить. Ничего не получишь.

— Я вовсе не за тѣмъ пришелъ, миссъ. Я только хотѣлъ вамъ сообщить, что я очень-хорошо поживаю въ ученьи и очень вамъ благодаренъ.

— Хорошо, хорошо! И она сдѣлала нетерпѣливое движенie старою, костлявою рукою. — Заходи отъ времени до времени; приходи въ твое рожденье... Ага! вдругъ замѣтила она, поворачиваясь съ кресломъ ко мнѣ: — ты ищешь Эстеллу — а?

Я дѣйствительно оглядывался, въ надеждѣ увидѣть Эстеллу и пробормоталъ, что надѣюсь, что она здорова.

— Уѣхала въ чужiе края, сказала миссъ Гавишамъ: — чтобъ окончить свое образованie, какъ прилично порядочной барышнѣ; ужь теперь она далеко; все та же красавица; всѣхъ съ ума сводитъ. А жалко тебѣ ее?

Она произнесла эти слова съ такимъ злобнымъ удовольствiемъ и разразилась такимъ непрiятнымъ смѣхомъ, что я не зналъ, что̀ и отвѣчать. Она избавила меня отъ этого, отпустивъ меня. Когда Сара захлопнула за мною ворота, я былъ болѣе, чѣмъ когда, недоволенъ своимъ домомъ, своимъ ремесломъ, всѣмъ на свѣтѣ — вотъ все, что̀ я извлекъ изъ своего визита.

Проходя по большой улицѣ, я съ грустью смотрѣлъ въ окна магазиновъ, думая о томъ, что̀ бы я купилъ, еслибъ былъ джентльменомъ, какъ вдругъ наткнулся на мистера Уопселя, выходившаго изъ книжной лавки. Мистеръ Уопсель держалъ въ рукахъ трогательную трагедiю Джорджа Барнвеля, которую онъ только-что прiобрѣлъ за сикстпенсъ, въ намѣренiи излить всѣ ужасы ея на голову Пёмбельчука, къ которому шелъ пить чай. Какъ только завидѣлъ онъ меня, его, кажется, озарила мысль, что благое Провидѣнie посылаетъ ему ученика-болвана, надъ которымъ декламировать, и онъ присталъ ко мнѣ, прося меня идти съ нимъ къ Пёмбельчуку. Такъ-какъ я зналъ, что дома ожидаетъ меня нестерпимая скука, а ночь темна и путь однообразенъ, то я сообразилъ, что всякое общество было бы для меня находкою, и потому не очень противился. Мы вошли къ Пёмбельчуку, когда на улицахъ и въ магазинахъ начинали зажигать огни.

Такъ-какъ это было единственное представленie Джорджа Барнвеля, которое мнѣ привелось видѣть, то я не могу судить, ка̀къ долго оно обыкновенно продолжается; я знаю только, что въ этотъ вечеръ оно

продолжалось до половины десятаго часа. Мистеръ Уопсель, попавъ въ Ньюгетъ, сталъ безмилосердо тянуть, такъ-что я уже начиналъ думать, что онъ никогда не дойдетъ до плахи. Мнѣ показались совсѣмъ-неумѣстными съ его стороны жалобы, что онъ сорванъ въ цвѣтѣ лѣтъ, когда онъ уже давно пошелъ въ сѣмя.

Я всего болѣе оскорблялся тѣмъ, что меня принимали за героя трагедіи. Когда Барнвель дѣлалъ что-нибудь беззаконное, Пёмбельчукъ бросалъ на меня такіе взоры, преисполненные негодованія, что мнѣ становилось неловко и я готовъ былъ извиняться. Уопсель также употреблялъ всѣ старанія, чтобъ выставить меня въ самомъ дурномъ свѣтѣ.

Кровожадный и, притомъ, тупоумный, я умертвилъ своего дядюшку безъ всякихъ смягчающихъ обстоятельствъ; Мильвудъ громилъ меня своими доводами на каждомъ шагу, и было бы прямымъ безумствомъ со стороны хозяйской дочери имѣть ко мнѣ какое-нибудь расположеніе. Что жь касается моего поведенія въ роковое утро, то вопли и малодушіе доказали, что оно вполнѣ соотвѣтствовало моему слабому характеру. Даже и послѣ того, когда меня преблагополучно повѣсили и Уопсель закрылъ книгу, Пёмбельчукъ не сводилъ съ меня глазъ и говорилъ качая головой: «Пусть это послужитъ тебѣ примѣромъ», какъ-будто всѣмъ было извѣстно, что я не прочь умертвить самаго близкаго родственника, еслибъ онъ только имѣлъ слабость сдѣлаться моимъ благодѣтелемъ.

На дворѣ была уже ночь, когда все это кончилось и мы съ мистеромъ Уопселемъ отправились домой. Выйдя за городъ, мы очутились въ тяжелой сырой мглѣ. Фонари на дорогѣ казались свѣтлыми пятнами въ густомъ туманѣ. Среди разсужденій о томъ, какъ туманъ подымается съ извѣстной части болота при перемѣнѣ вѣтра, мы наткнулись на человѣка, который плелся вдоль караульнаго дома.

— Гей! Это ты Орликъ? крикнули мы, остановившись.

— Ага! отозвался онъ.

Я остановился на минутку, въ надеждѣ найти попутчика.

— Ты запоздалъ, однако, замѣтилъ я.

— Ну, да и ты же запоздалъ, какъ-то неестественно отвѣтилъ Орликъ.

— Мы, мистеръ Орликъ, сказалъ Уопсель, находясь еще подъ впечатлѣніемъ своего представленія: — мы наслаждались литературнымъ вечеромъ.

Старый Орликъ заворчалъ про-себя, будто сознавая, что возражать на это нечего, и мы всѣ пошли вмѣстѣ.

Я спросилъ его: былъ ли онъ въ городѣ.

— Да̀. Я вышелъ тотчасъ послѣ тебя и, должно-быть, шелъ недалеко за тобой, хотя и не видалъ тебя... Ага, опять палятъ!

— Съ понтона? сказалъ я.

— Да̀. Еще птица изъ клѣтки вырвалась. Уже съ-тѣхъ-поръ, какъ стемнѣло, начали стрѣлять. Вотъ сейчасъ опять выстрѣлятъ.

И дѣйствительно, мы не успѣли сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ намъ на встрѣчу раздался памятный мнѣ выстрѣлъ; замирая въ туманѣ и глухо перекатываясь по низменнымъ окрестностямъ, онъ, казалось, преслѣдовалъ и стращалъ бѣглецовъ.

— Ловкая ночь, чтобъ дать тягу, сказалъ Орликъ.—Хоть кого озадачитъ поймать за крылышко казематную птицу въ такую ночь!

Много мыслей породилъ во мнѣ этотъ выстрѣлъ, и я молчалъ, вполнѣ предавшись имъ. Мистеръ Уопсель, какъ дурно-вознагражденный дядюшка только-что прочитанной трагедіи, предался своимъ мечтаніямъ вслухъ. Орликъ, заложивъ руки въ карманы, тяжело шагалъ рядомъ со мною. Было очень-темно, очень-сыро, очень-грязно; мы продолжали шлёпать по грязи. По временамъ до насъ долеталъ сигнальный выстрѣлъ, уныло раздаваясь вдоль по теченію рѣки. Я весь погрузился въ думу. Мистеръ Уопсель переживалъ всѣ страсти вечерняго представленія.

Орликъ отъ времени-до-времени бормоталъ: «Бей сильней, бей дружней, дядя Климъ!» Онъ, повидимому, подпилъ, но не былъ пьянъ.

Такъ мы добрели до деревни. По пути туда мы должны были миновать «Лихихъ Бурлаковъ» и, къ нашему удивленію—ужь было одиннадцать часовъ — нашли его въ какомъ-то волненіи; дверь была растворена настежь и въ окнахъ мелькали необычные огни. Мистеръ Уопсель зашелъ, чтобъ узнать, въ чемъ дѣло (полагая, что, вѣроятно, поймали бѣглеца), но поспѣшно выбѣжалъ, крича въ-попыхахъ:

— Что-то тамъ неладно! Бѣги скорѣй домой, Пипъ; всѣ бѣгите!

— Что̀ тамъ такое? спросилъ я, стараясь не отставать отъ него.

— Что̀ такое? повторилъ Орликъ, держась рядомъ со мною.

— Я и самъ что-то не понимаю. Ограбили, говорятъ; а Джо не было дома. Полагаютъ, что бѣглые каторжники. Да еще кого-то зашибли.

Мы бѣжали такъ поспѣшно, что было не до разспросовъ. Остано-

вились мы только у себя на кухнѣ. Она была полна народа; кажется, вся деревня собралась тамъ.

Тутъ былъ докторъ, тутъ былъ Джо; цѣлая толпа женщинъ суетилась тутъ же, на полу посреди кухни. Посторонніе зрители разступились, замѣтивъ меня, и я только тогда увидѣлъ свою сестру безъ чувствъ, неподвижно-распростертую на полу. Ее повергъ страшный ударъ въ затылокъ, нанесенный неизвѣстно кѣмъ, пока она сидѣла лицомъ къ огню.

Не суждено ужь ей было *выходать на сцену* женою Джо.

сунковъ; шесть выпусковъ составятъ томъ. Подписная цѣна за 6 выпусковъ 3 р., съ пер. 4 р. 50 к. Здѣсь же можно получать 1 и 2 томы по 3 р. за каждый, съ пер. 3 р. 50 к.

Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, будетъ издаваться въ 1861 году, какъ повременное изданіе, 4 книги въ годъ отъ 30 до 40 и болѣе печатныхъ листовъ въ каждой, по прежней программѣ. Содержаніе каждой книги составляютъ: Изслѣдованія. Матеріалы: отечественные, славянскіе, иностранные и смѣсь. Цѣна за 4 книги 6 р. Здѣсь же можно получать это изданіе за 1858, 1859 и 1860 годы, по той же цѣнѣ.

О значеніи критическихъ трудовъ Константина Аксакова по русской исторіи. Соч. Н. Костомарова Спб. 1861. Ц. 25 к., съ пер. 50 к.

Опытъ земледѣлія вольно-наемнымъ трудомъ. А. Божанова; съ 25-ю политипажами. М. 1860. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

О разведеніи кормовыхъ травъ на поляхъ. А. Совѣтова, 2-е изд. М. 1860. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Сельское хозяйство, Жирардена и дю-Брейля, обработанное Гольмомъ; перев. съ нѣмецк. Томъ 1-й Земледѣліе. М. 1860. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Садоводство, цвѣтоводство и огородничество. Л. Муратова, съ политипажами. М. 1861. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Руководство къ уходу за комнатными растеніями. Соч. Н. Шредера. Спб. 1861. Ц 1 р., съ пер. 1 р. 50 к.

Руководство къ изученію садоводства и огородничества. Сост. Э. Рего, въ 3-хъ частяхъ съ 5-ю таблицами рисунковъ. М. 1859. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Практическое пчеловодство. Правила, извлеченныя изъ сорокалѣтняго опыта; соч. Н. Витвицкаго, съ русунками. 5 частей. Изд. 2-е Спб. 1861. Ц. 4 р., съ пер. 5 р.

Руководство къ теоретическому и практическому пчеловодству. Сост. В. Краузе; съ 154 политипажами. М. 1860. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, 19-го апрѣля 1861 года.

Ценсоръ С. Лебедевъ.

BULLETIN BIBLIOGRAPHIQUE.

S. DUFOUR,

LIBRAIRE DE LA COUR IMPÉRIALE,

au Pont de Police, maison de l'Église Hollandaise.

EN VENTE:

CATALOGUE

D'OUVRAGES INSTRUCTIFS ET AMUSANTS

DES MEILLEURS AUTEURS FRANÇAIS, ANGLAIS ET ALLEMANDS, ILLUSTRÉS DE BELLES GRAVURES ET RICHEMENT RELIÉS.

ALBUMS, JEUX, ETC.

pour les divers âges de l'enfance et de la jeunesse.

BERTON (madame Caroline). Les journées de Madeleine, nouvelles pour l'enfance, avec vignettes. Paris. 1 v. in-12. 1 r.

BIBLE (La) en estampes. 1 v. in-4., orné d'une grande quantité de gravures coloriées. cartonné. Paris. 4 r.

— du jeune âge. Histoire de l'ancien et du nouveau testament, illustrée de jolies gravures. Paris. 1 v. in-8., cartonné. 1 r. 75 c.

BIBLIOTHÈQUE du premier âge, contenant:

1. Contes des fées. 1 v. in-18.
2. Choix de fables. 1 v. in-18.
3. Cris de Paris. 1 v. in-18.
4. Petite histoire de France. 1 v. in-18.
5. Livre des petites filles. 1 v. in-18.
6. Livre des petites garçons. 1 v. in-18.
7. Petit Berquin des enfants. 1 v. in-18.
8. Robinson Suisse. 1 v. in-18.
9. Jeux et exercices des jeunes garçons. 1 v. in-18.

Tous ces volumes sont cartonnées avec une charmante couverture or et couleurs. Prix de chaque ouvrage colorié 60 c.

BIBLIOTHÈQUE (petite) choisie pour l'éducation et l'amusement des enfauts, contenant:

1. Le gateau des Rois. 1 v.
2. Le Miroir breton. 1 v.

3. La jolie poupée. 1 v.
4. Récréations du jeune âge. 1 v.
5. Choix de fables. 1 v.
6. Cris de Paris. 1 v.
7. Petite histoire de France. 1 v.
8. Livres des petits garçons. 1 v.
9. Petit Berquin des enfants. 1 v.
10. Robinson Suisse. 1 v.
11. Contes des fées. 1 v.

Tous ces volumes sont cartonnées avec une charmante couverture à sujets. Prix de chaque volume 75 c.

BILORDEAUX (A.) Cours d'ornements. 1 r. 25 c.

BITAUBÉ Joseph, précédé d'une notice historique sur la vie et les œuvres de l'auteur. Tours, 1852. 1 v. in-12. 50 c.

BLANCHARD (M. A.). Abécédaire des enfants, illustré. Paris. 1 vol. in-12. 50 é.

— (Pierre). Les accidents de l'enfance. Paris. 1 v. in-12. 85 c.
Le même relié. 2 r.

— A mes enfants, ou les fruits du bon exemple. Paris. 1 v. in-12, avec gravures, reliure mos. et tranche dorée. 2 r.
Le même broché. 1 r.

— Beautés de l'histoire de France, ou époques intéressantes, traits remarquables etc., depuis la fondation de la monarchie jusqu'en 1830. Paris. 1 vol. in-12., avec gravures, reliure mos. et tranche dorée. 1 r.

— Délassements de l'enfance, ou lectures instructives et amusantes. Paris. 1 v. in-12 cart. 85 c.

— (M. A.). L'Ecole des mœurs. Tours, 1852. 2 v. in-12. 1 r.

— Les jeunes enfants. 1 v. in-8. 1 r.
Le même cartonné. 1 r. 25 c.
Le même reliure mos. 2 r.

Печатать позволяется. С. Петербургъ, 17 апрѣля 1861 г.
Цензоръ *С. Лебедевъ.*

МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ
у М. БЕРНАРДА,

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, НА НЕВСКОМЪ ПРОСПЕКТѢ, ПРОТИВЪ МАЛОЙ МОРСКОЙ, 10.

Для фортепiано.

Сер. Р. К.

ASCHER. La cascade de roses. Morceau de genre (75 к.) La fiammina. Mazurka . . . . — 60

BERNARD. Demandes et reponses. Valse sentimentale (75 к.) Berceuse (50 к.) Ronde villageoise (50 к.) La violette de Faust paraphrasée (75 к.) Polonaise célèbre d'Oginski transcrite en pièce de salon moderne . . . . — 60

СТО МАЛОРОССIЙСКИХЪ НАРОДНЫХЪ ПѢСЕНЪ, собранныхъ А. Едличкою, переложенныхъ для одного фортепiано М. Бернардомъ. Часть I (2 р.) Часть II печатается

BEYER. Bouquets de mélodies № 20 I Puritani (1 р.) № 25 La muette de Portici (1 р.) № 46 Le barbier de Seville 1 —

BLUMENTHAL. Le rêve. Mélodie (60 к.) Le chant de cygne. Mélodie (60 к.) Une fleur des Alpes. Mélodie . . . . . — 60

CRAMER. Les adieux. Pensée expressive (60 к.) Sérénade de l'opéra Don-Pasquale (60 к.) Боже Царя храни! Variations . . . . — 40

EGGHARD. Chanson pastorale (40 к.) Air allemand varié (40 к.) Rêverie (50 к.) Perles de Champagne. Morceau brillant — 75

GORIA. Chant d'adieu (60 к.) Rêverie . . . . — 50

GREULICH. Souvenir de Zytomir. Morceau de salon . . . — 75

HAMMER. Bagatelle en forme de trot militaire (60 к.) Вотъ на пути село большое. Air bohêmien-russe transcrit et varié — 75

HERZ. Andantino du 5-me Concerto (60 к.) La Brésilienne. Polka brillante . . . . — 75

JAELL. Rapsodie sur la Traviata . . . . — 75

JUNGMANN. Prière (60 к.) Aveu d'amour. Idylle (60 к.) Au clair de lune. Nocturne (60 к.) Graziella. Impromptu . — 60

KETTERER. Chanson de chasse. Morceau de genre (75 к.) Скажите ей! Romance de la Princesse Kotschoubey transcrite (75 к.) Chanson créole . . . . — 60

KONTSKI. «Воспоминанiе о Москвѣ» Импровизацiя на романсъ «Соловей». Op. 155. Новое изданiе (1 р. 50 к.) Transcription sur des motifs de Rigoletto (1 р. 30 к.) L'inconstante. Grande Valse brillante (1 р. 30 к.) L'enfantillage. Mazurka (75 к.) Olga-Polka (75 к.) Un ange de plus. Elégie (75 к.) Une pensée. Romance sans paroles . . — 75

KULLAK. Vergissmeinnicht Illustration (75 к.) Waldvöglein. Morceau de piano (50 к.) Müllerlied . . . . — 60

	Сер. Р.	К.
LEFEBURE-WELY. Les cloches du monastère. Arrangement facile (60 к.) La chasse. Fantaisie-Valse	—	60
LISZT. Miserere du Trovatore. Paraphrase de concert (1 р. 15 к.) Valse-caprice d'après Schubert (85 к.) La Regata Veneziana. Notturno	—	60
LOEFFLER. Die Lauterbacherin. Idylle Styrienne	—	60
LOESCHHORN. La coquette. Morceau caractéristique . . .	—	85
MAYER. 24 préludes d'amateurs dans tous les tons les plus usités. Op. 323. Liv. 1, 2 (каждая 1 р.) Deux Chansons bohêmiennes-russes de Boulahoff transcrites, № 1. Пѣснь Цыганки (1 р) № 2 Не хочу, не хочу	1	—
MAYER. (Em.) Folie. Polka brillante	—	75
MENDELSSOHN-BARTHOLDY. Deux pièces inédites. Andante cantabile et Presto agitato	—	85
MILLER. Aufenthalt. Mélodie de Schubert	—	50
MONJOT. Le crepuscule. Rêverie	—	60
NOLLET. La tabatière à musique Bluette imitative	—	60
OSBORNE. La Traviata. Fantaisie	—	60
OSTEN. Матушка голубушка de Gourileff transcrite	—	60
PACHER. Air de Rigoletto (75 к.) Romance de Dom-Sebastien (60 к.) Cavatine d'Ernani transcrite	—	50
PAUER. La cascade. Morceau de concert	1	—
PRUDENT. Feu follet. Etude de genre (85 к.) Folie. Etude de salon	—	75

Выписывающіе нотъ на сумму не менѣе трехъ руб. сер. получаютъ двадцать пять процентовъ уступки, а выписывающіе на десять руб. сер., пользуясь означенною уступкою, кромѣ того, ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодою этой пользуются только особы, которыя обратятся непосредственно въ магазинъ М. Бернарда. На этихъ же условіяхъ можно выписывать изъ означеннаго магазина всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы они ни были изданы и объявлены.

Въ этомъ же магазинѣ вышла 1-го апрѣля 4-я тетрадь музыкальнаго журнала «НУВЕЛЛИСТЪ» (годъ XXII), содержащая въ себѣ, между прочими: *Kuhe*, Galop de concert — *Wallace*, Romance sans paroles — *Kullak*, Fantaisie — *Loeschhorn*, La coquette. Pièce caractéristique — *Heller*, Deux pensées fugitives — всего 11 пьесъ и литературное прибавленіе въ видѣ музыкальной газеты. (Годовая цѣна подписки 10 р., съ пересылкою 11 р. 50 к.)

Желающіе подписаться на «Нувеллистъ» на 1861 годъ, получатъ сполна всѣ тетради этого журнала, вышедшія сначала нынѣшняго года.

Вновь получены: СВѢЖІЯ ИТАЛЬЯНСКІЯ СТРУНЫ лучшаго достоинства, СКРИПКИ, СМЫЧКИ, ФЛЕЙТЫ, ПАРИЖСКІЯ ГАРМОНИ-ФЛЕЙТЫ, ГИТАРЫ, МЕТРОНОМЫ и проч., которые продаются по весьма умѣреннымъ цѣнамъ.

Печатать позволяется. С.-Петербургъ, 17 апрѣля 1861 года.

Ценсоръ *С. Лебедевъ*.

Смычки скрипичныя, отъ 3 до 10 р. сер., смычки работы мастера А. Баума, въ Лейпцигѣ, отъ 12, 15 до 20 р. сер.

Скрипки лучшей нѣмецкой работы, отъ 15 до 25 р. сер., альты (Viola) лучшей нѣмецкой работы 40 р. сер.

Віолончели лучшей нѣмецкой работы, съ ящиками 3/4, 50 р. сер., Grand 4/4, 75 р. сер.

Всѣ инструменты для полковъ, мѣдные, фабрики Куртоа, въ Парижѣ, на новый каммертонъ, и деревянные инструменты, фабрики Циглера, въ Вѣнѣ, тоже на старый и на новый каммертонъ, по умѣреннымъ цѣнамъ.

ПАРИЖСКІЕ МЕТРОНОМЫ новаго фасона, краснаго дерева 9 р. с. съ пересылкою; палисандроваго дерева 10 р. с. съ пересылкою; съ колокольчикомъ, краснаго дерева 11 р. с. съ пересылкою, и палисандроваго дерева 12 р. с. съ пересылкою.

Самыя лучшія и свѣжія падуанскія и римскія СТРУНЫ, которыя употребляются знаменитыми скрипачами гг. Эрнстомъ и Вьетаномъ; и также рекомендуются первыми здѣшними артистами: квинтъ, секундъ, терцъ, каждая 25 к. с.; по бунтамъ 6, 5 и 7 р. с. Также самыя лучшія навитыя струны для скрипки, альто, віолончеля и гитары.

Въ этомъ же магазинѣ можно получать всѣ музыкальныя сочиненія, гдѣ и кѣмъ бы то ни было изданныя или объявленныя въ какомъ-либо каталогѣ. Выписывающіе нотъ на три руб. сер., получаютъ 20 проц., на пять руб.—25 проц., на десять руб.—30 проц.; а на пятнадцать рублей и болѣе; кромѣ того, не платятъ за пересылку. Требованія гг. иногородныхъ исполняются въ точности и съ первоотходящею почтою.

Нижеподписавшійся беретъ на себя заказы на всѣ другіе инструменты вообще и обѣщаетъ немедленное исполненіе заказовъ по самой дешевой цѣнѣ.

А. Битнеръ.

Печатать позволяется. С.-Петербургъ, 17 апрѣля 1861 года.

Цензоръ *С. Лебедевъ.*

E. P.

mom